

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СОЧИНЕНИЕ

ИВАНА ВЪЛЯЕВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1861.

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ВЪЛЯЕВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 2-го дня 1861 года.

И. Гиларовъ-Платоновъ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

Страна, въ настоящее время называемая Россією, издревле, какъ только запомнятъ люди, была большею дорогою для народовъ шедшихъ изъ Азіи въ Европу. Здѣсь перебивали и Скиѣы, и Сарматы, и Готѣы и Гунны и другіе народы, но не останавливались надолго, почти не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ пройденномъ ими краю, и не имѣли никакого замѣтнаго вліянія на судьбу Русскаго народа. Позднѣ сихъ народовъ потянулись въ здѣшній край разныя племена Славянскія, жившія въ Македоніи, Фракіи и Иллиріи. Движеніе Славянскихъ племенъ въ здѣшній край, на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Дуная, ихъ древней родины, начались съ того времени, какъ Римляне, называвшіеся у древнихъ Славянъ Волохами, стали выдвигать свои владѣнія къ Дунаю и тѣснить тамошнихъ Славянъ, поселяя между ними свои военныя колоніи и строя города. Но Славяне поднялись съ Дуная не всѣ заразъ, а частями и въ разное время, по мѣрѣ того какъ силія Римлянъ становились имъ невыносимы; и въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ они заняли своими поселеніями берега Днѣстра, восточнаго и западнаго Буга, Днѣпра, Припети, Десны, Семи, Оки, Западной Двины,

Приильменскій край и верхнее теченіе Волги до впаденія въ нее Оки.

Въ девятомъ столѣтіи по Р. Х. (т. е. за тысячу лѣтъ до настоящаго времени) Славянскія племена, выдвинувшіяся съ Дуная на Русскую землю, были разселены слѣдующимъ порядкомъ: въ ближайшемъ сосѣдствѣ къ Дунаю на самомъ юго-западномъ краю Русской земли по Днѣстру до Чернаго моря и Дуная жили Славянскія племена, называвшіяся Уличами и Тиверцами; нѣсколько сѣвернѣе ихъ въ верховьяхъ восточнаго и западнаго Буга жили Дулебы и Бужане, вообще называвшіеся Волянянами; на сѣверо-востокъ отъ Волянянъ въ углу образуемомъ рѣками Горынью и Припетью, по тамошнимъ лѣсамъ и болотамъ были поселенія Древлянъ; рядомъ съ Древлянами и Волянянами по западному берегу Днѣпра жили Поляне; а перешедши Днѣпръ прямо противъ Полянъ жили Сѣверяне, которыхъ поселенія простирались по рѣкамъ Сулѣ, Деснѣ и Семи; въ этой же сторонѣ, нѣсколько сѣвернѣе по рѣкѣ Сожѣ жили Радимичи; а къ востоку отъ Радимичей по рѣкамъ Угрѣ и Окѣ, въ тамошнихъ дикихъ непроходимыхъ лѣсахъ были поселенія Вятичей, которыя простирались далеко на востокъ, можетъ быть, до верховьевъ Дона. На сѣверъ отъ Припети по правому берегу Днѣпра до Западной Двины жили Дреговичи; а подлѣ нихъ по берегамъ Полоти впадающей въ Западную Двину были поселенія Полочанъ; за Полочанами на востокъ при верховьяхъ Днѣпра, Западной Двины и Волги жили Кривичи; а за ними сѣвернѣе всѣхъ Славянскихъ племенъ, около озера Ильменя и по Волхову поселились Славяне Ильменскіе или Новгородцы, которые

въ послѣдствіи своими поселеніями далеко распростра-
нились на сѣверъ и востокъ.

Рядомъ съ Славянскими племенами на сѣверо-западѣ по Неману и Западной Двинѣ, въ тамошнихъ пуццахъ, болотахъ и непроходимыхъ лѣсахъ, вплоть до Балтійскаго моря жили племена Латышскія и Литовскія перемѣшанные съ Финскими, таковы были: Жмудь, Литва, Корсь, Зимгола, Летгола, Ливь и другія; это были старожильцы тамошняго края, жившіе тамъ еще до пришествія Славянъ въ Русскую землю. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ жили племена Финскія: Чудь, Водь, Корела, Ямь, Меря, Пермь, Весь, Мурома, и на востокѣ Черемись, Мордова, и Мещера и богатые и сильные Камскіе Болгары, жившіе при впаденіи Камы въ Волгу, и на юго-востокѣ Буртасы и сильные въ то время Хазары, которыхъ владѣнія простирались отъ низовьевъ Волги, до Дона и Донца.

Славянскія племена, выдвигавшіяся съ Дуная на сѣверъ, должны были занимать земли уже прежде ихъ занятые другими племенами не Славянскими, а посему должны были пробиваться сквозь ихъ, отнимать у нихъ землю. Конечно племена, занимавшія Русскую землю до Славянъ, были не очень сильны и сидѣли разрозненно и неплотно на занятой ими землѣ, и простора было еще много для новыхъ пришельцевъ; но тѣмъ не менѣ Славяне какъ позднѣйшіе пришельцы, и притомъ переселявшіеся не дружно, не всѣ заразъ, а незначительными партіями и въ различное время, естественно по разрозненности своей не могли дѣлать завоеваній, и волей неволей должны были довольствоваться лишь мирнымъ заселеніемъ страны съ согласія старожильцевъ, и толь-

ко въ продолжительные сроки, по мѣрѣ собственнаго усиленія и мирнаго ознакомленія съ старожильцами туземцами, распространять на нихъ свое вліяніе и въ послѣдствіи подчинять ихъ себѣ и ославянивать. Таковое положеніе пришельцевъ Славянъ и первоначальныя ихъ отношенія къ иноплеменникамъ туземцамъ, конечно неласково смотрѣвшимъ на новыхъ людей заселявшихъ ихъ землю, естественно заставляло ихъ жить въ постоянной тревогѣ и съ большою осторожностію. Славяне, по своему шаткому ненадежному положенію на чужой землѣ, могли селиться иначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзы и общины, въ которыя дозволялось поступать всякому и чужеродцу, лишь бы кто самъ пожелалъ вступить въ общину и защищать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; такимъ только образомъ, при такихъ условіяхъ общинной жизни, Славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россіею; ихъ новостъ поселенія въ незнакомомъ краю, ихъ малочисленность сравнительно съ старожилками туземцами, невольно вынуждали ихъ прибѣгать къ городскому общинному устройству ихъ жизни, которое одно позволяло имъ спланиваться въ значительныя массы, въ которыхъ неспрашивалось, кто какого рода и племени, и обезнечивало ихъ отъ нападений туземцовъ, которые живучи разрозненно не могли нападать съ успѣхомъ на укрѣпленные города. И дѣйствительно Славяне пришельцы большею частію такъ и устраивали свою жизнь въ здѣшнемъ краю; они селились преимущественно городами и подлѣ городовъ подъ ихъ защитою, и такъ много настроили городовъ въ Русской землѣ, что сосѣди ихъ на сѣверо-западѣ, жители Скандинавіи, нынѣш-

ней Швеціи и Норвегій, иначе не называли Россію того времени, какъ страну городовъ, на ихъ языкѣ Гардарикію.

Впрочемъ Славянскія племена, пришедшія на Русь не въ одно время, не съ одинаковыми силами, и поселившіяся на огромномъ пространствѣ отъ Чернаго моря до Балтійскаго и Бѣлаго, и не при одинаковыхъ условіяхъ, не всѣ жили одинаково. Иныя изъ нихъ, по обстоятельству времени и мѣста, скорѣе почувствовали необходимость въ общинной и городской жизни, значительными массами; а другія, смотря по мѣстности, еще долго оставались въ родовомъ бытѣ, и жили въ разсыпную, каждый съ своимъ родомъ. Такъ Уличи и Тиверцы, жившіе по берегу Чернаго моря отъ Дуная до Днѣстра, скоро прибѣгли къ общинной и городской жизни, древніе отечественные и иноземные писатели уже въ IX вѣкѣ находятъ у нихъ множество городовъ; боевая жизнь на взморьѣ вблизи прежней своей родины, занятой врагами пришельцами, скоро заставила Уличей и Тиверцевъ укрѣпляться въ городахъ. Въ томъ же почти положеніи находились Дулебы, Волыняне. Но не такова была жизнь Полянъ, поселившихся на правомъ берегу Днѣпра, въ мѣстности, кажется, никѣмъ незанятой, удаленной отъ иноплеменниковъ; они, по свидѣтельству лѣтописи, долго жили въ родовомъ бытѣ, въ разсыпную по тамошнимъ горамъ и лѣсамъ, каждый съ своимъ родомъ и только уже въ болѣе позднее время, можетъ быть въ VII столѣтіи по Р. Х., выстроили въ своемъ краю первый городъ Кіевъ на самомъ берегу Днѣпра. Но кажется одни только Поляне пользовались такимъ положеніемъ, которое позволяло имъ довольно долго оставаться

въ родовомъ бытѣ, по крайней мѣрѣ о нихъ однихъ свидѣтельствуя лѣтописи. Напротивъ того ближайшіе сосѣди Полянъ—Древляне, поселившіеся въ болотахъ и лѣсахъ на западъ отъ Полянъ, въ сосѣдствѣ съ Литовскими племенами, при самомъ началѣ поселенія вѣроятно принуждены были строить города, дабы держаться противъ воинственныхъ и дикихъ Литовцовъ жившихъ по Припети. По свидѣтельству лѣтописи Древляне въ IX столѣтіи управлялись князьями, но вмѣстѣ съ князьями въ управленіи принимали сильное участіе лучшіе мужи, держащіе землю, и народныя вѣча или вся земля Древлянская. Но полное и раннее развитіе общиннаго быта представляютъ Ильменскіе Славяне или Новгородцы и ихъ колонисты Полочане, Кривичи и Сѣверяне.

Ильменскіе Славяне или Новгородцы, далѣе другихъ Славянскихъ племенъ врѣзавшіеся въ глубь Финскихъ поселеній и окруженные ими со всѣхъ сторонъ, естественно при самомъ поселеніи должны были начать дѣло съ построенія городовъ и съ полнаго устройства общиннаго быта, который позволялъ имъ принимать въ свое общество всѣхъ охотниковъ, изъ какого бы племени они ни были. Только симъ способомъ Новгородцы могли отстоять свою самостоятельность и не затеряться между иноплеменниками старожилами; и Новгородцы такъ и поступили: они при самомъ поселеніи выстроили при истокѣ Волхова изъ озера Ильменя Новгородъ, отъ котораго и получили свое названіе Новгородцевъ, и прямо стали управляться вѣчемъ и лучшими мужами. Изъ Новгорода они мало по малу стали выводить колоніи сперва въ ближайшемъ къ Новгороду сосѣдствѣ, а потомъ время отъ времени распространять свои поселенія далѣе и

далѣе, и строить новые города, извѣстные у нихъ подъ именемъ пригородовъ, и вполне зависѣвшіе отъ стараго города. Замѣчательнѣйшими колоніями Новгородцевъ, по свидѣтельству лѣтописи, были: во 1-хъ Полочане поселенные по Западной Двинѣ и имѣвшіе своимъ главнымъ городомъ Полотскъ, при впадении Полоты въ Двину; во 2-хъ Кривичи широко распространившіе свои поселенія при верховьяхъ Западной Двины, Волги и Днѣпра и имѣвшіе своимъ старшимъ городомъ Смоленскъ, построенный на берегу Днѣпра въ верхнемъ его теченіи; и въ 3-хъ наконецъ Сѣверяне, южнѣ всѣхъ удалившіеся отъ Новгорода и занявшіе лѣвый берегъ Днѣпра противъ Полянъ. У нихъ главными и старшими городами были Черниговъ, Переславль и Новгородъ-Сѣверскій. Сии три старѣйшія Новгородскія колоніи еще до IX вѣка сдѣлались отдѣльными отъ Новгорода и самостоятельными обществами, нисколько независящими отъ своей метрополи, но съ устройствомъ и характеромъ по преимуществу Новгородскимъ.

Славянскія племена поселившіяся въ Русской землѣ, по свидѣтельству отечественныхъ и иноземныхъ лѣтописей и сказаній, въ девятомъ столѣтіи по Р. Х. были въ слѣдующемъ положеніи. *Уличи и Тиверцы* пользовались независимостію, охраняемые своими многочисленными городами, и были въ сношеніяхъ, иногда мирныхъ, иногда враждебныхъ, съ Византійскими колоніями по берегамъ Чернаго моря; они составляли довольно сильное Славянское поселеніе въ этомъ краю и не имѣли среди себя иноплеменныхъ старожильцевъ. *Дулбы или Волянне и Бужане*, много страдавшіе отъ Аваровъ въ VII столѣтіи, въ IX вѣкѣ пользовались независимостію и

и можетъ быть на югѣ были обезпokoиваемы Торками и другими степными кочевниками-грабителями, и на сѣверо-западѣ дикими Ятвягами и Литовцами. *Древляне* жившіе по лѣсамъ и болотамъ, на правомъ берегу Припечи, колонизировали земли Литовскія, доходившія на югѣ также до Припечи даже въ XII столѣтіи, а въ древности вѣроятно простиравшіяся и за Припечь на югъ. Племя Древлянъ въ IX вѣкѣ, по свидѣтельству лѣтописей, было довольно сильнымъ и грознымъ для своихъ сосѣдей, какъ Славянъ такъ и не Славянъ, и особенно тѣснило Полянъ, вѣроятно прокладывая себѣ дорогу къ Днѣпру, этой большой торговой дорогѣ, доставлявшей много выгодъ своимъ прибрежнымъ жителямъ. *Поляне* примыкавшіе своими поселеніями прямо къ Днѣпру, по свидѣтельству лѣтописца, извѣстные кротостію своихъ нравовъ, въ IX вѣкѣ имѣли уже богатый городъ Кіевъ и пользовались выгодами Днѣпровской торговли; но выгоды торговли не дали имъ силы, ихъ княжескій родъ къ этому времени вымеръ, и они были обидимы отъ сосѣдей; съ одной стороны ихъ тѣснили Древляне, а съ другой съ юга имъ приходилось защищаться отъ кочевыхъ грабителей Торковъ, и наконецъ они вмѣстѣ съ своими Заднѣпровскими сосѣдями Сѣверянами и Вятичами были покорены сильнымъ Придонскимъ народомъ Хозарами и обложены данью. *Сѣверяне*, подвергавшіеся игу Хозарскому вмѣстѣ съ Полянами, были съ ними въ одинаковомъ положеніи и до Хозарскаго ига; примыкая однимъ бокомъ своихъ владѣній къ Днѣпру, они участвовали вмѣстѣ съ Полянами въ Приднѣпровской торговлѣ, ихъ лоды съ товарами ходили въ Константинополь, по свидѣтельству

тамошняго Императора Константина Порфиророднаго. Но кромѣ Днѣпра имъ былъ открытъ и другой путь торговли на востокъ; они Окою и потомъ Волгою ходили въ Камскую Болгарію, а Донцомъ и Дономъ въ Хазарію, какъ рассказываютъ Арабскіе писатели. Сѣверяне, будучи колонистами Новгорода, удержали за собою въ основныхъ началахъ и Новгородское устройство: они подобно Новгороду управлялись вѣчемъ и не имѣли Князей. Сосѣди Сѣверянъ *Радимичи* и *Вятичи* выселенцы изъ Польши, жители непроходимыхъ лѣсовъ по Сожѣ и Окѣ, не были извѣстны по торговлѣ и долго считались между сосѣдами за дикарей; имъ пришлось жить между разными мелкими Финскими племенами, которыхъ они не умѣли подчинить себѣ. По свидѣтельству Нестора ихъ привели изъ Польши два родоначальника, или Князя, Радимъ и Вятко, и потомки сихъ родоначальниковъ подъ именемъ князей владѣли ими еще въ XII столѣтіи. *Дреговичи* жившіе между Припетью и Двиною, были въ близкомъ сосѣдствѣ съ южными Литовцами, и по всему вѣроятію, какъ иноплеменники, были съ ними въ постоянной враждѣ. Такимъ образомъ всѣ Славянскія племена, большія и малыя, сильныя и слабыя, жившія въ нынѣшней южной и западной Россіи, въ началѣ IX вѣка не имѣли никакихъ союзовъ одного племени съ другимъ, и жили другъ отъ друга отдѣльно и независимо, и даже инья болѣе сильныя племена обижали слабѣйшихъ.

Но совсѣмъ не таково было положеніе Славянъ жившихъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, при верховьяхъ Днѣпра, по Западной Двинѣ и Волхову. Весь этотъ обширный край принадлежалъ собственно одному

племени, Славянамъ Волховскимъ или Новгородскимъ и ихъ колонистамъ Кривичамъ и Полочанамъ; слѣдовательно между сими племенами, хотя самостоятельными и отдѣльными, не могло не оставаться нѣкоторыхъ связей другъ съ другомъ. Здѣсь Новгородъ, какъ старѣйшій, какъ метрополія Кривичей и Полочанъ, естественно имѣлъ на нихъ значительное вліяніе; и у сихъ трехъ племенъ много было общаго, родственнаго другъ съ другомъ, чего конечно не было у юго-западныхъ племенъ.

Самое южное, изъ трехъ сѣверныхъ племенъ, Кривичи, какъ уже сказано, жившіе при верховьяхъ Днѣпра, Западной Двины и Волги, было одно изъ многочислѣннѣйшихъ и сильнѣйшихъ; его земли на югъ по Днѣпру простирались до границъ Полянъ и Сѣверянъ, а на сѣверо-западъ примыкали почти къ Чудскому озеру, гдѣ былъ Кривскій пригородъ Изборскъ, а прямо на западъ по Неману Кривскія колоніи шли до устья сей рѣки; на сѣверъ и востокъ они сходились съ землями Новгородскими и собственно на востокъ далеко врѣзались въ поселенія Финскаго племени Мери, почти до нынѣшней Москвы. Преимущественное вниманіе племени Кривичей было обращено на Литовскія племена, гдѣ по Неману Кривичамъ была открыта дорога въ глубь Литовскихъ пущъ и лѣсовъ. Здѣсь они заводили свои колоніи и по Березинѣ и по Неману и по ихъ притокамъ, пробираясь постепенно въ глубь страны, гдѣ среди Литовскихъ урочищъ мы встрѣчаемъ многія урочища съ названіями Славянскими, показывающія на раннія поселенія Славянъ въ этомъ Литовскомъ краю; а что Славяне сіи преимущественно были Кривичи, то на это съ одной стороны намекаетъ близкое сосѣдство

Кривичей съ симъ краемъ, а съ другой стороны и то, что Литовцы въ простонародьи и до сего времени Русскихъ называютъ Кривичами, а Русскую землю Кривскою землею, что ясно показываетъ, что Кривичи первые познакомились съ Литовцами, проникли въ ихъ землю и стали заводить тамъ свои колоніи. Кривичи имѣли главнымъ своимъ городомъ Смоленскъ, изъ котораго уже выводили свои колоніи въ разные края по соседству. У Кривичей не было князей, они управлялись вѣчѣмъ; въ каждомъ городѣ было свое вѣче, но всѣ городскія вѣча подчинялись главному вѣчу Смоленскому, и что постановить Смоленское вѣче, по тому и поступали вѣча всѣхъ другихъ городовъ Кривскихъ. Кривичи были народомъ торговымъ, ихъ лоды съ товарами по Днѣпру внизъ ходили до Чернаго моря, и Чернымъ моремъ даже до Константинополя, а Нѣманомъ и Западною Двиною они доходили до Балтійскаго моря, и тамъ торговали съ Нѣмцами и разными Славянскими племенами жившими въ Помераніи.

Полочане, жившіе на сѣверо-западъ отъ Кривичей по Западной Двинѣ и нѣсколько южнѣе Двины, были хозяевами въ Финскихъ и Латышскихъ земляхъ тамошняго края. Въ нынѣшнихъ Лифляндіи и Курляндіи ихъ колоніи простирались до устья Западной Двины, а въ глубь Литвы до Пултуска, который въ старыхъ нашихъ лѣтописяхъ называется Полтовескомъ, т. е. Полотескомъ, Полотскомъ. Здѣсь въ глубинѣ Литвы по дорогѣ до Пултуска они оставили свои слѣды въ названіяхъ рѣкъ Десны, Бобра и Нарева и въ другихъ урочищахъ, которымъ двойниковъ находимъ въ старыхъ Новгородскихъ владѣніяхъ или въ Новгородскихъ коло-

ніяхъ за Днѣпромъ въ землѣ Сѣверянъ ; въ Литовской землѣ Полочане шли вмѣстѣ съ своими древними колонистами Кривичами, которые также оставили здѣсь свои слѣды въ урочищахъ Смоленскѣ, Смолиничахъ, Смоляны, Крево и Кривичи. Вообще Литовская земля представляетъ множество названій разнымъ урочищамъ совершенно одинакихъ съ названіями урочищъ въ Полотскихъ и Смоленскихъ владѣніяхъ; тамъ даже есть нѣсколько Новгородовъ и Новгородковъ, въ память Великаго Новгорода, этой общей родины Полочанъ и Кривичей. Объ управленіи у Полочанъ лѣтописи говорятъ: «мужи Полочане управлялись вѣчемъ, также какъ и Великій Новгородъ, и въ каждомъ Полотскомъ городѣ было свое вѣче зависившее отъ главнаго вѣча Полотскаго, и каждый Полотскій пригородъ составлялъ общину точно также, какъ это было въ Новгородѣ и въ Смоленскѣ.»

Новгородъ былъ старѣйшею Славянскою колоніею на сѣверѣ Россіи, въ самой глубинѣ Финскихъ земель, среди Води, Корелянъ, Чуди и другихъ. Есть преданіе, что еще въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Апостоль Андрей Первозванный былъ у Новгородскихъ Славянъ, во время своего путешествія по Днѣпру и далѣе къ Балтійскому морю. Въ VIII и IX столѣтіяхъ Новгородцы были сильнѣйшимъ племенемъ изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ на Руси. На западъ отъ озера Ильменя, главнаго мѣста поселенія Новгородцевъ, имъ были подчинены Водь, Чудь, Корела и Ямь до самаго Балтійскаго моря; на сѣверо-востокъ болѣе или менѣе зависѣли отъ нихъ Пермь, Печера, Самоядь, Югра и другія тамошнія племена по берегамъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго Океана до

Уральскихъ горъ; на востокъ отъ Ильмень озера Новгородцы уже имѣли значительныя колоніи на Бѣлѣозерѣ въ земляхъ Финскаго племени Веси, Ростовъ, Суздадь и Галичь Мерскій въ земляхъ Финскаго племени Мери, Муромъ въ земляхъ племени Муромы; далѣе ихъ вліяніе простиралось на Черемису и Мордву, вплоть до владѣній Камскихъ Болгаръ. Съ Камскими Болгарами и Хазарами Новгородцы вели дѣятельную торговлю; они оттуда получали разныя Азіатскіе товары, дорогія ткани, золото, серебро, бисеръ и оружіе, а сами доставляли Болгарамъ и Хазарамъ дорогіе собольи и лисьи мѣха, моржевый зубъ и другія произведенія глубокаго сѣвера, высоко цѣнившіяся у Азіатскихъ народовъ, и которыя они сами получали отъ Финскихъ племенъ зависѣвшихъ отъ Новгородцевъ и торговавшихъ съ ними. Товары получаемые отъ Болгаръ и Хазаръ, а равнымъ образомъ изъ Греціи, Новгородцы сбывали своимъ западнымъ сосѣдямъ Скандинавамъ или Норманамъ, съ которыми были въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ черезъ Балтійское море, которое служило большою дорогою и для Скандинавскихъ и для Новгородскихъ лодій или кораблей.

Общественное устройство Новгородцевъ было чистѣе) общинное; въ самомъ Новгородѣ каждая улица, каждый) конецъ составляли самостоятельную общину, съ своимъ) управленіемъ съ своими общинными уличанскими или) кончанскими старостами, а цѣлый городъ былъ союзомъ) частныхъ общинъ, управляемымъ народнымъ вѣчемъ и) выборными начальниками. Новгородскіе пригороды или) колоніи также состояли въ общинномъ бытѣ, управлялись) выборными начальниками и мѣстнымъ вѣчемъ; но

пригородскіе начальники и вѣча зависѣли отъ главнаго Новгородскаго вѣча; Новгородское вѣче было закономъ для всѣхъ пригородовъ, какъ прямо сказано въ лѣтописи: «на чѣмъ старшіе сдумаютъ на томъ и пригороды стануть.» Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что въ Новгородскомъ вѣчѣ участвовали и представители пригородовъ собственно въ важныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ требовалось знать голосъ всей земли Новгородской, т. е. всѣхъ Новгородскихъ пригородовъ.

Обширныя Новгородскія владѣнія, занимавшія собою весь сѣверъ и востокъ нынѣшней Европейской Россіи отъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго Океана до впаденія Оки въ Волгу, и отъ Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ и до владѣній Камскихъ Болгаръ, были главнымъ образомъ пріобрѣтены торговлею и колонизаціею, а не большими военными походами, до которыхъ Новгородцы, какъ народъ торговый, были не охотники. Новгородцы, поселившіеся и выстроившіе свой Новгородъ при истокѣ Волхова изъ Ильмень озера между полудикими Финскими племенами, начинали дѣло распространенія своихъ владѣній сперва торговлею съ ближайшими сосѣдями, а потомъ познакомившись съ ними поближе, сажали на ихъ землѣ небольшую колонію, гдѣ нибудь въ удобномъ мѣстѣ при рѣкѣ и, разумѣется, въ укрѣпленномъ городкѣ; эта колонія садилась сначала только для болѣе удобствъ торговли, для ближайшей складки товаровъ, а потомъ мало по малу подчиняла туземцевъ себѣ и облагала данью во имя Господина Великаго Новгорода. Въ послѣдствіи когда ближайшіе туземцы болѣе или менѣе попривыкали къ Новгородскимъ колонистамъ и принимали ихъ обычаи, то далѣе въ глубь туземныхъ лѣсовъ

и болотъ выдвигалась новая колонія также съ укрьпленнымъ городкомъ и продолжала дѣлать тоже. Далѣе по времени выдвигалась еще новая колонія, и такимъ образомъ незамѣтно росли колоніи и съ ними вмѣстѣ распространялись владѣнія Новгородцевъ. Разумѣется власть Новгорода не во всѣхъ владѣніяхъ была одинакова; земли ближайшія къ Новгороду и слѣдовательно колоніи или пригороды старѣйшіе находились въ болѣе тѣсной связи съ Новгородомъ, тамошніе туземцы отъ ближайшихъ и болѣе продолжительныхъ сношеній незамѣтно принимали всѣ Новгородскіе обычаи и сливались съ Новгородскими поселенцами въ своемъ краю. А по мѣрѣ отдаленія земель отъ Новгорода слабѣла и связь тамошнихъ жителей съ Новгородцами; такъ что въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ, въ земляхъ Печеры, Югры и другихъ вся связь съ Новгородомъ ограничивалась временнымъ сборомъ дани и торговлею, для чего ежегодно или черезъ годъ, или черезъ два, смотря по мѣрѣ отдаленія, высылались туда Новгородскіе даньщики съ небольшими воинскими отрядами и караванами купцовъ, которые везли туда товары требуемые туземцами и брали у нихъ тамошніе товары, и въ тоже время собирали дань или ясакъ для Новгорода, а въ случаѣ сопротивленія прибѣгали къ силѣ, и собирали дань изъ неволи.

Важнымъ пособіемъ для Новгородцевъ въ распространеніи владѣній и торговли служилъ обычай повольничества. Въ Новгородѣ точно также, какъ и въ сосѣдней Скандинавіи, молодые люди не сидѣли дома, но обыкновенно въ продолженіе годовъ кипучей молодости странствовали по сосѣднимъ землямъ за тѣмъ, чтобы себя

показать и людей посмотреть, а при случаѣ и понажить-ся, если рука подойдет. Такіе странствователи въ Скандинавіи назывались королями моря, потому что странствовали и разбойничали преимущественно по морямъ; въ Новгородѣ же ихъ называли повольниками, потому что они предпринимали свои походы не по чьему либо приказанію, а по своей волѣ. Повольники сіи обыкновенно собирались небольшими ватагами, по зову самыхъ удалыхъ и бывалыхъ молодцовъ, и построивъ лоды отправлялись внизъ по рѣкамъ въ глубину невѣдомыхъ и непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ; въ сихъ походахъ они переносили страшныя трудности, возможные только для людей молодыхъ и цвѣтущихъ здоровьемъ, или уже выдержанныхъ, закаленныхъ въ трудѣ удалцовъ; ихъ ничто не удерживало на пути, они перетаскивали свои лоды изъ одной рѣки въ другую; встрѣчаясь съ горами, гдѣ лодій тащить нельзя, оставляли ихъ въ скрытыхъ мѣстахъ и переходили горы и пропасти сухопутьемъ, неся на своихъ плечахъ самые необходимые припасы; а перешедши горы и встрѣтившись вновь съ какою либо рѣкою, строили новыя лоды и продолжали путь водою. Нашедши гдѣ либо невѣдомое поселеніе лѣсныхъ жителей, повольники начинали дѣло торговлю, предлагали свои товары на обмѣнъ ихъ товаровъ; потомъ ежели замѣчали, что новые знакомцы имъ по силамъ, начинали грабить, или облагали данью во имя Великаго Новгорода, а ежели новые знакомцы были имъ не по силамъ, то ограничивались торговлею и вывѣдываніемъ чѣмъ они богаты и въ чемъ нуждаются. Таковыя походы иногда продолжались по нѣскольку лѣтъ; бывали случаи, что иные повольники возвращались домой еле живы, обо-

дранные, заморенные и избитые, а иные и вовсе погибали на чужой сторонѣ; но за то другіе возвращались домой съ большими богатствами пріобрѣтенными добычею и торговлею, и сообщали Новгородцамъ важныя свѣдѣнія о новооткрытыхъ земляхъ и народахъ, и о томъ въ чемъ нуждаются ихъ новые знакомцы, каковы они, и какую можно получить отъ нихъ пользу. И по симъ свѣдѣніямъ и подъ руководствомъ самихъ же повольниковъ Новгородцы начинали торговлю съ новооткрытыми людьми, и смотря по удобству подчиняли ихъ своему вліянію, и ежели можно заводили тамъ свои колоніи, строили городки и населяли ихъ тѣми же повольниками, или другими охотниками изъ старыхъ городовъ. И такимъ образомъ торговля и колоніи Новгородцевъ раздвигались при помощи повольниковъ, а вмѣстѣ съ колоніями росло богатство и могущество Новгорода Великаго. А приволье, свобода, которыми одинаково пользовались въ Новгородѣ всѣ, свои и пришельцы, манили туда охотниковъ изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ; особенно много молодцовъ приходило къ Новгородцамъ изъ сосѣдней Скандинавіи и Помераніи, которыхъ у насъ тогда называли Варягами и Волотами, такъ что таковыми выходцами заселялись цѣлыя улицы, погосты и даже города. Въ половинѣ IX вѣка вліяніе Новгорода по всему сосѣдству такъ было велико, что Новгородцы успѣли снова пріединить къ себѣ въ союзъ племена Кривичей и Полочанъ, своихъ старинныхъ колонистовъ.

Въ 859 году по Р. Х., съ Новгородцами случилось несчастье; на нихъ, по свидѣтельству лѣтописи, напало какое-то племя Варяговъ и взяло дань не только съ Славянъ Пльменскихъ, но и съ Чуди, Мери, Веси и Кри-

вичей; по всему вѣроятію это нападеніе и дань были не болѣе какъ набѣгъ и грабежъ какой-либо многочисленной толпы Скандинавскихъ удалцовъ, которые воспользовавшись случаемъ, когда удалцы Новгородскіе были въ разбродѣ, проникли на своихъ корабляхъ Неввою въ Ладожское озеро и потомъ Волховомъ до Новгорода и разбрелись грабить далѣе и у сосѣднихъ Кривичей, и у Чуди, и у Мери и Веси, но нигдѣ не могли утвердиться на долго; а посему когда снова пришли за данью, то были прогнаны Новгородцами. Между тѣмъ въ самомъ Новгородѣ началась большая разладаца, разныя племена, подчиненныя Новгородцамъ и на общинныхъ началахъ принятые въ составъ Новгородской земли, какъ союзники, пользуясь временнымъ несчастіемъ самаго Новгорода, начали междоусобствовать и производить раздоры, такъ что, по выраженію лѣтописи, *возсталъ родъ на родъ, и воевати почаша сами на себя*, и все начинало грозить раззореніемъ и распаденіемъ Новгородскаго союза. Чтобы прекратить такія междоусобія Новгородцы какъ старѣйшіе, какъ начальныя въ союзѣ, въ 862 году создали въ Новгородѣ большое вѣче, на которое были приглашены и Чудь и Кривичи, какъ болѣе сильныя и важныя члены Новгородскаго союза. На этомъ вѣчѣ было рѣшено—сѣискать Князя, который бы принять управленіе всею Новгородскою землею и судить и рядить по исконнымъ Новгородскимъ обычаямъ и по взаимному договору и согласію. На томъ же вѣчѣ, на которомъ рѣшено было искать князя, который бы владѣлъ Новгородскимъ союзомъ и судить по праву, было порѣшено отправить посольство за море къ Варягамъ Руси, и просить тамошнихъ князей, чтобы они шли править Новгородскою.

землею. Выборъ Новгородскаго вѣча палъ на Варяговъ Русь; потому что это племя, жившее по обѣимъ берегамъ Ботническаго залива, было ближайшимъ къ Новгороду и находилось въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Новгородцами, такъ что часть этаго племени еще прежде переселилась въ Новгородскую землю, и построила себѣ тамъ городъ старую Русь. Посольство Новгородцевъ Чуди и Кривичей, отправившееся къ Варягамъ Руси, сказало тамошнимъ Князьямъ братьямъ Рюрику, Синеусу и Трувору: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; идите княжить и володѣть нами. Князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ приняли это приглашеніе, и съ своими родственниками и со всѣмъ племенемъ Руси отправились въ Новгородскую землю.

—

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

ПЕРВЫЕ КНЯЗЯ ИЗЪ ПЛЕМЕНИ ВАРЯГОВЪ-РУСИ.

Прибывшимъ по приглашенію Варяго-Русскимъ князьямъ Новгородцы по договору дали въ непосредственное управленіе и для житья, — Рюрику Ладогу при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, Синеусу Бѣлоозеро въ землѣ, гдѣ Новгородская колонія была поселена въ племени Веси, и Трувору Изборскъ подлѣ Чудскаго озера принадлежащій Кривичамъ; во всѣхъ же прочихъ городахъ обширнаго Новгородскаго владѣнія управленіе осталось за Новгородскимъ вѣщамъ и Новгородскими мужами, только отъ имени князей и съ платежемъ Князьямъ опре-

дѣленныхъ сборовъ. Но черезъ два года по прибытіи Рюриковы братья Синеусъ и Труворъ умерли; и Рюрикъ, усилившись ихъ дружинами и городами, передвинулся изъ Ладоги къ самому Новгороду, и на противоположномъ берегу Волхова выстроилъ себѣ крѣпость, которую также назвалъ Новгородомъ, и началъ раздавать своимъ мужамъ города, — кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро, приказавши имъ строить тамъ себѣ крѣпости и управлять землею отъ его имени. Таковое самовольное распоряженіе Рюрика, такъ обезпокоило многихъ Новгородцовъ, особенно удалую вольницу, что они, подѣ начальствомъ своего выборнаго воеводы Вадима Храбраго, возстали на Рюрика; но это возстаніе не имѣло успѣха, лучшіе, богатѣйшіе и старѣйшіе Новгородцы не приняли въ немъ участія; и Рюрикъ въ кровопролитной битвѣ убилъ Вадима, а его товарищей принудилъ бѣжать изъ Новгорода. Потомъ года черезъ два Новгородцы, опять не всѣ, а только часть, снова возстали на Рюрика и кричали на вѣчѣ, бѣда намъ отъ этого Князя, быть намъ рабами у него и его потомковъ! Но и это возстаніе не имѣло успѣха и недовольные убѣжали въ Кіевъ. Даже дружинники, приведенные изъ Варяжской земли, не всѣ были довольны Рюрикомъ, или житьемъ ихъ въ Новгородѣ, и часть ихъ, самые удалые и безпокойные, подѣ предводительствомъ братьевъ Аскольда и Дира, оставили службу у Рюрика и отправились внизъ Днѣпромъ искать службы въ Константинополь, въ Греціи, гдѣ охотно принимали Варяговъ и давали имъ хорошее жалованье. Но идя внизъ по Днѣпру, Аскольдъ и Диръ съ своею дружиною подошли къ Кіеву, и узнавши, что тамошніе жители платятъ дань

Хазарамъ, обѣщались защищать ихъ отъ Хазаръ и остались княжить въ Кіевѣ, и оттуда даже ходили войною на Константинополь, и потерпѣли тамъ большое поражение отъ возставшей морской бури, которая разогнала и частію потопила ихъ лоды. Рюрикъ, прокняживъ въ Новгородѣ семнадцать лѣтъ, скончался въ 879 году, и за малолѣтствомъ своего сына Игоря передалъ управленіе своему родственнику Олегу.

Олегъ прожилъ мирно съ Новгородцами только два года; но ему тѣсно было жить въ Новгородѣ, тамошнее вѣче не давало ему большей воли; и онъ на третій годъ собравъ свою дружину и вольницу изъ Чуди, Славянъ и Кривичей, и взявши съ собою малолѣтнаго Игоря, оставилъ Новгородъ, и плывя по Днѣпру занялъ сперва Смоленскъ по согласію съ тамошними жителями Кривичами; и посадилъ въ Смоленскѣ своихъ мужей, потомъ взялъ Любечъ, также по согласію съ тамошними жителями, и отъ Любеча двинулся по Днѣпру къ Кіеву. Зная что тамъ сидятъ Аскольдъ и Диръ, удалые Варяги, съ которыми драться не совсѣмъ прибыльно, Олегъ противъ нихъ употребилъ хитрость; онъ скрылъ воиновъ въ лодьяхъ, а другихъ оставилъ назади, самъ же подошелъ къ Кіеву, и остановясь подъ Угорскимъ, послалъ сказать Асколду и Диру, что прибылъ гость отъ Олега и Княжича Игоря идущій въ Греки, придите повидаться съ нимъ, вашимъ одвоземцемъ и родственникомъ, Аскольдъ и Диръ пришли въ лодью и были убиты воинами Олега; послѣ чего Кіевъ призналъ Олега своимъ княземъ.

Занявши Кіевъ, Олегъ такъ полюбилъ этотъ городъ, что остался тамъ жить и назвалъ его матерью городовъ Русскихъ; съ нимъ вмѣстѣ остались тамъ Варяжская

дружина и вольница приведенная изъ Новгорода; и съ сего времени (съ 882 года) Приднѣпровье, или Кіевская сторона стала называться Русскою землею, а владѣнія Новгорода Новгородскою землею. Сдѣлавшись самостоятельнымъ, независимымъ отъ Новгородскаго вѣча Княземъ, Олегъ впрочемъ не отказался и отъ Рюриковскихъ правъ на Новгородскую землю: тамошніе города и области, уступленные Рюрику, по прежнему остались подъ управленіемъ Олеговыхъ мужей, и онъ изъ Кіева назначилъ, чтобы ему, какъ прежде Рюрику, платили дань Кривичи, Славяне Ильменскіе и Меря, и сверхъ того условился съ Новгородцами, чтобы они ежегодно присылали по 300 гривенъ его Варягамъ для мира, вѣроятно за свободную торговлю по Днѣпру черезъ Кіевъ. Уладившись съ Новгородцами и ихъ союзниками, Олегъ принялся воевать съ своими ближайшими сосѣдями, и прежде всего напалъ на Древлянъ, которые обижали Полянъ, и одолѣвши ихъ наложилъ на нихъ дань по черной кунѣ; потомъ переправился на лѣвый берегъ Днѣпра и обложилъ данью Радимичей и Сѣверянъ, платившихъ до него дань Хозарамъ; онъ сказалъ имъ: не платите дани Хазарамъ, я буду защищать васъ. Подчинивши Сѣверянъ и Радимичей, Олегъ опять перешелъ на правый берегъ Днѣпра и началъ воевать съ Уличами и Тиверцами, съ двумя самыми сильными племенами на югѣ Россіи; война эта тянулась долго, и чѣмъ кончилась неизвѣстно; только кажется Олегъ здѣсь въ первый разъ увидалъ Черное море и задумалъ начать войну съ Греками; впрочемъ до этой войны прошло еще слишкомъ двадцать лѣтъ. Въ это время Игорь успѣлъ вырасть и жениться, а воинственный Олегъ продолжалъ

воевать съ разными сосѣдными Славянскими племенами на западѣ и доходилъ въ своихъ походахъ до Хорватовъ; конечно войны сіи были не болѣе какъ набѣги для грабежа и добычи, чтобы обогатить князя и дружину. О покореніи новыхъ племенъ въ это время мы не имѣемъ извѣстій.

Наконецъ въ 907 году Олегъ, собравши большое войско изъ разныхъ сосѣднихъ племенъ, изъ приведенныхъ изъ Новгорода Варяговъ, изъ Новгородской вольницы, изъ Чуди, Кривичей и Мери, на двухъ тысячахъ лодій вступилъ въ Черное море и спустился къ Царюграду или Константинополю. Греки, чтобы не допустить Олега къ городу, заперли проливъ; но это неудержало удалаго князя: онъ велѣлъ вытащить свои лодьи на берегъ, поставить на колеса, и, распустивъ паруса, при помощи попутнаго вѣтра двинулся сухопутьемъ къ городу, и началъ все жечь и грабить по дорогѣ. Греки, неимѣвшіе въ это время достаточно войска въ городѣ, такъ перепугались, что сочли за лучшее откупиться, и согласились заплатить Олегу дань по 12 гривенъ на каждую лодью, и сверхъ того дать уклады на Русскіе города: на Кіевъ, Черниговъ, Переславль и другіе, которые непосредственно были подчинены Олегу и гдѣ сидѣли князья имъ поставленные. Получивши такую богатую добычу и выговоривши разныя льготы Русскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ торговать въ Грецію, Олегъ съ большою славою и богатствомъ возвратился въ Кіевъ; Кіевляне и другія сосѣднія племена, удивленные большими богатствами, принесенными Олегомъ изъ Греціи и слышавши рассказы о его подвигахъ подъ Константинополемъ, прозвали его вѣщимъ, т. е. чародѣемъ.

Черезъ четыре года по возвращеніи изъ Греческаго похода, Олегъ отправилъ посольство въ Грецію для заключенія новаго мирнаго договора съ тамошними Императорами Львомъ и Александромъ. Что заставило Олега вступить въ новый договоръ съ Греками и отправить къ нимъ свое посольство, лѣтописи не упоминаютъ, но изъ самыхъ словъ этого договора, сохраненнаго лѣтописцемъ, уже видно, что главная забота Олега здѣсь состояла въ томъ, чтобы упрочить торговлю Руси съ Греками, чтобы сколько можно отстранить поводы къ ссорамъ и несогласію. Въ договорѣ нѣтъ ни слова ни о дани, ни объ укладахъ ни о другихъ требованіяхъ насилія; статьи договора говорятъ только объ опредѣленіи мирныхъ безъобидныхъ отношеній между Греками и пріѣзжающими къ нимъ Руссами, о взаимномъ вспоможеніи мореходцевъ Греческихъ и Русскихъ, и о свободной продажѣ и покупкѣ товаровъ. Олеговы послы были приняты радушно и дружелюбно, Императоръ Константинопольскій приставилъ къ нимъ особаго мужа, чтобы показать имъ красоту и богатство церквей и дворцовъ Константинопольскихъ, и на отпускѣ почтилъ богатыми дарами, золотомъ, драгоценными тканями и дорогими одеждами.

Заклучивши миръ съ Греками, Олегъ скончался осенью 912 года. О кончинѣ его лѣтописецъ разказываетъ слѣдующее преданіе: «И жилъ Олегъ въ мирѣ со всѣми странами, княжа въ Кіевѣ. И настала осень и вспомнилъ Олегъ про своего коня, котораго поставилъ кормить и на которомъ давно уже не ѣздилъ. Потому что прежде когда то онъ спросилъ волхвовъ и кудесниковъ, отъ чего мнѣ умереть? и одинъ кудесникъ сказалъ ему:

«Князь тебѣ умереть отъ коня, на которымъ ты ѣдишь и котораго любишь». Олегъ подумалъ объ этомъ и сказалъ: «никогда же не сяду на этого коня, и не увижу его болѣе», и приказалъ кормить его и не подводить къ себѣ. И такъ прошло много лѣтъ, конь оставался безъ дѣла; потомъ Олегъ вспомнилъ о немъ и, призвавъ старѣйшину конюховъ, спросилъ: «гдѣ конь, котораго я поставилъ на кормъ и приказалъ беречь? старѣйшина отвѣчалъ: «конь умеръ». Олегъ засмѣялся и въ укоризну кудеснику сказалъ: «что они говорятъ эти волхвы, все пустяки и ложь, конь умеръ, а я живъ». И приказалъ осѣдлатъ себѣ другаго коня, и прѣхавъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя конскія кости и черепъ, слѣзъ съ коня и ступивши ногою на черепъ, съ насмѣшкою сказалъ: «отъ сего ли лба умереть мнѣ». А въ это время выползла изъ конскаго черепа змѣя и укусила Олега въ ногу. Отъ этого Олегъ разболѣлся и умеръ. Далѣе лѣтописецъ продолжаетъ: «и плакали всѣ люди великимъ плачемъ по Олегѣ, и понесли его и похоронили на горѣ, что называется Щековица; и до сего дни цѣла его могила, и слыветъ Ольгова могила».

По смерти Олега Русскимъ княземъ въ Кіевѣ, во всѣмъ Приднѣпровьѣ и въ Новгородѣ, сдѣлался Рюриковъ сынъ Игорь. Этому князю тогда было около тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Игорь сидѣвшій дома и не извѣстный никакими воинскими подвигами во все княженіе Олега, кажется также мирно думалъ начать свое княженіе, какъ мирно кончилъ свое Олегъ. Но что было возможно для стараго Олега посѣдѣвшаго въ битвахъ, то оказалось не совсѣмъ удобнымъ для молодаго Игоря, тольکو что начавшаго княжить. Не стало стараго гроз-

наго князя и все пошло иначе; на первомъ же году Игоря княженія заратились Древляне и Уличи примученные Олегомъ, и въ тоже время буйные дружинники, наскучившіе миромъ въ послѣдніе годы Олегова княженія, пустились сами мимо князя искать войны и добычи. Они въ 913 году на пятистахъ лодьяхъ явились въ устьѣ Дона, и подплывъ къ Хазарской заставѣ, выпросили у Хазарскаго Кагана пропускъ на Волгу и въ Хазарское или Каспійское море, обѣщая за то половину добычи, какую возмуть въ Прикаспійскомъ краѣ; и перетащивши волокомъ свои лоды съ Дона на Волгу, пустились Волгою въ Каспійское море и начали грабить прибрежныхъ жителей. Въ этомъ походѣ Руссы повольники (т. е. дружинники оставившіе Игоря) проникли до Азербейджана; они всюду являлись нечаянно, били мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ, грабили богатства, и опустошивши одно мѣсто, удалялись на острова; и потомъ снова нечаянно являлись въ другомъ мѣстѣ, также дѣлали нападеніе, разбивали противниковъ, грабили, опустошали и опять удалялись. Тамашніе жители, собравшись съ силами, хотѣли окружить ихъ на островахъ, но были разбиты на голову. Руссы проживъ нѣсколько мѣсяцевъ на морѣ и награбивъ, множество добычи и плѣнницъ, отправились обратно къ устью Волги, и отсюда послали Хазарскому Кагану условленную часть добычи. Но Музульмане, жившіе въ Хазарской землѣ и состоявшіе на службѣ у Кагана, въ числѣ пятнадцати тысячъ напали на Руссовъ и вступили въ битву, желая поживиться чужимъ грабежемъ; три дня жестоко дралась Русская вольница, много побила Музульманъ; но наконецъ и сама была подавлена мно-

гочисленностію непріятелей; изъ Руссовъ одни пали въ битвѣ, другіе потонули въ рѣкѣ, а часть принуждена была бѣжать и истреблена по дорогѣ Буртасами и Камскими Болгарами.

Но въ то время, какъ Олеговы дружинники, оставившіе Игоря, въ качествѣ повольниковъ, промышляли на берегахъ Каспійскаго моря, самъ Игорь и дружина, оставшаяся при немъ, не были безъ дѣла: Игорь отправился на заратившихся Древлянъ, а воеводу своего Свенельда послалъ на Уличей, предоставивъ ему собирать дань съ этого племени на себя и на свою дружину. Съ Древлянами Игорь управился скоро, и примучивъ ихъ, наложилъ дань больше Олеговой и возвратился въ Кіевъ; но многочисленные Уличи, имѣвшіе много городовъ по Днѣстру почти до моря, долго не поддавались Свенельду, и онъ, чтобы примучить ихъ и добиться дани, три года осаждалъ ихъ главный городъ Пересѣченъ, и и едва успѣлъ взять его.

Между тѣмъ на другой годъ послѣ Игорева похода въ Древлянскую землю, появился на границахъ приднѣпровской Руси новый незнакомый народъ—Печенѣги, выдвинувшіеся изъ Азіатскихъ степей; но они на первый разъ мирно встрѣтились съ Русскими, и заключивши съ Игоремъ миръ, удалились къ западу. Впрочемъ это прошла только передовая Печенѣжская орда, а за нею шли еще семь ордъ, одна другой сильнѣе и неукротимѣе. Первая, заключивъ миръ съ Игоремъ, продвинулась до Дуная и вступила въ союзъ съ Греками противъ Дунайскихъ Болгаръ; за нею прошли еще три орды; они также перебрались на западъ за Днѣпръ и заняли пространство отъ Чернаго моря до Венгерской зем-

ли и до южныхъ предѣловъ Руси; за тѣмъ еще четыре орды, не переходя Днѣпра, заняли всѣ степи отъ Волги почти до Днѣпра и до моря, такъ что поставили свои кочевья прямо за Семейю, Сулою и Супоемъ, по тогдашнимъ границамъ приднѣпровской Руси. При такомъ близкомъ сосѣдствѣ сильныхъ и безпкойныхъ кочевниковъ-грабителей, не смотря на миръ заключенный первою ордою, дѣло не обходилось безъ грабежей отъ сосѣднихъ Печенѣговъ; и въ 920 году Игорь былъ вынужденъ воевать съ ними. Чѣмъ кончилась эта война, лѣтописи не говорятъ; но нѣтъ сомнѣнiя, что дружина Игорева, преимущественно состоявшая изъ воиновъ Олеговыхъ, опытныхъ бойцовъ, дала себя знать дикимъ кочевникамъ-Печенѣгамъ, и хотя на короткое время укротила ихъ набѣги и грабежи.

Управившись съ Печенѣгами, Игорь на другой же годъ сталъ собираться въ какой-то дальнiй походъ, собралъ множество ратниковъ и наготовилъ кораблей; но походъ не состоялся, Игорь остался дома. Лѣтопись намъ не говоритъ, что заставлю Игоря отложить походъ; но по всему вѣроятiю его остановили новыя толпы Печенѣговъ, въ это время постоянно надвигавшiя съ востока на западъ къ предѣламъ Русской земли, и такъ продолжалось не годъ, не два, а цѣлые двадцать лѣтъ. Въ продолженiи всего этого времени Игорь долженъ былъ сидѣть дома и сторожить Русскую землю отъ этихъ незваныхъ гостей, однимъ появленiемъ своимъ наводившихъ ужасъ на всѣхъ сосѣдей, и ждать пока гости сiи немного поусядутся по мѣстамъ и поугомонятся. Наконецъ долго тяготѣвшее надъ Приднѣпровскою Русью томительное ожиданiе, когда перестануть подходить новыя

толпы Печенѣговъ, кончилось; всѣ орды Печенѣжскія заняли свои мѣста, новыхъ полчищъ болѣе не являлось. И Игорь на старости лѣтъ (ему тогда было около 64 лѣтъ отъ роду) въ 941 году отправился въ походъ на Константинополь. Но этотъ походъ не удался, старикъ Игорь воротился домой потерпѣвъ поражение; Греки сперва разбили его на морѣ, потомъ на сушѣ, и наконецъ опять на морѣ. Игоревы войны, воротившіеся домой, рассказывали: Греки съ своихъ лодій жгли насъ, пуская какой-то огонь, аки молнію, что на небесахъ, и потому мы не могли одолѣть ихъ.

Воротившись домой съ неуѣдачнаго Греческаго похода, Игорь снова сталъ готовиться на Грековъ; но войска у него сильно поубавилось въ минувшемъ походѣ, и онъ послалъ кличь къ охотникамъ, къ повольникамъ, кого разбираетъ охота промыслить славы и добычи въ далекой Греческой землѣ, славной своими богатствами. Сборы продолжались цѣлыхъ два года; дружина скоплялась не вдругъ, охотники шли по мѣрѣ разпространенія вѣсти о походѣ, одни подзывали другихъ, строили лоды, снаряжались и пѣшіе и конные, и всѣ готовили необходимые запасы на дорогу. Недовольствуясь своими охотниками, Игорь нанялъ сосѣднихъ Печенѣговъ и послалъ за море къ Варягамъ, приглашая тамошнихъ удайцовъ принять участіе въ Греческомъ походѣ. Созвавши такимъ образомъ многочисленную рать, Игорь въ 944 году отправился во второй походъ на Грековъ; спустившись внизъ по Днѣпру, по этой большой Греческой дорогѣ изъ Русской земли, его сборная рать шла и въ лодьяхъ и на коняхъ. Корсунцы, Греческіе колонисты на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, узнавши объ этомъ,

послали сказать Греческому Царю Роману: «идуть Русь, кораблямъ ихъ нѣтъ числа, покрыли море кораблями. А также и Дунайскіе Болгары подали вѣсть, что идуть Русь и наняли Печенѣговъ. Царь, получивши такія вѣсти и рассчитавши, что дешевле обойдется купить миръ у Игоря за деньги, чѣмъ воевать съ неугомоннымъ старикомъ, послалъ къ Игорю лучшихъ своихъ бояръ съ такими рѣчьми:» не ходи, но возми дань, какую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани. А также отправилъ къ Печенѣгамъ множество дорогихъ тканей и золота. Игорь, дошедъ до Дуная, созвалъ свою сборную дружину на думу и передалъ ей рѣчи царевыхъ посланниковъ. И дружина отвѣчала Игорю: «коли царь говоритъ такъ, чего же намъ еще, небившись взять золото и серебро и дорогія ткани; по чемъ знать, кто одолѣетъ мы ли, они ли? или кто съ моремъ совѣтень: мы теперь идемъ не по земли, а по глубинѣ морской, здѣсь общая смерть всѣмъ». Игорь послушалъ дружины и повелѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю; а самъ, взявши отъ Грековъ золото и дорогія ткани на себя и на всѣхъ воевъ, поворотилъ назадъ и пришелъ домой въ Кіевъ хвалиться богатою добычею.

Но не вся вольница, участвовавшая въ настоящемъ Греческомъ походѣ, воротилась въ Кіевъ, а напротивъ самые удалые и неугомонные изъ нихъ, нежелая, чтобы ихъ приготовленія къ походу пропали даромъ, и рассчитавши, что отъ Дуная имъ легче пробраться въ какой либо богатый край, нежели снова снаряжаться и начинать походъ изъ Кіева или Новгорода и Скандинавіи, рѣшились невозвращаясь домой, прямо отъ Дуная или отъ устьевъ Днѣпра идти знакомымъ уже путемъ по

Дону и Волгѣ въ Каспійское море. Спустившись въ Каспійское море, Игоревы повольники поднялись вверхъ по Курѣ и проникли до главнаго тамошняго города Берды, разбили высланныя противъ нихъ войска и заняли этотъ городъ. Мусульмане, тамошніе жители, собрались было противъ нихъ; но опять были разбиты и обратились въ бѣгство; потомъ правитель тамошняго края собралъ противъ Руссовъ 30,000 войска, но также былъ разбитъ; и Руссы довольно долго владѣли Бердою, и оттуда одинъ разъ съѣзжали набѣгъ почти до Тебриза. Но излишнее употребленіе плодовъ произвело между Руссами заразительную болѣзнь, отъ которой много ихъ погибло. Тамошній правитель, пользуясь такимъ обстоятельствомъ, снова напалъ на Руссовъ, и послѣ жестокой битвы принудилъ ихъ запереться въ Бердайской крѣпости, здѣсь болѣзни еще болѣе ихъ ослабили; и они, собравъ лучшее имущество, удалились и ихъ никто не смѣлъ преслѣдовать. Дальнѣйшая судьба этой Русской вольницы намъ неизвѣстна; мы не знаемъ добрались ли они домой, или погибли на обратномъ пути, какъ это нерѣдко случалось съ Новгородскими повольниками или ушкуйниками.

Между тѣмъ миръ, заключенный Игоремъ въ устьяхъ Дуная, вскорѣ оказался неудовлетворительнымъ, и Греческіе Императоры отправили своихъ пословъ въ Кіевъ заключить новый мирный договоръ; Игорь же, переговоривъ съ Греческими послами, самъ также отправилъ своихъ пословъ въ Константинополь, которые и написали тамъ новый договоръ. Основная и главная мысль этого новаго договора состояла въ томъ, что Грекамъ хотѣлось сократить пріѣздъ Русской безпокойной вольницы

въ Константинополь. Для этой цѣли настоящимъ договоромъ было постановлено, чтобы послѣдніи купцы Русскіе, пріѣзжающіе въ Константинополь, предъявляли отъ Русскаго Князя грамоту, сколько съ ними^о отправлено кораблей, дабы Грекамъ по грамотѣ было извѣстно, что корабли пришли съ миромъ, а не для грабежа; пріѣхавшихъ же безъ княжей грамоты Греки имѣли право взять и держать подъ стражею до тѣхъ поръ, пока перепишутся о нихъ съ Русскимъ Княземъ. Мало этого, Греки включили въ договоръ и другое ограниченіе: они требовали, чтобы Руссы не только не нападали на Корсунскіе города, состоявшіе подъ покровительствомъ Грековъ, и не мѣшали Корсунцамъ ловить рыбу въ Днѣпровскомъ устьѣ, но чтобы Руссы и не зимовали въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ, и у острова Св. Эльферія. Сіи заботы Грековъ, высказанныя въ договорѣ, ясно показываютъ, что не даромъ же въ это время Черное море называлось Русскимъ моремъ; ясно что Русская вольница тогда рыскала по Черному морю изъ конца въ конецъ и не давала покоя ни Грекамъ, ни ихъ колонистамъ Корсунцамъ.

Отпустивши Греческихъ пословъ въ 945 году, Игорь, когда наступила осень, сталъ думать о походѣ на Древлянъ, замышляя взять съ нихъ большую дань. Ходить за сборомъ дани съ побѣжденныхъ племенъ въ то время было обычнымъ дѣломъ у Русскихъ Князей, и они для этого каждую осень отправлялись съ дружиною къ тому или другому племени. Но, кажется, устарѣвшій Игорь давно уже этимъ не занимался самъ, а посылалъ своего воеводу Свенельда, имѣвшаго свою дружину отдѣльно отъ Игоревой. А посему Игорева дружина, за-

видуя Свенельдовой дружинѣ, стала говорить Князю: «Отроцы Свенельжи изодѣлися оружіемъ и платьемъ, а мы наги, поиди Княже съ нами въ дань, да и ты добудешь и мы.» Игорь послушалъ дружины, отправился за данью въ Древлянскую землю, началъ тамъ дѣлать большія грабежи и насилія, и собравъ столько дани, сколько никогда не собиралось съ Древлянской земли, поворотилъ уже назадъ къ Кіеву; но на дорогѣ раздумалъ, и, сказавъ дружинѣ, — ступайте съ данью домой, а я схожу еще, — самъ съ немногими дружинниками снова пошелъ грабить. Древляне услышавши объ этомъ, составили съ своимъ княземъ, Маломъ, думу и разсудили, что «ежели волкъ повадится къ овцамъ, то потаскаетъ все стадо, ежели его не убьютъ; такъ точно и сей, ежели его не убьемъ, всѣхъ насъ погубить». И послали сказать Игорю: «ты побралъ всю дань, зачѣмъ же идешь опять.» Но Игорь ихъ не послушалъ, и Древляне, вышедши изъ своего города Коростеня, убили Игоря и малочисленную дружину его и похоронили подъ Коростенемъ.

Въ то время, какъ Древляне убили Игоря, сынъ его Святославъ былъ еще малолѣтенъ и находился въ Кіевѣ при своей матери Ольгѣ. Ольга по Русскому обычаю заступила мѣсто покойнаго мужа, и стала править Кіевомъ и всею Русью; она воспитаніе сына поручила одному дружиннику Асмуду, какъ это обыкновенно дѣлалось въ тогдашнее время и на Руси и въ Скандинавіи, а воеводой, т. е. предводителемъ княжей дружины, назначила Свенельда, извѣстнаго уже покорителя Тиверцевъ и Уличей.

Древляне, убивши Игоря, порѣшили на своемъ вѣчѣ

такъ: «вотъ мы убили Русскаго Князя, возьмемъ жену его за своего Князя Мала, а съ Святославомъ сдѣлаемъ, что захочемъ.» Принявши такое рѣшеніе, они отправились къ Ольгѣ 20 человекъ лучшихъ мужей, которые, пришедши въ Кіевъ, сказали Ольгѣ: «послала насъ Деревская земля съ такимъ наказомъ: мы убили твоего мужа, за то что онъ былъ, какъ волкъ, хищникъ и грабитель, а наши Князи добры, распасли Деревскую землю, пойдѣ за нашего Князя Мала.» Ольга на это отвѣчала: «мнѣ любя ваша рѣчь, мнѣ уже не воскресить своего мужа;» и велѣла имъ придти на другой день, и когда тѣ явились на другой день, то велѣла ихъ бросить въ приготовленную яму и зарыть въ ней живыхъ; а въ Древлянскую землю послала сказать, чтобы прислали новыхъ пословъ, самыхъ лучшихъ мужей, держащихъ землю; и когда тѣ пришли, то пригласила ихъ въ баню и велѣла тамъ сжечь. Потомъ собравши дружину, сама отправилась въ Древлянскую землю, напередъ пославши сказать Древлянамъ, чтобы они наварили побольше меда для отправленія тризны по Игорѣ. И когда это было сдѣлано, то, прибывши съ небольшою дружиною на могилу Игоря, Ольга приказала насыпать на могилу большой курганъ, и потомъ стала угощать Древлянъ, когда же тѣ понапились, то сказала своимъ, чтобы изрубил пировавшихъ, гдѣ ихъ и перерѣзали 5,000 человекъ, а сама воротилась въ Кіевъ.

На другой годъ по смерти Игоря Ольга, какъ говорить преданіе, набрала многихъ и храбрыхъ воевъ и вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Святославомъ пошла въ Деревскую землю. Древляне, узнавши объ этомъ, собрались всею землею и выступили противъ Ольги. Когда

объ рати Ольгина и Древлянская сошлись вмѣстѣ; то малолѣтній Святославъ, уже сидѣвшій на конѣ, первый бросилъ въ непріятелей копье, которое пролетѣвъ между ушей коня, пало подъ ноги. Въ слѣдъ за тѣмъ Асмудъ и Свенельдъ крикнули воинамъ: «Князь уже почалъ, дружина не выдавай.» Дружина на зовъ вождей отвѣчала сильнымъ натискомъ и битва кончилась въ пользу Кіевской Княгини; разбитые Древляне побѣжали и затворились по городамъ, которые скоро сдались; одинъ только Коростень, осажденный самою Ольгою, оборонялся цѣлое лѣто, но и этотъ городъ наконецъ палъ. Ольга при семъ употребила слѣдующую хитрость. Она послѣ продолжительной осады вступила въ переговоры съ Коростенцами и потребовала вмѣсто дани по три голубя и по три воробья отъ каждаго двора, обѣщаясь за тѣмъ удалиться въ Кіевъ. Коростенцы, обрадованные такимъ легкимъ требованіемъ, выслали съ двора по три голубя и по три воробья; Ольга же раздала воробьевъ и голубей своимъ воинамъ и приказала, чтобы они привязавши къ птицамъ зажженный трутъ въ тряпкахъ, выпустили ихъ въ сумерки. Выпущенные воробьи и голуби полетѣли въ свои гнѣзда и зажгли городъ; жители неимѣя возможности тушить пожаръ, охватившій весь городъ за-разъ, бросились вонъ изъ города и были взяты воинами Ольги. Ольга старѣйшинъ города взяла себѣ, а прочихъ людей — иныхъ приказала избить, другихъ отдала въ рабство своимъ дружинникамъ, а остальныхъ обложила тяжкою данью, и двѣ части этой дани приказала собирать на Кіевъ и одну на Вышгородъ; потомъ вмѣстѣ съ сыномъ и дружиною пошла по Древлянской землѣ, уставляя вездѣ уставы и уроки, т. е. привела

Древлянскую земля въ совершенную покорность и зависимость отъ Кіевскаго Князя, и уничтожила тамошнее независимое управленіе.

Устроивши Древлянскую землю по своему, Ольга возвратилась въ Кіевъ и прожила тамъ лѣто, а на другой годъ т. е. въ 947 году, отправилась въ Новгородскій край и учредила тамъ по Мстѣ погосты и дани и по Лугѣ оброки и дани. Это путешествіе, также какъ и Древлянское, надолго осталось памятнымъ въ народѣ, и указываетъ, что Ольга успѣла нѣсколько измѣнить отношенія Кіевскаго княжества къ Новгороду, и сумѣла вытребовать у Новгородцевъ въ свое владѣніе земли лежащія по Мстѣ и Лугѣ.

Послѣ Новгородскаго путешествія, Ольга возвратилась къ сыну своему Святославу въ Кіевъ, и прожила тамъ одиннадцать лѣтъ; потомъ въ 958 году, съ большою свитою въ сопровожденіи купцовъ и посланниковъ отъ Русскихъ Князей подручниковъ, отправилась въ Константинополь. Въ Константинополѣ она была принята тамошнимъ Императоромъ съ большими церемоніями, два раза объдала съ Императоромъ и Императрицею, и проживъ тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, и принявши святое крещеніе отъ тамошняго патріарха, возвратилась въ Кіевъ. Возвратясь домой, Ольга старалась обратить къ христіанству и сына своего Святослава; но тотъ не думалъ мѣнять своей языческой вѣры, и на всѣ убѣжденія матери отвѣчалъ одно: «какъ я приму другой законъ, дружина будетъ смѣяться.» Онъ даже иногда гнѣвался на мать, когда она не переставала его убѣждать.

И дѣйствительно Святославу мудрено было перемѣнить вѣру: онъ совсѣмъ не тѣмъ былъ занятъ; воспи-

танный воинственнымъ Асмудомъ, онъ только и думалъ о войнѣ и храброй дружинѣ, его тянуло на востокъ за Днѣпръ, гдѣ много было противниковъ, не знавшихъ власти Русскаго Князя. Незная ни обозовъ, ни котловъ, легкій какъ леопардъ, невозившій съ собою шатровъ, спавшій подъ открытымъ небомъ, самъ жарившій на угольяхъ себѣ пищу, Святославъ былъ окруженъ такою же храброю и неприхотливою дружиною, и постоянно занятый войною посылалъ къ сосѣднимъ народамъ, объявляя имъ, что хочетъ на нихъ идти. Онъ два раза ходилъ на Вятичей въ ихъ непроходимые лѣса, куда до него еще не проникалъ ни одинъ Русскій Князь, разбилъ въ Придонскихъ степяхъ грознаго Кагана Хазарскаго и взялъ его крѣпкій городъ Бѣлую Вѣжу, даже доходилъ до Кавказскихъ горъ и побѣдилъ жившихъ тамъ сильныхъ Ясовъ и Касоговъ. Сии походы Святослава продолжались три года, и обогатили его дружину большою добычею.

Потомъ Константинопольскій Императоръ Никифоръ Фока прислалъ къ Святославу посланниковъ просить помощи у Русскаго Князя противъ Дунайскихъ Болгаръ, предлагая за это нѣсколько пудъ золота. Святославъ довольный такимъ приглашеніемъ и взявши золото, немедленно началъ готовиться въ походъ, собралъ дружину, приготовилъ лоды и въ 967 году, спустившись внизъ по Днѣпру, обычнымъ Русскимъ путемъ добрался до Дуная. Болгары, узнавши объ этомъ, вышли къ нему на встрѣчу съ тѣмъ, чтобы не допустить его воиновъ къ высадкѣ на берегъ; но дружина Святославова, накрывшись щитами, пошла на проломъ, смяла Болгаръ, и начала брать тамошніе города одинъ за другимъ. Болгарскій Царь Петръ съ горя умеръ; и Святославъ, не встрѣ-

чая сопротивленія, занялъ почти всю Болгарію и засѣлъ княжить въ тамошнемъ главномъ городѣ Переяславцѣ.

Но не долго пришлось Святославу оставаться въ Переяславцѣ Болгарскомъ. Печенѣги въ его отсутствіе осадили Кіевъ, Ольга съ своими внуками, дѣтьми Святослава, заперлась въ городѣ и была доведена до такой крайности, что Кіевляне, томимые голодомъ, думали уже сдатьсь, и рѣшились на послѣднее средство извѣстить какъ нибудь воинскихъ людей, стоявшихъ на противоположномъ берегу Днѣпра, подъ начальствомъ воеводы Претича. Для этого Кіевское вѣче кликнуло кличъ, не выищется ли кто охотникъ перебраться на другой берегъ и извѣстить стоявшихъ тамъ людей, что ежели они къ утру не приступятъ къ городу, то Кіевъ сдастся Печенѣгамъ. На этотъ кличъ выискался одинъ молодой человекъ и сказалъ вѣчу: «я переберусь;» и вѣче сказало ему: «иди.» Взявши въ руки конскую узду, онъ вышелъ изъ города и пошелъ въ станъ Печенѣжскій, спрашивая по печенѣжски: невидаль ли кто моего коня. Печенѣги считая его своимъ, свободно пропустили къ рѣкѣ; и онъ, сбросивши съ себя платье, переплылъ на другой берегъ и объявилъ тамошнимъ воинскимъ людямъ: «мнѣ наказано сказать вамъ, что ежели вы на утро не приступите къ городу, то Кіевляне хотятъ сдатьсь Печенѣгамъ.» Воевода Претичъ, услыхавши такую рѣчь, сказалъ своимъ: «завтра подступимъ въ лодьяхъ и подкравшись увеземъ изъ города Княгиню и Княжичей, а ежели этого не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ.» И на другой день на солнечномъ восходѣ Русскія лоды съ шумомъ и съ трубнымъ звукомъ отчалили отъ берега и поплыли къ Кіеву; Кіевляне замѣ-

тивъ это откликнулись радостными криками; Печенѣги же думая, что воротился Святославъ, бѣжали отъ города; но одумавшись воротились назадъ, и Печенѣжскій Князь самъ явился спросить: кто подошелъ къ городу, не Князь ли Святославъ; «на что Претичь отвѣчалъ: «пришелъ я, мужъ Святославовъ, съ передовымъ полкомъ, а Святославъ идетъ за мной и съ нимъ большая рать.» Печенѣжскій Князь предложилъ Претичу миръ, и они въ знакъ мира подали другъ другу руку и обмѣнялись оружіемъ. Послѣ чего Печенѣги отступили отъ города.

Кіевляне, освободившись отъ грозившей бѣды, немедленно послали гонцовъ къ Святославу съ такимъ наказомъ: «Княже! ты ищешь и бережешь чужую землю, а свою бросаешь; и насъ и твою мать и твоихъ дѣтей едва не взяли Печенѣги; и ежели не придешь и не защитишь насъ, то они опять придутъ и возмутъ насъ; неужели тебѣ не жаль ни своей отчины, ни своей престарѣлой матери, ни дѣтей.» Святославъ, получивши такую вѣсть, немедленно сѣлъ на коней съ своею дружиною и прибылъ въ Кіевъ, ударилъ на Печенѣговъ, разбилъ ихъ и прогналъ въ степи. Но не жилось Святославу въ Кіевѣ; онъ началъ говорить матери своей и боярамъ: «не лобо мнѣ жить въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, тамъ среда моей земли, туда сходятся всѣ богатства, — отъ Грековъ золото, дорогія ткани и вина и различные плоды, отъ Чеховъ и Угровъ серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и невольники.» Ольга на это отвѣчала ему: «видишь я больна, и куда же хочешь идти отъ меня, сперва похорони меня, а тамъ и ступай куда хочешь.» Впрочемъ мать не-

долго останавливала Святослава: она через три дня скончалась. Ее похоронили какъ христіанку на мѣсть, которое она сама указала; и сынъ и внуки и весь Кіевъ провожали ее до могилы съ великимъ плачемъ; но по ея наказу не смѣли на ея погребеніи творить языческой тризны, ее отпѣвалъ бывший при ней христіанскій священникъ.

Похоронивши мать, Святославъ началъ готовиться къ походу на Дунай въ Болгарію, и передъ походомъ назначилъ въ свое отсутствіе управителями и князьями своихъ сыновей: Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ землѣ Древлянской. Въ это же время пришли послы изъ Новгорода и просили, чтобы онъ далъ Князя и Новгородцамъ, грозя въ противномъ случаѣ отыскать себѣ Князя на сторонѣ». Святославъ, зная, что Князьямъ тѣсно жить въ вольномъ Новгородѣ, сказалъ имъ: да кто къ вамъ пойдетъ. И дѣйствительно Ярополкъ и Олегъ отказались отъ чести быть Новгородскими Князьями; тогда Добрыня Любчанинъ, дядя по матери младшему Святославу сыну Владиміру, рожденному отъ Ольгиной ключницы Малуши, сказалъ Новгородцамъ: «просите Володимира». Тѣ и сказали Святославу: «дай намъ Володимира». Святославъ въ отвѣтъ на это сказалъ: «берите его, этотъ Князь по васъ». И взяли Новгородцы Владиміра и повезли къ себѣ; съ нимъ поѣхалъ въ Новгородъ и Добрыня.

Святославъ, отпустивши Владиміра, самъ собравъ войско отправился въ Болгарію, какъ къ свою область; но когда онъ подошелъ къ Переяславцу, то Болгаре затворились въ городѣ. И началась страшная сѣча; Болгаре стали уже одолевать Русскихъ своею многочислен-

ностию, день уже клонился къ вечеру, а битва не прекращалась. Святославъ, желая воодушевить своихъ воиновъ, повелъ къ нимъ такую рѣчь: «братья, дружина! намъ уже пастъ здѣсь, будемъ же биться мужески». Дружина по зову Князя дѣйствительно стала биться мужески, и Болгары были разбиты на голову и Переяславецъ взятъ приступомъ.

Но Святославу и на этотъ разъ не посчастливилось прочно утвердиться въ Болгаріи. Греческій Императоръ Іоаннъ Цимисхій, заступившій мѣсто Никифора Фоки, лишь только получилъ извѣстіе о занятіи Святославомъ Переяславца, отправилъ къ нему посольство съ требованіемъ, чтобы Русскіе немедленно оставили Болгарію, обѣщая за это заплатить Святославу столько же денегъ, сколько получилъ онъ въ первый разъ отъ Императора Никифора, и грозя въ противномъ случаѣ походомъ самого Императора въ Болгарію. Святославъ на это отвѣчалъ: «за чѣмъ трудиться Императору, мы сами придемъ къ нему и выгонимъ изъ Константинополя». И въ слѣдъ за тѣмъ по своему обычаю послалъ сказать Грекамъ: «хочу идти на васъ и взять вашъ городъ. также, какъ взялъ Переяславецъ». Послѣ сего у Святослава началась война съ Греками, сперва довольно для него удачная; Святославъ разбилъ и прогналъ высланныхъ противъ него двухъ знаменитыхъ Греческихъ полководцевъ, безпрепятственно вступилъ въ предѣлы Греческой имперіи, сталъ брать городъ за городомъ и такимъ образомъ дошелъ до Адрианополя. Но когда выступилъ противъ него съ новыми многочисленными войсками самъ Императоръ Іоаннъ Цимисхій, то дѣло перемѣнилось не въ пользу Русскихъ. Святославъ, понадѣявшись на свою

до тѣхъ поръ непобѣдимую храбрость, имѣлъ неосторожность не занять Балканскихъ проходовъ въ Болгарію и безопасно распустилъ свои войска по городамъ; такую оплошностію Цимисхій воспользовался вполнѣ, онъ быстро провелъ свои войска Балканскими ущеліями и прямо устремился къ Переяславцу. Сидѣвшіе въ Переяславцѣ Руссы дали Грекамъ жесточайшее сраженіе, но подавленные многочисленною Греческою конницею, принуждены были отступить въ городъ; за тѣмъ послѣдовалъ приступъ, и хотя Русскіе, защищая городъ, показали чудеса храбрости, долго рѣзались съ Греками въ тѣсныхъ улицахъ и защищали каждый домъ; но тѣмъ не менѣе подавленные многочисленною непріятелей принуждены были оставить городъ, и пробившись сквозь Греческія войска успѣли уйдти въ Доростолъ, и тамъ соединились съ Святославомъ. Взявши Переяславецъ Цимисхій самъ двинулся къ Доростолу, Святославъ вышелъ къ нему на встрѣчу и далъ жестокою битву, которая продолжалась цѣлый день. Русскіе покрытые огромными щитами и вооруженные длинными копьями, стояли какъ живая стѣна; Греки нѣсколько разъ старались прорвать эту живую стѣну, но постоянно были отражаемы съ большимъ урономъ; наконецъ, при самомъ захожденіи солнца, Цимисхій собралъ всю свою конницу и пустилъ ее на Русскихъ, этого послѣдняго дружнаго натиска Русскіе не выдержали и послѣ страшной рѣзни стоившей дорого той и другой сторонѣ, отступили и заперлись въ Доростолѣ. На другой день Императоръ повелъ войска на приступъ, но приступъ былъ отбитъ, и началась осада Доростола, продолжавшаяся три мѣсяца; Русскіе первое время дѣлали вылазки чуть не каж-

дый день, и много вредили Грекамъ; но когда Цимисхій успѣлъ загородить все дороги къ подвозу припасовъ въ городъ, то осажденныхъ сталъ одолевать голодъ; и Святославъ, видя малочисленность оставшейся дружины, послалъ просить мира. Цимисхій съ радостію принялъ Святославовыхъ посланниковъ, и отправилъ къ нему своихъ пословъ въ дарами. Святославъ, принявъ дары, собралъ на совѣтъ свою дружину и сказалъ ей такъ: «ежели не сотворимъ мира съ Царемъ, а Царь узнаетъ, что насъ мало, что запретъ насъ въ городъ, а Русская земля далеко, а Печенѣги съ нами въ войнѣ, кто намъ поможетъ? сотворимъ лучше миръ съ Царемъ, вотъ они уже прислали къ намъ дань, съ насъ довольно и этого; а не будутъ исправно платить дани, то мы снова соберемъ войско и двинемся изъ Руси прямо къ Царыграду». Рѣчь князя полюбилась дружинѣ, и выбрали лучшихъ мужей и отправили послами къ Царю. Царь принялъ посланниковъ, выслушалъ условія мира, и приказалъ съ ихъ словъ писать грамоту, въ которой Святославъ за себя и за всю Русь клялся имѣть миръ и совершенную любовь съ Греческими Императорами, ни самому не замышлять войны, ни другихъ не приводить ни на Грековъ, ни на Корсунцовъ, ни на Болгаръ; а Императоръ съ своей стороны клялся не препятствовать Русскимъ возвратиться домой, снабдить ихъ хлѣбомъ на дорогу, и хранить нерушимо прежніе договоры Грековъ съ Русскими относительно торговли.

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ съ оставшеюся малочисленною дружиною сѣлъ въ лодыи и Дунаемъ вышелъ въ море, потомъ обычнымъ Русскимъ путемъ, вступивъ въ устья Днѣпра, направился къ Днѣ-

провскимъ порогамъ. Между тѣмъ Печенѣги, увѣдомленные Болгарами, засѣли около пороговъ и загородили до-рогу. Святославовъ воевода старикъ Свенельдъ совѣто-валъ Князю обойти пороги на коняхъ; но Святославъ не послушалъ совѣта, и не имѣя возможности пробиться сквозь толпы Печенѣговъ, остался зимовать въ Бѣлобе-режьи, гдѣ дружина его терпѣла такой страшный голодъ, что по полутривнѣ платили за лошадиную голову. Съ наступленіемъ весны Святославъ опять пустился въ по-роги; но тамъ его по прежнему ждали Печенѣги, и про-биваясь сквозь ихъ толпы Святославъ погибъ съ боль-шею частію своей дружины, только съ слабыми остатка-ми ея Свенельдъ успѣлъ пробраться въ Кіевъ. Изъ Свя-тославова черепа Печенѣжскій Князь Куря сдѣлалъ ча-шу, и пилъ изъ нее, торжествуя свою побѣду.

Вѣсть о смерти Святослава развязала руки его сы-новьямъ, они теперь изъ отцовскихъ посаженниковъ сдѣ-лались самостоятельными и независимыми князьями: Яро-полкъ въ Кіевѣ и всемъ приднѣпровьѣ, Олегъ въ землѣ Древлянской и въ сосѣднихъ Русскихъ владѣніяхъ и Вла-димиръ въ Новгородѣ. Но независимые Князья братья не долго оставались въ согласіи: въ 972 году былъ убитъ Святославъ, а въ 977 году уже началось междуусобіе его сыновьевъ. Ярополкъ сильнѣйшій изъ нихъ, къ ко-торому пришли и остатки отцовской дружины вмѣстѣ съ Свенельдомъ, первый напалъ на брата своего Олега по совѣту Свенельда, который мстилъ Олегу за то, что тотъ однажды на охотѣ убилъ его сына Люта. Олегъ встрѣтилъ брата готовый къ битвѣ, но былъ разбитъ въ сраженіи подъ Овручемъ, и спасаясь бѣгствомъ въ Ов-ручь погибъ будучи столкнутъ съ моста въ городскій

ровъ; и Ярополкъ завладѣлъ Древлянскою землею. Владиміръ Новгородскій, получивъ вѣсть объ убіеніи Олега, боясь того же и себѣ, бѣжалъ къ Варягамъ за море; Ярополкъ же послалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ, и такимъ образомъ одинъ сдѣлался Княземъ всей Руси и около трехъ лѣтъ владѣлъ всею отчиною своего отца.

Между тѣмъ Владиміръ, бѣжавшій къ Варягамъ, искалъ охотниковъ между Варяжскими удалцами, которые бы помогли ему воротиться на родину и отнять владѣнія у брата; такихъ удалцовъ, охотниковъ повоевать на чужой сторонѣ, между Варягами были всегда много. И Владиміръ, проживъ у Варяговъ слишкомъ два года, и собравъ тамъ порядочную дружину вольницы, воротился въ Новгородъ и сказалъ тамошнимъ Ярополковымъ посадникамъ: «идите къ брату моему и скажите ему: Владиміръ идетъ на тебя, готовься биться съ нимъ»; потомъ послалъ сказать одному Варяжскому Князю Рогволоду, княжившему въ Полотскѣ: «Князь Владиміръ хочетъ жениться на твоей дочери Рогнедѣ»; но Рогнеда, спрошенная отцомъ, велѣла сказать Владиміру: «я не хочу разуть сына рабыни, хочу за Ярополка.» Послѣ такого отвѣта Владиміръ, присоединивъ къ своей Варяжской дружинѣ охотниковъ изъ Славянъ, Чуди и Кривичей, отправился на Рогволода и прибылъ въ Полотскую землю въ то самое время какъ Рогнеду собирались везти въ Кіевъ за Ярополка. Рогволодъ, по Варяжскому обычаю, вышелъ съ своими сыновьями биться съ Владиміромъ; но былъ разбитъ и убитъ и съ нимъ вмѣстѣ были убиты и два его сына, а Рогнеду и всю землю Полотскую Владиміръ влялъ себѣ.

Счастливо управившись съ Княземъ Полотскимъ, Вла-

диміръ быстро двинулся къ Кіеву, и съ умѣлъ придти туда такъ скоро, что Ярополкъ, не успѣвши пригото- виться, не рѣшился вступить въ битву и заперся въ крѣпкомъ Кіевѣ. Владиміръ, не надѣясь взять Кіева при- ступомъ, обрылся, ставъ лагеремъ около города, и началъ тайно сноситься съ Ярополковымъ воеводою Блудомъ, обѣщая ему большія милости, ежели поможетъ убить Ярополка. Блудъ, польстясь на большія обѣщанія, далъ слово помогать Владиміру, и такъ ловко повелъ это дѣло, что застращавъ Ярополка небывалою измѣною Кіевлянъ, убѣдилъ его бѣжать въ городокъ Родню на устьѣ Роси поближе къ Печенѣгамъ. Ярополкъ послушалъ измѣнника и удалился въ Родню; и Владиміръ безпрешатственно вступилъ въ Кіевъ. Сидя въ Роднѣ Ярополкъ былъ до- веденъ до такой крайности, что ему оставалось умереть голодною смертію со всею дружиною, или бѣжать къ Печенѣгамъ, или просить милости у Владиміра. Одинъ изъ дружины, по имени Варяжко совѣтовалъ Ярополку бѣжать къ Печенѣгамъ и при ихъ помощи воевать съ братомъ; но Ярополкъ опять послушалъ измѣнничьяго совѣта Блуда и пошелъ просить милости у Владиміра, и когда входилъ въ теремный дворецъ Святослава, гдѣ тогда жилъ Владиміръ съ дружиною, то по его прика- занію въ самыхъ дверяхъ былъ заколотъ двумя Варяга- ми. По убіеніи Ярополка, Владиміръ взялъ себѣ и его жену Грекиню, которая была уже беременна и въ по- слѣдствіи родила Святополка, который въ лѣтописи по- тому и названъ сыномъ двухъ отцовъ. Такимъ образомъ Владиміръ подобно дѣду и отцу сдѣлался Государемъ и Княземъ всей Русской земли, всѣхъ владѣній своихъ предковъ.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПРИ ПЕРВЫХЪ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЯХЪ.

Мы видѣли уже, что Рюрикъ съ братьями былъ приглашенъ въ Новгородъ добровольно съ тѣмъ, чтобы судить и рядить по исконнымъ Новгородскимъ обычаямъ и правамъ, также добровольно былъ принятъ въ Смоленскѣ, Кіевѣ и другихъ сильныхъ городахъ преемникъ Рюриковъ Олегъ, и также по добровольному согласію княжили Игорь, Ольга, Святославъ и Ярополкъ. Все они судили и рядили по исконнымъ обычаямъ и правамъ народнымъ, и для суда и расправы сажали своихъ посадниковъ по городамъ, и каждый городъ признавшій надъ собою судъ и управу Князя платилъ Князю известную условленную дань; и для сбора этой дани каждую осень Князья или сами ѣздили по городамъ и областямъ, или посылали своихъ дружинниковъ, таковой объѣздъ по тогдашнему назывался полюдьемъ. Князьямъ также были уступлены нѣкоторыя земли и угоды, съ которыхъ они пользовались доходами, какъ частные собственники; но тогдашніе князья мало обращали вниманія на уступленные имъ земли, а больше думали о походахъ на сосѣднія непокорныя племена, гдѣ имъ было приволье и показать свою удалъ и пограбить. Княжіе дружинники, состоявшіе изъ сброды Варяжской и Русской вольницы, даже не заботились о полученіи какихъ либо земель и владѣній, а думали только о походахъ и грабежахъ съ Княземъ и безъ Князя; къ Русской землѣ они никакъ не принадлежали и состояли только на службѣ у Князя,

получая отъ него жалованье или пользуясь доходами съ областей порученныхъ имъ отъ Князя, такъ на примѣръ Игорь отдалъ Свенельду дань съ Уличей и Тиверцовъ. Князь и дружина были сами по себѣ, а городская и сельская земщина была сама по себѣ. Всѣ войны и походы Князей преимущественно производились дружинниками, и земцы нерѣдко принимавшіе въ нихъ участіе, составляли только вольницу присоединяющуюся къ княжей дружинѣ. Князь обыкновенно передъ походомъ дѣлалъ иличь, сзываетъ охотниковъ показать свою удаль и пограбить, и по этому зову вольница собиралась и примыкала къ княжей дружинѣ по своей охотѣ. Собственно же какъ обязанность военную службу несли земцы только въ случаѣ нападенія какого либо непріятеля на Русскую землю; тогда земщина поднималась своими полками и подъ начальствомъ своихъ воеводъ соединялась съ Княземъ и его дружиною, чтобы общими силами отразить непріятеля. Такъ на примѣръ всѣ войны съ Печенѣгами были ведены за одно и княжею дружиною и земщиною; но войны Князей другъ съ другомъ нисколько не касались земщины и были ведены или одною княжею дружиною, или при помощи вольницы или наемныхъ Варяговъ и Печенѣговъ. Такъ по смерти Святослава Ярополкъ ходилъ на Олега съ одною своею дружиною, а равно и Олегъ сражался съ Ярополкомъ также одною своею дружиною; и когда Олегъ былъ убитъ, то Древлянская земщина безъ сопротивленія приняла Ярополка. А такъ же и Новгородцы, когда убѣжалъ отъ нихъ Владиміръ, мирно приняли посадниковъ присланныхъ Ярополкомъ; но и не защищали сихъ посадниковъ, когда Владиміръ возвратился съ Варяжскою дружиною.

Владиміръ пошелъ на Рогволода и Ярополка также только съ своею дружиною и вольницею; Рогволодь и Ярополкъ защищались противъ Владиміра тоже только одною своею дружиною и Варяжко совѣтовалъ Ярополку поднять Печенѣговъ; но ни Полотская, ни Кіевская земщина здѣсь не принимали участія, и когда Рогволодь былъ убитъ, а Ярополкъ бѣжалъ изъ Кіева, то Полочане и Кіевляне безъ сопротивленія признали власть Владиміра. Для тогдашней Русской земщины было все равно, кто бы ни княжилъ изъ Русскихъ Князей, только бы княжилъ хорошо, и не обижалъ земцевъ, и умѣлъ справляться съ внѣшними непріятелями. Вообще тогдашняя земщина старалась держать себя въ сторонѣ отъ княжескихъ предпріятій; и сами Князья не разчитывали на нее и опирались собственно на свою дружину и вольницу, которой тогда было вдоволь, и которая охотно шла за храбрымъ и предпримчивымъ Княземъ, куда бы то ни было, ибо она и безъ Князя неохотно сидѣла дома. Во всѣхъ дошедшихъ до насъ договорахъ съ Греками, мы находимъ постоянныя хлопоты Грековъ, чтобы какъ нибудь удержать Русскую вольницу, которая не только грабила Греческія колоніи на сѣверномъ берегу Чернаго моря, но недавала покоя Грекамъ и въ самомъ Константинополѣ.

Самое управленіе Князей и ихъ посадниковъ въ то время было далеко не самовластнымъ; тогда рядомъ съ властію Князя или посадника стояла власть земщины въ лицѣ выборныхъ старостъ, зависѣвшихъ не отъ Князя, а отъ народнаго вѣча. Даже въ договорахъ съ иноземцами земщина принимала дѣятельное участіе; такъ посланники отправлялись не отъ одного Князя, но и отъ всей

Руской земли; наиримѣрь въ Олеговой договорной грамотѣ о послахъ сказано: «которые посланы отъ Олега Великаго Князя Русскаго и отъ всѣхъ сущихъ подъ рукою его свѣтлыхъ боярь и отъ всей Руси. Или въ Игоревой грамотѣ Русскіе послы говорятъ: «Великій Князь нашъ Игорь и бояре его и всѣ Русскіе люди послали насъ къ великимъ Греческимъ Царямъ сотворить миръ.» Русскіе Князья, Рюрикъ, Олегъ, Игорь и Святославъ, заботились только о распространеніи владѣній платящихъ имъ дань, а не о увеличеніи своей власти; они даже оставляли старыхъ племенныхъ Князей въ покоренныхъ племенахъ, обязывая ихъ только быть своими подручниками. О такихъ подручныхъ князьяхъ упоминаетъ Олегова грамота, въ которой сказано: «и вы Греки храните любовь къ Князьямъ свѣтлымъ нашимъ Русскимъ ко всѣмъ, которые подъ рукою свѣтлаго Князя нашего.» Вообще власть Князя тогда ограничивалась судомъ и управою; о чемъ же о другомъ Князья и не думали; имъ выгоднѣе было заниматься набѣгами на ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, которые доставляли имъ и славу и добычу, чѣмъ хлопотать объ увеличеніи своихъ доходовъ съ Русской земли, и тѣмъ раздражать противъ себя земцевъ; имъ Русская земля нужна была только для отдыха, для прокорма, пока не выискался случай сдѣлать набѣгъ на сосѣда. Святославъ даже думалъ вовсе оставить Русскую землю и переселиться въ Дунайскую Болгарію, въ которой ему представлялось больше выгодъ и удовольствій, гдѣ жители были помирнѣе и поработнѣе, чѣмъ на Руси, въ которой были и такія мѣста какъ Новгородъ, куда и княжить то шелъ не всякій Князь.

Князь и дружина большею частію принимаемые безъ

сопротивленія по всей Русской землѣ, въ то время еще нигдѣ не могли утвердиться прочно и не только почти не имѣли вліянія на туземное населеніе, но даже сами до нѣкоторой степени подчинялись вліянію туземцовъ Славянъ. Дружина приведенная въ Новгородскую землю Рюрикомъ имѣла довольно цѣльный составъ, она состояла изъ Варяговъ-Руси, и потому могла бы имѣть вліяніе на Новгородцевъ; но на она дѣлѣ не имѣла вліянія потому, что бытъ пришлою Руси и бытъ Новгородцевъ были почти одинаковы, да и притомъ Варяго-Русскіе отряды посланные Рюрикомъ по разнымъ городамъ Новгородской земли, были слишкомъ малочисленны, чтобы имѣть вліяніе на туземцовъ: имъ только въ пору было поддерживать власть Князя. А по смерти Рюрика, когда Олегъ перебрался на югъ въ Приднѣпровьѣ, вліяніе Варяго-Русской дружины въ Новгородскихъ владѣніяхъ было еще менѣе возможно; ибо Олегъ взялъ съ собою наибольшую часть дружины. А безпрестанные походы Олега на сосѣднія племена въ Приднѣпровьѣ произвели то, что собственная дружина Князя стала пополняться Славянскими охотниками, слѣдовательно Варяго-Русское вліяніе и тамъ, не смотря на присутствіе самаго Князя, слабѣло годъ отъ году. А о преемникахъ Олега и говорить уже нечего: при нихъ дружина, какъ Варяжскій элементъ въ Русскомъ обществѣ, потеряла почти всякое значеніе, хотя въ то же время, она, какъ орудіе Княжеской власти, была въ большой силѣ, и рѣзко отдѣлялась отъ земщины и продолжала имѣть свое особое устройство, непохожее на устройство земщины. Но и въ этомъ отношеніи вліяніе дружины на земщину не могло быть сколько нибудь значительнымъ, ибо дружина тогда еще не имѣла

поземельныхъ владѣній да и не заботилась имѣть ихъ, увлекаясь легкостію и богатствомъ добычи въ военныхъ походахъ, и притомъ она состояла изъ сброда вольницы съ разныхъ сторонъ, и сброда самого разнохарактернаго и неимѣвшаго ничего общаго, кромѣ княжеской службы и жажды къ грабежамъ и войнѣ. Все это ставило дружину особнякомъ отъ земщины. Къ тому же полная свобода каждаго дружинника оставить княжескую службу по собственному личному усмотрѣнію, сообщала дружинѣ какой-то подвижной полукочевой характеръ, сильно ослаблявшій значеніе дружины въ отношеніи къ земщинѣ. Единственною точкою сближенія земцевъ съ дружинниками, мимо княжеской службы, была торговля, въ которой принимали дѣятельное участіе какъ Князья съ дружинниками, такъ и земцы, и особенно торговля заграничная, которую преимущественно любили дружинники, потому что она въ то время во многомъ походила на войну. Но торговля не была единственнымъ промысломъ земцевъ, — они еще занимались разными видами землѣдѣльческой промышленности и ремеслами, въ которыхъ дружинники вовсе не принимали участія; слѣдовательно и съ этой стороны сближеніе дружинниковъ съ земцами не могло быть значительнымъ. Дружинники здѣсь сближались только съ тѣми земцами, которые вели торговлю и преимущественно заграничную; и въ торговлѣ дружина дѣйствительно много помогала земцамъ, ибо и земцы и дружинники ходили въ однихъ караванахъ, и въ случаѣ нападенія на караванъ какихъ либо непріятелей боевая храбрость и ловкость дружинниковъ приносила большую помощь; впрочемъ и здѣсь помощь дружинниковъ была важна только для южныхъ торговцевъ,

бояѣ мирныхъ; а напротивъ Новгородцы едва ли въ ней нуждались, у нихъ свои повольники не уступали ни въ отвагѣ ни въ ловкости никакимъ дружинникамъ.

Славянскія племена на Руси признавшія надъ собою власть Рюриковичей, при Рюриковичахъ жили и управлялись по прѣжнему. Въ которыхъ племенахъ прежде были свои Князья, въ тѣхъ и при Рюриковичахъ оставались ихъ прѣжніе Князья, только съ условіемъ быть подручниками Кіевского Князя; а напротивъ племена прежде управлявшіяся вѣчемъ, и при Рюриковичахъ управлялись вѣчемъ же; впрочемъ съ нихъ неснималось воли имѣть и отдѣльныхъ выборныхъ князей, состоящихъ подъ рукою Кіевского Князя. Такъ Новгородцы выпросили себѣ въ Князя Святослава сына Владиміра, Полочанами былъ принятъ Варяжскій Князь Рогволодъ, у Туровцевъ былъ Княземъ также Варягъ Туръ. Но въ общей жизни Славянскихъ племенъ на Руси съ прибытіемъ Рюриковичей послѣдовало то важное измѣненіе, что племена, особенно на югѣ въ Приднѣпровьѣ, прежде жившія отдѣльно и даже иногда враждебно другъ къ другу, и ничего неимѣвшія общаго между собою, съ прибытіемъ Рюриковичей стали имѣть одного общаго Князя Кіевского. Кіевъ, старшій городъ только между городами одного племени Полянъ, съ прибытіемъ Олега сдѣлался матерью всѣхъ городовъ Русскихъ. И такимъ образомъ между разрозненными прежде племенами зародилась хотя слабая связь, образовалось понятіе объ общей Русской землѣ, которая къ концу жизни Святославовой охватила собою всѣ племена Славянскія, имѣвшія свои поселенія по всему теченію Днѣпра отъ его верховьевъ до устья Роси, и большую часть Сла-

вянскихъ племень жившихъ на востокъ и западъ отъ Днѣпра; въ слѣдствіе чего явилась возможность, общей защиты отъ внѣшнихъ непріятелей, если бы таковая понадобилась, и что всего важнѣе южныя племена безъ большихъ хлопотъ освободились отъ дани Хазарамъ, и получили возможность удачнѣе защищаться отъ новыхъ сосѣдей кочевниковъ Печенѣговъ. Кіевъ со времени водворенія въ немъ Олега, сталъ быстро расти и богатѣть и скоро сдѣлался не только соперникомъ Новгорода, но по торговлѣ оставилъ и Новгородъ позади себя; иностранцы даже стали его называть въ этомъ отношеніи соперникомъ Константинополя. Самое населеніе Кіева съ этого времени получило иной характеръ. Въ прежнее время Кіевъ собственно былъ населенъ Полянами; съ Олгова же времени онъ сдѣлался главнымъ мѣсто-пребываніемъ сбродной княжеской дружины; кромѣ того здѣсь появились слободы или улицы изъ иноплеменниковъ торговавшихъ черезъ Кіевъ, таковы Хозарская или Жидовская, Ляльская, и вѣроятно Греческая, Новгородская и другія; въ Кіевѣ по словамъ Константина Порфиророднаго ежегодно стекались торговцы изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и другихъ Русскихъ городовъ, и Кіевскіе Руссы ходили уже для торгу въ Грецію, Камскую Болгарію, Хазарію и Ширванъ. Новое развитіе Кіевской торговли, съ утвержденіемъ тамъ Рюриковичей, естественно не мало способствовало развитію торговли и въ другихъ Русскихъ городахъ, которые, съ признаніемъ общей власти Русскаго Князя жившаго въ Кіевѣ, приобрѣли болѣе свободный доступъ къ участию въ Кіевской торговлѣ; да и вообще разширеніе Кіевской торговли влекло за собою разширеніе

торговли и въ другихъ торговыхъ городахъ; такъ большій приливъ Греческихъ товаровъ въ Кіевъ давалъ возможность Новгородцамъ, Смольнянамъ и Полочанамъ запасаться большимъ количествомъ сихъ товаровъ для перепродажи ихъ Нѣмцамъ и другимъ народамъ на сѣверо-западѣ Европы въ Прибалтійскихъ пристаняхъ, и въ свою очередь доставлять въ Кіевъ большее количество товаровъ изъ сѣверо-западной Европы и изъ своихъ сѣверныхъ колоній, которые перепродавались Кіевлянами въ Грецію. Вообще торговля, какъ въ южныхъ такъ и сѣверныхъ городахъ Руси съ прибытіемъ и утвержденіемъ тамъ княжескаго дома Рюриковичей получила значительное расширеніе; по крайней мѣрѣ мы съ этого времени имѣемъ о ней болѣе извѣстій у тогдашнихъ иноземныхъ писателей, что подтверждаютъ и договоры Олега и Игоря съ Греками, въ которыхъ Русскіе преимущественно заботятся объ удаленіи препятствій къ торговлѣ съ Греками.

Быстрое развитіе торговли въ Кіевѣ и наплывъ въ этотъ городъ разныхъ иноплеменниковъ, то для княжей службы, то изъ торговыхъ выгодъ, произвели то, что языческая религія Кіевскихъ Славянъ лишилась своего прежняго господствующаго значенія въ народѣ, такъ что въ Кіевѣ уже при Игорѣ между жителями было множество христіанъ и даже христіанскія церкви; такъ при заключеніи мира съ Греками въ 945 году между Игоревыми посланниками въ Константинополь были и христіане. А когда Игорь при Греческихъ послахъ въ Кіевъ утверждалъ мирный договоръ клятвою, то въ лѣтописи сказано, что самъ Игорь съ своими людьми, сколько при немъ было язычниковъ, ходилъ на холмъ, гдѣ

стоялъ кумиръ Перуновъ, и тамъ клялися передъ Перуномъ, клали свое оружіе, щиты и золото; а тѣ изъ Руссовъ, которые уже были христіанами, ходили для клятвы въ церковь Св. Іліи, которая была соборною церковью въ Кіевѣ, ибо по словамъ лѣтописи между Варягами тогда уже много было христіанъ. При Ольгѣ, которая сама приняла крещеніе въ Константинополь, Христіанство конечно еще болѣе распространилось въ Кіевѣ, и вѣроятно не было сокращено и при Святославѣ, который хотя смѣялся надъ христіанами, но никому не запрещалъ креститься. Но конечно такъ было только въ Кіевѣ и можетъ быть въ сосѣдномъ Приднѣпровьѣ; а напротивъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ языческая вѣра была не только господствующею, но и, вѣроятно, единственною вѣрою.

—

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Владиміръ и Ярославъ.

Владиміръ сдѣлался Великимъ Княземъ Кіевскимъ, когда ему было едва ли 18 лѣтъ отъ роду, и за него и его именемъ всѣми дѣлами заправлялъ его воспитатель и дядя по матери Добрыня Любчанинъ, который какъ истый туземный Славянинъ, воспитанный въ Славянскихъ обычаяхъ, не очень жаловалъ буйныхъ Варяжскихъ дружинниковъ; ему хотѣлось, чтобы его племянникъ Князь былъ окруженъ дружиною изъ туземцевъ, а не изъ иноземцевъ, и чтобы онъ любилъ и жаловалъ земщину и

дорожилъ ею болѣе, чѣмъ сбродною дружиною. А по этому когда буйные Варяги пришедшіе съ Владиміромъ и Добрынею изъ Скандинавіи, по занятіи Кіева сказали Князю: «Кіевъ нашъ, мы добыли его тебѣ, хотимъ имѣть окупъ съ каждаго Кіевлянина по двѣ гривны;» то Владиміръ, наученный Добрынею, отвѣчалъ имъ: «пождите мѣсяць, пока вамъ соберутъ деньги». Варяги пождавши мѣсяць опять стали просить окупъ, и когда Владиміръ опять не далъ, то они сказали ему: «ты обмануль, покрайней мѣрѣ отпусти насъ въ Грецію;» на что Владиміръ отвѣчалъ имъ: «идите». И выбравъ изъ нихъ лучшихъ, смысленыхъ и храбрыхъ мужей, оставилъ у себя, и роздалъ имъ города для управленія; а остальныхъ отпустилъ, и согласно съ договоромъ дѣда своего Игоря, отправилъ впередъ грамоту къ Греческому Императору; въ которой написалъ: «Идутъ къ тебѣ Варяги, не удержи ихъ у себя въ городѣ, они народъ буйный, чтобы не надѣлали у тебя зла, какъ и у меня, а разошли ихъ въ разныя стороны, а назадъ къ намъ не пускай ни одного.

Выпроводивши буйныхъ Варяговъ изъ Кіева, Добрыня обратилъ вниманіе Владиміра на языческихъ боговъ Славянскихъ, о которыхъ мало думали прежніе Князья занимавшіеся только военными походами, и вѣроятно державшіеся не Славянскихъ а Скандинавскихъ боговъ. Онъ посовѣтовалъ Владиміру для большаго сближенія съ туземцами, почитать особеннымъ образомъ Славянскихъ боговъ; и Владиміръ, по его совѣту, приказалъ передъ своимъ теремнымъ дворцомъ поставить цѣлый сонмъ Славянскихъ идоловъ, именно деревянный идолъ Перуна съ серебряною головою и золотыми усами, идолы Хорса, Дажбога, Симарглы и Мокоша. И рады были разнопле-

меньше Славянскіе язычники такому чествованію своихъ боговъ отъ молодаго Кіевскаго Князя, который первый изъ Князей вспомнилъ о Славянскихъ богахъ, и стали приводить къ дворцу княжескому своихъ сыновей и дочерей и приносить кровавыя жертвы мнимымъ богамъ. Вскорѣ послѣ сего Добрыня былъ отпущенъ въ Новгородъ посадничать, и прѣбхавши туда, поставилъ надъ Волховомъ также кумирь Перуна, и тамъ народъ на радостяхъ, что посадникъ почтилъ Перуна, сталъ приносить жертвы этому идолу, какъ Богу.

Пока Добрыня былъ при Князѣ и занимался управленіемъ, Владиміръ во все это время гулялъ и пировалъ съ молодыми дружинниками, его столы ломались подъ жирными яствами и подъ сулеями или стопами разныхъ винъ и крѣпкихъ медовъ, вѣщіе пѣвцы по старому обычаю складывали пѣсни про старое бывшее, про Князей и витязей, и пѣли на княжихъ пирахъ; а по теремамъ княжескимъ сидѣли красныя дѣвицы и молодицы, до которыхъ былъ большой охотникъ сладострастный и необузданный юноша Князь. Лѣтописецъ въ это время насчитываетъ у Владиміра, кромѣ Рогнеды, которую Князь посадилъ въ сельцѣ на Лыбеди, еще четыре жены, да наложницъ триста въ Вышгородѣ, триста въ Бѣлгородѣ и двѣсти на Берестовѣ. Но отпустивши своего воспитателя Добрыню въ Новгородъ, Владиміръ среди пировъ и разгула, придумалъ новый разгулъ своей удалой молодости, — войну, и собравъ дружину пустился на западъ отъ Кіева въ землю ближайшихъ Ляховъ, и забралъ тамъ города Червень, Червень и другіе; разрозненные не соединившіяся еще путемъ племени Ляховъ не могли противустоять его удалой дружинѣ, незнавшей

куда дѣться съ своими молодыми силами, ибо къ разгультному удалому Князю повольники шли со всѣхъ сторонъ. Побивши Ляховъ Владиміръ въ то же лѣто ударился совсемъ въ противоположную сторону на востокъ, и перебравшись черезъ Днѣпръ, по слѣдамъ отца, пустился въ лѣсистую страну Вятичей, побилъ ихъ и принудилъ платить дань. Но, недовольный первымъ походомъ, на другое лѣто углубился еще далѣе въ непроходимые лѣса Вятичей и взялъ новую дань. Потомъ еще черезъ годъ пустился воевать, чрезъ непроходимые лѣса и пущи Литовскія, по слѣдамъ Смоленскихъ и Полотскихъ повольниковъ, въ землю дѣкихъ Ятвяговъ, какого то воинственнаго племени, какимъ то образомъ поселившася среди Литовскихъ племень, и вѣроятно безпокоившаго Полотскія и Кривскія колоніи въ Литовской землѣ. Этотъ походъ Владиміра былъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ и трудныхъ, и только удамая дружина удалаго Князя Кіевскаго могла вынести его и воротиться домой съ побѣдою. Ибо хотя въ этомъ краю по Неману и по другимъ рѣкамъ ѣ были колоніи Полочанъ и Кривичей, но тѣмъ неменѣе непроходимыя болота и пущи защищаемыя дѣкимъ и неукротимымъ племенемъ Ятвяговъ представляли неодолимыя трудности дружинѣ Владиміровой; она должна была выбивать непріятелей изъ каждаго осѣлка или завала, гдѣ Ятвяги бились на смерть, и только по ихъ трупамъ можно было проникнуть въ ихъ жилища; въ войнѣ съ Ятвягами о покорности и мирѣ не могло быть и слова, Ятвяговъ можно было только бить и разорять. Но не смотря на всѣ препятствія Владиміръ воротился въ Кіевъ побѣдителемъ, опустошивши страшно землю Ятвяжскую.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ въ благодарность своимъ деревяннымъ богамъ, будто вынесшимъ его изъ Ятвяжской земли нетолько цѣлымъ и невредимымъ, но и съ большою добычею, принесъ ихъ кумирамъ Кіевскимъ обильныя жертвы; весь Кіевскій народъ участвовалъ въ жертвоприношеніяхъ Князя. Усердствуя своимъ мнимымъ богамъ, бояре и старцы Кіевскіе, недовольствуясь кровавыми жертвами разныхъ животныхъ, порѣшили на вѣчѣ принести въ жертву человѣка, и сказали: «мечнемъ жребій на отрока и на дѣвицу, и на кого падеть жребій, того зарѣжемъ богамъ». Какъ сказано, такъ и сдѣлано, кинули жребій, и выпалъ жребій на одного молодого Варяга, который пришелъ съ отцемъ изъ Греціи и уже исповѣдывалъ христіанскую вѣру. Вѣче, вынудивши такой жребій, отправило посланцевъ къ отцу Варяга, чтобы онъ выдалъ сына. Отецъ отвѣчалъ посланнымъ: «ваши боги не боги, а дерево, не дамъ сына своего бѣсамъ». Посланцы съ симъ отвѣтомъ возвратились къ вѣчу. Народъ, бывшій на вѣчѣ, бросился съ оружіемъ къ двору, въ которомъ жилъ Варягъ, и сталъ требовать, чтобы онъ выдалъ сына въ жертву богамъ. Варягъ отвѣчалъ: «ежели ваши боги въ самомъ дѣлѣ боги, то пусть пошлютъ отъ себя одного бога, и возьмутъ моего сына, а вы зачѣмъ сюда пришли? Раздраженный такимъ отвѣтомъ народъ бросился на Варяга и его сына, и убилъ ихъ на мѣстѣ, и разнесъ ихъ жилище, и тѣмъ кончились жертвоприношенія Владимира за Ятвяжскій походъ.

На другой годъ послѣ Ятвяжскаго похода Владиміръ опять устремился на востокъ отъ Кіева въ землю Радимичей; но это племя такъ было слабо, что передовыі

Владиміровъ полкъ предводительствуемый воеводою, по прозванію Волчій Хвостъ, встрѣтивъ ихъ на рѣкѣ Пищанѣ, разбилъ на голову и совершенно покорилъ Кіевскому Князю. И на Руси въ то время сложилось при словѣ въ насмѣшку Радимичамъ: «Радимичи Пищанцы волчья хвоста бѣгають». Въ слѣдующій годъ Владимиръ пустился опять на востокъ, въ походъ самый дальній, дальше котораго Кіевскіе Князья еще не углублялись въ эту сторону, именно въ землю богатыхъ Камскихъ Болгаръ. Въ этомъ походѣ участвовалъ и Владимировъ воспитатель Новгородскій посадникъ Добрыня съ Новгородцами. Владимиръ пустился Окою и Волгою на лодьяхъ въ новую незнакомую ему сторону, попробовать свои силы противъ далекаго богатаго народа, о которомъ конечно много ходило толковъ въ Кіевѣ отъ бывшихъ въ Болгаріи торговцевъ, и толки по всему вѣроятію были велики. Не объ одномъ богатствѣ и торговлѣ Болгаръ доходили слухи до Владимира, ему очевидно много было наговорено и о могуществѣ этого богатаго народа; ибо Владимиръ, отправляясь въ Болгарскій походъ, не удовольствовался своею дружиною и ратью Новгородскою, но взялъ съ собою и кочевыхъ набѣдниковъ Торковъ, жившихъ въ ближнихъ степяхъ на югъ отъ Кіева, и велѣлъ имъ идти за своими лодьями берегомъ. Болгары встрѣтили Владимира и были разбиты. Но Добрыня отсвѣтовалъ Князю продолжать походъ, онъ сказалъ: «я осмотрѣлъ плѣнниковъ, они все въ сапогахъ, это не такой народъ, который бы платилъ намъ дань, пойдемъ искать лапотниковъ». И Владимиръ по этому совѣту Добрыни заключилъ съ Болгарами миръ, и объ стороны дали другъ другу клятву, не воевать болѣе;

при чемъ Болгары сказали: «тогда развѣ не будетъ между нами мира, когда камень почнетъ плавать, а хмѣль тонуть на водѣ». Послѣ чего Владиміръ возвратился въ Кіевъ. Неожиданное прекращеніе далекаго похода послѣ первой же побѣды и по совѣту Новгородскаго посадника, ясно показываетъ, что походъ этотъ былъ предпринятъ для Новгородцевъ, которымъ нужно было задать острастку Болгарамъ за какія либо отъ нихъ обиды, по сосѣдству Новгородскихъ колоній съ Болгарами, и въ тоже время вовсе не было нужно, чтобы Владиміръ завладѣлъ Болгарією или обложилъ Болгарію данью.

Удачные походы Владиміра на западъ и востокъ, а также походы его отца Святослава, и равнымъ образомъ дѣятельная торговля Русскихъ съ Грецією, Хазарією, Болгарією и по Балтійскому морю съ западною Европою, далеко распространили славу о Русской землѣ; о ней еще при Святославѣ знали уже въ Римѣ, и тамошній Папа писалъ къ одному Чешскому Князю, чтобы онъ не принималъ священниковъ и клириковъ христіанскихъ отъ Русскихъ, Болгаръ Дунайскихъ и Грековъ. Эта слава о Русской землѣ, а также ласковость Владиміра, его веселый нравъ, привязанность къ пирамъ и удовольствіямъ, потянули въ Кіевъ множество чужеземцевъ съ разныхъ сторонъ, и между таковыми пришельцами стали являться къ Владиміру и проповѣдники разныхъ вѣръ. И первые явились Магометане Болгары, которые въ послѣднемъ походѣ Кіевского Князя на ихъ землю, увидавши его силу въ битвахъ, задумали поскорѣе преклонить его къ своей вѣрѣ. Еще сладострастному и молодому Владиміру магометанскіе послы первоначально очень понравились, онъ съ сладостію

слушалъ ихъ рассказы о многоженствѣ и о Магометовомъ раѣ съ его гуріями-красавицами; но когда дѣло дошло до обрѣзанія и до запрещенія ѣсть свиное мясо и пить вино, то это охладило его къ магометанству, и онъ сказалъ проповѣдникамъ: «Руси есть веселіе пити, не можемъ быть безъ того», и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Въ слѣдъ за неудачною попыткой Магометанъ, пришли Нѣмцы, посланниками отъ Римскаго папы, и начали хвалить свою вѣру, говоря: «вѣра наша свѣтъ, мы кланяемся Богу сотворшему небо и землю, звѣзды и мѣсяцъ и всякое дыханіе, а ваши боги дерево; но и Нѣмцы не понравились Владиміру, и онъ отпустилъ ихъ, сказавъ: «отцы наши сего не приняли». За Нѣмцами явились Жиды изъ Хазаріи, и стали выхвалять свою вѣру и порицать другія вѣры; Владиміръ, выслушавши ихъ, сказалъ: «гдѣ ваша земля?» Они отвѣчали: «во Іерусалимѣ.» А тамъ ли вы живете спросилъ опять Владиміръ; на это проповѣдники сказали: «Богъ разгнѣвался на нашихъ отцовъ и расточилъ ихъ по странамъ». Тогда Владиміръ отпустилъ ихъ съ такимъ отвѣтомъ: «вы сами отвержены Богомъ и расточены, и учите еще другихъ, или хотите, чтобъ и насъ Богъ отвергъ и расточилъ. Наконецъ пришелъ къ Владиміру философъ, присланный Греками, началъ порицать вѣры прежнихъ проповѣдниковъ, и такъ занялъ Князя своею проповѣдью, что Владиміръ вступилъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ, въ которомъ Грекъ успѣлъ передать Князю довольно подробно ученіе своей вѣры, начиная отъ сотворенія міра, и наконецъ развернулъ передъ Владиміромъ завѣсу, на которой былъ изображенъ страшный судъ, гдѣ праведники, стоящіе одесную, представлены въ веселіи идущи-

ми въ рай; а грѣшники, написанные ошуюю, идущими въ вѣчную муку. Такая картина сильно встревожила Владиміра, и онъ вздохнувъ сказалъ. «добро симъ одесную и горе симъ ошуюю». Грекъ, замѣтивъ это, покончилъ свою проповѣдь словами: «ежели хочешь стать одесную съ праведными, то крестись». Владиміръ, еще нерѣшившись окончательно, сказалъ: «подожду немного», и отпустилъ Грека съ богатыми дарами.

Отпустивъ проповѣдниковъ, Владиміръ созвалъ начальныхъ людей изъ дружины и земщины и сказалъ имъ: «ко мнѣ приходили и Болгары, и Нѣмцы, и Жиды и Греки, и хвалили каждый свой законъ, особенно много говорилъ Грекъ, и сказалъ, что есть другой свѣтъ, и кто въ ихъ вѣру вступитъ, то по смерти возстанетъ и не умретъ вовѣки, а кто иной законъ приметъ, тотъ по смерти на томъ свѣтѣ будетъ горѣть въ огнѣ. А что вы мнѣ посоветуете, какой отвѣтъ дадите на это.» Бояре и старцы (начальные люди въ дружину и земщину) отвѣчали: «Княже! ты знаешь, что никто своего закона не хулитъ, а хвалитъ. А ежели хочешь узнать хорошенько, то имѣешь у себя мужей, пошли ихъ, пусть испытаютъ, какъ кто служитъ Богу»: Рѣчь эта понравилась Владиміру и всѣмъ, и избравши десять добрыхъ и смысленныхъ мужей, отправили ихъ сперва къ Болгарамъ; посланные воротившись изъ Болгаріи въ Кіевъ, рассказали, какъ Магометане служатъ Богу, и нашли службу ихъ омерзительною. Потомъ Владиміръ сказалъ имъ: «идите къ Нѣмцамъ и оттуда къ Грекамъ». Посланные такъ и сдѣлали, и когда пришли въ Царьградъ; то тамошній Императоръ, узнавши за чѣмъ они пришли, принялъ ихъ съ великою честію, и на другой день велѣлъ патриарху

устроить службу во всемъ величїи, какъ въ праздникъ, и освѣтитъ всю церковь. И когда все сіе было устроено, то Императоръ самъ отправился съ Русскими послами въ церковь, и велѣлъ ихъ поставить на такомъ мѣстѣ, чтобы ихъ было видно все великолѣпіе церковной службы. Посланникамъ Греческая служба такъ понравилась, что они стояли въ изумленїи. Послѣ чего Императоръ отпустилъ ихъ домой съ богатыми дарами.

Когда послы воротились въ Кіевъ, то Владиміръ велѣлъ собрать бояръ и старцевъ, и сказалъ имъ: «вотъ пришли мужи посланные нами, послушаемъ, что они скажутъ.» И послы начали говорить: «были мы въ Болгарахъ и смотрѣли, какъ они поклоняются въ своемъ храмѣ; стоя безъ пояса поклонившись сядетъ и озирается по сторонамъ какъ бѣшенный, и нѣтъ веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣтъ ничего добраго въ ихъ законѣ. Были у Нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ множество службъ, а красоты никакой нѣтъ. Но когда мы пришли къ Грекамъ и насъ ввели туда, гдѣ они служатъ Богу, то мы не знаемъ на небѣ ли мы были, или на землѣ; нѣтъ на землѣ такого вида и такой красоты, и мы недоумѣваемъ что сказать, только одно знаемъ, что тамъ Богъ пребываетъ съ человѣками, и служба Греческая выше службы всѣхъ странъ. Мы же не можемъ забыть такой красоты: ибо какъ всякій человѣкъ, вкусивши сладкаго, уже не принимаетъ горькаго, такъ и мы не можемъ отататься при прежней нашей вѣрѣ.» На такую рѣчь посланныхъ бояре сказали Князю: «ежели бы худъ былъ Греческій законъ, то бабка твоя Ольга неприняла бы его, а она была мудрѣйшая изъ людей». Владиміръ ска-

заль на это: «гдѣ же принять крещеніе?» и бояре отвѣчали: «гдѣ тебѣ любо».

Миноваль годъ, по возвращеніи пословъ въ Кіевъ, и Владиміръ отправился съ войскомъ на Греческій городъ Корсунь, лежавшій неподалеку отъ нынѣшняго Севастополя, въ Крыму Корсунцы затворились въ городъ, и Владиміръ сталъ съ своимъ войскомъ по заливу, въ разстояніи отъ города на одинъ выстрѣлъ. Корсунцы защищались крѣпко, но также крѣпко осаждалъ городъ Владиміръ, и послалъ сказать гражданамъ: «три года буду стоять, ежели вы не сдадитесь». Но эта угроза не дѣйствовала, и Владиміръ приказалъ воинамъ обвести городъ валомъ. Наконецъ одинъ Корсунянинъ Анастасъ пустилъ въ Русскій лагерь стрѣлу съ запискою, въ которой совѣтовалъ Владиміру перекопать на восточной сторонѣ трубы, черезъ которыя вода проходила въ городъ; по этому совѣту трубы были перекопаны, и городъ, томимый жаждою, сдался. Владиміръ, взявши Корсунь послалъ въ Царьградъ сказать тамошнимъ Императорамъ: «выдайте за меня сестру свою Анну, а ежели не выдате, то я и съ вашимъ горбодомъ сдѣлаю тоже, что съ Корсунемъ». Императоры чрезъ посольство отвѣчали Владиміру: «ежели ты крестишься, то мы выдадимъ за тебя свою сестру, а ежели не крестишься, то не можемъ выдать». Владиміръ сказалъ посланнымъ: «скажите Царямъ, что я крещуся, ибо узналъ уже прежде о вашемъ законѣ, и ваша вѣра мнѣ полюбилась.» По этому отвѣту Владиміра Греческіе Императоры Василій и Константинъ отправили въ Корсунь свою сестру Царевну Анну; по прибытіи царицы у Владиміра заболѣли глаза, такъ что онъ ничего немогъ видѣть; царица посовѣтовала ему

креститься, чтобы получить изцѣленіе. Владиміръ послушалъ совѣта, крестился и получилъ изцѣленіе, и за нимъ, видѣвши чудо, крестились и многіе дружинники; потомъ Владиміръ вступилъ въ бракъ съ царевною. Послѣ чего, взявши царевну, Анастаса, Корсунскихъ священниковъ, мощи Св. Климента и Оива, церковные сосуды и иконы, и возвративши Корсунъ Грекамъ, вмѣсто вѣна за царевну, Владиміръ возвратился въ Кіевъ.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ немедленно велѣлъ уничтожить кумиры, которые побросать, которые разсѣчь, которые сжечь, а Перуновъ кумиръ приказалъ привязать къ конскому хвосту, и волочить съ горы по Боричеву къ рѣкѣ и бить палками, а потомъ кинути въ Днѣпръ, отталкивать отъ берега до пороговъ, и за порогами бросить. Усердные язычники Кіевскіе взвыли, увидя такое поруганіе кумира Перунова; но очевидно таковыхъ взывателей было не много. И когда Владиміръ въ тотъ же день послалъ глашатаевъ по городу кликать: «ежели кто на завтра не придетъ къ рѣкѣ, богатый ли или убогій, нищій ли или работникъ, тотъ будетъ мнѣ противенъ»; то народъ съ радостію принялъ такое приглашеніе, и люди говорили между собою: «ежели бы это было не добро, то Князь и бояре не приняли бы сего». И на другой день утромъ, когда Владиміръ съ священниками вышелъ къ рѣкѣ, то уже тамъ собралось безчисленное мѣожество народа: иные стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, дѣти около берега, а младенцевъ держали взрослые на рукахъ; священники начали читать молитвы и совершать крещеніе, и люди принявши крещеніе спокойно разошлись по домамъ. Воротился домой и Князь послѣ такого небес-

наго торжества, и далъ повелѣніе строить христіанскія церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли кумиры языческіе, и поставилъ на холмѣ Перуновомъ церковь Св. Василія; потомъ Владиміръ разослалъ своихъ вѣрныхъ мужей и священниковъ по другимъ Русскимъ городамъ и селамъ, чтобы ставили церкви и приводили людей къ крещенію. А между тѣмъ для успѣшнѣйшаго утвержденія христіанства въ народѣ, онъ повелѣлъ брать дѣтей изъ значительныхъ семействъ и отдавать въ книжное наученіе, чтобы на будущее время имѣть изъ Русскихъ людей способныхъ къ принятію священства, и вообще, чтобы новая вѣра имѣла между Русскими своихъ хорошо обученныхъ и свѣдущихъ людей.

Утвердивши христіанство въ Кіевѣ, Владиміръ разослалъ своихъ уже крещеныхъ сыновей по разнымъ значительнымъ городамъ, чтобы они и тамъ старались объ утвержденіи христіанства: именно Вышеслава старѣйшаго сына, посадилъ въ Новгородѣ, и когда Вышеславъ умеръ, то перевелъ туда Ярослава изъ Ростова, а въ Ростовѣ посадилъ Бориса, въ Муромѣ Глѣба, въ землѣ Древлянскои Святослава, во Владиміръ Волинскомъ Всеволода, въ Полотскѣ Изяслава, въ Туровѣ Святотопка и въ Тмутаракани Мстислава. Потомъ онъ началъ строить города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, и населять ихъ охотниками изъ Славянъ, Кривичей, Чуди и Вятичей, чтобы укрѣпить границы своихъ владѣній съ степной стороны отъ напора Печенѣговъ, которые годъ отъ года все болѣе надвигались на Русскія границы и были въ постоянной войнѣ съ Русскими.

Владиміръ принялъ крещеніе въ 988 году, т. е. на

26-мъ году отъ рожденія, въ такомъ возрастѣ, когда война бываетъ особенно любимымъ занятіемъ для человѣка воинственнаго, каковымъ уже показалъ себя Владиміръ; но Христіанская вѣра такъ на него подѣйствовала, что онъ вдругъ изъ воинственнаго сдѣлался самымъ миролюбивымъ Княземъ, и въ продолженіе 27 лѣтъ своей жизни послѣ крещенія не предпринималъ ни одного похода по собственному желанію, и воевалъ только вызываемый необходимостію, для защиты Русскихъ владѣній, и почти единственно только противъ Печенѣговъ, которые не давали покоя пограничнымъ Русскимъ городамъ. Не противъ Печенѣговъ у Владиміра послѣ крещенія была только одна война въ землѣ Хорватской въ 992 году, куда князь ходилъ для защиты западныхъ Русскихъ границъ отъ нападеній воинственнаго Польскаго Князя Болеслава Храбраго; походъ этотъ кончился тѣмъ, что Болеславъ прислалъ своихъ пословъ заключить миръ съ Владиміромъ, и обязался не нападать на Русскія границы. Только что Владиміръ воротился съ Хорватскаго похода, какъ уже ему нужно было идти противъ Печенѣговъ, которые навалилися на юго-восточныя Русскія границы. Владиміръ встрѣтилъ Печенѣговъ на Трубежѣ, и сталъ съ своимъ войскомъ по правому берегу рѣки, а Печенѣги по лѣвому, и ни Русскіе, ни Печенѣги не рѣшались перебраться черезъ рѣку. Между тѣмъ Печенѣжскій Князь развѣзкая по своему берегу сталъ говорить Владиміру: «выпусти ты своего богатыря, а я своего, и пусть они поборятся другъ съ другомъ; и ежели твой ударить о землю моего, то не будемъ воевать въ вашей землѣ три лѣта; а ежели мой ударить твоего, то будемъ воевать вашу землю три лѣта.» Владиміръ согласился на вызовъ и послалъ по своему стану

бирючей кликать: не выищется ли такой богатырь, который бы схватился съ Печенѣжиномъ. Но въ богатыряхъ Владиміровой дружины такового не отыскалась, а поутру на другой день Печенѣги выставили своего. Опечаленный Владиміръ послалъ бирючей и въ земскую рать не выищется ли тамъ такого богатыря. Тогда пришелъ къ Владиміру одинъ старій воинъ изъ земской рати и сказалъ: «Княже! есть у меня одинъ сытъ меньшій дома, а съ четырьмя я вышелъ, а онъ остался дома, а изъ дѣтства не встрѣчалось такого человѣка, который бы могъ побороть его; разъ я его побранилъ, а онъ въ это время мьялъ сырую кожу, и такъ разсердился на меня, что разодралъ кожу руками.» Обрадованный Князь послалъ за молодцомъ, и когда тотъ пришелъ, то Князь сказалъ ему: «тебѣ нужно биться съ Печенѣжиномъ.» «Незнаю, Княже! замѣтилъ молодець, одолѣю ли я его, вели прежде испытать меня, нѣтъ ли здѣсь большаго и сильнаго быка?» И нашли быка огромнаго и сильнаго, и раздраживши его горячимъ желѣзомъ выпустили на витязя; витязь уноровилъ такъ, что когда быкъ бѣжалъ на него, то онъ ухватилъ его за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько рука захватила. Владиміръ, довольный опытомъ, сказалъ витязю: «можешь бороться съ Печенѣжиномъ». На другой день Печенѣги опять явились и говорили Русскимъ: «нашли ли вы богатыря, а нашъ готовъ»; тогда Владиміръ велѣлъ своему молодцу одѣться во всю ратную сбрую и приготовиться къ битвѣ. И выступилъ Печенѣжскій богатырь огромный ростомъ и страшный видомъ, выступилъ и Владиміровъ витязь, середній ростомъ и очень молодой; Печенѣжинъ увидавъ его засмѣялся; потомъ отмѣрили мѣсто между обонми полка-

ми; богатыри схватились и начали давить другъ друга, и Русскій такъ тиснулъ Печенѣжина, что кости затрещали и тотъ испустилъ духъ. Печенѣги, видя гибель своего богатыря, обратились въ бѣгство, а Русскіе стали рубить ихъ въ догонку. Владиміръ же, возвратясь въ Кіевъ, принялъ въ свою дружину въ число приближенныхъ мужей и витязя-побѣдителя и его отца.

Между тѣмъ продолжала строиться большая церковь Пресвятой Богородицы, заложенная Владиміромъ еще на другой годъ по принятіи крещенія, и которую строили нарочно вызванные изъ Греціи мастера. Наконецъ въ 996 году церковь эта была покончена строеніемъ; и Владиміръ, довольный и окончаніемъ строенія и благолѣпіемъ церкви, на освященіи ея сдѣлалъ великій праздникъ своимъ боярамъ и городскимъ старцамъ и роздалъ обильную милостыню убогимъ. Потомъ, по общему согласію съ своею супругою, съ дѣтьми и съ боярами, далъ на содержаніе сей церкви десятину отъ всего княжескаго имѣнія и отъ всѣхъ княжихъ городовъ, и назвалъ эту церковь соборною церковью.

Стараясь постепенно оставлять все свои старые обычаи и живя въ мирѣ со всеми своими сосѣдями, и съ Болеславомъ Польскимъ, и съ Стефаномъ Угорскимъ, и съ Ольдрихомъ Чешскимъ и съ другими, Владиміръ не оставлялъ только одного своего стараго обычая, — привязанности къ пирамъ и гостепримству. Въ этомъ отношеніи Владиміръ, и по принятіи христіанства, остался прежнимъ веселымъ хозяиномъ, и постоянно заботился, чтобы его домъ былъ полонъ гостей и чтобы гости были веселы и довольны. Каждый богатый пріѣзжій торговецъ, каждый богатырь, или чѣмъ либо замѣчательный

человѣкъ, смѣло шелъ къ красному солнышку Князю Кіевскому, такъ звали Владиміра современники, и каждый приходящій былъ принимаемъ ласково, вступалъ въ бесѣду съ Княземъ и вельможами и былъ угощаемъ обильно, сколько душа хотѣла. Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ на своемъ дворѣ въ гриднищѣ учредилъ еженедѣльные пиры, на которые приходили бояре, гридни, сотскіе, десятскіе, и нарочитые мужи при Князѣ и безъ Князя, и гдѣ всегда были готовы столы ломившіеся подъ тяжестью разныхъ яствъ и крѣпкихъ напитковъ. И когда одинъ разъ гости, подпивши порядкомъ, стали роптать на Князя, что на его пирахъ они ѣдятъ не серебряными, а деревянными ложками; то Князь велѣлъ сковать серебряныя ложки, и при семъ сказалъ: «я серебромъ и золотомъ не могу пріобрѣсти дружины, а съ дружиною добуду серебра и золота, какъ добывали мой дѣдъ и отецъ.» Но веселые пиры не мѣшали Владиміру думать и о тѣхъ, которымъ цировать не на что. Слушая разные поученія духовныхъ пастырей о милостыни, онъ велѣлъ кликать кличь, чтобы всѣ нищіе и убогіе въ Кіевѣ приходили на княжій дворъ и брали все, что имъ нужно и пищу и питье и даже деньгами. Потомъ сказалъ: «больные и немощные немогутъ дойти до моего двора, приготовьте телѣги, накладите въ нихъ хлѣба, мяса, рыбы, всякаго овоща и въ бочкахъ меду и квасу, и везите по городу и кличьте: гдѣ больные и нищіе немогущіе ходить? и раздавайте имъ все нужное».

Пиры и веселья не мѣшали Владиміру въ тоже время заботиться и о лучшемъ устройствѣ своихъ владѣній и о защитѣ ихъ отъ непріятелей. По словамъ лѣтописи Владиміръ очень любилъ дружину и съ нею думалъ «о строи

землемъ, и о ратѣхъ, и о уставѣ земленемъ.» По указанію народныхъ преданій, Владиміромъ были учреждены заставы и разъѣздныя станицы богатырей для наблюденія за непокойными Печенѣгами и всякою степною поганью, которые постоянно разъѣзжали по ближайшимъ степямъ, не пропускали степныхъ грабителей, или подавали вѣсти въ Кіевъ, когда изъ глубины степей поднимались большія полчища варваровъ. А по свидѣтельству одного иностранца, бывшаго въ Кіевѣ при Владимірѣ и ѣздившаго оттуда въ степи къ Печенѣгамъ, Владиміромъ была проведена пространная линія засѣкъ по Русской границѣ обращенной къ степямъ. Но разъѣзды станичниковъ и засѣки не всегда удерживали степныхъ грабителей Печенѣговъ: они иногда безвѣстно успѣвали прорываться къ Русскимъ городамъ и заставали Владиміра въ расцлохъ. Такъ въ 996 году Печенѣги прорвались къ Василеву, и Владиміръ могъ встрѣтить ихъ только съ малою дружиною и былъ разбитъ, и едва самъ могъ спастись отъ смерти или плѣна, спрятавшись подъ мостомъ. Избавившись такой опасности Владиміръ, въ благодарность Богу, поставилъ въ Василевѣ церковь во имя Преображенія, ибо сѣча была въ день Преображенія Господня, и тутъ же въ Василевѣ праздновалъ восемь дней, приказалъ сварить 300 варъ меду и угощалъ своихъ дружинниковъ и народъ, и роздалъ нищимъ триста гривенъ. Потомъ, возвратившись въ Кіевъ къ празднику Успенія Пресвятыя Богородицы, Владиміръ также сдѣлалъ большой пиръ и угощалъ народъ, и повторялъ праздникъ своего избавленія каждый годъ.

Умень, свѣтелъ и радостенъ былъ Владиміръ, и весело при немъ жилось въ Кіевѣ. Роскошныя пиры лас-

кѣваго Князя, богатства пріобрѣтаемыя дѣятельною торговлею, пріѣзды торговыхъ иноземцевъ, множество дружинниковъ, толпившихся при дворѣ княжескомъ, богатыхъ военными добычами и щедрымъ жалованьемъ Князя, множество даней, стекавшихся въ Кіевскую княжью казну изъ разныхъ областей,—все это, взятое вмѣстѣ, дѣлало Кіевъ веселымъ и роскошнымъ. Туда торговля приносила золото и серебро и драгоцѣнныя ткани изъ Греціи, туда шли богатые пушные товары изъ дальнихъ сѣверо-восточныхъ областей Новгородскихъ, туда стекались богатые Азіатскіе товары изъ Камской Болгаріи. И богатый Кіевъ наслаждался спокойствіемъ и довольствомъ и былъ доволенъ своимъ Княземъ, краснымъ солнышкомъ; но не такъ были довольны иные города Русскіе, откуда собирались дани въ княжью казну Кіевскую, и особенно богатства и слава Кіева кололи глаза богатому и знаменитому Новгороду. Новгородцы, помогавшіе Владиміру въ войнѣ съ Ярополкомъ и въ занятіи Кіева, были недовольны тѣмъ, что богатый Князь Кіевскій продолжалъ брать съ Новгорода ежегодную дань, еще учрежденную Олегомъ, и увеличенную, кажется Владиміромъ, отъ 300 гривенъ до 2,000 гривенъ; и въ слѣдствіе такого неудовольствія, Владиміровъ сынъ Ярославъ, княжившій въ Новгородѣ, и также почему-то недовольный отцомъ, вдругъ пересталъ высылать обычную дань въ Кіевъ, началъ готовиться къ войнѣ и пригласилъ Варяговъ изъ за моря. Узнавши объ этомъ, Владиміръ также сталъ собирать войско и приказалъ готовить дороги и мостить мосты, желая самъ идти на своего сына и Новгородцевъ; но среди военныхъ приготовленій занемогъ и 15-го Юли 1015 года скончался въ любимомъ своемъ селѣ Бересто-

въ, еще далеко не въ старости, имѣя отъ роду не болѣе пятидесяти четырехъ лѣтъ.

Приближеннѣйшіе дружинники, бывшіе съ Владиміромъ въ Берестовѣ, хотѣли скрыть кончину Князя; ибо въ это время, любимый отцомъ и народомъ сынъ Владиміровъ, Князь Борисъ, стоялъ въ степи съ отцовскою дружиною и земскою ратью противъ Печенѣговъ, а въ Кіевѣ жилъ нелюбимый отцомъ сынъ, Князь Святополкъ. Но смерть Владиміра не могла утаиться; Кіевляне стали стекаться въ Десятинную церковь Богородицы, куда тайно перенесено было тѣло Владиміра; и по рыданіямъ и воплямъ народа Святополкъ догадался, что отца уже не стало; и зная, что народъ и дружина любятъ Бориса, Святополкъ поспѣшилъ объявить себя Княземъ Кіевскимъ, созвалъ Кіевлянъ и началъ раздавать имъ богатства изъ казны княжеской. Кіевляне принимали подарки, но не выказывали особаго усердія къ Святополку, ибо братья ихъ стояли на степи съ Борисомъ. Замѣтивъ это, Святополкъ тайно ночью бѣжалъ въ Вышгородъ, гдѣ, кажется, былъ посадникомъ его приверженецъ Путьша, и собравъ тамошнихъ дружинниковъ, сказалъ имъ: «будете ли мнѣ пріятели отъ всего сердца.» Путьша и Вышгородская княжия дружина отвѣчали: «готовы за тебя и головы сложить.» Тогда Святополкъ сказалъ: «не говоря никому, идите и убейте брата моего Бориса;» тѣ дали слово, что исполнять приказаніе княжеское, и пошли искать Бориса. Борисъ же, не встрѣтивши Печенѣговъ въ степи, уже возвращался домой, и въ это время пришла къ нему вѣсть о смерти отца; опечаленный этою вѣстію онъ дошелъ до рѣкъ Аалты и остановился. Тутъ приближенные его стали ему говорить: «при тебѣ отцовская дру-

жина и войско, иди и князь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ.» На это Борисъ отвѣчалъ: «я не подыму рукъ на старшаго брата.» Тогда дружина и войско разошлись и Борисъ остался въ шатрѣ на Альтѣ съ своими слугами. Въ это время напали на его слѣдъ убійцы, посланные Святополкомъ; они подошли къ шатру вечеромъ, когда Борисъ готовился ко сну и дочитывалъ вечернія молитвы, и только что онъ кончилъ молиться и легъ, ворвались въ шатеръ и поразили копьями Бориса и его слугъ, и обвернувъ его тѣло въ шатерное полотно, отвезли къ Святополку, который, замѣтивъ что Борисъ еще живъ, приказалъ двумъ Варягамъ приколоть его. Управившись съ Борисомъ, Святополкъ послалъ убить единопутробнаго брата его Глѣба, который по ложной вѣсти о болѣзни отца спѣшилъ изъ Мурома въ Кіевъ; убійцы посланные Святополкомъ встрѣтились съ нимъ на Смядыни подъ Смоленскомъ въ лодѣ, — они захватили лодью и приказали зарѣзать Глѣба его же повару какому-то Торчину. Услыхавши объ убіеніи братьевъ, Святославъ Князь Древлянскій бѣжалъ было въ Венгрію, но былъ пойманъ и также убитъ посланными Святополка. Святополкъ, отдѣлавшись отъ трехъ братьевъ, уже замышлялъ перебить и остальныхъ, чтобы одному княжить во всей Русской землѣ.

Между тѣмъ Ярославъ поссорился съ Новгородцами по слѣдующему случаю: Варяги, приглашенные имъ изъ за моря для войны съ отцомъ, зажившись безъ дѣла, начали буйствовать и дѣлать насилія Новгородцамъ и ихъ женамъ. Оскорбленные Новгородцы зазвали Варяговъ на дворъ Парамона, и тамъ ихъ избили; Ярославъ оскорбленный этимъ ушелъ на Ракомъ, сѣлъ въ своемъ дворѣ и послалъ сказать Новгородцамъ: «мнѣ уже не воскресить

убитыхъ», и лестію зазвалъ къ себѣ нарочитыхъ мужей участвовавшихъ въ убійствѣ, приказалъ ихъ убить. А въ это время въ ночь пришла къ нему вѣсть отъ сестры Предславы, жившей въ Кіевѣ, что отецъ умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ уже Бориса, послалъ убить Глѣба и добирается до него. Эта вѣсть страшно опечалила Ярослава, ему жалко было и отца и избитыхъ Новгородцевъ; впрочемъ онъ еще не отчаявался примириться съ Новгородомъ, и на утро собралъ Новгородцевъ на вѣче, сталъ говорить народу, заливаясь слезами: «о любезная моя дружина, которую вчера избилъ, а нынѣ понадобилась; отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ и избиваетъ братью». Новгородцы, любившіе Ярослава, съ дѣтства княжившаго у нихъ и привыкшаго къ ихъ вольнымъ обычаямъ, не помянули вчерашней обиды и въ одинъ голосъ отвѣчали: «хотя братья наши избѣжены, но мы еще можемъ постоять за тебя;» и тутъ же на вѣчѣ порѣшили, во что бы то ни стало, поддержать Ярослава противъ Святополка, собрали сорокъ тысячъ воиновъ, къ нимъ Ярославъ присоединилъ тысячу Варяговъ, и отправился въ походъ на Святополка. Передъ отправленіемъ въ походъ, призвавши имя Божіе, онъ сказалъ: «не я почалъ избивать братью, но Святополкъ; да будетъ Богъ мститель крови моихъ братьевъ, онъ безъ вины пролилъ кровь братьевъ моихъ Бориса и Глѣба, не ждатель же мнѣ, чтобы и со мной сдѣлалъ тоже».

Святополкъ, получивши вѣсть о походѣ Ярослава, собралъ многочисленное войско, составленное изъ Русскихъ и Печенѣговъ, и двинулся на встрѣчу; они сошлись у Любеча на Днѣпрѣ, и стали другъ противъ друга по обоимъ берегамъ Днѣпра, не рѣшаясь перейти рѣку ни тотъ

ни другой, и такъ стояли три мѣсяца; но однажды Святополковъ воевода, старый Владиміровъ дружинникъ Волчій Хвостъ, развѣзжая по своему берегу, сталъ кризать Новгородцамъ: «ей вы плотники! зачѣмъ пришли съ своимъ хромцомъ-то, вотъ мы васъ поставимъ рубить хоромы.» Новгородцы этимъ очень обидѣлись и сказали Ярославу: «княже! готовься, завтра же чѣмъ свѣтъ мы переведемся къ нимъ, а кто съ нами не пойдетъ, того сами убьемъ». Былъ уже заморозъ, Святополкъ стоялъ между двумя озерами и всю ночь пилъ съ дружиною, не ожидая нападенія. Новгородцы же съ Ярославомъ, какъ сказали, чѣмъ свѣтъ перевезлися черезъ Днѣпръ, и вышедши на берегъ, оттолкнули лодки, чтобы и не думать объ отступленіи, и тутъ же на берегу начали страшную сѣчу, такъ что не давши сроку Печенѣгамъ, стоявшимъ за озеромъ, соединиться съ Святополкомъ, притиснули дружину Святополка къ озеру и принудили вступить на ледъ, который подъ нею проломился. Разбитый такимъ образомъ Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ безпрепятственно занялъ Кіевъ.

Но не спокойно и не продолжительно было Ярославово княжествованіе въ Кіевѣ. На весну же слѣдующаго года явились Печенѣги, ворвались въ самый Кіевъ и битва съ ними продолжалась цѣлый день, только къ вечеру Ярославу удалось одолѣть сихъ варваровъ; потомъ въ Кіевѣ былъ страшный пожаръ, истребившій множество церквей и домовъ; а еще черезъ годъ пришли вѣсти, что Болеславъ Король Польскій съ большимъ войскомъ ведетъ своего зятя Святополка сажать на Кіевскій престолъ. Ярославъ по этимъ вѣстямъ, собравъ придѣпровскую Русь, Варяговъ и Новгородцевъ, бывшихъ еще

при немъ, двинулся на Волынь и встрѣтилъ Болеслава и Святополка на Бугѣ. Здѣсь противники остановились, несмѣя перейти рѣку одинъ въ виду другаго, и съ Ярославомъ случилось тоже, что было съ Святополкомъ подъ Любечемъ: Ярославовъ воспитатель, воевода по имени Будый, разѣзжая по своему берегу сталъ насмѣхаться надъ Болеславомъ и кричать: «погоди, вотъ мы рожномъ пропоремъ твое толстое пузо!» Дѣйствительно тучный Болеславъ, едва сидѣвшій на конѣ, обидѣлся такою насмѣшкою; и сказавъ своей дружинѣ, ежели такая насмѣшка надъ вашимъ Королемъ не оскорбляетъ васъ, то я одинъ погибну, тотчасъ сѣлъ на коня бросился въ рѣку, а за нимъ пустилось и войско. Ярославъ неожиданнѣйшаго нападенія, не успѣлъ ополчиться и разбитый на голову, только самъ-пять, бѣжалъ въ Новгородъ, Болеславъ же съ Святополкомъ безпрепятственно вошелъ въ Кіевъ и велѣлъ развести свое войско по городамъ на покормъ. И начали Поляки и ихъ союзники Нѣмцы и Венгры вездѣ буйствовать, грабить и оскорблять народъ разными насиліями; и этимъ возбудили противъ себя жителей, которые, будучи выведены изъ терпѣнія, и тайно побуждаемые самимъ Святополкомъ, стали избивать непрощенныхъ и буйныхъ гостей. Видя это Болеславъ, забравъ Ярославово имущество, бывшее въ Кіевѣ, его бояръ и сестеръ, поспѣшилъ удалиться въ Польшу съ большимъ полономъ, и снова присоединилъ къ Польшѣ Червенскіе города, захваченные въ свое время Владиміромъ.

Между тѣмъ Ярославъ, самъ-пять прибѣжавши въ Новгородъ, хотѣлъ уже бѣжать за море; но Новгородцы съ своимъ посадникомъ Константиномъ, сыномъ Добрыни, изрубили Ярославовы лоды, и сказавъ ему: «мы еще

хочемъ биться съ Болеславомъ и Святополкомъ,» начали собирать въ казну отъ мужа по четыре куны, а отъ старость до десяти гривенъ и отъ бояръ по осьмнадцати гривенъ; и собравъ деньги, наняли Варяговъ, собрали и свое войско, и повели Ярослава на Кіевъ. На этотъ разъ Святополкъ не рѣшился защищать Кіева, бѣжалъ къ Печенѣгамъ, и привелъ ихъ безчисленные полки. Ярославъ пошелъ къ нему навстрѣчу, остановился на Альтѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ, и приготовившись къ битвѣ, воздѣвъ руки къ небу, повелъ такую рѣчь: «кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ Владыко! мсти крови праведнаго сего, какъ мстилъ крови Авелевой, положивъ на Каинѣ стenanье и трясенье, такъ положи и на семь». И помолясь, воскликнулъ: «братья мои хотя вы уже отошли отъ насъ тѣломъ, но молитвою помогите мнѣ на этого гордаго и противнаго убійцу;» и съ сими словами бросился въ битву. Все Альтское поле покрылось ратными, и съ ранняго утра началась страшная сѣча, какой еще не бывало на Руси, рубились схватившись за руки, три раза сходились и расходились, кровь текла ручьями по полю, и только къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ. Во время бѣгства напало на него какое то особое расслабленіе и ужасъ, онъ не могъ сидѣть на конѣ, вѣрные отроки несли его на носилкахъ и принесли къ Берестью (нынѣшній Брестъ-Литовскій); ему все казалось, что за нимъ гонятся; онъ безпрестанно кричалъ: «бѣгите, насъ нагоняютъ», и не хотѣлъ нигдѣ остановиться; и такимъ образомъ ни кѣмъ не гонимый пробѣжалъ Русскую и Польскую землю, и погибъ въ пустынѣ между Польшею и Богеміею, заслуживъ у современниковъ имя окаяннаго, братоубійцы.

Ярославъ, торжествуя полную побѣду надъ врагомъ, прибылъ въ Кіевъ измученный битвою, въ пыли, крови и потѣ; Кіевляне, разумѣется не противились его вступленію въ городъ, они не принимали участія въ междоусобиі братьевъ, воевали и бились только князія дружины, союзники Святополка Печенѣги, да союзники Ярослава Варяги и Новгородцы. Утвердившись въ Кіевѣ и давши отдыхъ себѣ, дружинѣ и союзникамъ, Ярославъ съ великою благодарностію отпустилъ храбрыхъ Новгородцевъ, главныхъ виновниковъ его торжества, и надѣлилъ ихъ дарами по десяти гривенъ каждому, и сверхъ того далъ имъ грамоту и уставъ, въ которыхъ, судя по дошедшему до насъ списку, Новгородъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ судебныхъ пошлинъ въ княжую казну.

Послѣ бѣгства и смерти Святополковой, на Руси осталось три владѣтельныхъ Князя и три отдѣльныхъ княжества. Ярославъ владѣлъ Кіевомъ и всѣмъ Приднѣпровьемъ, ему же принадлежали Волынь и всѣ западныя земли принадлежавшія Владиміру; Брячиславъ Изяславичъ, племянникъ Ярослава, княжилъ въ Полотскѣ и во всѣмъ тамошнемъ краю по западной Двинѣ и Неману въ Русскихъ колоніяхъ, разсыпанныхъ въ Литовской землѣ вплоть до Балтійскаго моря; и Мстиславъ братъ Ярославовъ владѣлъ Тмутараканью и всѣми Русскими землями въ южныхъ предѣлахъ погромленной Святославомъ Хазарской державы, вѣроятно уже частію населенныхъ Русскими людьми. Кромѣ того было еще отдѣльное владѣніе Великій Новгородъ со всѣми своими обширными областями, бывшій тогда въ тѣсномъ союзѣ съ Ярославомъ и получавшій отъ него посадниковъ.

На третій годъ по занятіи Кіева Ярославомъ, Брячи-

славъ Полотскій неожиданно напалъ на Новгородскіи владѣнія, и даже успѣлъ ворваться въ самый Новгородъ, пограбилъ его, но разумѣется немогъ тамъ удержаться, и съ добычею и плѣнниками отправился домой. Ярославъ получивши вѣсть о такомъ нападеніи, и желая отплатить Новгородцамъ за ихъ недавнюю важную услугу, быстро пустился къ нимъ на помощь и на седьмый день настигъ Брячислава на рѣкѣ Судомѣри, разбилъ его и принудилъ воротить Новгородскую добычу и плѣнниковъ. Послѣ похода на Брячислава Ярославъ пустился въ землю Литовскую къ Берестью, гдѣ, можетъ быть, держались еще дружинники Святополковы, какъ извѣстно бѣжавшіе туда послѣ пораженія на Альтѣ. Чѣмъ кончился этотъ походъ, лѣтописи не упоминаютъ. А въ это время Мстиславъ Тмутараканскій, только что въ союзѣ съ Греками дорушившій Хазарскую державу, напалъ на своихъ Прикавказскихъ сосѣдей Касоговъ; противъ него вышелъ Косожскій Князь богатырь Редедя, и не вступая въ битву сказалъ Мстиславу: «зачѣмъ намъ губить дружину свою, лучше выйдемъ другъ на друга сами и поборемся; ежели ты одолѣешь меня, то возьми мою жену, дѣтей и все имѣніе и землю; а ежели я одолѣю тебя, то возьму все твое.» Мстиславъ воинственный и храбрый, весь въ своего дѣда Святослава, принялъ вызовъ и сказалъ Редедѣ: «будь по твоему, боремся». Тогда Редедя сказалъ: «коли бороться, такъ бороться безъ оружія, кто кого ударитъ о землю.» И вышли два Князя, стали между двумя ратьми и начали бороться, крѣпко схватились они и долго давили другъ друга; Редедя былъ очень силенъ, Мстиславъ уже началъ изнемогать, наконецъ, собравшись съ силами и призвавъ въ помощь Божию Матерь, ударилъ

Редеду о землю, и вынувъ ножъ, зарѣзалъ его; потомъ вступилъ въ его землю, взялъ жену, дѣтей и все имѣніе и наложилъ на Касоговъ дань. Возвратясь съ побѣдою и добычею въ Тмутаракань, Мстиславъ заложилъ тамъ церковь Пресвятой Богородицѣ, которую обѣщался построить во время единоборства съ Редедю.

Управившись съ своими сосѣдами Хазарами и Касогами, храбрый Мстиславъ пошелъ искать себѣ волостей въ Приднѣпровьѣ и повелъ съ собою полки Хазарскіе и Касожскіе. Ярославъ въ это время былъ въ Новгородѣ, гдѣ по случаю голода въ Суздальской землѣ, волхвы, прежніе толкователи и учителя языческой религіи, вздумали возмутить еще неокрѣпшихъ тамошнихъ христіанъ; они ходили по селамъ и городамъ тамошняго края и избивали старыхъ людей, разглашая, что старые удерживаютъ обиліе и плодородіе земли, и тѣмъ страшно смущали темный народъ. Ярославъ самъ явился въ Суздаль, чтобы потушить смятеніе и наказать возмутителей; онъ переловилъ волхвовъ, иныхъ заточилъ, а другихъ казнилъ, народъ же вразумлялъ, говоря ему: «что въ нещастіяхъ должно молиться Богу а не буйствовать, что Богъ наказываетъ ту или другую землю за наши грѣхи, иную голодомъ, иную моромъ, или засухою, или другимъ бѣдствіемъ, а для человѣка это неизвѣстно.» И вразумленный народъ успокоился, торговцы пустились Волгою въ Болгарскую землю и привезли хлѣба и тѣмъ прекратили голодъ. Мстиславъ въ отсутствіе Ярослава, явившійся съ своими полками въ Приднѣпровьѣ, подошелъ сперва къ Кіеву, но Кіевляне, довольные Ярославомъ, его не приняли; тогда онъ двинулся назадъ отъ Днѣпра къ Чернигову, тамошніе жители, желая вѣроятно

имѣть своего Князя и независѣть отъ Кіевскихъ посадниковъ, приняли его охотно, и онъ остался тамъ жить, владѣя всею Сѣверскою страню. Между тѣмъ Ярославъ, успокоивши Суздальскій край, пришелъ въ Новгородъ, и тамъ получивъ вѣсть о занятіи Чернигова Мстиславомъ, немедленно послалъ за море къ Варягамъ; оттуда къ нему явился знаменитый воитель Князь Якунъ слѣпый, золотая луда, и привелъ съ собою многочисленную Варяжскую вольницу. Ярославъ съ этою вольницею и съ Якуномъ отправился на Мстислава, онъ даже не попросилъ рати у Новгородцевъ, можетъ быть надѣясь усилить Варяговъ своею дружиною изъ Кіева; но храбрый беззавѣтный Мстиславъ не допустилъ его до этого, онъ прослышавши о Ярославовомъ походѣ пустился къ нему на встрѣчу, и обѣ рати сошлись у Листвена. Мстиславъ съ вечера устроилъ свои полки, и въ полночь въ проливный дождь и сильную грозу началъ битву: при чемъ употребилъ такой порядокъ, Сѣверянъ поставилъ въ чело прямо противъ Ярославовыхъ Варяговъ, а Тмутараканской дружинѣ Хазаръ и Касоговъ велѣлъ стать по бокамъ. Битву собственно начали Сѣверяне, и когда Варяги довольно уже утомились, сражаясь съ Сѣверянами; то Мстиславъ пустилъ на нихъ съ боковъ Хазаръ и Касоговъ и такое произвелъ опустошеніе въ ихъ рядахъ, что Варяги, не смотря на свою отчаянную храбрость, еще не дождавшись свѣта, обратились въ бѣгство, а за ними побѣжали Ярославъ и Якунъ, причемъ послѣдній потерялъ и свою золотую луду; Ярославъ ушелъ въ Новгородъ, а Якунъ за море. Когда разсвѣло, то Мстиславъ, осматривая поле битвы и видя множество побитыхъ Сѣверянъ и Варяговъ, воскликнулъ:

«кто сему не радъ, вотъ лежитъ Сѣверянинъ, а вотъ Варягъ, а наша дружина цѣла.» Тогдашнему Князю дѣйствительно всего дороже была дружина, ибо она только была его, а земская рать зависѣла не отъ Князя, а отъ земщины, которая могла дать Князю рать, могла и не дать. Особенно для такого новаго Князя, какимъ былъ Мстиславъ въ Черниговѣ, земская Сѣверянская рать была почти чужая, а дружину приведенную изъ Тмутаракани онъ считалъ родною для себя, и какъ же ему не радоваться, когда она осталась цѣла послѣ жестокаго боя съ Варягами.

Одержавъ полную побѣду надъ Ярославомъ и Варягами, Мстиславъ возвратился въ Черниговъ и послалъ сказать Ярославу: «ступай садись въ своемъ Кіевѣ, ты старшій братъ, а мнѣ будетъ эта сторона». Но Ярославъ, испытавъ неудачу въ войнѣ съ Мстиславомъ и боясь новаго нападенія съ его стороны, остался въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ сидѣли его мужи. И такъ прошло два года; наконецъ въ 1026 году, собравъ многочисленное войско, конечно изъ Новгородцевъ, Ярославъ пришелъ въ Кіевъ, и изъ Кіева уже заключилъ съ Мстиславомъ миръ у Городца, по которому всѣ Русскія владѣнія на правомъ берегу Днѣпра достались Ярославу, а Тмуракань, Сѣверская страна и весь лѣвый берегъ Днѣпра Мстиславу. Послѣ этого мира братья стали жить въ любви и согласіи, и прекратилась усобица въ Русской землѣ.

Но не только перестала усобица между Русскими Князьями, да и со всѣми сосѣдями они жили мирно въ продолженіи трехъ лѣтъ, и только уже на четвертый годъ Ярославъ ходилъ въ Галицію и взялъ тамъ городъ Бѣльзъ. Потомъ изъ Галиціи онъ пустился въ Новгородъ, очевидно

по приглашенію самихъ Новгородцевъ, и воевалъ съ Чудью, должно быть безпокоившею Новгородскія владѣнія съ этой стороны, и для большаго обезпеченія власти Новгорода въ этомъ краю, построилъ тамъ городъ Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ). Между тѣмъ въ Польшѣ по смерти Болеслава начались страшные безпорядки, и къ тому же Болеславовъ сынъ и преемникъ Мечиславъ II-й началъ усобицу съ братомъ своимъ Оттономъ. Пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ возвратить отнятые Болеславомъ Русскіе города на западъ, Ярославъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, собравъ войско, въ 1031 году, отправились на Поляковъ, отобрали назадъ Червенскіе города, и повоевавши Польскую землю, съ многочисленнымъ полонемъ возвратились домой. Раздѣливши полонъ пополамъ, Ярославъ пошелъ въ Кіевъ, а Мстиславъ въ Черниговъ. Доставшихся на свою долю Ляховъ, Ярославъ расселилъ по рѣкѣ Роси, на югъ отъ Кіева на границахъ съ степями занятыми Печенѣгами и другими кочевниками, и почалъ тамъ строить города, точно также, какъ Владиміръ въ свое время строилъ города за Днѣпромъ по Деснѣ и Сулѣ противъ тѣхъ же Печенѣговъ.

На шестой годъ послѣ похода въ Польшу, Мстиславъ Черниговскій и Тмутараканскій захворалъ во время охоты и умеръ. Его похоронили въ Черниговѣ въ церкви Спасителя, которую онъ самъ началъ строить, и которая во время его погребенія еще не была окончена. Мстиславъ скончался бездѣтнымъ и не старыхъ лѣтъ: ему едвали было пятьдесятъ лѣтъ отъ рожденія. Объ этомъ Князь лѣтописецъ говоритъ: что онъ былъ дебелъ тѣломъ, румянь лицомъ, съ большими глазами, и подобно бѣду и отцу отличался особенною храбростію въ бит-

вахъ, любилъ дружину и не жалѣлъ для нее богатства, и какъ отецъ былъ охотникъ попить съ дружинниками и не щадилъ для этого ни жирныхъ яствъ, ни крѣпкихъ медовъ.

По смерти Мстислава, Ярославъ одинъ сдѣлался государемъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, и въ слѣдъ за тѣмъ отправился къ своимъ вѣрнымъ союзникамъ Новгородцамъ, и посадилъ у нихъ Княземъ своего старшаго сына Владиміра, а епископомъ, вмѣсто умершаго Іоакима Корсунянина, назначилъ Луку Жидяту, кажется изъ Русскихъ, мужа благочестиваго, благоразумнаго и преданнаго Князю. Въ то время какъ Ярославъ былъ въ Новгородѣ, пришла къ нему вѣсть, что Печенѣги осадили Кіевъ. По этой вѣсти онъ собралъ Варяговъ и Новгородцевъ, пустился къ Кіеву и успѣлъ прокрасться въ городъ. Печенѣги стояли огромнымъ обозомъ, ихъ собралось безчисленное множество, можетъ быть нѣсколько ордъ; но Ярославъ этого не испугался и не думалъ отсиживаться за стѣнами, а напротивъ устроивши полки выступилъ и сталъ передъ городомъ, поставивъ Варяговъ въ срединѣ, Кіевлянъ на правой и Новгородцевъ на лѣвой рукѣ. Печенѣги первые сдѣлали нападеніе и началась упорная сѣча, продолжавшаяся цѣлый день, и только къ вечеру Печенѣги были сбиты на всѣхъ мѣстахъ и обратились въ бѣгство въ разныя стороны, не зная кто куда, и многіе потонули въ Сетомли и другихъ рѣкахъ, а остатокъ бѣжалъ розно невѣдомо куда, и никто не воротился назадъ въ стени. Это былъ послѣдній набѣгъ Печенѣговъ; въ степяхъ, гдѣ они жили на Дону и Волгѣ, уже явились новые кочевники, Половцы, отъ которыхъ Печенѣгамъ болѣе не было житья; отъ то-

го-то они и бились подъ Кіевомъ цѣлый день, и не воротились назадъ въ степи, ибо возвращаться имъ было некуда, они бѣжали изъ степей, гдѣ имъ уже туго приходилось отъ Половцевъ.

Ярославъ, побѣдивши Печенѣговъ, торжествовалъ побѣду не пирами, какъ было при охотникѣ до пировъ Владиміръ, а построениемъ новыхъ стѣнъ около Кіева съ золотыми воротами, по образцу златыхъ вратъ Константинопольскихъ, построениемъ великолѣпной церкви Св. Софіи на томъ мѣстѣ, гдѣ была послѣдняя битва съ Печенѣгами, вѣроятно также въ напоминаніе знаменитой Софійской церкви въ Константинополѣ; потомъ еще построилъ церковь Благовѣщенія на златыхъ вратахъ и монастыри Св. Георгія и Св. Ирины. Вообще Ярославъ, не уступавшій Владиміру въ воинскихъ подвигахъ, по свидѣтельству лѣтописи, далеко не походилъ на отца въ мирной жизни; о пирахъ Ярослава нѣтъ и помину ни въ одномъ преданіи, а напротивъ лѣтописецъ говоритъ, что при Ярославѣ вѣра христіанская начала плодиться и расширяться, появились чернецы и монастыри, что Ярославъ любилъ церковные уставы, былъ расположенъ къ священникамъ и особенно любилъ монаховъ, читалъ книги и днемъ и ночью, собралъ множество писцевъ и переводчиковъ, при немъ и по его приказу много было переведено Греческихъ книгъ на Славянскій языкъ, много переписано и много скуплено. Ярославъ заботился, чтобы новопросвѣщенные Русскіе христіане не только вѣровали, но и поучались и наслаждались божественнымъ учениемъ. Ярославъ, когда была отстроена Софійская церковь, украсилъ ее золотомъ и серебромъ и драгоценными церковными сосу-

дами, и положилъ въ ней написанныя по его приказанію книги, т. е. устроилъ при этой церкви книгохранилище, также какъ было устроено книгохранилище при Софійской церкви въ Константинополѣ. Здѣсь же вѣроятно онъ положилъ и написанный имъ новый уставъ о церковныхъ судахъ; ибо Софійская церковь въ лѣтописи названа митрополитскою, т. е. кафедральною. И не объ одномъ Кіевѣ заботился Ярославъ: по словамъ лѣтописи онъ ставилъ церкви и въ другихъ городахъ и мѣстахъ и посылалъ туда священниковъ, давая имъ жалованье изъ своего имѣнія, и приказывая имъ, чтобы они учили людей и призывали чаще въ церкви, какъ духовные пастыри на то поставленные отъ Бога. А въ Новгородѣ онъ открылъ училище на триста человѣкъ мальчиковъ, приказавъ, чтобы въ немъ учились дѣти старость и священниковъ.

Впрочемъ дѣла мира и церкви у Ярослава непрепятствовали дѣламъ войны, и онъ былъ едва ли не воинственнѣе своего отца Владиміра, только всѣ его военные походы преимущественно были направлены на западъ и на сѣверо-западъ; на востокъ мы не знаемъ ни одного предпринятаго имъ похода; степные кочевники его мало занимали, его все тянуло къ западу, къ Европѣ, ему хотѣлось войти въ ближайшія сношенія съ западно-европейскими народами. Мы уже знаемъ его войны съ Болеславомъ Польскимъ, какъ говорятъ, веденныя по союзу съ Германскимъ Императоромъ, знаемъ, что по смерти Болеслава онъ ходилъ въ Польшу и воротился съ множествомъ пльвниковъ, знаемъ что въ Литвѣ онъ доходилъ до Берестя. Потомъ на третій годъ по прогнаніи Печенѣговъ Ярославъ по отцовскимъ слѣдамъ

можетъ быть изъ Берестья, или въ союзѣ съ Полотскимъ Княземъ Брячиславомъ по Неману, ходилъ на дикихъ Ятвяговъ, и какъ говорить одна лѣтопись не одолѣлъ ихъ; да и мудрено было одолѣть такихъ дикарей, ихъ можно было только истреблять понемногу. Еще черезъ годъ онъ ходилъ на Литву и взялъ дань, какъ говорятъ лыками и вѣниками. Извѣстіе сіе указываетъ, что въ этотъ походъ Ярославъ далеко проникъ въ глубь Литовскихъ болотъ и пущей, куда еще не проникали Русскія колоніи, гдѣ Литовцы жили во всей своей первобытной дикости, такъ что не имѣли никакихъ запасовъ, чѣмъ бы платить дань.

Между тѣмъ въ Польшѣ умеръ и Мечиславъ II-й и послѣ него начались безпорядки сильнѣе прежнихъ: народъ, еще неутвердившійся въ христіанствѣ и ненавидѣвшій бояръ и Латинскихъ монаховъ за непопулярныя поборы, слѣлалъ противъ нихъ общее возстаніе, сталъ изгонять и избивать бояръ и монаховъ и даже истреблять церкви. Пользуясь такимъ случаемъ, Ярославъ въ 1041 году открылъ походъ въ Мазовію изъ Берестья по западному Бугу. Мазовія, какъ и прочія части Польши, раздираемая междоусобіями, разумѣется не могла ему противиться, и онъ, опустошивъ страну, возвратился въ Кіевъ съ множествомъ плѣнниковъ.

Съ Греческою имперіею, со времени принятія Владиміромъ христіанства, у Русскихъ былъ постоянный миръ: этого требовало и единство церкви Греческой и Русской и взаимныя выгоды торговли, которая тогда велась съ большою дѣятельностію обѣими сторонами. Но торговля поддерживавшая миръ, подала случайный поводъ и къ войнѣ. Въ Константинополѣ обидѣли Русскихъ купцовъ

и одного изъ нихъ убили; Ярославъ вступился въ это дѣло и, не получивъ отъ Грековъ должнаго удовлетворенія, началъ съ Греками войну, и въ 1043 году послалъ къ Константинополю сына своего Владиміра Новгородскаго и съ нимъ отправилъ множество войска подъ начальствомъ воеводы Вышаты. Объ этомъ походѣ рассказывалъ лѣтописцу Кіевопечерскій инокъ Янъ, сынъ воеводы Вышаты. Изъ его рассказа видно, что Владиміръ отправился въ лодьяхъ обыкновеннымъ Русскимъ путемъ, сперва внизъ по Днѣпру, потомъ моремъ въ Дунай, и отъ Дуная опять моремъ къ Константинополю; и когда Русскіе подошли къ Константинопольскому проливу, то возсталъ сильная буря, которая разогнала ихъ корабли и нѣкоторые разбила, и въ числѣ ихъ корабль Владиміровъ. Владиміра взявъ къ себѣ на корабль Ярославовъ воевода Иванъ Творимиричъ; прочіе же воины въ числѣ 6,000 человекъ, собравшіеся на берегъ съ другихъ разбитыхъ кораблей, изъявили желаніе пробиться домой сухимъ путемъ, но изъ княжей дружины никто не хотѣлъ съ ними идти; тогда главный воевода Вышата сказалъ: «я пойду съ ними, живъ ли буду, то съ ними, погибну ли то съ дружиною», и высадившись съ корабля повелъ ратниковъ длиннымъ путемъ по направленію къ Русскимъ предѣламъ. Между тѣмъ Греки получили вѣсть, что Русскіе корабли разбиты бурей; и тогдашній Греческій Императоръ Константинъ Мономахъ выслалъ 14 галеръ для преслѣдованія остатковъ Русскаго флота. Владиміръ съ дружиною, увидавъ Греческую погоню, поворотилъ назадъ прямо на Греческія галеры, разбилъ ихъ, и никѣмъ уже не преслѣдуемый благополучно возвратился въ Кіевъ. Но Вышата шедшій сухимъ

путемъ не былъ такъ счастливъ какъ Князь: онъ хотя успѣлъ пробраться въ Болгарію, искусно уклоняясь отъ Греческой погоны; но здѣсь, не доходя Варны, Греки наконецъ настигли его, окружили и разбили на голову, при чемъ самъ Вышата съ 800 воиновъ попался въ плѣнъ, а прочіе пали въ битвѣ. Плѣнниковъ Греки отвели въ Константинополь и тамъ ослѣпили. Вышата возвратился въ Кіевъ уже черезъ три года, когда Греки заключили съ Ярославомъ миръ и выдали въ супружество свою царевну за Ярославова сына Всеволода.

Въ то время, какъ Владиміръ воевалъ съ Греками, отецъ его Ярославъ отдалъ сестру свою Марію въ супружество за Казимира Короля Польскаго. Марія, прозванная въ Польшѣ Доброгнѣвою, какъ сказываютъ, принесла за собою богатое приданое, а Казиміръ въ вѣно за это приданое возвратилъ 800 человѣкъ Русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ еще Болеславомъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ брака и союза къ Казиміромъ была война Ярослава въ Мазовіи, гдѣ утвердился Моиславъ одинъ изъ дружинниковъ Мечислава II-го, взбунтовавшійся противъ Казимира. Ярославъ однимъ походомъ совершенно покорилъ Мазовію въ 1047 году, и возвратилъ ее зятю своему Казимиру. Тѣсный союзъ Ярослава съ Польшею и усердное пособіе Казимиру служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что ему хотѣлось ближе придвинуться къ западной Европѣ и принять дѣятельное участіе въ тамошнихъ дѣлахъ. Кромѣ того на стремленіе Ярослава къ западу Европы указываютъ брачные союзы дѣтей Ярославовыхъ съ разными Европейскими Государями. До насъ дошли болѣе или менѣе вѣроятныя извѣстія, что дочери Ярославовы были выданы въ замужство: Елисавета за Гаральда Коро-

ля Норвежскаго, Анастасія за Венгерскаго Короля Андрея, Анна за французскаго Короля Генриха II. Сыновья Ярославовы были женаты: Всеволодъ, какъ мы уже видѣли на Греческой царевнѣ, Изяславъ на сестрѣ Казимира Польскаго, другіе два сына на какихъ-то Нѣмецкихъ княжняхъ. Ярославъ также съ охотою принималъ разныхъ Европейскихъ знаменитыхъ изгнанниковъ и покровительствовалъ имъ: такъ у него жили изгнанный изъ отечества Норвежскій Король Олафъ святой и сынъ его Магнусъ; у Ярослава же нашли убѣжище сыновья Англійскаго Короля Эдмунда Эдвинъ и Эдвардъ, также Венгерскіе принцы Андрей и Левента, и Варяжскій князь Шимонъ, приведшій съ собою около трехъ тысячъ Варяговъ, и въ послѣдствіи вступившій въ Русскую службу къ Ярославову сыну Всеволоду.

Въ 1044 году скончался постоянный Ярославовъ союзникъ Брячиславъ Полотскій и его мѣсто заступилъ его сынъ Всеславъ. Ярославъ и съ симъ новымъ Княземъ былъ въ мирѣ и союзѣ; ибо ему нужны были постоянные союзники въ сосѣдствѣ съ дикою Литвою; а Полотскіе Князья, далеко проникнувшіе въ Литву по Неману, всего лучше могли содѣйствовать видамъ Ярослава на западъ. Воинственный и неутомимый Всеславъ въ преданіи пользовался славою заколдованнаго человѣка и даже чародѣя; въ лѣтописи сказано: что онъ родился отъ волхванія, и при рожденіи волхвы сказали матери, чтобы она навязала ему какую-то язвину, чтобы онъ носилъ ее до смерти, что эта язва дѣлала его немилостивымъ на кровопролитіе. Въ 1050 году скончалась Ярославова супруга Ингигерда, въ крещеніи Ирина; въ 1052 году умеръ старшій сынъ Ярославовъ Владиміръ Новгородскій,

и положенъ въ церкви Св. Софіи въ Новгородѣ, которую самъ построилъ. Наконецъ въ 1054 году скончался и самъ Ярославъ въ глубокой старости, 76 лѣтъ отъ роду.

Чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ далъ слѣдующій завѣтъ своимъ сыновьямъ: «Вотъ я отхожу сего свѣта, сыновья мои, любите другъ друга, вы братья, дѣти одного отца и матери. Ежели будете жить въ любви между собою, то будетъ въ васъ Богъ, и покорить вамъ всѣхъ враговъ, и вы будете жить мирно. А ежели начнете ненавидѣть другъ друга и ссориться, то погибнете сами и погубите землю дѣдовъ и отцовъ своихъ, которые пріобрѣли ее съ великимъ трудомъ; пребывайте въ мирѣ, слушайте братъ брата. А я вмѣсто себя поручаю столъ Кіевъ старѣйшему сыну своему и брату вашему Изяславу; вы слушайте его, какъ меня слушали, пусть будетъ онъ вамъ вмѣсто меня. А Святославу даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Игорю Владиміръ Волинскій и Вячеславу Смоленскъ.» И такъ раздѣлилъ города и заповѣдалъ имъ не переступать братня предѣла и не сгонять братьевъ. И сказалъ Изяславу: «кто вздумаетъ обижать брата своего, то ты помогай тому, кого будутъ обижать.» Сдѣлавши такое распоряженіе, Ярославъ, ослабѣвая день отъ дня, перебрался для большаго спокойствія изъ Кіева въ Вышгородъ, и тамъ разболѣвшись скончался 19 февраля, въ первую субботу великаго поста, по тогдашнему счету въ концѣ 1054 года. Въ это время при немъ былъ только одинъ сынъ Всеволодъ, котораго Ярославъ очень любилъ и не отпускалъ отъ себя. Всеволодъ обрядивъ тѣло умершаго отца своего повезъ изъ Вышгорода въ Кіевъ, въ предшествіи духовенства съ обычными погребальными церковными пѣс-

нями и въ сопровожденіи народа провожавшаго стараго Князя съ плачемъ и слезами. Въ Кіевѣ тѣло Ярослава похоронили въ мраморной ракъ въ кафедральной церкви Св. Софіи, и много плакали по немъ и Всеволодъ и всѣ люди Кіевскіе.

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПРИ ВЛАДИМИРѢ И ЯРОСЛАВѢ.

При Владимірѣ и Ярославѣ Русская земля захватывала уже большое пространство: на югѣ она касалась береговъ Чернаго моря въ Тмутараканскомъ Княжествѣ, а по Днѣпру доходила на югъ до пороговъ; на западѣ Русскою границею были западный Бугъ и Балтійское море; на сѣверѣ Русскія или собственно Новгородскія колоніи по разнымъ мѣстамъ доходили до Бѣлаго моря, Печеры и Уральскихъ горъ; на востокѣ Русскія владѣнія частію доходили до земли Камскихъ Болгаръ, частію ограничивались степями лежащими за Сулою и Семью, и частію, въ Тмутараканскомъ княжествѣ, простирались до Кавказскихъ горъ и захватывали большую часть Хазаріи. Разныя племена жившія на этомъ огромномъ пространствѣ, болѣе или менѣе зависѣли отъ Русскаго или Кіевского Князя, и потому носили одно общее названіе Русской земли, и дѣйствительно составляли части одного общаго цѣлаго, и управлялись посадниками или дѣтьми Кіевского Князя; такъ по крайней мѣрѣ было при Владимірѣ. При Ярославѣ это нѣсколько измѣнилось; ибо Мстиславъ Тмутараканскій и Черниговскій, и Брянчиславъ По-

лотскій были самостоятельными и независимыми Князьями въ своихъ довольно обширныхъ владѣніяхъ: но Ярославъ умѣлъ держаться въ постоянномъ союзѣ съ сими двумя Князьями; и посему при немъ ежели не было едино-властія, то не было и раздора, и Русскія владѣнія продолжали составлять одно цѣлое, и цѣлое тѣмъ болѣе прочное, что во всѣхъ владѣніяхъ Руси была признана господствующею одна религія христіанская, и въ церковномъ отношеніи всѣ Русскія земли были подчинены одному Кіевскому митрополиту, который поставлялъ епископовъ по другимъ городамъ.

Съ введеніемъ христіанства княжеская власть на Руси значительно усилилась; ибо Князья кромѣ сбродной дружины состоящей на ихъ службѣ, теперь стали имѣть на своей сторонѣ духовенство христіанской церкви. Христіанская церковь, введенная преимущественно Князьями и ими первоначально поддерживаемая, естественно должна была и сама поддерживать Князей, по крайней мѣрѣ внушать народу мысль о святости княжеской власти, о происхожденіи ея отъ Бога, объ обязанностяхъ подданныхъ повиноваться безпрекословно Князьямъ и начальникамъ отъ нихъ поставленнымъ. Кромѣ того сами Владиміръ и Ярославъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ умѣли сблизиться съ народомъ; они хотя еще употребляли Варяжскую дружину, но уже не дорожили ею столько, сколько дорожили прежніе Князья. Мы видѣли, что Владиміръ въ 980 году выпроводилъ буйныхъ Варяговъ въ Грецію, и нашелъ средство пополнять свою дружину охотниками изъ туземцевъ; Ярославова дружина также преимущественно пополнялась туземцами; у Мстислава Тмутараканскаго дружина первоначально состояла также

изъ Тмутараканскихъ туземцевъ Хазарь и Касоговъ, а когда онъ перебрался въ Черниговъ, то къ Хазарамъ и Касогамъ присоединились охотники изъ Сѣверянъ; дружина Полотскаго Князя Брячислава преимущественно состояла изъ Полочанъ. Все это сообщало княжеской власти новую силу и крѣпость, Князья, такъ сказать, сживались съ народомъ, пріобрѣтали болѣе общихъ интересовъ; даже въ иныхъ случаяхъ народъ сталъ защищать интересы Князя также горячо, какъ и свои. Такъ Новгородцы, самое вольнолюбивое племя изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ на Руси, помогали Владиміру въ войнѣ его съ Ярополкомъ, а Ярослава три раза выручали въ войнахъ его съ Святополкомъ и Болеславомъ, и даже одинъ разъ изрубили Ярославовы лодки, когда онъ разбитый Болеславомъ хотѣлъ бѣжать за море къ Варягамъ, и прямо сказали ему: «мы еще хотимъ биться съ Болеславомъ и Святополкомъ. Также Черниговцы бились на Лиственѣ за своего Князя Мстислава.

Но не смотря на значительное усиленіе княжеской власти, ни Владиміръ, ни Ярославъ не были еще самовластцами въ Русской землѣ. Земщина по прежнему была еще сильна и самостоятельна, и при Князьяхъ и при ихъ посадникахъ продолжала еще имѣть свое собственное управленіе, своихъ старостъ и другихъ выборныхъ начальниковъ, и свое вѣче, которое въ важныхъ случаяхъ даже приглашалось Князьями, и иногда дѣйствовало мимо Князей. Владиміръ, желая перемѣнить языческую вѣру, пригласилъ представителей дружины и земщины, бояръ и старцевъ, и по ихъ совѣту послалъ избранныхъ мужей испытать, какой народъ какъ служить Богу; и когда возвратились въ Кіевъ избранные мужи, то опять пригла-

силъ бояръ и старцевъ, и съ ихъ совѣта рѣшился принять христіанскую вѣру Ярославъ, получивши вѣсть о смерти отца и избіеніи братьевъ, собралъ вѣче въ Новгородъ и просилъ у земщины помощи на Святополка. Въ 997 году въ Бѣлгородъ было вѣче, на которомъ Бѣлгородцы порѣшили сдаться Печенѣгамъ. Владиміръ также искалъ любви и расположенія у земщины, какъ и у дружины; на его еженедѣльныхъ пирахъ участвовали какъ дружинники, такъ и земцы, сотскіе, десятскіе и нарочитые мужи; или онъ одинаково угощалъ какъ дружинниковъ, такъ и земцевъ и въ Василевѣ и въ Кіевѣ, по случаю своего спасенія въ битвѣ съ Печенѣгами подъ Василевымъ. Земщина и при Владимірѣ и Ярослаvē продолжала имѣть свое войско, предводительствуемое своими отдѣльными воеводами; войско это составлялось изъ земцовъ, собственно только для защиты земли отъ нападенія непріятелей, но иногда, конечно по рѣшенію вѣча, участвовало и въ походахъ и войнахъ княжескихъ. Такъ земская рать была въ походѣ Ярославова сына Владиміра въ Константинополь, и имѣла своимъ начальникомъ воеводу Вышату; земцы очевидно участвовали въ этомъ походѣ потому, что самая война съ Греками была начата за обиду Русскихъ купцовъ. Земское войско въ самыхъ сраженіяхъ и походахъ всегда стояло и шло отдѣльно отъ княжеской дружины. Такъ въ 992 году при нападеніи Печенѣговъ, когда Печенѣжскій Князь предложилъ Владиміру выставить Русскаго богатыря для единоборства съ Печенѣжскимъ богатыремъ; то Владиміръ сперва послалъ бирючей въ свой станъ къ дружинѣ, а когда такого богатыря въ княжемъ стану не нашлось, то велѣлъ клануть въ земской рати, и пришелъ къ Вла-

диміру старъ мужъ, и сказалъ: «Княже! есть у меня одинъ сынъ меньшій дома, а съ четырьмя я вышелъ, а онъ дома, а отъ дѣтства никто его не могъ побороть.» У Мстислава подѣ Лиственомъ Сѣверянская земская рать также стояла и билась съ Варягами Ярослава отдѣльно отъ княжей дружины; и Мстиславъ осматривая поле битвы еще сказалъ: «кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла». Или въ 1036 году въ битвѣ съ Печенѣгами подѣ Кіевомъ земская рать Кіевлянъ и земская рать союзныхъ Новгородцевъ стояли отдѣльно отъ Варяговъ дружины Ярославовой, именно Варяги въ срединѣ, Кіевляне на правомъ крылѣ, Новгородцы на лѣвомъ. Какъ земцы иногда помогали Князьямъ въ ихъ войнахъ, такъ на оборотъ и Князья иногда помогали земцамъ въ ихъ войнахъ: такъ мы уже видѣли, что Владиміръ въ 985 году для Новгородцовъ воевалъ съ Камскими Болгарами, и по желанію Новгородцовъ заключалъ съ ними миръ; также Ярославъ въ 1021 году за Новгородцовъ воевалъ съ Брячиславомъ Полотскимъ, или въ 1030 году для Новгорода же воевалъ съ Эстонскою Чудью; а въ 1042 году Ярославовъ сынъ Владиміръ вмѣстѣ съ Новгородцами и для Новгородцевъ раззорялъ земли сосѣдняго Финскаго племени Ямь. Также войны Ярослава съ дикою Литвою очевидно были ведены въ пособіе сосѣдней Русской земщинѣ, именно для защиты Русскихъ колоній въ Литвѣ; ибо конечно Ярославъ ходилъ въ Литву не за вѣниками же и лыками, которыми дикіе Литовцы будто бы платили дань.

Принятіе христіанской вѣры произвело большое измѣненіе въ Русской земщинѣ: оно не только сообщило церковное единство всѣмъ племенамъ составившимъ тогда

Русь, чего они прежде неимѣли, но и въ самое общественное устройство земщины ввело сильное участіе церкви. По уставу Владиміра о церковныхъ судахъ, составленному на основаніи Греческихъ церковныхъ законовъ, многое, что прежде находилось въ вѣдѣніи земскихъ общинъ, перешло въ вѣденіе церкви, митрополита и епископовъ. Такъ по этому уставу въ вѣдѣніе церкви и епископовъ были переданы больницы, страннопріимницы, также лѣкаря, странники, слѣпцы, хромцы, калѣки и рабы освобожденные на поминъ души. Во всѣ дѣла сихъ учреждений и лицъ, равно какъ и въ причетъ церковный, ни земскіе ни княжіе начальники немогли уже вступаться. Потомъ симъ же уставомъ переданъ былъ въ вѣдѣніе церкви надзоръ за торговыми мѣрами и вѣсами, слѣдовательно до нѣкоторой степени и торговля вышла изъ подъ вліянія земскихъ общинъ; далѣе судъ по дѣламъ семейнымъ, а также въ нарушеніи правилъ церкви и нравственности, рѣшительно отошелъ отъ общинъ къ церкви: по всѣмъ семейнымъ ссорамъ, по тяжбамъ о наслѣдствѣ и по прочимъ подобнымъ дѣламъ, должно уже было идти не къ земскимъ старостамъ, а къ епископу или его намѣстникамъ и десятильникамъ. Мало этого; Владиміръ, считая всѣ древніе Русскіе обычаи и порядки погаными и неприличными христіанамъ, хотѣлъ чтобы во всѣхъ судахъ между Русскими христіанами вмѣстѣ съ княжими тїунами и земскими старостами участвовало и духовенство, и съ этою цѣлю принялъ, такъ называемый, законъ судный людемъ, особый сборникъ Греческихъ узаконеній, и желалъ, чтобы этимъ закономъ, какъ христіанскимъ, судились христіане на Руси. Ближайшимъ слѣдствіемъ такового нововведенія конечно было то, что Рус-

скіе люди старались избѣгать суда по Греческимъ законамъ, оскорбительнымъ для вольныхъ людей и несогласнымъ съ Русскою жизнію, и поканчивали свои дѣла самоудомъ. А по сему Ярославъ, утвердившись послѣ Владиміра въ Кіевѣ, немедленно издалъ новый законъ, извѣстный подъ именемъ Русской Правды, въ которомъ обратилъ единственно вниманіе на тѣ дѣла, въ которыхъ по судному закону людямъ назначалось тѣлесное наказаніе особенно ненавистное и нетерпимое въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ, какъ оскорбительное для свободныхъ людей; и согласно съ изконными Русскими обычаями замѣнилъ его денежными пенями, а также оставилъ въ своей силѣ древнѣйшій обычай мести въ дѣлахъ по убійствамъ; впрочемъ, согласно съ новыми требованія общественной жизни, ограничилъ право мести только ближайшими родственниками убитаго, членами одной семьи, а за неимѣніемъ ближайшихъ родственниковъ убитаго назначилъ, чтобы убійца платилъ большую пеню въ сорокъ гривенъ, т. е. семь фунтовъ серебра. Но недовольствуясь изданіемъ Русской Правды, Ярославъ, чтобы ослабить вліяніе Греческихъ законовъ, неудобныхъ Русскому обществу и во многомъ несогласныхъ съ его обычаями, издалъ новый уставъ о церковныхъ судахъ, въ которомъ строго отдѣлилъ церковный судъ отъ свѣтскаго суда и значительно сократилъ его вѣдомство. По сему уставу съ одной стороны духовенство потеряло право участвовать въ свѣтскихъ судахъ, а княжіе тіуны и другіе свѣтскіе судьи отстранены отъ участія въ церковныхъ судахъ, а съ другой стороны церковные суды почти исключительно ограничены дѣлами семейными и лицами состоявшими въ непосредственномъ вѣдѣніи церкви.

Чтобы еще болѣе отстранить вліяніе Греціи на Русское общество черезъ церковь, Ярославъ въ 1051 году избралъ въ митрополиты всея Руси священника села Берестова Иларіона, родомъ Русина, мужа уже пріобрѣтшаго извѣстность своимъ благочестіемъ и книжнымъ ученіемъ, и велѣлъ поставить его въ митрополиты Русскимъ епископамъ безъ сношенія съ Греческимъ патріархомъ, но вполнѣ придерживаясь правилъ церковнаго номоканона; и такимъ образомъ Ярославъ, не дѣлая и не желая дѣлать совершеннаго разрыва съ Греческою церковію, въ то же время далъ Русской церкви болѣе самостоятельности и независимости отъ Греческой. Но высвобожденіе Русской церкви изъ подъ зависимости отъ Греческой и точнѣйшее опредѣленіе церковныхъ судовъ по новому уставу только ослабляло Греческое вліяніе; церковь же тѣмъ не менѣе продолжала дѣйствовать на Русское общество и вести его впередъ, за церковію шли на Русь книжное ученіе и другія потребности болѣе развитой общественной жизни. Ярославъ уже любилъ читать книги и занимался чтеніемъ день и ночь, митрополитъ Иларіонъ и Новгородскій епископъ Лука Жидята, оба Русскіе уроженцы, уже были извѣстны своимъ книжнымъ ученіемъ и оставили послѣ себя, хотя не многія, но замѣчательныя сочиненія, сохранившіяся до нашего времени въ разныхъ спискахъ, слѣдовательно любимыя и уважаемыя не только у современниковъ, но и у позднѣйшаго потомства. Училища заведенныя Владиміромъ и Ярославомъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, не остались единственными; при Ярославѣ же начали появляться училища и въ другихъ городахъ, — такъ мы имѣемъ извѣстіе объ училищѣ въ Курскѣ. Кромѣ славы книжнаго ученія въ Рус-

скомъ обществѣ за Ярославово время появилась еще новая слава, прежде неизвѣстная на Руси, слава подвиговъ благочестія, постничества и неусыпныхъ трудовъ. Такъ при Ярослаvē одинъ житель Любеча, путешествовавшій на Аѳонскую гору, и постриженный тамъ въ иноки подъ именемъ Антонія, поселившись въ пещерѣ надъ Днѣпромъ, ископанной Иларіономъ до поставленія его въ митрополиты, такъ прослылъ своею строгою иноческою жизнію, постничествомъ, молитвами и другими подвигами благочестія, что славу его лѣтописецъ уподобляетъ слаvē древняго великаго Антонія Египетскаго, и говоритъ, что къ нему стекались люди съ разныхъ сторонъ, прося у него благословенія и молитвъ. Такимъ образомъ струя новой жизни, порожденной христіанствомъ, дѣятельно и съ успѣхомъ пробивала кору стараго язычества въ жизни Русскаго общества.

Но въ то же время и старая жизнь еще продолжала пользоваться своими успѣхами въ большинствѣ Русскихъ людей. Отдаленные углы Русской земли еще упорно отстаивали свое язычество, волхвы и кудесники еще пользовались уваженіемъ темнаго народа; мы видѣли, что въ 1024 году Ярославъ самъ долженъ былъ отправиться въ отдаленную землю Суздальскую, чтобы утишить тамъ мятежъ, произведенный волхвами, которые ходили по случаю голода по селамъ и городамъ и избивали старыхъ людей, рассказывая невѣждамъ старую языческую басню, что старики и старухи удерживаютъ у себя обиліе земли, и отъ того де хлѣбъ не родится. Также привязанность къ старому язычеству, нѣтъ сомнѣнія, продолжалась и въ другихъ краяхъ Руси; тѣ изъ Кіевлянъ и Новгородцевъ, которые съ воплемъ и слезами провожали по-

руганный кумирь Перуновъ, конечно тайно продолжали еще молиться и Перуну и рощамъ и кладезямъ, и бѣгать отъ христіанскихъ церквей. Не даромъ же Ярославъ, разсылая священниковъ по городамъ и селамъ, наказывалъ имъ, что бы они почаще приглашали прихожанъ, въ церкви; ясно что новые христіане еще туго посѣщали храмы божіи, а охотнѣе ходили молиться рощамъ и кладязямъ. Самые монастыри, построенные Ярославомъ въ Кіевѣ, плохо еще удовлетворяли истинно благочестивыхъ людей и не были образцами христіанской жизни; такъ преподобный Антоній, пришедши отъ Аѳонской горы, пересмотрѣлъ всѣ Кіевскіе монастыри, и ни въ одномъ не рѣшился остаться, а поселился въ уединенной пещерѣ надъ Днѣпромъ. Даже въ иныхъ семьяхъ княжескихъ еще продолжали довѣрять разнымъ языческимъ суевѣріямъ; такъ при рожденіи Всеслава Полотскаго были приглашены волхвы, которые и наказали его матери навязать новорожденному какое-то язвено, чтобы носилъ до смерти.

Но и кромѣ, прямыхъ языческихъ суевѣрій старая жизнь еще неоставляла Русскаго общества. Знаменитыя по народнымъ преданіямъ пиры Владиміра, и по принятіи Княземъ христіанства, еще много удерживали въ себѣ старыхъ языческихъ обычаевъ, на нихъ еще участвовали скоморохи съ старыми языческими пѣснями, весь складъ сихъ пировъ былъ еще старый и всѣ попойки и разговоры отзывались удалой стариною. Книголюбецъ Ярославъ уже не давалъ пировъ, какъ не согласныхъ съ новыми требованіями жизни и напомилавшихъ не христіанскую старину; братъ его Мстиславъ Черниговскій и Тмутараканскій, подобно отцу, былъ еще

охотникъ до шировъ и не щадилъ для нихъ своего имѣнія. А ежели такъ было у Князей; то у народа, вообще туго принимающаго новости, дохристіанская старина была еще сильнѣе. Мы уже видѣли, что Ярославъ въ своей Русской Правдѣ не могъ еще отмѣнить стараго обычая мести и только сократилъ его, а въ своемъ уставѣ о судахъ церковныхъ тотъ же Князь не только допустилъ, но и узаконилъ нѣкоторые старыя, отзывающіеся язычествомъ, обряды на свадьбахъ и сговорахъ. И вообще Русскіе люди при Владимірѣ и Ярославѣ въ большинствѣ еще много соблюдали языческихъ старыхъ обрядовъ въ разныхъ важныхъ случаяхъ частной жизни, отъ рожденія челоуѣка до его погребенія.

Но въ то же время жизнь Русскаго общества быстро продолжала развиваться, по крайней мѣрѣ въ болѣе значительныхъ городахъ. Для построенія и украшенія церквей стали приходять на Русь разные художники изъ Греціи, строители, иконописцы, пѣвцы и другіе, къ которымъ поступали Русскіе люди въ ученіе и распространяли разныя искусства, допрежде неизвѣстные на Руси. Пышность княжескаго двора, введенная Владиміромъ и поддерживаемая Ярославомъ, вызывала также своего рода разныхъ художниковъ, которые тоже распространяли свои знанія въ народѣ, принимая къ себѣ въ ученики Русскихъ людей. Торговля по прежнему производилась съ большою дѣятельностію и постепенно расширялась; новые потребности жизни вызывали новые виды торговли. Современникъ Владиміра, Нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ нащитываетъ въ Кіевѣ уже четыреста церквей и восемь торговыхъ площадей; другой иностранный лѣтописецъ Адамъ Бременскій уподобляетъ уже

Кіевъ Константинополю; и дѣйствительно Ярославъ старался украсить этотъ городъ по образцу Греческой столицы. Другіе города Руси современной Владиміру и Ярославу по всему вѣроятію также процвѣтали и украшались, особенно тѣ, гдѣ жили Князья сыновья Владиміра и Ярослава.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЫЙ.

СЫНОВЬЯ ЯРОСЛАВА.

Русь, при Ярославі состоявшая изъ трехъ отдѣльныхъ владѣній, самаго большаго Ярославова и потомъ Новгородскаго и Полотскаго, по смерти Ярослава раздѣлилась на семь отдѣльныхъ владѣній независимыхъ другъ отъ друга. Новгородское и Полотское владѣнія остались по прежнему, Полотское за потомками Изяслава Владиміровича, а Новгородское за самимъ господиномъ Великимъ Новгородомъ при выборныхъ Князьяхъ. Огромное же владѣніе Ярославово по собственному завѣщанію самаго стараго Князя раздѣлилось на слѣдующія отдѣльныя княжества: 1-е Кіевское, которое обнимало собою весь правый берегъ Днѣпра, ему принадлежали какъ Кіевская область Полянъ, такъ и земли Древлянская и Туровская и кажется Червенскіе города; 2-е Черниговское, ему принадлежали кромѣ Сѣверянской области Чернигова еще Тмутаракань на Югѣ, и земля Вятичей, также Рязань и Муромъ на Сѣверо-востоку; 3-е Переяславское состояло изъ Переяславской области на югѣ въ Приднѣпровьѣ и изъ Сѣверныхъ областей,

Ростова, Бѣлоозера, Суздаля и другихъ тамошнихъ Новгородскихъ колоній; 4-е, Смоленское заключало въ себѣ древнія земли Кривичей, верхнее теченіе Днѣпра по обѣимъ его берегамъ, а также колоніи Кривичей въ южныхъ предѣлахъ Литовской земли; и 5-е, Владиміро-Волынское, которому принадлежала Волынь съ частію Подоліи, область сія простиралась отъ рѣки Горыни на западъ, до рѣки западнаго Буга.

Хотя по Ярославову завѣщанію Изяславъ Кіевскій названъ старшимъ Княземъ и заступилъ мѣсто отца; но по характеру своему онъ не могъ занимать этого мѣста, а старшинство по завѣщанію не давало ему никакой власти надъ младшими Князьями, которые по самому завѣщанію были признаны независимыми и самостоятельными владѣльцами, каждый въ своей области, старшій братъ даже не получилъ права суда надъ младшими и не могъ изгнать ни одного изъ нихъ, а только обязанъ былъ помогать тому изъ братьевъ, кого будутъ обижать другіе. Но владѣнія Ярославовыхъ дѣтей не долго оставались въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ оставилъ Ярославъ: на третьемъ году, по смерти Ярослава умеръ Вячеславъ Смоленскій, а на пятомъ Игорь Волынскій; и Изяславъ Кіевскій ихъ владѣнія присоединилъ къ своимъ, а сыновей ихъ оставилъ безъ владѣній, и держалъ ихъ при себѣ, какъ малолѣтнихъ; и такимъ образомъ изъ пяти княжествъ, образовавшихся изъ Ярославовыхъ владѣній, чрезъ пять лѣтъ послѣ его смерти образовалось три владѣнія, самое большое Изяславово, и потомъ Святославово и Всеволодово. Сии три старшіе брата первоначально жили мирно между собою; Святославъ и Всево-

лодь даже смолчали, когда Изяславъ усилилъ свои владѣнія присоединеніемъ Смоленска и Волыни.

Но миръ и тишина на Руси были непродолжительны: съ одной стороны на юго-восточныя границы Руси надвигался новый сильный врагъ, — Половцы, смѣнившіе Печенѣговъ; а съ другой стороны и между Князьями накоплялось много разныхъ неудовольствій, которыя скоро ли долго ли должны были разродиться междоусобіями. Въ народѣ уже начало носиться какое-то темное предчувствіе грядущихъ нещастій, люди стали уже замѣчать разныя предзнаменованія не на добро: то Волховъ шелъ пять дней вверхъ, а не по теченію, то семь вечеровъ къ ряду видѣли на западѣ какую-то необычайную звѣзду съ кровавыми лучами, то рыболовы вынули изъ Сетомли какого-то страннаго уroda въ образѣ человѣческомъ, то замѣчали затмѣніе солнца; и все это сильно смущало и волновало народъ. Да и кромѣ темныхъ предзнаменованій было уже не мало безпокойствъ: Всеволодъ Переяславскій уже нѣсколько разъ бился, то съ Торками, то съ новымъ врагомъ Половцами; Святославъ Черниговскій долженъ былъ воевать съ своимъ беззудѣльнымъ племянникомъ Ростиславомъ, сыномъ покойнаго Владиміра Ярославича Новгородскаго, который отнялъ у Святослава сына Глѣба Тмутаракань, пробравшись туда изъ Новгорода. Потомъ въ 1066 году Всеславъ Брячиславичъ Князь Полотскій, одинъ изъ самыхъ удалыхъ Князей своего времени, напалъ на Новгородъ, разбилъ тамошняго Князя Мстислава сына Изяслава, ограбилъ храмъ св. Софіи, снялъ колокола и паникадилы, и кромѣ разныхъ богатствъ захватилъ множество плѣнниковъ, женъ и дѣтей. Это нападеніе Всеслава на Новгородъ

подняло Князей Кіевскаго, Черниговскаго и Переяславскаго; они все вмѣстѣ двинулись на Полотскія владѣнія и послѣ жестокой битвы взяли Минскъ, потомъ пошли къ Немизѣ, куда явился и Всеславъ, и здѣсь произошла страшная сѣча, дорого стоившая обѣимъ сторонамъ, и кончившаяся бѣгствомъ Всеслава. Но Всеславъ и разбитый былъ еще страшнѣе для сыновей Ярослава; они цѣлыхъ четыре мѣсяца не разпускали войска и стояли на границахъ Полотскитъ владѣній, и чтобы покончить съ нимъ дѣло, прибѣгли къ хитрости. Они зазвали Всеслава для переговоровъ въ Оршу близъ Смоленска, поклявшись честнымъ крестомъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла; и когда Всеславъ, положившись на ихъ крестное цѣлованіе, переѣхалъ въ лодкѣ черезъ Днѣпръ и вошелъ въ шатеръ Изяславовъ; то схватили его измѣннически и увезли въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ его и его двухъ сыновей засадилъ въ порубѣ.

Наконецъ въ 1068 году наступила настоящая бѣда въ Русской землѣ, та самая которая давно предчувствовалась въ народѣ: Половцы напали на Переяславскую область безчисленными толпами, такъ что къ Всеволоду явились на помощь Изяславъ и Святославъ, и дали битву на Альтѣ, гдѣ Русскіе Князья были разбиты на голову, Изяславъ съ Всеволодомъ бѣжали въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Но это было только начало бѣдствій. Въ слѣдъ за пораженіемъ Русскихъ Князей на Альтѣ, Половцы разсыпались по южнымъ границамъ Русскихъ владѣній и начали опустошать беззащитные города и села. Богатые Кіевляне, ожидая и себѣ такой же участи, созвали вѣче на торговой площади и послали сказать Изяславу: «Князь, дай намъ оружія и коней,

мы хотимъ еще биться съ Половцами»; но Изяславъ отказалъ имъ. Тогда Кіевляне, и прежде недовольные своимъ Княземъ, за то, что онъ многихъ изъ нихъ посажалъ въ темницы, возстали всѣмъ городомъ; и сперва выпустили своихъ темничныхъ узниковъ, засаженныхъ Изяславомъ, а потомъ вывели изъ поруба и Всеслава Полотскаго съ его сыновьями. Изяславъ и Всеволодъ, незная какъ унять народное возстаніе, бѣжали изъ Кіева; ихъ бѣгство еще болѣе развязало руки возставшимъ гражданамъ: они разграбили княжій дворъ и провозгласили Кіевскимъ Княземъ Всеслава Полотскаго. Между тѣмъ хрѣбрый Святославъ Черниговскій, собравъ три тысячи ратниковъ, дружно ударилъ на Половцевъ, грабившихъ около Чернигова, разбилъ ихъ двѣнадцать тысячъ и взялъ въ плѣнъ ихъ Князя.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ бѣгства изъ Кіева, Изяславъ возвратился на Русь въ сопровожденіи Польскаго короля Болеслава II-го и съ большимъ Польскимъ войскомъ. Услышавъ о его походѣ, Кіевляне вмѣстѣ съ своимъ выборнымъ Княземъ Всеславомъ выдвинулись впередъ къ Бѣлгороду; но Всеславъ, не надѣясь на Кіевлянъ, или не сочувствуя имъ, ночью тайно бѣжалъ изъ Бѣлгорода и ушелъ въ свой родной Полотскъ. Кіевляне, оставленные Княземъ, воротились въ Кіевъ, и созвавши вѣче порѣшили отправить посланниковъ къ Святославу и Всеволоду съ такими рѣчьми: «Князи! Мы худо сдѣлали, прогнавши своего Князя, а онъ теперь ведетъ на насъ Лятьскую землю, а пойдите въ городъ отца своего, а ежели не пойдете; то мы зажжемъ свой городъ и уйдемъ въ Греческую землю». Святославъ съ Всеволодомъ на такія рѣчи Кіевскихъ посланцевъ отвѣчали:

«мы пошлемъ сказать своему брату, что ежели онъ пойдетъ на васъ съ Ляхами, губить васъ, то мы выйдемъ противу его ратью, и не дадимъ погубить городъ отца своего, а ежели хочеть идти съ миромъ, то пусть придетъ въ малой дружинѣ»; и тѣмъ успокоили Кіевлянъ, а сами послали къ Изяславу сказать: «Всеславъ убѣждалъ, не води Ляховъ въ Кіевъ, тебѣ тамъ нѣтъ противника; а ежели хочешь имѣть гнѣвъ и погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола». Изяславъ, получивши такую вѣсть отъ братьевъ, отослалъ Ляховъ назадъ, и только съ небольшою дружиною и съ Болеславомъ отправился въ Кіевъ, пославши напередъ себя своего сына Мстислава. Мстиславъ вошедши въ Кіевъ, изсѣкъ до 70 человекъ Кіевлянъ, которыхъ подозрѣвалъ въ освобожденіи Всеслава, а другихъ ослѣпилъ, иныхъ же безъ вины погубилъ, не разобравши дѣла.

Кіевляне, желая искренно примириться съ Княземъ, смолчали противъ жестокостей Мстислава, вышли встрѣчать Изяслава и съ поклономъ приняли его какъ своего Князя. Но не такъ искренно дѣйствовалъ Изяславъ; онъ недовольствуясь нелѣпою местию совершенною его сыномъ, отдалъ Кіевъ на грабежъ Полякамъ, пришедшимъ съ Болеславомъ, которые своимъ буйствомъ, грабительствами и разными оскорбленіями довели Кіевлянъ до того, что они, чтобы избавиться отъ навязанныхъ имъ гостей, нашлись вынужденными тайно убивать ихъ, и тѣмъ только заставили Болеслава съ уцѣлѣвшими спутниками поскорѣе обратиться въ Польшу. Потомъ по удаленіи Болеслава, Изяславъ перевелъ торговую площадь съ Подоля на гору, что бы самому было удобнѣе и ближе

вмѣшиваться въ торговья дѣла и имѣть строгій надзоръ за гражданами. Далѣе, изъ какой-то непонятной подозрительности, онъ сталъ преслѣдовать уважаемаго цѣлымъ Кіевомъ преподобнаго Антонія Печерскаго; такъ что сей святой мужъ принужденъ былъ оставить свою пещеру и укрыться въ Черниговъ подъ покровительство Святослава. Все это ставило Изяслава въ невыгодное положеніе въ отношеніи къ народу. А между тѣмъ Святославъ Черниговскій день отъ дни пріобрѣталъ большее уваженіе и любовь народа своимъ мужествомъ и благоразуміемъ; его побѣда надъ Половцами подъ Черниговомъ и заступничество за Кіевлянъ передъ Изяславомъ, такъ подняли его въ народномъ мнѣніи, что вольнолюбивые Новгородцы выбрали себѣ въ Князя его сына Глѣба; къ тому же самъ Святославъ завладѣлъ Бѣлозерскимъ краемъ, а можетъ быть и Ростовомъ. Все это ставило Святослава въ такое положеніе, что онъ при своемъ характерѣ могъ первенствовать между Русскими Князьями, чѣмъ онъ и не замедлил воспользоваться.

Изяславъ въ первый же годъ по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, напалъ и довольно удачно, на Всеслава въ самомъ Полотскѣ; и выгнавши его оттуда, посадилъ тамъ своего сына Мстислава, а когда тотъ скоро умеръ, то перевелъ туда другаго сына Святополка. Но съ Всеславомъ нельзя было раздѣлаться одною удачною битвою или занятіемъ одного или нѣсколькихъ городовъ; это былъ Князь самый находчивый, неуступавшій ни передъ какою бѣдою, и такъ ловко умѣвшій выпутываться изъ разныхъ напастей, что современники его называли богатыремъ чародѣемъ и оборотнемъ. Война съ такимъ чародѣемъ, начатая Изяславомъ кажется изъ одной не-

ненависти, только ему самому доставила множество несчастій: во первыхъ она продолжалась около трехъ лѣтъ, и Всеславъ успѣлъ воротить свой Полотскъ, и до того довелъ Изяслава, что тотъ призналъ неприкосновенность его владѣній и вступилъ съ нимъ въ отдѣльный союзъ. Потомъ объ этомъ союзѣ Кіевского Князя съ Полотскимъ стали носиться слухи, что будто бы Изяславъ условился съ Всеславомъ соединенными силами напасть на Святослава Черниговскаго и Всеволода Переяславскаго. Насколько вѣрны были сіи слухи мы не знаемъ: но ими какъ ненадо лучше воспользовался Святославъ, онъ подъ ихъ предлогомъ заключилъ союзъ съ Всеволодомъ, и принудилъ Изяслава бѣжать изъ Кіева, а самъ занялъ Кіевъ, и соединя всѣ Кіевскія владѣнія съ Черниговскими сдѣлался старшимъ Княземъ.

Изяславъ, оставляя Кіевъ, вывезъ съ собою большія богатства добытыя разными насиліями, и думалъ при ихъ помощи найдти себѣ скорую помощь въ Польшѣ; но Святославъ такъ ловко повелъ свои дѣла, что при его жизни Изяславъ, сколько не хлопоталъ о возвращеніи себѣ Кіева, ничего не успѣлъ сдѣлать. Въ Польшѣ только порядочно обобрали его и выпроводили вонъ; ибо Святославъ успѣлъ уже заключить союзъ съ Польскимъ Королемъ и помогалъ ему въ войнѣ съ Чехами, гдѣ по его приказанію четыре мѣсяца воевали за-одно съ Поляками сынъ его Олегъ Святославичъ и сынъ Всеволодовъ Владиміръ Мономахъ. Такая же неудача была Изяславу въ Германіи предъ тамошнимъ Императоромъ Генрихомъ IV: Генрихъ погрозилъ было Святославу войною, ежели онъ не возвратитъ Кіева Изяславу; но дѣло обошлось и безъ войны, Святославъ отправилъ богатые

дары къ Генриху, хорошо принялъ его посольство въ Кіевѣ; и Генрихъ, сильно занятый своими домашними дѣлами, замолчалъ. Не болѣе успѣха было для Изяслава и въ Италіи передъ Римскимъ Папою, которому онъ обѣщалъ подчинить Россію въ церковномъ отношеніи. Папа написалъ ему жалованную милостивую грамоту и приказалъ Польскому Королю возвратить богатства отнятыя у Изяслава и помочь ему при занятіи Кіева; но грамота осталась грамотою, какъ прямая улика Изяслова малодушія и властолюбія, а Польскій Король, уже союзникъ Святославовъ, не думалъ ни возвращать Изяславу его богатствъ, ни помогать ему въ занятіи Кіева. И Изяславъ по прежнему оставался изгнанникомъ и бездомнымъ скитальцемъ со всѣмъ своимъ семействомъ, и конечно надолго бы остался въ этомъ жалкомъ положеніи; но къ его счастью Святославъ на четвертомъ году своего княжескованія въ Кіевѣ скончался, и Кіевскимъ Княземъ объявилъ себя Всеволодъ Переяславскій, съ которымъ Изяславу легче было управиться.

Вѣсть о смерти Святослава какъ бы развязала руки Изяславу: онъ ее получилъ въ Польшѣ, и собравши на скоро Польскую помощь отправился на Волынъ, куда къ нему на встрѣчу выступилъ и Всеволодъ съ своими полками; но вмѣсто битвы братья заключили миръ, по которому Всеволодъ уступилъ Изяславу Кіевъ, и за это самъ получилъ въ придачу къ своимъ Переяславскимъ владѣніямъ владѣнія Черниговскія и Смоленскія. Этотъ новый дѣлежъ владѣній безъ борьбы такъ усилилъ Всеволода, что и не будучи Кіевскимъ Княземъ онъ сдѣлался могущественнѣе Изяслава; и напротивъ по сему дѣлежу почти совершенно были лишены владѣній сы-

новья покойнаго Святослава, за которыми осталась только одна подурусская отдаленная Тмутаракань, гдѣ княжилъ Романъ Святославичъ. Здѣсь Изяславъ поступилъ также съ Святославичами, какъ прежде онъ поступилъ съ дѣтьми своихъ братьевъ Вячеслава и Игоря, которыхъ по смерти отцовъ оставилъ безъ владѣній; но тогда такой грабежъ ему сошелъ съ рукъ, потому что сироты Вячеслава и Игоря были малолѣтними и заступиться за нихъ было некому; Святославичи же напротивъ были уже не малолѣтки, и отличались и храбростію и находчивостію, да и прежніе ограбленные сироты Вячеслава и Игоря уже выросли. А по сему необходимымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ беззаконнаго Волынскаго дѣлежа была война съ Святославичами и сыновьями Вячеслава и Игоря, которая началась на другой же годъ по возвращеніи Изяслава въ Кіевъ. Войну эту начали Борисъ Вячеславичъ и Олегъ Святославичъ; они, оставаясь безъ владѣній, сперва бѣжали въ Тмутаракань, а потомъ, подговоря Половцевъ напали на Всеволода въ Черниговѣ, разбили его и принудили бѣжать въ Кіевъ. Изяславъ вступился за брата, и желая поддержать незаконный Волынскій дѣлежъ, собралъ многочисленное войско и приступилъ къ Чернигову; Черниговцы, не считавшіе Волынскаго дѣлежа для себя закономъ, затворили передъ нимъ ворота и стали защищаться; между тѣмъ Борисъ и Олегъ явились къ нимъ на выручку, и на виду отъ Чернигова на Нежатиной нивѣ завязалась страшная сѣча, на которой съ одной стороны палъ Борисъ Вячеславичъ, и съ другой Изяславъ Кіевскій, а разбитый на голову Олегъ Святославичъ убѣжалъ въ Тмутаракань.

Смерть Изяслава опростала престоль Кіевскій, который и занялъ Всеволодъ, послѣдній изъ сыновей Яро-слава оставшійся въ живыхъ; онъ Черниговъ отдалъ сыну своему Владиміру Мономаху, а Изяславова сына Ярополка посадилъ во Владиміръ Волинскомъ и сверхъ того придалъ ему Туровъ. Но война тѣмъ непрекратилась: обиженные племянники Романъ и Олегъ Святославичи на слѣдующій же годъ привели Половцевъ воевать Переяславскія владѣнія; впрочемъ Всеволодъ, не вступая въ битву купилъ миръ у Половцевъ, которые въ придачу къ миру убили еще Романа Святославича, а брата его Олега отправили въ ссылку въ Грецію, и такимъ образомъ Тмутаракань досталась Всеволоду, который и послалъ туда своего посадника Ратибора. Тѣмъ не менѣе обиженные Князья, испугались могущества Всеволода и черезъ годъ Давидъ Игоревичъ и Володаръ Ростиславичъ, проживавшіе у Всеволода, тайно бѣжали отъ него и захватили Тмутаракань, а еще черезъ годъ туда же явился изъ Греціи Олегъ Святославичъ, и занялъ эту область, какъ наследственный удѣлъ Князей Черниговскихъ. А еще черезъ годъ два Ростиславича Рюрикъ и Василько, также безземельные, проживавшіе у Ярополка Ростиславича во Владиміръ Волинскомъ, бѣжали отъ него и начали воевать въ разныхъ мѣстахъ и принудили Всеволода уступить имъ Перемышль и Тереховль, а еще прежде Давидъ Игоревичъ успѣлъ вытребовать у него Дорогобужъ. Потомъ и Ярополкъ Изяславичъ за Владиміръ Волинскій началъ войну съ Всеволодомъ, но разбитый Всеволодовымъ сыномъ Мономахомъ принужденъ былъ бѣжать въ Польшу, и послѣ черезъ годъ примирился и получилъ назадъ свой удѣлъ

Волянь. Всеволодъ умеръ 13 Апрѣля 1093 года и заключилъ собою рядъ сыновей Ярослава, владѣвшимъ почти всею тогдашнею Русью безъ малаго сорокъ лѣтъ.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПРИ ЯРОСЛАВИЧАХЪ.

Мы видѣли отношенія Князей-братьевъ другъ къ другу и къ племянникамъ и другимъ родственникамъ при сыновьяхъ Ярослава; теперь посмотримъ на ихъ отношенія къ народонаселенію, и вообще на тогдашнее состояніе Русскаго общества.

Княжеская власть значительно усилившаяся при Владимірѣ и Ярославѣ, при сыновьяхъ Ярославовыхъ напротивъ значительно ослабла: Владиміръ и Ярославъ старались сжиться съ Русскимъ обществомъ, соединить свои интересы съ интересами общественными, и сблизить дружину съ земщиною; сыновья же Ярослава все это совершенно опустили изъ вида, они вовсе не заботились о сближеніи съ земщиною, и всю свою надежду полагали на сбродной дружинѣ и даже на наемныхъ Половцовъ, Русскія же области считали только какъ бы мѣстомъ временной осѣдлости и средствомъ содержать дружину, и заботились преимущественно о томъ, чтобы какимъ бы то нибыло образомъ побольше собрать богатствъ, на которыя бы содержать лучшую и многочислѣннѣйшую дружину, какъ прямо говорилъ Изяславъ, удаляясь изъ Кіева со многими имѣніемъ: *«яко силъ налелу вои»*. Въ

прежнее время старые Князья Олегъ, Святославъ, Владиміръ и Ярославъ добывали себѣ богатства отдаленными походами въ Грецію и Хазарію и нападеніями на сосѣднія независимыя Славянскія племена; для сыновей же Ярослава этотъ источникъ доходовъ прекратился: сосѣднія Славянскія племена уже вошли въ составъ разныхъ Русскихъ княжествъ, самая Хазарія распалась, а походы на Грецію сдѣлались почти невозможными при постоянной грозѣ дикихъ Половцевъ, именно занявшихъ своими кочевьями степи на пути въ Грецію. А по сему Князья этого времени главнымъ источникомъ обогащенія стали считать отнятіе владѣній другъ у друга. Вторымъ источникомъ княжихъ доходовъ того времени считался прямой грабежъ, на который преимущественно рассчитывали Князья безземельные, или которые не имѣли средствъ отнимать владѣнія у сосѣдей; такъ Давыдъ Игоревичъ заѣвъши въ Олешы грабилъ Греческихъ купцовъ и тѣмъ вынудилъ Всеволода дать ему Дорогобужь на Волыни, удалый Всеславъ Полотскій нѣсколько разъ грабилъ Смоленскъ и Новгородъ, Ростиславичи за-одно съ Половцами постоянно занимались грабежами въ сосѣднихъ Польскихъ владѣніяхъ. Наконецъ третьимъ источникомъ княжихъ доходовъ того времени считался сборъ даней и разныхъ пошлинъ въ собственныхъ областяхъ; но этотъ источникъ тогда былъ очень бѣденъ и ненадеженъ, на него можно было рассчитывать только въ богатыхъ торговыхъ и многолюдныхъ городахъ, каковы: Кіевъ, Смоленскъ и Черниговъ; а посему сіи-то города преимущественно и были предметомъ искательствъ тогдашнихъ Князей.

Владиміръ, какъ мы уже видѣли, окружалъ себя и

дружинниками и земцами, приглашалъ земцовъ на совѣтъ, даже собиралъ иногда земское вѣче, тоже дѣлалъ и Ярославъ; но не такъ поступали сыновья Ярослава: они окружали себя дружинниками, земцовъ же только отягощали разными поборами, и позволяли ихъ грабить своимъ тѣнамъ и посадникамъ. Пиры Изяслава, Святослава и Всеволода были доступны однимъ дружинникамъ, дружинники только наслаждались роскошною княжескою трапезою и вмѣстѣ съ Княземъ потѣшались музыкою, пѣснями и разными играми, земцовъ же нарочитыхъ людей туда вовсе не приглашали. О приглашеніи земцовъ на совѣтъ сыновья Ярослава также не думали, а напротивъ старались отказывать и законнымъ требованіямъ земскаго вѣча, какъ на примѣръ Изяславъ во время войны съ Половцами отказалъ Кіевскому вѣчу въ выдачу оружія и коней. Ближайшимъ необходимымъ слѣдствіемъ такого поведенія Князей было то, что земщина охладѣла къ Князьямъ, и равнодушно стала смотрѣть на переходы Князей и дружинниковъ изъ одной области въ другую; земцы въ это время не только не защищали и не поддерживали Князей, но даже иногда изгоняли ихъ, какъ это сдѣлали Кіевляне съ своимъ Княземъ Изяславомъ въ 1067 году, или передавались другимъ Князьямъ, какъ это сдѣлали Черниговцы въ 1078 году, передавшись Олегу Святославичу отъ Всеволода, или Владимірцы въ 1084 году передались Ростиславичамъ, а своего Князя Ярополка Изяславича оставили. Да и вообще при нападеніи Князей другъ на друга ни одинъ городъ не защищалъ своего Князя, Князья защищались и нападали при помощи своихъ дружинниковъ и Половцевъ.

При взглядѣ на внутреннее состояніе Русскаго общества или земщины во время дѣтей Ярослава, прежде всего бросается въ глаза какос-то раздвоеніе, борьба стараго съ новымъ; тогдашніе памятники представляютъ намъ то свѣтлые образы новаго направленія, порожденнаго христіанствомъ, то мрачныя картины стараго язычества и крайняго невѣжества и суевѣрія. Центромъ свѣтлыхъ явленій тогдашней общественной жизни былъ въ то время Кіевопечерскій монастырь, основанный двумя бѣдными иноками, Антоніемъ уроженцемъ города Любеча, и Феодосіемъ, пришельцемъ изъ Курска. И первыми свѣтлыми личностями сей обители являются сами основатели ея, мужи просвѣщенные, съ твердою волею и полною преданностію христіанскому ученію, снискавшіе своею высоко-христіанскою жизнію не только почтеніе и удивленіе у простолюдиновъ, но любовь и уваженіе у самихъ Князей и знаменитѣйшихъ дружинниковъ; такъ что сами Князья приходили къ нимъ для бесѣдъ и совѣтовъ. А когда Антоній или Феодосій приходили во дворецъ княжескій, то шумъ, говоръ и музыка прекращались и водворялась благоговѣйная тишина и внимательное слушаніе поучительной бесѣды святыхъ мужей. Ученики Антонія и Феодосія также пользовались большимъ уваженіемъ у народа и Князей и были представителями свѣтлой стороны тогдашняго Русскаго общества; иные изъ нихъ прославились подвигами благочестія не выходя изъ стѣнъ монастырскихъ; другіе напротивъ, получивъ христіанское образованіе въ монастырѣ, въ послѣдствіи дѣйствовали внѣ монастыря на разныхъ чредахъ общественной жизни, и по всѣмъ краямъ Руси распространяли христіанское просвѣщеніе въ темномъ

народъ, смягчая грубые нравы еще полуязыческаго общества. Изъ Печерскихъ иноковъ были и такіе, которые прославились Апостольскою проповѣдью въ отдаленныхъ краяхъ тогдашней Руси, еще не озаренныхъ свѣтомъ христіанства: таковы были ученики Антонія и Θεодосія Леонтій и Исаія, проповѣдывавшіе христіанство въ Ростовѣ, изъ коихъ первый запечатлѣлъ свою проповѣдь мученическою кончиною; тоже Печерскій иннокъ былъ Кукша, проповѣдывавшій Евангеліе въ землѣ дикихъ Вятичей, крестившій тамъ многихъ язычниковъ, и также запечатлѣвшій проповѣдь своею кровію. Многіе изъ Печерскихъ иноковъ занимали епископскія кathedры по городамъ, и первый нашъ лѣтописецъ знаменитый Несторъ былъ также Печерскимъ инокомъ. Но не одинъ Печерскій монастырь представлялъ свѣтлую сторону; новое направленіе, данное Русскому обществу христіанствомъ и соединеннымъ съ нимъ просвѣщеніемъ, вездѣ приносило добрые плоды: Князь Всеволодъ Ярославичъ говорилъ на пяти языкахъ, Князь Святославъ Ярославичъ, Владиміръ Всеволодичъ любили чтеніе книгъ и бесѣду съ благочестивыми и просвѣщенными людьми. О Святославѣ Ярославичѣ одинъ современникъ его пишетъ: «сей Князь подобно пчелѣ со всякаго цвѣтка писанія собравъ въ одинъ сотъ въ мысленное сердце свое—сладость, источалъ ее изъ устъ своихъ предъ боярами на вразумленіе имъ, и являлся имъ новымъ Птоломеемъ не по вѣрѣ, но по желаніямъ сердца, по собранію многоцѣнныхъ божественныхъ книгъ разныхъ, которыми наполнилъ свои клети». Митрополиты Иларіонъ и Іоаннъ II-й, епископъ Лука Жидята славились въ то время своимъ книжнымъ ученіемъ, и оставили замѣчательныя поученія, частію до-

шедшія до нашего времени. А что всего важнѣе для жизни общества, просвѣщеніе тогда не было заключено въ однихъ монастыряхъ, но болѣе или менѣе распространялось и между мірскими людьми; чему доказательствомъ служатъ бібліотеки Князей, а вѣроятно были бібліотеки у бояръ и другихъ свѣтскихъ людей. Въ Патерикѣ Печерскомъ разсказывается случай, что Печерскій инокъ Григорій, имѣвшій значительную бібліотеку, желая задобрить одного судью, подарилъ ему нѣсколько книгъ, и судья принялъ подарокъ и исполнилъ то, о чемъ просилъ Григорій. Очевидно судья не охотникъ до книгъ, непринялъ бы такого подарка.

Но рядомъ съ прекрасными плодами новаго просвѣщенія пришедшими вмѣстѣ съ христіанствомъ, дошедшіе до насъ памятники представляютъ намъ свидѣтельство и о темной сторонѣ тогдашняго общества на Руси, указывающія на то, что старое язычество еще было довольно сильно, и поганскіе нравы и обычаи еще продолжались между новыми христіанами. Такъ изъ правилъ митрополита Іоанна видимъ, что на украинахъ Русской земли иные новопросвѣщенные христіане продолжали ѣсть мясо въ великій постъ и не причащались святыхъ таинъ, иные безъ стыда и срама имѣли по двѣ жены и жили съ ними безъ церковнаго вѣнчанія; а были и такіе, которые продолжали приносить жертвы бѣсамъ, кладязамъ и болотамъ по старому языческому обыкновешію. Даже въ самыхъ монастыряхъ былъ распространенъ не монастырскій обычай заводить частые пиры и приглашать на нихъ мірскихъ мужей и женъ, и другъ передъ другомъ состязаться, кто лучше устроитъ пиръ. А мірскіе пиры между христіанами, потому же свидѣтельству, сопровождались

играніемъ, плясаніемъ, гуденіемъ, пьянствомъ, языческими пѣснями, неблагопристойными бесѣдами и иногда драками и ссорами. Или Несторъ, укоряя своихъ современниковъ въ привязанности къ языческимъ обычаямъ и холодности къ Церкви, пишетъ: «не погански ли живемъ, ежели еще вѣруемъ въ встрѣчу, ибо кто встрѣтитъ монаха или зайца или свинью, возвращается назадъ, другіе вѣрують въ чиханье, которое бываетъ на здравіе головѣ. Но сими дьяволъ лѣститъ и другими нравами, всячески лѣстими отдаляя насъ отъ Бога, трубами, скоморохами, гусями и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людей многое множество, такъ что толкають другъ друга на позорищахъ замышленныхъ отъ бѣса; а церкви стоятъ, а когда наступаетъ часъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви.» Иные изъ Князей и ихъ дружинниковъ отличались крайнею грубостію и жестокостію, какъ разсказывается въ Печерскомъ Патерикѣ о Ростиславѣ Всеволодичѣ, и какъ мы знаемъ по лѣтописи о Мстиславѣ Изяславичѣ, свирѣпствовавшемъ въ Кіевѣ въ 1068 году.

Язычество, выращенное цѣлою прежнею жизнію Русскаго народа, естественно не могло совершенно исчезнуть въ какіе либо сто лѣтъ. Мало этаго, оно въ это время даже дѣлало попытки возвратити себѣ прежнюю силу, и по разнымъ мѣстностямъ находило себѣ сочувствіе у темныхъ людей. Такъ въ 1071 году вдругъ поднялись волхвы и въ Кіевѣ, и въ Ростовѣ и въ Новгородѣ. По словамъ Нестора, въ Кіевѣ явился волхвъ въ полномъ изступленіи оракула, и началъ говорить людямъ, что ему явились пять боговъ, что на пятое лѣто Днѣпръ потечетъ вверхъ, и страны передвинутся на инья мѣста,

Греческая земля будетъ на мѣстѣ Русской земли, и Русская на мѣстѣ Греческой, и инныя страны также переимѣняютъ свои мѣста. Эта языческая проповѣдь раздѣлила Кіевъ на двѣ стороны: сторона невѣждъ, тайныхъ язычниковъ, обратилась къ волхву и охотно слушала его; другая же сторона, искренно привязанныхъ къ христіанской вѣрѣ, стала смѣяться надъ нимъ, говоря: бѣсъ тобою играетъ тебѣ на пагубу; и дѣйствительно волхвъ въ одну ночь пропалъ безъ вѣсти. Въ Ростовской землѣ въ тоже время показались два волхва, пришедшіе изъ Ярославля; они, воспользовавшись голодомъ бывшимъ въ томъ краю, шедши по Волгѣ стали говорить: «мы знаемъ кто скрываетъ обиліе,» и заходя въ прибрежныя погосты указывали на лучшихъ женщинъ, говоря, что такая-то удерживаетъ жито, такая-то рыбу, такая-то медъ; и суевѣрные невѣжды стали приводить къ нимъ сестеръ своихъ, матерей и женъ, которыхъ они избивали. Такая нелѣпая проповѣдь сначала имѣла нѣкоторый успѣхъ, такъ что волхвы пришли на Бѣлоозеро въ сопровожденіи трехъ сотъ суевѣрныхъ невѣждъ; но здѣсь успѣхъ ихъ прекратился, — болѣе благоразумныя Бѣлоозерцы принесли на нихъ жалобу, случившемуся тамъ Святославову даньщику Яну Вышатичу, который вытребовалъ волхвовъ къ себѣ на судъ, и по суду велѣлъ повѣсить. Въ томъ же году еще сильнѣе было возстаніе язычниковъ въ Новгородѣ; тамъ одинъ волхвъ объявилъ себя Богомъ, явно ругалъ христіанскую вѣру, обѣщался предъ всѣми идти по водамъ Волхова, какъ по сушѣ, произвелъ общее возстаніе въ народѣ и грозилъ убить епископа; такъ что епископъ прибѣгъ къ крайнему средству, облачился въ архіерейскія ризы, взялъ крестъ въ руки и

вышедши къ народу сказалъ: «кто вѣруеть волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто вѣруеть во Христа, тотъ да идетъ ко кресту.» И городъ раздѣлился на двое: Князь Глѣбъ Святославичъ съ дружиною сталъ на сторонѣ епископа, а народъ сталъ за волхва. Тогда Глѣбъ, скрывши подъ одеждою топоръ, подошелъ къ волхву и сказалъ: знаешь ли, что будетъ завтра утромъ и что вечеромъ; волхвъ отвѣчалъ все вѣдаю; тогда Глѣбъ еще спросилъ, а знаешь ли, что будетъ нынѣшній день; волхвъ отвѣчалъ: я сотворю великія чудеса. Въ слѣдъ за сими словами Князь вынулъ топоръ и однимъ ударомъ разсѣкъ волхва надвое. И народъ, видя злую кончину своего самозваннаго Бога, разошелся по домамъ, и тѣмъ кончилось явное возстаніе язычества въ Новгородѣ.

Такимъ образомъ всѣ попытки стараго язычества и въ Новгородѣ и на Бѣлѣозерѣ не удались; но тѣмъ не менѣе сѣверный край Россіи, страна Ростовская и далѣе на сѣверъ земли Заволоцкой Чуди, долго еще были гнѣздомъ самага упорнаго язычества; христіанство тамъ прививалось только въ Славянскомъ населеніи, изконные же тамошніе жители Финны, издревле извѣстные у сосѣдей за страшныхъ волхвовъ и чародѣевъ, надолго еще оставались ревностными язычниками, и время отъ времени высылали въ сосѣднія земли отчаянныхъ борцовъ язычества, которые, особенно женщины, странствуя по селамъ и деревнямъ, продолжали поддерживать разныя суевѣрія въ темномъ народѣ. Полотская земля, находившаяся въ ближайшемъ сосѣдствѣ и тѣсныхъ связяхъ съ языческою Литвою, также долго страдала суевѣріемъ и слѣпымъ язычествомъ. Лѣтопись рассказываетъ подъ 1092 годомъ странный случай переполошившій

Полочанъ и Дручанъ: однажды ночью слышался какой-то необыкновенный шумъ и стонъ, вѣроятно подземный гулъ отъ землетрясенія или отъ другихъ естественныхъ причинъ; но это суевѣрнымъ народомъ было перетолковано въ пользу язычества; толпа стала разносить вѣсти, что мертвецы (т. е. умершіе язычники) бьютъ Полочанъ, что въ Полотскѣ и по всей тамошней области, начиная отъ Друцка, по ночамъ страшный стукъ и стонъ, что бѣсы какъ люди рыщутъ по улицамъ, и невидимо уязвляютъ до смерти того, кто выльзетъ изъ хоромины, чтобы взглянуть, что дѣлается, что потомъ они стали являться и среди дня, развѣзкая на коняхъ, такъ что самихъ ихъ не видно, а видны только конскія копыта.

Но всѣ усилія, всѣ затѣи, всѣ страхи и пустые ужасы, чтобы обратить Русское общество къ языческой старинѣ, очевидно вездѣ оказывались безуспѣшными. Новая христіанская вѣра на столько уже успѣла укрѣпиться между Русскими, что возстановленіе язычества явно было невозможно; при всѣхъ попыткахъ закоренѣлыхъ идолопоклонниковъ и волхвовъ, лучшая и сильнѣйшая часть Русскаго общества всегда становилась на сторонѣ христіанской вѣры и явно смѣялась надъ затѣями старовѣровъ язычниковъ, одни только темные люди, невѣжьи, глухо вѣрили волхвамъ, да и тѣ не оказывали большаго сопротивленія лучшимъ людямъ, и мирно разходились въ слѣдъ за пораженіемъ своихъ заводчиковъ волхвовъ. А между тѣмъ церкви и монастыри быстро росли, люди просвѣщенные и ревностные послѣдователи Христовой вѣры продолжали неукоснительно распространять христіанство и просвѣщать темныхъ людей.

Но въ то время, какъ старина гнилая, отжившая,

суевѣрная видимо вымирала и уступала новому христіанскому просвѣщенію, другая старина здоровая и крѣпкая, т. е. старое земское устройство, составлявшее существенную основу жизни Русскаго общества, продолжала жить по прежнему; охраняла законную самостоятельность общества отъ всѣхъ внѣшнихъ притязаній, способствовала къ его постепенному и правильному развитію и недопускала погибнуть Русскому народу въ княжескихъ междоусобіяхъ и въ войнахъ съ внѣшними непріятелями. Этой здоровой старинѣ христіанство, какъ мы уже видѣли, дало новыя силы, и соединивъ разныя Славянскія племена, составлявшія Русь, одною вѣрою, одною церковію, крѣпче связало ихъ, и какъ бы отлило въ одну сплошную массу Русскихъ людей, православныхъ христіанъ. Княжескія междоусобія при сыновьяхъ Ярослава, пріостановившія развитіе княжеской власти начавшееся при Владимірѣ и Ярославѣ, въ свою очередь также много способствовали старому земскому устройству поддерживать свою самостоятельность и еще болѣе отдѣлать Князя и дружину отъ земщины, не разрывая въ тоже время связи съ Князьями и признавая ихъ власть.

Собственно общественное устройство при сыновьяхъ Ярослава по всей Русской землѣ было общинное, какъ и въ прежнее время вся Русская земля продолжала еще состоять изъ разныхъ крупныхъ и мелкихъ общинъ, находившихся въ болѣе или менѣе тѣсной связи другъ съ другомъ. Общины сіи носили названіе городовъ и селеній. Городами тогда назывались тѣ главныя крупныя общины, къ которымъ тянули мелкія общины; они дѣлились на старые города и пригороды. Селенія также дѣлились на селы и починки, а нѣсколько селъ и почин-

ковъ, состоявшихъ въ связи другъ съ другомъ, составляли новые центры подчиненные городамъ, которые на югозападѣ Русской земли назывались волостями, а на сѣверовостокѣ погостами. Такъ что любой край въ Русской землѣ непременно имѣлъ въ себѣ главный городъ, отъ котораго большею частію получалъ и свое названіе; и въ каждомъ краю отъ главнаго города зависѣли и тамошніе пригороды, т. е. или колоніи главнаго города, или города построенные на землѣ тянувшей къ старому городу, хотя бы они были населены выведенцами изъ другихъ земель. Цѣлый край тянувшій къ своему старому городу, и при власти Княжеской управлялся вѣчемъ стараго города, отъ котораго вѣча зависѣли и пригороды; въ каждомъ пригородѣ также было свое вѣче, которому повиновались волости и погосты тянушіе къ городу; равнымъ образомъ волости и погосты и каждая мелкая община имѣли свой міръ, свое вѣче, приговору котораго должны были повиноваться члены общины. Такимъ образомъ каждый цѣлый край Русской земли былъ союзомъ общинъ его населявшихъ, или большимъ міромъ состоящимъ изъ союза малыхъ міровъ, поселенныхъ на его землѣ и ему подчиненныхъ; а вся Русская земля была общимъ Русскимъ міромъ. Но для этого общаго міра, во время сыновей Ярослава и долго послѣ нихъ, еще не было выработано жизнию и исторіею общаго вѣча; ибо ни одинъ большой міръ, ни одинъ самостоятельный край Русской земли не признавалъ себя въ подчиненіи другому краю; а изъ Князей того времени и долго послѣ ни одинъ не могъ назваться главою или представителемъ всего Русскаго міра, ибо каждый изъ нихъ былъ только Княземъ одного или нѣсколькихъ большихъ міровъ Рус-

ской земли. Связь выражающая единство общаго Русскаго міра или всей Русской земли тогда состояла только въ единствѣ религіи, языка и общественнаго устройства.

При такомъ общественномъ устройствѣ Русская земля, или скорѣе большіе міры Русской земли, какъ самостоятельныя общества, сами защищались отъ набѣговъ непріятельскихъ, или сами начинали войны съ сосѣдями или возмутившимися своими данниками инородцами. Конечно въ сихъ войнахъ всегда почти принимали участіе Князья съ своими дружинами, они это считали своею обязанностію и этимъ преимущественно могли привлечь къ себѣ расположеніе народонаселенія. Главными и постоянными врагами Руси въ это время были Половцы, занявшіе своими кочевьями степи, лежащія на юговосточныхъ границахъ Русской земли, и по своему дикому разбойническому характеру почти ежегодно грабившіе пограничныя Русскія области. А посему во всѣхъ Русскихъ областяхъ, сосѣднихъ съ Половецкими степями, было протянуто нѣсколько линій небольшихъ городковъ, куда при Половецкихъ набѣгахъ тамошніе Русскіе люди укрывались со всѣмъ своимъ имуществомъ, и большею частію отсиживались; ибо Половцы, бойкіе и ловкіе въ открытомъ полѣ, не умѣли брать и плохихъ городковъ и вообще боялись мѣстъ закрытыхъ. Тѣмъ не менѣе для ихъ разбойническихъ набѣговъ въ лѣтнюю пору всегда была порядочная пожива въ Русскихъ пограничныхъ владѣніяхъ; всѣ сельскіе жители застигнутые въ расплохъ и не успѣвшіе укрыться въ городкахъ или какъ нибудь спрятаться, обыкновенно попадались въ плѣнъ и вмѣстѣ съ своими стадами отгонялись въ степи, а беззащитныя селенія выжигались. Плѣнниковъ Половцы или оставляли у

себя въ рабствѣ, или продавали на сторону, или отдавали на выкупъ родственникамъ и знакомымъ, и для этого выкупа или покупки плѣнниковъ, Русскіе люди свободно допускались въ Половецкія кочевья, куда также свободно съѣзжались Болгары, Хазарскіе Жиды и Греки, тоже для выкупа и покупки плѣнниковъ.

Но кромѣ постоянныхъ мелкихъ разбойническихъ набѣговъ Половцы за время сыновей Ярослава дѣлали нѣсколько набѣговъ большими полчищами, въ которыхъ имъ приходилось сталкиваться и съ Русскими ратьми и брать иногда города. Первый большій набѣгъ Половцевъ былъ въ 1055 году, когда они съ своимъ Княземъ Болушемъ подступили къ Переяславскимъ владѣніямъ и не воюя заключили миръ съ Княземъ Всеволодомъ; потомъ въ 1061 году явилась другая орда Половцевъ съ Княземъ Искаломъ и также напала на Переяславскія владѣнія, разбила Всеволода и страшно опустошила землю; въ 1067 году новая орда Половцевъ опять опустошила не только Переяславскія, но Черниговскія и Кіевскія земли и разбила Русскихъ Князей на Альтѣ. Въ 1071 году Половцы воевали у Растовца и Неятина, вѣроятно въ предѣлахъ Переяславскихъ, но здѣсь они кажется не встрѣчались съ Русскою ратью и ограничились грабежемъ беззащитныхъ селъ. Потомъ нѣсколько разъ они приходили съ Русскими Князьями Олегомъ и Романомъ Святославичами и Борисомъ Вячеславичемъ воевать противъ старшихъ Князей Изяслава и Всеволода Ярославичей. Въ княженіе Всеволода особенно прославился и снискалъ любовь народа, своими быстрыми и удачными походами на Половцевъ, Всеволодовъ сынъ Владиміръ Мономахъ, который въ продолженіи 14 лѣтъ отцовскаго княжества въ Кіевѣ

постоянно гонялся за Половцами съ своею дружиною и съ земскими полками; онъ самъ въ одномъ своемъ сочиненіи насчитываетъ до 12 своихъ походовъ на Половцевъ, преимущественно въ предѣлахъ Переяславскаго и Черниговскаго княженій, по рѣкамъ Деснѣ, Супою и Сулѣ; онъ разъ даже пробрался за Хороль, въ Половецкія стени, куда до него не доходилъ ни одинъ Русскій Князь.

На Сѣверо-западѣ, въ предѣлахъ Новгородскихъ, врагами Русскаго владычества, хотя слабыми, были разныя независимыя и полупокоренныя Финскія племена, противъ которыхъ почти всегда удачно воевали Новгородцы и Псковичи, и одни и съ своими Князьями. Здѣсь преимущественно дѣло состояло въ томъ, чтобы распространить Новгородское вліяніе на Финскія племена или поддержать Новгородскую власть надъ племенами возмущившимися противъ нее. Въ первый же годъ по кончинѣ Ярослава посадникъ Остроміръ съ Новгородцами ходилъ въ Эстонію и взялъ тамъ Чудскій городъ Осекъ Декипивъ; потомъ въ 1060 году самъ Ізяславъ Кіевскій приходилъ въ Новгородъ и вмѣстѣ съ Новгородскими полками ходилъ въ Ливонію на Финское племя Сосоль и наложилъ на нихъ дань въ 2000 гривенъ; впрочемъ Сосолы, въ слѣдъ за удаленіемъ Ізяслава изъ ихъ земли, выгнали его даньщиковъ и на весну подошли къ Юрьеву, (Дерпту) Русскому городу въ тамошней странѣ, сожгли его, опустошили окольныя Русскія села и дошли до самаго Пскова; но здѣсь были встрѣчены Новгородцами и Псковичами и разбитые въ сильной и упорной сѣчѣ бѣжали въ свои лѣса и оскіи. Въ 1069 году возмутилось противъ Новгородцовъ Финское племя Водь и подъ предводительствомъ удалаго Всеслава Полотскаго подступило къ самому Нов-

городу, конечно съ цѣлю пограбить; но Новгородцы съ своимъ любимымъ и храбрымъ Княземъ Глѣбомъ Святославичемъ дали имъ битву на Гзени близъ Звѣринца, гдѣ Вожанъ было изсѣчено безчисленное множество, и Всеславъ попался въ плѣнъ; впрочемъ Новгородцы сжалились надъ нимъ и отпустили на свободу. Потомъ Новгородцы воевали съ своими полупокорными данниками Заволочскою Чудью въ предѣлахъ Сѣверной Двины; въ этомъ далекомъ походѣ былъ убитъ любимый ихъ Князь Глѣбъ.

Послѣдніе годы Всеволодова княженія въ Кіевѣ особенно были тяжелы для приднѣпровья. Кромѣ частыхъ набѣговъ Половецкихъ и разорительныхъ поборовъ отъ Всеволодовыхъ тиуновъ, жители Кіева и другихъ сосѣднихъ странъ страшно страдали отъ голода, происшедшаго въ слѣдствіе сильной засухи, отъ которой загарались лѣса и болота, и наконецъ отъ повальныхъ болѣзней, погубившихъ въ одномъ Кіевѣ въ два мѣсяца съ половиною семь тысячъ человѣкъ. Кромѣ дѣйствительныхъ бѣдствій, народъ въ это же время былъ страшно смущаемъ разными предзнаменованіями новыхъ бѣдъ: такими предзнаменованіями тогда считались солнечное затмѣніе бывшее 21 Мая 1091 года, легкое землетрясеніе въ 1092 году, и какой-то кругъ посреди неба и другія естественныя, но необыкновенныя, воздушныя явленія. Все это наводило большой ужасъ на тогдашнихъ Русскихъ людей, всѣ въ смятеніи ждали новыхъ несчастій и духовенство призывало людей къ покаянію и удаленію отъ злыхъ дѣлъ, отъ зависти и непріязни. И въ это время скончался Всеволодъ, давно уже страдавшій разными болѣзнями.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ.

ВНУКИ И ПРАВНУКИ ЯРОСЛАВА.

Недаромъ народъ былъ смущенъ разными предзнаменованіями предъ кончиною Всеволода: за этой кончиной дѣйствительно послѣдовали страшныя бѣдствія, какихъ еще не было въ Русской землѣ. Все что было сдвлено могуществомъ Всеволода, всѣ накопившія неудовольствія, всѣ вопіющія обиды поднялись и предъявили свои права, всѣ обиженные и ограбленные начали требовать того, что у нихъ отнято. Умнѣйшій и знаменитѣйшій изъ тогдашнихъ Князей Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, желая сколько возможно отдалить взрывъ недовольныхъ, какъ нибудь приккрыть неправды отца и найти себѣ хорошаго союзника на случай неминующей войны съ недовольными, въ слѣдъ за похоронами Всеволода послалъ въ Туровъ къ тамошнему Князю Святополку Изяславичу съ извѣстіемъ, чтобы онъ шелъ занять Кіевскій престолъ, какъ свою отчину; самъ же ушелъ въ Черниговъ, которымъ владѣлъ въ послѣдніе годы отцовской жизни, а другой братъ его Ростиславъ пошелъ въ Переяславль. Такимъ благоразумнымъ и хорошо рассчитаннымъ распоряженіемъ Мономахъ дѣйствительно отдалилъ взрывъ недовольныхъ до перваго благоприятнаго случая, который къ несчастію не замедлилъ представиться.

Скупый Святополкъ, не посоветовавшись съ опытными людьми, нѣ купилъ мира у Половцевъ и даже посадилъ подъ стражу ихъ посланниковъ пришедшихъ къ нему въ Кіевъ. Это страшно разобидѣло Половцевъ уже

стоявшихъ на границѣ и готовыхъ къ войнѣ, они немедленно начали воевать и осадили Торческъ, Русскій городъ на Роси. Святополкъ, не имѣя достаточно войска, пригласилъ къ себѣ на помощь Владиміра Мономаха и брата его Ростислава, и всѣ трое и съ Кіевскими земскими полками отправились на выручку Торческа. Но едва они перебрались черезъ Стугну и миновали Треполь, какъ Половцы вышли къ нимъ на встрѣчу и началась страшная сѣча, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Русскихъ Князей; Святополкъ едва убѣжалъ въ Кіевъ, а Владиміръ Мономахъ въ Черниговъ, Ростиславъ же въ бѣгствѣ потонулъ при переправѣ черезъ Стугну. Половцы одержавъ побѣду раздѣлились на двое, — одни продолжали осаду Торческа, а другіе принялись жечь и опустошать несчастную страну Кіевскую, города и села запылали, и такъ продолжалось безъ малаго два мѣсяца, Половцы даже пробрались до Кіева и Вышгорода. Святополкъ снова вышелъ съ своею ратью и далъ битву при Желани, но эта битва для него была несчастнѣе Трепольской, онъ едва самтретей убѣжалъ въ Кіевъ; въ слѣдъ за тѣмъ сдѣлся Половцамъ Торческъ, девять недѣль бывший въ осадѣ и изнемогавшій отъ голода; Половцы зажгли городъ, а несчастныхъ жителей плѣнниками погнали въ свои степи. Лѣтописецъ, описывая бѣдствія Кіевского края въ это время, говоритъ: «лукавые сыны Измаиловы (такъ по книжному называли Половцевъ) пожгли наши села и гумны, не пощадили и церквей, всюду по землѣ нашей плачь, опустѣли наши города и селы, нивы наши поросли и обратились въ жилище звѣрей, на лугахъ нашихъ нѣтъ ни коней ни воловъ, ни овецъ; жители одни уведены въ плѣнъ, другіе

посѣчены, иные умирають съ голода и жажды, ходять нагіе и босые, съ почернѣвшими лицами, избитые, измученные, и ждуть смерти». Святополкъ, два раза разбитый и уже не имѣя ни откуда помощи, волей не волей заключилъ миръ съ Половцами, т. е. далъ большой окупъ, и женился на дочери ихъ Князя Тугоркана, и тѣмъ остановилъ на этотъ разъ страшное опустошеніе земли Кіевской.

Но бѣдствіи Русской земли тѣмъ не кончились, за Кіевомъ наступила череда Чернигову и Переяславлю. Въ слѣдующій же годъ Олегъ Святославичъ, проживавшій въ Тмутаракани и ждавшій только удобнаго случая возвратить себѣ отцовскій Черниговъ, надѣясь, что разбитый Святополкъ не будетъ помогать Владиміру Мономаху, явился съ Половцами подъ Черниговомъ. Владиміръ Мономахъ думалъ отсидѣться и затворился въ городѣ; но Олегъ не за тѣмъ пришелъ, чтобы идти назадъ ни съ чѣмъ, онъ велѣлъ зажечь окрестные села и монастыри, а самъ сталъ приступать къ Чернигову; восемь дней къ ряду дружина Мономахова защищала городскій валъ и была почти вся избита; наконецъ, видя невозможность держаться долѣе, Мономахъ заключилъ съ Олегомъ миръ и отдалъ ему Черниговъ, а самъ съ своимъ семействомъ и дружиной, которой не осталось и ста челоуѣкъ, отправился въ свой отцовскій Переяславль. Половцы добывшіе Олегу Черниговъ, въ награду за трудъ, получили отъ него дозволеніе грабить Черниговскія села, и награбившись досыта, ушли въ свои степи.

Владиміръ Мономахъ, выгнанный изъ Чернигова, три лѣта и три зимы, какъ самъ говоритъ, сидѣлъ въ Переяславлѣ съ своею дружиною, терпѣлъ голодъ и вся-

кую нужду, безпрестанно воюя съ Половцами опустошавшими Переяславскую землю; и наконецъ добился того, что Половцы разбитые въ разныхъ мѣстахъ, особенно подъ Римовымъ, очистили Переяславскія земли и стали просить у Мономаха мира. Для переговоровъ объ этомъ мирѣ явились въ Переяславль два Половецкихъ Кнзя Итларь и Китанъ; первый вошелъ въ городъ съ лучшими своими спутниками, а второй остановился передъ городомъ въ шатрахъ, и Мономахъ далъ Китану въ заложенники своего сына Святослава. Въ это время пришелъ къ Мономаху Славята, посланецъ отъ Святополка Кіевскаго, и створясь съ Ратиборомъ, старшимъ дружинникомъ Мономаховымъ, уговорили Кнзя убить Итларя. Мономахъ сперва не соглашался, а потомъ, согласившись, послалъ Славяту съ частію дружины и Торками выкрасть ночью Святослава и убить Китана съ его дружиною въ шатрахъ; тѣ сдѣлали какъ приказано, подкравшись ночью, выкрали Святослава, а Китана и его дружину изсѣкли; на другой же день поутру Ратиборъ приказалъ убить остановившихся въ его домѣ Итларя и его спутниковъ, что также было въ точности исполнено слугами Ратиборовыми.

Убивши измѣннически Итларя и Китана, Мономахъ и Святополкъ отправились на Половцевъ въ ихъ степи, они звали съ собою и Олега Черниговскаго, но тотъ не пошелъ. Настоящій походъ ихъ былъ довольно удаченъ: Мономахъ и Святополкъ, перешенши Пселъ за Гольтвомъ, взяли Половецкія вежи, полонили скоть и невольниковъ, и воротились домой благополучно. Но въ слѣдъ за ними явились и Половцы въ Поросье мстить за раззореніе своихъ вежъ; они осадили главный тамошній городъ, Юрь-

евъ, держали его въ осадѣ цѣлое лѣто и принудили Святополка заключить съ ними миръ такой, какой имъ хотѣлось. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого мира было то, что Русскіе оставили Юрьевъ и другіе города и селенія, лежавшіе на правомъ или степномъ берегу Роси, и всѣ вмѣстѣ съ своимъ епископомъ Мариномъ перешли на лѣвый берегъ, и поселены Святополкомъ во вновь построенномъ городѣ Святополчѣ; Половцы же зажгли опустѣлый Юрьевъ и всѣ заросьскія селенія.

Между тѣмъ Мономаху, во чтобы то ни стало, хотѣлось возвратить Черниговъ и Смоленскъ и выгнать оттуда Святославичей; онъ сперва приказалъ сыну своему, Изяславу Князю Курскому, взять Муромъ; потомъ, когда это было сдѣлано, вмѣстѣ съ Святополкомъ послалъ сказать Олегу: «приходи въ Кіевъ, чтобы сообща положить порядъ о Русской землѣ передъ епископами и передъ игуменами и передъ мужами нашихъ родителей и передъ людьми градскими, чтобы намъ оборонить Русскую землю отъ поганыхъ». Но Олегъ обиженный отнятіемъ Мурома и опасаясь какого либо обмана, отвѣчалъ: епископы и игумены и смерды не имѣютъ права судить меня, и не пошелъ въ Кіевъ. Тогда Святополкъ и Мономахъ послали сказать ему: «ты съ нами не ходишь на поганыхъ и на совѣтъ къ намъ нейдешь, значитъ ты мыслишь противъ насъ зло и хочешь помогать поганымъ, пусть же разсудитъ насъ Богъ»; и въ слѣдъ за тѣмъ отправились съ своими полками къ Чернигову. Олегъ, не ожидая такого скорого нападенія, бѣжалъ изъ Чернигова въ Стародубъ, куда за нимъ погнались и Святополкъ съ Мономахомъ, и осадили городъ. Олегъ защищался мужественно, осада продолжалась тридцать три дня, было нѣсколько

приступовъ, защитники города уже стали изнемогать, и Олегу не уйдти бы отъ своихъ враговъ; но вѣрные его союзники Половцы выручили его: одна орда ихъ подъ предводительствомъ удалаго Боняка явилась около Кіева, а другая съ другимъ Княземъ Курею у Переяславля. Святополкъ и Мономахъ, получивъ объ этомъ вѣсть, согласились дать Олегу миръ, обязавъ его оставить Стародубъ и удалиться къ своему брату Давыду въ Смоленскъ, и потомъ оттуда вмѣстѣ съ братомъ придти въ Кіевъ на общій порядъ.

Святополкъ и Мономахъ отъ Стародуба пошли воевать съ Половцами въ Переяславскихъ и Кіевскихъ владѣніяхъ, но они уже не застали тамъ ни Кури, ни Боняка; на мѣсто Кури стоялъ подъ Переяславлемъ Тугорканъ и держалъ городъ въ осадѣ. Святополкъ и Мономахъ успѣли обойти шатры Тугоркановы и соединившись съ Переяславцами разбили Половцевъ. А въ это время удалой Бонякъ вторично побывалъ подъ Кіевомъ, едва не ворвался въ самый городъ, ограбилъ и сжегъ всѣ пригородные монастыри и села, и ни къмъ не преслѣдуемый съ добычею воротился въ свои степи. Между тѣмъ Олегъ Святославичъ, пополнивши свою дружину у брата въ Смоленскѣ, пошелъ добывать отцовское владѣніе Муромъ; Изяславъ, услыхавши объ этомъ, собралъ къ себѣ полки Ростовцевъ, Суздальцевъ и Бѣлозерцевъ и приготовился встрѣтить Олега; но многочисленные полки не спасли его, онъ былъ разбитъ и убитъ подъ Муромомъ. А Олегъ, занявши Муромъ, отправился воевать Суздальскую и Ростовскую землю, уже успѣлъ взять безъ сопротивленія и Суздаль и Ростовъ и пробирался къ Новгороду; но здѣсь былъ остановленъ Мономаховымъ старшимъ сыномъ Мстиславомъ, который съ Новгородцами и по-

дослѣвшими отъ отца наемными Половцами удачно разбилъ Олега на рѣкѣ Колакѣ, и не только принудилъ его оставить Ростовъ и Суздаль, но и заставилъ бѣжать изъ Мурома и Рязани, и потомъ изъ Рязани послалъ сказать ему: «не бѣгай куда, а пошли къ братьямъ своимъ съ мольбою, чтобы не лишили тебя Русской земли, а я пошлю къ отцу просить за тебя.» Олегъ обѣщался сдѣлать такъ, а Мстиславъ съ своей стороны послалъ просительное письмо къ Мономаху; и Мономахъ поспѣшилъ заключить съ Олегомъ миръ, чтобы скорѣе собрать общій княжескій съѣздъ и тамъ порѣшить всѣ споры.

Наконецъ послѣ четырехлѣтнихъ кровопролитій состоялся, въ 1097 году, общій княжескій съѣздъ въ Любечѣ, куда собрались Святополкъ, Мономахъ, Давыдъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ и Давыдъ и Олегъ Святославичи. На этомъ съѣздѣ Князья всѣ порѣшили, чтобы каждое княжеское племя въ Ярославичахъ держало отчину своего родителя: именно Святополкъ Изяславову отчину Кіевъ съ причисленными къ нему областями; Давыдъ, Олегъ и Ярославъ Святославичи Святославову отчину Черниговъ съ Муромомъ, Рязанью и Тмутараканью; Мономахъ Всеволодову отчину Переяславль, Смоленскъ и землю Ростовскую, Давыдъ Игоревичъ отчину своего отца Владиміръ Волынской; а племянники ихъ Володаръ и Василько Ростиславичи владѣли бы Перемышлемъ и Тербовлемъ, которые за ними утвердилъ Всеволодъ. И на томъ цѣловали крестъ, и каждый говорилъ: «если теперь кто изъ насъ поднимется на другого, то мы всѣ встанемъ на зачинщика, и крестъ честный будетъ на него же!» И потомъ всѣ повторяли: «крестъ честный на него и вся земля Русская». Каза-

лось, такую торжественною клятвою должны были прекратиться всё междоусобіа.

Но не всё еще Князья успѣли пріѣхать въ свои волости послѣ Любечскаго съѣзда, какъ княжескія междоусобіа начались съ новою силою; и Мономахъ сдѣлался главою, руководителемъ Князей и защитникомъ обиженныхъ, и на его сторонѣ стали Святославичи. Дѣло началось такъ, Святополкъ, какъ говорятъ, по наговору Давыда Игоревича, зазвалъ въ Кіевъ прѣѣзжавшаго домой Василька Ростиславича Князя Теробовльскаго и приказалъ выколоть ему глаза. Мономахъ, получивъ вѣсть о такомъ злодѣянніи, пригласилъ Давыда и Олега Святославичей въ Городецъ; и всё трое послали своихъ мужей сказать Святополку: «зачѣмъ ты сдѣлалъ такое зло въ Русской землѣ, ввергъ ножъ между нами? На что ослѣпилъ своего брата? Есть ли снѣ былъ виноватъ передъ тобою, то обличилъ бы его передъ нами, и тогда по суду наказалъ бы его; а нынѣ объяви намъ вину его, за что такъ поступилъ съ нимъ.» Святополкъ на это не принесъ удовлетворительнаго оправданія, и на другой день союзники Мономахъ и Святославичи уже готовились перевозиться черезъ Днѣпръ и идти на Кіевъ ратью, а Святополкъ собирался бѣжать изъ Кіева; но Кіевляне непустили его и послали отъ себя къ союзникамъ мачиху Мономахову и митрополита молить, чтобы не губили Русской земли и не начинали кровопролитія. Мономахъ, изъ уваженія къ просьбѣ Кіевлянъ и по ходатайству митрополита и мачихи, вступилъ въ переговоры съ Святополкомъ, и послѣ нѣсколькихъ пересылокъ союзники помирились съ Княземъ Кіевскимъ и сказали ему: «Святополкъ! такъ какъ ты говоришь, что смуту сдѣлалъ Да-

выдѣ, то иди на него, и поймай или прогони»; и на томъ другъ другу цѣловали крестъ.

Между тѣмъ Давыдъ Игоревичъ, державшій ослѣпленнаго Василька у себя во Владимірѣ Волинскомъ, вздумалъ завладѣть Васильковымъ книженіемъ; но Васильковъ братъ Володаръ, Князь Перемышльскій, выступилъ противъ него и принудилъ отнустить Василька, и Василько по прежнему сѣлъ въ своемъ Теревовлѣ. Наконецъ Святополкъ, во исполненіе Кіевскаго договора, двинулся къ Владиміру Волинскому и осадилъ въ немъ Давыда Игоревича; осада продолжалась семь недѣль, и Давыдъ немнѣя силъ сопротивляться долѣ умолялъ Святополка, чтобы онъ дозволилъ ему выйдти изъ города, и получивъ дозволеніе ушелъ въ Польшу. Но Святополкъ не удовольствовавшись прогнаніемъ Давыда, вздумалъ прогнать и Ростиславичей, и снова началась страшная междуособная война продолжавшаяся около трехъ лѣтъ. Ростиславичи при первой же встрѣчѣ разбили Святополка; потомъ, соединясь съ Давыдомъ Игоревичемъ, возвратившимся изъ Польши, и при помощи Половцовъ предводительствуемыхъ удалымъ ихъ Княземъ Бонякомъ, разбили приведенныхъ Святополкомъ Венгровъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Давыдъ Игоревичъ при помощи тѣхъ же Половцовъ, возвратилъ себѣ Владиміръ Волинскій; и Святополкъ опять пошелъ на него. Тогда, чтобы прекратить междуособія, грозившія затянуться надолго, Владиміръ Мономахъ съ Святославичами назначили новый съѣздъ Князей въ Увѣтичахъ, куда явились и Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ. На этомъ съѣздѣ порѣшили, чтобы Давыдъ отказался отъ Владиміра Волинскаго, за что ему дали Бужскій острогъ, Дубень и Черторыескъ и четыреста гривенъ серебра.

къ чему Святополкъ еще прибавилъ Дорогобужъ. Думали было и у Ростиславичей отнять Теребовль и послали къ нимъ такое рѣшеніе съѣзда; но тѣ не приняли сего рѣшенія, а Мономахъ помня къ нимъ крестное цѣлованіе на Любечскомъ съѣздѣ, недозволилъ начать съ ними войны; тѣмъ дѣло и кончилось, Ростиславичи остались при своихъ владѣніяхъ. Увѣтическимъ съѣздомъ общія междоусобія Ярославичей закончились на цѣлые тридцать лѣтъ.

Покончивши междоусобія Ярославичи принялись за войны съ Половцами, которые не давали покоя пограничнымъ Русскимъ владѣніямъ. И на слѣдующій же годъ послѣ Уветического съѣзда (т. е. въ 1101 году) Святополкъ, Владиміръ Мономахъ, Давыдъ, Олегъ и Ярославъ Святославичи съѣхались на новый съѣздъ на Золотчи, чтобы условиться о войнѣ съ Половцами. Половцы, узнавши объ этомъ, немедленно прислали отъ всѣхъ своихъ Князей просить мира. Рускіе Князья назначили имъ съѣхаться у Сакова и тамъ заключили съ ними миръ, и размѣнявшись заложниками, разошлись розно. Но миръ съ Половцами, по самому характеру и образу жизни сихъ степныхъ грабителей, не могъ быть прочнымъ, онъ даже не прекратилъ ихъ частныхъ набѣговъ и грабежей. А по сему на слѣдующій же годъ, по настоянію Мономаха, рѣшенъ былъ походъ въ Половецкія степи; въ этомъ походѣ приняли участіе Святополкъ, Мономахъ и Давыдъ Святославичъ, Олегъ же сказаяся больнымъ. Князья сіи съ своими дѣтьми и племянниками, съ дружинами и съ земскими полками собрались у Переяславля, и оттуда отправились въ походъ пѣшіе въ лодьяхъ Днѣпромъ, а конные берегомъ, и такимъ порядкомъ шли до Хортицкаго острова, что за порогами; здѣсь же пѣшіе высадились

изъ лодій и вмѣстѣ съ конными пошли степью, и шли четыре дня до мѣста называемаго Сутень. Между тѣмъ Половцы прослышавши о походѣ Русскихъ, собрались въ безчисленномъ множествѣ съ храбрѣйшими своими Князьями, и выслали напередъ для развѣдокъ самаго удалаго изъ своихъ наѣзтниковъ Князя Антулопу съ его полкомъ. Русскій сторожевый полкъ встрѣтилъ Антулопу, и окруживъ его со всѣхъ сторонъ, началъ битву, въ которой изъ первыхъ палъ самъ Антулопа, а за нимъ были побиты и остальные, такъ что ни одинъ не ушелъ подать вѣсть своимъ. За тѣмъ явились и остальные Половецкіе полки, которые были такъ многочисленны, что казались необозримымъ лѣсомъ; Русскіе бросились на нихъ съ такою силою и стремительностію, что Половцы въ ужасѣ, не вступая въ битву, пустились бѣжать, и Русскіе преслѣдуя ихъ произвели въ ихъ смятенныхъ полкахъ страшное опустошеніе, такъ что однихъ Князей было убито 20 человекъ. Побѣда Русскихъ была полная и доставила имъ огромную добычу, — безчисленныя стада рогатаго скота, овецъ, коней и верблюдовъ, Половецкіе шатры съ ихъ имуществомъ и рабами, и сверхъ того цѣлыя кочевья Печенѣговъ и Торковъ жившихъ съ Половцами. Этихъ Печенѣговъ и Торковъ Святополкъ поселилъ по правому берегу Роси, и возобновилъ для нихъ городъ Юрьевъ, уже восемь лѣтъ лежавшій въ запустѣніи.

Но и этотъ знаменитый походъ не смирилъ Половцевъ, и на другой же годъ удалый Половецкій Князь Бонякъ, мстя за гибель своихъ, зимою прорвался между Русскими городами на Роси, проникъ до Заруба и разбилъ и ограбилъ населенныхъ тамъ Торковъ и Берен-

дѣвѣ. А въ слѣдующемъ году Половцы явились грабить около Зарѣчска; впрочемъ Святополковы воеводы Янъ Вышатичъ, братъ его Путята, Иванко Захарычъ и Казаринъ, нагнали грабителей и отняли у нихъ плѣнниковъ. Въ 1107 году удалый Бонякъ весною явился подъ Переяславлемъ и отогналъ Переяславскіе конскіе табуны; потомъ дѣтомъ пришелъ опять съ старикомъ Шаруканомъ и съ другими Половецкими Князьями и осадилъ Переяславскій городъ Лубно на рѣкѣ Сулѣ; но эта осада имъ не удалась, какъ и вообще осады рѣдко удавались симъ кочевникамъ. Пока они стояли станомъ подъ Лубномъ, Святополкъ, Мономахъ и Олегъ съ своими дѣтьми и племянниками успѣли собраться, тихо и незамѣтно перебродились черезъ Сулу и съ такою силою и крикомъ бросились на Половецкій станъ, что Половцы въ ужасѣ, не успѣвши поставить и знаменъ, обратились въ бѣгство, и многіе даже не успѣли сѣсть на своихъ коней. Русскіе гнались за ними до Хороля, и на этой погонѣ многихъ побили, многихъ побрали въ плѣнъ и захватили весь станъ. Вслѣдъ за тѣмъ Владиміръ Мономахъ Давыдъ и Олегъ Святославичи, какъ ближайшіе сосѣди Половцамъ, вступили въ мирные переговоры съ двумя Половецкими Князьями, изъ которыхъ каждый назывался Аэпою, и для лучшаго утвержденія мира Мономахъ женилъ своего сына Юрья на дочери одного Аэпы, а Олегъ своего сына на дочери другаго Аэпы.

Впрочемъ и родство Русскихъ Князей съ Половецкими Князьями не давало надлежащаго мира пограничнымъ Русскимъ владѣніямъ отъ Половцевъ; кочевники сіи жившіе грабежемъ, не думая о мирныхъ договорахъ своихъ Князей, по прежнему продолжали грабить сосѣдніе

Русскіе города и селенія. И чтобы сколько нибудь унять сіи грабительства Русскіе Князья Святополкъ, Мономахъ и Давыдъ Святославичъ, черезъ два года послѣ Аэпинскаго мира, ходили въ Половецкія степи; но дошедъ до Воиня воротились назадъ, вѣроятно не встрѣтивъ непріятелей. Наконецъ въ 1111 году Мономахъ, Переяславскимъ владѣніямъ котораго особенно много доставалось отъ Половецкихъ набѣговъ, поднялъ своихъ постоянныхъ союзниковъ Святополка и Давыда Святославича на новый походъ въ Половецкія степи, и всѣ трое съ своими сыновьями еще въ глубокую зиму, въ Февралѣ мѣсяцѣ, пустились къ Дону въ глубину Половецкихъ степей, куда уже провѣдалъ имъ дорогу Мономаховъ воевода Дмитръ Изворовичъ, опустошившій Половецкія кочевья на Дону въ 1109 году. Они шли на Сулу, Хороль, Пселъ, Гольтву, Ворсклѣ и другія рѣки до Дону, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, нигдѣ не встрѣчая непріятелей до самыхъ становищъ Шарукана, бывшихъ на Дону, и составлявшихъ укрѣпленный городъ. Подходя къ этому городу, Русскіе надѣли брони и раздѣлили ратниковъ на полки готовые къ бою; но Шаруканцы не рѣшились защищаться, и вышедши изъ города поднесли Русскимъ Князьямъ съ поклономъ рыбу и вино. Русскіе, переночевавъ въ Шаруканѣ, на другой день двинулись къ другому Половецкому городу Сугрову и сожгли его; потомъ съ Дона пустились въ степи искать непріятелей и на рѣкѣ Дегеѣ нашли ихъ многочисленныя полчища, уже готовые къ бою. Русскіе Князья, возложивъ упованіе на Бога, и разцѣловавшись другъ съ другомъ, прощаясь какъ бы предъ смертью, бросились въ битву, которая была ужасна по упорству обѣихъ сторонъ, и кончилась страшнымъ избіеніемъ Половцевъ.

Русскіе простояли на костяхъ непріятельскихъ два дни, и потомъ спустились къ рѣкѣ Сальницѣ, гдѣ стояли полки Половецкіе какъ необозримый лѣсъ; здѣсь произошла новая страшная битва, которая дорого стоила обѣимъ сторонамъ и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Половцевъ; и Русскіе, обогатившись разною добычею и плѣнниками, со славою возвратились домой. Этотъ походъ на Половцевъ былъ знаменитѣйшимъ событіемъ того времени; по словамъ лѣтописца слава о немъ разнеслась и въ Грецію и въ Римъ, и къ Ляхамъ и къ Уграмъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ походъ сей былъ и послѣднимъ при Святополкѣ: въ 1113 году Святополкъ скончался въ Кіевѣ, оплаканный дружинниками, которымъ давалъ волю чинить всякія неправды.

По смерти Святополка Кіевскій престолъ долженъ бы былъ перейти къ старшему сыну его Ярославу, Князю Владиміро Вольнскому; но Кіевляне, недовольные покойнымъ Святополкомъ за его корыстолюбіе и притѣсненія земцовъ, не хотѣли, чтобы его сынъ княжилъ надъ ними; и на другой же день послѣ Святополковой кончины созвали вѣче, на которомъ порѣшили звать себѣ въ Князья Владиміра Мономаха, извѣстнаго тогда по всей Русской землѣ своими многочисленными походами на Половцевъ и умѣньемъ жить въ любви съ своею земщиною. Мономахъ на первый зовъ Кіевскаго вѣча не рѣшился идти въ Кіевъ, показывая тѣмъ, что Кіевъ отчина Святополчичей, а не его. Тогда Кіевляне разграбили дворъ тысячкаго Путяты, любимца и главнаго воеводы Святополкова, и дворы соцкихъ и жидовъ, которымъ особенно покровительствовалъ Святополкъ; и въ слѣдъ за тѣмъ снова послали къ Мономаху съ такими рѣчьми: «Княже! иди въ

Кіевъ, а ежели непойдешь, то знай что много зла поднимется, дѣло неограничится грабежемъ дворовъ Путяты, соцкихъ и жидовъ, пойдутъ и на княгиню Святополкову и на бояръ и на монастыри; и ты Князь дашь отвѣтъ, ежели будутъ ограблены монастыри». Послѣ этого вторичнаго приглашенія Владимиръ Мономахъ уже болѣе немедилъ и 30 Апрѣля, т. е. на четвертый день по кончинѣ Святополковой, прибылъ въ Кіевъ. Кіевляне его встрѣтили съ радостію и мятежъ прекратился, а Святополчичи и другіе Князья не осмѣливались подать и голоса противъ рѣшенія Кіевского вѣча. Утвердившись въ Кіевѣ, Мономахъ одного сына своего Святослава посадилъ въ Переяславлѣ, другаго Вячеслава въ Смоленскѣ, а старшій его сынъ Мстиславъ уже давно княжилъ въ Новгородѣ по приглашенію самихъ Новгородцевъ, потомъ Владимиръ, за смертію Святослава, посадилъ въ Переяславлѣ Ярополка.

Владимиръ Мономахъ своимъ княженіемъ въ Кіевѣ напомнилъ славное время дѣда своего Ярослава, какъ по своему могуществу, такъ и по характеру; вступивши на Кіевскій престолъ уже 60 лѣтъ отъ роду, онъ былъ также неусыпно дѣятеленъ, какъ и въ молодости; лѣта проведенные въ разнообразныхъ трудахъ войны и мира только сообщили ему опытность, и нисколько неослабили энергіи и настойчивости. Онъ обыкновенно вставалъ съ постели раннимъ утромъ и шелъ въ церковь, потомъ садился съ дружиною разсуждать о дѣлахъ управленія и творить судъ; по собственнымъ его словамъ онъ отъ юности самъ дѣлалъ всѣ дѣла, которыя бы слѣдовало дѣлать слугѣ, и на войнѣ, и на ловляхъ, день и

ночь зимой и лѣтомъ, не давая себѣ покоя, не надѣясь ни на посадниковъ, ни на бирючей, все дѣлалъ самъ, что было нужно, весь нарядъ въ своемъ дому, и въ ловчихъ ловчій нарядъ, и въ конюхахъ, и въ соколахъ и въ ястребахъ, не давалъ обидѣть сильнымъ ни бѣднаго поселянина, ни убогой вдовы, самъ смотрѣлъ и за порядкомъ церковной службы. При таковой дѣятельности, при высокомъ умѣ и захвативъ въ свои руки большую и лучшую часть Русскихъ владѣній, Владиміръ Мономахъ съ разу поставилъ современную ему Русь честно и грозно въ отношеніи къ сосѣдямъ, а съ Князьями Русскими онъ подобно дѣду своему Ярославу старался быть въ постоянномъ мирѣ и союзѣ, но въ тоже время требовалъ отъ нихъ послушанія и настойчиво преслѣдовалъ строптивыхъ.

По вступленіи въ Кіевъ Владиміръ Мономахъ прежде всего озаботился положить границы корыстолюбію Жидовъ, которые бывши подъ покровительствомъ Святополка страшно притѣсняли бѣдныхъ Кіевскихъ земцевъ, взыскивая съ своихъ должниковъ огромные, чисто жидовскіе, проценты, и захватили въ свои руки большую часть Кіевской торговли. Чтобы сдержать Жидовъ, Мономахъ созвалъ тысяцкихъ отъ разныхъ городовъ Кіевской Переяславской и Черниговской областей, и посовѣтовавшись съ ними издалъ законъ, чтобы не брать процентовъ болѣе десяти кунъ отъ гривны на годъ, и чтобы купцамъ, сдѣлавшимся несостоятельными не по своей винѣ, а по несчастію, разсрочивать платежъ долговъ въ годы; а при раздѣлѣ, добытковъ послѣ несостоятельнаго купца по своей винѣ, выплачивать долги сперва при-

ѣзжимъ купцамъ и казнѣ, а потомъ кредиторамъ того же города дѣлать что останется, и не допускать къ участию въ дѣлежѣ тѣхъ, которые брали большіе проценты.

Провѣдавши о смерти Святополка, Половецкіе Князья, знаменитые удалствомъ Бонякъ и Аэпа, съ многочисленными полками нагрянули на восточныя границы приднѣпровья и осадили городъ Вырь; но услышавши, что Мономахъ съ Олегомъ Святославичемъ пришли уже къ Ромну и идутъ на нихъ, обратились въ бѣгство и болѣе уже не являлись на Русскихъ границахъ въ продолженіи всего княжествованія Мономаха въ Кіевѣ. Желая быть въ любви и союзѣ со всѣми Русскими Князьями, Владиміръ въ первый же годъ своего княженія женилъ своего сына Романа на дочери Володаря Ростиславича Перемышляскаго. А на третій годъ его княженія пріѣхали къ нему въ Кіевъ Давыдъ и Олегъ Святославичи и торжественно при многочисленномъ стеченіи народа перенесли мощи Бориса и Глѣба въ новосозданную каменную церковь, и три дня богато праздновали это перенесеніе, и потомъ въ любви и мирѣ разошлись по домамъ. И Олегъ вскорѣ по возвращеніи изъ Кіева скончался въ Черниговѣ и погребенъ въ церкви Св. Спаса, близъ гроба отца своего Святослава.

Три года Владиміръ Мономахъ былъ миренъ со всѣми Русскими Князьями, какъ вдругъ Глѣбъ Всеславичъ, Князь Минскій, напалъ на Дреговичей принадлежавшихъ Кіевскому княжеству и сжегъ ихъ городъ Слуцкъ; и тѣмъ вызвалъ на себя войну Кіевскаго Князя. Владиміръ Мономахъ, не любившій полумѣръ, поднялъ на Всеславича почти всѣхъ союзниковъ, и однимъ непродолжительнымъ походомъ принудилъ его униженно молить о мирѣ, и поучивши его

и взявши обѣщаніе быть послушнымъ, оставилъ за нимъ всѣ его прежнія владѣнія.

Смиривъ Глѣба Минскаго, Владиміръ, возвратясь въ Кіевъ, въ тотъ же годъ отправилъ свои рати въ двѣ разныя страны: одну на Дунай противъ Грековъ, куда уже давно со вѣременъ Ярослава не ходили Русскіе полки, и другую въ глубину Половецкихъ степей на Донъ. Войну съ Греками Мономахъ началъ изъ того, что Греки въ Доростолѣ убили его зятя царевича Леона, сына прежняго Константинопольскаго Императора Діогена. Посланный на Дунай Мономаховъ воевода Иванъ Войтишничъ быстро завоевалъ города Дунайскіе и посажалъ тамъ посадниковъ Кіевскаго Князя; но другое войско посланное подъ начальствомъ Мономахова сына Вячеслава и воеводы Оомы Ратиборича отступило безъ успѣха отъ Доростола. Тѣмъ не менѣе Греческій Императоръ Алексій Комненъ поспѣшилъ заключить съ Кіевскимъ Княземъ миръ, и прислалъ въ Кіевъ митрополита Ефесскаго Неофита и другихъ знатныхъ посланниковъ, которые принесли богатые дары, — крестъ животворящаго древа, царскій вѣнецъ, чашу сердоликовую Императора Августа, золотые бармы Константина Мономаха и проч. Причемъ Неофитъ въ Кіевскомъ соборномъ храмѣ, возлагая вѣнецъ царскій на Владиміра, провозгласилъ его Царемъ.

Рать посланная на Половецвъ, была подъ предводительства храбраго Ярополка, сына Мономахова, и Всеволода сына Давыда Черниговскаго. Сіи два Князя благополучно прошли, уже знакомыя Русскимъ, Половецкія степи, разбили Половецвъ и взяли три ихъ города на Дону — Сугровъ, Шаруканъ и Балинь. Сей походъ такъ ослабилъ Половецвъ, что вслѣдъ за удаленіемъ Русской рати воз-

мутились противъ нихъ, жившіе съ ними въ глубинѣ степеней, Торки и Печенѣчи и послѣ страшной сѣчи на Дону, продолжавшейся два дня и двѣ ночи, удалились къ Русскимъ предѣламъ и были поселены Владиміромъ частію у Переславля, частію по Роси на югъ отъ Кіева, и въ послѣдствіи были извѣстны подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ или Черкасовъ. А надругой годъ послѣ Ярополкова похода пришли изъ Половецкихъ степеней Хозары, и были поселены въ предѣлахъ Черниговскихъ владѣній, и выстроили себѣ тамъ городъ Белую-Вѣжу при верховьяхъ рѣки Остра.

Между тѣмъ Ярославъ, сынъ Святополковъ, княжившій въ Владимірѣ Волынскомъ, дурно обращался съ своею женою, внѣкою Мономаха, да и въ отношеніи къ самому Мономаху велъ себя строитиво, и сносился съ Поляками, которыхъ Король, Болеславъ Кривоустый, былъ женатъ на его сестрѣ. Мономахъ нѣсколько разъ приглашалъ его въ Кіевъ; но онъ таковыя приглашенія оставлялъ безъ вниманія. Наконецъ въ 1118 году Мономахъ рѣшился смирить Ярослава и, по своему обычаю въ таковыхъ случаяхъ, поднялъ на него большую часть своихъ союзниковъ-Князей, вступилъ въ Волынскія земли и осадилъ Владиміръ Волынской. Цѣлыхъ два мѣсяца Ярославъ мужественно держался въ осадѣ; но наконецъ, не получая ни откуда помощи, началъ молить о мирѣ; и Владиміръ сдѣлавши ему строгій выговоръ и предписавши условія быть во всемъ послушнымъ и по первому зову являться въ Кіевъ, далъ ему миръ и самъ съ своими союзниками вышелъ изъ Волынской земли. Но условія мира, предписанныя Ярославу, такъ были тяжелы, что онъ, оставленный своими боярами, на другой же годъ бѣжалъ

къ Венграмъ; а Мономахъ на мѣсто его во Владимірѣ посадилъ своего сына.

Покончивъ дѣла на Волини, Мономахъ въ 1119 году ходилъ опять на Глѣба Всеславича, Князя Минскаго, который вѣроятно плохо исполнялъ тяжелыя условія мира, даннаго ему три года назадъ. Этотъ походъ Мономаха былъ непродолжителенъ, Кіевскій Князь взялъ Минскъ кажется безъ большаго сопротивленія, а самаго Глѣба отвезъ въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ въ томъ же году. Но бѣглець Ярославъ не оставлялъ еще своего намѣренія воротиться на Волинь и сдѣлаться тамъ независимымъ Княземъ; онъ два раза приводилъ туда полки Поляковъ, Венгровъ и Чеховъ, и во второй разъ, въ 1123 году, долго держалъ въ осадѣ Владимірѣ Волинскій, защищаемый Мономаховымъ сыномъ Андреемъ, и уже готовился къ приступу; но наканунѣ приступа былъ измѣнничеки убитъ двумя Поляками.

Постоянные успѣхи Мономаха и, сравнительно съ прежнимъ временемъ, большее спокойствіе въ Русской землѣ, дали средства разнымъ удѣльнымъ Князьямъ предпринимать удачныя походы на сосѣдей. Въ 1120 году удалый Ярополкъ Владиміровичъ Переславскій опять ходилъ на Донъ въ Половецкія степи и воротился назадъ не встрѣтивъ непріятелей; и въ томъ же году другой Мономаховъ сынъ Юрій Суздальскій удачно воевалъ съ Камскими Болгарами, разбилъ ихъ полки и воротился домой съ богатою добычею и многочисленнымъ полонемъ; а Андрей Князь Волинскій по приказу отца въ то же время водилъ Половцевъ въ Польшу и произвелъ тамъ большое опустошеніе. Ростиславичи же, Володаръ Перемышльскій и слѣпецъ Василько Теребовльскій, дѣлали постоян-

ные на бѣги на Польшу, и особенно страшень былъ для Поляковъ Володаръ, который часто водилъ туда Половцевъ и всегда возвращался домой съ большими добычами.

Съ 1123 года быстро стали вымирать Князья сверстники Мономаховы; такъ въ 1123 году скончался постоянный его вѣрный союзникъ Давидъ Святославичъ Черниговскій, потомъ въ 1124 скончались Володаръ и Василько Ростиславичи, наконецъ въ 1126 году скончался и самъ Владиміръ Мономахъ. Лѣтописецъ, говоря о кончинѣ Мономаха, называетъ его добрымъ страдальцемъ за Рускую землю. И дѣйствительно Мономахъ былъ лучшимъ и дѣятельнѣйшимъ изъ всѣхъ современныхъ ему Князей, грозою всѣхъ враговъ Русской земли и особенно Половцевъ. Онъ самъ въ своемъ поученіи къ дѣтямъ говоритъ, что въ продолженіи своей жизни сдѣлалъ 83 большихъ похода, а сколько малыхъ неупомнить, заключилъ съ Половцами 19 мировъ, нещадя своего имѣнія, взялъ въ плѣнъ сто Половецкихъ знаменитыхъ Князей, да избилъ въ разное время до двухъсотъ Князей и богатырей.

По смерти Владиміра Мономаха Кіевскимъ Княземъ сдѣлался старшій сынъ его Мстиславъ, уже на столько знаменитый своими прежними подвигами и своимъ уживчивымъ характеромъ съ земцами, что его съ охотою бы взяла себѣ въ Князья любая Русская земщина. Другія владѣнія Мономаха, по смерти его, остались каждое за тѣмъ его сыномъ, котораго гдѣ посадилъ отецъ: Переяславль за воинственнымъ Ярополкомъ, Смоленскъ за Вячеславомъ, Ростовъ и Суздаль за Юріемъ Долгорукимъ, и Волынь за Андреемъ.

Мстиславъ княжилъ въ Кіевѣ семь лѣтъ, и княженіе

его было продолженіемъ Мономахова. Половцы, прослышавши о смерти грознаго для нихъ Мономаха, немедленно явились въ предѣлахъ Переяславскаго княженія, надѣясь угнать къ себѣ жившихъ тамъ Торковъ; но надежда ихъ страшно обманула, въ Переяславлѣ сидѣлъ храбрый Ярополкъ, привычный уже боецъ съ кочевниками: онъ, при первомъ слухѣ о движеніи Половцевъ, загналъ всѣхъ пограничныхъ жителей и Торковъ въ Баручь и другіе города; а самъ съ дружиною засѣлъ въ Переяславлѣ высматривать, что будутъ дѣлать Половцы, и когда замѣтилъ что они стали грабить Посулье, бросился на нихъ, смялъ ихъ однимъ натискомъ и обратилъ въ бѣгство и часть избилъ на погони, а часть потонула въ рѣкѣ Сулѣ; и тѣмъ кончился этотъ набѣгъ, такъ что Ярополку не понадобилось помощи ни отъ Мстислава, ни отъ другихъ Князей.

Мстиславъ два года спокойно сидѣлъ въ Кіевѣ, но вскорѣ потребовалась и его дѣятельность. Въ 1128 году началось междоусобіе въ Черниговскихъ владѣніяхъ; тамъ Олеговъ сынъ храбрый и умный Всеволодъ, Князь Новгорода Сѣверскаго, нечаяннымъ наѣздомъ занялъ Черниговъ, захватилъ тамошняго Князя дядю своего Ярослава Святославича и изсѣкъ его дружину. Мстиславъ, ручавшійся Ярославу за безопасность его владѣній и цѣловавшій ему крестъ, долженъ былъ вступить въ это дѣло и онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Ярополкомъ Переяславскимъ съ двухъ сторонъ двинулся къ Чернигову, и цѣлое лѣто держалъ его въ осадѣ. Тщетно Половцы союзники Всеволодовы шли къ нему на помощь, Ярополкъ быстро занялъ всѣ Черниговскіе города по Семи и Локнѣ, и заперъ Половцамъ всѣ дороги къ Чернигову, такъ что

они, дошедши только до Выря должны были бѣжать въ свои степи. Всеволодъ, неполучая ни откуда помощи, сталъ умолять Мстислава и дарить его бояръ, чтобы заступились за него у Князя. Наконецъ Мстиславъ, послѣ многихъ просьбъ бояръ и духовенства и особенно по настоянію уважаемаго Княземъ игумена Андреевскаго монастыря Григорія, заключилъ миръ съ Всеволодомъ, по которому Ярославъ долженъ былъ идти въ свою старую волость Муромъ, гдѣ черезъ два года и умеръ, а Всеволодъ обѣщался быть въ послушаніи у Мстислава и уступилъ ему Курскъ и нѣкоторые другіе города по Семи.

Покончивши дѣло въ Черниговѣ Мстиславъ двинулъ всѣхъ своихъ союзниковъ на Полотскаго Князя Давыда Всеславича и вообще на всѣхъ Полотскихъ Князей, причиною этого похода по всему вѣроятію было непослушаніе Полотскихъ Князей или набѣги на Смоленскія или Новгородскія сосѣднія владѣнія; но какъ бы то нибыло Мстиславъ, подобно отцу своему Мономаху, вступилъ въ землю Полотскую съ разныхъ сторонъ, и такъ стѣснилъ Полочанъ, что тѣ выгнали своего Князя Давыда съ дѣтьми, а на мѣсто его избрали брата его Рогволода, и съ нимъ вмѣстѣ отправились къ Мстиславу просить, чтобы онъ утвердилъ Рогволода ихъ Княземъ. Мстиславъ довольный покорностію Полочанъ, согласился на ихъ просьбу и утвердилъ Рогволода, конечно съ условіемъ, чтобы онъ во всемъ слушался его. Но очевидно условіе это было очень тяжело, и Рогволодъ съ другими Полотскими Князьями плохо исполнялъ его; а по сему на слѣдующій же годъ Мстиславъ велѣлъ схватить всѣхъ Полотскихъ Князей и отослать и съ женами и дѣтьми въ ссылку въ

Грецію, Полотскія же владѣнія присоединилъ къ своимъ и посадилъ тамъ сына своего Изяслава.

Сдѣлавшись обладателемъ Полотской земли, Мстиславъ съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлался ближайшимъ сосѣдомъ Литвы, которая, по всему вѣроятію подстрекаемая или самими Полочанами или скорѣе которымъ либо изъ прежнихъ Князей успѣвшимъ укрыться отъ плѣна, стала беспокоить своими набѣгами новаго Полотскаго Князя Изяслава. А по сему Мстиславъ въ 1132 году, т. е. на третій годъ по присоединеніи Полотской земли, самъ съ своими сыновьями, съ Ольговичами и Всеволодомъ Городенскимъ отправился на Литву, чтобы смирить новыхъ безпокойныхъ сосѣдей. Но походъ этотъ не имѣлъ надлежащаго успѣха; Литовцы скрылись въ своихъ непроходимыхъ лѣсахъ, и Русскіе только успѣли пожечь брошенные ими жилища, и не находя противниковъ воротились назадъ. Мстиславъ и другіе Князья съ своими дружинниками, шедшіе съ большею осторожностію, прошли благополучно Литовскія пущи и болота; но отставшіе отъ Князей земскіе полки Кіевлянъ, шедшіе особо, были сильно побиты выступившими изъ своихъ лѣсовъ Литовцами. Литовскій походъ былъ послѣднимъ для Мстислава; ибо онъ возвратясь въ Кіевъ вскорѣ скончался на 56 году отъ рожденія.

Передъ смертію Мстислава всѣ владѣнія Русской земли были раздѣлены между тремя поколѣніями племени Ярославова, и большая часть была за поколѣніемъ Всеволодовымъ или Мономаховичами; имъ принадлежали княжества Кіевское, Переяславское, Волынское, Полотское, Смоленское и весь Ростовско-Суздальскій край. За Мо-

помаховичами слѣдовали внуки Святослава, которымъ принадлежали Княжества Черниговское, Новгородъ-Сѣверское, земля Вятичей, Рязань и Муромъ. Третьими большими владѣльцами на Руси были правнуки Владимира Ярославича, дѣти Володаря и Василька Ростиславичей, княжившіе въ Червонной Руси. Наконецъ было еще одно огромное владѣніе — Новгородъ Великій, стоявшій особнякомъ, впрочемъ придерживавшійся Мономаховичей. Потомство старшаго Ярославича Изяслава въ это время страшно измелчало и находилось въ полной зависимости отъ Кіевскаго Князя, оно владѣло самыми незначительными землями въ предѣлахъ Волынскаго и Туровскаго княжествъ.

По смерти Мстислава Кіевъ со всѣми своими владѣніями достался Мстиславу брату Ярополку, Князю Переяславскому; его выбрали сами Кіевляне, и отправили къ нему посольство въ Переяславль, точно также, какъ прежде, они выбрали Мономаха. Причиною такого выбора была конечно какъ любовь Кіевлянъ вообще къ Мономаховичамъ, такъ еще болѣе личность самаго Ярополка, который хорошо жилъ съ Переяславцами и послѣ Мономаха считался первымъ ратоборцемъ противъ Половцевъ, что очень важно было для Кіевлянъ производившихъ тогда дѣятельную торговлю съ Греками чрезъ Половецкія степи. Но Кіевляне на этотъ разъ горько ошиблись въ своемъ выборѣ; Ярополкъ, грозный для Половцовъ будучи Княземъ Переяславскимъ, не умѣлъ защитить Кіевской области, когда Половцы явились туда союзниками Ольговичей.

Шестилѣтнее княжество Ярополка въ Кіевѣ представляетъ непрерывный рядъ междоусобій. Ярополкъ,

кажется желая всѣмъ угодить, на первомъ же году перессорился съ Мстиславичами своими племянниками и особенно обидѣлъ лучшаго изъ нихъ Князя Полотскаго Изяслава Мстиславича. Онъ сперва упросилъ его перейти изъ Полотска въ Переяславль; потомъ когда Полочане взбунтовались, будучи ободрены удаленіемъ Изяслава, и выбрали одного изъ прежнихъ своихъ Князей Всеслава внука Василька Святославича, вѣроятно скрывавшагося гдѣ нибудь въ Литвѣ; тогда Ярополкъ, чтобы совершенно непотерять земли Полотской, уговорился съ своими братьями и перевелъ Вячеслава Туровскаго въ Переяславль, а Изяслава посадилъ въ Минскѣ, который одинъ изъ Полотской земли еще оставался за Мономаховичами, и придалъ ему Туровъ и Минскъ. Но Вячеславу не пожилось въ Переяславлѣ, онъ непроживъ тамъ и году воротился въ Туровъ, а Переяславль Ярополкъ уступилъ брату своему Юрью Суздальскому, въ обмѣнъ на Суздальскія владѣнія, и такимъ образомъ Изяславъ остался только при одномъ Минскѣ. Будучи крайне недоволенъ такими распоряженіями дядей, Изяславъ ушелъ изъ Минска къ брату своему Всеволоду въ Новгородъ Великій, и оттуда вмѣстѣ съ братьями противъ дядей заключилъ союзъ съ Князьями Черниговскими, т. е. съ Ольговичами и Давыдовичами; а по договору новые союзники Мстиславичи, Ольговичи и Давыдовичи объявили войну Мономаховичамъ. И Изяславъ съ братомъ своимъ Всеволодомъ повели Новгородцевъ на Суздальскія владѣнія принадлежащія Юрью; но Новгородцы шли неохотно и только перешедши Волгу воротились назадъ. Между тѣмъ Ярополкъ съ своими братьями Андреемъ и Юріемъ открылъ походъ къ Чернигову; Изяславъ, получивши объ

этомъ вѣсть, послѣшилъ туда къ своимъ союзникамъ Ольговичамъ и Давыдовичамъ. Впрочемъ подѣ Черниговомъ на этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ, Ярополкъ съ братьями, постоявъ немного и пожегши Черниговскія села, ушелъ назадъ въ Кіевъ боясь прихода Черниговскихъ союзниковъ Половцевъ; и это отступленіе страшно повредило Мономаховичамъ, Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій имъ воспользовался какъ ненадо лучше. Какъ скоро пришли Половцы, то онъ съ братьями своими и Мстиславичами повелъ ихъ на Юрія и страшно опустошилъ Переяславскія владѣнія; и, воротившись въ Черниговъ съ огромною добычею и множествомъ плѣнниковъ, началъ съ Ярополкомъ переговоры о мирѣ, которые продолжались 50 дней и кончились такимъ миромъ, какого хотѣлось Всеволоду и Мстиславичамъ; Ярополкъ по этому миру отдалъ Изяславу Мстиславичу Волынь, а тамошняго Князя брата своего Андрея перевелъ въ Переяславль на мѣсто Юрія, которому велѣлъ возвратиться въ его прежнюю волость Ростовскую и Суздальскую.

Добывши Волынь своему союзнику Изяславу, Черниговскіе Князья стали требовать, чтобы Ярополкъ возвратилъ и имъ ихъ волость, Курскъ и все Посемье, которая была отнята у нихъ Мстиславомъ; Ярополкъ на это не согласился, и опять началась война. Всеволодъ Ольговичъ съ братьями снова пригласилъ Половцевъ, опустошилъ всѣ города и села по Сулѣ, подступилъ къ Переяславу, стоялъ уже три дня подѣ симъ городомъ; но узнавши что идетъ Переславцамъ на помощь самъ Ярополкъ съ братьями и полками Кіевскими, пошелъ къ нему на встрѣчу, разбилъ его въ страшной битвѣ при верховьяхъ Супоя, и принудилъ удалиться въ Кіевъ. По-

слѣ этого обѣ враждующія стороны вступили переговоры, которые продолжались четыре мѣсяца съ половиною. Наконецъ Всеволодъ Ольговичъ съ братьями снова пригласилъ къ себѣ Половцевъ, и 29 Декабря 1136 года переправился чрезъ Днѣпръ, цѣлыхъ двѣ недѣли опустошалъ Кіевскую область, подступилъ къ самому Кіеву и заставилъ Ярополка заключить миръ, по которому Всеволодъ съ братьями получили все то, чего требовали т. е. Курскъ и всѣ города по Семи.

Послѣднимъ миромъ подъ Кіевомъ казалось были улажены всѣ дѣла и отстранены поводы къ междоусобіямъ; но едва прошло два года, какъ война снова возгорѣлась и опять съ Князьями Черниговскими. Поводомъ къ этой войнѣ было то, что Новгородцы выгнали отъ себѣ Всеволодова брата Святослава Ольговича и пригласили себѣ въ Князья Ростислава сына Юріева, а Смольняне схватили Святослава на пути и засадили подъ стражу. Всеволодъ Ольговичъ съ братьями, видя здѣсь происки Мономаховичей, снова пригласилъ Половцевъ и повелъ ихъ на соседнія владѣнія Переяславскія, опустошилъ тамошніе города и села и уже готовился перейти чрезъ Днѣпръ; но вѣсть, что Ярополкъ собралъ огромное войско, заставила его воротиться въ Черниговъ. Дѣйствительно Ярополкъ успѣлъ хорошо приготовиться къ войнѣ: къ нему, кромѣ Кіевлянъ, Переяславцевъ и Туровцевъ, сошлись еще полки Вольнянъ, Угровъ, Галичанъ, Полочанъ, Смольнянъ и Ростовцевъ, и однѣхъ Берендѣевъ 30 тысячъ. Съ такою ратью Ярополкъ уже не думалъ ждать Всеволода, но самъ пошелъ въ его владѣнія и осадилъ Черниговъ. Всеволодъ, видя невозможность бороться съ такою силою, хотѣлъ бѣжать къ Половцамъ; но Черниговцы его оста-

новили, и онъ съ покорностію послалъ къ Ярополку просить мира. Ярополкъ согласился на просьбу и заключили миръ. Миръ этотъ былъ заключенъ лѣтомъ 1138 года, а зимою того же года скончался Ярополкъ, не оставивши послѣ себя дѣтей.

На шестой день, по смерти бездѣтнаго Ярополка, вступилъ въ Кіевъ братъ его Вячеславъ Туровскій; граждане и духовенство приняли его, какъ сына Мономахова. Но не Вячеславу можно было княжить тогда въ Кіевѣ; Кіевъ въ то время имѣлъ еще большое значеніе, и чтобы удержаться въ немъ, нужно было имѣть и силы, и ума, и ловкости побольше, чѣмъ имѣлъ ихъ Вячеславъ. Черезъ десять дней, по вступленіи его въ Кіевъ, прибылъ въ Вышгородъ Всеволодъ Ольговичъ съ роднымъ братомъ Святославомъ и съ двоюроднымъ Владиміромъ Давыдовичемъ и съ небольшою дружиною; потомъ подошелъ къ Кіеву и ставъ въ Копыревѣ концѣ, началъ закигать дворы, а между тѣмъ послалъ сказать Вячеславу: «иди добромъ.» Вячеславъ попросилъ срока на день, чтобы спокойно выбраться, и дѣйствительно въ данный срокъ выбрался въ Туровъ, въ свое прежнее владѣніе, а въ Кіевъ вступилъ Всеволодъ Ольговичъ.

Когда Всеволодъ сдѣлался Княземъ Кіевскимъ, тогда Черниговскія и Новгородъ - Сѣверскія владѣнія были за его родными и двоюродными братьями; княжество Переяславское, Туровское и Ростовско-Суздальское за Мономаховичами, Волынское и Смоленское за Мстиславичами, а Галицкое княжество или Червонная Русь за внуками Ростислава, и Плотское княжество за Василькомъ Святославичемъ, внукомъ знаменитаго Всеслава.

Всеволодъ Ольговичъ началъ свое княженіе въ Кіевѣ

роскошнымъ пиромъ митрополиту, боярамъ и всѣмъ Кіевлянамъ, и богатыми милостынями церквамъ и монастырямъ. Привлекая ласкою Кіевскую земщину, Всеволодъ хотѣлъ жить въ мирѣ и съ Князьями, и для сего началъ ссылатся съ Мономаховичами и Мстиславичами, и особенно приглашалъ къ себѣ въ Кіевъ своего шурина и стариннаго союзника Изяслава Мстиславича Волынскаго; но ни Изяславъ, ни братья его, ни Мономаховичи не думали вступать съ нимъ въ союзъ, а напротивъ стали сноситься другъ съ другомъ, чтобы общими силами идти на Кіевъ. Тогда Всеволодъ видя къ себѣ явную вражду всѣхъ потомковъ Мономаха, и не дожидаясь, чтобы они, соединясь другъ съ другомъ, пошли на него, двинулся на нихъ двумя путями: именно самъ съ братомъ своимъ Святославомъ пустился къ Переяславлю на Андрея Владиміровича, а двоюроднаго брата своего Владиміра Давыдовича съ Князьями Галицкими и Половцами послалъ на Вячеслава Туровскаго и Изяслава Волынскаго. Начиная этотъ двойной походъ, Всеволодъ требовалъ, чтобы Изяславъ, Вячеславъ и Андрей оставили свои владѣнія, которыя онъ обѣщалъ своимъ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ; но исходъ похода не оправдалъ надеждъ Всеволода, — Андрей, Изяславъ и Вячеславъ на столько оказали сопротивленія, что онъ нашелся въ необходимости оставить cadaго въ его владѣніи. Тѣмъ не менѣе Всеволодъ достигъ своей главной цѣли, онъ cadaго изъ противниковъ принудилъ заключить отдѣльный съ собою миръ, и такимъ образомъ разрушилъ готовившійся на него союзъ потомковъ Мономаховыхъ и тѣмъ обезпечилъ за собою владѣніе Кіевомъ. А на слѣдующій годъ скончался Андрей Переяславскій и Всеволодъ перевелъ въ Переяславль

Вячеслава Туровскаго, а въ Туровъ посадилъ своего сына Святослава; притомъ же успѣлъ захватить Городецъ Остерскій и всѣ другіе города по лѣвому берегу Днѣпра, принадлежавшіе Юрію Суздальскому, и забралъ все его имущество тамъ бывшее, конскіе табуны и стада рога-таго скота и овецъ.

Но по мѣрѣ того, какъ Всеволодъ устраивался и улаживался съ Мономаховичами и Мстиславичами, его родные и двоюродные братья Ольговичи и Давыдовичи раздражались противъ него. Ихъ неудовольствія начались съ самаго вступленія Всеволода въ Кіевъ, ибо онъ не исполнилъ обѣщаннаго, не надѣлилъ ихъ чужими волостями; но особенно оскорбились Игорь и Святославъ Ольговичи, когда по смерти Андрея Переяславскаго Всеволодъ перевелъ въ Переяславль Вячеслава, а Туровъ отдалъ сыну своему Святославу; они стали ему говорить: «ты даешь волости сыну, а братьевъ ничѣмъ не надѣляешь.» Чтобы какъ нибудь уладиться съ братьями, Всеволодъ назначилъ въ городѣ Ольжичахъ съѣздъ для всѣхъ своихъ братьевъ родныхъ и двоюродныхъ; но съѣздъ этотъ вмѣсто мира и согласія кончился полнымъ раздоромъ, — Ольговичи и Давыдовичи заключили союзъ противъ Всеволода, цѣловали крестъ, чтобы невыдавать другъ друга, и всѣ пошли ратью къ Переяславлю, чтобы выгнать оттуда Вячеслава. Всеволодъ, получивши объ этомъ вѣсть, немедленно послалъ помощь къ Вячеславу, и по той же вѣсти Изяславъ Волынскій явился подъ Переяславлемъ на выручку къ своему дядѣ. Битва подъ Переяславлемъ кончилась не въ пользу Ольговичей и Давыдовичей, они разбитые должны были бѣжать въ свои города. А въ слѣдъ за тѣмъ Ростиславъ Смоленскій, слы-

шавъ о ихъ поражениі, захватилъ у нихъ всю волость около Гомби, а потомъ Изяславъ отъ Переяславля вступилъ въ землю Черниговскую и опустошилъ села по Деснѣ и около Чернигова. Но Ольговичи и Давыдовичи отъ этого не смирились, и лишь Изяславъ успѣлъ выйти изъ ихъ владѣній, бросились къ Переяславлю, желая отомстить свое поражение; но и на этотъ разъ имъ не было удачи: бившись подъ Переяславлемъ три дни безъ успѣха, они принуждены были воротиться домой. Тогда Всеволодъ, чтобы какъ нибудь уговорить братьевъ къ миру, вызвалъ изъ Печерскаго монастыря, всѣми уважаемаго своего двоюроднаго брата, инока Николая Святошу (т. е. Святослава Давыдовича), и послалъ его къ братьямъ для переговоровъ, требуя отъ нихъ, чтобы они прекратили войну съ Мстиславичами, и предлагая имъ разные города. Ольговичи и Давыдовичи смиренные двукратною неудачею въ войнѣ, и внимая совѣтамъ уважаемаго инока-брата приняли предложеніе Всеволода, и по его зову пріѣхали въ Кіевъ. Достигнувъ такимъ образомъ послушанія отъ братьевъ, Всеволодъ пошелъ далѣе, онъ повелъ дѣло такъ, чтобы разрушить опасный для него союзъ между родными и двоюродными братьями. Для этого онъ черезъ своихъ людей обратился сперва къ Давыдовичамъ, чтобы они отступились отъ его родныхъ братьевъ, обѣщая имъ за то лучшія волости; тѣ, обольщенные такою приманкою, отстали отъ союза съ Ольговичами и вступили въ отдѣльный договоръ съ Всеволодомъ; тогда Всеволодъ вступилъ въ отдѣльный договоръ съ родными братьями и, какъ они были уже оставлены своими союзниками, удовольствовалъ ихъ городами по своей волѣ. Но лишь только примирились братья Всеволода, какъ опять явился

поводъ къ враждѣ. Вячеславъ Переяславскій, по согласію съ Всеволодомъ, перешелъ въ свой прежній Туровъ, а Переяславль отдалъ своему племяннику Изяславу; Всеволодъ же на Изяславово мѣсто въ Волынь перевелъ своего сына Святослава. Это перемѣщеніе явно клонилось къ выгодѣ Всеволодова дома, ибо Волынь считалась лучше Турова. И Ольговичи съ ропотомъ стали говорить Всеволоду: «ты водишь любовь съ Мстиславичами своими шурьями, а нашими врагами, осажался ими около, а намъ на безголовье и безмѣстье и себѣ,» и надѣдали ему просьбою начать войну съ Мстиславичами; но будучи отдѣлены отъ Давыдовичей ничего не могли сдѣлать.

Устроившись съ Мономаховичами и съ своими родными и двоюродными братьями, Всеволодъ въ 1143 году роскошно справлялъ свадьбу своего сына Святослава, котораго женилъ на дочери Василька Святославича Полотскаго; на этой свадьбѣ у Всеволода пировали почти всѣ Русскіе Князья и даже Ляхи, ибо годъ тому назадъ Всеволодъ выдалъ дочь свою Звениславу за Польскаго Князя Болеслава Владиславича. Потомъ Изяславъ Переяславскій выдалъ свою дочь въ Полотскъ за Рогволода Борисовича, и на эту свадьбу Всеволодъ, съ своею женою, боярами и Кіевлянами пріѣзжалъ въ Переяславль. Въ томъ же году Изяславъ Мстиславичъ, вѣроятно по согласію съ Всеволодомъ, ходилъ къ Юрію въ Суздаль мирить его съ Всеволодомъ; но возвратился безъ успѣха.

Но пируя свадьбы, Всеволодъ въ тоже время замышлялъ войну съ Владиміромъ Володаревичемъ Галицкимъ. Этотъ Князь, пользуясь междоусобіями въ Приднѣпровьи по смерти Мстислава Великаго, успѣлъ соединить подъ свою власть всѣ владѣнія своихъ братьевъ родныхъ и двою-

родныхъ и сдѣлался сильнымъ Княземъ въ той сторонѣ. Онъ сначала долго былъ въ мирѣ и союзѣ съ Всеволодомъ; но когда Всеволодъ перемѣстилъ въ Вольнѣ сына своего Святослава, то Владиміръ не поладилъ съ своимъ сосѣдомъ и отослалъ къ Всеволоду крестную грамоту. Всеволодъ, получивъ эту грамоту, поднялъ на Владиміра всѣхъ Князей своихъ союзниковъ и даже Владислава Польскаго, и вступилъ въ Галицкія владѣнія. Владиміръ пригласилъ къ себѣ на помощь Венгровъ и сначала защищался мужественно; но будучи отрѣзанъ отъ своихъ важнѣйшихъ городовъ Перемышля и Галича, видя свою крайность, началъ ссыматься съ Игоремъ Ольговичемъ, чтобы онъ помирилъ его съ своимъ братомъ, обѣщая помочь ему, когда понадобится, при занятіи Кіева. Игорь, обольщенный обѣщаніемъ, уговорилъ Всеволода помириться; и тѣмъ кончился походъ начатый съ большими приготовленіями. Владиміръ цѣловалъ Всеволоду крестъ быть у него въ послушаніи и заплатилъ 1400 гривенъ серебра (т. е. слишкомъ 25 пудъ); Всеволодъ, раздѣливъ это серебро между Князьями участвовавшими въ походѣ, возвратился въ Кіевъ.

На слѣдующій годъ послѣ Галицкаго похода Всеволодъ пригласилъ въ Кіевъ, какъ братьевъ своихъ родныхъ и двоюродныхъ, такъ и Изяслава Мстиславича, и объявивъ имъ, что назначаетъ наслѣдникомъ своимъ на Кіевскомъ престолѣ брата своего Игоря, потребовалъ, чтобы они цѣловали на томъ крестѣ; Изяславъ Мстиславичъ долго спорилъ противъ этого, но потомъ волей неволей долженъ былъ цѣловать крестъ, а въ слѣдъ за тѣмъ и Игорь, по приказу Всеволода, клялся что будетъ жить въ любви съ братьями. Послѣ этого Всеволодъ объявилъ походъ въ

Польшу на помощь къ Владиславу; и по этому объявленію Игорьъ съ братомъ своимъ Святославомъ, съ Владиміромъ Давыдовичемъ и племянникомъ Святославомъ Всеволодичемъ отправились въ походъ, а Изяславъ Мстиславичъ по случаю болѣзни остался дома. Польскій походъ Игоря былъ довольно удаченъ, Игорьъ помогъ Владиславу, воротился домой съ большимъ полономъ, и сверхъ того получилъ отъ Поляковъ городъ Визну.

На другой годъ Всеволодъ поднялъ всѣхъ своихъ союзниковъ, даже Болеслава Польскаго, своего зятя, Новгородцевъ и дикихъ Половцевъ на Владиміра Галицкаго, и оставивъ въ Кіевѣ своихъ братьевъ Игоря и Святослава, отправился въ походъ, уже больной. Причиною этого похода было то, что Владиміръ самъ началъ войну и захватилъ Кіевскій пограничный городъ Прилукъ. Вступивъ въ Галицкую землю, Всеволодъ осадилъ Звенигородъ, и на первый же день осады пожегъ острогъ, а на другой день началъ приступъ, который продолжался съ утра до вечера; но граждане отбились. Между тѣмъ болѣзнь Всеволода все усиливалась, и онъ бросивъ осаду Звенигорода, разпустилъ союзниковъ, а самъ поѣхалъ въ Кіевъ и тамъ въ скорости скончался, прокняживъ слишкомъ шесть лѣтъ. Но еще передъ смертію онъ успѣлъ созвать Кіевлянъ, объявилъ имъ своимъ наслѣдникомъ Игоря и взялъ съ нихъ присягу, а также послалъ къ Изяславу Мстиславичу и Давыдовичамъ спросить, стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи къ Игорю, и тѣ отвѣчали, — стоимъ. Такимъ образомъ Всеволодъ, всю жизнь свою хлопотавшій о заключеніи договоровъ, и умеръ требуя подтвержденія договоровъ и отъ Князей и отъ Кіевлянъ.

Княженіе Всеволода въ Кіевѣ весьма замѣчательно въ

Русской исторіи; съ этого княженія начался новый порядокъ въ занятіи княжескихъ престоловъ. Въ первое время, по смерти Ярослава великаго, Князья болѣе или менѣе утверждались на Ярославовомъ завѣщаніи; потомъ Мономахъ придумалъ для утвержденія владѣній княжескіе звѣзды; а Всеволодъ Ольговичъ всю жизнь свою держался и въ Черниговѣ и въ Кіевѣ частными договорами съ тѣми или другими Князьями, и преимущественно старался заключать отдѣльные договоры, которыми постоянно разрушалъ всѣ составлявшіеся противъ него союзы другихъ Князей. Заключение отдѣльныхъ договоровъ, съ легкой руки Всеволода, по смерти его сдѣлалось общимъ между всѣми Князьями; такъ что во все послѣдующее время ни Кіевскій, ни другой какой престолъ нельзя уже было удержать безъ отдѣльныхъ договоровъ съ тѣми или другими Князьями.

Много было княжескихъ междоусобій по смерти Мстислава Великаго, но по смерти Всеволода Ольговича междоусобій сдѣлалось несравненно больше, такъ что это время является самымъ запутаннымъ въ княжескихъ отношеніяхъ и самымъ бурнымъ во всей древней Русской исторіи, и въ продолженіи 12 лѣтъ послѣ Всеволода ни одинъ Князь не могъ прочно утвердиться въ Кіевѣ.

Похоронивъ Всеволода въ Вышгородѣ, Игорь Ольговичъ съ братомъ своимъ Святославомъ пріѣхалъ въ Кіевъ и созвалъ Кіевлянъ на гору на Ярославль дворъ, требуя отъ нихъ вторичной присяги. Кіевляне присягнули, но въ слѣдъ за тѣмъ составили вѣче у Туровой божницы и начались по городу волненія и грабежи; а между тѣмъ было уже тайно отправлено приглашеніе къ Изяславу Мстиславичу въ Переяславль, по которому онъ

перешель Днѣпръ у Заруба. И лишь только Изяславъ съ своею дружиною показался на правомъ берегу Днѣпра, какъ Черныя Клобуки и все Поросье стали сходитьсь къ нему и кричать: «ты нашъ Князь! Ольговичей не хотимъ; гдѣ увидимъ стягъ твой, то и мы съ тобою готовы.» Видя измѣну вокругъ себя, Игорь послалъ за помощію къ Давыдовичамъ Черниговскимъ; но прежде нежели тѣ успѣли подойти къ Днѣпру, Изяславъ осадилъ уже Кіевъ и Кіевскіе земскіе полки повергнувъ знамена перешли къ нему, и взяли отъ него знамя и тысяцкаго. Страшно было храброму Игорю, но онъ еще не терялъ присутствія духа, и сказавъ брату и племяннику: «пойдемте братья, какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ,» пошелъ прямо на Изяслава, который сталъ у Надова озера; но прямо подойти къ Надову озеру было невозможно, и потому Игорь съ своими пошелъ на верхъ озера болотами и прорвами. Этимъ воспользовались Берендеи Изяславовы, зашли имъ въ тылъ и начали сѣчь саблями; Изяславъ же съ своимъ сыномъ Мстиславомъ и дружиною вѣхалъ въ ихъ полкъ съ боку, и отрѣзалъ Игоря отъ брата и племянника. Святославъ Ольговичъ разбитый бѣжалъ къ Днѣпру и при устьѣ Десны переправился на другой берегъ въ Черниговскую сторону, а Святославъ Всеволодовичъ спрятался въ Орнинскомъ монастырѣ, Игорь же съ конемъ завязъ въ Дорогожичьскомъ болотѣ.

Изяславъ съ торжествомъ вошелъ въ Кіевъ и былъ встрѣченъ множествомъ народа и духовенствомъ всего города, которое вышло въ ризахъ; вскорѣ былъ отысканъ и приведенъ Святославъ Всеволодовичъ, котораго Изяславъ принялъ ласково, какъ сына любимой сестры

и оставилъ при себѣ; потомъ схвачены были укрывавшіеся въ городѣ вѣрные бояре Игоря и Святослава, и отпущены на окупъ, какъ плѣнники; на пятый день былъ найденъ и Игорь Ольговичъ, его Изяславъ заковалъ въ цѣпи и отослалъ въ Переяславль, для заключенія въ порубъ при монастырѣ Св. Іоанна. За тѣмъ Изяславъ и Кіевляне принялись грабить дома и села дружины Игоревой и Всеволодовой, и взяли множество скота и имѣнья и въ домахъ и въ монастыряхъ.

Но занятіемъ Кіева дѣло не кончилось для Изяслава. Святославъ Ольговичъ, послѣ битвы подъ Кіевомъ только съ малою дружиною перешедшій черезъ Днѣпръ, прибѣжалъ въ Черниговъ и спросилъ тамошнихъ Князей Давыдовичей: стоите ли въ крестномъ цѣлованіи къ Игорю, которое вы дали пятый день тому назадъ? тѣ отвѣчали,—стоимъ. Тогда Святославъ, оставивъ у Давыдовичей своего мужа Кстяжка, самъ пустился въ свои владѣнія Курскъ и Новгородъ Сѣверскій уставлявъ людей и готовиться къ войнѣ. Но война при началѣ для него крайне была несчастлива,—Давыдовичи ему измѣнили и соединясь въ Изяславомъ Мстиславичемъ условились выгнать его изъ Новгорода Сѣверскаго. Святославъ, лишившись ближайшихъ союзниковъ, послалъ просить помощи у Юрія Суздальскаго, тотъ обѣщалъ; но прежде нежели пришла эта помощь Изяславъ съ Давыдовичами уже вступилъ въ Новгородъ-Сѣверскія владѣнія и взялъ Путивль; получивши объ этомъ вѣсть, Святославъ, не находя возможнымъ держаться въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, удалился въ Карачевъ; а когда по взятіи Новгорода Сѣверскаго, Изяславъ съ Давыдовичами двинулся и къ Карачеву, то Святославъ убѣжалъ въ лѣса къ Вятичамъ

Изяславъ, получивши объ этомъ вѣсть, предоставилъ дальнѣйшее преслѣдованіе Давыдовичамъ, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ. Давыдовичи, по отъѣздѣ Изяслава, продолжали гнаться за Святославомъ изъ города въ городъ до Колтеска, куда къ нему Юрій прислалъ на помощь Бѣлозерскую дружину и Бродниковъ. Услышавши о помощи присланной Юріемъ, Давыдовичи прекратили погоню и ушли домой. Святославъ же остановился въ городѣ Лобынскѣ на устьѣ Протвы, почти на границѣ Суздальскихъ владѣній, куда Юрій прислалъ множество даровъ мѣхами и поволоками и ему, и женѣ его, и друживѣ, и обѣщалъ прислать сына въ новою помощію. Такъ кончился несчастный для Святослава 1146 годъ.

Но за то слѣдующій 1147 годъ былъ необыкновенно благопріятенъ для Святослава, онъ прозимовавъ въ Лобынскѣ, условился съ Юріемъ Суздальскимъ начать двойной походъ, именно Юрій пошелъ на Новгородскую волость и взялъ Торжекъ, а Святославъ на Смоленскія владѣнія и покорилъ тамъ племя Голядь при верховьяхъ Протвы; потомъ Юрій и Святославъ видѣлись въ Москвѣ гдѣ они весело пировали. Послѣ Московскаго свиданія, уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Святославъ перешелъ Оку у Неринска и направился къ югу для соединенія съ Половцами, которые уже присылали къ нему пословъ; потомъ соединясь съ Половцами, онъ прямо поворотилъ на Вятичи, откуда пришла уже вѣсть, что посадники Давыдовичей, слышавъ о его походѣ, убѣжали изъ тамошнихъ городовъ; послѣ такой вѣсти Святославу осталось только идти впередъ и брать городъ за городомъ безъ боя, и онъ такимъ образомъ дошелъ до Десны, гдѣ къ нему присоединилия посланный отцемъ сынъ Юріевъ Глѣбъ съ дружиною

и множество Половцевъ. Изяславъ Давыдовичъ, сидѣвшій въ Стародубѣ, услыхавъ о приходѣ Святослава къ Деснѣ, бѣжалъ въ Черниговъ; а въ слѣдъ за тѣмъ оба Давыдовича, испугавшись успѣховъ Святославовыхъ, поснѣвши заключить съ нимъ миръ и вступили съ нимъ и съ Юріемъ въ союзъ противъ Изяслава Мстиславича. И такимъ образомъ Святославъ, прежде несчастный бѣглець преслѣдуемый отъ города до города, менѣе нежели въ полгода не только возвратилъ безъ боя всѣ свои прежнія владѣнія, но приобрелъ новыхъ союзниковъ и сдѣлался опаснымъ противникомъ Изяславу; впрочемъ онъ еще нигдѣ не встрѣчался съ главнымъ своимъ врагомъ Изяславомъ, и несчастный братъ его Игорь былъ еще въ неволѣ.

Новые союзники Святослава, Давыдовичи Черниговскіе, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ Изяслава, вздумали заманить его къ себѣ, и съ этою цѣлію послали сказать ему: «брате! Святославъ занялъ нашу волюсть Вятичи, пойдемъ прогонимъ его.» Изяславъ не подозрѣвая обмана, скоро собрался въ походъ, перешелъ Днѣпръ недалеко отъ Альты и дошелъ до Русотина, какъ тутъ получилъ вѣрныя вѣсти, что Давыдовичи измѣнили и, соединясь съ Святославомъ и Юріемъ, хотятъ схватить его или убить. Послѣ такихъ вѣстей, онъ отослалъ къ Давыдовичамъ крестныя грамоты, а къ брату своему Ростиславу Смоленскому послалъ сказать, что бы шелъ къ нему на сходъ, Новгородцамъ, же, Смольнянамъ и другимъ союзникамъ сказалъ, чтобы они удерживали тамъ Юрія, и въ тоже время отправилъ пословъ въ Кіевъ объявить Кіевлянамъ лести Черниговскихъ Князей и просить, что бы они шли къ нему на помощь. Кіевляне, на вѣчь услыхавши отъ Изяславовыхъ пословъ,

что Давыдовичи хотѣли убить Изяслава, бросились на несчастнаго Игоря, перевезеннаго уже прежде въ Кіевъ и постриженнаго въ монахи въ монастырѣ св. Θεодора, вытащили его изъ церкви отъ обѣдни и убили на торговой площади, и потомъ стали собираться въ походъ. Между тѣмъ Давыдовичи, соединясь съ Глѣбомъ Юревичемъ, Святославомъ и Половцами, взяли Курскъ и всѣ города по Семи и подвигались по Вырю впередъ, подступая то къ тому, то къ другому городу, иногда съ успѣхомъ, иногда безъ успѣха. Изяславъ Мстиславичъ, стоявшій при верховьяхъ Суноя, получивши вѣсти объ ихъ походѣ, сперва отодвинулся назадъ къ Переяславлю, а потомъ по вѣстямъ опять пошелъ впередъ на соединеніе съ своимъ братомъ Ростиславомъ, который вступилъ въ Черниговскія владѣнія отъ Смоленскихъ границъ, сжегъ уже Любечъ и надѣлалъ много зла Ольговичамъ. Соединясь съ Ростиславомъ на урочищѣ Черная Могила, Изяславъ вмѣстѣ съ братомъ и Черными Клобуками пошелъ къ Сулѣ на встрѣчу къ непріятелямъ, которые, услышавши объ этомъ, быстро начали отступать къ Чернигову. Изяславъ съ братомъ шелъ за ними по пятамъ, гналъ передъ собою жителей, оставлявшихъ города лежавшіе по дорогѣ, и жегъ опустѣлые города, и такимъ образомъ дошелъ до Глѣбля; но не успѣвши взять этого города, послѣ боя продолжавшагося отъ утра до вечера, остановился и поворотилъ къ Кіеву, объявивъ дружинѣ, Кіевлянамъ и Смольнянамъ, чтобы готовились къ походу на Черниговъ, какъ рѣки стануть.

Но походъ къ Чернигову, назначенный Изяславомъ, какъ рѣки стануть, замедлился до весны слѣдующаго 1148 года, а зима прошла въ неудачныхъ нападеніяхъ Черни-

говскихъ Князей на Брягинь, а Глѣба Юрьевича на Переяславль. Съ наступленіемъ весны Изяславъ, собравъ всю свою силу, пригласивши Венгровъ и взявши полкъ изъ Волыни и у Вячеслава и всѣхъ Берендѣевъ, подступилъ къ Чернигову, пожегъ всѣ окрестныя села, составлявшія частную собственность Давыдовичей и Ольговичей, простоялъ подъ городомъ три дни, поджидая, что Князья затворившіеся въ Черниговъ выйдутъ изъ города и вступятъ съ нимъ въ битву; но не дождавшись пустился къ Любечу, гдѣ находились важнѣйшія имѣнія Князей Черниговскихъ. Это движеніе вызвало Давыдовичей и ихъ союзниковъ изъ Чернигова, и они всѣми своими силами и съ Половцами пошли за Изяславомъ и стали противъ него подъ Любечемъ, заложившись рѣкою. Между тѣмъ отъ сильнаго дождя шедшаго ночью ледъ на Днѣпрѣ стало коробить; и Изяславъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Кіева рѣкою, поспѣшно перешелъ черезъ Днѣпръ и воротился благополучно въ Кіевъ. Давыдовичи же, видя невозможность долѣе сопротивляться Изяславу и не получая помощи отъ Юрія, посоветовавшись съ Святославомъ, сообща отправили пословъ въ Кіевъ къ Изяславу Метиславичу съ просьбою о мирѣ. Изяславъ, посоветовавшись съ своимъ братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ, отправилъ къ Черниговскимъ Князьямъ свое посольство и заключилъ съ ними миръ на томъ условіи, чтобы отложить имъ вражду за Игоря, быть всѣмъ за одинъ и блюсти Русскую землю. На чѣмъ Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ и цѣловали крестъ къ Изяславу въ Церкви Спаса въ Черниговѣ. Вскорѣ по заключеніи мира Изяславъ отправился въ Городецъ на съѣздъ съ Чер-

ниговскими Князьями; и на этомъ съѣздѣ порѣшили, — какъ станутъ льды идти на Юрія къ Ростову, именно Давыдовичамъ и Святославу Ольговичу идти черезъ землю Вятичей, а Изяславу съ братомъ своимъ Ростиславомъ черезъ Смоленскія и Новгородскія владѣнія, и всѣмъ сойтись на Волгѣ. Уговорившись о походѣ, Изяславъ позвалъ Давыдовичей къ себѣ на обѣдъ; и пообѣдавши въ весельи и любви, разѣхались, Изяславъ въ Кіевъ, а Давыдовичи въ Черниговъ. Съ Изяславомъ на Городецкомъ съѣздѣ былъ и Ростиславъ, сынъ Юрія, который рассорившись съ отцомъ, пришелъ въ Кіевъ и получилъ отъ Изяслава города Бужскій, Межибожье, Котельничъ и еще два города.

Изяславъ Мстиславичъ, возвратившись въ Кіевъ, послалъ Ростислава Юрьевича въ Бужскъ стеречь Русскую землю, брата своего Владиміра оставилъ въ Кіевѣ, а сына Мстислава въ Переяславлѣ, самъ же съ своими полками отправился въ Смоленскъ, чтобы оттуда идти на Юрѣя. Гдѣ уговорившись съ Ростиславомъ Смоленскимъ какъ идти, и оставивъ у него свои полки, Изяславъ съ небольшою дружиною пустился въ Новгородъ, и оттуда съ Новгородцами въ Январѣ мѣсяцѣ открылъ походъ на Юрѣя; и дождавшись Ростислава съ Смоленскими и Русскими полками на устьѣ Медвѣдицы, оба вмѣстѣ пустились жечь и грабить города и села по обѣимъ берегамъ Волги и такимъ образомъ дошли до Углича и устья Мологи, нигдѣ не встрѣчая ни Юрѣя, ни его полковъ, и поджидая Князей Черниговскихъ; но тѣ остановились въ землѣ Вятичей и не думали идти въ сходъ, а ждали чѣмъ кончится война Изяслава съ Юрѣемъ. Получивши объ этомъ вѣсть, Изяславъ послалъ Новгородцевъ и Русь воевать

къ Ярославлю; а между тѣмъ наступало тепло и вода по Волгѣ и Мологѣ покрыва ледъ по брюхо коню. Посему Изяславъ съ Ростиславомъ разсудили воротиться назадъ, пока не совсѣмъ вскрылись рѣки; и Ростиславъ пошелъ къ Смоленску, а Изяславъ къ Новгороду.

Воротившись изъ Новгорода въ Кіевъ, Изяславъ получилъ недобрый вѣсти: ему сказали, что во время его отсутствія Ростиславъ Юрьевичъ, умышляя противъ него, подмодвилъ Берендѣевъ и Кіевлянъ, и хотѣлъ занять Кіевъ, ежели бы Юрій одержалъ верхъ въ Суздальскомъ краю. Изяславъ вызвалъ къ себѣ Ростислава, и не принимая отъ него оправданій, отослалъ къ отцу въ Суздаль только съ четырьмя отроками. Ростиславъ, возвратившись къ отцу, сказалъ ему: «слышалъ я, что тебя желаетъ вся Русская земля и Черные Клобуки; они недовольны Изяславомъ, и хотятъ, чтобы ты шелъ на него». Юрій, по словамъ сына, собравъ всю свою силу и Половцевъ отправился въ походъ и вступилъ въ землю Вятичей. Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, узнавши объ этомъ, немедленно послали сказать Изяславу: «дядя твой идетъ на тебя и вошелъ уже въ нашу волость, въ землю Вятичей, а мы стоимъ въ крестномъ цѣлованіи и будемъ биться заодно съ тобою, готовься.» Святославъ же Ольговичъ съ своимъ племянникомъ Святославомъ Всеволодичемъ вступилъ въ союзъ съ Юріемъ. Юрій соединясь съ ними двинулся къ Бѣлой Вежѣ, и стоялъ тамъ цѣлый мѣсяцъ, поджидая Половцевъ; Изяславъ же по вѣсти Давыдовичей послалъ за Ростиславомъ Смоленскимъ и отправилъ полки въ Переяславль къ сидѣвшему тамъ въ засадѣ брату своему Владиміру Наконецъ Юрій, дождавшись Половцовъ, пошелъ къ Пере-

яславу, куда поспѣшилъ и Изяславъ съ Ростиславомъ и Изяславомъ Давыдовичемъ; и здѣсь произошла страшная битва, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Изяслава, такъ что онъ только самъ-третей воротился въ Кіевъ. Юрій пробывъ въ Переяславѣ три дни, также отправился къ Кіеву, и сталъ съ полками противъ Михайло-Выдубицкаго монастыря. Изяславъ съ Ростиславомъ созвали вѣче и спросили Кіевлянъ: будутъ ли биться за нихъ съ Юріемъ? Кіевляне отвѣчали: «господа наши Князи! не губите насъ до конца, наши отцы и братья и сыновья, иные пали подъ Переяславемъ, другіе взяты въ плѣнь, а теперь и насъ возмутъ на полонъ; поѣзжайте лучше въ свои волости, вы знаете, что намъ съ Юрьемъ не ужиться, а послѣ какъ увидимъ ваши стяги, то мы готовы за васъ.» Получивъ такой отвѣтъ, Изяславъ и Ростиславъ выѣхали изъ Кіева, одинъ во Владиміръ-Волынскій, а другой въ Смоленскъ.

Юрій, занявши Кіевъ, вызвалъ къ себѣ Владиміра Давыдовича Черниговскаго и принудилъ его и брата его Изяслава уступить нѣсколько областей своему союзнику Святославу Ольговичу; потомъ сыновей своихъ разсудилъ: Ростислава въ Переяславъ, Андрея въ Вышгородъ, Бориса въ Бѣлгородъ и Глѣба въ Каневъ, а младшаго Василька отправилъ въ прежнюю свою волость Суздаль. Изяславъ же Мстиславичъ, пріѣхавши во Владиміръ, послалъ просить помощи къ зятю своему Королю Венгерскому Гейзѣ и къ своимъ сватамъ Болеславу Польскому и Владиславу Чешскому, и назначилъ имъ срокъ сѣсть на коней къ Рождеству. Но союзники сіи плохо помогли Изяславу, они не вступая въ битву оставили его и только упросили Юрія, чтобы онъ помирился съ племянни-

комъ; а тотъ послѣ ихъ ухода не только не примирился, но еще началъ осаждать Луцкъ, замышляя выгнать Изяслава и изъ Волини. Изяславъ въ крайности обратился къ союзнику Юріеву Владиміру Галицкому и просилъ его помирить съ дядею. Юрій долго не соглашался не смотря на просьбу Владиміра, наконецъ, убѣжденный своимъ сыномъ Андреемъ и братомъ Вячеславомъ, заключилъ миръ на томъ, чтобы Изяславу довольствоваться Волинью, но отступить отъ Кіева, а Юрію возвратить всё Новгородскія дани, плѣнниковъ и добычу взятую на Переславскомъ бою; и на томъ цѣловавши крестъ, разъѣхались— Юрій въ Кіевъ, а Изяславъ во Владиміръ; но Юрій не исполнилъ договора, не возвратилъ ни дани, ни добычи. Изяславъ Мстиславичъ долго добивался исполненія мирнаго договора со стороны Юрія, но не видя успѣха отъ своихъ посольствъ къ нему, тайно началъ готовиться къ войнѣ; и лѣтомъ 1150 г. нечаянно взявъ пограничный Кіевскій городъ Пересопницу, потомъ соединился съ Черными Клобуками и пошелъ на Кіевъ. Юрій, ничего не знавшій объ Изяславовомъ походѣ и неготовый къ бою, бѣжалъ изъ Кіева и со всѣми своими сыновьями перебрался черезъ Днѣпръ и засѣлъ въ Городцѣ Остерскомъ; а Изяславъ вступилъ въ Кіевъ.

Но на этотъ разъ Изяславу недолго пришлось оставаться въ Кіевѣ. Юрій сидя въ Остерскомъ Городцѣ, поднялъ на него всѣхъ своихъ союзниковъ и Князей Черниговскихъ и дикихъ Половцевъ и Владиміра Галицкаго; и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ опять завладѣлъ Кіевомъ и всѣмъ Приднѣпровьемъ, а Изяславъ по прежнему остался при своей Волини, да и въ этой волости немогъ сидѣть безопасно; ибо Юрій не смотря на ходатайство сына своего Андрея

недавалъ ему мира. Впрочемъ безопасность Юрія и немѣнье его жить съ земцами приднѣпровской стороны, не только выручили Изяслава изъ крайности, но и пособили ему опять занять Кіевъ. Зимой 1050 года Берендеи и Кіевляне тайно стали сноситься съ Изяславомъ и звать его въ Кіевъ; это дало ему надежду на успѣхъ, и онъ выпросивъ у Венгерскаго Короля 10,000 войска, осадилъ Пересошницу, гдѣ сидѣлъ храбрый сынъ Юрія Андрей; осада эта затянулась, а между тѣмъ пришли вѣсти, что Владиміръ Галицкій съ большимъ войскомъ идетъ на выручку къ Андрею. Тогда Изяславъ бросилъ осаду Пересошницы и пошелъ прямо на Кіевъ; по дорогѣ во всѣхъ городахъ его встрѣчали со крестами, какъ освободителя, и рать его росла съ каждымъ шагомъ впередъ, къ нему присоединялись и земцы и дружинники жившіе по дорогѣ; но и Владиміръ Галицкій съ Андреемъ не оставались безъ дѣла, они гнались за нимъ по пятамъ, и подъ Святославлей Криницею такъ близко нагнали, что вечеромъ Галицкіе сторожа уже видѣли Изяславовы огни, а Изяславовы сторожа Галицкіе огни. Впрочемъ Изяславъ съумѣлъ здѣсь обмануть Владиміра, онъ приказалъ своему войску разложить большіе огни, а самъ со всѣми полками въ ночь свернулъ съ дороги на право къ Мичьску, и спокойно, уже не преслѣдуемый никѣмъ, пошелъ къ Кіеву и пришелъ туда такъ скоро и неожиданно, что Юрій, ничего незнавшій о его походѣ, бѣжалъ въ Городецъ Остерскій и даже не успѣлъ взять съ собою и всей своей дружины; и Изяславъ вступивъ въ Кіевъ захватилъ множество дружины Юріевой. Между тѣмъ Владиміръ Галицкій и Андрей, потерявши слѣдъ Изяславовъ у Святославли Криницы, послали напередъ сторожей раз-

вѣдывать гдѣ Изяславъ, которые и принесли имъ вѣсть, что Юрій уже въ Городцѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ. Тогда раздосадованный Владиміръ сказалъ Андрею: «что это какъ княжить твой отецъ, идетъ рать изъ Владиміра, а онъ о томъ и не вѣдаетъ; и ежели вы такъ княжите съ отцемъ своимъ, то управляйтесь сами, а я одинъ не могу биться съ Изяславомъ;» и сказавъ это пошелъ назадъ въ свой Галичь, а Андрей удалился къ отцу въ Городецъ.

Изяславъ былъ принятъ Кіевлянами съ радостію и на другой же день по приходѣ далъ Кіевлянамъ и союзнымъ Венграмъ большой обѣдъ на Ярославовомъ дворѣ, потомъ пошелъ въ Вышгородъ за Вячеславомъ, своимъ дядею, предлагая ему занять Кіевскій престолъ. Вячеславъ принялъ предложеніе, и цѣловалъ крестъ не разлучаться ни въ добрѣ ни въ злѣ и жить заодно, и отдалъ свою дружину Изяславу въ полное распоряженіе. Когда Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ, то Кіевлянамъ и Венграмъ былъ данъ новый роскошный обѣдъ, и за тѣмъ Венгры съ хорошими дарами отпущены домой, и съ ними послали Мстислава Изяславича благодарить Венгерскаго Короля и просить новой помощи на Юрія, и по отпускѣ Венгровъ вызвали въ Кіевъ Ростислава съ Смоленскими полками. Юрій съ своей стороны также сзывалъ всѣхъ своихъ союзниковъ противъ Изяслава Кіевскаго, изъ коихъ впрочемъ одинъ, Изяславъ Давыдовичъ Черниговскій, вмѣсто того, чтобы идти на сходъ въ Городецъ, ушелъ къ Изяславу въ Кіевъ. Когда союзники Юрія сошлись въ Городецъ; то онъ всѣми своими силами перебрался черезъ Днѣпръ и подступилъ къ Кіеву, и бился съ утра до вечера. Его наемные Половцы, предводительствуемые храбрымъ его сыномъ Андреемъ, уже

перебрались черезъ Лыбедь и пробившись сквозь стояшіе тамъ Изяславовы полки подступили къ Лятскимъ воротамъ и бились тамъ до вечера; но Черные Клобуки смяли ихъ и вогнали въ Лыбедь, многихъ избили, а другихъ побрали въ плѣнъ. Между тѣмъ Юрій, получивъ вѣсть, что идетъ къ нему на помощь Владиміръ Галицкій, отступилъ отъ Кіева и пошелъ къ нему на встрѣчу; Изяславъ же со всѣми своими союзниками погнался за нпмъ, и нагналъ его на Рутъ у Перепетовыхъ, и здѣсь произошла битва, кончившаяся совершеннымъ поражениемъ полковъ Юрія, часть ихъ была избита, часть потоплена въ Рутъ и часть взята въ плѣнъ. Владиміръ же Галицкій, услыхавъ о пораженіи Юрія, воротился въ Галичь, а разбитый Юрій бѣжалъ въ Переяславль.

Вячеславъ и Изяславъ, послѣ побѣды на Рутъ, съ торжествомъ вошли въ Кіевъ и были радостно встрѣчены народомъ и духовенствомъ; потомъ пристроивъ полки пошли выпроваживать Юрія изъ Переяславля. Юрій мужественно защищалъ Переяславль три дни, но неимѣя силъ защищаться долѣе, примирился съ Изяславомъ и Вячеславомъ на томъ, чтобы ему въ Переяславлѣ посадить сына своего Глѣба, а самому удалиться въ Суздаль, не искать Кіева ни подъ Вячеславомъ, ни подъ Изяславомъ и отказаться отъ союза съ Святославомъ Ольговичемъ, и на томъ Юрій цѣловалъ крестъ.

Управившись съ Юріемъ Изяславъ Мстиславичъ, уже на другой годъ, пригласивши къ себѣ Изяслава Давыдовича и Святослава Всеволодича, по общему совѣту съ ними, вывелъ жителей изъ Остерскаго Городца принадлежавшаго Юрію и самый городъ сжегъ. Потомъ согласившись съ зятемъ своимъ, Королемъ Венгерскимъ, Изя-

славъ отправился на Владиміра Галицкаго, завладѣвшаго во время послѣдней борьбы съ Юріемъ многими городами, принадлежавшими къ Кіевскому княжеству, и соединившись съ Венгерскимъ Королемъ въ Ярославѣ на берегу Сана, пошелъ къ Перемышлю, гдѣ уже дожидался его Владиміръ съ своими полками. Венгры, Черные Клобуки и Русскіе за одинъ разъ бросились со всѣхъ сторонъ на полки Владиміровы, и произвели такую рѣзню, что самъ Владиміръ только самъ-другъ едва успѣлъ убѣжать въ Перемышль, и на другой день сталъ просить мира, говоря, что онъ едва живъ отъ ранъ. Изяславъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ долго несоглашались мириться съ Владиміромъ; но Король Венгерскій и особенно его архіепископы и воеводы, задаренные Княземъ Галицкимъ, настояли на мирѣ, который и былъ заключенъ на такомъ условіи, чтобы Владиміръ возвратилъ всѣ города, захваченные имъ въ Кіевской области, и былъ въ полномъ послушаніи у Изяслава и въ постоянномъ союзѣ съ нимъ. Владиміръ на все согласился, цѣловалъ крестъ лежа въ постелѣ, какъ раненый, и далъ крестную грамоту.

Возвратившись въ Кіевъ изъ Галицкаго похода, Изяславъ получилъ вѣсти, что Юрій собралъ уже войско, и соединясь съ Рязанскими Князьями, идетъ въ Приднѣпровье мстить за раззореніе Городца. По такимъ вѣстямъ Изяславъ послалъ сказать брату своему Ростиславу, чтобы онъ готовился съ Смольнянами и Новгородцами встрѣтить Юрія въ своей области, или идти къ Кіеву, ежели Юрій минуетъ Смоленскія владѣнія. Юрій пошелъ дорогою ведущею на Вятичей, гдѣ соединившись съ Половцами и Святославомъ Ольговичемъ поворотилъ на югъ и

взялъ Глуховъ, и изъ Глухова повернулъ прямо на Черниговъ. Между тѣмъ на помощь къ Изяславу Давыдовичу Черниговскому пришли Ростиславъ Смоленскій и Святославъ Всеволодичъ, и въ продолженіи 12 дней мужественно отбивали все приступы Юрія, а наконецъ двинулись на выручку къ Чернигову и Вячеславъ съ Изяславомъ изъ Кіева. Услыхавъ объ ихъ движеніи Юрій бросилъ осаду Чернигова; Половцы его побѣжали на Путивль въ свои степи, а самъ онъ пошелъ на Новгородъ Сѣверскій, и оставивъ тамъ у Святослава Ольговича 50 человекъ дружины съ своимъ сыномъ Василькомъ, удалился въ Суздаль. Изяславъ же съ союзниками, не преслѣдуя Юрія, осадилъ Новгородъ Сѣверскій, и послѣ трехъ-дневной осады принудилъ Святослава Ольговича просить мира, по которому онъ обязался выслать отъ себя и отправить въ Суздаль Юріева сына Василька.

Между тѣмъ Владиміръ Галицкій и не думалъ отдавать Изяславу городовъ, которые обязался возвратить по миру заключенному въ Перемышлѣ. Изяславъ чтобы убѣдить его послалъ къ нему своего боярина Петра Бориславича, того самого, который водилъ Владиміра ко кресту въ Перемышлѣ; но Владиміръ только насмѣялся надъ посломъ, и отпустивъ отъ себя, даже не далъ ему ни корма, ни подводы. Впрочемъ посолъ Изяславовъ едва доѣхалъ до перваго ночлега, какъ ему пришелъ гонецъ сказать, что Владиміръ умеръ, а новый Князь, сынъ покойнаго Ярославъ, зоветъ его назадъ въ Галичь. Ярославъ принялъ посла ласково, называлъ Изяслава своимъ отцомъ и обѣщался во всемъ слушаться его, какъ отца, но городовъ Кіевскихъ не возвратилъ. А посему Изяславъ въ началѣ слѣдующаго года, собравъ полки своихъ союзни-

ковъ, пошелъ на новаго Галицкаго Князя и сошедшись съ нимъ у Теробовля вступилъ въ битву. Битва эта кончилась тѣмъ, что большая часть Изяславовой рати была обращена въ бѣгство; самъ же Изяславъ съ небольшою дружиною, хотя и удержалъ за собою после битвы и захватилъ множество плѣнниковъ, но видя малочисленность оставшейся при немъ дружины, приказалъ перерѣзать плѣнниковъ и поспѣшно пошелъ назадъ въ Кіевъ, опасаясь погони за собою.

На слѣдующій годъ Юрій Суздальскій, со всѣми своими сыновьями, опять поднялся на Приднѣпровьѣ; но въ его войскѣ начался сильный моръ на коней, такъ что онъ, дошедши только до Козельска, принужденъ былъ возвратиться назадъ въ Суздаль. Между тѣмъ разболѣлся Кіевскій Князь Изяславъ Мстиславичъ и въ ночь на 14 Ноября 1154 года скончался, оплаканный дядею Вячеславомъ, своими дѣтьми, всею Приднѣпровскою Русью и Черными Клобуками. Сынъ же его Мстиславъ, похоронивъ отца, уѣхалъ въ свой Переяславль.

По смерти Изяслава старикъ Вячеславъ вызвалъ въ Кіевъ его брата Ростислава Смоленскаго и передалъ ему свой полкъ и дружину, чтобы онъ держалъ и рядилъ въ Кіевъ также, какъ и покойный братъ его Изяславъ. Между тѣмъ Изяславъ Давыдовичъ Черниговскій съ двоюроднымъ братомъ своимъ Святославомъ Ольговичемъ Новгородъ-Сѣверскимъ дали вѣсть Юрію Суздальскому, который и послалъ сына своего Глѣба съ Половцами на Переяславль. Ростиславъ, узнавши объ этомъ, самъ двинулся на Глѣба и Половцевъ и вмѣстѣ съ Мстиславомъ Переяславскимъ прогналъ ихъ за Сулу. Управившись съ однимъ непріателемъ, Ростиславъ пошелъ на другаго, на

Изяслава Давыдовича Черниговскаго; но лишь онъ перешагнулъ черезъ Днѣпръ, какъ пришелъ гонецъ изъ Кіева съ вѣстію о смерти Вячеслава, посему Ростиславъ, оставя полки, поѣхалъ хоронить дядю, и похоронивши, воротился въ полки и двинулся къ Чернигову. Опытнѣйшіе дружинники совѣтовали ему прежде похода воротиться въ Кіевъ и уговориться съ тамошней земщиной, но онъ ихъ не послушалъ; между тѣмъ къ Изяславу Черниговскому пришелъ Глѣбъ съ Половцами, которые окружили войско Ростиславово и бились съ нимъ по два дни такъ сильно, что полки Ростиславовы обратились въ бѣгство; самъ же Ростиславъ не утвердись съ Кіевлянами, не смѣлъ и идти въ Кіевъ, а побѣжалъ въ Смоленскъ. Изяславъ же Давыдовичъ по просьбѣ самихъ Кіевлянъ занялъ Кіевъ, а Глѣба Юрьевича посадилъ въ Переяславль.

Юрій Суздальскій, получивъ вѣсть о смерти Изяслава и о занятіи Кіева Ростиславомъ, двинулся къ Смоленску, но не доходя до него, получилъ другую вѣсть, что уже умеръ Вячеславъ, и Ростиславъ разбитый подъ Черниговомъ бѣжалъ въ Смоленскъ, и въ Кіевѣ сидитъ Изяславъ Давыдовичъ, а Глѣбъ сынъ его въ Переяславль. Въ слѣдъ за тѣмъ прислалъ къ нему съ поклономъ и Ростиславъ, прося мира, называя его отцемъ и обѣщаясь быть въ его волѣ; Юрій, вообще любившій Ростислава, охотно далъ ему миръ, и поворотилъ на югъ къ Кіеву чрезъ Новгородъ-Сѣверскія и Черниговскія владѣнія, гдѣ его съ поклономъ встрѣтили Святославъ Ольговичъ его старинный союзникъ и Святославъ Всеволодовичъ. Миновавъ Черниговъ, Юрій остановился у Моравійска и послалъ сказать Изяславу Давыдовичу: «мнѣ от-

чина Кіевъ, а не тебѣ». Изяславъ, не видя ни откуда помощи, прислалъ къ Юрію съ поклономъ и велѣлъ сказать: «не я самъ вѣхалъ въ Кіевъ, а посадили меня Кіевляне, не дѣлай мнѣ зла, а я Кіевъ оставлю, поѣзжай туда;» и въ слѣдъ за тѣмъ, получивъ отъ Юрія увѣреніе въ своей безопасности, выѣхалъ, а Юрій вступилъ въ Кіевъ.

Занявши Кіевъ, Юрій раздѣлилъ волости своимъ дѣтямъ: Андрея посадилъ въ Вышгородъ, Бориса въ Туровъ, Глѣба въ Переяславль, а Васильку далъ Поросье; потомъ послалъ войска на Волынь выгнать оттуда дѣтей покойнаго Изяслава; но когда это ему не удалось, то вызвалъ въ Кіевъ Ростислава Смоленскаго, который примирилъ его съ Изяславичами. Управившись на Волыни, Юрій послалъ сказать Изяславу Давыдовичу: «хочешь ли придти къ намъ на миръ, или мы придемъ къ тебѣ». Изяславъ, видя силу и множество союзниковъ Юрія, цѣловалъ къ нимъ крестъ и обѣщалъ быть въ союзѣ. Юрій довольный согласіемъ самъ поѣхалъ въ Лутаву на съѣздъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ, и на съѣздѣ придалъ къ ихъ волостямъ: Изяславу Корческъ, а Святославу Мозырь. Между тѣмъ старшій Юріевъ сынъ, воинственный Андрей, самовольно оставилъ Вышгородъ и удалился въ Суздаль.

Но сколько ни заботился Юрій о примиреніи Князей и общемъ союзѣ, заботы его не имѣли успѣха, неудовольствія и ссоры не прекращались. На слѣдующій же годъ, по общемъ замиреніи, т. е. въ 1156 году, произошли новыя ссоры, сперва между Черниговскими Князьями, гдѣ Святославъ Владиміровичъ бѣжалъ отъ дяди своего Изяслава Давыдовича, отнялъ у него города Поде-

сенскіе и вступилъ въ союзъ съ Ростиславомъ Смоленскимъ. Потомъ тоже было на Волыни, гдѣ Мстиславъ Изяславичъ Луцкій выгналъ изъ Владиміра Волынскаго дядо своего Владиміра Мстиславича. Въ эту ссору вступился самъ Юрій, и на слѣдующій годъ съ многочисленною ратью двинулся къ Владиміру Волынскому, чтобы выгнать оттуда Мстислава Изяславича, и отдать его своему племяннику Владиміру Андреевичу; но рать его, бившись подъ городомъ десять дней, и потерявши множество убитыми и ранеными, принуждена была отступить. И Юрій, давши Владиміру Андреевичу Дорогобужъ, Пересопницу и всѣ Кіевскіе города по Горыни, возвратился въ Кіевъ.

Между тѣмъ Изяславъ Давыдовичъ Черниговскій сталъ замышлять войну на самого Юрія, и вступилъ для этого въ союзъ съ Ростиславомъ Смоленскимъ и Мстиславомъ Волынскимъ. Они назначили срокъ общему нападенію на Кіевъ, Мстиславъ по условію уже двинулся изъ Владиміра Волынскаго, и Ростиславъ также отправилъ своего сына Романа съ своимъ полкомъ, а Изяславъ Давыдовичъ только что готовился выступить изъ своего Чернигова, какъ къ нему пріѣхали послы изъ Кіева съ такими рѣчьми: «Юрій пилъ у Петрилы, и въ тотъ же день на ночь захворалъ и черезъ пять дней умеръ, а народъ не терпѣвшій его разграбилъ принадлежавшіе ему дворы и грабитъ и избиваетъ дружинниковъ, приведенныхъ Юріемъ изъ Суздаля, а поѣзжай Князь въ Кіевъ». И по такому приглашенію Изяславъ отправился въ Кіевъ.

Изяславъ Давыдовичъ вступилъ въ Кіевъ 19 Мая 1157 года, и желая удержатъ за своимъ домомъ Черниговъ, посадилъ тамъ роднаго своего племянника Святослава

Владиміровича съ своимъ полкомъ; но двоюродный его братъ Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодовичъ воспротивились сему и подступили къ Чернигову. Услышавъ объ этомъ Изяславъ съ своими полками и съ Мстиславомъ Волынскимъ явился туда же; но вмѣсто битвы вступили въ мирные договоры, по которымъ Изяславъ уступилъ Святославу Ольговичу Черниговъ съ шестью незначительными и бѣдными городами, а Святославу Всеволодовичу отдали Новгородъ Сѣверскій, и потомъ цѣловавши крестъ разѣхались по домамъ.

Воротившись въ Кіевъ, Изяславъ въ томъ же году собрался съ своими союзниками на Туровъ, чтобы выгнать оттуда Юрія Ярославича, внука Святополкова, который по смерти Юрія Суздальскаго отнялъ Туровъ у его сына Бориса; Изяславъ, по совѣту съ союзниками, хотѣлъ отдать этотъ городъ Владиміру Мстиславичу Но Юрій, не смотря на многочисленность союзниковъ Изяслава, не думалъ уступать города добытаго силою и десять недѣль защищался мужественно, и въ то же время просилъ Изяслава, чтобы онъ принялъ его въ любовь; но просьбы не помогали, Изяславъ оставался неумолимъ, и только конскій падежъ въ войскѣ заставилъ его и его союзниковъ разойтись по домамъ, неуспѣвши взять города, впрочемъ они разошлись не давши мира Юрію.

Въ обоихъ походахъ и въ Черниговскомъ, въ Туровскомъ у Изяслава были союзниками потомки Мономаха, и казалось онъ хорошо утвердился на Кіевскомъ престолѣ и могъ вполне положиться и на Кіевскую земщину, которая сама пригласила его въ Кіевъ, и на Князей, которые были съ нимъ въ союзѣ и слушались его; но на повѣрку вышло, что все это было до перваго небла-

гопріятнаго случая, и что ни у земщины ни у Князей не было къ нему искренняго расположенія, и этотъ первый неблагопріятный случай для Изяслава оказался въ слѣдующемъ же 1158 году Ярославъ Владиміровичъ Галицкій, давно уже искавшій своего родственника Ивана Ростиславича Берладника, чтобы погубить его, уговорилъ всѣхъ главныхъ Князей Приднѣпровья, даже Короля Венгерскаго и Князей Польскихъ, чтобы они упросили Изяслава Давыдовича выдать ему Бернадника; тѣ общали и отправили каждый свое посольство къ Изяславу въ Кіевъ съ просьбою о выдачѣ Берладника; но Изяславъ рѣшительно отказалъ въ выдачѣ, и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Въ слѣдствіе такового отказа Ярославъ Галицкій, Мстиславъ Изяславичъ и Владиміръ Андреевичъ заключили союзъ противъ Князя Кіевскаго. Получивъ объ этомъ вѣсть, Изяславъ также заключилъ союзъ съ своими ближайшими родственниками Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ и Святославомъ Всеволодовичемъ Новгородъ-Сѣверскимъ. Этотъ новый союзъ заставилъ Ярослава Галицкаго съ Волынскими Князьями оставить замысль о походѣ на Изяслава; но за то самъ Изяславъ началъ войну съ Галицкимъ Княземъ, чтобы добыть власть Берладнику, понадѣясь на то, что Галичане начали ссылатся съ Берладникомъ и просить его къ себѣ въ Князья. Святославъ Ольговичъ совѣтовалъ ему не начинать этой войны, но Изяславъ не принялъ этого совѣта и выступилъ изъ Кіева. Между тѣмъ Ярославъ Галицкій съ своими союзниками не медлилъ и двинулся на Кіевъ. Изяславъ только что дошелъ до Василева, какъ къ нему пришла вѣсть объ этомъ походѣ на Кіевъ; тогда онъ, желая загородить дорогу къ Кіеву, поворо-

тилъ на Бѣлгородъ, но этотъ городъ былъ уже занятъ противниками; чтобы не пускать ихъ далѣе, Изяславъ началъ осаду Бѣлгорода, которая и продолжалась 12 дней. Изяславъ уже былъ убѣжденъ въ успѣхѣ войны, къ нему пришли на помощь 20 тысячъ Половцевъ, и время отъ времени онъ уже посылалъ отряды къ городу, что бы вызвать непріятели на битву. Но Берендеи и Торки, принадлежавшіе къ Кіевскому земскому войску, тайно сносились съ осажденными и въ одну ночь зажегши свой станъ, съ крикомъ бросились къ Бѣлгороду; Изяславъ пустился было за ними въ погоню, но не догнавши ихъ самъ обратился въ бѣгство, только уже не въ Кіевъ, а на Вышгородъ въ Гомью, гдѣ дождавшись своей супруги, удалился въ землю Вятичей, и болѣе уже не видалъ Кіева. Мстиславъ же Изяславичъ, Ярославъ Галицкій и Владиміръ Андреевичъ вступили въ Кіевъ 22 Декабря 1158 года и передали его Ростиславу Смоленскому, которому еще передъ походомъ цѣловали крестъ, что идутъ добывать Кіевъ для него, какъ старшаго въ Мономаховомъ родѣ. При занятіи Кіева Мстиславъ Изяславичъ захватилъ множество имѣнія принадлежавшаго дружинѣ Изяславовой, золота, серебра, рабовъ, скота и коней, и все это препроводилъ къ себѣ во Владиміръ Волынской. Кіевское княжествованіе Изяслава Давыдовича ясно показало, что не Мономаховичу въ то время мудрено уже было удержаться въ Кіевѣ, хотя бы на его сторонѣ временно были и земщина и Князья, что въ народѣ уже сложилось убѣжденіе, что Мономахъ, этотъ добрый страдалецъ за Русскую землю, какъ бы выслужилъ у народа Кіевъ въ вотчину своему потомству

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПРИ ВНУКАХЪ И ПРАВНУКАХЪ ЯРОСЛАВА.

Хотя внуки и правнуки Ярослава, подобно своимъ отцамъ, продолжали переходить изъ одного владѣнія въ другое и искать лучшихъ волостей, и по прежнему продолжали разсчитывать преимущественно на свою дружину и наемныхъ Половцевъ; тѣмъ не менѣе при внукахъ Ярослава, и особенно при его правнукахъ, Князья стали обращать вниманіе и на земщину въ своихъ владѣніяхъ, и благоразумнѣйшіе изъ Князей болѣе уже не считали своихъ волостей только мѣстомъ временной ослѣдлости, а напротивъ стали признавать ихъ опорою и источникомъ своей силы и могущества. А посему при всѣхъ перемѣнахъ владѣній они старались сколько возможно удерживать, ежели не за собою, то по крайней мѣрѣ за своимъ семействомъ, свои старыя родовыя владѣнія. Такъ ни Владиміръ Галицкій, ни Юрій Суздальскій никогда не отступались отъ своихъ Галича и Суздаля. Всеволодъ Ольговичъ, утвердившись въ Кіевѣ, не думалъ также разстаться съ своими отчинными старыми владѣніями въ Черниговскомъ краю, и своихъ родственниковъ-союзниковъ старался вознаграждать городами на правомъ берегу Днѣпра, и тѣ жаловались на него: «своей отчины Вятичъ недаетъ». Изяславъ Мстиславичъ утвердившись на Волыни, постоянно старался удерживать ее за собою и въ то время, когда владѣлъ Кіевомъ. Да по обстоятельствамъ того времени иначе не могло и быть; ибо живыи опыты явно свидѣтельствовали, что тотъ Князь

всегда оказывался сильнѣе въ борьбѣ съ другими Князьями, которому усердно помогала земщина; а на эту помощь могли рассчитывать только тѣ Князья, которые постоянно удерживали за собою отчинныя владѣнія, и тѣмъ сживались съ земщиною.

Это новое направленіе Князей заставило ихъ обратиться къ старому порядку, въ важныхъ случаяхъ совѣтоваться съ земщиною, какъ это дѣлали Владиміръ и Ярославъ и чѣмъ пренебрегали ихъ сыновья. Первый изъ Ярославовыхъ внуковъ обратился къ этому старому порядку, любимецъ народа, Владиміръ Монамахъ; онъ въ 1096 году, вмѣстѣ съ Святополкомъ, приглашая въ Кіевъ Олега Святославича, писалъ къ нему: «пиди Кіеву, да порядъ положимъ а Русѣйи земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими, да быхомъ боронили Русскую землю отъ поганыхъ.» Потомъ этотъ старыи порядокъ сдѣлался рѣшительно необходимымъ для Князей, когда они стали искать себѣ поддержки въ земчинѣ; ибо ежели нуженъ былъ совѣтъ земщины для обороны Русской земли отъ поганыхъ, то тѣмъ болѣе Князьямъ нужно было искать согласія земщины, когда они хотѣли пользоваться ея пособіемъ въ своихъ между-княжескихъ дѣлахъ. А посему каждый Князь, искавшій для себя пособія земщины, обыкновенно сзывалъ вѣче и объявлялъ свое желаніе земцамъ; и ежели земцы изъявляли свое согласіе, то тутъ же позволяли Князю собирать земское войско, а ежели не изъявляли, то Князь могъ рассчитывать только на тѣхъ земцевъ, которые своею охотою присоединялись къ его дружинѣ. Образчикъ такового порядка представляютъ намъ походы Изяслава Мстиславича въ 1147 и 1151 годахъ на Юрія

Суздальскаго. Когда Изяславъ объявилъ земцамъ о первомъ походѣ, то земцы не соизволяя на этотъ походъ отвѣчали прямо: «Княже! ты на насъ не гнѣвайся, мы не можемъ на Володиміре племя руки взяти, ежели же на Ольговичей, то идемъ даже и съ дѣтьми». И получивъ такой отвѣтъ земщины Изяславъ уже не могъ собирать земскаго войска, а только обратясь къ охотникамъ сказалъ: «ну пусть идетъ за мной тотъ, кто до меня добръ.» И дѣйствительно охотниковъ нашлось довольно, и пошли за Княземъ. Напротивъ того при объявленіи втораго похода Кіевскіе земцы въ одинъ голосъ отвѣчали: «всѣ пойдемъ, а кто не пойдетъ, того выдай намъ, мы сами его побьемъ». И такъ было не въ одномъ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ, даже незначительныхъ. Такъ въ 1147 году Мстиславъ Изяславичъ Курскій, когда получилъ вѣсть, что Глѣбъ Юрьевичъ съ Святославомъ Ольговичемъ идутъ на Курскъ, то собралъ вѣче и объявилъ объ этомъ Курской земщинѣ; и земщина отвѣчала: «ежели съ Ольговичами, то готовы биться за тебя даже съ дѣтьми, а на Володимірово племя на Юрьевича не можемъ поднять рукъ.» И послѣ такого отвѣта Мстиславъ съ дружиною оставилъ Курскъ.

Тоже новое направленіе—искать поддержки въ земщинѣ, поставило князей въ необходимость заботиться о большемъ привлеченіи къ себѣ земщины, и первый примѣръ таковой заботливости былъ показанъ также Владиміромъ Мономахомъ; онъ, получивши Кіевъ, первымъ долгомъ считалъ для себя угодить Кіевской земщинѣ огражденіемъ ея отъ своекорыстія Жидовъ, которымъ покровительствовали предшественникъ его Святополкъ; онъ же въ своемъ наставленіи къ сыновьямъ писалъ, чтобы они были по-

стоянно ласковы съ земцами, *человѣка не мильте не привѣщавше, слово добро ему дадите*, кудаже пойдете по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ (дружинникамъ) ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ и въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ, и всегоже паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицу оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка». Всеволодъ Ольговичъ, Вячеславъ Владиміровичъ и Изяславъ Мстиславичъ также постоянно заботились о привлеченіи къ себѣ земщины; каждый изъ нихъ, дѣлаясь Кіевскимъ Княземъ, прежде всего старался угостить Кіевлянъ роскошнымъ пиромъ. Тоже самое въ 1148 году Изяславъ Мстиславичъ сдѣлалъ въ Новгородѣ; въ лѣтописи сказано: «Изяславъ же посла подвойскіе по улицамъ кликати, зовущи къ Князю на обѣдъ отъ мала до велика.» А въ 1144 году Всеволодъ Ольговичъ, отправляясь въ Переяславль пировать на свадьбѣ Изяславовой дочери, взялъ съ собою и лучшихъ Кіевскихъ земцевъ. Такую же привѣтливость къ земцамъ старались выказывать и другіе Князья, ихъ современники.

Старанія Князей удерживать за собою свои отчинныя владѣнія, и забота о снисканіи расположенія земщины въ своихъ владѣніяхъ, мало по мадо произвели то, что земцы, при сыновьяхъ Ярослава безразличные и равнодушные къ Князьямъ, при внукахъ и правнукахъ Ярослава воспитали въ себѣ убѣжденіе, что въ такой-то земщинѣ долженъ княжить такой-то княжескій домъ, а въ такой-то такой. Именно Полоцкіе земцы стали признавать своими постоянными законными Князьями потомковъ Рогнедина сына Изяслава Владиміровича; земцы Галицкіе, по-

томковъ Владиміра Ярославича Новгородскаго; земщина Черниговская, Новгородъ-Сѣверская, и Муромская потомковъ Святослава Ярославича; Кіевляне, Волынцы, Переяславцы, Смольняне и Суздальцы потомковъ Владиміра Мономаха. И это убѣжденіе земщины немогло быть измѣнено ни междуособіями Князей ни ихъ захватами той или другой чужой области. Князь, захватившій область не принадлежавшую его дому, ежели и удерживался въ ней на время своей жизни, то никакъ не могъ закрѣпить ее за своимъ родомъ; земщина, вѣрная своимъ потомственнымъ Князьямъ, постоянно противилась этому и съ успѣхомъ. Такъ Полочане, завоеванные Мстиславомъ Владиміровичемъ, при преемникѣ же его отложились отъ Мстиславичей и отыскиали своихъ прежнихъ Князей Полотскихъ. А Кіевляне, на другой же день по смерти Всеволода Ольговича, отступились отъ назначеннаго имъ преемника Игоря Ольговича, обратились къ Изяславу Мстиславичу, внуку Мономахову, и постоянно говорили при каждомъ удобномъ случаѣ, что они не могутъ поднять рукъ на Мономахово племя. Изяславъ Давыдовичъ Черниговскій, два раза княжившій въ Кіевѣ, ни разу не могъ удержаться въ немъ; ибо Кіевская земщина, принимая его въ крайности, постоянно тянула къ Мономаховичамъ, и при первомъ же нападеніи Мономаховичей оставляла Изяслава безъ поддержки. Да и въ своихъ потомственныхъ Князьяхъ земцы нерѣдко дѣлали предпочтеніе одному Князю передъ другимъ, одного поддерживали, а на другаго вооружались. Такъ Галичане въ 1144 году недовольные своимъ Княземъ Владиміромъ Володаревичемъ, тайно вызвали изъ Звенигорода его племянника Ивана Ростиславича, и когда Иванъ, разбитый Владиміромъ, бѣ-

жалъ отъ нихъ, то цѣлую недѣлю бились съ Владиміромъ, и только доведенные до крайности отворили ему городъ. А Полочане въ 1152 году схватили своего Князя Рогволода Борисовича, отвезли его въ Минскъ и держали въ великой нуждѣ; на его же мѣсто взяли его двоюроднаго племянника Ростислава Глѣбовича, заключили союзъ съ Святославомъ Ольговичемъ Новгородъ-Сѣверскимъ, и цѣловали ему крестъ имѣть его отцемъ себѣ и ходить въ послушаньи его. Кіевляне въ 1150 г. пригласили Изяслава Мстиславича противъ княжившаго у нихъ дяди его Юрія Суздальскаго; да и прежде въ 1149 году прямо говорили Изяславу: «намъ съ Юріемъ не ужиться, пріѣзжай къ намъ послѣ, мы будемъ готовы за тебя, какъ скоро увидимъ твои знамена». Въ 1157 году Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы выбрали и посадили себѣ Княземъ старшаго Юріева сына Андрея, тогда какъ Юрій назначилъ Суздальскую волость младшему своему сыну Васильку, который тамъ и княжилъ при Юріѣ.

Привязанность той или другой земщины къ тому или другому княжескому дому въ это время уже дошла до того, что земцы охотно стали принимать участіе въ княжескихъ междоусобіяхъ. Въ прежнее время земцы давали Князьямъ свои полки только для защиты своей земли и для походовъ на Печенѣговъ или Половцовъ, княжескія же междоусобія и завоевательные походы на сосѣдей Князья производили дружиною и охотниками; при внукахъ же и особенно при правнукахъ Ярослава земскіе полки начали оказываться у Князей и въ войнахъ междукняжескихъ. Такъ Юрій Суздальскій водилъ въ Приднѣпровье вмѣстѣ съ своею дружиною и земскіе полки Суздальцевъ, Ростиславъ Смоленскій во всѣхъ войнахъ сво-

го брата Изяслава Кіевскаго участвовалъ при помощи Смоленскихъ земскихъ полковъ, или въ 1139 году Ярополкъ велъ на Всеволода Ольговича и Суздальцевъ и Ростовцевъ и Полочанъ и Смольнянъ приведенныхъ къ нему тамошними Князьями его союзниками. Впрочемъ земскіе полки, и помогая Князьямъ, составляли отдѣльную рать, имѣли своихъ предводителей и въ походѣ не смѣшивались съ Княжею дружиною. Такъ лѣтопись, говоря о походѣ Мстислава на Литву въ 1132 году, пишетъ: «Кіевляне же не втягли съ Княземъ, но послѣди идаху по немъ особъ». Или въ 1146 году при нападеніи Изяслава на Кіевъ, Кіевскіе земскіе полки стояли отдѣльно отъ дружины Игоря и Святослава Ольговичей, подъ начальствомъ особыхъ воеводъ, тысяцкаго Улеба и Ивана Войтишинича. Или въ 1147 году при нападеніи Глѣба Юрьевича на Переяславль, Переяславскій Князь выступилъ противъ него, совокупившись съ дружиною и съ Переяславцами. Или въ 1149 году, при описаніи битвы Изяслава съ Юриемъ подъ Переяславлемъ, лѣтопись говоритъ: «и бысть съча зла и первое побѣгоша Поршане (земцы Поросья) потомъ Изяславъ Давыдовичъ и по сихъ Кіяне, Изяславъ же полкомъ своимъ съѣхался съ Святославомъ Ольговичемъ и съ половиною полка Юрьева.»

Такое положеніе земщины заставляло Князей во всѣхъ своихъ междоусобныхъ войнахъ по возможности удерживаться отъ опустошеній и раззоренія земцовъ. Во всѣхъ междоусобіяхъ Князья преимущественно грабили и опустошали частную собственность Князей же своихъ противниковъ, или ихъ дружины, собственность же земщины оставалась неприкосновенною, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда земцы очень упорно защищали побѣ-

жденнаго Князя, или когда какой либо Князь приводилъ съ собою Половцовъ, которые обыкновенно и шли на томъ условіи, чтобы имъ было позволено грабить. Такъ на примѣръ Олегъ Святославичъ въ 1094 году выгнавши Мономаха изъ Чернигова при помощи Половцевъ, заплатилъ за эту помощь тѣмъ, что дозволилъ Половцамъ грабить Черниговскія села; то же дѣлали и другіе Князья преимущественно его потомки. И конечно это было главною причиною, что Ольговичи были нелюбимы земцами Приднѣпровья, какъ раззорители земли; равнымъ образомъ нелюбимъ былъ въ Приднѣпровьѣ Юрій Суздальскій за то же, что водилъ съ собою Половцовъ. Междоусобія же другихъ Князей принимались легче и не возбуждали ненависти въ народѣ, да и на самомъ дѣлѣ онѣ были далеко не такъ отяготительны для земцовъ, какъ бы можно было предполагать, ибо почти исключительно ограничивались грабежемъ частной собственности Князей и дружинниковъ. Для этой же собственности уже не было никакой пощады; побѣдители вездѣ отыскивали собственность побѣжденнаго противника и его дружины все жгли и грабили, даже не щадили самихъ церквей. Такъ на примѣръ въ 1146 г. при походѣ Изяслава Мстиславича съ его союзниками Давыдовичами Черниговскими на Святослава Ольговича Новгородъ-Сѣверскаго, союзники послали грабить Игоревы и Святославовы стада; мало этого—пошли на Игореву сельце, гдѣ былъ устроенъ хорошій княжескій дворъ и собрано много всякаго добра въ брестьяницахъ и погребяхъ, вина и меда и всякаго тяжелаго товара до желѣза и до мѣди; и Давыдовичи приказали класть все это на воза себѣ и дружинѣ, а чего не могли захватить то вѣлѣли зажечь, равно какъ самый дворъ и церковь св.

Георгія и княжее гумно. Въ тотъ же походъ Изяславъ Мстиславичъ, взявши Путивль на договоръ, ничего не тронулъ принадлежащаго Путивльцамъ, бывшій же тамъ Святославовъ дворъ раздѣлилъ между своими союзниками на четыре части, также раздѣлилъ княжія скотницы брестьяницы и всякій товаръ, даже до чиста обобралъ княжескую церковь Святаго Вознесенія, взялъ всѣ церковныя сосуды серебряныя, иконы, шитыя золотомъ ризы, кадилаицы, книги и колокола, и не оставилъ ничего княжаго, но все раздѣлилъ и семьсотъ рабовъ.

Обычай грабить только княжее добро и добро дружинниковъ очевидно основаніемъ своимъ имѣлъ то, чтобы скорѣе смирить противника или вызвать скорѣе на бой, ежели онъ уклонялся отъ невыгодной для себя битвы, какъ это прямо подтверждаетъ образъ дѣйствій Изяслава Мстиславича во время похода на Черниговъ въ 1148 году. Онъ, стоя подъ Черниговомъ, и желая выманить тамошнихъ Князей на битву, цѣлыхъ три дня жегъ и опустошалъ княжія села подъ Черниговомъ, и потомъ сказалъ: «вотъ мы пожгли всѣ села ихъ и жизнь (имѣніе) всю, а они къ намъ нейдутъ; а пойдемъ къ Любечу, гдѣ ихъ вся жизнь.» И дѣйствительно Черниговскіе Князья пошли за нимъ къ Любечу. Впрочемъ бывали случаи, что иногда доставалось и земцамъ и Князья раззоряли города своихъ противниковъ или брали окупъ съ гражданъ; но это бывало только тогда, когда Князь неразчитывалъ завладѣть городомъ или присоединить его къ своей волости. Такъ Владиміръ Галицкій въ 1150 году возвращаясь домой изъ Кіевской волости, подошедъ къ Мичьску, сказалъ Мичанамъ: «дайте ми серебро, что вы азъ хочу, паки ли я возму васъ на щитъ», и взявши требуемое серебро, по-

шелъ домой, а также побралъ серебро и съ другихъ городовъ, лежавшихъ по дорогѣ, вплоть до своей земли.

Сближеніе Князей съ земщиною и стараніе постоянно удерживать за собою свои отчинныя владѣнія повело Князей къ тому, чтобы пріобрѣтать себѣ земли въ частную собственность, населять ихъ своими людьми, или свободными земледѣльцами, и вводить въ нихъ хозяйственное устройство частныхъ собственниковъ; таковыхъ земель въ то время было уже довольно у всѣхъ Князей, на нихъ Князья строили себѣ, смотря по удобству, дворы, села, церкви, монастыри и даже города; земли сіи Князья пріобрѣтали или покупкою у частныхъ собственниковъ, или разчисткою на свой счетъ дикихъ дѣсовъ и полей никому не принадлежащихъ, или получали по наслѣдству, или въ подарокъ, или иными способами пріобрѣтенія между частными людьми. Таковое направленіе Князей пріобретать земли въ частную собственность, повидимому должно было повести къ тому, чтобы Князья вовсе не оставляли своихъ княженій и не переходили въ другія владѣнія, чтобы не лишиться поземельной собственности; но на дѣлѣ это неоправдалось, а напротивъ между Князьями сложился новый законъ, по которому Князь, перешедшій или переведенный изъ одного княжества въ другое, не лишался права на свою частную поземельную собственность въ оставленномъ княжествѣ. Такъ въ 1147 году Святославъ Всеволодовичъ, изъ Черниговскихъ Князей, переведенный Изяславомъ Кіевскимъ въ Бужскъ и Межибожье, продолжалъ владѣть своею частною поземельною собственностію въ Черниговскомъ краю; тоже было и у другихъ Князей.

Княжая дружина по прежнему состояла изъ вольныхъ

людей, состоявших на службѣ Князя по взаимному согласію, и имѣвшихъ полное право оставить службу одного Князя и перейти къ другому. Самый составъ дружины по прежнему былъ сбродный изъ разныхъ странъ; на службу Князя могъ поступить всякій, откуда бы кто ни пришелъ, лишь бы Князь согласился его принять; но при внукахъ и правнукахъ Ярослава, Князья преимущественно старались пополнять свои дружины охотниками изъ земцевъ, такъ что у Суздальскаго Князя дружинники преимущественно были изъ Суздальцовъ, у Галицкаго изъ Галичанъ, у Черниговскаго изъ Черниговцовъ, у Смоленскаго изъ Смольнянъ, и проч. Да и тѣхъ изъ дружинниковъ, которые приходили со стороны, Князья старались привязать къ своимъ владѣніямъ, и съ этою цѣлю раздавали имъ земли преимущественно на помѣстномъ правѣ, и такимъ образомъ дѣлали удержаніе владѣній интереснымъ и для дружинниковъ; ибо съ потерей владѣнія Княземъ и дружинники теряли свои доходы съ помѣстныхъ имѣній. Какъ прямо говорилъ Изяславъ Мстиславичъ своимъ дружинникамъ въ 1150 году, побуждая ихъ къ походу на Кіевскую область, только что отнятую у него Юріемъ Суздальскимъ. «вы есте по мнѣ изъ Русскія земли вышли (изъ Кіевской области) своихъ селъ и своихъ имѣній лишився; а язъ паки своея дѣдины и отчины не могу презрѣти; но любо голову свою сложу, паки ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь.» Таковое новое направленіе породило то, что съ одной стороны Князьямъ легче стало удерживать за собою свои старыя отчинныя владѣнія, а съ другой стороны труднѣе держаться во владѣніяхъ вновь пріобрѣтенныхъ. Земцы на своего отчиннаго Князя и на его

дружинниковъ смотрѣли съ бѣльшею пріязнію, нежели на новаго Князя и на его дружинниковъ, пришельцевъ съ другой стороны. А посему дружинники пришельцы по смерти или по изгнаніи своего Князя-пришельца обыкновенно или изгонялись или избивались земцами, а имѣніе ихъ предавалось на разграбленіе. Такъ по занятіи Кіева Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1146 году, самъ Изяславъ съ Кіевлянами сталъ грабить дома и села дружины Игоревой и Всеволодовой; точно также по смерти Юрія Кіевляне стали избивать и грабить Суздальцевъ, т. е. Юріевыхъ дружинниковъ приведенныхъ изъ Суздаля.

Дружина въ это время, также какъ и прежде, раздѣлялась на старшую и младшую; старшую дружину составляли бояре, мужи, занимавшіе важныя должности, къ младшей же принадлежали отроки, дѣтскіе, слуги, гридни, мечники и другіе мелкіе служители при Князѣ. Старшіе дружинники были преимущественно богатые и сильные, имѣвшіе свои дружины вольныхъ людей, которые съ ними вмѣстѣ и подъ ихъ начальствомъ участвовали въ княжескихъ походахъ и въ управленіи городами данными Княземъ. Старшіе дружинники имѣли большее значеніе у Князей, они были княжими думцами, такъ что Князь о каждомъ своемъ предпріятіи долженъ былъ объявлять имъ и совѣтоваться съ ними, въ противномъ случаѣ дружинники отказывались помогать Князю, и прямо говорили: «о себѣ еси, Княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тебѣ, мы того не вѣдали.» Какъ это было съ Владиміромъ Мстиславичемъ, который, не посовѣтовавшись съ старшею дружиною, хотѣлъ ѣхать къ Берендичамъ. Старшіе дружинники даже спорили съ Княземъ на совѣщаніяхъ, такъ въ 1150 году, когда Изяславъ говорилъ своей дружинѣ, чтобы идти

на Владиміра Галицкаго; то дружина возразила ему: «Княже! нельзя тебѣ пойти на него, се передъ тобою рѣка, но еще зла, какъ на него хочши поѣхати? а еще стоитъ заложився лѣсомъ; нынѣ же того, Княже, неправи, но поѣди Кіеву, своей дружинѣ.» И Князь послушалъ совѣта, отложилъ нападеніе. Старшіе дружинники не только были необходимыми совѣтниками Князей, но и посредниками въ ихъ переговорахъ другъ съ другомъ; и даже по прежнему требовалось, чтобы договоры между Князьями скрѣплялись клятвою какъ самихъ Князей, такъ и ихъ дружинниковъ. Такъ въ 1150 году, при заключеніи союза между Изяславомъ и Вячеславомъ сказано: «и тако цѣловаста крестъ у Святою мученику на гробѣ, на томъ: Изяславу имѣти отцомъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава, на томъ же и мужи ихъ цѣловаша крестъ, яко между ими добра хотети и чести ихъ стеречи, а не сваживати ихъ.»

Младшая дружина, т. е. отроки, дѣтскіе, гриди и подобн., составляли отдѣльный классъ отъ старшей дружины, они также были люди вольные, и могли смотря по службѣ и по расположенію Князя поступать и въ старшую дружину; но будучи младшими дружинниками они не были думцами Князя, и исправляли только незначительныя должности; они при княземъ дворѣ бывали поварами, ловчими, конюхами, сѣдельниками, псарями, сокольниками и подобн. а въ военныхъ походахъ обыкновенно помѣщались впереди въ застрѣльщикахъ. По свидѣтельству лѣтописей, младшими дружинниками иногда населялись цѣлые города; такъ подъ 1149 годомъ Святославъ говоритъ Изяславу Давыдовичу: «виж мое смиреніе, коли на себя поступалъ, взялъ Черниговъ съ семью

пустыми городами, а въ нихъ сѣдятъ исаи и Половцы.» Или въ другомъ мѣстѣ лѣтописи упоминается о волостяхъ, занятыхъ княжими сѣдельниками. Вѣроятно младшими же дружинниками были заняты города пограничные къ стѣнямъ, и они же содѣржали разъѣзды въ стѣняхъ для наблюденія за Половцами.

Земщина много сблизилась съ Князьями, въ слѣдствіе старанія Князей удерживать за собою свои отчинныя владѣнія; но это сблизеніе не вездѣ было въ одинаковой степени. Въ тѣхъ краяхъ Руси, гдѣ постоянно владѣлъ одинъ княжескій домъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, какъ напримѣръ въ Полотскѣ, Галичѣ и Суздаль, сблизеніе земщины съ Княземъ было полнѣе, нежели въ тѣхъ краяхъ, гдѣ Князья мѣнялись часто, какъ напримѣръ въ Новгородѣ, Кіевѣ и Переяславлѣ. Но большее или меньшее сблизеніе Князя съ земщиною нисколько не развивало княжеской власти; въ этомъ отношеніи внуки и правнуки Ярослава не опередили своихъ отцовъ, княжеская власть и при нихъ продолжала лежать какъ бы на поверхности Русскаго общества и не проникала въ глубь. Конечно Князья теперь болѣе узнали общество, болѣе пріобрѣли средствъ къ полученію доходовъ отъ своей власти, и доходы сіи сдѣлались опредѣленнѣе и постояннѣе; но тѣмъ только и ограничивался ихъ успѣхъ на этомъ поприщѣ; измѣнить же своихъ прежнихъ отношеній къ обществу тогдашніе Князья еще не имѣли достаточныхъ силъ, да и занятые своими междоусобіями едва ли путемъ и думали объ этомъ. Они заботились только о томъ, какъ бы увеличить свои владѣнія, или замѣнить владѣніе бѣдное и незначительное владѣніемъ богатымъ и значительнымъ. Даніилъ Заточникъ вотъ что

говорить о современных ему Князьяхъ: «Съ добрымъ бо думцею Князь високаго стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишень будетъ». Слѣдовательно главная дума Князей того времени была въ томъ, чтобы додуматься високаго стола. Другая важная дума Князей состояла въ привлеченіи къ себѣ людей; средствомъ къ сему внуки Ярослава считали ласковость со всѣми и учрежденіе пировъ по примѣру прадыда своего Владиміра; а по сему хлопотали о пирахъ даже тѣ Князья, которые сами до нихъ были неохотники. Такъ митрополитъ Никифоръ пишетъ къ Мономаху: «извѣстно намъ, что ты инымъ готовишь свѣтлые обѣды, и бываешь всѣмъ всяческая, да всѣхъ приобрящешь, и законныя и беззаконныя, величества ради княжескаго; самъ служишь и страждешь руками своими, и доходить подаваніе твое даже до комаровъ, и все это дѣлаешь ради княженія и власти. И когда другіе упиваются и объедаются, ты сидишь и посматриваешь, какъ другіе пьютъ и ѣдятъ, а самъ остаешься доволенъ малымъ вкушеніемъ и водою, и показываешь, что съ ними пьешь и ѣшь; и тѣмъ угождаешь сущимъ подъ тобою, и терпишь сидя и смотря какъ упиваются твои рабы, и такимъ образомъ угождая покоряешь ихъ». А конечно ни увеличеніе владѣній, ни достиженіе высокихъ столовъ, ни ласковость, ни пиры, не увеличивали власти Княжеской.

Земщина по прежнему оставалась при своемъ общинномъ устройствѣ, по прежнему самостоятельно развивала его, по прежнему Русская земля дѣлилась на большіе и малые міры, и малые міры зависѣли отъ большихъ, пригороды отъ старыхъ городовъ; и княжескія междуусобія нисколько не нарушали этого порядка, а напротивъ какъ

мы уже видѣли, рѣшеніе земщины нерѣдко перерѣшало рѣшенія Князей. Такъ, какойнибудь негодный земщичъ Князь, посаженный силою по рѣшенію другихъ Князей, своихъ союзниковъ, обыкновенно недолго засиживался на захваченномъ такимъ образомъ княжествѣ; земщина отыскивала любимаго Князя, приглашала его къ себѣ, и при его помощи выпроваживала нелюбимаго Князя, а иногда справлялась и одна безъ помощи Князей, какъ это мы видѣли въ Полотскѣ въ 1152 году, и какъ не разъ бывало въ Новгородѣ. Вообще при внукахъ и правнукахъ Ярослава княжеская власть была еще въ полномъ согласіи съ земскимъ устройствомъ Русскаго общества, здѣсь еще не было и слѣдовъ борьбы; въ это время у земщины была борьба не съ Князьями, а съ враждебнымъ характеру свободныхъ людей Византійскимъ вліяніемъ на быть и устройство Русскаго общества.

Владиміръ Святый водворивши на Руси христіанство и неразлучное съ нимъ просвѣщеніе духовное, хотѣлъ, какъ мы уже видѣли, навязать Русскому обществу и Византійскіе гражданскіе порядки, считая всю Русскую старину поганою и всѣ старые обычаи недостойными христіанъ; и съ этою цѣлію по своему уставу о судахъ церковныхъ онъ призналъ необходимымъ участіе духовенства въ княжескихъ судахъ, и ввелъ принесенный изъ Византіи законодательный сборникъ, извѣстный подъ названіемъ закона суднаго людемъ. Ярославъ, не признавая всѣхъ старыхъ Русскихъ обычаевъ поганскими, въ своемъ уставѣ строго отдѣлялъ церковный судъ отъ свѣтскаго, и издалъ Русскую Правду основанную на старыхъ обычаяхъ, дѣти Ярослава нѣсколько дополнили Правду отца; но и законъ судный людемъ продолжалъ еще имѣть свою силу, и не

былъ отмѣненъ ни Ярославомъ, ни его сыновьями. А между тѣмъ законъ сей небылъ согласенъ ни съ устройствомъ Русскаго общества, ни съ убѣжденіями Русскихъ людей о правѣ, и во многомъ требовалъ того, что въ Русскомъ обществѣ считалось противнымъ и унижительною для свободныхъ людей; на примѣръ по всѣмъ преступленіямъ и даже проступкамъ онъ требовалъ тѣлесныхъ наказаній, которыя до того прежде вовсе не были извѣстны въ Русскомъ обществѣ и считались нетерпимыми для свободныхъ людей; или предлагалъ законы о наследствѣ, совершенно несогласные съ убѣжденіями Русскихъ объ этомъ предметѣ; или вводилъ формы суда неудобоприложимыя и отяготительныя для народа. Все это вызывало глухую борьбу Русскаго общества противъ Византійскаго закона неприменимаго и противнаго Русскимъ людямъ; Русскіе были недовольны судомъ по чужимъ Византійскимъ законамъ и старались уклоняться отъ этого суда; Русскаго же закона, который бы замѣнилъ законъ судный людямъ, еще не было, а были только одни обычаи; ибо Русская Правда Ярослава и его сыновей почти не касалась гражданскаго права, которое болѣе всего необходимо въ обществѣ. А по сему Владиміръ Мономахъ, вскорѣ по смерти Святополка, приступилъ къ пополненію Русской Правды, такъ чтобы она болѣе или менѣе могла замѣнить законъ судный людямъ, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ законъ или неудовлетворялъ требованіямъ жизни Русскаго общества, или былъ противенъ ей и несогласенъ съ ея исконными обычаями.

Владиміръ Мономахъ для пополненія Русской Правды собралъ свою дружину на Берестовѣ, куда пригласилъ также тысяцкихъ: Кіевскаго Ратибора, Бѣлгородскаго

Прокопія, Переяславскаго Станислава, и мужей Нажира, Мирослава, и Ивана Чудиновича Ольгова мужа, и общимъ совѣтомъ пополнилъ Русскую Правду: во 1-хъ, законами о ростахъ (процентахъ), о долгахъ и закупахъ, именно о такихъ вопросахъ общественной жизни, на которые законъ судный людемъ не давалъ удовлетворительнаго отвѣта; во 2-хъ, законами о послушствѣ и о другихъ судебныхъ доказательствахъ и о разныхъ судебныхъ пошлинахъ; въ 3-хъ, законами о наказаніяхъ за преступленія по оскорбленію личности и нарушенію права собственности, гдѣ тѣлесныя наказанія закона Суднаго людемъ замѣнены денежными пенями, согласно съ изконными Русскими обычаями; и въ 4-хъ, законами о наслѣдствѣ, опека и о рабахъ, гдѣ также правила Суднаго закона, какъ несогласныя съ убѣжденіями Русскаго общества, или вовсе замѣнены или исправлены по старымъ Русскимъ обычаямъ.

Но еще прежде Владиміра Мономаха, можетъ быть при Святополкѣ, сложились весьма важныя дополненія къ Русской Правдѣ, особенно относительно уголовного права, изъ которыхъ мы видимъ, что изконный Русскій обычай верви, по всему вѣроятію подвергавшійся ослабленію подъ Византійскимъ вліяніемъ, въ то время внесенъ былъ въ законъ, и тѣмъ конечно пріобрѣлъ большую силу и огражденіе отъ неблагопріятныхъ для себя законовъ Византійскихъ. Изконный Русскій обычай верви внесенный въ законъ при внукахъ Ярослава, для насъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ, что Русское общество сильно боролось за свое старое устройство, и успѣло тогда отстоять свою старину. Изъ закона о верви, внесеннаго въ тогдашнюю Русскую Правду, ясно видно, что въ то

время, какъ и прежде, Русская земля, кромѣ дѣленія на города и пригороды, погосты и села, еще дѣлилась на общества носившія названіе вервей. Общества сіи были добровольныя, независѣвшія ни отъ мѣстожительства, ни отъ подчиненія той или другой власти, въ вервь каждый могъ вступать или не вступать по своему усмотрѣнію безъ всякихъ принужденій; такъ что въ одномъ и томъ же городѣ или селеніи жили рядомъ и тѣ, которые были членами верви, и тѣ, которые не были членами верви; членомъ верви считался тотъ, кто вложился въ вервь, кто обязался каждагодно платить въ общій капиталъ верви извѣстную сумму денегъ по общинной раскладкѣ, и до тѣхъ поръ былъ членомъ верви, пока платилъ сумму слѣдующую съ него, и какъ скоро переставалъ платить, то въ слѣдъ за тѣмъ исключался изъ верви. Вервью называлось собственно общество, въ которомъ всѣ члены были другъ по другѣ въ круговой порукѣ въ дѣлахъ по убійствамъ и кражамъ; такъ что ежели которому члену верви за учиненное имъ убійство приходилось платить закономъ положенную пеню или виру, то за него по раскладкѣ платили всѣ члены, состоящіе въ одной съ нимъ верви. Впрочемъ вервь не была покровительницею явныхъ разбойниковъ, злоумышленныхъ убійцъ, она за такихъ не платила, хотя бы они и были ея членами, а выдавала ихъ на потокъ и разграбленіе по закону, лишала ихъ своего покровительства и права быть членами верви. Защищала же и платила вервь только за такихъ своихъ членовъ, которыхъ считала честными и добрыми людьми, учинившими убійство безъ злаго умысла, по причинамъ уважительнымъ въ глазахъ верви; или платила еще тогда, когда на землѣ принадлежащей верви подымали трупъ

убитаго или замѣчали слѣды кражи, убійцы же или вора не было на лицо и вервь ни на кого изъ своихъ не имѣла подозрѣнія, этотъ послѣдній платежъ тогда назывался дикою вирою.

Внесеніе стараго обычая верви въ законъ служить прямымъ указаніемъ, что княжеская власть въ то время даже въ дѣлахъ суда уголовнаго ограничивалась только сборомъ виръ и продажъ или ссылкою виновнаго и отнятіемъ у него имущества, разореніемъ его дома; изслѣдованіе же дѣла, признаніе того или другаго виноватымъ и достойнымъ наказанія, принадлежало не Князю и его служителямъ, а самому обществу верви. Вервь находила, пойманнаго на дѣлѣ убійцу, виноватымъ, недостойнымъ своего покровительства, и выдавала его Князю или княжимъ служителямъ; а напротивъ ежели она находила убійцу достойнымъ своего покровительства, т. е. такимъ человѣкомъ, съ которымъ еще можно жить, то платила за него положенную законамъ виру, и княжіе служители уже не могли взять таковаго убійцы. А ежели убійцы или вора не было на лицо, а былъ только трупъ убитаго, или слѣды воровства; то отыскивать убійцу или вора принадлежало самой верви, отъ нее зависѣло отыскивать ли ихъ, или сказать что всѣ мои члены люди честные, между ними нѣтъ ни убійць, ни воровъ, и я плачу положенную виру или продажу, потому что на моей землѣ трупъ убитаго или слѣды воровъ; и княжіе служители, послѣ таковаго платежа, не имѣли права дѣлать розысковъ и беспокоить ими членовъ верви. Явно что Князю здѣсь принадлежалъ только доходъ отъ виръ и продажъ, и доходъ конечно довольно значительный, для сбора котораго онъ посылалъ своихъ служителей, из-

вѣстныхъ подѣ именемъ вирниковъ; самый же судъ и охраненіе внутренней безопасности общества принадлежали не Князю, а самому обществу верви. Князь принималъ на себя обязанность суда только тогда, когда судомъ общества были недовольны, или когда средства общества для сохраненія порядка оказывались недостаточными; но и здѣсь Русское общество при внукахъ и правнукахъ Ярослава успѣло отмѣнить многіе Византійскіе порядки, внесенные Суднымъ закономъ, какъ это видно изъ многихъ статей Русской Правды того времени.

Сближеніе Князей съ земщиною, и стараніе ихъ постоянно удерживать за собою отчипныя владѣнія, естественно повело къ лучшему опредѣленію княжескихъ доходовъ отъ земщины. Князь постоянно удерживая за собою свое владѣніе, и весь доходъ свой преимущественно получая только отъ него, естественно долженъ былъ обратить большее вниманіе на этотъ предметъ и войти въ подробныя условія съ мѣстною земщиною, сколько съ какой мѣстности какихъ получать доходовъ. И мы дѣйствительно уже въ половинѣ XII столѣтія и нѣсколько раньше встрѣчаемъ росписи княжескихъ доходовъ въ разныхъ владѣніяхъ; такъ подобная роспись помѣщена въ уставной грамотѣ Ростислава Смоленскаго, писанной въ 1150 году, въ которой находимъ, что Смоленскія владѣнія раздѣлялись по платежу разныхъ княжескихъ доходовъ на 40 областей или по нынѣшнему уѣздовъ, съ которыхъ шло до двѣнадцата видовъ княжескихъ доходовъ, и въ княжю казну въ годъ собиралось однихъ только обозначенныхъ въ росписи доходовъ 750 гривенъ серебра, т. е. около 555 фунтовъ на нынѣшній вѣсъ, кромѣ доходовъ, которые записаны въ росписи безъ означенія ко-

личества. Иди въ уставной грамотѣ Новгородскаго Князя Святослава Ольговича, данной Новгородскому Софійскому Собору, въ 1137 году, значится, что Обонежскій и Бѣжицкій ряды раздѣлялись на 47 погостовъ, и въ княжю казну только съ Обонежья съ однихъ виръ и продажъ шло тысячу гривенъ кунъ новыхъ. Вѣроятно такое же раздѣленіе на области и опредѣленіе княжихъ доходовъ было и въ другихъ княжествахъ; такъ что Князьямъ было уже извѣстно, какая область приноситъ сколько доходовъ. А посему Князя при раздачѣ волостей своимъ союзникамъ въ своихъ договорныхъ грамотахъ могли писать такому-то союзнику, такая-то область, или вмѣсто ея столько-то деньгами, смотря по доходу съ этой области. Но что всего замѣчательнѣе по дошедшимъ до насъ росписямъ видно, что Князя иногда переводили свои доходы на оброкъ; т. е. вмѣсто того, чтобы посылать своихъ служителей для сбора доходовъ, условливались съ мѣстною земщиною, чтобы она сама высылала Князьямъ условленную годичную сумму, и сама уже завѣдывала сборомъ доходовъ даже такихъ, которыхъ напередъ нельзя опредѣлить съ точностію. Такъ на примѣръ въ уставной грамотѣ Святослава съ Обонежья назначено 1,000 гривенъ отъ виръ и продажъ, т. е. отъ суда по уголовнымъ дѣламъ, которыхъ сколько будетъ въ которомъ году конечно опредѣлить нельзя; слѣдовательно Князь здѣсь и не думалъ о судѣ, и предоставлялъ его въ полное завѣдываніе самому обществу, земщинѣ, а заботился только объ однихъ доходахъ отъ этого суда, да и для сбора этихъ доходовъ не посылалъ своихъ вирниковъ, ежели общество по взаимному съ нимъ договору само высылало условленную цѣну за цѣлый годъ. Ясно, что и при сближеніи

Князей съ земщиною княжеская власть въ то время еще не развивалась, и по прежнему лежала какъ бы на поверхности общества. Общество, земщина, по прежнему распоряжалось самостоятельно и только платило условленные доходы своему Князю. Впрочемъ и доходы сии Князь не имѣлъ права увеличивать безъ согласія земщины; въ противномъ случаѣ распоряженія Князя считались злоупотребленіемъ власти, и земцы говорили: «Князь грабитъ нашу волость, какъ чужую, не проча ее за собою»; и такихъ Князей въ то время было очень мало, по той простой причинѣ, что имъ нельзя было оставаться въ своихъ владѣніяхъ, на ихъ мѣсто всегда были готовы новые Князья по первому зову земщины. Конечно и въ то время были иногда обиды и притѣсненія отъ пныхъ корыстолюбивыхъ Князей и ихъ дружинниковъ; но притѣсненія сии основывались не на княжеской власти, а собственно на одной силѣ; иный Князь и его дружинники обижали и притѣсняли иногда частныхъ людей точно также, какъ притѣсняютъ иные сильные слабыхъ. Такъ Святополкъ-Михаилъ во время войны съ Галичемъ, когда по случаю войны пріостановился подвозъ соли въ Кіевъ и соль вздорожала, послалъ своихъ слугъ ограбить Кіевопечерскаго инока Прохора, у котораго прослышалъ будто бы много напасено соли, имѣя намѣреніе, захвативъ инокову мнимую соль, продавать ее въ тридорого черезъ своихъ слугъ. Этотъ замыселъ Святополка торговать награбленною солью принадлежитъ рѣшительно къ одному разряду съ продѣлками любого торговца, который какимъ нибудь образомъ захвативши въ свои руки побольше товара, на который есть запросъ, тѣснить торговлю другихъ купцовъ, у которыхъ этого товара немного; ибо Свято-

полкъ не запретилъ прочимъ купцамъ торговать солью, не сдѣлалъ эту торговлю княжескою привиллегіею, а только хотѣлъ воспользоваться случаемъ, нажить побольше денегъ и потѣснить торговцевъ, у которыхъ уже мало было соли; а торговать своими товарами онъ имѣлъ такое же право, какое имѣли Олегъ, Игорь, Святославъ и всѣ его предки, и которое въ послѣдствіи постоянно оставалось за Князьями наравнѣ съ дружинниками и земцами.

Такимъ образомъ Русское общество въ отношеніи къ своимъ Князьямъ, и въ отношеніи къ своему внутреннему устройству, при внукахъ и правнукахъ Ярослава находилось почти въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было въ прежнее время; но развитіе общества въ другихъ отношеніяхъ замѣтно шло впередъ. Такъ относительно распространенія и утвержденія христіанства, по памятникамъ мы знаемъ, что въ это время проповѣдники христіанства, по слѣдамъ Леонтія и Исаи, продолжали углубляться на сѣверъ, въ страну закоренѣлыхъ язычниковъ Финновъ. Напримѣръ въ 1147 году инокъ Глушевской обители, преподобный Герасимъ, пришелъ на Вологду, и тамъ на дикомъ лѣсу построилъ Троицкій монастырь и въ продолженіи тридцати лѣтъ проповѣдовалъ тамошнимъ язычникамъ Евангеліе; потомъ мы имѣемъ двѣ грамоты Новгородскаго владыки Юанна, писанныя около этого же времени къ посадникамъ и игуменамъ на Двину, которыя свидѣтельствуютъ, что Новгородскіе колонисты уже разпространяли христіанскую вѣру въ предѣлахъ Заволоцкой Чуди. За это же время мы имѣемъ много любопытныхъ извѣстій о быстромъ распространеніи церквей и монастырей въ Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ; такъ монастырей

тогда въ Кіевѣ было 17, а въ Новгородѣ 20; въ цѣлой Руси тогда уже считалось десять епископскихъ каедръ или епархій. Правда и въ то время языческія суевѣрія были еще распространены между темнымъ народомъ; такъ по свидѣтельству Кириковыхъ вопросовъ епископу Новгородскому Нифонту, женщины больныхъ дѣтей носили не къ священникамъ на молитву, а къ волхвамъ и ворожеямъ; также были еще охотники приносить жертвы роду и рожаницѣ и другимъ языческимъ богамъ; но за то теперь уже не было и помину о возстаніяхъ язычниковъ, о попыткахъ воротить отвергнутыхъ языческихъ боговъ и уничтожить христіанство, какія мы видѣли при сыновьяхъ Ярослава. Напротивъ того теперь мѣсто старыхъ язычниковъ заступили пришельцы еретики лжетолкователи христіанской вѣры; такъ при Святополкѣ явился въ Кіевѣ какой-то еретикъ Адріанъ, а при Мономахѣ другій еретикъ Дмитръ, вѣроятно пришедшіе изъ Болгаріи, гдѣ въ это время усилилась ересь Богомилловъ; но попытки еретиковъ не имѣли успѣха на Руси и сами проповѣдники ереси были отлучены отъ церкви, и заключены въ темницы, гдѣ первый и отказался отъ ереси.

Рядомъ съ христіанствомъ распространялось и просвѣщеніе не только между духовными но и свѣтскими людьми. Такъ изъ духовныхъ того времени извѣстны своею ученостію митрополитъ Кіевскій Никифоръ Грекъ, отъ котораго дошли до насъ нѣсколько сочиненій писанныхъ по русски, и свидѣтельствующихъ о его научномъ образованіи. Современникъ Никифора, игумень одного монастыря въ Черниговѣ, Даніилъ путешествовалъ въ Іерусалимъ, и оставилъ хорошо написанное и любопытное описаніе своего путешествія. При Ізяславѣ Мстиславичѣ

былъ извѣстенъ своею ученостію Кіевскій митрополитъ Климентъ, родомъ и воспитаніемъ изъ Смоленска, гдѣ онъ сперва прославился строгою отшельническою жизнію въ затворѣ; онъ у современниковъ слылъ книжникомъ и философомъ, и какъ сказываютъ оставилъ послѣ себя много сочиненій, которыя впрочемъ до насъ не дошли или еще не отысканы. Изъ современниковъ Климента были извѣстны своимъ просвѣщеніемъ: епископъ Новгородскій Нифонтъ, изъ подвижниковъ Кіевопечерскаго монастыря; его преемникъ на епископской кафедрѣ Аркадій, изъ Пугменовъ Богородицкаго монастыря въ Новгородѣ; діаконъ и domestikъ Антоніева Новгородскаго монастыря Кирикъ, оставившій послѣ себя сочиненіе о хронологіи и вопросы къ епископу Нифонту о разныхъ предметахъ церковнаго служенія и священническихъ обязанностей; также священникъ одной Новгородской церкви писавшій первую Новгородскую лѣтопись.

Изъ свѣтскихъ людей въ числѣ первыхъ по просвѣщенію должно упомянуть о Владимірѣ Мономахѣ, послѣ котораго до насъ дошло поученіе къ дѣтямъ и посланіе къ Олегу Святославичу, оба сочиненія замѣчательныя какъ по изложенію своему ясному и живому, такъ и по содержанію превосходно характеризующему тогдашнее время и свидѣтельствуящему о начитанности и свѣтломъ умѣ Мономаха. Изъ Мономаховыхъ современниковъ извѣстенъ, какъ писатель, какой то Василій на Волыни, участвовавшій въ переговорахъ Давыда Игоревича съ Василькомъ Ростиславичемъ, и оставившій намъ живое и картинное описаніе всѣхъ тогдашнихъ событій, бывшихъ на Волыни и въ Червонной Руси въ слѣдствіе ослѣпленія Василька Ростиславича. Изъ современниковъ Юрія Суздальскаго извѣстенъ,

по своей начитанности и замѣчательнымъ литературнымъ способностямъ, одинъ изъ его дружинниковъ по имени Даниилъ, посланный имъ въ заточеніе на Лаче озеро, отъ котораго дошло до насъ посланіе или моленіе писанное имъ къ Юрію Суздальскому, замѣчательное по своему краснорѣчію и живому изложенію тогдашняго быта дружинниковъ. Изъ этого посланія мы между прочимъ видимъ, что въ то время отъ дружинниковъ требовалась не одна физическая сила и храбрость, но и просвѣщенный разумъ, книжное ученіе и умѣнье говорить и писать краснорѣчиво. Даниилъ, умоляя Князя возвратить его изъ заточенія, пишетъ: «Господине мой незри внѣшняя моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣянъ скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ, быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху Но постави сосуды скудельничии подъ потокъ капля языка моего, да каплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ. Азъ бо, Княже господине, ни за море ходихъ, ни отъ философа научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтамъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды морскія». Слова Даниила Заточника, о требованіи отъ дружинниковъ въ то время книжнаго ученія, подтверждаетъ и знаменитый Русскій церковный ораторъ, епископъ Туровскій Кириллъ, жившій нѣсколько позже Юрія и Даниила; онъ въ одной притчѣ говоритъ: «Аще бо міра сего властели, и въ житейскихъ вещахъ труждаются человекъци, прилежно требуютъ книжнаго почитанія; кольми паче намъ подобаетъ учитися въ нихъ, и всѣмъ сердцемъ взыскивати свѣдѣнія словесъ божіихъ, о спасеніи душъ нашихъ писанныхъ.» Это двойное

свидѣтельство свѣтскаго и духовнаго писателей служить прямымъ указаніемъ, что книжное ученіе при внукахъ и правнукахъ Ярослава было существенною потребностію Русскаго общества, какъ между пастырями и служителями церкви, такъ и между свѣтскими людьми.

Вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ развивалась и городская жизнь, такъ что въ то время сельскій житель въ сравненіи съ городскимъ уже считался невѣжею. И города тогда дѣйствительно были въ цвѣтущемъ состояніи; междуособія Князей преимущественно веденныя княжими дружинами и наемными Половцами, почти не мѣшали городскимъ жителямъ развивать свои промыслы. Притомъ же Князья какъ бы берегли богатые и промышленные города, и раззоренія и военныя опустошенія преимущественно ограничивали частными имѣніями Князей своихъ противниковъ и ихъ дружины. Такъ что во все это смутное время ни одинъ значительный городъ не подвергался разграбленію, хотя иные и часто переходили изъ рукъ въ руки и при помощи военной силы; на примѣръ Кіевъ отъ смерти Мстислава въ продолженіи 25 лѣтъ до десяти разъ переходилъ отъ одного Князя къ другому, и ни одинъ разъ не былъ отданъ на разграбленіе, хотя войска непріятельскія нѣсколько разъ бились подъ его стѣнами; тоже должно сказать о Переяславлѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Курскѣ и другихъ городахъ сколько нибудь значительныхъ; они при всѣхъ междуособіяхъ Князей почти всегда оставались цѣлы; ибо или заставляли своихъ Князей мириться, говоря прямо: остави свое высокоуміе, мирись, или принуждали ихъ выйдти изъ города, и говорили приходи послѣ, когда будешь силенъ, и сами сдавались на

договоръ; бились же съ противниками усердно, только тогда, когда надѣялись отбиться, когда сила была на сторонѣ города. Подвергались раззоренію, и то не всегда, только города незначительные, не промышленные, населенные или младшими дружинниками Князей, или покорившимися Половцами, Торками, Берендѣями и вообще недобровольными Русскими поселенцами. Жители таковыхъ городовъ при приближеніи сильнаго непріятеля обыкновенно со всеми своими пожитками оставляли свои города и бѣжали въ мѣста болѣе надежныя и укрѣпленныя, а иногда нѣсколько таковыхъ городовъ соединялись въ одномъ городѣ и защищались общими силами. Такъ въ 1147 году когда Изяславъ съ Ростиславомъ, преслѣдуя Давыдовичей, шли къ Чернигову, и подошедши къ Всеволожу взяли этотъ городъ на щить, то нашли укрывшихся въ немъ жителей двухъ другихъ городовъ, которые очевидно думали отбиться общими силами; потомъ услышавши о взятіи Всеволожа, мелкіе города Уненѣжъ, Бѣлавѣжа, Бохмачъ и другіе бѣжали къ Чернигову. Половцы конечно не слѣдовали разсчетамъ Русскихъ Князей и грабили и раззоряли безъ разбора всехъ, лишь бы рука подошла; но симъ грабителямъ весьма рѣдко удавалось поживиться взятіемъ какаго либо города, отъ нихъ города почти всегда отсиживались. Слѣдовательно, говоря вообще, Русскіе города того времени были почти свободны отъ внѣшнихъ препятствій къ своему развитію и процвѣтанію. Относительно же внутреннихъ препятствій должно сказать, что тогдашніе города ихъ имѣли еще менѣе, ибо пользовались полнымъ самоуправленіемъ, Князья въ ихъ распорядки почти вовсе не вступали, ради были ихъ процвѣтанію и сколько могли

старались способствовать тому, ибо съ городовъ имъ шли значительные доходы отъ торговыхъ и другихъ городскихъ пошлинъ. И дѣйствительно земскіе города, благоприятствуемые обстоятельствами, быстро росли и размножались. Такъ напримѣръ въ Кіевѣ было уже въ это время болѣе 600 церквей, ибо въ двухъ-дневный пожаръ этого города, бывшій въ 1124 году, сгорѣло около 600 церквей. Новгородъ Великій также былъ въ цвѣтущемъ положеніи; тоже должно сказать о Смоленскѣ при Ростиславѣ Мстиславичѣ, о Галичѣ при Владимірѣ Володаревичѣ и его сынѣ Ярославѣ, о Ростовѣ, Владимірѣ Залѣскомъ и Суздальѣ при Юріѣ Суздальскомъ и при его сынѣ Андреѣ, и о многихъ другихъ городахъ.

Прогвѣтаніе городовъ было неразлучно съ процвѣтаніемъ торговли, и дѣйствительно за время внуковъ и правнуковъ Ярослава мы имѣемъ довольно указаній о тогдашней дѣятельности Русской торговли. Новгородцы съ своими товарами ѣздили по всѣмъ Русскимъ городамъ, у нихъ въ Кіевѣ даже была своя церковь Св. Михаила, кромѣ того они вели дѣятельную торговлю съ Камскою или Воляскою Болгаріею, и съ Сѣверными странами по Двинѣ, Печерѣ и далѣе до Уральскихъ горъ и даже въ Западной Сибири, а за моремъ они торговали съ Варягами, т. е. съ Шведами и Норвежцами, съ Датчанами и Готландцами, у нихъ на островѣ Готландѣ въ тамошнемъ торговомъ городѣ Визби даже была своя церковь, купеческіе корабли Новгородцевъ заходили во всѣ пристани по Балтійскому морю и доходили до Шлезвига и Любека. Въ Варяжской и Нѣмецкой торговлѣ вмѣстѣ съ Новгородцами принимали дѣятельное участіе Смольняне и Полочане, которыхъ лоды ходили по Западной Двинѣ и Не-

ману и также проникали въ Балтійское и Нѣмецкое море до Готланда и Любека. Кіевъ велъ торговлю преимущественно съ Греками, Половцами, Поляками, Венграми, Чехами и Моравіею, въ Кіевѣ была особая слобода торговцевъ Польскихъ, Венгерскихъ и Жидовъ; городъ Олешье въ устьяхъ Днѣпра для Кіева былъ главною пристанью, куда пріѣзжали Греческіе купцы, и откуда отправлялись въ Грецію Русскіе торговцы; по берегамъ Чернаго моря на востокъ Кіевская торговля направлялась въ нынѣшній Крымъ и къ прибрежнымъ землямъ Кавказа до Абхазіи и Мингреліи. Съ тѣми же землями, съ которыми торговали Кіевляне, вели торговлю Черниговцы, Волынцы, Галичане, и другіе жители южныхъ городовъ Руси. Торговля Суздальцевъ, Ростовцевъ, Муромцевъ и Рязанцевъ преимущественно была ведена по Окѣ, Волгѣ и ихъ притокамъ и производилась съ Волжскими Болгарами, Мордвой и Половцами. Муромцы и Рязанцы своими владѣніями глубоко проникали въ Половецкія степи по рѣкамъ Великой Воронѣ и Воронежу; и потому были въ самыхъ близкихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Половцами, и можетъ быть черезъ ихъ степи проникали по Волгѣ до Каспійскаго моря.

Торговля въ то время производилась общинами, которыя имѣли своихъ старостъ и тысяцкихъ, избираемыхъ самою общиною. Торговцы тогда составляли общины не только въ мѣстахъ своего постоянного жительства, но и на время торговыхъ странствованій. По свидѣтельству народныхъ преданій, сохранившихся въ былинахъ и пѣсняхъ стараго времени, торговцы отправляясь въ путь, сушею ли, моремъ ли, вступали между собою въ договоръ, чтобы во всякомъ нужномъ случаѣ не выдавать другъ дру-

га и крѣпко стоять за цѣлое общество или караванъ, и договоръ сей обыкновенно утверждался клятвою или ротою, по чему и члены каравана назывались ротниками; они изъ среды себя выбирали старостъ и судей, которые завѣдывали торговыми дѣлами каравана и судомъ торговымъ. Разумѣется въ начальники или старосты выбирались люди бывалые и хорошо знающіе свое дѣло, и всѣ члены каравана должны были имъ повиноваться на все время выбора, или пока цѣлый караванъ не признаетъ избраннаго старосту неспособнымъ къ дѣлу. Караваны торговцевъ большею частію бывали довольно многочисленны, и хорошо вооружены, чтобы можно было отбиться отъ нападенія непріятелей. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1142 годомъ мы читаемъ, что Шведскій Князь съ епископомъ въ 60 шнекахъ напалъ на караванъ Новгородскихъ гостей шедшихъ изъ-за моря, но былъ отбитъ ими и потерялъ въ битвѣ полтора ста человекъ своей дружины.

Устройство торговыхъ общинъ на постоянныхъ мѣстахъ жительства торговцевъ, по свидѣтельству грамоты Всеволода Мстиславича, данной церкви Юанна Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ, производилось слѣдующимъ порядкомъ: во первыхъ, общину составляли какъ значительнѣйшія фамиліи въ городѣ или житые люди, и купцы, такъ и черные люди, т. е. работники-служители; ибо въ торговлѣ всѣ участвовали, кто капиталомъ, товарами, кто своею работою; во вторыхъ въ начальники выбирались отъ житыхъ людей три старосты, отъ купцевъ два старосты и отъ черныхъ людей тысяцкій; симъ выборнымъ на чальникамъ поручались всѣ дѣла общины и торговля и гостинья и судъ торговый, и во всѣ таковыя дѣла город-

скія начальства уже не вступались; въ третьихъ, для вступленія въ торговую общину отъ купцовъ требовалась опредѣленная сумма денегъ, которая вносилась одинъ разъ навсегда, и дѣлала постояннымъ членомъ общины, пошлымъ купцомъ, какъ выражаетъ грамота, не только того, кто взнесъ, но и прямыхъ его потомковъ. Невзнесшій же опредѣленной суммы не считался пошлымъ купцомъ и не могъ быть выбранъ ни въ старосты, ни въ другую какую либо должность по общинѣ. Во Всеволодовой грамотѣ мы находимъ указаніе на двѣ таковыхъ общины въ Новгородѣ на Иванскую и Побережанскую, жившую въ сосѣдствѣ съ Иванскою; но на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо больше. Мы имѣемъ свидѣтельство лѣтописей, что и въ Кіевѣ были подобныя купеческія общины Гречниковъ, (торговцевъ съ Греками) залозниковъ (можетъ быть торговцевъ ѣздившихъ въ Половецкія степи и въ Крымъ) и солениковъ, (возившихъ соль изъ Галицкихъ владѣній и вообще торговавшихъ съ Галичанами). По всему вѣроятію были подобныя же общины и въ другихъ городахъ; но мы пока не имѣемъ объ нихъ извѣстій. Конечно порядокъ торговли общинами въ то время не исключалъ и торговли одиночной, каждый капиталистъ могъ торговать и самъ отъ себя не причисляясь ни къ какой общинѣ, и устраивать цѣлые караваны на свой счетъ при помощи своихъ нанятыхъ людей и даже черезъ своихъ рабовъ; какъ дѣйствительно мы и знаемъ по лѣтописямъ, что Новгородецъ Юрята Роговичъ посылалъ свой караванъ въ Югру съ своимъ людьми; но таковой торговецъ уже не пользовался помощью никакой торговой общины, онъ долженъ былъ рассчитывать только на самого себя и на свои одиночныя средства; и конечно такъ

могли поступать только люди очень богатые и сильные, которые не нуждались въ посторонней помощи и не желали стѣснять себя обязательствами съ общиною.

Въ самомъ законодательствѣ тогдашней Руси торговля имѣла особыя права, и при томъ права очень значительныя, показывающія, что Русское общество въ то время было особенно расположено къ торговлѣ, и давало ей средства къ болѣе успѣшному развитію. Такъ, по законамъ Русской Правды, относящимся ко времени внуковъ и правнуковъ Ярослава, во первыхъ займы между купцами были освобождены отъ представленія свидѣтелей, купецъ занимая у купца деньги или товаръ для торговли, не имѣлъ надобности дѣлать это при свидѣтеляхъ, и въ случаѣ спора на судѣ требовалась только одна присяга должника. Во вторыхъ несостоятельные должники между купцами по закону были уже раздѣлены на виновныхъ и невинныхъ, т. е. сдѣлавшихся несостоятельными не по своей винѣ, но или отъ рати, или отъ огня, или потопленія; и таковой должникъ по закону защищался отъ насилія кредиторовъ и получалъ отсрочку въ платежъ долговъ, пока исправится; а напротивъ виновный несостоятельный, который пропился или пробился въ закладъ, или своимъ безумьемъ испортилъ чужой товаръ, по закону отдавался въ полную волю кредиторама, которые могли продать и его самого и его имѣніе. Въ третьихъ при удовлетвореніи кредиторовъ изъ проданнаго имѣнія несостоятельнаго должника, по закону Русской Правды прежде всѣхъ удовлетворялись пріѣзжіе гости, которые могли запустить свой товаръ, не зная о состояніи должника, за пріѣзжими гостями удовлетворялась княжая казна, ежели за должникомъ были

ее деньги, и наконецъ остальное за тѣмъ имѣніе должника отдавалось въ раздѣлъ кредиторамъ одного города съ должникомъ, при чемъ недопускались къ участию въ дѣлѣжъ кредиторы бравшіе большіе проценты.

Главными врагами Русской земли съ степной стороны и во время внуковъ и правнуковъ Ярослава по прежнему были Половцы; но походы Русскихъ въ Половецкія степи, бывшіе при Святополкѣ, Мономахѣ и Мстиславѣ, сильно смирили сихъ дикихъ кочевниковъ; они хотя не уничтожили мелкихъ набѣговъ и грабежей половецкихъ въ пограничныхъ къ степямъ Русскихъ владѣніяхъ, даже Половцы продолжали еще при каждой смѣнѣ Князей являться для заключенія мира, т. е. за полученіемъ хорошихъ подарковъ отъ новаго Князя; но о большихъ Половецкихъ набѣгахъ со времени Мстислава уже не было и слуха, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сами Князья, большею частію породнившіеся съ Половцами, приглашали ихъ какъ союзниковъ въ междоусобныхъ войнахъ. Но ежели Половецкіе набѣги въ это время значительно слабѣли, за то чаще стали дѣлать набѣги Литовцы, старые сосѣди Русскихъ на западѣ. Впрочемъ сіи лѣсные полудикіе грабители въ это время были враждебны собственно не къ Русской землѣ, а только къ Мономаховичамъ; а напротивъ Князей Полотскихъ, потомковъ Изяслава Владиміровича, они постоянно защищали и изъ за нихъ собственно дѣлали набѣги на сосѣднія владѣнія Туровскія, и иногда на Полотскія, когда тамъ усиливались Мономаховичи и тѣснили старыхъ Полотскихъ Князей, которые постоянно находили себѣ убѣжище и защиту въ Литовскихъ лѣсахъ и оттуда опять добывали себѣ Полотскія владѣнія отнятыя Моно-

маховичами. Вообще Литва пронизанная колоніями Кривичей и Полочанъ, тогда была еще тѣсно связана съ Полосткимъ княжескимъ домомъ и все свои набѣги и грабежи въ Русскихъ владѣніяхъ дѣлала собственно въ пользу этого княжескаго дома. У Новгородцевъ по прежнему постоянными, хотя не сильными, врагами были сосѣдніе Финны, съ которыми Новгородъ всегда управлялся довольно удачно, отражалъ ихъ нападенія, опустошалъ ихъ землю и бралъ тамъ города. За время внуковъ и правнуковъ Ярослава у Новгородцевъ было нѣсколько незначительныхъ войнъ особенно съ однимъ изъ Финскихъ племенъ Емяю, которое жило въ южной Финляндіи, слѣдовательно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Новгородскими владѣніями, и дѣлало нѣсколько набѣговъ на предѣлы Новгородскіе, за что Новгородцы платили своими набѣгами и опустошеніемъ земель принадлежащихъ этому племени. Но главнымъ и постояннымъ врагомъ Новгорода былъ Юрій Князь Суздальскій, онъ перехватывалъ Новгородскія дани въ Заволочье, останавливалъ торговлю, ходилъ войною въ Новгородскія владѣнія, бралъ тамъ города и мучилъ въ самомъ Новгородѣ, гдѣ успѣлъ составить себѣ значительную партію богачей; впрочемъ Новгородъ еще удачно защищался отъ Юрія.

Вообще Русская земля въ это время не имѣла какихъ либо страшныхъ неодолимыхъ враговъ, и въ большей части своихъ владѣній была свободна отъ виѣшнихъ нападѣній, да и самыя междоусобія Князей сосредоточивались преимущественно около Кіева, Переяславля, Чернигова и Волыни; а напротивъ другіе края Русской земли почти не страдали отъ междоусобій, а которые и страдали, то немного. Но за то иные края Русской земли нерѣдко

териѣли другія страшныя бѣдствія. Такъ Новгородъ нѣсколько разъ подвергался значительнымъ пожарамъ, а въ 1127 и 1128 годахъ страшно страдалъ отъ голода, такъ что люди ѣли липовый листъ, березовую кору, солому, мохъ, конину и многіе умирали отъ голода и худой пищи; по словамъ лѣтописи въ это время улицы и площади были завалены трупами, нельзя было выходить изъ домовъ отъ смрада непохороненныхъ гніющихъ тѣлъ, такъ что нужно было нанимать людей, для очистки города отъ труповъ; и такая бѣда была на всѣхъ, что отцы и матери отдавали дѣтей въ рабство пріѣзжимъ торговцамъ, чтобы не видѣть ихъ страданій отъ голодной смерти. Къ несчастію отъ голода и мора присоединилось большое наводненіе Волхова въ 1128 году, которымъ было снесено и разрушено множество домовъ и потоплено людей. Въ 1145 году по Новгородской землѣ была страшная засуха, выжегшая почти весь хлѣбъ и траву въ поляхъ, а съ Іюля до осени стоялъ постоянный дождь, который окончательно истребилъ и остатки хлѣба и травы, и страшно поднялъ воду въ Волховѣ и другихъ рѣкахъ; на зиму жѣ не было ни порядочнаго снѣга, ни яснаго дня, до Марта мѣсяца. А въ 1158 году былъ страшный моръ и на людей и на домашнихъ животныхъ, такъ что нельзя было ходить отъ смрада гніющихъ тѣлъ, остававшихся непогребенными. Кіевъ и вся тамошняя страна два года къ ряду страдала отъ саранчи. Саранча въ первый разъ явилась въ тамошнемъ краѣ въ Августѣ мѣсяцѣ 1094 года и на корню поѣла весь хлѣбъ и траву; потомъ въ слѣдующемъ году также въ Августѣ мѣсяцѣ тучи саранчи покрыли всю землю и пожрали весь хлѣбъ и траву, направляясь къ полуночнымъ странамъ. Въ 1124

году сгорѣлъ почти весь Кіевъ, пожаръ продолжался два дня и однихъ церквей истребилъ около шести сотъ. Въ 1143 году была страшная буря около Котельнича, которая разнесла строенія, имущество и хлѣбъ съ гумень; такъ что, по выраженію лѣтописи, яко рать взяла и не стало въ клѣткахъ ничего. Въ разные годы въ приднѣпровьѣ было нѣсколько землетрясеній, впрочемъ незначительныхъ. 1111 годъ былъ особенно замѣчателенъ по нещастіямъ: въ этомъ году горѣли Черниговъ, Смоленскъ, Новгородъ и Кіевъ.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

СУЗДАЛЬЩИНА.

Ростовцы и Суздальцы, сіи старинные колонисты Великаго Новгорода въ обширной странѣ Финскаго племени Мери, были люди по своему характеру далеко не похожіе ни на Смольнянъ ни на Кіевлянъ, ни на Черниговцовъ, люди своего закала и особой выдержки, съ одной стороны вольнолюбивые и упрямые какъ Новгородцы, а съ другой стороны до того преданные своимъ Князьямъ, что не знали границъ своей преданности и безъ оглядокъ жертвовали для нихъ всѣмъ. Долго, почти въ продолженіи 250 лѣтъ, отъ удаленія Олега изъ Новгорода на югъ, Ростовская и Суздальская земля почти не принимали никакого участія въ дѣлахъ приднѣпровской Руси, долго этотъ край, отданный Новгородцами Рюрику и его потомкамъ, оставался въ какомъ-то забвеніи, и даже не имѣлъ своихъ Князей и управлялся вѣчемъ и временно

присылаемыми изъ Кіева или Переяславля посадниками и даже данщиками; только Мономахъ обратилъ нѣкоторое вниманіе на эту забытую Князьями сторону и построилъ тамъ въ свое имя городъ Владиміръ на рѣкѣ Клязмѣ, называвшійся у современниковъ Владиміромъ Залѣскимъ, въ отличіе отъ Владиміра Волынскаго. Но съ младшаго Мономахова сына Юрія, по прозванію Долгорукаго, положеніе Ростовской и Суздальской земли значительно измѣнилось къ лучшему Умный Юрій, княжившій тамъ съ молодыхъ лѣтъ, и такъ сказать выросшій на глазахъ Суздальцевъ и Ростовцевъ, умѣлъ застроить тамошнюю лѣсную глушь городами, и такъ привлекъ къ себѣ тамошнюю земщину, что при ея помощи сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ Князей между современниками. Суздальцы и Ростовцы, довольные тѣмъ, что имѣютъ своего отдѣльнаго Князя и болѣе уже не зависятъ отъ посадниковъ и данщиковъ присылаемыхъ изъ Кіева или Переяславля, готовы были для Юрія на все; и онъ при первомъ удобномъ случаѣ повелъ ихъ въ Приднѣпровье, желая добыть себѣ тамъ волости. И Суздальцы дѣйствительно добывали ему нѣсколько разъ то Переяславль, то Кіевъ, и показали себя и храбрыми воинами и вѣрными слугами своего Князя; но неумѣли достигнуть одного, чтобы ужиться съ Приднѣпровскою Русью, ихъ характеръ и привычки такъ были несогласны съ обычаями Приднѣпровцевъ, что они сколько разъ ни занимали Кіева и Переяславля, всегда оканчивали тѣмъ, что возбуждали въ тамошнихъ жителяхъ ненависть и къ себѣ и къ своему Князю. Юрій во снѣ и на яву мѣчтавшій только о Приднѣпровьѣ, никакъ не могъ замѣтить этаго; впрочемъ не смотря на множество неудачъ и на нѣсколько изгна-

ній изъ Кіева и Перемыслава, стараніємъ вѣрныхъ и храбрыхъ Суздальцевъ и Ростовцевъ добился наконецъ до того, что умеръ Кіевскимъ Княземъ. Но не такъ думалъ и не такъ поступалъ старшій сынъ Юрія Андрей, по прованію Боголюбскій; этотъ Князь не считавшій непріятелей и незнавшій препятствій своей отвагѣ въ битвахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ крайне осторожный и предусмотрительный внѣ битвы, въ молодости исходившій вдоль и поперекъ весь Приднѣпровскій край, и перевладѣвшій многими тамъ городами, вѣрно понялъ, что ни отцу его, ни ему самому съ Суздальцами неужиться въ Приднѣпровьѣ, и что гораздо удобнѣе владѣть Кіевомъ и другими тамошними городами изъ Владиміра Залѣскаго. А посему онъ еще при жизни отца оставилъ приднѣпровскій Вышгородъ, и тайно ушелъ въ свою родную сторону къ Суздальцамъ и Ростовцамъ. Суздальцы и Ростовцы приняли его съ радостію и объявили Княземъ всей той стороны; и онъ остался жить тамъ, выжидая удобнаго случая вмѣшаться въ дѣла Приднѣпровскія и распоряжаться тамошнимъ краемъ изъ своего любимаго Владиміра Залѣскаго, и случай этотъ не замедлил представиться.

По изгнаніи Изяслава Давыдовича изъ Кіева, Мстиславъ Изяславичъ Волынскій и Ярославъ Владиміровичъ Галицкій съ своими союзниками, какъ мы уже видѣли, Кіевскій престолъ предложили Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, старшему въ Мстиславовомъ семействѣ. Ростиславъ Мстиславичъ хорошо и спокойно жившій съ Смоленскою земщиною и съ Новгородцами, какъ-то недовѣрчиво смотрѣлъ на приглашеніе въ Кіевъ, и напередъ послалъ туда двухъ земцовъ, — Ивана Рученика отъ Смольнянъ мужа и Якуна отъ Новгородцевъ, ска-

зять, что онъ готовъ идти въ Кіевъ, ежели союзники приглашаютъ его въ правду съ любовію, и ежели будутъ ему повиноваться какъ отцу и не стѣснятъ его воли, и первымъ условіемъ предложилъ, чтобы поставленнаго при Изяславѣ Климента не признавать митрополитомъ, какъ не получившаго благословенія отъ патріарха Цареградскаго; это предложеніе подняло споръ, котораго посланники не могли рѣшить; и Ростиславъ отправилъ въ Кіевъ старшаго своего сына Романа, который и рѣшилъ дѣло тѣмъ, чтобы отставить обоихъ митрополитовъ и Климента и Константина, и просить у патріарха новаго митрополита. Когда это было улажено, то и самъ Ростиславъ отправился въ Кіевъ и прибылъ туда 12 Апрѣля 1159 года, въ самый день Пасхи.

Ростиславъ, посаженный на престолѣ Кіевскомъ союзомъ почти всѣхъ Князей праваго берега Днѣпра, спѣшилъ заключить союзъ и съ старшимъ Княземъ лѣваго берега Днѣпра, Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ; и оба Князя 1-го Мая съѣхались у Моравійска, два дни пировали и дарили другъ друга дарами и разѣхались по домамъ друзьями. Между тѣмъ изгнанный изъ Кіева Изяславъ Давыдовичъ, проживая на Вырѣ, сносился съ Половцами, и получивъ отъ нихъ помощь, открылъ походъ къ Чернигову; но этотъ походъ былъ для него неудаченъ, — Святославъ Ольговичъ, получивъ помощь отъ своихъ союзниковъ Князей Кіевского и Галицкаго, принудилъ его бѣжать сперва къ Вырю, а потомъ въ степи. Впрочемъ эта неудача только раздражила Изяслава, и получивъ новую помощь отъ Половцевъ, онъ пошелъ къ Вщижу, гдѣ княжилъ его родной племянникъ Святославъ Владиміровичъ, и оттуда зимою ворвался въ Смоленскія

владѣнія, гдѣ его Половцы надѣлали много зла и вывели болѣе десяти тысячъ плѣнниковъ. Воротившись съ Смоленскаго набѣга, Изяславъ послалъ къ Андрею Юрьевичу Суздальскому съ сватовствомъ къ его дочери за Святослава Владиміровича и съ просьбою о помощи. Андрей Суздальскій, довольный случаемъ вмѣшаться въ Приднѣпровскія дѣла, не отказалъ ни въ томъ, ни въ другомъ, и послалъ въ Приднѣпровье своего сына Изяслава, со всѣмъ своимъ полкомъ и съ Муромскою помощію. А въ это время Святославъ Черниговскій съ своими союзниками уже осаждалъ Вщижъ; услыхавъ о приближеніи Суздальской рати союзники успѣли заключить миръ съ Святославомъ Владиміровичемъ и возвратились домой. Изяславъ же Давыдовичъ, небывшій тогда въ Вщижъ, пошелъ въ землю Вятичей и оттуда ходилъ въ Волокъ-Ламскій на свиданіе съ Андреемъ Суздальскимъ. Въ это свиданіе оба Князя условились такъ, чтобы Андрею отнять у Ростислава Новгородъ, а Изяславу Кіевъ. И на слѣдующій годъ дѣйствительно Новгородцы по требованію Андрея выгнали отъ себя Ростиславовыхъ сыновей и приняли отъ Андрея племянника его Мстислава Ростиславича; Изяславъ же Давыдовичъ при помощи подкупленныхъ дружинниковъ счумѣлъ поссорить Черниговскихъ Князей съ Ростиславомъ Кіевскимъ, и заключивъ съ ними противъ него союзъ и соединясь съ Половцами отправился къ Переяславу, чтобы принудить тамошняго Князя Глѣба Юрьевича идти на Кіевъ; но Глѣбъ остался вѣренъ союзу съ Ростиславомъ. Тогда Изяславъ сталъ осаждать Переяславль и стоялъ подъ нимъ двѣ недѣли, но не могъ взять; а между тѣмъ Ростиславъ самъ двинулся на выручку къ Глѣбу, и тѣмъ принудилъ Изясла-

ва оставить осаду и бѣжать въ Половецкія степи. Но и эта неудача не остановила Изяслава, онъ собравъ множество Половцовъ и соединивъ съ Черниговскими Князьями, переправился черезъ Днѣпръ у Вышгорода, осадилъ Кіевъ и 8 февраля 1160 года повелъ свои полки на приступъ и принудилъ Ростислава удалиться въ Бѣлгородъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Кіевѣ и уладившись съ Кіевлянами, Изяславъ пустился осаждать Бѣлгородъ и держалъ его въ осадѣ четыре недѣли; но когда къ Ростиславу стали подходить его союзники со всѣхъ сторонъ, то Изяславъ бѣжалъ отъ Бѣлгорода и преслѣдуемый Торками былъ убитъ, а союзники его разошлись по домамъ. Ростиславъ же съ своими союзниками вступилъ въ Кіевъ.

По возвращеніи отъ Бѣлгорода въ Кіевъ съ Ростиславомъ разсорился самый дѣятельный союзникъ—племянникъ его Мстиславъ Изяславичъ Волынской; но какъ скоро Ростиславъ съумѣлъ опять привлечь къ себѣ отступившихъ отъ союза Князей Черниговскихъ, то и Мстиславъ поспѣшилъ примириться съ нимъ. Примирившись съ Мстиславомъ Ростиславъ спокойно жилъ въ Кіевѣ, наслаждался миромъ и былъ въ уваженіи у всѣхъ Русскихъ Князей. Даже Андрей Суздальскій, послѣ неудачи и смерти Изяслава Давыдовича, притихъ и нерѣшился затѣять ссоры съ Ростиславомъ и тогда, когда Новгородцы выгнали отъ себя его племянника Мстислава Ростиславича и приняли Ростиславова сына Святослава. Въ 1167 году Ростиславъ скончался на дорогѣ въ Кіевъ изъ Смоленска, куда онъ ѣздилъ для примиренія Новгородцевъ съ его сыномъ Святославомъ.

Но княженіе Ростислава преимущественно мирное въ Кіевскихъ, Смоленскихъ, Волынскихъ и Галицкихъ вла-

дѣиихъ, далеко не было мирно въ другихъ краяхъ Руси, и особенно сильные междоусобія мучили землю Полотскую, гдѣ внуки Всеславовы Рогволодъ Борисовичъ и его двоюродные братья Ростиславъ, Володаръ и Всеволодъ Глѣбовичи вели между собою жестокою войну не безъ участія Черниговскаго, Смоленскаго и Кіевскаго Князей. Еще въ 1150 году Рогволодъ Борисовичъ, выгнанный изъ Полотска земцами, при помощи Святослава Ольговича Черниговскаго, пошелъ искать себѣ волости, и по приглашенію Дручанъ отнялъ Друцкъ у Глѣба Ростиславича. Потомъ въ его пользу начался мятежъ въ самомъ Полотскѣ, впрочемъ тамошній Князь Ростиславъ Глѣбовичъ по дарками и обѣщаніями успѣлъ усмирить Полочанъ, и соединясь съ своими родными братьями Володаремъ и Всеволодомъ пошелъ выгонять Рогволода изъ Друцка; но Дручане крѣпко стали за своего приглашеннаго Князя, и принудили Ростислава заключить миръ, по которому онъ придалъ Рогволоду нѣсколько волостей. Эта неудача Ростислава подъ Друцкомъ породила мятежъ въ Полотскѣ, въслѣдствіе котораго онъ бѣжалъ къ своему брату Володарю въ Минскъ, а Полочане пригласили себѣ въ Князя Рогволода. Рогволодъ усилившись такимъ образомъ, и получивъ помощь отъ Ростислава Мстиславича изъ Смоленска, пошелъ на Ростислава Глѣбовича и осадилъ Минскъ; впрочемъ простоявъ десять дней и невзявши города заключилъ съ Ростиславомъ миръ. Но тѣмъ дѣло некончилось, онъ еще два раза ходилъ къ Минску также безуспѣшно, и потомъ подступилъ къ Городцу за Минскомъ, думая выгнать оттуда Володаря Глѣбовича, засѣвшаго тамъ съ Литовцами; но въ ночной битвѣ разбитый Володаремъ на голову бѣжалъ сперва въ Слуцкъ и потомъ въ

Друцкъ, несмѣя уже болѣе воротиться въ Полоцкъ. Полочане же пригласили себѣ въ Князя Рогволодова племянника Всеслава Васильковича. На этого новаго Полотскаго Князя въ 1166 году пошелъ Володарь и принудилъ его бѣжать къ Давыду Смоленскому, а самъ утвердился въ Полотскѣ.

Въ Черниговскихъ владѣнiяхъ, по убiенiи Изяслава Давыдовича подъ Бѣлгородомъ и по заключенiи мира съ Ростиславомъ Кiевскимъ было спокойно до смерти старшаго тамопняго Князя Святослава Ольговича, послѣдовавшей въ 1163 году. Но смерть Святослава было поводомъ къ непродолжительному междоусобию у Святославова сына Олега и его двоюроднаго брата Святослава Всеволодовича, которое кончилось тѣмъ, что Олегъ успунилъ Черниговъ Святославу, а себѣ взялъ отцовскую отчину Новгородъ Сѣверскiй, причемъ Святославъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы надѣлать Олеговыхъ братьевъ Игоря и Всеволода, и не надѣлилъ. Олегъ ждалъ управы два года, но на третiй годъ, когда умеръ Святославъ Владимiровичъ, Князь Вщижа, сталъ просить надѣла изъ его владѣнiй, не получивъ же и на этотъ ризъ надѣла началъ войну съ Святославомъ; въ это дѣло вступился и Ростиславъ Кiевскiй, и нѣсколько разъ посылалъ къ Святославу съ требованiемъ, что бы надѣлилъ Олега, но безуспѣшно. Видя неудачу въ своихъ просьбахъ и въ ходатайствѣ Князя Кiевскаго, Олегъ началъ войну и снесшись съ Стародубскою земщиною пошелъ къ Стародубу, но походъ этотъ неимѣлъ успѣха. Святославъ узнавши о сношенiяхъ его съ Стародубцами послалъ туда брата своего Ярослава, который удержалъ Стародубцевъ въ повиновенiи; и Олегъ принужденъ былъ воротиться въ свой

Новгородъ Сѣверскій, успѣвши только пограбить по дорогамъ и захватить множество плѣнниковъ. Въ отплату за Стародубскій походъ, Святославъ послалъ брата своего Ярослава съ Половцами на Новгородъ Сѣверскій; тогда Ростиславъ Кіевскій явился посредникомъ между воюющими и успѣлъ примирить ихъ, причемъ Святославъ уступилъ Олегу четыре города, и обѣ стороны цѣловали другъ другу крестъ на томъ, чтобы жить въ любви и согласіи.

Въ землѣ Суздальской и Ростовской Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, вяло участвовавшій въ междоусобіи Изяслава Давыдовича съ Ростиславомъ Кіевскимъ, все это время преимущественно былъ занятъ укрѣпленіемъ за собою и устройствомъ всей Суздальской и Ростовской стороны, и желая быть единовластителемъ въ 1162 году выгналъ оттуда своихъ младшихъ братьевъ Мстислава, Василька и Всеволода, которые и ушли въ Царьградъ вмѣстѣ съ своею матерію. Потомъ, въ 1164 году Андрей съ сыномъ своимъ Изяславомъ и братомъ Ярославомъ и съ Муромскимъ Княземъ Юріемъ ходилъ на Волжскихъ Болгаръ, въ большомъ сраженіи разбилъ на голову тамошняго Князя, сжегъ три города и взялъ главный Болгарскій городъ Бряхимовъ, потомъ воротился домой съ богатою добычею, и заключилъ съ Болгарами миръ. Объ устройствѣ Суздальской земли Андреемъ Боголюбскимъ лѣтопись говоритъ, что сей Князь выстроилъ не подальку отъ Владиміра каменный городъ Боголюбовъ и создалъ тамъ церковь Богородицы, которую украсилъ многоцѣнными иконами, золотомъ, дорогими камнями и жемчугомъ, финифтью и другими украшеніями на удивленіе всѣмъ приходящимъ. Онъ точно также построилъ богатую церковь Богородицы во Владимірѣ, оковалъ ее зо-

лотомъ и серебромъ, и украсилъ дорогими камнями и жемчугомъ, и построилъ много другихъ церквей и монастырей, самый городъ Владиміръ украсилъ золотыми и серебрянными воротами; а къ народу показывалъ такое вниманіе и милость, что ежедневно по его приказу развозили пищу и питье для раздачи больнымъ и немощнымъ, и самъ всякаго приходящаго къ нему принималъ ласково, выслушивалъ внимательно просьбы и дѣлалъ по просьбамъ удовлетвореніе. При Андрѣе городъ Владиміръ былъ также многолюденъ, какъ и Кіевъ, туда стекались торговцы и изъ Греціи, и изъ Латинскихъ земель, и Волжскіе Болгары, и Жиды, и гости изъ всѣхъ княжествъ Русской земли, и всѣ были довольны пріемомъ княжескимъ.

По смерти Ростислава сыновья его, Давыдъ и Рюрикъ, и ихъ дядя Владиміръ Мстиславичъ вмѣстѣ съ Кіевлянами и Черными Клобуками отправили свои посольства во Владиміръ Вольнскій просить Мстислава Изяславича, чтобы онъ шелъ княжить въ Кіевъ. А между тѣмъ тѣже Князья, и Владиміръ Андреевичъ Пересопницкій и родный братъ Мстиславовъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій, тайно цѣловали между собою крестъ, чтобы имъ требовать у Мстислава волости по своей воли. Мстиславъ узнавши о такомъ союзѣ противъ себя, объявилъ объ этомъ своимъ старымъ союзникамъ, Ярославу Галицкому, Полякамъ и Всеволодовичамъ Князьямъ Черниговскимъ, и получивши въ помощь отъ Ярослава Галицкаго пять полковъ отправился къ Кіеву, на дорогѣ присоединились къ нему и цѣловали крестъ Берендичи, Торки, Печенѣги и всѣ Черные Клобуки, которыхъ онъ и послалъ съ своимъ братомъ Ярополкомъ напередъ. Владиміръ Мстиславичъ, главный заводчикъ смуты, услышавши о походѣ

Мстислава, бѣжалъ и съ семействомъ изъ Треполя въ Вышгородъ, гдѣ уже укрѣпились его союзники Давыдъ и Рюрикъ. Между тѣмъ Мстиславъ съ торжествомъ вошелъ въ Кіевъ, и взявши рядъ, т. е. договорившись съ братьями, дружиною и Кіевскою земщиною, въ тотъ же день двинулся осаждать Вышгородъ; здѣсь битвы происходили три дни, наконецъ противники стали просить міра, и послѣ долгихъ переговоровъ о волостяхъ, Мстиславъ далъ имъ міръ и возвратился въ Кіевъ. Но Владиміръ Мстиславичъ помпирился не искренно, и началъ снова искать себѣ союзниковъ и между Князьями и у Берендичевъ; но не нашедъ ихъ ни у тѣхъ ни у другихъ, бѣжалъ къ Андрею Суздальскому, который выслалъ къ нему на встрѣчу и велѣлъ идти въ Рязань, обѣщая надѣлать его волостью.

По удаленіи Владиміра Мстиславича, Мстиславъ Кіевскій созвалъ въ Кіевъ своихъ союзниковъ подумать, какъ бы усмирить Половцовъ, которые во время послѣднихъ Приднѣпровскихъ междоусобій такъ успѣли усилиться, что отняли у Русскихъ торговые пути Греческій, Соляной и Залозный. На этой думѣ Князей и дружинниковъ, союзники сказали Мстиславу: «братъ помоги тебѣ Богъ въ томъ, что ты такъ хорошо задумалъ, а намъ дай Богъ за христіанъ и за Русскую землю головы свои сложить и быть причтенными къ мученикамъ.» Послѣ такового рѣшенія Мстиславъ послалъ въ Черниговъ сказать тамошнимъ Князьямъ, его союзникамъ, чтобы и они шли въ походъ. И сошлись всѣ Князья обѣихъ сторонъ Днѣпра въ Кіевъ, и на другой день новаго года (2 Марта 1169 года) двинулись въ Половецкія степи, по Каневской дорогѣ, шли девять дней не встрѣчая непріятеля, и только

уже на берегахъ Угла и Снепорода увидали кочевья Половецкія, брошенныя безъ защитниковъ, а въ слѣдъ за тѣмъ нагнали и самихъ Половцевъ у Чернаго лѣса, и разбивши наголову, гнали за ними даже за Осколь, и возвратились домой съ огромнѣйшею добычею, какой уже давно не видали Приднѣпровцы. Но и знаменитая побѣда надъ Половцами, напоминавшая собою побѣды Мономаха, не удовлетворила Князей союзниковъ Мстиславовыхъ; они жаловались и сѣтовали, что онъ ночью, тайно отъ нихъ, посылалъ своихъ слугъ грабить обозъ Половецкій. Впрочемъ, на сей разъ неудовольствіе кончилось одними сѣтованіями и жалобами; и Мстиславъ чрезъ нѣсколько времени опять созвалъ въ Кіевъ пятерыхъ союзныхъ Князей, и ходилъ съ ними къ Каневу для встрѣчи торговыхъ каравановъ шедшихъ изъ Греческой земли, и для защиты ихъ отъ Половцевъ.

Но ни усердіе, ни успѣхи Мстислава въ защитѣ Русской земли не могли искренно привязать къ нему Князей-союзниковъ, они не могли простить ему того, что онъ не далъ имъ волостей, какихъ они просили и разрушилъ ихъ тайный союзъ; они слушали его только по необходимости и ждали перваго случая къ возстанію, который и не замедлилъ представиться. Два дружинника, которыхъ съ безчестіемъ прогналъ отъ себя Мстиславъ, ушли къ Давыду Ростиславичу и рассказали ему и его брату Рюрику, что Мстиславъ измѣннически хочетъ ихъ захватить; и тѣ, повѣривъ клеветѣ, начали тайно сноситься со всѣми недовольными и вступили въ союзъ съ Андреемъ Суздальскимъ. Андрей, долго ждавшій такого удобнаго случая, немедленно отправилъ въ Приднѣпровье своего старшаго сына Мстислава, съ многочисленными

полками Ростовцевъ, Суздальцевъ и Владимірцевъ; къ нему присоединили свои полки и всѣ недовольные, и всѣ, числомъ одиннадцать Князей, осадили Кіевъ. Мстиславъ Изяславичъ съ своею дружиною и Кіевлянами три дня бился отчаянно; но наконецъ сила одолѣла, Ростовцы, Суздальцы, Владимірцы и ихъ союзники ворвались въ городъ, принудили Мстислава бѣжать во Владиміръ Волынской, и начали грабить Кіевъ безъ всякой пощады; они цѣлыхъ два дня безъ жалости жгли и грабили церкви, избивали людей, иныхъ ковали къ цѣпи и вели въ плѣнъ, и во всемъ Кіевѣ только и слышны были вопли и стenanія; лѣтописецъ прямо говоритъ, что такой бѣды еще никогда не бывало надъ Кіевомъ. Явно, что ни Андрей, ни Князья Смоленскіе, ни Черниговскіе, не прочили Кіева для себя, потому и дали такую волю грабителямъ. Андрей, по своему опыту и по опыту отца зная, что ни ему, ни его Суздальцамъ не ужиться съ Кіевлянами, очевидно наказалъ сыну не щадить города; и по разграбленіи отдалъ его своему брату Глѣбу Переяславскому, считывая, что Глѣбъ, давно уже княжившій въ Приднѣпровьѣ, и имѣвшій дружинниковъ изъ Приднѣпровцевъ, а не изъ Суздальцевъ, легко уживется съ Кіевлянами, въ чемъ и не ошибся.

Между тѣмъ, какъ и должно было ожидать, Мстиславъ Изяславичъ, удалившійся на Волынь, не остался въ покоѣ; онъ осенью того же года, соединясь съ братомъ своимъ Ярославомъ Луцкимъ и съ Галичанами, напалъ на Владиміра Андреевича Дорогобужскаго, одного изъ своихъ противниковъ, и повоевалъ его города; потомъ въ началѣ слѣдующаго года, соединясь съ Берендеями и Торками, въ отсутствіе Глѣба занялъ Кіевъ, (гдѣ народъ

встрѣтилъ его съ радостію,) и договорившись съ Князь-
ями своими союзниками и Кіевскою земщиною, пошелъ
къ Вышгороду, гдѣ сидѣлъ съ большимъ войскомъ глав-
ный его врагъ Давыдъ Ростиславичъ. Давыдъ бился крѣпко
и отбивалъ приступы Мстислава цѣлые шесть дней,
такъ что Мстиславовы союзники 'стали расходиться, а
наконецъ и онъ самъ принужденъ былъ отступить къ
Кіеву; но и тамъ, тревожимый Давыдомъ и слухами о
прибытіи къ Давыду союзныхъ полковъ, не могъ удер-
жаться и ушелъ опять въ свой Владиміръ Волинскій,
объясаясь, собравшись съ силами, опять идти на Кіевъ,
но вскорѣ умеръ, оставивъ Владиміръ Волинскій своимъ
дѣтямъ подъ защитою Ярослава Луцкаго. А на слѣдую-
щей годъ скончался и Глѣбъ Юрьевичъ Кіевскій, про-
княживъ въ Кіевѣ только два года.

Между тѣмъ Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, посадивъ
Глѣба въ Кіевѣ, обратился на Новгородъ, гдѣ сидѣлъ
Мстиславовъ сынъ Романъ; онъ вооружилъ на Романа и
Новгородцевъ, и Князей Смоленскихъ, Муромскихъ и Ря-
занскихъ, и собравъ свою многочисленную рать и поручивъ
ее своему сыну Мстиславу, прославившемуся за-
воеваніемъ Кіева, послалъ его завоевать Новгородъ; но
этотъ грозный походъ рѣшительно неудался Мстиславу и
его союзникамъ. Новгородцы и Романъ бились отчаянно
и не только отбили всѣ приступы Мстислава, но и са-
мага его и его союзниковъ разбили наголову, такъ что
только слабые остатки огромной непріятельской рати воз-
вратились по домамъ. Впрочемъ, Романъ вскорѣ послѣ
знаменитой побѣды, услышавши о смерти отца, оставилъ
Новгородъ и уѣхалъ на Водынь, а Новгородцы прими-

рились съ Андреемъ и приняли отъ него въ Князья Рюрика Ростиславича, изъ Смоленскихъ Князей.

По смерти Глѣба Юрьевича, младшіе Ростиславичи Смоленскіе послали въ Дорогобужь къ дядѣ своему Владиміру Мстиславичу звать его въ Кіевъ, куда онъ и явился по этому приглашенію. Андрей Боголюбскій, услыхавши, что въ Кіевѣ сѣлъ не его посаженникъ, крайне оскорбился, и послалъ сказать Ростиславичамъ: »вы нарекли меня отцомъ себѣ, а я хочу вамъ добра, и даю Кіевъ старшему изъ васъ Роману.« А между тѣмъ Владиміръ скончался въ Кіевѣ, прокняживъ только четыре мѣсяца; и Романъ посему спокойно вошелъ въ Кіевъ; пародъ и духовенство встрѣтили его со крестами. Утвердившись такимъ образомъ по волѣ Андрея въ Кіевѣ, Романъ заодно съ Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ занялся войною съ Половцами, которые пришли опустошать Русскія владѣнія по Роси и у Переяславля; война эта была непродолжительна и кончилась битвою у Лтавы, гдѣ молодой Новгородъ-Сѣверскій Князь, двоюродный братъ Святославовъ, Игорь Святославичъ, разбилъ Половцевъ на голову, отбилъ у нихъ Русскихъ плѣнниковъ и съ большою добычею возвратился въ Кіевъ. Но Андрею Боголюбскому вовсе не по сердцу были побѣды и успѣхи Кіевского Князя и его союзниковъ, ему нужны были смуты въ Приднѣпровьѣ; а по сему онъ въ тоже время, какъ Романъ весело торжествовалъ побѣду Игоря надъ Половцами, прислалъ сказать ему и его братьямъ, чтобы выдали тронхъ бояръ, которыхъ онъ подозрѣваетъ въ отравленіи своего брата Глѣба Юрьевича. И когда Ростиславичи не находя бояръ виновными, не исполнили требованія; тогда

Андрей вторично прислалъ сказать Роману: «ты съ братьями не исполняешь моей воли, иди вонъ изъ Кіева, а братья твои, Давыдъ изъ Вышгорода и Мстиславъ изъ Бѣлгорода, и ступайте въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ, какъ хотите, въ Кіевѣ же будетъ княжить братъ мой Михаилъ, Князь Торческій.» Всегда послушный и миролюбивый Романъ безпрекословно оставилъ Кіевъ и удалился въ Смоленскъ; а Михаилъ, не выходя изъ Торческа, послалъ въ Кіевъ младшаго своего брата Всеволода, который и сидѣлъ тамъ пять недѣль.

Но Романовы братья Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ не думали исполнять Андреева приказанія, и послали сказать ему: «Братъ! мы въ правду нарекли тебя отцомъ себѣ, и крестъ цѣловали тебѣ и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотячи добра тебѣ; а ты нынѣ брата нашего Романа вывелъ изъ Кіева, и насъ гонишь изъ Русской земли безъ нашей вины; но за всѣмъ Богъ и крестная сила». Андрей на это не отвѣчалъ ничего; и Ростиславичи, надѣясь на Бога и на силу честнаго креста, ночью вѣхали въ Кіевъ, схватили Всеволода и его дружинниковъ, и посадили Княземъ въ Кіевѣ брата своего Рюрика; потомъ двинулись къ Торческу на Михаила и принудили его отступить отъ союза съ Андреемъ, и заключить союзъ съ ними, и за это дали ему Переяславль и отпустили изъ плѣна младшаго его брата Всеволода. Между тѣмъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій съ братьями своими стали приглашать Андрея на Ростиславичей и сказали ему: «кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ врагъ, а мы готовы стоять съ тобой заодно». По этому зову Андрей послалъ сказать Ростиславичамъ: «вы не ходите въ моей воли, иди же ты Рюрикъ въ Смоленскъ къ брату своему въ свою

отчину, а ты Давыдъ иди въ Берладъ, въ Русской землѣ я тебѣ не велю оставаться; ты же Мстиславъ, ты всему заводчикъ, не велю тебѣ жить въ Русской землѣ». Мстиславъ, который, по словамъ лѣтописца, съ молоду не привыкъ бояться никого, кромѣ Бога, приказалъ остричь голову и бороду послу Андрееву, и сказалъ ему: «иди къ Князю своему и скажи: мы до сихъ поръ имѣли тебя какъ отца по любви; но ежели ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчьми, не какъ къ Князю, а какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣмъ». Получивъ такой отвѣтъ отъ Ростиславичей, Андрей поблѣднѣлъ отъ ярости, и немедленно послалъ собирать войска, и собравъ пятьдесятъ тысячъ, отправилъ къ Кіеву подъ начальствомъ своего сына Юрія и опытнаго воеводы Бориса Жидиславича, и на отпускѣ сказалъ имъ: «Рюрика и Давыда выгоните изъ ихъ владѣній, а Мстислава поймайте и приведите ко мнѣ». Юрій по отцовскому наказу пошелъ дорогою на Смоленскія и Черниговскія владѣнія, и соединясь съ тамошними Князьями и ихъ дружинами, переправился черезъ Днѣпръ, гдѣ къ нему присоединились Переяславцы и Михаилъ съ Всеволодомъ, и всѣ вмѣстѣ пошли на Кіевъ. Но Ростиславичи не находя удобнымъ защищать Кіева, оставили его и пошли каждый въ свой городъ, именно: Рюрикъ въ Бѣлгородъ, Мстиславъ вмѣстѣ съ своимъ и Давыдовымъ полкомъ въ Вышгородъ, а Давыдъ пошелъ въ Галичь просить помощи у тамошняго Князя Ярослава. Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, какъ старшій между Князьями союзниками Андрея, принялъ главное начальство надъ союзнымъ войскомъ и осадилъ Мстислава въ Вышгородѣ; осада продолжалась цѣлыя девять недѣль. Святославъ дѣ-

далъ нѣсколько приступовъ къ городу, но постоянно терпѣлъ неудачу; воинственный Мстиславъ оборонялъ городъ мужественно и искусно. Наконецъ пришелъ на помощь къ осаждающимъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій съ Волынскими полками; онъ просилъ, чтобы Ольговичи признали его старѣйшимъ и уступили ему Кіевъ; и когда Ольговичи на это не согласились, то перешелъ на сторону Ростиславичей и отъ Вышгорода со всѣми своими полками пошелъ къ Бѣлгороду на соединеніе съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. Увидѣвши это, осаждающіе такъ перепугались, что ночью же, не дождавшись свѣта, бросились бѣжать черезъ Днѣпръ и многіе потонули; а Мстиславъ пустился за ними въ погоню, отбилъ весь обозъ и захватилъ множество плѣнниковъ. Такъ постыднымъ бѣгствомъ кончился походъ многочисленныхъ полковъ Андрея и его союзниковъ; и Ярославъ Изяславичъ Луцкій, по договору съ Ростиславичами, сдѣлался Княземъ Кіевскимъ.

Впрочемъ Ярославу Изяславичу не долго пришлось княжить въ Кіевѣ: въ тотъ же годъ напалъ на него изъѣздомъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій и принудилъ удалиться по прежнему въ Луцкъ; потомъ когда, по удаленіи Святослава въ Черниговъ, Ярославъ снова занялъ Кіевъ, то на него возстали Ростиславичи Смоленскіе, только въ крайности уступившіе ему Кіевъ, и послали къ Андрею Суздальскому просить, чтобы онъ посадилъ въ Кіевѣ старшаго изъ нихъ Романа. Андрей на это отвѣчалъ подождите немного, я послалъ къ своимъ братьямъ, и какая отъ нихъ будетъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ.

Но Андрею не суждено было дать обѣщанный отвѣтъ Ростиславичамъ: онъ, въ ночь на 29 Іюня 1175 года, былъ

убить въ Боголюбовѣ своими приближенными въ собственной спальнѣ. Лѣтопись рассказываетъ объ убіеніи Андрея слѣдующимъ образомъ. Любимый Андреемъ слуга Якимъ Кучковичъ, родственникъ его по женѣ, управлявшій всѣмъ княжескимъ домомъ, разъ услышавши отъ кого-то, что отъ Князя вышло приказаніе казнить его брата, обратился къ своему зятю Петру и княжему ключнику Ясину Анбалу, и сталъ говорить имъ: «нынѣ Князь казнилъ одного, а насъ завтра, а промыслимъ о самомъ Князѣ». Тѣ приняли сторону Якима и составили въ домѣ Петра Кучкова зятя заговоръ, къ которому пристали всего 20 человекъ, и положили въ слѣдующую же ночь убить Князя въ его спальнѣ. И какъ условились, такъ и сдѣлали: ночью, наканунѣ Петрова дня, они выломали двери у княжей спальни; Князь, пробужденный шумомъ, вскочилъ и сталъ искать своего меча, но меча уже не было, его спряталъ ключникъ Анбалъ, а въ это время двое заговорщиковъ бросились на Князя. Князь одного изъ нихъ подмялъ подъ себя, и долго боролся съ остальными, но пораженный мечами, саблями и копьями наконецъ палъ. Заговорщики, считая его уже убитымъ, пошли вонъ изъ комнаты; Андрей же въ безпамятствѣ бросился за ними и началъ стонать; тогда они зажгли свѣчу, воротились назадъ и по кровавымъ слѣдамъ нашли Князя за восточнымъ столбомъ, и тутъ убили его окончательно и Петръ, Кучковъ зять, отсѣкъ ему правую руку. Потомъ заговорщики пошли къ княжему любимцу Прокопію, убили его, и разграбивши драгоценности княжей казны, положили на воза и еще до свѣту отправили по домамъ; а сами надѣвши княжеское оружіе начали совокуплять себѣ дружину, на случай ежели придетъ на нихъ дружина Вла-

димірская; тѣло же Князя выкинули въ огородъ, и хотѣли бросить на съѣденіе собакамъ. Но княжій слуга Кіевлянинъ Кузмице отыскалъ его въ огородѣ и понесъ въ церковь, а когда церкви ему не отперли, то положилъ его въ притворѣ, покрывъ корзномъ, гдѣ оно и лежало два дня и двѣ ночи. Наконецъ на третій день пришелъ Козьмодемьянскій игуменъ Арсеній и приказалъ отпереть церковь, а вслѣдъ за тѣмъ собрались Боголюбовскіе крылошане, внесли тѣло въ церковь, положили въ каменный гробъ и вмѣстѣ съ игуменомъ Арсеніемъ отпѣли по церковному чину.

Между тѣмъ во все это время въ Боголюбовѣ продолжался мятежъ, горожане разграбили княжескій домъ и мастеровъ приглашенныхъ Андреемъ для разныхъ стросній и другихъ дѣлъ; тотъ же мятежъ и грабительство были и по волости, грабили и избивали посадниковъ, тіуновъ, мечниковъ и другихъ слугъ княжескихъ, тоже происходило и во Владимірѣ; и только уже на пятый день по убіеніи, когда протопопъ Микулица, съ духовенствомъ съ образами и въ ризахъ пошли по улицамъ унимать бунтовщиковъ, нѣсколько улегся мятежъ. Наконецъ въ 6 день Владимірцы сказали игумену Θεодулу и Лукѣ демественнику Св. Богородицы: «нарядите носилицы, поѣдемъ и возьмемъ Князя», а Микулицѣ сказали: «сбери всѣхъ поповъ и надѣвши ризы выходите предъ серебряныя ворота съ Св. Богородицею и тамъ ждите Князя;» и сдѣлали такъ Θεодуль и Микулица. И когда княжій стягъ (знамя) сталъ выступать изъ Боголюбова, то, увидя его, народъ не могъ удержаться отъ слезъ и всѣ завопили и стали говорить: «ужели въ Кіевъ поѣхалъ, господине, въ ту церковь, въ тѣ золотыя ворота, которые послалъ дѣлать въ той церк-

ви на великомъ Ярославовомъ дворѣ, говоря да будетъ память всему моему отечеству». И такъ плакалъ по Андреѣ весь городъ, и положили тѣло его во Владимірской златоверхой церкви Св. Богородицы, имъ самимъ созданной.

Послѣ похоронъ Андрея, когда вѣсть о его несчастной кончинѣ разнеслась по всѣмъ Суздальскимъ и Ростовскимъ владѣніямъ; то Ростовцы, Суздальцы и Переяславцы съѣхались во Владиміръ на думу, кого пригласить себѣ въ Князья, и по совѣту Рязанскихъ пословъ Дѣдильца и Бориса, рѣшили послать къ Рязанскому Князю Глѣбу и просить у него себѣ въ Князья Мстислава и Ярополка Ростиславичей, братьевъ его жены и родныхъ племянниковъ покойнаго Андрея; и порѣшивши такъ, утвердились между собою Св. Богородицею и послали сказать Глѣбу: «твой шурья—наши Князья, мы утвердились между собою и послали къ тебѣ своихъ пословъ, а ты приставъ къ нимъ своихъ, и пусть идутъ за нашими Князьями въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу.» Глѣбъ довольный тѣмъ, что на него возлагаютъ честь и хотятъ братьевъ его жены, самъ цѣловалъ крестъ и Св. Богородицу, и вмѣстѣ съ Суздальскими послами отправилъ и своихъ пословъ. Посольство, пришедши въ Черниговъ, сказало Ярополку и Мстиславу: «отецъ вашъ былъ до насъ добръ, когда былъ у насъ, а побѣжайте къ намъ княжить, а иныхъ нехотимъ». Ярополкъ и Мстиславъ сказали посламъ: «помози Богъ дружинѣ, что не забываютъ любовь отца нашего». И подумавши между собою объявили своимъ дядямъ Михаилу и Всеволоду, бывшимъ тогда въ Черниговѣ: «лихо ли, добро ли всѣмъ намъ, пойдемъ всѣ четыре, Юрьевичи два и Ростиславичи два», и положили

старѣйшинство на Михаила Юрьевича, и на томъ цѣловали крестъ изъ рукъ Черниговскаго епископа; и пошли напередъ двое, Михаилъ Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ, и пришли въ Москву. Но договоръ и клятва Князей другъ съ другомъ здѣсь еще нерѣшали дѣла: Ростовцы, старшая земщина въ Суздальской землѣ, были недовольны такимъ условіемъ Князей и позвали Ярополка къ себѣ, а Михаилу велѣли подождать въ Москвѣ. По этому зову Ярополкъ ушелъ въ Переяславль, гдѣ къ нему сошлась вся дружина служившая Андрею и земскіе полки; Михаилъ же узнавши объ отъѣздѣ Ярополка пошелъ во Владиміръ. Ростовцы и вся старшая земщина по извѣстію о занятіи Владиміра Михаиломъ двинулись туда со всеми силами и осадили городъ; осада продолжалась 7 недѣль и кончилась тѣмъ, что Михаилъ принужденъ былъ уѣхать въ Приднѣпровье. А Владимірцы, утвердившись крестнымъ цѣлованіемъ съ Ростиславичами, приняли къ себѣ Ярополка съ радостію, и посадили на столъ въ церкви Св. Богородицы; ибо бились они и защищали Михаила не противъ Ростиславичей, а только не хотѣли покориться Ростовцамъ, которые называли Владимірцевъ своими холопами и каменщиками, и хвалились пожечь Владиміръ и посадить тамъ посадника. Вслѣдъ за утвержденіемъ Ярополка во Владиміръ, Ростовцы посадили у себя Княземъ Мстислава Ростиславича.

Но Владимірцы, съ растостію принявшіе Ростиславичей, скоро увидѣли, что они не могутъ ужиться съ ними; ибо Ростиславичи, слушая своихъ бояръ, захватили золото и серебро принадлежавшія церкви Пресвятой Богородицы, отобрали себѣ ключи отъ церковныхъ полатей а также села, города и дани, и все что покойный

Андрей далъ церкви; а дружина Ростиславичей набранная преимущественно въ Приднѣпровьѣ была также тяжела и ненавистна для Владимірцевъ, какъ въ свое время Суздальцы составлявшіе дружину Юрія были ненавидимы Кіевлянами. Выведенные изъ терпѣнія Владимірцы стали говорить между собою; «мы своею волею приняли Князей и крестъ къ нимъ цѣловали, а они поступаютъ такъ, какъ будто бы это не ихъ волость, или какъ бы не хотятъ сидѣть у насъ, грабятъ не только волость, но и церкви, а промышляйте братья». И стали промышлять Владимірцы: они сперва послали къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, какъ къ старшимъ, являя имъ свою обиду, но Ростовцы и Суздальцы за нихъ не вступились; тогда они, утвердившись между собою крестнымъ цѣлованіемъ, отправили посольство въ Черниговъ просить къ себѣ въ Князя проживавшихъ тамъ Михаила и Всеволода Юрьевичей. Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій отпустилъ Юрьевичей и послалъ съ ними въ пособіе сына своего Владиміра съ полкомъ. Не доѣзжая 5 верстъ до Владиміра, Михаилъ и Всеволодъ встрѣтились съ Суздальскими полками подъ предводительствомъ Мстислава Ростиславича, и дали имъ битву, которая кончилась совершеннымъ пораженіемъ Мстислава и Суздальцевъ. Въ слѣдствіе этой битвы Михаилъ съ Всеволодомъ торжественно вступили во Владиміръ; Ярополкъ же бѣжалъ въ Рязань, а Мстиславъ въ Новгородъ. Владимірцы, какъ и слѣдовало, съ радостію приняли Михаила и Всеволода, а въ слѣдъ за тѣмъ и Ростовцы и Суздальцы прислали просить Михаила, чтобы онъ ѣхалъ къ нимъ. Михаилъ довольный покорностію, поѣхалъ сперва въ Суздаль, а потомъ въ Ростовъ, и

тамъ урядился съ людьми какъ должно, утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ, и посадивъ Всеволода въ Переяславль, самъ возвратился во Владиміръ. Потомъ Михаилъ и Всеволодъ отправились на Глѣба Рязанскаго, требовать отъ него, чтобы онъ возвратилъ Владимірскій образъ Божіей Матери и все богатства Владимірскія вывезенныя при Ростиславичахъ въ Рязань. Глѣбъ узнавши объ ихъ походѣ, выслалъ къ нимъ на встрѣчу своихъ пословъ, которые сказали, что Глѣбъ возвратитъ до золотника все захваченное его шурьями во Владиміръ; и дѣйствительно возвратилъ все, посему и заключенъ былъ миръ. А Михаилъ, возвратившись во Владиміръ вскорѣ умеръ, не прокняживъ въ Суздальской землѣ и двухъ лѣтъ.

Только что кончились междоусобія въ землѣ Суздальской торжествомъ Михаила, какъ замутилось Приднѣпровье. Тамъ въ Кіевѣ княжилъ Романъ Ростиславичъ изъ Смоленскихъ и былъ въ мирѣ и согласіи со всеми своими сосѣдами въ продолженіи двухъ лѣтъ. Но въ Маѣ мѣсяцѣ 1177 года Половцы напали на Поросье и взяли шесть городовъ Берендичей и подошли къ Ростовцу. Романъ выслалъ противъ нихъ своихъ братьевъ Рюрика и Давыда и сыновей своихъ Ярополка и Бориса; но Давыдъ поссорившись съ Рюрикомъ, не притянулъ своихъ полковъ, и потому Половцы разбили на голову Рюрика и сыновей Романовыхъ. Пользуясь такимъ случаемъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій послалъ сказать Роману: «братъ! я не ищу подъ тобою ничего, но между нами есть договоръ: ежели окажется виноватымъ Князь, то за это лишается волости, а ежели мужъ, то головы, а Давыдъ виноватъ.» И когда Романъ не наказалъ Давы-

да за его вину, то Святославъ вмѣстѣ съ своими братьями двинулся къ Кіеву, при переходѣ черезъ Днѣбрь къ нему присоединились и Черные Клобуки; и Романъ, не надѣясь отсидѣться въ Кіевѣ, бѣжалъ въ Бѣлгородъ, Святославъ же приглашенный самими Кіевлянами вступилъ въ Кіевъ. Но пришествіе Мстислава Ростиславича съ Смоленскими полками на помощь къ Роману принудило Святослава удалиться назадъ въ Черниговъ на соединеніе съ Половцами, за которыми онъ уже послалъ; впрочемъ Ростиславичи, не желая губить Русской земли, посоветовавшись между собою, уступили Кіевъ Святославу, а Романъ ушелъ въ Смоленскъ.

По смерти Михаила въ Суздальской землѣ опять начались междоусобія. Владимірцы, похоронивши Михаила, выбрали себѣ въ Князья брата его Всеволода, и цѣловали крестъ ему и дѣтямъ его; а Ростовцы и бояре привели къ себѣ изъ Новгорода прежняго своего Князя Мстислава Ростиславича и съ нимъ отправились противъ Всеволода на Владиміръ. Но Всеволодъ не дожидаясь ихъ прихода самъ съ своею дружиною и Владимірцами, и что осталось при немъ бояръ, быстро двинулся къ Суздали и оттуда послалъ сказать Мстиславу: «ступай въ свой Ростовъ, а я ворочусь во Владиміръ, Суздаль же будетъ намъ общій, кого захотятъ Суздальцы, тотъ и будетъ ихъ Князь.» Но Ростовцы и бояре наотрѣзъ сказали Мстиславу: «не мирись, а ежели ты дашь миръ Всеволоду, то мы не дадимъ.» Послѣ этого противники пошли другъ на друга и дали битву на Юрьевскомъ полѣ, которая кончилась совершеннымъ пораженіемъ полковъ Мстислава, причемъ большая часть Ростовцевъ и бояръ попались въ плѣнъ, а Мстиславъ сперва бѣжалъ

въ Новгородъ, но непринятый тамъ ушелъ къ зятю въ Рязань. И такимъ образомъ Всеволодъ одинъ сдѣлался Княземъ всей Суздальской земли.

Но разбитый Мстиславъ недумалъ еще отступить отъ Ростова, и поднялъ на Всеволода и Владимірцевъ Глѣба Рязанскаго, который той же осенью сожегъ Москву. Всеволодъ, узнавши объ этомъ, самъ повелъ свои полки на Рязань, и соединясь съ присланными къ нему отъ Святослава Всеволодовича Кіевскаго Олегомъ и Владиміромъ Святославичами дошелъ до Коломны. Между тѣмъ Глѣбъ Рязанскій съ Половцами другою дорогою прошелъ на Владиміръ и повоевалъ тамошнія волости. Всеволодъ съ своими союзниками получивши объ этомъ вѣсти, поворотилъ отъ Коломны назадъ и встрѣтилъ Глѣба и Половцевъ съ большимъ полономъ на рѣкѣ Колакшѣ. Здѣсь объ рати остановились другъ противъ друга и стояли цѣлый мѣсяцъ, несмѣя перейти рѣку. Наконецъ на масляной недѣлѣ Всеволодъ успѣлъ вызвать противника на битву, которая была непродолжительна и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Князя Рязанскаго, самъ Глѣбъ, сынъ его Романъ, шуринъ Мстиславъ Ростиславичъ и вся дружина попались въ плѣнъ, а Половцы были избиты; и Всеволодъ съ великою побѣдою и плѣнниками вошелъ во Владиміръ, потомъ послалъ сказать Рязанцамъ, чтобы они выдали ему Ярополка Ростиславича, грозя въ противномъ случаѣ войною. Рязанцы, не желая губить своей земли за чужаго Князя, отправили Ярополка во Владиміръ, гдѣ Всеволодъ велѣлъ засадить его въ порубѣ вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Въ этомъ порубѣ скончался Глѣбъ, не смотря на ходатайство Святослава Кіевскаго; Романа же, сына Глѣбова, по ходатай-

ству того же Святослава, Всеволодъ отпустилъ въ Рязань, обязавши его напередъ клятвою быть во всемъ послушнымъ; а Ростиславичи Мстиславъ и Ярополкъ по требованію Владимірцевъ были ослѣплены, и потомъ отпущены въ Смоленскъ.

Ослѣпленные Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи прозрѣли въ Смоленскѣ; и Новгородцы, пораженные такимъ чудеснымъ изцѣленіемъ, приняли ихъ себѣ въ Князья. Всеволодъ, недовольный такимъ принятіемъ, началъ войну съ Новгородцами, которая съ начала была для него довольно счастлива; но когда Новгородцы призвали къ себѣ грознаго воителя Мстислава Ростиславича, того самага, который защищалъ Бѣлгородъ противъ войскъ покойнаго Андрея Боголюбскаго, то Всеволодъ примирѣлъ и на время отступился отъ Новгорода.

Но оставивъ въ покоѣ Новгородцевъ Всеволодъ вмѣшался въ дѣла Рязанскія, куда его пригласили младшіе сыновья покойнаго Глѣба, Владиміръ и Всеволодъ, не довольные старшимъ братомъ Романомъ. Походъ Всеволода на Рязань былъ не продолжителенъ: Романъ при первой же встрѣчѣ потерпѣлъ поражение и бѣжалъ въ степи; и Князья Рязанскіе отдались въ полную волю Всеволода, онъ раздѣлилъ между ими волости и приказалъ быть у него въ послушаніи. Но этотъ походъ рассорилъ Всеволода съ Кіевскимъ Княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ, постояннымъ его союзникомъ, нѣсколько разъ помогавшимъ ему въ войнахъ съ Ростиславичами и Ростовцами. Святославъ, какъ тестъ Романа Рязанскаго, послалъ къ нему на помощь сына своего Глѣба, а Всеволодъ взялъ его въ плѣнъ, и не хотѣлъ отпустить къ отцу. Оскорбленный такимъ поступкомъ

Святославъ, соединясь съ Новгородцами и нанявши Половцевъ, въ 1181 году двинулся изъ Новгорода въ землю Суздальскую и опустошилъ все города по Волгѣ. Всеволодь съ своею ратью и полками Рязанскими встрѣтилъ его въ 40 верстахъ отъ Переяславля Залѣскаго на рѣкѣ Вленѣ, и укрѣпился тутъ въ неприступной мѣстности; обѣ рати двѣ недѣли стояли другъ противъ друга, наконецъ Святославъ опасаясь оттепели, ибо дѣло было весною, воротился назадъ въ Новгородъ, и тѣмъ кончился походъ; въ слѣдъ за тѣмъ Всеволодь примирился съ Святославомъ и отпустилъ изъ плѣна его сына Глѣба.

По заключеніи мира съ Святославомъ, Всеволодь, спокойно владѣя всею Суздальскою странною, въ 1183 году предпринялъ большой походъ въ землю Камскихъ Болгаръ, въ которомъ по его приглашенію приняли участіе Князья Рязанскіе и Муромскіе и даже Святославъ Кіевскій прислалъ своего сына Владиміра; многочисленная рать перешла уже Черемисанъ и осадила Великій Болгарскій городъ; но смертельная рана, полученная при осадѣ любимымъ племянникомъ Всеволода Изяславомъ Глѣбовичемъ, прекратила войну; и Всеволодь, заключивши миръ съ Болгарами, возвратился во Владиміръ.

Въ то время, какъ Всеволодь такъ удачно велъ свои дѣла на сѣверо-востокъ Руси, на юго-западѣ въ Приднѣпровьѣ Святославъ Всеволодовичъ княжилъ въ Кіевѣ и былъ въ мирѣ какъ съ Всеволодомъ Суздальскимъ, такъ и съ своими ближайшими сосѣдями Ростиславичами Смоленскими; но въ 1180 году, разсорившись съ Всеволодомъ изъ за сына своего Глѣба, онъ поссорился и съ Ростиславичами. Не успѣвши измѣнически схватить на охотѣ Давыда Вышгородскаго и выгнать Рюрика изъ Бѣл-

города, какъ было задумалъ съ своими приближенными, Святославъ бѣжалъ за Днѣпръ въ землю Черниговскую, тамъ созвавши своихъ братьевъ и племянниковъ, на общей думѣ составилъ планъ войны съ Всеволодомъ и Ростиславичами; и по этому плану все порѣшили Ярославъ Всеволодовичу Святославу родному брату и Игорю Святославичу Новгородъ-Сѣверскому оставаться въ Черниговѣ и стеречь все владѣнія свои и своихъ братій, а Святославу съ остальными Князьями и съ Половцами, соединясь съ Новгородцами, идти на Всеволода Суздальскаго. И Святославъ, какъ мы уже видѣли, пошелъ на Всеволода, а въ его отсутствіе Игорь Святославичъ, пригласивши Половцевъ, ворвался въ Смоленскія владѣнія и соединившись тамъ съ нѣкоторыми Полотскими Князьями осадилъ Друцкъ, гдѣ засѣлъ Давыдъ Ростиславичъ; осада эта продолжалась уже цѣлую недѣлю и Давыдъ хотеть было дать битву Игорю, какъ Святославъ, возвращаясь изъ Суздальскаго похода, тоже подступилъ къ Друцку. Давыдъ, узнавши объ этомъ, ночью бѣжалъ въ Смоленскъ; и Святославъ сожегши Друцкъ двинулся выживать Рюрика, занявшаго Кіевъ во время его отсутствія; Рюрикъ узнавши о походѣ Святославономъ бѣжалъ изъ Кіева въ Бѣлгородъ; Святославъ же снова занялъ Кіевъ и заключилъ миръ съ Рюрикомъ, по которому миру городъ Кіевъ и старѣйшинство достались Святославу, а прочіе города Кіевскаго княженія Рюрику.

Послѣ этого мира Святославъ уже постоянно жилъ въ союзѣ и любви съ Рюрикомъ и все дѣлалъ съ нимъ сообща, и оба Князя, заодно управляя Приднѣпровьемъ, начали сильную борьбу съ Половцами, сими постоянными врагами приднѣпровской Руси. Лѣтомъ 1184 года Рю-

рюикъ и Святославъ, собравши всѣхъ приднѣпровскихъ Князей и даже получивши помощь отъ Ярослава Галицкаго, открыли походъ въ Половецкія степи. Они перебрались черезъ Днѣпръ на Инжиръ-бродѣ, и оттуда пять дней шли степями отыскивая Половецвъ, и наконецъ встрѣтились съ ними на берегахъ Орели, гдѣ и учинили бой. Половцы предводительствуемые своимъ знаменитымъ Княземъ Кобякомъ были разбиты на голову, и Русскіе преслѣдуя ихъ взяли 7,000 плѣнниковъ и въ томъ числѣ 417 Князей и между ними и самого знаменитаго Кобяка. Въ это же время Игорь Святославичъ съ братомъ и племянникомъ, не участвовавшіе въ Святославомъ походѣ, напали на Половецвъ съ другой стороны и разбили ихъ вежи на рѣкѣ Мерлѣ. Но победы сѣи не смирили Половецвъ: другой ихъ знаменитый Князь Кончакъ на слѣдующій же годъ пустился мстить за поражение Кобяка; онъ собралъ большіе полки и пригласивъ съ собою какого-то Бесерменина, хитреца стрѣлявшаго живымъ огнемъ, явился на рѣкѣ Хоролѣ; но Святославъ и Рюрикъ не дали ему идти далѣе, сами съ своими союзниками пришли на Хороль и при первой же встрѣчѣ обратили Половецвъ въ бѣгство, и на погони многихъ убили и многихъ взяли въ плѣнъ и между прочими и того хитреца Бесерменина, который стрѣлялъ живымъ огнемъ. Въ этомъ походѣ по прежнему не участвовалъ Игорь Святославичъ Новгородъ-Сѣверскій: онъ узналъ объ немъ очень поздно, и ни гдѣ уже немогъ нагнать полковъ Святослава; по сему онъ въ томъ же году зредпринялъ отдѣльный походъ въ Половецкія степи, онъ поднялся изъ Новгорода Сѣверскаго съ своими сосѣдями, съ роднымъ братомъ Всеволодомъ Трубчевскимъ, съ племянникомъ Святосла-

вомъ Ольговичемъ Рьльскимъ и съ сыномъ Владиміромъ Путивльскимъ, къ нимъ прислалъ помочь и Ярославъ Черниговскій. Они пошли дорогою на Донецъ къ Осколу и Сальницѣ и дошли до рѣки Сюурлія, гдѣ уже стояли Половцы готовые къ битвѣ, отославши свои вѣжи назадъ. Игорь раздѣлилъ свою рать на шесть полковъ и бросился въ битву; Половцы не выдержали натиска и побѣжали, Русскіе погнались за ними, и на погонѣ многихъ побивши и захвативши въ плѣнъ, заняли Половецкія вѣжи и три дня стояли тамъ, дѣля богатую добычу. Между тѣмъ Половцы собрались со всѣхъ степей, и когда Русскіе снялись съ становищъ и пошли впередъ; то они охватили ихъ, какъ необозримымъ лѣсомъ, своими полками, и началась страшная сѣча. Русскіе рубились день и ночь, и къ утру другаго дня всѣ легли костями, только пятнадцати воинамъ удалось какъ-то пробиться и придти домой; Игорь же и другіе три Князя израненные достались въ плѣнъ Половцамъ.

Вѣсть о плѣнѣ Игоря и истребленіи его полковъ страшно смутила Приднѣпровье. Святославъ Всеволодовичъ, шедшій въ это время изъ Карачева, поспѣшилъ прикрыть какъ нибудь города по Семи и послалъ туда сыновей своихъ Олега и Владиміра, а къ Давыду Смоленскому отправилъ гонцевъ, чтобы шелъ стеречь Русскую землю, и Давыдъ съ своими союзниками явился у Треполя, а Ярославъ Черниговскій сталъ своими полками у Чернигова. Половцы же, думая воспользоваться побѣдою надъ Игоремъ, съ двухъ сторонъ пустились къ Приднѣпровью; однихъ повелъ Князь Кза къ берегамъ Семи, а другіе съ Кончакомъ осадили Переяславль. Переяславскій Князь Владиміръ Глѣбовичъ вышелъ изъ города и

далъ битву Кончаку; но израненный принужденъ былъ воротиться въ городъ и послалъ сказать Святославу, чтобы шелъ на выручку. Святославъ и Рюрикъ отправились Днѣпромъ къ Переяславу; Половцы же услышавши объ ихъ походѣ успѣшили отступить отъ Переяслава, но за то взяли Римовъ и страшно опустошивши окрестную страну воротились въ свои степи. Но съ другой стороны распоряженія сдѣланныя Святославомъ по Семи не пропустили Половцевъ далѣе Путивля, и ихъ предводитель Кнзъ, простоявши нѣсколько времени подъ Путивлемъ, и пожегши окрестныя села, принужденъ былъ воротиться въ свои степи не взявши на одного города. Впрочемъ симъ набѣгомъ Кончака и Кзы не кончились войны съ Половцами. Русскіе Князья въ Приднѣпровьѣ, пользуясь согласіемъ между собою, въ продолженіи восьми лѣтъ, до самой кончины Святослава Всеволодовича, предпринимали еще семь походовъ въ Половецкія степи. Походы сіи конечно не прекращали частныхъ набѣговъ Половецкихъ разбойниковъ въ пограничныя Русскія владѣнія; но набѣги сіи давно уже вошли въ обычай, и немного беспокоили пограничное Русское население; Русскіе и сами не оставались въ долгу передъ Половцами и постоянно грабили ихъ ближайшіе кочевья.

Между тѣмъ на крайнемъ юго-западѣ Руси, въ Галичѣ, смерть тамошняго Князя Ярослава Владиміровича подала поводъ къ важнымъ переворотамъ въ томъ краю и втянула въ нихъ не только Приднѣпровскихъ Князей, но даже и Всеволода Суздальскаго. Ярославъ Владиміровичъ, этотъ могущественный и умный Князь, получившій отъ современниковъ прозваніе Осмосмысла, передъ смертію раздѣлилъ Галицкія владѣнія между своими сы-

новьями, — Владиміромъ отъ законной жены, сестры Всеволода Суздальскаго, и Олегомъ отъ наложницы; и послѣднему, особенно любимому, отдалъ почти всѣ свои владѣнія, а первому, какъ непокорному его волѣ, далъ только одинъ Перемышль, и для большаго укрѣпленія такого распоряженія привелъ къ присягѣ, какъ сыновей своихъ, такъ и Галичанъ. Но присяга здѣсь нисколько не помогла: въ слѣдъ за смертію Ярослава Галичане, приняли сторону Владиміра и провозгласили его своимъ Княземъ, а Олега принудили бѣжать. Впрочемъ избранникъ Галичанъ, Владиміръ, скоро оказался плохимъ Княземъ, охотникомъ до пьянства и невнимательнымъ къ управленію. Этимъ воспользовался сосѣдній Галичу владѣтель Романъ Мстиславичъ Волынскій, тотъ самый, который удачно защищалъ Новгородъ отъ войскъ Андрея Боголюбскаго; онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ недовольными Галичанами, и по его наущенію партія недовольныхъ собрала войско, возстала на Владиміра и принудила его бѣжать въ Венгрію, а Романа привозгласила Галицкимъ Княземъ.

Бѣгство Владиміра Ярославича въ Венгрію подало поводъ Венгерскому Королю Андрею вмѣшаться въ Галицкія дѣла; онъ, подъ предлогомъ защиты несчастнаго Владиміра, быстро двинулся въ Галицкія владѣнія и принудивъ Романа къ бѣгству, занялъ Галичь и оставилъ тамъ своего сына Андрея, а Владиміра увезъ опять въ Венгрію и засадилъ въ башню. Галичане недовольные такимъ обманомъ Короля, стали сноситься съ Романомъ; но они дѣйствовали не дружно, многіе изъ нихъ крѣпко держались Венгровъ, и потому попытка Романа опять завладѣть Галичемъ была не успѣшна. Тѣмъ не менѣе партія Галичамъ, недовольная Венграми, продолжала тайно

сноситься съ Русскими Князьями, и вздумала пригласить къ себѣ потомка старыхъ Галицкихъ Князей, проживавшаго въ Смоленскѣ безземельнаго Князя Ростислава, сына Ивана Берладника; но эта затѣя еще меньше имѣла успѣха чѣмъ попытка Романа, — Король Венгерскій, во время предувѣдомленный о ней своими приверженцами, прислалъ къ сыну новые полки, и Ростиславъ, разбитый и израненный, умеръ въ плѣну. Впрочемъ этотъ успѣхъ противъ слабого противника сильно повредилъ Венграмъ; они вздумали мстить Галичанамъ за приглашеніе Ростислава, и стали дѣлать страшныя насилія, отнимать женъ и дочерей, ставить лошадей по церквамъ и подоб. и тѣмъ сильно раздражили Галичанъ, и партія недовольныхъ Венгерскими порядками быстро стала увеличиваться. А между тѣмъ Владиміръ Ярославичъ успѣлъ убѣжать изъ Венгріи и съ помощію Поляковъ двинулся къ Галичу. Галичане получивши вѣсть о походѣ Владиміра, поднялись на Венгровъ и принудили Королевича бѣжать, а сами выходя изъ городовъ, вездѣ съ радостію встрѣчали Владиміра, какъ своего природнаго Князя. Владиміръ вступивши съ торжествомъ въ Галичь немедленно отправилъ посольство къ своему дядѣ по матери Всеволоду Суздальскому съ просьбою, чтобы онъ принялъ его подъ свое покровительство. Всеволодъ, по этой просьбѣ, отправилъ своихъ пословъ къ Русскимъ Князьямъ и Польскому Королю съ требованіемъ, чтобы они не искали Галича подъ его племянникомъ, и взялъ съ нихъ въ этомъ клятву. И такимъ образомъ Владиміръ утвердился въ Галичѣ и вразумленный нещастіями княжилъ тамъ спокойно до своей кончины, послѣдовавшей въ 1198 году.

Между тѣмъ Всеволодъ Суздальскій послѣ Болгарска-

го похода, бывшаго въ 1183 году, три года жилъ спокойно, потомъ вмѣшался въ дѣла Рязанскій. Въ Рязани старшіе братья Романъ, Игорь и Владиміръ Глѣбовичи вздумали отнять волости у своихъ меньшихъ братьевъ Всеволода и Святослава Глѣбовичей, Князей Пронскихъ, и чтобы легче обдѣлать такое дѣло сговорились измѣннически схватить ихъ. Но Всеволодъ и Святославъ провѣдавъ объ ихъ замыслѣ стали укрѣплять Пронскъ, и послали за помощію къ Всеволоду Суздальскому, который отправилъ къ нимъ 300 человекъ Владимірской дружины, и велѣлъ своимъ полкамъ и Князьямъ Муромскимъ съ ихъ дружинами собраться на Коломнѣ. Противники Всеволода и Святослава Глѣбовичей, осадившіе Пронскъ, услышавши о сборѣ войскъ на Коломнѣ бросили осаду и обратились въ бѣгство, а въ слѣдъ за тѣмъ и войска собравшіяся на Коломнѣ разошлись по домамъ и самъ Всеволодъ Глѣбовичъ, оставивъ брата въ Пронскѣ, отправился во Владиміръ для совѣщанія въ Всеволодомъ Юрьевичемъ. Тогда Романъ Игорь и Владиміръ Глѣбовичи опять осадили Пронскъ, и принудили Святослава примириться съ ними на томъ, чтобы онъ отступился отъ своего брата Всеволода и выдалъ имъ Владимірскую дружину. Узнавши объ этомъ Всеволодъ Глѣбовичъ засѣлъ въ Коломнѣ и началъ воевать съ своими братьями-врагами; а Всеволодъ Суздальскій послалъ требовать возвращенія Владимірской дружины, грозя въ противномъ случаѣ войною. Эта гроза такъ сильно подѣйствовала на Глѣбовичей, что они отправили посольство къ Всеволоду Суздальскому съ такими рѣчьми: «ты нашъ отецъ, ты господинъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будетъ, мы прежде тебя головы свои сложимъ за тебя; а нынѣ не-

гнѣвайся на насъ, что мы воевали на своего брата, за то что онъ насъ неслушаетъ, а мужей твоихъ возвращаемъ». Всеволодъ вступилъ съ ними въ переговоры, по не думалъ давать мира, потомъ вдругъ двинулся на Рязанскія владѣнія, и пожегши и опустошивши тамошнюю землю возвратился во Владиміръ со множествомъ пѣльниковъ, и за тѣмъ уже примирился съ Рязанскими Князьями на томъ, чтобы они ходили въ его волѣ и не ссорились другъ съ другомъ.

Смерть Святослава Всеволодовича Кіевскаго, послѣдовавшая въ 1194 году, страшно перемутила всю Приднѣпровскую Русь и дала Всеволоду Суздальскому поводъ распорядиться тамошними Князьями. Хотя Святославъ еще при жизни своей пригласилъ къ себѣ Рюрика, чтобы передать ему Кіевъ, и хотя Кіевляне и все Приднѣпровье приняли Рюрика съ радостію; но Рюрикъ не имѣлъ той опытной мудрости, которою обладалъ Святославъ, онъ не зналъ, гдѣ и кому нужно уступить и гдѣ быть твердымъ и непреклоннымъ, онъ даже недогадался уведомить Всеволода Суздальскаго, что сдѣлался Кіевскимъ Княземъ. Всеволодъ, оскорбленный такимъ невниманіемъ, послалъ сказать Рюрику и его брату Давыду Смоленскому: «вы нарекли меня въ своемъ племени во Владиміровомъ старѣйшимъ; а нынѣ сѣлъ ты въ Кіевѣ, а мнѣ не далъ и части въ Русской землѣ, но роздалъ волости инымъ братьямъ младшимъ; а ежели мнѣ нѣтъ части въ Русской землѣ, то ты, а то Кіевъ и Русская область, а кому въ ней далъ часть, съ тѣмъ и блюди и стереги ее; а я посмотрю какъ ты ее удержиши съ нимъ, а мнѣ до нее дѣла нѣтъ». Рюрикъ, испуганный такою рѣчью своего свата Всеволода, и услышавши еще отъ его пословъ, что

Всеволоду не нравится, за чѣмъ онъ далъ лучшую волость зятю своему Роману, началъ думать съ своими мужами, какъ бы удовлетворить Всеволода, который проситъ именно тѣхъ волостей, которыя уже отданы Роману за крестнымъ цѣлованіемъ; ему никакъ не хотѣлось идти противъ клятвы данной Роману, наконецъ, убѣжденный митрополитомъ Никифоромъ, онъ послалъ сказать Роману о требованіяхъ Всеволода, и Романъ безпрекословно согласился уступить требуемыя волости, только бы Рюрику изъ за него не ссориться съ Княземъ Суздальскимъ. Но Всеволоду нужны были смуты въ Приднѣпровьѣ, а не Романова волость; онъ лучшую часть ея, въ слѣдъ за полученіемъ, отдалъ зятю своему, Рюрикову сыну, Ростиславу, и тѣмъ достигъ того, чего хотѣлъ. Романъ, думая, что волость у него отнята обманомъ, чтобы передать ее Рюрикову сыну, разсорился съ своимъ тестемъ Рюрикомъ, сталъ ссылаться съ Ярославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ, подымая его на своего тестя, и заключилъ съ нимъ союзъ. Рюрикъ узнавши объ этомъ, послалъ вѣсть къ Всеволоду Суздальскому съ просьбою, чтобы онъ заступился за него и позаботился о Русской землѣ и своей чести, а къ Роману отправилъ назадъ крестныя грамоты. Романъ получивши крестныя грамоты, ушелъ въ Польшу, думая получить помощь отъ тамошнихъ Князей; но у Польскихъ Князей были свои междоусобія, въ которыя долженъ былъ вмѣшаться и Романъ, чтобы получить помощь, и разбитый тамъ въ одной битвѣ и израненный, принужденъ былъ воротиться въ свой Владиміръ Волынскій и молить Рюрика о мирѣ. Рюрикъ по убѣжденію митрополита Никифора незамедлилъ примириться съ Романомъ и даже на-

дѣлилъ его волостями, имѣя въ виду войну съ Ярославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ и со всѣмъ Ольговымъ племенемъ, за союзъ съ Романомъ.

Готовясь къ этой войнѣ, Рюрикъ снова обратился къ Всеволоду Суздальскому и своему брату Давиду Смоленскому и, конечно считывая на сильную и дѣятельную помощь Всеволода, послалъ сказать Ярославу Черниговскому и всѣмъ Ольговичамъ: «цѣлуй къ намъ крестъ со всею своею братією, чтобы вамъ не ѣхать отчины нашей Кіева и Смоленска, ни подъ нами, ни подъ нашими дѣтьми, ни подо всѣмъ племенемъ Владиміровымъ, какъ насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ». Ольговичи съ отвѣтомъ на такую гордую рѣчь обратились не къ Рюрику, а къ Всеволоду Суздальскому, и послали сказать ему: «ты обязалъ насъ блюсти Кіевъ подъ тобою и подъ твоимъ сватомъ Рюрикомъ, и мы соблюдаемъ это обязательство; но ежели ты требуешь, чтобы мы навсегда отказались отъ Кіева, то мы не Венгры и не Поляки, а одного дѣда внуки, при вашей жизни неищемъ, а послѣ васъ кому Богъ дастъ». Въ отвѣтъ на рѣчь Ольговичей Всеволодъ приказалъ собирать полки, думая на зиму идти въ Приднѣпровье; но Ольговичи заявленіемъ своей покорности и повинovenія успѣли остановить его, впрочемъ не условились еще о мирѣ; потомъ обратились къ Рюрику и уговорили его не воевать до тѣхъ поръ пока они уговорятся или не уговорятся о мирѣ съ Всеволодомъ. Рюрикъ согласился на это, цѣловалъ къ нимъ крестъ, и распустивъ свою дружинѹ, союзниковъ и наемныхъ Половцовъ, уѣхалъ въ Овручъ. Пользуясь такою оплошностію своихъ противниковъ, Ольговичи соединясь съ Князьями Полотскими, пошли на Смоленскаго Князя Давида Ростиславича,

и при первой же встрѣчѣ разбили и взяли въ плѣнъ его племянника Мстислава Романовича; послѣ этой побѣды Ярославъ Черниговскій самъ уже двинулся къ Смоленску, но услышавши, что Рюрикъ грозитъ идти на Черниговъ, воротился назадъ. Но Рюрикъ прежде похода на Черниговъ послалъ къ Всеволоду Суздальскому съ просьбою, чтобы немедленно садился на коня и ѣхалъ на Ольговичей; Всеволодъ на это отвѣчалъ ему: «ты начинай, а я буду готовъ». По этому отвѣту Рюрикъ собралъ своихъ братьевъ и нанявши дикихъ Половцевъ, началъ воевать Черниговскія волости, что и продолжалась цѣлое лѣто до осени, а отъ Всеволода не было и вѣсти о походѣ. Между тѣмъ Ярославъ Черниговскій сталъ засылать своихъ пословъ къ Рюрику, обѣщая отдать безъ выкупа плѣннаго Мстислава Романовича, только бы онъ отступился отъ союза съ Всеволодомъ. И когда Рюрикъ не согласился на это условіе; то Ярославъ заключилъ союзъ съ Романомъ Волынскимъ, и тотъ по этому союзу началъ воевать въ Кіевскихъ и Смоленскихъ владѣніяхъ. Наконецъ двинулся и Всеволодъ Суздальскій и соединясь съ Давыдомъ Смоленскимъ началъ жечь и опустошать волости Черниговскихъ Князей въ землѣ Вятичей. Тогда Ярославъ собравши на общую думу всѣхъ своихъ родственниковъ, распорядился такъ: двухъ Святославичей Олега и Глѣба посадилъ въ Черниговѣ отбиваться отъ Рюрика, а самъ, совокупясь съ остальными Князьями своего племени и пригласивъ дикихъ Половцевъ, двинулся на Всеволода и Давыда, и осѣкшись лѣсомъ и разметавъ мосты по всѣмъ рѣкамъ впереди себя, послалъ сказать Всеволоду: «вотъ ты братъ и свать побралъ нашъ хлѣбъ и нашу отчину; но ежели хочешь имѣть съ нами рядъ правый и любовь,

то мы отъ любви не бѣгаемъ и готовы быть въ твоей Волѣ; а ежели ты что умыслилъ противъ насъ, то мы и отъ того не бѣгаемъ, а какъ тебѣ съ нами Богъ разсудитъ и Св. Спасъ». Всеволодъ объявилъ объ этомъ Давыду и Рязанскимъ Князьямъ своимъ союзникамъ, говоря что онъ хочетъ мириться съ Ольговичами; Давыдъ и Рязанскіе Князья на это отвѣчали, что нужно идти къ Чернигову и тамъ уже, соединясь съ Рюрикомъ, дать сообща миръ Ольговичамъ на всей своей волѣ. Но Всеволодъ, видя, что Ярославъ хорошо укрѣпился и что до Чернигова дойти нелегко, сталъ ссылаться съ Ольговичами и договариваться съ ними, предлагая имъ условія, чтобы они освободили Мстислава Ростиславича изъ плѣна, выгнали изъ своей земли его племянника Ярополка Ростиславича и отступились отъ Романа Волынскаго. Ольговичи согласились на все, кромѣ послѣдняго условія; тогда Всеволодъ отказался отъ послѣдняго условія и заключилъ съ ними миръ на томъ, чтобы имъ не искать ни Кіева подъ Рюрикомъ, ни Смоленска подъ Давыдомъ, и на томъ цѣловали другъ другу крестъ. Рюрикъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ крайне недоволенъ такимъ миромъ; но не имѣя союзниковъ, не могъ ничего предпринять, и высказалъ свое неудовольствіе только тѣмъ что отнялъ у Всеволода города данные ему въ Приднѣпровьѣ; а Всеволодъ не думалъ и гнаться за ними, довольный тѣмъ, что унижилъ Кіевскаго Князя и отнялъ у него союзниковъ, Князей Черниговскихъ.

На другой годъ послѣ замиренія Всеволода Суздальскаго съ Ольговичами (1197 годъ) скончался вѣрный союзникъ Рюриковъ родной его братъ Давыдъ Смоленскій, а еще черезъ годъ Рюрикъ лишился другаго вѣрнаго со-

юзника Владиміра Галицкаго, въ томъ же году скончался Ярославъ Черниговскій, и его мѣсто между тамошними Князьями занялъ Игорь Святославичъ Новгородъ-Сѣверскій. Смерть Владиміра Галицкаго послужила поводомъ къ страшнымъ междоусобіямъ на Руси. Послѣ Владиміра не осталось дѣтей; и Романъ Мстиславичъ Волынскій, ближайшій сосѣдъ къ Галичу вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ. Онъ при помощи Лешка, Князя Польскаго, взялъ Галичъ силою, и утвердился тамъ, истребивъ безпощадно знаменитѣйшихъ тамошнихъ бояръ, которыхъ зналъ за своихъ противниковъ и недоброжелателей. Утвердившись такимъ образомъ въ Галичѣ, Романъ сталъ тѣснить своего тестя Рюрика Кіевскаго и опустошать его пограничные города. Рюрикъ, чтобы за одинъ разъ отдѣлаться отъ неукротимаго врага, соединился съ Ольговичами Черниговскими, чтобы идти на Галичъ; но прежде нежели Рюрикъ успѣлъ собраться, Романъ провѣдалъ о его замыслахъ, и заключилъ союзъ съ Всеволодомъ Суздальскимъ и, тайно сговорившись съ Черными Клобуками и другими жителями Кіевскихъ городовъ, самъ съ Галичанами, Волынцами и Черными Клобуками вступилъ въ Кіевскія владѣнія, и встрѣчаемый жителями тамошнихъ городовъ съ радостію и любовію, быстро подошелъ къ Кіеву, Кіевляне, бывшіе съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ, немедленно отворили ему ворота въ Копыревѣ концѣ и впустили въ подольнй городъ; откуда Романъ послалъ сказать Рюрику и его союзникамъ Ольговичамъ, укрѣпившимся на горѣ, чтобы они немедленно очистили городъ. Рюрикъ и Ольговичи, пораженною общео измѣною и видя сильныя полки Романовы, спѣшили заключить съ нимъ миръ на всей его волѣ и

объщались быть у него въ послушаніи. По этому миру Романъ свободно отпустилъ Ольговичей въ Черниговскую землю, Рюрика послалъ въ Овручъ, а въ Кіевѣ посадилъ своего двоюроднаго брата Ингваря Ярославича, самъ же возвратился въ Галичъ. Это было въ 1202 году, и въ томъ же году Романъ, по союзу съ Греческимъ Императоромъ Алексѣемъ Комнинымъ, на зиму ходилъ на Придунайскихъ Половцевъ, страшно разгромилъ ихъ вѣжи и съ множествомъ плѣнниковъ и богатою добычею воротился домой.

Но Рюрикъ не думалъ еще отступить отъ Кіева и на другій годъ, заключивъ новый союзъ съ Ольговичами и нанявши Половцевъ, нечаянно напалъ на Кіевъ взялъ его приступомъ и отдалъ на разграбленіе Половцамъ, которые не только сожгли Подоль, но и верхній городъ, и митрополичью церковь св. Софійи и десятинную церковь, разграбили всѣ монастыри, множество изсѣкли мирныхъ гражданъ и множество отвели въ плѣнъ; такъ что Кіевъ, по словамъ лѣтописи, прежде никогда не подвергался такому разоренію и посрамленію. Отомстивши Кіевлянамъ за ихъ нелюбовь къ нему, Рюрикъ удалился въ свой Овручъ. Романъ же, какъ скоро услышалъ объ этомъ, явился съ войскомъ подъ Овручемъ и сталъ требовать, чтобы Рюрикъ отказался отъ союза съ Ольговичами. Запуганный Рюрикъ немедленно исполнилъ это требованіе и цѣловалъ крестъ Роману и Всеволоду Суздальскому; потомъ Романъ сказалъ ему, «пошли ты своего мужа къ свату своему, а я пошлю своего мужа къ отцу и господину Великому Князю Всеволоду; ты моли его и я молю, чтобы онъ отдалъ тебѣ Кіевъ.» И Всеволодъ по прошенію Романа отдалъ Кіевъ Рюрику. А черезъ годъ и Ольговичи цѣло-

вали крестъ Роману и Всеволоду, и отступились отъ Рюрика.

Умиривши такимъ образомъ всю Приднѣпровскую Русь, Романъ поднялъ всѣхъ тамошнихъ Князей на Половцевъ. Походъ этотъ былъ довольно счастливъ для Русскихъ Князей, они жестоко отомстили Половцамъ за недавнее разореніе Кіева, воротились домой съ большимъ полонъ и богатою добычею. Но походъ сей тѣмъ не кончился, —возвращаясь домой Князья зашли въ Переяславль къ Всеволоду сыну Ярославу, и оттуда сошлись въ Треполь, и тамъ на общей думѣ сдѣлали расчетъ въ волостяхъ, смотря потому, сколько кто терпѣлъ за Русскую землю; и по этому расчету Романъ схватилъ Рюрика, какъ водившаго Половцевъ на Русскую землю, и велѣлъ постричь въ монахи какъ его самаго, такъ жену его и дочь, свою прежнюю жену, а сыновей его Владимира и Ростислава увезъ съ собою въ Галичь. Впрочемъ по ходатайству Всеволода Суздальскаго сына Рюрика скоро были отпущены и старшему изъ нихъ Всеволоду зятю Ростиславу отданъ Кіевъ. Управившись съ Рюрикомъ, какъ ему хотѣлось, и сдѣлавшись сильнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ Княземъ въ Приднѣпровьѣ, Романъ Мстиславичъ пустился въ Польшу искать себѣ волостей въ тамошнемъ краю, и тамъ былъ убитъ въ сраженіи подъ Завихвостомъ (1205 года). О Романѣ въ нашихъ лѣтописяхъ осталась память какъ о Князѣ великаго ума, самой неугомонной дѣятельности и воинской храбрости; по словамъ лѣтописей, Романъ стремился на поганыхъ какъ левъ, сердитъ былъ какъ рысь, и губилъ ихъ какъ крокодилъ, леталъ по ихъ землѣ какъ орелъ, и храбръ былъ какъ туръ; онъ ревновалъ дѣду

своему Мономаху губившему Половецъ, а также страшенъ былъ для Ятвяговъ и Литвы.

Смерть Романа развязала руки его врагамъ и вся юго-западная Русь снова замутилась, и въ это время смуть особенно возвысился Черниговскій Князь Всеволодъ Чермный, сынъ покойнаго Святослава Всеволодовича. Рюрикъ, услышавши о смерти Романа оставилъ монастырь, объявилъ себя Княземъ Кіевскимъ, нанялъ Половецъ и пошелъ къ Галичу, гдѣ подъ опекою матери сидѣли малолѣтныя дѣти Романа, Даніилъ 4 лѣтъ и Василько 2 лѣтъ. Галицкіе и Волынскіе бояре вышли съ войскомъ къ Микулину и дали Рюрику битву на рѣкѣ Серетъ, которая продолжалась цѣлый день и кончилась тѣмъ, что Галицкіе и Волынскіе полки принуждены были отступить. Это отступление открыло Рюрику дорогу къ Галичу; но тамъ его встрѣтили многочисленные полки Венгровъ присланные Королемъ на помощь къ Романовичамъ, и онъ принужденъ былъ воротиться въ Кіевъ. Видя невозможность одному добыть Галичъ, Рюрикъ сталъ ссылаться съ Ольговичами Черниговскими; Ольговичи по засылкамъ Рюрика назначили общій съѣздъ Приднѣпровскихъ Князей въ Черниговъ, и на этомъ съѣздѣ порѣшили, пригласивъ Половецъ, всѣмъ идти на Галичъ. Этотъ новый походъ для Рюрика былъ неудачнѣе прежняго, Галичане выпроводивши Романовичей въ Волынь, пригласили къ себѣ изъ Ольговичей Владиміра и Романа Игоревичей, Князей Новгородъ-Сѣверскихъ; и Ольговичи, довольные такимъ предпочтеніемъ Галичанъ къ своему племени, естественно и не подумали о Рюрикѣ; мало этого старшій изъ Ольговичей Всеволодъ Чермный, Князь Черниговскій, на возвратномъ пути, пришедши въ Кіевъ съ своими

союзниками, объявилъ себя Кіевскимъ Княземъ, и посажалъ своихъ союзниковъ по Кіевскимъ городамъ. Рюрикъ же, видя свою слабость, удалился въ Овручъ, и хотя по удаленіи союзниковъ Всеволодовыхъ, при помощи своихъ сыновей и племянниковъ, успѣлъ выгнать Всеволода, ноне надолго; на весну Всеволодъ опять явился подъ Кіевомъ, и соединяясь съ Владиміромъ Игоревичемъ Галицкимъ, не только выгналъ Рюрика изъ Кіева, но и все Приднѣпровье очистилъ отъ Ростиславичей Смоленскихъ, и такимъ образомъ утвердился въ Кіевѣ.

Всеволодъ Юрьевичъ Суздальскій, послѣ похода на Ярослава Всеволодовича Черниговскаго, въ 1196 году, слишкомъ десять лѣтъ сидѣвшій спокойно въ своемъ Суздальскомъ краю, и только издали смотрѣвшій на междуособія въ Приднѣпровьѣ, частію имъ же возбужденныя, и пользовавшійся выгодами отъ сихъ междуособій, какъ скоро узналъ, что Ольговичи утвердились въ Галичѣ и Кіевѣ, и сдѣлались господствующимъ Князескимъ домомъ въ томъ краю, то сказалъ: «ужели Русская земля отчина имъ однимъ, а намъ не отчина?» и началъ готовиться къ походу на Черниговъ. Онъ пользуясь своимъ вліяніемъ на Новгородъ, Рязань и Муромъ, поднялъ на Черниговъ всю землю Суздальскую, Новгородскую, Рязанскую и Муромскую, и двинулся въ походъ; но едва дошелъ до Москвы, какъ получилъ вѣсть, что Князья Рязанскіе согласились съ Ольговичами, и идутъ къ нему за тѣмъ, чтобы при удобномъ случаѣ измѣнить. Получивши такую вѣсть, Всеволодъ вышелъ изъ Москвы и сталъ шатрами на Окѣ, куда къ нему явились, какъ союзники, и Рязанскіе Князья съ своими полками; Всеволодъ принялъ ихъ ласково и велѣлъ сѣсть въ осо-

бомъ шатръ, а самъ сѣлъ въ особомъ, и началъ обличать ихъ. Рязанскіе Князья долго не сознавались, наконецъ были обличены своими же братьями Глѣбомъ и Олегомъ Владиміровичами. Всеволодъ Юрьевичъ, убѣдившись такимъ образомъ въ истинѣ обвиненія, велѣлъ схватить ихъ съ ихъ думцами и отвести во Владиміръ,

самъ перешедъ Оку вступилъ въ ихъ землю и подошелъ къ Пронску, жители Пронска три недѣли отбивались отъ полковъ Всеволода, наконецъ томимые жаждою сдались. Взятіе Пронска сильно смутило Рязанцевъ, и они прислали къ Всеволоду съ мольбою, чтобы онъ не ходилъ къ ихъ городу, и отдались на всю его волю. Всеволодъ, довольный ихъ покорностію, отступилъ къ Коломнѣ и оттуда возвратился во Владиміръ, а въ слѣдъ за тѣмъ Рязанцы, по рѣшенію своего вѣча, отослали въ Владиміръ и остальныхъ своихъ Князей и съ Княгинями. Такимъ образомъ походъ на Черниговъ кончился походомъ на Рязань; но тѣмъ не менѣе завоеваніе Рязани Всеволодомъ Суздальскимъ помогло Рюрику отнять Кіевъ у Всеволода Чермнаго; но разумѣется симъ дѣло не кончилось, Ольговичи продолжали искать Кіева. Между тѣмъ Всеволодъ, по привезеніи Рязанскихъ Князей во Владиміръ, отправилъ въ Рязань своего сына Ярослава на княженіе. Рязанцы приняли Ярослава покорно и цѣловали крестъ Всеволоду; но, какъ и должно было ожидать, Князь пріѣхавшій изъ Суздальской земли не могъ угодить Рязанцамъ, и они стали ловить его дружинниковъ, ковать въ цѣпи и сажать въ погреба. Всеволодъ, услышавши объ этомъ, немедленно двинулся съ войскомъ въ Рязанскую землю, сожегъ Рязань и Бѣл-

городъ, а Рязанцевъ съ ихъ епископомъ Арсеніемъ отвелъ плѣнниками во Владиміръ.

Но среди успѣховъ Всеволодъ вдругъ получилъ вѣсть, что Мстиславъ Удалый, Князь Торонецкій, сынъ того знаменитаго Мстислава, который остригъ Андреева посла въ Бѣлгородъ, по тайному приглашенію Новгородцевъ занялъ Торжекъ и оттуда вступилъ въ Новгородъ, гдѣ между тѣмъ народъ засадилъ своего Князя Святослава Всеволодовича подъ стражу и приготовился къ войнѣ. Получивъ такую вѣсть Всеволодъ отправилъ на Новгородъ своихъ сыновей съ войсками; но тѣ ничего не могли сдѣлать противъ Мстислава и Новгородцевъ, и воротились назадъ. По сему Всеволодъ поспѣшилъ заключить миръ съ Мстиславомъ и Новгородцами, по которому миру Новгородцы отпустили къ нему сына его Святослава, содержащагося у нихъ подъ стражею, а онъ освободилъ Новгородскихъ купцовъ задержанныхъ въ Суздаль. Въ слѣдъ за миромъ съ Новгородцами Всеволодъ нашелъ нужнымъ заключить миръ и съ Ольговичами, которые для этого прислали къ нему митрополита Матвѣя; по условіямъ сего мира Рюрикъ принужденъ былъ уступить Кіевъ Всеволоду Чермному, а Ольговичи за это дали ему Черниговъ. Для большаго утвержденія мира съ Ольговичами Всеволодъ Суздальскій женилъ своего сына Юрія на дочери Всеволода Чермнаго. Наконецъ въ 1212 году Всеволодъ Суздальскій, послѣ 37 лѣтняго управления Суздальскимъ краемъ, скончался. Лѣтопись, извѣщая о кончинѣ его, говоритъ: «его имени трепетали всѣ страны, и по всей землѣ шла слава о немъ, и все зломыслы Богъ далъ подъ руку его; ибо онъ имѣлъ присно страхъ Божій въ сердцѣ своемъ, подавалъ требующимъ милостыню, творилъ

судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуясь лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меньшихъ, и работающихъ сироты и насилье творящихъ.»

Между тѣмъ Владиміръ и Романъ Игоревичи Новгородъ-Сѣверскіе, приглашенные Галичанами въ 1206 году, три года княжили спокойно, Владиміръ въ Галичѣ, а Романъ въ Звенигородѣ; но въ 1209 году Владиміръ поднялся на Романа и заставилъ его бѣжать изъ Звенигорода. Романъ ушелъ въ Венгрію, и началось междоусобіе, въ которомъ Венгры приняли сильное участіе и, при помощи Венгерской партіи между Галицкими боярами, завладѣли Галичемъ; но управленіе Венгерскаго воеводы Бенедикта своею жестокостію и безнравственностію произвело то, что Галичане, выведенные изъ терпѣнія, снеслись съ изгнанными своими Князьями Владиміромъ и Романомъ Игоревичами, и при ихъ помощи выгнали Бенедикта съ Венграми; и Игоревичи опять сдѣлались Князьями Галицкими, — Владиміръ въ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, Святославъ братъ ихъ въ Перемышлѣ и Владиміровъ сынъ въ Теребовлѣ. Но Игоревичи на этотъ разъ не прокняжили и года въ Галицкихъ владѣніяхъ: они, чтобы княжить покойнѣе, начали подобно покойному Роману Волынскому избивать ненадежныхъ Галицкихъ бояръ, и, какъ сказываютъ, избили до 500 человекъ. Бояре, встревоженные такимъ избіеніемъ, обратились къ Венгерскому Королю и просили его дать имъ въ Князья проживавшаго въ Венгріи, сына покойнаго Романа, десятилѣтняго Данила. Король далъ имъ Данила и съ нимъ отпустилъ своего воеводу со множествомъ войска; Игоревичи крѣпко защищали свои Галицкія владѣнія, и каждый городъ, гдѣ они сидѣли, нужно было брать самымъ

упорнымъ боемъ; но къ Венграмъ и Даніиду пришли на помощь войска изъ Польши и Волыни, и по сему городу за городомъ были отняты у Игоревичей, и притомъ трое изъ Игоревичей и въ числѣ ихъ самъ Владиміръ попались въ плѣнъ. Галичане провозгласили своимъ Княземъ десятилѣтняго Даніила подъ опекою Галицкихъ бояръ, а троихъ Игоревичей, бывшихъ въ плѣну, повѣсили. Вслѣдъ за сыномъ явилась и мать Даніилова въ Галичѣ, чтобы принять участіе въ правленіи; но бояре ее выгнали и опять началось междоусобіе, въ которомъ принялъ участіе и Венгерскій Король по просьбѣ Даніиловой матери. Междоусобіе это кончилось тѣмъ, что Даніилъ былъ выгнанъ, и въ Галичѣ вокняжился бояринъ Владиславъ. Тогда Андрей Король Венгерскій и Лешко Польскій въ 1213 году общими силами пошли на Владислава, и побѣдивши его, раздѣлили между собою Галицкія владѣнія; Венгерскій Король посадилъ въ Галичѣ сына своего Коломана, женивши его на Лешковой сестрѣ, а Лешко получилъ Перемышль и Любачевъ, и заботясь о дѣтяхъ покойнаго Романа, успѣлъ утвердить Владиміро-Волынское княженіе за старшимъ изъ нихъ Даніиломъ.

Въ Суздальской землѣ по смерти Всеволода, также какъ и прежде по смерти Андрея, начались междоусобія. Всеволодъ за четыре года до своей смерти вызвалъ старшаго сына Константина изъ Новгорода и далъ ему Ростовъ, потомъ не задолго до смерти хотѣлъ объявить его своимъ наслѣдникомъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ Ростовъ меньшому брату Юрію; Константинъ на это не согласился, и тогда Всеволодъ объявилъ своимъ главнымъ наслѣдникомъ Юрія. Константинъ, жившій мирно при жизни отца, по смерти его сталъ замышлять, какъ бы отнять

Владиміръ у брата, и для того заключилъ союзъ съ своими братьями Святославомъ и Владиміромъ; а Юрій заключилъ союзъ противъ Константина съ братомъ своимъ Ярославомъ Переяславскимъ и пошелъ съ нимъ на Ростовъ; Константинъ встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Ишнѣ, и такъ хорошо укрѣпилъ эту рѣку, что противники его немогли перейти ее, и простоявъ четыре недѣли заключили миръ и разошлись по домамъ. Юрій, воротившись во Владиміръ, поспѣшилъ заключить союзъ съ плѣнниками отца своего Князьями Рязанскими, и одаривъ ихъ золотомъ, серебромъ и конями, отпустилъ въ Рязань. На слѣдующій годъ Константинъ отнялъ у Юрія Соль-Галичъ и сжегъ Кострому, а у Ярослава Нерехту. Въ отвѣтъ на это Юрій и Ярославъ собрали свои полки, пригласили своего союзника Давыда Муромскаго и снова пошли къ Ростову; они по прежнему остановились за рѣкою Ишнею, — стали жесть Ростовскія села и не вступая въ битву принудили Константина къ миру, по которому онъ не только отступился отъ союза съ Владиміромъ, уже успѣвшимъ отнять у Юрія Москву, но и далъ часть своего полка, чтобы выгнать Владиміра изъ Москвы. Съ этою помощію и съ своими и Ярославовыми полками Юрій выгналъ Владиміра изъ Москвы и принудилъ его идти на княженіе въ Приднѣпровскій Переяславль.

Въ это время въ Приднѣпровьѣ также происходили междоусобія. Въ одинъ годъ съ Всеволодомъ Суздальскимъ умеръ Рюрикъ Ростиславичъ, княжившій въ Черниговѣ; и Всеволодъ Святославичъ Чермный погналъ изъ Приднѣпровья всѣхъ внуковъ Ростислава Смоленскаго. Онъ сказалъ имъ: «какъ мнѣ съ вами жить въ мирѣ и любви: по вашимъ проискамъ въ Галичѣ повѣсили братьевъ мо-

ихъ Пгоревичей, нѣтъ вамъ части въ Русской землѣ.» Внуки Ростислава въ отвѣтъ на такую рѣчь послали сказать своему двоюродному брату Мстиславу Мстиславичу Торопецкому, княжившему тогда въ Новгородѣ: «Всеволодъ не даетъ намъ части въ Русской землѣ, приходи, поищемъ своей отчины». Мстиславъ по такому зову двинулся съ своими войсками изъ Новгорода, и соединясь въ Смоленскѣ съ своими двоюродными братьями, началъ опустошать Черниговскія владѣнія по Днѣпру. Всеволодъ вышелъ къ нему на встрѣчу и разбитый подъ Вышгородомъ бѣжалъ въ Черниговъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Мстиславъ, посадивши въ Кіевѣ Княземъ старшаго въ Ростиславовомъ роду Мстислава Романовича Смоленскаго, самъ съ Новгородцами осадилъ Черниговъ, стоялъ подъ городомъ 12 дней, и заключивъ съ Всеволодомъ миръ, возвратился въ Новгородъ, но на другой годъ, распрощавшись съ Новгородцами, опять ушелъ въ Приднѣпровьѣ, чтобы поддерживать своихъ родныхъ.

Новгородцы, проводивши Мстислава, послѣ долгихъ споровъ выбрали себѣ въ Князья Ярослава Переяславскаго. Но Ярославъ очевидно былъ приглашенъ только Суздальщинскою партією Новгородцевъ, и пріѣхавши въ Новгородъ сталъ гнать противную партію; потомъ перебрался въ Торжекъ, а въ Новгородъ послалъ своихъ намѣстниковъ, сталъ тѣснить Новгородскую торговлю, остановилъ подвозъ хлѣба и довелъ Новгородцевъ до крайности. Новгородцы опять обратились къ Мстиславу, и тотъ пріѣхавъ въ Новгородъ, схватилъ Ярославовыхъ намѣстниковъ и послалъ сказать Ярославу, чтобы онъ шелъ вонъ изъ Торжка. Но Ярославъ не думалъ повиноваться и, отославъ Мстиславова посла безъ отвѣта, засѣкъ всѣ пути

отъ Новгорода. Тогда Мстиславъ снесся съ Константиномъ Ростовскимъ, и пошелъ изъ Новгорода сперва на Торопецъ, и оттуда на Ржевъ и Зубцовъ, гдѣ съ нимъ соединились двоюродный братъ его Владиміръ Рюриковичъ, приведшій Смоленскіе полки, и Псковичи; потомъ всѣ вступили въ Тверскую область и стали опустошать села по Волгѣ, пробираясь къ Переяславлю, и дошедши до Городища на Сарѣ соединились съ Константиномъ, который привелъ Ростовскіе полки. Ярославъ, узнавши объ этомъ, поспѣшилъ оставить Торжекъ, пустился къ Переяславлю, и соединившись съ своими братьями Юріемъ, Владиміромъ и Святославомъ, всѣ четверо повели свои многочисленные полки на Мстислава и Константина, и расположились станомъ на рѣкѣ Хзѣ, а Мстиславъ съ своими союзниками остановился на рѣкѣ Липицѣ. Здѣсь, послѣ не продолжительныхъ переговоровъ, произошла страшная битва: Новгородцы разувшись и скинувши верхнее платье, бросились на Ярославовъ полкъ такъ стремительно, что полкъ послѣ упорнаго боя дрогнулъ и вмѣстѣ съ своимъ гордымъ Княземъ обратился въ бѣгство, а въ слѣдъ за нимъ бѣжалъ и Юрій съ Владимірскимъ полкомъ, стоявшій противъ Константина. Битва эта стоила весьма дорого Юрію и Ярославу, изъ одного Ярославова полка легло на мѣстѣ болѣе 9,000 человекъ; Ярославъ прибѣжалъ въ Переяславль самъ-одинъ на пятомъ конѣ, задушивъ четырехъ въ дорогѣ, а Юрій примчался во Владиміръ въ одной сорочкѣ на четвертомъ конѣ. Когда Мстиславъ и Константинъ съ союзниками подошли къ Владиміру; то Юрію выслалъ къ нимъ съ униженною просьбою, моля о томъ, что бы они не ходили къ городу приступомъ, и на другой день рано

утромъ съ двумя своими братьями пришелъ въ станъ Мстислава и Владиміра и просилъ у нихъ, чтобы они не лишили его живота и дали средства, чѣмъ кормиться. Мстиславъ и Владиміръ дали ему на прокормленье Радилонъ Городокъ, куда онъ и уѣхалъ съ своимъ семействомъ, а во Владиміръ союзники посадили Константина Ростовскаго; потомъ вмѣстѣ съ Константиномъ они пошли съ Переяславлю, гдѣ засѣлъ Ярославъ, и сперва думалъ отсидѣться; но услыхавши о близкомъ приходѣ Мстислава съ Новгородцами, такъ перепугался, что самъ пріѣхалъ въ станъ къ Константину и униженно кланяясь ему говорилъ: «господине! я въ твоей волѣ, дѣлай что хочешь, только не выдай меня тестю моему Мстиславу и его брату Владиміру, а самъ брате накорми меня хлѣбомъ.» Мстиславъ, по соглашенію съ Константиномъ, не пошелъ далѣе къ Переяславлю, и заключивъ съ Ярославомъ миръ на всей своей волѣ отправился въ Новгородъ, а союзники его разошлись по домамъ.

Такимъ образомъ Константинъ Ростовскій два раза безуспѣшно добивавшійся сдѣлаться Княземъ Владимірскимъ при помощи своихъ братьевъ, наконецъ послѣ четырехлѣтнихъ междоусобій достигъ своей цѣли при помощи Мстислава и Новгородцевъ; и Суздальскіе владѣнія успокоились. Константинъ, утвердившись во Владиміръ, на другой же годъ окончательно примирился въ Юріемъ, далъ ему Суздаль и объявилъ своимъ наслѣдникомъ на Владимірскомъ престолѣ, и оба цѣловали на томъ крестѣ.

Но въ то время какъ мирно разрѣшилие дѣла въ Суздали, совсѣмъ иное происходило въ сосѣднихъ владѣ-

ніяхъ Рязанскихъ. Тамъ Глѣбъ Владиміровичъ *) сговоряся съ своимъ роднымъ братомъ Константиномъ, задумалъ измѣнически убить всѣхъ своихъ родственниковъ и завладѣть ихъ волостями. Для этого онъ, какъ старшій Князь, пригласилъ всѣхъ къ себѣ на съѣздъ; и когда всѣ съѣхались, то учредилъ пиръ и позвалъ ихъ въ свой шатеръ, а между тѣмъ въ сосѣднемъ шатрѣ скрылъ вооруженныхъ слугъ и Половцевъ. И когда гости начали пить и веселиться, Глѣбъ съ Константиномъ и своими думцами, вынувъ мечи, стали стѣчь гостей, а за ними явились слуги и Половцы изъ сосѣдняго шатра, и избили однихъ Князей шесть человекъ и всю ихъ свиту бояръ и слугъ бывшихъ на съѣздѣ. Это звѣрское братоубійство, послѣ окаяннаго Святополка не повторявшееся на Руси, впрочемъ не принесло злодѣямъ той пользы, которой они ожидали; на пиръ нечаянно не успѣлъ пріѣхать одинъ изъ Князей Ингваръ Игоревичъ, онъ, услышавши объ избіеніи братьевъ, успѣлъ вооружиться, захватилъ Рязань и принудилъ Глѣба бѣжать къ Половцамъ. Черезъ годъ Глѣбъ и братъ его Константинъ со множествомъ Половцевъ ворвались было въ Рязанскія владѣнія; но Ингваръ разбилъ ихъ на голову и принудилъ бѣжать въ Половецкія степи, гдѣ они и погибли.

Константинъ Всеволодовичъ, прокняживъ во Владимірѣ два года, скончался въ 1218 году, 33 лѣтъ отъ рожденія; и Владиміръ по прежнему договору спокойно перешелъ къ Юрію Всеволодовичу Суздальскому, а Ростовъ съ своими пригородами остался за сыновьями Констан-

*) Тотъ самый, который въ 1196 году обвинялъ своихъ родственниковъ въ измѣнѣ передъ Всеволодомъ.

тина. Но на другой же годъ безпокойные сосѣди Волжскіе Болгары, лестію захватили Устюгъ и подступали къ Унжѣ; по этому Юрій въ 1220 году послалъ своего брата Святослава съ воеводами и полками воевать Волжскую Болгарію. Полки Юрія соединились при впаденіи Оки въ Волгу и шли Волгою внизъ до Болгарскаго города Ошела; здѣсь они высадились на берегъ, сразились съ Болгарскимъ Княземъ и прогнавъ его подошли къ Ошелу. Городъ этотъ былъ укрѣплень дубовымъ тыномъ, двумя оплотами и между ними валомъ; Святославъ подошедши къ городу на передъ отрядилъ людей съ топорами и огнемъ, а за ними послалъ стрѣльцовъ и копейщиковъ; Болгары упорно дрались въ своихъ укрѣпленіяхъ, но когда тынъ и оплоты были подсечены и зажжены, бѣжали въ городъ, за ними пустились и Русскіе, рубя ихъ въ догонку, и подступили къ самому городу и зажгли его; но сильный вѣтеръ, потянувшій отъ города, покрылъ Русскіе полки дымомъ и зноемъ и принудилъ отступить. Тогда Святославъ, давши немного отдохнуть полкамъ, повелъ приступить съ другой стороны города подъ вѣтромъ и самъ пошелъ впереди полковъ, и по прежнему подсекъ и зажегъ тынъ и оплоты внѣшнихъ укрѣпленій; Болгары, защищавшіе сіи укрѣпленія, послѣ упорной битвы опять побѣгли въ городъ, а Русскіе гоня ихъ опять подступили къ городу и зажгли его съ другой стороны; и такимъ образомъ городъ былъ объятъ пламенемъ со всѣхъ сторонъ, и только Болгарскій Князь съ небольшою конною дружиною успѣлъ какъ то уйдти, а прочіе защитники города были или посежены Русскими, спасаясь изъ пылавшаго города, или сгорѣли вмѣстѣ съ своими женами, дѣтьми и имѣніемъ. Святославъ стоялъ подъ Ошеломъ до тѣхъ

поръ, пока отъ города остались одни обгорѣлые головешки. Сожегши Ошелъ Святославъ воротился въ свои лоды и пошелъ назадъ домой; но Болгары другихъ городовъ, услыхавъ о созженіи Ошела, собрались большою ратью съ своими Князьями, конные и пѣшіе, и пустились догонять Русскихъ. Святославъ, узнавши объ этомъ, приказалъ своимъ полкамъ вооружиться, надѣть брони и поднять знамена, и такимъ образомъ шелъ Волгою мимо Болгарской рати стоявшей на берегу, и остановился на устьѣ Камы, гдѣ къ нему присоединился Ростовскій воевода Воиславъ Добрыничъ, который съ Ростовцами и Устюжанами, повоевавъ и пожегши Болгарскіе города и села по Камѣ, шелъ уже домой со множествомъ плѣнниковъ и богатою добычею. Соединившись съ Воиславомъ, Святославъ пошелъ домой, пославши напередъ себя вѣсть къ Юрію; Юрій, получивши эту вѣсть, вышелъ къ Боголюбову встрѣчать Святослава, одарилъ его и его полки богатыми дарами, и далъ имъ трехдневный пиръ; потомъ на зиму самъ сталъ готовиться къ походу на Болгарскую землю. Болгары прислали пословъ во Владиміръ съ просьбою о мирѣ; но Юрій ихъ отослалъ не давши мира, и самъ отправился въ походъ; на дорогѣ явилось къ нему другое посольство отъ Болгаръ, но онъ не принялъ его и на глаза. Потомъ когда Юрій пришелъ въ Городецъ на Волгѣ и соединился тамъ съ Ростовскими полками, пришло третье Болгарское посольство, и послѣ многихъ моленій наконецъ убѣдило Юрія дать миръ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ былъ миръ съ Болгарами при Юріѣ Долгорукомъ и при Всеволодѣ; и Юрій послалъ въ Болгарскую землю своихъ мужей приводить тамошнихъ Князей къ присягѣ по ихъ закону, а на слѣду-

ющій годъ выстроилъ Нижній-Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу.

Послѣ Болгарскаго похода Суздальская страна нѣсколько лѣтъ наслаждалась миромъ, и только были споры съ Новгородцами, которые въ это время часто мѣняли Князей, безуспѣшно стараясь высвободиться отъ Суздальскаго вліянія. Но далеко не мирно въ это время было въ Приднѣпровьѣ и во всей Юго-Западной Руси. По отъѣздѣ Мстислава Торопецкаго въ Новгородъ въ 1215 году, тамъ были старшими Князьями: въ Кіевѣ Мстиславъ Романовичъ, въ Черниговѣ по смерти Всеволода Чермнаго его родной братъ Мстиславъ Святославичъ, въ Смоленскѣ Владиміръ Рюриковичъ, на Волыни Данилъ Романовичъ съ роднымъ братомъ Василькомъ и двоюроднымъ Александромъ Всеволодовичемъ, а въ Галичѣ Коломанъ, сынъ Венгерскаго Короля Андрея. Андрей, думая, что уже окончательно присоединилъ Галичъ къ своимъ владѣніямъ, сталъ утѣснять Русскую вѣру и вводить Латинскую и выгналъ Русскаго епископа и священниковъ. Это страшно раздражило Галичанъ, и они стали тайно сноситься съ Даниломъ Романовичемъ, княжившимъ во Владиміръ Волынскомъ, а между тѣмъ Андрей разсорился съ Лешкомъ Польскимъ и отнялъ у него Перемышль. Лешко, досадуя на обиду, послалъ въ Новгородъ къ Мстиславу Торопецкому звать его въ Галичъ: пойдѣ и садись въ Галичъ, говорили послы Лешковы; по этому зову Мстиславъ оставилъ Новгородъ, и собравъ войска въ Смоленскѣ и Кіевѣ, такъ быстро двинулся къ Галичу, что Венгры, не успѣвши приготвиться и зная къ себѣ ненависть Галичанъ, бѣжали; и Мстиславъ спокойно занялъ Галичъ. Онъ чтобы имѣть въ сосѣдствѣ хорошаго союзника, вы-

далъ свою дочь Анну за Данила Романовича Волынскаго. Но этотъ вѣрный союзникъ разсорилъ его съ Лешкомъ Польскимъ: онъ нечаянно захватилъ Лешковы города по западному Бугу, тѣ самыя, которые въ недавнее время Лешко отнялъ у Волыни; Лешко подозрѣвая, что Даниль это сдѣлалъ по согласію съ Мстиславомъ, послалъ сказать Андрею Венгерскому: «бери Галичъ для своего сына, моего зятя, я тебѣ помогу;» по этому приглашенію Андрей послалъ въ Галицкую землю сына своего Коломана съ большимъ войскомъ, къ которому на дорогѣ присоединились и Польскіе полки Лешка. Этотъ походъ Коломана и Лешка сначала былъ очень удаченъ; Мстиславъ не готовый къ битвѣ, оставилъ въ Галичѣ зятя своего Данила, а самъ отступилъ на Волынь, чтобы соединиться съ Кіевскимъ и Черниговскими Князьями, своими союзниками; Даниль также не могъ долго держаться въ Галичѣ, и по приказанію Мстислава отступилъ для соединенія съ нимъ къ Волыни. Это отступленіе было цѣлымъ рядомъ кровопролитныхъ битвъ, продолжавшихся и днемъ и ночью; наконецъ Данилу удалось переправиться черезъ Днѣстръ, понѣже Кучельмина, и соединиться съ Мстиславомъ. Впрочемъ и послѣ этого соединенія Мстиславъ съ Даниломъ не могли еще идти на Венгровъ и Поляковъ завладѣвшихъ Галичемъ; и Мстиславъ сказалъ Данилу: «иди, князь во Владимірѣ, а я пойду къ Половцамъ, и будемъ вмѣстѣ мстить за свое безчестье». Но не къ Половцамъ, а въ Новгородъ пришлось идти Мстиславу, и оттуда, какъ мы уже видѣли, воевать съ Ярославомъ Переяславскимъ и Юріемъ Владимірскимъ.

Между тѣмъ Коломанъ, занявши Галичъ, укрѣпился тамъ

и получилъ отъ отца своего Андрея новые полки Венгровъ и Чеховъ подъ начальствомъ гордаго воеводы Филия, который насмѣхаясь надъ Русскими говорилъ: «одинъ камень много горшковъ избиваетъ — острый мечъ, борзый конь — много Руси». Положеніе Даніила и Василька во Владиміръ Вольнскомъ было самое стѣсненное: съ одной стороны ихъ владѣнія громилъ Лешко съ Поляками, а съ другой Коломанъ съ Венграми и Галичанами; отъ нихъ даже отступился ихъ двоюродный братъ Александръ Всеволодовичъ Бѣльзскій, и много нужно было ума и ловкости у Даніила и Василька и ихъ совѣтниковъ, чтобы удержаться въ своихъ отчинныхъ владѣніяхъ въ продолженіи почти двухъ лѣтъ. Наконецъ въ 1218 г. Мстиславъ Торонецкій, онъ же и Удамый, управившись съ дѣлами въ Новгородѣ и землѣ Суздальской, соединившись съ Владиміромъ Рюриковичемъ Смоленскимъ и нанявши Половцевъ, двинулся къ Днѣстру. Воевода Венгерскій, гордый Филя, съ большимъ войскомъ Венгровъ и Поляковъ вышелъ на встрѣчу Мстиславу и далъ ему битву; битва эта была самая упорная и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Венгровъ и Поляковъ и самъ гордый Филя попался въ плѣнъ. Послѣ этой битвы Мстиславъ пошелъ къ Галичу, гдѣ былъ оставленъ Филю Королевичъ Коломанъ; Венгры и Поляки съ Коломаномъ, не могли защищать всего города, укрѣпились въ построенной Филю башнѣ и мужественно бились противъ Мстислава; но томимые жаждою принуждены были сдаться вмѣстѣ съ Коломаномъ. Мстиславъ за крѣпкою стражею отослалъ Коломана въ Торческъ, а вельможъ Венгерскихъ съ женами и дѣтьми отдалъ какъ плѣнниковъ своей дружинѣ и Половцамъ; пораженіе Венгровъ и Поляковъ такъ было сильно, что по словамъ лѣтописи ни

одинъ изъ нихъ не вышелъ изъ Галицкой земли: иные были побиты войсками Мстислава, иные перетонули, иные взяты въ плѣнъ, а иныхъ перебили сельскіе жители по дорогамъ. Въ то время, какъ Мстиславъ бился съ Филею и Коломаномъ, Даниилъ и Василько бились съ Лешкомъ Польскимъ, который, чтобы недопустить до соединенія ихъ съ Мстиславомъ, напалъ на Волынскій городъ Щекаревъ; но вслѣдъ за побѣдою Мстислава надъ Венграми и Лешко примирился съ Романовичами на томъ условіи, чтобы ему отступить отъ союза съ Александромъ Бельзскимъ. Оторвавши Лешка отъ союза съ Александромъ, Романовичи напали на сего послѣдняго, и въ одну ночь страшно опустошили волости около Червена и Бельза; впрочемъ Мстиславъ вступился за Александра и уговорилъ Романовичей оставить его въ покоѣ. Въ это же время, или нѣсколько прежде, Мстиславъ помирился съ Королемъ Венгерскимъ Андреемъ, и выпустилъ изъ плѣна сына его Коломана, а самъ занялся усмирениемъ смуть между Галицкими боярами, изъ которыхъ одни радѣли Венграмъ, а другіе Даниилу Романовичу. Вообще Галицкія междоусобія сильно ослабили всю Югозападную Русь.

Въ это время общаго ослабленія Приднѣпровской Руси, въ 1223 году вдругъ разнеслась вѣсть о новыхъ неслыханныхъ врагахъ Русской земли—Татарахъ; они къ этому времени нѣкоторыми своими отрядами проникли отъ Каспійскаго моря въ Половецкія степи. О сихъ новыхъ пришельцахъ никто не зналъ путемъ, откуда они пришли, и называли ихъ иные Таурменами, другіе Печенѣгами; только носились темные слухи, что они уже покорили Ясовъ, Обезовъ и Касоговъ, вступили въ землю Половецкую и

избили множество Половцевъ, что Половцы вездѣ бѣгутъ передъ ними и многіе загнаны въ Лукоморье по Дону, а другіе подвигаются къ Днѣпру. Наконецъ на границы Руси, къ Половецкому валу, прибѣжалъ съ своею ордою тесть Мстислава Галицкаго, Половецкій Князь Котянъ, и объявилъ, что старшіе Половецкіе Князья Юрій Кончакъ и Даниилъ Кобяковичъ разбиты на голову и убиты. Онъ сталъ просить помощи у зятя своего Мстислава и другихъ Русскихъ Князей, дарить ихъ и говорить имъ такія рѣчи: «Нашу землю отняли нынѣ, а вашу завтра пришедши возмутъ, обороните насъ; а ежели вы не можете намъ, то мы нынѣ будемъ посѣчены, а вы завтра». Мстиславъ Галицкій, желая помочь своему тестю и постоянному союзнику, началъ также упрашивать Русскихъ Князей, чтобы они помогли Половцамъ. Наконецъ былъ съѣздъ всѣмъ Приднѣпровскимъ Князьямъ въ Кіевѣ, гдѣ кромѣ трехъ старшихъ Князей, Мстислава Романовича Кіевского, Мстислава Святославича Черниговскаго и Мстислава Мстиславича Галицкаго, было много и младшихъ Князей; на этомъ съѣздѣ всѣ Князья рѣшили заступиться за Половцевъ и послали за помощію къ Юрію Суздальскому, который и обѣщался прислать племянника своего Василька Константиновича съ Ростовскими полками.

По рѣшенію Кіевского съѣзда, весною 1224 года Князья собрали свои полки и сошлись къ Зарубу у Днѣпра; Татары, услышавши объ этомъ, прислали своихъ пословъ, убѣждая Русскихъ Князей не заступаться за Половцевъ; послы говорили: «мы вашей земли не занимали, зачѣмъ же вы хотите воевать съ нами изъ-за нашихъ холопей Половцевъ;» но Князья убили Татарскихъ пословъ и спустились ниже по Днѣпру къ Олешью; здѣсь явилось но-

вое посольство отъ Татаръ, но и оно не имѣло успѣха: Русскіе пословъ отпустили, но не отложили похода. У Олешья пришли къ Русскимъ и соединились съ ними вся Половецкая земля и всѣ ихъ Князья, отсюда Мстиславъ Галицкій съ отрядомъ въ 4,000 человекъ переправился черезъ Днѣпръ и, разбивъ передовыхъ Татарскихъ сторожей, возвратился назадъ. Узнавши объ успѣшномъ набѣгѣ Мстислава, всѣ Русскіе Князья съ своими полками переправились черезъ Днѣпръ; здѣсь съ Князьями были и Кіевляне, и Черниговцы, и Смольняне, и Галичане, и Волынцы, и Куряне, и Трубчане и Путивльцы; однихъ выгонцевъ Галицкихъ съ своими воеводами, Юрьемъ Домомеричемъ и Держикраемъ Володиславичемъ пришло по Днѣпру въ верхъ отъ моря 4,000 лодій, не поспѣли только Ростовцы съ своимъ Княземъ Василькомъ. Переправившись черезъ Днѣпръ, Русскіе вступили въ Половецкія степи и при первой же встрѣчѣ разбили передовый отрядъ Татаръ, потомъ 8 дней шли степями до рѣки Калки; здѣсь также разбили передовый отрядъ Татаръ и, не переходя Калки, остановились станомъ. Мстиславъ Галицкій приказалъ Даніилу Волынскому съ частію Русскихъ полковъ и съ Половцами переправиться черезъ рѣку, а потомъ и самъ отправился за нимъ съ своими полками, не уведомивъ Кіевского и Черниговскаго Князей, съ которыми поссорился. Битву началъ Даніилъ Волынскій, уѣхавшій далеко впередъ, и начало битвы было довольно счастливо; Даніилъ, Мстиславъ нѣмый Пересопницкій и Олегъ Курскій куда ни являлись, вездѣ поражали Татаръ; но когда воевода Ярунъ съ Половецкими полками вступилъ въ бой, то Половцы не выдержали Татарскаго натиска, побѣжали и смяли станы Русскихъ

Князей еще не приготовившихся къ битвѣ, и началась страшная безобразная сѣча, кончившаяся такимъ сильнымъ пораженіемъ Русскихъ, какого съ ними никогда не случалось; въ битвѣ пали шесть Князей и 70 богатырей, и изъ всего войска, едва десятый успѣлъ спастись за Днѣпръ, до котораго гнались за ними Татары. Между тѣмъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, стоявшій съ своимъ полкомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, на высокой неприступной горѣ, не двинулся отъ Калки ни на помощь къ бѣгущимъ, ни за тѣмъ, чтобы самому спастись бѣгствомъ. Татары, преслѣдуя бѣгущихъ, отрядили двухъ воеводъ съ полками противъ Мстиславова лагеря; сіи воеводы три дни выбивали Мстислава изъ стана и не могли выбить; наконецъ они прибѣгли къ хитрости: предложили Мстиславу миръ чрезъ воеводу Бродниковъ Плоскиню, который цѣловалъ Мстиславу крестъ, что Татары его отпускаютъ на выкупъ. Мстиславъ повѣрилъ крестному цѣлованію и сдался съ двумя бывшими при немъ Князьями и Кіевскимъ полкомъ; Татары сперва изсѣкли полкъ, а потомъ связанныхъ Князей задавили подъ досками и сѣли обѣдать на ихъ трупахъ. Такъ кончилась страшная Калкская битва. Татары преслѣдовали Русскихъ до Новгорода Святполча, избивая жителей сель и городовъ лежащихъ по дорогѣ; все уже Приднѣпровье было въ ужасѣ и ждало своей гибели, какъ вдругъ Татары поворотили назадъ въ степи. Русскіе люди въ радости и недоумѣніи говорили тогда: «не вѣдаемъ, эти злые Татары откуда пришли на насъ и куда дѣлись, только Богъ вѣсть.»

По удаленіи Татаръ, на мѣсто убитаго на Калкѣ Мстислава Романовича занялъ Кіевъ его двоюродный братъ

Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, а въ Смоленскѣ сѣлъ другой ихъ двоюродный братъ Мстиславъ Давыдовичъ; Черниговъ на мѣсто убитаго на Калкѣ Мстислава Святославича занялъ Олегъ Курскій (внукъ извѣстнаго Игоря Святославича) тотъ самый, который вмѣстѣ съ Даниломъ такъ храбро сражался въ Калкскомъ бою; въ Галичѣ по прежнему остался Мстиславъ Удалий, а во Владиміръ Волынскомъ Даниилъ Романовичъ. И вскорѣ во всѣхъ сихъ княжествахъ начались междоусобія.

Только что Мстиславъ Мстиславичъ успѣлъ прибѣжать съ Калкскаго боя, какъ Александръ Всеволодичъ Бѣльскій при помощи Галицкихъ бояръ началъ разными клеветами вооружать Мстислава на Данила Волынскаго, и довелъ дѣло до того, что въ 1225 году между тестемъ и зятемъ началась война. Даниилъ пригласилъ себѣ на помощь Лешка Польскаго, опустошилъ Бѣльскую область и ворвался въ Галицкія владѣнія; но когда къ Мстиславу пришли на помощь Владиміръ Кіевскій и Котянъ Половецкій, то Даниилъ поспѣшилъ вступить въ переговоры съ нимъ и его союзниками. Во время переговоровъ открылась клевета Александрова, и Мстиславъ примирился съ зятемъ, и на сѣздѣ въ Перемышлѣ всѣ союзные Князья утвердили миръ между собою. Но только что Мстиславъ успѣлъ примириться съ Даниломъ, какъ большая часть Галицкихъ бояръ возмутилась противъ него и вмѣшали въ это дѣло Короля Венгерскаго, который по приглашенію бояръ вступилъ съ войскомъ въ землю Галицкую, взялъ Перемышль, Теробовль и другіе города, но разбитый Мстиславомъ подъ Звенигородомъ на голову бѣжалъ въ Венгрію. Впрочемъ пораженіе Венгерскаго Короля не покончило смутъ въ Галичѣ: бояре стали наста-

ивать, чтобы Мстиславъ выдалъ свою дочь за Венгерскаго Королевича и отдалъ ему Галичь; Мстиславъ долго на это несоглашался, и желалъ передать Галичь Данилу Романовичу, но бояре прямо сказали ему: «ты не можешь удержать Галича за собою, бояре этого нехотятъ, нехотятъ и Данила;» послѣ чего Мстиславъ противъ воли принужденъ былъ отдать Галичь Королевичу своему зятю, а самъ ушелъ въ Понизьѣ и оттуда въ Торческъ, гдѣ и скончался въ 1228 году.

Но еще до смерти Мстислава Удалаго начались междоусобія въ Юго-западной Руси. Мстиславъ Ярославичъ Нѣмой, Князь Пересопницкій и Луцкій, внукъ Изяслава Мстиславича, отдалъ свою отчину и малолѣтнаго сына Ивана Данилу Романовичу; но Ярославъ Пингваревичъ, родной племянникъ Мстислава Нѣмаго, завладѣлъ Луцкомъ, а Ростиславъ Пинскій Черторыйскомъ. Данилъ Романовичъ соединясь съ братомъ своимъ Василькомъ выгналъ Ярослава изъ Луцка и взялъ приступомъ Черторыйскъ. Тогда Ростиславъ Пинскій поднялъ на Данила Кіевскаго Князя Владиміра Рюриковича, который былъ радъ мстить Данилу за его отца Романа, постригшаго въ монахи отца Владимірова Рюрика: онъ привелъ съ собою Черниговскаго Князя Михаила Всеволодовича и Котяна Половецкаго, и съ многочисленнымъ войскомъ осадилъ Каменецъ. Данилъ, ненадѣясь силою управиться съ множествомъ непріятелей, сталъ переговариваться съ ними о мирѣ, а между тѣмъ самъ уѣхалъ за помощію въ Польшу, и послалъ одного своего мужа къ Котяну Половецкому, называя его отцомъ и прося принять его сторону. Котянь послушалъ его и удалился въ степи, напередъ разграбивши Галицкую землю бывшую въ союзѣ съ Вла-

диміромъ. Это удаленіе Котяна заставило и Владиміра прекратить войну, воротиться въ Кіевъ и заключить миръ съ Даніиломъ. Между тѣмъ Королевичъ Венгерскій, продолжавшій княжить въ Галичъ, и поддерживавшій его Галицкій бояринъ, крамольный Судиславъ, крайне надоѣли Галичанамъ; и когда Судиславъ однажды отправился въ Понизье, то Даніилова партія Галичанъ прислала сказать ему: «Судиславъ пошелъ въ Понизье, а Королевичъ остался въ Галичъ одинъ, приходи поскорѣе.» По этому приглашенію Даніилъ отправилъ своего тысяцкаго Демьяна въ Понизье противъ Судислава, а самъ съ небольшою дружиною пустился къ Галичу; но прежде нежели онъ успѣлъ придти, Судиславъ уже возвратился въ городъ, успѣлъ укрѣпить его и зажегъ мостъ, чтобы не пропустить Даніила чрезъ Днѣстръ. Между тѣмъ къ Даніилу подошли тысяцкій Демьянъ съ своимъ полкомъ и всѣ Галицкіе бояре нелюбившіе Венгровъ и Судислава, такъ что у Даніила собралось войско со всей Галицкой земли, отъ рѣки Боброка до Ущицы и Прута, и окружило Галичъ со всѣхъ сторонъ; и Венгры съ Судиславомъ и Королевичемъ принуждены были сдаться. Даніилъ, принявши Галичъ, отпустилъ Королевича къ отцу, помня прежнюю любовь Венгерскаго Короля къ себѣ; съ Королевичемъ ушелъ въ Венгрію и Судиславъ, котораго жители Галича провожали камнями, приговаривая: «Изыди изъ града мятежниче земли». Судиславъ, пришедши въ Венгрію, поднялъ Короля на Даніила, и тотъ собравъ большое войско двинулся къ Галичу, онъ думалъ, что Галичу непротивустоятъ его силѣ. Но Даніиловъ тысяцкій Демьянъ такъ хорошо умѣлъ укрѣпить городъ, что Королю долго пришлось стоять подъ нимъ; а между тѣмъ Даніилъ успѣлъ

привести полки Поляковъ и Котяна Половецкаго, и тѣмъ заставилъ Короля снять осаду Галича и въ самую дождливую пору начать отступление въ Венгрію. Это отступление было самое гибельное для Венгровъ: они преслѣдуемые полками Даниила и Половцевъ много потеряли и пѣшихъ и конныхъ по дорогѣ, а особенно при переправѣ чрезъ Днѣстръ; иные изъ нихъ потонули, иные померли отъ ранъ и непогоды, другіе убиты или взяты въ плѣнъ.

Но Даниилъ на этотъ разъ не могъ спокойно жить въ Галичѣ, побѣждая враговъ внѣшнихъ, онъ постоянно терпѣлъ отъ внутреннихъ измѣнниковъ. Вѣроломные Галицкіе бояре раздѣленные на партіи, видя успѣхи Даниила противъ Венгровъ и другихъ непріятелей, стали чинить противъ него заговоры и, снесшись съ Александромъ Всеволодичемъ Бѣльскимъ, сперва хотели сжечь его, а когда это не удалось, то думали убить его на пиру; но вѣрный тысяцкій Демьянъ успѣлъ узнать объ этомъ и предупредилъ Князя. Тогда Даниилъ послалъ брата своего Василька на Александра, который принудилъ его бѣжать изъ Бѣльза въ Перемышль, куда бѣжали и вѣроломные бояре, противники Даниила. И началась у Даниила война съ измѣнниками боярами и ихъ союзниками, продолжавшаяся шесть лѣтъ; въ эту войну вмѣшались и Венгры и Поляки и Князя Черниговскіе и Половцы; Галичъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, было даже время, что Даниилъ былъ изгнанъ и изъ своихъ отчинныхъ владѣній Волынскихъ. Даниилъ сначала успѣлъ взять Перемышль и заставилъ Александра бѣжать въ Венгрію къ Судиславу, Судиславъ же опять однялъ Венгерскаго Короля и повелъ на Даниила. Ко-

роль, перешедши Сань взялъ Ярославль, потомъ подступилъ къ Галичу, гдѣ бояре измѣнили Даниилу, и Даниилъ принужденъ былъ оставить Галичь; оттуда Король пошелъ къ Владиміру-Волынскому и принудилъ тамошняго воеводу знаменитаго Мирослава заключить миръ, по которому Мирославъ за своего Князя Даниила возвратилъ Бѣльзъ и Червень Александру. Венгерскій Король заключивши такимъ образомъ миръ и посадивши въ Галичь своего сына Андрея, возвратился въ Венгрію; а Даниилъ въ это время удачно воевалъ около Бужска и забралъ много плѣнниковъ, но по случаю мира заключеннаго Мирославомъ долженъ былъ прекратить войну, и довольствоваться Владиміромъ-Волынскимъ.

Вскорѣ по примиреніи съ Венгерскимъ Королемъ, Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій прислалъ сказать Даниилу: «идеть на меня Михаилъ Черниговскій, приходи братъ помочь мнѣ.» Даниилъ, полагаясь на миръ съ Венграми, отправился къ Владиміру въ Кіевъ съ своимъ полкомъ и усилялъ тамъ сдѣлать съѣздъ, на которомъ Владиміръ и Михаилъ примирились. Между тѣмъ Венгерскій Королевичъ, думая воспользоваться отсутствіемъ Даниила, напалъ на его владѣнія и подступилъ къ Бѣлобережью, что на рѣкѣ Случѣ. Даниилъ, получивши объ этомъ вѣсть отъ своего сторожеваго воеводы Владислава, по согласію съ Владиміромъ Кіевскимъ пошелъ въ тылъ Венграмъ и Галичанамъ, чтобы такимъ образомъ отрѣзать ихъ отъ Галича; Королевичъ, провѣдавши объ этомъ, поспѣшилъ отступить къ Галичу; Даниилъ же, соединясь съ братомъ своимъ Василькомъ, погнался за нимъ и нагналъ у Шумска. Подъ Шумскомъ оба войска вступили въ бой; здѣсь

Даніилъ, Василько и тысяцкій Демьянъ оказали чудеса храбрости и долго отстаивали побѣду, но наконецъ принуждены были отступить къ Торческу; впрочемъ и въ покахъ Королевича было страшное пораженіе, такъ что онъ не только не преслѣдовалъ отступающаго Даніила, но и самъ бѣжалъ въ Галичъ безъ оглядки. Ближайшимъ слѣдствіемъ битвы подъ Шумскомъ было то, что Александръ Бѣльскій отступилъ отъ Венгровъ и Галичанъ и соединился съ Даніиломъ, а Даніилъ, пріобрѣтши союзника, продолжалъ воевать и вмѣстѣ съ Александромъ отнялъ у Галичанъ Пльньскъ. На слѣдующій годъ Королевичъ и Судиславъ выслали противъ Даніила воеводу Дьяниша; Даніилъ противъ Дьяниша привелъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго, Изяслава Новгородъ-Сѣверскаго и Котяна Половецкаго, далъ битву у Перемышля, принудилъ Дьяниша, Королевича и Судислава отступить къ Галичу, и пошелъ за ними; но союзники его отказались идти далѣе, и такимъ образомъ заставили и его воротиться назадъ. Тѣмъ не менѣе дѣла Венгровъ въ Галичѣ были крайне плохи, и на слѣдующій годъ Глѣбъ Зеремѣвичъ и большая часть Галицкихъ бояръ оставили Королевича и перешли къ Даніилу. Видя расположеніе Галицкихъ бояръ Даніилъ съ братомъ Василькомъ вступилъ въ Галицкія владѣнія, и городъ за городомъ сдались ему добровольно, наконецъ послѣ девяти-недѣльной осады Галича, (въ продолженіи которой умеръ Королевичъ), Галичане сами пригласили Даніила, причемъ Судиславъ убѣжалъ въ Венгрію. Такимъ образомъ Даніилъ снова сдѣлался Княземъ Галицкой и Волынской земли, впрочемъ не надолго. Но какъ въ новомъ изгнаніи Да-

ніла изъ Галича были замѣшаны почти всѣ княжества Приднѣпровской Руси; то нужно напередъ сказать объ ихъ положеніи въ это время.

Въ прочихъ княжествахъ Приднѣпровской Руси послѣ Калкской битвы также были междоусобія, хотя первоначально гораздо меньшія нежели въ Галичѣ и на Волыни. Прежде всего начались междоусобія въ землѣ Черниговской; тамъ, какъ мы уже увидѣли, прямо по возвращеніи съ Калкской битвы занялъ Черниговъ храбрый Олегъ Святославичъ Курскій. Михаилъ Всеволодовичъ, сынъ Всеволода Чермнаго, бывшій въ то время въ Новгородѣ, услыхавши объ этомъ, немедленно отправился въ Черниговскую сторону, и съ начала думалъ посредствомъ переговоровъ вывести Олега изъ Чернигова; но, неуспѣвши въ этомъ, обратился за помощію къ тестю своему Юрію Суздальскому. Юрій Суздальскій и его Суздальскіе полки однимъ появленіемъ своимъ, не вступая даже въ битву, примирили враждующихъ Князей, и принудили Олега уступить Черниговъ Михаилу. Такимъ образомъ Михаилъ сдѣлался Княземъ Черниговскимъ и удержалъ за собою это княженіе почти до своей смерти; онъ умѣлъ подчинить себѣ всѣхъ младшихъ Черниговскихъ Князей и недопускать междоусобій въ своей землѣ; но въ то же время самъ принималъ дѣятельное участіе въ междоусобіяхъ другихъ Русскихъ владѣній и въ первые годы своего княжества въ Черниговѣ, велъ упорную борьбу съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, Княземъ Переяславля-Залѣскаго, въ защиту Новгородцевъ, потомъ отъ Новгорода обратился къ Приднѣпровью.

Михаилъ сначала жилъ мирно съ Владиміромъ Кіевскимъ, даже въ 1226 году помогалъ ему противъ Даніила Ро-

мановича Водынскаго; но въ 1231 году былъ съѣздъ Приднѣпровскихъ Князей въ Кіевѣ, на которомъ Михаилъ разсорился съ Владиміромъ и началъ съ нимъ войну. Владиміръ, не надѣясь одинъ противустоять Князю Черниговскому, пригласилъ къ себѣ на помощь Данила Романовича, который и успѣлъ примирить противниковъ, ибо на Черниговскія владѣнія напалъ Ярославъ Переяславскій, слѣдовательно Михаилу нуженъ былъ миръ, чтобы свободнѣе раздѣлаться съ своимъ старымъ врагомъ. Но миръ этотъ, заключенный по нуждѣ, не могъ быть продолжителенъ, имъ не были довольны ни та ни другая сторона; и Михаилъ, управившись съ Ярославомъ, опять началъ собираться на Владиміра Рюриковича и въ 1233 году осадилъ Кіевъ; но на выручку къ Владиміру явился Даниилъ Романовичъ съ полками Галичанъ и Волынцевъ, и принудилъ Михаила снять осаду Кіева и перебраться за Днѣпръ. Но недовольные симъ успѣхомъ Владиміръ и Даниилъ сами переправились за Днѣпръ и стали опустошать Черниговскія владѣнія; къ нимъ присталъ Мстиславъ Глѣбовичъ, двоюродный братъ Михаила, и они побравши многіе города по Деснѣ подступили къ Чернигову, предлагая Черниговцамъ въ Князя Мстислава Глѣбовича. Черниговскіе посады были уже заняты полками союзниковъ, окрестности опустошены, къ самому городу уже были подвезены стѣнобитныя орудія осаждающихъ, которыя уничтожали въ осажденныхъ всякую надежду на спасеніе; но Михаилъ одною хорошо разчитанною хитростію уничтожилъ всѣ успѣхи противниковъ, онъ выступилъ изъ Чернигова, показывая видъ, что уже отчаялся продолжать оборону города, а граждане потянули длинные переговоры съ осаждающими; ме-

жду тѣмъ Михаилъ неожиданно поворотилъ назадъ въ тылъ полковъ Даниловыхъ, и такое произвелъ въ нихъ опустошеніе; что Даниилъ едва успѣлъ уйдти, а въ слѣдъ за нимъ бѣжалъ и Князь Кіевскій.

Лишь только Михаилъ такимъ образомъ освободилъ Черниговъ, какъ его союзникъ Изяславъ Новгородъ-Сѣверскій привелъ къ нему полки Половцевъ: получивши такое важное пособіе, Михаилъ и Изяславъ переправились черезъ Днѣпръ и пошли къ Кіеву. Этотъ неожиданный походъ сильно смутилъ Владиміра и Данила; особенно послѣдній утомленный Черниговскимъ походомъ, продолжавшимся отъ Крещенія до Вознесенья, хотѣлъ уже оставить своего союзника и лѣсами пробраться въ Галицкую землю; но остановленный просьбами Кіевского Князя, рѣшился еще попытать счастья въ битвѣ и вмѣстѣ съ Владиміромъ подступилъ къ Торческу. Тамъ Михаилъ съ своими союзниками Половцами уже поджидалъ противниковъ и немедленно вступилъ въ бой, который не смотря на отчаянную храбрость Данила, кончился въ пользу Черниговскаго Князя: полки Кіевскіе и Галицкіе были разбиты, Владиміръ и Галицкій воевода Мирославъ попались въ плѣнъ, Даниилъ же едва убѣжалъ въ Галичь. Торческое пораженіе навело страхъ на Галичанъ, а бояре донесли Данилу, что Изяславъ и Половцы уже идутъ къ Владиміру Волынскому, чего вовсе не было; Даниилъ немедленно отправилъ туда своего брата Василька съ уцѣлѣвшими полками, а самъ остался почти безъ войска, и крамольные бояре пользуясь этимъ произвели мятежъ, который заставилъ Данила удалиться въ Венгрію. Между тѣмъ Торческіе побѣдители вошли въ Кіевъ, отдали плѣннаго Владиміра

его жену и дѣтей Половцамъ, Кіевъ же Михаилъ уступилъ своему союзнику Изяславу, а самъ пошелъ въ Галичь и занялъ его по согласію съ тамошними боярами.

Но занятіе Галича далеко еще не оканчивало спора; Даниилъ былъ не изъ такихъ людей, чтобы упасть духомъ послѣ одной неудачи, при томъ же у него были союзники Нѣмцы и Поляки; а посему Михаилу предстояло много еще хлопотъ и опасностей. При началѣ зимы того же года Василько, а за нимъ и Даниилъ съ полками Поляковъ, двинулись къ Галичу; но Михаилъ выпелъ къ нимъ на встрѣчу и принудилъ воротиться назадъ. А на слѣдующій годъ самъ Михаилъ послалъ Галичанъ и Болховскихъ Князей къ Даниилову городу Каменцу; но этотъ походъ не удался,—Владиміръ Рюриковичъ, выкупившійся изъ Половецкаго плѣна, пришелъ съ Торками на выручку Каменца, разбилъ Галичанъ и многихъ взявши въ плѣнъ отослалъ къ Даниилу. Впрочемъ эта неудача не сокрушила Михаила, онъ съ началомъ лѣта того же года вмѣстѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ, пригласивши Половцевъ и Поляковъ, началъ войну съ Данииломъ, требуя выдачи Болховскихъ Князей захваченныхъ подъ Каменцомъ; но и эта война неимѣла надлежащаго успѣха: измѣна Поляковъ и Половцевъ принудила Михаила возвратиться въ Галичь и заключить миръ, по которому онъ уступилъ Романовичамъ Перемышль. Впрочемъ главною причиною поспѣшнаго заключенія мира были не успѣхи Романовичей, а вѣсть о занятіи Кіева Ярославомъ Всеволодовичемъ, Княземъ Переяславля Залѣскаго, этимъ давнишнимъ и упорнымъ врагомъ Михаила. Но когда Ярославъ, не могши удержаться въ Кіевѣ, удалился въ свой Переяславль, то дѣ-

ла Михаила быстро измѣнились къ лучшему: самъ онъ немедленно занялъ Кіевъ, а сынъ его Ростиславъ, оставленный въ Галичѣ, отнялъ у Данила Романовича Перемышль, и такимъ образомъ Михаилъ сдѣлался первенствующимъ Княземъ Юго-западной Руси, владѣя въ одно и тоже время Черниговомъ, Галичемъ и Кіевомъ. Тѣмъ не менѣе владычество Михаила въ Галичѣ было не надежно, Романовичи не переставали объявлять своихъ притязаній на Галичъ и тайно сносились съ Галицкими боярами; и когда однажды Михайловъ сынъ Ростиславъ, сидѣвшій въ Галичѣ, пошелъ съ своими полками воевать Литовскую землю, то Галичане сами пригласили Данила и сдали ему городъ.

Послѣ перваго нашествія Татаръ на Приднѣпровскую Русь, Суздальскія владѣнія и вся Сѣверо-восточная Русь, до которыхъ это нашествіе не касалось, были спокойны отъ внутреннихъ междоусобій. Тамъ старшимъ Княземъ былъ Юрій Всеволодовичъ Владимірскій, который умѣлъ держать въ довольномъ повиновеніи и братьевъ своихъ и племянниковъ, онъ даже не оставлялъ притязаній своего дома и на Приднѣпровье и посылалъ въ Переяславль Русскій то братьевъ, то сыновей своихъ и племянниковъ; впрочемъ онъ старался избѣгать ссоръ съ Приднѣпровскими Князьями и только одинъ разъ предпринималъ походъ въ Черниговъ для поддержанія зятя своего Михаила Всеволодовича. Главное вниманіе Юрія было обращено на Новгородъ и на восточныхъ своихъ сосѣдей, на Волжскихъ Болгаръ и Мордву. Съ Новгородцами онъ то мирился, то воевалъ, и постоянно старался поддерживать Суздальскую партію въ Новгородѣ и чрезъ нее держать Новгородцевъ въ зависимости; въ этомъ дѣлѣ при-

нималъ самое дѣятельное участіе и братъ его Ярославъ, Князь Переяславля-Залѣскаго. Относительно Мордвы Юрій нѣсколько разъ посылалъ туда свои войска подъ начальствомъ то своихъ братьевъ, то племянниковъ, которые большею частію походы свои ограничивали разореніемъ Мордовскихъ селъ. Наконецъ зимою 1228 года отправился на Мордву самъ Юрій съ своимъ братомъ Ярославомъ, съ племянниками Василькомъ и Всеволодомъ Константиновичами Ростовскими и съ Муромскимъ Княземъ Юріемъ Давыдовичемъ. Въ этомъ походѣ Юрій страшно опустошилъ всю волость Мордовскаго Князя Пургаса; но тѣмъ конечно Мордва еще не смирилась: на другой же годъ Князь Пургасъ явился подъ Нижнимъ Новгородомъ мстить за разореніе своей области, и успѣлъ сжечь монастырь Пресвятыя Богородицы, стоявшій внѣ города. Впрочемъ у Русскихъ Князей были и въ Мордвѣ свои союзники, своя партія; только что Пургасъ воротился изъ подъ Нижняго, какъ на него напалъ другой Мордовскій Князь, Юріевъ союзникъ, сынъ Пурешевъ, и вмѣстѣ съ Половцами избилъ Мордву и Русь Пургасову, такъ что самъ Пургасъ едва спасся бѣгствомъ. Съ Болгарами у Юрія не было войны съ 1220 года, въ лѣтописи только упоминается подъ 1229 годомъ, что Болгары присылали къ Юрію посольство для возобновленія мира, заключеннаго въ 1220 году, и обѣ стороны размѣнялись плѣнниками. И въ томъ же 1229 году пришла вѣсть, что Половцы и Саксины, преслѣдуемые Татарами, съ низовьевъ Волги бѣжали къ Болгарамъ, и что Татары избили Болгарскую стражу на Яикѣ. Потомъ въ 1232 году пришла другая вѣсть, что Татары зимовали недошедши Великаго города Болгарскаго.

Но вѣсти сіи ни сколько не беспокоили ни Князей ни народъ; и Юрій въ томъ же году посылалъ на Мордву своего сына Всеволода, племянника Ѳедора Ярославича, и Князей Муромскихъ и Рязанскихъ, которые по обычаю пожгли тамошнія села и избили множество Мордвы. Наконецъ пришли вѣсти въ 1236 году, что Татары взяли Великій городъ Болгарскій, избили всѣхъ жителей отъ мала до велика, сожгли городъ и плѣнили всю землю Болгарскую.

Въ слѣдъ за вѣстями о покореніи Волжской Болгаріи Татарамн, изъ за Мордовскихъ лѣсовъ сами Татары явились въ предѣлахъ Рязанскихъ и Муромскихъ; ихъ несмѣтныя полчища, предводительствуемыя Ханомъ Батыемъ и многими Князьями, остановились на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Суры, рѣкѣ Онузѣ. Батый съ этого становища прислалъ къ Рязанскимъ Князьямъ требовать десятины во всемъ, и въ Князьяхъ, и въ людяхъ, и въ коняхъ десятое. На это требованіе Рязанскіе Князья Юрій и Олегъ Ингваревичи, а также Князья Муромскій и Пронскій, отвѣчали: «когда, насъ не будетъ, то все ваше будетъ», и послѣ такого отвѣта всѣ вмѣстѣ пошли къ рѣкѣ Воронежу на встрѣчу Татарамъ, не желая ихъ допустить къ своимъ городамъ. Но рать Рязанскихъ Князей, не смотря на свою храбрость, была слишкомъ слаба противъ несмѣтныхъ полчищъ Батиевыхъ, закаленныхъ въ бояхъ; и Князья разбитые на голову бѣжали къ своимъ городамъ, Татары же преслѣдуя ихъ взяли городъ за городомъ, Князей и жителей избили, а города сожгли. Обративши такимъ образомъ Рязанскую землю въ пустыню, Батый пошелъ къ Коломнѣ. Юрій Всеволодовичъ Владимірскій, который, несмотря на усиленныя просьбы, не прислалъ помощи Рязанскимъ Князьямъ,

теперь выслать на Коломну своего сына Всеволода и воеводу Еремѣя Глѣбовича, приказавъ имъ соединиться съ уцѣлѣвшимъ отъ избіенія Рязанскимъ Княземъ Романомъ Ингваревичемъ. Татары не замедлили обступить ихъ своими многочисленными полками, и въ страшной сѣчѣ подъ Коломною убили Романа Ингваревича и воеводу Еремѣя Глѣбовича, а Всеволодъ съ малымъ остаткомъ дружины убѣжалъ во Владиміръ; въ слѣдъ за тѣмъ Татары взяли Москву, тамошняго воеводу убили, а Князя Владиміра, сына Юріева, захватили въ плѣнъ.

Юрій узнавши о несчастіи своихъ сыновей, поручилъ защиту Владиміра своимъ сыновьямъ Всеволоду и Мстиславу и воеводѣ Петру Ослидюковичу, а самъ ушелъ за Волгу собирать полки и ждать пока подойдутъ къ нему братья Ярославъ и Святославъ съ своими полками. Между тѣмъ Татары 3-го Февраля подступили къ Владиміру и въ продолженіи пяти дней огородили его со всѣхъ сторонъ тыномъ и приготовили стѣнобитныя орудія; а 8 Февраля пошли на приступъ и до обѣда влоплись съ разныхъ сторонъ въ новый или окольный городъ и зажгли его, къ вечеру же взяли и старыи или Печерный городъ, при чемъ погибли всѣ Князья, тамъ бывшіе съ своими семействами, и множество народа. По взятіи Владиміра Татары, раздѣлившись на отряды, пошли далѣе и въ продолженіи Февраля мѣсяца взяли четырнадцать городовъ въ землѣ Суздальской и Ростовской, и доходили съ одной стороны до Торжка, до границъ Новгородскихъ, а съ другой до Галича Мерьскаго. Юрій Всеволодовичъ все это время собиралъ войска и стоялъ на рѣкѣ Сити за нынѣшнею Мологою. Наконецъ 3 Марта 1237 года Татары явились и туда и дали битву Юрію, въ которой полъ-

ки Юріевы и Князей Ростовскихъ были совершенно разбиты; самъ Юрій убитъ со множествомъ бояръ и воинства, а племянникъ его Князь Ростовскій Василько попался въ плѣнъ, и былъ замученъ Татарами за то, что не хотѣлъ принять ихъ закона и измѣнить Христіанской вѣрѣ.

Отъ Сити Татары пошли къ Торжку, и послѣ двухъ-недѣльной осады взяли этотъ городъ приступомъ, а людей всѣхъ избили, даже младенцевъ; отъ Торжка они двинулись къ Новгороду Селигерскимъ путемъ, посякая людей, по выраженію лѣтописи, какъ траву, но по причинѣ страшной весенней распутицы и непроходимыхъ въ это время болотъ, не дошедши до Новгорода ста верстъ, вдругъ отъ Игнача креста повертели на югъ и подошли къ Козельску, въ сѣверныхъ предѣлахъ Черниговскихъ владѣній, въ нынѣшней Калужской губерніи. Князь Козельска былъ еще малолѣтнимъ, но княжая дружина и Козельская земщина собрали общее вѣче, и на этомъ вѣчѣ рѣшили умереть за Князя и не сдавать города, и какъ рѣшили, такъ и сдѣлали. семь недѣль Батый со всѣми своими полками стоялъ подъ Козельскомъ, и семь недѣль Козельцы отбивали приступы его полковъ; наконецъ когда стѣны города были совершенно разрушены, то отбивши послѣдній приступъ ножами, дружинники и земцы Козельскіе, не имѣя возможности долѣе защищать развалины города, собрали новое вѣче и по рѣшенію его бросились на станъ непріятельскій, избили четыре тысячи Татаръ и сами легли костями, будучи подавлены множествомъ силы Батыевой. Отъ Козельска Батый пошелъ прямо въ степи Половецкія, и разбивши Котяна и совершенно выгнавши его изъ Половецкой земли, остался тамъ слишкомъ на годъ, чтобы дать отдыхъ своимъ полкамъ; потомъ

зимою 1239 года опять явился на границахъ сѣверо-восточной Руси, завоевалъ землю Мордовскую, и, вошедши въ Русскую землю, взялъ Муромъ и дошелъ до Клязмы. Жители Сѣверо-восточной Руси отъ ужаса уже не знали куда дѣваться, бросали дома и уходили въ лѣса; какъ вдругъ Батый поворотилъ на югъ въ степи, и оттуда однимъ отрядомъ двинулся къ Переяславлю Русскому, а другимъ къ Чернигову; и разумѣется ни Переяславль, ни Черниговъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе не могли защититься и отсидѣться. Сперва былъ взятъ Переяславль, Татары его сожгли, а жителей на половину избили и наполовину отвели въ неволю, и равнымъ образомъ сожгли и опустошили и другіе города Переяславскаго Княжества. Въ слѣдъ за Переяславлемъ былъ взятъ и сожженъ Черниговъ, гдѣ упорно и долго защищался Князь Мстиславъ Глѣбовичъ, оставленный тамъ Михаиломъ; таже участь постигла и другіе города Черниговскаго княжества: жители были изсѣчены или уведены въ плѣнъ, а города сожжены, такъ что весь лѣвый берегъ Днѣпра обратился въ пустыню, и остатки жителей укрывались въ лѣсахъ и пещерахъ.

Наконецъ дошла очередь и до Кіева, Батый вскорѣ по взятіи Чернигова послалъ туда своего племянника Мунке; тотъ не переходя Днѣпра остановился у Песочнаго и черезъ пословъ потребовалъ сдачи города. Михаилъ Всеволодовичъ, княжившій тогда въ Кіевѣ, въ отвѣтъ на такое требованіе приказалъ убить Татарскихъ пословъ. Конечно и Князь и жители Кіева уже ждали приступа и готовились умереть въ жестокомъ бою съ Татарами; но Мунке было не до Кіева,—пришли вѣсти, что въ Мон-

голіи умеръ отецъ его ханъ Угедей, и ему нужно было ѣхать на родину, и такимъ образомъ Кіевъ на время уцѣлѣлъ. Впрочемъ Михаилъ Всеволодовичъ, сначала погорячившійся и приказавшій убить Татарскихъ пословъ, скоро увидалъ, что ему не защититъ Кіева, и въ слѣдъ за удаленіемъ Мунке убѣжалъ въ Венгрію, а Кіевомъ завладѣлъ Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій; но Даніилъ Галицкій, схватилъ Ростислава и, взявъ Кіевъ себѣ, посадилъ тамъ своего знаменитаго воеводу тысяцкаго Димитрія, и поручилъ ему защищать городъ въ случаѣ нападенія Татаръ; Димитрію не долго пришлось ждать этого нападенія. Зимой 1240 года. т. е. почти черезъ годъ по отступленіи Мунке, явился подъ Кіевомъ и самъ Батый съ одинадцатью знаменитыми Татарскими Князьями и съ шестьюстами тысячъ войска. Онъ обступилъ городъ со всѣхъ сторонъ, повелъ приступить къ Лятскимъ воротамъ и дѣйствуя день и ночь стѣнобитными орудіями повалилъ городскую стѣну; но за рухнувшею стѣною явилась живая стѣна защитниковъ города, и началась страшная рѣзня, продолжавшаяся до вечера; наконецъ раненъ былъ воевода Димитрій и защитники города отступили къ церкви Св. Богородицы, а Татары на ночь расположились на разрушенной стѣнѣ. Къ утру у гражданъ явилась новая стѣна около Богородицкой церкви, и опять началась страшная рѣзня; наконецъ сила сломилась, и Кіевъ былъ взятъ Татарами 6-го Декабря. Князья Волынскіе и Галицкіе, услышавши о взятіи Кіева, бѣжали въ Венгрію; а въ слѣдъ за ними въ Волынской и Галицкой землѣ явился и Батый съ своими Татарами, и взялъ силою Каменецъ, Галичь, Владиміръ Волынскій и другіе города тамошняго

края. Такимъ образомъ вся Русская земля, за исключеніемъ, Полоцкихъ, Смоленскихъ и Новгородскихъ владѣній, была страшно опустошена Татарами, и своими разрозненными силами нигдѣ не могла защититься отъ ихъ несмѣтной силы.

РАЗСКАЗЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ВО ВРЕМЯ СУЗДАЛЬЩИНЫ.

Во время Суздальщины, какъ мы уже видѣли изъ разсказа о между-княжескихъ отношеніяхъ, утвердился новый порядокъ, по которому Князья стали заботиться о томъ, чтобы постоянно удерживать за собою свои отчинныя владѣнія, и стараться объ ихъ увеличеніи и улучшеніи, а не мѣнять ихъ на другія, какъ бывало прежде при внукахъ и правнукахъ Ярослава. Этотъ новый порядокъ выдвинулъ впередъ земщину и сильно измѣнилъ княжескія отношенія къ ней. Въ прежнее время Князья заботились преимущественно о добываніи высокихъ столовъ, какъ говоритъ Даніилъ Заточникъ, мало думали объ устройствѣ своихъ волостей и о сближеніи съ своею земщиною; и какъ мы уже видѣли, ихъ отношенія къ земщинѣ ограничивались судомъ и управою, сборомъ установленныхъ доходовъ, и защитою волости отъ непріятельскихъ нападений; мимо сихъ отношеній Князья жили сами по себѣ, а земщина сама по себѣ. Теперь же этотъ порядокъ сильно измѣнился; Князья, живучи постоянно въ своихъ отчинныхъ владѣніяхъ, по необходимости должны были болѣе сближаться съ земщиною,

заботиться о лучшемъ устройствѣ своихъ волостей, принимать участіе въ чисто земскихъ распоряженіяхъ, хлопотать о заселеніи пустующихъ земель, о приисканіи жителей, о построеніи городовъ, слободъ и селъ. Такъ тогдашнія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій построили множество городовъ въ Суздальской и Ростовской землѣ, а еще прежде ихъ Князья Рязанскіе и Муромскіе, потомки Ярослава Святославича, раньше ихъ отказавшіеся отъ исканія чужихъ волостей, застроили городами и селами свои отчинныя владѣнія, Рязанскія и Муромскія; то же дѣлали въ это время и Князья Черниговскіе и Смоленскіе и Волынскіе. Конечно построеніемъ городовъ Князья занимались и прежде, такъ и Владиміръ и Ярославъ строили города въ Приднѣпровьѣ, и тоже, хотя въ меньшемъ размѣрѣ дѣлали ихъ внуки и правнуки; но города, ими построенные, строились преимущественно съ военною цѣлю для защиты Приднѣпровскихъ границъ отъ набѣговъ кочевниковъ, и населялись обыкновенно младшими дружинниками, или Торками, Берендѣями, плѣнниками изъ Польши и Литвы и даже покорившимися или мирными Половцами. Напротивъ того во время Суздальщины Князья строили города не столько по границамъ, сколько внутри своихъ владѣній и не для военныхъ цѣлей, а для развитія промышленности и для лучшаго заселенія пустующихъ земель. Самое населеніе сихъ городовъ уже не походило на прежнее: теперь Князья стали заселять свои города преимущественно мирными жителями земледѣльцами, торговцами и разными промышленниками, какъ туземцами, такъ и пришельцами, старались ихъ привлекать разными льготами, преимуществами и выгодами. Такъ объ Ан-

дрей Боголюбскомъ лѣтопись говоритъ, что онъ пригласилъ къ себѣ въ Боголюбовъ разныхъ мастеровъ. Или рассказывая о построеніи Холма, лѣтопись пишетъ о Даниилѣ Романовичѣ Волынскомъ: «и началъ призывать прихожихъ Нѣмцевъ и Русь, иноязычниковъ и Ляховъ; и шли изо дня въ день юноши и мастера всякіе, и сѣдельники, и тульники, и лучники, и кузнецы мѣди, желѣзу и серебру, и была жизнь, и наполнили дворы около города, поля и села.» То же конечно дѣлали и другіе Князья при построеніи городовъ и слободъ и вообще при заселеніи пустыхъ земель и дикихъ лѣсовъ въ ихъ владѣніяхъ; они вызывали для этого охотниковъ, какъ изъ своихъ владѣній, такъ изъ сосѣднихъ и даже дальнихъ земель, приманивая ихъ къ себѣ разными выгодами и льготами, освобождая ихъ на время поселенія и на урочные годы, лѣтъ на пять, на десять и больше, вовсе отъ податей, и отдавая имъ во владѣніе и даже въ собственность разныя земли и уголья, а иныя города и селенія навсегда освобождая отъ тѣхъ или другихъ податей и повинностей. Князья того времени почти также заботились о привлеченіи къ себѣ земцовъ изъ чужихъ волостей и болѣе густомъ населеніи своей волости, какъ ихъ отцы и дѣды заботились объ увеличеніи своихъ дружинъ; и по сему въ то время къ ласковому и распорядительному Князю, умѣвшему сохранять покой и тишину въ своихъ владѣніяхъ и не отягощать земцевъ поборами, охотники селиться шли со всѣхъ сторонъ, земщина въ его владѣніяхъ росла съ неимовѣрною быстротою, люди изъ ближнихъ и дальнихъ земель спѣшили селиться въ его волости. Напротивъ того у Князя нерадиваго, или тяжелаго, пустѣла земля, ежели онъ былъ силенъ, или

его самого выгоняли изъ земли, ежели онъ былъ слабъ; такъ мы видѣли, что Владимірцы выгнали отъ себя Ростиславичей, племянниковъ Боголюбскаго, за то, что они нерадиво управляли и дали волю посадникамъ и тиунамъ грабить и пустошить волость.

Вмѣстѣ съ сближеніемъ Князя съ земщиною и дружинники стали болѣе сближаться съ земцами, они также начали усерднѣе обзаводиться поземельными имѣніями, стали устраивать себѣ слободы и селы и населять ихъ свободными поселенцами, или изъ земцевъ той же волости или изъ сосѣднихъ владѣній, приманивая ихъ разными льготами и ссудами для поселенія, и слѣдовательно принимать на себя до нѣкоторой степени характеръ земцевъ, не оставляя впрочемъ дружинничьей службы, которая еще представляла для нихъ много выгодъ. И въ тоже время выгоды княжей службы привлекали въ дружину множество земцевъ. Отъ этого, по свидѣтельству лѣтописей, тогдашнія дружины Князей, преимущественно составлялись изъ туземцевъ, такъ что лѣтописи въ это время стали называть княжескія дружины не столько по имени Князей, сколько по названію княжествъ; такъ дружинниковъ Суздальскаго Князя Суздальцами, дружинниковъ Смоленскаго Князя Смольнянами, Черниговскаго Черниговцами и подобн. Но отъ этого еще не сливалась дружина съ земщиною, земскіе полки еще составляли отдѣльныя рати отъ княжескихъ дружинъ, имѣли свое устройство, и своихъ предводителей подъ названіемъ тысяцкихъ и земскихъ воеводъ. И по прежнему земскія рати преимущественно собирались только для защиты земли и отраженія непріятелей, нападавшихъ на волость; но какъ въ тогдашнее время Князья, усѣвшіеся въ сво-

ихъ отчинныхъ владѣнiяхъ, и не думавшіе уже оставлять ихъ или мѣнять, сильнѣе слили свои интересы съ интересами земли, то необходимымъ слѣдствіемъ сего было то, что земскія рати стали принимать гораздо болѣе участія въ между княжескихъ войнахъ, такъ что тогда уже не было почти ни одной княжеской войны, въ которой бы не принимала участія мѣстная земщина своими полками; тогда уже защита Князя до нѣкоторой степени слилась съ защитою земли. Земцы даже стали участвовать въ княжескихъ походахъ на другихъ Князей; впрочемъ это и тогда еще было не всегда, и зависѣло отъ расположенія земщины къ своему Князю.

Дѣятельное участіе земщины въ между-княжескихъ войнахъ значительно измѣнило и самый характеръ сихъ войнъ. Въ прежнее время Князья, враги между собою, не были врагами земщины своего противника и среди самой войны постоянно старались оставлять неприкосновенными селенія и имущество земцевъ, а только грабили и опустошали имущества своихъ противниковъ Князей. Напротивъ того, во время Суздальщины, одинъ Князь воюя противъ другаго уже не щадилъ земщины своего противника, грабилъ, жегъ и опустошалъ города и села, не разбирая что Княжее и что земское, и ежели возможно присоединялъ его волость къ своей волости. Такъ при взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, этотъ городъ подвергся страшному опустошенію и разграбленію, жители земцы многіе были убиты, многіе взяты въ неволю, чего прежде никогда не бывало; ту же участь потерпѣлъ Кіевъ отъ Изяслава Ярославича въ 1175 году и отъ Рюрика Ростиславича въ 1203 году. Равнымъ образомъ Всеволодъ Юрьевичъ Суздальскій въ своихъ вой-

нахъ съ Рязанскими Князьями страшно опустошалъ и жегъ Рязанскую землю, и наконецъ въ 1207 году довелъ Рязанцевъ до того, что они на общемъ своемъ вѣчѣ рѣшили схватить своихъ Князей, какіе у нихъ остались, и отослать ихъ съ Княгинями и дѣтьми къ Всеволоду во Владиміръ. Послѣ сего Всеволодъ послалъ княжить въ Рязань своего сына Ярослава; а когда Рязанцы не поладили съ Ярославомъ, то опять пошелъ на нихъ воіною и всѣхъ гражданъ города Рязани и съ епископомъ отвелъ плѣнниками во Владиміръ. Таковое раззореніе въ княжескихъ войнахъ начали терпѣть въ то время и Черниговская и Полотская и Галицкая и другія земщины; теперь Князья ихъ уже не щадили, какъ въ былое время.

Новый порядокъ, по которому Князья стали дорожить своими отчинными волостями и стараться удерживать ихъ за собою до послѣдней крайности, произвелъ то, что земщины, въ которыхъ не успѣлъ утвердиться ни одинъ княжескій домъ, потеряли всякое значеніе и совершенно пали; а напротивъ того сильно возвысились тѣ земщины, въ которыхъ удержались свои отчинные Князья. Такъ на примѣръ земщина Кіевская, недавно еще столь знаменитая, сильная и принимавшая дѣятельное участіе въ между княжескихъ отношеніяхъ, во время Суздальщины окончательно пала. Земщина эта при Ростиславѣ Мстиславичѣ имѣла еще достаточное значеніе и даже при Мстиславѣ Изяславичѣ она еще отиравляла своихъ пословъ вмѣстѣ съ послами отъ разныхъ Князей для приглашенія Мстислава на княжескій Кіевскій престолъ. По смерти Ростислава, Мстиславъ; пришедши по приглашенію въ Кіевъ, долженъ былъ урядиться, какъ съ Князьями-союзниками, такъ и съ Кіевскою земщиною. Но со взятіемъ Кіева войсками Андрея

Боголюбскаго, прежнее значеніе тамошней земщины пало. Сынъ Андреевъ, Мстиславъ, взявшій Кіевъ приступомъ, не только не думалъ договариваться съ Кіевскою земщиною; но, чего никогда не бывало, предалъ Кіевъ двухъ-дневному грабежу, и по отцовскому приказу посадилъ въ Кіевскіе Князья своего дядю Глѣба Юрьевича Переяславскаго. И съ этого времени, при посаженіи какого либо Князя на Кіевскій престолъ болѣе уже не спрашивали Кіевской земщины и новопосаженные Князья уже не дѣлали никакихъ рядовъ или договоровъ съ Кіевлянами, и Кіевскій престолъ сталъ вполнѣ зависеть отъ договоровъ между Князьями. Впрочемъ Кіевъ, не смотря на разграбленіе и на совершенное паденіе своей земщины, еще долго, до самыхъ Татаръ, считался у Князей интересною добычею, его богатства и обширная торговля имѣли еще такое значеніе, что каждый усилившійся въ Приднѣпровьѣ Князь спѣшилъ завладѣть Кіевомъ или посадить тамъ своего подручника, и даже иные Князья иногда ласкали Кіевлянъ, давали имъ пиры и сами пировали у нихъ; такъ напримѣръ въ 1195 году при вступленіи Рюрика Ростиславича на Кіевскій престолъ, Кіевляне давали пиръ Рюрикову брату Давыду Смоленскому, а на другой день Давидъ давалъ пиръ Кіевлянамъ; но ни богатства Кіева, ни временныя ласки Князей уже не возвращали Кіевской земщинѣ утраченнаго значенія. Кіевъ пересталъ быть самостоятельнымъ Русскимъ Княжествомъ въ истинномъ смыслѣ, а только казался таковымъ по волѣ сосѣднихъ Князей, онъ уже не имѣлъ собственныхъ Князей, въ немъ княжили или Смоленскіе, или Волынскіе или Черниговскіе Князья, или посаженники другихъ Князей; такъ по взятіи Кіева вой-

сками Андрея Боголюбскаго, какъ мы уже видѣли, въ Кіевѣ былъ назначенъ Княземъ посаженникъ Андреевъ, братъ его Глѣбъ Переяславскій; потомъ въ 1173 году, послѣ пораженія войскъ Андреевыхъ подъ Вышгородомъ, въ Кіевѣ княжилъ Ярославъ Изяславичъ Лудкій, посаженникъ Ростиславичей Смоленскихъ, или въ 1202 году Ингварь Ярославичъ, посаженникъ Романа Волынскаго и Всеволода Суздальскаго. Князья сіи держались въ Кіевѣ уже не Кіевскими средствами, а силою своихъ отчинныхъ владѣній Черниговскихъ, Смоленскихъ, Волынскихъ, или волею другихъ Князей; они уже не собирали Кіевскаго вѣча для своей поддержки, и вѣче ихъ не поддерживало и не могло поддерживать, ибо оно уже не пользовалось никакимъ уваженіемъ ни у своихъ ни у чужихъ Князей. Кіевъ, не смотря на свое богатство, сдѣлался слабымъ и одинокимъ, даже отдѣленнымъ отъ своихъ пригородовъ, и сталъ приманчивою добычею, лакомымъ кускомъ любаго сильнаго сосѣда. Такая же участь постигла и Приднѣпровскій Переяславль: тамъ также земщина потеряла свое значеніе, и тамошніе Князья въ слѣдствіе того сдѣлались посаженниками другихъ Князей, и преимущественно Суздальскихъ.

Таже участь, по смерти Ярослава Осмомысла, постигла сильную и знаменитую земщину Галицкую; только формы паденія этой земщины были иныя, нежели въ Кіевѣ. Кіевская земщина пала потому, что съ нею прочно не соединился ни одинъ княжескій домъ, тогда какъ въ другихъ сосѣднихъ земщинахъ утвердились отчинные Князья; Галицкая земщина напротивъ того отпала отъ своего отчиннаго княжескаго дома, который ее сильно возвысилъ, и стала искать покровительства то у Волынскихъ, то у Чернигов-

скихъ, то у другихъ Русскихъ Князей и даже въ Венгрии и Польшѣ. Главною причиною паденія Галицкой земщины было то, что богатые боярскія фамиліи отдѣлились отъ народа; при Владимірѣ Володаревичѣ и его сынѣ Ярославѣ Осмомыслѣ, они усердно служили Князьямъ, и въ продолженіи этого времени успѣли до того усилиться и обогатиться поземельными владѣніями, что возмечтали, будто они достаточно сильны, чтобы распорядиться по своей волѣ и Галицкими Князьями и Галицкою землею. А по сему преслѣдуя свои частныя интересы, Галицкіе бояре, въ ущербъ Князьямъ и земщинѣ, раздѣлились на партіи враждебныя другъ другу и каждая партія стала поддерживать себя стороннею помощію или какого либо Русскаго Князя, или Венгерскаго Короля, или Польскаго; и когда одна партія, при такой поддержкѣ, торжествовала и сажала на Галицкій престолъ своего союзника, то другая спѣшила отыскивать непріятелей этому союзнику, и при помощи ихъ начинала войну, и, въ случаѣ успѣха, сажала на престолъ кого либо изъ своихъ союзниковъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такой неурядицы было то, что голосъ Галицкаго вѣча, прежде сильный даже противъ Ярослава Осмомысла, теперь потерялъ свое значеніе; народъ не имѣвши средствъ противиться могущественнымъ боярскимъ фамиліямъ, поддерживаемымъ чужеземцами, едѣлся безгласнымъ. Каждый новый Князь, опираясь на свою партію, сталъ гнать противныя партіи, придерживаясь пословицы: *«не подавивши пчелъ меда не ѣсть»*. Конечно чрезмѣрное гоненіе почти всегда вызывало отпоръ, Князя прогоняли; но отъ этого ни сколько не выигрывала самостоятельность земщины, а напротивъ она разъ отъ раза падала ниже; ибо какъ гоненіе преимущественно дѣ-

лалось на одну партію, такъ и отпоръ производила только одна партія, голосъ же цѣлаго народа не высказывался. И отсюда необходимо вытекало то, что въ Галичѣ, точно также, какъ въ Кіевѣ, рядомъ съ паденіемъ земщины падала и сила Князей. И ежели Галичъ до Татаръ не былъ обращенъ въ провинцію какого либо сосѣдняго Князя или Короля; то это, также какъ и въ Кіевѣ, происходило отъ того, что Галичъ по своему богатству былъ завидною добычею для всѣхъ сосѣдей, которые препятствовали другъ другу завладѣть такою добычею, а препятствовать завладѣнію тѣмъ было удобнѣе, что Галицкіе бояре имѣя свои довольно сильные полки, при своемъ раздѣленіи на партіи, всегда были готовы поддерживать противниковъ того, кто бы завладѣлъ Галичемъ. Такъ на другой же годъ по смерти Ярослава Осмомысла, одна партія бояръ сокупила свои полки и цѣловала крестъ противъ своего Князя Владиміра Ярославича въ пользу Волынскаго Князя Романа Мстиславича; потомъ когда Венгерскій Король, при помощи своей партіи, въ томъ же году занялъ Галичъ и посадилъ тамъ своего сына, то противная Венграмъ партія опять обратилась къ Роману Волынскому; а когда Романъ на этотъ разъ не имѣлъ успѣха, то вызвала потомка старыхъ Галицкихъ Князей, Берладникова сына Ростислава; а когда и сей не могъ успѣть, то присоединилась къ выгнанному своему Князю Владиміру, Ярославичу и при помощи Поляковъ выгнала Венгерскаго Королевича и передала Галичъ Владиміру. Такимъ же образомъ Галицкіе бояре постоянно поступали и въ послѣдующее время, не давая утвердиться въ Галичѣ ни одному Княжескому дому, и дошли до того, что на примѣръ прямо говорили Мстиславу Удалому: «ты не можешь держать Га-

лича за собою, бояре этого не хотятъ, не хотятъ и Данила». И Мстиславъ волей или неволей долженъ былъ отдать Галичь своему зятю Королевичу Венгерскому, котораго хотѣли тогда бояре.

Напротивъ того тѣ земщины, въ которыхъ успѣлъ утвердиться какой-либо княжескій домъ, въ качествѣ отчинныхъ Князей, во время Суздальщины получили сильное значеніе, какаго значенія не имѣла Кіевская земщина въ самое цвѣтущее свое время. Таковыми сильными земщинами были земщины: Суздальская, Рязанская, Смоленская и Полотская.

Земщина Суздальская и Ростовская, прежде почти неизвѣстная, подчиненная княжимъ посадникамъ, присылаемымъ изъ Кіева или Переяславля, и не имѣвшая никакого голоса въ между-княжескихъ отношеніяхъ, съ утвержденіемъ Юрія Долгорукаго въ тамошнемъ краю, такъ возвысилась, что при Андрѣѣ Боголюбскомъ сдѣлалась одною изъ первыхъ земщинъ на Руси и держала у себя Князей не иначе, какъ по вольному избранію. Такъ по смерти же Юрія Суздальская и Ростовская земщина избрала себѣ въ Князья старшаго Юріева сына Андрея Боголюбскаго наперекоръ распоряженію Юрія, который хотѣлъ, чтобы тамъ княжили его младшіе сыновья. По смерти Боголюбскаго, Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы вольными голосами выбрали себѣ въ Князья племянниковъ Андреевыхъ Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Потомъ, когда Ростиславичи стали плохо управлять; то Владимірцы собрали вѣче и прямо сказали: «мы по своей волѣ избрали Князей и цѣловали имъ крестъ, а они пустошатъ нашу землю, какъ бы не думая оставаться въ ней Князьями». И въ слѣдъ за тѣмъ послали звать себѣ въ Князья

Михаила Юрьевича, и не смотря на сопротивление Ростовцовъ, поддерживавшихъ Ростиславичей на перекоръ Владимірцамъ, посадили въ Князья Михаила, а по смерти его выбрали въ Князья его брата Всеволода Юрьевича и, цѣловавши крестъ на него и на его дѣтей, посадили его на Владимірскомъ престолѣ; тогда какъ Ростовцы и большая часть бояръ всего Суздальскаго края пригласили въ Князья недавно изгнаннаго Мстислава Ростиславича. И въ слѣдствіе этого началась небывалая на Руси война земщины съ земщиною изъ за того, чтобы посадить своего Князя, и война самая упорная, замѣчательная особенно потому, что съ обѣихъ сторонъ главными дѣйствителями были земцы, а не Князья и ихъ дружины. Въ этой войнѣ земцы даже нерѣдко противорѣчили своимъ Князьямъ, за которыхъ сражались; такъ когда Мстиславъ Ростиславичъ соглашался на предложеніе Всеволода Юрьевича подѣлить Суздальскія владѣнія мирно, то Ростовцы и бояре прямо сказали ему: «ежели ты дашь миръ Всеволоду, то мы не дадимъ». Или Владимірская земщина побѣдивъ Ростовцевъ и Мстислава, на третій же день возстала на своего Князя Всеволода Юрьевича съ требованіемъ, чтобы онъ казнилъ взятыхъ въ плѣнъ Ростовцевъ; въ лѣтописи прямо сказано: «на третій день былъ великій мятежъ въ городѣ Владимірѣ, возстали бояре и купцы, говоря: «Княже! Мы тебѣ добра хотимъ и за тебя головы свои складываемъ, а ты держишь враговъ своихъ просто, а враги твои и наши Суздальцы и Ростовцы, либо казни ихъ, либо слѣпи, или отдай намъ». По смерти Всеволода сынъ его Ярославъ, получивши по отцовскому распоряженію Переяславъ Суздальскій, утвердился на этомъ княжествѣ не иначе, какъ по согласію съ тамошней земщи-

ной; въ лѣтописи сказано: «Ярославъ, прїѣхавши въ Переяславль, созвалъ Переяславцевъ къ церкви Святаго Спаса и сказалъ имъ: «братія Переяславцы, вотъ отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, а меня вамъ далъ на руки; скажите, братія, хотите ли меня имѣть у себя, какъ имѣли отца моего, и сложите за меня свои головы.» И отвѣчали Переяславцы: «очень, господине, да будетъ такъ, ты нашъ господинъ, ты нашъ Всеволодъ». А когда началась вслѣдъ за тѣмъ война между Константиномъ Ростовскимъ и Юріемъ Владимірскимъ, то Ростовцы поднялись биться за своего Князя, и вмѣстѣ съ Новгородцами и Смольнянами добыли ему Владиміръ. Вообще въ Суздальско-Ростовскомъ краѣ Князя и земщина дружно шли впередъ и, взаимнымъ довѣріемъ поддерживая другъ друга, достигли того что Суздальско-Ростовское владѣніе сдѣлалось первенствующимъ и сильнѣйшимъ между всѣми Русскими владѣніями того времени.

Сосѣдняя Суздальской земщина Рязанско-Муромская, уже болѣе ста лѣтъ имѣвшая своихъ отчинныхъ Князей изъ племени Ярослава Святославича, въ продолженіи этого времени пріобрѣла огромное значеніе въ дѣлахъ Рязанско-Муромскаго края. Она не только за одно съ княжескою дружиною участвовала во всѣхъ между-княжескихъ войнахъ; но дѣйствовала самостоятельно даже тогда, когда по какому либо случаю тамошніе Князя не могли дѣйствовать сами. Такъ еще при Юріѣ Долгорукомъ въ 1154 году, когда онъ выгналъ изъ Рязани тамошняго Князя Ростислава и посадилъ тамъ сына своего Андрея; то Рязанцы тайно подвели Ростислава съ Половцами ночью, такъ что Андрей едва успѣлъ убѣжать объ одномъ сапогѣ, а дружину его частію изсѣкли, частію потопили въ

рѣкъ, а частію зарыли живыхъ въ землю. Или когда Глѣбъ и Романъ, Князья Рязанскіе, разбитые Всеволодомъ Суздальскимъ на Прусковой горѣ, были отведены въ плѣнъ во Владиміръ, и Всеволодъ прислалъ къ Рязанцамъ требованіе, чтобы они выдали ему Ярополка Ростиславича, бывшаго прежде Княземъ Владимірскимъ, грозя въ случаѣ отказа войною; то Рязанцы на общемъ своемъ вѣчѣ, сказавши такъ: Князь нашъ и братья наши погибли въ чужемъ Князѣ, поѣхали на Воронежъ, взяли тамъ Ярополка, отвезли во Владиміръ и отдали Всеволоду. Или во время нашествія Всеволода Владимірскаго на Рязанскія владѣнія въ 1207 году, когда Шронскій Князь Кирь Михайлъ бѣжалъ въ Черниговъ; то Проняпе выбрали себѣ въ Князья Изяслава Владиміровича и три недѣли бились противъ огромной рати Всеволода, и только когда у нихъ была отнята вода, вступили въ переговоры съ Всеволодомъ и согласились принять отъ него Князя Олега Владиміровича. Въ слѣдъ за тѣмъ Всеволодъ Владимірскій, предводительствуя огромнымъ войскомъ, принудилъ Рязанцевъ, чтобы они выдали ему своихъ Князей и принялъ себѣ въ Князья его сына Ярослава; но когда Ярославъ, сидя въ Рязани, сталъ поступать не по Рязанскимъ обычаямъ, то Рязанцы перехватили его бояръ и слугъ, иныхъ засадили по погребамъ, иныхъ повѣсили, и стали сноситься съ Пронскими Князьями, чтобы выдать имъ самаго Ярослава. Впрочемъ этотъ замыселъ имъ не удался: осторожный Ярославъ успѣлъ во время увѣдомить отца своего, и тотъ съ большою ратью явился подъ Рязанью, отвелъ Рязанцевъ плѣнниками во Владиміръ, а Рязанскую землю страшно опустошилъ. Тѣмъ не менѣе Рязанскіе земцы, спасшіеся отъ плѣна, въ тотъ же годъ съ Князь-

ями Изяславомъ Владиміровичемъ и Кирь Михаиломъ мсти-ли Всеволоду опустошеніемъ окрестностей Москвы, и хотя были разбиты Всеволодовымъ сыномъ Юріемъ, однако Всеволодъ оставилъ ихъ въ покоѣ и не рѣшился предпринимать новаго похода въ Рязанскую землю. А по смерти Всеволода сынъ его Юрій отпустилъ всѣхъ Рязанскихъ плѣнниковъ бывшихъ въ Суздальской землѣ и заключилъ съ Рязанскими Князьями миръ и союзъ. Такимъ образомъ Рязанская земщина при всѣхъ неудачахъ своихъ и при всѣхъ проискахъ Всеволода Владимірскаго успѣла отстоять свою независимость; даже тогда, когда тамошніе Князья, большею частію были побиты или отведены въ плѣнъ, она даже не задумалась возстать на Всеволода посаженника Ярослава, когда онъ сталъ править не по Рязанскимъ обычаямъ.

Рязанская и Муромская земля въ это время была довольно обширна; она на сѣверѣ простиралась за Оку и сходилась съ Суздальскою землею, на западѣ граничила съ Черниговскими владѣніями въ землѣ Вятичей, на югѣ и востокѣ, по рѣкамъ Воронежу, Хопру и Великой Воронежъ далеко углублялась въ Половецкія степи. Главнымъ, старшимъ городомъ Рязанской земли былъ Муромъ, древнѣйшая Новгородская колонія въ тамошнемъ краю, и конечно родоначальникъ всѣхъ тамошнихъ Славянскихъ городовъ и поселеній; онъ находился въ самыхъ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ тамошняго края, на Окѣ, въ со-сѣдствѣ съ Мещерою, Мордвою и Волжскими Болгарами; за Муромомъ слѣдовали по старшинству Рязань, въ срединѣ края, и Пронскъ, на юго-западъ отъ Рязани. Каждый изъ сихъ трехъ городовъ имѣлъ своихъ старшихъ Князей изъ племени Ярослава Святославича Чернигов-

скаго, которые держали своихъ младшихъ Князей по пригородамъ. Князья сіи, по родству, должны бы были быть въ постоянномъ союзѣ съ Черниговскими Князьями; но находясь почти въ постоянной враждѣ между собою, они дѣлились на партіи, и одна партія держалась союза съ Черниговскими Князьями, другая съ Смоленскими, а третья съ Суздальскими. И какъ Суздальскіе Князья были ближайшими сосѣдями, то они, покровительствуя своей партіи Рязанскихъ Князей, умѣли устроить дѣла такъ, что почти постоянно имѣли огромнѣйшее вліяніе на Рязанскихъ и особенно на Муромскихъ Князей. Впрочемъ Суздальское вліяніе ограничивалось только Князьями; Рязанская же земщина была въ постоянной враждѣ съ Суздальскимъ преобладаніемъ, и у Суздальскихъ лѣтописцевъ Рязанцы назывались не иначе, какъ людьми гордыми, буими, непокоривыми и своеобразными. И дѣйствительно, будучи старыми колонистами Новгородскими, Рязанцы много удержали изъ Новгородскихъ обычаевъ и не терпѣли чужой власти. У нихъ и власть своихъ Князей была сильно ограничена земскими боярами, которые были очень сильны большими поземельными владѣніями, въ которыхъ имѣли не только села, но и города; такъ напримѣръ, городъ Дѣдиловъ по всему вѣроятію былъ собственностію того знаменитаго боярина Дѣдильца, который отъ Рязанскаго Князя Глѣба былъ посломъ во Владимірѣ и присовѣтовалъ Суздальцамъ, по смерти Боголюбскаго, избрать себѣ въ Князья Ростиславичей, шурьевъ Глѣбовыхъ. Да и вообще Рязанская земщина въ своихъ отношеніяхъ къ Князьямъ много походила на Новгородскую земщину: городскія общины въ Рязанскомъ краю, не всегда слѣдили за посадни-

ковъ и другихъ начальниковъ разсылаемыхъ по городамъ. Такъ въ лѣтописяхъ подъ 1210 годомъ упоминается, что въ Кадомѣ былъ убитъ Рязанскій тысяцкій Матвѣй Андреевичъ, или еще прежде въ 1135 году въ самой Рязани былъ убитъ тысяцкій Иванъ Андреевичъ, по прозванію Долгій, или въ 1155 году въ Бѣлгородѣ Рязанскомъ былъ убитъ тысяцкій Андрей Глѣбовъ. Объ ограниченности княжеской власти въ Рязани свидѣтельствуется и жалованная грамота, данная Ольгову монастырю, въ которой сказано, что когда Князья, Ингварь, Олегъ и Юрій отдавали въ Ольговъ монастырь пять погостовъ съ 1010 семьями; то при этомъ присутствовали 300 бояръ и 600 мужей, которые и записаны въ грамотѣ; слѣдовательно Князья одни безъ согласія бояръ и мужей не могли означенныхъ пяти погостовъ отдать въ монастырь. Впрочемъ вообще мы мало имѣемъ извѣстій объ устройствѣ общества въ Рязанской и Муромской землѣ, знаемъ только, что лѣтописи почти одинаково отзываются о Рязанцахъ, какъ и о Новгородцахъ; а Новгородцы въ это время были извѣстны своею неуступчивостію и развитіемъ самоуправленія.

Сосѣди Суздальской земли на Западѣ, Смольняне, тоже старые колонисты Новгорода, съ Ростислава Мстиславича получившіе отчинныхъ Князей въ его племени, съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣли и болѣе твердое положеніе своей земщины и большее участіе въ дѣлахъ между княжескихъ. Уже Ростиславъ, когда его приглашали въ Кіевъ по смерти Юрія Долгорукаго, посылалъ туда напередъ себя отъ Смольнянъ мужа Ивана Ручечника, и отъ Новгородцевъ Якуна, договариваться съ приглашавшими Князьями и Кіевлянами о томъ, на какихъ условіяхъ они

принимають его въ Кіевскіе Князья и будутъ ли ему послушны во всемъ. Эта посылка земцевъ, а не дружинниковъ, прямо показываетъ на сильное участіе земщины въ дѣлахъ княжескихъ: здѣсь Ростиславъ принимаетъ Кіевскій столъ, явно съ согласія Смольнянъ и Новгородцевъ; онъ считаетъ для себя одинаково нужнымъ, какъ согласіе Князей и Кіевлянъ приглашавшихъ его въ Кіевъ, такъ и земцевъ Новгородскихъ и Смоленскихъ, отпускавшихъ его на Кіевскій престолъ. Слѣдовательно, и уѣзжая княжить въ Кіевъ, Ростиславъ дорожилъ еще расположеніемъ Смольнянъ, и, такъ сказать, не хотѣлъ разрывать своей связи съ Смоленскомъ; и дѣйствительно эта связь не разорвалась съ отѣздомъ Ростислава въ Кіевъ, Смольняне усердно помогали ему въ первой же войнѣ съ Изяславомъ Давыдовичемъ. А когда Ростиславъ, въ послѣдній годъ своей жизни, проѣзжалъ черезъ Смоленскія владѣнія на пути своемъ изъ Кіева въ Новгородъ; то его выѣхали встрѣчать лучшіе Смольняне за 300 верстъ, а потомъ вышелъ къ нему на встрѣчу едва не весь Смоленскъ, и всѣ принимали его съ большою радостію и великими дарами, какъ перваго своего отчиннаго Князя, народнаго любимца, умѣвшаго ненарушать правъ земщины. Но Смоленскіе земцы, крѣпко любившіе Князей, поступавшихъ по обычаямъ Смоленскимъ, т. е. уважавшихъ права земщины, являлись непреклонными, какъ скоро Князья оказывали неуваженіе къ народнымъ правамъ. Такъ Ростиславовъ сынъ Романъ, когда по волѣ Андрея Боголюбскаго занялъ Кіевъ, и не посовѣтовавшись съ Смоленскою земщиною, далъ Смоленскъ своему сыну Ярополку; то Смольняне выгнали отъ себя Ярополка и посадили въ Смоленскіе Князья Романа брата,

знаменитаго защитника народныхъ правъ, Мстислава Ростиславича. Впрочемъ изгнаніе Ярополка не разсорило Смольнянъ съ дѣтьми перваго ихъ отчиннаго Князя, любимаго народомъ Ростислава: они черезъ два года признали своимъ Княземъ Романа, когда тотъ по обстоятельствамъ принужденъ былъ оставить Кіевъ и возвратиться въ Смоленскъ; а по смерти Романа съ радостію приняли брата его Давыда, и всѣ вмѣстѣ съ своимъ епископомъ и духовенствомъ вышли встрѣчать его. Но тѣ же самые Смольняне, которые такъ радушно встрѣчали Давыда, въ 1185 году, когда пришли съ нимъ на помощь къ Кіеву противъ Половцевъ, наотрѣзъ отказали Кіевскому Князю, требовавшему, чтобы Смоленскіе полки переправились черезъ Днѣпръ, на помощь къ Переяславлю, и составивши вѣче, дали такой отвѣтъ: «мы пошли изъ Смоленска только до Кіева, и ежели нужно бы было драться съ Половцами подъ Кіевомъ, то бились бы; а искать другой рати не можемъ, мы устали.» И послѣ такового отвѣта пошли съ своимъ Княземъ назадъ въ Смоленскъ, и Давыдъ не могъ остановить ихъ; мало этого воротившись въ Смоленскъ, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, онъ нашелъ Смольнянъ въ возстаніи противъ себя; лѣтопись говоритъ: «встанъ бысть въ Смоленскѣ промежи Княземъ Давыдомъ и Смольняны, и много головъ паде лучшихъ мужъ.» Давыдъ очевидно утишилъ это возстаніе и остался княжить въ Смоленскѣ; но онъ послѣ этого кажется уже не пользовался прежнимъ положеніемъ Смоленской земщины, какъ это прямо свидѣтельствуется Святославъ Ольговичъ въ письмѣ къ дядѣ своему Ярославу Черниговскому; онъ въ 1195 году, побуждая Ярослава идти на Смоленскъ, пишетъ такъ: «я

уже разбилъ Смоленскій полкъ Давыда, и захваченные въ плѣнъ Смольняне сказываютъ, что ихъ братья недобрѣ живутъ съ Давыдомъ. А не опуская такого хорошаго для тебя случая.» Давыдъ Ростиславичъ скончался въ 1197 году; по смерти его слѣдовали на Смоленскомъ престолѣ другъ за другомъ: Мстиславъ Романовичъ и Владиміръ Рюриковичъ племянники Давыдовы, а за ними сынъ его Мстиславъ. Объ отношеніяхъ къ нимъ Смоленской земщины, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; но постоянная связь Смольнянъ съ Новгородцами, сходство характера между ними, и предшествовавшія отношенія къ Ростиславу, Роману и Давыду даютъ право думать, что отношенія сіи не измѣнялись, что Смоленскіе земцы и по смерти Давыда продолжали принимать участіе въ дѣлахъ мира и войны у своихъ Князей, что Князья Смоленскіе и воевали и мирились по согласію съ своею земщиною. Какъ мы дѣйствительно и видимъ, когда Мстиславъ Мстиславичъ Новгородскій въ войнѣ съ Ярославомъ и Юріемъ Суздальскими пригласилъ къ себѣ въ союзъ Владиміра Рюриковича Смоленскаго, то съ Владиміромъ пришли и Смоленскіе земцы своимъ полкомъ, и въ описаніи этой войны лѣтопись прямо приравниваетъ Смольнянъ къ Новгородцамъ: «а мужи Новгородцы и Смольняне дерзи суть къ боеви.» Да и на самомъ дѣлѣ въ Липецкомъ бою Новгородцы и Смольняне дѣйствовали одинаково: и тѣ и другіе первые бросились въ битву, пѣшіе, поснимавъ съ себя верхнее платье и сапоги. Объ участіи земцевъ въ дѣлахъ мира свидѣтельствуется договорная грамота Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ; въ этой грамотѣ прямо сказано, что для переговоровъ о мирѣ Князь посылалъ въ Ригу отъ

Смольнянъ попа Еремѣя и сотскаго Пантелѣя, а еще прежде сихъ пословъ велъ переговоры съ Нѣмцами Тумашъ Смольнянинъ.

Но съ смертію Мстислава Давыдовича, кажется, измѣнились отношенія Смольнянъ къ потомству Ростислава Мстиславича, и Смоленская земщина едва ли не хотѣла остаться безъ Князя, или подобно Новгороду, не думала ли имѣть у себя выборныхъ Князей, изъ другихъ княжескихъ домовъ. Ибо на другой годъ по смерти Мстислава Давыдовича, мы имѣемъ въ лѣтописи извѣстіе, что Святославъ Мстиславичъ, внукъ Романа Ростиславича, при помощи Полочанъ взялъ Смоленскъ на щитъ, изсѣкъ Смольнянъ и сѣлъ на тамошнемъ княжескомъ столѣ. Потомъ черезъ шесть лѣтъ, по взятіи Смоленска Святославомъ, мы еще имѣемъ извѣстіе, что Ярославъ Всеволодовичъ Суздальскій приходилъ въ Смоленскъ на Литву, побѣдилъ Литву, взялъ ихъ Князя, урядилъ Смольнянъ и посадилъ имъ въ Князя Всеволода Мстиславича, роднаго брата Святославу, а самъ со множествомъ полона и великою честію возвратился домой. Это послѣднее извѣстіе, кажется намекаетъ на то, что Святославъ насильно занявшій Смоленскъ и страшно опустошившій его, былъ вытѣсненъ оттуда Смоленскою земщиною, и вѣроятно бѣжавшій оттуда въ Полотскъ, снова подступилъ къ Смоленску съ Литвою; и Смольняне, чтобы отбить его, пригласили къ себѣ на помощь Ярослава Суздальскаго, который и разбилъ Литву, взялъ Святослава въ плѣнъ, а Смольнянъ уговорилъ принять Всеволода.

Сосѣди Смольянъ на западѣ, Полочане еще со времени Владиміра Святаго имѣли уже отдѣльнаго отчиннаго Князя Изяслава Владиміровича, потомки котораго почти по-

стоянно оставались отчинными Полотскими Князьями. Временное изгнаніе Изяславовыхъ потомковъ при Мстиславѣ Великомъ и присоединеніе Полотскихъ владѣній къ Кіевскимъ при преемникѣ же Мстислава, его братѣ Ярополкѣ, кончилось тѣмъ, что потомки Изяслава опять возвратились въ Полотскъ и по волѣ тамошней земщины снова сдѣлались отдѣльными Полотскими Князьями. При сихъ Князьяхъ, возвращенныхъ волею и стараніями народа, земщина въ Полотскѣ получила такую силу, какой она не имѣла ни въ одномъ Русскомъ княжествѣ, выключая Новгородѣ. Впрочемъ отношенія Полотской и Новгородской земщины къ своимъ Князьямъ были неодинаковы; конечно и въ Полотскѣ и въ Новгородѣ Князья были выборные: но Новгородцы выбирали себя Князей изъ цѣлаго потомства Варяга Рюрика, Полочане же только изъ племени Изяслава Владиміровича. При томъ же Князья избираемые Новгородомъ обыкновенно имѣли какія либо отчинныя владѣнія въ другихъ княжествахъ Руси, куда они и удалялись не поладивъ съ Новгородцами; Полотскіе же Князья неимѣли никакихъ другихъ владѣній кромѣ Полотскихъ, ихъ отчиною была только Полотская земля. По этому они, чтобы неостаться Князьями безъ владѣній, должны были волею неволею или соглашаться на всѣ требованія своей земщины, или искать себя покровительства у сосѣднихъ Князей, или держаться полудикой Литвы, въ землѣ которой хотя и были разсыпаны Полотскія и Кривскія колоніи, но народъ еще не вездѣ былъ ославяненъ и жилъ по своимъ обычаямъ, особенно въ глухихъ лѣсахъ и пущахъ. И Князья дѣйствительно прибѣгали къ тому, и другому, и третьему средству.

Мы уже видѣли, что въ 1154 году Полочане, недовольные своимъ Княземъ Рогволодомъ Борисовичемъ, схватили его и отослали въ Минскъ къ его двоюродному брату Ростиславу Глѣбовичу, и посадили у себя Княземъ этого Ростислава. Рогволодъ, содержавшійся въ Минскѣ узникомъ, успѣлъ убѣжать къ Святославу Ольговичу Новгородъ-Сѣверскому, и при его помощи въ 1159 году занялъ пограничный городъ Слуцкъ и оттуда сталъ сноситься съ Дручанами, которые кажется и подняли его искать волости, обѣщая содѣйствіе и свое и Полочанъ. Дручане, получивши отъ Рогволода вѣсть о занятіи Слуцка, сказали ему: «Княже! не мѣшай, мы рады тебѣ, поѣзжай, и будемъ за тебя биться и съ дѣтьми». И когда Рогволодъ по такому зову двинулся изъ Слуцка, то вышли къ нему навстрѣчу 300 лодій Дручанъ и Полочанъ, и ввели его въ Друцкъ, а тамошняго Князя, Ростиславова сына Глѣба, выгнали и сами разграбили его дворъ и дружину. Въ слѣдъ за тѣмъ и Полочане поднялись на своего Князя; но Ростиславъ на первый разъ подарками успѣлъ остановить возстаніе и привелъ Полочанъ ко кресту. Впрочемъ примиреніе было не искреннее: спустя нѣсколько времени Полочане стали ссылаться съ Рогволодомъ и прислали сказать ему: «Князь нашъ! мы согрѣшили къ тебѣ и къ Богу, что прежде возстали на тебя безъ вины, разграбили имѣніе твое и твоей дружины, а тебя самага выдали Глѣбовичамъ на великую муку; и ежели ты не вспомянешь всего того, что мы сдѣлали съ тобою въ безумьи, и поцѣлуешь къ намъ крестъ, то мы твой люди, а ты нашъ Князь, а Ростислава выдадимъ тебѣ въ руки, дѣлай съ нимъ что хочешь». Рогволодъ разумѣется поцѣловалъ къ нимъ крестъ

и обѣщаяся не поминать стараго. Ростиславъ же провѣдавши, что Полочане ищутъ схватить его, бѣжалъ съ дружиною въ Минскъ; и Полочане послали за Рогволодомъ въ Друцкъ и посадили его у себя Княземъ, потомъ собравши войско, повели его къ Минску выгонять Ростислава. Въ пособіе къ Полочанамъ Рогволодъ выпросилъ помощь у Ростислава Смоленскаго; по дорогѣ къ Минску Рогволодъ успѣлъ отнять Изяславль у Ростиславова брата Всеволода; но подъ Минскомъ не имѣлъ полного успѣха, и простоявъ десять дней, принужденъ былъ заключить миръ, при чемъ всѣ цѣловали крестъ другъ къ другу, не цѣловалъ креста только Ростиславовъ братъ Володаръ, убѣжавшій въ Литовскіе лѣса, искать себѣ помощниковъ.

При такомъ порядкѣ Полоцкая земля во время Суздальщины сдѣлалась просторнымъ поприщемъ народныхъ волненій и дѣятельнаго вмѣшательства сосѣднихъ Русскихъ Князей и Литвы. Рогволодъ еще два раза ходилъ неудачно на Ростислава къ Минску, потомъ въ третій разъ разбитый подъ Городцемъ Ростиславовымъ братомъ Володаремъ, набравшимъ себѣ полки Литвы, уже неосмѣлился воротиться въ Полоцкъ, боясь тамошней земщины, и ушелъ въ Друцкъ. Полочане, очевидно недовольные имъ, посадили себѣ въ Князя Всеслава Васильковича, троюроднаго племянника Рогволоду. Этотъ новый Князь, посаженникъ народа, княжилъ спокойно пять лѣтъ и въ это время женился на дочери Романа Смоленскаго; потомъ Володаръ Глѣбовичъ, успѣвшій при помощи Литвы разбить Рогволода подъ Городцемъ, на шестомъ году повелъ Литву къ Полотску, выпроваживать Всеслава. Полочане, какъ и слѣдовало, стали за своего посажен-

ника; по разбитые Володаремъ принуждены были признать Володаря своимъ Княземъ и цѣловать къ нему крестъ, впрочемъ не надолго. За Всеслава вступились Князья Смоленскіе; и Володарь принужденный бѣжать отъ Витебска, уже не смѣлъ воротиться въ Полотскъ, куда опять прибылъ Всеславъ и былъ принятъ земщиною. вмѣстѣ съ Всеславомъ Полотская земля поступила подъ покровительство Смоленскихъ Князей. И когда Мстиславъ Ростиславичъ съ Новгородцами шель воевать въ Полотскихъ владѣніяхъ, то Романъ Ростиславичъ Смоленскій заступился за своего зятя Всеслава и за Полочанъ, и уговорилъ Мстислава съ Новгородцами воротиться назадъ. Но по смерти Романа Полотскіе Князья Всеславъ и Брячиславъ Васильковичи и еще четверо ихъ союзниковъ отступили отъ союза съ Смоленскомъ и передались Черниговскимъ Князьямъ, и во время ихъ войны съ Смоленскими Князьями привели къ нимъ на помощь Литву и Ливъ; съ Смоленскими же Князьями соединился Глѣбъ Рогволодовичъ Друцкій, котораго отецъ, какъ мы уже видѣли былъ прежде подъ покровительствомъ Черниговскихъ и Новгородъ-Сѣверскихъ Князей. Этотъ переходъ Полоцкихъ Князей къ Черниговскимъ лѣтъ чрезъ пять (именно въ 1186 году) произвелъ войну Давыда Смоленскаго съ Полотскими Князьями. Давыдъ вооружилъ Смольнянъ и Новгородцевъ и соединившись съ двумя Полотскими Князьями своими союзниками, пошелъ на Полотскую землю: тогда Полотская земщина мимо своихъ Князей отправилась на границу, и недопустивъ Давыда вступить въ свою землю, приняла его съ честію и дарами, и заключила миръ, конечно обѣщая держаться Смоленскихъ Князей, а не Черниговскихъ. Впрочемъ въ войнѣ Рюрика

Кіевскаго и Давыда Смоленскаго съ Черниговскимъ Княземъ Ярославомъ, въ 1195 году, Полотскіе Князья опять были на сторонѣ Черниговскихъ. Но потомъ въ договорной грамотѣ Мстислава Давыдовича съ Ригю и Готскимъ берегомъ, писанной въ 1229 году, Полотскъ и Витебскъ являются уже въ зависимости отъ Смоленскаго Князя, хотя еще имѣютъ и своихъ Князей; Мстиславъ въ заключеніи этой грамоты пишетъ, что по этой грамотѣ Нѣмецкіе купцы будутъ пользоваться покровительствомъ, какъ въ Смоленской, такъ равнымъ образомъ въ Полотской и Витебской областяхъ. А въ 1232 году Святославъ Мстиславичъ, внукъ Романовъ, по смерти Мстислава Давыдовича занялъ Смоленскъ при помощи Полочанъ,—слѣдовательно Полочане имѣли уже его своимъ Княземъ.

Такимъ образомъ вольная Полотская земщина въ междоусобіяхъ потеряла своихъ отчинныхъ Князей и подчинилась чужимъ Князьямъ Смоленскимъ, и стала воевать за нихъ противъ Смольнянъ же. Но мало этого, она въ междоусобіяхъ и ссорахъ съ своимъ Князьями потеряла вліяніе на свои колоніи по Двинѣ и Нѣману. Колоніи сіи съ одной стороны по Двинѣ въ ея низовьяхъ подчинились Нѣмцамъ, утвердившимся въ Ригѣ въ 1200 году, и въ продолженіи какихъ либо десяти лѣтъ успѣвшимъ оттѣснить или подчинить себѣ удѣльныхъ Полотскихъ Князей владѣвшихъ городами по низовьямъ Двины; а съ другой стороны колоніи по Нѣману и его притокамъ были отхвачены полудикою Литвою, которая сперва сама укрывалась въ лѣсахъ, а потомъ стала укрывать у себя Полотскихъ Князей. Полотскіе Князья въ первый разъ укрывались въ

Литовскихъ лѣсахъ отъ Мстислава Великаго и поднимали и водили на него Литву; а потомъ стали собирать Литовскіе полки на свою же братью на Полотскихъ Князей и на Полочанъ, и тѣмъ сами же указали Литовцамъ, какъ воевать съ Полочанами и другими Русскими сосѣдями. И такимъ образомъ Литовцы во второй половинѣ XII столѣтія сдѣлались страшными грабителями всѣхъ сосѣднихъ Русскихъ владѣній, и не только уже не боялись прежде грозныхъ для нихъ Полочанъ, но и стали сажать на Полотскій престолъ Князей искавшихъ ихъ помощи, и мало по малу завладѣли всѣми Полотскими колоніями по Нѣману и его притокамъ и посажали въ тамошнихъ городахъ или своихъ Князей, или Полотскихъ же своихъ союзниковъ, такъ что къ концу XII вѣка Полочане для защиты отъ Литовцевъ, предводительствуемыхъ частію своими племенными Князьями и частію изгнанными Полотскими Князьями, должны были искать защиты у Смоленскихъ Князей; а наконецъ въ XIII столѣтіи и Смоленскихъ Князей вмѣстѣ съ Полочанами, въ 1225 и 1239 годахъ, долженъ былъ защищать отъ Литвы Ярославъ Всеволодовичъ, Князь Владиміра Суздальскаго.

Мимо отношеній Княжескихъ общественное устройство Русской земли во время Суздальщины, въ основныхъ своихъ чертахъ оставалось болѣе или менѣе въ прежнемъ видѣ. Собственно въ земскихъ дѣлахъ Русское общество по прежнему управлялось своими выборными начальниками; по прежнему важнѣйшія дѣла рѣшались вѣчемъ или народнымъ собраніемъ, въ которомъ имѣли право участвовать всѣ члены общества; по прежнему города были центрами областей, и къ нимъ тянули всѣ другіе виды поселеній, такъ что распоряженія сдѣлан-

ныя городомъ были обязательны для всѣхъ погостовъ или волостей, лежащихъ въ предѣлахъ той земли, которая тянетъ къ городу; по прежнему не было еще забыто отношеніе городовъ къ пригородамъ. Но во время Суздальщины, въ большей части Русскихъ владѣній это отношеніе стало ослабѣвать, пригороды въ это время уже не всегда повиновались своимъ старшимъ городамъ; впрочемъ старшіе города еще не позабыли своихъ правъ и продолжали по мѣрѣ возможности поддерживать свои притязанія, и даже иногда вступали въ борьбу съ своими пригородами, опираясь на общій старыи законъ на Руси, по которому всѣ власти какъ на думу навѣча сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть; и сами пригороды продолжали еще признавать права старшихъ городовъ, и въ случаѣ надобности относиться къ нимъ за совѣтами и за помощію. Такъ на примѣръ въ 1176 году Владимірцы, недовольные плохимъ управленіемъ своего Князя Ярополка Ростиславича, послали съ жалобою къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, какъ жителямъ старшихъ городовъ, объявляя имъ свою обиду.

Начинающемуся измѣненію отношеній между старшими городами и пригородами много способствовалъ новый порядокъ, утвердившійся во время Суздальщины, по которому Князья стали заботиться о томъ, чтобы постоянно удерживать за собою свои отчинныя владѣнія, и по возможности усиливать ихъ. При этомъ порядкѣ Князья естественно мало думали о томъ, въ старшемъ ли городѣ они живутъ, или въ пригородѣ; для нихъ даже пригородъ не имѣвшій ни какаго авторитета, казался удобнѣе, чѣмъ старшій городъ, пользовавшійся большимъ земскимъ зна-

ченіемъ. Это направленіе всего яснѣ выказали Князья Суздальскіе; они, начиная съ Андрея Боголюбскаго, постоянно старались держаться во Владимірѣ, Суздальскомъ пригородѣ, а не въ старшихъ городахъ Суздаля и Ростовѣ. И Андрей же Боголюбскій такъ успѣлъ возвысить и усилить Владимірѣ, что онъ дѣйствительно сдѣлался первымъ городомъ во всей Суздальской и Ростовской сторонѣ. И хотя Владимірцы еще называли себя младшими мизинными предѣ Ростовцами и Суздальцами; но когда по смерти Андрея Ростовцы и Суздальцы, какъ старшіе вздумали руководить при избраніи преемника Андрею, то Владимірцы отказались повиноваться имъ и, выбравши себѣ въ Князья Михаила Юрьевича, семь недѣль бились съ Ростовцами, защищая избраннаго Князя. И лѣтопись прямо говоритъ, что Владимірцы бились не противъ Князей предлагаемыхъ Ростовцами, но собственно не желая покориться Ростовцамъ, которые хвалились такъ: «позжемъ Владимірѣ, или посадника въ немъ посадимъ, это наши холопы каменщики.» Тоже было по смерти Михаила, Владимірцы выбрали себѣ Михайлова брата Всеволода, а Ростовцы призвали изъ Новгорода Мстислава Ростиславича, и пошли войною на Всеволода и Владимірцевъ: Липецкая битва кончила споръ въ пользу Всеволода и Владимірцевъ, и съ тѣхъ поръ пригородъ Владимірѣ получилъ окончательно первенство передъ старшими городами Ростовомъ и Суздалемъ; такъ что послѣ 37 лѣтняго княжествованія Всеволода, когда между его сыновьями начались междоусобія, то Ростовскій Князь Константинъ Всеволодовичъ, побѣдивши Владимірскаго Князя Юрія Все-

володовича и сдѣлавшись старшимъ Княземъ во всей Суздальско-Ростовской землѣ, не остался въ Ростовѣ, а утвердился во Владимірѣ.

Старанія Князей постоянно удерживать за собою свои отчинныя владѣнія, сообщивши земщинѣ большое значеніе въ между княжескихъ отношеніяхъ, естественно должны были вызвать заботы Князей о поддержаніи добраго расположенія земщины къ Князю, а это расположеніе конечно могло пріобрѣтаться и поддерживаться ничѣмъ инымъ, какъ соблюденіемъ старыхъ земскихъ правъ и порядковъ. Такимъ образомъ хотя власть Князей значительно усилилась отъ болѣе тѣснаго сближенія съ земщиною; но она по прежнему еще не нарушала правъ земщины, и всѣ земскіе порядки велись по старому. Такъ Князья, по искони заведенному порядку, начиная съ осени въ продолженіи всей зимы сами объѣзжали свои области, для чиненія суда и управы, что по тогдашнему называлось полюдьемъ. Объ этомъ полюдьи мы еще встрѣчаемъ извѣстія въ лѣтописяхъ; напримѣръ подъ 1190 годомъ лѣтопись говоритъ, что Всеволодъ Юрьевичъ 8 Февраля былъ въ полюдьи въ Переяславлѣ, гдѣ у него въ то время родился и сынъ Феодоръ, а 25 Февраля того же года Всеволодъ былъ въ полюдьи уже въ Ростовѣ. Рожденіе Всеволодова сына во время полюдья въ Переяславлѣ показываетъ, что Князь по старому обычаю ѣздилъ въ полюдье съ своимъ семействомъ. Князьямъ по прежнему выдѣлялись особыя области на содержаніе дружинниковъ и вообще на поддержаніе княжеской власти; такъ подъ 1240 годомъ стольникъ Князя Даніила Романовича говоритъ боярину Доброславу, что великіе Князи держатъ за собою Коломыйскую область на раздаваніе ору-

жникамъ. Да и вообще Князья въ это время раздавали своимъ дружинникамъ земли въ помѣстное владѣніе изъ тѣхъ только областей, которыя уступались земщиною на Князя, точно также, какъ это было и въ прежнее время; но естественно удержаніе Князьями за собою однихъ и тѣхъ же владѣній, какъ бы по наслѣдству, незамѣтно вело къ большому развитію Княжеской власти надъ землями уступленными Князю земщиною. Но тѣмъ не менѣе земли сіи не составляли личной собственности Князей, а составляли только неотъемлемую принадлежность Княжеской власти. Для приобрѣтенія же личной поземельной собственности Князья употребляли тѣже средства, какъ и частные люди, т. е. покупку, дареніе, полученіе по наслѣдству, разчистку пустыющихъ земель, и дикихъ лѣсовъ никому не принадлежащихъ; но такія земли, составлявшія частную собственность Князя, нисколько не отличались отъ земель другихъ частныхъ собственниковъ: на нихъ лежали тѣже подати и повинности въ казну, какъ и на земляхъ другихъ частныхъ собственниковъ. Строилъ ли Князь на своихъ частныхъ земляхъ города или села, это нисколько не измѣняло характера частной собственности сихъ земель; и жители таковыхъ городовъ и селъ платили Князю оброкъ и работали на него какъ на собственника земли, на которой они живутъ, по взаимному согласію, точно также, какъ это было и у другихъ частныхъ собственниковъ, и въ то же время платили дани и отправляли разныя общественныя повинности по общей земской раскладкѣ. Рѣшительно частная земельная собственность Князя въ это время ничѣмъ не отличалась отъ другой какой частной собственности и не имѣла никакихъ привиллегій. Владиміръ Ва-

сильковичь, Князь Волынской, въ своемъ завѣщаніи пишетъ: «далъ есмь Княгинѣ своей по своемъ животѣ, городъ свой Кобрынъ, и съ людьми и съ данью, какъ при мнѣ давали, такъ и по мнѣ даютъ моей Княгинѣ; далъ также ей село свое Городень и съ мытомъ, и люди какъ на меня работали, такъ и на Княгиню по моемъ животѣ. А ежели нужно будетъ Князю городскія укрѣпленія строить, то и они тянутъ въ эту постройку, а равно платятъ Князю поборы. А село Березовичи, которое я купилъ у Ѳедора Давыдовича Юрьевича, а далъ за него 50 гривенъ кунъ, 5 локоть скорлата, да дощатыя брони, а далъ сіе село церкви Св. Апостолъ.»

Управляли Князья городами и областями по прежнему черезъ своихъ посадниковъ, которые обыкновенно назначались изъ дружины; такъ лѣтопись подъ 1176 годомъ говоритъ о Мстиславѣ и Ярополкѣ Ростиславичахъ, что они во время княженія своего въ землѣ Ростовской раздавали по городамъ посадничество Русскимъ дѣтскимъ, т. е. дружинникамъ приведеннымъ изъ Приднѣпровья. Кромѣ посадниковъ отъ Князей посылались по городамъ и волостямъ тиуны, какъ для чиненія суда и управы отъ имени Князя, такъ и по другимъ Княжескимъ порученіямъ. Но ни посадники, ни тиуны не могли судить и распоряжаться одни; они были только представителями Княжеской стороны, но въ то же время на судѣ и въ распоряженіяхъ была и сторона земская въ лицѣ своихъ старостъ и выборныхъ добрыхъ людей. Такъ относительно суда прямо свидѣтельствуетъ договорная грамота Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригю и Готскимъ берегомъ, 1229 года, въ которой сказано: «ежели какое судное дѣло окончено будетъ въ Смоленскѣ между Русью

и Латинскимъ языкомъ, предъ судьями и предъ добрыми людьми; то этого дѣла невсчинать ни въ Ригѣ, ни на Готскомъ берегѣ.» Мало этого, — къ гражданину даже нельзя было приставить пристава для вызова въ судъ, необъявивши напередъ старостѣ, на что указываетъ также Мстиславова грамота, о чемъ мы увидимъ подробныя свидѣтельства въ послѣдствіи. Вообще общинное земское устройство въ это время такъ было сильно, что община была въ круговой порукѣ за своихъ членовъ, и члена общины нельзя было взять безъ согласія общины или безъ позволенія выборныхъ старостъ. Княжій или посадничій дѣтскій или приставъ даже не могъ безъ позволенія общины править долговъ, при чемъ община могла недопустить пристава и принять платежъ долга на себя; такъ въ Мстиславовой грамотѣ сказано: «ежели Русскій не захочетъ платить долга Латинину, то Латининъ долженъ просить дѣтскаго у тиуна, чтобы доправилъ долгъ. А ежели Смольняне не дадутъ воли дѣтскому, то должны сами платить взыскиваемый долгъ.» Также грамота такъ говоритъ о круговой порукѣ общины по своему членѣ: «ежели Волочанинъ возметъ у Латинина везти товаръ черезъ Волокъ, и что погибнетъ изъ сего товара, то за это должны платить всѣ Волочане, т. е. вся община Волочанскихъ перевозчиковъ.

Но ежели бы при всемъ этомъ посадники и тиуны стали отягощать земцовъ, какъ это свидѣтельствуется лѣтопись о посадникахъ, посаженныхъ Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами въ землѣ Ростовско-Суздальской; то общество или земщина обращалась съ жалобами къ Князю, или къ земщинѣ стараго города, ежели таковыя посадники и тиуны оказывались въ

пригородѣ. И Князь, получивши жалобу или узнавши о неудовольствіи и волненіи земщины противъ посадниковъ и разобравши дѣло, смѣнялъ посадниковъ и описывалъ то, что они пограбили; такъ въ лѣтописи подъ 1240 годомъ сказано о Даніилѣ Ромаповичѣ, «что онъ послалъ печатника своего Кирилла въ Бакоту исписать грабительства нечестивыхъ бояръ, и тѣмъ утишилъ землю». Ежели же Князь потворствовалъ своимъ посадникамъ и не смѣнялъ ихъ, то земщина возставала на самаго Князя; такъ напримѣръ Владимірцы, притѣсняемые посадниками Ростиславичей, въ 1176 году, вѣроятно послѣ безуспѣшныхъ жалобъ Князьямъ обратились съ жалобами къ старшимъ своимъ земцамъ Ростовцамъ и Суздальцамъ; а когда не получили и отъ нихъ удовлетворенія, то возстали на своихъ Князей, и пригласивши Князя Михаила Юрьевича, принудили ихъ бѣжать изъ Владиміра, и потомъ вмѣстѣ съ Миханломъ и Всеволодомъ, разбивши Ростиславичей съ Ростовцами и Суздальцами, объявили Михаила Княземъ всей Суздальской земли. Да иначе не могло и быть при твердомъ общинномъ устройствѣ тогдашней земщины, которая могла спосить обиды до времени, но ежели когда подавала свой голосъ, то голосъ этотъ тамъ, гдѣ земщина ещене потеряла своего значенія, всегда имѣлъ силу, и Князя неоставляли его безъ вниманія. Даже въ приведенномъ примѣрѣ 1176 года, очевидно, Ростиславичи потому только неуважили просьбы Владимірской земщины о смѣнѣ неудобныхъ посадниковъ, что надѣялись на помощь Ростовской и Суздальской земщины, которая была съ ними заодно противъ Владимірцевъ.

При двойной и дружной заботѣ со стороны Князя и

земщины объ устройствѣ общества и о сохраненіи мира и порядка, тѣ владѣнія Руси, гдѣ Князья и земщина дѣйствовали согласно, росли и развивались съ замѣтнымъ успѣхомъ. Время Суздальщины особенно было благопріятно для развитія городовъ, для увеличенія ихъ торговли и умноженія народонаселенія; такъ въ это время города Ростовско-Суздальской земли Владиміръ, Ростовъ, Ярославль, Суздаль, Переяславль-Залѣсскій, значительно поднялись и болѣе или менѣе сравнялись съ лучшими городами Приднѣпровья. Такъ лѣтописи свидѣтельствуютъ, что при Андреѣ Боголюбскомъ Владиміръ уже посѣщали торговые гости Греческіе изъ Константинополя, Латинскіе изъ разныхъ земель западной Европы, гости разныхъ княженій Русскихъ, также гости сосѣдней Волжской Болгаріи и Жиды. О населенности Владиміра можно заключать по исчисленію церквей погорѣвшихъ въ тотъ или другой пожаръ во Владиміръ; такъ по свидѣтельству лѣтописей въ 1185 году сгорѣло во Владиміръ 32 церкви, при чемъ сказано: «погорѣлъ едва не весь городъ,» или въ 1227 году тамъ же сгорѣло 17 церквей и едва не весь городъ. Въ другихъ владѣніяхъ тогдашней Руси, мы имѣемъ свидѣтельство лѣтописи о значительной населенности Смоленска; подъ 1230 годомъ лѣтопись говоритъ, что во время сильнаго мора, бывшаго тогда въ Смоленскѣ, было построено четыре скудельницы, въ которыхъ похоронили 32 тысячи человѣкъ. Въ томъ же году, по свидѣтельству лѣтописей, въ Новгородѣ похоронили 3030 человѣкъ въ одной скудельницѣ, потомъ построили еще двѣ скудельницы и тѣ наполнили безъ числа. Это значительное число умершихъ ясно говоритъ о большой насе-

ленности помянутыхъ городовъ. Галичь, Владиміръ Во-
лынскій, Полотскъ, Черниговъ, Кіевъ, Новгородъ Сѣ-
верскій и многіе другіе города, судя по указаніямъ лѣ-
тописей, также имѣли значительное населеніе.

Конечно населеніе каждаго изъ сихъ городовъ, начиная
съ Владиміра Суздальскаго и Смоленска, не могло равнять-
ся съ населеніемъ Кіева при первыхъ преемникахъ Яро-
слава, когда тамъ было болѣе 600 церквей; но тогда Кі-
евъ былъ главнымъ центромъ, куда стекались жители со
всѣхъ краевъ Русской земли; во время же Суздальщи-
ны главнаго центра уже не было, а явилось нѣсколько
частныхъ центровъ въ разныхъ краяхъ, и народонасе-
ніе распредѣлилось равномѣрнѣе по всей Русской зем-
лѣ, а вмѣстѣ съ болѣе выгоднымъ распредѣленіемъ на-
родонаселенія развивались и улучшались способы народ-
ной жизни; удобства жизни, которыя были прежде въ
Кіевѣ, теперь стали распространяться и по другимъ го-
родамъ, особенно тѣмъ, въ которыхъ утвердились Князья.
Во время Суздальщины не только княжіе слуги ходили
въ богатыхъ одеждахъ, но уже и бояре стали водить сво-
ихъ слугъ подобно княжескимъ; такъ одинъ дружинникъ,
посылая моленіе свое къ Ярославу Всеволодовичу Переяслав-
скому, между, прочимъ пишетъ что боярскіе слуги уже хо-
дятъ въ черленыхъ сапогахъ и въ багряницѣ, а лѣтопись Во-
лынская свидѣтельствуетъ, что слуги епископа Перемышль-
скаго носили бобровые тулы и прилбища волчьи и барсуко-
вые. По свидѣтельству лѣтописи церковь Рождества Св. Бо-
городицы въ Боголюбовѣ была украшена золотомъ, фи-
нифтью всякимъ церковнымъ строеніемъ, и отъ dna церков-
наго по стѣнамъ до верху окована золотомъ и измечтанна
всякою хитростію; и также богато была устроена церковь

соборная во Владимірѣ Клязменскомъ; и во многихъ другихъ городахъ начали въ это время появляться великолѣбныя церкви и другія общественныя зданія, дворцы Княжескіе, городскія стѣны съ великолѣбными башнями и воротами: такъ о церкви Іоанна въ Холмѣ лѣтопись говоритъ: «строеныя ея таково: четыре комары, съ каждою угла переводъ, и стояныя ихъ на четырехъ головахъ человѣческихъ изваяно; три окна украшенныя Римскими стеклами; при входѣ въ алтарь два столпа изъ цѣлаго камня и на нихъ комара; верхъ же украшенъ златыми звѣздами по лазури, внутренній же помостъ слитъ изъ мѣди и чистаго олова, и блестялъ какъ зеркало. Объ укрѣпленіяхъ Владиміра Вольинскаго, по свидѣтельству лѣтописи, Андрей Король Венгерскій сказалъ: «таковаго города я не видалъ и въ Нѣмецкихъ странахъ.»

Относительно торговли, мы имѣемъ ясныя и ясныя свидѣтельства, что во время Суздальщины она была не только не слабѣе противъ прежняго времени; но даже во многихъ отношеніяхъ сильнѣе: ни Половцы, ни междоусобія Князей ей много не мѣшали. Мы знаемъ изъ лѣтописей, что торговцы свободно ѣздили съ своими товарами по Половецкимъ степямъ; а у Русскихъ Князей всегда было обыкновеніе не стѣснять и не задерживать торговыхъ гостей даже во время войны; этого требовали, какъ выгоды самихъ Князей пользовавшихся торговыми пошлинами, такъ еще болѣе интересы земщины, съ которою Князья постоянно должны были жить въ согласіи.

Кіевъ по прежнему велъ дѣятельную торговлю съ Греціею и всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, а также съ Половцами, съ Польшею, Венгріею и другими странами на западъ; въ этой же торговлѣ участвовали Чер-

ниговъ, Галичь и Волынь. Рѣка Днѣпръ отъ Кіева до моря у Кіевлянъ и Черниговцевъ называлась Греческимъ путемъ, по ней ходили торговыя суда, какъ изъ Греціи на Русь, такъ и изъ Руси въ Грецію, здѣсь по прежнему главною пристанью считалось Олешье, куда приставали большія Греческія суда. Русскіе этого времени особенно дорожили Греческою торговлею, и для этого иногда Приднѣпровскіе Князья предприимали большіе походы на Половцевъ, когда тѣ своими грабежами начинали препятствовать торговлѣ. Такъ въ 1168 году Мстиславъ Изяславичъ Кіевскій на княжескомъ съѣздѣ жаловался своимъ союзникамъ, что Половцы отнимаютъ у насъ путь Греческій, соляной и залозный; и Князья на съѣздѣ же назначили походъ, и всѣ съ своими дружинами двинулись изъ Кіева въ Половецкія степи и доходили за Осколь, воюя землю Половецкую. Потомъ въ томъ же году, по призыву того же Мстислава, Князья ходили въ Каневъ встрѣчать Греческихъ купцовъ и залозниковъ, изъ опасенія, чтобы Половцы, мстя за недавнее опустошеніе своей земли, не пограбили купеческій караванъ. По свидѣтельству слова о полку Игоревѣ и другихъ памятниковъ, въ Кіевѣ проживали для торговли Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравляне и Венеціане; а по свидѣтельству лѣтописей въ Кіевѣ были ворота Ляцкіе, Угорскіе и Жидовскіе; это указываетъ на цѣлыя слободы или отдѣленія города, въ которыхъ проживали Поляки, Венгры и Жиды; а по Нѣмецкимъ лѣтописямъ и Нѣмецкіе торговцы имѣли свои конторы въ Кіевѣ; въ грамотѣ Австрійскаго Князя Леопольда, данной жителямъ Регенбурга въ 1190 году, Регенбургскіе купцы, торгующіе въ Россіи, прямо названы Руссаріями. Кромѣ ино-

земцевъ въ Кіевъ сѣзжались и Русскіе торговые гости съ разныхъ сторонъ, изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова, Галича и другихъ городовъ. Новгородскіе гости въ Кіевѣ даже имѣли свою церковь, слѣдовательно жили тамъ отдѣльно большею слободою. Галичъ и Волынь также торговали съ Греціею, Венгріею, Польшею и Германіею, и туда также сѣзжались и жили тамъ гости Новгородскіе, Смоленскіе и другихъ Русскихъ городовъ; Греческимъ путемъ для Галичанъ и Волынцевъ были восточный Бугъ и Днѣстръ; Днѣстромъ и потомъ Чернымъ моремъ и Днѣпромъ Галичане провозили свои товары даже въ Кіевъ.

Страна Ростовско-Суздальская, и особенно городъ Владиміръ съ Андрея Боголюбскаго, также стали участвовать въ торговлѣ Греческой и Нѣмецкой; по свидѣтельству лѣтописей туда ѣздили гости и изъ Царя-града и изъ Латинскихъ земель; но особенно въ близкихъ торговыхъ сношеніяхъ Ростовско-Суздальскій край находился съ Великимъ Новгородомъ, Смоленкомъ и Волжскою Болгаріею. Ежегодно въ Суздальскіе города пріѣзжало по двѣ тысячи и больше Новгородскихъ гостей; а въ Болгаріи Ростовско-Суздальскіе гости въ это время были главными Русскими торговцами, и въ старшемъ или Великомъ Болгарскомъ городѣ имѣли свою церковь и кладбище; такъ въ разсказѣ лѣтописи о кончинѣ мученика Аврамія, одного христіанина не Русскаго языка замученнаго Болгарами, сказано, что Русь-христіане взявши тѣло его, похоронили на своемъ кладбищѣ. Волга и Ока съ своими притоками служили большою торговою дорогою для Суздальцевъ, Ростовцевъ, Владимірцевъ, Устюжанъ, Муромцевъ и Рязанцевъ, по которой они торговали съ Болгарами, Мордвою и другими тамошними на-

родами; очевидно съ торговою цѣлю въ это время былъ выстроенъ и Нижній Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. При помощи Болгаръ Русскіе вели торговлю съ Персією и другими странами Азіи; ибо Азіатскіе Мусульманскіе народы были въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Волжскими Болгарами. А Рязанцы по Дону торговали съ Половцами и Тавридою: на торговлю Рязанцевъ съ Тавридою и частыя сношенія съ тамошнимъ краемъ мы имѣемъ прямое указаніе въ сказаніи о принесеніи въ Рязань Корсунскаго образа Николая Чудотворца.

Смольняне и Полочане вели дѣятельную торговлю съ Новгородомъ, Ростовско-Суздальскою землею, Кіевомъ, Черниговомъ и Волынью; ибо по свидѣтельству лѣтописей мы встрѣчаемъ Смоленскихъ гостей во всѣхъ сихъ краяхъ. Относительно же иноземной торговли Смольнянъ и Полочанъ во время Суздальщины, мы имѣемъ прямыя и довольно подробныя свидѣтельства, что торговля сія преимущественно была ведена съ Сѣвѣрною Германією и берегами и островами Балтійскаго моря. По свидѣтельству договорной грамоты Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ, писанной въ 1229 году, Западная Двина по взаимному условію Смольнянъ и Нѣмцевъ, была признана отъ верховья до устья свободною для обоюдной торговли, съ одной стороны Смольнянъ, Полочанъ и Видблянъ, а съ другой стороны Нѣмцевъ и Готландцевъ; по сей грамотѣ Смольняне и Полочане имѣли право свободно торговать Двиною до устья и потомъ Балтійскимъ и Нѣмецкимъ моремъ до Любека; а Нѣмцы изъ Двины могли свободно идти волокомъ въ Днѣпръ до Смоленска, и изъ Смоленска въ другіе Русскіе города,

куда захотятъ. Князь Смоленскій по грамотѣ принималъ на себя обязанность защищать приѣзжихъ торговыхъ Нѣмцевъ отъ обидъ во всей Смоленской землѣ; а Нѣмцы должны были платить тѣмъ же Русскимъ купцамъ приѣзжающимъ въ Ригу и другіе Нѣмецкіе города до Любека. Нѣмцы имѣли въ Смоленскѣ свои дворы и свою церковь. У Смольяницъ и Полочанъ продолжалась торговля и съ Литовцами; но во время Суздальщины эта торговля очевидно была стѣснена съ одной стороны Нѣмцами, занявшими берега Балтійскаго моря въ Ливоніи, Эстляндіи, и Курляндіи, а съ другой стороны Воляинцами вошедшими въ это время въ болѣе тѣсныя связи съ Литвою.

Самымъ торговымъ народомъ на Руси по прежнему были Новгородцы: ихъ торговые гости во время Суздальщины разѣзжали съ своими товарами по всѣмъ краямъ Русской земли; ихъ мы встрѣчаемъ, по лѣтописямъ, и въ Кіевѣ, и въ Галичѣ и во Владимірѣ Волинскомъ, и въ Черниговѣ, и въ Смоленскѣ, и особенно въ землѣ Ростовско-Суздальской, въ которой они разѣзжали большими товариществами; такъ напримѣръ Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій во время одной войны съ Новгородомъ за разъ захватилъ въ своей землѣ до двухъ тысячъ Новгородскихъ гостей съ ихъ товарами. Кромѣ Русскихъ княжествъ у Новгородцовъ въ это время продолжалась сильная торговля и колонизація на крайнемъ сѣверѣ нынѣшней Европейской Россіи, въ Заволочьѣ, гдѣ Новгородская торговля и колонизація съ одной стороны проникала до Бѣлаго моря и Сѣвернаго Океана, а съ другой стороны до Камской Болгаріи и до Уральскихъ горъ и даже въ Сибирь. Сѣверная Двина для Новгородцевъ и особенно для ихъ колонистовъ въ Заволочьи служила боль-

ною дорогою для торговли съ Шведами и Норвежцами. Корабли Шведскіе и Норвежскіе и въ XIII вѣкѣ продолжали еще ходить въ устье Сѣверной Двины для торговли съ тамошними Новгородскими колонистами; въ 1222 году Норвежцы, за убійство одного своего купца Двинянами, приходили въ устье Двины на четырехъ корабляхъ мстить Двинянамъ и пограбили у нихъ много серебра и мѣховъ. Двинскія колоніи Новгородцевъ въ это время были довольно сильны и богаты; знаменитые Новгородскіе граждане имѣли тамъ большія владѣнія и даже свои города. Ихъ торговые промыслы и колоніи въ этомъ краю въ глубокомъ Сѣверѣ простирались даже въ Сибирь за Уральскіе горы, а на югѣ сближались съ владѣніями Волжскихъ или Камскихъ Болгаръ, гдѣ Новгородскими повольниками въ 1174 году основана довольно сильная и богатая колонія Вятка, получившая свое названіе отъ рѣки Вятки, на которой было построено первое поселеніе Новгородскихъ выходцевъ. Новгородская колонія на Вяткѣ въ XIII столѣтіи имѣла уже у себя города Никулицынъ, Какшаровъ и Хлыновъ, и владѣла сосѣдними племенами Чуди, Черемисы и Вотяковъ и торговала съ Камскою Болгаріей и Пермью. По Балтійскому и Нѣмецкому морямъ Новгородъ и его пригороды Псковъ и Ладога вели дѣятельную торговлю съ Шведами, Датчанами и Нѣмцами; Новгородскіе торговые корабли доходили до Любека. Особенно Новгородская торговля съ Нѣмцами усилилась со времени учрежденія союза вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ, извѣстнаго подъ именемъ Ганзы. Ганза имѣла въ Новгородѣ свою главную контору которая называлась матерью всѣхъ иныхъ конторъ; у Нѣмцевъ и Готландцевъ были свои дворы и церкви въ Новгородѣ, Псковѣ и Ла-

догѣ; Новгородцы заключали съ Нѣмцами торговые договоры, изъ которыхъ нѣкоторые дошли и до насъ.

Вообще торговля во время Суздальщины, по свидѣтельству памятниковъ, производилась по извѣстнымъ правиламъ. Купцы въ Русскихъ городахъ составляли отдѣльный классъ жителей, по значенію своему въ Русскомъ обществѣ занимавшій первое мѣсто послѣ бояръ; такъ въ лѣтописи подѣ 1177 годомъ купцы во Владимірѣ упоминаются прямо послѣ бояръ, лѣтопись говоритъ: «и возсташа во Владимірѣ бояре и купцы». Еще въ прежнее время, по уставу Всеволода, въ Новгородѣ купцы раздѣлялись на *пошлыхъ* и *не пошлыхъ*; точно также и во время Суздальщины по Смоленской грамотѣ купцы раздѣлялись на *правыхъ* купцовъ и *не правыхъ*; въ грамотѣ прямо сказано, что свободный путь по Двинѣ, по водѣ и по берегу, дается Русскимъ и Нѣмцамъ, только тѣмъ, кто правый купецъ есть. По Всеволодову уставу старосты купеческіе выбирались только изъ пошлыхъ купцовъ, не пошлые купцы не могли быть выбранными въ старосты; а по Смоленской грамотѣ торговля заграничная дозволялось только правымъ купцамъ; слѣдовательно торговля вообще хотя никому не была запрещена, но преимущественныя торговыя права и завѣдываніе торговою управою принадлежали пошлымъ или правымъ купцамъ. Пошлыми же или правыми купцами по Всеволодову уставу были тѣ, которые внесли въ ту или другую купеческую общину пятьдесятъ гривенъ серебра; такимъ образомъ главная торговля и торговый судъ и управа были принадлежностью тѣхъ только купцовъ, которые заявили свою состоятельность вкладомъ въ общину довольно значительнаго опредѣленнаго капитала, но опредѣленный ка-

платя разъ взнесенный въ общинную казну дѣлалъ пошлымъ купцомъ не только самаго взнесшаго, но и все послѣдующее его потомство, какъ прямо сказано у Всеволода: «а пошлымъ купцомъ быть или отчиною или вкладомъ». Слѣдовательно званіе пошлаго или праваго купца было наслѣдственнымъ, точно также, какъ званіе боярина. Торговля по уставу Всеволода имѣла свой судъ и управу независимо отъ общаго городского суда, и свой сборъ пошлинъ также независимо отъ княжихъ посадниковъ и боярѣ, какъ прямо сказано у Всеволода: «а поставилъ есми три старосты отъ житыхъ людей, и отъ черныхъ людей тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты; управивати имъ всякая дѣла Иванская и торговая и гостиная и судъ торговый; а посаднику въ то не вступаться, ни бояромъ Новгородскимъ».

По договорной грамотѣ Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригю и Готскимъ берегомъ, отношенія Русскихъ и Нѣмецкихъ купцовъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1-е, *относительно суда*. Въ случаѣ суда между Русскимъ и Нѣмцемъ въ Смоленскѣ, Русскій долженъ представить двухъ свидѣтелей, одного Русскаго и одного Нѣмца; тоже Нѣмцы должны дѣлать для Русскихъ въ Ригѣ и другихъ Нѣмецкихъ городахъ. Русскій въ Смоленскѣ не можетъ приставить къ Нѣмцу дѣтскаго для вызова въ судъ, не объявивши о томъ напередъ Нѣмецкому старостѣ; ни Нѣмецъ не можетъ въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ приставить дѣтскаго къ Русскому, не объявивши напередъ Русскому старостѣ. Ни Нѣмецъ не платитъ судныхъ пошлинъ въ Смоленскѣ, ни Русскій гость въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ. Которое судное дѣло, между Нѣмцемъ и Русскимъ порѣшено въ Смо-

ленскѣ, того дѣла нельзя начинать снова, ни въ Ригѣ ни на Готскомъ берегѣ; равнымъ образомъ дѣло поконченное въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ, не вчинается снова въ Смоленскѣ. А судъ какъ въ Смоленскѣ, такъ и въ Ригѣ, и на Готскомъ берегѣ долженъ производиться передъ добрыми людьми. Смоленскій Князь не долженъ вступаться въ судъ Нѣмцевъ, между собою они правятся своимъ судомъ; и Нѣмцамъ не вступаться, ежели Русскіе купцы въ Нѣмецкой землѣ будутъ правиться своимъ судомъ. Ни Русинъ не можетъ звать Нѣмца на судъ къ иному Князю, кромѣ Смоленскаго, ни Нѣмецъ въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ не можетъ звать Русскаго на иной судъ, кромѣ Рижскаго или Готскаго.

2-е. *Относительно взысканія долговъ.* Ежели Русскій задолжаетъ и Русскимъ и Нѣмцу, то взыскивать долгъ сперва Нѣмцу, а потомъ Русскимъ; точно также ежели Нѣмецъ въ Ригѣ или въ другомъ какомъ Нѣмецкомъ городѣ задолжаетъ и Нѣмцамъ и Русскому, то при взысканіи долга прежде всѣхъ удовлетворяется Русскій. Ежели Русскій будетъ взыскивать свой товаръ на Нѣмцѣ въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ, или въ иномъ городѣ Нѣмецкомъ, то долженъ довольствоваться тамошнимъ судомъ, а другаго суда не искать, также поступать и Нѣмцу въ Смоленскѣ. Ежели Русскій не станетъ платить долга; то идти къ тѣну и взять у него дѣтскаго.

3-е, *Относительно торговли.* Нѣмецъ пріѣхавши въ Смоленскъ можетъ свободно торговать или въ Смоленскѣ, или везти свои товары въ какую угодно сторону; точно также и Русскій свободно торгуетъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ, или можетъ ѣхать въ другой какой Нѣмецкій городъ до Травны. Нѣмецъ свободно покупаетъ всѣ то-

вары въ Смоленскѣ, точно также и Русскій въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ. Русскій, купивши товаръ у Нѣмца и отвезши его къ себѣ на дворъ, долженъ заплатить деньги, а не отдавать товаръ назадъ; точно также и Нѣмецъ, купивши товаръ у Русскаго, не можетъ принудить Русскаго взять товаръ обратно. Ежели испортятся или изотрутся вѣсы, то ихъ должно повѣрять по образцовымъ вѣсамъ, хранящимся у Русскихъ въ церкви св Богородицы на горѣ, и у Нѣмцевъ въ Латинской церкви.

4-е. *Относительно проѣзда купцовъ съ товарами.* Нѣмецъ по всей дорогѣ, по Смоленскимъ владѣніямъ, ѣдетъ ли въ Смоленскъ, или изъ Смоленска, не платитъ проѣзжихъ или мытныхъ пошлинъ; точно также и Русскій не платитъ проѣзжихъ пошлинъ, проѣзжая съ товарами по Нѣмецкой землѣ. Когда Нѣмцы пріѣдутъ съ товарами къ волоку отъ Двины, то Волоцкій тіунъ, по вѣстямъ ни сколько не медля, долженъ нарядить Волоцкихъ перевозчиковъ; и ежели у котораго перевозчика погибнетъ на перевозѣ товаръ, то за это платитъ вся община Волоцкихъ перевозчиковъ; тоже самое Нѣмцы, для Русскихъ гостей, должны дѣлать у себя. Ежели къ волоку подѣдутъ въ одно время и Русскіе и Нѣмцы, то имъ бросать жеребій, чей товаръ везти напередъ; такой же порядокъ должны соблюдать Нѣмцы въ своей землѣ для Русскихъ гостей. Ежели у Русскаго или у Нѣмца на дорогѣ бурей разобьетъ судно съ товаромъ, то на водѣ и на берегу товаръ свободенъ отъ всякаго насилія; и ежели у хозяина товаръ потонулъ, то ему никто не долженъ мѣшать вытаскивать его; и ежели у хозяина своихъ людей мало и понадобится помощь, то онъ долженъ нанимать при свидѣтеляхъ, и платить цѣну, по какой

рядилъ при свидѣтеляхъ, а сверхъ ряды съ него не требовать.

Тотъ же почти порядокъ сношеній Русскихъ съ Нѣмцами записанъ и въ Новгородской договорной грамотѣ около 1195 года: по этой грамотѣ судъ производится также при помощи свидѣтелей, но сверхъ свидѣтелей еще требуется жеребій и клятва; также не допускается переводить судъ изъ одной земли въ другую, а довольствоваться судомъ той земли, къ которой принадлежитъ отвѣтчикъ, или гдѣ судъ начался первоначально. Относительно взысканія долговъ, въ случаѣ отпирательства должника, требуется двѣнадцать человѣкъ свидѣтелей и клятва; но ни Нѣмца нельзя посадить въ погребъ въ Новгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмецкой землѣ нельзя посадить въ погребъ за неплатежъ долга, а только взять свое по приговору суда. Относительно торговли предоставляется полная свобода Нѣмцу въ Новгородской землѣ, а Новгородцу въ Нѣмецкой землѣ. Но еще яснѣе излагается одинаковость отношеній къ Нѣмцамъ въ Новгородѣ, съ отношеніями въ Смоленскѣ, въ проектѣ договора Нѣмцевъ съ Новгородцами, писанномъ около 1230 года. 1-е, относительно суда: ежели Новгородецъ и Нѣмецъ имѣютъ тяжбу другъ съ другомъ въ судѣ, то должны представить двухъ свидѣтелей Нѣмцевъ, и двухъ Новгородцевъ; а ежели Новгородецъ и Нѣмецъ несогласны въ свидѣтеляхъ, то дѣло рѣшается жеребьемъ. 2-е, Относительно взысканія долговъ: ежели Новгородецъ долженъ и Новгородцу и Нѣмцу, то долгъ платить напередъ Нѣмцу. 3-е, Относительно торговли: купцы Нѣмецкіе и Готландскіе свободно торгуютъ въ областяхъ Новгородскихъ по старому обычаю; всѣ, приходя на гостин-

ный Нѣмецкій дворъ, торгуютъ въ немъ свободно какъ Русскіе, такъ и Нѣмцы; вѣсы гостиннаго двора повѣряются два раза въ годъ; 4-е, въ проѣздѣ Нѣмецкихъ гостей съ товарами по Новгородской землѣ постановляется: когда Нѣмецкіе гости будутъ на Ижорѣ; то тамошній тунъ высылаетъ имъ перевозчиковъ, за что перевозчикамъ дается гостями опредѣленная наемная плата. Въ случаѣ кораблекрушенія, сосѣдніе жители не должны грабить гостей, а подавать имъ помощь. Такіе же порядки и привилегіи должны наблюдать и Нѣмцы въ своихъ городахъ, относительно пріѣзжающихъ къ нимъ Новгородцевъ. Вѣроятно такіе же или подобные договоры заключались съ Нѣмцами и другими торговыми народами и въ другихъ городахъ или областяхъ Руси; но до насъ сихъ договоровъ. не дошло.

Земледѣліе, во время Суздальщины, оставалось въ прежнемъ видѣ. Земледѣльцы жили общинами на своихъ общинныхъ земляхъ, и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, Князей, монастырей, боярѣ и купцовъ, а равнымъ образомъ сами земледѣльцы могли имѣть собственныя земли и на нихъ селить другихъ земледѣльцевъ. Тѣ изъ земледѣльцевъ, которые жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, по свидѣтельству Русской Правды, въ то время назывались ролейными закупамъ, и по состоянію своему близко подходили къ наймитамъ; они за пользованіе землею и за ссуды, которыя давали имъ хозяева земли, должны были платить своею работою на хозяйскомъ полѣ въ пользу хозяина, или давать хозяину условленную долю произведеній, полученныхъ съ данной имъ земли, т. е. или половину, или двѣ трети, или три четверти, или меньше, смотря по условію. Ролейный закупъ, или по нынѣшнему крестьянинъ, тогда не былъ прикрѣпленъ къ

земль, онъ свободно во всякое время могъ оставлять землю хозяина; но не иначе какъ напередъ разсчитавшись съ хозяиномъ, т. е. возвративши ему въ цѣлости полученную отъ него ссуду, и выплативши наемъ. Равнымъ образомъ и хозяинъ земли имѣлъ право сослать съ земли ролейнаго закупа, ежели находилъ его неисправнымъ работникомъ, или по другимъ причинамъ. Ролейный закупъ, оставивши землю одного хозяина, могъ поселиться у другаго хозяина, или вступить въ сельскую общину, гдѣ его примутъ, и сѣсть на общинной землѣ, и даже безпрепятственно могъ приобрести себѣ землю въ собственность и сдѣлаться землевладѣльцемъ, ежели имѣлъ на то средства. Въ то время земледѣльцы свободно могли переходить изъ одной области въ другую, даже изъ княжества въ княжество; ежели они сами не связывали себя какими-либо обязательствами, на той или на другой землѣ, ежели они исправно платили подати и за ними не было недоимокъ, которыя каждая земледѣльческая община взыскивала строго съ своихъ членовъ, и безъ разчета въ недоимкахъ не спускала съ своей земли. Ежели же земледѣлецъ оставлялъ землю хозяина или общины, не сдѣлавши разчета, то назывался бѣглымъ и преслѣдовался, закономъ; хозяинъ или община имѣли право преслѣдовать и отыскивать его вездѣ. Во время Суздальщины Князья дорожа своими отчинными княжествами, постоянно заботились о размноженіи населенія въ своихъ областяхъ, и рады были всякимъ прищельцамъ и давали имъ всѣ возможныя льготы, только бы они сидѣли на занятыхъ земляхъ или не переселялись изъ княжествъ; такимъ же образомъ смотрѣли на поселенцевъ и частные землевладѣльцы и сельскіе общины. Земли тогда было

много, а земледѣльцевъ мало, и потому ими вездѣ дорожили. Земледѣльцы, какъ полноправные члены Русскаго общества обязаны были нести и военную службу, подобно горожанамъ и другимъ членамъ Русскаго общества, они же должны были укрѣплять города на случай непріятельскаго нападенія и привозить нужные запасы. Впрочемъ собственно къ военной службѣ земледѣльцевъ тогда приглашали рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ, когда непріатели вступали въ ту или другую область, когда нужно было защищать свою родную землю. Но когда Князь изъ своихъ видовъ вооружалъ земледѣльцевъ, то такового Князя укоряли и говорили, что такой-то Князь и поселей выгналъ на войну. Такъ о Ярославѣ Всеволодовичѣ и братѣ его Юріѣ, во время ихъ войны съ Мстиславомъ Удалымъ, лѣтопись говоритъ: «полюки ихъ были сильны вельми, вся сила Суздальской земли, были выгнаны и поселяне пѣшіе.» Сельскія земледѣльческія общины управлялись также, какъ и городскія общины, старостами и другими выборными начальниками, и имѣли свои мирскія сходки или вѣча. Нѣсколько сельскихъ общинъ составляли одну большую общину, подъ названіемъ погоста или волости, также съ своимъ выборнымъ начальствомъ. Сельская община чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ или приговоромъ сходки рѣшала сама все дѣла и тяжбы между своими членами; но недовольный сельскимъ судомъ, могъ идти съ жалобою въ волость или погостъ, гдѣ кромѣ выборныхъ старость былъ еще начальникъ отъ Князя, подъ именемъ тиуна или волостеля.

Ремесла въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ очевидно считались выше земледѣлія; ибо по закону Русской Прав-

ды, за сельскаго рядовича земледѣльца платилось пѣни только пять гривенъ, а за ремесленника или ремесленницу платилось по 12 гривенъ, столько же, сколько за сельскаго княжскаго тиуна. Ремесленники жили и въ городахъ и въ уѣздахъ, и также какъ земледѣльцы и купцы составляли отдѣльныя общины съ своими старостами и съ своимъ управленіемъ. Въ городахъ ремесленники селились особыми улицами или концами; такъ на примѣръ въ Новгородѣ мы знаемъ Плотницкій конецъ, Гончарскій конецъ; въ уѣздахъ поселенія ремесленниковъ составляли особыя слободы, такъ на примѣръ, подъ Кіевомъ была слобода сѣдельниковъ. Ремесленники раздѣлялись на княжихъ и земскихъ. Княжіе ремесленники составляли особый разрядъ княжихъ слугъ, и жили на княжихъ земляхъ и платили за землю своею работою Князю. Земскіе ремесленники были разныхъ разрядовъ: одни изъ нихъ жили общинами, какъ самостоятельныя члены городовъ и селеній; другіе ремесленники не имѣли земли и бродили изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, содержались своею работою, и какъ люди вольные, бродячіе, не имѣвшіе постоянной осѣдности, не принадлежали ни къ какой общинѣ; наконецъ третій разрядъ ремесленниковъ составляли тѣ изъ нихъ, которые жили за какимъ-либо землевладѣльцемъ: такъ на примѣръ были свои ремесленники у епископовъ, у монастырей, у бояръ и вообще у богатыхъ собственниковъ. Этотъ разрядъ ремесленниковъ составляли какъ рабы, такъ и вольные люди, по договору принявшіе на себя обязанность служить своимъ ремесломъ епископу, или монастырю, или боярину, или другому какому частному собственнику.

Ремесла и художества во время Суздальщины посте-

ленно развивались и совершенствовались, тогда уже встрѣчались между ремесленниками и художниками люди пользовавшіеся извѣстностію у своихъ современниковъ; такъ напримѣръ въ Кіевѣ былъ извѣстенъ Петръ Милонегъ, современникъ Рюрика Ростиславича, построившій каменную стѣну подъ церковію Св. Михаила, у Днѣпра на Выдобици. Или у Князя Даниила Романовича, при построеніи церкви Св. Іоанна въ Холму, былъ хитрецъ Авдій, который высѣкалъ разные хитрые узоры по бѣлому и зеленому камню на церковныхъ дверяхъ. Или есть извѣстіе, что у Батыя былъ плѣнникъ изъ Русскихъ, ковачь серебра, который построилъ ему великолѣпный серебряный тронъ. Конечно подобныхъ художниковъ на Руси было немного, и вообще ремесла и художества развивались еще туго; ибо Русскіе люди того времени, торгуя съ иноземцами, преимущественно получали отъ нихъ произведенія художествъ и ремеслъ, чего разумѣется не могло бы быть, ежели бы ремесла на Руси были въ цвѣтущемъ состояніи. При томъ же для многихъ значительныхъ строеній, для украшенія церквей и для удовлетворенія другихъ художественныхъ потребностей приглашались мастера и художники изъ иныхъ земель, или изъ Греціи, или изъ Италіи, или изъ Германіи. Такъ значительнѣйшія церкви въ Суздальской землѣ были построены Итальянцами, а въ Кіевѣ и Черниговѣ по прежнему лучшими строителями и художниками были Греки изъ Константинополя. Андрей Боголюбскій отстраивая и украшая свой любимый городъ Боголюбовъ, по свидѣтельству лѣтописи, созвалъ мастеровъ изъ разныхъ земель. Но очевидно не всегда приглашались строители и другіе художники иностранные, были и свои мастера,

какъ прямо говоритъ лѣтопись подъ 1194 годомъ, что епископъ Ростовскій Іоаннъ, для возобновленія Суздальской церкви не искалъ мастеровъ отъ Нѣмцевъ, но нашелъ способныхъ людей изъ служителей церкви Пресвятыя Богородицы и изъ своихъ, умѣвшихъ лить олово и крыть крыши и бѣлить известью, и возобновилъ церковь на удивленіе современникамъ, и покрылъ оловомъ отъ верху до комаръ и до притворовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и уцѣлѣвшій до насъ Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ, построенный около 1194 года, и замѣчательный по своимъ изящнымъ формамъ, и по многимъ затѣйливымъ наружнымъ украшеніямъ, былъ строенъ Русскими мастерами, которые взяли за образецъ для этого собора церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, близъ Боголюбова, построенную между 1158—1160 годомъ. Да и вообще мудро допустить, чтобы всѣ каменные постройки на Руси производились непременно иностранцами, и чтобы не было своихъ строителей и другихъ художниковъ; ибо построекъ этихъ, особенно церквей, было очень много. Есть даже извѣстіе, что Нѣмецкіе купцы для росписанія своей церкви въ Новгородѣ, приглашали Русскихъ художниковъ, которые и написали имъ образъ Господа Вседержителя. Нельзя не согласиться, что ремесла и искусства, во время Суздальщины, на Руси хотя не быстро, но шли впередъ; самое приглашеніе иностранныхъ мастеровъ вело къ тому, чтобы и Русскіе люди учились у нихъ, какъ мы и знаемъ, что Греческіе иконописные мастера, выучили своему искусству Печерскаго инока Алимпія. Конечно Русь не имѣла у себя древнихъ образцовъ художественныхъ произведеній, какими обладала западная Европа и Греція; но для Рус-

скихъ мастеровъ могли служить образцами и тѣ художественныя произведенія, которыя дѣлались на Руси иностранными мастерами. Такъ мы знаемъ, что храмы построенныя Итальянскими художниками въ Ростовско-Суздальскомъ краю при Юріѣ Долгорукомъ и Андреѣ Боголюбскомъ, постоянно служили образцами въ томъ краю, для построенія храмовъ въ послѣдующее время и въ XII, и въ XIII, и въ XIV столѣтіяхъ, даже въ XV столѣтіи по прямому свидѣтельству лѣтописей Московскіе храмы строились по образцу Владимірскихъ. Точно также Кіевскіе храмы, времянь Ярослава и его сыновей, строенныя Византійскими художниками, постоянно служили образцами для Русскихъ мастеровъ, строившихъ храмы въ послѣдующее время въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ Приднѣпровья, что доказывается и архитектурою тамошнихъ древнихъ храмовъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени. По прямому свидѣтельству лѣтописи, замѣчательные художники въ то время пользовались уваженіемъ въ Русскомъ обществѣ; на примѣръ Петръ Милонегъ, строитель Выдубецкой стѣны, въ лѣтописи названъ пріателемъ Кіевского Князя Рюрика Ростиславича.

Подвигаясь хотя медленно впередъ на пути матеріальной жизни, Русское общество во время Суздальщины по прежнему шло впередъ по пути жизни духовной, по прежнему продолжалась мирная проповѣдь христіанской вѣры между язычниками подчиненными Руси; такъ по свидѣтельству лѣтописи въ 1229 году были крещены Новгородскіе данники Корелы, въ это же время по всему вѣроятію Русскіе колоніи въ Литвѣ разпространяли христіанство между сосѣдними Литовцами, ближайшими къ

Русскимъ колоніямъ и бывшими въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ Русскими, особенно въ Южной Литвѣ, т. е. на югъ отъ Вилии; гдѣ было въ это время множество Русскихъ городовъ. По прежнему умножались церкви, монастыри и училища по всеѣмъ краямъ Руси, Князья и простые люди старались объ умноженіи и украшеніи церквей и монастырей. Многіе церковные пастыри того времени были извѣстны своимъ примѣрнымъ благочестіемъ, строгостію жизни, своимъ просвѣщеніемъ и заботами о паствѣ. Таковы на примѣръ Святій Кирилль епископъ Туровскій, который еще въ молодости отказался отъ богатаго наслѣдства послѣ родителей и поступилъ въ монастырь, гдѣ строгость отшельнической жизни довелъ до того, что подражая великимъ столпникамъ Греческой церкви, заключилъ себя въ столпъ, чтобы совершенно отрѣшиться отъ міра и предаться богомыслию и молитвѣ. Но когда святость его жизни обратила на его общее вниманіе, и при избраніи новаго епископа на Туровскую кафедру Князь и граждане умолили его принять Святительскій санъ; то тотъ же молчаливый отшельникъ оказалъ себя самымъ краснорѣчивымъ и дѣятельнымъ пастыремъ; такъ что Андрей Боголюбскій, знаменитый Князь отдаленной Суздальской земли, пожелалъ читать его краснорѣчивыя и высокія поученія. Симонъ первый епископъ Владимірскій въ Суздальѣ постриженникъ Кіевопочерскаго монастыря, извѣстный у современниковъ подъ именемъ пастыря учительнаго и милостиваго, среди заслуженной славы и богатствъ отличался такимъ смиреніемъ, что, какъ самъ пишетъ къ другу своему Поликарпу, желалъ бы хоть хворостиной торчать во вратахъ Печерскаго монастыря, и только благоговѣя къ званію Божію не рѣ-

шался оставить кафедры епископской. Кирилль митрополитъ Кіевскій, поставленный въ 1224 году, у лѣтописца названъ учительнымъ и книжнымъ, онъ былъ особенно извѣстенъ своими заботами о примиреніи враждующихъ Князей; для этого онъ ѣздилъ изъ края въ край Россіи, то во Владиміръ Суздальскій, то на Волынь, то въ Галичь, то въ Черниговъ, чтобы личнымъ присутствіемъ и убѣжденіями вездѣ водворить миръ и согласіе, хотя стараніе его не всегда имѣли успѣхъ. О епископѣ Ростовскомъ Пахоміи, скончавшемся въ 1216 году, лѣтописецъ говоритъ: «сей былъ не наемникъ, а истинный пастырь, не захватывалъ богатства отъ чужихъ домовъ, не собиралъ его и не хвалился имъ, но обличалъ грабителей и мздоимцевъ, ревнуя нраву Златоуста лекся о сиротахъ, былъ зѣло милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому, смиренъ и кротокъ, исполненъ книжнаго ученія, и всѣми дѣлами утѣшалъ печальныхъ. Кирилль епископъ Ростовскій, поставленный въ 1231 году, былъ извѣстенъ постоянными заботами о поученіи христіанъ и объ украшеніи церквей. Поученія этаго Кирилла такую имѣли извѣстность у современниковъ, и такъ высоко цѣнились, что на слушаніе ихъ сходились не только Князья и бояре и простой народъ, но даже игумены, священники и иноки, и не только жители Ростова, но и жители окрестныхъ городовъ. И благочестивые епископы извѣстные своею пастырскою ревностію пользовались большимъ уваженіемъ у Князей, бояръ и народа, особенно въ землѣ Суздальской, которая въ это время превозходила всѣ края Руси своего любовію къ пастырямъ церкви. Такъ лѣтописецъ пишетъ, что когда епископъ Ростовскій Кирилль, послѣ поставленія своего въ Кіевъ, воз-

вращался въ Ростовъ; то къ нему вышли на встрѣчу и Князь и Княгиня, и бояре и всѣ граждане Ростова, и игумены и священники и иноки и весь крымосъ церковный со крестами, свѣщами и кадилами.

Но рядомъ съ свѣтлою стороною жизни христіанской во время Суздальщины были и стороны мрачныя, не согласныя съ духомъ истинной церкви, какъ въ клирѣ такъ и въ мірскихъ людяхъ. Въ церковномъ клирѣ въ это время нерѣдко замѣчались значительные безпорядки; такъ митрополитъ Кириллъ въ своихъ церковныхъ правилахъ пишетъ, что нѣкоторые епископы дерзали продавать священный санъ, т. е. посвящать во священники и другія степени церковной службы за деньги, и учреждали при этомъ разныя поборы подъ именемъ уроковъ и посошнаго. А по свидѣтельству Патерика Печерскаго, самые епископскія каѳедры получались происками у Князей и другихъ сильныхъ міра и даже подарками. Епископъ Симонъ Суздальскій и Владимірскій пишетъ Печерскому иноку Поликарпу: «писала ко мнѣ Княгиня Ростиславля Верхуслава, что она не пожалѣла бы потратить и тысячу серебра, только бы тебя поставитъ епископомъ Новгороду или Смоленску; но я отвѣчалъ ей, дочь моя Анастасія, дѣло не богоугодное ты хочешь сдѣлать.» А Θεодоръ епископъ Ростовскій, современникъ Андрея Боголюбскаго, племянникъ знаменитаго Кіевскаго боярина Петра Бориславича, получилъ санъ епископа Ростовскаго обманомъ и подкупамъ у патріарха Константинопольскаго, обойдя Кіевскаго митрополита. Этотъ же Θεодоръ прибывши въ Ростовско-Суздальскую землю, повелъ свое управление епархіею съ такимъ самовластіемъ и жестокостію, что вооружилъ противъ себя и Князя и народъ. Онъ не хотѣлъ

принять благословенія отъ Кіевскаго митрополита, и когда Князь Андрей Боголюбскій настаивалъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Кіевъ принять благословеніе, и безъ того непризнавалъ его своимъ епископомъ; то Феодоръ, въ отвѣтъ на требованія Князя, затворилъ всѣ церкви во Владимірѣ и ключи церковныя взялъ къ себѣ, такъ что по всему городу не было ни звону ни пѣнія церковнаго. Мало этаго считая себя властью независимою онъ началъ страшныя грабительства, у кого отнялъ села, у кого оружіе, у кого коней, другихъ предаль работъ и заточеню и раззореню; не только простыхъ, но иноковъ, игуменовъ и священниковъ, инымъ людямъ порѣзывалъ головы и бороды, инымъ выжигалъ глаза, инымъ вырѣзывалъ языкъ, иныхъ разпиная по стѣнѣ мучилъ не милостиво, желая изхитить отъ всѣхъ имѣніе, ибо былъ жаденъ къ богатству и не насытенъ. Но таковое самовластіе епископа, въ такой странѣ, какъ Ростовская и Суздальская, гдѣ общество всегда имѣло большое значеніе и голосъ, естественно не могло быть продолжительно, едвали прошло и два мѣсяца, какъ Князь Андрей Боголюбскій по требованію народа приказалъ схватить Феодора и отвезти въ Кіевъ на судъ къ митрополиту, гдѣ митрополитъ нарядилъ надъ нимъ судъ и по приговору суда приказалъ отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку, выколоть глаза и отвезти на Песій островъ въ заточеніе. Лѣтопись также свидѣтельствуешь, что епископъ Ростовскій Леонъ грабилъ священниковъ, безъ нужды умножая церкви, и за это былъ изгнанъ Ростовцами и Суздальцами. Безпорядки допускаемые епископами, естественно вели къ безпорядкамъ и въ низшемъ духовенствѣ; такъ митрополитъ Кириллъ въ своихъ правилахъ пишетъ, что въ Новгородскомъ краю мно-

гіе священники, надѣясь на своихъ прихожанъ, непокорялись повелѣніямъ архіерея и предавались чрезмѣрному пьянству, такъ что начиная отъ Свѣтлой недѣли до Всѣхъ Святыхъ не служили ни литургіи, ни отправляли другихъ требъ церковныхъ. А прихожане иные силою удерживали таковыхъ священниковъ у себя, противясь повелѣніямъ архіерейскимъ. Безпорядки въ клирѣ естественно давали просторъ безпорядкамъ и между мірянами; такъ въ правилахъ митрополита Кирилла между прочимъ указывается на языческіе обычаи въ божественные праздники творить нѣкія бѣсовскія позорища съ свистаніемъ, кличемъ и воплемъ, на которыхъ по свидѣтельству лѣтописи въ память Перуна древняго идола, бились дреколіемъ до смерти, и снимали съ убитыхъ платье; потомъ указывается еще на другой старій языческій обычай, — водить невѣсть къ водѣ; и наконецъ на третій обычай праздновать Діонисовъ языческій праздникъ, собирая въ субботу вечеромъ въ ночь на Св. воскресенье мужей и женъ вкупѣ для безстыдныхъ и развратныхъ игоръ и плясокъ.

Мало этого, время Суздальщины было временемъ борьбы и споровъ между церковною іерархіею, Княземъ и обществомъ, въ которой борьбѣ Князь и общество представляли одно начало, а церковная іерархія другое. Въ это время въ одномъ Новгородѣ были изгнаны народомъ три архіепископа, въ Ростовѣ также были изгнаны три епископа, и одинъ присланный митрополитомъ не принять. Андрей Боголюбскій замышлялъ устроить особую митрополию въ Ростовско-Суздальскомъ краю, чтобы совершенно независѣть отъ Кіевского митрополита. Въ самомъ Кіевѣ въ это время были споры признавать ли Кіевскимъ митрополитомъ Климента, поставленнаго Рус-

скими епископами при Изяславѣ Мстиславнчѣ, или Константина, присланнаго патриархомъ Константинопольскимъ, такъ что Константинъ принужденъ былъ бѣжать въ Черниговъ, гдѣ и скончался. А въ 1163 Ростиславъ Кіевскій не хотѣлъ признать Кіевскимъ митрополитомъ Іоанна, присланнаго Константинопольскимъ патриархомъ. Князь и общество поддерживаемыя нѣкоторыми изъ духовенства даже спорили объ уставахъ церковныхъ; такъ въ это время былъ довольно продолжительный и горячій споръ о постѣ въ среду и пятокъ, ежели въ эти дни случатся какіе господскіе праздники. Ростовцы и Суздальцы, поддерживаемые какимъ то бѣглецомъ Греческимъ епископомъ Θεодоромъ, выгнали отъ себя епископа Нестора за то, что онъ неразрѣшалъ ѣсть мясо въ среду и пятокъ въ господскіе праздники, исключая дни Пасхи, пятидесятницы, дня Рождества Христова и Богоявленія. Грекъ Θεодоръ разрѣшалъ Ростовцамъ постъ не только въ господскіе праздники, но и въ дни нарочитыхъ святыхъ. Потомъ Ростовскій епископъ Леонъ не разрѣшалъ поста ни для какихъ праздниковъ и, изгнанный изъ Ростова, спорилъ объ этомъ предметѣ предъ патриархомъ Константинопольскимъ. Въ этоже время и о томъ же предметѣ былъ споръ въ Кіевѣ и въ Черниговѣ: игумень Печерскій Поликарпъ училъ подобно Греку Θεодору, что должно ѣсть сыръ и мясо не только въ господскіе праздники, но и въ дни нарочитыхъ святыхъ, ежели они случатся среду или пятокъ; и это ученіе поддерживалъ Черниговскій Князь Святославъ и выгналъ изъ Чернигова епископа Антонія, неразрѣшавшаго поста въ господскіе праздники случающіеся въ среду или въ пятокъ; митрополитъ же Кіевскій заточилъ Поликарпа Печерскаго за ученіе

о нарушеніи поста въ означенные дни. Но заточеніе Поликарпа не смотря на то, что сдѣлано по соборному опредѣленію, не успокоило его послѣдователей, и современники были не недовольны судомъ митрополита, и по прямому замѣчанію лѣтописи, даже говорили, что Кіевъ былъ взятъ войсками Андрея Боголюбскаго за неправду митрополичью по дѣлу Поликарпа.

Впрочемъ явные и очень прискорбные безпорядки клира и мірскихъ людей въ церкви, отмѣченные лѣтописями и другими памятниками за время Суздальщины, были или случайными, отрывочными мѣстными явленіями, или выражали естественный ростъ церкви и постепенное укорененіе ея въ Русскомъ обществѣ, но отнюдь не были выраженіемъ ея слабости или шаткости; чему лучшимъ доказательствомъ служить то, что безпорядки сіи скоро прекращались и не возбуждали сильныхъ раздоровъ и раздѣленія столь гибельнаго въ дѣлахъ церкви. Естественно, что чѣмъ болѣе поднимался ростъ церкви въ обществѣ, тѣмъ замѣтнѣе становились временные и случайные недостатки тѣхъ или другихъ клириковъ; а съ другой стороны чѣмъ глубже церковь проникала въ общество, тѣмъ скорѣе отыскивала на глубинѣ старую плѣсень язычества и разныхъ суевѣрій, потерявшихъ уже смыслъ, когда то имъ принадлежавшій. Все это было въ порядкѣ вещей, борьба была необходима для развитія жизни; но что всего важнѣе среди самыхъ безпорядковъ церковь во время Суздальщины, постепенно принимая на себя чисто народный характеръ, дѣлалась чисто Русскою церковію, яснѣе опредѣляла и устанавливала свои отношенія къ Русскому обществу, и въ тоже время не разрывала мира и согласія съ церковію Греческою. Во время

Суздальщины замѣчается какая то дружная и согласная дѣятельность клира и мірскихъ людей на пользу церкви; такъ что о мирѣ церви одинаково заботятся и клиръ и мірскіе люди, на примѣръ когда въ 1227 году въ Новгородѣ появились волховы и начали дѣлать разныя волхованія и ложныя знаменія: то уже не духовенство одно на нихъ возстало, а весь городъ, и гражданае сами приведши ихъ на Ярославль дворъ предали созженію. Въ самыхъ безпорядкахъ іерархіи первые возставали противъ злоупотребленій низшее духовенство и мірскіе люди; такъ по требованію низшаго духовенства и мірскихъ людей были изгнаны изъ Ростовской земли и преданы суду епископъ Леонъ, грабившій священниковъ, и самовластный и корыстолюбивый епископъ Феодоръ.

Время Суздальщины именно было тѣмъ самымъ временемъ, когда вполнѣ опредѣлились отношенія Русской церкви и къ Русскому обществу и къ патриарху Константинопольскому. Въ это время съ одной стороны ограничены притязанія Константинопольскаго патриарха относительно назначенія іерарховъ въ Россію, а равнымъ образомъ поставлены предѣлы самовластію митрополита Кіевскаго въ самовольномъ назначеніи епископовъ по другимъ Русскимъ княжествамъ. Князья и народъ въ это время прямо говорили митрополиту, присылавшему негоднаго епископа: «намъ этотъ ненуженъ, ты его поставилъ, и держи его, гдѣ хочешь.» Такъ на примѣръ въ 1183 году, когда на мѣсто умершаго Ростовскаго епископа Леона, митрополитъ поставилъ въ епископы въ Ростовъ Николая Гречина; то Всеволодъ Князь Суздальскій, не принялъ его и писалъ къ митрополиту: «сего неизбрали люди земли нашей; но какъ ты его поставилъ, то и держи его гдѣ

тебѣ угодно; а мнѣ поставь Луку смиреннаго и кроткаго игумена Св. Спаса на Берегостовѣмъ». И митрополитъ поставилъ Луку, а Николая послалъ въ Полотскъ, гдѣ въ это время скончался епископъ Діонисій. Самая власть епископовъ въ отношеніи къ клиру и мірянамъ, безъ нарушенія прямыхъ церковныхъ правилъ, была ограничена живымъ участіемъ общества въ дѣлахъ церкви; такъ въ это время священники и клирики, преимущественно были люди избранные самимъ обществомъ, епископъ только посвящалъ избранныхъ. Съ другой стороны и свѣтская власть надъ церковію получила надлежащія границы. Она не смотря на старанія Андрея Боголюбскаго не успѣла подчинить себѣ церкви; патріархъ Константинопольскій наотрѣзъ отказалъ Боголюбскому въ учрежденіи особой митрополіи во Владимірѣ Суздальскомъ, и написалъ ему въ своемъ соборномъ посланіи, что двумъ митрополитамъ въ Россіи быть не слѣдуетъ по правиламъ церковнымъ, а надлежитъ остаться одному митрополиту въ Кіевѣ по прежнему; а другимъ своимъ посланіемъ оправдалъ епископа Ростовскаго Нестора, невинно изгнаннаго Андреемъ по наученію лишеннаго епархіи Греческаго епископа Θεодора, племянника Мануила епископа Смоленскаго, и требовалъ чтобы Андрей принялъ Нестора, какъ невиноватаго, а Θεодора удалилъ. Что и сдѣлалъ Андрей Боголюбскій по патріаршей грамотѣ, нерѣшившись разсориться съ старѣйшимъ представителемъ православной церкви патріархомъ Константинопольскимъ, и тѣмъ самымъ поднять на себя церковь Русскую.

Такимъ образомъ церковь Русская во время Суздальщины, среди самыхъ смуть порожденныхъ неумѣстными

притязаніями ієрархіи и свѣтской власти, достигла того, что стала въ свободныя отношенія и къ ієрархіи и къ свѣтской власти и слилась въ одно нераздѣльное цѣлое съ обществомъ, выражая собою извѣстную опредѣленную сторону жизни Русскаго общества, а несоставляя отдѣльнаго общества, какъ въ западной Европѣ того времени. Такое правильное положеніе доставило Русской церкви во время Суздальщины особенную силу и твердость и сообщило ей характеръ чисто народной Русской церкви. Лучшимъ свидѣтельствомъ силы и твердости Русской церкви въ обществѣ, и особенной любви общества къ ней служить безуспѣшность попытокъ Римскаго папы обратить Русскихъ въ Латинство. Римскіе папы во время Суздальщины четыре раза присылали своихъ пословъ, то въ Кіевъ, то въ другіе города Руси, стараясь обратить Русскихъ въ Латинство, именно: въ 1169 году при Князѣ Кіевскомъ Мстиславѣ Изяславичѣ; въ 1205 году къ Роману Мстиславичу Волынскому и Галицкому; въ 1207 году ко всему Русскому духовенству и мірянамъ, по случаю занятія Царьграда Латинами, причемъ папа Иннокентій III-й писалъ въ своемъ посланіи, что Греческая имперія и церковь почти вся соединилась съ Римскою церковію и покорно принимаетъ ея повелѣнія, и что Русской церкви, какъ составляющей часть Греческой не слѣдуетъ отставать отъ своего цѣлаго; и наконецъ въ 1231 году къ Юрію Всеволодовичу Князю Суздальскому и Владимірскому, къ которому папа Григорій IX писалъ въ своей буллѣ, чтобы онъ оставилъ Греческіе и Русскіе обряды и принялъ Латинскіе. Но всѣ сіи посольства и даже содержаніе тайныхъ папскихъ миссіонеровъ въ Россіи не имѣли никакого успѣха, ни Князья, ни духо-

венство, ни народъ нисколько неподавались на соединеніе съ Римскою церковію. Когда посоль папскій говорилъ Роману Мстиславичу, что папа при помощи меча Петрова можетъ сдѣлать его богатымъ, сильнымъ и знаменитымъ; то Романъ отвѣчалъ указывая на свой мечъ: «такой ли Петровъ мечъ у папы, а я пока ношу его при бедрѣ, ненуждаюсь въ чужемъ, и кровію покупаю города, по примѣру нашихъ дѣдовъ возвеличившихъ Русскую землю.» А когда Венгры во время междоусобій бывшихъ по смерти Романа, завладѣвши Галичемъ, стали тѣснить Русскую церковь и обращать Галичанъ въ Латинство; то за оскорбленіе Русской церкви весь народъ дружно поднялся на нихъ и выгналъ изъ Галича.

По мѣрѣ того, какъ церковь болѣе и болѣе утверждалась въ Русскомъ обществѣ, расло на Руси и просвѣщеніе не разлучное съ Христіанскою церковію. Между современными Суздальщинѣ Князьями мы уже болѣе прежняго находимъ Князей и охотниковъ до книгъ и внимательныхъ къ просвѣщенію народа. Такъ о Святославѣ Ростиславичѣ извѣстно по лѣтописи, что онъ зналъ Греческій языкъ и любилъ читать книги; о Святославѣ Юрьевичѣ извѣстно, что онъ былъ весьма благоразуменъ, ученъ писанію, много книгъ читалъ, и людей ученыхъ приходящихъ отъ Грекъ и Латинъ милостиво принималъ, часто съ ними бесѣдовалъ и имѣлъ состязанія; о Андрѣ Юрьевичѣ Боголюбскомъ, что онъ интересовался читать краснорѣчивыя поученія своего знаменитаго современника Кирилла Туровскаго; о Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ, что онъ былъ весьма ученъ во всякихъ наукахъ, и къ ученію многихъ людей понуждалъ устраивая на то училища, и учителей Греческихъ и Ла-

тинскихъ содержалъ своею казною, и столько на это тратилъ имѣнія, что Смольняне на погребеніе его должны были собирать деньги и хоронить его на общественный счетъ; о Михаилѣ Юрьевичѣ также есть извѣстіе, что онъ зналъ священное писаніе, съ Греками и Латинами говорилъ на ихъ языкахъ также свободно, какъ по Русски. Ярославъ Владиміровичъ Галицкій, получившій отъ современниковъ прозваніе Осмосмысла, также зналъ иностранные языки, читалъ много книгъ, мудрости и правой вѣрѣ наставлялъ, понуждалъ духовенство учить мірянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями и изъ монастырскихъ доходовъ назначалъ на содержаніе училищъ; о Константинѣ Всеволодовичѣ Ростовскомъ извѣстно, что онъ всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами, часто и прилежно читалъ книги, держалъ при себѣ ученыхъ людей, въ его библиотекѣ было болѣе тысячи однихъ Греческихъ книгъ, онъ поручалъ ученымъ переводить Греческія книги на Русскій языкъ, собиралъ извѣстія о дѣлахъ древнихъ славныхъ Князей, самъ описывалъ ихъ и поручалъ другимъ.

Князья по прежнему старались окружать себя людьми образованными и получившими извѣстность своими дарованіями; такъ на примѣрѣ лѣтопись говоритъ, что Даниилъ Романовичъ Галицкій приглашалъ къ своему двору знаменитаго у современниковъ пѣвца Митусю. Это обыкновеніе Князей имѣтъ при себѣ людей образованныхъ естественно и между дружинниками развивало потребность въ образованіи. Эту потребность мы видѣли еще при внукахъ и правнукахъ Ярослава Великаго, а теперь она постоянно усиливалась болѣе и болѣе. Лучшимъ свидѣтельствомъ постояннаго развитія этой потребности въ

дружинникахъ служить моленіе одного дружинника, писанное къ Ярославу Всеволодовичу Переяславскому; изъ этого моленія даже можно видѣть, что тогдашнее образованіе дружинниковъ неограничивалось знакомствомъ съ одною духовною Греческою литературою, но простиралась и на знакомство съ литературою классическаго Греческаго міра, и даже на знакомство съ тогдашнею жизнію западной Европы. Дружинникъ пишетъ въ своеімъ моленіи къ Князю: «Княже, мой господине, я хотя не въ Аѳинахъ росъ и не у философовъ учился; но былъ падая аки пчела по книгамъ по различнымъ цвѣтамъ, оттуда собираю сладость словесную, совокупляя мудрость, какъ въ мѣхъ воду морскую.... Княже, мой господине! азъ несмь Оеофрастянинъ Терендъ, Египетскіи мудрецы Нифиніи, Калимидіи Аѳинстіи хитрецы. Аще есмь малоумень, обаче послушай гласа моего, постави сосудъ сердечный подъ потокъ языка моего, изкаплю сладость словесную паче водъ ароматскихъ.... Княже мой господине! ни моря уполовникомъ вычерпать, ни нашимъ иманьемъ дому твоего истоцити. Аще бо не мудръ есмь; но поне мало мудрости усрѣтохъ, во вратѣхъ разумныхъ мужъ сапоги носилъ есмь, а въ смысленныхъ ризы облачихся.... Княже, мой господине! Королязи бо и Ковари Офорозъ, рытиры, могистрове, дуксовъ, Бокшородъ и Оорози тѣмъ имѣють честь и милость у поганныхъ Солтановъ и у Королевъ: инъ вспадъ на фарь (коня) бѣгаетъ чрезъ подруміе (конское ристалище) отчаявся живота, а иный летаетъ съ церкви или высокіе палаты паволочиты крылы, а инъ нагъ мечется въ огонь, показующе крѣпость сердець своихъ царемъ своимъ.... а инъ обвився мокрымъ полотномъ борется рукопашъ съ лю-

тымъ звѣремъ. Уже остану много глаголати, да не во мнозѣ глаголаніи разношу умъ свой, буду яко мѣхъ утль, труся богатство въ рѹцѣ инѣмъ.»

О просвѣщеніи и книжномъ ученіи духовенства мы уже упоминали выше и привели свидѣтельство лѣтописей о томъ, какъ высоко цѣнилось это просвѣщеніе тогдашними Русскими людьми, какъ Князья, бояре и простые люди стекались въ церкви изъ разныхъ городовъ, чтобы слушать поученія знаменитыхъ проповѣдниковъ и церковныхъ учителей того времени. Но кромѣ лѣтописныхъ свидѣтельствъ до насъ дошло нѣсколько и самыхъ литературныхъ памятниковъ того времени знаменитыхъ пастырей церкви. Такъ отъ знаменитаго проповѣдника, Русскаго Златоуста XII вѣка, Кирилла Туровскаго мы имѣемъ одиннадцать поученій говоренныхъ въ церкви, три наставленія писанныя къ разнымъ лицамъ, великій покаянный канонъ, изображающій искренній горькій плачь души о грѣхахъ передъ Господомъ, и тридцать молитвъ расположенныхъ по днямъ. Дошедшіе до насъ труды Кирилла Туровскаго обличаютъ въ авторѣ высокой умъ, глубокое истинно-христіанское чувство и близкое изученіе какъ священнаго писанія, такъ и литературы отцевъ церкви. Между словами Кирилла Туровскаго есть одно явно говоренное безъ приготовленія, это слово произнесенное въ пятую недѣлю по Пасхѣ, по случаю малочисленности собравшихся слушателей *). Чтобы нагляднѣе выразить характеръ проповѣдей нашего древняго

*) Слово въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ, я называю произнесеннымъ безъ приготовленія потому, что оно говорено не на текстъ и не на праздникъ, какъ всѣ прочія его проповѣди, а просто на

проповѣдника, и яснѣе показать его проповѣдническія способности, я считаю здѣсь не лишнимъ представить исполнѣ это импровизованное слово. Вотъ оно:

«Я убо, друзья и братья! надѣялся на всякую недѣлю болѣе собирать въ церковь людей, на послушаніе божественныхъ словесъ, нынѣ же пришло меньше. Но ежели бы я говорилъ отъ себя, то вы хорошо бы дѣлали не приходя слушать; нынѣ же я вамъ владычнее возвѣщаю, читаю вамъ грамоту Христову. Ежели кто принесетъ въ городъ грамоту цареву или княжую, къ сущимъ подъ рукою его; то неспрашиваютъ житія принесшаго, богатъ ли, убогъ ли, грѣшенъ ли, или праведенъ; но слушаютъ только чтное въ грамотѣ, и стараются, чтобы ничего не было забыто, а кто которое слово путемъ неразслышитъ, то спрашиваетъ слышавшаго, и ежели какой безчинникъ сдѣлаетъ шумъ, то съ побоями прогоняютъ его, какъ пакость творящаго. Ежели же такое вниманіе потребно къ земному Князю; то колыми паче вы должны быть внимательны здѣсь, гдѣ бесѣдуетъ Владыка ангеловъ. Тѣмъ молю васъ пришедшихъ сюда поучайте неприходящихъ и увѣщывайте ихъ приходить въ церковь, вы бо вкусили отъ меду ученія, они же нисколько. Вкусите, рече, видите, яко благъ Господь. Вѣсте бо, яко изводяи достойнаго отъ недостойнаго, яко уста суть Христова. А понеже убо сія изрѣкохъ, послушайте же да поучу васъ о молитвѣ; тою бо исправляется всяко доброе, ежели отъ умиленна сердца изходитъ, яко благоуханіе къ Богу восходитъ; того ради и пророкъ

случай, что мало сошлось слушателей, а къ подобному случаю неприготовляются напередъ.

глаголетъ: да исправится молитва моя, яко и кадило предъ тобою. Почто же яко и кадилу молитъ исправиться молитвъ? За тѣмъ что фиміамъ издаетъ благоуханіе, когда будетъ на огнѣ; такъ и молитва, когда отъ горяча сердца будетъ, то яко благоуханіе къ Богу восходитъ. Теперь уразумѣли ли то, что поется. Я и большему научу васъ, ежели вы будете внимать и захотите учиться; а ежели не будете внимать, то и я, и нехотя, умолкну; а вы будете осуждены тѣмъ, что, имѣя учащаго, не внимали. Како бы вы захотели пройти такой путь, какой прошла Южская Царица, чтобы слышать премудрость Соломонову? И се боли Соломона здѣ: не меня ради, я грѣшникъ, а евангельскаго ради проповѣданія и апостольскаго ученія. Повѣдайте мнѣ братіе: ежели бы кто при восходѣ солнца зажмурилъ свои очи, нежелая видѣть свѣта сего, и говоря тьма лучше свѣта: то сталъ ли бы кто жалѣть о немъ, не паче ли возненавидѣли и отверглись его. Тоже должно сказать и о словеси ученія: слово божіе въ писаніи называется свѣтъ и свѣтъ сей болій видимаго сего свѣта, ибо сей просвѣщаетъ плотскія очи, а тотъ душевныя; того ради и пророкъ Давидъ глаголетъ къ Богу: свѣтильникъ ногамъ моимъ законъ твой и свѣтъ стезямъ моимъ, и паки Исаія; людіе сѣдящіе во тмѣ видѣша свѣтъ велій. Кто убо помину нехотящаго свѣту видѣти? Сколько васъ приходитъ въ церковь, понуждайте нехотящихъ приходить, и чтобы никто неговорилъ, я занятъ иными дѣлами; вспомните о тѣхъ званыхъ на царскую вечерю, которые также приводили разные извѣты: овъ рече, суиругъ воловъ хочу искусити, овъ же села купленнато съглядати, инъ же жену поять, и про то разгнѣвался на нихъ Царь. А вы

ужели одного часа не можете удѣлить Богу? Отвѣчайте мнѣ на мой вопросъ: ежели-бы я по вся дни раздавалъ золото или серебро, или медь или пиво, не приходили ли бы напередъ другъ передъ другомъ? Нынѣже словеса Божія раздаю, лучьша паче золота и каменія драгаго, и слажьша паче меда и сота; и вы лишаетесь ихъ неприходя въ церковь. Тѣхъ же и злословлю и укоряю, якоже васъ входящихъ хвалю и благословляю; каждаго же изъ васъ, придоящихъ сюда и вкушающихъ духовнаго сего меду, молю: аще сусѣда имѣете, или родина, или жену, или дѣти, зовите ихъ всѣхъ въ церковь и поучайтесь душеполезнымъ словесемъ, да и здѣ богоугодно поживше и вѣчныхъ благъ наследники будемъ о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, емуже слава.

Другимъ драгоценнымъ памятникомъ духовной Русской литературы, современной Суздальщинѣ, служитъ посланіе Симона епископа Суздальскаго и Владимирскаго къ Кіево-печерскому иноку Поликарпу. Поводомъ къ написанію этаго посланія было письмо Поликарпа къ Симону, въ которомъ онъ жаловался на Кіево-печерскаго архимандрита Акиндина, и вообще на свое плохое положеніе въ Печерскомъ монастырѣ, и на безуспѣшность искательствъ игуменства въ монастыряхъ Козмы и Даміана и св. Дмитрія. Симонъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу, обличая неосновательность его жалобъ и неособразность ихъ съ обѣтами иночества, въ образецъ иноческой жизни приводитъ четырнадцать сказаній о подвижнической жизни святыхъ иноковъ, жившихъ въ разное время въ Кіево-печерскомъ монастырѣ; и желая возбудить въ Поликарпѣ болѣе благоговѣніе къ святости Печерской обители, рассказываетъ о чудесномъ построеніи Печерской цер-

кви Пресвятыя Богородицы, о поставленіи трапезы, или престола и объ освященіи престола, и между прочимъ говорить, что онъ Симонъ епископъ желалъ бы отказаться отъ епископства и оставить всю славу и власть, чтобы хворостиной торчать въ воротахъ Печерскаго монастыря. Въ этомъ посланіи Симонъ умѣлъ совмѣстить художественную изящность съ самою высокою простою изложеніемъ и съ такою искренностію чувства и глубокимъ пониманіемъ духовной жизни, что трудъ его досего времени служитъ лучшимъ украшеніемъ нашей поучительно повѣствовательной духовной литературы*).

Третьимъ замѣчательнымъ памятникомъ духовной литературы во время Судальщины служатъ двѣнадцать сказаній о святыхъ инокахъ Кіево-печерскаго монастыря, писанные для архимандрита Акиндина тѣмъ самымъ инокомъ Поликарпомъ, къ которому писалъ свое прекрасное посланіе епископъ Симонъ. Трудъ Поликарпа, по изящной простотѣ, живости и стройности разсказа, обличаетъ въ авторѣ высокаго художника повѣствователя, хотя онъ и ниже посланія Симона. Особенною теплотою и простою дышутъ разсказы Поликарпа о блаженномъ Прохорѣ лебедникѣ, о Маркѣ Печерникѣ, о Теофилѣ ученикѣ Марка Печерника, о Спиридонѣ просфорнякѣ и о Пименѣ многоболѣзненномъ. Для образца вотъ начало разсказа о Пименѣ. «О блаженномъ семъ Пименѣ сло-

*) Къ сожалѣнію посланіе Симона, въ своемъ подлинникѣ, до сего времени не издапо. Оно обыкновенно помѣщается въ сборникѣ извѣстномъ подъ именемъ Патерика Печерскаго, и составляетъ почти половинну сего сборника; но оно тамъ страшно искажено жалкою передѣлкою Иннокентія Гизеля въ XVII столѣтіи.

во взявши, на исповѣданіе снидемъ крѣпкаго его страданія, да увѣмы, како со благодареніемъ имамы болѣзни терпети доблественно, и како сила Божія въ немощахъ совершается. Сей убо блаженный Пименъ боленъ родился на свѣтъ, боленъ и возрасте, сія тѣлесная болѣзнь мѣста въ немъ душевной педаде. Чистъ бо отъ всякаго порока бысть и отъ утробы матери сквернаго непозна грѣха *).

Изъ свѣтскихъ литературныхъ произведеній отъ времени Суздальщины дошли до насъ: Слово о полку Игоревѣ и моленіе къ князю Ярославу Всеволодовичу, сочинители того и другаго творенія неоставили своихъ именъ. Кромѣ того мы имѣемъ нѣсколько лѣтописей относящихся къ тому же времени и народныхъ былинъ въ которыхъ говорится о лицахъ историческихъ относящихся ко времени Суздальщины, на примѣръ о Новгородцахъ Васильѣ Буславѣ скончавшемся 1171 году, о Садкѣ Сытиничѣ и другихъ. Особенно замѣчательно истинными поэтическими красотами и вѣрнымъ и живымъ изображеніемъ тогдашняго состоянія Русской земли, слово о полку Игоревѣ. Неизвѣстный сочинитель этого слова, описывая въ немъ несчастный походъ Игоря Святославича Сѣверскаго на Половцовъ, умѣлъ въ одной живой картинѣ вѣрно представить состояніе Русской земли во время Суздальщины. Онъ изобразивши, между прочимъ, мастерски общую печаль Приднѣпровья т. е. Кіевской и Черниговской стороны, о пораженіи и плѣнѣ Игоря Святославича, и

*) Сказанія Подкарпа обыкновенно помѣщаются въ Патерикѣ Печерскомъ, и также тамъ изкажны, какъ и посланіе Симопа, подлинныя же сказанія до сего времени непечатаны.

грозу отъ Половцовъ въ слѣдствіе этаго пораженія, обращается къ соврѣннымъ знаменитымъ Князьямъ другихъ краевъ Руси съ такимъ возваніемъ: «Княже Всеволоде! (Суздальскій) не мысляю тебѣ перелетѣть издалеца, отня стола поблюсти. Ты бо можеша Волгу веслы разкропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то былабы чага (плѣнница) по ногатъ, а Кощеи (невольникъ) по рѣзани; ты бо можеша по суху живыми шерешеры стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде! (Смоленскіе) не ваши ли злаченые шеломы по крови плаваша, не ваша ли храбрая дружина рыкають, аки туры ранены саблями калеными, на полѣ незнаемъ? Вступите, господина възлатъ стремянь заобиду сего времени, за землю Русскую за раны Игоревы, буюго Святославича. Галицкій Осмосмысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ знатокованомъ столѣ, подперъ горы Угорскіе своими желѣзными полки, заступилъ королеви (Венгерскому) путь, затворилъ Дунаю ворота, меча беремены чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твои по землямъ текутъ, отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола Солтана за землями. Стрѣлай, господине, Кончака, поганого Кощея, за землю Русскую за раны Игоревы, буюго Святославича. А ты буй Романе и Мстиславе! (Волынскій и Торопецкій) Храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяеся, хотя птицу въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у васъ желѣзные папорзи подъ шеломы латинскими; тѣми трѣсну земля и многи страны, — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половцы сулицы своя повергоша, а главы своя поклониша подъ тьи мечи Харалужные (булатные).»

Врагами Русской земли по прежнему на юго-востокъ съ степной стороны были Половцы, а на западъ съ лѣсной стороны Литва; но отношенія сихъ враговъ къ Русской землѣ, во время Суздальщины, значительно измѣнились. Половцы годъ отъ году дѣлались менѣе страшны, хотя и продолжали дѣлать свои набѣги, и иногда довольно значительные; но Русскіе люди довольно уже привыкли къ симъ безпокойнымъ кочевникамъ, и за набѣги сами платили также набѣгами и довольно сильными. А Князья Русскіе по прежнему продолжали пользоваться Половецкими полчищами, какъ союзниками или наемниками, въ своихъ междоусобіяхъ; они по прежнему роднились съ Половецкими Князьями, сами женились на ихъ дочеряхъ, и Русскіе княжны и княгини выходили замужъ за Половецкихъ Князей, такъ что многіе Половецкіе Князья уже носили Славянскія княжескія имена, и даже иные принимали святое крещеніе; многіе изъ Половцевъ уже поступали въ службу къ Русскимъ Князьямъ, селились въ Русскихъ пограничныхъ городахъ и принимали строй Русской жизни. И кажется было уже недалеко то время, когда бы Половцы должны были или обратиться въ мирныхъ сосѣдей Русскимъ, или подчиниться Русскому владычеству.

Но совсѣмъ въ иномъ положеніи была Литва, теперь набѣги Литовцевъ годъ отъ году дѣлались сильнѣе и грознѣе; въ прежнее время сіи лѣсные дикари ограничивались набѣгами на сосѣднія Палотскія, Туровскіе и Пинскія владѣнія, и то изрѣдка; во время же Суздальщины Литовцы стали проникать во владѣнія Псковскія, Новгородскія, Смоленскія, Черниговскія и Волынскія, и набѣги ихъ дѣлались все чаще и чаще. Колоніи Палотскія

и Кривскія въ Литовской землѣ мало по малу уже совершенно были отдѣлены отъ своихъ метрополій, и частію признавали надъ собою власть Литовскихъ Князей или и Русскихъ Князей посаженныхъ Литовцами; самый Полотскъ уже недалекъ былъ отъ того, чтобы подчиниться какому либо Литовскому Князю, онъ уже не разъ, какъ мы видѣли, принималъ своихъ Князей, посаженныхъ полками Литовскими. Полочане, прежде грозные для Литовцевъ, теперь сами стали бояться Литвы; Западная Двина, эта торная веселая дорога Полочанъ къ морю, теперь уже подъ страхомъ Литвы обратилась въ пустынное болото. Вотъ какъ говоритъ пѣвецъ слова о полку Игоревъ объ отношеніяхъ Литвы къ современному ему Полочанамъ. «Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ поганыхъ (Литовцовъ). Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія, притрена славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ черлеными щиты на кровавъ травѣ притрепанъ Литовскими мечи, изрони жемчужную душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожерелье. Унылы голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ Городенскія. Ярославе и вси внуцы Всеслави, уже понизить стязи (знамена) свои, вонзить мечи верезени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя (Литовцевъ) на землю Русскую, на жизнь Всеславию». (т. е. на Всеславово достояніе) И дѣйствительно Князья Полотскіе, потомки знаменитаго Всеслава, своими междоусобіями выдвинули Литовцевъ, сами вызвали ихъ изъ непроходимыхъ лѣсовъ и пущей; сами водили ихъ на свою братью, сами учили воевать

съ Русскими и брать города; и такимъ образомъ на свою голову дали ходъ этому полудикому племени.

Литовскія племена во время Суздальщины раздѣлялись на два главныхъ отдѣла: на Литовцевъ жившихъ на сѣверъ отъ рѣки Вилии и въ низовьяхъ Немана, и на Литовцевъ на югъ отъ Вилии до Припети. На сѣверъ отъ Вилии жили: Жмудь въ низовьяхъ Немана до рѣки Святой, собственно Литва по сѣверному берегу Вилии, и Дяволтва на сѣверъ отъ Литвы въ сосѣдствѣ съ Летголою до западной Двины. Второй отдѣлъ составляли два племени: Рушковичи и Булевичи жившія на югъ отъ Вилии. Хотя тотъ и другой отдѣлъ Литовскихъ племенъ издавна находился подъ вліяніемъ Руси и болѣе или менѣе былъ колонизованъ Русскими поселеніями и состоялъ въ зависимости отъ Полочанъ или Кривичей; но колонизація сѣверныхъ племенъ по отдаленности ихъ была слабѣе и постепенно ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ усиливались междоусобія въ Полотскѣ и Смоленскѣ; напротивъ того племена южныя, какъ ближайшія, сильнѣе колонизовались Русскими поселеніями и были въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ Полочанами и Кривичами; такъ что во время Суздальщины, по свидѣтельству Литовскаго лѣтописца Быховца, страна на югъ отъ Вилии у сѣверныхъ Литовцевъ считалась Русскою землею. И дѣйствительно въ этой странѣ было много Русскихъ колоній и городовъ, въ слѣдствіе чего и сами жители были уже обрусѣшею Литвою, на что намекаетъ и самое названіе южныхъ племенъ Литвы Рушковичами и Булевичами, съ чисто Русскими окончаніями. Сіи-то южныя обрусѣвшія племена были главными пособниками междоусобствовавшимъ Полотскимъ Князьямъ, съ ними-то Князья сіи до-

бывали себѣ столы Княжескіе и прогоняли своихъ противниковъ, и къ нимъ же убѣгали Князья прогнанные. Но къ концу XII вѣка и обрусѣвія и не обрусѣвія Литовскія племена, пользуясь междуусобіями Русскихъ Князей, одинаково стали напирать на Русскія владѣнія преимущественно для грабежа. Такъ южныя племена напирала къ Припети, на сосѣднія Туровскія, Пинскія и частію Волынскія владѣнія, и даже на Смоленскія, Черниговскія и Сѣверскія; такъ что Кіевскій Князь Рюрикъ Ростиславичъ, владѣвшій и Туровомъ, почти постоянно проживалъ въ Туровѣ для отраженія Литовскихъ набѣговъ. Въ это же время изъ сѣверныхъ племенъ Дяволтва преимущественно напирала на Псковскія и Новгородскія владѣнія, иногда одна, иногда въ союзѣ съ Полочанами; такъ въ 1183 году Литва Дяволтва грабнула Псковскія владѣнія, а въ 1198 году также Литва въ союзѣ съ Полочанами напала на Великіе Луки, и въ 1200 году захватила Ловать до Палюци, но была прогнана Новгородцами. Жмудь и собственно Литва за одно съ Ятвягами преимущественно напирала на сѣверо-западный край Волынскихъ владѣній, къ Берестью, Кобрину и Дрогичину; но здѣсь они встрѣтили сильнаго врага въ Романѣ Волынскомъ, который неудовольствовался отраженіемъ Литовскихъ набѣговъ на свои владѣнія; но самъ сдѣлалъ нѣсколько сильныхъ и удачныхъ походовъ въ глубь Ятвяжскихъ, Жмудскихъ и Литовскихъ болотъ и лѣсовъ, и такъ разгромилъ разрозненныя Литовскія племена и опустошилъ ихъ земли, что Литовцы въ этомъ краю на нѣкоторое время рѣшительно приемирѣли.

Страшные походы Романа Волынскаго сдѣлали большій переворотъ въ Литовской землѣ, вида крайнее опу-

стошеніе своей земли Литовскія племена, прежде разрозненные, начали думать о соединеніи и дружныхъ дѣйствіяхъ противъ враговъ. Конечно во время Суздальщины Литовскія племена не успѣли еще соединиться въ одно цѣлое, и въ каждомъ племени еще было по нѣскольку Князей; но между сими Князьями выдавались личности способныя подчинить себѣ другихъ Князей, и самая видная изъ сихъ личностей былъ Миндовгъ, одинъ изъ старшихъ Князей собственно Литвы, онъ во время Суздальщины ежели и не успѣлъ еще подчинить себѣ другихъ Литовскихъ Князей, но уже умѣлъ возбуждать ихъ на общее дѣло и руководить ими какъ союзниками. Такъ страшное опустошеніе Волынской земли въ первые годы по смерти Романа Мстиславича было уже дѣломъ не одного какаго либо племени, но всѣхъ пяти племенъ Литвы и даже Ятвяговъ, какъ прямо говоритъ Волынская лѣтопись: «бѣда была землѣ Володимірской (Волынской) отъ воеванья Литовскаго и Ятвяжскаго». Вторымъ общимъ дѣломъ всѣхъ Литовскихъ племенъ, очевидно подъ руководствомъ Миндовга, былъ миръ съ Волынскими Князьями Данииломъ и Василькомъ Романовичами, заключенный 1215 году отъ имени старшихъ Князей всѣхъ пяти племенъ Литвы, Жмуди, Дяволтвы, Рушковичей и Булевичей, какъ прямо сказано въ лѣтописи, по изчиленіи всѣхъ племенъ и старѣйшихъ ихъ Князей «Си же вси миръ даша Князю Данилови и Васильку и бѣ земля покойна.» Этотъ миръ съ Волынскими Князьями всѣ Литовскія племена соблюдали строго до завоеванія Волынской земли Татарами. Мало этого многіе Литовскіе Князья и въ числѣ ихъ Миндовгъ вступили въ тѣсный союзъ и родство съ Данииломъ Романовичемъ и братомъ

его Василькомъ и по ихъ указанію начали воевать Польшу въ томъ же году, и произвели тамъ страшные опустошенія; потомъ 1235 году Даниилъ опять поднималъ на Польшу Литовскихъ Князей Миндовга и Изяслава Новгородскаго, т. е. собственно Литву, жившую на сѣверъ отъ Вилии, и Литву обрусѣвшую, жившую на югъ отъ Вилии на Неманѣ. Но миръ съ Романовичами Волынскими, вовсе небылъ миромъ съ остальною Русью. Литовцы не трогая Волыни по прежнему продолжали дѣлать набѣги на другія владѣнія Руси. Такъ Ростиславъ Михайловичъ Галицкій въ этоже время по приказу отца своего Михаила нѣсколько разъ долженъ былъ ходить въ Литовскую землю для удержанія Литовскихъ набѣговъ на сѣверо-западные Кіевскія границы. Кромѣ того Литовцы, вѣроятно племя Дяволтва, въ 1217 году кажется по указанію Ливонскихъ Нѣмцевъ, бывшихъ тогда въ войнѣ съ Новгородомъ, сдѣлали набѣгъ на Новгородскія владѣнія и пограбили берега Шелони. Въ 1223 году Литовцы воевали у Торопца; но услыхавши о походѣ Ярослава Всеволодовича съ Новгородцами, обратились въ бѣгство; а въ 1224 году они пробрались до Русы и разбили вышедшаго противъ нихъ посадника Ѳедора и Рушанъ. Потомъ въ 1225 году было какоето сильное нашествіе Литвы, многочисленныя полчища Литовцовъ въ одно время явились и въ Новгородскихъ, и въ Смоленскихъ, и Полотскихъ владѣніяхъ, въ Новгородскомъ краю они только трехъ верстъ недошли до Торжка и страшно пустошили страну, побили и пограбили гостей, и заняли Торопецкую волость; но Князья Новгородскій Ярославъ и Торопецкій Давыдъ, соединясь вмѣстѣ, ударили на грабителей, нагнавши ихъ у Всвята, разбили на голову, двѣ тысячи по-

ложили на мѣстѣ, взяли множество плѣнниковъ и отбили всю награбленную добычу. По зимѣю 1229 года Литовцы опять явились въ Новгородскихъ владѣнїяхъ и воевали около Лубны, Моревы и Селигера: и снова были разбиты Новгородцами, и браненные въ бѣгство побросали награбленную добычу. Въ 1234 году они опять воевали въ Новгородскомъ краю около Русы и даже ворвались въ самый городъ; но отбитые Рушапами бѣжали и отступили на Клинъ. Между тѣмъ Ярославъ Новгородскій, получивши вѣсть объ ихъ набѣгѣ, пустился по Ловати имъ на перерѣзъ и нагналъ на Дубровиѣ въ Торопецкой волости, и такъ удачно разбилъ ихъ, что они потеряли обозъ въ 300 коней, и спасаясь по лѣсамъ побросали оружіе и щиты, тѣмъ не менѣе многіе были побиты Новгородцами. Впрочемъ всѣ сіи набѣги Литовцовъ огранивались убійствами и опустошеніемъ, ни въ Новгородскихъ, ни въ Псковскихъ, ни въ Смоленскихъ владѣнїяхъ Литва нигдѣ недумала еще утвердиться. Очевидно всѣ сіи набѣги производились только голодными охотниками пограбить, собственно же Литовцамъ старшимъ Князьямъ было не до завоеваній на сторону; они въ это время еще рѣзались другъ съ другомъ и отбивались отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, которые вмѣшивались въ споры Литовскихъ Князей и желали ихъ подчинить себѣ, хотя и безъ успѣха; такъ подъ 1237 годомъ въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что Ливонскіе Нѣмцы, получивъ помощь отъ Нѣмецкаго Ордена въ Прусїи и соединясь съ Чудью и Псковичами, пашали на Литву, но были разбиты.

Новыми врагами Руси во время Суздальщины являются на западѣ Нѣмцы, утвердившіеся въ Ливонїи при устьѣ Двины, и на востокѣ Монголы или Татары. Нѣмцы, собственно Бременскіе кунцы, съ 1158 года начали

ѣздить для торговли къ Ливонцамъ или Ливи, жившимъ при устьяхъ Двины, и мало по малу построили тамъ два острожка Уксуль и Далень. Бременскій архіепископъ, узнавъ о Нѣмецкихъ поселеніяхъ при устьѣ Двинѣ, выпросилъ разрѣшеніе у папы послать проповѣдниковъ латинской вѣры въ землю Ливонскихъ язычниковъ, и послалъ туда монаха августинскаго ордена Мейнгарда. Мейнгардъ прибывши въ Ливонію выпросилъ позволеніе у одного изъ Полотскихъ Князей Владиміра, княжившаго въ низовьяхъ Двины, проповѣдывать евангеліе Ливонскимъ язычникамъ, построилъ въ Уксуль церковь, крестилъ нѣкоторыхъ изъ язычниковъ и началъ строить замки. Но усиліяхъ его проповѣди былъ непродолжителенъ, упорные язычники не только сами не крестились, но убѣдили и крестившихся Ливонцевъ обратиться къ прежнему язычеству, и стали грабить имѣніе самаго Мейнгарда, уже получившаго санъ епископа. Тогда Мейнгардъ отправилъ посольство къ папѣ съ просьбою прислать войско для крещенія язычниковъ силою. Папа велѣлъ проповѣдовать крестовой походъ въ Ливонію; между тѣмъ пока собиралось крестовое ополченіе, Мейнгардъ умеръ въ 1196 году, и на его мѣсто прибылъ новый епископъ Бартольдъ съ священниками и войскомъ. Бартольда Ливонскіе язычники убили въ первой же битвѣ, но сами были разбиты и силою принуждены креститься и обязались содержать у себя Нѣмецкихъ священниковъ; но лишь войско провожавшее Бартольда сѣло на корабли, какъ Ливонцы отрѣклись отъ крещенія, ограбили священниковъ и выгнали ихъ. На мѣсто убитаго Бартольда пріѣхалъ новый епископъ Албертъ съ войскомъ на двадцати трехъ корабляхъ; язычники встрѣтили его какъ за-

клятаго врага и осадили въ замкъ Гольмъ, но были разбиты и по неволѣ обѣщались принять христіанство. Альбертъ въ 1200 году выстроилъ въ устьѣ Двины городъ Ригу и населилъ его Нѣмецкими колонистами, за которыми самъ ѣздилъ въ Германію, потомъ въ 1202 году упросилъ папу основать орденъ рыцарей меча, которые бы жили постоянно въ Ливоніи и воевали съ тамошними язычниками для обращенія ихъ въ Христіанство. Это новое учрежденіе дало силу Нѣмецкимъ поселеніямъ въ Ливоніи; Нѣмцы съ поселеніемъ рыцарей меча стали твердою ногою на Ливонской землѣ и подчинили себѣ не только Ливонцевъ, но и сосѣднихъ Эстовъ, мало этого они даже успѣли отнять два Полотскія княжества въ низовьяхъ Двины, Кукейнось и Герсикъ. Ливонцы язычники обратились было за помощію къ Полоцкому Князю, къ какому неизвѣстно; но и тотъ ничего немогъ сдѣлать въ ихъ пользу. Нѣмцы отдѣлались отъ него тѣмъ, что обѣщались платить ему ежегодную дань за Ливонцевъ порабощенныхъ Рижской церкви и ордену меченосцевъ; и Полотскій Князь очевидно по тогдашнимъ Полотскимъ обстоятельствамъ, очень слабый, поспѣшилъ заключить съ ними миръ, и такимъ образомъ оставилъ Ливонскихъ язычниковъ безъ помощи на произволъ Нѣмцевъ. Черезъ нѣсколько времени Нѣмцы перестали платить и обѣщанную дань; но Полотскимъ Князьямъ было уже не до Ливоніи и не до Нѣмцевъ, имъ и дома отъ внутреннихъ междоусобій, отъ вмѣшательства сосѣднихъ Князей и отъ напора Литвы не было ни покоя ни надежнаго пристанища. И такимъ образомъ Нѣмцы безъ опасенія отъ Полотскихъ Князей могли свободно распоряжаться въ Ливоніи; и въ 1229 году за-

ключили торговый договоръ съ Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давыдовичемъ, въ который договоръ со стороны Смоленскаго Князя была включена и земля Полотская и Витебская. Но подвигаясь къ сѣверо-востоку отъ западной Двины въ предѣлы Эстонской Чуди, Нѣмцы встрѣтили себѣ крѣпкихъ противниковъ въ Псковичахъ и Новгородцахъ, съ которыми вступили въ нескончаемыя войны то удачныя, то неудачныя. Съ начала они были въ мирныхъ сношеніяхъ съ Псковичами и Новгородцами, и во враждебное столкновеніе въ первый разъ вступили въ 1217 году, вздумавши помогать Эстонской Чуди, и были разбиты подъ Эстонскимъ городомъ Оденпѣ, или Медвѣжьей Головою; и потерявши въ битвѣ трехъ военачальниковъ и 700 коней, принуждены были заключить миръ, по которому должны были оставить Оденпе. Въ 1219 году Новгородцы въ другой разъ сошлись съ Нѣмцами подъ городомъ Пертуевоиъ, и опять разбили ихъ и ихъ помощниковъ Литву и Ливонцевъ, но города взять немогли. Потомъ было еще нѣсколько походовъ, Новгородскихъ въ Эстонию, и Нѣмецкихъ въ Псковскія и Новгородскія владѣнія; но и тѣ и другіе походы оканчивались только созженіемъ селъ и опустошеніемъ страны; въ 1224 году Нѣмцамъ удалось послѣ кровопролитнаго приступа взять Юрьевъ или Дерптъ, Русскій городъ въ Чудской землѣ, при чемъ были истреблены всѣ Русскіе жители Дерпта; а въ 1233 году они захватили было Изборскъ, но въ томъ же году были выгнаны оттуда Псковичами; а въ 1234 году Ярославъ съ Новгородцами разбилъ ихъ подъ Юрьевомъ и принудилъ къ миру, по которому они кажется обязались платить дань съ Юрьева. Вообще Нѣмцы были

врагами безпокойными, но негрозными, они своими успѣхами въ Эстоніи были обязаны единственно тому, что Новгородцы и Псковичи были въ это время въ постоянныхъ междоусобіяхъ.

Совсемъ иной характеръ имѣли Монголы или Татары, новые враги Русской земли, надвинувшіеся на нее съ востока; они въ два похода, слѣдовавшіе быстро одинъ за другимъ, какъ мы уже видѣли, покорили себѣ почти всю Русь, ихъ грозной силѣ ничто не могло противиться; но о нихъ мы будемъ говорить послѣ.

Кромѣ враговъ Русская земля во время Суздальщины терпѣла многія другія несчастія, иногда доводившія тогдашнихъ людей до отчаянія. Въ одномъ сѣверномъ краю Руси, т. е. въ Новгородскихъ и Суздальскихъ владѣніяхъ, по лѣтописямъ насчитывается шесть значительныхъ пожаровъ. Особенно были сильны пожары въ 1194 году; въ этомъ году горѣла Ладога, Руса и Новгородъ, въ Новгородѣ въ это время продолжались пожары отъ недѣли всѣхъ Святыхъ до Успеньева дня, т. е. до 15 Августа; такъ что каждый день загоралось въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и люди въ страхѣ бросали свои дома и жили въ поляхъ. Великъ также былъ пожаръ въ 1211 году, истребившій въ Новгородѣ 4,300 дворовъ и 15 церквей; а пожаръ 1217 года истребилъ половину Новгорода, причемъ погибло множество товаровъ и людей. Въ 1223 году по всей Суздальской землѣ была страшная засуха, такъ что лѣса и болота сами загорались, и по всей землѣ такой былъ дымъ и мгла, что птицы падали на землю, а звѣри изъ лѣсовъ бѣжали въ города и селы, и на всѣхъ людяхъ былъ страхъ и ужасъ. 1187 и 1230 годы особенно замѣчательны страшными павальными болѣзнями; подѣ

1187 годомъ лѣтонись говоритъ: «была сильная болѣзнь въ людяхъ, такъ что не было двора, гдѣ бы кто нибудь нехворалъ; а въ иныхъ мѣстахъ цѣлые дворы были наполнены больными, такъ что не кому было и ходить за больными. О морѣ же въ 1230 году въ лѣтописи сказано, что въ одномъ Смоленскѣ въ это время было похоронено, въ нарочно по случаю мора выстроенныхъ четырехъ скудельницахъ, тридцать двѣ тысячи человекъ; а въ Новгородѣ въ одной скудельницѣ похоронили 3030 человекъ и еще въ двухъ безъ числа, такъ что не успѣвали хоронить и трупы валялись по улицамъ и площадямъ.

Но величайшее бѣдствіе Русской земли въ сѣверныхъ ея предѣлахъ, т. е. въ Новгородскихъ и Суздальскихъ владѣніяхъ, составлялъ голодъ, въ продолженіи семидесяти лѣтъ возобновлявшійся семь разъ, такъ что на каждые десять лѣтъ приходилось по голодному году. Особенно страшны были года 1212 и 1214, когда по всей Суздальской землѣ голодъ доходилъ до того, что люди ѣли дубовую кору, мохъ, солому и падаль, и многія умирали отъ голода. Еще болѣе страшный голодъ былъ въ Новгородѣ въ 1215 году; дороговизна хлѣба тогда дошла до того, что кадъ ржи доходила до десяти гривенъ, тогда какъ прежде считалось страшною дороговизною, когда кадъ ржи доходила до 3-хъ или до 4-хъ гривенъ; люди ѣли липовый листъ, сосновую кору и мохъ, многіе продавали своихъ дѣтей въ рабство, многіе умирали съ голоду; поставили скудельницу и полную наклали труповъ, но и за тѣмъ по площадямъ, улицамъ и полямъ вездѣ валялись трупы, такъ что собаки не успѣвали поѣдать ихъ; а жители области Води всѣ или

померли отъ голода или разбѣжались въ разные стороны. Но верхъ ужаса и бѣдствій, какія только выдержали во время Суздальщины Новгородцы, представляетъ 1230 годъ. Въ этомъ году въ первыхъ числахъ Мая было значительное землетрясеніе, потомъ въ Маѣ же мѣсяцѣ солнечное затмѣніе, а 14 Сентября морозъ побилъ хлѣбъ по всей волости Новгородской, и голодъ быстро возросъ до того, что кадь ржи продавалась по 20 и по 35 гривенъ, а къ веснѣ люди начали ѣсть не только мохъ, липовую и сосновую кору, но принялись за лошадей, собакъ и кошекъ, а нныѣ ѣли трупы мертвыхъ; были и такіе, которые рѣзали и ѣли живыхъ людей, но таковыхъ отыскивали, и которыхъ сожигали, инымъ отрубали головы, другихъ вѣшали. вмѣстѣ съ голодомъ явился страшный моръ, не успѣвали хоронить мертвецовъ, по улицамъ и площадямъ не было прохода отъ непохороненныхъ труповъ. Голодъ дошелъ до того, что люди потеряли всякое чувство состраданія, даже родители недѣлились хлѣбомъ съ дѣтьми и продавали дѣтей пріѣзжимъ торговцамъ изъ хлѣба, дороговизна достигла страшной цѣны, коврига хлѣба продавалась по гривнѣ, т. е. на нынѣшнія деньги почти по три рубли серебромъ. И въ этомъ памятномъ году, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, голодъ былъ не въ одномъ Новгородѣ, но и по всей Русской землѣ, выключая Кіевской области, и также сопровождался моромъ; а другія лѣтописи говорятъ, что голодъ стоялъ три года.

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СОЧИНЕНИЕ

ИВАНА ВЪЛЯЕВА.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. И. СТЕПАНОВОЙ.

1864.

РАЗСКАЗЫ.

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СОЧИНЕНИЕ

ИВАНА БЕДЯЕВА.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. И. СТЕПАНОВОЙ.

1864.

ИСТОРИЯ
НОВГОРОДА ВЕЛИКАГО

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО

ПАДЕНІЯ

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІЯ Л. И. СТЕПАНОВОЙ.

1864.

Дозволено цензурою. Москва. 12 Апрѣля, 1864 года.

I.

СТРОЙ ЖИЗНИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

НОВГОРОДСКІЯ ВЛАДѢНІЯ.

Владѣнія Новгородскія раздѣлялись на три вида: Виды Новгородскихъ виды Нов-
городскихъ владѣній.
къ первому виду принадлежалъ самъ господинъ владѣій.
Великій Новгородъ, второй видъ составляла Новгородская земля, и третій волости Новгородскія. Великимъ Новгородомъ, называлось первоначальное поселеніе Ильменскихъ Славянъ на Волховѣ, гнѣздо Новгородскаго могущества, бывшее постоянно и неизмѣнно средоточіемъ силы и власти Новгородскаго племени Славянъ, Землю Новгородскую составлялъ край ближайшій къ Новгороду, занятый древнѣйшими Новгородскими колоніями и дотога пропитанный Новгородскимъ духомъ, что составлялъ одно неразрывное цѣлое съ самимъ Новгородомъ. Волостями Новгородскими назывались тѣ земли, которыя хотя и были подчинены Новгороду, но не составляли съ нимъ одного цѣлаго и скорѣе представляли Новгородскія провинціи въ чужой землѣ, притянутыя къ Новгороду силою и большею частію неколонизованныя Новгородскимъ племенемъ, даже иногда управляемыя своими племенными князьями и старшинами.

Новгородъ и
его стороны

Господинъ Великій Новгородъ, какъ городъ, раздѣляется на двѣ половины или стороны: на Софійскую и торговую; первая лежала на лѣвомъ берегу Волхова, а вторая на правомъ. По всему вѣроятію старѣйшею половиною была торговая сторона; ибо на этой сторонѣ находился Славенскій конецъ, главное поселеніе Славянъ, основателей Новгорода; на этой же сторонѣ было городище, т. е. мѣсто стараго города, крѣпости; на Софійской же сторонѣ стоялъ дѣтинецъ, новая крѣпость, построенная Рюрикомъ по переходѣ его изъ Ладоги въ 864 году. Самыя названія мѣстностей на Софійской сторонѣ,—Пруссы, Неревляне, Тигожане, Пидбляне и др. указываютъ на пришельцевъ, присоединившихся къ коренному Славянскому поселенію. Торговая и Софійская стороны, очевидно одновременныя по заселенію, разнились между собою и по значенію въ общественномъ строѣ. На Софійской сторонѣ, какъ мы уже видѣли, стоялъ дѣтинецъ или крѣпость, главный кремль Новгорода; здѣсь же находимъ главную святыню, символъ Новгородской свободы и самостоятельности,—соборную церковь Софій премудрости Божіей; здѣсь же живетъ въ дѣтинцѣ владыка Новгородскій (епископъ, потомъ архіепископъ), главный представитель религіозной власти въ Новгородѣ; здѣсь же при церкви св. Софій, у владыки на сѣняхъ, главный судъ и управленіе; здѣсь же у св. Софій на полатяхъ хранилась общественная казна и всѣ законы, постановленія и договорныя грамоты Нов-

города. Напротивъ того, на торговой сторонѣ находились: дворъ Ярославовъ, при которомъ обыкновенно собиралось правильное вѣче, главный представитель земской власти Новгорода; на торговой же сторонѣ находилась главная торговая площадь или торговище, и на ней церковь Иоанна Предтечи на Опокахъ, гдѣ производился торговый судъ; на торговой же сторонѣ и, кажется, при церкви Иоанна Предтечи на Опокахъ было обычное мѣсто, гдѣ производился судъ тысяцкаго; здѣсь же находились и торговые дворы иноземныхъ гостей, составлявшіе отдѣльную часть торговой стороны подъ названіемъ Варяжской или Варецкой улицы, примыкавшую съ одной стороны къ Ярославову двору и торговищу, а съ другой стороны къ берегу Волхова, на которомъ для каждаго торговаго двора была особая пристань или вымола, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ уставъ князя Ярослава Ярославича о мостовыхъ, въ которомъ сказано: „Князю мостить отъ Ярославля двора до Нѣмецкаго вымола, Нѣмцемъ до Еваня вымола, отъ Еваня вымола Готомъ до Геральдова вымола и проч.“ Иноземные торговые дворы, стоявшіе въ этой части торговой стороны, были слѣдующіе: Варяжскій дворъ старѣйшій изъ всѣхъ дворовъ иноземныхъ гостей, имѣвшій свою Варяжскую церковь св. Пятницы, за тѣмъ слѣдовали Нѣмецкій, Готскій и Псковскій гостиные торговые дворы.

Какъ Софійская сторона такъ и торговая, раздѣлялись на концы; концовъ этихъ во время Новгорода.

городской самостоятельности было пять: три на Софійской сторонѣ и два на торговой. Софійскіе концы были 1-й *Неревскій*, лежавшій на сѣверъ отъ дѣтинца и однимъ бокомъ протянувшійся по берегу Волхова, а съ другой стороны примыкавшій къ Загородскому концу, по Чудинцеву улицу; 2-й *Людинъ или Гончарскій*—на югъ отъ дѣтинца, однимъ бокомъ лежавшій по берегу Волхова, а другимъ примыкавшій къ Загородскому концу Добрыниной улицей, и 3-й *Загородскій*, лежавшій на западъ отъ дѣтинца, между Людинымъ и Неревскимъ концами. Концы торговой стороны: 1-й, *Славенскій* конецъ по берегу Волхова, занимавшій южную половину торговой стороны по Бояню улицу и Рогатицу; отъ этого конца шелъ большой мостъ черезъ Волховъ на Софійскую сторону; 2-й, *Плотницкій конецъ*, также по берегу Волхова, занималъ сѣверную половину торговой стороны и отдѣлялся отъ Славенскаго конца Ѳедоровскимъ ручьемъ. Концы Софійской стороны примыкали къ дѣтинцу или къ Кремлю, какъ къ центру; но дѣтинецъ не принадлежалъ ни къ одному концу и былъ отдѣленъ отъ нихъ стѣнами и ровомъ; онъ былъ общій для всего Новгорода и какъ, святыня изыятая изъ частнаго обращенія, управлялся и устраивался отдѣльно отъ управленія и устройства концовъ. Въ такомъ же положеніи на торговой сторонѣ былъ Ярославовъ дворъ съ вѣчевою площадью и торговищемъ; онъ также не принадлежалъ ни къ одному изъ концовъ торговой стороны и управ-

лялся отдѣльно и независимо отъ кончанскихъ старость Славенскаго конца, хотя и занималъ часть Славенскаго конца.

Каждый конецъ въ Новгородѣ составлялъ отдѣльную общину, состоящую изъ союза меньшихъ общинъ, — улицъ, имѣлъ свое управленіе и судъ. Герберштейнъ, посоль Императора Германскаго, бывшій въ Москвѣ въ первой половинѣ XVI столѣтія, говоритъ, что „городъ, Великій Новгородъ, раздѣлялся на пять частей, изъ которыхъ каждая часть не только въ публичныхъ и частныхъ дѣлахъ вѣдалась у своихъ опредѣленныхъ начальниковъ, которымъ она была подсудна; но и каждый житель части во всѣхъ сношеніяхъ съ своими согражданами могъ заключать контракты только въ своей части и у своихъ правителей, а не въ другихъ частяхъ у тамошнихъ правителей; равнымъ образомъ и въ судъ могъ звать только къ судьямъ своей части“, т. е. конца. Главными представителями, судьями и управителями концовъ были выборные кончанскіе старосты; отъ нихъ зависѣли всѣ общественныя распоряженія по концу, они были главными представителями своихъ концовъ на общемъ вѣчѣ и въ общихъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода, такъ что договоры съ иноземными государями, и разныя узаконенія или постановленія, выходящія отъ общаго вѣча, обыкновенно утверждались печатями пятиконецкихъ старость; равнымъ образомъ въ посольствахъ и переговорахъ съ иноземцами непременно участвовали или пятиконецкіе

старосты, или по двое и по трое выборныхъ людей отъ каждаго конца. Новгородскіе концы не были административными клѣтками, разбитыми по какой либо теоріи или по прихоти какого либо распорядителя, а напротивъ, представляли собою органическое цѣлое, въ которомъ всѣ части были соединены другъ съ другомъ бытовыми и даже нравственными узами, такъ что за обиду однокончанина вступался цѣлый конецъ; такъ на примѣръ въ 1418 году Славенскій конецъ вмѣстѣ съ Плотницкимъ концомъ вступился за своего однокончанина Степанка, схваченнаго бояриномъ изъ Перевскаго конца; Славенскіе и Плотницкіе кончане зазвонили вѣче на Ярославомъ дворѣ и съ знаменемъ и въ доспѣхахъ пошли на Неревскій конецъ и разграбили тамъ Козмодемьянскую, Яневу и другія улицы. Или въ 1421 году Славенскій конецъ за боярина своего Климентія Артемьина воевалъ съ Неревскимъ концомъ, который защищалъ своего боярина, посадника Андрея Ивановича; и Славенцы разграбили домъ посадника и много другихъ боярскихъ дворовъ у Неревлянъ. Концы въ Новгородѣ не были представителями сословій или отдѣльных классовъ Новгородскаго общества; а напротивъ, въ каждомъ концѣ безразлично жили и бояре, и житые люди, и купцы, и черные люди; такъ что въ случаѣ надобности назначить на какое либо общее дѣло выборныхъ людей отъ конца, выбирались и отъ бояръ, и отъ житыхъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей. Концы даже

имѣли свои знамена, или воинскіе стяги. и въ военныхъ походахъ каждый конецъ составлялъ особый полкъ и имѣлъ своего воеводу.

Концы въ Новгородѣ, какъ уже сказано выше, улиц. состояли изъ союза улицъ; улицъ въ каждомъ концѣ было неодинаковое число въ разное время: они то дробились то соединялись. Впрочемъ болѣе важными и болѣе извѣстными и постоянными улицами были: въ Людинѣ или Гончарскомъ концѣ—Редятина, Волосова, Чернятинская и Добрынина; въ Загородскомъ концѣ—Прусская и Чудинцева; въ Неревскомъ концѣ—Янева, Розважа, Козмодемьянская, Люгоща, Холопья и Яковлевская; въ Славенскомъ концѣ—Славно, Ильинская, Варяжская или Варецкая, Лубяница и Нутная; и наконецъ въ Плотницкомъ концѣ—Бояня, Рогатица, Славкова, Федоровская, Никитская, Молоткова и Радоковичи.

Каждая улица въ Новгородѣ составляла отдѣльную общину съ своимъ управленіемъ, съ своими уличанскими старостами и съ своимъ въ нужныхъ случаяхъ вѣчемъ; у каждой улицы была своя уличанская печать и своя контора, по тогдашнему названію—обчина, гдѣ хранились общественныя уличанскія деньги и дѣла между своими уличанами, гдѣ вѣроятно засѣдали уличанскіе старосты и держали уличанскій судъ и управу. Такъ подъ 1342 годомъ лѣтопись говорить, что когда Псковичи прислали къ Новгородцамъ просить помощи на Нѣмцевъ; то Новгородцы „ни мало не умедливши, отправились въ походъ въ великую пятницу, и

иные въ великую субботу, а общины всѣ попечатали“. Уличанскіе старосты съ своими уличанами участвовали на общемъ вѣчѣ и имѣли право собирать частныя вѣча своей улицы; но уличанскихъ старость мы не встрѣчаемъ ни въ Новгородскихъ посольствахъ, ни въ переговорахъ Новгорода съ иноземными послами, ни въ договорахъ съ князьями. Даже въ общемъ Новгородскомъ судѣ у владыки на сѣняхъ, или какъ тогда говорилось, у доклада, засѣдали выборные не отъ улицъ, а отъ концовъ; такъ въ судной Новгородской грамотѣ 1471 года сказано: „А докладу быти во владычней комнатѣ, а у докладу быти изъ конца по боярину, да по житъему, да кой люди въ судѣ сидѣли да и приставомъ“ Но очевидно, что въ другихъ судахъ уличанскіе старосты, или особые для суда старосты отъ улицы, всегда являлись, какъ посредники и защитники своихъ уличанъ; ибо таковъ былъ общій порядокъ суда во всей Русской землѣ, чтобы не судить ни одного суда безъ судныхъ мужей или приставовъ отъ сторонъ, т. е. отъ истца и отвѣтчика, данныхъ каждому своею общиною. Въ Новгородской судной грамотѣ прямо сказано: „а въ тиуновой одринѣ (т. е. въ судѣ у тиуна) быти по приставу въ сторону, людямъ добрымъ, а судити имъ въ правду, крестъ цѣловавъ“. Такимъ образомъ каждый членъ улицы былъ постоянно подъ защитою своей общины—улицы, и всѣ члены улицы, т. е. домохозяева, владѣвшіе уличанскою землею отъ своего имени, состояли въ кру-

говой порукѣ другъ по другѣ и защищали другъ друга отъ стороннихъ притѣсненій. И защита улицы для уличанина имѣла важное значеніе; ибо главные представители и вожди улицы, уличанскіе бояре, пользовались огромнымъ значеніемъ въ Новгородскомъ обществѣ: всѣ важныя выборныя должности принадлежали имъ исключительно, сверхъ того они имѣли большій вѣсъ въ общественныхъ дѣлахъ по своимъ богатствамъ и связямъ. Бояре же съ своей стороны дорожили расположеніемъ своихъ уличанъ, потому что при ихъ только помощи и расположеніи могли рассчитывать на занятіе важныхъ выборныхъ должностей; уличанскою только поддержкою бояринъ могъ имѣть успѣхъ въ своихъ спорахъ съ соперниками на высшія должности. Уличане иногда даже открытою силою доставляли важныя должности своимъ боярамъ; такъ напримѣръ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1359 году, уличане Славенскаго конца, чтобы добыть посадничество своему боярину Сильвестру Лентьевичу, явились на вѣче въ dospѣхахъ, произвели рѣзню и разогнали Зарѣчанъ или Софійскую сторону. При такихъ отношеніяхъ естественно уличанскіе бояре были самыми усердными и самыми сильными защитниками своихъ уличанъ, безъ различія къ какому бы классу они ни принадлежали. Этого требовалъ самый сильный мотивъ къ усиленному покровительству, — обоюдная польза бояръ и уличанъ: уличане были сильны своими боярами, а бояре были сильны своими уличанами.

Такимъ образомъ улица въ Новгородѣ не была мертвымъ рядомъ дворовъ, вытянутыхъ въ линію, а также, какъ и конецъ, составляла живую общину, члены которой составляли плотный союзъ, связанный и бытовыми и нравственными интересами, и при томъ такой союзъ, который имѣлъ юридическое значеніе, признанное за нимъ закономъ. Улица въ Новгородѣ на столько пользовалась самостоятельностью, что даже могла дѣйствовать мимо своего конца; такъ напримѣръ, когда въ 1218 году торговая сторона, заступившись за своего боярина Матвѣя Душильевича, пошла на посадника Твердислава, боярина изъ Людина конца; то Людинъ конецъ, вступившись за Твердислава, какъ своего боярина, пригласилъ къ себѣ на помощь Прусскую улицу, бывшую въ сосѣдствѣ, и Прусы вмѣстѣ съ Людинцами вооружились за Твердислава, тогда какъ Загородскій конецъ, къ которому принадлежала Прусская улица, оставался нейтральнымъ и не вступался ни за Твердислава, ни за Матвѣя Душильевича.

Новгородская земля.

За предѣлами Новгорода, какъ города, начиналась Новгородская земля; она обнимала пространство на востокъ до Торжка, на западъ до Финскаго залива, рѣки Наровы, Чудскаго и Псковскаго озеръ и вообще до границъ Ливоніи, на югъ до Великихъ Лукъ и на сѣверъ до Ладожскаго озера и частию до Онежскаго озера. Эта страна хотя не была заселена сплошнымъ Новгородскимъ племенемъ, особенно около Ладожскаго озера, въ

земль Корѣлянъ и въ земляхъ Води и Ижеры, ближе къ Финскому заливу тѣмъ не менѣе здѣсь были старѣйшія поселенія Новгородскія, и вся страна такъ была пропитана Новгородскимъ духомъ, что и чужеплеменники туземцы, Водь, Ижера и Корѣла, здѣсь остававшіеся были устроены совершенно на Новгородскій ладъ и считали свою землю уже Новгородскою землею, и потому принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ Новгорода и были уже большею частію крещены въ православную вѣру. Пригороды, находившіеся въ этой странѣ въ иныхъ случаяхъ даже приглашались на Новгородское вѣче, и все тамошнее населеніе безъ различія племенъ участвовало въ военныхъ походахъ Новгородцовъ, или по требованію вѣча являлось на защиту Новгорода. Такъ напримѣръ Князь Александръ Невскій въ 1241 году велъ на Шведовъ къ Копорью и Новгородцовъ, и Ладожанъ, и Корѣлянъ и Ижерянъ. Или подъ 1370 годомъ летопись, описывая вооруженіе Новгородцовъ противъ Князя Ярослава Ярославича Тверскаго, говоритъ: „Совокупися въ Новгородъ вся волость Новгородская, Псковичи, Ладожане. Корѣла, Ижера и Водь, и идоша въ Голино отъ мала до велика, истояша недѣлю на бродѣ“. Или въ 1136 году Новгородцы, для совѣщанія объ изгнаніи Всеволода Мстиславича, приглашали къ себѣ на вѣче и Псковичей и Ладожанъ, какъ участниковъ въ Новгородскихъ дѣлахъ, для которыхъ интересы Новгорода были собственными интересами.

На Новгородской землѣ было разсѣяно до тридцати Новгородскихъ пригородовъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ, а можетъ быть ихъ тамъ было и гораздо больше. Важнѣйшіе изъ пригородовъ, лежащихъ на Новгородской землѣ, были въ прежнее время: Псковъ, въ послѣдствіи отдѣлившійся отъ Новгорода и составившій свое независимое владѣніе; за Псковомъ слѣдовала Ладога, одинъ изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ пригородовъ, стоявшій въ низовьяхъ Волхова, не подалеку отъ впаденія въ Ладожское озеро; потомъ слѣдовала Руса, тоже одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ этомъ краѣ, стоявшій на югъ отъ озера Ильменя при впаденіи рѣки Порусья въ Полисть; далѣе такой же древній городъ Изборскъ, стоявшій на западъ отъ Пскова, нѣсколько южнѣ Псковскаго озера; за тѣмъ Великіе Луки, тоже древній Новгородскій пригородъ, при верховьяхъ рѣки Ловати, на границахъ съ Полотскими и Смоленскими владѣніями, и составлявшій самый южный предѣлъ Новгородской земли. За сими, несомнѣнно древними пригородами Новгорода слѣдовали иные пригороды, изъ которыхъ одни также можетъ быть довольно древніе, а другіе позднѣе время построенія которыхъ уже отмѣчено въ лѣтописяхъ. Таковы были: Орѣховъ, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, построенный въ 1323 году; Корѣла или Корѣльскій городокъ при устьѣ Узервы въ Ладожское озеро, на острову; Тиверскій городокъ на сѣверъ отъ Невы, въ глубинѣ Корѣльской земли, это нынѣшній Кексгольмъ (Вы-

боргск. губерніи), почти на границѣ Новгородскихъ владѣній съ Финляндіею; Тесовъ въ Вотьской землѣ, на югъ отъ Орѣхова; Копорье на югъ отъ Невы, неподалеку отъ Финскаго залива при рѣчкѣ Копоркѣ, построенный въ 1280 году; Яма на рѣкѣ Лугѣ, въ ея низовьяхъ, и Луга при Верховьяхъ рѣки того же имени. Далѣе на югъ отъ Новгорода слѣдовали пригороды по рѣкѣ Шелони и около ея: Шелонь при впаденіи Мшаки въ Шелонь, не подалеку отъ озера Ильменя; Дубровна на западъ отъ Шелони не подалеку отъ Псковской границы; Порховъ на Шелони, не много выше устья Узы; Вышгородъ на югъ отъ Порхова и нѣсколько на западъ отъ Шелони, и еще югозападнѣе Вышгорода Ржева, не подалеку отъ Псковской и Полотской границы. На югъ отъ Ильменя озера, по рѣкѣ Ловати и около ея были Новгородскіе пригороды: Городецъ на западъ отъ Русы; Курескъ на Ловати въ 70 верстахъ отъ Ильменя озера; Холмъ также на Ловати, на 90 верстѣ южнѣе Куреска. На востокъ отъ Ловати, въ такъ называемыхъ Деревяхъ, были пригороды Демань по рѣчкѣ Явони, впадающей въ Полу, которая въ свою очередь вливается въ Ловать съ восточной стороны, или праваго берега; Лубно на самой Полѣ, и Молвятицы на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Полы, не подалеку отъ Селигера, и нѣкоторые другіе, которыхъ мѣстности, по недостаточности лѣтописныхъ извѣстій, до насъ дошедшихъ, указать нельзя. Судя по расположенію пригородовъ собственно въ Новго-

родской землѣ, оказывается, что построение ихъ большею частью вызывалось не столько необходимостью въ защитѣ края или по военнымъ соображеніямъ, сколько промышленными цѣлями и необходимостью развитія Новгородскаго строя въ земляхъ населенныхъ туземцами не Новгородскаго племени.

Пригороды
на Новго-
родской зем-
лѣ.

Пригороды, находящіеся собственно на Новгородской землѣ, а не въ провинціяхъ или въ колоніяхъ. пользовались большею долею самостоятельности, хотя и были въ самой тѣсной связи съ Новгородомъ; они были какъ бы продолженіемъ Новгорода, или повтореніемъ его въ данныхъ мѣстностяхъ, сколками, подобіемъ своего первообраза, или младшими Новгородцами. Они управлялись совершенно по Новгородски, имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ, — сотскихъ старость; даже посадники въ пригородахъ, хотя назначались большею частью Новгородскимъ вѣчемъ. тѣмъ не менѣе и самое Новгородское вѣче безразлично выбирало въ посадники какъ Новгородскихъ. такъ и пригородскихъ бояръ. Даже не рѣдко бывало такъ, что лица, бывшія посадниками въ въ пригородахъ, выбирались въ посадники въ Новгородъ, и наоборотъ — лица, бывшія посадниками въ Новгородѣ, назначались посадниками въ пригороды. Такъ на примѣръ въ 1280 году Новгородцы отнявши посадничество въ Новгородѣ у Михаила Мишинича, дали оное Ладожскому посаднику Семену Михайловичу, выведши его изъ Ладоги. Или въ 1257 году, посадили у себя посадникомъ Ладожскаго посадника Михаила Θεодоровича. Или въ 1164

году Новгородцы перевели посадника Нежату изъ Новгорода въ Ладугу; точно также въ 1229 году отняли у Иванка Дмитровича посадничество въ Новгородѣ и назначили его посадникомъ въ Торжекѣ. Въ пригородахъ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, были свои бояре, гриди, купцы и черные люди; такъ напримѣръ въ 1234 году при нападеніи Литовцовъ на Русу, лѣтопись говоритъ. „и сташа Русане и засада огнищане, гридьба, и кто купецъ и гости, и выгнаша Литву изъ посада.“ Между боярами и купцами Новгородскими и пригородскими не было никакого различія, все они одинаково считались Новгородскими боярами и купцами. Нѣкоторые изъ пригородовъ даже раздѣлялись на концы, подобно Новгороду, напримѣръ, по лѣтописнымъ извѣстіямъ Псковъ и Корѣльскій городокъ, а можетъ быть и другіе. Въ каждомъ пригородѣ была своя соборная церковь въ дѣтинцѣ, подобно Новгородской; напримѣръ, во Псковѣ церковь св. Троицы, въ Порховѣ Святителя Николая, въ Русѣ Преображенія Господня. Пригороды имѣли свои вѣча, но вѣча сіи въ дѣлахъ общихъ должны были повиноваться приговору Новгородскаго вѣча, по общему въ Русской землѣ правилу: „на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть.“ Впрочемъ въ Новгородской землѣ пригородскимъ вѣчамъ предоставлялась большая свобода и самостоятельность: они имѣли право не только заниматься внутреннимъ управленіемъ и судомъ въ своей волости; но даже могли объявлять войну, заключать миръ и вступать

въ договоры съ сосѣдними владѣтелями. Такъ на-
примѣръ въ 1228 году, Псковское вѣче, опасаясь
нападенія Князя Ярослава Всеволодовича, заклю-
чило миръ съ Ригою отдѣльно отъ Новгорода, и
когда Новгородскій князь Ярославъ потребовалъ,
чтобъ Псковичи вмѣстѣ съ Новгородцами и его
полками шли на Ригу; то Псковское вѣче отвѣча-
ло: „мы нейдѣмъ на путь, мы заключили съ Ри-
жанами миръ.“ А въ слѣдъ за тѣмъ и Новгородцы
сказали Ярославу мы безъ своей брата безъ Пско-
вичъ не можемъ идти на Ригу. Или въ 1237 году-
Псковичи посылали помощь Рижанамъ противъ
Литвы, не спрашивая на это разрѣшенія отъ Нов-
городскаго вѣча. Или въ 1428 году, Порховъ за-
ключилъ отдѣльный миръ съ Литовскимъ княземъ
Витовтомъ, и обязался заплатить ему 5000 рублей
окупа. И Новгородское вѣче признавало отдѣльныя
сдѣлки пригородскихъ вѣчей законными. Оно толь-
ко наблюдало за тѣмъ, что бы пригородское вѣче
не дѣлало опредѣленій противныхъ общей пользѣ
всей земли Новгородской, или оскорбительныхъ для
Новгорода. Такъ на примѣръ, пригородъ законнымъ
образомъ не могъ выдѣлиться изъ Новгородской
земли самовольно и подчиниться какому либо со-
сѣднему князю, или отказаться отъ платежа опре-
дѣленныхъ доходовъ въ Новгородъ; такъ, когда въ
1436 году Ржева и Луки отказались платить опре-
дѣленную дань въ Новгородъ; то Новгородцы за
это пошли на нихъ войною и пожгли Ржевскія села.
Но приглашеніе пригородомъ князя безземельнаго

или отказавшагося отъ своего отчиннаго владѣнія ненарушало законныхъ отношеній пригорода къ Новгороду; лишь бы приглашенный князь согласился управлять пригородомъ, какъ владѣнiемъ зависимымъ отъ Новгорода. Такъ на примѣръ, въ 1266 году Псковичи приняли къ себѣ безземельнаго князя Довмонта; и Новгородцы не только этому не препятствовали; но даже когда князь Ярославъ Ярославичъ вздумалъ было съ своими низовыми полками идти на Псковичей и Довмонта; то Новгородцы остановили его и сказали: „ты, князь, безъ нашего согласiя не имѣешь права идти на Псковь.“ Но какъ Новгородцы не препятствовали своимъ пригородамъ принимать къ себѣ князей по своему усмотрѣнiю; такъ наоборотъ, пригороды обязаны были принимать князей присылаемыхъ изъ Новгорода, и безпрекословно повиноваться, когда по рѣшенiю Новгородскаго вѣча князь выводился изъ одного пригорода въ другiй. Равнымъ образомъ пригороды должны были повиноваться Новгородскому вѣчу, когда оно давало въ кормленье нѣсколько пригородовъ одному князю; ибо князь, принятый въ пригородѣ или присланный въ пригородъ изъ Новгорода, одинаково считался на службѣ у Новгородцевъ, онъ являлся въ пригородъ какъ бы намѣстникомъ Новгорода; слѣдовательно пригородъ, принадлежа Новгороду, состоя на Новгородской землѣ, долженъ былъ повиноваться присланному князю. Мало этого, пригородъ даже не имѣлъ права выгнать отъ себя присланнаго князя. а напро-

тивъ, въ случаѣ неудовольствій долженъ былъ жаловаться Новгородскому вѣчу. Такъ на примѣрѣ Орѣховцы и Корѣльцы въ 1384 году, недовольные посаженнымъ у нихъ княземъ Патрикіемъ Наримановичемъ, явились съ жалобою въ Великій Новгородъ, и уже по опредѣленію Новгородскаго вѣча князь Патрикій былъ переведенъ изъ Орѣхова и Корѣльскаго въ Русу и Ладугу.

Такимъ образомъ пригороды въ Новгородской землѣ съ одной стороны пользовались значительною долею самостоятельности, а съ другой стороны находились въ полной зависимости отъ своего господина Новгорода. Такое повидимому несовмѣстное положеніе условливалось съ одной стороны происхожденіемъ пригородовъ, а съ другой стороны тѣмъ, что они стояли на Новгородской землѣ. По происхожденію пригороды были младшими братьями или сыновьями Новгорода, всѣ они построены самимъ Новгородомъ и населены Новгородцами же, и каждый Новгородецъ во всякое время могъ перейти въ любой пригородъ, и наоборотъ, пригорожанинъ поселиться въ Новгородѣ; слѣдовательно по самой необходимости по существу дѣла Новгородъ могъ относиться къ своимъ пригородамъ только какъ старшій къ младшимъ, какъ отецъ къ дѣтямъ, какъ свободный къ свободнымъ, а не какъ господинъ къ рабамъ, или завоеватель къ побѣжденнымъ, и слѣдовательно предоставлять имъ извѣстную долю самостоятельности. И дѣйствительно таковы и были отношенія Новгорода къ своимъ пригородамъ по-

чти до начала XV вѣка. Новгородцы во все это время не полагали никакого различія или неравенства своихъ горожанъ съ пригорожанами. Житель пригорода, стоящаго на Новгородской землѣ, по закону ничѣмъ не отличался отъ жителя самаго Новгорода: прїѣзжая въ Новгородъ, онъ пользовался совершенно одинакими правами съ Новгородцомъ; лучшимъ сему свидѣтельствомъ служитъ уставная грамота князя Всеволода Мстиславича, данная Иванской купеческой общинѣ въ Новгородѣ около 1135 года. Въ этой грамотѣ мы читаемъ: о вѣсчихъ пошлинахъ: „а у гостя имъ имати у низовскаго (т. е. изъ Суздальской земли) отъ дву берковска воцаныхъ по гривнѣ серебра да гривенка перцу, а у Смоленскаго и у Полотскаго до двѣ гривны кунъ отъ берковска воцанаго, у Новоторжанина полторы гривны отъ берковска воцанаго, у Новгородца шесть мордокъ отъ берковска воцанаго.“ Здѣсь грамота, полагая высшій размѣръ пошлинъ съ разныхъ прїѣзжихъ гостей, съ Низовцовъ, Смолнянъ, Полоцянъ и Новоторжцовъ ни слова не упоминаетъ ни о Ладожанахъ, ни о Рушанахъ, ни о Псковичахъ, ни о другихъ пригорожанахъ Новгородской земли, слѣдовательно считаетъ ихъ не гостями, а такими же Новгородцами, какъ и жителей самого Новгорода, и назначаетъ имъ одинаковую пошлину съ сими послѣдними: по шести мордокъ отъ берковска воцанаго. А когда житель пригорода считался Новгородцемъ, то и самый пригородъ не счогъ считаться иначе какъ млад-

шимъ Новгородомъ; а какъ старшій Новгородъ былъ свободенъ и самостоятеленъ, то и младшій Новгородъ, по складу Новгородской жизни, долженъ также пользоваться свободою и самостоятельностью. Но какъ младшій Новгородъ, или пригородъ, стоялъ на землѣ составлявшей священную неотъемлемую собственность старшаго Новгорода, на землѣ святой Софіи, то отсюда вытекали отношенія зависимости младшаго отъ старшаго и право контроля старшаго надъ младшимъ. Старшій по существу самаго дѣла долженъ былъ заботиться, что бы младшій не вздумалъ передавать въ чужія руки землю святой Софіи; старшій имѣлъ непремѣнною обязанностію наблюдать, чтобы младшіе за землю святой Софіи, находящуюся въ ихъ владѣніи, платили опредѣленные дани въ общую казну, которая хранилась на палатахъ св. Софіи, и въ случаѣ не платежа наказывать младшихъ; старшій на томъ же основаніи имѣлъ право требовать, чтобы младшіе являлись на защиту св. Софіи, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, и помогать въ постройкѣ тѣхъ и другихъ укрѣпленій, необходимыхъ для защиты дома св. Софіи, т. е. Новгорода. Впрочемъ за помощь, какую пригороды обязывались подавать въ случаѣ нужды Новгороду, Новгородъ съ своей стороны исправно платилъ помощію пригородамъ, когда они въ ней нуждались; такъ въ 1253 году Новгородцы пришли помогать Псковичамъ противъ Нѣмцевъ и принудили сихъ послѣднихъ къ миру на всей воли Новгородской и Псков-

ской. Или въ 1348 году Новгородъ немедленно послалъ помощь Орѣховцамъ, когда Магнусъ король Шведскій напалъ на Орѣховъ; когда же, не смотря на Новгородскую помощь, Магнусъ завладѣлъ Орѣховымъ въ Августъ мѣсяцъ; то Новгородцы тойже осенью явились туда съ новою ратью, и стояли подъ Орѣховымъ около полугода, до тѣхъ поръ, пока не выгнали оттуда Шведовъ. Или когда въ 1371 году погорѣлъ Торжекъ; то Новгородцы на другій же годъ пришли ставить новыя стѣны погорѣлаго города; или въ 1384 году Новгородцы поставили новую каменную крѣпость въ своемъ пригородѣ Ямахъ, на рѣкѣ Лугѣ; или въ 1378 году Новгородское вѣче послало ставить каменный городъ въ Порховѣ. Новгородцы даже ставили своимъ усердіемъ церкви по пригородамъ; такъ въ 1365 году Новгородскіе купцы вмѣстѣ съ Новоторжцами поставили въ Торжкѣ церковь Преображенія Господня и самъ архіепископъ Новгородскій съ крылосомъ св. Софіи пріѣзжалъ освящать ее. Или въ 1403 году Новгородскіе купцы прасолы поставили въ Русѣ церковь св. Бориса и Глѣба. Новгородцы на томъ же основаніи, что пригороды стояли на Новгородской землѣ, при заключеніи мирныхъ договоромъ съ сосѣдними князьями, включали въ сіи договоры и свои пригороды, и обыкновенно цѣловали крестъ какъ за Новгородъ, такъ и за пригороды, какъ составляющіе одно цѣлое съ Новгородомъ.

Присуды
погосты. ■

Каждый Новгородскій пригородъ, также какъ и самый Новгородъ, имѣлъ свою волость или присудъ, т. е. опредѣленную окрестную страну, на которую простиралась его власть, которая тянула къ нему судомъ и управою по землѣ и водѣ, съ которой собирались въ пригородъ разныя дани и пошлины, которая въ пригородѣ находила свою защиту, и въ свою очередь сама была обязана участвовать въ защитѣ пригорода въ случаѣ неприятельскаго нападенія. Волость или подчиненная пригороду страна раздѣлялась на погосты, которые состояли изъ нѣсколькихъ селеній, имѣвшихъ въ погостѣ свой ближайшій судъ и управу и своихъ выборныхъ начальниковъ или старость. Жители селеній, принадлежавшихъ къ тому или другому погосту, собирались туда для совѣщаній о дѣлахъ цѣлаго погоста, для раскладки лежащихъ на нихъ повинностей, для разбора споровъ и для разныхъ общественныхъ дѣлъ. Образование погостовъ въ Новгородскихъ владѣнiяхъ относится къ глубокой древности; о погостахъ упоминается уже при великой княгинѣ Ольгѣ. А въ началѣ XII столѣтiя мы находимъ, что княжая дань въ Новгородскихъ владѣнiяхъ раскладывалась по погостамъ и погосты уже были въ самыхъ отдаленныхъ владѣнiяхъ Новгорода, куда только достигала Новгородская колонизація; въ грамотѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича, данной въ 1137 году на десятину, въ пользу Новгородской епископiи, десятинна разложена уже на погосты и погосты упоминаются

уже на Онегѣ, въ Заволочѣ и по берегамъ Бѣлаго моря.

Погость въ Новгородскихъ владѣніяхъ былъ самою первоначальною бытовою формою Новгородской колонизаціи; гдѣ только заводились Новгородскія поселенія, тамъ прежде всего являлись и погосты. Погость въ волости значилъ тоже, что улица въ городѣ, т. е. бытовую единицу, общину. Собственно селенія, деревни и починки въ Новгородскихъ владѣніяхъ были очень мелки и малолюдны, они болѣе походили на хуторы, чѣмъ на деревни, и состояли изъ одного или двухъ дворовъ и рѣдко-рѣдко изъ десяти, и по сему сами собою отдѣльно не могли составлять какое-либо сколько нибудь самостоятельное цѣлое и по необходимости спѣшили примыкать къ какому либо ближайшему центру, чтобы составить союзъ, въ которомъ имѣть постоянную защиту своей слабости, отпоръ внѣшнимъ нападеніямъ, судъ и управу въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, и таковымъ ближайшимъ центромъ или бытовымъ союзомъ, былъ погость. Такимъ образомъ погость былъ чисто бытовымъ учрежденіемъ, а не административнымъ; здѣсь администрація въ послѣдствіи только воспользовалась готовымъ учрежденіемъ жизни, чтобы съ распоряженіями изъ города относиться не къ мелкимъ, едва уловимымъ единицамъ селеній, разсыпаннымъ на большія пространства, а къ союзамъ болѣе замѣтнымъ и уже имѣющимъ свою бытовую организацію и свое управление. Лучшимъ доказательствомъ такового исто-

рическаго порядка при образованіи погостовъ. служить во-первыхъ то, что въ погостахъ постоянно управленіе было выборное мѣстное, безъ участія городскихъ властей; во вторыхъ тоже подтверждаетъ неравномѣрность населенія одного погоста съ другимъ; такъ на примѣръ, по переписной окладной книгѣ 1500 года въ Ладожскомъ присудѣ считалось: въ Ильинскомъ погостѣ 28 деревень, 31 дворъ и 53 человѣка населенія; въ Песотцкомъ погостѣ 43 деревни, 69 дворовъ и 106 человѣкъ; въ Теребужскомъ погостѣ 137 деревень, 201 дворъ и 337 человѣкъ. Или въ Орѣховскомъ уѣздѣ считалось: въ Городенскомъ погостѣ 82 деревни, 243 двора, 325 человѣкъ; въ Куйвошскомъ погостѣ 265 деревень, 360 дворовъ и 476 человѣкъ жителей. Очевидно, что администрація не могла бы допустить такой несоразмѣрности деревень, причисленныхъ къ погосту, ежели бы погосты были ее учрежденіемъ, а не бытовою формою жизни, образовавшеюся исторически.

Погость, какъ чисто бытовое, а не административное, учрежденіе, состоялъ изъ деревень разныхъ разрядовъ по праву владѣнія на землю; въ одномъ и томъ же погостѣ были деревни и черныя, и владѣльческія, и между владѣльческими рядомъ стояли и монастырскія, и боярскія, и своеземекія, и принадлежація тому или другому концу или улицѣ въ городѣ. Всѣ они въ экономическомъ отношеніи управлялись каждый разрядъ особо, черныя сами собою, а владѣльческія или самими владѣльцами,

тутъ же жившими; или присылаемыми отъ нихъ ключниками и посельскими; но судъ и управа и всѣ общественныя распоряженія были одни и тѣ же для деревень всѣхъ разрядовъ, и производились на погостѣ или старостами и сотскими, которые выбирались самими жителями погоста безъ отношенія къ владѣльцамъ, или погостскимъ вѣчемъ, сходкою, и до этого суда и управы землевладѣльцы не касались, выключая тѣхъ случаевъ, впрочемъ нерѣдкихъ, когда частныя землевладѣльцы получали отъ Новгородскаго вѣча особыя грамоты на судъ и управу въ своихъ владѣнiяхъ. Въ каждомъ погостѣ деревни и села по различiю правъ на владѣнiе землею раздѣлялись на три вида: къ первому принадлежали земли черныя, не составляющiя ни чьей частной собственности, которыя были предоставлены во владѣнiе всѣмъ свободнымъ людямъ, желавшимъ тамъ поселиться подъ однимъ необходимымъ условiемъ, —тянуть къ городу судомъ и данью по землѣ и водѣ, т. е. принять на себя обязанности въ отношенiи къ государству, лежащiя на жилой и обработанной землѣ; на таковыхъ земляхъ и при такомъ условiи, безъ различiя въ правахъ, селились и жители города, и пришельцы, и исконныя старожилы въ странѣ, хотя бы не Новгородскаго племени. Земли сiи не подлежали частному отчужденiю, продажѣ или даренiю; хозяинъ, оставляя такую землю, тѣмъ самымъ терялъ всякое право на нее, какъ на свою принадлежность. Ко второму виду принадлежали земли, составляющiя собственность или

цѣлаго города, или какой нибудь городской общины, конца, улицы, прихода; сіи земли отдавались на оброкъ всякому, кто возьметъ, безъ различія будетъ ли то горожанинъ или селянинъ, при чемъ земли, принадлежащія цѣлому городу нерѣдко приписывались какой либо общественной должности; а по сему лицу, получающее сію должность, съ тѣмъ вмѣстѣ получало право на пользованіе доходами съ приписанной земли, какъ жалованіемъ за службу. Земли сего разряда, не подлежали частному отчужденію на правахъ собственности. Къ третьему виду принадлежали земли, составлявшія частную собственность бояръ, купцовъ, монастырей, церквей и другихъ поземельныхъ собственниковъ, или своеземцевъ. Земли этого разряда свободно продавались, мѣнялись, дарились и инымъ какимъ образомъ отчуждались своими хозяевами; они только не могли переходить во власть сосѣднихъ государей, т. е. выходить изъ государственной власти Новгородѣ. За симъ послѣднимъ условіемъ Новгородъ всегда наблюдалъ съ большею строгостію; такъ что во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Новгородѣ съ князьями мы постоянно находимъ условіе, чтобы ни князья, ни княгини, ни ихъ бояре и дворяне не ставили сель и свободъ на свое имя по всей Новгородской землѣ, не принимали закладчиковъ, не покупали и въ даръ не принимали никакихъ земель по всей волости Новгородской. А ежелибы князь или княгиня или ихъ бояре и дворяне купили какія села или земли; то Новгородъ постоянно не признавалъ

такихъ покупокъ и требоваль, чтобы они отступились отъ купленныхъ земель и возвратили ихъ Святой Софїи къ Новгороду безъ всякихъ отговорокъ, а заплаченныя деньги искали судомъ на продавцѣ. Новгородскою землею по исконному обычаю могъ владѣть, какъ собственникъ, только тотъ, кто самъ признаваль надъ собою власть Новгорода, кто принималъ на себя обязанности Новгородскаго гражданина. Даже истый Новгородецъ по происхожденію, или какой Новгородскій пригорожанинъ, какъ скоро отказывался тянуть къ своему городу, которому принадлежала земля на государственномъ правѣ, то тѣмъ самымъ уже терялъ право собственности на землю, подчиненную городу. Такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ прямо сказано: „А кто живетъ въ Торжку на Новоторжской землѣ, а къ Св. Спасу не тянетъ къ Торжку, Княземъ отъемя (передавшисъ князю), а ти идуть съ Торжку, куды имъ годно.“

Городскія земли какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Новгородскихъ пригородахъ, такъ же какъ и волостныя земли, дѣлились на виды или разряды; главныхъ видовъ въ городскихъ земляхъ было два: *земли тяглыя* и *земли не тяглыя*. Тяглыхъ городскихъ земель было три разряда: 1-й разрядъ земли своеземцовы, т. е. принадлежащія собственникамъ, которые имѣють еще свои собственныя земли въ уѣздѣ; 2-й разрядъ земли городскихъ людей лучшихъ, среднихъ и молодыхъ; это земли того же

разряда, какъ и черныя земли въ уѣздѣ; 3-й разрядъ земли поземныя, т. е. тѣ, которыя отдаются городомъ въ пользованіе за опредѣленный оброкъ. Всѣ сіи три разряда тянутъ городское тягло, т. е. на нихъ лежатъ извѣстные городскіе платежи и повинности по раскладкѣ. Не тяглыми землями назывались тѣ, на которыхъ не лежало городскихъ повинностей и платежей, къ такимъ землямъ принадлежали земли церковныя, и земли уступленныя или назначенныя служилымъ людямъ въ пользованіе вмѣсто жалованья.

Волостки.

Въ погостахъ земли по владѣнію раздѣлялись на волости или волостки. Волостями или волостками назывались села и деревни, принадлежащія одному владѣльцу хозяину, что по нынѣшнему образу выраженія слѣдовало бы назвать вотчиною или имѣніемъ. Здѣсь слово волость выражало, что такія-то села и деревни подлежатъ власти такого-то, что онъ ихъ владѣлецъ, хозяинъ отъ чего въ описаніяхъ погостовъ мы встрѣчаемъ названія въ родѣ слѣдующихъ: „Въ Лопьскомъ погостѣ волость Васильевская Ананьина, или въ томъ же погостѣ волость Вихторцы Яковлевская Губина, или волость Нила Колмовскаго монастыря“, т. е. по нынѣшнему имѣніе или вотчина Василія Ананьина, Якова Губина, или вотчина Колмовскаго монастыря. Волости или волостки сіи, какъ частная собственность не соразмѣрялись съ погостами или другими административными дѣленіями: въ одномъ погостѣ часто бывало по нѣскольку волостей, и на оборотъ, одна

волость могла быть въ нѣсколькихъ погостахъ, смотря потому—сосредоточено ли имѣніе частнаго владѣльца въ одномъ погостѣ или разсыпано по нѣсколькимъ погостамъ.

Кромѣ волостей или волостокъ въ Новгородскихъ Рядки. погостахъ бывали еще *рядки*. Рядками назывались селенія, занимающіяся торговлею и не имѣвшія за собою пахатной земли; жители таковыхъ селеній обыкновенно назывались рядовичами, посадскими людьми. Рядки преимущественно строились при рѣкахъ и на другихъ путяхъ сообщенія, гдѣ представлялись удобства для торговли; каждый рядокъ имѣлъ свою торговую площадь, лавки и амбары, гдѣ продавались и складывались товары. Рядокъ былъ предшественникомъ, починкомъ города и имѣлъ почти городовое устройство; но въ сущности еще не былъ городомъ; онъ тянулъ судою и данью къ городу, въ волости котораго стоялъ, и сверхъ того составлялъ часть погоста и былъ ему подчиненъ. Въ иныхъ погостахъ были еще *перевары*, такъ на- Перевары. зывались союзы селъ и деревень, жители которыхъ занимались исключительно рыбною ловлею. Въ переварахъ, также какъ и въ рядкахъ, не было пашенныхъ земель, и жители переварскихъ деревень надѣлялись луками, т. е. опредѣленными участками, смотря по мѣстности, рѣчнаго или озернаго, или морскаго берега, для поселенія и для рыбной ловли. Число деревень въ каждой переварѣ было неодинаково; такъ напримѣръ, въ Корѣльскомъ присудѣ, въ Кирьяшскомъ погостѣ, въ Петкольской переварѣ

было десять деревень, въ Кирьяшской переварѣ двадцать три деревни, въ Соральской переварѣ пятнадцать деревень. Въ погостѣ обыкновенно бывало по нѣскольку переварѣ, и переварскія деревни не смѣшивались съ другими деревнями и причислялись къ одному погосту, гдѣ имѣли свое выборное управленіе, и куда сходились для разсужденія объ общихъ дѣлахъ всѣхъ переварѣ одного погоста. Что собственно представляла перевара, административную или экономическую единицу, на это прямыхъ указаній нѣтъ; но съ достаточною вѣроятностію можно предположить, что она была экономической бытовою общиною, т. е. перевару составляли деревни рыболововъ, у которыхъ рыболовныя угодья или луки были отведены къ однимъ мѣстамъ, и гдѣ они главную ловлю рыбы производили общими силами цѣлою переварою, и можетъ быть неведомъ, или другою какою рыболовною снастью, построенною въ складчину цѣлою переварою, всѣми деревнями принадлежащими къ переварѣ, и можетъ быть самая рыболовная снасть называлась переварою. Перевары въ Новгородскихъ владѣніяхъ бывали и общинныя, когда переварскія деревни были построены на общинныхъ или черныхъ земляхъ, и перевары частныхъ землевладѣльцевъ, бояръ, монастырей, купцовъ и проч., когда переварскія деревни были построены на землѣ, составляющей частную собственность какого либо частнаго владѣльца.

Новгородскія волости.

Новгородскими волостями назывались земли подчиненныя Новгороду, но несоставлявшія съ нимъ

одного цѣлаго, и управлявшіяся не совсѣмъ такъ, какъ управлялась собственно Новгородская земля. Во всѣхъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ грамотахъ XIII, XIV и XV столѣтій, вплоть до уничтоженія Новгородской самостоятельности, волости постоянно и рѣзко отличались отъ Новгородской земли и удерживали названіе волостей; къ нимъ постоянно причислялись слѣдующія земли: Волокъ со всѣми волостями, вѣроятно та страна, гдѣ нынѣ Волоколамскъ, далѣе Торжокъ, Бѣжичи, Цалицы, Городецъ, Мелеча; Шипино, Егна на рѣкѣ Мологѣ, Вологда, Заволочье, — огромный край отъ верховьевъ рѣки Онеги до Мезени, Търѣ, т. е. Терскій или западный берегъ Бѣлаго моря, Пермь, Печера и Югра. Все это громадное пространство земель, принадлежащихъ Новгороду, простирающееся на сѣверъ до Бѣлаго и Ледовитаго морей и на востокъ до сѣверной оконечности Уральскихъ горъ и даже за Уральскія горы до рѣки Оби въ Сибири, по отношенію своему къ Новгороду раздѣлялось на три разряда: 1-й разрядъ заключалъ въ себѣ земли отъ Торжка и Волока до Тверскихъ и Ростовскихъ владѣній и до верховьевъ рѣки Онеги; 2-й разрядъ, называвшійся Заволочьемъ, обнималъ собою земли отъ Онеги до Мезени и до Бѣлаго моря; 3-й разрядъ составляли земли лежація на востокъ отъ Мезени, гдѣ сѣверный край, прилегавшій къ Ледовитому морю, назывался Печерою, южный, прикасавшійся къ древнему царству Камскихъ Болгаръ, носилъ названіе Перми, а восточный по Уральскимъ горамъ и до рѣки Оби назывался Югрою.

Первый разряд Новгородских волостей, Торжекъ, Бѣжичи, и проч.

Къ первому разряду Новгородскихъ волостей, ближайшихъ къ Новгородской землѣ, принадлежали Волокъ, Торжекъ, Бѣжичи, Палиць Городецъ Мелча, Шипино, Егна и Вологда. Здѣсь по мѣрѣ приближенія къ Новгородской землѣ край принималъ, и по управленію и по населенію, характеръ чисто Новгородскій; Новгородская колонизація, хотя еще далеко не сплошная, здѣсь оказывалась гуще нежели въ другихъ волостяхъ, болѣе отдаленныхъ; тутъ уже являлось нѣсколько пригородовъ, устроенныхъ совершенно по Новгородски и управлявшихся посадниками, присылаемыми изъ Новгорода, каковы на примѣръ Торжекъ, Вологда, и особенно былъ важень здѣшній пригородъ Торжекъ, лежавшій почти на границахъ Новгородской земли, куда нерѣдко присылались въ посадники мужи уже бывшіе посадниками въ самомъ Новгородѣ. Но и Торжекъ уже не составлялъ Новгородской земли, а былъ только Новгородскою волостью, не только по присвоенному ему такому названію въ Новгородскихъ грамотахъ и по историческому его имени. — Новый Торгъ, т. е. новая позднѣйшая Новгородская торговая колонія не въ Новгородской землѣ; но и по чувству самихъ жителей, которые хотя и признавали свой городъ Новгородскимъ пригородомъ и постоянно были въ зависимости отъ Новгорода, тѣмъ не менѣе уже не считали себя за одно съ Новгородцами и имѣли свои мѣстные интересы, не всегда согласные съ интересами Новгородскими. А посему Новгородцы, чтобы дѣйствовать за одно

съ Новоторжцами, должны были напередъ уговариваться съ ними и даже цѣловать крестъ; такъ напри- мѣръ въ 1372 году, во время войны съ Михаиломъ Александровичемъ великимъ княземъ Тверскимъ, Новгородцы не иначе могли укрѣпить Торжокъ, какъ напередъ условившись съ Новоторжцами и утвердившись крестнымъ цѣлованіемъ; въ лѣтописи прямо сказано: „о Петровѣ заговѣннѣ Новгородцы, великаго Новгорода бояре, пріѣхали въ Торжокъ ставить городъ, совокупились и соединились съ Новоторжци и укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ и сдумали думу, чтобы быть и стать за одинъ и заратились съ княземъ Михаиломъ Тверскимъ.“ Но ежели Новгородцы приходили въ Торжокъ, не согласясь съ Новоторжцами; то сіи послѣдніе иногда и выгоняли ихъ; такъ въ 1340 году они выгнали отъ себя пріѣхавшихъ Новгородцовъ и ограбили своихъ бояръ, которые ихъ пригласили. Впрочемъ Новоторжцы еще иногда являлись для защиты Новгорода наравнѣ съ прочими пригородами, хотя и очень рѣдко. Вообще въ Волокѣ, Торжкѣ и Бѣжичахъ еще сильно вѣяло Новгородскимъ духомъ, здѣсь еще сильно чувствовался Новгородскій строй жизни; но по мѣрѣ отдаленія отъ Новгородской земли чисто Новгородскій характеръ въ здѣшнихъ волостяхъ дѣлался слабѣе, и становилось замѣтнѣе, что это уже не Новгородская земля, хотя и зависящая отъ Новгорода. Здѣсь хотя и были города, слободы и погосты, построенные Новгородцами, и даже управлялись властями присылаемыми изъ Новгорода, хотя

собиралась дань и другія пошрины безъ помощи данщиковъ сопровождаемыхъ воинскими отрядами и хотя Новгородцы охотно заводили здѣсь свои колоніи; но уже здѣшніе города не были младшими Новгородами, они носили на себѣ или характеръ военныхъ крѣпостей для удержанія въ повиновеніи мѣстнаго не Новгородскаго населенія, или торговыхъ колоній на путяхъ сообщенія, на большихъ судоходныхъ рѣкахъ; таковы напримѣръ Рыбаньская слобода при впаденіи Шексны въ Волгу, Молога при впаденіи рѣки Мологи въ Волгу, Вологда на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Сухоны, составляющей верховье Сѣверной Двины. Здѣсь населеніе было чисто Финскаго происхожденія, Новгородскія же колоніи являлись только какъ бы островами въ Финскомъ морѣ. Конечно, колоніи сіи управляли Финскимъ населеніемъ, владычествовали надъ нимъ, приучали его къ Новгородскому строю жизни и къ Новгородскимъ обычаямъ; но изъ здѣшнихъ городовъ уже не высылались ратей на защиту Новгорода, какъ это дѣлали пригороды, стоявшіе на Новгородской землѣ; напротивъ того, здѣшній край былъ открытъ для вѣдшихъ нападений, и Суздальскіе и Московскіе князья не разъ занимали ту или другую часть этого края и держали по тамошнимъ городамъ своихъ намѣстниковъ по нѣскольку лѣтъ: такъ напримѣръ въ 1393 году В. К. Василій Дмитріевичъ Московскій заразъ овладѣлъ Торжкомъ, Волокомъ и Вологдою; потомъ въ 1397 году опять завладѣлъ Заволочьемъ, Торж-

комъ, Волокомъ, Бѣжецкимъ Верхомъ и Вологдою, и въ послѣдній разъ держалъ ихъ около четырехъ лѣтъ. Хотя Новгородцы владѣли этимъ краемъ съ давнихъ временъ, и уже въ XII столѣтїи тамъ было двадцать четыре погоста, которые раздѣлялись на два ряда: Обонѣжскій и Бѣжецкїй, которыя, по уставу князя Святослава Ольговича, уже платили княжїя дани и судебныя пошлыны виры и продажи; но не смотря на это Новгородцы свое владычество въ этомъ краю всегда считали далеко не такъ полнымъ и надежнымъ, какъ въ Новгородской землѣ, и въ своихъ договорныхъ грамотахъ съ князьями изъ опасенїя постоянно ставили условїе, по которому князь обязывался свои дани и пошлыны въ этомъ краю продавать Новгородцамъ и отнюдь не посылать туда намѣстниками своихъ мужей, а держать тамошнїя земли мужами Новгородскими и получать отъ нимъ даръ, только на Волокъ и въ Торжкѣ дозволялось держать князю своего тиуна, но и то непременно пополамъ съ Новгородскимъ тиуномъ. По условїю, постоянно повторявшемуся почти во всѣхъ грамотахъ, князь даже' не иначе могъ посылать туда своего купца, какъ изъ Новгорода, который и на обратномъ пути непременно долженъ былъ ѣхать на Новгородъ, и не больше какъ въ двухъ насадахъ; въ грамотахъ прямо говорится: „а за Волокъ ти, княже, слати своего мужа изъ Новгорода, въ дву насаду, по пошлынѣ; а опять ѣхати туды же на Новгородъ; а съ низу ти не слати, такоже и въ Бѣжицѣ.“

Второй разряд Новгородских волостей, Заволочье.

Второй разряд Новгородских волостей, называвшийся Заволочьем, хотя былъ приобретень Новгородцами издавна и уже въ XII вѣкѣ имѣлъ до тридцати погостовъ Новгородскаго поселенія, которыя были расположены по всему теченію рѣки Онеги до моря, по Пинегѣ, по всему теченію Сѣверной Двины и по впадающимъ въ нее рѣкамъ Емцѣ, Вагѣ и Вели, какъ показано въ уставной грамотѣ князя Святослава Ольговича, по которой всѣ сіи колоніи въ отношеніи къ сбору податей были поручены какому то Домажиричу, и хотя Новгородское поселеніе здѣсь было едва ли не гуще чѣмъ въ первомъ разрядѣ волостей, особенно по рѣкамъ Вели, Вагѣ и Сѣверной Двинѣ, и по духу своему ни въ чемъ не уступало кореннымъ Новгородцамъ и было въ самой тѣсной связи съ богатыми Новгородскими домами; но въ отношеніи къ Новгородскому правительству оно не только не равнялось съ населеніемъ Новгородской земли, а напротивъ, было отчужденнѣе чѣмъ волости перваго разряда; ибо тамошняя колонизація была плодомъ частной предпримчивости, а не распоряженія правительства. Весь тамошній край былъ заселенъ по распоряженію богатыхъ Новгородскихъ бояръ, которые, набравъ ватаги вольницы, занимали тамошнія земли, подчиняли себѣ туземцовъ, строили села и города и владѣли ими, какъ частною собственностію, только на имя Великаго Новгорода и съ платежемъ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ доходовъ въ Новгородскую казну. Хотя въ послѣдствіи

здѣсь принимало участіе и Новгородское правительство, имѣло тамъ нѣсколько волостей, назначало отъ себя начальниковъ или посадниковъ и посылало туда свои приказанія; такъ на примѣръ въ 1411 году, Заволочане. подъ предводительствомъ Двинскаго посадника, по повелѣнію Новгорода ходили войною на Мурманъ или Норвежцовъ; тѣмъ не менѣе почти весь этотъ край принадлежалъ, какъ частная собственность. утвердившимся тамъ Новгородскимъ боярямъ и другимъ богачамъ, первоначально заселившимъ тамошнія земли и подчинившимъ себѣ туземцовъ, и представлялъ собою собраніе боярскихъ волостей или вотчинъ; даже самыя начальники преимущественно назначались изъ тамошнихъ же Новгородскихъ землевладѣльцовъ, такъ что Новгородъ владѣлъ тамошнею странною чрезъ ихъ же посредство. Да это и не могло иначе быть, ибо знаменитѣйшія Новгородскія фамиліи, въ рукахъ которыхъ преимущественно сосредоточивалась власть въ самомъ Новгородѣ, были въ то же время главными землевладѣльцами въ Заволочѣ. Тамъ бояре, богатые землевладѣльцы, своевольничали, какъ хотѣли, воевали и въ самомъ Заволочѣ, и по сосѣдству. Вотъ нѣсколько обращиковъ своеволія тамошнихъ бояръ, отмѣченныхъ въ лѣтописяхъ; такъ и одъ 1342 годомъ лѣтопись говоритъ, что богатый Заволоцкій владѣлецъ Лука, сынъ бывшаго Новгородскаго посадника Варфоломея, не послушавъ Новгорода и владычня благословенія, скопивъ съ собою холоповъ сбоевъ, и поиде за Во-

локъ на Двину, и постави городокъ Орлець, и скопивъ Емчанъ (своихъ колонистовъ по рѣкѣ Емцѣ), и взя землю Заволоцкую по Двинѣ вси погосты на щитъ.“ Или въ 1366 году молодые Новгородскіе дѣти боярскіе, подъ предводительствомъ богатыхъ Заволоцкихъ землевладѣльцовъ Есифа Варфоломѣевича, Василья Ѳедоровича и Александра Аббакумовича безъ Новгородскаго слова ходили на Волгу и грабили купеческіе караваны, шедшіе по этой рѣкѣ. И когда великій князь Московскій Дмитрій Ивановичъ потребовалъ отъ Новгорода вознагражденія за этотъ грабежъ; то Новгородцы не иначе могли получить это вознагражденіе съ Заволоцкихъ землевладѣльцовъ. какъ отправивши въ 1386 году свое войско въ Заволочье подъ предводительствомъ посадника Федора Тимофѣевича и боярина Тимофѣя Юрьевича. Богатые Заволоцкіе землевладѣльцы, Двинскіе бояре, даже иногда вступали въ союзъ противъ Новгорода съ сосѣдними князьями; такъ напримѣръ въ 1397 году Двинскіе бояре и всѣ Двиняне задалися за великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича, цѣловали ему крестъ, и подѣлили между собою тамошнія волости Новгородскія и бояръ Новгородскихъ; такъ что Новгородцы на другій годъ должны были послать туда свое войско, отвоевать тамошнія волости и казнить измѣнниковъ. Но когда Заволоцкіе бояре землевладѣльцы оставались вѣрными Новгороду, они были на столько сильны своими собственными средствами, что почти всегда безъ помощи изъ Новгорода

удачно отражали внѣшнія нападенія на тамошній край; такъ когда въ 1401 году Московскій великій князь Василій Дмитріевичъ, нечаянно среди мира послалъ свою рать въ Заволочье, подъ предводительствомъ Двинскихъ измѣнниковъ Анфала Никитина и Герасима Ростриги; то тамошніе бояре Степанъ и Михайло Ивановичи и Никита Головня, собравъ около себя Важанъ, разбили Московскую рать на Холмогорахъ. Точно также въ 1417 году, при нападеніи Москвичей съ Вятчанами на Заволочье, тамошніе бояре Иванъ и Аванасій Федоровичи, Гаврила Кириловичъ и Исакъ Андреевичъ (Борецкій) не только разбили ихъ подъ Моржомъ, но и въ погонѣ за ними пограбили Устюгъ, принадлежавшій великому князю Московскому. Такимъ образомъ Заволочье составляло почти отдѣльное владѣніе, только потому бывшее въ нѣкоторой зависимости отъ Новгорода, что главные тамошніе поселенцы были Новгородскаго происхожденія, не разрывали своихъ связей съ Новгородомъ, и даже нерѣдко принадлежали къ знаменитѣйшимъ и сильнѣйшимъ Новгородскимъ фамиліямъ.

Третій разрядъ Новгородскихъ волостей, какъ уже сказано выше, составляли громаднѣйшія земли, лежація на востокъ отъ Заволочья до Уральскихъ горъ и за Уральскія горы до рѣки Оби, и можетъ быть еще за Обью въ Сибири, и носившія названіе Печеры, Перми и Югры. Земли сіи такъ были отдалены отъ собственно Новгородской земли, что въ нихъ даже мудрено было устроить Нов-

Третій разрядъ Новгородскихъ волостей, Пермь, Печера и Югра.

городскія колоніи, которыя бы оставались въ неразрывной связи съ Новгородомъ по крайней мѣрѣ заведенныя тамъ Новгородскія колоніи по рѣкѣ Вяткѣ и солепромышленныя поселенія на Вычегдѣ и Сысолѣ въ слѣдъ за свои мѣ появленіемъ отдѣлились отъ Новгорода: первая образовали довольно значительную независимую республику подъ именемъ Вятки, состоящую изъ шести городовъ: Вятки, Шестакова, Хлынова, Слободы, Орловца и Котельнича, а вторыя примкнули къ сосѣднимъ владѣніямъ великаго княжества Владимирскаго и потомъ Московскаго. А посему Новгородъ, при владѣніи землями здѣшняго края, кажется, вовсе не имѣлъ въ виду заводить тамъ свои колоніи, оставлялъ всю тамошнюю землю во власти полудикихъ туземцовъ, которые управлялись своими начальниками и старшинами безъ участія Новгородскаго правительства, и довольствовался сборомъ дани или ясака, и выгодно устроенными торговлею и звѣроловными промыслами, при пособіи туземцевъ, которые указывали приходившимъ къ нимъ Новгородскимъ промышленникамъ удобнѣйшія и выгоднѣйшія станы и урочища для звѣроловства. Но для сбора дани или ясака обыкновенно нужно было посылать данщиковъ съ воинскими отрядами, которые нерѣдко встрѣчали сопротивленіе отъ туземцевъ этого дикаго края; такъ на примѣръ лѣтопись подъ 1187 годомъ говоритъ: „въ то же время избиты были Печерскіе даящики и Югорскіе въ Печерѣ, а другіе за Волокомъ, и пало около ста

головъ удалыхъ людей“. Или подѣ 1193 годомъ въ лѣтописи сказано: „въ тоже время пошли изъ Новгорода въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣмъ, и пришли въ Югру и взяли городъ, и стояли подѣ городомъ пять недѣль, а все это время Югра высылала съ лестію, и говорила: подождите, мы купимъ серебро и соболей и другія узорочья, не губите своихъ смердовъ и своей дани; между тѣмъ тайно собирала воевъ, и когда собрала, то выслала сказать воеводѣ, —ступай къ намъ въ городъ, взявши съ собою двѣнадцать лучшихъ мужей. Воевода пошелъ въ городъ, взявши съ собою попа Ивана Легена и другихъ лучшихъ людей; и ихъ тамъ убили, потомъ вызвали въ городъ еще 30 человекъ и тѣхъ убили, далѣе 50 мужей. За тѣмъ на праздникъ св. Николая (6 Декабря) Югра съѣдала высадку изъ города и избивала остальныхъ, такъ что едва спаслось 80 человекъ, которые уже на другой годъ возвратились въ Новгородъ. Подобное же сопротивленіе встрѣтили воеводы Новгородскіе, отправленные въ Югру въ 1448 году. „Югра сказала воеводамъ: мы хотимъ вамъ дань даяти, а хотимъ счестися и указати вамъ станы и острова и урѣчища; а между тѣмъ собравшись съ силами ударила на острожекъ, въ которомъ укрѣпились Новгородцы, убила у нихъ 80 человекъ удалыхъ людей, а прочіе спаслись бѣгствомъ въ лѣса, и послѣ были собраны другимъ Новгородскимъ отрядомъ, сбиравшимъ дань въ другой мѣстности. Впрочемъ временное сопротивленіе тѣмъ

или другимъ сборщикамъ дани, можетъ быть неосторожно раздражавшимъ туземцевъ, нисколько не прекращало сношеній Новгорода съ здѣшнимъ краемъ; на мѣсто избитыхъ данщиковъ являлись другіе болѣе осторожные, и дань продолжала собираться болѣе или менѣе исправно и доставляла Новгородской казнѣ большой ежегодный доходъ серебромъ и дорогими мѣхами. Но еще болѣе Новгородъ получалъ доходовъ съ этого края отъ торговли; Новгородскіе торговые караваны вдоль и поперекъ изкрещивали здѣшнія земли; еще въ XI столѣтіи знаменитый Новгородецъ Гюрята Роговичъ посылалъ своихъ прикащиковъ въ Печеру и Югру, какъ свидѣтельствуешь лѣтопись. Новгородцы отсюда получали серебро, драгоцѣнные мѣха, моржовые клыки, мамонтовую кость и другія произведенія здѣшняго края. Впрочемъ, повидимому, какъ не шатко было владычество Новгорода въ Черми, Печерѣ и Югрѣ, состоящее только въ сборѣ дани и торговлѣ; тѣмъ не менѣе Новгородцы всю эту страну постоянно называли Новгородскою волостью и въ своихъ договорахъ съ князьями обыкновенно включали условіе, чтобы князья не вступались въ здѣшнія земли, какъ принадлежащія Новгородской власти. И дѣйствительно продолжительныя и постоянныя сношенія Новгорода съ сими землями и хотя очень шаткая власть произвели какую то неопредѣленную связь здѣшняго края съ Новгородомъ и вселили въ тамошніе полудикіе народцы убѣжденіе, что ихъ верховный господинъ—

Великій Новгородъ. Лучшимъ сему свидѣтельствомъ служить то, что почти въ слѣдъ за завоеваніемъ Новгорода Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1483 году послалъ свои войска и для завоеванія Печеры и Югры, какъ волостей Новгородскихъ, и войска его встрѣтили тамъ хотя несильное сопротивленіе отъ нѣкоторыхъ князьковъ и народцовъ; слѣдовательно тамошніе темные князцы и народцы, признававшіе почти безпрекословно власть Новгорода, не хотѣли признавать безъ боя власти другихъ пришельцевъ, и уступили только силѣ; стало быть считали себя принадлежащими Новгороду и обязанными защищаться противъ новыхъ доселѣ незнакомыхъ пришельцевъ. Такимъ образомъ Новгородъ и сіи отдаленныя земли не безъ основанія называлъ своими волостями.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

Новгородское общество.

Населеніе, какъ Новгородской земли, такъ и всѣхъ ^{Элементы Новгородскаго общества.} волостей Новгорода, главнымъ образомъ состояло изъ двухъ элементовъ Финскаго и Славянскаго: старожилами Новгородской земли и всѣхъ Новгородскихъ владѣній были Финны раздѣленные на разныя племена; пришельцами же вторыми послѣ Финновъ по старшинству—Славяне. Но уступая въ старшинствѣ, Славяне во всемъ другомъ превосходили

Финновъ, они собственно сообщили краю то значеніе, которое онъ имѣетъ въ исторіи. Славянами построены Новгородъ и всѣ города тамошняго края; Славяне собственно устроили Новгородское общество, сообщили ему ту силу и энергію, которыя сдѣлали Великій Новгородъ господиномъ огромнѣйшихъ странъ отъ Финскаго Залива до рѣки Оби и главнымъ средоточіемъ торговли Европы съ Азіею. Въ устройствѣ Новгородскаго общества Финны собственно были сподручнымъ и удобнымъ матеріаломъ, вся же энергія, предприимчивость и оборотливость, выдвинувшія Новгородское общество на поприщѣ исторической дѣятельности принадлежали Славянамъ. Славяне собственно были двигателями и руководителями въ устройствѣ Новгородскаго общества, ихъ языкъ и ихъ обычаи были господствующими въ обществѣ, хотя самое общество состояло не изъ однихъ Славянъ. Конечно нельзя отвергать, что и Финскіе обычаи и Финскій языкъ имѣли свою долю въ образованіи Новгородскихъ обычаевъ и Новгородскаго языка; но эта доля была такъ незначительна, или настолько проникнулась Славянскимъ духомъ, что отыскать ее и выдѣлить изъ цѣлаго строя Славянскихъ обычаевъ и Славянскаго языка почти нѣтъ возможности, за исключеніемъ развѣ какихъ нибудь отрывковъ. Вообще несмотря на смѣсь племенъ, въ Новгородскомъ обществѣ господствующимъ племенемъ было племя Славянское, и господствовало оно не столько численностію и матеріальною силою, которыя пер-

воначально были на сторонѣ Финновъ, сколько общественнымъ умомъ, нравственными силами и вышею цивилизаціею. Славяне, пришельцы въ Финской землѣ, не столько были завоевателями въ матеріальномъ смыслѣ этого слова, хотя и нельзя отвергать нѣкоторой доли завоеванія, сколько цивилизаторами; они не истребляли Финновъ, не обращали ихъ въ рабство, не отнимали у нихъ земли, а только селились между ними, чему лучшимъ доказательствомъ служить то, что до позднѣйшихъ временъ Новгородской исторіи, въ самый разгаръ могущества Господина Великаго Новгорода, Финскія племена Ижеры, Води, Корѣлы и другія жили свободно между Новгородцами не только въ Новгородской землѣ, но и въ самомъ Новгородѣ, и считались Новгородцами наравнѣ съ Славянами, и въ общественныхъ дѣлахъ имѣли одинаковое право голоса, какъ объ этомъ свидѣтельствуется самое важное общественное дѣло — призваніе Варяго-Русскихъ князей. На Новгородскомъ вѣчѣ въ 862 году, на которомъ рѣшено было призвать князей, вмѣстѣ съ Славянами участвовали и Финны подъ именемъ Чуди; лѣтопись говоритъ: „рѣша Руси Чудь, Словѣни и Кривичи, вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да пойдѣте княжить и володѣть нами“. Но, не обращая Финновъ въ рабство, не отнимая у нихъ земли, и принимая ихъ въ свое сообщество, Славяне завоевывали Финновъ нравственно, претворяли ихъ въ Славянъ, роднили ихъ съ собою и мало по малу довели дѣло

до того, что общественныя интересы Славянъ и Финновъ слились окончательно, что господинъ Великій Новгородъ сдѣлался такимъ же царственнымъ роднымъ городомъ для Финновъ, какъ и для Славянъ, что въ Новгородскомъ обществѣ и Финны и Славяне считались совершенно одноправными, что на общемъ Новгородскомъ вѣчѣ не только голосъ Финна имѣлъ одинакое значеніе съ голосомъ Славянина, но даже въ выборѣ на высшія должности, разныхъ правителей, не было разницы между Финномъ и Славяниномъ, требовалось только одно, чтобы выбираемый былъ Новгородскимъ гражданиномъ, а былъ ли онъ по происхожденію Финнъ или Славянинъ, объ этомъ никто и не спрашивалъ, даже въ посадничьихъ именахъ Неревина, Нѣзды и Водовика не скрывается ли указанія на Финское происхожденіе сихъ посадниковъ: Водовикъ не былъ ли по происхожденію изъ племени Води? По крайней мѣрѣ въ Чудинцовой улицѣ въ Новгородѣ ясно слышится Чудь, Чудинъ, Финнъ, а названіе одной изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ Новгородскихъ улицъ Чудинцевой, дастъ поводъ думать, что первый населникъ ея Чудинъ, Финнъ былъ значительнымъ лицомъ въ Новгородѣ. А Неревскій конецъ Новгорода едва ли не получилъ свое названіе отъ Финскихъ поселенцовъ изъ края прилегающаго къ Наровѣ. Конечно теперь уже поздно розыскивать, которая изъ древнихъ боярскихъ фамилій въ Новгородѣ по происхожденію своему принадлежала къ Финскому племени и кото-

рая къ Славянскому; время и особенно принятіе христіанскихъ именъ уничтожили и послѣдніе слѣды, по которымъ бы можно добратъся, какая Новгородская фамилія къ какому племени принадлежала въ древности; но самое слитіе и обезразличеніе племенъ въ Новгородѣ всего яснѣе показываетъ, какъ крѣпко было сплочено Новгородское общество, ибо исторически извѣстно, что Финны не были истреблены въ Новгородской землѣ.

Кромѣ главныхъ и основныхъ элементовъ Финскаго и Славянскаго, въ Новгородскомъ обществѣ были еще элементы Варяжскій и Литовскій; но сіи элементы вошли въ Новгородское общество позднѣе двухъ первыхъ. Конечно они также имѣли свою долю вліянія на устройство общества, и особенно Варяжскій элементъ, ибо по свидѣтельству Скандинавскихъ сагъ Новгородъ въ глубокой древности былъ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Скандинавіею или Варяжскою землею, да и на самомъ дѣлѣ Новгородскіе и Скандинавскіе обычаи въ древности много имѣли сходнаго другъ съ другомъ; тѣмъ не менѣе и сіи два элемента въ Новгородскомъ обществѣ подчинились Славянскому элементу, и Литовцы и Варяги въ Новгородѣ обратились въ Славянъ Новгородцевъ. и для поздняго времени указаніемъ на сіи элементы остались только названія Прусской улицы, сосѣдней съ Чудинцевою въ Новгородѣ, и города Русы въ Новгородской землѣ. Главною причиною обращенія Литовцовъ и Варяговъ въ Славянъ въ Новгородскомъ обществѣ былъ тотъ же ко-

ренный Новгородскій законъ одноправности всѣхъ членовъ Новгородскаго общества. не обращавшій вниманія на различіе произхожденія, который и Финновъ претворилъ въ Новгородцевъ. Въ Новгородѣ былъ одинъ общій порядокъ для всѣхъ пришельцевъ, по которому каждый пришелецъ, откуда бы онъ ни происходилъ, безъ всякаго препятствія принимался въ члены Новгородскаго общества и получалъ одинаковыя права со всѣми другими членами общества, подъ однимъ только условіемъ, чтобы пришелецъ подчинился Новгородскимъ порядкамъ, и это одно условіе сглаживало всѣ разноплеменности въ Новгородскомъ обществѣ, и было одною изъ главныхъ причинъ могущества Господина Великаго Новгорода, тянувшею къ Новгороду людей со всѣхъ сторонъ, и богатыхъ и бѣдныхъ и знатныхъ и безвѣстныхъ. Новгородъ для всѣхъ равно отворялъ ворота своей земли, всѣхъ радушно принималъ, только бы пришельцы подчинялись его законамъ. Новгородское общество, какъ при самомъ своемъ основаніи сложилось не изъ одного элемента, такъ и во все продолженіе своего существованія, нетерпѣло исключительности и обособленія.

Классы Новгородскаго общества.

Указавши на основные, первоначальные и позднѣйшіе элементы Новгородскаго общества, теперь слѣдуетъ указать на то, что выработалъ Новгородъ изъ сихъ элементовъ, претворивши ихъ въ одно крѣпко сплоченное общество, какую далъ имъ организацію и какъ размѣстилъ. Мы уже видѣли,

что Новгородъ состоялъ изъ союза разныхъ общинъ, что каждый конецъ, каждая улица составляли отдѣльную, самостоятельно организованную общину, въ которой были свои бояре, свои купцы и черные люди, или людины. Слѣдовательно разные элементы, составлявшіе Новгородское населеніе, были размѣщены въ три главные класса Новгородскаго общества: въ классъ бояръ, въ классъ купцовъ и въ классъ людиновъ, или черныхъ людей; и сіи классы не были отдѣлены другъ отъ друга или изолированы, а напротивъ, находились въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ, какъ члены одного общества. Самое же общество не было сплошною пестрою массою сихъ трехъ классовъ, а состояло изъ союза мелкихъ общинъ, въ которыхъ представители каждаго изъ трехъ классовъ составляли одно крѣпкое, органически соединенное живое цѣлое, живущее общеою жизнію цѣлаго общества и въ свою очередь сообщающее жизнь самому обществу, и при томъ жизнь высшаго порядка, членораздѣльную, въ которой одинъ членъ поддерживается другими и въ то же время самъ даетъ поддержку другимъ, а не жизнь состоящую изъ мертваго наслоенія пластовъ или классовъ другъ на друга, гдѣ нѣтъ живой связи, а только одно механическое давленіе. Такимъ образомъ въ Новгородскомъ обществѣ, особенно собственно въ Новгородѣ, бояре, купцы и людины, или черные люди, были въ живыхъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, сообщавшихъ Новгородскому обществу особый ха-

рактерь, и каждый классъ имѣлъ свое значеніе, дававшее ему особое мѣсто въ обществѣ на пользу цѣлаго общества. Чтобы яснѣе указать какое значеніе имѣли сіи классы въ Новгородскомъ обществѣ, мы прослѣдимъ каждый классъ отдѣльно, покажемъ какъ онъ образовался и въ какихъ отношеніяхъ находился къ другимъ классамъ и къ обществу.

Бояре.

Первый классъ въ Новгородскомъ обществѣ составляли бояре, они въ Новгородѣ носили разныя названія: ихъ называли вяцшими людьми, передними людьми, большими людьми, т. е. лучшею сильнѣйшею частію Новгородскаго общества, — аристократіею; собственно же имя боярь въ Новгородской лѣтописи встрѣчается въ первый разъ только подъ 1118 годомъ, гдѣ сказано: „томъ же лѣтѣ приведе Володимеръ съ Мстиславомъ вся бояры Новгородскіе Кыеву, и заводи я честному кресту и отпусти я домовъ.“ Но конечно не съ этого года явилось слово бояринъ въ Новгородѣ, оно по всей вѣроятности одновременно съ появленіемъ большихъ или вяцшихъ людей въ обществѣ, и есть не что иное какъ техническое, спеціальное выраженіе слова *большій*, *болій*, а оттуда *боляринъ*, *бояринъ*.

Какъ и когда образовались большіе люди или бояре въ Новгородскомъ обществѣ, на это мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ ни въ какихъ древнихъ памятникахъ; знаемъ только, что Новгородцы постоянно раздѣлялись на большихъ и меньшихъ. и что еще предъ призваніемъ Рюрика и его братьевъ въ

лѣтописяхъ упоминается о старѣйшинѣ Гостомыслѣ, который собиралъ владавцовъ Новгородской земли, сущихъ подъ нимъ, на разсужденіе о приглашеніи князей; слѣдовательно большіе люди, владавцы, бояре, были въ Новгородѣ еще до Рюрика. Знаемъ такъ же, что въ Новгородѣ народъ, черные люди, меньшіе люди, не былъ безгласною массою, порабощенною большими людьми, а принималъ дѣятельное участіе въ правленіи на вѣчѣ; слѣдовательно бояре, большіе люди не были особымъ племенемъ побѣдителей, поработителей, а принадлежали къ тому же племени, къ которому и остальные граждане, происходили изъ того же народа. Знаемъ еще, что въ Новгородѣ, при чисто-общинномъ устройствѣ, каждая улица, каждый конецъ составляли свою общину; въ каждой же древней Новгородской улицѣ были свои бояре, находившіеся въ тѣсной связи съ своими уличанами; слѣдовательно бояре происходили изъ уличанъ же, составляли съ ними одно, и были только лучшими людьми изъ уличанъ. Наконецъ мы знаемъ, что по Новгородскому устройству, одинаковому со всею Русскою землею, поземельныя владѣнія раздѣлялись на общинныя и частныя. Общинная земля принадлежала всей общинѣ, и члены общины имѣли только право пользоваться ею, и пользовались только тѣ члены, которые или не имѣли средствъ пріобрѣсти участокъ земли въ полную собственность, или не могли охранять ее и не находили въ пріобрѣтеніи расчета по своимъ промысламъ, и потому до-

вольствовались общинною землею, которую охраняла цѣлая община. Частную же поземельную собственность приобрѣтали люди имѣвшіе больше средствъ къ приобрѣтенію и охраненію своихъ поземельныхъ владѣній, и которые считали для себя недостаточнымъ пользоваться общинною землею. Слѣдовательно приобрѣтеніе земли въ полную собственность было первымъ признакомъ, отличающимъ частныхъ поземельныхъ собственниковъ, какъ людей пользующихся большими средствами передъ общинниками, какъ людей лучшихъ, болѣе сильныхъ передъ своими согражданами. Такимъ образомъ первыми, древнѣйшими земскими боярами въ Новгородѣ, по всему вѣроятію, были богатые землевладѣльцы, имѣвшіе въ своей собственности большія поземельныя владѣнія. Мы знаемъ уже, что Новгородъ и первоначально былъ Славянскою колонією въ Финской землѣ, и постоянно распространялъ свои владѣнія посредствомъ торговли и колонизаціи между разными Финскими племенами; слѣдовательно приобрѣтеніе земли Новгородскою ли какою общиною, частнымъ ли лицомъ дѣлалось не иначе какъ силою, чрезъ оттѣсненіе старожильцевъ Финновъ, а по сему и на охраненіе приобрѣтенной земли отъ притязанія старыхъ хозяевъ требовались также силы и средства. Стало быть ежели какое частное лицо въ Новгородѣ имѣло столько силы, средствъ, ума и отваги, чтобы приобрѣсти землю въ собственное владѣніе и защитить свое приобрѣтеніе отъ нападенія старыхъ хозяевъ, также, какъ это дѣ-

лала сама община своими общинными средствами; то тѣмъ самымъ это лицо пріобрѣтало перевѣсъ надъ другими своими согражданами, которые дѣлали тоже только общими силами цѣлой общины; и такимъ образомъ естественно таковой человѣкъ дѣлался лучшимъ человѣкомъ, большимъ человѣкомъ, вліятельнымъ лицомъ той общины, къ которой онъ принадлежитъ. И дѣйствительно, по всемъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, начиная съ XI столѣтія, мы находимъ всѣ сіи качества въ Новгородскихъ земскихъ боярахъ. Иные памятники XII столѣтія Новгородскихъ бояръ даже прямо называютъ огнищанами, т. е. людьми имѣющими свое собственное огнище; а огнищемъ еще и въ настоящее время въ сѣверномъ краю Руси называется земля расчищенная кѣмъ либо подъ пашню посредствомъ пала или выжиганія дикаго лѣса, и этотъ способъ расчистки земли до сего времени общеупотребителенъ въ лѣсистыхъ уѣздахъ глубокаго Сѣвера; а конечно въ древности, когда весь Новгородскій край былъ покрытъ непроходимыми лѣсами, выжиганіе было единственнымъ способомъ расчистки земли. Слѣдовательно названіе бояръ огнищанами прямо указываетъ на нихъ, какъ на землевладѣльцевъ собственниковъ, т. е. на такихъ людей, которые собственными средствами сдѣлали себѣ огнище расчистили дикій лѣсъ подъ пашню и на собственный счетъ населили расчищенное мѣсто земледѣльцами, согласившимися жить на ихъ расчищенной землѣ, и на взаимныхъ условіяхъ состоять

подъ ихъ властію и производить земледѣльческія работы какъ на себя, такъ и на своихъ землевладѣльцевъ (*).

Частная поземельная собственность, образовавшая въ Новгородѣ классъ бояръ, большихъ людей, сообщила этому классу и то высокое значеніе которымъ онъ пользовался въ Новгородскомъ обществѣ. Значеніе сіе, въ сущности одинаковое, имѣло свои степени развитія собственно въ Новгородѣ, въ той Новгородской волости, гдѣ находилось поземельное имѣніе землевладѣльца и въ самомъ имѣніи. 1) Въ собственномъ имѣніи или вотчинѣ землевладѣлецъ былъ полнымъ хозяиномъ владыкою и даже самое имѣніе по Новгородски называлось не иначе какъ волостью такого то: волость Ананьина, волость Тучина, волость Марѣы Борецкой и подоб. Здѣсь владѣлецъ, что хотѣлъ, то и дѣлалъ, заводилъ села, де-

(*) Нѣкоторые изслѣдователи огнищанъ производятъ отъ огнища, очага, т. е. двора государева, и называютъ бояръ огнищанами потому, что они состоятъ на службѣ при государевомъ дворѣ, очагѣ; но огнище въ древности никогда не означало очага, да и теперь очагъ не называется огнищемъ. Конечно и княжіе бояре могли называться и иногда дѣйствительно назывались огнищанами, но не по очагу государеву, а потому что они имѣли свое огнище, свои поземельныя владѣнія. Поземельныя владѣнія въ древнихъ юридическихъ актахъ обыкновенно опредѣлялись слѣдующими словами: «а земля моя, куда топоръ, коса и соха ходила,» т. е. границы моей поземельной собственности опредѣляются тѣмъ пространствомъ, которое захватилъ мой трудъ, а первымъ трудомъ въ обработкѣ земли въ древности было выжиганіе дикаго лѣса, слѣдовательно мое огнище, выжженное мною пространство дикаго лѣса, значить тоже, что моя поземельная собственность, и огнищанинъ значить землевладѣлецъ.

ревни, починки, торжки, собиралъ вольныхъ охочихъ людей, давалъ имъ пашни и разныя угодыя для обработки, налагалъ на нихъ по взаимнымъ условіямъ оброки и дани, даже судилъ сихъ людей, ежели они на такомъ условіи поступали къ нему въ службу; снаряжалъ торговые караваны для продажи произведеній своей земли на сторонѣ; содержалъ военныя дружины изъ тѣхъ же охочихъ людей, кормилъ, поилъ, обувалъ и одѣвалъ ихъ на свой щетъ, и дѣлалъ съ ними походы, и водянымъ путемъ и сухопутьемъ, не только на сосѣднія земли, но иногда въ отдаленныя страны, ежели гдѣ провѣдывалъ, что можно нажитися грабежемъ или даже захватить выгодную землю; такъ на примѣръ изъ Новгородскихъ своихъ имѣній бояре ходили на добычу въ Заволочье, или въ Пермь, или Печеру. Хотя поземельныя имѣнія Новгородскихъ бояръ были обильно разсыпаны по всеѣмъ Новгородскимъ владѣніямъ, но какъ мы уже видѣли, особенно много было сосредоточено богатыхъ и обширныхъ боярскихъ имѣній въ Заволочѣ, на Двинѣ, Вагѣ и Онегѣ; то здѣсь, въ этомъ отдаленномъ краю, во всемъ своемъ разгарѣ дѣйствовала, ничѣмъ не стѣсняемая, власть бояръ землевладѣльцевъ въ своихъ имѣніяхъ. Сюда они выводили колоніи своихъ кліентовъ ротниковъ, строили тамъ городки, слободы и деревни, здѣсь они съ своими дружинами ротниковъ, собранными изъ всякой сводочи, отнимали земли у туземныхъ Финновъ и отважно разгоняли ихъ нестройныя и пугливыя толпы; въ этомъ-то

дикомъ краю выработывались чудные типы Новгородскихъ бояръ воителей, въ родѣ боярина Ставра, о которомъ древнія былины рассказываютъ, что Чудь бѣлоглазая трепетала отъ одного его зычнаго голоса; здѣсь-то складывались тѣ желѣзные самовластные характеры Новгородскихъ бояръ, увлекавшихъ за собою толпу и нерѣдко производившихъ смуты въ самомъ Новгородѣ, куда они иногда являлись съ дружинами своихъ ротниковъ; такъ на примѣръ, въ 1219 году Семень Еминъ явился изъ Заволочья съ четырьмястами головорѣзовъ своихъ ротниковъ, сталъ шатрами подѣ Новгородомъ возмущилъ весь городъ и при помощи головорѣзовъ ротниковъ и своей партіи лишилъ должностей посадника Твердислава и тысяцкаго Якуна

2. Власть, развиваемая боярами до крайнихъ предѣловъ самовластія въ своихъ собственныхъ поземельныхъ имѣніяхъ, не останавливалась на рубежахъ сихъ имѣній, а напротивъ распространялась и на цѣлую область или страну, въ которой находились ихъ имѣнія. Конечно, за рубежомъ собственныхъ имѣній боярская власть дѣлалась гораздо слабѣе и принимала закономъ опредѣленныя формы, она тамъ не была уже самовластіемъ; но тѣмъ не менѣе бояре землевладѣльцы имѣли высокое значеніе въ цѣломъ краю, гдѣ находились ихъ поземельныя владѣнія, они тамъ подѣ именемъ скотниковъ, и помужниковъ имѣли вліяніе и на тѣ земли края, которыя не составляли ихъ поземельной собственности, такъ что участвовали въ распоряженіяхъ

объ отдачѣ сихъ земель въ частное владѣніе и со-
общеніи имъ разныхъ льготъ. Бояре землевла-
дѣльцы въ томъ краю, гдѣ находились ихъ имѣ-
нія, являлись какою-то особенною, по дошедшимъ
до насъ памятникамъ еще неопредѣленною, зем-
скою властію, стоящею рядомъ съ властію при-
сылаемыхъ изъ Новгорода посадниковъ и другихъ
правителей. ? Чтобы сколько нибудь указать на эту,
еще не замѣченную въ исторіи, земскую власть
Новгородскихъ бояръ землевладѣльцовъ, я здѣсь
представляю цѣликомъ, единственную мнѣ извѣст-
ную, еще не напечатанную Новгородскую грамоту
начала XV столѣтія, объ отдачѣ нѣкоторыхъ зе-
мель на Онежскомъ озерѣ въ Толвойскомъ краю
Богородицкому монастырю; въ этой грамотѣ написа-
но: „Се даша скотницы и помужницы Толвойской
земли, посадникъ Новгородскій Андрей Ивановичъ,
тысяцкій Новгородскій Дмитрій Васильевичъ, Бог-
данъ Васильевичъ, Афонасъ Остафийнъ, тысяцкій
Мануйло Даниловичъ Ермола Лентѣвъ, Сели-
фонтъ Твердиславль съ дѣтьми, Іевъ Олфромѣвъ
съ дѣтьми, Ермола Мелентѣвъ, Яковъ Сидоровъ
съ братомъ, Максимъ Ивановъ съ дѣтьми, Игнатей
Амосовъ съ братьею, Ермола Емельяновъ съ дѣть-
ми. и вси скотникъ и помужникъ Толвойской зем-
ли въ Палья острова оба земля и пожнѣ, и конецъ
Палья острова малѣи островки съ лудушами, и
Кобылей островъ съ лудушами и Зайцовъ островъ
съ пожнѣ и съ лудушами, вокругъ Палья острова
и Игрецкаго острова тоннъ не ловити селяномъ и

съ лучомъ не ѳздити; а на Пальи островѣ и на малыхъ островахъ станомъ не стояти, лѣса не сѣ-
цѣ, ягодъ не брати, лыкъ не драти; монастырю
Святѣй Богородицы и игумену и его братіи и въ вѣкъ
земля и вода и ловища. А потомъ не надобѣ всту-
паться въ тыи острова ни въ ловища бояромъ ни
сельникамъ, ни купцамъ, ни ихъ селяномъ. А кто
почне наступаться на домъ Св. Богородицы мате-
ри Божіи; а на того Богъ и Пречистая Богоро-
дица и мнози люди.“ Здѣсь скотниками и помуж-
никами Толвойской земли очевидно называются мѣ-
стные землевладѣльцы, принимавшіе участіе въ мѣ-
стномъ управленіи въ качествѣ землевладѣльцовъ,
а не сановниковъ, назначаемыхъ отъ Новгорода; ибо
въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, по свидѣтельству гра-
моты, они участвуютъ и съ братьями своими и
дѣтьми, что конечно невозможно для сановниковъ
дѣйствующихъ по службѣ: притомъ между скот-
никами и помужниками и посадникъ Новгородскій
и тысяцкій помѣщены за урядъ; слѣдовательно зва-
ніе скотника и помужника лежало на нихъ мимо
сана посадника и тысяцкого, и едвали было вы-
борное, а напротивъ необходимо вытекало изъ пра-
ва на поземельную собственность. Что собственно
значило выраженіе скотникъ и помужникъ, по до-
шедшимъ памятникамъ неизвѣстно; но мы имѣемъ
прямое свидѣтельство одной грамоты XIII столѣ-
тія, что скотникъ былъ распорядитель или мѣстный
начальникъ, низшій противъ посадника и высшій
противъ старосты; въ этой грамотѣ В. К. Андрей

Александровичъ пишетъ на Двину: „отъ великаго князя отъ Андрея къ посадникамъ и къ скотникамъ и къ старостамъ. Како есмь докончалъ съ Новымъ городомъ, ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватманъ Андрей Критцкый, ать дають съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ.“ (Ак. Ар. Эк. т. I. № 1). Официальныя грамоты признають за мѣстными боярами землевладѣльцами какую то довольно большую земскую власть надъ цѣлымъ краемъ, гдѣ находятся ихъ имѣнія, и не придавая имъ названія скотниковъ и помужниковъ; такъ въ одной грамотѣ В. К. Ивана Даниловича и Новгородскаго правительства на Двину сказано: „Отъ В. К. Ивана, отъ посадника Данила, отъ тысяцкаго Аврама и отъ всего Новгорода къ Двинскому посаднику на Холмогоры и къ боярамъ Двинскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходитъ на море въ двадцати человѣкъ: а вы бояре Двинскіе не вступайтесь въ гнѣздные потки ни въ мѣста (ibid № 2) Такимъ образомъ дошедшіе до насъ памятники хотя не опредѣляютъ въ чемъ состояла земская власть мѣстныхъ бояръ землевладѣльцевъ, проистекающая изъ права поземельной собственности; но тѣмъ не менѣе ясно свидѣтельствуютъ, что мѣстные бояре землевладѣльцы имѣли какую-то и довольно большую власть надъ цѣлою страной, гдѣ лежали ихъ недвижимыя имѣнія.

3. Власть, сообщавшаяся Новгородскимъ боярамъ поземельными владѣніями въ провинціяхъ или колоніяхъ, сообщала имъ могущество и власть въ са-

момъ Новгородѣ, гдѣ они прежде всего являлись представителями той улицы или того конца, въ которомъ они жили въ самомъ Новгородѣ, такъ что древнія Новгородскія улицы не рѣдко носили названіе того боярскаго рода, который принадлежалъ къ той или другой улицѣ, напримѣръ: Добрынина улица, Чудинцова улица, Редятина улица. Кроме того уличанскіе бояре находились въ таковой тѣсной связи съ своими уличанами, что обидѣть улицу или уличанина, значило обидѣть тѣ боярскіе роды, которые принадлежали къ улицѣ, и на оборотъ, обидѣть который либо изъ сихъ родовъ, значило обидѣть всю улицу; а посему, какъ бояре поддерживали и защищали своихъ уличанъ, такъ въ свою очередь уличане поддерживали и защищали своихъ уличанскихъ бояръ; такъ что Новгородскія лѣтописи, какъ мы уже частію видѣли, не рѣдко представляютъ извѣстія о побойщахъ одной улицы съ другою, гдѣ улица поголовно идетъ въ оружіи на защиту своего боярина, или метитъ его обиду, и иногда бьется по нѣскольку дней съ своими противниками. Вообще уличанскій бояринъ имѣлъ большое вліяніе въ своей улицѣ и по своей воли могъ вести уличанъ, куда хотѣлъ, и почти всѣ свои замыслы въ самомъ Новгородѣ приводилъ въ исполненіе главнымъ образомъ при помощи своихъ уличанъ и потомъ однокончанъ; но здѣсь власть боярина преимущественно держалась на сочувствіи уличанъ: бояринъ, возбуждившій къ себѣ нерасположеніе своихъ уличанъ, не имѣлъ ни права ни

средствъ заставить ихъ, чтобы они дѣйствовали въ его пользу. Сочувствіе же уличанъ къ боярину опредѣлялось сколько характеромъ боярина, столько или даже еще больше богатствомъ его владѣній на сторонѣ, гдѣ нибудь въ Заволочѣ, или другомъ краю Новгородскихъ волостей; слѣдовательно и успѣхи бояръ въ Новгородѣ обусловливались богатствомъ и успѣхами въ волостяхъ. Уличане, такъ сказать, льнули къ боярину, извѣстному своею предпримчивостью и обширностью и богатствомъ владѣній на сторонѣ; ибо надѣялись отъ него не только успѣшнаго покровительства и защиты, по и прямыхъ выгодъ. Богатый бояринъ, владѣлецъ большихъ поземельныхъ имѣній, могъ доставлять своимъ уличанамъ выгодныя порученія по управленію своими дѣлами, покупать у нихъ необходимыя въ хозяйствѣ произведенія ихъ промышленности, для отправленія въ свои имѣнія. А что всего болѣе дѣйствовало на толпу, бояринъ, пріѣзжая изъ своихъ отъѣзжихъ имѣній, поражалъ согражданъ блескомъ богатства, многочисленностію прислуги и обильными угощеніями уличанъ при наборѣ ротниковъ. Наборъ охотниковъ въ ротники какого либо богатаго уличанскаго боярина, составлялъ настоящій праздникъ для безпокойной уличанской молодежи въ Новгородѣ, и не только молодежи, но и всѣхъ удалцовъ; тутъ, по словамъ народной былины о Васкѣ Буслаевѣ разсылались ярлыки скорописчаты, приглашались молодцы къ боярину пить, ѣсть готовое, носить платье разноцвѣтное съ

одного плеча съ бояриномъ, тутъ выставлялись чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, съ брагой хмѣльною, отворялись ворота на широкій дворъ, и гуляли охотники на весь Новгородъ во славу тороватаго боярина. пили, ѣли до отвалу нѣсколько дней сряду; и потомъ, поступившіе въ ротники, вооруженные и снаряженные какъ слѣдуетъ, отправлялись въ походъ. Два-три такихъ набора охотниковъ, особенно ежели походы боярина были удачны и ротники воротились домой съ большими добычами, дѣлали боярина любимцомъ народа, и его вліяніе и даже власть надъ улицею чуть не равнялись его власти въ собственныхъ имѣніяхъ; онъ въ непродолжительномъ времени получалъ отъ вѣча самыя важныя порученія; такъ напримѣръ, молодой бояринъ Александръ Аббакумовичъ, послѣ двухъ своевольныхъ походовъ съ повольниками на Волгу въ 1372 году, получилъ отъ вѣча главное начальство надъ Новгородскимъ войскомъ, отправленнымъ на защиту Торжка. А бояринъ Семень Еминъ даже и послѣ неудачнаго своевольнаго похода на Тоймокары въ 1219 году, помощію своихъ ротниковъ, получилъ санъ тысяцкаго въ Новгородѣ.

Необходимымъ, чисто историческимъ слѣдствіемъ обширности поземельныхъ боярскихъ владѣній и соединеннаго съ ними богатства и вліянія на общество было то, что бояре въ Новгородѣ постоянно держали въ своихъ рукахъ все управленіе Новгородомъ и всѣ выборныя власти, такъ что при всѣхъ перемѣнахъ посадниковъ тысяцкихъ и другихъ

важныхъ сановниковъ, выборъ всегда падалъ на того или другаго боярина, и всѣ сіи перемѣны выражали только споръ немногихъ боярскихъ фамилій, изъ которыхъ то та, то другая, то падала, то возвышалась. Чтобы яснѣе видѣть это, я считаю нелишнимъ представить для примѣра постоянное то повышеніе, то пониженіе одной изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ фамилій, боярской фамиліи Гюраты Роговича. Первое извѣстіе о Гюратѣ Роговичѣ встрѣчается у Нестора подъ 1096 годомъ, гдѣ Гюратя является богатымъ Новгородскимъ бояриномъ, имѣвшимъ торговыя сношенія съ отдаленными Югрою, Печерою и Самоядью; потомъ одна Новгородская лѣтопись называетъ его Новгородскимъ посадникомъ въ первые годы XII столѣтія, конечно назначеннымъ отъ князя Мстислава Владиміровича. За тѣмъ сынъ Гюраты Мирославъ въ 1126 году является первымъ посадникомъ, выбраннымъ отъ народа; но черезъ два года посадничество перешло къ знаменитому боярину Завиду Дмитровичу, который впрочемъ умеръ въ тотъ же годъ. и изъ Кіева былъ присланъ въ посадники Даніиль; но черезъ годъ Новгородцы дали посадничество своему выборному Петрилѣ. Въ 1132 году выбрали въ Новгородскіе посадники Рагуйла, а Мирославу дали посадничество во Псковѣ; но въ 1134 году послѣ Суздальской войны Мирославъ опять получилъ посадничество въ Новгородѣ; въ слѣдующемъ году онъ вмѣстѣ съ владыкою Нифонтомъ ходилъ мирить Кіевлянъ съ Черниговцами

и, возвратившись домой, въ тотъ же годъ скончался, будучи на посаднической степени. Сынъ Мирослава Якунъ является въ первый разъ посадникомъ въ 1137 году, т. е. на третій годъ по смерти отца, въ самый разгаръ ссоры Новгородцевъ съ Всеволодомъ Мстиславичемъ, и посадничаетъ пять лѣтъ; онъ, держась стороны князя Святослава Ольговича, успѣлъ въ это время повыгнать многихъ Новгородскихъ бояръ, державшихся князя Суздальскаго Юрія Владимировича. А посему, когда въ 1141 году Святославъ принужденъ былъ бѣжать, то съ нимъ бѣжалъ и Якунъ, но Якуна нагнали и вмѣстѣ съ братомъ его Прокопьемъ чуть не убили до смерти на вѣчѣ, и раздѣвши до нага сбросили съ моста въ Волховъ; когда же онъ выплылъ, то взявши съ него 1000 гривенъ, а съ Прокопя 100 гривенъ, обоихъ заточили въ Чудь, приковавши руки къ шеи, а посадничество дали Якунову врагу Судилѣ. Якунъ прожилъ въ изгнаніи 15 лѣтъ, частію въ Чуди, частію у князя Суздальскаго Юрія; въ продолженіи этого времени было три перемѣны посадниковъ; но когда вторично ыбраннаго Судилу выгнали въ 1156 году; то Якунъ Мирославичъ снова сдѣланъ былъ посадникомъ, и опять посадничалъ около пяти лѣтъ. Въ 1160 году дали посадничество старому Якунову врагу Нежатѣ; то на этотъ разъ Якунъ неподпалъ изгнанію, и черезъ семь лѣтъ, когда у Новгорода началась борьба съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ, поддерживаемымъ княземъ Суздальскимъ

Андреемъ Боголюбскимъ, то Якуну сперва дали начальство надъ войскомъ, посланнымъ для отраженія Святослава отъ Лукъ, а потомъ выбрали и въ посадники, убивши напередъ посадника Захарію, державшаго перевѣтъ съ Святославомъ. Въ это время Якунъ одинъ безъ князя управлялъ Новгородомъ слишкомъ семь мѣсяцевъ, а черезъ годъ прославился знаменитою защитою Новгорода противъ многочисленной рати Андрея Боголюбскаго и такую побѣдою надъ Суздальцами, что Новгородцы продавали плѣнныхъ Суздальцевъ по двѣ ногаты за человека. Но эта побѣда не выпутала Новгорода изъ затрудненій и Новгородцы черезъ годъ должны были примириться съ Андреемъ; а въ слѣдъ за тѣмъ Якунъ былъ лишенъ посадничества и на его мѣсто выбранъ былъ Жирославъ, потомъ Жирослава замѣстилъ Иванко Зарыничъ, потомъ опять Жирославъ, и опять Иванка Зарыничъ, и опять Жирославъ и за тѣмъ Завидъ Неревиничъ, а послѣ Завида Михаль Степаничъ. Якунъ болѣе уже не былъ выбираемъ въ посадники и доживалъ свой вѣкъ въ Новгородѣ въ званіи стараго посадника. Въ 1176 году князь Мстиславъ Ростиславичъ вступилъ въ супружество съ дочерью Якуна. Когда скончался Якунъ неизвѣстно; но какъ бы то ни было, послѣ 1170 года Якунова фамилія стала упадать, не смотря на свои богатства, а между тѣмъ фамилія Михала Степанича и Незды начали усиливаться, и въ продолженіи сорока лѣтъ никто изъ Якуновой фамиліи не былъ посадникомъ, и кажется дѣти Яку-

новы перебрались изъ Новгорода въ Приднѣпровье, къ своему зятю князю Мстиславу Ростиславичу. Впрочемъ, эта фамилія все еще считалась старшею, и когда въ 1211 году Якуновъ сынъ Дмитръ пришелъ изъ Приднѣпровья, то тогдашній степенный посадникъ Твердиславъ, сынъ Михалѣя Степанича, уступилъ ему посадничество добровольно, какъ старѣйшему, и Дмитръ Якуничъ былъ посланъ княземъ Мстиславомъ съ ратью на Луки, ставить городъ. Но должно быть Дмитръ въ это время былъ уже очень старъ и скоро умеръ; ибо въ 1214 году, въ походѣ Мстислава къ Смоленску, мы уже встрѣчаемъ посадникомъ Твердислава Михалича и о Дмитрѣ Якуничѣ уже нигдѣ не упоминается, а вездѣ первенствуетъ Твердиславъ и фамилія Михалѣя Степанича. Но когда въ 1220 году Твердиславъ уже больной, отказался отъ посадничества и поступилъ въ монастырь; то выбрали въ посадники Иванка Дмитровича; слѣдовательно фамилія Мирослава и Якуна еще пользовалась уваженіемъ въ Новгородѣ. Иванка Дмитровичъ посадничалъ въ Новгородѣ девять лѣтъ безсмѣнно и своею энергическою дѣятельностію напомнилъ Новгородцамъ своихъ дѣда Якуна и прадѣда Мирослава; онъ твердо и съ достоинствомъ защищалъ въ 1224 году Новгородъ противъ Юрія и Ярослава Всеволодовичей, князей Суздальскихъ; и когда Юрій съ большою ратью перешелъ уже Тверцу, и требуя выдачи нѣкоторыхъ Новгородскихъ бояръ, съ гордостію послалъ сказать: „я поилъ кони Тверью, а еще Волховомъ

напою“; то Иванко Дмитровичъ, отъ имени Новгородцевъ отвѣчалъ: „княже, кланяемся тебѣ, а братьи своей не выдаемъ, а крови не проливай, или твоей мечъ, а наши головы“, и принудилъ Юрія къ миру выгодному Новгородцамъ. Потомъ, когда, по удаленіи изъ Новгорода князя Михаила Черниговскаго въ 1225 году, Новгородцы согласились принять къ себѣ въ князья Ярослава Всеволодовича Переяславскаго; то Иванко Дмитровичъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, такъ ловко велъ дѣла, что властолюбивый и энергическій Ярославъ ничего не могъ успѣть противъ него, и принужденъ былъ оставить Новгородъ и вывести оттуда свои войска. Въ 1229 году, по проискамъ Черниговской партіи, у Иванка было отнято посадничество въ Новгородѣ и передано Черниговскому стороннику Внѣзду Водовику; тѣмъ не менѣе Иванко, какъ человекъ надежный, былъ отправленъ посадничать въ Торжекъ, гдѣ послѣ осьми лѣтняго управленія тамошнимъ краемъ, въ 1238 году погибъ въ битвѣ, защищая Торжекъ отъ Батыевой Татарской рати. Иванко Дмитровичъ былъ послѣднимъ посадникомъ въ Новгородѣ изъ фамиліи Мирослава. Его сынъ Твердило Иванковичъ, неимѣя успѣха въ своихъ искательствахъ въ Новгородѣ вошелъ въ сношенія съ Ливонскими Нѣмцами, измѣною передалъ имъ Псковъ и отъ имени Нѣмцевъ сталъ владѣть этимъ городомъ; и вѣроятно погибъ въ 1242 году, при взятіи Пскова Александромъ Невскимъ и Новгородцами, или можетъ быть бѣжалъ къ Нѣмцамъ. Но

какъ бы то ни было, измѣна Твердилы Иванковича и переходъ его къ Нѣмцамъ навсегда погубили знаменитую фамилію Мирослава Гюрятинича, и во всей послѣдующей исторіи Новгорода о ней болѣе неупоминается. Подобную же исторію попеременнаго возвышенія и упадка представляютъ и другія боярскія фамиліи въ Новгородѣ. И даже замѣтно, какъ одни фамиліи замѣнялись другими въ извѣстные періоды времени, и какъ постепенно въ позднѣйшее время Новгородской исторіи боярскіе фамиліи рѣзче и рѣзче отдѣляли свои интересы отъ интересовъ народа, постоянно поддерживаемые соседними князьями, которые, начиная съ Юрія Долгорукаго, неуклонно держались одной политики, чтобы владѣть Новгородомъ при помощи своихъ сторонниковъ изъ Новгородскихъ бояръ, и мало по малу довели дѣло до того, что Новгородскіе бояре, продавая свое отечество князьямъ, совершенно разошлись съ народомъ, и въ XV столѣтіи такъ стали тѣснить его, что великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ, перемѣнивъ политику своихъ предшественниковъ и принявъ подъ свою защиту народъ, обижаемый боярами, безъ большихъ затрудненій овладѣлъ Новгородомъ, переловилъ большую часть бояръ и переселилъ ихъ въ Московскія владѣнія, и народъ разумѣется не вступился, какъ нужно было, за своихъ притѣснителей. Бояре въ борьбѣ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ много выказали энергіи, и даже искусственно умѣли поднять на время и народъ; но по привычкѣ про-

должали вести себя слишкомъ гордо въ отношеніи къ народу и въ тоже время тѣснить его, и потому всѣ ихъ старанія успѣшно вести роковую борьбу и исканія чужеземной помощи остались безуспѣшными. и по ихъ винѣ пала самостоятельность Великаго Новгорода.

Члены семействъ посадничьихъ и боярскихъ назывались въ Новгородѣ сыновьями или дѣтьми посадничьими и боярскими, чисто въ семейномъ значеніи, т. е. пока они были еще подъ властію отца; но какъ скоро выдѣлялись изъ семьи и дѣлались самостоятельными, то съ тѣмъ вмѣстѣ теряли названіе дѣтей или сыновей, и назывались просто боярами, также какъ и ихъ отцы; но они отнюдь не составляли особаго класса, подобно какъ боярскіе дѣти въ другихъ краяхъ Русской земли; ибо въ Новгородѣ бояре всегда составляли классъ, а не чинъ, какъ въ Москвѣ, тамъ сыновья бояръ по самому рожденію своему, были уже боярами, когда дѣлались самостоятельными, независимыми отъ отцовъ, выдѣлялись изъ отцовскаго семейства. Всѣ лѣтописныя извѣстія о посадничьихъ и боярскихъ дѣтяхъ въ Новгородѣ прямо свидѣтельствуютъ, что значеніе боярскихъ и посадничьихъ дѣтей тамъ было чисто семейное, а не государственное; такъ въ первомъ же извѣстіи, относящемся къ 1259 году, прямо сказано, что Александръ Невскій, по просьбѣ Татарскихъ пословъ, приѣхавшихъ въ Новгородъ для исчисленія народа, повелѣлъ стеречи ихъ сыну посадничу и всѣмъ дѣтемъ боярскимъ. Здѣсь

Посадничья
и боярскіе
дѣти.

ясно. что Александръ для большаго увѣренія Татарскихъ пословъ въ ихъ безопасности приставилъ къ нимъ караулъ изъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ почетнѣйшимъ семействамъ, которые имѣли огромное вліяніе на народъ. А еще яснѣе такое значеніе боярскихъ дѣтей высказывается въ свидѣтельствѣ лѣтописи, относящемся къ 1364 году гдѣ сказано: „той же зимы съ Югры Новгородцы пріѣхаша дѣти боярети и молодые люди, и воеводы Александръ Абакумовичъ, Степанъ Ляпа, воеваша по Обѣ рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша“. Тотъ же Александръ Абакумовичъ въ 1366 году въ ушкуяхъ ходилъ съ молодыми людьми на Волгу грабить купеческіе караваны; и когда въ 1367 году Московскій великій князь Дмитрій Ивановичъ, объявляя за это Новгороду войну, говорилъ Новгородцамъ, за что ходили на Волгу и гостей монахъ грабили много; то Новгородцы отвѣчали: ходили люди молодые безъ нашего слова; и князь, довольный объясненіемъ, примирился съ Новгородцами Или когда за Волжскій грабежъ Новгородскихъ ушкуйниковъ изъ Заволочья, бывший въ 1375 году, Московскій великій князь въ 1386 году потребовалъ удовлетворенія; то Новгородцы предоставили князю самому взыскать 5000 руб. съ Заволочанъ за этотъ грабежъ; и для успѣшнѣйшаго сбора этихъ денегъ послали въ Заволочье приставами посадника Ѳедора Тимоѣевича, Тимоѣея Юрьевича, сына посадника Юрья Дмитріевича, (который въ 1398 году былъ уже посадни-

комъ) и иныхъ дѣтей боярскихъ и молодшихъ людей. Во всѣхъ сихъ извѣстіяхъ боярскими дѣтьми ясно названы молодые люди изъ боярскихъ фамилій, которые по Новгородскимъ изстариннымъ обычаямъ своевольничали на чужой сторонѣ и производили воинскіе походы и грабежи безъ Новгородскаго слова, и въ лѣтописяхъ прямо называются молодыми людьми, а не особымъ какимъ классомъ или сословіемъ Новгородскаго общества. Тоже значеніе боярскихъ дѣтей, какъ молодыхъ людей изъ боярскихъ фамилій, еще яснѣе высказывается въ лѣтописномъ извѣстіи подъ 1398 годомъ, гдѣ сказано, что передъ походомъ на Двину: „били челомъ владыкѣ посадникъ Тимоей Юрьевичъ посадникъ Юрьи Дмитріевичъ, Василій Борисовичъ и бояре, и дѣти боярскіе, и житьи люди, и купеческіе дѣти, и вси вои ихъ; благослови, господине отче владыко, поискати св. Софїи пригородовъ и волостей“ Здѣсь рядомъ поставлены бояре и боярскіе дѣти, житьи люди и купеческіе дѣти, т. е. младшіе члены боярскихъ фамилій и купеческихъ или житьихъ названы дѣтьми. А Никоновская лѣтопись, переводя Новгородскія извѣстія на свой оффиціальныи языкъ, Новгородскихъ боярскихъ дѣтей прямо называетъ молодыми дворянчиками, а не боярскими дѣтьми въ Московскомъ значеніи этого слова такъ описывая походъ Новгородской вольницы на Волгу въ 1366 году, лѣтопись сія говоритъ: „того же лѣта изъ Новгорода Великаго младые дворянчики совокупиша себѣ рать безъ Новгородскаго совѣта, а воеводы были

у нихъ Осипъ Вареломѣевичъ, Василиій Ѳедоровичъ, Александръ Аввакумовичъ“.

Гриди, или
своеземцы.

Впрочемъ и въ Новгородѣ былъ особый классъ гражданъ съ служебнымъ значеніемъ, соотвѣтствовавшій боярскимъ дѣтямъ, какъ понималось это слово въ Москвѣ во 2 й половинѣ XVI столѣтія, только у Новгородцовъ этотъ классъ назывался не боярскими дѣтьми, а гридами или гридьбою. Начало этого класса относится къ X-му, а можетъ быть и къ IX столѣтію; лѣтопись говоритъ о Ярославѣ великомъ, когда онъ былъ еще Новгородскимъ княземъ: „Ярославу сущу Новгородѣ, и урокомъ дающеу Кіеву отъ года до года двѣ тысячи гривень, и тысячу гривень въ Новгородѣ гридемъ раздаваху; а тако даяху посадницы Новгородстїи“. По этому свидѣтельству лѣтописи гридами прямо называются люди состоящіе на службѣ и получающіе жалованье отъ Новгородскаго посадника; конечно гриди первоначально составляли княжую дружину, назначаемую состоять при Новгородскомъ посадникѣ; ибо прежде и сами посадники присылались отъ князя, какъ его слуги. Но когда посадники изъ княжихъ слугъ превратились въ выборныхъ отъ народа; то съ тѣмъ вмѣстѣ и гриди сдѣлались земскимъ постояннымъ войскомъ. хотя и не перемѣнили своего прежняго названія, и по лѣтописнымъ извѣстіямъ мы уже встрѣчаемъ ихъ въ числѣ земскихъ людей во второмъ разрядѣ послѣ бояръ или огнищанъ; такъ подѣ 1166 годомъ лѣтопись говорить: „Ростиславъ великій князь Кіевскій, пришед-

ши на Луки позовалъ къ себѣ Новгородцовъ на по-
рядъ, т е. для договору, огнищанъ, гридь и куп-
цовъ вѣщшихъ. Или подѣ 1195 годомъ сказано: „по-
зва Всеволодъ Новгородцы на Черниговъ; и Новго-
родцы не отпрѣшася ему, идоша съ княземъ Яро-
славомъ, — огнищане, гридьба и купцы. и быша на
Новомъ Торгу“. Или подѣ 1234 годомъ лѣтопись
говорить: „изгониша Литва Русу оли до торго, и
сташа Рушане и засада, огнищане и гридьба, и кто
купецъ и гости и выгнаша Литву изъ посада“. Всѣ
сѣи единственныя лѣтописныя извѣстїя о гридьбѣ
въ Новгородѣ прямо указываютъ на гридьбу какъ
на служилыхъ Новгородскихъ людей, составлявшихъ
постоянный особый классъ земскаго войска, полу-
чавшїй отъ Новгорода жалованье, а послѣднее изъ
приводимыхъ извѣстїй говорить, что гридьба по-
сылалась засадою или какъ гарнизонъ по приго-
родамъ; но очевидно гридьба, кромѣ военнаго зна-
ченїя, имѣла еще и земское значенїе, ибо Ростис-
лавъ въ 1166 году пригласилъ для переговоровъ
гридьбу вмѣстѣ съ чисто земскими классами, огни-
щанами и купцами вѣщшими. Въ послѣдствїи на-
званїе гридьба, гриди, не встрѣчается въ Новго-
родскихъ извѣстїяхъ, а напротивъ, появляется дру-
гое названїе земетцкіе люди, съ тѣмъ же характе-
ромъ какъ и гриди; слѣдовательно въ XIV и XV
столѣтїяхъ гриди стали называться въ Новгородѣ
земетцкими людьми, или какъ въ другихъ краяхъ
Руси—помѣщиками; отъ того что они по тогдашне-
му общему на Руси обычаю получали за службу

вмѣсто жалованья землю, и отъ этой то данной вѣчемъ земли, съ условіемъ нести военную службу, они вмѣстѣ съ тѣмъ получили сперва значеніе земскаго класса, на равнѣ съ другими земскими классами, а потѣмъ и стали называться земецкими людьми и даже своеземцами, потому что получали землю отъ Новгорода въ собственность, и не на общинномъ а на личномъ правѣ. т. е. каждому гридѣ или своеземцу земля давалась отдѣльно, а не на общину гридей. Кажется, гриди не были многочисленнымъ и сильнымъ классомъ въ Новгородѣ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ извѣстій изъ которыхъ было бы видно что гриди участвовали въ переворотахъ Новгородскихъ, какъ замѣтные двигатели.

Купцы.

Послѣ боярѣ или огнищанѣ и гридей, составлявшихъ какъ бы двѣ степени одного класса, въ Новгородѣ слѣдовали купцы, какъ отдѣльный самостоятельный классъ Новгородскаго общества съ своимъ управленіемъ, съ своими начальниками и съ своими правами, и принимавшій дѣятельное участіе въ общихъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода. Въ Новгородѣ торговать никому не запрещалось торговать могъ всякій—и князь, и бояринъ, и лодичъ; но тѣмъ не менѣе купцы не смѣшивались съ другими классами общества, чтобы быть настоящимъ купцомъ требовались особыя условія. Чтобы быть пошлымъ настоящимъ купцомъ, нужно было принадлежать къ какой-либо купеческой общинѣ; а каждая купеческая община составляла собою самостоятельное организованное

цѣлое, она имѣла свой капиталъ, свое начальство, свой судъ и управленіе и свою печать Купцы въ Новгородѣ, принадлежа по мѣсту жительства къ какой-либо улицѣ или концу и состоя членами конца или улицы вмѣстѣ съ боярами и людьми, въ тоже время составляли свои общины, которыя въ XIII столѣтіи уже назывались сотнями, какъ это свидѣтельствуется договорная грамота Новгорода съ Тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, писанная въ 1270 году, въ которой сказано: „А что закладниковъ за тобою княже или за княгинею или за мужи твоими, кто купецъ поидеть въ свое сто, а смердь поидеть въ свой погостъ тако пошло въ Новгородѣ.“ Чтобы попасть въ члены какой-либо Новгородской купеческой общины, по свидѣтельству уставной грамоты князя Всеволода Мстиславича, нужно было непременно вложить опредѣленную долю въ общинный капиталъ, именно не менѣе 50 гривенъ серебра, или около 40 фунтовъ серебра на нынѣшній вѣсъ; таковой взносъ давался только однажды при самомъ вступленіи въ общину, и послѣ сего внесеншій оставался навсегда пошлымъ купцомъ не только самъ, но и его потомство. Такимъ образомъ купечество въ Новгородѣ держалось на принадлежности граждаина къ той или другой купеческой общинѣ; а эта принадлежность основывалась на внесенномъ въ общину опредѣленномъ капиталѣ и на правѣ наслѣдства по внесенному капиталу. Только таковыя члены купеческой общины, или пошлые купцы составляли настоящее Новгород-

ское купечество, выбирались въ старосты своей общины и имѣли право на участіе въ правленіи и судѣ по торговымъ дѣламъ своей общины. Каждая купеческая община въ Новгородѣ имѣла свою контору, называвшуюся общиною, гдѣ хранился общинный капиталъ; этою конторою завѣдывали выборные старосты общины. Ихъ по Всеволодовой грамотѣ полагалось пятеро: трое отъ зажиточнѣйшихъ купцовъ или житыхъ людей, и двое отъ менѣе зажиточныхъ или рядовыхъ купцовъ; имъ то принадлежали судъ и управа по торговымъ дѣламъ и защита членовъ своей общины. Такъ что въ случаѣ обиды пошлаго купца, его защищала та община или сотня, къ которой онъ принадлежалъ, она въ случаѣ нужды отвѣчала за него и его никто не могъ взять безъ дозволенія сотскаго, или главнаго выборнаго начальника общины. По тогдашнимъ обычаямъ, соблюдавшимся торговыми людьми во всей Европѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, пошлый купецъ состоялъ подъ защитою и управою своей общины не токмо дома въ своемъ городѣ, но и во время своихъ торговыхъ путешествій по другимъ городамъ и странамъ; тогда торговыя путешествія не только у Европейскихъ, но и у Азіатскихъ торговыхъ народовъ, обыкновенно предпринимались не иначе, какъ значительными караванами, при которыхъ всегда находился выбираемый отъ общины или отъ нѣсколькихъ общинъ, участвующихъ въ караванѣ, караванный староста, или какъ было въ Нѣмецкихъ торговыхъ общинахъ—ольдерманъ, которому

всѣ участники каравана клялись быть послушными на все время его управленія караваномъ, и потому въ народныхъ былинахъ обыкновенно назывались дружиною, ротниками. По свидѣтельству договорной грамоты Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ, писанной въ 1270 году, всѣ судебныя дѣла между Новгородскими и Нѣмецкими торговцами разбирались въ особомъ судѣ передъ тысяцкимъ и Новгородскими выборными купеческими старостами во дворѣ св. Иоанна; по той же грамотѣ ни Новгородца въ Готландѣ, ни Нѣмцевъ, ни Готландцевъ въ Новгородѣ за долги нельзя было посадить въ погребъ, ни посылать за ними бирючей, ни брать ихъ за одежду, но съ каждой стороны должно было требовать пристава отъ тысяцкаго или старосты той купеческой общины, къ которой принадлежитъ виноватый. Тоже почти подтверждается въ Новгородской договорной грамотѣ въ 1195 году, заключенной съ Нѣмецкими и Готландскими послами. А по Новгородскимъ скрамъ, которыя были обязательны и для Новгородцевъ, и для Ганзейцовъ, прямо требуется, чтобы пріѣзжіе гости выбирали себѣ ольдермана и четырехъ ратмановъ, и ежели когда произойдетъ ссора между хозяевами и прикащиками, то объ этомъ должно доносить ольдерману.

Въ Новгородѣ, какъ государствѣ по преимуществу торговомъ, купцы, какъ богатый и хорошо организованный классъ общества, пользовались большимъ уваженіемъ и принимали дѣятельное участие въ общественныхъ дѣлахъ какъ въ мирное, такъ и

въ военное время. Голосъ купцовъ на вѣчѣ имѣлъ большое значеніе, по ихъ настоянію нерѣдко начиналась прекращалась война; и тѣмъ сильнѣе былъ голосъ купцовъ на вѣчѣ, что въ Новгородѣ и бояре занимались торговлею, слѣдовательно у нихъ нерѣдко были одни интересы съ купцами. Еще въ XII столѣтіи мы имѣемъ извѣстіе, что изъ за обиды Новгородскихъ купцовъ на островѣ Готландѣ Новгородъ прекратилъ мирныя сношенія съ Готландцами и всѣми Варягами, не отпустилъ за море ни одного купца и не принялъ Варяжскаго посольства. А по сему сосѣдніе Русскіе князья въ спорахъ своихъ съ Новгородомъ обыкновенно старались захватить Новгородскихъ купцовъ, пришедшихъ для торгу въ ихъ владѣнія и загородить торговые пути, дабы тѣмъ скорѣе принудить Новгородъ къ принятію условій мира, предлагаемыхъ княземъ; такъ поступали и Кіевскіе, и Черниговскіе, и Суздальскіе князья, и особенно часто пользовались этою мѣрою послѣдніе и всегда съ успѣхомъ ибо для Новгородцевъ особенно была важна торговля съ Камскою Болгаріею, куда путь лежалъ чрезъ Суздальскія владѣнія. Кромѣ сильнаго голоса на вѣчѣ купцы проявляли свое участіе въ общественныхъ дѣлахъ и въ другихъ формахъ. Такъ 1-е, они лично участвовали въ военныхъ походахъ и, конечно, были не плохими воинами; ибо тогдашняя торговля съ полудикими племенами и по пустынямъ и рѣкамъ, не рѣдко занятымъ разбойниками, была тѣсно связана съ военнымъ ремесломъ. Купеческій

караванъ обыкновенно отправлялся въ походъ вооруженнымъ, и здѣсь купцы только въ своей отвагѣ и ловкости находили обезпеченіе своей безопасности. Лѣтописи представляютъ довольно свидѣтельство объ участи Новгородскаго купечества въ военныхъ походахъ; такъ напримѣръ въ 1137 году, во время войны Новгорода съ Всеволодомъ Мстиславичемъ, купцамъ выдано было полторы тысячи гривенъ, собранныхъ съ Всеволодовыхъ пріятелей на приготовленіе къ походу. Или въ 1195 году Новгородскіе купцы вмѣстѣ съ боярами и гридями участвовали въ походѣ Всеволода Юрьевича, князя Суздальскаго на Черниговъ. Или подъ 1315 годомъ лѣтопись, описывая битву Новгородцовъ съ Михаиломъ княземъ Тверскимъ подъ Торжкомъ, говоритъ: „и тамъ убили много добрыхъ мужей и бояръ Новгородскихъ, и купцовъ добрыхъ много, а иныхъ Новгородцовъ и Новоторжцевъ Богъ вѣсть“.

2-е. Купцы участвовали въ переговорахъ Новгорода съ Русскими князьями о правахъ князей. Князь, желая условиться съ Новгородцами, на какихъ правахъ владѣть ему Новгородомъ, обыкновенно приглашалъ для переговоровъ бояръ и купцовъ; такъ подъ 1166 годомъ лѣтопись говоритъ: „Князь Ростиславъ пришелъ изъ Кіева на Луки и позвалъ Новгородцовъ на порядъ (для утвержденія взаимныхъ условій на управленіе Новгородомъ) огнищанъ, гридью и купцовъ вящихъ“.

3-е. Лучшіе купцы вмѣстѣ съ боярами правили посольства и къ Русскимъ князьямъ и къ Нѣмцамъ, ѣздили приглашать князей въ Нов-

городъ и вели переговоры; такъ подь 1215 годомъ въ лѣтописи сказано: „Новгородцы много думавши, послали по Ярослава Всеволодовича Юрья Ивановича посадника и Якуна тысяцкаго и купецъ старѣйшихъ десять мужъ“. Или подь 1391 годомъ сказано „и послали Новгородцы пословъ на съѣздъ съ Нѣмцами въ Изборскъ: посадника Василья Федоровича, посадника Богдана Аввакумовича, тысяцкаго Есипа Фалелѣвича, Василья Борисовича и купцовъ“. 4-е. Купцы участвовали вмѣстѣ съ боярами въ высшемъ Новгородскомъ судѣ, или, какъ говорилось тогда у Новгородцевъ, у доклада во владычнѣ комнатѣ; такъ въ судной Новгородской грамотѣ 1471 года читаемъ: „у доклада быть по боярину да по житъему“, т. е. зажиточному купцу.

Новгородское купечество издавна раздѣлялось на вящихъ или лучшихъ, зажиточнѣйшихъ купцовъ и просто на купцовъ. Вящше богатѣйше купцы еще въ XII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуеъ Всеволодова грамота, назывались житыми людьми; но это послѣднее названіе не было еще тогда постояннымъ, богатѣйше купцы еще безразлично назывались и вящими купцами и житыми людьми; но съ XIV столѣтія названіе лучшихъ богатѣйшихъ купцовъ житыми людьми сдѣлалось постояннымъ и официальнымъ. Этотъ обычай или законъ такъ называть лучшихъ купцовъ въ первый разъ является въ договорной грамотѣ Новгорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, писанной въ 1317 году; грамота начинается такъ: „отъ посадника отъ Ми-

хаила, отъ тысяцкаго отъ Матвѣя, отъ бояръ и отъ житыхъ людей и отъ черныхъ людей и отъ всего Новгорода, послалъ Новгородъ Юрья и Якима къ князю Михайль въ Тверь, а велѣли миръ взять“. Подъ тѣмъ же названіемъ житыхъ людей вящшіе купцы являются въ лѣтописи подъ 1398 годомъ, гдѣ сказано: „ходили послы изъ Новгорода: архимандритъ Парфеній, посадникъ Есипъ Захарычъ и тысяцкій Онанья Костянтиновичъ и житыи люди Григорій и Давыдъ къ Великому князю Василью Дмитріевичу и взяша миръ“. Или подъ тѣмъ же годомъ, предъ отправленіемъ Новгородской рати на Двину, лѣтопись говоритъ: „били челомъ владыкѣ посадникъ Тимоѣй Юрьевичъ, посадникъ Юрій Дмитріевичъ, Василій Борисовичъ и бояре, и дѣти боярскіе, и житыи люди, и купецкіе дѣти, и всѣ вои ихъ; благослови, господине, отче, владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волости“. Или подъ 1441 годомъ таже лѣтопись говоритъ: „Новгородцы послали архіепископа Еуѣимія и съ нимъ бояръ, а и житыхъ людей, и наѣхали князя у города у Демана и dokonчали съ нимъ миръ по старинѣ“. Во всѣхъ сихъ извѣстіяхъ житыи люди постоянно занимаютъ то самое мѣсто, гдѣ до XIV столѣтія помѣщались вящшіе купцы; отсюда ясно, что житыми людьми здѣсь назывались прежніе вящшіе купцы и это названіе принадлежало богатѣйшимъ и стариннымъ торговымъ домамъ, зажиточнѣйшимъ противъ молодыхъ и новыхъ купцовъ, еще не разжившихся.

Купцы въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ пригородахъ были и значительными землевладѣльцами, имѣли иногда довольно большія вотчины или волости какъ въ Новгородской землѣ, такъ и въ Новгородскихъ волостяхъ, особенно въ Заволочья по Двинѣ, Онегѣ, по Бѣломорскому поморью и въ Перми, гдѣ въ ихъ владѣніи находились богатѣйшія соляныя варницы и разные морскіе промыслы. По богатствамъ своимъ купцы соперничали съ боярами; по будучи сильно заняты своими частными промыслами, они должно быть не настолько принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, насколько бояре; а по сему они далеко неимѣли того значенія въ управленіи Новгородомъ, какое имѣли бояре: изъ купцовъ мы не встрѣчаемъ ни посадниковъ, ни тысяцкихъ, ни другихъ высшихъ сановниковъ. Вообще во всѣхъ чисто политическихъ движеніяхъ купцы являлись на второмъ планѣ, видная же роль народныхъ двигателей въ Новгородѣ всегда принадлежала боярамъ, которые видимо пользовались большимъ расположеніемъ у народа. По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, какъ официальныхъ, такъ и не официальныхъ, мы выносимъ одно впечатлѣніе, что купцы въ Новгородѣ занимали второе мѣсто послѣ бояръ, и тоже самое находимъ и въ Новгородскихъ пригородахъ

Черные
люди.

Третій классъ жителей Новгорода и всѣхъ его владѣній составляли черные люди; къ этому классу принадлежали какъ городскіе, такъ и сельскіе жи-

тели низшаго разряда, иначе называемые меньшими или младшими людьми. Сюда въ городахъ относились: 1-е, торговцы не записанные членами ни въ одну купеческую общину, или иначе не пошлые купцы, занимавшіеся мелочнымъ торгомъ; 2-е, ремесленники и 3-е, разные чернорабочіе люди, жившіе трудами рукъ своихъ. Въ селахъ же къ чернымъ людямъ принадлежали земледѣльцы и другіе сельскіе промышленники, жившіе на земляхъ, принадлежащихъ общинамъ или частнымъ землевладѣльцамъ, а можетъ быть и мелкіе землевладѣльцы собственники изъ сельскихъ промышленниковъ и земледѣльцевъ. Черные люди, какъ городскіе, такъ и сельскіе, непременно тянули къ какой либо городской черной сотнѣ или сельской общинѣ, къ погосту, губѣ, переварѣ, и непременно должны были имѣть осѣдлость, т. е. домъ и известную долю городской или сельской земли, что въ городахъ называлось дворомъ, а въ селахъ обжаю. Только домохозяинъ, владѣлецъ опредѣленнаго двора, считался гражданиномъ какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ пригородахъ; равнымъ образомъ и въ селахъ только тотъ признавался членомъ той или другой сельской общины, кто владѣлъ известною долею общинной земли или обжаю. Люди же неимѣющіе опредѣленной доли общинной земли, или не причисленные ни къ какой общинѣ, назывались изгоями, и оставались въ этомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не получали опредѣленной доли земли и не причислялись къ какой либо общинѣ. По свидѣтель-

ству Ярославова устава о мостовыхъ въ Новгородѣ, въ XIII столѣтїи даже были особыя двѣ улицы для изгоевъ; но улицы сїи не составляли самостоятельныхъ общинъ, имѣвшихъ свое управленіе чрезъ старость или сотскихъ и свой голосъ на вѣчѣ, и состояли подъ покровительствомъ церкви, какъ люди безпрїютныя и неимѣющіе своего голоса въ Новгородскомъ обществѣ. Самыя улицы или слободы изгоевъ по всему вѣроятію были устроены на церковной землѣ; ибо въ уставѣ изгойскія слободы обозначены по обоямъ концамъ епископской улицы. Очевидно, что церковь, какъ покровительница изгоевъ, давала имъ свою землю для поселенія, какъ людямъ неимѣющимъ земли ни въ одной общинѣ и по законамъ Новгородскимъ немогшимъ управляться своими выборными начальниками. Холопій городокъ, лежавшій собственно въ Новгородской землѣ, первоначально не былъ ли городомъ изгоевъ, городомъ рабовъ освобожденныхъ отъ рабства и слѣдовательно не принадлежащимъ ни къ одной общинѣ, и называвшихся по уставу Всеволода Мстиславича изгоями. Конечно это значеніе Холопяго городка было только первоначальное, въ послѣдствїи же онъ сравнился съ другими Новгородскими пригородами и только одно названье Холопяго Городка теперь можетъ указывать на его первоначальное значеніе. Въ селахъ также изгой имѣли особыя поселенія, отдѣльно отъ сельскихъ общинъ и вѣроятно на церковныхъ земляхъ и подъ покровительствомъ церкви, для которой конечно они обязаны

были дѣлать разныя послуги и можетъ быть обработывать на нее землю. Но не всѣ изгой были на церковныхъ земляхъ, они могли жить и у мірскихъ людей въ услуженіи подѣ именемъ или работниковъ, казаковъ, или подсуѣдниковъ и захребетниковъ. Даже иные изъ нихъ, по свидѣтельству писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, имѣли особые дворы и извѣстную долю земли; но не отъ своего имени, а отъ имени того, у кого тотъ или другой изгой былъ захребетникомъ или подсуѣдникомъ; впрочемъ таковой дворъ не дѣлалъ изгоя членомъ той общины, въ которой онъ жилъ, община его не знала и не налагала на него никакихъ общинныхъ обязанностей и не давала никакихъ правъ, кромѣ права на свободную жизнь и работу у того или другаго члена общины; его знала только та семья, при которой онъ жилъ; домохозяинъ семьи только былъ членомъ общины и несъ общинныя повинности и за свою семью и за захребетниковъ или подсуѣдниковъ; захребетники же и подсуѣдники отвѣчали только передъ нимъ, хотя они и были людьми свободными и могли безпрепятственно отойти отъ хозяина и сами поступить въ члены общины, ежели имѣли средства и силы принять на себя общинныя обязанности.

Черные люди, какъ городскіе, такъ и сельскіе, будучи членами своихъ общинъ, считаясь полноправными людьми въ Новгородскомъ обществѣ и въ Новгородѣ, равно какъ и въ пригородахъ, имѣли своихъ представителей и свой голосъ на вѣчахъ;

они несли всѣ общественныя обязанности наравнѣ съ боярами и купцами, разумѣется, только въ меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ они были меньшими людьми и имѣли меньше средствъ; ибо въ Новгородскомъ государствѣ раскладка всѣхъ повинностей и податей производилась по капиталамъ приносящимъ хозяину доходъ, а не по головамъ. Въ селахъ точно также крестьянскія общины имѣли своихъ старостъ и свое земское управленіе и судъ, и каждый членъ общины, каждый домохозяинъ имѣлъ голосъ на сельскомъ вѣчѣ или сходкѣ и участвовалъ въ выборѣ общинныхъ начальниковъ, въ раскладкѣ податей и другихъ общественныхъ дѣлахъ.

По черныя общины, какъ городскія, такъ и сельскія, будучи меньшими, младшими, почти всегда подчинялись старѣйшимъ, т. е. боярамъ и купцамъ и шли за ними. Такъ въ Новгородѣ и въ пригородахъ, какъ мы уже видѣли, каждая улица и каждый конецъ имѣли своихъ бояръ и своихъ купцовъ, съ которыми за одно дѣйствовали и черные люди въ общественныхъ дѣлахъ; даже по закону, какъ свидѣтельствуется Всеволодова уставная грамота, черные люди въ уличанскихъ общинахъ неимѣли своихъ выборныхъ изъ своего класса старостъ, а подчинялись тысяцкому, выбираемому на весь городъ изъ бояръ, слѣдовательно были поставлены и по закону въ нѣкоторую зависимость отъ своихъ старѣйшихъ уличанъ. Въ селахъ же большая часть крестьянскихъ поселеній была на земляхъ богатыхъ землевладѣльцовъ, бояръ или купцовъ; слѣдователь-

но тамошнія черныя общины уже по самой землѣ были въ большей или меньшей зависимости отъ своихъ землевладѣльцовъ вотчинниковъ. Да и тѣ сельскія общины черныхъ людей, которыя селились на общинныхъ, а не владѣльческихъ земляхъ, были въ нѣкоторой зависимости отъ старшихъ, т. е. богатыхъ землевладѣльцовъ, частию по своей волѣ ища у нихъ покровительства, частию, какъ мы уже видѣли, потому, что и по закону богатые землевладѣльцы въ качествѣ скотниковъ и помужниковъ имѣли довольно значительную земскую власть и надъ землями черныхъ людей, находящихся въ той мѣстности, гдѣ были ихъ поземельныя владѣнія. Кромѣ того Новгородъ нерѣдко отдавалъ черныя сельскія общины въ кормленье своимъ служилымъ людямъ изъ бояръ, а съ симъ вмѣстѣ общины сіи конечно поступали въ большую или меньшую зависимость отъ своихъ кормленщиковъ. Вообще въ Новгородѣ, гдѣ по преимуществу всеѣмъ завѣдывала аристократія, черные или меньшіе люди хотя и были полноправными и принимали дѣятельное участіе на общемъ вѣчѣ, на которомъ рѣшались судьбы Новгородской земли, тѣмъ не менѣе состояли въ большей зависимости отъ старшихъ, отъ бояръ и частию отъ купцовъ. Но эта зависимость не столько была юридическая, установленная закономъ, сколько нравственная, основанная на довѣрїи младшихъ къ старшимъ, и бытовая или экономическая, по которой бѣдные глядѣли изъ рукъ у богатыхъ. Впрочемъ эта зависимость не мѣшала младшимъ воз-

ставать на старших и заявлять свои права, какъ скоро старшіе нарушали довѣріе какими либо неправдами и сильными притѣсненіями; при чемъ разумѣется старшимъ доставалось порядкомъ: иные за свои неправды платились жизнию, иные изгнаніемъ и разграбленіемъ ихъ имуществъ; чему конечно много помогали постоянныя партіи и ссоры между старшими, отъ чего и происходило, что младшіе почти всегда находили себѣ старшихъ, принимавшихъ ихъ сторону противъ притѣснителей. Такъ напримѣръ въ 1209 году Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія посадникомъ Дмитромъ Мирошкиничемъ и его партіею старшихъ, поддерживаемою княземъ Суздальскимъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, составили вѣче, и на этомъ вѣчѣ осудили Дмитра и его товарищей въ томъ, что они повелѣли собирать на Новгородцовъ серебро, а по волости собирали куны, а съ купцовъ дикую виру и повозы, и учинили другія обиды и притѣсненія; потомъ прямо съ вѣча пошли грабить ихъ дворы, при чемъ Мирошкинъ и Дмитровъ дворъ зажгли, захватили все ихъ имущество, а села и рабовъ ихъ распродали и набрали такое множество богатства, что при дѣлежѣ досталось по три гривны на человѣка, а кто сколько взялъ тайно, о томъ Богъ вѣсть, только многіе отъ того разбогатѣли; что же нашли по счетамъ въ долговыхъ книгахъ, то отдали князю. Въ этомъ возстаніи руководителями меньшихъ были пріятель Твердислава, которому вѣче тутъ же поручило посадничество. Или въ 1230 году, во вре-

мя народнаго возстанія на посадника Водовика и его партію бояръ, дѣло началось убіеніемъ Водовикова пріятеля боярина Семена Борисовича (самъ же Водовикъ тогда былъ съ княземъ въ Торжкѣ); потомъ черные люди, руководимые бояриномъ Степаномъ Твердиславичемъ, разграбили дома убитаго Семена, Водовиковъ, брата его Михаля, Даньслава, тысяцкаго Бориса и многихъ другихъ ихъ сторонниковъ; за тѣмъ все имѣніе ихъ раздѣлили по сотнямъ, посадничество же дали Степану Твердиславичу и тысяцкое Никитѣ Петриловичу. Или въ 1255 году, при ишествіи на Новгородъ Александра Невскаго, младшіе, т. е. черные люди, замѣтивъ, что бояре тайно сносятся съ княземъ, отдѣлились отъ старшихъ и стали особымъ полкомъ у церкви св. Ильи, и составивъ отдѣльное вѣче, цѣловали святую Богородицу, какъ стать всемъ либо въ животь, либо въ смерть, за правду Новгородскую, за свою отчину, и стояли полкомъ три дни, и на четвертый день разошлись только тогда, когда князь заключилъ миръ.

Собственно юридическія, закономъ опредѣленныя права меньшихъ, или черныхъ людей въ Новгородѣ, относительно общественныхъ дѣлъ, были почти одинаковы съ правами старшихъ или вѣщшихъ людей.

1. Меньшіе или черные люди на вѣчѣ имѣли такое же участіе какъ и вѣщшіе люди; ихъ голосъ имѣлъ такую же силу, какъ и голосъ вѣщшихъ или старѣйшихъ, и при несогласіи меньшихъ съ большими вѣче распадалось и составлялось два вѣча, и дѣло

кончалось или битвой на улицахъ, или умиротворительнымъ вмѣшательствомъ владыки и духовенства, которое въ такомъ случаѣ выходило въ полныхъ обличеніяхъ, съ церковными хоругвями, иконами и крестами; слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ взаимнымъ согласіемъ большихъ и меньшихъ; но одни большіе безъ меньшихъ не могли держать вѣча и рѣшать дѣло. 2. Меньшіе вмѣстѣ съ большими участвовали въ защитѣ Новгородской земли и во всѣхъ военныхъ походахъ; такъ мы читаемъ въ лѣтописи подъ 1216 годомъ, между Новгородцами, убитыми на Липецкомъ бою, Антона котельника и Ивана опонника, т. е. ремесленниковъ принадлежащихъ къ классу черныхъ людей, 3. Представители меньшихъ на равнѣ съ представителями большихъ вели переговоры съ сосѣдными князьями, участвовали въ посольствахъ и даже договорныя грамоты Новгорода заключались отъ имени большихъ и меньшихъ. Такъ напримѣръ въ договорной Новгородской грамотѣ, заключенной съ Тверскимъ князьямъ Ярославомъ Ярославичемъ въ 1265 году, читаемъ: „Благословеніе отъ владыки, поклоняніе отъ посадника Михаила и отъ тысяцкаго Кодрата и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ, къ Князю Ярославу.“ Или въ договорной грамотѣ 1317 года сказано: „отъ посадника отъ Михаила, отъ тысяцкаго Матвѣя, отъ бояръ, и отъ житыхъ людей, и отъ черныхъ людей, и отъ всего Новгорода, послали Новгородъ Юрья и Якима къ князю къ Михайлѣ на Тверь, а велѣли миръ имати на семь “ Или въ договорной грамотѣ Новгорода съ

великимъ княземъ Московскимъ Дмитріемъ Ивановичемъ, заключенной въ 1370 году, даже поименованы особые посланники отъ черныхъ людей; грамота начинается такъ: „Се прѣѣхали ко мнѣ, къ великому князю Дмитрію Ивановичу всеа Русіи, отъ отца моего владыки Алексѣя, и отъ посадника Юрья, и отъ тысяцкаго Олисѣя, и отъ всего Новгорода, Иванъ посадникъ, Василій Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ поповичъ, Василей Агаѳоновъ. Кончалъ есмь съ своими мужи, въ одиначество и цѣловали есмы крестъ“. Впрочемъ, какъ мы уже видѣли, юридическая одноправность меньшихъ съ большими неизбавляла первыхъ отъ зависимости къ послѣднимъ; и хотя большіе ни на одномъ вѣчѣ не могли провести закона, который бы уменьшилъ или уничтожилъ равноправность черныхъ людей, тѣмъ не менѣе всегда находили средства руководить черными людьми по своимъ видамъ; такъ что при всякомъ возстаніи черныхъ людей на бояръ, или большихъ людей, борьба кончалась тѣмъ, что черный народъ поражалъ одну боярскую партію, и въ тоже время подчинялся другой также боярской партіи, которая держала его сторону во время возстанія.

Исчисленные нами три класса Новгородскихъ гражданъ: бояре, купцы и черные люди, еще не даютъ полнаго понятія о составѣ Новгородскаго общества; за этими классами была еще огромная масса Новгородскихъ людей, состоящихъ подъ Новгородскимъ закономъ, пользующихся полными правами личности; но въ тоже время имѣющихъ свои особенности, по

которымъ они вполне не причислялись къ помянутымъ тремъ классамъ. Особенности сїи главнымъ образомъ состояли въ томъ, что сїя масса Новгородскихъ людей не имѣла по закону никакой общественной организаціи, не несла никакихъ общественныхъ обязанностей отъ своего имени, не принимала въ общественныхъ дѣлахъ никакого участія, признаннаго закономъ, и большею частію даже не имѣла за собою земли отъ своего имени; въ этой массѣ были и свои богачи и свои бѣдняки, она собственно состояла изъ двухъ разрядовъ людей: изъ вольныхъ людей и повольниковъ.

Вольные лю-
ди.

Вольными людьми въ Новгородѣ назывались тѣ, которые несостояли членами ни въ какой общинѣ, и потому не несли никакихъ общинныхъ обязанностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ разумѣется не пользовались и тѣми правами, которыя община даетъ своимъ членамъ. Новгородское вѣче и власти имъ поставленныя какъ бы не знали о существованіи вольныхъ людей, или по крайней мѣрѣ не имѣли къ нимъ прямыхъ отношеній; вольный человекъ состоялъ только подъ покровительствомъ Новгородскихъ законовъ, которые защищали его отъ обидъ; онъ могъ требовать суда и защиты, когда кто его обижалъ, а равнымъ образомъ и самъ отвѣчалъ передъ закономъ, когда являлся нарушителемъ чьихъ либо правъ; далѣе этаго отношенія вольнаго человека къ власти и закону не простирались. Ему была предоставлена полная свобода заниматься чѣмъ хочетъ, жить какъ знаетъ и тамъ гдѣ его примутъ, для него была открыта вся Новго-

родская земля и Новгородскія волости; онъ имѣлъ полное право странствовать изъ края въ край по всеѣмъ Новгородскимъ владѣнїямъ, и пока не хотѣлъ этого самъ, не былъ привязанъ ни къ одной Новгородской мѣстности; по закону ему никто не могъ сказать, что ты не смѣешь выйти изъ такого то села, или изъ такого-то города, или изъ такого то двора; ежели онъ самъ не принялъ на себя обязанности жить у какого либо домохозяина

Къ вольнымъ людямъ во первыхъ принадлежали все младшіе члены семействъ, не выдѣлившіеся еще изъ семьи и состоящіе подъ властію родителей, или того старшаго родственника, котораго семья признала своимъ домохозяиномъ; они оставались на правахъ вольныхъ людей до тѣхъ поръ, пока не поступали въ члены общины, не дѣлались самостоятельными домохозяевами, или выдѣлившись изъ семьи, или заступивши въ семьѣ мѣсто домохозяина. Таковое положеніе было одинаково для младшихъ членовъ, какъ въ богатыхъ семействахъ, такъ и въ бѣдныхъ; и сынъ богатаго боярина одинаково съ сыномъ бѣднаго селянина считался вольнымъ человекомъ, пока не сдѣлался самостоятельнымъ домохозяиномъ; общество и законъ не признавали его еще бояриномъ, а только еще сыномъ боярина, и посему онъ не считался еще членомъ Новгородскаго общества, и ни въ чѣ, ни власти, поставленный въ чѣмъ, не имѣли къ нему отношеній и какъ бы не знали его. Въ переписныхъ Новгородскихъ книгахъ обыкновенно писалось таѣ: „домъ Якова Петровича Тучина, а у

Якова дѣти Иванъ, Петръ, Семень, Кузма, да внуки его Ивачовы дѣти, Яковъ, Борисъ, Никита и подобн. И по дому и по имѣнью, какъ бы оно ни было велико, отвѣчалъ только самъ домохозяинъ, а не его дѣти, хотя бы взрослые, самъ же только хозяинъ имѣлъ голосъ и на вѣчѣ, сыновья же, хотя бы взрослые, пока не заводили собственнаго отдѣльнаго хозяйства, не имѣли голоса на вѣчѣ, и не могли участвовать въ немъ; они были вольными людьми, не связанными никакими общественными обязанностями. Второй разрядъ вольныхъ людей составляли люди уже выдѣлвишіеся изъ родительскихъ семействъ, но не поступившіе въ члены ни въ одну общину и не имѣющіе ни земли, ни домохозяинства отъ своего имени; это были почти сплошь бѣдняки, или люди начинающіе только разживаться. Одни изъ нихъ ходили изъ края въ край Новгородской земли, питаея ручною работою и разными мастерствами, какія кто зналъ; кто ходилъ по селамъ учить ребятшекъ грамотѣ, кто читалъ псалтырь надъ покойниками, кто портняжничалъ и переходилъ съ своимъ мастерствомъ изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню, кто былъ шерстобитомъ и тоже таскался по деревнямъ, кто промышлялъ другимъ какимъ ремесломъ, кто присоединялся къ той или другой бродячей ватагѣ скомороховъ и таскался съ ними по городамъ и селамъ, плясалъ, пѣсельничалъ, игралъ на гудкѣ, или на другомъ какомъ инструментѣ и занималъ любителей веселья прибаутками и другими скоморошьями продѣлками, и тѣмъ добывалъ себѣ деньгу и

кормился. Это большею частию былъ самый буйный и безпокойный отдѣлъ вольныхъ людей въ Новгородѣ; тутъ выращивались отчаянные пьяницы и гуляки, кулачные бойцы, непрошенные посѣтители чужихъ кармановъ и сундуковъ; отсюда выходили отчаянные молодцы, поджидавшіе путниковъ и обозы по лѣсамъ и большимъ дорогамъ; это былъ собственно произвольный и неугомонный пролетаріатъ Новгорода, самый горючій матеріалъ для всѣхъ возможныхъ мятежей и безпорядковъ.

Но къ счастью Новгорода, это бродячая и буйная масса людей далеко не вся оставалась постоянно въ своемъ безпріютномъ положеніи; наибольшая часть этой неугомонной вольницы, перебѣсившись и наскучивъ своею безпріютною и бродячею жизнію, съ лѣтами старалась гдѣ нибудь пріютиться и осѣсться, и такимъ образомъ поступала во второй отдѣлъ втораго разряда вольныхъ людей; иные дѣлались работниками у зажиточныхъ хозяевъ, другіе изъ нихъ поступали въ подсусѣдники и захребетники; они хотя по прежнему не были членами общины и не несли никакихъ общинныхъ обязанностей и были людьми вольными, за нихъ отвѣчали въ общину хозяева и они жили у хозяевъ по взаимному условію; но они уже могли имѣть свои дворы и свои участки земли на имя хозяина и обзаводиться своимъ хозяйствомъ; ихъ положеніе было уже не прежнее безпріютное и бродячее; они уже были не далеки отъ того, чтобы поступить въ члены общины; и община, ежели находила ихъ людь-

ми мирными и заботящимися о хозяйствѣ, всегда охотно принимала ихъ, какъ людей уже извѣстныхъ, надѣляла участками земли и на первые годы съ значительными льготами въ податяхъ и повинностяхъ. Наконецъ у Новгорода было и еще средство и очень важное избавляться отъ буйной вольницы; это средство составляло повольничество, куда большею частію сбывалась самая буйная и неугомонная молодежь, которая не успѣла еще перебѣситься и приладиться къ мирной трудовой жизни, и которая по характеру своему или по обстоятельствамъ жизни безъ повольничества долго еще не могла бы придти въ себя, отрезвиться и полюбить мирный трудъ.

Новольники
Новгород-
скіе.

Повольничество было одно изъ древнѣйшихъ учрежденій Новгорода, незнакомое другимъ Славянскимъ племенамъ на Руси. Скандинавскія саги упоминаютъ о Новгородскихъ повольникахъ еще за долго до приглашенія Рюрика Новгородцами. Новгородскіе повольники были тоже самое, что Викинги въ Скандинавіи; они уже не составляли пестрой массы вольныхъ людей, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ, а напротивъ, уже принадлежали къ извѣстному организованному обществу, считались его членами, несли извѣстныя обязанности, налагаемыя этимъ обществомъ, и какъ члены общества пользовались опредѣленными и довольно большими правами. Но общество повольниковъ еще не было Новгородскою общиною, а составляло только дружину, въ которой члены были связаны другъ

съ другомъ одними личными отношеніями, общаніемъ стоять другъ за друга и клятвою, или ротою, не измѣнять дружинѣ ни въ какихъ опасностяхъ, не выдавать товарищей; постоянныхъ же имущественныхъ отношеній у нихъ еще не было, ибо ни одна дружина повольниковъ не имѣла своей земли.

Въ повольники легко и безпрепятственно могъ поступить каждый вольный человѣкъ, не связанный съ общиной, и богатый, и бѣдный, и изъ боярской или купеческой фамиліи, и изъ черныхъ людей; не спрашивалось ни о состояніи ни о происхожденіи пришельца, а требовались только сила, ловкость и охота; и посему дружины повольниковъ обыкновенно составлялись изъ самой буйной и неугомонной молодежи, которая не знала куда дѣваться съ своею силою и молодечествомъ; у кого душа не терпѣла обузы скучныхъ житейскихъ обязанностей, а просилась на волю погулять по бѣлому свѣту, людей посмотрѣть и себя показать; у кого молодая кипучая кровь не боялась никакихъ трудностей, никакихъ опасностей, лишь бы трудъ былъ свободенъ и вель за собою полный разгулъ, лишь бы забота не глодала сердца. Предводителями и собирателями повольничьихъ дружинъ преимущественно были сыновья богатыхъ бояръ и купцовъ Новгородскихъ, которые бы могли хорошо вооружить и на первое время содержать дружину на свой щетъ. Но случилось, что собирали дружины повольниковъ и люди не очень богатые, впрочемъ только въ такомъ случаѣ, когда собиратель уже не разъ бывалъ въ отдаленныхъ

походахъ и прославился подвигами своего удальства и молодечества, когда о его удали уже пѣлись пѣсни скоморохами. Къ такому молодцу и богатая молодежь охотно шла въ ротники и даже сами отцы этой молодежи помогали ему своими матеріальными средствами на содержаніе дружины; ибо видѣли въ немъ надежнаго руководителя своихъ сыновей въ дальнихъ и опасныхъ странствованіяхъ. Повольничество, хотя и было иногда соединено и съ грабежами и съ разбойничествами и разными буйствами, не только не считалось безчестнымъ, но и пользовалось большимъ уваженіемъ у Новгородцовъ; какъ въ Скандинавіи Викингамъ, такъ въ Новгородѣ повольникамъ пѣлись даже пѣсни, въ которыхъ прославлялись ихъ удалые подвиги. И молодые люди изъ знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій, достигнувъ осьмнадцати или двадцатитѣтняго возраста, другъ передъ другомъ спѣшили собирать дружины удалыхъ молодцовъ и съ ними пробовать свою удаль гдѣ-нибудь на чужой сторонѣ, въ древности на Варяжскомъ морѣ, а попозднѣе на Волгѣ или на берегахъ студенаго моря.

И дѣйствительно повольникъ хотя иногда и грабилъ и убивалъ людей и былъ страшенъ для купеческихъ каравановъ, тѣмъ не менѣе по тогдашнимъ понятіямъ онъ не былъ безчестнымъ разбойникомъ и пьянымъ головорѣзомъ, котораго бынельзя принять въ порядочномъ обществѣ и стоило только сбросить съ Волховскаго моста или вздернуть на висѣлицу. Напротивъ того, отъ Новгородскаго повольника тре-

бывалось, чтобы онъ былъ человѣкомъ образованнымъ по тогдашнимъ понятіямъ, ловкимъ, учтивымъ и умѣющимъ вести себя съ достоинствомъ, въ какомъ угодно обществѣ; повольникъ долженъ былъ горячо любить родину и заботиться о славѣ господина Великаго Новгорода, онъ долженъ былъ великодушнымъ и защищать несчастныхъ людей отъ обидъ и притѣсненій; разумѣется это великодушіе должно было оказывать къ Русскимъ людямъ православнымъ христіанамъ, а отнюдь не къ собакамъ бусурманамъ. Довольно вѣрный и полный типъ Новгородскаго повольника представляетъ намъ извѣстная народная былина объ Акундинѣ Акундиновичѣ. Былина называетъ Акундина сыномъ Новгородскаго посадника Акундина Путятича. Молодой человѣкъ, наскучивъ сидѣть дома или таскаться по Новгородскимъ улицамъ, снаряжается въ дальній безвѣстный походъ, людей посмотрѣть и себя показать. „И садится, говоритъ былина, Акундинъ на суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовыя, а самъ садится на корму Поплыло суденышко по Волхову по рѣкѣ, а плыло суденышко ровно тридцать и три дня; и прибыло суденышко ко круту берегу. На ту пору Акундинъ пробуждается отъ сна, а самъ съ собой думу думаетъ: а и что то за городъ, а и что то за люди?“ Узнавши и осмотрѣвши, что за земля, повольникъ Акундинъ, какъ истый Новгородецъ, какъ вѣрный и преданный сынъ Новгорода, прежде всего думаетъ и говоритъ про се-

бя: а кабы ту сторону Рязань, т. е. открытую имъ страну, покорить Новгороду. Далѣ Акундинъ, какъ настоящій повольникъ, подобно Скандинавскимъ королямъ моря, человекъ благовоспитанный, учти во обходится съ встрѣтившимся на берегу Оки старцемъ, въ которомъ изъ разговоровъ узнаетъ своего роднаго дядю Замятню Путятича, а еще учтивѣ и съ достоинствомъ ведетъ себя передъ княземъ Рязанскимъ и его боярами. Подошедши къ городу Ростиславлю, осажденному Татарами, Акундинъ вступается за несчастныхъ Ростиславльцевъ, и нещадя себя, сражается съ Татарами и освобождаетъ Ростиславль отъ осады; пріѣхавши въ Кіевъ, онъ заставляетъ калекъ переходящихъ пѣть славу Новгорода. Наконецъ возвратившись домой послѣ долгого странствованія, повольникъ Акундинъ съ молодою и богатою женою начинаетъ жить мирною степенною жизнію Новгородскаго гражданина, самостоятельнаго члена одной изъ Новгородскихъ общинъ. Конечно, не всѣ повольники были подобны представленному въ былинѣ Акундину Акундиновичу; но то несомнѣнно, что Акундинъ представленъ какъ идеаль Новгородскаго повольника, къ которому живые повольники только приближались по мѣрѣ силъ, и по всему вѣроятію ни одинъ живой повольникъ не подходилъ къ идеалу вполне, какъ это всегда бываетъ у людей. Но идеаль повольника, изображенный въ былинѣ Акундина, самъ по себѣ безукоризненъ: въ немъ нѣтъ и тѣни грязи, даже не упоминается ни о буйствахъ, ни о грабежахъ, безъ

которыхъ едвали когда обходились живые повольники; слѣдовательно Новгородъ въ повольничествѣ хотѣлъ видѣть главнымъ образомъ не грабежи и буйство молодыхъ людей на чужой сторонѣ, а сподручное средство дать буйной молодежи случай исправиться, перебѣдиться, и въ тоже время вызвать ее на дѣятельность вполне согласную съ требованіями молодости, жадной до подвиговъ и опасностей, и не терпящей строгости и надзора старшихъ. Старики Новгородскіе, выросшіе сами не на печкѣ у матушки, хорошо понимали, вѣроятно ими же сложенную пословицу — „нужда научить калачи ѣсть а чужа дальняя сторона прибавить ума разума,“ и крѣпко держались ее; а посему охотно отпускали буйную молодежь повольничать на чужой сторонѣ даже помогали своими средствами при сборѣ дружины повольниковъ, особенно ежели выискивался предводитель челоуѣкъ бывалый и надежный; на грабежи же и буйство, которымъ предавалась молодежь на чужой сторонѣ, не обращали вниманія; ибо знали, что все это пройдетъ и надоѣстъ само собою, а опытность, осмотрительность и находчивость, которую молодой челоуѣкъ, предоставленный самому себѣ на чужой сторонѣ пріобрѣтетъ по необходимости, останется за нимъ навсегда и приведетъ съ собою солидность, степенность и любовь къ порядку.

Какъ думали старики, такъ и оправдывалось на дѣлѣ. Повольники большею частію и грабительство и буйство оставляли на чужой сторонѣ, домой

же приносили тѣ выгоды, которыя доставляло повольничество. Съ одной стороны повольники, предоставленные самимъ себѣ съ равнихъ лѣтъ причащались дѣйствовать самостоятельно: привыкши лицомъ къ лицу встрѣчать всякую опасность и отыскивать средства къ защитѣ и побѣдѣ только въ самихъ себѣ, въ собственной смѣтливости, ловкости и мужествѣ, они въ сильной степени развивали свою личность, дѣлались людьми твердыми, дѣйствующими по убѣжденію и съ сознаниемъ собственного достоинства. Такимъ образомъ повольничество было искони разсадникомъ такихъ людей, какіе были нужны для Новгородскаго общества; Новгородъ при помощи повольничества пріобрѣталъ для себя гражданъ обогащенныхъ опытностію, людей бывалыхъ, которыхъ можно было употребить на какое угодно дѣло, которые въ случаѣ нужды привычно встрѣтятъ любую опасность и найдутся какъ отразить ее. Съ другой стороны молодежь, составлявшая повольничество, въ своихъ странствованіяхъ по чужимъ землямъ открывала для Новгородской торговли новыя земли и новые рынки; она знакомилась съ племенами отдаленными, болѣе или менѣе узнавала въ чемъ они нуждаются и чего у нихъ было много. Возвратившись на родину, повольники, по минованіи разгульнаго возраста, наскучивши буйствомъ принимали участіе възанятіи своихъ старшихъ соотечественниковъ; и какъ люди бывалые, опытные, или сами начинали торговлю на свои капиталы, можетъ быть соб-

ранные изъ добычь, пріобрѣтенныхъ во время уда-
 лыхъ походовъ, или дѣлались помощниками стар-
 шихъ, водили ихъ караваны въ новооткрытыя зем-
 ли Кромѣ того, повольники. имѣя постоянно въ
 виду выгоды и славу своего господина Великаго
 Новгорода, естественно не опускали случаевъ и
 распространить Новгородскія владѣнія, сему яснымъ
 доказательствомъ служить то, что ни одно изъ Сла-
 вянскихъ племенъ на Руси, не смотря на обычную
 и дѣятельную торговлю иныхъ, по неимѣнію по-
 вольничества, не распространило такъ далеко, сво-
 ихъ владѣній, какъ распространили ихъ Новгород-
 цы съ своими повольниками. Былина недаромъ при-
 писала Акундину желаніе покорить Новгороду толь-
 ко что открытую имъ самимъ широкую Рязань;
 это желаніе было общимъ для всякаго повольника
 открывшаго какую нибудь землю.

Все это ставило повольничество въ почетное по-
 ложеніе въ Новгородскомъ обществѣ, не смотря на
 наружную разпущенность повольниковъ; о нихъ
 не только складывались и пѣлись пѣсни, частію
 дошедшія до насъ; но даже иные походы поволь-
 никовъ заносились въ лѣтописи, наряду съ други-
 ми историческими событіями Новгородской жизни.
 До нашего времени дошелъ цѣлый рядъ лѣтопис-
 ныхъ извѣстій о повольничьихъ походахъ, гдѣ раз-
 казывается о повольникахъ то подъ именемъ мо-
 лодцовъ, то подъ именемъ молодыхъ людей, а съ
 XIV столѣтія подъ именемъ ушкуйниковъ отъ осс-
 баго вида употребляемыхъ ими лодокъ, называе-

мыхъ ушкунями, точно также какъ Скандинавскіе Викинги получили свое названіе отъ Скандинавскаго слова *Wíkar*, „морской заливъ“, гдѣ они скрывались съ своими ладьями. Лѣтописныя извѣстія о походахъ Новгородскихъ повольниковъ очень важны для исторіи, какъ достовѣрныя свидѣтельства о существованіи повольниковъ въ Новгородѣ и ихъ походахъ, такъ и по тѣмъ чертамъ, разсыпаннымъ въ нихъ, которыя характеризуютъ какъ самихъ повольниковъ, такъ и ихъ отношеніи къ Новгородскому обществу. Самое старшее лѣтописное извѣстіе о Новгородскихъ повольникахъ относится къ 1064 году, изъ котораго узнаемъ, что повольники Порей и Вышата, сынъ посадника Остромира, собравши дружину удалцовъ, добыли Тмутараканское княжество проживавшему въ Новгородѣ безземельному князю Ростиславу Владимировичу, выгнавши изъ Тмутаракани тамошняго князя Глѣба Святославича. Этотъ древнѣйшій походъ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ повольничьихъ походовъ былъ въ тоже время одинъ изъ самыхъ отважныхъ походовъ; повольники должны были вести князя Ростислава или чрезъ всю Русскую землю, занятую князьями недружелюбными къ Ростиславу, или чрезъ обширныя степи, гдѣ были разсыпаны кочевья Половцевъ, Печенеговъ и другихъ недружелюбныхъ и разбойничьихъ племенъ. Потомъ лѣтопись подъ 1186 годомъ, упоминаетъ о походѣ Новгородскихъ повольниковъ въ южную Финляндію, въ воинственнымъ племенемъ Еми; объ этомъ

походѣ лѣтопись говорить: ходила на Емь дружина молодцовъ, собранная Вышатою Васильевичемъ, и воротилась благополучно, добывши полона. Далѣе въ 1219 году, дружина повольниковъ въ 400 человекъ, собранная Семьюномъ Еминымъ, ходила зимою на Тоймакары, и была прогнана съ дороги Суздальскимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ; эта дружина, воротившись въ Новгородъ, стала лагеремъ, и по согласію съ своими сторонниками, подняла бунтъ на посадника Твердислава и тысяцкаго Семена Борисовича. Или еще прежде, въ 1193 году, повольники съ воеводою Ядреемъ ходили въ отдаленную Югру и большею частию были тамъ избиты, по оплошности воеводы и по измѣнѣ товарищей. Немногіе оставшіеся отъ избіенія, воротившись въ Новгородъ на другой годъ, сами казнили тѣхъ изъ своихъ товарищей, которыхъ подозрѣвали въ измѣнѣ: и Новгородское общество не вступилось въ это дѣло, ибо повольники, какъ люди вольные, не принадлежали ни къ одной Новгородской общинѣ, и управлялись своимъ дружинничимъ судомъ. Въ 1267 году дружина Новгородскихъ повольниковъ, собранная Елеферіемъ Сбыславичемъ, помогала Довмонту князю Псковскому грабить Литовскую землю. А въ 1292 году повольники собрались по приглашенію воеводъ Новгородскаго князя и подъ ихъ предводительствомъ ходили воевать землю Еми и, пограбивши Емь, возвратились домой благополучно. Говоря объ этомъ походѣ, лѣтопись называетъ повольниковъ прямо

молодцами: „ходиша молодѣцы Новгородскіе съ княжими воеводами“. Такимъ образомъ за XI, XII и XIII столѣтія лѣтопись отмѣтила шесть повольничьихъ походовъ, которые направлены были и на югъ и на западъ и на сѣверо-востокъ отъ Новгорода, и въ трехъ изъ нихъ повольники являлись помощниками князей, какъ Новгородскихъ, такъ и постороннихъ. Кажется къ разряду повольничьихъ походовъ должно отнести и походъ Милонѣга, бывшаго въ послѣдствіи Новгородскимъ тысяцкимъ, на помощь Суздальскому князю Всеволоду противъ Глѣба Рязанскаго, бывший въ 1177 году. Объ этомъ походѣ Суздальская лѣтопись говоритъ: „пріѣхали къ Всеволоду Новгородцы Милонѣжкова чадъ, и рѣкоша ему: княже! не ходи безъ Новгородскихъ сыновъ, поиди на него за одно съ нами“. Здѣсь названіе Новгородцовъ, пришедшихъ на помощь къ Всеволоду, Милонѣжковою чадью, прямо указываетъ, что это была дружина Новгородскихъ повольниковъ, собранная и вооруженная Милонѣгомъ въ помощь Всеволоду, который въ послѣдствіи помогалъ Милонѣгу въ Новгородѣ, какъ своему стороннику и союзнику.

Но особенно обилень лѣтописными извѣстіями о походахъ Новгородскихъ повольниковъ XIV вѣкъ. Такъ Новгородская лѣтопись подъ 1338 годомъ говоритъ: „Молодѣцы Новгородскіе съ воеводами ходили воевать Городецкую Корѣлу Нѣмецкую, опустошили много земли, сожгли весь хлѣбъ, изсѣкли скоть и возвратились домой всѣ благополучно съ

множеством плѣнниковъ. Потомъ таже лѣтопись упоминаетъ подъ 1340 годомъ: Молодцы Новгородскіе ходили въ лодьяхъ на Устюжну, повоевали тамошнюю страну, сожгли городъ; но Устюжане, собравшись съ силами, нагнали ихъ лодьи и отняли плѣнниковъ и добычу. Потерпѣвъ такую неудачу здѣсь, повольники бросились къ Бѣлу озеру и ограбили тамошнюю волость. А еще прежде въ 1320 году, предводитель дружины повольниковъ Лука, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Игнатомъ Молыгинымъ, двумя отрядами ходили на Мурманъ, т. е. въ сѣверную Норвегію, вѣроятно изъ Заволочья, и ушкуи Молыгина были избиты Нѣмцами, т. е. Норвежцами. Въ 1360 году Новгородскіе повольники, названные въ Никоновской лѣтописи Новгородскими разбойниками, взяли и опустошили Татарскій городъ Жукотинъ, избили тамъ множество Татаръ и захватили большую добычу; этимъ набѣгомъ повольники такой навели страхъ на Жукотинскихъ князей, что тѣ послали челобитіе въ Орду къ хану Хидырю. чтобы онъ оборонилъ ихъ. И Хидырь отправилъ посольство къ Русскимъ князьямъ съ приказаніемъ переловить и прислать къ нему этихъ разбойниковъ; и князья Владимирскій, Нижегородскій и Ростовскій, по ханскому приказу ходили ратью на повольниковъ, продолжавшихъ свои грабежи, и тѣхъ изъ нихъ, которыхъ успѣли переловить, выдали ханскимъ посламъ. Въ 1364 году Новгородскіе повольники, молодежь изъ боярскихъ сыновей и другихъ удалцовъ, собранные Александромъ

ромъ Аввакумовичемъ (*) и Степаномъ Ляпою, ходили двумя дружинами въ Югорскую землю и одни воевали внизъ по рѣкѣ Оби до моря, а другіе вверхъ по Оби. На возвратномъ пути Двиняне, вѣроятно хотѣвшіе завладѣть ихъ добычею, загородили было имъ дорогу, но они разбили и Двинянь на Курьи. Въ 1366 году тотъ же удалый вождь повольныхъ дружинниковъ, съ товарищами своими Іосифомъ Варѣоломѣвичемъ (***) и Васильемъ Ѳеодоровичемъ, водилъ повольниковъ въ ушкуяхъ на Волгу и пробрался до Нижняго Новгорода, грабя встрѣчающіеся по дорогѣ купеческіе караваны Бесермень. И когда разгнѣванный такимъ грабежемъ великій князь Московскій Дмитрій Ивановичъ обвинялъ въ этомъ Новгородское правительство то господинъ Великій Новгородъ отвѣчалъ въ свое оправданіе: „ходили на Волгу молодые люди безъ нашего слова (самовольно); но твоихъ гостей не грабили, а только били Бесермень“ Въ этомъ отвѣтѣ слышится рѣчь въ оправданіе повольниковъ. Новгородцы не только необвиняютъ ихъ своеволіе (по Новгородски законное): но и стараются ихъ защитить, говоря что молодые люди били и грабили Бесермень, т. е. такихъ собакъ, за которыхъ и вступаться не стоитъ. Въ 1369 году новая дружина повольниковъ въ десяти ушкуяхъ, опять ходила на Волгу, пробиралась до Камы и была побита Татарами подъ Болгаромъ; а въ слѣдующемъ

(*) Сынъ боярина съ Чудинцовой улицы.

(**) Сынъ посадника Варѣоломѣя.

году повольники два раза ходили на Волгу и произвели страшные грабежи. Через два же года послѣ сего удалый предводитель повольниковъ Александръ Аввакумовичъ получилъ отъ Новгородскаго вѣча главное воеводство надъ ратью, посланною защищать Торжекъ противъ Тверскаго князя Михаила Александровича, и въ первой же отчаянной схваткѣ съ Тверичами легъ костью за св. Софію и за своего господина, Великій Новгородъ; а братья Александра чрезъ нѣсколько лѣтъ были посадниками въ Новгородъ; слѣдовательно Александръ Аввакумовичъ принадлежалъ къ знаменитой боярской фамиліи въ Новгородѣ, и молодые люди знатныхъ боярскихъ фамилій и въ XIV столѣтіи еще небрезговали повольничествомъ. Въ 1375 году какіе то Прокопій и Смольнянинъ, вѣроятно прежніе спутники Александра Аввакумовича, собрали дружину повольниковъ въ семьдесятъ ушкуевъ и по прежнему пошли гулять по Волгѣ, взяли и разграбили Кострому, прожили тамъ недѣлю, наполнили свои ушкуи драгоцѣннѣйшею добычею и плѣнниками, а что подешевлѣ, то побросали въ Волгу или сожгли; потомъ отъ Костромы пошли Волгою къ Нижнему Новгороду и его также разграбили и сожгли; затѣмъ проникли въ Каму и, пограбивши тамъ, опять воротились въ Волгу, подошли къ городу Болгару, продали тамъ плѣнниковъ и внизъ Волгою спустились къ Сарая, грабя по дорогѣ караваны христіанскихъ, т. е Русскихъ гостей и убивая Бесермень; и наконецъ спустились Волгою въ Астра

хань, гдѣ тамошній Музульманскій князь принялъ ихъ очень ласково, напоилъ и сонныхъ велѣлъ перерѣзать всѣхъ до одного, а ихъ богатые добычи взялъ себѣ Дружина Прокопія и Смольнянина по свидѣтельству лѣтописей простиралась до двухъ тысячъ человѣкъ. За годъ до Прокофьева похода, какія то двѣ дружины Новгородскихъ повольниковъ въ 90 ушкуевъ напали и ограбили Вятку, потомъ захватили Болгары и взяли съ города окупа 300 руб.; далѣе, раздѣлившись, одна дружина въ 50 ушкуевъ спустилась внизъ къ Сараю, а другая въ 40 ушкуевъ, пошла вверхъ по Волгѣ, дошла до Обухова, ограбила Засурье и Марквашь, перешла за Волгу, истребила суда свои и на коняхъ прошла по берегамъ Ветлуги, ограбила села и ушла къ Вяткѣ. Предводители сихъ двухъ дружинъ по лѣтописямъ не извѣстны. Московскіе лѣтописцы сихъ повольниковъ иначе не называютъ какъ разбойниками; но конечно они еще не считались разбойниками въ Новгородѣ; ибо Новгородцы не предпринимали противъ ихъ никакихъ мѣръ, и даже по прежнему предводителями повольниковъ еще являлись Новгородскіе бояре; сами повольники по прежнему еще называются молодыми людьми; такъ подъ 1377 годомъ лѣтопись Новгородская говоритъ: ходили, подъ начальствомъ Ивана Ѳедоровича, Василья Борисовича и Максима Онаньиича, молодые люди изъ Новгорода къ Новгородку Нѣмецкому на Овлѣ рѣкѣ, довольно долго стояли подъ городомъ, сожгли посадъ, потравили всю тамошнюю волость и съ мно-

жествомъ плѣнниковъ и богатою добычею благополучно воротились домой. Подъ 1379 годомъ упоминается о походѣ повольниковъ, подъ начальствомъ предводителя своего Рязана, въ Арскую землю, гдѣ они были разбиты Вятчанами, при чемъ попался въ плѣнъ самъ ихъ предводитель Рязанъ. Въ 1392 году дружина повольниковъ, состоявшая изъ Новгородцевъ и Устюжанъ, рѣкою Вяткою напала на Жукотинъ и Казань и грабила гостей по Волгѣ. Наконецъ, въ 1409 году Новгородскіе повольники изъ Заволочья, сговорясь съ Двинскимъ бояриномъ Анфаломъ, передавшимся Московскому князю, по Двинѣ вверхъ Сухоною и Костромою вошли въ Волгу, взяли провизіи въ Костромѣ, и пошли внизъ Волгою къ Нижнему Новгороду, воюя по дорогѣ взяли Нижній и потомъ спустились къ устью Камы на соединеніе съ Анфаломъ, который шелъ задними водами въ Каму, и обманомъ завлеченный Болгарскими и Жукотинскими князьями для переговоровъ, былъ схваченъ ими на Камѣ и убитъ, а дружина его частію была истреблена, частію разбѣжалась; такъ что Новгородскіе повольники уже не нашли на Камѣ ни его, ни его дружины, и вѣроятно воротились домой. Въ этомъ походѣ у Анфала было сто насадовъ, а у повольниковъ сто пятьдесятъ насадовъ. Послѣ этого похода по лѣтописямъ не встрѣчается болѣе извѣстій о походахъ Новгородскихъ повольниковъ; но походы сіи по всему вѣроятію продолжались по прежнему; ибо изъ Новгородскихъ лѣтописей не видно, чтобы Новго-

родъ принималъ какія нибудь мѣры для прекращенія повольничества; притомъ около половины XV столѣтія въ сам омъ Новгородѣ начались такіе безпорядки и нестроеніе, что объ укрощеніи повольниковъ некогда было и думать, да въ этомъ не было и надобности, ибо повольники какъ чистый продуктъ Новгородской жизни, для Новгорода никогда не могли быть помѣхою, а напротивъ, прекращеніе и стѣсненіе повольничества могло имѣть худыя послѣдствія и быть причиною безпорядковъ въ самомъ Новгородскомъ обществѣ. По всему вѣроятію, выводимому изъ самаго устройства Новгорода, повольничество пало вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности господина Великаго Новгорода.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

НОВГОРОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Строй Новгородской
церкви.

Христіанство началось въ Новгородѣ въ слѣдъ за утвержденіемъ его въ Кіевѣ; но утвердилось оно у Новгородцовъ не прежде XII столѣтія. Новгородцы первоначально оказали нерасположеніе къ перемѣнѣ своей старой вѣры, которая выросла у нихъ вмѣстѣ съ обществомъ, и по всему вѣроятію сначала въ Новгородѣ была крещена только княжеская дружина и лишь немногіе изъ княжескихъ приверженцевъ. / Еще черезъ 83 года по принятіи св. крещенія Владимиромъ, въ Новгородѣ при появленіи одного вол-

хва весь народъ на вопросъ князя: — „кто хочетъ стоять за крестъ Христовъ и кто за прежнюю вѣру?“ сталъ на сторону старой вѣры, и защитниками креста оказались только князь и его дружина. Самое духовенство христіанской церкви въ Новгородѣ состояло изъ пришельцевъ: Корсунянь, Грековъ, Болгаръ и нѣсколькихъ Кіевлянъ; первый епископъ Новгородскій Іоакимъ, заподлинно извѣстно, былъ пришелецъ изъ Корсуни. Отроки (300 чело-вѣкъ) учившіеся въ Ярославомъ училищѣ въ Новгородѣ, конечно не скоро получили степень священства; и они-то вѣроятно были первыми священниками изъ Новгородцовъ; а епископы очевидно были всѣ до одного пришельцами, включительно до знаменитаго Нифонта, скончавшагося въ 1156 году; ибо Новгородецъ Ефремъ, ученикъ Іоакима, назначенный имъ заступить его мѣсто, хотя и управлялъ Новгородскою церковію пять лѣтъ, однако не былъ посвященъ въ Епископы, и на Іоакимово мѣсто былъ присланъ Лука Жидята. Самъ знаменитый Нифонтъ былъ изъ Кіевопечерскихъ иноковъ. Но какъ трудно и медленно утверждалось христіанство въ Новгородѣ, такъ, утвердившись, оно столь крѣпко слилось со всѣмъ строемъ Новгородской жизни, что святая Софія, каедральная Новгородская церковь, обратилась въ символъ Новгорода и его свободы и самостоятельности; и Новгородцы во всѣхъ важныхъ случаяхъ говорили: „постоимъ за св. Софію, или умремъ за св. Софію“, т. е. постоимъ, сложимъ головы за Новгородъ и его свободу и самостоятель-

ность; и съ тѣмъ вмѣстѣ православное духовенство мало по малу сдѣлалось народнымъ духовенствомъ, образовало изъ себя особую служебную корпорацію Новгородскихъ гражданъ, и притомъ корпорацію самую близкую къ народу, пользующуюся народнымъ довѣріемъ и принимающую дѣятельное участие во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ Новгорода. Но такое слитіе духовенства съ народомъ вполнѣ совершилось только тогда, когда духовенство отъ клирика до епископа включительно, сдѣлалось выборнымъ отъ Новгородскаго общества; а это конечно послѣдовало не ранѣе, какъ по смерти Нифонта, послѣ котораго владыки Новгородскіе стали избираться народнымъ вѣчемъ

Христіанская церковь въ Новгородѣ первоначально, въ продолженіи 168 лѣтъ, почти ничѣмъ не отличалась въ отношеніи своихъ правъ отъ другихъ христіанскихъ церквей въ Русской землѣ; она состояла въ полной зависимости отъ митрополита Кіевскаго и неимѣла и тѣни самостоятельности. Митрополитъ Кіевскій по своему усмотрѣнію назначалъ епископовъ въ Новгородъ, не посвящалъ въ епископскій санъ тѣхъ, которыхъ предлагали ему Новгородцы (какъ напримѣръ это случилось съ Іоакимовымъ ученикомъ Ефремомъ, пять лѣтъ управлявшимъ Новгородскою церковью безъ посвященія), принималъ жалобы на Новгородскихъ епископовъ, судилъ ихъ и держалъ въ заточеніи, какъ напримѣръ это было со вторымъ Новгородскимъ епископомъ Лукою Жидятою, котораго митрополитъ, по клеветѣ

холопа его Дудика, держалъ въ заточеніи три года. А преемникъ Луки, епископъ Стефанъ, будучи вызванъ въ Кіевъ, даже былъ удушенъ тамъ своими холопами. Но съ Нифонта отношеніе Новгородской церкви къ Кіевской митрополіи сильно уже измѣняется, и церковь Новгородская мало по малу начинаетъ приобрѣтать самостоятельность и до нѣкоторой степени свободное устройство касательно отношеній клира къ епископу и обществу. Энергичный Нифонтъ, пользуясь беспорядками въ Кіевской митрополіи по смерти митрополита Михаила, возсталъ на новаго митрополита Климента, поставленнаго Русскими епископами безъ патріаршаго благословенія, и не только не хотѣлъ служить съ нимъ, но и вошелъ по этому дѣлу въ переписку съ патріархомъ Константинопольскимъ, и кажется окончательно рѣшился совершенно отложиться отъ Кіевской митрополіи и пристать къ епископу Ростовскому Нестору (*), который при помощи Суздальскаго

(*) Недавно найдены въ одной Новгородской церкви древній антимисъ, освященный Нифонтомъ въ 1149 году. На этомъ антимисѣ имѣется надпись: «Жрътвѣникъ св. мученика Георгія священъ отъ Нифонта архіепискупа Новгородскаго, повелѣніемъ епискупа Ростовскаго Нестера при благочестивомъ князи Георгіи сыну Мономахову, мѣсяца Сентября въ 1-й, въ лѣто 6757, индикта въ 12-й». Эта надпись на антимисѣ прямо показываетъ съ одной стороны, что Нифонтъ уже называлъ себя архіепископомъ, а съ другой стороны епископа Ростовскаго Нестера, по степенямъ іерархіи, сложившагося въ Россіи, стоявшаго ниже Новгородскаго епископа, признавалъ старшимъ надъ собою, такъ что и антимисы церквамъ своей епархіи освящались по его повелѣнію; слѣдовательно ведетъ къ заключенію, что у Нифонта съ Несторомъ была уже сдѣлка, по которой Нифонтъ, желая отложиться отъ Кіевскаго митрополита, при-

князя Юрія Долгорукова, также недовольнаго избраніемъ Климента, хотѣлъ устроить самостоятельную митрополию въ Ростовѣ; впрочемъ устройство самостоятельной митрополиі въ Ростовѣ не состоялось, и переписка по этому дѣлу, веденная Нифонтомъ и Несторомъ съ патріархомъ, кончилась тѣмъ, что патріархъ Константинопольскій не разрѣшилъ учрежденіе новой митрополиі въ Русской землѣ, и такимъ образомъ Нифонтъ принужденъ былъ по поволѣ покориться Клименту и по его вызову пріѣхалъ въ 1148 году въ Кіевъ, гдѣ Климентъ засадилъ его въ Печерскій монастырь и держалъ около года, и выпустилъ только по требованію князя Юрія Долгорукова, завладѣвшаго Кіевомъ, а конечно бы Нифонту безъ князя Юрія навсегда пришлось остаться въ Кіевѣ за сношенія съ Несторомъ.

Судъ митрополита Климента надъ Нифонтомъ былъ послѣднимъ судомъ митрополитовъ надъ Новгородскими владыками. По смерти Нифонта владыки Новгородскіе стали избираться Новгородскимъ вѣчемъ, и митрополиту оставалось только посвятить избраннаго вѣчемъ; онъ конечно не могъ отказать въ этомъ Новгороду, или бы его отказъ былъ недѣйствительнымъ; ибо Новгородцы, не дожидаясь посвященія отъ митрополита, вводили избраннаго во владыченъ дворъ, и передавали ему все управленіе Новгородскою церковію; бывали случаи, что избран-

зналъ свою зависимость отъ Нестора, искавшаго уже отдѣльной митрополиі для Ростова, а Несторъ въ благодарность далъ Нифонту степень архіепископа.

ные народомъ на владыченъ престолъ управляли Новгородскою церковію годъ и болѣе до посвященія своего отъ митрополита ; такъ напимѣрь первый выборный Новгородскій епископъ Аркадій былъ избранъ и принялъ управление церковію въ 1156 году, а посвященъ отъ митрополита въ 1158 году. Или архіепископъ Митрофанъ принялъ управление Новгородскою церковію вмѣстѣ съ избраніемъ въ 1199 году, а посвященъ отъ митрополита въ 1201 году. Вмѣстѣ съ введеніемъ обычая избирать владыку вѣчемъ, Новгородъ хотя не разрывалъ союза своей церкви съ Кіевскою митрополіею и даже явно не отрицалъ митрополичьяго суда по номоканону; тѣмъ не менѣе поставилъ свою церковь и своего владыку въ такое положеніе, что власть митрополита почти не простиралась на Новгородскую церковь или по крайней мѣрѣ не заявляла себя. Мало этого, самъ владыка Новгородскій, при всемъ уваженіи къ нему народа, поставленъ былъ въ необходимость дѣйствовать согласно съ народною волею ; ибо Новгородцы еще при Нифонтѣ успѣли присвоить себѣ право народного выбора не только священниковъ къ приходскимъ церквамъ, но и игуменовъ къ монастырямъ. Первымъ, по свидѣтельству лѣтописей, выборнымъ отъ народа игуменомъ былъ игуменъ Андрей, заступившій мѣсто Антонія Римлянина въ Антоніевѣ монастырѣ, въ 1147 году, а приходскіе священники къ церквамъ сдѣлались выборными отъ прихожанъ или уличанъ еще прежде, какъ значится въ уставной грамотѣ князя Всеволода Мстиславича. гдѣ ска-

зано: „и поповъ, и діакона, и діака, и сторожей святаго Іоанна призирати старостамъ Иванскимъ, и старостамъ побережанскимъ и побережанамъ“. Такимъ образомъ еще въ XII столѣтіи весь клиръ Новгородской церкви, отъ епископа до церковнаго сторожа, сдѣлался выборнымъ излюбленнымъ Новгородскаго общества и тѣмъ самымъ сталъ въ такія отношенія къ народу, что его интересы слились съ народными интересами, и отсюда вытекала самая тѣсная связь Новгородской церкви съ Новгородскимъ обществомъ; такая связь, что ни церковь не отдѣляла своихъ интересовъ отъ интересовъ общества, ни общество не отдѣляло своихъ интересовъ отъ интересовъ церкви. А съ тѣмъ вмѣстѣ главный представитель Новгородской церкви, владыка, сдѣлался первенствующимъ сановникомъ Новгорода и такимъ пользовался уваженіемъ, что безъ его благословенія не начиналось ни одно общественное дѣло цѣлаго Новгорода. Духовенство Новгородское, вслѣдствіе принятія выборнаго начала для замѣщенія церковныхъ должностей, избѣгло необходимости быть отдѣльнымъ классомъ въ обществѣ; ибо выборъ въ церковныя должности не ограничивался только семействами духовныхъ лицъ, а напротивъ, прихожане избирали себѣ священника, или діакона, или причетника изъ всѣхъ классовъ общества, только бы былъ угоденъ приходу и способенъ занять ту должность, на которую его избираютъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ ни само духовенство, ни его дѣти не были стѣснены въ избраніи себѣ рода занятій внѣ церков-

ной службы, такъ что въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ извѣстiя, что разпопы и раздьяконы, т. е. лица оставившія церковную службу, занимали разныя свѣтскія должности, иногда довольно значительныя, или занимались разными промыслами наравнѣ съ другими гражданами, а дѣти священно-церковно-служителей, пока не занимали церковныхъ должностей, считались въ числѣ вольныхъ людей и имѣли полное право вступить въ число членовъ любой Новгородской общины.

Духовенство Новгородское, по его правамъ и отношенiямъ къ обществу, имѣло три степени. Самую высшую степень представлялъ владыка Новгородскій, сперва епископъ, а съ 1165 года архіепископъ; вторую степень составляли монастыри и третью бѣлое или приходское духовенство.

Владыки Новгородскіе, какъ мы уже видѣли, до Нифонта включительно, присылались отъ митрополита изъ Кіева; но по смерти Нифонта этотъ порядокъ измѣнился, Новгородское вѣче присвоило себѣ право избирать владыку въ самомъ Новгородѣ и потомъ отсылать его къ митрополиту на посвященіе. Первый преемникъ Нифонта, прямо слѣдовавшій за нимъ, епископъ Аркадій, по свидѣтельству лѣтописи, былъ избранъ слѣдующимъ образомъ: „собрался весь градъ людіе, изволиша себѣ епископомъ поставити мужа Богомъ избраннаго Аркадія; и пошелъ весь народъ, взяли его изъ монастыря св. Богородицы, и князь Мстиславъ Юрьевичъ, и весь клиръ св. Софіи, и всѣ священники городскіе, и игумены, и черпеды

Епископы
или влады-
ки Новго-
родскіе.

и ввели его и поручили епископію во дворѣ св. Софіи, пока приидеть митрополить въ Русь⁴. Но таковой порядокъ выбора соблюдался только тогда, когда на кого падалъ выборъ единогласный всего Новгорода; въ случаѣ же разногласія каждая сторона представляла своего избранника и между ими бросали жеребій. Такъ лѣтопись объ избраніи архіепископа Мартирія говоритъ: „по смерти архіепископа Гавріила Новгородцы съ княземъ Ярославомъ, и съ игуменами, и съ Софіянами, и съ священниками разсуждали между собою; одни хотѣли поставить Митрофана, другіе Мартирія, иные Гречина, и была у нихъ распря. И положили на святой трапезѣ три жребія, и послали съ вѣча слѣпца, да кого намъ Богъ дастъ, и вынулся Божіею благодатію жребій Мартирія, и послали за нимъ, и привезли изъ Русы, и посадили во дворѣ святыхъ Софіи⁴. Былъ еще и третій видъ избранія владыки,—по указанію князя; такъ по словамъ лѣтописи, при избраніи Митрофана по смерти Мартирія, великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, подумавши съ пріѣзжавшимъ къ нему Новгородскимъ посадникомъ Мирошкою, прислалъ въ Новгородъ Митрофана и велѣлъ ввести его во дворъ св. Софіи. Но таковыя архіепископы обыкновенно кончали тѣмъ, что по удаленіи или по смерти князя ихъ избравшаго, и ихъ удаляли съ владычня двора и вѣчемъ избирали новаго владыку. Былъ еще и четвертый видъ избранія владыки по указанію прежняго владыки, оставляющаго кафедру, котораго народъ просилъ указать себѣ преемника.

Такъ передъ смертію архієпископа Далмата, по свидѣтельству лѣтописи: „посадникъ Павша съ старѣйшими мужами били челомъ Далмату: кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя? Далмать назвалъ двухъ игуменовъ, св. Георгія Іоанна и отца своего духовнаго Климента, коего себѣ излюбите, того вамъ и благословлю. И пошелъ посадникъ на Ивановъ дворъ, и созвалъ Новгородцовъ, и сказалъ имъ слово Далматова, и возлибили всѣ Богомъ возлюбленнаго Климента; и благословилъ его Далмать своею рукою, и по преставленіи Далмата послали его въ Кіевъ ставиться“. По установившемся въ Новгородѣ обычаю, избранію подвергались одинаково какъ бѣлое духовенство, такъ и монашество, игумены, іеромонахи и простые чернецы, еще не посвященные ни въ діаконскій, ни въ іерейскій чинъ; здѣсь все дѣло выбора зависѣло отъ расположенія общества къ избираемому, а на его чинъ не обращалось никакого вниманія; такъ напримѣръ знаменитѣйшіе изъ Новгородскихъ архієпископовъ Ілія и Василій были избраны изъ бѣлыхъ священниковъ, первый отъ церкви священномученика Власія на Волосовой улицѣ, а второй отъ церкви св. Козмы и Даміана съ Холопей улицы. Или въ 1359 году, когда владыка Моисей оставилъ епископію, то при избраніи новаго владыки были представлены три кандидата: чернецъ Алексій, Софійскій ключникъ, еще неимѣвшій діаконскаго чина, игумень Антоніева монастыря Савва и бѣлый священникъ отъ церкви св. Варвары, и вынулся жребій Алексѣя, и

онъ прежде посвященія въ архіепископы сперва былъ поставленъ во діаконы, потомъ во священники. При избраніи во архіепископы Новгородскіе, соблюдалось только одно правило, утвержденное обычаемъ, чтобы не избирать изъ людей не состоящихъ въ церковной службѣ.

Значеніе владыки Новгородскаго было двухъ видовъ: одно каноническое, опредѣляемое греческимъ номоканономъ и Русскими церковными правилами или уставами, и было почти одинаково съ каноническимъ значеніемъ прочихъ Русскихъ архіепископовъ и епископовъ; другое значеніе—политическое, исключительно принадлежавшее только Новгородскому владыкѣ и опредѣленное Новгородскими обычаями. По канонической власти Новгородскому владыкѣ было подчинено все духовенство не только въ Новгородѣ и пригородахъ, лежащихъ въ Новгородской землѣ, но и въ отдаленныхъ Новгородскихъ волостяхъ, какъ напримѣръ въ Заволочьѣ; такъ въ 1419 году владыка Симеонъ ѣздилъ въ Корѣльскую землю, или въ 1446 году владыка Евфимій ѣздилъ въ Заволочье, благословити Новгородскую вотчину, и свою архіепископію и своихъ дѣтей. По канонической же власти въ вѣдѣніи владыки былъ надзоръ за общественною нравственностію не только церковныхъ, но и всѣхъ мірскихъ людей во всѣхъ Новгородскихъ владѣніяхъ; а по сему и всѣ преступленія противъ нравственности и уставовъ церкви, къмъ бы они ни были учинены, подлежали суду владыки Далѣе суду владыки под-

мсжали всѣ дѣла по семейнымъ отношеніямъ, какъ личнымъ, такъ и имущественнымъ. т. е. ссоры членовъ семейства между собою, споры по имуществу, по наслѣдству и подобн. Еще далѣе въ вѣдѣніи владыки были всѣ богоугодныя и челоѡколюбивыя заведенія. И наконецъ, владыка, вмѣстѣ съ Софійскимъ клиромъ и Иванскимъ старостою церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, завѣдывалъ всѣми торговыми мѣрами и вѣсами. Въ грамотѣ Всеволода Мстиславича сказано: „торговья всѣ вѣсы, мѣры и скальвы воцанья, и пудъ медовый, и гривенка рублевая и всякій вѣсъ, что на торгу между людьми, епископу блюсти безъ поврежденія, ни умаливать, ни умножать, а на всякій годъ повѣрять; а изкривится, а кому приказано, казнить близко смерти, а имѣнье его на трое: треть имѣнья св. Софіи, другая треть св. Іоанну, а третья треть сотскимъ и Новгороду.“ Для завѣдыванія всѣми сими дѣлами при Новгородскомъ владыкѣ, или скорѣе при Новгородской архіерейской кафедрѣ, т. е. при церкви св. Софіи, былъ особый штатъ состоящій изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ подъ именемъ Софіанъ. Этотъ штатъ составляли протопопы, священники, священноиноки, діаконы и другіе служители церкви, а также владычни бояре и слуги изъ свѣтскихъ людей. Всѣ они жили въ Новгородскомъ дѣгтинцѣ, гдѣ былъ храмъ св. Софіи и владыченъ дворъ. Софіаны въ первый разъ упоминаются подъ 1193 годомъ, при избраніи владыки Мартирія, гдѣ они помѣщены впереди Новгород

скихъ священниковъ и въ слѣдъ за игуменами. Софіянамъ владыка поручалъ всѣ дѣла по управленію и суду церковному, а также управленіе селами и городами, приписанными къ владычней Новгородской кафедрѣ, или къ церкви св. Софіи, и надзоръ за Новгородскими и пригородскими священниками и причтами; изъ Софіянъ владыка выбиралъ своихъ десятиниковъ и намѣстниковъ по Новгородскимъ пригородамъ и волостямъ. Судъ собственно по церковнымъ или духовнымъ дѣламъ принадлежалъ владыкѣ и избраннымъ отъ него духовнымъ лицамъ изъ Софіянъ; въ дѣлахъ же мірскихъ или гражданскихъ, подвѣдомыхъ суду владычному, судили владычни бояре и дьяки, а при нихъ было всегда по шести соборныхъ Софійскихъ священниковъ и мірскіе старосты или судные мужи, и дѣла ихъ суда представлялись на утвержденіе къ самому владыкѣ. Разумѣется, Новгородскій владыка, на основаніи своей канонической власти, былъ главнымъ охранителемъ православія въ Новгородской землѣ, онъ заботился о распространеніи христіанской вѣры между язычниками, признававшими власть Новгорода, посылалъ къ нимъ проповѣдниковъ, онъ наблюдалъ, чтобы въ Новгородѣ не было еретиковъ и отступниковъ отъ православной церкви и преслѣдовалъ таковыхъ, ежели окажутся; впрочемъ въ таковыхъ дѣлахъ принимало большое участіе и вѣче, которое не терпѣло отступниковъ отъ церкви, такъ что здѣсь дѣло владыки состояло почти только въ указаніи, въ разъясненіи, что люди такъ-то мыслящіе отступаютъ отъ церкви,

что такіа-то мнѣнія и ученія не православны, преслѣдовалъ же отступниковъ большею частію самъ народъ. Такъ напримѣръ въ 1375 году самъ народъ побилъ и сбросилъ съ Волховскаго моста начальниковъ стригольнической ереси: діакона Никиту, діакона Карпа и еще одного чловѣка, имени котораго лѣтопись не приводитъ. Или когда, въ 1348 году, Шведскій король Магнусъ требовалъ, чтобы Новгородцы прислали на съѣздъ своихъ книжныхъ людей спорить съ Латинянами о вѣрѣ; то владыка Василій не одпнѣ, а съ посадникомъ, тысяцкимъ и веѣми Новгородцами, считая споры о вѣрѣ неприличными и опасными, отвѣчалъ Магнусу: „ежели хочешь увѣдать, которая вѣра лучше наша или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху. потому что мы приняли православную вѣру отъ Грекъ, а съ тобою о вѣрѣ не споримъ; а ежели есть какаѣя обида между нами, то о томъ пошлемъ къ тебѣ на съѣздъ. Точно также въ 1358 году, по убѣжденію владыки Моисея, Новгородцы поставили на вѣчѣ цѣловать крестъ на томъ, чтобы прекратить еще существовавшій языческій обычай бить бочки. Или въ 1227 году, Новгородцы на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ сами сожгли четырехъ волховъ, даже не спрашиваясь владыки, такъ что лѣтописецъ, изъ духовныхъ, даже сомнѣвался въ виновности сихъ нещастныхъ и отмѣтилъ въ лѣтописи такъ: „обвиняли ихъ, что будто они дѣлали потворы, а Богъ вѣсть.“

Политическое значеніе Новгородскаго владыки, какъ мы уже сказали, опредѣлялось собственно Нов-

городскими обычаями и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ владыка находился въ отношеніи къ Новгородскому обществу; здѣсь власть его состояла въ слѣдующемъ: 1. Владыка Новгородскій, какъ первый по князѣ сановникъ въ Новгородѣ, имѣлъ своихъ бояръ и свои полки ратныхъ людей съ своимъ знаменемъ и воеводами; полки сіи не только считались владычными полками и содержались на владычныя средства, но и состояли въ полномъ распоряженіи отъ владыки; онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію посылать ихъ или не посылать вмѣстѣ съ Новгородскою ратью, даже пославши, давалъ воеводамъ свои наказы какъ дѣйствовать во время похода, а не подчинялъ ихъ безусловно главному воеводѣ великаго Новгорода. Такъ напримѣръ въ 1471 году, во время войны Новгорода съ княземъ Московскимъ, лѣтописецъ говоритъ: „а конная рать не пошла къ пѣшей рати на срокъ въ пособіе, запече владыченъ стягъ (знамя) не хотѣлъ ударить на княжую рать, говоря: владыка намъ не велѣлъ на великаго князя руки поднять, послалъ насъ владыка на Псковичей.“ 2 Владыка Новгородскій былъ богатѣйшимъ землевладѣльцомъ въ Новгородѣ; ему не только принадлежали разные села въ Новгородской землѣ, но даже цѣлыя огромныя и богатыя волости въ Заволочѣ; такъ напримѣръ, когда воеводы Новгородскіе въ 1398 году явились въ Заволочѣ, то ихъ встрѣтилъ у городка Орлеца владыченъ волостель съ Вели Исаія, и говорилъ: „господа воеводы Новгородскіе! бояринъ великаго князя Андрей наѣхалъ въ самый

великъ день на св. Софїи волость Вель и повоевалъ волость св. Софїи, а на головахъ окупъ поималъ“. У владыки Новгородскаго даже были свои города; такъ въ лѣтописяхъ упоминается владыченъ городъ Молвитичи. 3 Владыка Новгородскій по своему политическому значенію принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ переговорахъ Новгорода съ князьями, нерѣдко правилъ отъ Новгорода посольства къ князьямъ, самъ ѣздилъ для приглашенія князей въ Новгородъ и для заключенія мирныхъ договоровъ; такъ въ 1135 году епископъ Нифонтъ ходилъ въ Русь съ лучшими мужами и мирилъ Кіевлянъ и Черниговцовъ; или въ 1172 году архіепископъ Ілія ходилъ посломъ къ Андрею Боголюбскому и заключилъ миръ на всей правдѣ Новгородской; или въ 1386 году владыка Алексѣй ѣздилъ къ Московскому князю Дмитрію Ивановичу и докончалъ съ нимъ миръ; или наконецъ въ 1471 году, во время войны съ Московскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всѣ переговоры Новгорода были ведены чрезъ владыку Θεофила. Участіе владыки требовалось не только въ переговорахъ съ Русскими князьями; но и въ сношеніяхъ Новгорода съ Швеціею, Даніею, Ливонскимъ орденомъ и Литвою; такъ напримѣръ, въ 1339 году владыка Василій вмѣстѣ съ Новгородскимъ посольствомъ отправлялъ своего посла, своего сестричича Матвѣя, за море къ Шведскому королю, которое посольство и докончало миръ по старымъ грамотамъ. Или въ 1428 году владыко Евфимій вмѣстѣ съ Новгородскимъ посольствомъ ѣздилъ къ Порхову и заключилъ миръ съ

великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ. Да и вообще всѣ договорныя грамоты Новгорода, какія только дошли до насъ, писались по благословенію владыки и утверждались владычною печатію; имя владыки, какъ представителя Новгорода, необходимо употреблялось даже въ договорахъ иноплеменныхъ государей съ Новгородомъ; такъ въ Орѣховскомъ договорѣ Шведовъ съ Новгородцами, заключенномъ въ 1326 году, королевскій посолъ въ своей договорной грамотѣ пишетъ, что онъ заключилъ миръ между Норвегіею и Новгородомъ, съ епископомъ Новгородскимъ Моисеемъ, съ посадникомъ Вареоломѣемъ, съ тысяцкимъ Евстафіемъ и со всѣми Новгородцами. 4. Владыка Новгородскій, по обязанности пастыря и учителя своихъ дѣтей Новгородцовъ, имѣлъ огромное вліяніе на усмиреніе враждующихъ партій въ Новгородѣ; онъ нерѣдко самъ являлся среди разъяренной толпы и своимъ голосомъ, своимъ посредничествомъ останавливалъ разъяренныхъ противниковъ и заставлялъ ихъ расходиться по домамъ: такъ въ 1359 году престарѣлый владыка Моисей, уже удалившійся на покой, и новонареченный на владычество Алексѣй, явились среди враждующихъ партій, уже взявшихъ оружіе, чтобы начать битву, начали благословлять ту и другую сторону и уговаривать, чтобы не начинали битвы, и тѣмъ заставили примириться. Или въ 1418 году владыка Симеонъ, въ сопровожденіи крестнаго хода въ полныхъ священныхъ облаченіяхъ, вышелъ на Волховскій мостъ, сталъ посреди враждующихъ, началъ

благословлять крестомъ обѣ стороны; это умилило народъ до слезъ, и въ слѣдъ за тѣмъ явились посадники съ обѣихъ сторонъ, и по повелѣнію владыки всѣ разошлись мирно по домамъ. 5. Владыка Новгородскій нерѣдко принималъ на себя значительныя издержки на общественныя дѣла, и давалъ денежныя пособія во время войны и при отправленіи посольствъ къ князьямъ на заключеніе мира: такъ въ 1230 году владыка Спиридонъ, во время мора, построилъ скудельницу на Софійскія деньги и приставилъ своихъ людей собирать тѣла умершихъ, оставшіяся безъ погребенія. А владыка Василій, въ продолженіи своего владычества въ Новгородѣ, построилъ на Софійскія деньги каменный городъ, заложилъ каменный острогъ на торговой сторонѣ, и выстроилъ великій мостъ черезъ Волховъ. Владыка Іоаннъ построилъ вновь каменный дѣтинецъ. Или въ 1428 году владыка Евфимій, для заключенія мира съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, изъ Софійской казны выдалъ тысячу рублей на выкупъ плѣнниковъ. Впрочемъ Софійская казна до нѣкоторой степени считалась общественною казною и въ крайнихъ случаяхъ употреблялась на общественныя нужды по опредѣленію вѣча; такъ подъ 1391 годомъ лѣтопись упоминаетъ, что послѣ большаго пожара, бывшаго въ этомъ году, Новгородцы взяли серебра пять тысячъ рублей у св. Софії съ полатей, скопленія владычня Алексѣева, и раздѣлили на пять концовъ, по тысячи на конецъ, и поставили каменные костры по обѣ стороны острога, у всякой

улицы. 6. Новгородцы начинали войну или заключали миръ по благословенію владыки. Мы уже видѣли, что Новгородскія договорныя грамоты всѣ начинались благословеніемъ владыки, слѣдовательно Новгородцы безъ участія своего архіепископа не приступали къ заключенію мира; а подъ 1398 годомъ есть прямое извѣстіе лѣтописи, что и на начатіе войны испрашивалось благословеніе владыки; въ лѣтописи сказано: Новгородцы сказали своему господину владыкѣ „Іоанну: не можемъ, господине отче, терпѣти сего насилія отъ великаго князя, что у насъ отнялъ нашу дѣдину и отчину, но хотимъ поискать св. Софіи пригородовъ и волостей; благослови, господине отче, владыко! или паки отыщемъ свою отчину къ св. Софіи и къ великому Новгороду, паки ли свои головы положимъ за св. Софію и за своего господина за великій Новгородъ;“ и владыка Іоаннъ благословилъ дѣтей своихъ воеводъ Новгородскихъ и все ихъ войско. 7. Въ Новгородѣ даже раздача земель, и выдача жалованныхъ грамотъ на разныя льготы отъ вѣча, дѣлалась по благословенію владыки; такъ напримѣръ въ жалованной Новгородской грамотѣ, данной въ 1447 году Троицкому Сергіеву монастырю сказано: „по благословенію владыки Евфимія, по старой грамотѣ по жалованной. се пожаловали посадникъ и тысяцкій, и бояре и житые люди, и купцы, и весь господинъ великій Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, и дахомъ сю жалованную грамоту въ домъ св. Троицы въ Сергіевъ монастырь.“ Таже форма повторяется

въ другой Новгородской жалованной грамотѣ, данной Сергіеву же монастырю въ 1477 году. Слѣдовательно, по Новгородскимъ порядкамъ, владыка былъ дѣятельнымъ участникомъ и главнымъ лицомъ во всѣхъ дѣлахъ Новгородскаго управленія. А поэтому Новгородскому владыкѣ, въ случаѣ его старости или болѣзни, вѣче придавало помощниковъ изъ мірскихъ людей; такъ въ 1228 году, когда престарѣлый владыка Антоній сдѣлался болѣнъ и только по сильной просьбѣ народа согласился не оставлять владычня престола, то Новгородцы въ помощь ему посадили съ нимъ двухъ выборныхъ Якуна Моисѣевича Никифора и Щитника.

За епископомъ въ Новгородѣ въ духовенствѣ слѣдовали монастыри съ ихъ архимандритами, игуменами и старцами. Монастырей было довольно какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ Новгородскихъ владѣніяхъ. Уже въ XII столѣтіи по лѣтописямъ насчитывается до двадцати монастырей въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Старѣйшіе и знаменитѣйшіе изъ Новгородскихъ монастырей были: Юрьевъ монастырь при истокѣ Волхова, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ кумирь Перуна. Этотъ монастырь считается древнѣйшимъ изъ Новгородскихъ монастырей, построеніе его приписываютъ Ярославу Великому, во св. крещеніи Юрію; онъ отличался богатствомъ и имѣлъ большія привиллегіи, данныя въ древности князьями; настоятель этого монастыря одинъ во всѣмъ Новгородѣ имѣлъ степень архимандрита, тогда какъ настоятели другихъ монастырей

Монастыри.

были только игуменами. Вторымъ послѣ Юрьева монастыря былъ монастырь Антоніевскій, у подгородскаго села Волховскаго, построенный въ началѣ XII столѣтія; по свидѣтельству лѣтописей, онъ былъ основанъ игуменомъ Антоніемъ. о которомъ преданіе говоритъ, что онъ прибылъ изъ Рима на каменной скалѣ, которая, переплывши морскія пучины, черезъ Неву и Ладожское озеро, приплыла вверхъ по Волхову и остановилась у подгороднаго села Волховскаго въ то самое время, какъ въ Новгородскихъ церквахъ ударили въ колоколь къ заутрени. Святой Антоній, погруженный въ молитвенное созерцаніе, не замѣтилъ путешествія скалы по морскимъ пучинамъ, и только звукъ Новгородскихъ колоколовъ заставилъ его осмотрѣться, гдѣ онъ находится; принятый радушно въ Новгородѣ и тогдашнимъ епископомъ Никитою, и народомъ, онъ остался тамъ; по просьбѣ епископа, посадничьи дѣти, которымъ принадлежало Волховское село, уступили ему 50 сажень земли, на которой Антоній и построилъ, по настоянію епископа, монастырь съ церковію, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы; ибо на канунъ этого праздника онъ прибылъ въ Новгородъ. Впрочемъ этого сказанія въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ не встрѣчается, оно принадлежитъ собственно житію св. Антонія. Третьимъ древнѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ монастыремъ въ Новгородѣ былъ Хутынь монастырь. построенный въ 1192 году однимъ богатымъ Новгородцомъ Алексеемъ Михайловымъ, который еще въ

молодыхъ лѣтахъ, оставивъ родительскій домъ, ушелъ въ монастырь и тамъ, вмѣстѣ съ постриженіемъ въ иночество, принялъ имя Варлаама; а потомъ оставилъ и монастырь и поселился въ одной дикой пустынной мѣстности надъ Волховомъ, которая у народа слыла подъ именемъ Худыни, худаго мѣста, гдѣ будто бы гнѣздилась нечистая сила. Здѣсь Варлаамъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ совершенномъ одиночествѣ и въ борьбѣ съ разными искушеніями, потомъ мало помалу стали къ нему стекаться подвижники и такимъ образомъ устроился монастырь, къ которому Варлаамъ приписалъ все недвижимое имѣніе, доставшееся ему послѣ родителей. Сіи три монастыря пользовались большимъ уваженіемъ у Новгородцовъ; но были въ томъ же XII столѣтіи и другіе монастыри, также пользовавшіеся уваженіемъ. которыхъ нѣтъ надобности здѣсь изчислять. Въ послѣдующія столѣтія число Новгородскихъ монастырей постоянно умножалось; такъ что въ 1386 году, при нападеніи Дмитрія Донскаго на Новгородъ, упоминается, что Новгородцы сами сожгли двадцать четыре монастыря, стоявшіе не подалеку отъ города. чтобы не дать мѣста, гдѣ бы укрѣпился непріятель.

А еще болѣе было монастырей въ разныхъ Новгородскихъ владѣніяхъ. Благочестивые иноки отшельники были своего рода колонизаторами въ про-
 странныхъ и дикихъ пустыняхъ и лѣсахъ, принадлежавшихъ къ Новгородскимъ владѣніямъ. Благочестивыхъ отшельниковъ, своего рода повольниковъ,

все тянуло на востокъ, покрытый дикими лѣсами, болотами и озерами; и они въ этомъ направленіи, по озерамъ Ладожскому, Онежскому и по тамошнимъ рѣкамъ проникли до Бѣлаго моря, гдѣ въ XV столѣтіи преподобными Зосимою и Савватіемъ былъ построенъ Соловецкій монастырь. И такимъ образомъ по всей пустынной странѣ на сѣверовостокъ отъ Новгорода до сѣвернаго поморья была разкинута сѣтъ монастырей, которые вмѣстѣ съ христіанствомъ несли въ этотъ дикій край и Новгородскую колонизацію. По тогдашнему обычаю, около монастырей и подъ ихъ покровительствомъ и на ихъ средства, которыя быстро стекались отъ богатыхъ и ревностныхъ къ распространію христіанства Новгородцовъ къ благочестивымъ отшельникамъ, незамѣтно населялись обширныя пустыни разными пришельцами; такъ что у каждаго монастыря, построеннаго въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, образовывалось нѣсколько сельъ, частію изъ мѣстныхъ жителей, которые съ принятіемъ христіанства, проповѣдываемаго иноками, принимали и Новгородскую цивилизацію, изъ бродячихъ дикарей обращались въ осѣдлыхъ земледѣльцовъ, получавшихъ отъ монастыря пособія на обзаведеніе осѣдлымъ хозяйствомъ, и въ свою очередь платившихъ за это монастырю своими работами. Самые городскіе монастыри имѣли большое вліяніе на колонизацію; они, получая отъ Новгородскаго вѣча или отъ частныхъ лицъ большія земли и хорошія угоды въ отдаленныхъ краяхъ Новгородскихъ владѣній съ разными

льготами и привилегіями, обыкновенно старались заселить ихъ, созывали вольныхъ охочихъ людей, давали имъ подмогу и разныя льготы и съ своимъ повѣреннымъ слугою или старцемъ отправляли во вновь пріобрѣтенное имѣніе, строили тамъ церковь, а иногда и подчиненный себѣ монастырь. около котораго мало по малу заводились новыя поселенія Монастырскія владѣнія въ Новгородѣ почти всегда отличались довольствомъ и благоустройствомъ. чему съ одной стороны способствовало богатство монастырей, получавшихъ доходы и мимо своихъ поземельныхъ владѣній, а съ другой стороны монастырь между своими старцами и слугами легко могъ находить хорошихъ сельскихъ хозяевъ, которыхъ обыкновенно и отправлялъ посельскими или управителями въ свои отдаленныя вотчины и держалъ ихъ подъ строгимъ контролемъ Лучшимъ свидѣтельствомъ о благоустройствѣ и сравнительномъ благосостояніи монастырскихъ имѣній въ Новгородѣ для насъ служатъ разныя дошедшія до насъ уставныя грамоты объ управленіяхъ монастырскими имѣніями, гдѣ порядокъ управленія описывается съ большими подробностями и изъ которыхъ между прочимъ видно, что монастыри заботились о благосостояніи своихъ поселенцевъ, помогали имъ значительными ссудами, и при строгости въ управленіи старались не стѣснять управляемыхъ. Монастырскія вотчины въ Новгородѣ по всему вѣроятію пользовались извѣстностію, какъ имѣнія благоустроенныя и богатыя; ибо великій князь Иванъ Василье-

вичь, покоривши Новгородъ, прежде всего обратилъ вниманіе на владычни и монастырскія земли и потребовалъ себѣ половину владычныхъ и монастырскихъ волостей. При чемъ оказались особенно богатыми шесть монастырей: Юрьевъ, Благовѣщенскій, Аркадіевскій, Антоніевскій, Никольскій съ Неревского конца и Михайловскій на Сковородкѣ; съ перваго великій князь взялъ 720 обожь, со втораго 253 обжи, съ третьяго 333 обжи, съ четвертаго 150 обожь, съ пятаго 251 обжу и съ шестаго 97 обожь.

Монастыри въ Новгородѣ не всѣ имѣли одинаковое начало, а по сему и пользовались не одинакимъ значеніемъ. Одни монастыри были построены князьями и содержались изъ княжескихъ доходовъ, или ругою, и отъ этого назывались ружными. Эта руга или содержаніе монастырей изъ княжескихъ доходовъ утверждалась вѣчемъ и навсегда оставалась за монастыремъ, не смотря на то, что князья мѣнялись; такъ до насъ дошла роспись ружныхъ Новгородскихъ монастырей и церквей отъ XVI вѣка, когда Новгородъ принадлежалъ уже Московскимъ государямъ, и въ этой росписи мы находимъ содержаніе многихъ ружныхъ церквей и монастырей, положенное въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ прежними князьями и Новгородскимъ вѣчемъ. Ружные монастыри, ежели они не имѣли другихъ средствъ къ содержанію, были въ полной зависимости отъ вѣча; впрочемъ это бывало рѣдко, ибо и у ружныхъ монастырей почти всегда бывали средства кромѣ руги.

Второй разрядъ монастырей составляли монастыри построенные и содержимые богатыми людьми, или мѣстнымъ обществомъ, или приходомъ; монастыри сіи были въ большой зависимости отъ своихъ содержателей и строителей; такъ что нерѣдко они пытались выдти изъ подчиненія и суда владыки Новгородскаго и прямо ставили себя подъ покровительство мірскаго общества или своихъ богатыхъ покровителей; въ таковыхъ монастыряхъ даже бывали выборные старосты изъ приходскихъ людей. Впрочемъ таковой порядокъ болѣе принадлежалъ Пскову; въ Новгородѣ же власть владыки не давала ему усиливаться, хотя и немогла его уничтожить совсѣмъ Третій разрядъ Новгородскихъ монастырей составляли монастыри построенные благочестивыми отшельниками; таковые монастыри, вообще первоначально бѣдные, по мѣрѣ распространенія славы о благочестивыхъ подвигахъ ихъ отценазачальниковъ и братіи, скоро богатѣли разными приношеніями и жертвами; они пользовались болѣею самостоятельностью противъ монастырей первыхъ двухъ разрядовъ и состояли подъ непосредственномъ судомъ и властію владыки Новгородскаго, который не оставлялъ ихъ своимъ покровительствомъ; и это были лучшіе монастыри въ Новгородскихъ владѣніяхъ, отличавшіеся болѣе строгимъ устройствомъ и пользовавшіеся большимъ уваженіемъ у народа

Внутреннее управленіе Новгородскихъ монастырей по общимъ началамъ было выборное, — игумень,

келарь и ключникъ избирались всею братіею и управляли монастыремъ вмѣстѣ съ соборными старцами; игумень только утверждался Новгородскимъ владыкою. Впрочемъ это общее правило далеко не всегда соблюдалось. Особенно въ монастыряхъ, по своему содержанію поставленныхъ въ зависимость отъ мірскаго общества, на выборъ игумена и другихъ начальныхъ людей имѣли большое вліяніе мірскіе ктиторы и старосты, избираемые мірскою общиною, которой принадлежалъ монастырь. На это намъ указываютъ грамоты Русскихъ митрополитовъ Кипріяна отъ 1391 года. и Θεодосія, отъ 1463 года, къ Новгородскимъ архіепископамъ Іоанну и Іонѣ, писанныя вѣроятно по ихъ жалобамъ: въ этихъ грамотахъ оба митрополита пишутъ что всѣ монастыри, игумены съ чернецами, попы, дьяконы и всякъ церковный человекъ должны быть въ послушаніи у своего святителя, по преданію св. Апостоль и святыхъ отецъ уставу; а посадники бы, и тысяцкіе и бояре великаго Новгорода не вступались въ церковныя пошлыны. Даже въ монастыряхъ независимыхъ и знатныхъ допускалось участіе мірскихъ людей въ избраніи монастырскихъ настоятелей; такъ по свидѣтельству лѣтописей мы это встрѣчаемъ въ Антоніевѣ и въ Юрьевѣ монастыряхъ. Сами настоятели, оставляя управленіе монастыремъ, призывали и владыку и посадниковъ для избранія себѣ преемника; такъ подъ 1226 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „прежде своего представленія, Савватій, архимандритъ Юрьева монасты-

ря, призвалъ владыку Антонія и посадника Ивана и всѣхъ Новгородцовъ, и сказалъ: изберите себѣ игумена; они же отвѣчали, кого ты благословишь; и онъ велѣлъ постричь въ свое мѣсто попа Гречина, отъ церкви св. царя Константина и Елены, и по его указанію Гречина поставили архимандритомъ въ Юрьевъ монастырь". Иногда высшая церковная и гражданская власть смѣняла монастырскаго настоятеля; такъ въ 1230 году князь Ярославъ и владыка Спиридонъ и весь Новгородъ, т. е. Новгородское вѣче дали игуменство въ Юрьевъ монастырь Хутынскому игумену Арсенію, а прежняго Юрьевскаго игумена Савву лишили этого званія и повелѣли сидѣть ему въ кельи. Иногда чернь возставала на инаго игумена; такъ въ 1337 году, по словамъ лѣтописи: стали простая чадь на Юрьевскаго архимандрита Есипа, и створили вѣче, заперли Есипа въ церкви св. Николы, и сидѣли около церкви крамольники день и ночь, карауля его.

Монастыри въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ краяхъ Русской земли, кромѣ религіознаго значенія, имѣли еще характеръ благотворительныхъ заведеній, ихъ богатства въ основаніи своемъ имѣли назначеніе помогать бѣднымъ, давать пристанище безпомощнымъ, успокоивать старыхъ и немощныхъ. На сколько исполнялось это назначеніе монастырями, мы не имѣемъ подробныхъ свидѣтельствъ; но то несомнѣнно и засвидѣтельствовано лѣтописями и другими памятниками древности, что при устроеніи монастырей мірскимъ обществомъ какъ въ Новгородѣ,

такъ и во всѣхъ Новгородскихъ владѣнiяхъ, всегда имѣлось въ виду приготовить убѣжище для старости и немощи; слѣдовательно монастыри, особенно устроиваемые мiрскимъ обществомъ, до нѣкоторой степени имѣли характеръ нынѣшнихъ богадѣленъ. Этотъ характеръ монастырей стараго времени замѣтенъ даже въ составѣ монастырской братiи; въ большей части монастырей, по дошедшимъ до насъ указанiямъ, мы встрѣчаемъ одного и много двухъ или трехъ священниковъ и соотвѣтствующее число другихъ клириковъ, остальная же братiя обыкновенно вся состоитъ изъ старцевъ, не посвященныхъ ни въ какой церковный чинъ и часто даже не постриженныхъ въ монашество. И сiя-то старцы, нерѣдко были знатные, богатые и заслуженные посадники, тысяцкiе, бояре и купцы, которые наскучивъ мiрскими тревогами или истощивши свои силы въ общественной дѣятельности, удалялись въ монастыри, что бы успокоиться и окончить дни свои въ молитвѣ и монастырскомъ уединенiи; такъ на примѣръ въ 1220 году, знаменитый посадникъ Твердиславъ Михайловичъ, сложивши съ себя посадничество, удалился въ Аркадiевъ монастырь, принялъ иноческiй образъ и тамъ скончался. Или подъ 1243 годомъ лѣтопись упоминаетъ о кончинѣ знаменитаго боярина Вячеслава Прокшинича, который, удалясь отъ мiрскихъ тревогъ, постригся въ Хутынѣ монастырѣ и принялъ имя Варлаама; его погребенiе совершалъ самъ владыка Новгородскiй Спиридонъ. А подъ 1247 годомъ лѣтопись упоминаетъ о кончинѣ боярина Кон-

стантина Вячеславича, также окончившаго жизнь въ Хутынѣ монастырѣ, подъ именемъ инока Акиндина. Сіи богачи и заслуженные люди при поступленіи въ монастырь несли за собою богатые вклады, приписывали къ монастырямъ свои вотчины, и на сіи вклады, по волѣ вкладчиковъ или по распоряженію монастырскаго начальства, содержались бѣдные и немощные. Наконецъ, Новгородскіе монастыри имѣли еще значеніе укрѣпленныхъ и надежныхъ мѣстъ для храненія частныхъ сокровищъ, и даже носили на себѣ характеръ своего рода банковъ. Такъ какъ священныя мѣста въ то время пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ и болѣе или менѣе считались неприкосновенными, да и самое законодательство строго наказывало тѣхъ, которые бы покусились ограбить монастырь или церковь; то по сему частные люди, для лучшаго и надежнѣйшаго сбереженія своихъ богатствъ, отдавали деньги и другія цѣнныя вещи на храненіе преимущественно въ монастыри, гдѣ имѣлись для сего особые подвалы, кладовыя и другія крѣпкія мѣста, куда за извѣстный вкладъ частныя лица ставили свои сундуки и коробы съ сокровищами, деньги же отдавали на храненіе монастырскимъ властямъ подъ росписки съ надлежащимъ укрѣпленіемъ. А монастырскіе власти въ свою очередь сими деньгами, равно какъ и собственно монастырскими капиталами дѣлали обороты въ пользу монастыря, отдавали ихъ взаймы съ извѣстными выгодами подъ надежные залого. Отъ чего сильные монастыри скоро богатѣли, они

приобрѣтали такимъ образомъ большія поземельныя владѣнія по просроченнымъ закладнымъ; такъ что такими оборотами монастыри едва ли не больше приобрѣтали имущества. чѣмъ пожертвованіями и покупками. У монастырей, для занятія сими дѣлами и ходатайства по судамъ, обыкновенно имѣлись особыя стряпчіе и подъячіе, которые ежегодно подавали монастырскимъ властямъ отчеты по своимъ занятіямъ. Вообще всѣмъ было извѣстно, что въ монастыряхъ и церквахъ хранятся деньги и имущества частныхъ лицъ и посему во время мятежей народъ иногда грабилъ монастыри и церкви именно въ той увѣренности, что тамъ хранятся сокровища богачей. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1418 году разъяренная чернь торговой стороны, во время мятежа, ограбивши нѣсколько боярскихъ домовъ на Чудинцевѣ улицѣ, тутъ же разграбила и монастырь св. Николы на полѣ, говоря: „здѣсь животы боярскіе.“ Или подъ 1447 годомъ лѣтопись говоритъ, что во время мятежа, по оговору Федора Жеребца, скинули съ моста 18 человекъ, а иныхъ дома разграбили и изъ церквей выносили животы ихъ, а прежде того по церквамъ не искавали.

Бѣлое духо-
венство.

За монастырями въ порядкѣ церковной іерархіи слѣдовало бѣлое духовенство, его составляли священники и клирики при соборныхъ и приходскихъ церквахъ, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ пригородахъ и по всей Новгородской волости. Въ Новгородѣ главною соборною церковію была церковь св. Софіи, состоящая на Софійскомъ или лѣ-

вомъ берегу Волхова, въ кремль или дѣтинцѣ, при этой церкви находился и владыченъ дворъ. Клиръ этой церкви состоялъ какъ изъ бѣлаго духовенства, такъ и монашествующихъ. очевидно принадлежавшихъ къ владычню двору. Этотъ клиръ вмѣстѣ съ владычными боярами и слугами или дворянами носилъ общее названіе Софіянь. При церкви св. Софіи находилось все управленіе владыки Новгородскаго. Софійскій клиръ считался образцовымъ въ Новгородѣ; а посему при церкви св. Софіи поочередно служили опредѣленное время всѣ священники Новгородскіе, чтобы знать всѣ Софійскіе порядки въ священнослуженіи и соблюдать ихъ въ своихъ церквахъ. Старшіе Софійскіе священники и протопопы посылались владыкою время отъ времени по всѣмъ владѣніямъ Новгородскимъ съ владычными поученіями какъ къ клиру, такъ и къ мірянамъ, для наблюденія за порядкомъ священнослуженія въ разныхъ церквахъ, а равно для надзора за священниками и клириками, какъ они исправляютъ свои пастырскія обязанности. и для поученія мірянъ. Сіи же посыльные должны были смотрѣть въ какомъ состояніи находятся церкви и не терпитъ ли клиръ церковный какихъ притѣсненій и обидъ. Вообще клиръ св. Софіи состоялъ на особомъ положеніи противъ прочихъ причтовъ церковныхъ и имѣлъ характеръ административный. Софіяне при выборѣ владыкъ и въ другихъ общественныхъ дѣлахъ писались въ слѣдъ за игуменами и въпереди всѣхъ другихъ священниковъ. Самое содержаніе Софіянь

зависѣло не отъ приходскихъ людей, а отъ доходовъ св. Софіи и Софійскихъ вотчинъ; при Софійской церкви даже не было прихода; ибо въ кремлѣ или дѣтинцѣ Новгородскомъ были другія церкви, къ которымъ были приписаны приходы. Софійская же церковь была не приходская а всеновгородская церковь. Кромѣ доходовъ отъ Софійскихъ вотчинъ, Софійскій клиръ имѣлъ и другіе источники доходовъ. Такъ въ соборномъ приговорѣ 1551 года сказано: „велѣти игуменомъ, попомъ и дьякономъ градскимъ и ружнымъ въ Великомъ Новгородѣ у соборныя церкви у св. Софіи впредь недѣли служить по старинѣ; а который игумень или попъ недѣли не служить, ино ему давати за службу за недѣлю Софійскому собору по гривнѣ по Новгородской по старинѣ же“. Далѣе, по старинѣ же, Софійской протопопъ съ священниками получали пошлину съ просвирицъ и праздничныя гривны, т. е. когда въ какой приходской церкви былъ храмовый праздникъ, то протопопъ Софійскій посылалъ туда для службы Софійскаго діакона, и за это приходскій причтъ долженъ былъ давать въ Софійскій клиръ праздничную гривну.

Кромѣ Софійскаго собора въ Новгородѣ было еще шесть соборовъ, наименованія которыхъ мы незнаемъ, и на какихъ улицахъ они находились также неизвѣстно. Къ каждому же собору причислялось нѣсколько приходскихъ церквей и монастырей, вѣроятно также приходскихъ; такъ что въ Новгородѣ не было ни одной приходской церкви и ни одного

приходскаго монастыря, которые бы не причислялись къ какому-либо Новгородскому собору. Каждый соборъ имѣлъ своихъ священноиноковъ и священниковъ и старшаго надъ ними протопопа или поповскаго старосту. Соборы сии очевидно учреждались, какъ для непосредственнаго ближайшаго надзора надъ приходскимъ духовенствомъ и за порядкомъ службы, такъ еще болѣе для ближайшей защиты приходскихъ причтовъ Новгородцы постоянно стремились къ тому чтобы у нихъ вездѣ были общины и союзы общинъ; какъ въ мірской жизни каждая улица составляла общину и причислялась къ какому-либо концу, составлявшему союзъ общинъ; такъ точно и въ жизни церковной каждый приходъ составлялъ общину съ своими старостами, и причислялся къ своему союзу общинъ церковныхъ,—къ собору, который имѣлъ своего поповскаго старосту. Какъ въ мірской жизни центральныя власти относились не прямо къ частнымъ лицамъ, а къ выборнымъ начальникамъ, — кончанскимъ и уличанскимъ старостамъ; точно также и въ церковной жизни центральная власть—владыка Новгородскій непосредственно относился не къ причтамъ а къ союзу причтовъ,—собору и къ поповскому старостѣ собора. Соборы, какъ можно видѣть изъ прямыхъ указаній Псковской лѣтописи учреждались по желанію самаго приходскаго духовенства, которое соглашалось между собою, избирало одну изъ приходскихъ церквей, въ которой быть собору и просило владыку Новгородскаго утвердить составив-

шійся соборъ; въ этой просьбѣ вмѣстѣ съ священниками и діаконами участвовали и мірскія власти города, ибо приходское духовенство прежде просьбы къ владыкѣ обыкновенно должно было заявить свое желаніе на вѣчѣ объ учрежденіи собора, и получивъ согласіе отъ вѣча, уже било челомъ владыкѣ. Впрочемъ къ соборамъ причислялось только городское духовенство въ Новгородѣ и Псковѣ, а можетъ быть въ другихъ Новгородскихъ пригородахъ; сельское же духовенство не имѣло соборовъ и подчинялось непосредственно владычню десятинику своего уѣзда. Причиною отсутствія соборовъ между сельскимъ духовенствомъ очевидно было то, что сельскія приходскія церкви большею частію строились на земляхъ частныхъ владѣльцовъ или монастырскихъ; а по сему они по тогдашнему порядку дѣлъ состояли подъ патронатомъ тѣхъ землевладѣльцовъ, на земляхъ которыхъ были построены, и слѣдовательно, какъ зависимыя отъ своихъ патроновъ, не могли составлять своихъ союзовъ, или соборовъ; тогда какъ городскія церкви, пользовавшіяся большею самостоятельностью, имѣли болѣе средствъ вступать въ союзы между собою и составлять соборы. Правду сказать, что и между сельскими церквями бывали такія, которыя стояли не на владѣльскихъ, а на общинныхъ земляхъ, слѣдовательно не состояли подъ чьимъ либо частнымъ патронатомъ; но они такъ были разрознены владѣльческими церквями что имъ не было возможности составлять между собою союзы; Впрочемъ и у сельскихъ

причтовъ были свои выборные ближайшіе начальники—поповскіе старосты и десятскіе, выбиравшіеся или изъ городского духовенства или изъ сельскаго; слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ составляли группы, хотя и не такъ хорошо организованныя, какъ соборы городскихъ церквей, тѣмъ не менѣе имѣвшія нѣкоторую связь между собою.

Городскія приходскія церкви въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ пригородахъ обыкновенно устраивались самими приходскими общинами; какъ напримѣръ лѣтопись подъ 1194 годомъ говорить: „уличане Нутной улицы построили церковь св. апостола Филиппа“, или подъ 1392 годомъ есть извѣстіе, что посадникъ Богданъ Аввакумовичъ съ своею братьею съ уличаны поставили церковь каменну св. Симеона на Чудинцевѣ улицѣ. Но иногда приходскія церкви строились и частными людьми, безъ участія своихъ общинъ; такъ въ 1167 году Садко Сытиничъ заложилъ каменную церковь Бориса и Глѣба; или въ 1176 году Михаль Степаничъ построилъ церковь святаго Михаила, а Моисей Доманѣжичъ церковь Іоанна Предтечи усѣкновеніе главы, на Чудинцевѣ улицѣ; или въ 1183 году, Радько съ братомъ поставили церковь св. Евпатія на Рогатѣй улицѣ. Иногда приходскія церкви строились Новгородскимъ владыкою: такъ въ 1182 году архіепископъ Ілія съ братомъ Гавріиломъ построилъ каменную церковь св. Іоанна на Торговищѣ; или въ 1189 году архіепископъ Гавріиль построилъ церковь св. Трехъ Отроковъ на Жатуни. Иногда строили церкви князя: такъ въ

1130 году князь Всеволодъ Мстиславичъ построилъ церковь Іоанна Предтечи на Петрятинѣ дворцищѣ или на Опокахъ; или въ 1191 году князь Ярославъ построилъ церковь св. Николая на Городищѣ. Но къмъ бы ни была построена приходская церковь въ Новгородѣ, или въ Новгородскихъ владѣніяхъ, она непремѣнно имѣла при себѣ приходскую общину и состояла съ нею въ тѣсномъ соединеніи, получала отъ нее свое содержаніе. А что всего важнѣе, Новгородцы и въ приходскихъ дѣлахъ были Новгородцами и твердо стояли за выборное начало; община приходская непремѣнно сама выбирала и священника и причетъ къ своей церкви, и это было уже утверждено закономъ. какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуеетъ соборный приговоръ 1551 года, въ которомъ сказано: „въ Великомъ Новгородѣ по всеѣмъ церквамъ и по улицамъ старостамъ и уличаномъ избирати поповъ искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ, и житіемъ непорочныхъ, а денегъ у нихъ на церковь и себѣ мзды не искати ничего: и приходятъ съ ними къ архіепископу, и архіепископъ, поучивъ и наказавъ, благословляетъ его, и не ѣмлетъ у нихъ ничего, развѣ благословенныя гривны. А отъ діаконовъ, и отъ прокурницъ, и отъ пономарей попомъ и уличаномъ прихожаномъ посуловъ неимати“. Конечно это свидѣтельство сравнительно позднее, и относится къ тому времени, когда Новгородъ болѣе семидесяти лѣтъ уже потерялъ свою независимость и состоялъ подъ властію Московскаго государя; но оно для насъ тѣмъ важнѣе, ибо указываетъ, что обычай выбирать

причетъ приходомъ такъ былъ силенъ въ Новгородѣ, что его даже не могло уничтожить Московское правительство черезъ семьдесятъ лѣтъ по покореніи Новгорода и даже нашло необходимымъ утвердить его закономъ. А что этотъ обычай не былъ введенъ вновь соборнымъ приговоромъ 1551 года это подтверждаетъ посланіе Новгородскаго владыки Геннадія, перваго Новгородскаго архіепископа, поставленнаго не по выбору вѣча, а по указу Государеву, въ которомъ онъ пишетъ митрополиту Симону объ этомъ обычаѣ Новгородцовъ выбирать священника прихожанамъ и приводить къ владыкѣ только для посвященія. Въ городскихъ приходскихъ церквахъ въ Новгородѣ большею частию бывало по нѣскольку священниковъ при одной церкви, которые отправляли службу понедѣльно; такъ въ Кириковомъ въпрошаніи XII вѣка сказано: что „священникъ, получивши вознагражденіе за сорокодневное поминовеніе усопшаго на литургіи, долженъ, при наступленіи не своей чередовой недѣли, просить чередоваго священника, чтобъ онъ въ продолженіи своей чередовой недѣли поминалъ на литургіи такого-то усопшаго. Да и по росписи XVI вѣка мы дѣйствительно находимъ при церкви Козмы и Даміана, на Козмодемьянской улицѣ, двухъ священниковъ и одного діакона; при церкви архангела Михаила, на Прусской улицѣ, двухъ священниковъ и одного дьякона; при церкви Благовѣщенія на Городищѣ четырехъ священниковъ и одного дьякона; при церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ двухъ священниковъ

и одного дьякона, каковъй причтъ при этой церкви былъ установленъ еще въ XII столѣтїи княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ. Впрочемъ не мало было церквей въ Новгородѣ, и особенно въ Новгородскихъ волостяхъ, въ которыхъ находилось только по одному священнику, безъ дьякона, съ дьячкомъ и пономаремъ. Вообще уменьшеніе и увеличеніе причта зависѣло отъ богатства или бѣдности прихода. Богатъ былъ приходъ и прихожане выбирали двухъ и трехъ священниковъ съ дьякономъ и нѣсколькими дьячками и пономарями; бѣденъ былъ приходъ и прихожане довольствовались однимъ священникомъ съ однимъ или двумя причетниками.

Содержаніе приходскаго духовенства состояло вообще изъ двухъ статей доходовъ. Первая и главная статья въ содержанїи приходскаго духовенства была земля; къ каждой приходской церкви, какъ городской, такъ и сельской, было приписано извѣстное количество земли; въ городѣ—на церковный погостъ и причетническіе дворы, а въ селахъ—на погостъ, дворы и пашню съ сѣнокосомъ земля эта постоянно была свободна отъ всѣхъ городскихъ и казенныхъ сборовъ и повинностей, на основанїи номоканона. Вторую статью дохода для духовенства составляли опредѣленная плата за церковную службу и добровольныя неопредѣленныя приношенїя прихожанъ за разныя церковныя требы; объ этой платѣ и добровольныхъ приношенїяхъ мы имѣемъ свидѣтельство, относящееся еще къ XII столѣтїю, — въ спрашанїи Кирика указано за гривну служить

пять сорокоустовъ , а на шесть кунъ однажды, а на 12 кунъ два раза, или сколько кто дастъ, все это и за пѣніе, и за службу, а за вино, и за темьянъ, и за свѣчи должно платить особо по расчету По свидѣтельству того же въспрашанія священнику давались отъ духовныхъ дѣтей особые дары за исповѣдь, и вѣроятно таковыя же дары или приношенія давались приходскому духовенству и за другія церковныя требы, и въ томъ числѣ плата за славленіе въ храмовыя и другіе праздники; этотъ послѣдній доходъ вѣроятно былъ приведенъ въ опредѣленный размѣръ по чемъ съ двора; ибо въ владычнхъ росписяхъ значитя, что причты изъ славленнаго дохода должны были платить владыкѣ опредѣленные проценты. Кромѣ сихъ двухъ главныхъ статей, общихъ для всѣхъ приходовъ, были еще двѣ статьи, принадлежащія не всѣмъ церквамъ, — это руга, или оброкъ, и вотчины. Руга принадлежала только такъ называемымъ ружнымъ церквамъ и означала постоянную опредѣленную плату за извѣстныя службы, а отнюдь не выражала полного содержанія причту, какъ объ этомъ ясно говоритъ грамота князя Всеволода Мстиславича, данная причту церкви Иоанна Предтечи на Опокахъ; въ этой грамотѣ сказано: „Иванскимъ попомъ по осми гривеньъ серебра, а діакону четьре гривны серебра, а дяку три гривны серебра, а сторожамъ три гривны серебра; а имати имъ тотъ оброкъ изъ вѣка на всякій годъ по моему данью великаго князя Всеволода. А попомъ пѣти у св. Ивана вседенная, у св. Захарья на

полатѣхъ пѣти по недѣлямъ и въ вѣки; а дьякону пѣти у св. Ивана суббота да недѣля изъ того оброка и въ вѣкъ“. Слѣдовательно, по прямому свидѣтельству грамоты, оброкъ, или руга, и въ ружныхъ церквахъ назначался только за опредѣленное число церковныхъ службъ; всѣ же другія требы и церковныя службы сверхъ опредѣленнаго числа оплачивались прихожанами своему духовенству особо. Вторую побочную статью доходовъ приходскаго причта какъ мы уже сказали, составляли вотчины, ежели таковыя имѣлись при церквахъ: въ этой статьѣ на пользование доходомъ имѣли большое вліяніе прихожане и выборные отъ причта старосты, которые принимали дѣятельное участіе въ управленіи церковными имуществами. Прихожане были главными защитниками и патронами своей приходской церкви и причта, они ходатайствовали за свои церкви и причты у владыки. а равнымъ образомъ и у мірскихъ властей; такъ напримѣръ въ 1577 году, крестьяне Юсковской волости били челомъ Новгородскому архіепископу Феодосію объ облегченіи владычныхъ даней съ ихъ приходской церкви и причта; и архіепископъ далъ имъ на это жалованную грамоту Или въ 1577 году боярскіе дѣти, помѣщики Березовской волости, били челомъ архіепископу Новгородскому Александру о пожалованіи тарханной грамоты ихъ приходской церкви и причту; и архіепископъ далъ требуемую грамоту

Приходскія церкви, равно какъ и монастыри, по общему порядку въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ

владѣніяхъ были обложены разными данями и повинностями въ пользу св. Софіи или Новгородскаго владыки. Приходскія церкви, по отношенію къ раскладкѣ и платежу даней и разныхъ пошлинъ на владыку Новгородскаго, раздѣлялись на старыя или становыя церкви, которыя облагались полнымъ платежемъ владычныхъ даней, и на выставочныя или новыя церкви, которыя или вовсе освобождались отъ платежа владычныхъ даней на опредѣленный срокъ, или только помогали въ платежѣ даней тѣмъ старымъ церквамъ, отъ которыхъ на ихъ долю отдѣлялась часть прихода. Владычни дани и пошлины, которыя платились церковными причтами въ Новгородскихъ владѣніяхъ, были слѣдующія: 1, подъѣздъ, т. е. опредѣленный платежъ, ежели бы владыка посѣтилъ церковь; этотъ платежъ былъ ежегодный, хотя бы владыка и не думалъ осматривать и посѣщать церкви своей епархіи; 2, благословенная куница, или пошлина отъ браковъ, которая увеличивалась или уменьшалась смотря потому, былъ ли первый бракъ, второй, или третій; за третій бракъ платилось пошлины въ четверо болѣе противъ перваго брака; 3, казенныя пошлины; 4, десятиньничъ пошлины; 5, десятиньнику даръ; 6, десятиньничъ кормъ; 7, черный кормъ; 8, записное и заѣздъ; 9, повозъ, т. е. снаряженіе подводъ и проводниковъ для владычней казны и на проѣздъ посыльныхъ владычныхъ людей, и 10, славленные деньги, т. е. проценты съ дохода отъ славленья въ праздники.

Кромѣ даней и пошлинъ на Новгородскаго владыку соборы, церкви и монастыри съ своихъ недвижимыхъ имуществъ, собственно съ вотчинъ, несли всѣ податные сборы и повинности въ пользу государства наравнѣ съ прочими вотчинниками. Съ недвижимыхъ населенныхъ имѣній они даже наряжали своихъ слугъ въ военные походы вмѣстѣ съ другими вотчинниками; но личная военная служба, на основаніи номоканоновъ, не распространялась на лица состоящія въ церковной службѣ и имѣющія посвященіе. Впрочемъ въ Новгородѣ въ крайнихъ случаяхъ военная служба иногда простиралась и на лица принадлежащія къ духовнымъ семействамъ, и даже на состоящихъ въ церковной службѣ, но еще не посвященныхъ: такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1148 году, когда князь Изяславъ Мстиславичъ позвалъ Новгородцевъ въ походъ на Юрія князя Суздальскаго, то Новгородцы на его зовъ отвѣчали: „ради съ тобою идемъ своихъ дѣля обидъ, княже! ать пойдетъ и всяка душа, аче дьякъ, а гуменцо ему пострижено, а не поставленъ будетъ, и тотъ пойдетъ, а кто поставленъ. тотъ пусть молится Богу“ Часто ли бывали подобные случаи въ Новгородѣ. неизвѣстно; въ лѣтописяхъ же мы встрѣчаемъ только одинъ этотъ случай. Да по всему вѣроятію, этотъ случай едва ли не былъ единственнымъ; ибо по тому уваженію, которымъ архіепископъ и духовенство пользовались въ Новгородскомъ обществѣ, мудрено допустить. чтобы Новгородцы употребляли принужденіе для верстанія въ военную

службу лицъ изъ семействъ духовнаго званія. Иное дѣло члены духовныхъ семействъ по доброй волѣ, какъ люди свободные, нерѣдко участвовали въ военныхъ походахъ, подобно другимъ вольнымъ людямъ, еще не зачисленнымъ въ число членовъ той или другой общины, на что мы имѣемъ довольно указаній въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ. Вообще въ Новгородѣ духовенство, хотя и довольно зависѣло отъ свѣтскаго общества, тѣмъ не менѣе всегда находило себѣ защиту и надзоръ въ свѣмъ архіепископѣ; такъ что безъ согласія архіепископа и само вѣче не могло произвольно распоряжаться духовенствомъ. Въ Новгородѣ, какъ символъ неподвѣдомственности духовенства свѣтской власти, въ Софійскомъ храмѣ былъ мѣстный образъ Спасителя, о которомъ въ народѣ хранилось преданіе, что онъ привезенъ изъ Греціи и писанъ Греческимъ царемъ Эммануиломъ, и что царь, однажды замѣтивъ священника поступающаго неприлично сану, велѣлъ наказать его; послѣ чего во снѣ царю явился Спаситель въ томъ видѣ, въ какомъ изображенъ на иконѣ, и сказалъ: „Зачѣмъ восхищаешь ты святительскій судъ? Тебѣ дана власть надъ людьми, и твое дѣло оборонять ихъ отъ враговъ, святителямъ же поручено духовнѣ вязать и рѣшить“. И вслѣдъ за тѣмъ, указуя пречистымъ своимъ перстомъ, какъ нынѣ видимъ на иконѣ, повелѣлъ пришедшимъ ангеламъ возложить раны на царя. И царь, проснувшись, чувствовалъ на тѣлѣ боль отъ ранъ, и увидѣлъ, что на иконѣ у Спасителя рука протянута и

указываетъ перстомъ внизъ, а не такъ, какъ она была написана прежде; и съ того времени царь пересталъ восхищать святительскій судъ. Этотъ образъ, стоя въ Софійскомъ храмѣ на главномъ мѣстѣ въ иконостасѣ, постоянно какъ бы напоминалъ вольнымъ и, особенно во время мятежей, буйнымъ Новгородцамъ, что по Божію повелѣнію ихъ власть не простирается на духовенство, что это дѣло владыки, а не народа, что Господь не пощадилъ и Греческаго царя, дерзнувшаго восхитить святительскій судъ. Какъ бы то ни было, это преданіе было весьма знаменательно для Новгорода, гдѣ подъчасъ буйство народа не хотѣло знать предѣловъ.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Новгородское правительство.

Правительство Новгородское составлялъ самъ господинъ Великій Новгородъ и власти имъ избранныя; сіи послѣднія были или собственныя Новгородскія власти, или приглашенныя Новгородомъ со стороны, не изъ Новгородской земли.

Вѣче.

Выраженіемъ власти самаго господина Великаго Новгорода было вѣче, или народная дума; эта власть была непрерывная и продолжалась до завоеванія Новгорода великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ. Вѣче было самою верховною властію въ Новгородѣ, выше которой уже не было,

оно рѣшало всѣ дѣла и въ своихъ рукахъ держало судьбы Новгородца. Во 1-хъ вѣче приглашало князя въ Новгородъ и вѣче указывало ему путь изъ Новгорода, когда почему либо князь оказывался негоднымъ народу; во 2-хъ вѣче наряжало судъ надъ всѣми властями въ Новгородѣ, даже надъ княземъ; такъ въ 1136 году вѣче судило Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, и обвинило его въ томъ, что 1-е, онъ не обороняетъ смердовъ; 2-е, что хотѣлъ сѣсть княземъ въ Переяславлѣ; 3-е, первый бѣжалъ съ поля битвы во время Суздальской войны и 4-е, сперва велѣлъ вступить Новгороду въ союзъ съ Черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, а потомъ велить отступить отъ этого союза. Или еще въ 1270 году вѣче судило князя Ярослава Ярославича и послало къ нему на Городище грамоту, въ которой прописало слѣдующія его вины: „чему отнял Волховъ гогольными ловцы, а поля заячьими ловцы, за чѣмъ завладѣлъ дворомъ Алексы Мортынича, за чѣмъ поималъ серебро на Никифорѣ Манускиничѣ, а иное за чѣмъ выводишь отъ насъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ? А нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилья поѣди отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ“. Въ 3 хъ вѣче избирало всѣхъ властей по Новгородскимъ владѣнιάмъ. Въ 4-хъ вѣче казнило и жаловало, ему приносились жалобы на неправый судъ и на всякія обиды по Новгородской землѣ, на которыя не давали управы другія власти. Въ 5-хъ вѣче издавало и отмѣняло законы,

давало грамоты на земли и разныя привиллегіи. Въ 6-хъ вѣче объявляло войну и заключало миръ съ сосѣдними государствами: договорныя грамоты писались обыкновенно отъ всего Новгорода, отъ старѣйшихъ и меньшихъ, т. е. отъ вѣча. Въ 7-хъ, наконецъ. вѣче устанавливало подати и повинности, увеличивало ихъ и уменьшало по своему усмотрѣнію, и опредѣляло какую употреблять монету. Вообще всякое выраженіе воли цѣлаго Новгорода принадлежало вѣчу.

На вѣчѣ, въ правильномъ его составѣ, имѣли право участвовать и имѣть голосъ, всѣ члены Новгородскаго общества, т. е. всѣ домовладѣльцы. хозяева, бывшіе дѣйствительными членами той или другой Новгородской общины, какъ богатые, такъ и бѣдные. какъ бояре и купцы такъ и черные люди; ибо, по свидѣтельству всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, приговоры или рѣшенія вѣча давались какъ отъ большихъ, такъ и отъ меньшихъ; но это отнюдь незначило, что на правильномъ вѣчѣ, собранномъ въ узаконенномъ порядкѣ, на узаконенномъ мѣстѣ и узаконенными властями, собирался поголовно весь народъ, т. е. и такъ называемые вольные люди, не состоящіе членами ни въ одной Новгородской общинѣ. Но совсѣмъ иное бывало, когда во время борьбы партій собиралось заразъ по нѣскольку вѣчей даже по домамъ; здѣсь уже едва ли соблюдался какой порядокъ и вѣроятно неспрашивалось, кто домохозяинъ кто бездомный бродяга; здѣсь вся забота состояла въ томъ только, чтобы

набрать побольше народу, составить толпу и имѣть заборныхъ предводителей толпы. Таковыя вѣча иногда собиравъ одинъ чернѣй народъ безъ участія старѣйшихъ или большихъ; такъ напримѣръ лѣтопись подѣ 1228 годомъ, описывая изгнаніе владыки Арсенія, говоритъ: „діаволъ воздвиже на Арсенія крамолу велику, простую чадь, и сотворше вѣче на Ярославѣ дворѣ и придоша на владыченъ дворъ“. Тогда какъ на правильномъ вѣчѣ должны были присутствовать степенный посадникъ и степенный тысяцкій; какъ напримѣръ подѣ 1418 годомъ лѣтопись говоритъ: послалъ владыка Симеонъ архимандрита Варлаама и отца своего духовнаго и протодіакона на Ярославѣ дворѣ на вѣче, да подадутъ благословеніе степенному посаднику Василью Есиповичу и тысяцкому Кузмѣ Терентьевичу, да идутъ въ дома своя.

Обычнымъ и законнымъ мѣстомъ собранія правильного вѣча были Ярославѣ дворъ и площадь у Софійской церкви; кромѣ того обычными законными мѣстами частныхъ вѣчей по концамъ города считались тѣ площади, гдѣ находилось мѣстное управленіе того или другаго конца. Вѣча же чрезвычайныя, неправильныя, собиравшіяся во время борьбы партій, неимѣли опредѣленныхъ мѣстъ для своего собранія; впрочемъ они собиравались преимущественно около церквей, чтобы воспользоваться для сбора народа церковнымъ колоколомъ. Иногда таковыя вѣча собирались по всему городу, у всѣхъ церквей: такъ подѣ 1418 годомъ лѣтопись говоритъ: „и начаша звони-

ти по всему городу, и начаша людіе срыскиватися съ обою странъ аки на рать, въ доспѣсѣхъ, на великій мостъ“ Или подъ 1218 годомъ въ лѣтописи сказано: „и звониша Ониполовици черезъ ночь у св. Николы, а Черевскій конецъ у сорока святыхъ копяче люди на Твердислава“. Правильное вѣче созывалось или княземъ или посадникомъ, и для этого князь или посадникъ посылали отъ себя биричей или подвойскихъ, которые ходили по улицамъ и созывали людей, которымъ должно идти на вѣче; такъ подъ 1345 годомъ въ лѣтописи сказано: „вста угъ вѣтеръ съ снѣгомъ, и снесе ледъ въ Волховъ, и выдра семь городень (моста) о обѣднѣ, только успѣлъ посадникъ степенный перейти со всѣмъ вѣчемъ на торговую сторону, т. е. на Ярославль дворъ или обычное мѣсто собранія законнаго вѣча. Это извѣстіе показываетъ, что правильное законное вѣче первоначально собиралось не на Ярославовомъ дворѣ или у церкви св. Софіи, а вѣроятно на той улицѣ, гдѣ жилъ степенный посадникъ, а потомъ уже торжественно шествовало подъ предводительствомъ посадника на Ярославль дворъ или къ церкви св. Софіи Звонъ колоколовъ для сбора вѣча преимущественно употреблялся только во время вражды партій, или при какомъ возстаніи, когда вдругъ являлось по нѣскольку вѣчей и когда не было возможности обращаться къ правильному приглашенію черезъ биричей и подвойскихъ. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ извѣстій о сборѣ вѣча по звону колокола, мы имѣемъ

только одно извѣстіе, что въ спокойное время было собрано вѣче по звону колокола, именно подъ 1299 годомъ въ лѣтописи сказано: „по представленіи же Климентовѣ (архіепископа), Новгородцы много гадавшѣ съ посадникомъ Андреемъ, възлюбивша вси Богомъ назнамѣннанна мужа добра и смиренна, Θεоктиста игумена св. Благовѣщенія; и съзвонивше вѣче у св. Софіи, князь Борисъ Андреевичъ со всѣми Новгородцы введоша его съ поклономъ и посадили на владычнемъ дворѣ“. Но и изъ этого извѣстія нельзя еще заключить, чтобы граждане были собраны на вѣче звономъ колокола, ибо въ этомъ извѣстіи прямо сказано, что еще до звона колокола посадникъ и Новгородцы много разсуждали кого избрать на мѣсто скончавшагося владыки, и уже только согласившись избрать Θεоктиста съзвонили вѣче; слѣдовательно по этому извѣстію звонъ колокола употреблялся не для сбора гражданъ, а только для открытія вѣча, когда граждане уже были на обычномъ вѣчевомъ мѣстѣ. Звонъ колокола слѣдовательно употреблялся только для открытія засѣданій правильнаго вѣча, и для сбора гражданъ на чрезвычайныя вѣча и на вѣча неправильныя, собираемыя во время возстанія

На правильное вѣче Новгородцы собирались каждый конецъ и каждая улица съ своими кончанскими и уличанскими старостами; какъ бояре, житьи люди, купцы, такъ и черные люди шли съ своими старостами и сотскими сперва къ степенному посаднику, повѣщавшему о сборѣ, и потомъ отъ не-

го и подъ его предводительствомъ и при степенномъ тысяцкомъ отправлялись на вѣче на Ярославль дворъ или къ церкви св. Софіи. А когда вѣче собиралъ князь, и вообще когда князь былъ въ согласіи съ Новгородцами и на это время былъ въ Новгородѣ то и онъ являлся на вѣче, а за его отсутствіемъ приходилъ его намѣстникъ. Но на вѣчѣ никогда не присутствовали ни владыка Новгородскій и никто изъ духовнаго чина; объ отсутствіи духовенства на вѣчѣ лѣтописи говорятъ прямо, даже и тогда, когда вѣче собиралось для избранія архіепископа; такъ подъ 1388 годомъ въ лѣтописи сказано, что по удаленіи на покой владыки Алексѣя, много гадавъ посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ игумены и попове.. изволиша, отъ Бога пріяти извѣщенія и уповати на милость его; и избрали трехъ мужей и положили три жеребьи на престолѣ св. Софіи.... И въ слѣдъ за тѣмъ іереи начали соборомъ обѣдную пѣти, а Новгородцы стояша вѣчемъ у св. Софіи“. Владыка только иногда приглашался вѣчемъ для преподанія благословенія, да и то уже по окончаніи разсужденій и споровъ, когда уже вѣче на что либо рѣшилось; такъ въ 1398 году Новгородцы, порѣшивши на вѣчѣ начать войну съ великимъ княземъ Московскимъ Василиемъ Дмитріевичемъ, просили на это благословенія у своего владыки Іоанна; въ лѣтописи сказано: „и били челомъ посадникъ Тимошей Юрьевичъ и посадникъ Юрьи Дмитріевичъ. Василій Борисовичъ и бояре. и дѣти боярскіе, и житыи люди,

и купетскіе дѣти и всѣ ихъ вои: благослови, го сподине отче владыко, поискати св Софіи приго- родовъ и волостей, паки ли свои головы положить за св. Софію.. И владыка Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей и воеводъ Новородскихъ и всѣхъ воиновъ“.

Граждане, собранные на правильное вѣче узаконеннымъ порядкомъ, пришедши на Ярославль дворъ, садились на приготовленныхъ для вѣча степеняхъ, вѣроятно каждый конецъ и каждая улица особо, при своихъ старостахъ и сотскихъ, степенный же посадникъ и степенный тысяцкій и старые посадники и старые тысяцкіе особо. На это мы имѣемъ указанія лѣтописей и другихъ памятниковъ: такъ на сидѣніе членовъ вѣча указываетъ одно лѣтописное извѣстіе подъ 1359 годомъ, въ которомъ сказано: „створися поторжъ не мала на Ярославль дворъ и сѣча бысть, понеже Славяне въ поспѣхахъ подсѣли и разогнали Зарѣчань, а тѣ безъ доспѣха были“. Или въ грамотѣ, данной вѣчемъ Соловецкому монастырю на Анзерскій и другіе острова, сказано, что грамота дана по благословенію владыки посадникомъ, тысяцкимъ и всѣми пятью концами Новгорода, и къ грамотѣ приложены печати владыки, степеннаго посадника, степеннаго тысяцкаго и пяти концевъ. На вѣчѣ, собранномъ правильно, всегда при посадникѣ и тысяцкомъ находился вѣчевый или вѣчный дьякъ и при немъ конечно подьячіе, на которыхъ лежали всѣ письменныя дѣла по вѣчу дьякомъ составлялись и скрѣплялись вѣчевыя грамоты. При правиль-

помъ вѣчѣ были свои официальные служители Новгородскіе биричи и подвойскіе, которые приводили въ исполненіе опредѣленія вѣча вмѣстѣ съ вѣчевымъ дьякомъ; такъ по приговору и по рѣшенію вѣча, въ 1456 году, Новгородскіе подвойскіе Степанъ Ильинъ, Степанъ Григорьевъ и вѣчный дьякъ Яковъ платили великому князю Василью Васильевичу условленные тысячу рублевъ и возвратили къ Новгороду Новгородскія земли, бывшія у великаго князя въ залогъ. Когда рѣшеніе вѣча состоялось и нужно было писать грамоту; то эта грамота писалась отъ всего Новгорода такимъ порядкомъ: „отъ посадника великаго Новгорода степеннаго (такого-то) и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ, и отъ тысяцкаго Великаго Новгорода степеннаго (такого-то) и отъ всѣхъ старыхъ тысяцкихъ, и отъ бояръ, и отъ житыхъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. Навѣчѣ на Ярославль дворѣ положили сдѣлать то-то.“ Вѣче имѣло свою печать, на которой писалось такъ: „печать Новгородская, или печать Великаго Новгорода.“ Вѣчевыя грамоты иногда утверждались еще печатями посадниковъ, тысяцкихъ и пяти концовъ.

Когда Новгородцы почему-либо ненадѣялись на успѣхъ вѣча, составленнаго только изъ гражданъ самаго Новгорода; то приглашали на свое вѣче и выборныхъ изъ Новгородскихъ пригородовъ; такъ въ 1136 году Новгородцы пригласили Псковичей и Ладжанъ и общимъ вѣчемъ рѣшили изгнать своего князя Всеволода Мстиславича. Впрочемъ таковыя

приглашенія были весьма рѣдки и нисколько не были нормальны и отнюдь не считались необходимыми, чтобы приговоръ вѣча былъ обязательенъ для всѣхъ Новгородскихъ пригородовъ; ибо обязательность приговоровъ Новгородскаго вѣча для пригородовъ нисколько не отрицалась, когда правильное вѣче собрано было только изъ однихъ гражданъ самаго Новгорода, какъ прямо сказано въ лѣтописи: „на чѣмъ то старшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть“ Ибо государемъ всей Новгородской земли и всѣхъ волостей былъ господинъ Великій Новгородъ, и по сему пригороды постоянно должны были находиться въ повиновеніи у Новгородскаго вѣча, оно посылало туда и своихъ посадниковъ и другихъ начальниковъ, или по крайней мѣрѣ утверждало выбранныхъ пригородомъ. Хотя и въ пригородахъ были свои вѣча; но этимъ ни мало не нарушалось и не стѣнялось значеніе Новгородскаго вѣча, какъ выраженіе воли всего Новгорода; пригороды были независимы въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, и по сему имѣли свои вѣча; но въ общихъ дѣлахъ всей Новгородской земли они повиновались Новгородскому вѣчу. •

Кромѣ правильно составленныхъ общихъ вѣчь отъ всего Новгорода и частныхъ вѣчь по концамъ и улицамъ было еще много вѣчь неправильныхъ, чрезвычайныхъ, собранныхъ безъ соблюденія обычныхъ формъ. Сія неправильныя или чрезвычайныя вѣча иногда составлялись однимъ концомъ, или одною улицею, иногда нѣсколькими концами и ули-

цами, иногда торговой стороною противъ Софійской стороны и наоборотъ, иногда одними черными людьми безъ участія другихъ классовъ. Такъ въ 1218 году Онополовцы, т. е. торговая сторона, съзвали вѣче у святаго Николы, а Неревляне у сорока святыхъ, собирая народъ на посадника Твердислава; а Твердиславъ съ Людинымъ концомъ и Пруссами составилъ свое вѣче, и вѣча сіи собирались цѣлую недѣлю. Или въ 1228 году черные люди, простая чадь, составляли вѣче на Ярославлѣ дворѣ противъ владыки Арсенія, отправили его въ Хутынь монастырь и возвели на владыченъ дворъ прежняго владыку Антонія; а на другій день всѣмъ городомъ прямо съ вѣча пошли въ оружіи на тысяцкаго Вячеслава и другихъ бояръ, разграбили ихъ дворы и выбрали новаго тысяцкаго. Или въ 1384 году Словенскій конецъ принялъ сторону князя Патрикія Наримановича и поставилъ вѣче на Ярославлѣ дворѣ, а противники Словенцевъ составили вѣче у св. Софіи. Бывали вѣча даже во время военныхъ походовъ, въ которыхъ разумѣется нельзя было соблюдать всѣхъ формъ, требовавшихся въ спокойное время, и въ которыхъ одинаковый голосъ подавали всѣ участвующіе въ походѣ. Впрочемъ неправильныя самовольныя вѣча начались въ Новгородѣ не раньше втораго десятилѣтія XIII вѣка, по крайней мѣрѣ по лѣтописямъ первое неправильное вѣче упоминается только съ 1218 года. Иногда неправильныя самовольныя вѣча принимали такіе размѣры и такую силу, что для правильнаго

вѣча не было уже и мѣста, такъ что сами степенные посадникъ и тысяцкій присоединялись къ которому-либо изъ самовольныхъ вѣчей и весь городъ разпадался на двѣ противныя стороны. Какъ это, на примѣръ, было въ 1418 году, когда во время народнаго мятежа составилось два вѣча,—одно у св. Софіи, а другое на Ярославлѣ дворѣ, и къ послѣднему пристали степенный посадникъ Василій Есиповичъ и степенный тысяцкій Козма Терентьевичъ, и когда по усиленной просьбѣ старыхъ посадниковъ и старыхъ тысяцкихъ архіепископъ Симеонъ вышелъ на Волховскій мостъ въ полномъ облаченіи и съ крестнымъ ходомъ, и подавая благословеніе той и другой сторонѣ, убѣдилъ посадниковъ и тысяцкихъ разпустить то и другое вѣче. А иногда неправильное самовольное вѣче одерживало верхъ надъ правильнымъ, лишало власти прежнихъ главныхъ начальниковъ, именно посадника и тысяцкаго, и выбирало своихъ новыхъ начальниковъ; такъ это было въ 1230 году, когда Степанъ Твердиславичъ самовольно составилъ вѣче на посадника Водовика, и это самовольное вѣче, одержавъ верхъ надъ правильнымъ вѣчемъ, выбрало въ посадники своего предводителя Степана Твердиславича, и въ тысяцкіе Никиту Петриловича.

За вѣчемъ въ Новгородскомъ правительствѣ слѣдовали выборныя власти, назначенныя самимъ вѣчѣмъ и прежде всего власти собственно Новгородскія, свои домашнія, избранныя изъ Новгородскихъ же гражданъ. Къ этому разряду Новгородскихъ вла-

стей принадлежали: 1. посадникъ, 2. тысяцкій, 3. старосты, 4. сотскіе, 5. биричи и 6. подвойскіе.

Посадникъ.

Посадникъ въ Новгородѣ былъ первою выборною властію (изъ Новгородцевъ) послѣ владыки. Посадники первоначально, также какъ и епископы, присылались въ Новгородъ изъ Кіева и были не больше какъ намѣстниками князя; но со времени борьбы Новгорода съ своимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ этотъ порядокъ измѣнился, и посадники изъ княжескихъ чиновниковъ обратились въ выборныхъ отъ народа съ властію немногимъ меньшею противъ княжеской власти, такъ что князь въ Новгородѣ ничего не могъ дѣлать безъ посадника. Первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, избранный Новгородскимъ вѣчемъ въ 1126 году. Въ посадники по Новгородскимъ порядкамъ выбирались исключительно одни бояре и притомъ изъ извѣстныхъ, богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ боярскихъ фамилій; такъ что въ продолженіе времени отъ 1126 до 1400 года по лѣтописямъ мы можемъ насчитать не болѣе сорока фамилій изъ которыхъ выбирались посадники и тысяцкіе; изъ нихъ нѣкоторые дали по нѣскольку посадниковъ почти слѣдовавшихъ одинъ за другимъ; такъ напримѣръ фамилія Михаила Степанича дала Новгороду двѣнадцать посадниковъ, ясно засвидѣтельствованныхъ лѣтописями въ продолженіе времени съ 1180 по 1388 г., т. е. въ продолженіи двухъ сотъ осми лѣтъ (*).

(*.) Мпхалъ Степанпчъ въ 1 разъ былъ выбранъ въ посадники въ 1180 году, а во второй разъ въ 1203 году; сынъ Мпхала Твер-

Избирались ли посадники на опредѣленный срокъ или безсрочно, объ этомъ нельзя сказать съ полною увѣренностію; но можно догадываться, судя по общему порядку выборовъ въ Новгородѣ, что въ санъ посадника, равно какъ и въ санъ владыки и въ другія должности, Новгородцы выбирали безсрочно, только съ неотъемлемымъ правомъ вѣча смѣнять выбраннаго

диславъ Михайловичъ въ первый разъ былъ выбранъ въ посадники въ 1209 году, а въ 1211 году уступилъ посадничество Дмитру Якуничу какъ старѣйшему, потомъ опять былъ посадникомъ въ 1214 году, а въ 1215 году дали посадничество Юрью Ивановичу, но въ 1216 году опять выбрали въ посадники Твердислава, и на этотъ разъ онъ управлялъ до 1220 года. Сынъ Твердислава Степанъ получилъ посадничество въ 1230 году и правилъ до 1243 года. Сынъ Твердислава Михалъ получилъ посадничество въ 1255 году. Сынъ Михалъ Мишиничъ выбранъ въ посадники въ 1273 году и былъ посадникомъ до 1280 года, потомъ другій сынъ Юрій Мишиничъ былъ посадникомъ съ 1290 по 1292 годъ. Сынъ Юрья Мишинича, Варфоломей былъ выбранъ въ посадники въ 1321 году, а двоюродный его братъ Захарій Михайловичъ, сынъ Михалы Мишинича, получилъ посадничество въ 1332 году, а Варфоломѣевъ сынъ Матвій въ 1345 году, потомъ въ 1350 году былъ выбранъ въ посадники Варфоломѣевъ внукъ, отъ сына Луки, Онцифоръ, а въ 1357 году Онцифоровъ дядя Андреянъ Захарьиничъ, сынъ Захаріи Михайловича, въ 1359 году другій внукъ Варфоломѣя Никита Матвѣевичъ, и наконецъ въ 1388 году Юръи Захарьиничъ, дядя Никиты Матвѣевича. Кромѣ того упоминаются посадники, кажется также изъ фамиліи Михалы Степанича, подъ 1402 годомъ Кириллъ Андреяновичъ, вѣроятно сынъ Андреяна Захарьинича, посадившаго въ 1357 году; потомъ еще посадники: подъ 1407 годомъ Псаакъ Онцифоровичъ, подъ 1411 годомъ Юръи Онцифоровичъ и подъ 1422 годомъ Лукьянъ Онцифоровичъ, вѣроятно дѣти Онцифора Лукинича. Кромѣ фамиліи Михалы Степанича, и по скуднымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ можно указать въ Новгородѣ еще нѣсколько фамилій, изъ которыхъ преимущественно выбирались посадники; таковы фамиліи: Мнрослава Гюрятинича, давшая Новгороду четырехъ посадниковъ, фамиліи Дмитра Завидича, фамиліи Онанья, Захаріи и другія.

посадника, какъ скоро вѣче признаеть его неудобнымъ. А посему нѣкоторые посадники исправляли свою должность по нѣскольку лѣтъ сряду; напримѣръ Мирошка Нездиничъ 14 лѣтъ, Степанъ Твердиславичъ безъ двухъ мѣсяцевъ 13 лѣтъ, Онанья 12 лѣтъ, Михайло Оедоровичъ 11 лѣтъ, Иванко Дмитровичъ 9 лѣтъ; а другіе посадники избирались по нѣскольку разъ; такъ первый выборный посадникъ Мирославъ Гюрятиничъ избирался три раза: въ 1126, въ 1132 и въ 1134 годахъ; сынъ его Якунь также избирался три раза въ 1137, въ 1156 и въ 1167 годахъ. Посадникъ Андрей Климовичъ въ первый разъ былъ выбранъ въ 1286 году и правилъ шесть лѣтъ. А были посадники, которые смѣнялись до истеченія года; какъ напримѣръ въ 1175 году дали посадничество Жирославу, и въ томъ же году отняли у него и дали Завиду Неревиничу. Лучшимъ свидѣтельствомъ, что посадники избирались не на срокъ, служить то, что въ лѣтописяхъ смѣна посадниковъ обыкновенно обозначалась выраженіями: *отъяша посадничество у такого-то и даша такому-то* или *выгнаша такого-то*, или *убиша*. А конечно, ежели бы посадникъ выбирался на срокъ, то не было бы надобности употреблять такія выраженія. При правильномъ выборѣ посадниковъ, кажется, наблюдалось старшинство боярскихъ фамилій; такъ подъ 1211 годомъ читаемъ: „прииде Дмитръ Якуничъ изъ Руси, и съступися Твердиславъ посадничества по своей воли старѣйшему себе, и даша посадничество Дмитру“ Посадники по приго-

родамъ выбирались также изъ Новгородскихъ боярскихъ фамилій. Мы имѣемъ нѣсколько извѣстій, въ которыхъ прямо говорится, что пригородскими посадниками были члены Новгородскихъ боярскихъ фамилій, выбираемые на эту должность Новгородскимъ вѣчемъ, и которые потомъ опять изъ пригородовъ выбирались вѣчемъ въ Новгородскіе посадники, или смѣненные съ посадничества въ Новгородѣ посылались посадниками по пригородамъ: такъ напримѣръ Мирославъ Гюрятиничъ, въ 1126 выбранный въ посадники Новгородскіе, въ 1132 году былъ назначенъ посадникомъ въ Псковъ, и чрезъ два года опять выбранъ въ посадники въ Новгородъ. Или Нежата въ 1160 году былъ выбранъ въ посадники въ Новгородъ, а въ 1164 году его перевели посадникомъ въ Ладугу Или въ 1229 году отняли посадничество у Иванка Дмитровича въ Новгородѣ и дали ему въ то же время посадничество въ Торжкѣ. Или въ 1257 году Ладожскаго посадника Михаила Феодоровича перевели посадникомъ въ Новгородъ. Вообще посадники Новгородскіе выбирались преимущественно изъ однихъ и тѣхъ же боярскихъ фамилій.

Въ Новгородѣ посадники раздѣлялись на *степенныхъ* и *старыхъ посадниковъ*. Степеннымъ посадникомъ назывался тотъ, который въ данное время правилъ городомъ, исправлялъ прямыя обязанности посадника; старымъ же посадникомъ назывался тотъ, который прежде былъ посадникомъ и въ данное время не управлялъ городомъ. Какъ въ

древнемъ Римѣ разъ бывшій консуломъ на всю жизнь оставался консуляромъ, такъ и въ Новгородѣ разъ бывшій степеннымъ посадникомъ на всю жизнь оставался старымъ посадникомъ и имѣлъ нерѣдко преимущество въ общественной службѣ предъ другими боярами, не бывшими въ посадникахъ. Старымъ посадникомъ въ Новгородѣ преимущественно поручались разныя важныя государственныя дѣла, они предводительствовали войсками и правили посольства въ сосѣднія государства участвовали въ пріемѣ пословъ отъ сосѣднихъ государей и утверждали договорныя грамоты вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ; но ихъ именъ въ самыхъ грамотахъ не прописывалось, они только прикладывали къ грамотамъ свои печати, которыя отличались отъ печати степеннаго посадника тѣмъ, что въ нихъ прописывалось имя того, чья печать. напримѣръ: „Яковлева печать, посадника Новгородскаго.“ „Юрьева печать Ивановича, посадника Новгородскаго“, тогда какъ на печати степеннаго посадника имени не прописывалось, а обозначалась просто: „Новгородская печать посадника.“ Впрочемъ печати старыхъ посадниковъ не всегда прикладывались къ договорнымъ грамотамъ, и притомъ рядомъ съ печатями старыхъ посадниковъ помѣщались и печати бояръ не бывшихъ посадниками; такъ напримѣръ изъ одиннадцати печатей, приложенныхъ къ договорной грамотѣ Новгорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, писанной въ 1317 году, впереди помѣщены двѣ печати посадника и тысяцкаго степен-

ныхъ, потомъ печать боярина Сильвестра, на четвертомъ мѣстѣ печать стараго тысяцкаго Филиппа, на пятомъ, шестомъ и седьмомъ мѣстахъ печати старыхъ посадниковъ Якова Андрѣянова и Юрья Ивановича; осьмое мѣсто занимаетъ печать стараго тысяцкаго Онисія; девятое, десятое и одиннадцатое мѣста занимаютъ печати бояръ Лева Еремѣевича, Семена Андреевича и Степанова. Изъ этого порядка печатей видно, что основаніе старшинства полагалось не въ томъ, занималъ ли какой бояринъ прежде должность посадника или тысяцкаго, а вѣроятно въ старшинствѣ фамилій; ибо печать боярина Сильвестра помѣщена впереди всѣхъ печатей старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Такимъ образомъ старые посадники не составляли въ Новгородѣ какого-либо отдѣльнаго правительственнаго класса, а сошедши съ степени настоящаго правительствующаго посадника, поступали въ разрядъ бояръ, удерживая только за собою имя старыхъ посадниковъ, но отнюдь не дѣлаясь чрезъ это выше бояръ не бывшихъ посадниками; между боярскими фамиліями былъ свой счетъ старѣйшинства безъ отношенія къ тому, какую кто занималъ должность.

Старый посадникъ, т. е. человѣкъ лишившійся достоинства степеннаго посадника, обыкновенно продолжалъ поддерживаться своею партією, и при удобномъ случаѣ опять получалъ званіе степеннаго посадника; а до пріисканія таковаго случая занималъ какую либо низшую должность напримѣръ должность посадника въ пригородѣ, или должность

тысяцкаго, или должность кончанскаго, или уличанскаго старосты; а когда его партія вновь получала побѣду надъ противниками, то и онъ возвращалъ свое достоинство, разумѣется по новому выбору вѣча, на которомъ руководила его торжествующая партія; такъ напримѣръ первый выборный посадникъ Мирославъ въ 1128 году былъ лишенъ степени посадничества въ Новгородѣ, а въ 1132 году получилъ посадничество во Псковѣ, черезъ два же года опять получилъ посадничество въ Новгородѣ. Иногда же старый посадникъ вовсе не получалъ никакой общественной должности, но тѣмъ не менѣе оставался предводителемъ своей партіи и нерѣдко дѣйствовалъ противъ степеннаго посадника; такъ напримѣръ въ 1418 году старые посадники и тысяцкіе во время мятежа составили съ своими сторонниками вѣче на Софійской сторонѣ, а степенные посадникъ Василій Есиповичъ и тысяцкій Козма Терентьичъ созвали вѣче на Ярославовомъ дворѣ; и старые посадники принудили степенныхъ посадника и тысяцкаго распустить свое вѣче и разойтись по домамъ. Впрочемъ все это дѣлали старые посадники, не потому что они были старыми посадниками, а потому что они предводительствовали достаточно сильною боярскою партіею; оставленная же степень посадника имъ не сообщала ни особой силы, ни особого значенія.

Степенный посадникъ въ Новгородѣ былъ собственно главнымъ и полнымъ представителемъ Нов-

города въ дѣлахъ мира и войны и въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами, замѣняющимъ на данное время волю вѣча. Всѣ договоры Новгорода съ сосѣдями, ежели они не были писаны прямо отъ имени вѣча, писались отъ имени посадника, владыки и тысяцкаго; впрочемъ имена послѣдникъ иногда и пропускались, отъ ихъ же имени безъ имени посадника немогла быть написана ни одна грамота, относящаяся къ цѣлому Новгороду. Посадникъ собственно былъ правителемъ Новгорода отъ земщины, постояннымъ органомъ народной воли, выбраннымъ на эту службу вѣчемъ. Западные Европейцы въ сношеніяхъ своихъ съ Новгородомъ обыкновенно посадника Новгородскаго называли Бурграфомъ. Значеніе степеннаго посадника въ Новгородѣ такъ было велико, что Новгородцы въ иное время оставались довольно продолжительно безъ князя за однимъ посадникомъ; такъ на примѣръ лѣтопись подъ 1167 годомъ говоритъ: „тогда дали посадничество Якуну; и сидѣли Новгородцы безъ князя за Якуномъ отъ Семеня дни до велика дни“, т. е. слишкомъ семь мѣсяцевъ, и притомъ въ самое трудное время, когда Новгородъ тѣснили сосѣдніе князья и навязывали Новгородцамъ князя противъ ихъ воли. Посадникъ въ своемъ управленіи на столько былъ самостоятеленъ, что по закону не иначе могъ быть смѣненъ княземъ, какъ только по опредѣленію вѣча, и то по суду когда онъ окажется въ чемъ нибудь виноватымъ. Такъ когда въ 1218 году князь Святославъ прислалъ сказать

на вѣщѣ, что не можетъ быть съ Твердиславомъ и отнимаетъ у него посадничество; то вѣче спросило въ чѣмъ виновать Твердиславъ; и на отвѣтъ князя, что онъ лишаетъ его посадничества безъ вины, Новгородцы отвѣчали: „княже! ежели нѣтъ за нимъ вины, то ты къ намъ крестъ цѣловаль, безъ вины мужа не лишити; а тебѣ кланяемся, а Твердиславъ нашъ посадникъ, мы не уступимъ“.

Права и обязанности степеннаго Новгородскаго посадника состояли въ слѣдующемъ: 1-е. Посадникъ былъ необходимымъ посредникомъ между княземъ и народомъ; такъ что князь безъ посадника неимѣлъ права ни судить, ни управлять въ Новгородѣ; даже военные походы князя всегда были въ сопровожденіи посадника, князь былъ непосредственнымъ и главнымъ начальникомъ только надъ своею дружиною, или надъ повольниками, ежели они къ нему присоединялись; полки же Новгородскіе, правильно собранные по раскладкѣ, всегда были подъ непосредственнымъ начальствомъ посадника или того воеводы, которому посадникъ или вѣче поручить ихъ; и посадникъ или воевода, предводительствуя войскомъ Новгородскимъ, отвѣчали не передъ княземъ а передъ вѣчемъ. 2-е. У посадника была Новгородская печать съ такимъ штемпелемъ: „Новгородская печать посадника“; эта печать прикладывалась ко всѣмъ грамотамъ, выдаваемымъ отъ имени посадника. 3-е. Посадникъ созывалъ вѣче, велъ его торжественно на Ярославовъ дворъ и открывалъ собраніе, предлагалъ на разсмотрѣніе вѣ-

ча вопросы по дѣламъ требовавшимъ вѣчеваго рѣшенія; правильно собранное вѣче обыкновенно находилось подъ руководствомъ посадника, онъ смотрѣлъ за порядкомъ, и разсуждалъ съ членами вѣча. Въ лѣтописяхъ о правильныхъ вѣчахъ обыкновенно говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „гадавъ посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ, рѣшили такъ-то“ Или: „много гадавшие съ посадникомъ и тысяцкимъ рѣшили то-то“. Или подъ 1264 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „сдумавше съ посадникомъ Михайломъ, послаша по князя Ярослава брата Александра“. 4-е. Посадникъ предводительствовалъ Новгородскимъ войскомъ и водилъ его въ походы даже безъ князя; такъ въ 1167 году посадникъ Якунь водилъ Новгородскіе полки къ Русѣ, противъ князя Святослава и его союзниковъ. Онъ же защищалъ Новгородъ 1169 году противъ рати Андрея Боголюбскаго. Или въ 1270 году Новгородскою ратью, противъ князя Ярослава Ярославича, предводительствовалъ посадникъ Павша Ананьичъ. 5-е. Посадникъ укрѣплялъ какъ самый Новгородъ, такъ и пригороды по приговору вѣча, или распоряженію князя; такъ въ 1211 году князь Мстиславъ, отправившись самъ защищать Торжекъ, посадника Дмитрія Якунича съ Новгородцами послалъ на Луки ставить городъ. 6-е. Посадникъ отъ имени Новгорода велъ переговоры съ сосѣдними владѣтелями; а посему во всѣхъ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ прописывалось имя посадника, при которомъ заключенъ миръ Иногда посадникъ для

переговоровъ ѣздилъ къ тому князю, съ которымъ у Новгорода было какое либо дѣло, требовавшее переговоровъ; также иногда посадникъ съ владыкою и другими выборными ѣздили приглашать князя въ Новгородъ. 7-е. Посадникъ былъ защитникомъ гражданъ противъ князя, ежели бы тотъ вздумалъ обижать ихъ; по закону князь не имѣлъ права арестовать и осудить Новгородца безъ согласія посадника а посему князья всегда старались о томъ, чтобы посадникъ былъ изъ ихъ сторонниковъ. 8-е. Посадникъ съ тысяцкимъ новоизбраннаго владыку Новгородскаго вводилъ въ домъ св. Софіи на сѣни, т. е. передавалъ новоизбранному управленіе Новгородскою церковію. 9-е. Должности посадника, равно какъ и должности тысяцкаго были предоставлены опредѣленные доходы съ разныхъ областей, подъ именемъ поралья посаднича и тысяцкаго.

Вліяніе посадника въ Новгородъ такъ было сильно, что за посадника, въ случаѣ нападеній отъ князя, вступался народъ, бралъ оружіе и защищаль посадника; такъ въ 1220 году за посадника Твердислава вооружились противъ князя Всеволода Прусы, Людинъ конецъ и Загородцы и стали около Твердислава пятью полками. Вообще, чтобы ссадить посадника, на это требовалось согласіе большинства, и ежели у посадника была сильная партія, то дѣло необходимо безъ боя и грабежа на улицахъ; такъ напримѣръ въ 1388 году три конца Софійской стороны возстали на посадника Есипа Захарынича, созвонили вѣче у св. Софіи и пря-

мо съ вѣча въ оружіи бросились на его дворъ и сожгли хоромы и все разграбили. Посадникъ бѣжалъ за рѣку въ Плотницкій конецъ и за него стала вся торговая сторона, начали грабить людей отбивать перевозниковъ отъ берега, а перевозныя суда рубить; и въ такомъ положеніи городъ находился цѣлыхъ двѣ недѣли; и только по истеченіи этого времени обѣ стороны успѣли согласиться и смѣнили посадника Есипа Захарьинича, и дали посадничество Василью Ивановичу. При общемъ же согласіи народа смѣна посадника по приговору вѣча производилась тихо, безъ споровъ. Степень посадничества вѣче передавало новому избранному лицу, а посадникъ, лишенный своей степени, или оставался почетнымъ лицомъ съ именемъ стараго посадника, или получалъ другое назначеніе, посылался посадникомъ куда въ пригородъ, или отправлялся воеводою въ какой либо походъ, или посланникомъ къ какому либо государю. Впрочемъ такъ мирно кончалась смѣна посадника только тогда, когда посадникъ просто былъ неугоденъ народу или торжествующей партіи; но когда смѣненный посадникъ подозрѣвался въ измѣнѣ или въ недоброжелательствѣ господину великому Новгороду, то дѣло кончалось далеко не мирно таковой посадникъ при смѣнѣ нерѣдко платился жизнию. Такъ въ 1141 году посадникъ Якунъ Мирославичъ за свою преданность князю Святославу Ольговичу едва не былъ убитъ на вѣчѣ; его уже раздѣли до нага и сбросили съ моста въ Волховъ; когда же онъ неуго-

нуль, то взяли съ него 1000 гривенъ, а съ брата его Прокопья 100 гривенъ и заточили обоихъ въ Чудь, оковавши руки и шею цѣпями. А въ 1167 году посадникъ Захарія былъ убитъ на вѣчѣ за измѣнническія сношенія съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ. Точно также въ 1257 году вѣче казнило смертію посадника Михаила Степанича за его потворство самовластію князя Александра. А въ 1209 году народъ даже хотѣлъ лишить погребенія умершаго посадника Дмитра Мирошкинича и разграбилъ дома его и его родственниковъ.

Тысяцкій. Тысяцкіе, также какъ и посадники, выбирались вѣчемъ изъ боярскихъ фамилій, изъ тѣхъ же самыхъ, изъ которыхъ выбирались и посадники. Санъ тысяцкаго въ Новгородѣ очевидно былъ ниже сана посадника; ибо изъ тысяцкихъ выбирали въ посадники, такъ что санъ тысяцкаго былъ, хотя не необходимою, ступеню къ посадничеству. Тысяцкіе, судя по грамотѣ князя Всеволода Мстиславича, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, были собственно начальниками черныхъ людей; такъ какъ посадникъ былъ земскимъ начальникомъ всего Новгорода. Тысяцкій имѣлъ большое значеніе, онъ черезъ подчиненныхъ ему черныхъ людей могъ многое сдѣлать на вѣчѣ; черные люди, составляли большинство, и по его указанію могли пересилить лучшихъ людей. А посему бывали случаи, что иногда князь, поддерживаемый своею партією, поднималъ вѣче на тысяцкаго; такъ въ 1215 году князь Ярославъ Всеволодовичъ поднялъ вѣче на тысяцкаго

Якуна Намиѣжича. Также иногда и народъ возставалъ на тысяцкаго; такъ въ 1228 году сказано въ лѣтописи: „взмятеся весь городъ и пошли съ вѣча въ оружіи на тысяцкаго Вячеслава и разграбили дворъ его и брата его Богуслава и другихъ ихъ пріятелей, говоря, что они на зло князя водятъ, и отняли тысяцкое у Вячеслава и дали Борису Негочевичу“.

Тысяцкій сперва назначался княземъ. какъ прямо сказано въ Всеволодовой грамотѣ, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ: „язъ, князь Всеволодъ, поставилъ есми три старосты отъ житыхъ людей, и отъ черныхъ людей тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты“ Но вмѣстѣ съ появленіемъ въ Новгородѣ посадниковъ выборныхъ отъ вѣча, а не по назначенію князя, и тысяцкіе также стали выбираться вѣчемъ, но съ котораго именно года—неизвѣстно и конечно, сдѣлавшись выборнымъ отъ вѣча, тысяцкій получилъ бѣльшее значеніе, нежели какъ былъ чиновникомъ князя. И уже въ XII столѣтіи имя тысяцкаго въ договорныхъ грамотахъ Новгорода ставится въ слѣдъ за именемъ князя и посадника; такъ договорная грамота князя Ярослава Владимировича и Новгородцовъ съ Нѣмцами, заключенная 1195 году начинается такъ: „Се язъ князь Ярославъ Володимиричъ, сгадавъ съ посадникомъ Мирошкою и съ тысяцкимъ Яковомъ и со всеми Новгородцы, подтвердили мира стараго“. Подобно тому какъ посадники, сошедшіе съ посаднической степени, получали на всю жизнь званіе ста-

рыхъ посадниковъ, точно также и тысяцкіе, сошедши со степени, получали названіе старыхъ тысяцкихъ, въ отличіе отъ степенныхъ тысяцкихъ, и принимали дѣятельное участіе и въ военныхъ, и въ гражданскихъ дѣлахъ, и въ сношеніяхъ Новгорода съ сосѣдними государствами; мы ихъ печати встрѣчаемъ въ договорныхъ и въ другихъ Новгородскихъ грамотахъ въ слѣдъ за печатями степенныхъ тысяцкихъ, а по лѣтописямъ старые тысяцкіе наравнѣ съ старыми посадниками бывали воеводами въ Новгородскихъ полкахъ и участниками въ посольствахъ и переговорахъ съ сосѣдними государствами, а также членами вѣча вмѣстѣ съ другими боярами.

Права и обязанности степеннаго тысяцкаго были слѣдующія: 1) Степенный тысяцкій вмѣстѣ съ княземъ и посадникомъ предводительствовалъ Новгородскимъ войскомъ, какъ вождь и начальникъ черныхъ людей; такъ въ лѣтописи подъ 1268 годомъ сказано, что когда въ Ракоборскомъ бою палъ степенный посадникъ Михаилъ Ѳедоровичъ и пропалъ безъ вѣсти степенный тысяцкій Кондрать; то по возвращеніи домой, Новгородцы на мѣсто убитаго Михаила выбрали въ посадники Павшу Ананьича, а тысяцкое не дали никому, поджидая вѣстей, не живъ ли еще Кондрать. У иностранцевъ въ ихъ договорныхъ грамотахъ съ Новгородцами, писанныхъ по латыни, Новгородскій тысяцкій прямо называется *dux* (вождь, полководецъ). 2) На обязанности тысяцкаго лежало заботиться вмѣстѣ съ

посадникомъ о городскихъ укрѣпленіяхъ; такъ подъ 1335 годомъ въ лѣтописи сказано: „Владыка Василій съ своими дѣтьми съ посадникомъ Ѳеодоромъ Даниловичемъ и съ тысяцкимъ Остафіемъ и со всѣми Новгородцами заложили острогъ каменный.“ 3) Тысяцкій вмѣстѣ съ посадникомъ ведутъ переговоры съ сосѣдними государями, отправляютъ посольства и заключаютъ миръ, разумѣется по рѣшенію вѣча. Такъ въ 1348 году король Шведскій Магнусъ велъ переговоры съ владыкою, посадникомъ и тысяцкимъ, и требовалъ, чтобы Новгородцы прислали на съѣздъ своихъ ученыхъ спорить о вѣрѣ, чья лучше; на что владыка Василій, посадникъ Ѳеодоръ Даниловичъ и тысяцкій Аврамъ со всѣми Новгородцами отвѣчали Магнусу: „ежели хочешь узнать которая вѣра лучше, пошли въ Царьградъ къ патріарху, а съ тобою не споримъ о вѣрѣ; ежели же между нами есть какая обида, то о томъ шлемъ къ тебѣ на съѣздъ“; и послали къ Магнусу тысяцкаго Авраама, Кузму Твердиславля и иныхъ бояръ. Или въ договорной грамотѣ 1372 года съ в. княземъ Дмитріемъ Донскимъ сказано: „се приѣхали къ в. к. Дмитрію Ивановичу отъ владыки Алексѣя, отъ посадника Юрья, отъ тысяцкаго Олисыя и отъ всего Новгорода Иванъ посадникъ, Василій Ѳеодоровъ и проч. 4) Степенный тысяцкій былъ необходимымъ товарищемъ и помощникомъ посадника при открытіи народнаго вѣча, они вмѣстѣ наблюдали за порядкомъ на вѣчѣ, вмѣстѣ предлагали дѣла на разсужденіе; во всѣхъ извѣстіяхъ

о правильно созданныхъ вѣчахъ мы непременно встрѣчаемъ степеннаго посадника и степеннаго тысяцкаго; во всѣхъ грамотахъ, издаваемыхъ вѣчемъ, писались имена степенныхъ посадника и тысяцкаго, въ слѣдъ за именемъ владыки Новгородскаго или за именемъ князя, ежели онъ участвовалъ въ изданіи грамоты; всѣ переговоры съ иностранными государствами велись отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода; въ договорныхъ грамотахъ также непременно прописывалось имя степеннаго тысяцкаго во всякомъ случаѣ, т. е. писалась ли грамота отъ имени Новгородскаго князя или отъ имени вѣча. 5) Тысяцкій имѣлъ свой отдѣльный судъ, независимый отъ князя и посадника, судъ чисто земскій, народный, на которомъ не участвовали княжіе судьи и съ котораго не шло судебныхъ пошлинъ въ казну князя. По свидѣтельству грамоты князя Всеволода Мстиславича, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, тысяцкій съ пятью старостами преимущественно завѣдывалъ судомъ по торговымъ дѣламъ, а также вѣроятно судомъ между черными людьми. Въ грамотѣ Всеволода прямо сказано о судѣ тысяцкаго и старостъ: „управливати имъ всякая дѣла торговая Иванская и гостинная; а Мирославу посаднику въ то невступатися, ни бояромъ Новгородскимъ.“ Тоже говоритъ и судная Новгородская грамота 1471 года: „а тысяцкому судъ свой судити“. 6) Тысяцкіе имѣли свою печать, которая прикладывалась къ договорнымъ, жалован-

нымъ и другимъ Новгородскимъ грамотамъ въ слѣдъ за печатью посадника; а конечно дѣла подлежащія суду тысяцкаго утверждались и печатью тысяцкаго. 7) Тысяцкій также какъ и посадникъ имѣлъ по закону опредѣленные доходы съ разныхъ Новгородскихъ областей, которыя были приписаны на путь тысяцкаго.

Сотскіе подобно тысяцкимъ выбирались вѣчемъ, и судя по грамотѣ Всеволода Мстиславича о судѣхъ церковныхъ и десятинѣ, они въ Новгородѣ изконіи были выборными отъ народа; даже тогда, когда посадники и тысяцкіе еще назначались княземъ въ грамотѣ сказано: „язь князь Всеволодъ созвалъ есмь десять сотскихъ и старосту Болеслава и бирюча Мирошку, и старосту Иванскаго Васяту; и погадавъ со владыкою и съ своею княгинею, и съ своими бояры и съ десятию сотскими и съ старостами, далъ есмь судъ и мѣрила „ которыя на торгу въ Новгородѣ св. Софін.“ Здѣсь князь приглашаетъ къ себѣ на совѣтъ сотскихъ и старостъ, какъ выборныхъ представителей Новгорода, и разсуждаетъ съ ними о привиллегіяхъ церкви, между тѣмъ незоветь къ себѣ для разсужденія объ этомъ предметѣ ни посадника, ни тысяцкаго, которые тогда еще не были выборными отъ народа, и назначались княземъ. Сотскихъ по свидѣтельству Всеволодовой грамоты было десять; то же число ихъ оказывается и по уставу о мостахъ, принадлежащему Ярославу, княжившему въ Новгородѣ во 2-й половинѣ XIII столѣтія. Сотскіе судя по Яросла-

Сотскіе.

вову уставу были изъ значительныхъ боярскихъ фамилій, и бывшіе сотскими выбирались въ тысяцкіе, слѣдовательно и посадники; такъ на примѣръ изъ сотскихъ Ярослава устава Кондрать былъ тысяцкимъ въ 1268 году, а другій сотскій Ратиборъ по настоянію Ярослава былъ избранъ въ тысяцкіе въ 1269 году, когда Кондрать въ Раковорскомъ бою пропалъ безъ вѣсти. Сотскіе подобно тысяцкимъ имѣли большое значеніе и принимали дѣятельное участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ; такъ по лѣтописямъ знаемъ, что въ 1118 году сотскій Ставръ, какъ опасный человѣкъ, былъ отправленъ Мономахомъ и Мстиславомъ въ заточеніе вмѣстѣ съ другими Новгородскими боярами, вѣроятно недоброжелательными къ князьямъ Или въ 1195 году сотскій Никифоръ съ посадникомъ Мирошкою и Борисомъ Жирславичемъ были отправлены послами къ Всеволоду князю Суздальскому просить у него сына въ Новгородскіе князья. Или въ 1197 году лѣтопись говоритъ: „позваны Всеволодомъ и отправились изъ Новгорода передніе мужи и сотскіе и взяли Ярослава со всею правдою и честію.“ Или въ 1216 году сотскій Иларіонъ былъ въ походѣ противъ Суздальскихъ князей Юрія и Ярослава Всеволодовичей, вмѣстѣ съ Новгородскимъ княземъ Мстиславомъ удалымъ и Новгородскими полками, и передъ Липецкою битвою правилъ отъ Мстислава и Новгородцовъ посольство къ князю Юрію Всеволодовичу. А по договорной грамотѣ Новгорода съ Ярославомъ Ярославичемъ великимъ княземъ

Тверскимъ. писанной въ 1265 году значитса, что иногда и самыя договорныя грамоты писались отъ владыки, посадника, тысяцкаго и отъ сотскихъ; въ грамотѣ сказано: „благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника Михаила, и отъ тысяцкаго Ковдрата и отъ всѣхъ сотскихъ“. Слѣдовательно сотскіе были одни изъ старѣйшихъ представителей Новгорода, наравнѣ съ посадникомъ и тысяцкимъ.

Но какія прямыя и постоянныя права и обязанности принадлежали сотскимъ, какъ начальникамъ сотенъ, и что такое въ Новгородѣ значила сотня, и какъ она относилась къ концамъ и улицамъ, и какое было отношеніе сотскаго къ старостамъ кончанскимъ и уличанскимъ, къ посаднику, тысяцкому и вѣчу все это по дошедшимъ до насъ памятникамъ заподлинно неизвѣстно. Впрочемъ, судя по Ярославову уставу о мостовыхъ, сотни въ Новгородѣ не были топографическими единицами, или бытовыми общинами какъ концы и улицы; ибо онѣ носятъ названіе не по мѣстностямъ, а по именамъ сотскихъ; такъ въ уставѣ сказано: „Давыджа ста, Слѣпцева ста, Бовыкова ста, Олексина ста, Ратиборова ста, Кондратова ста, Сидорова ста“; слѣдовательно въ другое время тѣже сотни носили другія названія, по именамъ современныхъ сотскихъ: Клементьева ста, Борисова ста, Мирославля ста, Незилова ста и подоб. А по сему должно предполагать, что дѣленіе Новгорода на сотни было чисто административное, а не бытовое; сотня по всему вѣроятію выражала десятую долю всего Новго-

рода, ибо по дошедшимъ до насъ памятникамъ полагаюсь десять сотенъ и десять сотскихъ; подобно тому какъ въ послѣдствіи было иное дѣленіе всѣхъ владѣній Новгородскихъ на пятины, точно также административное, а не бытовое. По Всеволодову уставу о судѣхъ церковныхъ и о мѣрилахъ торговыхъ, сотскимъ вмѣстѣ съ владыкою было поручено попеченіе о главной святынѣ Великаго Новгорода, о церкви св. Софіи; въ уставѣ сказано: „а домъ святой Софіи владыкамъ строить съ сотскими; а старостамъ и торговцамъ докладывая владыки, или кто будетъ нашего роду князей въ Новгородѣ, строить домъ св. Іоанна“. Сотскіе, будучи въ Новгородѣ помощниками или подчиненными тысяцкаго, начальниками десятой доли Новгорода, по пригородамъ и волостямъ замѣняли тысяцкихъ, и какъ въ Новгородѣ на весь городъ былъ одинъ тысяцкій, такъ въ волостяхъ на всю страну, составляющую ту или другую волость Новгорода, былъ одинъ сотскій; такъ и уставная грамота в. к. Василья Дмитріевича Двинской землѣ въ 1398 году говоритъ о сотскомъ, какъ о начальникѣ черныхъ людей во всей Двинской землѣ; въ грамотѣ сказано: „се язъ князь великій пожаловалъ есть бояръ своихъ Двинскихъ, также сотскаго и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскія земли“. По всему вѣроятію сотскимъ принадлежалъ непосредственный надзоръ за порядкомъ и тишиною въ своей сотнѣ, онъ же конечно долженъ былъ водить свою сотню на вѣче, подѣ его же наблюдениемъ, кажется, находилась раскладка

сбора податей и повинностей въ сотнѣ, т. е. въ десятой долѣ города; въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ мы не рѣдко встрѣчаемъ выраженіе: „кто купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ поидетъ въ свой погостъ, или потугъ, какъ пошло къ Новгороду“, т. е. куда онъ тянетъ судомъ и данью.

Старосты по времени учрежденія были самыми старшими выборными начальниками въ Новгородѣ, они первые стали выбираться вѣчемъ, когда еще не выбирались ни сотскіе, ни тысяцкіе, ни посадники; по лѣтописямъ старосты упоминаются еще при Ярославѣ Великомъ. Въ 1019 году Ярославъ, побѣдивши окончательно Святополка, отпуская помогавшихъ ему Новгородцовъ, далъ старостамъ по десяти гривенъ. Въ Новгородѣ каждая община имѣла своего выборнаго старосту, и потому старосты были нѣсколькихъ разрядовъ, отъ выборнаго старосты въ томъ или другомъ погостѣ между крестьянами, до кончанскаго старосты въ Новгородѣ, представителя цѣлаго конца, т. е. пятой части Новгорода. Къ высшему разряду старость, принимавшему самое дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода со всѣми его владѣніями, принадлежали старосты кончанскіе и уличанскіе; за ними слѣдовали старосты отъ житеихъ людей и отъ купцовъ, какъ представители и непосредственные выборные начальники торговаго класса въ Новгородѣ, и заправлявшіе торговыми дѣлами, слѣдовательно также имѣвшіе большое вліяніе и вообще на общественную Новгородскую жизнь, такъ какъ Новго-

родъ велъ обширную торговлю и по преимуществу былъ торговымъ государствомъ въ Русской землѣ.

Кончанскіе и уличанскіе старосты созывали кончанскія и уличанскія вѣча и разбирали всѣ дѣла своего конца или улицы. А какъ въ кончанскихъ и уличанскихъ вѣчахъ одинаково участвовали всѣ классы жителей, конца или улицы; а каждая улица и каждый конецъ, какъ мы уже видѣли, имѣли своихъ бояръ, и своихъ купцовъ, и своихъ черныхъ людей, изконныхъ жителей конца или улицы; и конечно главными представителями каждой улицы и за тѣмъ конца были изконные уличанскіе бояре, которые постоянно пользовались уваженіемъ своихъ уличанъ и руководили ими въ общественныхъ дѣлахъ; то отсюда естественно и уличанскіе и кончанскіе старосты исключительно избирались изъ уличанскихъ боярскихъ фамилій. Уличанскіе и кончанскіе старосты представляли чисто бытовое учрежденіе. независимое отъ административныхъ распоряженій; уличанскій или кончанскій староста былъ собственно представитель данной мѣстности, безъ отношенія къ тому, къ какому классу принадлежать жители этой мѣстности, т. е. конца или улицы; онъ собственно представлялъ конецъ или улицу, и его выбирали всѣ жители улицы или конца безъ различія классовъ, и также всѣ безъ различія подчинялись ему по мѣсту жительства, и онъ ихъ судилъ и рядилъ только какъ жителей его конца или улицы. Кончанскіе или уличанскіе старосты, будучи изъ почетнѣйшихъ боярскихъ фамилій

своего конца или улицы, имѣли въ Новгородскомъ правительствѣ большое значеніе не только какъ представители своихъ избирателей, всегда готовыхъ поддержать ихъ своею силою; но и вообще какъ люди богатые, знаменитые и имѣющіе свои связи и партіи; они иногда имѣли такую силу, что дѣлались опасными для вѣча. могли легко поднять не только свою улицу или конецъ, но по своимъ связямъ возмутить и другія улицы, особенно во время борьбы партій, что не рѣдко бывало въ Новгородѣ. А посему бывали случаи, что на инаго старосту вмѣстѣ съ другими боярами поднималось цѣлое Новгородское вѣче; такъ подъ 1228 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „и поидоша съ вѣча въ оружьи на тысяцкаго Вячеслава, разграбили дворъ его, и брата его Богуслава, и Андреичевъ владычня столыника, и Давыдковъ Софійскаго, и Судимировъ; а на Душильда на Липньскаго старосту. тамо послаша грабить, а самага хотѣли повѣсить; но онъ убѣждалъ къ Ярославу, а жену его схватили, говоря: „сіи на зло князя водятъ“.

Кончанскіе и уличанскіе старосты, какъ главные начальники концовъ и улицъ, собирали, открывали и руководили кончанскія и уличанскія вѣча, водили своихъ кончанъ и уличанъ на общее вѣче на Ярославовъ дворъ, или къ св. Софіи, и присутствовали на общемъ вѣчѣ съ своими уличанами и кончананами, имѣли свои кончанскія и уличанскія печати, которыми утверждали не только дѣла своего конца или улицы; но кончанскіе старосты даже нерѣд-

ко прикладывали свои печати къ договорнымъ и другимъ грамотамъ отъ общаго Новгородскаго вѣча; такъ въ жалованной грамотѣ, данной отъ Новгородскаго вѣча Троицкому Сергіеву монастырю въ 1477 году, въ концѣ сказано: „Къ сей грамотѣ господинъ преосвященный архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, владыка Теофанъ приложилъ свою печать, а посадникъ степенный Михайло Семеновичъ приложилъ свою печать, а тысяцкій степенный Ѳеодоръ Лукиничъ приложилъ свою печать, а изо всѣхъ пяти концовъ приложиша по печати“. Кончанскіе и уличанскіе старосты участвовали и въ военныхъ походахъ, и въ посольствахъ отъ Новгородскаго вѣча.

Старосты житыхъ людей и купеческіе, по свидѣтельству Всеволодовой грамоты, непременно должны быть пошлыми купцами, т. е. дѣйствительными членами извѣстной купеческой общины, которыми, какъ мы уже видѣли, можно было быть или по вкладу въ общинную купеческую казну, состоящему изъ 50-ти гривенъ сереб. или по наслѣдству отъ предковъ, уже вложившихъ свою долю въ общинную казну. Купеческія общины очевидно не опредѣлялись мѣстомъ жительства членовъ; въ купеческую общину каждый могъ вложиться свободно, на какой бы улицѣ онъ ни жилъ, здѣсь не спрашивалось мѣста жительства, а нуженъ былъ только вкладъ и опредѣленное мѣсто торга, или разрядъ товаровъ, которыми кто торгуетъ, напримѣръ прасолы, суконники, Иванскіе купцы, Побережанскіе, Обонѣжскіе и проч. А посему уличанскіе старосты, опре-

дѣляемые мѣстомъ жительства, немогли быть старостами купеческихъ общинъ, и по этой причинѣ житѣи люди и купцы, чтобы по своимъ промысламъ имѣть свою управу, и выбирали особыхъ старость отъ житѣихъ людей и купцовъ, которые и занимались только разборомъ торговыхъ и купеческихъ дѣлъ и у которыхъ было свое мѣсто управы при церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, гдѣ, по свидѣтельству Всеволодовой грамоты, засѣдали трое старость отъ житѣихъ людей, два старосты отъ купцовъ и тысяцкій отъ черныхъ людей; и въ ихъ управу уже неимѣли право вступаться ни посадникъ, ни бояре Новгородскіе. Такимъ образомъ житѣи люди и купцы въ Новгородѣ подчинялись непосредственно двумъ выборнымъ начальствамъ, уличанскимъ и кончанскимъ старостамъ по мѣсту жительства, и старостамъ отъ житѣихъ людей и отъ купцовъ по принадлежности къ той или другой купеческой общинѣ. Старосты отъ житѣихъ людей и отъ купцовъ по всему вѣроятію участвовали на общемъ вѣчѣ, какъ представители, весьма важнаго въ Новгородѣ, торговаго класса гражданъ. Черные люди, собственно въ Новгородѣ, неимѣли своихъ особыхъ старость, они, по мѣсту жительства, подчинялись кончанскимъ и уличанскимъ старостамъ, въ выборѣ которыхъ они участвовали наравнѣ съ прочими уличанами. Кромѣ того у нихъ былъ свой, по свидѣтельству Всеволодовой грамоты, выборный начальникъ, тысяцкій, одинъ на весь Новгородъ, который, какъ мы уже видѣли, выбирался на общемъ вѣчѣ

изъ бояръ, и былъ послѣ посадника первымъ сановникомъ въ Новгородѣ. По пригородамъ же и уѣздамъ черные люди избирали старость черныхъ сотенъ и погостовъ сами изъ своей среды; и сии старосты имѣли только мѣстное значеніе и не участвовали въ дѣлахъ Новгородскаго вѣча.

Биричи и подвойскіе въ Новгородѣ были собственно исполнителями приказаній вѣча и властей поставленныхъ вѣчемъ, и должность ихъ состояла въ вызовѣ гражданъ по требованію вѣча или по суду, въ сборѣ гражданъ на вѣче по распоряженію князя или посадника, въ взысканіи недоимокъ и въ расплатѣ изъ общественной казны по распоряженію вѣча, и можетъ быть въ исполненіи другихъ какихъ общественныхъ распоряженій. Должности биричей и подвойскихъ въ Новгородѣ имѣли довольно важное значеніе, и на сии должности вѣче, кажется, исключительно выбирало людей изъ боярскихъ фамилій, особенно въ древнее время, когда каждая общественная должность пользовалась большимъ уваженіемъ и указывала на исправляющаго ее какъ на народнаго избранника, который по этому вездѣ имѣлъ предпочтеніе передъ людьми неудостоившимися выбора. Да и кромѣ общаго уваженія къ выборнымъ должностямъ, самая власть бирича или подвойскаго была довольно велика, ибо они одни были уполномочены вѣчемъ взять или арестовать свободнаго гражданина, и по закону имъ въ этомъ никто не смѣлъ сопротивляться. Все это биричамъ и подвойскимъ сообщало довольно высокое положеніе,

такъ что за обиду бирича иногда поднимался чуть не весь городъ, и наоборотъ, иногда цѣлое вѣче поднималось на бирича съ другими-высшими сановниками, какъ на людей опасныхъ для цѣлаго Новгорода; такъ въ лѣтописи читаемъ, подъ 1167 годомъ, что „Новгородцы убили Захарію посадника, и Неревина, и Нѣзду бирича, подозрѣвая, что они находились въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ кн. Святославомъ, съ которымъ тогда была война у Новгородцовъ“. А потомъ сынъ Нѣзды бирича, Мирошка Нѣздиничъ, въ 1189 году былъ выбранъ въ посадники, и подобно отцу держался стороны Суздальскихъ князей, равно какъ и его дѣти. Или, когда въ 1218 году бояринъ Матвѣй Душильевичъ схватилъ Моисѣича бирича ябедника (вѣроятно судебного. который вызывалъ въ судъ по жалобамъ), то за Моисѣича вступился весь Новгородъ. Точно также и подвойскіе пользовались большимъ уваженіемъ и принимали участіе во многихъ общественныхъ дѣлахъ, по лѣтописямъ мы ихъ встрѣчаемъ и въ военныхъ походахъ, и въ посольствахъ; такъ въ 1200 году, въ битвѣ съ Литвою, подъ Цернянами, былъ убитъ подвойскій Осипъ; или въ 1230 году, въ битвѣ подъ Можайскомъ былъ убитъ подвойскій Антонъ; или въ 1268 году, въ битвѣ подъ Раковоромъ, убитъ подвойскій Парамонъ. А въ 1456 году упоминается о подвойскомъ Есифѣ, который былъ посланникомъ отъ Новгородскаго вѣча во Псковъ, съ просьбою о помощи противъ великаго князя Московскаго Василія Васильевича. Или въ томъ же 1456

году, подвойскіе Степанъ Ильинъ и Степанъ Григорьевъ съ вѣчнымъ дьякомъ Яковомъ были отправлены Новгородскимъ вѣчемъ на съѣздъ съ Московскими боярами для сдѣланія разчета въ платежѣ Новгородомъ 9000 рублей по Деманскому окончанію. Подвойскіе точно также какъ и биричи были кромѣ вѣчевыхъ и судебные. о чемъ свидѣтельствуесть судная Новгородская грамота 1471 года, въ которой сказано: „а кто съ кѣмъ пошлется на послуха, ино взять закладъ шестинку на сто версть по старинѣ; а подвойскимъ, и Софьяномъ, и биричемъ, и извѣтникомъ, на сто версть четыре гривны“, т. е. по сей грамотѣ биричамъ и подвойскимъ платилась извѣстная пошлина за вызовъ въ судъ свидѣтелей.

Князья.

Власть приглашенную Новгородомъ со стороны, не изъ Новгородской земли, составлялъ князь. Первое приглашеніе князей Новгородцами было въ 862 году. Въ этомъ году Новгородское вѣче, на которое были приглашены и Кривичи съ Чудью, состоявшіе тогда въ союзѣ съ Новгородомъ, порѣшило для прекращенія междоусобій, раздиравшихъ Новгородскую землю, призвать князей изъ сосѣдняго племени Варяговъ-Руси, жившаго по обоимъ берегамъ Ботническаго залива, состоявшаго въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Новгородомъ и частію уже переселившагося въ Новгородскую землю и построившаго тамъ городъ Старую Русь. Новгородское посольство, отправленное къ Варягамъ Руси, предложило тамошнимъ князьямъ, Рюрику, Синеусу

и Трувору, условія, на которыхъ Новгородъ желаетъ ихъ имѣть своими князьями. Рюрикъ съ братьями принялъ предложенныя условія и со все́мъ племенемъ Руси прибылъ въ Новгородскую землю. Условія, принятыя Рюрикомъ, состояли въ слѣдующемъ: чтобы князь судилъ и управлялъ въ Новгородѣ по изконнымъ Новгородскимъ обычаямъ и по взаимному согласію съ земскимъ Новгородскимъ правительствомъ; Новгородъ же уступаетъ за это свои пригороды съ прилежащею къ нимъ областью: Рюрику—Ладогу, Синеусу—Бѣлоозеро и Трувору—Изаборскъ; въ самомъ же Новгородѣ и въ другихъ Новгородскихъ владѣніяхъ управленіе по прежнему останется за Новгородскимъ вѣчемъ и выборными отъ вѣча властями, а князьямъ съ этихъ областей будетъ идти опредѣленный доходъ.

Новгородцы, приглашая Рюрика и его братьевъ, по всему вѣроятію имѣли въ виду, что Рюрикъ и его потомство навсегда останутся князьями Новгородскими, что княжеская власть будетъ въ Новгородѣ домашняя, подобно прочимъ, уже существовавшимъ, властямъ; но условія, принятыя Рюрикомъ, были слишкомъ тяжелы для того, чтобы какойнибудь самостоятельный князь согласился постоянно жить въ Новгородской землѣ, ненарушая сихъ условий, а по сему уже Рюрикъ незамедлилъ нарушить ихъ, и чрезъ два года по приглашеніи перебрался изъ Ладоги въ самый Новгородъ и построилъ тамъ себѣ крѣпость. Преемникъ же Рюрика, Олегъ, со все́мъ оставилъ Новгородскую землю и сдѣлался

самостоятельнымъ княземъ въ Кіевѣ на Днѣпрѣ. Удаленіе Олега въ Кіевъ поставило Новгородцовъ въ затруднительное положеніе: имъ нужно было отыскивать новаго князя или вступить въ новыя условія съ Олегомъ; они рѣшились на послѣднее. Новыя условія, предложенныя Олегомъ, были слѣдующія: Новгородъ долженъ уступить Олегу и его преемникамъ всѣ города, уступленные прежде Рюрику, а съ прочихъ владѣній Новгородскихъ платить князю опредѣленную дань и, сверхъ того, доставлять въ Кіевъ по 300 гривенъ для свободной торговли Новгородцовъ по Днѣпру. Князь же за это обязывался держать въ Новгородѣ своего посадника или намѣстника съ отрядомъ дружины, подъ названіемъ гридей, на содержаніе которыхъ изъ Новгородской казны должно выдавать въ годъ по тысячѣ гривенъ. Намѣстникомъ или посадникомъ князя могъ быть только тотъ, кому это довѣритъ князь, — старшій ли дружинникъ, или сынъ, или племянникъ князя. Княжеская власть по этому новому договору была прежняя. Князь, или его посадникъ, былъ верховнымъ судьей или примирителемъ всѣхъ распрей въ Новгородѣ, верховнымъ блюстителемъ согласія и правды между Новгородскими общинами; здѣсь совмѣщалась и гражданская и военная власть; все что переходило за эту черту, уже принадлежало вѣчу и домашнимъ властямъ, отъ него поставленнымъ, а не князю. Начинать войну, заключать миръ, вести переговоры съ сосѣдними владѣніями могло только вѣче. Ежели князь, самъ пріѣхавши въ Новгородъ

или его посадникъ, желалъ начать съ кѣмъ нибудь войну, то это могъ сдѣлать не иначе, какъ созвавши вѣче и получивши на это отъ него согласіе. Всѣ финансовыя распоряженія, сборы и раскладка податей и повинностей, также принадлежали вѣчу; князь или его намѣстникъ даже неимѣли права въ этомъ участвовать, онъ довольствовался только доходами, проистекавшими изъ его судебной власти и тѣми даями, которыя ему уступлены по договору. Земля вся, населенная и ненаселенная, принадлежала господину Великому Новгороду; князь владѣлъ только тѣми областями и городами, которые даны ему вѣчемъ какъ бы въ кормленье, и собственно на помѣстномъ, а не на вотчинномъ правѣ, ибо они принадлежали не лично князю, а княжеской власти, и князь, оставляя Новгородъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишался и данныхъ ему областей и городовъ.

Новгородъ въ такихъ отношеніяхъ къ своимъ князьямъ находился до кончины великаго князя Владиміра Святославича, крестившаго Русскую землю, какъ прямо сказано въ лѣтописяхъ о Владиміровомъ посадникѣ въ Новгородѣ, его сынѣ Ярославѣ, подъ 1015 годомъ: „Ярославъ жилъ въ Новгородѣ и ежегодно, по договору, посылалъ въ Кіевъ по двѣ тысячи гривенъ, да тысячу гривенъ раздавалъ гридямъ въ Новгородѣ, какъ это дѣлали всѣ посадники Новгородскіе“. Ярославъ, получивши по смерти отца Кіевъ рѣшительно при помощи Новгородцевъ, въ благодарность за это вступилъ съ Новгородомъ въ новыя отношенія, еще болѣе льготныя для Нов-

городцовъ и стѣснительныя для княжеской власти, и условія этихъ новыхъ отношеній были внесены въ особыя договорныя грамоты князя съ Новгородомъ, которыя были извѣстны подъ именемъ грамоты Ярославлихъ. Грамоты сіи до насъ не дошли и въ чемъ они состояли по своимъ подробностямъ—мы незнаемъ; но то несомнѣнно, что таковыя грамоты были между Ярославомъ и Новгородцами, и заключали въ себѣ именно условія отношеній князя къ Новгороду, и условія болѣе выгодныя для Новгородцевъ, нежели всѣ прежнія условія съ князьями ибо въ послѣдствіи Ярославовы грамоты были постояннымъ закономъ, опредѣляющимъ отношенія князей къ Новгороду; и Новгородцы, приглашая къ себѣ князей, всегда указывали на Ярославовы грамоты какъ на законъ, на основаніи котораго они принимаютъ къ себѣ князя, и обыкновенно говорили приглашенному князю такъ: „на всей воли Новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь“. Впрочемъ по нѣкоторымъ чертамъ сохранившимся въ лѣтописяхъ, мы, хотя приблизительно, можемъ опредѣлить тѣ условія отношеній князя къ Новгороду, которыя находились въ Ярославовыхъ грамотахъ.

Условія сіи были слѣдующія: 1) Княземъ Новгородскимъ могъ быть только тотъ князь изъ племени Ярослава, котораго излюбятъ сами Новгородцы, котораго сами пригласятъ или согласятся добровольно принять. Новгородъ въ этомъ отношеніи совершенно свободенъ, ему не слѣдуетъ навязывать князя

наильно; Новгородцы такого князя имѣли право не принять или прогнать его, ежели онъ прїѣдетъ, показать ему путь. Новгородъ государство самостоятельное, онъ не принадлежитъ къ удѣламъ Русской земли и воленъ въ своихъ князьяхъ. Это условіе Новгородцы самымъ дѣломъ приводили въ исполненіе; такъ они въ 1095 году показали путь Давыду Святославичу, присланному къ нимъ по распоряженію князей, безъ ихъ согласія; потомъ тоже повторили въ 1102 году, когда Святополкъ, тогдашній Кіевскій князь, хотѣлъ посадить въ Новгородъ своего сына, то Новгородцы отправили въ Кіевъ посольство, которое прямо сказало великому князю: „Нехочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ головы имѣеть сынъ твой, то пошли его, а Мстислава далъ намъ Всеволодъ, а мы вскормили его себѣ княземъ, ты же ушелъ отъ насъ“; и настояли на своемъ. воротили къ себѣ Мстислава, уже уѣхавшаго, по распоряженію старшихъ князей, въ Ростовъ.

2) Князь Кіевскій пересталъ уже получать съ Новгородской земли урокъ въ 2000 гривенъ; по смерти Владиміра святаго объ этомъ урокѣ уже нигдѣ не упоминается въ лѣтописяхъ слѣдовательно Новгородъ по Ярославовымъ грамотамъ сталъ свободнымъ отъ обязательныхъ отношеній къ Кіевскому князю.

3) Но за княземъ Новгородскимъ осталось прежнее право, утвержденное Олеговымъ договоромъ, имѣть въ Новгородѣ своихъ посадниковъ по собственному усмотрѣнію, а не по выбору вѣча, и притомъ какъ изъ Новгородцевъ, такъ и изъ своихъ дружинни-

ковъ; такъ на примѣръ по лѣтописямъ мы знаемъ, что въ 1120 году былъ присланъ въ Новгородъ посадникомъ Борисъ, а въ 1129 году пришелъ посадникомъ Данилъ изъ Кіева. Равнымъ образомъ изъ Кіева же приходили, конечно, по выбору князей, и владыки или епископы Новгородскіе включительно до епископа Нифонта; слѣдовательно и назначеніемъ такого важнаго сановника, какъ епископъ, еще распоряжался князь безъ участія вѣча. 4) Наконецъ, по Ярославовымъ грамотамъ Новгородскій князь еще могъ судить и казнить Новгородскихъ гражданъ даже не въ Новгородѣ, а въ своей отчинной землѣ; такъ въ 1118 году Новгородскій князь Мстиславъ, съ своимъ отцомъ Владиміромъ Мономахомъ, вызвали въ Кіевъ Новгородскихъ бояръ, привели ихъ къ присягѣ и нѣкоторыхъ изъ нихъ, тамъ же въ Кіевѣ, судили и казнили заточеніемъ.

Но съ 1126 года отношенія Новгорода къ князьямъ, опредѣленные грамотами Ярослава, начали измѣняться. 1) Съ этого года Новгородцы стали брать съ своихъ князей присягу, что имъ неоставлять Новгорода и управлять по Новгородскимъ порядкамъ; такъ въ этотъ годъ взята была первая присяга съ князя Всеволода Мстиславича, только что пріѣхавшаго изъ Кіева въ Новгородъ. 2) Потомъ съ 1130 года князь лишился окончательно права назначать посадника по своему усмотрѣнію и посадникъ сдѣлался выборнымъ отъ вѣча, и сталъ почти въ совершенно независимое положеніе въ отношеніи къ князю. 3) Съ 1136 года вѣче стало наряжать судъ

надъ княземъ, не исполнившимъ своихъ обязательствъ въ отношеніи къ Новгороду; такъ въ этомъ году былъ первый судъ надъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ; и по этому суду Всеволодъ былъ обвиненъ : а) въ томъ, что не оберегаетъ смердовъ; б) что хотѣлъ оставить Новгородъ и княжить въ Переяславль, тогда какъ далъ присягу не оставлять Новгорода до смерти; с) что прежде всѣхъ бѣжалъ съ битвы во время Суздальской войны. 4) Съ этаго же 1136 года началось изгнаніе князей и приглашеніе новыхъ по приговору вѣча такъ что князья въ Новгородѣ съ изгнанія Всеволода Мстиславича обратились совершенно въ выборныхъ сановниковъ точно также какъ посадники, и поступили въ зависимость не только отъ вѣча, но и отъ партій Новгородскихъ, и стали искать Новгородскаго престола при помощи партій и партіи же стали изгонять князей и приглашать новыхъ. Съ этого времени Новгородскій княжескій престоль потерялъ всякую самостоятельность и прочность, и князья искали его только для пріобрѣтенія доходовъ, насколько уже не думая упрочить его за собою или за своимъ потомствомъ. 5) Князь съ 1156 года потерялъ право распорядиться назначеніемъ епископа въ Новгородъ, съ этого года по смерти владыки Нифонта, епископы Новгородскіе сдѣлались выборными отъ вѣча. 6) Притязанія Новгородцовъ на свободный выборъ князей на основаніи Ярославовыхъ грамотъ въ 1196 году были признаны и самими князьями разныхъ Русскихъ владѣній, на съѣздѣ

князей, бывшемъ въ этомъ году, какъ сказано въ лѣтописи: „все князья выложиша Новгородъ въ свободу, гдѣ имъ любо, ту же себѣ князя поимають“. 7) Подъ 1218 годомъ мы уже встрѣчаемъ извѣстie, что князья, принимаемые Новгородцами, клялись ни казнить, ни лишать должностей выборныхъ Новгородскихъ начальниковъ безъ суда и безъ объявленія вины: подъ симъ годомъ въ лѣтописи сказано, что Новгородцы сказали князю своему Святославу, хотѣвшему отнять посадничество у Твердислава, не объявивъ его вины: „княже! ежели онъ не виноватъ, а ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа волости не лишити, а мы тебѣ кланяемся, а Твердиславъ нашъ посадникъ, и мы не уступимъ“. 8) Наконецъ съ 1228 года мы имѣемъ постоянныя извѣстiя въ лѣтописяхъ, что князья не иначе получали Новгородскій престолъ, какъ по договору съ Новгородцами, при чемъ каждый разъ писалось на какихъ условiяхъ князь принимаетъ Новгородскій престолъ; а съ 1265 года мы уже имѣемъ и подлинныя договорныя грамоты Новгородцевъ съ своими князьями, продолжающiяся съ этого года слишкомъ двѣсти лѣтъ до 1471 года, т. е. почти до уничтоженiя самостоятельности господина великаго Новгорода

Во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ своими князьями, какiя только дошли до насъ, начиная съ грамоты 1265 года, отношенiя Новгородскаго князя къ Новгороду опредѣляются слѣдующими условiями. 1-е. Князь, соглашающiйся на при-

глашеніе Новгородцовъ, долженъ былъ присягать Новгороду что будетъ управлять по старинѣ и по пошлинѣ; въ грамотахъ прямо пишется: „на семь, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду; на чемъ то цѣловали дѣды и отцы, — Новгородъ тебѣ держать по старинѣ и по пошлинѣ“ Это условіе мы находимъ и въ грамотѣ съ Ярославомъ Ярославичемъ княземъ Тверскимъ, писанной въ 1265 году, и въ грамотѣ съ великимъ княземъ Московскимъ, писанной въ 1471 году, и во всѣхъ другихъ грамотахъ; слѣдовательно это условіе было постояннымъ и не новымъ даже при князѣ Ярославѣ Ярославичѣ, и ежели Ярославъ долженъ былъ цѣловать крестъ Новгороду, на чемъ цѣловали отцы и дѣды, то значитъ таковой порядокъ былъ введенъ никакъ не позже Суздальскаго князя Всеволода Юрьевича, дѣда Ярославу Ярославичу, а конечно гораздо раньше, ибо грамота говоритъ не о дѣдѣ и отцѣ, а о дѣдахъ и отцахъ, то есть указываетъ на изконный обычай. 2-е условіе требуетъ, чтобы князь держалъ Новгородскія волости, т. е. обширныя владѣнія Новгорода, которые были за рубежомъ Новгородской земли, начиная отъ Волока и Торжка, не иначе какъ Новгородскими мужами, а отнюдь не посылалъ туда своихъ правителей или намѣстниковъ, и пользовался отъ сихъ волостей только опредѣленными дарами, а не требовалъ дани со всего тамошняго края. Вотъ подлинныя слова грамоты: „что волостей всѣхъ Новгородскихъ, того же, княже, недержати своими мужи, но дер-

жати мужи Новгородскими . а даръ имати тебѣ отъ тѣхъ волостей . А се, княже, волости Новгородскія: Волокъ со всѣми волостями, Торжекъ, Бѣжиче, Городечь, Палець, Мелеча, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Тре, Пермь, Печера, Югра“ Весь этотъ пространный край отъ Торжка до рѣки Оби и даже за Обь въ Сибири даже не платилъ дани Новгородскому князю, а только давалъ опредѣленные дары и управлялся начальниками изъ Новгородцовъ; да и Новгородца князь не иначе могъ послать туда . какъ по согласію съ посадникомъ; какъ прямо писались въ грамотахъ: „а безъ посадника, княже, тебѣ волостей не раздавати“ . 3-е условіе: князь не имѣлъ права ни судить, ни давать грамотъ, ни назначать въ должности по всѣмъ Новгородскимъ владѣніямъ безъ участія посадника; всякое распоряженіе князя, по Новгородскому управленію, тогда только имѣло силу и считалось законнымъ, когда оно сдѣлано по согласію съ посадникомъ; въ грамотахъ постоянно писалось: „а безъ посадника . княже, тебѣ суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамотъ ти даяти“ . 4-е . Князь не имѣлъ права лишить власти выборнаго начальника по какому нибудь вѣдомству, не обвинивъ его, и не доказавъ по суду вины, по которой онъ его лишаетъ власти: „а безъ вины мужа волости не лишити“ --- обыкновенно пишется въ грамотахъ . 5-е . Князь не имѣлъ права отмѣнять прежде данныя грамоты, и перевершать рѣшенныя дѣла: „ни грамотъ не посужати“ писалось во всѣхъ Новгородскихъ

договорахъ съ князьями. 6-е. Князь Новгородскій не могъ ни судить Новгородцовъ, ни дѣлать другихъ какихъ распоряженій относительно Новгорода внѣ Новгородской земли или въ своихъ отчинныхъ владѣнiяхъ; объ этомъ даже говорится въ договорной грамотѣ съ Московскимъ великимъ княземъ, писанной въ 1471 году: „на Низу Новгорода не судити, ни дани раздавати, ни приставовъ вамъ (князьямъ) во всю волость Новгородскую съ Низу не высылати; также намъ Новгородцамъ, вашихъ великихъ князей торговцевъ изо всего великаго княженiя вашего въ Новгородѣ не судити“ 7-е Княжiе судьи имѣли право ѣздить по Новгородскимъ владѣнiямъ, которыя имъ назначены, только около Петрова дни и должны были судить по Новгородскимъ порядкамъ, а самосуда не замышлять и новыхъ судебныхъ пошлинъ, неизвѣстныхъ въ Новгородѣ, не заводить. 8-е Новгородъ обыкновенно уступалъ князю и его мужамъ определенное пространство пахатной и сѣнокосной земли, и болѣе этой отведенной земли князь не имѣлъ права занимать въ свою пользу или въ пользу своихъ мужей. 9-е Князь не имѣлъ права выводить людей изъ Новгородскихъ владѣнiй въ свои отчинныя владѣнiя, ни давать грамотъ, ни принимать закладниковъ; также ни князь, ни княгиня, ни княжiе бояре и слуги не могли покупать селъ въ Новгородскихъ владѣнiяхъ, ни ставить слободъ и мытовъ на свое имя 10-е. Князь не имѣлъ права затворять Нѣмецкiй торговый дворъ въ Новгородѣ, ни приставлять при-

става къ Нѣмецкому двору, да и торговать съ Нѣмцами долженъ былъ только чрезъ Новгородцовъ, а не чрезъ своихъ людей. 11-е. Охотиться за кабанями князю представлялось право на 60 верстъ отъ Новгорода во всѣ стороны; на этомъ пространствѣ Новгородцы не иначе могли охотиться, какъ доложи о томъ князю, далѣе же 60 верстъ всякій могъ охотиться не спрашиваясь князя; въ Русу князь имѣлъ право ѣздить на охоту или посылать своихъ людей для ловли звѣря только на третью зиму; точно также въ Ладогу для рыбной ловли князь имѣлъ права ѣздить только на третіе лѣто. 12-е. Въ Торжкѣ и Волокѣ князь имѣлъ право держать своего тиуна на своей части, но съ тѣмъ чтобы въ то же время былъ тамъ тиунъ и отъ Новгорода на своей части. 13-е. Князю предоставлялось право посылать своего купчину въ Заволочье въ двухъ насадахъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы княжій купчина ѣхалъ изъ Новгорода и назадъ возвращался непремѣнно на Новгородъ, изъ своей же земли князь не могъ посылать своего купчину ни въ Заволочье, ни въ Бѣжичи. 14-е. Гостямъ Новгородскимъ князь обязывался давать полную свободу торговли по всѣмъ своимъ отчиннымъ владѣніямъ съ платежемъ мытныхъ пошлинъ не болѣе, какъ по двѣ вѣшки съ воза, и съ лады, и съ хмѣльнаго, и льнянаго короба. И наконецъ 15-е. Новгородцамъ всѣ княжія пошлины платить по старинѣ и по крестному цѣлованію и не скрывать, а князьямъ пошлинъ не прибавливать.

Такимъ образомъ всѣ условія, на которыхъ князь долженъ былъ владѣть Новгородомъ, сохранившіяся въ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотахъ, постоянно одинаковыя въ продолженіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ и съ явнымъ указаніемъ, что таковыя же условія постоянно требовались и прежде, ясно опредѣляютъ положеніе князя въ Новгородѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ, почему ни одинъ князь не оставался постоянно Новгородскимъ княземъ, хотя Новгородцамъ этаго очень хотѣлось и они даже брали съ иныхъ князей клятву до смерти не оставлять Новгорода. Судя по симъ условіямъ князю просто не у чего было жить въ Новгородѣ; не даромъ древній Святославъ говорилъ Новгородскому посольству, просившему у него князя: „да кто къ вамъ пойдетъ.“ Здѣсь прямая и ясная разгадка всѣмъ спорамъ и войнамъ Новгородцовъ съ своими князьями. Условія княжеской власти въ Новгородѣ такъ были стѣснительны въ сравненіи съ условіями князей власти въ другихъ владѣніяхъ Руси, особенно какъ она стала развиваться съ конца XII столѣтія, что ни одинъ Русскій князь не могъ постоянно оставаться Новгородскимъ княземъ, и въ то же время всѣ сколько нибудь сильные Русскіе князья желали владѣть Новгородомъ, какъ придачею къ своимъ отчиннымъ владѣніямъ, ибо съ Новгорода шли князю большіе доходы. Притомъ же каждый Русскій князь ясно видѣлъ, по ходу дѣлъ въ Новгородѣ, что тамъ не смотря на крайне стѣснительныя условія по договорамъ, можно дѣ-

латъ многое при помощи сильной партіи. обращающаго вниманія на договоры. Все это вело къ тому, что князья держались въ Новгородѣ только при помощи партій, и какъ скоро партія, поддерживающая князя терпѣла пораженіе отъ соперниковъ, то и князь долженъ былъ немедленно оставлять Новгородъ—или противная партія предавала его суду и изгоняла силою, приглашая на его мѣсто другаго князя; здѣсь уже не принимались въ разчетъ никакія заслуги князя Новгороду, и самые усердные на пользу Новгорода князья, вмѣстѣ съ паденіемъ ихъ партій, изгонялись точно также, какъ и князья ни о чемъ болѣе не думавшіе, какъ о стѣсненіи Новгородскихъ вольностей и о доставленіи выгодъ своей партіи, и даже послѣдніе не рѣдко держались долѣе первыхъ.

Но сколько смуть не порождала въ Новгородѣ частая смѣна князей; тѣмъ не менѣе княжеская власть была необходимостію въ Новгородскомъ устройствѣ, безъ князя Новгородцы не могли оставаться на продолжительное время. Обстоятельства, вызвавшіе Новгородцовъ въ 862 году на приглашеніе Рюрика съ братьями, продолжали существовать во всѣ 616 лѣтъ, пока Новгородъ пользовался самостоятельностью и независимостію. Въ Новгородскомъ устройствѣ верховная власть князя была необходимостію, безъ которой въ правительствѣ оставался ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ: такъ что Новгородцы, порѣшивши изгнать одного князя, большею частію старались удерживать его у себя до тѣхъ поръ, пока не придетъ

другій князь, приглашенный ими занять его мѣсто. И не смотря на стѣснительныя условія, княжеская власть въ Новгородѣ въ дѣйствительности никогда не теряла того большаго значенія, какое она имѣла при Рюрикѣ первомъ, Варяго-Русскомъ, князѣ приглашенномъ въ Новгородъ; Новгородцы, постоянно любившіе строго держаться старины, только заботились о томъ, чтобы княжеская власть въ ихъ землѣ по возможности не выходила изъ границъ опредѣленныхъ первымъ приглашеніемъ и не принимала того опаснаго для Новгородской вольности развитія, которое постоянно возрастало въ другихъ владѣніяхъ Русской земли. А посему князь, державшійся договорныхъ условій и не нарушавшій ихъ, всегда могъ разчитывать на преданность Новгородцовъ, они усердно помогали ему во всѣхъ дѣлахъ и обыкновенно говорили такому князю: „камо, княже, очима позриши ты, тамо мы головами своими вержемъ“. Таковой князь пользовался вполне властію ему опредѣленною договорами; онъ былъ верховнымъ владыкою Новгорода всѣ государственныя акты писались отъ его имени его намѣстники управляли городами въ Новгородской землѣ, его судьи ѣздили по всѣмъ владѣніямъ въ Новгородской землѣ; князь, по согласію съ вѣчемъ, велъ войну и заключалъ миръ, онъ былъ верховнымъ предводителемъ войскъ Новгородскихъ, отъ его имени и отъ имени Новгорода отправлялись и принимались посольства. Князь имѣлъ право созывать вѣче и участвовать въ законодательствѣ, и даже издавать за-

коны отъ своего лица , ежели они не противорѣчили правамъ Новгорода. Приглашеннаго князя при его пріятіи, обыкновенно сажали на престолъ въ церкви св. Софіи; но князь не имѣлъ постояннаго двора въ самомъ Новгородѣ; его законное мѣсто жительства было на городищѣ, за два поприща отъ Новгорода, гдѣ жила и княжеская дружина.

II.

ЖИЗНЬ НОВГОРОДА ВЕЛИКАГО.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЫЙ.

Новгородъ отъ прибытія Рюрика до кончины Юрія Владимировича Долгорукова, князя Суздальскаго.

Новгородъ Великій, древнѣйшая колонія Дунай-Приглашеніе князей въ Новгородъ. скихъ Славянъ на сѣверѣ Россіи, въ самой глубинѣ Финскихъ племенъ Води, Чуди, Корѣлы и другихъ. по свидѣтельству Исландскихъ сагъ и Нестора Кіево-Печерскаго, уже въ IX столѣтіи господствовалъ на огромномъ пространствѣ земель отъ Финскаго залива на востокъ до Уральскихъ горъ и за Уральскія горы до рѣки Оби въ Сибири, и отъ Бѣлаго и Ледовитаго морей на югъ до рѣки Оки. О прежней жизни Новгорода мы почти не имѣемъ прямыхъ извѣстій, кромѣ свидѣтельства о его огромныхъ владѣніяхъ. да знаемъ еще, что Новгородцы выдѣлили отъ себя сильныя колоніи Кривичей и Сѣверянъ по Днѣпру и Полочанъ по Западной Двинѣ (*). изъ которыхъ впрочемъ Криви-

(*) Что Новгородцы были древнѣйшими Славянскими пришельцами прямо съ Дуная, удержавшимъ за собою родовое названіе Славянъ, тогда какъ другія Славянскія племена, поселившіяся въ Русской землѣ, утратили свое родовое названіе, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Кіевопечерскій инокъ Несторъ, писавшій свою лѣтопись въ концѣ XI и началѣ XII столѣтій. Вотъ подлинныя

чи и Полочане долго не прекращали своихъ связей съ Новгородомъ и составляли съ нимъ одинъ огромный Славянскій союзъ среди Финскихъ и Литовскихъ племенъ. По свидѣтельству Нестора, во 2-й

слова Нестора о первомъ поселеніи Славянъ Новгородскихъ: «Словѣн же сѣдоша около озера Ильменя, прозвашася своимъ именемъ, и сѣдлаша градъ и нарекоша и Новгородъ». Далѣе разсказывая преданіе о путешествіи апостола Андрея Первозваннаго на сѣверъ, къ Балтійскому морю, Несторъ продолжаетъ: «иде Андрей по Двѣпру горѣ вверхъ), и по приключенію прииде и ста подъ горами на брезѣ. и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: «видите ли горы сія? яко на спихъ горахъ возсілетъ благодать Божія, иматъ градъ великъ быти и церкви многи Богъ воздвигнути иматъ». Вшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помолвися и слѣзъ съ горы сѣя, идеже послѣ же бысть Кіевъ, и поиде по Двѣпру горѣ. И приде въ Словѣни иде же нынѣ Новгородъ, и видѣ ту люди сущая, яко есть обычай имъ, и како ся мюютъ и хвощутся, и удивися имъ. Иде въ Варяги и приде въ Римъ, и словѣда елико научи и елико видѣ, и рече имъ: дивно видѣхъ Словѣнскую землю идучи ми сѣмо». Далѣе Несторъ говоритъ: «Словѣни держать свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане, отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Двѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи, таже Сѣверъ (Сѣверяне) отъ нихъ». Сія три прямая древнѣйшія свидѣтельства ясно говорятъ, что Новгород. Славяне были самыми старшими поселенцами, пришедшими на Русь съ Дуная, что даже во время Андрея Первозваннаго ихъ земли около озера Ильменя уже называлась Словѣнскою землею, когда земля Полотъ была еще пустошею и не имѣла названія, и что Полочане, Кривичи и Сѣверяне были колонистами Новгородскими, такъ что послѣ такихъ свидѣтельствъ итъ и надобности въ иныхъ доказательствахъ этаго дѣла столько яснаго само по себѣ. А между тѣмъ въ нашей литературѣ недавно пущено мнѣніе, что Новгородцы были колонистами изъ Кіева въ землѣ Кривичей, а Кривичи были не колонистами Новгорода, а какими-то иными пришельцами, занимавшими всѣ земли Сѣверо-восточной Руси за долго до пришествія туда Новгородцовъ. Въ подтвержденіе этаго мнѣнія авторъ его не представляетъ никакихъ прямыхъ и древнѣйшихъ свидѣтельствъ, а основываетъ его на книжныхъ сказкахъ XVI и XVII столѣтій и на разныхъ натяжкахъ и кривыхъ

половинѣ IX столѣтія въ этомъ союзѣ, къ которому примыкали и нѣкоторыя Финскія племена, какъ равноправные члены начались сильныя несогласія и междоусобія, грозившія окончательнымъ разпаденіемъ союза. И Новгородцы, какъ старѣйшіе, чтобы прекратить гибельныя междоусобія, въ 862 году отъ Р. Х. собрали общее вѣче, на которое были приглашены и Кривичи, и разныя Финскія союзныя племена; и на этомъ вѣчѣ было рѣшено пригласить, для прекращенія междоусобій, Варяго-Русскихъ князей, ближайшихъ своихъ сосѣдей въ Скандинавіи, и вручить имъ управление Новгородскою землею, т. е. всѣмъ союзомъ племенъ.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, Варяго-Русскіе Князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, прибывшіе въ 862 году по приглашенію въ Новгородъ изъ Скандинавіи (*), привели съ со-

толкованійхъ и на этимологической дыбѣ, на которой слово пишеть такъ, какъ хочется изслѣдователю. На сколько заслуживаетъ уваженія это мнѣніе я представляю судить безпристрастному суду читателей, и только для объясненія дѣла привелъ здѣсь поманутыя ясныя свидѣтельства Нестора.

(* Что Варяго-Русскіе князья, приглашенные Новгородцами, были Скандинавами или Норманами, на это мы имѣемъ множество свидѣтельствъ и своихъ и чужеземныхъ, и притомъ свидѣтельствъ древнихъ, относящихся и къ IX, и къ X, и къ XI столѣтіямъ, и такихъ свидѣтельствъ, которыхъ ясность и достовѣрность не подлежатъ сомнѣнію и спору; такъ что мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ Русь въ нашей исторической литературѣ получило вполне заслуженный авторитетъ и обратилось почти въ аксіому, утвержденную всею исторіею Варяго-Руссовъ и Скандинавовъ. Но въ недавнее время явилась новая теорія происхожденія Варяговъ-Русь, утверждающая что Варяги-Русь происходятъ изъ Литвы, именно изъ Литовскаго племени Жмуди; основаніемъ этой новой теоріи полагается то, что въ Жмудской землѣ есть одинъ притокъ Немана,

бою и все племя Руси, и на основаніи договора, заключеннаго ими съ Новгородцами по взаимному согласію, получили отъ Новгородцовъ въ непосредственное управление: Рюрикъ Ладогу въ землѣ Ко-

называющійся *Русь*, и что писатель XIV столѣтія Петръ Дюзбургскій, говоритъ, что Неманъ отдѣляетъ Русскую землю отъ Прусской земли. Дѣйствительно одинъ изъ притоковъ Нѣмана, впадающій съ правой стороны называется Русь, и небольшой притокъ этотъ проходитъ именно по Жмудской землѣ, и вѣроятно получилъ свое названіе отъ народа Русь, но это еще нисколько не доказываетъ, что Варяги-Русь имѣли своею родиною Жмудскую землю, и составляли одно изъ Литовскихъ племенъ, ибо съ одной стороны ни лѣтописецъ Несторъ, ни другіе древніе и ясные писатели Литовскихъ племенъ не относятъ къ Варягамъ; а Русь, приглашенная Новгородцами, у Нестора именно названа Варяги-Русь и относится къ Скандинавскому племени; вотъ слова Нестора: «Сіи называются Варягами-Русью, какъ другіе Варяги называются Шведами, иные Уришами (Норвежцами), иные Ангल्याми, иные Готами.» А съ другой стороны Варяги-Русь, какъ извѣстно по исторіи, вмѣстѣ съ Олегомъ по смерти Рюрика переехали изъ Новгорода въ Кіевъ, и мало по малу подчинили себѣ всѣ Славянскія племена, жившія въ русской землѣ, и всѣмъ имъ сообщили общее названіе Русь; а изъ Славянскихъ племенъ Полочане и Кривичи колонизировали Литовскую землю, и принесли свою колонизацію и въ страну племени Жмуди, гдѣ главнымъ рѣкамъ, прорѣзывающимъ эту землю, и впадающимъ въ Неманъ, дали чисто свои Славянскія названія въ такомъ порядкѣ: первую рѣку, текущую по восточной границѣ Жмудской земли, назвали *Святою*, слѣдующую рѣку, текущую параллельно съ первой, наименовали *Невижею*, третьей рѣкѣ, также текущей параллельно съ первой и второю, дали именованіе *Дубисы*, четвертую рѣку назвали *Юрою*, и наконецъ пятую рѣку, самую западную, впадающую въ Неманъ не далеко отъ его устья, къ которой Полочане или Кривичи колонизаторы проникли позднее, когда уже сами стали называться Русью отъ Варяго-Русскихъ князей, назвали своимъ новымъ именемъ *Русью*, для обозначенія крайняго предѣла Русскихъ колоній по Неману. Такимъ образомъ, по историческому ходу событій, рѣка Русь, впадающая въ Неманъ, получила свое названіе отъ Полочанъ или Кривичей, проникнувшихъ туда въ X или XI столѣтіи, когда уже они

рѣльской, Синеусъ Бѣлоозеро въ земляхъ племени Веси и Труворскъ Изборъ одинъ изъ пригородовъ, принадлежавшій Кривичамъ. Черезъ два года по прибытіи въ Новгородскую землю Синеусъ и Труворъ умерли, и ихъ владѣнія перешли къ Рюрику, который такимъ образомъ одинъ сталъ владѣть во всей Новгородской землѣ, и началъ раздавать своимъ мужамъ города съ областями, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро, куда и отправлены назначенные Рюрикомъ мужи съ своими дру- стали называться Русью отъ Варяго-Русскихъ князей, а не вся Русская земля получила названіе Руси отъ безвѣстнаго, никогда не существовавшего, а только воображаемаго, Жмудскаго или Литовскаго племени Руси. Свидѣтельство Петра Дюзбургскаго также нисколько не подтверждаетъ новой теоріи о Жмудскомъ происхожденіи Руси. Петръ Дюзбургскій, описывая границы Прусской земли, дѣйствительно говорить, что Неманъ отдѣляетъ Прусскую землю отъ Русской земли, но онъ очевидно подъ именемъ Русской земли разумѣетъ не мнимую Русь при устьяхъ Немана въ Жмудской землѣ, а современную ему Русскую землю, т. е. владѣнія княжества Волынскаго, которые дѣйствительно въ XIII въ XIV столѣтіяхъ отдѣлялись Неманомъ отъ земли Прусовъ. Вотъ подлинное свидѣтельство Петра Дюзбургскаго: «Прусская земля границами своими, въ которыхъ она заключена, имѣетъ Вислу, Солепое (Балтійское) море, Неманъ, Русскую землю, княжество Мазовію и княжество Добричское. Вислою называется рѣка, текущая отъ Кракова въ Померанію и около Данцигскаго замка впадающая въ море, и отдѣляющая Польшу и Померанію отъ Пруссіи. Неманъ также рѣка, вытекающая изъ царства Русскаго и впадающая въ море около города и крѣпости Мельберга, она отдѣляетъ Руссію, Литву и Куронію отъ Пруссіи». Неманская граница, проведенная Петромъ Дюзбургскимъ, ясно говоритъ, что Русская земля не уголокъ Жмудской земли, а вся Русская земля, которой противопоставляется Литовская (слѣд. и Жмудская) и Куронская земля. Самый порядокъ земель съ юга на сѣверъ у Петра Дюзбургскаго указываетъ сперва на Русскую землю, т. е. владѣнія Волынскія, какъ на самыя южныя на Прусской границѣ у Немана, потомъ на Литву и наконецъ на Куронію, самую сѣверную землю въ этомъ краю.

жинами, поселились тамъ и начали строить крѣпости, дѣтинцы, или города. А между тѣмъ самъ Рюрикъ передвинулся изъ Ладоги къ Новгороду и построилъ на противоположномъ берегу Волхова крѣпость, которую назвалъ также Новгородомъ. Противъ этаго новаго распоряженія, несогласнаго съ первоначальнымъ договоромъ, Новгородцы возстали, и подъ предводительствомъ своего выборнаго воеводы Вадима Храбраго въ 864 году вступили въ бой съ Рюрикомъ и были разбиты, при чемъ самъ Вадимъ убитъ, а его сообщники частію также пали въ битвѣ, а частію были казнены Рюрикомъ, или бѣжали. Эта неудача Вадима очевидно произошла отъ того, что большая и лучшая часть Новгородцовъ держались стороны Рюрика. Черезъ три года опять было возстаніе одной партіи Новгородцовъ, кончившееся также неудачно: возставшіе принуждены были бѣжать изъ Новгорода въ Кіевъ. Сіи неудачи возстававшихъ ясно показываютъ что Рюрикъ не только былъ довольно силенъ, чтобы побѣдить противниковъ, но и умѣлъ вести себя такъ, что большинство Новгородцовъ, особенно лучшіе люди, держались его стороны, и при помощи ихъ онъ могъ прокняжить въ Новгородѣ цѣлые семнадцать лѣтъ, т. е. до самой своей кончины, которая послѣдовала въ 879 году. Лѣтописи, кромѣ показанныхъ выше разсылки мужей по городамъ и двухъ возстаній, заглушенныхъ Рюрикомъ, ни слова не говорятъ о другихъ проявленіяхъ дѣятельности этаго перваго князя, приглашеннаго Новгородцами. Это

показываетъ, что дѣятельность Рюрика преимущественно состояла изъ мирныхъ распоряженій, необходимыхъ для введенія порядка и тишины, для доставленія управы и суда Новгородскому обществу, потрясенному недавними междоусобіями, и для того именно пригласившему князей, что бы водворить миръ и тишину. Рюрикъ все время управленія своего въ Новгородской землѣ провелъ въ исполненіи тѣхъ княжескихъ обязанностей, которыя онъ принялъ на себя по договору съ Новгородцами; онъ разослалъ своихъ мужей съ отрядами дружины по тѣмъ городамъ, которые Новгородское вѣче передало княжеской власти, онъ самъ ѣздилъ по Новгородской землѣ и чинилъ судъ и управу, какъ это въ древности водилось у князей въ Скандинавіи, и какъ это дѣлали послѣдующіе Русскіе князья; и такою мирною дѣятельностію настолько успѣлъ пріобрѣсть себѣ разположеніе въ большинствѣ Новгородцовъ, которое и поддерживало его во время смуть, произведенныхъ недовольнымъ меньшинствомъ, что смуты меньшинства должны были смолкнуть. Мало этого, большинство дозволило ему остаться въ ново-построенной имъ самимъ крѣпости, вѣроятно заключивъ съ нимъ сдѣлку, по которой Ладога отошла къ пригородамъ управляемымъ посадниками, назначаемыми Новгородскимъ вѣчемъ. Кромѣ того отдаленныя области Полотскъ, Бѣлоозеро, Ростовъ, Суздаль и Муромъ, кажется со времени Рюрикова княженія незамѣтно отошли отъ Новгорода и обратились въ княжескія волости, и таковыми остались навсегда.

Князь Олегъ
и его пре-
емники до
Владимира.

Преемникъ Рюрика, князь Олегъ, которому, по словамъ лѣтописи, самъ Рюрикъ передалъ княжескую власть и своего малолѣтнаго сына Игоря, проживши въ Новгородѣ три года и очевидно тяготясь своимъ положеніемъ, въ 882 году ушелъ со всею своею дружиною и съ Игоремъ на Югъ, и захвативъ Кіевъ, остался тамъ жить, и такимъ образомъ сдѣлался самостоятельнымъ княземъ, нисколько независимымъ отъ Новгородскаго вѣча. Это новое положеніе Олега поставило Новгородъ въ необходимость или искать новаго князя, который бы согласился жить въ Новгородѣ, на тѣхъ условіяхъ, которыя ему предложить вѣче, или вступить въ новый договоръ съ Олегомъ. Новгородцы рѣшились на послѣднее, они вступили въ новый договоръ съ Олегомъ, по которому Олегъ согласился посылать къ Новгородцамъ своихъ посадниковъ или намѣстниковъ для суда и управы, а Новгородцы обязались платить съ своей земли условленную по взаимному согласію дань, и сверхъ того ежегодно высылать по 300 гривенъ Варягамъ Олеговымъ, за свободную торговлю по Днѣпру. Сіи новыя условія возстановили разорванную было связь Новгорода съ княземъ, и существовали неизмѣнными въ продолженіи 88 лѣтъ. Во все это время Новгородцы неучаствовали ни въ одномъ изъ многочисленныхъ походовъ Кіевскихъ князей, и Новгородъ, какъ совершенно отдѣльное государство, даже не упоминается ни въ одномъ договорѣ Кіевскихъ Русовъ съ Греками, и мы неимѣемъ никакихъ извѣ-

стей о непосредственныхъ отношеніяхъ Кіевскихъ князей къ Новгороду до великой княгини Ольги, которая въ 947 году пріѣзжала въ Новгородъ. и съ согласія вѣча получила тамъ земли по Мстѣ и Лугѣ, гдѣ учредила погосты и наложила оброки въ пользу княжеской власти, и назначила разныя мѣста для княжескихъ ловищъ, и даже посѣщала свою родину Псковъ, гдѣ памятникомъ ея посѣщенія оставались сани, хранившіеся тамъ даже во время Кіевского лѣтописца Нестора.

Съ 970 года отношенія Новгорода къ князьямъ нѣсколько измѣнились. Передъ отправленіемъ Кіевскаго князя Святослава вторично въ Дунайскую Болгарію, Новгородцы, какъ вольные люди, отправили къ нему посольство съ требованіемъ, прислать къ нимъ въ князья котораго либо сына, и съ угрозою въ случаѣ отказа сыскать себѣ князя въ другомъ мѣстѣ. Святославъ, зная какъ непривлекательно положеніе князя въ Новгородѣ, отвѣчалъ прямо: „да кто къ вамъ пойдетъ“. Новгородцы, получивши отказъ отъ старшихъ Святославовыхъ сыновей, Ярополка и Олега, уже имѣвшихъ удѣлы, выпросили себѣ младшаго Святославова сына Владимира, еще не имѣвшаго удѣла, который и отправился съ Добрынею, своимъ дядею по матери, въ Новгородъ, съ отцовскаго дозволенія. Такимъ образомъ Новгородцы получили себѣ особаго князя, и по видимому къ нимъ возвратились времена Рюрика. Кіевскій князь уже не могъ посылать въ Новгородъ своихъ посадниковъ; но черезъ пять лѣтъ

Князь Влади-
миръ Свято-
славичъ.

обстоятельства перемѣнились не въ пользу Новгорода. По смерти Святослава Владимиръ, услыхавши о самовластїи старшаго своего брата Ярополка и объ убїенїи имъ другаго брата Олега, ожидая и себѣ подобной участи и нерѣшаясь положитьсь на приверженность сильнаго Новгорода, ушелъ къ Варягамъ въ Скандинавію; а Ярополкъ, князь Кїевскїй, узнавши объ этомъ, немедленно прислалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ, разумѣется на тѣхъ же условїяхъ, на которыхъ уже прежде принимались княжіе посадники; и Новгородцы приняли присланныхъ посадниковъ, какъ нисколько неизмѣняющихъ отношенїя князей къ Новгороду. На третїй годъ послѣ бѣгства, Владимиръ возвратился въ Новгородъ съ Варяжскою дружиною, выгналъ оттуда Ярополковыхъ посадниковъ, которыхъ разумѣется Новгородцы не защищали, а напротивъ собрали войско въ помощь Владимиру для войны съ Ярополкомъ, надѣясь для себя болѣе пользы отъ Владимира, чѣмъ отъ Ярополка. Владимиръ, благодарный Новгородцамъ за помощь во время войны съ братомъ, занявши Кїевъ и управившись съ Ярополкомъ, отправилъ въ Новгородъ посадникомъ своего дядю по матери Добрыню, котораго любили Новгородцы, и въ 985 году вмѣстѣ съ Новгородцами и своею дружиною и полками Приднѣпровскими ходилъ на Камскихъ Болгаръ, въ пользу Новгорода, и заключилъ съ ними миръ по настоянїямъ Новгородскаго посадника Добрыни.

Въ 988 году Владимиръ, какъ извѣстно, при-
 нялъ святое крещеніе и крестилъ Русскую землю, Князь Яро-
славъ Вла-
димировичъ.
 и для сего по разнымъ городамъ разослалъ своихъ
 сыновей съ епископами и священниками, приказыва-
 вая имъ строить церкви и обращать народъ въ хри-
 стианство. Въ это же время, именно въ 989 году, былъ
 присланъ отъ Владимира въ Новгородъ въ князья-
 посадники старшій Владимировъ сынъ Вышеславъ
 и съ нимъ епископъ Якимъ Корсунянинъ съ свя-
 щенниками, которые начали обращать Новгород-
 цовъ въ христіанство, строить церкви и низвер-
 гать идоловъ. По смерти Вышеслава Владимиръ
 прислалъ въ Новгородъ посадникомъ другаго сво-
 его сына Ярослава, который и оставался постоян-
 но княземъ-посадникомъ Новгородскимъ въ про-
 долженіи всей остальной жизни отца, и даже око-
 ло двухъ лѣтъ по смерти Владимира. Ярославъ, по-
 добно другимъ Новгородскимъ посадникамъ, исправ-
 но платилъ условленную дань въ Кіевъ, по двѣ ты-
 сячи гривенъ въ годъ и сверхъ того раздавалъ по
 тысячѣ гривенъ въ самомъ Новгородѣ, состоявшему
 при немъ полку или дружинѣ гридей; а за тѣмъ
 управлялъ Новгородомъ, не спрашиваясь отца и
 согласно съ Новгородскимъ вѣчемъ и народными
 обычаями, т. е. чинилъ судъ и управу, что соб-
 ственно и требовалось для Новгорода. Лучшимъ се-
 му доказательствомъ служить то, что когда въ 997
 году Владимиру понадобилось Новгородское по-
 мощное войско для войны противъ Печенѣговъ, то
 онъ самъ отправился въ Новгородъ, просить у та-

мошняго вѣча, что бы оно дозволило собрать войско въ помощь княжой дружинѣ и Кіевскимъ полкамъ. Дало ли эту помощь Новгородское вѣче — по лѣтописямъ неизвѣстно; но важно то, что великій князь Кіевскій въ самый разгаръ войны съ Печенѣгами, оставляя въ опасности Кіевъ и другіе Приднѣпровскіе города, долженъ былъ самъ ѣхать въ Новгородъ съ просьбою о помощи; это ясно показываетъ, что Владимировы отношенія къ Новгороду были такія же, какъ и отношенія прежнихъ князей, что онъ не могъ приказывать Новгородцамъ, не смотря на то, что сынъ его былъ въ Новгородѣ посадникомъ, и долженъ былъ искать согласія или дозволенія вѣча. Семнадцать лѣтъ послѣ Владимирова путешествія за помощнымъ войскомъ мы неимѣемъ никакихъ извѣстій о сношеніяхъ Новгородцовъ съ Кіевскимъ княземъ; знаемъ только, что Новгородскій князь-посадникъ Ярославъ исправно высылалъ въ Кіевъ условленную съ Новгорода дань двѣ тысячи гривенъ. Но очевидно отношенія сіи были неудовлетворительны; ибо вдругъ, послѣ семнадцатилѣтняго платежа дани, Ярославъ въ 1015 году пересталъ высылать дань и послалъ въ Скандинавію просить помощи у Варяговъ для войны съ отцемъ. Чѣмъ бы кончилась эта война, мы не знаемъ, ибо Владимиръ во время приготовления къ ней скончался; но то несомнѣнно, что Ярославъ, любимый князь Новгородцевъ, подобный извѣстнымъ въ послѣдствіи двумъ Мстиславамъ, сражавшимся за св. Софію и Великій Новгородъ, вступая въ борьбу съ

отцемъ, ратовалъ бы за права вольнаго Новгорода, и война сія была бы ведена не одними Варягами, призванными Ярославомъ, но всѣмъ Новгородомъ; Новгородцы въ этой войнѣ воевали бы. какъ за любимаго своего князя. такъ и за неприкосновенность правъ вольнаго Новгорода.

Смерть Владимира не измѣнила отношеній Ярослава къ Новгороду Новгородцы ему были нужны для борьбы съ Святополкомъ, занявшимъ Кіевъ, уже убившимъ братьевъ Бориса, Глѣба и Святослава, и добиравшимся до самаго Ярослава, а равнымъ образомъ и Ярославъ былъ дорогъ для Новгородцовъ, какъ князь, умѣвшій прожить съ ними почти двадцать восемь лѣтъ и хорошо знакомый съ ихъ обычаями, и уже объявившій войну отцу за права Новгорода. А по сему, когда Ярославъ, узнавши о смерти отца и объ избіеніи братьевъ Святополкомъ, на другой день по полученіи сей вѣсти созвалъ вѣче и объявилъ Новгородцамъ о грозящей ему опасности со стороны Святополка; то Новгородцы, хотя и были накануне обижены самоуправствомъ Ярослава, приказавшаго избить нѣкоторыхъ значительныхъ Новгородцовъ, избившихъ недавно буйныхъ Варяговъ, тѣмъ не менѣе въ одинъ голосъ отвѣчали: „аще, княже, братья наша изсѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти“, и немедленно на томъ же вѣчѣ рѣшили выставить ему 40 тысячъ войска для войны съ Святополкомъ. Война Ярослава съ Святополкомъ выказала вполне привязанность Новгородцевъ къ своему любимому

князю; они какъ бы взялись во что бы то ни стало доставить Кіевскій престолъ Ярославу, три раза вооружались за него противъ Святополка; даже одинъ разъ изрубили Ярославовы ладьи, когда онъ, разбитый Болеславомъ Польскимъ и воротившійся въ Новгородъ только самъ-пятъ, хотѣлъ бѣжать къ Варягамъ за море; сами наняли для него Варяговъ, и для этого собрали добровольно по четыре куны съ человѣка, а съ старость по десяти гривенъ, съ бояръ же по осмнадцати гривенъ. Равнымъ образомъ и въ послѣдующихъ войнахъ Ярославъ въ Новгородцахъ постоянно имѣлъ самыхъ вѣрныхъ и усердныхъ союзниковъ и помощниковъ, и во всѣхъ своихъ невзгодахъ искалъ себѣ убѣжища и защиты въ Новгородѣ; такъ Ярославъ два года жилъ въ Новгородѣ послѣ неудачной битвы съ Мстиславомъ при Лиственѣ, и потомъ Новгородцами былъ приведенъ въ Кіевъ, и при ихъ помощи заключилъ съ Мстиславомъ миръ у Городца, по которому весь правый берегъ Днѣпра и Кіевъ утверждены за Ярославомъ. Потомъ въ 1036 году Новгородцы помогли Ярославу освободить Кіевъ отъ осады Печенѣговъ и дрались съ Печенѣгами цѣлый день, съ раняго утра до поздняго вечера. И все это Новгородъ дѣлалъ добровольно, только по одной любви къ Ярославу, а отнюдь не потому, что отношенія Новгородцовъ къ своему князю измѣнились, что Ярославъ сдѣлался полнымъ владыкою Новгорода и Новгородъ утратилъ свою самостоятельность; ибо во всѣхъ изчисленныхъ выше войнахъ Ярославъ

самъ прїѣзжалъ въ Новгородъ просить помощи, или Новгородцы сами добровольно вызывались помогать любимому князю, о приказаніяхъ же нѣтъ нигдѣ и помину.

Ярославъ, хорошо понимавшій значеніе Новгорода, и благодарный за пособія, которыя ему оказывали Новгородцы во время упорныхъ войнъ съ Святополкомъ, утвердившись окончательно въ Кіевѣ въ 1019 году, вступилъ съ Новгородомъ въ новыя условія, которыми точнѣе опредѣлялись отношенія Новгорода къ князьямъ, и Новгородцы освобождались отъ многихъ прежнихъ обязательствъ и между прочимъ отъ платежа въ Кіевъ двухъ тысячъ гривенъ дани: для опредѣленія сихъ новыхъ отношеній между Ярославомъ и Новгородцами были составлены особыя грамоты, извѣстныя подъ именемъ Ярославлихъ грамотъ, на которыя Новгородцы въ послѣдствіи постоянно ссылались въ своихъ сношеніяхъ съ Русскими князьями, и требовали, чтобы князья управляли Новгородомъ согласно съ Ярославовыми грамотами. Кромѣ грамотъ, Ярославъ постоянно во всю свою жизнь старался угодить и помогать Новгороду; такъ когда въ 1021 году Брячиславъ князь Полотскій нечаянно напалъ на Новгородскія владѣнія, и даже успѣлъ ворваться въ самый Новгородъ, ограбить его и увести плѣнниковъ; то Ярославъ, получивши объ этомъ вѣсть въ Кіевѣ, немедленно сѣлъ на коня, и на седьмой день нагналъ Брячислава на Судомѣри, разбилъ и принудилъ воротить Новгородскую добычу

и плѣнниковъ. Потомъ въ 1024 году онъ приходилъ въ Новгородъ усмирять мятежь, произведенный волхвами, прежними толкователями и учителями языческой религіи, которые, пользуясь случившимся тогда въ той сторонѣ голодомъ, старались возмутить еще неокрѣпшихъ тамошнихъ христіанъ; онъ переловилъ волхвовъ, особенно разпространившихся по Суздальской землѣ, тогда еще не совсѣмъ отдѣленной отъ Новгорода, успокоилъ своимъ прибытіемъ народъ и отправилъ торговцовъ въ землю Болгарскую за хлѣбомъ. Далѣе въ 1030 году онъ ходилъ для Новгородцовъ на Чудь и построилъ тамъ городъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ, а въ 1036 году привелъ къ Новгородцамъ въ князья своего старшаго сына Владимира, для чего самъ прѣзжалъ въ Новгородъ, и далъ Новгородцамъ епископа Луку Жидяту, на мѣсто умершаго Іоакима Корсунянина. А еще прежде въ 1032 году, Ярославъ устроилъ въ Новгородѣ училище на триста челоувѣкъ. Всѣ сіи дѣйствія показываютъ, что Новгородъ при Ярославіи былъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ государствомъ, союзнымъ Ярославу и даже признававшимъ его власть въ извѣстныхъ предѣлахъ, но отнюдь не составлялъ одного цѣлаго съ прочею Русскою землею: Тоже подтверждаютъ и дѣйствія самихъ Новгородцовъ, изъ которыхъ видно, что Новгородцы во многомъ разпоряжались, какъ народъ совершенно независимый отъ Кіевскаго князя; такъ въ 1032 году Новгородское вѣче, безъ всякихъ отношеній къ Ярославу, посыдало сво-

его выборнаго воеводу Улеба за Желѣзные ворота, куда-то на Сѣверь; точно также въ 1042 году Владимиръ, сынъ Ярослава, княжившій въ Новгородѣ, по распоряженію Новгородскаго вѣча и для Новгорода, а не для Кіева, ходилъ въ Южную Финляндію, на племя Емь, жившее тамъ. Самъ Ярославъ явно призналъ Новгородъ владѣніемъ независимымъ и самостоятельнымъ; ибо въ своемъ духовномъ завѣщаніи непомѣстилъ его въ число удѣловъ, назначенныхъ тому или другому изъ сыновей, и тѣмъ самымъ предоставилъ Новгородцамъ на волю выбрать себѣ князя.

По смерти Ярослава Новгородцы, помня любовь его къ нимъ, безпрекословно признали власть Кіевскаго князя, старшаго Ярославова сына, Изяслава, княжившаго у нихъ въ послѣдніе годы жизни отца. Изяславъ, подобно отцу, старался ладить съ Новгородцами; въ первые годы своего княженія въ Кіевѣ онъ далъ имъ въ князья своего старшаго сына Мстислава; потомъ самъ прибылъ въ Новгородъ и водилъ Новгородцевъ на Чудь, т. е. за Чудское озеро и взялъ тамъ городъ Осекъ Кидипивъ. Далѣе, въ 1060 году, снова пріѣзжалъ въ Новгородъ и опять водилъ Новгородцевъ въ землю Чуди и принудилъ тамошнее племя Сосоль платить Новгороду по двѣ тысячи гривенъ въ годъ. Впрочемъ этотъ походъ не принесъ той пользы Новгороду, какую бы можно было ожидать по тому обѣщанію, какое дали Сосолы Изяславу, ибо въ слѣдъ за удаленіемъ его изъ Новгорода, они не только изгнали присланныхъ изъ

Князь Изяславъ Ярославичъ.

Новгорода даньщиковъ, но и сами съ большими силами напали на Юрьевъ, и хотя города не могли взять, тѣмъ не менѣе пограбили и пожгли все окрестности, и даже доходили до Пскова; и Новгородцы съ Псковичами снова должны были воевать противъ нихъ, причеиъ хотя и разбили Сосоль, но и сами потеряли до 1000 человекъ своихъ ратниковъ. Въ 1066 году нечаянно напалъ на Новгородъ Полотскій князь Всеславъ Брячиславичъ, занялъ его до Неревского конца, ограбилъ храмъ св. Софїи, снялъ колокола, паникадилы и, кромѣ разныхъ богатствъ, захватилъ множество плѣнниковъ, женъ и дѣтей. Изяславъ Кїевскій, мстя за обиду Новгорода, поднялъ своихъ братьевъ, Святослава Черниговскаго и Всеволода Переяславскаго, и началъ войну съ Всеславомъ, которая, послѣ многихъ кровопролитныхъ битвъ, кончилась тѣмъ что Ярославичи обманомъ схватили Всеслава, и отправили въ Кїевъ, гдѣ и посадили его въ порубъ.

Князь Глѣбъ
Святосла-
вичъ.

Когда въ 1068 году Изяславъ, изгнанный Кїевлянами изъ Кїева, бѣжалъ въ Польшу; то Новгородцы обратились къ Черниговскому князю Святославу Ярославичу и взяли у него въ князья сына его Глѣба, и такъ полюбили этого молодаго князя, что несмотря ни на какія смуты и перемѣны князей въ Кїевѣ, твердо держались за него въ продолженіи 12 лѣтъ, до самой его кончины. Глѣбъ съ своей стороны усердно служилъ Новгороду: онъ, предводительствуя Новгородцами, храбро дрался съ храбрѣйшимъ изъ тогдашнихъ князей Всеславомъ Полот-

скимъ, въ 1069 году вторично напавшимъ на Новгородъ, и разбилъ его въ страшной битвѣ подъ городомъ у Звѣринца на Гзени; потомъ въ 1071 году, въ самомъ Новгородѣ, усмирилъ возстаніе старовѣровъ, замышлявшихъ, подъ предводительствомъ какого-то волхва, возстановить старое идолопоклонство; и наконецъ въ 1079 году сложилъ свою голову за Новгородъ въ битвѣ съ Заволоцкою Чудью. По смерти любимаго князя Глѣба, Новгородцы обратились къ прежнему своему князю Изяславу Ярославичу, уже въ третій разъ княжившему въ Кіевѣ, и взяли себѣ въ князья его сына Святополка. Святополкъ, прокняживъ спокойно десять лѣтъ въ Новгородѣ, ушелъ въ Туровъ; а Новгородцы выпросили себѣ въ князья у тогдашняго Кіевского князя Всеволода Ярославича его внука Мстислава Владимировича, еще малолѣтнаго. Мстиславъ, выросши такимъ образомъ среди Новгородцовъ, такъ свылся съ ихъ обычаями и такую заслужилъ у нихъ любовь, что они нехотѣли съ нимъ разстаться; и когда Святополкъ, по смерти Всеволода сдѣлавшійся великимъ княземъ Кіевскимъ, въ 1102 году хотѣлъ посадить въ Новгородѣ своего сына, а Мстислава вывезть отсюда; то Новгородцы отправили въ Кіевъ посольство, которое отъ ихъ имени прямо сказало Кіевскому князю: „не хотимъ Святополка, ни сына его; аще ли, княже, двѣ главы имѣетъ сынъ твой, то пошли его. А Мстислава далъ намъ Всеволодъ, и мы вскормили его княземъ, а ты ушелъ отъ насъ, ударилъ пятою въ Новгородъ“. Долго спо-

Князя Святополкъ Изяславичъ и Мстиславъ Владимировичъ.

рилъ Святополкъ съ Новгородскимъ посольствомъ, но ничего не успѣлъ сдѣлать, Новгородцы поставили на своемъ, и несмотря на сдѣлку, бывшую между Святополкомъ и отцомъ Мстислава Владимиромъ Мономахомъ, удержали у себя Мстислава. А еще прежде того, въ 1095 году, когда Святополкъ съ Владимиромъ Мономахомъ договорились передать Новгородъ Давыду Святославичу Смоленскому, Новгородцы на дорогѣ остановили Давыда, вѣхавшаго въ Новгородъ, и вызвали къ себѣ Мстислава, уже отправленнаго Мономахомъ въ Ростовъ Сими двумя поступками они ясно доказали Русскимъ князьямъ, что вольны въ своихъ князьяхъ и, какъ народъ независимый, кого хотятъ принимаютъ, ни сколько не соображаясь съ распоряженіями Кіевскаго или другаго какого князя.

Со времени смерти Ярослава великаго, въ продолженіи слишкомъ сорока лѣтъ, Новгородцы не принимали никакого участія въ междоусобіяхъ князей другъ съ другомъ, и мы не встрѣчаемъ ихъ полковъ ни въ одной междукняжеской войнѣ того времени; но ихъ привязанность къ Мстиславу такъ была велика, что для него они рѣшились отступить отъ правила невмѣшательства, и въ 1096 году въ первый разъ, собственно для Мстислава, выступили въ походъ на защиту Ростовскаго и Суздальскаго края отъ нападенія Олега Святославича, хотѣвшаго отнять эту землю у Мстиславова отца Владимира Мономаха, и послѣ упорной битвы, неподалеку отъ Суздаля, на урочищѣ называемомъ Кулачьцѣ, раз-

били наголову Олега и принудили бѣжать изъ Суздальской земли. Въ отплату за такую услугу Новгородцовъ, Мстиславъ, по опредѣленію Новгородскаго вѣча, сдѣлалъ нѣсколько походовъ въ Прибалтійскій край: такъ въ 1111 году онъ вмѣстѣ съ Новгородцами ходилъ на Очелу, Финское племя, жившее въ предѣлахъ нынѣшней Эстляндіи; потомъ въ 1113 году разбилъ другое Фицское племя—Чудь на Бору, а въ 1116 году взялъ у Чуди городъ Медвѣжью Голову, на границахъ Чуди съ Ливью, и въ тотъ же годъ заложилъ новыя стѣны вокругъ Новгорода, обширнѣйшія противъ прежнихъ. Наконецъ, въ 1117 году, послѣ двадцати осми-лѣтняго княжества въ Новгородѣ, Мстиславъ былъ переведенъ своимъ отцемъ Владимиромъ Мономахомъ въ южный, или Русскій, Переяславль, а въ Новгородѣ вмѣсто себя оставилъ, вѣроятно по отповскому распоряженію, своего, еще несовершеннолѣтняго, сына Всеволода Мстиславича.

Продолжительное княжествованіе Мстислава было самымъ цвѣтушимъ временемъ для Новгорода. Новгородцы во все это время наслаждались внутреннимъ миромъ и согласіемъ. Новгородъ все это время спокойно торговалъ и распространялъ свои поселенія или колоніи въ дикихъ лѣсахъ Заволоцкой Чуди, и былъ грозенъ для своихъ сосѣдей по побережьямъ Финскаго залива, примучивалъ ихъ и бралъ съ нихъ дани. такъ что этотъ край признавалъ нѣкоторую зависимость отъ Новгорода, хотя еще и сопротивлялся. Заволочье, Печерскій край и Югра съ Само-

Состояніе
Новгорода
при князѣ
Мстиславѣ
Владимиро-
вичѣ.

ядью давно уже платили дани Новгороду, и богатые Новгородскіе торговцы спокойно посылали свои торговыя партіи съ прикащиками даже за Уральскія горы въ Сибирь. Самый Новгородъ, вновь укрьпленный Мстиславомъ, украшался построеніемъ многихъ церквей; а въ Ладогѣ въ 1116 году были введены тамошнимъ посадникомъ Павломъ каменные городскія стѣны. По Новгородскимъ пригородамъ вездѣ сидѣли правителями посадники, назначавшіеся Новгородскимъ вѣчемъ, и нисколько независѣвшіе отъ князей.

Князь Всеволодъ Мстиславичъ.

Разпоряженіе Владимира Мономаха о переводѣ Мстислава въ Переяславль крайне не понравилось Новгородцамъ. Имъ съ одной стороны тяжело было разстаться съ любимымъ княземъ, а съ другой стороны это разпоряженіе нѣкоторымъ образомъ ставило ихъ въ зависимость отъ Кіевского князя, чего они очень не любили. И, какъ кажется, неудовольствіе свое они выразили довольно ясно и не хотѣли повиноваться новому князю Всеволоду; ибо на другій годъ по удаленіи Мстислава Мономахъ и Мстиславъ нашли нужнымъ вызвать въ Кіевъ старѣйшихъ Новгородскихъ бояръ, и взять съ нихъ присягу, причемъ Мономахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно болѣе опасныхъ, удержалъ у себя и даже иныхъ сослалъ въ заточеніе, и особенно былъ гнѣвенъ на сотскаго Ставра. Все это ясно показываетъ, что въ Новгородѣ съ удаленіемъ Мстислава начались раздоры; лѣтопись упоминаетъ о разграбленіи какихъ то Даньслава и Ноздрьчи вѣроятно горячихъ кня-

жихъ сторонниковъ, а можетъ быть и княжихъ мужей. Впрочемъ на первый случай Новгородскія удовольствія неимѣли большихъ послѣдствій. Очевидно Мстиславъ, во время своего продолжительнаго княжества, успѣлъ составить себѣ между Новгородцами сильную партію, которая на первыхъ порахъ могла еще поддерживать Мономаховы требованія, да и притомъ Мономахъ въ это время былъ очень силенъ для того, чтобы Новгороду вступать съ нимъ въ явную борьбу, неимѣя нигдѣ союзниковъ; въ слѣдствіе всего этаго Всеволодъ на первое время довольно утвердился въ Новгородѣ, княжилъ спокойно и даже тамъ женился, и въ 1123 году по распоряженію Новгородскаго вѣча ходилъ войною въ Южную Финляндію и довольно удачно воевалъ противъ тамошняго Финскаго племени Еми. Самъ Мстиславъ, чтобы поддержать связи съ Новгородскими старѣйшими боярами, въ 1122 году вступилъ въ бракъ съ дочерью знаменитѣйшаго и богатѣйшаго Новгородца Дмитрія Завидича; но все это было только до перваго удобнаго случая.

Смерть великаго князя Кіевскаго Владимира Мономаха, послѣдовавшая въ 1125 году, взволновала Новгородцевъ; они, опасаясь, чтобы Мстиславъ, сдѣлавшись по смерти отца Кіевскимъ княземъ, не вызвалъ Всеволода изъ Новгорода, вступили въ новый договоръ съ Всеволодомъ, по которому онъ цѣловалъ Новгородцамъ крестъ, не оставлять Новгорода до свой кончины, и на этомъ новомъ условіи снова посадили его на княжемъ столѣ въ Новгородѣ,

т. е. признали его своимъ княземъ, и жили съ нимъ въ согласіи семь лѣтъ, т. е. пока былъ живъ его отецъ Мстиславъ; они даже помогали Мстиславу въ 1128 году, въ войнѣ его съ Полоцкими князьями. Всеволодъ въ продолженіи этаго времени, по разпоряженію Новгородскаго вѣча, или съ его согласіемъ, два раза ходилъ на Чудь: въ первый разъ въ 1130 году, довольно удачно опустошилъ Чудскую землю и возвратился въ Новгородъ съ множествомъ плѣнниковъ; но второй походъ, бывшій въ слѣдующемъ году, былъ не такъ удаченъ, Новгородцы потеряли много знатныхъ мужей, побитыхъ Чудью. Въ самомъ управленіи Новгородомъ Всеволодъ въ это время имѣлъ довольно силы; онъ, заложивши въ 1127 году церковь Іоанна Предтечи на Опокахъ, или на Петрятинѣ дворницѣ, далъ ей уставную грамоту, по которой къ этой церкви приписалъ особую купеческую общину съ разными привиллегіями. Впрочемъ въ дачѣ этой уставной грамоты Всеволодъ очевидно поступалъ согласно съ изконными Новгородскими правами, и тѣмъ нисколько не нарушалъ Новгородскихъ порядковъ; ибо привиллегіи, данныя этою грамотою, сохранялись за Ивановскою церковію даже въ XVI столѣтіи; а сего конечно не могло бы быть, ежели бы они даны были въ нарушеніе изконныхъ Новгородскихъ правъ.

Видимо спокойное и сильное княжествованіе Всеволода въ Новгородѣ, на дѣлѣ не совсѣмъ было таковымъ. Дѣйствительно Всеволодова партія была еще довольно сильна, она состояла изъ пріятелей Мсти-

славовыхъ, людей богатыхъ и сильныхъ, и слѣдовательно прямого возстанія на князя мудрено было и ожидать. Тѣмъ не менѣе и противная партія уже не безмолствовала, и ежели еще незатрогивала сильно самага князя то уже значительно беспокоила княжихъ посадниковъ, которыхъ въ это время мѣняли очень часто, чего прежде не бывало; именно въ продолженіи семи лѣтъ передъ смертію Мстислава въ Новгородѣ перемѣнилось пять посадниковъ; и притомъ съ явнымъ указаніемъ колебанія князей и народной партій; ибо посадничество давалось то княжескимъ сторонникамъ и даже боярамъ, присылаемымъ изъ Кіева, то предводителямъ народной партіи. Наконецъ смерть Мстислава, послѣдовавшая въ 1132 году, окончательно рѣшила отношенія Всеволода къ Новгородцамъ и Новгородцевъ къ нему. Преемникъ Мстислава на Кіевскомъ престолѣ, братъ его Ярополкъ, пригласилъ Всеволода въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы посадить его въ Русскомъ Переяславлѣ; и Всеволодъ, не смотря на клятву не оставлять Новгорода, поспѣшилъ на зовъ дяди и отправился въ Кіевъ, чтобы занять Переяславль. Это удаленіе сильно взволновало Новгородцевъ и подняло народную партію; Новгородцы здѣсь ясно увидали, что князья хотятъ подчинить ихъ своимъ распоряженіямъ и втянуть въ колovorотъ княжескихъ междоусобій. А посему когда Всеволодъ, выгнанный изъ Переяславля своимъ дядею Юріемъ, княземъ Суздальскимъ, опять возвратился въ Новгородъ; то нашелъ тамъ полное возстаніе, — народная партія созвала вѣче,

на которое пригласила Псковитянъ и Ладожанъ, и при ихъ помощи выгнала Всеволода, сказавши: „ты крестъ цѣловаль, что хочешь умереть въ Новгородѣ, а самъ ушелъ“. Впрочемъ торжество народной партіи было непродолжительно; милостинцы Всеволода поспѣшили собрать новое вѣче, на которомъ ихъ партія перекричала, и Всеволода нагнали на Устьяхъ и воротили въ Новгородъ.

Торжество Всеволодовой партіи, по видимому, было полное, и на другой годъ Всеволодъ водилъ Новгородцевъ на Чудь и взялъ тамъ городъ Юрьевъ, потерянный Новгородцами въ предшествовавшее время; но еще черезъ годъ дѣла сильно перемѣнились не въ пользу Всеволода. Всеволодовы милостинцы, имѣя въ виду недавній удачный походъ на Чудь и возвращеніе Юрьева, въ 1134 году побѣщали Всеволоду собрать съ Новгородскихъ волостей войско для войны съ его дядею, Суздальскимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ, и для этого созвали вѣче наканунѣ Троицына дня, и на вѣчѣ стали говорить, что нужно помочь князю противъ Суздальскаго дяди; но противники зашумѣли и началась драка, кончившаяся тѣмъ, что тутъ же на вѣчѣ убили одного боярина и сбросили съ моста въ Волховъ, а четвертаго августа погорѣла торговая сторона отъ Плотницкаго ручья до Холма. Впрочемъ Всеволодовымъ милостинцамъ послѣ споровъ, продолжавшихся почти цѣлое лѣто, удалось поставить на своемъ и склонить народъ къ походу на Суздаль, имѣя въ виду посадить въ тамошнемъ краю Всеволодова

брата Изяслава, который за этимъ самъ прїѣзжалъ въ Новгородъ. Но на самомъ походѣ противная партія опять поднялась, составила новое вѣче и принудила Всеволода воротиться съ Дубны, при чемъ отняли посадничество у Петрилы, сторонника Всеволодова и дали Иванку Павловичу, вѣроятно сыну того знаменитаго Ладожскаго посадника Павла, который обвелъ Ладогу въ 1116 году каменными стѣнами. Впрочемъ Всеволодъ, имѣвшій еще сильную партію въ самомъ городѣ, воротившись съ Дубны, опять поднялъ дѣло о Суздальской войнѣ; и на свою голову добился того, что зимою опять собралось войско и 31 декабря, въ самую страшную непогоду съ сильнымъ морозомъ и мятьелю, двинулось въ походъ; но это уже было въ послѣдній разъ для Всеволода. Этотъ новый Суздальскій походъ рѣшительно неудался; Всеволодъ былъ сильно разбитъ на Жданѣ горѣ, и Новгородцы потеряли въ битвѣ много знаменитыхъ мужей и въ числѣ ихъ посадника Иванка Павловича и стараго посадника Петрилу Микульчича. Воротившись въ Новгородъ Всеволодъ нашелъ тамъ полное нерасположеніе къ себѣ, и хотя успѣлъ выхлопотать посадничество своему милостинцу Мирославу; но о новомъ походѣ нечего было и думать, партія его уже не имѣла прежней силы, неудачный Суздальскій походъ совершенно уронилъ ее въ народномъ мнѣніи, къ тому же вскорѣ послѣ похода умеръ и сильнѣйшій сторонникъ Всеволода, посадникъ Мирославъ Гюрятиничъ.

Пользуясь такимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, народная партія въ 1136 году, т. е. почти черезъ полтора года послѣ послѣдняго Суздальскаго похода, по прежнему пригласила въ Новгородъ своихъ единомышленниковъ изъ Пскова и Ладogi, и составила многолюдное вѣче, которое прежде всего засадило Всеволода съ дѣтьми, женою, и тещею подъ стражу и нарядило надъ нимъ судъ. Этотъ судъ обвинилъ Всеволода, какъ нарушителя правъ Новгородскихъ: во 1-хъ въ томъ, что онъ не заботится о защитѣ чернаго народа и особенно смердовъ, угрождаетъ только однимъ боярамъ насильникамъ, приверженцамъ своей партіи; во 2-хъ, давши клятву неоставлять Новгорода до смерти, уѣхалъ въ Русскій Переяславль и хотѣлъ остаться тамъ княжить; въ 3-хъ, во время Суздальской войны прежде всѣхъ бѣжалъ съ битвы; въ 4-хъ, любить играть и тѣшиться, а людей неуправляетъ, собралъ собакъ и ястребовъ, а людей не судить и управы не даетъ; и въ 5-хъ наконецъ, велѣлъ Новгородцамъ приступить къ союзу съ Всеволодомъ Ольговичемъ, княземъ Черниговскимъ, и потомъ отступить велить. Вычитавши сіи вины, судъ вѣча рѣшилъ изгнать Всеволода, а на его мѣсто пригласить Святослава Ольговича, роднаго брата Черниговскому князю, и до прибытія Святослава держать Всеволода со всѣмъ семействомъ на епископскомъ дворѣ подъ стражею. И по этому приговору вѣча держали его подъ стражею цѣлыхъ два мѣсяца, и выпустили только тогда, когда пріѣхалъ Святославъ. Эта предосторожность

была принята за тѣмъ, чтобы Всеволодова партія и на этотъ разъ неповторила продѣлки 1132 года, т. е. до прибытія Святослава не воротила Всеволода съ дороги, когда онъ поѣдетъ изъ Новгорода.

И недаромъ народная партія принимала такія пре- Князь Свя-
тославъ Оль-
говичъ.
досторожности: милостинцы Всеволода, проиграв-
ши свое дѣло на вѣчѣ, недумали еще оставаться
спокойными, а напротивъ искали всевозможныхъ
средствъ цоставить на своемъ. Нѣкоторые изъ нихъ
бѣжали за Всеволодомъ въ Вышгородъ, который ему
далъ дядя его Ярополкъ князь Кіевскій, съ ними
ушелъ и посадникъ Константинъ Микульчичъ, вѣ-
роятно братъ Петрилы, убитаго въ Суздальскомъ
бою; иные же перебрались въ Псковъ, чтобы отгу-
да дѣйствовать на Новгородъ; а другіе оставались
въ Новгородѣ, чтобы заявлять свое неудовольствіе
на рѣшеніе послѣдняго вѣча и воспользоваться пер-
вымъ удобнымъ случаемъ къ возстанію. Изъ остав-
шихся въ Новгородѣ приверженцевъ Всеволода, пер-
вый заявилъ себя епископъ Нифонтъ, пришелецъ
изъ Кіево-Печерскаго монастыря: онъ не далъ бла-
гословенія новому князю Святославу Ольговичу
вступить въ бракъ и запретилъ Новгородскимъ свя-
щенникамъ вѣнчать его, такъ что Святославъ на-
шелся вынужденнымъ вѣнчаться у своихъ священ-
никовъ, во вновь выстроенной имъ церкви святи-
теля Николая. Потомъ приверженцы Всеволода ста-
рались отдѣлаться отъ Святослава тайнымъ злодѣй-
ствомъ; лѣтопись говоритъ: „милостинцы Всеволо-
да стрѣляли въ князя изъ-за угла, но князь остал-

ся живъ⁴. Была еще попытка и къ явному возстанію, но и та неудалась: предводитель возстанія, Юрій Жирославичъ, при семъ погибъ, будучи сброшенъ съ моста 1 сентября 1136 года. Наконецъ 7 марта слѣдующаго года, Всеволодъ, по вызову своей партіи, усилившейся во Псковъ, самъ пріѣхалъ туда, чтобы изъ Пскова добывать себѣ Новгородъ; вслѣдъ за его пріѣздомъ побѣжали туда и остальные его приверженцы, еще проживавшіе въ Новгородѣ, стали тамъ укрѣпляться и засѣкли дороги отъ Новгорода. Но и народная партія не дремала; и лишь только пришли вѣсти, что Всеволодъ пріѣхалъ во Псковъ, какъ весь Новгородъ взволновался, народъ въ одинъ голосъ закричалъ: „нехотимъ Всеволода“, и начался грабежъ домовъ, принадлежащихъ Всеволодовымъ приверженцамъ, бѣжавшимъ во Псковъ, стали отыскивать, кто еще изъ Всеволодовыхъ пріятелей, изъ бояръ, остались въ Новгородѣ, взяли съ нихъ, по выраженію лѣтописи, не съ полторы тысячи гривень и роздали купцамъ въ пособіе для приготовленія къ войнѣ со Всеволодомъ. Приготовленіе къ войнѣ шло дѣятельно и быстро; Святославъ, въ помощь своей дружинѣ и Новгородскому войску, пригласилъ брата своего Глѣба, князя Курскаго и Половцовъ; и всѣ вмѣстѣ отправились къ Пскову, надѣясь, что многочисленность войска заставитъ Псковичей примириться съ Новгородомъ и выгнать отъ себя Всеволода. Но Псковичи не думали уступать, и Новгородцы, какъ говоритъ лѣтопись, чтобы не проливать крови сво-

ихъ братьевъ, воротились домой съ Дубровны, а въ слѣдъ за тѣмъ Всеволодъ скончался во Псковѣ.

Бурное княженіе Всеволода Мстиславича, про-
должавшееся чуть не двадцать лѣтъ и раздѣлившее
Новгородцовъ на партіи — княжескую и народную, имѣло большое вліяніе на послѣдующую судьбу Нов-
города. Съ этого времени Новгородъ много поте-
рялъ своей прежней крѣпости и общественнаго еди-
нодушія. Пригороды, приглашенные къ участию въ
борьбѣ Новгородскихъ партій, почувствовали свои
отдѣльныя силы; и первый, богатѣйшій изъ приго-
родовъ, Псковъ, какъ мы уже видѣли, еще при
Всеволодѣ отдѣлился отъ Новгорода и незадумался
возстать войною на свою старую метрополию. Кро-
мѣ того, Новгородцы въ это же время, волей не-
волей, принуждены были втянуться въ междуусобія
Русскихъ князей; въ слѣдствіе чего у князей разви-
лось желаніе подчинить Новгородъ тому или дру-
гому княжескому дому, окончательно обратить его
въ отчину подобно другимъ удѣламъ. А въ самомъ
Новгородѣ образовалась партія богачей и сильныхъ
землевладѣльцевъ, которые находили для себя вы-
годнѣе подчиняться князю, чѣмъ зависѣть отъ на-
роднаго вѣча, и стали продавать независимость
Новгорода князьямъ. Но за то съ другой стороны
Новгородцы, раздѣлившись на партіи, почувство-
вали необходимость яснѣе опредѣлить свои отно-
шенія къ князьямъ и сколько-нибудь обезпечить
огражденіе народной самостоятельности, постоянно
угрожаемой княжескими милостинцами. До сего

Новыя отно-
шенія Нов-
города къ
князьямъ.

времени Новгородъ, сильный своимъ единодушiемъ, мало заботился о введенiи опредѣленныхъ формъ для болѣе подробнаго разграниченiя своихъ правъ и княжескихъ, довольствуясь старыми условiями съ князьями и особенно Ярославовыми грамотами. Но теперь, когда князья нашли себѣ опору въ самомъ мiру Новгородскомъ, когда въ ихъ пользу составилась постоянная партiя, которая для своихъ видовъ всегда была готова продать права народа любому князю, отъ котораго надѣялась получить болѣе выгодъ; то защитники правъ Новгородскихъ ясно увидали необходимость оградить самостоятельность и независимость отечества по крайней мѣрѣ тѣмъ, чтобы главные народные начальники, ближайшiе по своей власти къ князю, прямо зависѣли отъ народнаго вѣча, а не отъ князя, и чтобы князь безъ воли вѣча не могъ ни назначать ихъ, ни смѣнять, и чтобы распоряженiя князя безъ нихъ считались недѣйствительными. Народная партiя такую мѣроу думала сколько нибудь замѣнить утраченное единодушiе, такъ необходимое для самостоятельнаго общества; и дѣйствительно до нѣкоторой степени достигла своей цѣли и надолго отодвинула паденiе самостоятельности Новгорода. Первымъ выборнымъ начальникомъ, ближайшимъ по своей власти къ князю, былъ посадникъ, за тѣмъ сдѣлались выборными тысяцкiй и владыка, или епископъ Новгородскiй. Первый выбранный вѣчемъ посадникъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, получившiй это званiе въ 1126 году, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ вѣче обязало Все-

волода не оставлять Новгород до смерти. За тѣмъ, кажется въ княженіе же Всеволода, сдѣлались выборными и тысяцкіе; но относительно епископовъ, первоначально избиравшихся митрополитомъ всея Руси, переходъ этого выбора отъ митрополита къ народному вѣчу послѣдовалъ уже черезъ 19 лѣтъ по смерти Всеволода, когда скончался послѣдній присланный изъ Кіева епископъ Нифонтъ, цѣлые 28 лѣтъ правившій Новгородскою епископіею.

Несмотря на множество волненій, бывшихъ въ княженіе Всеволода, Новгородъ по прежнему торговалъ и въ Русской землѣ, и у сосѣднихъ, и дальнихъ народовъ, и разпространялъ свои колоніи на сѣверо-востокъ; въ лѣтописи упоминается, подъ 1130 годомъ, что въ этомъ году, на возвратномъ пути изъ Готландіи, потонуло семь морскихъ Новгородскихъ лодій съ товарами, при чемъ погибло много и людей, а которые спаслись отъ потопленія, тѣ возвратились въ Новгородъ безо всего, чуть не нагишомъ. Потомъ, подъ 1134 годомъ, упоминается, что въ этомъ году были избиты Новгородскіе купцы въ Даніи. Въ это же смутное время въ Новгородѣ постоянно устраивались новыя церкви и монастыри; такъ лѣтописи къ Всеволодову княженію относятъ окончательное устройство знаменитыхъ Новгородскихъ монастырей—Юрьева и св. Антонія Римлянина.

Смертію Всеволода не кончились несогласія въ Новгородѣ: милостинцы Всеволодовы, засѣвшіе во Псковѣ, и недумали прекращать вражды; они вмѣ-

сто умершаго Всеволода выбрали себѣ въ князья брата его Святополка и вооружили противъ Новгорода всѣхъ князей, потомковъ Мономаха, бывшихъ тогда во враждѣ съ Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ, и потому враждовавшихъ на Новгородъ за то, что онъ взялъ себѣ въ князья Всеволодова брата Святослава. Союзники Псковичей, князья Кіевскій, Суздальскій, Смоленскій и Полотскій цѣлое лѣто морили Новгородцовъ голодомъ и ни вѣса хлѣба непускали въ Новгородъ. Такъ что Новгородцы, утомленные дороговизною съѣстныхъ припасовъ, наконецъ вынуждены были отказаться отъ своего избраннаго князя Святослава Ольговича, и взять другаго у своего сильнаго сосѣда Юрія Долгорукаго, князя Суздальскаго, который и прислалъ въ Новгородъ своего сына Ростислава, а въ слѣдъ за тѣмъ примирились съ Новгородомъ и Псковичи, и державшаяся во Псковѣ Всеволодова партія Новгородцовъ.

Борьба съ
Юріемъ Дол-
горукиемъ.

Но ни Юрій, ни сынъ его Ростиславъ немогли ужиться съ Новгородцами; они недумали уважать народныхъ правъ, и Юрій, въ 1139 году, т. е. на другой же годъ, потребовалъ, чтобы Новгородцы вмѣшались въ княжескія междуособія и выставили ему союзное войско для похода въ Кіевъ. гдѣ по смерти Ярополка утвердился Всеволодъ Ольговичъ; Новгородцы, нелюбившіе проливать кровь свою за чужіе интересы, разумѣется, отказали Юрію, и Ростиславъ вслѣдъ за тѣмъ бѣжалъ изъ Новгорода къ отцу; а Юрій, оскорбленный отказомъ, занялъ Тор-

жекъ; Новгородцы же послали въ Кіевъ опять звать къ себѣ, недавно изгнаннаго, Святослава Ольговича. Святославъ почти четыре мѣсяца не пріѣзжалъ въ Новгородъ и все это время Новгородскія партіи волновались; но съ прибытіемъ Святослава, его партія окончательно восторжествовала, и перехватывъ предводителей противной партіи—Константина Миккульчича, Полюда Константиновича, Демьяна и еще троихъ, скованными отравила въ Кіевъ въ заточеніе. Но на другой годъ Святославъ понадобился старшему его брату Всеволоду Ольговичу, и онъ прислалъ за нимъ посольство, а Новгородцамъ обѣщалъ прислать своего сына. Новгородцы не противились такому разпоряженію и отправили епископа Нифонта, съ другими своими посланниками, въ Кіевъ за новымъ княземъ, Святослава же просили, чтобы онъ пожилъ у нихъ, пока придетъ его племянникъ. Святославъ же, опасаясь, чтобы его не посадили подъ стражу, бѣжалъ тайно съ Якуномъ Мирославичемъ и другими своими приверженцами; впрочемъ Якуна и его единомышленниковъ нагнали на Плисъ и воротили въ Новгородъ. И Суздальская партія, воспользовавшись Святославовымъ бѣгствомъ, произвела ужасный мятежъ, едва не убила Якуна и его брата Прокопія, сбросила Якуна съ моста, и когда онъ выплылъ, то заковала въ цѣпи и скованнаго сослала въ Чудь вмѣстѣ съ его единомышленниками; откуда потомъ Юрій Суздальскій перевелъ ихъ къ себѣ и держалъ въ милости, какъ это онъ всегда дѣлалъ съ Новгородскими изгнанниками, имѣя въ

виду въ послѣдствіи употребить ихъ въ свою пользу. Всеволодъ Ольговичъ, получивъ вѣсти о Новгородскихъ волненіяхъ, разгнѣвался на Новгородъ, задержалъ Новгородское посольство и купцовъ въ Кіевѣ; и Новгородцы девять мѣсяцевъ сидѣли безъ князя. Въ это время Суздальщинская партія вызвала, бѣжавшихъ въ Суздаль отъ Святослава, своихъ сторонниковъ — Судилу, Нежату и Стражка, и дала посадничество Судилѣ, а въ князя приняла Юрьева сына Ростислава, того же самаго, который княжилъ передъ Святославомъ Ольговичемъ.

Между тѣмъ епископъ Нифонтъ, послы и купцы Новгородскіе продолжали оставаться въ Кіевѣ, задержанные Всеволодомъ Ольговичемъ; это продолжалось уже слишкомъ девять мѣсяцевъ и торговля Новгорода съ Кіевомъ и всѣмъ Приднѣпровьемъ остановилась. Народъ, недовольный такимъ стѣсненнымъ положеніемъ и особенно прекращеніемъ Днѣпровской торговли, и нелюбившій Юрьевича Суздальскаго, продолжалъ сноситься съ княземъ Кіевскимъ и руководимый Псковскою партіею, просилъ прислать Святополка, брата покойнаго Всеволода Мстиславича, того самаго, который по смерти его защищалъ Псковъ. Всеволодъ Кіевскій, не желая, чтобы Новгородъ оставался за Суздальскимъ княземъ, наконецъ, послѣ четырехъ-мѣсячныхъ переговоровъ, согласился на требованіе Новгородцовъ, отпустилъ къ нимъ Святополка, доводившагося ему шуриномъ, и съ нимъ возвратилъ епископа Нифонта и всѣхъ Новгородскихъ мужей, задержанныхъ въ Кіевѣ, и

открылъ свободный путь для Днѣпровской торговли. Лишь только Новгородцы услышали, что идетъ къ нимъ Святополкъ съ ихъ людьми, возвращенными Всеволодомъ, немедленно схватили Ростислава Юрьевича, княжившаго въ этотъ разъ только четыре мѣсяца, и посадили на епископскомъ дворѣ. Съ прибытіемъ Святополка Мстиславича партіи присмирѣли, и въ Новгородѣ, въ продолженіи шести лѣтъ его правленія, было все тихо; Новгородцы, довольные Всеволодомъ Ольговичемъ за присылку князя по ихъ хотѣнію, даже посылали, въ 1145 году, свое войско съ воеводою Неревиномъ въ Кіевъ на помощь Всеволоду. Но хитрый сосѣдъ Новгорода, князь Юрій Суздальскій, тайно составлялъ себѣ партію, принималъ и ласкалъ всѣхъ Новгородскихъ выходцовъ, недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, и не заключалъ мира съ Новгородомъ. Въ 1147 году Новгородское вѣче съ княземъ Святополкомъ начало было войну противъ Юрія и Новгородцы дошли уже до Торжка, но за разпутьемъ воротились, и на другой годъ, думая прекратить войну переговорами, отправили къ Юрію посломъ епископа Нифонта. Юрій принялъ епископа съ любовью и, заискивая расположеніе Новгородцовъ, отпустилъ съ честію прежде забранныхъ Новгородцовъ и задержанныхъ въ Суздальской землѣ Новгородскихъ гостей; но мира не далъ.

Между тѣмъ Всеволодъ Ольговичъ, великій князь Кіевскій, умеръ еще въ 1146 году и Кіевскимъ княземъ сдѣлался Изяславъ Мстиславичъ, нѣпримиримый

врагъ Юрія Суздальскаго. Новгородцы, недовольные послѣдними мирными переговорами съ княземъ Юриемъ, въ 1148 году обратились къ Изяславу, чтобы онъ вывелъ отъ нихъ Святополка и прислалъ другаго князя. Изяславъ, исполняя желаніе Новгородцовъ, прислалъ въ Новгородъ своего сына Ярослава, а брата Святополка перевелъ во Владимиръ Волынской, и въ томъ же году зимою самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Новгородцы такъ были довольны прибытіемъ Изяслава, что иные вышли къ нему навстрѣчу за три дни пути, другіе за день, а при вступленіи въ городъ его встрѣтили сынъ Ярославъ и всѣ бояре Новгородскіе и прямо повели въ храмъ св. Софіи слушать литургію; а между тѣмъ Изяславъ съ сыномъ послали подвойнихъ и биричей по улицамъ звать всѣхъ отъ мала до велика на обѣдъ къ князю Кіевскому. Угостивши вольныхъ Новгородцовъ обѣдомъ на первый день, Кіевскій князь на другой день созвалъ вѣче, и сказавъ Новгородцамъ, что онъ по ихъ приглашенію пришелъ мстить Новгородскія обиды Юрію, предложилъ на разсужденіе созванному народу, — воевать ли съ княземъ Суздальскимъ, или мириться? Въ отвѣтъ на такую рѣчь князя поднялись крики: „ты нашъ князь, ты нашъ Володимерь, ты нашъ Мстиславъ! ради съ тобою мстить свои обиды, пойдѣмъ всѣ отъ мала до велика, даже церковные дьяки, которые еще не посвящены въ стихарь“. Послѣ таковаго отвѣта быстро собралось большое войско, даже пришли Псковичи и Корѣла; и Изяславъ пошелъ въ землю Суз-

дальскаго князя, взялъ нѣсколько городовъ, и опустошилъ ее до Углеча поля и Ярославля; но за весенней разпутицей долженъ былъ прекратить походъ и возвратился въ Новгородъ съ такою богатою добычею, какой Новгородцы давно не получали, и потомъ отправился въ Кіевъ, оставивши въ Новгородѣ своего сына Ярослава.

Но Изяславовъ походъ не смирилъ Юрія Долгорукаго, и на другой годъ Суздальское войско, предводительствуемое состоящимъ у Юрія на службѣ безземельнымъ княземъ Берладникомъ, напало на Новгородскихъ данщиковъ и загородило имъ путь къ собиранію даней съ Новгородскихъ областей, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ Суздальскою землею, и дани сіи сталъ собирать самъ Юрій. Тщетно Изяславъ требовалъ возвращенія сихъ даней къ Новгороду; Юрій твердо стоялъ на своемъ, задерживалъ Новгородскихъ данщиковъ и не давалъ Новгороду мира, препятствовалъ торговлѣ Новгородцовъ съ востокомъ, хотя и не нападалъ на самый Новгородъ. Такъ прошло пять лѣтъ, наконецъ Новгородцы, не видя успѣховъ отъ Изяслава покровительства, въ 1154 году выгнали Ярослава и пригласили Ростислава Мстиславича, князя Смоленскаго, любимаго Юріева племянника, въ надеждѣ, что онъ скорѣе примиритъ ихъ съ княземъ Суздальскимъ. Между тѣмъ въ томъ же году скончался Изяславъ Кіевскій; и Ростиславъ, нисколько непримиривши Новгородскихъ партій и даже болѣе раздраживши ихъ, поспѣшилъ уйдти въ Кіевъ, въ Нов-

городъ же оставилъ своего сына Давида, котораго Новгородцы, въ слѣдъ за отъѣздомъ отца, выпроводили изъ Новгорода. И Суздальщинская партія, пользуясь такою разладицею, въ которой конечно принимала большое участіе, отправила епископа Нифонта съ лучшими мужами въ Суздаль просить въ Новгородскіе князя Юріева сына Мстислава. Юрій, того только и ждавшій, немедленно отпустилъ сына; и Мстислава ввели въ Новгородъ 30 января тогоже года, т. е. черезъ два мѣсяца по изгнаніи Давида.

Но недолго торжествовала Суздальщинская партія въ Новгородѣ, черезъ годъ у ихъ предводителя Судилы было отнято посадничество; и Псковская партія, восторжествовавъ на вѣчѣ, сдѣлала посадникомъ своего предводителя Якуна Мирославича; къ тому же умеръ и епископъ Нифонтъ, съ 1149 года бывшій постояннымъ и усерднымъ сторонникомъ князя Суздальскаго. Въ слѣдъ за утвержденіемъ посадника изъ противной Суздальщинцамъ партіи должно было ждать возстанія и противъ князя; и дѣйствительно на другой (1157) годъ Псковская партія, уговорившись тайно съ Ростиславомъ Смоленскимъ, потребовала смѣны князя. Суздальщинцы, т. е. жители торговой стороны въ Новгородѣ, вступились за своего избранника Мстислава и приготовились къ битвѣ; тогда Псковитяны, желая выиграть время, пока подойдетъ Ростиславъ, разломали мостъ черезъ Волховъ, и та и другая сторона разставили сторожей, одни у городскихъ

воротъ, а другіе на противоположномъ берегу; но до битвы недошло. Ростиславъ поспѣшилъ прислать своихъ сыновей Давида и Святослава, о чемъ какъ скоро узналъ Мстиславъ, ночью же бѣжалъ изъ Новгорода, а чрезъ три дня пріѣхалъ Ростиславъ; и возстаніе улеглось, Ростиславъ съумѣлъ на время примирить всѣ партіи. А между тѣмъ Юрій Долгорукій въ то же время скончался въ Кіевѣ, и пока не кому было оспоривать Новгородъ у Ростислава и его сыновей

Такимъ образомъ смертію Юрія покончилась борьба Новгорода съ его притязаніями, продолжавшаяся 19 лѣтъ; борьба эта была для Новгорода гибельнѣе борьбы съ Всеволодомъ Мстиславичемъ. Хотя Юрій не могъ утвердиться въ Новгородѣ, и въ продолженіи девятнадцати лѣтъ, только четыре года, да и то въ три пріема, сыновья его были Новгородскими князьями; тѣмъ не менѣе всѣ девятнадцать лѣтъ Новгородъ прожилъ подъ постояннымъ тяжелымъ вліяніемъ Суздальскаго князя, не смотря на постоянную и сильную борьбу. Самъ Юрій ни разу не былъ въ Новгородѣ и съ своими войсками непроехалъ далѣе Торжка, почти пограничнаго Новгородскаго пригорода съ Суздальскими владѣніями; онъ только девятнадцать лѣтъ не давалъ мира Новгороду, мѣшалъ сбору Новгородскихъ даней въ сосѣднемъ Заволочьѣ и постоянно держалъ въ своихъ рукахъ свободу Новгородской торговли съ востокомъ, то пропускалъ Новгородскихъ купцовъ чрезъ свои владѣнія, то задержи-

Слѣдствіи
борьбы
Новгорода
съ княземъ
Юріемъ
Долгору-
кимъ.

валъ ихъ. А посему вся торговая сторона въ Новгородѣ и всѣ богачи Софійской стороны, имѣвшіе поземельныя владѣнія въ верховьяхъ Сѣверной Двины и Онеги, или которые вели торговлю съ Камскою Болгарією, волей-неволей постоянно держались стороны Юрія и то и дѣло возбуждали мятежи въ Новгородѣ. Юрій все это время усердно ласкалъ и поджигалъ своихъ сторонниковъ, и произвелъ то, что Новгородъ окончательно раздѣлился на двѣ партіи,—народную, или Псковитянскую и княжую, или Суздальщинскую. Суздальщинцы и слышать не хотѣли о другихъ князьяхъ кромѣ Суздальскихъ, и при всѣхъ своихъ неудачахъ постоянно имѣли прибѣжище, покровительство и поддержку у Юрія; такъ что ихъ партія не могла ни уничтожиться, ни примириться, или сойтися съ народною партією.

Торговля
Новгорода и
отношенія
его къ Фин-
ляндіи.

Продолжительная борьба съ Юріемъ Суздальскимъ, постоянно задерживавшая Новгородскую торговлю съ Камскою Болгарією и другими странами на востокъ, также нѣсколько мѣшала торговлѣ Новгородцовъ съ югомъ и западомъ; на югѣ по Днѣпру иногда задерживали Новгородскихъ купцовъ князья Кіевскіе и Смоленскіе, желая отвести Новгородъ отъ Юрія; на западѣ по Балтійскому морю иногда нападали на Новгородскіе торговые корабли Шведы. Впрочемъ сіи нападенія были незначительны и храбрые Новгородскіе торговцы успѣвали отбиваться отъ Шведскихъ грабителей; такъ въ 1142 году какой то Шведскій князь съ епископомъ въ ше-

стидесяти шнекахъ напалъ на Новгородскихъ гостей, шедшихъ изъ за моря въ трехъ лодьяхъ; но былъ отбитъ Новгородцами и потерялъ 150 чело-вѣкъ изъ своей дружины. Впрочемъ, не смотря на нѣкоторыя препятствія, Новгородская торговля съ западною Европою въ это время находилась въ цвѣтущемъ состояніи; въ Новгородѣ въ это время былъ уже постоянный торговый Варяжскій дворъ съ своею цер-ковію, а у Новгородцовъ такой же дворъ былъ на островѣ Готландѣ съ своею церковію. Но пользуясь внутренними раздорами Новгородцовъ и ихъ продолжительною борьбою съ княземъ Суздальскимъ, сосѣднія Финскія племена, жившія на западъ отъ Новгорода, время отъ времени стали оказывать сопротивление Новгородцамъ и даже нападать на Нов-городскія владѣнія. Впрочемъ племена сіи были тог-да такъ слабы и разрозненны, что ихъ нападенія и сопротивление неслишкомъ беспокоили Новгоро-дцовъ и всегда кончались пораженіемъ. Такъ въ 1142 году племя Емь, жившее на югѣ нынѣшней Фин-ляндіи, напало на Ладожскіе погосты и на Корѣ-лянъ, признававшихъ надъ собою власть Новгоро-да; но для отраженія этого нападенія даже не по-надобились Новгородскіе полки, Ладожане одни справились съ непріятелями, избили ихъ четыре-ста челоуѣкъ, остальныхъ же побрали въ плѣнъ, не потерявъ съ своей стороны ни одного челоуѣка. А на другой годъ Корѣляне, подвластные Новгоро-ду, сами ходили въ землю Еми, но потерпѣли по-раженіе и потеряли двѣ свои морскія лоды. Потомъ

въ 1149 году таже Еми, въ числѣ болѣе тысячи чело-
вѣкъ, напали на Новгородскія владѣнія, именно-
на Финское племя Водь, жившее по Лугѣ; но это
нападеніе, какъ и прежнее, кончилось полнымъ по-
раженіемъ Еми, ворвавшейся въ землю Води. Нов-
городская дружина въ пятьсотъ чело-вѣкъ, соеди-
нилась съ Водью, нагнала непріятелей и избила всѣхъ
до одного. Внутренніе раздоры въ Новгородѣ и
борьба съ Юріемъ Суздальскимъ особенно много
причинили вреда Новгородцамъ въ Прибалтійскомъ
краѣ тѣмъ, что Новгородцы, занятые этою борь-
бою, неимѣли достаточно времени обратить над-
лежащее вниманіе на Финскія племена, жившія по
берегамъ Финскаго залива и вообще Балтійскаго
моря, и не успѣли окончательно утвердить свою
власть въ этомъ полуподчиненномъ краю; а между
тѣмъ сюда стали проникать Шведы и Нѣмцы и за-
водить сношенія съ тамошними Финнами. Такъ Шве-
ды уже завладѣли Аландскими островами, а въ 1156
году, подъ предводительствомъ своего короля Ери-
ха святаго и Упсальскаго епископа Генриха, за-
вели свою колонію въ Финляндіи, не подалеку отъ
нынѣшняго Або.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЫЙ.

БОРЬБА НОВГОРОДА СЪ ДѢТЬМИ ЮРІЯ СУЗДАЛЬСКАГО, СЪ КНЯЗЬЯМИ
АНДРЕЕМЪ БОГОЛЮБСКИМЪ И БРАТОМЪ ЕГО ВСЕВОЛОДОМЪ.

Смерть Юрія Долгорукаго не освободила Нов-^{Святославъ}городцовъ отъ раздоровъ и происковъ Суздальщин-^{и Давыдъ}ской партіи; а слѣдовательно и отъ тяжелаго влія-^{Ростиславъ}нія Суздальскихъ князей, преемниковъ Юрія. Ро-^{вичъ.}стиславъ Мстиславичъ Смоленскій только на время усмирилъ Новгородскія партіи; онъ вскорѣ по смерти Юрія самъ долженъ былъ отправиться въ Смоленскъ, чтобы добывать оттуда Кіевскій престолъ, а у Новгородцовъ оставилъ своихъ сыновей, Святослава въ Новгородѣ и Давыда въ Торжкѣ. Но прошло не болѣе двухъ лѣтъ, какъ Суздальщинская партія опять начала свои происки, вступила въ тайныя сношенія съ сыномъ покойнаго Юрія, Андреемъ Боголюбскимъ, княжившимъ въ Суздальской землѣ, и цѣловала ему крестъ, приглашая занять Новгородъ. Андрей, по зову этой партіи, въ 1160 году прислалъ сказать Новгородцамъ: „вѣдомо буди, хочу искати Новгорода добромъ и лихомъ; а крестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, что имѣти меня себѣ княземъ, а мнѣ вамъ добра хотѣти“ Съ этаго Андреева посланія начались волненія въ Новгородѣ и стали созываться частыя вѣча. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1161 году Суздальщинцы перекричали на вѣчѣ и послали сказать князю Святославу Ростиславичу: „не можемъ двухъ князей держати, пошли

вывести брата своего Давыда изъ Новаго-Торгу⁴. Святославъ уступилъ этому требованію мятежной партіи и отослалъ Давыда въ Смоленскъ, и тѣмъ конечно испортилъ свое дѣло. Мятежники зашумѣли сильнѣе прежняго и составили новое вѣче на самага Святослава. Святославъ, ничего не знавши объ этомъ, спокойно сидѣлъ у себя на Городищѣ, гдѣ обыкновенно жили Новгородскіе князья, какъ вдругъ прибѣжалъ къ нему вѣстникъ съ такими рѣчьми: „княже! велико зло дѣется въ городѣ, тебя хотятъ схватить“. Князь на это отвѣчалъ: „какое же зло я сдѣлалъ имъ, что хотятъ схватить меня, а цѣловали крестъ къ отцу моему, чтобы имѣть меня княземъ до моего живота; а еще вчера всѣ цѣловали ко мнѣ икону св. Богородицы“ Пока шелъ этотъ разговоръ, толпа народа ворвалась въ горницу схватила князя и заперла въ истопку, княгиню отправили въ монастырь, а дружину заковали въ цѣпи, имущество же княжее и дружинничье разграбили, и потомъ князя сослали въ Ладогу подъ стражу, откуда впрочемъ онъ успѣлъ убѣжать въ Смоленскъ. Управившись съ Святославомъ, торжествующая Суздальщинская партія ввела въ Новгородъ присланнаго Андреемъ Боголюбскимъ его племянника Мстислава Ростиславича, Юріева внука, а посадничество дала одному изъ своихъ предводителей Нежатѣ.

Но торжество Суздальщинцовъ было непродолжительно, надъ ними разразилась гроза съ той стороны, съ которой вовсе не ожидали. Андрей Боголюбскій, для котораго было все равно, кто бы не княжилъ въ

Новгородъ, лишь бы былъ его посаженникомъ, а не избранный народомъ на другій же годъ, по договору съ Ростиславомъ, отдалъ Новгородъ только что изгнанному сыну его Святославу. Такимъ образомъ Святославъ опять явился въ Новгородъ; но уже не по волѣ какой либо партіи или всего Новгорода, а на всей своей волѣ, какъ прямо сказано въ Новгородской лѣтописи. Горько и непривычно было Новгородцамъ видѣть у себя князя не на ихъ волѣ и не по народному избранію, чего у нихъ прежде не бывало. Да и Святославъ, въ прежнее время уступчивый, теперь сталъ дѣйствовать иначе; онъ, вѣроятно по согласію съ Андреемъ Боголюбскимъ, началъ править Новгородомъ именно по своей волѣ, а не по волѣ вольныхъ Новгородцовъ. Взаимныя неудовольствія дошли до того, что самъ отецъ Святославовъ, Ростиславъ князь Кіевскій, уже больной, принужденъ былъ пріѣхать на Великія Луки, чтобы разсудить сына съ Новгородцами, и пригласилъ туда представителей Новгорода огнищанъ, гридь и вятскихъ купцовъ, чтобы составить условія, на которыхъ бы Святославъ княжилъ въ Новгородѣ; но и это не помогло. Ростиславъ на возвратномъ пути въ Кіевъ умеръ на дорогѣ; а Святославъ, надѣясь на покровительство Андрея Боголюбскаго, и можетъ быть по его указанію, не думалъ исполнять условій договора, заключеннаго отцемъ. Наконецъ въ 1167 году Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія, начали въ тайнѣ собирать вѣча по домамъ, чтобы какънибудь порѣшить съ княземъ. Святославъ, увѣдомлен-

ный пріятелями и не дожидаясь явнаго всеобщаго возстанія, ушелъ на Луки и прислалъ сказать Новгородцамъ: „нехочу у васъ княжить“ Онъ вѣроятно разчитывалъ запугать этимъ Новгородцовъ и при помощи своей партіи опять воротиться въ Новгородъ, но расчетъ его не оправдался. Новгородцы испугались и торжественно поклялись св. Богородицею нехотѣть Святослава. и отправились къ Лукамъ выгнать его и оттуда. Святославъ, узнавши объ этомъ, немедленно бѣжалъ въ Торопецъ и потомъ на Волгу къ Андрею Боголюбскому. Новгородцы съ своей стороны порѣшили отправить посольство въ Русь къ Мстиславу Изяславичу, князю Кіевскому, просить его, чтобы онъ прислалъ къ нимъ княжить своего сына Романа. Дабы не пропустить Новгородскаго посольства въ Кіевъ, Святославъ и его союзники Андрей Боголюбскій и братья Романъ Смоленскій и Мстиславъ Полотскій заняли всѣ дороги къ Кіеву, сожгли Торжокъ и Луки, и двинулись къ Русь, требуя, чтобы Новгородцы приняли Святослава, и говоря: „нѣту вамъ князя инаго, развѣ Святослава“. Но несмотря на все сіе Новгородцы рѣшились настоять на своемъ,—убили Святославовыхъ перевѣтниковъ, посадника Захарію и бояръ Неревина и Нѣзду, отыскали незанятый путь въ Кіевъ, куда и отправили ловкаго Даньслава Лазутинича съ небольшою дружиною; потомъ, подъ предводительствомъ Якуна, выступили къ Русь противъ Святослава и его союзниковъ и заставили ихъ отступить и очистить Новгородскую землю; дали по-

садничество мужественному Якуну и жили подъ его управленіемъ болѣе семи мѣсяцовъ, пока не пріѣхалъ Романъ изъ Кіева.

Наконецъ 14 апрѣля 1168 года прибылъ въ Новгородъ Романъ Мстиславичъ, князь молодой и храбрый. Новгородцы съ радостію приняли князя, прибывшаго по ихъ хотѣнію, и немедленно, соединясь съ Псковичами, пустились мстить свои обиды, опустили землю Полотскую и не дошли только тридцати верстъ до самаго Полотска, потомъ къ концу зимы того же года, вмѣстѣ съ княземъ Романомъ вступили въ Смоленскія владѣнія, сожгли Торопецъ, и возвратились домой со множествомъ плѣнниковъ. Между тѣмъ Святославъ умеръ на Волокѣ во время набѣга на Новгородскія владѣнія. Но смертію Святослава дѣло не кончилось; Андрей Боголюбскій былъ не такой князь, чтобы такъ легко отступить отъ Новгорода. Потерявъ Святослава, онъ повелъ дѣло иначе и, подобно своему отцу Юрію, сталъ задерживать Новгородскихъ купцовъ и препятствовать сбору Новгородскихъ даней въ Заволочѣ; но къ великой его досадѣ Новгородскимъ данщикомъ на эту пору былъ ловкій и храбрый Даньславъ Лазутиничъ, который съ четырьмястами своей храброй дружины не только разбилъ семь тысячъ Суздальцевъ, высланныхъ противъ него Андреемъ, и собралъ дань въ Заволочѣ, но ворвался и въ Андреевы владѣнія и взялъ другую дань на смердахъ Суздальскихъ. Это такъ раздражило гордаго Андрея, что онъ невытерпѣлъ и поднялъ чуть не всю землю

Князь Романъ Мстиславичъ.

Русскую на Новгородъ; по его приказу знаменитый сынъ его, прославившійся недавнимъ завоеваніемъ Кіева, Мстиславъ съ полками Суздальцовъ, Смольнянъ, Торопчанъ, Муромцовъ, Рязанцовъ и Полочанъ и съ тамошними князьями, осадилъ Новгородъ. Но такой страшной рати Новгородцы не испугались, и съ своимъ молодымъ княземъ Романомъ и посадникомъ Якуномъ рѣшились во чтобы то ни стало отстоять свою свободу и независимость, и устроили около города острогъ. Мстиславъ три дня къ ряду приступалъ къ городу и не имѣлъ успѣха, наконецъ рѣшился на четвертый приступъ. Этотъ послѣдній приступъ былъ самый жестокой, съ Новгородцами вышелъ на стѣны города и ихъ выборный архіепископъ Ілія (называвшійся также Іоанномъ) съ церковнымъ клиромъ, и вынесли иконы Спасителя и Божіей Матери съ пѣніемъ и слезными моленіями о заступленіи града; битва продолжалась цѣлый день, стрѣлы частымъ дождемъ сыпались на защитниковъ города; но граждане, видя передъ собою св. иконы, любимаго архіепископа, князя и посадника, стояли какъ живая стѣна и кончили дѣло совершеннымъ пораженіемъ и бѣгствомъ несмѣтныхъ полковъ Мстиславовыхъ, и видя явную помощь Божію, пустились преслѣдовать бѣгущихъ, захватили весь ихъ богатый лагерь и столько набрали плѣнниковъ, что продавали Суздальца по двѣ ногаты (на нынѣшнія деньги по два рубля серебромъ). Лѣтопись говоритъ, что во время приступа икона св. Богородицы, когда стрѣ-

лы сыпались дождемъ, обратилась лицомъ къ городу, и съ того мгновенія на противниковъ нашель мракъ, и они какъ слѣпые смѣшались. Какъ бы то ни было, Новгородцы свою побѣду приписали пособію Божіей Матери, устали ей особый праздникъ 27 ноября, извѣстный подъ именемъ праздника знаменія пресвятыя Богородицы, и сложили особую молебную службу, въ которой такъ пѣли о своей побѣдѣ надъ врагами: „мнящеса непокоривіи отъ основанія разорити градъ твой, Пречистая, неразумѣвше помощь твою, Владычице; но силою твоею низложены быша, на бѣжаніе устремляхуса, и якоже узами желѣзными слѣпотою связаны бывше, и мракомъ, якоже древлѣ Египеть, объяти неразумѣвше, дондеже конечнѣ побѣждени быша“. Этотъ праздникъ и молебная служба, сложенная Новгородцами, и въ настоящее время совершается нашею церковію.

Битвы подъ Русою и Новгородомъ хотя и возвратили Новгородцамъ временное согласіе, утраченное среди раздоровъ партій, продолжавшихся слишкомъ сорокъ лѣтъ; Новгородцы, увидавъ передъ глазами конечную бѣду, хотя и стали какъ одинъ человекъ, и сдумали отстоять св. Софію и своего общаго господина. Великій Новгородъ; но борьба съ внѣшними врагами тѣмъ не кончилась. Непреклонный Андрей Боголюбскій, видя полную неудачу въ открытомъ нападеніи, обратился къ старому отцовскому порядку, не далъ мира Новгороду и продолжалъ задерживать торговлю и сборъ Двинскихъ и Заволочскихъ даней; отъ чего въ Новгородѣ сдѣ-

Послѣ Романа Мстиславича.

лалась ужасная дороговизна на всё припасы и особенно на хлѣбъ, который преимущественно получался изъ Суздальской земли, и который теперь задерживался Андреемъ. Къ тому же храбрый защитникъ Новгорода, князь Романъ Мстиславичъ, получивъ вѣсть о смерти отца, по совѣту съ дружиною, ушелъ на родину, во Владимиръ Волынской. Съ отъѣздомъ Романа, среди голоднаго народа, опять поднялась Суздальщинская партія, и въ крайности принудила голодныхъ просить у Андрея мира и князя. Андрей, довольный такою покорностію недавнихъ побѣдителей его несмѣтной рати, немедленно далъ миръ Новгороду и отправилъ туда княземъ Святослава брата Рюрика Ростиславича, изъ Смоленскихъ князей. Рюрикъ, по договору Новгорода съ Андреемъ, долженъ былъ управлять на всей волѣ Новгородской, но онъ пошелъ по братѣ и хотѣлъ владѣть Новгородомъ на своей волѣ, отнялъ самовольно посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города; и таковымъ образомъ дѣйствія возбудилъ противъ себя общее негодованіе, и, не умѣя какъ справиться, черезъ годъ ушелъ изъ Новгорода. Новгородцы, по настоянію Суздальщинской партіи, опять обратились за княземъ къ Андрею Боголюбскому; и онъ далъ имъ своего сына Юрія, еще несовершеннолѣтняго, прислалъ съ нимъ своихъ мужей, и возвратилъ посадника Жирослава, выгнаннаго Рюрикомъ. На этотъ разъ Андрей прислалъ своего сына не больше какъ намѣстникомъ, полную же власть управленія предоставилъ себѣ; такъ что Новгородскій

архієпископъ Илія, печалуюсь о своихъ дѣтяхъ Новгородцахъ, въ тотъ же годъ (1172) долженъ былъ ѣхать къ нему во Владимиръ и просить, что бы онъ былъ справедливѣе къ Новгороду и не нарушалъ его старинныхъ правъ. Но кажется ходатайство архієпископа не много помогло; Андрей на другій же годъ, въ нарушение изконныхъ Новгородскихъ правъ отправилъ Новгородскіе полки съ своимъ сыномъ Юріемъ подъ Кіевъ; гдѣ Новгородцы, вмѣстѣ съ другими союзниками Андреевыми, потерпѣли поражение. Какъ бы пошли дѣла Новгородцовъ съ Андреемъ далѣе, неизвѣстно; ибо Андрей въ слѣдующемъ же 1174 году былъ убитъ своими слугами въ Боголюбовѣ, и тѣмъ кончилась борьба Новгорода съ Андреемъ, продолжавшаяся 14 лѣтъ.

Борьба Новгородцовъ съ Андреемъ Боголюбскимъ была собственно продолженіемъ ихъ борьбы съ Юріемъ Долгорукимъ и имѣла почти такое же тягостное вліяніе на судьбу Новгорода. Новгородцы въ этой борьбѣ хотя показали большую энергію; но тѣмъ не менѣе нисколько неподвинулись впередъ въ своемъ освобожденіи отъ Суздальскаго вліянія, это вліяніе какъ какой то неотразимый рокъ тяготѣло надъ ними и постепенно стѣсняло ихъ дѣятельность. Торговля съ востокомъ по прежнему зависѣла отъ воли Суздальскаго князя, а вліяніе Новгородцовъ на Балтійское побережье годъ отъ году слабѣло. Мы уже видѣли, что въ самый годъ кончины Юрія Долгорукова, Шведскій король Эрихъ святой утвердился въ Финляндіи и неволею началъ

Слѣдствія
борьбы съ
княземъ Ан-
дреемъ Бого-
любскимъ.

обращать тамошнихъ жителей, полуданниковъ Новгородскихъ, въ латинское христіанство. Это обстоятельство давало поводъ Новгородцамъ удачно вмѣшаться въ Финляндскія дѣла, принять подъ свою защиту Финновъ, противившихся Шведскимъ религіознымъ нововведеніямъ, и такимъ образомъ вытѣснить оттуда Шведовъ; но внутренніе раздоры и борьба партій такъ тогда занимали Новгородцовъ, что они безъ пользы пропустили этотъ удобный случай, и допустили Шведовъ до того утвердиться въ Финляндіи, что они въ 1164 году сами напали на Ладугу въ 55 шнекахъ. Конечно это нападеніе не имѣло успѣха; Ладожане отбились и принудили Шведовъ отступить къ рѣкѣ Вороною; а потомъ, по зову Ладожанъ явился туда, княжившій въ то время въ Новгородѣ князь Святославъ съ посадникомъ Захаріею и произвелъ сильное пораженіе; Шведы большею частію или пали въ битвѣ, или взяты въ плѣнъ, и изъ 55 шнекъ только 12 успѣли спастись бѣгствомъ. Но тѣмъ дѣло и окончилось; Новгородцы, занятые своими внутренними дѣлами, не могли надлежащимъ образомъ воспользоваться побѣдой, и Шведы продолжали спокойно утверждаться въ Финляндіи. Эстонская Чудь также продолжала усиливаться и тѣснить тамошнихъ Новгородскихъ колонистовъ, а Новгородцамъ некогда было подать имъ надлежащую помощь и окончательно смирить враждебныхъ Эстонцевъ.

Торговля
Новгород-
цовъ.

Но ни Чудь, ни Шведы еще немогли загородить дорогу Новгородской торговлѣ съ западною Евро-

пою; торговля эта продолжалась по прежнему. Варяжскіе и Нѣмецкіе гости зимой и лѣтомъ прѣзжали въ Новгородъ и имѣли тамъ свои торговыя дворы, конторы и церкви; Новгородцы также ѣздили для торговли и къ Нѣмцамъ и къ Варягамъ и имѣли тамъ свои дворы. На востокъ, какъ мы уже видѣли, торговля Новгородцовъ и сборъ даней въ Заволочѣ много терпѣли отъ князя Суздальскаго; впрочемъ Суздальскій князь только стѣснялъ эту торговлю, отнять же ее у Новгородцовъ онъ немогъ, ибо и Суздальцы въ этой торговлѣ не могли обойтись безъ Новгородцовъ, отъ которыхъ они получали произведенія западной Европы, требовавшіяся восточнымъ рынкомъ; притомъ же Новгородцы проникали въ Камскую Болгарію и сѣвернымъ путемъ чрезъ свои колоніи по Двинѣ и черезъ Пермь, куда еще не могло простираться вліяніе Андрея Боголюбскаго. Въ этомъ краю Новгородцы не только торговали свободно, но и распространяли свои колоніи; такъ въ послѣдніе годы Андреева княженія Новгородскіе повольники завели поселенія по Камѣ, потомъ проникли до рѣки Вятки, отняли у тамошнихъ жителей Вотяковъ крѣпкій городъ, названный въ лѣтописи Болванскимъ, и давъ ему имя Микульцина поселились тамъ, потомъ заняли Черемисскій городъ Кожшаровъ, и еще выстроили себѣ городъ Хлыновъ, при впаденіи рѣчки Хлыновицы въ Вятку, и напригласивши себѣ жителей изъ Двинскихъ областей, устроили особое владѣніе, независимое отъ Новгорода, но управлявшее -

ся по Новгородскимъ обычаямъ—выборными посадниками и тысяцкими.

Борьба съ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ

По смерти Андрея Боголюбскаго, въ самой Суздальской землѣ начались междуусобія, продолжавшіяся четыре года, и Новгородцы въ это время были свободны въ выборѣ князей; но они не успѣли воспользоваться такимъ удобнымъ временемъ, Суздальщинская партія уже такъ была сильна въ Новгородѣ, что Новгородцы и въ это время не могли высвободиться отъ Суздальскаго вліянія, они продолжали принимать къ себѣ Суздальскихъ же князей. Наконецъ Суздальскія междуусобія прекратились и тамъ утвердился братъ Андреевъ Всеволодъ Юрьевичъ. Этотъ князь какъ разъ удался въ отца и брата, и только что утвердился во Владимирѣ, какъ и началъ тѣснить Новгородцовъ, задерживать ихъ купцовъ, мстя за то, что Новгородцы тогда держали у себя княземъ его соперника Ярополка Ростиславича, доводившагося ему роднымъ племянникомъ. Чтобы помириться съ Всеволодомъ, Новгородцы выпроводили отъ себя Ярополка; но вмѣсто мира Всеволодъ, не объявляя войны, захвативъ Новый Торгъ и сожегъ Волокъ Ламскій. Тогда Новгородцы, видя крайность, обратились къ князю Смоленскому Роману Ростиславичу, который прибылъ по ихъ приглашенію въ Новгородъ, но пробывъ не болѣе полгода, возвратился въ Смоленскъ. А между тѣмъ во Псковѣ начались волненія, не предвѣщавшія ничего добраго для Новгорода; Всеволодъ по прежнему не давалъ мира, продолжалъ задер-

живатьъ Новгородскихъ купцовъ и не возвращалъ Торжка.

Не желая покориться Всеволоду, Новгородцы обратились къ Рѣманову брату, знаменитому тогдашнему воителю Мстиславу Ростиславичу, тому самому, который прославился отраженіемъ многочисленныхъ полковъ Андреевыхъ отъ Вышгорода. Мстиславъ долго отговаривался, но убѣжденный братьями и дружиною наконецъ далъ слово пріѣхать въ Новгородъ. Пріѣздъ Мстислава былъ настоящимъ праздникомъ для Новгородцовъ, его вышли встрѣчать съ иконами и крестами архіепископъ Ілія, церковный клиръ и весь Новгородъ. Мстиславъ, пріѣхавши въ Новгородъ, составилъ себѣ планъ мстить Новгородскія обиды, и немедленно началъ готовиться къ походу на Эстонскую Чудь, которая въ недавніе годы нападала на Псковъ и другія Новгородскія владѣнія. Въ ноябрѣ же мѣсяцѣ 1179 года, т. е. въ слѣдъ за пріѣздомъ въ Новгородъ, онъ собралъ вѣче, на которомъ сказалъ Новгородцамъ: „Братья! се обидятъ васъ поганые, а быхомъ узрѣвше на Бога и на помощь св. Богородицы, поместили себя, и свободили быхомъ Новгородскую землю отъ поганыхъ“ На этотъ зовъ Новгородцы въ одинъ голосъ отвѣчали: „княже! аще се Богови любо и тебѣ, а се мы готовы есмы“. По этому отвѣту до двадцати тысячъ Новгородскихъ ратниковъ собрались подъ знаменемъ Мстислава, и съ любимымъ княземъ прошли всю Чудскую землю до моря, опустошили ее и возвратились домой съ мно-

Мстиславъ
Ростисла-
вичъ.

жествомъ плѣнниковъ и богатою добычею; Чудь нигдѣ не могла противостать полкамъ Новгородскимъ и спасалась бѣгствомъ къ морю. Мстиславъ на возвратномъ пути зашелъ во Псковъ и усмирить Псковичей, волновавшихся противъ Новгорода. На другой годъ раннею весною Мстиславъ съ Новгородскими полками отправился на Полотскъ, мстить Полотскому князю за старыя Новгородскія обиды; онъ пришелъ уже на Луки, чтобы вступить въ Полотскую землю; но просьбы старшаго брата его Романа Ростиславича Смоленскаго, оставили этотъ походъ, Мстиславъ не захотѣлъ ослушаться брата, которому Подотскій князь доводилъ ся зятемъ. Возвратившись въ Новгородъ, Мстиславъ вскорѣ занемогъ и умеръ 14 іюня 1180 года. Новгородцы похоронили его съ честію и положили въ соборной церкви св. Софіи, въ одной могилѣ съ прапрадѣдомъ его Владимиромъ Ярославичемъ. Лѣтопись, описывая кончину Мстислава, говоритъ: „и плакася по немъ вся земля Новгородская“. И дѣйствительно было о чемъ плакать Новгородцамъ; въ Мстиславѣ они лишились такого защитника своихъ правъ, имени котораго трепетали всѣ враги Новгорода, и съ которымъ имъ нестрашенъ былъ грозный Всеволодъ.

Владимиръ Святославичъ, присланный изъ Кіева Святославомъ Всеволодовичемъ.

По смерти Мстислава Ростиславича, Новгородцы обратились за княземъ къ Святославу Всеволодовичу Кіевскому, который и прислалъ къ нимъ своего сына Владимира. Новгородцы, полагаясь на могущество Святослава, думали при его помощи сми-

рить Всеволода и сдѣлать его неопаснымъ для Новгорода. А посему, когда Святославъ зимою 1180 года открылъ походъ на Всеволода Суздальскаго, то и Новгородцы съ своимъ княземъ Владимиромъ также выступили въ походъ и, соединясь съ Святославомъ на устьѣ Тверцы, пустились вмѣстѣ опустошать Суздальскую землю. Съ начала полки Святославовы и Новгородскіе шли довольно успѣшно и опустошили всѣ города по Волгѣ; но не доходя до Переяславля сорока верстѣ, были остановлены Всеволодомъ на рѣкѣ Вленѣ. На этой рѣкѣ Всеволодъ отыскалъ такое неприступное мѣсто и такъ успѣлъ укрѣпиться, что Новгородцы и Святославъ цѣлыхъ двѣ недѣли бились изъ за перехода черезъ рѣку; но не могли ни перейти, ни вынудить Всеволода къ битвѣ. Новгородцы, которымъ особенно нужна была побѣда надъ Всеволодомъ, нѣсколько разъ бросались на его полки, стоявшіе отдѣльно отъ главной рати, думая что онъ выступитъ на защиту своихъ; но Всеволодъ неподавался на это и не выходилъ изъ укрѣпленныхъ мѣстѣ. Между тѣмъ начиналась весенняя оттепель, рѣки стало подымать; и Святославъ съ Новгородцами, чтобы убраться по добру по здорову до вскрытія рѣкѣ, принуждены были отступить и такъ поспѣшно, что даже не успѣли снять всего своего лагеря. Впрочемъ Всеволодъ, довольный отступленіемъ сильныхъ противниковъ, не преслѣдовалъ ихъ; и Новгородцы вмѣстѣ съ Святославомъ, который съ дороги отпустилъ свои полки по домамъ, безпрепятственно

возвратились въ Новгородъ. Святослава въ Новгородѣ приняли съ большою честью и по его желанію дали Торжекъ, оставленный уже Всеволодомъ, прежнему своему князю Ярополку Ростиславичу, доводившемуся ему родственникомъ, и безпрекословно согласились помогать самому Святославу въ войнѣ съ Полотскими князьями, противъ которыхъ онъ собирался идти на слѣдующій годъ.

Новгородцы послѣ Суздальскаго похода думали, что они уже довольно смирили Всеволода, и что его уже не чего много опасаться; и по сему такъ были неосторожны, что посаженному ими въ Торжекъ Ярополку Ростиславичу, лично непріязненному къ Всеволоду, дозволили воевать Суздальскіе города и селенія по Волгѣ. Между тѣмъ Всеволодъ не спускалъ глазъ съ Новгорода, и когда Новгородцы, по условію съ Святославомъ, пошли воевать Полотскую землю; то онъ со всѣмъ своимъ войскомъ и союзными Муромцами и Рязанцами двинулся на Новгородскія владѣнія и ударилъ на Торжокъ. Новгородцы и князь ихъ Ярополкъ защищались крѣпко цѣлыя пять недѣль, не сдавались и тогда, когда у нихъ не было уже хлѣба, перерѣзали и переѣли лошадей, бывшихъ въ городѣ, и продолжали драться. Храбрый и находчивый Ярополкъ всѣхъ воодушевлялъ, являлся всюду самъ и на стѣнахъ города, и на вылазкахъ, и между унывающимъ народомъ; но стрѣла, пронзившая Ярополка, рѣшила участь города. Новоторжцы, не видя предъ собою дѣятельнаго князя и терпя страшный голодъ,

впали въ такое уныніе, что не могли долѣ защищаться и сдались. Всеволодъ заковалъ раненаго Ярополка въ цѣпи и отправилъ во Владимиръ, туда же погналъ Новоторжцевъ съ женами и дѣтьми, а городъ сжегъ. Новгородцы, возвратившіеся съ бесполезнаго для себя Поротскаго похода, узнавши о несчастіи Торжка и ожидая новыхъ нападений отъ немирнаго сосѣда, отказали Владимиру Святославичу и послали къ Всеволоду Суздальскому просить у него новаго князя. Очевидно Суздальщинская партія, долго остававшаяся на заднемъ планѣ, теперь пользуясь случаемъ, здѣсь не дремала съ своими происками и убѣдила народъ оставить Святослава и его сына, неумѣвшихъ защищать Новгородскихъ владѣній отъ Суздальскаго князя.

Всеволодъ незамедлилъ удовлетворить просьбѣ Ярославъ Владимировичъ, при-
слапный Суз-
дальскимъ
княземъ Все-
володомъ
Юрьевичемъ. Новгородцовъ и прислалъ къ нимъ своего свояка, безземельнаго князя Ярослава Владимировича, внука Мстиславова, проживавшаго у него во Владимирѣ. Но этотъ князь, посаженникъ Суздальскій, хотя и внулкъ знаменитаго Мстислава, не могъ такъ хорошо ужиться съ Новгородцами, какъ жилъ его дѣдъ; онъ, напротивъ, поступалъ такъ, какъ поступали Суздальскіе князья, т. е. притѣснялъ Новгородцовъ и грабилъ ихъ волости; такъ что Всеволодъ на третій годъ, по требованію Новгородцовъ, принужденъ былъ его вывести изъ Новгорода. По удаленіи Ярослава, Новгородское вѣче, или скорѣе народная партія, перекричавшая на вѣчѣ, рѣшила послать за княземъ въ Смоленскъ, къ Давыду Ростислави-

чу, который и отпустилъ въ Новгородъ сына своего Мстислава, въ 1184 году. Приѣздъ Мстислава былъ очень угоденъ Новгородцамъ, освободившимся отъ Суздальской опеки; они даже согласились участвовать въ походѣ Давыда Ростиславича на Полотскъ. Походъ этотъ былъ очень удаченъ; Полочане, испугавшись полковъ Смоленскихъ и Новгородскихъ, не вступая въ борьбу, еще на границу выслали свое посольство и заключили миръ, какой былъ угоденъ Давыду, и какъ Смольнянъ, такъ и Новгородцовъ одарили богатыми дарами. Всеволодъ все это время молчалъ и явно не выражалъ неудовольствія, будучи занятъ войною съ Рязанскими князьями; но тайно продолжалъ дѣйствовать посредствомъ Суздальщинской партіи, и три года Мстиславова княженія постоянно держалъ народъ въ волненіи; и Суздальщинская партія такъ успѣла усилиться, что въ 1186 году отняла посадничество у Завида Неревинича, сторонника Смоленскихъ князей, къ которымъ онъ и ушелъ, а на его мѣсто посадила Михаля Степанича; потомъ, въ томъ же году, на зимнемъ вѣчѣ убила и сбросила съ моста Завидова брата, Гаврилу Неревинича, и другаго ихъ сторонника Ивана Свеневича и, наконецъ, въ слѣдующемъ году возстала на самого Мстислава, выгнала его изъ Новгорода и послала къ Всеволоду Суздальскому за прежнимъ княземъ Ярославомъ.

Ярославъ Володимировичъ прибылъ въ Новгородъ 20 ноября 1187 года, и на этотъ разъ, поддерживаемый Всеволодомъ и при дѣятельной помощи Суз-

дальской партіи, княжилъ девять лѣтъ и, какъ Всеволодовъ посаженникъ, велъ дѣла такъ, какъ угодно было Суздальскому князю. Первые пять лѣтъ прошли спокойно для Ярослава, по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ за это время не записано ни одной встрѣчи, ни одного спора между имъ и Новгородцами. Противники Суздальщинской партіи молчали и тайно копили силы; а самъ Ярославъ велъ себя умѣреннѣе и осторожнѣе прежняго. Даже сильный голодъ, бывшій въ Новгородѣ въ первый годъ Ярославова княженія, прошелъ безъ смятеній, какъ прямо сказано въ лѣтописи: „не бысть пакости въ людяхъ“. Мало этого, въ слѣдующемъ году былъ выбранъ въ посадники Мирошка Нѣздиничъ, самый горячій приверженецъ Суздальскихъ князей, сынъ того Нѣзды, котораго убили Новгородцы въ 1167 году за перевѣты съ Андреемъ Боголюбскимъ; а въ 1190 и 1191 годахъ, Ярославъ водилъ Новгородцовъ и Псковичей на Чудь и успѣлъ завоевать тамошніе города Юрьевъ и Медвѣжью Голову. Но съ 1193 года, Ярославъ и Суздальщинская партія встрѣтили уже сильное противорѣчіе отъ народной партіи, именно при избраніи новаго архіепископа Гавриила. При этомъ избраніи явились три партіи: одна хотѣла Мартирія, другая Митрофана и третья Гречина; и распря партій такъ была сильна, что рѣшились покончить споры жребіемъ, по которому епископство досталось Мартирію. За тѣмъ вражда Ярославовыхъ противниковъ разгоралась все болѣе и болѣе; неимѣя еще силы дѣйствовать явно, они

стали смущать и волновать народъ пожарами Въ Новгородѣ, въ 1194 году, съ недѣли Всѣхъ Святыхъ до Успеньева дни, пожары продолжались чуть не каждый день; еще не успѣвали потушить пожара на одной улицѣ, какъ загоралась другая, совсѣмъ на противоположномъ концѣ города; такъ что граждане оставляли свои дома, боясь сгорѣть, и жили на полѣ; наконецъ сгорѣло и Городище, гдѣ жилъ князь съ своимъ дворомъ. Беспорядки и неудовольствія продолжались, но Всеволодъ не обращалъ на нихъ вниманія и на слѣдующій годъ позвалъ Новгородцовъ въ походъ на Черниговъ; Новгородцы не противились этому, и съ Ярославомъ пришли уже въ Торжекъ, откуда съ честію отпущены Всеволодомъ назадъ; но вслѣдъ за тѣмъ Новгородское вѣче отправило посольство къ Суздальскому князю съ просьбою, чтобы онъ вывелъ изъ Новгорода Ярослава и прислалъ въ князя своего сына. Здѣсь противъ Ярослава дѣйствовала даже Суздальщинская партія, ибо послами были приверженцы Суздальскихъ князей,—посадникъ Мирошка, Борисъ Жирославичъ, Никифоръ сотскій, Иванко и Ома. Но Всеволодъ, несмотря на желаніе Суздальщинской партіи, задержалъ пословъ и на просьбу не далъ никакого отвѣта, вѣроятно незная еще чѣмъ кончится война, начатая имъ съ Черниговскими князьями, въ которой были замѣшаны всѣ князья Приднѣпровскіе Между тѣмъ, на другой годъ Новгородцы опять отправили посольство къ Всеволоду, съ просьбою отпустить прежнихъ пословъ; но Всеволодъ и на

это посольство не далъ отвѣта, а послалъ сказать Новгородцамъ, чтобы они съ своимъ княземъ Ярославомъ шли на Луки и тамъ ждали, когда онъ позоветъ ихъ на Черниговскихъ князей. Между тѣмъ Черниговская война кончилась и безъ участія Новгородцовъ; но далеко не такъ, какъ бы хотѣлось Всеволоду, а по сему онъ, при заключеніи общаго мира съ Приднѣпровскими князьями, долженъ былъ принять условіе, по которому всѣ князья признали Новгородъ свободнымъ въ выборѣ князей. — гдѣ хотятъ Новгородцы, тамъ и берутъ себѣ князя. По заключеніи таковаго мира Всеволодъ, возвращаясь домой отпустилъ въ Новгородъ одного изъ задержанныхъ пословъ — Оому, а Мирошку и Иванка оставилъ при себѣ. Это такъ раздражило Новгородцовъ, что они осенью того же года (1496), на Юрьевъ день, выгнали отъ себя Ярослава и послали за новымъ княземъ въ Черниговъ, къ тамошнему князю Ярославу.

Но рѣшеніе Новгородскаго вѣча въ настоящемъ случаѣ неимѣло полной силы. Ярославъ, выгнанный изъ Новгорода, не оставилъ Новгородскихъ владѣній, а напротивъ, дѣйствуя за одно со Всеволодомъ, засѣлъ въ Торжкѣ, гдѣ приняли его съ честію, да и въ самомъ Новгородѣ Суздальщинская партія, состоящая изъ богачей, жалѣла объ немъ, и такъ была сильна, что хотя на весну слѣдующаго года и прибылъ въ Новгородъ сынъ Черниговскаго князя Ярополкъ, но ничего не могъ сдѣлать. Ярославъ упорно сидѣлъ въ Торжкѣ и бралъ Новгородскія дани

въ Бѣжецкомъ Верху, по Мстѣ и въ Заволочѣ; Всеволодъ же по всей Суздальской землѣ забиралъ Новгородскихъ купцовъ и держалъ у себя во Владимирѣ, впрочемъ давалъ имъ въ городѣ полную свободу, и тѣмъ старался привлечь ихъ къ себѣ. Наконецъ Ярополкъ, безъ пользы для себя и для своей партіи просидѣвши полгода, былъ изгнанъ изъ Новгорода и торжествующая партія Суздальщинцовъ опять стала звать Ярослава. Но Всеволодъ приказалъ ему ѣхать къ себѣ во Владимиръ и не прежде отпустилъ въ Новгородъ, какъ Новгородцы, въ лицѣ лучшихъ своей мужей, прибыли во Владимиръ съ просьбою отъ народа. Въ третій разъ возвращенный въ Новгородъ, Ярославъ привелъ съ собою посадника Мирошку и всѣхъ Новгородцовъ, задержанныхъ Всеволодомъ, и прежде всего озабочился примириться съ народомъ. Лѣтопись, описывая возвращеніе Ярослава, говоритъ: „и обуявся съ людьми, и добро все бысть, и ради быша всѣ въ Новгородѣ отъ мала до велика“. И дѣйствительно было чему радоваться: миръ съ Всеволодомъ, свобода торговли по всей Суздальской землѣ, возвращеніе всѣхъ задержанныхъ, возвратили спокойствіе и довольство Новгородцамъ да и самъ Ярославъ воротился не тѣмъ княземъ, какимъ былъ прежде. Собственнымъ опытомъ дознавши, что князю безъ любви народной трудно жить въ Новгородѣ, Ярославъ сталъ заботиться о выгодахъ Новгородскихъ. Онъ посадилъ старшаго сына своего, храбраго Изяслава, на Лукахъ, для отраженія нападений со сто-

роны Литвы; а когда Изяславъ слѣдующею весною тамъ умеръ, и Полочане съ Литовцами приходили къ Лукамъ и пожгли подъ городомъ слободы, то на зиму Ярославъ съ Новгородцами, Псковичами, Ладожанами, Новоторжцами и со всею областью Новгородскою, пошелъ на Полотскъ и такъ устранилъ Полочанъ, что они вышли на границу съ поклономъ и стали просить мира, на что Новгородцы и согласились, довольные покорностію своихъ противниковъ. Самъ князь и его княгиня строили въ Новгородѣ церкви и заискивали расположенія Новгородцовъ.

Но недолго нынѣшній разъ Ярославъ княжилъ въ Новгородѣ. Всеволодъ, не желая выпустить города изъ своихъ рукъ, и замѣчая, что его посаженникъ Ярославъ поладилъ съ Новгородцами и заботится объ ихъ пользахъ, кажется сталъ опасаться, чтобы этотъ безземельный князь не задумалъ навсегда остаться въ Новгородѣ и освободиться отъ Суздальской опеки. А посему, недавши Ярославу прокняжить и двухъ лѣтъ, Всеволодъ вдругъ, въ 1199 г., позвалъ его къ себѣ во Владимиръ и въ слѣдъ затѣмъ вызвалъ туда же владыку Мартирія, посадника Мирошку и лучшихъ мужей и далъ имъ въ князя своего малолѣтняго сына Святослава, разумѣется подъ опекою Суздальскихъ бояръ, вѣрныхъ и привычныхъ исполнителей его воли. Эта перемѣна князя съ первыхъ же дней показала важную перемѣну въ управленіи, выска завшуюся въ неуваженіи къ обычаямъ Новгорода. Архіепископъ Мар-

Князь Святославъ, сынъ Всеволода Суздальскаго.

тврїи скончался на дорогѣ во Владимиръ; по Новгородскому обычаю новаго архіепископа, преемника покойному, должно было избрать вѣче всего Новгорода; Всеволодъ же, къ явному нарушенію сего обычая, переговора съ посадникомъ и послами, самъ назначилъ въ архіепископы Митрофана, того самаго, котораго одна партія предлагала вѣчу по смерти архіепископа Гавріила въ 1193 году. Новгородцы на этотъ разъ не противились Всеволодову выбору и мирно приняли новаго архіепископа; Суздальщинская партія очевидно пользовалась въ это время большою силою и противники ея должны были молчать; Новгородское посольство, состоявшее изъ Суздальщинцовъ, прїѣхавши во Владимиръ, даже величало Всеволода своимъ господиномъ и называло Новгородъ его отчиною и дѣдиною. Но одна партія, при всей своей силѣ, не составляла Новгорода и немогла заразъ измѣнить всѣхъ Новгородскихъ обычаевъ; малолѣтній Святославъ, съ своими Суздальскими боярами-опекунами, волей-неволей долженъ былъ оставаться при тѣхъ правахъ, которыми пользовались и прежніе князья Новгородскіе. Новгородъ и теперь, по прежнему, оставался самостоятельнымъ, и когда умеръ Всеволодовъ приверженецъ посадникъ Мирошка, то Всеволодъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу Мирошкина сына Димитрія, и вѣче выбрало въ посадники, неугоднаго Всеволоду, Михалку Степанича. Этотъ выборъ новаго посадника такъ обезпокоилъ князя Суздальскаго, что онъ на другой же годъ (1205) вывелъ Свято-

слава и прислалъ старшаго своего сына Константина, сказавши Новгородцамъ: „въ землѣ вашей рать ходитъ, а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ, а даю вамъ сынъ свой старѣйшій Константинъ“. Это новое назначеніе князя было придумано Всеволодомъ очень удачно; онъ этимъ угодилъ и вообще Новгородцамъ, которымъ не нравилась опека Суздальскихъ бояръ, пестуновъ малолѣтняго князя, и такъ усилилъ свою партію, что въ слѣдъ за назначеніемъ Константина, новое вѣче смѣнило избраннаго народомъ посадника Михалку Степанича, и дало посадничество Всеволодову милостинцу Дмитру Мирошкиничу.

Выборомъ Мирошкинича Всеволодъ такъ усилился въ Новгородѣ и такъ разпространилъ свое самовластіе что въ 1208 году прислалъ въ Новгородъ своего мужа Лазаря вмѣстѣ съ посадничьимъ братомъ Борисомъ Мирошкиничемъ и приказалъ, при всѣхъ на Ярославовомъ дворѣ, убить знаменитаго Новгородскаго боярина Ольксу Сбыславича, въ нарушеніе всѣхъ Новгородскихъ правъ, и даже не считалъ нужнымъ объявить народу, за какую вину онъ велѣлъ погубить Сбыславича. Народъ, стѣсненный Суздальцами, прибывшими съ княземъ Константиномъ, и своими измѣнниками Суздальщиною партією, не смѣлъ ни бунтовать ни жаловаться на такую неправду и насиліе. Но ясно чуялось, что Новгородцы были крайне оскорблены такимъ попраніемъ правъ вольнаго народа; и ежели они не шумѣли и невопили на вѣчѣ, то за нихъ лилъ сле-

Князь Константинъ, сынъ Всеволода Суздальскаго.

вы уважаемый народомъ образъ пресвятыя Богородицы; лѣтопись говоритъ: „а за утра (т. е. на другій день по убіеніи Сбыславича) плака св. Богородица у св. Іакова въ Неревскомъ концѣ“. А слезы сіи для Всеволода и его приверженцевъ были гибельнѣе всѣхъ вѣчевыхъ воплей и дракъ, они были за-таеннымъ выраженіемъ вражды Новгородцовъ и готовили сильное возстаніе, которое скоро и разразилось надъ измѣнниками и притѣснителями Новгорода. Но пока вражда еще таилась и ждала удобнаго случая, видимо все было спокойно и послушно Всеволоду; Новгородцы, по его зову, съ своимъ княземъ Константиномъ даже участвовали въ Рязанскомъ походѣ (1209 г.) Всеволода и дрались усердно подъ Пронскомъ. Даже Всеволодъ такъ былъ доволенъ ими и такъ вѣровалъ въ прочность своей власти надъ Новгородомъ, что отпуская Новгородцовъ съ Коломны, богато одарилъ ихъ, и подтвердивъ изконную Новгородскую вольность и уставы прежнихъ князей, сказалъ на отпускѣ: „кто вамъ добръ, тѣхъ любите, а злыхъ казните“ Мало этаго, даже взялъ съ собою Новгородскаго князя, своего сына Константина, и раненаго подъ Пронскомъ посадника Дмитра Мирошкинича и семь человекъ лучшихъ мужей, конечно предводителей Суздальщинской партіи.

Казнь Ми-
рошкиничей.

Но съ возвращеніемъ Новгородскихъ полковъ изъ Рязанскаго похода все перемѣнилось; народная партія, пользуясь отсутствіемъ князя, посадника и важнѣйшихъ приверженцевъ Суздальщинской партіи,

немедленно собрала вѣче на отсутствующаго посадника, его братьевъ и приверженцевъ, обвиняя ихъ во всѣхъ обидахъ и притѣсненіяхъ и излишнихъ сборахъ податей, въ послѣднее время тяготѣвшихъ надъ Новгородомъ. На этомъ вѣче не было заступниковъ Мирошкиничамъ и ихъ единомышленникамъ; народная ненависть, долго скрываемая, такъ была велика, что неимѣвшая на лицо предводителей Суздальщинская партія не смѣла подать голоса, и раздраженный народъ прямо съ вѣча, по вѣчевымъ законамъ приступилъ къ наказанію обвиненныхъ общимъ голосомъ. „И идоша, какъ говоритъ лѣтопись, на дворы ихъ грабежемъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажоша, а животы ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а сокровища ихъ изыскаша и поимаша безъ числа, а избытокъ раздѣлиша по зубу (на человѣка) по три гривны по всему городу и на щить, аще кто потай похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ, и отъ того мнози разбогатѣша, а что на дскахъ (т. е. долги Мирошкиничамъ), а то князю оставиша“. Дорого стоили Новгороду верховоды насильники Мирошкиничичи, много они награбили, покровительствуемые Всеволодомъ; но не дешево и расплатились за свое грабительство, месть раздраженнаго народа не удовольствовалась разграбленіемъ ихъ огромныхъ богатствъ. Народъ потребовалъ суда и казни даже надъ мертвымъ Дмитромъ Мирокшиничемъ, и когда привезли бездыханный трупъ его изъ Владимира; то народъ хотѣлъ сбросить его съ моста, какъ обыкновенно казнили

въ Новгородѣ измѣнниковъ и предателей. и только убѣждения и просьбы архіепископа Митрофана остановили месть народную надъ трупомъ. Но тѣмъ не менѣе съ прїѣздомъ присланнаго Всеволодомъ князя Святослава и съ избраніемъ новаго посадника Твердислава Михалковича (сына того Михалка Степанича, у котораго происками Суздальщинской партіи было отнято посадничество и дано Дмитру Мирошкиничу), весь народъ цѣловаль на вѣчѣ крестъ честный, чтобы не держать въ Новгородѣ ни Дмитровыхъ дѣтей, ни его приверженцевъ, и всѣхъ ихъ по закону выдали князю для ссылки въ заточеніе. Такъ кончили Новгородцы съ знаменитѣйшими представителями Суздальщинской партіи, съ своими предателями, и покончили не переступая границъ, положенныхъ закономъ вѣчеваго суда, нисколько не нарушая своихъ обязанностей къ князю. и оставаясь совершенно правыми предъ Всеволодомъ Юрьевичемъ Суздальскимъ, который, отпуская ихъ съ Коломны, самъ сказалъ имъ: „кто до васъ добръ, того любите, а злыхъ казните“, и такимъ образомъ самъ выдалъ Мирошкиничей. Но не такими были Святославъ и Всеволодъ, чтобы вольный Новгородъ могъ съ ними жить въ мирѣ. Святославъ при самомъ вступленіи въ Новгородъ уже показалъ свое неуваженіе къ Новгородцамъ; онъ вмѣсто того, чтобы сослать въ заточеніе, согласно съ приговоромъ вѣча, дѣтей Мирошкинича и его приверженцевъ, отправилъ ихъ къ своему отцу, да и то не всѣхъ, а многихъ оставилъ въ Новгородѣ, взявши съ нихъ большія дѣнь-

ги и началъ дѣлать насилія и нарушать извѣстные права и вольности Новгорода; Всеволодъ же, будучи въ мирѣ съ Новгородцами, сталъ задерживать въ своей волости Новгородскихъ гостей и ихъ товары и вообще держать себя въ отношеніи къ Новгороду, не какъ мирный сосѣдъ; а какъ врагъ состоящій въ войнѣ.

При такихъ обстоятельствахъ Новгородцамъ оставалось одно, — искать себѣ новаго князя; и они въ слѣдующемъ же (1210) году обратились къ Городецкому князю Мстиславу Мстиславичу Удалому, сыну того знаменитаго Мстислава, который 30 лѣтъ тому назадъ мстилъ обиды Новгорода; они тайно начали сноситься съ нимъ и просить помощи. Удамый не заставилъ долго ждать себя, занялъ неожиданно Торжокъ и заодно съ гражданами схватилъ Святославовыхъ бояръ, тамъ бывшихъ, заковалъ въ цѣпи тамошняго посадника, приверженца Святослава, и прислалъ своихъ гонцовъ въ Новгородъ съ такою рѣчью: „кланяюся святѣй Софїи и гробу отца моего; пришелъ ѣсмь къ вамъ, слышавъ насилѣе отъ князей, и жаль мнѣ Новгорода, своей отчины“. Новгородцы, выслушавши такую рѣчь, немедленно засадили Святослава подъ стражу на владычнемъ дворѣ, а къ Мстиславу отправили большое посольство съ просьбою, чтобы шелъ княжить въ Новгородъ. Когда же пришелъ Мстиславъ, то народъ встрѣтилъ его съ радостію и немедля ни мало всѣ стали вооружаться и отправились въ походъ на Всеволода. Всеволодъ же съ своей стороны вы-

Князь Мстиславъ Городецкій, Удамый

слалъ было къ Твери войско съ Константиномъ и другими своими сыновьями; но услышавши о походѣ Новгородцовъ, отправилъ посольство къ Мстиславу съ просьбою—отложить войну и отпустить къ нему задержаннаго Новгородцами Святослава и его мужей. Въ лѣтописи записана слѣдующая рѣчь отъ Всеволода къ Мстиславу: „сыне! пусти ко мнѣ Святослава и мужи его, а еже что не подобно учинилъ, то азъ исправлю; а что азъ гости Новгородскіе поималъ и имѣнье ихъ и богатство взялъ, то отпущу ихъ со всѣмъ товаромъ, и иные гости Новгородскіе, аще будутъ закоснѣли въ какихъ дѣлѣхъ въ землѣ моей, и тѣхъ отпущу со всѣми ихъ товары“. Новгородцы, вообще не любившіе войны, приняли просьбу Всеволода; и Мстиславъ отпустилъ Святослава и его мужей, которые и были переданы Константину, стоявшему въ Твери, а Всеволодъ отпустилъ Новгородскихъ гостей съ ихъ товарами; и цѣловавши крестъ, обѣ стороны заключили миръ.

Новгородцы и Мстиславъ, управившись счастливо съ Всеволодомъ, воротились домой, и повели дѣла свои такъ, чтобы все было у нихъ въ порядкѣ, чтобы старшіе не были изобижены, и чтобы не было происковъ и неправды; и первый образецъ таковаго порядка показалъ избранный народомъ посадникъ Твердиславъ Михалковичъ, онъ добровольно уступилъ посадничество старшему, пріѣхавшему изъ Руси, Дмитру Якуничу, сыну того знаменитаго Якуна, который сорокъ лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ княземъ Романомъ защищалъ Нов-

городъ противъ войскъ Андрея Боголюбскаго. Этотъ Дмитръ Якуничъ только что возвратился изъ Руси, т. е. изъ Кіева или Смоленска, гдѣ онъ укрылся отъ Суздальщинской партіи верховодовъ, которые страшно преслѣдовали всѣхъ знаменитыхъ людей не ихъ партіи. Князь Мстиславъ новаго посадника отпустилъ съ Новгородцами на Луки, чтобы поставить и укрѣпить городъ противъ Литвы; а самъ съ своею дружиною отправился въ Торжекъ, чтобы быть готовымъ на защиту Новгородской земли въ случаѣ, ежели хитрый Всеволодъ вздумаетъ сдѣлать нападеніе. Увѣрившись же, что отъ Всеволода нападенія не будетъ, Мстиславъ пошелъ въ Торопецъ, и оттуда пришелъ на Луки, соединился съ Новгородскими полками и перевелъ туда своего брата князя Владимира Мстиславича, княжившаго во Псковѣ, поручивъ ему защищать Новгородскія владѣнія съ этой стороны. Возвратившись съ Лукъ, Мстиславъ и Новгородцы возымѣли какое то подозрѣніе на владыку Митрофана, посаженника Всеволодова, велѣли схватить его, и не принимая никакихъ оправданій и даже недозволяя оправдываться, приказали отвести въ Торопецъ; а на его мѣсто по приговору вѣча избрали въ архіепископы знаменитаго Новгородскаго боярина Добрыша Ядрейковича, который незадолго предъ тѣмъ воротился изъ Царьграда съ дскою гроба Господня и подъ именемъ Антонія постригся въ монахи въ Хутынѣ монастырѣ. Такимъ образомъ Новгородцы на другій же годъ Мстиславова княженія

раздѣлялись окончательно съ Всеволодомъ и его партіею; ибо по удаленіи владыки Митрофана у Суздальщинцовъ неосталось болѣе ни одного защитника и покровителя, и всѣ важныя должности перешли въ руки представителей народной партіи, безъ происковъ со стороны а по выбору самаго народа. А въ слѣдъ за тѣмъ умеръ во Владимирѣ и Всеволодъ Суздальскій, слишкомъ тридцать лѣтъ грозною тучею тяготѣвшій надъ Новгородомъ.

Войны съ
Чудью и Литвою.

Но въ то время, какъ у Новгорода шла тяжелая борьба съ Всеволодомъ Суздальскимъ, Новгородцамъ приходилось еще отбиваться отъ безпокойныхъ сосѣдей на западѣ и усмирять своихъ данниковъ на сѣверовостокѣ своихъ владѣній. Такъ въ 1176 году, т. е. передъ началомъ борьбы съ Всеволодомъ Юрьевичемъ, Эстонская Чудь всѣми своими силами поднялась на Псковъ, и хотя была отбита Псковичами съ большимъ урономъ; но была только отбита, Псковичи только успѣли защитить свой городъ. Новгородцы же не раньше, какъ черезъ три года собрались отомстить Чуди за нападеніе на Псковъ; но и здѣсь все дѣло ограничилось опустошеніемъ страны, принадлежащей Чуди. Очевидно, о покореніи же этого племени Новгороду Новгородцамъ, кажется, некогда было и думать, и тѣмъ болѣе, что на другій годъ послѣ Чудскаго похода умеръ мститель обидъ Новгородскихъ князь Мстиславъ Ростиславичъ. А въ 1183 году Пскову явился новый врагъ Литва; врагъ этотъ на первый разъ ограничился набѣгомъ на Псковскія владѣнія, но

какъ говорить лѣтопись, набѣгъ этотъ много причинилъ зла Псковичамъ и былъ предшественникомъ будущихъ развореній отъ того же безпокойнаго племени. Потомъ и Эстонская Чудь не долго помнила урокъ, данный ей Мстиславомъ Ростиславичемъ съ Новгородцами, и въ 1190 году въ числѣ семи шнекъ обошла пороги и вступила въ Псковское озеро; но Псковичи остереглись, дали битву и такую одержали побѣду, что всѣ шнеки привели въ свой городъ и ни одному Чудину не дали уйдти. Но опять Псковичи могли только защищаться, а не имѣли силъ мстить за нападенія; и только черезъ годъ Новгородцы съ своимъ княземъ Ярославомъ Владимировичемъ пришли мстить обиды Пскова, вступили въ землю Эстонской Чуди, страшно разворили пройденную ими страну, захватили богатую добычу и множество плѣнниковъ и отняли у Чуди старый Русскій городъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ, а потомъ въ другой походъ слѣдующимъ лѣтомъ взяли другій тамошній городъ Медвѣжу Голову. Но оба похода не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ опустошенія Эстонской земли и созженія взятыхъ городовъ; объ удержаніи же взятыхъ городовъ за собою ни Новгородцы, ни Псковичи не думали, имъ въ то время было вовсе не до завоеваній въ этой сторонѣ, они могли только отбиваться и наказывать нападающихъ, и притомъ наказаніе большею частію было позднее и болѣе или менѣе случайное, когда выйдетъ удобное время. А между тѣмъ въ этой сторонѣ за Эстонією, въ земляхъ племени

Ливи, при западной Двинѣ и по берегу Балтійскаго моря въ это время укрѣплялись и распространяли свое владычество Нѣмцы Ливонскаго ордена, о которыхъ ни Псковичамъ, ни Новгородцамъ, запятымъ борьбою съ Суздальскимъ княземъ, не когда было и подумать. Именно какъ во время борьбы съ Юріемъ Долгорукимъ и Андреемъ Боголюбскимъ Новгородцы дали время Шведамъ распространить свое вліяніе въ Финляндіи; такъ во время борьбы съ Всеволодомъ Юрьевичемъ они и Псковичи не могли помѣшать Нѣмцамъ утвердиться въ Ливоніи и вообще по Балтійскому поморью.

Литва, безпокоившая Псковъ, кажется еще болѣе безпокоивала югозападные владѣнія Новгорода, здѣсь она иногда дѣйствовала одна, иногда вмѣстѣ съ Полочанами; такъ что пограничный въ этомъ краю Новгородскій пригородъ Луки постоянно долженъ былъ держать значительное войско, для отраженія Литовскихъ набѣговъ, и считался оплечьемъ Новгорода отъ Литвы, и князья Новгородскіе того времени обыкновенно посылали туда болѣе надежныхъ посадниковъ, — или своихъ сыновей, или братьевъ; но и эта предосторожность не всегда спасала Новгородскія владѣнія отъ Литовскихъ и Полотскихъ набѣговъ. Такъ въ 1198 году Полочане и Литва сожгли посадъ на Лукахъ и едва не взяли самаго города; такъ что тогдашній Новгородскій князь Ярославъ Владимировичъ долженъ былъ вооружить и Новгородцовъ, и Псковичей, и Ладжанъ, и Новоторжцовъ, чтобы смирить Литву и

Полочанъ. Но и это усмиреніе было не надолго, въ 1200 году Литовцы, миновавъ какъ то Луки, захватили почти всю Ловать, чуть не до Русы съ одной стороны, а съ другой стороны почти до Шелони; конечно этотъ набѣгъ кончился тѣмъ, что Новгородцы прогнали Литву, гнались за бѣгущими до Псковскихъ границъ и успѣли отбить полонъ; а въ слѣдъ за тѣмъ на Луки былъ отправленъ новый воевода Нѣздилъ Пхиницъ, который съ небольшою дружиною сдѣлалъ набѣгъ на Летголу и захвативъ ихъ въ разплохъ, значительно опустошилъ этотъ край и возвратился домой съ плѣнниками. Но разумѣется это не отучило Литву отъ набѣговъ, и въ 1210 году мы опять встречаемъ Литовцовъ въ предѣлахъ Новгородскихъ владѣній; въ лѣтописи сказано: „Новгородцы угонивше Литву въ Ходыницахъ, и избиша съ княземъ Володимиромъ и посадникомъ Твердиславомъ“. А Мстиславъ Удалый, на другой же годъ по пріѣздѣ въ Новгородъ, нашель нужнымъ послать на Луки посадника Дмитра Якунича съ полкомъ, чтобы укрѣпить городъ на случай нападенія Литвы, а въ слѣдъ за тѣмъ и самъ пріѣхалъ туда же и поручилъ защиту Лукъ брату своему князю Владимиру Мстиславичу Псковскому.

Но за то сѣверовосточные предѣлы Новгородскихъ владѣній въ послѣдніе 30 лѣтъ были спокойнѣе прежняго времени, и во все продолженіе борьбы Новгорода съ Всеволодомъ Юрьевичемъ нѣтъ и помину о нападеніи Финновъ или Шведовъ; а на-
Отношенія къ Финляндіи и Шведскій-даммъ.

противъ, встрѣчаются извѣстія лѣтописи о нападеніи Новгородцовъ на племя Емь, жившее въ южной Финляндіи. Такъ подъ 1186 годомъ въ лѣтописи говорится, что молодцы (т. е. повольники) Новгородскіе съ своимъ удалымъ предводителемъ Вышатою Васильевичемъ ходили на Емь и возвратились благополучно, добывши полона. Этотъ успѣшный набѣгъ вольницы вѣроятно былъ сдѣланъ для развѣдокъ, нельзя ли будетъ Новгороду повытѣснить или ослабить Шведовъ въ Финляндіи; но будучи сами въ войнѣ съ Русскими князьями, Новгородцы, не смотря на успѣхъ Вышаты, не могли предпринять что либо серьезное противъ Шведовъ въ Финляндіи; впрочемъ, не желая упустить случая, общавшаго успѣхъ, они вооружили противъ Шведовъ Корѣлянъ, которые, по свидѣтельству Шведскихъ лѣтописей, въ 1187 и 1188 году напали на самую Швецію, вошли въ Меларское озеро, убили Упсальскаго архіепископа Іоанна и сожгли многолюдный Шведскій городъ Сигтуну. Послѣ Корѣльскаго удачнаго набѣга Новгородцы прекратили торговыя сношенія со Шведами, а въ 1191 году вмѣстѣ съ Корѣлою сами напали на южную Финляндію; въ этотъ разъ нападеніе сдѣлано было съ моря, и Новгородцы страшно опустошили тамошнюю землю, пожгли селенія и изсѣкли скоть; по свидѣтельству Финляндскихъ лѣтописей въ это время былъ сожженъ Новгородцами главный Шведскій городъ въ Финляндіи Абовъ и всѣ Шведскія колоніи въ югозападной Финляндіи уничтожены, и тамош-

ніе Шведскіе поселенцы частію изтреблены, а частію разбѣжались; такъ что Новгородцы съ этой стороны могли считать свои владѣнія обезпеченными отъ нападенія непріятелей, и ежели бы имѣли свободное время, то не далеки были отъ того, чтобы окончательно подчинить себѣ южную Финляндію и уничтожить тамъ всякое вліяніе Шведовъ.

Но не такъ спокойны были владѣнія Новгородцевъ въ глубокомъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, за сѣвѣрною Двиною, въ Печерѣ и за Печерою къ Уральскому хребту; въ тамошнемъ безмѣрномъ краю, дикомъ и рѣдко населенномъ, имѣвшемъ только одни Новгородскіе острожки, разные полудикіе народцы время отъ времени оказывались непокорными власти Великаго Новгорода и нападали на посылаемые туда отряды Новгородскихъ данщиковъ. Такъ въ продолженіе борьбы со Всеволодомъ, въ лѣтописяхъ отмѣчено, что въ 1187 году были избиты Новгородскіе данщики въ Печерѣ и Югрѣ, при чемъ пало до ста человекъ значительныхъ удалцовъ. Новгородцамъ, занятымъ въ это время борьбою партій изъ за Смоленскаго и Суздальскаго князей, некогда было мстить возмущившимся полудикарямъ; но они не могли забыть избіеніе своихъ лучшихъ людей, и черезъ пять лѣтъ на шестой собралась Новгородская рать повольниковъ съ воеводою Ядрѣмъ, взяла съ собою даже священника и пустилась въ далекій походъ къ Уральскимъ горамъ, въ землю племени Югры. Походъ этотъ сначала былъ удаченъ, рать, благополучно прибывши въ

Отношенія
къ Печерѣ
и Югрѣ.

Югорскую землю, безъ потери взяла первый встрѣтившійся Югорскій городъ; но слѣдующей за тѣмъ городъ оказалъ сильное сопротивленіе и воинскую хитрость. Новгородцы подъ симъ городомъ стояли пять недѣль, и жители города все это время пересылались съ осаждающими, и откладывая день за день сдачу города, говорили осаждающимъ: не губите своихъ смердовъ и даней, подождите, пока мы соберемъ серебро, соборей и другія узорочья; а сами между тѣмъ собирали ратниковъ, и когда собрали ихъ довольно, то послали просить Новгородскаго воеводу, чтобы шелъ въ городъ, взявши съ собою двѣнадцать человѣкъ лучшихъ людей. Воевода, неподозрѣвая коварства, вошелъ въ городъ съ священникомъ Иваномъ Легеномъ и съ иными лучшими людьми, и былъ убитъ; потомъ Югра пригласила въ городъ еще 30 человѣкъ лучшихъ людей, и тѣхъ изсѣкла; потомъ еще 50 человѣкъ. Между тѣмъ въ Новгородскомъ лагерѣ открылись измѣнники, которые вступили въ тайныя сношенія съ Югорскимъ княземъ, и одинъ изъ нихъ Савка сказалъ Югорскому князю: „ежели ты не убьешь Якова Прокшинича и отпустишь его живымъ въ Новгородъ; то онъ опять приведетъ рать и опустошитъ твою землю“. Князь велѣлъ убить и Прокшинича, а за тѣмъ Югорцы, на праздникъ святителя Николая (6 декабря) выступили изъ города и изсѣкли всѣхъ Новгородцовъ, давно уже упавшихъ духомъ и страдавшихъ отъ голода; только 80 человѣкъ успѣли какъ-то спастись. Въ Новгородѣ

цѣлую зиму не было вѣсти объ этой рати ни на живыхъ, ни на мертвыхъ; и нераньше какъ на другой годъ бѣдные и ободранные остатки Ядрѣвой рати явились въ Новгородѣ. Это поражение Новгородской рати, кажется, осталось безъ отмщенія, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ о томъ извѣстій, да и Новгородцамъ тогда было не до отдаленной Югры и не до мщенія; у нихъ въ то время шла самая жестокая борьба съ Всеволодомъ Суздальскимъ, который задержалъ ихъ посольство и страшно стѣснялъ торговлю.

Между тѣмъ, несмотря на внутренніе раздоры ^{Торговля Новгородца.} партій, ни на тревоги и нападенія отъ сосѣдей, торговля Новгородцовъ, какъ въ Русской землѣ, такъ и съ иноземцами во всѣхъ краяхъ, шла своимъ порядкомъ во все время борьбы Новгорода съ Всеволодомъ, хотя и терпѣла по временамъ значительныя остановки и препятствія. По свидѣтельству памятниковъ, мы встрѣчаемъ Новгородскихъ купцовъ за все это время и въ разныхъ княженіяхъ Русской земли, и на отдаленномъ сѣверо-востоцѣ, въ Камской Болгаріи, и на югѣ въ Константинополѣ, и на западѣ у Нѣмцевъ и Варяговъ, съ которыми Новгородцы особенно были въ тѣсныхъ торговыхъ связяхъ (*); Нѣмцы и Варяги постоянно имѣли свои

(*) Привилегія, данная императоромъ Фридрихомъ I городу Любеку въ 1187 году, говоритъ, что въ этотъ городъ пріѣзжаютъ для торговли Руссы, Готы, Норманы и прочіе восточные народы. Здѣсь между Руссами, конечно, были и Новгородцы, что доказываютъ договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами.

торговые дворы и даже церкви въ Новгородѣ и Ладогѣ, и на оборотъ, Новгородцы имѣли свои торговые дворы у Нѣмцевъ и Варяговъ въ ихъ землѣ. Впрочемъ и съ Нѣмцами и Варягами не обходилось безъ ссоръ, которыя на время останавливали торговлю; такъ въ лѣтописи за это время отмѣчены два разрыва: 1-й подъ 1188 годомъ, когда Варяги и Нѣмцы засадили въ порубъ Новгородскихъ купцовъ на Готландѣ, а Новгородцы, въ отмщеніе, заключили въ темницу Нѣмцевъ и Варяговъ въ Хоружку и Торжкѣ, и на весну не пустили за море ни одного своего купца, не отправили посольства къ Варягамъ и не дали имъ мира; 2-й въ 1201 году, когда Новгородцы отпустили Варяговъ за море безъ мира, и потомъ осенью того же года заключили съ ними миръ на всей своей волѣ, когда пришло новое Варяжское посольство сухимъ путемъ.

Договорныя
грамоты съ
Нѣмцами.

До насъ дошли двѣ договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами, относящіяся ко времени Всеволода Юрьевича; грамоты сіи съ довольною подробностію описываютъ тогдашній порядокъ торговли Новгорода съ Нѣмцами. Первая изъ сихъ грамотъ была заключена Новгородскимъ княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, при посадникѣ Мирошкѣ и при тысяцкомъ Яковѣ, по всему вѣроятію черезъ годъ или два послѣ разрыва Новгородцевъ съ Варягами и Нѣмцами въ 1188 году. Грамота сія написана отъ имени князя, посадника, тысяцкаго и всѣхъ Новгородцевъ въ ней первымъ условіемъ положено, чтобы Новгородцы, согласно съ прежнимъ миромъ,

имѣли безпрепятственную торговлю въ Нѣмецкой землѣ и на Готландѣ, а Нѣмцы и Готландцы безпрепятственную торговлю въ Новгородѣ. Далѣе, во 2-мъ условіи, опредѣлены порядки суда въ тяжбахъ между Новгородцами и Нѣмцами: во 1-хъ, ежели будетъ убитъ Новгородскій посолъ въ Нѣмецкой землѣ, или Нѣмецкій посолъ въ Новгородѣ, то платится виры 20 гривенъ серебромъ, или 80 гривенъ кунами, согласно съ Русскою правдою, а за убійство купца виры 10 гривенъ серебра, или 40 гривенъ кунами. А ежели свяжутъ мужа безъ вины, то за безчестье 12 гривенъ старыми кунами; а кто кого ударитъ коломъ или оружіемъ, то за рану 6 гривенъ старыми кунами; а кто пихнетъ другаго или одежду разорветъ, то три гривны; а кто прибьетъ жену мужескую или дочь, то 40 гривенъ князю и 40 гривенъ женѣ или дочери старыми кунами; а кто сорветъ съ женщины или дѣвицы головную повязку, то 6 гривенъ старыми кунами за безчестье; во 2-хъ, въ дѣлахъ не уголовныхъ на судѣ какъ отъ Нѣмцевъ, такъ отъ Новгородцовъ требуются свидѣтели, или бросается жеребій, кому цѣловать крестъ, и кто поцѣлуетъ крестъ, тотъ возьметъ то, на чемъ цѣловалъ крестъ; въ 3-хъ при взысканіи долговъ Варягу на Новгородцѣ, или Новгородцу на Варягѣ, въ случаѣ заирательства, истецъ долженъ представить 12 человекъ свидѣтелей и дать клятву, и тогда возьметъ свое; въ 4-хъ, ежели будетъ судъ у Новгородца въ Нѣмецкой землѣ, или у Нѣмчина въ Новгородѣ, то рубежа не чинить, а жаловаться

на другое лѣто, а ежели же исправятъ, то объяви князю и людемъ, взять свое у гостя, ежели судъ будетъ въ Новгородѣ; ежели же тяжба будетъ въ иной землѣ въ Русскихъ городахъ, то у тѣхъ и просить суда, а Новгородцамъ до такихъ тяжбъ дѣла нѣтъ, въ такихъ тяжбахъ и Нѣмцы и Новгородцы свободны (не отвѣчаютъ). 3-е условіе: Новгородца не сажать въ тюрьму въ Нѣмецкой землѣ, ни Нѣмца не сажать въ тюрьму въ Новгородской землѣ, а брать на виноватомъ свое; а ежели убьютъ заложника или попа, то за голову 20 гривенъ серебра. Для заключенія сего договора, князь Ярославъ и Новгородцы отправили въ Нѣмецкую землю своего посланника Григу Настоящій договоръ свидѣтельствуесть, что разрывъ у Новгородцовъ съ Нѣмцами и Варягами въ 1188 г. произошелъ главнымъ образомъ отъ недостаточнаго опредѣленія взаимнаго суда и управы по прежнимъ договорамъ, которая недостаточность и была устранена настоящею грамотою, заключающею въ себѣ только подробное опредѣленіе судебного порядка между договаривающимися сторонами, каковымъ порядкомъ отстранялись тѣ недоразумѣнія которыя послужили причиною помянутаго разрыва.

Второй договорной грамоты до насъ не дошло, но мы имѣемъ проэктъ этой грамоты, по всему вѣроятію относящійся къ первому или второму десятилѣтію XIII столѣтія. Изъ этого проэкта мы знаемъ: 1) что въ Новгородѣ и Ладогѣ были особые торговые двory Нѣмецкіе и Готландскіе, съ своими

церквами и кладбищами; именно: въ Новгородѣ Готландскій дворъ съ церковію св. Олава и Нѣмецкій съ церковію св. Петра; а въ Ладогѣ у Нѣмцовъ при ихъ дворѣ была церковь св. Петра, и у Готландцевъ при ихъ дворѣ церковь св. Николая. Дворы сіи пользовались большими привиллегіями, они управлялись своими выборными старостами или ольдерманами, и имѣли свой судъ и управу, по общему въ то время порядку между всеми пріѣзжими торговцами, которые обыкновенно тогда ѣздили большими караванами, съ своими начальниками и судьями. 2) Нѣмецкіе и Готландскіе гости раздѣлялись на зимнихъ и лѣтнихъ, которые составляли отдѣльныя общины; такъ что всѣ Нѣмецкіе и Готландскіе купцы, пріѣзжавшіе въ Новгородскія владѣнія, принадлежали непременно къ той или другой общинѣ, и вели торговлю не иначе, какъ по правиламъ или уставамъ своей общины, и зимніе гости никакъ не смѣшивались съ лѣтними; и такія же общины были и у Новгородскихъ гостей, отправлявшихся для торговли въ Нѣмецкую землю или Готландъ, и ихъ общины и дворы пользовались тамъ такими же правами и привиллегіями, какъ Нѣмецкіе и Готландскіе общины въ Новгородѣ. 3) Ссоры между Новгородцами и Нѣмцами, или Готландцами въ Новгородѣ, разбирались при церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, гдѣ была устроена особая судебная палата или притворъ, и судъ былъ смѣшанный, — съ Новгородской стороны судьями были тысяцкій и Новгородскіе судьи, а съ Нѣмецкой или Готланд-

ской стороны Нѣмецкiй или Готландскiй ольдерманъ. Ежели ссора будетъ между зимними гостями и Новгородцами, то лѣтнимъ гостямъ до этой ссоры нѣтъ дѣла, они не отвѣчаютъ, и на оборотъ, зимнимъ гостямъ нѣтъ дѣла до ссоры лѣтнихъ гостей. Ссора между гостемъ и Новгородцемъ тамъ и должна кончиться, гдѣ она началась. Ежели ссора не прекратится въ одинъ годъ, то отлагается до другаго года, а гость, причастный къ ссорѣ, свободно можетъ выѣхать изъ Новгородскихъ владѣнiй, тою же свободою пользуется гость, ежели ссора некончится и на другой годъ; ежели же ссора (т. е. тяжба) не рѣшится и на третiй годъ, то имущество гостя подвергается аресту. 4) Вѣсы гостиннаго двора должны повѣряться два раза въ годъ, ежели покажутся поистертыми; товары гостей должны быть взвѣшиваемы на вѣсахъ гостинаго двора, при чемъ вѣсовщикъ получалъ отъ капи, т. е. отъ 12 пудовъ, девять вѣкшей пошрины, и вѣсовщикъ цѣлуетъ крестъ, что будетъ вѣшать одинаково для обѣихъ сторонъ. 5) Новгородцы отвѣчали за безопасность гостей и ихъ товаровъ отъ грабежа, начиная съ Березовыхъ острововъ. При вступленiи въ Ижеру тамошнiй тиунъ высылаетъ на встрѣчу гостямъ лодчиковъ и лоцмановъ, которые должны вести гостинныя лодыи и получали за это опредѣленную по договору плату, которая выдавалась не прежде, какъ Нѣмецкiе лодыи будутъ приведены къ Рыбацкой слободѣ. При вступленiи Нѣмецкихъ лодiй или кораблей въ гостиную пристань, они очищались

мытною или проѣзжею пошлиною по полгривнѣ съ корабля, нагруженнаго мясомъ и хлѣбомъ, и по гривнѣ съ корабля, нагруженнаго другими товарами; впрочемъ самая пошлина платилась по привозѣ товаровъ въ самый Новгородъ, въ гостиной же пристани мытникъ только пересматривалъ товары подлежащіе платежу пошлинъ и давалъ пропускъ.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ.

Борьба Новгорода съ Ярославомъ Всеволодовичемъ.

Очистивши Новгородъ отъ Суздальщинцовъ и и Война съ Чудью. устроивши внутреннія дѣла, Мстиславъ и Новгородцы обратились противъ внѣшнихъ враговъ и сдѣлали два счастливыхъ похода: одинъ на Чудь Торму, жившую на Сѣверъ отъ нынѣшняго Дерпта, а другій на Чудь Ереву, жившую по нынѣшней рѣкѣ Перновѣ, ближе къ морскому берегу. Походы сіи доставили Новгородцамъ множество плѣнниковъ и богатую добычу; кромѣ того Чудь обязалась платить имъ дань, которую Мстиславъ раздѣлил на три части, двѣ части отдалъ Новгородцамъ, а третью своей дружинѣ. Походъ на Чудь Ереву былъ самый сильный, въ немъ кромѣ Мстислава и Новгородцевъ участвовали Псковичи и Торопчане съ своими князьями. Чудская земля была страшно раззорена и опустошена; Новгородская рать прошла ее изъ конца въ конецъ до моря и раззорила всѣ та-

мошнія села и осѣки, и только не взяла города Воробина, при осадѣ котораго Чудь признала надъ собою власть Новгорода и обязалась платить дань.

Война съ
Чернигов-
скимъ кня-
земъ Все-
володомъ
Чернымъ.

Но лишь Мстиславъ съ Новгородцами возвратился изъ похода на Чудь Ереву, какъ въ Новгородѣ пришли послы отъ Мстиславовыхъ родственниковъ, внуковъ Ростислава Смоленскаго; съ просьбою, чтобы Мстиславъ помогъ имъ воевать съ Всеволодомъ Чернымъ, княземъ Черниговскимъ, который выгналъ ихъ изъ Приднѣпровья. Мстиславъ, по выслушаніи пословъ, созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сталъ звать Новгородцовъ, чтобы они помогли ему въ походѣ на Всеволода Черниговскаго. Новгородцы, довольные Мстиславомъ, отвѣчали ему: „камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вержемъ“. И немедленно собрались въ походъ и пошли съ Мстиславомъ къ Кіеву. Новгородцы спокойно шли до Смоленска; но здѣсь, поссорившись съ Смольянами, поворотили назадъ и даже не пошли на вѣче, на которое ихъ звалъ Мстиславъ, впрочемъ скоро одумались, сами составили на походъ вѣче, и стали разсуждать, — идти ли за Мстиславомъ или воротиться домой. Это вѣче было очень шумно и продолжительно; наконецъ посадникъ Твердиславъ порѣшилъ споръ въ пользу Мстислава, онъ обратился къ вѣчу съ такою рѣчью: „яко, братье, страдали дѣды наши и отцы за Русскую землю, тако, братье, и мы поидемъ по своему князи“. Эта рѣчь такъ подѣйствовала на Новгородскихъ ратниковъ, что они прямо съ вѣча пустились догонять Мсти-

слава, и соединясь съ нимъ, начали воевать внизъ по Днѣпру Черниговскіе города, потомъ разбили Черниговскихъ князей подъ Вышгородомъ, и тѣмъ заставили Всеволода бѣжать изъ Кіева. Въ слѣдъ за Вышегородскою битвою Мстиславъ съ Новгородцами торжественно вошелъ въ Кіевъ, гдѣ Кіевляне приняли ихъ съ честію и взяли себѣ въ князья Мстиславова двоюроднаго брата Мстислава Романовича. Изъ Кіева Мстиславъ Мстиславичъ съ Новгородцами двинулся къ Чернигову и, простоявъ подъ сямъ городомъ 12 дней, заключилъ съ Всеволодомъ Черниговскимъ миръ. Послѣ чего Новгородцы, получивъ отъ Черниговскаго князя богатые дары, возвратились съ своимъ любимымъ княземъ домой.

Но не долго Мстиславъ оставался въ Новгородѣ; въ слѣдующемъ послѣ Черниговскаго похода, 1215 году, къ нему пріѣхалъ гонецъ отъ Польскаго государя Лешка, который, разсорившись съ Венгерскимъ королемъ, приглашалъ Мстислава выгнать Венгровъ изъ Галича и самому занять это княженіе. Мстиславъ, постоянно ратовавшій за Русскую землю, съ охотою принялъ это приглашеніе и, собравъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, сказалъ Новгородцамъ: „есть до меня дѣла на Руси, а вы вольны въ князьяхъ“. Новгородцы какъ не любили Мстислава, но не могли удержать его у себя; ибо Мстиславу конечно выгоднѣе было быть полнымъ самостоятельнымъ княземъ въ Галичѣ, нежели оставаться въ Новгородѣ, гдѣ князь зависѣлъ отъ народнаго вѣча. И по сему Новгородцы, простившись

Князь Яро-
славъ Всево-
лодовичъ изъ
Суздаль-
скихъ.

съ Мстиславомъ, принялись за избраніе новаго князя; много разъ собиралось вѣче по этому предмету, много было толковъ и споровъ о томъ, кого выбрать въ князья, и наконецъ порѣшили звать Ярослава Всеволодовича, князя Переяславля Суздальскаго. Конечно въ этомъ рѣшеніи настояла Суздальщинская партія, которая по удаленіи Мстислава незамедлила возвысить свой голосъ, и тѣмъ болѣе могла успѣть въ своихъ проискахъ, что на виду дѣйствительно не было такого князя, на котораго бы могли положиться Новгородцы; да и при томъ другія партіи могли думать, что Ярославъ не будетъ для нихъ очень опасенъ, ибо его отца страшнаго Всеволода уже не было въ живыхъ, и въ самой Суздальской землѣ начались междоусобія. И по сему, согласно съ послѣднимъ рѣшеніемъ вѣча, посланы были отъ Новгорода къ Ярославу посадникъ Юрій Ивановичъ, тысяцкій Якунъ и десять старѣйшихъ купцовъ звать его на Новгородскій престолъ. По этому зову Ярославъ немедленно прибылъ въ Новгородъ и съ почестями былъ встрѣченъ архіепископомъ Антоніемъ и Новгородцами.

Но Ярославъ былъ истый Суздальскій князь, такой же самовластный, какъ и покойный отецъ его Всеволодъ, и такой же защитникъ и покровитель Суздальщинской партіи верховодовъ и притѣснителей. Онъ въ тотъ же (1215) годъ, какъ пришелъ въ Новгородъ, велѣлъ схватить многоуважаемаго Новгородскаго боярина Якуна Зуболомича и Новоторжскаго посадника Оому Добрынича, и оковавъ со-

слалъ ихъ въ Тверь; а въ слѣдъ за этою несправедливою, безъ воли народа сдѣланною, ссылкой, по наговору Суздальщинцовъ Θεодора Лазутивича и Ивора Новоторжича, собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ противъ тысяцкаго Якуна Намнѣжича. Вѣче сіе, составленное по всему вѣроятію изъ Суздальщинцовъ, рѣшило, какъ хотѣлось князю, и бросилось тутъ же грабить домъ Якуна тысяцкаго и схватило его жену, самъ же Якунъ успѣлъ скрыться и на другій день вмѣстѣ съ посадникомъ пришелъ къ князю, который тутъ же велѣлъ схватить и его сына Христофора. Народъ, тѣснимый Суздальщинами, цѣлые десять дней молчалъ противъ такой неправды и выжидалъ удобнаго случая отомстить за насиліе насиліемъ; наконецъ 30 мая произошло возстаніе, поднялась Прусская улица, сильно оскорбленная поимкою своего уличанскаго боярина Якуна, жители этой улицы убили Ярославовыхъ приверженцовъ Овстрата и Луготу и бросили трупы ихъ въ городскій ровъ. Это возстаніе Пруссовъ ясно показало Ярославу, что Великій Новгородъ не Переяславль, что здѣсь сидѣть не безопасно; а по сему онъ успѣшилъ убраться въ Торжекъ, чтобы оттуда съ большею безопасностію дѣйствовать на Новгородцовъ.

Между тѣмъ по случаю неурожая въ Новгородѣ начался голодъ, чѣмъ и незамедлил воспользоваться Ярославъ, онъ сталъ перехватывать всѣ обозы съ хлѣбомъ, шедшіе къ Новгородцамъ, такъ что, по словамъ лѣтописи, не пустилъ ни воза; отъ чего го-

лодь такъ усилился, что кадь ржи покупалась по десяти гривень (т. е. на нынѣшнія деньги почти по девяти рублей серебромъ за четверть, или четвертую часть кади) и люди начали ѣсть сосновую кору, липовый листь и мохъ, отцы стали продавать дѣтей. За голодомъ послѣдовалъ страшный моръ, наметали трупами полную скудельницу, вновь устроенную, и кромѣ того трупы валялись по торгамъ, улицамъ, и полямъ, и собаки грызли и таскали ихъ, неуспѣвая поѣдать. Тщетно Новгородцы въ такой крайности нѣсколько разъ отправляли свои посольства въ Торжокъ и молили Ярослава, чтобы шелъ въ Новгородъ и пустилъ туда обозы съ хлѣбомъ; Ярославъ оставался глухъ и нѣмъ къ таковымъ мольбамъ, даже вывезъ изъ Новгорода свою жену, дочь Мстислава Удалаго, задерживалъ у себя Новгородскихъ посланниковъ и не давалъ никакого отвѣта; и такъ прошло восемь мѣсяцовъ, люди умирали съ голоду, а Ярославъ продолжалъ молчать и не сводилъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода. Наконецъ Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія, послали къ нему Мануйла Ягольчевича съ послѣднею рѣчью: «пойди, княже, въ свою отчину къ св. Софіи, не поидешь ли, а повѣдай». Но Ярославъ по прежнему молчалъ, задержалъ у себя посланника и перехватывалъ Новгородскихъ гостей. Въ Новгородѣ былъ вопль и плачь и полное раззореніе, люди, не зная чѣмъ жить, разбѣгались; но это была уже послѣдняя бѣда, за которой шли торжество и радость. Новгородцы успѣли снестись съ Мстисла-

вомъ Мстиславичемъ; и этотъ удалый князь 11-го февраля 1216 года опять въѣхалъ въ Новгородъ и тутъ же схватилъ и заковалъ въ цѣпи намѣстниковъ и дворянъ Ярославовыхъ; потомъ собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и, поклявшись честнымъ крестомъ, сказалъ народу: «любо изыщю мужи Новгородскіи и волости, паки ли положу свою голову за Новгородъ». на что Новгородцы съ клятвою отвѣчали: «съ тобою, княже, въ животь и въ смерть». И въ слѣдъ за тѣмъ начали готовиться къ борьбѣ съ Ярославомъ.

Ярославъ, получивши вѣсть о дѣйствіяхъ Мсти-
 слава, немедленно принялся укрѣплять Торжокъ и засѣкъ всѣ пути отъ Новгорода: а между тѣмъ по-
 слалъ туда сто Новгородскихъ мужей, своихъ приверженцевъ, выпроваживать Мстислава, надѣясь что Суздальщинская партія при помощи присланныхъ перекричитъ на вѣчѣ; но эта надежда нисколько не оправдалась. Новгородцы такъ сильно были оскорблены Ярославомъ, что никто не смѣлъ и заикнуться о его возвращеніи, даже и присланные сто чело-
 вѣкъ пристали къ другимъ и весь Новгородъ единодушно всталъ на Ярослава. Впрочемъ Новгородцы такъ еще были слабы, что Мстиславъ и вѣче думали нельзя ли покончить дѣло миромъ; и отправили въ Торжокъ посланниками попа Юрія отъ церкви св. Іоанна на торговищѣ и княжихъ мужей съ такими рѣчьми отъ Мстислава: «сыну кланяются, мужъ мой и гость отпустили, а самъ съ Торжку поиди, а со мною любовь возми». Но Ярославъ былъ

Князь Мстиславъ Удалый вторично и война съ Ярославомъ Суздальскимъ!

не такой человекъ, чтобы мирно отступить отъ Новгорода; онъ, надѣясь на свою силу, безъ отъѣзда отпустилъ попа Юрія, а всѣхъ Новгородцовъ, бывшихъ въ Торжкѣ, какъ посланниковъ, такъ и гостей, числомъ болѣе 2000 человекъ, выведши на поле, заковалъ въ цѣпи и разослалъ по своимъ Суздальскимъ городамъ, а товары ихъ и коней роздалъ своей дружинѣ. Вѣсть объ этомъ сильно опечалила Новгородцовъ, ибо Ярославомъ были захвачены лучшіе мужи, меньшіе же одни разбѣжались, а другіе померли отъ голода, народъ въ смущеніи не зналъ что дѣлать. Но Мстиславъ Удалый, не робѣвшій ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ и во всемъ уповавшій на милость Божию, созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „идемъ искать своихъ мужей, вашей братьи и своей волости, не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ; но гдѣ св. Софія, тамъ Новгородъ, а и во мнозѣ Богъ и въ малѣ Богъ и правда“.

Это вѣче было въ послѣдніе дни февраля, по тогдашнему щету въ концѣ года, а въ первый день новаго года, т. е. первое число марта, во вторникъ второй недѣли великаго поста, Мстиславъ съ Новгородцами отправился въ походъ на Ярослава; онъ пошелъ Селигеромъ, и вошедши въ свою Торопецкую область, сказалъ голоднымъ Новгородцамъ: идите запасаться кормомъ, и когда они запаслись, то отправился съ ними къ верховьямъ Волги, и тамъ получилъ вѣсть, что Ярославовъ братъ Святославъ съ десятию тысячами ратниковъ осаждаеть Мстиславовъ

городокъ Ржевку, гдѣ намѣстникъ Ярунъ только съ сотнею дружинниковъ засѣлъ на смерть. Мстиславъ, имѣя при себѣ всего пятьсотъ ратниковъ (это было все его войско, и съ помощію, приведенною княземъ Владимиромъ изъ Пскова), бросился на выручку вѣрнаго Яруна и заставилъ Святослава бѣжать, потомъ взялъ Ярославовъ городъ Зубцовъ и оттуда перешелъ на рѣку Вазузу, гдѣ съ нимъ соединился его двоюродный братъ, Владимиръ Рюриковичъ, князь Смоленскій, который привелъ съ собою полки Смоленянъ. Но и по присоединеніи Смоленскихъ полковъ рать Мстислава была еще очень малочисленна; а потому онъ опять отправилъ посольство къ Ярославу въ Торжекъ, требуя мира. Но Ярославъ отвѣчалъ: „не хочу мира, и коли пошли на меня, то идите, а и по одному вашихъ непридется на сто нашихъ“. Получивши такой отвѣтъ, Мстиславъ съ своимъ братомъ и съ Новгородцами вступили въ Тверскую область и начали опустошать села по Волгѣ, думая пробраться къ Переяславлю Залѣсскому, стольному городу Ярославову; храбрый Ярунъ съ передовымъ полкомъ уже пробрался за Тверь и разбилъ тамъ Ярославову заставу, Мстиславъ же съ Владимиромъ и Новгородцами спустился по Волгѣ, опустошая все по дорогѣ и поджидая вѣсти отъ третьяго своего союзника Константина князя Ростовскаго, и дошелъ такимъ образомъ до Кснятина, гдѣ ихъ встрѣтилъ передовой воевода Константина Еремей съ любовію и съ поклономъ отъ своего князя; и отъ Кснятина всѣ прямо двину-

лись къ Переяславлю, и когда уже были на городищѣ на рѣкѣ Сарѣ, то къ нимъ присоединился и самъ Константинъ съ Ростовскими полками, бывшій во враждѣ съ Ярославомъ и его союзникомъ Юріемъ Владимірскимъ

Ярославъ, продолжавшій жить въ Торжкѣ, услышавши, что Мстиславъ съ своими союзниками воюють его волость, оставилъ Торжекъ, и забравши съ собою преданныхъ ему и бывшихъ при немъ Новгородцовъ и Новоторжанъ, поспѣшно пустился къ Переяславлю, вооружилъ приведенныхъ съ собою Новгородцовъ и Новоторжанъ, и поднялъ всю Переяславскую область а въ слѣдъ за тѣмъ присоединили свои полки его братья и союзники — Юрій, Владимір и Святославъ, бывшіе во враждѣ съ Константиномъ Ростовскимъ. Они повели свою многочисленную рать навстрѣчу Мстиславу и Новгородцамъ, и расположились станомъ на рѣкѣ Хзѣ: Мстиславъ же и Новгородцы съ своими союзниками остановились на рѣкѣ Липицѣ. Увидавши многочисленные полки Юрія и Ярослава, Мстиславъ и его союзники отправили къ Юрію посланникомъ Новгородскаго сотскаго Иларіона съ такою рѣчью: „клянѣмся у насъ съ тобою нѣтъ обиды у насъ обида съ Ярославомъ“. На это Юрій отвѣчалъ: „я одинъ братъ съ Ярославомъ“. За тѣмъ того же Иларіона послалъ Мстиславъ къ Ярославу съ рѣчью: „пусти мужи мои Новгородцы и Новоторжцы, возвратятъ взятую тобою Новгородскую волость, возьми миръ съ нами, цѣлуй къ намъ крестъ и не проли-

вай крови“ Юрій и Ярославъ, видя малочисленность рати Мстиславовой и его союзниковъ, съ насмѣшкою отвѣчали: „не хотимъ мира и мужей не пускаемъ, а вы далеконько зашли, и вышли какъ рыба на сушу“. Послѣ таковаго отвѣта оставалось одно—бой на смерть; и Новгородцы, выслушавши Юріеву и Ярославову рѣчь отъ Иларіона, сказали Мстиславу: „княже! не хотимъ умирать на коняхъ, а будемъ биться пѣши, какъ и наши отцы на Кулачьскѣ“, и въ слѣдъ за тѣмъ, слѣзши съ коней и побросавъ верхнее платье и разувшись, бросились, съ крикомъ:—„за св. Софію“, на Ярославовъ полкъ, а за ними пустился и Мстиславъ съ своею дружиною на коняхъ. Натискъ Новгородцовъ и Мстислава такъ былъ силенъ и стремителенъ, что полкъ Ярослава, послѣ упорной сѣчи, дрогнулъ, и вмѣстѣ съ своимъ гордымъ княземъ обратился въ бѣгство. а въ слѣдъ за ними побѣжалъ и Юрій съ своимъ полкомъ, стоявшій противъ Константина и Ростовцовъ. Битва эта была самая жестокая, изъ одного только Ярославова полка было болѣе десяти тысячъ убитыхъ, легшихъ костью на полѣ, а еще больше погибло въ бѣгствѣ, иные потонули въ рѣкѣ, другіе раненые разбрелись по лѣсамъ и болотамъ, и были поѣдены звѣрьми; стоны и крики сражающихся были слышны даже въ Юрьевѣ и около Юрьева. Такимъ образомъ Липецкая битва не оправдала самохвальныхъ надеждъ Юрія и Ярослава; они передъ началомъ боя хвалились закидать Новгородцовъ и Смольвянъ сѣдлами, и созвавши бояръ

и лучшихъ воиновъ передъ шатеръ, говорили имъ: „вотъ самъ товаръ пришелъ въ руки, берите себѣ оружіе, коней и платье, а людей бейте, чтобы ни одного не осталось въ живыхъ; кто же убѣжитъ не убитъ, тѣхъ поймавши вѣшайте и распинайте, а о князьяхъ, ежели будутъ въ нашихъ рукахъ, мы сами поразмыслимъ“. Вполнѣ надѣясь на побѣду, Юрій и Ярославъ еще въ ночь наканунѣ битвы подѣлили между собою города своихъ противниковъ, цѣловали другъ другу крестъ и написали грамоты, кому владѣть какими городами. Но какъ мы уже видѣли, не пришлось ни имъ, ни ихъ дружинникамъ заметать Новгородцовъ и Смольнянъ сѣдлами и бить, и вѣшать противниковъ; Юрій и Ярославъ сами побросали свои сѣдла, чтобы бѣжать скорѣе, а дружинники ихъ и бѣжать не успѣвали, и едва десятый нагишомъ и босикомъ приплелись во Владимиръ; самохвальныя же грамоты о раздѣлѣ городовъ попались въ руки къ Смольнянамъ, которые нашли ихъ при разграбленіи шатра Ярославова и принесли къ своимъ князьямъ Мстиславу и Владимиру.

Ярославъ, съ Липецкаго побоища прибѣжавши въ Переяславль, всѣхъ задержанныхъ тамъ Новгородцовъ и Смольнянъ приказалъ побросать кого въ погребъ, кого въ гридницу, гдѣ они большею частью и задохлись; онъ сначала думалъ отсидѣться, но услышавши, что Мстиславъ со своими союзниками и Новгородцами уже не далеко, такъ перепугался, что началъ просить мира, сперва черезъ посланниковъ, а потомъ самъ поѣхалъ къ Кон-

стантину и, униженно кланаясь, говорилъ ему: „господине! я въ твоей волѣ, дѣлай что хочешь, только не выдай меня тестю моему Мстиславу и его брату Владимиру, а самъ, брате, накорми меня хлѣбомъ“. Мстиславъ, видя покорность и полное униженіе Ярослава, не пошелъ далѣе къ Переяславлю, и взявъ богатые дары, и вытребовавъ у Ярослава его жену, свою дочь, и всѣхъ задержанныхъ Новгородцовъ съ ихъ товарами, а равно и тѣхъ, которые были съ Ярославомъ въ полку, заключилъ миръ на всей своей волѣ, и съ богатою добычею отправился назадъ въ Новгородъ, а союзники его также пошли по домамъ.

Впрочемъ побѣда и торжество надъ Ярославомъ еще не уничтожили Суздальщинской партіи въ самомъ Новгородѣ, тамъ даже посадникомъ сидѣлъ Суздальщинецъ Юрій Ивановичъ, у котораго отняли посадничество только по возвращеніи Мстислава изъ похода; потомъ, когда на другой годъ Мстиславъ, по своимъ дѣламъ, долженъ былъ на время отправиться въ Кіевъ, то счелъ за нужное взять съ собою, какъ бы въ заложники, предводителей Суздальщинской партіи: Юрія Иванковича, бывшаго посадника, Сбыслава Степанича и Олексу Путилича. А возвратившись изъ Кіева, Мстиславъ схватилъ и заключилъ въ оковы двухъ знаменитыхъ Суздальщинцевъ — Станимира Дерновича и его сына Нѣздилу, и забралъ ихъ товары; Впрочемъ Станимиръ и Нѣздила скоро были отпущены, можетъ быть оправдавшись передъ княземъ. Но очевидно

Суздальщинская партія въ это время преимущественно гнѣздилась въ Торжкѣ, куда въ 1218 году и ѣздили Мстиславъ; онъ захватилъ тамъ много бояръ и между ними знаменитаго богача Борислава Некуришинича, котораго впрочемъ скоро отпустилъ, взявъ у него множество товара. Возвратившись изъ Торжка, Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „Клянися св. Софїи и гробу отца моего и вамъ, хочу поискать Галича, а васъ не забуду, дай Богъ лечи у отца и у св. Софїи“. Тщетно Новгородцы умоляли его не оставлять Новгорода; онъ настоялъ на своемъ, и поклонившись народу, отправился искать Галича и болѣе уже не возвращался въ Новгородъ.

Князь Свято-
славъ, сынъ
Смоленскаго
князя.

Съ удаленіемъ Мстислава, Суздальщинская партія стала дѣйствовать смѣлѣе; еще Мстиславъ, кажется, не успѣлъ выѣхать изъ Новгорода, какъ туда возвратился Суздальщинецъ архіепископъ Митрофанъ, удаленный народною партіею при Мстиславѣ; впрочемъ на первый разъ самовольное возвращеніе Митрофана кончилось тѣмъ что его не выгнали изъ Новгорода и приказали жить въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, Антоній же по прежнему оставался архіепископомъ. По отбытіи Мстислава народная партія, руководимая знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ, на столько была еще сильна, что за княземъ Новгородцы послали не въ Суздаль, а въ Смоленскъ, откуда и привели Мстислава двоюроднаго племянника Святослава Мстиславича. Но этотъ князь, хотя и не Суздальскій,

не могъ замѣнить Мстислава, что скоро замѣтили Суздальщичи и подняли въ Новгородѣ мятежъ. Дѣло началось такъ: въ первый же годъ Святославова княженія, зимою, одинъ Суздальщичинецъ Матвѣй Душильевичъ, связавъ ябеднича бирича Мосѣйца, бѣжалъ изъ Новгорода; но его нагнали и свели къ князю на Городище, подъ стражу; а на другой день Суздальщичи распустили по городу ложный слухъ, что посадникъ Твердиславъ выдалъ князю Матвѣя, и въ ночь зазвонили тревогу сперва на торговой сторонѣ Онополовичи, у церкви св. Николая, а потомъ въ Неревскомъ концѣ у церкви Сорока Святыхъ, и стали собирать народъ на Твердислава. По утру князь, услышавъ шумъ и мятежъ въ городѣ, отпустилъ Матвѣя Душильевича, думая тѣмъ умирить народъ. Но дѣло шло не на миръ; Матвѣй Душильевичъ, освобожденный княземъ, тутъ же соединился съ своими и повелъ Онополовичанъ и Неревлянъ отъ мала до велика, а Твердиславъ повелъ на битву Людинъ конецъ и Прусовъ, пятый же конецъ, Загородцы не пристали ни къ той, ни къ другой сторонѣ, выжидая кто одолѣетъ. Твердиславъ передъ самою битвою, выступивъ напередъ, обратился къ церкви св. Софїи и сказалъ: „аже буду виноватъ, да буду ты мертвъ, буду ли правъ, а ты мя прави, Господи“. Въ слѣдъ за тѣмъ началась сѣча у городскихъ воротъ, въ которой Твердиславъ оказался дѣйствительно правымъ; Онополовичи и Неревляне были разбиты и обратились въ бѣгство, оставивъ убитыми нѣсколькихъ изъ своихъ и въ томъ

числѣ Матвѣева брата Ивана Душилъевича. Это было 27 января 1218 года. Но дѣло тѣмъ не кончилось, послѣ битвы на улицахъ еще цѣлую недѣлю продолжались шумныя вѣча; впрочемъ Людинцы и Прусы, побѣдивъ въ битвѣ, перекричали и на вѣчахъ; такъ что когда Святославъ, непонимая путемъ положенія дѣлъ, прислалъ на вѣче своего тысяцкаго сказать: „не могу быть съ Твердиславомъ и отнимаю у него посадничество“, то та и другая партія единодушно вступились за Твердислава и потребовали отъ князя, чтобъ онъ объявилъ, по какой винѣ лишаетъ его посадничества. И когда князь сказалъ: „безъ вины“, то всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: „Княже! оже нѣту вины его, ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа волости не лишити; а тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, мы его не выдадимъ“. Послѣ чего обѣ партіи, какъ уже заключившія между собою миръ и цѣловавшія другъ другу крестъ, разошлись спокойно; а Твердиславъ, какъ правый по признанію самого князя и всего народа, остался по прежнему посадникомъ.

Князь Всеволодъ Мстиславичъ, братъ Святослава.

Послѣдняя побѣда Твердислава и народной партіи, въ битвѣ на улицахъ и на вѣчѣ, такъ была сильна, что когда на другой годъ Кіевскій князь Мстиславъ Романовичъ прислалъ въ Новгородъ своего младшаго сына Всеволода, а Святослава потребовалъ къ себѣ въ Кіевъ; то всѣ безпрекословно исполнили его волю, отпустили Святослава и приняли Всеволода, о приглашеніи же князя изъ Суздальской земли не было и помину. Но и Всеволодъ,

подобно Святославу, неумѣлъ ладить съ Новгородцами, и не по самовластію, а именно потому, что не зналъ какой держаться партіи; и въ слѣдствіе этого при немъ, какъ и при Святославѣ, опять начались междоусобія и споры, поднимаемые Суздальщичами. Зимой того же (1219) года одинъ Суздальщичинецъ, Семьюнъ Еминъ, съ четырьмястами дружины отправился на Тоймакары, куда должно было идти сквозь Суздальскую землю. Князья Суздальскіе, Юрій и Ярославъ, дѣйствовавшіе за одно съ Суздальщинскою партіею, не пропустили Семьюна чрезъ свою землю. Семьюнъ возвратился въ Новгородъ въ лодьяхъ, и расположившись шатрами на полѣ, началъ смущать народъ, распуская нелѣпные слухи, что посадникъ Твердиславъ и тысяцкій Якунъ нарочно напередъ заслали къ Юрію, чтобы онъ не пропускалъ Семьюнову дружину въ Тоймакары. А между тѣмъ въ это время не было въ Новгородѣ ни князя Всеволода, ни посадника Твердислава, они находились въ походѣ на Эстонскую Чудь; пользуясь такимъ случаемъ, Суздальщичи, по наговорамъ Семьюна, взбунтовали народъ, и отнявъ посадничество у Твердислава, передали Суздальщичу Семену Борисовичу, внуку Мирошкину, а вмѣсто Якуна сдѣлали тысяцкимъ самого Семьюна Емина, а въ слѣдъ за тѣмъ, пользуясь отъѣздомъ, по святительскимъ дѣламъ въ Торжекъ, архіепископа Антонія, объявили Новгородскимъ владыкою Митрофаномъ, проживавшаго въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, а къ Антонію послали сказать:

„иди куда хочешь“. Впрочемъ съ возвращеніемъ князя и Новгородской рати изъ Эстонскаго похода, дѣла приняли другой оборотъ: народная партія снова усилилась и на созванномъ вѣчѣ одолѣла своихъ противниковъ и, по приговору вѣча, Твердиславъ опять былъ объявленъ посадникомъ, а Якунъ тысяцкимъ, Семень же Борисовичъ и Семьюнъ Еминъ лишены должностей, данныхъ имъ Суздальщинами.

Но недолго торжествовалъ и Твердиславъ съ народною партіею. На другой (1220) годъ, князь Всеволодъ, по своимъ дѣламъ, ѣздилъ въ Смоленскъ и на возвратномъ пути заѣзжалъ въ Торжокъ, это тогдашнее гнѣздо Суздальщинцовъ, гдѣ, по всему вѣроятію, сошелся съ Суздальщинами, и возвратясь въ Новгородъ, началъ искать головы посадника Твердислава, считая его опаснымъ для себя врагомъ, какъ постоянного защитника вольностей Новгородскихъ и упорнаго противника Суздальщинамъ. Но Всеволодъ вовсе не умѣлъ повести этого, вообще не легкаго, дѣла; онъ, зная изъ опыта своего брата Святослава, что вѣче не откажетъ Твердиславу отъ посадничества, придумалъ съ своими сторонниками силою напасть на любимаго народомъ посадника и убить его; это ему тѣмъ болѣе казалось удобнымъ, что Твердиславъ тогда былъ боленъ и лежалъ въ постелѣ. Принявши такой планъ, Всеволодъ со всею своею дружиною, въ полномъ вооруженіи, приготовясь какъ бы на рать, выступилъ изъ Городища, этого обычнаго княжаго мѣстопробыванія въ Новгородѣ, и такимъ образомъ всту-

пиль на Ярославль дворъ, это законное мѣсто Новгородскаго вѣча. Но вмѣсто вѣча, онъ тамъ нашелъ только своихъ вооруженныхъ сторонниковъ Суздальщинцовъ, которые тутъ же соединились съ нимъ и стали полкомъ на княжескомъ дворѣ. Больной же Твердиславъ приказалъ везти себя въ саняхъ къ церкви Бориса и Глѣба, гдѣ немедленно собрались около его Людинъ конецъ, Прусы и Загородцы, составлявшіе народную партію, и въ полномъ оружіи стали стройными пятью полками около больного своего предводителя, приготовившись защищать его во чтобы то ни стало. Но до битвы дѣло не дошло; ибо князь, увидавши, что народная партія очень сильна и рѣшилась крѣпко постоять за свое дѣло, не осмѣлился выступить изъ своего двора, а выслалъ для переговоровъ Суздальщину архіепископа Митрофана. Этотъ хитрый старецъ такъ ловко умѣлъ обдѣлать княжее порученіе, что незамѣтно далъ такой перевѣсъ Суздальщинской партіи, какого она никакимъ образомъ не могла бы добыть оружіемъ. Митрофанъ, пользуясь саномъ духовнаго пастыря всѣхъ Новгородцовъ, объявилъ собранному народу, что князь соглашается на все доброе и подтвердить свои обѣщанія крестнымъ дѣлованіемъ, и что самъ онъ, какъ пастырь церковный, прежде всего заботится о христіанской любви и примиреніи всѣхъ гражданъ. Противъ такихъ рѣчей архипастыря спорить было не кому; народная партія всегда искала мира, а предводитель ея, больной Твердиславъ, уже охладѣлъ къ тревогамъ земной жизни, и помышлялъ

о жизни загробной, какъ предстать суду Божию. Все это стараніями Митрофана дало такой оборотъ дѣлу, что партіи примирились; князь и Твердиславъ сошлись и цѣловали другъ другу крестъ; и тутъ же, по болѣзни, Твердиславъ отказался отъ посаденчества и, чувствуя себя все слабѣе и слабѣе, черезъ семь недѣль, тайно отъ жены и семейства, удалился въ Аркадіевъ монастырь и постригся въ монахи. Миръ, устроенный Митрофаномъ и удаленіе Твердислава, подняли Суздальщинскую партію, и она на первый разъ заявила свою силу тѣмъ, что на мѣсто удалившагося Твердислава, выбрала въ посадники Иванка Дмитровича, Якунова внука, а на другой годъ показала путь и самому князю Всеволоду. Народное вѣче, въ 1221 году, подговоренное Суздальщинцами, прямо сказало Всеволоду: „Княже! мы тебя не желаемъ, иди куда хочешь“. И Всеволодъ, неимѣя опоры въ народной партіи за вражду противъ Твердислава, удалился къ своему отцу въ Кіевъ.

Князь Всеволодъ Юрьевичъ.

Суздальщинцы, удаливъ Всеволода Мстиславича, естественно должны были обратиться за княземъ въ Суздальскую землю; но притѣсненія, которыя вытерпѣлъ народъ отъ Ярослава, были еще такъ памятны для Новгорода, что нелегко было убѣдить Новгородцовъ, чтобы они согласились искать себѣ князя въ Суздальской землѣ. А посему только на другой годъ архіепископъ Митрофанъ и посадникъ Иванко Дмитровичъ съ старѣйшими мужами были отправлены во Владимиръ Суздальскій къ та-

мошнему князю Юрію Всеволодовичу просить у него сына въ князья Новгородскіе. Юрій, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ ихъ съ честію, ода-рилъ богатыми дарами и отпустилъ съ ними сво-его сына Всеволода на всей воли Новгородской, а въ слѣдъ за тѣмъ прислалъ своего брата Свято-слава съ помощными полками для войны въ Ливо-ніи. Новгородцы были очень довольны Всеволо-домъ и миромъ съ Суздальскою землею, который имъ былъ необходимъ для торговли съ Востокомъ. Но Юрій вовсе не думалъ помогать развитію Нов-городской торговли, а напротивъ имѣлъ желаніе сколько возможно тѣснить Новгородъ, чтобы со-вершенно подчинить его Суздальской землѣ; а по сему Всеволодъ, по его тайному приказу, не про-живъ и года, ночью ушелъ изъ Новгорода со всѣмъ своимъ дворомъ. Новгородцы, крайне опечаленные удаленіемъ Всеволода, отправили новое посольство къ Юрію, конечно по настоянію Суздальщинской партіи, это посольство отъ имени Новгорода ска-зано Юрію: „ежели тебѣ неуютно держать Новго-рода сыномъ, а дай намъ своего брата“ Юрій не противорѣчилъ этой просьбѣ и отпустилъ къ Нов-городцамъ на всей ихъ воли, ихъ прежняго князя Ярослава Переяславскаго.

Торжествующая Суздальщинская партія съ ра-
достію приняла Ярослава, своего прежняго покрови-
теля; но Ярославъ былъ недоволенъ тѣмъ, что
его приняла княземъ на всей воли Новгородской,
ему хотѣлось княжить въ Новгородѣ на своей во-

Ярославъ
Всеволодо-
вичъ.

ли, также какъ въ Переяславлѣ. А посему онъ, сдѣлавъ два похода на Литву и Чудь, и выбравши на мѣсто умершаго Митрофана въ архіепископы чернеца Хутынскаго монастыря Арсенія, уѣхалъ съ женою и дѣтьми въ Переяславль. Новгородцы, руководимые Суздальщинскою партією, снова отправили посольство къ Юрію Владимірскому просить, чтобы онъ прислалъ къ нимъ своего сына; и Юрій опять прислалъ Всеволода.

**Всеволодъ
опять.**

Но Всеволодъ на этотъ разъ пріѣхалъ въ Новгородъ (1224 г.) не за тѣмъ, кажется, чтобы княжить тамъ въ любви и согласіи съ Новгородомъ, а за тѣмъ только, чтобы высмотрѣть положеніе Новгородскихъ партій и условиться съ Суздальщичами; а посему вскорѣ по пріѣздѣ тайно ночью ушелъ со всѣмъ своимъ дворомъ въ Торжекъ, чтобы оттуда морить Новгородцовъ голодомъ, подобно тому, какъ это дѣлалъ десять лѣтъ назадъ дядя его Ярославъ. Тайное удаленіе Всеволода въ Торжекъ, очевидно, было сдѣлано по напередъ заготовленному плану и по приказу Юрія; ибо въ слѣдъ за Всеволодомъ пришли въ Торжекъ съ своими полками самъ Юрій, братъ его Ярославъ Переяславскій, племянникъ Василько Ростовскій и шуринъ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій. Новгородцы, услышавши о такой сильной рати, отправили къ Юрію двухъ мужей съ просьбою, чтобы отпустилъ Всеволода въ Новгородъ, а самъ вышелъ изъ Торжка. Юрій, ращитывая на свою партію въ Новгородѣ, далъ такой отвѣтъ посламъ: „выдайте мнѣ моихъ

противниковъ (конечно предводителей народной партіи) Якима Иванковича, Никифора Тудоровича, Иванка Тимошкинича, Нѣздилу Савиновича и Вячерадка; не выдадите ли, а я поилъ есмь кони Тхверью, а еще Волховомъ напою“. Такой гордый отвѣтъ, конечно, данъ былъ съ расчетомъ запугать Новгородцовъ; но дѣло вышло наоборотъ. Новгородцы, вмѣсто того, чтобы сробѣть отъ такого отвѣта, опомнились, прекратили всѣ внутренніе раздоры, забыли о партіяхъ и всѣ, какъ одинъ человекъ, поклялись умереть за св. Софію и Великій Новгородъ. Опасность явилась столь близкою, что даже Суздальщичи замолкли и пресоединились къ народной партіи; любовь къ родинѣ еще такъ была велика, что передъ ней исчезали всѣ другіе расчеты. Посадникъ Иванко Дмитровичъ, потомокъ знаменитаго Мирослава Гюрятинича, перваго выборнаго посадника въ Новгородѣ, принялся за укрѣпленіе города, немедленно были собраны войска со всѣхъ волостей, засѣкли дороги и выставили на нихъ сторожевые отряды; а къ Юрію послали сказать: „княже! кланяемтся, а братья своей невыдаваимъ, а крови не проливай, пока ли твой мечъ, а наши головы“. Юрій, узнавши о томъ, что Новгородцы поклялись умереть за свою свободу, и боясь потерпѣть такое же пораженіе, какое лѣтъ 16-ть тому назадъ потерпѣлъ на Липецкомъ бою, умѣрилъ свою надмѣнность, отправилъ съ Новгородскими послами своихъ мужей и Михайлова тысяцкаго Романа, и велѣлъ скавать Новгородцамъ: „возмите у

меня въ князя шурина моего Михаила". Новгородцы согласились на это и прислали своихъ мужей за Михаиломъ; а Юрій съ своими союзниками, скрѣпя сердце, вышелъ изъ Торжка, и на возвратномъ пути въ свою землю съ досады много надѣлалъ опустошеній въ Новгородской области и взялъ съ самаго Новгорода 7000 рублей окупа.

Князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій.

Новгородцы съ радостію приняли своего новаго князя Михаила Всеволодовича, да и было чему радоваться, онъ былъ истый Новгородскій князь; по словамъ лѣтописи, „при немъ было легко по волости Новгороду“. Онъ прежде всего уничтожилъ всѣ нововведенія и налоги, введенные передъ тѣмъ Суздальскими князьями, и началъ княжить такъ, какъ желательно было Новгородцамъ, какъ требовали ихъ изконные уставы. Мало этаго, онъ въ тотъ же (1225) годъ, какъ прибылъ въ Новгородъ, поѣхалъ съ Новгородскими мужами къ Юрію Владимірскому ходатайствовать о возвращеніи товаровъ и плѣнниковъ, захваченныхъ Юріемъ въ Торжкѣ и другихъ Новгородскихъ владѣніяхъ; и такъ успѣлъ въ своемъ ходатайствѣ, что Юрій возвратилъ все захваченное имъ во время послѣдней ссоры съ Новгородцами. Но недолго любимый князь княжилъ въ Новгородѣ, дѣла роднаго юга отзывали его въ Черниговъ; и онъ, возвратясь отъ Юрія, собралъ вѣче и сказалъ Новгородцамъ: „не хочу у васъ княжить, иду въ Черниговъ, гостей ко мнѣ пускайте, а ваша земля также какъ и моя“. Новгородцы умаливали его остаться, но не могли умолить и проводили съ честію

Оставшись безъ князя, Новгородцы опять обратились къ Юріеву брату Ярославу Переяславскому и отправили къ нему посольство въ Переяславль; а между тѣмъ избраннаго прежде Суздальщинцами въ архіепископы инока Арсенія принудили удалиться въ Хутынь монастырь, а на владыченъ дворъ ввели любимаго народомъ прежняго архіепископа Антонія, шесть лѣтъ тому назадъ удаленнаго Суздальщинцами, а теперь только что возвратившагося въ Новгородъ изъ Перемышля. Очевидно, что не смотря на приглашеніе князя изъ Суздальской земли, Суздальщинская партія была еще не очень сильна въ Новгородѣ; но Ярославъ, прибывши по приглашенію, скоро поправилъ дѣла своей партіи, и послѣ двухъ удачныхъ походовъ на Емь и Литовцовъ, грабившихъ около Торжка, такъ усилилъ Суздальщинскую партію, что народный любимецъ архіепископъ Антоній, не дожидаясь изгнанія, самъ оставилъ владыченъ дворъ и удалился въ Хутынь монастырь, а Суздальщинцы опять возвели на владыченъ дворъ Ярославова избранника инока Арсенія. Впрочемъ и народная партія недумала еще уступить своимъ противникамъ, неимѣя возможности явно дѣйствовать въ самомъ Новгородѣ, предводители народной партіи съ нѣкоторыми изъ своихъ сторонниковъ удалились во Псковъ, чтобы тамъ не на виду у своихъ противниковъ собраться съ силами, и оттуда уже дѣйствовать на самый Новгородъ, гдѣ конечно еще много оставалось сочувствующихъ ихъ дѣлу.

Князь Яро-
славъ Всево-
лодовичъ.

Ярославъ, провѣдавши о такомъ замыслѣ, поспѣшилъ было съ посадникомъ Иванкомъ и тысяцкимъ Вячеславомъ во Псковъ; но Псковичи, увѣдомленные объ этомъ изъ Новгорода, заперли передъ нимъ ворота и онъ, простоявъ нѣсколько дней на Дубровнѣ, принужденъ былъ воротиться назадъ. Воротившись въ Новгородъ, Ярославъ созвалъ вѣче на владычнемъ дворѣ (1228 г.) и началъ жаловаться народу, что Псковичи его обезчестили, что онъ вовсе немыслилъ на нихъ зла, а напротивъ везъ имъ въ коробьяхъ дары, паволоки и овощи; но жалоба эта не имѣла успѣха, вѣче не сдѣлало никакого распоряженія въ пользу князя. Тогда Ярославъ придумалъ повести дѣло иначе, онъ вызвалъ къ себѣ полки изъ Переяславля и сказалъ народу, что хочетъ идти на Ригу. Прибытіе Переяславскихъ полковъ и квартированіе ихъ лагеремъ около городища и по дворахъ на Славянской улицѣ произвело большую дороговизну на съѣстные припасы и тѣмъ раздражило народъ. А между тѣмъ Псковичи, главные противники Ярослава, получивши изъ Новгорода вѣсть о прибытіи Переяславскихъ полковъ, и зная, что полки сіи собраны собственно противъ нихъ, заключили съ Ригею миръ и союзъ отдѣльно отъ Новгорода, взаимно обязались помогать другъ другу и дали заложниковъ. Ярославъ, видя тайное неразположеніе къ себѣ Новгородцовъ и явное вооруженіе Псковичей, продолжалъ хитрить и отправилъ во Псковъ посольство съ такими рѣчьми: „пойдите со мною на путь (на

Ригу), а я зла на васъ не мыслилъ ни котораго, и выдайте мнѣ тѣхъ, которые оклеветали меня передъ вами“. Въ отвѣтъ на Ярославово посольство Псковичи сами отправили къ нему посломъ одного Гречина, который по наказу отъ лица всѣхъ Псковичей сказалъ Ярославу и Новгородцамъ: „кланяемся тебѣ, князь, и своей братии Новгородцамъ, а въ походъ неидемъ и братии своей не выдаемъ, съ Рижанами мы взяли миръ и изъ за васъ нарушать его не хотимъ. Вы уже не разъ насъ выдавали: ходили къ Колываню и взяли съ Колыванцевъ серебро, и сами ушли не взявши города и непомирившись путемъ съ Колыванцами; были также у Кеси и у Медвѣжей Головы, много повоевали и пограбили и ушли домой съ богатою добычею, не сотворивши мира; а нашу братью побили за то на озерѣ, а иныхъ увели въ плѣнъ, вы же задравши ушли прочь и оставили насъ однихъ. Или вы что удумали на насъ? то мы противъ васъ со св. Богородицею и съ поклономъ, уже лучше вы изсѣките насъ и возьмите нашихъ женъ и дѣтей, а не выдайте поганымъ, въ томъ вамъ кланяемся“. Выслушавши эту рѣчь Псковскаго посла, Новгородцы наотрѣвъ отказали Ярославу въ походъ на Ригу: „неидемъ на Ригу безъ своей братии Псковичей, отвѣчало вѣче, а тебѣ, князь, кланяемся“. Видя неудачу, Ярославъ отпустилъ Переяславскіе полки домой, а въ слѣдъ за ними и самъ съ своею женою ушелъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей Θεодо-

ра и Александра съ бояриномъ Теодоромъ Даниловичемъ и тїуномъ Якимомъ.

Ярославъ своимъ отъѣздомъ думалъ смутить Новгородцовъ, онъ ждалъ, что въ слѣдъ за нимъ начнутся въ Новгородѣ безпорядки и смятенія и Новгородцы сами поклонятся ему. И дѣйствительно ожиданія Ярослава частію сбылись, смятенія начались, но только не въ его пользу. Съ Успеньева дни были страшные дожди, продолжавшіеся до Николина дня зимняго, такъ что не было ни одного яснаго дня и нельзя было ни собрать сѣна, ни обработывать нивъ. И простой народъ зашумѣлъ и собралъ вѣче; но это вѣче собралось на Суздальщинцовъ, Ярославовыхъ сторонниковъ, и на перваго изъ нихъ инока Арсенія, избраннаго Ярославовою партіею въ архіепископы. Прямо съ вѣча народъ отправился на владычень дворъ, толпа завопила: „изъ за него такъ долго стоитъ тепло, онъ выпроводилъ владыку Антонія въ Хутынъ монастырь и самъ сѣлъ на владычемъ столѣ, давши мзду князю“. Арсеній едва успѣлъ скрыться въ церкви св. Софїи, его чуть неубили, толкая въ шею за воротъ; и на другой день торжественно ввели Антонія на владычень дворъ, и по немощи посадили къ нему двухъ помощниковъ Якуна Моисеевича и Никифора Щитника. Арсенія же отправили па Хутынъ. Управившись съ Арсеніемъ. народная партія принялась за другихъ сторонниковъ Ярославовыхъ. Снова собралось вѣче, возсталъ весь городъ, и прямо съ вѣча въ оружіи пошли на ты-

сяцкаго Вячеслава и разграбили его домъ и дома другихъ Ярославовыхъ пріятелей, Вячеславова брата Богуслава, владычня стольника Андрея, Софійскаго стольника Давыдки и Судимира; и потомъ послали грабить домъ Липиськаго старосты Душильца, а самаго повѣсить. Но и тѣмъ дѣло не кончилось, общій мятежъ еще только разгарался; Суздальщинцы недумали оставаться безгласными жертвами, они также успѣли вооружиться и укрѣпиться въ своихъ улицахъ на торговой сторонѣ. Но страшное наводненіе 8-го декабря разнесло Волховскій мостъ, и такимъ образомъ раздѣлило враждующія стороны, и мятежъ по неволѣ улегся. Торжествующая народная партія отняла тысяцкое у Вячеслава и дала своему стороннику Борису Негочевичу, а къ Ярославу отъ лица всего Новгорода послала сказать: „поѣзжай къ намъ, княже, но напередъ откажись отъ всѣхъ новинъ, которыя ты затѣялъ, преступивъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, не посылай своихъ судей по волостямъ, на всей нашей воли и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь. А ежели не такъ, то ты себѣ, а мы себѣ“. Въ отвѣтъ на это Ярославовы намѣстники Ѳеодоръ Даниловичъ и тиунъ Якимъ. конечно по приказу князя, тайно ночью бѣжали изъ Новгорода и увезли съ собою малолѣтнихъ княжичей Ѳеодора и Александра. И тѣмъ кончилось на этотъ разъ княженіе Ярослава въ Новгородѣ, продолжавшееся слишкомъ три года

Князь Миха-
илъ Всеволо-
довичъ Чер-
ниговскій.

На утро послѣ бѣгства княжичей собралось вѣче, и на этомъ вѣчѣ разсудили: „должно быть князь задумалъ какое нибудь зло на св. Софію, и отъ того побѣжалъ, а мы ихъ не гнали и князю не сдѣлали никакого зла, казнили только свою братью; да судить имъ въ томъ Богъ и честный крестъ, а мы промыслимъ себѣ князя“. И тутъ же на вѣчѣ всѣмъ миромъ дѣловали икону св. Богородицы, чтобы быть всѣмъ заодно, и послали въ Черниговъ за княземъ Михаиломъ Всеволодовичемъ Хота Станимировича и Гаврилу съ Лубяницы. Это посольство перехватилъ князь Смоленскій, по просьбѣ Ярослава занявшій всѣ дороги изъ Новгорода; впрочемъ Михаилъ, бывшій тогда на Брыни, какъ то провѣдалъ, что Новгородскіе послы перехвачены въ Смоленскѣ, и не дожидаясь новаго приглашенія, наскоро примчался въ Торжокъ на вербное воскресенье (1229 года), а въ концѣ Оминой недѣли прибылъ въ Новгородъ и дѣловалъ крестъ народу, — княжить на всей воли Новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ. Михаилъ принесъ съ собою миръ и тишину, которыхъ уже давно не было въ Новгородѣ, смущенномъ происками Суздальщинской партіи, состоявшей подъ покровительствомъ Ярослава. Милосердуя къ крестьянамъ, Михаилъ возобновилъ старый законъ, чтобы крестьяне, перешедшіе на новую землю, пять лѣтъ были свободны отъ платежа даней, а платили бы только тѣ, которые живутъ на старой землѣ, какъ установили прежніе князи. Съ прибытіемъ Михаила Новгородцы, т. е. народная партія, тог-

да господствовавшая, принялась за своихъ противниковъ Суздальщинцовъ, пріятелей Ярослава, впрочемъ не прибѣгая ни къ мятежу, ни къ грабительству; ибо пріятели Ярослава безъ шума, мирно, по приговору вѣча были обложены особымъ поборомъ на построение моста черезъ Волховъ, который въ прошедшемъ году былъ разрушенъ наводненіемъ, и въ тоже время, можетъ быть по приговору того же вѣча, отняли посадничество у Иванка Дмитровича и передали Внѣзду Водовику, кажется по желанію князя Михаила, а Иванку дали Торжокъ. Потомъ князь Михайлъ Всеволодовичъ, по совѣту съ вѣчемъ, приступилъ къ избранію архіепископа; ибо любимый народомъ владыка Антоній былъ очень старъ и боленъ, и уже лишился языка. Избраніе новаго архіепископа было сдѣлано по старымъ Новгородскимъ порядкамъ; сперва были избраны три кандидата, потомъ имена трехъ избранныхъ, написавши на жеребьяхъ, положили на св. трапезу въ храмъ Софіи, и послали Михайлова сына, княжича Ростислава, вынуть жеребій, и вынулся жеребій Спиридона, чернеца Юрѣева монастыря, котораго и посадили на владычнемъ дворѣ.

Вскорѣ по избраніи архіепископа князь Михайлъ Всеволодовичъ пошелъ въ Черниговъ и взялъ съ собою шесть человекъ знатныхъ Новгородцовъ, какъ бы въ залогъ вѣрности всѣхъ гражданъ, а въ Новгородѣ оставилъ своего малолѣтняго сына Ростислава. На прощаньи Михайлъ сказалъ народу: „Дай Богъ мнѣ исправить правду Новгородскую и по-

томъ взять отъ васъ сына“. Исправить Новгородскую правду въ настоящей рѣчи Михаила значило, — раздѣлаться съ Ярославомъ, который еще не давалъ мира Новгороду. Чтобы исправить эту Новгородскую правду, Михаилъ тутъ же съ вѣча отправилъ къ Ярославу посланниковъ Нѣздилу Прокшинича и Иванка Тудоровича, которые, пріѣхавши въ Переяславль, отъ имени Новгорода и князя сказали Ярославу: „отступися Волока и что взялъ силою въ Новѣгородѣ, и цѣлуй на томъ крестѣ“. Ярославъ съ насмѣшкою отвѣчалъ на это: „я не отступаюсь отъ того, чѣмъ завладѣлъ, и креста не цѣлую, а вы сами по себѣ и я самъ по себѣ“, и держалъ пословъ цѣлое лѣто. Такимъ образомъ Михаилово и Новгородское посольство не удалось и для возстановленія Новгородской правды слѣдовало начать войну съ Ярославомъ; но Михаилу было все не до войны съ Ярославомъ за Новгородъ, у него уже началась война съ Мономаховичами Кіевскими и Смоленскими изъ за роднаго Чернигова. А по сему хотя онъ въ слѣдующемъ 1230 году и пріѣзжалъ на короткое время въ Новгородъ и обѣщалъ Новгородцамъ осенью ко дню воздвиженія честнаго креста явиться съ Черниговскими полками и идти вмѣстѣ на Ярослава, и требовать у него мира и Новгородской правды; но Черниговскія дѣла къ тому времени такъ запутались, что ему нельзя было и подумать объ исполненіи обѣщаннаго похода.

Между тѣмъ въ слѣдъ за отъѣздомъ Михаила въ Новгородѣ начались мятежи и ссоры. Суздальщичи, сдерживаемые прежде присутствіемъ князя, теперь зашумѣли и стали волновать народъ. Дѣло началось ссорю Степана Твердиславича и Иванка Тимошкинича съ посадникомъ Водовикомъ. На первый разъ посадничьи слуги побили Иванка на Городищѣ; а на другой день Иванко собралъ вѣче изъ своихъ сторонниковъ на Ярославовомъ дворѣ, и прямо съ вѣча съ своими пріятелями пошелъ и разграбилъ дворъ посадника; съ своей стороны посадникъ Водовикъ вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ подняли весь городъ на Иванка и Якима Влунковича и другихъ Суздальщичовъ, и прямо съ вѣча пошли грабить ихъ дворы, сожгли дворъ Прокши Лашнева, а Якимъ Влунковичъ убѣжалъ къ Ярославу, другіе же попрятались, но потомъ опять были захвачены и по приведеніи къ присягѣ отпущены; впрочемъ Водовикъ опять схватилъ Иванка Тимошкинича и приказалъ утопить въ Волховѣ, а еще прежде по приказу посадника на самомъ вѣчѣ убили Волоса Блуткинича, хотѣвшаго жечь Водовиковъ дворъ. Но эта рѣзня и грабежъ не усмирили Суздальщичовъ, а только болѣе озлобили ихъ; къ тому же появилось новое страшное бѣдствіе, — голодъ со всѣми своими ужасами. Морозъ, бывшій на праздникъ воздвиженія честнаго креста, побилъ весь хлѣбъ и стали покупать кадь ржи по 20 и 25 гривенъ кунями; такая дороговизна заставила многихъ бѣдняковъ разбѣжаться по другимъ городамъ, а остав-

шіеся умирали голодною смертію; такъ что трупы валялись по улицамъ и собаки грызли младенцевъ. Архієпископъ Спиридонъ на свои деньги построилъ скудельницу и приказалъ одному честному мужу иконнику Станилѣ ѣздить по городу, собирать мертвецовъ и хоронить въ скудельницѣ, въ которую скоро натаскали 3030 труповъ и наполнили ее до верха. Княжичъ Ростиславъ въ посадникомъ Водовикомъ 8-го декабря уѣхали въ Торжокъ, а на другой день Суздальщичи начали мятежъ, убили Водовикова пріятеля Семена Борисовича, разграбили его домъ и села и захватили жену, потомъ разграбили дворы и села Водовика, его брата Михаля, Даньслава, Бориса тысяцкаго, Творимирича и много иныхъ дворовъ. Посадникъ Водовикъ, услышавши о Новгородскомъ мятежѣ, бѣжалъ съ своею братією прямо изъ Торжка въ Черниговъ, туда же пустились и тысяцкій Борисъ съ Новоторжцами своей партіи; а Суздальщичи въ Новѣгородѣ дали посадничество и тысяцкое своимъ предводителямъ Степану Твердиславичу и Никитѣ Петриловичу, имѣніе же Водовика и Семена Борисовича роздали чернымъ людямъ по сотнямъ въ раздѣлъ, что бы ихъ привлечь на свою сторону, и въ слѣдъ за тѣмъ отказали княжичу Ростиславу и, отпуская его къ отцу въ Черниговъ, сказали: „отецъ твой далъ слово и крестъ цѣловалъ съѣсть на конь и ийти на войну съ Здвиженья, а се уже Николинъ день; съ насъ крестное цѣлованье, а ты поди прочь, мы себѣ князя промыслимъ“. И послали звать Ярослава Переяславскаго на всей воли Новгородской.

Ярославъ по зову своей партіи, конечно отъ ли- Князь Яро-
ца всего Новгорода, не замедлилъ явиться и 30 де- славъ Всево-
кабря 1230 года былъ уже въ Новгородѣ, и со- лодовичъ Пе-
реяславскій.
бравъ вѣче, цѣловалъ икону св. Богородицы на томъ,
что будетъ княжить на всѣхъ грамотахъ Ярослав-
лихъ, т. е. по старымъ Новгородскимъ обычаямъ;
но это было только на словахъ, чтобы успокоить
народъ, на дѣлѣ же онъ и не думалъ слѣдовать Нов-
городскимъ обычаямъ и, проживъ въ Новгородѣ толь-
ко двѣ недѣли, уѣхалъ въ свой Переяславль и увезъ
съ собою лучшихъ мужей, представителей народной
партіи, которыхъ считалъ опасными для своей вла-
сти, а въ Новгородѣ оставилъ своихъ сыновей Тео-
дора и Александра. Между тѣмъ какъ богачи и Страшный
сильные люди спорили между собою, возмущали голодь.
черныхъ людей, производили грабежи и убійства и
мѣняли князей, бѣдный народъ погибалъ отъ голо-
да, хлѣбъ день отъ дня все дорожалъ и дошелъ до
небывалой цѣны по гривнѣ серебра (около фунта)
за четверть ржи; подвоза ни откуда не было. Яро-
славъ, чтобы въ конецъ ослабить и смирить Нов-
городъ, задерживалъ всѣ обозы, идущіе въ Новго-
родъ. Нещастные бѣдняки уже пріѣли мохъ, липо-
вую и сосновую кору и листь, конину, псину и
кошекъ, и обезумѣвъ съ отчаянія и голода, приня-
лись ѣсть валяющіеся по улицамъ человѣческіе тру-
пы, а иные стали рѣзать и пожирать живыхъ лю-
дей. Лѣтопись говоритъ, что пойманныхъ въ этомъ
страшномъ звѣрствѣ иныхъ жгли огнемъ, другихъ
вѣшали, инымъ отрубали головы. Скудельница, по-

строенная Спиридономъ, давно уже была наполнена трупами, построили еще двѣ скудельницы и тѣ набили биткомъ безъ счету, и за тѣмъ еще множество труповъ валялось по улицамъ, площадямъ и на мосту. Отцы и матери продавали дѣтей въ рабство пріѣзжимъ купцамъ, только бы добыть хлѣба. Лѣтописецъ говоритъ, что люди въ отчаяніи потеряли всякое человѣческое чувство, изъ за хлѣба рѣзались другъ съ другомъ, даже отцы и матери не дѣлились добытымъ хлѣбомъ съ дѣтьми и безмысленно смотрѣли, какъ дѣти умирали съ голода. Но мало этого, къ бѣдствіямъ голода присоединилось бѣдствіе пожара, который не пощадилъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Въ началѣ слѣдующаго (1231) года погорѣлъ весь Славенскій конецъ, пожаръ такъ былъ силенъ, что огонь перелеталъ даже черезъ Волховъ, и въ этомъ пожарѣ погибло множество людей. Наконецъ чаша бѣдствій переполнилась, съ раннею весною Нѣмцы приплыли моремъ и привезли жита и муки, и тѣмъ спасли Новгородъ отъ конечной гибели. Но Ярославъ думалъ только о себѣ и нимало не заботился о Новгородцахъ, онъ не смотря на всѣ только что миновавшія бѣдствія, осенью же 1231 года приказалъ имъ собираться на войну противъ Михаила Черниговскаго. Впрочемъ ни Новгородцы, ни Переяславцы, приведенные Ярославомъ, не дошли до Чернигова, но сжегши Шеренскъ и даромъ простоявши подъ Мосальскомъ, разошлись по домамъ, —Новгороды въ Новгородъ, а Ярославъ съ Переяславцами въ Переяславъ, страшно разгра-

бивъ тамошнюю страну и не помирившись съ Михаиломъ.

Между тѣмъ, не смотря на успѣхи Суздальщинцовъ и страшное угнетеніе Новгорода, народная партія не совсѣмъ еще пала, предводители ея, большею частію удалившіеся къ Михаилу въ Черниговъ, еще не отчаявались въ своемъ дѣлѣ и, разсчитывая на страшное угнетеніе народа, думали, что стоитъ только сыскать князя, который бы согласился идти въ Новгородъ, то Новгородцы единодушно возстанутъ на Суздальщинцовъ и вѣче откажетъ Ярославу. Особенно горячо хлопотали объ этомъ: проживавшій въ Черниговѣ сынъ бывшего посадника Водовика, Петръ Водовиковичъ, Борисъ Нѣгоцевичъ, Михаль съ братомъ, Глѣбъ, братъ Семена Борисовича, убитаго Суздальщинцами, и Миша; они, уговоривъ идти съ собою князя Трубчевскаго Святослава, въ 1232 году, на четвертой недѣлѣ великаго поста, отправились въ Новгородъ и пришли уже въ село Буище, принадлежавшее Юрьеву монастырю. Но Святославъ, видя, что его прибытіе не производитъ волненія въ народѣ, что изъ Новгорода не бѣгутъ встрѣчать его, догадался, что приглашатели обманулись, и чтобы не попасться въ руки слугъ Ярославовыхъ, воротился назадъ. Петръ же Водовиковичъ, съ товарищами, разсчитывая на нелюбовь Псковичей къ Ярославу, убѣжали во Псковъ и не обманулись въ своемъ разсчетѣ. Лишь только они явились во Псковѣ, какъ тамошняя народная партія возстала на Ярославова намѣстника

Вячеслава, схватила его и бивши заковала въ цѣпи, потомъ отправила тайно нѣсколько Псковичей въ Новгородъ для возмущенія народа; и черный народъ, недовольный Ярославомъ, пользуясь его отсутствіемъ, дѣйствительно зашумѣлъ, лѣтопись говорить: „въ Новгородѣ бысть мятежь великъ“. Впрочемъ дѣятельный Ярославъ успѣлъ пріѣхать въ пору изъ Переяславля, переловилъ возмутителей, присланныхъ изъ Пскова, и засадилъ ихъ подъ стражу на Городищѣ въ гридницѣ, а во Псковъ послалъ требованіе, чтобы отпустили его намѣстника Вячеслава и выпроводили отъ себя Петра Водовиковича съ товарищами. Но Псковичи не думали повиноваться Ярославову приказанію, и рѣшившись крѣпко защищать Водовиковича и его товарищей, отвѣчали Ярославу и Суздальщичамъ: „пришлите къ намъ женъ и имѣніе Водовиковича и его товарищей, а мы отпустимъ Вячеслава, или вы себѣ, а мы себѣ“. Ярославъ на это не отвѣчалъ ни слова, и думая усмирить Псковичей голодомъ, приказалъ перехватывать всѣ обозы, идущіе во Псковъ, и такъ прошло цѣлое лѣто. Во Псковѣ отъ этого страшно вздорожала соль; Псковичи въ крайности отпустили Ярославова намѣстника Вячеслава; а Ярославъ молча отпустилъ во Псковъ женъ Бориса Нѣгодевича, Глѣба Борисовича и Миши, но о мирѣ не сказалъ ни слова и продолжалъ задерживать обозы, идущіе во Псковъ. Наконецъ зимою Псковичи поклонились Ярославу, отправили къ нему посольство въ Новгородъ и, назвавши его своимъ княземъ, про-

силы, чтобы прислалъ къ нимъ своего сына Ѳедора; но онъ Ѳедора не далъ, а послалъ во Псковъ своего шурина Юрія. Съ прибытіемъ этого князя Псковичи выпроводили отъ себя Петра Водовиковича и его товарищей; и такимъ образомъ надежда народной партіи на Псковъ рушилась.

Но Борисъ Нѣгоцевичъ, Петръ Водовиковичъ и ихъ товарищи еще не отчаявались въ своемъ дѣлѣ; и ихъ партія, хотя скрытно, еще существовала въ Новгородѣ. Выпровоженные изъ Пскова, они удалились къ Нѣмцамъ въ Медвѣжью Голову; тамъ въ это время княжилъ отъ имени Нѣмцевъ князь Ярославъ, сынъ покойнаго Псковскаго князя Владиміра Мстиславича, къ нему-то прибѣгли Борисъ Нѣгоцевичъ съ товарищами и объявили его своимъ княземъ. Ярославъ Владимировичъ, по ихъ просьбѣ, вмѣстѣ съ Нѣмцами нечаянно захватилъ Изборскъ; но Псковичи не дали ему утвердиться въ новозанятомъ городѣ, напали на него и самого взяли въ плѣнъ, прочіе же разбѣжались, впрочемъ во время бѣгства многіе были переловлены и отданы Ярославу, который отправилъ ихъ въ Переяславль въ заточеніе. Такимъ образомъ и эта попытка народной партіи не удалась; впрочемъ упорные предводители недовольныхъ еще не отступились отъ своего потеряннаго дѣла, не смотря на постоянныя неудачи. Они вмѣстѣ съ Нѣмцами стали тревожить границы Новгородскія, и во время отсутствія Ярослава успѣли захватить въ Тесовѣ знатнаго Суздальщинца Кирилла Синкинича и отправили въ цѣпяхъ въ Мед-

вѣжью голову, и такъ прошло цѣлое лѣто 1233 г. Наконецъ зимою пришелъ Ярославъ въ Новгородъ, привелъ съ собою Переяславскіе полки, и на весну слѣдующаго (1234) года съ Новгородскими и Переяславльскими полками отправился на Нѣмцевъ къ Юрьеву (нынѣшнему Дерпту); и на рѣкѣ Амовѣ разбилъ Нѣмцовъ на голову и опустошилъ ихъ землю. Послѣ чего Нѣмцы поклонились Ярославу и заключили съ нимъ такой миръ, какого ему хотѣлось, и съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась и послѣдняя надежда бѣглецовъ Новгородскихъ.

Заключивши выгодный миръ съ Нѣмцами, Ярославъ могъ уже спокойно властвовать въ Новгородской землѣ; можетъ быть въ Новгородѣ были еще недовольные, но они были безсильны и молчали. Лѣтомъ того же (1234) года, Ярославъ еще одержалъ важную побѣду надъ Литовцами, напавшими на Русу. Эта побѣда, очень дешево стоившая Ярославу, еще болѣе утвердила его власть въ Новгородѣ, народъ на возвратномъ пути встрѣчалъ его какъ защитника земли Новгородской. Проживши мирно еще годъ въ Новгородѣ, Ярославъ въ 1236 году отправился въ Кіевъ для занятія тамошняго престола, а въ Новгородѣ оставилъ княземъ сына своего Александра, и взялъ съ собою знаменитѣйшихъ Новгородцовъ, предводителей Суздальщинской партіи и сто человекъ своихъ приверженцевъ изъ Торжка. Это взятіе въ Кіевъ надежнѣйшихъ своихъ приверженцевъ ясно показываетъ, что Ярославъ вполне былъ увѣренъ въ совершенной покор-

Князь Алек-
сандръ Яро-
славичъ.

ности Новгорода. И дѣйствительно, преступный союзъ народной партіи съ иновѣрными Нѣмцами очернилъ ее въ глазахъ народа; и каждый честный Новгородецъ считалъ за лучшее повиноваться Русскому князю Ярославу и держаться его стороны, чѣмъ вступать въ союзъ съ такими бѣглецами, которые приводятъ иновѣрныхъ Нѣмцевъ опустошать Новгородскую землю. Предводители народной партіи не могли и придумать вреднѣйшаго для своего дѣла союза, какъ союзъ съ Нѣмцами; они симъ союзомъ въ конецъ погубили и себя и свое дѣло въ глазахъ народа; такъ что Новгородцы стали ихъ считать врагами св. Софіи, а Ярослава заступникомъ земли Новгородской.

Такимъ образомъ Новгородъ послѣ упорной и продолжительной борьбы съ князьями Суздальскими, ослабленный внутренними раздорами, голодомъ, моромъ и другими бѣдствіями, палъ окончательно и почти обратился въ простой *удѣлъ Ярославова семейства; Ярославъ его отдалъ сыну а сынъ могъ отдать своему сыну, и можетъ быть уже немного недоставало къ тому, чтобы уничтожить и вѣче и выборныхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Но грозная, нежданная и негаданная буря Монгольскаго нашествія на Русскую землю спасла погибающую независимость Новгорода, обративши вниманіе Суздальскихъ князей на другія болѣе важныя для нихъ дѣла.

Время борьбы Новгорода съ Ярославомъ Всеволодовичемъ Переяславскимъ было также и време-

немъ борьбы Новгородцовъ съ своими сосѣдями на южныхъ и западныхъ границахъ Новгородскихъ владѣній. Съ юго-запада на Новгородскія земли напирала Литва, и на западѣ Ливонскіе Нѣмцы съ Чудью и Финское племя Емь въ Финляндіи, сіе послѣднее кажется не безъ участія Шведовъ, успѣвшихъ уже довольно утвердиться въ тамошнемъ краю.

Войны съ
Литвою.

Литовцы въ 1213 году, пользуясь отсутствіемъ Псковичей, бывшихъ на озерѣ, ворвались въ самый Псковъ, и много пожгли строеній, впрочемъ не дожидаясь возвращенія Псковичей, поспѣшили убраться домой. Потомъ въ 1217 году Литовскіе грабители пробрались до Шелони, пограбили ее берега; но услышавъ за собою погоню Новгородцовъ, такъ быстро бросились изъ Новгородскихъ владѣній, что Новгородцы не успѣли нагнать ихъ. Далѣе Литовцы дѣлали набѣги на Новгородскія владѣнія: въ 1223 году отъ Смоленской границы, въ 1224 году на Русу, въ 1225 году на Торжекъ, въ этомъ набѣгѣ Литовцовъ было до 7000 человекъ, и они избili множество гостей; въ 1229 году они ограбили Любнѣ, Мореву и Серегерь, и наконецъ въ 1234 году они ворвались было въ Русу, но сперва разбитые Рушанами, а потомъ настигнутые Ярославомъ на Ловати потеряли триста коней и сами частію побиты на мѣстѣ битвы, а частію погибли во время бѣгства. Вообще всѣ Литовскіе набѣги этого времени ограничивались только грабежемъ; и Новгородцы почти всегда успѣвали отражать грабителей и отнимать у нихъ добычу

Но не таковы были отношенія Новгородцовъ къ Эстонской Чуди и Ливонскимъ Нѣмцамъ; тамъ нужно было защищать Новгородскія колоніи въ Чудской землѣ, и вообще отбиваться отъ близкихъ сосѣдей непріятелей, которые искали не грабежа только, но и старались распространить свои владѣнія на счетъ Пскова и Новгорода. Посему Новгородцы въ продолженіе борьбы съ Ярославомъ нѣсколько разъ находили нужнымъ предпринимать походы въ землю Эстонской Чуди. Мы уже видѣли, что Мстиславъ Удалый на другій же годъ по прибытіи въ Новгородъ ходилъ въ Чудскую землю и проникъ до города Медвѣжей Головы, потомъ въ 1214 году ходилъ на Чудь Ереву и изходилъ всю Чудскую землю вдоль и поперекъ до моря, и взялъ съ тамошнихъ Чудскихъ племенъ дань. Далѣе въ 1217 году Новгородцы съ княземъ Владимиромъ Псковскимъ ходили къ Медвѣжей Головѣ и такой навели страхъ на Эстонцовъ, что тѣ пригласили въ помощь себѣ Ливонскихъ Нѣмцовъ; впрочемъ на этотъ разъ и Нѣмцы подверглись одной участи съ Чудью и были разбиты Новгородцами, потеряли трехъ своихъ воеводъ и 700 коней. Но съ сего времени Ливонскіе Нѣмцы стали утверждаться въ землѣ Эстонской Чуди, а въ слѣдъ за Нѣмцами туда же явились и Датчане и выстроили Ревель, первую укрѣпленную Датскую колонію въ этомъ краю, и стали вмѣстѣ съ Нѣмцами крестить Чудь въ Латинскую вѣру. Новгородцы еще нѣсколько времени удачно дѣйствовали противъ Нѣмцовъ и Датчанъ, такъ въ

Войны съ
Чудью и Ливонскимъ
Орденомъ.

1223 году они вмѣстѣ съ Ярославомъ ходили къ Колывани (Ревелю) и воротились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ; тѣмъ не менѣе продолжавшаяся борьба Новгорода съ Ярославомъ сильно мѣшала Новгородцамъ заняться дѣлами Эстонской Чуди, гдѣ все болѣе усиливались Нѣмцы, которые въ 1224 году успѣли занять Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ, послѣдній Русскій городъ въ Чудской землѣ, и такимъ образомъ совершенно вытѣснили Новгородцовъ изъ Эстоніи. Мало этого Нѣмцы, пользуясь удобнымъ для нихъ случаемъ, вступили въ сношенія съ Новгородскою народною партіею, сильно стѣсненною Ярославомъ и частію удалившеюся во Псковъ, и заключили съ Псковомъ союзъ, обѣщаясь дать Псковичамъ помощь въ случаѣ, ежели Ярославъ съ Новгородцами своей партіи пойдетъ на Псковъ. Исполняя этотъ договоръ въ 1228 году, при слухѣ о походѣ Ярослава, Нѣмцы съ Чудью, Летголою и Ливью дѣйствительно явились на защиту Пскова; но походъ Ярослава, какъ мы уже видѣли, не состоялся по нежеланію Новгородцовъ, и Псковичи отпустили отъ себя Нѣмцовъ и ихъ союзниковъ. Впрочемъ союзъ Пскова съ Нѣмцами былъ непродолжителенъ; Псковичи его заключили только въ крайности и притомъ по настоянію партіи противной Ярославу, по минованіи же опасности, и когда партія противная Ярославу пала въ Новгородѣ именно за союзъ съ Нѣмцами; то и союзъ этотъ рушился и Нѣмцы въ 1233 году захватили было Изборскъ и были выгнаны от-

туда Псковичами. Наконецъ въ 1234 году Ярославъ, окончательно подавивши противную себѣ партію въ Новгородѣ, захотѣлъ раздѣлаться и съ Нѣмцами, онъ собралъ большую рать со всей Новгородской области, привелъ свои полки изъ Переяславля и прямо двинулся къ Юрьеву или Дерпту, и сталъ лагеремъ не подалеку отъ города, часть же войска разпустилъ опустошать страну. Нѣмцы изъ Юрьева и изъ Медвѣжей Головы сдѣлали нападеніе на его лагерь, но были разбиты и преслѣдуемые Новгородцами многіе потонули въ рѣкѣ Амовжѣ и только не многіе израненные успѣли спастись въ Юрьевъ и Медвѣжью Голову. Между тѣмъ ратники, отпущенные Ярославомъ на грабежъ, страшно опустошили страну и Нѣмцы принуждены были заключить миръ, по которому обѣщались платить дань съ Юрьева. Этотъ походъ Ярослава на время страшно разстроилъ дѣла Нѣмцовъ въ Ливоніи, такъ что Ливонскіе рыцари нашли необходимымъ вступить въ подчиненіе Нѣмецкому ордену въ Пруссіи. что и послѣдовало въ 1237 году.

На сѣверо-западѣ. во все время борьбы съ Ярославомъ, у Новгородцовъ по прежнему были врагами племя Емь, жившее въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Финляндіи. Походъ Новгородцовъ въ 1191 году, опустошившій и почти уничтожившій колоніи Шведовъ въ Финляндіи, на время обезопасилъ Новгородскія границы въ этомъ краю и около 36 лѣтъ не было и слуху о какихъ либо нападеніяхъ съ этой стороны. Между тѣмъ Шведы, необезпокоиваемые

Войны въ
Финляндіи и
со Шведами.

вновь Новгородцами, мало по малу стали снова укрѣпляться и распространять свое вліяніе на Финляндцовъ и обращать ихъ въ Латинскую вѣру; тогда явился присланный изъ Швеціи епископъ Тома, человѣкъ вспыльчивый, жестокій и неуступчивый; онъ съумѣлъ возобновить связи съ Емью и поставить ее въ враждебныя отношенія къ Новгородцамъ. А посему Ярославъ, нѣсколько утвердившись въ Новгородѣ, въ 1227 году, сдѣлалъ нападеніе на землю Еми и опустошивъ ее возвратился въ Новгородъ съ множествомъ плѣнниковъ. Этотъ походъ такъ былъ удаченъ и Новгородцы столько набрали плѣнниковъ, что немогли всѣхъ вести за собою. а часть избили и часть отпустили на свободу. Въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, Емь въ слѣдующемъ (1228) году на лодкахъ явилась въ Ладожскомъ озерѣ и начала дѣлать опустошенія около Олонца и на Исадахъ, Новгородцы, получивши вѣсть объ этомъ нападеніи, вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ сѣли въ насады и вошли въ Ладожское озеро. Но Емь, награбившись, не думала медлить и пустилась назадъ домой; а посему Ладожскій посадникъ Володиславъ, недожидаясь Новгородцовъ, пустился въ лодьяхъ въ слѣдъ за отступающими грабителями, нагналъ ихъ, и давши битву, на ночь отступилъ на одинъ островъ. Емь пыталась было просить у Володислава мира и свободнаго пропуска домой; но не получивши сего, перебила плѣнниковъ, бросила свои лодки и пустилась бѣжать лѣсами, гдѣ и была вся избита Ижерянами и Ко-

рѣлою. такъ что изъ двухъ тысячъ вступившихъ въ Ладожское озеро ни одинъ неворотился домой. Между тѣмъ Новгородцы съ Ярославомъ нѣсколь- ко дней стояли на Невѣ, и сколько Ярославъ непобуждалъ ихъ идти впередъ, недвинулись съ мѣста, составили вѣче и хотѣли убить одного боярина Судимира, котораго едва успѣлъ спасти Яро- славъ, скрывши въ своемъ насадѣ, и потомъ, ни- чего несдѣлавши, возвратились въ Новгородъ, даже недождавшись Ладожанъ; объ отплатѣ же Еми за опустошенія опустошеніемъ Емьской земли некогда да и некому было подумать. Такимъ образомъ и съ этой стороны Новгородцамъ, раздираемымъ пар- тіями, неудалось сдѣлать ничего прочнаго; а меж- ду тѣмъ Шведы на столько успѣли распространить свое вліяніе и владычество въ Финляндіи, что уже были не далеки до того, чтобы явно выступить вра- гами Новгорода, и уже дѣлали къ тому разныя приготовленія.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

Новгородъ въ первые 60 лѣтъ владычества Татаръ надъ Россією.

Гроза страшнаго Монгольскаго нашествія неми- новала и Новгородскихъ владѣній. Батый, опусто- шивъ земли Рязанскую, Суздальскую, Ростовскую и Тверскую, явился подъ Торжкомъ, и такой на- Нашествіе Батыя.

вель страхъ на Новгородцовъ, что они съ молодымъ своимъ княземъ Александромъ рѣшительно разтерались и не подали никакой помощи жителямъ Торжка, которые двѣ недѣли мужественно отбивали всѣ Татарскіе приступы; и Торжекъ, оставленный безъ помощи, палъ, жители его всѣ до одного были перерѣзаны и городъ сожженъ. Монголы, сожегши Торжекъ, двинулись было Селигерскимъ путемъ къ Новгороду, опустошая все по дорогѣ, и по словамъ лѣтописи, посѣкая людей какъ траву; они уже дошли до Игнача креста, за сто только верстъ отъ Новгорода, какъ вдругъ ихъ предводитель князь Батый. можетъ быть устрашенный болотами, наводнившимися отъ таянія снѣговъ, ибо дѣло было въ концѣ марта, приказалъ своротить своимъ полкамъ на югъ въ нынѣшнюю Калужскую губернію, а потомъ со всею своею многочисленною ратью ушелъ на отдыхъ въ Половецкія степи къ Дону и Волгѣ. И такимъ образомъ Новгородцы сверхъ всякаго чаянія избѣгли Монгольскаго нашествія и тѣхъ страшныхъ опустошеній, которыя выдержали отъ Монголовъ другіе города Россіи. Лѣтописецъ, говоря объ этомъ приписываетъ спасеніе Новгорода особенному заступничеству Божію и молитвамъ святыхъ.

Война со
Шведами,
князь Алек-
сандръ Яро-
славичъ Нев-
скій.

Но, сверхъ всякаго ожиданія спасенные отъ Монгольскаго нашествія, Новгородцы должны были выдержать упорную борьбу съ иными врагами Русской земли, борьбу тѣмъ болѣе опасную, что Новгородцамъ пришлось вести ее однимъ безъ всякой

помощи со стороны Русскихъ князей, оглушенныхъ Монгольскимъ погромомъ. Незадолго передъ наше- ствіемъ Монголовъ на Русскую землю безпорядки, бывшіе въ началѣ XIII вѣка въ Швеціи, прекрати- лись; и Шведскій король Ерихъ Картавий, утвер- дившись на своемъ престолѣ, обратилъ вниманіе на Финляндію, для поддержанія Шведскихъ коло- ній въ этой странѣ и для обращенія тамошнихъ Финновъ въ Латинскую вѣру. Съ этою цѣлію онъ въ 1237 году выхлопоталъ у Папы Григорія IX буллу, которою былъ объявленъ крестовый походъ на богоотступниковъ и язычниковъ Финновъ; бул- лою этою обѣщалось отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто приметъ участіе въ этомъ походѣ. Охотниковъ на эту приманку оказалось много и въ Швеціи и въ Норвегіи, они собирались слишкомъ два года и очевидно не скрывали своего предпріятія и неогра- ничивали его одними Финнами, а хвалились навязать свою вѣру и Новгородцамъ, которыхъ также считали язычниками. И нѣтъ сомнѣнія, что до Нов- городцовъ уже дошли вѣсти объ этомъ крестовомъ походѣ, и они ожидали, что въ непродолжитель- номъ времени нужно будетъ отражать нашествіе Шведовъ; и посему на всякій случай срубили нѣ- сколько городковъ по Шелони и устроили надеж- ную стражу на морскомъ берегу. Наконецъ въ 1240 году сбылось то, чего опасались и къ чему гото- вились Новгородцы. Шведы съ Норвежцами и Фин- скими племенами Еми и Суми въ огромномъ числѣ появились на Невѣ при устьѣ Ижеры; они шли

прямо къ Ладогѣ, чтобы оттуда пуститься къ Новгороду, дабы покорить всѣ Новгородскія владѣнія и жителей обратить въ Латинскую вѣру, и для сей послѣдней цѣли въ этомъ сбродномъ войскѣ головнорѣзовъ, которыхъ не знали какъ выпроводить изъ Швеціи, находились и епископы проповѣдники Латинства съ мечемъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой. Новгородцы лишь только получили отъ своихъ приморскихъ стражей вѣсть о появленіи Шведскихъ лодій на Невѣ, какъ тутъ же немедля ни мало, помолившись Богу въ соборной церкви св. Софіи и принявъ благословеніе отъ своего владыки Спиридона, подъ предводительствомъ своего молодого князя Александра Ярославича, пустились на встрѣчу и вступили съ ними въ битву при впадении Ижеры въ Неву, гдѣ Шведы устроили свой главный лагерь. Въ этой битвѣ Александръ съ своею дружиною и Новгородцы бились мужественно и кончили тѣмъ, что на голову разбили сбродную Шведскую рать и даже убили главнаго предводителя этой рати Спиридона. Шведскіе головнорѣзы, думавшіе омыть свои грѣхи Новгородскою кровію, сражались храбро цѣлый день и обратились въ бѣгство только тогда, когда были сбиты со всѣхъ мѣстъ; у нихъ однихъ начальныхъ людей пало столько, что ихъ трупами наполнили три корабля и повезли на родину, а прочихъ воиновъ безъ числа похоронили на мѣстѣ битвы. Эта знаменитая побѣда мужественныхъ и степенныхъ гражданъ надъ буйнымъ полчищемъ храбрыхъ, но безпорядочныхъ го-

ловорѣзовъ, доставила князю Александру славное прозваніе Невскаго, а Новгороду доказала, что его граждане еще не забыли доблести предковъ и при надобности могутъ постоять за себя и за св. Софію.

Но Невская побѣда еще невозвратила мира Новгороду и прекратила раздора партій, немогшихъ выносить власти князя посаженника Ярославова; она только отразила одного сильнаго и грознаго врага, напротивъ того старый врагъ — Ливонскіе Нѣмцы, оправившись послѣ пораженія, потерпѣннаго ими отъ Ярослава шесть лѣтъ тому назадъ, снова подняли голову; они, соединившись опять съ недовольными, бѣжавшими изъ Новгорода во Псковъ, и при помощи прежняго своего союзника князя Ярослава Владимировича, успѣвшаго убѣжать изъ Суздальской земли, пошли 'на Изборскъ и взяли этотъ городъ, потомъ при помощи Твердислава Иванковича, сына посадника Иванка Дмитровича и другихъ измѣнниковъ, не только разбили Псковичей, пришедшихъ на выручку Изборска, но не допустили къ самому Пскову и зажгли посады; такъ что Псковичи, доведенные до крайности, принуждены были заключить миръ, по которому Псковъ долженъ былъ признать власть Твердислава Иванковича подъ руководствомъ Нѣмцовъ, которые оставили тамъ свой гарнизонъ, нѣкоторые же Псковичи съ женами и дѣтьми убѣжали въ Новгородъ, чтобы снискать тамъ помощь и защиту отъ измѣнниковъ. Но и въ самомъ Новгородѣ не было единодушія, такъ что князь Александръ Ярославичъ

Война съ
Ливонскими
Нѣмцами.

на зиму напелъ нужнымъ со всѣмъ своимъ семействомъ и дворомъ удалиться къ отцу въ Переяславль. Пользуясь такими благоприятными для себя обстоятельствами, Нѣмцы, руководимые Псковскою партіею недовольныхъ, двинулись по дорогѣ къ Новгороду, опустошили селенія Води и Чуди, наложили на нихъ дань и въ Копорскомъ погостѣ построили городъ, потомъ пошли дальше и взяли Новгородскій пригородъ Тесовъ и только 30 верстѣ не дошли до Новгорода, избивая вездѣ Новгородскихъ и пріѣзжихъ торговцовъ, а по Лугѣ проникли до Сабельскаго погоста. Это опустошительное нашествіе Нѣмцовъ наконецъ открыло глаза Новгородцамъ; они увидали, что ссориться съ князями теперь не время, и потому обратились съ просьбою къ Ярославу Всеволодовичу, чтобы прислалъ къ нимъ князя. Ярославъ прислалъ было къ нимъ младшаго своего сына Андрея, еще не совершеннолѣтняго; но время было не таково, чтобы княжить въ Новгородѣ не совершеннолѣтному, враги Нѣмцы, Чудь и Литва напирали на Новгородъ и по Лугѣ захватили весь скотъ, такъ что пахать было не на чѣмъ и не кому. А посему Новгородцы отправили своего архіепископа съ новымъ посольствомъ къ Ярославу, просить, чтобы прислалъ старшаго сына Александра. Ярославъ, чтобы совсѣмъ не лишиться Новгорода, согласился на просьбу пословъ и отпустилъ съ ними Александра.

Князь Александръ Ярославичъ, въ 1241 году при-
бывши въ Новгородъ съ своею низовою дружиною,

Ледовое
побойще
Нѣмцевъ.

повелъ дѣла по своему; онъ немедленно потребовалъ у вѣча собрать Новгородцовъ, Ладожанъ, Ижерцевъ и Корѣлянъ, и со всею этою ратью прямо отправился къ новопостроенному въ Новгородской землѣ Нѣмецкому городу Копорью, взялъ его, раззорилъ до основанія, а Нѣмцовъ, взятыхъ тамъ, которыхъ привелъ въ Новгородъ, которыхъ отпустилъ, державшихъ же перевѣтъ съ Нѣмцами, Новгородскихъ измѣнниковъ, Вожанъ и Чудь перевѣщалъ. Потомъ на слѣдующій годъ съ Новгородцами и своею низовою дружиною пустился отыскивать Нѣмцовъ въ Чудской землѣ; онъ занялъ всѣ пути къ Пскову, неожиданно напалъ на Псковъ, взялъ его, сковалъ бывшихъ тамъ Нѣмцовъ и Чудь и отослалъ въ Новгородъ; а самъ съ дружиною и Новгородцами вступилъ въ Чудскую землю и скоро встрѣтился съ Нѣмцами у Чудскаго озера, и провѣдавши, что Нѣмцы стоятъ близко, отступилъ къ озеру и построилъ свои полки на Узмени, у Воронея Камени. Нѣмцы и Чудь, съ своей стороны построившись свиньею или клиномъ, врубилися въ полки Александровы и произошла ужасная сѣча, кончившаяся тѣмъ, что Нѣмцы большею частію легли костьми, а остальные вмѣстѣ съ Чудью обратились въ бѣгство; Новгородцы гнались за ними по Чудскому озеру на семь верстъ до Суболичьскаго берега; на этой погони Чуди перебито безъ числа, а Нѣмцевъ до 500 человекъ, и взято въ плѣнъ пятьдесятъ Нѣмецкихъ рыцарей. Эта битва происходила 1-го апрѣля 1242 года; она у лѣтописцевъ названа Ледовымъ

побоищемъ и долго, даже въ XVI вѣкѣ воспомина-
лась на эктенияхъ по всѣмъ Новгородскимъ церк-
вамъ, вмѣстѣ съ Невскою побѣдою надъ Шведами.
Нѣмцы же такъ перепугались, что уже ждали Нов-
городцевъ къ стѣнамъ Риги и просили помощи у
Датскаго короля. Но довольные побѣдою Новго-
родцы не пошли далѣе и Александръ съ торжествомъ
вступилъ въ Псковъ, ведя за собою плѣнныхъ Нѣ-
мецкихъ рыцарей; Псковичи его встрѣтили съ ико-
нами и крестами. Изъ Пскова Александръ отправился
въ Новгородъ, и оттуда вскорѣ уѣхалъ въ Суздаль-
скую землю провожать своего отца Ярослава, по-
требованнаго Татарскимъ великимъ ханомъ въ орду.
Въ отсутствіе Александра пришли въ Новгородъ Нѣ-
мецкіе послы съ поклономъ и дарами и стали про-
сить мира, который и былъ заключенъ Новгород-
цами на тѣхъ условіяхъ, по которымъ Нѣмцы от-
казались отъ всѣхъ своихъ недавнихъ завоеваній,
отъ Води, Луги, Пскова и Летголы, размѣнялись
плѣнниками и даже отпустили Псковскихъ зало-
жниковъ. Такъ кончилась упорная война съ Ливон-
скимъ Нѣмецкимъ орденомъ, продолжавшаяся почти
десять лѣтъ, и первоначально затѣянная Новгородскою
партіею недовольныхъ, которая, не имѣя средствъ
собственными силами бороться съ князьями Суздаль-
скими, вступила въ союзъ съ Нѣмцами и Чудью въ
1233 году.

**Набѣги
Литвы.**

Но Ледовымъ побоищемъ не были еще усмире-
ны всѣ враги Новгорода, Литовскіе грабители про-
должали еще дѣлать разбойническіе набѣги на Нов-

городскія владѣнія и въ 1245 году стали уже опустошать около Торжка и въ Бѣжичахъ. Въ Торжкѣ тогда сидѣлъ князь Ярославъ Владимировичъ, тотъ самый, который прежде водилъ Нѣмцевъ и Чудь на Новгородскую землю; этотъ князь съ Новоторжцами бросился на Литовскихъ грабителей, но былъ разбитъ; и Литовцы многочисленными толпами съ множествомъ плѣнниковъ и большою добычею уже возвращались домой, какъ Ярославъ, соединясь съ Тверичами и Дмитровцами, снова пустился въ погоню и нагналъ поганыхъ у Торопца. Здѣсь произошла жестокая битва, и хотя Литовцы были разбиты, впрочемъ успѣли засѣсть въ Торопцѣ и продолжали отбиваться до тѣхъ поръ, пока не пришелъ Александръ съ своею дружиною и Новгородскими полками. Александръ немедленно взялъ Торопецъ, изсѣкъ всѣхъ засѣвшихъ тамъ Литовцовъ, при чемъ однихъ ихъ князьковъ погибло 8 человекъ. Новгородцы, довольные взятіемъ Торжка и возвращеніемъ плѣнныхъ и добычи, воротились домой; Александръ же, желая окончить за одинъ разъ съ Литовцами, продолжалъ съ одною своею дружиною преслѣдовать ихъ бѣгущія толпы, разбилъ ихъ еще подъ Зижчемъ и всѣхъ до одного положилъ на мѣстѣ; потомъ пошелъ до Витебска, гдѣ взялъ своего сына, гостившаго у Полотскаго князя, и на возвратномъ пути у Усвята встрѣтился съ новою Литовскою ратью, и ту разбилъ и положилъ на мѣстѣ, а самъ возвратился въ Новгородъ.

Князь Ва-
силій, сынъ
Александра
Невскаго.

Осенью на другій годъ послѣ Литовскаго нашествия на Торжекъ, скончался у Татаръ въ ордѣ великій князь Владимирскій Ярославъ Всеволодовичъ; и Александръ, услыжавши о смерти отца, отправился во Владимиръ и оттуда къ Татарамъ въ орду, а въ Новгородѣ оставилъ княземъ своего сына Василия. Новгородцы съ симъ новымъ княземъ жили въ мирѣ и согласіи девять лѣтъ и въ 1253 году подъ его предводительствомъ удачно воевали съ Литвою и Ливонскими Нѣмцами. Литва въ этомъ году по прежнему собралась опустошать Новгородскія области, и пограбивши уже возвращалась домой, какъ Новгородцы съ своимъ княземъ нагнали ее по прежнему у Торопца, разбили на голову и отняли всю добычу. Въ этомъ же году Ливонскіе Нѣмцы подошли ко Пскову, сожгли посадъ, сдѣлали приступъ къ городу, но были отбиты съ большимъ урономъ; а между тѣмъ Новгородцы получивши вѣсть о нападеніи Нѣмцевъ, наскоро собрались и пришли на выручку къ Псковичамъ, при ихъ появленіи Нѣмцы обратились въ бѣгство. Но такимъ успѣхомъ на этотъ разъ Новгородцы, неудовольствовались, и собравъ новую рать, перешли Нарову и опустошили Нѣмецкую волость, за Новгородцами тоже сдѣлала Корѣла, а потомъ и Псковичи вступили въ Нѣмецкую землю; и Нѣмцы нигдѣ не могли противустоять ни Новгородцамъ, ни Корѣлѣ, ни Псковичамъ и при каждой встрѣчѣ терпѣли поражение, такъ что послѣшили прислать посольство во Псковъ и Новгородъ съ просьбою о мирѣ и при-

няли условія мира на всей воли Новгородской и Псковской.

Побѣды сіи надъ Нѣмцами и Литвою такъ под- Война Новгорода съ княземъ Александромъ Невскимъ.
няли Новгородцовъ, что они уже стали подумы-
вать о прежнихъ своихъ порядкахъ,—о выборѣ кня-
зей по своей воли; и въ томъ же 1253 году по-
садили княземъ во Псковѣ Ярослава, бѣжавшаго изъ
Суздальской, или какъ тогда говорилось, Низовой
земли, а еще черезъ годъ выгнали отъ себя Алек-
сандрова сына Василя и посадили Ярослава кня-
земъ въ самомъ Новгородѣ. Но Василій Александр-
ровичъ, выгнанный изъ Новгорода, не думалъ оста-
вить Новгородскихъ владѣній и, слѣдуя примѣрамъ
отца, дѣда и прадѣда, засѣлъ въ Торжокѣ и послалъ
вѣсть къ отцу, который немедленно явился въ Тор-
жокъ съ своими полками и двинулся къ Новгоро-
ду Ярославъ, услыхавши объ Александровомъ по-
ходѣ, бѣжалъ, а между Новгородцами произошло
смятеніе; они хотя вооружились и стали полкомъ,
но раздѣлились на двѣ партіи,—одна—богачи ста-
ли своимъ полкомъ за церковію рождества Христо-
ва,—а другая—бѣдняки, пѣшцы у церкви св. Іліи
противъ Городища. Между меньшими, т. е. бѣдня-
ками, пронесся слухъ, что богачи составили заго-
воръ побить меньшихъ и ввести князя Александра
на своей воли, т. е. въ отягощеніе бѣднымъ; а по
сему меньшіе собрали вѣче у церкви св. Николая
и поклялись иконою пресв. Богородицы всѣмъ стать
за одно, за Новгородскую правду и за свою отчи-
ну либо въ животъ, либо въ смерть; сторону мень-

шихъ принялъ любимый народомъ посадникъ Ана-
нія. Между тѣмъ одинъ изъ богачей, внукъ знаме-
нитаго посадника Твердислава, Михалко бѣжалъ изъ
города къ Юрьеву монастырю, чтобы во время бит-
вы напасть съ своимъ полкомъ на пѣшцевъ съ бо-
ку. Александръ, увѣдомленный своими пріятелями
о несогласіи богачей съ бѣдняками и надѣясь на по-
мощь первыхъ, прислалъ сказать на вѣщѣ: „выдай-
те мнѣ Онанью, не выдадите ли, то я вамъ не князь
и иду на городъ ратью“. Вѣще въ отвѣтъ на это
требованіе отправило къ Александру владыку Дал-
мата и тысяцкаго Клима съ такими рѣчьми: „по-
вѣди, княже, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай,
а Онаньи гнѣва отдай и всѣмъ мужамъ Новгород-
скимъ“. И когда князь не послушалъ прошенія вла-
дыки и тысяцкаго; то Новгородцы сказали: „аже,
братъе, князь нашъ такъ сдумалъ съ нашими кре-
стопреступниками; ино имъ Богъ и св. Софія, а мы
будемъ стоять на своемъ“. И стояли полкомъ цѣ-
лыхъ три дни, и князь, не рѣшаясь вступать въ битву,
на четвертый день прислалъ сказать: „ежели Онанья
откажется отъ посадничества, то я отдаю свой гнѣвъ“.
Онанья отказался отъ посадничества; и Александръ
мирно вступилъ въ Новгородъ, обѣщаясь княжить
на всей воли Новгородской по старымъ обычаямъ;
но его пріятели Суздальщинцы верховоды стали дѣй-
ствовать по своему старому обычаю и выбрали въ
посадники измѣнника и крестопреступника Михал-
ку Степановича, того самаго, который хотѣлъ на-
пасть на полкъ меньшихъ отъ Юрьева монастыря.

Такимъ образомъ настоящая попытка возстановить прежніе порядки не удалась Новгородцамъ; но она была очень важна для послѣдующей судьбы Новгорода, она показала, что въ Новгородѣ опять образовалась довольно сильная народная партія, готовая защищать старые Новгородскіе порядки и противустоять властолюбивымъ замысламъ Суздальскихъ князей

Умиривши Новгородцовъ, Александръ въ 1256 году опять отправился во Владимиръ. Между тѣмъ Шведскій ярль Биргеръ второе лице въ государствѣ послѣ короля, еще въ 1249 году окончательно присоединилъ Финляндію къ Швеціи, и чтобы удержать ее за Шведами вступилъ въ союзъ съ Рижскимъ архіепископомъ, замышлявшимъ учредить, по благословенію папы Александра IV новую латинскую епископію въ Новгородскихъ земляхъ Ватландіи, Ингрії и Карѣліи. Сіи новые союзники, что бы оттѣснить Новгородцовъ, задумали построить на Наровѣ крѣпость; и въ исполненіе сего замысла въ 1256 году, въ отсутствіи князя Александра Ярославича, явились на Наровѣ Шведы съ Финскими племенами Емью и Сумью и одинъ богатый Эстонскій владѣлецъ Дидманъ или Тидеманъ съ Эстонскою Чудью, ему принадлежащею, и начали строить городъ на Наровѣ Новгородцы, узнавши объ этомъ, немедленно разослали гонцовъ по всей своей волости собирать полки и дали вѣсть Александру, по которой вѣсти Александръ съ своею Низовою ратью на зиму пріѣхалъ въ Новгородъ; но уже

Война съ
Шведами и
Ливонскими
Нѣмцами.

до его прїѣзда непрїатели, прослышавъ о вооруженіи Новгородцовъ, бросили построеніе своего города и разошлись по домамъ. Тѣмъ не менѣе Александръ объявилъ походъ и отправился съ своими и Новгородскими полками къ Копорью, и оттуда пошелъ въ Финляндію на тамошнее племя Еми. Новгородцы многіе отказались отъ этого похода и съ Копорья воротились домой, но Александръ, не смотря на это, съ своею дружиною и тѣми Новгородцами, которые не противились его приказанію, продолжалъ походъ и вступилъ въ землю Еми. Походъ этотъ былъ очень труденъ, зимнія выюги и мятели, неперестававшія ни днемъ ни ночью, много погубили Александровыхъ ратниковъ, тѣмъ не менѣе Александръ страшно опустошилъ землю Еми и со множествомъ плѣнниковъ возвратился въ Новгородъ; потомъ, захвативши двухъ предводителей партіи непокорныхъ, уѣхалъ во Владимиръ, а въ Новгородѣ оставилъ княземъ своего сына Василия.

Попытка Татаръ наложить дань на Новгородъ.

Въ 1257 году въ Новгородѣ разнеслась вѣсть, что Татары хотятъ обложить Новгородъ разными данями и десятинами; эта вѣсть страшно смутила народъ, и все лѣто прошло въ смятеніяхъ. Наконецъ на зиму дѣйствительно явились въ Новгородѣ Татарскіе послы съ самимъ княземъ Александромъ и стали требовать даней; но князь Василій съ Новгородцами на это не согласились и Василій уѣжалъ во Псковъ. Впрочемъ послѣ долгихъ споровъ, Татарскіе послы, видя, что съ Новгородцами много не натолкуешь безъ войска, ушли мирно и доволь-

ствовали только дарами, которые Новгородцы дали Татарскому хану. Александръ же жестоко наказалъ совѣтниковъ Василиевыхъ, кому выкололъ глаза, кому обрѣзалъ носъ, а самаго Василія вывелъ изъ Пскова и отослалъ на Низъ. Но тѣмъ некончились смятенія въ Новгородѣ, зимою народъ собралъ вѣче, убилъ посадника Мишу Степановича, вызвалъ изъ Ладоги тамошняго посадника Михаила Ѳедоровича, и далъ ему посадничество въ самомъ Новгородѣ, а тысячкимъ сдѣлалъ Жироху.

Впрочемъ Татары неудовольствовались Новгородскими дарами ихъ хану, и въ 1259 году зимою приѣхалъ въ Новгородъ посломъ отъ великаго князя Александра Ярославича, Новгородецъ Михайло Пинециничъ съ такими рѣчьми къ народу: „ежели не согласитесь покориться Татарамъ и подчиниться ихъ перечисленію народа; то противъ васъ уже готовы полки въ Низовской землѣ“. Новгородцы, съ начала ошеломленные такою грозою, согласились уступить ханскому требованію и принять перечисленіе народа; но когда въ слѣдъ за тѣмъ явились Татарскіе послы съ самимъ княземъ Александромъ и потребовали даней и числа (перечисленія народа); то народъ зашумѣлъ и такъ грозно, что Татарскіе послы струсили и боясь быть убитыми, потребовали у Александра приставить стражу къ ихъ квартирамъ. Черные люди наотрѣзъ отказали отъ числа и дани и поклялись умереть за св. Софію и за дома ангельскіе; но лучшие люди, бояре, видя невозможность сопротивляться ханскому повелѣнію, со-

Татарская
перепись в
Новгородѣ.

гласились на число и дань, и положили съ своими и Александровыми полками ударить на черныхъ людей; тогда и черные люди въ крайности принуждены были согласиться; и по словамъ лѣтописи: „почаша ѣздити окаяннїи по улицамъ, пишуче домы христіанскїе“. Татары, описавши и положивши въ число всѣ дома въ Новгородѣ и взявши дань, удалились; а за ними вскорѣ ушелъ и Александръ во Владимиръ, оставивъ въ Новгородѣ сына своего Димитрія.

Князь Димитрій Александровичъ.

Новгородцы три года жили мирно и согласно съ своимъ новымъ княземъ Димитріемъ, и въ 1262 году въ союзѣ съ Литовскимъ великимъ княземъ Миндовгомъ предприняли войну противъ Ливонскихъ Нѣмцовъ; союзники уговорились напасть съ двухъ сторонъ, и дѣйствительно такъ и сдѣлали, но только не въ одно время: сперва явился подъ Венденомъ Миндовгъ, и недождавшись Новгородцовъ, опустошивъ Венденскія окрестности, ушелъ домой; а потомъ начали свой походъ къ Юрьеву или Дерпту Новгородцы. Въ этомъ походѣ вмѣстѣ съ Новгородцами и ихъ княземъ Димитріемъ Александровичемъ участвовали съ своими дружинами князь Ярославъ Ярославичъ Тверскій, зять Александровъ князь Константинъ и Полоцкій князь Товтивиль съ Полочанами и Литвою; они осадили Юрьевъ, укрѣпленный тремя стѣнами и упорно защищаемый многочисленнымъ Нѣмецкимъ гарнизономъ, и однимъ приступомъ взяли посадъ и сожгли его; но крѣпости взять не могли, и набравши много плѣнниковъ

и всякаго товара возвратились по домамъ. Между тѣмъ великій князь Александръ Ярославичъ въ это время ѣздилъ въ орду къ Татарамъ, и на слѣдующій годъ, возвращаясь домой, занемогъ въ дорогѣ и умеръ. Смерть Александра развязала руки народной партіи въ Новгородѣ; въ слѣдъ за вѣстію о его кончинѣ, Новгородцы собрали вѣче и подъ предводительствомъ посадника Михаила Θεодоровича изгнали Александрова сына Димитрія, и на его мѣсто пригласили въ Новгородъ, уже прежде тамъ княжившаго по выбору, Александрова брата Ярослава Ярославича князя Тверскаго, и отправили за нимъ сына посадничьяго и лучшихъ бояръ.

Посланники Новгородскіе, прибывшіе въ Тверь, привезли съ собою отъ всего Новгорода грамоту, въ которой были прописаны условія, на какихъ Новгородцы желаютъ имѣть Ярослава у себя княземъ, грамота эта дошла до нашего времени въ подлинникѣ, и написана такъ: „Благословіе отъ владыки, поклонъ отъ посадника Михаила, и отъ тысяцкаго Кондрата, и отъ всего Новгорода и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ къ князю Ярославу. На семь, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду, на чемъ цѣловали дѣды и отцы и отецъ твой Ярославъ: 1-е Новгородъ держать тебѣ по старинѣ и по пошлнѣ, всѣ волости Новгородскія держать не своими мужами, а Новгородскими и брать только дары отъ тѣхъ волостей; 2-е безъ посадника князю ни судить, ни раздавать волостей и не давать грамотъ, а кому роздалъ волости князь Дми-

Князь Яро-
славъ Яро-
славичъ
Тверскій.

трій съ Новгородцами или братъ твой Александръ, тѣхъ волостей безъ вины тебѣ ни лишить; 3-е въ волостяхъ Новгородскихъ ни князю, ни княгинѣ, ни княжимъ боярамъ и дворянамъ сель не держать, ни покупать, ни въ даръ не принимать, людей оттуда не выводить въ свою землю, ни грамотъ не давать, ни закладниковъ не принимать, и не ставить ни слободъ, ни мытныхъ заставъ; 4-е согласно съ старымъ порядкомъ, въ Торжкѣ и на Волокѣ быть тиунамъ пополамъ, въ княжей части княжему тиуну, а въ Новгородской Новгородскому; въ Русу для охоты за звѣрями князю ѣздить только осенью, а лѣтомъ не ѣздить, въ Ладогу князю посылать осетринника и медовара по грамотѣ отца своего Ярослава; 5-е къ Бѣжичамъ и Обонежаномъ судей не посылать, ибо Димитрій съ Новгородцами отдали имъ судъ на три года; 6-е князю безъ вины не лишать волости мужа, не пересуживать грамотъ; 7-е князю и его мужамъ довольствоваться только тѣми пожнями, которыя уступлены Новгородцами изстари, и отступить отъ тѣхъ поженъ, которыя захватилъ насильно покойный князь Александръ, и вообще отказать отъ всякаго насилья, какое дѣлалъ Александръ въ Новгородѣ; 8-е гостю Новгородскому гостить по всей Суздальской землѣ безъ запрету, согласно съ жалованною грамотою Татарскаго хана; а въ Суздальской землѣ и во всей княжей волости не брать съ Новгородскихъ купцовъ на мытныхъ заставахъ болѣе двухъ вѣкшей съ воза или съ лодьи, или ото льну, или отъ хмѣльна короба, какъ пошло

изстари“ Ярославъ принялъ сіи условія и передъ Новгородскими послами цѣловаль крестъ на договорной грамотѣ. Потомъ Новгородцы прислали въ Тверь новую договорную грамоту съ небольшими добавленіями противъ первой, состоящими въ томъ: 1-е, чтобы изъ Суздальской земли князю не управлять Новгородомъ, не судить и не раздавать волостей; 2-е, чтобы охотиться князю за кабанамн не далѣе 60 верстѣ отъ Новгорода, въ Русу ѣздить на третью зиму, а въ Ладогу на третье лѣто; 3-е, посылать судей князю куда пошло только въ межень послѣ Петрова дня“. На этой грамотѣ Ярославъ также цѣловаль крестъ, и отправился въ Новгородъ, гдѣ и былъ посаженъ на княжескомъ столѣ по нынѣшнему щету 27 января 1266 года.

Ярославъ, пробывши въ Новгородѣ нѣсколько времени, уѣхаль во Владимиръ, а Новгородцамъ оставилъ своего племянника князя Юрія Андреевича. Война съ Литвою. Князь Довмонтъ. Обезпеченные договорными грамотами съ Ярославомъ, Новгородцы вмѣстѣ съ Псковичами обратили свое вниманіе на Литву и Нѣмцовъ, которые сильно напирали на Псковъ и на другія Новгородскія владѣнія въ томъ краю. Между тѣмъ по убіеніи Великаго князя Литовскаго Миндовга (въ 1365 году), въ Литвѣ начались страшныя междоусобія, въ слѣдствіе которыхъ много значительныхъ Литовскихъ семействъ бѣжали во Псковъ и приняли тамъ крещеніе, и въ числѣ ихъ былъ одинъ Литовскій князь Довмонтъ, который также принялъ крещеніе и съ согласія Новгородцовъ выбранъ Псковичами въ князя

Пскова. Этотъ князь Довмонтъ, пылая мщеніемъ и ненавистію къ своимъ врагамъ, оставшимся въ Литвѣ, обѣщался вѣрою и правдою стоять за Псковъ и Новгородъ противъ прежнихъ своихъ соотечественниковъ; и въ первый же годъ своего княженія во Псковѣ (1266 г.) вмѣстѣ съ Псковичами отправился воевать Литву. Набѣгъ его былъ весьма удаченъ, онъ успѣлъ захватить множество добычи и плѣнниковъ и въ числѣ ихъ жену и двухъ сыновей великаго князя Литовскаго Герденя. Довмонтъ уже возвращался съ добычею и плѣнниками во Псковъ, и уже двѣ трети своей небольшой рати отпустилъ впередъ, какъ сторожи его замѣтили погоню Герденя. Псковскій лѣтописецъ рассказываетъ, что Довмонтъ, получивши вѣсть о большой и близкой погони Герденя, сказалъ остававшимся при немъ Псковскимъ ратникамъ: „братья мужи Псковичи! кто старъ, тотъ мнѣ отецъ, а кто молодъ, тотъ братъ. Слышалъ я мужество ваше во всѣхъ странахъ; се намъ предлежитъ животь и смерть; братья мужи Псковичи! потяните за св. Троицу и за св. церкви и за свое отечество“. Этихъ братій мужей при Довмонтѣ всего было 90 человекъ, а погоня Герденева состояла изъ 700 человекъ; но не смотря на это Псковичи, воодушевленные рѣчью Довмонта, бросились на Литовскую погоню, какъ волки на стадо овецъ, и большею частію положили ее на мѣстѣ, или потопили въ Двинѣ, такъ что князь Герденъ съ немногими едва успѣлъ спасти жизнь свою быстрымъ бѣгствомъ. Псковичи съ Довмонтомъ, имен-

но какъ волки съ стадомъ овецъ, управились съ Литовскою погоней; ибо изъ Псковичей палъ въ этой битвѣ только одинъ Антонъ Лочковъ, а всѣ прочіе съ богатою добычею возвратились во Псковъ здравы и невредимы. На зиму Довмонтъ опять ходилъ воевать Литовскую землю и опять воевалъ счастливо. Великій князь Ярославъ Ярославичъ, услышавши о побѣдахъ Довмонта и о народной любви къ нему, и обижаясь тѣмъ, что Псковичи посадили къ себѣ Довмонта вмѣсто его сына Святослава, прибылъ въ Новгородъ съ своими низовыми полками съ тѣмъ, чтобы идти на Псковичей и Довмонта; но вѣче Новгородское не дозволило этаго, и прямо сказала Ярославу: „княже, безъ нашего совѣта и согласія ты не можешь ѣхать на Псковъ“. И князь, не рѣшаясь противорѣчить вѣчу, отослалъ Низовскіе полки назадъ, а въ слѣдъ за полками и самъ уѣхалъ во Владиміръ, оставивъ въ Новгородѣ по прежнему племянника своего Юрія Андреевича.

Надѣясь на миръ и согласіе съ Ярославомъ, Дов- Война съ монтомъ и другими князьями, Новгородцы въ 1268 Датчанами и Ливонскими Нѣмцами. Раковорская битва.
 году съ своимъ княземъ Юріемъ подняли вопросъ на вѣчѣ: куда бы идти войною, на Литву къ Полотску, или на Нѣмцевъ къ Наровѣ, и послѣ многихъ споровъ рѣшились воевать съ Датскими Нѣмцами (Датчанами) за Наровой, которые построили тамъ Раковоръ (нынѣшній Везембергъ). Новгородцы перешли черезъ Нарову и сильно опустошили Раковорскую землю, но самага города взять не могли и возвратились домой, потерявши изъ своего пол-

ка шесть храбрыхъ мужей и между ними добраго мужа Θεодора Сбыславича, котораго Раковорцы застрѣлили изъ своего города. Опасаясь, что бы Датчане на стали мстить за опустошеніе Раковорской волости, Новгородцы вмѣстѣ съ Довмонтомъ рѣшили повторить походъ, но только съ большими силами; и для этого пригласили къ себѣ Переяславскаго князя Дмитрія Александровича съ его полками, послали также къ Ярославу звать его, но онъ самъ не поѣхалъ, а прислалъ двухъ сыновей Михаила и Святослава съ ихъ дружинами, отыскивали стѣнобитныхъ мастеровъ, которые стали готовить на владычномъ дворѣ стѣнобитныя машины. Услышавши о такихъ приготовленіяхъ, Ливонскіе нѣмцы прислали въ Новгородъ своихъ пословъ съ такою рѣчью: „добрые сосѣди Новгородцы, у насъ съ вами миръ, и мы непристаемъ ни къ Колыванскимъ, ни къ Раковорскимъ Датскимъ Нѣмцамъ, воюйте съ ними сколько хотите, и на томъ цѣлуемъ вамъ крестъ“ Новгородцы, довольные такимъ посольствомъ, сами отправили въ Ригу своего посланника Лазаря Моисѣевича, который и приводилъ ко кресту, какъ епископа Рижскаго, такъ и всѣхъ тамошнихъ рыцарей, чтобы имъ не помогать Колыванцамъ и Раковорцамъ, а Новгородцамъ не воевать земли Ливонскихъ Нѣмцовъ; и въ увѣреніе сего Новгородцы оставили въ Ригѣ заложникомъ своего добраго мужа Семьона и также цѣловали крестъ.

Утвердившись клятвою съ Ливонскими Нѣмцами, Новгородцы и Псковичи вмѣстѣ съ своими союз-

ными князьями отправились въ задуманный походъ; они перебрались уже за Нарову и пустились тремя дорогами опустошать тамошнюю землю; Чудь нигдѣ невыходила противъ нихъ и только пряталась по пещерамъ и другимъ скрытымъ мѣстамъ; они уже миновали Раковоръ и подходили къ Колывани (нынѣшній Ревель), какъ клятвопреступные Ливонскіе Нѣмцы встрѣтили ихъ сильнымъ полкомъ подъ предводительствомъ своего магистра Отто-фонъ-Роденштейна и Юрьевского (Дерптскаго) епископа Александра. Въ этомъ полку была собрана вся Нѣмецкая земля, и полкъ былъ такъ великъ, что копыя Нѣмцовъ казались большимъ лѣсомъ. Впрочемъ Новгородцы и Псковичи испугались ни неожиданнаго появленія Нѣмцевъ, ни ихъ сильнаго войска; они переправились черезъ рѣку Кеголь и построились въ три полка: Псковичи съ своимъ княземъ Довмонтомъ на правой рукѣ, князя Дмитрій и Святославъ также на правой рукѣ по выше, князь Михаилъ на лѣвой рукѣ съ своимъ полкомъ, Новгородцы же съ своимъ княземъ Юріемъ и посадникомъ Михайломъ Θεодоровичемъ стали по срединѣ, прямо противъ самага сильнаго Нѣмецкаго полка, состоявшаго изъ однихъ Нѣмецкихъ рыцарей, закованныхъ съ ногъ до головы въ желѣзныя латы. Нѣмецкіе рыцари главнаго полка, построившись клиномъ или, какъ тогда говорилось, желѣзною свиньею, первые начали бой, и началась страшная сѣча, какой, по словамъ лѣтописца, невидали ни дѣды, ни отцы наши. Рыцари рѣшились во чтобы ни стало

прорубиться сквозь Новгородскій полкъ, думая что отъ этого Русскіе придуть въ разстройство и обратятся въ бѣгство; но дѣло вышло не такъ, какъ надѣялись Нѣмцы. Новгородцы стояли крѣпко, и хотя уже потеряли посадника и другихъ знаменитыхъ воиновъ (*), но продолжали стоять полкомъ, смыкая свои ряды по мѣрѣ того какъ воины падали, и рыцари не могли сквозь ихъ прорубиться. А между тѣмъ Псковичи, дружина Дмитріева и Ладжане, управившись съ своими противниками на правой и лѣвой рукѣ, бросились съ двухъ сторонъ и на желѣзную свинью, и произвели въ ней такое опустошеніе, что рыцари, не выдержавши дружнаго натиска, обратились въ бѣгство; и Новгородцы съ своими союзниками гнались за ними на пространства семи верстъ, усыпая дорогу ихъ трупами, которыхъ было такъ много, что лошади спотыкались на нихъ и немогли идти. Но только, что Новгородцы прекратили погоню, какъ увидали, что другой Нѣмецкій полкъ латниковъ врѣзался въ ихъ обозы; молодежь Новгородская хотѣла броситься на кля-

(*) По свидѣтельству лѣтописи, вмѣстѣ съ посадникомъ Михаиломъ пали въ битвѣ съ желѣзною свиньею знаменитые мужи: Твердиславъ Чермный, Никифоръ Рядятиничъ, Твердиславъ Моисѣевичъ, Михаилъ Кривцевичъ, Ивачъ, Борисъ Плядятичъ, его братъ Лазарь, Ратша, Василь Вонборзовичъ, Освипъ, Жирславъ Дорогомловичъ, Парамонъ Подвойскій, Полюдь и много добрыхъ бояръ, которые во чтобы то ни стало рѣшились неуступить Нѣмецкимъ латникамъ. Битва эта происходила 18 февраля въ сыропустную субботу, и подобно Певскому и Ледовому побѣдѣ помпналась на актвнїяхъ во время общаго помпновенїя во всѣхъ Новгородскихъ церквахъ.

твопреступниковъ, но было уже темно, и старшіе, боясь безпорядка, удержали молодежь до утра. а между тѣмъ Нѣмцы ночью убѣжали. Новгородцы три дни стояли на костяхъ; но непріятель неявился, и они, нерѣшаясь идти далѣе, возвратились домой и привезли съ собою тѣла павшихъ въ битвѣ, и тѣло посадника Михаила за его мужество похоронили съ честію въ церкви св. Софіи, въ томъ храмѣ, гдѣ хоронились любимые князья Новгородскіе, а на мѣсто Михаила выбрали въ посадники Павшу, сына знаменитаго посадника Ананьи, въ свое время крѣпко стоявшаго за Новгородъ въ борьбѣ съ княземъ Александромъ.

Походъ къ Раковору и Колываню, дорого стоившій и Новгородцамъ и Нѣмцамъ, не кончилъ вражды. Нѣмцы, мстя за этотъ походъ, на слѣдующее лѣто, подъ командою своего магистра Отто, въ числѣ 18 тысячъ человекъ, явились подъ Псковомъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ и стали подступать къ городу съ стѣнобитными машинами; но во Псковѣ сидѣлъ храбрый Довмонтъ; и Нѣмцамъ ничего не удалось сдѣлать, они съ большимъ для себя урономъ десять дней подступали къ городу и наконецъ разбитые Довмонтомъ принуждены были отодвинуться назадъ. А между тѣмъ ко Пскову пришелъ на помощь князь Юрій съ Новгородцами и началъ тревожить Нѣмецкій лагерь и тѣмъ принудилъ Нѣмцевъ отступить окончательно за рѣку Великую, откуда Нѣмцы вступили въ переговоры съ Новгородцами и заключили миръ, по которому и та и другая сторона остались при старыхъ владѣніяхъ.

Ссора съ
княземъ Яро-
славомъ Яро-
славичемъ.

Только что Новгородцы воротились съ похода ко Пскову, какъ приѣхалъ въ Новгородъ самъ великій князь Ярославъ Ярославичъ и на вѣчѣ началъ жаловаться на Новгородскихъ бояръ,—на Жирослава Давыдовича, на Михайлу Мишинича и на Юрья Сбыславича; онъ говорилъ вѣчу: „они поссорили Новгородъ съ Нѣмцами, и мои мужи и братья, и ваши братья побиты по ихъ винѣ, а хочу лишить ихъ волости.“ Но вѣче не приняло такого обвиненія и весь Новгородъ сталъ за трехъ обвиненныхъ бояръ. Ярославъ, чтобы запугать вѣче, сказалъ: „ежели не сдѣлаете по моей воли, то я уѣду.“ Вѣче отвѣчало: „клянемся тебѣ, княже, отложи свой гнѣвъ, невыѣзжай изъ города, мы еще не совсѣмъ примирились съ Нѣмцами.“ Но Ярославъ не посмотрѣлъ на просьбу и выѣхалъ изъ города; тогда вѣче послало владыку и лучшихъ мужей съ мольбою, которые нагнали его въ Бронницахъ и воротили въ Новгородъ; а вѣче въ угоду Ярославу сдѣлало тысяцкимъ его любимца Ратибора Клуксовича. Ярославъ, довольный этою уступкою, остался въ Новгородѣ и по совѣту съ Новгородскимъ вѣчемъ, на зиму послалъ сына своего Святослава въ Низовую землю собирать полки, чтобы идти на Датскихъ Нѣмцовъ къ Колывани. Святославъ исполнилъ приказаніе отца и привелъ въ Новгородъ многочисленную рать, въ которой были полки не только союзныхъ Ярославу князей, но и Владимирскій великій баскакъ Амраганъ съ Татарскою ратью. Прослышавши о такомъ ратномъ сборѣ, Нѣмцы прислали въ Новгородъ своихъ пословъ съ

мольбою о мирѣ. Послы ихъ сказали на вѣчѣ: „клянемся на всей воли вашей, Наровы всей отступаемся, а крови не проливайте.“ Новгородцы, пораздумавши о прозвѣбѣ Нѣмцовъ, заключили съ ними миръ на всей своей воли. Ярославъ, такимъ образомъ не успѣвши съ своими полками побывать въ Нѣмецкой землѣ, хотѣлъ сводить ихъ для поживы по крайней мѣрѣ въ Корѣлу; но Новгородцы упросили его оставить и этотъ походъ, ибо считали Корѣлу за своихъ; и князь нехотя принужденъ былъ отправить Суздальскіе и Татарскіе полки назадъ, а самъ остался въ Новгородѣ.

Оставшись въ Новгородѣ, Ярославъ въ надеждѣ на свою партію началъ дѣлать нѣкоторыя нововведенія, не спрашиваясь у Новгородскаго вѣча, отнялъ у нѣкоторыхъ гражданъ дворы, съ другихъ не законно собралъ деньги, отнялъ нѣкоторыя вотчины у церкви св. Софій, и даже сталъ вступаться въ Нѣмецкую торговлю и выводить иноземцовъ. Таковыя поступки естественно должны были раздражить Новгородцовъ; и вотъ вдругъ (въ 1270 году) зашумѣлъ народъ по улицамъ, ударили въ колоколь и собралось на князя вѣче на Ярославовомъ дворѣ. Княжая партія стала было защищать князя; но противники, чувствуя свою силу, убили на вѣчѣ же одного изъ княжихъ сторонниковъ Иванка, что видя прочіе начали скрываться, иные спрятались въ церкви св. Николая, а другіе съ тысяцкимъ Ратиборомъ бѣжали на Городище къ князю; народъ же принялся грабить и раззорять дома бѣжавшихъ, а

вѣче послало къ князю слѣдующую обвинительную грамоту: „за чѣмъ отнялъ Волховъ гогольными ловцы, а поле заячьими ловцы, за чѣмъ завладѣлъ дворомъ Алексинымъ Морткинича, за чѣмъ взялъ деньги у Никифора Манускинича, у Романа Болдыжевича и Варѣоломѣя, за чѣмъ выводишь иноземцевъ, которые живутъ у насъ, и дѣлаешь иное не подобное? А нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилья, увъзжай отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ“. Ярославъ прислалъ на вѣче своего сына Святослава съ поклономъ и обѣщаніемъ отступиться отъ всего, въ чемъ его обвиняютъ, и цѣловать крестъ, чтобы впередъ управлять на всей воли Новгородской; но вѣче отвѣчало: „княже! поѣди прочь, не хотимъ тебя, а не то всѣмъ Новгородомъ идемъ прогнать тебя“. И князь по неволѣ поѣхалъ изъ Новгорода.

Новгородцы, по удаленіи Ярослава, послали за Переяславскимъ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, княжившимъ у нихъ прежде; но Дмитрій, бывъ въ союзѣ съ Ярославомъ, не принялъ приглашенія и сказалъ: „нехочу взять стола предъ роднымъ дядею“. Между тѣмъ Ярославъ, пріѣхавши во Владимиръ сталъ собирать полки противъ Новгорода, послалъ Ратибора просить помощи у Татарскаго хана и пригласилъ своихъ родственниковъ, князей Переяславскаго Дмитрія и Смоленскаго Глѣба. Но нашелся защитникъ и Новгороду; князь Костромскій Василій Ярославичъ, меньшій братъ Ярославовъ, услышавъ о приготовленіяхъ своего старша-

го брата, прислалъ пословъ въ Новгородъ съ такою рѣчью: „кланяюся св. Софіи и мужамъ Новгородцамъ; слышалъ я, что идетъ Ярославъ на Новгородъ со всею силою своею, и Дмитрій съ Перяславцами и Глѣбъ съ Смолнянами; жаль мнѣ своя отчины“. А самъ поѣхалъ къ Татарскому хану, взявши съ собою Новгородскихъ бояръ Петрилу Рыгача и Михаила Пинещинича, и убѣдилъ хана воротить Татарскую рать, посланную противъ Новгорода. Новгородцы же въ это время укрѣпили городъ острогомъ и всѣ свои товары свезли въ крѣпость; а когда передовые полки Ярослава появились невдалекѣ отъ Городища; то вооружили весь городъ. и всѣ отъ мала и до велика выступили къ Городищу и стояли станомъ два дня пѣшіе за Жилотугомъ, а конники за Городищемъ. Ярославъ, узнавши объ этомъ, отступилъ другою стороною озера къ Русѣ и засѣлъ тамъ со всею своею ратью, въ Новгородъ же послалъ сказать: „я отказываюсь отъ всего того, за что вы меня не взлюбили, а въ томъ поручатся за меня князь“. Но это посольство нисколько не помогло, Новгородцы стояли на своемъ и отправили къ Ярославу своего посла Лазаря Моисѣевича, который именемъ Новгорода сказалъ: „княже! ты вздумалъ на св. Софію; а иди, мы за нее готовы сложить свои головы; нѣтъ у насъ князя, но есть Богъ и правда и св. Софія; а тебя мы нехотимъ“. Въ слѣдъ за посломъ двинулась и вся рать Новгородская и Псковичи, и Ладожане, и Корѣла, и Ижера, и Во-

жане, и всѣ отъ мала до велика, и недоходя Русы остановились у Голина на бродѣ, и тамъ стояли цѣлую недѣлю, а Ярославовы полки противъ нихъ на другомъ берегу. Ярославъ между тѣмъ послалъ гонца къ митрополиту Кириллу и ждалъ отъ него грамоты въ Новгородъ. Наконецъ митрополитъ прислалъ къ Новгородцамъ слѣдующую грамоту: „мнѣ поручилъ Богъ архіепископью въ Русской землѣ, вамъ слушать Бога и меня, крови непроливайте, а Ярославъ отказывается отъ всего, чѣмъ озлобилъ васъ, и въ томъ я ручаюсь; а ежели и крестъ цѣловали, то я за васъ принимаю на себя епитимію и отвѣчаю за то предъ Богомъ“. Митрополичья грамота такъ подѣйствовала на Новгородцовъ, что они вступили въ переговоры съ послами Ярослава, прибывшими въ ихъ лагерь и заключили миръ, по которому опять приняли Ярослава себѣ въ князя; но обязали его новою договорною грамотою, на которой онъ въ присутствіи Татарскихъ пословъ цѣловалъ крестъ править Новгородомъ по старымъ Новгородскимъ уставамъ, отказаться отъ всѣхъ нововведеній и возвратить каждому то, что у кого отнялъ прежде, и не держать гнѣва ни на посадника, ни на владыку, и вообще на Новгородцовъ, не затворять торговаго Нѣмецкаго двора и приставовъ не приставливать, а торговать съ Нѣмцами только черезъ Новгородцовъ. Грамота эта дошла до нашего времени въ подлинникѣ, и на оборотѣ ея написано: „сажали Ярослава Татарскіе послы Чевгу и Бакши съ грамотою Менгу-Темира

царя". Слѣдовательно Новгородцы приняли Ярослава не по одному посланію митрополита Кирилла но и по требованію Татарскаго хана Менгу-Темира, который хотя и остановилъ войска свои по ходатайству князя Василя Ярославича Костромскаго, тѣмъ неменѣе приказалъ своему посольству сопровождать Ярослава въ походѣ на Новгородъ. Ярославъ, такимъ образомъ посаженный Татарскими послами, проживши лѣто въ Новгородѣ, на зиму отправился во Владимиръ, оставивъ въ Новгородѣ своимъ намѣстникомъ Андрея Воротиславича, а черезъ годъ скончался на возвратномъ пути изъ Орды.

Отъ времени князя Ярослава Ярославича до насъ Уставъ Ярослава о мостовыхъ. дошли два официальные памятника: Уставъ Ярослава о мостовыхъ въ Новгородѣ и договорная грамота Новгородцовъ съ Нѣмецкими торговыми городами и Готландомъ. Первый памятникъ свидѣтельствуесть о внутреннемъ устройствѣ Новгорода; изъ него мы видимъ, что устройство мостовыхъ въ Новгородѣ въ это время поручалось особымъ выборнымъ начальникамъ, называвшимся осменниками, которымъ за это каждая Новгородская община давала опредѣленную закономъ плату; и плата сія по уставу разпредѣлялась слѣдующимъ порядкомъ: починъ платы положень съ Людина конца до Добрыни улицы и до улицы Епископской, этотъ конецъ и улицы составляли одну общину плательщиковъ; 2-ю общину составляла Прусская улица, со сѣдняя съ Добрыниною, до церкви Бориса и Глѣба; 3-ю общину составляли Тигожане и Колом-

ляне; 4-ю Передичане до Бережанъ; 5-ю до Пидблянь; 6-ю Пидбляне до Чудинцевой улицы, 7-ю Чудинцева улица съ Загородцами; 8-ю владыка съ двумя улицами изгоевъ до острой городни. За общинами по улицамъ слѣдовали въ платежѣ за мостовыя общины по сотнямъ, которыхъ въ то время въ Новгородѣ было девять, названныхъ по именамъ сотскихъ: 1-я Давыдова сотня; 2-я Слѣпцова сотня; 3-я Бовыкова; 4-я Олексина; 5-я Ратиборова; 6-я Кондратова; 7-я Романова; 8-я Сидорова; 9-я Гаврилова сотня; это кажется были сотни коренныхъ гражданъ Новгорода. За тѣмъ слѣдовали двѣ сотни княжихъ, можетъ быть населенныя княжими служителями. За княжими сотнями помѣщены сотни позднѣйшихъ поселенцевъ въ Новгородѣ изъ разныхъ краевъ Новгородской земли, таковыхъ сотенъ по уставу было восемь и за ними сохранились имена тѣхъ краевъ, откуда пришли поселенцы; они были слѣдующія: 1-я Ржевская сотня, конечно изъ Ржевы; 2-я Бѣжицкая сотня изъ Бѣжичей; 3-я Вочская сотня, по всему вѣроятію изъ Вотской земли; 4-я Обониская изъ Заонежья; 5-я Луская сотня, конечно съ рѣки Луги; 6-я Лопьская, тоже изъ Заонежья изъ Лопьскаго погоста; 7-я Волоховская по берегу Волхова, у этой сотни было три пристани на Волховѣ; и наконецъ 8-я Яжелбицкая сотня, тоже около Волхова, имѣвшая двѣ пристани по Волхову. По всему вѣроятію сіи новыя сотни поселенцевъ, удержавшія свое названіе отъ мѣстностей откуда они были выведены, по-

селились въ Новгородѣ въ послѣднее время, послѣ тѣхъ страшныхъ опустошеній отъ голода, мора и войны, которыя выдержалъ Новгородъ при князьяхъ Суздальскихъ Всеволодѣ Юрьевичѣ и Ярославѣ Всеволодовичѣ. За новопоселенными сотнями по уставу въ платежѣ мостовщины слѣдовали общины: 1-я Софіяне до двора тысяцкаго; 2-я Тысяцкій до Вошниковъ; и 3-я отъ Вошниковъ посаднику до великаго ряду; здѣсь мы находимъ указаніе, что тысяцкій и посадникъ, кажется, имѣли казенные или общественные дворы, стоявшіе въ Неревскомъ концѣ. Наконецъ на торговой сторонѣ, или на правомъ берегу Волхова, по уставу для платежа мостовщины были слѣдующіе отдѣлы: 1-й отдѣлъ отъ княжаго двора до Нѣмецкаго вымола, т. е. пристани; 2-й отдѣлъ Нѣмцы, т. е. Нѣмецкій торговый дворъ да Еваня вымола; 3-й отдѣлъ Готы, т. е. Готландскій торговый дворъ, отъ Еваня вымола до Геральдова вымола задняго; 4-й отдѣлъ отъ Геральдова вымола до Будетина вымола; 5-й отдѣлъ Ильинская улица до Матвѣева вымола; 6-й Михайловская улица до Бардовой улицы; и наконецъ 8-й отдѣлъ составляли Витковляне до Климятиныхъ сѣней, т. е. жители Виткова переулка до паперти церкви св. Климента.

Вторый памятникъ Ярославова времени, какъ уже сказано, составляетъ договорная грамота Новгорода съ Нѣмецкими торговыми городами (Ганзою) и Готландомъ, по всѣмъ соображеніямъ писанная въ 1270 году; грамота эта довольно подробно опредѣляетъ

Договоръ
съ Нѣмецки-
ми городами
и Готландомъ.

отношенія Новгорода къ Нѣмецкимъ городамъ и Готланду по торговымъ дѣламъ ; она писана отъ имени князя Ярослава Ярославича, посадника Павла (или Павши по лѣтописямъ), тысяцкаго Ратнбора и отъ всѣхъ Новгородцовъ , согласно съ желаніемъ Нѣмцевъ и Готландцевъ, выраженнымъ въ особыхъ посланіяхъ, представленныхъ Нѣмецкимъ и Готландскимъ послами. Въ ней, во 1-хъ, говорится о пути по Невѣ отъ Готланда до Котлина острова или Кетлингена, и отъ Новгорода до Котлина острова: ежели что случится съ Нѣмецкимъ или Готландскимъ лѣтнимъ гостемъ на этомъ пути, отъ Котлина до Новгорода , то за это отвѣчаютъ князь съ Новгородцами; а зимніе гости непременно должны брать, согласно съ прежнимъ миромъ, Новгородскаго пристава и Новгородскихъ купцовъ; а ежели они ихъ не возьмутъ и съ ними что приключится на пути отъ Котлина до Новгорода, то князю и Новгородцамъ до того нѣтъ дѣла. А ежели Новгородцы не вышлютъ пристава и купцы Новгородскіе не выѣдутъ, то Нѣмцамъ безпрепятственно ѣхать однимъ и безъ пристава. Ежели же Нѣмецъ или Готландецъ поѣдетъ для торгова въ Корѣлю и что съ нимъ случится, то Новгородцамъ до того дѣла нѣтъ. Гостямъ безпрепятственно дозволяется для судовыхъ надобностей рубить лѣсъ по обоимъ берегамъ Невы.

2) Ежели гости поймаютъ вора между Котлинымъ и Ладогою, то должны вести его на судъ въ Ладогою; а ежели воръ будетъ пойманъ между Ладогою и Новгородомъ , то его судить въ Новгородѣ. 3)

Нѣмцы и Готландцы, прибывши къ порогу въ Волховѣ, должны требовать пороговыхъ лощмановъ и принимать на свои корабли рабочихъ людей столько, сколько брали издавна, но не болѣе. Прибывши къ гостинной пристани, гость долженъ платить пошлину столько, сколько платилось прежде, и лощману за проѣздъ по Невѣ внизъ и вверхъ пять марокъ кунъ или окорокъ, а отъ Новгорода до Ладоги и назадъ лощману три марки кунъ или польокурока. Ежели разобьется барка, нанятая для перевозки товаровъ, то гости за барку не платятъ, а за наемъ барки должны заплатить. Ежели лощманы на проѣздъ поссорятся съ гостями и дорогою же помирятся, то этого дѣла въ Новгородѣ не поднимать; а ежели дорогою не примирятся, то ссора должна быть разобрана передъ тысяцкимъ и Новгородцами во дворѣ св. Іоанна, т. е. у Іоанна Предтечи на Опокахъ, гдѣ была судебная торговая палата. Извозчики въ Новгородѣ должны получать съ каждой барки, приводимой къ Нѣмецкому двору, по 15 кунъ, а къ Готландскому двору по 10 кунъ.

4) Ежели Новгородецъ задолжаетъ въ Готландіи, то его за долги нельзя посадить въ погребъ, равнымъ образомъ и Нѣмца и Готландца нельзя посадить въ погребъ въ Новгородѣ; также къ должникамъ нельзя посылать бирича или брать ихъ за одежду, а должно дать съ каждой стороны пристава отъ тысяцкого. А въ случаѣ ссоры между Новгородцами и Нѣмцами, она должна быть разобрана во дворѣ св. Іоанна при посадникѣ, тысяцкомъ и при купцахъ.

5) О Нѣмецкомъ и Готландскомъ дворахъ ежели кто на который изъ сихъ дворовъ придетъ съ обнаженнымъ оружіемъ и кого ранить или похитить товаръ, и будетъ пойманъ, то его судить по пошлинѣ, т. е. какъ узаконено. Ежели же кто сломаетъ ворота или ограду, то и за это также предается суду по пошлинѣ, а на мѣсто сломанной ограды выстроить новую. Луга, которыми Нѣмцы и Готландцы владѣютъ, должны принадлежать имъ въ собственность тамъ, гдѣ они ихъ объявятъ. 6) Ежели возникнетъ ссора во время лѣтняго поѣзда, то зимнему поѣзду за лѣтнихъ не отвѣчать, и на оборотъ лѣтнимъ гостямъ не отвѣчать за зимнихъ гостей. Въ случаѣ, ежели лѣтніе и зимніе гости имѣли въ чемъ либо раздѣлаться судомъ, то они должны покончить это передъ тысяцкимъ, старшинами и Новгородцами, и должны безпрепятственно ѣхать своею дорогою, гдѣ ссора возникнетъ, тамъ ее и должно покончить. Ежели возникнетъ споръ изъ-за ареста имущества, то въ первый годъ должно объявить объ этомъ, но товары не должны быть арестованы, также и на второй годъ; но если споръ не рѣшится и на третій годъ, то должно взять товаръ и подвергнуть аресту. 7) Въ случаѣ войны между Новгородомъ и сосѣдями, гостю путь чистъ ѣздить безпрепятственно водою и сухимъ путемъ такъ далеко какъ далеко простираются владѣнія Новгородцовъ. 8) Въ случаѣ, когда Нѣмецъ и Новгородецъ должны представить свидѣтелей, и оба представляютъ одного, то такому свидѣтелю долж-

но вѣрить; но если не представятъ одного свидѣтеля и свидѣтели порознятъ, то бросить жеребій, и чей жеребій выпадетъ, на сторонѣ его свидѣтеля и право. Кто, вступивъ съ Нѣмцемъ или Готландцемъ въ торговыя дѣла, испортитъ или истратитъ его товаръ, то долженъ прежде всего удовлетворить гостей, а потомъ другихъ, кому долженъ. Ежели жена поручится за мужа, то должна вмѣстѣ съ нимъ отвѣчать за долгъ своимъ лицомъ, если заплатитъ не въ состояніи. Ежели же жена не поручилась за мужа, то не отвѣчаетъ за его долгъ.

9) Ежели Новгородскій посолъ будетъ убитъ за моремъ, то за него должно заплатить 20 марокъ серебра; равнымъ образомъ столько же платится за Нѣмецкаго посла въ Новгородѣ и его области; та же плата за священника и ольдермана, а за купца 10 марокъ серебра. Кто поранитъ человѣка острымъ оружіемъ или копьемъ, тотъ долженъ заплатить ему полторы марки серебра. Ежели одинъ ударитъ другаго въ ухо или по шеѣ, то долженъ заплатить три фердинга обиженному. 10) Вѣсы и гири для серебра и для другаго товара должно держать ровно и правильно. Капъ должна заключать въ себѣ вѣсу восемь Ливонскихъ фунтовъ.

По смерти князя Ярослава Ярославича явились два искателя на Новгородскій престолъ. Первый прислалъ своихъ пословъ съ поклономъ Димитрій Александровичъ князь Переяславльскій, княжившій прежде въ Новгородѣ отъ имени отца, и въ 1268 году усердно помогавшій Новгородцамъ

Князя Дмитрій и Василій Ярославичъ спорять о Новгородѣ.

въ войнѣ съ Датчанами и Ливонскими Нѣмцами, и участвовавшій въ страшной битвѣ подъ Раковомъ; а въ слѣдъ за нимъ, также съ поклономъ, прислалъ своихъ пословъ князь Костромскій Василій Ярославичъ, недавно ходатайствовавшій за Новгородцовъ у Татарскаго хана и теперь бывшій великимъ княземъ Владимирскимъ. Послы обсихъ князей въ одно время стояли на Ярославовомъ дворѣ, а Новгородцы съ своимъ посадникомъ Павшею разсуждали, кого избрать изъ двухъ князей; вѣче раздѣлилось на двѣ стороны, одна хотѣла Дмитрія, а другая Василя, было нѣсколько споровъ, наконецъ выборъ палъ на Дмитрія, сторону котораго держалъ самъ посадникъ; и 9 октября 1272 года, Дмитрій, по приглашенію вѣча, прибылъ въ Новгородъ. Василій же Ярославичъ, не получивъ Новгорода посольствомъ, вздумалъ занять его силою; и на другой годъ, захвативъ Торжокъ и посадивъ тамъ своего тиуна, удалился въ Кострому, а союзникъ его Святославъ князь Тверской, началъ опустошать Новгородскія волости—Волокъ, Бѣжичи и Вологду, сталъ отнимать у Новгородскихъ гостей товары и не пускать хлѣба въ Новгородъ, отъ чего тамъ сильно поднялась цѣна на хлѣбъ. На зиму Дмитрій съ Новгородцами пошелъ на Тверскаго князя, а къ Василью вѣче отпустило посланниковъ съ просьбою, чтобы возвратилъ захваченныя Новгородскія волости и заключилъ миръ съ Новгородомъ. Но Василій, надѣясь на свою партію, отпустилъ посла съ честію, а мира не далъ. Между тѣмъ Новгород-

ская рать съ Димитріемъ, прибывши въ Торжокъ, составила вѣче, на которомъ Василиева сторона одолѣла противниковъ. Димитрій, видя это, самъ добровольно отказался отъ Новгорода и уѣхалъ въ Переяславль, куда за нимъ пустился и лишенный посадничества Павша съ другими пріятелями Димитрія. Въ слѣдъ за тѣмъ вѣче выбрало въ посадники Михаила Мишинича, внука Твердиславова, послали посольство за Василиемъ и въ Торжкѣ же цѣловали всѣ образъ Господень, чтобы всѣмъ быть за одно съ посадникомъ Михайломъ. По зову изъ Торжка, Василій прибылъ въ Новгородъ и, принятый съ честью, спокойно оставался Новгородскимъ княземъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, до своей кончины; онъ вѣрно соблюдалъ старыя Новгородскіе уставы и вскорѣ по прибытіи своемъ въ Новгородъ постарался возвратить посадничество своему противнику, народному любимцу, Павшѣ, чѣмъ, конечно, много угодилъ народу. Новгородцы съ княземъ Василиемъ жили въ мирѣ и согласіи, да и съ сосѣдями въ эти три года у нихъ не было ссоръ; Литва, Ливонскіе Нѣмцы, Датчане и Шведы, можетъ быть видя полное согласіе Новгородцовъ съ княземъ, довольно строго соблюдали миръ съ Новгородомъ.

Съ смертію великаго князя Василія Ярославича Князь Димитрій Александровичъ кончились и согласіе и спокойствіе въ Новгородѣ, и самыя сосѣди Новгородскіе Шведы и Ливонскіе Нѣмцы принялись за старое и начали беспокоить Новгородскія владѣнія. Новгородцы, узнавши о кончинѣ великаго князя Василія Ярославича, немед-

ленно отправили во Владимиръ посольство, звать прежняго своего избранника князя Димитрія Александровича Переяславскаго, который теперь уже по смерти Василія былъ великимъ княземъ Владимирскимъ. По этому зову Димитрій весною 1277 года пріѣхалъ въ Новгородъ и былъ принятъ съ честію и посаженъ на княжескій престолъ. Но съ этимъ княземъ мудрено было Новгородцамъ жить въ мирѣ и согласіи; Димитрій по самовластію во многомъ походилъ на своего родителя Александра Ярославича, но не имѣлъ такого ума, какимъ былъ одаренъ его отецъ. А потому его княженіе, продолжавшееся слишкомъ 15 лѣтъ, было переполнено беспорядками, нарушеніями Новгородскихъ правъ и ссорами. Новгородскія партіи, мало покойныя прежде, при Димитріѣ дошли до крайности и такъ перепутались между собою, что иногда и разобрать трудно, изъ за чего которая партія поднимала шумъ и мятежъ.

На другій годъ по прибытіи своемъ въ Новгородъ, князь Димитрій Александровичъ съ Новгородцами и Низовыми полками отправился въ Корѣльскую землю казнить Корѣлу, и отдалъ весь этотъ край на разграбленіе своимъ ратникамъ. Новгородскія лѣтописи не говорятъ, въ чемъ провинилась Корѣла; впрочемъ еще въ 1269 году князь Яролавъ Ярославичъ замышлялъ идти на Корѣлу, но тогда Новгородское вѣче не дало на это своего согласіе и упросило отложить походъ; можетъ быть Корѣла, подстрекаемая Шведами, утвердившимися въ Финляндіи, стала оказывать непокорность Нов-

городу, а можетъ быть этотъ походъ былъ сдѣланъ по замысламъ князя Дмитрія. На слѣдующій годъ послѣ Корѣльскаго похода, по замысламъ своей партіи, князь Дмитрій построилъ себѣ городъ Копорью съ Новгородскаго дозволенія, а на другій годъ обвелъ его каменною стѣною при помощи посадника и большихъ мужей своей партіи. Таковое самовластіе Дмитрія, хотя и прикрытое дозволеніемъ вѣча, очевидно составленнаго изъ княжихъ сторонниковъ, крайне смутило Новгородцовъ: ибо со временъ Рюрика на Новгородской землѣ никогда не бывало княжеской крѣпости, а Дмитрій выстроилъ еще каменную. А посему въ томъ же году собралось вѣче, на которомъ отняли посадничество у Дмитріева приверженца Михаила Мишинича, вызвали изъ Ладоги Семена Михайловича и дали ему посадничество. На отнятіе посадничества у Михаила Мишинича былъ принужденъ согласиться даже самъ Дмитрій Александровичъ; но это такъ раздражило его, что онъ немедленно оставилъ Новгородъ и объявилъ Новгородцамъ войну. Вѣче послало къ нему своего владыку архіепископа Климента съ мольбою, чтобы онъ отложилъ свой гнѣвъ; но князь не послушалъ просьбъ владыки, и на зиму вступилъ въ Новгородскія владѣнія съ Низовыми полками, надѣлалъ много зла Новгородской волости, дошелъ до Шелони, и потомъ, заключивъ миръ, удалился во Владимиръ.

Но Шелонскій миръ, учиненный не по волѣ Новгородцовъ, нисколько прекратилъ неудоволь-

ствій между княземъ и вѣчемъ; ибо по этому миру Копорье, такъ ненавистное Новгороду, осталось за княземъ, и Димитрій ввелъ туда свою дружину съ своимъ зятемъ Довмонтомъ. А посему лишь только возсталъ на Димитрія его меньшій братъ Андрей, князь Городецкій; то и Новгородцы отказались повиноваться ему. И когда Димитрій, прогнанный Андреемъ изъ Переяславля, думалъ пробраться въ Копорье; то Новгородцы вышли полкомъ на озеро Ильмень и, загородивъ ему дорогу, принудили отступить отъ Копорья и вывести оттуда свою дружину, взяли у него двухъ дочерей и нѣсколько бояръ съ женами и дѣтьми и послали въ Новгородъ въ заложники, пока не будетъ выведена княжая дружина изъ Копорья. Не смотря на это Довмонтъ не только недумалъ очистить Копорье, но даже нечаянно напалъ на Ладогу, забралъ тамъ все имущество Димитрія, причемъ захватилъ часть ладожскихъ товаровъ. Тогда Новгородцы отправили посольство къ Андрею Городецкому, звать его къ себѣ въ князья; а сами пошли ратью на Копорье, выгнали оттуда дружину Димитріеву съ Довмонтомъ, а городъ срыли до основанія. Потомъ прибылъ въ Новгородъ и князь Андрей Александровичъ Городецкій; онъ, побывъ тамъ не долго и взявши съ собою посадника и старѣйшихъ Новгородскихъ мужей въ провожатые, отправился во Владимиръ, потомъ, дошедши до Владимира, отпустилъ Новгородскихъ мужей домой, а самъ ушелъ въ свой Городецъ; ибо Димитрій тѣмъ временемъ успѣлъ про-

браться въ Переяславль и началъ собирать войско. Новгородскій же посадникъ Семень Михайловичъ съ боярами, возвращаясь изъ Владимира, пришелъ въ Торжекъ и сѣлъ тамъ въ засадѣ, чтобы не пропускать въ Торжекъ намѣстниковъ Димитріевыхъ, а весь лишній хлѣбъ препроводилъ въ Новгородъ, гдѣ уже въ немъ чувствовался довольно замѣтный недостатокъ.

Между тѣмъ князь Андрей Александровичъ, узнавши о приготовленіяхъ Димитрія къ войнѣ, ушелъ въ Орду искать Татарской помощи, а Новгородцы вмѣстѣ съ Андреевыми союзниками, князьями Святославомъ Тверскимъ и Даніиломъ Московскимъ, пустились къ Переяславлю на Димитрія. Димитрій съ своими полками вышелъ къ нимъ на встрѣчу и остановился въ Дмитровѣ, куда скоро подошли и Новгородцы съ своими союзниками, и не доходя до Дмитрова пяти верстъ, обѣ стороны вступили въ переговоры, которые продолжались пять дней и кончились тѣмъ, что Димитрій заключилъ миръ на условіяхъ предложенныхъ Новгородцами, и Новгородцы возвратились домой. Между тѣмъ, пользуясь отсутствіемъ главной Новгородской рати, бывшей въ Переяславскомъ походѣ, Ливонскіе Нѣмцы Невою вступили въ Ладожское озеро и избили Новгородскихъ Обонежскихъ купцовъ; но принуждены были удалиться, когда на нихъ напали Ладожане.

На слѣдующій (1284) годъ пріѣхалъ въ Торжекъ князь Андрей Александровичъ, возвратившійся изъ Орды, и, пригласивъ къ себѣ Новгородскаго по-

Князь Андрей
Александровичъ.

садника Семена Михайловича съ старѣйшими мужами, условился съ ними, какъ владѣть Новгородомъ, и цѣловаль къ Новгородцамъ крестъ неотступаться отъ Новгорода, а Новгородцы цѣловали къ нему крестъ,—не искать другаго князя, жить ли, умереть ли съ княземъ Андреемъ. Но это цѣлованіе креста ни къ чему не повело; ибо въ то время какъ Андрей и Новгородцы цѣловали другъ къ другу крестъ, Дмитрій, получилъ помощь отъ сильнаго Татарскаго хана Ногая; и Андрей, воротившись во Владимиръ, принужденъ былъ заключить съ Дмитріемъ миръ, по которому онъ отказался отъ Новгорода. Мало этого, Дмитрій вмѣстѣ съ Татарскою и Низовою ратью двинулся въ Новгородскія владѣнія и принудилъ Андрея участвовать въ этомъ походѣ; этимъ походомъ Новгородскія владѣнія были сильно опустошены; и Новгородцы, не имѣя въ сборѣ войска, принуждены были заключить миръ и признать Дмитрія своимъ княземъ. И на этотъ разъ Дмитрію удалось удержать за собою Новгородъ почти 10-ть лѣтъ.

Князь Дмитрій Александровичъ въ другій разъ.

Сдѣлавшись снова Новгородскимъ княземъ, Дмитрій при помощи своей партіи, черезъ годъ (въ 1286 году) отнялъ посадничество у Семена Михайловича и отдалъ Андрею Климовичу; а тысяцкое Андреяну Ольферьевичу, и въ слѣдъ за тѣмъ начались страшные безпорядки. Дмитріева партія, не довольная еще отнятіемъ посадничества у Семена Михайловича, въ слѣдующемъ году подняла на него чуть не весь Новгородъ; всѣ вооружились, какъ на рать,

и безъ всякаго суда начали грабить Семеновъ дворъ, такъ что самъ Семень едва успѣлъ спастися къ владыкѣ, который проводилъ его въ церковь св. Софїи и на другій день съумѣлъ утишить мятежъ, послѣ чего Семень вскорѣ разболѣлся и умеръ. Но не долго торжествовала и Димитріева партія, самъ князь Димитрій своимъ самовластіемъ способствовалъ паденію своихъ сторонниковъ. Онъ на другій годъ по смерти Семена потребовалъ, чтобы Новгородцы шли съ его полками на Тверь; и его посаженникъ посадникъ Андрей съ своею партією исполнилъ это требованіе, и самъ водилъ Новгородскіе полки и вмѣстѣ съ Димитріемъ сильно опустошилъ Тверскую область. Эта угодливістьъ князю въ явное нарушеніе старыхъ Новгородскихъ правъ, такъ раздражила Новгородцовъ, что они, собравши вѣче, отняли посадничество у Андрея Климовича и дали Юрью Мишиничу, а посадничество въ Ладогѣ отдали Матвею Семеновичу, и начались снова безпорядки. Великимъ постомъ во вторникъ похвальной недѣли жители Прусской улицы убили на владычнемъ дворѣ Самойла Ратшинича въ то время, какъ онъ шелъ къ заутрени. Это убійство опять вооружило весь Новгородъ, зазвонили вѣче у св. Софїи и у св. Николы и въ dospѣхахъ, въ полномъ оружіи, всѣ бросились на Прусскую улицу, разграбили тамъ всѣ дома и сожгли улицу. Но и этимъ дѣло не кончилось, — на другій годъ крамольники разграбили торгъ; за тѣмъ собралось вѣче, по суду котораго двухъ главныхъ заводчиковъ крамолы сбро-

сили съ моста въ Волховъ. Наконецъ въ 1293 году пришелъ конецъ княженію Димитрія и во Владимирѣ и въ Новгородѣ. Князь Андрей Александровичъ вооружилъ противъ него всѣхъ Русскихъ князей и привелъ изъ орды Татарскую рать съ царевичемъ Дюденемъ. Дмитрій бѣжалъ во Псковъ къ своему зятю Довмонту, а Татары, опустошивши его владѣнія, выдвинулись къ границамъ Новгородскимъ и остановились на Волокѣ. Новгородцы, узнавши объ этомъ, выслали къ царевичу Дюденю дары, чтобы воротилъ рать, а къ князю Андрею отправили посольство звать его въ Новгородъ. Дюдень и Андрей, довольные дарами и посольствомъ, поворотили свои рати отъ Новгородскихъ границъ; потомъ Андрей самъ прибылъ въ Новгородъ, и тѣмъ кончилось бурное княженіе Димитрія.

**Войны съ
Шведами и
Литвою.**

Княженіе Димитрія, обильное внутренними мятежами и ссорами, изобильно было также и войнами съ Нѣмцами и Шведами, но войнами безплодными и часто не удачными; Новгородцы, тѣснимые самовластіемъ князя и втянутые имъ въ княжескія междоусобія, плохо дѣйствовали противъ внѣшнихъ своихъ неприятелей. Такъ въ 1283 году Новгородцы оставили безъ наказанія Ливонскихъ Нѣмцевъ, избившихъ Обонежскихъ купцовъ; а въ 1285 году Литва невозбранно опустошила Новгородскія волости по Ловати. Между тѣмъ Шведы, болѣе и болѣе утверждаясь въ Финляндіи, начали разпространять свои виды и на Корѣлію; они въ 1284 году, подъ предводительствомъ своего воеводы Трунды, въ лойвахъ

и въ шнекахъ вошли въ Неву, имѣя въ виду взять дань на Корѣль; впрочемъ этотъ походъ имъ не удался, Новгородцы съ посадникомъ своимъ Семеномъ и съ Ладожанами загородили устье Невы, и дождавшись здѣсь возвращенія Шведовъ, большую часть ихъ избили, а остальные принуждены были спастись бѣгствомъ. Въ 1292 году Новгородская молодежь, повольники, подъ предводительствомъ княжескихъ воеводъ, явились въ Финляндіи мстить Шведамъ за Корѣльскій набѣгъ, опустошили земли Еми, взяли одинъ изъ тамошнихъ городовъ, и награбившись досыта, благополучно возвратилась домой. На это Шведы въ тотъ же годъ отвѣчали набѣгомъ на Корѣлу и Ижеру въ числѣ 800 ратниковъ; но этотъ набѣгъ былъ для Шведовъ также неудаченъ, какъ и набѣгъ 1284 года, Корѣла и Ижерцы всѣхъ ихъ или избили или переловили. Тѣмъ не менѣе Шведы не оставляли своихъ замысловъ покорить Корѣлу и какъ можно болѣе стѣснить Новгородскую торговлю; съ этою цѣлю они въ 1293 году, пользуясь нашествіемъ царевича Дюдены и князя Андрея Александровича на Новгородскія земли, выстроили на границахъ Корѣльской земли городъ Выборгъ и укрѣпили его.

Князь Андрей Александровичъ, послѣ бѣгства Дмитріева приѣхавшій въ Новгородъ по просьбѣ народа, княжилъ тамъ десять лѣтъ, и такъ строго собиралъ изконные Новгородскіе порядки, что пользовался общимъ уваженіемъ и любовію народа, и въ его десятилѣтнее правленіе не было ни возму-

Князь Андрей Александровичъ вторично.

щней, ни безпорядковъ въ Новгородѣ, а равнымъ образомъ и дѣла съ безпокойными сосѣдами Нѣмцами и Шведами шли довольно счастливо. Андрей Александровичъ въ случаѣ нужды не только самъ усердно помогаль Новгородцамъ, но умѣль и другихъ князей побуждать къ тому же. Онъ только что вступилъ въ Новгородъ, то немедленно одну рать съ княземъ Романомъ Глѣбовичемъ, Юріемъ Мишиничемъ и тысяцкимъ Андреяномъ отправилъ противъ Шведовъ къ новопостроенному ими Выборгу, а съ другою ратью самъ и съ посадникомъ Андреемъ отправился въ Торжекъ, чтобы перехватить Дмитрія, пробиравашагося изъ Пскова въ свой Переяславль. Походъ къ Выборгу, начатый съ небольшою ратью и въ весеннюю ростепель, былъ неудаченъ; Новгородцы, не имѣя возможности начать правильную осаду, вздумали покончить дѣло приступомъ; но по малочисленности Новгородскѣй рати приступъ этотъ не удался, Шведы дрались отчаянно и многихъ ранили, и Новгородцы должны были безъ успѣха воротиться домой. Что же касается до похода князя Андрея въ Торжекъ, то хотя Дмитрій окольными путями успѣлъ пробраться чрезъ Новгородскія владѣнія и не былъ достигнуть Андреевою погонею; но онъ уже не заявлялъ притязаній на Новгородъ и изъ Твери прислалъ тамошняго епископа въ Торжекъ съ поклономъ и просьбою о мирѣ, объщаясь Новгородцамъ возвратить Волокъ и спокойно княжить въ Переяславль; и Новгородцы въ Торжкѣ же заключили съ нимъ миръ, послѣ ко-

торого онъ вскорѣ умеръ, не успѣвши даже выѣхать изъ Волока.

Князь Андрей Александровичъ, по заключеніи мира съ Димитріемъ, изъ Торжка же отправился въ Низовую землю, т. е. во Владимиръ, а посадника Андрея отпустилъ въ Новгородъ. У Новгородцевъ въ слѣдъ за тѣмъ началась упорная борьба съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами, продолжавшаяся во все время княженія Андреева. Въ годъ же заключенія мира съ Димитріемъ Ливонскіе Нѣмцы перешли Нарову и построили городокъ на Новгородской сторонѣ; Новгородцы, спокойные дома, немедленно вооружились, взяли городокъ приступомъ, разорили его до основанія и сожгли близъ лежащее Нѣмецкое селеніе. Но только что Новгородцы управились съ Ливонскими Нѣмцами, какъ на другой годъ (1295 г.) Шведы съ своимъ воеводою Сигге явились въ Корѣлю и заложили городъ Кексгольмъ; Новгородцы снова вооружились, взяли городъ приступомъ, разрыли его до основанія, убили самага воеводу Сигге и непустили ни одного Шведа домой живаго; а сами, чтобы имѣть городъ по близости къ Финскому заливу, возобновили и укрѣпили Копорье въ 1297 году. На слѣдующій годъ Ливонскіе Нѣмцы, собравшись съ силами и желая отомстить за разореніе ихъ городка и сель по Наровѣ, 4-го марта изгономъ напали на Псковъ, сожгли посадъ, разорили нѣсколько пригородныхъ монастырей, изрубили беззащитныхъ старцевъ иноковъ, избили множество женъ и дѣтей на посадѣ, а на другой день

Война съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами.

осадили и самый Псковъ; но во Псковѣ живъ еще былъ любимый народомъ старикъ князь Довмонтъ, незнавшій страха въ битвахъ; и Нѣмцы дорого заплатились за свой смѣлый набѣгъ. Псковичи, предводительствуемые Довмонтомъ и знаменитымъ своимъ витяземъ Иваномъ Дорогомиловымъ, недожидаясь помощной рати отъ Новгорода, мужественно выступили изъ города, напали на Нѣмцовъ на берегу рѣки Великой, близъ церкви Петра и Павла, разбили на голову, вмяли въ рѣку и многихъ потопили, ранили въ голову самага Нѣмецкаго командора и такое произвели опустошеніе въ ихъ полку, что большая ихъ часть легла костью и только не многіе спаслись бѣгствомъ, побросавши оружіе. Таковой побѣды, по словамъ лѣтописи, Псковичи еще никогда не одерживали надъ Нѣмцами.

Моръ и по-
жарь.

Но въ слѣдъ за побѣдами и успѣхами Новгородъ и Псковъ въ слѣдующемъ 1299 году потерпѣли большія нещастія. Во Псковѣ былъ сильный моръ, отъ котораго погибло множество людей и между ними любимый народомъ князь Довмонтъ; Новгородъ же постигнулъ страшный пожаръ, истребившій до половины города. Пожаръ этотъ начался въ часъ ночи въ великую субботу: прежде всего загорѣлось на Варяжской улицѣ, при чемъ поднялася страшная буря съ вихремъ, отъ чего огонь такъ сильно захватывалъ дома, что люди едва успѣвали выбѣгать, о спасеніи же имущества нечего было и думать. За Варяжской улицейхватило пламенемъ огромный торговый Нѣмецкій дворъ; потомъ съ Нѣ-

мецкаго двора пламя перекинуло въ Неревскій конецъ и охватило всю Холопью улицу и даже заняло великій мостъ черезъ Волховъ, далѣе перешло къ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ и истребило всѣ лавки и товары на тамошнемъ торговомъ дворѣ, за тѣмъ пожаръ, распространившись по торговой сторонѣ, истребилъ 12 церквей, причемъ погибло множество народа. Такъ что радостный день Свѣтлаго Христова Воскресенія Новгородцы на этотъ разъ встрѣтили съ воплемъ и слезами, — кто стоналъ на дымящихся пожарищахъ, оплакивая погорѣвшее и пограбленное имущество, нажитое потомъ и трудами, кто рыдалъ надъ обгорѣвшими трупами дѣтей и другихъ родственниковъ. А черезъ мѣсяць послѣ пожара Новгородцамъ пришлось оплакивать кончину своего любимаго архіепископа Климента, болѣе 23 лѣтъ управлявшаго Новгородскою церковію. По смерти Климента Новгородцы съ своимъ посадникомъ Андреемъ приступили къ избранію новаго владыки, и послѣ многихъ толковъ, избрали Благовѣщенскаго игумена Θεоктиста, и, собравъ вѣче у св. Софїи, всѣмъ Новгородомъ вмѣстѣ съ княземъ Борисомъ Андреевичемъ, который правилъ въ Новгородѣ отъ имени отца, ввели его на владычень дворъ, и посадили тамъ, пока не узнаютъ гдѣ митрополитъ. На другой годъ митрополитъ Максимъ съ епископами Ростовскимъ Симеономъ и Тверскимъ Андреемъ прибылъ въ Новгородъ и посвятилъ Θεоктиста въ архіепископы въ церкви св. Софїи, нареченіе же Θεоктисту передъ посвященіемъ

емъ было въ церкви Бориса и Глѣба. Въ этотъ годъ Новгородъ сталъ поправляться послѣ страшнаго пожара и при новомъ архіепископѣ было выстроено нѣсколько новыхъ церквей на мѣсто погорѣвшихъ.

Война со
Шведами.

Между тѣмъ Шведы, не смотря на неоднократныя неудачи, не отступались отъ своего намѣренія построить себѣ крѣпкій городъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ, и въ настоящемъ 1300 году на сто одиннадцати большихъ судахъ, подъ предводительствомъ королевскаго намѣстника, маршала Торкеля Кнутсона, вошли въ Неву, и при помощи искусныхъ градостроителей, построили на устьѣ Охты городъ, который называли Вѣнцомъ земли (Ландскрона), утвердили его, по словамъ лѣтописи, твердостію несказанною и оставили тамъ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ воеводы Стеня, мужа извѣстнаго своею храбростію. Построеніе Ландскроны страшно могло вредить Новгородской торговлѣ; Шведы теперь могли по своей волѣ запереть сообщеніе Новгородцевъ съ Балтійскимъ моремъ и ни одного заморскаго купца не пропустить въ Новгородъ. А посему Новгородцы рѣшились во чтобы то ни стало сокрушить Шведскій вѣнецъ земли въ своихъ владѣніяхъ; они на другой же годъ раннею весною вызвали князя Андрея Александровича съ Низовыми полками, пригласили сбѣда своего и союзника Тверскаго князя Михаила Ярославича, и собравши и свою рать, пустились воевать со Шведами, осадили городъ, сожгли вѣншія укрѣпленія и потомъ 19 мая пошли

на приступъ. Приступъ этотъ былъ самый сильный и рѣшительный, Шведы защищались отчаянно и много побили Новгородцевъ и Низовцовъ подъ стѣнами своего города; но тѣмъ неменѣе городъ неустоялъ. Новгородцы взяли его, Шведовъ же частью изрубили, частью повязавши отправили плѣнниками въ Новгородъ, а самый городъ сожгли и срыли до основанія, даже сравняли самую гору или берегъ, на которомъ стоялъ городъ. Взятіе этого Шведскаго города такъ высоко цѣнилось Новгородцами, что современный событію лѣтописецъ считалъ эту побѣду особенною милостію Божіею, и въ лѣтописи своей отмѣтилъ такъ: „силою св. Софія и помощію св. Бориса и Глѣба, твердость та ни во что же бысть за высокоумье ихъ, зане все трудъ ихъ безъ Божія повелѣнія. Упокой, Господи, въ царствіи своемъ души тѣхъ, которые у города того головы свои положили за св. Софію, а князю великому Андрею умножи, Господи, многія лѣта съ своими мужами Суздальцами и съ своими мужами Новгородцами и Ладожанами.“ И долго до самаго паденія Новгорода по всѣмъ перквамъ Новгородскимъ въ установленные дни творилась память православнымъ воинамъ, побитымъ подъ Вѣнцемъ городкомъ.

Уничтоживши Шведскій городъ на своей землѣ, Новгородцы на другой годъ принялись укрѣплять самый Новгородъ и обвели его каменными стѣнами. Потомъ желая прекратить мелкія, но постоянныя взаимныя опустошенія между Псковичами и Датчана-

ми изъ Ревеля, отправили своихъ пословъ въ Данию и заключили съ тамошнимъ королемъ миръ на томъ условіи, чтобы ни Датчанамъ не воевать въ Псковскихъ и Новгородскихъ владѣніяхъ, ни Новгородцамъ, ни Псковичамъ во владѣніяхъ Датскаго короля, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ Псковомъ. Слѣдующіе два года были тяжелы для Новгородцевъ: именно въ 1303 году, по случаю теплой и безснѣжной зимы, Новгородъ подвергся сильному голоду; лѣтописецъ говоритъ: „и недобыша людіе хлѣба и быть дороговъ велика, туга велика и печаль людямъ.“ А въ 1304 году скончался въ Городцѣ великій князь Андрей Александровичъ, любимый Новгородцами, умѣвшій соблюдать древніе уставы вольнаго народа и удалять всѣ неудовольствія и раздоры партій; онъ точно унесъ съ собою въ могилу спокойствіе Новгорода.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

Борьба Новгорода съ Тверскими и Московскими князьями.

По смерти великаго князя Андрея Александровича, любимаго народомъ, началась у Новгородцевъ упорная борьба съ великими князьями Тверскими, продолжавшаяся слишкомъ семьдесятъ лѣтъ. Князь Михаилъ Ярославичъ Тверскій въ послѣднее время былъ въ союзѣ съ Новгородомъ; до насъ дошла даже его договорная грамота съ Новгородцами, писан-

Князь Михаилъ Ярославичъ Тверскій в борьба съ нимъ.

ная въ 1295 году, по которой обѣ стороны обязывались помогать другъ другу. Новгородцы по этой грамотѣ даже обѣщались помогать Михаилу въ случаѣ притѣсненій отъ Андрея или отъ Татаръ, а Михаилъ далъ слово стоять за всякую обиду Новгородцевъ отъ кого бы то ни было. По смерти Андрея Александровича бояре его немедленно пріѣхали въ Тверь; а въ слѣдъ за тѣмъ Михаилъ Ярославичъ, безъ всякихъ сношеній съ Новгородцами, прислалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Новгородцы, оскорбленные такимъ неуваженіемъ къ ихъ изконнымъ правамъ, выпроводили Михайловыхъ намѣстниковъ назадъ въ Тверь, и сильною ратью, собранною со всѣхъ Новгородскихъ волостей, двинулись къ Торжку охранять свои границы на случай нападенія со стороны Твери; Михаилъ же выдвинулъ свои полки противъ Новгородцевъ. Но вмѣсто битвы начались пересылки и переговоры, кончившіеся тѣмъ, что Новгородцы и Михаилъ заключили между собою договорную грамоту на основаніи грамотъ, заключенныхъ Новгородцами прежде съ Михайловымъ отцемъ Ярославомъ; впрочемъ къ прежнимъ условіямъ Новгородцы еще присоединили: 1) Ежели у Новгорода будетъ война съ Нѣмцами, или Литвою, или съ иною землею, то князь долженъ помогать Новгороду безъ хитрости, а безъ Новгородскаго согласія войны не замышлять. 2) Сколько есть договорныхъ грамотъ у Новгорода со всѣми городами Нѣмецкими, тѣхъ грамотъ князю не нарушать, блюсти душу Новгородскую. 3) Князю не держать гнѣва

ни на одного Новгородца. 4) Суда Новгородскаго не пересуживать ни князю, ни его судьямъ. И 5) Новгородцы тогда только признають Михаила своимъ княземъ, когда онъ получитъ отъ хана Татарскаго грамоту на великое княженіе Владимирское. Ежели же онъ не получитъ ханской грамоты, то Новгородцы выведутъ его намѣстниковъ изъ Новгорода и изъ пригородовъ, и это не считать нарушенъемъ договора.

Въ ордѣ дѣло кончилось въ пользу Михаила, ханъ далъ ему грамоту на великое княженіе Владимирское, и Новгородцы, согласно съ договорною грамотою, также признали его своимъ княземъ и оставили у себя его намѣстниковъ; но въ слѣдъ за тѣмъ заключили съ нимъ новую договорную грамоту, по которой Михаилъ: во 1-хъ долженъ былъ отступиться отъ всѣхъ слободъ и селъ, которыя были даны Новгородцами прежнимъ князьямъ Дмитрію и Андрею Александровичамъ. 2) Рубежъ между Новгородскою и Суздальскою землею Михаилъ долженъ соблюдать тотъ самый, который былъ при его дѣдѣ и отцѣ. 3) Михаилу, подобно какъ и Андрею, дозволялось посылать своихъ ловцовъ за Волокъ къ Бѣлому морю, но не болѣе какъ въ двухъ насадахъ, и чтобы насады сіи посылались непременно изъ Новгорода и возвращались назадъ черезъ Новгородъ. И 4) чтобы князь не держалъ гнѣва на Новгородъ и ни на одного Новгородца, не нарушалъ Новгородскихъ рядовъ и во всемъ поступалъ согласно съ договорными грамотами своего отца. Но эта гра-

мота плохо исполнялась княземъ, и потому въ слѣдъ за нею Новгородцы взяли съ Михаила другую такую же грамоту. Впрочемъ и отъ второй грамоты мало было пользы Новгороду; самъ Михаилъ продолжалъ жить въ Твери, а въ Новгородѣ управляли его намѣстники, которые и не думали исполнять договора, заключеннаго княземъ съ Новгородцами, и дѣлали разныя притѣсненія и злоупотребленія. Притѣсненія сіи вызвали общую жалобу Новгородцовъ къ Михаилу; владыка Новгородскій Θεоктистъ, посадникъ и тысяцкій, отъ лица всѣхъ Новгородцовъ, въ 1307 году послали къ Михаилу грамоту, въ которой писали, что намѣстникъ Псковскій Θεодоръ Михайловичъ, при нападеніи Ливонскихъ Нѣмцевъ, бѣжалъ изъ Пскова, несмотря на просьбы Псковичей и Новгородцевъ, и бѣжавши ограбилъ нѣкоторыя Новгородскія села; а намѣстникъ Корѣльскій Борисъ Константиновичъ раззорилъ Корѣлянъ и тѣ пошли къ Шведамъ, и что Новгородъ нехочетъ долѣе держать у себя такихъ намѣстниковъ и просить, чтобы самъ князь пріѣхалъ къ св. Софіи и далъ имъ судъ передъ собою. Въ слѣдствіе этой просьбы Михаилъ Ярославичъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1308 году; но этотъ пріѣздъ еще не успокоилъ Новгородцовъ: князь не отказывался отъ притязаній на села и слободы, данныя Новгородомъ прежнимъ князьямъ Димитрію и Андрею только въ пожизненное владѣніе. А посему въ слѣдъ за отъѣздомъ князя въ Тверь, туда же явились и послы Новгородскіе съ грамотою, по кото-

рой Новгородъ требоваль: 1) чтобы князь болѣе не посылалъ своихъ мужей въ Заволочье для сбора отписанныхъ на князя даней, а продавалъ бы тамошніе свои доходы Новгородцамъ; 2) чтобы окончательно отступился отъ сель и слободъ, уступленныхъ пожизненно прежнимъ Новгородскимъ князьямъ Димитрію и Андрею; 3) чтобы отложилъ все (не разслѣдовалъ), что дѣлалось между имъ и его мужами, и между Новгородомъ и Новгородскими мужами до крестнаго цѣлованія; 4) чтобы не судилъ насильно купцовъ въ волости, пріѣзжающихъ для торговли (т. е. чтобы каждый судился тамъ, гдѣ живетъ, а не тамъ, куда временно пріѣзжаетъ торговать); 5) чтобы князь во время своихъ поѣздовъ въ Новгородъ бралъ по станамъ дары только въ одинъ конецъ, а на поѣздѣ изъ Новгорода даровъ не бралъ; и наконецъ 6) чтобы отложилъ свое нелюбье отъ старѣйшихъ и отъ меньшихъ и отъ всѣхъ, и на всемъ этомъ цѣловалъ крестъ при Новгородскихъ послахъ. Эта грамота была послѣдняя, заключенная Михаиломъ съ Новгородцами при архіепископѣ Теокистѣ, ибо въ томъ же 1308 году, зимою, Теокистѣ, по старости и болѣзнямъ, отказался отъ Новгородской каедры и отошелъ въ Благовѣщенскій монастырь на покой, а на свое мѣсто благословилъ, избраннаго Новгородцами своего духовнаго отца Давыда, который тутъ же былъ посаженъ на владычнемъ дворѣ, и на другой годъ ѣздилъ во Владимиръ на посвященіе къ митрополиту Петру.

Покончивши свои щеты съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, Новгородцы въ 1310 году на лодьяхъ и лойвахъ, ходили въ Ладожское озеро, и изъ озера рѣкою Узьервой въ Корѣльскую землю, и на порогѣ этой рѣки построили и укрѣпили новый городокъ Корѣлу, а старый обвѣтшалый разметали. А на зиму того же года Шведы или Емь, изъ Финляндіи, грабили села около Новгорода; по сему Новгородцы съ княземъ Дмитріемъ Романовичемъ, жившимъ у нихъ, на слѣдующій годъ отправились въ морской походъ на Финляндію, принадлежавшую уже тогда Шведамъ, и прежде всего взяли Купецкую рѣку, разбили и пожгли села Еми и побрали множество плѣнниковъ а скоть весь перерѣзали; потомъ перешли рѣку Черную и этою рѣкою подошли къ Шведскому городу Ваная, взяли и сожгли посадъ этого города, но самой крѣпости, стоявшей на неприступной скалѣ, взять не могли, простояли подъ нею три дня и три ночи, опустошили и пожгли всю окрестную страну, такъ что изъ домашняго скота не оставили жителямъ ни рога, и за тѣмъ рѣками Перною и Кавгалою опять вышли въ море и наконецъ Невою, Ладожскимъ озеромъ и Волховомъ воротились домой съ богатою добычею.

Пока Новгородская рать ходила въ Финляндію, опустошала и жгла тамошнія села, въ самомъ Новгородѣ было три ночныхъ пожара, страшно опустошившіе городъ: первый пожаръ былъ въ ночь на 19 мая и истребилъ на Яневой улицѣ 37 дворовъ; второй— въ ночь на 28 іюня, начался съ Роз-

Война съ
Шведами въ
Финляндіи.

Пожары, и
ссора съ кня-
земъ Михаи-
ломъ Яро-
славичемъ.

важей улицы, и истребилъ почти весь Неревскій конецъ, однихъ церквей обгорѣло болѣе сорока; и наконецъ 3-й пожаръ, въ ночь на 16 іюля, начался на Ильинской улицѣ и при помощи сильнаго вѣтра пожегъ торгъ, Рогатицу и Славно, при чемъ погорѣло 14 церквей—семь каменныхъ, шесть деревянныхъ и одна Варяжская. Пожары сіи явно были дѣломъ поджоговъ и предвѣщали приближеніе ссоръ и безпорядковъ; ибо лѣтописецъ жалуется, что злые люди, не боящіеся Бога, ни суда Божія помнящіе, ни жалующіе своей братьи, производили на пожарахъ страшные грабежи. Да и на самомъ дѣлѣ ссоры и безпорядки не замедлили явиться: въ томъ же году собралось шумное вѣче, на которомъ отняли посадничество у Михаила Павшинича, сторонника Михаила Ярославича, и передали посадничество Семену Климовичу, бывшему посадникомъ при князѣ Андрѣ Александровичѣ. А въ слѣдующемъ (1312) году князь Михаилъ Ярославичъ объявилъ войну Новгороду вѣроятно недовольный смѣною посадника, свелъ своихъ намѣстниковъ, остановилъ обозы, шедшіе въ Новгородскую землю, захватилъ Торжекъ, Бѣжичи и всю тамошнюю область. Новгородцы, не совсѣмъ согласные между собою и захваченные въ располъхъ, не могли и думать о войнѣ; а по сему, несмотря на весеннюю распутицу, немедленно отправили своего архіепископа Давыда въ Тверь молить Михаила, чтобы возвратилъ имъ своихъ намѣстниковъ и пустилъ остановленные обозы. Архіепископъ Давыдъ нашелъ Михаила въ Городкѣ на

Волгѣ, близъ Твери, и заключилъ миръ, по которому Новгородцы обязались заплатить Михаилу полторы тысячи гривенъ серебра, а Михаилъ возвратилъ своихъ намѣстниковъ и далъ свободный пропускъ обозамъ идти въ Новгородъ. Михаилъ поспѣшилъ миромъ потому, что ему нужно было спѣшить въ орду, для полученія новой утвердительной грамоты на великое княженіе, по случаю смерти стараго хана Тохты и вступленія на ханскій престолъ новаго хана Узбека.

По заключеніи мира съ Михаиломъ, Новгородцы продолжали прерванную войну со Шведами изъ за Корѣлы, которая въ то время тянула къ Шведамъ. Въ 1313 году Ладожскій посадникъ съ Ладожанами пошелъ опустошать Корѣльскую землю, а Шведы на оборотъ изгономъ напали на Ладугу и пожгли ее. Въ слѣдующемъ году Корѣла измѣннически избила Новгородцовъ, сидѣвшихъ въ Корѣльскомъ городкѣ и призвала къ себѣ Шведовъ. Получивши объ этомъ вѣсть, Новгородцы съ Михайловымъ намѣстникомъ Феодоромъ немедленно пустились къ Корѣльскому городку, Корѣла, державшаяся Новгородской стороны, при самомъ приближеніи рати передалась имъ; и они такимъ образомъ безъ затрудненія взяли Городокъ и избили сидѣвшихъ тамъ Шведовъ и Корѣлянъ, державшихся Шведской стороны.

Между тѣмъ Новгородъ, по послѣднему условію, заключенному въ Городкѣ на Волгѣ, постоянно тѣ-
Продолженіе войны съ Шведами.
Союзъ съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ
 сннимый Михайловыми намѣстниками, нашелъ себѣ

Москов-
скимъ и про-
долженіе
войны съ
Михаиломъ
Ярослави-
чемъ

союзника въ Московскомъ князѣ Юріѣ Даниловичѣ, бывшемъ во враждѣ съ Михаиломъ за Владимирское великое княженіе; и Юрій прислалъ въ Новгородъ своего намѣстника князя Феодора Ржевскаго съ дружиною, который схватилъ намѣстниковъ Михайловыхъ и отдалъ Новгородцамъ для содержанія подъ стражею на владычномъ дворѣ. За тѣмъ Новгородцы съ княземъ Ржевскимъ и Московскою дружиною отправились на Волгу опустошать владѣнія Михайловы; противъ нихъ вышелъ съ Тверскою ратью сынъ Михайловъ Димитрій и сталъ на другомъ берегу Волги, и такимъ образомъ обѣ рати стояли другъ противъ друга до заморозовъ, и потомъ Димитрій за отсутствіемъ отца, бывшаго въ то время въ ордѣ, заключилъ съ Новгородцами миръ. Условія этого мира намъ неизвѣстны, мы только знаемъ, что Новгородцы съ Волги же отправили посольство въ Москву, звать Юрія къ себѣ въ князья на томъ условіи, чтобы княжить на всѣхъ правахъ и вольностяхъ Новгородскихъ. Юрій принялъ это условіе и передъ великимъ постомъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ. Впрочемъ прибытіе Юрія не принесло ожидаемаго спокойствія Новгородцамъ; самый Новгородъ и также Псковъ страдали дороговизною хлѣба по случаю неурожая и въ слѣдствіе остановки обозовъ со стороны Твери. кромѣ того въ Псковской области какъ по селамъ, такъ и въ самомъ городѣ были страшные грабежи, можетъ быть по случаю голода, а можетъ быть и по проискамъ Михайловой партіи.

Пробывши въ Новгородѣ не болѣе шести недѣль, Юрій по приказанію хана долженъ былъ ѣхать въ орду; а по сему онъ въ Лазареву субботу, разпростившись съ Новгородцами и оставивъ у нихъ своего брата Аѳанасія, отправился въ путь. Между тѣмъ князь Михаилъ Ярославичъ, утвержденный новымъ ханомъ на Владимирскомъ великомъ княженіи, съ многочисленною Низовою и Татарскою ратью, подъ предводительствомъ ханскаго воеводы Тайтемира, уже готовился въ походъ къ Новгородскимъ границамъ. Новгородцы, услышавши объ этомъ, немедленно собрали войско и съ княземъ Аѳанасіемъ Даниловичемъ выступили къ Торжку, и стояли тамъ шесть недѣль, собирая вѣсти о разпоряженіяхъ Тверскаго князя. Наконецъ послѣ шести недѣль Михаилъ съ своею и Татарскою ратью двинулся прямо къ Торжку; Новгородцы и Новоторжане съ княземъ Аѳанасіемъ вышли противъ него, и началась страшная битва; Новгородцы всѣ, и бояре и купцы и черные люди, бились не на животъ, а на смерть, но сила и воинскія способности Михаила одолѣли, и Новгородцы принуждены были отступить и запереться въ Торжкѣ. Михаилъ, осадивъ Торжекъ, прислалъ сказать осажденнымъ: „выдайте мнѣ князя Аѳанасія и Ѳеодора Ржевскаго, и я съ вами заключу миръ“. Новгородцы на это отвѣчали: „Аѳанасія не выдадимъ, но измремъ всѣ честно за св. Софію“. Михаилъ послѣ такого отвѣта вторично прислалъ сказать: „выдайте мнѣ хотя Ѳеодора Ржевскаго“. Новгородцамъ не хотѣлось согласиться и на

это; но доведенные до крайности и побуждаемые Новоторжскою партією, принуждены были выдать Θεодора. Послѣ чего Михаилъ немедленно заключилъ миръ съ условіемъ, чтобы Новгородцы заплатили ему 50 тысячъ гривенъ серебра, и въ обезпеченіе уплаты зазвалъ къ себѣ князя Аѳанасія и Новгородскихъ бояръ, обманомъ оставилъ ихъ заложниками и отослалъ въ Тверь, со всѣхъ же Новгородцевъ и Новоторжцевъ, бывшихъ въ Торжкѣ, взялъ большій окупъ и отнялъ все оружіе, и потомъ отправилъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ. Нещастная Новоторжская битва была 10 февраля 1315 года.

Въ слѣдъ за пріѣздомъ Михаила въ Тверь, явилось туда и Новгородское посольство съ владыкою Давыдомъ и заключило тамъ съ Михаиломъ новый договоръ, по которому: во 1-хъ, князь и Новгородцы согласились не искать другъ на другѣ убытковъ и грабежей, бывшихъ во время войны; 2-е, села и людей, которые во время войны заложились за князя, или за княгиню, или за бояръ, возвратитъ къ Новгороду по старой Θεоктистовой грамотѣ, заключенной въ Твери. и плѣнниковъ отдать безъ выкупа; 3-е, ни князю Михаилу, ни его боярамъ не наводить рати на Новгородъ и не задерживать гостей ни въ Суздальской землѣ и нигдѣ; и за это взяли съ Новгорода 12 тысячъ серебра, и въ сіи двѣнадцать тысячъ зачислить и то, что взяли у заложниковъ княжіе повѣренные Θεодоръ Юрьевичъ и Ельферій Жидъ Слаличъ, а платить деньги въ три срока

въ низовой вѣсь (т. е. вдвое легче Новгородскаго); первыя три тысячи двѣсти взять князю на сборное воскресенье, т. е. 1-го марта 1316 года и по получении ихъ пустить въ Новгородъ хлѣбъ и всякихъ гостей; вторыя три тысячи взять на середокрестье, 14 марта; третьи три тысячи безъ двухъ сотъ двадцати пяти серебра на вербное воскресенье, 4-е апрѣля; а остальные три тысячи взяты уже Феодоромъ и Ельферьемъ у заложниковъ; 4-е, князю отложить нелюбие отъ Новгорода и Пскова и отъ пригородовъ, а посаднику, тысяцкому и всему Новгороду не мстить тѣмъ, которые въ Торжкѣ выдали князю его недруговъ; 5-е, Новгороду держать Михаила честно и безъ обиды, а князю держать Новгородъ безъ обиды по старому порядку, согласно съ Феоктистовой грамотой; и 6-е, когда будутъ уплачены Новгородомъ всѣ 12 тысячъ серебра; то великому князю изрѣзать прежнія двѣ грамоты, предпоследнюю Новоторжскую и ту, которая была заключена въ Городкѣ на Волгѣ

Условія сей Тверской грамоты хотя были гораздо легче Новоторжской, требовавшей 50 тысячъ серебромъ; но и они тѣмъ не менѣе были такъ тяжелы и оскорбительны для вольнаго Новгорода, что Новгородцы въ отвѣтъ на эту грамоту выгнали отъ себя Михайловыхъ намѣстниковъ и послали жалобу къ Татарскому хану. Михаилъ, узнавши объ этомъ, со всею Низовскою землею пошелъ на Новгородъ; Новгородцы же съ своей стороны сдѣлали вокругъ города острогъ и созвали всю Новгородскую во-

лость, — Псковичей, Ладожанъ, Рушанъ, Корѣлу, Ижеру и Вожанъ. Такое сильное приготовленіе Новгородцовъ заставило Михаила приостановиться походомъ, и не дошедъ 50 верстъ до Новгорода онъ сталъ лагеремъ на Устьянѣхъ, и постоявъ немного, поворотилъ назадъ. На обратномъ походѣ, думая пройти ближайшею дорогою, войско Михайлово заблудилось въ озерахъ и болотахъ, и побросавши обозы въ непроходимыхъ мѣстахъ, принуждено было умирать съ голоду. ѣсть конину и обдирать кожу съ своихъ щитовъ, чтобы питаться ею, побросать всѣ обозныя тяжести, тагъ что князь, съ безлошадными, ободранными и голодными ратниками едва добрался до Твери.

Новгородцы, избавившись такимъ образомъ отъ враждебнаго нашествія, въ 1316 году отправили къ Михаилу двухъ пословъ Юрія и Якима съ предложеніемъ слѣдующихъ условій: 1-е, Новгородцы мирятся, ежели князь отпустить безъ окупа всѣхъ Новгородскихъ и Новоторжскихъ бояръ, житеихъ и черныхъ людей, и всѣхъ заложниковъ; за это Новгородъ отступается отъ всѣхъ Новгородскихъ товаровъ, взятыхъ Михаиломъ какъ до Новоторжскаго взятія, такъ и въ Торжкѣ. 2-е, Ежели князь приметъ старыя границы между Тверью и Новгородомъ по старымъ грамотамъ. И 3-е, ежели князь сведетъ своихъ намѣстниковъ съ Торжка. Но Михаилъ таковаго предложенія не принялъ и отпустилъ пословъ ни съ чѣмъ. Тогда Новгородцы на слѣдующій годъ отправили въ Тверь новое посольство

съ своимъ владыкою Давыдомъ, предлагая окупъ за своихъ заложниковъ, задержанныхъ въ Твери; но Михаилъ не принялъ и этого предложенія, непослушалъ просьбы архіепископа Давыда, продолжалъ задерживать обозы съ хлѣбомъ, идущіе въ Новгородъ, и на отрѣзъ отказалъ Новгородцамъ въ миръ. Не получивши мира отъ Михаила, Новгородцы въ тоже время должны были воевать со Шведами, которые приходили въ Ладожское озеро и пбили Обонежскихъ купцовъ. Въ отмщеніе за этотъ набѣгъ Новгородцы въ слѣдующемъ 1318 году отправились войною за море, вошли въ рѣку Полную въ сѣверо-западной половинѣ Финляндіи, взяли тамъ городъ построенный мѣстнымъ Шведскимъ правителемъ Лидеромъ и городъ тамошняго Шведскаго епископа, нынѣшній Або, и опустошивъ страну, благополучно возвратились въ Новгородъ.

Между тѣмъ князь Юрій Даниловичъ Московскій успѣлъ выхлопотать себѣ Владимірское великое княженіе у Татарскаго хана, женился на ханской сестрѣ и съ Татарскимъ и своимъ Низовымъ войскомъ двинулся на Михаила Ярославича Тверскаго. Онъ прислалъ Татарскаго воеводу Телебугу сказать Новгородцамъ, чтобы они шли на соединеніе съ нимъ противъ общаго врага; и Новгородцы по этому зову пришли въ Торжекъ, но ненашедши Юрія, и не зная гдѣ онъ находится, заключили съ Михаиломъ Тверскимъ мирный договоръ на томъ, чтобы Новгороду не вступаться ни за Михаила, ни за Юрія. По заключеніи таковаго договора Новго-

родцы спокойно воротились домой; Юрій же Московскій, не доходя 40 верстъ до Твери, вступилъ въ бой съ Михаиломъ, былъ разбитъ на голову и прибѣжавъ въ Новгородъ, упросилъ Новгородцовъ чтобы они шли съ нимъ на Волгу не воевать, а только для того, чтобы заключить миръ съ Михаиломъ. Новгородцы, довольные просьбою Юрія, и надѣясь въ немъ имѣть себѣ въ случаѣ нужды заступника, собрали войско изъ Новгородцовъ и Псковичей и, взявши съ собою своего владыку Давыда, отправились вмѣстѣ съ Юріемъ на Волгу. Михаилъ, видя полки Новгородскіе и зная, что Юрій, зять ханскій, будетъ искать помощи у Татаръ, не рѣшился вступить въ новую битву и уговорился съ Юріемъ идти въ орду на судъ хана, а съ Новгородцами при посредствѣ Юрія заключилъ новый мирный договоръ. По этому договору, дошедшему до насъ, Михаилъ отказался отъ своего княженія въ Новгородѣ, обязался признать старыя границы между Новгородскими и Тверскими владѣніями, отдать безъ выкупа всѣхъ Новгородскихъ плѣнниковъ, возвратитъ Новгороду всѣ захваченныя въ разное время волости и села, всѣ неправильно собранныя дани и все пограбленное во время войны, дать свободный проходъ обозамъ съ хлѣбомъ и ни гдѣ задерживать Новгородскихъ пословъ и гостей. При чемъ Михаилъ разорвалъ двѣ прежнія грамоты, ненавистныя Новгородцамъ, заключенныя въ Городкѣ на Волгѣ и въ Торжкѣ. Такимъ образомъ при посредствѣ Юрія Московска-

го, какъ прямо обозначено въ самой договорной грамотѣ, Новгородъ окончательно раздѣлся съ Михаиломъ Тверскимъ, который на другой годъ былъ убитъ въ ордѣ по приказанію хана Узбека.

Новгородское княжествованіе Михаила, продолжавшееся четырнадцать лѣтъ, было одно изъ самыхъ тяжелыхъ и несчастныхъ для Новгорода; во всѣ четырнадцать лѣтъ Новгородцы были почти постоянно во враждѣ съ княземъ; и князь, имѣя въ Новгородѣ довольно сильную партію, не только ни въ чемъ не помогаль Новгородцамъ, а напротивъ постоянно притѣсняль ихъ. Впрочемъ, не смотря на силу Михаила, Новгородцы во все это время держали себя съ достоинствомъ и постоянно отстаивали свои изконныя права, и стараясь упрочить свою самостоятельность, заключили съ Михаиломъ болѣе десяти договорныхъ грамотъ, въ которыхъ опредѣлялись отношенія князя къ Новгороду.

По смерти Михаила Юрій Московскій, возвратившись изъ орды, прислалъ въ Новгородъ своего брата Аѳанасія. Въ княжествованіе, или скорѣе на мѣстничество этаго князя, Новгородскіе повольники въ 1320 году двумя партіями предпринимали два довольно значительные и отдаленные похода моремъ. Одна партія подъ начальствомъ Луки, вѣроятно богатаго боярина въ Заволочьѣ или на Двинѣ, ходила Двиною и Бѣлымъ моремъ на сѣверныхъ Норвежцевъ, или по выраженію лѣтописей, на Мурманъ. А другая партія повольниковъ, предводительствуемая какимъ-то Игнатомъ Малыгинымъ, пусти-

Князь Юрій Московскій, походы повольниковъ и война съ Шведами.

лась въ ушкуяхъ грабить берега Швеціи. Чѣмъ кончился походъ Луки на Мурманъ, мы не знаемъ, объ Игнатѣ же Малыгинѣ прямо сказано въ лѣтописи, что его ушкуи были избиты Шведами. Въ 1322 году князь Аѳанасій скончался въ Новгородѣ. А между тѣмъ Шведы сдѣлали нападеніе на Корѣльскій Городецъ; тогда Новгородцы вызвали къ себѣ самага Юрія Даниловича князя Московскаго. Князь Юрій, пріѣхавши въ Новгородъ, приказалъ готовить стѣнобитныя машины (пороки), и когда они были приготовлены пошелъ къ Шведскому городу Выборгу, осадилъ его и сталъ бить стѣны шестью машинами, но разбить не могъ; и Новгородцы, простоявши подъ городомъ цѣлый мѣсяцъ и побивши и перевѣшавши много Шведовъ, наконецъ рѣшились на приступъ; но и приступъ неудался, и они невзявши города воротились домой. Возвратившись съ Выборскаго неудачнаго похода, Юрій получилъ вѣсть, что сынъ покойнаго Михаила Тверскаго Дмитрій возвратился изъ орды съ ханской грамотой на великое княженіе Владимірское и съ сильнымъ Татарскимъ войскомъ. По этой вѣсти Юрій поспѣшилъ отправиться на Низъ и просилъ Новгородцовъ, чтобы они его проводили; но тѣ, вѣроятно не довольные неудачнымъ Выборгскимъ походомъ, отказали ему въ этомъ; и онъ пошелъ одинъ съ своею небольшою дружиною. А между тѣмъ другій сынъ Михайловъ Александръ съ своимъ полкомъ уже стерегъ Юрія на Урдомѣ; только Юрій появился тамъ, какъ Тверичи напали

на него, разбили его дружину и захватили обозъ; такъ что Юрій только съ немногими спутниками успѣлъ спастися бѣгствомъ во Псковъ.

Псковичи хотя приняли Юрія съ честію, но ничего не могли сдѣлать для него; у нихъ у самихъ въ это время была война съ Ливонскими Нѣмцами. Впрочемъ Юрій не долго оставался во Псковѣ, Новгородцы, не думая разрывать съ нимъ союза, въ томъ же 1322 году, на основаніи договора, опять пригласили его въ Новгородъ, и поставили въ Загородѣ, во дворѣ діакона Аѳанаса; и онъ у нихъ пробылъ два года, несмѣя выйти изъ Новгородскихъ владѣній и желая можетъ быть своею усердною службою Новгородскимъ интересамъ привлечь къ себѣ разположеніе Новгородцовъ. Въ продолженіи этаго времени, Юрій, въ 1323 году, ходилъ съ Новгородцами въ устьѣ Невы и построилъ тамъ городъ Орѣховъ, чтобы загородить Шведамъ ходъ въ Ладожское озеро. Постройка Орѣхова сильно встревожила Шведовъ, и они, не желая начинать войны съ Новгородомъ, немедленно прислали свое посольство въ Орѣховъ, и заключили съ княземъ Юріемъ и Новгородцами вѣчный миръ, договорная грамота котораго сохранилась въ Шведскомъ государственномъ архивѣ. Изъ этой грамоты видно, что Новгородцы по настоящему миру обезпечили себѣ свободную торговлю на Балтійскомъ морѣ, и провели ясную и утвержденную договоромъ границу между Новгородскими и Шведскими владѣніями въ Финляндіи, но при семъ должны были уступить значи-

тельную часть западной Корѣліи, такъ что граница была проведена отъ устья рѣки Сестры, впадающей въ Финскій заливъ, вверхъ по этой рѣкѣ чрезъ западную часть Кексгольмской области къ Каянебургской; впрочемъ, уступая часть Корѣліи Шведамъ, Новгородцы удержали за собою право собирать по старому дань съ уступленной области.

Заклучивши миръ съ Шведами, Юрій и Новгородцы пустились преслѣдовать Литовцевъ, грабившихъ берега Ловати; преслѣдованіе это кончилось благополучно. Новгородцы нагнали и избili Литовцевъ и только немногимъ изъ нихъ удалось спастись бѣгствомъ. Между тѣмъ въ отдаленномъ Заволочѣ заратились старинные Новгородскіе данники Устюжане, перехватили Новгородцовъ, ходившихъ въ Югру и ограбили ихъ. Новгородцы, получивши объ этомъ вѣсть, собрали войско и въ слѣдующемъ же 1324 году отправились вмѣстѣ съ княземъ въ Заволочье казнить своевольныхъ Устюжанъ. Они взяли приступомъ Устюгъ и разграбили его въ конецъ; послѣ чего Устюжскіе князья поспѣшили прислать свое посольство на Двину съ просьбою о мирѣ; и Новгородцы, довольные покорностію Устюжскихъ князей, заключили съ ними миръ по старой пошлинѣ. По заключеніи сего мира, Новгородцы спокойно пошли домой; а князь Юрій Даниловичъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, прямо изъ Заволочья, рѣкою Камою, пошелъ къ Татарскому хану въ Орду, гдѣ вскорѣ и былъ убитъ собственноручно сыномъ покойнаго Михаила, Тверскимъ княземъ Димитріемъ.

Въ слѣдъ за отъѣздомъ Юрія Даниловича въ орду, умерь архіепископъ Новгородскій Давыдъ и на его мѣсто Новгородское вѣче избрало игумена Моисея и послало въ Москву къ митрополиту Петру на посвященіе. Княземъ же своимъ Новгородцы признали Дмитрія Михайловича Тверскаго, уже по ханской грамотѣ признаннаго великимъ княземъ Владимирскимъ. Но когда, въ слѣдующемъ 1326 году, былъ убитъ въ ордѣ и Дмитрій Михайловичъ; и его братъ Александръ Тверскій, получивъ отъ хана грамоту на великое княженіе Владимирское, сталъ допскиваться и Новгорода; то между Новгородцами начались споры и безпорядки, одна партія радѣла Тверскому князю, а другая не хотѣла его. Наконецъ Тверская партія одолѣла и Александръ Михайловичъ былъ признанъ княземъ Новгородскимъ и заключилъ съ Новгородомъ договорную грамоту, дошедшую до нашего времени. По этой грамотѣ Александръ подтвердилъ всѣ прежнія права и полности Новгорода, обѣщался не держать нелюбья къ Новгороду до посадника, до тысяцкаго и до всего Новгорода отъ мала до велика, не мстить ни судомъ и ни чѣмъ, и не поминать что дѣлалось противнаго до его княженія и въ его княженіе. Князь также далъ слово не дѣлать того, что дѣлалъ въ Новгородѣ насильно дѣдъ его или иной князь, держать старый рубежъ между Новгородскими и Тверскими владѣніями, вольнаго Новгородскаго ряда не нарушать и самосуда въ Новгородскихъ владѣніяхъ не замышлять по старинѣ.

Князь Александръ Михайловичъ и борьба съ нимъ.

Князь Иванъ
Даниловичъ
Московскій.

Но Александръ Михайловичъ не долго княжилъ въ Твери и Новгородѣ; 15 августа 1327 года онъ избилъ пріѣхавшихъ къ нему Татарскихъ пословъ и, спасаясь отъ ханскаго гнѣва, долженъ былъ оставить Тверь; передъ отъѣздомъ онъ присылалъ свое посольство въ Новгородъ съ просьбою, чтобы Новгородцы дали ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ; но вѣче отказало ему въ этой просьбѣ. А въ слѣдъ за тѣмъ князь Московскій Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита, прислалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ, самъ же отправился въ орду. Новгородцы, помня службу князя Юрія Даниловича, охотно приняли намѣстниковъ Ивановыхъ, надѣясь въ немъ найти защитника отъ притѣсеній Тверскихъ князей, своихъ ближайшихъ сосѣдей; но князь Иванъ Даниловичъ далеко не походилъ на своего брата, покойнаго Юрія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Новгороду. Въ тотъ же годъ, какъ въ Новгородъ были присланы Московскіе намѣстники, на зиму явилась въ Тверскихъ владѣніяхъ сильная Татарская рать въ соединеніи съ Московскими полками, подъ главнымъ начальствомъ самого Ивана Даниловича. Эта рать пришла по приказанію хана Узбека, мстить Тверитянамъ за избіеніе Татарскаго посольства, и мстила страшно: Тверь и Кашинъ были опустошены, большая часть жителей тамошняго края были избиты или отведены въ плѣнъ. Князь Александръ бѣжалъ во Псковъ, а братья его Константинъ и Василій въ Ладугу. Опустошивъ Тверскія владѣнія, Татары вступили въ Новгородскую

область, опустошили Новгородскій край, и оттуда прислали своихъ пословъ въ самый Новгородъ съ требованіемъ дани; и Новгородцы едва успѣли откупиться посылкою двухъ тысячъ рублей и множествомъ даровъ Татарскимъ воеводамъ. При чемъ князь Московскій, главный предводитель Татарской рати, не только не остановилъ Татаръ отъ опустошенія Новгородской области, но и ни въ чемъ не помогъ Новгороду, и едва ли не самъ подвелъ Татаръ, чтобъ подъ рукою ослабить Новгородцевъ и поставить ихъ въ большую зависимость отъ себя, какъ это видно изъ послѣдующихъ отношеній этого князя къ Новгороду.

Нашествіе Татаръ такъ сильно перепугало Новгородцевъ, что они на слѣдующій годъ отправили къ Татарскому хану своего посла Ѳедора Колесницу, который ѣздилъ въ орду съ княземъ Иваномъ Даниловичемъ и другими князьями, и тамъ вмѣстѣ съ князьями получилъ ханское повелѣніе—искать князя Александра Михайловича во что бы то ни стало. По этому повелѣнію Новгородцы отправили во Псковъ съ Московскими послами своего владыку Моисея и тысяцкаго Аврама требовать, чтобы Александръ шелъ въ орду; но Псковичи не согласились исполнить этого унижительнаго требованія и объявили, что будутъ стоять за Александра, положившагося на ихъ защиту. Такое отдѣленіе Пскова еще болѣе ослабило Новгородъ и подчинило его Московскому князю. Весною же слѣдующаго 1329 года, князь Иванъ Даниловичъ, съ иными Русскими

князьями и митрополитомъ Θεогностомъ, прибыль въ Новгородъ, и съ князьями и Новгородцами отправился ко Пскову добывать Александра Михайловича. Псковичи, узнавши объ этомъ, приготовились къ битвѣ; Московскій же князь съ своею и Новгородскою ратью сталъ на Опокѣ и, не желая безъ крайней нужды вступать въ сраженіе, придумалъ послѣднее средство склонить Псковичей къ послушанію,—онъ уговорилъ бывшаго при немъ митрополита Θεогноста предать проклятію и Александра и Псковичей; и это средство подѣйствовало. Александръ, какъ скоро пришло митрополичье проклятіе, собралъ вѣче, на которомъ сказала Псковичамъ: „Братіе и друзи! не буди на васъ проклятія мене ради, иду изъ града вашего вонъ, разрѣшаю себя и васъ отъ клятвы“. И сказавъ это, уѣхалъ въ Литву. Псковичи же отправили посольство на Опоку сказать Московскому князю, что Александръ бѣжалъ въ Литву и что они просятъ мира. Князь Иванъ Даниловичъ, довольный покорностію Псковичей, далъ имъ миръ, и приведши Новгородскую рать назадъ, отправился въ Москву, не думая нисколько мстить обиды Новгорода и помогать Новгородцамъ, которыхъ теперь безнаказанно оскорбляли и Ливонскіе Нѣмцы, убившіе въ Юрьевѣ Новгородскаго посланника, знаменитаго мужа Ивана Сыпа, и Новгородскіе старые данники, князья Устюжскіе, въ ту же зиму избившіе измѣннически Новгородцовъ, ходившихъ въ Югру.

Такое униженіе Новгорода естественно не могло не дѣйствовать на народъ, не привыкшій къ безусловной покорности князьямъ, и еще хорошо помнившій, какъ онъ предписывалъ условія и какъ княжескія посольства смиренно ставали на вѣчѣ, дожидаясь рѣшенія отъ господина Великаго Новгорода. А по сему, въ слѣдъ за отъѣздомъ князя Ивана Даниловича еще на Псковъ, пачались неудовольствія, высказавшіяся сперва двумя пожарами въ Плотницкомъ концѣ и на улицахъ Ильинской и Лубяницѣ. Потомъ, когда на слѣдующій годъ архіепископъ Моисей отказался отъ каѳедры и постригшись въ схиму удалился въ монастырь; то споры при избраніи архіепископа продолжались цѣлые восемь мѣсяцевъ, и только къ концу этаго времени какъ то всѣ согласились на одномъ, избрали священника отъ церкви Козмы и Даміана съ Холопьею улицы, именемъ Григорія Калѣку, въ монашество Василія. Наконецъ неудовольствія между Новгородцами достигли до того, что въ 1332 году недовольные явно возстали на посадника Феодора Ахмыла, сторонника Московской партіи, отняли у него посадничество и дали своему избраннику Захарію Михайловичу, дома же и села Ахмыловыхъ пріятелей Семена Судокова и брата его Ксенофонта, разграбили.

Князь Московскій, какъ только услышалъ о Новгородскихъ волненіяхъ, немедленно объявилъ свой гнѣвъ Новгороду, потребовалъ, чего никогда не бывало, у Новгородцовъ Закамскаго серебра, и въ

Притѣсненія отъ Московскаго князя и внутренніе раздоры.

обезпеченіе своего не бывалаго прежде требованія занялъ Торжекъ и Бѣжецкій верхъ. Въ Новгородѣ въ слѣдствіе этого требованія Московская партія ожидала, и перекричавъ на вѣчѣ, отняла посадничество у Захарія и отдала Матвеемъ Косткѣ, вѣроятно по указанію Московскихъ намѣстниковъ. Но Московскому князю этаго было мало, ему нужны были деньги и конечное униженіе Новгорода. А по сему онъ на другій (1333) годъ явился въ Торжекъ со всѣми Низовыми князьями, даже съ Рязанскими, свелъ съ Новгорода своихъ намѣстниковъ, и самъ сидя въ Торжкѣ отъ крещенья до сборнаго воскресенья, разослалъ свое войско опустошать Новгородскую волость. Тщѣтно Новгородцы посылали къ нему посольство съ просьбою о мирѣ; онъ пословъ не принялъ и на глаза, и уѣхалъ изъ Торжка, не давши мира, т. е. обрекши Новгородъ на голодную смерть. Новгородцы въ крайности отправили новыхъ пословъ,—владыку Василія и нѣсколько старѣйшихъ бояръ, которые нашли князя въ Переяславлѣ, поднесли ему отъ имени Новгорода пять сотъ рублей, молили о мирѣ и о томъ, чтобы онъ отступился отъ занятыхъ волостей; но князь и сихъ пословъ не послушалъ и отпустилъ не давши мира. А самъ по требованію хана уѣхалъ въ орду.

Союзъ Новгорода съ княземъ Гедминомъ и миръ съ Московскимъ княземъ.

Враждебныя отношенія князя Московскаго поставили Новгородъ въ необходимость заботиться о надежнѣйшей оборонѣ и объ отысканіи союзниковъ; и первые озаботились этимъ архіепископъ Василій и архимандритъ Юрѣва монастыря Лаврентій. Поль-

зуюсь отъѣздомъ Московскаго князя въ орду, владыка Василій въ два года построилъ каменные стѣны вокругъ всего Новгорода (1333 — 1334 года); а Лаврентій выстроилъ каменные стѣны съ бойницами вокругъ Юрьева монастыря, такъ что монастырь этотъ въ случаѣ надобности могъ служить крѣпостію противъ непріятеля. Въ это же время архіепископъ Василій ѣздилъ во Псковъ, былъ принятъ тамъ съ честію и крестилъ у князя Александра сына его Михаила. Между тѣмъ Новгородцы стали пересылаться съ Литовскими князьями и взяли у тамошняго великаго князя Гедимина сына его Нариманта, принявшаго уже св. крещеніе. Наримантъ, пріѣхавши въ Новгородъ, былъ принятъ съ честію и цѣловаль съ своею дружиною честный крестъ Новгороду — жить за одно, — и получилъ отъ Новгородцовъ въ отчину и дѣдину Ладугу, Орѣховъ, Корѣльскій, Корѣльскую землю и половину Копорья. Все это перемѣнило отношенія Московскаго князя къ Новгороду; предусмотрительный князь Иванъ Даниловичъ, по возвращеніи своемъ изъ орды, развѣдавши все Новгородскія дѣла, вдругъ сдѣлался ласковымъ и уступчивымъ къ Новгородцамъ. Онъ съ любовію и честію принялъ Новгородское посольство, прибывшее къ нему въ Москву, и въ слѣдъ за тѣмъ, зимою въ концѣ 1334 года, самъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ миромъ и прожилъ тамъ довольно дѣлго. Пользуясь случаемъ своего пребывания въ Новгородѣ, онъ хотѣлъ было двинуться на Псковъ; но не получивъ на это согласія отъ Новгородска-

го вѣча, онъ благодушно и безъ гнѣва отложилъ походъ, хотя и не далъ мира Псковичамъ. Возвращаясь изъ Новгорода въ Москву, князь услыхавъ, что Литва воюетъ въ Новоторжской волости, отправилъ свои полки въ сосѣднія Литовскія владѣнія, желая тѣмъ угодить Новгородцамъ, и полки Московскіе пожгли тамъ города Осѣчень, Рясну и другіе. Возвратясь въ Москву князь Иванъ Даниловичъ, позвалъ къ себѣ въ гости владыку Новгородскаго Василия, посадника, тысяцкаго и нарочитыхъ бояръ, принялъ ихъ ласково, угощалъ пирами, честилъ и особенно выказывалъ свое разположеніе къ владыкѣ Василию.

Впрочемъ ни ласки, ни пиры Московскіе не могли усыпить Новгородцовъ. Владыка Василій и посадникъ продолжали укрѣплять Новгородъ и строить новые остроги. А одна изъ Новгородскихъ партій крѣпко не долюбивала Московскпхъ пировъ, и въ то время какъ владыка съ старѣйшими боярами гостилъ у Московскаго князя, затѣяла мятежъ, весь Новгородъ раздѣлился на двѣ стороны, и та и другая сторона уже вооружились и готовы были начать битву; но буря разломила Волховскій мостъ, и враждующіе принуждены были разойтись по домамъ, а потомъ и примирились. И не даромъ одна сторона Новгорода плохо вѣрила ласкамъ Московскаго князя и не долюбивала Московскихъ пировъ. Князь Иванъ Даниловичъ, лаская Новгородскихъ старѣйшинъ, и недумалъ отступаться отъ своихъ замысловъ противъ Новгородскихъ вольностей. Не

получивши отъ Новгородцовъ Закамскаго серебра добровольно, онъ придумалъ завладѣть имъ насильно, и для этаго черезъ годъ послѣ Московскихъ пировъ, не объявляя войны вдругъ послалъ свою рать въ Двинскую область въ Заволочье, чтобы захватить этотъ край и такимъ образомъ загородить Закамскимъ данщикамъ дорогу въ Новгородъ. Ловко было придумано это хитрое дѣло, да неловко кончилось. Сильные и богатые Новгородскіе бояре, проживавшіе въ Двинскомъ краю, владѣвшіе тамъ огромными землями и постоянно имѣвшіе при себѣ не малочисленные и удалыя дружины повольниковъ ротниковъ, дали такой отпоръ не прошеннымъ Московскимъ гостямъ, что Московская рать была разбита на голову и въ беспорядочномъ бѣгствѣ потеряла много убитыми и ранеными.

Въ то время какъ въ Заволочѣ Новгородцамъ пришлось сражаться съ Московскою ратью, у нихъ также не совсѣмъ спокойно было на западѣ: Псковъ не признавалъ перковнаго суда владыки Новгородскаго, хотя и самъ архіепископъ Василій ѣздилъ уговаривать Псковичей; а Корѣла вошла въ сношенія со Шведами противъ Новгорода. Въ томъ же 1337 году, когда были разбиты Московскія войска въ Заволочѣ, Валить Корѣлянинъ, бывшій воеводою въ Корѣльскомъ городѣ отъ имени Новгорода, тайно пригласилъ Шведовъ и передалъ имъ городъ, при чемъ много было убито Корѣлою Новгородскихъ и Ладожскихъ купцовъ, ѣздившихъ туда для торговли; Корѣляне также не мало перерѣзали и

Возмущеніе
Корѣлы и
война съ
Шведамп.

тѣхъ Новгородцовъ, которые поселились между нами, а сами бѣжали въ городки къ Шведамъ, и оттуда еще дѣлали набѣги на Новгородскія села въ томъ краѣ и рѣзали жителей. Это было зимою, а на весну (1338 года) Новгородцы съ посадникомъ Ѳеодоромъ ходили на Неву и стояли подъ Орѣховымъ, ссылаясь съ Шведскимъ воеводою Стенемъ, но ничего не успѣли и не заключивъ мира, воротились домой. А въ слѣдъ за тѣмъ Шведы съ Корѣлю воевали Обонежье и сожгли Ладожскій посадъ, впрочемъ самага города взять не могли. Въ отмщеніе за такія опустошенія, Новгородская молодежь, состоящая изъ удалыхъ повольниковъ, избравши между собою самыхъ храбрыхъ въ воеводы, пустилась къ Шведскому городу Выборгу и страшными опустошеніями тамошнихъ Корѣльскихъ селеній такой навела страхъ, что Шведы не смѣли и показаться изъ своего Выборга. Но какъ скоро повольники обремененные добычею воротились домой, Шведы вышли изъ своего города, напали на Тольдолу и Вотскую землю, впрочемъ не имѣли успѣха; Новгородцы поостереглись, и когда Шведы подходили къ Копорью, то Копорьяне съ бояриномъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ такъ удачно напали на нихъ, что почти истребили весь отрядъ и только не многимъ удалось воротиться въ Выборгъ. Послѣ сего Шведы присмирѣли, и на зиму пришло отъ Выборгскаго воеводы посольство въ Новгородъ, которое говорило, что Шведскій король желаетъ мира съ Новгородцами, что онъ и не думалъ на-

падать на Новгородскую волость, что нападалъ прежній Выборгскій воевода Стень самовольно, котораго за это и смѣнили. Новгородцы на это отвѣчали своимъ посольствомъ въ Выборгъ; гдѣ и былъ заключенъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ былъ заключенъ миръ со Шведами на Невѣ при покойномъ князѣ Юріѣ Даниловичѣ. А про Кобылитскую Корѣлу положено отправить посольство къ самому Шведскому королю Магнусу, которое на другій годъ и ѣздило въ Швецію и въ городъ Лундъ заключило съ королемъ миръ по старымъ грамотамъ; въ этомъ мирѣ о Корѣлѣ сказано: „ежели къ вамъ побѣгутъ наши, то сѣките или вѣшайте ихъ; а ежели къ намъ ваши, то мы сдѣлаемъ тоже, чтобы не мучили между нами; тѣхъ же, которые приняли нашу вѣру, не выдадимъ“. Такъ кончились къ взаимному удовольствію дѣла со Шведами.

Но осталось еще неконченное дѣло поважнѣе Ссора съ Московскимъ княземъ. Шведскаго, — пришла вѣсть, что Московскій князь возвратился изъ орды; и Новгородцы, не зная останется ли онъ съ ними въ мирѣ послѣ разбитія Московской рати въ Заволочѣ, отправили къ нему посольствомъ Сильвестра Волошевича и Федора Аврамова съ данью Татарскому хану; и тутъ только оказалось, что князь не добро мыслить на Новгородъ. Князь Иванъ Даниловичъ, взявши дань, прислалъ свое посольство въ Новгородъ съ требованіемъ, что бы прислали новую дань; ханъ-де просить новой дани. Это не бывалое требованіе такъ огорчило Новгородцевъ, что они чрезъ его посольство отвѣчали

князю: „того у насъ не бывало отъ начала мира, а ты цѣловаль крестъ Новугороду по старой пошлинѣ Новгородской и по Ярославовымъ грамотамъ“ (*). Но Московскій князь не хотѣлъ и думать о Ярославовыхъ грамотахъ; и получивши Новгородскій отвѣтъ отъ своихъ посланниковъ, немедленно послалъ приказъ своимъ намѣстникамъ выйдти изъ Новгорода и объявилъ Новгородцамъ войну. Впрочемъ эта война несостоялась, ибо въ слѣдующемъ 1340 году Московскій князь Иванъ Даниловичъ захворалъ и умеръ въ Москвѣ.

Такъ кончилось тяжелое для Новгорода княженіе великаго князя Ивана Даниловича, продолжавшееся почти 12 лѣтъ. Этотъ хитрый князь и недумалъ исполнять условій, на которыхъ былъ призванъ княжить въ Новгородѣ, и надѣясь на помощь Татарскаго хана постоянно держалъ Новгородцевъ въ страхѣ, а между тѣмъ, при первомъ сколько нибудь гласномъ неудовольствіи всегда умѣлъ во время явиться въ Новгородъ и подавить возстаніе. Такъ что Новгородцы, хотя вообще недовольные имъ, во всѣ двѣнадцать лѣтъ ни разу не успѣли отказать ему; а напротивъ того онъ самъ каждый разъ, подавивъ неудовольствіе, постоянно во время успѣвалъ выказывать свой гнѣвъ и выводилъ намѣстниковъ, а въ случаѣ нужды являлся съ Низовыми и

(*) Дѣйствительно Новгородцы до Ивана Даниловича почти не платили дани Татарскому хану, или платили очень рѣдко и несправно, они не считали себя данниками хана; а о запросѣ или о прибавкѣ новой дани въ Новгородѣ не было и помину.

Татарскими войсками или на границахъ Новгородской области, или и въ самомъ Новгородѣ. Да и вообще князь Иванъ Даниловичъ такъ умѣлъ поставить свои отношенія къ Новгороду, что и на будущее время какъ бы привязалъ Новгородъ къ Москвѣ. Тщетно Новгородцы думали противопоставить Московскому князю Литовскихъ князей; тѣмъ самымъ было не до Новгорода, у нихъ много было дѣла съ Прусскими и Ливонскими Нѣмцами. И Гедиминовъ сынъ Наримантъ, получившій отъ Новгородцовъ, какъ мы уже видѣли, Ладогу, Орѣховъ, Корѣльскую землю и половину Копорья, проживши въ данныхъ городахъ четыре года, удалился въ Литву, не смотря на то, что Новгородцы усильно просили его принять участіе въ усмирѣніи Корѣлы, передавшейся Шведамъ.

Новгородцы, по смерти князя Ивана Даниловича, еще не надумались, кого выбрать себѣ въ князья; какъ сынъ Ивановъ Семень, воротившись изъ орды съ ханскою грамотою на великое княженіе Владимирское, немедленно послалъ своихъ намѣстниковъ и данщиковъ въ Торжекъ съ приказаніемъ собрать дань, которые и начали дѣлать насиліе жителямъ Новоторжцы, пораженные такимъ небывалымъ самовластіемъ, успѣшили извѣстить о томъ Новгородцовъ и просить пособія. Новгородцы, также вовсе неожиданныя такого оскорбленія правъ вольнаго народа, немедленно отправили къ Торжку свои полки съ посадничьимъ сыномъ и четырьмя боярами. Новгородскіе полки безвѣстно вступили

Князь Семень Ивановъ Московскій и война съ нимъ.

въ Торжекѣ и схватили княжихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани, заковали въ цѣпи вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми и начали укрѣплять городъ. А между тѣмъ изъ Новгорода было отправлено посольство въ Москву съ жалобою, которое отъ имени вѣча сказало князю Семену: „Княже! ты еще не успѣлъ сѣсть на княженіи; а твои бояре насильничаютъ у насъ “ Въ отвѣтъ на эту жалобу князь велѣлъ готовить Низовые полки, и на зиму (1340 г.) самъ пустился къ Торжку со всею Низовскою землею. А въ это время въ Новгородѣ и въ Торжкѣ собирались вѣча, и народъ раздѣлился на двѣ стороны. Изъ Торжка посылали въ Новгородъ, чтобы всѣ садились на конь; а въ Новгородѣ чернь, доведенная до крайности недавнимъ страшнымъ пожаромъ (*), отдѣлилась отъ бояръ и сказала, что не можетъ идти на войну. Въ Торжкѣ же чернь, видя что нейдетъ новая Новгородская рать, возстала на бояръ, завопила, — „за чѣмъ Новгородцовъ призвали, а они изымали княжихъ намѣстниковъ, а намъ по-

(*) Этотъ Новгородскій пожаръ, пзвѣстный въ лѣтописяхъ подъ именемъ Троицкаго, былъ въ 1340 году въ іюлѣ мѣсяцѣ, опъ начался на Розважи улицѣ отъ поля, истребилъ Неревскій конецъ до церкви св. Іакова и отъ этой церкви до Чудишцевы улицы, потомъ перекинулся въ кремль для дѣтинецъ, пожегъ владыченъ дворъ, церковь св. Софіи и другія бывшія тамъ церкви и дворы, оттуда проникъ въ Людинъ конецъ и до Прусской улицы, наконецъ перекинуло огонь черезъ Волховъ на торговую сторону, и до вечера выгорѣла вся сторона отъ Федорова ручья въ Славно и до поля, такъ что большая часть города обратилась въ пожарище, много жителей погубило въ пожарѣ, а другіе лишались домовъ и послѣдняго куска хлѣба. Пожаръ былъ такъ силенъ, что не успѣвали выносить имѣнія изъ домовъ, да и вынесенное горѣло на улицахъ.

гибнуть отъ князя.“ И за словами началось и дѣло: чернь, надѣвши брони и взявши оружіе, вломилась въ воеводскіе дворы, освободила княжихъ намѣстниковъ и даньщиковъ, Новгородцовъ выпроводила изъ города и начала грабить боярскіе дворы и села. Новоторжскіе же бояре, кто успѣлъ, бѣжали въ Новгородъ, только спасая свои головы и незахвативши съ собою ничего, а одинъ изъ нихъ Семень Внучекъ даже былъ убитъ чернью на вѣчѣ. Въ это то время сумятицы князь Семень Ивановичъ съ своими Низовыми полками пришелъ въ Торжекъ и за сѣлъ тамъ, принятый Новоторжскою чернью. Новгородцы, получивши вѣсть о прибытіи Московскаго князя въ Торжекъ, начали копить волость всю въ городъ для выдержанія отчаянной борьбы; партіи недавно шумѣвшія смолкли, общая опасность всѣхъ примирила, хотя на время, и всѣ стали готовиться защищать права вольнаго Новгорода во чтобы то ни стало. А между тѣмъ владыка Василій отправился посольствомъ въ Торжекъ съ Авраамомъ тысяцкимъ и другими боярами, гдѣ уже Московскій князь стоялъ съ своими войсками и митрополитомъ Θεогностомъ. Это новое посольство было щастливѣе прежняго, оно было принято княземъ и митрополитомъ, и князь согласился заключить миръ и править Новгородомъ по старымъ грамотамъ; а Новгородцы согласились, чтобы онъ собралъ боръ въ 1000 рублевъ съ Новоторжской области, и приняли княжихъ намѣстниковъ; и тѣмъ кончилось дѣло, страшно перетревожившее Новгородъ. Князь, до-

вольный уступкою, перѣшился доводить вольныхъ людей до отчаянія, которое, судя по прежнимъ примѣрамъ, могло измѣнить дѣло не въ его пользу.

Пожары и
смятеніе на-
рода.

Помирившись съ великимъ княземъ Московскимъ, Новгородцы привялись отстраивать свой погорѣвшій Новгородъ. Дѣятельный архіепископъ Василій въ слѣдующіе два года успѣлъ возобновить соборную церковь св. Софїи, выстроилъ вновь разрушенную церковь Благовѣщенія пресв. Богородицы на Городищѣ. Въ это же время выстроили новый мостъ черезъ Волховъ, вмѣсто погорѣвшаго, возобновили многія погорѣвшія улицы и продолжали очищать пожарища и строить новыя церкви и дома. Какъ вдругъ (1342 г.) вспыхнулъ новый пожаръ на Даньславли улицѣ и истребилъ всѣ дома и церкви по берегу Волхова. Этотъ пожаръ въ такое привелъ уныніе всѣхъ жителей Новгорода, что люди бѣжали изъ домовъ своихъ и разположились жить, кто на полѣ въ шалапахъ, кто на берегу рѣки, кто на рѣкѣ въ учанахъ и другихъ судахъ. Болѣе недѣли продолжалось такое смятеніе, что страшно было смотрѣть, одни суетились, бѣгали, не знали что дѣлать, другіе вывозили имущество, а негодяи и бездѣльники грабили и били людей. У намѣстниковъ княжескихъ и другихъ начальниковъ опустили руки и не знали за что приняться, одинъ неутомимый владыка, архіепископъ Василій, не потерялъ головы; онъ созвалъ игуменовъ и священниковъ, назначилъ постъ, учредилъ крестные ходы съ иконами и молебнымъ пѣніемъ по мо-

настырямъ и церквамъ; и весь Новгородъ обратился къ посту и молитвамъ и тѣмъ кончилось смятеніе, всѣ принялись опять за свои дѣла, стали возобновлять погорѣвшіе дома и церкви, люди, бѣжавшіе въ поле воротились въ дома, и водворилась тишина.

Но тишина эта была не надолго, осенью тогоже 1342 года скончался посадникъ Варфоломѣй, сынъ Юрья Мишинича. и на его мѣсто выбрали въ посадники Ѳедора Данилова. Сынъ Варфоломѣя Лука былъ не доволенъ такимъ выборомъ, и какъ богатый землевладѣлецъ, собравъ толпу повольниковъ изъ отчаянной голыдьбы и оборванцовъ, нарядилъ ихъ молодцами, кормилъ поилъ до отвалу, взялъ съ нихъ клятву жить и умирать за одно и пошелъ съ этой отчаянной ватагой и съ своимъ сыномъ Онисифоромъ въ Заволочье на Двину. Посадникъ и владыка уговаривали его незатѣвать похода; но онъ не за тѣмъ тратилъ отцовскую и дѣдовскую казну, чтобы слушать старшихъ. Пришедши въ Заволочье, Лука по Новгородскому старому обычаю построилъ на рѣкѣ Емцѣ городъ Орлець, и набравши тамъ еще разныхъ бродягъ захватилъ всю землю Заволоцкую и началъ опустошать погосты по Двинѣ, а сынъ его Онисифоръ съ другою ватагою грабителей отправился за тѣмъ же на Вагу. Въ отсутствіе Онисифора Лука въ одномъ набѣгѣ сложилъ свою голову; Заволоцкая Чудь, замѣтивъ, что онъ отошелъ отъ своего городка довольно далеко и всего съ двумя стами человѣкъ, напала на него

многочисленностью и убила. Въспомня объ убійеніи Луки, дошедши до Новгорода, возмутила тамъ черныхъ людей; Лукины друзья разпустили нелѣпый слухъ, что посадникъ Ѳеодоръ и его пріятель Андрей за-слали нарочныхъ людей убить Луку. Чернь, забывъ еще какъ Лука пировалъ съ своими повольниками и угощалъ встрѣчнаго и поперечнаго, легко повѣрила нелѣпому слуху, вздумала вступить за покойнаго, отомстить его мнимымъ злодѣямъ, и съ шумомъ поднялась на посадника Ѳеодора и его пріятеля Андрея и начала грабить ихъ дома и села. Ѳеодоръ и Андрей, спасая свои головы, убѣжали въ Копорье и прожили тамъ всю зиму до великаго поста. Между тѣмъ Онисифоръ, сынъ Луки, воротился изъ Заволочья и на вѣчѣ подалъ жалобу, обвиняя посадника Ѳеодора и Андрея въ посылкѣ нарочныхъ людей, чтобы убить его отца. Владыка Василій и вѣче послали Юрьевского архимандрита Іосифа съ боярами въ Копорье, звать Ѳеодора и Андрея. Пріѣхавши въ Новгородъ, Ѳеодоръ и Андрей явились на вѣчѣ и дали такой отвѣтъ: „мы недумали на брата своего Луку, чтобы убить его, и незасылали на него“. Но Онисифоръ съ своимъ пріятелемъ Матвеемъ Коскою не принимали оправданій и зазвонили свое вѣче у св. Софіи; а посадникъ Ѳеодоръ и Андрей зазвонили другое вѣче на Ярославовомъ дворѣ. Онисифоръ и Коска послали на посадничье вѣче владыку Василя и, недождавшись возвращенія владыки, сами ударили на Ярославовъ дворъ; и началась свалка двухъ вѣ-

чей, кончившаяся тѣмъ, что Матвея Коску и его сына Игната схватили и засадили въ церковь, а Онисифоръ съ своими пособниками убѣжалъ. Это было поутру, а къ обѣду поднялся весь городъ; одна сторона стала за посадника, а другая за Онисифора; и только стараніями владыки Василя и княжаго намѣстника Бориса дѣло не дошло до схватки и кончилось миромъ, по которому Ѳедоръ долженъ былъ отказаться отъ посадничества, и на его мѣсто выбрали Остафья Дворянинацова. Миръ, устроенный владыкою Василиемъ, продолжался около трехъ лѣтъ; но партія фамиліи Варфоломѣевой не совсѣмъ была довольна этимъ миромъ, и осенью 1345 году 8-го ноября, только что посадникъ Евстафій съ вѣчемъ въ обѣденную пору перешелъ Волховскимъ мостомъ на торговую сторону, какъ противники возстали на него и дали посадничество Онисифорову дядѣ Матвею Варфоломѣевичу. А на слѣдующій годъ, по приговору вѣча, владыка Василій ѣздилъ въ Москву просить великаго князя, чтобы онъ посѣтилъ Новгородъ. Князь и митрополитъ Ѳеогностъ приняли владыку Василя съ почестями, и по его приглашенію великій князь Семень Ивановичъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, и побывъ тамъ три недѣли, отправился по ханскимъ дѣламъ въ Низовую землю.

Почти въ слѣдъ за отъѣздомъ Московскаго князя, явился на Шелони на устьѣ рѣки Пшаги великій князь Литовскій Ольгердъ со всѣми Литовскими князьями, и послалъ сказать Новгородцамъ:

Нападеніе
Литовскаго
князя Оль-
герда.

„хочу видѣться съ вами, меня ругалъ вашъ посадникъ Остафей Дворянинецъ, называлъ псомъ“. Новгородцы по этому вызову стали вооружаться и вышли на рѣку Лугу; но несогласные между собою, замялись, воротились назадъ и собравши вѣче убили посадника Евстафія, говоря: „изъ за тебя враги пустошатъ наши волости“. А между тѣмъ Ольгердъ взялъ Шелонь и Лугу на щить, т. е. отдалъ на разграбленіе своимъ ратникамъ, а съ Порхова и Опокъ вытребовалъ окупъ; и довольный добычею возвратился въ Литву, чтобы воевать съ Ливонскими Нѣмцами.

•
Нападеніе
короля
Шведскаго
Магнуса.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ Ольгердова нашествія, какъ Новгородцы должны были выдержать нашествіе другаго своего сосѣда Магнуса короля Шведскаго. Этотъ король, проведеншій молодость развратно, вздумалъ по настоянію Латинскаго духовенства загладить грѣхи своей юности походомъ на Новгородскія владѣнія съ тѣмъ, чтобы обратить Новгородцовъ въ Латинскую вѣру. Онъ собралъ большое войско изъ Шведовъ и наемныхъ Нѣмцовъ и въ 1348 году прислалъ въ Новгородъ свое посольство съ такою рѣчью: „пошлите на съѣздъ своихъ ученыхъ, а я своихъ, и пусть они поговорятъ о вѣрѣ, мнѣ хочется узнать, которая вѣра лучше. И ежели ваша вѣра будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру; а ежели наша вѣра будетъ лучше, то вы идите въ нашу вѣру, и будемъ жить всѣ какъ одинъ человекъ и проживемъ согласно. А непоидете въ единачество; то я хочу ийти на васъ со всею

моею силою“ Новгородцы собрали вѣче и разсудивши, что спорить о вѣрѣ нѣтъ надобности, рѣшили сказать Магнусу: „ежели хочешь увѣдать, которая вѣра лучше—наша или ваша; то пошли въ Царьградъ къ патріарху, ибо мы приняли православную вѣру отъ Грековъ, и съ тобою о вѣрѣ неспоримъ. А ежели есть какая обида между нами, то объ этомъ мы шлемъ къ тебѣ на съѣздъ“. И послали съ этою рѣчью тысяцкаго Авраама, Козму Твердиславля и иныхъ бояръ, которые остановились въ Орѣховѣ, и оттуда отправили Козму Твердиславля на Березовые острова, гдѣ стоялъ Магнусъ съ своею ратью. Магнусъ на эту рѣчь отвѣчалъ: „обиды мнѣ съ вами нѣтъ никакой, но идите въ мою вѣру, а непойдете, и я иду на васъ со всею моею силою“. И съ тѣмъ отпустилъ Козму, а самъ съ своею ратью осадилъ Орѣховъ и началъ крестить Ижерцевъ въ свою вѣру, а которые несоглашались, тѣхъ велѣлъ грабить. Новгородцы когда получили объ этомъ вѣсть, отправили на защиту Ижеры извѣстнаго уже намъ Онисифора Лукиничя съ небольшою дружиною, который такъ ловко повелъ дѣло, что избилъ 500 человекъ Шведовъ, воевавшихъ въ Ижерѣ, а другихъ привелъ плѣнниками въ Новгородъ, а перевѣтниковъ, помогавшихъ королю, перевѣшалъ. Посадникъ же Ѳеодоръ Даниловичъ съ намѣстниками великаго князя, съ Новгородцами, Псковичами, Новоторжцами и со всею Новгородскою волостью, двинулись къ Ладогѣ, а къ великому князю отправили посольство звать его

на помощь противъ Шведовъ Великій князь Семень Ивановичъ далъ обѣщаніе помочь Новгородцамъ и самъ пришелъ въ Торжекъ, но постоявъ тамъ недолго, воротился въ Москву, а въ Новгородъ прислалъ своего брата Ивана. Между тѣмъ король Магнусъ послѣ продолжительной осады взялъ Орѣховъ и, оставивъ тамъ свою рать, самъ возвратился въ Швецію. Князь Иванъ, услыхавши объ этомъ, выѣхалъ изъ Новгорода и не смотря на просьбы Новгородцовъ ушелъ въ Москву.

Новгородцы, оставшись одни съ Псковичами, наконецъ двинулись изъ Ладоги къ Орѣхову, чтобы выжить оттуда Шведовъ, оставленныхъ Магнусомъ; они пришли къ Орѣхову въ Успенскій постъ и стояли подъ городомъ до великаго поста, наконецъ сдѣлавши приступъ къ городу въ чистый понедѣльникъ пошли на приступъ въ ночь, и послѣ упорнаго боя къ утру слѣдующаго дня взяли городъ, а Шведовъ иныхъ избили, а другихъ побрали въ плѣнъ. Но взятіе Орѣхова нисколько не кончило Шведской войны, Шведскій король не заключалъ мира и невозвращалъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Орѣховъ, и война продолжалась еще два года. Новгородцы, чтобы скорѣе принудить Шведскаго короля къ миру, въ слѣдъ за взятіемъ Орѣхова отправили небольшую дружину въ Корѣльскую землю, которая разбила Шведовъ подъ Кексгольмомъ. Потомъ Новгородцы на другій годъ открыли походъ изъ Двинской своей области въ Норвегію, ближайшую къ Бѣлому или Мурманскому морю и произ-

вели тамъ большія опустошенія; но Шведскій король все еще недумалъ мириться. Наконецъ въ 1350 году Новгородцы, собравши рать съ сыномъ княжескаго намѣстника съ своимъ тысяцкимъ и другими воеводами, подступили къ Шведскому городу Выборгу, сожгли посадъ, разбили Шведовъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ крѣпости, и страшно опустошивши сосѣдную область возвратились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Этотъ послѣдній походъ наконецъ склонилъ Шведскаго короля къ миру. Мирные переговоры открылись въ Юрьевѣ (Дерптѣ), при посредствѣ Ливонскихъ Нѣмцовъ, и кончились тѣмъ, что король выдалъ всѣхъ Новгородскихъ бояръ, захваченныхъ въ Орѣховѣ, размѣнялись остальными плѣнниками и положили рубежь Новгородской и Шведской землѣ. Черезъ недѣлю по заключеніи Шведскаго мира, вѣче отняло посадничество у Ѳедора Даниловича и дало Онисифору Лукиничу. А потомъ вскорѣ народъ возсталъ на того же Ѳедора Даниловича, на брата его Михаила и на пріятелей ихъ Юрія и Андреяна, выгналъ ихъ изъ города, разграбилъ дома и всю Прусскую улицу, въ которой они были боярами; изгнанные сперва бѣжали во Псковъ, а потомъ перебрались въ Копорье.

Въ 1352 году скончался неутомимый владыка Отдѣленіе Пскова отъ Новгорода. Новгородскій Василій и на его мѣсто возвели опять прежняго владыку старца Моисея, двадцать одинъ годъ тому назадъ отказавшагося отъ престола и проживавшаго въ монастырѣ. Владыка Василій скон-

чался на обратномъ пути изъ Пскова, гдѣ былъ отрашный моръ, извѣстный подь именемъ черной смерти. Василій ѣздилъ во Псковъ по приглашенію самихъ Псковичей, чтобы сколько нибудь утѣшить жителей, доведенныхъ моромъ до отчаянія, успѣлъ поднять упавшій духъ гражданъ Пскова; но самъ заразился болѣзнію, и на возвратномъ пути въ Новгородъ скончался на дорогѣ, при устьѣ рѣчки Узы въ Шелонь. Въ слѣдъ за Псковомъ болѣзнь перебралась и въ Новгородъ, гдѣ продолжалась отъ праздника Успенія Прес. Богородицы до праздника пасхи. Но въ Новгородѣ болѣзнь была слабѣе нежели во Псковѣ, и еще слабѣе въ Москвѣ, гдѣ впрочемъ въ началѣ 1352 года скончались отъ нее митрополитъ Теогностъ, вел. князь Семень Ивановичъ и два его сына. Въ княженіе Семена Ивановича у Новгородцовъ произошла большая перемѣна въ отношеніи къ Пскову. Псковичи давно уже жили отдѣльною жизнію отъ Новгородцовъ и считали свой городъ независимымъ отъ Новгорода, и дѣйствительно, поступали самостоятельно неспрашиваясь у Новгородскаго вѣча; но этой самостоятельности еще не признавали Новгородцы и продолжали считать Псковъ Новгородскимъ пригородомъ. Въ княженіе же Семена Ивановича, именно во время грознаго похода Шведскаго короля Магнуса, Новгородцы, оставленные безъ помощи великимъ княземъ и другими своими союзниками, желая получить усерднѣйшую помощь отъ Псковичей, въ 1348 году, передъ самымъ походомъ къ Орѣхову, заклю-

чили формальный договоръ съ Псковичами, по которому признали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду, и узаконили посадникамъ Новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть и не судить, а отъ владыки Новгородскаго быть намѣстникомъ Псковитину, и изъ Новгорода Псковичей не звать на судъ ни черезъ дворянъ, ни черезъ подвойскихъ, ни черезъ Софійянь, ни черезъ извѣтниковъ и биричей.

Испытавши невыгоды союза съ Московскими князьями при Иванѣ Даниловичѣ и Семенѣ Ивановичѣ, Новгородцы, какъ только услыхали о смерти послѣдняго, немедленно отправили своего посланника Семена Судокова къ Татарскому хану въ орду съ просьбою, чтобы онъ отдалъ великое княженіе Владимирское князю Суздальскому Константину, который обязался свято хранить Новгородскіе уставы. Но Татарскій ханъ не послушалъ Новгородскаго ходатайства и далъ великое княженіе Московскому князю Ивану Ивановичу, брату покойнаго Семена. Тѣмъ не менѣе Новгородцы не признали надъ собою власти Московскаго князя, утвержденнаго ханомъ, и остались вѣрными своему избраннику князю Суздальскому до самой его кончины, послѣдовавшей черезъ полтора года. Мало этого, старый Новгородскій архіепископъ Моисей, вновь возведенный на владыченъ престолъ, думалъ отдѣлить и Новгородскую церковь отъ Московской митрополіи, и въ годъ кончины князя Семена Ивановича отправилъ своихъ пословъ въ Константинополь къ патріарху и къ Греческому императору

Князь Суздальскій Константинъ.

Попытка отдѣлить Новгородскую церковь отъ Московской митрополіи.

съ жалобами на притѣсненія отъ Московскаго митрополита; но жалобы сіи не имѣли успѣха; патріархъ и императоръ, не желая памѣнить того порядка въ церковной іерархіи, который уже заведенъ изкони, покончили дѣло присылкою милостивыхъ грамотъ за золотою печатью и пожалованіемъ Новгородскому архіепископу крестчатыхъ ризъ. А

Князь Иванъ
Ивановичъ
Московскій.

по смерти князя Суздальскаго Новгородцы нашлись въ необходимости войти въ сношенія съ великимъ княземъ Московскимъ, который до сего времени не давалъ имъ мира, и приняли отъ него намѣстниковъ. Впрочемъ в. к. Иванъ Ивановичъ почти не обращалъ вниманія на Новгородскія дѣла и вовсе не тревожилъ Новгорода какими либо притязаніями; а посему Новгородцы во все его княженіе оставались имъ довольны и ни разу не выказали ни какихъ споровъ, да и съ сосѣдями своими оставались въ мирѣ, мирно же у нихъ было и дома. Старый ихъ архіепископъ Моисей спокойно строилъ и украшалъ церкви, которыя еще оставались въ развалинахъ послѣ большаго Троицкаго пожара.

Междоусобіе
въ Новго-
родѣ.

Наконецъ владыка Моисей за старостію снова отказался отъ управленія Новгородскою церковію; и на его мѣсто спокойно выбрали по жребію инока Алексѣя и посадили на владычнемъ дворѣ. Какъ вдругъ весною 1359 года многолюдный и богатый Славенскій конецъ поднялся на посадника Андреяна Захарьинича, отнялъ у него посадничество и далъ своему кончанскому боярину Сильвестру Лентѣвичу. Лѣтописцы не указываютъ настоящей и

прямой причины возстанія и говорятъ только, что по совѣту лихихъ людей бысть мятежь силенъ въ Новгородѣ: Славенскіе кончане пришли на вѣчѣ на Ярославль дворъ въ dospѣхахъ и съ оружіемъ подѣ платьемъ, и среди вѣчевыхъ споровъ вдругъ соскочили съ мѣстъ, напали на невооруженныхъ зарѣчанъ (жителей Софійской стороны), стали бить и грабить бояръ, убили до смерти одного боярина Ивана Борисовича, провозгласили посадникомъ своего боярина Сильвестра Лентѣевича и разогнали вѣче. Это не бывалое между вольными Новгородцами коварство раздѣлило Новгородъ на двѣ враждующія партіи, которыя стали другъ противъ друга въ оружіи. Съ одной стороны вооружились всѣ кончане Софійской стороны, желая мстить за безчестье своей братьи; а съ другой стороны Славенскій конецъ, защищая свои головы и имущество, и такъ прошло три дни. Славенцы переметали мость, страшная рѣзня уже была готова начаться, какъ старецъ, бывшій владыка Моисей и вновь избранный и еще не посвященный владыка Алексѣй, взявъ съ собою Юрьевскаго архимандрита и игуменовъ, явились среди враждующихъ, начали благословлять обѣ стороны и говорить со слезами: „дѣти, не творите брани на радость поганымъ, а святымъ церквамъ и мѣсту сему на заустѣніе, не начинайте битвы“. Добрая рѣчь уважаемыхъ святителей умирала враждующихъ и ополченные разошлись мирно. А собравшееся вновь вѣче опредѣлило въ наказаніе зачинщикамъ мятежа, разграбить села вы-

браннаго мятежниками въ посадники Сильвестра и другихъ богатыхъ Славенцовъ, а на мѣсто Сильвестра выбрало въ посадники Никиту Матвѣевича; и такимъ образомъ обѣ стороны получили удовлетвореніе, мятежь, взволновавшій Новгородъ, улегся и водворился желанный миръ.

Князь Дмитрій Константиновичъ Суздальскій.

Смерть великаго князя Московскаго Ивана Ивановича, послѣдовавшая въ томъ же 1359 году, подала надежду Новгородцамъ отдѣлаться отъ Московскихъ князей; ибо за малолѣтствомъ Московскаго князя Дмитрія Ивановича Татарскій ханъ отдалъ великое княженіе Владимирское Суздальскому князю Дмитрію Константиновичу, сыну того Константина Суздальскаго, за котораго Новгородцы въ свое время усердно хлопотали въ ордѣ у хана. Въ Новгородѣ всѣ были очень довольны ханскимъ утвержденіемъ князя Суздальскаго на Владимирскомъ великомъ княженіи, и радостно приняли его намѣстниковъ и посланниковъ, заключили съ княземъ договоръ на основаніи старыхъ грамотъ, и дали намѣстникамъ право суда. Новгородцы такимъ образомъ надѣялись разойтись съ Московскими князьями; но эта надежда не оправдалась, едва прошло два года отъ ханскаго утвержденія великаго княженія Владимирскаго за княземъ Суздальскимъ, какъ бояре Московскіе успѣли выхлопотать въ ордѣ новую ханскую грамоту въ пользу своего малолѣтнаго князя и силою выгнали изъ Владимира и Переяславля князя Дмитрія Константиновича; и Новгородцы опять должны были признать своимъ кня-

земь Московскаго князя. Впрочемъ новый Московскій князь пока не походилъ на прежнихъ и цѣлые десять лѣтъ жилъ мирно съ Новгородомъ, миромъ же во все это время наслаждались Новгородцы отъ сосѣдей, мирно жили и между собою.

Въ это мирное время былъ одинъ случай, возбудившій гнѣвъ великаго князя, и князь было вывелъ своего намѣстника изъ Новгорода; но дѣло скоро объяснилось и княжій намѣстникъ былъ возвращенъ въ Новгородъ. А дѣло было такого рода: молодежь Новгородская, воспользовавшись временемъ мира, начала по старинному обычаю составлять ватаги повольниковъ и пробовать свою силу и удалъ въ дальнихъ походахъ. Одна ватага такихъ повольниковъ, подъ предводительствомъ молодаго боярина Александра Аввакумовича и какого-то бывалаго удалца Степана Ляпы, отправилась въ 1364 году въ Югорскую землю за Уральскій Хребеть, пробралась до рѣки Оби и повоевала тамошнюю землю отъ верховьевъ Оби до впаденія ея въ море, а на обратномъ пути разбила на Курьи Двинянь, думавшихъ загородить ей дорогу. Ватага эта воротилась домой съ богатою добычею и на Редятинѣ улицѣ, вѣроятно въ приходѣ Александра Аввакумовича, выстроила хорошую каменную церковь св. Троицы, на богатства добытыя въ Югорскомъ походѣ. На другій годъ послѣ этаго похода собралась новая ватага повольниковъ, очевидно снаряженная тѣмъ же Александромъ Аввакумовичемъ въ компаніи еще съ двумя молодыми боярами съ Еси-

Князь Дмитрій Ивановичъ Московскій.

Повольничьи походы Александра Аввакумовича и другихъ.

помъ Варѣоломѣвичемъ и Василиемъ Ѳеодоровичемъ, и подѣ ихъ предводительствомъ въ 1366 году вступила на Волгу въ полтора ста ушкуяхъ, прошла Волгою до Камы и взяла тамъ богатый Болгарскій городъ Жукотинъ, а на возвратномъ пути ворвалась въ Нижній Новгородъ, избила тамъ множество купцовъ Татарскихъ, Армянскихъ и Бесерменскихъ, а товары ихъ разграбила, лоды же и другія суда иныя потопила, иныя сожгла. Эта то вторая ватага повольниковъ возбудила гнѣвъ великаго князя Дмитрія Ивановича; онъ подумалъ, что такіе грабежи производятся по разпоряженію Новгородскаго вѣча, и потому велѣлъ схватить на Вологдѣ, проѣзжавшаго тамъ съ Двины, знаменитаго Новгородскаго боярина Василія Даниловича Машкова и вывелъ своего намѣстника изъ Новгорода. Но посольство Новгородское, отправленное въ Москву, уладило все дѣло мирно; послы объяснили князю, что по старому Новгородскому обычаю ходили на Волгу молодые люди по своей воли, а не по разпоряженію вѣча и били и грабили только Бесермень, Московскихъ же гостей не грабили; и князь, довольный объясненіемъ, отпустилъ боярина Василія Даниловича, отложилъ свой гнѣвъ на Новгородъ и отправилъ туда своего намѣстника, желая жить въ согласіи съ Новгородцами. Новгородскіе повольники послѣ этаго опять ходили на Волгу три раза въ 1369 и 1370 годахъ, доходили до Камы, грабили Болгаръ; и Московскій князь уже не обращалъ вниманія на ихъ походы, и продолжалъ жить въ мирѣ съ Новгородомъ.

Но скоро для повольниковъ и всего Новгорода открылось новое дѣло по разпоряженію Новгородскаго вѣча и по желанію самаго Московскаго князя; съ 1371 года у Московскаго князя и у Новгородцовъ началась упорная война съ великимъ княземъ Тверскимъ, Михаиломъ Александровичемъ, продолжавшаяся пять лѣтъ. Тверскій князь, получивши отъ Татарскаго хана ярлыкъ на великое княженіе Владимирское, началъ войну нападеніемъ на Кострому, Мологу, Угличе-поле и Бѣжецкій Верхъ, и посажалъ такъ своихъ намѣстниковъ; таковое нападеніе на Московскія и Новгородскія владѣнія естественно вызвало тѣснѣйшій союзъ Новгорода съ Москвою, и Новгородцы въ томъ же 1371 году заключили съ Московскимъ княземъ договорную грамоту Грамота сія сохранилась до нашего времени; изъ нея мы знаемъ, что обѣ договаривающіяся стороны цѣловали другъ другу крестъ, чтобы Новгороду помогать противъ Тверскаго и Литовскаго князей Московскому князю, а Московскому князю помогать Новгороду противъ Литовскаго и Тверскаго князей и противъ Нѣмцевъ, и до окончанія войны не оставлять другъ друга и не мириться съ врагами отдѣльно; Новгороду держать великое княженіе честно и грозно безъ обиды, а великому князю держать Новгородъ въ старинѣ безъ обиды. Михаилъ, узнавши о такомъ союзѣ, немедленно напалъ на Торжокъ, взялъ его и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Новгородцы, какъ только получили объ этомъ вѣсть, отправили въ Торжокъ своего знаменитаго

Война съ
Тверскимъ
княземъ Ми-
хаиломъ
Александро-
вичемъ.

повольника Александра Аввакумовича, прославившагося своими походами по Оби, Волгѣ и Камѣ. Этотъ неутомимый витязь съ своею удалою дружиною выгналъ Михайловыхъ намѣтниковъ, ограбилъ Тверскихъ купцовъ, тамъ бывшихъ, и принялся укрѣплять Торжекъ; а между тѣмъ Московскіе полки выгнали Михайлова намѣтника изъ Бѣжецкаго Верха, Новгородская же рать успѣла занять Ярославль. Но вдругъ неожиданно вспыхнула война у Московскаго великаго князя съ Рязанскимъ великимъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ и это сильно помогло Михаилу Тверскому. Московскіе полки потребовались на Рязанскую границу; и Михаилъ, пользуясь такимъ случаемъ, съ большою ратью явился подъ Торжкомъ. Александръ Аввакумовичъ, понадѣявшись на свою удалую дружину, не робѣвшую ни передъ какимъ непріателемъ, не вытерпѣлъ, вышелъ изъ города и далъ сраженіе полкамъ Михайловымъ, думая что противъ его отчаянныхъ молодцовъ не устоитъ ни какая рать; но Михайловы Тверичи также были не трусы, а счетомъ ихъ было вдвое или втрое противъ Александровой дружины, они приняли стремительный натискъ Александра по молодецки, и на первомъ же сступѣ уложили на сыру землю самага Александра и лучшихъ его товарищей, а прочіе побѣжали и многіе попались въ плѣнь. Тогда Михаилъ безпрепятственно осадилъ Торжекъ, а чтобы не тратить времени, запалилъ его по вѣтру; и въ нѣсколько часовъ отъ богатаго города остались одни развалины и три обгорѣлыя каменные

церкви, жители же частію сгорѣли, или задохлись въ дыму, или потонули въ Тверцѣ. Тверичи же, дорого купившіе побѣду, такъ потѣшились надъ несчастными Новоторжцами, что по словамъ лѣтописца и отъ поганныхъ такого зла не бывало; они обдирали всѣхъ до нага, отъ чего добрыя жены и дѣвицы, видя такое поруганіе, сами бросались въ рѣку и тонули. Князь Михаилъ, обративши городъ въ пожарнице, захватилъ все, что осталось отъ огня,— и людей, и ихъ богатство, и украшенія церковныя, и книги, и колокола, и спокойно ни кѣмъ не преслѣдуемый возвратился въ Тверь.

Вѣсть о созженіи Торжка привела въ ужасъ Новгородцовъ, они немедленно принялись укрѣплять свой городъ и вырыли около кремля большой ровъ; а великій князь Дмитрій Ивановичъ, во исполненіе договора, прислалъ въ Новгородъ своего двоюроднаго брата князя Владимира Андреевича Храбраго, на случай ежели понадобится защищать Новгородъ отъ Михаила Тверскаго. Впрочемъ этотъ случай не открылся: Михаилъ Александровичъ, желая высвободить изъ Москвы своего сына, переданнаго Московскому князю Татарами, заключилъ съ Димитріемъ и Новгородцами миръ; а по сему и князь Владимиръ Андреевичъ, проживъ въ Новгородѣ съ первой недѣли великаго поста до Петрова дни, воротился въ Москву.

Но миръ, заключенный Михаиломъ Тверскимъ, не продолжался и двухъ лѣтъ; самъ же Михаилъ, подстрекаемый бѣжавшими къ нему Московскими из-

мѣнниками, снова объявилъ войну Дмитрію Ивановичу Московскому, и послалъ рать на Угличе поле и своихъ намѣстниковъ въ Торжекъ. Впрочемъ на этотъ разъ Новгородцамъ не понадобилось защищать своихъ владѣній, а напротивъ того имъ выпалъ удобный случай мстить врагу своему Михаилу въ самой Твери. Въ 1375 году Московскій великій князь успѣлъ собрать большую рать, и привелъ къ Твери до двадцати князей съ ихъ дружинами. и такъ повелъ дѣло, что Михаилъ, осажденный со всѣхъ сторонъ, находился въ крайности: Тверскій посадъ былъ уже сожженъ, села и волости пограблены и позжены, люди побиты или взяты въ плѣнъ, самый городъ уже былъ обнесенъ острогомъ и черезъ Волгу наведены два моста. Въ это время Московскій князь далъ вѣсть Новгородцамъ, чтобы шли къ Твери. Новгородцы, обрадованные такимъ приглашеніемъ, быстро собрались и въ три дни явились подъ Тверью, спѣша послужить Московскому князю и отомстить Тверичанамъ за сожженіе Торжка. Съ прибытіемъ Новгородцовъ великій князь повелъ войска на приступъ, и хотя Тверичи на первый разъ отбили нападающихъ; но Михаилъ, видя что большая часть городскихъ воротъ взята, и не находя возможности защищаться долѣе, поспѣшилъ заключить миръ съ Московскимъ княземъ и Новгородцами. Миръ этотъ, котораго договоръ сохранился до нашего времени, вполне вознаградилъ всѣ убытки и обиды Новгородцовъ: 1-е Михаилъ обязался не имѣть ни какихъ притязаній на владѣнія

Новгородскія, жить съ Новгородомъ и Торжкомъ по старинѣ, а рубежъ держать старый, который рубежъ у Новгорода съ Тверью былъ при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ. 2-е Возвратить Новгородцамъ взятые въ послѣднюю войну подъ Торжкомъ колокола, книги, церковные оклады и сосуды и все имѣніе Новоторжцовъ, взятое войною и грабежемъ, отпустить всѣхъ Новгородскихъ и Новоторжскихъ плѣнниковъ и даже тѣхъ, которые во время взятія Торжка сами продали себя въ рабство. 3-е Князь Михаилъ отступился отъ всего, что Новгородцы грабили по Волгѣ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, что взяли княжихъ товаровъ и побили людей; а товаръ, взятый у Новгородскихъ и Новоторжскихъ купцовъ до взятія Торжка, далъ слово возвратить хозяевамъ весь сполна по крестному цѣлованію. И 4-е гостямъ и торговцамъ Новгорода и Торжка и пригородовъ давать свободный пропускъ чрезъ Тверскія владѣнія и не измѣнять старинныхъ проѣзжихъ пошлинъ. Во исполненіе всѣхъ сихъ условій Тверскій князь цѣловалъ крестъ къ великому князю Московскому Дмитрію Ивановичу, къ его брату князю Владимиру Андреевичу и къ Великому Новгороду. Вообще Московскій князь такъ хорошо устроилъ дѣла Новгородцовъ, что они по настоящему миру получили во всемъ возможно полное удовлетвореніе, какого никогда не получали прежде ни отъ Тверскихъ, ни отъ другихъ князей, и навсегда отдѣлались отъ борьбы съ Тверью.

Мирный договоръ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ.

Походы по-
вольниковъ.

По окончаніи войны съ Тверскимъ княземъ, Новгородъ десять лѣтъ жилъ въ мирѣ со всѣми сосѣдями. Пользуясь мирнымъ временемъ, Новгородская молодежь опять принялась за повольничество. Первая ватага повольниковъ, въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, собралась еще въ то время, когда Новгородская рать, вмѣстѣ съ Московской, стояла подъ стѣнами Твери. Эта ватага, подъ начальствомъ Новгородца Прокопа и какого-то Смольнянина, очевидно людей неизвѣстныхъ, но бывалыхъ, на семидесяти ушкуняхъ пустилась Волгою и Костромою, и прежде всего напала на городъ Кострому. Костромичи, можетъ быть впередъ увѣдомленные о нападеніи повольниковъ, собрались болѣе пяти тысячъ человѣкъ и подъ предводительствомъ князюга намѣстника Плещеева вышли изъ города, чтобы поставить бой; но не Костромичамъ было биться съ Новгородскими повольниками. Удалий Прокопъ, очевидно много видавшій разныхъ битвъ, раздѣлилъ своихъ товарищей на двѣ половины и велѣлъ одной половинѣ идти прямо на Костромичей, а другой обойти лѣсомъ и ударить въ тылъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано, Костромичи, смятые и сбитые, пустились бѣжать мимо города по лѣсамъ; а повольники, видя городъ беззащитнымъ, спокойно вошли въ Кострому и начали грабить, и простояли тамъ цѣлую недѣлю, захватили все, что могли увезти и что было подороже, а что не могли увезти, то пожгли или побросали въ рѣку, жителей же съ женами и дѣтьми большею частію увели какъ плѣнниковъ. Отъ Костромы гра-

бители пустилися къ Нижнему Новгороду, зажгли городъ, а жителей ограбили, иныхъ избили, иныхъ увели въ плѣнъ; отъ Нижняго Волгою они пустились въ Каму и пограбивши побережье, пришли къ Болгарамъ на Волгѣ, и тамъ продали Мусульманамъ Костромскихъ и Нижегородскихъ плѣнниковъ. Отъ Болгаръ внизъ по Волгѣ повольники спустились къ столицѣ ханской Сарая и по дорогѣ грабили всѣхъ христіанскихъ торговцевъ, шедшихъ съ товарами Волгою, а Мусульманскихъ торговцевъ грабили и убивали. Изъ Сарая они спустились въ Астрахань, принялись торговать и разпродали оставшихся еще плѣнниковъ. Но здѣсь Азіатское коварство перехитрило Новгородскую удаль: Астраханскій князь Салчей прикинулся, что очень радъ гостямъ и сталъ честить и угощать Прокопа и его товарищей, поилъ и кормилъ на славу, не разъ звалъ къ себѣ въ гости; и когда они на одномъ пиру напились замертво, то всѣхъ до одного перерѣзалъ, а награбленное ими богатство взялъ себѣ. По всему вѣроятію отчаянная ватага Прокопа, какъ и самъ онъ, состояла изъ голыдыбы оборванцовъ, участвовавшихъ въ прежнихъ повольничьихъ походахъ, ловкихъ и привычныхъ къ бою, но легковѣрныхъ и непонимавшихъ своего положенія. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы эта ватага была собрана какимъ нибудь богатымъ сыномъ Новгородскаго боярина, то она бы не поддалась на ласки Татарскаго князя, хитрый Татаринъ не удивилъ бы Новгородскаго боярича своимъ угощеніемъ. Второй повольничій походъ этого времени былъ въ 1377 году;

этотъ походъ былъ предпринять не голыдьбою, а молодыми людьми изъ богатыхъ боярскихъ фамилій, для него ватага повольниковъ была собрана и снаряжена боярскими сыновьями Иваномъ Федоровичемъ, Василиемъ Борисовичемъ и Максимомъ Ананьичемъ; собравшись и снарядившись какъ слѣдуетъ, они пустились въ Нѣмецкую землю, къ Нѣмецкому Новгородку на рѣкѣ Овлѣ, сожгли посадъ, опустошили тамошнюю область и благополучно воротились домой со множествомъ плѣнниковъ и хорошою добычею.

Ересь Стри-
гольниковъ.

Но въ то время, какъ Новгородъ только что кончилъ войну съ Михаиломъ Тверскимъ и началъ наслаждаться миромъ, въ Новгородской церкви начались смуты, грозившія сдѣлаться опасными для православія. Еще въ 1371 году во Псковѣ открылась ересь стригольниковъ, которые вооружились противъ всѣхъ церковныхъ учителей, архіереевъ, игуменовъ и священниковъ, и стали учить народъ подъ видомъ благочестія: что не должно ходить въ церковь и быть въ послушаніи у святителей и священниковъ, ибо они поставлены на мздѣ и взимаютъ у христіанъ золото и серебро и иныя приношенія за живыхъ и за мертвыхъ; что не должно надѣ умершими ни пѣть, ни творить поминовеній, ни совершать службы за души умершихъ, ни дѣлать приношеній въ церковь, ни раздавать за нихъ милостыни; что каяться должно землѣ, а не священникамъ, въ причащеніи же св. тайнъ тѣла и крови Христовой для человѣка нѣтъ надобности, и всѣ церков-

ные обряды и таинства вовсе не нужны, довольно только читать священныя книги или слушать начетниковъ; что всѣ церковныя уставы ни больше, ни меньше какъ излишніе вымыслы, чтобы собирать съ людей деньги, и вовсе не нужны для спасенія души; что церкви Христовой уже нѣтъ въ видимой церкви. Эта дикая проповѣдь вольномыслія, прикрываемая видимымъ благочестіемъ и смиреніемъ, сперва имѣла огромный успѣхъ во Псковѣ, гдѣ она и началась, а потомъ перешла и въ Новгородъ. Въ Новгородѣ ересь также широко раскинула свои сѣти и имѣла огромное вліяніе на вольнолюбивыхъ Новгородцевъ, многихъ смутила и поколебала, и кажется была тайной причиною того, что въ 1375 году архіепископъ Новгородскій Алексѣй вдругъ оставилъ владыченъ дворъ и удалился въ Деревяницкій монастырь. Этотъ рѣшительный и неожиданный поступокъ любимаго народомъ владыки, произвелъ самое благопріятное дѣйствіе для церкви; онъ, такъ сказать, образумилъ, отрезвилъ разшатавшійся въ вѣрѣ народъ. Всѣ лучшіе люди были поражены удаленіемъ владыки и стали просить его, чтобы по прежнему принялъ на себя управление Новгородскою церковію; но Алексѣй оставался непреклоннымъ, онъ хотѣлъ довести дѣло о церкви до болѣе ясной, чтобы народъ созналъ всю нелѣпость еретической проповѣди, чтобы не было недоразумѣній, и наконецъ успѣлъ въ этомъ. Весь Новгородъ пришелъ въ смятеніе и послѣ многихъ совѣщаній, рѣшено было послать посольство къ митрополиту съ просьбою о его по-

средничествѣ и благословеніи. Посольство это благосклонно было принято митрополитомъ и привезло отъ него благословеніе, чтобы владыка Алексѣй опять принялъ на себя управление Новгородскою церковію. По возвращеніи посольства собралось вѣче на Ярославовомъ дворѣ и отправило съ челобитьемъ къ владыкѣ великокняжескаго намѣстника, посадника, тысяцкаго и многихъ бояръ и лучшихъ людей; и владыка принялъ торжественное челобитье Новгорода и, повинуясь благословенію митрополита, возвратился на владыченъ дворъ. Въ слѣдъ за тѣмъ народъ, обрадованный возвращеніемъ любимаго архипастыря, побилъ заводчиковъ ереси—діакона Никиту, стригольника Карпа и еще третьяго (имя котораго не сохранилось въ лѣтописяхъ), и сбросилъ ихъ съ моста въ Волховъ. Конечно тѣмъ дѣломъ не кончилось, ересь и по убіеніи своихъ начальныхъ проповѣдниковъ еще держалась нѣсколько времени и сильно смущала легковѣрныхъ, особенно во Псковѣ; тѣмъ не менѣе важно было то, что большинство ясно и добровольно высказалось въ пользу церкви, слѣдовательно легче уже было справляться съ меньшинствомъ, продолжавшимъ упорствовать въ ереси.

Примирившись съ Новгородомъ, архіепископъ Алексѣй, въ сопровожденіи архимандрита Саввы, Юрья Описифоровича и иныхъ бояръ отправился въ Москву къ митрополиту Алексѣю и былъ принятъ съ честію и любовію какъ митрополитомъ, такъ и великимъ княземъ, и проживши въ Москвѣ двѣ не-

дѣла и получивъ благословеніе отъ митрополита, возвратился въ Новгородъ 17 октября 1376 года. За чѣмъ ѣздилъ владыка Алексѣй къ митрополиту въ Москву, объ этомъ лѣтописи не говорятъ; но изъ обстоятельствъ дѣла видно, что онъ ѣздилъ съ одной стороны за тѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать свою покорность митрополиту, для чего собственно его и сопровождали почти тѣ самыя лица, которыя ѣздили съ просьбою къ митрополиту, чтобы онъ убѣдилъ Алексѣя оставить монастырь и по прежнему вступить въ управленіе Новгородскою церковію; а съ другой стороны владыкъ Алексѣю самому нужно было объяснить митрополиту о положеніи Новгородской церкви и о значеніи ереси стригильниковъ, еще имѣвшей послѣдователей, и получить у него нужныя наставленія, какъ лучше дѣйствовать противъ еретиковъ.

Во все это время у Новгорода было полное со-
 гласіе съ великимъ княземъ Московскимъ, доходившее даже до того, что когда поставленный Константинопольскимъ патріархомъ на Русскую митрополию митрополитъ Кипріянь, проживая въ Литвѣ, прислалъ въ Новгородъ своихъ пословъ съ патріаршими грамотами объ утвержденіи его митрополитомъ на всю Русскую землю; то Новгородцы, выслушавъ патріаршую грамоту, дали такой отвѣтъ: „пошли къ великому князю, и ежели князь великій приметъ тебя митрополитомъ всей Русской земли, то и мы признаемъ тебя митрополитомъ“. Но около 1380 года между Новгородомъ и великимъ княземъ

Мирно ула-
 женныя не-
 доумѣнія
 между Нов-
 городцами и
 Московскимъ
 княземъ.

Московскимъ произошли какія-то неудовольствія, о которыхъ лѣтописи хотя и не говорятъ, но тѣмъ не менѣе по самимъ событіямъ ихъ отрицать нельзя. Въ началѣ 1380 года Новгородскій владыка Алексѣй ѣздилъ въ Москву къ великому князю Дмитрію Ивановичу; объ этой поѣздкѣ въ Новгородской лѣтописи сказано: „били челомъ весь Новгородъ господину своему архіепископу, владыкѣ Алексѣю, чтобы принялъ на себя трудъ съѣздить къ великому князю Дмитрію Ивановичу; и владыка принялъ челобитье своихъ дѣтей всего Новгорода, пошелъ на Низъ за недѣлю до цвѣтной недѣли; а съ нимъ пошли Юрьи Ивановичъ, Михайло Даниловичъ, Юрьи Онисифоровичъ, Іевъ Аввакумовичъ, Иванъ Ѳедоровичъ и иныхъ бояръ много и житыхъ людей. Князь же принялъ ихъ въ любовь, а къ Новгороду крестъ цѣловалъ на всей старинѣ Новгородской и на старыхъ грамотахъ“. Изъ самой просьбы всего Новгорода къ владыкѣ Алексѣю, чтобы принялъ на себя поѣздку къ великому князю, и изъ многочисленности и знатности посольства, довольно ясно видно, что между Новгородомъ и великимъ княземъ Московскимъ произошли какія-то важныя недоумѣнія. А цѣлованіе великимъ княземъ креста къ Новгороду по всей старинѣ Новгородской и на старыхъ грамотахъ, даетъ право думать, что князь начиналъ вводить какія либо новости въ нарушеніе изконныхъ Новгородскихъ правъ, за которыя и вступились Новгородцы; даже не потребовалъ ли Московскій князь помощнаго Новгородскаго войска

для войны съ Татарами; но грозный Мамаевъ походы принудилъ его быть снисходительнымъ къ Новгороду, принять посольство ласково и цѣловать крестъ на всей старинѣ Новгородской. Какъ бы то ни было, а весьма замѣчательно, что почти во всѣхъ описаніяхъ Мамаева побоища нигдѣ не упоминается о Новгородцахъ въ числѣ войскъ Димитрія Донскаго, сражавшихся съ Мамаемъ, тогда какъ въ описаніяхъ поименно перечислены даже всѣ незначительныя рати съ ихъ предводителями.

Впрочемъ пока великій князь Московскій былъ занятъ войною съ Мамаемъ, а потомъ съ Тохтамышемъ и другими болѣе близкими для него дѣлами; неудобствъ, возникшія между имъ и Новгородомъ и прекращенныя посольствомъ владыки Алексѣя въ Москву, неимѣли никакихъ неблагоприятныхъ послѣдствій для Новгорода. Новгородцы еще въ продолженіе шести лѣтъ, по прежнему наслаждались миромъ со всѣми сосѣдями и пользовались ихъ уваженіемъ, и иные изъ сосѣдей даже искали помощи и покровительства у Новгорода. Такъ въ 1381 году Полотскъ, осажденный Литовскимъ княземъ Скиригайломъ и Нѣмцами, просилъ заступничества у Новгородцевъ; и Новгородъ посылалъ своего посла Юрія Онисифоровича къ великому князю Литовскому Ягайлѣ ходатайствовать за Полочанъ. А въ 1382 году, во время нашествія хана Тохтамыша на Москву, братъ великаго князя Владимиръ Андреевичъ, отправилъ въ Торжекъ подъ защиту Новгородцовъ свою супругу и мать. Потомъ, въ 1383 году при-

Новгородъ пользуется миромъ и уваженіемъ отъ сосѣдей.

шелъ искать покровительства у Новгородца и проситься на Новгородскую службу Литовскій князь Патрикій Наримантовичъ; и Новгородцы приняли его и дали въ кормленье свои пригороды: Орѣховъ, Корѣльскій, половину Копорья и село Луское. Молодежь Новгородская, пользуясь миромъ, особенно бояричи изъ Заволочья, даже сдѣлали нѣсколько повольническихъ набѣговъ на сосѣднія великокняжескія владѣнія по Волгѣ и захватили тамъ княжія дани. Въ самомъ Новгородѣ начали появляться разныя своевольства и даже нѣкоторая рознь, образовавшая партіи, чуть не дошедшія до битвы на улицахъ. Въ 1384 году Орѣховцы и Корѣльцы пришли въ Новгородъ съ жалобою на князя Патрикія Наримантовича, а за ними явился и самъ Патрикій и подкупомъ поднялъ Славенскій конецъ, и смутилъ Новгородъ. Славяне стали за Патрикія и двѣ недѣли сходились вѣчемъ на Ярославль дворъ, а три конца Софійской стороны составили свое вѣче у св. Софіи и также сходились двѣ недѣли. Тысяцкій Есифъ съ Плотничанами ходилъ на вѣче на Софійскую сторону; Славенцамъ это не понравилось, и они прямо съ вѣча, съ Ярославова двора, ударили на дворъ тысяцкаго Есифа; но Плотничане заступились за Есифа, поколотили и пограбили Славенскихъ грабителей. Потомъ, во вторникъ на масляницѣ, три Софійскихъ конца—Неревскій, Загородскій и Людинъ, вооружившись какъ на рать, съ обѣда до вечерни стояли у св. Софіи на вѣчѣ и пересылались съ Плотничкимъ концомъ, чтобы онъ за одно съ

Смятенія въ
Новгородѣ
за князя Па-
трикія.

ними шелъ на Славенцовъ, и Плотничане дали было слово, но на утро отказались. Тогда три Софійскіе конца написали три обѣтныхъ грамоты въ одно слово идти на Славенцовъ; Славенцы же, вооружившись вмѣстѣ съ княземъ Патрикіемъ, съ своей стороны переметали мостъ и тѣмъ кончилось междоусобіе. Всѣ пять концовъ помирились на томъ, чтобы вмѣсто прежнихъ городовъ дать князю Патрикію Русу да Ладогу и Наровскій берегъ, и написавши на вѣчѣ грамоту и приложивши къ ней печать, отдали эту грамоту князю Патрикію.

Но лишь смирились враждующія партіи въ Новгородѣ, какъ зимою того же 1384 года отъ великаго князя Дмитрія изъ Москвы пріѣхали его бояре, — Ѳеодоръ Свибло, Иванъ Уда, Александръ Белеутъ, братъ черный боръ по Новгородскимъ волостямъ и другіе. Новгородцы, всегда не охотно платившіе черный боръ и считавшіе его нарушеніемъ своихъ правъ, завели споръ съ боярами великаго князя и отъ чернаго бора перешли къ другимъ обидамъ; Новгородскіе бояре нѣсколько разъ ѣздили на Городище, тягаться съ княжими боярами объ обидахъ, и непокончивъ тяжбы принудили Московскихъ бояръ бѣжать съ Городища въ Москву, даже недобравши чернаго бора. Мало этого, на другій годъ на второй недѣли великаго поста, на вѣчѣ на княжемъ дворѣ, посадникъ Ѳеодоръ Тимофѣевичъ, тысяцкій Богданъ Аввакумовичъ, всѣ бояре и дѣти боярскіе и житыя и черные люди, всѣ пять концовъ, по общему приговору торжественно

Война съ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ и ссора съ митрополитомъ.

цѣловали крестъ: „незваться на судъ къ митрополиту, а судить владыкъ Алексѣю въ правду по номоканону, а также посаднику и тысячному судить право по крестному цѣлованью, а на судѣ по Русскому обычаю истцу и отвѣтчику, каждой сторонѣ имѣть по два боярина и по два житыхъ челоувѣка“. Таковымъ приговоромъ вѣча Новгородцы за одинъ разъ порѣшили свои мирныя отношенія и къ митрополиту, и къ князю; ибо и у того и у другаго отняли всѣ судебныя пошлыны.

Послѣ такового рѣшительнаго поступка со стороны Новгородцовъ великому князю Дмитрію Ивановичу оставалось одно, начать войну съ Новгородомъ; и онъ дѣйствительно зимою 1386 года, именно передъ Рождествомъ Христовымъ, открылъ походъ противъ Новгорода, въ этомъ походѣ его сопровождали рати изъ двадцати девяти областей. Вступивши въ Новгородскія владѣнія, великій князь объявилъ свой гнѣвъ за набѣги повольниковъ, грабившихъ по Волгѣ и за не платежъ княжескихъ пошлынъ или княжчинъ. Новгородцы, получивши объ этомъ вѣсть, немедленно отправили къ князю своихъ посланниковъ Іева Аввакумовича и Ивана Александровича съ просьбою о мирѣ; но князь отпустилъ ихъ безъ мира, а самъ продолжалъ идти впередъ, опустошая все по дорогѣ, и не дошедъ 30 верстъ до Новгорода, остановился на Ямнѣ, куда къ нему пріѣхалъ съ вторымъ посольствомъ владыка Алексѣй и говорилъ такія рѣчи: „княже! тебѣ благословляю, а Великій Новгородъ весь челомъ

бьетъ о мирѣ, чтобы не было, господине, кровопролитія; а за вину, господине, люди дають тебѣ восемь тысячъ рублевъ". Но князь непослушалъ и владыки; тогда владыка послалъ напередъ себя въ Новгородъ боярскаго сына, съ приказаніемъ готовиться къ упорному сопротивленію. По вѣсти отъ владыки, Новгородцы поставили острогъ, и вмѣстѣ съ княземъ Патрикіемъ Наримантовичемъ съ княземъ Романомъ Юрьевичемъ и съ Копорскими князьями выступили изъ города въ поле; но простоявши въ полѣ съ утра до обѣда, послѣ обѣда воротились въ городъ, а въ слѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ отъ князя и владыка Алексѣй, не получивши мира. На четвертый день по Рождествѣ Христовѣ былъ большій переполохъ въ городѣ, послѣ обѣда промчалась вѣсть, что князь стоитъ уже на Жилотугѣ; по этой вѣсти Новгородцы всѣ въ оружіи на коняхъ и пѣшіе вышли къ Жилотугу съ полною охотою разчитаться съ врагами; но на Жилотугѣ еще не было ни великаго князя, ни его рати; и потому Новгородцы опять возвратились въ городъ. Тогда вѣче послало къ великому князю двухъ архимандритовъ, семь поповъ и пять человекъ житыхъ, отъ конца по человеку; а между тѣмъ распорядилось сжечь двадцать четыре монастыря, шесть церквей и всѣ строенія въ городскихъ предмѣстіяхъ вплоть до вала, чтобы не гдѣ было укрѣпиться неприятельской рати. Узнавши о такихъ приготовленіяхъ, великій князь сдѣлался гораздо податливѣе и успѣшилъ заключить миръ съ послѣднимъ Новгород-

скимъ посольствомъ, на всей старинѣ Новгородской и на тѣхъ условіяхъ, которыя предлагалъ на второмъ посольствѣ владыка Алексѣй, т. е. чтобы заплатить 8000 рублей за грабежи повольниковъ и добрать не добранныя княжчины. По этому миру Новгородцы немедленно взяли съ полатей св. Софїи три тысячи рублей и отправили къ князю на Ямны съ посадниками Григоріемъ Якуновичемъ и Васильемъ Ѳедоровичемъ; а пять тысячъ рублей предоставили князю взять на Заволочанахъ, которые грабили по Волгѣ, для чего и отправили въ Заволочье своихъ приставовъ посадника Ѳедора Тимофѣевича съ товарищами. Заключивши на такихъ условіяхъ миръ, великій князь Дмитрій Ивановичъ съ Ямнъ же поворотилъ въ Москву, а въ Новгородъ послалъ своихъ намѣстниковъ и черноборщевъ добирать не добранный черный боръ.

Новыя укрѣ-
пленія въ
Новгород-
скихъ вла-
дѣніяхъ.

Помирившись съ великимъ княземъ Новгородцы, можетъ быть наученные послѣднимъ нашествіемъ непріятелей, съ особенною заботливостію принялись укрѣплять свои владѣнія. Они еще въ 1383 году провели ровъ около Софійской стороны къ старому валу, а въ слѣдующемъ 1384 году поставили въ 33 дня каменный городъ Яму на Лугѣ; по заключеніи же мира съ великимъ княземъ на другій годъ копали валъ около торговой стороны, и въ томъ же году поставили каменный городъ Порховъ. Въ 1388 году весною архіепископъ Новгородскій Алексѣй, правившій Новгородской церковію тридцать лѣтъ безъ одного года и пяти мѣсяцевъ, доброволь-

Выборъ но-
ваго архіе-
пископа.

но оставилъ владычень престоль, и благословивъ посадниковъ, тысяцкихъ и весь Новгородъ, удалился въ Деревяницкій монастырь. Когда на прощаньѣ Новгородцы просили его, чтобы указалъ себѣ преемника, то онъ сказалъ имъ: „изберите себѣ три мужи достойны, да положите три жеребья на св. трапезѣ, написавши имена, и кого вамъ Богъ дастъ, того я благословлю“. И по такому совѣту владыки посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ (вѣче) и игумены и священники избрали трехъ достойныхъ мужей,— Хутынскаго игумена Іоанна, Благовѣщенскаго игумена Парѣенія и Рождественскаго игумена Аѳанасія, и положили имена ихъ на престолѣ въ храмъ св. Софіи; за тѣмъ священники соборомъ начали служить обѣдню, а Новгородцы стали вѣчемъ у Софійскаго храма; и по окончаніи обѣдни протопопъ Измаилъ началъ вынимать жеребьи, и первый вынулъ Аѳанасіевъ и потомъ Парѣеніевъ, Іоанновъ же остался на престолѣ, и это было признано указаніемъ, что Богъ и св. Софія избрали Іоанна, и въ слѣдъ за тѣмъ всѣмъ Новгородомъ ввели его на стѣни во владычнемъ дворѣ, гдѣ и благословилъ его старій владыка Алексій. Это было весною 1388 года; а осенью того же года въ Новгородѣ произошелъ сильный мятежъ: три конца Софійской стороны возстали на посадника Осипа Захарьинича, зазвонили вѣче у св. Софіи, вооружились какъ на рать и пошли грабить посадничій домъ; посадникъ же бѣжалъ за рѣку въ Плотницкій конецъ и за него возсталъ вся торговая

Мятежъ въ
Новгородѣ.

сторона и начала грабить противниковъ, отбивать отъ берега перевозчиковъ и рубить суда, Волховскій же мостъ въ это время былъ разрушенъ льдомъ изъ озера, нагнаннымъ бурей въ Волховъ. Мятежъ продолжался двѣ недѣли и кончился миромъ, по которому посадничество отдали Василью Ивановичу. А зимою того же года владыка Іоаннъ ѣздилъ съ большимъ Новгородскимъ посольствомъ въ Москву къ митрополиту на посвященіе. Въ слѣдующемъ же году скончался великій князь Московскій Дмитрій Ивановичъ.

РАЗСКАЗЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

БОРЬБА НОВГОРОДЦЕВЪ ЗА ВЛАДѢНІЯ И ПОСТЕПЕННОЕ РАЗЛОЖЕ-
НІЕ НОВГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВА.

Прежнія
отношенія
Новгорода
къ князьямъ

Исторія Новгорода Великаго, за пройденные нами пять вѣковъ, представляла на первомъ планѣ, какъ мы уже видѣли, постоянную борьбу Новгородцовъ за свои права и вольности. Эта борьба, не смотря на разныя препятствія, велась довольно удачно, Новгородцы твердо стояли за свои права. И хотя инымъ могущественнымъ князьямъ на время удавалось потѣснить Новгородъ; но общій итогъ борьбы былъ тотъ, что Новгородцы всегда умѣли выпутаться изъ бѣды и стать въ болѣе или менѣе независимое положеніе. Князья, самые сильные въ своихъ спорахъ за права, постоянно оканчивали тѣмъ,

что принимали условія на всей воли Новгородской; такъ что мало по малу утвердился постоянный законъ отношеній Новгорода къ своимъ князьямъ, по которому Новгородцы пользовались полною самостоятельностью и были вольны въ своихъ князьяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить договорныя грамоты Новгородцовъ съ своими князьями; всѣ они, отъ первой дошедшей до насъ до послѣдней, носятъ одинъ характеръ и совершенно одинаковы и по формѣ и по содержанію, такъ что являются какъ бы списками съ одной грамоты, только съ переменною именъ и числъ. Князья, вступавшіе въ сношенія съ Новгородомъ, были далеко непохожи другъ на друга ни по уму, ни по могуществу, а постоянно должны были принимать одни и тѣже условія отъ Новгородцевъ, ежели хотѣли быть князьями Новгородскими. Новгородъ постоянно былъ раздѣленъ на партіи; но партіи сіи разнились между собою только въ своихъ симпатіяхъ къ тому или другому князю, смотря по годамъ, которыя представлялъ тотъ или другой князь той или другой партіи, а въ конечномъ результатѣ всѣхъ споровъ партій было одно.—неприкосновенность правъ и вольностей господина Великаго Новгорода; какъ же скоро которая партія измѣняла сему постоянному закону, то она немедленно падала, не смотря ни на какую поддержку, весь Новгородъ возставалъ на нее. Въ продолженіи пяти вѣковъ исторіи Новгорода мы видѣли только споры партій, разложенія же общества не замѣчали.

Новый ха-
рактеръ въ
отношені-
яхъ Новго-
рода къ
князьямъ.

Но совсѣмъ иной характеръ принимаетъ исторія Новгорода по смерти великаго князя Дмитрія Ивановича, споръ съ князьями за права и вольности Новгорода отходитъ на задній планъ; князья Московскіе и другіе почти не спорятъ о правахъ и вольностяхъ Новгорода, они какъ бы соглашались съ условіями Новгородской жизни, сложившейся вѣками, но предъявляютъ притязанія на тѣ или другія Новгородскія владѣнія, стремятся завладѣть тѣмъ или другимъ Новгородскимъ краемъ, отнять его у Новгорода или просто по праву завоеванія, или разными льготами и обѣщаніями, убѣдивши жителей того или другаго края отложиться отъ Новгорода. Эта перемѣна борьбы, ловко поставленная князьями Московскими, очевидно условливалась внутреннимъ положеніемъ Новгородскаго общества, въ которомъ замѣтно борьба партій, по смерти великаго князя Дмитрія Ивановича, начинаетъ ослабѣвать, и на мѣсто ея выступаютъ признаки апатіи къ общественнымъ дѣламъ и внутренняго разложенія общества; Новгородъ вовсе безъ крайней нужды начинаетъ то и дѣло откупаться деньгами отъ нападений то того, то другаго князя и какъ-то избѣгаетъ доводить борьбу до конца, хотя бы конецъ борьбы необѣщаль ничего дурнаго. Незамѣтно еще и слѣдовъ упадка въ силахъ и могуществѣ Новгорода, а между тѣмъ Новгородскія власти явно тяготятся своимъ положеніемъ и стараются сбывать дѣла общественныя кой какъ, только бы отдѣлаться отъ нихъ, свалить съ плечъ; въ самомъ обще-

ствѣ уже нѣтъ прежней энергіи, а если она еще и проявляется, то скоро пропадаетъ; всѣхъ заѣли личныя выгоды, любовь же къ отечеству, ежели иногда еще и проявляется, то только по старымъ воспоминаніямъ о славныхъ былыхъ временахъ.

По смерти великаго князя Дмитрія Ивановича, Князь Васи-
лій Дмитріе-
вичъ Моско-
вскій. Новгородцы, какъ только узнали, что его сынъ Василій Дмитріевичъ утверждень Татарскимъ ханомъ на великомъ княженіи, немедленно отправили въ Москву своихъ пословъ, — Юрья Семеновича Аврамова внука и Кирилла Андреяновича Захарьина внука, которые послы отъ имени Новгорода заключили миръ по старинѣ и великій князь Василій Дмитріевичъ, принявши всѣ предложенныя ему условія, прислалъ въ Новгородъ своего намѣстника Остафья Сыту. На другій годъ по утверженіи мира съ Мо- Миръ съ
Нѣмцами. сковскимъ княземъ Новгородцы порѣшили покончить розмирье съ Нѣмцами, продолжавшееся уже семь лѣтъ и много вредившее Новгородской торговлѣ, и для этаго по общему согласію обѣихъ сторонъ былъ назначенъ съѣздъ въ Изборскъ, куда съ Новгородской стороны были посланы посадники Василій Ѳеодоровичъ, Богданъ Аввакумовичъ и Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ, тысяцкій Есипъ Фалелѣвичъ, Василій Борисовичъ и нѣсколько купцовъ; а съ Нѣмецкой стороны были послы изъ Любека, Готланда, Риги, Юрьева, Колывани и многихъ другихъ городовъ. По заключеніи мира Нѣмецкіе послы пріѣзжали въ Новгородъ, цѣловали крестъ, взяли свои задержанные товары и снова начали ставить Нѣ-

Пріѣздъ митрополита Кипріяна и споръ о докончальной Новгородской грамотѣ. — мекій торговый дворъ. А зимою того же 1391 года прибылъ въ Новгородъ Кипріянь митрополитъ Московскій и всея Россіи съ епископомъ Рязанскимъ и былъ принять владыкою Новгородскимъ и всѣмъ Новгородомъ съ большими почестями, владыка съ духовенствомъ выходилъ его встрѣчать къ церкви Спаса, на Ильину улицу, со крестами и съ иконами. Митрополитъ пріѣзжалъ въ Новгородъ за тѣмъ, чтобы убѣдить Новгородцовъ подрать докончальную грамоту, по которой они семь лѣтъ тому назадъ цѣловали другъ другу крестъ не зватья на митрополичій судъ въ Москву, и прожилъ по этому двѣ недѣли, много говорилъ съ Новгородцами и представлялъ разныя убѣжденія; но его убѣжденія на нихъ не дѣйствовали, они на отрѣзъ сказали ему, что грамоты не раздерутъ, и онъ съ большимъ нелюбыемъ на Новгородъ уѣхалъ въ Москву.

Война съ княземъ Московскимъ, за докончальную грамоту.

Нелюбые митрополита отозвалось Новгороду войною съ великимъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ. Въ 1393 году великій князь прислалъ въ Новгородъ требованіе, чтобы Новгородцы прислали свою докончальную грамоту митрополиту, прибавляя къ тому — „а что на этой грамотѣ вы цѣловали крестъ, то митрополитъ этотъ грѣхъ снимаетъ съ васъ“. Новгородъ на это требованіе отвѣчалъ отказомъ, и великій князь, получивши этотъ отказъ, немедленно началъ войну, взялъ Торжекъ, Волокъ-Ламскій и Вологду съ волостями и опустошилъ другія Новгородскія владѣнія; Новгородцы же въ отвѣтъ на это нападеніе, сами напали на великокняжескія владѣнія,

сосѣднія съ Заволочьемъ, и взяли города Кличень, Устюжну, Устюгъ, и даже Бѣлоозеро, произвели тамъ страшное опустошеніе и горотились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ; но вмѣсто того, чтобы продолжать войну, удачно начатую, Новгородское вѣче, очевидно руководимое сильными людьми, тяготившимися военными расходами и терпѣвшими въ военное время большіе убытки по торговлѣ, вдругъ перемѣнило образъ дѣйствія, и не смотря на успѣхи войны первое подалось на миръ и отправило свое посольство къ великому князю и митрополиту. Посольство это не только отослало къ митрополиту Новгородскую докончателъную грамоту изъ за которой началась война; но и согласилось на такія уступки со стороны Новгорода, которыхъ можно бы было ожидать только послѣ значительныхъ пораженій въ войнѣ, а не послѣ недавнихъ успѣховъ; оно уступило великому князю черныи боръ, на который прежніе Новгородцы обыкновенно смотрѣли какъ на безчестіе господина Великаго Новгорода и соглашались на него только въ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; мало этого, вѣче согласилось еще сдѣлать великому князю и митрополиту не большую приплату деньгами. Митрополитъ разумѣется былъ доволенъ присылкою докончателъной грамоты, которой онъ такъ добивался, и далъ Новгороду отвѣтъ: „не буди сего грѣха на васъ, что цѣловали крестъ на сей грамотѣ, а владыку Ивана и весь Новгородъ прощаю и благославляю“. Великій же князь съ своей стороны для

утвержденія мира отправилъ въ Новгородъ своихъ пословъ: Ѳедора Андреевича Кошку, Уда и Селивана, послы сіи и утвердили миръ съ Новгородомъ, по которому Новгородцы дозволили князю собрать черный боръ по своимъ волостямъ и обѣщали не таить княжескихъ пошлинъ, и сверхъ того дали князю и митрополиту 350, рублей.

неудачное
паденіе на
Псковъ.

Вожди Новгородскаго вѣча, чтобы какъ нибудь оправдаться передъ народомъ въ постыдномъ и убыточномъ мирѣ съ великимъ княземъ Московскимъ, ни съ того ни съ сего придумали напасть на Псковъ, съ которымъ только полтора года тому назадъ былъ заключенъ миръ. Думая блестящимъ походомъ ослабить впечатлѣніе безчестнаго мира, они убѣдили вѣче снарядить рать и въ 1394 году отправили эту рать подъ предводительствомъ служилыхъ Новгородскихъ князей Константина Бѣлозерскаго и Романа Литовскаго прямо подъ самый Псковъ. Рать дѣйствительно подошла къ стѣнамъ Пскова, стояла подъ ними восемь дней, била изъ тюфяковъ и пушекъ, но ничего не успѣла и въ ночь на девятый день съ безчестіемъ обратилась въ бѣгство, потерявъ много своихъ и оставивъ въ добычу Псковичамъ осадныя стѣнобитныя орудія и пушки. Во Псковѣ въ осадѣ въ это время сидѣлъ храбрый Литовскій князь Андрей Ольгердовичъ. Эта неожиданная неудача крайне радовала Новгородъ; вѣче немедленно отняло посадничество у Есипа Захарьинича и дало Богдану Аббакумовичу; а когда Псковичи вскорѣ прислали своего князя Андрея Ольгердовича съ посольствомъ для

заключенія мира, то отпустило ихъ, не принявши предлагаемыхъ условій, и только уже въ 1397 году согласилось заключить миръ со Псковомъ, по ходатайству своего владыки Іоанна. По свидѣтельству лѣтописи, владыка Іоаннъ, по просьбѣ Псковскаго посольства, благословилъ Великій Новгородъ, своихъ дѣтей, чтобы отдали нелюбе Псковичамъ и приняли бы ихъ, какъ младшую братью по старинѣ; видите, говорилъ владыка, дѣти, уже послѣднее время, настала пора, что бы вы были въ христіанствѣ за одинъ братъ. И посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ и тысяцкій Никита Ѳедоровичъ, и всѣ посадники и тысяцкіе и бояре, и весь Великій Новгородъ благословеніе владыки приняли, а отъ Псковичей нелюбе отложили и взяли миръ по старинѣ. Но кажется въ настоящемъ случаѣ на Новгородцовъ подѣйствовали не столько убѣжденія владыки Іоанна, сколько серьезныя и рѣшительныя приготовленія Псковичей дать сильный отпоръ въ случаѣ вторичнаго нападенія; ибо Псковичи передъ посольствомъ въ Новгородъ о мирѣ, выстроили въ одинъ годъ четыре сильныя укрѣпленія, дѣлавшія нападенія на Псковъ ежели не невозможнымъ, то крайне затруднительнымъ. А по сему Новгородцы, потерпѣвъ неудачу при нападеніи на Псковъ, недостаточно укрѣпленный, естественно должны были податься на миръ, когда узнали о новыхъ важныхъ укрѣпленіяхъ Пскова; ибо сколько нибудь трудная борьба была не по плечамъ тогдашнимъ себялюбивымъ мироѣдамъ, богатымъ вожакамъ Новгородскаго вѣча; они слиш-

комъ были заняты своими личными интересами, что бы серьезно заниматься интересами общественными. По ихъ мнѣнію было достаточно, ежели Великій Новгородъ, — эта прежняя краса древней Руси, кой какъ отбивается мѣстными средствами отъ вѣдшихъ нападений; такъ напримѣръ Шведы въ продолженіи пяти лѣтъ (съ 1392 по 1396 годъ) три раза дѣлали набѣги на Новгородскія владѣнія; и вожаки вѣча довольные тѣмъ, что мѣстные жители кой какъ отбивались отъ этихъ нападений, вовсе не думали предпринимать что либо серьезное противъ такихъ нападений; Новгородъ или скорѣе его себялюбивыя власти какъ будто были погружены въ непробудный сонъ.

Война
съ Москов-
скимъ кня-
земъ за За-
волочье.

Между тѣмъ великій князь Московскій Василій Дмитриевичъ послѣ мира 1393 года не только не спалъ, но и не дремалъ; онъ зорко смотрѣлъ за дѣлами въ Новгородъ, и перемѣнивъ прежніе приемы Московскихъ князей начинать прямую безконечную борьбу противъ изконныхъ Новгородскихъ правъ и вольностей, составилъ себѣ планъ отдѣлится отъ Новгорода Заволочье или Двинскую область, изъ которой Новгородцы въ прошедшую войну такъ удачно воевали противъ него. Заволочьемъ какъ мы уже знаемъ, преимущественно владѣли богатые Новгородскіе бояре, которые имѣли тамъ свои обширныя земли съ городами и селами, они не рѣдко производили смуты даже въ самомъ Новгородѣ, а въ своихъ владѣніяхъ были почти полными самостоятельными владыками, а по сему естественно многіе изъ

нихъ тяготились зависимоію тамошняго края отъ Новгородскаго вѣча. Къ этимъ-то своевольнымъ богачамъ, воображавшимъ себя чуть не владѣтельными князьями, великій князь Московскій обратился съ разными обѣщаніями и ласками, и, должно сознаться, повелъ дѣло съ большою ловкостію; онъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, конечно съ тѣми, которые были не въ ладахъ съ Новгородскимъ вѣчемъ, вошелъ чрезъ своихъ агентовъ въ тайныя сношенія, обѣщая Двинской области подъ своимъ покровительствомъ такую же независимость и самостоятельность, какою пользовался самъ господинъ Великій Новгородъ, и даже послалъ туда уставную грамоту, какъ управляться всему тамошнему краю подъ Московскимъ покровительствомъ. Грамота сія написана съ большимъ тактомъ, она обѣщала Двинской области самыя блаженныя времена и дѣйствительно давала значительныя льготы, она дозволяла Двинянамъ свободную безошлинную торговлю по всѣмъ владѣніямъ великаго князя. Наконецъ это тайное дѣло доведено было до того, что въ 1397 году Московскій великій князь прислалъ въ Заволочье на Двину своихъ бояръ Андрея Албердова съ товарищами, которые княжимъ именемъ объявили всю Двинскую область свободною, и сказали на тамошнемъ вѣчѣ: „разорвите всѣ связи съ Новгородомъ и цѣлуйте крестъ къ великому князю, онъ хочетъ оборонять васъ отъ Новгорода и стоять за васъ“. Двинскіе бояре Иванъ Никитинъ съ пріятелями, уже прежде договорившіеся съ княземъ, пристали къ рѣчамъ Мо-

сковскихъ бояръ и убѣдили Двинянь отложиться отъ Новгорода и цѣловать крестъ къ великому князю. А вмѣстѣ съ тѣмъ Московская рать безъ объявленія войны съ другой стороны отняла у Новгорода Волокъ Ламскій, Торжекъ, Вологду и Бѣжецкій Верхъ съ волостями, а въ слѣдъ за тѣмъ великій князь объявилъ Новгороду войну, и скинувъ крестное цѣлованіе, прислалъ разметныя грамоты.

Такое громадное дѣло, какъ отложеніе всей Двинской области и завоеваніе другихъ Новгородскихъ владѣній, совершенное подъ носомъ себялюбиваго Новгородскаго правительства, какъ громомъ поразило Новгородцевъ и разбудило отъ того усыпленія, въ которомъ ихъ старались держать безпечные вожди вѣча; и народъ потребовалъ объявленія войны великому князю, и безъ переговоровъ опредѣлилъ скинуть крестное цѣлованіе и отослать крестныя грамоты. Между тѣмъ митрополитъ прислалъ къ Новгородскому владыкѣ Іоанну своего боярина съ приглашеніемъ ѣхать въ Москву по святительскимъ дѣламъ; пользуясь этимъ случаемъ, Новгородское правительство, чтобы уклониться отъ войны, убѣдило вѣче отправить вмѣстѣ съ владыкою посольство въ Москву къ великому князю и просить владыку, чтобы онъ сказалъ великому князю доброе слово и подалъ благословеніе за своихъ дѣтей, за Великій Новгородъ. Владыка, пріѣхавши въ Москву, въ точности исполнилъ давнее ему вѣчемъ порученіе; но великій князь непринялъ ни добраго слова, ни благословенія владыки, ни чело-

битья Новгородскаго, и отпустилъ изъ Москвы посольство, неотложивъ нелюбья отъ Новгорода.

Послѣ такой полной и оскорбительной беззубности мирнаго посольства, Новгородскому правительству не оставалось ничего инаго, какъ отдать это дѣло суду оскорбленнаго народа, котораго уже нельзя было долге сдерживать разными обѣщаніями. И народъ, раздраженный до крайности, на весну 1288 года, какъ разъ послѣ пасхи, въ полномъ оружіи обратился къ своему владыкѣ съ такими рѣчьми: „не можемъ, господине отче, терпѣть таковаго насилія отъ своего великаго князя Василія Дмитріевича, что отнялъ у насъ у св. Софіи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, а хотимъ поискать св. Софіи пригородовъ и волостей, своей отчины и дѣдины, и всѣ за одинъ братъ цѣловали на томъ крестѣ.“ И били челомъ владыкѣ посадникъ Тимоеей Юрьевичъ, посадникъ Юрій Дмитріевичъ, Василій Борисовичъ Синець, и бояре, и дѣти боярскіе, и житые люди, и купеческіе дѣти и всѣ ихъ воины и говорили: „благослови, господине владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей; или паки изнайдемъ свою отчину къ св. Софіи и къ великому Новгороду, паки ли свои головы положимъ за св. Софію и за своего господина, Великій Новгородъ“. Владыко Іоаннь благословилъ своихъ дѣтей -- воеводъ Новгородскихъ и всю рать За тѣмъ Новгородцы проводили въ походъ свою братью, наказавъ имъ на прощаньѣ: „пойдите св. Софіи пригородовъ и волостей

поищите, и своей отчины.“ Новгородская рать съ своими воеводами посадниками Тимоеемъ и Юриемъ и бояриномъ Василиемъ прямо пошла на Двину къ городку Орлецу. Здѣсь, недоходя Орлеца, ихъ встрѣтилъ владычень волостель Исаія съ Вели, и рассказалъ: что велико-княжескій бояринъ Андрей Албердовъ съ измѣнникомъ Иваномъ Никитинымъ и съ Двинянами въ самый день пасхи напалъ изгономъ на владычню волость Вель, повоевалъ ее и взялъ окупъ; а на Двину отъ великаго князя воеводою посаженъ князь Ѳеодоръ Ростовскій блюсти городка и судить, и пошлины брать съ Новгородскихъ волостей; Двинскіе же воеводы Иванъ и Коновъ съ своими друзьями подѣлили между собою волости Новгородскія и Новгородскихъ бояръ. Новгородскіе воеводы, выслушавши этотъ разказъ, сказали другъ другу: „братъ! ежели такъ сдумалъ господинъ нашъ великій князь съ крестопреступниками Двинскими воеводами, то лучше намъ, братъ, умереть за св. Софію, нежели въ обидѣ быть отъ своего великаго князя“, и въ слѣдъ за тѣмъ рѣшили между собою, неходя къ Орлецу, напасть на велико-княжескія волости. По такому рѣшенію они сперва напали на Бѣлоозеро и взяли всѣ Бѣлозерскія волости на щитъ, сожгли старый Бѣлозерскій городъ, съ новаго же Бѣлозерскаго города ограничили однимъ окупомъ въ шестдесятъ рублей, по челобитью Бѣлозерскихъ князей; потомъ взяли Кубенскія волости, повоевали около Вологды, сожгли Устюгъ. На Устюгъ сами воеводы съ главною ратью

остановились на четыре недѣли, а часть рати, собственно боярскихъ дѣтей, подъ начальствомъ Дмитрія Ивановича и Ивана Богдановича, отпустили грабить велико-княжескія владѣнія; этотъ удалый отрядъ только за днище не ходилъ до Галича и столько набралъ добычи и плѣнниковъ, что всего немогли поднять, и часть плѣнниковъ была отпущена, а съ другой взять окупъ. По присоединеніи этого отряда, вся рать съ Устюга двинулась по Двинѣ къ Орлецу, осадила этотъ городъ и начала бить стѣнобитными орудіями (пороками). Защитники городка держались крѣпко и дѣлали иногда удачныя вылазки, но когда осада затянулась на четыре недѣли, и стѣны городка были уже довольно сбиты; то Двиняне, вышедши изъ городка, стали съ плачемъ бить челомъ Новгородскимъ воеводамъ и всему войску о помилованіи; и воеводы, согласно съ наказомъ, даннымъ отъ Новгородскаго вѣча, отпустили вины Двинянамъ и приняли ихъ въ число Новгородскихъ подданныхъ, городъ же Орлець разкопали и сравняли съ землею, Заволочскихъ же воеводъ Ивана и Конона съ пріятелями казнили смертію, а главныхъ заводчиковъ измѣны, бояръ Ивана Никитина, его брата Ансала, Герасима и Родіона заковали въ цѣпи и отправили въ Новгородъ, велико-княжескаго же воеводу, князя Ѳедора Ростовскаго и его дружину отпустили, взявши напередъ у воеводы присудъ и всѣ пошлины, какія онъ успѣлъ собрать, а съ велико-княжескихъ гостей взяли окупа 300 рублей, и наконецъ

съ Двинянъ за ихъ преступленье взыскали 2000 рублей и 3000 коней, ибо всего Новгородской рати было только 3000 человекъ. Новгородскіе воеводы и рать, посланная на Двину, напомнили Новгороду старья былыя времена, когда не было противника Новгородской удали; но вялое правительство Новгородское, ни чѣмъ непробудимое отъ своей дремоты, спѣшило прекратить счастливую войну; оно, услыхавши о побѣдахъ своей рати, осенью тогоже года отправило въ Москву посланниковъ, — архимандрита Парѣенія, посадника Есипа Захарьича, тысяцкаго Онанью Константиновича и житыхъ людей Григорья и Давыда просить мира. Разумѣется великій князь, потерпѣвъ сильную неудачу въ захватѣ Новгородскихъ волостей, поспѣшилъ заключить миръ по старинѣ, т. е. отступился на время отъ всего вятаго, но отнюдь недумалъ примириться съ Новгородомъ на всегда и отказаться отъ захватовъ на будущее время.

Между тѣмъ зимою тогоже 1398 года возвратилась изъ Заволочья побѣдоносная рать Новгородская, потерявъ въ походѣ только одного ратника, Левушку Ѳедорова, посадничьяго дѣтскаго, убитаго при осадѣ Орлеца; она привела съ собою скованныхъ Двинскихъ измѣнниковъ Ивана Никитина, Герасима и Родіона. Вѣче приговорило ихъ къ смерти, и тутъ же Ивана Никитина сбросили съ мосту, Герасимъ же и Родіонъ упросили Новгородъ дать имъ животъ и постриглися въ монахи, а товарищъ ихъ Анфалъ успѣлъ бѣжать съ дороги въ

Устюгъ, подъ защиту великаго князя. За нимъ былъ посланъ въ погоню Яковъ Прокофьевъ съ отрядомъ въ 700 ратниковъ; онъ, подойдя къ Устюгу, сказалъ сидѣвшему тамъ князю Юрью Андреевичу и гражданамъ: стоите ли за Новгородскаго бѣглеца за Анфала? и тѣ отвѣчали: „мы за него не стоимъ и неспособлемъ по немъ, по великаго князя цѣлованью.“ Понадѣясь на ихъ слова, согласныя съ договорной грамотою великаго князя, Яковъ погналъ далѣе и нагналъ Анфала подъ Медвѣжью горой, на которой тотъ устроилъ острогъ и съ своими товарищами вступилъ въ битву съ Новгородскою погонею; а Устюжане съ своими князьями, забывъ данное слово, пришли въ двухъ тысячахъ человекъ помогать Анфалу, и вступили въ битву съ Яковомъ у Стрѣльнаго порога на Сухонѣ. Яковъ съ своими удалцами бился храбро, разбилъ Устюжанъ и Анфаловыхъ товарищей и убилъ у нихъ 400 человекъ, а другіе утонули въ Сухонѣ; но тѣмъ неменѣе Анфалъ успѣлъ спастись во владѣніяхъ великаго князя. И такимъ образомъ миръ, заключенный Новгородцами, былъ уже нарушенъ великимъ княземъ на слѣдующій же годъ по подписаніи договорныхъ грамотъ; ибо погоня Якова за Анфаломъ была лѣтомъ 1399 года. А слабое Новгородское правительство ни словомъ не отозвалось на эту новую обиду; оно какъ бы не видало, что князь и недумаетъ исполнять договоровъ, и даже съ честью приняло велико-княжескаго брата князя Андрея Дмитріевича, который по приказу великаго князя пріѣзжалъ въ

Новгородъ и прожилъ тамъ отъ 15 Юля до 1-го Сентября.

Новое напа-
деніе Москов-
скаго князя
на Заво-
лочье.

Но чѣмъ слабѣе поступало Новгородское правительство, чѣмъ оно было покорнѣе и уступчивѣе передъ великимъ княземъ Московскимъ; тѣмъ князь дѣлался смѣлѣе, и тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ относился къ Новгороду и недумалъ исполнять заключенныхъ съ Новгородцами договоровъ; успѣхи Новгородской рати въ войнѣ его не пугали, а только раздражали; онъ хорошо видѣлъ, что горланы и вожаки Новгородскаго вѣча, погрязшіе въ своекорыстіи, нисколько не умѣютъ пользоваться успѣхами храброй рати. А посему едва прошелъ годъ послѣ пораженія Анфала съ Устюжанами, какъ въ 1401 году Московскій князь опять напалъ на Новгородскія владѣнія въ Заволочьѣ и напалъ безъ объявленія войны, и подъ руководствомъ тогоже самаго Анфала и его брата растриги Герасима Никитина, успѣвшаго убѣжать изъ монастыря. Мало этого, великій князь до того простеръ свое презрѣніе къ Новгороду, что передъ нападеніемъ на Заволочье велѣлъ митрополиту Кипріяну вызвать Новгородскаго владыку Іоанна въ Москву, какъ бы на соборъ по святительскимъ дѣламъ, и тамъ этаго лучшаго и дѣятельнѣйшаго изъ Новгородскихъ правителей, заставилъ чрезъ митрополита отписаться отъ своей архіепископіи, запретилъ ему выѣздъ изъ Москвы и засадилъ въ монастырѣ у Николы стараго. Но сколько слабо и презрѣнно было Новгородское правительство, столько еще силенъ и доб-

лестенъ былъ народъ. Московская рать, посланная съ Новгородскими измѣнниками и бѣглецами Авфаломъ и Герасимомъ Никитиными, пользуясь нечаянностію нападенія въ самый Петровъ день, хотя страшно опустошила Двинскую землю, посѣкла и повѣшала множество беззащитнаго народа, захватила тамошняго богатаго боярина Андрея Ивановича и Двинскихъ посадниковъ Есипа Филиповича и Наума Ивановича; но она могла только разбойничать и потѣшаться надъ беззащитными и невооруженными; а какъ скоро пришлось ей имѣть дѣло съ ратными людьми, то она оказалась такою ничтожною и неспособною, что даже не потребовалось особой Новгородской рати, чтобы остановить ея разбойничьи успѣхи, и къ стыду Московскаго князя дѣло обошлось Двинскими и Заволоцкими частными средствами. Богатые Двинскіе бояре братья Степанъ и Иванъ Михайловичи и товарищъ ихъ Никита Головня, собравъ около себя поселенцевъ, жившихъ по Вагъ, нагнали Авфала и Герасима на Колмогорахъ, разбили ихъ рать, отняли всѣхъ плѣнниковъ и добычу, а самихъ принудили спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ. Такимъ образомъ Двинскіе бояре своими частными средствами отразили Московскую рать, думавшую завладѣть тамошнимъ краемъ. Другой отрядъ Московской рати, посланный великимъ княземъ на Торжекъ, также не имѣлъ большаго успѣха, онъ успѣлъ только захватить тамъ Новгородскихъ бояръ Семена Васильевича и забрать ихъ имѣнье, хранившееся въ соборной церкви св. Спа-

са. Впрочемъ этотъ Московскій отрядъ, состоявшій только изъ трехъ сотъ человѣкъ, очевидно и былъ посланъ только за тѣмъ, чтобы схватить означенныхъ бояръ, можетъ быть съ владыкою Иоанномъ считавшихся въ Москвѣ опасными по своей энергіи и любви къ отечеству.

Унизитель-
ныя отноше-
нія Новго-
родѣ къ кня-
зьямъ Мос-
ковскому и
Литовскому.

Всѣ сіи оскорбленія Новгородское правительство сносило терпѣливо и, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, даже не считало ихъ нарушеніемъ мирныхъ договоровъ. Князь Московскій продолжалъ держать за собою Торжекъ, Волокъ Ламскій и Бѣжецкій Верхъ, томилъ въ заключеніи Новгородскаго владыку и знаменитыхъ бояръ; а правители Новгорода протестовали противъ этого только тѣмъ, что удерживали нѣкоторыя княжескія пошрины, слѣдовавшія съ Новгородскихъ волостей, и непризнавали законнымъ насильственнаго задержанія своего владыки въ Москвѣ, и по сему не выбирали себѣ новаго владыку; иныхъ дѣйствій съ ихъ стороны не было, они были какъ бы довольны неопредѣленнымъ и унизительнымъ положеніемъ Новгорода; нѣтъ даже извѣстій о какихъ либо посольствахъ и жалобахъ на оскорбительныя отношенія Московскаго князя. Такія же почти отношенія Новгорода въ это время были и къ князю Литовскому Витовту. Въ 1397 году, во время войны съ Московскимъ княземъ, Новгородъ искалъ защиты у Витовта и договаривался съ нимъ признать его власть; но когда война съ Московскимъ княземъ кончилась удачно, то правители Новгорода прекратили сно-

шенія съ Литовскимъ княземъ; въ слѣдствіе чего Витовтъ, въ 1399 году, прислалъ въ Новгородъ свои разметныя грамоты, въ которыхъ писалъ: „вы меня обезчестили, говорили задаться за меня и признать меня своимъ княземъ, а мнѣ васъ оборонять; и потомъ отказались отъ своего слова“. Новгородцы на это отвѣчали сперва отсылкою своихъ разметныхъ грамотъ къ Витовту; а потомъ, когда Витовтъ былъ разбитъ Татарскимъ ханомъ Темиръ-Кутлуемъ и находился въ крайности, то отправили къ нему свое посольство въ Вильну и заключили миръ по старинѣ, и опять искали союза и у Московскаго, и у Литовскаго князя.

Но въ то же время Новгородъ по старинѣ давалъ у себя убѣжище всѣмъ знаменитымъ изгнанникамъ и изъ Литовскихъ, и изъ Московскихъ владѣній; такъ въ 1389 г. Новгородцы приняли къ себѣ Литовскаго изгнанника князя Семена Ольгердовича и дали ему въ кормленье нѣсколько пригородовъ; а въ 1393 г. дали убѣжище Московскому изгнаннику князю Константину Бѣлозерскому. Или въ 1387 г. приняли князей Василия Ивановича Смоленскаго и Патрикія Наримановича Литовскаго. Или въ 1404 году Новгородцы приняли князя Смоленскаго Юрія Святославича, изгнаннаго Витовтомъ, дали ему тринадцать пригородовъ, привели его къ крестному цѣлованію къ Новгороду въ животъ и въ смерть, чтобы князю Юрію за одно съ Новгородцами стоять за Новгородъ противъ иноплеменниковъ, и сами цѣловали къ нему крестъ. Или въ 1407 году приняли къ себѣ

Новгородъ еще по старинѣ даетъ у себя убѣжище Московскимъ и Литовскимъ изгнанникамъ.

и также дали пригороды князю Семену Ольгердовичу, присланному Витовтомъ; а въ 1408 году приняли къ себѣ намѣстникомъ отъ великаго князя Московскаго его брата Константина Дмитріевича. Такимъ образомъ Новгородское правительство въ одно и тоже время, думало угодить и Московскому и Литовскому великимъ князьямъ, и въ тоже время старалось показать Новгородъ независимымъ, самостоятельнымъ владѣніемъ и давало убѣжище изгнанникамъ и бѣглецамъ той и другой стороны; и, разумѣется, такимъ способомъ веденія дѣлъ Новгородъ не угождалъ ни Литвѣ, ни Москвѣ, и былъ въ большей или меньшей зависимости отъ той и отъ другой стороны и, кажется, въ числѣ своихъ правителей и вождей народа имѣлъ и Литовскихъ приверженцевъ, и приверженцевъ Московскаго князя. Но очевидно приверженцы Московскіе были сильнѣе; и потому Новгородъ преимущественно и почти постоянно, считалъ Московскаго великаго князя своимъ Новгородскимъ княземъ, и сносилъ терпѣливо всѣ оскорбленія съ Московской стороны; такъ что великій князь Василій Дмитріевичъ считалъ Новгородъ своею отчиною, и иногда, хотя плохо, помогалъ Новгородцамъ противъ Витовта; такъ, напри- мѣръ, въ 1406 году онъ присылалъ въ Новгородъ своего брата князя Петра Дмитріевича, на случай нападенія Витовта на Новгородскія владѣнія, который впрочемъ пробылъ въ Новгородѣ только полторы недѣли. Постоянная покорность Новгорода иногда даже вызывала у Московскаго князя нѣко-

торое снисхожденіе: такъ въ 1402 году были возвращены изъ Москвы Новгородскіе бояре Семеръ Васильевичъ и Михайлъ Теофилактовичъ, схваченные въ Торжкѣ въ 1401 году, и наконецъ въ 1404 году великій князь отпустилъ и Новгородскаго владыку Іоанна, содержавшагося въ Москвѣ три года и четыре мѣсяца. Этимъ послѣднимъ поступкомъ особенно были довольны Новгородцы, они встрѣтили владыку со крестами и считали его возвращеніе народнымъ праздникомъ.

Но дѣйствуя слабо и не дружно въ отношеніи къ Московскому и Литовскому князьямъ, Новгородцы еще нѣсколько напоминаютъ своихъ храбрыхъ предковъ въ отношеніи къ своимъ сѣверозападнымъ сосѣдямъ Шведамъ. Какъ скоро въ 1411 году Шведы напали на Новгородскую Корѣлю и взяли тамъ Гиверскій городокъ; то въ отмщеніе за это нападеніе Новгородцы, въ три дни по полученіи вѣсти о Шведскомъ набѣгѣ, собрали свою рать и подъ предводительствомъ своего служилаго князя Семена Ольгердовича Лугвеня, трехъ старыхъ посадниковъ и десяти боярѣ, вступили въ Шведскую землю, т. е. южную Финляндію, страшно опустошили ее и даже осаждали Выборгъ, самый укрѣпленный Шведскій городъ въ этомъ краю; но не успѣвши взять этого города, воротились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Мало этого, Новгородское вѣче въ томъ же году послало приказаніе Двинскому посаднику Якову Степановичу напасть изъ Заволочья на Норвежскія владѣнія, который по этому

Отношенія
Новгорода
къ Шведамъ,
Литвѣ и
Польшѣ.

приказанію также сильно повоевалъ тамошнія волости и напомнилъ Норвежцамъ или скорѣе Шведамъ, съ которыми Норвежцы были тогда въ соединеніи, что Новгорода нельзя еще оскорблять безнаказанно. Но только лишь Новгородцы успѣли раздѣлаться съ Шведами, какъ въ 1412 году король Польскій Ягайло и Литовскій великій князь Витовтъ вывели изъ Новгорода князя Семена Ольгердовича Лугвеня и прислали разметныя грамоты къ Новгородцамъ съ такими рѣчами „вы было обѣщались служить намъ, сложить крестное цѣлованіе къ Нѣмцамъ, а съ нами стать за одно и на обѣ стороны укрѣпиться изъ предосторожности на всякій случай, а если бы случай нужный не вышелъ, то и союзъ нашъ не былъ бы обязателенъ ни для той, ни для другой стороны. И мы къ вамъ послали бояръ своихъ Немира и Зиновія Братошича спросить, — стоите ли вы въ своемъ обѣщаніи? и вы Немиру отвѣчали: „не можетъ Новгородъ того учинити, — мы какъ съ Литовцами мирны. такъ и съ Нѣмцами мирны“. Мы князя Лугвеня вызвали отъ васъ къ себѣ, а съ Нѣмцами вѣчный миръ взяли, и съ Уграми и со всѣми нашими граничными мирны; а вы, забывъ, слова своего не сдержали, какъ намъ обѣщались, да ваши люди еще насъ ругали, безчестили и срамили, называя погаными; и сверхъ всего этого вы приняли къ себѣ нашего врага Юрьева сына Святославича“. Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ, сынъ Смоленскаго князя Юрія Святославича укрывавшійся тогда въ Новгородъ, услыхавши о послѣдней

жалобѣ, сказалъ Новгородцамъ: „изъ-за меня съ Витовтомъ нелюбья не держите“, и немедленно уѣхалъ къ Нѣмцамъ. Жалобы Витовта и Ягайлы показываютъ, что въ это время въ Новгородѣ всѣмъ руководила Московская партія, а Литовская была назади и неимѣла силы. Тоже сильное значеніе Московской партіи видно и изъ самыхъ переговоровъ Новгорода съ Ягайломъ и Витовтомъ; ибо по удаленіи изъ Новгорода князя Ѳедора Юрьевича, Витовтъ и Ягайло замолчали и при заключеніи мира, послѣдовавшаго въ 1414 году, Новгородскіе послы: посадникъ Юрій Онисифоровичъ, сынъ посадничъ Аѳонасъ Ѳедоровичъ и Ѳедоръ Трябло, настояли на томъ, чтобы не разрывать Новгородской крестной грамоты къ Нѣмцамъ, и всѣ отношенія Новгорода къ Литвѣ оставить по старинѣ, чего конечно нельзя было ожидать, если бы господствующею партіею въ Новгородѣ была Литовская партія.

Между тѣмъ великій князь Василій Дмитріевичъ, Новая война въ Заволочѣ. хотя съ 1397 года постоянно держалъ своихъ на-мѣстниковъ въ Новгородѣ, слѣдовательно признаваемъ былъ Новгородцами своимъ княземъ, тѣмъ не менѣе не оставлялъ замысловъ при удобномъ случаѣ отнять у Новгорода ту или другую область и давалъ у себя убѣжище всѣмъ изгнанникамъ и бѣглецамъ Новгородскимъ, всѣмъ недовольнымъ Новгородскими порядками, чтобы при случаѣ употребить ихъ противъ Новгорода. Въ числѣ таковыхъ недовольныхъ бѣглецовъ въ 1417 году явились во владѣніяхъ великаго князя, именно въ удѣлѣ брата

его князя Юрія Дмитріевича, два боярина—Семень Жадовскій и Михайло Разсохинъ, неполадившіе съ Новгородскими властями, и предложили великому князю свои услуги при завоеваніи Заволочья. Великій князь, не желая упустить удобнаго случая, принялъ такое предложеніе и дозволилъ Жадовскому и Разсохину собирать рать охотниковъ на Вяткѣ и въ Устюгѣ, а князь Юрій Дмитріевичъ придалъ имъ своего боярина Глѣба Семеновича. Охотниковъ по-воевать въ богатомъ Заволочьѣ оказалось довольно и на Вяткѣ и въ Устюгѣ; и Жадовскій и Разсохинъ, собравъ ихъ и снарядивъ нужныя суда для похода, пустились внизъ по Двинѣ, и нечаяннымъ и быстрымъ нападеніемъ успѣли повоевать, захватить и сжечь придвинскія волости—Борокъ, Емцу и Холмогоры, и захватили тамъ Новгородскихъ бояръ Юрія Ивановича и брата его Самсона. Но богатые Двинскіе бояре: Иванъ Ѳедоровичъ, братъ его Аванасій, Гаврило Кириловичъ и Иванъ Андреевичъ, не дозволили долго хозяйничать княжескимъ разбойникамъ и Новгородскимъ измѣнникамъ; они поспѣшили собрать значительную рать изъ своихъ людей, и нагнавъ грабителей подъ Моржомъ на островъ, разбили ихъ на голову, отбили свою братью бояръ Юрія и Самсона, и отнявъ у нихъ весь полонъ и добычу, самихъ отпустили. Посадничій же сынъ Василій Юрьевичъ съ своими товарищами боярами, Самсономъ Ивановичемъ, только что освобожденнымъ отъ плѣна, съ Гавриломъ Кириловичемъ и братомъ его Григорьемъ, недовольствуясь пораженіемъ грабителей,

пустились съ своими ратниками далѣе и пожгли Устюгъ. Такимъ образомъ и эта послѣдняя попытка великаго князя Василя Дмитріевича завладѣть хотя частію Заволочья—не удалась; и великій князь послѣ похода Жадовскаго и Разсохина уже не предпринималъ никакихъ нападеній на Новгородскія волости; да и самый походъ Жадовскаго и Разсохина былъ принятъ въ Новгородѣ за набѣгъ вольницы и не послужилъ поводомъ къ какимъ либо жалобамъ и неудовольствіямъ, Новгородцы по прежнему держали великокняжескихъ намѣстниковъ, и жили въ мирѣ и согласіи съ великимъ княземъ до самой его кончины, послѣдовавшей въ началѣ 1425 года. Великій князь не разрывалъ съ Новгородомъ мира и держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ даже тогда, когда въ 1419 году Новгородцы, по старому обычаю давать у себя убѣжище всѣмъ изгнанникамъ, приняли къ себѣ изгнаннаго великимъ княземъ брата его Константина Дмитріевича и дали ему свои пригороды, бывшіе прежде за княземъ Семеономъ Ольгердовичемъ Лугвенемъ, и назначили въ его пользу по всей Новгородской волости особый сборъ подъ именемъ коробейщины, такъ что въ одно и то же время сидѣли въ Новгородѣ и намѣстникъ великокняжескій князь Федоръ Патрикѣевичъ, и врагъ великаго князя братъ его князь Константинъ Дмитріевичъ, и въ 1420 году оба вмѣстѣ, отъ имени Новгорода, вели переговоры съ Нѣмецкими послами и заключили съ Нѣмецкимъ орденомъ миръ по старинѣ. Новгородцы послѣ мира, заключеннаго съ Витовтомъ, вели-

кимъ княземъ Литовскимъ, въ 1414 году, оставались мирны и съ Литвою, и съ другими своими сосѣдами. Только въ 1419 году Норвежскіе грабители, въ числѣ 500 человекъ, въ бусахъ и шнекахъ съ Бѣлаго моря ворвались на Двину и въ Заволочье, пограбили и пожгли нѣсколько погостовъ, лежавшихъ недалеко отъ морскаго берега; но этотъ разбойничій набѣгъ не нарушилъ общаго мира въ Новгородѣ; Заволочане, собравши силу, одни управились съ грабителями, разбили ихъ, потопили двѣ шнеки, а остальныхъ заставили спастись бѣгствомъ; тѣмъ дѣло и кончилось.

Междоусобіа въ Новгородѣ.

Но освободившись такъ или иначе отъ внѣшнихъ войнъ, Новгородъ неосвободился отъ внутреннихъ беспорядковъ; давно копившіяся неудовольствія и вражда меньшихъ и большихъ, можетъ быть нѣсколько сдерживаемыя немирьемъ съ сосѣдами, ждали только случая разразиться страшнымъ междоусобіемъ, и случай этотъ, по началу своему самый ничтожный, представился въ 1418 году, и послужилъ поводомъ къ возстанію торговой стороны на Софійскую. Одинъ бояринъ Козмодемьянской улицы Данило Ивановичъ, Божинъ внукъ, чѣмъ то обидѣлъ людина съ торговой стороны, по имени Степанка. Этотъ Степанко, встрѣтивъ боярина на одной улицѣ на торговой сторонѣ, схватилъ его за воротъ и началъ кричать прохожимъ: „господа! помогите мнѣ на этаго злодѣя“. Прохожіе по этому крику бросились на боярина и потащили его какъ злодѣя къ народу, даже одна женщина, отки-

нубъ женскій стыдъ, накинупась на боярина, стала бить его и кричать на вѣчѣ: „онъ мой злодѣй, онъ и меня обижаетъ“. Народъ, давно злобствовавшій на бояръ и много терпѣвшій отъ нихъ, неразбирая долго, приколотилъ Давилу чуть не до смерти и сведши съ вѣча сбросилъ съ моста въ Волховъ, какъ разбойника и обидчика. Въ это время не далеко отъ моста былъ на рѣкѣ одинъ людинъ по прозванію Личковъ сынъ, онъ изъ жалости поймалъ сброшеннаго боярина. втащилъ въ свой челнъ, и такимъ образомъ помогъ ему спастися. Разъяренный народъ разграбилъ домъ Личкова сына. Бояринъ же Данило, думая отомстить обиду, поймалъ своего противника Степанка и началъ его мучить у себя на дому. Народъ, услыхавши, что Степанко схваченъ, зазвонилъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сходился на вѣчѣ нѣсколько дней сряду съ криками: „пойдемъ на онаго боярина, и разхитимъ его домъ“ Противъ такихъ криковъ не было принято ни какихъ мѣръ; и они разрѣшились тѣмъ, что жители торговой стороны вооружились доспѣхами какъ на рать, и взявши знамя пошли на Козмодемьянскую улицу выручать Степанка, разграбили домъ боярина Данила и множество другихъ домовъ, потомъ съ Козмодемьянской улицы пошли грабить набережную Яневой улицы, вездѣ отыскивая Степанка. Тогда Козмодемьянцы, опасаясь новаго грабежа, рѣшились отдать Степанка, и пришедши къ архіепископу просили, чтобы отправилъ его на вѣче къ собравшемуся народу; святитель по этой прозѣ-

бѣ послалъ его съ священникомъ и своимъ бояриномъ. Но тѣмъ дѣло не кончилось; раздраженный народъ, взявши Степанка, поднялся на Ивана Іевлевича, боярина съ Чудинцевой улицы, разграбилъ его домъ и дома другихъ тамошнихъ бояръ, и даже монастырь св. Николы, гдѣ хранилось многое боярское имущество. Потомъ съ Чудинцевой улицы народъ бросился на сосѣдную улицу Люгощу и разграбилъ тамъ множество дворовъ и кричалъ: здѣсь живутъ наши супостаты! За тѣмъ разъяренная толпа двинулась на богатую Прусскую улицу; но тамъ успѣли приготовиться, отбили нападеніе и тѣмъ еще большее произвели раздраженіе въ народѣ. Воротившись на свой берегъ, толпа торговой стороны стала кричать: „Софійская сторона хочетъ на насъ вооружиться и разграбить наши дома“ По этому крику начался звонъ по всему городу, люди стали сбѣгаться и вооружаться какъ на рать съ обѣихъ сторонъ, устремляясь къ великому мосту, гдѣ уже началась свалка; между тѣмъ поднялась страшная буря съ громомъ, молніей, проливнымъ дождемъ и градомъ. Отъ всеобщаго смятенія и страшной бури, какъ говоритъ лѣтописецъ, потрясся весь городъ и на обѣ стороны напалъ великій страхъ. Владыка Симеонъ, старецъ любимый всѣмъ народомъ, услыхавъ о междоусобной рати своихъ дѣтей Новгородцовъ, зарыдалъ и сказалъ предстоящимъ созвать священный соборъ, потомъ пошелъ въ церковь св. Софіи, облачился тамъ въ святительскія ризы, совершилъ молебствіе о прекраще-

ни междуусобія, и со всѣмъ священнымъ соборомъ, съ крестомъ господнимъ и съ иконою пресвятыя Богородицы отправился на великій мостъ, тѣдѣ кипѣло междуусобіе; за нимъ слѣдовали священники и весь церковный причетъ, знатнѣйшіе мужи и множество народа со слезами и надеждою, что молитвами святителя Господь утишитъ междуусобную рать. Пришедши на мостъ, святитель сталъ благословлять животворящимъ крестомъ обѣ враждующія стороны. Это неожиданное пришествіе владыки, его мирное благословеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ пріостановило битву; Софійская сторона выслала къ святителю стараго посадника Федора Тимофеевича и другихъ посадниковъ и тысяцкихъ молить владыку, чтобы онъ послалъ къ степеннымъ посаднику и тысяцкому умирить враждующихъ. Владыка по ихъ моленію послалъ своего духовника архимандрита Варлаама и протодьякона на Ярославль дворъ, да подадутъ благословеніе степенному посаднику Василью Есиповичу и степенному тысяцкому Козмѣ Терентьевичу, и всему народному вѣчу; и вѣче съ посадникомъ и тысяцкимъ отвѣчали: „да повелитъ святитель своей сторонѣ разойтиса по домамъ, а мы по твоему благословенію прикажемъ своей братіи также разойтиса и потомъ пусть выборные нарочитые мужи, сошедшись вмѣстѣ, разсудятъ, кто былъ причиною междуусобія, кто правъ и кто виноватъ“. И посему отвѣту владыка благословилъ разойтиса, и всѣ разошлись, и водворилась тишина, но едвали еще воз-

становилось взаимное согласіе и довѣріе между большими и меньшими.

Лѣтописи не говорятъ былъ ли судъ, предложенный степеннымъ посадникомъ Васильемъ Есиповичемъ, а ежели былъ, то чѣмъ кончился этотъ судъ—мы незнаемъ; но только посадникъ Василій Есиповичъ, очевидно державшійся, во время всеобщаго возстанія, торговой стороны и меньшихъ людей, не удержался на своей степени, и въ 1421 году является уже новый степенный посадникъ Андрей Ивановичъ, какъ должно полагать изъ богачей бояръ Софійской стороны, который недумалъ угождать чернымъ людямъ; слѣдовательно ежели и былъ судъ, предложенный посадникомъ Васильемъ Есиповичемъ, то онъ кончился не въ его пользу и не въ пользу меньшихъ людей. А посему въ 1421 году опять было возстаніе въ Новгородѣ; именно Неревскій и Славенскій концы вступились за одного обиженнаго людина Клементія Артемьева, у котораго завладѣлъ землею степенный посадникъ Андрей Ивановичъ; оба конца въ доспѣхахъ и оружїи пошли на домъ посадника, разграбили его и дома другихъ бояръ, при чемъ въ сваяхъ убили двадцать человекъ Неревлянъ. Это послѣднее возстаніе очевидно было продолженіемъ предшествовавшаго междуособія и взрывомъ вражды меньшихъ людей противъ большихъ, которые послѣ предшествовавшаго междуособія успѣли уладить дѣло въ свою пользу, и кажется оно кончилось не совсѣмъ въ пользу большихъ людей, или для прекращенія

междоусобія дано было какое либо удовлетвореніе и той и другой сторонѣ; по крайней мѣрѣ посадникъ Андрей Ивановичъ тутъ же былъ смѣненъ и мѣсто степеннаго посадника заступилъ Тимоѣей Васильевичъ, который въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года вмѣстѣ съ тысяцкимъ Козмою Терентьевичемъ возводилъ къ св. Софіи на сѣни новоизбраннаго владыку игумена Троицкаго Клопскаго монастыря Θεодосія. Объ окончаніи сего послѣдняго возстанія лѣтопись говоритъ: „и Новгородцы цѣловали крестъ за единъ братъ“. Слѣдовательно симъ возстаніемъ покончена была вражда большихъ и меньшихъ людей и между обѣими сторонами водворилось согласіе, или меньшіе люди на столько ослабѣли, что уже не могли дѣлать новыхъ возстаній противъ большихъ людей; по крайней мѣрѣ лѣтописи, послѣ сего Клементьевскаго возстанія ни разу уже не упоминаютъ о Новгородскихъ междоусобіяхъ.

Кромѣ плохаго управленія. почти постоянно не выгодныхъ и даже оскорбительныхъ сношеній съ сосѣдями и кромѣ внутреннихъ междоусобій, Великій Новгородъ въ продолженіи 35 лѣтъ княженія великаго князя Василья Дмитріевича терпѣлъ еще много другихъ несчастій. Такъ по свидѣтельству лѣтописей за это время нацитывается двѣнадцать значительныхъ пожаровъ, изъ коихъ особенно замечательны: 1-й пожаръ въ 1391 году, отъ котораго погорѣло на Софійской сторонѣ отъ Борковы улицы до Гзена, а на торговой сторонѣ отъ

Пожары и другія несчастія въ Новгородѣ.

Никитины улицы до Родоковичъ, потомъ опять на Софійской сторонѣ Прусская улица и весь Людинъ конецъ, при чемъ сгорѣло 15 деревянныхъ церквей и семь каменныхъ да людей четырнадцать душъ. Этотъ пожаръ столько нанесъ убытковъ бѣднымъ людямъ, что Новгородское правительство нашло нужнымъ взять съ полатей св. Софїи пять тысячъ рублей накопленія владыки Алексѣя, и раздѣлить эти деньги на пять концовъ, по тысячѣ рублей на конецъ, и поставили по обѣ стороны острога каменные костры у каждой улицы. 2-й пожаръ, бывший въ 1399 году, едвали не сильнѣе перваго, отъ него погорѣла вся торговая сторона, при чемъ однихъ каменныхъ церквей сгорѣло двадцать семь, и погибло множество людей, частію сгорѣвшихъ, частію потонувшихъ въ Волховѣ; по словамъ лѣтописи огонь ходилъ даже по водѣ. 3-й пожаръ, въ 1403 году, опять пожогъ торговую сторону и пощадилъ только княжанскій берегъ и Готскій дворъ. 4-й пожаръ въ 1407 году, отъ котораго погорѣли Черевскій конецъ до самаго дѣтинца, и въ дѣтинцѣ сгорѣла церковь св. Софїи, владыченъ дворъ и весь околотокъ, кромѣ того погорѣли Владимирскій берегъ, Люгоща и Хревкова улица. И наконецъ 5-й пожаръ въ 1419 году, вскорѣ послѣ страшнаго междоусобія, опустошилъ Славенскій и Плотницкій концы до Федорова ручья, при чемъ сгорѣли 24 церкви и погибло множество имущества и людей, частію сгорѣвшихъ, частію потонувшихъ въ Волховѣ. А въ 1421 году было страшное на-

водненіе, которое поломало всѣ мосты, снесло церковь св. Троицы на Коломцѣ, а по улицамъ Щиловѣ, Соколицѣ и Радоковичахъ церкви были залиты водою, и служба совершалась только на хорахъ; тоже было въ церкви Воскресенія въ Людинѣ концѣ, кромѣ того всѣ строенія въ низменныхъ мѣстахъ были смыты или разнесены водою, и вода была такъ высока, что вступала даже въ городскія ворота до Рыбниковъ. Къ тому же 19 мая вдругъ разразилась ужасная буря съ громомъ, молніей, страшнымъ вихремъ, градомъ, проливнымъ дождемъ и даже камнями. Это случилось въ полночь и такъ исполошило людей, что тогдашній владыка Симеонъ на разсвѣтѣ отправился съ священниками и клирошанами въ церковь св. Софіи, и повелѣлъ пѣть молебенъ къ Пресвятой Богородицѣ о престаніи гнѣва Божія. Въ дополненіе ко всѣмъ симъ нещастіямъ, Новгородъ выдержалъ нѣсколько опустошительныхъ повальныхъ болѣзней, отъ которыхъ погибло множество народа. Особенно страшень былъ моръ зимою 1417 года, изстребившій множество народа въ Новгородѣ, Русѣ, Ладогѣ, Порховѣ, Торжкѣ и по волостямъ и селамъ; по словамъ лѣтописи, живые не успѣвали хоронить мертвыхъ, на одного здороваго приходилось по десяти больныхъ, въ иномъ дворѣ остался одинъ человекъ, въ иномъ два, а въ иномъ одинъ малый дѣтищъ, и многіе дворы остались совершенно пусты и были затворены. Вездѣ народъ пришелъ въ отчаяніе, многіе постриглись въ монахи, и всѣ стали испо-

вѣдоваться, причащаться и собороваться, готовясь къ смерти. Наконецъ владыка Симеонъ со всѣми семью соборами, съ крестами и иконами и множествомъ народа обошелъ весь городъ съ пѣніемъ и молитвами о престаніи гнѣва Божія, и люди въ одинъ день навозили и натаскали бревень и построили церковь св. Анастасіи, которую въ тотъ же день владыка освящалъ и служилъ въ ней литургію, изъ остаточнаго же лѣса выстроили другую церковь пророка Іліи, конецъ Прусской улицы; въ Торжкѣ также въ одинъ день выстроили и освятили церковь св. Аѳанасія, и въ тотъ же день соборомъ служили въ ней литургію. Потомъ въ 1420 и 1421 годахъ былъ сильный голодъ и моръ, при чемъ въ одномъ Новгородѣ было наполнено трупами умершихъ три скудельницы, одна у св. Софіи за алтаремъ и двѣ при церкви Рождества Христова на полѣ. Этотъ же моръ повторился въ Новгородѣ и въ Корѣльской землѣ и въ Заволочьѣ въ 1424 году

Торговля
Новгорода.

Но не смотря на всѣ бѣдствія и неурядиства, Новгородъ во все это время еще былъ богатъ и вель обширную торговлю; иностранцы его сравнивали по богатству съ знаменитою въ то время Венеціею. Купцы Новгородскіе тогда вели обширныя торговыя дѣла и во владѣніяхъ Сѣверо-восточной Руси, въ Москвѣ, Твери и другихъ городахъ, и во владѣніяхъ Великаго-княжества Литовскаго. Кромѣ того Новгородъ былъ главною конторою знаменитаго Ганзейскаго союза; Нѣмецкіе и Готландскіе купцы имѣ-

ли обширные торговые дворы въ Новгородѣ. Новгородцы, дорожа торговыми связями съ Нѣмцами, не рѣдко даже съ опасностію для себя отстаивали мирные договоры съ Нѣмецкимъ или вѣрнѣе Ливонскимъ орденомъ; такъ въ 1397 году они отказали великимъ князьямъ Московскому Василью Дмитриевичу и Литовскому Витовту Кестутьевичу, требовавшимъ разорвать миръ съ Нѣмцами. которые въ случаѣ отказа грозили имъ войною, и не смотря на угрозы отвѣчали имъ: „княже Василій, съ тобою свой миръ а съ Витовтомъ инъ, а съ Нѣмцы инъ“. Но дорожа торговыми связями съ Нѣмцами, Новгородъ тѣмъ не менѣе держалъ себя въ отношеніи къ Нѣмцамъ самостоятельно, и не рѣдко защищая свои права и по торговлѣ и по другимъ дѣламъ разрывалъ миръ и съ Нѣмцами; такъ напримѣръ при заключеніи мира съ Нѣмецкими городами въ 1391 году сказано, что Нѣмцы пріѣхавши въ Новгородъ, приняли свои задержанные товары и начали вновь ставить свой торговый дворъ. ибо до того семь лѣтъ не было крѣпкаго мира; потомъ лѣтописи упоминаютъ о заключеніи мирныхъ договоровъ съ Нѣмцами подъ 1417 и подъ 1420 годами; слѣдовательно передъ заключеніемъ сихъ договоровъ, каждый разъ было размирье съ Нѣмцами. Изъ за чего были сіи размирья по лѣтописямъ мы не знаемъ; но тѣмъ не менѣе они показываютъ, что Нѣмецкая торговля при всей важности далеко не подчиняла Новгорода своимъ исключительнымъ интересамъ. Да и въ самой торговлѣ Новгородцы вели себя независимо отъ Нѣ-

мецкихъ конторъ. Конечно Ганзейскій союзъ торговалъ въ Новгородѣ компаніями и съ большими ограниченіями по строгимъ средневѣковымъ конторскимъ правиламъ; но и у Новгородцовъ были тѣже правила, и Новгородцы торговали не иначе, какъ компаніями, общинами, подъ надзоромъ выборныхъ старостъ. При томъ же въ торговлѣ у Новгородцовъ принимали дѣятельное участіе богатѣйшіе землевладѣльцы, имѣвшіе въ то время громаднѣйшій не только въ обществѣ Новгородскомъ, но и въ правительствѣ; а таковыхъ сильныхъ представителей торговли трудно было Нѣмецкимъ конторамъ подчинить себѣ, каждый сколько нибудь обидный случай съ той или другой стороны возбуждалъ споръ и доводилъ дѣло до суда. Такъ въ 1400 году, по поводу иска одной Новгородской торговой общины на внукахъ Ревельскаго бургомистра и ихъ компаніи 400 рублей, въ Новгородѣ былъ судъ передъ Новгородскими судьями при Нѣмецкихъ послахъ, и по суду отвѣтчики Нѣмцы были признаны виноватыми и по приговору суда должны были отдать искъ, а въ противномъ случаѣ Новгородъ объявилъ, что 400 рублей иска будутъ взяты на Нѣмецкихъ купцахъ. Или въ 1423 году по какимъ то спорамъ Новгородцы задержали у себя Нѣмецкихъ купцовъ, на что Ганза отвѣчала тѣмъ, что стала въ своихъ пристаяхъ захватывать Новгородскія суда; но вскорѣ принуждена была уступить требованіямъ Новгорода и возвратить захваченныя Новгородскія суда.

Новгородцы по торговымъ видамъ въ разсматриваемое нами время два раза мѣняли денежную систему: въ первый разъ въ 1410 году, при посадникѣ Григорѣ Богдановичѣ и при тысяцкомъ Васильѣ Есифовичѣ, они отложили старыя свои деньги, куны, и начали торговать между собою Любскими деньгами, Литовскими грошами и Нѣмецкими артугами; а потомъ въ 1420 году они продали Нѣмцамъ артуги и начали торговать серебряными деньгами собственной чеканки. Въ торговыхъ своихъ дѣлахъ какъ прежде, такъ и въ настоящее время Новгородцы постоянно отстраняли участіе своего князя, особенно въ торговлѣ съ Нѣмцами; во всѣхъ договорныхъ грамотахъ съ князьями мы встрѣчаемъ неизмѣнное условіе, что бы князь не затворялъ Нѣмецкаго двора, и торговалъ съ Нѣмцами не иначе, какъ при посредствѣ Новгородскихъ купцовъ. Это очевидно дѣлалось для того, что бы князь, торгуя черезъ своихъ людей, черезъ конкуренцію не ронялъ цѣны на Новгородскіе товары.

Смерть великаго князя Василія Дмитріевича вполне показала, что Новгородцы, одержимые внутреннимъ недугомъ, развѣдающимъ ихъ общество, рѣшительно утратили способность продолжать независимое и самостоятельное существованіе. По смерти великаго князя Василія Дмитріевича въ Москвѣ началась усобица между его малолѣтнимъ сыномъ Васильемъ Васильевичемъ и братомъ Юріемъ Дмитріевичемъ. Усобица эта продолжалась десять лѣтъ, и давала Новгородцамъ всѣ возможности утвердить

Двукратная
перемѣна
денежной
системы въ
Новгородѣ.

Безпечность
Новгородскаго
правительства
по смерти
кн. Василія
Дмитріевича

и обезпечить самостоятельность и независимость господина Великаго Новгорода; а между тѣмъ на дѣлѣ они не только не позаботились объ этомъ, но даже не подумали воротить своихъ волостей, отнятыхъ покойнымъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ; они во все это время оставались безъ князя и по старому Новгородскому обычаю, — не принимая участія въ княжескихъ усобицахъ, только ждали кто изъ спорящихъ князей одержитъ окончательный верхъ, не вступая даже въ договоръ ни съ однимъ изъ соперниковъ, и давая свободу современнымъ обстоятельствамъ складываться безъ Новгородскаго участія. Во все это время Великій Новгородъ, съ виду сильный и богатый средствами, подобно одряхлѣвшему богатырю съ разбитыми ногами, только отмахивался, когда на него нападали, самъ же не двигался съ мѣста и не предпринималъ ничего по собственному замышленію.

Нападеніе
Устюжанъ
на Заволо-
чье.

Въ первый же годъ по кончинѣ великаго князя Василья Дмитріевича, Устюжане, по свѣжему Московскому преданію, сложившемуся въ недавнее время, напали на Заволочье и довольно повоевали тамъ; Новгородцы по обычаю отмахнулись, отбили набѣгъ и сами ходили ратью къ Устюгу и взяли на Устюжанахъ 50,000 бѣлки и шесть сороковъ соболей. Въ этомъ же году скончался ближайшій сосѣдь Новгорода великій князь Тверскій Иванъ Михайловичъ; и Новгородцы въ слѣдующемъ 1426 году возобновили миръ съ его преемникомъ княземъ Борисомъ Александровичемъ; изъ договорной грамоты, напи-

договоръ съ
Тверскимъ
княземъ.

санной при заключеніи этаго мира и дошедшей до нашего времени, видно, что Новгородъ и Тверскій князь договаривались между собою, какъ добрые сосѣди, у которыхъ предъ заключеніемъ договора не было войны и главный вопросъ состоялъ въ лучшемъ опредѣленіи старыхъ границъ между Новгородскими и Тверскими владѣніями, о взаимной выдачѣ порубежныхъ татей, разбойниковъ и бѣглыхъ рабовъ, о не покупкѣ Тверскимъ княземъ и его братьями земель въ Новгородской области, о свободной торговлѣ обѣимъ сторонамъ и о свободномъ пропускѣ Новгородскихъ пословъ чрезъ Тверскія владѣнія. Этотъ договоръ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что у Тверскихъ князей въ это время уже не было ни какихъ притязаній на Новгородъ.

Но безопасные со стороны Москвы и Твери, Новгородцы не были безопасны со стороны Литвы. Литовскій великій князь Витовтъ, давно грозившій Новгороду, наконецъ въ 1428 году объявилъ войну, за то будто бы, что Новгородцы его назвали измѣнникомъ, и съ большою ратью вступилъ въ Новгородскія владѣнія и осадилъ Порховъ. Порховичи защищались мужественно и отбили одинъ приступъ Витовтовой рати; но какъ у Витовта были пушки, изъ которыхъ онъ стрѣлялъ въ городъ и производилъ тамъ опустошенія; то Порховичи, чувствуя себя не въ состояніи отсидѣться, вступили въ переговоры, и ихъ воеводы посадникъ Григорій Кириловичъ Посохно, Исакъ Борецкій и другіе явились въ станъ къ Витовту и стали предлагать окупъ. Въ это же

Война съ
Литовскимъ
княземъ
Витовтомъ.

время прибыли изъ Новгорода владыка Евфимій и съ нимъ Новгородскіе посадники и тысящіе, и также вступили въ переговоры и докончали съ Витовтомъ миръ, по которому Порховичи дали за себя окупу 5000 рублей, а другіе пять тысячъ рублей заплатили Новгородцы, и сверхъ того владыка Евфимій далъ тысячу рублей за плѣнныхъ, бывшихъ у Витовта. Чтобы выплатить этотъ окупъ, собрали серебро со всѣхъ Новгородскихъ волостей даже съ Заволочья по рублю съ девяти человекъ. Впрочемъ миръ, заключенный съ Витовтомъ подъ Порховымъ, очевидно былъ не проченъ; ибо въ 1430 году Новгородцы укрѣпили Порховъ другою стѣною, да и самый Новгородъ нашли нужнымъ укрѣпить вновь, для чего сзывали со всѣхъ волостей пятаго человека, а четверо снаряжали пятаго и снабжали всѣмъ нужнымъ. Но грозный Витовтъ скончался въ томъ же году и на мѣсто его сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ Свидригайло. Къ этому новому Литовскому государю Новгородцы въ 1431 году отправили свое посольство въ Вильну. Посланниками отъ Новгорода были бояринъ Борисъ Юрьевичъ и отъ житыхъ людей Иванъ Ермолиничъ и Григорій Захарьиничъ, которые и заключили съ Свидригайломъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: 1-е Новгородцамъ свободная торговля по всѣмъ Литовскимъ владѣніямъ, а подданнымъ Литовскаго государя свободная торговля по всѣмъ Новгородскимъ владѣніямъ; 2-е неприкосновенность границъ Новгородскимъ и Литовскимъ владѣніямъ по старому рубежу; 3-е

Договоръ съ Литовскимъ княземъ Свидригайломъ по смерти Витовта.

взаимная выдача разбойниковъ и бѣглыхъ рабовъ, и 4-е Новгородцы, кажется, уступили Свидригайду нѣкоторыя дани и пошлины въ Моревѣ, Ржевѣ и другихъ Новгородскихъ волостяхъ, ближайшихъ къ Литовской границѣ и спорныхъ, съ которыхъ очевидно получалъ дани еще Витовтъ, и можетъ быть уже нѣкоторое время владѣлъ ими.

Между тѣмъ враждовавшіе другъ противъ друга Московскіе князья Василій Васильевичъ и Юрій Дмитріевичъ, въ 1431 году отправились на судъ къ Таттарскому хану въ орду, прожили тамъ около года и возвратились домой въ 1432 году; при чемъ по ханскому суду Василій Васильевичъ былъ объявленъ великимъ княземъ. Недовольный такимъ ханскимъ рѣшеніемъ, князь Юрій Дмитріевичъ началъ войну съ племянникомъ и въ 1434 году занялъ Москву, а Василій Васильевичъ, спасаясь отъ преслѣдованія, бѣжалъ въ Новгородъ и засѣлъ съ своею небольшою дружиною на Городищѣ. Новгородцы такъ мало знали о дѣлахъ въ великомъ княженіи Московскомъ, что при появленіи князя всполошились и всею своею ратью выдвинулись къ Жилотугу, думая отражать нападеніе спасающагося бѣгствомъ князя; но невидя нападенія воротились, а великій князь Василій Васильевичъ, проживши на Городищѣ три недѣли и два дни, удалился сперва на Мологу и Кострому, а потомъ въ Нижній Новгородъ. А въ это время внезапно скончался въ Москвѣ великій князь Юрій Дмитріевичъ, и сыновья его, поссорясь между собою, отдали Москву князю Василю Василье-

Московскій князь Василій Васильевичъ ищетъ убѣжища въ Новгородѣ.

вичу. При чемъ старшій изъ сыновей Юрія, захватившій было по смерти отца Москву, Василий Косый осенью того же года искалъ убѣжища въ Новгородъ; но побывши тамъ не долго, ушелъ и по дорогѣ много пограбилъ по Мстѣ, въ Бѣжецкомъ Верху и въ Заволочѣ, вѣроятно недовольный Новгородскимъ приѣмомъ. Въ томъ же году, послѣ продолжительнаго размирья, Новгородцы заключили миръ со Псковомъ по старинѣ.

Новгородцы
пдутъ каз-
нить Великіе
Луки и Рже-
ву за непла-
тежъ даней.

Въ 1435 году Новгородцы съ Рушанами и Порховичами ходили тремя дорогами на свои пригороды, Великіе Луки и Ржеву, казнить ихъ за неплатежъ даней и пожгли тамошнія села до Псковскаго рубежа и воротились домой съ полономъ. По всему вѣроятію Ржева въ это время отказывалась платить дань Новгороду потому, что по договору съ Свиригайломъ Литовскимъ часть даней Ржева и Луки должны были платить и Литовскому князю; и очевидно, не желая быть двоюданцами, Ржева и Луки своевольно перечислились къ Литвѣ и отказали Новгороду въ платежѣ дани. Новгородцы же, пользуясь междуособіемъ, бывшимъ тогда въ Литвѣ между Свиригайломъ и Сигизмундомъ, безъ большихъ трудностей смирили свои отпавшіе пригороды и снова подчинили Новгородской власти. Впрочемъ это дѣло не обошлось безъ неудовольствія со стороны великаго князя Литовскаго; чѣмъ выразилось это неудовольствіе, мы неимѣемъ на это свидѣтельство, есть только лѣтописное извѣстіе, что Новгородцы на слѣдующій годъ нашли необходимымъ отправить

къ тогдашнему великому князю Литовскому Сигизмунду своего посла, посадника Григорія Кирилловича, который заключилъ съ Сигизмундомъ миръ, и Сигизмундъ при этомъ цѣловалъ крестъ предъ Новгородскимъ посольствомъ.

Между тѣмъ великій князь Василій Васильевичъ, Московскій князь Василій Васильевичъ вступилъ въ договоръ съ Новгородомъ, и не исполняетъ его. утвердившись въ Москвѣ по смерти Юрія, обратилъ вниманіе и на Новгородъ. Не желая упустить изъ виду этого важнаго владѣнія, онъ въ 1435 году вступилъ въ переговоры съ Новгородцами, и на первый разъ, чтобы получить право быть Новгородскимъ княземъ, цѣловалъ къ Новгороду крестъ на томъ, что онъ отступаетъ отъ Новгородскихъ отчинъ Бѣжецкаго Верха, Волока Ламскаго и Вологды; а Новгородцы цѣловали крестъ, чтобы Новгородскимъ боярамъ отступиться отъ княжчинъ, гдѣ ни есть, и великій князь далъ слово выслать своихъ бояръ на разводъ Новгородскихъ и Московскихъ пограничныхъ владѣній. На слѣдующій годъ Новгородцы отравили своихъ бояръ на рубежъ для отвода границъ по условію въ Бѣжецкій Верхъ, на Волокъ Ламскій и на Вологду; Московскій же князь своихъ бояръ не выслалъ и отвода нигдѣ не сдѣлалъ и не учинилъ никакой исправы. Мало этого, въ слѣдующемъ 1437 году изъ Москвы пріѣхалъ въ Новгородъ отъ великаго князя бояринъ князь Юрій Патрикѣевичъ, просить чернаго бора; и Новгородцы дали великому князю черный боръ съ Новоторжской волости на годъ, и написали по этому случаю грамоту, сохранившуюся до нашего времени. Изъ

Черный боръ.

этой грамоты видно, что чернаго бора великому князю шло съ сохи по гривнѣ по новой, да писцу княжему мортка съ сохи, и сверхъ того княжимъ черноторцамъ полагалось корму съ десяти сохъ 30 хлѣбцовъ, боранъ любо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бекарь соли, и коневаго корму пять коробей овса въ старую коробью, и три воза сѣна по старой пошлинѣ. А въ соху положено два коня да третья припряжь, чанъ кожевенный за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшцы за соху, лодья за двѣ сохи, прѣнь (соловаренная сковорода) за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взять за полсохи, а съ прѣзжихъ купцовъ и съ одерноватыхъ холоповъ (полныхъ рабовъ), которые получаютъ мѣсячное, не брать ничего. Такимъ образомъ Новгородъ, почти въ слѣдъ за признаніемъ великаго князя Московскаго Новгородскимъ княземъ, поставилъ себя въ такія же невыгодныя и зависимыя отношенія, въ какихъ онъ былъ къ его отцу, и даже хуже, и не только не позаботился отстоять изконныхъ правъ на свои отчинныя владѣнія Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду, на уступку которыхъ великій князь только что цѣловалъ крестъ; но и безъ сопротивленія всѣмъ вѣчемъ согласился дать князю черный боръ съ Новоторжскихъ волостей, тогда какъ въ прежнее время одно заявленіе князя о черномъ борѣ служило поводомъ къ войнѣ.

Уступая Московскому князю, Новгородцы также Договоръ съ Литовскимъ княземъ Казимиромъ, унизительный для Новгорода. вляло дѣйствовали и въ отношеніи къ великому князю Литовскому. До насъ дошла договорная грамота Новгорода съ Казимиромъ, относящаяся къ 1440 году, или около этого времени. Изъ этой грамоты мы видимъ, что Литовскій князь также получилъ право не только собирать черный боръ съ нѣкоторыхъ Новгородскихъ владѣній, очень не въ дальнемъ разстояніи отстоящихъ отъ Новгорода, каковы: Молвятичи, Кунско, Березовцы, Морева и другіе; но даже держать своихъ тиуновъ вмѣстѣ съ Новгородскими тиунами въ Великихъ Лукахъ и Ржевѣ, такъ что съ Литовской стороны Демань, Полоново и Цсна были уже пограничными Новгородскими волостями, на которыхъ прекращалось право Литовскаго князя собирать черный боръ. Слѣдовательно отношенія Новгорода къ Литвѣ, судя по этой грамотѣ, едвали не были тяжелѣе и постыднѣе, чѣмъ къ Москвѣ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій, какъ Литовскій князь успѣлъ поставить Новгородъ въ такія унизительныя отношенія; но тѣмъ не менѣе отношенія сіи, по свидѣтельству грамоты, существовали, и ясно указываютъ на то омертвеніе, въ которомъ находилось тогдашнее Новгородское правительство, и на ту безчестность, съ которою вожаки Новгородскаго вѣча продавали владѣнія и права господина Великаго Новгорода, и тѣмъ оправдываютъ замыслы великаго князя Московскаго.

Вѣроятно узнавши о договорѣ Новгородцовъ съ Война съ великимъ княземъ Литовскимъ великимъ княземъ и не откладывая въ земь Москов-

скимъ Васп- дальній ящикъ, великій князь Василій Васильевичъ
 лемъ Васп- въ 1441 году объявилъ свой гнѣвъ Новгороду и
 львпчемъ. прислалъ складную грамоту, а въ слѣдъ за тѣмъ
 самъ съ большимъ войскомъ вступилъ въ Новгород-
 скія владѣнія, имѣя при себѣ помощныя войска изъ
 Пскова и Твери. Великій князь сперва остано-
 вился въ Торжкѣ, потомъ передвинулся къ Деману, опу-
 стошивши все по дорогѣ; а между тѣмъ Псковичи,
 пославшіе къ нему свои войска на помощь, съ сво-
 ей стороны повоевали Новгородскую землю на три-
 ста верстъ въ длину и на пятьдесятъ верстъ въ ши-
 рину, и стояли три дни подъ Порховомъ; Новго-
 родцы же, по прежнимъ примѣрамъ, велѣли своимъ
 воеводамъ опустошать великокняжескія волости изъ
 Заволочья; но это опустошеніе далеко не равнялось
 тому, которое терпѣла Новгородская земля отъ ве-
 лико княжеской рати. А по сему Новгородцы по-
 спѣшили выслать къ Деману, гдѣ стоялъ великій
 князь, своего архіепископа Евфимія и съ нимъ бо-
 яръ и житыхъ людей, которые и заключили тамъ
 миръ на томъ условіи, чтобы Новгородъ заплатилъ
 великому князю 8000 рублей, и чтобы Новгородцы
 не мстили великокняжескимъ союзникамъ Псковичамъ
 и Тверитянамъ. Послѣ чего Московскія, Псков-
 скія и Тверскія войска немедленно очистили Нов-
 городскія владѣнія и великій князь остался княземъ
 Новгородскимъ на прежнихъ условіяхъ. А Новго-
 родъ за уступчивость передъ Литовскимъ княземъ
 поплатился опустошеніемъ Новгородской земли и
 платежемъ 8000 рублей окупа Московскому князю.

Вообще Новгородъ, слабо дѣйствовавшій при великомъ князѣ Василю Дмитриевичѣ, по смерти его годъ отъ года дѣлался еще слабѣе, терялъ свою прежнюю энергію, и подобно всѣмъ падающимъ государствамъ, спѣшилъ откупаться деньгами, и тѣмъ, конечно, еще болѣе приманивалъ охотниковъ поживиться на его счетъ. Хотя по лѣтописямъ мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій о какой либо разладицѣ Новгородцевъ между собою; по видимому тамъ будто бы не было партій и всѣ дѣйствовали за одно, по крайней мѣрѣ послѣ Клементьевскаго мятежа, бывшаго въ 1421 году, лѣтописи не упоминаютъ о какихъ либо Новгородскихъ междоусобіяхъ и партіяхъ. Но самое молчаніе о партіяхъ указываетъ, что объ нихъ и упоминать не стоило, или что всѣ занялись только своими частными прибытками и охладѣли къ общественнымъ дѣламъ, предоставляя ихъ обычному теченію по казенному, подъ руководствомъ людей или неспособныхъ или продажныхъ; а такая апатія естественно для Новгорода была убійственнѣе самой горячей борьбы партій. Къ тому же, сколько можно судить по намекамъ памятниковъ, около этого времени быстро увеличивалось измѣненіе прежнихъ отношеній между большими и меньшими людьми, между богачами и бѣдняками, мало по малу бояре перестали быть защитниками своихъ уличанъ, совершенно отдѣлились отъ черныхъ людей и составили одну сплошную массу богачей, угнетающихъ бѣдный черный народъ; и такимъ образомъ мѣстныя, прежде крѣпкія, общины очутились безъ руководителей, и сдѣлались безгласными.

Внутренне недугъ Новгородскаго общества и его постепенное разложеніе.

Новгороду, только что испытывавшему всю тяжесть отношеній къ Московскому великому князю, скоро представился случай измѣнить сіи отношенія къ лучшему и пріобрѣсти больше самостоятельности и твердости; но онъ нисколько не воспользовался представившимся удобнымъ случаемъ, да и конечно мудрено было Новгородцамъ пріобрѣсти самостоятельность и твердость во внѣшнихъ сношеніяхъ, когда не было твердости и самостоятельности внутри Новгородскаго общества, когда страшный недугъ вражды между большими и меньшими развѣдалъ его. Въ 1442 году великій князь Василій Васильевичъ объявилъ свой гнѣвъ на князя Дмитрія Юрьевича Шемяку, своего двоюроднаго брата, и началъ преслѣдовать его. Шемяка бѣжалъ въ Новгородскія владѣнія, и изъ Бѣжецкаго Верха прислалъ въ Новгородъ своего посла съ просьбою, чтобы Новгородцы приняли его на своей воли. Новгородцы на это отвѣчали: „хочешь, княже, и ты пріѣзжай къ намъ, а не хочешь, ино какъ тебѣ любо“⁴. Впрочемъ на этотъ разъ Шемякѣ не понадобилось убѣжище въ Новгородѣ, онъ успѣлъ примириться съ великимъ княземъ; а у великаго князя Василя Васильевича собралось много трудныхъ дѣлъ и съ Литвою, и съ Татарами, и съ своими удѣльными князьями, которыхъ дѣла и затянулись на десять лѣтъ слишкомъ, такъ что ему вовсе было не до Новгорода. Во все то время Новгородцы были свободны отъ Московскаго вліянія, кажется даже прервали свои отношенія къ великому князю Московскому, не держали у

себя его намѣстниковъ и находились въ нейтральномъ положеніи какъ къ Москвѣ, такъ и къ ея соперникамъ.

Но необезпокоиваемые со стороны Москвы Новгородцы были обезпокоиваемы съ другихъ сторонъ другими врагами. И первымъ врагомъ Новгорода въ это время оказался разладъ между самими Новгородцами; въ 1442 году были въ Новгородѣ три большіе пожара, отъ которыхъ сильно пострадали Плотницкій конецъ и часть Славенскаго конца. Пожары сіи, сосредоточенные въ одной мѣстности, естественно навели на мысль о поджогахъ; и разоренные кончане стали хватать разныхъ подозрительныхъ людей, иныхъ жечь въ пылающихъ домахъ, а другихъ топить въ Волховѣ. Впрочемъ это дѣло тѣмъ и кончилось; въ лѣтописи нѣтъ извѣстій ни о судѣ надъ зажигателями, ни о народномъ возстаніи; но за то есть извѣстіе о такомъ недугѣ Новгородскаго общества, который прямо указываетъ на внутреннее разложеніе. Подъ 1446 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „въ то время не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, возстали ябедники, нарядили четы и обѣты и крестное цѣлованіе на неправду, начали грабить по селамъ и волостямъ и по городу; и мы обратились въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ, живущимъ окрестъ насъ, и въ нашихъ владѣніяхъ были извѣжа великая и поборы частые, крики и рыданія и вопль отъ всѣхъ людей на старѣйшинъ нашихъ и на градъ нашъ; ибо не было въ насъ милости и суда праваго“. Вопли и рыда-

нія меньшихъ на старѣйшихъ. судъ неправедный и не милостивый, частые поборы и раззореніе бѣднымъ людямъ отъ корыстолюбія большихъ людей и правителей, — вотъ что дѣлало Новгородъ посмѣшищемъ у сосѣдей, вотъ что вязало руки Новгороду во внѣшнихъ сношеніяхъ съ сосѣдами и давало волю опустошать Новгородскую землю даже такимъ врагамъ, которые уже давно перестали было и думать о нападеніяхъ на Новгородскія земли.

Набѣгъ Пѣмцевъ и Тверскаго князя.

Пользуясь такою-то внутреннею неурядицею, въ 1445 году, въ одно время напали на Новгородскія владѣнія въ одной стороны Ливонскіе Нѣмцы и пожгли берегъ и посадъ у города Ямы; съ другой же стороны рать великаго князя Тверскаго повоевала много земли и селъ Новгородскихъ, Бѣжецкій Верхъ. Заборовье и Новоторжскія волости. Видя это, великій князь Литовскій Казимиръ, и считая Новгородъ беззащитнымъ и думая воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, зимою того же года прислалъ къ Новгородцамъ своихъ пословъ, которые его именемъ сказали на вѣчѣ: „возмите моихъ на мѣстниковъ на Городище. я хочу васъ оборонять и для сего незаключилъ мира съ Московскимъ княземъ“. Но Ливонскіе Нѣмцы и Тверичи вовсе не были такими страшными врагами для Новгорода, чтобы изъ за нихъ искать покровительства у Литовскаго князя; внутренняя разладица Новгородскаго общества еще немогла настолько ослабить Господина Великаго Новгорода, чтобы у него недоставало силъ на борьбу съ Ливонскими Нѣмца-

ми и Тверичами. А посему Новгородское вѣче отвѣчало Казимировымъ посламъ отказомъ; и въ ту же зиму Новгородцы, подѣ предводительствомъ своего служилаго князя Ивана Владимировича, пустились въ Нѣмецкую землю за Нарову и поплѣнили и пожгли около Ругодива до Пурдозны и по Наровѣ до Чудскаго озера. Въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, на лѣто Ливонскій магистръ со всѣми своими силами подступилъ подѣ городъ Яму, стоялъ подѣ нимъ пять дней и билъ изъ пушекъ; но городъ Яму защищалъ храбрый князь Василій Юрьевичъ изъ Суздальскихъ князей; и магистръ, потерявъ подѣ городомъ много своихъ, принужденъ былъ безуспѣшно воротиться домой; впрочемъ въ это нападеніе Нѣмцы успѣли пожечь и поплѣнить многія волости въ Водьской землѣ и по Ижерѣ и по Невѣ. Новгородцы за этотъ набѣгъ хотѣли отвѣчать Нѣмцамъ набѣгомъ же за Нарову, и послали уже напередъ бояръ, имѣвшихъ свои вотчины въ Водьской землѣ и по Ижерѣ и по Лугѣ; но конскій падежъ по Новгородскимъ волостямъ заставилъ отложить этотъ набѣгъ. За то состоялся другій набѣгъ довольно удачный, вѣроятно также вызванный какими нибудь сосѣдскими обидами, именно въ этомъ же году Заволоцкая Корѣла напала на сосѣднихъ къ Бѣлому морю, Норвежцевъ, много тамъ избила народу, опустошила страну и воротилась домой съ добычею и множествомъ плѣнниковъ.

Въ 1446 году, въ началѣ года зимою, великій князь Тверскій Борисъ Александровичъ, облада-

женный успѣхомъ прошлаго года, опять напалъ на сосѣднія Новгородскія владѣнія, взялъ, повоевалъ и пограбилъ пятьдесятъ Новгородскихъ волостей въ Бѣжецкомъ Верху и около Торжка и захватилъ самый Торжекъ. Потомъ повторилъ свой набѣгъ лѣтомъ того же года, раззорилъ снова Торжекъ, разогналъ остатокъ жителей, иныхъ побилъ, съ иныхъ взялъ окупъ и захватилъ тамъ Московскихъ, Новгородскихъ и Новоторжскихъ товаровъ сорокъ павозковъ и отправилъ рѣкою въ Тверь; въ Бѣжецкомъ же Верху и по Заборовью повоевалъ во семьдесятъ волостей. Новгородцы на такія опустошенія не сдѣлали Тверскому князю никакого отвѣта; они, кажется, сперва хотѣли примириться съ Ливонскими Нѣмцами и для этаго еще зимою отправляли къ нимъ на сѣздъ князя Юрья Семеновича Лугвения (поступившаго къ нимъ на службу) вмѣстѣ съ своимъ посольствомъ; но посольство это неимѣло успѣха, магистръ Ливонскій потребовалъ, чтобы Новгородцы уступили ему городъ Островъ, и миръ не состоялся; и такимъ образомъ враги прошлаго года остались врагами Новгороду и въвынѣшнемъ году.

Десятилѣт-
ній голодъ.

Но что всего ужаснѣе, голодъ, начавшійся въ прошломъ году, продолжалъ усиливаться и страшная дороговизна хлѣба стояла десять лѣтъ, двѣ коробки (четверти) стоили полтину, иногда и больше, а иногда и купить было не гдѣ, такъ что многіе люди умирали голодною смертію, падали на торгу и по улицамъ, всюду слышны были рыданія и плачь, многіе

разбѣжались по другимъ странамъ, а другіе отдавались изъ хлѣба въ рабство Бесерменамъ, Жидамъ, Нѣмцамъ и въ Литву. Впрочемъ, не смотря на всѣ нещастія и неудачи, Новгородъ былъ еще довольно силенъ и власть его въ отдаленныхъ провинціяхъ поддерживалась съ достоинствомъ; а иныя провинціи или колоніи, какъ на примѣръ богатое Заволочье, Вѣрность и мужество Заволочанъ. не давно еще замышлявшее измѣну, теперь твердо держалось Новгорода и съ успѣхомъ отражало враговъ. Такъ когда въ семь же 1446 году, вѣроят-но въ отмщеніе за прошлогодній набѣгъ Заволоцкой Корѣлы, Шведы и Норвежцы Бѣлымъ моремъ нечаянно ворвались въ Заволочье, на Двину и Неноксу и начали тамъ жечь и грабить; то Двиняне, быстро собравшись, ударили на нихъ, иныхъ побили, а другихъ побрали въ плѣнъ, и въ числѣ ихъ двухъ воеводъ, которыхъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками отправили въ Новгородъ, и такое произвели побоище, что только не многимъ удалось спастись на корабляхъ Заволочье въ это время не только само крѣпко держалось Новгородомъ, но даже старалось поддерживать Новгородскую власть и въ отдаленной Югрѣ, когда тамошніе князьки выказывали сопротивленіе Новгородскимъ данщикамъ. Такъ подъ тѣмъ же 1446 годомъ есть извѣстіе, что Новгородскіе воеводы Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ въ трехъ тысячахъ Заволоцкой рати ходили на Югру и побрали множество тамошнихъ людей и ихъ женъ и дѣтей, но по оплошности сами попали въ бѣду. Югорцы льсти-

во обратились къ воеводамъ съ такими рѣчьми: „мы согласны дать вамъ дань, но хотимъ счесться и указать вамъ станы и острова и урочища“; а между тѣмъ замѣтивъ, что воеводы разошлись другъ отъ друга довольно далеко, внезапно напали на острожекъ, гдѣ сидѣлъ Василій Шенкурскій, избили тамъ боярскихъ дѣтей и другихъ удалцовъ до 80 человекъ; такъ что Василій едва успѣлъ убѣжать съ своимъ сыномъ Семеномъ и небольшою дружиной, а другіе разбѣжались по лѣсу Другій же воевода Михайло Яковлевъ, бывшій въ это время на другой рѣкѣ, подошедши къ Васильеву острожку и видя его разореннымъ и своихъ побитыхъ, принялся отыскивать остальныхъ по рѣкѣ и по лѣсу, и собравши всѣхъ и Василья Шенкурскаго съ сыномъ, привелъ въ свою землю. Заволочье въ это время было оплотомъ Новгорода съ этой стороны и пользовалось у Новгородцовъ такимъ почетомъ, что въ томъ же 1446 году ѣздилъ Новгородскій владыка Евфимій благословить тамошнихъ посадниковъ и всѣхъ Заволочанъ, своихъ дѣтей; чего въ прежнее время недѣлалъ ни одинъ Новгородскій архіепископъ.

Мятежъ въ Новгородѣ по случаю передѣлки денегъ.

Въ слѣдующемъ 1447 году внутренняя болѣзнь Новгородскаго общества,—неправда въ судѣ и обиды, на которую жаловался лѣтописецъ, высказалась въ новомъ видѣ. Въ народѣ пало подозрѣніе на достоинство серебряныхъ денегъ, вѣроятно пущенныхъ богачами въ уменьшенномъ вѣсѣ или съ примѣсями къ серебру другихъ металловъ, всѣ ста-

ли браковать деньги, неохотно принимать ихъ другъ у друга, и въ слѣдствіе этого начались неудовольствія, шумъ, мятежъ и притѣсненія богатыми бѣдныхъ. Тогдашніе степенные посадникъ и тысяцкій, чтобы прекратить неудовольствія и воротить довѣренность къ деньгамъ, усталили пять денежниковъ и приказали имъ переливать старыя деньги, а новыя ковать въ тотъ же вѣсъ по четыре почки, и отъ переливки положили брать съ гривны по полуденьгъ. Эта мѣра, необходимая для водворенія кредита въ торговлѣ, большими убытками и даже раззореніемъ отозвалась на бѣдныхъ людяхъ, какъ въ городѣ, такъ и по волостямъ, которые терпѣли и отъ переливки, получая новыхъ денегъ менѣе противъ отданныхъ старыхъ не полновѣсныхъ, и сверхъ того платя за переливку, или отдавая старыя деньги мѣняламъ за безцѣнокъ. Но что всего прискорбиѣе, и новыя деньги незаслужили довѣренности, и ихъ стали браковать и непринимать также какъ и старыя, и особенно подверглись сомнѣнію крупныя деньги—рубли; богачи, получивши хорошіе подарки отъ денежниковъ, стали требовать, чтобы перелить рубли въ деньги, что конечно доставляло большіе прибытки денежникамъ и отозвалось новымъ раззореніемъ на бѣднякахъ и сильною дороговизною хлѣба. Посадникъ Сокира, чтобы прекратить какъ нибудь безпорядки денежнаго рынка, схватилъ одного ливца и вѣсца серебрянаго Федора Жеребца, вывелъ его на вѣче, и напоивъ сталъ допрашивать: „на кого ты лиль рубли?“ Пьяный Федоръ оговорилъ осмнад-

цать человекъ; и разоренный бѣдный народъ кинулся на оговоренныхъ, кого сбросилъ съ мосту, а у иныхъ разграбилъ дома и, чего никогда не бывало прежде, повытаскалъ ихъ имѣніе, хранившееся въ церквахъ. Мало этого, неправдивые бояре стали научать тогоже Ѳедора, чтобы онъ указалъ и еще людей, на которыхъ лить деньги, грозя въ противномъ случаѣ смертію. Тогда Ѳедоръ, протрезвившись и незная какъ выпутаться, сказалъ: „на всѣхъ лить и вѣсилъ на всю землю съ своею братьею ливцы.“ Такое показаніе страшно смутило весь городъ, а голодники, ябедники и посульники радовались и только ждали того, кого бы оговорилъ Ѳедоръ, и на оговореннаго немедленно бросались и предавали его смерти, а имѣніе дѣлили между собою, хотя бы оно хранилось въ церкви. Въ городѣ мятежъ достигъ до того, что посадникъ Сокира отъ горести разболѣлся и умеръ. Это возмущеніе съ одной стороны указываетъ на бездѣйствіе власти: весь городъ въ мятежѣ, грабятъ, бьютъ, врываются въ церкви, а власти молчатъ, въ лѣтописяхъ нѣтъ и намекъ на дѣятельность властей, мятежъ улегся самъ собою безъ ихъ содѣйствія, люди устали грабить и бить, и разошлись по домамъ. А съ другой стороны въ этомъ возмущеніи слышится крайнее паденіе Новгородскаго общества и разтлѣніе правовъ съ верху до низу; посадникъ и другіе правители и вожди народа, смущенные движеніемъ разоренной и голодной толпы, на вѣчь подпайваютъ и угрозами смерти побуждаютъ приведенна-

го на судъ денежника, чтобы онъ оговорилъ того или другаго гражданина, дабы отдать его на разтерзаніе и тѣмъ удовлетворить толпу, первоначально требовавшую суда надъ виновными въ порчѣ денегъ; а голодная толпа младшихъ людей до того забыла нравственныя обязанности, что топтала ногами самыя священныя и высокоуважаемыя людьми того времени чувства, врывалась въ свои приходскія церкви и грабила ихъ, отыскивая имущество оговоренныхъ пьянымъ обвинителемъ; такъ что современный лѣтописецъ съ ужасомъ восклицаетъ: „а прежде того по церквамъ неискивали!“

Новгородъ въ это время явно походилъ на ста-
 рый дубъ, подгнившій въ корняхъ и готовый рух-
 нуть; но внѣшнія обстоятельства, какъ нарочно въ
 это самое время, ему еще благоприятствовали. Князь
 Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, побѣдивъ князя Ва-
 силія Васильевича и занявъ Москву, отправилъ
 къ Новгородцамъ нарочное посольство съ извѣ-
 щеніемъ о своей побѣдѣ и съ просьбою, чтобы
 Новгородцы признали его своимъ княземъ; и вѣче
 въ отвѣтъ на это отправило въ Москву своихъ по-
 словъ, которые условились съ Димитріемъ, чтобы
 ему быть княземъ Новгородскимъ на всѣхъ стари-
 нахъ; и Димитрій на томъ цѣловалъ крестъ къ Но-
 вугороду. Въ слѣдъ за тѣмъ и Тверскій князь
 Борисъ Александровичъ отпустилъ Новгородскихъ
 пословъ, которыхъ держалъ у себя цѣлыхъ четы-
 ре мѣсяца, и тогдаже Псковичи прислали свое по-
 сольство и заключили миръ съ Новгородомъ. А

Князь Димитрій Шемяка.

Война съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами.

въ слѣдующемъ 1448 году Новгородцы съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Черторыйскимъ, прїѣхавшимъ къ нимъ на службу изъ Пскова, открыли походъ на магистровъ Ливонскаго и Прусскаго и на короля Шведскаго. Походъ этотъ былъ вызванъ необходимостію и своимъ исполненіемъ доказалъ, что Новгородъ, не смотря на внутреннее разложеніе своего общества, еще былъ довольно силенъ и крѣпокъ для отраженія внѣшнихъ враговъ, что Новгородцы еще не забыли доблести предковъ, и когда хотѣли сражаться съ врагами, то сражались исправно. Ливонскій магистръ Финке давно уже былъ не въ ладахъ съ Новгородомъ и Псковомъ, взаимныя набѣги то возобновлялись, то на время прекращались и Новгородцы съ Псковичами не давали Ливонскимъ Нѣмцамъ держать верхъ. А посему, чтобы вѣрнѣе повести дѣло, магистръ Финке вступилъ въ союзъ съ великимъ магистромъ Нѣмецкаго ордена въ Пруссіи; и въ 1447 году оба магистра заключили договоръ съ Шведскимъ королемъ, чтобы съ двухъ сторонъ напасть на Новгородскія владѣнія; вызвали изъ Германіи охотниковъ пограбить и подрагаться, заняли устья Невы вооруженными судами, чтобы не пропускать въ Новгородъ съѣстныхъ припасовъ, Пруссія и Ливонскія войска моремъ и сухимъ путемъ уже шли къ Новгородскимъ и Псковскимъ границамъ, а также и Шведы съ своей стороны подвигались къ городу Ямъ. Въ отраженіе сего то страшнаго нашествія иноплеменниковъ Новгородцы открыли свой походъ

къ Наровѣ, подъ предводительствомъ князя Александра Черторійскаго, и въ то же время другое свое войско подъ начальствомъ князя Василя Васильевича изъ Суздальскихъ князей, послали на защиту города Ямы отъ Шведовъ. Оба похода для Новгородцовъ кончились благополучно, Новгородцы не только защитили свои границы и оберегли Новгородскую землю отъ непріятельскаго опустошенія, но и нанесли значительный уронъ Нѣмцамъ и Шведамъ, многихъ изъ нихъ побили, другихъ потопили въ морѣ съ кораблями, даже захватили въ плѣнъ двухъ Нѣмецкихъ князей и приобрѣли богатую добычу; такъ что Ливонскіе Нѣмцы и ихъ союзники принуждены были отступить, и на слѣдующій годъ назначили Новгородцамъ и Псковичамъ съѣздъ на Наровѣ, для мирныхъ переговоровъ. На этотъ съѣздъ Новгородцы и Псковичи отправили свои посольства и послѣ многихъ переговоровъ заключили съ Нѣмцами мѣръ, по которому Ливонскій магистръ съ своими князьями и Юрьевскій, т. е. Дерптскій, епископъ съ жителями Юрьева отказались отъ всѣхъ своихъ старинъ и возвратили все, что прежде было отнято Юрьевцами у Псковичей.

Между тѣмъ великій князь Василій Васильевичъ еще въ 1447 году успѣлъ опять завладѣть Москвою и началъ съ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою упорную войну, которая продолжалась пять лѣтъ. Шемяка, разъ пораженный, бѣжалъ въ Новгородъ, и оттуда перебравшись на Двину, опять началъ воевать, и снова потерпѣвъ пораженіе, опять

Договоръ
Новгорода
съ Москов-
скимъ кня-
земъ Ва-
сильемъ Ва-
сильевичемъ.

бѣжалъ въ Новгородъ. Въ этой войнѣ Новгородцы, обыкновенно нелюбившіе вмѣшиваться въ княжескія междоусобія, не принимали ни какого участія и не помогали ни той ни другой сторонѣ; они только по своему старому обычаю два раза неотказывали побѣжденному Шемякѣ искать у нихъ убѣжища. Тѣмъ неменѣе великій князь Василій Васильевичъ, занявши Москву, поспѣшилъ вступить въ сношенія съ Великимъ Новгородомъ и заключилъ съ Новгородцами договоръ, по которому они признали его своимъ княземъ по старинѣ; договорная грамота, написанная въ это время, дошла до насъ. Изъ этой грамоты видно, что Новгородцы сами отправили посольство въ Москву; и великій князь съ этимъ посольствомъ заключилъ договоръ и цѣловалъ къ Новгороду крестъ, что ему быть Новгородскимъ княземъ по старинѣ безъ обиды, на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ были Новгородскими князьями его предки, князь Иванъ Калита, сынъ его Семень Гордый и прадѣдъ, дѣдъ и отецъ Василя; въ самой грамотѣ всѣ условія написаны старыя, безъ перемѣнъ и прибавленій, какія уже извѣстны по другимъ договорнымъ грамотамъ Новгорода съ своими князьями. Великій князь по этой грамотѣ не налагаетъ на Новгородъ ни какихъ новыхъ обязанностей, не требуетъ ни какихъ уступокъ въ пользу княжеской власти, признаетъ совершенно свободныя отношенія Новгорода къ себѣ; онъ желаетъ только, чтобы Новгородцы признали его своимъ княземъ, приняли его намѣстниковъ. Но это было только въ

грамотѣ, и можетъ быть на первый разъ, на дѣлѣ же князь почитаетъ Новгородъ уже своимъ неотъемлемымъ владѣніемъ и въ договорной грамотѣ съ великимъ княземъ Литовскимъ Казимиромъ, писанной въ 1449 году, прямо называетъ себя великимъ княземъ Московскимъ и Новгородскимъ и требуетъ, чтобы великій князь Тверскій, союзникъ Казимировъ, жилъ съ Новгородомъ въ мирѣ по старинѣ, и въ случаѣ какихъ либо обидъ, обѣщаетъ дѣлать оправу со стороны Новгородцовъ. Даже пишетъ условіе, чтобы Казимиръ не вступался ни въ Новгородъ, ни въ Псковъ, ни во всѣ тамошніе пригороды и не обижалъ ихъ, не принималъ ихъ подъ свою власть, ежели будутъ отдаваться ему, и не вступался бы за нихъ, ежели они сгрубятъ въ чемъ ему, Московскому князю, и онъ вздумаетъ ихъ понаказать. Впрочемъ, пока живъ былъ Шемяка и проживалъ въ Новгородѣ, Московскій князь съ Новгородцами поступалъ осторожно, принималъ и отпускалъ ихъ пословъ, давалъ опасныя грамоты на проѣздъ, отпустилъ безъ окупа Новгородскихъ плѣнниковъ, даже прямо не требовалъ выдачи Шемяки, когда тотъ укрывался въ Новгородѣ, напротивъ, предлагалъ отъ себя Шемякѣ самому, чтобы тотъ положился на его милосердіе и пріѣхалъ въ Москву съ повинною. Когда же Новгородцы и Шемяка вели себя гордо и съ своими посольствами присылали въ Москву не приличныя требованія; то великій князь ввелъ въ это дѣло митрополита Іону, который писалъ нѣсколько посланій къ Новгород-

скому архіепископу Евфимію, чтобы убѣдилъ Новгородцевъ отказать Шемякѣ въ убѣжищѣ, какъ челоуѣку отлученному отъ церкви, съ которымъ не слѣдуетъ по правиламъ ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ. Но ни переговоры великаго князя, ни посланія митрополита не имѣли успѣха, Шемяка продолжалъ жить въ Новгородѣ, а Новгородцы недумали отказывать ему въ убѣжищѣ; тогда великій князь, чтобы развязаться съ Шемякою и быть свободнѣе въ отношеніяхъ къ Новгороду, послалъ въ Новгородъ своего приближеннаго слугу Степана Бородатаго (въ 1453 году), который при помощи Шемякиныхъ же служителей отравилъ его ядомъ, примѣшаннымъ въ кушанье, и отравленный Шемяка послѣ двѣнадцати дневной болѣзни скончался. Новгородцы съ честію похоронили его въ Юрьевѣ монастырѣ, которому особенно благодѣтельствовалъ покойный.

Походъ Московскаго князя на Новгородъ.

Смерть князя Дмитрія Юрьевича Шемяки, такъ сказать, развязала руки великому князю Василю Васильевичу, онъ теперь могъ свободнѣе дѣйствовать противъ Новгорода; но тѣмъ не менѣе Новгородцы продолжали вести себя по прежнему, не исполняли его требованій, даже еще не выплатили всѣхъ денегъ по Деманскому договору. Между тѣмъ внутреннее состояніе Новгорода постепенно ухудшалось. вмѣсто суда и правды день ото дня росли своеволія и притѣсненія бѣдныхъ богатыми. Митрополитъ Иона, въ своихъ посланіяхъ къ Новгородскому владыкѣ Евфимію и къ Новгородцамъ, писанныхъ въ это время, пишетъ: „слышалъ я, сыно-

ве, нѣкое богоненавистное и богомерзкое злое дѣло створяется въ вашемъ православномъ христіанствѣ, не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ честныхъ отъ великихъ людей, отъ нашихъ духовныхъ дѣтей: за всякую большую и малую вещь зачинается гнѣвъ и отъ того ярость, и свары, и прекословія, и много-народное сбираніе съ обѣихъ сторонъ; мало этого, нанимають на то злое и богоненавистное дѣло сбродней пьянчивыхъ и кровопролитныхъ челоувѣковъ, и бои замышляютъ и кровопролитія и души христіанскія губятъ“. Наконецъ великій князь Василій Васильевичъ, поуправившись съ другими дѣлами, зимою 1456 года открылъ походъ на Новгородъ; онъ сперва пришелъ на Волокъ, куда къ нему сошлись братья и другіе князья и воеводы съ своими полками. Прослышавши объ этомъ, Новгородцы отправили къ нему посадника Василя Степанова съ челобитьемъ, чтобы отложилъ свой гнѣвъ; но великій князь не принялъ этого посланника, вступилъ съ своими войсками въ землю Новгородскую, и самъ остановился въ Яжелбицахъ, а своихъ воеводъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и Федора Басенка отправилъ къ Русѣ; Новгородцы также выслали свою рать къ Русѣ; но были разбиты и потеряли много своихъ убитыми и плѣнными. Это поражение навело ужасъ на Новгородъ; слабое и непользующееся довѣріемъ правительство не знало что дѣлать, немедленно собралось вѣче, на которомъ били челомъ владыкѣ Евфимію, чтобы шелъ умолять великаго князя. Владыка Евфимій съ большимъ Нов-

Яжелбицкій
миръ и до-
говорныя
грамоты съ
Москов-
скимъ кня-
земъ.

городскимъ посольствомъ отправился въ великокняжескій станъ въ Яжелбицы и многими просьбами убѣдилъ великаго князя заключить миръ, по которому Новгородцы обязались заплатить 8500 рублей Новгородскихъ. До нашего времени дошли двѣ договорныя грамоты этого мирнаго докончанія, заключенныя Новгородскимъ посольствомъ въ Яжелбицахъ. Первая изъ сихъ грамотъ, основная, опредѣляла общія отношенія князя къ Новгороду; она написана совершенно по старымъ формамъ, какъ обыкновенно писались договорныя грамоты Новгорода съ своими князьями: великій князь Василій Васильевичъ и сынъ его соправитель Иванъ Васильевичъ обязывались цѣловать крестъ къ Новгороду на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ въ свое время цѣловали крестъ всѣ ихъ предки, начиная въ великаго князя Андрея Александровича. Но основныя условія первой грамоты существенно измѣнялись условіями второй, или дополнительной, грамоты, которая ставила Новгородцевъ въ новыя, небывалыя, отношенія къ великому князю. И во 1-хъ важное измѣненіе касалось относительно суда, — этой главной обязанности Новгородскаго князя; по прежнему порядку князь или его намѣстникъ участвовали только въ одномъ посадничьемъ судѣ, по настоящей же грамотѣ кромѣ посадничья суда былъ учрежденъ еще другій судъ съ участіемъ княжей стороны, въ этотъ судъ отъ князя и отъ Новгорода назначалось по боярину, и ежели сіи бояре судьи не согласятся въ рѣшеніи дѣла, то его рѣшалъ князь съ посадникомъ;

къ этому суду относились только тѣ дѣла, въ которыхъ одинъ изъ тяжущихся былъ княжій чело-вѣкъ, а другой Новгородецъ. Во 2-хъ, отмѣнена въ судныхъ дѣлахъ печать великаго Новгорода, и ея мѣсто заступила печать великаго князя. Въ 3-хъ, отъ опредѣленнаго суда великокняжескихъ намѣстниковъ или самого великаго князя никто не долженъ отговариваться другими дѣлами, исключая двухъ случаевъ,—когда нужно собираться на войну или укрѣплять городъ. Въ 4-хъ, вѣчевымъ грамотамъ не быть, т. е. мимо суда княжескаго не быть суду и рѣшенію суда вѣчемъ, или на судъ князя нельзя приносить жалобъ вѣчу. Въ 5-хъ, когда придется великимъ князьямъ черный боръ по Новгородскимъ волостямъ, то Новгородцамъ дать черный боръ по старинѣ; этимъ условіемъ навсегда отстранялись всѣ споры Новгорода о черномъ борѣ, такъ много соорившіе Новгородъ съ князьями. Въ 6-хъ, Новгородъ сею грамотою навсегда отказался отъ стариннаго и самаго важнаго права—давать убѣжище побѣжденнымъ и изгнанникамъ, названнымъ лиходѣями великаго князя. Въ грамотѣ сказано: „Великому Новгороду князя Ивана Андреевича Можайскаго и его дѣтей, и князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его дѣтей, и его матери княгини Софьи и ея дѣтей и зятѣи не принимати. А послѣ сего докончанія изъ Московской земли кто пріѣдетъ лиходѣй великихъ князей въ Великій Новгородъ и Новгороду ихъ не примати; или кто лиходѣй великихъ князей побѣжитъ изъ Русской земли въ Литву или въ Нѣмцы,

а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ прибѣжить къ Великому Новгороду, и Новгороду тѣхъ лиходѣевъ не принимать“. За всѣ сїи уступки со стороны Новгорода, великій князь возвратилъ Новгороду Торжекъ со всѣми волостями и тѣ волости, которыя онъ занялъ въ Заволочѣѣ, и снялъ съ тамошнихъ жителей крестное цѣлованіе къ себѣ, и наконецъ отпустилъ безъ выкупа всѣхъ старыхъ и новыхъ Новгородскихъ плѣнниковъ, разумѣется съ тѣмъ, чтобы Новгородцы отпустили безъ выкупа всѣхъ Московскихъ плѣнниковъ.

Новыя небывалыя отношенія Новгорода къ Московскому князю.

Яжелбицкимъ миромъ, повидимому, были разрѣшены окончательно всѣ недоумѣнія и, судя по первой грамотѣ, были восстановлены всѣ старыя добрыя отношенія между великимъ княземъ и Новгородомъ. Но уже изъ первой же грамоты видно, что отношенія сїи были далеко не старыя добрыя отношенія, которыя такъ хотѣлось удержать Новгородцамъ; ибо Новгородъ цѣловалъ крестъ великому князю и старшему его сыну соправителю, и такимъ образомъ терялъ право выбора князей въ случаѣ смерти Василя; слѣдовательно поступалъ въ разрядъ наслѣдственныхъ владѣній Московскаго княжескаго дома; и по сему отступленіе отъ Московскихъ князей уже должно было считаться измѣною, нарушеніемъ договора. А по второй грамотѣ перемѣна отношеній была еще значительнѣе и вовсе не въ пользу Новгорода. Новгородъ, конечно, и по этой грамотѣ еще удерживалъ свою самостоятельность и самоуправленіе, его старое устройство еще остава-

лось большею частию неприкосновеннымъ, даже границы Новгородскихъ владѣній отъ Московской стоны получили твердое опредѣленіе и возстановлены во всей прежней полнотѣ. По обѣимъ договорнымъ грамотамъ князь даже не получилъ права требовать Новгородскихъ помощныхъ войскъ въ случаѣ какой либо войны съ своими неприятелями; но уже по первой грамотѣ Новгородъ обязался держать великое княженіе честно и грозно; а по второй грамотѣ, какъ мы уже видѣли, онъ лишился права давать у себя убѣжище людямъ преслѣдуемымъ отъ великаго князя. Мало этого, Новгородцы даже въ сношеніяхъ съ сосѣдями, послѣ Яжелбицкаго мира, должны были спрашиваться у великаго князя Московскаго; такъ напримѣръ, когда въ 1461 году Нѣмецкіе послы пріѣхали въ Новгородъ для заключенія перемирія, то, какъ сказано въ лѣтописи, Новгородъ и Псковъ отправили въ Москву къ великому князю своихъ гонцовъ съ извѣстіемъ о предложеніяхъ, предъявленныхъ Нѣмецкимъ посольствомъ, и съ просьбою у князя, — благоволитъ ли онъ согласиться на предложенія; и Новгородцы тогда только приступили къ заключенію пятилѣтняго перемирія, когда получили на это дозволеніе отъ великаго князя. Конечно такія стѣснительныя, необычныя отношенія не могли быть желательны Новгороду, и Новгородцы естественно ими тяготились; но послѣднія договорныя грамоты поставили ихъ въ такое безвыходное положеніе, что всякое движеніе, несогласное съ сими грамотами, дѣлало ихъ нарушите-

лями договора и слѣдовательно виноватыми, а всякое притязаніе Московскаго князя, ежели не справедливымъ, то извинительнымъ; такъ что единственнымъ выходомъ изъ такого невыходнаго положенія было только прямое возстаніе и слѣдовательно новая война съ великимъ княземъ. Но положеніе, въ которомъ тогда находился Новгородъ, какъ мы видѣли выше изъ посланій митрополита Іоны, было вовсе неудобно ни для прямаго возстанія, ни для войны; Новгородъ для успѣха въ томъ и другомъ прежде долженъ былъ возстать самъ на себя, отыскать силы для перестройки собственнаго общества, вычистить ту гниль и тлю, которая его развѣдала; а до этого Новгородцы и недумали добираться, да едвали и могли что нибудь сдѣлать.

Мирный при-
ѣздъ Мо-
сковскаго
князя въ
Новгородъ.

Неудовлетворительный для Новгородцевъ Яжелбицкій миръ далеко не вполнѣ удовлетворялъ и великаго князя Московскаго. Московскій князь желалъ бы окончательно покорить Новгородъ своей власти; а Яжелбицкій миръ былъ только ступеню къ этому покоренію, да и ступеню не послѣднею; еще много дѣла было впереди, чтобы окончательно управиться съ Новгородомъ. Впрочемъ въ Москвѣ, кажется, думали покончить это дѣло мирнымъ путемъ, безъ новой войны, можетъ быть по увѣреніямъ той Новгородской партіи, которая держалась Московской стороны. Какъ бы то ни было, а кажется для этого мирнаго окончанія въ 1460 году великій князь Василій Васильевичъ прибылъ въ Новгородъ мирно и остановился на обычномъ въ Нов-

городъ княжескомъ мѣстѣ—на Городищѣ, съ нимъ прибыли два его сына Юрій и Андрей и лучшіе до-вѣреннѣйшіе слуги, и въ числѣ ихъ знаменитый воевода Ѳедоръ Васильевичъ Басенокъ, тотъ самый, который въ прошедшую войну разбилъ Новгородскую рать подъ Русою. Какія намѣренія имѣлъ великій князь при этомъ посѣщеніи Новгорода и насколько успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, по лѣтописямъ неизвѣстно. Но въ одной лѣтописи сказано, что великій князь Василій Васильевичъ приходилъ поклониться св. Софіи, и что Новгородцы во время его шестинедѣльнаго пребыванія у нихъ жили на сторожѣ; слѣдовательно до нихъ дошли слухи о какихъ либо недобрыхъ замыслахъ великаго князя, а можетъ быть онъ чѣмъ нибудь и заявилъ свои недобрыя притязанія, и не привелъ ихъ въ исполненіе потому только, что Новгородцы держали себя осторожно и въ случаѣ надобности у нихъ было наготовѣ оружіе. А въ двухъ лѣтописяхъ есть даже извѣстіе, что Новгородцы созвали вѣче у св. Софіи, на которомъ была сильная партія, требовавшая нечаянно напасть на великаго князя и убить его съ сыновьями, бывшими при немъ, и со всѣмъ дворомъ; но что тогдашній Новгородскій владыка Іона благо-разумно остановилъ это незаконное и безумное предпріятіе; онъ сказалъ: „безумные, убивши великаго князя и его сыновей, вы только большее зло навлекете на Новгородъ; ибо старшій сынъ великаго князя, находящійся въ Москвѣ, подниметъ на васъ свои и Татарскія рати“ Но какъ бы то ни

было, великій князь наружно былъ принять Новгородцами съ большими почестями и его шестинедѣльное пребываніе въ Новгородѣ прошло спокойно и мирно; онъ принималъ у себя на Городищѣ посольство отъ Пскова и посылалъ изъ Новгорода къ Псковичамъ своего сына Юрія, гдѣ тотъ тоже былъ принять съ большими почестями. По возвращеніи въ Москву великій князь также ничего не предпринималъ противъ Новгорода, или по крайней мѣрѣ мы объ этомъ неимѣемъ никакихъ извѣстій, а въ 1462 году онъ скончался въ Москвѣ.

РАЗСКАЗЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ПАДЕНІЕ Великаго Новгорода.

Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ держитъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ по Яжелбицкому мпру, и заботится о Новгородскихъ интересахъ.

Преемникъ великаго князя Василья Васильевича, его сынъ Иванъ Васильевичъ, первые восемь лѣтъ своего княженія жилъ мирно съ Великимъ Новгородомъ, держалъ своихъ намѣстниковъ на Городищѣ по старинѣ и вообще старался не нарушать Яжелбицкаго договора своего отца. По смерти Василія о признаніи Ивана Васильевича княземъ Новгородскимъ не было и вопроса; этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ Яжелбицкимъ договоромъ, по которому Новгородцы одинаково цѣловали крестъ какъ Василию, такъ и его сыну. Великій князь Иванъ Васильевичъ смотрѣлъ на Новгородъ уже какъ на свою отчину, и даже защищалъ Новгородскіе интересы и старался примирить Новгородцовъ съ Псковичами.

Когда Псковичи въ 1464 году просили Московскаго князя, чтобы онъ приказалъ митрополиту Ѳеодосію поставить во Псковъ особаго епископа, отдѣльнаго отъ Новгорода; то князь, заботясь объ интересахъ Новгорода и тамошняго владыки, отвѣчалъ прямымъ отказомъ, что того не повелось, что не стоить во Псковѣ. А когда Псковичи, не довольные такимъ отказомъ, отняли у Новгородскаго владыки земли и воды, изстари уступленные владычней каеѣдрѣ, и въ слѣдствіе этаго у Новгорода произошло розмирье со Псковомъ, и Новгородцы заключили союзъ съ Нѣмцами, чтобы за одно стоять на Псковичей; то великій князь въ этомъ дѣлѣ ни сколько не стѣснялъ Новгородцовъ и не поддерживалъ противъ нихъ Псковичей, такъ что Псковичи принуждены были возвратить отнятое, примириться съ Новгородомъ и дозволить Новгородскому владыкѣ по прежнему держать во Псковѣ своего намѣстника и пріѣзжать для сбора владычныхъ даней. Потомъ когда въ 1469 году Псковичи придумали было со всѣмъ отложиться отъ Новгородскаго владыки и выбрали своихъ церковныхъ управителей, двухъ священниковъ; то великій князь отправилъ во Псковъ своего посла, боярина Селивана съ приказаніемъ, чтобы Псковичи въ церковныхъ дѣлахъ по прежнему подчинились Новгородскому владыкѣ, что и было исполнено Псковичами по настоянію великаго князя.

Между тѣмъ въ Новгородѣ все это время чинились большія нестроенія и безпорядки; по свидѣтельству посланій митрополита Ѳеодосія, дѣлами вѣчалъ, буйная

Внутреннія
нестроенія
въ Новгоро-
дѣ, буйная

молодежь и женщины заправляють дѣламъ. Марѳа Борецкая.

стала заправлять буйная и своевольная молодежь, которая кричала и шумѣла, заносилась разными мечтами, попирала ногами всѣ преданія старины и ни въ чемъ не слушала и неуважала старѣйшихъ; вмѣстѣ съ молодежью за общественныя дѣла принялись женщины интриганки, владѣвшія богатыми имѣніями, онѣ, подстрекая молодежь и вода за носъ стариковъ, захватили нравственно всю власть въ свои руки, раздавали должности, судили и рядили за веселыми пирами, или на единѣ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ. Особенно всѣмъ разпоряжалась и выдавалась вездѣ напередъ богатая вдова Марѳа, жена покойнаго посадника Исака Борецкаго, съ своими сыновьями; у ней былъ самый лучшій домъ въ Новгородѣ, который былъ постоянно открытъ для всѣхъ людей съ вѣсомъ, и здѣсь рѣшались всѣ общественныя дѣла, и на вѣчѣ кричали и разпоряжались по приказамъ, выходившимъ изъ дома Борецкой. Сюда слѣшили и тѣ, которые думали искать защиты и покровительства въ продажныхъ Новгородскихъ судахъ; но такихъ у Марѳы принимали съ строгимъ разборомъ и допускали къ хозяйкѣ не многихъ, а другихъ и сама хозяйка приказывала отгонять отъ воротъ; такъ это случилось съ преподобнымъ Зосимою, отценаачальникомъ Соловецкаго монастыря, который, отыскивая управы въ обидахъ своего монастыря, перебивавши у разныхъ Новгородскихъ властей, отправился наконецъ и къ Марѳѣ, молить ея о заступленіи отъ насильниковъ, приходящихъ на Соловки; но Марѳа, услы-

шавши о его приходѣ, приказала своимъ слугамъ отогнать его отъ дома.

Разчитывая на молодость великаго князя **Ивана Васильевича**, которому при вступленіи на престолъ было только 22 года отъ рожденія, и на его видимо миролюбивый и уступчивый характеръ, Новгородское слабое правительство, руководимое женщинами и молодежью, мало оказывало уваженія къ разнымъ справедливымъ требованіямъ Московскаго государя. Молодежь мечтала, что теперь настало удобное время воротить и даже умножить права и вольности Господина Великаго Новгорода, что на Москву можно и не смотрѣть и не исполнять приказаній и требованій, присылаемыхъ отъ тамошняго государя, что Москва не посмѣетъ поднять оружія на Великій Новгородъ; и мечтанія буйной молодежи и женщинъ почти восемь лѣтъ оправдывались. Новгородцы во многихъ статьяхъ не исполняли Яжелбицкаго договора, не платили велико-княжескихъ пошлинъ, удерживали за собою земли, по договору уступленныя великому князю, и приводили тамошнихъ жителей къ присягѣ на имя Новгорода, даже по сосѣдству изъ Заволочья тамошніе бояре своевольно нападали на велико-княжескія владѣнія и захватили тамъ нѣсколько волостей; великій князь и его бояре жаловались на такія не правды, искали суда у Новгородскихъ судей и не находили, судьи или оттягивали дѣло или явно покровительствовали богатымъ грабителямъ. Мало этаго, буйная молодежь стала толпами приходить на Городище прямо съ

Не уваженіе къ справедливымъ требованіямъ Московскаго государя.

вѣча на велико-княжескихъ намѣстниковъ и дворецкаго, и даже разъ обезчестили велико-княжескаго посла, ограбили и взяли подъ стражу велико-княжескихъ людей. А великій князь противъ всего этаго ограничивался только одними посольствами и протестами, ожидая, что Новгородцы исправятся и удовлетворять его законнымъ требованіямъ; между тѣмъ бывшій въ Москвѣ Новгородскій посолъ, посадникъ Василій Ананьинъ велъ себя высокомерно, и когда бояре велико-княжескіе по государеву приказу спрашивали его, — по чему же Новгородъ не исполняетъ государевыхъ требованій и не просить извиненія въ своихъ неправдахъ; то онъ не только не выказалъ ни какой покорности, но еще съ гордостью отвѣчалъ: „о томъ Великій Новгородъ со мною не приказывалъ“. Огорченный такимъ грубымъ отвѣтомъ, великій князь впрочемъ не показалъ и вида какаго либо раздраженія, и только отпуская Василья Ананьина, наказалъ ему, чтобы передалъ вѣчу слѣдующія слова: „исправьтеся моя отчина, сознайтеся, въ земли и воды мои не вступайтесь, имя мое великаго князя держите честно и грозно, а ко мнѣ посылайте бить челомъ по докончанью, а я васъ жаловать хочу и въ старинѣ держу“. Но тѣмъ не менѣе терпѣнію и снисхожденію великаго князя насталъ конецъ; отпустивши Новгородскаго посла, онъ въ слѣдъ за нимъ отправилъ своего боярина во Псковъ, который именемъ князя долженъ былъ сказать тамошнему вѣчу: „отчи на моя Великій Новгородъ не править, а учнетъ

мнѣ бить челомъ и исправится, и я жаловать хочу; а не учнетъ мнѣ править, и вы бы на нихъ были со мною“.

Когда такимъ образомъ дѣло день отъ дня запутывалось, еще къ большей запутанности въ 1470 году скончался, любимый въ Новгородѣ и въ Москвѣ, Новгородскій владыка Иона. На его мѣсто по старому обычаю выбрали жеребьемъ священноинока Теофила, и новому избраннику должно было ѣхать къ митрополиту въ Москву на постановление. Находясь въ несогласіи съ Московскимъ княземъ и получивъ отъ него наказъ, переданный Васильемъ Ананьинымъ, вѣче не рѣшилось отпустить Теофила прямо въ Москву, а напередъ отправило своего посла просить у великаго князя и у митрополита опасной грамоты. Великій князь, уже готовый въ походъ на Новгородъ, приостановился по совѣту своей матери и митрополита, когда пріѣхалъ Новгородскій посолъ, и далъ опасную грамоту на проѣздъ взадъ и впередъ какъ Теофилу, такъ и вѣмъ Новгородскимъ боярамъ, которые будутъ сопровождать его въ Москву, и такую же грамоту далъ митрополиту, въ которой отъ своего и княжаго имени писалъ: „пріѣхать нареченному на владычество священноиноку Теофилу добровольно по старой пошлинѣ, да и кто съ нимъ пріѣдетъ посадниковъ, или тысячникъ, или бояръ, или кто съ нимъ ни будетъ, и отъѣхати добровольно, по божію изволенію имъ путь чистъ безо всякаго слова и безо всякаго опасна и безъ перевода“. Но пока Новгородскій посолъ ѣздилъ за опа-

Волнепія въ Новгородѣ по смерти архіепископа Іоны.

сною грамотою въ Москву и обратно, дѣла въ Новгородѣ сильно измѣнились. Партія Марѣы Борецкой и молодежи съ одной стороны досадовала на то, что ей не удалось на епископскихъ выборахъ провести своего сторонника, казначея софійской казны инока Пимена, который давалъ Софійскія деньги Марѣѣ для подкуповъ, а съ другой стороны опасалась, что противники ихъ, сторонники Московскаго князя, окончательно примирятъ съ нимъ Новгородъ, и тогда Борецкая и молодежь потеряютъ всякое значеніе въ управленіи и даже подвергнутся не минуемой опасности. А по сему, пользуясь тѣмъ временемъ пока посольство ѣздилъ въ Москву, эта партія постаралась разнелить въ народѣ ненависть противъ Москвы и для этаго не скупилась ни на подкупы, ни на клеветы противъ великаго князя Московскаго; она разглашала, что стыдно Новгородцамъ, вольнымъ людямъ, называться отчиною великаго князя, что Московскій князь чинитъ Новгороду многія обиды и не правды и что союзъ съ Москвою грозитъ Новгороду гибелью и рабствомъ. Когда такимъ образомъ народъ былъ подготовленъ къ разрыву съ Московскимъ княземъ, вдругъ пріѣхалъ посольство изъ Пскова, съ извѣстіемъ, что великій князь подымаетъ Псковъ на Новгородъ и что Псковичи предлагаютъ Новгородскому вѣчу посредничество и ходатайство у великаго князя. Появленіемъ Псковскаго посольства партія Борецкой и буйной молодежи воспользовалась, какъ нельзя лучше, она прямо начала говорить народу: „слушайте

и вѣрьте добрые люди Московскому князю, онъ говоритъ съ Новгородомъ ласково, а самъ въ то же время готовится къ войнѣ и поднимаетъ на насъ Псковичей". Такія рѣчи партіи Борецкой имѣли свое дѣйствіе въ народѣ, и къ тому времени, какъ пріѣхалъ изъ Москвы Новгородскій посолъ съ опасными грамотами, произвели въ Новгородѣ страшное волненіе.

Когда Новгородскій посолъ, пріѣхавшій изъ Мо-
 сквы, явился на вѣчѣ, то вѣче раздѣлилось на двѣ
 враждебныя партіи. Партія молодежи, успѣвшая уже
 взволновать народъ клеветами и подкупами, прямо
 закричала на вѣчѣ: „не хотимъ за великаго князя
 Московскаго, не хотимъ называться его отчиною,
 мы люди вольные; не хотимъ терпѣть обиды отъ
 Москвы, хотимъ за короля Казимира! Московскій
 князь присылаетъ опасную грамоту нареченному
 владыкѣ, а самъ хочетъ на насъ идти и поднимаетъ
 Псковичей. А владыку намъ поставитъ митрополитъ
 Кіевскій". Партія умѣренныхъ, состоящая изъ
 старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ и другихъ по-
 жилихъ и степенныхъ мужей, на крики горячей мо-
 лодёжи отвѣчала: „братія! нельзя тому быть такъ,
 какъ вы говорите, задаться за короля и поставить
 своего епископа отъ королевскаго митрополита Ла-
 тынянина; мы изначала отчина великихъ князей, за
 Латиною никогда не бывали, и архіепископа отъ
 нихъ не ставливали, какъ вы нынѣ хотите поста-
 вить своего владыку отъ Григорія, называющагося ми-
 трополитомъ Руси, а въ сущности Латынянина, уче-
 ника Исидорова". Но таковыя увѣщанія людей сре-

Партія Бо-
 рецкихъ и
 молодежи
 требуетъ со-
 юза съ Поль-
 скимъ коро-
 лемъ Казимиромъ.

пенныхъ и опытныхъ ни сколько не дѣйствовали на буйную ненаказанную молодежь, давно поправшую отеческія преданія; не имѣя что отвѣчать людямъ умѣреннымъ, она вмѣстѣ съ безсмысленною и пьяною толпою наемниковъ только кричала: „за короля хотимъ“. А когда и Московская партія умѣренныхъ въ свою очередь стала кричать: „къ Москвѣ хотимъ, къ великому князю и къ отцу его митрополиту Филиппу въ православіе“; то богатая молодежь выпустила самыхъ отчаянныхъ буйновъ, оборванцовъ и пьяницъ, собранныхъ изъ кабаковъ и подкупленныхъ виномъ и деньгами. Эти новые пособники Борецкой партіи съ сильнымъ ревомъ, — „за короля хотимъ“, пустили тучу камней, разогнали умѣренныхъ людей и почали звонить вездѣ въ колокола. Сіи безпорядки и драки продолжались нѣсколько дней и кончились тѣмъ, что партія Борецкихъ восторжествовала; сторонники же Москвы были разогнаны и не смѣли показываться.

Договоръ о
подданствѣ
Новгорода
Казимиру.

Управившись съ своими противниками, партія Борецкихъ, собравши новое вѣче изъ своихъ, постановила нареченнаго владыку Θεофила послать на поставленіе въ Кіевъ, къ тамошнему митрополиту Григорію, и принять въ Новгородскіе князья Казимира короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, а для защиты Заволочья, которымъ особенно дорожили пріятели Борецкой, имѣвшіе тамъ богатія владѣнія, послать съ Новгородскимъ войскомъ служилаго князя Василия Горбатаго изъ Суздальскихъ князей. По этому рѣшенію вѣча начали сна-

ряжать рать въ Заволочье и въ то же время отправили большое посольство къ королю Казимиру для заключенія договора. Посольство это впрочемъ не имѣло представителей отъ черныхъ людей, его составляли только два старыхъ посадника Аѳанасій Астафьевичъ и Дмитрій Исаковичъ Борецкій, одинъ посадничій сынъ и пять челоувѣхъ житѣихъ людей. Посланники сіи, какъ значитса въ дошедшей до насъ договорной грамотѣ, заключили съ королемъ Казимиромъ договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: „держать королю Казимиру въ Новгородѣ на Городищѣ своего намѣстника изъ православныхъ, а не изъ Латинянъ, а намѣстнику безъ посадника Новгородскаго суда не судить, а Новгороду у намѣстника суда не отнимать, опричь ратной вѣсти и городоставленія. А дворецкому твоему жить на Городищѣ на дворѣ, а пошпины продавать съ посадникомъ Новгородскимъ по старинѣ съ Петрова дни. А тіуну судить въ одринѣ съ Новгородскими приставами. А намѣстнику и дворецкому и тіуну быть на Городищѣ въ пятидесять челоувѣкъ. А намѣстнику судить съ посадникомъ на владычнемъ дворѣ на пошломъ мѣстѣ. А во владыченъ судъ и въ тысяцкаго и въ монастырскіе суды королю Казимиру не вступаться по старинѣ. А пойдетъ великій князь Московскій на Великій Новгородъ; ино королю Казимиру вѣсть на конь и оборонять Новгородъ. А вѣры Греческой православной у Новгорода не отнимать, а гдѣ будетъ Новгороду любо въ своемъ православномъ христіанствѣ, тамъ Нов-

городцы и поставятъ владыку по своей воли. А Римскихъ церквей въ Великомъ Новгородѣ и по пригородамъ и по всей землѣ Новгородской королю Казимиру не ставить. А умиришь, господине честный король, Великій Новгородъ съ великимъ княземъ; ино тебѣ взять черный боръ по Новгородскимъ волостямъ по старинѣ одиново, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы черный боръ ненадобѣ. А вывода изъ Новгородской отчины нечинить и челяди не закупать и даромъ не принимать. А черные куны брать по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ на Молвятицахъ, на Кунскѣ, на Стержи, съ Моревы, на Лопастичахъ и на другихъ мѣстахъ ближайшихъ къ Литовскому рубежу“. Вообще Новгородцы по настоящей грамотѣ въ отношеніи къ уступкѣ даней Казимиру были очень щедры. На этихъ условіяхъ, какъ написано въ грамотѣ, Новгородское посольство за весь Великій Новгородъ цѣловало крестъ къ королю Казимиру, и требовало, чтобы также и король цѣловалъ крестъ къ Великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду Литовскую; но цѣловалъ ли Казимиръ на этой грамотѣ крестъ къ Великому Новгороду изъ грамоты не видно, и что сдѣлалъ для Новгорода Казимиръ по этому договору, мы также не имѣемъ извѣстій. Знаемъ только, что въ 1470 году жилъ въ Новгородѣ съ довольно значительною дружиною Литовскій князь Михайль Александровичъ (Олельковичъ): но онъ жилъ не какъ намѣстникъ Казимировъ, а какъ служилый Новгородскій князь,

получавшій кормленье, и прїѣхалъ въ Новгородъ прежде договора съ Казимиромъ и уѣхалъ въ Кіевъ, проживши въ Новгородѣ только четыре мѣсяца и восемь дней. И лѣтопись говоритъ, что Новгороду отъ этаго князя Литовскаго было очень истомно многими кормами и дарами, да онъ же отъѣзжая въ Кіевъ по дорогѣ пограбилъ всѣ оброки въ Русѣ, и отъ Русы до Литовской границы шель какъ непріятель, воевалъ волости лежащія по пути. забиралъ имѣнія и людей, которыхъ тащилъ за собою какъ плѣнниковъ до рубежа.

Получивши вѣсти о сношеніяхъ Новгородцовъ съ Казимиромъ Польскимъ, великій князь Иванъ Васильевичъ думалъ еще уладить дѣло мирно, отправилъ въ Новгородъ своего посла съ жалованіемъ и добрыми рѣчами, чтобы отчина его Новгородцы отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, къ Латинству не приставали, и ему бы, великому князю, били челомъ и исправились, а онъ, великій государь, ихъ жалуетъ и въ старинѣ держитъ". Митрополитъ Московскій и всея Руси Филиппъ съ своей стороны отправилъ въ Новгородъ два посланія, въ которыхъ убѣждалъ всѣхъ Новгородцовъ не отступать отъ великаго князя православнаго, не передаваться королю Польскому Казимиру, исповѣдающему Латинскую вѣру, и не измѣнять вѣрѣ предковъ своихъ, и между прочимъ писалъ такъ: „слышу нынѣ въ дѣтехъ вашихъ въ Новгородцахъ, да и въ многихъ у васъ въ молодыхъ людяхъ, которые еще не навыкли

Посольства Московскаго князя и митрополита, чтобы Новгородцы не вступали въ подданство Казимиру.

доброй старинѣ, какъ стоять и поборать по благочестіи, а иные изъ нихъ, не познавъ добраго наказанія отцовъ своихъ, благочестивыхъ родителей, по смерти ихъ остались не наученными, какъ жить въ благочестіи. И нынѣ тѣ не смысленные и ненаказанные устраиваютъ сборища и сонмы, на которыхъ поощряютъ другъ друга къ разнымъ замысламъ на великое земли нестроеніе и не тишину, замышляя ввести великій мятежъ и разколъ въ святой Божіей церкви, да оставя православіе и великую старину приступить къ Латинянамъ. А вы, сынове православные, старые посадники Новгородскіе, и тысяцкіе, и бояре, и купцы, и весь Великій Новгородъ, живучи въ православіи, сами того поберегите, да старые молодыхъ понакажите, а лихихъ въсчюните отъ злаго начинанія, чтобы не было у васъ Латиняномъ похвалы на вѣру православныхъ людей, а имъ не потакайте“. Но ни посольство, ни посланія неимѣли ни какого успѣха, молодежь ненаказанная и давно уже поправшая всѣ священныя преданія предковъ, взявши засилъе, ни кого и ничего не слушала, а на старѣйшихъ и благоразумныхъ людей и глядѣтъ не хотѣла. Партія Борецкихъ, всѣмъ заправлявшая, не только не дала отвѣта ни на посольство, ни на посланія; но въ какомъ то ослѣпленіи и несбыточной надеждѣ на Казимира Польскаго повела дѣло съ такимъ высокомѣріемъ и самонадѣянностію, что окончательно вооружила Псковичей на Новгородъ, она прислала во Псковъ подвойскаго не съ поклономъ и просьбою какъ къ своему бра-

ту, а съ гордымъ наказомъ какъ къ пригороду, въ такихъ словахъ: „общаетесь ли пособить намъ противъ великаго князя“. Псковичи, какъ и слѣдовало ожидать, на такой гордый вызовъ отвѣчали посылкою въ Новгородъ разметной грамоты, и начали готовиться къ войнѣ.

Между тѣмъ великій князь Иванъ Васильевичъ, Походъ Московскаго князя на Новгородъ. получивши донесенія о безуспѣшности своего посольства и митрополичьихъ грамотъ, собралъ большую рать и разослалъ грамоты къ своимъ удѣльнымъ князьямъ. въ которыхъ писалъ, чтобы все спѣшили соединиться съ нимъ и идти на Новгородъ, отступившій отъ православія и передавшійся Литвѣ, и въ тоже время отправилъ свое посольство во Псковъ, чтобы и Псковичи шли также на Новгородскія владѣнія. Походъ своихъ и сюзныхъ ратей великій князь разпредѣлилъ такъ, чтобы они по возможности одновременно напали на Новгородскія владѣнія съ разныхъ сторонъ. Прежде всего 31 мая онъ приказалъ своимъ воеводамъ Борису Тютчеву Слѣпцу и Василью Ѳедоровичу Образцу съ своею ратью и съ Вятчанами и Устюжанами идти въ дальний походъ въ Заволочье и на Двину; потомъ 6-го іюня другихъ своихъ воеводъ князя Данилу Дмитріевича Холмскаго и Ѳедора Давыдовича послалъ съ передовымъ полкомъ къ Русѣ, а 13-го іюня отпустилъ своего воеводу князя Василья Ивановича Оболенскаго Стригу съ своими войсками и съ Татарскими на Волочекъ и на рѣку Мсту; и затѣмъ 24 іюня самъ съ своею ратью

Коростын-
ская битва.

прибыль на Волокъ, гдѣ къ нему сошлись съ своими полками и братья. Наконецъ на Петровъ день великій князь съ своими братьями пришелъ въ Торжекъ, и оттуда послалъ къ Псковичамъ, чтобы не медленно шли къ Новгороду, а свою рать и полки братьевъ отпустилъ по разнымъ дорогамъ опустошать и жечь Новгородскія владѣнія. Между тѣмъ князь Данило Дмитріевичъ Холмскій и Ѳедоръ Давыдовичъ быстрымъ походомъ подошли къ Русь прежде, нежели Новгородцы приготовились ихъ встрѣтить, и взявши, пограбивши и пожегши этотъ богатый городъ, двинулись къ рѣкѣ Шелони. Новгородцы, вовсе неждавшіе нашествія Московскихъ полковъ въ лѣтнюю пору, можно сказать были застигнуты вразплохъ; тѣмъ не менѣе, услышавши о взятіи Русы, они успѣли собрать на скоро войско и подъ предводительствомъ своихъ лучшихъ воеводъ, посадниковъ Василья Казимира, Дмитрія Исаковича Борецкаго и другихъ. вышли на встрѣчу Москвичамъ. Войско Новгородское было довольно многочисленно и воеводы хорошо знали свое дѣло и нисколько не опускали случая воспользоваться обстоятельствами, ежели они сулили успѣхъ или указывали на оплошность противниковъ. Многочисленность полковъ велико-княжескихъ еще не очень была страшна для Новгорода, ибо полки сіи шли разными дорогами, не имѣли между собою общеній и болѣе занимались грабежемъ и опустошеніемъ беззащитныхъ мѣстъ; по этому Новгородская рать, дѣйствуя массою и съ быстротою, могла

смѣло бить Московскіе полки поодиночкѣ. И такой дѣйствительно планъ войны составили воеводы Новгородскіе. Они именно всею массою своего пѣшого и коннаго войска быстро двинулись къ Шелони, гдѣ Московскій отрядъ подъ начальствомъ князя Данила Холмскаго и Ѳедора Давыдовича такъ былъ слабъ сравнительно съ Новгородскою ратью, что въ старыя былыя годы Новгородцы положили бы его на мѣстѣ или перевязали живьемъ, какъ вѣроятно и разчитывали Новгородскіе воеводы, сѣумѣвшіе слабой силѣ Холмскаго противопоставить свою многочисленную силу. Но дѣло не оправдало видимо вѣрнаго разчета; ибо Новгородская рать, предводимая Василиемъ Казимиромъ и Дмитриемъ Исаковичемъ Борецкимъ, нисколько не походила на прежнія Новгородскія рати; она была собрана не изъ боевыхъ людей, закаленныхъ въ битвахъ, а наибольшею частію изъ мирныхъ ремесленниковъ, выдавшихъ развѣ кулачныя бои на Новгородскихъ улицахъ и почти неумѣвшихъ владѣть оружіемъ, къ тому же въ Новгородскомъ войскѣ не было единогодушія. А посему хотя воеводы сѣумѣли воспользоваться оплошностію Москвитянъ, стоявшихъ на Коростынѣ, между озеромъ Ильменемъ и Русою, и успѣли высадить свою судовую рать прежде, нежели Москвичи могли ихъ замѣтить; но когда дѣло дошло до боя, то неопытные Новгородскіе ратники не выдержали мужественнаго отпора боевыхъ Москвичей, къ тому же конное Новгородское войско, главнымъ образомъ состо явшее изъ владычня

полка, не пошло на выручку пѣхоты, ибо владычень воевода сказалъ, что намъ владыка невелѣлъ поднимать рукъ на великаго князя, послалъ насъ владыка—на Псковичей. И такимъ образомъ Новгородская рать послѣ довольно жаркаго боя, потерявши до 500-человѣкъ своихъ, обратилась въ бѣгство. Коростынскій бой былъ 7-го іюля 1471 года.

Шелонская
битва.

Пораженіе, претерпѣнное при Коростынѣ, страшно всполошило Новгородцовъ и показало большое мѣсто Новгородскаго общества; бѣжавшіе съ боя меньшіе люди поднялись на большихъ, обвиняли ихъ въ томъ, что ихъ замысломъ начата беззаконная война съ великимъ княземъ Московскимъ. И когда большіе люди потребовали новаго похода; то меньшіе кричали: не можемъ идти, мы люди молодшіе и раззорились первымъ походомъ, кто потерялъ коня, кто dospѣхъ и подобн. Такъ что въ удовлетвореніе меньшихъ людей было отправлено посольство къ великому князю, просить опасной грамоты на пропускъ большихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. Но удовлетворяя миролюбивымъ требованіямъ меньшихъ людей, умные воеводы Новгородскіе видѣли, что отлагать новаго похода нельзя, что нужно во чтобы то нистало воспрепятствовать соединенію Москвичей князя Холмскаго съ Псковичами, которые также уже вступили въ Новгородскія владѣнія съ своей стороны, и князь Холмскій уже выступилъ на соединеніе съ ними. А посему, не откладывая времени, Новгородское вѣче, руководимое партією Борецкихъ успѣшило снаря-

дить новую рать, больше и лучше прежней, въ которую зачислились и лучшіе люди, болѣе или менѣе привычныя къ бою. Эта новая рать, предводительствуемая прежними воеводами, пользуясь оплошностію Москвичей, остановившихся по случаю воскреснаго дня на правомъ берегу Шелони, успѣла перерѣзать имъ дорогу къ соединенію съ Псковичами и 14-го Іюля заняла лѣвый берегъ Шелони. Московскіе воеводы, видя всю важность своей оплошности, рѣшили исправитъ ее отчаяннымъ боемъ, и первые бросились вплавъ черезъ Шелонь, а за ними пустилось и войско. Новгородцы приняли храбрецовъ по старому, по Новгородски, такъ что Москвичи должны были отступить на свой берегъ, а за ними бросились и Новгородцы, считая Московскій станъ уже своею добычею. Но Московскіе воеводы на этотъ разъ не разтерялись, съумѣли поставитъ въ засаду Татарскую рать; и когда уже Новгородцы думали торжествовать побѣду, Татары неожиданно бросились на нихъ съ тыла и произвели такое смятеніе, что Новгородцы, не смотря на свою отчаянную храбрость, были совершенно сбиты, обратились въ бѣгство, и потеряли до двѣнадцати тысячъ человѣкъ убитыми и двѣ тысячи плѣнными, въ числѣ которыхъ достались Москвичамъ и главные воеводы Новгородской рати,—Василій Казимиръ, Дмитрій Исаковъ Борецкій, Козма Григорьевъ, Яковъ Ѳедоровъ, Матвей и Василій Селезевы, сестриничи Казимира, Павелъ Теляшевъ и Козма Грузовъ и много житыхъ людей.

Москвичи гнались за бѣгушими двадцать верстъ; но князь Холмскій, довольный побѣдою, далъ приказъ прекратить преслѣдованіе, и разбирая взятый обозъ Новгородскій, между разными бумагами нашель договорную грамоту Новгорода съ Казимиромъ Польскимъ, которую вмѣстѣ съ вѣстію о знаменитой побѣдѣ отправилъ къ великому князю, уже стоявшему въ Яжелбикахъ. Порѣшивши съ Новгородскою ратью на Шелони, Холмскій безпрепятственно соединился съ Псковичами и пошелъ опустошать западныя Новгородскія владѣнія, и нигдѣ не встрѣчая новыхъ Новгородскихъ ратей, дошелъ до рѣки Наровы, т. е. до Нѣмецкой границы. Великій же князь Иванъ Васильевичъ, когда были приведены къ нему въ Яжелбицы знаменитые Новгородскіе плѣнники, попавшіеся на Шелонскомъ бою, однимъ изъ нихъ, болѣе виновнымъ въ союзѣ съ Литвою, приказалъ отрубить головы, именно Димитрію Борецкому, Василью Селезному, Кипріяну Арбузьеву и Іеремію Сухощоку, другихъ же, заковавъ въ цѣпи, отослалъ въ Коломну и Москву, для содержанія по темницамъ.

Новгородцы
готовятся
выдержать
осаду.

Потерпѣвъ страшное пораженіе на Шелонскомъ бою, Новгородцы поспѣшили отправить посла къ Казимиру королю Польскому, чтобы согласно съ договоромъ всѣлъ на коня и шелъ защищать Новгород. но посолъ воротился назадъ, не доѣхавъ до короля, его не пропустили Ливонскіе Нѣмцы. А между тѣмъ великій князь Московскій съ главною своею ратью уже вступилъ въ Русу; и Нов-

городцамъ осталось одно, — защищать свой городъ во чтобы то ни стало, и они принялись наскоро за укрѣпленія. Но лучшіе ихъ воеводы и воины уже были побиты или находились въ плѣну, и партія противниковъ Москвы, потерпѣвъ столько неудачъ, была въ крайнемъ уныніи, а Московская партія начала подавать голосъ. и такимъ образомъ къ войнѣ съ внѣшнимъ врагомъ присоединилась внутренняя неурядица, — одни кричали за короля хотимъ, а другіе за великаго князя Московскаго. Къ тому же безпрестанныя ложныя тревоги, что непріятель уже подступаетъ къ городу, страшно утомляли гражданъ, которые и день и ночь по перемѣнамъ должны были держать караулы по разнымъ городскимъ укрѣпленіямъ. Впрочемъ партія Марѣы Борецкой, состоящая изъ богатой молодежи, еще продолжала держаться и подъ знаменемъ свободы еще пользовалась сочувствіемъ многихъ; она еще питала надежду отбиться отъ Москвичей и по ея разпоряженію, что бы не дать притона непріятелямъ подъ своимъ городомъ, были созжены всѣ посады около Новгорода и даже монастыри: Антоніевъ, Юрьевъ, Рождественскій и Городище.

Но толпы разнаго народа, сбѣжавшіяся изъ волостей въ городъ. произвели страшную дороговизну на съѣстные припасы, ржаный хлѣбъ, главная пища бѣдныхъ людей, весь уже былъ съѣденъ, да и пшеничнаго хлѣба было не много на торгу, страшный голодъ грозилъ уже разразиться надъ толпою, и меньшіе люди подняли вопль на большихъ людей, сторонниковъ Мар-

Голодъ и ссоры партій Литовской и Московской.

бы Борецкой, и стали кричать: „вы привели великаго князя на Новгородъ, всѣ бѣды отъ васъ.“ Московская партія конечно поддерживала и подстрекала недовольныхъ, и одинъ изъ Москвитянцевъ по имени Упадышь, радѣя великому князю, успѣлъ заколотить на Новгородскихъ укрѣпленіяхъ по однимъ извѣстіямъ пять пушекъ, а по другимъ пятьдесятъ пять. Упадыша разумѣется казнили; но голодъ продолжалъ свое, и голодная толпа оборванцовъ, поддерживавшая прежде партію Борецкихъ, отъ которыхъ тогда получала деньги и вино, теперь, не имѣя хлѣба, обратилась къ тѣмъ старымъ посадникамъ и другимъ боярамъ и житейнымъ людямъ, которыхъ называла прежде злодѣями и бросала въ нихъ каменьями, когда они убѣждали не передаваться къ Казимиру Польскому и не нарушать старыхъ отношеній къ великому князю Московскому. Теперь этихъ сторонниковъ Москвы толпа стала называть благодѣтелями, и разкаяваясь въ прежнемъ своемъ безуміи, просила ихъ спасти Новгородъ и просить великаго князя о помилованіи Старѣйшіе сторонники Москвы ласково приняли моленіе толпы, и сказавши: „хорошо бы было, братія, ежели бы вы бабъ и молокососовъ не слушали и зла не начинали, но хорошо и то, что сознались въ своемъ грѣхѣ и безуміи,“ обѣщали устроить дѣло и снарядить посольство къ великому князю съ моленіемъ о мирѣ. Между тѣмъ какъ Новгородское посольство снаряжалось къ великому князю молить о мирѣ, Московскіе воеводы Борисъ Тютчевъ Слѣпецъ и

Василій Образецъ разбили Новгородскую рать въ Заволочьѣ. Двиняне тамъ измѣнили Новгороду и непошли на помощь къ князю Василью Васильевичу Суздальскому, который съ Печерянами и Заволочанами цѣлый день бился противъ Московской рати, обѣ стороны рѣзались до остервененія, хватали другъ друга за руки и продолжали рѣзаться. Солнце уже закатилось, когда рать Заволоцкая, потерявъ наконецъ знамя, обратилась въ бѣгство, успѣвши впрочемъ спасти израненнаго своего храброго воеводу князя Василья Васильевича. Воеводы же великаго князя, по разбитіи Заволоцкой рати, побрали всѣ тамошніе городки, и всю Двинскую и Заголоцкую землю привели къ крестному цѣлованію на имя великаго князя Московскаго.

Новгородское посольство, снаряженное къ великому князю просить о мирѣ, состояло изъ нареченнаго на владычество священноинокъ Теофила, пяти старыхъ посадниковъ и отъ пяти концовъ по житьему человѣку, оно 27 іюля, въ день разбитія Заволоцкой рати князя Василья Васильевича, приѣхало въ станъ великаго князя на Коростынѣ, и долго не получало дозволенія явиться на глаза, и только послѣ многихъ поклоновъ и поминковъ у братьевъ и бояръ велико-княжескихъ было допущено въ шатеръ Іоанновъ. Посланники, начиная съ Теофила, вступивши въ шатеръ, пали на колѣни и безмолвно лили слезы, ожидая отъ великаго князя дозволенія говорить: получивши же дозволеніе, Теофиль, нисколько неоправдывая Новгородцовъ, сталъ

Посольство къ Московскому князю о мирѣ.

умолять только о пощаде, онъ говорилъ: «Господа ради, пожалуйъ винныхъ предъ тобою людей Великаго-Новгорода, твоя отчины, уложи гнѣвъ твой, уйми мечъ, угаси огонь, утиши грозу, не изрушь доброй старины, дай видѣть свѣтъ, пощади безъотвѣтныхъ людей, смилуйся, какъ Богъ тебѣ на сердце положить.» Иоаннь, доселѣ грозный и неприступный, выслушавши рѣчь Теофила, исполненную безъотвѣтной полной покорности, въ которой все отдавалось на его волю, вдругъ сдѣлался ласковъ и привѣтливъ, объявилъ, что онъ прощаетъ вины Новгородцамъ и дозволяетъ посольству вступить въ переговоры съ боярами, и въ тоже время далъ приказъ войскамъ прекратить войну и опустошенія и отпустить плѣнниковъ. Переговоры Новгородскаго посольства съ Московскими боярами тянулись нѣсколько дней. Прежде всего составили грамоту, по которой Новгородцы за свои вины обязались заплатить великому князю пятнадцать тысячъ рублей, деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ, въ четыре срока, именно 2500 рублей на рождество Богородицы (8 сентября), 3000 рублей на крещенье Господне (6 января), 5000 рублей на великъ день (на пасху) и 5000 рублей на успенье день (15 августа 1472 года). Грамота эта, дошедшая до нашего времени, была написана и утверждена 9 августа 1471 года. За тѣмъ были написаны и утверждены 11-го августа двѣ полныхъ договорныхъ грамоты съ подробнымъ опредѣленіемъ отношеній Новгорода къ великому князю. По зак-

Коростын-
скій миръ.

люченіи и написаніи договоровъ, великій князь далъ большой пиръ священноиноку Теофилу и всему Новгородскому посольству и съ почетомъ отпустилъ въ Новгородъ; самъ же, проживши на Коростынѣ до 13-го августа, отправился въ Москву.

Въ договорныхъ грамотахъ, заключенныхъ Новгородскимъ посольствомъ на Коростынѣ, 11 августа 1471 года, были изложены слѣдующія условія отношеній Новгорода къ великому князю Ивану Васильевичу. Въ *первой грамотѣ* великій князь цѣловалъ къ Новгороду крестъ на старыхъ основныхъ условіяхъ, на которыхъ въ свое время цѣловали крестъ его предки, князья Андрей Александровичъ, Иванъ Даниловичъ, Семенъ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ, Дмитрій Ивановичъ, Василій Дмитріевичъ, и особенно настоящая грамота ближе всего подходила къ договорной грамотѣ Новгорода съ великимъ княземъ Василюемъ Васильевичемъ, заключенной въ Яжелбицахъ. Лишняго въ своей грамотѣ Иванъ Васильевичъ противъ Яжелбицкой грамоты требовалъ только слѣдующее: 1) За короля и великаго князя Литовскаго Новгородцамъ, мужамъ вольнымъ, не отдаваться ни корою хитростію, а быть имъ неотступнымъ за великими князьями Московскими. 2) На владычество Великому Новгороду избирать себѣ по старинѣ, но посвящать владыку непременно въ Москвѣ у гроба Петра митрополита. При чемъ Новгородцы выговорили, чтобы митрополиту и великому князю пошлины съ владыки Новгородскаго брать по старинѣ и вновь ничего не прибавлять, и сверхъ

Коростынскія договорныя грамоты.

того по прежнему оставить за владыкою церкви и десятины въ Вояогдѣ и на Волокъ, и также по старинѣ оставить землю на Волокъ за Юрьевымъ монастыремъ, которая была за нимъ прежде. *Вторая договорная* грамота также преимущественно была, за немногими исключеніями, повтореніемъ подобной грамоты великаго князя Василя Васильевича, заключенной въ Яжелбицахъ; она во первыхъ отаосилась до устройства суда, по ней судъ на Городищѣ, согласно съ Яжелбицкою грамотою, устройвался такъ, чтобы на немъ засѣдали судья бояринъ отъ великаго князя и судья бояринъ отъ Новгорода, а чего сіи судьи не управятъ, то рѣшитъ великій князь, или его сынъ, или его братъ. А крюкъ великимъ князьямъ по старинѣ на третій годъ, а отъ волостей даръ по старинѣ, а печати быть великихъ князей, а виры братъ великимъ князьямъ по старинѣ, а Новгородцамъ не таить. Далѣе въ этой же грамотѣ великій князь относительно послѣдствій послѣдней войны принялъ слѣдующія условія. 1) Князь освободилъ отъ присяги себѣ Деманцовъ и Новоторжцевъ, и отказался отъ серебра и хлѣба, которые слѣдовало бы собрать съ Торжка и тамошней волости. 2) Обѣ стороны предають полному забвенію все, что понесли убытковъ въ послѣднюю войну и не всчинають исковъ о всемъ пограбленномъ и поожженномъ; а если гдѣ война будетъ послѣ сего докончанія по неполученію извѣстія о заключеніи мира, то взятое этою войною на обѣ стороны должно быть возвращено; а будутъ клепать мертвыми и

грабежемъ съ той и другой стороны, тому судъ на Городищѣ предъ вышесказанными судьями съ обѣихъ сторонъ. 3) Та и другая сторона выговариваютъ свободный проѣздъ Московскимъ и Псковскимъ посламъ чрезъ Новгородскія владѣнія и Новгородскимъ посламъ чрезъ Псковскія владѣнія. 4) По требованію великаго князя Новгородъ даетъ слово докончательную грамоту Новгородцовъ о судѣ между собою переписать на имя великаго князя и утвердить великокняжескою печатью; а что закладъ въ той грамотѣ на наѣздщиковъ и грабежщиковъ, тотъ закладъ Новгороду съ великими князьями пополамъ; а сотскимъ и рядовичамъ безъ князей великихъ на мѣстника и безъ посадника не судить нигдѣ. И наконецъ 5) великій князь Иванъ Васильевичъ по сей грамотѣ далъ слово отпустить на свободу всѣхъ арестованныхъ и взятыхъ въ плѣнъ въ продолженіе сей войны Новгородцевъ и возвратитъ ихъ въ Новгородъ безъ выкупа. И на всемъ этомъ цѣловали крестъ великій князь къ Новгороду, а Новгородское посольство за весь Новгородъ къ великому князю. И въ этотъ же день, 11 августа, переписана и утверждена на имя великихъ князей Ивана Васильевича и его сына соправителя Ивана Ивановича докончальная судная Новгородская грамота.

Въ тотъ же день, 11 августа, Новгородское посольство, по опредѣленію вѣча и всего Великаго Новгорода, отказалось отъ всѣхъ земель по Двинѣ, которыя въ 1456 году были уступлены по Яжелбицкому договору великому князю Василию Василье-

вичу, и которыми по смерти его Новгородцы завладѣли снова и привели тамошнихъ жителей къ крестному цѣлованію на имя Великаго Новгорода. По этому отказу была написана особая отказная грамота къ тамошнимъ старостамъ и крестьянамъ, въ которой вѣче написало, что тѣ земли хотя и захватили Заволоцкіе Новгородскіе бояре за себя и привели жителей къ крестному цѣлованію на Новгородское имя; но земли сіи принадлежатъ великимъ князьямъ Ивану Васильевичу и сыну его Ивану Ивановичу, и вѣче Новгородское съ нихъ то крестное цѣлованіе снимаетъ. Наконецъ въ слѣдствіе Коростынскаго или Шелонскаго договора, составлены были подробныя описи Двинскихъ земель, съ опредѣленіемъ границъ, по которыя земли должны принадлежать великому князю, и съ которыхъ начинаются Заволоцкія Новгородскія владѣнія. Изъ сихъ официальныхъ описей, составленныхъ по Новгородскимъ описнымъ книгамъ и судебнымъ дѣламъ, оказывается, что Новгородцы сими землями завладѣли частію вскорѣ послѣ Яжелбицкаго мира, еще при жизни великаго князя Василія Васильевича, и объ нихъ велись судебные процессы по Новгородскимъ судамъ, а частію отняли ихъ у великаго князя Ивана Васильевича въ послѣднюю войну 1471 года. Такъ что, по свидѣтельству означенныхъ описей, Новгородцы въ послѣднюю войну, до прибытія великокняжеской рати на Двину, имѣли тамъ значительный успѣхъ и завладѣли многими мѣстами, принадлежавшими великому князю. И нѣтъ сомнѣнія, что

согласно съ жалобами великаго князя на Новгородскія неправды, война была начата самими Новгородцами, которые первые напали на великокняжескія владѣнія по Двинѣ; Иванъ же Васильевичъ поднялъ оружіе только въ отвѣтъ на Новгородскія нападенія, и только защищая свои права, притомъ послѣ многихъ стараній добиться удовлетворенія мирнымъ путемъ, при помощи судебныхъ исковъ.

Судя по означеннымъ официальнымъ Новгородскимъ описямъ удѣлѣвшимся до нашего времени, большая часть спорныхъ Двинскихъ земель была захвачена безъ воли Новгородскаго правительства самовольствомъ богатыхъ Новгородскихъ бояръ, владѣвшихъ большими поземельными имѣніями по Двинѣ; такъ что въ нарушеніи договоровъ Новгородское правительство преимущественно было виновато въ томъ, что оно было очень слабо и немогло остановить боярскихъ захватовъ, а напротивъ, даже защищало ихъ судебнымъ порядкомъ, или по крайней мѣрѣ тянуло судебныя дѣла въ своихъ судахъ, и по боярскимъ интригамъ не осмѣливалось давать надлежащаго рѣшенія. Такъ, напримѣръ, изъ означенныхъ описей мы видимъ, что огромная вотчина Ростовскаго князя Ивана Владимировича, по рѣкѣ Вагѣ, была захвачена Новгородскими боярами, братьями Василиемъ и Тимоѣемъ Степановичами. Или вотчина другаго Ростовскаго князя Ѳедора Андреевича, по рѣкѣ Юмышу, была захвачена боярами Яковомъ Ѳедоровымъ и Василиемъ Селезнемъ. Или вотчины Ростовскаго князя Ивана Александровича, по рѣ-

камъ Велѣ, Кулуо и другимъ, были захвачены владычными волостелями. Даже оброчные изстаринные погосты и слободы самаго великаго князя не были свободны отъ захватовъ Новгородскихъ или Двинскихъ боярѣ; такъ на примѣръ Великая Слобода была захвачена знаменитыми Новгородскими боярами, преимущественно тогда державшими въ своихъ рукахъ управленіе Новгородомъ,—Михаиломъ Тучею, Иваномъ Максимовымъ, Иваномъ Аѳанасьевымъ, Аѳанасьемъ Астафьевымъ и Василиемъ Степановымъ. При таковыхъ беспорядкахъ Новгородскаго правленія, гдѣ всякая неправда сильныхъ боярѣ прикрывалась безсильнымъ правительствомъ, великому князю Ивану Васильевичу естественно оставалось одно, принудить Новгородцевъ войною къ исполненію и уваженію договоровъ. И нельзя не сказать, что здѣсь великій князь Иванъ Васильевичъ, несмотря на огромные успѣхи въ войнѣ, поступилъ самымъ умѣреннымъ образомъ; такъ что Коростынскій или Шелонскій миръ, за немногими исключеніями, былъ только повтореніемъ Яжелбицкаго мира и возстановлялъ лишь то, что Новгородцами было нарушено въ противность Яжелбицкому договору; и Новгородъ по Шелонскому договору оставался при старыхъ правахъ, какія онъ удержалъ за собою при великомъ князѣ Василѣ Васильевичѣ, онъ только лишился права, конечно важнаго, отступать отъ Московскихъ князей, и принимать князей и намѣстниковъ отъ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, и обязался посвящать своего владыку непременно въ Мо-

сквѣ у тамошняго митрополита. Но этого права, послѣ всѣхъ неправдъ Новгородскихъ, бывшихъ передъ началомъ войны, великій князь, одержавъ вездѣ верхъ, естественно не могъ оставить за Новгородцами, да и для Новгородцевъ это право было бы не на радость; ибо соединеніе съ Польшею и Литвою повело бы къ стѣсненію православной церкви и Русской народности; вполнѣ же независимымъ ни отъ Литвы, ни отъ Москвы Новгородъ не могъ оставаться по самому своему устройству.

Но Коростынскій или Шелонскій миръ, примирившій Новгородъ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, не далъ мира и спокойствія самому Новгороду; напротивъ, безпорядки и мятежи усилились еще болѣе, и можно сказать, что самый миръ и старанія великаго князя исполнить всѣ его условія безъ исключенія, были едва ли не главными причинами Новгородскихъ нестроений. По Коростынскому миру Новгородъ возвратилъ себѣ всѣ тѣ права и вольности, которыми онъ пользовался по Яжелбицкому миру; да къ тому еще великій князь, желая въ точности исполнить условіе договора объ отпускѣ всѣхъ плѣнниковъ и находящихся подъ арестомъ, зимою того же 1471 года, по просьбѣ владыки и всего Новгорода, выпустилъ изъ Коломны и Московскихъ темницъ Василія Казимира и его товарищей, всего 30 человекъ, взятыхъ на Шелонскомъ бою, людей явно враждебныхъ Москвѣ и бывшихъ главнѣйшими и сильнѣйшими сторонниками Литовской партіи и такимъ образомъ воротилъ главныхъ

Новые безпорядки и мятежи въ Новгородѣ послѣ Коростынскаго мира.

предводителей своимъ противникамъ въ Новгородѣ. Старыя же права и вольности, утвержденныя Коростынскимъ миромъ, были вовсе не по силамъ тогдашнему Новгородскому обществу, сильно страдавшему внутреннимъ разложеніемъ. Въ Новгородѣ въ это время богатые и сильные безнаказанно давили слабыхъ и бѣдныхъ; тамъ на богачей не было ни суда, ни управы, суды разгонялись буйными пріятелями или наемниками подсудимыхъ, въ самое вѣче бросали камнями и грязью, тамъ только сильный могъ найти управу при помощи своей силы и богатства, тамъ уже образовались толпы бездомныхъ голышей, готовыхъ за чарку водки на какое угодно буйство и беззаконіе, тамъ уже можно было ограбить и пустить по міру любую вдову и сироту при помощи самаго суда. А по сему естественно для Новгорода все обезпеченіе старыхъ правъ и вольностей, дарованное Коростынскимъ миромъ, было только обезпеченіемъ своевольтва и беззаконія, ручательствомъ за быстрое и окончательное разложеніе Новгородскаго общества. Новгороду по его, тогдашнему внутреннему состоянію, нужна была новая, крѣпкая и непреклонная сила для обузданія своеволія и неправды, нужно было стѣсненіе и ограниченіе старыхъ правъ и вольностей, уже отжившихъ свое время, а не ихъ обезпеченіе и признаніе. Новгородцы, подписывая Коростынскій договоръ, удовлетворяющій ихъ старымъ, отжившимъ притязаніямъ, подписывали смертный приговоръ своей самостоятельности и независимости, скрѣпляли

и утверждали свое паденіе. ими самими давно уже подготовленное. Судная докончателная грамота, которую Новгородцы написали на вѣчѣ и утвердили крестнымъ цѣлованіемъ вскорѣ послѣ Яжелбицкаго мира, и которую по Коростынскому договору великій князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ переписать на свое имя, служить лучшимъ свидѣтельствомъ того плачевнаго внутренняго состоянія, въ которомъ былъ тогда Новгородъ. Новгородцы составленіемъ и утвержденіемъ этой грамоты сами публичнымъ актомъ засвидѣтельствовали, что въ то время въ ихъ обществѣ не было уваженія ни къ суду, ни къ закону, и чтобы возстановить это уваженіе, нужно было прибѣгнуть къ искусственнымъ принудительнымъ мѣрамъ. А мѣры, придуманныя въ этой грамотѣ, показываютъ, что и самое желаніе возстановить уваженіе къ суду и закону было не искреннее, а только наружное, только чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ настоящей потребности и хоть наружно удовлетворить воплямъ недовольныхъ; ибо грамота сія въ сущности давала только средства усиливаться и распространяться своеволю и безпорядкамъ, она написана такъ, какъ будто бы Новгороду нужно было не столько обузданіе буйства и своеволія, непризнававшихъ никакого закона, сколько ограниченіе слишкомъ усилившейся власти суда, который на самомъ дѣлѣ неимѣлъ никакой власти и былъ рѣшительно подавленъ своеволіемъ.

Судная докончателная грамота прежде всего пред-^{Судная до-}
ставляетъ намъ прямое свидѣтельство, утвержденное ^{кончаль-}

ная Новго-
родская гра-
мота.

самимъ Новгородскимъ вѣчемъ, что въ Новгородѣ въ то время буйное нападеніе на судъ и отбитіе подсудимыхъ было дѣломъ обыкновеннымъ, что нападенія и наводки на судъ дѣлали цѣлые концы, улицы, сотни, ряды и богатые люди при помощи наемной толпы, что сбивали съ суда и владычныхъ намѣстниковъ, и посадниковъ, и тысяцкихъ, и иныхъ судей; такъ что Новгородъ, для прекращенія такихъ безпорядковъ, нашелся вынужденнымъ назначить за наводки огромную пеню, — на боярина 50 рублей, на житего 20 рублей и на молодшаго десять рублей. Эта пеня, судя по тогдашней цѣнности денегъ, была очень тяжела, и конечно нѣсколько обезпечивала судей отъ наводокъ; но тѣмъ не менѣе она не сообщала особеннаго уваженія къ суду, ибо чтобы внушить уваженіе къ суду пеней было не достаточно, а нужны были нравственныя качества судей и строгое соблюденіе правды на судѣ. На судѣ же Новгородскомъ этаго-то и не было; ибо судьи, выбранные пріятелями грабителями и насильниками изъ вчерашнихъ грабителей и насильниковъ, или получившіе высокій санъ судьи при помощи подкупленной пьяной толпы голышей, естественно не могли внушить къ себѣ уваженія и довѣрія къ суду. А на такое не удовлетворительное качество судей указываетъ сама докончателная судная грамота, она прямо требуетъ, чтобы при началѣ каждаго судебного дѣла и судьи и тяжущіеся цѣловали крестъ въ томъ, что первые будутъ судить согласно съ закономъ, а вторые ищутъ и отвѣчаютъ справедливо и покоря-

ются рѣшенію суда; это цѣлованіе креста при началѣ cadaго судебного дѣла служить прямымъ свидѣтельствомъ взаимнаго недоувѣрія и судей и тяжущихся, и тѣмъ самымъ уже нисколько не обезпечиваетъ справедливости и искомъ и судебныхъ приговоровъ. Ежели законъ прямо требуетъ цѣлованіе креста и безъ того не допускаетъ суда; то конечно каждый негодный ябедникъ и каждый продажный судья непременно поцѣлуютъ крестъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ непременно дѣло будетъ рѣшено къ явной обидѣ невиннаго, а сильный обидчикъ, ежели сверхъ чаянія и будетъ обвиненъ судомъ, то непременно сдѣлаетъ самовольный отпоръ при приведеніи въ исполненіе судебного рѣшенія. Самый составъ первоначальнаго суда не ручался за его справедливость и строгость, а скорѣе давалъ возможность запутывать дѣло; по докончальной грамотѣ въ тяжебныхъ дѣлахъ первую степень суда составляли два судьи, выбранные самими тяжущимися, по одному судѣ съ каждой стороны; здѣсь, разумѣется, каждый выбиралъ судью съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы до послѣдней возможности держалъ его сторону; въ противномъ случаѣ тяжущійся по докончальной грамотѣ могъ даже искать на своемъ судѣ. Кромѣ того, къ большей запутанности и медленности судебныхъ дѣлъ, по докончальной грамотѣ было устроено нѣсколько степеней суда, которые, не смотря на сроки положенные закономъ, могли тянуть дѣло сколько угодно, какъ дѣйствительно и бывало въ это время въ Новгородѣ, что судебныя дѣла, особенно по по-

земельнымъ владѣніямъ, тянулись по десяти лѣтъ и болѣе; рѣшеніе одной степени суда измѣнялось рѣшеніемъ высшей степени суда, а это измѣнялось еще высшею степенью суда и наконецъ рѣшеніемъ вѣча; тогда какъ современное состояніе Новгородскаго общества нуждалось въ судѣ быстромъ, строгомъ и неизмѣнномъ. Но что всего важнѣе, когда общество находилось въ какомъ то враждебномъ отношеніи къ суду, по докончальной судной грамотѣ судъ былъ поставленъ въ самое ложное положеніе къ обществу, въ такое, которое возможно и желательно только тогда, когда общество находится въ мирныхъ отношеніяхъ къ суду, когда судъ пользуется полною довѣренностію общества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на формы вызова въ судъ, узаконенныя докончальною судною грамотою. Нѣтъ спора, что формы сіи построены на началахъ самыхъ гуманыхъ и не стѣснительныхъ для вызываемаго; но также никто не будетъ спорить, что они страшно затягивали дѣло. По настоящей судной грамотѣ вызовъ въ судъ сперва ограничивался только извѣщеніемъ отвѣтчика, чтобы онъ назначилъ срокъ, когда ему можно будетъ явиться въ судъ; послѣ таковаго извѣщенія суда и обѣщанія со стороны отвѣтчика судъ уже недѣлалъ болѣе вызововъ и ждалъ срока назначеннаго отвѣтчикомъ. Ежели же судья въ назначенный отвѣтчикомъ срокъ не можетъ сѣсть на судъ, то долженъ объ этомъ увѣдомить тяжущихся особою отсылкою съ прописаніемъ новаго срока. И когда вызываемый неяв-

лялся въ судъ на срокъ имъ самимъ или судьею назначенный, тогда судъ приступалъ къ новымъ вызовамъ чрезъ отсылку, которая дѣлалась въ три срока и съ особыми формами. Именно судъ посылалъ трижды позовниковъ во дворъ къ вызываемому, и въ тоже время биричи ходили по городу или волости и кликали по улицамъ, что такой-то вызывается въ судъ. А ежели кто и послѣ такового вызова не являлся на судъ; то на него давалась обѣтная грамота съ платежемъ трехъ денегъ штрафа. А кто будетъ сопротивляться позовнику, пріѣхавшему съ обѣтною грамотою, и подговорить сосѣдей, чтобы силою прогнать позовника; то на такового судъ даетъ родственнику или другу позовника безсудную грамоту, съ которою тотъ является въ мѣсто жительства вызываемаго и при помощи двухъ ятцовъ, (отъ того общества, къ которому принадлежитъ вызываемый), ведетъ его въ судъ, не давая ни какихъ новыхъ сроковъ; при чемъ ятцы отвѣчаютъ передъ судомъ, въ случаѣ сопротивленія со стороны вызываемаго.

Такое не сообразное съ обстоятельствами времени положеніе суда, узаконенное докончательно грамотою, естественно должно было вести къ крайнимъ беспорядкамъ, которые отрицали всякую возможность самостоятельнаго и независимаго существованія Новгородѣ. И дѣйствительно, въ слѣдъ за Коростынскимъ миромъ Новгородъ сдѣлался гнѣздилищемъ всѣхъ возможныхъ не правдъ и насилій, противъ которыхъ небыло никакой узды. Кромѣ

Насилія и грабежи въ Новгородѣ, продажности суда и своеволие.

враждебныхъ партій Литовской и Московской, тамъ были еще двѣ непримиримыя стороны,—богачей, уважающихъ ни суда ни закона, и несчастныхъ бѣдняковъ, не находившихъ защиты въ судѣ и законѣ, и принужденныхъ иногда заговоромъ и скопомъ отражать силу силою, или мстить своимъ обидчикамъ поджогами и другими тайными злодѣянiями. Почти въ слѣдъ за утвержденiемъ Коростынскаго мира и выходомъ Московскихъ войскъ изъ Новгородскихъ владѣнiй, въ Новгородѣ былъ страшный пожаръ въ самомъ богатомъ и торговомъ концѣ Славенскомъ, отъ котораго погорѣло все пространство, начиная отъ берега Варяжской улицы и до Лубяницы, причемъ сгорѣли двѣ церкви, торговые ряды и Нѣмецкiй горнiй дворъ, отъ этого пожара многiе люди раззорились. А въ слѣдующемъ году осенью былъ большiй пожаръ на Софiйской сторонѣ; онъ начался съ Яневы улицы и погорѣло все побережье и за Даньславлю улицу, причемъ сгорѣла часть городской стѣны, гребельскiй мостъ и по гребли до великаго моста. Между тѣмъ насилiя и обиды дошли до того, что сами выборные правители съ своими прiятелями явно нападали грабежемъ на цѣлыя улицы; такъ степенный посадникъ Василiй Ананьинъ, сговорясь съ осмнадцатью боярами, своими прiятелями, большею частiю уже извѣстными по грабежамъ и захватамъ на Двинѣ и въ Заволочьѣ, и значащимися въ судебныхъ актахъ, собралъ толпу головорѣзовъ и напалъ на двѣ улицы Славкову и Никитину, произвелъ тамъ грабежъ на тысячу

рублей и перебилъ нѣсколько народу. Или староста Федоровской улицы Панфиль, сговорясь съ своими пріятелями, боярами Богданомъ Есиповымъ и Васильемъ Никифоровымъ, напали грабежемъ на домъ бояръ Аполинаръиныхъ, перебили ихъ людей и разграбили имущества на 500 рублей. Мало этого, недовольствуясь грабежами въ своей землѣ, Новгородскіе богачи, бояре, чрезъ своихъ приказщиковъ и ключниковъ, или и сами ключники и приказчики, надѣясь на силу своихъ господъ, своевольно стали производить грабежи по сосѣдству; такъ боярскіе ключники напали ночью разбоемъ, большею толпою на Псковскую волость Гостятино; подобные же разбойничьи набѣги были на сосѣднія Шведскія владѣнія. При такомъ страшномъ безнарядѣ бѣднымъ и несильнымъ людямъ нельзя уже было искать судебной защиты въ родномъ Новгородѣ; и въ такой крайности житьи и молодшіе люди, вѣроятно по совѣту Московской партіи, обратились за судомъ и управою къ великому князю Московскому, и жалясь, что ихъ некому судить и защищать отъ насилья посадниковъ и великихъ бояръ, стали просить его, чтобы вступился за нихъ несчастныхъ и своимъ праведнымъ велико-княжескимъ судомъ разсудилъ ихъ съ насильниками и воздалъ каждому по достоянію.

Великій князь Иванъ Васильевичъ, получивши нѣсколько такихъ прошеній отъ обидимыхъ; не заставлялъ долго ждать себя, и осенью 1475 года съ огромною свитою воинскихъ людей отправился въ

Московскій князь мирно ѣдетъ въ Новгородъ чинить судъ и управу.

Новгородъ, повѣстивъ напередъ Новгородцовъ, что идетъ къ нимъ миромъ, что хочетъ только навѣстить свою отчину Великій Новгородъ. По этой повѣсткѣ большіе и меньшіе люди начали встрѣчать великаго князя, какъ только онъ переступилъ Новгородскія границы. Первая встрѣча была 5-го Ноября на Волочкѣ, куда явились къ нему прежде всѣхъ Козма Яковлевъ съ товарищами и жаловались на свою братью Новгородцовъ, и тутъ же встрѣтилъ его отъ владыки Θεофила посоль съ подарками. За тѣмъ его встрѣчали поминками или дарами разные бояре и житьи люди 7, 14 и 15 Ноября, а 16 Ноября была встрѣча отъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, преимущественно изъ Литовской партіи насильниковъ и грабителей, и тутъ же въ слѣдъ за ними была подана вторая жалоба на обиды отъ многихъ людей Θεодора Гагина съ товарищами. За 90 верстъ отъ Новгорода пріѣхали встрѣчать великаго князя владыка Θεофиль, служилый князь и воевода Новгородскій Василій Васильевичъ Шуйскій, степенный посадникъ Василій Ананьинъ, степенный тысяцкій Василій Есиповъ и много бояръ и высшее духовенство, при чемъ всѣ представили разные дары; великій князь всѣхъ принялъ ласково и угостивъ обѣдомъ отпустилъ; за тѣмъ явились старосты Славковой и Никитиной улицы, также съ подарками отъ обѣихъ улицъ. За 50 верстъ отъ Новгорода встрѣчали великаго князя разные бояре и житьи люди и множество купеческихъ старостъ и кушцовъ съ разными дарами. А за 25 верстъ отъ

Новгорода и на стану и по дорогѣ встрѣчали разные старые посадники и тысяцкіе, а также бояре и житыи люди и староста Городищенскій также съ дарами. Наконецъ 21 Ноября, въ праздникъ введенія Божіей Матери великій князь пріѣхалъ на Городище, встрѣченный по пути множествомъ народа, слушалъ обѣдню въ городищенской церкви Благовѣщенія и обѣдалъ у себя; а 22 Ноября угощалъ у себя на Городищѣ обѣдомъ владыку, князя Шуйскаго, степеннаго посадника и многихъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ и разныхъ боярь. И въ тотъ же день въ третій разъ явились на Городищѣ многіе жалобники изъ Новгорода, Русы, монастырей и другихъ мѣстъ ближайшихъ къ Новгороду, изъ нихъ иные били челомъ великому князю о назначеніи приставовъ, чтобы не быть обидимыми отъ воиновъ, бывшихъ въ свитѣ велико-княжеской, а другіе жаловались на свою братью Новгородцовъ, на разные убійства, грабежи и раззоренія домовъ. Ноября 23 великій князь вѣхалъ въ Новгородъ и былъ встрѣченъ владыкою и духовенствомъ въ полныхъ облаченіяхъ съ иконами и крестами, за тѣмъ слушалъ благодарственный молебенъ и литургію въ церкви св. Софіи, и весело отобѣдавъ у владыки и получивъ богатые дары, уѣхалъ къ себѣ на Городище. 24 Ноября также, какъ и въ слѣдующіе дни, являлись къ великому князю посадники, тысяцкіе, бояре и житыи люди съ подарками и виномъ, и начали ходить всѣ къ нему и монастыри и изъ Новгородскихъ волостей старосты и лучшіе люди, даже

Корѣла, иные съ жалобами на обиды, а другіе только за тѣмъ, чтобы видѣть его лице; и онъ всѣхъ принималъ ласково и съ любовію. Ноября 25 пришли на Городище опять жалобники, двѣ улицы Славкова и Никитина, которые били челомъ великому князю на степеннаго посадника Василья Ананьина и его товарищей бояръ, Богдана Есипова, Ѳедора Исакова, Григорья Тучина, Ивана Лошинскаго и многихъ другихъ, что многими людьми наѣхали на тѣ двѣ улицы, людей пограбили и побили, и многихъ до смерти убили, а имѣнья взяли на тысячу рублей. Въ то же время пришли съ жалобою Лука и Василій Исаковы дѣти Аполинарѣина, которые били челомъ на Богдана Есипова, на Василья Никифорова и на Панфила старосту Ѳедоровскія улицы, что ограбили ихъ домъ, людей перебили и взяли животовъ на пятьсотъ рублей; жалобники всѣ просили, чтобы великій князь далъ на ихъ насильниковъ своихъ приставовъ.

Судъ Московскаго князя надъ обидчиками

Великій князь во исполненіе сей просьбы далъ своихъ приставовъ и, обратясь къ сидѣвшимъ у него во время жалобъ владыкѣ Ѳеофилу, посаднику Захарью Овинову и къ другимъ боярамъ и житейнымъ людемъ, сказалъ: „ты, богомолецъ нашъ, и вы, посадники, скажите нашей отчинѣ Великому Новгороду, чтобы дали и съ своей стороны приставовъ на тѣхъ насильниковъ, на которыхъ я далъ своихъ приставовъ; ибо я хочу разсмотрѣть это дѣло, да и ты, богомолецъ мой, и вы, посадники, будьте у меня на судѣ, чтобы сообща дать управу обиженнымъ.“

Здѣсь великій князь Иванъ Васильевичъ ни на шагъ не хотѣлъ отступить отъ порядка Новгородскаго суда, утвержденнаго послѣднею докончальною судною грамотою, по которой требовалось, чтобы судъ производился какъ княжою стороною, такъ и Новгородскою; онъ даже отъ себя послалъ бояръ на вѣче просить приставовъ, и вѣче назначило отъ себя приставами подвойскихъ Назара да Василья Анфимова, и велѣло тѣхъ бояръ насильниковъ представить къ княжескому суду на слѣдующій день. Княжіе и Новгородскіе приставы въ тотъ же день взяли посадника Василья Ананьина, да бояръ Богдана Есипова, Ѳедора Исакова Борецкаго, Григорья Тучина и ихъ товарищей, и на слѣдующій день, 26 Ноября, представили на судъ къ великому князю на Городище, и тудаже явились истцы, или жалобники, уличкіе старосты Славковой и Никитиной улицы со всѣми уличанами и Исаковы дѣти Аполитарьина Лука и Василій, а также прибыли для участія въ судѣ съ Новгородской стороны владыка Теофиль и Новгородскіе посадники. Великій князь предъ всѣми присутствующими самъ разсмотрѣлъ дѣло, разпросилъ истцовъ и отвѣтчиковъ; и послѣ судныхъ рѣчей съ той и другой стороны и по отбраніи всѣхъ судебныхъ доказательствъ, согласно съ Новгородскими законами жалобниковъ оправиль, а отвѣтчиковъ грабителей обвиниль, и главныхъ изъ нихъ посадника степеннаго Василья Ананьина, Богдана Есипова, Ѳедора Исакова Борецкаго и Ивана Лошинскаго велѣлъ взять подъ стражу своимъ бо-

ярскимъ дѣтямъ. А прочихъ ихъ товарищей приказалъ своимъ приставамъ отдать на крѣпкія поруки въ полуторы тысячи рублей, чего искали на нихъ истцы и въ тѣхъ деньгахъ, какія обвиненные по Новгородской судной грамотѣ должны были заплатить какъ пеню за набѣдъ и грабежъ; и взялъ ихъ на поруки владыка Теофилъ. И въ то же время великій князь выслалъ вонъ съ суда бояръ Ивана Аванасова да сына его Олферія, какъ измѣнниковъ, участвовавшихъ въ переговорахъ съ Польскимъ королемъ Казимиромъ о подданствѣ Новгорода королю, и приказалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ взять ихъ подъ стражу.

Ходатайство владыки и бояръ за осужденныхъ и отъѣздъ Московскаго князя.

Этотъ судъ великаго князя надъ главными и самыми сильными грабителями, давно уже замѣшанными во многихъ нечистыхъ дѣлахъ еще на Двинѣ, и притомъ главными вождями Литовской партіи, какъ громомъ поразилъ всѣхъ насильниковъ, они увидали, что наступаетъ конецъ ихъ своеволю. Оправдать осужденныхъ не было возможности; ибо судъ былъ веденъ по всѣмъ правиламъ Новгородскаго судопроизводства, великій князь здѣсь строго держался всѣхъ предписаній докончальной судной грамоты, и доказательства виновности были ясны. Цѣлыхъ два дня пріятели обвиненныхъ думали и совѣтовались какъ бы спасти своихъ осужденныхъ товарищей, и надумавшись на третій день явились на Городище владыка Теофилъ съ посадниками бить челомъ отъ Новгорода великому князю, чтобы смиловался надъ осужденными, находя-

щимися подъ стражею, и освободивъ отъ казни отдалъ на поруки. Великій князь на это челобитье отвѣчалъ владыкѣ: „вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, нашей отчинѣ, сколько лиха чинилося отъ тѣхъ бояръ въ прежнее время, да и нынѣча сколько ни есть лиха въ нашей отчинѣ, то все отъ нихъ чинится, ино какъ же мнѣ пожаловать за такое зло“. И тогоже дня, заковавъ въ цѣпи, отослалъ ихъ въ Москву съ своими приставами. Это рѣшеніе было новымъ ударомъ для насильниковъ; они увидали, что дѣло шестерыхъ бояръ, отосланныхъ въ Москву, окончательно потеряно и теперь остается подумать, какъ бы выручить остальныхъ осужденныхъ, отданныхъ на поруки владыкѣ; но и здѣсь послѣ всѣхъ думъ ненашлось инаго средства, какъ только просить милости у великаго князя. А по сему на третій день послѣ перваго отказа явились на Городище архіепископъ Теофилъ со многими посадниками, боярами и житыми людьми бить челомъ отъ всего Новгорода, чтобы великій князь пожаловалъ тѣхъ осужденныхъ, которые отданы на поруки владыкѣ, и освободилъ бы ихъ отъ казни, а свою пеню и убытки истцовъ велѣлъ на нихъ доправить. Великій князь, ради моленій владыки и челобитья своей отчины Новгорода, освободилъ осужденныхъ отъ казни и велѣлъ своимъ приставамъ на нихъ доправить истцовыхъ убытковъ полторы тысячи рублей и своей пени по докончальной судной грамотѣ съ человѣка по пятидесяти рублей. Симъ послѣднимъ милостивымъ рѣшеніемъ кончилъ

ся первый судъ великаго князя надъ Новгородскими насильниками, на которыхъ самому Новгороду до сего времени нельзя было отыскать суда и управы по милости продажныхъ судей и по слабости самаго Новгородскаго правительства. Этотъ судъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Новгородцовъ; обидимые здѣсь увидали, что у великаго князя они всегда найдутъ законную защиту и безпристрастный судъ, свободный отъ потворства, родства и кумовства; а насильники обидчики, доселѣ небоявшіеся никакого суда, получили сильный урокъ въ томъ, что и на нихъ есть судъ и управа, отъ которыхъ нельзя отдѣлаться ни деньгами, ни заступничествомъ пріятелей, ни насиліемъ, на который нельзя сдѣлать наводки или нападенія. Плоды таковаго впечатлѣнія, какъ увидимъ въ послѣдствіи, не замедлили оказаться въ пользу великаго князя и во вредъ его противникамъ.

Двухъ мѣсячное пребываніе Московскаго князя въ Новгородѣ послѣ суда, пиры и подарки.

По окончаніи суда великій князь оставался въ Новгородѣ еще около двухъ мѣсяцевъ, и все это время провелъ въ пирахъ и угощеніяхъ, которые давали ему посадники, тысяцкіе, владыка и другіе богатые и знатные Новгородцы. По изчисленію лѣтописцевъ, въ это время великій князь Иванъ Васильевичъ былъ на пятнадцать пирахъ, и на каждомъ пиру получалъ отъ хозяевъ богатые дары. Въ числѣ знатныхъ, людей дававшихъ пиры великому князю, была и одна богатая вдова боярыня Настасья Ивановна Григорьева, которая съ своимъ сыномъ Юріемъ давала пиръ на Городищѣ 28-го Декабря и под-

несла великому князю 30 корабленниковъ (*), 10 поставовъ сукна Ипскаго, два сорока соболей и два зуба рыбихъ (**). За три дни до пира у Настасьи Ивановой, въ праздникъ рождества Христова, былъ пиръ у самаго великаго князя, на которомъ присутствовали архіепископъ Теофилъ, князь Василій Шуйскій, воевода Новгородскій, всѣ посадники и тысяцкіе, житыи люди и купцы многіе. Великій князь всѣхъ угощалъ, какъ радушный хозяинъ, и пилъ съ ними до поздняго вечера. 11-го Января 1476 года новоизбранный степенный посадникъ Тома съ тысяцкимъ Васильемъ Есиповымъ билъ челомъ отъ всего Великаго Новгорода, и явилъ великому князю въ даръ тысячу рублей. А 12 Января приѣхалъ въ Новгородъ Шведскій посолъ съ прозьбою о продолженіи перемирія, которому изтекъ срокъ. Великій князь принялъ посла съ честію, и желая не нарушать старыхъ правъ Новгорода, предоставилъ заключить перемиріе по старому порядку, владыкѣ Теофилу и Новгородскому вѣчу по старинѣ. Передъ отъездомъ великаго князя изъ Новгорода явились къ нему всѣ посадники и тысяцкіе, которые не успѣли дать пировъ, и явили ему дары отъ себя, которые собирались ему поднести на пирахъ. За тѣмъ приходили къ нему также съ дарами купцы, и житыи люди и даже многіе люди молодшіе; такъ что не осталось

(*) Корабленниками лѣтописъ называетъ золотые Англійскія деньги или шифобели, стоящіе каждый около двухъ червонцевъ.

(**) Рыбимъ зубомъ назывались моржовые клыки, цѣнявшіеся тогда очень дорого и составлявшіе значительную статью Новгородской торговли.

человѣка въ Новгородѣ, который бы не былъ у него и не принесъ даровъ, или не билъ челомъ о чемъ нибудь. Великій князь всѣхъ принималъ ласково, ко всѣмъ былъ внимателенъ, и всѣхъ посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ, посадничьихъ дѣтей и купцовъ и житыхъ людей жаловалъ отъ себя подарками, каждому по достоинству, кого одеждами и камками, кого серебряными кубками и ковшами, кого сороками соболей, кого конями; и такимъ образомъ распростился со всѣмъ Великимъ Новгородомъ весело и съ любовію, чѣмъ конечно приобрѣлъ себѣ множество приверженцовъ и усилилъ Московскую партію. Великій князь выѣхалъ изъ Новгорода 26 Января 1476 года, и на первомъ стану явились провожать его владыка Теофиль, князь Шуйскій и многіе посадники, бояре и житыи люди съ дарами на дорогу; великій князь принялъ ихъ очень ласково, угостилъ обѣдомъ и на прощаньѣ дарилъ владыку и князя Шуйскаго.

Московский князь выѣзжаетъ Новгородцовъ на свой судъ въ Москву.

Февраля 8-го великій князь Иванъ Васильевичъ возвратился благополучно въ Москву, а 31-го марта пріѣхалъ въ Москву владыка Теофиль со многими посадниками, боярами и житыми людьми бить челомъ великому князю, чтобы онъ пожаловалъ, отпустилъ въ Новгородъ увезенныхъ въ Москву и заточенныхъ по разнымъ городамъ шестерыхъ Новгородскихъ бояръ, посадника Василья Ананьина съ товарищами. Великій князь принялъ съ честію владыку и пріѣхавшихъ съ нимъ бояръ Новгородскихъ и житыхъ людей, угощалъ ихъ обѣдомъ у себя во

дворцѣ; но изъ заточенныхъ неосвободилъ ни одного. Между тѣмъ судъ великаго князя надъ Новгородскими насильниками и грабителями понравился всѣмъ тѣмъ, которые немогли найти суда и управы въ Новгородѣ; и они стали прїѣзжать въ Москву и бить челомъ великому князю, чтобы онъ далъ имъ судъ съ обидчиками у себя въ Москвѣ. Это прошеніе или желаніе обиженныхъ, конечно, по законамъ Новгородскимъ было не правильно и нарушало изконное право Новгорода, утвержденное всѣми договорами, по которому Новгородца можно судить только въ Новгородѣ; тѣмъ не менѣе великій князь Иванъ Васильевичъ, вѣроятно по сношенію съ своими Новгородскими сторонниками, началъ принимать жалобы на Новгородскихъ насильниковъ и давать своихъ приставовъ для ихъ вызова и даже назначилъ общій срокъ стать на судъ въ Москву на рождество Христово. Это было явное нарушеніе древнихъ правъ Новгорода, тѣмъ не менѣе противъ него никто недѣлалъ явнаго возстанія; всѣ были довольны велико-княжескимъ судомъ, и всѣ обидимые, немогшіе найти законной защиты въ Новгородѣ, и посадники. и житьи люди, и монахи, и вдовы потянулись за судомъ въ Москву. Великій князь никому не отказывалъ въ судѣ и чрезъ своихъ приставовъ вызывалъ изъ Новгорода обидчиковъ, и всѣмъ давалъ правый безпристрастный судъ, не обращая вниманія ни на богатство, ни на знаменитость обидчиковъ, ни на ихъ общественныя связи; его приставы приводили въ Москву даже по-

садниковъ и другихъ знатныхъ людей, такъ 23 Февраля 1477 года былъ привезенъ за приставомъ посадникъ Захарій Овиновъ со многими Новгородцами, которые прѣехали иные отвѣчать, а иные искать суда. И все это дѣлалось мирно, Московская партія такъ была сильна въ Новгородѣ, что приставы велико-княжескіе нигдѣ не встрѣчали явнаго сопротивленія, и никто неосмѣливался отказаться отъ приглашенія ѣхать въ Москву на судъ, древнее право Новгорода, что бы Новгородца на Низу не судить, даже неупоминалось, по крайней мѣрѣ мы объ этомъ неимѣемъ никакихъ извѣстій. Конечно Литовская партія насильниковъ, которой приходилось туго, не молчала, и по свидѣтельству лѣтописей жаловалась и разглашала въ народѣ, что такого насилья отъ князей никогда не было, какъ и земля Новгородская стала и какъ начали быть великіе князья отъ Рюрика; но такія разглашенія и жалобы разпространялись тайкомъ и на нихъ мало обращали вниманія и пренебрегали ими какъ неопасными толками.

Новгородъ присылаетъ къ Московскому князю грамоту, въ которой называетъ его своимъ государемъ.

Между тѣмъ торжествующая Московская партія разочла, что успѣхи велико-княжескаго суда на столько уже велики и такое произвели благоприятное вліяніе на большинство народа, что можно уже предпринять что либо новое, еще болѣе способствующее разпространенію велико-княжескаго вліянія. А посему въ началѣ 1477 года, она созвала народное вѣче, на которомъ успѣла провести два предложенія: 1-е, чтобы великаго князя Московскаго

назвать государемъ Новгорода, чего прежде никогда небывало, ибо прежде князь Новгородскій назывался только господиномъ; и 2-е, чтобы великій князь имѣлъ право держать своихъ тиуновъ по всѣмъ улицамъ, которые бы творили судъ и управу мимо выборныхъ судей или уличанскихъ старость, и право жить, или держать намѣстниковъ не на Городищѣ, а въ самомъ Новгородѣ, именно на Ярославомъ дворѣ. Вѣче, принявши сіи предложенія, написало отъ имени архіепископа Теофила и всего Великаго Новгорода къ великому князю грамоту въ смыслѣ принятыхъ предложеній, и запечатавши сію грамоту печатями по порядку, отравило отъ имени Новгорода съ сею грамотою подвойскаго Назара и вѣчеваго дьяка Захарію въ Москву, которые именованъ архіепископа Теофила и всего Великаго Новгорода ударили великому князю челомъ и назвали его государемъ Новгорода (*).

(*) Большая часть нашихъ историковъ какъ бы не признаетъ эту грамоту подлинною и считаетъ самое посольство продѣлкою подвойскаго и вѣчеваго дьяка съ немногими пріятелями, которые можетъ быть сами собою, желая подслужиться, а можетъ быть и по согласію съ самымъ великимъ княземъ, учинили такую хитрость, чтобы дать великому князю поводъ къ объявленію войны Новгородцамъ. Но съ такимъ толкованіемъ дѣла конечно нельзя согласиться: во 1-хъ по тому, что ни въ одной лѣтописи нѣтъ и намековъ на то, чтобы современники подозрѣвали тутъ какую либо хитрость и тайную продѣлку; во 2-хъ, великому князю вовсе не было надобности хитрить, опъ могъ пайдти тысячу причинъ вступить въ Новгородскія дѣла и безъ такой продѣлки, причиною не могущественному государю и при томъ очель умному, а какому нибудь мелкому интригану; въ 3-хъ, во многихъ лѣтописяхъ прямо сказано, что посольство и грамота присланы владыкою Теофиломъ

Посольство
Московского
князя въ
Новгородъ
для припятія
отъ Новго-
родцовъ при-
сяга.

Получивши отъ имени владыки Θεофила и всего Великаго Новгорода такую важную грамоту, которая измѣняла рѣшительно отношенія князя къ Новгороду, великій князь отправилъ отъ себя въ Новгородъ посланниками бояръ Феодора Давыдовича Хромаго и Василья Борисовича Борисова Бороздина, и съ ними своего дьяка Василья Далматова, подкрѣпить присягою то, какого хотятъ государства его отчина Великій Новгородъ, — хотятъ ли того, чтобы въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя, чтобы его тиуны сидѣли по всѣмъ улицамъ, и хотятъ ли дворъ Ярослава очистить для великаго князя? Между тѣмъ Литовская партія богачей и насильниковъ, захваченная въ разпложъ при составленіи грамоты и немогшая остановить отправленія ея въ Москву, пользуясь временемъ, пока ѣздило Новгородское посольство и пока ѣхали велико-княжескіе послы въ Новгородъ, успѣла по-

и всѣмъ Великимъ Новгородомъ; въ 4-хъ наконецъ, въ лѣтописяхъ говорится, что послѣ рѣчи Московскихъ пословъ на вѣчѣ, народъ прямо бросился грабить посадниковъ и бояръ, которые ту прелесть учинили, слѣдовательно посольство и грамота были извѣстны Новгороду, и посылавшіе дѣйствовали открыто, завѣдомо всѣмъ и по опредѣленію вѣча. А что вѣче передъ велико-княжескими послами отперлось отъ посылки грамоты и пословъ, то это недоказываетъ, что оно неучаствовало въ посылкѣ, оно могло прежде согласиться на посылку грамоты подъ руководствомъ одной партіи, а потомъ, подъ руководствомъ противной партіи, отречься отъ всякаго участія въ дѣлѣ, таковые случаи не разъ бывали въ Новгородѣ и въ прежнее время. Напримѣръ въ 1132 году, вѣче, руководимое одною партіею, выгпало князя Всеволода Мстиславича, и въ слѣдъ затѣмъ тоже вѣче, подъ руководствомъ другой партіи, опять воротило его и посадило княземъ въ Новгородѣ.

правиться и замутить народомъ, натолковать ему о всѣхъ послѣдствіяхъ отпращенной грамоты, и конечно тутъ были пущены въ ходъ и деньги, и великолѣпныя обѣщанія чернымъ людямъ, и особенно толпѣ бездомныхъ голышей. А посему, когда велико-княжескіе посланники, пришедши на вѣче, стали говорить отъ имени своего государя всему Новгороду: „вы де прислали великому князю по слову съ своею грамотою, въ которой назвали его своимъ государемъ и задались за него, и писали, чтобы въ Великомъ Новгородѣ быть его суду и по всѣмъ улицамъ сидѣть велико-княжескимъ тиунамъ, очистить великому князю Ярославле двориче и не вступаться въ судъ великаго князя“; то вѣче, подстроенное Литовскою партіею, отвѣчало: „мы той грамоты не посылали и о ней ничего не знаемъ, это ложь и клевета“. И въ слѣдъ за тѣмъ начался народный мятежь, подкупленные и подпленные голыши зашумѣли и прежде всего бросились грабить дворы, оружіе и имущество у тѣхъ посадниковъ и бояръ, которые управляли прежнимъ вѣчемъ, устроили посольство въ Москву и отправили грамоту; и тутъ же на вѣчѣ народъ изрубилъ топорами на части стараго посадника Василья Никифорова, обвиненнаго другимъ посадникомъ Захаріемъ Овиномъ въ измѣнѣ отечеству и въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ, а за тѣмъ убили и самаго Овина и брата его Козму на владычнѣ дворѣ, заявили достойными смерти многихъ другихъ. И мятежь продолжался нѣсколько дней, сопровож-

Литовская партія возбуждает мятежь и даетъ отвѣтъ Московск. князю, что Новгородъ не посылаетъ грамоты въ Москву.

даясь шумомъ, грабежемъ и убійствами; пьяная буйная толпа, руководимая подстрекателями, тѣшилась въ волю, и Литовская партія, видя успѣхъ затѣяннаго дѣла, объявила, что нужно передаться Польскому королю Казимиру, дабы успѣшнѣе дѣйствовать противъ великаго князя Московскаго. Все это время, продолжавшееся шесть недѣль, Московскіе послы не получали отпуска отъ вѣча, впрочемъ ихъ неоскорбляли и даже честили. Наконецъ, по истеченіи шести недѣль, Московскіе посланники получили отъ вѣча отпускъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующій отвѣтъ великому князю и его сыну соправителю: „мы челомъ бьемъ вамъ, господамъ своимъ, а государями васъ не зовемъ, а судъ вашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а вашему суду великихъ князей, ни вашимъ тиунамъ у насъ не быть, ни дворища вамъ Ярославля не даемъ. На чемъ мы съ тобою на Коростынѣ миръ докончали и крестъ цѣловали, по тому докончанью хотимъ съ вами жить. А которые вздумали признать тебя государемъ безъ нашего вѣдома, то ты ихъ самъ вѣдай и какъ хочешь казни, а мы ихъ также, гдѣ котораго поймаемъ, хотимъ казнить. А вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, чтобы вы держали насъ въ старинѣ по крестному цѣлованію“.

Война Московскаго князя съ Новгородомъ.

Такой отвѣтъ Новгородскаго вѣча не могъ имѣть другихъ послѣдствій кромѣ войны; ибо онъ съ одной стороны оскорбительно какъ бы укорялъ великаго князя въ участіи съ измѣнниками и лжецами, а съ другой стороны лишалъ его той власти,

которую онъ приобрѣлъ мирною поѣздкою въ Новгородъ въ 1475 году, и возвращалъ къ Коростынскому миру; къ тому же Литовская партія явно уже высказала прежнее желаніе поддаться королю Казимиру и обрекала Новгородъ на страшные беспорядки и грабежи насильниковъ, усмиренныхъ было въ 1475 году, и теперь опять поднявшихъ голову и захватившихъ власть. А по сему великій князь Иванъ Васильевичъ, въ слѣдъ за полученіемъ оскорбительнаго Новгородскаго отвѣта, немедленно началъ готовиться къ войнѣ, разослалъ грамоты ко всѣмъ подручнымъ ему князьямъ, даже во Псковъ и къ великому князю Михаилу Борисовичу Тверскому, требуя, чтобы всѣ собрали свои войска и шли на Новгородцовъ, какъ на измѣнниковъ и клятвопреступниковъ; за тѣмъ 30 Сентября отослалъ въ Новгородъ складную грамоту съ объявленіемъ войны, а 9-го Октября и самъ отправился въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ торжествующая Литовская партія занималась преслѣдованіемъ сторонниковъ Московской партіи, которые, спасая свои головы, одинъ за другимъ начали являться въ Москву. Литовская партія сначала была очень самонадѣянна, можетъ быть разчитывая на помѣщь короля Казимира; и когда Псковичи прислали къ Новгородцамъ своего посла съ извѣщеніемъ, что великій князь подымаетъ ихъ на Новгородъ, то Новгородцы гордо отвѣчали на это предложеніе: „Ежели вы къ намъ немедленно поцѣлуете крестъ на такихъ условіяхъ, какія намъ при-

годны, oprичь Коростынскаго докончанія; тогда вамъ все явимъ по нынѣшнему крестному цѣлованію. А ежели такъ къ намъ неучините; то мы отъ васъ не хотимъ никакого пригожества у великаго князя, ни челобитья вашего, ни пословъ". Но высокоумѣріе Новгородскаго правительства скоро смѣнилось робостью; вообще Литовская партія, умѣвшая затѣять войну съ великимъ княземъ, вовсе не умѣла вести дѣла и совершенно разтерялась. Думаемая удержать великаго князя, почти приготовившагося къ войны переговорами, она отправила въ Торжекъ, занятый уже велико-княжескимъ намѣстникомъ Васильемъ Ивановичемъ Китаемъ, старосту Даньславской улицы Ѳедора Калитина, бить челомъ великому князю, чтобы дозволилъ безпрепятственно придти владыкѣ и посламъ Новгородскимъ на переговоры; но великій князь приказалъ Ѳедора Калитина задержать въ Торжкѣ до своего пріѣзда. По присылкѣ уже великимъ княземъ складной грамоты, 16 Октября, отъ Новгородцевъ пріѣхалъ въ Торжекъ другій опацикъ просить о свободномъ проѣздѣ владыки и Новгородскаго посольства; великій князь и этого приказалъ задержать до своего пріѣзда. А въ это же время въ самомъ Новгородѣ сторонникамъ Московской партіи день отъ дня становилось опаснѣе, и они одинъ за другимъ спѣшили къ великому князю съ просьбами принять къ себѣ въ службу; такъ 19-го Октября пріѣхали къ великому князю Новгородскіе бояре Лука Клементьевъ да братъ его Иванъ, 26 Октября встрѣ-

тилъ великаго князя на Волокъ и билъ челомъ въ службу посадникъ Новгородскій Григорій Михайловичъ Тучинъ, 28 Октября билъ челомъ въ службу на Березкѣ житій Новгородскій Адриянь Савельевъ.

Но въ то время, какъ владычествующая въ Новгородѣ Литовская партія, способная только производить мятежи и беспорядки, занималась преслѣдованіемъ своихъ домашнихъ противниковъ и не предпринимала ни одной сколько нибудь рѣшительной мѣры въ защиту Новгородскихъ владѣній; войска великаго князя безпрепятственно вступили въ Новгородскую землю и начали жечь и опустошать селенія, нигдѣ не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія и не находя ни одного отряда, высланнаго Новгородскими властями на защиту несчастной земли; вездѣ, гдѣ ни являлись велико-княжескіе войска, жители или разбѣгались по лѣсамъ, или спѣшили укрыться въ стѣнахъ Новгорода. Новгородское правительство, какъ бы потерявши голову, заботилось только о собственной безопасности; оно не только не послало рати или воеводы въ Заволочье, которое по таковой оплошности немедленно было занято Московскими войсками, не только не собрало войска для встрѣчи непріятели, не укрѣпило разныхъ Новгородскихъ пригородовъ и оставило всю Новгородскую землю на произволь судьбы; но даже не заботилось сжечь Новгородскихъ окрестныхъ монастырей и посадовъ, дабы не было пристанища врагу во время осады Новго-

рода, какъ это обыкновенно дѣлали Новгородцы въ прежнее время. Московскія войска уже проникли на западъ за городъ Яму до моря, страшно опустошили пройденную страну и нигдѣ не видали ни воеводъ, ни войскъ Новгородскихъ, какъ будто бы сила Новгородская вся вымерла. Такъ что настоящая война не только не походила на древнія войны, когда сотни Новгородцовъ гнали тысячи неприятелей; но даже не могла сравняться съ недавною войною 1471 года, которая хотя была не удачна, но велась по плану и при томъ такому, который обличалъ въ тогдашнихъ Новгородскихъ вождахъ и распорядительный умъ, и воинскія способности; теперешнее же Новгородское правительство ничего этаго не имѣло и отличалось только крайнимъ своекорыстіемъ и совершенною безразсудностію.

Первое Новгородское посольство къ великому князю въ станъ въ Сытинѣ.

Когда уже великій князь Московскій былъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода въ Сытинѣ, 23 Ноября явился къ нему владыка Теофилъ съ Новгородскимъ посольствомъ въ числѣ одиннадцати человекъ изъ бояръ, житыхъ людей и купцовъ. Это первое посольство въ настоящую войну лучше всего говоритъ, что за люди были тогдашніе Новгородскіе правители; ибо когда Новгородъ былъ уже окруженъ велико-княжескимъ войскомъ и дѣло шло о томъ быть или не быть Новгороду самостоятельнымъ государствомъ, послы, явясь на лицо къ великому князю, просили почти прежде всего, чтобы онъ отпустилъ изъ заточенія тѣхъ насильниковъ бояръ, вождей Литовской партіи, которые въ 1475 году, обвиненные

законнымъ судомъ, были отправлены въ ссылку и о которыхъ уже нѣсколько разъ партія просила безъ успѣшно и на освобожденіе которыхъ нельзя было и надѣяться. Далѣе, когда великій князь дозволилъ Новгородскому посольству вступитъ въ переговоры съ своими боярами; то послы предложили такія условія, которыя можно было сдѣлать послѣ какой либо значительной побѣды; они во 1-хъ потребовали по прежнему возвращенія заточенныхъ бояръ; во 2-хъ, чтобы великій князь пріѣзжалъ въ Новгородъ на четвертый годъ и бралъ бы за это по тысячѣ рублей. тогда какъ и древніе князья, когда Новгородъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи, имѣли право ѣздить на третій годъ и получать дары; въ 3-хъ, чтобы великій князь велѣлъ своему намѣстнику держать судъ вмѣстѣ съ посадникомъ въ городѣ, а чего не исправятъ намѣстникъ и посадникъ, то самъ бы, пріѣхавъ на четвертый годъ, тому управу чинилъ; т. е. такое условіе, которое давно уже было уступлено Московскимъ князьямъ по Яжелбицкому и Коростынскому договорамъ; въ 4-хъ, чтобы великій князь отказался отъ пріобрѣтеннаго имъ права вызывать Новгородцовъ на судъ въ Москву; и въ 5-хъ наконецъ, чтобы велико-княжескіе намѣстники не вызывали Новгородцовъ на судъ даже на Городище, какъ это бывало прежде, а судили бы въ городѣ. Кажется, требованія сіи даже самому посольству показались слишкомъ большими; ибо въ заключеніе посолъ Яковъ Коробовъ говорилъ: „что билъ челомъ государю великому князю бого-

молецъ его владыка и посадники и житьи отъ Великаго Новгорода, то челобитье предъ государемъ великимъ княземъ, а за тѣмъ челобитьемъ отчина его паки просить, чтобы государь пожаловалъ своей отчинѣ, какъ ему Богъ положить на сердцѣ отчина своя жаловать, и отчина его государю челомъ бьютъ, въ чемъ имъ мочно будетъ быти“.

Отвѣтъ великаго князя Новгородскому посольству.

На таковыя требованія Новгородскаго посольства великій князь сперва отвѣчалъ приказомъ къ своимъ воеводамъ, чтобы немедленно придвинули войска къ Новгороду, заняли Городище и всѣ пригородные монастыри и посады, что и было исполнено въ одну ночь съ 24 на 25 число Ноября, и такимъ образомъ Новгородцы не успѣли отнять у непріятеля лучшихъ пристанищъ стоять подъ городомъ во время осады. А на слѣдующій день, 25 Ноября, великій князь приказалъ своимъ боярамъ дать слѣдующій отвѣтъ Новгородскому посольству отъ своего имени: „сами вы вѣдаете, что посылали къ намъ отъ нашей отчины отъ Великаго Новгорода отъ всего пословъ своихъ, Назара подвойскаго и Захарью дьяка вѣчеваго, назвали насъ, великихъ князей, себѣ государями; и мы по вашей присылкѣ и по челобитью вашему, послали къ своей отчинѣ, къ Великому Новгороду, своихъ бояръ и велѣли спросить тебя, богемольца, и свою отчину Великій Новгородъ, какого хотите вы нашего государства на нашей отчинѣ, на Великомъ Новгородѣ? и вы въ томъ заперлися, и присылали своихъ пословъ съ жалобою, что мы вамъ дѣлаемъ насиліе, и тѣмъ положили на насъ, своихъ

государей, ложь, и много другихъ неисправленій и неправдъ было съ вашей стороны. Мы же съ своей стороны долго удерживались, ожидая вашего исправленія и посылали къ вамъ съ увѣщаніями; вы же, продолжая лукавствовать, наконецъ вывели насъ изъ терпѣнія, и мы отправились на васъ войною за ваше неисправленіе. Да и теперь, когда пришли бить челомъ, чтобы я отложилъ нелюбье, вы поставили еще рѣчи о Новгородскихъ боярахъ, на которыхъ я положилъ свою опалу, и просите, чтобы я ихъ освободилъ и отпустилъ въ Новгородъ; а вамъ вѣдомо самимъ и всему Новгороду, что на тѣхъ бояръ билъ мнѣ челомъ весь Великій Новгородъ, что отъ нихъ много зла чинилось Новгороду и волостямъ, наѣзды, и грабежи, и кровопролитіе; и я обыскавъ тобою же, владыка, и вами, посадники, и всѣмъ Новгородомъ, что много зла чинится отъ нихъ, и казнить ихъ хотѣлъ, но по вашей просьбѣ отъ казни освободилъ; а теперь вы объ нихъ опять заводите рѣчь, чего вамъ дѣлать не годилось, и послѣ того какъ намъ васъ жаловать? Далѣе, отъ имени великаго князя бояре сказали посланникамъ: „восхощетъ отчина наша Великій Новгородъ бить намъ челомъ, и они знаютъ, наша отчина, какъ намъ, великимъ князьямъ, бить челомъ“. И съ тѣмъ отпустилъ посольство. Послѣднія слова великокняжескаго отвѣта показываютъ, что посольство Назара подвойскаго и Захарія дьяка вѣчеваго было сдѣлано гласно отъ всего Новгорода на вѣче, а не тайкомъ одною партіею Московскихъ приверженцевъ,

что условия этого посольства и предложенія были сдѣланы по согласію всего Новгорода и что великій князь настаивалъ только на исполненіи того, что было предложено Новгородцами; иначе ему не къ чему было бы говорить, что Новгородъ знаетъ какъ бить челомъ.

Крайне стѣснительное
положеніе
Новгорода,
голодь, без-
порядки.

По отпускѣ пословъ, великій князь далъ приказаніе воеводамъ еще ближе придвинуть войска къ Новгороду и обложить его со всѣхъ сторонъ; а 27 Ноября и самъ пришелъ подъ Новгородъ черезъ Ильмень озеро по льду и сталъ у Троицы на Паозерьѣ, за три версты отъ города, близъ Юрьева монастыря. 30 Ноября великій князь далъ приказъ воеводамъ, чтобы половину полковъ отпустили на десять дней на покормъ по волости, а къ 11 Декабря были бы всѣ подъ городомъ непременно, гдѣ бы кто ни былъ, и въ тотъ же день послалъ своего пристава встрѣчать Псковскую рать, бывшую на походѣ, чтобы шла поспѣшиѣе и везла съ собою пушки и другіе осадные припасы. Декабря 4-го явился въ Московскомъ станѣ владыка Теофилъ съ Новгородскимъ посольствомъ въ другой разъ бить челомъ государю, чтобы пожаловалъ указалъ своей отчинѣ, какъ Богъ положить на сердцѣ свою отчину жаловать. И великій князь приказалъ своимъ боярамъ дать прежній отвѣтъ, что Новгородъ знаетъ какъ бить челомъ, ежели захочетъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ, осажденномъ со всѣхъ сторонъ, день ото дня увеличивались беспорядки и стѣсненія; съ начала думали защищаться и дорого продать свою свободу,

устроили по обѣ стороны Волхова и черезъ самый Волховъ на судахъ деревянную стѣну; но вскорѣ пошла разладаца и споры на вѣчѣ, одни требовали мира съ великимъ княземъ, а другіе хотѣли воевать. Московскіе же полки день ото дня придвигались ближе и тѣснѣе подступали къ городу; а слабое Новгородское правительство, неимѣя во главѣ ни одного дѣльнаго и распорядительнаго челоуѣка, продолжало чуть не каждый день отправлять къ великому князю въ станъ владыку Θεофила съ посольствомъ и непредпринимало ничего для защиты города; явно что въ это время въ рядахъ Литовской партіи уже не было ни Димитріевъ Борецкихъ, ни Казимировъ, ни другихъ способныхъ мужей. Наконецъ городъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ и переполненный народомъ, отсюду изъ окрестностей сбѣжавшимся въ осаду, сталъ терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и отъ тѣсноты между народомъ появились заразительныя повальныя болѣзни; оторопѣлое и слабое правительство не знало что дѣлать, оно продолжало тануть время въ безплодныхъ переговорахъ, тогда какъ голодъ и ужасающее развитіе заразы росли съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Между тѣмъ какъ въ Московскомъ станѣ было полное довольство, по приказу государеву, Псковскіе торговцы пригнали цѣлые обозы съ хлѣбомъ и другими припасами и торговали съ войсками повольною цѣною; отъ Новгорода не было никакихъ признаковъ жизни, кромѣ посольствъ къ Великому князю. Московскій станъ своимъ довольствомъ, такъ

сказать, дразнилъ Новгородцовъ, сидящихъ въ осадѣ и крайне нуждающихся въ хлѣбѣ. О довольствѣ Московскаго стана Псковская лѣтопись говорить: „А ко Пскову князь великій своего боярина прислалъ, чтобы Псковичи ему еще и тѣмъ послужили, сколько муки пшеничной и рыбы и меду прислали прѣснаго, а иное бы со всякимъ торгомъ купцы Псковскіе тамъ къ нему въ силу подѣ Великій Новгородъ со всякимъ товаромъ торговати сами ѣхали; Псковичи же все ему, князю великому, по его слову, и хлѣбъ, и медъ, и муку пшеничную и колачи и рыбы и всего вдоволь, покрутивъ на воза съ своими извозчиками, къ нему послали; а съ ними поѣхали и иные купцы многіе Псковскіе съ инымъ товаромъ разноличнымъ многимъ.»

Новыя по-
сольства
Новгород-
цовъ къ ве-
ликому кня-
зю въ стапъ.

Туго приходилось Новгородцамъ, а ихъ слабое правительство въ непонятной надеждѣ продолжало вести переговоры съ великимъ княземъ Московскимъ; владыка Теофилъ съ посольствомъ ровно десять разъ приходилъ въ велико-княжескій станъ. Декабря 5-го числа былъ третій приходъ владыки и посольства; на этотъ разъ посланники Новгородскіе уже нашлись вынужденными повиниться передъ великимъ княземъ и передъ его братьями, что Новгородъ дѣйствительно присылалъ въ Москву Назара подвойскаго и Захарія дьяка вѣчеваго съ грамотою, въ которой великаго князя написали государемъ, а потомъ въ Новгородѣ передъ Московскими послами заперлись въ томъ; и вмѣстѣ съ повинною просили, чтобы государь великій князь

сказалъ, какого государства онъ желаетъ себѣ въ Новгородѣ? На это великій князь отвѣчалъ, что онъ хочетъ въ Новгородѣ быть такимъ же государемъ, какъ и въ Москвѣ. Такой отвѣтъ съ разу поразилъ посольство; и оно просило, чтобы государь позволилъ ѣхать въ городъ и тамъ подумать о такомъ важномъ дѣлѣ. Государь согласился и далъ сроку на размышленіе два дни. Между тѣмъ подошло Псковское войско, и великій князь велѣлъ ему расположиться въ Троицкомъ монастырѣ на Веряжи, на Клопскѣ и въ селѣ Ѳедотинѣ, принадлежащемъ Исаковой женѣ Полинарьина; а на слѣдующій день 6-го Декабря далъ приказъ своему инженеру Фрязину Аристотелю построить отъ городища на судахъ мостъ черезъ Волховъ, что и было исполнено. Декабря 7-го владыка Новгородскій съ прежнимъ посольствомъ и съ пятью выборными изъ черныхъ людей отъ пяти концовъ въ четвертый разъ прибылъ въ велико-княжескій станъ и билъ челомъ государю, чтобы пожаловалъ-дозволилъ переговорить съ боярами. Великій князь дозволилъ; и посольство предложило боярамъ слѣдующія условія, которыя послы говорили одинъ за другимъ по очереди: 1-я рѣчь была посадника Якова Короба, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ своему намѣстнику судить вмѣстѣ съ посадникомъ; 2-я рѣчь посадника Теофилакта, чтобы государь пожаловалъ на всякій годъ дань бралъ со всѣхъ волостей Новгородскихъ съ сохи по полугривнѣ Новгородской; 3-я рѣчь посадника Луки, чтобы государь пожа-

ловаль пригороды Новгородскіе держаль своими намѣстниками, а судъ бы былъ по старинѣ; 4-я рѣчь посадника Якова Ѳедорова, чтобы государь пожаловаль вывода нечинилъ изъ Новгородской земли, да и въ вотчины, въ боярскія земли не вступался, и не дѣлалъ бы вызова Новгородцовъ на судъ въ Москву. Наконецъ все посольство било челомъ, чтобы Новгородцамъ небыло пограничной службы въ Низовой землѣ, а будутъ Новгородцы защищать по повелѣнію государей только тѣ границы, которыя сошлись съ Новгородскими землями. Предложенія сіи не предоставляли великому князю даже и тѣхъ правъ, которыя Московская партія уступала ему по грамотѣ, присланной съ Назаромъ подвойскимъ и Захаріею вѣчевымъ дьякомъ, хотя уже посольство отъ имени всего Новгорода призналось, что вѣче несправедливо отреклось отъ этой грамоты передъ Московскими послами, и Новгородъ согласился называть великаго князя государемъ Новгородскимъ. А по сему, когда бояре передали великому князю условія посольства; то онъ велѣлъ отвѣчать посламъ отъ своего имени слѣдующее: „Били челомъ мнѣ, великому князю, ты, нашъ богомолецъ, и наша отчина Великій Новгородъ, зовучи насъ себѣ государи, да чтобы мы пожаловали-указали своей отчинѣ, какову нашему государству быть въ Новгородѣ, и мы сказали, что хотимъ государства на своей отчинѣ въ Новгородѣ такова, какъ наше государство въ Низовой землѣ на Москвѣ; а вы сами указываете мнѣ и чините

Рѣшитель-
ный отвѣтъ
великаго
князя.

условія, какъ намъ быть государемъ; ино то какое наше государство“. Посланники отвѣчали на это извиненіемъ, что они незнаютъ Низовой пошлыны, какъ государи наши великіе князи держать свое государство въ Низовой землѣ“. На это великій князь черезъ своихъ бояръ далъ такой отвѣтъ: „вы били мнѣ челомъ, чтобы я явилъ вамъ, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ; ино наше государство великихъ князей таково: вѣчу колоколу въ нашей отчинѣ въ Новгородѣ небыть, посаднику небыть; а на чемъ намъ свое государство держать въ своей отчинѣ, для этаго должны быть отписаны на насъ извѣстныя волости и села, какъ у насъ въ Низовой землѣ; (*) а которыя земли наши, великихъ князей, за вами, а то бы было наше. А что вы били челомъ мнѣ, великому князю, чтобы вывода изъ Новгородской земли небыло, да и у бояръ у Новгородскихъ въ вотчины, въ ихъ земли, намъ невступаться; и мы тѣмъ свою отчину жалуемъ, чтобы вывода неопасались, а въ вотчины ихъ мы невступаемся. А суду быть въ нашей отчинѣ въ Новгородѣ по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ“.

Новгородское посольство, получивши такой отвѣтъ, естественно немогло разрѣшить его, и воротилось съ дозволенія великаго князя въ городъ.

(*) Значитъ и въ Низовой землѣ, въ Москвѣ и другихъ Московскихъ владѣніяхъ тогда не вся земля принадлежала государю, а только извѣстныя опредѣленныя волости и села, которыя въ памятникахъ называются дворцовыми.

Въ городѣ, какъ скоро узнали о велико-княжескомъ неожиданномъ отвѣтѣ, произошелъ немедленно страшный мятежь, народъ и безъ того уже отягченный осадой и терпящій во всемъ крайнюю нужду, теперь ко всему этому узналъ о страшномъ рѣшеніи великаго князя; шуму, крикамъ, воплямъ и рыданіямъ небыло конца. Псковская лѣтопись говоритъ: „и восколебались какъ пьяные, и не было между ими согласія, а были споры и брани“; бояре и богачи, обезпеченные общаніемъ великаго князя неуступаться въ ихъ вотчины и имѣнія, стали на сторонѣ великаго князя и требовали, чтобы народъ отдался въ его волю, а черные люди, вѣроятно подстрекаемые остаткомъ Литовской партіи, не надѣявшихся на милость къ нимъ великаго князя, требовали войны; и чернь встала на бояръ, а бояре на чернь, и такъ продолжалась цѣлая недѣля. А между тѣмъ велико-княжескія войска все тѣснѣе и тѣснѣе сжимали городъ и отнимали у осажденныхъ все средства къ защитѣ. Наконецъ 14 Декабря владыка Теофилъ съ прежнимъ Новгородскимъ посольствомъ въ пятый разъ явился въ станъ къ великому князю съ наказомъ отъ вѣча. По этому наказу посольство говорило боярамъ великаго князя, что Новгородъ отмѣняетъ и вѣче и посадника, и проситъ только, чтобы государь недѣлалъ вывода изъ Новгородской земли и неуступался въ боярскія вотчины и имѣнія, невызывалъ на судъ въ Москву и ненаряжалъ Новгородцовъ на службу въ Низовую землю. И когда на все сіе великій князь изъясилъ

Новгородцы
соглашают-
ся отмѣнить
вѣче и по-
садника.

согласіе; то посольство стало бить челомъ, чтобы государь въ подтвержденіе своего обѣщанія цѣловаль крестъ Великому Новгороду; великій князь отвѣчалъ на это: „того nebudeтъ, чтобы я цѣловаль крестъ“. Тогда послы стали просить, чтобы его бояре цѣловали крестъ; „и этаго nebudeтъ“, отвѣчалъ великій князь; за тѣмъ послы стали бить челомъ, чтобы цѣловаль крестъ велико-княжескій намѣстникъ, который будетъ присланъ въ Новгородъ; великій князь и на это несогласился. Тогда наконецъ послы просили объ опасной грамотѣ, чтобы имъ свободно было проѣхать въ городъ; но великій князь и въ этомъ отказалъ; и послы принуждены были оставаться въ велико-княжескомъ станѣ и пробыли тамъ слишкомъ двѣ недѣли. Во все это время въ Новгородѣ продолжались смятенія, слабое правительство находилось въ недоумѣніи и безпокоилось продолжительнымъ отсутствіемъ Новгородскаго посольства. Князь Василій Васильевичъ Шуйскій, состоявшій воеводою на службѣ у Великаго Новгорода, видя, что ему не у чего оставаться въ Новгородѣ, 28 Декабря торжественно на вѣчѣ передъ народомъ сложилъ съ себя присягу и объявилъ, что онъ идетъ служить великому князю и цѣлуетъ крестъ на его имя. Наконецъ 29 Декабря владыка Теофилъ съ Новгородскимъ посольствомъ сталъ бить челомъ великому князю и сказалъ боярамъ, чтобы государь отложилъ гнѣвъ и самъ своимъ словомъ сказалъ, чѣмъ онъ жалуетъ свою отчину. Великій князь дозво-

лилъ посольству явиться къ себѣ на лицо и самъ сказалъ вошедшимъ посламъ: «вы били мнѣ челомъ, ты, богомолецъ нашъ владыка, и посадники съ тобою, и житѣи, и черные люди отъ нашея отчины отъ Великаго Новгорода, чтобы я пожаловалъ гнѣвъ свой отложилъ, и вывода бы изъ Новгородской земли нечинилъ, и въ вотчины и въ животы людскіе не вступался, и позва бы Московскаго не было, и суду быть по старинѣ въ Новгородѣ, какъ судъ въ землѣ стоитъ, да и на службу васъ въ Низовую землю не наряжать; и я тѣмъ всѣмъ васъ, свою отчину, жалую, все то отложилъ.» Посольство, выслушавъ такую рѣчь, ударило челомъ и вышло отъ великаго князя. Такимъ образомъ судьба Новгорода была рѣшена, остались только нѣкоторые мелкіе разчеты, которые и продолжались еще двѣ недѣли, и все это время Новгородъ находился въ тѣсной осадѣ, терпѣлъ крайній недостатокъ въ хлѣбѣ и опустошался заразительными болѣзнями, произведенными тѣсною помѣщеніемъ отъ множества людей, сбѣжавшихся на время осады въ городъ.

Переговоры
о волостяхъ,
которыя
Новгородъ
уступаетъ
великому
князю.

Когда посланники вышли отъ великаго князя, то бояре нагнали ихъ и именемъ государя говорили: „великій князь велѣлъ вамъ сказать, что Великій Новгородъ долженъ отписать на насъ волости и села; ибо намъ, великимъ князьямъ, государство свое на своей отчинѣ въ Новгородѣ безъ того нельзя держать“. Посольство отвѣчало: „скажемъ Новгороду.“ И Новгородъ, узнавши о требованіяхъ великаго князя, тѣхъ же пословъ отправилъ въ Московскій станъ

въ шестой разъ, 1 Января 1478 года; и послы объявили великому князю, что Новгородъ отписываетъ на него волости Великіе Луки и Ржеву пустую; но князь не принялъ сихъ волостей. Тогда Новгородъ 4-го января отправилъ тоже посольство въ седмый разъ съ предложеніемъ десяти волостей владычныхъ и монастырскихъ и всѣхъ земель и волостей, чьи бы ни были въ Торжкѣ; великій князь и сихъ волостей не принялъ. Послѣ этого посольство било челомъ, чтобы великій князь самъ назначилъ волости, какія желаетъ взять; и великій князь объявилъ черезъ бояръ, чтобы на его имя была отписана половина волостей владычныхъ и монастырскихъ, и половина волостей Новоторжскихъ, чьи бы ни были. Новгородцы, получивъ такой отвѣтъ великаго князя, послали свое посольство въ осмый разъ 6-го Января съ объявленіемъ, что они согласны уступить половину означенныхъ волостей, только просятъ, чтобы государь взялъ половину волостей и земель только съ шести большихъ монастырей, — съ Юрьева, Баговъщенскаго, Аркадіева, Антоніева, Никольскаго съ Неревскаго конца и съ Михайловскаго на Сковородкѣ, а съ прочихъ бы монастырей не бралъ; ибо тѣ монастыри бѣдны и земель у нихъ мало. И великій князь велѣлъ посламъ идти въ городъ и написать въ списокъ половину волостей владычныхъ и монастырскихъ, и чтобы ничего не утаили. въ противномъ случаѣ утаенное будетъ взято на великаго князя. На слѣдующій день 7-го Января посольство явилось къ великому князю въ девятый разъ

и принесло съ собою списки владычныхъ и монастырскихъ волостей; и великій князь пожаловалъ половины владычныхъ волостей не взялъ, а взялъ только десять волостей, всего 318 сохъ, да всѣ земли Новоторжскія владычни, монастырскія, боярскія и чьи бы то ни было, а у шести показанныхъ выше монастырей взялъ половину, всего 451 соху съ обжею, да еще взялъ же на себя села, бывшія за княземъ Василюемъ Васильевичемъ Шуйскимъ, всего 78 сохъ. Января 8-го прежнее Новгородское посольство явилось въ десятый разъ,—условиться о дани, какую Новгородъ будетъ платить великому князю, и явило боярамъ, что со всѣхъ волостей Новгородскихъ будетъ платиться дани по семи денегъ съ сохи, а соха Новгородская три обжи, а обжа одинъ человекъ на одной лошади пашеть (*), а кто на трехъ лошадахъ пашеть самъ-третей, то соха. Великій князь объявилъ на это, что онъ желаетъ взять по семи денегъ съ обжи; но владыка и посольство упросили, чтобы бралъ по семи денегъ съ трехъ обержъ или съ сохи на годъ. И великій князь согласился брать одинъ разъ въ годъ дань по полугривнѣ или по семи денегъ съ сохи со всѣхъ волостей Новгородскихъ, и на Двинѣ, и въ Заволочѣ, на всякомъ кто ни пашеть землю и на ключникахъ и на старостахъ и на одерноватыхъ (полныхъ) холопяхъ. И владыка со всѣмъ посольствомъ били

(*) Въ Новгородскую обжу полагалось около 15 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, слѣдовательно въ Новгородской сохѣ было 45 десятинъ.

челомъ, чтобы государь пожаловалъ писцовъ своихъ и даньщиковъ въ Новгородскія волости не посылалъ, ибо это крестьянству тяжко, а положилъ бы то на Новгородскую душу, а скажутъ всёхъ, сколько у кого сохъ будетъ, да сами собравъ дань отдадутъ по крестному цѣлованью безъ хитрости тому, кому великіе князи прикажутъ въ Новгородѣ. Великій князь согласился и на это и обѣщалъ не посылать писцовъ и даньщиковъ, и 10-го Января велѣлъ своимъ боярамъ сказать владыкѣ и посольству о Ярославовомъ дворѣ, чтобы тотъ дворъ ему очистили. И посольство отвѣчало: „о томъ, господине, ѣдемъ въ городъ, да и скажемъ Новгороду.“ Отпуская пословъ, великій князь приказалъ имъ явить списокъ, по которому Новгородъ долженъ цѣловать крестъ къ великимъ князьямъ; и послы сказали, чтобы государь самъ послалъ тотъ списокъ въ городъ и явилъ Новгороду. По этой просьбѣ посольства великій князь въ слѣдъ за Новгородскими послами отправилъ списокъ съ подьячимъ своимъ Одинцомъ и велѣлъ его явить Новгороду у владыки въ полатѣ, что и было исполнено въ точности, списокъ объявленъ Новгороду въ палатѣ у владыки, а не на вѣчѣ.

Января 12-го владыка Теофилъ въ послѣдній разъ пришелъ съ прежнимъ посольствомъ въ велико-княжескій станъ и явилъ боярамъ, что Новгородъ отдаетъ великимъ князьямъ Ярославовъ дворъ, хотя бы они возьмутъ этотъ дворъ, или захотятъ взять другое мѣсто въ околдкѣ противъ этаго двора, и что

списокъ съ цѣловальной (т. е. присяжной) записи объявленъ Новгороду, и Новгородцы тотъ списокъ слышали и на всемъ на томъ къ своимъ государямъ крестъ цѣлуютъ, и во всемъ полагаются на Бога и на ихъ, своихъ государей великихъ князей. И великій князь велѣлъ записъ цѣловальную записать дьяку Новгородскому съ своего списка слово въ слово, на чемъ Новгородцамъ къ нимъ, великимъ князьямъ, крестъ цѣловать, да тотъ списокъ велѣлъ подписать владыкъ своею рукою, да и печать свою приложить, да по печати отъ пяти концовъ приложить къ тому же списку, и на завтрашній день быть у великаго князя у Троицы на Паозерьѣ владыкъ и посадникамъ и житымъ людямъ. Января 13-го пришелъ къ великому князю въ станъ владыка Теофиль, а съ нимъ бояре Новгородскіе и многіе житыи люди и купцы, и по приказу государеву принесли цѣловальную записъ, переписанную владычнымъ дьякомъ, подписанную самимъ владыкою и утвержденную владычною печатью и пятью печатями отъ пяти Новгородскихъ концовъ. И въ тотъ же день въ велико-княжескомъ стану у Троицы на Паозерьѣ Новгородскіе бояре, житыи люди и купцы передъ государевыми боярами по той записи цѣловали крестъ къ великимъ князьямъ. При чемъ государевы бояре говорили Новгородцамъ, чтобы они не мстили Псковичамъ за ихъ службу государю, и въ земли бы, и въ воды, и въ дворъ и въ берегъ Псковскій, что въ Новгородѣ, не вступались и не дѣлали бы имъ ни какой обиды, а о всѣхъ обидныхъ дѣлахъ и о

земляхъ и о водахъ Новгородскимъ намѣстникамъ великихъ князей пересылаться съ Псковскими намѣстниками, чтобы былъ судъ и управа на обѣ стороны. Кромѣ того государевы бояре говорили имъ о Новгородскихъ боярахъ и боярскихъ дѣтяхъ и бояривняхъ, которые служили великому князю, чтобы имъ не метили ни которою хитростью. Да говорили еще о пригородахъ и о Двинѣ и о Заволочѣ, чтобы въ пригородахъ всѣмъ людямъ да и Двинянамъ и Заволочанамъ крестное цѣлованье къ Новгороду сложить, а цѣловать крестъ на имя великихъ князей. И Новгородцы, бывшіе въ станѣ, цѣловали крестъ къ великимъ князьямъ на всемъ на томъ, что въ записи писано и что имъ говорили государевы бояре. И цѣловавши крестъ, владыка и Новгородскіе бояре и житїи люди и купцы просили государевыхъ бояръ о ходатайствѣ передъ государемъ, чтобы государь пожаловалъ отдалъ имъ нелюбие и съ сердца сложилъ гнѣвъ свой и самъ бы въ слухъ сказалъ всѣмъ по прежнему своему слову и жалованью; и великій князь ихъ пожаловалъ, всѣмъ имъ самъ повторилъ все то, что говорилъ прежде 29 декабря 1477 года, да послѣ тѣхъ рѣчей еще прибавилъ: „а что Богъ дастъ и впередъ тебя, своего богомольца, и свою отчину Великій Новгородъ хочу жаловать“ Такимъ образомъ кончился весь древній порядокъ Новгородскій, и Новгородцы чрезъ своихъ представителей, посланниковъ, не только отреклись отъ него, но и цѣловали крестъ на новомъ порядкѣ, какой угодно было дать великому князю.

Бояре великаго князя приводятъ Новгородъ къ присягѣ.

Января 15-го великій князь Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ бояръ своихъ: князя Ивана Юрьевича, да Ѳедора Давыдовича, да князя Ивана Стригу, да Василья и Ивана Борисовичевъ, привести весь Великій Новгородъ къ крестному цѣлованью на той цѣловальной записи, на которой великій Новгородъ добилъ челомъ великимъ князьямъ; при чемъ великій князь приказалъ сказать Великому Новгороду и свое жалованье; а велѣлъ править посольство одному князю Ивану Юрьевичу къ владыкѣ Ѳеофилу и ко всему Великому Новгороду въ полатѣ, чтобы съ этаго дня Новгородскаго вѣча уже и въ поминѣ не было. И князь Иванъ Юрьевичъ, правя посольство, говорилъ: „великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, государь нашъ, тебѣ, богомольцу владыкѣ, и своей отчинѣ Великому Новгороду говоритъ такъ: „ты, нашъ богомолецъ архіепископъ Ѳеофилъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ и вся наша отчина Великій Новгородъ, били челомъ нашей братьи о томъ, чтобы я пожаловалъ смиловался, нелюбие съ сердца сложилъ; и я, князь великій, ради своей братьи, пожаловалъ васъ, свою отчину, нелюбие отложилъ. И тыбы, богомолецъ нашъ архіепископъ, и отчина наша, на чемъ добились челомъ намъ, великимъ князьямъ, своимъ государямъ, и грамоту записали и крестъ цѣловали, и по тому бы отчина наша, всѣ люди Новгородскіе, по той же грамотѣ крестъ цѣловали и правили бы намъ; а мы васъ, свою отчину, впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленью къ намъ“. Послѣ этой рѣчи

бояре великаго князя на владычнѣ же дворѣ стали приводить ко кресту Новгородскихъ бояръ, житьихъ и купцовъ и прочихъ на томъ, на чемъ доби-ли челомъ великому князю по грамотѣ. А на пять концовъ великій князь послалъ своихъ дѣтей боярскихъ и дьяковъ приводить къ кресту на той же грамотѣ всѣхъ людей, и женъ боярскихъ вдовъ, и людей боярскихъ. А что была у Новгородцовъ грамота, укрѣпленная между собою за пятидесятью осьми печатами, и ту грамоту государевы бояре взяли на владычномъ дворѣ при крестномъ цѣлованіи. Января 18-го бояре Новгородскіе, и всѣ боярскіе дѣти и житьи люди били государю челомъ въ службу, и получивъ приказъ поступить въ службу, когда вышли отъ великаго князя; то онъ выслалъ въ слѣдъ за ними своего боярина Ивана Товаркова, который двѣнадцати старѣйшимъ боярамъ Новгородскимъ. — Казимиру, брату его Коробу, Теофилакту Захарьину и ихъ товарищамъ, именовъ великаго князя сказалъ: „по которой грамотѣ великимъ князьямъ крестъ цѣловали, по той бы грамотѣ государемъ своимъ и правили по томужъ крестному цѣлованію, и кто что у брата своего Новгородца о великихъ князьяхъ добро или зло услышитъ и увѣдаетъ подлинно, о томъ бы доносили своимъ государямъ великимъ князьямъ; а что учнутъ великіе князи про какое свое дѣло съ вами говорить, или бояре великаго князя о чемъ отъ васъ провѣдывать про государево дѣло, и тогобъ вамъ государева дѣла не проносить по томужъ крестному цѣлова-

нію; и тѣ бояре всѣ на томъ дали слово, на чемъ цѣловали крестъ. Потомъ въ тотъ же день владыка билъ челомъ, чтобы государь пожаловалъ своихъ приставовъ въ волости и села, ибо крестьяне, сбѣжавшіеся въ осаду, не смѣютъ выйдти изъ города, и государь велѣлъ дать приставовъ. А 20-го Января великій князь послалъ въ Москву къ матери и къ митрополиту и къ сыну своему великому князю Ивану Ивановичу князя Ивана Ивановича Слыха съ тѣмъ, что отчину свою. Великій Новгородъ, привелъ во всю свою волю и учинился въ немъ государемъ, какъ и на Москвѣ. Такъ кончилось независимое, самостоятельное существованіе господина Великаго Новгорода, онъ пересталъ называться господиномъ и поступилъ въ разрядъ обыкновенныхъ Московскихъ волостей.

Великій князь назначаетъ четырехъ намѣстниковъ въ Новгородъ.

По окончаніи всѣхъ переговоровъ и по приведеніи Новгородцовъ къ присягѣ, великій князь Иванъ Васильевичъ прожилъ въ Новгородѣ еще слишкомъ мѣсяць. Января 22-го онъ послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ князя Ивана Васильевича Стригу да брата его Ярослава, и велѣлъ имъ стать на Ярославлѣ дворѣ, самъ же еще не вѣзжалъ въ Новгородъ по случаю бывшаго тамъ мороваго повѣтрія; и только уже 29 Января въ четвергъ на масляной недѣлѣ пріѣхалъ съ братьями отслужить молебенъ у св. Софіи и стоялъ тамъ литургію, и потомъ прямо изъ церкви уѣхалъ къ себѣ въ станъ на Паозерье, и далъ тамъ обѣдъ братьямъ своимъ, владыкѣ Теофилу, боярамъ Новгородскимъ и мно-

гимъ житѣимъ людемъ и пилъ съ ними, при чемъ владыка передъ обѣдомъ поднесъ великому князю богатые дары. Февраля 1-го числа на масленое заговѣнье великій князь велѣлъ схватить вождей Литовской партіи, заводчиковъ всѣхъ смуть, старосту купецкаго Марка Панфильева, а 2-го Февраля Марѣу Исакову Борецкую и внука ея Василья Ѳедорова Исакова; 3-го Февраля приказалъ своему намѣстнику князю Ивану Васильевичу Стригѣ взять у Новгородцовъ договорныя грамоты, какія у нихъ были съ великими князьями Литовскими и съ королемъ; а 5-го Февраля назначилъ еще двухъ намѣстниковъ Василья Китая да Ивана Зиновьева, которымъ велѣлъ быть на владычней или Софійской сторонѣ, и повелѣлъ своимъ намѣстникамъ всякія дѣла судебныя и земскія править по великаго князя пошлинамъ, а владыкѣ Новгородскому и Новгородцамъ не вступаться ни во что, и что бы всѣ посольства, которыя откуда придуть въ Новгородъ, править передъ ними, намѣстниками, а не передъ владыкою и Новгородомъ. Февраля 6-го великій князь приказалъ схватить житего Григорья Арбузьева Кипріянова, Ивана Кузмина Савелкова, Акинфа съ сыномъ Романомъ да Юрья Репехова, и 7-го числа всѣхъ взятыхъ велѣлъ отвезти въ Москву, а имѣнья ихъ отписать на себя. Февраля 8-го въ сборное воскресенье великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ слушать литургію въ церкви св. Софіи и присутствовалъ при совершеніи чина православія, а послѣ литургіи опять уѣхалъ къ себѣ на Паозерье и тамъ

давалъ обѣдъ своему брату князю Андрею меньшему, владыкѣ Теофилу и многимъ Новгородскимъ боярамъ и житымъ людямъ. Февраля 12-го владыка Теофилъ пріѣхалъ на Паозерье и представилъ великому князю богатые дары, состоявшіе въ золотыхъ цѣпяхъ, ковшахъ, чарахъ и серебряныхъ золоченыхъ мисахъ и кубкахъ, наконецъ 17 Февраля великій князь отправился въ Москву и до перваго стана на Ямнахъ его провожали владыка Теофилъ, Новгородскіе бояре и жити люди съ дарами. Въ слѣдъ за великимъ княземъ привезенъ былъ въ Москву Новгородскій вѣчевый колоколъ и повѣшенъ на колокольницѣ на площади звонить съ другими колоколами. Какъ провожали Новгородцы свой вѣчевый колоколъ, преданіе умалчиваетъ. А Псковскій лѣтописецъ, заканчивая свою повѣсть о паденіи Новгорода, написалъ: „Се же всё бысть по строенію Божию; что мнѣ о семъ промышляти много, или писанію предавати! якоже Богу годѣ, тако и здѣ все совершилось.“ Дѣйствительно все это совершилось по Божию устроенію, Новгородъ немогъ уже существовать самостоятельно, всѣ доблести, всѣ старые умные порядки, которыми онъ жилъ прежде, были уже давно прожиты, попораны и уничтожены самими же Новгородцами; такъ что великому князю Ивану Васильевичу досталось прибирать къ своимъ рукамъ только полуживыи трупъ прежняго Новгорода, который въ послѣднее время даже немогъ и двигаться, нетолько защищаться; въ четырехъ мѣсячный походъ великаго князя Новгородцы не могли

дать ему ни одного сраженія, даже Московскіе полки нигдѣ не встрѣчали Новгородской рати, и ее дѣйствительно вовсе не было и никто не собиралъ. Правда, въ Новгородѣ былъ еще въ это время доблестный воевода князь Василій Васильевичъ Шуйскій и получалъ отъ Новгородцевъ большое жалованье; но вѣче никуда его не посылало и не давало ему войска; такъ что онъ, видя бесполезность своего пребыванія на Новгородской службѣ, самъ сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Новгороду и поступилъ въ службу къ великому князю.

Впрочемъ Новгородъ, утратившій способность оуществовать самостоятельно и поступившій въ число Московскихъ областей, еще не забылъ крамоль раздиравшихъ его въ послѣднее время; партіи Московская и Литовская, бывшія въ послѣдніе дни самостоятельнаго Новгорода, не исчезли еще и въ Новгородѣ, потерявшемъ свое вѣче и посадника; Московскіе полки, увезшіе съ собою вѣчевый колоколъ, не могли увезти изъ Новгорода вражды партій. Даже по естественному порядку вещей, Литовская партія, съ подчиненіемъ Новгорода великому князю Московскому, значительно усилилась, ей не только остались вѣрными всѣ прежніе ея сторонники, всѣ сильники, нежелавшіе суда и управы, которымъ туго приходилось при Московскихъ намѣстникахъ; но на ее сторону перешли и всѣ люди безразличные, умѣренные, которымъ прискорбно было видѣть паденіе отечества и потерю свободы Новгорода, которымъ кололи глаза новые непривычные Мос-

Новыя неустройства въ Новгородѣ и тайныя сношенія съ Казимиромъ.

ковскіе порядки; самъ владыка Новгородскій Теофилъ, очевидно недовольный изходомъ своихъ продолжительныхъ переговоровъ съ великимъ княземъ Московскимъ, присоединился къ Литовской партіи. Московская партія съ своей стороны также не ослабѣвала, и хотя потеряла многихъ изъ своихъ прежнихъ сторонниковъ, перешедшихъ къ противникамъ, тѣмъ не менѣе, поддерживаемая Московскими намѣстниками и конечно находя опору въ самомъ великомъ князѣ, она была ежели не сильнѣе, то ничуть не слабѣе своихъ противниковъ. Литовская партія, какъ и слѣдовало ожидать и по ея сочувствію къ Литовскому государю; такъ и по обстоятельствамъ того времени, должна была вступитъ въ тайныя сношенія съ Казимиромъ королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, обѣщая ему подчинитъ Новгородъ, только бы онъ пособилъ въ борьбѣ съ Московскимъ княземъ. Представителемъ Новгорода въ этихъ сношеніяхъ съ Казимиромъ по всему вѣроятію былъ владыка Теофилъ, какъ единственная выборная власть, удѣлѣвшая отъ прежняго Новгородскаго порядка.

Пріѣздъ великаго князя въ Новгородъ и судъ надъ владыкою Теофиломъ.

Московская партія, конечно не дремавшая въ то время, какъ только узнала о затѣяхъ своихъ противниковъ, то немедленно дала знать о томъ великому князю Московскому. Великій князь Иванъ Васильевичъ съ своей стороны, что бы не упустить времени и напасть на противниковъ при самомъ началѣ, когда дѣло еще не было улажено, немедленно, 26 октября 1479 года самъ отправился въ Нов-

городъ миромъ, со свитою въ тысячу человекъ надежныхъ и хорошо вооруженныхъ людей, и пришедши остановился со всѣми своими людьми въ Славенскомъ концѣ и пробылъ тамъ до Февраля мѣсяца 1480 года. Эта поѣздка великаго князя главнымъ образомъ касалась владыки Теофила. Государь самъ лично принялся разбирать дѣло о Теофилѣ, и занимался имъ около двухъ мѣсяцовъ, и по собраннымъ свѣдѣніямъ и очнымъ ставкамъ нашедши Теофила виновнымъ въ тайной измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ Казимиромъ королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, 19 Января приказалъ его взять, отправить въ Москву и посадить въ Чудовъ монастырь, гдѣ онъ послѣ двухъ лѣтъ съ половиною и скончался.

Лѣтописи, описывая эту поѣздку великаго князя Ивана Васильевича въ Новгородъ, говорятъ, что онъ, отправивши владыку въ Москву, взялъ себѣ его казну, множество золота и серебра и драгоценныхъ сосудовъ; то же подтверждаетъ и современный польскій историкъ Длугошъ, по словамъ котораго: „Великій князь въ этотъ разъ забралъ несмѣтное богатство и нагрузилъ 300 воевъ золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями и безчисленнымъ множествомъ шелковыхъ тканей, суконъ и мѣховъ, найденныхъ въ древнемъ архіепископскомъ казнохранилищѣ.“ Въ сказаніи Длугоша, кажется, нѣтъ преувеличеній; ибо владычня казна въ Новгородѣ на полатяхъ святыя Софіи, какъ мы знаемъ по лѣтописямъ, была издревле самымъ богатымъ хранилищемъ общественной Новгородской казны, изъ

котораго въ нужныхъ случаяхъ Новгородцы всегда получали хорошія средства на общественныя потребности. При завоеваніи же Новгорода въ 1478 году, какъ мы это уже видѣли, Софійское казнохранилище оставалось не прикосновеннымъ и великій князь тогда не имѣлъ случая его тронуть. Теперь же, когда владыка, какъ обвиненный судомъ въ измѣнѣ, отосланъ былъ въ Москву, преемника же на владычню каѳедру не было назначено, великому князю было свободно воспользоваться несмѣтными богатствами Софійскаго казнохранилища, скопленными въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій; властей, защищавшихъ это казнохранилище, съ отсылкою владыки уже не было, намѣстники велико-княжескіе конечно не могли въ этомъ препятствовать своему государю, вѣче же, посадники, тысяцкіе и другіе выборныя власти уже были уничтожены еще въ 1478 году. Такимъ образомъ сей мирный походъ великаго князя въ Новгородъ доставилъ ему огромныя богатства и лишилъ Новгородцовъ запасной казны. Довольный такимъ изходомъ настоящаго дѣла, великій князь, лишивши Новгородъ и запасной казны и владыки, который до сего времени оставался еще послѣднимъ представителемъ прежняго Новгородскаго порядка, къ которому всегда могли примыкать всѣ недовольные новымъ порядкомъ, поспѣшилъ уѣхать въ Москву, нетронувши другихъ участниковъ Литовской крамолы, теперь уже съ удаченіемъ владыки разсыпанныхъ и неимѣвшихъ для себя законнаго средоточія.

Удаленіе послѣдняго выборнаго Новгородскаго владыки такъ много значило и настояшко отняло силъ у Литовской партіи, что не смотря на продолжавшіяся время отъ времени крамолы въ самомъ Новгородѣ и на многія благопріятныя для возстанія обстоятельства со стороны, развлекавшія вниманіе великаго князя, Новгородцы немогли сдѣлать сколько нибудь значительнаго и серьезнаго возстанія, которое бы потребовало посылки особой Московской рати или велико-княжескаго похода. Для уничтоженія всѣхъ послѣдующихъ Новгородскихъ крамоль всегда оказывалось достаточнымъ однихъ приказаній, присланныхъ изъ Москвы, которыя постоянно исполнялись съ покорностію, не смотря на то, что иногда были очень строги и прямо клонились къ уничтоженію даже отдаленной возможности возобновить старые Новгородскіе порядки. Такъ въ 1481 году, черезъ годъ по удаленіи владыки Теофила, пришло изъ Москвы приказаніе взять знаменитыхъ Новгородскихъ бояръ, Василья Казимира, брата его Ивана Короба, Михаила Берденева и Лукку Оедорова, давнишнихъ приверженцевъ Литовской партіи; и приказаніе это было исполнено тихо, безъ явнаго сопротивленія. Лѣтописи даже не указываютъ на преступленія сихъ бояръ, и причина ихъ взятія очевидно состояла въ ихъ прежней приверженности къ королю Казимиру и въ продолжавшихся тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ, которыя были дознаны во время изслѣдованія дѣла о владыкѣ Теофилѣ и можетъ быть подтверждены новы-

Крамолы въ Новгородѣ и выселеніе многихъ Новгородскихъ семействъ въ Московскія владѣнія.

ми доносами изъ Новгорода, гдѣ бояре и жити люди по присягѣ, данной въ 1478 году, должны были доносить другъ на друга государю о добрѣ и злѣ. Въ 1484 году, пришелъ изъ Новгорода въ Москву новый доносъ отъ Новгородцовъ Московской партіи, которые писали, что ихъ противники сносятся съ Литовскимъ королемъ Казимиромъ; по этому доносу было схвачено и отвезено въ Москву тридцать человекъ бояръ и житиыхъ людей, а дома ихъ разграблены. Хотя доносъ этотъ по слѣдствію оказался не совсѣмъ справедливымъ и несчастные въ жестокихъ пыткахъ въ Москвѣ, оговаривавшіе другъ друга, услыхавъ наконецъ о повелѣніи всѣхъ ихъ повѣсить, передъ смертію стали просить другъ у друга прощенія въ томъ, что не стерпя пытокъ, оговорили другъ друга напрасно; тѣмъ не менѣ великій князь, отмѣнивши смертную казнь, приказалъ ихъ разсажать по тюрьмамъ въ оковахъ, семейства же ихъ сослалъ въ заточеніе, а имѣніе взялъ на себя. При этомъ случаѣ, по свидѣтельству лѣтописей, были ограблены и сосланы въ заточеніе знаменитая Новгородская боярыня Настасья Кузмина, та самая, у которой въ 1475 году, великій князь пировалъ на Городищѣ, и бояринъ Иванъ Кузминъ, въ 1478 году, при взятіи Новгорода бѣжавшій въ Литву въ королю Казимиру въ сопровожденіи 30 человекъ служителей, который, не получивъ отъ короля ожидаемыхъ милостей и оставленный своими, возвратился въ Новгородъ только самъ-третей.

Въ 1486 году, Новгородское войско съ великокняжескимъ намѣстникомъ Яковомъ Захарьевичемъ по приказу государеву ходило на Тверь; а потомъ въ 1487 году, часть Московской рати, по взятіи Твери, семнадцать недѣль квартировала въ Новгородѣ, и въ томъ же году по государеву приказу были выведены изъ Новгорода пятьдесятъ семействъ лучшихъ богатѣйшихъ гостей и поселены во Владимирѣ. Между тѣмъ великокняжескій намѣстникъ Яковъ Захарьевичъ распоряжался въ Новгородѣ, нисколько несправляясь съ старыми Новгородскими порядками, и своими распоряженіями довелъ Новгородцовъ до явнаго возстанія. Въ 1488 году Новгородцы собрались толпою и замышляли убить намѣстника; но, не имѣя единодушія и порядочныхъ вождей, были легко разогнаны намѣстничьими дворянами, и часть ихъ намѣстникъ самъ пересѣкъ и перевѣшалъ въ Новгородѣ. А потомъ, когда объ этомъ возмущеніи было донесено великому князю; то онъ прислалъ отъ себя приказъ всѣхъ участвовавшихъ въ возмущеніи перевезти въ Москву; и по этому приказу болѣе семи тысячъ житыхъ людей были выселены изъ Новгорода и получили для своего поселенія земли въ Московскихъ владѣніяхъ, и частію въ самой Москвѣ, главные же заводчикиматежа были казнены смертію. Но выселеніе Новгородцовъ этимъ некончилось; изъ Новгорода стало поступать къ великому князю много жалобъ на его Новгородскихъ намѣстниковъ и волостелей въ напрасныхъ обидахъ и продажахъ; а намѣстники и

волостели, оправдываясь, говорили, что жалобники были участниками въ мятежѣ и хотѣли убить ихъ, что они безпрестанно заводятъ крамолы. Въ слѣдствіе этаго великій князь въ 1489 году, прислалъ повелѣніе, по которому до тысячи семействъ Новгородскихъ бояръ и житыхъ людей были высланы въ Москву; и великій князь далъ имъ земли, кому въ Москвѣ, кому во Владимирѣ, кому въ Нижнемѣ, Переяславлѣ, Муромѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ и въ другихъ городахъ; а на ихъ мѣсто прислалъ боярскихъ дѣтей и лучшихъ гостей изъ Москвы и другихъ городовъ Московскаго государства, и далъ имъ земли въ Новгородскихъ владѣніяхъ преимущественно около Новгорода и въ самомъ Новгородѣ. Симъ переселеніемъ были закончены всѣ Новгородскія смуты, Литовская партія пала безъ возврата, и Новгородъ не только по строю своему и по властямъ, но и по высшему слою всего населенія сдѣлался Московскимъ. Московскіе переселенцы не знали и не хотѣли знать старыхъ Новгородскихъ порядковъ, а прежніе изконные Новгородцы, оставшіеся на своей родинѣ, большею частію и прежде тянувшіе къ Москвѣ и не довольные старыми Новгородскими порядками, теперь безпрепятственно стали сливаться и родниться съ Московскими поселенцами.

И тѣмъ съ большимъ успѣхомъ Новгородъ сталъ усваивать себѣ Московскіе порядки, что не только намѣстники и другіе свѣтскіе правители назначались изъ Московскихъ бояръ; но даже и влады-

Новгородъ окончателъно подчиняется Московскимъ порядкамъ.

ка Новгородскій, по удаленіи послѣдняго выборнаго архіепископа Теофила, сталъ присылаться изъ Москвы. Первый изъ Новгородскихъ владыкъ послѣ Теофила Сергій, старецъ Троицкаго Сергіева монастыря, поставленный въ 1484 году, отказался отъ Новгородской кафедрѣ, не проживши и года, (черезъ 9 мѣсяцевъ и 24 дня) и уѣхалъ изъ Новгорода въ Троицкій Сергіевъ монастырь; такъ горько ему было непривычное Новгородское житье и такъ еще сильна была Новгородская оппозиція владыкъ, присланному изъ Москвы. По прямому свидѣтельству лѣтописей, онъ постоянно приказывалъ и распоряжался не впадать и возбуждалъ въ народѣ и духовенствѣ Новгородскомъ противъ себя неудовольствія и укоризны; такъ что его разглашали помѣшаннымъ или изступленнымъ за неуваженіе къ Новгородскимъ святынямъ. Преемнику Сергія архіепископу Геннадію, изъ архимандритовъ Чудова Московскаго монастыря, поставленному въ томъ же 1484 году, первоначально также было не легко справляться съ старыми Новгородскими порядками; но онъ умѣлъ поставить дѣло церковной Новгородской реформы такъ ловко, что Новгородская оппозиція скоро должна была ему уступить; онъ всѣхъ защитниковъ старины началъ преслѣдовать, отыскивать въ нихъ недостатки и лишать священства, а кого находилъ слишкомъ строптивымъ и опаснымъ, тѣхъ отсылалъ въ Москву, гдѣ, разумѣется, не давали имъ потачки. Геннадій особенно хорошо умѣлъ воспользоваться дѣйствительными и рѣзкими

беспорядками, допущенными въ послѣднее время въ Новгородской церкви; онъ съ умѣлъ напасть на слѣды ереси жидовствующихъ или раціоналистовъ, занесенной въ Новгородъ изъ Литвы въ то время, какъ приглашенъ былъ въ 1471 году Новгородцами князь Михаилъ Олельковичъ. Напавши на слѣды этой опасной ереси, владыка Геннадій началъ сильное преслѣдованіе еретиковъ, самъ судилъ ихъ и сожигалъ на кострахъ на Духовскомъ полѣ, иныхъ предавалъ торговой казни, другихъ ссылалъ въ заточеніе, а другіе сами бѣжали въ Литву и къ Нѣмцамъ. Въмѣстѣ съ преслѣдованіемъ еретиковъ здѣсь преслѣдовались и всѣ противники распоряженіямъ Геннадія. И такимъ образомъ (Новгородъ и въ церковномъ отношеніи подчинился окончательно Московскимъ порядкамъ, и вся древняя жизнь Новгорода со всѣми преданіями перешла въ исторію; а Новгородцы стали жить по новому, съ другими нравами и понятіями, отъ стараго осталась только одна земля и нѣкоторыя незначительныя учрежденія, невшавшія развиваться новымъ Московскимъ порядкамъ)

О Г Л А В Л Е Н І Е

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Новгородскія владѣнія.

Виды Новгородскихъ владѣній 1. Новгородъ и его стороны 2. Концы города 3. Улицы 7. Новгородская земля 10. Пригороды на Новгородской землѣ 14. Присуды и погосты 22. Волостки 28. Рядки 29. Перевары 29. Новгородскія волости 30. Первый разрядъ Новгородскихъ волостей, — Торжекъ, Бѣжичи, Волокъ и проч. 32. Второй разрядъ Новгородскихъ волостей, — Заволочье 36. Третій разрядъ Новгородскихъ волостей, — Пермь, Печера и Югра 39.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

Новгородское общество.

Элементы Новгородскаго общества 43. Классы Новгородскаго общества 48. Бояре 50. Посадничьи и боярскіе дѣти 69. Гриди или овоземцы 72. Купцы 74. Черные люди 82. Вольные люди 92. Повольники Новгородскіе 96.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Новгородская церковь.

Строй Новгородской церкви 112. Епископы или владыки Новгородскіе 119. Монастыри 131. Бѣлое духовенство 142.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Новгородское правительство.

Вѣче 156. Посадники 168. Тысяцкіе 180. Сотскіе 185. Старосты 189. Биричи и подвойскіе 194: Князья 196.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЫЙ.

Новгородъ отъ прибытія Рюрика до кончины Юрія Владимировича Долгорукаго, князя Суздальскаго.

Приглашеніе князей въ Новгородъ 215. Князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ 217. Князь Олегъ и его преемники до Владимира 222. Князь Владимиръ Святославичъ 223. Князь Ярославъ Владимировичъ 225. Князь Изяславъ Ярославичъ 231. Князь Глѣбъ Святославичъ 232. Князья Святополкъ Изяславичъ и Мстиславъ Владимировичъ 233. Состояніе Новгорода при князѣ Мстиславѣ Владимировичѣ 235. Князь Всеволодъ Мстиславичъ 236. Князь Святославъ Ольговичъ 243. Новыя отношенія Новгорода къ князьямъ 245. Борьба съ Юріемъ Долгорукимъ 248. Слѣдствія борьбы Новгорода съ княземъ Юріемъ Долгорукимъ 255. Торговля Новгорода и отношенія къ Финляндіи 256.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЫЙ.

Борьба Новгорода съ дѣтьми Юрія Суздальскаго съ князьями Андреемъ Боголюбскимъ и братомъ его Всеволодомъ

Святославъ и Давыдъ Ростиславичи 259. Кн. Романъ Мстиславичъ 263. Послѣ Романа Мстиславича 265. Слѣдствія борьбы съ кн. Андреемъ Боголюбскимъ 267. Торговля Новгородцевъ 268. Борьба съ Всеволодомъ Юрьевичемъ 270. Кн. Мстиславъ Ростиславичъ 271 Кн. Владимиръ Святославичъ, присланный Кіевскимъ княземъ Святославомъ Всево-

ловичемъ 272. Ярославъ Владимировичъ, присланный Суздальскимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ 276. Кн. Святославъ, сынъ Всеволода Суздальскаго 281. Кн. Константинъ, сынъ Всеволода Суздальскаго 283. Казнь Миропкиничей 284. Кн. Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій Удамый 287. Войны съ чудью и Литвою 290. Отношенія къ Финляндіи и Шведамъ 293. Отношенія къ Югрѣ и Печерѣ 295. Торговля Новгорода 297. Договорныя грамоты съ Нѣмцами 298.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ

Борьба Новгорода съ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ.

Война съ Чудью 303. Война съ Черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Чернымъ 304. Князь Ярославъ, сынъ Всеволода Суздальскаго 305. Князь Мстиславъ Удамый вторично и война съ Ярославомъ Всеволодовичемъ 309. Кн. Святославъ Мстиславичъ, сынъ Смоленскаго князя 316. Кн. Всеволодъ Мстиславичъ, братъ Святослава 318. Кн. Всеволодъ Юрьевичъ 322. Кн. Ярославъ Всеволодовичъ 323. Кн. Всеволодъ опять 324. Кн. Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій 326. Кн. Ярославъ Всеволодовичъ 327. Кн. Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій 332. Кн. Ярославъ Всеволодовичъ, Переяславскій 337. Страшный голодъ 337. Князь Александръ Ярославичъ 343. Войны съ Литвою 344. Войны съ Чудью и Ливонскимъ орденомъ 345. Войны въ Финляндіи со Шведами 347.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

Новгородъ въ первыя 60 лѣтъ владычества Татаръ надъ Россією.

Нашествіе Батяя 349. Кн. Александръ Ярославичъ Невскій, война со Шведами 350. Война съ Ливонскими Нѣмцами 353.

Ледовое побоище 354. Набѣги Литвы 356. Князь Василій, сынъ Александра Невскаго 358. Война Новгорода съ княземъ Александромъ Невскимъ 359. Война со Шведами и Ливонскими Нѣмцами 361. Попытка Татаръ наложить дань на Новгородъ 362. Татарская перепись въ Новгородѣ 363. Кн. Дмитрій Александровичъ 364. Князь Ярославъ Ярославичъ Тверскій 365. Война съ Литвою, князь Довмонтъ 367. Война съ Датчанами и Ливонскими Нѣмцами, Раковорская битва 369. Ссора съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ 374. Уставъ Ярослава о мостовыхъ 379. Договорная грамота съ Нѣмецкими городами и Готландомъ 381. Кн. Дмитрій Александровичъ и Кн. Василій Ярославичъ спорятъ о Новгородѣ 385. Кн. Дмитрій Александровичъ 387. Князь Андрей Александровичъ 391. Князь Дмитрій Александровичъ въ другой разъ 392. Война съ Шведами и Литвою 394. Князь Андрей Александровичъ вторично 395. Война съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами 397. Моръ и большій пожаръ 398. Война со Шведами 400.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

Борьба Новгорода съ Тверскими и Московскими князьями.

Князь Михаилъ Ярославичъ Тверскій и борьба съ нимъ 402. Война со Шведами въ Финляндіи 407. Пожары и ссора съ кн. Михаиломъ Ярославичемъ 407. Продолженіе войны со Шведами 409. Союзъ съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ и продолженіе войны съ кн. Михаиломъ Ярославичемъ 409. Князь Юрій Даниловичъ Московскій, походы Новгородскихъ повольниковъ и война со Шведами 417. Кн. Александръ Михайловичъ Тверскій и борьба съ нимъ 421. Кн. Иванъ Даниловичъ Московскій 422. Притѣсненія отъ Московскаго князя и внутренніе раздоры 425. Союзъ

Новгорода съ княземъ Гедиминомъ Литовскимъ 426. Возмущеніе Корѣлы и война со Шведами 429. Ссора съ Московскимъ княземъ 431. Кн. Семень Ивановичъ Московскій и война съ нимъ 433. Пожары и смятеніе народа 436. Нападеніе Лйтовскаго князя Ольгерда 439. Нападеніе короля Шведскаго Магнуса 440. Отдѣленіе Пскова отъ Новгорода 443. Князь Константинъ Суздальскій, попытка отдѣлить Новгородскую церковь отъ Московской митрополи 445. Князь Иванъ Ивановичъ Московскій, междузобія въ Новгородѣ 446. Князь Дмитрій Константиновичъ Суздальскій 448. Князь Дмитрій Ивановичъ Московскій, повольничьи походы Александра Аввакумовича и другихъ 449. Война съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ 451. Мирный договоръ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ 455. Походы повольниковъ 456. Ересь стригольниковъ 458. Мирно улаженныя недоумѣнія между Новгородцами и Московскимъ княземъ 461. Новгородъ пользуется миромъ и уваженіемъ отъ сосѣдей 463. Смятеніе въ Новгородѣ за князя Патрикія Наримантовича 464. Война съ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ и ссора съ митрополитомъ 465. Новыя укрѣпленія въ Новгородскихъ владѣніяхъ. Выборъ новаго архіепископа 468. Мятежъ въ Новгородѣ 469.

РАЗСКАЗЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

БОРЬБА НОВГОРОДЦОВЪ ЗА ВЛАДѢНІЯ И ПОСТЕПЕННОЕ РАЗЛОЖЕНІЕ
НОВГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВА.

Прежнія отношенія Новгорода къ князьямъ 470. Новый характеръ отношеній Новгорода къ князьямъ 472. Князь Василій Дмитріевичъ Московскій, миръ съ Нѣмцами 473. Пріѣздъ митрополита Кипріяна и споръ о докончальной Нов-

городской грамотѣ 474. Война съ княземъ Московскимъ за доковчальную грамоту 474. Неудачное нападеніе на Псковъ 476. Война съ Московскимъ княземъ за Заволочье 468. Новое нападеніе Московскаго князя на Заволочье 486. Унизительныя отношенія Новгорода къ князьямъ Московскому и Литовскому 488. Новгородъ еще по старинѣ даетъ у себя убѣжище Московскимъ и Литовскимъ изгнанникамъ 489. Отношенія Новгорода къ Шведамъ, Литвѣ и Польшѣ 491. Новая война въ Заволочьи 493. Междоусобіе въ Новгородѣ 496. Пожары и другія нещастія въ Новгородѣ 501. Торговля Новгорода 504. Двукратная перемѣна денежной системы въ Новгородѣ 507. Безпечность Новгородскаго правительства по смерти князя Василья Дмитріевича 507. Нападеніе Устюжанъ на Заволочье. Договоръ съ Тверскимъ княземъ 508. Война съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ 509. Договоръ съ Литовскимъ княземъ Свидригайломъ по смерти Витовта 510. Московскій князь Василій Васильевичъ ищетъ убѣжища въ Новгородѣ 511. Новгородцы идутъ казнить Великіе Луки и Ржеву за неплатежъ даней 512. Московскій князь Василій Васильевичъ вступаетъ въ договоръ съ Новгородомъ и не исполняетъ его. Черный боръ 513. Договоръ съ Литовскимъ княземъ Казимиромъ, унизительный для Новгорода 515. Война съ Московскимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ 516. Внутренніе недуги Новгородскаго общества и его постепенное разложеніе 517. Набѣги Нѣмцевъ и Тверскаго князя 520. Десятилѣтній голодъ 522. Вѣрность и мужество Заволочанъ 523. Мятежъ въ Новгородѣ по случаю передѣлки денегъ 524. Князь Дмитрій Шемика. Война съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами 528. Договоръ Новгорода съ Московскимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ 529. Походъ Московскаго князя на Новгородъ 533. Яжелбицкій миръ и договорныя грамоты съ Московскимъ княземъ 534. Новыя не бывалыя отношенія Новгорода къ Московскому князю 536. Мирный прїездъ Московскаго князя въ Новгородъ 538.

РАЗСКАЗЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ПАДЕНІЕ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

Московскій князь Иванъ Васильевичъ держитъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ по Яжелбицкому миру и заботится о Новгородскихъ интересахъ 540. Внутреннія нестроенія въ Новгородѣ, богатая молодежь и женщины заправляютъ дѣлами. Марѳа Борецкая 541. Неуваженіе къ справедливымъ требованіямъ Московскаго государя 543. Волненія въ Новгородѣ по смерти архіепископа Іоны 454. Партія Борецкихъ и молодежи требуетъ союза съ Польскимъ королемъ Казимиромъ 547. Договоръ и подданство Новгорода Казимиру 548. Посольства Московскаго князя и митрополита съ убѣжденіями, чтобы Новгородцы не вступали въ подданство Казимиру 551. Походъ Московскаго князя на Новгородъ 553. Коростынская битва 554. Шелонская битва 556. Новгородцы готовятся выдержать осаду 558. Голодъ и ссоры партій Литовской и Московской 559. Посольство къ Московскому князю о мирѣ 561. Коростынский миръ 562. Коростынскія договорныя грамоты 563. Захваты Новгородцовъ по Двинѣ 567. Новые безпорядки и мятежи въ Новгородѣ послѣ Коростынскаго мира 569. Судная окончательная Новгородская грамота 571. Насиліе и грабежи въ Новгородѣ, продажность суда и своеволие 575. Московскій князь по просьбѣ обидимыхъ мирно ѣдетъ въ Новгородъ чинить судъ и управу 577. Судъ Московскаго князя надъ обидчиками 580. Ходатайство владыки и бояръ за осужденныхъ и отвѣтъ Московскаго князя 582. Двухмѣсячное пребываніе Московскаго князя въ Новгородѣ послѣ суда, пиры, подарки 584. Московскій князь вызываетъ Новгородцовъ на свой судъ въ Москву 586. Новгородъ присылаетъ къ Московскому князю грамоту, въ которой называетъ его своимъ государемъ 588. Посольство Московскаго князя въ Новгородъ для принятія отъ Новгородцовъ присяги 590.

VIII

Литовская партія возбуждаетъ мятежъ и даетъ отвѣтъ Московскому князю, что Новгородцы непосылали грамоты въ Москву 591. Война Московскаго князя съ Новгородомъ 592. Первое Новгородское посольство къ великому князю въ станъ въ Сытинѣ 596. Отвѣтъ князя Новгородскому посольству 598. Крайне стѣснительное положеніе Новгорода, голодъ и беспорядки 600. Новыя посольства Новгородцовъ къ великому князю въ станъ 602. Рѣшительный отвѣтъ великаго князя 604. Новгородцы соглашаются отмѣнить вѣче и посадника 606. Переговоры о волостяхъ, которыя Новгородъ уступаетъ великому князю 608. Бояре великаго князя приводятъ Новгородцовъ къ присягѣ 614. Великій князь назначаетъ четырехъ намѣстниковъ въ Новгородъ 616. Новыя неустройства въ Новгородѣ и тайныя сношенія съ Казимиромъ 619. Приѣздъ великаго князя въ Новгородъ и судъ надъ владыкою Теофиломъ 620. Крамолы въ Новгородѣ и выселеніе многихъ Новгородскихъ семействъ въ Московскія владѣнія 623. Новгородъ окончательно подчиняется Московскимъ порядкамъ 626.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СОЧИНЕНИЕ

ИВАНА БЪДЯЕВА.

КНИГА ТРЕТЯ.

МОСКВА.

Въ Синодальной Типографии.

1867 года.

РАСКАЗЫ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СОЧИНЕНИЕ

ИВАНА ВЪЛЯЕВА.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.

ВЪ Синодальной Типографіи.

1867 года.

ИСТОРІЯ
ГОРОДА ПСКОВА
И
ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

МОСКВА.

Въ Синодальной Типографіи на Никольской улицѣ.
1867 года.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАНА.

Псковъ родина великой княгини Ольги, супруги Историческое значеніе Псковской земли. Рюрикова сына Игоря, былъ однимъ изъ древнѣйшихъ пригородовъ Новгорода великаго. Страна, гдѣ построень Псковъ, лежала на межѣ Новгородскихъ владѣній съ землями Чуди, и Летголы. Когда собственно былъ построень Псковъ, на это мы не имѣемъ свидѣтельствъ; но что онъ былъ уже при первыхъ Варяго-Русскихъ князьяхъ, на это прямо указываетъ нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ; онъ, говоря о бракѣ Игоря Рюриковича, пишетъ: „и приведоша ему жену отъ Плескова, именовъ Ольгу.“ И конечно не при Рюрикѣ же былъ построень Псковъ, иначе бы лѣтописецъ упомянулъ о его построеніи; да и нельзя предположить, чтобы Новгородцы окраину своихъ владѣній, сосѣднюю съ землями немирныхъ Чудь и Летголы, оставили безъ надежнаго укрѣпленія; такой оплошности опытные въ колонизаціи Новгородцы не любили дѣлать, и никогда не оставляли своихъ колоній безъ опорнаго пункта, подъ защиту котораго колонисты могли бы укрываться въ случаѣ нужды. По всему вѣроятію первоначальное построение Пскова должно отнести къ тому доисторическому времени, когда Новгородцы подчинили себѣ племя Нарову и стали выдвигать свои колоніи въ земли Чуди и Летголы. Построеніе укрѣпленнаго города, и построеніе

именно раннеездѣсь тѣмъ болѣе было необходимо, что сосѣднія племена Летголы, Ливи и особенно Чуди вовсе неотличались мирнымъ и уступчивымъ характеромъ, а были извѣстны жестокостію и воинственностію; такъ что къ берегамъ Чуди, извѣстной у западныхъ народовъ подъ именемъ Эстовъ, побаивались приставать даже и такіе морскіе волки, какими въ то время были Норманны или Варяги. Это построение города на землѣ только что подчиненнаго племени и на межѣ съ племенами не мирными и не уступчивыми, а на противъ съ характеромъ, ежели не завоевательнымъ, то грабительскимъ, или любящими пожить на щетъ сосѣдей, дало Пскову особенное значеніе и надолго опредѣлило его историческій характеръ, какъ сторожеваго бойца постоянно обязаннаго отражать первые удары враговъ. Новгородъ смотрѣлъ на Псковъ именно какъ на стража оберегателя юго-западной окраины Новгородскихъ владѣній, и съ этой точки зрѣнія опредѣлялъ свои отношенія къ нему. Точно также и Псковъ понималъ свое историческое значеніе, и по мѣрѣ силъ выполняя это назначеніе, мало по малу такъ устроилъ всю свою страну, что она представляла собою болѣе или менѣе передовую оборонительную линію, вытянутую имянно по границѣ съ немирными сосѣдями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на древнюю карту Псковской земли, которая, вытянувшись съ юга на сѣверъ по рѣкѣ Великой и по восточнымъ берегамъ Псковскаго и Чудскаго озеръ, мало углублялась на западъ и востокъ, и главнымъ образомъ представляла собою не правильный рядъ укрѣпленій, преимущественно расположенныхъ на западной и юго-западной окраинѣ

примыкавшей къ землямъ Чуди, Лётголы и Литвы, которыя укрѣпленія постоянно разпространялись и поддерживались въ продолженіе всей исторіи Пскова.

Псковъ, какъ пригородъ Новгорода великаго, имѣлъ Виды владѣній. тѣже виды владѣній какъ и Новгородъ; но характеръ этихъ видовъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ быть не совсѣмъ одинаковъ съ характеромъ владѣній Новгородскихъ. Виды Псковскихъ владѣній были слѣдующіе: первый видъ самъ Псковъ, какъ древнѣйшая Новгородская колонія въ здѣшнемъ краю, первый опорный пунктъ здѣшнихъ Новгородскихъ поселеній, гнѣздо здѣшней славянщины; второй видъ Псковская земля, или земля святыя Троицы, гдѣ были построены древнѣйшіе Псковскіе пригороды, занятые сплошнымъ Псковскимъ или славянскимъ населеніемъ, гдѣ уже были вытѣснены иноплеменники и гдѣ слышалась одна славянская рѣчь; третій видъ владѣній составляли колоніи, или волости Псковскія въ чужой землѣ, это Псковскіе города и укрѣпленные селенія разсыпанные въ земляхъ Лётголы, и Чуди, по всему вѣроятію незначительныя и поддерживаемыя собственно для того, чтобы имѣть вліяніе на сосѣдей, вести съ ними торговлю и при случаѣ собирать съ нихъ дань.

Псковъ, какъ городъ, составляли слѣдующія части: Псковъ городъ и его части. Дѣтинець, Кромъ, Городъ, Полонище, Запсковье и Завеличье. Самое древнее поселеніе во Псковѣ, гнѣздо Пскова составлялъ Дѣтинець лежавшій въ углу образуемомъ рѣками Великой и Псковой и не вдалекѣ отъ Псковскаго озера, соединеннаго съ Чудскимъ озеромъ или Пейпусомъ, онъ стоялъ собственно на берегу рѣки Великой на высокомъ холмѣ, и былъ

первою крѣпостію построенною Новгородцами въ землѣ племени Наровы; въ XIII столѣтіи онъ былъ уже обнесенъ толстою плитною стѣною, построенною знаменитымъ Псковскимъ княземъ Довмонтомъ. Въ Дѣтницѣ находилась главная соборная во Псковѣ церковь св. Троицы, имѣвшая для Псковичей тоже значеніе народной святыни, какое для Новгорода имѣла церковь св. Софіи; но по историческимъ обстоятельствамъ Пскова церковь св. Троицы носила на себѣ нѣсколько иной характеръ чѣмъ Новгородская церковь св. Софіи, въ ней главное управленіе было не столько въ вѣдѣніи духовенства, сколько въ рукахъ мірскихъ людей, — старость выбираемыхъ городомъ и состоявшихъ въ зависимости отъ народнаго вѣча. При церкви св. Троицы имѣлась особая палата или притворъ съ городскимъ ларемъ, въ который вносились на храненіе какъ государственные законы, такъ всѣ частные договоры, сдѣлки и крѣпости, для записки которыхъ велись въ Троицкой палатѣ особыя книги, состоявшія въ вѣдѣніи мірскихъ людей ларечныхъ старость, избираемыхъ на это вѣчемъ. Печать святыне Троицы была собственно государственною печатью и замѣняла собою въ случаѣ нужды княжью печать, какъ это прямо свидѣтельствуетъ судная Псковская грамота, въ которой сказано: „а не запечатаетъ князь, ино у святѣй Троицы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ.“

За Дѣтницемъ между, Псковой и Великой, слѣдовалъ Кромъ, главный городъ, гдѣ хранились всѣ хлѣбные и другіе общественные запасы и казна, гдѣ собиралось народное вѣче, гдѣ жилъ Псковскій князь или его намѣстникъ, и гдѣ была главная торговая площадь съ

торговыми дворами и лавками. Вѣче собиралось собственно подъ стѣною дѣтинца, у подножія Довмонтовой башни, близъ перкви св. Троицы, гдѣ висѣлъ вѣчевый колоколь и гдѣ устроены были особыя степени для засѣданій вѣча; по крайней мѣрѣ по свидѣтельству лѣтописей здѣсь было обычное мѣсто вѣча съ конца XIII вѣка. Кромъ или Кремъ вскорѣ послѣ Дѣтинца также былъ обведенъ каменною или плитяною стѣною, отъ рѣки Псковы до рѣки Великой.

За Кромомъ слѣдовалъ собственно городъ, гдѣ находились болѣе древніе концы и улицы. Этотъ городъ въ 1309 году былъ укрѣпленъ плитяною стѣною отъ церкви св. апостоль Петра и Павла до рѣки Великой, построенною посадникомъ Борпсомъ. За рѣкою Великою, противъ Дѣтинца и Крома, лежалъ посадъ Завеличье, гдѣ стоялъ нѣмецкій торговый дворъ, и гдѣ производилась главная торговля съ западными иноземцами. Завеличье въ Псковѣ до нѣкоторой степени напоминало Варяжскую или Варьскую улцу въ Новгородѣ, гдѣ по берегу Волхова лежали иноземныя пристани. Противъ Крома и Города, на лѣвомъ берегу Псковы, лежалъ посадъ Запсковье; а на востокъ и югъ по рѣкѣ Псковѣ, на правомъ берегу, вплоть до рѣки Великой, посадъ Полонище.

Такимъ образомъ изъ шести частей Пскова четыре: Дѣтинецъ, Кромъ, Городъ и Полонище лежали въ углу, образуемомъ рѣками Псковой и Великой, въ мѣстѣ самую природою защищаемомъ означенными рѣками отъ нападенія враговъ съ запада и юга, откуда преимущественно и должно былождать нападеній; остальные же двѣ части находились въ зарѣчьи,—на лѣвомъ берегу Великой Завеличье и на лѣвомъ берегу Псковы

Запсковье. Сии двѣ части Пскова долгое время оставались безъ укрѣпленій, и обыкновенно при нападеніи непріятелей, въ случаѣ нужды, сжигались самими Псковичами. Но за то Кромъ, Дѣтинецъ и Городъ, какъ боевые пункты удобные для защиты, постоянно укрѣплялись каменными стѣнами, которыя время отъ времени подновлялись и увеличивались. Такъ мы уже видѣли, что вокругъ Дѣтинца была устроена толстая плитяная стѣна, построенная еще княземъ Довмонтомъ; потомъ вскорѣ были укрѣплены такими же стѣнами Кромъ и Городъ. Далѣе въ 1373 году Псковичи поставили четвертую плитяную стѣну отъ Псковы до Великой, которая служила общею обороною для Дѣтинца, Крома и Города. Эта стѣна была проведена не подалеку отъ старой стѣны. Въ 1394 году выстроена новая стѣна около Крома; въ 1399 году Псковичи выстроили новую стѣну къ старой стѣнѣ, на приступѣ отъ рѣки Великой до Псковы, и по этой стѣнѣ поставили три костра или башни; въ 1401 году заложили новую стѣну къ старой стѣнѣ, каменную подлѣ рѣки Великой; въ 1404 году такая же стѣна была выведена по берегу Псковы, подлѣ старой стѣны, толще и выше. Въ 1452 году была построена новая стѣна на городъ на Кромѣ отъ великихъ воротъ возлѣ входа до малыхъ воротъ; и въ той же стѣнѣ улажено пять погребовъ, или подземныхъ ходовъ; въ 1458 году ту же стѣну наддѣлали выше. Въ 1465 году посажане Запсковья сами на свой щетъ заложили деревянную стѣну около всего Запсковья, отъ рѣки Великой до Псковы. Эта постоянная забота объ укрѣпленіяхъ и самый выборъ мѣстности для построения города лучше и нагляднѣе всего указываютъ на

боевое значеніе Пскова, какъ передоваго поста на украинѣхъ сосѣдней съ немирными племенами, и рѣзко отличаетъ характеръ Пскова отъ Новгорода Великаго, который сравнительно со Псковомъ почти незаботился о своихъ городскихъ укрѣпленіяхъ и по своему положенію долгое время не нуждался въ нихъ.

Псковъ, раздѣленный на шесть частей, представлявшихъ какъ бы отдѣльные города, выстроенные въ разное время, и какъ слои указывающіе на постепенное распространеніе и усиленіе дѣлаго города, въ то же время дѣлился подобно Новгороду, въ административномъ отношеніи, на концы и улицы. По лѣтописямъ въ 1454 году во Псковѣ считалось шесть концовъ, носившихъ слѣдующія названія: Богоявленскій конецъ въ Запсковьи, Опоцкій конецъ въ Полонищѣ, Торговскій и Боловинскій концы въ Кромѣ, Городецкій конецъ, вѣроятно, въ городѣ, и шестой конецъ Острыя Лавицы. Концы въ Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ, составляли свои отдѣльныя общины, изъ союза которыхъ состоялъ Псковъ; они имѣли свое управленіе, своихъ выборныхъ старостъ; жители ихъ состояли изъ бояръ, купцовъ и черныхъ людей, которые всѣ, подобно Новгородцамъ, принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ всей Псковской земли. Отъ имени концовъ и всего Пскова заключались договоры съ сосѣдними государями, и отъ концовъ посылались бояре на съѣзды: такъ въ 1471 году для переговоровъ съ королемъ Литовскимъ на съѣздѣ на Березничи были отправлены четыре посадника и бояре отъ всѣхъ концовъ; или въ 1473 году для переговоровъ съ магистромъ Ливонскимъ Псковъ отправилъ трехъ старыхъ посадниковъ и бояръ отъ кон-

Концы.

цовъ. Но значеніе концовъ во Псковѣ было не совсѣмъ одинаково съ ихъ значеніемъ въ Новгородѣ; ибо у Псковичей между концами были раздѣлены всѣ Псковскія владѣнія, такъ что каждому концу причислялись тѣ или другіе пригороды Псковской земли, чего въ Новгородѣ вовсе не было. Въ Псковской лѣтописи подъ 1468 годомъ прямо сказано: тою же весною Псковъ подѣлилъ по два пригорода на всѣ концы; къ каждому концу къ старымъ пригородамъ новые жеребьемъ дѣлили, а бралъ жеребьи князь Василій, князя Ѳедора Юрьевича сынъ съ престола“. Псковскіе концы во время военныхъ походовъ отряжали отъ себя особыхъ воеводъ, которые предводительствовали какъ кончанскою ратью, такъ и ратью тѣхъ пригородовъ, которые подчинены концу; такъ подъ 1478 годомъ при походѣ Псковичей на Новгородъ, „въ помощь великому князю Московскому, сказано: въ Псковской же рати были отряжены воеводы, семь посадниковъ и иніи сынове посадничьи, и бояре и дѣти боярскіе многіе у Псковской рати воеводами изъ концовъ отряжены.“ Концы какъ самостоятельныя общины, управлявшіе не только улщамъ во Псковѣ, которыя имъ принадлежали, но и опредѣленными пригородами въ Псковской землѣ, имѣли каждый свое особенное хозяйство и сборную казну, на которую каждый конецъ, по мѣрѣ надобности, воздвигалъ общественныя зданія, и изъ которыхъ дѣлалъ другія затраты по своимъ общественнымъ нуждамъ. Такъ въ 1466 году, по случаю мора во Псковѣ, каждый конецъ построилъ по скудельницѣ для погребенія своихъ умершихъ; или въ 1471 году для построенія новой стѣны на Полонищѣ всѣ концы дѣлали расклад-

ку или разрубы отдѣльно, каждый конецъ на свою долю стѣны. Каждый конецъ даже имѣлъ свои склады оружія на защиту города, свои пушки и свои погреба съ порохомъ; такъ подь 1507 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „что во время пожара въ Запсковьи зелій пушечныхъ (пороха) сгорѣла бочка, занеже ту зелія всего конца стояли.“

Торговище, или торговые ряды, устроенные въ Кромѣ, и со всею торговою площадью составляли особый конецъ, носившій названіе торгового и представлявшій отдѣльное вѣдомство, которое управлялось самостоятельно и независимо и имѣло своихъ купеческихъ старость, по каждому ряду своихъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ лѣтописнаго извѣстія подь 1510 годомъ, въ которомъ сказано, что Псковичи послали къ великому князю Василю Ивановичу въ Новгородъ девять посадниковъ и купеческихъ старость отъ всѣхъ рядовъ.

Торговище.

Кромѣ концовъ Псковъ еще дѣлился на улицы; сколько было улицъ во Псковѣ и какія изъ нихъ были главныя по лѣтописямъ и по другимъ памятникамъ опредѣлить въ настоящее время мы не можемъ. Но то несомнѣнно, что въ Псковѣ улицы составляли особыя общины съ своимъ мѣстнымъ управленіемъ и старостами, точно такимъ же порядкомъ, какъ это было въ Новгородѣ; члены улицъ, т. е. домо-хозяева у Псковичей назывались сусѣдами, и имѣли общія дѣла цѣлой улицы; такъ въ лѣтописи подь 1433 годомъ сказано: Петровскіе сусѣди, т. е. улчане Петровской улицы, разбили старый костеръ (башню) и выстроили изъ камня церковь Бориса и Глѣба: или въ 1486 году Запсковскіе сусѣди Богоявленскій конецъ

Улицы.

строили одну треть стѣны, а Козьмодемьянскіе сусѣди двѣ трети стѣны. Какъ въ Новгородѣ каждая улица имѣла свою общину, или мѣсто для управы и суда между уличанами, гдѣ хранилась и общественная казна улицы и разныя книги и списки уличанамъ; такъ точно и во Псковѣ каждая улица имѣла свое мѣсто суда и управы, гдѣ засѣдали при разсужденіи объ общественныхъ дѣлахъ уличане съ своимъ старостою. Эти мѣста уличанской управы во Псковѣ кажутся называ-

Лавицы.

лись лавицами, какъ и всякое мѣсто управленія и суда, о чемъ намекаетъ слѣдующее извѣстіе Псковской лѣтописи, помѣщенное подъ 1504 г.: „а легла та грамота митрополича предъ посадники Псковскими и священники у лавицы.“ По лѣтописямъ упоминаются слѣдующія лавицы: въ Запсковьи Жабья лавица и Жирковская лавица; въ Боловинскомъ концѣ Боловинская лавица, Боркова лавица; Куклина лавица въ Опоцкомъ концѣ Ропатая лавица; въ Острые лавицы концѣ Острая лавица. Впрочемъ относительно значенія лавицъ во Псковѣ нельзя сказать съ полною достовѣрностію; ибо по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописей можно думать, что лавицами назывались особыя улицы: такъ подъ 1493 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „того же лѣта церковь каменну свершиша святаго Георгія на болотѣ, въ Острой лавицы. Вообще значеніе лавицы во Псковѣ по извѣстнымъ въ настоящее время памятникамъ довольно неясно и неопредѣленно.

Псковская земля.

За городомъ Псковомъ слѣдовала Псковская земля или земля святыя Троицы, т. е. владѣнія Пскова, находившіяся въ полной власти Псковскаго вѣча и преимущественно населенныя Псковичами. Псковская зем-

ля прямо отъ Пскова по теченію рѣчи Великой шла на сѣверъ по восточному берегу Псковскаго и Чудскаго озеръ, можетъ быть, до впаденія рѣки Плюсы въ Нарову. На востокъ Псковская земля граничила съ Новгородскою землею, и рубежъ ея лежалъ по теченію рѣкъ Плюсы и Лютой на Дубровну и съ Дубровны нѣсколько къ западу на рѣку Череху, постепенно склоняясь къ рѣкѣ Великой, захватывая восточные притоки этой рѣки и оканчиваясь у Опочки, крайняго южнаго пригорода Псковской земли. Съ Опочки рубежъ Псковской земли поворачивалъ на западъ и сходилса у Вышъгородка съ Полотскою и Литовскою землею, и далѣе шелъ по восточной границѣ Ливонскихъ владѣній до западнаго берега Псковскаго озера, южная половина котораго принадлежала Псковичамъ, а сѣверная Ливонцамъ. Эта западная граница была въ постоянномъ спорѣ у Псковичей сперва съ Летголою и Чудью, а потомъ съ Ливонскими Нѣмцами, а по сему то выдвигалась далѣе на западъ, то отодвигалась назадъ къ востоку, смотря по тому усиливались ли, или ослабѣвали въ этомъ краю Псковичи.

Самое густое населеніе Псковской земли шло по теченію рѣки Великой почти отъ верховьевъ ея до устья. На этой рѣкѣ, кромѣ самаго Пскова, стояли лучшіе Псковскіе пригороды: Опочка, Вороначь и Островъ. Все это пространство вполнѣ принадлежало Пскову, заселено было Псковичами и тянуло своими интересами и всею своею жизнію ко Пскову; здѣсь Псковское вѣче было полнымъ и постояннымъ хозяиномъ, или, иначе сказать, все это пространство составляло одно неразрывное цѣлое со Псковомъ, и въ разное время было застроено Псковскими пригоро-

дами, которые преимущественно были расположены по рѣкѣ Великой, и именно по лѣвому или западному ея берегу, какъ болѣе нуждавшемуся въ укрѣпленіяхъ. По рѣкѣ Великой стояли восемь Псковскихъ пригородовъ; изъ нихъ самый южный, почти въ верховьяхъ Великой, былъ Опочка въ 120 верстахъ отъ Пскова; за Опочкою, внизъ по рѣкѣ Великой, Вороначь; за Вороначемъ на сѣверъ слѣдовалъ Дубокъ; далѣе за Дубкомъ на поворотѣ рѣки Великой къ западу Островъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ еще въ XIV столѣтіи и выдержавшій нѣсколько осадъ отъ Нѣмцевъ и Литовцевъ; на сѣверъ за Островомъ на рѣкѣ же Великой стоялъ городъ Котельно, и наконецъ за Псковомъ на сѣверъ почти при впаденіи рѣки Великой въ Псковское озеро былъ построенъ Псковичами пригородъ Володимерецъ. Въ этомъ же краю неподалеку отъ рѣки Великой на ея притокахъ были построены города: Вревъ около Воронача, и Кошкинъ городокъ въ углу, образуемомъ рѣками Великою и Черехою. По южной границѣ, ближе къ Литовско-Полотскому рубежу, стояли Псковскіе пригороды: Вышгородокъ на рѣкѣ Ладѣ впадающей въ рѣку Великую съ лѣвой стороны; Коложе, кажется на рѣкѣ Лжѣ, тоже притокѣ Великой; Красный городокъ во 100 верстахъ отъ Пскова, на рѣкѣ Синей, тоже впадающей въ рѣку Великую съ лѣвой стороны; Заволочье при верховьяхъ рѣки Великой въ 200 верстахъ отъ Пскова, и Ржевъ неподалеку отъ Себежскаго озера. На западной границѣ по рубежу съ Ливонскими Нѣмцами Летголою и Чудью древнѣйшимъ пригородомъ Пскова былъ Иаборскъ, упоминаемый еще въ IX столѣтіи при приглашеніи Рюрика въ Нѣвгородъ; онъ лежалъ на юго-

западѣ въ 30 верстахъ отъ Пскова на Славянскихъ ключахъ, и считался главнымъ оплотомъ Псковской земли въ этомъ краѣ, былъ укрѣпленъ плитяною стѣною и большею частію удачно выдерживалъ многочисленныя осады Нѣмцевъ. За Изборскомъ въ этомъ краю слѣдовалъ пригородъ Велья, нѣсколько на сѣверѣ отъ Изборска; этотъ пригородъ въ первый разъ упоминается въ XIV столѣтіи; онъ также считался передовымъ бойцомъ Псковской земли противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, и будучи хорошо укрѣпленъ удачно выдерживалъ непріятельскія осады. Далѣе, на западномъ берегу Псковскаго озера на самыхъ границахъ съ Ливонцами, на урочищѣ Желачко, долго бывшемъ въ спорѣ между Ливонскими Нѣмцами и Псковичами, Псковичи въ 1462 году выстроили Новый Городецъ; въ этомъ же краю неподалеку отъ Псковскаго озера на лѣво отъ устья рѣки Великой, стоялъ ближайшій къ Пскову пригородъ Лагозовици, весьма важный для защиты рыболовства на Псковскомъ озерѣ, и посему часто подвергавшійся нападенію Ливонскихъ Нѣмцевъ. На самомъ сѣверѣ Псковской земли у восточныхъ береговъ Чудскаго озера, вѣроятно для обороны отъ Чуди и Нѣмцевъ со стороны Наровы рѣки, стояли два Псковскихъ пригорода: Гдовъ, самый дальній на сѣверѣ въ 120 верстахъ отъ Пскова, и ближе къ Пскову въ той же сторонѣ Озолца; и наконецъ тамъ же на рубежѣ съ Новгородскими владѣніями Кобылей. Впрочемъ не было времени, когда бы всѣ Псковскіе пригороды были на лицѣ въ полномъ составѣ, а напротивъ пограничные города подвергаясь частымъ нападеніямъ непріятелей, то разорялись и приходили въ запустѣніе, и на ихъ мѣсто устроивались новые

города, то опять возобновлялись старые; такъ что никогда Псковъ не имѣлъ болѣе двѣнадцати пригородовъ въ одно время; а при паденіи Пскова было только одиннадцать пригородовъ и одно городище.

Значеніе
пригоро-
довъ.

Во Псковѣ пригороды далеко не имѣли того значенія, какимъ они пользовались въ Новгородѣ. Псковъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на младшіе Псковы, и по этому держалъ ихъ въ полной зависимости отъ Псковскаго вѣча; и хотя они по устройству своему уподоблялись Пскову, но далеко не пользовались тою самостоятельностью, какою пользовались пригороды Новгородскіе. Псковъ по преимуществу придерживавшійся демократическихъ началъ и заботившійся не допустить, чтобы кто усилился передъ Псковскимъ вѣчемъ въ Псковской землѣ, зорко смотрѣлъ за своими пригородами и строго преслѣдовалъ тѣхъ, которые бы рѣшились что-либо сдѣлать самовольно. А посему пригороды въ Псковской землѣ большею частью имѣли только значеніе крѣпостей, какъ на это довольно ясно указываетъ самое размѣщеніе Псковскихъ пригородовъ преимущественно по западной и южной границамъ, бывшимъ во все продолженіе Псковской исторіи не безопасными отъ непріятельскихъ нападений. Кромѣ того пригородамъ во Псковѣ принадлежало значеніе административныхъ центровъ для управленія приписанными къ нимъ волостями; но это значеніе было второстепенное и не необходимое, ибо во Псковѣ волости могли управляться и на дѣлѣ управлялись нерѣдко сами собою, и прямо относились къ Псковскому вѣчу или посадникамъ безъ посредства пригородовъ, какъ это указываютъ многочисленныя волости на востокъ отъ рѣки Великой, гдѣ почти не было

пригородовъ, какъ въ краю сосѣднемъ съ Новгородскою землею и слѣдовательно безопасномъ отъ непріятельскихъ нашествій.

Самое управленіе въ пригородахъ всегда было подчинено строгому контролю Псковскаго вѣча, которое даже судебные приговоры въ пригородахъ нерѣдко подвергало новому пересмотру и рѣшенію. Пригороды во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ дѣлахъ суда и управы должны были просить разрѣшенія во Псковѣ, въ противномъ случаѣ подвергались гнѣву Псковскаго вѣча и тяжелому штрафу; такъ въ 1477 году Псковъ опалился (разгнѣвался) и продалъ Опочку (наложилъ штрафъ на Опочку) и взялъ сто рублей за то, что они повѣсили коневаго татя, а безъ Псковскаго повелѣнія. Нѣтъ ни одного указанія въ лѣтописяхъ, изъ котораго бы-можно заключить, что представители пригородовъ приглашались на Псковское вѣче для общихъ разсужденій, какъ это иногда бывало въ Новгородѣ; напротивъ того, всѣ лѣтописныя извѣстія указываютъ на одно,—что пригороды были только безпрекословными исполнителями приговоровъ Псковскаго вѣча. Такъ во время войны пригороды выставляли своихъ воинскихъ людей по участкамъ, которые опредѣлялись Псковскимъ вѣчемъ,—по сколько человѣкъ ратныхъ людей нарядить съ пригорода, и таковыя ратные люди назывались рубленые ратные люди, т. е. наряженные по разрубѣ, по раскладкѣ сдѣланной Псковскимъ вѣчемъ. Напримѣръ подъ 1463 годомъ лѣтопись говоритъ: „и совокупишася Псковичи съ пригорожаны пошли къ Нѣмецкому городку; а иная Псковская сила, нерубленые люди, охочій человѣкъ, въ то же время ходили за Изборскъ вое-

вать Нѣмецкую волость.“ Или въ 1480 году при нападении Нѣмцевъ на Псковъ, пригороды по Псковскому повелѣнію явились съ своими ратями по раскладкѣ и стояли на бродахъ по рѣкѣ Великой, не пропуская Нѣмцевъ чрезъ рѣку. Или въ 1498 году по Псковскому повелѣнію пригороды съѣхались со всею ратною приправою на рѣку Плюсу къ Иванъ-городу на съѣздъ съ Нѣмцами за тѣмъ только, чтобы удобнѣе вести переговоры о мирѣ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ ни одного извѣстія, чтобы какой либо пригородъ послушался Псковскаго повѣленія или началъ отговариваться и уклоняться отъ исполненія приказа Псковскаго вѣча.

Пригороды, по распоряженію Псковскаго вѣча, должны были принимать не только посадниковъ присылаемыхъ изъ Пскова, но и княжихъ намѣстниковъ, воеводъ и другихъ начальниковъ; и въ этомъ отношеніи пригороды раздѣлялись на два разряда: въ одинъ посылались княжіе намѣстники, а въ другіе не посылались. Кромѣ того, какъ мы уже частію видѣли, пригороды дѣлились по жребію между концами Пскова, такъ что каждому концу подчинялся тотъ или другой пригородъ. Этотъ раздѣлъ по жеребью прямо показываетъ, что распредѣленіе пригородовъ по концамъ было чисто административное, а не бытовое или жизненное; самъ по себѣ пригородъ не имѣлъ никакой связи съ концомъ; онъ не былъ колонією конца, а приписывался къ концу только по опредѣленію общаго Псковскаго вѣча, которое руководилось не интересами пригородовъ, а чисто административнымъ соображеніемъ крѣпче связать каждый пригородъ двойнымъ подчиненіемъ и вѣчу конца, и общему вѣчу цѣлаго Пскова.

Псковскіе пригороды вовсе не были младшими братьями или дѣтьми Пскова, и устроивались не столько съ цѣлію мирной колонизаціи края, сколько изъ видовъ обороны Псковской земли отъ нападенія немирныхъ сосѣдей. Это лучше всего свидѣтельствуется самымъ построеніемъ пригородовъ: пригороды во Псковѣ обыкновенно строились или самимъ Псковомъ, по военнымъ соображеніямъ, преимущественно въ замѣнъ стараго какого либо пригорода, уничтоженнаго непріателемъ, или самими жителями того края, гдѣ строился пригородъ, по ихъ просьбѣ и на ихъ счетъ, только съ разрѣшенія Псковскаго вѣча, и также съ цѣлію обороны отъ враговъ, какъ опорный пунктъ, куда бы жители могли укрываться при непріятельскомъ нашествіи. Такъ въ 1476 году по свидѣтельству лѣтописи: „пріѣхали слобожане изъ Кокшинской волости, и стали бить челомъ князю Ярославу и посадникамъ Псковскимъ и всему Пскову, (т. е. вѣчу), чтобы ихъ пожаловали, освободили имъ на городци у рѣчки у Лодѣ городъ ставити: и Псковъ на вѣчѣ освободилъ и грамоту далъ, что имъ сими часы запасы всякіе запасая, на томъ мѣстѣ класть, гдѣ быть городу, а дана грамота Марта въ 10 день, въ недѣлю“. И въ томъ же году на лѣто послали Псковичи двухъ посадниковъ и бояръ своихъ изо всѣхъ концовъ окладати города городча у рѣчки у Лодѣ въ Кошкинской волости.“ Такимъ образомъ Псковскіе пригороды собственно были, какъ первоначально и самъ Псковъ, только крѣпостями, защищавшими Русскую цивилизацію отъ напора иноземцевъ, враждебно относившихся къ занятію края Русскими. Даже незамѣтно, чтобы Псковскіе пригороды процвѣтали торговлею или

другими какими промыслами, какъ это мы встрѣчаемъ въ иныхъ Новгородскихъ пригородахъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что Псковская земля относительно промышленной и торговой предприимчивости не уступала Новгородской; но торговля и всѣ промыслы въ Псковской землѣ производились самими жителями волостей и губъ безъ посредства пригородовъ. Таковому порядку, между прочимъ много способствовало самое расположеніе селеній въ Псковской землѣ, преимущественно по рѣкамъ, которыя самой природою всѣ соединялись съ рѣкою Великою, а Великая шла прямо въ Псковъ и туда же тянула и всю Псковскую землю съ ея произведеніями, и такимъ образомъ торговля всей Псковской земли сосредоточивалась въ самомъ Псковѣ и почти не нуждалась въ мѣстныхъ центрахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ естественно пригороды почти неимѣли никакого торгового значенія.

Губы. Губы во Псковѣ значили тоже, что присуды въ Новгородѣ, къ нимъ тянули судомъ и управою приписанныя къ нимъ волости и селенія. Губами завѣдывали губскіе старосты, которые избирались мѣстнымъ населеніемъ изъ своей же среды. О началѣ губъ въ Псковской землѣ мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ; но едва ли не должно признать, что губы первоначально образовались изъ древнихъ округовъ по уголовнымъ дѣламъ, извѣстныхъ по Русской правдѣ подъ именемъ вервей, или вервинъ; слѣдовательно губы первоначально были учрежденіемъ бытовымъ, относящимся только до разбора дѣлъ по убійствамъ и разбоямъ; въ послѣдствіи же во Псковѣ администрація воспользовалась симъ бытовымъ учрежденіемъ и образовала изъ него мѣстный судъ по всѣмъ

дѣламъ и гражданскимъ и уголовнымъ и даже по дѣламъ мѣстной управы. Во Псковѣ образованіе и развитіе губы съ такимъ значеніемъ тѣмъ болѣе было необходимо, что пригороды съ характеромъ военныхъ крѣпостей не совсѣмъ удовлетворяли потребностямъ мѣстнаго суда и управленія. Къ тому же Псковское вѣче не любило давать пригородамъ полную власть надъ окружающею ихъ странюю, а напротивъ старалось, чтобы власть вездѣ была не единичная. Притомъ же громадная, сравнительно, доля Псковскихъ владѣній,— весь край на востокъ отъ рѣки Великой до границъ Новгородской земли,—почти не имѣла пригородовъ, а между тѣмъ тамошнія волости были хорошо населены, и конечно нуждались въ мѣстномъ судѣ и управѣ; и для этихъ волостей губы были единственными судебными и административными центрами. Здѣсь губы въ административномъ отношеніи замѣняли собою недостатокъ городовъ и сообщали всему краю сплошной сельскій характеръ, не замѣчаемый въ другихъ краяхъ тогдашней Русской земли.

Волость во Псковѣ значила то же, что погость въ Новгородѣ, и состояла изъ нѣсколькихъ селъ и деревень, которыя непосредственно управлялись выборными волостными старостами. Какъ погость въ Новгородѣ, такъ точно и волость во Псковѣ были первоначально бытовою формою Псковскихъ поселеній; волость въ Псковской землѣ значила то же, что улица въ самомъ городѣ Псковѣ, т. е. бытовую единицу, общину: ибо во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ деревни и селенія были очень малы для того, чтобы составлять самимъ собою сколько нибудь самостоятельное цѣлое, и поему сѣвшили примыкать къ какому нл-

Волость.

будь ближайшему центру, составить общину; и этою общиною у Псковичей была волость, а у Новгородцевъ погость. Но Псковская волость, означавшая тоже, что Новгородскій погость, съ тѣмъ вмѣстѣ имѣла и высшее значеніе, и пользовалась большею самостоятельностью. У Псковичей волости, какъ уже было замѣчено выше, большею частію зависѣли прямо отъ Псковскаго вѣча безъ посредства пригородовъ, и даже по своимъ соображеніямъ сами, съ разрѣшенія Псковскаго вѣча, строили на своей землѣ пригороды; тогда какъ Новгородскіе погосты селились на землѣ подчиненной пригородамъ, и посему зависѣли отъ своихъ пригородовъ, а не прямо отъ Новгородскаго вѣча. Вообще Псковское вѣче болѣе было расположено въ пользу волостей, немогшихъ представлять серьезнаго сопротивленія приговорамъ вѣча, нежели городовъ, которые имѣли болѣе возможности къ сопротивленію, какъ центры болѣе сильныя и сосредоточенныя.

Псковскія волости, подобно Новгородскимъ погостамъ, состояли изъ селъ и деревень разныхъ разрядовъ по праву владѣнія землею. Въ одной и той же волости были деревни черныя, принадлежащія общинамъ и несоставлявшія ничьей личной собственности, и деревни владѣльческія, земля которыхъ составляла частную собственность или монастырей и церквей, или бояръ и купцовъ, или принадлежала какой либо улицѣ или концу въ городѣ. Но различіе селъ и деревень, по праву владѣнія землею, не полагало никакого различія относительно суда и управы; судъ и управа по общему порядку принадлежали выборнымъ отъ самаго мѣстнаго общества старостамъ, которымъ въ этомъ

отношеніи подлежали и сами землевладѣльцы наравнѣ съ крестьянами, даже живущими на ихъ земляхъ; патримоніальная юрисдикція, или вотчинный судъ и управа, во Псковѣ кажется вовсе не существовали, развѣ за весьма незначительными изключеніями, по особымъ привилегіямъ, которыя давались не иначе, какъ по приговору общаго Псковскаго вѣча. Общее же правило въ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, живущимъ на ихъ земляхъ, состояло въ томъ, что крестьяне жили на земляхъ владѣльцевъ какъ жильцы по взаимнымъ условіямъ, на основаніи чисто частныхъ гражданскихъ договоровъ, въ которыхъ не могло быть и помину о патримоніальной юрисдикціи. Псковская судная грамота, этотъ основной законъ суда и управы въ Псковскихъ владѣніяхъ, прямо говоритъ, что землевладѣлецъ даже съ виноватымъ крестьяниномъ, или по псковски изорникомъ, не иначе могъ вѣдаться какъ общимъ судомъ, и на оборотъ крестьянинъ имѣлъ право искать на землевладѣльцѣ также общимъ судомъ. Въ грамотѣ сказано: „Ежели крестьянинъ убѣжитъ отъ землевладѣльца и оставитъ имущество, изъ котораго землевладѣльцу слѣдуетъ получить данное крестьянину въ ссуду на обзаведеніе; то владѣлецъ не можетъ этого сдѣлать самовольно, а долженъ взять у князя и у посадника пристава, да позвать губскихъ старость и постороннихъ людей и передъ ними продать имущество крестьянина и взять что слѣдуетъ за данную крестьянину ссуду. А ежели имущества оставленнаго крестьяниномъ будетъ недостаточно на уплату ссуды; то владѣлецъ недостающее не иначе можетъ искать, какъ судомъ, когда явится бѣжавшій крестьянинъ. Или въ другой статьѣ та же

грамота говорить: „Ежели крестьянинъ умретъ у владѣльца на селѣ, оставивъ у господина записъ въ полученной отъ него въ ссудѣ, жена же и дѣти крестьянина не будутъ помянуты въ этой записи; то они не имѣютъ права отговариваться тѣмъ, что не помянуты въ записи, а должны платить ссуду по записи. А ежели крестьянинъ не давалъ записи въ ссудѣ; то землевладѣлецъ по смерти его можетъ искать на его семействѣ своей ссуды не иначе, какъ судомъ по Псковской пошинѣ.

Владѣнія
Пскова
въ Псков-
ской зем-
ли.

Псковъ въ древности, подобно Новгороду и вмѣстѣ съ нимъ, имѣлъ владѣнія и внѣ Псковской земли, которыя были въ такихъ же отношеніяхъ къ Пскову, какъ Заволочье, Пермь, Печера въ отношеніи къ Новгороду. Владѣнія сіи, состоявшія изъ небольшихъ и рѣдкихъ колоній, находились собственно въ земляхъ Эстонской Чуди, Летголы или Латышей. Весь тамошній край, подобно Заволочью на Сѣверо-востокѣ, былъ поприщемъ для Новгородской и особенно для Псковской колонизаціи, и при первыхъ русскихъ князьяхъ уже платилъ дань Новгороду и Пскову. Нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ еще на первыхъ страницахъ своей лѣтописи говоритъ, что Литва, Чудь, Зимгола, Корсь, Нарова и Ливь платятъ дань Русл. Но полное покореніе всего края, а равно окончательная колонизація его и сообщеніе съ Новгородцами и Псковичами могло быть только въ послѣдствіи, при благоприятныхъ обстоятельствахъ; тамошнія племена Чуди и Летголы были довольно сильны и упорны, чтобы отстаивать свою народность и не слиться скоро съ Новгородцами и Псковичами; у нихъ была уже своя какая-то цивилизація, свои города и

укрѣпленныя мѣста для защиты. Хотя они и платили дань и не могли отдѣлаться отъ славянской колонизаціи; но тѣмъ не менѣе уступали только сплѣ и не переставали враждовать противъ своихъ Славянскихъ сосѣдей и далеко не были такъ податливы и уступчивы, какъ на сѣверо-востокѣ заволочьская Чудь, Пермь и Печера; у нихъ должно было отнимать землю силою и колонизировать край понемногу, шагъ за шагомъ. Новгородцы и Псковичи дѣйствительно такъ и поступали, и такимъ образомъ кажется еще до прибытія Варяго-русскихъ князей успѣли ослабить часть тамошняго края по всему теченію Наровы, по восточному берегу Псковскаго и Чудскаго озеръ и частію по западному берегу, гдѣ проникли до рѣки Эмбаха, или Амовжи, на которой Великій Князь Ярославъ Владимировичъ въ 1030 году построилъ городъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ, какъ опорный пунктъ Новгородской и Псковской колонизаціи въ земляхъ Чуди. А сынъ Ярослава Изяславъ, въ началѣ своего княжествованія, по смерти отца, ходилъ для Новгорода и Пскова на западный берегъ Чудскаго озера и взялъ тамъ городъ Осекъ Кидипивъ, принадлежавшій Эстонской Чуди; потомъ въ 1060 году опять водилъ Новгородцевъ и Псковичей въ страну Чуди и принудилъ тамошнее племя Сосоль платить дань по 2000 гривенъ въ годъ; но по удаленіи его Сосолы избили Новгородскихъ и Псковскихъ даньщиковъ и даже дѣлали набѣгъ на Псковскую землю. Въ XII столѣтіи мы уже имѣемъ свидѣтельство о Новгородскихъ и Псковскихъ колоніяхъ въ землѣ Чуди Эстонской, куда посылали въ заточеніе людей, подвергшихся опалѣ Новгородскаго вѣча. Такъ въ Новгородской лѣтописи

подъ 1141 годомъ читаемъ: „Заточиша Якуна въ Чудь съ братомъ, приковавше имъ руки къ шеѣ.“ Но колонизація Новгородцевъ и Псковичей въ тамошнемъ краю вообще была непрочно и ненадежна; Чудь, Ливь и Летгола враждебно смотрѣли на Славянскія колоніи въ своей землѣ, и хотя временно уступали напору Новгородской и Псковской силы, но при первомъ удобномъ случаѣ старались за набѣги платитъ набѣгами и раззорять и подчинять себѣ Славянскія колоніи въ своемъ краю. Такъ мы уже видѣли, что въ 1060 году въ слѣдъ за удаленіемъ Изяслава изъ Новгорода, Сосолы выгнали отъ себя Новгородскихъ и Псковскихъ даньщиковъ, напали на Псковскую область, и начиная съ Юрьева дошли даже до самаго Пскова; и Новгородцы и Псковичи должны были защищать отъ нихъ собственныя владѣнія. Потомъ Чудь, соединясь съ Ливью, въ началѣ XII столѣтія захватили Юрьевъ или Дерптъ, который уже только въ 1133 году возвращенъ былъ Княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, и вскорѣ снова былъ потерянъ; и въ 1191 году Новгородцы и Псковичи предпринимали походъ къ Юрьеву и подъ предводительствомъ князя Новгородскаго Ярослава взяли этотъ городъ и обложили Чудь данью. Впрочемъ не смотря на упорное сопротивление Чуди, Ливи и другихъ тамошнихъ племенъ, Новгородцы и Псковичи во все продолженіе XII и большей половины XIII столѣтій не отказывались отъ колонизаціи тамошняго края, предпринимали туда нѣсколько удачныхъ и неудачныхъ походовъ, исходили всю тамошнюю страну изъ края въ край, облагали жителей данью, брали города и опять теряли, а между тѣмъ мирная колонизація шла сама по себѣ; и у Нов-

городцевъ и Псковичей уже образовалось убѣжденіе, что вся тамошняя страна составляетъ владѣніе Новгорода и Пскова; и отъ этого убѣжденія они никогда не отказывались и при всякомъ удобномъ случаѣ на дѣлѣ заявляли свои притязанія на этотъ край и уже имѣли тамъ прочныя связи, по которымъ все тамошнее населеніе скоро ли долго ли должно было подчиниться Новгороду и Пскову и принять ихъ обычаи.

Но въ началѣ XIII столѣтія здѣсь явился новый сильный и предприимчивый противникъ—Нѣмцы. Они еще въ концѣ XII столѣтія, съ согласія Полотскихъ князей, утвердились въ Низовьяхъ Западной Двины, и чтобы надежнѣе удержаться въ занятомъ краю между враждебнымъ населеніемъ, учредили у себя орденъ меченосцевъ или Ливонскихъ рыцарей, постоянно пополняемый многочисленными пришельцами изъ разныхъ краевъ Германіи, и, постепенно подвигаясь къ востоку, мало по малу подчинили себѣ земли Корси, Ливи и Чуди, насильно обращая жителей въ Латинскую вѣру. Въ слѣдъ за Нѣмцами явились туда Датчане и Шведы тоже съ цѣлю обращать тамошнихъ жителей въ Латинскую вѣру и заводить тамъ свои колоніи. Всѣ сіи новые колонизаторы и съ ногъ до головы вооруженные миссіонеры Латинской вѣры естественно были не по душѣ ни старымъ колонизаторамъ Псковичамъ и Новгородцамъ, ни туземцамъ края—Чуди, Ливи и Летголъ. Особенно Нѣмцы страшно отягощали туземцевъ, огнемъ и мечемъ обращая ихъ въ Латинскую вѣру, чего никогда не дѣлали ни Новгородцы ни Псковичи, крестившіе только тѣхъ туземцевъ, которые добровольно принимали православную вѣру. Туземцы, выведенные изъ терпѣнія, рѣ-

пились возстать на Нѣмцевъ и обратились за помощью къ Новгородцамъ и Псковичамъ. Это было самое удобное время для Новгорода и Пскова утвердиться окончательно въ земляхъ Чуди и Ливи и они обѣщались дать помощь туземцамъ; но, занятые собственными междоусобіями и ссорами съ князьями, не могли исполнить своего обѣщанія; а между тѣмъ Нѣмцы, пользуясь бездѣйствіемъ Псковичей, страшно наказали возстававшихъ туземцевъ и крѣпче прежняго утвердились въ тамошнемъ краю. Такимъ образомъ удобное время было пропущено; и Псковскія колоніи въ земляхъ Чуди и Летголы годъ отъ года стали терять свое значеніе и подчиняться Нѣмцамъ, и въ 1224 году Нѣмцы успѣли взять приступомъ самое важное укрѣпленное мѣсто, городъ Юрьевъ, служившее опорой всѣмъ Псковскимъ колоніямъ въ тамошнемъ краю, перебили всѣхъ бывшихъ тамъ Русскихъ, назвали городъ Дерптомъ и утвердились въ немъ. Впрочемъ нѣсколько удачныхъ походовъ сдѣланныхъ Новгородцами и Псковичами, на время поправили Псковскія дѣла въ тамошнемъ краѣ, и даже сами Нѣмцы по договору съ Новгородомъ и Псковомъ обязались платить дань съ Юрьева, теперь уже называвшагося Дерптомъ, и съ другихъ тамошнихъ мѣстъ; по этому Псковичи еще нѣсколько времени посылали своихъ данщиковъ для сбора дани съ Чуди и Летголы, и еще имѣли тамъ свои колоніи. Но по мѣрѣ усиленія Нѣмцевъ въ тамошнемъ краю посылка данщиковъ съ каждымъ годомъ дѣлалась затруднительнѣе, а Псковскія колоніи постепенно уничтожались или занимались Нѣмцами; и дѣло кончилось тѣмъ, что къ концу XIII столѣтія Псковъ окончательно потерялъ всѣ свои владѣнія внѣ

Псковской земли, и даже свою собственную землю постоянно долженъ былъ защищать отъ Нѣмцевъ и Литовцевъ. Послѣдній разъ о Псковскихъ колоніяхъ въ чужой землѣ упоминается подъ 1283 годомъ, когда были избиты Нѣмцами Псковскіе данщици въ Алыстѣ (Маріенбургѣ).

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

Люди въ Псковской землѣ.

Псковъ, какъ колонія Новгорода, и притомъ такая колонія, которая постоянно находилась въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ своею митрополіею, почти до половины XIV столѣтія, естественно долженъ былъ усвоить всѣ Новгородскіе порядки, и онъ дѣйствительно ихъ усвоилъ: но согласно съ мѣстными условіями общественной жизни далъ имъ свой оттѣнокъ, и такимъ образомъ значительно измѣнилъ ихъ соображаясь съ мѣстными условіями, сообщилъ имъ свой типъ, который при видимомъ сходствѣ далеко не походилъ на типъ Новгородскій. Таковому важному измѣненію прежде всего способствовало то, что Псковъ былъ колонія Новгорода; слѣдовательно многое въ устройствѣ, что въ Новгородѣ складывалось и выдѣлялось долгимъ опытомъ жизни общества, во Псковъ было принесено готовымъ и, конечно, не совсѣмъ подходящимъ къ мѣстнымъ условіямъ Псковскаго общества, гораздо младшаго сравнительно съ Новгородскимъ обществомъ; и по сему старое готовое устрой-

Общій
взглядъ
на Псков-
ское об-
щество.

ство во многомъ должно было измѣнять и прилаживать къ новому и первоначально незначительному обществу. Потомъ, съ другой стороны, Новгородскіе порядки должны были во многомъ видоизмѣняться во Псковѣ, потому, что Псковъ былъ поставленъ въ необходимость постоянно отбиваться отъ немирныхъ сосѣдей, будучи построенъ на самой границѣ; тогда какъ въ этомъ отношеніи Новгородъ былъ поставленъ со всѣмъ въ другихъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ за то время, когда уже появился Псковъ, первоначально же, конечно, были тѣ же условія и въ Новгородѣ.

Все это заставило Псковское общество сложиться иначе нежели Новгородское, хотя оно первоначально заимствовало у Новгорода и людей его, составлявшихъ и самое общественное устройство, и долго находилось въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ. Самые элементы Псковскаго общества были тѣ же, которые были и въ Новгородскомъ обществѣ т. е. Ильменскіе Славяне вышедшіе изъ Новгорода и туземныя Финскія племена, жившія по Наровѣ, около Чудскаго озера и по рѣкѣ Великой; даже взаимныя отношенія сихъ двухъ элементовъ, вообще смотря, были тѣ же, какъ и въ Новгородѣ, т. е. отношенія пришельца колониста къ туземцу старожилу. Но за колонистомъ Псковичемъ стоялъ Новгородецъ; отсюда естественно Псковичь дѣйствовалъ смѣлѣе и самонадѣяннѣе, опираясь въ случаѣ нужды на Новгородца, что дѣйствительно почти всегда и бывало, какъ свидѣлствуютъ памятники; а съ другой стороны и туземный Чудинъ-Эстонецъ, сосѣдъ большаго озера и моря, былъ смѣлѣе и напористѣе, нежели тотъ же Финнъ жившій въ средоземьѣ. Объ Эстонцахъ, какъ мы

уже упоминали, Скандинавскія саги прямо говорятъ, что это племя отличалось воинственностію и страшно было своими морскими разбоями и жестокостію. Слѣдовательно, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, колонизація, доставшаяся на долю Пскова, по необходимости во многомъ разнилась противъ мирной колонизаціи Новгородской. Волей—неволей война была постояннымъ удѣломъ Псковича и Изборянина, и притомъ война мелкая, въ которой каждый поселенецъ былъ въ одно и то же время и земледѣльцемъ или торговцемъ и воиномъ,—сѣвернымъ казакомъ, человѣкомъ самостоятельнымъ, твердымъ, неподатливымъ и тугимъ на покорность. А посему Псковское общество, сложившееся по Новгородскому образцу, хотя и признало у себя тѣ же классы, которые были и въ Новгородѣ, т. е. большихъ людей и меньшихъ,—бояръ, купцовъ и людиновъ, общинниковъ,—тѣмъ не менѣе отношеніе и значеніе сихъ классовъ, по самому характеру людей ихъ составлявшихъ, было совсемъ не таково, какъ въ Новгородѣ.

Первый классъ въ Псковскомъ обществѣ составляли бояре; но замѣчательно, въ Псковскихъ лѣтописяхъ бояръ нигдѣ не называютъ вѣщшими передними людьми, большими людьми, хотя самое названіе бояръ и сохранилось. Бояре Псковскіе были одни и тѣ же съ Новгородскими боярами. По тѣсной связи Пскова съ Новгородомъ и по отношеніямъ Пскова, какъ пригорода, къ Новгороду какъ къ митрополіи, одни и тѣ же фамиліи были боярами и въ Новгородѣ и въ Псковѣ, и переходили изъ Новгорода въ Псковъ и изъ Пскова въ Новгородъ почти въ продолженіе всего перваго періода Псковской исторіи, т. е. въ продолженіе

Бояре.

почти пятисотъ лѣтъ извѣстныхъ исторіи. Такъ напримѣръ Мирославъ Гюратиничъ Новгородскій бояринъ въ 1126 году былъ выбранъ въ Новгородскіе посадники, а въ 1132 году получилъ посадничество въ Псковѣ, и въ 1134 году опять былъ выбранъ посадниковъ въ Новгородъ. Или въ 1176 году Новгородскіе бояре Никита Захарыиничъ и Станиславъ Иваничъ со многими товарищами участвовали въ войнѣ Псковичей съ Чудью и были убиты въ сраженіи подъ стѣнами Пскова. Или въ 1228 году Новгородскіе бояре Борисъ Негоцевичъ, Петръ Водовиковичъ и другіе противники князя Ярослава Всеволодовича удалились во Псковъ и оттуда начали войну съ Ярославомъ; и когда Ярославъ сталъ звать Новгородцевъ на эту войну, то Новгородъ на это не согласился, и Ярославъ долженъ былъ воротить свои войска, приведенныя изъ Переяславля. Таковая близкая связь Новгородскихъ и Псковскихъ боярь естественно должна была сообщить большую силу и значеніе классу Псковскихъ боярь. И дѣйствительно исторія свидѣтельствуетъ, что бояре во Псковѣ первоначально имѣли большую силу; ихъ связи, вліяніе и богатство дѣлали ихъ могущественными вождями общества; они нерѣдко скопляли около себя значительныя дружины охотниковъ, поступавшихъ на ихъ содержаніе, а иногда увлекали за собою ту или другую часть общества, или по своей волѣ поднимали тотъ или другой пригородъ. Такъ напримѣръ Псковскій бояринъ Иванъ Дорогомиловичъ въ 1265 году привелъ свою дружину князю Довмонту въ помощь противу Нѣмцовъ. Или въ 1331 году Псковскіе бояре Филиппъ Ледовичъ и Олферій Селковичъ подняли Порѣчанъ и условились съ Островичами идти на Лет-

голу; или въ томъ же году бояринъ Карпъ Даниловичъ Калека водилъ охочую дружину Псковской молодежи на Нарову противъ Нѣмцевъ; а другой бояринъ Володша Строиловичъ поднялъ за собою Псковичей на Нѣмцевъ, воевавшихъ по Псковскому рубежу, и потомъ съ другимъ бояриномъ Ильею Борисовичемъ защищалъ Изборскъ. Или въ 1368 году бояринъ Селило Скертовскій собралъ охотниковъ и ходилъ къ Нѣмецкому городу Кирыпигъ. Мало этого, Псковскіе бояре, дѣйствуя за одно съ своими сторонниками Новгородскими боярами, преслѣдуя свои фамилные интересы распоряжались силами Псковичей по своему усмотрѣнію, ссорили и мирили Псковъ съ князьями, и употребляли Псковичей для поддержки своихъ пріятелей Новгородскихъ бояръ. Такъ въ 1137 году Псковскіе бояре, по согласію съ одною партіею бояръ Новгородскихъ, подняли весь Псковъ въ пользу князя Всеволода Мстиславича, изгнаннаго Новгородцами, и впутали было Псковичей въ войну съ Новгородцами, вызвали во Псковъ Всеволода; но Всеволодъ въ томъ же году скончался и такимъ образомъ междоусобная война Пскова съ Новгородомъ прекратилась сама собою. Или въ 1228 году Псковскіе бояре, поддерживая партію Новгородскихъ бояръ, недовольныхъ княземъ Новгородскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, втянули Псковъ въ войну съ Ярославомъ и въ противонародный союзъ съ Ливонскими Нѣмцами, которые при помощи тѣхъ же измѣнниковъ Псковскихъ и Новгородскихъ бояръ даже на время успѣли ввести свой гарнизонъ въ самый Псковъ, и передать власть надъ городомъ своему союзнику новгородскому боярину Твердиславу Иванковичу. Эта послѣдняя продѣлка

Псковскихъ бояръ верховодовъ, дѣйствовавшихъ за одно съ партією такихъ же верховодовъ Новгородскихъ бояръ, наконецъ образумила Псковичей, и когда въ 1242 году князь Александръ Ярославичъ Невскій выгналъ Нѣмцевъ и Новгородскихъ и Псковскихъ бояръ измѣнниковъ, то Псковское вѣче стало иначе смотрѣть на своихъ бояръ, и хотя не лишило ихъ правъ службы господину Пскову, но уже болѣе не признавало ихъ своими безусловными руководителями, а на противъ службу ихъ обществу подвергло строгому своему контролю, и во все послѣдующее время уже стало держать ихъ въ строгой зависимости.

Послѣ 1242 года Псковскіе бояре, какъ лучшіе люди, попрежнему пользовались большимъ уваженіемъ отъ народа и были передовыми людьми Псковскихъ общинъ, представителями своихъ концовъ, улицъ и пригородовъ; и посему избирались во всѣ важныя общественныя должности: въ должности посадниковъ, сотскихъ, судей, губскихъ старостъ, воеводъ и посланниковъ отъ Пскова. Такъ подъ 1426 годомъ лѣтопись говоритъ: и Псковичи послаша къ Витовту своихъ пословъ посадника Ѳедоса Ѳефиловича и посадника Якима Павловича и иныхъ бояръ и взяша миръ съ Витовтомъ. Или подъ 1460 годомъ: „послаша Псковичи пословъ своихъ въ Великій Новгородъ Юрья посадника Тимоѣевича, Максима Ларивоновича и бояръ изъ всѣхъ концовъ. Или подъ 1463 годомъ и даша на вѣчѣ воеводство Максиму посаднику Ларивоновичу и Алексѣю Васильевичу и Игнатію Логиновичу, и совокупившеся Псковичи съ пригорожаны, и поидоша къ Городку.“ Псковскіе бояре вмѣстѣ съ посадникомъ и другими выборными властями даже имѣли право отмѣнять законы;

такъ подь 1472 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „во Псковѣ посадникъ Псковскій Аѳанасій Юрьевичъ и бояре Псковскіе и сотскіе и судьи, тогда же и лянну грамоту подраша, вынемше изъ ларя; и бысть всѣмъ христіаномъ радость велія съ восьми бо годъ она была въ ларѣ, да много христіаномъ истомы и убытковъ въ то время было.“ Все это повидимому нисколько не измѣняло положенія бояръ противъ прежняго времени; повидимому и послѣ 1242 года вся общественная власть находилась въ ихъ рукахъ; но такъ было только повидимому, на дѣлѣ же послѣ 1242 года Псковъ годъ отъ года все болѣе прибрѣталъ характеръ чисто демократической республики, и первоначальныя аристократическія начала, принесенныя изъ Новгорода, годъ отъ года теряли свое значеніе, и вся власть постепенно сосредоточивалась въ вѣчѣ, на которомъ были равны и бояре и купцы и черные люди.

Псковичи, не менѣ Новгородцевъ предприимчивые въ торговлѣ и другихъ промыслахъ, но гораздо болѣе Новгородцевъ вышколенные непрерывною борьбою то съ Чудью, то съ Нѣмцами, то съ Литвою, выработали себѣ характеръ неуступчивый и неподатливый на покорность; а опытъ прежняго времени, когда Псковскіе бояре, дѣйствуя за одно съ одною партією Новгородскихъ бояръ, чуть не передали Псковъ Нѣмцамъ, такъ врѣзался въ памяти Псковскаго вѣча, что оно въ продолженіе всего послѣдующаго времени строго и постоянно смотрѣло, чтобы какаяднибудь власть не затѣяла подчинить своему вліянію власть вѣча. А посему какъ ни велика была повидимому власть Псковскихъ бояръ и послѣ 1242 года, но вся эта власть состояла почти исключительно въ исполненіи приго-

воровъ вѣча, и бояре, повидимому могущественные и всеильные, въ сущности были только покорными слугами вѣча. И чѣмъ болѣе бояре имѣли видимыхъ средствъ подавить остальныхъ гражданъ, и чѣмъ долѣе жилъ Псковъ, тѣмъ осторожнѣе вело себя вѣче и тѣмъ болѣе съ своей стороны принимало средствъ, которыя развивали его власть и стѣсняли значеніе бояръ. И одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ въ этомъ дѣлѣ состояло въ томъ, что вѣче, по возможности, старалось уклоняться отъ единичныхъ властей, и функціи той или другой власти дѣлить между нѣсколькими выборными лицами, или окружать ту или другую власть разными помощниками, назначаемыми вѣчемъ; и таковой порядокъ постепенно развивался по мѣрѣ того какъ Псковъ постепенно отдалялся отъ тѣсныхъ связей съ Новгородомъ и заявлялъ свои права на самостоятельность. Такъ единичную власть степеннаго посадника, сперва присылаемаго изъ Новгорода, а потомъ обратившагося въ выборнаго сановника, назначаемаго самимъ Псковскимъ вѣчемъ, Псковичи сперва старались ограничить допущеніемъ старыхъ посадниковъ участвовать въ дѣятельности степеннаго посадника, а потомъ, по мѣрѣ возможности, стали выбирать заразъ по два степенныхъ посадника; впрочемъ эта послѣдняя мѣра относительно посадничей власти употреблялась не постоянно. Но за то всѣ остальные власти, кромѣ княжеской, съ постепеннымъ развитіемъ самостоятельности Пскова, окончательно перестали быть единичными и дѣлились по крайней мѣрѣ между двумя лицами; напримѣръ судьи и старосты постоянно выбирались и отправляли свою должность по двое, а сотскихъ постоянно было по

нѣскольку; тысяцкаго же, этой важной единичной власти, вовсе не было въ средѣ сановниковъ, избираемыхъ Псковскимъ вѣчемъ. Потомъ, важнымъ средствомъ къ ослабленію бояръ, избираемыхъ представлять ту или другую власть, служилъ заведенный во Псковѣ порядокъ, по которому важнѣйшія дѣла не иначе могли быть рѣшаемы, какъ при участіи нѣсколькихъ властей, хотя бы и безъ представленія вѣчу. Такъ напримѣръ въ 1472 году, при отмѣнѣ льняной грамоты, участвовали посадникъ, сотскіе, судьи и бояре; также поступали и при изданіи того или другаго закона, напримѣръ въ 1485 году грамота о правахъ смердовъ была написана и положена въ ларь св. Троицы княземъ и всѣми степенными и старыми посадниками. Наконецъ самымъ грознымъ средствомъ противъ своевоія бояръ было право народнаго вѣча отмѣнять всѣ негодныя ему распоряженія другихъ властей и право вѣча казнить виновниковъ негодныхъ распоряженій; такъ напримѣръ въ 1458 году вѣче не только отмѣнило введенную прежними посадниками хлѣбную мѣру, невыгодную въ торговлѣ, но и тутъ же на вѣчѣ избило тѣхъ посадниковъ, которые ее ввели. Или въ 1484 г. вѣче не только отмѣнило грамоту о смердахъ, изданную посадниками Степаномъ Максимовичемъ и Леонтіемъ Тимоеевичемъ съ товарищи; но и приказано разорить дома сихъ посадниковъ, а на самихъ ихъ, успѣвшихъ убѣжать въ Москву, положило въ ларь свят. Троицы мертвую грамоту, т. е. осудило на смерть и лишило покровительства законовъ. При помощи такихъ средствъ Псковское вѣче, не лишая бояръ правъ первенствующаго сословія и предоставляя имъ всѣ права выборной власти, въ то же время положило этой

власти опредѣленные границы, въ которыхъ она не только не была опасна вѣчу, но и не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ покорнымъ исполнителемъ велѣній вѣча. И посему бояре, при всемъ ихъ большомъ значеніи въ обществѣ, вполне зависѣли отъ вѣча и несли всѣ общественныя тягости наравнѣ съ другими классами, и въ этомъ отношеніи не пользовались никакими привиллегіями. Такъ напримъ въ 1471 году, при постройкѣ новой стѣны на Полонищѣ въ разрубъ или въ раскладку запасовъ и казны на этотъ предметъ были помѣщены и посадники и великіе бояре наравнѣ съ другими гражданами; лѣтопись прямо говоритъ: „а всѣмъ Псковомъ начаша по всѣмъ концамъ рубитися, изкрѣпка, а посадниковъ и бояръ великихъ на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ начаша обрубати dospѣхи и коньми.“ По этому извѣстію въ разрубъ или въ раскладку повинностей были помѣщены или оцѣнены самимъ вѣчемъ не только недвижимыя имѣнія посадниковъ и бояръ, но ихъ оружіе и кони. Ближайшимъ слѣдствіемъ таковыхъ порядковъ было то, что съ 1242 года лѣтописи уже не упоминаютъ ни о какихъ боярскихъ партіяхъ во Псковѣ или о раздѣленіи Псковскаго вѣча пройсками бояръ верховодовъ; тогда какъ лѣтописи Новгорода переполнены извѣстіями о борьбѣ боярскихъ партій и о разныхъ незаконныхъ вѣчахъ, иногда даже одерживавшихъ верхъ надъ вѣчемъ законнымъ.

Основою значенія и могущества бояръ во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ, была частная поземельная собственность; она главнымъ образомъ сообщала боярамъ ту силу и могущество, которое ставило ихъ выше другихъ классовъ общества, **неимѣвшихъ**

частной поземельной собственности, а владѣвшихъ общинною землею; но и здѣсь Псковскіе бояре значительно уступали Новгородскимъ боярамъ. Съ одной стороны, между Псковскими боярами не было такихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, каковыми были бояре Новгородскіе, владѣвшіе необозримыми землями въ Заволочѣ. Еще въ прежнее время, когда Псковъ вмѣстѣ съ Новгородомъ имѣлъ значительныя колоніи въ земляхъ Чуди и Летголы, Псковскіе бояре еще могли тягаться своими поземельными владѣніями съ Новгородскими владѣльцами въ Заволочѣ; но съ постепеннымъ распространеніемъ владѣній Нѣмецкаго Ливонскаго ордена въ этомъ краю, тамошнія владѣнія Псковскихъ бояръ постепенно стали уменьшаться, и съ послѣднимъ уничтоженіемъ тамъ Псковскихъ колоній въ 1284 году дошли до нуля. И такимъ образомъ частная поземельная собственность Псковскихъ бояръ должна была ограничиться только Псковскою землею, которая была слишкомъ невелика, и притомъ далеко не вся принадлежала боярамъ, а напротивъ, въ большей своей половинѣ была раздѣлена между общинами и мелкими поземельными собственниками, не принадлежавшими къ классу бояръ. Между Псковичами былъ даже обычай утвержденный закономъ, по которому даже люди небогатые составляли между собою компаніи, и подъ именемъ сябровъ или пайщиковъ покупали на общій сборный капиталъ землю, и купивши дѣлили между собою по долямъ въ полную собственность. Въ повѣсти о Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ разсказывается слѣдующій случай: жители окрестныхъ селеній близъ Печерской горы сговорились между собою купить гору и лѣсъ около горы, и купивши

раздѣлили между собою купленную землю; и на этомъ дѣлежѣ мѣстность, гдѣ была древняя пещера, по жребію досталась одному изъ нихъ, по имени Ивану Дементьеву, который и поселился тамъ въ подгорьѣ, на рѣчкѣ Пачковкѣ, близъ пещеры. Потомъ въ 1473 г. тотъ же Иванъ Дементьевъ пожертвовалъ часть своей доли по ручей Каменецъ на устроеніе церкви и монастыря. Изъ этого разказа видно, что сельчане купили землю въ складчину въ качествѣ сябровъ и подѣлили ее на доли въ полную собственность; такъ одинъ изъ сябровъ Иванъ Дементьевъ часть своей доли пожертвовалъ на устройство церкви и монастыря, какъ полную собственность, не спрашивая на то согласія у другихъ своихъ сябровъ, что, конечно, онъ не могъ бы сдѣлать, еслибы земля эта составляла общинное владѣніе. Таковая мелкая поземельная собственность, легко приобретаемая въ складчину, естественно должна была сильно конкуррировать крупной боярской поземельной собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ невыгодно вліять на значеніе бояръ, какъ въ мѣстномъ обществѣ, такъ и во всей Псковской землѣ; ибо мелкіе поземельные собственники изъ черныхъ людей естественно были болѣе свободны и самостоятельны, нежели безземельные крестьяне, живущіе по взаимнымъ условіямъ на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ бояръ, и, слѣдовательно, болѣе или менѣе зависѣвшихъ отъ нихъ, какъ полныхъ хозяевъ земли; къ тому же Псковскіе законы явно склонялись въ пользу мелкой поземельной собственности противъ крупной, и особенно въ пользу обработки земли, противъ владѣнія землею безъ обработки. По Псковскимъ законамъ кто владѣлъ землею четыре или пять дѣтъ

спокойно и выстроилъ на ней дворъ и распахалъ пашню, на того прежній владѣлецъ той же земли уже не можетъ предъявлять своего земельного иска, ежели четверо или пять человѣкъ сосѣдей подтвердятъ, что тотъ владѣеть землею четыре или пять лѣтъ спокойно. Въ судной Псковской грамотѣ сказано: „А коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли о польной или о водѣ; а будетъ на той земли дворъ или нивы розстрадни, а стражетъ и владѣеть тою землею лѣтъ 4 или 5; а потому исцю слатися на сосѣдъ, человѣкъ на 4 или на 5. А сусѣди ставъ, на коихъ шлются, да скажутъ какъ правъ предъ Богомъ, что чистъ; и той человѣкъ который послался, стражетъ и владѣеть тою землею лѣтъ 4 или 5; а супротивникъ въ тѣ лѣта ни его судилъ, ни на землю наступался, или на воду; ино земля его чиста или вода, и дѣлованья ему нѣтъ. А тако не доискался, кто не судилъ ни наступался въ ты лѣта, а о лѣшей земли будетъ судъ,“ т. е. пятилѣтняя или четырехлѣтняя давность не уничтожала права на землю необработанную. При такомъ законѣ предприимчивые мелкіе поземельные собственники легко могли захватывать участки у крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, ежели они заняты другими дѣлами четыре или пять лѣтъ, и не обращали надлежащаго вниманія на завладѣніе, не начинали исковъ.

Съ другой стороны, самая форма владѣнія землею и отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ земли и къ обществу во Псковѣ не давали Псковскимъ боярамъ того высокаго значенія, какимъ пользовались Новгородскіе бояре, по тамошнимъ формамъ владѣнія землею и по отношеніямъ крестьянъ къ владѣльцу земли и обществу. По Псковскимъ порядкамъ бояринъ или самъ

обработывалъ свою землю наемными работниками, наймитами, или самую землю отдавалъ въ наймы охочимъ людямъ, на взаимныхъ условіяхъ, по частному договору, съ записью или безъ записи. Нанимателей земли или жильцовъ Псковскій законъ постоянно старался ставить сколько можно въ болѣе независимое положеніе отъ владѣльцевъ земли, или давать имъ права равныхъ другъ другу договаривающихся сторонъ, и не допускалъ права вотчиннаго суда землевладѣльца надъ жильцами, живущими на его землѣ. Но, конечно, при всемъ стараніи закона не могло быть равенства между бѣднымъ жильцомъ и богатымъ землевладѣльцемъ, и первый почти находился подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ втораго; и посему демократическій Псковъ, чтобы не дать перевѣса на вѣчѣ боярамъ при подачѣ голосовъ смердами или жильцами живущими на ихъ землѣ, и слѣдовательно находящимися подъ ихъ вліяніемъ, постоянно держался того правила, чтобы не допускать смердовъ къ общественнымъ дѣламъ и къ подачѣ голосовъ на вѣчѣ, и за это правило особенно крѣпко держались черные люди, постоянно бывшіе на сторожѣ и опасавшіеся, чтобы бояре какимъ нибудь образомъ не получили большинства на вѣчѣ. При таковыхъ порядкахъ естественно Псковскій бояринъ не могъ вести на вѣчѣ толпу своихъ полузависящихъ кліентовъ, какъ это дѣлалъ нерѣдко бояринъ Новгородскій; и посему на Псковскомъ вѣчѣ бояре всегда оставались въ меньшинствѣ, или по крайней мѣрѣ не могли проводить законовъ въ ущербъ демократическимъ началамъ Псковскаго общества.

Кушцы. Кушцы во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ,

составляли отдѣльный классъ общества, занимавшій второе мѣсто послѣ бояръ, и имѣвшій свой судъ и управу и свое отдѣльное самостоятельное устройство. Этотъ классъ принималъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ и пользовался большимъ значеніемъ въ обществѣ; ибо Псковъ подобно Новгороду былъ по преимуществу торговымъ городомъ. Общественное устройство купечества во Псковѣ, происшедшаго отъ купечества Новгородскаго, было одинаково съ Новгородскимъ; т. е. купцы составляли общины, и только тотъ считался настоящимъ пошлымъ купцомъ, кто былъ членомъ какой либо купеческой общины, кто вложилъ въ нее извѣстный капиталъ, хотя торговать могъ всякій и невложившійся въ купеческую общину. Сколько было купеческихъ общинъ во Псковѣ мы не знаемъ; по памятникамъ встрѣчаются только нѣкоторыя общины, напримѣръ суконниковъ, кожевниковъ, мясниковъ. Каждая купеческая община имѣла своихъ выборныхъ, по общему Псковскому порядку, не менѣе двухъ, которые судили и рядили членовъ своей общины и завѣдывали общинными капиталами, впрочемъ не иначе какъ съ согласія всѣхъ членовъ своей общины, имѣвшихъ для того свои собранія или сходки. Кромѣ старость по отдѣльнымъ общинамъ еще выбирались по два старосты отъ всего купечества. Такъ въ лѣтописи подъ 1415 годомъ читаемъ: купцы Псковскіе разбили старую церковь св. Софіи и начали дѣлать новую, и въ томъ же году мастеръ Еремѣй совершилъ новую церковь каменную съ благословенія священника Ивана Халиловича и повелѣніемъ купецкихъ старость Андрея Тимофеевича, Осея и всѣхъ купцовъ. А ежели были

выборные старосты отъ всего купечества, слѣдовательно были и общія купеческія собранія или вѣча, независимыя отъ вѣча цѣлаго города всѣхъ классовъ, и на этихъ купеческихъ вѣчахъ разбирались и рѣшались дѣла, относящіяся до всего Псковскаго купечества. Таковымъ учрежденіемъ общаго купеческаго собранія или вѣча съ своими старостами Псковское купечество рѣзко отличалось отъ купечества Новгородскаго, неимѣвшаго подобнаго учрежденія, и въ цѣломъ своемъ составѣ поставленнаго въ зависимость отъ тысяцкаго.

Имѣя общее купеческое собраніе или вѣче, Псковское купечество тѣмъ самымъ пользовалось не только большею самостоятельностью противъ Новгородскаго купечества, но и въ самомъ Псковѣ имѣло сильный перевѣсъ надъ боярами и надъ черными людьми; ибо оно являлось на общенародное вѣчѣ, всегда напередъ уговорившись и уладившись на своемъ общемъ купеческомъ вѣчѣ; тогда какъ ни бояре ни черные люди не имѣли такихъ закономъ опредѣленныхъ предварительныхъ собраній, и, слѣдовательно, являлись на общенародное вѣче не столько готовыми какъ купцы. Къ тому же во Псковѣ, какъ преимущественно торговомъ въ городѣ, купцы должны были имѣть и дѣйствительно имѣли гораздо больше вліянія на черныхъ людей, чѣмъ бояре, которыхъ вліянію сильно вредили мелкіе самостоятельные землевладѣльцы и показанныя выше законныя ограниченія крупныхъ землевладѣльцевъ. Все это ставило Псковскихъ купцовъ въ такое положеніе, что они по официальнымъ бумагамъ хотя считались вторымъ классомъ общества, какъ напримѣръ митрополитъ Іона въ своей грамотѣ въ

Псковъ писалъ: „всему священству, боярамъ и купцамъ и житеимъ людямъ“; но въ сущности на дѣлѣ по своему вліянію на Псковское общество купцы были сильнѣйшимъ и первенствующимъ классомъ: они собственно руководили вѣчемъ, бояре же хотя и пользовались большимъ уваженіемъ и имѣли большій вѣсъ въ обществѣ, но были поставлены обстоятельствами въ такое положеніе, что въ сущности были не руководителями вѣча, а только безпрекословными исполнителями его опредѣленій. Лучшимъ доказательствомъ такового положенія купцовъ въ Псковѣ служатъ всѣ Псковскіе порядки, направленные исключительно къ тому, чтобы ограничить вліяніе и значеніе бояръ, и утвердить значеніе и силу общенароднаго вѣча, на которомъ передовымъ и лучше организованнымъ классомъ являлись купцы. О томъ же положеніи Псковскихъ купцовъ свидѣтельствуютъ всѣ дошедшія до насъ договорныя грамоты Пскова съ сосѣдними Государями, въ которыхъ постоянно встрѣчаемъ заботу Псковичей о торговыхъ выгодахъ. Такъ въ договорной грамотѣ между Псковомъ и В. К. Казимиромъ Литовскимъ, писанной въ 1440 году, первымъ и главнымъ условіемъ было то, чтобы какъ Литовскимъ посламъ и гостямъ, такъ и Псковскимъ посламъ и гостямъ былъ чистъ путь чрезъ всю Литовскую и Псковскую землю, и свободно торговать безъ пакости по старой пошлинѣ, какъ въ Литовской, такъ и въ Псковской землѣ; и чтобы какъ въ Литвѣ блюсти и охранять Псковитина наравнѣ съ Литвиномъ, такъ и во Псковѣ блюсти и охранять Литвина наравнѣ съ Псковитиномъ. А вчинится пеня гостю въ Литвѣ Псковскому, кончатъ по великаго князя правдѣ

и по цѣлованію; а вчинится пенья Литвину во Псковѣ, кончати по Псковской правдѣ и по цѣлованію. “Тоже почти повторяется, съ нѣкоторыми прибавленіями, въ перемирной грамотѣ Новгорода и Пскова съ Дерптомъ, писанной въ 1474 году: „А Псковскому послу и гостю по Юрьевской (Дерптской) землѣ путь чистъ, горою и водою, на Юрьевъ и на Ригу, и къ Колывани и на Ругодиво, и на матерую рѣку, и на вси Юрьевскіе города, и во всю Юрьевскую землю добровольно ѣздити со всякимъ товаромъ, по старинѣ, и всякій товаръ Псковичомъ на розницу продавати добровольно, или вмѣстѣ (оптомъ); на Юрьевѣ Псковичомъ добровольно всякимъ товаромъ торговати съ Рижаны, съ Колыванцы и съ Ругодивцы, со всякимъ гостемъ, по старинѣ, по крестному цѣлованью; и колоду (заставу таможенную) на обѣ стороны отложимъ, и гостинца (пошлинъ на заставѣ) отъ того не имати. И во Псковѣ Юрьевскому гостю всякимъ товаромъ торговати добровольно по старинѣ, а корчмою пивомъ Нѣмецкому гостю во Псковѣ не торговати; а опрочъ корчмы и пива всякій товаръ ко Пскову добровольно возити, по старинѣ, на обѣ стороны“. Жалобы или неудовольствія Пскова къ сосѣднимъ государямъ посылались также преимущественно по торговымъ дѣламъ; такъ напримѣръ въ рѣчахъ Псковскаго посольства къ Королю Казимиру (1480 года) сказано: „первое о обидахъ, што наши купцы Микифорко....заѣхаль у Луцкой торговъ, и воевода Луцкій того Микифорка орабилъ, товару много; и ты бы, господине, честный Король, тому дѣлу управу далъ по крестному цѣлованію; а отчина великихъ князей тебѣ, своему господину, посадники Псковскіе,

и степенные и старые посадники, и сынове посадничьи и бояре, и соцкіе, и купцы, и житьи люди, и весь Псковъ челомъ бьеть. А иное жалуемся тебѣ, своему господину, што по твоей державѣ, по городомъ воеводы и мѣщане нашимъ Псковичамъ купцомъ съ Нѣмцы торговати не дадутъ: инобы, господине честный и великій Король, твой воеводы и намѣстники нашимъ купцамъ по твоимъ городомъ не боронили торговать съ Нѣмцы и со всякимъ гостемъ по мирному докончанью и по крестному цѣлованью.“ Даже большая часть войнъ Пскова съ сосѣдями начиналась изъ-за обиды Псковскихъ купцовъ. Напримѣръ въ 1323 году, когда Нѣмцы избили Псковскихъ гостей на Чудскомъ озерѣ и ловцовъ на Наровѣ, то за это Псковичи ворвались въ Ливонію и опустошили ее до Колывани. Или когда въ 1403 году великій князь Смоленскій Юрій, при изгнаніи изъ Смоленска Витовтовыхъ намѣстниковъ, захватилъ Псковскихъ гостей, торговавшихъ въ Смоленскѣ; то по этому случаю Псковъ и Новгородъ отправили къ нему своихъ пословъ, которые принудили Юрія отпустить захваченныхъ Псковскихъ гостей. Или въ 1501 году, когда Нѣмцы задержали въ Дерптѣ 25 учановъ съ товаромъ и полтора ста человекъ Псковскихъ купцовъ, то Псковичи, не получивъ надлежащаго отъ Нѣмцевъ удовлетворенія чрезъ посольства, начали съ Нѣмцами войну, которая продолжалась нѣсколько лѣтъ.

Черные люди во Псковѣ были въ иномъ положеніи нежели въ Новгородѣ; они находились въ меньшей зависимости отъ большихъ людей или отъ бояръ, какъ потому что бояре въ Псковѣ не имѣли такихъ огромныхъ поземельныхъ владѣній, какъ бояре Нов-

Черные
люди.

городскіе, такъ и потому что Псковъ по самому устройству своему былъ не на сторонѣ бояръ крупныхъ землевладѣльцевъ, а напротивъ болѣе покровительствовалъ мелкой поземельной собственности; вслѣдствіе чего черные или меньшіе люди въ Псковѣ пользовались болѣею независимостію и самостоятельностью, нежели какую самостоятельность имѣли меньшіе люди въ Новгородѣ. Къ тому же постоянная и упорная борьба съ Чудью, Летголою и Литвою и потомъ съ Нѣмцами, лежавшая одинаково и на большихъ и на меньшихъ людяхъ во Псковѣ, естественно равняла ихъ между собою и дѣлала меньшихъ людей болѣе твердыми и самостоятельными. Конечно, и во Псковѣ какой либо предпріимчивый и храбрый бояринъ могъ скопить около себя охочихъ людей и повести на какое либо военное предпріятіе; но охочіе люди во Псковѣ были далеко не то, что повольники въ Новгородѣ: они не были ротниками своего предводителя, и по самому ходу дѣлъ въ Псковской исторіи скоплялись около большаго человѣка только для воинскихъ набѣговъ на немирныхъ сосѣдей, или для отраженія сосѣдскихъ нападений, а не для колонизаціи, какъ это было въ Новгородѣ, съ конца XIII столѣтія Псковичамъ нечего было и думать о колонизаціи. Слѣдовательно предводитель охочихъ людей во Псковѣ не могъ имъ дать захваченной земли подъ поселеніе и привлечь ихъ къ себѣ разными ссудами на обзаведеніе хозяйствомъ; они шли за нимъ только для того, чтобы понажитья тѣмъ, что успѣютъ наgrabить въ непріятельской землѣ. Между тѣмъ купцы, старавшіеся удержать первенство и силу за своимъ классомъ противъ бояръ, первоначально,

какъ мы уже видѣли, дѣйствовавшихъ за одно съ боярами Новгородскими, естественно должны были ближе соединиться съ черными или меньшими людьми и за одно дѣйствовать на общемъ вѣчѣ. Первоначальная тѣсная связь Псковскихъ бояръ съ Новгородскими боярами, передавшая было Псковъ Нѣмцамъ, породила тѣснѣйшую связь купцовъ съ черными людьми и, кажется, болѣе всего способствовала той независимости и самостоятельности, которою пользовались во Псковѣ черные люди; по всему вѣроятію ей обязанъ былъ своимъ существованіемъ и законъ, покровительствующій мелкому землевладѣнію и порядку сябреннаго пріобрѣтенія земель въ полную отдѣльную собственность сябровъ.

Все это поставило черныхъ или меньшихъ людей во Псковѣ въ такое положеніе, что они на вѣчѣ были большими людьми, т. е. всегда оказывались въ большинствѣ передъ большими людьми и не пропускали ни одного закона, который вредилъ бы ихъ значенію, или давалъ перевѣсъ большимъ людямъ. Имѣя главную опору въ общенародномъ вѣчѣ, и чувствуя себя сильными, особенно на вѣчѣ, черные люди естественно интересъ вѣча считали своимъ собственнымъ интересомъ, и поѣтому заботились, чтобы права вѣча были неприкосновенными, и чтобы вѣче было дѣйствительною силою въ управленіи Псковомъ, чтобы партіи верховодовъ затѣйщиковъ не нарушали его спокойной и правильной дѣятельности. Дорожа неприкосновенностію правъ вѣча, черные люди за одно съ купцами крѣпко держались разъ принятыхъ порядковъ и не дробились на партіи, зная изъ опыта въ Новгородѣ, что при раздѣленіи на партіи меньшіе люди

болѣе всего терпятъ отъ большихъ людей, дѣлаясь ихъ орудіемъ. Отъ этого исторія Пскова за все время его самостоятельности не представляетъ борьбы партій, тамъ вѣче никогда не дѣлилось и не было незаконныхъ вѣчъ. Меньшіе люди, сильные на вѣчѣ, на вѣчѣ же и управлялись съ большими людьми, когда это находили нужнымъ. Такъ подъ 1458 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Псковичи недовольные распоряженіемъ прежнихъ посадниковъ, убавившихъ торговую мѣру, по опредѣленію вѣча прибавили забницы (т. е. увеличили мѣру) и палицу привѣсили къ позобенью, а старыхъ посадниковъ избили на вѣчѣ.“ Конечно, здѣсь подъ именемъ Псковичей главнымъ образомъ должно разумѣть купцовъ и черныхъ людей, до которыхъ преимущественно касалось дѣло о торговой мѣрѣ. Или въ 1483 году также вѣчемъ постѣгли дворы у старыхъ посадниковъ и у нѣкоторыхъ бояръ. Но всего яснѣе высказалась неуступчивость и настойчивость меньшихъ или черныхъ людей на вѣчѣ передъ большими въ дѣлѣ о смердахъ, бывшемъ въ 1485 году. Посадники, вмѣстѣ съ большими людьми и княземъ намѣстникомъ, по всему вѣроятію, желая усилить себя на вѣчѣ противъ меньшихъ людей, придумали дать политическія права смердамъ, и такимъ образомъ провести ихъ въ члены вѣча; съ этою цѣлію они составили новую уставную грамоту о правахъ смердовъ, и для сообщенія ей законодательной силы внесли ее въ ларь св. Троицы и записали въ тамошнія книги или реестры законовъ; и все это сдѣлали недоложа господину Пскову. Черные или меньшіе люди, какъ скоро узнали объ этой новости, затѣянной большими людьми, то на первомъ же вѣчѣ рѣшили—явившихся въ Псковъ смердовъ

засадить въ погребъ за сторожи, посадника Гаврилу убили всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ, а на трехъ посадниковъ, бѣжавшихъ въ Москву, написали мертвую грамоту (смертный приговоръ) и положили ее въ ларь святыя Троицы, имѣніе же ихъ опечатали. А такъ какъ въ это дѣло былъ замѣшанъ Псковскій князь Ярославъ, намѣстникъ великаго князя Московскаго Ивана Васильевича, можетъ быть, дѣйствовавшій по приказу сего послѣдняго; то Псковское вѣче силою заставило четырехъ посадниковъ и по боярину отъ концовъ отправиться посольствомъ въ Мокву и просить великаго князя, чтобы держалъ Псковъ по старинѣ и не признавалъ вновь составленной уставной грамоты о смердахъ. И когда великій князь, желая поддержать своего намѣстника и большихъ людей, отвѣчалъ, что „посольство пришло бездѣльно, и что онъ тогда только будетъ жаловать Псковъ попригожу, когда вѣче выйметъ изъ ларя св. Троицы мертвую грамоту на посадниковъ и пришлетъ ее въ Москву, а смердовъ отпустить и животы ихъ отпечатаетъ;“ то черные люди, получивъ на вѣчѣ таковой отвѣтъ великаго князя, не повѣрили своему посольству, и снарядили новое посольство изъ большихъ людей. А когда и новое посольство принесло такой же отвѣтъ великаго князя вѣчу; тогда между большими и меньшими людьми началась брань и мятежъ на вѣчѣ, и меньшіе люди, обвинивъ пріѣхавшихъ пословъ въ заговоръ и понаровкѣ бѣжавшимъ въ Москву посадникамъ, снарядили двухъ пословъ изъ своей братьи изъ молодыхъ людей бить челомъ, чтобы вел. князь сказалъ свою волю о смердахъ и бѣжавшихъ въ Москву посадникахъ. Дѣло о смердахъ тянулось цѣлыхъ два года по

настоянію черныхъ или меньшихъ людей; по этому дѣлу было отправлено въ Москву пять посольствъ и потрачено до тысячи рублей сборныхъ общественныхъ денегъ. И, конечно, черные люди одержали бы въ этомъ важномъ для нихъ дѣлѣ окончательный верхъ надъ боярами, еслибы великій князь Московскій не принялъ подъ свою защиту бояръ. Споръ о смердахъ, по всему вѣроятію, и былъ возбужденъ самимъ великимъ княземъ, который думалъ покончить съ Псковомъ, поддерживая бояръ, какъ онъ покончилъ съ Новгородомъ, поддерживая меньшихъ людей противъ бояръ. И черные люди, очевидно, хорошо понимали значеніе этого важнаго для нихъ спора, и хотя должны были уступить непреклонной волѣ такого государя, какъ великій князь Иванъ Васильевичъ III-й; но тѣмъ не менѣе своею настойчивостію и продолжительностію спора ясно доказали большимъ людямъ, что они могутъ дѣйствовать противъ нихъ только постороннею помощію и постыдною измѣною отечеству.

Самостоятельность и до нѣкоторой степени равенство между большими и меньшими людьми во Псковѣ такъ были велики и очевидны, что у Псковичей даже выработался особый терминъ въ языкѣ при сношеніяхъ большихъ людей съ меньшими, — терминъ, прямо указывающій на равенство тѣхъ и другихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Псковичи, большіе и меньшіе люди, относясь другъ къ другу, называли другъ друга господами; такъ что даже предводители войскъ или воеводы не иначе обращались къ войнамъ какъ техническимъ выраженіемъ, — „господа такіе-то.“ Напримѣръ въ 1408 Вельянскій воевода бояринъ Есяфъ Китовичъ, обращаясь къ Вороначанамъ, говорить: „господа Ворона-

чане! мстите кровь христіанскую.“ Или въ 1426 году Вороначане и ихъ посадники Тимоѳей и Ермола писали къ Псковичамъ: „господа Псковичи! помогайте намъ, и гадайте о насъ.“ Правда, подобный терминъ *господа* или *господо* встрѣчается и въ Новгородѣ; но тамъ съ подобнымъ терминомъ обращаются только равные къ равнымъ, напримѣръ меньшіе люди къ меньшимъ. Большее или меньшее равенство классовъ во Псковѣ, кажется, выработалось довольно рано; еще въ 1265 году князь Довмонтъ обращаясь къ Псковскимъ воинамъ говорилъ: „братья мужи Псковичи, кто старъ той отецъ, а кто младъ той братъ! Слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ; се же братья намъ предложитъ животъ и смерть; братья мужи Псковичи, потяните за святую Троицу, и за святыя церкви, и за свое отечество.“

Черные или меньшіе люди во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ, несли всѣ государственныя повинности вмѣстѣ съ большими людьми, по раскладкѣ или разрубѣ, сдѣланному вѣчемъ; они платили съ капиталовъ (кто какимъ владѣлъ) подати, строили укрѣпленія и несли разныя службы. Въ военное время они также съ большими людьми раскладывались по сохамъ и деньгамъ въ ратную службу; такъ въ 1500 году, во время войны Московскаго великаго князя съ Литовскимъ княземъ Александромъ. Псковскіе посадники и бояре и весь Псковъ на вѣчѣ приговорили снарядить въ походъ по разрубѣ съ десяти сохъ конь, а съ сорока рублей конь и человекъ въ dospѣхъ. Или въ 1501 году, при нападеніи Нѣмцевъ, меньшіе люди пѣшіе по разрубѣ снаряжали двое третьяго щитомъ и сулицею. Также въ 1495 году на войну съ Нѣмцами

по разрубѣ со всѣхъ людей снаряжали съ десяти сохъ коннаго ратника. При построеніи городскихъ стѣнъ также наблюдалась раскладка по капиталамъ и съ меньшихъ и съ большихъ людей и даже съ посадниковъ равно. Такъ мы уже видѣли, что въ 1471 году, при постройкѣ новой стѣны на Полонищѣ, въ разрубѣ для сбора запасовъ на этотъ предметъ были помѣщены и посадники и бояре; при чемъ оцѣнены самимъ вѣчемъ не только недвижимыя имѣнія и другіе капиталы, но даже оружіе и кони посадниковъ и бояръ. Впрочемъ иногда какія нибудь общественныя постройки производились одною какою либо общиною съ зачетомъ этой траты при будущихъ разрубкахъ; такъ напримѣръ въ 1485 году на постройку новаго моста черезъ Пскову платили серебро мясники. Вообще меньшіе или черные люди во Псковѣ въ общественныхъ правахъ и обязанностяхъ болѣе или менѣе были сравнены съ большими людьми; и вся существенная разница состояла въ томъ, что большіе люди, бояре, состояли въ постоянной службѣ у Пскова, а черные люди вмѣстѣ съ купцами не состояли въ постоянной службѣ, и назывались житейскими людьми, а не служилыми.

Черные люди во Псковѣ, подобно какъ въ Новгородѣ, составляли городскія и сельскія общины черныхъ людей съ своими старостами; общинное устройство было однимъ изъ главныхъ основаній силы черныхъ людей: въ общинахъ беззащитная единичная личность бѣдняка находила свое убѣжище и защиту отъ притѣсненія сильныхъ людей. Общинное устройство такъ сильно было развито между черными людьми во Псковѣ, что общинами жили не только люди

владѣющіе общинною землею, но даже мелкіе поземельные собственники составляли общины подъ именемъ сябровъ или шабровъ, и Псковскимъ закономъ былъ признанъ особый видъ мелкой поземельной собственности подъ именемъ сябренного владѣнія, который, какъ мы уже видѣли, состоялъ въ томъ, что мелкіе капиталисты, сельскіе или городскіе жители, составляли капиталъ въ складчину, и на этотъ складочный капиталъ покупали землю, и потомъ каждый сябрь или пайщикъ, по количеству сложеннаго капитала, получалъ соотвѣтствующую по цѣнѣ долю изъ купленной земли въ полную собственность съ правомъ отчужденія. По Псковской судной грамотѣ сябренное владѣніе, не нарушая правъ частной собственности, ставило сябровъ до нѣкоторой степени въ такое положеніе, что они, какъ члены одной общины, обязаны были защищать другъ друга и представлять собою нѣчто цѣлое, какъ бы юридическое лицо, даже на судѣ. Въ судной грамотѣ сказано: „А кто съ кимъ ростижутся о земли или о борти, да положатъ грамоты старые, и купленную (купчую) свою грамоту; и его грамоты найдутъ многихъ бо сябровъ земли и борти. И сябры все стануть (должны стать) на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи, ктожь за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господою (судьями) покладутъ, да и межниковъ возмутъ. И той (у кого вышелъ первоначально споръ) отведеть у стариковъ (старожильцевъ знающихъ межи) по своей купной (купчей) грамотѣ свою часть; ино ему правда дати (присягнуть) на своей части, а цѣлованью быть одному (т. е. прочіе сябры не обязаны присягать). А поцѣлуеть во всехъ сябровъ; ино ему и судница (пра-

вую грамоту) дать на часть, на которой цѣлуеть.⁴ Мелкіе поземельные собственники въ себрянномъ ли владѣніи, или въ отдѣльной единичной поземельной собственности, во Псковѣ, кажется, составляли между черными людьми особый классъ, средній между купцами и черными людьми, живущими на общинныхъ земляхъ, извѣстный по Псковскимъ памятникамъ подъ именемъ житыхъ людей. По крайней мѣрѣ упоминаемые въ Псковскихъ памятникахъ житыи люди не могутъ быть причислены къ Новгородскимъ житымъ людямъ. Въ Новгородѣ житыми людьми, какъ мы уже видѣли прежде, были собственно зажиточнѣйшіе, богатѣйшіе, вѣщніе купцы какъ писалось по новгородски; и во всѣхъ Новгородскихъ памятникахъ они писались впереди простыхъ купцовъ, въ слѣдъ за боярами, напримѣръ въ извѣстіи подъ 1398 годомъ сказано: „а блии челомъ бояре и дѣти боярскіе, и житыи люди и купечесвіе дѣти.“ По Псковскимъ же памятникамъ житыи люди вездѣ помѣщаются послѣ купцовъ, слѣдовательно ихъ нельзя причислить къ вѣщшимъ богатѣйшимъ купцамъ. Напримѣръ въ наказѣ Псковскимъ купцамъ къ королю Казимиру въ 1480 году сказано: „отчина великихъ князей тобѣ, своему господину, честному великому королю, посадники Псковскіе, и степенные и старые посадники, и сынове посадничьи, и бояре, и купцы и житіи люди, и весь Псковъ челомъ бѣеть.“ Или въ Псковской лѣтописи подъ 1510 годомъ сказано: „И князь великій въ недѣлю велѣлъ быти у себя посадникамъ Псковскимъ, и дѣтемъ посадничьимъ и бояромъ, и купцамъ и житымъ людямъ.“ Потомъ посадники, бояре и купцы были позваны въ гридницу государеву и тамъ арестованы,

а житѣмъ людемъ, какъ молодшимъ, остававшимся на крыльцѣ, сказано: „до васъ государю дѣла нѣтъ“.

Кромѣ полноправныхъ людей, членовъ общинъ, имѣвшихъ право участвовать на вѣчѣ, во Псковѣ были еще два класса служилыхъ людей, неимѣвшихъ права участвовать на вѣчѣ, хотя пользовавшихся всѣми другими правами, предоставленными свободнымъ людемъ въ Псковской землѣ; сѣ два класса имѣли общее между собою то, что жили на чужихъ земляхъ съ обязанностію службы. Одинъ изъ сихъ классовъ, ивѣстный подъ именемъ земцевъ, служилъ самому Пскову, и жилъ на земляхъ, данныхъ Псковомъ; а другой, подъ общимъ именемъ смердовъ, жилъ на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ и состоялъ въ службѣ у хозяевъ занятой земли.

Земцы и
Смерды.

Земцы составляли постоянное войско Пскова, расселенное по границамъ, и обязанное защищать границы отъ нападенія непріятелей. Когда было учреждено это пограничное войско, памятники не даютъ объ этомъ извѣстій: но по всему вѣроятію учрежденіе класса земцевъ должно отнести къ концу XIV или началу XV столѣтія; по крайней мѣрѣ извѣстія объ нихъ относятся къ этому времени. Земцы получали отъ Пскова на свое содержаніе земли преимущественно на западномъ и особенно сѣверо-западномъ рубежѣ Псковскомъ: земли сѣ давались не въ полную собственность, подобно помѣстьямъ въ Москвѣ, хотя въ Псковѣ они назывались вотчинами; сихъ земель земцы не могли ни продавать ни дарить, ни другимъ какимъ образомъ отчуждать; въ противномъ случаѣ обязаны были выкупать ихъ назадъ, и за тѣмъ уже лишались на нихъ права. Въ судной Псковской гра-

мотѣ прямо сказано объ этихъ земляхъ, названныхъ тамъ кормлею: „А которому человѣку будетъ кормля написана въ рукописаньи, и да грамотами владѣть земельными начнетъ, или исадскимъ, и продасть тую землю, или иное что; а доличать того человѣка; ино ему земля та, или исадъ, или иное выкупити, а свою кормлю покрасть.“ Равнымъ образомъ земцы лишались права на сии земли и тогда, когда не исполняли лежащей на землѣ службы, или когда, самъ Псковъ, по своему усмотрѣнью, находилъ въ данной мѣстности службу земцевъ ненужною и сводилъ ихъ съ данныхъ вотчинъ. Такъ подъ 1511 годомъ читаемъ въ лѣтописи, князь великій ходилъ съ силою и сънарядомъ подъ Смоленскъ, а со Пскова взялъ 1000 пищальниковъ и Псковскихъ земцевъ; тогда еще не сведены были съ своихъ вотчинъ.“ Кромѣ военной пограничной службы земцы иногда еще платили деньгами на укрѣпленіе границъ; такъ подъ 1431 годомъ лѣтопись говоритъ: князь Псковскій и посадники нашла 300 человѣкъ и заложилъ городъ на берегѣ, на рѣкѣ Гдовѣ, а на Гдовскихъ земцахъ, въ кого тамо отчина, взяла триста рублевъ въ камену стѣну.“ Къ этому же разряду служилыхъ людей во Псковѣ принадлежали жолнеры и пищальники, что-то въ родѣ московскихъ стрѣльцовъ, явившихся въ послѣдствіи; этотъ классъ служилыхъ людей явился уже въ послѣднее время самостоятельнаго существованія Пскова.

Смерды, какъ уже сказано выше, жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, по взаимнымъ условіямъ съ хозяевами земли. Они раздѣлялись на городскихъ и сельскихъ смердовъ. Городскіе смерды иначе назывались дворными наймитами, и обыкновенно состояли

у своихъ хозяевъ на службѣ, по взаимнымъ условіямъ, на опредѣленные годы, они еще назывались подсуздниками. Сельскіе смерды носили названія: изорниковъ, когда занимали землю подъ пашню; огородниками, когда занимали огородную землю; кочетниками или рыболовами, когда брали у владѣльцевъ рыбныя ловли или исады. Сельскіе смерды жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ безсрочно, сколько проживется, или пока будетъ держать хозяинъ земли. По Псковскому закону относительно свободнаго перехода смердовъ поставлено было только одно ограниченіе, состоящее въ томъ, что переходъ допускался только въ одинъ срокъ въ году, именно въ Филипово заговѣнье, т. е. въ шесть недѣль рождественскаго поста. Мимо этого срока ни смердъ не могъ оставить землю хозяина, ни хозяинъ сослать смерда съ своей земли. А ежели смердъ проживеть на хозяйской землѣ до весны и даже весну; то, въ случаѣ перехода на другую землю, обязанъ былъ заплатить хозяину столько, сколько хозяинъ получитъ дохода съ другой такой же доли земли, не оставленной смердомъ.

Отношенія смерда къ землевладѣльцу опредѣлялись закономъ слѣдующимъ образомъ: 1-е. Смердъ за пользование хозяйскою землею платитъ хозяину доходъ, по взаимному между ними условію; въ случаѣ же перехода съ земли, по волѣ ли хозяина, или по волѣ смерда, весь доходъ, полученный съ земли, дѣлится пополамъ,—половину хозяину и половину смерду. „А который изорникъ, сказано въ Псковской судной грамотѣ, отречется у государя села, или государь его отречеть; и государю взять у него все половину своего изорника, а изорникъ половину.“ 2-е. Старый изор-

никъ, т. е. не вновь поступившій, обязанъ давать землевладѣльцу подводы: „а старому изорнику, сказано въ законѣ, возы вести на государя.“ 3-е. При переходѣ смерда съ одной земли на другую, по своей ли волѣ, или по волѣ хозяина земли, хозяинъ имѣеть право требовать съ смерда поименно всего того, что онъ ему далъ на обзаведеніе; въ законѣ сказано: „А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волею и въ закличь своей покруты и сочить серебра и всякой верши по имени, или пшеницы ярой, или озимой, и по отроку государеву или самъ отречется.“ А ежели смердъ начнетъ запирается отъ хозяйской покруты, а скажетъ, я у тебя на селѣ живаль, но тебѣ ни чѣмъ не долженъ; то хозяинъ долженъ представить къ судѣ пять или четыре челоуѣга стороннихъ людей, которые должны сказать по чистой совѣсти на какихъ условіяхъ сидѣлъ на селѣ смердъ, и потомъ долженъ или самъ поклясться или предоставить это смерду. Ежели же хозяинъ не поставитъ на судъ законенныхъ стороннихъ людей, или они не подтвердятъ его показанія, то тѣмъ самымъ теряетъ всякое право на искъ своей покруты. 4-е. Хозяинъ земли ни въ какомъ случаѣ не имѣеть права искать на своемъ смердѣ ни торговыхъ денегъ, ни поруки, ни отданнаго смерду подъ сохраненіе, ни отданнаго въ долгъ, ни наслѣдства безъимянно; напротивъ того, смердъ имѣлъ право представить на хозяина счетную книгу или доску, и по этой доскѣ давался ему судъ съ хозяиномъ въ деньгахъ, или работахъ, или въ чемъ другомъ, значащемся по доскѣ на хозяинѣ. А ежели смердъ что изъ хозяйскаго имущества будетъ называть своимъ и требовать возвращенія; то хозяинъ обязывался предста-

вить на судъ стороннихъ людей, окольныхъ сосѣдей, которые показали бы что то хозяйское, чего ищетъ смердъ; и тогда смердъ терялъ свой искъ, а въ противномъ случаѣ хозяинъ отдавалъ смерду требуемую вещь. 5-е. Ежели бы смердъ сбѣжалъ отъ хозяина земли, то хозяинъ не иначе можетъ взять оставленное смердомъ имущество за свою покругу, какъ взявши у князя и посадника приставовъ, и пригласивши губскихъ старость и стороннихъ людей, и предъ ними продать имущество бѣжавшаго смерда, и взять то, что слѣдуетъ за покругу. Равнымъ образомъ когда смердъ умретъ у хозяина въ селѣ и не оставить при себѣ родственниковъ; то хозяинъ также долженъ продать имущество умершаго предъ приставами и сторонними людьми, и взять себѣ что слѣдуетъ за покругу. А ежели бы явились послѣ умершаго смерда братья или другіе родственники и потребовали бы себѣ оставшееся имущество, или даже взяли бы его, то они же обязывались платить хозяину земли покругу; но родственники обязывались къ этому только тогда, когда у хозяина земли имѣлась запись на умершемъ; въ противномъ же случаѣ дѣло рѣшалось судомъ по Псковской пошинѣ. Сии опредѣленія Псковскаго закона прямо и ясно свидѣтельствуютъ, что смерды, какъ люди свободные, пользовались всѣми правами, какъ личными такъ и имущественными, что зависимость смерда отъ хозяина земли была добровольная и временная, и ограничивалась только отношеніями смерда къ хозяину по землѣ и покругѣ, или ссудѣ на хозяйственное обзаведеніе; но тѣмъ не менѣ эта временная и добровольная зависимость лишала смерда правъ политическихъ: смердъ, пока онъ былъ смер-

домъ, не могъ быть членомъ Псковскаго общества и не имѣлъ права участвовать своимъ голосомъ на вѣчѣ. Демократическое устройство Пскова допускало на вѣчѣ только людей вполне свободныхъ, и не иначе какъ членовъ общинъ; а посему Псковскій законъ признавалъ за смердомъ гражданскую личность и даже обязывалъ смердовъ паравнѣ съ черными людьми платить подати и отправлять общественныя повинности, но политическихъ правъ имъ не давалъ, и именно за таковой порядокъ всегда стояли черные люди, т. е. главная масса демократовъ.

Вольные
люди.

Подобно какъ въ Новгородѣ, и въ Псковѣ были вольные люди: къ этому классу принадлежали, какъ младшіе члены полноправныхъ семействъ Псковскихъ, такъ пришельцы изъ другихъ краевъ русской земли, и всѣ люди, неимѣющіе ни частной поземельной собственности, ни доли въ общинныхъ земляхъ, и неживущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ; а состоящіе или на содержаніи своихъ семействъ, или прокармливающіеся своимъ личнымъ трудомъ по найму. Эта огромная масса людей была на такомъ же положеніи во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, т. е. имѣла за собою право личной свободы и труда, но не причислялась ни къ какой общинѣ и не владѣла ни на какихъ правахъ землею; а посему не имѣла ни какихъ общественныхъ или политическихъ правъ и не подлежала никакимъ общественнымъ обязанностямъ. Но добровольно вольные люди могли принимать на себя и общественныя обязанности; и дѣйствительно, подъ названіемъ охочихъ людей часто участвовали въ военныхъ походахъ на защиту Псковской земли. Впрочемъ, по единогласному свидѣтельству памятни-

ковъ, охочіе люди никогда не смѣшивались съ рубленою ратью, т. е. собранною по раскладкѣ, по разрубу общинъ, а составляли особые полки и имѣли своихъ отдѣльныхъ воеводъ, выбранныхъ или самими охочими людьми, или назначенныхъ вѣчемъ; даже походы охочихъ людей всегда производились отдѣльно отъ походовъ Псковской или рубленой рати, хотя бы они назначались самимъ Псковскимъ правительствомъ. Напримѣръ, когда Псковская рубленая рать, въ 1463 году, подъ начальствомъ посадника Максима Ларионовича и двухъ бояръ была отправлена вѣчемъ противъ Нѣмцевъ къ Городку; то въ то же самое время иная Псковская сила, нерубленіи люди, охочій человекъ, ходили за Изборскъ, подъ начальствомъ выборнаго воеводы дьяка Ивашки, и воевали Нѣмецкую землю. Потомъ, когда вторично въ томъ же году Псковская рубленая рать отправилась, подъ начальствомъ велико-княжескаго воеводы, за рѣку Великую къ новому Нѣмецкому городку; то въ то же время нерубленая рать Псковичи охочій человекъ и прихожіе люди иноземцы, по приказанію вѣча и подъ начальствомъ назначеннаго вѣчемъ воеводы посадника Дорофея Олферьевича, была отправлена въ насадахъ воевать Нѣмецкую землю на Коржелу.

Вольные люди во Псковѣ, какъ свои такъ и пришельцы, подобно какъ и въ Новгородѣ, оставались въ своемъ неопредѣленномъ положеніи, не подлежащемъ ни какимъ общественнымъ обязанностямъ, только до тѣхъ поръ, пока не поступали въ члены какой либо общины, или не зачислялись въ смерды за какимъ либо землевладѣльцемъ, чѣмъ почти всегда оканчивалось чисто переходное положеніе вольнаго

человѣка. Бродячекъ и малоправное положеніе вольнаго человѣка во Псковѣ среди общества людей домовитыхъ, пользующихся обширнымъ правомъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, естественно никогда не могло быть постояннымъ и даже продолжительнымъ. Каждый вольный человѣкъ, чтобы не оставаться безгласнымъ и вовсе безъ участнымъ въ общественныхъ дѣлахъ, спѣшилъ освободиться отъ своего черезъ-чуръ свободнаго положенія, и, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, или прямо поступалъ въ члены какой либо общины и дѣлался полноправнымъ гражданиномъ Псковской земли, или, по крайней мѣрѣ, зачислялся смердомъ за какимъ нибудь землевладѣльцемъ, чтобы получить осѣдлость и обзавестись хозяйствомъ и послѣ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, перейти въ общину и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлаться полноправнымъ гражданиномъ. Быть полноправнымъ членомъ общины, участвовать на вѣчѣ и подавать свой голосъ при рѣшеніи общественныхъ дѣлъ было постояннымъ и любимымъ желаніемъ каждаго вольнаго человѣка во Псковѣ; оставаться же навсегда вольнымъ человѣкомъ считалось постыднымъ. А посему хотя вольныхъ людей во Псковѣ всегда было довольно; но они не были пролетаріями, тягостными для общества, а представляли собою разсадникъ или питомникъ будущихъ полноправныхъ гражданъ и ревностныхъ общественныхъ дѣателей. На пролетаріатъ въ Псковѣ никогда не было жалобъ. Были ли во Псковѣ повольники, на это въ памятникахъ нѣтъ прямыхъ указаній; но судя по положенію Пскова и по отношенію его къ своимъ сосѣдямъ, для повольниковъ, кажется, не было мѣста въ Псковскомъ обществѣ, по крайней

мѣръ для повольниковъ съ чисто Новгородскимъ характеромъ.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

ЦЕРКОВЬ ВО ПСКОВѢ.

Псковъ, какъ пригородъ Новгорода, естественно долженъ былъ имѣть и одну церковь съ Новгородскою церковію; и дѣйствительно у Пскова и у Новгорода была одна церковь; епископъ Новгородскій былъ и епископомъ Псковскимъ, и посылалъ въ Псковъ своихъ священниковъ, или рукополагалъ во священники людей присланныхъ изъ Пскова. Даже отношенія церкви къ мірскому обществу были по видимому такія же во Псковѣ, какія и въ Новгородѣ. Такъ что какъ въ Новгородѣ христіанская церковь слилась съ строемъ Новгородской жизни, и святая Софія обратилась въ символъ Новгорода и его свободы и самостоятельности, и земля Новгородская называлась землею святыя Софіи; точно также и во Псковѣ христіанская церковь слилась со всѣмъ строемъ Псковской жизни, и св. Троица обратилась въ символъ Пскова и его самостоятельности, и Псковская земля получила названіе земли св. Троицы. Но какъ христіанская церковь была насаждена во Псковѣ въ то время, когда Псковъ былъ только Новгородскимъ пригородомъ и находился почти въ полной зависимости отъ Новгорода; а слѣдовательно и церковь Псковская, какъ пригородская церковь, была въ полной зависимости отъ Новгородской церкви: то отсюда

Первоначальное
положеніе
Псковской
церкви.

вытекало необходимое послѣдствіе, что, по мѣрѣ усиленія Пскова и пріобрѣтенія имъ самостоятельности и полной независимости, Псковская церковь должна была получить иной характеръ, чѣмъ Новгородская церковь, и даже чѣмъ другая какая русская церковь, именно: явиться въ исключительномъ, ей только принадлежавшемъ положеніи. Псковская церковь, сохраняя всѣ догматы православія наравнѣ съ другими Русскими церквами, въ то же время незамѣтно приняла характеръ пресвитеріанской церкви; и пріобрѣла это не пожеланію общества, а именно потому, что Новгородъ и его архіепископъ постоянно старались держать Псковскую церковь на правахъ церкви пригородской, подъ управленіемъ владычня намѣстника, назначаемаго Новгородскимъ архіепископомъ; тогда какъ Псковъ въ политическомъ отношеніи давно уже сдѣлался самостоятельнымъ, и съ половины XIV столѣтія даже былъ признанъ таковымъ отъ самаго Новгорода по договору. Новгородцы, потерявши политическую власть надъ Псковомъ, во чтобы то ни стало хотѣли удержать за собою хотя церковное главенство; а Псковичи, наоборотъ, получивши политическую самостоятельность, не хотѣли терпѣть зависимости церковной, и, при упорствѣ Новгородцевъ, считали даже законнымъ Псковскую церковь, неимѣвшую своего самостоятельнаго представителя во Псковѣ, подчинить совершенно своему мірскому обществу, дать мѣстному духовенству всѣ права мірскихъ людей, въ самомъ обширномъ смыслѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ подчинить его мірному суду и власти. А посему Псковская церковь, неотступая отъ православія, общаго всѣмъ Русскимъ церквамъ, невольно мало

помалу приобрѣтала свой своеобразный складъ и строй, свойственный ей только одной, и при томъ вполне согласный съ демократическимъ настроеніемъ цѣлаго Псковскаго общества. Хотя по ясному свидѣтельству памятниковъ то несомѣнно, что Псковичи, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались получить себѣ самостоятельнаго епископа, и никогда не желали, чтобы ихъ церковь въ чемъ нибудь разнилась отъ другихъ самостоятельныхъ Русскихъ церквей; тѣмъ не менѣе Псковская церковь складывалась своеобразно и мимо ихъ воли.

Первоначально, въ продолженіе 318 лѣтъ отъ при-
нятія Христіанства, пока были въ мирѣ и въ полномъ
согласіи Псковичи съ Новгородцами, и Псковская цер-
ковь была въ мирѣ и согласіи съ епископомъ и по-
томъ архіепископомъ Новгородскими, Новгородскіе
владыки управляли ею чрезъ своихъ намѣстниковъ,
присылаемыхъ изъ Новгорода, или назначаемыхъ изъ
Псковичей, и сами епископы и потомъ архіепископы
чрезъ каждые три года пріѣзжали во Псковъ, судили
и рядили дѣла, по номоканону и уставамъ русскихъ
князей подвѣдомыя суду святительскому, и получали
съ Псковскаго духовенства опредѣленные доходы, из-
вѣстные подъ именемъ подѣзда; посвящали во Псковъ
священнослужителей и пользовались значительными
угодьями и вотчинами, уступленными Псковскимъ вѣ-
чемъ въ пользу епископской каѳедры. Псковичи во все
это время, въ глазахъ Новгородскихъ владыкъ, даже
считались усерднѣйшими и послушнѣйшими сынами
православной церкви, строили монастыри и церкви,
снабжали ихъ обильными вкладыми и считали для себя
большимъ праздникомъ, когда владыка Новгородскій

Положеніе
церкви въ
первые
318 лѣтъ
отъ при-
нятія Хри-
стіанства.

посѣщаль ихъ городъ; подносили ему богатые дары и безпрекословно исполняли всѣ его приказанія. Въ это время были построены знаменитѣйшіе Псковскіе монастыри: Снѣтогорскій — Рождество-Богородицкій, Спасо-Мирожскій, Іоанно-предтечевскій, Старо-Вознесенскій, Городищенскій-Николаевскій близъ Изборска, Пантелеймоновъ, Домантовъ и другіе. Сами владыки Новгородскіе не оставляли Псковъ своимъ вниманіемъ, и на свое иждивеніе строили и украшали Псковскія церкви; такъ напримѣръ епископъ Новгородскій Нифонтъ построилъ каменную церковь Преображенія въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ. Между тѣмъ въ то же время устроился и знаменитый Псковскій соборъ св. Троицы, эта политическая и религіозная святыня Пскова, въ которомъ вмѣстѣ съ старшими священниками, или поповскими старостами, засѣдали и мірскіе церковные старосты, избранные обществомъ, и принимали въ управленіи Псковскою церковію одинаковое участіе съ священниками, такъ что безъ ихъ согласія даже нельзя было построить той или другой церкви; и гдѣ была особая палата съ своими выборными старостами и сотскими, въ которой велись особыя книги для записки всѣхъ гражданскихъ актовъ и сдѣлокъ, имѣющихъ, какъ говорится нынѣ, крѣпостный характеръ; „гдѣ въ особомъ ларѣ хранились всѣ законы и постановленія, какъ церковныя, такъ и гражданскія. А печать присвоенная церкви св. Троицы, была собственно печатью Пскова, и по закону могла замѣнять и замѣняла, когда это было нужно, печать княжескую. Впрочемъ соборъ св. Троицы, несмотря на свой болѣе мірскій чѣмъ церковный характеръ, во все время мира и согласія

Пскова съ Новгородомъ, нисколько не стѣснялъ развитія власти Новгородскаго владыки въ Псковской церкви.

Между тѣмъ у Пскова, уже выросшаго и окрѣпшаго, въ 1307 году послѣдовала первая серьезная ссора съ Новгородомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ открылось и первое розмирье съ Новгородскимъ владыкою, архіепископомъ Феоктистомъ. Чѣмъ кончилось это первое розмирье, мы не знаемъ; впрочемъ по всему вѣроятію на первый разъ дѣло было улажено какими нибудь взаимными уступками; ибо въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій о послѣдствіяхъ этого розмирья. Но какъ бы то ни было по первому же розмирью Псковичи поняли, что нравственная нить, связующая ихъ съ владыкою Новгородскимъ, порвалась, что имъ уже не приходится терпѣть по доброй волѣ зависимость своей церкви отъ Новгородской; неудовольствія и непріязненныя отношенія очевидно уже прекращались и довели дѣло до того, что въ 1331 г. пользуясь случаемъ избранія новаго владыки въ Новгородъ, вслѣдствіе удаленія въ монастырь архіепископа Моисея, Псковичи выбрали себѣ въ отдѣльные, собственно Псковскіе епископы инока Арсенія и отправили въ Волынскую землю, къ митрополиту Феогносту на посвященіе. Но митрополитъ, желая поддержать старый порядокъ, и, конечно, по просьбамъ Новгородцевъ, отказалъ Арсенію въ посвященіи, не смотря на ходатайство великаго князя Литовскаго Гедимина и другихъ тамошнихъ князей. Такимъ образомъ первая попытка Псковичей отдѣлать свою церковь отъ Новгородской не имѣла успѣха, и они по неволѣ должны были покориться высшему суду

Ссоры съ владыкою Новгородскимъ.

главнаго архипастыря всей Русской церкви, и по прежнему признать надъ своею церковію власть ново-поставленнаго Новгородскаго архіепископа Василія. Но невольное признаніе чуждой и неугодной обществу власти естественно не могло быть прочнымъ. На первый разъ въ 1333 году владыка Василій, пріѣзжавшій на свой обычный поѣздъ, былъ принятъ Псковичами съ почетомъ и радушно; за то во второй пріѣздъ, бывшій въ 1337 году, Псковичи не только приняли холодно прибывшаго къ нимъ владыку Василія, но даже не дали ему и закономъ опредѣленнаго суда по церковнымъ дѣламъ; такъ что владыка принужденъ былъ поспѣшить удаленіемъ изъ Пскова, и увѣжая предаль Псковичей проклятію за ихъ непокорность, а Псковичи въ отвѣтъ на это, кажется, выгнали его намѣстника и прекратили съ нимъ всѣ сношенія, что и продолжалось десять лѣтъ. А между тѣмъ Псковъ все болѣе и болѣе отдѣлялся отъ Новгорода, въ политическомъ отношеніи, и развивалъ свою самостоятельность; въ отношеніи же къ Новгороду находился въ какомъ-то неясномъ и двусмысленномъ положеніи, ни въ мирномъ, ни во враждебномъ.

Наконецъ Новгородцы, чтобы прекратить всѣ недомѣнія со Псковомъ, въ явной и прямой помощи котораго они нуждались по случаю войны съ Шведскимъ королемъ, въ 1347 году заключили съ Псковичами формальный договоръ, по которому признали Псковъ младшимъ братомъ, т. е. такимъ же независимымъ и самостоятельнымъ государствомъ, какъ и самый Новгородъ. Относительно же управленія церковными дѣлами, по настоянію Псковичей, Новгородцы въ томъ

же формальномъ договорѣ положили закономъ, чтобы Новгородскій владыка управлялъ Псковскою церковію чрезъ своего намѣстника, непременно избраннаго изъ Псковичей, а отнюдь не изъ Новгородцевъ, и чтобы ни по какимъ дѣламъ не вызывалъ Псковичей на свой судъ въ Новгородъ. Это новое узаконеніе, принятое за основной законъ, на время удовлетворило Псковичей, примирило ихъ съ Новгородскимъ владыкою, и они обѣщались принимать его попрежнему во время его срочныхъ подѣздовъ, и давать судъ на цѣлый мѣсяць. Кромѣ того, въ дополненіе къ договору, Псковичи выговорили себѣ право, чтобы при владыченемъ намѣстникѣ на судѣ и во всякомъ церковномъ управленіи Пскову держать своего мужа изъ мірскихъ людей; такъ что владыченъ намѣстникъ могъ вести свои дѣла не иначе, какъ по согласію съ мужемъ, назначеннымъ отъ вѣча. Послѣ такихъ важныхъ уступокъ, владыки Новгородскіе опять вошли въ сношенія съ Псковичами, и стали попрежнему посѣщать Псковъ, и въ урочное время на подѣздъ и судъ, и въ неурочное время, по просьбѣ Псковичей. Такимъ образомъ, повидимому, все было улажено надлежащимъ порядкомъ; но на дѣлѣ и та и другая сторона не были удовлетворены. Псковичи были недовольны тѣмъ, что ихъ церковь все еще оставалась въ зависимости отъ Новгородской; а владыка Новгородскій, конечно, не могъ не скорбѣть, что его архипастырская власть осталась почти при одномъ правѣ—пользоваться опредѣленными доходами.

Законы относительно церковнаго устройства во Псковѣ, утвержденные мирнымъ договоромъ 1347 года, дали новое направленіе всему строю Псковской церкви.

Новое положение Псковской церкви

послѣмира Владыка Новгородскій, по миру 1347 года, почти 1347 года. лишенный всякой власти во Псковѣ, естественно ничего не могъ сдѣлать въ пользу благоустройства Псковской церкви, и волей-не волей долженъ былъ оставлять ее собственной ея судбѣ. Всѣ его распоряженія, какъ бы они ни были благоразумны и благонамѣренны, почти не имѣли никакой силы; ибо, съ одной стороны, на него самого Псковичи смотрѣли не столько какъ на архипастыря, сколько какъ на откупщика подъѣздныхъ и судныхъ пошлинъ; а съ другой стороны, единственный органъ владыки во Псковѣ, его намѣстникъ, непременно изъ Псковичей, и при томъ подъ надзоромъ мірскаго человѣка, назначеннаго вѣчемъ, не столько зависѣлъ отъ владыки, сколько отъ мірскаго общества. Все это поставило Псковскихъ духовныхъ въ какое-то неопредѣленное и неясное положеніе: духовные, по миру 1347 года, оставаясь безъ надлежащаго надзора и защиты отъ своего отдаленнаго и стѣсненнаго въ своихъ дѣйствіяхъ архипастыря, должны были волей-неволей вполнѣ подчиниться крѣпкому свѣтскому обществу, и почти обратиться изъ пастырей церкви въ свѣтскихъ чиновниковъ, выбранныхъ обществомъ къ церковной службѣ. Въ мірскихъ дѣлахъ это положеніе представляло духовнымъ множество выгодъ. Духовенству Псковскому, послѣ мира 1347 года, открылась дорога ко всѣмъ правамъ: духовные съ того времени получили право голоса на вѣчѣ, такъ что безъ ихъ присутствія не начиналось вѣча: они должны были открывать его своимъ благословеніемъ; безъ благословенія духовныхъ не издавалось основныхъ законовъ; такъ напримѣръ въ извѣстной судной грамотѣ читаемъ: „ся

грамота писана по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ пяти соборовъ, и священноинокѡвъ и діаконѡвъ и всего Божіяго священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ.“ Съ этого преимущественно времени священники и игумены появляются послами отъ Пскова къ сосѣднимъ государямъ, участниками въ военныхъ походахъ, и даже военными начальниками при защитѣ городовъ, и хранителями общественной казны. Они своимъ участіемъ въ общественныхъ дѣламъ пріобрѣтаютъ уваженіе общества и пользуются значительными выгодами; такъ что даже бояре вступаютъ въ должности діаконѡвъ и священниковъ, и отнюдь не изъ особаго благочестія, а просто расчитывая на хорошіе доходы отъ церкви; ибо какъ скоро таковыя расчеты почему либо оказывались невѣрными, то тѣ же самыя лица не задумывались сложить съ себя духовный чинъ и поступить на иную службу; такъ напримѣръ лѣтопись подъ 1477 годомъ упоминаетъ о бояринѣ Андреѣ Ивановѣ, сынѣ поповѣ раздіаконѣ, который, по опредѣленію вѣча, вмѣстѣ съ другимъ бояриномъ Опимахомъ Гладкимъ, правилъ посольство отъ Пскова къ великому князю Московскому.

Но, успѣвая въ дѣлахъ мірскихъ, и превращаясь изъ пастырей церкви въ свѣтскихъ чиновниковъ, Псковское духовенство съ 1347 года начало быстро клониться къ упадку въ дѣлахъ своего церковнаго служенія. Оставаясь безъ надлежащаго надзора и гоняясь за мірскими выгодами, оно безъ всякаго вниманія и кое-какъ занималось своими существенными обязанностями служителей церкви, и довело это важное дѣло до крайнихъ безпорядковъ. Митрополитъ Кипріянь въ своемъ посланіи къ Псковскому духовен-

ству пишетъ: что до него дошло извѣстіе отъ ихъ же попа Харитона и его товарищей, что во Псковѣ нѣтъ ни правильнаго номоканона, ни уставовъ литургіи Іонна Златоустаго и Василия великаго, ни правильнаго синодика, ни требника,—какъ крестить дѣтей и вѣнчать браки,—что у нихъ крестятъ дѣтей обливая водою, а не погружая; что приобщаютъ св. таинъ Христовыхъ по окончаніи обѣдни, т. е. по сдѣланіи отпуска, а при освященіи церковей антимины рѣжутъ начетверо, и даютъ въ церковь одну четвертую долю.“ Къ тому же не должно опускать изъ вида, что при слабомъ надзорѣ, при выгодности иныхъ духовныхъ мѣстъ и при почетѣ, которымъ вообще пользовалось духовенство, должности духовныхъ сдѣлались предметомъ искательствъ для людей вовсе къ нимъ неспособныхъ и недостойныхъ, которые стали достигать ихъ посредствомъ подкуповъ и разныхъ неприличныхъ происковъ у мірскихъ людей, что было весьма удобно дѣлать, ибо всѣ духовныя должности зависѣли отъ выбора мірскихъ людей, а владыка только рукополагалъ избранныхъ и не имѣлъ возможности контролировать самый выборъ.

Ересь
стриголь-
никовъ.

Все это мало-по-малу установило въ Псковскомъ обществѣ очень невыгодный взглядъ на духовенство относительно его пастырской церковной дѣятельности; такъ что у многихъ мірскихъ людей, и даже у духовныхъ, зародилась мысль,—да нужно ли имѣть духовенство и нельзя ли обойтись и безъ него. Эту мысль, можетъ быть давно уже блуждавшую у многихъ, въ 1471 году развили до ученія и пустили въ ходъ три ересеначальника, — стригольникъ Карпъ, діаконовъ Никита и третій, имя и званіе котораго не сохранилось въ па-

мятниковъ. Они, по свидѣтельству посланій патріарховъ Константинопольскихъ Нила и Антонія, подъ видомъ благочестія и желанія сохранить божественныя писанія и священные каноны, всѣхъ святителей, священниковъ и клириковъ, какъ поставляющихъ, такъ и поставляемыхъ, назвали поставленными на мзѣ и еретиками, объявля только себя правовѣрными. Потомъ, отвегнувши всю церковную іерархію, они начали отрицать уставы церковные и даже таинства, совершаемыя чрезъ священниковъ, напримѣръ: причащеніе тѣлу и крови Господней и покаяніе, повелѣвая каяться къ землѣ, а не къ священникамъ. Такое дикое и противохристіанское ученіе естественно должно было поднять противъ себя какъ церковную іерархію, такъ и всѣхъ благомыслящихъ людей во Псковѣ и въ Новгородѣ; и ересеначальники были схвачены въ 1376 году и отвезены въ Новгородъ, гдѣ по суду владыки Алексія, были отлучены отъ церкви, а судомъ народнаго вѣча сброшены съ моста въ Волховъ. Но, разумѣется, казнь ересеначальниковъ не прекратила ересп, глубоко пустившей корни въ приготовленномъ къ тому обществѣ. Ересь взволновала весь Псковъ и слухъ о ней достигъ даже до Константинополя, и оттуда въ 1382 году пріѣхалъ во Псковъ Суздальскій владыка Діонисій, съ благословеніемъ и грамотою патріарха Нила, по порученію Новгородскаго архіепископа Алексѣя началъ учить Псковичей надлежащему пониманію закона Божія, утверждать въ истинной христіанской вѣрѣ, и убѣждать чтобы не слушали злонамѣренныхъ людей и еретиковъ. Потомъ, въ 1384 году, пріѣзжалъ во Псковъ самъ владыка Алексѣй и, кажется, по возможности уладилъ

дѣло о стригольникахъ, такъ называемыхъ по ремеслу своего ересеначальника, хотя конечно слѣды ереси еще оставались, и слѣды довольно замѣтные. Ибо еще въ 1395 году Константинопольскій патріархъ Антоній нашель нужнымъ послать грамоту во Псковъ противъ стригольниковъ, да и тогдашній митрополитъ всея Руси Кипріанъ въ томъ же году пріѣзжалъ въ Новгородъ едвали не по дѣлу о стригольникахъ; ибо Псковичи, какъ только услышали о пріѣздѣ митрополита, немедленно отправили къ нему свое посольство для принятія благословенія и представленія поминковъ; а митрополитъ, отъѣзжая изъ Новгорода, немедленно послалъ во Псковъ Полотскаго владыку Θεодосія, который отъ митрополита и привезъ грамоту патріарха Антонія.

Положеніе церкви по уничтоженіи ереси стригольниковъ.

Какъ бы то ни было, мѣры, принятія церковною іерархіею противъ стригольниковъ, имѣли нѣкоторый и даже значительный успѣхъ, — ересь примолкла; но къ сожалѣнію противъ причинъ породившихъ эту ересь, не было принято никакихъ мѣръ, ихъ даже не затрогивали. Псковская церковь осталась въ прежнемъ неудовлетворительномъ положеніи: главное препятствіе ко введенію надлежащаго порядка не было устранено; Псковъ попрежнему остался безъ мѣстнаго святителя, и Новгородскій владыка попрежнему былъ стѣсненъ въ своихъ распоряженіяхъ вмѣшательствомъ Псковскаго вѣча въ церковныя дѣла, а это вмѣшательство годъ отъ года все развивалось болѣе и болѣе. Псковичи хотя и продолжали поддерживать мирныя сношенія съ владыками Новгородскими; но въ то же время строго стояли за свои права, утвержденныя

миромъ 1347 года. Такъ когда въ 1411 году владыка Новгородскій Иоаннъ вздумалъ прислать во Псковъ своего протопопа Тимоея—требовать съ священниковъ владычня подъязда; то Псковское вѣче, запретило священникамъ давать этотъ подъяздъ, и велѣло сказать Иоанну: „коли Богъ дастъ будетъ самъ владыка во Псковѣ, то и подъяздъ его чистъ, какъ пошло изперва по старинѣ.“ Но миръ съ владыками Новгородскими продолжался только до 1419 года; въ этомъ же году владыка Симеонъ въ послѣдній разъ былъ на своемъ подъяздѣ во Псковѣ и уѣхалъ недовольный, не проживъ урочнаго мѣсяца; и послѣ этого въ продолженіе 16 лѣтъ не было владычня подъязда во Псковѣ. Потомъ, когда владыка Евѣимій, много способствовавшій примиренію Псковичей съ Новгородцами, въ 1435 году пріѣхалъ во Псковъ, и видя страшные беспорядки въ церкви, и надѣясь на свои услуги Пскову при заключеніи мира съ Новгородцами, думалъ нѣсколько развить свою власть и сталъ требовать, чтобы для лучшаго надзора ему дозволено было назначить своихъ намѣстника и печатника изъ Новгородцевъ, а не изъ Псковичей; то вѣче наотрѣзъ ему отказало въ этомъ дозволеніи, даже запретило духовенству платить владычень подъяздъ, и хотя немного спустя послѣ многихъ споровъ и угрозъ и уступило требованію владыки; но какъ скоро владычень намѣстникъ, не изъ Псковичей, сталъ судить не по Псковскимъ обычаямъ; то Псковичи вступили въ бой съ владычными Софьянами, и владыка въ гнѣвѣ, не проживъ и трехъ недѣль, уѣхалъ и даже не принялъ даровъ отъ Псковскаго вѣча. Послѣ этого опять 15 лѣтъ не было

владычня прїѣзда во Псковъ; и только въ 1450 году владыка Евсеймій, много трудившійся на пользу Псковичей при заключеніи мира съ Нѣмцами, вторично посѣтилъ Псковъ. На этотъ разъ владычень прїѣздъ былъ угоденъ и для владыки и для Псковичей; священнопоки, священники, діаконы, посадники и бояре вышли встрѣчать владыку къ дальнему Пантелеймону. Владыка въ тотъ же день, какъ прїѣхалъ, служилъ литургію въ церкви св. Троицы, а на третій день соборовалъ, чѣмъ особенно всегда дорожили Псковичи. На этомъ соборованіи торжественно читали синодикъ, проклинали злыхъ, которые хотятъ зла Пскову и Новгороду, пѣли вѣчную память благовѣрнымъ князьямъ, лежащимъ въ дому святыя Софіи и святыя Троицы, а также всѣмъ добрымъ людямъ, положившимъ свои головы и проліявшимъ кровь за домъ Божій и православное христіанство, а живущимъ окрестъ Новгорода и Пскова пѣли многая лѣта. Псковичи, довольные всѣмъ этимъ, отъ всѣхъ концовъ дарили и чтили владыку, и князь Псковскій и посадники проводили его съ большою почестію до рубежа Псковской земли. Въ этотъ прїѣздъ отъ владыки не было и помину ни о подѣздѣ ни о судѣ, онъ прїѣжалъ только мириться съ Псковомъ и, кажется примирился окончательно; ибо слѣдующіе два владычня прїѣзда, въ 1453 и 1457 годахъ, владыка постоянно былъ принимаемъ Псковичами съ большими почестями, и каждый разъ у нихъ соборовалъ, торжественно чель синодикъ, и получалъ непрекословно свой подѣздъ и судъ; но, конечно, въ сіи прїѣзды уже не было и помину ни о назначеніи намѣстника не изъ Псковичей, ни о другихъ вопросахъ относительно развитія

владычной власти, какъ это ясно показываетъ тогдашнее положеніе Псковской церкви.

Ни миръ ни ссоры съ Новгородскими владыками Псковскаго вѣча нисколько не помогали Псковской церкви и не исправляли вопіющихъ безпорядковъ; ибо Псковичи и мирились и ссорились только изъ владычныхъ пошинъ и власти Псковскаго вѣча; вѣче стояло на одномъ, чтобы статья мирнаго договора 1347 года, относительно епископской власти во Псковѣ, и чтобы епископская власть отнюдь не развивалась, а скорѣе стѣснялась; каковы же были порядки въ Псковской церкви и удовлетворителенъ ли надзоръ за духовенствомъ, объ этомъ не только не было вопроса, но даже вѣче постоянно отклоняло его, ежели онъ поднимался которымъ владыкою. Между тѣмъ, духовенство въ своемъ церковномъ значеніи, послѣ пораженія ереси стригольниковъ, все падало ниже и ниже, и годъ отъ года все болѣе подчинялось свѣтскому обществу; Псковское вѣче годъ отъ года захватывало болѣе власти надъ духовенствомъ и распоряжалось церковными уставами и судомъ по своему произволу; церковные старосты, не только приходскихъ церквей, но и при монастыряхъ завѣдывали и распоряжались церковными имуществами, безъ всякаго отношенія къ игуменамъ и священникамъ, а замѣщеніе игуменскихъ и священническихъ вакансій обратилось просто въ торговлю: принимали къ церквамъ и монастырямъ игуменовъ и священниковъ безъ ставленыхъ и отпусковыхъ грамотъ, только бы кто далъ дороже за мѣсто, или согласился принять должность на болѣе выгодныхъ условіяхъ для старостъ и главныхъ прихожанъ, а каковъ принимаемый, объ этомъ не думали и спрашивать.

Безпорядки въ церкви и упадокъ духовенства.

При таковомъ безпорядкѣ, какъ свидѣтельствуяютъ и лѣтописи и официальные памятники, нерѣдко поступали къ церковнымъ должностямъ люди развратные и зараженные ересію стригольниковъ; встрѣчались въ псковскихъ монастыряхъ іеромонахи, которые смѣялись надъ священничествомъ и никогда не причащались святыхъ таинъ; а церковныя власти не имѣли никакой силы, ибо своевольница, набираемая старостами, и знать не хотѣла церковнаго суда, напротивъ, надѣясь на своихъ покровителей, церковныхъ старость, спѣшила прикрываться мірскимъ судомъ. Уже въ 1395 мотрополить всея Руси Кипріанъ писалъ къ Псковичамъ; „слышалъ я, что во Псковѣ міряне судятъ и казнятъ поповъ въ церковныхъ вещехъ, и вы бы дѣти мои Псковичи отъ велика до мала не сулили ни казнили поповъ, грѣха бы на свою душу не брали ни зарока на весь Псковъ не чинили. Слышалъ еще, что у васъ иные молодые попы, овдовѣвши поженились, не оставивъ поповства; и того вамъ также не годится судить, вѣдаетъ то святитель, онъ поставитъ и извержетъ, и казнить и учить. А что земли церковныя, или села, купли ли будетъ, или кто даль умирая которой будетъ церкви; а въ тѣ бы земли не вступалися никто отъ васъ, чтобы церковь Божія не избожена была, занеже въ томъ великъ грѣхъ отъ Бога.“ Или въ 1416 году Новгородскій владыка Симеонъ въ своемъ посланіи въ Снѣтогорскій монастырь пишетъ: „непослушные чернецы оставляютъ монастырь и поднимаютъ мірскихъ людей и мірскихъ судей на игумена и старцевъ; и тѣ мірскіе судьи и міряне судятъ иноковъ мірскимъ обычаемъ, какъ лѣпо мірянамъ, и присужаютъ игумену и старцамъ

или поединокъ, или роту (клятву).“ А митрополитъ Фотій, въ своемъ посланіи въ тотъ же Снѣтогорскій монастырь, отъ 27 іюня 1418 года, пишетъ: „что по доношенію игумена между иноками Снѣтогорскаго монастыря есть такіе, которые отвергають покаяніе и пріобщеніе святымъ тайнамъ Христовымъ тѣлу и крови.“ Или посланіе Новгородскаго владыки Евфимія къ Псковскому духовенству (1426 года) свидѣтельствуеть, что во Псковѣ принимаютъ къ церквамъ игуменовъ и священниковъ безъ ставленыхъ и отпущныхъ грамотъ. А митрополитъ Фотій, въ своемъ посланіи къ Псковскимъ посадникамъ и духовенству, отъ 4-го января 1430 года, пишетъ, что въ Псковской землѣ многіе священники живутъ не по священническому чину, къ церквамъ Божиимъ не ходять, и людей приходящихъ къ церквамъ соблазняютъ своимъ небреженіемъ, а другіе при муропомазаніи употребляютъ муро, полученное отъ Латинянъ (т. е. безсмысленно подчиняють свою церковь Латинской). И въ томъ же посланіи требуетъ, чтобы прислали къ нему одного изъ священниковъ, челоуѣка искуснаго, и онъ научить его о всѣхъ церковныхъ правилахъ, и о пѣніи церковномъ, и о церковныхъ службахъ, и муро святое великое съ нимъ пришлетъ, и что будетъ потребно изъ святаго писанія, велитъ списать и пришлетъ во Псковъ.“ Слѣдовательно во всемъ этомъ Псковская церковь крайне нуждалась, и духовенство, занятое болѣе мірскими чѣмъ церковными дѣлами, и при недостаткѣ надлежащаго надзора, мало заботилось о церковныхъ порядкахъ, и вообще къ своему существовавшему дѣлу, къ церковной службѣ, относилось съ крайнею небрежностію и невѣжествомъ. На крайніе

беспорядки въ Псковской церкви, на упадокъ тамошняго духовенства лучше всего указываютъ посланія патріарховъ Константинопольскихъ, митрополитовъ всея Руси и Новгородскихъ архіепископовъ во Псковъ, которыхъ за это непродолжительное время мы имѣемъ уже напечатанныхъ болѣе двадцати.

Мѣры, принимаемыя духовенствомъ къ собственной защитѣ и поддержанію порядка въ церкви.

Самое Псковское духовенство ближе всѣхъ сознавало всю беззащитность своего положенія, какъ пастырей церковныхъ, и всѣ беспорядки какъ въ жизни служителей церкви, такъ и въ самой церковной службѣ; и чтобы какъ нибудь устроить опору въ своей средѣ, думало найдти эту опору въ устройствѣ соборовъ, которые представляли бы собою организованныя общины съ своими ближайшими представителями, судіями, блюстителями и ходатаями. Старѣйшею таковою церковною общиною, и единственною въ продолженіе 200 лѣтъ, былъ соборъ святыхъ Троицы. Соборъ этотъ первоначально достигъ своей цѣли: духовенство находило въ немъ свою опору, особенно въ тѣ отдаленныя времена, когда Псковъ еще жилъ въ мирѣ и согласіи съ Новгородскими владыками; но въ продолженіе времени соборъ этотъ мало-по-малу обратился въ учрежденіе не столько церковное, сколько въ государственное и общественное, для управленія какъ церковными, такъ и мірскими дѣлами, гдѣ уже мірскія власти получили перевѣсъ надъ поповскими старостами. А между тѣмъ, по мирному договору 1347 года, за стѣсненіемъ епископской власти вѣчемъ, духовенство годъ отъ года стало ощущать большую нужду въ мѣстной ближайшей поддержкѣ, какъ для себя такъ и для наблюденія за церковнымъ порядкомъ. А посему ровно черезъ десять лѣтъ, послѣ мпра 1347 года,

духовенство, воспользовавшись постройкою вновь церкви св. мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви, учредило при этой церкви второй соборъ, чтобы держать всенедвенную службу, какъ говорили духовные въ своемъ прошеніи къ вѣчу. Но черезъ 60 лѣтъ, т. е. вскорѣ послѣ пораженія ереси стригольниковъ, двухъ соборовъ уже оказалось недостаточно; и въ 1417 году священники, не вошедшіе въ общины сихъ соборовъ, и слѣдовательно оставшіеся безъ мѣстной опоры, общимъ челобитьемъ обратились къ Псковскому вѣчу, и выхлопотали себѣ дозволеніе устроить третій соборъ при церкви св. Николы надъ грѣблею. Потомъ, по мѣрѣ паденія духовенства, соборы стали устраиваться чаще: четвертый соборъ при церкви всеплостиваго Спаса и велико-мученика Димитрія былъ устроенъ въ 1453 году, т. е. черезъ 36 лѣтъ послѣ третьяго собора; въ этомъ году пріѣзжалъ во Псковъ Новгородскій владыка Евѣмій и по просьбѣ священниковъ къ нему обратились тогдашній Псковскій князь и посадники съ челобитьемъ, чтобы благословилъ устроить четвертый соборъ священникамъ, непричисленнымъ ни къ одному изъ прежнихъ соборовъ, на что владыка и изъявилъ свое согласіе. Далѣе, черезъ девять лѣтъ послѣ учрежденія четвертаго собора, духовенство было челомъ Псковскому вѣчу о дозволеніи устроить пятый соборъ; и вѣче приговорило быть пятому собору у Похвалы святыя Богородицы, да у Покрова святыя Богородицы, да у святаго Духа, за Домонтовою стѣною. А еще черезъ девять лѣтъ, въ 1471 году, священники, еще не причисленные ни къ одному изъ прежнихъ соборовъ, били челомъ Псковскому вѣчу, чтобы оно печаловалось

передъ великимъ княземъ и митрополитомъ о дозволѣніи устроить шестой соборъ; и митрополитъ благословилъ быть шестому собору при церкви входа въ Іерусалимъ. Это быстрое распространѣніе соборовъ, учреждаемыхъ по просьбѣ самаго духовенства, и при томъ совпадающее съ постепеннымъ ослабленіемъ епископской власти во Псковѣ, лучше всего свидѣтельствуешь, что Псковское духовенство, по мѣрѣ ослабленія епископской власти, все болѣе и болѣе слагалось въ пресвитеріанскомъ характерѣ, и единственную и ближайшую себѣ защиту находило въ соборахъ, гдѣ у духовныхъ были свои выборные начальники,—соборскіе поповскіе старосты, которые были обязаны стоять за порядокъ церковный и, по мѣрѣ силъ, отдѣляться отъ пригизаній мірской власти и общества.

Попытка
Псковичей
имѣть сво-
его епископа.

Но очевидно, устройство соборовъ еще далеко не удовлетворяло настоятельнымъ нуждамъ Псковской церкви; и Псковичи всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ порѣшили искать себѣ давно желаемаго отдѣльнаго епископа для Псковской земли, и въ 1464 году отправили посольство въ Москву—просить великаго князя Ивана Васильевича, чтобы пожаловалъ свою отчину Псковъ, велѣлъ бы своему отцу-богомольцу, митрополиту Феодосію, поставить владыку во Псковъ а нашего Псковитина.“ Великій князь на это отвѣчалъ: то есть дѣло великое, хотимъ о томъ съ своимъ отцомъ митрополитомъ гораздо мыслити; и отецъ нашъ пошлетъ по наши богомольцы, а по свои дѣти, архіепископы и епископы, и будетъ ли подобно (прилично) тому быти; а ваши честные послы у насъ будутъ; и мы вамъ откажемъ (дадимъ отвѣтъ), какъ будетъ

пригоже.“ И дѣйствительно, въ томъ же году великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Феодосіемъ, отказалъ (далъ отвѣтъ) съ новымъ Псковскимъ посольствомъ, что немочно быти во Псковѣ владыкѣ, зане искони не бывалъ, а не столъ (каедрa) во Псковѣ.“ Такимъ образомъ эта новая и послѣдняя для независимаго Пскова попытка—добыть себѣ отдѣльнаго епископа законнымъ порядкомъ не удалась. Псковичи, недовольные отказомъ, но неосмѣливавшіеся идти открыто противъ великаго князя, перенесли свое неудовольствіе на владыку Новгородскаго. Они въ 1465 году отняли у него села и земли, уступленные вѣчемъ владычней каедрѣ въ древнее время; но и въ этомъ они должны были уступить настоятельнымъ требованіямъ великаго князя и митрополита, и въ слѣдующемъ 1466 году цѣловали предъ Новгородскимъ посольствомъ крестъ, что возвращаютъ владыкѣ отнятыя земли и села, и будутъ жить въ мирѣ и братствѣ съ Новгородцами по старинѣ, и соглашаются, чтобы владыка ѣздилъ во Псковъ, по старинѣ, по свою пошлину. И въ томъ же году Новгородскій владыка архіепископъ Иона пріѣзжалъ во Псковъ на свой подѣздъ, былъ встрѣченъ, по обычаю, всѣмъ священствомъ и множествомъ народа, соборовалъ въ церкви св. Троицы, читалъ синодикъ и пѣлъ благовѣрнымъ князьямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ великія много лѣтъ и злыхъ проклятъ. Псковичи безпрекословно дозволили ему собрать съ Псковскаго духовенства свой обычный подѣздъ, и съ честію проводили его до своего рубежа.

Такимъ образомъ все пошло по старому,—владыки ^{Духовенство} Новгородскіе попрежнему начали получать свой Псковское.

устрои-
ваетъ пре-
свитеріан-
скіе обще-
ство.

подѣздъ и судъ, и держать во Псковѣ своего намѣстника изъ Псковичей, а Псковская церковь все болѣе и болѣе подчинялась вѣчу. Духовенство же попрежнему все падало ниже и окончательно подчинилось Псковскому обществу; беспорядки въ церковной службѣ и въ жизни духовныхъ увеличивались болѣе и болѣе. Прихожане и церковные старосты, выборные отъ прихода, не только торговали церквами, какъ лавками, не допускали священниковъ и даже игуменовъ по монастырямъ ни къ какому церковному управленію и распоряжались церковными имѣніями и суммами какъ своими собственными; но и самими священниками и игуменами нерѣдко располагали какъ своими наемниками. Защита, которую духовенство думало найти въ соборахъ, оказывалась очень слабою и ненадежною въ борьбѣ съ требованіями народнаго вѣча, которое распоряжалось церковными дѣлами съ полнымъ произволомъ, не справляясь ни съ какими церковными законами. Въ 1468 году своеволіе вѣча дошло до того, что оно отлучило отъ службы и лишило должностей всѣхъ вдовствующихъ поповъ и діаконѳвъ, не только не посовѣтовавшись объ этомъ съ владычнымъ намѣстникомъ и Псковскими соборами, но даже не спросившись ни у владыки Новгородскаго, ни у митрополита всея Руси. Эта послѣдняя черезъ-чуръ крутая и своевольная мѣра, и многіе другіе вопіющіе беспорядки и неправды наконецъ подняли долго молчавшее духовенство; и въ 1469 году всѣ священноиноки и священники всего Пскова рѣшились на послѣднюю мѣру: образовать изъ себя правильно организованное пре-свитеріальное общество съ своими законами, утверж-

денными всѣмъ Псковомъ, съ своимъ выборнымъ начальствомъ, которое было бы представителемъ не того или другаго собора, но всего Псковскаго духовенства, и имѣло бы достаточно силы дѣйствовать сколько нибудь независимо отъ прихотей церковныхъ старость и своеволія вѣча. Рѣшившись на такую важную мѣру, священноиноки и священники Пскова, всѣ до одного, осенью 1469 года, явились на вѣчѣ, и благословивъ Псковскаго князя Ѳедора Юрьевича и посадниковъ степенныхъ и всѣхъ посадниковъ и весь Псковъ, выразили свое требованіе, съ которымъ пришли, въ слѣдующихъ словахъ: „Таково видите и сами, сынове, что по нашимъ грѣхамъ, такову на насъ Господь свою милость посылаетъ къ намъ, и ожидая, сынове, какъ отъ васъ, такъ и отъ насъ обращенія къ себѣ. А нынѣ, сынове, промежи себя хотимъ, по правиламъ св. отецъ и святыхъ апостолъ, во всемъ священствѣ крѣпость поддержати, а о своемъ управленіи, какъ намъ священникамъ по Номоканону жити; а вы намъ, сынове, поборники будете, за неже здѣсь въ сей земли правителя надъ нами нѣтъ, а намъ о себѣ тоя крѣпости удержати немочно по промежи себя о каковыхъ нибуди духовнымъ вещахъ. А вы ся въ то иное и міромъ вступаете, а чрезъ святыхъ апостолъ и св. отецъ правила; а въ томъ, сынове, и на васъ хотимъ таковую крѣпость духовную поддержати.“ Вѣче, отчаявшееся уже имѣть особаго епископа Пскову, и желая такъ или иначе отдѣлаться отъ владыки Новгородскаго, было радо такому предложенію духовенства и отвѣчало: „то вѣдаете вы, все Божіе священство; а мы вамъ поборники на всякъ благъ совѣтъ.“ По полученіи

такового благопріятнаго отвѣта, духовенство, написавъ грамоту изъ Номоканона о всѣхъ своихъ священническихъ крѣпостяхъ и о церковныхъ вещахъ, положило ее въ ларь св. Троицы, гдѣ хранились и окончательно утверждались всѣ Псковскіе законы, и на вѣчѣ, передъ всѣмъ Псковомъ, выбрало себѣ по грамотѣ правителей надъ всѣми бывшими тогда пятью соборами, и надъ всѣмъ священствомъ, попа Андрея Козу, отъ св. архангела Михаила и другаго съ Завеличья Харитона, попа отъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Такимъ образомъ Псковское духовенство, съ согласія всего Пскова, успѣло организовать изъ себя что-то цѣлое, въ чисто Псковской формѣ правленія, при двухъ выборныхъ начальникахъ, съ своими законами, которые обязалось соблюдать и само Псковское вѣче.

Но непродолжительно было существованіе этого новаго устройства, придуманнаго Псковскимъ духовенствомъ; той же осенью, въ Ноябрь мѣсяцѣ, одинъ изъ выбранныхъ правителей, попъ Андрей Коза, возбуждалъ противъ себя неудовольствіе и бѣжалъ къ владыкѣ въ Новгородъ, а зимою, 22 Января, владыка Новгородскій Іона уже пріѣхалъ въ Псковъ. Посадники, духовенство и народъ встрѣтили владыку у стараго Вознесенія, обыкновеннымъ порядкомъ, со крестами. Проживъ недѣлю, владыка соборовалъ у св. Троицы, причемъ торжественно читали синодикъ, пѣли благовѣрнымъ князьямъ, лежащимъ въ дому св. Троицы, вѣчную память, а всѣмъ православнымъ христіанамъ великія много лѣтъ, а злыхъ предали проклятію. Исправивши это все по порядку, владыка пригласилъ къ себѣ на Пустынскій дворъ (гдѣ обык-

новенно останавливались Новгородскіе владыки, приѣзжая во Псковъ) посадниковъ и всѣхъ священниковъ, началъ разспрашивать о составленной духовенствомъ уставной грамотѣ, и говорилъ: „кто осмѣлился ее составить и утвердить неспросясь меня, я самъ хочу здѣсь судить и разбирать всѣ духовныя дѣла, а вы выньте ту грамоту и раздерите.“ На это требованіе владыки духовенство, посадники и вѣче отвѣчали ему: „мы, господине, сдѣлали это неотступая отъ миродокончальной грамоты, на которой крестъ цѣловали; а самъ ты вѣдаешь, что тебѣ здѣсь не само много быти, а того дѣла тебѣ вскорѣ нельзя управить, занеже при семъ послѣднемъ времени о церквахъ Божіихъ смущенно сильно въ церковныхъ вещахъ и священникахъ, немощно намъ тебѣ всего и сказать, ти сами вѣдаютъ, тако творяще все безстужство; ино о томъ та грамота отъ всего священства изъ Номоканона выписана и въ ларь положена по вашему же слову, какъ еси самъ, господине, преже сего былъ въ дому св. Троицы, и прежніе твоя братья, а велите и благословяете всѣхъ пяти соборовъ съ своимъ намѣстникомъ, а съ нашимъ Псковитяномъ, всякія священническія вещи по Номоканону правити.“ На таковой отвѣтъ владыка смиренно и кротко сказалъ: „миѣ объ этомъ должно доложить митрополиту Московскому и всея Руси Филиппу, и я васъ увѣдомлю о томъ, какъ онъ повелитъ управить это; ибо я и самъ, сынове, отъ васъ слышу, что это дѣло великое и христіанству очень развратно, а церквамъ Божіимъ мятежно, а иповѣрныя радуются, видя христіанъ живущихъ въ такой слабости, и укоряютъ наше небреженіе.“

Покончивши такимъ образомъ переговоры о новой уставной грамотѣ, владыка благословилъ всѣхъ Псковичей, собралъ со священниковъ свой подвѣздъ, и 5 Февраля оставилъ Псковъ, и его съ почетомъ проводили до рубежа. Но тѣмъ дѣло не кончилось. Осенью слѣдующаго года, по челобитью владыки Новгородскаго, пріѣхалъ во Псковъ съ велико-княжескимъ посломъ и посолъ отъ митрополита. Посолъ этотъ, передалъ всему Пскову благословеніе отъ митрополита, подалъ вѣчу митрополичью грамоту, въ которой написано такъ: „чтобы есте тое управление, сынове, свшценническое, какъ священники, такъ и весь Псковъ, положили на своего богомольца архіепископа, занеже тое дѣло изкони передано святителю управлять.“ За тѣмъ, присланный вмѣстѣ съ посольствомъ, владыченъ человекъ Автомонъ, отъ имени архіепископа Новгородскаго, сказалъ: „васъ все священство и весь Псковъ, своихъ сыновей, благословляю; и коли тыя святительскія вещи положите на мнѣ, то и сами увидите, какову о томъ наипаче вамея крѣпости духовную крѣпость о всякомъ церковномъ управленіи и о священникахъ поддержку.“ Посолъ великаго князя отъ его имени также подалъ совѣтъ не противиться требованію митрополита и владыки Новгородскаго. Псковское вѣче и духовенство, не рѣшаясь противорѣчить великому Князю и митрополиту, положили передать все церковное управленіе владыкѣ Новгородскому Іонѣ, на основаніи правилъ Номоканона, но еще два мѣсяца не вынимали уставной грамоты изъ ларя; наконецъ 5 Января вынули означенную грамоту и подрали, а 7 Января отправили къ владыкѣ Новгородскому посольство

просить его распоряженій о церковныхъ дѣлахъ. Такъ кончилось придуманное Псковскимъ духовенствомъ и утвержденное вѣчемъ новое церковное устройство, имѣвшее силу дѣйствующаго закона только одинъ годъ и два мѣсяца съ половиной, какъ прямо сказано о церковной уставной грамотѣ въ лѣтописи: „А лежала въ лари тая грамота положена годъ да полтретья мѣсяца.

Съ передачею управленія Псковскою церковію владыкѣ Новгородскому на прежнихъ недостаточныхъ основаніяхъ, попрежнему начались беспорядки и не-удовольствія; попрежнему духовенство вступило въ зависимость къ свѣтскому обществу и вѣчу, а на владычье управленіе на первомъ году стали роптать. Лѣтописецъ говоритъ: „Тояже зимы (1470 г.) владыка Іона прислалъ во Псковъ приказаніе, чтобы вдовы священники и діаконы ѣхали къ нему въ Новгородъ на управленіе, и началъ у нихъ мзду имать, у кого по рублю, у кого по полтора рубли, и всѣмъ безъ исключенія началъ давать благословеніе и новыя грамоты за печатями ради тоя мзды, а не по св. отецъ и святыхъ Апостолъ правиламъ, какъ обѣщаль Пскову.“⁴ Очевидно, обвиненія лѣтописца въ настоящемъ распоряженіи владыки Новгородскаго едва ли были правильны; ибо въ дѣлѣ о вдовыхъ священникахъ архіепископъ Іона своими распоряженіями только уничтожилъ своевольное и незаконное распоряженіе Псковскаго вѣча, въ 1468 году вмѣшавшагося въ святительскій судъ и отлучившаго вдовыхъ священниковъ отъ службы самовольно, неснесясь съ владыкою. Владыка здѣсь только отступилъ отъ порядка, узаконеннаго мѣрнымъ дого-

Владыка Новгородскій снова вступаетъ въ свои прежнія права. И новыя не удовольствія безпорядки.

воромъ 1347 года, по которому Псковскихъ священниковъ не дозволялось вызывать для суда въ Новгородъ. Это неправильное обвиненіе прямо свидѣтельствуеть, что во Псковѣ непріязненно смотрѣли на управленіе владыки Новгородскаго Псковскою церковію, и что Псковичи, видимо уступивши настояніямъ великаго князя и митрополита, продолжали свое прежнее самоуправство относительно церковныхъ дѣлъ, и не думали искать управы у владыки Новгородскаго, а напротивъ смотрѣли на владыку какъ на собирателя извѣстныхъ пошлинъ и мздоимнаго притѣснителя духовенства. И дѣйствительно безпорядки и соблазнъ въ Псковской церкви, по уничтоженіи уставной грамоты 1469 года, годъ отъ года увеличивались и подчасъ достигали крайнихъ предѣловъ безобразія, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ низко пало Псковское духовенство. Вотъ два случая, рѣзко характеризующіе это плачевное время, записанные въ лѣтописяхъ. Въ 1470 году сгорѣла церковь на Уситѣ, принадлежащая собору св. Троицы, на другой годъ вздумали построить вмѣсто одной сгорѣвшей двѣ церкви— одну на старомъ мѣстѣ, а другую на новомъ, противъ первой. Но строители на новомъ мѣстѣ подкупомъ подняли чернь и толпою явились на вѣчѣ, и по ихъ требованію посадники послали съ вѣча приставовъ остановить постройку церкви на старомъ мѣстѣ. И въ это же время игуменъ одного монастыря тоже поднялъ чернь, съ толпою пришелъ на вѣче и говорилъ: „вамъ нѣтъ въ томъ никакого грѣха, сжели вы отнимите у святыхъ Троицы ту землю и воду (гдѣ была старая церковь) и отдадите мнѣ въ монастырь, я это принимаю на себя.“ И посад-

ники вмѣстѣ съ вѣчемъ, не разбирая дѣла, приняли сторону дерзкаго игумена, отняли означенную землю у церкви св. Троицы и передали въ монастырь. А другой случай еще безобразнѣе: въ 1495 году вѣче положило собрать полгъ въ помощь Московскому государю противъ Нѣмцевъ; и опредѣлило, чтобы съ десяти сохъ снаряжали по одному конному человѣку, неисключая священниковъ и діаконовъ. Священники и діаконы этому воспротивились и явились на вѣчѣ отстаивать свои права; завязался горячій споръ, въ которомъ, послѣ многихъ ругательствъ надъ всемъ духовенствомъ, вѣче опредѣлило высѣчь кнутомъ двухъ Рождественскихъ священниковъ Ивана и Андрея, и несчастные, уже раздѣтые, въ однихъ сорочкахъ стояли передъ народнымъ собраніемъ, и только кстати отысканное одно правило Номоканона, по которому запрещалось собирать военныхъ людей съ церковной земли, спасло отъ кнута спины означенныхъ священниковъ.

Такимъ образомъ Псковъ, въ продолженіе всей своей исторической жизни до самаго присоединенія къ Москвѣ, постоянно тяготившійся зависимоію своей церкви отъ владыки Новгородскаго, не могъ освободить ее отъ этой зависимости; и церковь Псковская постоянно оставалась только извѣстною частію церкви Новгородской, но такую частію, которая имѣла свой, ей только свойственный характеръ, которымъ она рѣзко отличалась какъ отъ Новгородской церкви, такъ и отъ другихъ церквей Русской земли. Новгородскій владыка, съ которымъ Псковская церковь противъ воли была связана, съ первыхъ годовъ XIV столѣтія, уже постоянно считался для

Устрой-
ство
Псковской
церкви во-
обще.

нея чуждымъ, по крайней мѣрѣ во мнѣніи Псковскаго общества. Въ своей церковной іерахіи Псковская церковь считала только игуменовъ, священноиноковъ, священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, другихъ церковныхъ чиновъ она не знала; въ ней даже не было архимандритовъ. Стараясь, сколько возможно, менѣе имѣть отношеній къ владыкѣ Новгородскому, церковь Псковская непосредственно управлялась своими выборными поповскими старостами, протопопами, или соборскими старостами; а находясь въ большей зависимости отъ свѣтскаго общества и вѣча, она должна была допустить къ ближайшему участию въ своихъ дѣлахъ и церковныхъ старостъ изъ мірскихъ людей, выборныхъ отъ мѣстнаго общества. Въ Псковской землѣ не только при церквахъ приходскихъ и соборахъ, но и при монастыряхъ всегда было по двое выборныхъ старостъ отъ мѣстнаго общества, которые, какъ представители своихъ избирателей-прихожанъ, имѣли огромное вліяніе на церковныя дѣла, управляли церковными имѣніями и даже распорядились священнослужителями, могли удалять ихъ и прискивать новыхъ по своему усмотрѣнію. Псковская церковь особенно отличалась отъ другихъ Русскихъ церквей тѣмъ, что носила характеръ демократическій, и находилась въ большой зависимости отъ мірскаго общества; другою отличительною чертою Псковской церкви было то, что не только монастыри и соборы, но и всѣ приходскія церкви безъ исключенія имѣли за собою значительныя по Псковскимъ размѣрамъ вотчины, какъ прямо объ этомъ писалъ даже въ XVII вѣкѣ митрополитъ Маркеллъ: „здѣсь во Псковѣ всѣ церкви вотчинныя, и по древнему обыкновенію

церквами владѣють и тѣми вотчинами користуються мужики“ (т. е. мірскіе люди).

Церкви во Псковѣ раздѣлялись на городскія и сельскія, и послѣднія постоянно находились въ подчиненіи у первыхъ и управлялись городскими поповскими старостами. Отпаденіе сельскихъ церквей отъ городскихъ послѣдовало уже во время Московскаго владычества, какъ прямо говоритъ лѣтопись подъ 1544 годомъ: „отклонишася отъ городскихъ поповъ, отъ всѣхъ семи соборовъ сельскіе попы и пригородскіе; а владыка Θεодосій благословилъ старосту имъ, далъ Ивана попа Георгіевскаго съ болота.“ Во время же самостоятельности Пскова всѣ церкви городскія, и пригородскія и сельскія, составляли одно цѣлое, и до 1357 года причислялись всѣ къ Троицкому собору, а потомъ, въ продолженіе времени, были распредѣлены во время независимости Пскова на шесть соборовъ; по соборамъ были расписаны не только приходскія церкви, но и монастыри; такъ что въ этомъ отношеніи монастыри не отличались отъ приходскихъ церквей и состояли въ вѣдѣніи того же выборнаго начальства, какъ и сіи послѣднія, т. е. у поповскихъ соборскихъ старостъ, въ которые избирались какъ игумены, такъ и бѣлые священники, на примѣръ въ лѣтописи подъ 1466 годомъ сказано: „Псковичи поставили церковь Св. Варлаама по совѣту всѣхъ пяти соборовъ священноноковъ, священниковъ и діаконовъ.“ Здѣсь за урядъ причислены къ пяти соборамъ священноноки и священники. Монастыри во Псковѣ также имѣли свои приходы и состояли въ такой же зависимости отъ вѣча и подъ управленіемъ приходскихъ старостъ, какъ и другія приходскія церкви.

Общественное
значение
духовенства.

Духовенство во Псковѣ не составляло отдѣльнаго сословія; въ церковную службу тамъ обыкновенно поступали, какъ и во всѣ другія службы, по выбору изъ всѣхъ сословія; а дѣти священно-служителей, ежели не поступали въ церковную службу, то уже не считался въ числѣ духовныхъ, а причислялись или къ тому сословію, къ которому относились по избраннѣмъ ими занятіямъ, или считался въ томъ сословіи, изъ котораго вышли ихъ отцы. Такъ ежели который священникъ былъ выбранъ къ церковной службѣ изъ бояръ, то его дѣти, не поступившія на церковную службу, причислялись къ боярамъ. А по сему духовенство, какъ чисто выборный классъ служилыхъ людей, во Псковѣ пользовалось всѣми правами полноправныхъ гражданъ, наравнѣ съ мірскими людьми, и участвовало на вѣчѣ, и за то несло всѣ общественныя повинности и тягости наравнѣ съ мірянами: такъ напримѣръ въ 1517 году, при постройкѣ стѣны на Кромѣ, священники по раскладкѣ возили камень, а Псковичи песокъ. Вообще положеніе духовенства во Псковѣ далеко не походило на положеніе духовенства въ другихъ краяхъ Руси. О Псковскомъ духовествѣ можно сказать что оно, въ сравненіи съ духовенствомъ въ другихъ краяхъ Руси, по своему положенію въ обществѣ ближе подходило къ мірскимъ людямъ, или, иначе сказать, служба духовенства была церковная, а общественное положеніе и жизнь чисто мірскія, нисколько не напоминающія духовенства въ Новгородѣ, или въ другомъ какомъ краѣ Руси.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Власти.

Псковъ, какъ колонія, какъ пригородъ великаго Новгорода, первоначально управлялся такъ же, какъ и всѣ Новгородскіе пригороды, т. е. Новгородскимъ вѣчемъ и собственнымъ своимъ домашнимъ вѣчемъ, которое вполнѣ было подчинено Новгородскому вѣчу и безпрекословно исполняло всѣ его рѣшенія, какъ сказано въ лѣтописи: "на чемъ старшіе судуютъ, на томъ и пригороды стануть." При таковой зависимости Псковскаго вѣча отъ Новгородскаго, естественно правительство во Псковѣ, т. е. всѣ выборныя власти, особенно важнѣйшія, обыкновенно присылались изъ Новгорода, или Новгородскимъ вѣчемъ назначались изъ Псковичей по выбору мѣстнаго вѣча. Равнымъ образомъ смѣна главныхъ въ городѣ властей принадлежала Новгороду: такъ напримѣръ въ 1132 году Новгородцы дали посадничество во Псковѣ Мирославу Гюрятиничу, а въ 1134 году перевели его посадникомъ въ Новгородъ. Или въ 1136 Новгородцы и Псковичи, собранные на Новгородскомъ вѣчѣ, общимъ приговоромъ рѣшили изгнать князя Всеволода Мстиславича и пригласить Святослава Ольговича; а въ слѣдующемъ году, по согласію съ одною Новгородскою партіею, Псковичи пригласили Всеволода къ себѣ и рѣшились драться изъ за него съ Новгородцами; и когда онъ въ скорости умеръ во

Движеніе
и виды
власти во
Псковѣ.

Псковъ, то объявили своимъ княземъ его брата Святополка, а въ 1138 году смирились съ Новгородцами и ихъ князя Ростислава Юрьевича признали и своимъ княземъ. Впрочемъ таковой порядокъ не былъ постояннымъ. Псковичи то принимали начальниковъ, присланныхъ Новгородскимъ вѣчемъ, то не принимали, а выбирали своихъ; то признавали своимъ княземъ Новгородскаго князя, то принимали особеннаго князя, присланнаго Новгородомъ, то сами приглашали къ себѣ князя со стороны. Вообще порядокъ управленія Псковомъ первоначально зависѣлъ отъ того въ какомъ отношеніи Псковъ находился къ Новгороду, или иначе сказать, — господствующая ли партія Новгородская дѣйствовала во Псковѣ, или партія потерпѣвшая поражение въ Новгородѣ. Въ первомъ случаѣ Псковъ совершенно подчинялся Новгородскимъ распоряженіямъ, а въ послѣднемъ онъ вступалъ въ борьбу съ Новгородскими порядками и выказывалъ нѣкоторую самостоятельность въ своемъ внутреннемъ управленіи; такъ что почти до XIV столѣтія продолжалась какая-то неопредѣленность въ устройствѣ Псковскаго управленія. Но по мѣрѣ того какъ Псковъ усиливался и пріобрѣталъ болѣе независимости и самостоятельности, въ немъ вырабатывался свой своеобразный строй правительства, съ виду очень сходный съ Новгородскимъ, но въ сущности далеко непохожій на него. По этому своеобразному строю правительство Псковское составляли четыре вида властей: 1-й верховная власть вѣча, представляющая собою волю самого Пскова; 2-й власть выборная, — это власть посадниковъ и другихъ начальниковъ изъ Псковичей же, назначаемыхъ вѣчемъ; 3-й власть приглашенная или

принятая со стороны, собственно власть князя; и наконец 4-я власть, насильно навязанная, чужая, какою, какъ мы уже видѣли, была власть владыки Новгородскаго, отъ которой власти Псковъ, во все время своей самостоятельности, старался отдѣлаться, но не успѣлъ въ этомъ.

Власть вѣча, какъ выраженіе воли цѣлаго народа, во Псковѣ, точно такъ же какъ и въ Новгородѣ, была властію верховною и непрерывною, и прекратилась только съ паденіемъ самостоятельности Пскова при великомъ князѣ Московскомъ Васильѣ Ивановичѣ. Эта власть вынесла и отразила на себѣ все судьбы Пскова, такъ что исторія Псковскаго вѣча есть уже въ главныхъ чертахъ исторія самаго Пскова. Первоначально Псковъ былъ незначительнымъ пригородомъ Новгорода, крайнимъ западнымъ постомъ Новгородской колонизаціи въ предѣлахъ чуждыхъ племенъ,—Чуды, Наровы и Летголы, вполне зависѣвшимъ отъ Новгорода, который сбывалъ туда свою неугомонную вольницу и распоряжался ею для своихъ цѣлей, собственно для защиты западной границы своихъ владѣній и для поддержки колонизаціи въ этомъ краю. Во все это время и Псковское вѣче было покорнымъ слугою Новгородскаго вѣча; Псковскимъ вѣчемъ тогда руководили бояре и воеводы, приходившіе изъ Новгорода. Потомъ, когда Псковъ нѣсколько усилился и изъ военнаго поста сдѣлался значительною колоніей, обзавелся торговлею, сталъ имѣть вліяніе на сосѣднихъ иноплеменниковъ, до нѣкоторой степени подчинилъ ихъ себѣ и началъ посылать къ нимъ своихъ даньщиковъ, хотя еще и не разрывалъ своихъ связей съ Новгородомъ и при-

знавалъ себя Новгородскимъ пригородомъ; тогда и Псковское вѣче получило больше самостоятельности и независимости, и подчасъ начало выказывать сопротивленіе распоряженіямъ Новгородскаго вѣча, впрочемъ все еще подъ руководствомъ Новгородскихъ бояръ, по какимъ либо обстоятельствамъ удалявшихся во Псковъ. Въ это-то время Псковское вѣче начало, хотя еще не постоянно, принимать или приглашать во Псковъ особыхъ князей мимо Новгорода. Далѣе, когда Псковъ, не разрывая еще своей родственной связи съ Новгородомъ, настолько усилился и разбогатѣлъ, что уже самъ построилъ нѣсколько пригородовъ, вполне ему подчиненныхъ, и не только въ большей части случаевъ не сталъ нуждаться въ пособіи Новгородцевъ, но уже нерѣдко расходился въ своихъ мѣстныхъ интересахъ съ Новгородскими интересами; тогда и Псковское вѣче приобрѣло большую самостоятельность, и ежели иногда еще признавало рѣшенія Новгородскаго вѣча, то въ такомъ только случаѣ, когда сіи рѣшенія были согласны съ его собственными видами. Оно уже больше не подчинялось руководству Новгородскихъ бояръ, а напротивъ того, и можетъ быть именно вслѣдствіе того, что въ предшествовавшее время слишкомъ сильно высказалось вліяніе сихъ бояръ, сложилось въ чисто демократическомъ духѣ, и смотрѣло какъ на Новгородскихъ бояръ, еще иногда приходившихъ во Псковъ, такъ и на своихъ, только какъ на слугъ народной воли. Наконецъ, съ половины XIV столѣтія, когда самостоятельность и независимость Пскова была признана самимъ Новгородомъ по мирному докончанію 1347 года; тогда и Псковское

вѣче пріобрѣло вполнѣ самостоятельную верховную власть, уже независящую ни отъ какой другой власти ни во внутреннемъ управленіи, ни въ сношеніяхъ съ сосѣдными владѣтелями. Впрочемъ эта неограниченная власть вѣча во Псковѣ была непродолжительна. Псковъ, окруженный со всѣхъ сторонъ сильными сосѣдами, волей-неволей долженъ былъ избрать себѣ покровителя, на котораго въ случаѣ нужды могъ бы опираться; и таковымъ покровителемъ въ концѣ XIV столѣтія явился князь Московскій, отъ котораго Псковъ началъ получать себѣ князей, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, и Псковское вѣче до нѣкоторой степени подчинилось Московскому вліянію. Вліяніе это до половины XV вѣка было едва замѣтно и нисколько не стѣснило самостоятельности Псковскаго вѣча. Самостоятельность Пскова во все это время была нужна для Московскихъ князей по ихъ отношеніямъ къ Новгороду и Литвѣ, а потому они не только не стѣсняли власти Псковскаго вѣча, а напротивъ старались поддерживать ее. Но во второй половинѣ XV вѣка обстоятельства сильно измѣнились не въ пользу самостоятельности Пскова; а посему вліяніе Московскаго государя годъ отъ года стало сильнѣе тяготѣть надъ Псковскимъ вѣчемъ, и кончилось тѣмъ, что когда самостоятельность Пскова болѣе уже не была нужна для Московскаго государя, то великій князь Василій Ивановичъ въ 1510 году объявилъ чрезъ своего дьяка, чтобы во Псковѣ вѣчу не быть и вѣчевый колколъ снять. И 13 Января, по послѣднему опредѣленію, вѣчевый колколъ сняли и отвезли въ Снѣтгорскій монастырь, откуда великокняжескій дьякъ переправилъ его къ великому князю, бывшему тогда въ Новгородѣ

Псковское вѣче, по началу своему одинаковое съ вѣчемъ Новгородскимъ, мало-по-малу съ теченіемъ времени, согласно съ обстоятельствами, въ которыхъ находился Псковъ, выработалось своеобразно и далеко оставило за собою Новгородское вѣче относительно развитія свой власти, которую оно постоянно ревниво старалось охранять, какъ выраженіе воли цѣлаго народа, и строго держало въ полномъ подчиненіи всѣ другія власти.

Составъ
вѣча и его
права.

1-е. По составу своему Псковское вѣче, повидимому, совершенно было одинаково съ Новгородскимъ вѣчемъ: оно состояло изъ большихъ и меньшихъ людей, или изъ бояръ и люднновъ; но въ сущности на Псковскомъ вѣчѣ не было ни большихъ ни меньшихъ, а всѣ были равны, всѣ были только мужи Псковичи, господинъ Псковъ нераздѣльный, и вѣчевыя грамоты писались не отъ большихъ и меньшихъ, а отъ всего Пскова. Конечно, подъ мужами Псковичами разумѣлись только полноправные граждане, дѣйствительные члены Псковскихъ общинъ, домохозяева, а не бездомный сбродъ. Псковское вѣче тѣмъ преимущественно по своему составу и отличалось отъ Новгородскаго, что ни въ какомъ случаѣ не допускало къ себѣ бездомной вольницы, или насильственного незаконнаго вѣча, согнаннаго какою либо партией бояръ, что иногда еще бывало въ Новгородѣ. Въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ нѣтъ и помину о шумныхъ незаконныхъ вѣчахъ во Псковѣ; тамъ вѣче всегда отличалось согласіемъ и недопущеніемъ господства партій. Еще отличительною чертой въ составѣ Псковскаго вѣча было то, что на этомъ вѣчѣ непремѣнно участвовало и духовенство, такъ что

вѣчевыя грамоты писались не иначе, какъ по благо-словенію отцевъ своихъ поповъ всѣхъ соборовъ и священноинокѡвъ и діаконѡвъ, и всего Божіяго свя-щенства, всѣмъ Псковомъ.

2-е. Псковское вѣче судило и рядило всегда само-стоятельно, независимо ни отъ какихъ властей, хотя власти и допускались къ присутствію на вѣчѣ, а иныя даже были обязаны непременно присутствовать; но они могли дѣлать только предложенія вѣчу, рѣ-шеніе же дѣлъ принадлежало самому вѣчу, какъ прямо сказано въ судной Псковской грамотѣ; „а князю и посаднику на вѣчѣ суда не судить“.

3-е. Въ отношеніи къ другимъ Псковскимъ властямъ Псковское вѣче пользовалось такимъ высокимъ зна-ченіемъ, что всѣ власти находились въ полной зави-симости отъ вѣча, — ихъ распоряженія не имѣли никакой силы, ежели вѣче находило ихъ неугодными. Псковскій князь, уже посаженный на княжемъ столѣ, въ храмѣ св. Троицы, долженъ былъ идти на вѣче, и тамъ давать присягу ко Пскову на судѣ и на пошлинныхъ грамотахъ, и на всѣхъ старинахъ Псков-скихъ; а безъ этого онъ не допускался къ исправ-ленію своихъ обязанностей, и его власть считалась несуществующею, или незаконною и необязательною для Пскова. Другія выборныя власти должны были также присягать на вѣчѣ Пскову, что они будутъ вѣрными его слугами. Только одна власть владыки не давала присяги на вѣчѣ; но она за это всегда считалась чуждою властію, и находилась въ постоян-ной борбѣ со Псковомъ и была связана, что назы-вается, по рукамъ и ногамъ, разными условіями и надзоромъ отъ вѣча.

4 е. Всѣ власти, за исключеніемъ власти владычней, избирались и назначались вѣчемъ; безъ выбора и утвержденія вѣча никто не могъ занять никакой общественной должности; князь избирался вѣчемъ; воеводы, судьи, сотскіе и всѣ другіе также избирались вѣчемъ; и власть ихъ до тѣхъ поръ только признавалась дѣйствительною и законною, пока они пользовались довѣріемъ вѣча. Вѣче, передавшее имъ опредѣленные степени власти, имѣло право не только лишать ихъ данной власти, но судить и наказывать, и тому или другому рѣшенію вѣча никто не смѣлъ противиться. Такъ напримѣръ: въ 1484 году вѣче рѣшило написать мертвую грамоту на бѣжавшихъ въ Москву посадниковъ, и на такое рѣшеніе не было протеста въ цѣломъ Псковѣ; грамота была написана и, какъ законъ, выражающій волю цѣлаго народа, положена въ ларь св. Троицы вмѣстѣ съ другими законами, и тѣмъ самымъ бѣглецы были приговорены къ смерти, лишены покровительства законовъ, а имущество ихъ опечатано въ пользу общественной казны Пскова.

5-е. Верховная власть вѣча, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, распространялась на всѣ Псковскія владѣнія, на всѣ пригороды. Псковское вѣче держало пригороды въ полномъ подчиненіи своимъ приговорамъ, и требовало, чтобы они во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ обращались къ нему за рѣшеніемъ и не распоряжались своевольно, въ противномъ случаѣ налагало на своевольный пригородъ тяжелую пеню. Такъ подъ 1477 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Псковъ (Псковское вѣче) опалился и из-продалъ Опочанъ (разгнѣвался и положилъ пеню на

пригородъ Опочку), а взялъ сто рублей (пени) за то, что они повѣсили тата коневаго, а безъ Псковскаго (вѣча) повелѣнья.“ Значитъ псковское вѣче точно также хозяйничало въ пригородахъ, какъ и въ самомъ Псковѣ, и строго смотрѣло за тѣмъ, чтобы вездѣ въ Псковской землѣ дѣлалось не иначе, какъ по его повелѣніямъ.

6-е. Вѣче одно издавало законы для всей Псковской земли и утверждало ихъ положеніемъ въ ларь св. Троицы, и строго наказывало того, кто осмѣлился бы издать какой законъ и положить въ ларь св. Троицы не просясь вѣча, хотя бы издавшій дѣйствовалъ по власти данной ему вѣчемъ. Такъ подъ 1484 годомъ въ лѣтописи сказано: „Вѣче изъ заповѣди закликало посадниковъ (лишило покровительства законовъ), что грамоту новую списали и въ ларь вложили на сѣняхъ съ княземъ Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдаетъ.“ Равнымъ образомъ отмѣна законовъ принадлежала только вѣчу, какъ прямо говоритъ Псковская судная грамота: „А которой строкъ пошлинной грамоты (закона) нѣтъ; и посадникомъ доложить господина Пскова на вѣчѣ, да тоя грамота написать. А которая строка нелюба будетъ господину Пскову; ино та строка вольно выписать вонъ изъ грамотъ.“

7-е. Никакое общественное дѣло не могло быть начато безъ разрѣшенія вѣча; построеніе городскихъ стѣнъ, постройка мостовъ, даже церквей, все дѣлалось съ разрѣшенія вѣча и даже нерѣдко подъ надзоромъ назначенныхъ вѣчемъ комиссаровъ. Такъ напримѣръ въ 1476 году вѣче разрѣшило слобожанамъ Кокшлянской волости поставить городъ у рѣки

Лоди, и вслѣдъ за выдачею вѣчевой грамоты на постройку города, послало на мѣсто, гдѣ будутъ ставить городъ, двухъ посадниковъ и бояръ своихъ изо всѣхъ концовъ, которые должны были распорядиться строеніемъ и донести вѣчу, когда городъ будетъ поставленъ. Отъ вѣча же зависѣли назначеніе мѣръ, вѣсовъ и ходячихъ денегъ. Такъ подъ 1409 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „отложиша (всѣ Псковичи, вѣче) во Псковѣ кунами торговати, и начаша торговати пенязи.“ Или подъ 1424 годомъ: „начаша Псковичи деньгами торговати, чистымъ серебромъ.“ самыя клеймы на монетахъ показывали, что монеты чеканились не иначе какъ по повелѣнію всего Пскова или, иначе сказать, вѣча, ибо надпись на клеймахъ состояла только въ томъ, что деньга Псковская. Или относительно перемѣны торговыхъ мѣръ подъ 1458 годомъ сказано: „Того же лѣта прибавиша Псковичи зобняцы (увеличили хлѣбную мѣру) и палицу привишили къ зобеню (къ мѣреню хлѣба привѣсили правило, палку, чтобы сравнивать зерна и вообще сыпучій товаръ съ краями мѣры, или чтобы поколачивать мѣру, чтобы плотнѣе улеглось зерно) при посадникѣ степенномъ Алексѣѣ Васильевичѣ, а старыхъ посадниковъ, (которые своевольно уменьшили передъ тѣмъ мѣру) избивъ на вѣчѣ.“ Всѣ распоряженія и правила относительно торговли также утверждались и издавались вѣчемъ или съ его разрѣшенія, а равнымъ образомъ также и отмѣнялись; напримѣръ подъ 1472 годомъ лѣтопись говоритъ: „Посадникъ Псковскій Аѳанасій Юрьевичъ, и бояре Псковскіе, и сотскіе и судьи льняную грамоту подраша, вынемше изъ ларя (конечно по приговору

вѣча, какъ показываетъ продолженіе разсказа), и бысть всѣмъ христіаномъ радости велія, съ осми бо годъ она была въ лари (дѣйствующимъ закономъ по торговлѣ льномъ) да много христіанамъ истомы и убытковъ въ тое время было⁴. Назначеніе разныхъ поборовъ, раскладка податей и повинностей, наряды на службу, пожалованіе земель, или какихъ либо привиллегій по всей Псковской землѣ единственно принадлежало только Псковскому вѣчу, а ни какой другой власти.

8-е. Объявленіе войны отъ Пскова, заключеніе мира, снаряженіе Псковскихъ пословъ къ сосѣднимъ государямъ и приѣмъ чужихъ пословъ во Псковъ,— все принадлежало вѣчу. Вѣче само непосредственно завѣдывало сношеніями съ сосѣдними государствами; каждый Псковскій посланникъ, возвращаясь домой по исполненію возложеннаго на него порученія, долженъ былъ явиться на вѣчѣ и вѣчу представить подробный отчетъ о томъ какъ онъ исполнилъ порученія; всѣ наказы посланникамъ давало только само вѣче; всѣ договорныя грамоты писались не иначе какъ на вѣчѣ и отъ имени вѣча или Пскова; чужестранные послы непременно представлялись вѣчу и и вѣчу излагали требованія своихъ правительствъ. Такъ въ лѣтописи подъ 1460 годомъ сказано: „И слышавше Псковичи великаго князя въ Новгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ великій Новгородъ, Юрья посадника Тимошеевича, Максима Ларивоновича, и бояръ изо всѣхъ концовъ, и даша Псковичи дарове князю великому 50 рублевъ, и повелѣша имъ бити челомъ господину и государю великому князю Василью Васильевичу о жалованьѣ и о печалованіи

своей отчины, мужей Псковичъ, добровольныхъ людей, что еси пріобижены отъ поганыхъ Нѣмецъ и водою, и землею, и головами, и церкви Божіи пожжены отъ поганыхъ на миру и на крестномъ цѣлованіи.“ Или въ 1463 году послы магистрата Ливонскаго и Рижскаго архіепископа при заключеніи мира цѣловали крестъ, и печати свои къ грамотѣ привѣсили предъ воеводою великаго князя и передъ всемъ Псковомъ на вѣчѣ. Или въ 1464 году Московскій посолъ Давидъ Бибиковъ правилъ посольство отъ великаго князя и говорилъ на вѣчѣ Пскову, что князь великій челобитье Псковское принялъ. Или въ 1471 году Псковскіе послы, возвратившіеся съ посольства къ Литовскому великому князю, отдавали отчетъ о своемъ посольствѣ на вѣчѣ передъ Псковомъ.

9-е. Обычное узаконенное мѣсто сбора Псковскаго вѣча находилось при церкви св. Троицы, гдѣ на паперти, или, какъ говорили во Псковѣ, на сѣняхъ, этой церкви висѣлъ и вѣчевый колоколь, извѣстный по Псковскимъ лѣтописямъ подъ именемъ *Корсунскаго вѣчника*, и на площади у этой церкви были устроены особыя мѣста, для сидѣнья членамъ вѣча, называвшіяся степенями. Судя по нѣсколькимъ извѣстіямъ Псковской лѣтописи, вѣче во Псковѣ созывалось звономъ вѣчеваго колкола. Такъ подъ 1518 годомъ лѣтопись говоритъ: „тоя же весны прислалъ князь великій къ живоначальной Троицы большой колоколь, гдѣ вѣчевой былъ, а преже того за немного прислалъ меньшей колоколь въ Корсунскаго мѣсто, что на сѣняхъ въ него звонили, какъ вѣче было.“ Или подъ 1510 годомъ въ той же лѣтописи сказано: „свитающу дню недѣльному, позвониша вѣче, вшелъ

Третьякъ въ вѣче, и посадники Псковскіе и Псковичи начаша ему говорити.“ Созывать вѣче во Псковѣ могли или имѣли право только одни степенные посадники, какъ выбранные самимъ вѣчемъ, постоянные земскіе представители вѣча, когда оно не въ сборѣ. Обычнымъ временемъ для сбора вѣча, кажется, было утро, послѣ обѣденъ. Чрезвычайныя же вѣча допускались во всякое время дня и ночи: такъ подъ 1480 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „и пригониша гонецъ ношю“: уже господа Псковичи Вышгородъ взяли Нѣмцы, „и посадники Псковскіе вѣчь сзвонили ношю дважды, и поѣхаша посадники и мужи Псковичи той ноши, срубившия съ четырехъ сохъ конь.“ Или о послѣднемъ вѣчѣ 1510 сказано: „свитающу дни недѣльному, позвониша вѣче.“ Во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ вѣче имѣло свою печать, которою утверждались всѣ грамоты, издаваемые вѣчемъ; на печати этой изображался пардъ (леопардъ), бѣгущій вправо, а вокругъ парда слова: „печать государства Псковскаго“. На висячихъ же печатяхъ Псковскаго вѣча, на одной сторонѣ изображался пардъ, бѣгущій вправо, а на другой— „печать Псковская.“ Псковское вѣче имѣло своихъ дьяковъ, которые записывали опредѣленія вѣча, составляли вѣчевыя грамоты и вообще вели письменныя дѣла вѣча. Члены, по всему вѣроятію, садились на вѣче, уличане съ своими уличанами, кончане съ своими кончанами при своихъ старостахъ; открывали же вѣче посадники, къ которымъ стекались всѣ общественныя дѣла.

10-е. Кромѣ общаго вѣча цѣлаго города, вѣроятно были еще вѣча по концамъ и улицамъ, по призыву кончанскихъ и уличанскихъ старость и сотскихъ; а

также были вѣча по пригородамъ по призыву и подъ руководствомъ пригородскихъ посадниковъ. Но чтобы были когда нибудь во Псковѣ вѣча не законныя, составленныя какою либо партіей, объ этомъ нѣтъ и намековъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ. Псковъ, по своему чисто демократическому устройству, очевидно былъ свободенъ отъ появленія таковыхъ вѣчъ; во Псковѣ партіи были такъ слабы, что ничего не значили предъ голосомъ законнаго вѣча. Мало этого, вѣче во Псковѣ обыкновенно вело свои дѣла тихо и чинно; только уже предъ конечнымъ паденіемъ Псковскаго вѣча лѣтопись начинаетъ жаловаться на кричаніе на вѣчахъ, и выставляетъ это кричаніе одною изъ причинъ паденія вѣча.

Посадникъ.

Послѣ вѣча слѣдовали власти, избираемыя самимъ вѣчемъ для постояннаго веденія общественныхъ дѣлъ, когда вѣче не было въ сборѣ. Изъ выборныхъ властей самая важная была власть посадника, въ которой выражалась до нѣкоторой степени власть самаго вѣча, но которая состояла въ полномъ подчиненіи вѣчу. Первоначально, когда Псковъ былъ въ полной зависимости отъ Новгорода, Псковскіе посадники обыкновенно или по преимуществу назначались Новгородскимъ вѣчемъ, и слѣдовательно были представителями власти Новгородскаго, а не Псковскаго вѣча; они были собственно какъ бы намѣстниками Новгородскими во Псковѣ, и потому не пользовались значеніемъ Псковскихъ выборныхъ властей; о нихъ Псковскія лѣтописи даже не упоминаютъ; и такъ продолжалось вплоть до XIV столѣтія. Въ первый разъ Псковская лѣтопись упоминаетъ о Псковскомъ посадникѣ Борисѣ, вѣроятно выборномъ отъ Псковскаго

вѣча, а не присланномъ изъ Новгорода. Лѣтопись подь 1308 годомъ о немъ говорить: Посадникъ Борисъ замыслилъ помостить торговище, и бысть всемъ людямъ добро; а въ слѣдующемъ 1309 году тотъ же Борисъ посадникъ вмѣстѣ съ вѣчемъ заложилъ плитяную стѣну отъ церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла къ рѣкѣ Великой, и скончался въ 1312 году. Преемникомъ Бориса, по всему вѣроятію, былъ посадникъ Селило Олексиничъ, убитый Нѣмцами подь Псковомъ въ 1327 году. За Селилой слѣдовалъ посадникъ Селога или Солога, правившій посольство отъ Пскова къ великому князю Московскому Ивану Даниловичу, стоявшему съ войскомъ у города Опочки. Этотъ же посадникъ, по опредѣленію вѣча, въ 1330 году поставилъ новый городъ Изборскъ на Жеравей горѣ, и въ 1337 году, по опредѣленію вѣча, поправлялъ укрѣпленія Псковскаго дѣтинца и въ томъ же году скончался. Преемникомъ его былъ посадникъ Илья Борисовичъ, вѣроятно сынъ перваго выборнаго Псковскимъ вѣчемъ посадника Бориса. Онъ въ 1341 году водилъ Псковичей противъ Нѣмцевъ на рѣку Амовжу, и въ томъ же году защищалъ противъ Нѣмцевъ Изборскъ; а въ 1348 году водилъ Псковичей къ Орѣшку помогать Новгородцамъ противъ Шведовъ. При этомъ посадникъ Псковское вѣче въ 1341 году просило у Новгородцевъ помощи и намѣстника. Это извѣстіе прямо говоритъ, что посадникъ Илья былъ уже Псковскимъ выборнымъ посадникомъ, а не присланнымъ изъ Новгорода, иначе не было бы нужды просить еще у Новгородцевъ намѣстника. При этомъ посадникъ лѣтопись подь 1343 годомъ упоминаетъ объ одновременномъ ему

посадникъ Володшѣ, который вмѣстѣ съ князьями Иваномъ и Евстафіемъ водилъ Псковичей и Изборянъ противъ Нѣмцевъ къ городу Медвѣжей головѣ; слѣдовательно въ это уже время Псковъ одновременно имѣлъ двухъ посадниковъ. А подѣ 1348 годомъ упоминается еще третій современный Ильѣ посадникъ Иванъ, по опредѣленію вѣча водившій Псковскую рать къ Нѣмецкому городку на Наровѣ. Не былъ ли онъ избранъ на мѣсто посадника Володши, о которомъ уже не упоминается послѣ 1343 года. За тѣмъ въ извѣстіяхъ о посадникахъ послѣ 1348 года лѣтописи представляютъ перерывъ до 1375 года, въ которомъ упоминается посадникъ Григорій Остафьевичъ, но этотъ двадцатисемилѣтній перерывъ вовсе не означаетъ, чтобы во все это время не было посадниковъ во Псковѣ, ибо подѣ 1368 годомъ есть слѣдующее извѣстіе: „на борзѣ рать Нѣмецкая прииде ко Пскову; и по грѣхамъ нашимъ тогда не бысть во градѣ ни князя Александра, ни посадниковъ, но по селамъ въ разъѣздѣ.“ Слѣдовательно во Псковѣ постоянно было по нѣскольку посадниковъ; перерывъ же, замѣчаемый въ лѣтописяхъ, произошелъ по недостатку извѣстій, дошедшихъ до лѣтописцевъ.

Во Псковѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, въ посадники избирались исключительно изъ боярскихъ фамилій, и даже замѣтно нерѣдко изъ однихъ и тѣхъ же фамилій; такъ мы уже видѣли, что перваго выборнаго посадника Бориса сынъ Ильѣ также былъ посадникомъ. Или подѣ 1404 годомъ упоминается о посадникѣ Леонтиѣ, а подѣ 1426 годомъ уже встрѣчается въ числѣ посадниковъ сынъ его Сильверстъ Леонтьевичъ. Или въ 1406 году упоминается посадникъ Ларіонъ

Дойниковичъ, а въ 1456 году былъ посадникомъ сынъ его Максимъ Ларіоновичъ, бывший въ 1444 году воеводою на Наровѣ съ титуломъ сына посадника. Но очевидно демократическій Псковъ не строго держался правила выбирать посадниковъ изъ однихъ и тѣхъ же боярскихъ фамилій: тамъ не было такихъ сильныхъ боярскихъ домовъ, какъ въ Новгородѣ, а по сему вѣче было совершенно свободно въ своемъ выборѣ и не справлялось съ родословными книгами Псковскихъ бояръ, а придерживалось одного правила, чтобы выбирать людей надежныхъ заручившихъ себя передъ Псковомъ своими способностями и преданностію господину Пскову. Такъ напримѣръ въ 1341 году Володша Строиловичъ сдѣлался замѣтнымъ своею храбростію и распорядительностію при защитѣ Изборска, и вѣче на другой годъ избрало его въ посадники. Посадники во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ, избирались не на срокъ, по крайней мѣрѣ въ памятникахъ нѣтъ и намековъ на сроки. Избраніе обыкновенно производилось, чтобы избранному оставаться до тѣхъ поръ въ должности, пока будетъ угоденъ вѣчу, или сколько послужить; но очевидно во Псковѣ посадники долго не засиживались на своей должности, ибо по лѣтописямъ мы то и дѣло встрѣчаемъ новыхъ посадниковъ. Разъ выбранный въ посадники, хотя бы и былъ смѣщенъ со степени, на всегда удерживалъ званіе стараго посадника, и его дѣти назывались посадничьими дѣтьми. Посадникъ, смѣщенный со степени, чрезъ нѣсколько времени опять могъ быть выбранъ въ степенные посадники. Напримѣръ посадникъ Юрій Тимоѣевичъ въ 1431 году былъ степеннымъ посадникомъ вмѣстѣ съ Яки-

момъ Павловичемъ, а въ 1432 году они оба, уже въ званіи старыхъ посадниковъ, были отправлены посланиками въ Новгородъ, а въ 1453 году Юрій Тимоѣевичъ опять былъ степеннымъ посадникомъ. По частой смѣнѣ посадниковъ со степени во Псковѣ всегда было много старыхъ посадниковъ; такъ напримѣръ въ 1471 году на помощь Московскому князю противъ Новгорода было послано Псковичами тринадцать Псковскихъ посадниковъ съ Псковскою силою.

Обязанности и права посадника.

Обязанности и права степеннаго посадника были слѣдующія: 1-е. Степенный посадникъ во Псковѣ, какъ представитель вѣча, такъ же какъ и въ Новгородѣ, былъ необходимымъ посредникомъ между княземъ и народомъ; такъ что князь безъ посадника не имѣлъ права ни судить ни управлять ни во Псковѣ ни въ Псковскихъ пригородахъ; на судѣ князь и посадникъ дѣлились пошлинами пополамъ; въ судной Псковской грамотѣ сказано: „а княжа продажа 19 денегъ; да четыре деньги князю и посаднику“. Или подъ 1453 годомъ лѣтопись говоритъ: „попы невкупніи биша челомъ князю Псковскому Василью Васильевичу и посаднику степенному Георгію Тимоѣевичу и всѣмъ посадникамъ Псковскимъ, чтобы дозволили устроить четвертый соборъ“. 2-е. Степенный посадникъ, по опредѣленію вѣча, предводительствовалъ Псковскими войсками и при князѣ и безъ князя; такъ подъ 1463 годомъ лѣтопись говоритъ: „посадникъ степенный Ѳеодоръ Никофоровичъ и посадникъ Тимофей со Псковичами ходили къ Городку на Нѣмцевъ, о чемъ услышавши Нѣмцы бѣжали отъ Городка“. Или подъ 1466 годомъ въ лѣтописи сказано: „князь Псковскій

Данило Александровичъ и Ларіонъ посадникъ и весь Псковъ поднемише всю волость идоша воевать къ Полотску. 3-е. Степенный посадникъ вмѣстѣ съ княземъ и безъ князя велъ переговоры съ сосѣдними владѣльцами, и цѣловалъ крестъ при заключеніи договоровъ. Такъ въ 1464 году, при заключеніи мира съ Нѣмцами степенные Псковскіе посадники Максимъ Ларіоновичъ и Игнатій Логиновичъ и сотскіе цѣловали крестъ на вѣчѣ предъ Нѣмецкими послами. Или при заключеніи мира съ Нѣмцами въ 1473 году посадникъ степенный Зиновій Сидоровичъ цѣловалъ крестъ на вѣчѣ за весь Псковъ. Или въ 1397 году князь Григорій и посадники Сысой и Романъ договаривались отъ всего Пскова съ Новгородцами о мирѣ. 4-е. Степенный посадникъ заботился объ укрѣпленіяхъ какъ самаго Пскова, такъ и пригородовъ: наприимѣръ въ 1309 году посадникъ Борисъ вмѣстѣ съ вѣчемъ заложилъ плитяную стѣну во Псковѣ. Или въ 1431 году посадникъ Юрьи Тимоѣевичъ и все псковскіе посадники заложили городъ Выборъ, а другой степенный посадникъ Якимъ, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ и прочими посадниками, заложили городъ Гдовъ. Или въ 1465 году князь Псковскій Иванъ Александровичъ и степенные посадники Леонтій Макарьевичъ и Тимоѣей Васильевичъ и Псковичи заложили деревянную стѣну отъ рѣки Великой до Пскова. 5-е. Грамоты во Псковъ отъ сосѣднихъ государей писались на имя Псковскаго князя, степеннаго посадника, старыхъ посадниковъ и всего Пскова, и Псковскія грамоты также писались отъ князя, степенныхъ посадниковъ и старыхъ посадниковъ, и отъ всего Пскова. Такъ въ 1464 году

посоль Московскій говорилъ на вѣчѣ именемъ великаго князя: „князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тобѣ своему намѣстнику Псковскому князю Ивану Александровичу, посаднику степенному Юрію Тимоѳеевичу и старымъ посадникамъ и всему Пскову своей отчинѣ повѣствуетъ. Или въ 1480 году Казимиръ Польскій начинаеть свою грамоту во Псковъ: „посаднику степенному и старымъ посадникамъ и всему Пскову Казимиръ король Польскій и великій князь Литовскій всказалъ.“ Или въ Казимировой же отвѣтной грамотѣ тогоже года: „што есте говорили намъ отъ посадниковъ степенныхъ п отъ старыхъ посадниковъ и отъ всего Пскова, тоже вразумѣли.“ 6-е. Степенный посадникъ созывалъ вѣче и руководилъ, докладывалъ постутившія къ нему дѣла, подлежащія рѣшенію вѣча. Такъ въ 1480 году, когда пришла во Псковъ вѣсть, что Нѣмцы взяли городокъ, то посадники ночью же, какъ получили вѣсть, дважды звонили вѣче и поѣхали съ Псковичами на Нѣмцевъ. Или въ 1495 году, когда на вѣчѣ произошелъ споръ—зачисляли ли въ раскладку для сбора на войну священниковъ, то въ лѣтописи сказано: „что бывшіе тогда степенные посадники Яковъ Аѳанасьевичъ Брюхатый и Василій Опимаховичъ учили сильно дѣяти надъ священники, и лазили многожды на сѣни (т. е. справляться въ ларѣ, гдѣ хранились законы) и въ вѣчье.“ Степенный же посадникъ съ старыми посадниками сажалъ вновь избраннаго князя на княженіе; такъ подъ 1496 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „прибылъ князь Александръ Володимировичъ Ростовскій на княженіе во Псковъ: и священноиноки и священники, и посадники Псковскіе и Псковичи выидоша противу ему со кресты

къ старому Вознесеню и посадиша его на княженіе.“
7-е. Посадникъ предлагалъ вѣчу новые законы на утвержденіе, или говорилъ о необходимости отмѣнить устарѣвшіе законы, тягостные для общества, какъ прямо объ этомъ сказано въ судной Псковской грамотѣ. „А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникамъ доложить господина Пскова, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамотѣ нелюба будетъ господину Пскову, ино та строка вольно выписать вонъ изъ грамоты. 8-е. Посадники вмѣстѣ съ другими выборными властями и даже одни посадники имѣли право издавать или отмѣнять законы, даже несозывая для сего вѣча; но ежели изданные ими законы оказывались негодными Пскову, то за это они отвѣчали передъ вѣчемъ; такъ въ 1458 году были побиты на вѣчѣ старыя посадники въ предшествовавшіе годы, убавившіе хлѣбную торговую мѣру. Напротивъ того, когда въ 1479 году степенный посадникъ Аѳанасій Юрьевичъ, по совѣту съ боярами судьями и сотскими, вынулъ изъ ларя св. Троицы и изорвалъ грамоту, 8 лѣтъ стѣснявшую торговлю льномъ; то вѣче оказалось довольнымъ таковымъ распоряженіемъ. Точно также въ 1463 году вѣче не сдѣлало никакого замѣчанія степенному посаднику Θεодору Никифоровичу, когда онъ отнялъ палицу у хлѣбной мѣры, повѣшенную вѣчемъ въ 1458 году; слѣдовательно признавало за нимъ право такъ распорядиться.

Но несмотря на такія обширныя, повидимому, права, посадникъ во Псковѣ имѣлъ меньшее значеніе чѣмъ въ Новгородѣ; онъ былъ собственно повѣреннымъ Псковскаго вѣча, правда съ большими полномочіями, но и подъ строгимъ надзоромъ общества съ демо-

Мѣры къ
ограниче-
нію вла-
сти посад-
ника.

кратическимъ направлениемъ, которое на вѣчь никогда не лишало себя права сводить со степени посадника, какъ скоро опъ окажется неудобнымъ, и должно сказать пользовалось этимъ правомъ гораздо чаще, чѣмъ Новгородское общество. Во Псковѣ не замѣтно, чтобы какой либо посадникъ сидѣлъ на степени десять лѣтъ (впрочемъ и во Псковѣ бывали, хотя очень немногіе посадники, заживавшіеся на степени года по четыре и лѣтъ по пяти). Псковъ, какъ чисто демократическая республика, всегда зорко и строго смотрѣлъ вообще за всеми властями, утвержденными вѣчемъ, а посадниковъ, какъ власть представляющую отсутствующее или несобранное вѣче, имѣлъ подъ особеннымъ надзоромъ, и разными средствами старался ее ограничить.

Первое средство къ ограниченію и стѣсненію власти посадника, какъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ памятники, состояло въ томъ, что вѣче окружало степеннаго посадника старыми посадниками, число которыхъ годъ отъ года увеличивалось, по мѣрѣ смѣщенія степенныхъ посадниковъ со степени. Старые посадники, всѣ до одного, какіе были на лицо, составляли какъ бы необходимый совѣтъ при степенномъ посадникѣ, такъ что сей послѣдній одинъ почти не могъ распоряжаться; оня непременно присутствовали и на вѣчь и участвовали въ другихъ общественныхъ дѣлахъ, такъ что рядомъ съ степеннымъ посадникомъ почти всегда встрѣчаемъ въ памятникахъ и старыхъ посадниковъ, и даже нерѣдко ихъ нельзя отличить другъ отъ друга. Напримѣръ подъ 1453 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „попы невкунніи били челомъ Князю Василью Васильевичу и посаднику

степенному Георгію Тимоѳеевичу, и всеѣмъ посадникамъ Псковскимъ, чтобы быть четвертому собору“. Или подѣ 1431 годомъ сказано: Юрьи посадникъ Тимоѳеевичъ, и вси Псковскіе посадники заложилъ городъ Выборъ. А князь Дмитрій Александровичъ, Якимъ посадникъ и вси посадники заложилъ городъ на рѣкѣ Гдовѣ“. Въ послѣднемъ извѣстїи посадники Юрій и Якимъ, очевидно степенные посадники, отличались отъ старыхъ хотя одними именами; въ слѣдующемъ же извѣстїи, относящемся къ 1416 году, степенные посадники отъ старыхъ даже не отличены именами; въ извѣстїи семъ сказано: „построиша церковь св. Софіи при старостѣхъ св. Троицы Андреи Тимошкинчичи и Іовѣ, при попѣ Іоаннѣ Хахилевѣ и при посадникахъ Псковскихъ Ларивонѣ Дойшиковичѣ, и Романѣ, и Іоанѣ, и Ѳедосеи, и Микулѣ.“ Или тоже подѣ 1441 годомъ: „Князь Александръ и вси посадники послали посадника Тимоѳея ставить городъ Опочку“. Высокое значеніе и дѣятельное участіе старыхъ посадниковъ въ правленїи общественными дѣлами было извѣстно и за предѣлами Псковской земли; такъ 1464 г. посолъ Московскаго Князя, обращаясь къ Псковскому вѣчу, именемъ своего Государя говоритъ: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Русїи тебѣ своему Намѣстнику Князю Псковскому Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрью Тимоѳеевичу и старымъ посадникомъ и всему Пскову повѣствуетъ.“ Точно такое же обращеніе къ степенному посаднику и къ старымъ посадникамъ и всему Пскову дѣлаетъ Казимиръ Король Польскій въ своей грамотѣ 1480 года.

Всеѣ сїи и многія другія таковыя же свидѣтельства

ясно показываютъ, что во Псковѣ старые посадники были поставлены очень высоко; что степенный посадникъ, что называется, былъ связанъ ими по рукамъ и ногамъ. А старые посадники были въ полной зависимости отъ вѣча, по самому своему положенію; ибо, съ одной стороны, дѣйствуя въ пользу степеннаго посадника и противъ вѣча, они тѣмъ самымъ теряли расположеніе народа и лишались надежды вторично быть избранными въ степенные посадники. А съ другой стороны вѣче часто давало весьма важныя порученія старымъ посадникамъ съ властію совершенно равную власти степеннаго посадника, такъ что въ данномъ порученіи старый посадникъ являлся въ значеніи степеннаго посадника, съ тою только разницею, что онъ таковымъ являлся по непосредственному порученію вѣча, а не по должности, слѣдовательно находился въ совершенной зависимости отъ вѣча, какъ его наказный сановникъ. Порученія, даваемые вѣчемъ старымъ посадникамъ, были разнообразны, но всѣ имѣли такое высокое значеніе, что по Псковскимъ порядкамъ могли исполняться только посадникомъ, или иначе сказать составляли функцію или прерогативу степеннаго посадника; а поэтому они всегда были лѣстны для старыхъ посадниковъ, и тѣмъ самымъ тянули ихъ къ сторонѣ вѣча, а не степеннаго посадника, и такимъ образомъ не давали развиваться власти сего послѣдняго. Къ таковымъ важнымъ порученіямъ принадлежали: первенство или главный голосъ въ посольствахъ при переговорахъ съ иностранными владѣтелями; такъ на примѣръ въ 1397 году, для заключенія мира съ Новгородомъ, Псковъ послалъ Князя Григорія Евстафьевича и ста-

рых посадниковъ, Сысоя и Романа, которые и дѣловали крестъ къ Новгороду за Псковъ и всѣ пригороды.“ Или старымъ посадникамъ вѣче поручало командованіе надъ войскомъ во время военныхъ походовъ; такъ что нерѣдко одна Псковская рать отправлялась въ походъ подъ начальствомъ степеннаго посадника, а другая подъ командой стараго посадника, который дѣйствовалъ самостоятельно и отдавалъ отчетъ не степенному посаднику, а вѣчу. Такъ въ 1463 году, когда степенный посадникъ Ѳедоръ Никифоровичъ и посадникъ Тимофей, бывшіе подъ Городкомъ противъ Нѣмцевъ, прислали гонца, что Нѣмцы воюють псады на Наровѣ, то посадникъ Зиновій и Псковичи поставили вѣче и дали воеводство посаднику Максиму Ларионовичу, Алексѣю Васильевичу и Игнатью Логиновичу, и совокупившеся Псковичи съ пригорожены и поидоша на Нѣмцевъ.

Но несмотря на такое стѣсненіе власти степеннаго посадника, Псковскому вѣчу эта власть, находящаяся въ однихъ рукахъ, все еще казалась опасною, и вѣче еще съ половины XIV столѣтія придумало новое ограниченіе: оно стало одновременно выбирать по два степенныхъ посадника, такъ чтобы эта громадная власть дѣлилась между двумя равными лицами. Такъ еще въ 1343 году по лѣтописямъ мы уже встрѣчаемъ двухъ одновременныхъ посадниковъ въ степені: Илью Борисовича и Володшу Строиловича. Или въ 1397 году встрѣчаемъ двухъ степенныхъ посадниковъ Ефрема Картача и Захарья Костроминича. Впрочемъ Псковичи не постоянно держались этого правила, иногда назначали двухъ степенныхъ посадниковъ, иногда одного; такъ по крайней мѣрѣ можно

заключатъ по дошедшимъ до насъ лѣтописнымъ извѣстіямъ. Такъ въ 1402 году, по смерти Захарьи Костроминича, степеннымъ посадникомъ оставался одинъ Ефремъ Картачь; а въ 1406 году опять два степенныхъ посадника,—Юрьи Филипповъ, сынъ Казаковичъ и Ларіонъ Дойниковичъ, при которыхъ Ефремъ Картачь былъ уже старымъ посадникомъ и въ 1407 году убитъ въ бою съ Нѣмцами на Лозоговицкомъ полѣ, гдѣ убиты и еще два старыхъ посадника Леонтій и Панкратъ; или въ 1418 году являются два новыхъ степенныхъ посадника Ѳедось Ѳеофиловичъ и Микула Павлсвичъ, вѣроятно избранный во второй разъ, ибо онъ уже упоминается старымъ посадникомъ въ 1410 году, а въ 1426 году опять упоминается, въ числѣ старыхъ посадниковъ, равнымъ образомъ какъ и посадникъ Ѳедось Ѳеофиловичъ. Въ 1431 году степенными посадниками были уже Юрьи Тимофеевичъ и Акимъ Павловичъ. Въ 1441 году встрѣчается одинъ степенный посадникъ Иванъ Сидоровичъ; или въ 1450 году оиять одинъ степенный посадникъ Ѳедоръ Патрикѣевичъ, и въ 1453 году оиять одинъ степенный посадникъ Георгій Тимофеевичъ, вѣроятно выбранный во второй разъ, ибо онъ былъ уже степеннымъ посадникомъ въ 1442 году. Напротивъ того, въ 1462 въ 1463 и 1464 годахъ встрѣчаемъ по два степенныхъ посадника: въ первомъ году Максима Ларіоновича и Зиновія Михайловича, во второмъ Ѳедора Никифоровича и Зиновія Михайловича, и въ третьемъ Юрья Тимофеевича и Алексѣя Васильевича. Въ 1465 году оиять два степенныхъ посадника Леонтій Макарьевичъ и Тимоѳей Васильевичъ; а въ 1466 году одинъ степенный посад-

никъ Тимоѳей Власьевичъ; въ 1468 году два степенныхъ посадника Тимоѳей Власьевичъ и Стефанъ Гахоновичъ, они же были и въ 1469 году.

Съ половины XV столѣтія Псковское вѣче придумало новую мѣру стѣсненія посадничьей власти; оно стало выбирать степенныхъ посадниковъ чуть не каждый годъ, какъ это уже замѣтно въ представленномъ выше перечисленіи степенныхъ посадниковъ по лѣтописнымъ извѣстіямъ. И судя по извѣстію 1462, кажется, можно положить, что въ это время былъ введенъ такой порядокъ, чтобы изъ двухъ степенныхъ посадниковъ одного смѣщать со степени и на его мѣсто выбирать новаго, а одного оставлять въ степени еще на годъ. Оставленный такимъ образомъ въ степени на другій годъ назывался старымъ степеннымъ посадникомъ и считался главнымъ представителемъ вѣча; такъ Московскій посолъ въ этомъ году говоритъ отъ имени своего государя посаднику степенному старому Юрью Тимоѳеевичу и старымъ посадникамъ и всему Пскову; тогда какъ въ томъ же году былъ еще степеннымъ посадникомъ во Псковѣ Алексѣй Васильевичъ. Впрочемъ Псковичи и этого новаго правила держались не строго; все зависѣло отъ воли вѣча. Такъ въ 1468 и 1469 годахъ были одни и тѣ же степенные посадники Тимоѳей Власьевичъ и Стефанъ Гахоновичъ. Но какъ бы то ни было, эта послѣдняя мѣра рѣшительно измѣнила характеръ Псковскихъ посадниковъ и низвела ихъ окончательно на степень чиновныхъ слугъ вѣча, которыя оставались только для того, чтобы докладывать вѣчу, исполнять его порученія и приводить въ исполненіе его приговоры. А посему на удивительно,

что дьякъ великаго князя Василья Ивановича Третьякъ Далматовъ въ 1510 году потребовалъ его именемъ только того, чтобы Псковичи отказались отъ вѣча и сняли вѣчевый колоколъ, о посадникахъ же не упомянулъ ни словомъ; тогда какъ въ 1478 году великій князь Иванъ Васильевичъ требовалъ отъ Новгородцевъ, чтобы не было ни посадниковъ, ни вѣча. Посадники при паденіи Новгорода значили еще многое, — они составляли важную земскую власть; во Псковѣ же, при его паденіи, вся власть заключалась въ вѣчѣ и посадники ничего не значили; потому великій князь Василій Ивановичъ и не удостоилъ упомянуть объ нихъ въ своемъ послѣднемъ требованіи у вольнаго Пскова.

Посадники
въ пригородахъ.

Подобно Пскову имѣли посадниковъ и Псковскіе пригороды; такъ напримѣръ подъ 1341 годомъ лѣтопись упоминаетъ о посадникѣ Островскомъ Васильѣ Онисимовичѣ, о которомъ сказано: „тогда ему опять дали посадничество во Островъ“. Или подъ 1426 годомъ упоминаются Вороническіе посадники, въ лѣтописи сказано: „Ворончане и посадники ихъ Тимошей и Ермола начаша вѣсти слати ко Пскову: Господа Псковичи! помогайте и гадайте о насъ; намъ нынѣ притужно вельми.“ Посадники въ пригородахъ имѣли то же положеніе какъ и во Псковѣ. Въ пригородахъ сперва было по одному посаднику; а когда Псковъ сталъ выбирать себѣ по два посадника, тогда и пригороцы также стали выбирать себѣ по два посадника, какъ свидѣтельствуешь приведенное выше извѣстіе лѣтописи подъ 1426 годомъ. Посадники въ пригородахъ избирались мѣстнымъ вѣчемъ, какъ и во Псковѣ. Но такъ какъ пригороды вполне зависѣли отъ Псковскаго вѣча, то и тамошніе посадники были

не болѣе какъ слугами Псковскаго вѣча, и вѣроятно иногда присылались изъ Пскова по назначенію тамошняго вѣча.

За посадниками въ Псковѣ по значенію своему слѣдовали сотскіе; они у Псковичей именно замѣняли тысяцкаго первоначально, потому что Псковъ, какъ пригородъ, тогда былъ только отдѣльною частію Новгорода, слѣдовательно не имѣлъ права держать тысяцкаго. Въ послѣдствіи же, когда Псковъ сдѣлался самостоятельнымъ и независимымъ, очевидно сами Псковичи, устроивши у себя чисто демократическое общество, не нашли нужнымъ выбирать себѣ тысяцкаго, какъ особаго представителя черныхъ людей; ибо, при демократическомъ устройствѣ общества, черные люди господствовали на вѣчѣ, и не только не нуждались въ новомъ представителѣ, но и не любили единичныхъ властей изъ опасенія, чтобы единичная власть усилившись не стѣснила вѣча.

Сотскіе во Псковѣ въ первыя времена до самаго XIV столѣтія представляли первую и самую важную выборную власть, потому что тогда посадники еще не были выборными, а присылались изъ Новгорода. А по сему главными представителями вѣча были сотскіе; на нихъ лежала обязанность защищать интересы Пскова отъ Новгородскихъ притязаній и отъ другихъ какихъ невыгодъ. На посадниковъ тогда Псковъ смотрѣлъ какъ на чужихъ, каковыми они были и на самомъ дѣлѣ; другія же выборныя власти или еще не существовали или представляли собою тѣ или другія общины Пскова, а не цѣлый Псковъ, и такимъ образомъ сотскіе, какъ представители цѣлаго Пскова, естественно по самой необходимости были въ положеніи первенствующей

выборной власти, заправлявшей всемъ обществомъ. А посему когда въ 1179 году Псковичи возстали на своего князя Бориса; то дядя сего послѣдняго, знаменитый новгородскій князь Мстиславъ Ростиславичъ, захватилъ прежде всего сотскихъ, и народное возстаніе немедленно улеглось, какъ прямо сказано въ лѣтописи: „Мстиславъ князь вниде въ Псковъ и изойма сотскіе про Бориса сыновца своего, зане нехотяхуть сыновца его, и тако утвердивъ съ людьми иде отгуду Новугороду.“ При такомъ высококомъ положеніи сотскіе естественно выбирались изъ лучшихъ боярскихъ фамилій во Псковъ, и это за ними осталось навсегда. Но съ XIV столѣтія положеніе сотскихъ во Псковѣ измѣнилось, они изъ первенствующей власти низошли на степенъ второй власти, первенствующею же выборною властію сдѣлались посадники, а сотскіе изъ прежнихъ руководителей вѣча превратились въ его покорныхъ слугъ; впрочемъ и при этомъ важномъ измѣненіи за ними осталось еще высокое значеніе, которое приравнивало ихъ до нѣкоторой степени къ новгородскому тысяцкому. Во 1-хъ по самому своему званію сотскихъ, подобно новгородскому тысяцкому они вмѣстѣ съ посадниками утверждали договоры Пскова съ сосѣдями и по договорамъ, если это было нужно, дѣлали исполненіе; такъ подъ 1435 годомъ лѣтопись говоритъ: „Псковскіе посадники Иванъ Сидоровичъ и всѣ посадники псковскіе и сотскіе и добрые люди цѣловали крестъ предъ послы Новгородскими къ Новгороду по старинѣ“. Или подъ 1464 годомъ: „посадники псковскіе и сотскіе цѣловали крестъ передъ Нѣмецкими послами, и по договору учинили всю исправу, выдали плѣнни-

ковъ и задержанныхъ нѣмецкихъ гостей.“ Во 2-хъ сотскіе, какъ представители Пскова ближайшіе къ посадникамъ, правили отъ Пскова посольства въ сосѣднія государства; „такъ въ 1510 году Псковъ отправилъ въ Новгородъ къ великому князю Василью Ивановичу Евстафья сотскаго битъ челомъ государю со слезами отъ мала до велика, чтобы государь князь великій пожаловалъ свою отчину старинную; а мы сироты твои преже сего и нынѣ не отступны были отъ тебя государя“. Или въ 1471 году Псковичи отправили посломъ въ Новгородъ сотскаго Дмитра Патрикѣевича, вѣроятно брата посаднику Ѳедору Патрикѣевичу. Или подъ 1463 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Нѣмцы Юрьевцы посла Псковскаго Кондрата сотскаго всадиша въ погребѣ“. Въ 3-хъ. Сотскіе по своей должности, какъ оберегатели земскихъ интересовъ, участвовали въ изданіи и въ отмѣнѣ законовъ; такъ подъ 1472 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „во Псковѣ посадникъ Псковскій Аѳанасій Юрьевичъ и бояре псковскіе, и сотскіе, и судьи тогда лннгану грамоту подраша, вынемши изъ ларя“. Въ 4-хъ. Сотскіе участвовали въ судѣ князя и посадника, какъ необходимые члены суда, какъ представители извѣстныхъ интересовъ на судѣ; въ судной Псковской грамотѣ сказано: „а кто на кого будетъ искать боя и грабежа и князю и посадникамъ и сотскихъ обыскать послухами, гдѣ будетъ обѣдалъ или почевалъ.“ Или въ искахъ о поземельномъ владѣніи судъ также былъ передъ княземъ, посадникомъ и сотскими; въ грамотѣ сказано: „а которому князю человѣку ѣздити на межу съ сотскими, ино ему такожде цѣловати крестъ... а правому человѣку на ту

землю и судница даги; а подсудничье князю и посадникомъ и съ сотскими всёмъ взяти десять децегъ“. Сии свидѣтельства судной Псковской грамоты, о судебныхныхъ правахъ и обязанностяхъ сотскихъ, съ одной стороны указываютъ на высокое значеніе сотскихъ въ дѣлѣ суда, какъ прямыхъ и ближайшихъ представителей земщины, замѣнявшихъ собою тысяцкаго въ другихъ краяхъ Руси; съ другой стороны изъ этихъ же свидѣтельствъ грамоты мы усматриваемъ и важную особенность общественнаго устройства у Псковичей, которые по своему недовѣрчивому демократическому характеру не только старались дробить власти, т. е. не допускать или по возможности избѣгать единичныхъ властей, но и заботились о томъ, чтобы нѣсколько властей принимали участіе въ одномъ и томъ же дѣлѣ, чтобы они взаимно какъ бы контролировали другъ друга; такъ какъ мы уже видѣли въ судѣ уголовномъ и въ судѣ о поземельномъ владѣніи, самыхъ важныхъ отдѣлахъ суда, требовалось непремѣнно участіе и князя и посадника и сотскихъ. Эта же сторона свидѣтельствъ грамоты еще показываетъ намъ, что сотскіе во Псковѣ хотя замѣняли до нѣкоторой степени тысяцкаго въ Новгородѣ; но далеко не вполне, не только потому что тысяцкій въ Новгородѣ былъ одинъ, сотскихъ же во Псковѣ нѣсколько; а что всего важнѣе, тысяцкій въ Новгородѣ имѣлъ свой отдѣльный самостоятельный судъ, несмѣшиваемый съ другими судами; у сотскихъ же во Псковѣ не было своего отдѣльнаго суда; они только участвовали на судѣ князя и посадника, какъ ближайшіе представители земщины. Слѣдовательно судебная власть сотскихъ во Псковѣ, хотя очень важная и ка-

савшаяся высшихъ интересовъ, чѣмъ судебная власть тысяцкаго въ Новгородѣ, тѣмъ не менѣе не равнялась судебной власти тысяцкаго и имѣла своей характеръ. Въ 5-хъ, кромѣ своихъ непосредственныхъ обязанностей, вытекавшихъ изъ самой должности сотскихъ, сотскіе во Псковѣ иногда исправляли разныя порученія вѣча наравнѣ съ другими сановниками; такъ подъ 1474 годомъ есть извѣстіе, что сотскіе вмѣстѣ съ посадниками и боярами отъ концовъ были отряжены вѣчемъ встрѣчать съ хлѣбомъ и медомъ великокняжеское войско, пришедшее помогать Пскову противъ Нѣмцевъ, причемъ сотскіе обязаны были распорядиться отводомъ квартиръ Москвичамъ. Или въ 1472 году сотскіе, по порученію вѣча, вмѣстѣ съ посадникомъ Козмой Андроновичемъ Тилькинымъ провожали до рубежа Псковскаго князя Ѳедора Юрьевича, уѣзжавшаго въ Москву, и отводили ему по дорогѣ станы и доставляли припасы.

Но несмотря на высокое значеніе, оставленное за сотскими съ XIV столѣтія, они не только были въ низшемъ положеніи противъ степенныхъ посадниковъ, но и не равнялись своимъ положеніемъ съ Новгородскими тысяцкими, а напротивъ даже стояли ниже старыхъ посадниковъ. Такъ, напримѣръ, нѣтъ сомнѣнія, что сотскіе были весьма важными участниками вѣча, что Псковское вѣче безъ сотскихъ немыслимо; а между тѣмъ при всѣхъ описаніяхъ Псковскаго вѣча нѣтъ и помину о сотскихъ, какъ и о боярахъ. Всѣ описанія Псковскаго вѣча обыкновенно ограничиваются упоминаніемъ о Князѣ, ежели онъ присутствовалъ на вѣчѣ, о степенномъ посадникѣ, старыхъ посадникахъ и всемъ Псковѣ. Такъ подъ 1407 годомъ

читаемъ въ лѣтописи описаніе Псковскаго вѣча: „Князь Данило Александровичъ посадникъ Юрьи Филипьевичъ и весь Псковъ, подѣлише всю свою область, идоша на Нѣмецкую землю.“ Эта старая форма описанія вѣча, гдѣ старые посадники еще не упоминаются, существовавшая кажется до половины XV вѣка; о вѣчѣ же послѣдующаго времени читаемъ въ лѣтописи подъ 1466 годомъ: „въ то же время посадники Псковскіе, степенный Тимофей Власьевичъ, и Алексѣй Васильевичъ и Стефанъ Аванасьевичъ и весь Псковъ сдѣлавше поставиша церковь на Званицы.“ Или подъ 1463 годомъ: „воевода князя великаго Ѳедоръ Юрьевичъ и князь Псковскій Иванъ Александровичъ и посадники Псковскіе и весь Псковъ погадавъ взяша миръ съ Нѣмцами.“ Въ договорныхъ грамотахъ съ сосѣдними государствами сотскіе также не упоминаются, а прописываются только степенные и старые посадники и весь Псковъ. Все это показываетъ, что сотскіе были только слугами вѣча во Псковѣ, хотя и очень важными слугами.

Судьи.

Когда во Псковѣ не было еще князей, когда Псковъ управлялся своимъ вѣчемъ съ Новгородскими посадниками; то естественно право суда по всѣмъ дѣламъ принадлежало вѣчу, какъ голосу цѣлаго общества; вѣче же по составу своему изъ всѣхъ холзевъ не могло быть непрерывнымъ; оно естественно собиралось только на короткіе сроки для суда и управы въ важнѣйшихъ дѣлахъ, или для исправленія какихъ либо общественныхъ нуждъ, требовавшихъ непосредственнаго рѣшенія всего общества. А посему для постояннаго и непрерывнаго веденія суда вѣче естественно должно было избирать представителей

своей судебной власти. По всему вѣроятію въ эти представители судебной власти первоначально избирались сотскіе по всѣмъ дѣламъ; но когда съ появленіемъ во Псковѣ князей судъ по уголовнымъ дѣламъ и землевладѣнію перешелъ въ руки князя или его намѣстника, и къ этому суду вѣчемъ были присоединены посадники и сотскіе, безъ которыхъ князь не имѣлъ права судить; вѣче же нашло неудобнымъ оставить за сотскими другую половину суда по дѣламъ гражданскимъ, какъ это сдѣлали Новгородцы, предоставивши гражданскій судъ тысяцкому; то естественно Псковичи должны были устроить новыхъ представителей судебной власти, которые во Псковѣ получили специальное названіе судей. Судьи, какъ представители самаго вѣча, въ одной изъ важнѣйшихъ функцій его власти въ судѣ, естественно избирались самимъ вѣчемъ, и притомъ изъ большихъ боярскихъ фамилій; и по сему имѣли высокое значеніе въ строѣ Псковскаго общества, и въ отправленіи своей должности не зависѣли ни отъ какой другой власти, кромѣ власти вѣча. Да и само вѣче хотя судило и наказывало судей, неоправдавшихъ его довѣрія, тѣмъ не менѣе не вмѣшивалось въ ихъ судъ, и не перерѣшало ихъ судебныхъ приговоровъ, а только требовало, чтобы они при вступленіи въ должность давали присягу, что будутъ судить въ правду. Въ Псковской судной грамотѣ сказано; „Судьямъ Псковскимъ, всѣдъ на судейство, крестъ цѣловать на томъ, что имъ судить право по крестному цѣлованію; а не всудятъ право, ино суди имъ Богъ въ страшный день втораго пришествія Христова.“ Такимъ образомъ судъ Псковскихъ судей былъ рѣши-

тельный, неимѣвший надъ собою высшаго суда, совершенно свободный и неподчиненный никакому официальному вліянію. Самъ судья, неоправдавшій довѣрія общества, подлежалъ отвѣтственности; но судья его оставался неприкосновеннымъ. Къ тому же судебная власть Псковскихъ судей обнимала всѣ виды суда, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ и землевладѣнія, принадлежавшихъ суду князя и посадника съ сотскими, и дѣлъ духовныхъ, подлежавшихъ суду владычя намѣстника. Все это давало Псковскимъ судьямъ громадное значеніе въ псковскомъ обществѣ.

Высокое значеніе, въ которое были поставлены судьи во Псковѣ по своей судебной функціи, распространяло ихъ вліяніе и на дѣла не относящіяся къ ихъ специальной обязанности суда. А посему мы имѣемъ нѣсколько указаній, изъ которыхъ видно, что вѣче, принимая во вниманіе высокое значеніе судей, а также свое довѣріе къ нимъ, иногда поручало имъ и другія общественныя дѣла. Такъ напримѣръ подъ 1444 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи, что посадникъ Ѳсдоръ Патрикѣевичъ и Прокопій судья ѣздили въ Ригу для заключенія мира съ Нѣмцами; или въ 1445 тотъ же Прокопій судья былъ посланникомъ отъ Пскова къ Шведскому королю Карлу въ Выборгъ для выкупа плѣнныхъ; или въ 1501 году судья Олекса былъ посланъ въ Юрьевъ (Дерптъ) съ требованіемъ, чтобы Нѣмцы отпустили захваченныхъ Псковскихъ гостей. Или въ 1263 году судья Оданья Сидоръ былъ предводителемъ войска на Наровѣ и, храбро защищая порученный ему край, палъ въ жестокой битвѣ съ Нѣмцами. Кромѣ того судья, какъ представители земскаго суда, по самому своему

званію иногда вмѣстѣ съ сотскими участвовали при заключеніи мирныхъ договоровъ и цѣловали крестъ въ соблюденіи мирныхъ условій; такъ подъ 1461 годомъ въ лѣтописи сказано, что при заключеніи перемирія съ Нѣмцами, Псковскіе судьи и сотскіе передъ Нѣмецкими послами цѣловали крестъ: „что на перемирьи написаны грамоты и печати прикладены, что тое перемирье держати крѣпко.“ Здѣсь, по всему вѣроятію, Псковскіе сотскіе и судьи своимъ крестнымъ цѣлованіемъ подтверждали нѣмецкимъ посламъ, что согласно съ условіями договора (какъ видно изъ самой грамоты) Нѣмецкіе гости не будутъ избиты въ Псковѣ ни судомъ ни управою Псковской земщины. Очевидно, въ качествѣ же представителей земскаго суда и управы, и знатоковъ псковскаго права, судьи и сотскіе участвовали въ изданіи и отмѣнѣ законовъ; такъ подъ 1472 годомъ, вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ и боярами, Псковскіе судьи и сотскіе „подрали льняную грамоту (т. е. уставъ о торговлѣ льномъ) выневши изъ ларя“. Такимъ образомъ и по отрывочнымъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ судьи, по своему высокому положенію, участвовали почти во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, и конечно они были и непремѣнными и очень важными членами вѣча, хотя объ этомъ мы не имѣемъ свидѣтельствъ; ибо въ лѣтописяхъ, по Псковскому обычаю, при описаніи вѣча упоминались только князь, посадники и всѣ Псковичи.

На срокъ или безсрочно избирались судьи во Псковѣ, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ указаній въ дошедшихъ до насъ памятникахъ; а скорѣе, судя по строю псковскаго общества, можно допустить, что

судьи избирались безсрочно, подобно другимъ выборнымъ властямъ. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ прямое указаніе въ лѣписи, что судьи избирались не на одинъ годъ; ибо судья Прокопій упоминается на своей должности подъ двумя годами сряду, подъ 1444 и подъ 1445. Сколько было судей, намъ также неизвѣстно, извѣстно только что не одинъ; ибо Псковъ, по своему демократическому характеру, не любилъ единичныхъ властей; да и самыя лѣтописи и другіе памятники упоминаютъ о судьяхъ, а не о судѣ. Такъ напримѣръ Псковская судная грамота говоритъ: „а судьямъ всѣдъ на судейство крестъ цѣловать;“ или подъ 1461 годомъ въ лѣтописи сказано: псковскіе судьи и сотскіе цѣловали крестъ передъ Нѣмецкими послами. Судьи, какъ представители судебной власти вѣча, очевидно были не только во Псковѣ, но и по пригородамъ и волостямъ, можетъ быть одинъ судья на нѣсколько волостей; а въ пригородахъ можетъ быть и по нѣскольку судей, какъ напримѣръ мы заподлинно знаемъ, что въ пригородахъ было по два посадника, слѣдовательно по всему вѣроятію и по два судьи. А что судьи были въ волостяхъ, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи, въ извѣстіи о Наровскомъ судѣ Оданѣ Сидорѣ, убитомъ въ бою съ Нѣмцами. Но кажется судьи и по пригородамъ и волостямъ избирались Псковскимъ вѣчемъ, а не мѣстныхъ обществомъ; ибо они были представители судебной власти Псковскаго вѣча, а не пригородскаго, да и въ Судной Псковской грамотѣ названы псковскими судьями, тогда какъ посадники по грамотѣ были и псковскіе и пригородскіе.

Старосты во Псковѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, ^{Старосты.} были самыми древними выборными властями и составляли нѣсколько степеней: таковы были старосты кончанскіе и уличанскіе въ городѣ Псковѣ, старосты въ пригородахъ, старосты въ волостяхъ, губахъ, въ церковныхъ приходахъ, у духовенства, у купцовъ и во всякихъ городскихъ и сельскихъ общинахъ. Каждый староста былъ представителемъ только той общины, которая его избрала, и въ своей власти выражалъ постоянную власть избравшей его общины. Каждая община избирала себѣ старосту изъ своихъ лучшихъ большихъ людей; а посему въ общинахъ смѣшанныхъ, въ которыхъ членами были и бояре и купцы и черные люди, старосты обыкновенно были изъ бояръ: таковы были кончанскіе, уличанскіе и частію приходскіе или церковные старосты и также волостные и губскіе старосты; напротивъ, общины не смѣшанныя, состоящія изъ одного класса жителей, избирали себѣ въ старосты лучшихъ людей изъ своего класса; такъ напримѣръ купеческія общины купеческихъ старостъ, духовенство поповскихъ старостъ, черныя общины изъ черныхъ людей, сельчане изъ сельчанъ и подоб.

Главная обязанность каждаго старосты состояла въ томъ, чтобы заботиться объ интересахъ избравшей его общины; община, избравшая себѣ старосту, такъ сказать, поручала ему свои общественные интересы и съ тѣмъ вмѣстѣ передавала ему свою власть, но съ правомъ требовать отчетности передъ собраніемъ общины. Такъ въ Судной Псковской грамотѣ сказано; „а за церковную землю на судъ помощью сусѣди (прихожане) не ходять; идти на судъ

старостамъ за церковную землю⁴. По указанію этой статьи можно заключать, что и старосты прочихъ общинъ, подобно старостамъ церковнымъ, обязаны были охранять на судѣ интересы своей общины; ибо по закону и по естественному порядку цѣлой общинѣ нельзя было явиться на судъ. Кромѣ охраненія интересовъ общины, община своему избранному старостѣ передавала свою судебную власть надъ членами общины; ибо охраненіе правъ между членами или правосудіе составляло главный интересъ каждой общины. А чтобы судъ старостъ былъ надеженъ и проченъ, для этого, по общему порядку во Псковѣ, суду старосты предоставлялась полная самостоятельность и независимость. Для сего, при вступленіи старосты въ должность, община брала съ него присягу, что онъ будетъ судить по праву, какъ сказано въ Псковской Судной грамотѣ: „а старостамъ пригородскимъ крестъ цѣловать на томъ, что имъ судить право по крестному цѣлованью; а не судять право, ино имъ суди Богъ въ страшный день втораго пришествія Христова⁴. А какъ судебная власть передавалась общиною своему старостѣ, то о всякой своей обидѣ члены общины прежде всего должны заявлять старостамъ, какъ представителямъ общины или ближайшимъ членамъ общины. Въ Судной Псковской грамотѣ прямо сказано: „а у котораго Псковитина у какого учинится татьба во Псковѣ или на пригородѣ, или въ селѣ на волости; ино явити старостамъ или окольнымъ сусѣдомъ, или инымъ стороннимъ людемъ⁴. Или въ другой статьѣ той же грамоты: „а который изорникъ (пахарь) съ села сбѣжитъ, а изорничъ животь (имущество) на селѣ останется, а государю

(хозяину земли) покрута (ссуда на обзаведеніе изорника) имать на изорникѣ; ино государю у князя и у посадниковъ приставомъ взяти, да и старость губскихъ позвати и стороннихъ людей, да тотъ животь изорничъ предъ приставы и предъ сторонними людьми продати, да поимати за свою покруту.“ Какъ представители своихъ общинъ, старосты были посредниками между своими общинами и главнымъ Псковскимъ вѣчемъ, или другими высшими Псковскими властями, и исполнителями приказаній высшей власти, поколику исполненіе таковыхъ распоряженій соглашалось съ границами власти, предоставленной старостѣ общиною. А посему высшія власти относились не прямо къ общинѣ, а къ ея старостѣ, и сама община относилась къ высшимъ властямъ черезъ старосту. Такъ подъ 1477 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи, что когда Псковскій князь Ярославъ уѣзжалъ въ Москву, то Псковское вѣче обратилось не прямо къ лежащимъ по дорогѣ общинамъ, а къ губскимъ старостамъ, чтобы они провожали князя, готовили подводы и снабжали князя и его свиту съѣстными припасами. Старосты, какъ выборныя власти, по всему вѣроятію, водили во Псковѣ свои общины на главное вѣче, а въ своихъ общинахъ открывали народныя собранія и дѣлали собраніямъ доклады и получали отъ нихъ приказанія или порученія. Но, по общему строю Псковскаго общества, значеніе старостъ во Псковѣ было много ниже, нежели ихъ значеніе въ Новгородѣ и въ Новгородской землѣ; демократическое направление Псковичей вообще не давало простора выборнымъ властямъ. А посему лѣтописи рѣдко говорятъ о Псковскихъ старостахъ и упоминають объ нихъ

только вскользь, случайно. Собственно политическое значеніе старость, какъ большихъ людей, внѣ круга очерченнаго ихъ обязанностями, вовсе незамѣтно; ихъ слушали и исполняли ихъ приказанія только тогда, когда они не выходили изъ круга предоставленнаго ихъ власти закономъ; руководителями же общества они кажется не были, по крайней мѣрѣ со времени отдѣленія Пскова отъ Новгорода.

По общему порядку, заведенному во Псковѣ, старосты, какъ и прочія власти, выбирались по двое, по крайней мѣрѣ мы имѣемъ прямыя свидѣтельства лѣтописей, что церковныхъ и поповскихъ старость всегда было по двое въ каждомъ приходѣ; на основаніи этихъ свидѣтельствъ, и имѣя въ виду общій порядокъ во Псковѣ, мы не можемъ отрицать, что и прочія Псковскія общины, каждая выбирала себѣ по два старосты. Срочно или безсрочно выбирались старосты, мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, и только имѣя въ виду общій порядокъ выборовъ во Псковѣ, можемъ допустить, что и старосты выбирались безсрочно, сколько послужить, или пока будетъ угоденъ избравшему обществу.

Подвой-
скіе и
дьяки.

Во Псковѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, были подвойскіе и дьяки; они, такъ же какъ и прочія власти, избирались вѣчемъ, и имѣли одинаковыя права и обязанности, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ. Это была собственно исполнительная земская власть, или скорѣе слуги вѣча, приводящія въ исполненіе его приговоры и приказанія другихъ высшихъ властей. Такъ напримѣръ подвойскій Сава въ 1471 году былъ посыланъ вѣчемъ въ Новгородъ съ розметными

грамотами или съ объявленіемъ войны; или въ 1472 году подвойскіе вмѣстѣ съ сотскими провожали Псковскаго князя, отъѣзжавшаго въ Москву, и готовили ему по дорогѣ станы, лошадей и съѣстные припасы; или, по свидѣтельству Псковской Судной грамоты, подвойскіе вмѣстѣ съ княжими приставами вызывали въ судъ, даже имѣли право сковывать вызываемаго, ежели онъ сопротивлялся. Немногія извѣстія дошедшихъ до насъ памятниковъ о подвойскихъ указываютъ на ихъ раздѣленіе на подвойскихъ при вѣчѣ и на подвойскихъ при судѣ. Но подвойскіе во Псковѣ, по самому закону, были поставлены въ болѣе стѣснительное положеніе нежели въ Новгородѣ: по Судной Псковской грамотѣ, ежели подвойскій не захочетъ принять на себя вызова въ судъ за установленную плату съ десяти верстъ деньга, то истецъ имѣлъ право поручить вызовъ изъ той же платы кому угодно. Дьяки, по свидѣтельству Судной Псковской грамоты, были княжіе и городскіе; княжіе, конечно, были чиновниками князя, городскіе же избирались вѣчемъ; въ грамотѣ сказано: „а коли имуть тягаться о земли или о водѣ, а положить двои грамоты: ино одни грамоты чести дьяку княжему, а другія грамоты чести дьяку городскому. А коли придетъ грамота съ пригорода, а ты грамоты чести дьяку городскому“. Это свидѣтельство указываетъ на дьяковъ при судѣ, гдѣ они были дѣлопроизводителями, составителями судебныхъ приговоровъ и докладчиками на судѣ. Но, конечно, дьяки были при посадникахъ и при другихъ высшихъ властяхъ и при вѣчѣ; на нихъ лежала вся письменная часть, они составляли опредѣленія вѣча и вѣчевыя грамоты, и

вели отчеты по своему вѣдомству. Были еще дьяки въ сѣняхъ св. Троицы, при ларѣ, въ которомъ хранились крѣпостные акты и законы. Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ разрядовъ между дьяками: у нихъ были начальниками ларечные старосты; они составляли крѣпостные акты, хранили въ ларѣ св. Троицы копіи съ сихъ актовъ и записывали ихъ въ книги; они же записывали въ книги всѣ законы и постановленія, вносимые въ ларь св. Троицы; у нихъ же со старостами хранилась печать св. Троицы, замѣнявшая княжюю печать. По важности обязанностей, лежавшихъ на дьякахъ св. Троицы, очевидно въ эту должность избирались люди, пользовавшіеся полнымъ довѣріемъ вѣча, и вообще уважаемые въ Псковскомъ обществѣ. Въ лѣтописи подъ 1473 годомъ есть извѣстіе, что какой-то дьякъ Ивашко былъ воеводою охочихъ людей, воевалъ съ ними Нѣмецкую волость за Изборскомъ и возвратился съ многимъ полономъ. Но былъ ли этотъ дьякъ назначенъ воеводою отъ Псковскаго вѣча, или избранъ самими охочими людьми, изъ лѣтописи этого не видно. Какъ бы то ни было, это извѣстіе показываетъ, что иные дьяки во Псковѣ пользовались довольно значеніемъ въ обществѣ, и вѣроятно избирались изъ боярскихъ фамилій.

Князья.

Князь во Псковѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, былъ властію приглашенною со стороны, слѣдовательно также выборною властію; но характеръ этой власти во Псковѣ далеко не походилъ на характеръ ея въ Новгородѣ, и значеніе ея въ разное время измѣнялось, во Псковѣ гораздо рѣзче чѣмъ въ Новгородѣ, такъ что Псковскіе князья одного времени по значенію своему вовсе не походили на Псковскихъ же кня-

зей другаго времени; а по сему Псковскіе князья, по характеру своей княжеской власти, по ея значенію въ государственномъ строѣ Пскова и по отношенію князей къ Псковскому обществу, раздѣляются на пять рядовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, по мѣрѣ развитія самостоятельности Пскова.

Первый рядъ Псковскихъ князей составляли собственно Новгородскіе князья, только временно приходившіе во Псковъ, или намѣстники Новгородскихъ князей, но отнюдь не Псковскіе князья съ своимъ особымъ характеромъ. Псковъ, какъ колонія Новгорода, не имѣлъ своихъ отдѣльныхъ князей до 1137 года. Въ этомъ году является первый Псковскій князь Всеволодъ Мстиславичъ, княжившій передъ тѣмъ въ Новгородѣ; онъ, будучи изгнанъ изъ Новгорода, при помощи своей партіи Новгородцевъ, заправлявшихъ въ это время Псковскимъ вѣчемъ, прибылъ во Псковъ, и по проискамъ своей партіи былъ признанъ Псковскимъ вѣчемъ, какъ отдѣльный князь Пскова. Но въ сущности онъ не былъ Псковскимъ княземъ, а лишь изъ Пскова добывалъ себѣ Новгородъ; и только нечаянная кончина его, послѣдовавшая въ томъ же 1137 году, закрѣпила за нимъ званіе Псковскаго князя; только моща его, почивающія въ Псковскомъ храмѣ св. Троицы, дали Псковичамъ поводъ называть его Псковскимъ княземъ и неземнымъ защитникомъ и покровителемъ Пскова. По смерти Всеволода Псковское вѣче, руководимое Новгородцами, сторонниками покойнаго, выбрало въ князья Пскову Всеволодова брата Святополка Мстиславича; но и Святополкъ не былъ собственно Псковскимъ княземъ, на Псковъ онъ кажется вовсе

не обращалъ вниманія, и при первомъ удобномъ случаѣ, въ 1142 году, перешелъ въ Новгородъ со всѣми своими сторонниками Новгородцами, заправлившими Псковскимъ вѣчемъ; и Псковъ по прежнему остался безъ князя въ полной зависимости отъ Новгорода. Послѣ удаленія Святополка Мстиславича, въ продолженіе 36 лѣтъ, нѣтъ и помину о Псковскихъ князьяхъ; Псковъ, какъ пригородъ, продолжалъ быть въ тѣсныхъ связяхъ съ Новгородомъ и признавать Новгородскихъ князей своими князьями. Въ 1178 году опять появляется отдѣльный Псковскій князь Борисъ Игоревичъ, племянникъ Новгородскаго князя Мстислава Ростиславича; онъ очевидно былъ посаженникомъ Новгородскаго вѣча и держался только по требованію Мстислава, который въ 1179 году самъ пріѣхалъ во Псковъ и захватилъ тамошнихъ сотскихъ, возбуждавшихъ Псковичей противъ Бориса. По смерти Мстислава Псковичи немедленно выгнали Бориса и около двадцати пяти лѣтъ жили подъ однимъ княземъ съ Новгородомъ. Но когда Новгородскій князь Ярославъ Владимировичъ былъ выведенъ изъ Новгорода Суздальскимъ княземъ Всеволодомъ, и Суздальщинская партія, восторжествовавъ на Новгородскомъ вѣчѣ, начала тѣснить противную партію; то утѣшенные Новгородцы бѣжали во Псковъ и по своимъ связямъ съ Псковскими боярами успѣли настроить Псковское вѣче — выбрать отдѣльнаго князя Пскову, которое и выбрало въ князья сосѣдняго Торопецкаго князя Владиміра Мстиславича. Съ этого времени Псковичи, еще неразрывая своего союза съ Новгородцами, уже болѣе постоянно стали выбирать себѣ отдѣльныхъ князей, но все еще подъ вліяніемъ

Новгородскихъ партій. Такъ когда Новгородскій князь Мстиславъ Мстиславовичъ Удамый, братъ Владиміра, перевелъ его изъ Пскова на Великія Луки; то Псковичи, кажется, на другой же годъ перевели его опять во Псковъ. А когда поссорившись съ нимъ въ 1213 году, за его тайныя сношенія съ Литовцами, выгнали его отъ себя; то у нихъ въ томъ же году явился новый князь Всеволодъ Борисовичъ, вѣроятно сынъ прежняго ихъ князя Бориса Игоревича, который въ 1214 году, по требованію Новгорода, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Новгородскимъ и Давыдомъ Торопецкимъ, водилъ Псковичей на Чудь Ереву. А въ 1216 году опять прибылъ во Псковъ княземъ Владиміръ Мстиславичъ и пробылъ тамъ до 1222 года. По удаленіи Владиміра Мстиславича, въ 1222 году, Псковичи не имѣли особаго князя и жили подъ управленіемъ одного князя съ Новгородомъ, что и продолжалось до 1228 года. Въ этомъ году противники Суздальщинцевъ, торжествовавшихъ тогда въ Новгородѣ, удалились во Псковъ, чтобы оттуда дѣйствовать на Новгородскихъ Суздальщинцевъ и на ихъ князя Ярослава Всеволодовича. Ярославъ, чтобы выжить своихъ недоброхотовъ, отправился на Псковъ; а Псковичи, руководимые недоброхотами Ярослава, заперлись и заключили союзъ съ Ливонскими Нѣмцами, что и продолжалось до 1232 года, и во все это время Псковичи жили безъ князя. Когда же въ 1232 году они заключили миръ съ Ярославомъ и признали его власть; то онъ прислалъ къ нимъ въ князя своего шурина Юрія Мстиславича, сына Мстислава Удалаго. Этотъ Юрій въ 1240 году принужденъ былъ удалиться изъ Пскова, когда партія Новгородскихъ

недовольныхъ, предводимаая Твердилою Иванковичемъ, обманувъ Псковское вѣче, передала Псковъ Нѣмцамъ.

Юріемъ Мстиславичемъ окончился рядъ князей, навязываемыхъ Пскову разными Новгородскими партіями, съ цѣлію дѣйствовать изъ Пскова на Новгородъ для достиженія своихъ интересовъ, а не Псковскихъ. Общій характеръ князей этого разряда тотъ, что они были собственно или Новгородскіе князья, на время сидѣвшіе во Псковѣ, или посаженники, почти намѣстники Новгородскихъ князей, но отнюдь не Псковскіе князья съ своимъ особымъ характеромъ. Въ принятіи сихъ князей Псковское вѣче было какъ бы въ сторонѣ, или дѣйствовало рѣшительно подъ чужимъ вліяніемъ, и какъ бы состояло на службѣ у Новгорода, или вѣрнѣе у одной Новгородской партіи которая или сама удалялась во Псковъ, въ случаѣ пораженія въ Новгородѣ, или во время своего торжества на Новгородскомъ вѣчѣ старалась удержать Псковъ своими людьми и подъ своимъ руководствомъ. Во все это время еще незамѣтно самостоятельности Псковскаго вѣча; ежели оно и дѣйствовало иногда какъ бы помимо Новгорода, и какъ бы противъ Новгорода, то не иначе, какъ по чужой указкѣ, и непременно поданной партіею Новгородцевъ, состоящихъ не въ ладу съ тамошнимъ вѣчемъ. Таковой порядокъ продолжался слишкомъ сто лѣтъ, отъ перваго Псковскаго князя изъ Новгорода Всеволода Мстиславича, до послѣдняго, также присланнаго изъ Новгорода Юрія Мстиславича. Въ эти сто лѣтъ Псковичи, очевидно, еще не чувствовали серьезной надобности имѣть своего отдѣльнаго князя; такъ напримѣръ по удаленіи Святополка Мстиславича, въ

продолженіе 36 лѣтъ, во Псковѣ не было отдѣльнаго князя, или по изгнаніи Бориса Игоревича Псковичи около двадцати пяти лѣтъ не имѣли своего князя, или признавали своимъ княземъ князя Новгородскаго; потомъ, по удаленіи Владиміра Мстиславича въ 1222 году, во Псковѣ былъ перерывъ князей еще на десять лѣтъ. Такимъ образомъ изъ ста лѣтъ настоящаго періода Псковичи оставались безъ особаго отдѣльнаго князя для Пскова слишкомъ семьдесятъ лѣтъ. Между тѣмъ Псковское вѣче, какъ мы уже видѣли, успѣло сложиться въ это время довольно крѣпко и въ чисто демократическомъ тонѣ съ своимъ особымъ взглядомъ на бояръ и князей. А дорого стоившій опытъ—играть въ самостоятельность по чужой указкѣ, передавшій было Псковичей и ихъ городъ во власть Нѣмцамъ, наконецъ научилъ Псковичей, что казаться самостоятельными и въ то же время плясать по чужой дудкѣ есть дѣло очень дурное и невыгодное; и они, освобожденные отъ Нѣмцевъ княземъ Новгородскимъ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ, признали надъ собою власть Новгородскаго князя и окончательно отказались отъ своего прежняго порядка дѣйствовать по указаніямъ какой либо Новгородской партіи. Съ этого времени начинается новый рядъ князей во Псковѣ съ своимъ чисто Псковскимъ характеромъ.

Второй рядъ Псковскихъ князей составляютъ князья, искавшіе убѣжища и защиты во Псковѣ, или имѣвшіе въ виду на всякій случай найти поддержку у Псковичей. Псковъ, освобожденный въ 1242 году отъ Нѣмцевъ, хотя и призналъ власть княжившаго тогда въ Новгородѣ Александра Невскаго; но от-

казался отъ жалкой роли быть орудіемъ какой либо боярской Новгородской партіи, и укоротилъ значеніе и вліяніе на общественныя дѣла и своихъ бояръ. Псковичи, заведши у себя такой порядокъ, тѣмъ самымъ поставили себя въ такое положеніе, что, не разрывая своихъ связей съ Новгородомъ, они въ то же время сдѣлались болѣе или менѣе самостоятельными и независимыми въ своихъ дѣйствіяхъ, и тѣмъ самымъ приобрѣли уваженіе, какъ отъ самыхъ Новгородцевъ, такъ и отъ другихъ сосѣднихъ владѣтелей. Это былъ самый блестящій періодъ самостоятельной дѣятельности Пскова, продолжавшійся слишкомъ сто лѣтъ и кончившійся тѣмъ, что самъ Новгородъ, по договору 1348 года, призналъ независимость и самостоятельность Пскова. Въ это-то время сложился типъ настоящихъ Псковскихъ князей, избранниковъ народа, а не чужихъ посаженниковъ, — князей, дѣйствовавшихъ въ духѣ Псковскаго вѣча и въ интересахъ Пскова и защищавшихъ независимость Псковской земли. Этотъ новый рядъ князей начинается Тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, который въ 1253 году съ своимъ семействомъ и дружиною явился во Псковъ изгнанникомъ изъ низовой земли. Находясь въ крайности—или вступить въ службу къ какому либо князю и съ тѣмъ вмѣстѣ утратить права владѣтельнаго князя и сдѣлаться на вѣки служилымъ княземъ со всѣмъ своимъ потомствомъ, или принять княжеское достоинство отъ Псковскаго вѣча, хотя на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, но безъ потери правъ владѣтельнаго князя, и не попадая въ оскорбительный разрядъ служилыхъ князей, — изгнанникъ князь Ярославъ Ярославичъ,

естественно, чтобы прокормить свою семью долженъ былъ безирекословно согласиться на всѣ тѣ условія, которыя ему предложило Псковское вѣче, пропитанное демократическими началами и ревнивое къ своей власти. Какія были эти условія, мы не знаемъ, объ этомъ до насъ не дошло свидѣтельствъ; но довольно и того, что до насъ дошло свидѣтельство, что условія предписывалъ не князь, а Псковское вѣче; что не князь давалъ жалованную грамоту Пскову на разныя льготы, а Псковское вѣче давало нѣкоторыя владѣтельныя права князю и уступало ему соединенныя съ сими правами доходы, какъ объ этомъ говорится въ лѣтописи подъ 1475 годомъ. Когда по требованію Московскаго великаго князя Ивана Васильевича должно было прислать въ Москву попливныя грамоты прежнихъ великихъ князей, по которымъ опредѣляются отношенія князя къ Пскову; то Псковское вѣче могло прислать въ Москву только свои приговоры, опредѣляющіе княжескую власть во Псковѣ; и великій князь Московскій, пересмотря грамоты, присланныя изъ Пскова, и найдя въ нихъ не то, чего искалъ, т. е. не грамоты князя Пскову, а грамоты Пскова князю, отвѣчалъ Псковскимъ посламъ, привезшимъ грамоты, „что-де и то граматы не самихъ великихъ князей.“ Изъ этого свидѣтельства ясно, что княжихъ жалованныхъ грамотъ во Псковѣ не было, а по ходу дѣлъ и быть не могло, пбо жаловалъ не князь, а Псковское вѣче. Князю изгнаннику, прибѣгшему подъ покровительство Пскова, естественно не чѣмъ было жаловать, онъ самъ искалъ жалованья отъ вѣча. А по сему со всѣмъ вѣроятіемъ должно принять, что прототипъ княже-

скихъ правъ, опредѣленный Псковскимъ вѣчемъ при Ярославѣ Ярославичѣ Тверскомъ, былъ очень незавиденъ, невыгоднѣе даже правъ предоставленныхъ князю въ Новгородѣ; князь Псковскій очевидно имѣлъ только ту выгоду, что не обращался въ служилаго князя, и получалъ опредѣленные доходы, разумѣется, до тѣхъ поръ пока былъ въ согласіи съ Псковскимъ вѣчемъ, которое всегда предоставляло себѣ право отказать ему въ случаѣ неудовольствія. Самъ князь Ярославъ Ярославичъ яснѣе всего высказалъ невыгодность княжескаго положенія во Псковѣ: онъ черезъ полтора года поспѣшилъ перебраться въ Новгородъ, и на его мѣсто прибѣжалъ во Псковъ князь Василій Александровичъ, сынъ Невскаго, поссорившійся съ отцемъ. Впрочемъ Ярославъ Ярославичъ не хотѣлъ разрывать своихъ связей со Псковомъ, и, сдѣлавшись по смерти Невскаго великимъ Княземъ Владимирскимъ, прислалъ въ 1264 году сына своего Святослава, который вѣроятно былъ принятъ Псковскимъ вѣчемъ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ сидѣлъ во Псковѣ Ярославъ. Но въ 1266 году прибѣжалъ во Псковъ съ своею дружиною новый изгнанникъ, Литовскій князь Довмонтъ, спасавшій только свою голову, которой искали его сильные враги на родинѣ. Этотъ князь, изгнанникъ самый безпріютный и слѣдовательно самый сговорчивый, естественно для Псковичей былъ выгоднѣе великокняжескаго сына Святослава Ярославича, имѣвшаго въ случаѣ нужды опору въ отцѣ; а посему Псковичи отказали Святославу, а безпріютнаго Довмонта окрестили и посадили у себя княземъ. На какихъ условіяхъ Псковичи посадили у себя на княжесіе Довмонта, мы не знаемъ, но оче-

видно на условіяхъ самыхъ выгодныхъ для Псковскаго вѣча; ибо Псковичи прожили въ любви и согласіи съ Довмонтомъ цѣлыхъ тридцать три года, и онъ былъ самымъ любимымъ княземъ во Псковѣ изъ всѣхъ князей, когда либо тамъ княжившихъ. По смерти Довмонта Псковское вѣче, можетъ быть изъ признательности къ памяти покойнаго, признало своимъ княземъ Довмонтова сына Давыда, вѣроятно на прежнихъ условіяхъ, или, какъ говорилось во Псковѣ, по пошлинѣ или по старинѣ, которой обыкновенно старались держаться и Новгородъ и Псковъ. Князь Давыдъ Довмонтовичъ хотя не отказывался отъ Псковскаго княжества, но почти не жилъ во Псковѣ, а больше проживалъ въ Полотскѣ, у своихъ родственниковъ, во Псковъ же пріѣзжалъ изрѣдка и держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Впрочемъ Псковичи этимъ нисколько не обижались, а напротивъ кажется были довольны, и съ этого времени устроили у себя выборныхъ посадниковъ, при которыхъ вѣче легко могло оставаться и безъ князя; тѣмъ не менѣе поведеніе Давыда ясно показываетъ, что князья рѣшались жить во Псковѣ только въ крайней нуждѣ, и что ихъ власть и положеніе были уже черезъ-чуръ стѣснены Псковскимъ вѣчемъ. Но на Руси еще не переводились князья, которые рады были и Псковскому житію, разумѣется на время: такъ въ 1323 году еще при Давыдѣ пріѣзжалъ во Псковъ князь Московскій Юрій Даниловичъ, который впрочемъ и не былъ собственно Псковскимъ княземъ и скоро уѣхалъ въ Новгородъ. За тѣмъ въ 1327 году явился во Псковъ еще бѣглець, князь Тверскій Александръ Михаиловичъ, преслѣдуемый Татарскимъ ханомъ и

Московскимъ Княземъ Иваномъ Даниловичемъ. Въ лѣтописи сказано: „и Псковичи пріяша его честно, и крестъ къ нему цѣловаша, и посадиша его на княженіе“. Князь Александръ Михайловичъ, постоянно находясь въ крайности и несмѣя воротиться на родину, цѣлые десять лѣтъ прокняжилъ во Псковѣ, и Псковичи были довольны имъ; слѣдовательно условія, на которыхъ онъ княжилъ во Псковѣ, были вполне согласны съ желаніями вѣча, и не отступали отъ тѣхъ условій, на которыхъ княжилъ во Псковѣ дѣдъ Александровъ Ярославъ Ярославичъ. Какъ бы то ни было любовь Псковичей къ Александру не удержала его во Псковѣ, и лишь открылась самая слабая надежда воротиться на родину, Александръ не задумался оставить Псковъ; значить княжее житье въ Псковѣ было слишкомъ не привлекательно. Впрочемъ и Псковичи не остались безъ князя; лишь только уѣхалъ князь Александръ Михайловичъ, какъ явился во Псковъ новый Князь Александръ Всеволодовичъ. По всему вѣроятію этотъ князь, первоначально безпріютный, безпрекословно согласный на всѣ условія, предложенныя Псковскимъ вѣчемъ, сначала усердно занялся дѣлами Пскова и началъ войну съ Ливонскимъ Нѣмцами; но, тяготясь стѣсненіемъ своей власти, скоро оставилъ Псковъ, и удалился въ Новгородъ, въ самый разгаръ войны съ Нѣмцами. Псковичи были въ крайности; имъ очень нужна была помощь князя, и они усердно просили Александра воротиться къ нимъ, даже посылали въ Новгородъ просить намѣстниковъ и помощнаго войска, но все напрасно: ни Александръ ни Новгородцы не думали исполнить ихъ просьбы. Тогда Псковичи обратились

въ Литву, къ одному изъ тамошнихъ Князей, Ольгерду Гедиминовичу. Ольгердъ не замедлилъ исполнить просьбу Псковичей, и въ 1341 году явился самъ съ помощнымъ войскомъ, и привезъ съ собою своего сына Андрея, котораго Псковичи окрестили и посадили у себя княземъ. Несмотря на крайнюю нужду въ помощи, Псковичи, сажая Андрея на княженіе во Псковъ, кажется, не измѣнили прежнихъ условій власти Псковскаго князя; они и Андрея прежде всего окрестили такъ же какъ окрестили безпріютнаго бѣглеца Довмонта, и посадили его на княженіе едва ли не на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ въ свое время былъ посаженъ Довмонтъ. По крайней мѣрѣ Андрей, прокняжившій во Псковъ до 1348 года, все это время не ладилъ съ Псковичами и большею частію жилъ у отца своего въ Литвѣ, во Псковъ же держалъ своего намѣстника и воеводу князя Юрія Витовтовича. Псковичи, съ своей стороны, не думали уступать Андрею, и ежели терпѣли его почти въ продолженіе 8 лѣтъ, то только потому что любили его намѣстника, Князя Юрія Витовтовича, храбраго воителя, постоянно и счастливо воевавшего съ Нѣмцами. Но когда въ 1348 году князь Юрій палъ въ битвѣ съ Нѣмцами подъ Изборскомъ, а между тѣмъ Псковъ, по мирному договору, отъ самаго Новгорода добился признанія своей независимости и самостоятельности; то въ слѣдъ за тѣмъ Псковское вѣче послало къ Андрею съ отказомъ и велѣло сказать ему такъ: „тебѣ было, княже, сидѣти во Псковѣ на княженіи, а намѣстники тебѣ Пскова недержати; а нынѣ тебѣ еже неугодно сѣсти у насъ, ннде собѣ княжишь, а Псковъ повергль, то уже самъ еси лишалъ Пскова;

а намѣстниковъ твоихъ нехотимъ.“ И тѣмъ на сей разъ покончили свои отношенія къ Андрею и стали жить безъ Князя, и такъ жили въ продолженіе девяти лѣтъ.

Третій рядъ Псковскихъ князей составляли князья, болѣе или менѣе носившіе служебный характеръ, и большею частію неизвѣстные по происхожденію. Отказавши въ 1348 году князю Андрею Ольгердовичу, Псковичи цѣлыя девять лѣтъ оставались безъ князя, управляясь вѣчемъ и посадниками, и для постоянной войны съ Нѣмцами и Литвою содержали у себя на службѣ храбраго но безземельнаго князя Евстафія, называвшагося княземъ Изборскимъ, конечно потому что Псковское вѣче посадило его въ Изборскъ для защиты границъ. Наконецъ въ 1357 году пріѣхалъ на княженіе во Псковъ какой-то князь Будиволна; откуда былъ этотъ князь и долго ли пробылъ во Псковѣ, на это мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, а равно не знаемъ на какихъ условіяхъ былъ принятъ; въ лѣтописи только упомянуто: „пріѣхаше князь Василій Будиволна на княженіе во Псковъ.“ За тѣмъ черезъ десять лѣтъ, именно въ 1367 году, во Псковъ является новый князь Александръ, также неизвѣстный по происхожденію. 1375 года упоминается въ лѣтописяхъ князь Матвей, неизвѣстно откуда прибывшій во Псковъ, но очевидно признанный отъ вѣча за Псковскаго князя; въ лѣтописи о немъ сказано: „при великомъ князѣ Димитріѣ и при Псковскомъ князѣ Матвеѣ, и при посадникѣ Григорѣ Остафьевичѣ, Псковичи заложиша четвертую стѣну плитяну отъ Псковы рѣки до Великой рѣки.“ Въ 1377 пріѣхалъ бѣглецомъ изъ Литвы прежній Псковскій князь Андрей Ольгердовичъ, и былъ опять посаженъ

Псковичами на княженіе во Псковѣ; но очевидно онъ по прежнему или вовсе не жилъ во Псковѣ, или сидѣлъ тамъ не долго, а обдѣлывалъ свои дѣла въ Литвѣ, гдѣ въ 1387 году былъ схваченъ своимъ братомъ Свидригайлomъ въ Полотскѣ и засаженъ въ тюрьму, откуда бѣжалъ въ 1394 году, опять принятъ Псковичами, но кажется оставался во Псковѣ не долго и оставилъ тамъ сына своего Ивана, ибо подъ 1397 годомъ лѣтопись упоминаетъ о князьяхъ Иванѣ Андреевичѣ и Григорьѣ Остафьевичѣ (сынъ Евстафія Изборскаго), что они вмѣстѣ съ посадникомъ Захаріею и Псковскимъ вѣчемъ поставили три костра на приступной стѣнѣ. Наконецъ подъ 1399 годомъ сказано въ лѣтописи: „Князь Иванъ Андреевъ сынъ выѣхалъ изъ Пскова и цѣлованье сложилъ.“ Княземъ Иваномъ Андреевичемъ заканчивается третій рядъ Псковскихъ князей. На какихъ условіяхъ княжили князья этого ряда, мы не имѣемъ прямыхъ и подробныхъ указаній; тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ, разсыпаннымъ въ лѣтописяхъ, должно признать, что положеніе этого ряда князей было гораздо стѣсненнѣе положенія двухъ прежнихъ рядовъ князей. Третьяго ряда князья, какъ мы уже видѣли, большею частію неизвѣстные по происхожденію, и очевидно неимѣвшіе владѣній, по крайней мѣрѣ въ то время какъ пріѣзжали въ Псковъ, и вообще находившіеся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, носили на себѣ почти характеръ князей состоящихъ на службѣ у Псковскаго вѣча, а не князей владѣтельныхъ; они даже при вступленіи въ званіе Псковскаго князя должны были давать присягу Псковскому вѣчу, и лѣтописи о нихъ упоминаютъ какъ о сановникахъ, а

не какъ о государяхъ. Служба сихъ князей состояла, во 1-хъ, въ предводительствованіи войскомъ, по опредѣленію вѣча, вмѣстѣ съ посадникомъ или безъ посадника; такъ подѣ 1368 годомъ читаемъ: „Псковичи ѣхавше съ княземъ Александромъ къ Новгородку воевать Чудской земли.“ 2-е, князья сіи вмѣстѣ съ посадниками разѣвѣждали по волостямъ и селамъ творить судъ и расправу по дѣламъ подвѣдомымъ ихъ суду; такъ подѣ 1368 годомъ вторая Псковская лѣтопись говоритъ: „по грѣхомъ нашимъ тогда не бысть князя Александра, ни посадниковъ, но по селамъ въ разѣвѣздѣ.“ 3-е, князья сіи вмѣстѣ съ посадниками и вѣчемъ наблюдали за поддержаніемъ городскихъ укрѣпленій: такъ подѣ 1397 годомъ говорится: „князь Иванъ Андреевичъ и князь Григорій Остафьевичъ, и посадникъ Захарій Костромничъ, и Псковичи поставиша три костры на приступной стѣнѣ.“ 4-е, князя по порученію вѣча правили посольства въ сосѣднія владѣнія; такъ подѣ тѣмъ же 1397 годомъ читаемъ: „послаша Псковичи князя Григорія Остафьевича Сысоя посадника и Романа посадника въ Новгородъ и взяша миръ вѣчный съ Новымъ городомъ.“ Такимъ образомъ князья третьяго ряда были чисто въ качествѣ сановниковъ вѣча, состоящихъ на службѣ у Пскова, и отличались отъ прочихъ выборныхъ властей во Псковѣ преимущественно только тѣмъ, что имѣли при себѣ небольшія дружины вооруженныхъ слугъ, которыя, конечно, были очень нелишними для Псковичей, состоявшихъ почти въ постоянной войнѣ съ сосѣдями; но очевидно Псковъ въ отношеніи къ своему внутреннему управленію едвали нуждался въ князьяхъ, и только подѣ часть дорожилъ

ихъ небольшими дружинами ; это отчасти видно уже и изъ того, что на пятьдесятъ лѣтъ настоящаго періода едва ли можно насчитать десять лѣтъ, когда князья жили во Псковѣ; остальные же сорокъ лѣтъ Псковичи оставались безъ пришлыхъ князей, довольствуясь двумя служилыми князьями, Евстафіемъ Изборскимъ и его сыномъ Григоріемъ, которые не назывались Псковскими князьями. Ясно что князья, получавшіе титулъ Псковскихъ князей въ настоящемъ періодѣ, были только временными князьями, и самъ Псковъ принималъ ихъ только на время, чтобы воспользоваться ихъ дружинами.

Четвертый рядъ Псковскихъ князей составляютъ князья посаженники великаго князя Московскаго, по выбору и по просьбѣ самихъ Псковичей; рядъ сихъ князей продолжался сорокъ два года, съ 1400 по 1442 годъ; въ продолженіе этого времени бывали иногда во Псковѣ князья изъ Литвы, и даже безъ согласія съ Московскимъ великимъ княземъ. Псковичи, по отъѣздѣ князя Ивана Андреевича, обратились къ Московскому великому князю Василию Дмитриевичу съ просьбою, чтобы прислалъ къ нимъ князя изъ своей руки, очевидно убѣдясь опытомъ, что безпріютные князья, доселѣ бывавшіе во Псковѣ, мало приносятъ имъ помощи, а между тѣмъ война съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ Кестутьевичемъ годъ отъ года дѣлалась опаснѣе и затруднительнѣе, и рассчитывая что больше помощи можно получить отъ Московскаго князя, когда во Псковѣ будетъ сидѣть князь его посаженникъ. Московскій великій князь Василій Дмитриевичъ благосклонно принялъ просьбу Псковичей и послалъ къ нимъ въ князья,

по ихъ желанію, Ивана Всеволодовича изъ Холмскихъ Тверскихъ князей, который приходился роднымъ внукомъ памятному во Псковѣ князю Александру Михайловичу Тверскому; но князю Ивану Всеволодовичу въ томъ же году открылся престолъ въ родномъ Тверскомъ княженіи; и оупъ, не проживши во Псковѣ и трехъ мѣсяцевъ, уѣхалъ въ Тверь. На мѣсто уѣхавшаго Ивана Всеволодовича Московскій князь прислалъ во Псковъ князя Даниіла Александровича изъ Ростовскихъ князей; неизвѣстно по выбору ли Псковичей былъ присланъ этотъ князь, или по назначенію Московскаго князя, только въ лѣтописи оупъ названъ намѣстникомъ князя Василія Дмитриевича. Можетъ быть Московскій князь и дѣйствительно прислалъ его въ качествѣ своего намѣстника; но Псковичи смотрѣли на него по своему, какъ на Псковскаго князя, а не какъ на намѣстника Московскаго, и когда въ 1407 году оупъ оказался имъ негодень, то, неспросясь великаго князя, отказали ему и послали просить себѣ роднаго брата великому князю Константину Дмитриевича; и Московскій князь, видя что намѣстники негодны Пскову, не высказавъ никакого неудовольствія на Псковичей за ихъ самовольство, прислалъ къ нимъ своего брата Константина, еще малолѣтнаго, а въ помощь ему придалъ князя Константина Бѣлозерскаго. Но оба Константины черезъ годъ уѣхали въ Москву, и Псковичи опять приняли съ честію прежняго князя Даниіла Александровича, явившагося во Псковъ, но уже съ именемъ намѣстника Московскаго. По смерти Даниіла, скончавшагося на другой годъ во Псковѣ и оплаканнаго Псковичами, слѣдовали одинъ за другимъ Ростовскіе князья Алек-

сандръ Ѳеодоровичъ, Андрей Александровичъ и Ѳеодоръ Александровичъ, по просьбѣ и выбору Псковичей присланные отъ Московскаго князя. Затѣмъ слѣдовали другъ за другомъ, также по просьбѣ Псковичей и по ихъ выбору, присланные Московскимъ великимъ княземъ, — князь Ѳеодоръ Патригѣвичъ изъ Литовскихъ князей, за нимъ Ѳеодоръ Александровичъ въ третій разъ, потомъ зять его Владиміръ Даниловичъ, пріѣхавшій изъ Литвы безъ отношенія къ Московскому князю, по желанію только Псковскаго вѣча. Наконецъ въ 1439 году пріѣхаль во Псковъ изъ Твери правнукъ Ольгердовъ, князь Александръ Ивановичъ; Псковичи приняли его съ честію и посадили у себя на княженіе, не сносясь съ Московскимъ княземъ, а князя Владимира Даниловича выгнали. Князь Александръ Ивановичъ скончался во Псковѣ въ 1442 году.

Князья четвертаго ряда хотя большею частію посаженники великаго князя Московскаго, тѣмъ не менѣе были въ качествѣ вольныхъ князей, а не служилыхъ, и Псковичами еще не признавались за Московскихъ намѣстниковъ; ихъ выбирали сами Псковичи и сами же изгоняли ихъ, когда они оказывались неугодными; слѣдовательно они вполне зависѣли отъ Псковскаго вѣча, а не отъ Московскаго князя, который только отпускалъ ихъ на Псковское княженіе. Псковичи, принимая князей изъ Москвы, вовсе еще не думали поступать въ зависимость къ Московскому князю, а только рассчитывали, что изъ Москвы скорѣе имъ будетъ подана помощь, ежели въ Псковѣ будетъ сидѣть Князь Московскій посаженникъ, и даже иногда брали еще Князей изъ Литвы, не спрашиваясь Московскаго князя,

когда не нуждались въ его помощи. Отношеніе сихъ князей къ Псковскому вѣчу было почти такое же, какъ и прежнихъ безпріютныхъ князей изгнанниковъ. Князь, вступая на престолъ, долженъ былъ цѣловать крестъ ко Пскову на вѣчѣ; такъ подъ 1416 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „и пріѣхаша князь Александръ отъ Великаго Князя во Псковъ, и пріяше его Псковичи честно, и на княженіе его посадиша, и крестъ цѣлова ко Пскову.“ Князь ни чѣмъ не могъ распоряжаться во Псковѣ безъ согласія посадниковъ и вѣча; такъ подъ 1406 годомъ въ лѣтописи сказано: „Князь Данило Александровичъ и Ларіонъ посадникъ Дойниковичъ и весь Псковъ (вѣче), поднеме всю свою волость идоша къ Полотску.“ Или подъ 1407 годомъ: „Князь Константинъ великій посла слугу своего князя Константина на добро Пскову въ Новгородъ, а Псковичи приставиша съ нимъ Ивана посадника Сидоровича, помощи просити на Нѣмцы.“ Или подъ 1434 годомъ: „Князь Александръ Ѳеодоровичъ и Юрьи посадникъ Тимоѳеевичъ и вси посадники Псковскіи заложили городъ новый Выборъ.“ Или подъ 1441 годомъ: „князь Александръ и посадники Псковскіе Иванъ Сидоровичъ, и вси посадники Псковскіе, князя Великаго слова не ослушались, отслаша къ Великому Новгороду грамоту мирную и цѣлованье отказаша.“ Псковичи еще по прежнему не нуждались въ княжеской власти для внутренняго управленія и приглашали князей преимущественно въ чаяніи отъ нихъ помощи въ войнахъ съ сосѣдями. Псковъ и въ настоящемъ періодѣ не выбиралъ себѣ князя иногда по нѣскольку лѣтъ; такъ князь Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, уѣхалъ изъ Пскова и сложилъ крестное цѣлованіе въ 1425 году,

а на его мѣсто князь Александръ Ѳедоровичъ былъ избранъ только въ 1429 году. Впрочемъ князья настоящаго ряда далеко не были въ качествѣ служилыхъ князей Пскова; за весь настоящій періодъ нѣтъ ни одного извѣстія, чтобы князей, посаженныхъ Московскимъ великимъ княземъ, Псковское вѣче посылало съ какими либо порученіями.

Пятый рядъ Псковскихъ князей составляли князья намѣстники Великаго князя Московскаго; этотъ рядъ продолжался почти семьдесятъ лѣтъ, до самаго паденія независимости Пскова. Въ продолженіе этого времени присланы были изъ Москвы во Псковъ одинъ за другимъ пятнадцать князей; главное и общее отличие ихъ отъ прежнихъ князей состояло въ томъ, что они должны были цѣловать крестъ, какъ къ Пскову, такъ и къ великому князю. По смерти князя Александра Ивановича, правнука Ольгердова, княжившаго во Псковѣ по выбору вѣча, безъ сношенія съ Московскимъ княземъ, великій князь, не желая чтобы повторялись подобныя своевольства Псковскаго вѣча, прямо отъ себя, кажется безъ сношенія съ Псковомъ, прислалъ во Псковъ намѣстникомъ князя Александра Васильевича Черторизскаго, которому поручилъ княженіе Псковское велико-княжеской посоль, по великаго князя слову, а Псковичи только посадили его на престолъ въ церкви святыя Троицы; при чемъ князь Александръ цѣловалъ крестъ къ Великому князю Василью Васильевичу и ко всему Пскову, на всей Псковской пошинѣ. Проживши четыре года во Псковѣ, князь Александръ уѣхалъ въ Новгородъ, несмотря на то что Псковичи уговаривали его остаться. Пользуясь замѣшательствами, бывшими въ то время въ

Москвѣ, Псковичи приняли себѣ въ князя пріѣхавшаго къ нимъ изъ Новгорода князя Василья Васильевича изъ Суздальскихъ князей, и онъ цѣловалъ крестъ къ Псковичамъ по всей Псковской пошлинѣ, не сносясь съ Москвою, гдѣ было не до Пскова. Въ 1455 году князь Василій Васильевичъ Суздальскій уѣхалъ въ Новгородъ, и Псковичи послали опять къ князю Александру Васильевичу, проживавшему въ Русѣ, который въ 1456 году и прибылъ во Псковъ; Псковичи приняли его съ большою почестію, и дали ему всю княжюю пошлину, а онъ цѣловалъ крестъ ко Пскову, по всей Псковской пошлинѣ. Между тѣмъ дѣла Московскаго князя Василья Васильевича поправились: онъ отдѣлался отъ всѣхъ своихъ враговъ и даже смирилъ Новгородъ Великій, и когда въ 1460 году Псковичи прислали къ нему просить о помощи противъ Нѣмцевъ и объ утвержденіи своимъ намѣстникомъ во Псковѣ князя Александра Васильевича Черторизскаго, то отвѣчалъ Псковскому посольству: „а что мнѣ повѣстуете о князѣ Александрѣ Черторизскомъ, и о томъ васъ свою отчину жалую: аже только поцѣлуетъ животворящій крестъ князь Александръ ко мнѣ къ великому князю и къ моимъ дѣтямъ великимъ княземъ, что ему зла на насъ не хотѣти ни мыслити; ино буди вамъ князь, а отъ мене намѣстникъ.“ Получивъ таковое повелѣніе, князь Черторизскій оставилъ Псковъ, а великій князь Московскій прислалъ туда своего сына Юрія съ боярами, который, по просьбѣ Псковичей и по повелѣнію отца, далъ имъ въ князья намѣстники князя Ивана Васильевича Стригу Оболенскаго; и Оболенскій, посаженный на Псковское княженіе, цѣловалъ крестъ ко Пскову, на

всей Псковской пошлинѣ; но на другой годъ выѣхалъ изъ Пскова, и на его мѣсто великій князь Василій Васильевичъ прислалъ во Псковъ князя Владимира Андреевича, а не по Псковскому прошенію и не по старинѣ; Псковичи, какъ сказано въ лѣтописи, пріяша его съ честію и посадиша его на княженіе во Псковѣ.“ Но очевидно посадили только изъ страха передъ Московскимъ княземъ; когда же въ 1462 году скончался князь Московскій Василій Васильевичъ, то въ слѣдъ затѣмъ былъ изгнанъ изъ Пскова и князь Владимиръ Андреевичъ. Потомъ Псковичи отправили посольство въ Москву, къ новому Московскому великому князю Ивану Васильевичу: „просить себѣ князя во Псковъ по старинѣ, который князь Пскову любъ.“ Московскій князь, чтобы выразить свое неудовольствіе за изгнаніе князя Владимира Андреевича, три дни не принималъ Псковскаго посольства, потомъ на приѣмѣ сказалъ послу: „объяви Пскову, котораго князя Псковичи восхотятъ, и я вамъ того дамъ, и вы, написавъ грамоту, да пришлите ко мнѣ съ бояриномъ своимъ.“ По этому отвѣту, Псковское вѣче написало грамоту, въ которой просило прислать во Псковъ княземъ князя Ивана Александровича Звенигородскаго. По этой грамотѣ князь Иванъ Александровичъ пріѣхалъ во Псковъ, посаженъ Псковичами на княженіе и цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей Псковской пошлинѣ, и дѣйствительно прожилъ во Псковѣ цѣлые три года по старинѣ въ мирѣ и согласіи съ Псковичами, ни въ чемъ не отступая отъ условій, на которыхъ былъ принятъ, и управляя Псковомъ не иначе, какъ по согласію съ посадниками и вѣчемъ. Потомъ, осенью 1466 года, поклонившись Пскову за все добро Псков-

ское, уѣхалъ въ Москву, хотя Псковичи усердно просили его остаться.

Въ 1467 году отпущенъ съ Москвы во Псковъ по просьбѣ Псковичей князь Ѳедоръ Юрьевичъ Шуйскій; но этотъ князь, при самомъ вступленіи на престолъ, отступилъ отъ старины и, конечно, по приказу изъ Москвы потребовалъ, чтобы ему дозволено было держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ Псковскихъ и предоставить имъ судъ во всѣхъ дѣлахъ, тогда какъ при прежнихъ князьяхъ изкони княжіе намѣстники были только на семи пригородахъ Псковскихъ. Онъ до тѣхъ поръ не цѣловалъ креста ко Пскову, пока посадники не согласились на его требованіе, и далѣе такъ повелъ дѣла противъ Псковской старины, что Псковское вѣче въ 1472 году снарядило посольство въ Москву съ жалобою на него и съ просьбою прислать другаго князя. Узнавъ объ этомъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ немедленно сложилъ цѣлованіе ко Пскову и уѣхалъ въ Москву. Въ 1473 году, по просьбѣ и выбору Псковичей, былъ присланъ изъ Москвы намѣстникомъ и княземъ Псковскимъ князь Ярославъ Васильевичъ Стрига Оболенскій. Онъ сначала цѣловалъ крестъ ко Пскову на суду и на пошлинныхъ грамотахъ, и на всѣхъ старинахъ Псковскихъ; но старина и пошлина были только на словахъ, а на дѣлѣ необычныя для Пскова новости, противъ которыхъ Псковичи стали упираться, такъ что князь Ярославъ долженъ былъ, для разрѣшенія споровъ съ Псковскимъ вѣчемъ, ѣхать въ Москву; за нимъ и вѣче отправило своихъ пословъ съ дарами къ великому князю, который отвѣчалъ посламъ, что для разрѣшенія споровъ ему нужно видѣть грамоты,

на которыхъ вѣче основываетъ свои права, и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. А между тѣмъ князь Ярославъ, воротившись изъ Москвы, сталъ требовать у Пскова судъ держать не по Псковской пошлинѣ,—на ссылку вдвое ѣзды имати, и по пригородамъ его намѣстникамъ княжая продажа имати отъ боя, также и намѣстничьи деньги. На сіи требованія вѣче отвѣчало посольствомъ въ Москву съ жалобою къ великому князю; а великій князь отправилъ въ отвѣтъ своего посла во Псковъ, который объявилъ Псковичамъ, чтобы они просили прощенія у Ярослава, разрѣшили собирать ему намѣстничью деньгу и ѣзды вдвое, и по пригородамъ княжимъ намѣстникамъ собирать продажи княжія, и судить по старинѣ суды о земляхъ, о межахъ полевыхъ и дворныхъ и о коневой валищѣ; а не учините такъ, сказалъ посоль, ино вѣдаетъ Государь князь великій. Послѣ такового грознаго приказа Псковскіе посадники заплатили князю Ярославу 130 рублей на вѣчѣ и обѣщались исправить ему и его намѣстникамъ все то, что онъ требовалъ. Но споры не прекращались: Псковичи отправляли въ Москву два посольства съ просьбою перемѣнить князя намѣстника; у Ярослава и его слугъ даже была драка съ Псковичами на торговой площади. Наконецъ въ 1477 году пришло къ нему повелѣніе отъ великаго князя ѣхать въ Москву съ княгинею и со всѣмъ своимъ дворомъ; тѣмъ и кончилось бурное четырехлѣтнее намѣстничество князя Ярослава во Псковѣ. На мѣсто Ярослава въ 1478 году, по просьбѣ Псковичей, былъ присланъ изъ Москвы князь Василій Васильевичъ Шуйскій Нѣмой; Псковичи, по обычаю, приняли его съ честію и по-

садили на княженіе въ церкви св. Троицы, и князь на вѣчѣ цѣловалъ крестъ къ Пскову на всѣхъ Псковскихъ пошлинахъ и старинахъ. Но переменна князя не переменяла дѣла. Шуйскій оказался также грубымъ передъ Псковомъ, преданнымъ пьянству и грабленію и неспособнымъ къ войнѣ; и вѣроятно за сіе послѣднее въ 1481 году былъ смѣненъ и на его мѣсто присланъ опять князь Ярославъ Васильевичъ. Сей князь теперь умѣлъ поладить съ Псковскимъ вѣчемъ и даже самъ ѣздилъ въ Москву ходатайствовать за Псковъ, чтобы великій князь держалъ свою отчину въ старинѣ. Ярославъ скончался во Псковѣ въ 1487 году и погребенъ въ церкви св. Троицы. За Ярославомъ слѣдовалъ на Псковскомъ княжествѣ князь Семень Романовичъ, присланный изъ Москвы въ 1489 году; потомъ князь Василій Ѳедоровичъ, присланный на смѣну Семену, вызванному въ Москву въ 1491 году. Князь Василій Ѳедоровичъ былъ вѣрный исполнитель воли великаго князя, впрочемъ не ссорился съ Псковичами, и скончался во Псковѣ въ 1496 году. На мѣсто его былъ присланъ князь Александръ Владимировичъ Ростовскій, а когда онъ уѣхалъ въ Москву въ 1501 году, то на его мѣсто присланъ по просьбѣ Псковичей князь Иванъ Ивановичъ Горбатый-Суздальскій, человекъ строгій, но распорядительный и усердно оберегавшій Псковъ отъ Нѣмцевъ. На его мѣсто въ 1508 году присланъ изъ Москвы князь Дмитрій Владимировичъ Ростовскій; а его смѣнилъ въ 1507 году князь Петръ Васильевичъ Великій Шуйскій, котораго въ 1509 году великій князь Василій Ивановичъ отозвалъ въ Москву, а на его мѣсто прислалъ князя Ивана Михайловича

Рѣпина Оболенскаго, который своими ссорами съ Псковскимъ вѣчемъ довелъ дѣло до того, что въ 1510 году была уничтожена самостоятельность Пскова.

Положеніе Псковскихъ князей, намѣстниковъ великаго князя Московскаго, какъ мы уже частію видѣли, постепенно измѣнялось, смотря потому, какъ постепенно развивалась власть великаго князя Московскаго надъ всѣми Русскими областями. Такъ князья, присылаемые изъ Москвы во Псковъ, иногда были довольно самостоятельны и заодно съ Псковскимъ вѣчемъ дѣйствовали почти независимо; иногда же на оборотъ они являлись прямыми намѣстниками Московскаго князя, очевидно дѣйствовавшими по наказамъ изъ Москвы и въ явное нарушеніе изконныхъ правъ Псковскаго вѣча. И эта послѣдняя форма дѣятельности князей намѣстниковъ годъ отъ года усиливалась; Москва постепенно старалась объ усиленіи споровъ между намѣстниками и вѣчемъ, и какъ скоро какой намѣстникъ не заводилъ споровъ и жилъ въ согласіи съ вѣчемъ, то его Московскій Государь скоро смѣнялъ другимъ, даже не сносясь съ Псковскимъ вѣчемъ; и напротивъ князь намѣстникъ задорный, заводившій споры съ Псковичами, всегда поддерживался Московскимъ правительствомъ, постоянно оправдывавшимъ такового намѣстника и обвинявшимъ Псковичей. Такъ миролюбивый намѣстникъ князь Семень Романовичъ, не проживши и двухъ лѣтъ во Псковѣ, былъ смѣненъ по повелѣнію Московскаго Государя княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ, который въ 1491 году пріѣхалъ во Псковъ и именемъ Государя приказалъ Семену Романовичу выѣхать изъ Пскова. Напротивъ того, Псковичи въ продолженіе четырехъ

лѣтъ насплу могли выжить задорнаго и неуступчиваго князя Ярослава Васильевича Стригу Оболенскаго.

Первоначальная форма принятія князей намѣстниковъ состояла въ томъ, что Псковское вѣче отправляло въ Москву посольство съ просьбою отпустить во Псковъ такого-то князя, и когда отпущенный прїѣзжалъ во Псковъ, то его принимали съ большими почестями и сажали на престолъ въ церкви Св. Троицы; но эта форма не нравилась въ Москвѣ, ея старались избѣгать при всякомъ удобномъ случаѣ, имѣя въ виду отучить Псковичей отъ понятія объ отдѣльномъ самостоятельномъ владѣннн или княжествѣ, чѣмъ естественно раздражили Псковское вѣче, которое старалось держаться за старинную форму, какъ утопающій за соломенку. Псковское вѣче, по прежнему обычаю, иногда еще прогоняло князя намѣстника, неугоднаго народу; такъ напримѣръ въ 1462 году Псковичи выгнали съ безчестіемъ князя Владимира Андреевича; въ лѣтописи сказано: „выгнали Псковичи князя Володимира Андреевича изъ Пскова, а иные люди на вѣчѣ съ степени спѣхнули его; и онъ поѣхалъ на Москву съ безчестіемъ къ великому князю, жаловаться на Псковъ.“ Но это уже рѣдко удавалось Псковичамъ; напротивъ, великій князь Московскій положилъ за правило, которое часто напоминалъ Псковичамъ: „кой будетъ вамъ намѣстникъ, отъ меня вамъ князь, надобѣ; и азъ вамъ нестою, а того бы есте не безчествовали, который у васъ будетъ начнетъ творити сильно, то азъ вѣдаю, а васъ мою отчину жалую.“ Такимъ образомъ въ сущности по этому правилу Псковичи лишились права изгонять князей намѣстниковъ, и Московскій государь уже считалъ таковое изгнаніе безче-

стіемъ для себя; онъ предоставлялъ Псковичамъ только право жалобы на намѣстника дѣлающаго притѣсненія Пскову и поступающаго не по пошлнѣ. Дѣйстви-тельно, право изгнанія было уже неумѣстно, когда Псковичи сами поставили себя въ такое положеніе, что не могли имѣть у себя никого другаго, кромѣ того кого пришлетъ Государь Московскій, какъ своего намѣстника; а по сему своевольное изгнаніе князя намѣстника уже считалось противозаконнымъ. Между тѣмъ Московскій Государь постепенно развивалъ свое право мѣнять Псковскихъ князей намѣстниковъ по своему усмотрѣнію, не справляясь съ желаніями Псковскаго вѣча; такъ что къ концу настоящаго періода это право Московскаго Государя мало-по-малу обращается въ законъ для Псковскаго вѣча; по крайней мѣрѣ вѣче уже не дѣлаетъ противъ этого гласныхъ протестовъ, и ни разу не рѣшается отказать или непринять присланнаго такимъ образомъ изъ Москвы князя намѣстника. Такъ что наконецъ послѣдній князь намѣстникъ, князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня Оболенскій, нашелъ возможнымъ обойтись безъ тѣхъ церемоній, съ которыми обыкновенно принимали въ Псковѣ новаго князя.

Отношенія князей пятаго ряда къ Псковскому вѣчу, а равно ихъ права и обязанности съ одной стороны опредѣлялись изконными обычаями Пскова; ибо князь намѣстникъ былъ Псковскимъ княземъ, слѣдовательно и долженъ былъ имѣть характеръ Псковскаго князя; а съ другой стороны онъ былъ намѣстникъ великаго князя Московскаго, и по сему долженъ былъ выражать волю того, чьимъ онъ былъ намѣстникомъ. Вслѣдствіе таковаго двухсторонняго положенія отно-

шеній Псковскаго князя намѣстника къ Псковскому вѣчу, и его права и обязанности, какъ Псковскаго князя, должны были оставаться постоянно неизмѣнными, какъ они разъ утверждены Псковскимъ обычаемъ, и этого постоянно требовало Псковское вѣче, ревнивое къ охраненію своихъ изконныхъ правъ старины. И князья намѣстники, вступая на Псковскій престоль, почти всегда давали клятву или цѣловали крестъ на вѣчъ ко Пскову на судъ и на всѣхъ пошлинныхъ грамотахъ, и на всѣхъ старинахъ Псковскихъ. Но въ то же время или прежде, отправляясь изъ Москвы, они, какъ намѣстники, должны были цѣловать крестъ къ великому князю Московскому, что будутъ вѣрно охранять его интересы и не допустить умаденія его власти и чести; а интересы Московскаго Государя и развитіе его власти въ отношеніи ко Пскову постоянно измѣнялись и шли впередъ; слѣдовательно и отношенія князя намѣстника ко Пскову должны были постоянно измѣняться, права его развиваться къ ущербу изконныхъ правъ Псковскаго вѣча, и онъ долженъ былъ дѣйствовать по наказамъ изъ Москвы. И на дѣлѣ дѣйствительно такъ и было: почти каждый князь намѣстникъ начиналъ крестнымъ цѣлованіемъ не нарушать старины и пошлины Псковской, и не нарушалъ ее пока это можно было по отношеніямъ его къ Государю Московскому, пока Псковскіе интересы не сталкивались съ интересами Московскими; но когда требованія изъ Москвы были противны изконнымъ Псковскимъ обычаямъ, то намѣстникъ становился на сторону сихъ требованій, и поканчивалъ тѣмъ, что вводилъ новости, противорѣчащія старинамъ Псковскимъ, явно противъ требованій вѣча.

Такъ интересы Пскова и Московскаго Государя постоянно согласовались въ томъ, чтобы ревностно охранять Псковскую землю отъ всѣхъ притязаній со стороны сосѣдей, чтобы интересы Псковскаго общества не терпѣли ущерба отъ насилій сосѣднихъ владѣтелей; въ этомъ важномъ дѣлѣ князь намѣстникъ всегда дѣйствовалъ заодно съ Псковскимъ вѣчемъ и старался ни въ чемъ не нарушать старинъ Псковскихъ. По изконнымъ Псковскимъ обычаямъ князь обязанъ былъ предводительствовать войскомъ и отправляться въ военные походы не иначе какъ по опредѣленію вѣча, и вмѣстѣ съ посадниками и другими воеводами, назначенными вѣчемъ. И князя намѣстники постоянно строго соблюдали это изконное правило Пскова, и въ лѣтописяхъ нѣтъ ни одного извѣстія, гдѣ бы вѣче жаловалось на нарушеніе этого правила княземъ намѣстникомъ: всѣ военные походы, бывшіе въ продолженіе настоящаго періода, совершались непременно по опредѣленію вѣча; ни одинъ князь намѣстникъ не предпринималъ военнаго похода самовольно, безъ согласія съ вѣчемъ. Даже походы, предписываемые Московскимъ Государемъ, напередъ представлялись на разрѣшеніе вѣча и предпринимались только по опредѣленію вѣча. Такъ въ 1471 году, когда Московскій Государь прислалъ во Псковъ боярина, съ требованіемъ, чтобы Псковичи шли ратью на Новгородскую землю; то Псковское вѣче съ своимъ княземъ намѣстникомъ хотя не отказывалось исполнить волю Государя, но отвѣчало посланному боярину: „дондеже услышимъ въ Новгородской землѣ великаго князя, тогда на конь всядемъ за своего Государя.“ И не смотря на требованія Московскаго боярина, Псковичи

не двинулись до тѣхъ поръ, пока не получили вѣстей, что Московскія войска уже сожгли Русу. Получивши же эту вѣсть, какъ сказано въ лѣтописи: „весь Псковъ въ тья часы, собравъ пригороды и волости, князя Псковскаго Ѳедора Юрьевича сынъ Василій и Тимофей Васильевичъ посадники Псковскіе и съ ними тринадцать посадниковъ Псковскихъ и вся сила Псковская поидоша на Новгородскую землю.“ 2-е. Для интересовъ Пскова и интересовъ Московскаго государя нужно было, чтобы мирные договоры съ сосѣдями были не въ ущербъ Псковской землѣ. И здѣсь князь намѣстникъ дѣйствовалъ не отступая отъ Псковской старины, согласно съ вѣчемъ; разсуждалъ съ вѣчемъ объ условіяхъ договоровъ съ сосѣдями, принималъ вмѣстѣ съ вѣчемъ пословъ, приходившихъ во Псковъ изъ сосѣднихъ владѣній; даже по опредѣленію вѣча самъ ѣздилъ съ Псковскимъ посольствомъ для переговоровъ съ сосѣдними владѣтелями и вмѣстѣ съ посадниками заключалъ договоры по тѣмъ наказамъ, которые давались вѣчемъ; такъ подъ 1460 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „по челобитію Нѣмецкому и по пхъ сроку князь Александръ Васильевичъ и посадники Псковскіе и бояре изъ всѣхъ концевъ поѣхаша на Озолицу и на Желачко, на обидное мѣсто, и досмотриша того обиднаго мѣста, а тое земля и вода Свят. Троицы.“ Или подъ 1471 годомъ. „Отрядивъ Псковъ Тимофея Васильевича и Ивана Гахоновича, да къ нимъ пзо всѣхъ концевъ бояръ по сроку на съѣздъ съ Литовскими послами, да съ ними ѣздилъ и самъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ и съ сыномъ съ княземъ Васильемъ.“ Въ то же время Псковское вѣче, вмѣстѣ съ посадниками, по старому

обычаю продолжало и само безъ князя принимать чужестранныхъ пословъ и отвѣчать имъ, и посылать своихъ пословъ къ сосѣднимъ владѣтелямъ. Такъ въ 1471 году посадники Псковскіе и вѣче дали отвѣтъ Ливонскому послу безъ участія Псковскаго князя; или въ томъ же году Псковское вѣче отрядило своихъ пословъ къ Литовскому королю, также безъ участія своего князя. Но грамоты во Псковъ отъ сосѣднихъ владѣтелей продолжали присылаться по прежнему порядку на имя Псковскаго князя и вѣча. 3-е. Для интересовъ Пскова и для интересовъ Московскаго Государя нужно было чтобы Псковъ и Псковскіе пригороды были хорошо укрѣплены; и князь намѣстникъ всегда принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ укрѣпленій и дѣйствовалъ въ согласіи съ вѣчемъ. Такъ подъ 1465 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Князь Псковскій Иванъ Александровичъ и посадники степенные Леонтій Михайловичъ и Тимошей Васильевичъ и Псковичи съ посажаны, своихъ хоромовъ блюдучи (въ ожиданіи нападенія Новгородцевъ), заложивша стѣну древяну отъ рѣки Великой да и до Псковы рѣки.“

Но князья намѣстники, дѣйствуя въ согласіи съ Псковскимъ вѣчемъ, и подчиняясь безпрекословно стариннымъ Псковскимъ порядкамъ, при защитѣ Псковской земли отъ непріятелей и въ охраненіи интересовъ Пскова, при сношеніяхъ съ сосѣдними владѣніями, далеко не такъ поступали въ дѣлахъ внутренняго управленія. Здѣсь, очевидно, интересы Пскова и интересы Московскаго государя не сходились другъ съ другомъ, и князья намѣстники становились уже на сторону Московскаго великаго князя, а не Пскова и,

вмѣсто строгаго соблюденія старины, старались о введеніи новостей, неугодныхъ Псковскому вѣчу, очевидно дѣйствуя по наказамъ изъ Москвы. И такъ дѣйствовать во внутреннемъ управленіи для нихъ было тѣмъ удобнѣе, что они вѣрно исполняли свою главную обязанность,—защиту Псковской земли отъ непріятелей, за чѣмъ преимущественно и приглашались Псковичами.

Тверже всѣхъ держалась первая и главная обязанность князя намѣстника, цѣловать крестъ ко Пскову на всѣхъ старинахъ Псковскихъ при вступленіи на Псковскій престолъ; ее въ точности соблюдали почти всѣ князья намѣстники и безпрекословно приходили цѣловать крестъ въ присутствіи вѣча. Изъ всѣхъ Псковскихъ князей намѣстниковъ лѣтопись только о троихъ не упоминаетъ, чтобы они цѣловали крестъ Пскову на вѣчѣ: о князѣ Васильѣ Ѳеодоровичѣ въ 1491 году, о князѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ Ростовскомъ въ 1503 году и о князѣ Иванѣ Михайловичѣ Рѣпнѣ Оболенскомъ.

Второю важною обязанностию князя намѣстника, строже и продолжительнѣе другихъ соблюдавшеюся, было присутствіе князя на вѣчѣ, гдѣ для него была особая степень, или можетъ быть одна съ степенью степенныхъ посадниковъ; такъ о князѣ Владимірѣ Андреевичѣ подъ 1462 годомъ сказано: а иные люди на вѣчѣ спѣхнули его съ степени.“ Князь намѣстникъ, присутствуя на вѣчѣ, не былъ предсѣдателемъ вѣча, а находился въ томъ же положеніи, какъ и прочія выборныя власти, присутствовавшія на вѣчѣ, т. е. имѣлъ такой же голосъ, какъ и всѣ прочіе члены вѣча, не приказывалъ, а раз-

суждалъ и подавалъ свои мнѣнія. Такъ подъ 1499 годомъ въ лѣтописи сказано: „и пріѣхавъ бояринъ Московскій во Псковъ, пословаше посольство на вѣчѣ князю Псковскому Александру Владиміровичу и посадникомъ Псковскимъ.“ Или подъ 1501 годомъ: „князь Псковскій сдумавши съ посадники и съ бояры и со Псковичи на вѣчѣ, да послали три гонца къ воеводамъ великаго князя Московскаго, что Нѣмцы жгутъ и грабятъ и головы сѣкутъ.“

Изъ правъ князя намѣстника въ настоящемъ періодѣ получили важное расширеніе—право держать своихъ намѣстниковъ на Псковскихъ пригородахъ, и право суда, какъ самого князя, такъ и его намѣстниковъ. По изконнымъ порядкамъ Псковскаго вѣча Псковскій князь имѣлъ право держать своихъ намѣстниковъ только на семи пригородахъ Псковскихъ, и этотъ старый порядокъ держался неприкосновеннымъ до шестаго князя намѣстника Ѳедора Юрьевича Шуйскаго, который, пріѣхавши во Псковъ въ 1467 году, при самомъ вступленіи на престолъ и при цѣлованіи креста на Псковской пошлинѣ, потребовалъ, чтобы ему разрѣшено было держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ Псковскихъ; этому требованію Псковскіе посадники должны были уступить, и съ 1467 года князья намѣстники получили право держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ Псковскихъ. Но когда князь Ѳедоръ Юрьевичъ сталъ заводить другія новости въ нарушеніе Псковскихъ пошлинъ, то вѣче отправило въ Москву посольство просить о присылкѣ другаго князя, и государь Московскій исполнилъ просьбу Псковичей, вѣроятно довольный мирнымъ дозволеніемъ

держатъ намѣстниковъ на всѣхъ пригородахъ и нежелая до времени раздражать Псковичей другими новостями. Но въ 1475 году дошла очередь до расширенія княжескихъ правъ и на судѣ. По древнему Псковскому порядку, какъ свидѣтельствуеетъ судная Псковская грамота, княжескому суду принадлежали только извѣстныя, закономъ опредѣленныя дѣла, съ опредѣленными доходами или пошлинами отъ суда. По Псковской судной грамотѣ князю во 1-хъ принадлежали дѣла уголовныя; „Ожь клетъ покрадутъ за замкомъ, или сани подъ полостью, или возъ подъ тягою, или ладью подъ лубы или въ ямѣ, или скота украдають, или сѣно сверху стога, имать то все судъ княжой, а продаже девять денегъ; а разбой, находъ, грабежъ 70 гривенъ, а княжа продажа 19 денегъ, да 4 денегу князю и посаднику. А князь и посадникъ на вѣчи суду не судить, судити имъ у князя на сѣняхъ.“ Княжіе посадники по судной грамотѣ также имѣли право суда въ пригородахъ: „А которому княжескому человѣку ѣхать на пригородъ намѣстникомъ, ино цѣловати ему на томъ крестѣ, что ему хотѣтъ добра Пскову, и судить прямо по крестному цѣлованію.“ Во вторыхъ, по судной грамотѣ суду князя или скорѣе къ судебнымъ княжескимъ доходамъ принадлежали пошлины отъ судебныхъ поединковъ. „А которому человѣку поле (поединокъ) будетъ съ суда; а ставъ на поли истецъ поможетъ своего истца . . . а виноватому (побѣжденному) платити и княжа продажа и приставное двѣма приставомъ по шести денегъ.“ И въ третьихъ суду князя принадлежали по судной грамотѣ иски въ поземельномъ владѣніи и въ бѣглыхъ крестьянахъ: „а княжій пи-

сець иметь писати судницу о земли; ино ему отъ судницы взять пять денегъ . . . А только княжій писецъ захочетъ не по силѣ (т. е. лишнихъ пошлинъ), ино индѣ вольно написати (судницу), а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у св. Троицы запечатать.“ За сіи старыя границы суда и судныхъ пошлинъ упорно стояло Псковское вѣче и успѣло отстоять ихъ при князѣ Ѳеодорѣ Юрьевичѣ, который замышлялъ было тоже сдѣлать съ правомъ княжаго суда, въ чемъ успѣлъ относительно права посылать своихъ намѣстниковъ по пригородамъ. Вѣче также уперлось и въ 1475 году, когда князь Ярославъ Васильевичъ Стрига Оболенскій, побывавъ въ Москвѣ, „началъ просити у Пскова судъ держати не по Псковской пошлинѣ, на ссылку вдвое ѣзды имать (т. е. за вызовъ свидѣтелей) и по пригородамъ его намѣстникомъ княжая продажа имати отъ боя, такоже и деньги намѣстничи.“ И споръ съ Ярославомъ пзъ-за этой новости продолжался цѣлый годъ, пока наконецъ Ярославъ самъ не съѣздилъ въ Москву и не привезъ съ собою посла велико-княжескаго, который именемъ Московскаго государя объявилъ Псковичамъ на вѣчѣ: „чтобы въ чемъ вы преступили передъ княземъ Ярославомъ, и въ томъ бы вы добили ему челомъ, также бы есте князю Ярославу деньгу намѣстнику освободили (т. е. разрѣшили намѣстникамъ, кромѣ княжей продажи, собирать отъ судныхъ дѣлъ намѣстничью деньгу), и ѣзды вдвое и продажи по пригородамъ намѣстникомъ имати княжія, нивній судове (въ земляномъ дѣлѣ судъ) судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валица. А не учните тако, ино вѣдаетъ госу-

даръ нашъ великій князь; а насъ прислалъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ, въ пять дней отъ васъ и съѣмо и тамо съѣздити.“ На такое строгое и недопускающее отсрочки повелѣніе великаго князя для Псковскаго вѣча былъ одинъ отвѣтъ, — покориться Ярославу и уступить ему во всѣхъ требованіяхъ, что вѣче дѣйствительно и исполнило, заплативши Ярославу 130 рублей за то, что безчестили его своимъ упорствомъ, и обѣщавшись великому князю исполнить все по его требованію, т. е. безспорно платить впередъ всѣ судебныя пошлины Псковскому князю и его намѣстникамъ по новому распредѣленію.

Такимъ образомъ Псковскій князь, прошедши пять степеней или рядовъ, отмѣренныхъ ему исторіею, постепенно отъ вольнаго князя Новгородскаго, каковымъ былъ князь Всеволодъ Мстиславичъ и его преемники князья перваго ряда, дошелъ до послѣдней степеніи Псковскаго князя, намѣстника великаго князя Московскаго, и наконецъ обратился совершенно въ Московскаго намѣстника, каковымъ былъ послѣдній Псковскій князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, котораго Псковичи прозвали Найденомъ. „А потому его назвали найденомъ, сказано въ лѣтописи, что онъ не пошлиною пріѣхалъ; нашли его Псковичи на загородскомъ дворѣ, а священники противъ него со кресты не ходили; а пѣли молебень на торгу, да шли ко св. Троицы, да посадили на княженіе у святѣй Троицы; и бысть той князь лють до людей.“ Это свидѣтельство лѣтописи указываетъ, что князь Рѣпня-Оболенскій уже не считалъ себя княземъ Псковскимъ, и, какъ чистый намѣстникъ Московскій, поступалъ съ Псковичами, не только не справляясь съ

Псковскою стариной и пошлиной, но и самих Псковичей ставилъ въ такое положеніе, чтобы они отказались отъ своей старины и пошлины.

Князь во Псковѣ только по формѣ вступленія на престолъ походилъ на князя Новгородскаго; во всемъ же другомъ княжеская власть во Псковѣ всегда имѣла свой характеръ, выразившійся въ томъ, что Псковскій князь собственно былъ первый сановникъ, выбранный вѣчемъ и отличающійся отъ другихъ сановниковъ только тѣмъ, что онъ былъ не Псковитяниномъ, а пришлымъ человѣкомъ, и что у него была собственная дружина, пришедшая съ нимъ, чего прочіе сановники не могли имѣть. Княжеская власть, по Псковскому устройству общества, даже не считалась необходимою для Пскова. Псковичи могли жить и управляться безъ князя, не чувствуя никакой остановки или безпорядка въ общественныхъ дѣлахъ, и, какъ мы уже видѣли, Псковъ дѣйствительно не разъ управлялся безъ князя, даже по нѣскольку десятковъ лѣтъ; тогда какъ въ Новгородѣ считалось дивомъ, когда Новгородцы въ 1167 году около восьми мѣсяцевъ прожили безъ князя за посадникомъ Якуномъ. Псковичи приглашали къ себѣ князя не потому, чтобы они не могли безъ него управляться, чтобы отсутствіе князя составляло ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ въ Псковскомъ управленіи; а потому что князь всегда приводилъ съ собою боевую дружину, въ лишннихъ же боевыхъ людяхъ Псковъ всегда нуждался, находясь почти постоянно въ войнѣ то съ Ливонскими Нѣмцами, то съ Чудью, то съ Литвою, то съ другими сосѣдями. Правда, Псковскій князь, подобно Новгородскому, имѣлъ право суда въ извѣ-

стных границахъ, и вмѣстѣ съ вѣчемъ и посадниками участвовалъ и во внутреннемъ управленіи, даже посылалъ своихъ намѣстниковъ по пригородамъ; но право суда и посылки намѣстниковъ по пригородамъ давалось князю только для пользованія опредѣленными доходами, какъ жалованіе на содержаніе дружины, пригороды же управлялись и безъ княжихъ намѣстниковъ, а для суда у Пскова были судьи, князь же не могъ судить одинъ безъ посадниковъ и сотскихъ; слѣдовательно Псковъ не нуждался въ княжескомъ судѣ, а судъ скорѣе нуженъ былъ князю для полученія дохода. Что же касается до участія князя во внутреннемъ управленіи, то онъ здѣсь участвовалъ не болѣе другихъ выборныхъ властей, и только съ согласія вѣча; а на вѣчѣ онъ не былъ ни предсѣдателемъ, ни руководителемъ, и даже не имѣлъ права созывать вѣче, и вѣче по преимуществу собиралось и рѣшало дѣла безъ участія князя, князь же безъ участія вѣча или другихъ властей, назначенныхъ вѣчемъ, не могъ рѣшать никакого общественнаго дѣла. Вѣче не нуждалось въ участіи князя ни при изданіи законовъ, ни при наложеніи податей, ни въ объявленіи войны и мира, ни въ другихъ общественныхъ распоряженіяхъ. Даже въ дѣлахъ военныхъ вѣче само назначало воеводъ для предводительствованія войсками, хотя князь и былъ главнымъ военнымъ начальникомъ, и для военныхъ дѣлъ приглашался Псковомъ; но онъ былъ безотчетнымъ предводителемъ только всей дружины, Псковскія же войска поступали къ нему подъ команду не иначе, какъ по распоряженію вѣча. Изъ судной Псковской грамоты, повидимому, можно заключить, что князь былъ

главною властію въ законодательствѣ; ибо въ началѣ грамоты сказано: „сія грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, и изъ князь Константиновы грамоты, и изъ всѣхъ приписокъ Псковскихъ пошлинъ.“ Но уже самое начало грамоты говоритъ, что князь не былъ единственнымъ или главнымъ источникомъ законодательства во Псковѣ; ибо здѣсь рядомъ съ княжими грамотами стоятъ, какъ законы, и приписки Псковскихъ пошлинъ; а въ концѣ грамоты прямо сказано: „а которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ; и посадникамъ доложить господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать.“ Слѣдовательно по прямому смыслу грамоты главнымъ и единственнымъ источникомъ законодательства во Псковѣ было вѣче. Князь же не только не имѣлъ права издавать ихъ собственною властію, но даже право предлагать вѣчу объ изданіи закона принадлежало посадникамъ, а не князю. Въ началѣ же грамоты говорится о договорныхъ грамотахъ вѣча съ князьями Александромъ и Константиномъ, относительно размѣра судебныхъ пошлинъ, собираемыхъ въ пользу князя, и о томъ какія дѣла должны принадлежать суду князя; а не о подлинныхъ грамотахъ, данныхъ князьями Александромъ и Константиномъ; ибо еще въ 1471 году великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ сказалъ, что самихъ великихъ князей грамотъ во Псковѣ не имѣется. Иныхъ князей уважали и любили во Псковѣ не меньше чѣмъ въ другихъ русскихъ владѣніяхъ, но только какъ храбрыхъ и счастливыхъ предводителей войска, усердно страдавшихъ за Псковскую землю; но князь тѣмъ болѣе пріобрѣталъ любви и уваженія у Псковичей, чѣмъ

менѣе вмѣшивался въ дѣла правленія и поперечилъ вѣчу. Государемъ и правителемъ Пскова былъ самъ господинъ Псковъ, его вѣче, а не князь, господинъ своей дружины. У князя во Псковѣ, кажется, даже не было данной ему вѣчемъ земли; по крайней мѣрѣ по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ мы имѣемъ только указаніе на княжій дворъ на торгу во Псковѣ, и на загородный княжій дворъ. А посему и дружину свою князь не могъ помѣщать на помѣстныхъ земляхъ, которыхъ самъ не имѣлъ, а держалъ дружинниковъ или при своемъ дворѣ, или по пригородамъ, въ качествѣ намѣстниковъ, и дружина его обыкновенно называлась дворомъ; такъ лѣтопись, подъ 1460 годомъ рассказывая объ отъѣздѣ князя Александра Черторизскаго, говоритъ: „а двора его кованой рати боевыхъ людей 300 человекъ, oprичъ кошовыхъ.“ И конечно князю при такой обстановкѣ мудро было имѣть во Псковѣ другое значеніе, кромѣ значенія предводителя войска.

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

Псковъ пригородъ Новгорода Великаго.

Первыя извѣстія о Псковѣ. Когда былъ построенъ Псковъ, объ этомъ нѣтъ извѣстій въ дошедшихъ до насъ памятникахъ; ибо древніе памятники, большею частію немногорѣчивые, рѣдко сообщаютъ какія либо подробности о построеніи городовъ, особенно первоначально незначительныхъ; тѣмъ не менѣе съ большимъ вѣроятіемъ и даже съ убѣжденіемъ можно сказать, что Псковъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ пригородовъ Великаго Нов-

города. Нашъ отецъ Русскихъ лѣтописей, преподобный Несторъ, упоминаетъ о Псковѣ уже подь 903 годомъ христіанскаго лѣтосчисленія; онъ пишетъ: „Игоревѣ възрастѣ, и хожаше по Ользѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова * именемъ Ольгу.“ Судя по этому древнему извѣстію, Псковъ уже существовалъ при Олегѣ и даже при Рюрикѣ, первомъ князѣ Русскомъ, а построенъ, конечно, гораздо раньше. Но многорѣчивый и на три почти вѣка младшій передъ Несторомъ составитель Степенной книги, записалъ какое-то темное преданіе, которому и самъ не вѣрилъ, о нечаянной встрѣчѣ Игоря съ Ольгою во время охоты на берегахъ пустынной поросшей лѣсомъ рѣки Псковы; въ этомъ преданіи сказано, что Псковъ тогда еще не былъ построенъ, и что Ольга была поселенка изъ села Выбутскаго, и въ послѣдствіи сдѣлавшись женою Игоря, и по смерти его принявши крещеніе, отправилась на свою родину, и тамъ, по одному видѣнію, замѣченному на пустынныхъ берегахъ Псковы, предрекла, что тутъ въ послѣдствіи будетъ построенъ богатый городъ, а въ другую побѣзку, въ ту же сторону, построила деревянную церковь св. Троицы, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ видѣла чудное видѣніе, и что эта церковь въ послѣдствіи была знаменитымъ Псковскимъ соборомъ св. Троицы. И это темное преданіе, исполненное чудесъ и неожиданностей, обычное у всѣхъ младен-

* Что здѣсь подь именемъ Плескова должно разумѣть Псковъ, этому лучшимъ свидѣтельствомъ служить Псковская лѣтопись, которая до 1284 года нерѣдко называетъ Псковъ Плесковымъ, и Псковичей Плесковичами.

ствующимъ народовъ, когда они хотять увѣковѣчить память своихъ великихъ людей, но отнюдь не историческое достовѣрное сказаніе, преданіе, которому боялся вѣрить даже поздній составитель Степенной книги, въ наше время принято многими учеными историками, какъ историческая истина, и они при помощи его думаютъ замаять и затемнить прямое и ясное свидѣтельство древняго и достовѣрнаго лѣтописца Нестора, о существованіи Пскова уже въ 903 году, и голословно утверждаютъ, что Псковъ построенъ уже въ позднѣйшее время, даже послѣ Ольги. Но во 1-хъ, ежели бы Псковъ былъ построенъ послѣ Ольги, слѣдовательно передъ смертію Святослава, или при Владимирѣ, т. е. въ концѣ X столѣтія; то конечно бы Несторъ, писавшій въ концѣ XI столѣтія, непременно зналъ бы когда и кѣмъ построенъ этотъ городъ, и не преминулъ бы сказать объ этомъ въ лѣтописи; ибо при Несторѣ Псковъ уже былъ значительнымъ городомъ, значительнѣе многихъ позднѣйшихъ городовъ, о построеніи которыхъ упоминаетъ Несторъ: упомянулъ же онъ о построеніи Юрьева Ярославомъ, а Юрьевъ передъ Псковомъ тогда былъ городомъ очень незначительнымъ. А во вторыхъ, Новгородъ Великій, устроившій свои колоніи по Наровѣ и около Чудскаго и Псковскаго озеръ и на югозападъ отъ нихъ, не могъ же оставить свои колоніи безъ укрѣпленнаго города, среди немирныхъ Чуди, Ливи и Летголы, а указанныя колоніи были заведены Новгородцами еще до прибытія Варяго-Русскихъ князей; слѣдовательно самыя обстоятельства требовали, чтобы на югъ отъ Псковскаго озера, по рѣкѣ Великой, былъ построенъ Новгородскій пригородъ. Но скажутъ, у

Новгорода въ томъ краю былъ уже пригородъ Изборскъ, который, по свидѣтельству Нестора, Новгородцы уступили одному изъ приглашенныхъ Русскихъ князей Трувору; слѣдовательно новаго пригорода Пскова не было нужды строить: да вѣдь Псковъ былъ же построенъ, этого отвергать нельзя, слѣдовательно и была нужда построить; и дѣйствительно нужда была настоятельная, сосѣди тамошнихъ Новгородскихъ колоній были очень воинственны и находились въ постоянной борьбѣ съ Новгородскими колонистами; здѣсь даже понадобилось строить новый городъ Юрьевъ при Ярославѣ, да и позднѣе здѣсь была постоянная нужда въ постройкѣ новыхъ городовъ, и ихъ много было выстроено и по смерти Ярослава. При томъ, ежели принять, что Изборскъ былъ построенъ Новгородцами; то его нельзя было строить, не построивши прежде Пскова; ибо Новгородскія колоніи прежде должны были укрѣпиться на рѣкѣ Великой, этомъ спорномъ пунктѣ Новгородскихъ колоній въ тамошнемъ краю, а потомъ уже идти къ Славянскимъ ключамъ, или къ Жеравей горѣ, и строить тамъ Изборскъ. Изборскъ, по своему географическому положенію, могъ быть, и дѣйствительно былъ, только передовою крѣпостью Пскова. Какъ бы то ни было, темное и позднее преданіе, несогласное ни съ древнѣйшими свидѣтельствами, ни съ обстоятельствами дѣла, не можетъ отвергнуть доисторическаго построения Пскова, какъ одной изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ колоній на западной окраинѣ Новгородской земли.

Псковъ, одинъ изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ пригородовъ, построенный еще въ доисторическія времена тамошняго края, и на самомъ боевомъ

мѣстѣ, на границѣ Новгородскихъ колоній съ землями Чуди, Ливы, Летголы и Литвы, упорно противившихся Новгородской колонизаціи, привычныхъ къ войнѣ и дѣлавшихъ частые набѣги на тамошнія Новгородскія колоніи, естественно долженъ былъ находиться въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ своею метрополіею Новгородомъ, чтобы постоянно имѣть поддержку въ борьбѣ съ немирными сосѣдями; и таковыя тѣсныя связи даже въ историческое время продолжались, начиная съ 903 года, въ который въ первые о Псковѣ упоминаетъ лѣтопись, въ теченіе болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Во все это долгое время Псковъ жилъ одною жизнію съ Новгородомъ, такъ что сама Псковская лѣтопись за все это долгое время почти не отдѣляетъ исторіи Пскова отъ исторіи Новгорода. По прямымъ свидѣтельствамъ лѣтописи и другихъ памятниковъ одни боярскія фамиліи заправляли дѣлами и во Псковѣ и въ Новгородѣ; такъ что Новгородскіе посадники переводились во Псковъ, и на оборотъ Псковскіе посадники въ Новгородъ. И вообще перемѣны властей въ Новгородѣ отражались перемѣнами властей во Псковѣ; событія Новгородскія были въ то же время и событіями Псковскими; войны Новгородскія были вмѣстѣ и войнами Пскова; князья Новгородскіе—князьями Псковскимъ; партіи Новгородскія были партіями и Псковскимъ; смятенія и нестроенія въ Новгородѣ отражались смятеніями и нестроеніями во Псковѣ; нныя знаменитыя боярскія фамиліи во Псковѣ въ иное время переходили въ Новгородъ, и наоборотъ нныя Новгородскія фамиліи во Псковъ, такъ что почти можно сказать, что боярскія фамиліи и въ Новгородѣ и Псковѣ были болѣе или менѣе

одни и тѣ же; перемѣны въ общественномъ строѣ въ Новгородѣ производили тѣ же перемѣны и во Псковѣ, такъ что Псковъ былъ существенно частію Новгорода, только перенесенною съ береговъ Волхова на берега Великой и Псковы. Главная и существенная разница между Новгородомъ и Псковомъ состояла въ томъ, что Псковъ былъ колонія Новгорода, а Новгородъ метрополія Пскова, и что Псковъ стоялъ на окраинѣ Новгородской земли, прямо лицомъ къ немирнымъ и воинственнымъ иноплеменникамъ, а Новгородъ лежалъ внутри Новгородскихъ владѣній среди племенъ мпрныхъ и покорныхъ. И эта-то послѣдняя разница мало-по-малу незамѣтно сообщила Пскову свой особый характеръ, по которому онъ въ послѣдствіи необходимо долженъ былъ отдѣлиться отъ Новгорода и устроить свою жизнь своеобразно, не поновгородски.

Одинъ Псковскій лѣтописецъ такъ начинаеть исторію своего города: „О Псковѣ же градъ отъ лѣтописанья не обрѣтается воспомянута, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми, токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братією отъ Варягъ въ Славяни княжити; понеже повѣдаеть, яко Игорь Рюриковичъ поять себѣ жену Ольгу отъ Плескова.“ Это свидѣтельство, съ одной стороны говоритъ о доисторической древности Пскова, а съ другой стороны, согласно со всею исторією Пскова, указываетъ на тѣсную связь его съ Новгородомъ и на единство его боярскихъ фамилій съ Новгородскими боярскими фамиліями. Князь Игорь точно также взялъ себѣ жену изъ Пскова, какъ послѣдующіе Русскіе князья его потомки иногда брали себѣ женъ изъ Новго-

родскихъ боярскихъ фамилій. Русскимъ князьямъ, утвердившимся въ Приднѣпровьѣ по переходѣ изъ Новгорода, чтобы не разрывать своихъ связей съ Новгородомъ и для поддержанія своей власти между Новгородцами, естественно нужно было вступать въ родственные союзы съ знаменитѣйшими боярскими фамиліями. И первый опытъ такового родственнаго союза показалъ Игорь, еще при первомъ русскомъ князѣ въ Приднѣпровьѣ, женившись на Псковитянкѣ Ольгѣ, по всему вѣроятію происходившей изъ богатой Новгородской боярской фамиліи, проживавшей во Псковѣ и имѣвшей тамъ свои вотчины. *) Это предположеніе вполне подтверждается свидѣтельствомъ Нестора, помѣщеннымъ подъ 947 годомъ, гдѣ сказано: „иди Вольга Новгороду и устави по Мстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли знамѣнія и мѣста и погосты, и сани ея стоятъ во Псковѣ до сего дня.“ По этому свидѣтельству Ольга распространила непосредственную княжескую власть на Новгородскія земли по Мстѣ и по Лугѣ, и назначила разныя мѣста для княжескихъ ловищъ, которыя частію оставались за князьями даже въ XIV столѣтіи, очевидно потому что она удобнѣе могла дѣйствовать на вѣче при помощи вліянія Новгородскихъ бояръ,

*) Темное преданіе, записанное составителемъ Степенной книги, что будто бы Ольга была бѣдная поселанка изъ села Выбутова, занимавшаяся перевозомъ черезъ рѣку и плавившая князя Игоря своею скромною и умною рѣчью, какъ я уже замѣтилъ выше, не можетъ быть признано за историческую истину; но въ немъ есть и доля исторической истины, — имя Ольги, связанное съ селомъ Выбутовскимъ, очевидно указываетъ, что Ольга родилась въ этомъ селѣ, что село Выбутовское было вотчиною ея родителей.

своихъ родственниковъ. А когда Ольга, по происхожденію Псковитянка, по свидѣтельству лѣтописи, удачно дѣйствовала на Новгородское вѣче, при помощи своихъ родствейниковъ боярь, значить во Псковѣ и въ Новгородѣ были одни и тѣ же боярскія фамліи; и слѣдовательно Псковъ въ то время составлялъ одно цѣлое съ Новгородомъ, былъ съ нимъ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ и жилъ одною жизнію.

Тѣсную связь Пскова съ Новгородомъ и значеніе Пскова, какъ передоваго бойца за Новгородскую землю на западныхъ ея окраинахъ, признавали вполнѣ Русскіе князья, потомки Ольги. Правнукъ Ольгинъ и князь Ярославъ Владимировичъ, чтобы укрѣпить западныя границы Новгородскихъ владѣній у Чудскаго и Псковскаго озеръ, въ 1030 году ходилъ съ Новгородцами и Псковичами на Чудь, и поставилъ тамъ на рѣкѣ Амовжѣ городъ Юрьевъ, какъ передовой постъ Новгорода и Пскова въ этомъ краю, и какъ опорный пунктъ для Новгородскихъ и Псковскихъ колоній въ Чудской землѣ. Потомъ, въ 1036 году, Ярославъ отправилъ во Псковъ своего брата Судислава и приказалъ засадить его тамъ въ порубѣ; а конечно, опасаясь своего брата Судислава, онъ не сдѣлалъ бы этого, ежели бы не былъ увѣренъ, что вполнѣ надежные ему Новгородцы, находятся въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Псковичами. Преемники Ярослава дѣйствовали въ томъ же духѣ въ отношеніи къ Новгороду и Пскову. Такъ князь Кіевскій и Новгородскій Изяславъ Ярославичъ, въ первые же годы своего княжества, имѣя въ виду укрѣпленіе Новгородскихъ и Псковскихъ границъ у Чудскаго

озера, самъ водилъ Новгородцевъ и Псковичей на Чудь, и взялъ тамъ Чудскій городъ Осекъ-Кидипивъ; потомъ, въ 1060 году, снова водилъ Новгородцевъ и Псковичей на Чудь, и принудилъ одно Чудское племя Сосоль признать власть Новгорода и платить дань по двѣ тысячи гривенъ на годъ. Но этотъ успѣшный походъ не смирилъ еще воинственной Чуди; тѣ же Сосолы выгнали отъ себя пришедшихъ къ нимъ Новгородскихъ данщиковъ, и весною того же года съ большими силами напали на Юрьевъ, и хотя укрѣпленнаго города не могли взять, тѣмъ не менѣе пограбили и пожгли всѣ окрестности, гдѣ были Новгородскія и Псковскія колоніи, даже доходили до Пскова; и Новгородцы съ Псковичами должны были снова предпринять походъ въ Чудскую землю, и хотя побили Сосоль, но и сами потеряли до тысячи чловѣкъ своихъ ратниковъ. Это дѣло съ Сосолами лучше всего показываетъ, въ какихъ отношеніяхъ находились Новгородскія и Псковскія колоніи въ Чудской землѣ, и какъ неспокоенъ былъ этотъ край. Новгородцамъ и Псковичамъ нельзя было остановиться въ распространеніи своихъ колоній, ибо это значило бы отдать уже устроенныя колоніи на разореніе воинственной Чуди, шагъ за шагомъ отступать назадъ и даже отказаться отъ рѣки Великой и снести самый Псковъ; а чтобы идти впередъ и постепенно вводить свои колоніи въ глубь Чудской земли, нужно было вести постоянную мелкую войну, отражать набѣги Чуди и разорять Чудскія селенія. Новгородъ, и въ особенности Псковъ, какъ передовой постъ, находились въ такомъ же отношеніи къ Чудской землѣ, какъ и теперь иные Американскіе штаты къ сосѣд-

нимъ Индійскимъ племенамъ; или какъ еще недавно Россія была въ отношеніи къ Кавказскимъ горцамъ.

Послѣ похода Новгородцевъ и Псковичей на Чудское племя Сосоль, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, лѣтописи не упоминаютъ о походахъ въ Чудскую землю; но это еще не значитъ, чтобы Новгородцы и Псковичи жили спокойно на границахъ Чуди, Ливи и Летголы, чтобы не было мелкихъ набѣговъ то съ той, то съ другой стороны; а напротивъ это молчаніе лѣтописей свидѣтельствуетъ, что взаимные мелкіе набѣги были такъ часты и обычны, что лѣтописцы не считали нужнымъ упоминать о нихъ. Новгородцы и Псковичи по необходимости продолжали распространять свою колонизацію въ этомъ краю и по возможности собирать дань съ тамошнихъ мелкихъ племенъ, чтобы показать имъ свое превосходство и тѣмъ нѣсколько смирить ихъ; а Чудь, Ливь и Летгола съ своей стороны не переставали противиться распространенію Новгородской и Псковской колонизаціи въ своей землѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ нападать на Новгородскія и Псковскія колоніи и прогонять присылаемыхъ къ нимъ Новгородскихъ данщиковъ. И конечно Юрьеву и Пскову, какъ передовымъ постамамъ, здѣсь доставалось болѣе всѣхъ; они должны были быть непрестанно на сторожѣ, и въ томъ же положеніи конечно былъ и Изборскъ, долженствовавшій отбиваться отъ Летголы.

Наконецъ, чтобы прекратить мелкіе набѣги и пооблегчить Новгородскую колонизацію въ здѣшнемъ краю, Новгородцы и Псковичи, въ началѣ XII столѣтія, подъ предводительствомъ знаменитаго и любимаго Новгородца князя, Мстислава Владиміровича, открыли

рядъ походовъ въ Чудскую землю. Въ 1111 году они съ Мстиславомъ напали на Чудь Очелу, жившую въ предѣлахъ нынѣшней Эстляндіи, на сѣверо-западъ отъ Чудскаго озера, и успѣли отодвинуть это племя ближе къ берегамъ Балтійскаго моря. Этотъ походъ, по всему вѣроятію, далъ Псковичамъ возможность укрѣпиться на Наровѣ и завести тамъ нѣсколько поселеній; ибо въ послѣдствіи мы здѣсь находимъ у Псковичей много рыболовныхъ слободъ или исадовъ. Въ 1113 году Новгородцы съ Мстиславомъ снова ходили въ землю Чуди и разбили Чудь на Бору; а въ 1116 году Мстиславъ повелъ Новгородцевъ на юго-западъ отъ Юрьева, къ границамъ племени Ливи, именно въ тотъ край, который назывался Унганіей, и взялъ съ бою тамошній большой городъ Медвѣжью голову, или на языкѣ туземцевъ Одемпе. Конечно всѣ сіи походы были вызваны ни чѣмъ инымъ, какъ постоянными набѣгами Чуди и Ливи на Новгородскія и Псковскія колоніи въ тамошнемъ краю. Ежели бы со стороны Чуди и Ливи не было постояннаго сопротивленія мирному распространенію Новгородской и Псковской колонизаціи, то не за чѣмъ было бы предпринимать и походовъ въ тамошнія земли; ибо, какъ показываютъ и самые походы, Новгородцы и Псковичи не дѣлали тамъ завоеваній, а только старались смирить дикихъ сосѣдей или оттѣснить ихъ дальше отъ своихъ поселеній; даже лѣтопись не упоминаетъ, чтобы въ эти походы наложена была какая либо новая дань.

Но походы Мстислава, не смотря на свой успѣхъ, не только не успокоили Псковскихъ границъ, но кажется еще болѣе раздражили противниковъ. Мстиславъ оставилъ Новгородъ въ 1117 году,

и Чудь и Ливь вскорѣ снова поднялись и даже успѣли завладѣть Русскимъ городомъ въ тамошнемъ краю, знаменитымъ Юрьевомъ Ливонскимъ, служившимъ передовымъ постомъ и опорой тамошней Русской колонизаціи. Чтобы поправить дѣла, Новгородцы и Псковичи, черезъ 14 лѣтъ послѣ послѣдняго Мстиславова похода, нашлись вынужденными предпринять новое нападеніе на упорныхъ противниковъ, и подъ предводительствомъ своего новаго князя Всеволода Мстиславича, въ 1130 году, открыли походъ на Чудь зимою, страшно опустошили тамошнюю страну, селенія пожгли, взрослыхъ людей перебили, а женъ и дѣтей забрали въ плѣнъ; но кажется тѣмъ только и ограничился успѣхъ этого похода, даже не было взято ни одного города. И на другой годъ нужно было предпринять новый походъ, тоже зимою, который былъ рѣшительно неудаченъ для Новгородцевъ и Псковичей; Чудь успѣла собраться съ силами, и, пользуясь своимъ знаніемъ мѣстности, нанесла сильное пораженіе Новгородцамъ и Псковичамъ, такъ что они должны были удалиться, потерявъ множество добрыхъ ратниковъ. Это пораженіе естественно должно было невыгодно отразиться на Новгородскія и Псковскія дѣла въ тамошнемъ краю; а посему, чтобы какъ нибудь поправиться, Новгородцы и Псковичи въ 1133 году открыли новый походъ и опять зимою. Этотъ послѣдній походъ увѣнчался значительнымъ успѣхомъ: Новгородцы и Псковичи, предводимые тѣмъ же Всеволодомъ Мстиславичемъ, не только побили Чудь и Ливь,—но что всего важнѣе,—успѣли возвратить важный для Новгородской и Псковской колонизаціи въ томъ краю городъ Юрьевъ. Возвращеніе Юрьева

значительно поправило дѣла колонизаціи; оно возвратило опору и защиту тамошнимъ Новгородскимъ и Псковскимъ колонистамъ.

Ежели бы Новгородцы и Псковичи продолжали дѣйствовать съ большею настойчивостію, или по крайней мѣрѣ такъ, какъ дѣйствовали при Мстиславѣ и Всеволодѣ, то повсему вѣроятію Ливи, Чуди и Летголѣ пришлось бы оставить бесполезное сопротивленіе и дать свободный ходъ развитію Новгородской колонизаціи въ ихъ краю. Но съ 1137 года у Новгородцевъ началась рознь, которая вскорѣ перешла и во Псковъ. Новгородцы раздѣлились на двѣ партіи,—одна противъ князя Всеволода, а другая за Всеволода, и первая одержала верхъ и успѣла выгнать Всеволода, а вторая потерпѣла поражение и удалилась во Псковъ, куда скоро пригласила и Всеволода. Псковичи, руководимые укрывшимися у нихъ Новгородскими боярами, и довольные недавними походами Всеволода въ Чудскую землю, которые особенно были выгодны для Пскова, охотно приняли сторону этого князя и рѣшились защищать его во чтобы то ни стало; засѣгли всѣ пути и приняли такое твердое положеніе, что торжествующая Новгородская партія, уже выступившая въ походъ съ тѣмъ чтобы выгнать Всеволода изъ Пскова, должна была воротиться назадъ съ Дубровны. Чѣмъ бы кончилось это междоусобіе, неизвѣстно; ибо Всеволодъ той же зимою скончался во Псковѣ. Тѣмъ не менѣе Псковичи, поддерживаемые и руководимые удалившеюся къ нимъ партіей Новгородскихъ бояръ, не хотѣли уступить партіи распорядившейся въ Новгородѣ, и объявили своимъ княземъ бывшего у нихъ на то время Всеволодова

брата Святополка Мстиславича, и стали въ такое грозное положеніе, что одинъ разъ Новгородцы ожидали ихъ нападенія на самый Новгородъ. Между тѣмъ, въ поддержаніе Святополка и Псковичей, всѣ князья родственники Всеволода вооружились на Новгородцевъ, загородили всѣ пути, по которымъ проходили обозы съ хлѣбомъ, и стали морить Новгородъ голодомъ; такъ что Новгородцы принуждены были отказаться отъ избраннаго ими князя Святослава Ольговича, и принять себѣ князя отъ Юрія Суздальскаго, его сына Ростислава; и въ слѣдъ за тѣмъ Псковичи примирились съ Новгородомъ, оставивъ впрочемъ у себя отдѣльнаго князя Святополка Мстиславича. Въ слѣдъ за примиреніемъ воротились въ Новгородъ и милостинцы Всеволода, досѣлѣ укрывавшіеся во Псковѣ; они, дѣйствуя за одно съ Псковичами, скоро побѣдили противную партію, отказали Ростиславу и привели Святополка въ Новгородъ въ 1142 году, и такимъ образомъ Псковичи съ Новгородцами опять соединились подъ однимъ княземъ. Это скорое примиреніе и соединеніе ясно показываетъ, что Псковичи во время сихъ споровъ дѣйствовали не самостоятельно, а подъ вліяніемъ Новгородской же партіи бояръ милостинцевъ Всеволода. И какъ скоро эта партія ввела своего князя въ Новгородъ; то и Псковъ замочалъ и даже не заикнулся объ отдѣленіи отъ Новгорода. Отсюда ясно, что собственно Псковскихъ интересовъ, отдѣльныхъ отъ Новгородскихъ, тогда еще не было, или по крайней мѣрѣ они скрывались на заднемъ планѣ; и Псковичи были еще такъ тѣсно связаны съ Новгородомъ, какъ своею метрополіею, и на столько не сложились въ отдѣльное независимое

цѣлое, что не могли или не рѣшались дѣйствовать иначе, какъ подъ руководствомъ и при поддержкѣ хотя какой либо партіи изъ Новгорода.

Ближайшимъ слѣдствіемъ такового порядка дѣлъ было то, что Псковичи рѣшительно запутались въ раздоры Новгородскихъ партій и въ споры ихъ съ князьями, и сдѣлались орудіемъ Новгородской партіи противниковъ Суздальскимъ князьямъ, такъ что эта партія, можно сказать, свила себѣ гнѣздо во Псковѣ и заправляла всѣми Псковскими дѣлами, разумѣется преслѣдуя свои, а не Псковскіе интересы. Когда торжествовала Псковитянская партія въ Новгородѣ, то съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣла Пскова поправлялись; и на оборотъ, когда торжествовали противники ея Суздальщичи, то и дѣла Пскова запутывались. И такъ продолжалось слишкомъ сорокъ лѣтъ послѣ послѣдняго Всеволодова похода на Чудь, въ которомъ Новгородцамъ и Псковичамъ удалось возратить Юрьевъ Ливонскій. Во все это время упоминается только объ одномъ походѣ Новгородцевъ и Псковичей въ Чудскую землю въ 1171 году, да и то не въ Новгородскихъ или Псковскихъ лѣтописяхъ, а у поздняго Московскаго лѣтописца. Между тѣмъ, конечно, по прежнему продолжались взаимные набѣги Чуди на колонистовъ, и колонистовъ на Чудь, въ которыхъ можетъ быть принимали участіе и Псковичи. Но что всего важнѣе, Чудь, Ливъ и другія племена тамошняго края среди малыхъ набѣговъ такъ усилились, что снова успѣли отнять у Новгородцевъ и Псковичей Юрьевъ и другіе тамошніе Русскіе города, и на столько стѣснили Новгородскую и Псковскую колонизацію въ своей землѣ, что зимою 1176 года общи-

ми силами, сдѣлали нападеніе на самый Псковъ. Конечно Псковъ, достаточно укрѣпленный и обороняемый воинственными гражданами, выдержалъ это нападеніе, и Чудь и Ливь были отбиты съ значительнымъ урономъ; тѣмъ не менѣе другія Псковскія поселенія, не столько укрѣпленные, должны были пострадать, и границы Новгородскихъ и Псковскихъ владѣній въ этомъ краю были нѣсколько отодвинуты назадъ; такъ что Псковитянская партія, торжествовавшая въ это время въ Новгородѣ и успѣвшая посадить на Новгородскомъ престолѣ знаменитаго воителя Мстислава Ростиславича, изъ Смоленскихъ князей, чтобы вовсе не потерять Новгородскаго вліянія въ Чудской землѣ, рѣшилась предпринять большой походъ въ этотъ безпокойный край. И зимою 1179 года, подъ знаменами Мстислава, собралось до 20000 ратниковъ, которыхъ онъ повелъ на Чудь. Очелу и страшно пожегъ и опустошилъ земли этой Чуди почти до береговъ моря; но тѣмъ дѣло и кончилось, на другой годъ Мстиславъ скончался. Въ Новгородѣ снова началась борьба партій, въ которой, разумѣется, приняли участіе и Псковичи, какъ орудіе одной изъ Новгородскихъ партій, и дѣла Пскова отодвинулись на задній планъ. Новгородцы, по смерти Мстислава, избравшіе себѣ въ князья Владимира, сына Святослава Черниговскаго, вступили въ продолжительную борьбу съ Всеволодомъ, княземъ Суздальскимъ, и интересы Пскова были принесены въ жертву сей упорной борьбѣ.

Пользуясь такими благопріятными обстоятельствами, Литовцы, очевидно, по указанію Полотскихъ князей, враждовавшихъ съ Новгородомъ, въ 1183 году напали на Псковскія владѣнія и нанесли сильное

пораженіе Псковичамъ; такъ что Новгородцы, чтобы защитить Псковъ отъ Литовскихъ или скорѣе Полотскихъ нападений, въ слѣдующемъ году обратились къ Смоленскому князю Давыду Ростиславичу, и приняли отъ него себѣ въ князья его сына Мстислава, и Давыдъ въ 1185 году повелъ Новгородцевъ и Смольнянъ на Полотскъ, принудилъ Полотскихъ князей примириться съ Новгородцами, и такимъ образомъ остановилъ набѣги Литвы на Псковскія владѣнія. Но нѣсколько успокоенные со стороны Литвы, Псковичи не были обезпечены со стороны Чуди. Поморская Чудь, вѣроятно уже вытѣснившая Псковскія колоніи изъ своего края, въ 1190 году двинулась на самыя Псковскія владѣнія, и на семи шнегахъ уже проникла въ Псковское озеро, очевидно желая войти въ рѣку Великую и рѣкою идти къ Пскову. Впрочемъ Псковичамъ удалось укрѣпиться на порогѣ, при выходѣ изъ озера въ рѣку Великую, разбить на голову дерзкихъ неприятелей и захватить всѣ ихъ шнеки, которыя и были приведены съ торжествомъ во Псковъ. Наконецъ Новгородскій князь Ярославъ Владиміровичъ, еще въ 1187 году пришедшій изъ Суздальской земли на мѣсто изгнаннаго Новгородцами Мстислава Давыдовича, по настоянію Псковитянской партіи въ Новгородъ, зимою 1191 года, собравъ подъ свои знамена Новгородскіе и Псковскіе полки, вступилъ въ землю Чуди и Ливи, опустошилъ тамошній край, пожегъ селенія, вывелъ множество плѣнниковъ и возвратилъ, долго бывшій въ чужомъ владѣніи, Юрьевъ Ливонскій. Потомъ въ 1192 году, на Петровъ день, Ярославъ снова пришелъ во Псковъ, и послалъ свою дружину съ Псковскими полками опять въ землю Чуди.

На этотъ разъ Псковичи съ дружиною Ярослава прошли за Юрьевъ, взяли городъ Медвѣжью голову, сожгли его и опустошили пройденный край. Между тѣмъ Литовцы, руководимые Полочанами, время отъ времени не переставали дѣлать нападенія на южныя Новгородскія и Псковскія границы. Нападенія сіи наконецъ обратили на себя вниманіе, и зимою 1188 года Новгородцы и Псковичи со всею своею областію, подъ предводительствомъ князя Ярослава, поднялись на Полочанъ: но тѣ, не допустивъ Новгородской рати до Полоцка, вышли на встрѣчу съ поклономъ къ озеру Касплѣ и заключили миръ съ Новгородомъ. Въ 1200 году Новгородцы, подъ предводительствомъ Нѣздили Пхинича, небольшимъ отрядомъ изъ Лукъ ходили на юго-западныхъ сосѣдей Пскова Летголу и воротились домой съ множествомъ плѣнниковъ, женщинъ и дѣтей. Все это время Псковъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ и даже иногда получалъ по указанію одной Новгородской партіи особыхъ князей. Таковы были въ 1178 году князь Борисъ Игоревичъ, племянникъ Новгородскаго князя Мстислава Ростиславича, противъ котораго во Псковѣ даже была партія, усмиренная Мстиславомъ, который для этого самъ приходилъ во Псковъ; потомъ князь Владиміръ Мстиславичъ братъ Мстислава удалаго, посаженный во Псковѣ Новгородскими боярами, противниками Суздальскихъ князей, въ то время какъ ихъ партія, по удаленіи изъ Новгорода князя Ярослава Владиміровича, должна была удалиться во Псковъ.

Но всѣ исчисленные выше походы на Чудскую землю, предпринимавшіеся Новгородцами и Псковичи-

чами, по своей отрывочности не много приносили пользы Пскову, и только слабо поддерживали Новгородскую и Псковскую колонизацию тамошняго края; объ окончательномъ же подчиненіи Чудской земли кажется не было и мысли. Новгородцы, слишкомъ занятые своими партіями и борьбою съ Суздальскими князьями, разраставшеюся годъ отъ года, такъ сказать, урывками обращали вниманіе на дѣла Пскова и на состояніе колонизации въ Чудской землѣ. А Чудскія племена, поражаемая временно, но не покоряемая Новгородскими походами, оправившись сколько нибудь послѣ каждаго пораженія, опять укрѣплялись и снова нападали на Псковскія и Новгородскія колоніи въ своей землѣ, снова отстраивали свои города и селенія, разоренныя и сожженныя Новгородцами и Псковичами, и даже нападали на Псковскія волости и села, а иногда и на самый Псковъ. Псковичи, въ большей части случаевъ, отражали такія нападенія; но только отражали, а сами, зятянутые въ борьбу Новгородскихъ партій, не могли или не рѣшались предпринять значительныхъ походовъ, и ждали помощи отъ Новгорода, когда ему бывало досужно обратить вниманіе на этотъ край, а это, какъ мы уже видѣли, бывало не часто. Такимъ образомъ на границахъ Пскова съ Чудскою, Латышскою и Литовскою землями все было случайно, неопредѣленно и неясно,—нынѣ хорошо, завтра худо, а больше худо. Такъ послѣ Ярославова похода, въ 1196 году, Новгородцы съ Псковичами только черезъ шестнадцать лѣтъ успѣли предпринять новый походъ, подъ предводительствомъ Новгородскаго князя Мстислава Мстиславича Удалаго. Походъ этотъ, бывшій

въ 1212 году, имѣлъ значительный успѣхъ. Мстиславъ сперва повелъ собранные полки на Чудь-Торму, жившую на сѣверъ отъ Юрьева, опустошилъ эту страну и вывелъ оттуда множество плѣнниковъ; потомъ, въ томъ же году, зимою ходилъ на юго-западъ отъ Юрьева къ Медвѣжей Головѣ, взялъ съ этого города значительную дань, говоря въ 700 гривенъ, и опустошилъ селенія тамошняго края. По возвращеніи изъ сего похода Псковичи поссорились съ своимъ княземъ Владимиромъ Мстиславичемъ, братомъ Новгородскаго князя, и на слѣдующій годъ изгнали его отъ себя и, не ожидая нападеній со стороны пораженной Чуди, спокойно занялись рыболовствомъ на Чудскомъ озерѣ. А между тѣмъ Литовцы напали на самый Псковъ, и, пользуясь отсутствіемъ большей части гражданъ, отправившихся на озеро ловить рыбу, пожгли Псковскіе посады и, награбившись до сыта, удалились. Разумѣется этотъ набѣгъ Литвы не имѣлъ другихъ послѣдствій кромѣ грабежа, и важенъ только какъ свидѣтельство того, на какомъ боевомъ мѣстѣ стоялъ Псковъ, и чего постоянно должны были ждать Псковичи отъ своихъ западныхъ и юго-западныхъ сосѣдей. Въ слѣдующемъ 1214 году Псковичи, подъ предводительствомъ своего новаго князя Всеволода Борисовича, соединясь съ Новгородцами, предводительствуемыми Мстиславомъ удалымъ, и съ Торопецкимъ княземъ Давыдомъ, приняли новый походъ въ Чудскую землю. Этотъ походъ, по распоряженію главнаго предводителя Мстислава Мстиславича Удалаго, былъ направляемъ прямо на западъ отъ Юрьева на Чудь-Ереву, жившую по нынѣшней рѣкѣ Перновѣ, ближе къ морю.

Новгородцы и Псковичи въ этотъ походъ проникли въ Чудскую землю глубже всѣхъ прежнихъ походовъ, и до того устрашили жителей тамошняго края, что они вышли изъ своего города Воробьяна на встрѣчу къ Мстиславу съ поклономъ и принуждены были заплатить тяжелую дань.

Между тѣмъ какъ Новгородцы и Псковичи медленно колонизировали Чудскую землю и дѣлали отрывочные походы въ этотъ край, на западъ отъ Чуди въ земляхъ Ливи, при устьѣ западной Двины поселились Нѣмцы и мало-по-малу утвердились въ тамошнемъ краѣ. Первое появленіе Нѣмцевъ въ Ливоніи относятъ къ 1158 году; въ этомъ году, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, Бременскіе купцы были занесены бурей въ устьѣ западной Двины, и вступивши въ торговья сношенія съ тамошними племенами Ливи, и съ дозволенія одного Полотскаго князя (которому тамошнія племена платили дань), построили на берегу Двины купеческую факторію и стали пріѣзжать туда каждый годъ. По обычаю тогдашнихъ торговцевъ, Бременцы въ своей факторіи, чрезъ нѣсколько времени, построили себѣ церковь и, для отправленія церковныхъ требъ, привезли съ собою одного священника, Августинскаго монаха Мейнгарда. Этотъ монахъ, познакомившись съ жившими около Нѣмецкой факторіи Ливами, задумалъ обратить ихъ въ христіанскую вѣру, и выпросилъ дозволеніе у Полотскаго князя проповѣдывать Евангеліе Ливонскимъ язычникамъ. Проповѣдь его имѣла нѣкоторый успѣхъ, и архіепископъ Бременскій назначилъ, около 1186 года, Мейнгарда епископомъ Ливоніи; это назначеніе побудило его къ усерднѣйшему проповѣда-

нію; но Ливонцы не охотно принимали крещеніе, и многіе крестившись опять обращались къ своему старому язычеству, и такъ прошло десять лѣтъ. Въ 1196 году Мейнгардъ скончался въ Ливоніи, и на его мѣсто былъ назначенъ въ епископы, Цистерціанскій аббатъ Бертольдъ. Этотъ новый епископъ, видя малоуспѣшность проповѣди своего предшественника, и прослышавши что язычники хотятъ его съечь, немедленно по прїѣздѣ своемъ въ Ливонію опять уѣхалъ въ Германію, и задумалъ нести проповѣдь Евангелія къ Ливонцамъ съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, и упросилъ папу объявить крестовый походъ на Ливонскихъ язычниковъ; папа согласился на это прошеніе, и Бертольдъ, собравши рать крестоносцевъ, прибылъ вторично въ Ливонію и былъ убитъ въ первомъ же сраженіи съ Ливонскими язычниками. Въ преемники Бертолду былъ назначенъ въ 1198 году Бременскій каноникъ Албертъ. Онъ цѣлый годъ собиралъ войско, и въ 1199 году прибылъ къ устью западной Двины на 23 корабляхъ. Албертъ былъ епископомъ Ливоніи двадцать восемь лѣтъ; на третьемъ году своего епископства онъ построилъ городъ Ригу, сдѣлавшійся средоточіемъ Нѣмецкой власти въ краѣ, а на четвертомъ году, съ разрѣшенія папы Иннокентія III-го, учредилъ для защиты Рижской церкви Богоматери орденъ меченосцевъ, которымъ папа далъ уставъ рыцарей храма.

Съ прибытіемъ Алберта дѣла Нѣмцевъ и Латинской церкви въ Ливоніи принимаютъ совсѣмъ иной видъ: при прежнихъ двухъ епископахъ Нѣмцы и латинская вѣра ими проповѣдуемая едва держались въ двухъ городкахъ по Двинѣ, въ Ускулѣ

и Гольшь; при Албертѣ же владѣнія Нѣмцевъ и успѣхи Латинской церкви охватили не только всю Ливонію, но и проникли въ Эстонію или землю Чуди. Албертъ съ разу понялъ, что мало надежды на быстрый успѣхъ въ обращеніи Ливонскихъ язычниковъ въ латинство,—будутъ ли для этого употреблены крестъ и мечъ, какъ думалъ папа, приказавши меченосцамъ нашить на одежду изображеніе меча и креста,—или одинъ только крестъ, какъ воображалъ покойный Мейнгардъ, и понявши составилъ себѣ такой планъ дѣятельности, по которому прежде всего должно заняться распространеніемъ Нѣмецкихъ владѣній въ Ливонскомъ краѣ, покореніемъ тамошнихъ племенъ, а потомъ уже крестить покоренныхъ. Для приведенія въ исполненіе этого плана Албертъ, какъ мы уже видѣли, привезъ съ собою Нѣмецкихъ ратниковъ, на двадцати трехъ корабляхъ, и, на четвертомъ году своего епископства, учредилъ орденъ меченосцевъ; потомъ самъ девять разъ ѣздилъ въ Германію и Италію, и каждый разъ проживалъ тамъ по году и больше, собирая деньги и ратниковъ для поддержанія своего громаднаго предпріятія. И неусыпные труды Алберта, направленные къ одной цѣли, увѣнчались изумительнымъ успѣхомъ. На девятомъ году его епископства, посредствомъ непрерывныхъ войнъ и союзовъ, была покорена вся Ливонія на имя церкви Рижской Богоматери. Русскіе, т. е. Полотскіе удѣльные князья, имѣвшіе тамъ свои владѣнія, почти всѣ или были изгнаны, или поступили въ вассальныя отношенія къ епископу Алберту, а Ливонцы насильно окрещены въ Латинскую вѣру; такъ что епископъ въ томъ же году раздѣлялъ

Ливонію на три равныя части: одну часть взялъ себѣ, другую отдалъ ордену меченосцевъ и третью городу Ригѣ, а въ слѣдующемъ году (1207) уже началъ войну съ Эстонцами или Чудью. Война съ Чудью или Эстонцами, въ продолженіе восьми лѣтъ, шла съ страшнымъ ожесточеніемъ; воинственная Чудь много терпѣла поражений отъ Нѣмцевъ и насылаемыхъ Нѣмцами Ливонцевъ и Летголовъ или Латышей; но и Нѣмцамъ и ихъ союзникамъ, или скорѣе данникамъ, не легко доставалось отъ Чудя; разъ какъ-то Эстонцы или Чудь успѣли заключить миръ съ Ливью и отдѣляли Ливь отъ Нѣмцевъ (1210 г.); но Албертъ не унывалъ, и при помощи почти каждый годъ высылаемыхъ изъ Германіи ратниковъ достигъ того, что устроилъ и въ Эстоніи особое епископство, и на девятомъ году Эстонской войны могъ уже раздѣлить полупокоренную землю Чудя на три равныя части: между собой, орденомъ меченосцевъ и Эстонскимъ епископомъ (1215 г.).

Такимъ образомъ пока Новгородцы и Псковичи, занятые спорами своихъ партій и борьбою съ Суздальскими князьями, вяло и не постоянно дѣйствовали противъ враждебныхъ себѣ племенъ Чудя, Ливи и Летголы и плохо поддерживали тамъ свою колонизацію; въ этомъ краю успѣлъ утвердиться новый врагъ Пскову и Новгороду, врагъ несравненно опаснѣйшій полудикихъ Ливи, Чудя и Летголы, врагъ поддерживаемый строго организованнымъ военнорелигіознымъ братствомъ подъ именемъ рыцарей меча, или ордена меченосцевъ, и при томъ такой врагъ, который постоянно подкрѣплялъ и пополнялъ убыль своихъ воиновъ и колонистовъ наплывомъ пришель-

цевъ изъ разныхъ краевъ Германіи, которые толпами шли въ Ливонію по зову папы крестить язычниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получать отпущеніе своихъ грѣховъ. Съ этимъ новымъ врагомъ Новгородцы и Псковичи въ первый разъ встрѣтились на полѣ битвы въ 1217 году (а по Ливонской хроникѣ въ 1215 году), во время своего похода на Чудь Очелу (по Ливонской хроникѣ Унгавійцевъ). Новгородцы и Псковичи, подъ предводительствомъ Псковскаго князя Владиміра и посадника Твердислава, осадили принадлежащій Чуди городъ Медвѣжью голову (Одемпе), уже нѣсколько разъ сожигаемый и разоряемый Новгородцами. Осажденная въ городѣ Чудь и бывшіе тамъ Нѣмцы начали предлагать осаждающимъ разныя обѣщанія о покорности, и вступили въ продолжительные переговоры, а между тѣмъ сами послали гонцовъ къ Нѣмцамъ, чтобы спѣшили на выручку. Такъ описывается это дѣло въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, по Ливонской же старѣйшей хроникѣ князь Владиміръ, въ продолженіе семнадцати дней, дѣлалъ нѣсколько приступовъ къ городу и постоянно былъ отражаемъ бывшими въ городѣ рыцарями ордена меченосцевъ и стрѣлками епископа; но Новгородцевъ и Псковичей вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ Чудью было 20 тысячъ, и гарнизонъ города, сильно ослабленный битвами, находился въ крайности. О чемъ когда узнали Рижскій и Эстонскій епископы и братья ордена Меченосцевъ, немедленно отправили на выручку къ городу 3000 ратниковъ, подъ предводительствомъ орденскаго магистра Волквина, Венденскаго начальника Бертольда и епископскаго брата Феодорика, которые, будучи подведены однимъ

отрокомъ, напали на лагерь осаждающихъ рано утромъ, но были отражены и потеряли трехъ знаменитыхъ рыцарей. Новгородская же лѣтопись продолжаетъ свой разсказъ такъ: Новгородцы и Псковичи составили вѣче и занялись разсужденіемъ о мирныхъ предложеніяхъ осажденной Чуди, а въ это время Нѣмцы нечаянно напали на оплошно охраняемый Новгородскій лагерь, и стали его грабить, но заявшись грабежемъ сами оплошали. Новгородцы и Псковичи, узнавши о нападеніи, прямо съ вѣча бросились на новыхъ неожиданныхъ непріятелей и произвели въ ихъ рядахъ большое опустошеніе, убили у нихъ двухъ воеводъ, третьяго взяли руками и, захвативши въ добычу 760 коней, возвратились домой благополучно. Ливонская же хроника конецъ событія описываетъ слѣдующимъ образомъ: Тевтонцы, подавленные множествомъ враговъ, отступили къ своему лагерю. Между тѣмъ и въ Тевтонскомъ и въ Русскомъ лагеряхъ оказался недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, такъ что голодные лошади обглодали другъ у друга хвосты; по сему на третій день послѣ битвы обѣ стороны вступили въ переговоры и заключили миръ, по которому Тевтонцамъ (Нѣмцамъ) дозволено выйти изъ лагеря и возвратиться въ Ливонію, и Нѣмцы съ Ливонцами и Латышами свободно между Русскими и Чудью прошли домой. Такимъ образомъ оба описанія хотя и разногласятъ между собою во многомъ, но въ главномъ сходятся, т. е. и то и другое описаніе говоритъ, что Новгородцы и Псковичи при первой встрѣчѣ одержали верхъ надъ Нѣмцами и заставили ихъ удалиться въ Ливонію.

Между тѣмъ южный край Чудской земли былъ уже покоренъ Нѣмцами, и только сѣверная Чудь, ближайшая къ морю, еще мужественно отстаивала свою свободу; но и ей приходилось туго, — Нѣмцы съ Ливонцами и Латышами напирали на нее съ юга. Не надѣясь одни справиться съ страшными врагами, шесть сѣверныхъ племень Чуди отправили посольство и подарки въ Новгородъ, просить помощи на Нѣмцевъ. Новгородцы и Псковичи дали слово помогать, и въ 1219 году, подъ предводительствомъ своего князя Всеволода Мстиславича, снарядили походъ къ Пертуеву (Пернову), чтобы, занявши этотъ пограничный Ливонскій городъ, загородить дорогу Нѣмцамъ въ сѣверную Эстонію. Но Нѣмцы вмѣстѣ съ Ливонцами и Латышами или Летголою успѣли войти въ землю Чуди, и подъ Феллиномъ разбили Чудь прежде, нежели Новгородцы съ Псковичами могли придти туда. Такъ что Новгородцы, на пути къ Пернову, вмѣсто союзниковъ наткнулись на непріятелей, и только пробившись сквозь заставу Нѣмцевъ, Ливи и Летголы, могли подступить къ городу. Пробриться имъ удалось, и они стояли подъ Перновымъ двѣ недѣли, но узнавши что союзниковъ уже нечего ждать, воротились домой, и Нѣмцы очевидно ихъ не преслѣдовали.

Походъ къ Пернову открылъ глаза Новгородцамъ и Псковичамъ; они наконецъ увидали, что земля Чуди уходитъ изъ ихъ рукъ, что пора внимательнѣе заняться этимъ краемъ, иначе Нѣмцы съдутъ на голову. А посему въ 1222 году Новгородцы съ Псковичами снарядили новый походъ, выпросили себѣ помощь у Владимірскаго великаго князя Юрѣя Всеволодовича, заключили союзъ съ Литовцами, общав-

шими прислать свою помощь, и, приготовившись такимъ образомъ, отправились подъ предводительствомъ Юрьева брата Святослава, вступили въ землю Ливи. Нѣмцы съ Латышами и Ливью хотѣли было загородить имъ дорогу, и дали битву при переходѣ черезъ рѣку Гойву (нынѣшняя Аа); битва была жестокая и возобновлялась нѣсколько разъ, тѣмъ не менѣ Русскіе перешли рѣку, проникли въ приморскія области Ливоніи и произвели тамъ страшныя опустошенія: мужчинъ перебили, а женщинъ и дѣтей побрали въ плѣнъ, хлѣбъ же и другіе запасы пожгли; затѣмъ перешли опять рѣку Гойву и осадили городъ Кеси (Венденъ), гдѣ засѣли рыцари меча. Подъ Кесью соединилась съ Русскими и Чудь; но слухъ что Летгола опустошаетъ Псковскія области, и что Нѣмцы и Ливь со всѣми своими силами идутъ на выручку Кеси, и вѣрная вѣсть что магистръ ордена Вольквинъ успѣлъ уже пробраться въ городъ, заставили Новгородцевъ и Псковичей послѣшно отступить отъ Кеси и воротиться домой.

Ближайшимъ слѣдствіемъ этого опустошительнаго похода было то, что Нѣмцы принялись укрѣпляться и строить замки, запасать оружіе и спѣшить окончательнымъ покореніемъ земель Чуди; вызвали новыхъ ратниковъ изъ Германіи и вступили въ союзъ съ Датскимъ королемъ Валдемаромъ и Славянскимъ Поморскимъ княземъ Венцеславомъ, которые также явились опустошать несчастную землю воинственной Чуди. А между тѣмъ Летгола и Ливь, озлобленные опустошеніемъ своей земли въ послѣдній походъ Новгородцевъ и Псковичей, принялись по указанію Нѣмцевъ дѣлать мелкіе набѣги на пограничныя Псков-

скія владѣнія. Особенно Летгола или Латыши рѣшительно оставили свои опустошенныя жилища и перенеслись въ лѣса, находившіеся на Псковскихъ границахъ, и постоянно грабили всѣхъ проезжающихъ и проходящихъ, избивали мужчинъ и уводили женщинъ и домашній скотъ изъ пограничныхъ Псковскихъ поселеній. Въ отвѣтъ на это, Псковичи осенью того же года сами сдѣлали довольно сильный набѣгъ на земли Летголы, и, засѣвши на границахъ Мелюке Варигриббе, произвели такое страшное опустошеніе въ томъ краю, что магистръ ордена, сидѣвшій въ Венденѣ (Кеси), долженъ былъ поднять всю Летголу, чтобы выгнать Псковичей изъ этого края. Затѣмъ Нѣмцы отвѣчали Псковичамъ набѣгомъ Ливи и Летголы, которые успѣли обойти Псковъ незамѣченными, съечь его предмѣстія и ограбить нѣсколько сосѣднихъ деревень, и даже утащили изъ одной церкви иконы и колокола.

Между тѣмъ Датскій король Валдемаръ II-й захватилъ почти все побережье Чудской земли на Сѣверѣ и основалъ тамъ городъ Колыванъ или Ревель, гдѣ оставилъ сильный гарнизонъ и епископовъ для обращенія Чуди въ Латинство. Вслѣдъ за Датчанами появились туда и Шведы, чтобы обращать Чудь въ Латинство и поработать себѣ. Шведы утвердились на югъ отъ Ревеля, тоже на морскомъ берегу. Всѣ сіи пришельцы, Нѣмцы, Датчане и Шведы, враждовали другъ противъ друга, и въ то же время всѣ опустошали землю несчастной Чуди. Такое положение дѣлалъ наконецъ вывело Чудь изъ терпѣнія, и всѣ племена ея дружно поднялись на пришельцевъ, жившихъ у нихъ по городамъ, перебили ихъ или

заковали въ цѣпи, торжественно отреклись отъ навязаннаго имъ Латинскаго христіанства, уничтожили латинскія церкви, перерѣзали священниковъ, возвратили своихъ женъ, которыя были отпущены по христіанскому закону, и даже вырыли изъ могилъ своихъ покойниковъ, погребенныхъ по христіанскому обряду, и сожгли ихъ по обычаямъ своей языческой религіи; мало этого, чтобы и не пахло христіанствомъ, вымыли водою и вымели вѣниками свои дома и другія жилища, и послали сказать въ Ригу, что они возвратились къ древней своей вѣрѣ и не примутъ христіанства пока въ ихъ землѣ останется хотя одинъ однолѣтній или лежащій въ постелѣ ребенокъ. А чтобы имѣть себѣ опору противъ озлобленныхъ возстаніемъ враговъ-повелителей, всѣ племена Чуди обратились съ покорностію къ Новгородцамъ и Псковичамъ и пригласили ихъ въ свои города, а къ Новгородскому князю послали дары, моля его о защитѣ отъ пришельцевъ. Тогдашній Новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, желая воспользоваться удобнымъ случаемъ, и исполняя просьбы Чуди, въ 1223 году собралъ рать въ 20 тысячъ человекъ, съ тѣмъ чтобы идти на Ригу—главное гнѣздо Нѣмцевъ. Племена Чуди по дорогѣ вездѣ встрѣчали его съ радостію, сдавали свои города и выдавали ему находившихся у нихъ Нѣмцевъ съ ихъ имуществомъ и оружіемъ. Ярославъ уже прошелъ всю Эстонію или Чудскую землю и занялъ своими гарнизонами города Тарбиту и Медвѣжью голову. Потомъ вмѣстѣ съ Чудью Очелою вступилъ въ земли Ляви и дошелъ до Пнидисы. Здѣсь нагнали Ярослава послы поморской Чуди Озиланъ, и просили его что-

бы прежде Риги шель на Ревель противъ Датчанъ, и уже побѣдивши Датчанъ, съ помощію всей Чудской земли отправлялся въ Ливонію, теперь же въ Ригѣ много пришлыхъ Нѣмцевъ и всѣ готовы вступитъ съ нимъ въ бой. Ярославъ, послушавъ посольской рѣчи, съ Пнидисы поворотилъ на сѣверъ, въ землю Чудскаго племени Сакколъ или Сосолъ, и нашедъ эту страну занятою Нѣмцами, и узнавши что въ Феллинскомъ замкѣ повѣсили Русскихъ, присланныхъ туда на помощь къ Сакколамъ, страшно разсердился и сильно опустошилъ эту страну; затѣмъ вступилъ съ своимъ войскомъ въ землю Чудскаго племени Еревы или Гервы, и соединясь тамъ съ сосѣдними Чудскими племенами Вирцевъ, Варбаловъ и Осиліевъ, осадилъ Колыванъ или Ревель. Цѣлыхъ четыре недѣли продолжалась осада этого города, было нѣсколько схватокъ съ Датчанами, но успѣха не было; Ярославъ нашелся вынужденнымъ отступить, не взявши города, и возвратился домой съ богатою добычей. Новгородцы и Псковичи, выходя вмѣстѣ съ Ярославомъ изъ Чудской земли, естественно должны были озаботиться найти такого воителя, которому можно бы поручить защиту этого только-что взятаго края, и нашли таковымъ одного изъ Полотскихъ князей Вячко или Вячеслава, который былъ уже извѣстенъ своимъ мужествомъ и хорошо зналъ Нѣмцевъ, и поручили этому князю городъ Юрьевъ и всю тамошнюю страну.

Неблагопріятны были для Псковичей и Новгородцевъ послѣдствія похода подъ Кеси или Венденъ; но походъ Ярослава подъ Колыванъ, такъ много обѣщавшій въ началѣ, имѣлъ послѣдствія еще худшія. Походъ подъ Кеси заставилъ Нѣмцевъ сильнѣе укрѣ-

питься въ землѣ Чуди; а походъ подъ Колывань, грозившій Нѣмцамъ совершеннымъ изгнаніемъ, побудилъ ихъ поспѣшить совершеннымъ изгнаніемъ Русскихъ даже изъ тѣхъ краевъ Чудской земли, гдѣ они уже довольно укрѣпились и имѣли свои колоніи, чтобы отбить у Новгородцевъ и Псковичей всякую охоту къ вмѣшательству въ Нѣмецкія дѣла въ земляхъ Чуди, а чтобы Чудь и не думала искать себѣ защиты въ Новгородѣ или Псковѣ. Какъ только Ярославъ ушелъ изъ-подъ Колывани, Нѣмецкіе рыцари прямо отправились къ Русскому городу Юрьеву, простояли подъ нимъ пять дней, но не надѣясь взять отступили, повернули къ сѣверу и принялись смирять Чудь Ереву или Гервенцевъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Колыванскою областію и помогавшихъ Ярославу, и нанесли имъ такое пораженіе, что это племя Чуди, доселѣ бывшее въ постоянной войнѣ съ Нѣмцами, признало ихъ власть надъ собою и дало клятву въ вѣчной вѣрности. Затѣмъ Нѣмцы, забравши съ собою и Ливъ и Летголу, вступили съ огромнымъ войскомъ въ землю Чуди Гарровъ, взяли и пожгли тамошніе города, и съ богатою добычей отступили въ землю Чуди Еревы; Чудь Ерева и сосѣдніе съ ними Чудь Вируяны встрѣтили ихъ съ мольбою о мирѣ и съ обѣщаніемъ принять Латинскую вѣру. Нѣмцы дали имъ миръ, приняли въ свое покровительство, и, взявши заложниковъ, благополучно съ богатѣйшею добычей возвратились въ Ливонію.

Но пока Нѣмцы такъ удачно дѣйствовали на сѣверѣ, по сосѣдству съ Колыванью, въ то же время также довольно счастливо велъ свои дѣла присланный Новгородцами и Псковичами въ Юрьевъ воинственный князь Вяч-

ко; онъ такъ воодушевилъ Юрьевцевъ, и такой навелъ страхъ на всѣхъ сосѣдей, что ему стали платить дань всѣ сосѣднія племена, а которыя не хотѣли платить, на тѣхъ онъ ходилъ войною и страшно вредилъ Нѣмцамъ; его набѣги и опустошенія простирались отъ восточныхъ береговъ Чудскаго озера въ земли Вируянъ, Чуди Еревы и Саккаловъ, или Сасоловъ, только что подчинившихся Нѣмецкой власти; всѣ недовольные Нѣмцами, всѣ озлобленные спѣшили въ Юрьевъ и находили тамъ покровительство. Нѣмцы пытались было уговорить князя Вячко, чтобъ онъ не принималъ бѣглецовъ и выдалъ тѣхъ, которые уже приняты, но онъ отказалъ имъ на отрѣзъ. Все это страшно тревожило Нѣмцевъ; они уже кричали что Эстонія погибаетъ, что церковь Эстонская, съ такимъ трудомъ и страданіями распространяющаяся, то и дѣло теряетъ чадъ своихъ, пожираемыхъ этимъ дракономъ Вячко. Такіе крики принесли скоро тотъ плодъ, какого желалось хитрому старику, Рижскому епископу Алберту, главному руководителю Нѣмцевъ.

На другой годъ, послѣ отступленія Ярослава отъ Колывани, собралось громадное войско, вся Нѣмецкая сила въ Ливоніи и полки Ливи и Летголы, и подъ предводительствомъ самого епископа Алберта и двухъ герцоговъ, прибывшихъ съ помощными дружинами изъ Германіи, 15-го Августа, въ день Успенія Божіей Матери, 1224 года, осадили городъ Юрьевъ, и опасаясь чтобы не подошло Новгородское войско на выручку Юрьевцамъ, спѣшили осадой, день и ночь работали и бились, обвели городъ своимъ валомъ, построили башни; князь Вячко съ Юрьевцами также день и ночь работалъ, бился съ Нѣмцами на

приступахъ, разрушалъ и сожигалъ ихъ строенія, отразилъ нѣсколько Нѣмецкихъ приступовъ, наконецъ, подавленный множествомъ непріятелей, погибъ при отраженіи послѣдняго приступа. Юрьевцы и по смерти его продолжали еще обороняться, и Нѣмцы ворвались въ городъ только тогда, когда уже не кому было защищать его. Ворвавшись въ городъ, Нѣмцы перебили всѣхъ жителей его, неразбирая пола и возраста, и только пощадили одного Суздальскаго боярина, которому дали коня, чтобы ѣхалъ въ Новгородъ и объявилъ тамъ о паденіи Юрьева. Между тѣмъ Новгородская рать, спѣшившая на выручку къ Юрьевцамъ, уже пришла во Псковъ. Нѣмцы, услыхавши о приближеніи Новгородской рати, поспѣшили съечь укрѣпленія Юрьева и удалились въ Ливонію, и въ томъ же году заключили съ Новгородцами и Псковичами миръ и дали слово, что всѣ дани, которыя получались Новгородомъ съ земли Толива, будутъ выплачиваться по прежнему.

Новгородцы, въ это время занятые опасною для нихъ войною съ княземъ Суздальскимъ Юрьемъ Всеволодовичемъ, уже вступившимъ съ большимъ войскомъ въ Тверь, были довольны миромъ, который имъ дали Нѣмцы. Но миръ этотъ не успокоилъ Псковичей. Съ потерю Юрьева, переименованнаго Нѣмцами въ Дерптъ, Псковъ потерялъ опорный пунктъ для защиты своихъ границъ, и границы Псковскихъ владѣній съ этой стороны сдѣлались открытыми для Нѣмцевъ и всѣхъ другихъ непріятелей; и Псковичамъ пришлось продолжать еще мелкую войну и терпѣть набѣги на свои пограничныя области. Нѣмцы, пока еще уклоняясь отъ войны съ самимъ Новгородомъ, плохо соблюдали условія мира къ сво-

ему ближайшему сосѣду Пскову, и все что приходилось уступать Новгородцамъ, они вымещали на Псковичахъ.

Между тѣмъ князь Новгородскій Ярославъ Всеволодовичъ, преслѣдуя Новгородскую партію бояръ, противную Суздальщинамъ, свившую себѣ гнѣздо во Псковѣ и оттуда тайно дѣйствовавшую на Новгородъ, въ 1228 году, съ своими приверженцами, посадникомъ Иванкомъ и тысяцкимъ Вячеславомъ, отправился во Псковъ, желая настигнуть своихъ противниковъ въ самомъ гнѣздѣ ихъ. Но замыселъ князя не укрылся отъ тѣхъ, до кого онъ больше всего касался; во Псковѣ пришли вѣсти, что князь везетъ оковы, чтобы заковать вянущихъ мужей. Князь едва только дошелъ до Дубровны, пограничнаго Новгородскаго города съ Псковскою областію, какъ Псковичи затворили свой городъ и послали сказать князю, что они его не примутъ. Ярославъ, получивъ такую вѣсть изъ Пскова, воротился въ Новгородъ, и, собравъ вѣче на владычнемъ дворѣ, принесъ Новгородцамъ жалобу, что Псковичи его обезчестили, что онъ не мыслилъ противъ нихъ никакого зла, и везъ въ коробляхъ не оковы, а дары Псковичамъ. Но эта жалоба не принесла Ярославу никакой пользы, а только показала, что въ Новгородѣ партія, сочувствующая Псковской партіи, довольно еще сильна. А посему онъ, чтобы покончить за одинъ разъ съ Псковичами, явно ставшими противъ него, и не отвлачивать дѣла въ дальній лицикъ, вызвалъ свои полки изъ Переяславля, и объявилъ Новгородцамъ, что идетъ на Нѣмцевъ къ Ригѣ.

Псковичи, получивши вѣсти о сборахъ Ярослава, и вѣроятно также предувѣдомленные, что дѣ-

до идетъ не о Ригѣ, а о Псковѣ, или по крайней мѣрѣ о партіи Новгородскихъ бояръ, руководившихъ Псковскимъ вѣчемъ, заключили съ Нѣмцами миръ на такихъ условіяхъ, чтобы Нѣмцы прислали помощь, ежели Ярославъ пойдетъ на Псковъ, и въ соблюденіи этого мира дали Нѣмцамъ сорокъ мужей въ заложники. И когда Ярославъ отправилъ своего гонца во Псковъ съ требованіемъ, чтобы Псковичи готовились къ походу на Нѣмцевъ, и выдали тѣхъ, которые оклеветали его передъ Псковомъ, то Псковичи прислали въ Новгородъ своего посла Гречина съ такимъ отвѣтомъ: „кланяемся тебѣ, князь, и братья нашей Новгородцамъ, но въ походъ нейдёмъ и братья своей не выдаемъ, а съ Рижанами мы взяли миръ, и изъ-за вась его не нарушимъ. Вы уже не разъ выдавали насъ: ходили къ Колывани и взяли съ Колывани серебро, и сами ушли не взявши города, и непомирившись путемъ съ Колыванцами; были также у Кеси и Медвѣжей головы, много воевали и пограбили и ушли домой съ богатою добычей, не сотворивши мира; а нашу братью побили за то на озерѣ, а иныхъ увели въ плѣнъ; вы же задравши ушли прочь и оставили насъ однихъ. Или вы что задумали на насъ? то мы противъ вась со святою Богородицею и съ поклономъ, уже лучше вы изсѣките насъ и возьмите нашихъ женъ и дѣтей, а не выдавайте поганымъ, въ томъ вамъ кланяемся.“ Такой отвѣтъ, высказавшій горькую правду Новгородцамъ за ихъ своекорыстныя отношенія къ интересамъ Пскова, произвелъ вадлежащее дѣйствіе на Новгородское вѣчѣ и оно прямо отвѣчало Ярославу: „нейдёмъ на Ригу безъ своей братьи Псковичей, а тебѣ, князь, кланяемся.“ А Яро-

славъ въ отвѣтъ на это отослалъ Переяславскіе полки домой, а въ слѣдъ за ними и самъ съ своею женой и со всею семьей ушелъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двухъ своихъ сыновей Ѳедора и Александра.

Такимъ образомъ Новгородцы отказомъ идти на Ригу безъ своей брата Псковичей, удержали Псковъ въ прежней тѣсной связи съ Новгородомъ, не смотря на то, что Нѣмцы, имѣя въ виду окончательно отдѣлать Псковъ отъ Новгорода, по первому же зову Псковичей, для отраженія ожидаемаго Ярославова похода, явились къ нимъ сами съ своими войсками, и подняли на защиту Пскова Чудь, Летголу и Ливь. Псковичи, получивъ благопріятный отвѣтъ Новгородскаго вѣча, освобождавшій ихъ отъ войны, немедленно отпустили своихъ союзниковъ, и выгнавъ отъ себя Ярославовыхъ приверженцевъ, по прежнему остались вѣрными союзниками Новгородской партіи противниковъ Суздальщинцамъ, и признали надъ собою власть вновь приглашеннаго въ Новгородъ князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго; такъ продолжалось почти четыре года. Но когда въ 1232 году Суздальщинцы одолѣли своихъ противниковъ на Новгородскомъ вѣчѣ и снова пригласили Ярослава; то предводители партіи Новгородскихъ бояръ, враждебной Суздальщинцамъ, по прежнему скопились въ обычномъ своемъ гнѣздѣ, во Псковѣ, заковали въ цѣпи бывшаго тамъ вѣроятно посадникомъ Ярославова приверженца Вячеслава, и пользуясь отсутствіемъ Ярослава, бывшаго тогда въ Переяславлѣ, произвели мятежъ въ самомъ Новгородѣ. Но когда воротившійся въ Новгородъ Ярославъ усмирилъ мятежъ, и,

перехватавши присланныхъ изъ Пскова возмутителей, послалъ во Псковъ съ требованіемъ отпустить Вячеслава и выгнать отъ себя предводителей противной партіи Бориса и Михаила Нѣгоцевичей, Петра Водовиковича, Глѣба Семенова брата и Мишу; то Псковичи опять объявили себя отдѣльными отъ Новгорода и отвѣчали Новгородцамъ: „пришлите семейства и имущество тѣхъ мужей, и мы отпустимъ Вячеслава, или вы себѣ, а мы себѣ,“ и цѣлое лѣто не хотѣли признать надъ собою Ярославовой власти; и только уже на зиму, обезпокоиваемые остановкою торговли съ Новгородомъ, прислали къ Ярославу просить, чтобъ онъ отправилъ къ нимъ котораго либо изъ своихъ сыновей, и согласились принять отъ него его шурина, князя Юрія Мстиславича, а противникамъ Ярослава, по его требованію, показали путь, которые и ушли къ Нѣмцамъ, въ Медвѣжью голову. На этотъ разъ соединеніе Пскова съ Новгородомъ было прочвѣе предшествовавшаго. Здѣсь Псковичи дѣйствовали самостоятельно, а не подъ руководствомъ Новгородской партіи противниковъ Ярослава, и были особенно довольны тѣмъ, что Ярославъ по ихъ просьбѣ далъ имъ отдѣльнаго князя, что въ скорости доказали и на дѣлѣ.

Когда Нѣмцы, крайне недовольные тѣмъ что Псковъ вступилъ въ прежнія родственныя отношенія къ Новгороду и принялъ себѣ князя изъ рукъ Новгородскаго князя, ласково приняли въ Медвѣжьей головѣ Псковскихъ изгнанниковъ Бориса Нѣгоцевича и его товарищей, и, помогая имъ, захватили Изборскъ и отдали его проживавшему у нихъ прежнему Псковскому князю Ярославу Владимировичу: то Псковичи,

подъ предводительствомъ своего князя Юрія Мстиславича, вышли противъ Нѣмцевъ, отняли у нихъ Изборскъ, и захваченнаго тамъ князя Ярослава Владимировича отослали къ Ярославу Новгородскому, который и отправилъ его закованнаго въ Переяславль въ заточеніе. Ярославъ Всеволодовичъ, довольный покорностію и усердіемъ Псковичей, а также вѣроятно желая предупредить нападеніе Нѣмцевъ на Псковъ, въ слѣдующемъ 1234 году, собравъ большое войско изъ всей Новгородской области, и, вызвавъ свои Переяславскіе полки, отправился въ походъ на Нѣмцевъ къ Юрьеву. Нѣмцы Юрьевцы, соединясь съ Нѣмцами Медвѣжьей головы, не допустили Ярослава до города и дали сраженіе на берегахъ рѣки Амовжи (Эмбаха) и сначала сильно потѣснили передовые полки Новгородскіе и Переяславскіе; но потомъ сами были разбиты на голову, и прижатые къ рѣкѣ, многіе проломились на льду, а немногіе раненые спаслись бѣгствомъ въ Юрьевъ и въ Медвѣжью голову и поспѣшили заключить миръ на всѣхъ условіяхъ, предложенныхъ Ярославомъ, разумѣется включивши въ этотъ миръ и Псковичей.

Ливонскіе Нѣмцы, состоявшіе изъ всякаго сброда и внезапно разбогатѣвшіе отъ недавнихъ успѣховъ въ войнѣ съ Чудью и сдѣлавшіеся безотчетными и полновластными повелителями окореннаго народа, по смерти главнаго своего руководителя и истиннаго творца всѣхъ ихъ успѣховъ въ Ливоніи и Эстоніи, епископа Алберта, быстро пришли въ крайнее разстройство; а послѣдній походъ Ярослава къ Юрьеву привелъ ихъ на край гибели, такъ что ясно сдѣлалось для всѣхъ сколько нибудь

понимавшихъ положеніе дѣлъ въ Ливоніи, что Нѣмцамъ, занявшимъ ее, своими средствами нельзя удержаться въ этомъ краю. А по сему въ 1237 году Ливонскіе Нѣмцы, чтобы поддержать себя, поступили въ подчиненіе Нѣмецкому ордену въ Пруссіи и тѣмъ спасли себя отъ неминуемой гибели и закрѣпили за собой Ливонію, Эстонію или землю Чуди и землю Летголы. Такимъ образомъ походъ Ярослава къ Юрьеву, крайне разстроившій Нѣмцевъ, на время далъ отдохнуть Псковичамъ и обезпечилъ ихъ отъ набѣговъ со стороны сихъ безпокойныхъ сосѣдей. Нѣмцы, въ крайности, чтобы не раздражать Пскова и Новгорода, строго соблюдали всѣ условія Ярославовы и старались быть мирными и покорными сосѣдями; такъ что Псковичи въ 1237 году по договору посылали Нѣмцамъ 200 человекъ хорошо вооруженныхъ воиновъ въ помощь противъ Литвы. Но миръ съ Нѣмцами не могъ быть продолжителенъ, съ одной стороны еще оставшіяся въ тамошнемъ краю Псковскія колоніи и обязанность по послѣднему договору съ Ярославомъ платить дань съ Юрьевской области были тягостны для Нѣмцевъ; а съ другой стороны бѣглецы Новгородскіе, у нихъ проживавшіе, не переставали подстрекать ихъ къ войнѣ, обѣщая легкой успѣхъ при помощи своихъ пріятелей, остававшихся въ Новгородѣ и Псковѣ.

Лишь только Ливонскіе Нѣмцы меченосцы построили свои дѣла, поступивши въ подчиненіе къ Прусскому Нѣмецкому ордену, и немного поправились отъ потерпѣнныхъ поражений отъ Ярослава въ 1234 году и отъ Литвы въ 1237 году, какъ и стали замышлять о войнѣ со Псковомъ; война эта

началась нечаяннымъ занятіемъ Изборска. Лѣтопись говоритъ, что Нѣмцы Юрьевцы, Медвѣжане (изъ Медвѣжьей головы) и Вельядцы (изъ Феллина) съ Русскимъ измѣнникомъ, у нихъ проживавшимъ, съ княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, въ 1240 году нечаянно среди мира захватили Изборскъ. Псковичи, получивши вѣсть о паденіи Изборска, немедленно отправились съ воеводою Гаврилою Гориславичемъ выручать захваченный городъ, но были встрѣчены Нѣмцами, вѣроятно уже извѣщенными о ихъ походѣ, и въ жестокой битвѣ потерпѣли поражение, потеряли своего воеводу и обратились въ бѣгство. А Нѣмцы пустились преслѣдовать бѣгущихъ и, на погони побивши и захвативши многихъ въ плѣнъ, подошли къ самому Пскову, зажгли посадъ, опустошили ближайшія къ городу села и, недѣлая приступа, держали городъ въ осадѣ цѣлую недѣлю; потомъ, не входя въ городъ, взяли заложниковъ и, не заключивъ мира, какъ бы удалились; а между тѣмъ тайно вели переговоры съ сидѣвшими во Псковѣ Новгородскими измѣнниками и ихъ предводителемъ Твердилою Иванковичемъ, которые, улучивши удобное время, отворили городскіе ворота и впустили Нѣмцевъ. Псковичи, захваченные въ расплохъ и видя измѣну между своими, не могли сопротивляться, и одни съ княземъ Юріемъ Мстиславичемъ бѣжали въ Новгородъ, а другіе покорились приведшему Нѣмцевъ князю Ярославу Владимировичу и Нѣмцамъ. Ярославъ и Нѣмцы назначили Твердилу Иванковича своимъ намѣстникомъ и посажали своихъ тиуновъ; а чтобы Псковичи не возмутились, взяли въ заложники дѣтей изъ знатнѣйшихъ семействъ. Такимъ образомъ Новгородская

партія бояръ, доселѣ руководившая Псковомъ, изъ вражды къ Новгороду передала Псковъ Нѣмцамъ, и изъ Пскова повела Нѣмцевъ на Новгородскія владѣнія, такъ что послѣдніе подъ ея руководствомъ разорили всѣ Новгородскія волости въ Водьской землѣ, построили городъ въ Копорскомъ погостѣ, вѣроятно думая тутъ утвердиться такъ же какъ и въ земляхъ Чуди; обложили данью жившее тамъ племя Водь, взяли Тесовъ и только тридцати верстъ не доходили до Новгорода. Затѣмъ, нѣсколько спустя, явились новыя толпы Нѣмцевъ вмѣстѣ съ Литвою и Чудью на Лугѣ; но очевидно только для грабежа, они пограбивши кони и скоть удалились.

Но дѣло партіи измѣнниковъ не могло имѣть прочнаго успѣха, хотя первоначально и шло удачно. Новгородъ былъ очень силенъ, чтобы поступить съ нимъ такъ, какъ думали Нѣмцы и ихъ руководители Новгородскіе измѣнники; у Новгородцевъ много еще было честности и любви къ отечеству, чтобы изъза раздора партій продавать врагамъ родную землю; и Нѣмцы не могли удержаться и двухъ лѣтъ въ своихъ постыдную измѣною пріобрѣтенныхъ завоеванійхъ. Князь Новгородскій Александръ Ярославичъ Невскій, уже прославившійся страшнымъ пораженіемъ Шведовъ на Невѣ, и во время взятія Пскова Нѣмцами бывшій у отца своего Ярослава въ Суздальской землѣ, въ 1241 году, по усердной просьбѣ Новгородцевъ прибылъ въ Новгородъ и немедленно поднялъ всю Новгородскую землю, и Лядожанъ, и Корѣлянъ и Ижерянъ, и повелъ ихъ прямо къ Копорью, чтобы скорѣе смыть пятно чужаго владѣнія въ Новгородской землѣ, послѣ упорнаго боя взялъ го-

родъ, и сидѣвшихъ тамъ Нѣмцевъ частію привелъ плѣнниками въ Новгородъ, частію отпустилъ, захваченныхъ же тамъ измѣнниковъ изъ Чуди и Вожанъ перевѣшалъ. Потомъ, на другой годъ, вызвавши полки изъ Низовой земли подъ предводительствомъ своего брата Андрея, вмѣстѣ съ ними и съ Новгородцами отправился въ Чудскую землю на Нѣмцевъ, и, чтобы до Нѣмцевъ не дошло вѣсти о его походѣ, перехватилъ всѣ дороги къ Пскову, за тѣмъ неожиданно изгономъ захватилъ Псковъ и бывшихъ тамъ Нѣмцевъ и Чудь и, заковавъ въ цѣпи, отослалъ въ Новгородъ. Покончивши съ Нѣмцами во Псковѣ, Александръ съ своими полками пошелъ прямо въ Чудскую землю, и перешедши Псковскія границы, распустилъ часть войска для грабежа и развѣдокъ, подъ предводительствомъ Новгородскихъ бояръ Домаша Твердиславича и Кербета. Войско сіе, при переходѣ черезъ одну рѣку, наткнулось на Нѣмцевъ и Чудь, стоявшихъ у моста, и послѣ упорнаго боя было разбито, при чемъ палъ самъ предводитель его Домашъ Твердиславичъ, и съ нимъ много храбрыхъ воиновъ, а иные попались въ плѣнъ, другіе же успѣли убѣжать къ главному войску, шедшему позади, и извѣстили князя о своемъ пораженіи. Получивши такую вѣсть, князь Александръ отступилъ на Чудское озеро, и когда Нѣмцы, ободренные первою битвой, погнались за нимъ, то онъ поставилъ свои полки на льду Чудскаго озера на Узмени у Вороней камени. Нѣмцы, построившись клиномъ, или, какъ сказано въ лѣтописи, свиньєю, врѣзались въ полки Александровы, думая прорвать ихъ, но вмѣсто того сами были сдавлены со всѣхъ сторонъ; и страшная сѣча кончи-

лась тѣмъ, что почти всѣ Нѣмецкіе рыцари пали, и только немногимъ вмѣстѣ съ Чудью удалось спастись бѣгствомъ. Этою битвой, извѣстною у лѣтописцевъ подъ именемъ Ледоваго боя, Александръ такой навелъ страхъ на Нѣмцевъ, что они уже ждали Новгородцевъ къ стѣнамъ Риги и просили помощи у Датскаго Короля; но, довольные побѣдою, Новгородцы не пошли далѣе, и Александръ съ торжествомъ вступилъ въ Псковъ, ведя за собою плѣнныхъ Нѣмецкихъ рыцарей, какъ говорятъ, босикомъ. За тѣмъ Нѣмцы успѣли отправить свое посольство въ Новгородъ съ поклономъ и съ дарами и моленіемъ о мирѣ, который и былъ заключенъ еще до возвращенія Александра въ Новгородъ. По этому миру Нѣмцы отступились отъ всѣхъ своихъ недавнихъ завоеваній, возвратили безъ выкупа всѣхъ захваченныхъ ими плѣнниковъ и отпустили Псковскихъ заложниковъ. Такимъ образомъ Псковъ освободился отъ владычества Нѣмцевъ, и окончательно раздѣлялся съ тою Новгородскою партией, которая до сего времени руководила дѣлами Пскова и, преслѣдуя свои частныя интересы, измѣнически передала было Псковъ Нѣмцамъ.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЫЙ.

Псковъ приобретаетъ значительную самостоятельность, хотя и продолжаетъ быть Новгородскимъ пригородомъ.

Тяжелы были для Псковичей послѣдніе десять лѣтъ передъ Ледовымъ побоищемъ Нѣмцевъ, и очень до-

рого стоили имъ, Псковъ чуть не сдѣлался Нѣмецкою провинціею; но и не даромъ Псковичи перенесли этотъ тяжелый опытъ, они ясно увидали, что жить такъ, какъ они жили до сей поры, негодится; что отъ такого житья проку мало, что надо начинать иную жизнь, и что прежняя жизнь прямо ведетъ къ порабощенію, а не къ свободѣ и самостоятельности. Убѣдившись во всемъ этомъ на опытѣ, Псковичи начали съ того, что не только окончательно раздѣлались съ руководившею ихъ доселѣ Новгородскою партіей бояръ, но и на своихъ Псковскихъ бояръ стали смотрѣть не такъ, какъ смотрѣли на нихъ прежде. Измѣническая передача Пскова Нѣмцамъ въ 1240 году совершенно измѣнила отношенія вѣча къ боярамъ и выборнымъ, или присылаемымъ изъ Новгорода властямъ. Большіе люди или бояре, большею частію друзья и родственники Новгородской партіи, сдавшей Псковъ Нѣмцамъ и сами, замѣшанные въ этой сдачѣ, естественно лишились того довѣрія, которымъ такъ долго и своекорыстно пользовались у Псковскаго вѣча; выборные, или присланные изъ Новгорода власти, не умѣвшія или не хотѣвшія открыть измѣну и тѣмъ спасти Псковъ отъ Нѣмцевъ, подверглись той же участи какъ и бояре. Псковское вѣче, не вступая въ борьбу ни съ тѣми, ни съ другими, и даже не преслѣдуя тѣхъ, участіе которыхъ въ измѣнѣ было извѣстно, сдѣлало только то, что перестало признавать ихъ своими руководителями и голоса ихъ сравнивало съ голосами меньшихъ людей; такъ что преобладаніе на вѣчѣ стало мало-по-малу переходить на сторону послѣднихъ, и въ скорости Псковъ обратился въ чисто демократи-

ческую республику, хотя и не уничтожилъ у себя аристократіи и ей преимущественно предоставилъ важное право выборной службы. Псковичамъ тѣмъ удобнѣе было это сдѣлать, что Псковская аристократія въ прежнее время держалась преимущественно Новгородскою боярскою партіей, и, по поражении этой партіи, потеряла эту главнѣйшую свою опору.

Въ первые годы по освобожденіи отъ Нѣмцевъ, преобразовавшійся въ своемъ внутреннемъ устройствѣ Псковъ строго держался тѣснаго родственнаго союза съ Новгородомъ; новопроизведенная реформа относилась собственно къ внутреннему устройству Пскова и нисколько не касалась его отношеній къ Новгороду; вмѣстѣ съ внутреннею реформой Псковское вѣче даже стало въ лучшія отношенія къ Новгородскому вѣчу, чѣмъ въ какихъ было до реформы, ибо прежде между тѣмъ и другимъ вѣчемъ стояла боярская Новгородская партія, преслѣдовавшая свои частные интересы, нерѣдко противные интересамъ Новгородскаго вѣча; съ паденіемъ же сей партіи это посредничество прекратилось, и Псковское и Новгородское вѣче стали относиться другъ къ другу прямо, безъ посторонняго посредничества. Когда въ 1243 году во Псковѣ явилось знаменіе отъ иконы Спасителя, въ монастырѣ Святаго Іоанна, натекло четыре вощаницы мура; то Поковское вѣче, въ знакъ своего тѣснаго союза съ Новгородцами, двѣ вощаницы этой святыни отправило въ Новгородъ, и двѣ вощаницы оставило во Псковѣ. Новгородцы тоже платили Псковичамъ тѣсною дружбой и усерднымъ участіемъ въ дѣлахъ Пскова; ибо когда въ 1253 году Нѣмцы, оправившись отъ пораженія на Ледовомъ побоищѣ,

снова напали на Псковъ, подошли къ самому городу и пожгли посады, то Новгородцы немедленно явились на выручку къ Псковичамъ и принудили Нѣмцевъ оставить осаду, а потомъ опустошили Нѣмецкія волости по Наровѣ, и тѣмъ самымъ дали Псковичамъ возможность также вступить въ Нѣмецкую землю и побить Нѣмцевъ. Это дружное нападеніе на Нѣмецкую землю, небывалое прежде, ближайшимъ своимъ слѣдствіемъ имѣло то, что Нѣмцы поспѣшили прислать своихъ пословъ во Псковъ и Новгородъ съ просьбою о мирѣ, и заключили миръ на всей воли Псковской и Новгородской. Настоящимъ своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ борьбѣ съ Нѣмцами Новгородцы какъ бы хотѣли вознаградить Псковичей за то, что въ прежнее время своею невнимательностію къ Псковскимъ дѣламъ они допустили Нѣмцевъ придвинуться къ самымъ границамъ Псковскихъ владѣній.

Не прекращая своихъ дружественныхъ отношеній къ Новгороду, Псковичи въ 1253 году приняли себѣ въ князя Александрова брата, князя Ярослава Ярославича, бѣжавшаго изъ Твери; но уже не по указанію той или другой Новгородской партіи, какъ бывало прежде, а по собственному усмотрѣнію, имѣя въ виду воспользоваться услугами его и его дружины, на случай войны съ кѣмъ либо изъ сосѣдей, и это распоряженіе Псковичей нисколько не разсорило ихъ съ Новгородцами. Равнымъ образомъ, когда въ 1255 году Новгородцы перезвали къ себѣ Ярослава, то этимъ не обидѣлись Псковичи, и въ томъ же году опять приняли Ярослава, когда онъ былъ изгнанъ изъ Новгорода своимъ старшимъ братомъ Александромъ. Вообще, послѣ освобожденія Пскова отъ Нѣм-

цевъ, Псковичи поставили себя въ такое положеніе, что принять или не принять того или другаго князя рѣшительно зависѣло отъ самого Псковскаго вѣча, и это нисколько не ссорило ихъ съ Новгородцами и не измѣняло отношеній къ Новгороду, какъ чисто внутреннее дѣло, до котораго никто не имѣлъ права касаться со стороны. Между тѣмъ Миндовгъ, великій князь Литовскій, уже около пятнадцати лѣтъ, велъ опустошительную войну съ Нѣмецкими рыцарями на границахъ Курляндіи; война эта была то счастлива, то несчастлива для него. Наконецъ, въ 1262 году, чтобы за одинъ разъ покончить съ Нѣмцами и выгнать ихъ изъ Ливоніи, Миндовгъ вступилъ въ союзъ съ Новгородцами и Псковичами, чтобы въ одно время напасть на Нѣмцевъ и съ запада въ Курляндіи и Ливоніи, и съ востока въ Чудской землѣ или въ Эстоніи. Новгородцы и особенно Псковичи были очень рады такому союзу, какъ потому что Нѣмцы не переставали безпокоить Псковскія границы мелкими набѣгами, такъ и потому что и Новгородцамъ и Псковичамъ очень хотѣлось воротить Русскій городъ Юрьевъ, все еще остававшійся во власти Нѣмцевъ. А посему Новгородцы и Псковичи, подъ предводительствомъ Псковскаго князя Ярослава Ярославича и присланнаго отъ Александра сына его Дмитрія и Полотскаго князя Товтивила, пришедшаго по приказанію Миндовга съ 500 Литовцевъ, отправились большою ратью къ Юрьеву, взяли приступомъ три стѣны этого города, разграбили его, избили множество Нѣмцевъ, но самой крѣпости взять не могли. А между тѣмъ пришла вѣсть, что на выручку къ Юрьевцамъ идетъ самъ магистръ ордена съ боль-

шимъ войскомъ, только-что заставившій Миндовга отступить отъ Вендена и воротиться въ Литву. Получивши такую вѣсть, союзники успѣшили снять осаду Юрьева и благополучно возвратились домой съ богатою добычей и множествомъ плѣнниковъ, страшно опустошивши Юрьевскую область. Такъ неудачно кончился дружно задуманный, но не дружно исполненный походъ на Ливонскихъ Нѣмцевъ, не принесшій существенной пользы ни Новгороду ни Пскову, и за который Псковичи должны были заплатить прежде всѣхъ. Нѣмецкія лѣтописи даже говорятъ, что орденскій магистръ, преслѣдуя отступающаго непріятеля, переступилъ уже Псковскія границы и началъ обычныя опустошенія Псковской земли; но, застигнутый болѣзнію, принужденъ былъ воротиться домой.

На слѣдующій годъ послѣ похода подъ Юрьевъ князь Ярославъ, по случаю смерти Александра Невскаго, получилъ велико-княжескій престолъ во Владимірѣ, и на мѣсто себя оставилъ во Псковѣ своего сына Святослава. Между тѣмъ, въ 1263 году, въ Литвѣ былъ убитъ своими родственниками великій князь Литовскій Миндовгъ, и между его родственниками началась страшная рѣзня, которая заставила многихъ знатныхъ Литовцевъ бѣжать изъ отечества въ чужія страны, и въ числѣ таковыхъ бѣглецовъ въ 1266 году пришелъ во Псковъ князь Довмонтъ съ своею дружиною въ 300 человекъ и со всѣми ихъ семействами, ища себѣ пріюта и спасая свою голову отъ злобныхъ враговъ. Псковичи и тогдашній ихъ князь Святославъ радушно приняли Довмонта и его дружину, убѣдили ихъ оставить языческую вѣру

и принять святое крещеніе, на что они и согласились, и Довмонтъ въ св. крещеніи получилъ имя Тимоѳея. За тѣмъ Псковское вѣче, поразмысливши что съ неприютнымъ Довмонтомъ будетъ легче ладить, чѣмъ съ велико-княжескимъ сыномъ Святославомъ, имѣвшимъ опору въ своемъ отцѣ, посадило Довмонта на Псковскій престолъ, а Святослава попросило оставить Псковъ. И не даромъ Псковичи предпочли Довмонта Святославу; Довмонтъ былъ именно такимъ княземъ, въ какомъ нуждался Псковъ. Съ одной стороны, беззавѣтная храбрость, не справлявшаяся о числѣ враговъ, и умѣнье вести военныя дѣла, ставили Довмонта незамѣнимымъ бойцемъ за землю святыя Троицы и за Псковскую свободу и независимость; а съ другой стороны, неприютное положеніе Довмонта и самый его характеръ тихій и уступчивый прямо обезпечивали Псковское вѣче отъ притязаній княжеской власти. Изъ всего этого вышло то, что тридцатитрехлѣтнее непрерывное княжество Довмонта было самымъ блестящимъ временемъ во всей Псковской исторіи, положившее твердое основаніе тому значенію Пскова, которымъ онъ пользовался въ послѣдствіи. И не напрасно Псковичи изъ всѣхъ своихъ князей только двухъ, Всеволода и Довмонта, признавали святыми покровителями и защитниками своего города; именно Всеволодъ и особенно Довмонтъ были главными основателями Псковской независимости и самостоятельности,—одинъ какъ первый отдѣльный Псковскій князь, а другой какъ князь утвердившій Псковичей въ увѣренности, что они и безъ посторонней помощи могутъ справляться съ грозными врагами соседями, и, что всего важнѣе для внутренняго Псков-

скаго устройства, своею непритязательностію укрѣпившій правильныя отношенія вѣча къ князю.

Свое тридцатитрехлѣтнее княжествованіе во Псковѣ Довмонтъ началъ счастливою войной съ врагами Пскова и Новгорода и съ собственными своими,—прежними родичами Литовцами. Лѣтопись описаніе Довмонта княжествованія прямо начинается словами: „Вложи Богъ въ сердце Довмнту благодать свою, побороти по святѣй Софіи и по св. Троицы, отмстити кровь христіанскую; и поиде съ Псковичи на поганую Литву.“ Въ этотъ первый набѣгъ Довмонтъ, хорошо знавшій врага, на котораго шель, отправился только съ 270 ратниками изъ своей дружины и Псковичей, и съ этою горстью незамѣченный пробрался далеко въ Литовскую землю, перешель Двину и проникъ прямо во владѣнія своего злѣйшаго врага князя Герденя, разграбилъ его домъ и взялъ въ плѣнъ жену и дѣтей; потомъ переправился назадъ черезъ Двину, и, отошедши верстъ пять, остановился станомъ на лѣсу, оставивъ двухъ стражей на Двинѣ. Между тѣмъ князь Гердень, не бывшій дома во время Довмонта набѣга, узнавши о несчастіи постигшемъ его домъ собралъ до 700 ратниковъ, и съ князьями Гогортомъ, Люмби, Югайлomъ и другими пустился въ погоню. Довмонтовы стражи на Двинѣ лишь замѣтили погоню, немедленно подали вѣсть своему князю; а Довмонтъ, опустивши двѣ трети своего отряда съ плѣнниками во Псковъ, самъ съ однимъ девяносто оборотился назадъ къ Двинѣ и поспѣлъ туда какъ разъ во время переправы; пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, онъ нанесъ такое пораженіе непріятелю, что Гердень только съ немногими спутниками успѣлъ

убѣжать, а Гогорть и другіе князья и почти вся дружина, частію пали отъ меча Псковичей, частію потонули въ Двинѣ; изъ Довмонта же отряда палъ только одинъ Псковитинъ, Антонъ сынъ Лочковъ, прочіе же всѣ благополучно возвратились домой съ богатою добычей. Потомъ, въ томъ же году, зимою Довмонтъ въ другой разъ водилъ Псковичей въ Литву, и далъ такую память Литовцамъ, что они во все его княжествованіе ни разу не показывались на Псковскихъ границахъ. Сими двумя походами Довмонтъ такую пріобрѣлъ довѣренность и любовь не только у Псковичей, но и у Новгородцовъ, что когда Новгородскій князь Ярославъ, недовольный тѣмъ что Псковичи промѣняли его сына Святослава на Довмонта, привелъ низовые полки, чтобы идти на Псковъ и выгнать оттуда Довмонта, то Новгородцы не согласились на это и заставили князя отослать низовые полки назадъ. Какъ бы въ благодарность за это, Довмонтъ, на слѣдующій годъ, вмѣстѣ съ Елеферіемъ Сбыславичемъ водилъ Новгородцевъ и Псковичей въ Литовскую землю и произвелъ тамъ большія опустошенія. Симъ послѣднимъ походомъ князь Довмонтъ кажется заставилъ Литву уважать и Новгородскія границы. По крайней мѣрѣ, послѣ настоящаго похода, лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ набѣгѣ Литовцевъ на Новгородскія владѣнія въ 1285 году.

Сослуживъ службу Пскову противъ одного врага, Довмонтъ принялъ на себя новую службу противъ другаго, и несъ эту службу до послѣдняго дня жизни съ такою же горячностью и энергіей уже въ старости, съ какою принялъ ее еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ; служба эта, продолжавшаяся до конца жизни

Довмонта, была война съ Нѣмцами. Свою службу противъ Нѣмцевъ Довмонтъ началъ участіемъ въ походѣ Новгородцевъ подъ Раковоръ и Колывань. Новгородцы, желая поправить свои прежнія ошлѣбки, вслѣдствіе которыхъ Нѣмцы завладѣли землею Чуди, и не имѣя надлежащаго успѣха въ походахъ къ Юрьеву, рѣшились попытать счастья на сѣверномъ краю Чудской земли противъ Датчанъ, укрѣпившихся въ Колывани (Ревелѣ) и Раковорѣ (Везембергѣ). Съ этою цѣлю Новгородцы съ своимъ княземъ Юріемъ, въ 1268 году, перебрались черезъ Нарову и, опустошая все по пути, дошли до Раковора, осадили этотъ городъ, потеряли нѣсколько своихъ воиновъ и не взявъ города воротилсѣ домой; но не за тѣмъ чтобы оставить это предпріятіе, а чтобы приготовиться къ нему съ большими силами. Первый походъ къ Раковору, кажется, нуженъ былъ Новгородцамъ только для того, чтобы поосмотрѣться на мѣстѣ, что приготовить для втораго рѣшительнаго похода; и осмотръ на мѣстѣ показалъ что именно нужно для втораго похода. А посему Новгородцы, воротясь изъ-подъ Раковора, немедленно занялись постройкою осадныхъ машинъ, а между тѣмъ послали гонцовъ къ князьямъ Владимірскому и Переяславскому просить помощи на Нѣмцевъ. Князья приняли просьбу Новгородцевъ и стали сѣвжаться съ своими полками въ Новгородъ: именно первый пріѣхалъ князь Дмитрій Александровичъ Переяславскій, затѣмъ Владимірскій князь Ярославъ прислалъ своихъ сыновей Святослава и Михаила съ ихъ дружинами, въ это же время прибылъ и Довмонтъ съ Псковичами и нѣкоторые другіе князья. Нѣмцы, Рижане, Вельядцы и Юрьевцы и другіихъ городовъ, услыхавши о пригото-

ніахъ въ Новгородѣ, отправили къ Новгородцамъ своихъ пословъ, которые сказали на Новгородскомъ вѣвѣ: „у насъ съ вами миръ, воюйте какъ хотите съ Колыванцами и Раковорцами, они не наши, мы за нихъ не вступаемся и цѣдуемъ къ вамъ крестъ; и дѣйствительно на вѣчѣ же цѣдѣвали крестъ, а Новгородцы послали своего мужа Лазаря Моисѣевича приводить ко кресту епископовъ и рыцарей, чтобы они не помогали Колыванцамъ и Раковорцамъ; тѣ цѣдѣвали на томъ крестъ и взяли себѣ въ заложники знаменитаго Новгородца Семіона. Приготовившись какъ слѣдуетъ и обезпечивъ себя со стороны Нѣмцевъ, Новгородцы и ихъ союзники 23 января 1269 года двинулись въ походъ тремя путями, перешли Нарову и, опустошая все по пути, уже миновали Раковоръ и подходили къ Колывани, какъ клятвопреступные Нѣмцы встрѣтили ихъ сильнымъ полкомъ, подъ предводительствомъ своего магистра; въ этомъ полку была собрана вся Нѣмецкая земля, и полкъ такъ былъ великъ, что казался дремучимъ лѣсомъ. Впрочемъ Новгородцы и ихъ союзники не испугались неожиданнаго появленія Нѣмцевъ, ни ихъ многочисленности; они неробѣя переправились черезъ рѣку Коголь на ту сторону, гдѣ стояли Нѣмцы, построились въ три полка и начали битву, продолжавшуюся съ крайнимъ ожесточеніемъ цѣлый день до поздняго вечера и кончившуюся пораженіемъ Нѣмцевъ, которые ночью бѣжали, потерявъ, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, только орденскихъ братьевъ тридцать человекъ и шесть сотъ человекъ воиновъ, по свидѣтельству же Новгородской лѣтописи; побитыхъ непріателей было столько, что конница не могла идти по тру-

памь. Но и Новгородцамъ и ихъ союзникамъ побѣда досталась не дешево, они потеряли въ битвѣ посадника, тринадцать знаменитѣйшихъ бояръ и множество простыхъ воиновъ; а по сему, простоявъ три дни на костяхъ, они не рѣшились продолжать похода и воротились домой, везя съ собою избѣженныхъ. Между тѣмъ Довмонтъ, какъ храбрый наѣздникъ, пользуясь поражениемъ и бѣгствомъ Нѣмецкой рати, остался съ своими Псковичами опустошать Чудскую землю, перебрался черезъ горы и до моря опустошивъ Вируянъ (Ракоборскую область), воротился во Псковъ съ богатою добычей и такимъ множествомъ плѣнниковъ, что лѣтопись говорить: „ исполни землю свою множествомъ полона.“

Но походъ подъ Раковоръ только былъ началомъ подвиговъ Довмонта на защиту Псковской земли отъ Нѣмцевъ. Въ томъ же 1269 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, Нѣмцы въ числѣ 800 человекъ, сдѣлали набѣгъ на Псковскія границы, сожгли нѣсколько селъ и пошли назадъ. Довмонтъ, получивши объ этомъ вѣсть, немедленно съ 60 человекъ удалой дружины бросился за отступающими, нагналъ ихъ и разбилъ на рѣкѣ Мироповнѣ. Разбитые Нѣмцы въ двухъ насадахъ бросились на острова, думая тамъ укрыться въ травѣ; но удамый Довмонтъ замѣтилъ это и зажегъ траву, и Нѣмцы, выбѣгая изъ травы съ зажженными волосами, иные потонули въ рѣкѣ, а другіе были побиты дружиною Довмонта. Ободренный постоянными успѣхами, князь Довмонтъ, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, въ 1272 году нечаянно ворвался въ Нѣмецкую землю съ большимъ войскомъ и напалъ на самого магистра Отто-фонъ Роденштейна, былъ

разбить Нѣмцами и, потерявъ пять тысячъ человѣкъ, отступилъ. Но и Нѣмцамъ побѣда стоила дорого; они лишились Дерптскаго или Юрьевскаго епископа со множествомъ рыцарей, павшихъ въ бою. Судя по участию въ битвѣ епископа Дерптскаго, очевидно сраженіе происходило въ Дерптской или Юрьевской области, но гдѣ именно, Нѣмецкій лѣтописецъ не упоминаетъ; а въ Русскихъ лѣтописяхъ вовсе нѣтъ извѣстій объ этомъ походѣ Довмонта. Но кажется и Русскимъ лѣтописямъ былъ не безъизвѣстенъ ояъ, ибо, при описаніи магистрова похода подъ Псковъ въ томъ же году, они говорятъ; „слышавъ же Мейстеръ Рижскій храбрость и мужество Довмонтово, совокупя множество вой своихъ и ополчився въ силѣ тяжце прииде ко Пскову.“ О походѣ магистра Ливонскаго подъ Псковъ въ 1272 году и Русскія и Нѣмецкія лѣтописи говорятъ почти одинаково, что Магистръ съ многочисленнымъ войскомъ (у Нѣмцевъ въ 18 тысячъ) на корабляхъ и въ лодьяхъ и на коняхъ, съ стѣнобитными орудіями, пришелъ ко Пскову (у Нѣмцевъ сказано прежде взялъ Изборскъ и опустошилъ страну), похваляясь плѣнить домъ Святыя Троицы (Псковъ), Псковичей избить, а немогущихъ противиться женъ и дѣтей увести въ рабство. Довмонтъ, узнавъ о походѣ магистра, немедленно послалъ вѣсть въ Новгородъ съ просьбою о помощи, и, прождавъ девять дней полковъ Новгородскихъ, на десятый день, 8-го Іюня, помолясь Богу въ церкви св. Троицы и препоясавшись освященнымъ на олтартѣ мечемъ отъ игумена Исидора и принявъ благословеніе отъ всего іерейскаго чина, вышелъ съ Псковскою дружиной изъ города и напалъ на станъ непріатель-

скій, ранилъ въ лицо самого магистра, и такое произвелъ опустошеніе въ Нѣмецкихъ полкахъ, что Нѣмцы, поклавши трупы своихъ убитыхъ въ лоды, сняли осаду Пскова и потянулись домой еще до прихода Новгородскихъ помощныхъ полковъ. Такъ что приходившимъ Новгородцамъ пришлось только гнаться за бѣгущимъ неприятелемъ и заключить съ Ливонскимъ магистромъ миръ на всей воли Псковской и Новгородской. У Нѣмцевъ также сказано, что магистръ Отто-Роденштейнъ, не взявши Пскова, заключилъ миръ.

Но миръ съ Нѣмцами не могъ быть продолжительнъ; много было между Нѣмцами и Псковичамъ, чего нельзя было прикрыть никакимъ миромъ. У Псковичей еще оставались колоніи въ сосѣднихъ земляхъ Чуди и Летголы, и даже съ нѣкоторыхъ тамошнихъ мѣстностей они время отъ времени продолжали собирать дань; Нѣмцы же, напротивъ, всѣ земли Чуди и Летголы считали своею исключительною собственностью и не хотѣли терпѣть совмѣстительства Псковичей, да и на землю св. Троицы, т. е. на Псковъ, смотрѣли какъ на свою добычу, еще не приходшую къ рукамъ. А посему, несмотря ни на какіе мирные договоры, на границахъ Пскова съ Ливонскими Нѣмцами не прекращалась мелкая война; долго не было только большой войны послѣ мира 1272 года, ибо главныя силы Нѣмцевъ, почти въ продолженіе 30 лѣтъ, отвлекались къ юго-западнымъ границамъ Ливоніи, гдѣ продолжались жестокія битвы съ Жмудью и Литвою, и въ это же время много удерживали Нѣмцевъ ихъ собственныя междоусобія, ибо съ 1289 года у нихъ начались продолжительныя ссоры между орденскими магистрами и епископами. О мелкихъ же вой-

нахъ Псковская лѣтопись прямо говоритъ: „И паки поганая Латина (Ливонскіе Нѣмцы, какъ исповѣдующіе Латинскую вѣру), нача силу дѣяти на Псковичахъ нападеніемъ и рѣботою:“ И послѣ мира поганая Латина Нѣмцы продолжали дѣлать набѣги на Псковскія пограничныя селенія и охотиться за тамошними жителями для обращенія ихъ въ рабство. Но таковая Нѣмецкая охота при Довмонтѣ скоро должна была прекратиться; лѣтопись же говоритъ: „Боголюбивый же князь Довмонтъ, нетерпѣ обидимъ быти, и за набѣги платилъ жесточайшими набѣгами, жегъ и опустошалъ Нѣмецкія села и города, являясь всегда нечаянно и уходя домой невидимо; и такимъ образомъ, по словамъ лѣтописи, учинилъ Псковичей грозными для всѣхъ немирныхъ сосѣдей. И такое грозное положеніе продолжалось до 1299 года; въ этомъ же году Нѣмцы, уже давно не получавшіе надлежащихъ уроковъ отъ Довмонта, и думавшіе что онъ уже устарѣлъ, вздумали попытать своего счастья въ Псковской землѣ. Именно, Феллинскій или Вельядскій командоръ нечаянно пробрался къ самому Пскову, пожегъ посады, разграбилъ пригородные монастыри, избилъ иноковъ, женщинъ и дѣтей, и на другой день подступилъ къ самому городу, думая также легко управиться съ городомъ, какъ управился съ посадами. Но старикъ Довмонтъ еще не забылъ владѣть мечемъ и не разучился учить Нѣмцевъ; онъ, не дожидаясь пока сбегется рать, съ небольшою своею дружиной и съ дружиною бывшаго въ городѣ боярина Ивана Дарогомиловича выступилъ противъ непрощенныхъ гостей, напалъ на нихъ у церкви Петра и Павла, на берегу Псковы, и въ страшной сѣчи, какой по словамъ

лѣтописи, еще не бывало подъ Псковомъ, ранилъ въ голову самого командора, и стремительною и силою натиска такъ смѣшалъ толпы Нѣмцевъ, что они, побросавши оружіе, обратились въ бѣгство. Этотъ подвигъ Довмонта былъ послѣдній; черезъ два съ половиною мѣсяца престарѣлый князь скончался отъ какой-то заразной болѣзни, опустошавшей тогда Псковъ.

Лѣтописецъ, восхваляя Довмонта и приравнивая его къ Александру Невскому и сыну его Дмитрію, говоритъ: „сей же князь бѣ не однимъ храборствомъ показанъ бысть отъ Бога, но и боголюбець показася: въ мирѣ привѣтливъ, и церкви украшая, и попы и нищая любя, и вся праздники честно проводя, и попы и черницы кормя, и милостыню дая спротамъ и вдовицамъ. И прославися имя его, какъ князей Александра и Дмитрія, во всѣхъ странахъ, и было пмя его грозно на ратѣхъ, и бысть гласъ его грозенъ предъ полки, аки труба звѣняща, и былъ побѣждая, и не бѣ побѣдимъ.“ Но не одними воинскими подвигами, благочестіемъ и ласкостію сдѣлался незабвеннымъ для Псковичей князь Довмонтъ; его мирные доблести и труды, его умѣнье въ продолженіе 33 лѣтъ прожить въ согласіи съ Псковскимъ вѣчемъ, обыкновенно подозрительно смотрѣвшимъ на князей, его заботы о распространеніи и укрѣпленіи Пскова и другихъ городовъ замѣчательны не менѣ военныхъ подвиговъ. Одинъ Нѣмецкій лѣтописецъ, описывая Псковъ во время Довмонта, говоритъ: „этотъ городъ такъ обширенъ, что его окружность объемлетъ пространство многихъ городовъ, и въ Германіи нѣтъ города равнаго Пскову.“ Это свидѣтельство

иноземца лучше всего говорить о цвѣтущемъ состояніи Пскова при Довмонтѣ; изъ этого свидѣтельства можно заключать, что Псковъ въ то время обнималъ уже собою всѣ шесть городовъ, составлявшихъ Псковъ (Дѣтинець, Кромъ, Средній городъ Полонище, Запсковье и Завеличье), и окружень былъ стѣнами, даже частію каменными; одна изъ каменныхъ стѣнъ Пскова и въ послѣдствіи носила имя Довмонтовой стѣны.

Смерть Довмонта, по крайней мѣрѣ первоначально, не измѣнила положенія Пскова. Псковъ и по смерти Довмонта оставался тѣмъ же Псковомъ, какимъ былъ и при немъ, — городомъ пользующимся уваженіемъ у сосѣдей, хорошо устроеннымъ и неодолимымъ для враговъ. Тѣсный союзъ Пскова съ Новгородомъ, сложившійся при Довмонтѣ, оставался таковымъ же и послѣ Довмонта; Псковъ продолжалъ еще признавать себя пригородомъ Новгорода, и какъ пригородъ находился въ послушаніи у Новгородскаго вѣча, признавая Новгородскаго князя и своимъ княземъ, принималъ отъ него намѣстниковъ и посадниковъ отъ Новгорода, хотя въ то же время имѣлъ и своего князя, Довмонтова сына Давыда, и его намѣстниковъ и служилаго князя Евстафія Изборскаго. Такое смѣшеніе властей, съ перваго взгляда представляющее страшную путаницу въ правленіи, въ сущности не было путаницею; ибо по Псковскому устройству всѣ власти, какъ свои выборныя, такъ и пришлыя со стороны, находились въ полной зависимости отъ Псковскаго вѣча и состояли у него на службѣ; и чѣмъ больше было властей, и чѣмъ разнороднѣе были власти, тѣмъ независимѣе дѣйствовало вѣче, тѣмъ силь-

нѣе развивало свою верховную власть, пользуясь тѣми или другими властями по своему усмотрѣнію. Самое подчиненіе Пскова Новгороду, какъ своей метрополіи вполнѣ зависѣло отъ Псковскаго вѣча; вѣче находило пока для себя выгоднымъ признавать Псковъ пригородомъ Новгорода, и потому держалось этого стараго порядка, но въ то же время нисколько не стѣснялось въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствовало самостоятельно, не спрашивая разрѣшеній у Новгородскаго вѣча. Псковъ терпѣлъ еще названіе Новгородскаго пригорода не болѣе какъ особую своеобразную форму союза съ Новгородомъ,—союза, который нуженъ былъ Псковичамъ какъ нравственная опора, чтобы внѣшніе враги знали, что Псковъ не одинъ, что за нимъ еще стоитъ Новгородъ, въ случаѣ нужды готовый явиться съ помощію.

Что касается до внѣшнихъ отношеній, то Псковъ по смерти Довмонта былъ въ постоянномъ мирѣ и даже союзѣ съ Литовскими князьями; даже Псковскій князь Довмонтовъ, сынъ Давыдъ, постоянно жилъ въ Литвѣ, и только въ случаѣ особенныхъ нуждъ пріѣзжалъ во Псковъ, и по просьбѣ вѣча даже приводилъ съ собою помощныя Литовскія войска; такъ что Псковичи, хотя не навѣрное, всегда могли разсчитывать на помощь или изъ Литвы, или изъ Новгорода, и таковыя отношенія продолжались почти всю первую половину XIV столѣтія. Но совсѣмъ не то было въ отношеніи къ Ливонскимъ Нѣмцамъ. Западная окраина Псковскихъ владѣній, примыкающая къ землямъ Чуди, теперь занятымъ Нѣмцами, всегда была большимъ мѣстомъ для Пскова; у Псковичей почти не прекращались мелкія войны съ Нѣмцами, которые

оказались гораздо худшими сосѣдями чѣмъ Чудь, прежніе хозяева этой земли. Присмирѣвшіе немного подъ грозою Довмонта, Нѣмцы по смерти его опять принялись за набѣги на Псковскія границы и успѣли уже окончательно уничтожить Псковскія колоніи, еще кой-гдѣ остававшіяся въ земляхъ Чуди и Летголы, и наконецъ въ 1307 году сдѣлали нападеніе на самый Псковъ. По свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописцевъ, Ливонскій магистръ Кондрать Юке, помирившись съ архіепискомъ, собралъ большое войско и дома и въ Пруссіи, откуда ему было прислано 2000 человекъ, отправился прямо къ Пскову и осадилъ городъ. Во Псковѣ тогда былъ намѣстникомъ отъ Новгородскаго князя Михаила Ярославича его бояринъ Федоръ Михайловичъ; онъ, услыхавши о приближеніи Нѣмцевъ, ушелъ изъ Пскова съ своею дружиной, несмотря на просьбы Псковичей. И Псковичи, оставленные безъ столь нужной помощи, естественно не могли побѣдить Ливонскаго магистра, предводительствующаго большимъ и опытнымъ войскомъ. Тѣмъ не менѣе они показали себя достойными учениками покойнаго Довмонта, и подъ предводительствомъ своего выборнаго посадника Бориса до тѣхъ поръ защищали свой городъ, пока Ливонскій магистръ вступилъ съ ними въ переговоры о мирѣ. Конечно миръ, заключенный въ такой крайности, не могъ быть выгоднымъ для Псковичей: они должны были согласиться на условія, предложенныя магистромъ; но тѣмъ не менѣе они отстаивали Псковъ, и гордый Нѣмецъ долженъ былъ удалиться не взявши города.

Какъ соблюдался миръ, заключенный подъ стѣнами Пскова въ 1307 году со стороны Нѣмцевъ и Пско-

вичей за первое время, на это мы не имѣемъ извѣстій ни въ Русскихъ, ни въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ; только съ большею вѣроятностію можемъ предполагать, что этимъ миромъ не были довольны ни та ни другая сторона: Нѣмцы досадовали, что имъ не пришлось взять Пскова, который былъ уже почти въ ихъ рукахъ; а Псковичамъ были невыносимы тяжелыя условія мира, заключеннаго въ крайности. Но какъ бы то ни было до 1323 года мы не имѣемъ извѣстій о непріязненныхъ дѣйствіяхъ между Нѣмцами и Псковичами, подъ этимъ же годомъ мы читаемъ въ Псковской лѣтописи: „тоже осени избили Нѣмцы Псковичей на миру, и гостей (купцовъ) на озерѣ, и ловцовъ на Неровѣ, и взяли Черемскій берегъ.“ Псковичи, узнавши объ этомъ, немедленно послали вѣсть въ Литву, къ своему князю Давыду Довмонтовичу, который съ своею дружиною прибылъ во Псковъ въ Февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года 1324 и вмѣстѣ съ Псковичами отправился за Нарову платить Нѣмцамъ за набѣгъ, поплѣнилъ и опустошилъ тамошній край до Колывани (Ревеля), пожегъ и пограбилъ множество Латинскихъ церквей и монастырей и избилъ до пяти тысячъ Нѣмцевъ и Чуди. Въ отвѣтъ на походъ Псковичей за Нарову Нѣмцы въ Мартѣ мѣсяцѣ того же года подошли къ самому Пскову, но простоявъ три дня удалились; потомъ въ Маѣ мѣсяцѣ они опять явились подъ Псковомъ въ большихъ силахъ, и въ лодьяхъ и на коняхъ, съ стѣнобитными орудіями, городками и съ другими разными замышленіями, очевидно съ явнымъ намѣреніемъ взять Псковъ, и на первомъ же съ ступѣ убили Псковскаго посадника Семена Алексинича, и стояли подъ горо-

домъ 18 дней, разбивая стѣны стѣнобитными орудіями, подвигая свои городки и подставляя къ стѣнамъ лѣстницы. Псковъ былъ въ крайности, граждане бились отчаянно, уничтожали своею храбростію и распорядительностію всѣ замыслы осаждающихъ; но держаться долѣе день отъ дня дѣлалось труднѣе, гонцы за помощію разсылались Псковскимъ вѣчемъ то и дѣло, и въ Новгородъ, и въ Литву, и по пригородамъ, но помощи ни откуда не подходило. Нѣмцы уже заняли нѣкоторыя части города и стали переправлять добычу и плѣнниковъ въ свой главный обозъ, за рѣку Великую; какъ вдругъ къ пришедшимъ уже въ отчаяніе Псковичамъ явился на помощь служилый Псковскій князь Евстафій, управлявшій Изборскомъ. Онъ поднялъ всѣхъ Изборянъ, и конныхъ и пѣшихъ, и оставивъ пѣшихъ назади, съ конницею ударилъ на Нѣмецкій плохо-охраняемый обозъ, и стремительностію своего натиска такъ смялъ Нѣмцевъ, что они не могли защищаться и частію были побиты воинами Евстафія, а частію, спасаясь бѣгствомъ, потонули въ рѣкѣ Великой, а весь обозъ, добыча и плѣнники достались удалому побѣдителю. И въ это же время примчалъ изъ Литвы и князь Давыдъ Довмонтъвичъ съ сильною дружиной и, соединясь со Псковичами, ударилъ на Нѣмцевъ, стоящихъ подъ городомъ, выбилъ ихъ изъ всѣхъ занятыхъ ими посадовъ, захватилъ всѣ ихъ городки и стѣнобитныя орудія, и другіе припасы, прогналъ за рѣку Великую и заставилъ бѣжать со стыдомъ и срамомъ. За тѣмъ чрезъ нѣскольکو дней явилось во Псковъ большое Нѣмецкое посольство отъ всей Нѣмецкой земли для заключенія мира. И Псковичи, недсвольные Новгородцами за то,

что они не прислали имъ помощи въ крайней нуждѣ, заключили съ Нѣмцами отдѣльный миръ на всей воли Псковской, и даже не увѣдомили о томъ Новгорода; такъ что по этому миру Нѣмцы смѣло могли нападать на владѣнія Новгородскія, не опасаясь помѣхи со стороны Псковичей, что кажется дѣйствительно и было; ибо Новгородцы должны были заключить въ 1326 году отдѣльный миръ съ Нѣмцами при посредствѣ Литовскихъ князей.

Дѣйствуя самостоятельно и независимо въ отношеніи къ Нѣмцамъ и даже не получая отъ Новгородцевъ помощи, Псковичи тѣмъ не менѣе продолжали еще себя считать пригородомъ Новгорода и, какъ пригородъ, еще не отрекались отъ участія въ дѣлахъ Новгорода, когда требовало этого Новгородское вѣче. Такъ подъ 1316 годомъ есть извѣстіе, что Псковичи, по приглашенію Новгородскаго вѣча приходили помогать Новгороду въ войнѣ противъ Тверскаго князя Михаила Ярославича; или подъ 1318 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „князь Юрій Даниловичъ позва Новгородцевъ съ собою, и идоша съ нимъ весь Новгородъ и Псковъ, и пришедше на Волгу докончаша съ Михаиломъ княземъ миръ.“ Но послѣднее нашествіе Нѣмцевъ въ 1324 году, въ которомъ Новгородцы оставили Псковъ безъ помощи, много охладило отношенія Псковичей къ Новгороду; съ этого времени Псковъ годъ отъ года начинаетъ выказывать свое охлажденіе къ Новгороду, хотя явно еще не разрываетъ своего стараго союза и продолжаетъ признавать себя Новгородскимъ пригородомъ.

Въ 1327 году явился во Псковѣ новый знаменитый бѣглець, преслѣдуемый сильными врагами, подобный

Довмонту, великій князь Тверскій Александръ Михайловичъ, внукъ того Ярославъ, который когда-то искалъ убѣжища во Псковѣ. Навлекши на себя гнѣвъ Татарскаго хана Узбека избіеніемъ его пословъ, князь Александръ Михайловичъ сначала думалъ было искать убѣжища въ Новгородѣ, но тамъ его не приняли и даже ѣхать туда запретили; тогда онъ со всѣмъ своимъ семействомъ и вѣрнѣйшею дружиной, спасая свою голову и семейство, прибѣжалъ во Псковъ. Псковичи приняли его съ честію, посадили на Псковскій княжескій престолъ въ церкви св. Троицы и цѣловали къ нему крестъ защищать его до послѣдней крайности. Разумѣется, преслѣдуемый врагами, Александръ безпрекословно принялъ всѣ тѣ условія относительно княжеской власти, которыя ему предложило Псковское вѣче; и Псковичи такъ полюбили его, что дѣйствительно готовы были положить за него свои головы, что въ скорости и доказали на самомъ дѣлѣ. Не прошло еще и трехъ лѣтъ по прибытіи Александра во Псковъ, какъ по приказанію хана Узбека и по собственной ненависти къ Александру, Московскій князь Иванъ Даниловичъ поднялъ почти всѣхъ Русскихъ князей, и съ большимъ Татарскимъ и Русскимъ войскомъ прибылъ въ Новгородъ, и оттуда отправилъ пословъ: отъ себя боярина Луку Протасьева съ дружиною и отъ Новгорода владыку Моисея къ князю Александру во Псковъ съ требованіемъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Орду къ Хану. Князь Александръ, не видя ни откуда помощи, уже готовъ былъ исполнить требованіе, объявленное послами; но Псковичи въ одинъ голосъ сказали: „не ѣзди, господине, въ Орду, а ежели что будетъ на тебя, то мы всѣ

умремъ съ тобою, господине, на одномъ мѣстѣ.“ И отпустили Московскихъ и Новгородскихъ пословъ съ отвѣтомъ, что не выдадутъ своего князя. Послѣ тако-го отвѣта Московскому князю оставалось одно, — идти на Псковъ войною; и онъ дѣйствительно дви-нуть уже свои громадныя войска изъ Новгорода, дошелъ до Опоки и тамъ остановился, а напередъ себя послалъ во Псковъ митрополита всея Русіи Θεогноста предать князя Александра и Псковичей проклятію за неисполненіе ханскаго приказанія. Князь Александръ, нежелая подвергнуть проклятію себя и Псковичей, пришелъ на вѣче и сказалъ Пско-вичамъ: „братья мои и друзья мои! не хочу чтобы на васъ легло проклятіе и отлученіе ради меня, не буди вашего цѣлованія (присяги) на мнѣ, ни моего на васъ, ѣду вонъ изъ вашего города, только цѣ-луйте крестъ на княгини моей, чтобы не выдавать ее врагамъ.“ Псковичи цѣловали крестъ не выда-вать княгини и семейства Александрова и съ вели-кою печалію и слезами отпустили самого Александра въ Литву. За тѣмъ Псковское вѣче отправило свое посольство къ Московскому князю въ Опоку, кото-рое именемъ вѣча или всего Пскова объявило Мо-сковскому князю: „князь Алаксандръ изо Пскова уѣ-халь прочь, а тебѣ, господину своему князю вели-кому, весь Псковъ кланяется, отъ мала и до велика, и попове и черницы, и сироты и вдовицы, и жены и малыя дѣти.“ Московскій князь, довольный тѣмъ, что выгналъ Александра, безпрекословно заключилъ съ Псковичами миръ по старинѣ, а митрополитъ Θεо-гностъ и владыка Новгородскій сняли съ Пскова проклятіе и благословили начальниковъ Псковскаго

посольства посадника Селугу и весь Псковъ.—Какъ въ принятіи къ себѣ Александра, такъ въ отпускѣ его въ Литву и въ заключеніи мира съ Московскимъ великимъ княземъ Псковичи дѣйствовали самостоятельно и независимо отъ Новгородскаго вѣча, не какъ Новгородскій пригородъ, а какъ государство совершенно отдѣльное и независимое отъ Новгорода.

Черезъ полтора года князь Александръ Михайловичъ возвратился изъ Литвы къ своей княгинѣ и семейству, и Псковичи снова приняли его въ свои князья, неспрашиваясь объ этомъ у Новгорода. Съ возвращеніемъ Александра во Псковъ возвратились къ Псковичамъ счастливые мирные годы княженія Довмонтава. Князь Александръ, благодарный Псковичамъ за ихъ привязанность къ нему, жилъ въ мирѣ и согласіи съ Псковскимъ вѣчемъ; а бывши въ Литвѣ полтора года, онъ приобрѣлъ расположеніе великаго князя Литовскаго Гедимина и другихъ тамошнихъ князей, и вмѣстѣ съ собою перенесъ это расположеніе и на Псковъ; и тѣмъ самымъ обезпечилъ Псковичей не только со стороны Литвы, но и со стороны Нѣмцевъ; ибо Нѣмцы, занятыя у себя дома и зная о тѣсномъ союзѣ страшнаго для нихъ Гедимина съ Псковскимъ княземъ, не осмѣливались безпокоить и Пскова. Относительно Новгорода Псковичи, опираясь на союзъ своего князя съ Литовскими князьями, поставили себя въ такое положеніе, что въ 1331 году, пользуясь случаемъ избранія новаго владыки въ Новгородъ, замыслили отложиться отъ Новгорода и въ церковномъ отношеніи, и уже выбрали себѣ отдѣльнаго епископа, и не исполнили своего замысла только потому, что митрополитъ всея Русіи не согласился на это, и,

несмотря на просьбы Гедимины, не посвятилъ избраннаго Псковомъ въ епископы; въ мирскихъ же дѣлахъ они уже дѣйствовали рѣшительно безъ отношеній къ Новгороду. Пользуясь миромъ съ Нѣмцами, но ненадѣясь на его продолжительность, Псковское вѣче, по предложенію дѣятельнаго умнаго посадника Селоги, занялось укрѣпленіемъ своихъ границъ на юго-западѣ, съ которой стороны преимущественно Нѣмцы дѣлали свои набѣги. Древній городъ Изборскъ, теперь передовой постъ Псковскихъ владѣній, много претерпѣвшій въ предшествовавшія войны съ Нѣмцами, былъ уже ненадеженъ, и самая мѣстность, гдѣ онъ стоялъ, оказывалась не совсѣмъ удобною для обороны; а по сему въ 1330 году посадникъ Селога съ Псковичами и Изборянами, оставивъ прежнюю мѣстность, перенесъ Изборскъ на Жеравью гору, обвелъ его каменною и плитяною стѣной и окружилъ ровомъ. Затѣмъ въ 1337 году, по предложенію того же посадника Селоги, Псковичи поправили и распространили укрѣпленія Дѣтинца въ самомъ Псковѣ, и проложили болѣе просторный путь къ церкви святаго Троицы на городъ.

Десятилѣтнее мирное и спокойное княжествованіе Александра Михайловича значительно измѣнило положеніе Пскова въ отношеніи къ сосѣдямъ, такъ что Псковъ, прежде обидимый и только-что съ трудомъ отстаивавшій свою самостоятельность, теперь сталъ подумывать какъ бы поживиться на счетъ сосѣдей или возратить потерянное въ прежнее время. Александръ Михайловичъ выѣхалъ изъ Пскова въ Тверь въ 1337 году, и на его мѣсто былъ принятъ Псковичами князь Александръ Всеволодовичъ, неизвѣстно откуда пріѣхавшій, но кажется человѣкъ горячій и неуступчи-

вий. Между тѣмъ у Ливонскихъ Нѣмцевъ произошла страшная разладаца: Чудь, особенно сѣверная, ближайшая къ рѣкѣ Наровѣ и морю, выведенная изъ терпѣнія разными насиліями и совершеннымъ поработченіемъ, вдругъ взбунтовалась и въ одну ночь перерѣзала тысячу восемьсотъ человѣкъ Нѣмецкихъ дворянъ—землевладѣльцевъ, а остальные, которымъ удалось спастись отъ рѣзни, должны были босикомъ по лѣсамъ и болотамъ бѣжать въ Колывань. Возставшая же Чудь, пограбивши всѣ Латинскіе монастыри, бывшіе въ ихъ землѣ, и побивши монаховъ, собравшись въ числѣ десяти тысячъ, осадила Колывань. За Наровскою Чудью возстало другое племя Чуди, жившее на югъ отъ Колывани, въ области Вике, и осадило тамошняго епископа канониковъ и дворянъ въ замкѣ Гапсаль; затѣмъ также возстало племя Осилевъ, жившее на островахъ Эзелѣ и Даго, и сожгло и порѣзало всѣхъ жившихъ тамъ Нѣмцевъ, такъ что ни одному не удалось спастись. Возставшая Чудь, чтобы вести свое дѣло надежнѣе и имѣть себѣ опору, вошла въ сношенія, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, съ какимъ-то Русскимъ княземъ, и за помощь обязалась признать власть Русскихъ и платить дань. Этотъ Русскій князь, по свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, очевидно былъ ни кто иной какъ Александръ Всеволодовичъ, княжившій тогда во Псковѣ; онъ, воспользовавшись случаемъ, что въ 1341 году Нѣмцы убили пять человѣкъ Псковскихъ пословъ, проѣзжавшихъ чрезъ землю Летголы, возбудилъ Псковичей начать войну съ Нѣмцами, и, собравши войско, по опредѣленію Псковскаго вѣча, въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года, ворвался въ землю Летголы и, пововавши тамъ довольно, во-

ротился во Псковъ. Но вмѣсто того чтобы продолжать войну, начатую по его замысламъ, князь Александръ поссорился съ Псковскимъ вѣчемъ и уѣхалъ въ Новгородъ и тѣмъ, конечно, много повредилъ дѣлу, въ которое самъ же вовлекъ Псковичей. Псковичи, съ войною на плечахъ, оставленные безъ князя, долго упрасивали Александра, чтобъ онъ къ нимъ воротился; не успѣвъ у князя, они отправили посольство съ мольбою къ Новгородцамъ, чтобъ они прислали имъ своего намѣстника и нужную помощь для войны съ Нѣмцами, но и Новгородцы имъ отказали. Оставшись одни, безъ князя и безъ союзниковъ, Псковичи, нежелая, а вѣроятно и неимѣя уже возможности остановить начатую войну, признали за лучшее вести ее мелкими набѣгами, что точно такъ же волей-неволей приходилось дѣлать и Нѣмцамъ, занятымъ усмирениемъ страшнаго возстанія Чуди и неимѣвшимъ посему средствъ выставить большое войско противъ Псковичей. Эта мелкая война, съ большимъ ожесточениемъ съ обѣихъ сторонъ, продолжалась почти три года.

Нѣмцы начали эту войну построениемъ новаго городка на самой Псковской границѣ, даже на Псковской землѣ, на рѣкѣ Пивжѣ. Псковичи послали партію въ триста человекъ, чтобы помѣшать этой постройкѣ; этой партіи удалось было зажечь городъ, но Нѣмцы успѣли потушить пожаръ и прогнать зажигателей съ потерей 32 человекъ. Не успѣвши надъ новымъ городкомъ (Маріенбургъ), Псковичи снарядили двѣ партіи, одну къ Наровѣ, а другую на рѣку Амовжу, въ Юрьевскую область; первая партія переправилась черезъ Нарову и успѣла взять посадь подъ Ругодивомъ (Нарвою); а вторая, подъ начальствомъ

посадника Ильи, пожгла и пограбила всѣ села по обоимъ берегамъ Амовжи до городка Могилева, т. е. почти по всему теченію Амовжи, и воротилась домой благополучно. Между тѣмъ Псковское вѣче, ища себѣ союзниковъ, отправило посольство въ Витебскъ, къ Литовскому князю Ольгерду Гедиминовичу, просить помощи на Нѣмцевъ. Въ концѣ Мая или началѣ Іюня два удалца Филиппъ Ледовичъ и Олферій Селковичъ (не сынъ ли покойнаго посадника Селоги?) сговорились съ Порѣчанами и Островичами, идти воевать Летголы, и назначили мѣсто съѣхаться на княжемъ селѣ Изгояхъ. Филиппъ и Олферій съ Порѣчанами пришли на назначенное мѣсто, но вмѣсто Островичей встрѣтили тамъ партію Нѣмцевъ и Летголы въ 200 человекъ, пришедшихъ воевать Псковскія волости. при Филиппѣ и Олферѣ было только шестьдесятъ человекъ; но они, не откладывая дѣла, немедленно вступили въ бой, и Ледовичъ былъ убитъ на первомъ же съступѣ; Селковичъ продолжалъ еще биться до полдень; наконецъ палъ и Селковичъ съ семью храбрцами, и, утомленные битвой, Псковичи принуждены были нѣсколько отступить; то же сдѣлали и Нѣмцы съ Летголою и начали перевозить своихъ убитыхъ а рѣку Великую. Въ это время подоспѣли Островичи съ своимъ посадникомъ Васильемъ Онисимовичемъ и ударили на Нѣмцевъ, оставшихся на этомъ бѣгу Великой, которыхъ побили, а которые потаули въ рѣкѣ, переправившіеся же на другой берегъ обратились въ бѣгство и побросали своихъ убитыхъ. Въ концѣ іюля, партія молодыхъ людей въ 50 человекъ, подъ начальствомъ Карпа Давиловича, пѣшіе, пошли воевать за Наровою, но, не переходя еще

рѣки, наткнулись на Нѣмцевъ, пришедшихъ грабить Псковскія волости, и у села Кушели вступили въ бой и на припорѣ убили 20 человекъ Нѣмцевъ; разбитые Нѣмцы пустились въ бѣгство и побросали собранную ими добычу и плѣнниковъ. Зимой того же года бояринъ Володша Стройловичъ, поднимя съ собою Псковичей-охотниковъ, отправился воевать Нѣмецкія села по озеру; но получивши вѣсть, что Нѣмцы воюютъ Псковское село Ремду, повернулъ туда, неожиданно напалъ на Нѣмцевъ, разбилъ ихъ,—иныхъ убилъ, иные бѣжали, другіе попались въ плѣвъ; плѣнниковъ Володша привелъ во Псковъ, и тамъ ихъ изрубили.

Нагонецъ въ слѣдующемъ 1342 году, Литовскій князь Ольгердъ Гедиминовичъ, исполняя просьбу Псковичей, прислалъ во Псковъ своего воеводу князя Юрія Витовтовича съ дружиною, а затѣмъ 20 іюля прибылъ и самъ съ своимъ братомъ Кейстутомъ, сыномъ Андреемъ и другими князьями и съ ратною помощію Видблянъ и Литовцевъ. Ольгердъ послалъ напередъ воеводу князя Юрія Витовтовича къ новому Нѣмецкому городку, добывать языка. Князь Юрій, поднявши Псковичей и Изборянъ, отправился на рубежь, и у рѣчки Мекужицы наткнулся на большую Нѣмецкую рать, шедшую осаждать Изборскъ, былъ разбитъ Нѣмцами, потерялъ изъ своего отряда шестьдесятъ человекъ и съ остальными заперся въ Изборскѣ. Это было 2-го Августа, а на другой день Нѣмцы явились уже подъ Изборскомъ съ стѣнобитными орудіями, подвижными городками и другими замыслами и осадили городъ. Ольгердъ съ Кейстутомъ, незная еще объ осадѣ Изборска, приказали Литовцамъ, Видблянамъ и Псковичамъ перебираться черезъ рку.

Великую, и остановились станомъ на урочищѣ Камени. Отсюда князь Ольгердъ послалъ своихъ людей добывать языка, которые поймали языка за Холохольномъ и со словъ языка донесли, что подъ Изборскомъ стоитъ большая Нѣмецкая рать. Получивши такую вѣсть, Ольгердъ приказалъ перебираться назадъ за рѣку, на Псковскую сторону; самъ же съ небольшою дружиною Литовцевъ и Псковичей и съ братомъ своимъ Кейстутомъ поѣхалъ къ Грамскому болоту осматривать Нѣмецкую рать; и здѣсь былъ убитъ молодой князь Любко, сынъ Полотскаго князя Война, заѣхавшій далеко впередъ и не разглядѣвши вѣхавшій въ сторожевый Нѣмецкій полкъ, чѣмъ крайне были опечалены Ольгердъ, Кейстутъ и другіе князья. Между тѣмъ Изборскъ находился въ крайности; правда, стѣны и ровъ, только десять лѣтъ тому назадъ выстроенные, были надежны и не подавались при всѣхъ усиліяхъ Нѣмцевъ, а такіе защитники, какъ князь Юрій Витовтовичъ, Илья Борисовичъ, Володша Строиловичъ и священникъ Борисъ, не подумали бы о сдачѣ и въ плохомъ укрѣпленіи; но въ городѣ скоро оказался недостатокъ въ водѣ. И князь Юрій, не имѣя возможности долго бороться съ этимъ новымъ врагомъ, нѣсколько разъ посылалъ во Псковъ, чтобы шли на выручку, а Ольгердъ не двигался, сколько ни просили его Псковичи. Тѣмъ не менѣе Нѣмцы, простоявъ пять дней, и видя съ одной стороны твердость городскихъ укрѣпленій и мужество осажденныхъ, а съ другой боясь движенія Ольгердовой рати, сняли осаду и такъ поспѣшно удалились домой, что даже сожгли свои подвижные городки, стѣнобитныя орудія и другіе запасы.

По удаленіи Нѣмцевъ, Псковичи долго упрашивали Ольгерда, чтобъ онъ остался у нихъ княжить; но Ольгердъ не согласился на это, и со всѣми своими полками и братомъ Кейстутомъ отправился домой, оставивъ во Псковѣ своего сына Андрея съ небольшою дружиной и позволивъ ему креститься. Псковичи, видя что надежда на Литовцевъ не прочна, и зная что съ Нѣмцами нужно еще продолжать войну, снова обратились къ Новгородцамъ и примирились съ ними, вѣроятно признали свою зависимость отъ Новгорода, вынужденные къ тому грозою Нѣмецкой войны и еще больше сильнымъ моремъ, который въ это время страшно опустошалъ Псковскія владѣнія. Лѣтописецъ говоритъ, что во Псковѣ и Изборскѣ тогда былъ сильный моръ и на скотъ и на людей; умирали старые и молодые, мужи и жены и дѣти, такъ что негдѣ было хоронить, всѣ могилы при церквахъ были уже вскопаны, и клали по шести, по семи и по осьми человѣкъ въ одной могилѣ.

Отпустивши Ольгерда съ его ратью и помирившись съ Новгородцами, Псковичи опять принялись за мелкую войну, и въ тотъ же годъ одна партія Псковскихъ охотниковъ пробралась къ Новгородку Нѣмецкому и побила тамъ триста человѣкъ Нѣмцевъ. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1343 году, Псковичи собрались приняться за дѣло покрупнѣе какого-либо набѣга охотниковъ; они вмѣстѣ съ Изборянами собрали рать въ пять тысячъ человѣкъ и подъ предводительствомъ князя Ивана, можетъ быть присланнаго изъ Литвы, служилаго князя Евстафія, управлявшаго Изборскомъ, и своего новаго посадника Володши Строиловича, отправились опустошать Нѣмецкія селы,

прошли за Медвѣжьёу голову такъ далеко, какъ не проникали въ этотъ краю и ихъ предки, и пять дней и ночей, не слѣзая съ коней, производили опустошенія, и награбившись досыта и съ множествомъ плѣнниковъ и другою добычей уже поворотили домой во Псковъ, какъ Нѣмцы, подъ предводительствомъ Ливонскаго магистра Бурхарда и Феллинскаго командора Левенвольда, съ большою ратью нагнали ихъ на Маломъ Борку, не доѣзжая двухъ верстъ до Мариенбурга, или Нѣмецкаго Новгорода, и окружили со всѣхъ сторонъ въ тѣснинѣ. Псковичи, несмотря на утомленіе и незначительность своей рати противъ Нѣмецкой силы, и невидя возможности уклониться отъ битвы, какъ добрые витязи, рѣшились дорого продать свою жизнь. Они приготовились къ бою какъ къ смерти,—помолились Богу, попросили помощи у своихъ неземныхъ покровителей Всеволода и Тимоѳея (Довмонта), простились другъ съ другомъ, и сказавши: „братья мужи Псковичи! не посраимъ отцевъ своихъ и дѣдовъ, кто старъ то отецъ, а кто младъ то братъ; а всѣмъ намъ братья предложитъ животь и смерть; потягнемъ за святую Троицу и за святыя цѣркви, и за свое отечество,“ и начали страшную сѣчу 1-го іюня на самый Троицынъ день. Сколько часовъ продолжалась эта сѣча, мы не знаемъ, но, по свидѣтельству лѣтописей, она дорого стоила и той и другой сторонѣ. Псковичи при самомъ началѣ боя на первомъ съступѣ потеряли лучшихъ и храбрѣйшихъ своихъ мужей, — Кюра Константиновича, Кормана Постынка и Антона посадничья сына Ильина; но эта потеря не смутила остальныхъ, обрѣкшихъ себя смерти, при томъ при нихъ оставались еще храбрѣйше

изъ храбрыхъ князь Евстафій Изборскій и посадникъ Володша Строиловичъ, уже не разъ водившіе Псковичей къ побѣдѣ; и битва самая жестокая продолжалась до тѣхъ поръ, пока Нѣмцы не отступили, потерявши храбрѣйшаго изъ своихъ рыцарей Левенвольда. Битва эта такъ утомила Псковичей, не спавшихъ уже пятеро сутокъ, что они не могли преслѣдовать отступающихъ Нѣмцевъ, и тутъ же на косяхъ остановились станомъ отдыхать, а иные отъ бессонницы и трудовъ такъ одурѣли, что не могли дойти до стана и погибли, блуждая по лѣсу; другіе же воротились домой уже долго спустя послѣ рати. Между тѣмъ Руда, попъ Борисоглѣбскій, участвовавшій въ походѣ, завидѣвъ великую силу Нѣмцевъ и я отчаявшись въ успѣхъ битвы, въ самомъ началѣ боя, бросивши оружіе, бѣжалъ и принесъ лихую вѣсть сперва въ Изборскъ, а потомъ и во Псковъ, „что Нѣмцы всѣхъ Псковичей и Изборянъ побили“. Эта вѣсть такъ всполошила Псковъ, что на первыхъ порахъ немедленно отрядили старосту поповскаго, попа Ѳому, посланцемъ въ Новгородъ,—сказать Новгородцамъ: „Псковичи всѣ побиты, а вы, Новгородцы, братья наши, поѣзжайте скорѣе и захватите Псковъ, пока не заняли его Нѣмцы.“ Но, послѣ первой горячки, вѣче скоро одумалось, и прежде нежели попъ Ѳома выѣхалъ изъ города, послали въ Изборскъ Якова Домашинича, Андрея Степановича и Жидила Шестковича провѣдать о Псковичахъ и провѣрить Рудины рѣчи; тѣ, пріѣхавши въ Изборскъ, нашли уже тамъ Псковичей, почивающихъ въ станахъ, и въ тотъ же часъ послали во Псковъ эту добрую вѣсть, а въ слѣдъ за тѣмъ возвратились во Псковъ князь Иванъ

и посадникъ Володша съ Псковичами. Такъ кончилась настоящая война съ Нѣмцами, давшая Псковичамъ миръ и тишину почти на пять лѣтъ.

Эта война, не воротившая Пскову Чудской земли, какъ было думали въ началѣ ея Псковичи и князь Александръ Всеволодовичъ, не прибавившая къ Псковскимъ владѣніямъ ни клокка земли и даже нѣсколько потѣснившая ихъ границы около Новгородка Нѣмецкаго, тѣмъ не менѣе была одною изъ славныхъ войнъ, когда либо веденныхъ Псковомъ. Псковичи вели ее отъ начала до конца почти одни, собственными средствами, безъ посторонней помощи; ихъ временный союзникъ Ольгердъ, правду сказать, много помогъ Пскову своимъ появленіемъ, отпугнувши Нѣмцевъ отъ Изборска; но его помощь тѣмъ только и кончилась, — его рать не была въ дѣлѣ и не била Нѣмцевъ. Настоящая война была для Пскова первымъ опытомъ вести войну безъ союзниковъ; и опытъ этотъ, хотя не блестящій, тѣмъ не менѣе показалъ Псковичамъ, что они и одни, безъ союзниковъ, могутъ отстаивать свою независимость; этимъ опытомъ Псковичи убѣдились, что имъ уже нѣтъ болѣе нужды дорожить тѣснымъ союзомъ съ Новгородомъ, хотя бы и въ ущербъ своей самостоятельности. Конечно, Псковичи, выдержали эту войну преимущественно потому, что Нѣмцы тогда были заняты усмиреніемъ возставшей Чуди, и не могли дѣйствовать противъ Пскова большими силами; но для Псковичей важно было то, что они безъ посторонней помощи и даже безъ князя, съ порядочною дружиной, выдержали трехлѣтнюю войну противъ Нѣмцевъ, съ которыми они прежде воевали только при помощи другихъ; а что Нѣмцамъ мѣшала

возмутившаяся Чудь, до этого Псковичамъ и дѣла не было; большинство и не подозрѣвало этого, большинство воодушевлялось только успѣхами своихъ удалцевъ, а воодушевленіе большинства и составляло главную силу Пскова, какъ республики демократической,— это воодушевленіе и поставило Псковъ въ то довольно высокое положеніе, которое онъ занялъ вскорѣ по окончаніи этой войны. Къ тому же эта война имѣетъ то историческое значеніе, что всѣ обстоятельства, ее сопровождавшія, какъ бы нарочно сложились такъ, чтобы видѣть ясно, что Псковъ можетъ сдѣлать самъ по себѣ, и чего должно ждать отъ него впередъ; въ этой войнѣ выразился весь характеръ Пскова, какъ сторожеваго бойца Русской цивилизаціи.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЫЙ.

Псковъ младшій братъ Новгорода Великаго.

Псковъ, какъ мы уже видѣли, до 1242 года былъ орудіемъ одной Новгородской партіи, и посему состоялъ въ полномъ подчиненіи у Новгорода; съ 1242 года, освободившись отъ Новгородской партіи, заправлявшей его дѣлами по своимъ видамъ, Псковъ продолжалъ быть въ тѣсныхъ связяхъ съ Новгородомъ, какъ съ своею метрополіей, и, по требованію Новгородскаго вѣча, присылалъ свои войска для Новгорода, который впрочемъ уже почти не помогалъ своими войсками Пскову съ самаго 1242 года, и тако-

вый порядокъ соблюдался восемьдесятъ лѣтъ. Наконецъ, въ 1323 году, Псковъ находился въ крайне стѣсненномъ положеніи, и Новгородцы, не смотря на многія мольбы Псковичей, не пришли къ нему на выручку. Послѣ этого Псковъ, освободившись отъ бѣды своими средствами при помощи Литовцевъ, приведенныхъ княземъ Давыдомъ, окончательно измѣнилъ свои отношенія къ Новгороду, и хотя явно не разрывалъ прежнихъ связей, но уже не соединялъ своихъ дѣлъ съ Новгородскими; мирился и воевалъ съ сосѣдами, не сносясь съ Новгородомъ, и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ уже ни разу не посылалъ своихъ войскъ, по требованію Новгородскаго вѣча, да и самъ просилъ помощи у Новгорода только одинъ разъ въ 1342 году, но не получивъ ея и на этотъ разъ, заключилъ союзъ съ Литовскимъ княземъ Ольгердомъ и взялъ себѣ въ князья его сына Андрея. Такимъ образомъ, Псковъ съ 1323 года въ сущности пересталъ быть пригородомъ Новгорода, и успѣлъ сложиться такъ чтобы быть независимымъ и самостоятельнымъ, и уже былъ признанъ таковымъ отъ всѣхъ сосѣдей, выключая Новгорода. Наконецъ и до Новгорода дошла очередь признать полную независимость и самостоятельность Пскова, и отказаться торжественно отъ своихъ притязаній на него какъ на пригородъ. Въ 1348 году Шведскій король Магнусъ сдѣлалъ нашествіе на Новгородскую землю съ тѣмъ, чтобы обратить Новгородцевъ въ Латинскую вѣру и подчинить себѣ. Онъ привелъ многочисленное войско, собранное со всѣхъ Шведскихъ владѣній, и уже занялъ Ижору и Орѣховъ. Новгородцы были въ крайности, — у нихъ нигдѣ не было союзниковъ, — и въ этой

крайности они обратились за помощію къ Псковичамъ, уже не какъ къ своему пригороду, а какъ къ добрымъ сосѣдямъ и братьямъ по крови и по вѣрѣ; но, опасаясь что и Псковичи имъ откажутъ такъ же какъ они сами отказали Псковичамъ пять лѣтъ тому назадъ, они заключили формальный договоръ съ Псковичами на Болотовѣ, по которому признали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду, и узаконили посадникамъ Новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть и не судить, а отъ владыки Новгородскаго быть намѣстникомъ непременно Псковитину и отнюдь не Новгородцу, и изъ Новгорода не звать Псковичей, ни черезъ дворянъ, ни черезъ подвойскихъ, ни черезъ Софьянъ, ни черезъ извѣстниковъ и бирючей, т. е. не выдавать Псковичей на судъ въ Новгородъ ни по частнымъ, ни по общественнымъ, ни по церковнымъ дѣламъ. Получивши такое важное и полное признаніе своихъ правъ отъ самого Новгорода, Псковичи немедленно снарядили войско и, подъ предводительствомъ своего знаменитаго посадника Иліи, отправили его на помощь Новгородцамъ, осаждать Орѣшекъ, занятый Шведами, и тѣмъ самымъ закрѣпили самый договоръ. Такимъ образомъ съ 1348 года начинается новая жизнь Пскова,—онъ получаетъ формальное утвержденіе давно уже существовавшего на дѣлѣ права дѣйствовать независимо и самостоятельно, безъ отношеній къ Новгороду,—своей прежней митрополіи. Конечно, Псковъ на дѣлѣ давно уже пользовался всѣмъ тѣмъ, что ему уступилъ Новгородъ по Болотовскому договору,—но все это до Болотовскаго договора только было совершившимся фактомъ; Болотовскій договоръ превратилъ этотъ фактъ въ право, въ законъ.

Послѣ этого договора Новгородцы уже не могли писать Псковичей безъ ихъ согласія въ свои договоры съ другими владѣтелями и налагать на нихъ какія-либо обязательства. Со времени Болотовскаго договора всякія притязанія Новгорода на верховенство надъ Псковомъ прекратились сами собою.

Новая жизнь Пскова, начавшаяся съ Болотовскаго договора, не освободила Псковичей отъ старыхъ и главныхъ ихъ враговъ Нѣмцевъ. Нѣмцы, въ пять лѣтъ, въ которыя они не дѣлали набѣговъ на Псковскія владѣнія, успѣли покончить съ возмущившеюся Чудью и сдѣлались полными хозяевами занятаго ими края, и даже купили у Датчанъ всѣ ихъ владѣнія въ земляхъ Чуди вплоть до рѣки Наровы. Усилившись и устроившись такимъ образомъ, Нѣмцы, вѣроятно по согласію со Шведами, въ то время какъ главная Псковская рать отправилась на помощь къ Новгородцамъ, осаждаютъ Шведовъ въ Орѣшкѣ,—прислали объявленіе о прекращеніи мира со Псковомъ и въ слѣдъ за тѣмъ перешли Нарову и стали опустошать тамошнія Псковскія селенія; а другая Нѣмецкая рать пришла воевать около Острова и оттуда по рѣкѣ Великой перешла ко Пскову, и, пограбивши пригородныя села и зажегши посадъ Завеличье, отправилась воевать къ Изборску, вездѣ опустошая села и не останавливаясь для осады городовъ. Псковичи, отославши главную рать подъ Орѣшекъ и не имѣя въ сборѣ другаго войска, нигдѣ не могли дать отпора и отсиживались въ городахъ; и Нѣмецкіе грабители, награбившись досыта, спокойно воротились домой, можетъ быть, получивши вѣсть, что Псковская рать оставила осаду Орѣшка и спѣшить на защиту своей

земли. Совершивши два удачные набѣга въ 1348 году, Нѣмцы на слѣдующій годъ опять снарядили двѣ рати,—одну къ Изборску, а другую къ Наровѣ. Первая рать въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ напала на Изборскъ, и хотя дала Изборянамъ и Псковичамъ сильную битву, въ которой Псковичи потеряли храбраго Литовскаго намѣстника, князя Юрія Витовтовича, но должна была отступить не взявши Изборска. Другая же рать успѣла поставить новый городъ надъ рѣкою Наровою, противъ Псковскаго исада. Но Псковичи тогда были въ сборѣ и немедленно отправили свою рать съ посадникомъ Иваномъ, и въ лодьяхъ и на коняхъ явились подъ новымъ Нѣмецкимъ городкомъ, осадили его и сдѣлавши приметь зажгли; Нѣмцы и Чудь, сидѣвшіе въ городкѣ, частію сгорѣли, частію были изсѣчены Псковичами. Такимъ образомъ Псковичи, въ первой же войнѣ съ Нѣмцами послѣ Болотовскаго договора, оказались состоятельными и безъ сторонней помощи отразили нашествіе Нѣмцевъ, и Нѣмецкая рать смолкла на 12 лѣтъ.

Въ годъ окончанія войны съ Нѣмцами у Псковичей началась война съ Литвою. Литовскій князь Ольгердъ Гедиминовичъ, прежній союзникъ Пскова противъ Нѣмцевъ, давшій Псковичамъ въ князя своего сына Андрея, давно уже былъ недоволенъ Псковичами, и сынъ его вовсе не жилъ во Псковѣ, а держалъ тамъ своего намѣстника. Пока Андреевымъ намѣстникомъ былъ князь Юрій Витовтовичъ, любимый Псковичами, вѣче не выражало своего неудовольствія на Андрея; но когда князь Юрій въ 1349 году былъ убитъ Нѣмцами подъ Изборскомъ, то вѣче почти въ слѣдъ за тѣмъ отправило къ Андрею свое посольство,

которое отъ имени всего Пскова прямо сказало ему: „тебѣ было, княже, на Псковѣ самому сидѣть, а намѣстниками Пскова не держать; а нынѣ отрекаемся тебя, и намѣстниковъ твоихъ не хотимъ.“ Въ отвѣтъ на этотъ отказъ Ольгердъ засадилъ въ порубъ бывшихъ въ Литвѣ Псковскихъ купцовъ, а товаръ ихъ и лошадей отнялъ, потомъ, взявши окупъ, самихъ купцовъ отпустилъ. А на весну слѣдующаго 1350 года князь Андрей Ольгердовичъ съ Полочанами напалъ на Воронацкую область нечаянно и повоевалъ нѣсколько селъ.

Въ это время во Псковѣ и въ волостяхъ былъ сильный моръ, болѣе или менѣе общій во всей Русской землѣ и большей части Европы, извѣстный подъ именемъ Черной смерти, какъ сказываютъ лѣтописи, занесенный изъ Индіи. Лѣтописецъ, описывая этотъ моръ во Псковѣ, говоритъ: за множествомъ умирающихъ священники не успѣвали ходить по домамъ на проводы, а приказывали привозить умирающихъ на церковный дворъ, и за ночь къ утру накоплялось у церкви по тридцати покойниковъ и болѣе, и всѣмъ имъ было одно отпѣванье, и по пяти покойниковъ клали въ одну могилу, и всѣ кладбища при церквахъ такъ были переполнены, что уже стали погребать вдали отъ церквей на новыхъ мѣстахъ; вымирали въ нѣсколько дней цѣлыя семейства, такъ что не только ходить за больными, но и хоронить умершихъ было некому. И такъ продолжалось цѣлое лѣто, съ конца марта мѣсяца до осени; Псковичи всѣ были въ отчаяніи и ждали общей смерти. Въ это страшное время явился во Псковъ владыка Новгородскій Василій, противъ котораго Псковичи долго враждовали; онъ прямо по пріѣздѣ учредилъ крестный

ходъ вокругъ всего Пскова, назначилъ въ разныхъ мѣстахъ молебствія, самъ шелъ въ крестномъ ходу, участвовалъ въ молебствіяхъ, и тѣмъ поднялъ упавшій духомъ народъ, а затѣмъ мало-по-малу начала ослабѣвать болѣзнь и къ зимѣ прекратилась.

Оправившись послѣ мора, Псковичи вспомнили о набѣгѣ князя Андрея съ Полочанами на Вороначскую область, и, чтобы не оставаться въ долгу, въ 1354 году сами съ своимъ служилымъ княземъ Евстафіемъ сдѣлали набѣгъ на Полотскую область и повоевали тамъ; потомъ такой же набѣгъ подѣ Полоцкъ сдѣлали въ слѣдующемъ году, а въ 1360 году былъ второй моръ во Псковѣ, въ который умеръ храбрый князь Евстафій Изборскій съ двумя сыновьями.

Въ 1362 году опять началась война съ Нѣмцами. Нѣмцы въ этомъ году сдѣлали набѣгъ на Псковскія границы и избили нѣсколько человѣкъ; между тѣмъ во Псковѣ, пользуясь мирнымъ временемъ, было много Нѣмецкихъ купцовъ, и Псковское вѣче, мстя за набѣгъ, задержало Нѣмецкихъ купцовъ и отпустило только на другое мѣсто, взявши съ нихъ деньги за убитыхъ; но тѣмъ дѣло не кончилось, нарушенный миръ не возобновлялся. Хотя въ лѣтописяхъ не упоминается о военныхъ дѣйствіяхъ ни въ этомъ ни въ слѣдующихъ трехъ годахъ, тѣмъ не менѣе подѣ 1368 годомъ есть извѣстіе, что отъ Московскаго князя Димитрія посолъ Никита ѣздилъ въ Юрьевъ къ Нѣмцамъ и жилъ довольно долго, но ничего не успѣлъ въ пользу Пскова. А когда посолъ Московскій пріѣхалъ изъ Юрьева во Псковъ, то почти въ слѣдъ за нимъ явилась подѣ Псковомъ и Нѣмецкая рать, и пожгла у Пскова весь посадъ изъ-за Пскова, и,

простоявъ подѣ городомъ одну ночь, къ утру ушла еще до свѣта; а Псковичей ни князя ни посадниковъ тогда не было въ городѣ, всѣ были въ разѣздѣ по селамъ. И въ то же время другая Нѣмецкая рать грабила и жгла въ Велѣи и по Залѣсью, и побила собравшуюся противъ нее погоню, причемъ пало много головъ добрыхъ людей, составлявшихъ погоню. Псковичи обратились къ Новгородцамъ за помощію, но Новгородъ имъ на этотъ разъ отказалъ, ссылаясь на то, что у Новгорода съ Нѣмцами миръ и крестное цѣлованіе, и что много Новгородскихъ купцовъ заѣхало въ Нѣмецкую землю. Тогда Псковичи одни съ княземъ Александромъ отправились къ новому городку Нѣмецкому (Нейгаузену), стали станомъ подѣ городомъ, и распустили рать въ разгонъ для грабежа, причемъ одинъ изъ предводителей дружины охочихъ людей Селило Скертовскій зашелъ довольно далеко къ Кирипигѣ и наткнулся на Нѣмецкую рать, былъ разбитъ на голову и самъ палъ въ битвѣ. Князь Александръ, стоявшій подѣ новымъ городкомъ, получивши объ этомъ вѣсть, поспѣшилъ на побоище, но уже никого тамъ не засталъ, и, похоронивши убитыхъ и пособравши сколько удалось раненыхъ, поспѣшно воротился домой, растерявъ много добрыхъ людей. Въ отвѣтъ на этотъ набѣгъ Псковичей, Нѣмцы въ слѣдующемъ году пришли подѣ Изборскъ съ великою силою и со многимъ запасомъ своихъ замышленій, съ стѣнобитными орудіями, съ подвижными городками и разными нововымышленными машинами, стояли подѣ Изборскомъ осьмнадцать дней, разбивали стѣны, лѣзли на приступъ, но все было напрасно,—осажденные бились мужественно и

удачно отбивали нападающихъ. Наконецъ пришла вѣсть, что помощное Новгородское войско вступило уже во Псковъ; услыхавши объ этомъ, Нѣмцы поспѣшно удалились отъ Изборска и побросали всѣ свои запасы. Не успѣвши подъ Изборскомъ, Нѣмцы на другой годъ явились подъ Псковомъ, простояли подъ городомъ три дни и двѣ ночи, и, не успѣвши ничего сдѣлать городу, удалились домой. Потеря Псковичей въ этотъ Нѣмецкій набѣгъ состояла въ нѣсколькихъ убитыхъ, за Псковомъ нечаянно захваченныхъ Нѣмцами въ полѣ. Кромѣ того, одного Псковитянина Луку Писоломиница Нѣмцы поймали живаго, отвели его домой и тамъ затравили собаками. Псковичи, соединясь съ Новгородцами, на зиму того же года отправились въ Нѣмецкую землю къ Новгородку (Нейгаузену). Впрочемъ, простоявъ три дня подъ городкомъ, Новгородцы удалились и не пошли далѣе въ Нѣмецкую землю; Псковичи же пошли къ городу Кирьипигъ, сожгли его, а сидѣвшіе тамъ Нѣмцы частью сгорѣли и задохлись въ погребахъ отъ зноя, а частью были избиты Псковичами. Сожегши Кирьипигу, Псковичи со множествомъ плѣнниковъ и другою добычей, никѣмъ не преслѣдуемые воротились домой и, какъ побѣдители, съ радостію были встрѣчены во Псковѣ. Сожженіемъ Кирьи пиги кончилась пятилѣтняя война Псковичей съ Нѣмцами. Война эта, какъ говоритъ лѣтописецъ, началась изъ-за спорнаго пограничнаго мѣста Жолчь, или по другой лѣтописи Жалачко. Кто искалъ этого спорнаго мѣста, Нѣмцы ли или Псковичи, лѣтопись не объясняетъ, и кому досталось это мѣсто по настоящему миру, заключенному въ слѣдъ за сожженіемъ Кирьипиги, также не-

извѣстно; но кажется настоящимъ миромъ это дѣло рѣшилось не удовлетворительно, ибо и въ послѣдствіи у Нѣмцевъ со Псковичами была еще война изъ-за Жалачко.

По окончаніи настоящей войны съ Нѣмцами, свободный и независимый Псковъ наслаждался миромъ отъ сосѣдей въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Въ этотъ довольно не краткій промежутокъ времени, свободаго отъ войнъ, Псковичи занялись приведеніемъ въ лучшее положеніе городскихъ укрѣпленій и возведеніемъ разныхъ зданій. Еще въ продолженіе послѣдней войны съ Нѣмцами провалился верхъ главной соборной церкви Святыя Троицы, и Псковичи рѣшились перестроить эту церковь вновь; по свидѣтельству лѣтописи разборка стѣнъ старой церкви съ очисткою мѣста стоила 200 рублей, которые городъ заплатилъ рабочимъ; затѣмъ на постройку новой церкви по старой основѣ въ 1365 году были наняты мастера за 400 рублей, на городскомъ содержаніи, и построили новую церковь въ три года. Потомъ въ 1367 году была построена каменная церковь Іоанна Богослова въ Снѣтогорскомъ монастырѣ на стѣнѣ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, съ 1370 по 1373 годъ, были построены каменные церкви: Св. Георгія на болотѣ, Св. Николы у Вопоки, Св. Апостоль Петра и Павла, Св. Власія и Св. Кирилла и наконецъ Св. Тимофея Довмонта князя. Затѣмъ въ 1375 году Псковское вѣче, при князѣ Матѳеѣ и при посадникѣ Григорьѣ Астафьевичѣ, заложило четвертую стѣну изъ плиты, отъ Псковы рѣки до рѣки Великой, подлѣ старой стѣнки, которая была съ дубомъ мало выше человѣка, около всего посада, а въ слѣдующемъ году

построили двѣ каменные башни на торгу; въ 1383 году построили три каменные церкви, въ слѣдующіе два года были выстроены еще три церкви каменные; въ 1387 году Псковичи поставили три каменные башни у новой стѣны на приступѣ; въ 1388 году выстроена была каменная церковь за стѣною и новый мостъ на рѣкѣ Псковѣ; въ 1392 году выстроено шесть какихъ-то укрѣпленій, названныхъ въ лѣтописи пороками, и наконецъ въ 1394 году была построена новая каменная стѣна у Крома и колокольня. Такимъ образомъ въ продолженіе 25 лѣтъ мира Псковичи построили семнадцать церквей и тринадцать городскихъ укрѣпленій, всѣ каменные, тогда какъ прежде не только церкви, но и городскія стѣнки строились или всѣ деревянныя, или дерево съ камнемъ пополамъ; значитъ въ это время Псковъ былъ гораздо богаче и болѣе въ цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ не задолго прежде; значитъ вмѣстѣ съ свободою и самостоятельностью Пскова росло и благосостояніе гражданъ и ихъ промыслы, и войны за независимость и за честь родины, хотя не всегда удачныя, далеко не на столько разоряли народъ, какъ это кажется по первому взгляду; ибо Псковское вѣче только тогда рѣшалось на войну, когда невоевать былобы чистымъ убыткомъ для общества, или когда войною защищались и отстаивались такіе интересы, потеря которыхъ была бы подрывомъ для общаго благосостоянія народа.

Но среди мира со стороны сосѣдей и среди преуспѣянія въ развитіи благосостоянія, Псковичи въ это время не разъ подвергались значительнымъ бѣдствіямъ: такъ въ 1386 году, 8-го Мая былъ во Псковѣ страш-

ный пожаръ, истребившій весь посадъ, такъ что отъ Пскова, по словамъ лѣтописи, остался одинъ дѣтинецъ съ церковію Св. Троицы. Потомъ въ 1390 году во Псковѣ опять былъ моръ, о которомъ лѣтопись говоритъ, что таковой и не бывалъ прежде,—по десяти покойниковъ въ одну могилу клали. Послѣ этого мора Псковичи присылали въ Новгородъ къ владыкѣ Иоанну съ просьбою прислать священниковъ, потому что во Псковѣ по многимъ церквамъ служить некому. Кромѣ бѣдствій физическихъ Псковъ былъ возмущенъ ересью стригольниковъ появившеюся въ 1371 году; эта ересь волновала народъ до того, что въ 1375 году ересеначальники были отправлены въ Новгородъ на судъ владыки, и тамъ скинуты съ моста въ Волховъ. Это отправленіе на судъ въ Новгородъ, явно противорѣчащее Болотовскому договору, всегда защищаемому Псковичами, прямо показываетъ, что ересеначальники имѣли очень сильную партію, недопускавшую судить ихъ во Псковѣ. Да и послѣ казни ересеначальниковъ ересь продолжала смущать и волновать Псковичей въ продолженіе двадцати лѣтъ. По свидѣтельству одной Новгородской лѣтописи у Псковичей въ 1385 году было какое-то междоусобіе: „бысть сѣча, по словамъ лѣтописи. Псковичамъ промежь себѣ, и много бысть мертвыхъ.“

Наконецъ съ 1390 года начались раздоры у Новгорода со Псковомъ; что было причиною сихъ раздоровъ, этого не объясняютъ ни Псковскія ни Новгородскія лѣтописи, только во всѣхъ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что въ 1390 (а по другимъ въ 1391) Новгородцы пошли ратію на Псковъ, но были встрѣчены Псковскимъ посольствомъ на Сольци и,

заклучивши тутъ миръ, съ Сольды воротились домой. По свидѣтельству одной Новгородской лѣтописи, главныя условія мира состояли въ томъ, что Псковичи обязались не стоять за должниковъ и бѣглыхъ рабовъ, и кто ходилъ грабить на Волгу и выдавать ихъ по требованію Новгорода. Значить причина размирья между Новгородомъ и Псковомъ состояла въ томъ, что Псковичи по сосѣдству принимали къ себѣ и защищали всѣхъ бѣглецовъ Новгородскихъ. Но кажется были и другія причины, и миръ на Сольди не удовлетворилъ Новгородцевъ; ибо въ 1391 году на съѣздѣ съ Нѣмецкими послами съ Любека, Готланда, Риги, Юрьева и Колывани, бывшемъ въ Изборскѣ, Новгородцы не включили Псковичей въ свой мирный договоръ, такъ что Псковичи должны были заключить отдѣльный миръ съ Нѣмцами. Черезъ годъ послѣ мира съ Нѣмцами, Новгородцы съ большою силою явились подъ Псковомъ и стояли восемь дней; но не видя возможности взять хорошо укрѣпленнаго города удались, и, потерявши въ одной битвѣ подъ Ольгиною горою князя Копорскаго Ивана и многихъ бояръ, успѣшно ушли и даже побросали свои стѣнобитныя машины и пушки. Но съ удаленіемъ Новгородской рати размирье со Псковомъ еще не прекратилось; Псковичи въ слѣдъ за отступленіемъ Новгородской рати, отправили своего тогдашняго князя Андрея Ольгердовича съ своими послами въ Новгородъ; но Новгородцы отпустили ихъ, не давши мира Пскову, и размирье продолжалось до 1397 года, такъ что Псковичи, ожидая новаго нашествія Новгородской рати, принялись укрѣплять свой городъ. Посадникъ Ефремъ съ вѣчемъ поставилъ башню на Васильевѣ

горкѣ; князя Иванъ Андреевичъ, внукъ Ольгердовъ, и Григорій Евстафьевичъ, сынъ служилаго князя, знаменитаго Евстафія Изборскаго, и посадникъ Захарья Костроминичъ, также по опредѣленію вѣча поставили три башни на приступной стѣнѣ, — одну у Великой рѣки, другую на Лужищи и третью отъ Псковы на углу. Наконецъ, 18 Іюня 1397 года, Псковскіе послы князь Григорій Евстафьевичъ и посадники Сысой и Романъ, отправленные въ Новгородъ, по ходатайству владыки Іоанна, заключили тамъ вѣчный миръ съ Новгородцами по старинѣ, и тѣмъ кончилось размирье, продолжавшееся четыре года.

Заключивъ миръ съ Новгородомъ, Псковичи по прежнему принялись укрѣплять свой городъ, очевидно въ ожиданіи войны съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей. Въ 1399 году Псковское вѣче съ княземъ Григорьемъ Евстафьевичемъ и съ посадникомъ Захаріемъ заложили новую стѣну къ старой стѣнѣ, на приступѣ отъ Великой рѣки до рѣки Псковы, и три башни, — одну на Незнановѣ горѣ, другую у Лужицкихъ воротъ и третью у Куминыхъ воротъ, и все это выстроили въ одно лѣто до зимы. Псковская поспѣшность въ возведеніи укрѣпленій ясно говоритъ, что Псковичи знали о скоромъ размирьѣ съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей; и размирье дѣйствительно послѣдовало въ томъ же году со стороны Литовскаго князя Витовта Кейстутьевича, который приказалъ своему двоюродному племяннику Ивану Андреевичу, Ольгердову внуку, выѣхать изъ Пскова и затѣмъ объявилъ войну Московскому великому князю, Новгороду и Пскову. Подъ грозою войны съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, Псковичи отправили посольство къ Московскому князю Василью

Дмитріевичу съ просьбою, чтобы онъ прислалъ въ князя во Псковъ князя Ивана Всеволодовича, внука любимаго Псковичами князя Александра [Михайловича Тверскаго, и съ этого вре ени уже постоянно стали получать князей изъ рукъ великаго князя Московскаго, чтобы въ Москвѣ имѣть себѣ опору въ случаѣ войны съ сосѣдями. А между тѣмъ Псковское вѣче продолжало укрѣплять свой родной городъ, чтобы на всякій случай имѣть въ своихъ укрѣпленіяхъ надежную защиту, пока придетъ сильный, но далекій союзникъ. Такъ въ 1400 году на деньги, данныя Новгородскимъ владыкою Іоанномъ, Псковичи построили башню надъ Псковою, и въ томъ же году поставили на свои деньги другую башню около Крома на стрѣлкѣ, противъ рѣчной башни, и придѣлали къ старой стѣнѣ новую толще и выше по берегу рѣки Великой отъ башни у Бурковыхъ воротъ до Крому; и потомъ въ 1404 году заложили новую каменную стѣну, толще и выше прежней, возлѣ старой стѣны, по рѣкѣ Псковѣ отъ Крома и до Бродъ.

Между тѣмъ Витовтъ, занятый другими дѣлами и потерпѣвшій пораженіе отъ Татаръ на берегахъ Ворсклы, отложилъ войну съ Новгородомъ и Псковомъ, и въ 1401 году заключилъ съ Новгородцами и Псковичами вѣчный миръ. Но Псковичи кажется плохо вѣрили этому миру и продолжали укрѣплять свой городъ; тѣмъ не менѣе Витовтъ въ 1406 году все-таки сдѣлалъ нечаянное нападеніе на Псковскія владѣнія, только не на самый Псковъ, объ укрѣпленіяхъ котораго очевидно имѣлъ уже подробныя свѣдѣнія, и не желалъ тратить силъ подъ неприступными стѣнами и башнями. Среди мира, необъявляя войны, и даже

когда Псковскій посоль былъ въ Литвѣ, Витовтъ вдругъ сдѣлалъ набѣгъ на сосѣднія Псковскія владѣнія, и въ февралѣ мѣсяцѣ взялъ Псковскій пригородъ Коложе, опустошилъ всю тамошнюю область, побилъ множество народу и однихъ плѣнниковъ отвелъ въ свою землю одиннадцать тысячъ, доходилъ до Воронача, но, простоявъ подъ городомъ только два дни и опустошивъ окрестности, воротился домой съ богатою добычей. Витовтъ взялъ Коложе 5-го Февраля, а 28 того же Февраля глубоко оскорбленные его измѣнническимъ набѣгомъ Псковичи явились уже мстителями за свою обиду и на первый разъ мстили за нее по своему, по-псковски, какъ только можетъ мстить народъ воинственный и свободный, горячо принимающій обиду родному краю, не дожидаясь правительственныхъ распоряженій. По словамъ лѣтописи, 28 Февраля Псковскій посадникъ Юрій Филипповичъ Казачковичъ, поднявши съ собою мало дружины Псковичъ, охочихъ людей, Семень съ Изборцами, Островичи, Вороначе и Вельяне пошли воевать Ржеву и Великія Луки, принадлежавшія тогда Литовскому князю, и на Великихъ Лукахъ отняли Коложское знамя и, собравши великій полонъ, воротились домой. Но это была месть только частныхъ людей охотниковъ; месть же самаго Пскова, Псковскаго вѣча, была впереди. Въ Юль мѣсяцѣ Псковское вѣче подняло всю Псковскую область, и подъ предводительствомъ князя Данила Александровича и посадника Ларіона Дойниковича отправило Псковскую рать къ Витовтову городу Полотску; но эта рать, простоявъ подъ Полотскомъ три дни и три ночи, воротилась домой не взявши города. Тѣмъ пока и кончилась война съ

Литовскимъ княземъ, а между тѣмъ въ томъ же году, послѣ тридцати-шести-лѣтняго мира началась война съ Нѣмцами.

Только-что Псковское войско воротилось изъ-подъ Полотска, какъ 22 Августа Ливонскій магистръ, со всею силою своею и Юрьевцы и Курцы изъ Задвинья (изъ Курляндіи) ворвались въ пограничныя Псковскія владѣнія, и двѣ недѣли воевали около Изборска подъ Котельномъ и Островомъ, и доходили до устья рѣки Сини, потомъ на возвратномъ пути поворотили къ Вельѣ. Вельяне же, собравшись въ числѣ полутора-ста человекъ желѣзной рати, вышли къ нимъ на встрѣчу къ рѣкѣ Великой у Званчи у Каменья, и быстрымъ натискомъ такъ смяли толпы грабителей, что многихъ изъ нихъ избили, а другихъ потопили въ рѣкѣ, или взяли въ плѣнъ и отняли Нѣмецкое знамя, остальныхъ заставили уйдти домой, и сами воротились въ Вельѣ безъ потери. Нѣмцамъ удалось было схватить одного Вельянина Ключа, но и тотъ у нихъ убѣжалъ. Вслѣдъ за тѣмъ Псковское вѣче снарядило Псковскую рать и подъ начальствомъ князя Даніила Александровича и посадника Юрья Филипповича Казачковича отправило на Нѣмецкую землю. Эта Псковская рать дѣйствовала почти также въ Нѣмецкой землѣ, какъ Нѣмецкая рать въ Псковскихъ владѣніяхъ: князь съ посадникомъ и со всею своею ратію сперва остановились станомъ на рѣкѣ Серицѣ, откуда выслали впередъ сторожевой отрядъ, который, увидѣвши впереди Нѣмецкую рать, обошелъ ее, и успѣлъ убить двадцать Нѣмцевъ, а семерыхъ взять въ плѣнъ. За тѣмъ вся Псковская рать двинулась за новый городокъ (Нейгаузенъ) къ Кирыцигѣ, и за

пятнадцать версть отъ послѣдняго города встрѣтили Нѣмецкую рать, и, помолившись святой Троицѣ, и по молитвамъ князей Всеволода и Тимоея (Довмонта) вступили въ бой, въ которомъ Нѣмцевъ пало 315 человекъ и Псковичей 34 человекъ. За тѣмъ Псковская рать подступила къ Кирьпигѣ; но, простоявъ подъ городомъ только одну ночь, воротилась домой.

Между тѣмъ во Псковѣ начался опять сильный моръ, и Псковское вѣче, зная что нужно продолжать войну съ Нѣмцами, просило Новгородцевъ о помощи, но тѣ отказали; тогда вѣче обратилось съ просьбою къ своему покровителю, Московскому князю Василью Дмитріевичу, который уже разорвалъ миръ съ Витовтомъ за Псковскую обиду. Московскій князь, по просьбѣ вѣча, прислалъ во Псковъ своего младшаго брата Константина Дмитріевича. Константинъ, прибывши во Псковъ, началъ съ того, что приказалъ построить обыденную церковь св. Аеанасія, которая, согласно съ мыслию князя, и была построена и освящена въ одинъ день 24 марта. За тѣмъ князь отправилъ въ Новгородъ своего служилаго князя Константина Дубровскаго просить помощи на Нѣмцевъ; къ этому посольству Псковское вѣче присоединило и своего посла посадника Ивана Сидоровича; но отъ Новгородцевъ попрежнему не добились помощи. Тогда князь Константинъ съ своею дружиною и Псковскою ратью, для которой собраны были ратники изъ всѣхъ Псковскихъ волостей, отправился воевать съ Нѣмцами за Нарову къ Нѣмецкому городу Порху, повоевали тамъ много погостовъ и воротились домой съ большою добычей. Лѣтопись говоритъ объ этомъ походѣ, что Псковичи со временъ Довмонта и

Давыда Довмонтовича не воевали такъ счастливо въ здѣшнемъ краю. Тѣмъ не менѣ Псковское вѣче тогда же нашло нужнымъ провести новую каменную стѣну по берегу Псковы, отъ гребли до сторожевой избы. И не даромъ вѣче такъ заботилось объ укрѣпленіяхъ Пскова. Походъ за Нарову былъ въ концѣ іюня 1407 года, а въ томъ же году, въ половинѣ августа, Нѣмецкій магистръ Конрадъ Фитинговъ, со всею Нѣмецкою силой, пришелъ ко Пскову и остановился станомъ въ Туховитичахъ; но Псковичи, собравши свою волость опричь пригородовъ и, загородивши всѣ остальные броды по рѣкѣ Великой, встрѣтили Нѣмцевъ на бродѣ у Выбута, бились съ ними за переходъ черезъ рѣку четыре дни и заставили ихъ идти назадъ. Но, очевидно, Нѣмцы отступили за тѣмъ, чтобы вызвать Псковичей изъ неприступнаго мѣста, въ чемъ вполне и успѣли. Псковичи перебравшись черезъ рѣку, погнались за Нѣмцами и наткнулись на ихъ станъ на Лозоговицкомъ полѣ, ближе къ Псковскому озеру, гдѣ Нѣмцы уже приготовились и приняли бой, и на первомъ же съступѣ убили трехъ посадниковъ и много Псковскихъ бояръ. Псковичи бились храбро, но по невыгодности мѣста были разбиты и потеряли по Псковскому счету семьсотъ, а по Нѣмецкому 7000 воиновъ, и кажется Нѣмецкій счетъ вѣрнѣе; ибо сама же Псковская лѣтопись приравниваетъ Лозоговицкую битву къ побойцамъ Ледовому и Раковорскому. Въ это же время другая Псковская рать отправилась въ лодьяхъ за Нарову, и когда была на Псковскомъ озерѣ въ Осатиѣ, Нѣмцы въ шнекахъ нагнали ее и разбили наголову, такъ что Псковичи, побросавши свои суда, обѣгались въ бѣгство и пѣшіе прибѣжали домой.

Въ слѣдующемъ 1408 году магистръ Ливонскій въ февралѣ мѣсяцѣ снова явился въ Псковскихъ владѣнїяхъ съ двумя ратями: съ одною самъ сталъ станомъ на Демяницѣ, а другую, вмѣстѣ съ союзными Литовцами, отправилъ къ Вельи. Нѣмцамъ кажется особенно хотѣлось взять Велью, магистръ же стоялъ подъ Псковомъ на Демяницы только для того, чтобы не пустить Псковичей на выручку къ Вельи. Но Вельяне три дни защищались мужественно, и Нѣмцы на четвертый день принуждены были отступить, услыхавши что Вороначане разбили Литовцевъ подъ своимъ городомъ и боясь чтобы они не пришли на выручку къ Вельи. Рать самага магистра была много счастливѣе рати стоявшей подъ Вельей; магистръ собственно не занимался осадю городовъ,—онъ спокойно стоялъ въ своемъ станѣ на Демяницѣ, а войско его въ продолженіе двухъ недѣль грабило Залѣвскую сторону до рѣки Черехи, и даже переходило въ Новгородскую землю, жгло и грабило въ Леженицахъ, на Болотахъ, на Дубскѣ, на Гостени подъ Кошкинымъ городкомъ, и съ большою добычей и множествомъ плѣнныхъ Новгородцевъ и Псковичей, захваченныхъ по селамъ, возвратилось домой никѣмъ не преслѣдуемое. На весну, въ Маѣ мѣсяцѣ, Нѣмецкое войско снова явилось подъ Вельею и, успѣвъ захватить нѣсколько плѣнниковъ, пошло прочь. Вельяне, желая отбить плѣнниковъ, погнались за отступающими Нѣмцами и, попавшись въ засаду, потеряли 45 человекъ своихъ. Вороначане, услыхавши о пораженіи Вельянъ, погнались за Нѣмцами, нагнали ихъ къ вечеру уже на рубежѣ, убили у нихъ 33 человека и отняли плѣнниковъ и всю добычу, даже успѣли за-

хватить Нѣмецкихъ коней и Нѣмецкіе самострѣлы. Въ это же время Псковское войско ходило въ Нѣмецкую землю и, разбитое Нѣмцами, воротилось домой, потерявши въ походѣ одиннадцать человекъ своихъ; затѣмъ Псковичи, тою же осенью, заключили съ Нѣмцами перемирье до 2-го Февраля. По истеченіи срока перемирія, на третій день, магистръ снова явился съ войскомъ въ Псковскихъ владѣніяхъ, и цѣлую недѣлю грабилъ и опустошалъ Запсковье; заходилъ въ Новгородскую волость по рубежу и тамъ грабилъ и опустошалъ, и воротился домой съ большею добычей. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1410 году 20 Іюля былъ большой съѣздъ Псковичамъ съ магистромъ и всею Нѣмецкою землею у Кирьепигъ, и на этомъ съѣздѣ былъ заключенъ миръ по старинѣ. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что магистръ заключилъ миръ съ Псковичами только потому, что въ это время у Нѣмцевъ началась большая война съ Польшею и Литвою. Въ этомъ же году, вскорѣ послѣ пасхи, еще до заключенія мира съ Нѣмцами, Псковичи отправили посольство къ великому князю Литовскому Витовту, который и заключилъ со Псковомъ миръ по старинѣ, по докончанью великаго князя Московскаго Василья Дмитріевича. Такимъ образомъ Псковичи помирились со всѣми своими сосѣдями. Только съ Новгородцами не было ни мира ни войны: Новгородцы постоянно оставались недовольны Псковичами, и наоборотъ Псковичи все жаловались на Новгородцевъ, такъ что миръ съ Нѣмцами и Литвою Псковичи заключили отдѣльно отъ Новгородцевъ. Наконецъ и между Новгородомъ и Псковомъ въ 1412 году былъ заключенъ миръ по старинѣ.

Но ни съ Нѣмцами, ни съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, ни съ Новгородцами миръ не могъ быть проченъ; по сосѣдству продолжали случаться обиды то съ той, то съ другой стороны. Такъ уже подъ 1414 годомъ есть извѣстiе, что Псковичи потоптали жито подъ Новымъ Нѣмецкимъ городкомъ и отогнали скоть; а поэтому Юрьевскiе Нѣмцы прислали своего посла во Псковъ, а Псковичи послали двухъ чело-вѣкъ въ Новый городокъ, гдѣ Нѣмцы одного убили, а другаго засадили въ погребъ, за что Псковичи удержали у себя Нѣмецкаго посла. А на дрѹгой годъ Нѣмцы задержали у себя Псковскихъ купцовъ, а Псковичи задержали Нѣмецкихъ купцовъ, и такъ прошло цѣлое лѣто. Наконецъ Юрьевскiе Нѣмцы прислали новыхъ пословъ и цѣловали къ Пскову крестъ по старинѣ, и Псковичи отпустили Нѣмецкихъ купцовъ и прежняго посла, и только убили одного Нѣмца на мѣсто своего убитаго въ Новомъ городкѣ, и Нѣмцы также отпустили Псковскихъ купцовъ. А въ 1424 году Псковъ съ Ливонскимъ магистромъ подтвердили миръ на три года и съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ. Такимъ образомъ миръ съ Нѣмцами продолжался только потому, что Нѣмцамъ, занятымъ жестокою войной съ Литвою и Польшей, и внутренними смутами было вовсе не до Пскова. Съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ хотя былъ заключенъ миръ въ одинъ годъ съ Нѣмцами, и Витовтъ до времени не тревожилъ Псковичей; но на него нельзя было положиться,—онъ смотрѣлъ на Псковъ, какъ на такое владѣнiе, которое во всемъ должно исполнять волю великаго князя Литовскаго, и когда въ 1421 году на его требованiе разорвать миръ съ Нѣм-

цами Псковичи били ему челомъ, что они не могутъ преступить крестное цѣлованіе къ Нѣмцамъ; то онъ за это объявилъ свой гнѣвъ Пскову, и сколько Псковичи ни просили его чрезъ свои посольства и чрезъ посольства Московскаго князя и Новгорода, чтобы гнѣва не держалъ и вины имъ отдалъ, онъ остался непреклоненъ въ своемъ гнѣвѣ на Псковъ.

При такихъ ненадежныхъ обстоятельствахъ, почти со всѣхъ сторонъ, и при незначительности собственныхъ силъ, Псковичамъ оставалось одно,—заботиться въ продолженіе мирнаго времени о лучшемъ укрѣпленіи и огражденіи своихъ владѣній, что они дѣйствительно и дѣлали. Псковское вѣче, въ продолженіе пятнадцати мирныхъ лѣтъ постоянно старалось о возведеніи новыхъ укрѣпленій, какъ въ самомъ Псковѣ, такъ и по пригородамъ. Черезъ полтора года по заключеніи мира съ Нѣмцами Псковичи построили мостъ на Псковѣ, и другой мостъ нарядили надъ греблею на Кромъ; потомъ, въ 1414 году, поставили новый городъ на Опочкѣ, надъ рѣкою Великою, и сдѣлали его въ двѣ недѣли. Затѣмъ въ 1417 году Псковское вѣче наняло мастеровъ и сдѣлало стѣну отъ башни на Незнановѣ горкѣ до Сысовыхъ воротъ, и потомъ въ томъ же году наняло другихъ мастеровъ поставить башню на Кромѣ отъ Псковы. А въ слѣдующемъ году, по приказанію вѣча, была вымощена площадь около церкви св. Троицы, и сдѣланы мосты отъ стѣны на Великую улицу и въ Завеличьи отъ Поромяни улицы на Изборскую. Въ 1420 году поставили башню на Кромѣ отъ Псковы рѣки, а въ слѣдующемъ году были заложены стѣны у Крома, строившіяся три года съ половиною, а работниковъ было 200 че-

ловѣкъ, которые получили отъ Пскова за свою работу 1,000 рублей, да еще дано было 200 рублей мастерамъ, которые плиту жгли (дѣлали кирпичь). И не даромъ Псковичи заботились о своихъ укрѣпленіяхъ: не прошло и двухъ лѣтъ по сдѣланіи новыхъ стѣнъ около Крома, какъ началась война съ Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ.

Шесть лѣтъ грозившій войною Пскову, великій князь Литовскій, уже старикъ, Витовтъ наконецъ 29 Юня 1426 года прислалъ во Псковъ объявленіе о войнѣ. Псковское вѣче немедленно отправило свое посольство въ Новгородъ съ просьбою о помощи; но на присылку помощнаго войска Новгородцы отказались, а только обѣщали отправить своего посла къ Витовту; посолъ же, отправленный Новгородомъ, по свидѣтельству Псковской лѣтописи, только больше вооружалъ Витовта на Псковъ. Впрочемъ этотъ упрекъ Новгородскому послу едвали вѣренъ: Витовтъ вовсе не нуждался въ подстреканьи, а дѣло въ томъ, что послѣ спѣшныхъ посольствъ отъ Московскаго князя, отъ Псковичей и отъ Новгородцевъ, послѣднее Новгородское посольство было уже завѣдомо бесполезно; и Новгородцы это знали очень хорошо, и отправили его только потому, что на дѣлѣ не хотѣли помогать Псковичамъ. Ровно черезъ мѣсяць по объявленіи войны, Витовтъ съ великою силою Литовскою и Ляхами явился въ Псковскихъ владѣніяхъ и прежде всего осадилъ недавно вновь укрѣпленную Опочку; значить, Псковское вѣче, укрѣпляя ее, очень хорошо знало болное мѣсто въ этомъ краю. Витовтъ надѣялся одолѣть Опочанъ приступомъ, и опять Псковское вѣче, какъ будто бы зная мысль Витовта,

выслало на помощь Опочанамъ пятьдесятъ человекъ отлично вооруженныхъ воиновъ, и забота Псковскаго вѣча оправдалась полнымъ успѣхомъ. Опочане съ присланными Псковичами храбро отразили всѣ приступы Витовтовой рати, продолжавшіеся два дни, бились всякимъ оружіемъ, даже камнями и бревнами, и кончили тѣмъ, что Витовтъ, потерявши множество своего войска на приступахъ, черезъ два дни принужденъ былъ отступить, не сдѣлавши никакого вреда городу. Не успѣвши подъ Опочкою, Витовтъ двинулся къ Вороначу, осадилъ этотъ городъ и три недѣли билъ въ его стѣны изъ стѣнобитныхъ орудій, и при томъ бросалъ великіе камни въ самый городъ. Мужественно бился Вороначане, подъ предводительствомъ своихъ посадниковъ Тимоѣея и Ермилы, но день отъ дня защита города дѣлалась труднѣе, и посадники стали посылать гонцовъ къ Псковскому вѣчу съ такимъ челобитьемъ: „господа Псковичи! помогайте намъ и гадайте о насъ, намъ нынѣ притужно вельми.“ Получивъ такое челобитье, вѣче немедленно отправило посадника Ѳедора Шибалкинича въ станъ къ Витовту, просить о прекращеніи войны, но успѣха въ посольствѣ не было; и Псковичи, опасаясь за самый Псковъ, пожгли свои посады, чтобы подъ городомъ не было пристанища непріятелю, а между тѣмъ выслали къ городу Котельну засаду въ 400 человекъ подъ начальствомъ посадниковъ Селивестра Леонтьевича и Ѳедора Шибалкинича. Узнавши объ этой посылкѣ, Витовтъ отправилъ изъ-подъ Воронача семь тысячъ Литвы и Татаръ, чтобы перерѣзать дорогу Псковской засадѣ; но посланные Витовтомъ успѣли нагнать Псковскую рать уже подъ самымъ Ко-

тельномъ, и хотя дали имъ сраженіе, но Псковичи успѣли войти въ городъ, потерявши только 17 человекъ убитыми и 13 человекъ попавшимися въ плѣнъ. А въ то же время сосѣдніе пригороды не дремали и били Литовцевъ и Татаръ гдѣ могли; такъ Островичи побили Татаръ на Вельѣ, а Вревичи подъ Вревомъ.

Наконецъ, наскучивъ осадю Воронача, и видя безуспѣшность своихъ отдѣльныхъ отрядовъ по сторонамъ, Витовтъ вступилъ въ переговоры съ Вороначанами и заключилъ съ ними перемирье. Этимъ перемирьемъ немедленно воспользовалось Псковское вѣче и отправило новое посольство въ станъ подъ Вороначъ, которое 25 Августа и заключило съ Витовтомъ миръ на такомъ условіи, чтобы Псковичи заплатили ему 1,000 рублей въ Вильнѣ на срокъ къ празднику крещенія Господня, и Витовтъ отдалъ посламъ на поруки тѣхъ тринадцать плѣнниковъ, которые были взяты въ бою подъ Котельномъ, чтобы и ихъ представить на тотъ же срокъ въ Вильну. По заключеніи сего мира, Витовтъ со всею своею ратью поворотилъ домой, а Псковское вѣче отправило особое посольство въ Москву, чтобы тамошній великій князь Василій Васильевичъ ходатайствовалъ за Псковичей у своего дѣда Витовта. Зимой пріѣхали во Псковъ отъ великаго князя Московскіе бояре, чтобы вмѣстѣ съ Псковскимъ посольствомъ ѣхать въ Вильну къ Витовту для окончательнаго заключенія мира; Псковское вѣче съ этимъ посольствомъ отправило и деньги 1,000 рублей, слѣдующія въ уплату Витовту, и 13 человекъ плѣнниковъ, взятыхъ подъ Котельномъ. Витовтъ принялъ деньги, а плѣнниковъ оставилъ у себя и посадилъ за караулъ, сколько ни упрашивали

Московскіе бояре отпустить ихъ. Наконецъ вѣче, въ половинѣ Марта 1427 года, отправило новое посольство въ Вильну договориться о задержанныхъ плѣнникахъ, и этому посольству удалось освободить задержанныхъ плѣнниковъ за 450 руб. окупа, съ тѣмъ чтобы деньги сіи были доставлены въ Вильну къ 1-му Октября. Такимъ образомъ окончилась Литовская война, продолжавшаяся собственно двадцать пять дней.

Въ годъ заключенія мира съ Витовтомъ вышли неприятели между Псковичами и Нѣмцами по сосѣдству. Нѣмцы убили шесть человекъ Опочанъ бортниковъ, и, какъ замѣчаетъ лѣтопись, на Псковской землѣ, а другіе Нѣмцы ходили къ Опочкѣ вверхъ Ускѣ и много посѣкли и пожгли, и все на миру и на крестномъ цѣлованіи. Далѣе, въ томъ же году Нѣмцы на Псковской землѣ сѣно покосили; и Псковичи, поѣхавши въ двухъ насадахъ, скошенное сѣно пожгли, и, поймавши Чудь, семь человекъ повѣсили у Выдобска. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя сосѣдскія неприятели могли бы повести къ войнѣ; но какъ Нѣмцамъ и Псковичамъ было не до войны по другимъ обстоятельствамъ, то и кончилось это дѣло подтвержденіемъ стараго мира въ слѣдующемъ 1428 году. Въ лѣтописи сказано: „Псковичи миръ подтвердили съ мейстеромъ и съ Юрьевичи (Дерптцами) и со всею землею Нѣмецкою по старому крестному цѣлованію.“ Тѣмъ не менѣе въ 1436 году опять была неприятели между Псковичами и Нѣмцами: Нѣмцы на крестномъ цѣлованіи поймали Псковскихъ ловцовъ на озерѣ и нѣкоторыхъ убили. Псковичи за это задержали у себя Нѣмецкихъ купцовъ съ товара-

ми, и самихъ купцовъ 24 человекъ засадили въ погребъ. Но опять тѣмъ дѣло и кончилось: ни Нѣмцы, ни Псковичи не пошли дальше.

Въ 1428 году Псковичи, помирившись съ Нѣмцами, опять разошлись съ Новгородцами; они, мстя Новгороду за то что онъ не помогъ во время Витовтова нашествия, въ свою очередь отказали Новгородцамъ въ помощи противъ Витовта, когда тотъ началъ войну съ Новгородомъ. Послѣ сего у Новгорода со Псковомъ не было ни войны ни мира въ продолженіе шести лѣтъ. Псковское вѣче два раза отправляло посольство съ просьбою о мирѣ и оба раза Новгородъ не соглашался. Наконецъ, въ 1434 году, было отправлено третье посольство, которое стараніями владыки Новгородскаго Евфимія и заключило миръ по старинѣ. При заключеніи этого мира сперва цѣловали крестъ Псковскіе послы и Новгородскіе посадники въ Новгородѣ, а потомъ были отправлены отъ Новгорода послы во Псковъ, предъ которымъ цѣловали крестъ посадники Псковскіе и сотскіе и добрые люди. Эго такъ торжественно заключенный миръ черезъ шесть лѣтъ снова былъ разорванъ Псковичами; но уже не по воли самихъ Псковичей, а по воли Московскаго великаго князя Василья Васильевича, который въ 1441 году, отправляясь въ походъ на Новгородъ, прислалъ во Псковъ своего посла съ требованіемъ, чтобы Псковичи объявили съ своей стороны также войну Новгороду и шли съ своею ратью на Новгородскія владѣнія. Псковское вѣче, не рѣшаясь противиться требованію Московскаго князя, очевидно согласному съ желаніемъ самихъ Псковичей, постоянно остававшихся недовольными Новгородомъ, немед-

ленно снарядило рать, которая и повоевала Новгородскую волость отъ Литовскаго рубежа до Нѣмецкаго, вдоль на 300 верстѣ и поперекъ на 50 верстѣ. Но, какъ Псковичи въ настоящую войну дѣйствовали по требованію Московскаго князя, какъ его союзники, то съ примиреніемъ Московскаго князя съ Новгородцами и Псковичи примирились съ Новгородомъ, и даже не было особой мирной грамоты, а Московскій князь включилъ Псковичей въ свою мирную грамоту съ Новгородомъ, какъ прямо сказано въ лѣтописи: „и князь великій доконча съ Новгородцами миръ, какъ за себя, такъ и за Псковь.“

Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, по заключеніи мира съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, Псковичи хотя не имѣли ни съ кѣмъ серьезной войны,—тѣмъ не менѣе по заведенному уже обычаю не опускали изъ вида укрѣплять свои владѣнія, строить города вновь, или поддерживать укрѣпленія въ старыхъ городахъ, и преимущественно на западной границѣ, которая у Псковичей всегда считалась больнымъ мѣстомъ. Такъ въ 1431 году Псковскій князь Александръ и всѣ посадники Псковскіе заложили новый городъ Выборъ, на мѣстѣ гдѣ былъ прежде городъ Котельно въ Залѣсѣ на рѣкѣ, надъ Ругодивомъ (Нарвою). И въ томъ же году Псковское вѣче наняло 300 человекъ рабочихъ, и приказало заложить въ томъ же краю новый городъ, на берегу рѣки Гдовы, съ каменною стѣной. Городъ этотъ былъ построенъ Псковскимъ княземъ и Псковскими посадниками съ помощію Гдовскихъ земцевъ, т. е. у кого были вотчины по берегамъ Гдовы, которые въ каменную стѣну на приступѣ дали триста рублей, а деревянные

стѣны съ другихъ сторонъ построили на свой счетъ. А въ слѣдующемъ году Псковское вѣче въ самомъ Псковѣ построило новое прясло стѣны отъ Великой рѣки у Сысовыхъ воротъ, а старую стѣну по рѣкѣ Великой дозволило жителямъ разбирать. Въ 1434 году Псковское вѣче, считая вновь построенные города Выборъ и Гдовъ не совсѣмъ надежными, приказало укрѣпить ихъ вновь, сдѣлавши привалы къ стѣнамъ. Въ 1435 году вѣче наняло сорокъ человекъ рабочихъ для постройки новаго моста черезъ Пскову, и дало имъ 70 рублей за балки и за работу, а городни, рилини и дубья городъ покупалъ на свой счетъ. Въ 1441 году погорѣлъ Псковскій пригородъ Опочка, и вѣче, осенью того же года, отправило посадника Тимоея ставить новый городъ Опочку на счетъ тамошнихъ волостей.

То воюя, то мирясь со всѣми сосѣдями, Псковичи постоянно держались только одного союза съ великими князьями Московскими, и чтобы этотъ союзъ, какъ опора для Псковскаго вѣча въ сношеніяхъ съ другими владѣніями, былъ прочнѣе и виднѣе для другихъ, начиная съ 1400 года, Псковичи постоянно желали держаться такого порядка, чтобы Псковскіе князья были посаженниками Московскаго великаго князя и въ то же время выборными отъ Псковскаго вѣча, которое могло мѣнять этихъ князей по своему усмотрѣнію. Союзъ съ Москвою, которымъ такъ дорожили тогда Псковичи, дѣйствительно былъ очень полезенъ для Пскова: съ одной стороны князья, пріѣзжавшіе во Псковъ отъ Московскаго великаго князя, нисколько не стѣсняли самостоятельности Псковскаго вѣча, и притомъ, выбираемые самимъ Псковомъ, болѣе или

менѣ зависѣли отъ Пскова, и Московскій Государь за все это время вовсе не вмѣшивался въ отношенія отпущенныхъ имъ князей къ Псковскому вѣчу, а въ то же время князья сїя всегда приходили съ порядочною дружиной хорошо вооруженныхъ боевыхъ людей, въ которыхъ постоянно нуждались Псковичи. Съ другой стороны, для Псковичей весьма важно было то, что во всѣхъ столкновеніяхъ съ другими владѣльцами сильный Московскій великій князь всегда былъ на сторонѣ Псковичей, а не ихъ враговъ. Правду сказать, что во всѣ сорокъ лѣтъ, начиная съ 1400 года, Московскій князь ни разу не высылалъ своихъ войскъ на защиту Пскова, и Псковичи во все это время не видали у себя другихъ Московскихъ ратниковъ, кромѣ дружинъ, приходившихъ вмѣстѣ съ князьями во Псковъ. Но за то Московскій князь всегда съ полною готовностью принималъ на себя ходатайство за Псковичей, и никакъ не скупился на посольства къ другимъ Государямъ въ пользу Пскова. Особенно въ этомъ отношеніи для Псковичей много дѣлалъ великій князь Василій Дмитріевичъ, сильно не ладившій съ Новгородомъ и потому покровительствовавшій Пскову. При немъ Псковъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Москвѣ,—Московскій князь рѣшительно не вмѣшивался во внутреннія дѣла Пскова и безпрекословно исполнялъ всѣ просьбы Псковскаго вѣча,—присылалъ во Псковъ князей какихъ только хотѣли Псковичи, даже два раза присылалъ во Псковъ, по просьбѣ вѣча, своего меньшаго брата Константина Дмитріевича; а въ 1407 году, ради Псковскія обиды, даже разорвалъ миръ съ своимъ тестемъ великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ, и

потомъ, когда въ 1409 году помирился съ нимъ, то въ свою мирную окончательную грамоту включилъ и Псковъ. А когда въ 1421 году Витовтъ объявилъ свой гнѣвъ Пскову, то князь Василій Дмитріевичъ три раза отправлялъ своихъ пословъ къ Витовту ходатайствовать объ отложеніи гнѣва, и хотя ходатайство его не имѣло полнаго успѣха, тѣмъ не менѣе Витовтъ до самой кончины великаго князя Василья Дмитріевича не рѣшался сдѣлать нападеніе на Псковъ, какъ бы опасаясь встрѣтить тамъ Московскіе полки своего зятя, и только уже по смерти его, пользуясь малолѣтствомъ его преемника, объявилъ въ 1426 году войну Псковичамъ.

По смерти в. к. Василья Дмитріевича, при его малолѣтномъ еще преемникѣ в. к. Васильѣ Васильевичѣ, Московское правительство въ отношеніи къ Пскову продолжало дѣйствовать по прежнему; такъ въ 1427 году отъ Московскаго князя пріѣхалъ во Псковъ посоль, чтобы вмѣстѣ съ Псковскими послами ѣхать въ Вильну для переговоровъ съ Витовтомъ о заключеніи мира. Но такъ было только съ начала, а потомъ отношенія стали измѣняться и начало измѣненія кажется пошло отъ Пскова. Псковичи, видя страшныя междоусобія въ Московскомъ княжескомъ домѣ, и не зная которая сторона одолѣетъ, стали холоднѣе смотрѣть на Московскаго князя. Такъ когда среди разгара Московскихъ междоусобій въ 1434 году уѣхалъ изъ Пскова князь Александръ Ѳедоровичъ Ростовскій, то Псковичи, не сносясь съ великимъ княземъ Московскимъ, приняли къ себѣ въ князья зятя Александрова князя Владиміра Даниловича (кажется сына прежняго Псковскаго князя Данила Алек-

сандровича), уже десять лѣтъ жившаго въ Литвѣ. Въ Москвѣ кажется замѣтили этотъ поступокъ, и лишь поуялись немного тамошняго междоусобія, то не замедлили сдѣлать пробу съ Псковичами,—попытать почему они, не спросясь Москвы, приняли себѣ князя, проживавшаго въ Литвѣ. Вдругъ зимою 1436 года пріѣхалъ во Псковъ, ни съ того ни съ сего, безъ всякаго повода, князь Борисъ Васильевичъ и объявилъ вѣчу, что онъ присланъ великимъ княземъ Московскимъ княжить во Псковѣ. Псковичи приняли его и посадили на Псковскомъ княжескомъ дворѣ, а своего избранника кн. Владиміра Даниловича попросили оставить княжій дворъ. Но, разумѣется, такой небывалый во Псковѣ случай долженъ былъ смутить Псковичей; они никакъ не могли понять съ чего взялъ Московскій князь прислать князя во Псковъ, не поговоря съ вѣчемъ, и при томъ когда во Псковѣ сидитъ князь избранный народомъ. Оставить такое важное дѣло безъ объясненія, свободные и независимые Псковичи не могли; и потому немедленно отправили къ великому князю въ Москву своего князя Владиміра и двухъ посадниковъ съ челобитьемъ, чтобы объяснить дѣло и по прежнему оставить во Псковѣ княземъ Владиміра Даниловича. Московское правительство, довольное своею пробой, и видя покорность Псковичей великокняжескимъ повелѣніямъ, объявило, что оно вовсе не посылало князя Бориса Васильевича, что онъ обманулъ Псковское вѣче, и что князь великій, согласно желанію вѣча, даетъ Псковское княженіе князю Владиміру Даниловичу, а князя Бориса приказываетъ вывести изъ Пскова. Такимъ образомъ непонятное для Псковичей дѣло получило

ясность, какую было угодно дать Московскому правительству; а въ Москвѣ узнали, что во Псковъ, пока еще нельзя посылать князей, не спросяся Псковскаго вѣча, и что Псковичи ничего не замышляютъ противъ Московскаго государя. Псковичи съ своей стороны, видя, что Московскій князь нисколько не обидѣлся выборомъ въ Псковскіе князья Владиміра Даниловича безъ сношеній съ Москвою, и даже подтвердилъ этотъ выборъ, вздумали повторить этотъ опытъ; и когда въ 1439 году пріѣхалъ во Псковъ князь Александръ Ивановичъ, внукъ Андрея Ольгердовича и правнукъ Ольгерда, то посадили его у себя на княженіе, а князя Владиміра Даниловича выслали вонъ изъ Пскова, и то и другое сдѣлали безъ всякихъ отношеній къ Москвѣ. Этотъ вторичный опытъ, разумѣется, не понравился Москвѣ; но великій князь Василій Васильевичъ какъ бы не обратилъ на это своего вниманія, на дѣлѣ же имѣлъ уже въ виду сдѣлать новую пробу покорности Псковичей, и пробу посильнѣе той, которая была въ 1436 году. Объявивши войну Новгороду въ 1441 году, Великій князь прислалъ во Псковъ приказаніе, чтобы Псковское вѣче отослало назадъ мирную грамоту Новгороду и немедленно снарядило войско противъ Новгородцевъ. Псковское вѣче и тамошній выборный князь Александръ Ивановичъ, правнукъ Ольгердовъ, выдержали эту пробу съ достоинствомъ; они немедленно разорвали миръ съ Новгородцами и отправили большое войско опустошать Новгородскія владѣнія. Великій князь Московскій, конечно, былъ доволенъ и Псковскимъ вѣчемъ, и Псковскимъ княземъ правнукомъ Ольгердовымъ; но продолжать подобные опыты

для Московскаго правительства казалось дѣломъ рискованнымъ и не безопаснымъ; а посему великій князь рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ покончить съ опытами за одинъ разъ и, не нарушая законныхъ Псковскихъ порядковъ и видимо сохраняя независимость и самостоятельность Пскова, взять его подъ Московскую опеку. Удобный случай къ тому скоро представился: въ 1442 году во Псковѣ былъ сильный моръ, начавшійся еще въ 1441 году, накануне зимняго Никола, и продолжавшійся все лѣто, много умирало людей и мужчинъ, и женщинъ, и взрослыхъ, и дѣтей; а умирали скорою смертію: появится на тѣлѣ железа, полежить больной дня два три и умереть; умеръ такую скорою смертію и князь Александръ Ивановичъ, успѣвши впрочемъ принять иноческій образъ. Псковичи еще не успѣли выбрать себѣ князя на мѣсто умершаго, какъ и всегда не спѣшили такими выборами,—какъ 3-го Марта слѣдующаго 1443 года пріѣхалъ во Псковъ другой потомокъ Ольгерда Литовскаго, князь Александръ Васильевичъ Черторижскій; но онъ пріѣхалъ не изъ Литвы, а изъ Москвы, отъ имени великаго князя. Псковичи приняли его съ честію, но обычнаго посаженія на княжескій престолъ въ церкви св. Троицы еще не было; почему тотъ обрядъ откладывался до другаго времени. Наконецъ 25 Августа, т. е. почти черезъ полгода, явился во Псковъ посолъ отъ великаго князя Московскаго, чтобы посадить Псковскаго князя на княжескій престолъ именемъ великаго князя Московскаго, и чтобы новопосаженный князь далъ присягу какъ Пскову, такъ и великому князю. Былъ ли какой споръ со стороны Псковскаго вѣча относительно

этой важной новости, памятники объ этомъ ничего не говорятъ; въ лѣтописяхъ только сказано: „и потомъ пріѣхъ посоль отъ великаго князя Василья Васильевича и поручи ему (князю Черторижскому) княженіе по великаго князя слову, и посадили его Псковичи на княженіе въ святѣй Троицы, мѣсяца Августа 25, на память св. Апостола Варѣоломея, и цѣлова крестъ ко князю великому Василью Васильевичу и ко всему Пскову и на всей Псковской пошлинѣ.“ И такимъ образомъ Псковъ тихо безъ войны, по одному приказу Московскаго князя, промѣнялъ свою полную независимость и самостоятельность на Московскую опеку, и сдѣлался присяжнымъ Московскимъ союзникомъ, и Псковскіе князья съ сего времени стали называться Псковскими князьями намѣстниками великаго князя Московскаго.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ.

Псковъ подъ Московскою опекой.

Новость въ устройствѣ Пскова, введенная Московскимъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ въ 1443 году, первоначально состояла только въ томъ, что Псковскій князь сталъ называться намѣстникомъ великаго князя Московскаго и при вступленіи на престолъ долженъ былъ присягать какъ Пскову, такъ и Московскому князю. Всѣ прочіе старыя порядки Пскова были оставлены неприкосновенными; вѣче по прежнему осталось главнымъ хозяиномъ Псковской

земли: всѣ выборныя власти, начиная отъ князя до послѣдняго выборнаго старосты избирались самимъ обществомъ и никто не могъ занять никакой общественной должности безъ согласія вѣча; всѣ отношенія выборныхъ властей другъ къ другу и также къ вѣчу нисколько не были измѣнены противъ прежняго времени; всѣ внутренніе распорядки во Псковѣ и даже отношенія Пскова къ сосѣдямъ вполнѣ зависѣли отъ Псковскаго вѣча, ни князь намѣстникъ ни великій князь Московскій ни во что это не вступались. Псковъ до времени оставался прежнимъ независимымъ и самостоятельнымъ Псковомъ; даже союзъ его съ Москвою не сдѣлался сколько-нибудь обязательнымъ чрезъ князей намѣстниковъ; но все это только до времени,—въ сущности же Псковскій намѣстникъ великаго князя Московскаго ставилъ Псковъ въ такія обязательныя отношенія къ Москвѣ, что Московскій великій князь, по своему усмотрѣнію уже могъ предъявлять свое право на сіи отношенія; въ сущности князь намѣстникъ представлялъ собою тотъ проломъ въ Псковской крѣпости, посредствомъ котораго власть Московскаго князя открыла свободную дорогу для своихъ вмѣшательствъ, какъ во внутреннія, такъ и во внѣшнія дѣла Пскова, въ чемъ не замедлятъ удостоверить насъ самыя событія.

Внутреннія и внѣшнія дѣла Пскова при первомъ князѣ-намѣстникѣ, князѣ Александрѣ Васильевичѣ Черторижскомъ, и при его преемникахъ, шли большею частію старымъ порядкомъ. Псковичи отбивались отъ непріятелей-сосѣдей, заключали съ ними мирныя договоры и строили укрѣпленія; только врагами Пскова въ это время были почти одни Нѣмцы,—съ Литовцами

почти не было войнъ, съ Новгородцами же Псковичи скоро вступили въ тѣсный союзъ, и уже нерѣдко дѣйствовали общими силами.

Мы уже видѣли, что въ 1436 году Нѣмцы захватили Псковскихъ ловцовъ на озерѣ, а Псковичи въ отвѣтъ на это засадили въ погребѣ бывшихъ во Псковѣ Нѣмецкихъ купцовъ. Но, конечно, этимъ дѣлом не могло кончиться; по всему вѣроятію на границахъ взаимные набѣги и грабежи Нѣмцевъ и Псковичей не прекращались, ибо старый миръ былъ уже нарушенъ, а новый еще не заключенъ. Такъ продолжалось восемь лѣтъ. Наконецъ въ 1444 году Псковское вѣче отправило въ Ригу своихъ пословъ—посадника Ѳедора Патрикѣевича и Прокопія судью заключить миръ съ Ливонскимъ магистромъ, которые и заключили миръ на десять лѣтъ и обѣ стороны цѣловали крестъ. Но заключеніе мира на дѣлѣ не было еще прекращеніемъ войны; Нѣмцы не думали исполнять всѣхъ условій мира. Въ томъ же году осенью князь Александръ съ Псковичами ѣздилъ подъ Новый городокъ Нѣмецкій (Нейгаузенъ), и на обидномъ мѣстѣ, т. е. на спорной землѣ, которая по договору должна была отойти ко Пскову, потопталъ въ полѣ весь хлѣбъ и повѣсилъ семь Чухновъ, пойманныхъ на этой землѣ. И той же осенью Шведскій князь Карлъ изъ Выборга, на миру пріѣхавъ съ Шведскою ратью на Нарову захватилъ тамъ посадничьяго сына Максима Ларіонова, и съ нимъ двадцать семь чело-вѣкъ, а иныхъ изсѣкъ. По этому случаю въ слѣдующемъ году князь Александръ Васильевичъ и посадники Псковскіе послали своего посла Прокопія судью въ Выборгъ къ Карлу князю Шведскому, и взяли на

окупъ Максима и его товарищей, а иные тамъ уже померли, дали же окупу 120 рублей, всего же расхода было 150 рублей. Но очевидно Нѣмецкое дѣло этимъ не кончилось. Въ 1447 году Псковичи отправили свое посольство въ Новгородъ и заключили съ Новгородцами миръ по старинѣ; а вслѣдъ за тѣмъ князь Александръ Васильевичъ Черторижскій, несмотря на просьбы Псковичей уѣхалъ въ Новгородъ, какъ сказано въ лѣтописи, потому что онъ договорился съ Новгородцами, и изъ самыхъ событій видно, что у него былъ договоръ съ Новгородомъ, чтобы идти на Нѣмцевъ. И дѣйствительно въ слѣдующемъ 1448 году Новгородцы съ воинственнымъ княземъ Александромъ открыли походъ къ Наровѣ, противъ магистровъ Ливонскаго и Прускаго и противъ Шведскаго князя Карла, бывшихъ другъ съ другомъ въ союзѣ противъ Новгорода и Пскова и уже готовившихся перейти Нарову, чтобы ворваться съ этой стороны въ Новгородскія и Псковскія владѣнія. Но Нѣмцы опоздали съ своимъ переходомъ; князь Александръ съ Новгородцами успѣлъ укрѣпиться на своемъ берегу рѣки, и сколько Нѣмцы ни старались о переправѣ, вездѣ были отражены съ урономъ и потеряли нѣсколько своихъ судовъ, старавшихся съ моря войти въ Нарову. Въ это же время другая Нѣмецкая рать, посланная къ Новгородскому пригороду Ямѣ, была разбита другимъ Новгородскимъ служилымъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ Суздальскимъ. Потерпѣвъ неудачу съ двухъ сторонъ, Нѣмцы рѣшились вступить въ мирные переговоры, и для этого назначили въ слѣдующемъ году съѣздъ на Наровѣ. На этотъ съѣздъ вмѣстѣ съ Новгородскими послами прибыли и послы

отъ Пскова, и заключили общій миръ на 25 лѣтъ, по которому Псковъ обратно получилъ всѣ свои старины, отнятыя въ прежнее время Юрьевскими или Дерптскими Нѣмцами, и изъ-за которыхъ столько было войнъ и взаимныхъ набѣговъ и опустошеній.

Въ годъ заключенія мира съ Нѣмцами Псковичи приняли себѣ въ князя князя Василья Васильевича Суздальскаго, пріѣхавшаго къ нимъ изъ Новгорода. Это принятіе новаго князя было сдѣлано со стороны Псковичей по прежнимъ порядкамъ, не спрашиваясь великаго князя Московскаго, явно въ нарушеніе той новины, которую онъ ввелъ въ 1443 году. Но заступиться за эту непріятную Псковичамъ новину было некому, у великаго князя Московскаго въ это время была страшная междоусобная война съ своимъ двоюроднымъ братомъ Димитріемъ Шемякою,— онъ бился за свою голову и за свою власть въ Москвѣ, а о Псковѣ и подумать было некогда. А посему Псковичи, пользуясь такими благопріятными для нихъ обстоятельствами, не приминули возстановить свою старину и приняли князя Василья Васильевича Суздальскаго, какъ вольнаго князя, а не какъ намѣстника московскаго. При этомъ вольномъ князѣ Псковскомъ во Псковъ пріѣзжалъ два раза владыка Новгородскій Евфимій, много способствовавшій примиренію Новгорода со Псковомъ, и въ оба раза былъ принятъ Псковичами съ любовію и большими почестями; вѣче не только свободно дозволило ему собирать свой владыченъ подъѣздъ и другія пошлины; но даже въ послѣдній пріѣздъ уступило ему власть Ремду и Ремедскую воду во владычню вотчину. Князь Василій Васильевичъ, проживши во Псковѣ семь лѣтъ

съ половиною, уѣхалъ въ Новгородъ, сколько ни просили его Псковичи, чтобъ онъ остался у нихъ княземъ. Это показываетъ, что князья считали для себя выгоднѣе быть служилыми князьями въ Новгородѣ, чѣмъ вольными Псковскими князьями. Въ Княжествованіе князя Василья Васильевича въ 1452 году Псковичи построили новую стѣну на Кромѣ, отъ великихъ воротъ возлѣ входа до малыхъ воротъ, и въ той стѣнѣ устроили пять погребовъ, вѣроятно тайниковъ; а въ слѣдующемъ году выстроили прясло стѣны у Лужскихъ воротъ.

По отъѣздѣ князя Василья Васильевича Суздальскаго Псковичи отправили посольство къ князю Александру Васильевичу Черторижскому, проживавшему тогда въ Русь. Но прежде нежели онъ пріѣхалъ, пришло во Псковъ посольство изъ Новгорода—просить помощи противъ Московскаго великаго князя, вступившаго уже въ Новгородскую землю и успѣвшаго разбить высланное противъ него Новгородское войско, подъ предводительствомъ Суздальскаго князя Василья Васильевича. Посольство именемъ Новгородцевъ говорило на вѣчѣ: „братья наша молодшая, мужи Псковичи! братъ великій Новгородъ вамъ кланяется, чтобы есте намъ помогли противъ великаго князя, а крестное бы есте цѣлованіе правили.“ Псковское вѣче, только девять лѣтъ тому назадъ заключившее союзъ съ Новгородомъ и получившее отъ этого союза значительныя выгоды въ отношеніи къ Нѣмцамъ, и притомъ, въ послѣднее время находясь въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ Московскому князю, рѣшилось помогать Новгороду и снарядило войско, которое подъ начальствомъ двухъ посадни-

ковъ и отправилось на соединеніе съ Новгородскою ратью. Но войско это пришло уже тогда, когда Новгородцы вступили въ мирные переговоры съ великимъ княземъ Московскимъ, такъ что Псковскому посольству пришлось только участвовать въ переговорахъ о мирѣ, и войско, простоявъ въ Новгородѣ полторы недѣли, возвратилось домой. Потомъ, мѣсяца черезъ четыре, пріѣхалъ изъ Новгорода приглашаемый уже прежде князь Александръ Васильевичъ Черторижскій. На этотъ разъ князь Александръ явился во Псковъ не какъ намѣстникъ Московскій, а какъ вольный Псковскій князь, выбранный самимъ народомъ; и Псковичи, какъ говорить лѣтопись, приняли его съ честію великою, и дали ему всю княжескую пошлину, а онъ цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей Псковской пошлинѣ. При этомъ князь Псковичи вспомнили о дѣлахъ съ Нѣмцами и, прежде всего, въ 1458 году вѣче распорядилось увеличеніемъ укрѣпленій самаго Пскова, и приказало наддѣлать на старую стѣну новую стѣну выше старыхъ стѣнъ на Кромѣ отъ захабня до Кутней башни; потомъ, въ томъ же году, осенью отравило князя Александра и посадниковъ съ отрядомъ ратниковъ на старое спорное мѣсто, на землю святыхъ Троицы на Озолицу, уступленную уже Пскову десять лѣтъ тому назадъ по Наровскому договору съ Нѣмцами, чтобы закрѣпить эту землю за Псковомъ. Князь Александръ и посадники, пріѣхавши туда, приказали косить сѣно на Желачкѣ, а Псковскимъ ловцамъ ловить рыбу по старинѣ и, устроивши такъ Псковскую колонію, поставили въ ней церковь архистратига Михаила, а поселившуюся тамъ Нѣмецкую Чудь повѣсили въ

мѣстечкѣ Рожкинѣ, какъ это обыкновенно дѣлали и Русскіе и Нѣмцы въ наставленіе на будущее время охотникамъ селиться на чужихъ земляхъ. Но Нѣмцы, не желая уступить на дѣлѣ Озолицы, уступленной по договору, не признали распоряженій Псковскаго вѣча, въ Мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, преступивъ крестное цѣлованіе, напали изгономъ на Озолицу, сожгли построенную осенью церковь св. Михаила и въ ней девять человекъ Псковскихъ колонистовъ. Только-что они успѣли сдѣлать это, какъ князь Александръ съ посадниками съ Псковичами пріѣхалъ въ насадахъ и лодьяхъ на Озолицу, и, мстя за неповинную смерть сожженныхъ Нѣмцами колонистовъ, вошелъ въ Нѣмецкую землю, по окраинамъ ея также пожегъ много людей, мушницъ и женщинъ. Въ томъ же году, немного спустя Нѣмцы въ шнекахъ и лодьяхъ вошли въ Нарову, отняли тамъ у Псковскихъ ловцовъ насадъ съ пушками и со всемъ ратнымъ запасомъ, и въ Березской волости сожгли 42 двора. Между тѣмъ во Псковъ пріѣхалъ посолъ изъ Новгорода съ объявленіемъ, что Нѣмцы назначили срокъ для сѣзда на спорномъ мѣстѣ, чтобы мирно прекратить недоумѣнія, и просятъ пріѣхать на Озолицу какъ Новгородскихъ, такъ и Псковскихъ пословъ. По этому объявленію отправились на Озолицу и на Желачко вмѣстѣ съ Новгородскимъ посольствомъ князь Александръ Васильевичъ съ Псковскими посадниками и съ боярами отъ всѣхъ концовъ, осмотрѣли спорное мѣсто и нашли, что согласно съ мирнымъ договоромъ 1448 года это мѣсто принадлежитъ Пскову, что это земля и вода св. Троицы; но Нѣмцы на свой срокъ не явились на сѣздѣ, и Псковское посольство,

прождавши ихъ довольно долго, уѣхало домой. Послѣ чего зимою въ Рождественскій постъ князь Александръ Васильевичъ съ посадниками и Псковичами сдѣлалъ набѣгъ на сосѣднія Нѣмецкія владѣнія и повоевали Нѣмецкую землю на семьдесятъ верстъ, ночевали тамъ три noci, и, мстя Нѣмцамъ за ихъ недавній набѣгъ на Нарову и за сожженіе дворовъ въ Березской волости, пограбили у Нѣмцевъ множество имущества, сожгли нѣсколько Нѣмецкихъ погостовъ, выжгли большую ихъ божницу, сняли съ нея крестъ и четыре колкола, захватили Нѣмецкаго попа и поймали много плѣнниковъ; и все это и плѣнниковъ, и скоть, и награбленное имущество препроводили во Псковъ, не встрѣтивъ нигдѣ значительнаго сопротивленія и не потерявъ ни одного человѣка изъ своихъ.

Между тѣмъ великій князь Московскій Василій Васильевичъ, управившись съ своими запутанными дѣлами въ Московскихъ владѣніяхъ и отдѣлавшись отъ всѣхъ своихъ враговъ, 20 Января 1460 года прибылъ въ Новгородъ съ своими сыновьями Юрьемъ и Андреемъ, чтобы мирно покончить всѣ недоумѣнія и споры, нерѣшенные Яжелбицкимъ миромъ въ 1456 году. Псковичи, находившіеся въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ великому князю, и даже вовсе не сносясь съ нимъ съ 1448 года, т. е. въ продолженіе 12 лѣтъ, услышавши о пріѣздѣ его въ Новгородъ для управы съ Новгородцами, а можетъ быть и получивши отъ него вызовъ, отправили большимъ посольствомъ своихъ посадниковъ Юрѣя Тимоѣевича и Максима Ларіоновича, и отъ концовъ по боярину съ дарами къ великому князю, и съ наказомъ, въ которомъ вѣче, во первыхъ, приказало просить князя име-

немъ всего Пскова, чтобъ онъ жаловалъ и печаловался своею отчиною, мужами Псковичами, добровольными людьми, которые приобщены отъ поганныхъ Нѣмцевъ и водою и землею и головами на миру и на крестномъ цѣлованіи и церкви Божіи пожжены, и затѣмъ битъ челомъ великому князю, чтобъ онъ дозволилъ князю Александру Васильевичу Черторижскому быть намѣстникомъ отъ себя, а во Псковѣ княземъ. Великій князь на посольскую рѣчь далъ такой отвѣтъ: „я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганныхъ, какъ это дѣлали наши отцы и дѣды великіе князья; а что вы говорите о князѣ Александрѣ Черторижскомъ, то я васъ, свою отчину, жадаю и о томъ, ежели только князь Александръ поцѣлуесть животворящій крестъ ко мнѣ великому князю и къ моимъ дѣтямъ великимъ князьямъ, что ему зла на насъ не хотѣтъ и не мыслить, то пусть будетъ вамъ князь, а отъ меня намѣстникъ,“ и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Отвѣтомъ своимъ великій князь прямо показалъ, что онъ не принимаетъ другихъ отношеній ко Пскову, кромѣ тѣхъ, которыя были уставлены въ 1443 году. Псковское вѣче не осмѣлилось противорѣчить требованіямъ великаго князя; но князь Черторижскій прямо на вѣчѣ отвѣчалъ, что не жадаеть цѣловать креста къ великому князю и его дѣтямъ: „я-де не слуга великому князю, и не буди цѣлованіе ваше на мнѣ, а мое на васъ, я вамъб ольше не князь, а вы вспомните меня, Черторижскаго, когда Псковичи учнутъ соколомъ воронъ ловить.“ И сказавши это простился на вѣчѣ, и, не смотря на усиленные просьбы Псковичей, выѣхалъ 10 Февраля въ Литву, и за нимъ пошла его удалая

дружина, состоящая изъ 300 человекъ кованой рати боевыхъ людей, кромѣ обозныхъ.

Великій князь, услыхавши объ отъѣздѣ князя Черторижскаго, послалъ во Псковъ своего сына Юрія съ боярами; и посадники Псковскіе и бояре встрѣтили его за рубежомъ на Дубровнѣ съ великою честію. Князь Юрій пришелъ во Псковъ 24 Февраля, и игумены и священники и дьяконы встрѣтили его со крестами у стараго Вознесенья на поли. Вошедши во Псковъ, князь прямо отправился въ церковь св. Троицы, гдѣ все священство, пѣвши ему многолѣтіе, посадило его на столѣ отца его великаго князя Василья Васильевича и знаменовали честнымъ животворящимъ крестомъ; потомъ изъ церкви посадники и весь Псковъ съ честію провели его на княжій дворъ. Затѣмъ посадники и вѣче били челомъ князю Юрію Васильевичу, чтобы пожаловалъ далъ отъ великаго князя и отъ себя въ намѣстники и князья Пскову князя Ивана Васильевича Стригу; и князь Юрій Васильевичъ, по повелѣнію отца своего и своего брата Ивана Васильевича и по челобитію Псковскому, далъ во Псковъ княземъ князя Ивана Васильевича Стригу; и посадники Псковскіе и вѣче приняли его съ великою честію и посадили на княженіе въ церкви св. Троицы, и дали ему всю княжескую пошлину, онъ же цѣловаль крестъ ко Пскову на всей Псковской пошлнѣ. Такимъ образомъ Псковичи снова признали законность порядковъ, введенныхъ великимъ княземъ въ 1443 году, и отказались и отъ своей старины, а цотомъ по словамъ князя Черторижскаго стали соколомъ воронъ ловить, то есть волей-неволей принимать отъ Московскаго князя и другія новости, несогласныя съ

Псковскою стариною; ибо, какъ мы скоро увидимъ, великій князь Василий Васильевичъ не задумывался и не медлилъ введеніемъ своихъ новостей въ Псковское устройство.

Еще не уѣхалъ князь Юрій Васильевичъ изъ Пскова, какъ туда явились Нѣмецкіе послы отъ Ливонскаго магистра бить челомъ за Юрьевцевъ (Дерптскихъ Нѣмцевъ) о перемирьи; и князь Юрій Васильевичъ назначилъ срокъ съѣзду на Успеніе Пресвятой Богородицы; на чемъ Нѣмецкіе послы подали князю руку и цѣловали крестъ. И въ назначенный срокъ пріѣхали въ Новгородъ Нѣмецкіе послы отъ архіепископа Рижскаго и отъ епископа Юрьевскаго (Дерптскаго) и отъ всей Нѣмецкой земли судія, и били челомъ владыкѣ Новгородскому Іонѣ и посадникамъ Новгородскимъ и вѣчу, и велико-княжескому послу и Псковскому послу посаднику Зиновію Михайловичу, чтобы великій князь Василий Васильевичъ далъ Нѣмцамъ перемирье со Псковичами на пять лѣтъ. Челобитье Нѣмецкихъ пословъ отъ Новгорода и Пскова было послано въ Москву къ великому князю, какъ онъ объ этомъ разсудить. И великій князь дозволилъ Новгороду и Пскову заключить перемиріе съ Нѣмцами на пять лѣтъ, чтобы въ эти пять лѣтъ на спорномъ мѣстѣ ловить Псковичамъ къ своему берегу, а Юрьевцамъ и епископу къ своему берегу. И Нѣмецкіе послы и Псковскіе послы цѣловали на перемирьи крестъ въ Новгородѣ; а потомъ Нѣмецкіе послы на томъ же цѣловали крестъ во Псковѣ, а передъ ними на томъ же цѣловали крестъ судьи Псковскіе и сотскіе, и грамоты написали, и печати приложили, чтобы то перемирье держать крѣпко въ тѣ

пять лѣтъ. Затѣмъ Новгородское и Псковское посольство ѣздили въ Юрьевъ къ Юрьевскому епископу и ко всѣмъ Юрьевцамъ, и къ архіепископу Рижскому ударить по рукамъ; и епископъ на томъ далъ руку Новгородскому и Псковскому посламъ, а ратманы цѣловали крестъ по своей вѣрѣ, держатъ тѣ пять лѣтъ крѣпко; и Нѣмцы отдали Псковскія иконы, захваченныя на Желачкѣ, когда сожжена была тамъ церковь св. Михаила, возвратили Псковскій товаръ и всему учинили исправу. Послѣ чего пріѣзжали во Псковъ Нѣмецкіе послы за своими плѣнниками; и Псковичи отдали имъ плѣнниковъ и всему исправу учинили. Такимъ образомъ взаимныя набѣги и опустошенія Псковичей и Нѣмцевъ изъ-за спорнаго мѣста на Озолицѣ, продолжавшіеся болѣе сорока лѣтъ, наконецъ были прекращены пятилѣтнимъ перемиріемъ заключеннымъ при посредствѣ великаго князя Московскаго, посредничества котораго просили сами Нѣмцы, не довѣрявшіе своимъ сосѣдямъ Псковичамъ и Новгородцамъ.

По заключеніи перемирія съ Нѣмцами, Псковскій князь Иванъ Васильевичъ Стрига уѣхалъ въ Москву, кажется по приказу великаго князя; ибо Псковское вѣче вмѣстѣ съ нимъ отправило къ великому князю пословъ съ дарами и съ просьбою, чтобы великій князь печаловался своею отчиною мужей Псковичъ, добровольныхъ людей. Послы возвратились во Псковъ и сказали вѣчу, что великій князь свою отчину жалуетъ добровольныхъ людей, и обѣщается оборонять и стоять за домъ св. Троицы и за мужей Псковичей. А вслѣдъ за послами прибылъ во Псковъ на княженіе и великаго князя намѣстникъ князь Влади-

міръ Андреевичъ, но не по Псковскому прошенію, не по старинѣ, а по усмотрѣнію Государя Московскаго. Эта небывалая новость, князь не по выбору вѣча, была крайне непріятна для Псковичей, такъ что лѣтописецъ безъ горечи не могъ этого не замѣтить; тѣмъ не менѣе вѣче приняло присланнаго князя намѣстника съ честію и посадило на княженіе во Псковѣ. Въ княжествованіе этого князя намѣстника, продолжавшееся всего полтора года, Псковское вѣче спѣшило воспользоваться заключеннымъ съ Нѣмцами перемиріемъ по своему, чтобы закрѣпить за собою уступленныя земли, и въ слѣдующемъ же за перемиріемъ 1462 году построило на спорномъ мѣстѣ новый городокъ Кобылу надъ великимъ озеромъ, и въ одно лѣто заложило и совершило городъ и поставило тамъ церковь во имя Архангела Михаила, въ память церкви сожженной Нѣмцами на Желачко. Строили этотъ городъ 60 челоувѣкъ Псковскихъ мастеровъ и имъ помогали волощаны или мѣстные жители, а заплачено Псковомъ за работу девяносто рублей. Затѣмъ, въ томъ же краю, вѣче построило еще городокъ на Володчинѣ горѣ, и дало ему имя Володимерець, и поставило тамъ церковь во имя святителя Николая. Устроивши городки, вѣче послало туда воинскихъ людей, и назначило воеводою своего служилаго князя Ивана Дябренакаго. И въ томъ же году Псковичи озаботились прибавкою или удучшеніемъ укрѣпленій въ самомъ Псковѣ,—задѣлали прясло стѣны на Кромѣ отъ Великой рѣки и ворота на рѣку урядили, а стороннія стѣны подлѣ рѣки Великой отъ Кутной башни и до смердыхъ воротъ надѣлали въ вышину и сравняли ихъ со стѣною отъ рѣки Псковы. Между тѣмъ до-

шла до Пскова вѣсть, что въ Москвѣ скончался великій князь Василій Васильевичъ; и Псковичи, думавшіе, что со смертію его имъ можно будетъ воротить свою старину, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, созвавши вѣче, выгнали отъ себя князя Владиміра Андреевича, какъ пріѣхавшаго во Псковъ не по Псковской старинѣ, безъ Псковскаго выбора, даже какъ говоритъ одна лѣтопись: „иные люди на вѣчѣ съ степени спихнули его, и онъ съ безчестіемъ уѣхалъ въ Москву жаловаться на Псковичей.“ Впрочемъ Псковичи, выгоняя отъ себя князя-намѣстника, присланнаго не по старинѣ, вовсе не думали разрывать союза съ Московскимъ Государемъ и, въ слѣдъ за изгнаніемъ князя намѣстника, вѣче отправило свое посольство въ Москву бить челомъ великому князю, чтобъ онъ держалъ Псковъ по старинѣ. Новый великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ сперва показалъ гнѣвъ и удивленіе и три дня не принималъ посольства на глаза; но тѣмъ не менѣе не хотѣлъ на первый разъ оттолкнуть отъ себя Псковичей и, принявши посольство, далъ такой отвѣтъ посламъ: „явите Пскову, что я свою отчину жалую по старинѣ, котораго князя хотите, и я того дамъ, и вы написавъ грамоту, да и пришлите ко мнѣ съ бояриномъ своимъ.“ Псковичи, получивъ такой благоприятный для нихъ отвѣтъ, немедленно отправили въ Москву грамоту съ просьбою прислать княземъ во Псковъ князя Ивана Александровича Звенигородскаго. Такимъ образомъ на первый разъ Псковъ удачно воротилъ свою старину.

Между тѣмъ Нѣмцы, особенно Юрьевцы, какъ ближайшіе сосѣди, и не думали соблюдать пятилѣтняго перемирія, заключеннаго въ 1461 году,—имъ особен-

но не нравилось распоряженіе Псковскаго вѣча о постройкѣ городковъ Кобылья и Владимирца; они сперва засадили въ погребѣ Псковскаго посла Кондрата сотскаго и бывшихъ у нихъ Псковскихъ купцовъ, на что Псковичи отвѣчали тѣмъ же, засадивши въ погребѣ Нѣмецкихъ купцовъ бывшихъ во Псковѣ. Затѣмъ 21 Марта Нѣмцы въ значительныхъ силахъ и съ пушками подступили къ новому городку Кобылью, осадили его и стали бить изъ пушекъ, а въ то же время другая рать Нѣмецкая воевала бывшіе въ томъ краю Псковскіе исады, или рыбныя слободы. Бывшій тогда начальникомъ въ Кобыльемъ городкѣ, служилый князь Иванъ Ивановичъ Дябренскій, немедленно послалъ вѣсть во Псковъ, что Нѣмецкая рать подѣ городкомъ; и Псковскіе посадники степенный Ѳедоръ Никифоровичъ и посадникъ Тимоѳей и нѣсколько бояръ собрали въ тотъ же день, какъ получили вѣсть, нѣсколько ратниковъ, а на другой день уже явились подѣ городкомъ. Нѣмцы услышавши объ ихъ приближеніи, бѣжали отъ городка, побросавши всѣ свои запасы. Но пришедшій съ посадниками отрядъ былъ слабъ, чтобы что нибудь предпринять противъ непріятели, и потому засѣлъ въ городкѣ. Нѣмцы же, невидя за собой погони, черезъ недѣлю опять воротились и сожгли два большихъ исада, Островцы и Полѣшье, а крестьянъ иныхъ посѣкли, а иныхъ взяли въ плѣнъ. Тогда сидѣвшіе въ городкѣ посадники послали во Псковъ гонца съ грамотою, что Нѣмцы воюютъ наши исады; и посадникъ Зиновій по этой вѣсти собралъ вѣче, и на вѣчѣ дали воеводство посаднику Максиму Ларионовичу и Алексѣю Васильевичу и Игнатью Логиновичу и, собравши Пско-

вичей и пригорожанъ, послали къ городку; но эта рать Нѣмцевъ тамъ не застала; они, пожегши исады, поспѣшно удалились въ свою землю. Посадники составили совѣтъ,—куда бы идти на Нѣмцевъ, и совѣтомъ рѣшили идти къ Воронью Камени, и вся сила Псковская уже выбралась на озеро, какъ пришелъ одинъ доброхотъ Чудинъ изъ-за рубежья и сказалъ Псковскимъ посадникамъ, что сила Нѣмецкая готова и хотятъ напасть въ нынѣшнюю ночь на Колпиное. Псковичи по этому извѣстію въ ту же ночь поворотили назадъ и пошли къ Колпину и, пришедши туда рано поутру, увидали что Нѣмцы жгутъ волость и Колпинскую церковь уже зажгли, жгутъ и другіе исады и захватили уже много плѣнниковъ; и Псковскіе посадники и Псковичи ударили на Нѣмцевъ на рѣкѣ Колпиной противъ церкви, и передовые люди бросились въ битву, не отдыхая ни часу, и сильнымъ натискомъ такъ смяли Нѣмцевъ, что они обратились въ бѣгство, и Псковичи пустились въ догонку рубить и колоть ихъ и преслѣдовали ихъ на 15 версть до рѣки Коховой и за Кохову, гоня ихъ въ два пути. Лѣтописецъ, заканчивая описаніе этой битвы, восклицаетъ: „дивно, братія, и памяти достойно, что въ столь великой и страшной брани ни одинъ человекъ Псковской рати не паде, а куда бѣгли Нѣмцы двумя путями лежитъ мость Нѣмецкаго трупія.“ Значитъ Нѣмецкіе грабители не осмѣлились и строя поставить, пораженные натискомъ Псковской рати, и бѣжали не оглядываясь и не защищаясь. И Псковичи возвратились домой со множествомъ плѣнниковъ, хваля святую Троицу и Архангела Михаила, даровавшихъ такую побѣду. Въ это же время другая Псковская рать охотники подъ

предводительствомъ дьяка Ивашки ходили за Изборскъ въ слободу и, опустошивши порубежную Нѣмецкую волость, возвратились домой съ безчисленнымъ полономъ. Тою же весной, на страстной недѣлѣ, Изборяне ходили подъ Нѣмецкій городокъ (Нейгаузенъ) и, пожегши Нѣмецкія волости, также возвратились домой съ множествомъ плѣнниковъ.

Наконецъ, 10-го Апрѣля, на пасху пріѣхалъ изъ Москвы отъ великаго князя на княженіе во Псковъ князь Иванъ Александровичъ Звенигородскій, и пообычаю былъ встрѣченъ духовенствомъ со крестами, и Псковичи приняли его съ честью и посадили на княженіе, а онъ цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей Псковской пошинѣ, при степенномъ посадникѣ Зиновіѣ Михайловичѣ. А въ Іюлѣ мѣсяцѣ Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ прислалъ по Псковскому челобитію своего воеводу князя Феодора Юрьевича съ Московскою ратью въ помощь Пскову на Нѣмцевъ. Псковское вѣче отвело Московскому войску квартиры въ Спасскомъ монастырѣ на Мирожіи у Св. Николы на Завеличьи, гдѣ она и стояла цѣлую недѣлю, пока Псковскій князь и посадники собирали ратниковъ съ пригородовъ и волостей. Потомъ Московская и Псковская рать, подъ начальствомъ воеводы великаго князя, отправилась къ Нѣмецкому городку, и, осадивши городокъ, стала бить по немъ изъ пушекъ, и стояла рать подъ городкомъ четыре дни и четыре ночи, но города взять не могла, и пожегши и повоевавши волости, воротилась домой. Въ то время какъ Псковская и Московская рать стояла подъ городомъ, Псковское вѣче дало воеводство посаднику Дороою Алферьевичу и приказало ему съ охотни-

ками Псковичами и прихожими иноземцами идти воевать Нѣмецкую землю; и охочіе люди Псковичи и прихожіе иноземцы съ воеводою посадникомъ Дороеемъ въ насадахъ и лодьяхъ вступили въ Нѣмецкую землю, много повоевали и половину Кержны выжгли; но, услыхавши что Псковская сила отступила отъ городка, и сами возвратились домой съ богатою добычей и множествомъ плѣнниковъ, а ходило охочихъ людей съ посадникомъ Дороеемъ 20 ушкуевъ да 80 лодій. Но чрезъ недѣлю, по возвращеніи Псковской силы отъ Нѣмецкаго городка, Нѣмцы на другомъ краю Псковскаго рубежа въ шнекахъ и лодьяхъ напали на Наровлянъ на Скамью, и въ упорной битвѣ взяли 8 человекъ, а судью Оданью Сидора, крѣпко бившагося съ ними, изсѣкли мечами. За тѣмъ Гдовляне прислали гонца во Псковъ съ вѣстію, что Нѣмцы воюютъ въ нашей землѣ; и Псковичи уже готовы были идти туда, какъ пригналъ во Псковъ Нѣмецкій голецъ съ тѣмъ словомъ, чтобы Нѣмецкому послу добровольно пріѣхать для переговоровъ и опять отъѣхать добровольно; и Псковичи дали гонцу на томъ руку, что добровольно имъ отъѣхать и пріѣхать.

По рукѣ, данной Псковичами Нѣмецкому гонцу, пріѣхали во Псковъ послы отъ Ливонскаго магистра, честные люди, и били челомъ воеводѣ великаго князя, Псковскому князю и всему Пскову за Юрьевцевъ о мирѣ, чтобы держать крѣпко остальные девять лѣтъ Наровскаго мира, заключеннаго четырнадцать лѣтъ тому назадъ, чтобы головы не гибли съ обѣихъ сторонъ; послы говорили: „мы присланы къ вамъ отъ князя магистра и отъ архіепископа Рижскаго, чтобы учинить добро между вами и Юрьевцами и еписко-

помъ Юрьевскимъ.“ И воевода великаго князя и Псковскій князь, и посадники, и вѣче, поразсудивъ, заключили съ ними миръ на томъ условіи, чтобы Юрьевскій (Дерптскій) епископъ платилъ великому князю дань съ Юрьева по старинѣ, и чтобы Русскій конецъ и святыя церкви въ Юрьевѣ держать въ обереженьи и подобающей чести а не обидѣть, по старинѣ и по старымъ грамотамъ. Затѣмъ воевода великаго князя и князь Псковскій, и посадники и вѣче, вмѣстѣ съ послами отъ князя магистра и отъ архіепископа Рижскаго, по ихъ челобитью, за Юрьевцевъ и за епископа Юрьевскаго, на всемъ на томъ и крестъ цѣловали и печати свой привѣсили, магистрову и архіепископлю, передъ воеводою великаго князя и передъ всѣмъ Псковомъ на вѣче, съ тѣмъ чтобы и епископу Юрьевскому на томъ на всемъ дать руку и печать свою приложить, а также и посадникамъ Юрьевскимъ цѣловать крестъ и печать свою приложить. По отъѣздѣ Нѣмецкихъ пословъ, воевода великаго князя, посадникъ и вѣче отправили въ Юрьевъ своихъ пословъ, Іуду Суконника и Василя Луковицу; и епископъ Юрьевскій потому же далъ руку Псковскому послу и печать свою привѣсилъ, а посадники Юрьевскіе и ратманы цѣловали крестъ и печать свою привѣсили передъ Псковскимъ посольствомъ на томъ, что тѣ остальные девять лѣтъ Наровскаго мира держать крѣпко съ обѣихъ сторонъ; а что Юрьевцы захватили Псковскаго посла судью Кондрата и Псковскихъ купцовъ, и что псбрали Псковичей въ Колпинахъ и на Наровѣ, то все отпустить во Псковъ вмѣстѣ съ Псковскимъ посольствомъ, а спорнаго мѣста воды и земли на Желачкѣ Юрьевцамъ отсту-

питься. И когда Нѣмцы Юрьевцы всему сему управу учинили по Псковской волѣ, то Псковскіе послы уѣхали домой. Затѣмъ прибыло во Псковъ посольство отъ Юрьевскаго епископа и отъ всѣхъ Юрьевцевъ, предъ которымъ Псковскіе посадники и сотскіе пѣловали крестъ держать остальныя девять лѣтъ Наровскаго мира крѣпко съ обѣихъ сторонъ, отпустили Юрьевскихъ полонниковъ и купцовъ и всему управу учинили.

Не великъ вѣроятно былъ отрядъ, посланный Московскимъ государемъ на помощь Пскову, и небольшое дѣло сдѣлалъ онъ, простоявъ вмѣстѣ съ Псковскою ратью подъ Нейгаузеномъ четыре дни и не взявши города; но послѣдствія этого незначительнаго дѣла сравнительно были очень громадны по своему значенію какъ для Пскова, такъ и для Нѣмцевъ. Нѣмцы скоро увидали, что имъ приходится считаться за границы не съ однимъ уже Псковомъ,—что теперь за Псковомъ стоитъ могущественный Московскій государь, готовый защищать Псковское дѣло собственными силами, и потому поспѣшили поскорѣе отступить отъ своихъ споровъ за границы, и даже согласились платить Московскому государю старинную дань съ Юрьева, которая давнымъ давно не платилась и которой уже никто не спрашивалъ. А съ другой стороны, небывалая прежде Московская помощь противъ Нѣмцевъ дѣйствительно помогла Пскову заключить выгодный миръ съ Нѣмцами и поддержать свои права; но съ тѣмъ вмѣстѣ эта помощь передала Нѣмецкое дѣло Московскому государю. Уже при заключеніи настоящаго мира Нѣмецкіе послы напередъ обращаются къ Московскому воеводѣ, а потомъ уже

къ Псковскому князю и вѣчу. Московскій воевода слѣдитъ за переговорами и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при заключеніи мира, и вноситъ въ договоръ интересы своего государя, пишетъ условіе о платежѣ дани съ Юрѣва великому князю Московскому. Начиная съ этого договора, Московскій государь въ отношеніи къ Нѣмцамъ получаетъ право защищать не одни Псковскіе, но и свои собственные интересы. Настоящимъ договоромъ судьба Пскова болѣе или менѣе уже связывается съ отношеніями Московскаго государя къ Ливонскимъ Нѣмцамъ.

Дождавшись окончательнаго заключенія мира съ Нѣмцами, Московскій воевода, князь Ѳеодоръ Юрѣвичъ, сказалъ Псковичамъ на вѣче: „мужи Псковичи, отчина великаго князя, добровольные люди! Богъ жаловалъ и св. Живоначальная Троица князя великаго здоровьемъ; съ Нѣмцы вы управу взяли по своей воли, а нынѣ на вашей чести вамъ челомъ бью.“ И за тѣмъ поѣхалъ изъ Пскова со всею силою своею на Москву къ великому князю. А Псковичи, чтивши его много, отправили посадниковъ и бояръ провожать его до Невадичъ, и тамъ въ Невадичахъ посадники и бояре подали ему даръ отъ Пскова 30 рублей, да его боярамъ, которые съ нимъ были, всѣмъ 50 рублей. Отпустивши воеводу Московскаго, Псковское вѣче отправило свое большое посольство въ Москву бить челомъ великому князю на его жалованьи, что присылалъ своего воеводу во Псковъ въ помощь Псковичамъ на Нѣмцевъ, и отпустило съ посольствомъ даръ великому князю 50 рублей. Но кромѣ дара и благодарности за помощь противъ Нѣмцевъ, вѣче съ тѣмъ же посольствомъ приносило великому князю

жалобу на обиды отъ Новгородцевъ и просило князя, чтобъ онъ пожаловалъ свою отчину Псковъ, велѣлъ бы своему отцу богомольцу митрополиту Феодосію поставить владыку во Псковъ изъ Псковитянъ. Такимъ образомъ Псковское вѣче само напрашивалось на то, чтобы Московскій государь распоряжался дѣлами Пскова. Великій князь Иванъ Васильевичъ, отпустивши Псковское посольство, послалъ съ нимъ вмѣстѣ во Псковъ своего посла Давыда Бибикова, который именемъ своего государя сказалъ на вѣчѣ: „о жалобѣ Пскова на Новгородцевъ, что были у меня Новгородскіе послы и жаловались на васъ на мою отчину о многихъ дѣлахъ, да просили у меня на васъ воеводы, моего намѣстника, князя Федора Юрьевича, а хотѣли пойдти на васъ; и я, князь великій, желая между вами мира и тишины, воеводы своего имъ не далъ, ходитъ на васъ имъ не велѣлъ; а что вашимъ посламъ пути не дали, и я о томъ на нихъ добрѣ помодвилъ; и они мнѣ о томъ били челомъ, а путь вамъ, моей отчинѣ, чистъ по старинѣ, чрезъ нашу отчину великій Новгородъ.“ Относительно же посвященія во Псковъ особаго епископа князь далъ такой отвѣтъ: „я князь великій хочу о томъ слати своихъ пословъ въ великій Новгородъ, также и къ вамъ во Псковъ, моей отчинѣ, изъ Новгорода будутъ мои послы и все за ними будетъ вамъ явлено; и я князь великій радъ печаловатися вами, своею отчиною, съ своимъ отцомъ Феодосіемъ всея Русіи митрополитомъ.“

Послѣ таковыхъ отвѣтовъ великаго князя, Псковичамъ нечего уже было ожидать Московской помощи противъ Новгорода, оставалось одно — мириться съ Новгородцами. И Псковичи въ 1465 году, т. е.

слишкомъ черезъ годъ послѣ заключенія мира съ Нѣмцами, отправили своихъ пословъ въ Новгородъ для заключенія мира, который и былъ заключенъ на томъ условіи, что Псковъ отступился отъ земли и воды, которую во время вражды отписалъ въ своихъ владѣніяхъ отъ владыки Новгородскаго. Псковскіе послы сказали Новгородцамъ на вѣче: „братьи наши старѣйшіе! се вамъ воды и земля владычня и всѣ оброки по старинѣ; а что мы по два года съ той земли хлѣба имали и въ водѣ рыбу ловили, а тѣмъ кормили князя великаго силу, потому что вы намъ на своемъ перемирьи не помогали на Нѣмцевъ.“ И на этомъ условіи посадникъ и тысяцкій Новгородскіе цѣловали крестъ, а владыка благословилъ, также и Псковскіе послы цѣловали крестъ въ великомъ Новгородѣ на старой грамотѣ, на мирной, по старинѣ быть въ единомъ братствѣ. А потомъ пріѣхали во Псковъ послы Новгородскіе, а съ ними бояръ много на управу; и Псковскіе посадники на вѣчѣ цѣловали крестъ предъ Новгородскимъ посольствомъ, что Новгородцамъ со Псковичами по старинѣ миръ держать, также и владыкъ Новгородскому ѣздить во Псковъ по старинѣ за своими пошлинами. Въ слѣдъ затѣмъ владыка Новгородскій архіепископъ Іона пріѣзжалъ во Псковъ, былъ встрѣченъ духовенствомъ и народомъ съ большою честію, благословилъ Псковичей, соборовалъ у св. Троицы, при чемъ читали синодикъ и пѣли благовѣрнымъ князьямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ великія многа лѣтъ, а злыхъ проклиали. Владыка прожилъ во Псковѣ четыре недѣли безъ двухъ дней, взялъ свой узаконенный подѣздъ на священникахъ, на прощаньи снова благословилъ всѣхъ

Псковичей и его проводили съ честію до Псковской границы.

Но, мирясь и съ Нѣмцами и съ Новгородцами, Псковичи не забывали своей постоянной нужды—строить укрѣпленія и поддерживать и улучшать уже выстроенныя прежде. Псковъ никогда не забывалъ того что онъ передовой боецъ Русской земли противъ западныхъ сосѣдей. Въ то время, въ 1464 году, какъ Псковскіе послы ѣздили въ Москву благодарить великаго князя за помощь противъ Нѣмцевъ, Псковскій князь Иванъ Александровичъ и степенный посадникъ Алексѣй Васильевичъ заложили новый деревянный городъ на рѣкѣ Сини и назвали его Красный городецъ; потомъ, въ слѣдующемъ году, заложили деревянную стѣну около всего Запсковья и сдѣлали вновь развалившееся прясло стѣны у Крома отъ рѣки Псковы. И въ томъ же году были покончены перси, или пристѣнныя, около Крома, которыя работались три года, а работниковъ было 80 человекъ, которые взяли за работу 175 рублей. Въ томъ же году, когда Псковское посольство было въ Новгородѣ для заключенія мира, Псковскій князь, степенные посадники и Псковичи съ посажанами, охраняя свои дома, заложили деревянную стѣну отъ Великой рѣки отъ монастыря Покрова св. Богородицы до Псковы рѣки, и отъ Псковы рѣки на Запсковья отъ Гремячей горы до рѣки Великой до церкви св. Варлаама; а дѣлали сами посажане своимъ запасомъ и поставили всю стѣну въ одну недѣлю. Таковая поспѣшность въ построеніи сей стѣны показываетъ, что Псковичи плохо надѣялись на благоприятный исходъ мирныхъ переговоровъ и ждали войны съ Новгородомъ, и что ссора съ Новгород-

цами была довольно серьезна, и лѣтописецъ не даромъ жалуется, что Новгородцы добились челомъ Нѣмцамъ, чтобы за одно стать на Псковичъ и у Псковичей всѣ старины поотняли. А другой лѣтописецъ прямо говоритъ, что Псковичи послѣшно построили эту стѣну, блюдучися ратной силы Великаго Новгорода.

Вскорѣ, по заключеніи мира съ Новгородцами, Псковскій князь намѣстникъ, князь Александръ Ивановичъ Звенигородскій, ударивъ челомъ Псковичамъ за все добро Псковское, поѣхалъ въ Москву; Псковичи упрашивали его чтобы остался, но онъ не послушалъ просьбъ, и отъ Пскова былъ отпущенъ съ честію. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что князь Звенигородскій оставилъ Псковъ по тайному приказу изъ Москвы. Въ Москвѣ очень вѣрно разочли, что съ присылкою новаго князя намѣстника всего удобнѣе ввести нужныя для Московскаго государя новости, несогласныя съ Псковскою стариною, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать пробу въ этомъ родѣ, и въ случаѣ неудачи свалить вину на новаго намѣстника, по новости дѣла непонявшаго своего положенія во Псковѣ. Псковское вѣче, по отъѣздѣ князя Звенигородскаго, по заведенному порядку, отправило посольство отъ Пскова къ великому князю бить челомъ, чтобы отпустилъ на Псковское княженіе или князя Ивана Стригу, или бывшаго воеводою съ Московскою ратью князя Ѳедора Юрьевича; и великій князь отпустилъ князя Ѳедора Юрьевича (Шуйскаго). Новый князь намѣстникъ привезъ съ собою во Псковъ крайне неприятную Псковичамъ новость, бившую прямо по карманамъ. По заведенному во Псковѣ порядку Псковскій князь имѣлъ пра-

во держать своихъ намѣстниковъ только на семи Псковскихъ пригородахъ; князь же Ѳедоръ Юрьевичъ, при самомъ вступленіи на престолъ, потребовалъ отъ вѣча, чтобы ему было разрѣшено держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ Псковскихъ. Возражало ли противъ этого требованія Псковское вѣче, и какъ возражало, — мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ извѣстій. Лѣтописецъ, описывая приѣздъ князя Ѳедора Юрьевича, говоритъ: „и Псковичи и все священство вышли противу его съ крестами, и посадили его на княженіе, а онъ крестъ цѣловалъ на Псковской пошлянѣ; а посадники Псковскіе и Псковъ (вѣче) ему на всѣхъ 12 пригородахъ дали намѣстниковъ держать, и суды судить его намѣстникамъ на комъ ни буди“. И потомъ съ горестію прибавляетъ: „а изъ вѣковъ княжіи намѣстники не бывали, колико ни есть князей бывало во Псковѣ на столѣ, и намѣстники княжіи были только на семи пригородахъ Псковскихъ.“ Можетъ быть, въ нѣкоторое противодѣйствіе этому княжескому нововведенію, Псковское вѣче въ слѣдующемъ 1468 году также ввело новостъ съ своей стороны. Лѣтописецъ говоритъ: „той же веснѣ при посадникахъ степенныхъ, при Тимоѳеѣ Власевичѣ и при Стефанѣ Гахоновичѣ, весь Псковъ подѣлил по два пригорода на всѣ концы, къ каждому концу къ старымъ пригородамъ новые жеребьемъ дѣлили, а бралъ жеребьи князь Василій Ѳедора Юрьевича сынъ съ престола. Въ слѣдующемъ 1469 году была введена еще новостъ, небывалая прежде и очень рѣзкая: по предложенію Псковскаго духовенства вѣче разрѣшило всѣмъ пяти соборамъ Псковскимъ всему духовенству составить

на основаніи Номоканона уставную грамоту, чтобы Псковской церкви управляться по этой грамотѣ независимо отъ Новгородскаго владыки; и составленная духовенствомъ уставная грамота была уже положена въ даръ св. Троицы, какъ дѣйствующій законъ, и по этой грамотѣ уже были выбраны два правителя изъ священниковъ и начали вести церковныя дѣла по новому уставу. Но эта новость, несогласная съ церковнымъ порядкомъ во всей Русской землѣ и черезчуръ рѣзкая, на другой же годъ была отиѣнена великимъ княземъ и митрополитомъ всея Русіи, и управленіе Псковскою церковію по прежнему передано владыкѣ Новгородскому.

Въ то время какъ по внутреннему управленію во Псковѣ происходили важныя новости, отношенія Пскова къ сосѣдямъ также были не совсѣмъ спокойны и удовлетворительны. Нѣмцы, вообще нетерпѣвшіе постройки новыхъ городовъ и укрѣпленій, не оставили безъ набѣга и новый городъ, построенный Псковичами въ 1464 году на рѣкѣ Синей; они въ 1469 году сдѣлали набѣгъ на этотъ край на Синемъ озерѣ, убили 26 человекъ Псковичей и пожгли дворы, а были подвѣдены двумя измѣнниками, Иваномъ Подкурскимъ и Иваномъ Торгошею, которые жили недалеко отъ Синяго озера и держали перевѣтъ къ Нѣмцамъ о порубежныхъ дѣлахъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Въ 1471 году пріѣхалъ во Псковъ посолъ отъ магистра Ливонскаго изъ Риги и началъ свою рѣчь къ Псковскому вѣчу далекою угрозой, что магистръ хочетъ перебраться изъ Риги въ Вельядъ (Феллинъ) и утвердить въ Вельядѣ свой столъ, т. е. чтобы быть поближе къ Псковскимъ границамъ, и потомъ перешелъ

къ Желачкой водѣ и къ землѣ, что за новымъ Краснымъ городкомъ, и сказалъ: „чтобы намъ то держать до Наровскаго мира крѣпко на обѣ половины, то вы должны уступить князю магистру землю за Краснымъ городкомъ; а не уступите, ино вамъ не дозволено будетъ ловить въ Желачкѣ Вельневицкой“. Посадники и вѣче на это отвѣчали: „воленъ князь магистръ, гдѣ хочетъ тамъ себѣ и живетъ и княженіе держать, городъ ему свой; а что намъ князь магистръ о землѣ и о водѣ говорить, а то земля и вода св. Троицы, Псковская вотчина, великихъ князей всея Русіи страданіе, тутъ у насъ нынѣ и города стоятъ; а что до Наровскаго мира, то до срока мы хотимъ его держаться такъ же какъ говорить намъ вашъ государь, князь магистръ.“ Нѣмецкій посолъ прожилъ во Псковѣ двѣ недѣли и отпушевъ Псковичами съ честію. На этомъ пока и остановилось дѣло съ Нѣмцами. Между тѣмъ на Литовской границѣ также оставались спорныя дѣла по землѣ и водѣ, и для рѣшенія ихъ въ 1470 году Литовскимъ королемъ Казимиромъ былъ назначенъ съѣздъ на Березничи; и вѣче отправило на этотъ съѣздъ четырехъ посадниковъ и бояръ отъ всѣхъ концовъ, а вмѣстѣ съ ними отправился и самъ князь Ѳеодоръ Юрьевичъ съ своимъ сыномъ Васильемъ, очевидно за тѣмъ, чтобы въ качествѣ велико-княжескаго намѣстника охранять интересы какъ Псковскіе, такъ и своего государя, т. е. вести дѣло такъ же, какъ онъ велъ дѣло при заключеніи мира съ Нѣмцами въ 1463 году, когда былъ Московскимъ воеводою. Этотъ съѣздъ, послѣ многихъ споровъ съ Литовскими панами, продолжавшихся четыре дни, кончился ничѣмъ. На слѣдующій годъ,

весною, вѣче отправило новыхъ пословъ къ королю Литовскому просить разрѣшенія спорныхъ дѣлъ о землѣ и о водахъ, и жаловаться что съѣздъ кончился ничѣмъ отъ присланныхъ имъ пановъ. Король принялъ пословъ въ Вильнѣ, чтить, кормилъ и дарилъ ихъ, и далъ такой отвѣтъ: „ежели мои паны а съ вами на границѣ никакой управы не учинили: ино я самъ хочу быть на тѣхъ границахъ и досмотрѣть то своими глазами.“ И съ тѣмъ отпустилъ пословъ, которые, возвратившись во Псковъ, доложили королевскій отвѣтъ вѣчу. Королевскій отвѣтъ не понравился Пскову и Псковичи говорили, „что такъ никогда не бывало ни отъ великихъ князей ни отъ королей: сколько ихъ ни было въ Литовской землѣ, всё они посылали на съѣздъ пановъ, а никогда не ѣздили правитья съ Псковичамъ о порубежныхъ мѣстахъ и границахъ.“ И дѣйствительно Псковскимъ посламъ мудрено было вести дѣло на съѣздѣ подъ предсѣдательствомъ самаго короля.

Но прежде нежели рѣшено было отправить пословъ на съѣздъ къ королю Литовскому, въ Маѣ мѣсяцѣ великій князь Московскій прислалъ своего дьяка съ требованіемъ, чтобы Псковъ къ 16 Іюня положилъ въ великомъ Новгородѣ розмѣтныя грамоты. Еще прежде, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1470 года, Московскій государь присылалъ подымать Псковичей на Новгородъ, ежели Новгородцы не добьютъ ему челомъ; и тогда Псковичи предлагали Новгородцамъ свое ходатайство у великаго князя, но Псковскаго ходатайства не приняли Новгородцы; а посему Псковичи поспѣшили исполнить требованіе великаго князя и отослали съ подвойскимъ Савкою розмѣтныя грамоты въ Новго-

родъ, и потомъ, собравши десять тысячъ рубленаго (собраннаго по раскладкѣ) войска, подъ предводительствомъ своихъ посадниковъ, — княжескаго сына Василя Федоровича и другаго посадника Тимоея Васильевича, отпустили воевать Новгородскую землю. Но въ тотъ день, какъ Псковская рать начала воевать Новгородское порубежье, Новгородцы изъ Вышгорода напали на Псковскія владѣнія и въ Навережской губѣ пожгли много хоромъ и церковь. Услышавши объ этомъ, Псковская рать пошла къ Вышгороду и, осадивши городъ, стала бить изъ пушекъ и стрѣлять стрѣлами и дѣлать приметь къ городу. Вышгородцы оборонялись крѣпко, зажгли приметь и побили много Псковскихъ ратниковъ, и въ числѣ ихъ стараго посадника Ивана Тихоновича. Такъ прошелъ первый день осады, а на другой день Вышгородцы, не имѣя запасовъ, стали просить мира и цѣловали крестъ не воевать Псковской волости; и Псковская рать, которой должно было спѣшить на соединеніе съ Московскою ратью, дала миръ Вышгородцамъ и отступила отъ города. Между тѣмъ Новгородцы, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ Псковскаго нашествія, выслали противъ Псковичей рать въ 40 тысячъ воиновъ, и успѣли уже отрѣзать дорогу къ соединенію Псковской рати съ Московскою; и Псковская должна бы была погибнуть, ежели бы предводитель Московскаго войска князь Данилъ Холмскій не разбилъ Новгородцевъ на Шелони, и не открылъ тѣмъ дорогу Псковской рати на Новгородъ, куда она по приказу великаго князя и пошла и остановилась въ мѣстечкѣ Князичахъ. Псковичи, стараясь выслужиться передъ великимъ княземъ, а можетъ быть и по старой враждѣ съ Новгородомъ,

не удовольствовались снаряженіемъ рубленой рати и послали еще на Новгородское порубежье полторы тысячи охотниковъ, подъ начальствомъ воеводъ Манухны Суюгина и дьяка Ивана; но эта рать, занимавшаяся только грабежомъ и опустошеніемъ, еще меньше имѣла успѣха чѣмъ рубленая рать, и была разбита Новгородцами между рѣками Лютой и Скиромъ. Впрочемъ Псковскія неудачи не спасли Новгородцевъ, разбитыхъ Московскими войсками; и они должны были заключить миръ, какого хотѣлось государю Московскому; въ этотъ миръ, разумѣется, были включены и Псковичи, и Псковская рать великимъ княземъ отпущена домой и воротилась во Псковъ съ большою добычей.

Между тѣмъ неудовольствія и ссоры Псковичей съ своимъ княземъ намѣстникомъ дошли до того, что сперва князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Шуйскій началъ жаловаться великому князю на Псковичей; а потомъ, въ началѣ 1472 года, Псковское вѣче отправило посольство въ Москву бить челомъ великому князю о своихъ старинахъ, и просить чтобъ онъ отпустилъ во Псковъ княземъ намѣстникомъ князя Ивана Стригу, а князя Ѳеодора Юрьевича Псковъ не можетъ держать у себя за его наслѣдія. Узнавши зачѣмъ поѣхало въ Москву Псковское посольство, князь Ѳеодоръ Юрьевичъ на другой же день вшедь на вѣчь сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и уѣхалъ въ Москву въ слѣдъ за посольствомъ. Посольство воротилось во Псковъ въ самый праздникъ пасхи и донесло вѣчу такой отвѣтъ великаго князя: „я князь великій васъ свою отчину о всемъ жалую, коегó отъ меня къ себѣ намѣстникомъ, а къ себѣ княземъ хотите, только ко мнѣ своего боярина съ листомъ при-

шлите; а что князь Иванъ Стрига, тотъ мнѣ здѣсь у себя нуженъ.“ По этому отвѣту вѣче снарядило новое посольство въ Москву, а въ то же время пришелъ во Псковъ посолъ отъ магистра Ливонскаго съ назначеніемъ срока на съѣздъ, по случаю истеченія мирныхъ лѣтъ; и Псковичи тому же Псковскому посольству въ Москву наказали просить великаго князя о присылкѣ намѣстникомъ во Псковъ или князя Ивана Бабича, или Стригина брата Ярослава, и съ тѣмъ вмѣстѣ извѣстить о Нѣмецкомъ съѣздѣ. Великій князь отвѣчалъ: „васъ, свою отчину Псковъ, жалью князь Ярославомъ, а Иванъ Бабичъ мнѣ самому нуженъ, на съѣздъ же съ Нѣмцами немедленно шлю своего боярина, на имя Андрея Тимоѣевича,“ и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Такимъ образомъ Нѣмецкое дѣло совершенно перешло въ руки Московскаго Государя, которому Псковское вѣче обязано было докладывать о всѣхъ значительныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами, и представителемъ Московскаго князя въ дѣлахъ съ Нѣмцами былъ уже не князь намѣстникъ Псковскій, а особый бояринъ, присылаемый изъ Москвы съ блестящею свитой дѣтей боярскихъ. Но на срокъ послы магистра не явились, и онъ прислалъ во Псковъ гонца съ извѣстіемъ, что ему недосугъ быть на съѣздѣ, и людей своихъ также нельзя прислать. Но вмѣсто Нѣмецкаго посольства Псковичамъ въ началѣ Октября 1472 года пришлось встрѣчать невѣсту Московскаго Государя, Греческую царевну Софію Фоминишну, проѣзжавшую черезъ Псковъ изъ Рима въ Москву. По отъѣздѣ царевны Софіи приѣхали во Псковъ посольствомъ отъ магистра Николы Клавша съ порубежья Иванъ бояринъ земскій; и

вѣче ихъ задержало по искамъ на нихъ обидныхъ людей, и потому что магистръ съѣзды откладываетъ, ни самъ не ѣдетъ на съѣздъ, ни людей своихъ не присылаетъ, а исправы не даетъ. Наконецъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1473 года пріѣхалъ князь Ярославъ Васильевичъ на княженіе, а отъ великаго князя намѣстникомъ; и Псковичи приняли его честно, какъ и прежнихъ князей, и посадили на княженіе въ церкви св. Троицы; потомъ на вѣчѣ новый князь цѣловалъ крестъ ко Пскову на суду и на пошлинныхъ грамотахъ, и на всѣхъ старинахъ Псковскихъ.

По пріѣздѣ новаго князя намѣстника, уже весною, прибыли наконецъ во Псковъ и послы магистра Ливонскаго съ объявленіемъ, что сроку на съѣздъ быть черезъ двѣ недѣли по Петровѣ дни, и тѣ же послы выкупили задержанныхъ прежде пословъ Нигулу Клавши и Ивана земскаго, а заплатили за нихъ обиднымъ людямъ (истцамъ) 75 рублей. И на срокъ, назначенный магистромъ, Псковское вѣче отрядило трехъ посадниковъ и бояръ отъ концовъ къ Новгородскимъ посламъ на съѣздъ въ село Новое на Нарову, а магистръ на тотъ же срокъ прислалъ своихъ пословъ въ Ругодивъ (Нарву); и послы съѣзжались и разѣзжались цѣлую недѣлю и никакой управы не учинили. Псковское вѣче, видя безуспѣшность съѣзда, отправило пословъ въ Москву бить челомъ великому князю, чтобы всѣлъ на конь за домъ св. Троицы, какъ и прежде сего стояли его прародители противъ Нѣмцевъ. Ливонскій магистръ снова послалъ своего посла въ Новгородъ, чтобы тамъ быть съѣзду о мирѣ, и Псковъ также отрядилъ своихъ пословъ въ Новгородъ, двухъ посадниковъ и одного боярина, и

боярину далъ наказъ, чтобы ни учинилось на этомъ създѣ, прямо изъ Новгорода гнать въ Москву съ донесеніемъ къ великому князю. Псковскіе посадники прожили въ Новгородѣ три недѣли, и относительно мира ни въ чемъ не могли сговориться съ Нѣмецкимъ посломъ, и посолъ покончилъ переговоры тѣмъ, что магистръ не принимаетъ и перемпря со Псковомъ по истеченіи срочныхъ лѣтъ. Послѣ чего посадники возвратились во Псковъ, а бояринъ, согласно наказу отъ вѣча, погналъ въ Москву бить челомъ, чтобы князь великій или самъ всѣлъ на конь, или послалъ своего сына за домъ святыя Троицы. И 29 Августа воротился изъ Москвы бояринъ и донесъ вѣчу отвѣтъ Государя Московскаго: „я князь великій и съ своимъ сыномъ радъ стоять и боронить домъ св. Троицы и васъ, свою отчину Псковъ, и на конь всѣсть со всѣми силами русскими, когда почнутъ васъ Нѣмцы.“ Получивъ такой отвѣтъ, Псковское вѣче отправило въ Москву посломъ Игнатія Иголку, просить великаго князя, чтобы или самъ на конь всѣлъ, или сына своего послалъ, или брата; и князь отвѣчалъ Иголкѣ: „я за тобою шлю своего гонца во Псковъ.“ И дѣйствительно въ слѣдъ за Иголкою пригналъ во Псковъ гонецъ велико-княжескій, по имени Степанъ Острый, и сказалъ вѣчу именемъ князя: „въ кое время велите, отчина моя, сплѣ моей войску у себя быть?“ Вѣче отвѣчало: „Псковъ положилъ упованіе на великомъ князѣ, на своемъ Государѣ, а приходитъ осеннее распутье.“ Затѣмъ 25 Ноября пріѣхалъ во Псковъ гонецъ отъ Московскаго воеводы князя Данила Холмскаго съ извѣстіемъ, что онъ воевода со всѣмъ войскомъ и съ прочими князья-

ми уже сталъ на рубежѣ и ѣдетъ во Псковъ. Вѣче немедленно выслало посадниковъ, сотскихъ и бояръ отъ концовъ на встрѣчу воеводы и для отведенія квартиръ войску на Завеличъ; и Московское войско цѣлыхъ два дни проходило черезъ Псковъ и размѣщалось по Завеличю, однихъ князей было изъ 22 городовъ. Сначала Москвичи, и особенно Татары, сильно обижали гражданъ Пскова поборами на свое содержаніе; но потомъ князь Данилъ Холмскій договорился съ вѣчемъ, чтобы каждый конецъ Пскова поочередно самъ доставлялъ въ войска договорное количество запасовъ, и беспорядки и обиды прекратились. Между тѣмъ сдѣлалась сильная оттепель съ снѣгомъ, и бывшіе уже подъ льдомъ ручьи, рѣки и болота вскрылись и наполнились водою, такъ что отняли всѣ пути, и Московской рати съ обозами нельзя было двинуться съ мѣста. Да на дѣлѣ и не понадобилось этого,—одно прибытіе велико-княжеской рати во Псковъ, одинъ слухъ о ея появленіи, такъ перепугалъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, что 24 Декабря на самый праздникъ Рождества Христова епископъ Юрьевскій (Дерпскій) и всѣ Юрьевцы прислали своихъ пословъ, которые сперва просили перемирія на пять лѣтъ, а потомъ начали переговоры о мирѣ.

Между тѣмъ 2-го Января 1474 года пріѣхалъ посолье отъ магистра Ливонскаго къ воеводѣ великаго князя, ко князю Псковскому и ко всему Пскову, и сказалъ именемъ своего Государя: „я князь великій Лифляндскій и Рижскій воеводѣ великаго князя челомъ бью, также и князю Псковскому, и Пскову своимъ сосѣдямъ повѣствую, чтобы мнѣ дали миръ, а я князь магистръ съступаюся съ земли и воды дому св. Троицы, и

всего Пскова моихъ сосѣдей, да и беру на себя, чтобы мнѣ къ вамъ во Псковъ изъ своей волости корчмы пива и меду не пущать, да и путь мнѣ Псковскимъ посламъ и купцамъ держать чистъ, а колоду (заставу) отложить по всей моей державѣ; а на томъ пишу грамоту и крестъ цѣлую за всю мою державу и за всѣ города, кромѣ епископа Юрьевского и всѣхъ Юрьевцевъ.“ Воевода Московскій, князь намѣстникъ и весь Псковъ (вѣче) приняли челобитье магистровыхъ пословъ и дали имъ миръ на всемъ на томъ на 20 лѣтъ; и посолъ, написавъ грамоту 7-го Января, цѣловалъ на томъ крестъ и поѣхалъ въ Ригу къ своему Государю, а воевода Московскій и вѣче, послали за нимъ своихъ пословъ, передъ которыми магистръ на всемъ на томъ крестъ цѣловалъ и печати свои приложилъ къ миродокончальнымъ грамотамъ, а Псковскіе послы также поцѣловали крестъ къ магистру за весь Псковъ и за всѣ пригороды. Между тѣмъ прибыло во Псковъ и Новгородское войско, на помощь противъ Нѣмцевъ, и Новгородскій посолъ на случай заключенія мира. Юрьевскіе послы, видя и слыша все это, поспѣшили также заключить миръ, и заключили его на тридцать лѣтъ, на тѣхъ же условіяхъ какъ и магистръ Ливонскій, т. е. чтобы Юрьевцамъ во Псковъ корчмы не возити, ни торговать корчмою, ни колоды у крѣпости не держать, и сверхъ того Юрьевцы и ихъ епископъ обязались русскія церкви въ Юрьевѣ и русскій конецъ держать по старинѣ честно и не обидѣть, а дань и старыя залогы Русскихъ великихъ князей за восемь лѣтъ отдать тотчасъ, а впередъ Юрьевскому епископу платить дань ежегодно по старинѣ. А Псковцамъ

добровольно торговать по всей Юрьевской землѣ со всякимъ гостѣмъ по старинѣ и по крестному цѣлованію, и Юрьевцамъ также по всей Псковской землѣ; и на всемъ на томъ пописавъ грамоты, Юрьевскіе послы цѣловали Пскову на вѣчѣ крестъ, и на томъ же цѣловали крестъ Новгородскіе послы и Псковскій степенный посадникъ. А на другой день было отряжено Псковское посольство въ Юрьевъ, и тамъ передъ нимъ цѣловали крестъ епископъ Юрьевскій, посадники и ратманы и всѣ Юрьевцы и къ грамотамъ печати свои привѣсили. По окончательномъ заключеніи мира, наконецъ 30 Января и Московскій воевода князь Даніилъ Холмскій съ Московскимъ войскомъ двинулся изъ Пскова; и Псковское вѣче приказало посадникамъ и боярамъ проводить его до рубежа, и на прощаньи поднесло дара 200 рублей, а равнымъ образомъ и бывшимъ съ нимъ князьямъ и воеводамъ и всему войску подавало дары, за ихъ стояніе и оборону; а стояло Московское войско во Псковѣ 9-ть недѣль.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

ПОСТЕПЕННОЕ СТЬСНЕНІЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПСКОВА И ЕГО ПАДЕНІЕ.

Мы уже видѣли, что почти съ 1443 года Московскій великій князь, съ самаго начала присылки во Псковъ своихъ князей намѣстниковъ, взялъ въ свои руки дѣла Пскова съ Нѣмцами; такъ что Псковое вѣче

почти потеряло право вести эти дѣла безъ участія Московскаго Государя, и должно было о всѣхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами посылать доношенія въ Москву и оттуда ждать разрѣшенія. Со времени же заключенія послѣдняго мира съ Нѣмцами (въ 1474 году) великій князь началъ заявлять свои притязанія и на вмѣшательство во внутреннія дѣла Пскова, и особенно въ отношеніи Псковскаго вѣча къ Псковскимъ князьямъ намѣстникамъ.

По заключеніи мира съ Нѣмцами и по отпускѣ Московскаго войска, вѣче великимъ постомъ отрядило Григорія Умыль Бородина въ Москву съ грамотою къ великому князю бить челомъ на его жалованьи и на печалованіи, т. е. благодарить за присылку войска и вспомошествованіе при заключеніи мира съ Нѣмцами. Бородинъ 8-го Апрѣля, въ великій четвергъ, возвратился изъ Москвы и нежданно-негаданно привезъ отъ великаго князя не любовь, а гнѣвъ до своей отчины, до всего Пскова, за то, что опоздали посольствомъ и не прислали большихъ пословъ въ слѣдъ за отпускомъ Московскаго войска изъ Пскова. Потомъ 19 Апрѣля Псковскій князь намѣстникъ Ярославъ Васильевичъ поѣхалъ въ Москву къ великому князю, и вѣче отрядило съ нимъ свое посольство трехъ посадниковъ и бояръ отъ концовъ, и съ ними отправило сто рублей великому князю въ подарокъ; но Московскій Государь Псковскихъ пословъ приказалъ выпроводить съ подворья и на глаза не допустилъ и подарка не принялъ; и послы, простоявъ пять дней на полѣ въ шатрахъ, возвратились во Псковъ безъ отвѣта. За ними въ слѣдъ пріѣхалъ посолъ изъ Москвы съ требованіемъ, чтобы вѣче прислало новыхъ

пословъ къ великому князю. Съ новымъ посольствомъ Псковъ отправилъ даровъ полтораста рублей; и великій князь челобитье Псковское и дары принялъ и далъ такой отвѣтъ: „я радъ отчину свою устроено держать, ежели вы мнѣ пришлете пошлинныя грамоты прежнихъ великихъ князей.“ И съ тѣмъ отпустилъ Псковъ. Такимъ образомъ, начавши объявленіемъ гнѣва за позднюю присылку посольства, великій князь перешелъ къ повѣржѣ законовъ, на основаніи которыхъ опредѣляются отношенія Пскова къ князьямъ, и потребовалъ пошлинныхъ грамотъ, какъ бы для того, чтобы по грамотамъ узнавши старины Псковскія правильнѣе можно было соблюдать ихъ. Между тѣмъ 13-го Ноября князь намѣстникъ Ярославъ Васильевичъ воротился изъ Москвы и сталъ просить у вѣча, чтобы держать судъ не по Псковской старинѣ, получать двойныя пошлины при вызовѣ въ судъ, а по пригородамъ его намѣстникамъ собирать и княжюю продажу и намѣстничьи деньги. Вѣче, разумѣется, отказало въ таковой просьбѣ и, отрядя въ Москву своихъ пословъ съ жалобой, отправило съ ними грамоты, которыя требовалъ великій князь. Великій князь, пересмотрѣвъ присланныя грамоты, опять отдалъ ихъ Псковскимъ посламъ и далъ такой отвѣтъ: „это грамоты не самихъ великихъ князей; и вы должны разрѣшить все то, чего князь у васъ просить.“ Или, иначе сказать, великій князь присланныя Псковскія грамоты, какъ состоявшія только изъ опредѣленій вѣча, а не изъ грамотъ княжескихъ, не призналъ обязательными ни для себя, ни для князя намѣстника, который долженъ повиноваться повелѣніямъ своего Государя; и такимъ образомъ за

одинъ разъ отвергъ даже тѣ основанія, на которыхъ Псковъ утверждалъ свои отношенія къ князьямъ.

Когда послы донесли вѣчу отвѣтъ великаго князя; то Псковъ отправилъ въ Москву новое посольство съ грамотою, въ которой писано: „чего нынѣ у насъ князь Ярославъ просить, а не по нашимъ старинамъ, ино намъ нельзя жить.“ Великій князь на эту грамоту отвѣчалъ, что онъ о томъ шлетъ своего посла въ свою отчину.“ Между тѣмъ въ Ноябрь мѣсяцѣ 1475 года великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ; Псковское вѣче, узнавши объ этомъ, отправило въ Новгородъ большое посольство, состоящее изъ четырехъ посадниковъ, и изъ бояръ отъ концовъ, по два отъ cadaго, и сыновъ посадничьихъ, бить челомъ, чтобы великій князь держалъ Псковъ, свою отчину, по старинѣ, и съ посольствомъ въ даръ великому князю препроводило 50 рублей. Великій князь, выслушавъ посольство и принявъ дары, отвѣчалъ: „я васъ отпущу, какъ пріѣдетъ сюда князь Ярославъ.“ Князь же Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, началъ жаловаться на посадниковъ и на вѣче. И великій князь сказалъ посламъ: „нынѣ я васъ отпускаю, а своихъ пословъ шлю къ вамъ во Псковъ съ Княземъ Ярославомъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ на срочные дни.“ И 1-го Января 1476 года князь Ярославъ возвратился во Псковъ и съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали послы великаго князя Василій Китаинъ да Морозовъ и такую рѣчь держали на вѣчѣ: „чтобы въ чемъ вы преступили передъ княземъ Ярославомъ, и вы бы въ томъ доби́ли ему челомъ, и также разрѣшили князю Ярославу деньгу намѣстничу и ѣзды вдвое, и по пригородамъ намѣстникамъ собирать княжія продажи, и

нивный судъ по старинѣ, судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валица; а не исполните всего этого, ино вѣдаетъ Государь нашъ великій князь, а насъ прислалъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ въ пять дней съѣздить сюда и назадъ.“ На такое рѣшительно и въ краткій срокъ поставленное требованіе оставался одинъ отвѣтъ,—исполнить требованіе вполнѣ и немедленно. Псковское вѣче такъ и поступило: оно вмѣстѣ съ посадниками на вѣчѣ же заплатило князю Ярославу 130 рублей за все, въ чемъ онъ показывалъ себя обиженнымъ отъ Пскова; а великому князю дало обѣщаніе исправить все князю и его намѣстникамъ, о чемъ онъ просилъ. Затѣмъ князь Ярославъ, вмѣстѣ съ Московскими послами, поѣхалъ къ великому князю, и вѣче отрядило съ ними своихъ пословъ, двухъ посадниковъ, бить челомъ великому князю, чтобы онъ жаловалъ свою отчину Псковъ. Великій князь на это отвѣчалъ: „въ чемъ вы обѣщались князю Ярославу и мнѣ, тѣмъ васъ жалую свою отчину, а васъ хочу держать въ старинѣ свою отчину; а кого къ вамъ о своихъ дѣлахъ не пришлю, и вы бы меня слушали, а ему бы вѣрили, какъ и мнѣ великому князю и моей грамотѣ.“ Въ настоящемъ отвѣтѣ великій князь съ одной стороны пожаловалъ Псковичей, т. е. оставилъ имъ ихъ старину и не велѣлъ князю намѣстнику собирать нововведенныхъ пошлинъ, на которыя уже согласились Псковичи; а съ другой стороны лишилъ ихъ самаго существеннаго въ ихъ старинѣ,—лишилъ права ссылаться, какъ на законъ, на опредѣленія вѣча или на пошлины; ибо съ этого отвѣта старина и пошлина сдѣлались пожалованіемъ великаго князя, которое

онъ могъ и отнять по своему усмотрѣнію. И на это право отнять онъ прямо указалъ въ концѣ своего отвѣта: „и вы бы меня слушали, а кого къ вамъ о своихъ дѣлахъ не пришлю, а ему вѣрили какъ и мнѣ.“ Значитьсь этого знаменитнаго отвѣта закономъ для Пскова должна была быть воля великаго князя, а не старые Псковскіе законы, которые по волѣ или по пожалованію великаго князя на сей разъ хотя и были оставлены неприкосновенными. Послѣ этого отвѣта судьба Пскова была рѣшена: великій князь получилъ полное право вводить какія угодно новости, хотя великій князь Иванъ Васильевичъ пользовался симъ правомъ умѣренно и считалъ нужнымъ охранять самостоятельность Пскова.

Довольные великимъ княземъ за его пожалованіе стариною, Псковичи въ Іюнь мѣсяцѣ 1476 года отправили посольство въ Москву съ жалобною грамотой, а бити челомъ съ плачемъ великому князю на князя Ярослава Васильевича, чтобы онъ съ своею отчиною его сослалъ, а намъ бы далъ своей отчинѣ князя Ивана Александровича Звѣнигородскаго, занеже онъ надъ всѣмъ Псковомъ чинить насиліе великое, а его намѣстники по пригородамъ и волостямъ“. На эту просьбу великій князь отвѣчалъ, что пришлетъ своего посла о томъ, да хочетъ съ своею отчиною со Псковомъ судъ творить своимъ посломъ по своимъ засыльнымъ грамотамъ, а не по старинамъ, какъ держали свою отчину Псковъ его прародители.“ Другаго отвѣта нельзя было и ждать, ибо старина уже сдѣлалась пожалованіемъ, а воля великаго князя закономъ. Между тѣмъ, 2-го Сентября, у князя Ярослава съ Псковичами учинилась ссора. Везъ одинъ Пско-

витинъ съ города капусту черезъ торгъ, мимо княжаго двора, и княжій слуга, по-псковски шестникъ, взялъ съ воза кочанъ капусты и далъ княжескому барану; и изъ этого началась ссора и брань у Псковичей съ шестниками, и шестники напали на Псковичей съ ножами и начали стрѣлами стрѣлять, а Псковичи стали обороняться камнями и бревнами, и самъ князь Ярославъ вышелъ въ панцырѣ и началъ стрѣлять; и вскорѣ сбѣжался весь городъ на торгъ и посадники, и бояре, и житейскіе люди и остановили рѣзню и къ вечеру сошлись къ князю на сѣни и уговорили его шестниковъ. А на ночь посадники и житейскіе люди всѣмъ Псковомъ держали въ оружіи сторожу на торгу, ибо прошла молва, что шестники въ гнѣвѣ хотѣли ночью зажечь Псковъ и во время пожара бить Псковичей. А на утро Псковичи составили вѣче и отказали князю Ярославу въ княженіи; но Ярославъ на отказъ не обращаетъ вниманія, продолжаетъ жить во Псковѣ и говоритъ, что ждетъ посла отъ великаго князя. Наконецъ, 20 Сентября, пріѣхали изъ Москвы два боярина, введенные судьи, да дьякъ великаго князя и объявили государевъ судъ на вѣчѣ: бояринъ Юрьи Ивановичъ Шестакъ сказалъ: „что Псковичи на Ярослава жаловались и присылали пословъ своихъ на Москву о томъ насилди, что князь Ярославъ какъ самъ чинить надъ Псковомъ сильно, такъ и его намѣстники по пригородамъ и волостямъ; а прежде сего, какъ былъ князь Великій въ Новгородъ, ино о томъ на него не жаловались, опасались больше того гнѣва на себя, а князь Ярославъ и тогда на Псковъ жаловался, и прежде того, и нынѣ опять также.“ За тѣмъ второй бояринъ Иванъ Федоровичъ

Товарковъ говорилъ о виноватыхъ осужденныхъ по суду въ пригородахъ и отнятыхъ Псковичами, и именемъ великаго князя сказалъ: „а только того не исправите (не отдадите виноватыхъ), ино я князь великій, моля Бога ипречистую его Матерь, хотимъ сами направить; а что до князя Ярослава, то князь великій его оставляетъ на столѣ во Псковѣ“. За тѣмъ 24 Сентября прибыли изъ Москвы Псковскіе послы, и привезли одинъ отвѣтъ отъ великаго князя: „что весь мой наказъ о всѣхъ управахъ къ своей отчинѣ съ своими боярами я послалъ.“ Бояре, судьи и дьякъ прожили во Псковѣ двѣ недѣли и много спорили съ вѣчемъ о всемъ томъ, и требовали выдачи тѣхъ, которыхъ Ярославовы намѣстники на пригородахъ безсудно поговали, и которыхъ Псковъ расковалъ, или который князю Ярославу слово какво молвилъ (т. е. побранился съ Ярославомъ). Но Псковичи ни на что не согласились и дали судьямъ такой отвѣтъ: „кого вы у насъ головами требуете, тѣхъ не можемъ выдать по пошлинѣ и старинѣ съ нашими прежними господами, то люди правые. А что вы князя Ярослава у насъ на столѣ сажаете; а то вѣдаетъ государь нашъ князь великій, а мы съ нимъ не можемъ жить, ежели онъ будетъ держать такое насилье надъ нами; а еще о всемъ о томъ шлемъ своихъ пословъ своимъ осподарямъ (Ивану Васильевичу и его сыну Ивану Ивановичу) о своихъ старинахъ.“ И съ тѣмъ отпустили бояръ судей, изъ которыхъ одинъ Юрій Ивановичъ Шестакъ въ досадѣ даже не принялъ отъ Пскова подарковъ. Въ слѣдъ за отпускомъ бояръ и судей вѣче отправило къ великому князю своихъ пословъ, двухъ посадниковъ и двухъ бояръ. Это по-

сольство возвратилось во Псковъ 2 Января 1477 года и привезло такой отвѣтъ отъ великаго князя: „коли только отчина наша Псковъ такъ учинили, что на дворъ нашего намѣстника а своего князя Ярослава Васильевича находили; ино она сама изъ старины выступила, а не я князь великій.“ Тѣмъ не менѣе 12 Февраля пришла грамота изъ Москвы,—ѣхать Ярославу къ великому князю на Москву со всемъ своимъ дворомъ, а во Псковѣ никого не оставить. И князь Ярославъ по этой грамотѣ на вѣчѣ сложилъ съ себя крестное цѣлованіе, уѣхалъ въ Москву, и на дорогѣ, на послѣднемъ стану съ Мелетова, взялъ и повязалъ провожавшихъ его наряженныхъ отъ вѣча сотскихъ, губскихъ старостъ и иныхъ добрыхъ людей, всего 18 человекъ, и свелъ съ собою въ Москву.

По отъѣздѣ Князя Ярослава, Псковское вѣче 9 Марта отправило въ Москву своихъ пословъ бить челомъ великому князю о своихъ старинахъ и просить себѣ князя вольнаго, князя Василья изъ Новгорода, или князя Ивана Владиміровича, и жаловаться на то, что Ярославъ силою увелъ съ собою провожавшихъ его людей, и послало съ послами дару сто рублей. Великій князь и съ сыномъ своимъ приняли посольство ласково, отпустили всѣхъ тѣхъ, которыхъ свелъ Ярославъ, и на отпускѣ посольства великій князь далъ такой отвѣтъ: „а что о вашихъ дѣлѣхъ моей отчины, а то я со всѣмъ своимъ наказомъ шлю къ вамъ своихъ пословъ.“ Но прежде присылки пословъ о Псковскихъ дѣлахъ 7-го Іюня пріѣхалъ отъ великаго князя посолъ поднимать Псковичей на Новгородъ, которому великій государь объявилъ войну, чтобы Псковъ, отославъ въ Новгородъ розметныя

грамоты, всѣлъ на конь. Вѣче отпустило Московскаго посла съ такимъ отвѣтомъ: „на всемъ на томъ мы еще шлемъ своихъ пословъ въ Москву къ своимъ государямъ, а сами отъ нихъ услышимъ, какъ намъ о всемъ томъ укажутъ своими усты.“ И 21 Юля отправленъ былъ посломъ посадникъ Андрей Сосонокъ съ боярами, и получилъ отъ великаго князя отвѣтъ: „со всемъ моимъ наказомъ мой посолъ еще у васъ будетъ, и вы бы ему какъ и намъ вѣрили, что отъ насъ учнетъ говорить вамъ, нашей отчинѣ.“ Между тѣмъ вѣче посылало гонца и въ Новгородъ, предлагая ходатайствовать за Новгородцевъ у великаго князя; и отъ Новгородскаго вѣча полученъ отвѣтъ: „ежели вы къ намъ сими часы на всемъ пригожествѣ, опричь Коростынскаго прикончанья, нынѣчи крестъ поцѣлуете, тогда вамъ все явимъ по нынѣшнему крестному цѣлованью; а только такъ намъ не учините, и мы отъ васъ не хотимъ никакого пригожества до великихъ князей, ни челобитья вашего ни пословъ.“ Затѣмъ 15-го Сентября пріѣхалъ во Псковъ прежній посолъ отъ великаго князя, чтобы Псковичи немедленно отослали розметныя грамоты въ Новгородъ, что и было исполнено со стороны Псковскаго вѣча. Но когда Московскій посолъ сталъ требовать, чтобы Псковичи немедленно вооружились и сѣли на коней, и говорилъ: „я вамъ приставленъ воеводою на великій Новгородъ;“ то вѣче отвѣчало: „хотимъ еще къ великому князю гонца своего слать, какъ намъ самъ повелить, и князя (князя намѣстника Псковскаго) на имя просить; а онъ пріѣхавъ здѣсь и поцѣловавъ крестъ, и съ нами на конь всядетъ и мы съ нимъ, а дотолѣ не хотимъ.“ Наконецъ 16-го Ноября при-

былъ во Псковъ вновь назначенный князь намѣстникъ, князь Василий Васильевичъ, котораго просили сами Псковичи, и съ нимъ Московскій воевода Василий Дятель. Псковичи встрѣтили новаго князя намѣстника съ честію и посадили на княженіе передъ Московскимъ воеводою въ церкви св. Троицы, потомъ князь намѣстникъ на вѣчѣ цѣловалъ крестъ ко Пскову на всѣхъ Псковскихъ пошлинахъ и старинахъ, и проживши во Псковѣ недѣлю, вмѣстѣ съ Московскимъ воеводою повелъ Псковское войско на Новгородъ; и 2-го Декабря Псковское войско заняло, по распоряженію великаго князя, владычне село надъ озеромъ Ильменемъ и тамъ остановилось. Потомъ великій князь прислалъ во Псковъ своего боярина, чтобы Псковичи ему и тѣмъ послужили, прислали бы муки пшеничной и меду прѣснаго и рыбы, а также чтобы купцы Псковскіе со всякими товарами ѣхали торговать подъ великій Новгородъ; и Псковичи, по слову великаго князя, немедленно накрутивъ на воза хлѣбъ и медъ и муку пшеничную и калачи и рыбу, на своихъ извозчикахъ отправили подъ Новгородъ, а съ ними поѣхали и Псковскіе купцы съ разнымъ товаромъ. Затѣмъ великій князь приказалъ еще прислать пушки и мастеровъ дѣлать мосты; и вѣче все это исполнило и отослало подъ Новгородъ. Псковская рать стояла подъ Новгородомъ семь недѣль, а всего съ проѣздомъ взадъ и впередъ была въ походѣ 8 недѣль и два дни. По взятіи Новгорода, Великій князь 17 января 1478 отпустилъ Псковскую рать и съ нею отправилъ своихъ пословъ во Псковъ, которые на вѣчѣ именемъ великаго князя сказали отъ него поклонъ Пскову на службѣ и золоченый кубокъ, и

повторили слѣдующія слова великаго князя: „я князь великій хочу васъ, свою отчину, держать въ старинѣ, а вы бы также, наша отчина, слово наше держали честно надъ собою, а наше жалованье къ себѣ, а то бы знаячи помнили“.

Война съ Новгородомъ породила войну Пскова съ Ливонскими Нѣмцами; во время осады Новгорода, Московскія войска, опустошая Новгородскую землю, добрались до рѣки Наровы, перешли за Нѣмецкій рубежь и тамъ пограбили Нѣмецкія волости. Въ отвѣтъ на это Ливонскій магистръ задержалъ Псковскихъ купцовъ; Псковичи посылали къ нему нѣсколько пословъ для объясненій и успѣли освободить Псковскихъ купцовъ, но захваченныхъ товаровъ магистръ не отпустилъ. Псковичи за это сдѣлали набѣгъ на порубежныя Нѣмецкія волости, и возвратились съ большою добычей и плѣнниками. А въ то время были въ Юрьевѣ 45 человекъ Псковскихъ купцовъ, и Юрьевцы за набѣгъ засадили купцовъ въ погребъ. Псковичи, услыхавши объ этомъ, засадили у себя въ погребъ Нѣмецкихъ купцовъ, бывшихъ во Псковѣ, и отправили своего посла въ Юрьевъ для объясненій; и переговоры тянулись слишкомъ годъ, а въ это время Ливонскій магистръ, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, дѣятельно готовился къ войнѣ и собралъ войска до ста тысячъ. Наконецъ, 2-го января 1480 года, не сдѣлавъ никакого объявленія о войнѣ, среди мира Нѣмцы магистровы и архіепископскіе люди напали изгономъ на Вышгородокъ, взяли городокъ, сожгли стѣну и церковь, а жителей мечами пзсѣгли, какъ мушьянъ, такъ женщинъ и дѣтей. Вѣсть объ этомъ набѣгѣ пришла во Псковъ ночью, и по-

садники ночью же звонили два раза вѣче, и ночью же, собравши рать съ четырехъ сохъ конь, на утро отправились къ городищу, но Нѣмцевъ уже тамъ не застали, и по приказу вѣча воротились домой. Потомъ, 20 Января, пришла новая вѣсть, что Нѣмцы пришли ратью подъ городъ Гдовъ ночью, и со многимъ замышленіемъ обступили городъ, и почали пушками бить, а иная рать Нѣмецкая воюетъ по волости и посадъ подъ городомъ пожгли. Вѣче немедленно отправило гонца въ Новгородъ къ великому князю, тамъ тогда бывшему, просить рати на Нѣмцевъ; и великій князь отправилъ въ помощь Псковичамъ на Нѣмцевъ своего воеводу съ своими ратными людьми. Между тѣмъ Нѣмцы награвившись отступили отъ Гдова и ушли въ свою землю. Когда Московскій воевода съ войскомъ прибылъ во Псковъ, то немедленно собрались и Псковичи съ пригорожанами и, вмѣстѣ съ присланною Московскою ратью отправились въ Юрьевскую область, и проходя по берегу Чудскаго озера взяли Нѣмецкую крѣпостцу со множествомъ пушекъ, пороха и другихъ припасовъ, пушки и припасы Псковичи взяли себѣ, а крѣпостцу сожгли, гарнизонъ же самъ сдался въ плѣнъ. Отъ крѣпостцы вся рать пошла къ Юрьеву и, простоявъ подъ городомъ день да ночь, воротилась во Псковъ съ большою добычей и множествомъ плѣнниковъ Чуди и Нѣмцевъ. И воевода Московскій съ своею ратью, по возвращеніи изъ Нѣмецкой земли, простоявъ во Псковѣ три дни, отправился въ Москву, разсорившись съ Псковичами, кажется изъ-за плѣнниковъ, которыхъ онъ большое множество увелъ съ собою.

Ливонскій магистръ Бернардь фонъ-Борхъ, услышавши что Московскій воевода съ своею ратью уѣхалъ изъ Пскова, подступилъ къ Изборску, но не останавливаясь у этого города двинулся къ озеру, пожигая по дорогѣ все Псковскія селенія, такъ что изъ Пскова виденъ былъ дымъ горѣвшихъ селеній. Псковичи, наскоро собравшись съ пригорожанами, 1-го Марта встрѣтили Нѣмцевъ на Пецкой губѣ на озерѣ и сторожевой Псковскій полкъ вступилъ въ битву съ Нѣмецкимъ сторожевымъ полкомъ; но ни Псковская, ни Нѣмецкая главная рати не тронулись съ мѣста, и послѣ первой схватки сторожевыхъ разошлись, Нѣмцы въ свою сторону, а Псковичи во Псковъ. Но когда Псковичи ушли, Нѣмцы воротились и пожгли исады и островцы, потомъ подступили къ городу Кобылѣ и, послѣ упорной битвы съ гражданами на стѣнахъ города, взяли и сожгли городъ, причемъ погибло въ пламени слишкомъ четыре тысячи человекъ, а иные попались въ плѣнъ. Взавши городъ Кобылу, черезъ тринадцать дней магистръ съ большими силами и разными машинами и пушками подступилъ къ Изборску; но простоявъ подъ городомъ только два дни, двинулся со всею своею силою ко Пскову, и сталъ станомъ на Завелицкомъ полѣ, ибо Завеличье уже было сожжено самими Псковичами, когда они узнали о движеніи Нѣмцевъ ко Пскову. Магистръ съ своею ратью сталъ станомъ на Завелицкомъ полѣ 20 Августа, а 21 прибыли Юрьевцы на тринадцати шнекахъ и стали станомъ за церковію св. Стефана на лугу, и начали бить изъ пушекъ на Запсковье и на Полонище, и особенно усердно подступали къ Запсковью, подплывали въ шнекахъ и били изъ пушекъ,

и наконецъ наклали два учана хворостомъ и соломою и поливши смолою зажгли и повели по рѣкѣ къ Запсковью, чтобы такимъ образомъ зажечь его; но Псковичи, вооружившись кто чѣмъ попало, вышли на берегъ и сдѣлали такой отпоръ, что не только не допустили причалить огненные учаны къ берегу, но и захватили нѣсколько шнекъ, и одну шнеку потопили и съ людьми бывшими на ней; послѣ чего Нѣмцы, простоявъ подъ Псковомъ всего пять дней, сняли осаду и удалились. Псковичи послали къ великому князю бить челомъ, чтобы прислалъ войска во Псковъ, идти вмѣстѣ съ Псковичами на Нѣмцевъ и мстить за Псковскую обиду. Великій князь по этому челобитью прислалъ во Псковъ 20 тысячъ Новгородскаго и Московскаго войска, подъ начальствомъ своихъ воеводъ князя Ярослава Васильевича и князя Ивана Булгака, которые прибыли во Псковъ 11 Февраля 1491 года и, простоявъ тамъ недѣлю, отправились вмѣстѣ съ Псковичами воевать на Нѣмцевъ тремя дорогами, и взяли Нѣмецкіе города Тарвасть и Вельядъ, и полгѣнили и пожгли Нѣмецкую землю отъ Юрьева и до Риги, а Латышей и Чухновъ, мушницъ, женщинъ и дѣтей иныхъ изсѣкли, иныхъ пожгли, а иные, укрывавшіеся въ лѣсахъ, погибли или отъ сильныхъ морозовъ, или отъ голода. Лѣтописецъ говоритъ, что Нѣмецкая земля тогда не чаяла войны и жила безъ страха и безъ осторожности. И войска Московскія, Новгородскія и Псковскія, пробывши въ Нѣмецкой землѣ четыре недѣли, воротились во Псковъ со многою корыстію и привели съ собою Нѣмцевъ и Нѣмокъ, Чуди и Чудокъ и дѣтей безчисленное множество, отмстивши Нѣмцамъ въ двадесатеро и больше, какъ сказано въ

одной Псковской лѣтописи, чему не противорѣчитъ и Нѣмецкій лѣтописецъ, который говоритъ, что Рускіе тысячами гнали изъ Ливоніи людей какъ скотину. Послѣ такого урока Нѣмцы прислали пословъ въ Новгородъ просить мира у намѣстниковъ великаго князя. Услыхавши о пріѣздѣ Нѣмецкихъ пословъ въ Новгородъ и Псковичи отрядили туда двухъ посадниковъ. Переговоры о мирѣ танулись одиннадцать недѣль и наконецъ миръ заключенъ 1-го Сентября 1481 года на десять лѣтъ, на основаніи Наровскаго мира, заключеннаго княземъ Даніиломъ Холмскимъ въ 1474 году, и написаны грамоты: 1-я грамота великому Новгороду, вторая Псковичамъ, третья Магистру и четвертая Юрьевцамъ. По заключеніи мира пришли во Псковъ послы отъ магистра, просить дороги въ Москву къ великому князю, и Псковичи дали имъ дорогу, да за ними послали и своихъ пословъ въ Москву; затѣмъ въ 1482 году проѣжали черезъ Псковъ послы великаго князя къ магистру въ Кесь (Венденъ). Такимъ образомъ кончилась послѣдняя война независимаго Пскова съ Нѣмцами, но и она въ сущности была не старая война Псковичей, а скорѣе война великаго князя Московскаго. Она и началась не по винѣ Пскова, ибо Нѣмцы ее начали потому, что Московская рать во время Новгородскаго похода повоевала Нѣмецкую волость за Наровой; да и конецъ этой войны уже зависѣлъ не отъ Пскова, а отъ великаго князя Московскаго, и послы Нѣмецкіе пришли просить мира не во Псковъ и не къ Псковскому вѣчу, а въ Новгородъ къ намѣстникамъ великокняжескимъ, и по заключеніи мира Нѣмецкіе послы были отправлены магистромъ не къ Псковскому вѣ-

чу, а къ великому князю Московскому. Во Псковѣ даже и не знали, за чѣмъ Нѣмецкіе послы ѣздили въ Москву, равно какъ не знали и о томъ, за чѣмъ Московскіе послы ѣздили къ Магистру въ Кесъ въ 1482 году. Настоящая война ясно показала, что Псковъ уже потерялъ свое прежнее значеніе въ отношеніи къ дѣламъ съ Ливонією: онъ уже пересталъ быть передовымъ бойцомъ за Русскую цивилизацію въ этомъ краю,—эту обязанность принялъ на себя самъ великій князь Московскій, вступившій въ непосредственныя сношенія съ Ливонскими Нѣмцами. Съ окончаніемъ этой войны кончилась самостоятельность и независимость Пскова въ отношеніи къ сосѣдямъ, которые стали на него смотрѣть какъ на Московскій городъ. Хотя въ то же время по внутреннимъ своимъ дѣламъ Псковское вѣче считалось еще самостоятельнымъ и почти независимымъ; но эта самостоятельность уже вполнѣ зависѣла отъ государя Московскаго, который еще считалъ для себя выгоднымъ, чтобы Псковъ казался самостоятельнымъ государствомъ.

Въ слѣдъ за войною съ Нѣмцами начались внутреннія волненія у Псковитянъ,—небывалая еще во Псковѣ борьба бояръ съ черными людьми, начавшаяся не безъ вліянія изъ Москвы или, покрайней мѣрѣ, не безъ участія князя намѣстника Ярослава Васильевича. Дѣло это началось такъ: посадники съ княземъ Ярославомъ составили новую уставную грамоту о смердахъ, и положили ее въ даръ св. Троицы, т. е. утвердили ее какъ дѣйствующій законъ, не спросясь о томъ у вѣча. Грамоты этой до насъ не дошло, и въ чемъ именно состояла она, мы въ подробности не знаемъ; но судя по нѣкоторымъ указа-

ніямъ лѣтописей, она была составлена съ цѣлю дать нѣкоторыя политическія права смердамъ и кажется допустить ихъ къ участию на вѣчѣ, дабы такимъ образомъ дать перевѣсъ боярамъ, отъ которыхъ зависѣли смерды, и съ которыми кажется на сей разъ сошелся князь Ярославъ, неладившій съ сильною и упорною Псковскою демократіей. Въ одной Псковской лѣтописи есть извѣстіе о старой уставной грамотѣ о смердахъ, которую смерды успѣли скрыть во время споровъ о новой грамотѣ; а по свидѣтельству лѣтописи старая грамота предписывала: „смердомъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань давати и Пскову, и всякія работы урочныя по той грамотѣ имъ знати.“ Такимъ образомъ, по старой грамотѣ, смерды состояли въ служебномъ отношеніи ко Пскову и не считались членами Псковскаго общества; и смерды, считавшіе полезнымъ скрыть ее, значить по новой грамотѣ получали важныя права, и именно такія, которыя не нравились Псковской демократіи, ибо противъ новой грамоты возставали только черные люди. Какъ бы то ни было, только черные люди, узнавши о новой грамотѣ, возстали на посадниковъ 6-го Мая 1483 года и посѣкли дворы у посадниковъ у Якова, у Стефана Максимовича, у Зиновія, у Никиты, у Ивана, у Кира и у иныхъ; и трое изъ посадниковъ, Стефанъ Максимовичъ, Леонтій Тимоѣевичъ и Василій Коростовой, бѣжали въ Москву къ великому князю. Потомъ, въ 1484 году вѣче, гдѣ владычествовало большинство черныхъ людей, засадило въ погребъ на крѣпость смердовъ, явившихся во Псковъ можетъ для участія на вѣчѣ; а посадниковъ, которые составили новую грамоту о смердахъ вмѣстѣ съ кня-

земь Ярославомъ и въ ларь положили, по приговору вѣча закликали у заповѣди, т. е. объявили приговоренными къ смертной казни, а имѣнье ихъ опечатали, и одного изъ посадниковъ Гаврилу, явившагося на вѣче, на вѣчѣ же и убили всѣмъ Псковомъ. Но очевидно, что грамота была написана по приказу изъ Москвы; ибо въ томъ же 1484 году вѣче нашло нужнымъ отправить посольство къ великому князю бить челомъ, чтобы отдалъ свой гнѣвъ за то что казнили смердовъ и держалъ бы Псковъ въ старинѣ; и великій князь принялъ посольство разгнѣванный и приказалъ отпустить смердовъ, посадниковъ откликать, т. е. снять съ нихъ смертный приговоръ, и имущество ихъ отпечатать, а у князя Ярослава просить прощенія. Конечно, не за чѣмъ было бы посылать посольства о смердахъ и великому князю не за что было бы гнѣваться въ этомъ дѣлѣ, ибо законы во Псковѣ писались и отмѣнялись неспрашиваясь у великаго князя, и онъ въ это дѣло не вступался; а посему гнѣвъ великаго князя и его покровительство посадникамъ, провинившимся передъ вѣчемъ, и требованіе чтобы вѣче просило прощенія у князя Ярослава, ясно говорятъ, что новая грамота о смердахъ была написана по приказу изъ Москвы, и великій князь, защищая посадниковъ и князя Ярослава, защищалъ ихъ какъ исполнителей своей воли.

Когда послы воротились изъ Москвы и доложили вѣчу отвѣтъ великаго князя, то Псковичи черные люди тому не повѣрили, и за недѣлю передъ Рождествомъ Христовымъ снарядили новое посольство изъ четырехъ посадниковъ и десяти бояръ отъ концовъ, добрыхъ людей, смердовъ же не освободили, посад-

никовъ не откликали и прощенья у князя Ярослава не попросили. Великій князь разгнѣвался на это посольство и на третій день повелѣлъ своимъ боярамъ дать такой же отвѣтъ, какъ и первому посольству. Когда второе посольство возвратилось во Псковъ и донесло вѣчу отвѣтъ великаго князя; то черные люди и этому посольству не повѣрили, и сказали, что послы сии сговорились съ посадниками, бѣжавшими въ Москву, и наровать имъ. И съ этого начались брань и мятежь между посадниками, боярами и лучшими людьми и между черными людьми. Первые говорили, что надобно вполнѣ исполнить приказаніе великаго князя, — отпустить смердовъ, откликать посадниковъ, мертвую грамоту на нихъ написанную выкинуть изъ ларя, князю Ярославу добить челомъ о пожалованіи, и, опасаясь казни отъ великаго князя за наказаніе смердовъ и за убійство посадника Гаврилы, бить челомъ великому князю вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ. Черные же люди, не соглашаясь съ лучшими людьми, говорили: „мы о всемъ томъ правы, и за это насъ не погубить великій князь, а вамъ не вѣримъ, а князю Ярославу намъ не за что бить челомъ.“ И потомъ, уговорившись между собою, черные люди въ Мартѣ мѣсяцѣ 1485 года послали къ великому князю изъ черныхъ людей Порха съ Полонища и Лакомцева сына съ Запасовья бить челомъ и съ ними отправили грамоту, въ которой написали: „какъ намъ Государь уважешь, и мы всю твою волю сотворимъ о смердахъ и о посадникахъ; а по семъ наши большіе послы будутъ посадники и бояре бить челомъ тебѣ осподарю своему.“ Но посланцамъ симъ не удалось

доѣхать до Москвы, ихъ убили въ Тверской землѣ разбойники. И Псковичи, узнавши объ несчастной участи своихъ посланцевъ, снарядили въ Москву новое посольство изъ четырехъ посадниковъ и бояръ отъ концовъ, которые, отправившись изъ Пскова на четвертой недѣлѣ послѣ великаго дни, воротились изъ Москвы уже послѣ Петрова дни, и донесли вѣщу слѣдующій отвѣтъ великаго князя: „что вы пріѣхали къ намъ бездѣльно? ежели вынете изъ ларя грамоту мертвую, что на посадниковъ записали, и смердовъ отпустите, и животы ихъ отпечатаете, и ту грамоту пришлете ко мнѣ, что мертвую написали на посадниковъ Степана Максимовича, Леонтія Тимоѣевича и Василья Коростоваго, которые теперь у насъ въ Москвѣ; то я хочу васъ жаловать, какъ пригоже, ежели вы намъ добьете челомъ.“ Послѣ таковаго отвѣта наконецъ вѣче согласилось исполнить волю великаго князя, и въ недѣлю передъ Воздвиженіемъ князь Ярославъ Васильевичъ и съ нимъ посадники Псковскіе Иванъ Агаѣоновичъ, Яковъ Аванасьевичъ, Василій Логиновичъ, Зиновій Сидоровичъ и Кузьма Андроновичъ и съ ними бояръ честныхъ много поѣхали въ Москву бить челомъ князю великому Ивану Васильевичу о своемъ проступкѣ, что били смердовъ, и въ противность велико-княжескаго повелѣнія казнили; и великій князь, довольный раскаяніемъ Псковичей, отдалъ свой гнѣвъ и нелюбовь Пскову, и пожаловалъ повелѣлъ жить Псковичамъ по всей старинѣ. И тѣмъ кончилась брань о смердахъ, смущавшая Псковъ слишкомъ два года.

Но какъ и должно было ожидать, смятенія, продолжавшіяся слишкомъ два года, не могли за одинъ разъ

кончиться совсѣмъ, когда при томъ вѣроятно еще оставалось довольно поводовъ къ неудовольствіямъ по крайней мѣрѣ съ одной стороны, которая по рѣшенію великаго князя должна была уступить. И вотъ въ томъ же 1485 году, въ которомъ прекращена брань о смердахъ, открылся случай къ новымъ смятеніямъ. Одинъ священникъ, перечитывая грамоты у Наровскихъ смердовъ, нашель ту старую грамоту о смердахъ, изъ-за которой было смятеніе всей земли; смердь, слушавшій чтеніе, вырвалъ грамоту изъ рукъ священника и спряталъ. Это послужило поводомъ къ возстанію: Псковичи засадили смерда подъ караулъ, а за тѣмъ всѣ обиженные изъ пригородовъ и волостей стали стекаться во Псковъ и бить челомъ посадникамъ и вѣчу на Ярославовыхъ намѣстниковъ, а обиженные во Псковѣ стали приносить жалобы на самого князя Ярослава. Посадники и вѣче, собравши всѣ жалобы и написавши грамоты объ обидахъ, отправили посольство въ Москву, въ которое снарядили посадниковъ Никиту Ларіоновича и Андрея Ивановича и боярина Андрея Семеновича Рублева и иныхъ бояръ, и изъ пригородовъ по два человѣка обиженныхъ людей. Посольство, пріѣхавши въ Москву, било челомъ великому князю: какъ онъ прикажетъ поступить со смердомъ, который грамоту спряталъ и теперь содержится подъ карауломъ. Великій князь, взглянувши яримъ окомъ, отвѣчалъ: „давно ли я вамъ о смердахъ вины отдалъ! а вы опять принимаетесь за то же,“ и послѣ того не принялъ ни одной жалобы на князя Ярослава, и далъ такой отвѣтъ посламъ: „я за вами посылаю своихъ бояръ и прикажу имъ о всѣхъ вашихъ дѣлахъ.“ Какой при-

казъ передали Псковскому вѣчу бояре, присланные великимъ княземъ, мы не знаемъ; ибо лѣтопись, подробно описавшая брань о смердахъ, тутъ прекращается; но изъ другой лѣтописи извѣстно, что князь Ярославъ Васильевичъ остался княземъ намѣстникомъ во Псковѣ, и скончался тамъ осенью 1487 года и погребенъ въ церкви Святыя Троицы. Слѣдовательно можно предполагать, что великій князь оставилъ во Псковѣ все по старому, какъ было послѣ перваго его рѣшенія о смердахъ.

Но не то было время, чтобы старому оставаться по старому,—власть великаго князя находилась въ такомъ положеніи, что не могла остановиться въ своемъ развитіи, въ отношеніи къ Пскову, да и самый Псковъ уже много утратилъ стараго, и много принялъ новаго, чтобы могъ крѣпко держать еще оставшуюся старину. И вотъ на другой годъ, по смерти князя Ярослава Васильевича, является во Псковѣ новость, уже знакомая Псковичамъ еще при великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ. Московскій государь присылаетъ во Псковъ 13 Февраля 1489 года князя намѣстника Семена Романовича, не спрашивая желаетъ ли его Псковское вѣче; потомъ черезъ два года князь Семена Романовича смѣняетъ княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ, также не справляясь съ желаніемъ Псковскаго вѣча. Въ лѣтописи сказано: „лѣта 1491 года пріѣхалъ князь Василій Ѳедоровичъ отъ великаго князя Ивана Васильевича во Псковъ княземъ, мѣсяца Февраля въ 17, на сборной недѣлѣ; князь Семень Романовичъ выѣхалъ тоя же недѣли въ среду.“ За тѣмъ, 26 Февраля 1495 года, великій князь прислалъ гонца своего во Псковъ съ приказомъ: „что-

бы отчина моя Псковичи послужилъ бы на Шведовъ на Нѣмцевъ; а я отпустилъ своихъ воеводъ Якова Захарына съ Новгородскою силою, да князя Данила Щеня съ Московскимъ войскомъ.“ И Псковское вѣче стало готовить рать: по раскладкѣ назначили съ десяти сохъ конный человекъ, и даже положили въ раскладку священниковъ и діаконъ; и священники нашли въ правилахъ святыхъ отецъ въ номоканонѣ, что съ церковной земли не слѣдуетъ зачислять въ раскладку; и тогдашніе степенные посадники, Яковъ Аванасьевичъ Брюхатой, да Василиій Опимаховичъ и вѣче хотѣли силою принудить священниковъ къ принятію участія въ раскладкѣ, нѣсколько разъ ходили съ вѣча на сѣни (т. е. притворъ церкви св. Троицы, гдѣ хранились законы) и съ сѣней опять на вѣчѣ и хотѣли священниковъ, Ивана священника Рождественскаго и Андрея бить кнутомъ, и несчастные стояли на вѣчѣ раздѣтые въ однихъ рубахъ, да и всѣхъ пныхъ священниковъ и діаконъ срамили; впрочемъ кончили тѣмъ, что не рѣшились идти противъ правилъ номоканона и освободили духовенство отъ участія въ раскладкѣ на военную службу. Это нелѣпое и оскорбительное отношеніе къ духовенству, доселѣ пользовавшемуся большимъ уваженіемъ во Псковѣ, служить лучшимъ доказательствомъ, въ какомъ жалкомъ положеніи тогда находилось Псковское общество, и могло ли оно сдѣлать какой-либо серьезный протестъ противъ новостей, вводимыхъ великимъ княземъ, когда само топтало ногами свою старину. И не даромъ вѣче молчало, когда великій князь назначалъ и смѣнялъ Псковскихъ князей намѣстниковъ по своему усмотрѣнію, не справляясь о

желаніи Псковичей; при нравственномъ паденіи общества и вѣче потеряло свое прежнее значеніе и обратилось въ старое негодное орудіе верховной власти великаго князя. Верховная власть во Псковѣ въ это время принадлежала великому князю Московскому, а не Псковскому вѣчу, которое уже состояло на службѣ у государя Московскаго, и только до времени держалось по его волѣ, какъ неопасное старье, которое безъ труда всегда можно бросить.

Походъ Псковичей на Шведовъ продолжался 15 недѣль. Псковичи вмѣстѣ съ Новгородскимъ и Московскимъ войскомъ стояли подъ Шведскимъ городомъ Выборгомъ, и воротились домой не взявши этого города. Псковскій князь намѣстникъ князь Василій Ѳедоровичъ на возвратномъ пути съ Шведскаго похода скончался въ Новгородѣ, и на его мѣсто великій князь прислалъ намѣстникомъ во Псковъ князя Александра Владиміровича Ростовскаго, не справляясь съ желаніемъ Псковичей; тѣмъ не менѣе Псковское вѣче съ посадниками и духовенствомъ вышли со крестами встрѣчать новаго князя и по обычаю посадили его на княженіе. Князь Александръ Владиміровичъ пріѣхалъ во Псковъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1496 года, а въ Августѣ мѣсяцѣ пригналъ гонецъ изъ Иванъ города, звать Псковскаго князя и Псковичей на службу великаго князя подъ Ругодивъ противъ Шведовъ; и были Псковичи всѣмъ своимъ войскомъ на службѣ великаго князя подъ Ругодивомъ двѣнадцать недѣль, и воротились домой 6-го Декабря. А черезъ мѣсяцъ прибылъ посолъ великаго князя и подалъ на вѣчѣ грамоту, въ которой великій князь писалъ: „чтобы отчина моя мнѣ послужили, вѣхали бы

на съѣздъ со всею ратною приправой къ Иванъ-городу на срокъ ко 2 Февраля 1498 года; и Псковичи собравши войско и съ пригородовъ отправились на срокъ къ Иванъ-городу на Нарову, и по приказанію великаго князя стояли станомъ двѣ недѣли на рѣкѣ Плюсь. Такимъ образомъ Псковъ чѣмъ дальше тѣмъ больше терялъ свою самостоятельность и затягивался въ службу государя Московскаго; и недалеко уже было то время, когда этотъ древній вольный городъ безъ шума безъ сопротивленія утратитъ и послѣдніе остатки своей независимости и поступитъ въ разрядъ Московскихъ городовъ.

Но Псковичи, гордые своею дѣйствительно почтенною и достойною всякаго уваженія стариной, еще не совсѣмъ понимали свое настоящее положеніе: они все еще считали себя вольнымъ городомъ, мужами добровольными, вѣрными и усердными союзниками Московскаго государя, а не его слугами и подданными. Таковое неясное и невѣрное пониманіе своего настоящаго положенія Псковское вѣче осозательно высказало въ 1499 году, когда пріѣхалъ во Псковъ посоль Москвитинъ, и словами своего государя сказалъ вѣчу: „я де князь великій Иванъ сына своего пожаловалъ великаго князя Василія, далъ ему Новгородъ и Псковъ;“ то вѣче вдругъ встрепенулось и, посовѣтовавшись и потолковавши, снарядило посольство изъ трехъ посадниковъ и по три боярина отъ конца, бить челомъ великимъ князьямъ Ивану Васильевичу и внуку его Дмитрію Ивановичу, чтобъ держали отчину свою въ старинѣ, а который бы былъ князь великій на Москвѣ, тотъ бы и намъ былъ государь.“ Такое неудачное и нескладное посоль-

ство страшно разгнѣвало государя Московскаго, и онъ прямо сказалъ посламъ: „или я не воленъ въ своемъ вѣнцѣ и въ своихъ дѣтяхъ! кому хочу, тому и дамъ княжество, и далъ княжество сыну своему Василью Новгородъ и Псковъ;“ и за тѣмъ двухъ посадниковъ засадилъ въ башню въ Москвѣ, а третьяго съ боярами отпустилъ. А въ то время, какъ послы были въ Москвѣ и получили такой пріемъ, во Псковъ пріѣхалъ на свой подѣздъ Новгородскій владыка Геннадій и хотѣлъ служить соборомъ; то посадники и вѣчѣ не дали ему соборовать и сказали: „ты де хочешь молить Бога за великаго князя Василья; но наши посадники о томъ поѣхали къ великому князю Ивану Васильевичу, ибо мы тому не вѣримъ, чтобы князю Василю быть великимъ княземъ Новгорода и Пскова; и какъ воротятся наши посадники съ боярами, и ты служи.“ Наконецъ пріѣхалъ отпущенный изъ Москвы посадникъ съ боярами и доложили вѣчу; „великій князь сказалъ намъ: или я не воленъ въ своихъ дѣтяхъ, и въ своемъ княженіи? кому хочу, тому дамъ княженіе, а инаго ничего ни поклона своей отчинѣ не послалъ.“ И задумалось вѣче съ посадниками надъ откровенною рѣчью великаго князя, въ которой прямо сказалъ, что кому хочетъ, тому и отдастъ Новгородъ и Псковъ, и надъ молчаніемъ при отпускѣ пословъ, изъ котораго должно было заключить, что великій князь недостойваетъ Псковичей даже своимъ государскимъ гнѣвомъ и предоставляетъ имъ самимъ надуматься—дѣльно или бездѣльно было отправлено посольство. И надумались Псковичи и послали новое посольство въ Москву бить челомъ великому князю Ивану Васильевичу

Новгородскому и Псковскому: „чтобъ государи наши держали отчину свою въ старинѣ, а посадниковъ государи отпустили бы, а отчина ваша челомъ бьетъ.“

Такимъ образомъ Псковское вѣче на вопросъ, признать ли своимъ великимъ княземъ Василя Ивановича, отвѣтило наконецъ само, что слѣдуетъ признать и что не слѣдовало бы и спрашивать объ этомъ. Это признаніе въ неумѣстности вопроса прямо доказываетъ, что Псковичи наконецъ поняли свое положеніе и сознались, что прошло для нихъ время вопросовъ и наступила пора безпрекословнаго повиновенія. И великій князь, довольный кажется не столько покорностію, сколько собственнымъ сознаниемъ Псковичей, благосклонно отвѣчалъ второму посольству: „за моимъ бояриномъ все будетъ указано.“ Наконецъ пріѣхалъ во Псковъ бояринъ, за которымъ все будетъ указано, Иванъ Чоботовъ, и объявилъ на вѣчѣ именемъ великаго князя челобитье князю намѣстнику Александру Владиміровичу и поклонъ своей отчинѣ Пскову, и сказалъ: „князь великій свою отчину держитъ въ старинѣ.“ Затѣмъ съ новымъ посольствомъ отъ Пскова отпущены были съ Москвы задержанные тамъ посадники перваго посольства, и великіе князья Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ сказали, что они посадникамъ и Псковичамъ вины отдали. Такъ кончилось дѣло признанія князя Василя Ивановича великимъ княземъ Новгородскимъ и Псковскимъ, надѣлавшее столько тревоги и могшее обрушиться большою бѣдой на Псковъ ежели бы Псковичи скоро не поняли своего тогдашняго положенія. Въ этомъ дѣлѣ особенно важно то что великій князь не дѣлаетъ своихъ обычныхъ пробъ

и дѣйствуетъ не черезъ князя намѣстника, какъ бывало прежде, а выступаетъ самъ, и откровенно и прямо говоритъ: „я развѣ не воленъ отдать свою отчину Псковъ кому хочу.“ Значить ясно указываетъ Псковичамъ, чтобы они и не думали о какихъ-то союзническихъ отношеніяхъ, а считали бы себя прямо подданными государя; что на Псковъ государь смотритъ такъ же какъ и на Новгородъ, который недавно окончательно покорилъ, что Псковъ уже не прежній Псковъ, а городъ Московскій, какъ и всѣ другіе Московскіе города, и князь намѣстникъ, только намѣстникъ и не больше, самое вѣче,—это прежде знаменитое вѣче, воля народа,—теперь не больше какъ пожалованіе великаго государя, которое завтра же можно отнять.

Покончивши дѣло по признанію сына великимъ княземъ Новгорода и Пскова, Великій князь Иванъ Васильевичъ прислалъ во Псковъ своего посла Никиту Ангелова: „чтобы вотчина моя мнѣ послужила на зятя моего, на великаго князя Александра, короля Литовскаго.“ И Псковичи не ослушались, сказано въ лѣтописи, великихъ князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича: князь Псковскій Александръ Владиміровичъ и посадники Псковскіе, и бояре, и весь Псковъ, сдѣлавши раскладку съ десяти сохъ конь, а съ сорока рублей конь и человекъ въ dospѣхъ, а бобыли пѣшкомъ, отправились конная рать на Литву въ пособіе великимъ князьямъ и пробыли на Литвѣ одиннадцать недѣль и Торопецъ городокъ взяли. Воротившись во Псковъ, князь Александръ Владиміровичъ 24 Марта 1501 года отправился въ Москву, и въ слѣдъ за нимъ Псковичи отправили къ великимъ князь-

ямъ боярина Лавра Трубичина сына за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Горбатымъ, который и прибылъ во Псковъ 14-го Апрѣля, и былъ встрѣченъ по обычаю съ крестами и посаженъ на княженіи.

Между тѣмъ Нѣмцы задержали у себя двадцать пять учановъ съ Псковскими товарами и 150 чело-вѣкъ купцовъ, среди мира, не объявляя войны. Вѣче послало отъ себя въ Юрьевъ посла своего Алексѣя судью съ просьбою, чтобы отпустили задержанныхъ купцовъ и товары; но Нѣмцы и посла задержали, и купцовъ не отпустили. Псковичи отправили другаго посла и Нѣмцы Алексѣя отпустили съ наказомъ вѣчу, чтобы Псковъ возвратилъ мощи и церковныя вещи, взятыя въ Нѣмецкой церкви Петра и Павла, а втораго посла задержали. Псковичи послали третьяго посла, и Нѣмцы втораго отпустили съ прежнимъ отвѣтомъ, а третьяго задержали. Тогда Новгородскіе намѣстники отправили своего посла; но и того задержали, товаръ же Псковскихъ купцовъ, до сего времени остававшійся въ учанахъ, перевезли въ Юрьевъ, а самихъ купцовъ посажали въ погребъ. Впрочемъ Псковскими и Новгородскими посольствами здѣсь ничего нельзя было сдѣлать; Нѣмцы уже рѣшили начать войну съ великимъ княземъ Московскимъ; они уже собрали войска и ихъ магистръ Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ Александромъ Великимъ княземъ Литовскимъ, чтобы общими силами напасть на Русскія владѣнія. По всему вѣроятію самое задержаніе Псковскихъ купцовъ Нѣмцами сдѣлано было для того, чтобы скрыть отъ Русскихъ обширныя приготовленія къ войнѣ. И наконецъ Псковичи, увидѣвши что переговорами ни-

чего не возмешь, а можетъ быть кѣмъ вѣдѣть увѣдомленные о Нѣмецкихъ приготовленіяхъ, начали слать скорыхъ гонцовъ, одного за другимъ, въ Москву просить великихъ князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича, чтобы оборонили свою отчину отъ Нѣмцевъ. По просьбѣ Псковичей Московскіе князья сдѣлали распоряженіе, чтобы разныя рати шли ко Пскову, и по этому распоряженію первый явился во Псковъ намѣстникъ Новгородскій князь Василій Васильевичъ Шуйскій съ Новгородскими помѣщиками и съ своими людьми, и со всею ратною приправой, а черезъ недѣлю пришелъ князь Данило Пенка съ Тверичами и со всею силою своею; и стояли во Псковѣ три недѣли, ожидая приказа государева открыть походъ въ Нѣмецкую землю и своимъ стояншемъ сильно отягощали Псковичей. Лѣтописецъ говорить, что на содержаніе пришлои рати каждый день шло отъ Пскова сто зобницъ овса, сто стоговъ сѣна, да на калачи и хлѣбъ по 25 рублей. Псковичи слали гонца за гонцомъ въ Москву, извѣщая что Нѣмцы уже начали войну, жгутъ и грабятъ, головы сѣкутъ и живыхъ уводятъ въ свою землю. Наконецъ пришелъ приказъ отъ великихъ государей пришлымъ воеводамъ съ ихъ ратями, съ Псковскимъ княземъ и Псковичами, воевать Нѣмецкую землю, какъ вамъ Богъ положитъ на сердце.

Получивъ приказъ, Псковская и пришедшая рати 22 Августа двинулись въ походъ, а за ними пустились Псковскіе охотники въ ушкуяхъ и лодьяхъ; и 27 Августа наѣхали Нѣмецкую силу на Серицы въ 10 верстахъ за Изборскомъ, и Псковичи первые вступили въ бой и, потерявши десять посадниковъ, пришли въ

смятеніе. Москвичи или пришлые рати двинулись на поддержку Псковичей, но были сбиты Нѣмецкими пушками и пищалями, обратились вмѣстѣ съ Псковичами въ бѣгство и побросали свои запасы; но Нѣмцы, вѣроятно утомленные боемъ, не преслѣдовали ихъ, а Изборяне, вышедши изъ города, подобрали сброшенные Москвичами и Псковичами запасы. На другой день Нѣмцы подступили къ Изборску, Изборяне же, чтобы не дать пристанища врагамъ подъ городомъ, сами зажгли свои посады. Нѣмцы стали бить изъ пушекъ по городу, но простоявъ только день и ночь, двинулись къ рѣкѣ Великой, по направленію къ Пскову. Псковскій князь съ посадниками и вѣчемъ, вооруживши молодшихъ людей, по раскладкѣ отъ двухъ третьяго, и со всею конною ратью стали на бродяхъ противъ Нѣмецкой рати и начали биться съ Нѣмцами, не пропуская ихъ черезъ рѣку. Нѣмцы, видя неудачу своихъ попытокъ перейти рѣку подъ Псковомъ, пошли вверхъ по рѣкѣ Великой къ городу Острову и своими пушками и каменными ядрами на другой день осады сожгли городъ, причемъ погибло 4000 гражданъ, иные сгорѣли, а другіе потонули въ рѣкѣ. Псковская рать, стоявшая только за три версты отъ города, видѣла гибель Островлянъ, но не рѣшилась подать помощи; а Нѣмцы сожгли городъ, удалились подъ Изборскъ и ночевавши подъ Иборскомъ отошли, оставивши подъ городомъ свой лагерь и скрытую засаду. Изборяне, неподозрѣвая засады, пришли въ Нѣмецкій лагерь и наткнулись на засаду, которая неожиданнымъ нападеніемъ смяла ихъ и гнала до самыхъ стѣнъ города, иныхъ изсѣкла, а другихъ взяла въ плѣнъ, такъ что никто не возвратился въ го-

родъ. Въ то время какъ Нѣмцы жгли Островъ, Литовцы, подъ начальствомъ пана Черняка, осаждали Опочку, но невзавши города отступили, поспѣшая на соединеніе съ Нѣмцами, чтобы вмѣстѣ осадить Псковъ; но получили вѣсть, что Нѣмцы вмѣсто Пскова пошли домой, и Литовцы, чтобы не остаться однимъ, также посѣвши удалились изъ Псковской земли.

Какъ скоро Нѣмцы и Литовцы удалились изъ Псковскихъ владѣній, прибыли туда Московскія и Татарскія войска, подъ начальствомъ воеводъ великаго князя, и вмѣстѣ съ Псковичами отправились воевать Нѣмецкую землю, и, опустошивши всѣ мѣста около Юрьева, Нейгаузена (новагородка Нѣмец.) и Мариенбурга, пробрались далѣе къ Гельмету, гдѣ собралась вся Юрьевская Нѣмецкая сила. Русскіе, хорошо развѣдавши о Нѣмецкой рати, вступили съ нею въ бой, и на первомъ съступѣ потеряли храбраго великокняжескаго воеводу князя Александра Оболенскаго. Но первымъ ступомъ битва не кончилась, Русскіе смяли Нѣмцевъ и вмѣстѣ съ Татарами гнали ихъ на пространство десяти верстъ и всѣхъ до одного перебили, такъ что, по выраженію лѣтописи, не оставили ни вѣстоноши, (т. е. кто бы подалъ вѣсть своимъ о пораженіи). За тѣмъ Московская и Татарская рати поворотили мимо Юрьева на Ругодивъ къ Ивангороду. Псковичи, во время битвы подъ Гельметомъ, опустошавшіе Нѣмецкую землю налѣво отъ Гельмета, даже не знали о пораженіи Нѣмцевъ, пришли на мѣсто битвы уже на третій день, и нашли только поле усѣянное трупами, и, продолжая свой путь по слѣдамъ Московской рати, вышли также на Ивангородъ и возвратились домой. Магистръ же Плеттен-

бергъ не поспѣлъ съ своею ратью на помощь къ Юрьевцамъ, онъ пришелъ въ этотъ край уже тогда, когда Русскіе возвратились домой.

Конечно, Нѣмцы не могли оставить безъ мести опустошеніе своей земли; и 17 Марта 1702 года Нѣмецкая сила явилась у Краснаго города, повоевала волость въ Коровьи-бору и много головъ посѣкла, а иныхъ побрала въ плѣнъ, но города взять не могла, и услыхавъ о приближеніи Псковской рати поспѣшно удалась. Въ это же время другая Нѣмецкая сила воевала около Ивангорода. Наконецъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ самъ магистръ Плеттенбергъ подошелъ съ своими силами къ Изборску, хотѣлъ было взять городъ приступомъ, но былъ отбитъ, и, ночевавъ подъ Изборскомъ одну ночь, двинулся ко Пскову, и на четвертый день сталъ станомъ въ Завеличѣ, гдѣ Псковичи уже успѣли сжечь посадъ. Нѣмцы съ Завеличья стали бить изъ пушекъ по городу и много повредили стѣны Крома, но Дѣтинцу не сдѣлали ничего. Псковичи выступили съ жолнерами и стали бить на Завеличье изъ пищалей; тогда Нѣмцы, простоявъ одинъ день на Завеличѣ, пошли на бродъ къ Выбуту. Псковичи усердно защищали бродъ; впрочемъ не могли остановить Нѣмецкой переправы, и Нѣмцы, перешедши рѣку, подошли къ Полонишу и успѣли разбить стѣну; но Псковичи стараніемъ своего князя Ивана Васильевича Горбатаго поставили новую стѣну деревянную; и Нѣмцы, простоявъ у Полоншца два дня и слышавъ о приближеніи Московской рати, сняли осаду и пошли назадъ старою дорогою. Черезъ два дня по удаленіи Нѣмцевъ явились и Московскіе воеводы, намѣстники Новгородскіе, князь Даниилъ Василь-

евичъ Щеня и князь Василиій Васильевичъ Шуйскій. Не заставъ Нѣмцевъ подъ Псковомъ, они пустились нагонять ихъ и нагнали въ 30 верстахъ отъ Пскова, на озерѣ Смолицѣ на Могильнѣ въ Озеравахъ. Плеттенбергъ, чтобы обмануть Русскихъ отступилъ, оставивъ свой обозъ; а когда Русскіе напали на обозъ и занялись грабежемъ, сдѣлалъ быстрое нападеніе, и произошелъ сильный бой, кончившійся тѣмъ, что и Русскіе и Нѣмцы должны были отступить. Этотъ бой спасъ рать Плеттенберга отъ совершеннаго истребленія; и онъ, ненадѣявшись вынести своей головы изъ Псковской земли, успѣлъ благополучно довести свое войско до Нѣмецкихъ владѣній. Русскіе, пустившись во вторичную погоню, успѣли только нагнать полторы тысячи Плеттенберговой пѣхоты, шедшей назадъ, разбили ее на голову и большую часть истребили. А въ слѣдующемъ 1503 году, по приказу великаго князя, намѣстники Новгородскіе заключили съ Нѣмцами миръ; и Псковскіе посадники Григорій Кротовъ и Григорій Крусталовъ ѣздили съ мирными грамотами къ магистру Ливонскому и архіепископу Рижскому, которые утвердили грамоты своими печатями, и съ посадниками отпустили Псковскихъ купцовъ и ихъ товары, задержанные въ началѣ войны; затѣмъ магистръ отправилъ своихъ пословъ въ Москву къ великому князю. По договору, заключенному Ливонскими послами, епископъ Юрьевскій, или Дерптскій, по прежнему обязался платить Государю Московскому дань со всей Юрьевской области. Такъ кончилась послѣдняя война съ Нѣмцами, но это уже была война Московскаго великаго князя, а не Псковичей. На Псковскую землю только сдѣлали нападеніе Нѣмцы

и Псковичамъ приходилось лишь защищаться и терпѣть опустошеніе своей земли, собственно же войну веда Московская рать и Московскіе воеводы великаго князя, и миръ былъ заключенъ по приказу изъ Москвы, а не по приговору Псковскаго вѣча. Самые переговоры съ Нѣмцами вели Новгородскіе велико-княжескіе намѣстники; Псковскіе же посадники по ихъ распоряженію только ѣздили въ Ливонію для утвержденія договорныхъ грамотъ, и послы Ливонскіе для того же пріѣзжали не во Псковъ къ тамошнему вѣчу, какъ было прежде, а въ Москву къ великому князю. Такъ что настоящая война принадлежитъ Пскову только топографически, а не исторически. Исторія Пскова въ отношеніи къ Нѣмецкому дѣлу, кончилась, какъ мы уже видѣли, Наровскимъ, или, по выраженію лѣтописи, Данильевскимъ миромъ.

Остальные шесть лѣтъ развалинь Псковской самостоятельности, послѣ послѣдней Ливонско-Нѣмецкой войны, прошли едва замѣтными для исторіи. Псковская демократія тихо, едва замѣтно, безъ вспышекъ клонилась къ своему паденію: по старому продолжались мелкіе споры съ князьями намѣстниками; по старому эти князья намѣстники присылались изъ Москвы, не справляясь съ желаніемъ Псковскаго вѣча; по старому значеніе вѣча годъ отъ году суживалось и ограничивалось почти одними внутренними дѣлами Псковскаго общества. Псковское вѣче болѣе и болѣе принимало характеръ сельской или волостной сходки, еще подчасъ грозной и шумной, и даже по замѣчанію лѣтописи болѣе шумной нежели прежде, но только дома въ отношеніи къ своимъ гражданамъ, и ни какъ не далѣе. Вотъ перечень лѣтописныхъ извѣстій

о Псковскихъ дѣлахъ за послѣдніе семь лѣтъ. Вѣсною 1503 года князь Иванъ Васильевичъ Горбатый смѣненъ присланнымъ изъ Москвы княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Ростовскимъ; въ 1504 году вѣче^о отправило въ Москву къ великимъ князьямъ трехъ посадниковъ по какому-то Ржевскому дѣлу, вѣроятно относительно опредѣленія границъ съ Литовцами, которымъ тогда принадлежала Ржевская область; въ 1506 году былъ во Псковѣ большой моръ—умирали мужчины, женщины и дѣти и по пригородамъ и волостямъ, этотъ моръ въ лѣтописи названъ безыменнымъ; въ 1507 году былъ пожаръ во Псковѣ, погорѣло двѣ церкви и много домовъ; въ этомъ же году великій князь Василій Ивановичъ отозвалъ изъ Пскова князя намѣстника Дмитрія Владиміровича Ростовскаго и прислалъ князя Петра Васильевича Великаго, котораго по обычаю священники и діаконы встрѣтили со крестами и посадили на княженіе въ церкви св. Троицы; въ 1508 году Псковичи заложили каменную стѣну около Гремячей горы. Въ 1509 году великій князь позвалъ къ себѣ Псковскаго князя намѣстника Петра Васильевича Великаго, а во Псковъ прислалъ князя Ивана Михайловича Рѣпню Оболенскаго, котораго Псковичи прозвали Найденемъ, а прозвали такъ потому, сказано въ лѣтописи, что онъ не пошлиною (не по старому порядку) пріѣхалъ; нашли его Псковичи на загородскомъ дворѣ, а священники противъ него со кресты не выходили, а пѣли молебень на торгу, да шли къ св. Троицѣ. Въ томъ же году, на масляной недѣлѣ, поймали пономаря Троицкаго Ивана, который изъ ларевъ деньги воровалъ, и успѣлъ накрасть 400 рублей; и Псковичи на вѣчѣ пытали его

кнутъемъ и онъ сознался; и вѣче посадило его подъ карауль, и въ первую недѣлю послѣ Троицина дня, въ самое заговѣніе, приказало сжечь его огнемъ на рѣкѣ Великой.

Вотъ и всѣ извѣстія о Псковѣ за послѣдніе годы; они не нуждаются въ комментаріяхъ и сами ясно говорятъ, въ какомъ положеніи находилась въ это время самостоятельность Пскова, когда въ шесть семь лѣтъ было перемѣнено четыре князя намѣстника, по распоряженію Московскаго государя, безъ всякаго участія со стороны вѣча, которое даже не находили нужнымъ спрашивать. Все значеніе вѣча относительно князей намѣстниковъ ограничивалось уже только однимъ обычнымъ церемоніаломъ, — встрѣчею и посаженіемъ на престолъ, и даже отъ этого церемоніала отвернулся послѣдній князь намѣстникъ, — князь, Рѣпня Оболенскій, прозванный за то Найденомъ. На безсиліе вѣча даже во внутреннихъ дѣлахъ указываетъ посланіе Панфила, игумена Елизаровой пустыни. Игуменъ Панфиль, заботясь объ уничтоженіи неприличныхъ языческихъ повѣрій и игрищъ въ народѣ, на праздникъ рождества Іоанна Предтечи и въ день самаго праздника, обращается съ своимъ моленіемъ не къ Псковскому вѣчу и посадникамъ, а къ князю намѣстнику, къ князю Дмитрію Владиміровичу Ростовскому. А по старому еще недавнему порядку съ подобнымъ прошеніемъ должно было бы обратиться къ вѣчу; ибо вѣче только утверждало законы и отвергало неугодные распоряженія другихъ властей. Слѣдовательно въ послѣднее время вѣче потеряло и законодательную власть; иначе игуменъ Панфиль, хорошо знавшій Псковское устройство, обратился бы съ своимъ моленіемъ не къ князю намѣстнику, а къ народному вѣчу.

Положеніе Псковскаго общества, за послѣднее время, также представляетъ неутѣшительное явленіе, прямо указывающее на близость окончательнаго паденія. Мы уже видѣли извѣстіе о пономарѣ Троицкаго собора, кравшемъ общественныя деньги изъ ларей, чему подобнаго во всей прежней исторіи Пскова не встрѣчалось ни разу. А вотъ еще краткое, но мѣткое описаніе Псковскаго общества за послѣднее время, записанное современникомъ лѣтописцемъ. Онъ говоритъ о своихъ современникахъ, не отдѣляя и себя отъ другихъ: „мы на большой грѣхъ превратились, на злые поклепы и лихія дѣла и кричаніе на вѣчѣ; у насъ глава не вѣдаетъ, что говоритъ языкъ, не умѣемъ своего дома строить, а хотимъ управлять городомъ; и это-го самоволіе и непокореніе другъ другу было виною всѣхъ золь насъ постигшихъ.“ Такое ясное и опредѣленное показаніе современника и при томъ Псковича, описывавшаго то самое общество, въ средѣ котораго самъ жилъ, не нуждается ни въ какихъ подтвержденіяхъ и доказательствахъ. И игуменъ Панфилъ не даромъ обратился къ князю намѣстнику, а не къ вѣчу: ибо за чѣмъ же обращаться къ вѣчу, когда оно потеряло всякую власть и его никто не слушаетъ, когда вѣчемъ завладѣли крикуны, которые и сами не понимаютъ о чемъ говорятъ; когда на вѣче, вслѣдствіе закона 1483 года, пробрались смерды, никогда прежде не участвовавшіе въ правленіи, и жившіе на чужой землѣ, даже не умѣвшіе править своимъ домомъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, И не даромъ Псковская демократія почти два года ратовала противъ этого закона, она чувствовала и видѣла какія должны быть по-

слѣдствія закона о смердахъ; и великій князь Иванъ Васильевичъ не даромъ съ особеннымъ упорствомъ отстаивалъ этотъ законъ, очевидно введенный по его распоряженію,—онъ зналъ, что сѣялъ, и хорошо видѣлъ, какіе плоды принесетъ его сѣяніе. И дѣйствительно, посѣвъ его, въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ, принесъ именно тѣ плоды, которые нужны были для сѣятеля,—чинное и разумное Псковское вѣче обратилось въ шумное сборище бессмысленныхъ крикуновъ; мужи совѣта, опыта и порядка смолкли,—имъ зажала уста толпа задорныхъ коноводовъ, не понимавшихъ даже того, что сами говорятъ. Съ введеніемъ этой шумной толпы духъ вѣча, столько вѣковъ дававшій ему силу и жизнь, мало по-малу отлетѣлъ, и въ послѣдніе годы оставалась одна только форма вѣча, одинъ его трупъ, который, по общему закону природы, естественно скоро долженъ былъ разложиться, и наконецъ въ 1510 году дошла очередь и до этого трупа.

Псковичи беззаботно доживали 1509 годъ, ссорились другъ съ другомъ, затѣвали тяжбы, клеветали другъ на друга въ судахъ, шумѣли на вѣчѣ; пустые крикуны судили и радили, не понимая въ чемъ дѣло, каждый думалъ перестроить общество по своему плану, всѣ были недовольны настоящимъ положеніемъ дѣлъ. И особенно всѣмъ не нравился князь намѣстникъ Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, прозванный Найденемъ; а князь и не думалъ заискивать расположеніе народа, отъ котораго ничего не могъ ожидать, и дѣйствовалъ по приказамъ изъ Москвы, гдѣ уже порѣшили покончить съ Псковскимъ трупомъ — вѣчемъ. Все было въ страшной разладицѣ,

и каждый съ своей стороны старался увеличить эту разладипу какимъ нибудь неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла до него некасающіяся, какъ это всегда бываетъ въ обществахъ готовыхъ рухнуть. Какъ вдругъ въ концѣ Октября 1509 года дошла до Пскова вѣсть, что великій князь Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ Великій Новгородъ съ своимъ братомъ Андреемъ и съ боярами. Псковское вѣче, получивши эту вѣсть, обрадовалось, что великій князь теперь близко отъ Пскова, и что этимъ случаемъ можно воспользоваться для начатія тяжбы съ ненавистнымъ княземъ намѣстникомъ Рѣпнею Найденомъ, и въ слѣдъ за полученіемъ вѣсти снарядило послами двухъ посадниковъ, Юрія Алексѣевича и Михаила Помазова и бояръ отъ всѣхъ концовъ, вручило имъ въ даръ великому князю полтораста рублей, и дало посламъ наказъ бить челомъ великому государю о жалованіи и о печалованіи своей отчины, мужей Псковичъ, добровольныхъ людей, что мы-де пріобижены отъ твоего намѣстника, а отъ нашего князя Ивана Михайловича Рѣпни, и отъ его людей (слугъ), и отъ намѣстниковъ пригородскихъ и отъ ихъ людей. Великій князь отвѣчалъ посадникамъ: „я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять, такъ же какъ отецъ нашъ и дѣды наши, великіе князи. А что вы мнѣ говорите о намѣстникѣ моемъ, а о своемъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ Рѣпнѣ; то ежели на него соберется много жалобъ, я его обвиню передъ вами.“ И съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Посланники, возвратившись во Псковъ, представили вѣчу короткій, но весьма многозначительный отчетъ о своемъ посольствѣ, состоящій въ слѣдующихъ словахъ: „князь великій

Псковскій даръ принялъ честно, а сердечныя мысли никто же вѣсть, что князь великій сдумалъ на свою отчину, и на мужей Псковичъ, и на городъ Псковъ.“ Значить Псковскіе послы уже изъ Московскаго приёма замѣтили, что нибудь недоброе замышляется на Псковъ, или можетъ и при Московскомъ дворѣ нашлись люди, предупредившіе Псковскихъ пословъ о замыслахъ своего государя. Но Псковское вѣче, прежде столько предусмотрительное и осторожное, теперь, какъ бы потерявши голову, вовсе не обратило вниманія на столь важное предостереженіе и продолжало ссориться съ княземъ намѣстникомъ. Князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня, немного спустя по возвращеніи посольства во Псковъ, самъ отправился къ великому князю въ Новгородъ съ жалобою на Псковичей, что они его обезчестили. Между тѣмъ дѣти посадничьи и боярскія, въ разное время обиженные княземъ намѣстникомъ, основываясь на донесеніи пословъ, что великій князь обвинить Рѣпню, какъ скоро на него соберется много жалобъ, многолюдствомъ поѣхали въ Новгородъ съ своими жалобами на князя намѣстника. Затѣмъ, Псковскіе посадники и вѣче, основываясь на томъ же донесеніи пословъ, общимъ совѣтомъ придумали новую неосторожность: стали разсылать по всѣмъ пригородамъ и водостямъ грамоты, въ которыхъ писали: „ежели который человекъ, какой нибуди, а жаловался на князя намѣстника, и вы бы ѣхали къ государю великому князю въ Новгородъ бить на него челомъ.“ Къ тому же посадники Леонтій и Юрій Копыло, поссорившись другъ съ другомъ, поѣхали также въ Новгородъ судиться, или тягаться предъ великимъ княземъ. Въ чемъ со-

стояла эта тяжба, мы не знаемъ; но одинъ выборъ времени для тяжбы показываетъ, что ослѣпленные Псковичи вовсе не обратили вниманія на важное предостереженіе своего посольства и нисколько не вникали въ положеніе, въ которомъ находился Псковъ. Мало этого, посадникъ Юрій прислалъ оттуда грамоту къ Псковскому вѣчу, въ которой писалъ: „ежели не поѣдутъ посадники изъ Пскова говорить противъ князя Ивана Рѣпни, то вся земля будетъ виновата.“

Страшно отозвалось это посланіе посадника во Псковѣ, — „и въ ту пору, говоритъ лѣтописецъ, „Псковичемъ сердце уныло.“ Грамота посадника явилась почти какимъ-то повелѣніемъ, котораго не смѣли послушаться, и девять посадниковъ и купецкіе старосты всѣхъ рядовъ поѣхали въ Новгородъ; но тамъ никакой управы не даютъ пріѣхавшимъ, явно по приглашенію, не спрашиваютъ ни о чемъ и не вызываютъ къ суду. Наконецъ великій князь приказалъ объявить: „чтобы всѣ собирались къ празднику крещенія Господня (6 Января 1510 года), и въ этотъ срокъ будетъ дана всѣмъ надлежащая управа, а до этого срока пріѣхавшимъ Псковичамъ управы нѣтъ.“ И возвратились всѣ Псковичи домой, и предъ наступленіемъ назначеннаго срока всѣ опять потянулись въ Новгородъ. На самый праздникъ крещенія Господня вышло повелѣніе отъ великаго князя, чтобы всѣ посадники, бояре и купецкіе старосты и купцы шли на водокрестіе на рѣку. Въ самый же праздникъ, когда духовенство вышло со крестами на водосвященіе, явился на Волховъ и самъ великій князь со всѣми своими боярами; туда собрались по приказанію и всѣ Псковичи жалобные люди. Въ это вре-

мя Новгородскаго владыки не было въ городѣ и водоосвященіе совершалъ владыка Смоленскій. По совершеніи водоосвященія, всѣ пошли въ Софійскую церковь, а великій князь сказалъ своимъ боярамъ распорядитесь, какъ рѣшено въ думѣ. По этому государеву слову бояре стали говорить посадникамъ и всѣмъ Псковичамъ, пріѣхавшимъ съ жалобами, собирайтесь всѣ къ владычню двору и тамъ государь дастъ всѣмъ управу, а кто не пойдетъ, то боялся бы казни отъ великаго князя. Когда же всѣ сошлись ко владычню двору, то государевы бояре, удостовѣрившись, что всѣ жалобщики сполна на лицо, ввели Псковскихъ посадниковъ, бояръ и купцовъ въ палату, а молодыхъ людей оставили на дворѣ. И вошедши въ палату государеву, бояре сказали посадникамъ, боярамъ и купцамъ Псковскимъ, вы теперь пойманы Богомъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея-Русіи; и тутъ же въ палатѣ и засадили ихъ подъ караулъ, пока будутъ привезены ихъ жены и семейства; молодыхъ же людей, стоявшихъ на дворѣ, переписавъ, отдали на поруки Новгородцамъ по разнымъ улицамъ, съ обязанностію стеречь ихъ и кормить, пока не будетъ сказана управа. Во Псковъ печальную вѣсть о задержаніи обидныхъ людей принесъ одинъ купчина поповичъ Филиппъ, который ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ, и узналъ объ этомъ несчастіи Псковичей на постояломъ дворѣ на Веряжи; пораженный такою вѣстію, онъ бросилъ свой возъ и верхомъ на лошади поскакалъ назадъ во Псковъ, и сказалъ Псковичамъ: „князь великій посадниковъ нашихъ и бояръ и жалобныхъ людей переималъ.“

Страшная вѣсть какъ громомъ поразила несчастныхъ Псковичей: на первый разъ они рѣшительно потеряли голову, отъ слезъ и рыданій даже не могли ничего говорить. Лѣтописецъ современникъ говоритъ: „много несчастій выдержалъ Псковъ отъ Нѣмецкихъ нашествій; но такой скорби и печали, какъ нынѣ, никогда не бывало во Псковѣ.“ По обычаю составили вѣче, но вѣче было не обычное, у крикуновъ прильпнулъ языкъ; вопросъ, который нужно было рѣшить, былъ очень громаденъ,—уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ Псковъ привыкъ видѣть въ Московскихъ князьяхъ своихъ покровителей и защитниковъ; съ Москвой войны никогда не было, а теперь вышла такая бѣда, что нужно или воевать съ Москвою, или отказаться отъ своей независимости, самимъ признать себя подданными Московскаго государя. И начали думать Псковичи на своемъ вѣчѣ: ставить ли щить противъ горударя и запереться въ городѣ? Но мысль о сопротивленіи не нашла поддержки; вспомнили, что Псковъ давно уже цѣлуетъ крестъ Московскимъ Государямъ и называетъ себя отчиною великихъ князей, да и какъ начать войну противъ государя, когда посадники, бояре и всѣ лучшіе люди задержаны у него. И рѣшило вѣче послать къ великому князю своего гонца Евстафія сотскаго, именемъ всего города бить челомъ со слезами отъ мала до велика: „чтобы ты, государь нашъ князь великій Василій Ивановичъ, жаловалъ свою отчину старинную; а мы сироты твои прежде сего и нынѣ не отступны были отъ тебя государя, и не противны были тебѣ государю; Богъ воленъ, да и ты съ своею отчиною и съ нами людишками своими.“ Евстафій

сотскій, ставъ передъ государемъ въ Новѣгородѣ, сказалъ всю рѣчь по наказу, и великій князь отвѣчалъ: „я пришлю во Псковъ своего посла съ наказомъ,“ и съ тѣмъ отпустилъ гонца.

Пріѣхалъ во Псковъ посолъ велико-княжескій, дьякъ Третьякъ Далматовъ; и Псковичи съ радостію приняли, надѣясь, что все пойдетъ по прежнему, что государь прислалъ своего дьяка съ пожалованіемъ и стариною. И явился дьякъ на вѣчѣ, сталъ передъ народомъ и сказалъ первую новую пошлину небывалую старину,—такой поклонъ отъ великаго князя: „ежели отчина моя посадники Псковскіе и Псковичи хотите еще въ старинѣ прожить. и вы бы двѣ воли мои изволили, чтобы у васъ вѣча не было, да и колоколь бы вѣчевый сняли, а здѣсь быть двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ же быть, и вы еще въ старинѣ проживете; а только тѣхъ двухъ волей не сотворите; ино какъ государю Богъ по сердцу положить, а у него много силы готовой, и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто не исполнить воли государевой; да государь нашъ, князь великій хочетъ побывать на поклонъ ко святой Троицѣ во Псковъ.“ И, покончивъ рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени ожидать отвѣта. И Псковъ присутствовавшій на вѣчѣ, не могъ дать отвѣта, всѣ зарыдали и ударили челомъ въ землю, и сказали дьяку: „посолъ государевъ! дастъ Богъ завтра, и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ скажемъ.“ Что думали и какъ думали Псковичи, выпросивши сроку на отвѣтъ до утра, мы не знаемъ; только на другой день въ воскресенье съ разсвѣтомъ ударили въ вѣчевый колоколь, собралось вѣче, пришелъ и дьякъ

всѣ священно-иноки, священники и діаконы на торгу; а самъ князь великій слѣзъ съ коня у церкви всемилостиваго Спаса и, получивъ благословеніе, пошелъ къ святѣй живоначальной Троицѣ. Въ церкви св. Троицы пѣли благодарственный молебень и многолѣтіе кликали государю; и владыка, благословляя его, сказалъ: „Богъ тебя государя благословляетъ, Псковъ взявши.“ Псковичи бывшіе въ церкви, слышавши то, заплакали горько и сказали: „Богъ воленъ да государь, отчина мы его были изстари отцовъ его и дѣдовъ и прадѣдовъ его.“ На четвертый день по пріѣздѣ великій князь велѣлъ посадникамъ Псковскимъ, и дѣтямъ посадничьимъ, и боярамъ, и купцамъ, и жителямъ людямъ быть у себя на дворѣ и сказалъ: „я васъ хочу жаловать своимъ жалованьемъ.“

Въ назначенный день пошли всѣ Псковичи отъ мала до велика на дворъ къ великому князю, и посадники и бояре вошли въ гридню, а иныхъ посадниковъ и бояръ и купцовъ князь Петръ Васильевичъ великій, бывший прежде княземъ намѣстникомъ во Псковѣ, стоя на крыльцѣ перекликалъ по списку, и которые вошли въ гридню, тѣхъ всѣхъ подавали за приставы. А Псковичамъ, молодшимъ людямъ, которые на дворѣ стояли, князь Петръ сказалъ: „до васъ государю дѣла нѣтъ, а до которыхъ государю дѣло есть, и онъ тѣхъ себѣ беретъ; а васъ государь пожалуетъ своею грамотою жалованною, какъ вамъ впередъ жить.“ Тѣ же, которые были задержаны въ гридницѣ и отданы приставамъ, въ ту же ночь получили приказаніе собраться съ женами и дѣтьми и отправляться въ Москву съ своимъ имуществомъ,

какое могли взять, а все прочее оставить; и много было плача и рыданія и отъѣзжающимъ и остающимся. А равнымъ образомъ были взяты и отправлены жены и семейства тѣхъ Псковичей, которыхъ великій князь задержалъ въ Новгородѣ. Всего въ одну ночь было вывезено изъ Пскова триста богатѣйшихъ семействъ, которыя были извѣстны своимъ спокойнымъ характеромъ, и о которыхъ великій князь легко могъ узнать отъ князей намѣстниковъ. Потомъ великій князь началъ раздавать деревни сведенныхъ Псковскихъ бояръ своимъ боярамъ; затѣмъ посадилъ во Псковѣ двухъ намѣстниковъ Григорья Ѳедоровича Морозова, да Ивана Андреевича Челяднина, при нихъ двухъ дьяковъ Мисюра Мунехина и Андрея Волосатаго, двѣнадцать городничихъ, двѣнадцать старость Московскихъ и двѣнадцать старость Псковскихъ; а велѣлъ имъ въ судѣ сидѣть съ намѣстниками и тиунами, правды стеречь. Устроивши совершенно новый порядокъ въ самомъ Псковѣ, великій князь, для поддержанія этого порядка, написалъ новый законъ для всей Псковской земли, и далъ его Псковичамъ подъ именемъ уставной грамоты, на основаніи бы которой творились судъ и управа по всей Псковской земли, и которая бы служила законою защитой Псковичамъ отъ притѣсненій намѣстниковъ и другихъ властей; и въ слѣдъ затѣмъ послалъ своихъ намѣстниковъ по пригородамъ и велѣлъ имъ приводить пригорожанъ къ крестному цѣлованію. Съ горькими слезами встрѣчали Псковичи всѣ сіи нововведенія; и современникъ лѣтописецъ, такъ выражается о тогдашнихъ Московскихъ порядкахъ во Псковѣ: „и у намѣстниковъ и у ихъ тиу-

новъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, и кривда въ нихъ начала ходить, и много зла было отъ нихъ, были немидостивы до Псковичей; а Псковичи бѣдные не вѣдали правды Московскія.“ Нѣтъ сомнѣнія, что много горькой правды въ приведенныхъ словахъ лѣтописца. Москвичи, посаженные великимъ княземъ для суда и управленія во Псковѣ, по всему вѣроятію не опускали случая пользоваться невѣдѣніемъ Псковичей относительно новыхъ порядковъ, вовсе не похожихъ на ихъ прежніе порядки; но нельзя отрицать и того, что для Псковичей и самая правда Московская казалась неправдою, и тѣмъ больше, что она была навязана имъ насильственно: одно уничтоженіе вольнаго вѣча было для Псковичей такимъ уже зломъ, которое способно было отравить всякое добро, шедшее отъ Москвы.

Устроивши Псковскія дѣла по своему, великій князь отправилъ Петра Яковлевича Захарьина въ Москву, поздравить ее со взятіемъ Пскова, и приказалъ прислать изъ Москвы богатыхъ людей гостей для введенія Московскихъ порядковъ въ торговлѣ и устройства таможенныхъ пошлинъ, неизвѣстныхъ еще Псковичамъ, и назначилъ новое мѣсто для торгова за среднимъ городомъ, противъ Лужскихъ воротъ за рвомъ, потомъ велѣлъ поставить церковь святой Ксеніи, память которой празднуется въ тотъ день, когда пріѣхалъ великій князь во Псковѣ. Проживши четыре недѣли во Псковѣ, великій князь въ четвертокъ, на третьей недѣлѣ поста, отправился въ Москву, взялъ съ собою и другой колоколъ, иногда замѣнявшій мѣсто вѣчеваго, а во Псковѣ оставилъ

1000 человекъ дѣтей боярскихъ своихъ, да 500 человекъ пищальниковъ Новгородскихъ. Отъѣздъ великаго князя въ Москву отозвался Псковичамъ новыми тягостями; по словамъ лѣтописца, намѣстники начали надъ Псковичами силу великую чинить, а приставы намѣстничьи отъ поруки стали брать по десяти рублей, и по семи, и по пяти; а кто Псковичъ укажетъ на великаго князя уставную грамоту, по сколько тамъ велѣно отъ поруки брать, и они того убьютъ. И отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣжались по чужимъ городамъ, оставивши женъ и дѣтей; а которые иноземцы жили во Псковѣ, и тѣ разошлись по своимъ землямъ. Въ началѣ Мая, по распоряженію великаго князя, пріѣхали во Псковъ гости, сведенные Москвичи изъ десяти городовъ всего триста семей, на мѣсто трехъ сотъ семей Псковскихъ, высленныхъ въ Московскіе города; и новопріѣзжихъ стали одѣлять дворами въ среднемъ городѣ, а всѣхъ жившихъ тамъ Псковпчей выпроводили изъ своихъ дворовъ въ окольный городъ, и на посадъ; а было въ среднемъ городѣ 6500 дворовъ, которые всѣ по великокняжескому распоряженію сведены были за городъ, чтобы тамъ не оставалось ни одного Псковскаго двора; точно также велѣно было очистить и Кромъ, гдѣ у Псковичей построены были клѣти для храненія общественнаго хлѣба. Такимъ образомъ всѣ главныя части города, Дѣтинець, Кромъ и середній городъ, были переданы Московскому гарнизону, и людямъ переселеннымъ во Псковъ изъ другихъ городовъ; Псковичи же были перемѣщены на посадъ, и въ тѣ части города, которыя находились за главными городскими стѣнами.

Все это легло тяжелымъ гнетомъ на несчастныхъ Псковичей, и ихъ лѣтописецъ говоритъ: „тогда немощно было жить во Псковѣ, и только одни Псковичи остались, которымъ дѣться было некуда, земля не разступалась, а вверхъ не взлетѣть.“ Но великій князь Василій Ивановичъ, наученный опытомъ своего родителя въ великомъ Новгородѣ, который приходилось покорять нѣсколько разъ, что стоило страшно дорого и для Москвы, и для Новгородцевъ, и хорошо зная, что Псковичи даже превзойдутъ Новгородцевъ въ любви къ свободѣ и самоуправленію, а сосѣди Литва и Нѣмцы не упустятъ случая послать Московскому государю, признавъ за лучшее за одинъ разъ покончить съ Псковомъ и принять мѣры самыя строгія и рѣшительныя, такъ чтобы нельзя было и думать о возстаніи. И планъ государя Московскаго увѣнчался полнымъ успѣхомъ: разъ покоренный Псковъ не дѣлалъ уже возстаній противъ власти Московскаго государя, и Псковичи волей-неволей сдержали свое обѣщаніе,—прежняго крестнаго цѣлованія своего не измѣнить, на себя кровопролитія не принять, и на государя своего руки не поднять. Впрочемъ и великій князь не оставилъ покорныхъ Псковичей безъ защиты; мы не знаемъ, какую онъ имъ далъ уставную грамоту, но лѣтописецъ ни гдѣ не жалуется на эту грамоту, значить, она была составлена въ пользу Псковичей, ограждала ихъ интересы; жалобы раздаются только на намѣстниковъ и ихъ тиуновъ и дьяковъ присланныхъ изъ Москвы. Но намѣстникамъ, тиунамъ и дьякамъ великій князь не спускалъ: первые намѣстники и дьяки, на которыхъ особенно жалуется лѣтописецъ, были смѣнены

на другой же годъ, и изъ Москвы присланы новые намѣстники, князь Петръ Васильевичъ Великой, уже прежде бывший княземъ намѣстникомъ еще въ вольномъ Псковѣ, хорошо знавшій Псковичей и любимый ими, и князь Семенъ Курбскій, о которыхъ самъ лѣтописецъ говоритъ: „и тѣ намѣстники добры были до Псковичей, и Псковичи, которые было разошлись по разнымъ странамъ, опять стали сходиться изъ разныхъ мѣстъ во Псковъ.“ И сдѣлался Псковъ городомъ Московскимъ, и граждане, хотя по словамъ лѣтописца, долго еще вспоминали свое былое, свою старую пошлину, тѣмъ не менѣе начали привыкать къ новымъ порядкамъ, и не столько тяготиться ими, какъ тяготились въ первый годъ покоренія.

Такъ кончилось самобытное существованіе Ольгиной родины,—древняго вольнаго города Пскова; такъ Псковъ отслужилъ свою службу въ Русской исторіи, которую она ему отмѣрила, и смиренно вошелъ въ разрядъ Московскихъ городовъ, признающихъ власть великаго князя, а потомъ царя всей Русской земли. Псковскій лѣтописецъ, самовидѣцъ паденія Пскова, горько оплакалъ послѣдніе дни самостоятельности своей родины, да съ его стороны это и не могло быть иначе, его сердце разрывалось при одномъ только спускѣ вѣчеваго колокола, у него въ глазахъ потемнѣло отъ слезъ, когда епископъ Коломенскій Вассіанъ въ Троицкомъ храмѣ поздравилъ великаго князя „*Псковъ взяли*.“ Но чрезъ три съ половиною столѣтія паденіе Пскова въ нашихъ глазахъ должно представляться нѣсколько иначе. Что Псковичи не могли продолжать своего отдѣльнаго и самостоятельнаго существованія, это не зависѣло ни отъ нихъ,

ни отъ великаго князя Московскаго, — въ этомъ выражался только непреложный законъ судебъ историческихъ, по которому городъ ли народъ ли, отслуживши свою службу, отмѣренную исторіей, долженъ сойти со сцены историческаго міра. Но дѣло не въ томъ, чего уже миновать нельзя: всѣ люди и народы живутъ и умираютъ, но какъ кто живетъ и какъ умираетъ, — вотъ что важно для исторіи. И въ этомъ отношеніи древній свободный Псковъ представляетъ свѣтлый образъ, и такой свѣтлый, какой не многіе города представляютъ въ исторіи.

Первоначально незначительная колонія Новгородская, построенная едва ли не на спорной землѣ между Чудью и Славянами Ильменскими, Псковъ вѣрною многотрудною боевою службою Славянскою или вѣрнѣе Русскою цивилизаціи въ тамошнемъ краю честно достигъ сперва значенія важнаго пригорода въ Новгородской землѣ, а потомъ также честно трудомъ и потомъ сдѣлался младшимъ братомъ Новгорода великаго вполне самостоятельнымъ и независимымъ. И что всего замѣчательнѣе, Псковъ прежде нежели отдѣлился отъ Новгорода, успѣлъ пріобрѣсти себѣ самостоятельность своимъ своеобразнымъ и превосходнымъ внутреннимъ устройствомъ, вышедшимъ первоначально изъ Новгородскаго общественнаго устройства, но потомъ мало-по-малу измѣненнымъ и доведеннымъ до того, что Псковичи далеко опередили Новгородцевъ въ развитіи своего общественнаго строя, и сѣумѣли такой ввести порядокъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, что въ продолженіе пятисотлѣтняго историческаго существованія Пскова исторія не отыщетъ и пяти общественныхъ смуть между Псковичами, тогда

какъ въ Новгородѣ почти вся общественная жизнь проходила въ смутахъ и борьбѣ партій. Враги Пскова время отъ времени смѣнялись, одни падали, а другіе усиливались, а Псковъ оставался все одинъ и тотъ же, какъ неприступная крѣпость, поочередно осаждаемая разными войсками, смѣнявшими другъ друга. И такъ продолжалось до самаго окончанія исторической службы Пскова, когда его смѣнилъ другой сильнѣйшій боецъ за русское дѣло, — властительная Москва. Свѣтель образъ Пскова въ продолженіе всей его исторической дѣятельности; но онъ является еще свѣтлѣе въ послѣдніе годы, когда Псковъ дослуживалъ свою историческую службу, когда обыкновенно самые свѣтлые образы городовъ и народовъ темнѣютъ и тускнутъ. Псковъ сошелъ съ исторической сцены не какъ дряхлый искалеченный старецъ, а какъ бодрый еще воинъ, отслужившій свою срочную службу. Внутреннія смятенія и беспорядки, и другіе болѣзненные признаки, обыкновенно сопровождающіе паденіе государствъ, не показывались въ послѣдніе годы самостоятельной жизни Пскова. Правда, лѣтописецъ жалуется, что въ послѣдніе годы и на Псковскомъ вѣчѣ, обыкновенно тихомъ и чинномъ, появились крикуны, у которыхъ голова не знала что языкъ кричалъ. Конечно такіе крикуны были не отраднымъ явленіемъ на вѣчѣ; но, судя по ходу дѣлъ во Псковѣ за послѣдніе годы, они не могли извратить вѣчеваго порядка, укрѣпленнаго вѣками. И Псковъ, не смотря на крикуновъ, остался вѣренъ своимъ изконнымъ правиламъ, и также свѣтель въ послѣдніе дни, какъ и въ самое цвѣтущее время: онъ скоро счумѣлъ понять свое положеніе, и скорѣе рѣшился

честно сойдти съ историческаго поприща, чѣмъ измѣнить Русскому дѣлу, и искать помощи у Нѣмцевъ или Литвы, или очертя голову броситься въ безумную борьбу, которой конецъ напередъ уже можно было видѣть. Псковичи, вмѣсто всѣхъ подобныхъ уловокъ, такъ обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ, прямо и благородно отвѣчали на послѣднемъ вѣчѣ: „а нынѣ Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежняго цѣлованія своего не хотимъ измѣнить и на себя кровопролитіе принять.“ И съ тѣмъ вмѣстѣ мирно удалились съ историческаго поприща, не проливъ бесполезно ни капли крови, и не помрачивъ своего свѣтлаго образа. Подлинно рѣдкая кончина свободнаго народа!

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

(Онъ же пятый Новгородскій).

Промышленность въ Новгородѣ и Псковѣ.

Новгородъ и Псковъ, самая близкая родня между собою какъ по происхожденію и устройству своему, такъ и по сосѣдству поселеній, съ перваго взгляда казалось бы должны были совершенно походить другъ на друга; но мы уже видѣли что и по общественному устройству, и по характеру жителей, и по судьбѣ своей Новгородъ и Псковъ во многомъ разнились между собою; такую же разность мы необходимо найдемъ и въ способахъ жизни или промышленности

Новгородскаго и Псковскаго общества. Конечно, средства къ жизни, обусловливаемые климатомъ и мѣстностию, были одни и тѣ же; но мѣра этихъ средствъ и ихъ развитіе были далеко не одинаковы у Новгородца и Псковича; а посему при видимомъ сходствѣ Новгородской и Псковской промышленности въ сущности между ними была значительная разница, имѣвшая конечно вліяніе и на самый бытъ того и другаго общества.

Начиная съ самой первой и необходимой промышленности—земледѣлія, или съ простаго сбора готовыхъ произведеній природы, Новгородъ и Псковъ уже не походили другъ на друга. У Новгородца земли и разныхъ угодій было безъ счета, бери сколько силъ хватаетъ; у Псковича, напротивъ, и земли и угодій было очень немного. Новгородскія владѣнія простирались съ запада на востокъ отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ и даже далѣе, а съ сѣвера на югъ въ древнее время отъ Бѣлаго моря до Оки; Псковскія же владѣнія лежали только по рѣкѣ Великой и ея притокамъ и еще около Псковскаго и частию Чудскаго озеръ и по одному берегу Наровы. Новгородцы измѣряли свои владѣнія и колоніи вдоль и поперекъ тысячами верстъ; Псковичи едва насчитывали какихъ нибудь ста три верстъ вдоль своихъ владѣній. А посему при громадности пространства въ большей части владѣній, и особенно въ колоніяхъ, Новгородскія селенія были раскиданы какъ острова въ морѣ, или какъ оазисы въ пустынѣ; Псковскія же селы представляли довольно скученную картину поселеній. Въ Новгородѣ воздѣлываніе земли было весьма незначительно, громаднѣйшія пространства

лежали невоздѣланными подѣ болотами и лѣсами; даже не каждый зналъ хорошо границы своихъ владѣній или вотчинъ, особенно въ Заволочѣ, гдѣ Новгородскіе поселенцы захватывали земли сколько хотѣли и сколько имѣли средствъ хотя какъ нибудь обработать и даже просто захватить. Новгородцы обыкновенно писали въ своихъ купчихъ: „продаль такую-то землю по старой купчей или по старому владѣнію и съ притеребы, т. е. что успѣлъ притеревить или захватить изъ дикаго поля или лѣса къ старому владѣнію. Во Псковѣ, напротивъ, земля была большею частію обработана, и даже лѣса и болота измѣрены и размежеваны по владѣльцамъ, такъ что земли никому не принадлежащей, дикой, во все не было. Въ Новгородской землѣ было раздолье для звѣроловства, рыболовства, пчеловодства, солонваренія и другихъ подобныхъ промысловъ, состоящихъ въ собираніи сырыхъ произведеній природы; такъ что сіи промыслы отстраняли на задній планъ полеводство или собственно земледѣліе. Во Псковѣ, напротивъ, кромѣ земледѣлія не было мѣста другимъ промысламъ; земля была такъ мала, что ее едва хватало на полеводство и луговоеводство; у Псковичей даже не было порядочныхъ озеръ и рѣкъ для рыболовства. Псковское и Чудское озера, богатая рыбой, только однимъ берегомъ принадлежали Пскову, да и то находились въ непрерывномъ спорѣ то съ Чудью, то съ Нѣмцами, слѣдовательно рыболовство хотя и находилось въ большомъ уваженіи у Псковичей и доставляло имъ значительныя выгоды, по сему промыслу постоянно могли быть заняты только немногія руки. Звѣроловство и пчеловодство также не могли занимать

многихъ рукъ, ибо Псковичи и за звѣремъ и за пчелою должны были ходить въ сосѣдніе лѣса Чуди и Летголы, своихъ же лѣсовъ было очень мало для подобныхъ промысловъ. А солотовареніемъ, занимавшимъ много рукъ въ Новгородской землѣ, во Псковѣ едва ли кто и занимался. По извѣстію Псковской лѣтописи въ 1364 году Псковичи устроили было двѣ варницы на Рухѣ соль варить, но дѣло не пошло и варницы были брошены, и никогда не возобновлялись, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій объ возобновленіи или объ устройствѣ новыхъ варницъ.

Въ слѣдствіе такового несогласія чисто мѣстныхъ топографическихъ условій, въ Новгородѣ и Псковѣ происходило то, что во Псковѣ земля обрабатывалась съ большею тщательностью, какъ для полеводства, такъ для огородничества и садоводства, и приносила достаточное количество плодовъ; отъ чего Псковъ, сравнительно съ Новгородомъ не богатый городъ, почти никогда не терпѣлъ голода, всегда имѣлъ громадныя запасы хлѣба, лежавшіе непочатыми по нѣскольку лѣтъ, и даже иногда прокармливалъ своимъ хлѣбомъ сосѣднія земли; другими же произведеніями своего земледѣлія, напр. льномъ, пенькою, хмѣлемъ даже торговалъ съ иноземцами. Новгородъ, напротивъ, городъ славившійся своими богатствами, большею частію кормился чужимъ привознымъ хлѣбомъ и часто страдалъ отъ голода. Такъ за время извѣстное намъ по лѣтописямъ съ 1000 по 1500 годъ во Псковѣ упоминается только одинъ разъ о голодѣ; именно подъ 1230 годомъ лѣтопись говорить: „того же лѣта побѣ морозъ жито, и бысть гладъ золь по всей земли, и никогда такъ не быва-

ло,—умирали люди по улицамъ и некому было погребать ихъ и ѡли ихъ собаки, какъ и всякую падаль, даже въ великій постъ люди ѡли конину.“ Кро-мѣ этого одного года въ лѣтописяхъ нѣтъ и поми-ну о голодѣ во Псковѣ; и только неболѣе семи разъ упоминается о дороговизнѣ того или другаго хлѣба. Между тѣмъ какъ Новгородскія лѣтописи за тотъ же пятисотлѣтній періодъ насчитываютъ до 23 страш-ныхъ голодныхъ годовъ, описаніе которыхъ далеко оставляетъ за собою обращикъ представленный Псков-скою лѣтописью. Такъ подъ 1128 годомъ у Новго-родскаго лѣтописца сказано, „люто было: осмину ржи продавали по гривнѣ ($\frac{1}{8}$ фунта серебра), ѡли люди листь липовый, кору березовую, а иные толкли сосновую кору съ полынью и соломою, другіе ѡли мохъ и конину; трупы умершихъ отъ голода валя-лись по улицамъ, торгамъ и дорогамъ; отъ смрада гніющихъ тѣлъ нельзя было выйдти изъ дому, такъ что принуждены были нанять рабочихъ, чтобы выво-зить трупы изъ города. Великая туга и бѣда была на всѣхъ, отцы и матери сажали дѣтей въ лодью и отдавали гостямъ даромъ, много народу померло, а другіе разошлись по чужимъ землямъ.“ Или подъ 1215 годомъ отъ неподвоза хлѣба изъ Суздальской земли, по случаю войны съ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, лѣтописецъ говоритъ: „зло бысть вельми въ Новѣгородѣ покупали кадъ ржи по 10-ти гривенъ (по два фунта серебра); люди питались со-сновою корою, липовымъ листомъ и мохомъ. О горе, было тогда братья,—родители отдавали дѣтей въ раб-ство, поставили скудельницу и полну наклали тру-пами; по торгу трупы, по улицамъ трупы, по полю

трупы, собаки не успѣвали пожирать человѣческихъ труповъ; Вожане почти всѣ перемерли, а остатокъ разбѣжался.“ Или подѣ 1230 годомъ хлѣбъ побилораннимъ морозомъ и стали покупать одинъ хлѣбецъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривенъ (4 фунта серебра) и разошелся городъ нашъ и волость наша, а остальные стали помирать. И только подвозъ хлѣба Нѣмцами спасъ городъ отъ заустѣвнїя. Или подѣ 1445 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „была въ продолженїи десяти лѣтъ страшная дороговизна хлѣба, а иногда и купить было негдѣ, и была скорбь и печаль христїаномъ великая, только и слышны были плачи и рыданїя; въ городѣ по торгу и по улицамъ падали отъ голода и умирали дѣти передъ родителями; и многіе разошлись, иные въ Литву, иные въ Латынство и Бусурманство, и даже продавались жидамъ изъ хлѣба“.

Въ Новгородѣ рѣдная война съ Суздальскими князьями обходилась Новгороду безъ дороговизны хлѣба и даже голода; такъ что князья большею частїю тѣмъ и побѣждали Новгородцевъ, что морили ихъ голодомъ, не пропуская обозы съ хлѣбомъ. Во Псковѣ, напротивъ, ни одна война не имѣла влїянїя на дороговизну хлѣба; во Псковѣ всегда находились огромные запасы хлѣба, которымъ, въ случаѣ нужды, прокармливались даже сосѣднїя страны. Такъ подѣ 1422 годомъ въ лѣтописи сказано: „бысть гладъ въ Новгородѣ и по всѣмъ ихъ волостямъ, и въ Тверской землѣ и въ Московской, и многіе умирали отъ голода. А во Псковѣ тогда были насыпаны кѣти всякимъ хлѣбомъ старыхъ лѣтъ на Крому; и пошли ко Пскову Новгородцы, Корѣла, Чудь, Вожане и Тве-

ричи и Москвичи и другіе, и набѣжало народу очень много; и начали по волостямъ и по пригородамъ скупать рожь и во Псковѣ, и возить за рубежь; и во Псковѣ рожь дошла до 70 ногать зобница, а на полтину двѣ зобницы съ половиною; и Псковичи (вѣче) заповѣдали не продавать рожь и всякій хлѣбъ за рубежь. “ И дѣйствительно, отъ неумѣреннаго вывоза за границу и наплыва голодныхъ пришельцевъ со всѣхъ странъ цѣна на хлѣбъ страшно поднялась; ибо во Псковѣ считалось уже дорогою цѣною шесть зобницъ на полтину (какъ было въ 1407 году), дешевая цѣна ржи была по 10 денегъ зобница; а по расчету двѣ съ половиною зобницы на полтину зобница приходится по 52 деньги. Настоящее извѣстіе показываетъ намъ, съ одной стороны, что во Псковѣ всегда имѣлось довольно хлѣбныхъ запасовъ, какъ въ общественныхъ клѣткахъ на Кромѣ, такъ по волостямъ и пригородамъ у частныхъ лицъ и тамошнихъ обшествъ; а съ другой стороны, что правительство, вѣче, не стѣсняя свободы гражданъ, въ то же время смстрѣло, чтобы эта свобода не злоупотреблялась, такъ когда хлѣбъ отъ неумѣреннаго вывоза слишкомъ поднялся въ цѣнѣ, то вѣче немедленно запретило вывозъ. Ничего подобнаго, кажется, не было въ Новгородѣ, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій ни о запасныхъ общественныхъ магазинахъ, ни о какихъ либо распоряженіяхъ относительно хлѣбной торговли. Все это даетъ право заключать, что земледѣльческая промышленность въ Новгородѣ стояла на заднемъ планѣ и была далеко не въ цвѣтущемъ положеніи, особенно сравнительно съ Псковомъ.

Законодательство Пскова и Новгорода свидѣтельству о томъ же, стоитъ только сравнить статьи о землевладѣннѣ въ Псковской судной грамотѣ съ таковыми же въ Новгородской судной грамотѣ. Первая же статья о землевладѣннѣ по Псковской грамотѣ говорить о четырехъ или пятилѣтней Псковской давности на обработанную землю. Въ статьѣ сказано: „Ежели будетъ съ кѣмъ судъ о полевой землѣ или водѣ, а на той землѣ будетъ дворъ и распаханная нивы; а держитъ и обрабатываетъ кто ту землю четыре или пять лѣтъ; и ему слаться на сосѣдей на четырехъ или на пять человѣкъ. А сосѣди скажутъ, какъ правъ передъ Богомъ, что тотъ человѣкъ, который на нихъ сослался, чистъ и обрабатываетъ и держитъ ту землю или воду года четыре или пять; а супротивникъ въ тѣ лѣта на немъ не искалъ и на землю или воду не наступался; и въ такомъ случаѣ земля та или вода чиста и даже не нужно крестнаго цѣлованія; а супротивникъ, въ продолженіе четырехъ или пяти лѣтъ не искавшій, теряетъ уже право на искъ. Ежели же земля будетъ не обработана, то для таковой земли давности нѣтъ, а должно искать и защищаться судомъ.“ Эта статья закона прямо и ясно говорить, что во Псковѣ воздѣлываніе земли такъ уважалось закономъ, а слѣдовательно и жизнію, что четырехъ или пятилѣтняя давность утверждала хотябы несправедливое владѣніе землею, тогда какъ на необработанную землю не полагалось никакой давности. Таковой законъ могъ явиться только въ обществѣ строго земледѣльческомъ, гдѣ обработанную землей дорожили; ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ ни въ Новгородскихъ, ни въ дру-

гихъ русскихъ законодательныхъ памятникахъ того времени.

Во 2-хъ, по Псковской судной грамотѣ судъ по дѣламъ поземельнаго владѣнія наравнѣ съ судомъ по уголовнымъ дѣламъ принадлежалъ и князю, и посадникамъ, и сотскимъ; такъ что дѣла по поземельному владѣнію рѣшались не иначе какъ всѣми высшими представителями судебной власти во Псковѣ; слѣдовательно Псковичи дорожили поземельнымъ владѣніемъ и заботились о возможно большемъ его обезпеченіи. Въ Новгородѣ, напротивъ того, дѣла о поземельномъ владѣніи, по Новгородской судной грамотѣ, рѣшались у всякаго судьи,—и у посадника, и у тысяцкаго, и у владычня памѣстника, у ихъ тиуновъ и у иныхъ судей, даже по поземельнымъ дѣламъ не было положено и судебныхъ пошлинъ. Новгородское правительство даже не обращало надлежащаго вниманія на сіи дѣла, и, судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, дѣла сіи были крайне запутаны и тянулись по нѣскольку лѣтъ, не смотря на прямое требованіе закона, чтобы судъ по поземельнымъ дѣламъ кончатъ въ два мѣсяца. Кромѣ того, наѣзды и грабежи въ поземельныхъ дѣлахъ были обыкновеннымъ явленіемъ у Новгородцевъ. Вообще и по закону и въ жизни у Новгородцевъ мало обращалось вниманія на землю; земля въ Новгородскихъ владѣніяхъ какъ бы не представляла полной собственности, и по сему даже по занятіи ея и усвоеніи кѣмъ нибудь изъ Новгородцевъ, на нее продолжали еще смотрѣть почти какъ на вещь никому не принадлежащую, которую всякій можетъ захватить по своему усмотрѣнію, не спрашиваясь хозяина.

Третья статья судной Псковской грамоты говорить:
„А кто у кого начнетъ землю отнимать выкупомъ, а старья грамоты у того человѣка, у кого землю отнимають; ино воля того человѣка, у кого старья грамоты, хочеть на поле лѣзеть (на поединокъ), или своего истца къ правдѣ ведеть (къ присягѣ) на его выкупѣ, погуду отнимаетъ.“ Здѣсь хотя не отрицается право выкупа, но тѣмъ не менѣе правильное владѣніе, утвержденное грамотами, тщательно ограждается правомъ владѣльца рѣшить дѣло поединкомъ или приведеніемъ истца къ присягѣ. Въ Новгородской судной грамотѣ нѣтъ и помину ни о правѣ выкупа, ни объ огражденіи владѣльца земли отъ предъявляющаго право на выкупъ; такъ что мы не можемъ сказать допускаясь ли выкупъ въ Новгородѣ, и ежели допускаясь, то какія имѣлъ формы.

Въ 4-хъ, судная Псковская грамота, первая изъ всѣхъ законодательныхъ Русскихъ памятниковъ, опредѣляетъ съ достаточными подробностями отношенія крестьянъ или арендаторовъ къ землевладѣльцамъ. Она во 1-хъ опредѣляетъ срокъ въ году, въ который крестьянинъ имѣетъ право оставить землю владѣльца и владѣлецъ отказать крестьянину безъ платежа убытковъ; во 2-хъ раздѣляетъ крестьянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ на три разряда, — на изорниковъ, т. е. пахарей, на огородниковъ и рыболововъ. Въ 3-хъ ограждаетъ право землевладѣльцевъ и крестьянъ; такъ ежели крестьянинъ, не перешедшій съ земли въ законный срокъ, будетъ говорить, что со стороны владѣльца не было отказа въ законное время, и онъ не зналъ, что владѣлецъ не хочеть его держать; то ему давался съ владѣль-

цемъ судъ и по суду крестьянинъ оправдывался, когда судомъ показанія его будутъ найдены справедливыми, а владѣлецъ лишался права на тотъ доходъ съ участка земли, который ему слѣдовалъ по первоначальному условію. Ежели же крестьянинъ, пропустивши законный срокъ, удержалъ за собою землю владѣльца до весны и потомъ самовольно оставилъ ее, то въ огражденіе землевладѣльца отъ убытковъ законъ обязывалъ крестьянина заплатить владѣльцу съ оставленнаго имъ участка земли такой же доходъ, какой получится въ томъ году съ участка подобнаго оставленному. Въ 4-хъ землевладѣлецъ по закону отпуская отъ себя крестьянина, по своему ли приказу, или по желанію самого крестьянина, имѣлъ право взыскать съ него все, что давалъ ему въ пособіе хлѣба или денегъ при поселеніи, но не имѣлъ права взыскивать съ него ни торговыхъ доходовъ, ни поруки, ни ссуды, ни отданнаго на сохраненіе, ни наслѣдства безъимянно. Въ Новгородскихъ законодательныхъ памятникахъ мы не находимъ никакихъ опредѣленій отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, значитъ Новгородцы, какъ не интересовавшіеся земледѣліемъ, мало обращали вниманія и на отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, и предоставляли это свободной волѣ договаривающихся сторонъ. Новгородскій землевладѣлецъ смотрѣлъ на крестьянина, живущаго на его землѣ, не столько какъ на земледѣльца, пахаря или огородника, сколько какъ на своего добровольнаго слугу, готоваго и землю пахать, и вмѣстѣ съ хозяиномъ земли сдѣлать набѣгъ на сосѣдняго землевладѣльца и захватить у него ту или другую землю, какъ это дѣйствитель-

но нерѣдко и случалось, особенно въ Заволочѣѣ, этомъ гнѣздѣ землевладѣльческаго своеволія.

Въ 5-хъ, наконецъ судная Псковская грамота упоминаетъ о сябренномъ владѣніи землею, когда владѣютъ однимъ имѣніемъ нѣсколько участниковъ или сябровъ, каждый своею долею въ собственность по особымъ грамотамъ или купчимъ. Въ случаѣ суда по сябренному владѣнію въ судной грамотѣ сказано: „А кто съ кѣмъ разтяжется о земли или борти, да положить грамоты старья и свою купленную (купчую) грамоту; и его грамоты зайдутъ многихъ сябровъ земли и борти; и всѣ сябры должны стать на судѣ вмѣстѣ, отвѣчаючи каждый за свою землю или борть, и передъ судьями должны положить грамоты и взять межниковъ, которые отведутъ межи предъ стариками, каждый свою часть по своей купчей грамотѣ; а въ чьей доли споръ, тотъ одинъ долженъ поцѣловать крестъ на своей доли; и когда поцѣлуется крестъ за всѣхъ сябровъ, то за тѣмъ выдать ему судную грамоту на ту землю, на которой цѣловалъ крестъ.“ До насъ даже дошла одна правая грамота о судѣ въ сябренномъ владѣніи, изъ которой видно, что этотъ судъ производился по всѣмъ формамъ, установленнымъ судною Псковскою грамотой. Правая грамота прямо свидѣтельствуетъ, что этотъ судъ производился передъ Псковскимъ княземъ, двумя степенными посадниками и передъ сотскими, у князя на сѣняхъ и на судѣ стояли все сябры и положили предъ судьями свои грамоты, и судьи прочетши грамоты отдали ихъ одному изъ сотскихъ и послали его вмѣстѣ съ княжимъ бояриномъ досмотрѣть спорной земли на мѣстѣ, и посланные досмо-

трѣли землю и нанесли ее на чертежъ, и, отведши по чертежу межи, представили судьямъ, которые спросили тяжущихся, — признають ли они чертежъ правильнымъ, или снимають съ межниковъ межничество; и когда тяжущіеся отвѣчали — снимаемъ, то спросили у истцовъ, кто у нихъ старики, которымъ бы вѣдомо было, что спорная земля принадлежитъ истцамъ. И когда одинъ таковой старикъ былъ указанъ, то судьи спросили противную сторону, шлются ли они на указанного старика и, получивъ утвердительный отвѣтъ отъ всѣхъ сябровъ противной стороны, утвердили спорную землю за тою стороною, на которую указалъ старикъ, и отправили на мѣсто какъ самаго старика, такъ и княжескаго боярина съ сотскимъ, чтобы выдѣлить утвержденную судомъ землю оправданной стороною. Сябренное владѣніе землею было въ обычаѣ и у Новгородцевъ, особенно въ Заволочьѣ; но по Новгородскимъ законамъ оно ничѣмъ не отличалось отъ обыкновеннаго единичнаго владѣнія землею; и въ случаѣ тяжбы судъ по сябренному владѣнію производился такъ же какъ и по простому, и всѣ сябры не вызывались на судъ, а только тотъ сябрь, у котораго была какая либо крѣпость или управа объясняющая дѣло. Вообще Новгородскій законъ смотрѣлъ на сябра не какъ на участника въ дѣлѣ, а какъ на свидѣтеля, и сябра по Новгородскому закону можно было вызвать въ суду только тогда, когда на это соглашалась противная сторона, въ противномъ случаѣ судья рѣшалъ дѣло не дожидаясь сябра.

Такимъ образомъ и по лѣтописнымъ извѣстіямъ и по законодательнымъ памятникамъ и землевладѣніе и

земледѣліе въ Новгородѣ и Псковѣ были далеко не одинаковы. Новгородѣ отличался громадностію частныхъ поземельныхъ владѣній, заключавшихъ въ себѣ иногда чуть не цѣлыя уѣзды съ городами, особенно въ Заволочѣѣ. Псковскіе владѣльцы поземельной собственности, напротивъ, не могли похвалиться обширностію своихъ владѣній; но за то Псковскія поземельныя имущества отличались тщательною обработкой, и частныя лица и общество и самъ законъ во Псковѣ строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы земля не оставалась впустъ, необработанною. А по сему Псковское земледѣліе далеко оставляло за собою Новгородское земледѣліе, и Псковскія земли при значительно меньшемъ пространствѣ приносили болѣе дохода чѣмъ Новгородскія земли; даже самыя произведенія земледѣлія во Псковѣ пользовались большею извѣстностію чѣмъ Новгородскія произведенія; такъ-вы напримѣръ ленъ, хмѣль, солодъ, составлявшіе даже значительную отпускную статью въ торговлѣ.

Но ежели Псковѣ и Новгородѣ значительно разнились между собою относительно земледѣлія, и Новгородѣ стоялъ въ этомъ отношеніи позади Пскова; то въ отношеніи къ промышленности обрабатывающей, т. е. къ ремесламъ и мастерствамъ, и Новгородѣ и Псковѣ были равны между собою, или даже можетъ быть Новгородѣ стоялъ нѣсколько выше Пскова. Ибо ежели съ одной стороны во Псковскомъ законодательствѣ довольно опредѣлены отношенія учениковъ и мастеровъ, и слѣдовательно тѣ ремесла или мастерства, которыя были знакомы Псковичамъ, находились въ благоустроенномъ положеніи и были не случайными, а напротивъ пользовались опредѣ-

ленными правами гражданства; то съ другой стороны въ Новгородѣ, ежели мы и не можемъ указать, какъ были устроены ремесла и какъ смотрѣлъ на нихъ Новгородскій законъ, за то Новгородскія лѣтописи представляютъ намъ несравненно болѣе извѣстій о разныхъ мастерствахъ въ Новгородѣ, чѣмъ Псковскія лѣтописи о Псковскихъ ремеслахъ. А по сему съ большимъ вѣроятіемъ можно допустить, что Новгородъ въ отношеніи къ ремесламъ стоялъ выше Пскова, какъ городъ болѣе богатый и сильный, и что по крайней мѣрѣ Новгородскія ремесла были разнообразнѣе чѣмъ Псковскія.

Первымъ и старѣйшимъ мастерствомъ въ Новгородѣ и Псковѣ было мастерство строительное. Новгородцевъ еще при Ярославѣ Великомъ называли плотниками, и во Псковѣ также прежде всѣхъ мастеровъ упоминаются строители, плотники и каменщики и вмѣстѣ съ ними гончары, или мастера готовить, обжигать плиту и кирпичъ; въ Новгородѣ мы находимъ два конца, или двѣ пятыхъ части самаго города, носившіе названіе одинъ плотницкаго, а другой гончарнаго. Первая каменная церковь въ Новгородѣ была построена епископомъ Іоакимомъ въ 989 году, во имя Богоотецъ Іоакима и Анны, и въ томъ же году выстроена церковь св. Софіи, дубовая о 13 верхахъ; кто были строители сихъ древнѣйшихъ церквей лѣтописецъ не упоминаетъ. Въ 1045 году была заложена повелѣніемъ князя Владиміра Ярославича церковь св. Софіи каменная: „а дѣлали ее семь лѣтъ, и устроили вельми прекрасну и превелику; и, устройвъ церковь, привели иконныхъ писцевъ изъ Царяграда, и начаша подписывати во главѣ.“ Зна-

чить изъ Царьграда были приглашены только иконописцы, строители же церкви были свои Новгородцы. Первымъ строителемъ въ Новгородѣ, котораго имя сохранилось въ лѣтописи, былъ мастеръ Петръ, который, по повелѣнію Новгородскаго князя Мстислава великаго, въ 1119 году, заложилъ церковь св. Георгія въ Юрьевѣ монастырѣ, и строилъ ее болѣе 15 лѣтъ. Этотъ мастеръ Петръ былъ очевидно изъ Новгородцевъ; ибо ежели бы онъ былъ иноземецъ, то лѣтопись не преминула бы сказать изъ какой онъ земли, Нѣмецъ или Гречинъ и подобн. Во Псковѣ о замѣчательныхъ строеніяхъ упоминается въ первый разъ въ XII столѣтіи, когда говорится, что епископъ Нифонтъ построилъ во Псковѣ каменную церковь Спасителя; потомъ съ XIV столѣтія постоянно слѣдуютъ упоминанія о постройкѣ каменныхъ и плитяныхъ городскихъ стѣнъ и церквей. Такъ подъ 1309 годомъ читаемъ: „Борисъ посадникъ съ Псковичи заложилъ стѣну плитяну отъ св. Петра и Павла къ Великой рѣкѣ; подъ 1310 годомъ заложена церковь пресв. Богородицы каменная на горѣ и совершена въ слѣдующемъ 1311 году. Или подъ 1330 годомъ Селога посадникъ съ Псковичи (т. е. по опредѣленію вѣча) и съ Изборяны поставилъ городъ Изборскъ на Жеравей горѣ, того же лѣта, и стѣну каменную съ плитою учинили, и рвы копали подъ городомъ. Въ 1362 году палъ верхъ церкви св. Троицы; и Псковичи наняли рабочихъ разобрать стѣны сей церкви, и разчистить мѣсто, и заплатили 200 рублей. А при построеніи новой церкви св. Троицы дали мастерамъ за работу 400 рублей, и кромѣ того подчивали ихъ добрѣ, а строили ту церковь три года.

Подъ 1373 годомъ есть извѣстіе, что въ этомъ году была построена мастеромъ Кирилломъ каменная церковь св. Власія, а на другой годъ тотъ же мастеръ Кириллъ на свой счетъ и въ свое имя построилъ другую каменную церковь св. Кирилла у Смердья моста надъ греблею. Это извѣстіе свидѣтельству-етъ, что строительные мастера во Псковѣ были люди богатые, когда мастеръ Кириллъ построилъ каменную церковь на свой счетъ и въ свое имя. Подъ 1420 годомъ лѣтопись, упоминая о построе- ній городскихъ стѣнъ, говоритъ: а дѣлали 300 му- жей три года съ половиною, а взяли у Пскова за дѣло свое 1,000 рублей, а плиту которые жгли, тѣмъ дали 300 рублей. Подъ 1415 годомъ въ лѣто- писи написано: „того же лѣта Псковичи купцы роз- били старую церковь св. Софіи, и начали строить новую, а строилъ мастеръ Еремѣй, и въ томъ же году покончилъ строеніемъ, и церковь освящена. Но кажется ни въ Новгородѣ ни во Псковѣ строи- тельные мастера не отличались знаніемъ своего дѣ- ла, или по крайней мѣрѣ наниматели мастеровъ не всегда обращались къ искуснѣйшимъ. Такъ по сви- дѣтельству лѣтописи городскія стѣны во Псковѣ, по- строенныя въ 1420 году, распались въ 1424 году. Или въ Новгородѣ въ 1345 году только-что масте- ра успѣли сойдти съ оконченной ими церкви Іоанна Златоуста, какъ церковь сія распалась. А посему Новгородцы за строительными мастерами иногда обращались къ Нѣмцамъ, особенно когда задумыва- ли какое-либо строеніе похитрѣе, и при томъ не церковь; такъ знаменитую каменную палату о трид- цати дверяхъ, на дворѣ владыки Евфимія, въ 1433

году строили мастера Нѣмецкіе изъ-за моря вмѣстѣ съ Новгородскими мастерами. Впрочемъ судя по множеству церквей и другихъ зданій въ Новгородѣ и Псковѣ, иностранцы, какъ строители, приглашались очень рѣдко; такъ что приглашеніе Нѣмецкихъ мастеровъ изъ-за моря, для построенія палаты на дворѣ владыки Евфимія, составляетъ едвали не единственный примѣръ, по крайнѣй мѣрѣ единственный по указанію лѣтописей. А между тѣмъ нельзя не замѣтить, что лѣтописцы не опускали случая упомянуть, ежели для какого дѣла были приглашены иноземные мастера, и даже какъ бы хвалились тѣмъ, что такое-то дѣло иностранныхъ мастеровъ.

Вмѣстѣ съ мастерами строителями упоминаются мастера иконописцы, или росписчики церквей и палатъ, которые были частію свои, Новгородцы и Псковичи, частію иноземцы пришельцы, преимущественно Греки. Такъ о Греческихъ мастерахъ, расписывавшихъ церкви въ Новгородѣ, лѣтопись упоминаетъ подъ 1045 годомъ, говоря о построеніи церкви св. Софіи при князѣ Владимірѣ Ярославичѣ: и привели иконописцевъ изъ Царя-града, и начали подписывать верхъ. Или подъ 1196 годомъ: „владыка Мартирій, исписа церковь на воротѣхъ, а писецъ былъ Гречинъ Петровичъ; или въ 1378 году Теофанъ Гречинъ расписывалъ церковь на Ильинской улицѣ; въ 1338 году Исай Гречинъ расписывалъ церковь входа въ Іерусалимъ. О Русскихъ, или Новгородскихъ и Псковскихъ иконописцахъ и росписчикахъ лѣтописи упоминаютъ не поименовая самихъ мастеровъ; такъ подъ 1340 годомъ, церковь 40 мучениковъ украшена иконами и письменемъ, т. е. расписана; или подъ 1434 го-

домъ подписали палату владычно; или подъ 1441 годомъ подписана владычная палата большая; или подъ 1450 годомъ владыка повелѣлъ подписать притворъ св. Софіи у Корсунскихъ вратъ; или подъ 1385 годомъ, при описаніи пожара въ Новгородѣ, сказано: „Иванъ церковный роспищикъ сгорѣлъ.“ Новгородскіе иконописцы и росписчики пользовались извѣстностію въ Русской землѣ, ихъ иногда приглашали въ Москву и другіе города; даже Нѣмцы нанимали ихъ для написанія иконъ и расписанія стѣнъ въ своихъ церквахъ въ Новгородѣ; они расписывали не только церкви, но и палаты владыкъ и богатыхъ людей въ Новгородѣ и Псковѣ.

Рядомъ съ строителями и иконописцами были мастера лить колокола, обивать свинцомъ верхи церквей, золотить кресты и главы, а также дѣлать серебряныя и золотыя ризы на иконы, церковные сосуды, паникадилы, лампы, подсвѣшники и другія церковныя принадлежности, и всѣ таковыя мастера были и въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ это можно видѣть изъ лѣтописныхъ извѣстій. Такъ напримѣръ подъ 1420 годомъ Псковская лѣтопись говоритъ: „Псковичи наняли мастеровъ Ѳедора и дружину его обить церковь св. Троицы свинцомъ новыми досками, и не нашлось таковаго мастера во Псковѣ, ни въ Новгородѣ, который бы умѣлъ лить свинчатыя доски, посылали къ Нѣмцамъ въ Юрьевъ (Дерптъ), и тѣ не прислали. И пріѣхалъ мастеръ изъ Москвы отъ митрополита Фотія, и научилъ Ѳедора мастера св. Троицы, а самъ отѣхалъ въ Москву, и такимъ образомъ до году была обита церковь св. Троицы, а дали мастерамъ сорокъ четыре рубли.“ Это извѣ-

стіе свидѣтельствуеть, что хотя въ Новгородѣ и Псковѣ были свои мастера обивать верхи церквей свинцомъ; но сіи домашніе мастера не знали какъ лить свинчатыя доски. Или подѣ 1426 годомъ въ лѣтописи сказано: „Псковичи построили новую колокольню у св. Троицы и колокола повѣсили. Или въ Новгородской лѣтописи подѣ 1261 годомъ; „поби владыка верхъ св. Софіи свинцомъ.“ Или подѣ 1336 годомъ: „владыка Василій святую Софію тыномъ новымъ отынилъ, и у св. Софіи двери мѣдяны золоченыя устроилъ въ притворѣ.“ Конечно Новгородскими мастерами, въ противномъ случаѣ лѣтописецъ не преминулъ бы сказать, — изъ какой земли приходили мастера. Или подѣ 1342 годомъ: „владыка Василій повелѣлъ колоколъ слѣяти великъ къ св. Софіи, и привезе мастера изъ Москвы, человекъ добраго именемъ Бориса.“ Но конечно приглашеніе колокольнаго мастера изъ Москвы не значило, чтобы въ Новгородѣ и Псковѣ не было своихъ колокольныхъ мастеровъ, ибо въ лѣтописяхъ упоминается же о литіи колоколовъ и въ Новгородѣ и въ Псковѣ безъ приглашенія мастеровъ со стороны. Настоящее же извѣстіе показываетъ, что въ данное время особенно славился Московскій колокольный мастеръ Борисъ, по Московскимъ лѣтописямъ называемый Римляниномъ, и можетъ быть дѣйствительно пришедшій въ Москву изъ Рима; и владыка Новгородскій, желая слить колоколъ на славу великій, пригласилъ знаменитаго Московскаго мастера. Или подѣ 1340 годомъ лѣтопись, упоминая о церкви сорока мучениковъ, говоритъ: „была же та церковь устроена и украшена и письменемъ, и кованіемъ, и крутою,“ т. е.

церковь та была и расписана, и многія иконы окочаны ризами золотыми и серебряными, и много тамъ было другихъ украшеній, паникадилъ, подсвѣчниковъ, книгъ въ дорогихъ окладахъ и подоб. Или подь 1439 годомъ въ той же лѣтописи сказано: „владыка Евфимій позлати гробъ князя Владиміра, также и матери его гробъ подписалъ и покровъ положилъ.“ Или въ Псковской лѣтописи подь 1433 годомъ упоминается объ иконахъ позлащенныхъ въ церкви св. Іоанна въ монастырѣ. И въ той же лѣтописи подь 1402 годомъ сказано: „Романъ посадникъ староста св. Троицы, и другой староста Аристъ Павловичъ поставили новый крестъ на свят. Троицѣ, въ самый Троицынъ день передъ обѣднею.“ А Новгородская лѣтопись подь 1408 годомъ говоритъ: „владыка Иванъ позолотилъ главу у св. Софіи и покрылъ свинцомъ. Или въ Псковской лѣтописи подь 1465 годомъ сказано: „покрыша церковь св. Софіи желѣзомъ. Того же лѣта перси совершиша у Кромѹ, а дѣлали 80 чловѣкъ наймитовъ три лѣта, а взяли за дѣло 175 рублей, того же лѣта начали крыть храмъ св. Троицы досками, и покрыли церковь Воскресенія въ Домантовѣ стѣнаѣ желѣзомъ.“ Всѣ сіи извѣстія лѣтописей объ устройствѣ и украшеніи церквей, безъ приглашенія иноземныхъ мастеровъ, свидѣлствуютъ, что Новгородъ и Псковъ, для таковыхъ дѣлъ имѣли своихъ домашнихъ мастеровъ; и только въ немногихъ случаяхъ обращались къ иноземцамъ, о чемъ всегда заявляютъ лѣтописцы. Есть даже извѣстіе, что въ Новгородѣ были уже свои мастера для устройства самозвонныхъ часовъ; такъ подь 1436 годомъ лѣтопись говоритъ: „владыка Евфимій устроилъ у себя

надъ полатою часы звонящiе.“ А какъ лѣтопись не упоминаетъ о приглашенiи часовыхъ мастеровъ изъ иныхъ земель, то значить, что въ Новгородѣ уже были свои часовые мастера. И даже Новгородцы таковыми мастерами могли снабжать другiе города; такъ подъ 1473 годомъ читаемъ въ Псковской лѣтописи: „прѣхалъ владыка Теофилъ въ домъ св. Троицы, и своимъ мастерамъ велѣлъ поставить самозвонные часы на Снѣтогорскомъ дворѣ; а тѣ часы самъ же владыка прислалъ съ своимъ бояриномъ въ домъ живоначальныя Троицы, и они такъ и стояли просто до него.“ Слѣдовательно во Псковѣ въ то время не было мастеровъ, которые могли бы уставить часы присланные изъ Новгорода.

Кромѣ мастеровъ для построенiя и украшенiя церквей и разныхъ зданiй въ Новгородѣ и Псковѣ упоминаются мастера и другихъ ремеслъ. Такъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1216 годомъ имѣемъ извѣстiе о котельномъ мастерѣ Антонѣ котельникѣ, который палъ въ Липецкомъ бою вмѣстѣ съ другими знатными Новгородцами и Псковичами; подъ 1234 годомъ упоминается о Гаврилѣ щитникѣ и Нежилѣ серебряникѣ, которые вмѣстѣ съ другими воинами пали въ битвѣ съ Литвою на Дубровнѣ; подъ 1240 годомъ, при описанiи Невской битвы со Шведами, между знаменитыми Новгородцами, павшими на бою, упоминается Дрочило Нездыловъ, сынъ кожевника; а въ Псковской лѣтописи подъ 1450 годомъ встрѣчается Хитрей кожевникъ, который имѣлъ свой дворъ у Бурковой лавицы; подъ 1463 годомъ упоминается Гуда суконникъ, который былъ посланникомъ отъ Псковскаго вѣча къ Дерптскому епископу; а подъ

1466 годомъ упоминается о Кузнецкой улицѣ во Псковѣ. Но, безъ сомнѣнія, лѣтописными свидѣтельствами далеко не изчерпываются извѣстія о ремеслахъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Лѣтописцы нигдѣ не исчисляютьъ мастеровъ разныхъ ремеслъ, а упоминають о томъ или другомъ мастерствѣ, или мастерѣ случайно, и не упоминають о самыхъ необходимыхъ мастерствахъ, напримѣръ о портняжномъ, сапожномъ, башмашномъ, шапошномъ, шерстобитномъ, стригольномъ, войлочномъ, коробейномъ, горшечномъ и многихъ другихъ; тогда какъ на дѣлѣ всѣ сіи мастерства были извѣстны въ Новгородѣ и Псковѣ, и нѣкоторыя находились въ цвѣтущемъ состояніи. Кромѣ того въ лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ ни одного извѣстія о мастерствахъ женскихъ,—о тканѣ, шитье золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными шелками и нитями, о крашеніи разныхъ тканей, о вязаньи, о низаньи въ узоръ жемчугомъ и бисеромъ, о плетеньи кружевъ, и многихъ другихъ; тогда какъ женскія одѣянія и особенно головные уборы отличались богатствомъ, красотою и своеобразнымъ вкусомъ, и по своей своеобразности непремѣнно должны были выработываться на мѣстѣ и не могли быть привозимы со стороны. Конечно камки, парчи, бархаты и другія шелковыя и златотканныя ткани первоначально были привозимы изъ Греціи или изъ Азіи, сукна же полотна, а въ послѣдствіи и шелковыя ткани доставлялись западною Европой; но въ то же время ткались и свои сукна, ткани изъ льна, и нитяныя ткани, разумѣется лучшія, тонкой и чистотой отдѣлки, а разноцвѣтныя ткани отличались яркостію цвѣтовъ, любимѣйшими цвѣтами у

Псковичей и Новгородцевъ были синій, густо-розовый, черный и бѣлый. Въ нѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ одеждахъ сохранились нитяныя ткани съ набивными узорами чисто мѣстнаго происхожденія; слѣдовательно и набивка тканей была уже извѣстна Новгородцамъ и Псковичамъ, и имѣла своихъ мастеровъ, хотя судя по дошедшимъ образцамъ, далеко не искусныхъ.

Такимъ образомъ, судя по дошедшимъ до насъ разнымъ извѣстіямъ разныя мастерства и рукодѣлья въ Новгородѣ и Псковѣ были довольно разнообразны, и довольно распространены, и нѣкоторыя мастерства, напримѣръ кожевенное и скорняжное были въ цвѣтущемъ состояніи и своими издѣліями участвовали даже въ отпускной торговлѣ. Но очевидно ни въ Новгородѣ, ни въ Псковѣ ремесла не составляли главной цѣли общества, и находились на заднемъ планѣ только для домашняго обихода, капиталы и трудъ употреблялись на другія занятія болѣе любимыя и считавшіяся полезнѣе или выгоднѣе ремесль. Что ремесла въ Новгородѣ и Псковѣ были не въ цвѣтущемъ состояніи, этому лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ извѣстія о торговлѣ Новгорода и Пскова съ Ганзейскими и другими Нѣмецкими городами. Изъ извѣстій о торговлѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами видно, что изъ промышленныхъ городовъ западной Европы Нѣмецкими купцами привозились въ Новгородъ и Псковъ разнообразнѣйшія издѣлія ремесленной и фабричной промышленности, начиная съ дорогихъ тканей, даже до дерюги. Слѣдовательно произведенія домашней промышленности далеко не удовлетворяли нуждамъ потребителей; и

Новгородцы и Псковичи постоянно нуждались въ привозѣ иностранныхъ промышленныхъ издѣлій. Даже лучшее оружіе и доспѣхи постоянно привозились сперва изъ промышленной Азіи чрезъ Болгарію и потомъ изъ западной Европы; а церковныя драгоценныя украшенія преимущественно доставлялись изъ Греціи и обыкновенно слыли подъ именемъ Корсунскихъ.

Но ежели ремесла и вообще обрабатывающая промышленность въ Новгородѣ и Псковѣ находилась не въ цвѣтущемъ состояніи; за то торговая дѣятельность Новгородцевъ и Псковичей производилась въ огромныхъ размѣрахъ и составляла прямой жизненный интересъ Новгорода и Пскова. Новгородъ съ старѣйшими своими пригородами, еще въ глубокой древности, какъ только вспомнить исторія, былъ сѣвернымъ центромъ торговли Азіи съ Европою, прилегающею къ Балтійскому и Нѣмецкому морямъ. Новгородскую торговлю можно раздѣлить на восточную съ Азіею и юговосточную съ Греціею и землями прилегающими къ Черному морю, на Западную или Варяжскую и Нѣмецкую съ Западною Европою, и Русскую съ разными Русскими княжествами.

О восточной торговлѣ Новгорода и Юго-восточной мы имѣемъ хотя не многія, но преемственныя указанія въ продолженіе почти всей Новгородской исторіи. Древнія Скандинавскія саги свидѣтельствуютъ, что драгоценнѣйшіе греческіе товары, златошвейныя ткани, столовое серебро и проч., получались Скандинавами чрезъ Новгородъ или по Скандинавски Голмгардъ. Константинъ Порфирородный, Византійскій императоръ, писатель X столѣтія, прямо говоритъ:

суда Руссовъ, ежегодно приходившія въ Константинополь, были изъ Новгорода, столицы Ильменскихъ Славянъ. Нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ также прямо свидѣтельствуесть о дѣятельной торговлѣ Новгорода съ Греками, — онъ во первыхъ подробно описываетъ торговый путь изъ Новгорода въ Царьградъ, во вторыхъ рассказываетъ, что когда Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, могъ отнять у Новгородцевъ путь по Днѣпру, то они поспѣшили заключить съ Олегомъ договоръ, и обязались ежегодно платить ему по 300 гривенъ мира дѣля, т. е. чтобы онъ пропускать ихъ лоды въ Черное море и въ Грецію.

О торговлѣ Новгорода съ Мусульманскою Азіей есть указанія у древнихъ Арабскихъ писателей, которые упоминаютъ о торговлѣ Русскихъ и даже прямо Ильменскихъ Славянъ въ Камской Болгаріи и Хазаріи, куда Арабы привозили Азіатскіе товары для промѣна на драгоцѣнные пушные товары глубокаго Сѣвера, которые привозились туда Новгородцами, бывшими въ торговыхъ сношеніяхъ съ полудикими жителями береговъ Сѣверной Двины, Ваги, Печеры, Камы даже до Уральскихъ горъ и за Уральскія горы до Оби въ Сибири. Эта же торговля Новгорода и Пскова съ Мусульманскою Азіей подтверждается находками значительныхъ кладовъ съ Куфическими или Арабскими монетами VIII, IX и X столѣтій, встрѣчающимися по пространству Новгородской и Псковской земли. На слѣды же этой древней торговли указываетъ и нашъ старѣйшій лѣтописецъ Несторъ, онъ, описывая теченіе рѣки Волги, говорить: „изъ того же Оковскаго лѣса потекла Волга на востокъ и впала семидесятью устьями въ море

Хвалынское (Каспійское); и симъ путемъ можно идти изъ Руси въ Болгары (въ Камскую Болгарію) и въ Хвалисы (въ Прикаспійскія владѣнія Персіи) и такъ идя на востокъ вступить въ предѣлъ Симвъ, т. е. во владѣнія Семитовъ Арабовъ. Подробное описаніе устьевъ Волги и указаніе, и что Волгою можно придти въ Камскую Булгарію и въ Хвалисы, ясно свидѣтельствуютъ, что эта торговая дорога въ Азію уже хорошо была знакома Русскимъ въ Несторово время и раньше. А въ древнѣйшія времена по этой дорогѣ никто другой изъ Русскихъ конечно не ходилъ кромѣ Новгородцевъ, у которыхъ по этому пути были разсыпаны колоніи отъ верховьевъ Волги и ея верхнихъ притоковъ до Мурома, и до границъ Мордовскаго племени. Да и древнѣйшія Новгородскія преданія, сохранившіяся въ народныхъ былинахъ, постоянно выставляютъ Волгу отъ верховьевъ до устья, какъ главный путь самой прибыльной и богатой торговли Новгородскихъ купцовъ.

Относительно торговли Новгорода съ племенами глубокаго сѣверовостока передъ Уральскими горами и за Уральскими горами даже въ Сибири, у Нестора есть два свидѣтельства. Первое тамъ, гдѣ онъ, исчисляя не Славянскія племена платящія дань Руси, между прочими упоминаетъ о племенахъ Печеры и Перми, которыя вмѣстѣ съ Югрою и по официальнымъ Новгородскимъ памятникамъ составляли особый отдѣлъ Новгородскихъ волостей. Другое свидѣтельство о той же торговлѣ находится у Нестора въ описаніи одного разсказа Новгородца Гюряты Роговича, который разсказывалъ Нестору слѣдующее: „послалъ я своего отрока (прикащика) въ Печору, которые

даютъ дань Новгороду; и отрокъ мой, пришедши къ нимъ (къ Печорѣ), пошелъ отъ нихъ въ Югру. Югра же народъ, языкъ котораго мы плохо понимаемъ, живутъ же они въ сосѣдствѣ съ Самоѣдами на полуночныхъ странахъ. И сказала Югра моему отроку: дивное мы нашли чудо, о которомъ не слышали до сего времени, а вотъ уже третіе лѣто какъ стали знать. Перешедши луку (заливъ) моря есть горы, которыхъ высота достигаетъ до небесъ, и въ горахъ тѣхъ кличъ всякій и говоръ, сѣкутъ гору и хотятъ ее просѣчь, и уже просѣчено въ горѣ малое оконце; и оттуда говорятъ, а языка ихъ не поймешь, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, прося желѣза; и ежели кто дастъ имъ сѣкиру или ножъ, и дадутъ противъ того шкуру (мѣхъ звѣря). Дорога же до горъ непроходима пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, и потому не всегда доходимъ до нихъ; а есть жители и дальше на полунощи.“ Этотъ простой и наивный разсказъ служить лучшимъ и прямымъ свидѣтельствомъ о постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Новгородцевъ съ глубокимъ и дикимъ Сѣверо-востокомъ Европы и Азіи, откуда они вывозили драгоценнѣйшіе мѣха бобровъ, соболей, куницъ, песцовъ, черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, а также мамонтовую кость и клыки моржей, извѣстные въ древней Новгородской торговлѣ подъ именемъ рыбаго зуба, и цѣнившіеся высоко и въ Европѣ и въ Азіи. Съ этими товарами глубокаго сѣвера Новгородцы отправлялись частію въ Камскую Болгарію и Хазарію и мѣняли ихъ тамъ на жемчугъ, бисеръ, серебряныя Арабскія монеты, разныя металлическія издѣлія и шелковыя ткани промышленной Азіи; а частію продавали въ самомъ Новго-

родъ прїѣзжавшимъ туда западнымъ Европейцамъ, или сами отвозили ихъ въ Европу. Эта торговля и постоянныя сношенія съ глубокимъ Сѣверо-востокомъ Европы и Азіи не прекращались во все время самостоятельности Новгорода, до самаго его паденія. Новгородцы здѣсь торговали безъ соперниковъ и были полными хозяевами этой торговли, и конечно получали отъ ней громадныя выгоды, отсюда даже шло въ Новгородъ серебро, извѣстное подъ именемъ Закаянскаго.

Торговля Новгородцевъ съ Греціею, или Византійскою имперіею, и съ Мусульманскою Азіею значительно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Монголы подчинили своему игу Русскую землю вплоть до Чернаго моря, и большую часть Азіи; но въ сущности эта торговля съ владычествомъ Монголовъ только измѣнилась, а не прекратилась и даже не сократилась, а напротивъ значительно развилась. Новгородцы сзумѣли до нѣкоторой степени поладить и съ Монгольскими или Татарскими ханами и стали отъ нихъ получать грамоты или ярлыки, дозволявшіе имъ свободную торговлю не только по всей Русской землѣ, но и по всѣмъ Татарскимъ кочевьямъ, какъ на востокъ, такъ и въ южныхъ степяхъ. Казань, Сарай, Астрахань, Крымъ и другіе города и стоянки разныхъ Татарскихъ хановъ сдѣлались для Новгородцевъ такими же торговыми рынками, какъ и прежнія Болгарія и Казарія. Мало этого при помощи и покровительствѣ Татарскихъ хановъ Новгородцы глубже прежняго познакомились съ Азіею, проникли въ Монгольскія степи, въ Бухару, Хиву и Самаркандъ. Никогда незавоеванные Татарами, но изъ видовъ торговли

щедро платившіе Татарскимъ хапамъ, Новгородцы во всѣхъ Татарскихъ владѣніяхъ пользовались свободой торговли и даже иногда отправляли вмѣстѣ съ Русскими князьями посольства отъ Новгородскаго вѣча къ Татарскимъ ханамъ. Такъ въ 1328 году вмѣстѣ съ Московскимъ и Тверскими князьями Новгородцы отправили къ хану своего посла Θεодора Колесницу; а въ 1353 году, по смерти великаго князя Семена Ивановича, Новгородскій посолъ Семень Судаковъ отъ имени вѣча ходатайствовалъ у хана за князя Суздальскаго Константина. О торговлѣ Новгородцевъ по Каспійскому морю въ XIV столѣтіи есть свидѣтельство въ посланіи Новгородскаго владыки Василія, который говоритъ: „много дѣтей моихъ Новгородцевъ видоки тому, мѣсто св. рая находилъ Моиславъ Новгородцевъ и сынъ его Яковъ, а всѣхъ было ихъ три юмы, и одна изъ нихъ погибла, а двѣ ихъ потомъ море долго носило вѣтромъ.“

Татарское владычество не уничтожило и торговли Новгорода съ Константинополемъ, только развѣ измѣнило путь къ Черному морю; т. е. вмѣсто Днѣпра Новгородскіе купцы стали ходить Волгою, Татарскими кочевьями и потомъ Дономъ въ Азовское море и далѣе въ Черное море и наконецъ въ Константинополь. Новгородецъ Стефанъ, около 1350 года путешествовавшій ко святымъ мѣстамъ, въ дошедшихъ до насъ его запискахъ, разказывая о пребываніи своемъ въ Константинополѣ, говоритъ, что онъ видѣлся тамъ съ своими земляками, пріѣзжавшими туда по своимъ дѣламъ. На непрерывавшіяся сношенія Новгорода съ Константинополемъ указываетъ и то, что время отъ времени продолжали приходять въ Новго-

родъ разные греческіе художники, и что Новгородскіе владыки не прекращали своихъ прямыхъ сношеній съ Константинопольскимъ патріархомъ; такъ на примѣръ въ 1353 году Новгородскій архіепископъ Моисей отправлялъ своихъ пословъ къ Цареградскимъ царю и патріарху съ жалобою на обиды отъ митрополита Московскаго и всея Руси; и владычни послы, на другой годъ возвратившіеся въ Новгородъ, привезли владыкѣ Моисею отъ царя и патріарха ризы крестчатыя и грамоту за золотою печатью. Или въ 1394 году приходилъ въ Новгородъ отъ Цареградскаго патріарха Антонія Виѳлеемскій владыка Михаилъ и привезъ двѣ грамоты о поученіи Христіанамъ. Или въ 1407 году приходилъ въ Новгородъ изъ Царяграда владыка Трапезунтскій Феодулъ милостыни ради. Такихъ сношеній Новгорода съ Константинополемъ конечно нельзя было бы ожидать, ежели бы Новгородцы не продолжали поддерживать своихъ торговыхъ связей съ отдаленною Византійскою имперіей.

Но по мѣрѣ того какъ усиливалась Москва, торговля Новгорода съ востокомъ падала, и Греки и Сурожане, или Генуезцы жившіе въ Крыму, и Татары Нагайскіе, и Бухарцы, и Кизильбаши и другіе Азіатскіе торговцы потянули съ своими караванами къ Москвѣ; и Москвичи, поддерживаемые своимъ сильнымъ правительствомъ, умѣвшимъ ладить съ Татарскими ханами, всюду на востокъ стали являться соперниками Новгородцевъ, и тѣмъ болѣе, что для всѣхъ восточныхъ гостей, или торговцевъ, Москва была болѣе нежели на половину пути ближе Новгорода. Въ Новгородъ едвали когда являлись восточные гости, по крайней мѣрѣ мы объ этомъ не имѣемъ никакихъ

извѣстій, Новгородцы сами ѣздили на востокъ и привозили туда свои товары и устанавливали цѣну тамошнимъ товарамъ. Напротивъ того, въ Москву съѣзжались сами восточные торговцы съ своими товарами и всегда находили хорошій сбытъ. Мы имѣемъ прямые свидѣтельства лѣтописей о громадныхъ восточныхъ караванахъ приходившихъ въ Москву; такъ напримѣръ подъ 1474 годомъ лѣтопись говорить: „пришелъ изъ Орды Никифоръ Басенокъ, съ посломъ царевымъ Ахматовымъ большія орды, съ Каракучукомъ, а съ нимъ множество Татаръ шесть сотъ человекъ, коихъ кормили, а гостей съ ними съ товаромъ и съ конями 3,200 человекъ, а коней съ ними было продажныхъ больше сорока тысячъ. И вообще ни одно Татарское посольство не обходилось безъ каравановъ съ восточными гостями. Да и сами Москвичи быстро приобрѣтали навыкъ къ приемамъ Азіатской торговли, и имѣя за собою близость пути сравнительно съ Новгородомъ, мало-по-малу вытѣснили Новгородцевъ со всѣхъ Азіатскихъ рынковъ, и Москва сдѣлалась центромъ восточной торговли на Руси. Хотя Новгородскія ушкуи долго еще продолжали сновать по Волгѣ и Камѣ и даже до Каспійскаго моря, но уже годъ отъ года теряли свое значеніе, на нихъ уже разѣзжались не столько гости купцы, сколько разбойники ушкуйники. Повольничество, такъ много помогавшее прежде торговлѣ Новгородской, съ усиленіемъ Москвы и съ принятіемъ Москвичами дѣятельнаго участія въ восточной торговлѣ, скорѣе стало мѣшать торговымъ операціямъ Новгородцевъ, чѣмъ помогать имъ; ибо Московскіе государи, желая поддержать торговлю Москвичей, строго преслѣдовали

ушкунниковъ, и даже иногда вели изъ-за нихъ войну съ Новгородомъ. Въ слѣдствіе всего этого, еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до паденія Новгорода, Новгородцы были уже отстранены отъ непосредственной торговли съ востокомъ,—ихъ мѣсто заступили Москвичи, и уже черезъ Москву восточные товары шли въ Новгородъ.

Западная торговля Новгорода не уступала въ своей древности восточной торговлѣ. Исландскія саги еще за долго до прибытія Варяго-Русскихъ князей въ Новгородъ говорятъ о постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Новгородцевъ съ Скандинавами и жителями южныхъ береговъ Балтійскаго моря. Волоты, Прусы и разныя племена Варяговъ издревле пріѣзжали въ Новгородъ и даже имѣли тамъ свои поселенія, какъ указываютъ названія разныхъ мѣстностей въ Новгородской землѣ и въ самомъ Новгородѣ, таковы Старая Русь, Волотовскій погостъ и Прусская улица. Въ сагѣ Олава святаго говорится о какомъ-то Гудлейкѣ, который отправлялся въ царство Гардовъ (такъ называется въ сагахъ Новгородская земля) по порученію короля для закупки шелковыхъ тканей на царскія украшенія, дорогихъ мѣховъ и столовой утвари. Или Гаральдъ Гарфагеръ Норвежскій король посылалъ въ царство Гардовъ Гаука—Габрока покупать товары, который и накупилъ тамъ златошвейныхъ тканей для одеждъ, какихъ въ Норвегіи и не видывали. На сколько вѣрны сіи и подобныя имъ сказанія сагъ, до этого теперь намъ нѣтъ дѣла; но во всякомъ случаѣ они ясно свидѣтельствуютъ о древнѣйшихъ торговыхъ сношеніяхъ Новгорода съ Скандинавіею. Чрезъ Новгородъ Скандинавія получа-

ла произведенія востока, драгоцѣнные камни, золотыя и серебрянныя издѣлія, Арабскіе и Персидскіе ковры и Греческія златошвейныя ткани. О торговлѣ Новгорода съ Славянскими городами на южномъ берегу Балтійскаго моря упоминаетъ писатель XI столѣтія Адамъ Бременскій, который говоритъ, что на островахъ Борнгольмъ и Готландъ въ то время были пристани, куда сходились корабли, отправлявшіеся для торговли съ Русью. Тотъ же Адамъ Бременскій пишетъ, что въ его время Датчане пріѣзжали въ Новгородъ иногда въ четыре недѣли, а отъ устья Одера совершали туда путь обыкновенно въ сорокъ три дня. Въ XII столѣтіи, при взятіи Шлезвига Датскимъ королемъ Свеномъ Грато, были захвачены и Русскіе корабли, стоявшіе въ Слен, и товары и ихъ корабли Свенъ роздалъ своимъ воинамъ вмѣсто жалованья. Въ 1187 году императоръ Германскій Фридрихъ далъ Русскимъ, или Новгородскимъ купцамъ, право торговать въ Любекѣ безъ платежа пошлины. По Русскимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ мы знаемъ, что въ 1134 году семь лодій Новгородскихъ гостей, шедшихъ изъ-за моря съ Готъ (Готланда), потерпѣли крушеніе отъ бури, потеряли весь товаръ и только немногіе почти нагишомъ успѣли спастись и пробраться въ Новгородъ. Въ 1136 году Новгородскіе гости были засажены въ тюрьму въ Даніи. Въ 1142 году одинъ Шведскій князь съ епископомъ въ 60 шнекахъ напалъ на Новгородскихъ гостей шедшихъ, изъ-за моря въ трехъ лодьяхъ; но былъ отбитъ и потерялъ полтора ста человекъ. Въ 1152 году въ Новгородѣ сгорѣла Варяжская церковь и черезъ четыре года заморскіе купцы вмѣсто сгорѣвшей поставили

новую церковь св. Пятницы на торговищѣ. Всѣ сіи извѣстія, какъ Русскія такъ и иностранныя, прямо и ясно говорятъ о давнихъ и постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Новгорода съ Скандинавіею и южнымъ побережьемъ Балтики.

Первоначально на памяти исторіи главнымъ торговымъ мѣстомъ для Новгорода и западной Европы былъ островъ Готландъ, или какъ говорится въ Русскихъ памятникахъ Готскій берегъ; на этомъ островѣ въ главномъ тамошнемъ городѣ Визби у Новгородцевъ даже была своя церковь, точно такъ же какъ у Варяговъ или Готландцевъ своя церковь въ Новгородѣ; у Новгородцевъ въ Визби такой же былъ особый дворъ, какъ Готскій дворъ у Готландцевъ въ Новгородѣ. Но, какъ мы уже видѣли, торговля Новгородцевъ съ западною Европой не ограничивалась Готландомъ; они торговали и по южному Балтійскому поморью и въ Даніи и въ Швеціи, и въ Норвегіи. Со временемъ, когда съ Готландцами по торговымъ дѣламъ соединились Нѣмцы; то они также учредили въ Новгородѣ свой особый дворъ Нѣмецкій рядомъ съ Варяжскимъ, и имѣли въ Новгородѣ и въ Ладогѣ свои Нѣмецкія церкви и кладбища: именно въ Новгородѣ у Нѣмцевъ была своя церковь св. Петра, а у Готландцевъ въ Новгородѣ церковь св. Олава и въ Ладогѣ церковь св. Николая. Съ утвержденіемъ Нѣмцевъ въ устьѣ Двины въ Курляндіи и въ Ливоніи, и оттуда Нѣмцы начали вести торговлю съ Новгородомъ; и въ этой торговлѣ приняли дѣятельное участіе и Псковичи, какъ ближайшіе сосѣди съ Ливоніею, и Рига сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ въ западной торговлѣ Нов-

города и Пскова. Въ XIII столѣтїи Готландскій союзъ Нѣмецкихъ и Варяжскихъ купцовъ сталъ мало-по-малу уступать первенство Ганзейскому союзу, и главнымъ городомъ по западной торговлѣ сдѣлался Любекъ, а Визби сталъ упадать. Впрочемъ это сдѣлалось не вдругъ, и все XIII столѣтіе прошло въ постепенномъ паденїи одного союза и возвышенїи другаго; и Новгородцы, заключая торговые договоры съ Нѣмцами, во все это время и даже еще въ XIV-мъ столѣтїи писали грамоты къ Готскому берегу, Ригѣ и Ганзейскому союзу вмѣстѣ. Такъ въ грамотѣ Новгородскаго князя Андрея Александровича, писанной въ 1301 году, еще сказано: „се прїѣхали Иванъ Бѣлый изъ Любека, Адамъ съ Готскаго берега, Инча-Олчть изъ Риги, отъ своей братьи отъ всѣхъ купцовъ своихъ Латинскаго языка, и дали мы имъ три пути горнїи по своей волости, а четвертый въ рѣчкахъ“. Или въ проектѣ договора 1370 года, не принятаго Новгородцами, писаны еще особые послы отъ Любека и отъ Готланда; слѣдовательно въ продолженїе всего XIII и большей половины XIV вѣка въ глазахъ Новгородцевъ ни Рижане, ни Готландцы, ни Любчане не имѣли первенства одни передъ другими, составляли одинъ союзъ и договаривались съ Новгородомъ всѣ сообща. А по уставамъ Новгородскаго Нѣмецкаго двора и въ XIV столѣтїи за Готландомъ было еще замѣтно нѣкоторое первенство; ибо по одному изъ ихъ уставовъ Русскїй, почему либо лишившїйся права ходить на Нѣмецкїй дворъ, не иначе могъ быть вновь допущенъ, какъ чрезъ разрѣшенїе купческаго общества на Готландѣ.

Готландскій и Нѣмецкій дворы въ Новгородѣ составляли главную контору по торговымъ дѣламъ Варяговъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами, имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ и судей, которымъ на основаніи уставовъ, писанныхъ на Готландѣ и въ Любекѣ, должны были повиноваться всѣ причисленные къ дворамъ Варяжскіе и Нѣмецкіе купцы, а въ противномъ случаѣ подвергались разнымъ штрафамъ, и даже изгонялись изъ двора и лишались его покровительства. Нѣмецкая торговля производилась по строго опредѣленнымъ правиламъ въ видахъ монополіи. Готландскіе и Нѣмецкіе купцы, пріѣзжавшіе торговать въ Новгородъ, составляли одно строго замкнутое общество. Готландскій и Нѣмецкій дворы дѣйствовали заодно; и хотя каждый хозяинъ велъ торговлю на свой капиталъ и по своимъ соображеніямъ, но онъ въ то же время долженъ былъ строго наблюдать законы своего двора и не вести своихъ дѣлъ такъ, чтобы они могли клониться къ невыгодѣ общей торговли двора. Уставы, или такъ называемыя Новгородскія скры Готландскаго и Нѣмецкаго дворовъ, какъ можно судить по сохранившимся редакціямъ, явно были составлены съ тою цѣлію, чтобы подобрать въ руки двухъ дворовъ Новгородскую торговлю съ западною Европой и подавить соперниковъ. По симъ уставамъ только члены Готландскаго и Нѣмецкаго дворовъ пользовались покровительствомъ сихъ дворовъ. Ежели кто осмѣлится пустить во дворъ гостя не принадлежащаго двору безъ согласія ольдермана и его ратмановъ, подвергается пени въ 10 марокъ серебра, никто не долженъ торговать въ церкви св. Петра ни съ какимъ Русскимъ,

ни съ Новгородцемъ, ни съ гостемъ; п уличенный въ таковой торговлѣ платитъ пени десять марокъ серебра. Никто не долженъ ни давать въ займы Валлійскимъ, Фландрскимъ, Англійскимъ, или Русскимъ купцамъ, ни брать у нихъ въ займы; а кого въ томъ уличать, тотъ долженъ лишиться всего занятаго или отданнаго въ займы. Подъ страхомъ пени 50 марокъ серебра Нѣмецкому или Готландскому купцу воспрещается имѣть съ Русскимъ какое-либо имущество въ компаніи, или возить имущество Русскаго, какъ фрахтъ. Ольдерманъ и ратманы обязаны осматривать всѣ товары, привозимые на дворъ, прежде нежели отпустить ихъ въ продажу; подъ штрафомъ десяти марокъ серебра, не должно продавать никакого товара безъ предварительнаго осмотра. Никто не имѣеть права привозить во дворъ товаровъ болѣе какъ на 1000 марокъ серебра; ежели же кто привезетъ или пришлетъ во дворъ товаровъ болѣе чѣмъ на 1000 марокъ серебра, то долженъ лишиться въ пользу св. Петра всего, что превышаетъ тысячу марокъ.

Уставы, или скры Новгородскіе, писанные въ Любекѣ и на Готландѣ, судя по приведеннымъ правиламъ, прямо свидѣтельствуютъ, что Новгородская торговля съ западною Европой принадлежала не однимъ членамъ Готландскаго и Ганзейскаго союзовъ; но что въ ней также участвовали купцы Валлійскіе, Фландрскіе и Англійскіе, только сіи послѣдніе не состояли подъ покровительствомъ Готландскаго и Нѣмецкаго дворовъ; въ противномъ случаѣ конечно уставы или скры сихъ дворовъ не имѣли бы надобности запрещать своимъ членамъ Готландскимъ

и Нѣмецкимъ купцамъ вступать съ ними въ компаніи, такъ же какъ и съ Новгородцами. Да и Нѣмецкіе торговцы не всѣ допускались во дворъ, а только тѣ, которые имѣли разрѣшеніе ольдермана и ратмановъ двора. Слѣдовательно Готландскій и Нѣмецкій дворы составляли только богатѣйшую и сильнѣйшую корпорацию, старавшуюся присвоить себѣ монополію торговли. Новгородцы же хорошо понимали это, и нисколько не думали давать этой корпорациі исключительнаго права, и во всѣхъ своихъ договорахъ съ Готландцами, Ганзейцами и Рижанами, всегда прямо прописывали, что они даютъ одинаковыя права какъ Нѣмцамъ и Готландцамъ, такъ и всѣмъ Латинскимъ языкамъ, и до насъ не дошло ни одного договора съ Нѣмцами, въ которомъ бы Новгородцы не включили всѣхъ Латинскихъ языковъ. Явно, что Новгородъ постоянно держался одного правила, чтобы не давать ни одной западной Европейской національности привиллегій и преимуществъ передъ другими. Да и на дѣлѣ мы въ Новгородѣ встрѣчаемъ по Волхову рядомъ пристани Готскаго двора, Нѣмецкаго двора, и какихъ-то вѣроятно сильныхъ торговцевъ Еваня, Геральда и Бутяты; такъ въ уставѣ князя Ярослава Ярославича о мостовыхъ сказано: „князю мостить до Нѣмецкаго вымола, Нѣмцамъ до Еваня вымола, отъ Еваня вымола Готамъ до Геральдова вымола до задняго, отъ Геральдова вымола до Бутятина вымола.“ Здѣсь Геральдовъ и Еваневъ вымолы очевидно принадлежали богатымъ иностраннымъ торговымъ домамъ, торговавшимъ отдѣльно и самостоятельно отъ Готландскаго и Нѣмецкаго дворовъ, можетъ быть Валлійцамъ, Фландрцамъ или Англичанамъ;

а Бутятинъ вымоль вѣроятно принадлежалъ богатому торговому дому изъ померанскихъ Славянъ. Такимъ образомъ въ Новгородѣ и по закону или договорамъ, и на практикѣ не было исключительной монополіи ни для Готландскаго, ни для Нѣмецкаго дворовъ, ни для другихъ какихъ западно-европейскихъ торговцевъ. Новгородъ ко всѣмъ относился равно.

Лучшимъ опредѣленіемъ отношеній Новгорода къ западно-европейскимъ торговцамъ служатъ договоры въ разное время заключенные Новгородомъ съ Нѣмцами. Въ старѣйшей изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ Нѣмцами, писанной въ послѣдней четверти XII столѣтія постановлено: „во 1-хъ, взаимныя права безпрепятственной торговли Новгородцевъ на Готландѣ и въ Нѣмецкой землѣ, и Нѣмцевъ и Готландцевъ въ Новгородской землѣ; во 2-хъ, при взысканіи долговъ Варягу или Нѣмцу на Новгородцѣ, или Новгородцу на Варягѣ или Нѣмцѣ, въ случаѣ заpirательства, истецъ долженъ представить 12 человекъ свидѣтелей и дать клятву, и возметъ свое; въ 3-хъ, ежели будетъ судъ у Новгородца въ Нѣмецкой землѣ, или у Нѣмчина въ Новгородѣ; то рубежа не чинить (т. е. не переносить суда изъ Нѣмецкой земли въ Новгородъ, или изъ Новгорода въ Нѣмецкую землю), а жаловаться на другое лѣто, а ежели не исправятъ, то, объявя князю и людямъ, взять свое у гостя, ежели судъ будетъ въ Новгородѣ; ежели же тяжба будетъ въ иной землѣ въ Русскихъ городахъ, то у тѣхъ и просить суда, а Новгородцамъ до тѣхъ тяжбъ дѣла нѣтъ, въ такихъ тяжбахъ Нѣмцы и Новгородцы не отвѣчаютъ; въ 4-хъ, Новгородца не сажать въ тюръ-

му въ Нѣмецкой землѣ, ни Нѣмца не сажать въ тюрьму въ Новгородской землѣ, а братъ на виноватомъ свое; а ежели убьютъ заложнига или попа, то за голову 20 гривенъ серебра. Но собственно торговля отношенія Новгорода къ Нѣмцамъ яснѣе выражены въ договорной грамотѣ, заключенной Новгородомъ въ 1257—1259 году. Въ ней: во 1-хъ сказано: „Новгородцамъ гостить на Готскомъ берегѣ безъ пакости, а Нѣмцамъ и Готамъ гостить въ Новгородѣ безъ пакости, и всему Латинскому языку, согласно съ прежнимъ миромъ. 2-е, Пудъ мы отложили, а поставили скалвы по своей воли и по любви; а Нѣмцамъ и Готамъ и всему Латинскому языку платить по двѣ куны отъ капи, и отъ всякаго товара, что кладутъ на скалвы, продавши и купивши. 3-е, Ежели зимній гость не возьметъ нашего посла, или Новгородскихъ купцовъ изъ Новгорода или съ Готскаго берега; а что съ нимъ случится отъ Котлина до Новгорода или отъ Новгорода до Котлина, за то Новгородъ не отвѣчаетъ, потому что онъ поѣхалъ безъ посла по старому миру. Также ежели Нѣмцы или Готы пойдутъ торговать въ Корѣлу, и что съ ними тамъ случится, то Новгородъ не отвѣчаетъ. 4-е, А гдѣ начнется тяжба тамъ ее и кончать, т. е. не переносить тяжбы, начатой въ Новгородѣ, въ Нѣмецкую землю, и на оборотъ тяжбы начатой въ Нѣмецкой землѣ въ Новгородъ.

Еще подробнѣе объясняетъ порядокъ торговли Новгородцевъ съ Нѣмцами договоръ, заключенный Новгородомъ съ Нѣмецкими городами (Ганзейскими), и Готландомъ въ 1270 году. Договоръ этотъ, по общезаведенному порядку, писанъ какъ для Нѣмецкихъ сы-

новъ (слова грамоты) и Готландцевъ, такъ и всѣхъ Латинскихъ языковъ. Въ немъ: во 1-хъ, по прежнему договору (вѣроятно 1257—1259 г.), о пути между Котлиномъ отъ Готланда, и опять отъ Новгорода до Котлина, ежели что гостю приключится на этомъ пути; то за это отвѣчаютъ князь и Новгородцы лѣтнему гостю. А зимніе гости должны приѣзжать съ порукою князя посадника и всѣхъ Новгородцевъ безъ всякихъ препятствій, и должны брать, согласно съ прежнимъ миромъ, Новгородскаго пристава и Новгородскихъ купцовъ; въ противномъ случаѣ ежели что случится съ гостями, Новгородцамъ до того дѣла нѣтъ. Ежели же Новгородцы пристава не вышлютъ и ихъ купцы не выѣдутъ, и Нѣмцы отправятся безъ пристава; то должны ѣхать безпрепятственно къ Котлину, согласно съ прежнимъ миромъ. Ежели Новгородцы добровольно не захотятъ ѣхать съ кораблями обратно; то должно за каждый поѣздъ платить половину марки серебра. 2-е, Гости когда придутъ въ Неву, и имъ понадобится дерево или мачта, то вольно имъ рубить таковыя по обоимъ берегамъ. 3-е, Ежели поймають вора между Котлиномъ и Ладогою, то вести его на судъ въ Ладогу; а ежели между Ладогою и Новгородомъ, то его судить въ Новгородѣ. Когда гости придутъ въ Волховъ къ порогу, то должны требовать пороговыхъ лоцмановъ. И когда такимъ образомъ гость приѣдетъ вверхъ къ гостинной пристани, то долженъ платить издавна установленную пошлину, но не больше. 4-е, Лоцманъ, нанятый на поѣздъ по Невѣ внизъ и опять вверхъ, получаетъ на харчъ пять марокъ кунъ и окорокъ; а ежели онъ нанятъ отъ Новгорода до Ла-

доги и обратно, то на харчъ три марки кунъ или полокорока. Ежели разобьется барка, отправившаяся за товарами, или нагруженная товаромъ, то за барку не платятъ, а за наемъ барки должно платить. Въ случаѣ ежели лоцманы поссорятся съ гостями въ дорогѣ, и прїѣдутъ въ Новгородъ не помирившись, то должны разобратся судомъ во дворѣ св. Іоанна передъ тысяцкимъ и Новгородцами. 5-е, Извозчики въ Новгородѣ съ каждой барки, приводимой отъ берега къ Нѣмецкому двору, получаютъ 15 кунъ, къ Готландскому двору десять кунъ; а съ отходящихъ по полумаркѣ кунъ съ каждой барки. 6-е, Новгородца нельзя посадить за долгъ въ погребъ на Готландѣ, ни Нѣмца или Готландца въ Новгородѣ; также нельзя къ нимъ присылать бирича, ни братъ за одежду, но съ каждой стороны должно требовать пристава отъ тысяцкаго. 7-е, Ежели возникнетъ ссора между Нѣмцами и Новгородцами, то она должна быть окончена во дворѣ св. Іоанна при посадникѣ, тысяцкомъ и купцахъ. 8-е, Ежели кто придетъ на Нѣмецкій или Готландскій дворъ съ обнаженнымъ оружіемъ и кого тамъ равить, чтобы похитить товаръ; то его схваченнаго предать суду и судить по пошлинѣ (по исконному порядку). Кто сломаетъ ворота или ограду, того судить также по пошлинѣ. 9-е, Луга, которыми владѣютъ Нѣмцы или Готландцы, должны имъ принадлежать въ собственность тамъ, гдѣ они ихъ объявятъ. 10-е, Ежели возникнетъ ссора у лѣтнаго поѣзда, то зимнему поѣзду до нея дѣла нѣтъ; и наоборотъ лѣтнему поѣзду нѣтъ дѣла до ссоры зимняго поѣзда. Въ случаѣ ежели бы зимніе или лѣтніе гости имѣли въ чемъ либо раздѣлать-

ся судомъ; то они должны это кончить передъ тысяцкимъ, старостами и Новгородцами, и потомъ вольны ѣхать своею дорогою. Гдѣ по тому возникнетъ ссора, тамъ ее и должно покончить. 11-е, Ежели возникнетъ споръ изъ-за ареста имущества, то въ первый годъ должно объявить объ этомъ, но товаровъ не арестовать, также и на второй годъ. Но ежели споръ не рѣшится и на третій годъ, то должно взять товаръ и подвергнуть аресту 12-е. Въ случаѣ войны между Новгородомъ и окрестными странами, гость воленъ ѣздить безпрепятственно водою и сухимъ путемъ такъ далеко, какъ простираются владѣнія Новгородскія. 13-е, Въ случаѣ надобности, когда Нѣмцу и Новгородцу должно представить свидѣтелей, и они оба представляютъ одного и того же, то такому свидѣтелю вѣрить. А ежели представляютъ разныхъ свидѣтелей, то бросить жеребій, и чей жеребій выпадетъ, свидѣтелю того и вѣрить. 14-е, Кто, вступивъ съ Нѣмцемъ или Готландцемъ въ торговля дѣла, испортитъ или затратитъ его товаръ, обязанъ прежде всего удовлетворить гостей, а потомъ другихъ, кому долженъ. Ежели жена поручится за мужа, то должна вмѣстѣ съ нимъ отвѣчать за долгъ своимъ лицомъ, если заплатитъ не въ состояніи. Ежели же жена не поручалась за мужа, то и не отвѣчаетъ за его долгъ. 15-е, Ежели Новгородскій посолъ будетъ убитъ за моремъ, или Нѣмецкій посолъ, или священникъ, или ольдерманъ, то пени 20 марокъ серебра, а за купца 10 марокъ серебра. Кто кого ранитъ острымъ оружіемъ или копьемъ, платитъ обиженному полторы марки серебра; кто кого ударитъ въ ухо или по шеѣ, платитъ ему

три фердинга. 16-е, Вѣсы и гири для серебра и другаго вѣскаго товара должно держать ровно и правильно; капъ должна заключать въ себѣ восемь Ливонскихъ фунтовъ.

Такимъ образомъ всѣ договоры Новгорода съ Нѣмцами и Готландцами заключались на основаніи взаимныхъ выгодъ, и ни въ одномъ договорѣ нѣтъ ни одного условія, гдѣ бы Новгородъ давалъ Нѣмецкимъ гостямъ какое-либо преимущество передъ Новгородцами. Мало этого, въ послѣднемъ договорѣ Новгородъ присвоиваетъ себѣ право судить Нѣмецкихъ гостей, ежели возникнетъ какое дѣло между гостями зимняго и лѣтняго поѣзда, т. е. не подчиненными одному ольдерману. Конечно никакіе уставы, ни торговые договоры еще не обезпечивали западной Новгородской торговли отъ монополіи Готландскаго, и потому Нѣмецкаго двора, какъ сильныхъ и строго организованныхъ корпорацій; но корпоративное или общинное устройство торговли едвали не было болѣе общимъ между Новгородцами, чѣмъ между Нѣмцами; въ Визби на Готландѣ былъ такой же Новгородскій торговый дворъ съ церковію, какъ у Готландцевъ и Нѣмцевъ въ Новгородѣ. Правду сказать, до насъ, къ сожалѣнію, не дошло уставовъ Новгородскаго торговаго двора въ Визби; тѣмъ не менѣе мы хотя нѣсколько можемъ судить о сихъ уставахъ по уставной грамотѣ князя Всеволода Мстиславича, данной въ 1127 году Иванской купеческой общинѣ въ Новгородѣ. А изъ этой уставной грамоты видно, что Иванская купеческая община въ Новгородѣ имѣла свое управленіе и свой торговый судъ, которые ввѣрялись выборнымъ старостамъ и тысяцкому, и въ

этотъ судъ и управленіе не имѣли права вступать-ся ни посадники, ни бояре Новгородскіе. Кто хотѣлъ вступить въ Иванскую общину, тотъ долженъ по уставу вложить въ общинный капиталъ 50 гривенъ серебра, и поднести тысяцкому Ипское сукно; а не вложится кто въ купечество, не дастъ пятидесяти гривенъ серебра, тотъ не пошлый (не настоящій) купецъ; а пошлымъ купцамъ быть по наслѣдству отъ родителей и по вкладу.“ Это правило уставной грамоты прямо говорить, что таковой общинный корпоративный порядокъ принадлежалъ не одной Иванской общинѣ, но и всѣмъ купеческимъ общинамъ въ Новгородѣ (не вложится кто въ купечество, сказано, а не въ одну Иванскую общину). И въ грамотѣ даже упоминается о сосѣдней такой же купеческой общинѣ Побережанской. А что въ Новгородѣ были не двѣ только купеческія общины, Иванская и Побережанская, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство Новгородской лѣтописи, гдѣ подъ 1342 годомъ сказано: „когда въ Новгородѣ получена была вѣсть, что Нѣмцы идутъ на Псковъ; то Новгородцы ни мало не медля пустились въ походъ, иные въ великую пятницу, а иные въ великую субботу, а общины всѣ попечатавъ.“ Такимъ образомъ устройство торговли въ Новгородѣ было такое же какъ и у Нѣмцевъ, и даже нельзя навѣрное сказать, кто у кого перенималъ—Нѣмцы ли у Новгородцевъ, или Новгородцы у Нѣмцевъ, и едвали не вѣрнѣе первое, ибо у Новгородцевъ, равно какъ и у Псковичей, всюду дѣйствовало общинное устройство: и улицы были общинами, и концы общины, и цѣлый городъ община улицъ и концовъ, и вся земля Новгородская и Псковская об-

щина, союзъ городовъ, своя Псковская или Новгородская Ганза, сложившаяся не въ XII или XIII столѣтїяхъ, а несравненно прежде. Итакъ, кто же у кого заимствовалъ общинное устройство—Нѣмцы ли у Новгородцевъ или Новгородцы у Нѣмцевъ? Сама торговля не представлялась въ народномъ воображеніи Новгородца или Псковича иначе какъ общиною, стоить только вспомнить былины о Садкѣ богатомъ и Соловьѣ Будимировичѣ съ ихъ ратниками и дружиною; кто они, какъ не ольдерманы—старосты Новгородскихъ гостей, взывшихъ общинами по разнымъ сторонамъ. Послѣ всего этого напрасно говорятъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, что Нѣмцы держали Новгородцевъ въ черномъ тѣлѣ, что западная торговля была выгодна только для Нѣмцевъ, что Новгородцы не могли тягаться съ Нѣмцами, торговавшими корпоративно общинами; факты говорятъ напротивъ, что торговля Новгорода съ западною Европой производилась Новгородцами на тѣхъ же самыхъ основанїяхъ какъ и Нѣмцами, или Готландцами; у Новгородцевъ и у Нѣмцевъ были одни прїемы, и тѣ и другіе пользовались отъ торговли взаимными выгодами, и тѣ и другіе нуждались другъ въ другѣ. Нѣмцамъ нужны были азіатскіе товары и дорогіе мѣха, которые главнымъ образомъ получались только черезъ Новгородъ и Псковъ; а Новгородцамъ и Псковичамъ для ихъ рынковъ нужны были европейскіе товары, получаемые только черезъ Нѣмцевъ и ихъ сосѣдей Валлійцевъ, Фландрцевъ и Англичанъ. И эта взаимная нужда поддерживала западно-европейскую торговлю Новгорода на памяти исторїи въ продолженіе восьми столѣтїй къ ряду.

Но конечно и западно-европейская торговля, какъ и всякая другая, въ такое продолжительное время не обходилась безъ столкновений и встрѣчъ, особенно когда къ соперничеству торговыхъ выгодъ присоединились еще сосѣдскія отношенія Ливонскихъ Нѣмцевъ къ Новгороду и Пскову, спорившимъ съ Ливонскими Нѣмцами изъ-за обладанія Эстоніею или Чудью. Ливонскій орденъ, находившійся въ постоянномъ союзѣ съ Ганзейскими городами, разрывая почему либо сосѣдскій миръ съ Новгородомъ и Псковомъ, не рѣдко тѣмъ самымъ останавливалъ Нѣмецкую торговлю. Особенно часто затруднялась торговля Нѣмцевъ съ Псковичами; ибо Ливонскій орденъ почти постоянно былъ въ войнѣ со Псковомъ, и каждую почти войну обыкновенно начиналъ задержаніемъ или избиеніемъ и ограбленіемъ Псковскихъ гостей въ Эстоніи или Ливоніи. Такъ подъ 1323 годомъ лѣтопись говоритъ: „той же осенью избили Нѣмцы Псковичей на миру, гостей на озерѣ (Чудскомъ) и ловцовъ на Наровѣ; и поѣхалъ князь Давидъ со Псковичами за Нарову, и плѣвилъ ихъ землю до Колявани (Ревеля), и тянулася война почти цѣлый годъ; наконецъ Нѣмцы отправили во Псковъ большое посольство, которое и заключило миръ по Псковской воли. Или въ 1362 году Нѣмцы избили нѣсколько головъ Псковичей на Людви (въ одномъ Ливонскомъ городѣ) на миру; въ отвѣтъ на это Псковичи задержали всѣхъ Нѣмецкихъ гостей, бывшихъ тогда во Псковѣ. Переговоры объ этомъ дѣлѣ тянулись цѣлый годъ—Псковичи не отпускали задержанныхъ гостей. Наконецъ Нѣмцы отправили большихъ пословъ въ Новгородъ, чтобы тотъ принялъ на себя

посредничество; но Псковичи, приглашенные въ Новгородъ, и тамъ не хотѣли уступать и послѣ долгихъ споровъ съ Нѣмецкими послами разѣхались не помирившись. Тогда Нѣмцы прибѣгли къ послѣднему средству, они задержали Новгородскихъ гостей въ Юрьевѣ (Дерптѣ); послѣ чего Новгородцы отправили своихъ пословъ въ Юрьевъ, которые наконецъ и помирили Псковичей съ Нѣмцами на томъ, чтобы Псковичи выпустили задержанныхъ гостей, а Нѣмцы заплатили Псковичамъ, по ихъ требованію, за убитыя головы и отпустили Новгородскихъ гостей. Но этотъ миръ черезъ два года опять былъ нарушенъ и возобновилась война между Псковомъ и Нѣмцами, въ которую войну втянулись и Новгородцы. Война эта продолжалась пять лѣтъ, и на все это время была прекращена торговля не только съ Ливонскими Нѣмцами, но и со всѣми Ганзейскими городами, такъ что Ганзейская контора въ Новгородѣ опустѣла и была перенесена въ Юрьевъ. Наконецъ въ 1370 году былъ заключенъ миръ, не знаемъ на какихъ условіяхъ.

Но вѣроятно условія мира были не удовлетворительны для Нѣмцевъ; ибо въ слѣдующемъ же 1371 году послы Ганзы въ Дерптѣ писали въ Ревель и другіе Нѣмецкіе города, чтобы не пускать никакихъ русскихъ товаровъ; Новгородцы отвѣчали тѣмъ же относительно нѣмецкихъ товаровъ. И Ганза волеяневолей подалась и въ томъ же году отправила своего посла въ Новгородъ съ проэктомъ мира; но Новгородцы не согласились на предлагаемый миръ и заключили перемиріе только до слѣдующаго года, и такъ было до 1391 года. Во все это время хотя

и продолжалась взаимная торговля Нѣмцевъ и Новгородцевъ, но съ безпрестанными перерывами, — то Новгородцы задерживали Нѣмецкихъ гостей по какимъ-либо обидамъ, то Нѣмцы задерживали Новгородскихъ гостей, такъ что въ послѣднія семь лѣтъ передъ заключеніемъ мира Ганза уже подумывала перевести свою контору изъ Новгорода въ Ливонію. Но очевидно такой переводъ конторы былъ крайнѣ невыгоденъ для членовъ Ганзейскаго союза; ибо имъ пришлось бы зависѣть отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, имѣвшихъ далеко не однѣ интересы съ Ганзейцами. Наконецъ въ 1391 году Новгородцы согласились на съѣздъ съ Нѣмцами въ Изборскѣ и отправили туда своихъ пословъ, туда же явились и Нѣмецкіе послы изъ Любека, Готланда, Риги, Дерпта, Ревеля и многихъ другихъ Нѣмецкихъ городовъ (видно всему союзу приходилось туго) и заключили миръ. И той же зимою всѣ Нѣмецкіе послы прибыли въ Новгородъ, получили обратно всѣ арестованные товары и начали снова ставить Нѣмецкій дворъ. А въ слѣдъ за тѣмъ и Псковичи заключили отдѣльный миръ съ Нѣмцами.

Впрочемъ ни съ Новгородцами ни съ Псковичами миръ не былъ продолжителенъ: уже въ 1400 году опять возникли неудовольствія, немирное сосѣдство Ливонскаго ордена съ Псковичами постоянно мѣшало мирной торговлѣ. Ливонскіе города въ этомъ году издали запрещеніе торговать съ Русскими и возить къ нимъ товары и пропускать въ свою землю Русскіе товары, подъ страхомъ потери имущества и самой жизни. Потомъ въ 1401 году Новгородцы жаловались Ганзѣ, что Нѣмцы привозятъ къ нимъ очень

короткія сукна и другіе товары худаго качества, а въ приѣмѣ Русскихъ товаровъ дѣлають притѣсненія; или въ 1402 году Ревельскій магистратъ издалъ запрещеніе торговать съ Русскими на кредитъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Наконецъ въ 1403 году Нѣмцы потопили на озерѣ Нецедрѣ девять человѣкъ Псковскихъ гостей и товаръ отняли. Съ этого дѣла опять началась война; Псковичи въ томъ же году опустошили окрестности Нейгаузена, а на другой годъ ходили къ Кирьиппгѣ, и только въ 1410 году былъ заключенъ миръ. Но въ этой войнѣ Новгородцы не принимали участія, отъ чего она вѣроятно и продолжалась только шесть лѣтъ. Новгородцы не только въ продолженіе всего этого времени продолжали уклоняться отъ пособія Псковичамъ противъ Нѣмцевъ; но даже по требованію грознаго Литовскаго князя Витовта въ 1414 году не рѣшились разорвать миръ съ Нѣмцами и въ 1417 году снова подтвердили его. Въ 1415 году у Псковичей съ Ливонскими Нѣмцами опять было началось розмирье, — Нѣмцы задержали Псковскихъ гостей, а Псковичи на это отвѣчали задержаніемъ Нѣмецкихъ гостей; но въ томъ же году присланъ былъ посоль изъ Дерпта, который и заключилъ съ Псковичами миръ по старинѣ на томъ, чтобы Нѣмцамъ отпустить Псковскихъ гостей, а Псковичамъ Нѣмецкихъ. Этотъ миръ Псковичи держали такъ крѣпко, что даже не разорвали его по требованію Витовта въ 1421 году. А Новгородцы еще въ 1420 году подтвердили старый миръ съ Нѣмцами и для этого Новгородскимъ и Нѣмецкимъ посламъ былъ съѣздъ на Наровѣ.

Впрочемъ сосѣдство Ливонскихъ Нѣмцевъ никакъ не допускало продолжительнаго мира. Въ 1436 году Ливонцы захватили и избили Псковскихъ ловцовъ, за что Псковичи задержали двадцать четыре человѣка Нѣмецкихъ гостей, засадили ихъ въ погребъ и товаръ заарестовали; и немирѣе продолжалось до 1444 года, въ этомъ году Псковскіе послы заключили въ Ригѣ миръ на десять лѣтъ. Но въ томъ же году миръ этотъ снова былъ нарушенъ; неисполненіе договора со стороны Ливонскихъ Нѣмцевъ вызвало набѣгъ Псковичей на Нѣмецкую Украину, а на слѣдующій годъ еще присоединилась ссора Нѣмцевъ съ Новгородцами, продолжавшаяся до 1449 года. Наконецъ въ этомъ году Псковскіе и Новгородскіе послы съѣхались съ Нѣмецкими послами на Наровѣ и заключили миръ на 25 лѣтъ, по которому миру Юрьевцы (жители Дерпта) обязались возвратить Псковичамъ всѣ старины, т. е. всѣ пограничныя мѣста, изъ-за которыхъ была вражда. Но едва прошло десять лѣтъ мирнаго срока, какъ Ливонскіе Нѣмцы опять начали войну съ Псковичами, въ которой войнѣ приняли участіе не только Новгородъ, но и великій князь Московскій. Эта война продолжалась пятнадцать лѣтъ и кончилась въ 1474 году миромъ, заключеннымъ на двадцать лѣтъ при посредствѣ Московскаго великокняжескаго воеводы князя Даніила Хомскаго. Вообще безпокойное сосѣдство Ливонскихъ Нѣмцевъ много препятствовало Нѣмецкой торговлѣ въ Новгородѣ и Псковѣ, и Ганза не рѣдко должна была подчиняться чисто политическимъ, а не торговымъ видамъ Ливонскаго ордена; и такая ложная солидарность торговыхъ видовъ Ганзы съ политическими видами Ли-

вонскаго ордена, несмотря на свою ложь, росла годъ отъ года болѣе, особенно послѣ покоренія Новгорода великимъ княземъ Московскимъ. И слѣдствіемъ таковаго ложнаго направленія было то, что когда въ 1494 году истекъ срокъ двадцатилѣтнему миру, заключенному съ Ливонскими Нѣмцами, то великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ, передъ началомъ войны съ ними, приказалъ отвезти въ Москву 49 купцовъ членовъ Нѣмецкаго двора, а всѣ ихъ товары и самый Нѣмецкій дворъ велѣлъ отобрать на себя. Такъ кончилась торговля Ганзы съ Новгородомъ и Псковомъ, да она и не могла уже продолжаться, тѣсный союзъ Ганзы съ Ливонскими Нѣмцами давно уже запуталъ ее въ Ливонскую политику и велъ прямымъ путемъ къ насильственному прекращенію.

Торговля Новгородцевъ и Псковичей съ разными Русскими княжествами была не менѣе, ежели не болѣе, важна для Новгорода и Пскова, чѣмъ торговля восточная и западно-Европейская. Русскія княжества для Новгорода и Пскова были самымъ важнымъ рынкомъ какъ для сбыта товаровъ, пріобрѣтаемыхъ восточною и особенно западно-европейскою торговлей, такъ и для пріобрѣтенія товаровъ. И прежде всего у Новгородцевъ шла особенно дѣятельная торговля въ Заонежьѣ, въ Перми, на Двинѣ и въ другихъ Новгородскихъ колоніяхъ; за тѣмъ не менѣе важнымъ рынкомъ для Новгородской и Псковской торговли были земли Ростовская, Суздальская, Муромская и вообще низовые города, откуда главнымъ образомъ получался хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, въ которыхъ, какъ извѣстно, постоянно нуждались Новгородцы. Эта торговля такъ была нужна для Новго-

родцевъ, что въ Новгородѣ, какъ мы уже видѣли, образовалась сильная партія Суздальщинецъ, которая изъ-за торговли съ Ростовскимъ, Суздальскимъ и вообще Низовымъ краемъ усердно поддерживала Суздальскихъ князей къ явному ущербу Новгородской самостоятельности; и Суздальскіе князья ни чѣмъ такъ удачно не смиряли строптивости Новгородцевъ, какъ задержаніемъ Новгородскихъ купцовъ и ихъ товаровъ въ Суздальской землѣ. Да и дѣйствительно это задержание должно было имѣть громадное вліяніе на Новгородское вѣче; ибо въ Суздальской землѣ Новгородскіе гости задерживались не десятками, но цѣлыми тысячами. Такъ въ 1196 году Всеволодъ Юрьевичъ князь Владимірскій задержалъ всѣхъ Новгородцевъ за Волокомъ и по всей землѣ своей; или подъ 1210 годомъ тотъ же Всеволодъ говоритъ Мстиславу Новгородскому: отпусти моихъ мужей, а я отпускаю Новгородскихъ гостей и съ товарами. Или въ 1215 году князь Ярославъ Всеволодовичъ заковалъ въ Торжкѣ болѣе 2000 человекъ Новгородскихъ гостей и разослалъ ихъ по своимъ городамъ.

Завоеваніе Низовой земли Монголами не только не сократило торговли Новгородцевъ съ Низовымъ краемъ, но даже способствовало къ ея обезпеченію. Новгородцы скоро смекнули значеніе Монгольскаго владычества и сьумѣли выходить для своей торговли ярлыки у Татарскихъ хановъ или царей, и на сія ярлыки прямо ссылались въ своихъ договорахъ съ князьями Низовой земли: „а гостю гостити по Суздальской земли Новгородскому безъ пакости, безъ рубежа по царевѣ грамотѣ. А Суздальскому гостю гостити въ Новѣгородѣ безъ рубежа, безъ пакости.“

Мало этого, во время Монгольскаго владычества Новгородцы успѣли обезпечить постоянство одинаковой проѣзжей пошлины во всѣхъ владѣніяхъ Низовыхъ или Суздальскихъ князей, которая во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Низовыми князьями постоянно опредѣлялась такъ: „а что, княже, мыть по Суздальской землѣ и въ твоей волости съ Новгородца и съ Новоторжца по двѣ вѣкши отъ воза и отъ лодьи и отъ хмельна короба и отъ льняна, а дворянамъ твоимъ съ купцовъ повоза не брать, развѣ ратной вѣсти.“ Этотъ порядокъ былъ одинаковъ во всѣхъ договорныхъ грамотахъ какъ съ Тверскими, такъ съ Московскими и другими Низовыми князьями, и какъ въ XIII, такъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Конечно и въ XIV столѣтіи еще не обходилось безъ того, чтобы Новгородскимъ гостямъ не потерпѣть какихъ либо убытковъ отъ того или другаго Низоваго князя, который былъ въ ссорѣ съ Новгородомъ въ то или другое время; но тѣмъ не менѣе торговля Новгородцевъ съ Низовыми городами вовремя Татарскаго владычества была гораздо обезпеченнѣе противъ прежняго времени.

Но за то торговля съ югомъ Россіи, съ Приднѣпровьемъ, была гораздо важнѣе для Новгорода въ XI, XII и частію XIII вѣкѣ, чѣмъ въ послѣдующее время. До Татаръ Новгородцы имѣли свой торговый дворъ и церковь Архангела Михаила въ Кіевѣ, также свои дворы въ Черниговскихъ владѣніяхъ, даже на Волыни и въ Галиціи, а равнымъ образомъ въ Смоленскѣ. Но съ раззореніемъ Кіева и Чернигова Батыемъ Новгородская, какъ и всякая, торговля, не жалующая пустырей и пожарищъ безъ жителей, отодвинулась отъ опустошеннаго края и сосредоточилась

преимущественно въ Смоленскихъ и Литовскихъ владѣнiяхъ, по которымъ Новгородскiе и особенно Псковскiе гости ходили изъ края въ край, и имѣли свои торговые дворы и даже цѣлыя слободы въ Смоленскѣ, Вильнѣ и другихъ тамошнихъ городахъ. Такъ подъ 1348 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „великiй князь Ольгердъ и сынъ его Андрей во гнѣвѣ на Псковъ велѣли задержать Псковскихъ гостей и въ Полотскѣ и въ Литвѣ, и товаръ у нихъ отняли и коней, а самихъ приказали отпустить на окупъ. Или подъ 1403 годомъ въ Псковской лѣтописи сказано: князь Юрiй Смоленскiй задержалъ Псковскихъ гостей и товаръ у нихъ отнялъ, а самихъ держалъ половину лѣта, пока Новгородскiе и Псковскiе послы ихъ выручили. Псковичи по сосѣдству особенно тянулись съ своею торговлей въ Литовскiя владѣнiя; здѣсь ихъ гости съ товарами постоянно ходили не только въ ближайшiе города Полотскъ, Витебскъ, Вильну и другiе, но даже пробирались на Волынъ и Приднѣпровь, когда сiи страны поступили во владѣнiе Литовскихъ князей. Но кажется Новгородская и Псковская торговля въ этомъ краю подвергалась большимъ неудобствамъ и обидамъ, какъ по своеволю и междоусобнымъ войнамъ тамошнихъ князей, такъ еще болѣе по соперничеству съ Нѣмцами и Евреями, которые особенно усилились вслѣдствiе несчастнаго соединенiя Литовско-Русскаго великаго княжества съ обильною мятежами и своеволиемъ Польшею. Это несчастное соединенiе произвело то, что связи тамошнихъ жителей съ Русскими людьми, а слѣдовательно и съ Новгородцами и Псковичами, мало-по-малу начали ослабѣвать, и ихъ мѣсто стали заступать связи

съ Евреями, Нѣмцами и Поляками, и Русская промышленность смѣшалась съ промышленностію Нѣмецкою и Жидовскою; а съ тѣмъ вмѣстѣ разумѣется должны были ослабѣть и торговыя сношенія здѣшняго края съ Новгородомъ и Псковомъ, какъ главными представителями Русской торговли на западныхъ окраинахъ Русской земли. Впрочемъ Псковская и Новгородская торговля, хотя и ослабѣвшая отъ новыхъ порядковъ здѣшняго края, въ сущности никогда не прекращалась и по близкому сосѣдству не могла прекратиться во все время самостоятельности Новгорода и Пскова, а въ послѣдствіи при Московскомъ владычествѣ даже усилилась, только приняла иной характеръ; но это теперь до насъ не касается, это принадлежитъ уже Московской исторіи.

Торговая промышленность, судя по громадности ея развитія сравнительно съ другими видами промышленности, очевидно составляла главный нервъ жизни Новгорода и Пскова, собственно только торговлею Новгородцы и Псковичи приобрѣтали богатство и силу, торговля доставляла имъ могущество, торговля заставляла ихъ разпространять свои владѣнія устройствомъ колоній даже въ отдаленныхъ земляхъ, въ видахъ торговли Новгородцы и воевали и мирились, по интересамъ торговли они принимали и изгоняли князей. Въ Новгородѣ и Псковѣ хотя было особое сословіе купцовъ съ своимъ чисто коммерческимъ устройствомъ; но въ то же время и всѣ классы жителей такъ или иначе принимали участіе въ торговлѣ и большіе и меньшіе люди, даже монастыри, какъ нерѣдко богатые землевладѣльцы. Это всеобщее стремленіе къ торговлѣ особенно въ Новгородѣ было

одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго положенія прочихъ видовъ промышленности; для торговли Новгородцы жертвовали всѣмъ, и торговля дѣйствительно вознаграждала ихъ за все съ избыткомъ, такъ что была явная выгода всѣмъ жертвовать для торговли. Но торговля же въ томъ видѣ, какъ она производилась въ Новгородѣ, была одною изъ главныхъ причинъ паденія Новгорода; она постоянно дѣлила Новгородцевъ на враждебныя партіи собственно по видамъ торговли. Такъ торговцы съ востокомъ постоянно тянули къ Суздальскимъ князьямъ даже въ ущербъ Новгородской самостоятельности; а торговцы съ южными странами по Днѣпру поддерживали вліяніе Приднѣпровскихъ князей. А когда Приднѣпровскіе князья перевелись и Днѣпръ закрылся для Новгородской торговли, то прежніе Днѣпровскіе торговцы потянули къ Литвѣ и Польшѣ, что наконецъ и заставило великаго князя Московскаго Ивана Васильевича покончить съ Новгородомъ. Судьба Пскова сложилась нѣсколько иначе, и кажется между прочимъ потому, что Псковичи по обстоятельствамъ не пренебрегали земледѣіемъ, и вслѣдствіе этого относительно пропитанія находились въ меньшей зависимости отъ сосѣдей; но Псковъ, какъ ближайшая колонія Новгорода, поселенная на окраинѣ съ иноплеменниками, неминуемо долженъ былъ пасть послѣ паденія Новгорода; онъ такъ былъ поставленъ всею своею исторіей, что безъ Новгорода не могъ существовать независимо.

Торговля въ Новгородѣ и Псковѣ имѣла свой особенный характеръ, вредно дѣйствовавшій на развитіе общества и дававшій ему одностороннее направ-

вленіе. Новгородская и Псковская торговля довольствовалась только продажей сырых иногда и драгоценных произведений природы и перепродажей западно-Европейским народамъ издѣлій Азіатской промышленности, и Азіатскимъ народамъ издѣлій Европейской промышленности. При такомъ положеніи, вмѣстѣ съ открытіемъ новыхъ путей сообщенія съ Азіею, естественно должна была сокращаться и торговля Новгорода и Пскова только сбытомъ сырыхъ произведений природы. Уже Итальянскія торговыя колоніи въ Крыму много нанесли ущерба Новгородской торговлѣ съ востокомъ, а открытіе морскаго пути въ Индію еще болѣе должно было стѣснить Новгородскую торговлю съ Азіею, и это стѣсненіе росло по мѣрѣ того какъ Европейцы болѣе знакомились съ новыми путями на востокъ. Вообще съ половины XV столѣтія торговля Новгорода и Пскова стала мало-по-малу измѣняться не въ свою пользу. Ганзейцы годъ отъ года стали усиливаться и вытѣснять своихъ соперниковъ, такъ что не далеко уже было то время, когда бы они одни остались хозяевами Новгородско-Европейской торговли, а Новгородцевъ и Псковичей обратили въ своихъ прикащиковъ. Паденіе Новгорода и Пскова какъ разъ подошло къ тому времени, когда сіи два города и по положенію своей торговли, и по другимъ отношеніямъ уже не могли оставаться самостоятельными и независимыми, и волей-неволей должны были подчиниться или Нѣмцамъ или Полякамъ черезъ Литву. И Московскіе государи Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ присоединеніемъ сихъ городовъ къ Москвѣ только спасли ихъ отъ онѣмченія или ополченія.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Страна.

Историческое значеніе Псковской земли 1. Виды владѣній 3. Псковъ городъ и его части 3. Концы 7. Торговище, улицы Лавицы 9. Псковская земля 10. Значеніе пригородовъ 14. Губы 18. Волости 19. Владѣнія Пскова въ Псковской земли 22.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

Люди въ Псковской землѣ.

Общій взглядъ на Псковское общество 27. Бояре 29. Купцы 40. Черные люди 45. Земцы и Смерды 55. Вольные люди 60.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Церковь во Псковѣ.

Первоначальное положеніе Псковской церкви 63. Положеніе церкви въ первый 318 лѣтъ отъ принятія христіанства 65. Споры съ владыкою Новгородскимъ 67. Новое положеніе Псковской церкви послѣ мира 1347 года 69. Ересь Стригольниковъ 72. Положеніе церкви по уничтоженіи ереси Стригольниковъ 74. Безпорядки въ церкви и упадокъ духовенства 77. Мѣры, принимаемыя духовенствомъ къ собственной защитѣ и поддержанію порядка въ церкви 80. Попытка Псковичей имѣть своего епископа 82. Духовенство Псковское устраиваетъ пресвитеріанское общество 83.

II

Владыка Новгородскій снова вступаетъ въ свои права. И новыя неудовольствія и безпорядки 89. Устройство Псковской церкви вообще 91. Общественное значеніе духовенства 94.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

В л а с т и.

Движеніе и виды власти во Псковѣ 95. Вѣче 97. Составъ вѣча и его права 100. Посадникъ 108. Обязанности и права посадника 112. Мѣры къ ограниченію власти посадника 115. Посадники въ пригородахъ 122. Сотскіе 123. Судьи 128. Старосты 133. Подвойскіе и дьяки 136. Князья 138.

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

Псковъ пригородъ Новгорода Великаго.

Первыя извѣстія о Псковѣ 178. Псковъ передовой боецъ за Новгородскую землю на западъ 185. Походы Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича на Чудь 187. Псковичи подъ руководствомъ Новгородскихъ бояръ покровительствуютъ князю Всеволоду Мстиславичу 190. Набѣги Чуди на Псковскія границы и походъ Мстислава Ростиславича на Чудь 192. Набѣги Литовцевъ и Чуди на Псковскія владѣнія и походы князя Ярослава Владимировича на Чудь 193. Неадежность Псковскихъ границъ на западъ, набѣги Чуди, Литвы и Летголы на Псковскія владѣнія и походы князя Мстислава Мстиславича удалаго на Чудь 195. Занятіе Ливоніи Нѣмцами 198. Первая встрѣча Ливонскихъ Нѣмцевъ съ Псковичами и Новгородцами подъ Чудскимъ городомъ Оденпе 201. Сѣверная Эстонія проситъ помощи у Новгородцевъ и Псковичей 204. Походъ Новгородцевъ и Псковичей въ Ливонію 204. Нѣмцы поднимаются на окончательное завоеваніе Чуди, а Чудь противъ нихъ въ союзъ съ Новгородцами и Псковичами, и походъ князя Ярослава Всеволодовича на Нѣмцевъ 205. Нѣмцы покоряютъ сѣверную Чудь 208. Нѣмцы берутъ Юрьевъ 209. Война Ярослава Всеволодовича со Псковомъ и союзъ Псковичей съ Нѣмцами 211. Тѣсный союзъ Псковичей съ Новгородцами 214. Походъ Ярослава къ Юрьеву 215. Ливонскіе Нѣмцы соединяются

съ Прусскимъ Нѣмецкимъ орденомъ 216. Нѣмцы при помощи мѣмлинковъ захватываютъ Псковъ 217. Александръ Невскій освобождаетъ Псковъ 219.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЬЙ.

Псковъ приобретаетъ значительную самостоятельность, хотя и продолжаетъ быть Новгородскимъ пригородомъ.

Псковъ разрываетъ связь съ Новгородскою партією бояръ и мѣняетъ отношенія къ своимъ боярамъ 222. Тѣсная связь Псковскаго вѣча съ Новгородскимъ и война съ Нѣмцами 233. Довмонтъ князь Псковскій и война съ Литвою 226. Война съ Нѣмцами и походъ подъ Раковоръ и Колывань 228. Нѣмцы разбиты подъ Псковомъ 232. Продолженіе войны съ Нѣмцами, послѣдній подвигъ Довмонта и его кончина 234. Давидъ сынъ Довмонта князь Псковскій, и внутреннее устройство Пскова 237. Отношенія къ Литвѣ и Нѣмцамъ. Нѣмцы двукратно осаждаютъ Псковъ, но князья Евстафій Изборскій и Давыдъ Довмонтовичъ заставляютъ Нѣмцевъ заключить миръ 238. Псковичи защищаютъ Тверскаго князя Александра Михайловича противъ Новгородцевъ и Московскаго князя 242. Александръ Михайловичъ, князь Псковскій, и цвѣтущее состояніе Пскова 245. Возстаніе Чуди на Нѣмцевъ и война Пскова съ Нѣмцами 246. Князь Литовскій Ольгердъ приходитъ на помощь къ Псковичамъ 250. Продолженіе мелкой войны съ Нѣмцами, въ которой Псковичи прославились многими блестящими подвигами 252.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЬЙ.

Псковъ младшій братъ Новгорода.

За помощь противъ Шведовъ Новгородцы по Болотовскому договору признаютъ Псковъ младшимъ братомъ Новгорода 256. Набѣги Нѣмцевъ 259. Война съ Литвою и черная смерть 260. Новая война съ Нѣмцами, продолжавшаяся пять лѣтъ 262. Миръ со всеми сосѣдями въ продолженіе 25 лѣтъ и домашнія дѣла 265. Война съ Новгородомъ, тянувшаяся семь лѣтъ 267. Угрюмленіе Пскова и розмирье съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ

IV

269. Война съ Пѣмцами, союзъ съ Московскимъ княземъ Василемъ Дмитріевичемъ и миръ съ Нѣмцами 272. Укрѣпленіе Пскова 278. Война съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ 279. Неудовольствія между Псковичами и Нѣмцами 282. Война съ Новгородомъ по требованію Московскаго князя 283. Новыя укрѣпленія въ Псковской землѣ 284. Отношенія Псковичей къ В. Князю Московскому Василю Дмитріевичу 285. Новыя отношенія Псковичей къ Московскому князю при Васильѣ Васильевичѣ Темномъ.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ.

Псковъ подъ опекою Москвы.

Новое положеніе князей намѣстниковъ, они должны давать присягу Пскову и Московскому князю 291. Война съ Нѣмцами и заключеніе мира 293. Псковичи принимаютъ князя намѣстника, неспросясь Московскаго князя 295. Псковичи помогаютъ Новгороду въ войнѣ съ Московскимъ княземъ. Вольный Псковскій князь Александръ Черторижскій и война съ Нѣмцами 296. Московскій великій князь Василій Васильевичъ требуетъ, чтобы князь Черторижскій далъ ему присягу, тотъ не соглашается и оставляетъ Псковъ 299. Отъ Московскаго князя пріѣзжаетъ сынъ его Юрій и даетъ Пскову въ намѣстники князя Стригу, перемиріе съ Нѣмцами 301. Новый князь намѣстникъ присланный изъ Москвы не по Псковскому прошенію. Псковичи строятъ новые города и укрѣпляютъ свои границы отъ Нѣмцевъ 303. Война съ Нѣмцами и новый государь Московскій в. к. Иванъ Васильевичъ присылаетъ свое войско на помощь Пскову, и Нѣмцы спѣшатъ заключить миръ 305. Псковичи отправляютъ посольство въ Москву благодарить великаго князя за помощь противъ Нѣмцевъ, и съ жалобою на Новгородцевъ и просьбою посвятить во Псковъ отдѣльнаго епископа, и отвѣтъ Московскаго князя. Заключеніе мира съ Новгородомъ 312. Псковичи строятъ новыя укрѣпленія. Новый князь намѣстникъ изъ Москвы требуетъ, чтобы ему держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ Псковскихъ и разныя переѣзны въ управленіи 316. Неудовольствія съ Нѣмцами и споры съ Литовскимъ королемъ Казимиромъ за границы 318. Походъ на Новгородъ по требованію Московскаго князя 320. Псковичи отправляютъ посольство въ Москву съ просьбою прислать новаго намѣстника, неудачные переговоры съ Нѣмцами, Москов-

екіи государь присылаетъ свои войска во Псковъ и Нѣмцы заключаютъ миръ 322.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

ПОСТОЯННОЕ СТѢСНЕНІЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПСКОВА И ЕГО ПАДЕНІЕ.

Московскій князь начинаетъ вмѣшиваться въ отношенія Псковичей къ князьямъ намѣстникамъ и требуетъ къ себѣ грамоты, на которыхъ Псковичи основываютъ сіи отношенія 328. Споръ Псковичей съ княземъ намѣстникомъ изъ-за судныхъ пошлинъ. Московскій государь оправдываетъ князя намѣстника 331. Псковичи просятъ смѣнить князя намѣстника, Московскій князь назначаетъ судъ; но Псковичи крѣпко стоятъ за свои старины, и Великій приказываетъ князю намѣстнику уѣхать въ Москву 333. По приказу Московскаго князя Псковичи объявляютъ войну Новгородцамъ и подъ начальствомъ новаго князя намѣстника отправляются въ походъ, и по окончаніи войны Московскій государь жалуетъ Пскову серебряный кубокъ 336. Война съ Нѣмцами, кончившаяся тѣмъ, что Московскій государь все сношенія съ Нѣмцами принялъ на себя 339. Борьба бояръ съ черными людьми, веденная подъ Московскимъ влияніемъ, начавшаяся изъ-за уставной грамоты о смердахъ 344. Московскій государь мѣняетъ князей намѣстниковъ, неспрашивая Псковскаго вѣча, и походъ на Шведовъ по приказу Московскаго государя 350. Псковичи недоумѣваютъ признать ли своимъ великимъ княземъ Василия Ивановича, котораго отецъ в. к. Иванъ Васильевичъ назначилъ великимъ княземъ Новгорода и Пскова, и походъ на Литву по приказу Московскаго государя 353. Война съ Нѣмцами и Литвою, которую велъ собственно Московскій государь только на Псковской землѣ 357. Последніи шесть лѣтъ Псковской независимости 363. Неутѣшительное положеніе умирающаго Псковскаго общества 366. Ссоры Псковичей съ княземъ намѣстникомъ Рѣшцею-Оболенскимъ Найденомъ 367. Судъ Московскаго государя надъ Псковскими жалобщиками въ Новгородѣ 370. Пріѣзжаетъ дьякъ отъ Московскаго государя и требуетъ уничтоженія вѣча 373. Снятіе вѣчеваго колокола и пріѣздъ Московскаго государя во Псковъ 375. Высылка богатѣйшихъ Псковичей въ Москву, пріѣздъ поселенцевъ изъ Москвы и послѣднія распоряженія Московскаго государя уже въ покоренномъ Псковѣ 376. Заключеніе 381.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

(Онъ же пятый Новгородскій).

Промышленность въ Новгородъ и Псковъ.

Псковъ въ отношеніи къ промышленности не совсѣмъ походитъ на Новгородъ 384. Земледѣльческая промышленность во Псковѣ болѣе въ цвѣтущемъ состояніи нежели въ Новгородѣ 385. Мастерства и ремесла почти на одинаковой ступени развитія и въ Новгородѣ, и во Псковѣ 397. Торговая промышленность 407, Юго-восточная торговля 408. Торговля съ Мусульманскою Азіей 409. Торговля съ племенами глубокаго сѣвера 410. Торговля съ Византійскою и Мусульманскою Азіей во время Татарскаго владычества 412. Западная торговля 416. Готландскій и Нѣмецкій дворы въ Новгородѣ, и ихъ уставы или скры 420. Договоры Новгорода съ Нѣмцами и Готландцами 423. Столкновенія Новгорода и Пскова съ Нѣмцами по торговлѣ 431. Торговля Новгородцевъ и Псковичей съ разными Русскими княжествами 437. Значеніе торговли въ Новгородѣ и Псковѣ 441. Особый характеръ Новгородской и Псковской торговли.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СОЧИНЕНИЕ

ИВАНА ВЪДЛЕВА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

**Въ Синодальной Типографіи.
1872 года.**

ИСТОРИЯ
ПОЛОТСКА,
ИЛИ
СВВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ,
ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
ДО
ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ.

МОСКВА.
ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ.
1872 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРОЙ ЖИЗНИ ПОЛОТСКА

И

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА

ЛИТОВСКАГО.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАНА.

Полотскъ, одна изъ первыхъ колоній великаго Новгорода, построенный Новгородцами еще въ незапамятныя доисторическія времена, съ своими обширными владѣніями составлялъ особую отдѣльную страну, носившую названіе Полотской земли и составлявшую значительную часть Русской земли. Полотская земля во времена историческія очень рано сдѣлалась независимою и самостоятельною, а при Владимирѣ святомъ уже какъ бы выдѣлилась изъ Русской земли вообще; но только какъ отдѣльное княжество въ родѣ Владимірова сына Изяслава, который еще въ малолѣтствѣ вмѣстѣ съ матерію своей Рогнедою былъ отправленъ княжить въ Полотской землѣ. Впрочемъ это выдѣленіе нисколько не препятствовало Полотской землѣ по своему внутреннему устройству и по народному характеру, и выдѣлившись оставаться Русскою землею, удерживая за собою типъ своей метрополиі— великаго Новгорода. Мѣстный лѣтописецъ Быховецъ, близко знакомый съ устройствомъ Полотской земли, какъ родины, прямо говоритъ: «мужки Полочане управлялись вѣчемъ, какъ Великій Новгородъ». А посему Полотская земля, не смотря на выдѣленіе, постоянно считалась и называлась Русскою землею и у Русскихъ людей, и у иноплеменниковъ ближнихъ и даль-

нихъ. И тамошніе князья, не смотря почти на постоянно враждебныя отношенія къ другимъ Русскимъ князьямъ, считали себя Русскими князьями и постоянно признавались таковыми у другихъ князей даже тогда, когда княжеская власть отъ выродившихся потомковъ Изяслава Владимировича перешла къ Литовскому князю Гедимину и его потомкамъ.

Древнѣйшая исторія Полотской земли намъ мало извѣстна; отъ старѣйшаго нашего лѣтописца Нестора мы только знаемъ, что Полотскъ былъ старѣйшею, едвали не первою колонією Новгорода великаго еще въ доисторическія времена. Несторъ пишетъ: «Славяне (Ильменскіе или Новгородцы) почали держать свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, гдѣ они назвались Полочанами, отъ рѣки Полоты; а отъ нихъ произошли Кривичи, которые сидятъ въ верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у нихъ же городъ Смоленскъ» Полотская земля въ цѣломъ своемъ объемѣ простиралась съ юга на сѣверъ отъ рѣки Припети до Балтійскаго моря и съ востока на западъ отъ Днѣпра до Нарева и можетъ быть до верховьевъ западнаго Буга, гдѣ стоитъ крайняя колонія Полочанъ,— Полтовескъ или Пултускъ, и до устьевъ Немана. Вся эта обширная страна, обхватывающая собою цѣлый сѣверозападный край нынѣшней Русской земли, находилась въ подчиненіи и зависимости отъ древнѣйшей Новгородской колоніи въ здѣшнемъ краю,— Полотска, который здѣсь былъ старшимъ городомъ, отъ котораго зависѣли всѣ младшіе города здѣшняго края, какъ пригороды, на обще русскомъ или на славянскомъ основаніи: «на чемъ старшіе сдумають, на томъ и пригороды стануть» Но власть Полотскаго

вѣча была не одинакова надъ всею здѣшнею странюю, она измѣнялась по мѣрѣ отдаленія отъ Полотска. А по-сему Полотскія владѣнія, подобно Новгородскимъ, можно раздѣлить на три разряда. Къ первому разряду принадлежалъ самъ Полотскъ съ своимъ округомъ, какъ гнѣздо Новгородской или Ильменской Славянщины въ здѣшнемъ краю; ко второму разряду принадлежала Полотская земля, на которой стояли Полотскіе пригороды, и къ третьему разряду Полотскія колоніи въ земляхъ: Летголы, Литвы, Корси, Жемойти и Ятвяговъ.

Полотскъ былъ построенъ въ углу, образуемомъ впадениемъ рѣки Полоты въ Двину на границахъ Летголы съ Литвою. Самое построение Полотска при слияніи двухъ рѣкъ, защищавшихъ его съ трехъ сторонъ обращенныхъ именно къ враждебнымъ сосѣдямъ, показываетъ что этотъ городъ, также какъ Псковъ, былъ первоначально построенъ для защиты Новгородскихъ колоній въ тамошнемъ краю отъ мирныхъ сосѣдей иноплеменниковъ Мѣстность, выбранная строителями для Полотска, по тогдашнему времени была самою выгодною для обороны отъ неприятелей. Хотя здѣшніе Новгородскіе колонисты были окружены сильными врагами съ двухъ сторонъ, т. е. Летголою и Литвою; но какъ сіи враги принадлежали къ различнымъ племенамъ, нерѣдко враждебнымъ другъ другу, то Полочане, какъ истые Новгородцы—ловкіе колонисты всегда могли поставить дѣло такъ, что въ данное время противъ нихъ стояло враждебно почти всегда только одно племя, а другое оставалось или нейтральнымъ, или даже въ союзѣ съ ними. А по-сему пользуясь такими выгодами мѣстности, Полотскъ еще во времена доисторической древности при-

обрѣлъ значительную долю самостоятельности и уже находился въ слабой зависимости отъ Новгорода. Въ древнихъ Скандинавскихъ сагахъ, задолго до Рюрика, перваго Русскаго князя въ Новгородѣ, мы уже имѣемъ хотя не ясныя извѣстія о Полотскѣ, какъ о богатомъ и сильномъ владѣніи, имѣвшемъ своего государя, находившагося въ нѣкоторой зависимости отъ Новгорода. Одна изъ древнѣйшихъ Скандинавскихъ сагъ упоминаетъ о Полотскомъ князѣ Палтесѣ, который находился подъ рукою Новгородскаго князя Квиллана. Нашъ старѣйшій лѣтописецъ Несторъ на первыхъ же страницахъ своей лѣтописи указываетъ на Полотскъ, какъ на Новгородскій пригородъ, который Новгородцы уступили приглашеннымъ ими Варяго-Русскимъ князьямъ, вѣроятно по его отдаленности и слабой зависимости отъ Новгорода. По словамъ Нестора, князь Рюрикъ, по смерти братьевъ своихъ, сталъ раздавать города своимъ мужамъ—кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро. Изъ этого свидѣтельства очевидно, что Полотскъ, наравнѣ съ Ростовомъ и Бѣлымъ озеромъ, былъ уступленъ Новгородцами приглашеннымъ Варяго-Русскимъ князьямъ въ непосредственное управленіе, а слѣдовательно искони былъ Новгородскою колоніею и въ тогдашнее время еще находился хотя въ слабой зависимости отъ Новгорода; иначе Новгородцы не могли бы его отдать Рюрику и его братьямъ.

О древнѣйшей исторіи собственно города Полотска до насъ не дошло подробностей; и мы можемъ только заключать, что Полотскъ, какъ Новгородскій пригородъ, былъ устроенъ по образцу Новгорода или Пскова и управлялся вѣчемъ; о чемъ, какъ мы уже видѣли,

у насъ имѣется прямое извѣстіе мѣстнаго лѣтописца Быховца. Принявши въ соображеніе какъ происхожденіе Полотска отъ Новгорода, такъ и засвидѣтельствовавшее мѣстною лѣтописью вѣчевое устройство Полотска по Новгородскому образцу, мы должны принять, что и прочія подробности городского устройства въ Полотскѣ были также чисто Новгородскіе т. е. Полотскъ, подобно Новгороду и Пскову, дѣлился на концы и улицы, и каждый конецъ и каждая улица составляли отдѣльную въ своемъ внутреннемъ управленіи самостоятельную общину, съ своими выборными старостами и съ своимъ уличанскимъ и кончанскимъ вѣчемъ, подчиненнымъ вѣчу цѣлаго города Полотска. Такимъ образомъ Полотскъ, подобно Новгороду, составлялъ союзъ уличанскихъ и кончанскихъ общинъ. Новгородскіе порядки до того были усвоены Полотскомъ, что всѣ Полотскія грамоты носили форму грамотъ Новгородскихъ и писались такъ же какъ и Новгородскія грамоты, отъ князя или отъ его намѣстника и отъ всѣхъ мужей Полочанъ. Мало этого, самая народная святыня, соборный храмъ и въ Новгородѣ и въ Полотскѣ носили одно названіе, — церковь Святыя Софіи. Всѣ формы и порядки Новгородскаго устройства сохранялись въ Полотскѣ даже при Литовскихъ князьяхъ вплоть до введенія Магдебургскаго права; такъ договорныя грамоты Полотска съ Ригею и Ливонскими Нѣмцами дошедшія до насъ, даже въ XV столѣтіи писались такъ: въ грамотѣ 1409 года «отъ намѣстника Полотскаго отъ Монтигирда и отъ всѣхъ мужъ отъ Полочанъ къ ратманомъ. Што есте со княземъ Семсономъ миръ взяли и съ мужи Полочаны, чтобы то такъ и здер-

жали тотъ миръ крѣпко, а мы такъ и держимъ крѣпко, доколѣ изыдетъ» (Руск. Ливон. акты, стр. 104); или въ грамотѣ 1405 года: «се мы Полочане, вси добрые люди и малые надѣючись на Богъ святаго, Софія милость и князя великаго Витовта здоровье хотимъ съ тобою князь Местерю любовь держати и съ твоею братьею со всѣми ридели. Такожъ хотимъ съ вами Ризьскіи ратмане и со всѣми ризьскіи кунцы межи себе приязвство держати и любовь на обѣ стороне крѣпко.» (ibid стр. 120). Въ сихъ и во многихъ подобныхъ грамотахъ такъ и слышится Новгородскій духъ, Новгородскій строй Полотскаго общества.

Полотскъ, уподобляясь Новгороду по своему общественному строю и по своимъ порядкамъ, уподобляясь ему и въ другихъ отношеніяхъ; такъ онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Русской земли въ древности и велъ обширную торговлю, и Полочане, подобно Новгородцамъ, славились своею торговою предприимчивостію и способностью къ колонизаціи. Успѣхамъ Полотской торговли конечно много способствовала выгодная мѣстность ибо на первыхъ же порахъ Полочанамъ была открыта большая и удобная торговая дорога по Западной Двинѣ, которая прямо вела ихъ къ Балтійскому морю и къ торговымъ сношеніямъ съ западною Европою и въ особенности съ Скандинавіею, о чемъ говоритъ Несторъ уже на первыхъ страницахъ своей лѣтописи. У него о западной Двинѣ сказано: «А Двина идетъ на полуночье и внидетъ въ море Варяжское; тѣмъ же по Двинѣ можно идти изъ Руси въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова» Это подробное описаніе пути по Двинѣ и по морю довольно ясно на-

мекаетъ, что этотъ путь былъ знакомъ Полочанамъ. А что Полочане дѣйствительно въ свое время хорошо умѣли пользоваться этою большою торговою дорогою, этому лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ Полотскія колоніи по Двинѣ вплоть до Балтійскаго моря. То же подтверждаетъ о знаменитости Полотской торговли по Двинѣ и о грозномъ господствѣ Полочанъ въ тамошнемъ краю пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ; онъ, описывая междоусобія князей, разорившія Полотскую землю, говоритъ: «Уже Двина болотомъ течетъ онимъ грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ поганныхъ». Кромѣ Двины Березина открывала Полочанамъ дорогу къ Днѣпру и наконецъ Неманъ велъ ихъ въ глубину Литовскихъ и Ятвяжскихъ пущей и лѣсовъ и открывалъ имъ пространное поприще для колонизаціи, которымъ Полочане и пользовались, какъ истые колонисты Новгородскіе, отважные и предприимчивые. Все это поставило Полотскъ въ такое положеніе, что онъ даже по прекращеніи Полотскаго княжества долгое время былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ тамошняго края и пользовался значительною самостоятельностью.

Второй разрядъ Полотскихъ владѣній составляла земля *Полотская*, на которой стояли Полотскіе пригороды съ ихъ волостями. Граница этой земли на востокѣ упиралась въ правый берегъ Днѣпра, гдѣ она сходилась съ границами Смоленскими и Черниговскими; на югѣ Полотскія границы простирались до лѣваго берега Припяти, гдѣ сходились съ границами Волынскими; на западѣ Полотская земля терялась въ дикихъ лѣсахъ Ятвяжскихъ, придерживаясь теченія Немана и его притоковъ; на сѣверѣ, по свидѣтельству

лѣтописи Быховца, граница Полотской земли очеркивалась угломъ, образуемымъ впаденіемъ рѣки Вилии въ Немань, и на сѣверовостокъ упиралась въ лѣвый берегъ Западной Двины. Всѣ Полотскіе пригороды, размѣщенные въ показанныхъ границахъ Полотской земли, можно распредѣлить въ четыре ряда, какъ по мѣстности, такъ и по древности ихъ построения.

Первый рядъ Полотскихъ пригородовъ составляли города, построенные Полочанами въ первыя времена ихъ колонизаціи, когда Полочане съ ихъ колоніями еще не переходили на правый берегъ Березины; они шли по восточной границѣ Полотской земли, и размѣщались въ трехъугольникѣ, образуемомъ Днѣпромъ, Березиной и верховьями Двины. Здѣсь находились слѣдующіе города или пригороды: Витебскъ, старѣйшій Полотскій пригородъ, построенный въ странѣ, первоначально занятой Латышами, на границахъ Новгородскихъ и Смоленскихъ владѣній; на югъ отъ Витебска на Днѣпрѣ — Орша, бывшая предметомъ постояннаго спора между Полочанами и Смолнянами; на югъ отъ Орши, при верховьяхъ рѣки Друча — Друцкъ, въ прежнее время богатый и значительный городъ; южнѣе Друцка на рѣкѣ Олисѣ, притокѣ Березины, Кличевъ; недалеко отъ устья Березины Стрежевъ, одинъ изъ самыхъ южныхъ пригородовъ Полотска въ приднѣпровскомъ краю. Въ этомъ же трехъугольникѣ на югъ отъ Полотска ближе къ Березинѣ тянется еще рядъ Полотскихъ пригородовъ, таковы: Туровля, Камень, Лепель, Лукомля и Островъ почти по Березинѣ.

Второй рядъ Полотскихъ пригородовъ составляли города, построенные Полочанами по переходѣ черезъ

Березину на западъ. Здѣсь по самой Березинѣ на правомъ ея берегу были города: Борисовъ, Березина, Свислочь и Голынка; за тѣмъ по рѣкѣ Свислочи: Изяславль, Городецъ, Минскъ и Изборскъ, напоминающій соименный ему городъ въ Псковской землѣ; Логойскъ на Гойнѣ, впадающей въ Березину съ правой стороны. Въ этомъ же рядѣ, не доходя до Немана и не переходя Случи, къ югу на притокахъ Припети Полотскими колонистами были построены города: Дудичи на рѣкѣ Птичи при ея верховьяхъ, Шацкъ на западъ отъ Птичи, Слуцкъ на Случѣ, притокѣ Припети, Туровъ и Мозырь на Припети. Нѣкоторые изъ сихъ городовъ, особливо по Припети, по всему вѣроятію были построены не Полочанами, а Дреговичами, которые, по свидѣтельству Несторовой лѣтописи, пришли въ этотъ край съ юга и прежде Полочанъ, и оставались здѣсь и тогда, когда сюда придвинулись Полотскія колоніи. Такъ, относительно лѣваго берега Припети нельзя навѣрное сказать, что здѣсь построено Дреговичами и что Полочанами. Здѣшніе Дреговичи, какъ Славяне, по всему вѣроятію мало-по-малу слились съ Полотскими колонистами, какъ съ Славянами же,—чему, конечно, кромѣ одноплеменности, много способствовало и то, что и тѣ и другіе нуждались во взаимной помощи для болѣе успешной борьбы противъ сосѣднихъ инородцевъ Ятвяговъ и Литвы.

Третій рядъ Полотскихъ пригородовъ начинается по переходѣ черезъ Случь и идетъ по притокамъ Припети съ лѣвой стороны и по притокамъ Немана также съ лѣвой стороны. Здѣсь первыми городами были, не переходя еще Меречи, Коцысь и Визна, за

Меречью на рѣкѣ Лани Клецкъ и Несвижъ, Сновъ, которому двойника находимъ у Сѣверянъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, Великіе Луки, напоминающіе Великіе Луки въ Новгородской землѣ, Кожанъ городъ на Улѣ, Пинскъ на Пинѣ, Здитовъ на Ясольцѣ, Дрогичинъ на одномъ изъ притоковъ Пины, Городна тамъ же. Въ этомъ направленіи вплоть до западнаго Буга идутъ города: Дивинъ Городецъ на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Мухавца Городецъ и Кобринъ на рѣкѣ Мухавцѣ, Бересте, нынѣ Брестъ-Литовскъ, при впаденіи Мухавца въ западный Бугъ, Мѣльникъ, Дрогичинъ на правомъ берегу западнаго Буга, Брянскъ двойникъ Брянска у Сѣверянъ, Бѣльскъ между Наревомъ и Бугомъ; Новгородъ и Полтовскъ или Пултускъ на рѣкѣ Наревѣ, двѣ крайнія западныя колоніи Полочанъ, уже не въ Полотской землѣ. На сѣверъ, отъ городовъ лежащихъ по притокамъ Припечи и Буга, слѣдуетъ рядъ Полотскихъ городовъ по Неману и его притокамъ: Могильно, Турецъ, Новгородокъ или Новгородъ Литовскій на верхнихъ притокахъ Немана съ лѣвой стороны, Слонимъ на рѣкѣ Шарѣ, Зельва на рѣкѣ Зельвѣ и Волковыйскъ на Роси. Всѣ сіи припеманскіе города, какъ и Городна или Гродно, были построены въ землѣ Ятвяговъ и Литвы.

Четвертый рядъ Полотскихъ пригородовъ составляли города лежащіе на сѣверъ отъ Полотска по западной Двинѣ и ея притокамъ. Таковы были Дисна на сѣверозападъ отъ Полотска, при впаденіи Дисны въ Двину; Друя на сѣверо-западъ отъ Дисны на Двинѣ; Брячеславль, нынѣ Бряславль, на юго-западъ отъ Друи на озерѣ Дрѣсвяты, Видзы на югъ отъ Бря-

числавля, и наконецъ Свѣичаны на югозападъ отъ Видзы. Сѣверные города почти все лежали на границахъ съ Литовскими и Латышскими поселеніями; они были какъ бы передовыми постами, откуда Полочане высылали свои колоніи въ глубь Литовской и Латышской земли, которыя колоніи уже не составляли Полотскихъ пригородовъ.

Все города Полотской земли считались пригородами Полотска и, по общему порядку на Руси, особенно въ Новгородскихъ колоніяхъ, должны были зависѣть во всемъ отъ старшаго города—отъ Полотска, и конечно въ древнѣйшее время зависѣли отъ него; но въ послѣдствіи времени связь Полотскихъ пригородовъ съ самими Полотскомъ на столько ослабла, что нигдѣ въ Русской землѣ пригороды не пользовались такою независимостію отъ старшаго города, какъ въ Полотскихъ владѣніяхъ. Мало этого, все древніе пригороды въ разныхъ краяхъ Полотской земли подчиняли себѣ сосѣдніе позднѣйшіе пригороды. Такое рѣзкое измѣненіе въ отношеніи пригородовъ къ старшему городу представляетъ отличительную характеристическую черту Полотской исторіи, и вслѣдствіе такового отношенія пригородовъ къ старшему городу въ Полотской землѣ образовалось нѣсколько городскихъ группъ, примыкавшихъ къ тому или другому пригороду; такъ напримѣръ были города Минскіе, примыкавшіе къ Минску; были города Туровскіе, зависѣвшіе отъ Турова; были города собственно Полотскіе, тянувшіе къ Полотску, и под.

Таковой разобщенности пригородовъ отъ Полотска и образованію отдѣльныхъ городскихъ группъ съ одной стороны много способствовало то, что дви-

женіе Полотской колонизаціи было не въ одну сторону. Полочане, какъ должно полагать, встрѣчая препятствіе для своей колонизаціи въ одномъ направленіи, оборачивались въ другую сторону. Такъ, встрѣтивъ препятствіе къ переходу черезъ Днѣпръ, они спустились къ Припети и по ея притокамъ съ лѣвой стороны пробрались до западнаго Буга, гдѣ древнѣйшею ихъ колоніею было Берестье, нынѣшній Брестъ Литовскій. Отъ Берестья они повернули на сѣверъ, и между Бугомъ и Неманомъ прошли до Гродна и рассыпались своими поселеніями по Нареву до Полтовеска. *) Подвигаясь отъ Полотска въ прямомъ направленіи къ западу, Полочане перешли только Березину и должны были остановиться у Вилии, гдѣ встрѣтили сплошное населеніе Литвы, которая хотя и вступила въ сношеніе съ Полотскомъ и быть можетъ признала свою зависимость отъ Полочанъ; но

*) Лучшимъ доказательствомъ, что путь древней колонизаціи по лѣвому берегу Припети до Буга и Нарева пройденъ именно Полотскими колонистами, а не кѣмъ другимъ, служитъ то, что по этому пути разсыпано и до сей поры сохранилось множество наименованій урочищамъ, совершенно одинаковымъ съ наименованіями въ Новгородской землѣ, у Сѣверянъ и у самихъ Полочанъ въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ Полотску. Такъ рѣкамъ, текущимъ въ Припеть, Цнѣ и Бобрику, мы находимъ соименницъ не вдалекѣ отъ Полотска на сѣверъ; или рѣка Свислочь, впадающая въ Березину, на востокъ Полотскихъ владѣній находитъ себѣ соименницу въ Свислочи, впадающей въ Неманъ на западѣ Полотской земли; или рѣка Наревъ съ притокомъ Наровой, впадающая въ западный Бугъ, и рѣка Нарова въ Новгородскихъ владѣніяхъ, или городъ Визна на Наревѣ и городъ Визна близъ Слуцка въ краю, прилегающемъ къ Припети, или Голынка на Березинѣ и Голынка на Свислочи, впадающей въ Неманъ, или Брянскъ на Нурцѣ и Брянскъ у Сѣверянъ, ясно говорятъ, что Полотскіе колонисты, подвигаясь впередъ, давали новымъ урочищамъ старыя названія урочищъ своей родины.

тѣмъ не менѣе не была колонизована Полотскими пригородами. Точно также на сѣверъ отъ Полотска по Двинѣ Полочане своими колоніями лѣпились только у Двины и не проникали въ глубь Ливи и Летголы, хотя и брали съ нихъ дань. Таковой порядокъ колонизаціи не по одному направленію ближайшимъ своимъ слѣдствіемъ имѣлъ то, что Полотскіе пригороды, разсыпанные на огромномъ пространствѣ и отдѣленные отъ Полотска землями Летголы, Литвы и Ятвяговъ, естественно должны были стягиваться въ отдѣльныя группы по сосѣдству, и даже не имѣли возможности надолго поддерживать непрерывную и постоянную связь съ своею метрополіею. Общій видъ Полотской земли представлялъ не сплошную округленную массу непосредственныхъ владѣній, а страну, разчлененную чужими еще не колонизованными землями. Полотская земля была какъ-бы огромною подковою или полукругомъ, въ который съ сѣверо-запада врѣзывались большія пространства земель, покрытыхъ непроходимыми лѣсами и заселенныхъ воинственными иноплеменниками.

Съ другой стороны Полочане, своими колоніями спускаясь по Днѣпру и Березинѣ до Припети, должны были встрѣтиться съ Славянскими племенами, уже прежде ихъ занявшими мѣста по Припети и ея притокамъ, — именно на востокъ съ Дреговичами, по словамъ Нестора простиравшимися на сѣверъ почти до Двины, съ Пинянами и Бужанами, сидѣвшими по верхней Припети съ притоками и по Бугу. При встрѣчѣ съ Славянскими племенами, Полочане естественно не могли относиться къ нимъ какъ къ иноплеменникамъ; между ними много было роднаго, оди-

наковаго; при томъ же Славяне здѣшняго края, Пиняне, Бужане, могли имѣть опору въ своихъ одноплеменникахъ по ту сторону Припети, ежели бы Полотскіе колонисты стали прибѣгать къ насилію; по сему здѣшняя колонизація Полочанъ должна была имѣть иной характеръ, чѣмъ колонизація въ краю иноплеменниковъ. Полочане здѣсь волей-неволей должны были оставить неприкосновеннымъ многое изъ прежняго быта здѣшнихъ Славянъ; и слѣдовательно въ здѣшнихъ городахъ, большею частію построенныхъ еще до прибытія сюда Полочанъ, не могло быть строгой подчиненности въ отношеніи къ Полотску (который собственно и не былъ ихъ метрополіею), какая замѣчается въ другихъ краяхъ, колонизованныхъ Новгородцами. Дреговичи и другія племена, жившія по Припети и Бугу, хотя и подчинились вліянію Полочанъ и слились съ ихъ колоніями въ здѣшнемъ краю, и такимъ образомъ вошли въ составъ Полотской земли; тѣмъ не менѣе много удержали своего племеннаго, даже большею частію сохранили свой языкъ, ближе подходящій къ Малороссійскому, чѣмъ къ Бѣлорусскому или Полотскому, и имъ не даромъ присвоено наименованіе Черной Руси въ отличіе отъ главнаго племени Бѣлой Руси или Полочанъ— колонизаторовъ. Все это естественно должно было внести нѣкоторое внутреннее раздвоеніе въ Полотскую землю, по которому югъ Полотской земли или побережье Припети и Буга значительно разнились отъ сѣвера или прибрежій Двины и Березины, или Бѣлая Русь и Черная Русь, хотя они и не составляли двухъ отдѣльныхъ земель и не имѣли никакого поземельнаго разграниченія, ибо и на сѣверѣ и на югѣ были разсыпаны

колоніи одного и того же Полотскаго племени. Это же племенное раздвоение было одною изъ главныхъ причинъ, что въ послѣдствіи при Рюриковичахъ на лѣвый берегъ Припечи имѣли большое вліяніе Кіевскіе и Волынскіе князья.

Третій разрядъ Полотскихъ владѣній составляли Полотскія колоніи въ чужой землѣ, которую Полочане Колоніи
Полотска. еще не успѣли привести къ окончательному обрусѣнію, гдѣ инородческой элементъ еще сохранилъ свой типъ и значительно противился Полотскому вліянію. Къ таковымъ владѣніямъ принадлежали Полотскія колоніи въ земляхъ Летголы, Ливи, Литвы и Ятвяговъ, гдѣ большинство рѣшительно состояло изъ инородцевъ старожилловъ, гдѣ Полотскія колоніи являлись какъ бы островами въ морѣ, и инородцы управлялись сами собою, своими племенными князьями или старѣйшинами и только находились въ союзническомъ или данническомъ отношеніи къ Полочанамъ, и не препятствовали имъ въ своей землѣ заводить Полотскія колоніи, и даже устраивать свои княжества и облагать туземцевъ иноплеменниковъ данью, какъ это на примѣръ было въ низовьяхъ западной Двины въ земляхъ Летголы и Ливи. Полотскія колоніи въ чужой землѣ раздѣлялись на три вида какъ по своей мѣстности, такъ и по отношенію къ нимъ туземцевъ иноплеменниковъ.

Къ первому виду принадлежали Полотскія колоніи внизъ по теченію западной Двины до самаго ея устья, гдѣ находились Полотскія княжества Кукейносъ и Герсикъ, или правильнѣе Берсика (можетъ быть Бережки или Берестье, перепутанныя Латышомъ лѣтописцемъ). Объ отношеніяхъ этого края къ По- Въ Ливо-
ніи.

лотску и вообще о состояніи его, по русскимъ источникамъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, кромѣ общаго указанія Несторовой лѣтописи, что тамошнія племена даютъ дань Руси. По Ливонскимъ же лѣтописямъ видно, что при устьяхъ Двины были два удѣльные княжества, гдѣ сидѣли князья изъ дома Полотскихъ князей, и что княжества сіи состояли въ зависимости отъ старшаго или великаго князя Полотскаго. Впрочемъ изъ тѣхъ же Ливонскихъ лѣтописей видно, что устья и низовья Двины не составляли собственно Полотской земли, и при князьяхъ изъ Полотска тамошніе жители-туземцы имѣли своихъ племенныхъ старѣйшинъ и только платили дань Полотскимъ князьямъ и признавали надъ собою ихъ владычество, какъ могущественныхъ и грозныхъ государей. Слѣдовательно Полотскіе города въ здѣшнемъ краю были не больше, какъ колоніи въ чужой землѣ, и ихъ построеніе главнымъ образомъ вызывалось необходимостію для поддерживанія власти Полотска надъ тамошними туземцами и для обезпеченія торговаго пути по Двинѣ, которымъ Полочане дорожили даже и тогда, когда этотъ край былъ уже занятъ Нѣмцами, какъ свидѣлствуютъ всѣ договорныя грамоты Полотска съ Ригею и Ливонскимъ орденомъ.

Чтобы яснѣе видѣть положеніе Полотскихъ колоній въ здѣшнемъ краю, достаточно прослѣдить исторію первыхъ Нѣмецкихъ поселеній въ Ливоніи; эта исторія ясно говоритъ объ отношеніяхъ Полотска къ здѣшнему краю. По свидѣтельству древней Ливонской хроники (Генриха Латыша), первый проповѣдникъ латинства, пріѣхавшій сюда съ Нѣмецкими купцами, Мейнардъ, просилъ дозволенія у Полотскаго

князя для свободнаго проповѣданія. Хроника прямо говоритъ: «священникъ Мейнардъ, получивши дозволеніе отъ Полотскаго князя Владимира, у котораго Ливонцы (Ливь), были въ подданствѣ, и принявши отъ него дары, смѣло приступилъ къ Божіему дѣлу и построилъ церковь въ Икесколѣ». Значить, Ливонія на столько была въ зависимости отъ Полотскаго князя, что безъ его дозволенія Латинцы не могли проповѣдывать своего вѣроученія тамошнимъ туземцамъ-язычникамъ. Но изъ дальнѣйшаго разсказа той же хроники видно, что Полочане мало обращали вниманія на это владѣніе и пользовались только данью съ тамошнихъ жителей, и даже не управляли ими; такъ что въ слѣдующую зиму Мейнардъ съ Икескольцами пришлось защищать тамошній край отъ нападенія Литовцевъ и построить въ Икесколѣ замокъ, названный Уксулемъ и другіи замокъ Гольмъ. Преемникъ Мейнарда Бертольдъ началъ прямую войну съ Ливонцами, отказавшимися отъ латинства, и привелъ Германскія и Готландскія войска. Все это совершалось въ продолженіи 12 лѣтъ; и ни князь Полотскій, и ни Полочане, получая исправно дань отъ Ливонцевъ, не обращали на это никакого вниманія и не думали вступиться за своихъ исправныхъ данниковъ. Преемникъ Бертольда епископъ Албертъ построилъ уже Ригу, учредилъ ливонскій орденъ меченосцевъ, воевалъ и заключалъ союзы съ Жемойтью, Литвою и Куронами (Курляндцами); а Полотскій князь и Полочане смотрѣли на все это какъ бы сквозь пальцы, какъ будто бы Нѣмцы распорядились не въ Полотскихъ владѣніяхъ, и рѣзали и крестили не ихъ данниковъ Ливонцовъ.

Наконецъ, на осьмомъ году своего епископства, Албертъ нашелъ нужнымъ войти въ прямыя сношенія съ Полотскимъ княземъ Владиміромъ, подобно Мейнардѣ, и отправилъ свое посольство въ Полотскъ; между тѣмъ Ливонцы, сильно угнетаемые Нѣмцами, пришли съ жалобою къ Полотскому князю и просили его защиты. Владиміръ, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ сторону своихъ данниковъ Ливонцевъ, и, отпустивши къ Алберту его пословъ, сталъ готовиться къ походу, но прежде отправилъ своего посла въ Кукейнось для разбора споровъ между Нѣмцами и Ливонцами. Княжескій посолъ потребовалъ Алберта въ Кукейнось на опредѣленный срокъ для разбора дѣла. Албертъ не принялъ приглашенія, и, увѣдомленный тайно о приготовляемомъ походѣ Полотскаго князя, сталъ наскоро готовиться къ войнѣ и пригласилъ къ себѣ Летголу или Латышей, бывшихъ тогда во враждѣ съ Ливонцами; Ливонцы съ своей стороны пригласили Литовцевъ и захватили недостаточно защищенный замокъ Гольмъ; но прежде нежели успѣли подойти къ нимъ Полочане съ своимъ княземъ, Нѣмцы съ своими союзниками разбили Ливонцевъ и обратно взяли замокъ Гольмъ, Ливонцы снова обратились за помощію къ Полотскому князю. Наконецъ Владиміръ съ войскомъ явился на Двинѣ и осадилъ Голмъ; но, простоявши подъ городомъ одиннадцать дней и не успѣвши его взять или сжечь, удалился съ своею ратью домой. Этотъ неудачный походъ Полотскаго князя своимъ прямымъ послѣдствіемъ имѣлъ то, что Ливонцы, потерявъ надежду на защиту отъ Полотскихъ князей, принуждены были принять латинство и подчиниться Нѣмцамъ; такъ что Ал-

бертъ въ слѣдующую же поѣздку въ Германію уже передалъ Ливонію подъ покровительство германскаго императора, и на слѣдующій годъ вся Ливонія до границъ Эстоніи или Чуди была обращена въ латинство. А въ слѣдъ за тѣмъ Кукейносскій Русскій Князь Вячеславъ, чтобы удержать за собою свое небольшое княжество, принужденъ былъ отдаться въ покровительство епископа Алберта со всѣмъ своимъ княжествомъ, которое и передано ему снова отъ имени Рижской Богоматери уже на вассальныхъ правахъ, и въ слѣдъ за тѣмъ явился въ Кукейносѣ небольшой Нѣмецкій гарнизонъ какъ бы для защиты города отъ Литовцевъ. Но Вячеславъ скоро увидалъ, для чего присланы къ нему Нѣмцы, и, не откладывая въ даль, перебилъ ихъ, а самъ обратился за помощію къ Полотскому Князю Владиміру; но прежде нежели пришла Полотская помощь, Нѣмцы успѣли прогнать Вячеслава и заняли Кукейносъ.

По взятіи Кукейноса Нѣмцами, за Полотскими князьями въ здѣшнемъ краю осталась Берсика, гдѣ княжилъ Всеволодъ, послѣдній боецъ за Русское дѣло въ Ливоніи, который въ союзъ съ Литовцами велъ постоянную борьбу съ нѣмецкими насильниками, и пользуясь полнымъ довѣріемъ Литовцевъ, какъ женатый на дочери одного Литовскаго князя, сильно вредилъ Нѣмцамъ. Изъ Берсики предпринимался всѣ набѣги Литовцевъ, въ Берсикѣ Литовцы всегда находили готовую переправу черезъ Двину и въ Берсикѣ для Литвы всегда было убѣжище и защита въ случаѣ неудачнаго набѣга. Наконецъ въ одиннадцатомъ году Албертова епископства дошла очередь и до Берсики. Албертъ, чтобы заразъ покончить съ

Всеволодомъ, собралъ большое войско изъ Нѣмцевъ и крещеныхъ Ливонцевъ и Латышей и взялъ съ бою Берсику, а Всеволода заставилъ бѣжать за Двину. Такимъ образомъ со взятіемъ Берсики исчезло послѣднее Полотское владѣніе въ Ливонской землѣ. Албертъ хотя и отдалъ Берсику опять Всеволоду, но уже на ленномъ правѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ вассаломъ Рижской Богоматери.

Впрочемъ Нѣмцы Рижане еще чувствовали себя не совсѣмъ крѣпкими въ Ливоніи, Литва и Полочане еще сильно ихъ беспокоили; связь Ливоніи съ Полоцкомъ еще не прекращалась; Полотскіе князья еще не отказывались отъ своихъ правъ на Ливонію и получали оттуда дань. А посему въ 1210 году, передъ начатіемъ упорной борьбы съ Эстонією или Чудью, Албертъ нашелъ нужнымъ заключить миръ съ Полотскимъ княземъ. Условія мира состояли въ томъ, чтобы Полотскій князь не препятствовалъ свободной торговлѣ Нѣмцевъ съ Полоцкомъ; а Нѣмцы съ своей стороны обязались платить дань за Ливонцевъ; даже епископъ самъ обѣщался доставлять ему дань въ Полотскъ. Но Ливонцамъ было не подъ силу платить двѣ дани, Нѣмцамъ и Полотскому князю; и потому они просили Полотскаго князя, чтобы онъ освободилъ ихъ отъ Нѣмцевъ, а епископа Алберта, чтобы онъ не требовалъ съ нихъ дани въ пользу Полотскаго князя. Полотскій князь для разрѣшенія этого дѣла назначилъ Алберту срокъ для сѣзда и потребовалъ отъ него, чтобы Нѣмцы не принуждали Ливонцевъ къ крещенію, а оставили бы это на ихъ добрую волю. Албертъ на это требованіе отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, и переговоры кончились тѣмъ, что Полот-

скій князь отказался отъ дани съ Ливонцевъ и потомъ заключилъ съ Нѣмцами миръ, предоставляя имъ и Полочанамъ свободную торговлю. Но тѣмъ дѣло о Ливоніи еще не кончилось. Русскій Князь Всеволодъ еще владѣлъ Берсикою хотя и на правахъ вассала Рижской Богоматери; и Нѣмцы, чтобы окончательно раздѣлаться съ нимъ въ 1214 году ворвались ночью въ Берсику, ограбили бывшихъ тамъ Русскихъ и князя, и завладѣли городомъ; такъ кончилось послѣднее владѣніе Полотскихъ князей въ Ливоніи. Тѣмъ не менѣе Полочане еще недумали совершенно отказаться отъ Ливоніи, и въ 1215 году Полотскій князь Владимиръ, побуждаемый Эстонцами, Латышами и частію Ливонцами, сдѣлалъ послѣднюю попытку противъ Нѣмцевъ, и, собравъ большую рать, отправился прямо къ Ригѣ, но отравленный Нѣмцами, при самомъ началѣ похода умеръ и его рать разбрелась по домамъ.

Этотъ разговоръ Ливонской хроники о водвореніи Нѣмцевъ въ Ливоніи ясно говоритъ, что Ливонія до прибытія Нѣмцевъ принадлежала Полотску, и что по низовьямъ Двины тамъ было два Полотскихъ княжества, Кукейносъ и Берсика; что старшій великій князь Полотскій получалъ съ Ливоніи ежегодную дань, и что Ливонцы признавали его своимъ верховнымъ государемъ и защитникомъ. Но изъ того же разказа видно, что Ливонія еще не причислялась къ Полотской землѣ, и была только провинціею, волостью Полочанъ, и при томъ волостью предоставленною въ непосредственное распоряженіе князей, и что Полотскихъ колоній тамъ было очень немного, вѣроятно только по Двинѣ, какъ важному торговому пути, и

Ливонцы, кромѣ ближайшихъ къ Кужеиносу и Берсикѣ, оставались при своихъ правахъ и обычаяхъ. Полочане, по заведенному Новгородцами и ихъ колонистами порядку, не думали принуждать Ливонцевъ силою къ перемѣнѣ ихъ образа жизни и общественнаго устройства, предоставляя это доброй волѣ самихъ Ливонцевъ. Тѣмъ не менѣе власть Полочанъ въ Ливоніи была довольно сильна и не отрицалась самими Ливонцами, чему лучшимъ доказательствомъ служить то, что Нѣмцы, не смотря на тогдашнюю слабость Полотскихъ князей, запутанныхъ въ междоусобіяхъ и спорахъ съ своимъ вольнолюбивымъ народомъ, и посему мало думавшихъ о своихъ интересахъ въ Ливоніи, только послѣ тридцатилѣтней упорной борьбы, поддерживаемой многочисленными отрядами бойцевъ, ежегодно вызываемыхъ изъ Германіи, успѣли утвердиться въ этой сторонѣ и сами нѣсколько разъ должны были признавать себя въ нѣкоторой зависимости отъ Полотскихъ князей. Да и по смерти Владимира Полотскаго, долго еще считали свои владѣнія въ здѣшнемъ краю не безопасными отъ Полочанъ и Литовцевъ; долго еще Ливонцы и Латыши или Летгола враждебно смотрѣли на Нѣмцевъ и склонялись къ Полочанамъ; русскимъ духомъ долго еще пахло въ этой сторонѣ, задавленной Нѣмецкими насильниками.

Въ Литовской землѣ.

Второй видъ Полотскихъ колоній составляли колоніи въ Литовской землѣ. Колоніи сіи имѣли со всѣмъ иной характеръ противъ колоній въ Ливоніи и у Латышей; Полочане какъ-то скоро успѣли сойтись съ Литвинами, такъ что интересы Литвы и Полотска сдѣлались общими интересами для того

и другаго народа, хотя Полочане и Литовцы оставались при своихъ обычаяхъ, при своемъ строѣ общественной жизни и исповѣдывали не одну вѣру. А посему незамѣтно вся Литовская земля на югъ отъ Вилии, по признанію самихъ Литовцевъ, сдѣлалась Русскою или Полотскою землею и засѣлилась Полотскими городами, гдѣ почти нераздѣльно жили и Литовцы, и Полочане; собственно же Полотскими колоніями въ Литовской землѣ уже назывались колоніи на сѣверъ отъ Вилии. Здѣсь колоніи Полочанъ, эти обычные передовые посты Новгородской цивилизаціи, къ сѣверу простирались до Ливонскихъ и Куронскихъ (Курляндіи) земель, а на западъ по Нѣману вплоть до впаденія этой рѣки въ море. На эти Полотскія колоніи, кромѣ другихъ признаковъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, указываютъ Славянскія, даже чисто Русскія названія рѣкъ, впадающихъ въ Неманъ съ правой стороны. Рѣки сіи являются какъ бы ступенями поступательнаго движенія Полотскихъ колоній къ западу въ глубь Литовской и Жомойтской земли. Первая изъ сихъ рѣкъ, самая восточная по своимъ верховьямъ въ здѣшнемъ краѣ, получила названіе *Вилии* или, какъ пишется въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ древнихъ памятникахъ, *Велии*, т. е. Великой, и не напоминаетъ ли сіе названіе рѣки Великой въ Псковской землѣ, или рѣки Вильи въ Новгородской губерніи (Пол. соб. зак. указатель № 5225), и съ тѣмъ вмѣстѣ не показываетъ ли прямо, что колонія шла отъ Новгородскихъ колонистовъ Полочанъ. За Вилиею къ западу слѣдуетъ рѣка Святая, также названіе не рѣдко встрѣчающееся у Новгородскихъ колонистовъ, и повторяющееся въ нѣсколь-

кихъ озерахъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Полотской земли. Далѣе къ западу слѣдуютъ рѣки съ чисто Русскими названіями,—Невѣжа, Дубисса, Юра и наконецъ Русь, одинъ изъ восточныхъ рукавовъ Немана, куда вѣроятно Полочане съ своими колоніями пришли уже тогда, когда сами стали называться Русью, Русскимъ народомъ. Кромѣ рукава Немана въ Литовской землѣ встрѣчаются нѣсколько рѣчекъ съ названіями Роси, Россы и Русы. Названія сіи, встрѣчающіяся и въ другихъ краяхъ Новгородскихъ колоній, были самыя древнія и могли быть даны только Полочанами, старѣйшими Славянскими или Русскими знакомцами съ здѣшнимъ краемъ и только при ихъ поселеніяхъ въ тамошней мѣстности. Кромѣ рѣкъ мы встрѣчаемъ въ этомъ краю древнѣйшіе города и другія урочища съ Славянскими или Русскими названіями, таковы: Юрборкъ на рѣкѣ Юрѣ, Вилкомиръ на рѣкѣ Святой, Вильна на рѣкѣ Вилии, Поневѣжъ на рѣкѣ Невѣжѣ, Россіены, въ Шавельскомъ уѣздѣ, мѣстности Тверь, Лукники, Поезеры, Подубисъ, Зубовка, Грузди. Россіены по свидѣтельству лѣтописей, былъ одинъ изъ древнейшихъ городовъ на Жемойти и до сего времени сохранившій слѣды древнихъ земляныхъ укрѣпленій, что прямо указываетъ на колонію Полочанъ, когда они уже стали называться Русью (*). Теперешнее мѣстечко Ворно въ Тельшевскомъ уѣздѣ, называвшееся въ древности Мѣдники, также указываетъ на Русскую древнюю коло-

*) Надобно замѣтить, что въ лѣтописяхъ Литовскихъ и Нѣмецкихъ Полочане преимущественно встрѣчаются подъ именемъ Русскихъ, и это названіе вѣроятно они употребляли сами въ отличіе отъ Литовцевъ, Поляковъ и Нѣмцевъ.

нію въ этомъ краю. Мѣстечко Ростовскъ и рѣчка Истра въ Поневѣжскомъ уѣздѣ, тамъ же рѣчка Нарчучка, Дунай, Карачунка, Стервица и Дисна, и озеро Дисна и Цно въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ, указываютъ на свое Русское, именно Полотское происхожденіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о древнихъ Полочанскихъ поселеніяхъ въ здѣшнемъ краѣ. О судьбѣ здѣшнихъ колоній мы не имѣемъ надлежащихъ извѣстій; но судя по характеру отношеній Литвы и Полочанъ другъ къ другу, болѣе братскихъ и мирныхъ, мы почти безошибочно можемъ заключить, что какъ Литовская земля на югъ отъ Виліи, болѣе густо населенная Полотскими колоніями, обратилась въ Русскую или Полотскую землю, такъ на оборотъ рѣдкія колоніи Полочанъ на сѣверъ отъ Виліи сзались съ тамошними Литовскими племенами, собственно съ Литвою, Девайтвой, Жомойтью и другими, и тамошніе города и мѣстечки, гдѣ Полочане жили смѣшанно съ Литвою, сдѣлались Литовскими. Но тѣмъ не менѣе колоніи сіи сдѣлали свое дѣло, — онѣ успѣли болѣе или менѣе связать судьбы всей Литвы съ Полотскомъ, частію сообщали свое устройство Литовскимъ племенамъ и даже многіе свои обычаи, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, когда дойдетъ очередь до народонаселенія въ Полотской землѣ и колоніяхъ.

Третій видъ составляли Полотскія колоніи въ Ятвяжской землѣ. Отношенія Полочанъ къ Ятвягамъ были собственно воинственныя, враждебныя. Ятвяги крѣпко стояли за неприкосновенность своей земли, и землю эту можно было колонизовать только съ бою; а посему Полотскія колоніи въ Ятвяжской

Въ землѣ
Ятвяж-
ской.

землѣ носили собственно характеръ пограничныхъ крѣпостей и подвигались внутрь страны понемногу, по мѣрѣ оттѣсненія Ятвяговъ въ глубь непроходимыхъ болотъ и пущей. Путь Полочанъ къ Ятвяжской землѣ лежалъ по лѣвому берегу Припети на Случь, Цну, Пину и Ясольду. На этомъ пути Полочане шли не одни, они здѣсь нашли Дреговичей, которые, какъ мы уже видѣли, прежде Полочанъ заняли берега Припети. Есть въ тамошнемъ краю темное, но ни сколько не противорѣчащее исторіи преданіе, что Дреговичи еще до прибытія въ этомъ краю Полочанъ вели продолжительную войну съ Ятвягами; слѣдовательно прибытіе Полочанъ здѣсь какъ нельзя болѣе было кстати. Дреговичи конечно были рады Полочанамъ, грознымъ и воинственнымъ, при помощи которыхъ борьба съ Ятвягами сдѣлалась успѣшнѣе. Гдѣ въ первый разъ Полочане встрѣтились съ Ятвягами, на Ясольцѣ, на Цнѣ или на Случи, мы объ этомъ не имѣемъ извѣстій; но уже въ первомъ столѣтіи Русской исторіи мы встрѣчаемъ важный Русскій городъ, очевидно Полотскій, на самой юго-западной границѣ Ятвяжской земли,—Берестье, нынѣ Брестъ-Литовскій, къ которому вѣроятно ходилъ Владимиръ святой во время своей войны съ Ятвягами, и куда бѣжалъ Святополкъ, окончательно пораженный на Альтѣ. Кромѣ Берестья и впереди этого города на востокъ мы находимъ, какъ уже было сказано выше, въ этомъ краю передъ Ясольдою Кожанъ городокъ на Цнѣ, Погостъ на Бобрикѣ, Островъ на Мышанкѣ, Слонимъ на Шарѣ, Пинскъ на Пинѣ за Ясольдою и за нею же Дрогичинъ, Хомскъ, Дивинъ Городокъ, Кобринъ при верховьяхъ Мухавца и вто-

рый Дрогичинъ на Бугѣ. Всѣ сіи города болѣе или менѣе составляли Полотскую землю уже до Владимира святаго; ибо Полочанамъ нельзя же было построить Берестья, не занявши мѣста, лежавшія на пути, и не утвердившись тамъ, хотя конечно Ятвяги еще не отступали отъ сихъ владѣній и продолжали дѣлать набѣги.

Затѣмъ слѣдовали Полотскія колоніи собственно въ Ятвяжской землѣ, уже на памяти исторіи бывшія въ постоянномъ спорѣ у Русскихъ съ Ятвягами; онѣ лежали на сѣверъ и на западъ за Слонимомъ, въ глубинѣ Ятвяжской земли. Таковы были: Зельва на рѣкѣ Зельвѣ, Волковыскъ на притокѣ Россы, Свислочь при верховьяхъ рѣки Свислочи, впадающей въ Неманъ, Наревъ при верховьяхъ рѣки Нарева и другіе города по Нареву, а также Вѣльскъ на Бѣлой, и наконецъ въ болѣе позднее время Городна или Гродно на Неманѣ. Такимъ образомъ вся Ятвяжская земля съ юга и запада была опоясана Русскими или Полотскими колоніями, которыя шагъ за шагомъ углублялись въ нее, оттѣсня Ятвяговъ въ глубину непроходимыхъ лѣсовъ и пущь; и по мѣрѣ оттѣсненія Ятвяговъ колоніи сіи изъ передовыхъ боевыхъ постовъ, или крѣпостей, обращались въ города, и земля ими занятая дѣлалась Полотскою землею. А что колоніи сіи принадлежали именно Полочанамъ или ихъ колонистамъ и шли съ востока на западъ или отъ Днѣпра и Березины къ Западному Бугу, а не съ Буга къ Днѣпру, на это лучшимъ доказательствомъ служатъ, какъ мы уже упоминали, доселѣ сохранившіяся названія рѣкъ, озеръ, городовъ и другихъ урочищъ, которыя напоминаютъ или приднѣпровскія

названія, принадлежація Сѣверянамъ, соплеменникамъ Полочанъ, или Новгородскія, или прямо Полотскія. Не повторяя названій приведенныхъ выше, я здѣсь укажу только на нѣкоторыя новыя названія, подтверждающія ту же мысль о движеніи отъ Дняпра къ Западному Бугу. Такъ мѣстечко Островъ на Мишанкѣ указываетъ на Островъ въ Псковскихъ владѣніяхъ и на многія мѣстности съ такимъ-же названіемъ въ ближайшемъ разстояніи отъ Полотска по Дняпру и Березинѣ; или второй притокъ Немана на западъ за Шарою Росса или Росъ съ мѣстечкомъ Россою прямо говоритъ о своемъ происхожденіи изъ Приднѣпровья или Новгородской земли; или Сновъ у Несвижа и Сновъ въ Черниговскихъ владѣніяхъ, или Новгородъ на Наревѣ указываетъ на Новгородъ Литовскій, также на Новгородъ великій родину Полочанъ.

Полотскія колоніи въ Ятвяжской землѣ, особенно западныя, какъ отдѣленныя отъ Полотской земли Ятвягами, находившимися въ постоянной борьбѣ со всеми сосѣдями, были не больше какъ военные посты и никогда не имѣли тѣсной связи съ Полотскомъ, а напротивъ нерѣдко находились подъ вліяніемъ Волынскихъ князей, особенно во время Романа Мстиславича и его сыновей Даниила и Василька, которые успѣли было подчинить себѣ весь этотъ край. Только уже по истребленіи Ятвяговъ и по пресѣченіи Изяславова потомства въ Полотскѣ, когда Полотскою землею стали владѣть Литовскіе Князья изъ дома Гедимина, прибугскія и приеманскія колоніи Полочанъ слились съ Полотскою землею и вошли въ составъ великаго княжества Литовскаго. Полочанами

этотъ край только былъ намѣченъ для присоединенія къ Полотской земли; Полочане, постепенно отгѣсняя Ятвяговъ, можетъ быть отъ Случи или Цны, только открывали тамошнія земли для Русскаго міра, развѣдывали эту невѣдомую страну непроходимыхъ болотъ и пущей, постоянно пролагая себѣ путь далѣе на западъ. Тамошніе города, устраиваемые Полотскими колонистами, были не болѣе какъ передовые посты для защиты отъ Ятвяговъ, и даже менѣе чѣмъ передовые посты, а скорѣе вѣхи для указанія пройденнаго пути; города сіи еще не показывали прочности владѣнія краемъ они то были захватываемы Ятвягами и разоряемы, то опять возвращаемы и возобновляемы Полотскими колонистами. Таковые же города здѣсь строили и Волынскіе Князья, состоя почти въ постоянной войнѣ съ Ятвягами и считая этотъ край Ятвяжскою землею. Такимъ образомъ Полотскія колоніи въ Ятвяжской землѣ имѣли свой особенный характеръ: они не походили ни на Новгородскія колоніи въ Заволочѣѣ, гдѣ Новгородцы были полными господами; ни на колоніи Псковичей въ Чудской землѣ, гдѣ Псковичи старались сблизиться съ Чудью; ни на колоніи самихъ Полочанъ по низовьямъ западной Двины, гдѣ Полочане собирали дань съ тамошнихъ старожилловъ, ни тѣмъ менѣе на колоніи въ Литвѣ и на Жомойти, гдѣ Полотскіе колонисты принимались какъ свои, какъ братья. Здѣшнія же колоніи не имѣли за собой ни того ни другаго ни третьяго ни четвертаго, или все это имѣли только въ будущемъ, когда окончательно будутъ побѣждены или истреблены неукротимые Ятвяги. На долю здѣшнихъ колонистовъ досталось пробиваться впередъ на западъ, защищать

и заселять отбитую землю, что они и продолжали дѣлать во все время владычества Полотска, и кончили уже при помощи Литовцевъ, во время владычества Вильны и Литовскихъ Князей.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

л ю д и.

Страна, составлявшая Полотскія владѣнія, до прибытія туда Полочанъ, была уже заселена различными племенами инородцевъ и частью Славянскимъ племенемъ,—Дреговичами. Здѣсь, на самомъ западѣ жило воинственное племя Ятвяговъ, преимущественно по лѣвому берегу Немана, и въ доисторической древности далеко простиралось по лѣвому берегу Припети; такъ что почти весь уголь, образуемый Припетью и Неманомъ, первоначально принадлежалъ Ятвягамъ. За Ятвягами къ востоку по правому берегу Немана, а въ верховьяхъ этой рѣки и по лѣвому берегу до верховьевъ Березины и до западной Двины, а на западъ до устьевъ Немана и частью по прибрежью Балтійскаго моря жили разные племена Литвы, находившіяся въ родствѣ съ Пруссами за Неманомъ. По правому берегу Двины жили Летгола или Латыши, и противъ Латышей на западъ по лѣвому берегу Двины въ ея низовьяхъ и по морскому берегу были селенія Ливи или Ливонцевъ, и на западъ отъ Ливи жили племена Корси или Куроновъ. Въ приднѣпровьѣ, на самомъ востокѣ Полотской земли, по свидѣтельству Нестора между Припетью и Двиною жило пришедшее съ Дуная Славянское племя Дреговичей. А

Полочане, Новгородскіе колонисты, по сказанію Нестора, первоначально поселились въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Полоты въ Двину, и оттуда сперва направились къ юговостоку къ Днѣпру, гдѣ въ послѣдствіи раздѣлились на собственно Полочанъ и Кривичей. Кривичи, перебравшись на лѣвый берегъ Днѣпра, образовали отдѣльную область Смоленскую; отъ Полочанъ же отдѣлились Сѣверяне, перешедшіе на лѣвый берегъ Днѣпра южнѣе Кривичей, и образовали область Сѣверскую по Деснѣ, Сулѣ и Семи; собственно же Полочане остались на правомъ берегу Днѣпра и распространились на югъ по Припечи и на западъ почти до Бѣлой воды, до Вислы, и до устьевъ Немана. Объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство у Нестора, который говоритъ: «Почаша Словени держати свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане; отъ нихъ-же Кривичи, иже сидятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ-же градъ есть Смоленскъ, тоже Сѣверъ (Сѣверяне) отъ нихъ»

Происхожденіе Ятвяговъ намъ неизвѣстно ни по Ятвяги. какимъ источникамъ; мы только можемъ сказать, что Ятвяги по происхожденію своему не принадлежали ни къ Славянамъ, ни къ Пруссамъ, ни къ Литовцамъ, а составляли особое самостоятельное племя, можетъ быть остатокъ какихъ нибудь древнѣйшихъ старожилонъ здѣшняго края. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ извѣстно только то, что Ятвяги были самымъ воинственнымъ народомъ и постоянно находились во враждебныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ, выключая одного племени Пруссовъ, называвшагося Бортями, съ которыми иногда

еще Ятвяги вступали въ союзъ. О Ятвягахъ даже не упоминаетъ Несторъ при перечисленіи инородческихъ племенъ, имѣвшихъ какія либо отношенія къ Руси; первое извѣстіе о Ятвягахъ встрѣчается у Нестора не раньше 983 года; подъ этимъ годомъ сказано: «иде Володимеръ на Ятвяги и взя землю ихъ». Но очевидно Русскіе не въ первый разъ узнали Ятвяговъ при Владимирѣ; ибо въ договорной грамотѣ Игоря съ Греками, писанной въ 945 году, въ числѣ Русскихъ пословъ упоминается Ятвягъ Гунаревъ; слѣдовательно знакомство Русскихъ съ Ятвягами было уже при первыхъ князьяхъ. Но какъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о походахъ въ Ятвяжскую землю ни при Олегѣ, ни при Игорѣ, ни при Святославѣ, то слѣдовательно можно принять, что первое знакомство съ Ятвягами началась еще до прибытія Русскихъ князей, и именно первыми знакомцами были Дреговичи и Полочане. Гдѣ въ первый разъ Полочане встрѣтились съ Ятвягами, мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій; но какъ Полочане, спускаясь изъ Полотска на югъ, прежде всего проникли въ землю Дреговичей до Припети, то по всему вѣроятію здѣсь была и первая встрѣча Полочанъ съ Ятвягами, они здѣсь явились защитниками Дреговичей отъ враждебныхъ сосѣдей. Объ этой встрѣчѣ летописи не упоминаютъ; но есть мѣстное народное преданіе, что Пинскъ, Кожанъ городокъ и даже Туровъ построены въ защиту страны отъ Ятвяговъ, что въ этомъ краю были частыя битвы съ Ятвягами, и что ихъ земля въ древности простиралась до Березины. Послѣ Владимира ходилъ на Ятвяговъ его сынъ Ярославъ, великій князь Кіевскій, въ 1038 году, вѣроятно въ союзѣ съ Брячиславомъ,

княземъ Полотскимъ, для поддержанія Полотскихъ колоній въ этомъ краю. Никоновская лѣтопись о послѣдствіяхъ этого похода говоритъ: «и Ярославъ не могъ взять Ятвяговъ; значить настоящій походъ ограничился только отогнаніемъ Ятвяговъ отъ Берестья и другихъ тамошнихъ колоній.

Послѣ Ярославова похода въ 1038 году лѣтописи уже не упоминаютъ о походахъ Русскихъ князей въ Ятвяжскую землю до XII столѣтія, когда начались походы Волынскихъ князей отъ Берестья къ Зельвѣ и Ясольдѣ. Въ XII столѣтіи, именно въ 1113 году, были два похода Волынскаго князя Ярослава Святополчица на Ятвяговъ; подъ 1113 годомъ сказано въ лѣтописи: «ходи Ярославъ на Ятвяги второе и побѣди ихъ» Куда собственно ходилъ Ярославъ, къ Берестью или къ Зельвѣ и Ясольдѣ, изъ лѣтописей не видно; и за тѣмъ до 1196 года мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о Ятвягахъ. Но подъ 1196 годомъ Волынская лѣтопись говоритъ: «той же зимы ходи Романъ Мстиславичъ на Ятвяги, отмицеватися; ибо воевали его волость»; и когда Романъ вошелъ въ ихъ землю, то они не могли противустать его силѣ, бѣжали въ свои тверди; а Романъ пожегъ волость ихъ, и отмигсився возвратился во свояси»

По смерти Романа, пользуясь беспорядками въ Галичѣ и на Волыни, въ 1205 году Ятвяги въ союзѣ съ Литвою сдѣлали набѣгъ на Волынскую землю; въ лѣтописи сказано: «сѣдящу Александру въ Володимери, а брату его Всеволоду въ Червенѣ, Ятвяги и Литва повоевали Турійскъ и около Комова и до Червеня, и бились у воротъ Червенскихъ. Бѣда была землѣ Володимирской отъ воеванья Литовскаго и

Ятвяжскаго» Въ 1227 году Ятвяги воевали около Берестья; ихъ здѣсь нагнали князья Даниилъ и Василько изъ Владимира; причемъ два Ятвяжскихъ предводителя Штуръ Мундуничъ и Стегутъ Зебровичъ наткнулись на Владимирскій полкъ; и Штуръ былъ убитъ Даниломъ и Вячеславомъ, а Стегутъ Шелвомъ. Даниилъ, преслѣдуя бѣжащихъ Ятвяговъ, нагналъ Небра и язвилъ его четырьмя ранами, а тотъ вышибъ у него копье дубиною. Василько, услышавши о боѣ брата, явился къ нему на помощь, и Небра отъ нихъ ушелъ, а прочіе разбѣжались. Въ 1229 году Даниилъ и Василько отправляясь въ Ляхи на помощь Конраду, оставили въ Берестѣѣ Владимира Пинскаго съ Угровчанами и Берестьянами стеречь землю отъ Ятвяговъ. Въ 1235 году Даниилъ съ своими союзниками пошелъ на Ятвяговъ и пришелъ къ Берестью весной, но за половодьемъ не могъ идти въ ихъ землю. И вмѣсто Ятвяжской земли Даниилъ ударилъ на Берестье, которое тогда было въ рукахъ у рыцарей храма, взялъ городъ, захватилъ ихъ старѣйшину Бруно и возвратился во Владимиръ. Въ 1248 году Ятвяги воевали около Охожь и Бусовны и поплѣнили всю тамошнюю страну, ибо тогда еще не былъ построенъ Даниломъ городъ Холмъ. За ними погнался Василько и нагналъ ихъ у Дрогичина, который они хотѣли взять приступомъ и уже бились у Дрогичинскихъ воротъ. Появленіе Василька заставило ихъ вступить съ нимъ въ бой. Бой этотъ былъ самымъ несчастнымъ для Ятвяговъ, они не могли выдержать натиска Васильковой дружины и потерпѣли полное пораженіе, Василько ихъ гналъ нѣсколько поприщъ. Въ этой погонѣ Ятвяги поте-

рили, кромѣ множества народа, сорокъ князей, и тутъ же погибли два злые ихъ воителя Скомондъ и Боруть, опустошавшіе Пинскую землю.

Въ 1250 году Конрадъ Лятыскій прислалъ посла къ Васильку звать на Ятвяговъ; но за снѣгомъ и мглою походъ не состоялся, и союзники, дошедши только до рѣки Нура, воротились. За то въ слѣдующемъ году Даніилъ и Василько пригласили Семовита Мазовецкаго, и взявши помощь у Болеслава Лятыскаго, собрались въ Дрогичинѣ и перешедши болота вступили въ землю Ятвяжскую. Ляхи не вытерпѣли, зажгли первое селеніе Ятвяговъ, и тѣмъ сильно помѣшали полному успѣху похода, подавши пожаромъ вѣсть Ятвягамъ. Вечеромъ же Злинцы и вся земля Ятвяжская прислали къ Даніилу Небѣста съ предложеніемъ оставить имъ Ляховъ, а самому идти назадъ. Даніилъ на это не согласился; и ночью Ятвяги напали на Ляховъ, огородившихся острогомъ. Ляхи оборонялись крѣпко и сулицами, и головнями и камнями, но Ятвяги шли на проломъ и уже вступили въ рукопашный бой; тогда Семовитъ обратился къ Даніилу за помощію, Даніилъ выслалъ своихъ стрѣльцовъ, которые и отогнали Ятвяговъ отъ острога; тѣмъ не менѣе во всю ночь отъ нихъ не было покоя. На утро собрались все Ятвяги и пѣшіе и снузницы (вѣроятно на тѣлегахъ), наполнили лѣсъ и зажгли свои колымаги, т. е. станы; и началась страшная лѣсная битва, въ которой сильно досталось и Ляхамъ и Русскимъ, Васильковы воеводы Лазарь уже потерялъ свое знамя, а Федоръ Дмитріевичъ палъ на рѣкѣ Нарвѣ. Наконецъ Даніилъ приказалъ спѣшиться Ящельту съ своимъ полкомъ; и только послѣ этого

дрогнули Ятвяги, а Русскіе и Ляхи погнались за ними, забирая плѣнниковъ и пожигая страну. Но Ятвяги и разбитые еще не думали уступить битвы; они перешли рѣку Олегъ и стали заманивать преслѣдующихъ въ тѣснины. Даніилъ, замѣтивъ это, остановилъ преслѣдованіе, и сказалъ воинамъ: «развѣ вы не знаете, что христіанамъ крѣпость пространство, а поганымъ обычай биться въ тѣсныхъ мѣстахъ». Отыскавши просторное мѣсто, Даніилъ велѣлъ поставить станы и укрѣпить ихъ; тогда Ятвяги обратились на станы, стали приступать къ нимъ и потеряли много своихъ князей, но не могли ни выбить изъ становъ, ни заманить къ переходу черезъ рѣку Олегъ ни Русскихъ, ни Ляховъ. Между тѣмъ Русскіе и Ляхи, забравшись въ глубь нынѣшней Бѣловѣжской пущи, потеряли все слѣды къ выходу, и только на другой день имъ удалось поймать языка, который и вывелъ ихъ на дорогу черезъ рѣку Локъ. За тѣмъ пришли на помощь къ Ятвягамъ Пруссы и Борты, но, увидавъ множество силы Лятельской и Русской, уговорили Ятвяговъ прекратить бой, и все разошлись по домамъ. Послѣ сего Даніилъ направился къ Визнѣ и перешелъ свободно рѣку Наровъ. Такъ кончился дорого стоившій обѣимъ сторонамъ походъ, давшій возможность многимъ христіанамъ избавиться отъ плѣна, и тѣмъ прославившій князей.

Въ 1252 и 1253 годахъ Ятвяги за деньги были союзниками Даніила противъ Миндовга Литовскаго; а въ 1255 году Даніилъ, уже получившій отъ Римскаго папы титулъ Короля, въ союзѣ съ Семовитомъ Лятецкимъ пошелъ войною на Ятвяговъ, можетъ быть по просьбѣ самого Семовита. Во время этого

похода Левъ, сынъ Даниловъ, узнавши, что Стекынтъ съ Ятвягами осѣкся въ лѣсу, пошелъ къ его осѣгу; Ятвяги вышли изъ осѣка, а снузница, бывшіе со Львомъ, разбѣжались: но Левъ не сробѣлъ, а напротивъ, слѣзши съ коня, началъ сильно биться, поддерживаемый своею небольшою дружиной, вонзилъ сулицу въ щитъ Стекынта и убилъ мечемъ какъ самого Стекынта, такъ и его брата, послѣ чего Ятвяги обратились въ бѣгство. Между тѣмъ Данилъ занялъ домъ Стекынта, куда явился и Левъ и представилъ отцу оружіе Стекынта и его брата. За тѣмъ отъ Ятвяговъ пришелъ Комать, обѣщая Данилу, что Ятвяги соглашаются быть у него въ подданствѣ; но Ляхи, союзники Данила, завидуя таковому исходу настоящей войны, стали тайно пересылаться къ Ятвягамъ и сулить имъ помощь, только бы они не поддавались Русскому князю. Тогда Данилъ приказалъ воевать Ятвяжскую землю, разорилъ домъ Стекынтовъ и велѣлъ выстроить въ томъ краю на одной горѣ городъ Рай.

Въ слѣдующемъ 1256 году Данилъ съ своимъ братомъ Василькомъ и съ сыновьями Львомъ и еще молодымъ Шварномъ пошелъ на Ятвяговъ, къ нему пришелъ также Романъ изъ Новгорода Литовскаго съ тестемъ своимъ Глѣбомъ и Изяславомъ Свислочьскимъ, а также Семовитъ съ Мазовшанами и отъ Болеслава помощь, — Судомирцы и Краковляне, и всѣ большою ратью вступили въ Ятвяжскую землю, и прежде всего захватили Ятвяжское селеніе Олыдикищу: сыновья Данила, Левъ и Шварнъ тихо обошли это селеніе и изсѣкли всѣхъ жителей, кромѣ одного, котораго привели къ Данилу. Этотъ плѣнникъ объ-

явилъ , что Ятвяги собрались въ селеніе Привища. Даніилъ , по указанію плѣнника, распорядился, чтобы и это селеніе также взять нечаянно; но одинъ Ятвяжанинъ, успѣвши убѣжать изъ Олыдикищи , подалъ вѣсть своимъ въ Привищи; впрочемъ эта вѣсть нѣсколько опоздала, и прежде нежели Ятвяги успѣли путемъ приготовиться, стрѣльцы Даніиловы уже начали бой на одномъ концѣ селенія , и въ слѣдъ за тѣмъ явился и самъ Даніилъ съ сыномъ Львомъ и началась страшная битва въ воротахъ селенія. Три раза Ятвяги отбивали приступъ и три раза Даніилъ и Левъ лично водили свои полки и заставляли Ятвяговъ отступать. Наконецъ Даніилъ и Левъ послѣ страшныхъ усилій успѣли продраться въ ворота, заваленныя въ нѣсколько слоевъ трупами побитыхъ , окончательно завладѣли селеніемъ и обратили въ бѣгство защитниковъ селенія Ятвяговъ, Злинцевъ, Кристенцевъ и Покѣнцевъ, а неуспѣвшихъ убѣжать изсѣкли или побрали въ плѣнъ. Даніилъ самъ остался ночевать въ Присвищахъ , а на другой день отправился съ сыномъ жечь и плѣнить всю тамошнюю землю, и пожегши селенія: Таисевича, Буряля, Раймоче , Комата и Дора , и плѣнили города , зажгли домъ Стекынта и остановились на селѣ Корковичахъ, и очень дивились, что такое множество войска и коней могло найдти для себя припасовъ на двухъ дворахъ, и что не успѣли поѣсть, то сожгли. На другой день пошли плѣнить и опустошать Ятвяжскую землю, и такой нагнали страхъ на храбрыхъ прежде Ятвяговъ, что нигдѣ не встрѣчали противниковъ. На ночь полки Даніиловы остановились въ болотахъ и въ островахъ (т. е. въ лѣсахъ); а на утро пріѣхали Ят-

вяги, отдавая заложниковъ и прося мира, опасаясь чтобы Русскіе не избили плѣнниковъ. За тѣмъ Даніилъ возвратился домой и началъ готовиться къ новому походу. Ятвяги, узнавши объ этомъ, отправили къ нему своихъ пословъ и дѣтей и съ ними дань, обѣщаясь быть у него въ подданствѣ и строить въ своей землѣ города. На другой годъ Даніилъ послалъ Константина Положишила собрать дань съ Ятвяговъ. Константинъ собралъ дань черными кунами и бѣль серебро. Даніилъ изъ Ятвяжской дани далъ даръ Ляцьскому воеводѣ Сигнѣву, чтобы и Ляцьская земля вѣдала, что Ятвяги платили дань Королю Даніилу.

Послѣ этого похода русскія лѣтописи не упоминаютъ о Ятвягахъ до 1260 года, когда къ Даніилу пришла вѣсть изъ Ляховъ, что Татары проникли въ Ятвяжскую землю; по этой вѣсти Даніилъ пригласилъ къ себѣ своего сына Льва, съ которымъ уговорился послать засаду къ Визнѣ; но напередъ отправилъ къ Ятвягамъ двухъ развѣдчиковъ, которые бы разузнали, гдѣ братъ Даніиловъ Василько, отправившійся воевать Литву вмѣстѣ съ Татарами; но развѣдчики попались въ руки Татарамъ, и тѣмъ дѣло кончилось, или вѣрнѣе на этомъ прервался рассказъ лѣтописи. Изъ рассказа же этого, къ сожалѣнію прерваннаго, можно заключить, что Ятвяжская земля въ это время уже принадлежала Литовскому князю Миндовгу. И дѣйствительно Миндовгъ около этого времени и даже нѣсколько раньше распорядился Ятвяжскою землею, какъ своимъ достояніемъ, и назывался княземъ Ятвяжскимъ. Такъ у Польскаго лѣтописца Длугоша читаемъ подъ 1260 годомъ: «Миндовгъ вели-

кій князь Литовскій, собралъ большую рать изъ Литовцевъ, Русскихъ, Ятвяговъ и Жемойти, и изъ другихъ невѣрныхъ народовъ, вступилъ въ Мазовецкую землю и страшно опустошилъ эту страну. За тѣмъ перешелъ въ Пруссію и предалъ огню всѣ тамошніе города, построенные рыцарями, которые не смѣли выступить противъ него и попрятались по своимъ замкамъ. А прежде этого Миндовгъ въ своихъ грамотахъ, притворяясь католикомъ, отдалъ тѣмъ же рыцарямъ Ятвяжскую землю съ Жемотью и другими землями. Чтобы отмстить за это опустошеніе Пруссіи Нѣмецкіе рыцари въ слѣдующемъ 1261 году, собравши большое войско, отправились опустошать земли: Ятвяжскую, Литовскую и Жемойтскую; но ихъ войско, зашедши слишкомъ далеко въ Литовскіе лѣса, было со всѣхъ сторонъ окружено Литовцами и Ятвягами, потерпѣло полное пораженіе и только немногіе успѣли спастись, остальные были убиты или попались въ плѣнъ.

По Длугошу въ 1264 году Болеславъ стыдливый государь Краковскій и Судомирскій, чтобы покончить съ Ятвятами, опустошавшими его пограничныя владѣнія, собралъ многочисленное войско со всѣхъ своихъ земель и вступилъ въ Ятвяжскую землю. Ятвяги вышли ему на встрѣчу и вступили въ битву подъ предводительствомъ своего старшаго князя Комата. Ятвяговъ было гораздо меньше, чѣмъ Поляковъ; но они сражались такъ храбро, что Поляки могли одолѣть ихъ только множествомъ. Поляки нѣсколько разъ возобновляли нападеніе, посылая свѣжія войска; но не могли прорвать ихъ строя; Ятвяги, даже потерявши своего князя Комата, продолжали сражаться и всѣ до

одного пали въ неравномъ бою. Послѣ этой битвы Ятвяжская земля уже болѣе не возставала и все племя Ятвяговъ какъ бы исчезло; оно частію отдалось Болеславу и было окрещено силою, а частію соединилось съ Литовцами; и съ тѣмъ вмѣстѣ исчезло и самое имя Ятвяговъ» Но здѣсь ораторствующій Польскій лѣтописецъ, по обычаю своихъ соотечественниковъ, хватилъ черезъ-чуръ.

На самомъ дѣлѣ Ятвяги еще въ продолженіи 20 лѣтъ напоминали о своемъ имени Полякамъ, и самъ же Длугошъ, похоронившій Ятвяговъ въ 1264 году, еще нѣсколько разъ упоминаетъ о ихъ нападеніяхъ на Польскую землю. Такъ подъ 1268 годомъ онъ говоритъ, что Литовцы и Ятвяги напали на Куявію, и произвели тамъ опустошеніе и свободно возвратились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Или по словамъ того же Длугоша въ 1274 году, Левъ Даниловичъ князь Галицкій водилъ Татаръ, Литву и Ятвяговъ на Люблинскую и Судомирскую землю, и произвелъ тамъ страшныя опустошенія. А по Русскимъ лѣтописямъ мы дѣйствительно знаемъ, что Ятвяги въ 1273 году признали надъ собою власть Льва Галицкаго и его братьевъ князей Волынскихъ. Въ Волынской лѣтописи подъ этимъ годомъ сказано: «Вздумали князя пойдти на Ятвяговъ, и по наступленіи зимы послали своихъ воеводъ, — Левъ Андрея Путивлича съ своею ратью, Владиміръ Желислава съ своею ратью, и Метиславъ Владислава Ломоногаго съ своею ратью. Воеводы, вступивши въ Ятвяжскую землю, взяли Злину; а Ятвяги собравшись не посмѣли вступить съ ними въ битву. И потомъ Ятвяжскіе князья: Минтеля, Шурпа, Мудейко и Пе-

стило, пришли ко Льву, Владимиру и Мстиславу просить мира и получивши миръ отъѣхали въ свою землю». Съ сими-то мирными и послушными Ятвяжскими князьями очевидно Левъ и ходилъ на Люблинскую и Судомирскую землю въ 1274 году. Наконецъ подь 1276 годомъ Длугошу снова пришлось хоронить уже похороненныхъ имъ Ятвяговъ; подь симъ годомъ онъ говоритъ «остатки Ятвяговъ, которые соединились съ Литовцами, мстя за свое прежнее поражение, вмѣстѣ съ Литовцами вступили въ Люблинскую землю тремя полками, и начали опустошать тамошній край. Они, собравши множество плѣнниковъ и добычи, уже возвращались домой, какъ Лешко Черный, государь Краковскій, нагналъ ихъ у Нарева и далъ битву. Не смотря на упорное сопротивленіе особенно Ятвяговъ, битва эта кончилась въ пользу Поляковъ. И Ятвяги, чтобы не возвращаться домой разбитыми, иные удавились, а иные побросались въ Наревъ и потонули, такъ что только очень немногіе остались въ живыхъ. Вѣроятно этотъ же походъ описывается подь 1278 годомъ такъ: Ятвяги три дня воевали около Люблина и возвратились домой съ великою честію и множествомъ плѣнниковъ; и съ ними вмѣстѣ Литовскій князь Тройденъ посылалъ на Польшу своего брата Сирпутья съ Литовскими полками. Ежели Длугошъ и Русскія лѣтописи описываютъ одинъ и тотъ же походъ подь разными годами: то значить побѣда Лешко Чернаго есть только реторическое украшеніе Длугоша. А ежели принять, что въ Русскихъ лѣтописяхъ описывается другой походъ; слѣдовательно Ятвяги на Наревъ не потерпѣли такого страшнаго пораженія, о которомъ говоритъ Польскій

лѣтописецъ. Во всякомъ случаѣ Наревскій бой не истребилъ Ятвяговъ; ибо подъ 1279 годомъ мы читаемъ въ русскихъ лѣтописяхъ, что въ этомъ году въ Ятвяжской землѣ былъ сильный голодъ, и Ятвяги прислали пословъ къ Владимиру Васильковичу князю Владимиро-Волинскому, которые говорили ему: «пріѣхали мы къ тебѣ отъ всѣхъ Ятвяговъ, надѣючись на Бога и на твое здоровье, господине, не помори насъ, но прокорми для себя же, пошли къ намъ продавать свое жито; а мы ради купимъ; чего хочешь воску ли, бѣли ли, бобровъ ли, черныхъ ли куницъ, серебра ли, а мы ради дать.» И Владимиръ изъ Берестя послалъ къ нимъ жито съ своими людьми по Бугу и Нареву, которыхъ ночью избили Поляки подъ Полтовескомъ, а хлѣбъ разграбили.

Такимъ образомъ и второй разъ придуманные Длугошемъ похороны Ятвяговъ на Наревѣ, по свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, оказываются преждевременными. Да и у Польскихъ лѣтописцевъ: Мартына Бѣльскаго, Кромера и Гваньини, Ятвяги вмѣстѣ съ Литовцами воюютъ въ Люблинской землѣ еще въ 1281 году, и только въ этомъ году разбитые Лешкомъ Чернымъ окончательно погибаютъ. Но очевидно, Польскіе лѣтописцы и здѣсь прибавили много лишняго; цѣлый народъ, какъ бы онъ ни былъ истощенъ разными несчастіями, не могъ же погибнуть въ одной битвѣ. По всему вѣроятію Ятвяги, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, наконецъ принуждены были подчиниться сильнѣйшему и болѣе близкому по мѣсту жительства; а таковымъ врагомъ въ то время для Ятвяговъ были Литовцы, а не Поляки, сами слабые и раздираемые междоусобіями; и въ Литов-

ской лѣтописи Быховца дѣйствительно около этого времени мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Великій Князь Литовскій Тройденъ, услышавши, что перемерли князья Ятвяжскіе, занялъ Ятвяжскую землю по согласію съ ея жителями и сталъ называться княземъ Ятвяжскимъ и Дойновскимъ. Какъ бы то ни было 1281 годомъ оканчиваются извѣстія о Ятвягахъ; послѣ этого года о нихъ уже не упоминается ни въ Русскихъ, ни въ Литовскихъ, ни въ Польскихъ лѣтописяхъ. Вотъ всѣ свѣдѣнія о Ятвягахъ, какія только дошли до насъ въ разныхъ лѣтописяхъ. Свѣдѣнія сіи далеко не полны и не представляютъ связной исторіи Ятвяговъ; тѣмъ не менѣе по нимъ мы попытаемся составить хотя краткій очеркъ о Ятвяжскомъ племени, занимающемъ значительное мѣсто въ исторіи Полотской земли. Изъ сихъ свѣдѣній можно вывести слѣдующія данныя о Ятвягахъ.

1-е. Дошедшія до насъ свѣдѣнія единогласно свидѣтельствуютъ, что Ятвяги были самое воинственное племя; они почти никогда не отказывались отъ битвы, и скорѣе готовы были пасть костью, чѣмъ обратиться въ бѣгство, ежели представлялась какая нибудь возможность удержаться; а посему всѣ битвы съ ними были самыя упорныя и побѣда надъ Ятвягами доставалась дорого. Но сіе воинственное племя было рѣшительно одиночнымъ среди племенъ и народовъ его окружающихъ, и за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, и то только въ позднѣйшее время, ни откуда не имѣло поддержки. Что было причиною таковаго изолированнаго положенія Ятвяжскаго племени, мы рѣшительно не знаемъ. Но очевидно оно зависѣло не отъ одного дикаго характера Ятвяговъ,

а скорѣе самый характеръ сложился вслѣдствіе того, что это племя, можетъ быть остатокъ древнихъ племенъ, уже исчезнувшихъ въ доисторическія времена этого края, очутилось заброшеннымъ между враждебными племенами пришельцевъ, противъ которыхъ должно было упорною борьбою отстаивать свое существованіе и независимость, и шагъ за шагомъ отступать въ глубину своихъ непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ, и такимъ образомъ на памяти исторіи слишкомъ три столѣтія продолжать свое существованіе, памятное не побѣдами и успѣхами, а только упорною и почти всегда несчастною борьбою. Исторія застаётъ Ятвяговъ въ положеніи Американскихъ краснокожихъ, только съ большими достоинствами и съ вызовомъ на сочувствіе.

2-е. Племя сіе, какъ бы обреченное на медленную и мучительную смерть, судя по мѣстнымъ преданіямъ въ доисторическую древность владѣло на югѣ всѣмъ лѣвымъ берегомъ Припети отъ истоковъ до устья и на сѣверъ до Немана и по Неману, а съ востока на западъ отъ устья Березины до западнаго Буга и Нарева; но съ наплывомъ въ здѣшній край новыхъ племенъ, особенно Славянскихъ, первоначально придерживавшихся Двѣпра и его притоковъ, оно должно было постоянно отступать къ западу. Сперва нижнее теченіе Припети было постепенно занято Славянскимъ племенемъ Дреговичей, пришедшихъ съ Дуная; потомъ къ Дреговичамъ присоединились Полочане и Кривичи, которые постепенно стали выдвигать свои колоніи по притокамъ Припети, Березины и Немана, постоянно придерживаясь рѣкъ и постепенно шагъ за шагомъ подаваясь на западъ и съ тѣмъ вмѣстѣ

также шагъ за шагомъ отгѣсняя отъ рѣкъ въ глубину лѣсовъ и болотъ несчастное племя Ятвяговъ, и на очищенной Ятвягами землѣ строя свои города и селенія. Такъ что къ тому времени, когда здѣшній край болѣе или менѣе началъ свое историческое бытіе, Ятвяги большею частію были уже отгѣснены отъ лѣваго берега Припети; города и селенія Дреговичей и Полочанъ вверхъ по Припети уже протянулись до западнаго Буга и Нарева. За Ятвягами остались только Гродненская и Бѣловѣжская пущи съ прилегавшими къ нимъ громадными лѣсами и непроходимыми болотами; отсюда Ятвяги время отъ времени дѣлали набѣги на прежнія свои земли, гдѣ уже были колоніи Полочанъ и селенія Литовцевъ, а также на сѣверо-западную окраину Волыни и на Польскія сосѣднія земли, имъ также когда-то принадлежавшія; и разумѣется своими набѣгами вызывали страшную месть Романа Волынскаго и его сыновей Данила и Василька, а также Литовскихъ и Польскихъ князей, кончившуюся, какъ и должно было ожидать, къ концу XIII вѣка ежели не полнымъ истребленіемъ Ятвяжскаго племени, то по крайней мѣрѣ уничтоженіемъ его самостоятельности и исчезновеніемъ его имени въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ.

3-е. Внутреннее устройство Ятвяговъ, судя по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, представляетъ ихъ раздѣленными на нѣсколько племенъ или родовъ съ своими племенными князьями. Таковыя племена или роды по исчисленію лѣтописей были: 1-е Злина или Злинцы, 2-е собственно Ятвяги, 3-е Крисменцы, 4-е Поженцы, 5-е Корковичи; но вѣроятно были и другія племена, о которыхъ не упо-

минають лѣтописи; ибо судя по множеству князей, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ, должно полагать, что Ятвяжскихъ племенъ было гораздо больше изчисленныхъ пяти; такъ напримѣръ въ 1248 году въ одной битвѣ съ Василькомъ Романовичемъ Волынскимъ Ятвяги потеряли сорокъ князей.

Какое собственно значеніе имѣли князья у Ятвяговъ, у насъ на это нѣтъ ясныхъ указаній въ лѣтописяхъ; тѣмъ не менѣе есть намеки, что князья были какъ бы представителями своихъ племенъ или родовъ; такъ напримѣръ въ 1271 году, по взятіи Злины Волынскими князьями, явились къ нимъ въ станъ Ятвяжскіе князья Минтеля, Шюрпа Мудейко и Пестило съ просьбою о мирѣ. Есть также указаніе, что между Ятвяжскими князьями были и старшіе князья, вѣроятно сильнѣйшіе, могущественнѣйшіе, отъ которыхъ какъ бы зависѣли прочіе; такъ подъ 1255 годомъ лѣтопись упоминаетъ о старѣйшемъ Ятвяжскомъ князѣ Стекынтѣ, а въ 1264 году въ войнѣ съ Болеславомъ Краковскимъ и Судомирскимъ старшимъ княземъ былъ Комать, который кажется заступилъ мѣсто Стекынта, павшаго въ бою съ Львомъ Даниловичемъ въ 1255 году. Но кромѣ князей у Ятвяговъ, кажется, были еще знатные и сильные люди, составлявшіе какъ бы аристократію богатства, или физической силы, или умственнаго превосходства. Сіи сильные люди имѣли свои дружины и нерѣдко дѣлали набѣги на сосѣдей. Такъ при описаніи Данилова похода въ 1227 году лѣтопись упоминаетъ о какихъ-то знаменитыхъ Ятвяжскихъ воителяхъ Штурѣ Мондуничѣ, Стегутѣ Зебровичѣ и Небрѣ, которыхъ не называетъ князьями; такъ же подъ 1248 годомъ встрѣчаются два злые воин-

ника изъ Ятвяговъ Скомондъ и Борутъ, погибшіе съ сорока Ятвяжскими князьями въ сраженіи съ Васильгомъ Романовичемъ. О Скомондѣ лѣтопись говоритъ: «Скомондъ былъ волхвъ и кобникъ нарочить, борзъ же какъ звѣрь, ходя пѣшій повоевалъ Пинскую землю и другія страны; и былъ убитъ нечестивый, и голова его была взоткнута на колъ.» Извѣстіе, что Скомондъ воевалъ пѣшій и былъ волхвомъ и кобникомъ, прямо указываетъ на Скомонда не какъ на богача или родовитаго человѣка, а какъ на храбраго и сильнаго воина и притомъ увлекавшаго за собою соотечественниковъ особенною хитростію, какъ бы волшебствомъ. Или подъ 1251 годомъ упоминается Ятвягъ Небѣста, котораго Ятвяги прислали къ Даниилу Романовичу для переговоровъ. Впрочемъ и весь народъ въ Ятвяжской землѣ, кажется, не оставался безъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, особенно когда дѣла касались всей Ятвяжской земли. Такъ подъ 1266 годомъ лѣтопись говоритъ, что Ятвяги, разбитые Данииломъ Романовичемъ, видя опустошеніе своей земли, прислали къ нему пословъ отъ всей земли и заложниковъ просить мира, причемъ отправили къ нему дань и обѣщались быть ему покорны и строить города въ своей землѣ. Или въ 1279 году во время голода Ятвяги прислали пословъ къ Владиміру Васильковичу Волинскому, которые говорили князю: «пріѣхали мы къ тебѣ отъ всѣхъ Ятвяговъ (а не отъ Ятвяжскихъ князей), не помори насъ голодомъ, но прокорми, пошли къ намъ жито продавать.» Въ обоихъ случаяхъ князья въ сторонѣ, о нихъ и не упоминается, а дѣйствуетъ весь народъ, вся земля Ятвяжская. Аристократія или большіе люди

у Ятвяговъ раздѣлялись на большихъ людей по своимъ личнымъ достоинствамъ, вышедшихъ изъ народа и безвѣстныхъ по происхожденію, каковы напримѣръ: Скомондъ, Боруть, Небѣста и Небра, и на большихъ людей по происхожденію, или родовую аристократію, происшедшую отъ знаменитыхъ предковъ, таковы напримѣръ: Штуръ Мѣндуничъ, Стегутъ Зебровичъ.

4-е. Ятвяги жили селеніями и отдѣльными дворами, а также лѣтописи упоминаютъ и о городахъ Ятвяжскихъ; слѣдовательно Ятвяги, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, были уже народомъ осѣдлымъ, и жили не однимъ звѣроловствомъ и скотоводствомъ. Впрочемъ кажется скотоводство и не было у нихъ въ большомъ ходу; ибо послы Ятвяжскіе въ 1274 году, просившіе Владиміра Васильковича, чтобы прислалъ къ нимъ жито продавать, говорили князю мы ради купимъ, хочешь ли воску, бѣли ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ли, мы ради дадимъ». Здѣсь въ перечисленіи товаровъ, предлагаемыхъ Ятвягами, нѣтъ и помину о произведеніяхъ скотоводства, а напротивъ есть намекъ на торговлю, ибо серебро, предлагаемое князю, могло быть пріобрѣтено или при помощи торговли, или грабежемъ у сосѣдей. О значительномъ же земледѣліи и вообще о земледѣльческомъ хозяйствѣ Ятвяговъ, особенно богатыхъ людей между ними, можно судить по слѣдующему извѣстію лѣтописи подъ 1256 годомъ; въ этомъ году при нашествіи Даніила съ братомъ и Ляцькими князьями на Ятвяжскую землю, Даніилъ, разбивши Ятвяговъ, остановился со всею ратью своею и Польскою на ночь въ селѣ Кюрковичахъ, и нашелъ тамъ такое обиліе во всѣхъ запасахъ, что лѣтопись прямо гово-

рить: «и очень удивительно было, что такое множество воиновъ насытились, какъ сами, такъ и кони ихъ, на двухъ дворахъ, а что не могли поѣсть сами и кони ихъ, то остатки сожгли». Значить хозяйство было громадное и Ятвяги довольно занимались земледѣліемъ. Лѣтописи упоминають о слѣдующихъ селеніяхъ въ землѣ Ятвяжской: подъ 1256 годомъ Болдыкище, Привище, Олыдыкище, Корковичи, а подъ 1271 годомъ Злина. Селенія сіи по всему вѣроятію были многолюдны, и едвали не заселялись каждое особымъ племенемъ или родомъ. Такъ селеніе Злину населяло особое племя, называвшееся по лѣтописямъ Злинцами, или селеніе Корковичи по самому родовому названію своему показываетъ, что оно было населено особымъ племенемъ или родомъ, Корковичами. Судя по описаніямъ, сохранившимся въ лѣтописяхъ, селенія огораживались оѣнкомъ или плетнемъ и имѣли ворота, которыя затворялись и заширались при нападеніи непріятелей. Ежели непріятель былъ силенъ, то на защиту селенія собирались жители сосѣднихъ селеній; такъ на защиту селенія Привище въ 1256 году сошлись Ятвяги, Злинцы, Крисменцы и Покенцы и крѣпко стали защищать ворота; когда же стрѣльцы Даниіловы ворвались было въ ворота, то въ воротахъ завязался страшный бой, который продолжался до тѣхъ поръ, пока не явился туда самъ Даниіль съ своимъ сыномъ Львомъ, и послѣ страшныхъ усилій наконецъ не ворвался въ ворота по трупамъ своихъ и Ятвяговъ, лежавшимъ въ три ряда; послѣ чего Ятвяги защищавшіе селеніе обратились въ бѣгство.

Кромѣ селеній, какъ мы уже сказали, въ Ятвяжской землѣ по мѣстамъ были обширные дворы князей

и больших и богатых людей; такъ подъ 1255 годомъ, Волынская лѣтопись упоминаетъ о домѣ сильнѣйшаго Ятвяжскаго князя Стекынта, который былъ разоренъ по приказанію князя Даніила Романовича; вотъ подлинныя слова лѣтописи объ этомъ разореніи: «и домъ Стекынтовъ весь погубленъ бысть, и до нынѣ пусто стоитъ» Настоящія слова лѣтописи указываютъ, что домъ Стекынта состоялъ не изъ одного двора или строенія, а представлялъ собою цѣлую мѣстность съ своимъ населеніемъ, составлявшимъ княжескихъ слугъ и рабовъ, которые въ 1255 году были разогнаны, и все собранное въ дому разорено, пограблено. А подъ 1256 годомъ та же лѣтопись говоритъ: «По взятіи селенія Привища Русскіе князья на утро пошли плѣнять и жечь землю, и зажгли Таисевичи, Буряля, Раймоче, Комата и Дора, и грады плѣняли, а наипаче сожгли домъ Стекынта» Въ настоящемъ разсказѣ лѣтописи Таисевичи, Буряля, Раймоча, Комата и Дора не названы ни городами, ни селами; не были ли это, подобно дому Стекынта, отдѣльныя усадьбы и дворы сильныхъ и богатыхъ Ятвяжскихъ землевладѣльцевъ, а можетъ быть и князей; такъ мѣстность Комата указываетъ на извѣстнаго сильнаго Ятвяжскаго князя Комата. Въ настоящемъ разсказѣ лѣтописи упоминается также о Ятвяжскихъ городахъ, какъ сказано въ лѣтописи: «и грады ихъ плѣняху» Но какое было различіе между укрѣпленными и обширными селеніями, а также укрѣпленными дворами князей и сильныхъ людей, и между городами, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній, а также мы не знаемъ, гдѣмъ были населены сіи города, когда Ятвяжскіе роды и племена жили въ

селеніяхъ, а сильные и богатые люди на отдѣльныхъ дворахъ. Но какъ бы то ни было, по свидѣтельству лѣтописей, въ Ятвяжской землѣ было три разряда жилищъ: 1-е *села* или селенія, составлявшія общее жителство Ятвяговъ, ихъ обычную форму жительство; 2) *домы* или дворы, усадьбы Ятвяжскихъ князей и богатыхъ и сильныхъ людей, и 3-е *города*, которыхъ значеніе неизвѣстно, но которые очевидно значили не то, что Русскіе города; ибо въ 1256 году Ятвяги, прося мира у Данила Романовича, «обѣщались быть у него въ работѣ и города рубить въ своей землѣ». Изъ этого свидѣтельства видно, что Русскій городъ былъ не одно и то же съ Ятвяжскимъ городомъ; въ противномъ случаѣ Ятвягамъ не зачѣмъ было обѣщаться рубить города въ своей землѣ, а Даниилу требовать этого.

5-е. О религіи Ятвяговъ мы не имѣемъ никакихъ сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній, знаемъ только, что Ятвяги были язычники и въ Русскихъ лѣтописяхъ назывались погаными, а вѣра ихъ поганствомъ, Польскіе же хронисты называли ихъ болванохвальцами; но были ли у нихъ храмы или какія священныя мѣста, а равнымъ образомъ имѣли ли боговъ, и что именно обоготворяли Ятвяги, намъ неизвѣстно. Только одинъ изъ Польскихъ лѣтописцевъ Кадлубекъ утверждаетъ, что Ятвяги вѣрили въ переселеніе душъ изъ одного тѣла въ другое, и отъ того ни одинъ изъ нихъ на полѣ битвы не обращался въ бѣгство и не позволялъ непріятелю взять себя живымъ. Но конечно можно было сражаться не обращаясь въ бѣгство и не отдаваясь непріятелю живымъ, и безъ вѣрованія въ переселеніе душъ, ибо къ этому могло

быть много иных побуждений; слѣдовательно оди-
ночное свидѣтельство Кадлубека не совсѣмъ надеж-
но. Такъ же не надежно и свидѣтельство Длуго-
ша, который говоритъ, что Ятвяги по языку, обра-
зу жизни, религiи и нравамъ имѣютъ большое сход-
ство съ Литовцами, Пруссамъ и Жемотью; ибо на
это сходство даже не намекаетъ Волынская лѣто-
пись, которая хотя сколько нибудь говоритъ о ре-
лигiи Литовцевъ; а конечно болѣе должно вѣрить
составителю Волинской лѣтописи, близко знакомому
съ Ятвягами и ихъ современнику, нежели позднѣй-
шему писателю Длугошу, жившему уже тогда, когда
въ народѣ исчезла и память о Ятвягахъ. Насыпи
или курганы, встрѣчающіеся на берегахъ рѣкъ и въ
лѣсахъ прежней Ятвяжской земли, до сего времени
извѣстные въ народѣ подъ именемъ Ятвяжскихъ мо-
гилъ, свидѣтельствуютъ, что Ятвяги по своей рели-
гiи хоронили тѣла своихъ покойниковъ въ землѣ, а
не сожигали ихъ; Литовцы же по своей религiи не
хоронили, а сожигали тѣла покойниковъ, какъ объ
этомъ прямо свидѣтельствуешь Быховець.

6-е. Относительно народнаго характера Ятвяговъ
всѣ дошедшія до насъ извѣстія говорятъ единоглас-
но, что Ятвяги были народъ храбрый, воинствен-
ный и неукротимый, и до того вольно-любивый и
неуступчивый, что въ битвахъ защищали каждую
пядь своей земли, такъ что ихъ скорѣе можно было
истребить, чѣмъ принудить къ подданству; по край-
ней мѣрѣ они такъ вели себя до войнъ съ Русски-
ми, Литовцами и Поляками во второй половинѣ XIII
столѣтія. Всѣ битвы съ Ятвягами были самыя упор-
ныя, продолжавшіяся по цѣлымъ днямъ, и иногда

возобновлявшіяся по нѣскольку дней сряду. Ятвяги преимущественно бились пѣшіе, хотя и имѣли коней, тѣмъ не менѣе бой пѣшій считали для себя болѣе удобнымъ, коней же употребляли болѣе запряженными въ телѣги или колымаги, которыя служили у нихъ какъ бы подвижными стѣнами для сдѣланія укрѣпленій на самомъ полѣ битвы въ виду непріятели. Ятвяги любили биться въ закрытыхъ и тѣсныхъ мѣстахъ, въ лѣсахъ между болотами и въ осѣкахъ, какъ прямо о нихъ говоритъ Князь Данииль Романовичъ: «поганымъ тѣснота деряжье есть обычай на брань» Впрочемъ они не отказывались отъ боя и въ открытыхъ мѣстахъ, гдѣ немедленно дѣлали засѣку, ежели это было можно; а въ противномъ случаѣ, огораживали себя возами или колымагами, откуда бились сулицами и даже каменьями, но когда возы или колымаги оказывались не совсѣмъ надежною защитою, то мгновенно зажигали ихъ и, прикрывшись щитами, быстро бросались въ бой съ непріятеlemъ, чѣмъ нерѣдко обращали въ бѣгство своихъ противниковъ. Особенно ужасны были Ятвяги своею быстротою и неукротимою храбростію въ набѣгахъ на сосѣдей; здѣсь они нападали не только на селенія, но и на города, смѣло лѣзли на стѣны, бились въ рукопашную въ городскихъ воротахъ; ихъ ничто не удерживало, одинъ падалъ, другой спѣшилъ заступитъ его мѣсто. Даже сбитые съ поля и обращенные въ бѣгство, они по нѣскольку разъ останавливались и бросались въ бой съ преслѣдовавшимъ непріятеlemъ. Ихъ князья и воеводы, обыкновенно, разѣзжавшіе верхомъ на коняхъ, въ крайнихъ случаяхъ слѣзали съ коней, чтобы въ рукопашь биться пѣши-

ми впереди простыхъ воиновъ. Любя пѣшій бой, Ятвяги не чуждались и коннаго, и были искусны въ управленіи конемъ и крѣпко и ловко сидѣли въ сѣдлѣ. Такъ подь 1252 годомъ Волинская лѣтопись говорить: «въ битвѣ съ Нѣмцами, союзниками Миндовга, вышла на нихъ Русь съ Половцами и стрѣлами, а Ятвяги съ сулицами, и гонялись за ними на полѣ подобно игрѣ» Или въ слѣдующемъ году Ятвяги ѣхали на помощь къ Даниилу Романовичу также на коняхъ.

При такомъ внутреннемъ устройствѣ Ятвяжской земли и при такомъ народномъ характерѣ Ятвяговъ, выработаннымъ ихъ исторіею и жизнию, нельзя было и думать о мирной колонизаціи въ ихъ землѣ. Ятвяги, какъ населеніе той или другой мѣстности, для Полочанъ-колонизаторовъ не могли служить никакимъ подспорьемъ или помощію, а были прямымъ препятствіемъ, помѣхою колонизаціи. Съ Ятвягами особенно въ древнее время нельзя было вступить въ договоръ; Ятвяжскую землю можно было занимать только силою съ бою, постепенно, понемногу отодвигая туземцевъ въ глубину ихъ лѣсовъ и пущей, и каждую отвоеванную такимъ образомъ мѣстность закрѣпляя построеніемъ города и совершенно очищая ее отъ старожилловъ туземцевъ. Такъ дѣйствительно и дѣлали Полочане, постепенно выдвигая свои города съ прибрежій Припети въ глубину Ятвяжской земли; и какъ это дѣлалъ временный преемникъ Полочанъ князь Даниилъ Романовичъ, которому въ 1256 году примученные имъ Ятвяги, прося у него мира, въ числѣ главныхъ условій изъявляютъ согласіе на построеніе Русскихъ городовъ въ своей землѣ, какъ самый

вѣрный знакъ полной покорности. Такимъ образомъ Ятвяги, какъ въ древности, такъ и въ болѣе позднее время, когда они уже были окружены почти со всѣхъ сторонъ Русскими городами и колоніями, никогда не входили въ составъ ни Русскаго ни Литовскаго населенія въ здѣшнемъ краю, но всегда оставались чужими, хотя иногда бывали союзниками и даже данниками Русскихъ или Литовскихъ князей. Союзничество и данничество Ятвяговъ всегда были временными и не надежными; и Русскіе и Литовскіе князья такъ и смотрѣли на это союзничество и данничество; они хорошо знали, что только та часть Ятвяжской земли тверда за ними, которая заселена Русскими или Литовскими людьми, на которой уже стоятъ Русскіе или Литовскіе города и изъ которой уже выгнаны Ятвяги. Хорошо зная это, они такъ и вели дѣло и покончили почти совершеннымъ истребленіемъ Ятвяговъ. Они иначе и не могли поступать, ибо Ятвяги не поддавались ни на какое соединеніе съ сосѣдями, и на всѣ окружающіе народы смотрѣли какъ на непримиримыхъ враговъ и держали себя также, какъ непримиримые враги. Не даромъ Бѣлоруссы даже и теперь говорятъ о всякомъ злодѣѣ и разбойникѣ: *Выгляда якъ Ятвяга*. Постепенное сперва стѣсненіе, а потомъ и истребленіе Ятвяговъ было полное, такъ что слѣды существованія этого народа въ собственной его землѣ остались только въ лѣтописяхъ и въ народныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ урочищъ; такъ недалеко отъ Гродна многіе курганы носятъ въ народѣ названіе Ятвяжскихъ могилъ, или въ Лидскомъ уѣздѣ между Щучиной и Каменкой два селенія носятъ названіе Ятвяжска; это вѣроятно были послѣднія убѣжища

Ятвяговъ, и одно называется Ятвяжскъ Русскій, а другое Ятвяжскъ Польскій, потому что въ одномъ, Русская церковь, а въ другомъ Польскій костель. Также въ Волковыйскомъ уѣздѣ есть селеніе Ятвизъ неподалеку отъ Волковыйска на рѣкѣ Руси; въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ также есть два селенія, большой и малый Ятвяжскъ по рѣкѣ Бобру, не подалеку отъ Суховоли.

Исторію Ятвяжскаго племени и въ тѣхъ немногихъ отрывкахъ, которые дошли до насъ въ Русскихъ и Польскихъ лѣтописяхъ, нельзя читать безъ особеннаго грустнаго расположенія духа. Какая-то страшная тяжелая судьба гнететъ это воинственное и когда-то могущественное племя. На памяти исторіи, неговоря уже о временахъ доисторическихъ, цѣлыя четыреста лѣтъ борется это несчастное племя за свою родную землю, за свою независимость, за свою народную жизнь, и терпитъ цѣлыя четыреста лѣтъ неудачъ и несчастій, не смотря на изумительную энергію. Ятвяжская земля, облитая, упитанная кровію своихъ защитниковъ, усѣянная ихъ костями и костями враговъ, шагъ за шагомъ уходитъ изъ-подъ ногъ своихъ прирожденныхъ хозяевъ, достается ихъ непримиримымъ врагамъ и постепенно застроивается чужими городами и селеніями; а несчастные хозяева отгоняются какъ дикіе звѣри въ глубину непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ. Да и здѣсь имъ нѣтъ покоя, и дикіе и непроходимые лѣса и болота ихъ не защищаютъ, неотступные настойчивые враги и сюда проникаютъ, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ сказать, оцѣпляютъ ихъ своими городами, города постепенно все глубже и глубже выдвигаются впередъ и съ тѣмъ

вмѣстѣ стѣсняють кругъ привольныхъ лѣсовъ. Тщетно Ятвяги, какъ загнанный въ загородъ звѣрь, бросаются то въ ту, то въ другую сторону и дѣлають отчаянные набѣги на своихъ враговъ сосѣдей; за каждымъ набѣгомъ слѣдуетъ мечь, за каждый набѣгъ Ятвяги платятся тяжкимъ кровавымъ поражениемъ и большею или меньшею потерю своего привольнаго лѣса, на которомъ ставится чужой городъ. Наконецъ за Ятвягами остается почти одна Бѣловѣжская пуща, гдѣ теперь доживаютъ свой вѣкъ зубры, также выгнанные изъ сосѣднихъ странъ; Ятвягамъ нѣтъ уже болѣе привольнаго житья, и они вымирають медленно, неслышно, незамѣтно для исторіи, безъ похоронъ. Такъ что никто не можетъ указать, куда же дѣлись эти страшные прежде Ятвяги, или въ какое именно время исчезли; всѣ только знаютъ, что ихъ теперь нѣтъ, что они исчезли съ лица земли. Да иначе не могло и быть. Ятвяги отстаивали свою дѣдовскую жизнь лѣсныхъ обитателей, а вокругъ ихъ постепенно развивался новый строй жизни, враждебный и совершенно противоположный ихнему строю; вокругъ ихъ росла могучая цивилизація, борьба съ которою не могла имъ обѣщать ни чего добраго.

Л И Т В А.

Совсѣмъ другое положеніе занимали въ здѣшнемъ краю Литовцы, и по своему положенію въ послѣдствіи имѣли совсѣмъ иную судьбу противъ Ятвяговъ. Литовцы по происхожденію своему одноплеменники съ древними Пруссамы, которыхъ истребили Нѣмцы, географически раздѣлялись на двѣ неравныя

половины. Часть Литвы, жившая ближе къ устью Немана и къ морю, по неизменности мѣста называлась Жмудью, Жемойтью (т. е. нижнею Литвою отъ Литвою отъ Литовскаго слова жемась нижній), а другая часть, гораздо большая, жившая по Неману, Святой и Виліи, въ мѣстахъ сравнительно возвышенныхъ, называлась вышнею Литвою, или верхнею. Древнѣйшими границами расселенія Литовскихъ племенъ были: на западѣ Балтійское море и нижнее теченіе Немана, который здѣсь отдѣлялъ Литву отъ Пруссовъ; на югѣ границую также былъ Неманъ въ своемъ верхнемъ теченіи, отдѣлявшій Литву отъ Ятвяговъ, занимавшихъ здѣсь лѣвый берегъ Немана; на востокѣ отдѣляли Литву отъ Летголы или Латышей верхнее теченіе Березины и западная Двина, на правомъ берегу которой жили Латыши; а на сѣверѣ Литовскія племена сходились съ племенами Ливи и Корси, или съ Ливонцами и Куронами. Нижняя Литва или Жемойть жила отъ устья Немана до рѣки Святой. Верхняя Литва жила на востокъ отъ рѣки Святой и дѣлилась на четыре племени. Первое племя, собственно Литва, жило по сѣверному или правому берегу Виліи; второе племя, Девялтва, жило на сѣверо-востокъ отъ Литвы до границъ Летголы, или до Западной Двины; третье племя Рушковичи и четвертое Булевичи жили на югъ отъ Виліи до Немана и Свислочи, впадающей въ Березину, т. е. до древнихъ Ятвяжскихъ границъ и на востокъ до Березины. Впрочемъ позднѣе эти два племени не рѣдко пробирались и за Свислочь даже до Припети, но только на время, постоянно же утвердиться здѣсь они никогда не успѣвали.

Племена сіи еще дѣлились на удѣлы по князьямъ; такъ въ Волынской лѣтописи подѣ 1215 годомъ мы читаемъ имена Литовскихъ князей, приславшихъ посольство къ Волынскимъ князьямъ Данилу и Васильку Романовичамъ. Здѣсь собственно Литовскими князьями названы: Старѣйшій Жлвинбудъ, затѣмъ младшіе князья: Давьятъ, Довспрунгъ, Миндовгъ братъ Довспрунка, и Вилькивилъ братъ Давьятовъ. Жемойтскіе князья: Ерьдивилъ, Викнытъ; князья племени Рушковичей, — Кянгибутъ, Вонибутъ, Бутовитъ, Вижѣикъ и сынъ его Вишлій, Китеній, Пликосова; князья племени Булевичевъ, — Вишимуть, его же убилъ Миндовгъ, а жену его взялъ за себя, и братьевъ его побилъ Едивила и Спрудѣйка; князья Дяволтвы, — Юджи, Пукѣигъ, Викши и Ликѣигъ. Отъ всѣхъ сихъ князей были отправлены посланники; слѣдовательно каждый изъ сихъ князей княжилъ въ своемъ особомъ отдѣлѣ общаго племени; и слѣдовательно каждое изъ пяти племенъ дробилось по князьямъ на удѣлы точно такимъ же порядкомъ, какъ и въ Русской землѣ. Впрочемъ таковой порядокъ принадлежалъ ли Литвѣ искони, или заимствованъ отъ Русскихъ, когда они явились въ этомъ краю, — на это мы не имѣемъ никакихъ указаній, ибо не имѣемъ никакихъ извѣстій объ устройствѣ Литовскихъ племенъ до прибытія сюда Славянскихъ колонистовъ изъ Новгорода великаго. Извѣстія, сохраненныя позднѣйшими Литовскими и Польскими лѣтописцами, выключая сказочнаго извѣстія о Палемонѣ, пришедшемъ изъ Рима, относятся къ тому уже времени, когда въ здѣшнемъ краю существовали Славянскія колоніи изъ Новгорода, когда Полотскъ былъ уже построенъ и находился въ сно-

шеніяхъ съ Литовскими племенами; слѣдовательно когда уже здѣсь находилось въ полной силѣ Русское вліяніе изъ Полотска и Полотскихъ пригородовъ.

Судя по дошедшимъ до насъ указаніямъ какъ Русскихъ такъ и Литовскихъ лѣтописей, различныя племена Литвы не имѣли между собою общей связи, и каждое племя жило отдѣльно и независимо. Общюю, такъ сказать фізіологическою для всѣхъ Литовскихъ племенъ связью были только языкъ и вѣра или религія, и можетъ быть память объ общемъ происхожденіи отъ одного корня, и въ слѣдствіе этого болѣе или менѣе общіе обычаи для всѣхъ племенъ и одинаковый образъ жизни. Языкъ Литовскій былъ общимъ не только для всѣхъ племенъ Литвы, жившихъ на востокъ отъ Немана, но и для Пруссовъ, жившихъ за Неманомъ на западъ. Литовскій языкъ, не смотря на значительную примѣсь славянскихъ и другихъ иноязычныхъ словъ, есть языкъ самостоятельный, какъ въ лексикологическомъ, такъ и въ граматическомъ отношеніи, и примѣсь чужезычныхъ, особенно славянскихъ словъ, указываетъ только на раннія и близкія сношенія Литвы съ Славянами. Знатоки Литовскаго языка относятъ его къ древнѣйшимъ Европейскимъ языкамъ, и ставятъ въ числѣ прямыхъ и непосредственныхъ потомковъ языка Санскритскаго. И хотя Литовцы до позднѣйшаго времени не имѣли своей азбуки, да и теперь ихъ азбука есть не больше какъ Латинская или вѣрнѣе Польская азбука, плохо принаровленная къ звукамъ Литовской рѣчи, *) и

*) Употребленіе древними Литовцами рунъ, или своеобразныхъ начертаній употреблявшихся ихъ жрецами, еще не доказано, и основывается только на догадкахъ и произвольныхъ толкованіяхъ невѣстныхъ начертаній на камняхъ, и на Нѣмецкихъ извѣскіяхъ о какихъ-то будто бы надписяхъ на древнихъ Литовскихъ знаменахъ.

литературныхъ памятниковъ на Литовскомъ языкѣ, кромѣ народныхъ пѣсенъ, очень мало; тѣмъ не менѣе языкъ этотъ пользуется такимъ богатствомъ словъ и способностью словопроизводства, что на немъ доступно выраженіе разнообразнѣйшихъ и даже отвлеченныхъ понятій чисто въ духѣ языка, помимо иноязычныхъ словъ, исторически вошедшихъ въ составъ этого языка.

Относительно Литовской религіи также должно сказать, что она одна изъ древнѣйшихъ религій съ явными слѣдами на связь съ Греческою, Индійскою и Парскою миеологіями, а равнымъ образомъ древними языческими вѣрованіями Славянъ. Такъ Литовскій богъ свѣта или мудрости *Коросъ* прямо напоминаетъ Славянскаго бога Хорса, также выражающаго свѣтъ, или Греческаго Аполлона; а другое названіе того же Литовскаго бога мудрости — *Будте* намекаетъ на Будду Индійскаго, или Литовскій Богъ земли *Земеникасъ* въ самомъ названіи своемъ указываетъ на Славянское божество *Земенигъ*. *Зничъ* огонь также божество извѣстное у Славянъ. *Перкунасъ* или *Перкунъ* богъ грома и молніи напоминаетъ Русскаго *Перуна*, также Бога грома и молніи. *Покла* или *Пекола* подземный богъ ада также напоминаетъ Славянское пекло—адъ. *Ладо*—Богъ весны, юности и красоты, извѣстенъ также и подъ тѣмъ же именемъ и Русскимъ Славянамъ, и въ Русскихъ пѣсняхъ, которыя поются въ весеннихъ хороводахъ, также какъ и въ Литовскихъ хороводныхъ пѣсняхъ ему придается прилагательное *Дидъ* - великій, по Русски *Дидъ-Ладо*, а по Литовски *Дидисъ* - Ладо. Кромѣ того Литовцы подобно Грекамъ имѣли своего Марса бога войны-

Каваса или *Кавлласа*, своего Нептуна - бога воды и морей-Атримпоса, свою Венеру-богиню Любви Мильду, свою Юнону - богиню свадебъ-Ганду и покровительницу женщинъ-Лайму.

Языкъ и религія Литовцевъ, какъ они извѣстны по дошедшимъ до насъ памятникамъ, прямо говорятъ, что Литовцы поставили себя въ отношенія къ появившимся въ этомъ краѣ Славянамъ несравненно благопріятнѣйшія тѣхъ отношеній, въ которыя себя поставили Ятвяги. Литовцы очевидно встрѣтили новыхъ пришельцевъ мирно и вступили въ тѣсныя дружественныя связи съ ними, которыя повели оба племени къ взаимнымъ обмѣнамъ не только произведеній промышленности, но даже въ языкѣ и религіи, и тѣмъ самымъ способствовали мирной колонизаціи Литовской земли поселеніями Полочанъ, которые проникли не только къ ближайшимъ къ Березинѣ и Двинѣ Литовскимъ племенамъ, но даже въ отдаленную Жемойть, гдѣ уже въ глубокой древности, какъ уже было сказано, мы встрѣчаемъ чисто Славянскіе и даже Русскіе города—Вилькомиръ на рѣкѣ Святой, Поневѣжъ на рѣкѣ Невѣжѣ, Россіены между Дубиссою и Юрою и Мѣдники въ Тельшевскомъ уѣздѣ, среди сплошнаго Жемойтскаго населенія. И, что всего замѣчательнѣе; нѣтъ нигдѣ и намековъ на какую либо вражду и ссоры между туземцами—Жемойтью и Новгородскими колонистами—Полочанами. Дѣло колонизаціи идетъ мирно,—ни туземцы не мѣшаютъ пришельцамъ, ни пришельцы туземцамъ. Туземцы свободно и спокойно живутъ около городовъ, построенныхъ пришельцами, и пришельцы смѣло селятся между туземцами и, не смотря на разноплеменность, живутъ другъ съ дру-

гомъ какъ одинъ народъ ; Литвины не враждуютъ противъ религіи Полочанъ и Полочане противъ религіи Литвиновъ,—Перунъ и Перкунасъ , Корось и Хорсь одинаково уважаемы и тѣмъ и другимъ племенемъ. Даже христіанство, принятое Полочанами и непринятое Литвинами, нисколько не нарушило согласія пришельцевъ съ туземцами ; ибо восточная православная церковь въ Россіи никогда не знала принудительнаго обращенія язычниковъ и не преслѣдовала другихъ религій, предоставляя каждому по добровольному убѣжденію исповѣдывать ту или другую вѣру. Такъ что христіанство не только не нарушило мира и согласія между туземцами и пришельцами, но кажется еще болѣе сблизило ихъ ; ибо нельзя же отрицать, что не всѣ Литвины остались при своемъ старомъ язычествѣ, а напротивъ значительная часть ихъ вмѣстѣ съ пришельцами Полочанами приняла христіанство , что доказывается мученическою кончиною нѣкоторыхъ христіанъ Литвиновъ при насильственномъ введеніи Латинства въ Литовской землѣ. Часто упоминаемые въ лѣтописяхъ опустошительные набѣги Литовцевъ на сосѣднія Русскія земли нисколько не отрицаютъ мирныхъ и дружественныхъ отношеній Литвы къ Полочанамъ и спокойной колонизаціи Литовской земли Полотскими поселеніями ; ибо упоминаемые лѣтописями Литовскіе набѣги были направлены или на Новгородскія, или на Волынскія, или на Черниговскія, или на другія Русскія владѣнія, но никогда на Полотскія. Напротивъ того, набѣги сіи нерѣдко производились Литвою заодно съ Полочанами и преимущественно были только местию за обиды сосѣдей Полотской или Литовской земли ; при

томъ же въ лѣтописяхъ, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, Литва и Полочане принимались заодно, и подъ именемъ Литовскихъ набѣговъ разумѣлись и набѣги Полотскіе.

Но еще замѣтнѣе мирное и дружественное отношеніе Литвы къ Полочанамъ въ обыденныхъ народныхъ обычаяхъ и повѣрїяхъ, какъ они доселѣ сохраняются у народа и въ Литвѣ и на Руси. Обычаи сіи во многихъ случаяхъ такъ сходны между собою, или даже одинаковы, что Литовцы и Русскіе являются какъ бы однимъ народомъ, или какъ бы родными, даже не смотря на то, что Литвѣ и Жемойти теперь много навязано Поляками чужаго и враждебнаго Руси, во время ихъ владычества надъ здѣшнимъ краемъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ одинаковости народныхъ обычаевъ на Руси и въ Литвѣ: такъ у Литовцевъ контъ или куть считается почетнѣйшимъ мѣстомъ въ дому, и на Руси, именно въ великорусскихъ мѣстностяхъ, первоначально колонизованныхъ Новгородцами, куть также считается почетнымъ мѣстомъ въ крестьянскомъ дому. Или у Литовцевъ выпавшіе у дѣтей молочные зубы матери обыкновенно бросаютъ на печь съ приговоркою: мышка, мышка, чернюша, на тебѣ зубъ деревянный, а ты мнѣ дай костяной; и на Руси въ деревняхъ также выпавшій дѣтскій зубъ бросаютъ на печку и съ такою-же приговоркою. Или у Литвиновъ и Русскихъ одинъ и тотъ же обычай, или повѣрье, прятать куда нибудь обстриженные съ головы волосы, чтобы птица не утащила и не свила изъ нихъ гнѣзда, отъ чего будетъ болѣть голова. Или Русскія и Литовскія крестьянки считаютъ за большой грѣхъ уронить изъ рукъ даже крошку хлѣба, а когда кото-

рая уронить на полъ или на землю нечаянно, то немедленно подымаетъ съ земли и цѣлуетъ. Или при посѣвѣ хлѣба въ полѣ, ежели нечаянно сдѣлаютъ обсѣвокъ, т. е. пропустятъ, не засѣютъ часть пашни; то это и у Русскихъ и у Литовскихъ крестьянъ считается предзнаменованіемъ, что въ этомъ году умретъ хозяинъ поля, или кто либо изъ его семьи. Или у Русскихъ и у Литовцевъ считается самою дурною примѣтою, ежели или заяцъ перебѣжитъ дорогу, или женщина перейдетъ съ пустыми ведрами; и на оборотъ, добрая примѣта, ежели встрѣтится женщина съ полными ведрами, или волкъ перебѣжитъ дорогу, или когда при выходѣ изъ дома будетъ накрапывать дождикъ. Такъ и на Руси и въ Литвѣ вѣрятъ, что пожаръ отъ молніи должно гасить квашенымъ молокомъ. Или и на Руси и въ Литвѣ считается за прибыльное купить животное или птицу отъ ножа, т. е. обреченную хозяиномъ на зарѣзъ; или дѣти рожденные въ сорочкѣ считаются счастливыми. Или по недѣльникъ у того и другаго народа признается тяжелымъ днемъ, въ который не слѣдуетъ начинать никакого важнаго дѣла. Собака воесть или курица поетъ пѣтухомъ,—значитъ будетъ въ дому покойникъ; бѣлыя пятнушки на ногтяхъ означаютъ, что будетъ обновления или прибыль; кошка замываетъ, значитъ будутъ гости; правая ладонь чешется,—видѣться съ милымъ человѣкомъ, а лѣвая считать деньги. Или на Руси и въ Литвѣ одинаковое повѣрье о папоротникѣ, что его должно отыскивать съ извѣстными обрядами въ ночь на Ивановъ день, и что владѣющій папоротникомъ можетъ легко отыскивать клады; обряды отысканія папоротника одинаковы на Литвѣ, даже на

Жемойти и на Руси; такъ что легенды или рассказы объ отысканіи папоротника у того и другаго народа одни и тѣ же. Или ужъ въ Литвѣ и на Руси, даже подь Москвой, пользуется большимъ уваженіемъ у крестьянъ, такъ что они кормятъ его молокомъ и считаютъ за счастье, ежели ужъ поселится въ чьемъ дому. При встрѣчѣ на Руси и въ Литвѣ крестьяне привѣтствуютъ другъ друга словами *добрый день*, или *добрый вечеръ*; а когда одинъ другаго встрѣтилъ за работой, то обыкновенно говоритъ: *Богъ помочь*.

Въ разныхъ обрядахъ частной домашней жизни также проглядываетъ большое сходство у Литовцевъ съ Русскими въ великороссійскихъ губерніяхъ. Такъ сватовство у того и другаго народа производится черезъ сватовъ или свахъ, засылаемыхъ отъ жениха къ родителямъ невѣсты, при чемъ сваты приносятъ водку и договорившись дѣлаютъ запой, т. е. выпиваютъ вмѣстѣ принесенную водку. Потомъ, когда невѣсту везутъ къ вѣнцу на убранныхъ лошадяхъ, то при выѣздѣ изъ деревни сосѣди загораживаютъ дорогу, или запираютъ ворота на околицѣ и требуютъ выкупа за проѣздъ. Въ вечеръ передъ свадьбою какъ у Литовцевъ, такъ и у Русскихъ женихъ долженъ принести разныхъ гостинцевъ и непременно черевикки; на дѣвичникѣ и на Руси и въ Литвѣ дѣлается послѣдній запой или пропой, которымъ окончательно утверждается свадебный договоръ. При кончинѣ больного, ежели онъ долго страдаетъ въ предсмертныхъ мученіяхъ, какъ у Литовцевъ, такъ и у Русскихъ имѣютъ повѣрье проламывать потолокъ надъ постелью больного, чтобы душа скорѣе освободилась отъ тѣла; а по кончинѣ спѣшатъ закрыть глаза умер-

шаго, чтобы не сманилъ другихъ за собою. Въ ночь на праздникъ рождества Иоанна Крестителя какъ на Руси, такъ и въ Литвѣ ходять отрывать клады, отыскивать разныя коренья и травы, и таинственный цвѣтокъ, называемый папоротникъ, который, какъ вѣрятъ, можно отыскать только въ эту ночь. Или завиванье вѣнковъ вечеромъ въ день Петра и Павла въ Литвѣ, по обрядамъ своимъ, совершенно одинаково съ завиваньемъ вѣнковъ на Руси въ семикъ; въ этомъ обрядѣ дѣвушки кумятся съ молодцами. Обрядъ этотъ и на Руси въ XVI столѣтїи совершался также вечеромъ въ день Петра и Павла, какъ свидѣтельствуешь Стоглавъ.

Здѣсь приведены въ примѣръ только нѣкоторые обряды и обычаи, сходные или одинаковые у Литовцевъ и Русскихъ, на дѣлѣ же ихъ сохранилось гораздо болѣе, не смотря на то, что тотъ и другой народъ въ продолженіе своей исторїи подвергался многимъ стороннимъ влїяніямъ. Изъ сего можно заключить, что въ древнее время, когда постороннихъ влїяній еще не было, или они были еще слабы, особенно до государственнаго соединенія Литвы съ Польшею и до введенія Латинства, сходство въ образѣ жизни въ нравахъ и обычаяхъ Литовцевъ и пришедшихъ къ нимъ Новгородскихъ колонистовъ—Полочанъ было еще сильнѣе, такъ что они болѣе или менѣе жили одною жизнію. А судя потому, что Полочане и Литва имѣли различное происхожденіе и находились не на одинаковой степени развитія, мы волей-неволей должны придти къ тому заключенію, согласному со смысломъ цѣлой исторїи здѣшняго края, что Полочане и Литва еще въ доисторическія времена уже

находились въ такихъ отношеніяхъ другъ къ другу, что составляли какъ бы одинъ народъ; что Литва въ образѣ народной жизни развивалась подъ вліяніемъ Полочанъ и во всякомъ случаѣ находилась не во враждебныхъ отношеніяхъ къ Полотску, и что колоніи Полочанъ мирно распространялись по Литовской землѣ и разносили Русскую цивилизацію по Литовскимъ селеніямъ. Ибо ежели бы не было такихъ мирныхъ и какъ бы родственныхъ отношеній между сими двумя народами, то естественно не могло бы развиваться у нихъ такого сходства въ образѣ жизни, въ нравахъ и обычаяхъ, и это сходство не сохранилось бы до настоящаго времени, не смотря на сильное постороннее вліяніе, начиная съ XV вѣка, и особенно не смотря на введеніе Латинства, этого страшнаго развѣдающаго начала, въ продолженіе слишкомъ 400 лѣтъ царившаго въ здѣшнемъ краю и оставившаго въ народѣ по себѣ память, какъ о нечистой силѣ. Какъ прямо поется въ одной здѣшней народной пѣснѣ:

Понайшла нечиста сила,
Русску вѣру поглумила:
Батьки въ церкви не служили,
А ксѣнды и мпу вошли.

Древній польскій историкъ лѣтописецъ Длугошъ очень вѣрно говоритъ, что тѣсная связь и смѣшеніе Литвы съ Русью произвели то, что Литва большею частію потеряла свой прежній характеръ и едва не измѣнилась совершенно, т. е. едва не обрусѣла. А Литовскій лѣтописецъ Быховецъ, какъ уже было сказано выше, Литовскую землю на югъ отъ Вилии прямо называетъ Русскою землею; слѣдовательно тамошніе Литвины на столько уже слились съ Русскими людьми и обрусѣли, что самими же Литовцами

ихъ родичами, жившими на сѣверъ отъ Вилии, уже назывались не Литовцами, а Русью.

Первобытный образъ жизни Литовцевъ въ глубинѣ ихъ лѣсовъ и болотъ, еще не разложенный вліяніемъ Полотскихъ колоній, по извѣстіямъ, почерпнутымъ впрочемъ не изъ Русскихъ лѣтописей, описывается такъ. Литовцы въ своихъ непроходимыхъ лѣсахъ и пуцахъ жили совершенными дикарями, не имѣли ни городовъ ни селеній, держались отдѣльно другъ отъ друга въ дикихъ тущобахъ, трудно доступныхъ и даже недоступныхъ для постороннихъ, гдѣ на лѣто строили себѣ шалаши изъ прутьевъ или хвороста, а на зиму запасали землянки, расположенныя на спускахъ горъ, или на крутыхъ берегахъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, гдѣ повыше, и тамъ вырывали себѣ ямы, въ которыхъ въ продолженіи зимы постоянно поддерживали огонь для защиты отъ холода, а равнымъ образомъ и для приготовленія пищи. Болѣе зажиточныя и многолюдныя семейства, въ которыхъ было по нѣсколько братьевъ или сыновей, уже женатыхъ, строили изъ бревенъ и постоянные дома на зиму и на лѣто, сажень по 10 и по 15 въ длину и сажень по 5 и по 6 въ ширину; дома эти, или скорѣе загоны, назывались *нумаи* или *нумы*; они крылись еловою корою или соломою, имѣли по одному и рѣдко по два окна, дверей въ нумаи всегда было по двѣ, одна малая для людей и другая большая для загона скота, который на зиму также загонялся въ нумаи и жилъ вмѣстѣ съ своими хозяевами. Надъ дверми прорубались малыя отверстія для пропуска дыма, которыя, когда пройдетъ дымъ, затыкались; въ срединѣ нумаи выкапывалась яма около аршина въ глу-

бину и около сажени въ поперечникѣ; края этой ямы обкладывались камнемъ, чтобы можно было сидѣть, и по серединѣ разводился огонь; у стѣнъ въ холодное время ставили скоть, а въ большихъ нумахъ складывали и хлѣбъ.

Первоначально Литвины пропитывались только звѣроловствомъ и рыболовствомъ, за земледѣліе же принялись только въ послѣдствіи, можетъ быть по указанію Полотскихъ колонистовъ, или заимствуя этотъ промыселъ у единоплеменныхъ Прусовъ, которые, по всему вѣроятію, учились земледѣлію у Поморскихъ Славянъ. Такъ Литовскій лѣтописецъ Быховецъ, рассказывая о первомъ поселеніи Литовскаго племени, говоритъ, что Литовцы на берегахъ Немана нашли себѣ богатые дубровы, наполненныя разнымъ звѣремъ: турами, зубрами, оленями, лосями, сернами, рысями, куницами, бѣлками, лисицами, горностаями и иными, а въ рѣкахъ множество рыбы разныхъ породъ, морскихъ и рѣчныхъ; но тотъ же лѣтописецъ не упоминаетъ ни словомъ о плодородіи земли. Самая пища древнихъ Литвиновъ была преимущественно мясная, а не хлѣбная; они ѣли конину, это было любимое ихъ кушанье; изъ конскаго молока, смѣшаннаго съ кровію, они даже приготовляли себѣ крѣпкій напитокъ, который опьянялъ ихъ и былъ напиткомъ самымъ любимымъ; за конскимъ мясомъ любимымъ кушаньемъ было мясо говяжье и свиное, соленое и копченое, до овощей же Литвины были не охотники. Все это показываетъ, что земледѣліе не было исконнымъ въ Литвѣ, и что Литовцы сдѣлались земледѣльческимъ народомъ только въ послѣдствіи, заимствуя это занятіе у Полотскихъ колони-

стовъ, первоначально же они были только звѣроловами и скотоводами. Занятіе земледѣліемъ очевидно служило первымъ шагомъ къ обрусѣнію Литовцевъ; земледѣліе было тою неразрывною связью, которая отъ начала историческихъ временъ здѣшняго края уже соединяла Литву съ Полотскомъ и его колоніями; земледѣліе вызывало Литвиновъ изъ дикихъ лѣсныхъ трупобъ и заставляло ихъ селиться на мѣстахъ открытыхъ и разчищать самые лѣса для пашни; оно пріучало ихъ жить мирно въ сосѣдствѣ съ Полотскими колонистами. Впрочемъ звѣроловство и вообще лѣсные промыслы и при земледѣліи оставались любимыми промыслами Литовцевъ, и земледѣліемъ занимались только ближайшіе сосѣди къ Полотскимъ колоніямъ; глубина же пущь, лѣсовъ и болотъ конечно и по самому свойству мѣстной природы оставалась попрежнему дикою и своихъ обитателей Литвиновъ держала въ полудикомъ состояніи, особенно на Жемойти, что засвидѣтельствовано какъ Русскими, такъ Польскими и Нѣмецкими лѣтописями даже въ продолженіи всего XIII вѣка, когда Литовцы съ своими князьями уже выступили на поприще исторіи. Самая религія питала въ Литвинѣ любовь къ лѣсной жизни; всѣ божества древней языческой Литвы жили въ лѣсахъ, и все священное, все уважаемое древнимъ Литвиномъ было тѣсно связано съ лѣсомъ, болотомъ, озеромъ и дикою пущею, все это манило Литвина въ лѣсъ и дѣлало его лѣснымъ обитателемъ и сообщало ему особый угрюмый характеръ. А посему Литвины до сего времени у Бѣлоруссовъ, потомковъ древнихъ Полочанъ, считаются колдунами, точно также какъ въ древности у Новгородцевъ счи-

тались колдунами и волхвами Чудь и Корѣла; Литвинъ или переставалъ быть Литвиномъ, обращался въ Русскаго, въ Полочанина, или, оставаясь Литвиномъ, держался лѣса, болота и дикой пуши.

Объ общественномъ устройствѣ Литвы, мы имѣемъ только самыя темныя и отрывочныя намеки. Мы знаемъ, что Литовцы дѣлились на множество мелкихъ племень, иныя съ своими князьями, иныя безъ князей; но какое значеніе имѣлъ князь въ древней Литвѣ, мы объ этомъ ничего не можемъ сказать опредѣлительнаго. Первоначально кажется у Литовцевъ во все не было князей; ибо сказка о какомъ-то Палемонѣ, пришедшемъ къ устьямъ Немана изъ Италіи и даже изъ Рима во время Римскихъ гражданскихъ войнъ, есть не больше какъ сказка, сочиненная книжниками XV и XVI столѣтій, и заключаетъ въ себѣ столько же историческаго, какъ и подобная ей сказка Московскихъ лѣтописцевъ того же времени о происхожденіи Русскихъ князей, потомковъ Рюрика, отъ Августа Кесаря Римскаго. По свидѣтельству же Нѣмецкихъ лѣтописцевъ, писавшихъ о древнихъ Пруссахъ, какъ у Пруссовъ, такъ и у Литовцевъ верховнымъ главою всѣхъ Литовскихъ и Прусскихъ племень былъ главный жрецъ, лѣсный папа или Далайлама, Криве-Кривейто, который, какъ непосредственный истолкователь воли боговъ, изъ своей лѣсной столицы Ромово, бывшей сперва въ Пруссіи, а потомъ въ Литвѣ, безгранично повелѣвалъ всѣми Прусскими и Литовскими племенами, и передъ посланцами котораго, разхаживавшими съ кривыми палками, трепеталъ каждый знатный и незнатный Литвинъ. Къ тому же ни въ Нѣмецкихъ, ни въ Русскихъ, ни въ

Польскихъ лѣтописяхъ первоначально ни словомъ не упоминается о Литовскихъ князьяхъ. Генрихъ Латышъ, древнѣйшій Ливонскій лѣтописецъ, подъ 1200 годомъ, говоря о нападеніи Литовцевъ на Жемгалу (Зимиголу), ни слова не говоритъ о Литовскихъ князьяхъ, даже при заключеніи мира съ Литвою, гдѣ нельзя было бы миновать безъ упоминанія князей, ежели бы они были у Литовцевъ. А подъ 1204 годомъ онъ же говоритъ о какомъ-то вождѣ Литовцевъ Шелгатѣ, котораго называетъ не княземъ, а только человѣкомъ богатымъ и могущественнымъ между Литовцами. Или подъ 1208 годомъ, говоря о Всеволодѣ князѣ Берсикѣ (Герсикѣ), рассказываетъ, что онъ былъ женатъ на дочери одного могущественнаго Литвина, и по женѣ самъ былъ какъ бы Литвинъ, и въ войнѣ противъ Нѣмцевъ пользовался помощію Литовцевъ, по милости своего тестя, который впрочемъ не названъ Литовскимъ княземъ. Или подъ 1213 годомъ сказано: пришли Литовцы изъ-за Двины, и съ ними вождь ихъ и начальникъ Стеше, который также не названъ княземъ. Вообще Генрихъ Латышъ въ своей довольно подробной хроникѣ, объемлющей первыя 27 лѣтъ XIII столѣтія, упоминая о Литовцахъ до двадцати разъ, ни разу не говоритъ о Литовскихъ князьяхъ. Тогда какъ по Русскимъ лѣтописямъ уже подъ 1215 годомъ дѣлаются извѣстными болѣе 20 именъ Литовскихъ князей въ разныхъ племенахъ Литвы. Отсюда ясно, что Генрихъ Латышъ не упоминаетъ о Литовскихъ князьяхъ не потому, чтобы ихъ вовсе не было въ Литвѣ въ его время, а потому что князья были не во всѣхъ Литовскихъ племенахъ, и что иныя Литовскія племена

управлялись своими выборными старѣйшинами, а инныя находились въ зависимости у своихъ же богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ Генрихъ Латышъ называетъ начальниками и вождями, но не князьями; слѣдовательно въ племенахъ сосѣднихъ съ Ливонією у Литовцевъ не было князей; и дѣйствительно, извѣстія о князьяхъ въ томъ краю являются гораздо позднѣе. О сильныхъ же землевладѣльцахъ, могшихъ своими средствами дѣлать набѣги на сосѣдей, есть извѣстія и въ Русскихъ и въ Литовскихъ лѣтописяхъ; такъ Ипатьевская лѣтопись подъ 1246 годомъ упоминаетъ о какомъ-то предводителѣ Литовцевъ, нападавшихъ на Пересопницу, Аишьвиѣ Рушковичѣ (Аишьвио Рушковичъ), котораго не называетъ княземъ. А литовскій лѣтописецъ Быховецъ рассказываетъ многихъ могущественныхъ родахъ между Литовцами, о которыхъ прямо говорить, что они не принадлежали къ княжескимъ родамъ; таковы напримѣръ роды: Грумпіевъ, Ёйкшисовъ и Гровчисовъ, признававшихъ надъ собою власть князя Ердзивила.

Все это показываетъ, что княжеская власть въ Литвѣ не принадлежала къ первоначальнымъ формамъ быта, а появилась въ послѣдствіи, можетъ быть въ подражаніе Полочанамъ, когда у нихъ появились князья. Первоначально же вся власть, какъ уже сказано, принадлежала верховному жрецу—Криве-Кривейто, а каждое племя непосредственно управлялось своими выборными старѣйшинами и мѣстными народными собраніями или сходками, на которыя мы встрѣчаемъ хотя неясные намеки въ лѣтописяхъ. Поэтому, можетъ быть по образцу Полотскихъ колони-

стовъ , между Литовцами , начавшими знакомиться съ Полотскою или Новгородскою цивилизаціею, образовались богатые и сильные роды землевладѣльцевъ, которые своими богатствами подчиняли себѣ бѣдныхъ сосѣдей. За тѣмъ изъ богатыхъ и сильныхъ родовъ мало-по-малу, съ ослабленіемъ Полотскихъ князей Изяславова поколѣнія и съ вмѣшательствомъ въ Полотскія и Литовскія дѣла сосѣднихъ Русскихъ князей, особенно Кіевскихъ, а также Поляковъ и Нѣмцевъ, стали выработываться княжескіе Литовскіе рода. Прусскій лѣтописецъ Петръ Дюсбургскій и Бартейтевская жалованная грамота 1332 года прямо называютъ князьями или цариками, богатые и могущественные роды землевладѣльцевъ. Естественно, что безпрестанныя нападенія сосѣдей, начавшіяся съ конца XII столѣтія и крайнее ослабленіе Полотскихъ князей, запутавшихся въ междоусобіяхъ, должны были возвысить нѣкоторыхъ богатыхъ Литовскихъ землевладѣльцевъ до княжеской власти; ибо Литовцамъ въ это время пришлось самимъ отражать враждебныя нападенія, и именно подъ предводительствомъ богатыхъ землевладѣльцевъ, могшихъ вооружить бѣдниковъ на свой счетъ, и такимъ образомъ поручаемая имъ власть во время войны, при безпрестанныхъ войнахъ, мало-по-малу перешла въ постоянную княжескую власть. И потому-то только съ XIII вѣка лѣтописи начинаютъ говорить о Литовскихъ племенныхъ князьяхъ; до того же времени племенныхъ Литовскихъ князей не было, а были Литовскими князьями Русскіе князья изъ поколѣнія Изяслава Полотскаго. Русскія княжескія и дворянскія родословныя и нѣкоторые лѣтописи даже прямо про-

изводятъ племенныхъ Литовскихъ князей отъ удѣльныхъ Полотскихъ князей. Это можетъ быть до нѣкоторой степени и справедливо; иные удѣльные князья, среди междоусобій утратившіе свои владѣнія, уходили къ Литовцамъ и тамъ совершенно олитвинивались, женились на Литвинкахъ, и ихъ потомки, какъ истые Литовцы по матерямъ, дѣлались уже племенными Литовскими князьями. Впрочемъ такового происхожденія ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать всѣмъ племеннымъ Литовскимъ князьямъ.

Теперь раждается вопросъ—какое же значеніе имѣла въ Литвѣ княжеская власть племенныхъ Литовскихъ князей? Литовскій лѣтописецъ Быховецъ называетъ Литовскихъ племенныхъ князей весьма ласковыми до подданныхъ своихъ, а объ иныхъ Литовскихъ князьяхъ говоритъ, что при нихъ существовало и народное вѣче; это свидѣтельство лѣтописи указываетъ, что княжеская власть въ Литвѣ имѣла почти такое же значеніе, какъ и въ Полотскѣ. Это подтверждается тѣмъ, что Русскіе города Полотскаго княжества охотно подчинялись Литовскимъ князьямъ, чего конечно нельзя бы было ожидать, ежели бы Литовская княжеская власть не походила на княжескую власть Полотскую. Но не слѣдуетъ отрицать, что въ Литовской княжеской власти были и свои характеристическія черты, вслѣдствіе которыхъ эта власть вдругъ сдѣлалась могущественною и какъ бы несокрушимою. Сія отличительныя черты состояли: во 1-хъ въ томъ, что въ Литвѣ княжеская власть досталась Литовцамъ же, а не пришлымъ князьямъ, какъ въ Полотскѣ; слѣдовательно князья имѣли большую поддержку въ единоплеменности подданныхъ.

А во 2-хъ, Литовскіе князья были богатые и сильныя землевладѣльцы; еще до полученія княжеской власти у нихъ были цѣлыя полки слугъ, принадлежащихъ имъ на частномъ правѣ, независимо отъ государственной власти; слѣдовательно земщина не могла имъ грозить изгнаніемъ, какъ это бывало съ Полотскими князьями, которые нерѣдко соглашались на невыгодныя условія, только потому, что некуда было дѣваться. Но въ 3-хъ, что съ одной стороны поддерживало ихъ власть, то съ другой стороны ограничивало ее. Литовскіе князья, какъ уже сказано, были сильны тѣмъ, что они были богатые землевладѣльцы, что они именно образовались изъ класса сильныхъ землевладѣльцевъ; но такъ какъ землевладѣльцами были не одни князья, но и другіе могущественные и богатые роды, ихъ прежніе товарищи и сосѣди по владѣніямъ; то сіи-то прежніе товарищи князей по своему могуществу и богатству и были главнымъ препятствіемъ къ полнѣйшему развитію княжеской власти; князья нерѣдко должны были дѣлиться съ ними какъ властію, такъ и поземельными приобрѣтеніями. А посему княжеская власть Литовскихъ племенныхъ князей не избѣгла такого же ограниченія, какъ и власть прежнихъ Полотскихъ князей; только это ограниченіе у Литовскихъ князей было не въ пользу народа, какъ это было въ Полотскѣ, а въ пользу прежнихъ княжескихъ товарищей, богатыхъ и сильныхъ землевладѣльческихъ родовъ, которые въ иныхъ краяхъ Литовской земли страшно давили беззащитный народъ, и на которыхъ нерѣдко нельзя было имѣть управы даже на княжескомъ судѣ, особенно когда князей было

много, когда большія племена еще раздробились на удѣлы.

Могущественные и богатые роды Литовскихъ земле-
владѣльцевъ въ Литвѣ, точно также какъ у Новго-
родцевъ и Полочанъ, носили названіе боярь, т. е.
большихъ людей, что указываетъ нѣкоторымъ обра-
зомъ на происхожденіе Литовскаго боярства по Нов-
городскому или Полотскому образцу, и что перво-
образомъ Литовскихъ боярь были богатые Полотскіе
колонисты въ Литовской землѣ, владѣвшіе цѣлыми
областями и имѣвшіе свои дружины повольниковъ,
подобно Новгородскимъ боярамъ-колонистамъ въ За-
волочьѣ. Но племенные Литовскіе бояре, пользуясь
ослабленіемъ Полотска и Полотскихъ князей, при-
обрѣли даже болѣе самостоятельности и могущества,
чѣмъ Новгородскіе бояре въ Заволочьѣ; они до по-
явленія и усиленія племенныхъ князей не признава-
ли ничьей власти, и не только безконтрольно владѣли
въ своихъ вотчинахъ, но и самовольно дѣлали на-
бѣги на сосѣднія княжества и земли, или вступали
въ союзы даже съ Полотскими удѣльными князьями,
бывшими уже въ крайнемъ безсиліи; такъ мы уже
видѣли въ лѣтописи Генриха Латыша, что Всеволоду
князю Берсиги въ войнѣ съ Нѣмцами помогать его
тесть, богатый и сильный землевладѣлецъ Литовскій.
Или въ 1213 году богатый Литвинъ Стеша дѣлалъ
набѣги на Задвинскія владѣнія Нѣмцевъ; или въ 1246
году Литвинъ Аишно Рушковичъ съ своею дружиною
дѣлалъ набѣгъ на Пересопницу.

Подражаніе Новгородцамъ, или ближе Полочанамъ,
мало-по-малу получило такое развитіе въ Литвѣ,
что у Литовцевъ явились своего рода повольники.

Эта сторона Новгородской цивилизаціи до того пришла по плечу лѣснымъ Литвинамъ, что съ ослабленіемъ Полотскихъ князей удалцы Литовскіе, конные и пѣшіе, стали дѣлать набѣги на всѣ сосѣднія земли и наводить ужасъ на мирныхъ жителей своими грабежами и убійствами, или помогать разнымъ удѣльнымъ Полотскимъ князьямъ въ качествѣ наемниковъ. такъ въ 1203 году, при нападеніи на Ригу, дружина князя Берсики, главнымъ образомъ состояла изъ Литовской вольницы. Начиная съ первыхъ годовъ XIII столѣтія, Русскія и Польскія лѣтописи стали весьма часто упоминать о Литовскихъ набѣгахъ на тотъ или другой край, не обозначая предводителей этихъ набѣговъ; изъ чего прямо можно заключить, что набѣги сіи производились толпами безымянной вольницы. Но повольники Литовскіе походили на своихъ собратьевъ Полотскихъ и Новгородскихъ только отвагою и буйствомъ, только эту сторону повольничества могли усвоить себѣ лѣсные Литвины; но они не были ни колонизаторами, ни промыслителями новыхъ владѣній для своей метрополіи, по той простой причинѣ, что у нихъ не было и самой метрополіи, не было центра, къ которому бы можно было присоединить ихъ промыслы. Литовская земля, съ паденіемъ могущества Полотскихъ Русскихъ князей, представляла разсыпанную хранину, пока не собралъ ее Гедиминъ. А посему Литовскіе повольники могли быть и дѣйствительно были только дикими лѣсными грабителями, они грабили только для своей наживы и вовсе не имѣли въ виду выгодъ своей метрополіи, которой у нихъ не было, или которою у нихъ былъ дикій непроходимый лѣсъ, къ которому примышлять

нечего. У Литовцевъ не было собственно Литовскихъ городовъ, построенныхъ самими Литовцами, ихъ города были построены или Полочанами, какъ Полотскія колоніи, или Литовскими племенными князьями и боярами, какъ остроги или замки, для защиты владѣтелей, а не какъ Русскіе земскіе города; о Литовскихъ земскихъ городахъ не упоминаетъ ни одинъ лѣтописецъ ни Русскій ни Литовскій. Напротивъ, по лѣтописямъ, мы находимъ города, построенные Полочанами какъ колоніи, напримѣръ: Дисна, Поневѣжь, Вилькомирь, Свѣнчаны и другіе; или города, построенные Литовскими племенными князьями,—напримѣръ: Керновъ, построенный Кернусомъ, Трабы Трабусомъ, Гольшаны княземъ Гольшею, сыномъ Ромунта; или города, построенные знаменитыми боярскими родами,—напримѣръ: Видзинишки построены Довмонтомъ, сыномъ Гурды—Гедройць, полководцемъ Кейстута, или городъ Гераноны составлялъ имѣніе рода Гастольдовъ, или Граужишки были вотчиною одного изъ бояръ Ердзивиловыхъ еще въ XIII столѣтіи, и Ейшишки со всѣмъ своимъ уѣздомъ принадлежали Ейшишу, также боярину Ердзивилу.

Но не смотря на своеобразное выраженіе формъ общественной жизни у Литовцевъ, когда они выступили на историческое поприще, формы сіи, за исключеніемъ религіозной стороны, были въ сущности чисто Полотскія, только видоизмѣненные по характеру Литвиновъ. Литовцы не могли заимствовать сихъ формъ ни откуда, какъ только отъ Полочанъ, съ которыми одними находились въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ, вплоть до того времени, какъ выступить имъ на поприще исторіи. Кромѣ Криве-Кривейто и цѣ-

лаго сонма лѣсныхъ боговъ, какъ свидѣтельствуютъ всѣ дошедшіе до насъ памятники, Литовцы, жители лѣсовъ и болотъ, не вѣдали ничего относящагося къ общественной жизни, они жили разсѣянно въ лѣсныхъ труппахъ, неприступныхъ для всякаго посторонняго, и даже едвали занимались земледѣліемъ, а промышляли звѣроловствомъ, рыболовствомъ и до нѣкоторой степени скотоводствомъ; у нихъ не было ни городовъ, ни даже сколько нибудь значительныхъ селеній; каждая семья, большая или малая, жила отдѣльно отъ другихъ и не знала другой власти, кромѣ власти Криве-Кривейто и своего старѣйшины. И таковыми Литовцы оставались до появленія въ ихъ краю Полотскихъ колоній, которыя по миролюбивому ихъ характеру, были приняты безъ сопротивленія. Только съ появленіемъ Полотскихъ колоній, мало-помалу проникшихъ по рѣкамъ въ глубь Литовскихъ поселеній, постепенно начинается общественный бытъ Литвиновъ; вѣроятно съ этого только времени въ Литвѣ начали появляться волости или округи съ народными сходками и съ выборными старостами, по образцу Полотскихъ колоній, да и то только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя болѣе обрусѣли, гдѣ Полотскія колоніи были чаще и многочисленнѣе. Въ этихъ только мѣстахъ прежде всего выдѣлились большіе люди, богатые и сильные землевладѣльцы, заимствовавшіе отъ Полочанъ названіе бояръ; а потомъ изъ бояръ выдѣлились сильнѣйшіе и богатѣйшіе и образовали изъ себя княжескіе роды по образцу Русскихъ князей. Но всѣ сіи измѣненія происходили только, какъ уже сказано, въ племенахъ болѣе или менѣе обрусѣлыхъ подъ вліяніемъ Полотскихъ

колоній; въ тѣхъ же племенахъ, въ которыхъ колоній было меньше, напримѣръ на Жемойти, Литвины болѣе или менѣе оставались Литвинами, т. е. жителями лѣсныхъ труппъ; но и сіи мѣстности не оставались безъ вліянія Полотской цивилизаціи; такъ напримѣръ земледѣліе было болѣе или менѣе распространено между всѣми Литовскими племенами, или Литвины, прежде миролюбивые, какъ бы въ подражаніе Полочанамъ, сдѣлались воинственными, и даже познакомились съ нѣкоторыми началами общестственности. Такимъ образомъ Литовцы выступили на поприще исторіи болѣе или менѣе Русскими людьми; у нихъ Литовскаго оставалось за это время только языкъ и религія и нѣкоторые исконные обычаи, не шедшіе въ разрѣзъ съ Русскою цивилизаціею, другихъ особенностей отъ Полочанъ они не имѣли. И это было главною причиною ихъ невозвѣрныхъ успѣховъ въ первыя полтораста лѣтъ ихъ исторической дѣятельности. Ихъ князья дѣйствовали какъ Русскіе князья, какъ наследники выродившихся Полотскихъ князей Изяславова дома; они говорили по-русски и русскій языкъ былъ офиціальнымъ языкомъ и при дворѣ, и на судѣ, и въ управленіи; ихъ окружали, ихъ главными помощниками были или Русскіе люди, или обрусѣлые Литвины; они даже своихъ дѣтей отдавали на воспитаніе сосѣднимъ Русскимъ князьямъ, сами женились на Русскихъ княжнахъ, и своихъ дочерей выдавали за Русскихъ князей. Все это ставитъ Литовское племя въ исторіи Полотска почти въ одинаковое положеніе съ Полочанами; Полочане и Литовцы, съ первыхъ же вре-
менъ исторіи здѣшняго края, составляютъ одинъ не-

раздѣльный народъ. Хотя и то и другое племя разнится по происхожденію, языку, религій и нѣкоторымъ обычаямъ; но цивилизація постепенно сглаживаетъ сіи разности, не уничтожая природныхъ типовъ того и другаго племени, оставляя Литвина обрусѣлымъ Литвиномъ, Полочанина Полочаниномъ.

Летыгола, Зимигола и Корсь.

Въ сѣверныхъ предѣлахъ Полотскихъ владѣній и по побережью Балтійскаго моря жили старожитные туземцы, по правому берегу Западной Двины Летголы или Латыши, частію занимавшіе и лѣвый берегъ; на лѣвомъ берегу Двины и по побережью Балтійскаго моря Ливь; а на югъ отъ Ливи и частію на юго-западъ Зимигола и Корсь или Куроны. Границы поселеній Летголы или Латышей простирались на востокъ до впаденія Полоты въ Двину, гдѣ и до сего времени еще есть Латышскія поселенія, да и самый Полотскъ былъ построенъ на границахъ Летголы и Литвы. Латыши или по лѣтописямъ Летгола, Летыгола, были племени Литовскаго: у нихъ была таже религія, какъ и у Литовцевъ, языкъ ихъ первоначально также былъ вѣроятно Литовскій, но съ теченіемъ времени много измѣнившійся чрезъ смѣшеніе съ языкомъ сосѣдей. Латыши, единоплеменники Литвинамъ, въ глубокой древности, судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, находились постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ къ Литвѣ Полотскимъ князьямъ они платили дань, какъ свидѣтельствуесть Несторъ, и въ ихъ землѣ было построено нѣсколько Русскихъ городовъ, и даже въ главномъ изъ нихъ,

на правомъ берегу Двины,—Берсикѣ, жилъ постоянно удѣльный Полотскій князь, вѣроятно управлявшій всею землею Летголы, составлявшей его удѣлъ. Кроме Берсики по землямъ Летголы были еще Полотскія колоніи въ южной ея половинѣ, о которыхъ упоминается въ Ливонскихъ лѣтописяхъ начала XIII вѣка,—таковы тянувшія къ Берсикѣ: Сопикле, Антина или Автино, Мемоке, Вити-село, Летта-гора, Лепень, Бабнино, Зердени, Авценица, Алека и другія, которыхъ имена сильно искажены Нѣмецкими лѣтописцами, но очевидно Русскія.

По всему вѣроятію Летгола или Латыши не были такъ близки къ Полочанамъ, какъ Литва, хотя они и платили дань Полотскимъ князьямъ, но Полотская цивилизація къ нимъ плохо прививалась; по свидѣтельству Ливонскихъ лѣтописей они отличались жестокостію и дикостію. Можетъ быть этому способствовало и то, что земли Летголы лежали между землями Полотскими и Псковскими; слѣдовательно на Летголу наступали чужеродцы, пришельцы съ двухъ сторонъ, съ юга Полочане и съ сѣверо-востока Псковичи; а посему необходимость защищаться съ двухъ сторонъ особенно ожесточала Латышей. Но какъ бы то ни было, они тяготились и Псковичами, и Полочанами, и Литовцами; и посему когда въ началѣ XIII столѣтія въ устьяхъ Двины утвердились Нѣмцы и построили Ригу: то Латыши изъ первыхъ перешли на Нѣмецкую сторону и приняли отъ Нѣмцевъ священника, который и построилъ первую въ Латышской землѣ Латинскую церковь надъ Ропюю и съ согласія народа принялъ обязанности судьи надъ Латышами. А въ 1206 году Латыши съ Рижскими Нѣмцами уже

воюють противъ Ливонскаго племени Торейды, и подь предводительствомъ своего вождя Кавпона, уже побывавшаго въ Ригѣ и выучившагося Нѣмецкому языку, произвели большое опустошеніе въ Торейдѣ. Въ 1207 году Летгола уже помогаетъ Нѣмцамъ при отраженіи набѣговъ Литвы; въ слѣдующемъ же году вмѣстѣ съ Ливью воюеть противъ Чуди или Эстовъ. Когда же въ 1210 году Ливь, Чудь, Корсь, Литва, Зимгола и Полочане предприняли походъ противъ Риги: то Летгола или Латыши пришли помогать Нѣмцамъ и способствовали освобожденію Риги отъ осады. Въ 1211 году Латыши вмѣстѣ съ Нѣмцами идутъ воевать противъ Чуди или Эстовъ. А въ слѣдующемъ году Летгола, Ливь и Нѣмцы, какъ союзники, ведутъ переговоры съ Полотскимъ княземъ о мирѣ, вслѣдствіе котораго Ливь была освобождена отъ дани Полотскимъ князьямъ; въ этомъ же году земля Летголы была раздѣлена между Рижскимъ епископомъ и Ливонскимъ орденомъ меченосцевъ. Въ 1214 году Нѣмцы въ соединеніи съ Летголою и Ливью отнимають Берсику у князя Всеволода; а въ слѣдующемъ году опять соединенными силами нападаютъ на островъ Эзелъ. Всѣ сіи извѣстія прямо говорятъ о тѣсной связи Латышей съ Нѣмцами почти съ первыхъ годовъ появленія сихъ послѣднихъ въ устьяхъ Двины. Въ послѣдующее время Латыши точно также почти постоянно дѣйствуютъ, какъ передовая дружина Нѣмцевъ, какъ на югѣ противъ Полочанъ и Литвы, такъ на сѣверо-востокѣ противъ Псковичей и Новгородцевъ; и въ томъ и въ другомъ краю Летгола постоянно прочищаетъ дорогу Нѣмцамъ, терпитъ страшныя опустошенія, и не смотря

на это продолжает служить Нѣмцамъ съ какимъ-то ожесточеніемъ противъ Литвы и Русскихъ. Все это показываетъ, что въ древнее время отношенія Летголы къ Русскимъ были крайне неудовлетворительны; такъ что Летгола первоначально видѣла въ Нѣмцахъ своихъ защитниковъ и покровителей.

Относительно внутренняго устройства Летголы мы знаемъ, что Латыши дѣлились на нѣсколько мелкихъ племенъ, жившихъ независимо другъ отъ друга и управлявшихся своими старшинами, которые впрочемъ едвали были выборные, или, по крайней мѣрѣ, между старшинами Летголы были наследственные богатые и сильные землевладѣльцы, отъ которыхъ ихъ старшинская власть переходила къ дѣтямъ ихъ и къ потомкамъ; слѣдовательно таковыя старшины были что-то въ родѣ князей; впрочемъ лѣтописи постоянно ихъ называютъ старшинами, а иногда начальниками или вождями, но никогда князьями. Между старшинами, кажется, нѣкоторые по своему могуществу и богатству имѣли вліяніе и даже власть надъ другими старшинами, менѣе сильными и богатыми. Такъ у Генриха Латыша подъ 1208 годомъ сказано: «возсталъ Варидотъ съ другими старшинами Латышей и отправились въ Ригу просить помощи противъ Эстонцевъ. Или старшина въ племени Трикатовъ, Талибальдъ, по своему могуществу былъ какъ-бы властителемъ въ своемъ племени; и когда въ 1215 году онъ былъ убитъ Эстами, то его сыновья Рамека и Друнвальдъ съ своими друзьями и родственниками подняли Летголу своего племени на Эстовъ, чтобы мстить за смерть отца. Или въ 1223 году старшины и начальники Летголы Варигербо и

Рамека отправились опустошать Эстонскую землю, каждый съ своимъ племенемъ.

Летгола или Латыши, со всѣхъ сторонъ окруженные врагами, выучились строить города, или остроги замки, въ которыхъ отбивались отъ нападенія враговъ. Такъ подъ 1208 годомъ у Генриха Латыша сказано: Летыголы, по возвращеніи изъ эстонскаго похода домой, начали укрѣплять свои городки или остроги, и сносить туда все свое имущество, страшась нападенія со стороны Эстонцевъ. И таковыхъ городковъ въ Латышской землѣ было довольно много; иные изъ нихъ принадлежали тому или другому племени, иные же были собственностію того или другаго старшины, или богатаго землевладѣльца.

Съ полнымъ утвержденіемъ Нѣмцевъ въ Ливоніи Латыши окончателно выступили изъ-подъ власти Полотскихъ князей; но Нѣмцы, ихъ покровители, употребляя ихъ какъ орудіе для своихъ цѣлей, вовсе не заботились о ихъ развитіи и сообщеніи имъ цивилизаціи; такъ что Латыши, подъ властію Полотскихъ князей выучившіеся строить города и можетъ быть отъ Полотскихъ колоній заимствовавшіе земледѣліе, освободившись отъ Полотскаго вліянія, ни на шагъ не двинулись впередъ, погрязли въ грубости и жестокости, а потомъ, съ продолженіемъ времени, были обращены Нѣмцами въ полное рабство и лишились земли, которую Нѣмцы всю забрали себѣ. Кажется съ полнымъ вѣроятіемъ можно сказать, что главными орудіями въ подчиненіи Летголы Нѣмцамъ были сами старшины Летголы скоро подружившіеся съ Нѣмцами и усвоившіе себѣ Нѣмецкіе обычаи. Этими старшинамъ, состоящимъ преимущественно изъ бо-

гатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, было выгодно стать на сторонѣ Нѣмцевъ и усердно служить имъ, чтобы подъ ихъ покровительствомъ окончательно поработить бѣдный народъ, — въ чемъ при помощи Нѣмцевъ они и успѣли. и поработили народъ свой окончательно; но въ свою очередь и сами за это должны были поплатиться или порабоженіемъ, или измѣненіемъ своей національности, т. е. обращеніемъ въ Нѣмцевъ. Такимъ образомъ Латышская земля, первая измѣнившая Полочанамъ, первая и поплатилась полнымъ порабоженіемъ Нѣмцамъ.

Зимгола, или какъ пишутъ Нѣмецкіе лѣтописцы, по латыни Семигаллы, жили на лѣвомъ берегу западной Двины, начиная отъ поморья, а на востокъ ихъ поселенія простирались до группы озеръ, лежащихъ на сѣверъ отъ Бреславля; южную границу Зимголы составляли Литовскіе лѣса и пущи, а западную — жилища одноплеменныхъ съ Зимголою Курси. Курсь или Куроны, западные сосѣди Зимголы, на югъ граничили съ Жемойтью, а на западъ и на сѣверъ прямо примыкали своими поселеніями къ морю. Оба сіи племена были Литовскаго происхожденія; языкъ и религія у нихъ были Литовскіе, и вѣроятно въ доисторической древности составляли съ Литовцами одинъ народъ, признававшій власть Криве-Кривейто; но какъ племена Литовскія искони мало имѣли связи между собою, и каждое жило самостоятельную жизнь; а по сему естественнымъ образомъ въ теченіи времени Курсь и Зимгола мало-по-малу сдѣлались совершенно чуждыми и враждебными Литвѣ; но какъ это сдѣлалось, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій ни въ нашихъ, ни въ чужеземныхъ лѣтописяхъ. По свидѣтельству Не-

стора Корсь и Зимгола уже при самомъ началѣ платили дань Руси, т. е. ближайшему Русскому владѣнію—Полотску. Были ли какія Полотскія колоніи въ земляхъ Зимголы и Корси, мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ извѣстій; но по свидѣтельству Ливонскихъ лѣтописей и Корсь, и особенно Зимгола жили въ согласіи съ Полотскими колоніями на Двинѣ: слѣдовательно есть вѣроятіе, что Полотскія колоніи были и въ земляхъ Зимголы и Корси; только слѣды сихъ колоній такъ затянуты Нѣмецкимъ наслоеніемъ, что ихъ теперь мудрено и даже невозможно отыскать.

По свидѣтельству Ливонскаго лѣтописца Генриха Латыша Зимгола при первомъ появленіи Нѣмцевъ въ устьяхъ Двины стала къ нимъ во враждебныя отношенія, и узнавши, что Нѣмцы стали строить каменные города, явилась подъ стѣнами Икесколы, опутала городъ большими канатами и думала сдвинуть его въ Двину. Это первое извѣстіе Ливонскаго лѣтописца о Зимголѣ говоритъ, что Нѣмцы смотрѣли на это племя, какъ на дикарей. Разумѣется, Зимголамъ не удалось сдвинуть Икесколы въ Двину, и, прогнанные защитниками города, они должны были уйти въ свои лѣса, очевидно находившіеся очень близко отъ первыхъ Нѣмецкихъ поселеній на Двинѣ. Но неудача подъ Икесколой не прекратила враждебныхъ отношеній между Нѣмцами и Зимголою; такъ что въ 1200 году Ливонскіе Нѣмцы сдѣлали запретъ своимъ купцамъ, пріѣзжающимъ изъ Германіи, торговать съ Зимголою и посѣщать ихъ страну. Зимгола, не прекращая своихъ набѣговъ на Ливонцевъ, признавшихъ Нѣмецкую власть, въ 1202 году сожгли Нѣмецкую церковь въ Гольмѣ и все тамошнее поселеніе, но

тамошняго замка взять не могли, и чрезъ своихъ пословъ заключили въ Ригѣ миръ и съ Нѣмцами, и съ Ливонцами. Исполняя добросовѣстно мирныя условія, Зимгола подѣ предводительствомъ своего главнаго старшины Вешгарда въ 1205 году предувѣдомили Нѣмцевъ о замыслахъ Литвы, и пришли къ нимъ на помощь, и вмѣстѣ съ Нѣмцами разбили Литву, возвращавшуюся съ добычею и плѣнниками изъ Эстонскаго похода. Но не даромъ Зимгола помогали Нѣмцамъ противъ Литвы; въ 1207 году тотъ же Вешгардъ опять явился въ Ригу просить помощи на Литву; и Нѣмцы по его просьбѣ отпустили свой отрядъ воиновъ на помощь Зимголѣ. Хотя этотъ Нѣмецкій отрядъ былъ разбитъ Литовцами и немного принесъ пользы; тѣмъ не менѣе Зимгола, разбивши въ свою очередь Литовцевъ, часть Литовской добычи прислали въ Ригу. Но очевидно Зимгола хотя и помогали иногда Нѣмцамъ, но еще не думали признавать Нѣмецкой власти надъ собою и не пускали къ себѣ Нѣмецкихъ поселеній. Ибо когда въ 1219 году небольшое поколѣнiе Зимголы, жившее въ Мезотинѣ, согласилось креститься и пригласило въ Мезотинъ Нѣмецкій гарнизонъ; то тотъ же Вешгардъ, главный старѣйшина Зимголы, собралъ большую рать изъ всѣхъ краевъ Зимгольской земли, принудилъ Нѣмцевъ очистить Мезотинъ; и всѣ племена Зимголы, крещеные и некрещеные, заключили союзъ съ Литовцами противъ Нѣмцевъ, снова укрѣпили и распространили Мезотинскую крѣпость и учинили опустошительный набѣгъ на крещеныхъ Ливонцевъ, жившихъ въ Гольмѣ. Въ отвѣтъ на это Нѣмцы съ Ливонцами и Летголою собрали большое войско и съ стѣннобитными орудіями отправились къ Мезотину.

Мезотинцы долго и отчаянно защищались, Вештардь съ Литовцами приходилъ на выручку; но Нѣмцы своею многочисленностію наконецъ одолѣли, отогнали Вештарда, взяли приступомъ Мезотинъ, разграбили его и сожгли, дозволивши жителямъ удалиться, куда кто знаетъ. Но взятіемъ и сожженіемъ Мезотина дѣло не кончилось. Нѣмцы старались проникнуть въ земли Зимголы и обратить народъ въ Латинство; а Зимгола съ своимъ старѣйшиною Вештардомъ продолжали отстаивать свою независимость и не пропускать къ себѣ Нѣмецкихъ миссіонеровъ. Наконецъ въ 1225, году во время пріѣзда папскаго легата, Вештардь пришелъ по его приглашенію въ Ригу, и, по настоянію легата, дозволилъ Нѣмецкому миссіонеру проповѣдывать латинство Зимголѣ. А въ 1231 году Рижскій епископъ Николай третью часть земель Зимголы крещеной и некрещеной отдалъ уже Рижскимъ гражданамъ Нѣмцамъ за поднятыя ими труды и издержки по распространенію латинства между сосѣдними идолопоклонническими племенами. Конечно, Нѣмцы по благословенію папы, имѣли обычай дѣлить между собою еще непокоренныя земли; но тѣмъ не менѣе изъ указаннаго дѣлежа 1231 года видно, что Нѣмцы уже наложили свою тяжелую руку на свободную Зимголу, хотя еще и не успѣли покорить ее не только оружіемъ, но и крещеніемъ.

Относительно внутренняго устройства Зимголы мы можемъ сказать, что Зимгола имѣли уже города, слѣдовательно были уже въ близкихъ отношеніяхъ къ Полотскимъ колоніямъ. Потомъ, это племя дѣлилось на нѣсколько мелкихъ племенъ, которыя болѣе или менѣе были независимы другъ отъ друга и имѣли

своихъ старѣйшинъ; но кажется по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XIII столѣтія главою и начальникомъ всѣхъ племенъ Зимголы или покрайней мѣрѣ многихъ былъ богатый и сильный старѣйшина племени Тернетена Вештардъ. Впрочемъ, по всему вѣроятію, главенство Вештарда было только личное, т. е. прочіе старшины слушали его только по уваженію къ уму и могуществу, общаго же между племенами, кромѣ языка и религіи, ничего не было, не было постоянного союза между племенами. Это ясно свидѣтельствуешь о покореніи Нѣмцами племени Зелонувъ, принадлежавшаго къ Зимгольскимъ племенамъ и занимавшаго лѣвый берегъ Двины. Племя Зелонувъ жило на пересѣчкѣ изъ Литвы въ Ливонію, и ихъ довольно укрѣпленный городъ, лежавшій прямо на лѣвомъ берегу Двины, былъ убѣжищемъ и мѣстомъ отдохновенія для Литовцевъ, дѣлавшихъ набѣги на Ливъ и Летыголу. Въ 1207 году епископъ Албертъ, имѣя въ виду преградить свободную дорогу черезъ Двину, собралъ Нѣмцевъ, Ливъ и Летыголу, осадилъ городъ Зелонувъ и, послѣ непродолжительной осады, принудилъ его къ сдачѣ, а Зелонувъ всѣхъ обратилъ въ латинство и надъ замкомъ города водрузилъ знамя Богоматери, въ знакъ того, что все племя Зелонувъ признаетъ надъ собою власть Нѣмцевъ. И пока все это дѣлалось, изъ сосѣднихъ племенъ Зимголы ни одно не пришло на помощь къ Зелонамъ, своимъ соплеменникамъ. И конечно этого не могло бы быть, ежелибъ между племенами Зимголы была какая нибудь связь, ежели бы они понимали цѣльность Зимгольской земли; ибо покореніе Зелонувъ отворяло Нѣмцамъ ворота въ

земли Зимголы, разчищало путь къ послѣдующимъ завоеваніямъ.

Корсь или у Нѣмцевъ Куроны, соплеменники Зимголь, при первоначальномъ утверженіи Нѣмцевъ въ Ливоніи, въ 1200 году заключили съ Нѣмцами миръ и по своему обычаю утвердили его кровію, для чего и присылали своихъ пословъ въ только-что построенную Нѣмцами Ригу. Куроны, какъ приморскіе жители, преимущественно занимались морскимъ грабежемъ у своихъ и сосѣднихъ береговъ, и кажется они затѣмъ и поспѣшили заключить миръ съ Нѣмцами, чтобы безпрепятственно заниматься своимъ отвѣжнымъ ремесломъ. Миръ же этотъ нисколько необезпечивалъ даже Нѣмецкихъ торговцевъ, приходившихъ изъ Германіи въ Ригу. Куроны обыкновенно поджидали такихъ гостей при входѣ въ Рижскій заливъ въ узкомъ проливѣ около острова Эзеля. Въ первый разъ Куроны явились у береговъ Ливоніи въ 1210 году на осьми корабляхъ и ограбили два Нѣмецкихъ корабля, везшихъ Нѣмецкихъ воиновъ въ Ригу, и всѣхъ бывшихъ на корабляхъ перебили. За тѣмъ въ томъ же году Куроны соединились съ возставшими на Нѣмцевъ: Ливонцами, Зимголою, Литвою и Русскими, чтобы уничтожить Ригу и перебить всѣхъ Нѣмцевъ. Куроны напали первые и осадили Ригу; осада продолжалась нѣсколько дней; та и другая сторона бились мужественно, наконецъ на послѣднемъ приступѣ явились на помощь Рижанамъ Нѣмцы изъ Гольма, и Куроны принуждены были отступить и переправиться на противоположный берегъ Двины. Куроны здѣсь стояли нѣсколько дней, вѣроятно поджидая союзниковъ, но союзники не являлись; а между тѣмъ Нѣмцы

изъ разныхъ Ливонскихъ городовъ сошлись въ Ригу, и, составивши значительное войско, стали тревожить Куроновъ въ ихъ лагерѣ, и тѣмъ заставили ихъ сѣсть на корабли и удалиться домой. Съ сего времени Куроны или Корсь болѣе уже не принимаютъ участія въ дѣлахъ сосѣднихъ племенъ съ Нѣмцами; но за то Нѣмцы, годъ отъ года получая болѣе силы и могущества отъ постоянного наплыва искателей приключеній изъ разныхъ краевъ Германіи, мало-по-малу стали напирать на Куроновъ, дѣлать набѣги на ихъ землю подъ предлогомъ распространенія христіанства, а на дѣлѣ—для порабощенія того или другаго племени. Такъ что въ 1230 году нѣкоторыя племена Корси согласились принять христіанство и платить определенную дань Нѣмцамъ, даже помогать имъ въ войнѣ, только бы избавиться отъ жадныхъ пришельцевъ, отнимавшихъ у нихъ землю и производившихъ большія грабежи и убійства. До насъ дошли двѣ договорныхъ грамоты Куроновъ съ монахомъ Балдуиномъ, нунціемъ папскаго легата. Изъ нихъ въ первой одна часть Корси, бывшая во власти царя Ляммехина, именно земли Дурписъ и Саггара и слѣдующіе четырнадцать Килигундъ,—Тдарголара, Осуа, Лянгисъ, Венелись, Нормисъ, Кіемола, Пугивасъ, Сартинусъ, Рива, Сацеца, Эдупліа, Алисвангесъ, Алостенахосъ и еще нѣсколько килигундъ и селеній по обѣимъ сторонамъ Винды (Виндавы), согласились креститься, принять священниковъ и подчинить Папѣ свои земли и себя, и назначенному отъ него епископу, и сверхъ того дѣлать набѣги на язычниковъ, какъ для защищенія христіанской земли, такъ и для распространенія вѣры. Въ другомъ же договорѣ на тѣхъ же условіяхъ при-

няли крещеніе двѣнадцать селеній въ Бандовѣ и Винненіи по сю сторону Винды. Въ томъ же году мѣстности Ренда, Галевалла, Пидевале, Матекуле, Вана, Цуре, Угессе, Кандове и Ансесъ, вступили въ договоръ съ Рижанами и Ливонскимъ орденомъ, по которому дали слово креститься и платить въ Ригу определенную ежегодную дань почемъ съ сохи, содержать священниковъ, присылаемыхъ изъ Риги и вмѣстѣ съ Рижанами воевать противъ враговъ Христа. За это Рижане обѣщали имъ неприкосновенность полей и другихъ владѣній и защиту отъ всякой другой власти, пока Куроны будутъ держаться христіанства. Разумѣется, исчисленные въ договорахъ земли, килигунды и селенія не составляли всѣхъ владѣній Корси, да и означенныя области, вступившія въ договоръ съ Нѣмцами, не рѣдко возставали на своихъ притѣснителей; а посему война съ Куронами или Корсюю то прекращалась, то возобновлялась почти до XIV столѣтія, пока Нѣмцы успѣли застроить Курляндію своими замками и совершенно поработить туземцевъ.

О внутреннемъ устройствѣ и образѣ жизни Куроновъ или Корси, на основаніи данныхъ разсыпанныхъ въ лѣтописяхъ и договорахъ, мы можемъ сказать, что земли Корси рѣкою Виндавою раздѣлялись на двѣ неравныя половины, на западную и восточную, часть западной половины, именно земли Дурписъ и Саггара, имѣли своего царя или князя, владѣнія этого государя раздѣлялись на области, называвшіяся Килигундами. Были ли князья въ другихъ краяхъ Куронской земли—мы не знаемъ, но то извѣстно, что въ большей части племенъ Корси управление было

въ рукахъ старшинъ или даже принадлежало народнымъ собраніямъ; такъ напримѣръ при заключеніи договора съ Рижанами отъ девяти Куронскихъ мѣстностей не упоминается ни о князьяхъ, ни о старшинахъ; договоръ прямо писанъ отъ девяти мѣстностей,—значить въ этихъ мѣстностяхъ не было ни князей, ни старшинъ. Приморскія или береговья племена Корси занималась рыболовствомъ и морскими разбоями и отличались храбростію и предприимчивостію; жители же внутреннихъ областей были земледѣльцы и сѣяли озимую пшеницу; ибо Нѣмцы въ договорѣ 1230 года обложили ихъ ежегодною данью по половинѣ морскаго таланта озимой пшеницы съ сохи и съ бороны; слѣдовательно земледѣліе для жителей внутреннихъ областей было общею промышленностію. Все это показываетъ, что Корсь въ отношеніи къ образу жизни находилась на высшей степени развитія, сравнительно съ многими изъ своихъ сосѣдей, и по всему вѣроятію, до прибытія Нѣмцевъ, была подъ вліяніемъ Полотска, которому какъ извѣстно, уже платила дань еще въ первыя времена Русской исторіи.

Л и в ь.

Племя Ливь принадлежало къ древнѣйшимъ обитателямъ Прибалтійскаго края и вѣроятно владѣло всею тамошнею странюю, оно было одного происхожденія съ Чудью или Эстами и Наровою, имѣвшими свои поселенія по сосѣдству съ Новгородскими владѣніями. Всѣ сіи племена принадлежали къ Финской расѣ, которая, по свидѣтельству древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей, владѣла всѣмъ Прибалтійскимъ по-

морьемъ. Но въ то время, какъ явились сюда Полочане съ своими колоніями, Ливи принадлежала уже самая незначительная часть здѣшней страны, именно устья Двины и правый берегъ этой рѣки до Кокенгаузена и по восточному берегу Рижскаго залива до устьевъ рѣки Перновы; на юго-востокѣ граница владѣній Ливи сходилась съ Летыголою, и на сѣверо-востокѣ съ соплеменниками Ливи, Чудью или Эстами, весь же лѣвый берегъ Двины и на западъ отъ Двины до Виндавы и за Виндавою, какъ мы уже видѣли, при появленіи въ здѣшнемъ краю Полочанъ, принадлежалъ разнымъ Литовскимъ племенамъ, и именно: Корси, Зимголѣ и Летыголѣ, которые со всѣхъ сторонъ напирали на Ливъ и вообще на Финновъ и тѣснили ихъ къ сѣверу. Появленіе въ здѣшнемъ краю Полочанъ, какъ должно полагать, нѣсколько пріостановило или позадержало напоръ Литовскихъ племенъ, и такимъ образомъ дало возможность Ливи удержаться при устьяхъ Двины. Двина, какъ большая торговая дорога къ морю, естественно должна была обратить на себя вниманіе предприимчивыхъ и преданныхъ торговлѣ Полочанъ. Продвинувши свои колоніи къ устьямъ Двины, Полочане необходимо должны были натолкнуться на племя Ливъ, занимавшее устье Двины. И какъ Ливъ сравнительно съ напиравшими на нее Литовскими или Латышскими племенами была племенемъ слабѣйшимъ; то Полочане и должны были принять его подъ свое покровительство, чтобы тѣмъ безопаснѣе самимъ владѣть устьемъ дорогой для нихъ Двины. И дѣйствительно, Полочане приняли всѣ мѣры, чтобы остановить напоръ Летыголы или Латышей, они стали во враждебныя отношенія къ Летголѣ и

съ одной стороны выстроили въ землѣ Латышей на самой почти границѣ съ Ливью свой городъ Берзику, гдѣ постоянно держали своего посадника, и потомъ князя, чтобы сдерживать Латышей, а съ другой стороны въ самой Ливонской землѣ на правомъ берегу Двины поставили свой пригородъ Кукейнось, гдѣ въ послѣдствіи посадили своего князя, вѣроятно изъ племени Изяславова. Въ концѣ XII вѣка земли Ливи, по крайней мѣрѣ ближайшія къ Двинѣ, составляли уже полное владѣніе Полотскихъ князей, какъ ясно свидѣтельствуется Ливонскій лѣтописецъ Генрихъ Латышь, который рассказывая о прибытіи Латинскаго миссіонера Мейнарда въ Ливонію, говоритъ, что Мейнардъ просилъ у Полотскаго князя Владимира дозволенія проповѣдывать христіанство языческой Ливи, потому что племя это состояло подъ властію Полотскаго князя. Но очевидно вслѣдствіе междоусобій въ самомъ Полотскѣ и стѣсненія Полотскихъ князей другими Русскими князьями, покровительство Полотска въ концѣ XII вѣка плохо защищало Ливь отъ набѣговъ сосѣднихъ Литовскихъ племенъ Зимголы и Летыголы; ибо Нѣмецкому миссіонеру Мейнардѣ на другой же годъ по прибытіи сюда пришлось строить замки Икесколу, Гольмъ для защиты Ливи отъ набѣговъ Литвы и Зимголы.

Ливь или Ливонцы, обрадованные помощью, которую имъ сдѣлалъ Мейнардъ построеніемъ замковъ, охотно стали принимать Латинское крещеніе; но скоро увидали куда клонится проповѣдь Мейнарда, грозившая порабощеніемъ; а посему торжественно отреклись отъ принятаго крещенія, смыли его купаньемъ въ Двинѣ и сказали: пусть съ рѣкою идетъ къ Нѣм-

цамъ. Все это поставило Мейнарда въ такое положеніе, что онъ думалъ уже оставить Ливонію; но Нѣмецкіе купцы, съ которыми онъ пріѣхалъ, удержали его, обѣщаясь привести войско изъ Германіи. Преемникъ Мейнарда епископъ Бертольдъ дѣйствительно пришелъ съ Нѣмецкимъ войскомъ, и вмѣсто мира и христіанской проповѣди началъ войну съ Ливонцами и погибъ въ одной битвѣ. Послѣ чего Ливонцы приговорили въ своемъ народномъ собраніи, чтобы Латинскіе священники и Нѣмцы къ Пасхѣ оставили ихъ земли, а кто изъ нихъ не уйдетъ, тѣхъ убить. Но этотъ приговоръ не былъ исполненъ; ибо Нѣмецкіе купцы уже успѣли завести здѣсь выгодныя связи и съумѣли задарить старшинъ; наконецъ пріѣхалъ въ Ливонію третій епископъ Албертъ; онъ привелъ съ собою войско на 23 корабляхъ и силою занялъ первые по дорогѣ городки Икесколу и Гольмъ, и построилъ и сильно укрѣпилъ новый городъ Ригу. Построивши и укрѣпивши Ригу, Албертъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе; онъ въ третій же годъ своего епископства отдалъ два Ливонскіе городка по теченію Двины, Укесколу и Леневарде, на феодальныхъ правахъ, отъ имени Рижской Богоматери двумъ Тевтонскимъ рыцарямъ, и такимъ образомъ сталъ распоряжаться Ливонскою землею по Нѣмецкимъ порядкамъ; а на четвертомъ году своего епископства учредилъ Нѣмецкій орденъ меченосцевъ, чтобы имѣть постоянно готовое войско для поддержанія своихъ видовъ на здѣшній край. Таковыя самовластныя распоряженія Нѣмцевъ естественно должны были отозваться сопротивленіемъ Ливонцевъ; и весь седьмой годъ Албертова епископства прошелъ въ войнахъ съ Ливью; но какъ Ливонцы дѣйст-

вовали не дружно, то и были вездѣ побѣждены и должны были признать надъ собою власть Нѣмцевъ. Но свободнымъ Ливонцамъ тяжело было сносить Нѣмецкія насилія, и на 8 году Албертова епископства они обратились къ Полотскому князю, чтобы онъ вступился за нихъ, какъ ихъ давній Государь. Надѣясь на помощь изъ Полотска, Ливонцы стали избивать Нѣмцевъ, жившихъ между ними; но опять, дѣйствуя не дружно, они снова были побѣждены; Полотскій же князь, послѣ безуспѣшной осады Гольма, принуждёнъ былъ удалиться, не сдѣлавъ ничего въ пользу Ливонцевъ, тѣмъ болѣе, что Летыгола, подданные Полотскихъ князей, явно перешли на сторону Нѣмцевъ, надѣясь, что при ихъ помощи имъ удобнѣе будетъ тѣснить своихъ исконныхъ враговъ Ливонцевъ. Въ слѣдствіе такой неудачи Полотскаго князя, Нѣмцы на другой же годъ заняли Русскій городъ на Двинѣ, Кукейнось, а на слѣдующій годъ выгнали и остальныхъ Русскихъ, жившихъ въ городахъ по Двинѣ; а черезъ годъ еще и послѣдній Русскій князь Всеволодъ, княжившій въ Берзикѣ, принуждёнъ былъ поступить въ вассалы Рижскаго Епископа, чтобы только удержать свое владѣніе. Наконецъ въ 13 году Албертова епископства Ливонцы, потерпѣвши множество поражений, видя свою землю опустошенною какъ Нѣмцами, такъ и Нѣмецкими союзниками Латышами, и не ожидая ни откуда помощи, рѣшились на послѣднее средство, — окончательно поддаться Нѣмцамъ, платить имъ опредѣленную дань и взять себѣ правителей и судей отъ Нѣмцевъ. Епископъ Албертъ принялъ такое рѣшеніе, назначилъ опредѣленный платежъ дани и обѣщаль защищать Ливонцевъ отъ всѣхъ обидъ, но съ

условіемъ, — пока они будутъ держаться Латинскихъ обрядовъ вѣры; а на слѣдующій годъ съумѣлъ вынудить у Полотскаго князя согласіе, чтобы Ливонцамъ не платить дани въ Полотскъ; и такимъ образомъ окончательно утвердилъ Ливонію за собою и Нѣмцами и отстранилъ всѣ сношенія и связи Ливонцевъ съ Полотскими князьями.

Ливонія, по свидѣтельству Ливонскихъ лѣтописцевъ, раздѣлялась на Ливонію по Двинѣ, т. е. отъ Двины до рѣки Голвы, (нынѣ Аа) на Торейду по рѣкѣ Голвѣ, на Идумею и Межи-поле по восточному берегу Рижскаго залива. Каждый изъ сихъ отдѣловъ составлялъ самостоятельное независимое племя; въ каждомъ изъ сихъ племенъ было свое народное собраніе или вѣче, и сверхъ того старшины или лучшіе люди, которыхъ иногда подкупали Нѣмцы и чрезъ нихъ уничтожали вредные для себя приговоры народныхъ собраній. Кромѣ старѣйшинъ, у Ливи бывали еще старѣйшины старѣйшинъ, какъ бы князья. Такъ во время Алберта старѣйшиною старѣйшинъ въ Торейдѣ былъ нѣкто по имени Кавпонъ; но по всему вѣроятію таковое первенствующее старѣйшинство не было постояннымъ необходимымъ институтомъ въ общественномъ устройствѣ Ливи; а приобрѣталъ какъ бы княжескую власть тотъ или другой старѣйшина по своему богатству и могуществу; когда же такового налицо не было, то не было и этой какъ бы княжеской власти, — на это указываетъ и самое выраженіе лѣтописи — *какъ бы княжеская власть*. Тѣмъ не менѣе у Ливи старѣйшины, какъ богатѣйшіе и сильные люди, пользовались значительною властію. Они нерѣдко вели общественныя дѣла мимо народныхъ собраній; такъ мы уже видѣли

что въ 1198 году старѣйшины, получивши богатые подарки отъ Нѣмецкихъ купцовъ, успѣли отмѣнить приговоръ народнаго собранія объ изгнаніи Нѣмцевъ; или въ 1205 году тѣ же старѣйшины чрезъ своихъ посланныхъ поднимали на Нѣмцевъ Полотскаго князя Владимира; или въ 1206 году старѣйшины города Гольма зазвали Нѣмцевъ въ Укесколу; или въ томъ же 1206 году старѣйшиною старѣйшинъ въ Гольмѣ былъ нѣкто Аго, который руководилъ всѣмъ возстаніемъ противъ Нѣмцевъ.

Четыре главныя племени Ливоніи дѣлились еще на нѣсколько мелкихъ племенъ съ своими старѣйшинами или скорѣе лучшими людьми, имѣвшими свои городки или остроги, гдѣ жили старѣйшины; таковыя городки напримѣръ въ Торейдѣ были: Куббе-селе, Роба, Сегевольдъ и другіе. Городки сіи, какъ мѣсто-пребываніе старѣйшинъ, нерѣдко носили ихъ имя, и кажется въ большей части случаевъ были ихъ вотчинными владѣніями, и, по богатству и силѣ сихъ вотчинъ, сами старѣйшины или владѣльцы получали силу и нѣкоторую власть или по крайней мѣрѣ вліяніе на мелкихъ и небогатыхъ сосѣдей, которые тянули подъ ихъ покровительство и защиту; и богатѣйшіе изъ таковыхъ землевладѣльцевъ такимъ образомъ дѣлались господствующими въ своемъ племени, покровителями его и старѣйшинами. И Нѣмцы обыкновенно всегда старались дѣйствовать на старѣйшинъ, какъ лучшихъ людей, ихъ же при взятіи какой либо области или города обыкновенно заковывали въ цѣпи, чтобы лишить народъ руководителей. Такъ въ 1212 году при взятіи Ливонской области Леневарды всѣ старѣйшины этого племени, зазванные

обманомъ, были закованы въ цѣпи, а городъ Лене-варда сожженъ.

Языческая религія Ливонцевъ были чисто финская, одинаковая съ сосѣдными Чудью или Эстами и съ Финнами живущими, по восточному берегу Финскаго залива, и совершенно отличная отъ религіи Литовскихъ племенъ. Главное божество, творецъ міра, у Ливонцевъ и Эстовъ назывался Ванна-изса, за нимъ было еще нѣсколько боговъ низшихъ степеней. Божествамъ своимъ Ливонцы нерѣдко приносили въ жертву людей, обыкновенно плѣнниковъ; такъ въ 1205 году Ливонцы, поймавши нѣсколькихъ Нѣмцевъ, вышедшихъ изъ Икесколы, принесли въ жертву своимъ богамъ. У Ливонцевъ были свои оракулы или толкователи воли боговъ, которымъ боги являлись въ разныхъ видахъ и предрекали будущее; такъ въ 1206 году, когда Латышскій священникъ Даніилъ, пришедши въ селеніе Сыдегунду, собралъ жителей для слушанія проповѣди слова Божія: то туда же явился одинъ Ливонецъ и сказалъ: «Я видѣлъ нашего Бога, который открылъ намъ будущее. Явился передо мною образъ или ликъ, выходящій изъ дерева отъ груди и даже до самаго верха, и сказалъ мнѣ: завтра придетъ рать Литовцевъ; и мы изъ страха передъ ней не должны вступать въ битву». Имѣлись ли жрецы и храмы у Ливонцевъ во время язычества,—мы на это не имѣемъ указаній; но, судя по тому, что въ приведенномъ выше разказѣ, толкователь воли Боговъ или оракуль видѣлъ Бога въ лѣсу, именно выходящаго изъ дерева, а не въ храмѣ, должно допустить, что у Ливонцевъ во время язычества не было храмовъ, да едвали были и особенные жрецы, ибо въ томъ же разказѣ ора-

куль названъ не жрецомъ, а просто Ливонцемъ, и о жрецахъ въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину. Способы пропитанія для Ливонцевъ доставляли ихъ лѣса, поля, рѣки и море; Ливонцы, по свидѣтельству лѣтописей занимались и звѣроловствомъ, и рыболовствомъ, и бортничествомъ, но главный ихъ промыселъ составляло земледѣліе. У Генриха Латыша мы нерѣдко встрѣчаемъ упоминанія о нивахъ и жатвахъ Ливонцевъ; да и самую дань Нѣмцамъ они платили хлѣбомъ почемъ съ сохи и съ бороны. При земледѣліи Ливонцы естественно должны были заниматься и скотоводствомъ. Всѣмъ этимъ Ливонцы занимались еще до прибытія Нѣмцевъ, по всему вѣроятію наученные Полочанами; кромѣ того они были знакомы и съ торговлею, о чемъ можно заключить изъ того, что и первое знакомство ихъ съ Нѣмцами состояло въ торговыхъ сношеніяхъ, какъ прямо объ этомъ говоритъ Генрихъ Латышъ въ своей лѣтописи.

Представленный здѣсь очеркъ исторіи племенъ живущихъ въ низовьяхъ Двины и по приморью Рижскаго залива, ясно показываетъ, что племена сіи хотя платили дань Полотску и даже нѣкоторые держали у себя Полотскихъ князей; тѣмъ не менѣе плохо были проникнуты Полотскою цивилизаціею и еще слабо колонизованы и составляли Полотскія владѣнія въ чужой землѣ, т. е. принадлежали къ третьему разряду Полотскихъ владѣній. Полочане почти не обращали на нихъ вниманія и смотрѣли на нихъ только какъ на данниковъ, а на ихъ землю какъ на перепутье по большой Двинской дорогѣ, для чего и держали по Двинѣ свои города, гдѣ сидѣли ихъ удѣльные князья съ своими дружинами. А посему, лишь только явились

въ устьяхъ Двины Нѣмцы и построили Ригу, то все перемѣнилось. Хотя туземцы около сорока лѣтъ боролись съ Нѣмцами, но эта борьба послужила только къ ослабленію и даже къ совершенному почти истребленію нѣкоторыхъ племенъ; отъ пораженія же они не отбились. Два удѣльные Полотскіе князя, владѣвшіе городами въ низовьяхъ Двины, хотя сначала также боролись съ Нѣмцами, но по слабости своихъ средствъ не могли продолжать борьбы, и сперва признали надъ собою власть епископа Алберта, а потомъ и вовсе лишились своихъ владѣній. Полотскій же князь и Полочане мало обращали вниманія на борьбу съ Нѣмцами; они слишкомъ были заняты своими междоусобіями и вмѣшательствомъ въ Полотскія дѣла сосѣднихъ Русскихъ князей, и только сначала сдѣлали нѣсколько вялыхъ походовъ, по вызову самихъ же Ливонцевъ, какъ своихъ данниковъ. А когда Ливонцы отказались платить дань въ Полотскъ, а Нѣмцы открыли Полочанамъ свободный торговый путь по Двинѣ вплоть до моря: то Полотскій князь и Полочане, довольные такою уступкою, вовсе отступились отъ здѣшняго края, какъ не связаннаго съ Полотскомъ никакими существенными интересами и неусвоившаго себѣ русской цивилизаціи; и такимъ образомъ прежняя связь здѣшняго края съ Полотскомъ окончательно порвалась, и Нѣмцы сдѣлались полновластными владѣльцами какъ страны, такъ и туземнаго на селенія.

Д р е г о в и ч и .

Изъ Славянскихъ племенъ первымъ въ предѣлахъ Полотской земли явилось племя Дреговичей; по сви-

дѣтельству Нестора оно пришло съ Дуная и заняло страну отъ Припети до западной Двины. Вотъ подлинныя слова Нестора: «Когда Волохи напали на Словянъ Дунайскихъ и заняли ихъ землю и стали дѣлать имъ насилія; то Словяне одни пришли и сѣли на Висль, и прозвались Ляхами, а другіе по Днѣпру, и нареклись Полянами, а иные сѣли между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами». Въ послѣдствіи времени Дреговичи мало-по-малу отъ низовьевъ Припети потянулись къ западу по этой рѣкѣ вверхъ въ землю Ятвяговъ и пробрались до Случи. Сколько нибудь подробныхъ извѣстій о племени Дреговичей мы не имѣемъ; всѣ дошедшіе до насъ памятники упоминаютъ о нихъ только вскользь, мимоходомъ. По свидѣтельству Нестора, Дреговичи первоначально имѣли свое отдѣльное и самостоятельное владѣніе. Несторъ пишетъ: «Поляне имѣли свое княженіе, Древлане свое въ Деревской землѣ, Дреговичи свое, а Словяни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полоть, иже Полочане». Но отдѣльное независимое княженіе Дреговичей очевидно было не продолжительно и прекратилось еще въ доисторическія времена. Несторъ, упомянувши о княженіи Дреговичей только одинъ разъ, при расселеніи Славянскихъ племенъ на Руси, далѣе уже нигдѣ не говоритъ о его существованіи; а писатель X вѣка Императоръ Греческій Константинъ Порфирородный за свое время уже называетъ Дреговичей данниками Русскихъ князей. По всему вѣроятію съ появленіемъ Полочанъ, при впаденіи Полоты въ западную Двину, т. е. на границахъ древней земли Дреговичей, Дреговичи мало-по-малу соединились съ сими предприимчивыми Новгородскими колонистами, кото-

рые постепенно стали подвигать свои колоніи на югъ къ Припети, и, какъ представители племени болѣе сильнаго и съ высшей цивилизаціей, окончательно поглотили въ себѣ Дреговичей и такимъ образомъ уничтожили ихъ отдѣльное самостоятельное владѣніе. И это тѣмъ удобнѣе можно было сдѣлать, что Дреговичи, окруженные инородческими племенами Литвы и Ятвяговъ и состоявшіе съ ними въ борьбѣ за землю, были очень рады соединиться съ Полочанами, чтобы удобнѣе вести борьбу съ враждебными сосѣдями инородцами, а потомъ незамѣтно подчинились Полочанамъ и слились съ ними. Впрочемъ Дреговичи, какъ племя, какъ физиологическая особь, еще долго существовали. Такъ въ 1149 году князь Юрій Долгорукій, завладѣвши Кіевомъ, отдалъ своему союзнику князю Новгородъ-Сѣверскому Святославу Ольговичу, какъ сказано въ лѣтописи, Слуцкъ, Клевескъ и всѣхъ Дреговичей. Но очевидно Дреговичи, какъ племя, въ XII столѣтіи держались еще и не потеряли своего племеннаго названія только около Припети; за Березиной же, конечно, не оставалось и слѣдовъ ихъ, по крайней мѣрѣ мы ихъ не находимъ.

Объ общественномъ устройствѣ Дреговичей до соединенія ихъ съ Полочанами, мы также не находимъ никакихъ извѣстій, кромѣ упоминанія у Нестора объ отдѣльномъ княженіи Дреговичей. Это упоминаніе даетъ поводъ думать, что Дреговичи первоначально имѣли своихъ племенныхъ князей; но что случилось съ сими князьями по соединеніи Дреговичей съ Полочанами, или родъ сихъ князей прекратился до соединенія съ Полочанами, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ указаній. Равнымъ образомъ мы не знаемъ были ли у Дре-

говичей первоначально города, и въ послѣдствіи упоминаемые въ ихъ землѣ города: Мозырь, Слуцкъ, Стрежевъ, Пинскъ и другіе были ли построены Дреговичами до соединенія ихъ съ Полочанами, или они появились уже послѣ этого соединенія и построены Полотскими колонистами. Вообще первоначальная да и позднѣйшая исторія Дреговичей погружена въ непроглядный мракъ, и только вѣрно то, что Дреговичи были однимъ изъ Славянскихъ элементовъ населенія Полотской земли.

ПОЛОЧАНЕ.

Позднѣйшими пришельцами въ Полотской землѣ были сами Полочане,—колонисты Новгородскіе, послѣдующіе господа и владыки сей земли, давшіе ей свое имя, а сами получившіе его отъ рѣчки Полоты, впадающей въ Двину, при устьѣ которой было ихъ первое поселеніе въ здѣшнемъ краю. Здѣшніе Новгородскіе колонисты, принявшіе названіе Полочанъ, пришли сюда еще въ досторическія времена здѣшняго края; они первоначально поселились, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Полоты въ Двину, на самой границѣ между Литвою и Летыголою, и здѣсь построили свой первый городъ Полотскъ,—метрополию всѣхъ здѣшнихъ городовъ Новгородской постройки, и образовали свое отдѣльное владѣніе, первоначально конечно бывшее въ зависимости отъ Новгорода. Несторъ такъ свидѣтельствуешь объ этомъ: «Словѣни (Ильменскіе) почали держать свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ сихъ же Кривичи, что сидятъ при верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра. у ко-

торыхъ городъ Смоленскъ; также отъ нихъ Сѣверяне». Это свидѣтельство показываетъ, что Полочане еще въ историческія времена уже успѣли сдѣлаться могущественнымъ племенемъ, такъ что выдѣлили отъ себя довольно сильныя колоніи на лѣвый берегъ Днѣпра, Кривичей и Сѣверянъ. Но, не смотря на многочисленность и могущество, Полочане или Кривичи до начала историческихъ временъ, продолжали быть въ зависимости отъ своей метрополіи—Новгорода—и состоять въ тѣсныхъ связяхъ съ нимъ, какъ съ метрополіей. Это видно изъ того, что, по свидѣтельству Нестора, Кривичи участвовали на Новгородскомъ вѣчѣ при приглашеніи Варяго-Русскихъ князей, и приглашенный Новгородцами Князь Рюрикъ въ 865 году далъ въ управленіе своимъ мужамъ Полотскъ, точно также какъ Ростовъ и Бѣлоозеро, какъ прямо говоритъ Несторъ: «по двюю же лѣту Синеусъ умеръ и братъ его Труворъ, Рюрикъ же принялъ власть и далъ города своимъ мужамъ, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро». А конечно Рюрикъ князь Новгородскій не могъ сего сдѣлать, ежели бы города сіи не зависѣли отъ Новгорода. Свидѣтельство этой же зависимости мы находимъ и въ Скандинавскихъ сагахъ, которыя прямо говорятъ, что Полотскъ составлялъ часть Новгородскихъ владѣній точно также, какъ Ростовъ, Суздаль и Муромъ, какъ объ этомъ рассказываетъ сага Орваръ Оdda. А сага Гаунгу Рольфа прямо говоритъ, что земли по западной Двинѣ, т. е. Полотскія, принадлежали Новгороду; по словамъ этой саги Новгородскій государь Реггвидъ въ молодости постоянно занимался морскими разбоями и покорилъ многія земли по Двинѣ, которая течетъ чрезъ Новго-

родскія владѣнія. Здѣсь онъ воевалъ со многими народами (конечно съ Зимиголою, Летыголою, Ливью и Корсю, которые въ IX столѣтіи, по свидѣтельству Нестора, уже платили дань Русси), въ продолженіи многихъ лѣтъ не возвращаясь домой. Это извѣстіе настоящей саги для насъ весьма важно: оно прямо указываетъ, что западная Двина и съ нею Полотская земля составляли часть Новгородскихъ владѣній, т. е. такую Новгородскую колонію, которая была тѣсно связана съ Новгородомъ и которую, по ея важности и значенію, Новгородцы постоянно поддерживали, посылая туда новыхъ поселенцевъ и свои полки для защиты колоніи отъ враждебныхъ инородцевъ сосѣдей. Изъ настоящей саги мы видимъ, что въ древности Полотскъ былъ въ такихъ же отношеніяхъ къ Новгороду Великому, въ какихъ въ послѣдствіи на памяти исторіи находились Псковъ, Ладога, Торжокъ и другіе Новгородскіе пригороды, т. е. Полотскъ былъ Новгородскою улицею, или Новгородскимъ концомъ, частию Новгорода Великаго, перенесеннаго съ береговъ Волхова къ устью Полоты въ Двину, или Новгородъ Великій построенный на Двинѣ со всѣми обычаями и устройствомъ Волховскаго Великаго Новгорода, со всѣмъ строемъ его общественной и частной жизни. А посему очень вѣрно выражаетъ Полотское устройство Литовскій лѣтописецъ Выховець, когда говоритъ: «мужи Полочане управлялись вѣчѣмъ, какъ Великій Новгородъ», т. е. Полотскъ, по своему управленію и устройству нисколько не разнился отъ Великаго Новгорода.

Полочане были тѣ же Новгородцы и продолжали быть гражданами Великаго Новгорода, хотя и посе-

лились на Двинѣ, и ихъ новый городъ Полотскъ былъ тоже, что старый Новгородъ Волховскій, и находился въ такихъ же отношеніяхъ къ своимъ сосѣдямъ и въ такихъ же обстоятельствахъ. Какъ Новгородъ великій былъ гнѣздомъ Славянщины среди Финскихъ племенъ Води, Ижоры, Корѣлы и другихъ; точно также Полотскъ былъ гнѣздомъ Славянщины, и именно Славянщины Новгородской среди Литовскихъ племенъ Литвы, Летыголы, Зимиголы и друг. Какъ Новгородъ не былъ завоевателемъ, а только колонизаторомъ, несущимъ цивилизацію къ дикимъ и полудикимъ племенамъ Финновъ или Чуди; такъ точно и Полотскъ не былъ завоевателемъ, а только колонизаторомъ, вносящимъ цивилизацію въ дикія или полудикія племена Литвы. Какъ Новгородъ не истреблялъ сосѣдей Водь, Ижору и другихъ, а только заботился о томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ Новгородцевъ, добрыхъ согражданъ, всегда и вездѣ готовыхъ защищать интересы Новгорода, въ чемъ достаточно и успѣлъ; точно также и Полотскъ не истреблялъ сосѣднихъ племенъ Литвы, а только старался обрусить ихъ и сдѣлать усердными сынами Полотскаго отечества, готовыми защищать интересы Полотска, въ чемъ Полотскъ успѣлъ едва ли не болѣе Новгорода; ибо къ концу XII столѣтія Литовскія племена на югъ отъ Вилии были окончательно претворены въ Русскихъ, да и Литовцы, на сѣверъ отъ Вилии, на столько уже были проникнуты Русскою цивилизаціею и Русскимъ духомъ, что Вильна—столица этихъ племенъ—съ паденіемъ Полотска могла уже заступить его мѣсто въ чисто русскомъ направленіи, нисколько не измѣняя русской цивилизаціи, и не отрывая Литвы отъ Рус-

ской земли, и даже сама на половину была уже населена Русскими людьми или православными, т-е. обрусѣлыми Литвинами. Какъ Новгородъ постоянно тянулъ къ морю и на сѣверовостокъ; точно также Полотскъ постоянно стремился къ морю и на юго-западъ. Какъ Новгородъ отдѣлилъ отъ себя сильныя колоніи—земли Ростовскую, Суздальскую и Муромскую и Рязанскую, образовавшіяся въ самостоятельныя владѣнія; точно также Полотскъ отдѣлилъ отъ себя колоніи Кривичей и Сѣверянъ, также образовавшія изъ себя самостоятельныя и сильныя земли, Смоленскую и Черниговскую или Сѣверскую. Какъ Новгородскія владѣнія дѣлились на Новгородскую землю и волости Новгородскія, лежащія въ Заволочѣ, по Двинѣ, Печерѣ, въ Перми и Югрѣ, гдѣ почти не было Новгородскихъ пригородовъ, и гдѣ Новгородъ только пользовался данью съ туземцевъ и свободнымъ путемъ для торговли и по мѣстамъ имѣлъ острожки и торговыя факторіи; точно также и Полотскія владѣнія дѣлились на Полотскую землю, занятую Полотскими пригородами, и на волости Полочанъ въ земляхъ Летыголы, Зимиголы, Ливи и Корси, гдѣ также почти небыло Полотскихъ пригородовъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ городковъ по Двинѣ, и гдѣ Полочане довольствовались только данью съ туземцевъ и свободными торговыми рынками. Такимъ образомъ почти во всѣхъ отношеніяхъ Полотскъ былъ сколкомъ Новгорода великаго, вторымъ Новгородомъ на берегахъ западной Двины.

Впрочемъ Полотскъ, помѣстнымъ обстоятельствамъ, имѣлъ и нѣкоторыя особенности. Съ одной стороны инородческія племена, съ которыми пришлось имѣть

дѣло Новгороду и Полотску, были не одни и тѣ же; Новгородъ засѣлъ въ средѣ Финскихъ племень, болѣе упорныхъ и неподатливыхъ, но зато менѣе подвижныхъ и дѣятельныхъ; Полотскъ, напротивъ, очутился среди Литовскихъ племень, болѣе воспріимчивыхъ, но за то и болѣе подвижныхъ и энергичныхъ, съ сильными задатками для общественной жизни. Съ одной стороны Новгороду на историческомъ пути его нигдѣ не приходилось сталкиваться съ родными племенами Славянскими; Полотскъ, напротивъ, почти при самомъ своемъ началѣ долженъ былъ столкнуться съ Славянскимъ племенемъ Дреговичей, которыхъ поселенія, какъ мы уже видѣли, по свидѣтельству Нестора, находились между Припетью и Западною Двиною; а на югъ за Припетью Полочанамъ приходилось встрѣтиться съ Славянскими племенами Древлянь и Волянъ. Всѣ сіи мѣстныя обстоятельства естественно должны были положить свой отпечатокъ на Полочанъ и до нѣкоторой степени измѣнить ихъ народный характеръ, дать ему свой мѣстный оттѣнокъ Новгородцевъ западно-Двинскихъ, котораго мы не встрѣчаемъ у старыхъ Новгородцевъ Волховскихъ. Изъ Новгорода Волховскаго выросла великая Русь, съ характеромъ настойчивымъ, предприимчивымъ, который не сробѣетъ ни передъ какой работой; изъ Новгорода Двинскаго или Полочанина вышелъ Бѣлоруссъ, конечно не нынѣшній, забытый четырех-сотъ-лѣтнимъ игомъ Ляховъ и Жидовъ, а старый Бѣлоруссъ Полочанинъ, предприимчивый, трудолюбивый, но не столько упорный, сколько подвижный, способный увлекаться и слѣдовательно подчиняться постороннему вліянію; или иначе сказать, изъ Полочанъ выработались Кривичи,—

смѣсь Двинскихъ Новгородцевъ съ Дреговичами. Въ слѣдствіе чего самое народное наименованіе Полочанъ еще въ древности было замѣнено новымъ народнымъ наименованіемъ Кривичей, которое сдѣлалось общимъ и для Полочанъ и для Дреговичей, наименованіе же Полочанъ осталось только за гражданами Полотска, а названіе Дреговичей также сдѣлалось частнымъ только для поколѣнія Дреговичей, которое оставалось около Припети.

О Кривичахъ въ нашей исторической литературѣ ходитъ нѣсколько мнѣній, которыя раздѣляются на два главныхъ стана. Большинство писателей признаетъ Кривичей какимъ-то особымъ, многочисленнымъ Славянскимъ племенемъ, занимавшимъ не только Полотскую и Смоленскую землю, но едва ли недавшимъ начало велико-Русскому племени, и такимъ же первобытнымъ, какъ Поляне, Древляне, Ильменскіе Славяне, и едва ли не старѣйшимъ ихъ. Изъ втораго же стана, впрочемъ составляющаго меньшинство, слышится, что Кривичи вовсе не были Славянами, а принадлежали—у однихъ писателей къ Латышамъ, а у другихъ къ Финнамъ. Противъ мнѣній втораго стана возражать нечего: мнѣнія сіи или явная ошибка, или наглая ложь; древнѣйшія свидѣтельства такихъ достовѣрныхъ и могшихъ хорошо знать это дѣло писателей, каковы Императоръ Константинъ Порфирородный, писатель X столѣтія и нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ, писатель конца XI столѣтія, прямо называютъ Кривичей Славянами; а о Финскомъ или Латышскомъ происхожденіи Кривичей мы не имѣемъ ни одного прямого свидѣтельства, ни ранняго ни поздняго, и только можемъ толковать объ этомъ при помощи на-

тяжекъ, и при томъ самыхъ крайнихъ и шаткихъ, таковы напимѣръ: сосѣдство Кривичей съ Латышскими или Финскими племенами и нѣкоторыя заимствованія отъ нихъ, а въ такомъ случаѣ и Новгородцевъ должно признать за Финновъ, ибо они жили среди Финскихъ племенъ. Напротивъ того, мнѣніе перваго стана многое имѣеть въ свою пользу въ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ памятниковъ.—Кривичи дѣйствительно составляли особое и широко распространенное Славянское племя; но писатели, держащіеся сего мнѣнія, опускають изъ виду самое существенное, заключающееся въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ этомъ племени,—что племя это не было первобытнымъ, отдѣльнымъ племенемъ, пришедшимъ на Русь прямо съ Дуная, подобно Полянамъ, Ильменскимъ Славянамъ, Древлянамъ и другимъ, а образовалось уже на Руси и составилось изъ другихъ племенъ, именно изъ колонистовъ Новгородскихъ на Двинѣ и изъ Дреговичей, жившихъ между Припетью и Двиною, и послѣ этого соединенія получило уже свое родовое названіе Кривичей, поглотившее частныя названія Полочанъ и Дреговичей. Вотъ эти прямыя и ясныя свидѣтельства Несторовой лѣтописи о такомъ происхожденіи Кривичей: во 1-хъ, Несторъ, рассказывая о первомъ и древнѣйшемъ переселеніи Дунайскихъ Славянъ на Русь, вовсе не упоминаеть о Кривичахъ; онъ только говоритъ о Полянахъ, Древлянахъ, Дреговичахъ, Славянахъ Ильменскихъ, Полочанахъ и Сѣверянахъ, и указываетъ мѣста, гдѣ какое изъ упомянутыхъ племенъ поселилось на Руси. Во 2-хъ, рассказывая о второмъ переселеніи Славянъ съ Дуная на Русь, бывшемъ въ слѣдствіе нашествія на Дунай

Болгаръ и Аваровъ, Несторъ пишетъ: «Полянамъ живущимъ особо, какъ мы уже сказали, сущимъ отъ рода Словянска, и назывались Поляне, а Древляне отъ Словянъ же и нареклись Древляне; Радимичи же и Вятичи отъ Ляховъ, были въ Ляхахъ два брата, одинъ Радимъ, а другій Вятко, они пришли и сѣли, Радимъ на Сожѣ, и прозвались Радимичи, а Вятко сѣлъ съ родомъ своимъ на Окѣ, и отъ него прозвались Вятичи. И жили въ мирѣ Поляне, Древляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи и Хорваты. Дулебы жили по Бугу, гдѣ нынѣ Воляныне; а Уличи и Тиверцы сидѣли по Днѣстру, направляясь къ Дунаю, и было ихъ очень много, сидѣли по Днѣстру даже до моря, и города ихъ находятся тамъ даже до сего дни». Вотъ и второе исчисленіе Славянскихъ племенъ на Руси, пришедшихъ съ Дуная, частію старыхъ, перваго переселенія, частію новыхъ втораго переселенія, и опять ни слова о Кривичахъ; значить ихъ не было не при первомъ, ни при второмъ переселеніи. Въ 3-хъ, при третьемъ перечисленіи Славянскихъ племенъ на Руси, по смерти старыхъ Кіевскихъ князей Кія, Щека и Хорива, Несторъ пишетъ: «Послѣ сихъ братьевъ родъ ихъ сталъ держать княженіе у Полянъ, а Древляне свое княженіе, Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, которые назвались Полочанами; отъ Полочанъ же Кривичи, которые сидятъ наверхъ Волги и наверхъ Днѣпра и наверхъ Двины, у нихъ же городъ Смоленскъ, тамо сидятъ Кривичи, также отъ нихъ Сѣверяне. На Бѣлѣ-озерѣ сидятъ Веси, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, по Окѣ рѣкѣ, гдѣ она течетъ въ Волгу, живутъ Муромы, свой языкъ (свое племя) Черемиса, свой языкъ, Мордва

свой языкъ. Ибо къ Славянскому языку на Руси принадлежатъ только: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверяне, Бужане, потому что сѣли на Бугѣ, а послѣ назвались Волынянами. А вотъ иные языки, которые дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Мурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нарова, Либь или Ливь; у нихъ свой языкъ» (свое происхожденіе). Въ этомъ третьемъ перечисленіи Славянскихъ племенъ на Руси Несторъ въ первый разъ упоминаетъ о Кривичахъ, но не называетъ ихъ пришельцами съ Дуная или изъ другихъ странъ, а прямо говоритъ, что они произошли отъ Полочанъ, или Ильменскихъ Славянъ на Двинѣ, какъ прямо сказано въ лѣтописи: «отъ нихъ же Кривичи, таже Сѣверъ отъ нихъ». Нѣкоторые изслѣдователи толкуютъ выраженіе *отъ нихъ*, по сосѣдству съ ними, рядомъ съ ихъ границами; но Несторъ такъ не выражался, да и такое выраженіе на древнемъ Русскомъ языкѣ не употреблялось, даже въ настоящемъ перечисленіи Славянскихъ племенъ Несторъ не говорить же о сосѣдяхъ Полянъ Древлянахъ, — отъ нихъ же Древляне, или о сосѣдяхъ Древлянъ Дреговичахъ, — отъ нихъ же Дреговичи; да и какіе-же сосѣди Полочанамъ Сѣверяне, когда ихъ отдѣляла отъ Полочанъ вся земля Кривичей, а въ лѣтописи ясно сказано: таже отъ нихъ Сѣверъ (Сѣверяне); значить выраженіе *отъ нихъ* у Нестора выражаетъ не сосѣдство съ кѣмъ либо, а происхожденіе отъ кого либо. А посему выраженіе Нестора: *отъ нихъ же Кривичи*, иначе нельзя понимать, какъ только такъ, что Кривичи происходятъ отъ Полочанъ, или Двинскихъ колонистовъ Новгорода. А что имя Кривичей еще въ доистори-

ческія времена замѣнило собою названіе Полочанъ для всего племени, образовавшагося изъ сліянiя Полочанъ съ Дреговичами, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство также у Нестора, въ его описаніи о раздачѣ городовъ Рюрикомъ по смерти братьевъ. Несторъ пишетъ: «и по тѣмъ городамъ находники Варяги, а первые насельники въ Новгородъ Словѣни, въ Полотскѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, на Бѣлѣ-озерѣ Веси, въ Муромѣ Муромы». Здѣсь Несторъ первыхъ насельниковъ Полотска (т. е. всей Полотской земли), Полочанъ, уже прямо называетъ Кривичами; тогда какъ при третьемъ перечисленіи Славянъ на Руси онъ ихъ называлъ Полочанами поселенцами Новгородскими, отъ которыхъ произошли Кривичи. Такимъ образомъ по прямымъ свидѣтельствамъ Нестора, главнаго источника свѣдѣній о Славянахъ на Руси, не можетъ быть и рѣчи о Кривичахъ, какъ о какомъ-то особомъ Славянскомъ племени, неизвѣстно когда и откуда пришедшемъ на Русь. Несторъ прямо и ясно говоритъ, что Кривичи произошли отъ Полочанъ, а Полочане отъ Новгородцевъ или Ильменскихъ Славянъ, и въ послѣдствіи, вѣроятно отъ слитiя Полочанъ съ Дреговичами, имя Кривичей сдѣлалось общимъ родовымъ и для Полочанъ и для Дреговичей, какъ прямо и говоритъ Несторъ, въ Полотскѣ первые насельники Кривичи. А конечно Нестора нельзя обличить въ противорѣчiи самому себѣ; онъ не могъ сказать въ одномъ мѣстѣ, что основателями Полотска были Полочане, колонисты Новгородскіе—а въ другомъ мѣстѣ, основателями Полотска были Кривичи, ежели бы онъ не признавалъ Полочанъ и Кривичей за одно и то же племя Новгородскихъ колонистовъ на Двинѣ, и

что Кривичи есть только другое названіе Полочанъ, образовавшееся въ болѣе позднее время, впрочемъ еще доисторическое, такъ что Несторъ называетъ Полочанъ Кривичами почти при началѣ исторіи.

Происхожденіе Кривичей отъ сліянія Новгородскихъ колонистовъ съ Дреговичами, кромѣ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, имѣетъ за себя Бѣлорусскій языкъ, обычаи, образъ жизни и повѣрье Кривичей или Бѣлоруссовъ. Бѣлорусскій языкъ, несмотря на 400 лѣтнее давленіе на него Польскаго языка, еще не на столько исказился, чтобы не видѣть въ немъ древняго языка Новгородскаго и самаго близкаго родства съ Великорусскимъ языкомъ, происшедшимъ также отъ Новгородскаго языка; развѣ на примѣръ не слышится близкое сродство съ Великорусскою народною рѣчью, хотя бы въ слѣдующей Бѣлорусской пѣсни (Минск. Губ., Новг. уѣз.)

О ты брага бражунька зялёная,
О хто тебя бражунька пици будзя
Безъ милаго-дружечка безъ надзѣи?

Конечно, здѣсь уже слышна подмѣсь Польскаго языка, но только подмѣсь, а весь составъ рѣчи чисто Новгородскій и Великорусскій. Эту пѣсню пойметъ и будетъ пѣть любой Великорусскій крестьянинъ, какъ свою, и не потребуетъ ни поясненій, ни перевода; да цяканье и дзяканье не новость въ разныхъ мѣстностяхъ Великорусской рѣчи, даже въ Московской губерніи. Или еще образчикъ Бѣлорусскаго народнаго языка (Минск. губ., Новг. уѣзд.)

Калина съ малиною въ одну пору зацвѣла,
Въ тую пору раненько matka сына родзила,
Не собравши разуму да въ солдаты отдала,
Въ солдаты въ солдатушки на чужую сторону.

Развѣ это не Велокорусская народная рѣчь? Изъ приведенныхъ четырехъ стиховъ великорусскій крестьянинъ не сказалъ бы только одного слова: радзила, а произнесъ бы его родила или породила; но и у Бѣлоруссовъ это слово очевидно искажено Польскимъ вліяніемъ. Или, въ одной отступной записи 1406 года, такъ пишетъ Полочанинъ: «Се язъ Гридько Дружилевичъ. Понеже отецъ мой Андрей Дружилевичъ далъ Црсица съ женою и съ дѣтьми и землю ко Святой Бородицы у домъ на память себѣ, ставити имъ солоду ошитковъ десять, да пять пудовъ меду, три ошитка ржи, два ошитка пшеницы, да вологу, што попомъ и чернцемъ надобе». Развѣ это не Новгородская рѣчь? развѣ не точно также писали Новгородцы въ своихъ купчихъ и отказныхъ и поступныхъ записяхъ? Выкиньте только слово ошитокъ, означающее мѣру, не употреблявшуюся въ Новгородѣ, и вы смѣло можете ставить настоящую запись рядомъ съ Новгородскими, и она ничѣмъ не будетъ отъ нихъ отличаться. Здѣсь представлены примѣры только изъ чисто народнаго языка современнаго и изъ стараго дѣловаго языка, на которые не могло быть литературнаго вліянія, сглаживающаго мѣстные говоры; слѣдовательно здѣсь сходство Бѣлорусскаго языка съ Новгородскимъ и Велокорусскимъ происходитъ именно отъ того, что Новгородцы, Велокоруссы и Бѣлоруссы происходятъ отъ одного корня, и что корень этотъ—Новгородъ. Здѣсь о какихъ нибудь внѣшнихъ обстоятельствахъ, способствовавшихъ сходству языка, нечего и говорить: ибо внѣшнія обстоятельства, какъ нарочно, всё клонились къ тому, чтобы уничтожить это сходство у Бѣлоруссовъ; стѣдуетъ только припомнить страшное 400 лѣт-

нее Польское иго, которое только о томъ и хлопотало, чтобы уничтожить все русское въ этомъ краѣ; тутъ и унія, и Латинство, и Польщизна работали изъ всѣхъ силъ, и надо сказать работали искусно и ничѣмъ не стѣсняясь; и не смотря на все это Бѣлорусскій языкъ, хоть искаженный, тѣмъ не менѣе остался и до сей поры Новгородскимъ языкомъ, или отпрыскомъ этого языка.

Что касается до обычаевъ, образа жизни, повѣрій Бѣлоруссовъ или прежнихъ Полочанъ и Кривичей, и особенно относительно ихъ характера, то у насъ большею частію проводятъ какую-то черту, рѣзко отдѣляющую Бѣлоруссовъ отъ Великоруссовъ и ихъ родоначальниковъ,—Новгородцевъ или Ильменскихъ Славянъ. Типомъ Бѣлорусса у насъ обыкновенно выставляютъ вялость, апатичность, недостатокъ смѣтливости и небреженіе къ удобствамъ жизни; тогда какъ великорусскій крестьянинъ представляется развитымъ, смѣтливымъ, предприимчивымъ и энергичнымъ. Все это совершенно вѣрно, но не въ томъ суть дѣла. На Бѣлорусскомъ крестьянинѣ лежитъ четырехъ-сотъ-лѣтній гнетъ польщизны и жидовства, которыя довели его до настоящаго положенія; слѣдовательно, что считается типомъ современнаго Бѣлорусса, то вовсе не составляетъ его природнаго свойства, а есть только наносная болѣзнь, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ должна исчезнуть; и конечно, болѣзненное, ненормальное положеніе современныхъ Бѣлоруссовъ ни коимъ образомъ не можетъ быть приписано ихъ древнимъ предкамъ Полочанамъ или Кривичамъ. А что нынѣшніе Бѣлоруссы дѣйствительно прямые потомки Новгородскихъ колонистовъ-Полочанъ, этому

лучшимъ свидѣтельствомъ служить то, что несмотря на 400-лѣтній тяжкій гнетъ, современные Бѣлоруссы счумѣли сохранить самые существенные признаки того, что они одна семья съ Новгородцами и Велико-руссами; они отстояли вѣру - праотцевъ, которая у нихъ одна съ Великоруссами; языкъ, какъ мы уже видѣли, настолько сохраненъ ими, что его нельзя не признать однимъ языкомъ съ Новгородскимъ; самый образъ жизни, обычаи, вѣрованія и даже суевѣрія тѣ же самыя, какія и у Великоруссовъ, хотя иногда съ нѣкоторыми измѣненіями.

Чтобы сколько нибудь убѣдиться въ этомъ, возьмемъ напримѣръ годичный циклъ дней недѣльныхъ и праздниковъ, ихъ значеніе въ народномъ быту и обряды; они совершенно одни и тѣ же какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и у Великоруссовъ. Такъ, понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ и у Бѣлоруссовъ, и у Великоруссовъ. Въ этотъ день тѣ и другіе не начинаютъ никакой важной работы; въ этотъ день пожилые люди постятся, что у Бѣлоруссовъ называется понедѣльковать, а у Великоруссовъ понедѣльничать. Пятница у Бѣлоруссовъ пользуется особымъ уваженіемъ, и считается за грѣхъ работать въ этотъ день; также точно смотрѣли на пятницу и Великоруссы въ XVI столѣтіи, какъ свидѣтельствуеетъ Стоглавъ. Счетъ двѣнадцати пятницъ въ году съ особымъ значеніемъ каждой одинаковъ какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и у Великоруссовъ; такъ напримѣръ у тѣхъ и другихъ считается, что постящійся въ десятую пятницу предъ Вознесеніемъ Христовымъ не будетъ утопленникомъ, или постящійся въ Ильинскую пятницу будетъ избавленъ отъ громоваго удара. Всѣ исчисленія и наблю-

денія ведутъ простолюдины, какъ Бѣлоруссы, такъ и Великоруссы, по числу недѣль и дней, прошедшихъ отъ перваго праздника до другаго. Годъ у тѣхъ и у другихъ дѣлится на двѣ половины, съ 1-го Января до 1-го Юля, а съ 1-го Юля до 1-го Января, и какая погода въ какой день первой половины года, такая же по времени года будетъ и во второй половинѣ въ соотвѣтствующій день; такъ ежели на примѣръ въ 1-й день Января сильный морозъ, то 1-го Юля будетъ сильный жаръ.

Какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и у Великоруссовъ народные праздники одни и тѣ же и имѣютъ одинаковое значеніе и одинаковые примѣты, и проводятъ ихъ въ томъ и другомъ краю одинаково; только у Бѣлоруссовъ болѣе сохранилось старины. Такъ на примѣръ обычай на Рождество Христово и на новый годъ и на Богоявленіе ѣздить на неѣзжалыхъ лошадяхъ у Бѣлоруссовъ еще сохранился, а у Великоруссовъ его уже нѣтъ; но морозы отъ 25 Декабря до 1 Января у того и другаго народа называются Васильевскими, а въ день Богоявленія и у Бѣлоруссовъ и у Великоруссовъ, старшій въ семьѣ, помолившись передъ иконами, кропитъ принесенною изъ церкви св. водою какъ избу, такъ и всѣ строенія и скотъ на дворѣ, а на дверяхъ, окнахъ и стѣнахъ какъ снаружи, такъ и снаружи чертитъ углемъ или мѣломъ небольшіе кресты; вода освященная въ день Богоявленія называется крещенскою водою, она хранится въ теченіе года и употребляется для окропленія ульевъ при собираніи роевъ и во время болѣзней. Если 18 Января, въ день св. Аѳанасія, бываетъ вьюга и метель, то знакъ продолжительной весны, которая потребуетъ мно-

го корма. Февраля 2-го, въ день Срѣтенія Господня, зима встрѣчается съ лѣтомъ и солнце начинаетъ грѣть по лѣтнему; въ этотъ день не начинаютъ никакой работы; кромѣ того въ день, который пришелся подъ этотъ праздникъ, въ теченіе цѣлаго года не снуютъ основы, чтобы не встрѣтиться съ волками, т. е. ежели Срѣтеніе придется въ среду, то во всѣ вторники въ теченіи года не снуютъ основъ. У Великоруссовъ этотъ обычай уже вывелся, но старухи по деревнямъ еще помнятъ, что при ихъ матеряхъ этотъ обычай наблюдался. 11-го Февраля, праздникъ памяти священномученика Власія, у крестьянъ въ томъ и другомъ краю почитается годичнымъ праздникомъ, и крестьяне говорятъ: кто почитаетъ этотъ праздникъ, у того скотина болѣть не будетъ; а женщины въ этотъ день не работаютъ.

Ежели 1-го Марта, въ день св. Евдокіи, таесть, такъ что пѣтухъ можетъ напиться подъ навѣсомъ крыши, то это обѣщаетъ хорошую весну. Праздникъ 40 мучениковъ, 9 Марта, у того и другаго народа называется *Сороки*: ежели въ этотъ день корова можетъ подъ угломъ строенія напиться вдоволь, то будетъ хорошая весна; въ этотъ день, по народному повѣрью, прилетаютъ жаворонки, и поэтому пекутъ изъ теста птичекъ, которыхъ называютъ жаворонками. Въ праздникъ Алексѣя челоуѣка Божія, 17 Марта, по народному повѣрью, щука пробиваетъ ледъ хвостомъ и съ горъ вода течетъ. Въ день Благовѣщенія, 25 Марта, какова погода въ этотъ день, такая же, по повѣрью, будетъ и въ день праздника Свѣтлаго Воскресенія Христова; птица въ день Благовѣщенія, по народному повѣрью, не вѣтъ гнѣзда: ежели за недѣлю до этого

праздника не перестануть ѣздить на саняхъ, то проѣзжать на нихъ недѣлю послѣ Благовѣщенія. Въ этотъ день стараются не смотрѣть на вертены, чтобы лѣтомъ не встрѣчать змѣй, въ Великорусскихъ деревняхъ то же стараются въ Благовѣщеневъ день не видать веретень, суровыхъ нитокъ и холстовъ, по старому обычаю, но для чего и съ какою цѣлю, объ этомъ уже не могутъ сказать. Со дня Благовѣщенья, по мнѣнію простонародья, у Бѣлоруссовъ и у Великоруссовъ начинается весна, и крестьяне выносятъ разныя кушанья на дворъ и зазываютъ весну. У Бѣлоруссовъ на этотъ случай даже сохранилась обрядовая пѣсня въ такихъ выраженіяхъ:

Благослови Боже,	Вылеци сизая галочка,
Вѣсну клякаць,	Вынеси золотые ключи,
Зиму провожаць,	Замкни холодную зимоньку,
Лѣта дожидаць,	Отомкни целое лѣдечко.

Эта пѣсня указываетъ на особые обряды, соблюдавшіеся при зазываніи весны во время язычества; обряды сіи соблюдались въ XVI столѣтіи и въ Московскихъ селахъ, какъ свидѣтельствуеть Московскій соборъ 1551 года. Церковь празднуетъ 17 Апрѣля память св. Зосимы, народъ считаетъ его покровителемъ пчель. День памяти св. Побѣдоносца Георгія, 23-го Апрѣля, имѣетъ особенное значеніе съ распредѣленіемъ хозяйственныхъ работъ какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и Великоруссовъ: ежели овцы не острижены до этого дня, то ихъ стригутъ уже послѣ Николина дня (9-го Мая); до Юрьева дня не городягъ изгородей въ поляхъ и не даютъ заказовъ; крестьяне говорятъ, что до этого дня скоту три воли, ѣсть когда и что захочетъ и въ любомъ мѣстѣ; Юрьева роса выкормитъ скотину лучше всякаго овса, по вѣрованію кре-

стьянъ , и посему въ этотъ день непременно выгоняютъ скотину въ поле, хотя бы не было травы, и прежде всего въ поле засѣянное озимымъ хлѣбомъ; выгоняютъ скоть съ двора вербою, освященною въ церкви въ вербное воскресенье; и оставляютъ вербу на нивѣ, чтобы лучше родился хлѣбъ (у Великорусовъ во многихъ мѣстахъ вербу уносятъ домой); въ полѣ обходятъ вокругъ скота три раза съ образомъ, хлѣбомъ и тремя яицами, чтобы Богъ сохранилъ скотинку, и чтобы скоть былъ сытъ и круглъ какъ яйцо. У пастуховъ для этого дня имѣется слѣдующее заклинаніе: «Глухой, глухой, слышишь ли? не слышу. А кабы Богъ далъ, волкъ неслыхалъ нашего скота. Хромой, хромой, дойдешь ли? не дойду. А кабы далъ Богъ, недошелъ волкъ до нашего скота. Слепой, слепой! видишь ли? не вижу. Дай Богъ, чтобы волкъ не видѣлъ нашего скота».

Четвергъ страстной недѣли у Бѣлоруссовъ и Великоруссовъ называется чистымъ; наканунѣ этого дня, выставляютъ на дворѣ кусокъ хлѣба и щепотку соли, и ежели этотъ хлѣбъ въ продолженіи ночи замерзнетъ, то яровые пострадаютъ отъ морозовъ; наканунѣ же чистаго четверга моются до восхожденія солнца въ банѣ, говоря, что и воронъ передъ этимъ днемъ купаетъ своихъ дѣтей. Говорятъ, что въ чистый четвергъ сходитъ на землю Іисусъ Христосъ, и поэтому пекутъ особый хлѣбъ, называемый стульце сходящему на землю Богочеловѣку. Въ этотъ же день начинаютъ красить яйца и поминаютъ родителей, и для сего пекутъ блины и лепешки. У Великоруссовъ въ настоящее время поминовенія не бываетъ и блиновъ не пекутъ; но въ XVI столѣтіи, по свидѣтельству Сто-

глава, и въ Московскихъ владѣнiяхъ соблюдались въ чистый четвергъ разные языческiе обряды относительно поминовенiя умершихъ; въ царскихъ вопросахъ Стоглава сказано: «въ великiй четвергъ спорану солому цалать и кличуть мертвыхъ». Свѣтлый праздникъ Воскресенiя Христова у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ называется *великъ день* и празднуется съ особою торжественностiю: уже съ чистаго четверга начинается къ нему приготовленiе, наканунѣ праздника съ вечера отправляются въ церковь и берутъ съ собою пасхи для освященiя, по возвращенiи домой изъ церкви прежде всего разговляются освященнымъ; оставшиеся почему-либо дома всю ночь предъ святымъ праздникомъ не спятъ; проспавшаго утреню обливаютъ холодною водою. Въ томъ и другомъ краю народъ вѣрить, что умирающiе на свѣтлой недѣлѣ непременно будутъ въ раю; какъ въ церкви царскiя двери всю недѣлю остаются незатворенными, такъ, говорятъ, и врата рая отверзты въ это время для всѣхъ добрыхъ и злыхъ. Отъ пасхи до вознесенiя, говорятъ, Иисусъ Христосъ ходитъ по землѣ въ образѣ нищаго, и потому въ это время не слѣдуетъ отказывать просящему милостыни. Пользуясь такимъ повѣрьемъ, такъ называемые волочебники, собравшись толпою, ходятъ на святой недѣлѣ по деревнямъ, и, подойдя подъ окно чьей-либо избы, поютъ пѣсни, получаютъ за это пироги, хлѣбъ, яйца и подоб., и въ одной изъ пѣсенъ называютъ себя скоморохами. Въ Великорусскихъ деревняхъ въ настоящее время нѣтъ ни волочебниковъ, ни скомороховъ, но еще въ концѣ прошедшаго столѣтiя они шатались и по Великорусскимъ деревнямъ, а грамоты XV, XVI и XVII столѣтiй переполнены извѣстiями о

попрошаяхъ и скоморохахъ, ходившихъ толпами даже челоуѣкъ по пятидесяти и больше. Слѣдующая за Святой недѣлей Тѳомина недѣля называется *красной горкой*,—пора свадебъ. Воскресеніе Тѳоминой недѣли носитъ названіе *бабья праздника*; вторникъ Тѳоминой недѣли называется *радуницею*. Въ этотъ день до обѣда моются въ банѣ и занимаются всякою работою, послѣ же обѣда ходятъ на могилки поминать родителей; на могилахъ сперва служатъ цаннихиды, потомъ начинаютъ пировать и, обращаясь къ покойникамъ, говорятъ: «честные радзители ходзите къ намъ хлѣба и соли кушать», и вѣрятъ, что души покойниковъ встаютъ изъ могилъ и раздѣляютъ съ ними трапезу. Тѳоминый вторникъ или радуница заключаетъ собою рядъ великоденскихъ праздниковъ.

На седьмой недѣлѣ по пасхѣ въ четвергъ празднуется *семикъ*, въ этотъ день поминаютъ родственниковъ и всѣхъ скоропостижно умершихъ. Русальная недѣля или семичная у Бѣлоруссовъ еще называется Духовской. У Бѣлоруссовъ и Великоруссовъ есть пословица: «до Святаго Духа не скидай кожуха». У того и другаго народа празднованіе Русальной недѣли находится въ связи съ вѣрованіемъ, что души умершихъ встаютъ весною для наслажденія новою жизнію. Названіе Русальной недѣли произошло отъ Русалокъ, сихъ прекрасныхъ съ распущенными длинными волосами обитательницъ водъ; Русалки—это души утопленницъ, мертворожденныхъ или же дѣтей умирающихъ некрещенными. До Духова дни они живутъ въ водахъ, въ этотъ же день выходятъ изъ своихъ жилищъ, плещутся въ полночь на поверхности воды, или качаются въ лѣсу на деревьяхъ, или бѣгають по полямъ, за-

манивая прохожихъ, чтобы защекотать ихъ до смерти. Въ Духовъ и Троицынъ день дѣвушки украшаютъ себя вѣнками и гадаютъ, бросая вѣнки въ воду, вѣрятъ, что чей ранѣе приплываетъ къ берегу, эта дѣвушка скорѣе выйдетъ замужъ. Въ Троицынъ день послѣ обѣда дѣвушки идутъ въ лѣсъ завивать вѣнки и несутъ туда разныя кушанья, между которыми непременно должна быть яичница, какъ принадлежность этого праздника. Духовымъ днемъ заканчиваются всенніе праздники.

Первымъ изъ лѣтнихъ праздниковъ какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и у Великоруссовъ считается 24 Іюня, день рождества Іоанна Предтечи. День этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Ивана Купалы; въ ночь на Ивановъ день, въ самую полночь, раздвѣтаетъ, по народному повѣрью, цвѣтокъ папоротникъ; кто его сорветъ, тотъ получаетъ способность открывать клады. Клады по народному повѣрью бываютъ заклѣтые и незаклѣтые; послѣдними, т. е. незаклѣтыми, можетъ пользоваться всякій, кто найдетъ; относительно же заклѣятаго клада, горящая надъ нимъ свѣча, или слышимый по временамъ выстрѣлъ, или замѣчаемый дымъ хотя и показываютъ, гдѣ зарытъ кладъ, но овладѣть имъ нѣтъ возможности: закопавшій его сдѣлалъ надъ нимъ заклѣтіе. Клады являются подъ разными видами, иногда подъ видомъ старика, иногда лошади, собаки, клубка и проч.; стѣдить только толкнуть старика, или ударить лошадь, — и кладъ разсыпается, и подбирай серебро и золото. 8-го Іюля, праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, начинаютъ косить сѣно, а въ слѣдъ за тѣмъ и жать рожь. Передъ началомъ жатвы существуетъ обычай дѣлать зажинъ ржи. Обрядъ за

жина состоятъ въ томъ, что женщины, отправляясь жать, берутъ съ собою варенныя лица, хлѣбъ, соль и сало; нажавши нѣсколько сноповъ отдѣляютъ первый снопъ особо и начинаютъ ѣсть принесенныя кушанья; первый снопъ относятъ домой и ставятъ подъ образа, и во время молотбы первый сажаютъ на овинъ. Когда жать остается уже немного, то въ недожатомъ мѣстѣ зарываютъ въ землю ломоть хлѣба съ солью, обернутый въ чистую тряпку, недожатое мѣсто обступаютъ кругомъ и дожинаютъ его общими силами. Праздникъ Воздвиженія животворящаго креста, 14 Сентября, считается днемъ, въ который перелетныя птицы улетаютъ на зиму въ теплую сторону, туда же скрываются и гады, въ этотъ день выползающіе изъ своихъ норъ на поверхность земли. Въ этотъ день люди боятся ходить въ лѣсъ, чтобы не быть укушенными змѣями, которые на Воздвиженіе выползаютъ изъ-подъ земли для переселенія въ теплую сторону, и идутъ по лѣсу стадами. Этотъ же страхъ не позволяетъ въ Воздвиженевъ день копать землю. Послѣдній день Филиппова поста называется коляда. Въ этотъ день обѣдъ и ужинъ бываетъ въ одно время, не ранѣе восхода первой звѣзды; между кушаньями непремѣнно къ этому дню готовится кутья, т. е. каша изъ пшеницы; въ ожиданіи звѣзды ее ставятъ въ главномъ углу избы, подъ образами, на столъ, покрытомъ чистою скатертью; кутью ѣдятъ подъ конецъ ужина; женщины кладутъ свои ложки въ чашку, оставя въ послѣдней немного кутьи, и ставятъ ее на куть; ежели на другой день ложки будутъ въ томъ же положеніи, въ какомъ онѣ были оставлены, то это почитается за хорошій знакъ, а ежели которая изъ нихъ

перевернется, то ожидаетъ скорая смерть ту, чья была ложка. Этимъ начинаются великосвятскія гаданья, оканчивающіяся въ сочельникъ передъ Крещеніемъ.

Съ наступленіемъ святокъ молодежь собирается ежедневно въ какой нибудь избѣ, гдѣ часто до полуночи проводитъ время въ пляскахъ, играхъ, переряживаньи и попойкѣ. Святки почитаются временемъ странствованія нечистаго духа. Въ первые три дня праздника не работаютъ, въ слѣдующіе за тѣмъ дни занимаются только необходимыми работами, и то отнюдь не по вечерамъ. Въ теченіи святокъ наблюдаются слѣдующія примѣты: ежели дорога почернѣетъ, то нужно ждать урожая на гречиху; ясная погода въ день Рождества предвѣщаетъ неурожайный годъ, а пасмурная и снѣгъ считаются признаками урожая; морозъ и вѣтеръ передъ Рождествомъ обѣщаютъ теплую и тихую погоду предъ праздникомъ Воскресенія Христова.

Конечно, большая часть годовичныхъ праздниковъ имѣетъ одинаковое значеніе не только у Бѣлоруссовъ и Великоруссовъ, но и у Малоруссовъ и даже у другихъ Европейскихъ народовъ; самые обряды и повѣрья, соединенные съ тѣмъ или другимъ праздникомъ или днемъ, болѣе или менѣе сходны у разныхъ народовъ. Такъ на примѣръ день празднованія Ивана Купалы, т. е. 24 Іюня, имѣетъ какое-то таинственное значеніе у всѣхъ народовъ Европы; въ Швеціи этотъ день празднуется народомъ подъ именемъ середины лѣта (Midsommar): въ Даніи въ лѣтнее равноденствіе зажигаютъ костры, и люди купаются и сожигаютъ цѣлебныя травы; въ Ангіи сохранилось повѣрье о ночи на Ивановъ день: по этому повѣрью цвѣты и травы, собранные въ эту ночь, имѣютъ особое цѣлебное свой-

ство и силу чарованія; во всей Германіи существуетъ праздникъ Ивана купалы также 24 Юня, хотя и подъ другимъ названіемъ; то же самое было во Франціи, Италіи и Бельгіи, и у всѣхъ Славянскихъ племенъ, и даже у Финновъ. Но сущность дѣла не въ томъ, что такой-то праздникъ существуетъ у тѣхъ или другихъ народовъ, и что обряды праздника болѣе или менѣе сходны и имѣютъ одинаковый смыслъ у разныхъ народовъ; сущность или таинственный смыслъ того или другаго праздника можетъ быть одинъ и тотъ же у совершенно различныхъ и чуждыхъ другъ другу народовъ, какъ мы сейчасъ видѣли въ праздникѣ Ивана купалы; слѣдовательно подобнымъ сходствомъ праздниковъ нельзя еще доказать близкаго родства одного народа съ другимъ. Въ приведенныхъ нами описаніяхъ годичнаго цикла праздниковъ и дней, у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ самое важное для насъ заключается въ томъ, что сходство или одинаковость обряда выражается въ частностяхъ, въ подробностяхъ, въ одинаковыхъ даже словахъ, употребляемыхъ при томъ и другомъ обрядѣ у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ; такъ что вы видите, что такой-то праздникъ празднуется до мельчайшихъ подробностей одинаково и въ Бѣлорусской и Великорусской деревнѣ. Такого-то сходства мы нигдѣ не найдемъ, какъ только въ Великорусскихъ и Бѣлорусскихъ деревняхъ; и это-то сходство служить прямымъ доказательствомъ, что Великоруссы и Бѣлоруссы находятся въ самомъ близкомъ родствѣ другъ съ другомъ, что они непосредственные потомки одного предка, что они прямые колонисты Новгорода великаго. Нельзя отвергать и того, что годичные народные праздники и соединен-

ные съ ними обряды не во всѣхъ уѣздахъ и деревняхъ Бѣлоруссіи совершаются во всемъ одинаково, что въ иныхъ деревняхъ и цѣлыхъ уѣздахъ иные праздники и обряды совершенно забыты, а иные обряды видоизмѣнены; но и въ Великорусскихъ деревняхъ и цѣлыхъ уѣздахъ встрѣчается не мало измѣненій, и нѣкоторые обряды совершенно забыты, а о другихъ только помнятъ старики и старухи и рассказываютъ объ нихъ какъ уже объ отжившей старинѣ. Да этого иначе и быть не можетъ, время и жизнь все измѣняютъ, живой народъ не можетъ застыть въ одномъ положеніи. Для историка именно и важны осколки и разрозненные обрывки старины, тамъ и сямъ сохраненные въ народной жизни и дошедшіе до насъ отъ глубокой доисторической древности. И ежели эти разрозненные остатки и обрывки одинаковы у двухъ народовъ, то они служатъ самымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ, что сіи два народа или племена въ сущности одно племя и непосредственно происходятъ отъ одного предка; хотя бы мы для доказательства одинаковости сихъ двухъ народовъ не имѣли даже никакихъ другихъ свидѣтельствъ. Ежели уже чего не стерли въ народѣ тысячелѣтняя древность и разныя враждебныя для народной жизни обстоятельства, то значить это не стертое, какъ бы оно теперь ни было слабо и отрывочно, когда то составляло характерическую черту народа; и ежели таковая характеристическая черта принадлежала двумъ племенамъ, то значить племена сіи находились въ самомъ близкомъ родствѣ и непосредственно происходили отъ одного предка, или одно изъ сихъ племенъ есть небольшое какъ колонія другаго, каковыми, какъ мы уже ви-

дѣли по другимъ источникамъ, дѣйствительно и были древніе Полочане, или Кривичи, или нынѣшніе Бѣлоруссы въ отношеніи къ Великому Новгороду. Такимъ образомъ свидѣтельство Нестора, что Полочане были колонистами Новгорода, а отъ нихъ произошли Кривичи, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ силы, неопровержимо-сти и убѣдительности.

Доказавши Новгородское происхожденіе Полочанъ или Кривичей, теперь смѣло можно приступить къ формамъ общественнаго быта въ этомъ племени. Формы общественнаго быта у Полочанъ или Кривичей были тѣ же самыя, какъ и у Славянъ Ильменскихъ или Новгородцевъ. Полотскъ, какъ сколокъ съ Новгорода, или какъ Двинскій Новгородъ, точно также какъ и Новгородъ Волховскій, дѣлился на концы и улицы, и каждый конецъ, и каждая улица составляли свою самостоятельную общину съ своими выборными властями, и весь Полотскъ состоялъ изъ союза общинъ, т. е. концевъ и улицъ: концы и улицы въ Полотскѣ, также какъ и въ Новгородѣ, не были только линіями или рядами дворовъ, стоящихъ одинъ подлѣ другаго, а напротивъ каждая улица составляла живое цѣлое, члены котораго были связаны другъ съ другомъ общею жизнію; такъ что стоило только затронуть хотя одного члена улицы, какъ на защиту его поднималась цѣлая улица. Этотъ порядокъ постоянно соблюдался какъ въ Новгородѣ, такъ и во всѣхъ Новгородскихъ пригородахъ; а посему и Полочане, какъ истые Новгородцы, только по-новгородски и могли жить. И только Новгородская общественная жизнь могла поставить ихъ такъ высоко надъ многочисленными и сильными сосѣдями инородцами, что инород-

цы должны были признать Полочанъ своими руководителями и подчиниться Полотскимъ порядкамъ; только совершенно Новгородская полная свобода и равенство правъ для своихъ, т. е. для Полочанъ и для инородцевъ, т. е. для Дреговичей и Литвы, могли сообщить такую силу Полочанамъ, что они сдѣлались господствующимъ племенамъ въ цѣломъ краю, и повели за собою туземцевъ старожиловъ, вошедшихъ съ ними въ ближайшія сношенія. Дреговичи и Литвины не по чему другому могли искать союза съ Полотскомъ, какъ потому, что этотъ союзъ давалъ имъ одинакія права съ Полочанами, такъ сказать роднилъ ихъ другъ съ другомъ, и обезпечивалъ сіи права тѣмъ, что на Полотскомъ вѣчѣ не было разницы между Дреговичами, Литвинами и Полочанами, что всѣ члены вѣча, къ какому бы племени они ни принадлежали, считались и были только гражданами Полотска; что Полотскъ былъ общею матерью для всѣхъ пригородовъ, что пригороды были частями Полотска, какъ бы его улицами, перенесенными въ другую мѣстность, напримеръ на Березину, на Свислочь, на Нѣманъ, на Видлю, или еще куда въ здѣшнемъ краю; а слѣдовательно и граждане сихъ пригородовъ были въ то же время и гражданами Полотска, стало быть и членами Полотскаго вѣча.

А что Полочане дѣйствовали именно такъ въ этомъ направленіи и въ этомъ духѣ, для насъ лучшимъ доказательствомъ служить исторія Полотска. Полочане еще въ доисторическія времена на столько уже успѣли слить въ одно цѣлое всѣ племена, вошедшія въ составъ Полотской земли, что всѣмъ этимъ племенамъ сообщили одно общее названіе Кривичей, и на Новго-

родскомъ вѣчѣ въ 862 году, при избраніи Варяго-Русскихъ князей, уже явились не подъ именемъ Полочанъ, а подъ именемъ Кривичей. Литовскія же племена, жившія на югъ отъ Вилии и уже обрусѣвшія, а также и жившія на сѣверъ отъ Вилии еще не обрусѣвшія, въ продолженіи всей исторіи были постоянными защитниками интересовъ Полотской земли; и во всѣхъ столкновеніяхъ съ сосѣдними Русскими князьями война съ Полотскомъ или съ Полотскими князьями не обходилась безъ войны съ Литвою, и Полотскіе князья, потерпѣвшіе пораженіе, почти постоянно удалялись къ Литовцамъ и съ Литовскими полчищами возобновляли войну противъ своихъ непріятелей, и иногда даже приводили полки Ливи и Летыголы. А конечно ничего подобнаго не могло бы быть, ежели бы Полочане еще въ доисторическія времена не втянули туземцевъ инородцевъ въ свою общественную жизнь; ежели бы туземцы болѣе или менѣе не слились съ Полочанами. Правду сказать, этому слитію туземцевъ съ Полочанами какъ бы противорѣчатъ племенные Литовскіе князья и довольно значительная самостоятельность Литовскихъ племенъ, и явное ихъ отличіе отъ Полочанъ: но съ одной стороны, какъ мы уже видѣли, Литовскіе племенные князья явились сравнительно поздно и не безъ вліянія Полотскаго; а съ другой стороны—развѣ не въ такомъ же положеніи находились въ отношеніяхъ къ Новгороду Водь, Ижера, Корѣла и другія тамошнія Финскія племена; но тѣмъ не менѣе они составляли одно съ Новгородомъ, тянули къ Новгороду; слѣдовательно до нѣкоторой степени самостоятельное положеніе Литовскихъ племенъ въ отношеніи къ Полотску, одинаковое съ

положеніемъ Финскихъ племенъ въ отношеніи къ Новгороду, доказываесть только то, что Новгородъ и Полотскъ были одинаково устроены и одинаково относились къ своимъ туземцамъ старожиламъ.

Такимъ образомъ населеніе Полотской земли состояло изъ двухъ элементовъ—изъ туземцевъ и пришельцевъ; къ первымъ принадлежали Ятвяги, разныя племена Литовскія, Летыгола и Ливъ, ко вторымъ Дреговичи и Полочане. Полотскъ всѣ сии элементы, какъ уже было говорено выше, на основаніи порядковъ, принесенныхъ изъ Новгорода, по мѣрѣ того, какъ они соединялись съ Полочанами, приравнивалъ къ Полочанамъ, т. е. дѣлалъ ихъ полноправными членами Полотскаго общества; но сравнивши ихъ въ правахъ въ отношеніи къ цѣлому обществу, Полотскъ подобно Новгороду не отказался принять и узаконить естественное различіе между большими, средними и меньшими или младшими людьми; и такимъ образомъ въ Полотскѣ, какъ и въ Новгородѣ, общество дѣлилось на три класса: на классъ большихъ людей—бояръ, на классъ среднихъ людей—купцовъ, и на классъ младшихъ, меньшихъ, людиновъ, или черныхъ людей; названія сихъ классовъ были Новгородскія и составляли такъ сказать техническую терминологию для всѣхъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Полотскаго общества, названія сии, какъ техническія, кажется, даже не переводились на языкъ инородческихъ племенъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что у Литовцевъ большіе люди назывались боярами же.

Бояре. Первыми боярами въ Полотскѣ конечно были бояре Новгородскіе, какъ и во всѣхъ Новгородскихъ пригородахъ; у Новгородцевъ такой уже былъ порядокъ,

да естественно это и не могло быть иначе. Въ Новгородѣ бояре были постоянными колонизаторами, особенно для мѣстностей отдаленныхъ отъ метрополии, гдѣ нужны были и жизненная опытность, и значительныя средства, и даже нѣкоторая привычка къ власти, чтобы поддерживать молодую колонію, окруженную инородцами туземцами. А въ Новгородѣ, какъ мы уже знаемъ, значеніе бояръ основывалось на землевладѣніи; тотъ и былъ бояриномъ, большимъ человекомъ, у котораго были большія поземельныя владѣнія, который собственными средствами, не нуждаясь въ общинной помощи, могъ разчистить дикій лѣсъ, поставить тамъ нѣсколько поселковъ и населить ихъ земледѣльцами, лично свободными, но состоящими въ зависимости отъ него по землѣ, на которой они живутъ. Держась этого исконнаго Новгородскаго порядка, Новгородскіе бояре и въ Полотскѣ, или вѣрнѣе въ Полотской землѣ, сдѣлались богатыми и могущественными землевладѣльцами, и потянули въ свои новыя владѣнія всѣхъ бѣдняковъ или вольныхъ людей изъ Новгорода, приманивая ихъ разными льготами и ссудами точно также, какъ это дѣлали они въ другомъ краю Новгородскихъ поселеній въ Заволочѣ, или на сѣверной Двинѣ и Онегѣ. Лучшимъ свидѣтельствомъ такового порядка дѣлъ въ здѣшнемъ краю и такового значенія бояръ служить то, что Полочане или Кривичи были въ какой-то зависимости отъ Новгорода даже въ IX столѣтіи при приглашеніи Варяго-Русскихъ князей, когда по ихъ численности и силѣ слѣдовало бы имъ пользоваться полною независимостію и самостоятельностью. Значить во все это время руководителями Кривичей или Полочанъ, большими

и вліятельными людьми между ними были бояре Новгородскіе, въ интересѣ которыхъ естественно было то, чтобы не отдѣлиться отъ Новгорода и при помощи здѣшнихъ мѣстныхъ средствъ поддерживать собственные интересы въ Новгородѣ. Но какъ по исконнымъ порядкамъ въ Новгородѣ землевладѣніе никому не запрещалось, и требовались только средства для расчистки и заселенія земли то посему и каждый Новгородскій колонистъ, имѣя средства, дѣлался богатымъ землевладѣльцемъ и слѣдовательно большимъ человѣкомъ - бояриномъ. Этотъ общій Новгородскій законъ конечно дѣйствовалъ и при заселеніи Новгородскими колонистами Полотской земли; и такимъ образомъ къ пришлымъ Новгородскимъ боярамъ здѣсь присоединились мѣстные бояре, образовавшіеся изъ богатыхъ колонистовъ землевладѣльцевъ. Къ этимъ мѣстнымъ боярамъ-колонистамъ присоединился еще новый разрядъ мѣстныхъ бояръ, образовавшійся изъ туземцевъ—Дреговичей и Литвиновъ; ибо по Новгородскимъ порядкамъ каждый богатый землевладѣлецъ, безъ отношенія къ племеннымъ различіямъ, признавался большимъ человѣкомъ—бояриномъ. Новгородскіе колонизаторы на западной Двинѣ сошлись съ Литвинами, которые въ то время еще жили отдѣльными родами съ своими старѣйшинами, частію выборными, а частію наследственными, изъ коихъ послѣдніе вмѣстѣ съ званіемъ старѣйшинства были также богатыми и сильными землевладѣльцами и какъ бы владыками своего племени; а посему всѣ таковыя наследственные старѣйшины, при вступленіи того или другаго племени въ союзъ съ Полочанами, признаны были также большими людьми или боярами, наравнѣ

съ Новгородскими боярами-колонизаторами. Наконецъ когда Полотскъ, по призваніи Новгородцами Варяго-Русскихъ князей, былъ уступленъ этимъ князьямъ въ управленіе, то и старшіе княжіе дружинники получили значеніе большихъ людей—бояръ.

Такимъ образомъ въ Полотской землѣ мало-по-малу оказалось четыре разряда бояръ: 1-й, Новгородскіе бояре колонизаторы; 2-й, мѣстные бояре изъ богатыхъ колонистовъ землевладѣльцевъ; 3-й, мѣстные бояре изъ наслѣдственныхъ старѣйшинъ туземныхъ инородческихъ племенъ, и наконецъ 4-й, старшіе дружинники Варяго-Русскихъ князей, получившихъ въ удѣлъ Полотскую землю. Всѣ сіи разряды бояръ въ отношеніи къ Полотскому обществу и вѣчу имѣли одинакое значеніе большихъ людей, перваго класса въ народонаселеніи, пользующагося сильнымъ вліяніемъ на меньшихъ людей, и по исконнымъ Новгородскимъ порядкамъ преимущественно завѣдывавшаго дѣлами управленія. Но кромѣ общаго значенія большихъ людей, разные разряды Полотскихъ бояръ имѣли еще частное значеніе, принадлежавшее тому или другому разряду, или скорѣе свою степень и свой источникъ силы въ общемъ значеніи. Такъ Новгородскіе бояре колонизаторы были особенно сильны по своимъ непосредственнымъ связямъ съ Новгородомъ; они для поддержанія своего значенія, кромѣ мѣстныхъ средствъ, опирались еще на Новгородское вѣче и на дружины повольниковъ, приводимыя изъ Новгорода. Мѣстные бояре изъ инородческихъ племенныхъ старѣйшинъ поддерживали свое значеніе своимъ вліяніемъ на подчиненное имъ племя, которое составляло какъ бы ихъ собственность и считало ихъ волю чуть не закономъ;

такъ что въ свою очередь изъ нихъ образовались у Литовцевъ свои племенные князья, сперва можетъ быть подручники Полотскихъ князей, а потомъ мало-по-малу, съ ослабленіемъ Полотскаго княжескаго дома, достигшіе полной независимости и самостоятельности; этотъ разрядъ бояръ имѣлъ несравненно большее значеніе въ своемъ племени, нежели всѣ другіе разряды въ своихъ мѣстахъ. Бояре, образовавшіеся изъ богатыхъ колонистовъ-землевладѣльцевъ, опирались только на свои богатства и пространство принадлежащихъ имъ земель, населенныхъ вольными людьми какъ изъ колонистовъ, такъ и изъ туземцевъ; сн бояре имѣли большую силу на Полотскомъ вѣчѣ, ибо живущіе на ихъ земляхъ свободные люди всегда держались ихъ стороны на вѣчѣ. Бояре-дружинники Полотскаго князя были сильны только княжескою властію и, съ ослабленіемъ этой власти въ Полотскѣ, бояре-дружинники, чтобы удержать свое значеніе, должны были присоединиться къ мѣстнымъ земскимъ боярамъ. Но этотъ разрядъ бояръ вмѣстѣ съ княземъ въ свое время имѣлъ громадное значеніе; онъ вмѣстѣ съ княземъ способствовалъ Полотску высвободиться изъ-подъ опеки Новгородскихъ бояръ-колонизаторовъ, державшихъ Полотскъ въ зависимости отъ Новгорода Великаго. Чтобы освободиться отъ этой зависимости, мѣстные бояре какъ изъ туземцевъ, такъ и изъ колонистовъ должны были примкнуть къ князю и княжимъ боярамъ-дружинникамъ, и тѣмъ самымъ съ перваго же раза сообщили имъ нѣкоторое земское значеніе.

Права бояръ въ Полотской землѣ раздѣлялись на два вида: права бояръ частныя въ ихъ поземельныхъ имѣніяхъ и права бояръ общественныя въ управле-

ни Полотскою землею. Частныя права бояръ въ Полотской землѣ, точно также какъ и въ Новгородѣ, особенно у бояръ-туземцевъ, были громадныя. Власть боярина, особенно туземца, въ его поземельныхъ имѣнiяхъ была неограниченна; онъ былъ полнымъ хозяиномъ собственникомъ въ своемъ имѣнiи, и общественная власть не вступалась въ его частныя распоряженiя. Конечно, бояре колонисты не имѣли по закону безграничной власти надъ свободными людьми, живущими на ихъ земляхъ по взаимному договору; слѣдовательно по закону власть боярина - колониста надъ крестьяниномъ, живущимъ на его землѣ, ограничивалась договоромъ; онъ могъ требовать съ крестьянина только то, что указано въ договорѣ, въ противномъ случаѣ крестьянинъ оставлялъ его землю; но такъ по закону, на дѣлѣ же въ жизни крестьянинъ закупъ всегда былъ въ рукахъ владѣльца. Ежели же что дѣйствительно ограничивало власть боярина землевладѣльца, то это единственно состояло въ томъ, что крестьянинъ, какъ свободный человекъ, какъ членъ общества, имѣлъ право участвовать на вѣчѣ; поэтому бояринъ старался жить въ ладахъ съ своимъ крестьяниномъ, чтобы имѣть его своимъ сторонникомъ на вѣчѣ. Впрочемъ это было не вездѣ; такъ особенно бояре изъ туземцевъ инородцевъ, собственно Литвиновъ, были полными владыками въ своихъ имѣнiяхъ, даже имѣли свою дружину свободныхъ слугъ, живущихъ на ихъ содержанiи. Съ этою дружиною, покорною вѣднiямъ землевладѣльца, онъ не только держалъ въ страхѣ земледѣльцевъ, обработывавшихъ его земли на себя и на него, но нерѣдко воевалъ съ своими сосѣдами, и при успѣхѣхъ или отнималъ у нихъ

ту или другую землю, или подчинялъ ихъ себѣ, и такимъ образомъ мало-по-малу увеличивалъ свои владѣнія и дѣлался княземъ, становился грозою всѣхъ живущихъ въ сосѣдствѣ, пока не сталкивался съ сильнѣйшимъ соперникомъ. О таковыхъ боярскихъ войнахъ между прочимъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство въ договорной грамотѣ Полотска съ Ригюю, писанной въ 1405 году, гдѣ сказано: «если бы какое стало нелюбѣе (война, набѣгъ) между мѣстера и князя Великаго Витовта, или между боярами и командорами, или рыцарями, или дворянами на обѣ стороны, въ то купцамъ не вступатися, купцамъ пріѣхать и отъехать чисто всегда» Въ этой грамотѣ не положено никакого различія между войнами государей и бояръ, и войны сіи такъ были обыкновенны и въ порядкѣ вещей по тогдашнему времени, что въ договорныхъ грамотахъ говорилось не о прекращеніи ихъ, а только о томъ, чтобы войны сіи, какъ дѣло совершенно частное, не препятствовали свободной торговлѣ купцовъ того и другаго народа.

Относительно общественныхъ правъ Полотскихъ бояръ, мы можемъ сказать, что земскіе бояре въ Полотскѣ принимали дѣятельное участіе въ управленіи, какъ вліятельнѣйшіе члены вѣча; безъ нихъ, кажется, не обходилось ни одно общественное дѣло. Во 1-хъ, бояре Полотскіе были необходимыми членами вѣча; по закону вѣче не могло состояться безъ участія бояръ; такъ въ уставной грамотѣ короля Казимира, данной Полотску въ 1456 году, сказано: «приказываемъ, чтобы бояре, и мѣщане, и дворяне городскіе, и весь народъ были въ согласіи между собою, а дѣла бы наши городскіе отправляли всѣ вообще и въ со-

гласіи по давному обычаю; а сходились бы на вѣчѣ всѣ вообще на обычномъ мѣстѣ, гдѣ издавна собирались вѣча; а безъ бояръ мѣщанамъ и дворянамъ городскимъ и черни вѣча не держать». Такимъ образомъ, по свидѣтельству настоящей грамоты, ссылающейся на давные обычаи, Полотскіе бояре искони были первенствующими представителями Полотской земщины на вѣчѣ, и правильное вѣче безъ бояръ не могло состояться, точно также, какъ это было и въ Великомъ Новгородѣ. И это исконное право бояръ удерживалось даже и тогда, когда уже много въ здѣшнемъ краю измѣнилось вслѣдствіе неестественнаго соединенія Литовско Русскаго великаго княжества съ короною Польскою. Значить сіи права Полотскихъ бояръ вытекали изъ самаго строя общественной жизни Полочанъ, и такъ глубоко коренились въ немъ, что они держались еще и тогда, когда Польскія нововведенія неудержимо уже развѣдали старый Полотскій бытъ.

Во 2-хъ, бояре въ Полотскѣ принимали участіе въ судѣ, и во внутреннемъ управленіи: на это мы имѣемъ довольно прямыхъ указаній въ дошедшихъ до насъ грамотахъ: такъ грамота В. К. Витовта къ Рижанамъ, писанная въ 1399 году, гласить: «Въ Полотскѣ Полочанамъ добрымъ людямъ цѣловать крестъ на томъ, что имъ чинити Нѣмцамъ всю правду и во всей торговлѣ, и во всякомъ торговомъ дѣлѣ. А рубежа не чинити промежъ себя на обѣ стороны, ни Нѣмцамъ, ни Полочанамъ, знати истицу истца» Здѣсь подъ добрыми людьми должно разумѣть большихъ лучшихъ людей бояръ, какъ это засвидѣтельствовано грамотою 1405 года; значить, по указанію настоящей грамоты,

судебная власть по крайней мѣрѣ въ Полотскѣ была въ рукахъ бояръ; они по грамотѣ цѣловали Нѣмцамъ крестъ, чтобы чинить всю правду, т. е. давать правый судъ. А ежели судъ былъ въ вѣдѣніи мѣстныхъ бояръ при Витовтѣ, то въ прежнее время при потомкахъ Изяслава и Всеслава, онъ тѣмъ болѣе принадлежалъ боярамъ, точно также, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ вѣче обыкновенно выбирало ихъ въ судьи и разныя административныя должности. А уставная грамота Вел. Кн. Александра, данная Полотску въ 1499 году, еще яснѣе говоритъ объ участіи бояръ въ судѣ; въ ней сказано: «кому бы до кого дѣло было о землѣ будь боярину до мѣщанина, а либо до путника, либо мѣщанину либо путнику до боярина; тые суды обязанъ судить намѣстникъ нашъ Полотскій съ старшими Полочанами боярами по давнему обычаю. А которыя бы дѣла были о границахъ земляныхъ, кто бы кому границу испортилъ, то также долженъ ѣхать намѣстникъ нашъ Полотскій, или послать бояръ разсудить то дѣло по давнему обычаю» Эта грамота прямо показываетъ, что въ Полотскѣ судъ былъ устроенъ совершенно по-новгородски; какъ въ Новгородѣ на судѣ была княжая и земская сторона,—намѣстникъ или князь и отъ земщины посадникъ, и одинъ безъ другаго судить не могъ, точно также по грамотѣ и въ Полотскѣ на судѣ должны быть двѣ стороны: княжая—намѣстникъ и земская—старшіе бояре, очевидно замѣнявшіе въ Полотскѣ посадника.

Въ 3-хъ, по памятникамъ мы знаемъ, что бояре Полотскіе въ качествѣ членовъ вѣча вступали въ сношенія съ сосѣдними правительствами, и всѣ договор-

ныя грамоты писались съ участіемъ боярь. Такъ дошедшія до насъ договорныя грамоты Полотска съ Ригюю писаны отъ имени боярь и купцовъ, или отъ имени большихъ и меньшихъ людей, и отъ всего Полотска, совершенно также, какъ это дѣлалось въ Новгородѣ Великомъ. Такъ въ договорной грамотѣ между Полотскомъ и Магистромъ Ливонскимъ, писанной въ 1405 году, сказано: «А се мы Полочане всѣ добрые (большіе) люди и малые, надѣючись на Бога святаго Софеи милость и князя Великаго Витовта здоровье, хотимъ съ тобою князь Местерю любовь держати» Или въ грамотѣ 1470 года: «отъ боярь Полотскихъ, и отъ пана Олехна намѣстника Полотскаго, и отъ мѣщанъ (купцовъ), и отъ всего посполства Полотскаго (черныхъ людей) мѣста, добророднымъ и почестливымъ мужамъ, панамъ бурмистрамъ и войтамъ, и всѣмъ ратманамъ мѣста Рижскаго». Конечно, представленныя здѣсь грамоты относятся къ болѣе позднему времени, когда Полотская земля уже принадлежала Литовской династіи Гедиминовичей; но форма сихъ грамотъ несомнѣнно принадлежитъ къ древнѣйшему періоду, она совершенно сходна съ формою Новгородскихъ грамотъ, и прямо указываетъ на такое же общественное значеніе боярь въ Полотскѣ, какъ и въ Великомъ Новгородѣ.

Въ 4-хъ. Боярь мы встрѣчаемъ послами къ иноземнымъ правительствамъ, и при томъ послами даже отъ боярь, какъ это дѣлалось въ Новгородѣ: такъ въ грамотѣ отъ Полочанъ къ Рижанамъ, писанной въ 1478 году, сказано: «И нонѣчи послали Полоцкіе бояра и мѣщане, и все посполство Полоцкое мѣсто свои послы Полоцкіи и съ вѣрющимъ листомъ, отъ

боярь на имя панъ Сенько Радьковичъ, а отъ мѣщанъ панъ Евлашко Ѳедоровичъ, панъ Зиновей Боцько, до вашей ратуши, до всего Рижскаго мѣста» Эта грамота даетъ весьма важное указаніе, что бояре въ Полотскѣ, подобно какъ въ Новгородѣ, участвовали въ правленіи общественными дѣлами, не только какъ выборныя должностныя лица, но и какъ цѣлое сословіе, какъ особый классъ гражданъ; иначе бы посольство отъ бояръ, какъ отъ должностныхъ лицъ, было бы немислимымъ. Бояре принимали участіе въ приѣмѣ иностранныхъ пословъ и въ переговорахъ съ ними. Такъ въ уставной грамотѣ 1499 года сказано: «А коли отколѣ послы приѣдутъ объ обидныхъ дѣлахъ земскихъ, изъ Новгорода изъ Пскова, въ Слукъ или отъ Нѣмецъ, то намѣстнику нашему Полотскому съ старшими бояры Полотскими, пословъ принять и отъ правити»

Бущы. Вторымъ классомъ въ Полотскомъ обществѣ были купцы, въ послѣдствіи подъ Польскимъ вліяніемъ переименованные въ мѣщанъ. Что купцы именно составляли второй классъ общества, непосредственно слѣдовавшій за боярами, объ этомъ прямо свидѣтельствуеетъ уставная грамота короля Казимира, данная Полотску въ 1456 году, въ ней сказано: «что для хранения казны общественной или городской, должны быть выбраны два человѣка отъ бояръ, два человѣка отъ мѣщанъ (купцовъ), два человѣка отъ дворянъ городскихъ, два человѣка отъ посольства (черныхъ людей) и отдать имъ скрыню или сундукъ съ казною, подъ четырьмя ключами, подъ боярскимъ, подъ мѣстскимъ, подъ дворянскимъ и отъ черныхъ людей или посольства. А чтобы бояре, и мѣщане, и дворяне

городскіе и все посполство въ згодѣ (согласіи) между собою были, а дѣла бы городскія всѣ згодно посполу справляли по давному обычаю» По свидѣтельству настоящей грамоты таковыя порядки соблюдались въ Полотскѣ издавна, по давному обычаю. Да это и не могло быть иначе. Полотскъ всегда былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ торговыхъ городовъ въ древней Руси; къ нему стягивалась вся западная торговля, почти точно также, какъ и къ Великому Новгороду; Полотскъ не переставалъ быть торговымъ центромъ для здѣшняго края даже тогда, когда Великокняжескою столицею сдѣлалась Вильна; свободною торговлею въ Полотскѣ дорожили и Рижскіе Нѣмцы, какъ свидѣлствуютъ многіе дошедшіе до насъ торговые договоры Риги съ Полотскомъ; сюда сходились товары изъ Новгорода, Пскова, Смоленска, Кіева и даже изъ Москвы, какъ видно изъ тѣхъ же договоровъ, не говоря уже о товарахъ сѣверо-западнаго края, для которыхъ Полотскъ былъ главнымъ рынкомъ. При такомъ значеніи Полотска, и принимая въ соображеніе, что Полотскъ былъ построенъ и колонизованъ самымъ торговымъ на Руси племенемъ — Новгородцами, и что все первоначальное устройство Полотска было чисто Новгородское, конечно не можетъ быть и сомнѣнія, въ томъ, что классъ купцовъ въ Полотской землѣ былъ самымъ сильнымъ и вліятельнымъ и первымъ послѣ класса бояръ.

Приведенная нами грамота короля Казимира свидѣлствуетъ, что въ Полотскѣ купцы участвовали въ общественномъ управленіи вмѣстѣ съ другими классами общества; то же самое подтверждаютъ и всѣ договорныя грамоты Полотска съ Ригею; такъ гра-

мота 1465 года въ Ригу была писана отъ купцовъ и черныхъ людей: «отъ мѣщанъ Полотскихъ и отъ всего посольства Полоцкаго сосѣдамъ нашимъ пану бурмистру и радцамъ» Сказано въ грамотѣ, или въ грамотѣ 1475 года написано: «сусѣдамъ нашимъ пану войту, бурмистру и радцамъ и мѣщанамъ, и всему посольству Рижскаго мѣста, наша пріязнь на всѣ часы отъ бояръ Полоцкихъ и отъ мѣщанъ и всего посольства Полоцкаго мѣста». Это постоянное упоминаніе объ участіи купцовъ Полотскихъ въ общественныхъ дѣлахъ совершенно сходно съ подобнымъ упоминаніемъ въ Новгородскихъ грамотахъ, ясно показываетъ, что въ Полотскѣ, также какъ и въ Новгородѣ, купцы составляли отдѣльный классъ общества, имѣли свое общественное устройство, свою управу и своихъ выборныхъ начальниковъ. До насъ не дошло никакихъ извѣстій объ устройствѣ купческаго класса въ Полотскѣ, и кто тамъ считался купцомъ: но принимая въ соображеніе, что Полотскъ былъ дитя Новгорода великаго и во всемъ слѣдовалъ Новгородскимъ порядкамъ: мы утвердительно можемъ сказать, что въ Полотскѣ тотъ только былъ полнымъ настоящимъ купцомъ, кто вложилъ въ ту или другую купческую общину, что вполне подтверждается и устройствомъ купческаго класса въ Смоленскѣ, гдѣ купцы раздѣлились на истыхъ или правыхъ купцовъ, вложившихся въ ту или другую купческую общину, и неправыхъ купцовъ, т. е. невложившихся въ купческую общину. А Смоленскъ былъ колонією Полотска; слѣдовательно, ежели въ Смоленскѣ общественное устройство купцовъ было одинаково съ Новгородскимъ, то конечно оно было таковымъ же и въ

Полотскѣ,—метрополиі Смоленска, откуда Смоленскъ заимствовалъ свое общественное устройство. Такимъ образомъ хотя безъ прямыхъ данныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ безошибочно принять, что устройство купеческаго класса въ Полотскѣ и всей Полотской землѣ было чисто Новгородское. По этому устройству купечество и въ Полотскѣ, какъ въ Новгородѣ, дѣлилось на общины, каждая съ своимъ складочнымъ капиталомъ, съ своими выборными начальниками или старостами. Общины сія составлялись изъ купцовъ торгующихъ или однимъ видомъ товаровъ, на примѣръ—вощаники, кожевники, или съ однимъ какимъ-либо краемъ,—на примѣръ съ Новгородомъ, Смоленскомъ, Ригю или за моремъ—заморскіе купцы. Разъ вложившійся въ общину, т. е. внесшій опредѣленный капиталъ, считался на всю жизнь пошлымъ купцомъ, и не только самъ внесшій, но и его потомство по наслѣдству. Изъ сихъ-то пошлыхъ или прямыхъ купцовъ избирались старосты въ купческія общины или сотни.

Лучшимъ доказательствомъ, что купечество въ Полотской землѣ не было безобразною неорганизованою массою, а дѣлилось на группы или общины хорошо устроенныя, служитъ то, что несмотря на всѣ стѣсненія, которымъ подвергалось Полотское купечество, по соединеніи великаго княжества Литовскаго и Польскимъ королевствомъ, Полотскіе купцы во всѣхъ своихъ городахъ нѣсколько столѣтій умѣли еще отстаивать свои права и упорно боролись съ Жидами, которые наѣхали сюда вмѣстѣ съ Поляками и находились подъ постояннымъ покровительствомъ Великихъ Князей Литовскихъ, начиная съ Ягайлы и Витовта.

Жидамъ, захватившимъ теперь всю промышленность здѣшняго края, никоимъ образомъ не удалось бы достигнуть этого; Полотскіе купцы никакъ бы не выпустили промышленности изъ своихъ рукъ, ежели бы само правительство, по проiscaмъ Поляковъ, не поддерживало Жидовъ и не передавало имъ монополіи въ промыслахъ. На это мы имѣемъ нѣсколько прямыхъ свидѣтельствъ въ памятникахъ; такъ въ первой же дошедшей до насъ жалованной грамотѣ В. К. Витовта, данной Жидамъ въ 1388 году, сказано: «христiанинъ, ранившій Жида, долженъ удовлетворить Жида тою же пенею какъ и шляхтича. А еслибы кто сталъ требовать у Жида уплаты залога въ день субботный, или бы учинилъ въ его домъ гвалтъ, то долженъ быть наказанъ точно также, какъ и грабитель государевой казны». Эта первая грамота прямо ставитъ Жидовъ въ такое же положеніе какъ и шляхту и даже выше; при такомъ положеніи купцы сразу же были поставлены ниже Жидовъ. А дальше Жида сдѣлались сборщиками податей и откупщиками; ими Поляки пользовались какъ вѣрнымъ и усерднымъ орудіемъ, чтобы тѣснить Русскихъ людей въ здѣшнемъ краѣ, и давали имъ всѣ возможныя привиллегіи и льготы. Такъ великимъ княземъ Витовтомъ и его преемниками Жида во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ по всѣмъ городамъ были освобождены не только отъ военной службы лично, но и отъ всѣхъ расходовъ и повинностей военныхъ, лежавшихъ на остальныхъ жителяхъ, какъ прямо вычислено въ грамотѣ Жигимонта, данной Литовскимъ Жидамъ, въ 1514 году. Разными привиллегіями, льготами и стремленіемъ къ монополіи, Жида въ какія-либо сто лѣтъ такъ успѣли на-

доѣсть народу въ сѣверо-западномъ краѣ, что при королѣ Александрѣ, правительство по требованію народа принуждено было, выгнать ихъ отсюда; но они при помощи Поляковъ опять были приглашены самимъ Александромъ на его имя и получили обратно всѣ отнятые у нихъ при изгнаніи дома и земли и утверждены во всѣхъ прежнихъ правахъ и льготахъ особою грамотою Александра, и эта грамота въ 1507 году подтверждена Александровымъ преемникомъ его, братомъ Сигизмундомъ, который грамотою 1533 года еще болѣе распространилъ привилегіи, онъ не только снова подтвердилъ всѣ прежнія льготы Жидамъ; но и предписалъ судить ихъ чрезвычайнымъ особеннымъ судомъ по ихъ привилегіямъ, несправляясь съ только что изданнымъ Литовскимъ статутомъ. Но всѣ привилегіи и льготы, которыми ополяченное правительство снабжало Жидовъ, нуждаясь въ ихъ пособіи для окончательнаго порабощенія народа, еще не могли вырвать промышленности изъ рукъ Полотскихъ купцовъ. Полочане, потомки Новгородцевъ, еще продолжали борьбу за свою промышленность, и даже во второй половинѣ XVI столѣтія вели переговоры съ Ригю и хлопотали о свободѣ и выгодахъ своей торговли. Такъ въ договорной грамотѣ 1553 года они отстаивали еще свое древнее право не пропускать Нѣмецкихъ товаровъ въ Смоленскъ и Литву мимо Полотска, а чтобы Нѣмцы торговали свободно только въ Полотскѣ. Въ этомъ дѣлѣ даже Магдебургское право, навязанное Полотску въ 1498 году, и отъ котораго успѣли ловко уклониться Евреи, не могло мѣшать Русскимъ купцамъ. И Евреи, не смотря на покровительство Поляковъ и ополяченныхъ здѣшнихъ князей и пановъ, или преж-

нихъ бояръ, только уже въ XVIII столѣтіи успѣли окончательно забрать въ свои руки промышленность здѣшняго края. Значить, здѣшнее купечество было хорошо организовано, ежели въ продолженіи 400 лѣтъ умѣло защищать свои права и обороняться отъ напора Жидовъ, покровительствуемыхъ и ополяченнымъ правительствомъ и Латинскимъ духовенствомъ, имѣстными боярами или панами, измѣнившими и своей религіи и своей національности, и не могшими жить безъ услужливыхъ Жидовъ. Такимъ образомъ паденіе здѣшней Русской промышленности условливалось не недостаточнымъ устройствомъ и слабостію здѣшняго Русскаго купечества, а цѣлою массою политическихъ происковъ, стремившихся постоянно къ тому, чтобы подавить здѣсь все Русское.

Главною и существенною опорою для здѣшнихъ купцовъ конечно было то, что по первоначальному, чисто Новгородскому устройству купцы хотя и составляли отдѣльный и самостоятельный классъ общества; но тѣмъ не менѣе они были тѣсно связаны съ земскими боярами и по всѣмъ городамъ Полотской земли вмѣстѣ съ боярами были главными и самыми вліятельными руководителями мѣстнаго общества какъ на вѣчѣ, такъ въ управленіи и въ сношеніяхъ съ сосѣдями. Они подобно боярамъ были значительными землевладѣльцами, и ихъ интересы почти не разнились съ интересами бояръ, ибо и бояре болѣе или менѣе участвовали въ торговлѣ. А посему первую и старѣйшею причиною ослабленія здѣшняго купечества была измѣна мѣстныхъ бояръ народнымъ началамъ и переходъ на сторону Поляковъ; за тѣмъ ополяченное правительство, подъ видомъ вниманія къ купе-

честву, нанесло ему сильный ударъ дарованіемъ Магдебургскаго права разнымъ Полотскимъ городамъ. Магдебургское или Нѣмецкое право по видимому давало значительныя привилегіи купечеству, предоставляя ему самостоятельный судъ и управленіе независимо отъ земскаго суда и управленія; но на дѣлѣ далеко было не такъ: по милости Магдебургскаго права окончательно и по закону была оборвана связь между купцами и боярами, и купцы были поставлены не только въ какое-то отчужденное положеніе, но даже и враждебно въ отношеніи къ земскимъ боярамъ. При томъ же Магдебургское право своими Нѣмецкими формами, вовсе несогласными съ народнымъ духомъ, крайне стѣсняло свободу промысловъ, чѣмъ какъ не надо лучше воспользовались Евреи, ловко уклонившись отъ подчиненія Магдебургскому праву. Отсюда и вышло то, что, по милости Магдебургскаго права, почти по всѣмъ городамъ Русскому купечеству приходилось бороться почти связанному разными ненужными и даже вредными для развитія промысловъ формами; тогда какъ его соперники Евреи пользовались не только поддержкою ополченнаго правительства, но и совершенною свободою промысловъ; не стѣснялись ни какими неумѣстными формами. Конечно, борьба связаннаго по рукамъ и по ногамъ съ соперникомъ совершенно свободнымъ, должна была кончиться побѣдою послѣдняго. Но, повторяю опять, что эта 400 лѣтняя борьба, не смотря на всю невыгодность обстановки, служить лучшимъ доказательствомъ, какъ хорошо и крѣпко было первоначально установлено устройство купческаго общества въ Полотской землѣ, и какими способностями и энергіей отличалось та-

мошнее купечество, — это прямое истое дитя Новгорода великаго, вѣрное началамъ своей родины, одно такъ долго боровшееся за вѣру отцовъ и за все Русское въ Полотской землѣ и polegшее костью въ этой неровной борьбѣ.

Договорныя грамоты Полотска и Полотскихъ князей съ Нѣмцами показываютъ, что Полотскіе купцы также крѣпко стояли за права своей торговли, какъ Новгородскіе купцы за права своей торговли, и торговля Полочанъ съ Нѣмцами, также какъ и торговля Новгородцевъ, доходила до Готланда и Любека. Такъ въ грамотѣ 1267 года сказано: «А Полочанамъ и Видблянамъ вольное торгованье въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ и въ Любекѣ» Полочане даже въ XV столѣтіи договаривались съ Нѣмцами за торговлю всего Литовскаго княжества, какъ главные представители этой торговли; какъ въ грамотѣ 1405 года сказано: «Мы Полочане всѣ добрые люди и малые, надѣючись на Бога и Св. Софіи милость и князя Великаго Витовта здоровье, хотимъ съ тобою князь Местеръ любовь держати и съ твоею братьею со всѣми рыцарями; также хотимъ съ вами Рижскіе ратманы и со всѣми Рижскими купцами между собою пріязньство держати и любовь на обѣ стороны крѣпко. Вамъ нашего Полочанина оберегать, какъ своего брата Нѣмчина въ Ригѣ; а намъ Полочанамъ вашего Нѣмчина также потомужъ беречь въ Полотскѣ. А торговати по старому закону всякую торговлю, купить и продать. А торговать Нѣмецкому купцу съ гостемъ Литовской земли добровольно. А съ Новгородцами Нѣмецкому купцу торговать, а промежи ихъ ходитъ нашему Полочанину; ибо насъ Новгородцы не пускаютъ

въ Нѣмецкій дворъ торговать безъ своего Новгородца. А съ Москвичами торговать вашимъ Нѣмцамъ, и также нашему Полочанину межи ими ходить торговать, ибо Москвичи на насъ берутъ тамгу. А восковый вѣсъ держать по старому закону, чтобы нашъ берковескъ восковый былъ больше вашего берковеска полупудомъ Рижскаго вѣса; а серебряные вѣсы Рижскіе держать больше Полотскихъ серебряныхъ вѣсовъ полузолотникомъ. А соль вѣсить пуднымъ ремнемъ, а соляной берковескъ учинить въ восковый берковескъ. А бѣлка купить, а наметъ давать, а во дворъ не брать. А мимо города Полотска Нѣмецкому гостю не ходить, торговать Нѣмцамъ въ Полотскѣ; а малой вамъ торговли не купить въ Полотскѣ въ розницу, а корчмы вамъ у насъ въ Полотскѣ не держать. А вѣсцамъ нашимъ и вашимъ кресты цѣловать, что имъ право вѣсить на обѣ стороны. А коней намъ у васъ въ Ригѣ покупать, на чемъ ѣхать въ верхъ, а отъ ногъ не брать (пошлины). А извинится нашъ Полочанинъ въ Ригѣ; то Нѣмцамъ въ Ригѣ его не казнить, отпустить его въ верхъ, и тамъ его казнять свои Полочане. А извинится Нѣмчинъ въ Полотскѣ, пустить его въ Ригу, и тамъ его судять свои по своему праву. А рубежа нечинить, знати истцу истца. А торговцу пріѣхать и отъѣхать чисто на обѣ стороны». (Русск. Лповя. Ак. № 254). А въ Рижской грамотѣ того же года, это выражено такъ: «Ажь бы какое стало нелюбие между Местеремъ и княземъ великимъ Витовтомъ, либо между боярами, либо командорами, либо между рыцарями, или дворянами, на обѣ стороны, въ то купцамъ не вступаться; купцу пріѣхать и отъѣхать чисто всегда. Потомъ учинится

какая замѣшка на рубежѣ, до того купцамъ дѣлать, купцу въ то не вступаться; знати истцу истца во всякомъ дѣлѣ». (ibid. № 253) Или въ грамотѣ 1407 года: «Полочанамъ въ Ригѣ и Рижанамъ въ Полотскѣ никакою малою торговлею не торговати, что розницею зовуть; а то мы какъ въ Полотскѣ, а Рижане въ Ригѣ учинимъ и поставимъ, а любо какъ можемъ между собою уравнять. Также могутъ Полочане мимо Риги въ землю, а Рижанамъ мимо Полотска въ землю, куда хочуть, то на обѣ стороны между нами вольно и водою и землею» Или въ грамотѣ 1478 года мы имѣемъ прямое свидѣтельство, что купцы также, какъ и бояре въ Полотскѣ, отправляли вмѣстѣ посольства для переговоровъ съ сосѣдями; значить купцы принимали участіе въ правленіи вмѣстѣ съ боярами. Въ грамотѣ сказано: «И нонѣчи послали бояре Полотскіе, и мѣщане и все посольство Полотское мѣсто свои послы Полотскіе и съ вѣрющимъ листомъ, отъ бояръ панъ Сенько Радковичъ, отъ мѣщанъ панъ Евлашко Ѳедоровичъ, панъ Зиновій Боцко до вашей ратуши и всего Рижскаго мѣста; и Рижане выбрали отъ своихъ: ратмановъ три, а купцовъ три; ино-тыи съ Божіею помощію и Святаго Духа вѣднали и докончали». Или изъ грамоты 1479 года видно, что Полочане и въ это время еще не оставляли своей заморской торговли и требовали у Рижанъ, чтобы Полочанамъ былъ свободенъ путь за море. Въ грамотѣ сказано: «А какъ Гарманъ вашъ слюбилъ намъ и руку далъ, что нашимъ купцамъ Полочанамъ за море путь чистъ торговати; и мы по тому слюбеню по Гарманову вашихъ купцовъ пропустили къ Витебску и къ Смоленску, онижъ и на Москвѣ побывали. А какъ

слюбите намъ, что нашимъ купцамъ Полочанамъ дадите за море путь чистъ торговать водою и сухимъ путемъ; и мы нынѣ пропустимъ вашихъ купцовъ къ Смоленску и Витебску по старому» (ibid. № 266). Или тоже подтверждается въ другой грамотѣ, писанной около того же времени: «отъ бояръ Полотскихъ и отъ мѣстичовъ и отъ всего посполства къ нашимъ милымъ сосѣдямъ и пріятелямъ посадникамъ Рижскимъ и ратманамъ, что пишете къ намъ, жалуясь на насъ, что вашихъ купцовъ не пустимъ мы ни до Витебска, ни до Смоленска; а вѣдь же панове вѣдаете мы и вы, что между насъ и васъ есть старыя записи, что нашимъ мимо Риги путь чистъ землею и водою, а нашимъ мимо Полотска путь чистъ водою и землею, кто куда хочеть; ино коли насъ пустите по старымъ записямъ водою и землею мимо Риги, ино и нашимъ путь чистъ мимо Полотска водою и землею, кто куда захочеть» (ibid. № 279). Такимъ образомъ купцы въ Полотской землѣ имѣли такое же значеніе, какъ и въ Новгородѣ Великомъ, и нисколько не уступали Новгородскимъ купцамъ ни въ предпріимчивости, ни въ развитіи промысловъ, и имѣя одинаковое съ ними общественное устройство, также твердо держались этого устройства. Они въ древнее время при династіи Изяслава Владимировича были самыми сильными и опасными соперниками Новгородцевъ на торговомъ поприщѣ и, кажется, на этомъ поприщѣ не рѣдко сталкивались другъ съ другомъ; по крайней мѣрѣ въ старые годы постоянная вражда между Полотскомъ и Новгородомъ ни чѣмъ другимъ не можетъ быть объяснена, какъ торговымъ соперничествомъ.

Городскіе
дворяне.

Третьимъ классомъ въ Полотскомъ обществѣ, по свидѣтельству уставной грамоты 1465 года, были городскіе дворяне. Когда образовался этотъ классъ Полотскаго общества, мы на это не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ. Но ежели принять городскихъ дворянъ за одно съ Новгородскими гридями; то должно допустить, что этотъ классъ былъ одинъ изъ древнихъ, образовавшихся еще при князьяхъ изъ Изяславова дома. Это, по всему вѣроятію, были служилые люди Полотской земщины, подобно Новгородскимъ гридямъ или Псковскимъ своеземцамъ; но въ Полотскѣ они составляли третій классъ общества, а въ Новгородѣ второй; слѣдовательно значеніе гридей въ Новгородѣ было выше, нежели значеніе городскихъ дворянъ въ Полотскѣ. Тѣмъ не менѣе какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Полотскѣ, они имѣли свои земли, данныя имъ за службу вѣчемъ на личномъ правѣ, а не на общинномъ; а потому они и тамъ и здѣсь носили еще названіе своеземцевъ или земцевъ. По свидѣтельству уставной грамоты городскіе дворяне были членами городского общества и участвовали въ дѣлахъ городского управленія и на вѣчѣ, какъ прямо сказано въ грамотѣ: «а безъ бояръ мѣщаномъ и дворянамъ городскимъ и посполству сеймовъ (вѣча) не надобѣ чинить». А что городскіе дворяне имѣли свои земли въ уѣздѣ, объ этомъ свидѣтельствуется грамота Великаго Князя Александра, данная Полотскому намѣстнику въ 1497 году, въ которой сказано «его милость отецъ нашъ король Казимиръ дозволилъ мѣщаномъ Полотскимъ и дворяномъ городскимъ и волостнымъ людямъ въ тѣхъ рѣкахъ, что въ ихъ земляхъ рѣки гошныи, бобры гонити и ловити имъ самимъ на себя, и платити за это

ежегодно по двѣсти рублей грошей Литовскихъ широкихъ» По уставной грамотѣ, данной Полотску въ 1499 году, объ обязанностяхъ городскихъ дворянъ сказано, что они должны сопровождать государственныхъ пословъ; въ грамотѣ написано: «А коли мы пошлемъ посла нашего, или намѣстникъ Полотскій по нашему приказанью до Новгорода, до Пскова, до Лукъ, або до Риги о земскихъ дѣлахъ обидныхъ; тогда путники должны давать посламъ коней, а дворяне городскіе ѣздить съ ними по давнему обычаю» А по уставной грамотѣ, данной въ 1501 году Бѣльзской области, дворяне сіи подъ именемъ землянъ обязаны были поочередно держать караулы въ городѣ.

Четвертый классъ въ городахъ Полотской земли составляли *черные люди*. Они по грамотѣ 1456 года также участвовали въ городскомъ управленіи и были членами вѣча, согласно съ древнимъ Новгородскимъ устройствомъ. Они назывались черными людьми потому, что жили на черной или на общинной землѣ, т. е. не имѣли въ городѣ своихъ вотчинныхъ земель или дворовъ. Къ чернымъ людямъ въ городахъ причислялись: во 1-хъ, торговцы не записанные членами ни въ одну купеческую общину, и по сему неимѣвшіе права пошлыхъ или прямыхъ купцовъ; во 2-хъ, разные ремесленники, таковы: золотари, сѣдельники, портные, сыромятники, сапожники, пивовары, гончары, плотники и подобн. и даже по одной грамотѣ скоморохи; и въ 3-хъ, чернорабочіе, ежели они имѣли дома на общинной землѣ и несли городскія повинности, или тянули въ городское тягло. Черные люди, какъ и купцы, жили общинами и имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ или старость, которые

Черные
люди.

завѣдывали дѣлами своей общины, но сами зависѣли отъ общиннаго вѣча и находились подъ его контролемъ.

При вѣчевыхъ Новгородскихъ порядкахъ, соблюдавшихся долгое время и въ Полотской землѣ, черные люди, какъ члены вѣча, равноправные со всѣми другими классами, имѣли большое значеніе въ общемъ строѣ Полотскаго общества; но это значеніе не было такъ продолжительно и твердо, какъ это было во Псковѣ, также колоніи великаго Новгорода. Псковъ, какъ извѣстно изъ его исторіи, съ половины XIII столѣтія принялъ чисто демократическое направленіе и постоянно держался и развивалъ его въ своемъ устройствѣ до конца своего самостоятельнаго существованія; Полотскъ по своимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, напротивъ, довольно рано сталъ подъ влияніе аристократическаго направленія. Судьба Полотска первоначально была одинакова съ судьбою Пскова; тотъ и другій городъ, какъ колоніи Новгорода, первоначально были въ рукахъ своихъ колонизаторовъ, Новгородскихъ бояръ. Хотя по Новгородскимъ порядкамъ въ томъ и другомъ городѣ воля цѣлаго народа выражалась вѣчѣмъ, на которомъ имѣли равное право голоса всѣ классы общества, и большіе и меньшіе, или старшіе и молодшіе; но какъ меньшіе были выведены въ колонію большими на ихъ же средства, или при ихъ пособіи; то естественно они должны были находиться въ большой зависимости отъ своихъ благодѣтелей. А по сему вѣче какъ въ Полотскѣ, такъ и во Псковѣ, первоначально было въ рукахъ большихъ людей и большіе люди руководили имъ по своему усмотрѣнію; но съ первыхъ же годовъ поселенія

тотъ и другой городъ должны были идти по разнымъ направлѣнiямъ и постепенно расходиться на своемъ дальнѣйшемъ пути. Псковъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ вести постоянную и упорную борьбу съ воинственными сосѣдями Летыголою и Чудью, которые не давали покоя колонистамъ и вынуждали Псковичей къ постоянной мелкой войнѣ, которая изъ каждаго Псковича выработала сѣвернаго казака, человѣка воинственнаго, неуступчиваго и находчиваго. Напротивъ того, на долю Полотска, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, выпалъ жребiй жить болѣе мирнымъ трудомъ, чѣмъ войною; сосѣди Полочанъ мирные, почти не выходившіе изъ своихъ лѣсовъ Литвины, и родственные Дреговичи, при появленiи въ здѣшнемъ краю Полочанъ, не выказали большаго упорства, вскорѣ вошли въ союзъ съ Полотскомъ и признали его власть и главенство; и тѣмъ конечно не способствовали развитiю въ Полочанахъ той воинственности, какая выработалась у Псковичей. Среди мирныхъ и покорныхъ сосѣдей Полочанину не зачѣмъ было обращаться въ казака; сосѣдомъ же неукротимыхъ Ятвяговъ онъ сдѣлался позднѣе, когда уже сложился его народный характеръ. Все это естественно давало средства первоначальнымъ колонизаторамъ, большимъ людямъ, распространить свое влiяніе на черныхъ людей, не имѣвшихъ случая выработать свой характеръ въ ежедневной мелкой войнѣ. Большія же войны значительными отрядами подъ начальствомъ большихъ людей, хотя и выработывали воинственность въ Полочанахъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ пріучали ихъ къ повиновенiю своимъ вождямъ, т. е. большимъ людямъ. Къ тому же большіе

люди или бояре колонизаторы въ Полотской землѣ мало-по-малу усилились еще тѣмъ, что къ нимъ стали присоединяться большіе люди изъ туземцевъ, т. е. бояре изъ Дреговичей и особенно наслѣдственные старѣйшины въ Литвѣ, изъ коихъ многіе, какъ мы уже знаемъ, сдѣлались племенными князьями, и пользовались въ своихъ племенахъ большею властію, чѣмъ бояре колонизаторы надъ колонистами. Этотъ союзъ колонизаторовъ съ большими людьми изъ туземцевъ незамѣтно усилилъ и колонизаторовъ. Все это поставило черныхъ людей въ Полотской землѣ въ несравненно менѣе выгодное положеніе, чѣмъ стояли они въ Новгородѣ, не говоря уже о Псковѣ.

Тѣмъ не менѣе черные люди въ Полотскихъ городахъ, опираясь на свое общинное устройство, имѣли еще достаточное значеніе въ общественныхъ дѣлахъ своего города, и не были совершенно безгласными на вѣчѣ, и даже по грамотѣ 1456 года вѣче не могло состояться безъ черныхъ людей или поспольства, и даже расходы общественной казны были невозможны безъ участія и согласія черныхъ людей; ибо и у нихъ былъ свой ключъ отъ общественной скрини или сундука, и безъ этого ключа скрини нельзя было отпереть. Но по мѣрѣ того какъ съ перемѣною династіи древнихъ Полотскихъ князей здѣшній край сталъ постепенно входить въ тѣсныя связи съ Польшею, вслѣдствіе принятія великимъ княземъ Ягайломъ Ольгердовичемъ Польской короны, постепенно падало и значеніе черныхъ людей. Полотскіе и Литовскіе бояре, увлеченные Польскими панами, продавая независимость своего отечества и даже измѣняя вѣрѣ и національности, подъ руководствомъ сво-

ихъ новыхъ союзниковъ и наставниковъ, мало-помалу стали стѣснять и уменьшать прежнее значеніе черныхъ или меньшихъ людей. Подражая своимъ наставникамъ Польскимъ панамъ и шляхтѣ, заслужившимъ въ исторіи печальную извѣстность мироѣдовъ и безсовѣстныхъ угнетателей народа или меньшихъ людей. здѣшніе бояре, окрестивши черныхъ людей въ Польское посольство, постепенно ко времени полнаго соединенія Литвы съ Польшею достигли того, что окончательно сравняли здѣшнихъ меньшихъ людей съ Польскимъ посольствомъ, и, лишивши ихъ почти всѣхъ правъ и всякаго значенія, выдали на разореніе своимъ пособникамъ-жидамъ. Паденію черныхъ городскихъ людей много способствовало еще то, что въ слѣдъ за соединеніемъ Литвы съ Польшею по браку Ягайлы Литовскаго съ Ядвигой, королевой Польской, самые города мало-по-малу стали поступать въ вотчины служилыхъ князей и сильныхъ магнатовъ, то въ качествѣ подарковъ за службу, то какъ староства и воеводства, принявшія характеръ наследственныхъ владѣній. Такъ въ 1499 году королемъ Александромъ даны были въ вотчину служилому князю Жеславскому Михаилу города Мстиславль и Мглинь, съ правомъ не только пользоваться всѣми доходами съ сихъ городовъ и уѣздовъ и правомъ передать въ наследство; но и съ правомъ продажи и промѣна, и безотчетнаго распоряженія по своему усмотрѣнію. Съ поступленіемъ городовъ и ихъ уѣздовъ въ частную собственность сильныхъ магнатовъ, естественно всѣ права городскихъ жителей, теряли свое прежнее значеніе, и граждане, дотолѣ свободные, поступали въ зависимость отъ владѣльцевъ.

Уѣздные
жители.

Жители уѣздовъ или повѣтовъ главнымъ образомъ раздѣлялись на землевладѣльцевъ и черныхъ людей, землевладѣльцы въ свою очередь дѣлились на большихъ землевладѣльцевъ князей, пановъ или большихъ бояръ, которымъ принадлежали огромныя поземельныя имѣнія, населенныя свободными и несвободными поселенцами, и на мелкихъ землевладѣльцевъ, называвшихся путниками и панцырными боярами. Сии мелкіе землевладѣльцы обыкновенно жили слободами или застѣнками, какъ въ послѣдствіи подъ Польскимъ вліяніемъ стали называть ихъ поселенія.

Путники
и панцыр-
ные бояре.

Путники и панцырные бояре не принадлежали къ аристократіи, они скорѣе представляли собою особый разрядъ тяглыхъ людей. Въ уставной грамотѣ 1529 г. въ §14 сказано: «Боярове наши путные и осочники, которые съ стародавна повинни войну служить и сѣна косити, также тѣжъ рыболове, бортники и иншіе подданные дворовъ нашихъ; которые тяглые службы не служатъ, тыи будутъ повинни 12 день въ году на толоку до дворовъ нашихъ служити, и на каждый годъ до скарбу нашего, на день св. Мартына, будутъ повинни осаднаго платитъ по копѣ грошей (Ак. Зап. Рос. Т. II, № 159). Въ настоящей грамотѣ говорится о путникахъ, поселенныхъ на государевыхъ или велико-княжескихъ земляхъ; но были еще путники, поселенные на общественныхъ земляхъ, и наконецъ путники на земляхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи намѣстниковъ и старость и составлявшихъ какъ бы ихъ собственность, и на земляхъ служилыхъ князей и пановъ.

1-е, бояре путные, поселенные на земляхъ государевыхъ, получали по двѣ волоки земли; они обя-заны платитъ за всѣ повинности деньгами по землѣ

какъ люди осадные, т. е. сидящіе не на своей, а на государственной землѣ. Заплативши деньги, они освобождаются отъ тяглой службы и отъ подводы. А когда по государственному особому указу поѣдутъ въ дорогу, то въ тотъ годъ ничего не платятъ. Потомъ ревизоры, смотря по надобности, избираютъ изъ путныхъ бояръ, сидящихъ на государственной землѣ, слугъ къ тому или другому государственному двору, слуги сіи обязаны ѣздить съ государственными бумагами, и отвозить въ Вильну собранные государственные подати для передачи въ казну и провожать вызываемыхъ въ судъ, и за это освобождались отъ денежныхъ повинностей за землю (Ак. З. Р. Т. III. № 19). Такимъ образомъ путники бояре были собственно разъѣздными слугами при государевыхъ дворахъ, и названье ихъ происходило отъ дороги отъ пути. Когда же путные бояре записывались собственно въ военную службу, то получали названіе панцырныхъ бояръ, панцырную или военную службу они должны были нести на своемъ конѣ и въ полномъ панцырномъ вооруженіи, и за эту службу освобождались отъ всѣхъ другихъ повинностей и службъ. Земли, состоящія за путными или панцырными боярами, назывались ихъ вотчинами и переходили по наследству къ ихъ дѣтямъ: они могли распоряжаться ими какъ полною собственностію—дарить, продавать и дѣлать другія распоряженія, какія найдутъ нужными, только съ однимъ условіемъ, что получающій отъ нихъ эту землю долженъ нести ту же самую службу, какую несъ прежній хозяинъ (*ibid.* № 113).

2-я. Путные или панцырные бояре живущіе, на земляхъ общественныхъ, приписанныхъ къ городу, должны были являться на защиту города при нападении непріа-

телей и платить всѣ подати вмѣстѣ съ мѣщанами и состоять въ вѣдѣніи мѣщанскаго суда (*ibid.* Т. I. № 159). Кроме того, на ихъ обязанности лежало отправлять подводную повинность, или давать коней подъ пословъ и гонцовъ отъ государя или городскаго намѣстника, какъ объ этомъ прямо сказано въ уставной грамотѣ Полотску, данной въ 1499 году. «А коли пошлемъ посла нашего, котораго дворянина, а либо боярина Полотскаго, а либо намѣстникъ Полотскій съ нашего приказанья до Новгорода, до Пскова, до Лукъ, або до Риги, о земскихъ дѣлѣхъ обидныхъ; тогда путники обязаны давать имъ коней по давному обычаю» (*ibid.* № 175). Наконецъ путники вмѣстѣ съ мѣщанами должны были держать караулы въ городѣ (*ibid.* № 210). Относительно владѣнія землею, путные бояре или путники, поселенные на общественной землѣ, въ уѣздѣ распоряжались ею какъ вотчиною, наследовали ее послѣ родителей, дарили, продавали и дѣлили другія распоряженія по своему усмотрѣнію; впрочемъ продавать ее могли только съ разрѣшенія намѣстника, и даже безъ обязанности покупателя служить съ купленной земли (Ак. З. Р. Т. I. № 173).

3-е. Путные или панцырные бояре, поселенные на земляхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи старостъ и воеводъ, и составлявшихъ какъ бы ихъ собственность, а также на земляхъ частныхъ владѣльцевъ—служилыхъ князей и вообще магнатовъ, обязаны были нести военную службу подъ знаменами или въ отрядахъ своихъ владѣльцевъ, и сверхъ того въ отношеніи къ нимъ были обязаны разными повинностями, и считались, и въ самомъ дѣлѣ были живущими на чужой

землѣ; тѣмъ не менѣе не сравнивались съ прочими поселянами, и главная ихъ служба оставалась военною и, не желая служить этой службѣ своему землевладѣльцу, они свободно могли оставить его и поступить въ другую службу, но съ тѣмъ вмѣстѣ лишались права и на землю. Состоя въ панцырной или путной службѣ у землевладѣльцевъ, они освобождались отъ всѣхъ податей въ пользу государевой казны и ни въ чемъ не верстались съ тяглыми людьми (Ак. Зап. Рос. Т. III, стр. 59), и правительство всегда заботилось о томъ, чтобы тяглые люди не записывались въ путные или панцырные бояре (ibid. стр. 61). Вотъ какъ описываются права и обязанности путныхъ и панцырныхъ бояръ и ихъ происхождение въ жалованной грамотѣ, данной въ 1506 году Бѣльскому намѣстнику и дворному маршалу, князю Михаилу Глинскому. А которыхъ бояръ въ Туровскомъ повѣтѣ мы ему прежде не дали. Ино мы вынѣ съ ласки нашею за его къ намъ вѣрную и усердную службу, тѣхъ бояръ, которые имѣють владѣнія свои въ Туровскомъ повѣтѣ, ему отдаемъ съ ихъ имѣніями, и со всѣмъ тѣмъ, какъ они намъ служили. А ежели бы тѣ бояре не захотѣли ему служить; то они, оставивши свои имѣнья, могутъ служить кому хотять, намъ ли Государю, или панамъ радѣ нашей. А князь Михайло въ тѣхъ имѣньяхъ ихъ воленъ, куда хочеть обернуть, а дали ему тѣхъ бояръ и съ ихъ имѣньями и со всѣмъ вѣчно непорушно ему и дѣтямъ и потомкамъ» (Ак. З. Р. Т. I, № 222).

Всѣ извѣстія о путныхъ или панцырныхъ боярахъ, до насъ дошедшія, относятся къ тому уже времени, когда краемъ владѣла династія Гедиминовичей подѣ

вліяніемъ Польши ; но изъ этого нисколько не должно заключать, что подобныя мелкіе землевладѣльцы появились только во время Гедиминовичей, и что при прежней династіи ихъ не было ; ибо подобныя учрежденія мы встрѣчаемъ и въ другихъ Русскихъ княжествахъ ; слѣдовательно это учрежденіе было чисто Русское и начало его должно искать со времени усиленія княжеской власти. Путники и панцырные бояре означали по своему началу то же, что городовые казаки, пушкари и зачинщики въ Московскихъ владѣніяхъ, т. е. служилыхъ людей, непринадлежащихъ къ дружинѣ, но подобно дружинникамъ получавшихъ поземельный надѣлъ за свою службу. Польское вліяніе въ этомъ учрежденіи при Гедиминовичахъ отразилось только въ томъ , что земли, числящіяся за путными боярами, могли быть передаваемы въ частное владѣніе служилымъ князьямъ и панамъ радѣ, чего въ Московскихъ владѣніяхъ никогда не допускалось ; тамъ земли ямщиковъ, городскихъ казаковъ и проч. , всегда оставались за ними, и никогда не жаловались боярамъ.

Тяглые
люди.

Къ тяглымъ или чернымъ людямъ въ уѣздахъ принадлежали разные виды земледѣльцевъ и другихъ сельскихъ промышленниковъ, живущихъ на общинныхъ или частныхъ земляхъ. Въ жалованной грамотѣ на Лососинскую вотчину, данной князю Василю Глинскому въ 1505 году , такъ изчисляются виды черныхъ людей, живущихъ въ уѣздѣ: «Дали ему князю Василю дворъ нашъ въ Слонимскомъ повѣтѣ со всѣми двора того слугами путными и людьми тяглыми и слободчиками, что на воли сидятъ, и съ данниками, и съ куничниками , и съ лейтами , и конекормцами, и со всѣми того двора и тѣхъ людей землями,

пашенными, бортными, сѣнокосными, съ бобровыми гонами, и съ бобрами, и съ лѣсами и дубровами, и съ озерами, рѣками и рѣчками, и съ даньми грошовыми, медовыми, бобровыми и куничными, и со всякими иными поплатами, службами и доходами». (Ак. З. Р. Т. I, № 218). Или въ грамотѣ, данной князю Семену Ивановичу Можайскому въ 1499 году сказано: «князь Семень держить Стародубъ и Гоміи со всѣми дворами (Государевыми) и волостями, и съ селами боярскими, и съ слугами путными, и съ людьми волостными и тяглыми, и съ слободчиками и данниками и со всѣми землями пашенными и бортными. Такимъ образомъ по свидѣтельству грамотъ XV и XVI столѣтій уѣздные черные люди дѣлились по отношенію къ платежу податей и несенію повинностей на волостныхъ или тяглыхъ людей, собственно земледѣльцевъ, на которыхъ лежала вся тяжесть податей и повинностей, и на людей платящихъ одну какую-либо дань или оброкъ съ своего промысла, каковы напримѣръ: бобровники, куничники, бортники; на людей обязанныхъ одною какою-либо повинностью, напримѣръ конекормцы; и наконецъ на людей свободныхъ отъ общихъ податей и повинностей, каковы слободчики. По отношенію къ землевладѣнію уѣздные черные люди, какъ уже было сказано, дѣлились на волостныхъ, т. е. живущихъ на черныхъ или общинныхъ земляхъ, на людей живущихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, т. е. на земляхъ принадлежащихъ княжескому или государеву двору, на земляхъ служилыхъ князей и бояръ, на монастырскихъ или церковныхъ земляхъ, и наконецъ на уѣздныхъ земляхъ, принадлежащихъ городамъ.

Но на какихъ бы земляхъ ни жили черные люди, они были людьми свободными и могли переходить съ одной земли на другую, выполнивши обязательства въ отношеніи къ землевладѣльцу, ежели таковыя были, т. е. ежели земледѣлецъ былъ долженъ землевладѣльцу за ссуду и за содержаніе, то оставляя землю обязанъ былъ напередъ выплатить долгъ. Черные или тяглые люди, живущіе на черныхъ земляхъ, подлежали суду и управѣ Государственныхъ намѣстниковъ тѣуновъ и иныхъ урядниковъ; а живущіе на владѣльческихъ земляхъ судились и управлялись своимъ владѣльцемъ. Такъ въ жалованной грамотѣ Пустынскому монастырю, данной въ 1499 году, сказано: «А коли кого они (монахи) за себя людей призовуть, и на новѣ за собою посадятъ; ино нашимъ намѣстникамъ и тѣунамъ, и инымъ нашимъ урядникамъ не надобѣ въ тыхъ ихъ людей вступаться, ни судить, ни рядить, ни пошлѣнъ намъ на тыхъ людехъ не брать, ни дѣтскихъ не посылать, ни службы имъ нашей ни которой не звать» (Ак. З. Р. Т I, № 177). А въ грамотѣ 1495 года, присланной Черкасскому намѣстнику о судѣ надъ людьми, живущими на владѣльческихъ земляхъ, прямо сказано: «Врядникъ нашъ не имѣеть права слугъ и людей княжескихъ, панскихъ и боярскихъ ни судить, ни рядить, ни винъ, ни пересудовъ на нихъ не брать. Развѣ коли съ нашимъ челоуѣкомъ пригодится княжескому, або панскому челоуѣку, либо боярскому право имѣть (судиться); ино тогда вряднику нашему судить того челоуѣка съ его судью» (ibid, № 130). О свободномъ переходѣ черныхъ людей съ владѣльческой земли, въ жалованной грамотѣ князю Ивану Глинскому 1496 года сказано:

«Нижьли тыи люди вольные, что князь Иванъ посадилъ на той землѣ, всхотятъ ему служить, и не всхотятъ ему служить, и онъ обязанъ ихъ отпустить добровольно со всѣми ихъ статки» (ib. № 133).

Въ Полотской землѣ или въ Литовскихъ владѣніяхъ тяглые уѣздные люди раздѣлялись на людей съ полною службою, и на людей не съ полною службою, т. е. на полномъ тяглѣ и неполномъ тяглѣ, точно также какъ въ Новгородскихъ и Московскихъ владѣніяхъ тяглые люди дѣлились на крестьянъ, т. е. сидящихъ на полномъ тяглѣ, на выти; и на бобылей, сидящихъ на неполной выти. Кромѣ тяглыхъ людей на владѣльческихъ земляхъ жили еще поземщики, т. е. люди живущіе не на тяглѣ, а снимавшіе землю въ аренду по особому условію, называвшемуся поземомъ. Дани или оброки платились владѣльцу съ цѣлаго селенія, какъ съ общины, а не съ каждаго тяглаго человѣка; владѣлецъ только зналъ сколько дохода платить такая-то община—селеніе, раскидку же этого платежа между плательщиками дѣлала сама община. Такъ въ жалованной грамотѣ Онуфріевскому монастырю, данной въ 1483 году, сказано: «А на Тетеринской кадъ меду и полкопы грошей; а Медковичи (селеніе) даютъ двѣ кади меду по пяти пудовъ, а хмѣлю двѣ бочки, а грошовые дани даютъ девяносто грошей, а виры двадцать грошей; съ Воробьевой земли даютъ кадъ меду пять пудовъ, а бочка хмѣлю, а грошовой дани, полтина грошей безъ двухъ» (ibid. № 82). Въ этой же грамотѣ сказано: такой-то живетъ съ полною службою, а такой съ неполною. Такимъ образомъ, по свидѣтельству настоящей грамоты, села и деревни въ Полотской землѣ, какъ и

въ Новгородской, составляли общины, которыя сообща владѣли землею и дѣлили ее между своими членами по полнымъ или неполнымъ участкамъ или вытѣямъ, или службамъ, и въ платежѣ податей дѣляли раскладку сами между собою, безъ участія слугъ отъ правительства. Это ясно подтверждается уставною грамотою 1540 года, данною Свнслочскимъ горожанамъ и волостнымъ людямъ; въ этой грамотѣ сказано: «А коли дань заметывати, тогда ни вриадникъ, никто къ нимъ не имѣеть права въѣзжать; одно сами мужи закидываютъ, и закосы относятъ онижъ до Рудомины, по десяти грошей за косу, а на страву отъ косы по два гроша. А посла и гонца стеречи. А намѣстнику грошъ обѣстный. А кликуновъ они на замокъ шесть даютъ, которые въ ночи должны на замкѣ клигать, а въ день у воротъ стеречь. А на замокъ вриаднику они живность даютъ: съ трехъ сохъ солянку (соляную бочку) жита, а солянку овса, а осьмъ яловиць, а осьмъ вепровъ, а десять барановъ а десять камней меду прѣснаго, а двѣ бочки соли, а сѣна съ дыму по возу, а дровъ по возужь; окромѣ того съ волости даютъ по куряти, по десяти лицъ, по сыру, по фаскѣ масла, у кого корова есть. А полудья по полтора гроша съ дыму въ осень» (Ак. З. Р. Т. II, № 203). Настоящая грамота, хотя сравнительно поздняя, напоминаетъ намъ картину Новгородскаго и Московскаго устройства сельскихъ общинъ и отношенія ихъ къ правительству: въ Новгородѣ и Москвѣ раскладку податей и повинностей производятъ сами общины безъ участія слугъ отъ правительства; и здѣсь по грамотѣ точно также. Въ Новгородѣ и въ Москвѣ инныя подати и повинности рас-

кладывались по сохамъ, а инья по дворамъ; и здѣсь по грамотѣ при раскладкѣ употребляются сохи и дворы или дымы. Въ Новгородѣ и въ Москвѣ подъ сохою разумѣлось опредѣленное пространство земли, и притомъ довольно значительное, заключающее въ себѣ нѣсколько дворовъ съ ихъ пашнями, лугами и другими угодьями, и по грамотѣ соха означаетъ опредѣленное, значительное пространство земли съ дворами и угодьями; ибо по грамотѣ съ трехъ сохъ платилось намѣстничьяго корма бочка жита, бочка овса, восемь яловицъ, восемь вепрей, двѣ бочки соли, десять барановъ, десять каменей мѣду прѣснаго; что конечно могло быть собрано съ нѣсколькихъ дворовъ, а не съ одного, или съ трехъ дворовъ. Самые кормы намѣстничьи и по грамотѣ, и въ Москвѣ, и въ Новгородѣ почти одни и тѣ же. Въ грамотѣ даже сохранилось полюдьё по чемъ съ дыму, собираемое осенью; объ этой подати упоминаетъ еще Константинъ порфирородный въ X столѣтїи, и всѣ Русскія лѣтописи XI, XII и XIII столѣтїй, и подать эта собиралась именно осенью и по Константину Порфиродному и по Русскимъ лѣтописямъ. Такимъ образомъ остатки стариннаго устройства сельскихъ общинъ въ Полотской землѣ, сохранившіеся въ грамотѣ 1540 г., ясно свидѣтельствуютъ, что это устройство первоначально было чисто Новгородское, сходное съ Московскимъ, и было такъ глубоко вкоренено въ народномъ бытѣ Полочанъ, что не смотря на множество неблагоприятныхъ обстоятельствъ и постороннихъ вліяній, хотя по частямъ и отрывочно удерживалось даже въ XVI столѣтїи.

Во всей Полотской землѣ, точно также какъ и въ Новгородской, только тѣ черные люди были членами

городскихъ и сельскихъ общинъ, которые несли тягло, за которыми была та или другая доля общинной земли. Сіи только люди клались въ счетъ и были извѣстны правительству. Люди же не несшіе тягла и не владѣвшіе долею общинной земли и въ Полотскѣ, также какъ и въ Новгородѣ, не были членами общинъ и не имѣли прямыхъ и непосредственныхъ отношеній къ обществу; ихъ знала только своя семья, которой они были членами, или хозяинъ, у котораго они жили въ качествѣ работниковъ или подсудниковъ. Этотъ классъ людей, не вступавшихъ ни въ какія отношенія къ общинѣ въ Новгородѣ, носилъ названіе вольныхъ людей; но какъ онъ назывался въ Полотской землѣ, объ этомъ мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій, а также не знаемъ, какими онъ пользовался правами; но что таковой классъ людей существовалъ въ Полотской землѣ даже при династіи Гедиминичей и считался свободнымъ, на это намъ указываютъ разныя грамоты XV и XVI столѣтій, которыя дозволяютъ землевладѣльцамъ и общинамъ населять пустопорожнія земли и дворы пришлыми свободными людьми. Въ одной грамотѣ 1496 года даже таковые люди названы прямо въ Новгородѣ *вольными людьми*; въ грамотѣ сказано: «А на томъ сельцѣ князь Александръ посадилъ было людъ вольный прихожій» (Ак. З. Р. Т. I, № 133).

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

ЦЕРКОВЬ:

Въ Полотской землѣ почти постоянно, какъ во времена язычества, такъ и по принятіи христіанства, бы-

ли двѣ церкви. Въ древнѣйшія времена были двѣ языческія церкви: церковь Полотская или Новгородская съ своими богами и съ своимъ строемъ, и церковь Литовская съ своими богами и даже съ своимъ верховнымъ жрецомъ или папою, котораго называли Криве-Кривейто, который сперва жилъ у Пруссовъ, а потомъ, выгнанный оттуда Нѣмцами, перебрался въ Литву, и которому была подчинена многочисленная іерархія жрецовъ нижнихъ степеней, и толкователей воли боговъ. Потомъ по введеніи христіанства и въ Литвѣ при великомъ князѣ Ягайлѣ Ольгердовичѣ также оказались въ Полотской землѣ двѣ церкви: на Руси прежняя христіанская церковь восточная Греческая, и въ Литвѣ западная Латинская, каждая съ своимъ представителемъ,—восточная непосредственно подчиненная Кіевскому митрополиту и потомъ патриарху Константинопольскому, и западная, подчиненная Римскому папѣ.

Языческія церкви, Полотская и Литовская, въ древности, кажется, жили мирно другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ указаній, чтобы между ними была какая вражда. А напротивъ, есть намеки, какъ мы уже видѣли выше, что Литовцы въ своей мифологіи чтили нѣкоторыхъ Славянскихъ боговъ, какъ напримѣръ Сотвароса—по-славянски Сварогъ, Короса—по-славянски Хорса, Земеника, Знича и другихъ, а Русскій Перунъ небо и богъ грома и молніи былъ тоже что Литовскій Перкунъ, Перкунасъ, Ладо или дидь-Ладо, великій Ладо, по Литовски Дидасъ-Ладо, одинаково почитались и Полочанами и Литвинами; слѣдовательно о враждѣ двухъ языческихъ церквей—Полотской и Литовской—мудрено и

думать. Полочане, по Новгородскому обычаю, колонизуя Литовскую землю, вовсе не имѣли въ виду обращаться Литвиновъ въ свою вѣру, или враждовать изъ-за вѣры съ туземцами этого Новгородцы никогда и нигдѣ не дѣлали, то же самое было и у Полочанъ Новгородскихъ колонистовъ. У Литовцевъ также ни здѣсь, ни въ Пруссіи не было въобычаѣ заботиться о распространеніи своей вѣры между чужеродцами. Такимъ образомъ, двѣ языческія церкви, Полотская и Литовская, жили рядомъ другъ подлѣ друга, и по сосѣдству и близкимъ отношеніямъ Полочанъ и Литовцевъ даже заимствовали другъ у друга богопочитаніе и пополняли одну мѣологію другой; но ни та ни другая церковь не измѣняли своего строя. Полочане, по Новгородскому обычаю, не имѣли особой жреческой іерархіи и пробавлялись волхвами и кудесниками; а Литовцы твердо держались своей многочисленной жреческой іерархіи съ своимъ верховнымъ жрецомъ—Криве-Кривейто и съ своими низшими степенями жрецовъ и толкователей воли боговъ. По всему вѣроятію, Полочане въ иныхъ случаяхъ, недовольствуясь своими волхвами и кудесниками, обращались къ жрецамъ и оракуламъ Литовскимъ, точно также какъ Новгородцы въ подобныхъ случаяхъ, по свидѣтельству лѣтописей, обращались къ волхвамъ и пророкамъ Чуди: и наоборотъ, можетъ быть и Литвины въ иныхъ случаяхъ не прочь были погадать у Полотскихъ кудесниковъ и вѣдуновъ. Брачные союзы Полочанъ съ Литвинками и Литвиновъ съ Полочанками служили самымъ вѣрнымъ путемъ къ сближенію Полотской и Литовской языческой церковей. По свидѣтельству лѣтописей, даже по принятіи Полочанами

христіанства, долго еще народъ и даже княжескій домъ обращались въ иныхъ случаяхъ къ языческимъ жрецамъ и жрицамъ Литовскимъ; такъ лѣтописи говорятъ о рожденіи знаменитаго князя Всеслава Брячиславича: «его же роди мати отъ волхвованья; матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «се язвено навяжи нань, да носитъ е до живота своего; еже носитъ Всеславъ и до сего дне, сего ради немилостивъ на кровопролитѣ»

Принятіе Полочанами христіанства также не породило вражды и борьбы Литовской языческой церкви съ новою Полотскою церковію христіанскою. На Руси православная христіанская церковь никогда не имѣла обычая воздвигать гоненія на сосѣднихъ язычниковъ, твердо держась истинно христіанскихъ началъ—распространять христіанство добровольнымъ убѣжденіемъ, а не принужденіемъ и грубою силою. Христіанская православная церковь таковыхъ же правилъ держалась и въ Полотской землѣ, убѣждая къ принятію христіанства какъ Полочанъ, такъ и Литвиновъ, но не воздвигая гоненія на Литовскую языческую церковь. А посему и по принятіи Полочанами христіанства, языческая Литовская церковь не подвергалась ни какимъ измѣненіямъ, и въ прежнемъ своемъ видѣ существовала рядомъ съ христіанскою церковію, и жила съ нею мирно, точно также, какъ прежде жила мирно съ языческою Полотскою церковію. Христіанскіе храмы свободно строились во всѣхъ Полотскихъ городахъ, разсѣянныхъ по Литовской землѣ, и въ тѣхъ же городахъ оставались неприкосновенными старыя языческія капища Литовцевъ. Полочане христіане, точно также какъ и во-

обще Русскіе люди, не имѣли Нѣмецкаго и Латинскаго обычая пожигать и истреблять священныя мѣста, уважаемыя язычниками; а напротивъ не трогали ихъ пока язычники, принявъ христіанство, сами же не оставляютъ и не уничтожаютъ ихъ по своей доброй волѣ. Такимъ образомъ и по принятіи христіанской вѣры Полочанами въ Полотской землѣ по прежнему оставались двѣ церкви—новая христіанская Полотская и старая языческая Литовская. Даже въ XIV столѣтіи въ Вильнѣ, столицѣ великихъ князей Литовскихъ, мы находимъ и христіанскія православныя церкви, и главный языческій храмъ Звича, въ которомъ постоянно горѣлъ священный огонь. Это свидѣтельство времени чисто историческаго, лучше всего указываетъ на мирныя отношенія языческой Литовской церкви и церкви христіанской Полотской. Такое взаимное отношеніе двухъ церквей, конечно, условливалось отношеніями двухъ племенъ, т. е. Полочанъ и Литвы. Въ прежнее время, при потомствѣ Изяслава и Всеслава, Полочане оставляли совершенно въ покоѣ Литовское язычество, потому что Литвины составляли конечно бѣльшую долю населенія Полотской земли, а при Гедиминовичахъ язычники Литовцы не преслѣдовали православной христіанской церкви, потому что и при дворѣ велико-княжескомъ, и въ городахъ и обрусѣлыхъ уѣздахъ, большинство составляли православныя христіане. При такомъ современномъ и совмѣстномъ положеніи и языческой Литовской и православной христіанской церквей въ Полотской землѣ естественно является необходимость указать на отношенія той и другой къ гражданскому обществу.

Языческая церковь у Литовцевъ была одна съ язы-^{Литовская} церковью у Пруссовъ, соплеменниковъ Литвы,^{языческая} и собственно Литовская церковь была въ нѣкоторой зависимости отъ Прусской; ибо главныя святины и верховный жрецъ Криве-Кривейто первоначально находились у Пруссовъ, и Литовцы оттуда получали и жрецовъ, и разные религіозные обряды; Криве-Кривейто перешелъ въ Литву уже по занятіи Прусской земли Нѣмцами, что послѣдовало не прежде XIII столѣтія,—тогда устроилось въ Литовской землѣ и главное святилище, называемое Ромнове. Криве-Кривейто, по смыслу самаго своего имени, былъ верховнымъ жрецомъ надъ жрецами и верховнымъ судьей надъ судьями и непосредственнымъ истолкователемъ воли боговъ; слѣдовательно представлялъ собою верховную власть и въ мірскихъ и въ духовныхъ дѣлахъ надъ всѣмъ Прусско-Литовскимъ языческимъ міромъ, былъ главнымъ пастыремъ Прусско-Литовскихъ язычниковъ. Онъ пользовался такимъ священнымъ уваженіемъ отъ своей паствы, что его пасомые считали величайшимъ для себя блаженствомъ, ежели кто изъ нихъ, хотя одинъ разъ въ жизни, удостоится его лицезрѣнія; темныя язычники отдаленныхъ угловъ Прусской и Литовской земли даже считали Криве-Кривейто неумирающимъ, вѣчно живущимъ;—какое вѣрованіе конечно поддерживалось тѣмъ, что устарѣвшій Криве-Кривейто въ предсмертные часы предавалъ себя сожженію, и это сожженіе передавалось народу какъ возрожденіе Криве-Кривейто. Ближайшіе высшіе жрецы, жившіе въ Ромновѣ и окружавшіе Криве-Кривейто, глубоко хранили отъ непосвященныхъ тайну избранія новаго Криве-Кривейто. При

таковомъ почти обоготвореніи власть Криве-Кривейто высоко почиталась во всѣхъ земляхъ занятыхъ Литовскимъ племенемъ, такъ что все преклонялось, и князья и большіе и меньшіе люди, не только предъ нимъ самимъ или передъ близкимъ къ нему лицомъ: но даже передъ каждымъ его посланцемъ, имѣющимъ отъ него кривую палку или другой какой знакъ, какъ это свидѣтельствуется древнѣйшій описатель Прусско-Литовскаго язычества Петръ Дюизбургскій.

За Криве-Кривейто слѣдовали въ Литовской церковной іерархіи Вайделоты, что значить вѣдущіе, вѣдуны; это были толкователи воли боговъ и хранители и знатоки религіозныхъ обрядовъ вообще; вайделотами были мужчины и женщины свободные отъ брачныхъ узъ. Одни изъ нихъ жили въ Ромновѣ около священнаго дуба, — главнаго мѣста присутствія боговъ; а другіе были разсѣяны по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только жили Прусы и Литовцы; на ихъ отвѣтственности лежало — вездѣ поддерживать и хранить въ чистотѣ священные обряды, учить народъ богопознанію и богопочитанію, приносить жертвы, благословлять народъ, назначать праздничные дни, давать отвѣты въ дѣлахъ сомнительныхъ и созывать народъ для объявленія воли боговъ и для общихъ жертвоприношеній и моленій, они же опредѣляли счастливые и несчастливые дни. Вайделоты раздѣлялись на высшія и низшія степени. Вайделоты высшихъ степеней жили при Криве-Кривейто и заботились о поддержаніи священнаго неугасимаго огня; они иначе назывались Кривиты и изъ нихъ избирался Криве-Кривейто. За Кривитами слѣдовали Сигеноты, жившіе около Ромнова, — это были распорядители богослуженія, охранители порядка

въ обрядахъ. Къ низшимъ степенямъ вайделотовъ, принадлежали вайделоты жившіе по всей Литовской землѣ, обязанные устраивать разные виды богослуженія и поддерживать чистоту религіознаго ученія въ народѣ. За тѣмъ слѣдовали еще низшіе чины служителей и строителей религіозныхъ обрядовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились тѣ или другіе виды религіозныхъ вѣрованій. Таковы были: во 1-хъ швалгоны, *служители религіознымъ обрядовъ при бракѣ; они не только устраивали свадебные обряды, но и судили о цѣломудріи жениха и невѣсты по счастливой или несчастной будущей судьбѣ новобрачныхъ; 2-е) путгоны занимались гаданіемъ на водѣ и на морской пѣнѣ, предсказывали будущее; 3-е) вейоны были гадателями по вѣтрамъ; они не только дѣлали разные предсказанія по качеству вѣтра, но и какимъ-то колдовствомъ умѣли направлять вѣтры въ ту или другую сторону; 4-е) пустоны лѣчили раны и иныя болѣзни собственнымъ дуновеніемъ; 5-е) сейтоны прогоняли болѣзни, вѣшая на больныхъ разные амулеты; 6-е) шваноны предсказывали счастье и несчастье, гадая по горящему пламени и дыму; 7-е) бурты предсказывали будущее, гадая по изображеніямъ, отпечатлѣвшимся на растопленномъ воску, вылитомъ въ воду, — они же вынужденіемъ жеребьевъ разрѣшали споры ссорящихся; 8-е) талиссоны и лингуссоны, хранители и строители религіозныхъ обрядовъ, при погребеніи умершихъ; они совершали погребальныя молитвы, славили подвиги умершаго и утѣшали оставшихся родныхъ, рассказывая разные видѣнія о загробной жизни умершаго. Всѣ сіи знахари и кудесники странствовали по селеніямъ и, какъ обладатели невѣдомыхъ силъ и зна-

ній, руководили народомъ ; такъ что онъ отъ рожденія до могилы во всѣхъ новыхъ и затруднительныхъ случаяхъ жизни не смѣлъ безъ нихъ ступить ни одною ногою. Они пользовались полною довѣренностію темнаго народа, видѣвшаго во всѣхъ явленіяхъ природы и во всѣхъ случаяхъ своей жизни присутствіе невѣдомой и сверхъестественной силы, съ которою, по его религіозному вѣрованію, могли справляться только люди, одержимые невѣдомымъ знаніями и особенною тайною силою духа.

Судя по организаціи Литовско-Прусской языческой церкви, слѣдовало бы ожидать, что Литовскій папа Криве - Кривейто пользовался несравненно большею властію надъ Пруссами и Литовцами, нежели другой какой Государь ; и Прусско-Литовскій хронистъ Петръ Дюизбургскій именно приписываетъ такую власть Криве-Кривейто. По его словамъ «Криве пользовался такимъ же уваженіемъ, какъ Папа. Какъ Папа править всею церковію вѣрныхъ ; такъ волею и приказаніями Криве - Кривейто управляются не только всѣ племена Пруссовъ, но и Литва и многія племена земли Ливонской». Но авторитетъ Криве - Кривейто, по всему вѣроятію, ограничивался только религіозными дѣлами ; всѣ племена Прусско-Литовскія безпрекословно повиновались его велѣніямъ только въ дѣлахъ вѣры ; подчиненные Криве-Кривейто вайделоты и другіе чины языческой церковной іерархіи точно также были руководителями народа только относительно вѣрованій. Теократическаго же управленія, какъ думаютъ нѣкоторые историки, не было вовсе ни въ Пруссіи, ни у Литовцевъ, ни у Латышей ; Криве - Кривейто и вайделоты, за немногими исключеніями, почти не

касались до дѣлъ общественныхъ мірскихъ и не пользовались въ этихъ дѣлахъ значительнымъ авторитетомъ. Мы уже видѣли, что при колонизаціи Полочанъ въ землѣ Литовской нигдѣ не упоминается о какой-либо дѣятельности Криве-Кривейто и его вайделотовъ; Русскіе лѣтописцы, долженствовавшіе хорошо знать образъ жизни Литовцевъ и ихъ вѣрованія, даже не проронили ни одного слова о Криве-Кривейто и его вайделотахъ; они только называютъ Литовцевъ идолопоклонниками и упоминаютъ о нѣкоторыхъ Литовскихъ богахъ и еще о волхвахъ. Прусскіе лѣтописцы хотя и упоминаютъ о Криве-Кривейто, но почти нигдѣ не говорятъ, чтобы онъ и его служители принимали участіе въ мірскихъ общественныхъ дѣлахъ. Во всѣхъ столкновеніяхъ съ Нѣмецкими рыцарями ни разу не упоминается, чтобы Пруссы или Литовцы начинали какое-либо предпріятіе подъ руководствомъ или по приказанію Криве - Кривейто. Этотъ лѣсный Папа ни разу не поднималъ ни Пруссовъ ни Литовцевъ противъ Нѣмцевъ или Поляковъ; тогда какъ ему всего бы ближе было принять тутъ дѣятельное участіе; ибо въ столкновеніяхъ съ Нѣмцами и Поляками, навязывавшими Пруссамъ Латинскую вѣру, дѣло прямо шло о перемѣнѣ религіи, объ уничтоженіи язычества. А между тѣмъ всѣ войны съ Поляками и Нѣмцами начинались и продолжались по замысламъ и распоряженіямъ того или другаго вождя или старѣйшины, или по рѣшенію вѣча. Даже самая упорная и продолжительная война, тянувшаяся нѣсколько лѣтъ въ половинѣ XIII столѣтія, въ которой принимали дѣятельное участіе едвали не всѣ Прусскія племена, была затѣяна и ведена Поморскимъ кня-

земь Святополкомъ; на эту войну подняли Пруссовъ не Криве-Кривейто, ни его вайделоты, а Славянскій князь Помераніи Святополкъ, который хорошо видѣлъ всѣ гибельныя послѣдствія для Пруссовъ и Поморскихъ Славянъ отъ усиленія въ томъ краю Нѣмецкаго ордена, приглашеннаго неосторожными и неразсудительными Поляками, и хотѣлъ предупредить сіи послѣдствія общимъ нападеніемъ Пруссовъ и Поморскихъ Славянъ на Нѣмецкихъ рыцарей. Такимъ образомъ прямыя и несомнѣнныя свидѣтельства историческихъ событій, описанныхъ Русскими, Поляками и Нѣмцами, ясно говорятъ, что Криве - Кривейто, вайделоты и другіе многочисленные строители и служители Прусско-Литовской языческой церкви, пользовавшіеся большимъ авторитетомъ народа въ дѣлахъ вѣры, не имѣли авторитета въ дѣлахъ мірскихъ и почти не принимали въ нихъ непосредственнаго участія.

Все это убѣждаетъ, что теократическаго правленія вовсе не было у Литовцевъ, что Криве - Кривейто, при всѣхъ почти божескихъ почестяхъ, оказываемыхъ ему народомъ, вовсе не былъ Государемъ ни Пруссовъ, ни Литовцевъ, и даже не былъ чѣмъ-то въ родѣ Римскаго Папы; ибо мы не имѣемъ ни одного не только извѣстія, но даже намека, чтобы онъ созывалъ войска для преслѣдованія своихъ цѣлей, или освобождалъ подданныхъ отъ присяги своему князьку, или предавалъ князька проклятію, — чѣмъ нерѣдко занимался Римскій Папа, проживавшій въ Италіи и величавшій себя преемникомъ или даже наслѣдникомъ Апостола Петра, и посему судьбою Государей Западной Европы. Вся дѣятельность и авторитетъ Кри-

ве-Кривейго и остальныхъ служителей языческой церкви у Пруссовъ и Литовцевъ ограничивались дѣлами вѣры; въ общественныхъ мірскихъ дѣлахъ они участвовали по толику, по колику въ нихъ участвовали религіозныя вѣрованія народа. Такъ на примѣръ при началѣ какихъ - либо общественныхъ предпріятій по религіознымъ вѣрованіямъ нужны были гаданія, чтобы узнать счастливо ли совершится начинаемое дѣло; и вотъ для совершенія гаданій являлись пуггоны, вейоны швалгоны и другіе гадатели, и предсказывали тотъ или другой исходъ предпріятія. Или нужно было умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, по разившихъ народъ какимъ-либо общественнымъ бѣдствіемъ; то для принесенія умилостивительныхъ жертвъ приглашались тѣ или другіе вайделоты, знающіе— какіе молитвы и обряды нужны въ данномъ случаѣ. Иногда при большихъ общественныхъ бѣдствіяхъ самъ Криве-Кривейго назначалъ общее моленіе и съ надлежащею торжественностію совершалъ оное лично. Или то, или другое племя, или нѣсколько племенъ вмѣстѣ одержали побѣду надъ врагами и получили богатую добычу; слѣдовательно нужно было принести богамъ покровителямъ благодарственныя жертвы; и для совершенія этихъ жертвъ и даже для возбужденія къ тому всего народа опять являлись вайделоты, возбуждали къ этому народъ и сами торжественно совершали положенные обряды благодарственныхъ жертвоприношеній. Или въ какомъ-либо общественномъ дѣлѣ встрѣчается недоумѣніе, или на какое дѣло одни соглашаются, а другіе не соглашаются, или одни признаютъ его нужнымъ, а другіе не признаютъ; и по религіознымъ вѣрованіямъ народа

нужно узнать волю боговъ , чтобы прекратить недоумѣнія и споры ,—и вотъ опять обращаются къ Криве-Кривейто и вайделотамъ , какъ возвѣстителемъ и толкователямъ воли боговъ ; и тѣ , совершивъ опредѣленные на подобные случаи обряды , возвѣщаютъ народу , что боги того-то хотятъ или не хотятъ , да и въ такихъ случаяхъ не всегда обращались къ посвященнымъ на то вайделотамъ или къ самому Криве-Кривейто . Такъ Пётръ Дюизбургскій рассказываетъ , что въ Галиндіи одна госпожа , пользовавшаяся большимъ уваженіемъ и считавшаяся пророчицею , однажды созвала старѣйшинъ племени и сказала имъ : «ваши боги хотятъ , чтобы вы всѣ , не бравши съ собою оружія и желѣза , двинулись войною на христіанъ» . И всѣ повиновались ея словамъ , и способные къ войнѣ отправились съ радостію на сосѣднюю христіанскую область . Кажется , изчисленными выше случаями только и ограничивалась дѣятельность или участіе Криве-Кривейто и вайделотовъ въ дѣлахъ общественныхъ , не относящихся прямо къ религіи ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ указаній , чтобы Криве-Кривейто и вайделоты , въ качествѣ своего званія , проявляли свою дѣятельность какъ нибудь иначе въ дѣлахъ общества .

Указавши на мірскую дѣятельность служителей языческой церкви въ Литвѣ , теперь слѣдуетъ показать изъ кого составлялось общество служителей этой церкви . Мы уже имѣли случай замѣтить , что всѣ служители языческой церкви въ Литвѣ были обязаны по закону не вступать въ бракъ ; слѣдовательно ихъ общество не могло пополняться естественнымъ народоженіемъ , а должно было обращаться къ другимъ сред-

ствамъ для своего пополненія. Средства сіи были— выборъ и собственное желаніе принимающихъ на себя священныя обязанности. Выборъ или избраніе было трехъ видовъ: 1-й видъ—избраніе Криве - Кривейто производилось изъ собственной среды Кривитами, постоянно жившими въ Ромновѣ, ближайшими сослужителями Криве - Кривейто. Лѣтописцы рассказываютъ, что Криве-Кривейто, достигшій глубокой старости, чувствуя приближеніе смерти, созывалъ жившій въ сосѣдствѣ съ Ромновымъ народъ, и, взошедши на костеръ, обращался къ народу съ рѣчью, въ которой убѣждалъ съ чистымъ сердцемъ почитать родныхъ боговъ, оплакивать грѣхи и стараться объ исправленіи послѣдующей жизни, и на вопли и слезы народа отвѣчалъ указаніемъ на милосердіе боговъ; и за тѣмъ, объявивъ народу, что онъ за грѣхи людскіе приноситъ себя въ жертву богамъ, самъ зажигалъ костеръ и сгоралъ вмѣстѣ съ нимъ. Кривиты же и жившіе въ Ромновѣ вайделоты, избравши изъ среды себя новаго Криве-Кривейто, на другой день объявляли собранному народу что сами боги наименовали такого-то новымъ Криве-Кривейтомъ. 2-е) Кривиты избирались самимъ Криве-Кривейтомъ изъ среды вайделотовъ, жившихъ въ Ромновѣ. 3-е) Вайделоты же и вайделотки избирались Кривитами съ благословенія Криве-Кривейта, и одни изъ избранныхъ оставались въ Ромновѣ, а другіе разсылались по всей Прусской и Литовской землѣ. Въ отдаленныхъ же мѣстахъ, за неприсылкою вайделотовъ изъ Ромнова, жители того или другаго селенія или цѣлой области изъ среды себя избирали пользующихся уваженіемъ стариковъ и поручали имъ приносить жертвы и совер-

шать другіе религіозные обряды. Остальные за тѣмъ степени служителей вѣры, т. е. разные гадатели пророки и устроители религіозныхъ обрядовъ на разные случаи, ни кѣмъ не избирались, но сами по собственному произволенію принимали на себя тѣ или другія обязанности, исполненію которыхъ выучились у старшихъ гадателей и пророковъ, которыхъ они всюду сопровождали и которымъ прислуживали съ молодыхъ лѣтъ. Изъ сихъ умѣвшіе ловко исполнять принятыя на себя обязанности пользовались большимъ авторитетомъ у народа и имѣли около себя учениковъ и помощниковъ; а неумѣвшіе обыкновенно отказывались отъ самостоятельной дѣятельности и снова поступали въ ученики или помощники къ опытнѣйшимъ. Гадатели, пророки и подобные имъ низшіе служители въ дѣлахъ языческаго вѣрованія очевидно не принадлежали къ лицамъ посвященнымъ, т. е. къ вайделотамъ, а составляли особый классъ служителей языческаго суевѣрія, пользовавшихся слѣпымъ довѣріемъ темнаго народа, но классъ не противный вайделотамъ и дѣйствовавшій въ одномъ духѣ съ ними.

Содержаніе служителей языческой церкви въ Литвѣ и у Пруссовъ имѣло нѣсколько источниковъ, изъ нихъ главный составляли рощи, лѣса, озера и рѣки, посвященные богамъ, и другія подобныя угодыя, иногда довольно значительныя; здѣсь строились языческіе храмы и при нихъ жили разныхъ степеней жрецы и пользовались доходами отъ земли, которую обрабатывали поселенные на ней земледѣльцы и другіе промышленники; 2-й источникъ составляла военная добыча племени, по закону общему для Пруссовъ и Литовцевъ, какъ свидѣтельствуется Петръ Дюизбург-

скій, третья часть военной добычи посвящалась богамъ, слѣдовательно главнымъ образомъ шла въ пользу служителей вѣры жрецовъ; а по другимъ свидѣтельствамъ военная добыча раздѣлялась на четыре доли, и изъ нихъ одна посвящалась богамъ и одна отдавалась жрецамъ; 3-й источникъ дохода составляли жертвоприношенія, изъ которыхъ наибольшая доля шла въ пользу жрецовъ и ихъ помощниковъ; ибо изъ животныхъ жертвъ по обрядамъ богамъ сожигались большею частію только головы и ноги, а остальное доставалось жрецамъ; 4-й источникъ составляли приношенія богамъ первыхъ плодовъ земныхъ, и въ 5-хъ, наконецъ, послѣднимъ источникомъ доходовъ были дары за совершеніе гаданій и разныхъ обрядовъ; но сіи доходы большею частію были ничтожны; ибо о разныхъ гадателяхъ и пророкахъ летописи рассказываютъ, что они обыкновенно были оборванные бѣдняки, хромые, или слѣпые, таскались по селеніямъ и промышляли своими гаданіями, за которыя получали ничтожную плату. А ежели иногда между гадателями и пророками появлялись и богатые люди, то ихъ богатство не было плодомъ гаданій и пророчествъ, а происходило изъ другихъ источниковъ.

Христіанство было принято Полочанами въ слѣдъ за принятіемъ его въ Кіевѣ при Владимирѣ Равноапостольномъ. Владимиръ, крестивши всѣхъ своихъ дѣтей, конечно крестилъ и своего сына, Полотскаго князя, Изяслава; а за крещеніемъ князя конечно былъ крещень и княжій дворъ или дружина. Изяславъ естественно долженъ былъ пріѣхать изъ Кіева въ Полотскъ съ христіанскими священниками, а можетъ быть и съ епископомъ, какъ пріѣхалъ Владимиръ изъ

Корсуня въ Кіевѣ. Христіанскіе священники, привезенные Изяславомъ, начали проповѣдь христіанства между Полочанами, сперва въ самомъ Полотскѣ, а потомъ по пригородамъ и селамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, по распоряженію князя и духовенства, начали строиться по разнымъ мѣстамъ христіанскіе храмы. По всему вѣроятію Полотское язычество, подобно язычеству Кіевскому и другихъ городовъ Руси, не оказало большаго сопротивленія введенію христіанской вѣры; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о явной борьбѣ язычества съ вновь вводимымъ христіанствомъ въ здѣшней сторонѣ. Въ сказаніяхъ лѣтописей не указано ни одной причины мирнаго распространенія христіанства въ Полотской землѣ. Но, по всему вѣроятію, кромѣ Божіей благодати,—главной причины успѣха,—здѣсь дѣйствовали съ одной стороны благоразумныя распоряженія великаго князя Владимира и просвѣщеннал ревность христіанскихъ миссіонеровъ, которые своею проповѣдію успѣли дѣйствовать на здѣшнихъ язычниковъ, проповѣдуя имъ новую вѣру на понятномъ для Русскихъ Славянскомъ языкѣ, и не навязывая своимъ ученіемъ новой чужеземной власти и новыхъ налоговъ въ пользу невѣдомаго чужеземнаго владыки, какъ это дѣлали миссіонеры Латинскіе, проповѣдывавшіе Евангеліе съ мечемъ въ одной рукѣ и крестомъ въ другой, облагая обрацаемыхъ въ вѣру новыми налогами въ пользу Римскаго папы, и съ тѣмъ вмѣстѣ прямо или косвенно подчиняя ихъ чужеземному игу. Съ другой стороны Полочане, кажется, были не крѣпки въ своемъ язычествѣ; ибо мы знаемъ, что они разъ уже измѣнили вѣрѣ отцевъ своихъ, принявши въ свою

славянскую мѣологію многое изъ Литовскаго язычества; слѣдовательно для нихъ, разъ уже измѣнившихъ свою старую прародительскую вѣру, легко было перемѣнить и измѣненную на совершенно новую, и тѣмъ болѣе, что новая вѣра была уже принята княземъ и его дворомъ и проповѣдывалась съ кротостію и такою убѣдительностію, которая и для темныхъ умовъ ясно выставляла превосходство новой вѣры надъ старою. При томъ же, какъ извѣстно, Русское язычество не имѣло хорошо организованной іерархіи жрецовъ; и старую языческую вѣру не кому было защищать изъ своихъ матеріальныхъ интересовъ. Какъ бы то ни было, христіанство, можетъ быть болѣе наружно, особенно на первыхъ порахъ, скоро распространилось по всѣмъ Полотскимъ городамъ и пригородамъ, вездѣ появились христіанскіе храмы и даже учредилась самостоятельная Полотская церковь съ своимъ епископомъ, подчиненнымъ Кіевскому митрополиту, подобно другимъ Русскимъ епископамъ, съ своими монастырями и другими церковными учрежденіями; и всѣ Полочане стали и зываться православными христіанами и дорожить симъ названіемъ.

Мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, какъ о времени учрежденія епископской каѳедры въ Полотскѣ *),

*) Упоминаемое въ лѣтописяхъ подъ 1105 годомъ извѣстіе, что митрополитъ Никифоръ въ этомъ году 13 Декабря поставилъ Мину епископа Полотску, отнюдь не свидѣтельствуетъ, что Мина былъ первымъ епископомъ Полотскимъ, онъ могъ быть вторымъ, третьимъ и десятымъ епископомъ въ Полотскѣ; ибо подъ тѣмъ же годомъ въ лѣтописи написано: „постави митрополитъ епископа Амфилохія Володимиру Августа въ 27-й день.“ А мы знаемъ, что Амфилохій не былъ первымъ епископомъ во Владимирѣ; въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ ему трехъ предшественниковъ, Оому и двухъ

такъ и относительно опредѣленія отношеній епископа Полотскаго къ тамошнему князю и народу, и вообще о значеніи епископа въ Полотскомъ мірскомъ обществѣ; а также не знаемъ по чьему начину учредилась эта каедръ,—по просьбѣ ли князя или народа, или по распоряженію митрополита, или при первоначальномъ введеніи христіанства, какъ это было во Владимірѣ Волынскомъ и Новгородѣ; на Руси были въ употребленіи, всѣ сіи формы учрежденія епископскихъ каедръ. Для опредѣленія отношеній церкви и ея представителя къ мірскому обществу и мірской власти на Руси, были извѣстны два устава: уставъ о судѣхъ церковныхъ и о людяхъ церковныхъ и о десятинахъ, данный Владиміромъ равноапостольнымъ, и другій такой же уставъ съ нѣкоторыми измѣненіями, изданный сыномъ Владиміра Ярославомъ. Сіи два устава служили на Руси основнымъ закономъ, опредѣляющимъ отношенія церкви къ государству и мірскому обществу; впрочемъ уставы сіи измѣнялись по мѣстнымъ обстоятельствамъ, такъ напримѣръ до насъ дошли видоизмѣненія сихъ уставовъ въ Смоленскѣ и въ Новгородѣ великомъ. Полочане, по складу всей своей жизни и по своему общественному устройству, какъ истыя дѣти Новгорода Великаго, и въ отношеніи къ своей христіанской церкви, по всему вѣроятію стали на Новгородскую точку зрѣнія.

Стефановъ; я конечно ихъ было гораздо больше; ибо первый епископъ Владимірскій Ома былъ поставленъ въ 988 году. А посему и Мина могъ имѣть нѣсколько предшественниковъ на Полотской каедрѣ; можетъ быть первый епископъ Полотску былъ также поставленъ въ 988 году, при самомъ введеніи христіанства въ тамошнемъ краю; и это весьма вѣроятно.

По отрывочнымъ даже свидѣтельствамъ памятниковъ, въ Полотскѣ, точно также какъ въ Новгородѣ, епископъ, представитель мѣстной церкви, былъ политическимъ государственнымъ лицомъ, необходимымъ и самымъ уважаемымъ членомъ общественнаго управленія; его имя даже въ сравнительно позднѣйшее время, уже при Гедиминовой династїи, ставилось первымъ въ общественныхъ Полотскихъ актахъ; отъ имени его одного не рѣдко писались бумаги чисто политическаго, а отнюдь не церковнаго характера, на примѣръ отношенія къ сосѣднимъ правительствамъ по мірскимъ дѣламъ. Лучшій образецъ таковыхъ бумагъ, представляетъ грамота Полотскаго епископа Іакова въ Ригу, писанная въ концѣ XIII столѣтія. Епископъ пишетъ такъ: «Поклонъ и благословеніе отъ Якова епископа Полотскаго, пробстови намѣстнику пискуплю и дѣтямъ моимъ ратманомъ. Былъ есть не дома во отца своего митрополита, а нынѣ есть на своемъ мѣстѣ у святое Софіѣ; а нынѣ есмь увѣдалъ любовь ваша правая съ сыномъ моимъ съ Витенемъ. Тако же дѣти была любовь ваша первая съ Полочаны съ дѣтьми моими; што вамъ было надобѣ, то было ваше. А нынѣ што дѣтямъ моимъ надобѣ, того имъ не бороните. А нынѣ а бысте пустили жито у Полотско. А язъ кланяюсь и благословляю и Бога молю за васъ дѣти своѣ. Аже будетъ Полочанинъ чѣмъ виновать Рижанину, я за тѣмъ нестою съ своими дѣтьми и исправу дамъ. А будетъ Рижанинъ чимъ виновать Полочанину, вы дайте имъ исправу такожде. А азъ вамъ кланяюся дѣтямъ своимъ и благословляю и Бога молю» (Русск. Ливон. ак., № XXXVIII). Эта грамота чисто Новгородской формы; такъ писали Нов-

городскіе епископы и въ Ригу, и въ другія мѣста. Здѣсь епископъ Полотскій является чисто правительственнымъ мірскимъ лицомъ; въ его грамотѣ нѣтъ и помину о церкви, рѣчь идетъ только о мірскихъ дѣлахъ, — объ отпускѣ Рижаками хлѣба и о судѣ между Рижанами и Полочанами. Грамота указываетъ, что епископъ участвовалъ въ общемъ Полотскомъ судѣ, и едвали не былъ первенствующимъ членомъ суда; выраженіе грамоты: «дамъ исправу съ своими дѣтьми» ясно указываетъ на высокое значеніе Полотскаго епископа въ народномъ судѣ.

Въ той же грамотѣ епископа Іакова мы имѣемъ указаніе, что Полотскій епископъ называлъ великаго князя Полотскаго своимъ сыномъ: въ грамотѣ Іаковъ говоритъ Рижанамъ: «а нынѣ увѣдалъ любовь вашу правую съ сыномъ моимъ Витенемъ». А при епископѣ Іаковѣ Витень былъ великимъ княземъ Литовскимъ и Полотскимъ. Конечно, по памятникамъ мы знаемъ, что митрополиты и епископы въ разныхъ княжествахъ также называли мѣстныхъ князей своими дѣтьми; слѣдовательно это право епископъ Полотскій дѣлилъ съ другими Русскими епископами; но тѣмъ не менѣе у Полотскаго епископа это право имѣло свою особенность, указывающую на иной источникъ этого права. Митрополитъ и другіе епископы Русской церкви отъ мѣстныхъ князей получали названіе отцевъ по религіозному уваженію князя къ своему епископу, какъ къ отцу духовному и представителю мѣстной христіанской церкви. къ которой по своему религіозному исповѣданію принадлежалъ и князь; другихъ причинъ, другихъ мотивовъ къ такому сыновнему отношенію мѣстныхъ князей на Руси къ

мѣстнымъ епископамъ не было. Напротивъ того, въ отношеніяхъ Полотскихъ князей къ тамошнему епископу такія побужденія едвали могутъ быть приложены по крайней мѣрѣ во всѣхъ случаяхъ; такъ на примѣръ въ приведенной грамотѣ епископа Іакова сыновнее къ нему отношеніе князя Витена никакъ нельзя объяснить христіанскимъ уваженіемъ Витена къ епископу, какъ къ духовному отцу, ибо Витенъ жилъ и умеръ язычникомъ. А посему корень сыновнихъ отношеній Полотскихъ князей къ тамошнему епископу лежалъ не въ одномъ родствѣ ихъ къ нему, какъ архипастырю Полотскѣй церкви; но и въ томъ, что князей въ Полотской землѣ было много по разнымъ Полотскимъ удѣламъ, епископъ же былъ одинъ, и потому политически считался старшимъ представителемъ всей Полотской земли, точно также, какъ архіепископъ Новгородскій былъ старшимъ представителемъ Новгородской земли. Въ этомъ отношеніи владыки Новгородскій и Полотскій имѣли одинаковое политическое значеніе каждый въ своей области; и этимъ именно отличались отъ епископовъ другихъ областей Русской земли, находившихся въ большой зависимости отъ своихъ мѣстныхъ князей. И не это ли высшее положеніе, и церковное и мірское, принадлежащее Полотскому епископу, такъ высоко ставило его въ Русской церковной іерархіи, что онъ занималъ первое мѣсто послѣ Кіевскаго митрополита, по крайней мѣрѣ по отдѣленіи западной митрополіи отъ восточной, какъ увидимъ ниже.

Избирался ли Полотскій епископъ Полотскою землею, или назначался Кіевскимъ митрополитомъ, по собственному благоусмотрѣнію, на это мы не имѣемъ

прямыхъ указаній за древнѣйшее время; но, судя по болѣе позднимъ свидѣтельствамъ, епископъ Полотскій избирался Полотскою землею, подобно какъ архіепископъ Новгородскій избирался Новгородскою землею, т. е. вѣчемъ. Такъ въ грамотѣ 1562 года сказано: что по смерти Полотскаго архіепископа Григорія Воловича Полотскіе бояре, шляхта, мѣщане и все посполство Полотское избрали на его мѣсто инока Предтечевскаго монастыря Арсенія Шишку. О такомъ же избраніи говорится въ грамотѣ 1576 года, по случаю смерти архіепископа Полотскаго Варсанофія, на мѣсто котораго панове, рада великаго княжества Литовскаго, избрали Марковскаго протопопа Теофана (Ак. З. Р. т. III, № № 30, 75). Это свидѣтельство позднѣйшихъ грамотъ кажется не противорѣчить древнему свидѣтельству лѣтописи, что въ 1105 году митрополитъ Никифоръ поставилъ Мину епископомъ въ Полотскѣ; ибо лѣтопись только говоритъ, что митрополитъ поставилъ, т. е. рукоположилъ Мину во епископа, а не избралъ или назначилъ; слѣдовательно Мина могъ быть избранъ Полотскою землею и присланъ къ митрополиту для рукоположенія, какъ и Новгородцы присылали къ митрополиту на поставленіе своихъ нареченныхъ владыкъ. Тѣмъ не менѣе этотъ вопросъ, за недостаткомъ свидѣтельствъ, для насъ останется темнымъ и неразрѣшеннымъ; ибо позднѣйшіе памятники, современъ Витовта, не могутъ служить для насъ по этому предмету объясненіемъ прежняго времени. Съ Витовта, или съ соединенія Литвы съ Польшею, при Ягайлѣ, общественное положеніе Полотскаго епископа мало-по-малу совершенно измѣнилось. Въ прежнее время, какъ мы уже видѣли, По-

лотскій епископъ былъ единственнымъ и главнымъ представителемъ христіанской церкви въ Полотской землѣ; со времени же Витовта, это главное представительство православной церкви было перенесено на митрополита Кіевскаго, Полотскій же епископъ передвинуть на второй планъ вмѣстѣ съ другими епископами, которыхъ епархіи вошли въ составъ великаго княжества Литовскаго, даже Виленскія православныя церкви были подчинены непосредственно Кіевскому митрополиту, а не Полотскому епископу. Ни Витовтъ, ни его преемники, великіе князья Литовскіе, уже не называютъ Полотскаго епископа своимъ отцомъ; онъ у нихъ схизматикъ, а святой отецъ у нихъ Папа Римскій.

Все, что успѣли еще отстоять Полотскіе епископы, наравнѣ съ другими православными епископами въ западной Россіи со времени Витовта, заключалось только въ каноническихъ ихъ правахъ, права же политическія Полотскаго епископа были окончательно уничтожены. По такъ называемому Ярославову свитку, составленному западно-русскими православными епископами и утвержденному великимъ княземъ Витовтомъ и его преемниками, за Полотскимъ епископомъ, равно какъ за митрополитомъ Кіевскимъ и другими епископами Западной Россіи, оставлено только: во 1-хъ, чтобы епископская власть была нерушима и цѣла надъ всѣми пресвитерами, состоящими въ предѣлахъ епископской епархіи, и чтобы никто изъ мірскихъ людей, ни князья ни бояре, не вступались въ епископскій судъ надъ пресвитерами, подъ грозою штрафа въ 1000 рублей грошей широкихъ на сборную церковь или епископскую кафедру, и подъ

лишеніемъ правъ на церковное ктиторство. Во 2-хъ, никто изъ мірскихъ властей не долженъ вступаться въ святительскій судъ по брачнымъ дѣламъ подъ грозою 500 рублей грошей широкихъ на церковь. Въ 3-хъ, кто отъ живой жены женится на другой, съ того епископъ беретъ пеню въ 1000 руб. грошей широкихъ на церковь, и бракъ съ второю женою разторгнуть; а кто не послушаетъ епископа, того судить и казнить мірскимъ судомъ. Въ 4-хъ, кто будетъ жить въ явномъ развратѣ, съ того, съ знатнаго человѣка, епископъ взыскиваетъ 500 рублей грошей широкихъ на церковь. Въ 5-хъ, епископъ наконецъ долженъ имѣть надзоръ, чтобы въ его епархіи не было разврата и судить дѣла сретическія. Въ грамотѣ В. князя Литовскаго Александра, данной архіепископу Полотскому Лукѣ въ 1503 году относительно утвержденія такъ называемаго Ярославова свитка. сказано: «приказываемъ, чтобы князья и панове наши Римскаго закона, такъ духовные, какъ и свѣтскіе, и также воеводы и старосты и намѣстники такъ Римскаго закона, такъ и Греческаго, и всѣ заказники и державцы по городамъ нашимъ кривды бы церкви Божіей и архіепископу не чинили, и въ доходы церковные и всѣ ихъ права, и въ суды ихъ духовные не вступалися; ибо мы приказали архіепископу Лукѣ судить и рядить дѣла духовныя и люди церковныя вѣдать по давнему обычаю по городамъ и по мѣстамъ нашимъ, въ архіепископіи Полотской. А которые люди архіепископи сидятъ по какимъ городамъ и захотятъ заняться торговлею, то должны платить всѣ подати наши съ горожанами вмѣстѣ по давнему обычаю. А которые князи наши и панове Римскаго закона имѣютъ

въ своихъ вотчинахъ церкви Греческаго закона, и которая церковь была издавна подъ патронатомъ архіепископа, та и теперь должна оставаться подъ его патронатомъ; а которая церковь издавна была подъ патронатомъ вотчинника той вотчины, та и теперь остается подъ его патронатомъ съ благословенія архіепископа; только тотъ вотчинникъ не имѣеть права отказать священнику той церкви безъ разсмотрѣнія и воли архіепископа. Также, еслибы Русскаго священника кто осрамилъ или прибилъ, какъ Римской вѣры, такъ и Греческой: то дѣло долженъ разобрать архіепископъ, ибо это судъ духовный.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству памятниковъ, Полотскій владыка, со времени великаго князя Витовта, остался только при церковныхъ правахъ мѣстнаго епископа, и то значительно урѣзаныхъ, на примѣръ относительно православныхъ церквей, состоящихъ подъ патронатомъ вотчинниковъ Латынянъ; или онъ уже болѣе не имѣеть права называть великаго князя своимъ сыномъ и участвовать въ дѣлахъ мірскаго управленія, правительство не спрашиваетъ у него ни совѣта, ни благословенія, онъ какъ схизматикъ, по понятію Латынянъ, не имѣеть права за сѣдать въ Сенатъ и принимать на себя какія-либо мірскія обязанности. Въ мірскомъ отношеніи за Полотскимъ владыкою остается только право на вотчины, издавна приписанныя къ Полотской каедрѣ; но и здѣсь его право много ниже правъ служилыхъ князей и радныхъ пановъ въ своихъ вотчинахъ; онъ даже былъ устраненъ отъ управленія церковными имѣніями, приписанными къ Полотской каедрѣ. Мало этого, самыя вотчины Полотской каедры въ раз-

ное время были убавлены или разхищены, какъ это видно въ дошедшемъ до насъ отъ 1601 года инвентарѣ. По сему инвентарю за Полотской архіепископіей оказывается только 17 селеній съ 210 дворами, изъ селеній одинъ фольваркъ и одно мѣстечко Вороначь, да сверхъ того къ вотчинамъ Полотской архіепископіи принадлежалъ монастырь Бориса и Глѣба, за рѣкою Двиною въ Бѣлчичѣ, о которомъ монастырѣ гласитъ инвентарь, что ему принадлежали полтораста тяглыхъ дворовъ, но всѣ разобраны безъ права разными особами; къ Полотской же архіепископіи принадлежали два дома въ самомъ Полотскѣ. Вотъ и все достояніе Полотской каѳедры, оставшееся отъ расхищеній къ 1601 году. За Полотскимъ владыкою по инвентарю не состояло ни бояръ, ни слугъ, составлявшихъ прежде полкъ воиновъ у каждаго Русскаго епископа, и которыхъ конечно не могло не быть у высоко поставленнаго владыки Полотскаго, въ бывшее время чисто Русскаго строя. Все это прямо говоритъ, что Полотскій владыка древній до Витовта и Полотскій владыко новый съ Витовта, или отъ соединенія Литвы съ Польшею при Ягайлѣ, представляютъ два учрежденія, далеко не похожія другъ на друга. А посему, чтобы объяснить значеніе древняго Полотскаго епископа, нужно обратиться не къ сравненію его съ новымъ владыкою со временъ Витовта, а скорѣе искать объясненія въ правахъ и обязанностяхъ владыки Новгородскаго, на что довольно ясно указываетъ намъ приведенная выше грамота Полотскаго епископа Іакова въ Ригу, и на что мы уже указали выше.

Соборныя церкви. За епископомъ въ Полотской церковной іерархіи слѣдовали соборныя церкви съ своими протопопами

и клирошанами, какъ въ самомъ Полотскѣ, такъ и въ Полотскихъ пригородахъ. Соборная церковь въ каждомъ Полотскомъ городѣ, съ одной стороны, означала общественное учрежденіе, принадлежащее цѣлому городу; она въ каждомъ городѣ выражала центръ, куда тянуло церковную жизнь не только горожанъ, но и жителей уѣзда; она строилась гражданами во имя того святаго или въ честь извѣстнаго церковнаго праздника, которые считались въ народѣ покровителями и защитниками города. Такъ напр: Мстиславль считалъ своимъ покровителемъ Святую Троицу, и Мстиславская соборная церковь, была построена во имя Св. Троицы. Или покровительница Минска считалась Пресвятая Богородица, и тамошняя соборная церковь была построена въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы. Соборный храмовый праздникъ былъ праздникомъ всего города; ибо церковь состояла на попеченіи всѣхъ гражданъ. Всѣ граждане заботятся о благолѣпії соборной церкви, принимаютъ мѣры къ достаточному содержанію какъ самой церкви, такъ и клирошанъ, приписываютъ церкви разныя вотчины и угодья, а въ иныхъ городахъ назначаютъ въ ея пользу извѣстные и опредѣленные городскіе доходы; также всѣ граждане и городскія власти имѣютъ надзоръ за имуществомъ соборной церкви, завѣдываютъ его управленіемъ вмѣстѣ съ клирошанами, защищаютъ церковныя вотчины и доходы отъ неправильныхъ захватовъ и разхищеній, и для таковой защиты ведутъ иски въ судахъ. Такъ въ судной грамотѣ 1499 года мы встрѣчаемъ споръ между Полотскимъ архіепископомъ Лукою и Полотскими боярами и мѣщанами о вотчинахъ Софійской соборной церкви,

передъ судомъ великаго князя Литовскаго Александра, и по суду великаго князя, въ грамотѣ сказано: «и тѣ спорныя вотчины и людей, мы присудили клирошанамъ Софійскимъ, и имѣють они право то держать къ клиросу церкви св. Софіи, и что съ тѣхъ людей дани идетъ, то они должны ту дань давать св. Софіи клирошанамъ, работать тѣ люди должны на церковь, и судить ихъ должны клирошане съ старостами тѣхъ волостей, а пени по старому платить на клирошанъ. И приказали Полотскому намѣстнику, и войту и бургомистрамъ и радцамъ и всѣмъ мѣщанамъ имѣть попеченіе о тѣхъ волостяхъ и оборонять ихъ». (А. З. Р., Т. III, № 173). При соборныхъ церквахъ граждане иногда устраивали братства, городскія училища, богадѣльни и больницы. Въ соборныхъ церквахъ имѣлись особые притворы, гдѣ хранились и записывались подъ надзоромъ особыхъ выборныхъ старость всѣ государственныя и общественныя грамоты и законы, подобно какъ это было въ Новгородѣ и Псковѣ. Такъ въ уставной грамотѣ 1503 г., данной городу Витебску, сказано: «Вся земля Витебская повѣдала передъ нами, что пришли злодѣи изъ Новгорода Великаго, покрали у нихъ церковь Богоматери, и въ той ихъ церкви и привилей (уставную грамоту) ихъ украли». (А. З. Р., Т. I, № 204).

Съ другой стороны, соборная церковь въ каждомъ городѣ была центромъ мѣстнаго церковнаго управленія какъ для городского, такъ и для уѣзднаго духовенства; сюда тянули судомъ и управою всѣ жители города и уѣзда, когда дѣло касалось церковнаго суда: протопопъ соборной церкви былъ вмѣстѣ и намѣстникомъ епископа; онъ имѣлъ надзоръ не только

надъ всѣми церквами города и уѣзда, но и надъ монастырями, такъ что уѣздъ въ церковномъ отношеніи по соборному протопопу назывался протопопією; такъ Слуцкій уѣздъ—Слуцкою протопопією, Мстиславскій—Мстиславскою и подоб. Соборный протопопъ съ своимъ клиромъ составлялъ первую нижнюю инстанцію церковнаго суда въ уѣздѣ; его обязаны были слушать какъ владычня намѣстника, не только мѣстное духовенство, но и мірскіе люди города и уѣзда (Ак. З. Р., Т. II, № 77). Онъ по своему вѣдомству объявлялъ всѣ приказанія епископа и приводилъ ихъ въ исполненіе, по благословенію владыки, освящалъ вновь построенныя церкви въ городѣ и уѣздѣ, и вообще былъ прямымъ намѣстникомъ епископа въ своей протопопіи и первымъ духовнымъ лицомъ въ городѣ и уѣздѣ. Протопопъ соборной церкви вмѣстѣ съ городскими властями имѣлъ наблюденіе за имуществомъ всѣхъ церквей въ городѣ. Такъ въ грамотѣ 1544 года сказано: «Ежели въ какой церкви захвораетъ священникъ на смерть; то соборный протопопъ долженъ объявить объ этомъ бурмистру и радцамъ и съ ними и съ городскимъ писаремъ описать церковное имущество по стародавнему обычаю. А по смерти того священника, бурмистръ запираетъ церковь и ключи беретъ себѣ на сохраненіе, до тѣхъ поръ, пока онъ вмѣстѣ съ протопопомъ и двумя священниками изберутъ годнаго и научнаго человѣка и отправятъ его къ владыкѣ для рукоположенія во священника. Когда же новорукоположенный возвратится отъ владыки съ благословеннымъ листомъ; тогда бурмистръ или радцы съ городскимъ писаремъ и протопопомъ тому священнику передадутъ ту церковь

со всёмъ церковнымъ имуществомъ по описи, и ему же отдадутъ и церковные ключи. Кромѣ того, бурмистръ, по старому обычаю, ежегодно долженъ посылать двухъ радцевъ и писаря, которые вмѣстѣ съ протопопомъ или священниками должны пересматривать и описывать какъ соборную, такъ и другія церкви» (Ар. З. Рос., Т. II, № 231).

Старшею и, такъ сказать, главною соборною церковію въ Полотской землѣ была церковь св. Софіи въ Полотскомъ кремлѣ или дѣтинцѣ: она, кажется, выражала то же въ Полотскѣ, что и церковь св. Софіи въ Новгородѣ, т. е. символъ свободы и самостоятельности Полотска, и кромѣ религіознаго значенія имѣла еще значеніе государственное. Каждый городъ въ Полотской землѣ также имѣлъ свою соборную церковь въ кремлѣ или дѣтинцѣ. Такъ въ Бѣльскѣ въ кремлѣ была соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, упоминаемая въ грамотѣ 1507 года; въ Витебскѣ соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы; въ Слуцкѣ соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, при которой былъ протопопъ, два священника и два дьякона и уставникъ. отъ мірскихъ людей или отъ князя. (Грам. 1583 г.). Въ Минскѣ соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, и при ней госпитальное братство; въ Новгородѣ Литовскомъ соборная церковь свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, имѣвшая въ Новгородскомъ уѣздѣ значительныя вотчины (грам. 1517 г.); въ Туровѣ соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, имѣвшая богатыя вотчины (грам. 1520 г.); въ Пинскѣ соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, также имѣвшая вотчины; въ Вильнѣ со-

борная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, она со временъ Витовта была подчинена непосредственно Кіевскому митрополиту; въ Мстиславлѣ соборная церковь Св. Троицы, которая имѣла привилегію на полученіе грошовыхъ, медовыхъ, житныхъ и иныхъ да-ней въ уѣздѣ. (Ак. З. Р. Т. II, № 232).

Монастыри въ Полотской землѣ и потомъ въ Ве-Монасты-
ри.
ликомъ княжествѣ Литовскомъ имѣли со всѣмъ иное значеніе, чѣмъ соборныя церкви; они не принимали никакого участія въ церковной администраціи города и уѣзда и даже сами числились въ городской протопоціи и состояли въ ея вѣдѣніи. Назначеніе православ. монастырей въ Полотской землѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ было главнымъ образомъ религіозное и просвѣтительное съ стремленіемъ распространять и отстаивать православіе, и въ этомъ отноше-ніи они имѣли громадное значеніе, особенно во время борьбы здѣшней православной церкви съ Латинствомъ. Православные Русскіе люди въ здѣшнемъ краѣ всегда смотрѣли на монастыри какъ на передовыя крѣ-пости въ защиту православія и Русской народности; а посему еще въ древнее время всякій новый Рус-скій городъ, почти всякая Русская колонія, выдвину-тая въ глубь Литовской, или Жмудской, или Ятвяж-ской земли, имѣли свой монастырь, чему лучшимъ доказательствомъ служить то, что еще при князьяхъ, потомкахъ Изяслава, мы встрѣчаемъ уже православ-ные монастыри въ глубинѣ Жмудской, Ятвяжской и Литовской земель.

Но особенное вниманіе было обращено на право-славные монастыри со времени введенія Латинства при великомъ князѣ Литовскомъ Ягайлѣ Ольгердо-

вичѣ. Какъ Латинско-Польское духовенство спѣшило утвердить свою церковь въ Литовскихъ прежнихъ Полотскихъ владѣніяхъ посредствомъ устройства Латинскихъ монастырей разныхъ орденовъ ; такъ Русскіе люди въ отпоръ этому Латино-Польскому наводненію спѣшили также строить и умножать монастыри, гдѣ только могли. Въ этомъ важномъ дѣлѣ принимали участіе какъ цѣлыя сословія данныхъ мѣстностей , такъ и частныя лица, имѣвшія достаточныя къ тому средства , а равнымъ образомъ и братства , образовавшіяся въ разныхъ городахъ на защиту православной вѣры и Русской народности. И первоначально это дѣло шло довольно успѣшно , ибо лучшія фамиліи изъ Русскихъ и Литовцевъ были большею частію православными ; и мы имѣемъ извѣстія о многихъ монастыряхъ , построенныхъ по всѣмъ направленіямъ на встрѣчу напиравшему съ запада Латинству . Такъ въ глубинѣ Жемойти есть извѣстія о православныхъ монастыряхъ въ мѣстечкѣ Подубиссѣ , въ Шавельскомъ уѣздѣ , въ мѣстечкѣ Кайданахъ въ Ковенскомъ уѣздѣ , въ мѣстности Сурдегахъ , въ Вилкомирскомъ уѣздѣ , въ мѣстечкѣ Мяхахъ (Міорахъ) въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ ; такъ что по притокамъ Жемойтскихъ рѣкъ—Святой, Невѣжи и Дубиссы , тянулись православные монастыри въ отпоръ Латинству , построенные частію Русскими людьми имѣвшими здѣсь свои колоніи , частію Жмудинами , во многихъ мѣстахъ уже обращенными въ православіе задолго до появленія здѣсь Латинства . Далѣе на встрѣчу Латинству слѣдуетъ линія православныхъ монастырей въ глубинѣ Литвы: въ нынѣшнемъ Трокскомъ уѣздѣ монастырь въ Евѣѣ , имѣвшій свою типографію , и два мо-

настыря Кржскій и Рождества Пресвятыя Богородицы въ самомъ городѣ Трокахъ, три православныхъ монастыря въ самой Вильнѣ, Кройскій монастырь въ Вилейскомъ уѣздѣ и Голдовскій монастырь въ Лидскомъ уѣздѣ. Еще замѣчательнѣе рядъ православныхъ монастырей, далеко выдвинувшійся впередъ на западъ къ самымъ границамъ Польши, откуда напирало Латинство, именно въ нынѣшней Гродненской губерніи; иные изъ нихъ были построены еще въ древнее время при Пѣлотскихъ Изяславичахъ и при Волянскихъ князьяхъ, а другіе именно во время борьбы православія съ Латинствомъ въ здѣшнемъ краѣ. Самыми западными православными монастырями здѣсь были: Новодворскій монастырь въ Сокольскомъ уѣздѣ, Супрасльскій Благовѣщенскій и Заблудовскій въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, Пожайскій недалеко отъ Ковны, Никольскій монастырь въ Бѣльскѣ, Преображенскій и Троицкій монастырь въ Дрогичинѣ. За тѣмъ слѣдуетъ въ этомъ же краѣ второй рядъ монастырей: Борисоглѣбскій Коложскій монастырь въ Гроднѣ, построенный еще въ XII вѣкѣ, Спасскій монастырь въ Кобринѣ, построенный Кобринскимъ княземъ Иваномъ въ 1497 году, и въ Слонимскомъ уѣздѣ монастыри: Жировицкій и Дятловицкій или Дзенцоловицкій.

Сии ряды монастырей на западной границѣ, прежде другихъ мѣстностей подвергшейся напору Латинства и Польщизны, ясно говорятъ, что Русскіе люди и вообще православные жители здѣшняго края, очутившись подъ властію олатыненнаго и ополяченнаго правительства, не находили лучшаго средства для защиты православія и Русской цивилизаціи отъ напора Латинства и Польщизны, какъ построеніе православ-

ныхъ монастырей предпочтительно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ было болѣе опасности отъ Латинскаго и Польскаго вліянія. Это хорошо понимали и Латинскіе бискупы и ксендзы, и прилагали особенное стараніе къ уничтоженію православныхъ монастырей, а по введеніи униі—къ передачѣ ихъ монахамъ Базилианамъ, самымъ усерднымъ слугамъ Латинства и ополяченія. И дѣйствительно, съ уничтоженіемъ православнаго монастыря, или съ передачею его Базилианамъ, мѣстность, окружающая монастырь и бывшая подъ его вліяніемъ, быстро обращалась въ Латинство и потомъ полячилась. Конечно и бѣлое или приходское духовенство было ревностнымъ защитникомъ православія въ здѣшнемъ краѣ и удерживало народъ отъ Латинства и ополяченія; но въ бѣломъ духовенствѣ священникъ обыкновенно дѣйствуетъ одиночно, и потому при всемъ своемъ усердіи не всегда можетъ дѣйствовать такъ успѣшно, какъ дѣйствуетъ хорошо устроенная монастырская община, гдѣ по одному направленію, подъ однимъ началомъ и непосредственнымъ ближайшимъ надзоромъ и указаніемъ игумена или архимандрита, работаютъ десятки, а иногда и сотни иноковъ, людей свободныхъ, и менѣе чѣмъ бѣлое духовенство стѣсненныхъ житейскими заботами. Какъ бы то ни было, въ борьбѣ съ Латинствомъ, при всѣхъ враждебныхъ дѣлу обстоятельствахъ, монастыри въ Сѣверо - Западномъ краѣ Руси, или въ древней Полотской землѣ, вполне доказали, что они могли дѣлать на пользу православія и на защиту Русской народности; они учреждали у себя больницы, страннопріимные дома и распространяли просвѣщеніе въ народѣ, при помощи хорошо устроенныхъ училищъ

и изданіемъ книгъ въ своихъ монастырскихъ типографіяхъ. И пока православные монастыри держались, ни Латинство, ни Польщизна, при всѣхъ средствахъ, доставляемыхъ ополяченнымъ правительствомъ, не могли считать своего дѣла, — ополяченія и олатыненія края, — рѣшеннымъ окончательно; при всѣхъ невзгодахъ борьба упорно продолжалась, и православные монастыри не оскудѣвали болѣе или менѣе дѣятельными борцами. А что тогдашніе Русскіе люди дѣйствительно съ такой точки смотрѣли на монастыри и устроили ихъ именно на защиту православія и Русской народности, на это мы имѣемъ и прямыя письменныя свидѣтельства, даже официальные. Такъ въ приговорѣ Минскаго дворянства на построеніе православнаго Петропавловскаго монастыря, писанномъ въ 1612 году, прямо сказано: «Минскіе дворяне построили монастырь Петра и Павла въ Минскѣ и обезпечили его вкладами, чтобы держать въ немъ законниковъ, т. е. чернцовъ и всякаго сословія людей старожитной религіи Греческой, чтобы Богослуженіе въ немъ отправлялось по стародавнимъ обычаямъ, а также чтобы содержать въ монастырѣ училище для наученія дѣтей, въ которое пригласили ученыхъ людей на защиту православной церкви и для большаго ея преуспѣянія, и чтобы монастырь этотъ не былъ ни подъ чьимъ владѣніемъ, какъ только Минскихъ дворянъ православнаго вѣроисповѣданія, и обязать подъ страхомъ анаемы оборонять этотъ монастырь на вѣчное время» (Акты гор. Минска, № 65).

Указавши на значеніе православныхъ монастырей въ Полотской землѣ, особенно во время борьбы православія съ Латинствомъ, теперь слѣдуетъ указать на

ихъ устройство и общественное положеніе. По устройству своему православные монастыри въ Полотской землѣ, или въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ раздѣлялись на монастыри, построенные обществомъ, т. е. цѣлымъ городомъ или цѣлымъ сословіемъ данной мѣстности, и на монастыри, построенные князьями или частными лицами въ ихъ вотчинахъ, и наконецъ на монастыри, устроенные бѣдными благочестивыми иноками съ благословенія епископа въ пустыняхъ и глухихъ лѣсахъ, никому не принадлежащихъ, не состоящихъ ни въ чьемъ частномъ владѣніи. По общественному положенію своему монастыри въ Полотской землѣ раздѣлялись на привилегированные, или состоящіе подъ чьимъ - либо патронатомъ, и не привилегированные, вполне зависѣвшіе отъ мѣстнаго епископа и числившіеся въ вѣдѣніи мѣстной протопотіи наравнѣ съ приходскими церквами.

Монастыри, построенные частными лицами въ своихъ вотчинахъ или князьями въ ихъ удѣлахъ, обыкновенно принадлежали къ привилегированнымъ монастырямъ и находились подъ патронатомъ своихъ строителей и ихъ потомковъ; они въ экономическомъ отношеніи были совершенно независимы отъ епископа, да и въ отношеніи церковномъ ихъ зависимость отъ епископа была самая незначительная и почти незамѣтная; они не платили даней епископу и не подлежали его суду; къ нимъ не имѣли права вѣзжать ни намѣстники, ни десятиники епископскіе. Такъ въ окладной, которая въ 1399 году дана была Полотскимъ княземъ Онуфриемъ Полотскому Предтеченскому монастырю, сказано: «А въ церковь св. Іоанна не вступатися никому. А владыцѣ съ игумена Ива-

новскаго и съ нашего монастыря Островскаго кунницы не брати и никакихъ пошляинъ. А отъ кого будетъ какая обида нашему монастырю, ино досмотрѣти и боронити намъ самимъ, а по насъ роду нашему. А въ старцы и въ люди, которые живутъ на Св. Іоанна землѣ, и судити и рядити игумену Іоаннскому самому съ братією, а иному никому не вступатися, а владыцѣ не вступатися въ нашъ монастырь». (Ак. З. Р., Т. 1, № 14). Или въ грамотѣ 1442 года, данной Литовскимъ княземъ Юріемъ Семеновичемъ Лигвеневымъ Онуфріевскому монастырю, сказано: «А владыцѣ Мстиславскому и Полотскому Онуфріевскаго архимандрита не судить и ни рядить, коли кому будетъ до него которое дѣло; ино намъ самимъ того архимандрита Онуфріевскаго судить. А будетъ владыцѣ до него дѣло духовное; ино намъ самимъ же со владыкою того архимандрита досмотрѣть. А владычнымъ десятиникамъ и городскимъ тыхъ людей монастырскихъ въ духовныхъ дѣлахъ не судить и ни рядить и дѣтскихъ не посылать и винъ не имать на владыку, что въ свитку Ярославли написано; судить и рядить и вины имать въ духовныхъ судѣхъ на тѣхъ людяхъ монастырскихъ самому архимандриту, который будетъ служить у святаго Онуфрея» (А. З. Р., Т. I, № 43).

Но привелегированные или состоящіе подъ патронатомъ монастыри, будучи почти совершенно освобождены отъ епископской власти, и видимо пользуясь полною самостоятельностью и независимостью, и даже обезпеченные въ этомъ защитою своихъ патроновъ, взамѣнъ всего этого находились въ полной зависимости отъ патроновъ, они составляли ихъ част-

ную собственность и ничѣмъ не были обезпечены отъ ихъ произвола. Всѣ отчеты по управленію монастыремъ игумень или архимандритъ подавалъ патрону. Такъ напримѣръ въ 1494 году архимандритъ Іосифъ при сдачѣ Слуцкаго монастыря, состоявшаго подъ патронатомъ княгини Слуцкой, пишетъ: «сдаю твоей милости Государынѣ моей княгини монастырь св. Троицы, со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ мнѣ твоя милость подала и надъ то прибавилъ есми за мое держанье. Оставляю твоей милости въ монастырѣ 60 копъ грошей широкихъ, а земли закупилъ на 6 копъ грошей, и ковшикъ серебрянный». (Далѣе слѣдуетъ подробная опись всего монастырскаго имущества). (ibid № 115). Самый выборъ архимандрита или игумена и монаховъ вполнѣ зависѣлъ отъ воли патрона; патронъ, какъ владѣлецъ монастыря, могъ закрыть свой монастырь и вновь открыть по своему усмотрѣнію и даже передать кому хочетъ. При продажѣ или передачѣ вотчины и патронатъ надъ монастыремъ переходилъ къ новому владѣльцу; а во владѣніяхъ великаго князя патронатъ надъ привилегированными монастырями рѣшительно зависѣлъ отъ воли Государя, онъ передавалъ его, кому хотѣлъ, какъ помѣстье.

Въ прежнее время, до введенія Латинства въ Литовскія владѣнія, привилегированные православные монастыри пользовались очевидно большими выгодами; ибо патронатъ надъ ними принадлежалъ православнымъ владѣльцамъ, которые дѣйствительно имъ покровительствовали и заботились объ ихъ благосостояніи; и сами великіе князья Полотскіе, какъ православные по своей вѣрѣ, обращали вниманіе на процвѣтаніе монастырей. Но со введеніемъ Латинства,

привилегированные православные монастыри сдѣлались жертвою ополченныхъ и олатыненныхъ государей Литовскихъ и ихъ вельможъ, и, по мѣрѣ распространенія Латинства между православными Литовскими и Русскими вельможами, патронатъ надъ православными монастырями сталъ переходить къ иновѣрцамъ, которые смотрѣли на нихъ какъ на доходную статью и обращались съ ними именно какъ съ выгодными помѣстьями или вотчинами. Вотъ образцы патроната надъ православными монастырями при олатыненныхъ государяхъ Литовскихъ. Въ 1562 году, по королевскому указу, Полотскій Предтеченскій монастырь былъ отданъ со всѣми своими вотчинами и доходами въ пожизненный патронатъ королевскому дворянскому Боржулабу Корсаку, съ правомъ имѣть въ немъ своего намѣстника кого-либо изъ духовныхъ, самому управлять какъ настоятелю, которому должны повиноваться не только монастырскіе люди, но и всѣ священники монахи и монахини и все духовенство, какъ въ монастырѣ, такъ и въ его вотчинахъ. Или вотъ плачевная исторія привилегированнаго Вознесенскаго монастыря въ Минскѣ. Въ 1570 году монастырь этотъ по смерти архимандрита Пафнутія, былъ отданъ королемъ Сигизмундомъ своему дворянину Ивану Бакѣ, со всѣми монастырскими вотчинами и доходами. Этотъ мірскій владѣлецъ привелъ монастырь въ страшный безпорядокъ, разогналъ всѣхъ монаховъ и священниковъ, такъ что нѣсколько лѣтъ не было въ монастырѣ и божественной службы, а лучшая монастырская вотчина продана въ стороннія руки. Наконецъ, по государеву указу, Минскій староста Гаврило Горностаѣ въ 1576 году отнялъ мона-

стырь у дворянина Баки и передалъ дворянину Достоевскому, а въ 1579 году по королевскому указу въ монастырь былъ опредѣленъ архимандритъ Михаилъ Рогоза, которому и переданъ монастырь со всѣми вотчинами и доходами. При чемъ, при введѣ архимандрита въ монастырь, девять лѣтъ состоявшій въ свѣтскомъ владѣніи, оказалось: 1-е, главная церковь Вознесенія Христова, вся сгнила; 2-е, въ церкви одиннадцать образовъ старыхъ полинялыхъ, въ олтарѣ престолъ покрытъ выбоикою, сосуды стары цыновые, кадило мѣдное старое, двѣнадцать церковныхъ книгъ старыя, одна поставная свѣча и два огарка, двѣ ризы и эпитрахиль кухтеревыя бѣлыя; 3-е, при той же церкви придѣлъ Благовѣщенія, въ немъ два линялыхъ образа и ободранный престолъ; 4-е, другій придѣлъ св. Іоанна пустой; 5-е, трапеза старая брусовая, при ней церковь Покрова Пречистой, въ ней три образа простыхъ, писанныхъ фабрию, и двѣри безъ замка; 6-е, монаховъ ни одного. Вотъ положеніе привилегированнаго монастыря, состоявшаго подъ королевскимъ патронатомъ; онъ въ продолженіи девяти лѣтъ стоялъ безъ архимандрита и монаховъ, какъ бы на арендѣ у двухъ дворянъ, которые не только не думали о церковной службѣ, но разогнали всѣхъ монаховъ и священниковъ, а богатый монастырь довели до запустѣнія и всѣ вотчины растеряли, за исключеніемъ двухъ пустой и тридцати мѣщанскихъ дворовъ въ Минскѣ, приписанныхъ къ монастырю (Минск. акты, № № 22, 24, 28).

Монастыри не привилегированные имѣли совсѣмъ другую участь. Они вполне зависѣли отъ епископа

тянули къ нему судомъ и данью, находились подъ непосредственнымъ надзоромъ епископа и его намѣстниковъ по городамъ; здѣсь епископъ имѣлъ право переводить архимандритовъ и игуменовъ изъ одного монастыря въ другой, подвергать ихъ разнымъ пенямъ и наказаніямъ; и вообще сіи монастыри не имѣли той самостоятельности, какою видимо пользовались монастыри привилегированные. По свидѣтельству Сигизмундовой грамоты 1511 года, данной митрополиту и епископамъ: «Митрополитъ и епископы имѣють право управлять и распоряжаться церквами, состоящими въ ихъ вѣдѣніи, назначать и ставить архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, диаконовъ и всякій священническій чинъ Греческаго закона; какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ судить и рядить и всякія дѣла духовныя справовать и благословлять, а непослушныхъ и преступныхъ встегать и карать по ихъ праву и уставамъ соборной восточной церкви, ни къмъ не возбранно» (Ак. З. Рос., Т. II, № 65). Такимъ образомъ не привилегированные монастыри были въ полной зависимости отъ епископа; но зато епископъ былъ и патрономъ такихъ монастырей,—онъ защищалъ ихъ отъ обидъ и притѣсненій. Въ приведенной выше грамотѣ Сигизмунда прямо сказано: «приказываемъ, чтобы всѣ князья и паны наши Римскаго закона, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, а также воеводы, старосты, намѣстники, какъ Римскаго, такъ и Греческаго закона, и тиуны, и всѣ заказчики и державцы по городамъ нашимъ, а также по мѣстамъ нашимъ войты, бурмистры и радцы кривды церкви Божіей и митрополиту и епископамъ не чинили, и въ дохо-

ды церковные и во всѣхъ sprawy и суды духовные не вступались»

Не привилегированные монастыри были преимущественно общественные, т. е. построенные на общественной землѣ, а не въ чьей-либо вотчинѣ; а по сему они не рѣдко вмѣстѣ съ патронатомъ епископа имѣли еще патрона въ мѣстномъ обществѣ, которое обыкновенно принимало дѣятельное участіе какъ въ содержаніи таковыхъ мнастырей, такъ въ управленіи и надзорѣ за имуществомъ и доходами монастыря. Напримѣръ Троицкій монастырь въ Вильнѣ со всѣми церковными землями и имуществомъ состоялъ въ вѣдѣніи Виленскихъ бурмистровъ, радцевъ, лавниковъ и всѣхъ горожанъ Виленскихъ Греческаго закона. Общество защищало таковыя монастыри даже противъ распоряженій правительства. Такъ, когда въ 1619 году было сдѣлано распоряженіе правительства о передачѣ униатамъ Петропавловскаго православнаго монастыря въ Минскѣ, построеннаго Минскимъ дворянствомъ; то всѣ князья и бояре Минскіе подали противъ такового распоряженія протестъ и всѣмъ сословіемъ требовали, чтобы монастырь сей, какъ построенный въ прежніе годы цѣлымъ дворянствомъ православной вѣры въ Минскѣ, и былъ оставленъ за православными. (Минск. ак. № 73). Такимъ образомъ не привилегированные православные монастыри въ Полотской землѣ, особенно со времени соединенія Литовскаго княжества или сѣверо-западной Руси съ Польскою короною, были сравнительно въ лучшемъ положеніи, нежели монастыри привилегированные; имъ принадлежалъ характеръ учрежденій чисто общественныхъ, и это ставило ихъ въ положеніе болѣе

прочное и обезпеченное сравнительно съ привилегированными монастырями, составлявшими частную собственность своихъ строителей и ихъ потомковъ.

Полотская земля, или сѣверо-западный край Россіи, нынѣ почти неимѣющій православныхъ монастырей, въ былое время даже при великихъ князьяхъ Литовскихъ былъ усѣянъ православными монастырями едва ли не болѣе чѣмъ другой какой-либо край Россіи. Не только собственно въ Полотской землѣ, т. е. въ древнихъ колоніяхъ Полотска, но даже въ Литвѣ и Жемойти, гдѣ Полотская цивилизація была слабѣе, почти нельзя было встрѣтить города, гдѣ бы не было одного или нѣсколькихъ православныхъ монастырей. Такъ въ Жемойти, въ Вилькомирѣ, находился православный монастырь, называвшійся Сурдецкимъ; въ Шавельскомъ уѣздѣ Подубисскій монастырь въ мѣстечкѣ Подубиссѣ; въ Ковенскомъ уѣздѣ православный монастырь въ Кейданахъ, потомъ еще Пожайскій; въ Новоалександровскомъ уѣздѣ православный монастырь въ Мерахъ (Міорахъ). Собственно въ Литвѣ православные монастыри въ Лидскомъ уѣздѣ Голдовскій; въ Троцкомъ уѣздѣ монастырь въ Евѣ, имѣвшій свою типографію, въ самомъ городѣ Трокахъ два православныхъ монастыря: Крожскій и Рождества Пресвятыя Богородицы; этотъ послѣдній имѣлъ много вотчинъ, данныхъ Великимъ княземъ Витовтомъ, княгинею Юліаніею и фамиліею Сапеговъ, которые и хоронились въ семъ монастырѣ; въ Вилейскомъ уѣздѣ православный монастырь, называемый Кройскій; въ самой Вильнѣ, столицѣ Литвы, мы имѣемъ извѣстіе о трехъ православныхъ монастыряхъ—Троицкомъ, Юрьевѣ и Святодуховскомъ, но говорятъ ихъ

было и больше. Въ землѣ Ятвяжской, по географическому положенію своему обратившейся въ передовый постъ для защиты православія отъ напиравшаго съ запада Латинства, до насъ дошли извѣстія о слѣдующихъ православныхъ монастыряхъ: Новодворскій монастырь въ Сокольскомъ уѣздѣ, Супрасльскій и Заблудовскій въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, имѣвшіе свои типографіи, Никольскій монастырь въ Бѣльскѣ, Преображенскій и Троицкій монастыри въ Дрогичинѣ, Борисо - Глѣбскій Коложскій монастырь въ Гроднѣ, Спасскій монастырь въ Кобринѣ, Успенскій, Жировицкій и Дятловицкій или Дзенцеловицкій въ Слонимскомъ уѣздѣ. Собственно въ Полотской землѣ, гдѣ стоятъ Полотскъ и его старшіе пригороды, мы имѣемъ извѣстіе о еще большемъ числѣ православныхъ монастырей. Такъ, въ самомъ Полотскѣ тринадцать монастырей: Предтеченскій, Спасскій или Селецкій, построенный княжною Евфросиніею Полотской въ XII столѣтіи, Троицкій, Богоявленскій, Борисо-Глѣбскій, Петровскій, Никольскій, Михайловскій, Воскресенскій, Богородицкій, Козмодемьянскій, Преображенскій, Гергіевскій, а вѣроятно ихъ было и больше, такъ что въ этомъ отношеніи Полотскъ не уступалъ ни Новгороду, ни Кіеву. Въ Минскѣ, памятники намъ указываютъ шесть православныхъ монастырей: Вознесенскій, Святодуховскій, два Петропавловскихъ— мужскій и женскій, Никольскій и Богородицкій; въ Слуцкѣ три монастыря: Троицкій, Никольскій и Ильинскій, и въ Слуцкомъ уѣздѣ два монастыря, Мороцкій и Старчицкій: въ Мстиславлѣ три монастыря— Николаевскій-Нагорный, Пустынскій и Онуфріевскій, и въ уѣздѣ два монастыря—Стрѣйкаловскій и Мазановскій

дѣвичій; въ Новгородѣ Литовскомъ три монастыря—Лаврищевскій, построенный княземъ Римонтомъ, сыномъ великаго князя Литовскаго Тройдена, въ монашествѣ Лавръ; Грозовскій, построенный дворяниномъ Володковичемъ, и Цеперскій; въ Брагинѣ-Ключѣ два монастыря—Спасскій и Благовѣщенскій; въ Пинскѣ шесть монастырей—св. мученицы Варвары, Лещинскій, Цеперскій, Покровскій, Соломерецкій и Купятицкій, имѣвший свою типографію; въ Могилевѣ два монастыря—Спасскій и Богоявленскій; въ Оршѣ четыре монастыря—Кутейнскій, имѣвший свою типографію, Богоявленія Господня, Міорскій, Лукомскій и дѣвичій Кутейнскій, въ Мозырѣ одинъ монастырь Петропавловскій; въ Витебскѣ два монастыря,—Марковскій и Св. Троицы; въ Бреславлѣ одинъ монастырь Неспѣшскій. Кромѣ того, упоминаются православные монастыри: Буйницкій, Горецкій, Крыжборскій, Борунскій въ Ошмянскомъ повѣтѣ, Вохорскій, Ворколюбовскій и Шкловскій, вѣроятно въ Шкловѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ извѣстія болѣе нежели объ осмидесяти православныхъ монастыряхъ, встрѣчающихся въ официальныхъ памятникахъ, начиная съ конца XIV столѣтія, но безъ сомнѣнія ихъ было гораздо болѣе; ибо ежели были уже православные монастыри въ отдаленныхъ краяхъ,—въ Жемойти и въ землѣ Ятвяжской; то какъ же имъ не быть въ чисто Русскихъ городахъ, ближайшихъ къ Полотску, въ Невлѣ, Борисовѣ, Иязславлѣ, Друцкѣ, Диснѣ и другихъ. И не даромъ были учреждены всѣ сіи монастыри; они служили опорой православія и народности въ здѣшнемъ краю столь сильною, что Латинство, вооруженное всѣми средствами, которые давали ему

олатыненное и ополяченное правительство, вело противъ нихъ сильную и упорную борьбу, почти въ продолженіи четырехъ столѣтій, да и то не достигло полнаго успѣха, и не смотря на всѣ козни и происки, не успѣло окончательно уничтожить православіе.

Приходскія церкви и бѣлое духовенство.

За монастырями въ Полотской землѣ слѣдовали приходскія городскія и сельскія церкви съ ихъ причтами, т. е. священниками, дьяконами, дьячками и пономарями. По общему положенію, приходское духовенство въ Полотской землѣ и потомъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ прежнее время было въ полномъ подчиненіи у Полотскаго владыки; но изъ этого общаго положенія были исключены всѣ церкви, находящіяся подъ чьимъ-либо патронатомъ, или, какъ писалось въ официальныхъ бумагахъ, *подаваньемъ*; а число таковыхъ церквей такъ было велико, что вообще приходскія церкви, какъ и монастыри, можно раздѣлить на состоящія въ полномъ вѣдѣніи епископа, и находящіяся подъ чьемъ-либо патронатомъ или привилегированныя.

Церкви не привилегированныя состояли въ полной зависимости отъ Полотскаго епископа и потомъ отъ другихъ епископовъ, епархіи которыхъ въ послѣдствіи вошли въ составъ Литовскихъ владѣній; они находились подъ владычнымъ судомъ и управою, обязаны были платить владыкѣ опредѣленные дани и пошлыны, и какъ бы состоять у него на службѣ; въ замѣнъ этого владыка былъ патрономъ и защитникомъ сихъ церквей, онъ принималъ мѣры къ ихъ обезпеченію и, когда нужно было, ходатайствовалъ за нихъ предъ княземъ и вообще передъ правительствомъ. У древнихъ, еще не ополяченныхъ князей, это хо-

дательство конечно имѣло силу; но и въ послѣдствіи при короляхъ Польскихъ и великихъ князьяхъ Литовскихъ ходательство владыки все еще имѣло нѣкоторое значеніе, хотя далеко не всегда. Мы имѣемъ жалованную королевскую грамоту, давнюю Туровскому и Пинскому владыкѣ въ 1522 году, въ которой изложены права епископа надъ всѣми церквами въ своей епархіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Люди свѣтскіе князи, бояре и иные подданные наши во всей парафіи Туровской и Пинской, безъ воли и благословенья владычняго церквей и монастырей закладывать и будовати и до нихъ поповъ отъ себя подавати, и ихъ изъ мочи и послушенства владычня выймовати, и владыкѣ въ дозору церкви Божіей препятствіе чинити, або протопопу и въздчимъ его порядку перестерегати (недопускать) и поповъ выступныхъ (виновныхъ), по имѣньямъ своимъ карати, и въ наименьшія sprawy духовныя вступати не мають (не имѣютъ права) подъ закладомъ за-руки на государя 3000 копъ грошей Литовскихъ; но только самъ владыка по всей парафіи своей по старо-давнему обычаю до церквей попы уставляти и во всѣмъ имъ подавати (защищать) и рядити ими маеть вѣчными часы» (Ак. З. Рос., Т. II, № 109).

О доходахъ епископа или владыки съ непривилегированныхъ церквей мы имѣемъ свидѣтельство въ уставной грамотѣ великаго князя Литовскаго Александра, данной Виленскому православному духовенству въ 1198 году, въ которой такъ опредѣлялись доходы митрополита Кіевскаго, которому было подчинено Виленское православное духовенство: «приказали имъ митрополиту на фуницу соборную по двѣ-

надцати грошей платити; а кто коли души въ церковь впишетъ, тые вписки приказали имъ (священникамъ) на себя брати; а кто коли имъ дастъ на молебень золотой, а любо колько грошей, то приказали имъ на себя жъ брати; а отъ въѣзду приказали имъ давать митрополиту на годъ золотой да бочку меду; а намѣстничество въ Вильнѣ держать отъ васъ попы соборной церкви. А кто когда себя положитъ (похоронится) въ соборной церкви вкупъ (вкладъ) отдавать митрополиту; а чѣмъ будетъ гробъ прикрытъ, то приказали попомъ на себя брати, потому какъ и при первыхъ митрополитахъ бывало» (А. З. Р., Т. I, № 152). Это свидѣтельство показываетъ, что несостоящія подъ чѣимъ-либо патронатомъ церкви платили владыкѣ только соборную кунцу по 12 грошей и въѣзднаго золотой, да бочку меду на каждый годъ, да еще вкупъ за погребеніе покойниковъ въ церкви. Доходы сіи по наименованію были тѣ же самыя, которые получалъ епископъ въ сѣверо-восточной Россіи за это же время; только тамъ, по свидѣтельству уставной грамоты 1404 года, не было вкупныхъ денегъ за погребеніе въ церкви; но зато тамъ были десятильничьи или намѣстничьи доходы. Впрочемъ доходы сіи, по всему вѣроятію, были и въ сѣверо-западной Руси; не упомянуты же они въ грамотѣ Александра Литовскаго потому, что въ Вильнѣ десятильничь или намѣстничь митрополита былъ выборнымъ отъ Виленскаго же духовенства, а не присылался отъ владыки.

Свидѣтельство приведенной выше уставной грамоты 1498 года указываетъ намъ и на доходы духовенства въ непривилегированныхъ церквахъ. Доходы

сіи, по свидѣтельствѣ грамоты, по крайней мѣрѣ въ Вильнѣ, были слѣдующіе: 1-е, отъ поминовенія, когда кто впишетъ души своихъ родителей въ церковный помянникъ, — доходъ этотъ не былъ опредѣленъ и зависѣлъ отъ доброй воли вписывающаго; 2-е, когда кто дастъ причту за молебень, — этотъ доходъ также не былъ опредѣленъ; 3-е, покровъ на гробъ покойника, погребяемаго при церкви, также шелъ въ пользу причта. Далѣе въ уставной грамотѣ 1544 года, данной Виленскому православному духовенству соборной церкви, исчисляются еще слѣдующіе доходы: 1-е, за провожанье покойника и погребеніе при церкви священникамъ копа грошей, да сукно лунское не менѣе пяти локтей на одинъ гробъ; а отъ могилы въ соборной церкви копа грошей, отъ могилы же передъ церковію и на погостѣ не брать ничего. А кто бы захотѣлъ покрыть гробъ парчею или другою дорогою матеріею: то долженъ уговориться съ протопопомъ и священникомъ, сколько дать денегъ вмѣсто такого покрывала, и ежели не уговорится, то покровъ священникамъ. 2-е, Кто бы захотѣлъ похорониться не въ соборной церкви, а пожелалъ бы, чтобы проводили его соборомъ: то долженъ заплатить копу грошей да сукно лунское. А кто бы не захотѣлъ соборныхъ проводовъ: то сколько будетъ священниковъ на проводахъ, столько и дать по возможности. 3-е, Кто бы захотѣлъ дать на сорокоустъ годовый или мѣсячный на соборную и окрестныя церкви: то священники обязаны всѣ его поминать; а кто бы не далъ на сорокоустъ, то и поминать его въ церкви священники не обязаны. 4-е, За исповѣдь кто что дастъ добровольно. 5-е, За соборованіе или елеосвщеніе, ежели пригла-

сятъ семь священниковъ, то 20 грошей или болѣе на добрую волю дающаго; а ежели позовутъ двухъ или трехъ священниковъ, то сколько можетъ, столько и дасть». (Ак. З. Рос., Т. II, № 230). Кромѣ доходовъ отъ службы городскія и уѣздныя непривилегированныя церкви были снабжены землями и вотчинами, а иныя пользовались десятинами отъ княжескихъ или общественныхъ доходовъ; такъ что въ Полотской землѣ или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ приходское духовенство едвали не лучше было обеспечено, чѣмъ въ другихъ краяхъ Руси. По крайней мѣрѣ большинство непривилегированныхъ приходскихъ церквей здѣсь имѣло свои вотчины, чего мы не видимъ ни въ Московскомъ, ни въ другихъ княжествахъ восточной Руси.

Церкви, состоящія подъ чьимъ либо патронатомъ, или привилегированныя, имѣли иное положеніе, чѣмъ церкви не привилегированныя. Хотя по общему законоположенію, основанному на такъ называемомъ свиткѣ Ярославля, и нѣсколько разъ подтвержденному великими князьями Литовскими, они вообще не были исключены изъ - подъ вѣдѣнія епископа, и патроны таковыхъ церквей не могли опредѣлять къ нимъ священниковъ безъ владычня благословенія, ни судить своимъ судомъ, ни отказывать имъ отъ занимаемыхъ должностей ни препятствовать вѣзду владычныхъ намѣстниковъ, ни вступаться ни въ какія духовныя дѣла и управы, какъ объ этомъ подробно сказано въ приведенной выше грамотѣ 1522 года, данной епископу Туровскому и Пинскому. Но на дѣлѣ привилегированныя церкви почти не зависѣли отъ епископа и находились подъ произволомъ своихъ патроновъ,

патроны распоряжались ими какъ хотѣли и не думали спрашивать владычня благословенія. Мы объ этомъ имѣемъ много официальныхъ свидѣтельствъ. Такъ въ королевской грамотѣ, присланной княгинѣ Еленѣ Слуцкой въ 1544 году, сказано «ты деи намѣстникомъ своимъ Слуцкому и Копыльскому приказываешь въ дѣла духовныя вступаться; которые деи врядники твои поповъ судять и въ казнь замковую сажаютъ, и вины на нихъ берутъ, и мужовъ съ женами выпускаютъ и роспусы берутъ, а до права и до казни духовныя ихъ не выдаютъ» (Ак. З. Р., Т. II, №230). То же повторяетъ съ дополненіями королевская грамота Слуцкому князю Юрію 1558 года: «деи врядники твоей милости по всемъ имѣніямъ твоимъ въ sprawy духовныя вступаютъ судять и справуютъ, и роспусы чинять, и вины духовныя на себя берутъ, и протопопомъ и врядникомъ владычнимъ до имѣній твоихъ вѣзжать и справъ духовныхъ судить и справовать возбраняютъ и великую шкodu и переказу въ томъ владыкѣ дѣлаютъ». (ibid. Т. III, № 22).

Патронатъ собственно выражалъ право собственности того лица, кому данъ, на церковь и ея имущество, какъ прямо выражено въ жалованной грамотѣ, данной въ 1520 году Юрію Радивилу: «билъ намъ челомъ староста Городенскій панъ Юрьи Николаевичъ Радивилевича, и просилъ у насъ церкви Русской въ Городенскомъ повѣтѣ, св. Спаса, къ имѣнью своему Котрѣ; ино мы ту церковь св. Спаса и съ землями той церкви къ тому имѣнью Котрѣ дали ему въ его поданье (въ патронатъ) и на то дали сей нашъ листь». (Ак. З. Рос., Т. II, № 106). Это же право собственности подтверждается въ грамотѣ 1581

года, гдѣ княгиня Слуцкая приказываетъ Слуцкому соборному протопопу, владычню намѣстнику, чтобы онъ построенную ею церковь Іоанна предтечи со всѣмъ тѣмъ, что при ней есть, описалъ на реестръ въ двухъ спискахъ, и одинъ списокъ подъ печатью и за своею подписью отдалъ священнику, а другій таковой же, подъ печатью съ своимъ подписомъ и подписомъ руки священника, представилъ въ казну княгини. Священники при таковыхъ церквахъ избирались патрономъ, и только на посвященіе посылались къ епископу; а ежели священникъ былъ уже посвященъ, то патронъ только извѣщалъ владычню намѣстника, что такой-то священникъ опредѣленъ имъ къ такой-то церкви. Такъ княгиня Слуцкая писала Слуцкому протопопу, владычню намѣстнику, за извѣстіе, что она къ вновь построенной церкви Іоанна предтечи приняла священника Гаврилу Моровскаго и дала ему поповскій дворъ съ церковною землею съ приходомъ и со всѣми пожитками, какъ назначено ею на эту церковь.

Церковь, состоящая подъ патронатомъ, какъ во всемъ зависѣвшая отъ своего патрона, получала отъ него и содержаніе, которое выражалось или доходами, которые назначалъ ей патронъ съ своего имѣнія, или приходомъ, который назначалъ ей патронъ, или угодами и вотчинами, данными отъ патрона. Такъ князь Мстиславскій Иванъ Юрьевичъ Лугвеневица по грамотѣ 1463 года на построенную имъ соборную церковь святыя Троицы въ Мстиславлѣ далъ дани 14 кадей меду прѣснаго, съ слѣдующихъ имѣній: на Колотовиныхъ дѣтяхъ пять кадей меду, а двѣ бочки хмѣлю и пять грошей накадныхъ; а въ Порадинѣ три кади меду, а

хмѣлю три бочки и двѣнадцать грошей накадныхъ; а на Супрочинкахъ пять кадей меду, а двѣ бочки хмѣлю и 15 грошей накадныхъ; а въ Вехрѣ кадъ меду, а бочка хмѣлю и 15 грошей накадныхъ. А жита яраго 140 бочекъ, а клирошаномъ два рубли грошей широкое личбы съ Княжичъ. Тую дань протопопъ и протодьяконъ возмутъ съ клирошанами и за ровно съ священниками и съ дьяконами, какъ большому, такъ и меньшому дѣлится повинны будутъ; а накадный грошъ пономарямъ Троицкимъ». (Ак. З. Рос., Т. I, № 66). Князь Константинъ Острожскій въ 1507 году, на построенную имъ церковь въ имѣннѣи Смоленвичахъ въ Минскомъ уѣздѣ, на содержаніе причта назначилъ двѣ волоки пахатной земли съ огородами и сѣножатями въ три змѣны, (въ трехъ поляхъ) огородъ той церкви подъ озеромъ два морга, и домъ церковный для житья священникамъ, да въ слободѣ Езерицкой одна волока съ сѣножатями; да священники имѣютъ право молотъ завсегда безъ мѣры на Смоленицкой мельницѣ, да имъ же еще церковный домъ на плацу и огородъ для варива, да къ той же церкви приходъ, и прихожане обязаны во всемъ въ потребахъ церковныхъ подмогати отцамъ своимъ священникамъ» (Вил. Археол. Сбор., № 7). Или въ Витебскѣ на двѣ тамошнихъ церкви шло изъ княжихъ доходовъ: на Успенскую на праздникъ Успенія каждый годъ съ княжаго двора и мельницы яловица и сто хлѣбовъ, а съ волости Имельницкой дань грошовая, почему съ службы (съ тягла) придетъ, и по десяти яицъ, и по десятку льну съ службы; да съ Любошкова съ княжаго двора и съ мельницы по стольку же. А на церковь св. Михаила также каждый годъ съ

княжаго двора и съ мельницы по яловицѣ и по сту хлѣбовъ, да съ замку пересуду третій грошъ, коли воевода или намѣстникъ кого судятъ, да церковнымъ рыбакамъ рыбу ловить въ озерахъ двѣ недѣли передъ Духовымъ днемъ, двѣ недѣли передъ Успеньемъ и недѣля передъ рождествомъ Иоанна предтечи. Да на Михайловскую же церковь съ села Бабиничъ два лукна меду прѣснаго, по десяти пудъ въ лукнѣ. (ibid, № 69). Или Слуцкій князь Юрій Омельквоичъ въ грамотѣ 1578 года пишетъ: «по своей милости дали мы наше заложенъе храмъ Рождества Христова богомольцу нашему Минѣ Васильевичу, будущему придѣльному (священнику) церкви собора нашего Слуцкаго до живота его, дабы онъ за насъ Бога молилъ у престола Христова, и придали ему къ той церкви въ приходъ сто дворовъ Слуцкихъ горожанъ, да къ той же церкви островъ Семинево» Или Александръ Полуденскій въ 1612 году, выбравъ къ построенной имъ церкви въ имѣнїи своемъ Деречинскомъ въ священники обывателя Гродненскаго повѣта шляхтича Романа Кобыту, съ молодыхъ лѣтъ жившаго при его дворѣ, передалъ ему ту церковь съ придѣлами, и къ тому придалъ земли на церковную пашню тридцать волокъ и домъ священническій со всѣмъ строеніемъ (ibid. № 81).

Такимъ образомъ разница между церквами, состоящими подъ чьимъ либо патронатомъ и несостоящими подъ патронатомъ, главнымъ образомъ состояла въ томъ, что церкви состоящія подъ патронатомъ въ своемъ содержанїи и устройствѣ прямо зависѣли отъ своихъ патроновъ; патроны же назначали имъ священниковъ и причетъ, и смѣняли неугодныхъ. Церкви сіи составляли какъ бы ихъ собственность, и дѣй-

ствительно большею частию строились патронами въ своихъ имѣніяхъ; но иногда патронатъ получался и стороннимъ лицомъ, какъ мы уже видѣли въ грамотѣ 1520 года, данной Юрію Радивилу. Въ употребленіи церковнаго имущества причтъ долженъ былъ давать отчетъ патрону, впрочемъ на дѣлѣ это рѣдко дѣлалось; патроны, особенно строители церквей, большею частию устраивали дѣло такъ, что въ отчетахъ отъ причта не было и нужды; ибо отчеты вела контора патрона, причтъ же состоялъ на жалованье или ругѣ. Патроны не только могли отказать священнику и причту, но даже запереть церковь и оставить ее безъ богослуженія, что конечно случалось нерѣдко, когда церковь вмѣстѣ съ вотчиною переходила по купчей или по другому какому акту въ руки Латынина, и съ тѣмъ вмѣстѣ на него же переходилъ и патронатъ надъ церковью.

Въ чисто каноническихъ отношеніяхъ къ епископу между патрональными и непатрональными церквями почти не было никакой разницы; ибо по закону въ этомъ отношеніи и тѣ и другія церкви состояли въ вѣдѣніи мѣстнаго епископа и подъ его канонической юрисдикціей, и тѣ и другія одинаково платили епископу дань и всѣ пошлыны ему слѣдующія. На это прямо указываетъ въ общихъ чертахъ такъ называемый свитокъ Ярославль и многія королевскія грамоты. Напримѣръ въ грамотѣ Слуцкому князю Юрію, данной въ 1558 году относительно Слуцкихъ церквей, состоящихъ подъ его патронатомъ, сказано: «попы во всѣхъ твоихъ имѣніяхъ въ справѣ церковной, согласно съ стародавнимъ обычаемъ и постановленіемъ, должны быть послушны владыкѣ и на соборъ для на-

уки духовной до него ѣздить, и куницы соборныя и стацей объѣздныя и иншіе доходы водлѣ звыклаго повиноватства ихъ, ему отдавати и полнити» (Ак. Зап. Рос., Т. III, № 22). Но на практикѣ и каноническія права епископа надъ патрональными церквами были очень ограничены не только своевоіемъ патроновъ, особенно Латынянъ, не думавшихъ повиноваться Греческому номоканону и свитку Ярославлю; но даже королевскими грамотами, въ которыхъ нерѣдко патрональныя церкви освобождаются отъ суда и управы епископа.

Въ отношеніи къ прихожанамъ между патрональными и непатрональными церквами была большая разница. Въ патрональныхъ церквахъ прихожане почти не принимали участія, и къ своему приходскому священнику имѣли отношеніе только по церковнымъ требамъ. Напротивъ того, въ непатрональныхъ церквахъ прихожане участвовали и въ управленіи церковными имуществами, и отъ нихъ же зависѣлъ выборъ священника и другихъ членовъ причта. Иногда прихожане даже подчиняли себѣ священниковъ и судили ихъ самовольно, или выпросивши разрѣшеніе епископа. Такъ въ 1542 году протопопъ и всѣ священники Виленскихъ церквей били челомъ королю, что «бурмистры радцы, и мѣщане Виленскіе Греческаго закона выпросили себѣ листъ у владыки, къ великой обидѣ и униженію ихъ священниковъ, беручи ихъ всѣхъ подъ справу и послушенство свое, и хотячи имѣть ихъ во всемъ повольныхъ себѣ; и кто бы къ нимъ не былъ таковымъ, тѣхъ имѣли бы право отъ церквей Божіихъ выстановляти, а иныхъ имъ подавати» (Ак. З. Рос., Т. II, № 219). Конечно, таковыя притязанія

прихожанъ считались незаконными; тѣмъ не менѣе и законное участіе прихожанъ въ дѣлахъ своей церкви было очень велико. Такъ въ той же грамотѣ 1542 года, которою были уничтожены незаконныя притязанія Виленскихъ прихожанъ, сказано: «Чтоже касается до описанія имуществъ церковныхъ въ Вильнѣ во всѣхъ церквахъ; ино яко предъ тымъ то бывало, такъ и теперъ мѣщане Виленскіе Греческаго закона имѣютъ право, чтобы по всѣмъ церквамъ съ протопопомъ Виленскимъ и съ попомъ той церкви, которая будетъ описываться, изъ мѣщанъ одинъ или два съ ними всѣ вещи церковныя каждагодно записывать въ реестры и по давнему обычаю то имѣть въ своемъ вѣдѣніи» А въ грамотѣ 1544 года, данной православному Виленскому духовенству и мѣщанамъ, сказано: «А когда при какой церкви умереть священникъ; то чередный бурмистръ замкнувши церковь, ключи долженъ взять себѣ и беречь до того времени, какъ прихожане вмѣстѣ съ протопопомъ и двумя попами выбравши годнаго и научнаго челоуѣка, отправятъ къ владыкѣ съ просьбою, чтобы поставилъ и благословилъ его священникомъ къ той церкви; и когда владыка, поставивши избраннаго священникомъ къ той церкви по давнему обычаю, и пришлетъ его съ своимъ благословеннымъ листомъ; тогда чередный бурмистръ и радцы съ городскимъ писаремъ и протопопомъ ту церковь и все описанное имущество должны передать тому священнику. Такимъ же обычаемъ должны избираться дьяконъ, уставникъ и пономарь, и имъ такимъ же порядкомъ передаются церковныя вещи, которыя должны быть на ихъ рукахъ... И должны они какъ бурмистры и радцы и всѣ мѣщане Гре-

ческаго закона съ протопопомъ и всѣми священниками въ тѣхъ дѣлахъ и справахъ церковныхъ, и въ иныхъ дѣлахъ справовать и рядить, и ихъ отцовъ своихъ, а нашихъ богомольцовъ имѣть въ почтivosti и уваженіи, какъ прилично ихъ званію» (А. З. Р., Т. II, № 231). Вотъ образчикъ отношеній причта и прихожанъ въ непатрональных приходскихъ церквахъ. Конечно, отношенія сіи не вездѣ были одинаковы; но главное, т. е. большее или меньшее участіе прихожанъ въ дѣлахъ приходской церкви было общимъ для всѣхъ непатрональных церквей.

Церков-
ныя брат-
ства.

Участіе прихожанъ въ дѣлахъ приходской церкви, болѣе или менѣе признанное закономъ и широко развитое въ самой жизни общества, при первомъ удобномъ случаѣ, при первой общественной потребности, естественно должно было вызвать появленіе церковныхъ братствъ, зародыши которыхъ таились уже въ самомъ устройствѣ приходоѡ.

Первоначальная исторія церковныхъ братствъ скрывается въ глубокой древности. Первое извѣстіе о нихъ появляется въ лѣтописяхъ въ XII столѣтіи и именно въ Полотскѣ, когда Полотскою землею владѣли еще потомки Изяслава Владимировича. По свидѣтельству лѣтописи въ 1159 году Полочане приглашали своего князя Ростислава на братчину къ церкви Пресвятой Богородицы старой на Петровъ день но тогдашнія церковныя братчины имѣли въ виду только заботы о благолѣпніи своей приходской церкви и объ устройствѣ общественныхъ пировъ на храмовый праздникъ; тогдашнія братчины собирали только деньги и припасы на праздничное пиршество прихода и на церковное благолѣпіе; но и въ этомъ зародышѣ послѣ-

дующихъ церковныхъ братствъ уже заключалось весьма сильное жизненное начало,—единенія церкви и прихода, духовенства и прихожанъ, которое—дало великую силу православнымъ церковнымъ братствамъ боровшимся съ уніею и Латинствомъ. Самая организація древнихъ братчинъ, общая и въ Полотскѣ и въ Новгородѣ Великомъ, и во Псковѣ и на всемъ сѣверо-востокѣ Руси, съ ихъ выборными властями и братчиннымъ самостоятельнымъ судомъ, и признаніе ихъ общественнаго значенія и правъ со стороны князя, послужили для позднѣйшихъ братствъ важнымъ и существеннымъ пособіемъ для собственной организаціи. При древнихъ братчинахъ позднѣйшія церковныя братства являлись не новымъ учрежденіемъ, а только продолженіемъ прежняго вѣковаго учрежденія, хотя и съ измѣненнымъ характеромъ; поему и для общества они не были новостію, да и въ отношеніи къ иновѣрному правительству не было надобности испрашивать разрѣшенія на открытіе братствъ, ибо они уже существовали въ формѣ братчинъ. А это во время борьбы съ уніею и Латинствомъ для братствъ составляло существенный вопросъ; и навѣрное правительство подбучаемое Латинскимъ духовенствомъ, едва ли бы разрѣшило открытіе церковныхъ братствъ, какъ новыхъ учреждений, ежели бы они уже не существовали въ древнихъ братчинахъ. По государственному устройству въ Литовскомъ княжествѣ всегда было гораздо легче поддерживать стародавніе обычаи, чѣмъ просить о новыхъ учрежденіяхъ; великіе князья Литовскіе обыкновенно писали въ своихъ грамотахъ, что они заботятся о поддержаніи стародавнихъ обычаевъ.

Мы имѣемъ уставную грамоту Виленскаго купеческаго братства при церкви Успенія Пресвятой Богородицы, составленную на основаніи старыхъ обычаевъ и утвержденную Королемъ Стефаномъ, Баторіемъ въ 1582 году Въ Королевской грамотѣ сказано, что Виленскіе купцы Греческаго закона, составлявшіе братство при церкви Успенія, представили королю, что у нихъ въ Вильнѣ каменный домъ съ давнихъ временъ, построенный на братскій капиталъ. Въ этомъ братскомъ домѣ Виленскіе купцы Греческаго закона сходятся для разсужденій о церковныхъ и госпитальныхъ нуждахъ, и по давнимъ своимъ обычаямъ на собственныя братскія деньги покупаютъ медъ и сытять его на восемь праздниковъ въ году; и по три дни каждый праздникъ пьютъ этотъ медъ; а воскъ отъ тѣхъ медовъ употребляютъ на свѣчи для церкви; деньги же, вырученныя отъ меда, идутъ на нужды и поправки церковныя и на служителей церкви, а также на дѣла милосердія для госпиталя церкви Успенія, и на иныя дѣла и на пособіе и въ ссуду бѣднымъ. А когда изъ сыченаго отъ праздника меду въ продолженіи трехъ дней что останется не выпитымъ; то они отдаютъ изъ братскаго дома за деньги. А чтобы въ братскомъ дому держать надлежащій порядокъ и благочиніе, то для сего братчики представили Королю уставъ братства, въ слѣдующихъ статьяхъ, которыя и утвердилъ Король: 1-е) на который годъ старшая и молодшая братья того братства, кого между собою выберутъ въ старосты, должны имъ передать братскія деньги и все имущество и всѣ дѣла по братству, и поручить имъ въ распоряженіе съ братскаго согласія, и назначить имъ ключниковъ для брат-

ской послуги. 2-е) Годовые старосты должны внимательно смотрѣть за братскимъ добромъ, чтобы не было въ чемъ убытка, а скорѣе, чтобы во всемъ была прибыль и умноженье; а по истеченіи года своей службы, старосты должны все имущество и прибыли братства, сосчитавши передъ старшею и младшею братьею, передать имъ. 3-е) Годовые старосты при братскихъ бесѣдахъ, какъ сами, такъ и черезъ ключниковъ, должны внимательно смотрѣть, чтобы братья, вписанные въ иное братство, а равно и гости приходящіе сидѣли въ братскомъ дому благопристойно, разговаривали чинно, на столъ не возлагали и братскаго меда не разливали, и пили бы въ мѣру и никакихъ шкодъ не чинили. А кто бы сталъ вести себя непристойно и учинилъ бы какіе убытки; то старосты должны такового вразумить словами, а ежели бы словъ не послушалъ, на такового, какъ на упорнаго, наложить штрафъ, какой братья положатъ. 4-е, А кто бы въ братскомъ дому учинилъ какую-либо ссору и кого-либо обидѣлъ; то обиженный немедленно долженъ донести о своей обидѣ старостамъ, а старосты, выслушавши его жалобу, должны отложить на завтрашній день; а потомъ братья онаго братства, сошедшись въ братскій домъ на слѣдующій день, по судебному между собою обычаю, должны разсмотрѣть дѣло, и праваго передъ судомъ братскимъ оправить, а виноватаго казнить братскою пенею. И о таковыхъ дѣлахъ никто не долженъ обращаться къ другимъ судамъ, какъ къ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, ни къ земскому, ни къ городскому, ни по Греческой вѣрѣ, ни по Римской, и ни въ какомъ случаѣ отъ братскаго суда не отговариваться;

а каждый долженъ искать права передъ старостами и передъ братьями, въ томъ дому, гдѣ учинилась та ссора или обида; ибо таковыхъ дѣлъ прежде никакіе уряды духовные и свѣтскіе не суживали, а всегда такія дѣла управлялись и судились въ братскомъ дому.

5-е) Ежели кто-либо въ братскомъ дому старосту обезчестилъ, или ключника осрамилъ и ударилъ; то долженъ быть наказанъ братскою пенею.

6-е) Ежели бы ключникъ не послушалъ котораго старосты въ сыченъѣ и въ сливанъѣ и въ выдаванъѣ сыченыхъ медовъ на братство въ назначенные часы и на каждый часъ, когда въ братствѣ бываетъ сходъ; то на первый разъ его должно вразумить словами, а ежели словесное замѣчаніе не подѣйствуетъ, то его должно наказать братскою пенею. А ежели бы староста въ чемъ провинился передъ братьею, то братья старшая и младшая должны ему замѣтить словами, а еслибы достоинъ былъ пени, то наказать братскою пенею.

7-е) Ежели бы люди духовные, кто бы они ни были, какъ Римской вѣры, такъ и Греческой,—вписанные ли въ то братство, или не вписанные, пришли ли въ то братство по просьбѣ ли изъ почета, или кто бы вкупился на день, желая напиться братскаго меда и побесѣдовать съ братьею, а случилось бы ему съ кѣмъ-либо въ братствѣ учинить ссору или кого обидѣть; то о таковыхъ дѣлахъ тѣ духовные люди не имѣютъ права отзывать отъ братскаго суда ни судомъ князя бискупа Римской вѣры, ни судомъ митрополита Греческой вѣры, ни судомъ ихъ урядниковъ, какъ вписанные въ братство, такъ и не вписанные, ни брать какой-либо помощи отъ своихъ урядовъ; а должны искать права только въ томъ брат-

ствѣ, и быть послушными ихъ братскому суду. 8-е) Ежели бы который шляхтичь, или дворянинъ, или иный какой сторонній человекъ не вписанный пришелъ въ то братство, желая имѣть бесѣду между братьями и вписаться на тотъ день въ братское общество, или будетъ откуда приглашенъ изъ чести; таковой не имѣетъ права требовать того или другаго мѣста изъ гордости, а долженъ садиться, гдѣ его посадятъ, старосты же должны давать мѣсто каждому по достоинству. 9-е) Никто не имѣетъ права входить въ братскую свѣтлицу съ оружіемъ, или приводить съ собою слугъ; сидѣть въ братской свѣтлицѣ имѣютъ право только тѣ, которые вкупятся въ братскій медъ. 10-е) Ежели бы который вписавшійся братъ вздумалъ изъ того братства перейти въ иное братство, то обязанъ извѣстить о томъ старость и взять у нихъ выписъ изъ реестра. А ежели бы кто остался вписаннымъ въ братскомъ реестрѣ, и сталъ пополнять индѣ другое братство; такового они не должны признавать братомъ, и по смерти его не обязаны давать изъ братства тѣ потребности, которыя приличны на погребеніе тѣла. 11-е) Ежели который братъ вписанный въ братство умереть, то они обязаны на погребеніе его выдать оқсамить и братскія свѣчи и сами проводить его тѣло. 12-е) Гости, приходящіе къ братскій домъ для бесѣдъ съ братьями, не имѣютъ права говорить пустыхъ и непотребныхъ рѣчей, или рассуждать о своихъ потребахъ, а должны сидѣть учтиво и къ старостамъ и братству имѣть послушаніе. 13-е) Бурмистры и радцы Виленскіе Римской и Греческой стороны не имѣютъ права брать на службу въ свои братства людей вписанныхъ въ

купеческое братство, и тѣмъ чинить братству униженіе и поруху; ибо каждое братство избираетъ себѣ слугъ изъ своего братства, и держитъ ихъ для своихъ послугъ. 14-е) Праздники, въ которые собирается братство восемь разъ въ году, слѣдующіе: на великъ день, на седьмую субботу, на Успеніе Пречистой, на Святаго Петра, на Покровъ. на св. Николу, на Рождество Христово и на Благовѣщеніе. На каждый изъ сихъ праздниковъ меды сытить, и по три дни на каждый таковой складъ сходяся въ дому братскомъ тотъ медъ пить, почему на тотъ часъ старосты уставятъ» (А. З. Рос., Т. III, № 131).

Настоящій уставъ Виленскаго купеческаго братства при церкви Успенія, не смотря на свое сравнительно позднее появленіе, имѣетъ для насъ важное историческое значеніе. По этому уставу, болѣе или менѣе, можно прослѣдить всю исторію братствъ, или, по другому выраженію, братчинъ, не въ одной Полотской землѣ, но и во всей старой Руси. По свидѣтельству устава, въ Вильнѣ было нѣсколько церковныхъ братствъ, и Успенское братство было учреждено издавна; настоящій же уставъ есть только позднѣйшее выраженіе началъ, которыми братство руководилось съ давнихъ временъ, какъ прямо нѣсколько разъ говорится въ уставѣ. Этотъ же уставъ свидѣтельствуетъ, что Виленское Успенское братство имѣло одинъ характеръ со всѣми братствами, не только западнаго края, но и всей Русской земли. Въ западномъ краѣ, по обстоятельствамъ, братства только болѣе и шире развились въ предѣлахъ своихъ занятій; въ сущности же, въ природѣ своей, они имѣли одно значеніе съ братствами или братчинами церковными во

всѣхъ краяхъ Русской земли. Настоящій же уставъ можетъ служить свидѣтельствомъ, что братчина и братство выражали одно учрежденіе, и что первый терминъ въ Полотской землѣ принадлежалъ къ древнѣйшему времени, какъ засвидѣтельствовано лѣтописнымъ извѣстіемъ 1159 года; въ послѣдствіи же, можетъ быть въ XV или XVI столѣтіяхъ, старый терминъ въ западной Россіи замѣнился новымъ терминомъ братства, а въ остальныхъ краяхъ Руси старый терминъ удержался и для послѣдующаго времени и сдѣлался техническимъ названіемъ церковныхъ братствъ. Сравненіе настоящаго устава Виленскаго братства съ уставомъ братчинъ въ судной Псковской грамотѣ и съ грамотами Московскихъ князей о томъ же предметѣ, и съ другими узаконеніями сѣверо-восточной Руси, прямо говоритъ, что братчина и братство, по основнымъ началамъ своимъ были одинаковыя учрежденія. Такъ по Виленскому уставу братство выбирало годовыхъ старость и судей; точно также по Псковской судной грамотѣ и по другимъ узаконеніямъ братчина выбирала своихъ старость или судей и даже пироваго князя. Какъ по Виленскому уставу всѣ дѣла возникшія во время братчиннаго пира рѣшались братскимъ судомъ, и никто изъ участниковъ и гостей не имѣлъ права отговариваться отъ братскаго суда и переносить дѣло въ иный судъ, то же и по Псковской грамотѣ братчина имѣла свой судъ и участники братчины не имѣли права отказываться отъ братчиннаго суда и жаловаться другому суду, а по нѣкоторымъ Московскимъ грамотамъ даже убійство во время братчины судилось братчиннымъ судомъ. Какъ по Виленскому уставу, поводомъ

къ первоначальному учрежденію братствъ, были братчинные пиры въ складчину на извѣстные церковные праздники въ году; точно также поводомъ къ учрежденію братчинъ въ другихъ краяхъ Руси были тоже братчинные пиры въ складчину на извѣстные церковные праздники. Какъ по Виленскому уставу въ братскомъ пиру могли участвовать и сами братчики, вписавшіеся въ братство, и гости приглашенные братчиками; точно также и въ другихъ краяхъ Руси въ братчинномъ пиру участвовали какъ вложившіеся въ братчину, такъ и сторонніе гости.

Такимъ образомъ внѣ всякаго сомнѣнія можно положить, что братчина и братство по первоначальному происхожденію и характеру, а равнымъ образомъ и по устройству своему были одинаковыя учрежденія, общія всей Русской землѣ, и указываютъ на тѣсную связь приходской церкви съ приходомъ и прихода съ своею церковію. Но, какъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ въ Полотской землѣ и вообще въ западномъ краю Руси, связь приходской церкви съ приходомъ была сильнѣе, и прихожанамъ, при ино-вѣрномъ правительствѣ и въ слѣдствіе происковъ Латинства, приходилось болѣе принимать участія въ своей приходской церкви и общими силами съ духовенствомъ даже отстаивать свое православіе отъ напора Латинства; то посему, естественно, въ западномъ краю Руси древнія церковныя братчины или братства должны были значительно видоизмѣниться и къ первоначальнымъ своимъ заботамъ о благолѣпії церкви присоединить новыя заботы о распространеніи просвѣщенія, о дѣлахъ милосердія, и о защитѣ православія, гонимаго Латинствомъ поддерживаемымъ

со стороны олатыненнаго правительства. А это послѣднее обстоятельство, т. е. защита православія, должно было имѣть значительное вліяніе и на самую организацію братства въ западномъ краѣ, и мало-помалу, кромѣ приходскихъ братствъ, образовать еще болѣе сильныя братства городскія, для чего въ Полотской землѣ былъ уже готовый матеріалъ въ отношеніяхъ цѣлаго городского общества въ соборной городской церкви, къ которой, по стародавнему порядку, въ церковномъ отношеніи тянулъ не только городъ, но и уѣздъ. А по сему братчины, эти едва замѣтные въ исторіи дѣятели общественной жизни въ другихъ краяхъ Руси, въ Полотской землѣ и вообще въ западномъ краѣ, подъ именемъ церковныхъ братствъ явились чисто историческими двигателями тамошней Русской жизни въ борьбѣ съ латинствомъ и польщиною. Тамошнее Русское общество, не находя для себя опоры въ иновѣрномъ и ополченномъ правительствѣ, естественно должно было искать себѣ помощи въ самомъ себѣ, и не имѣя возможности опереться на какой-либо правительственный органъ или учрежденія, которыя въ XVI вѣкѣ всѣ уже были или искажены иноземнымъ вліяніемъ и утратили свой національный характеръ, или потеряли всякое значеніе,—самымъ естественнымъ образомъ должно было обратиться къ единственному еще не искаженному, чисто національному учрежденію,—къ церковнымъ или приходскимъ братчинамъ, и, переименовавъ ихъ въ братства, сосредоточить на нихъ всѣ свои силы и выдвинуть ихъ на борьбу за православіе и народность. Исторія и дѣятельность ихъ братствъ въ томъ видѣ, какъ они развились послѣ Брестской уніи, толь-

ко что начиналась до этой уніи; братства въ это время успѣли лишь организовать и, такъ сказать, приготовиться къ послѣдующей дѣятельности. Братства за это время пока занимались только дѣлами милосердія и частію просвѣщенія, — заводили госпитали и училища, употребляли свои капиталы на пособіе бѣднымъ и въ ссуду нуждающимся; полная же историческая блестящая дѣятельность ихъ началась въ слѣдъ за Брестской уніей и выходитъ за предѣлы настоящаго труда. И здѣсь, въ заключеніе о братствахъ, можно сказать только то, что въ Полотской землѣ и вообще въ западной Руси они были необходимымъ придаткомъ церковнаго устройства, по самому ходу православной церкви въ тамошнемъ краѣ, и по тому положенію, въ которое православная церковь еще первоначально стала въ отношеніи къ тамошнему мірскому обществу. А посему, говоря вообще о православной церкви въ Полотской землѣ, нельзя было не упомянуть и о церковныхъ братствахъ, какъ церковныхъ учрежденіяхъ въ чисто православномъ смыслѣ.

Латинская церковь. Латинская церковь въ Полотской землѣ, или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ была учрежденіемъ сравнительно новымъ, младшимъ. Она была введена великимъ княземъ Литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ, который вмѣстѣ съ Польскою короной принялъ Латинство, и, окрестивъ въ Латинскую вѣру Литвиновъ-язычниковъ, объявилъ Римскую церковь господствующею въ Литовскомъ княжествѣ.

До половины XIII столѣтія Литовцы не имѣли никакихъ сношеній съ Латинскою церковію, и, безпрепятственно сталкиваясь въ ежегодныхъ кровавыхъ схват-

какъ съ Ливонскими рыцарями, проповѣдывавшими Латинство съ мечемъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой, не иначе смотрѣли на Латинянь, какъ на непримиримыхъ и злѣйшихъ враговъ. Еще непріязненнѣ были сношенія Литовцевъ съ Поляками и рыцарями нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, которые огнемъ и мечемъ истребляли языческую вѣру Пруссовъ, едипоплеменниковъ и единовѣрцевъ Литвы; съ этой стороны взаимные набѣги и опустошенія были даже чаще и жесточе, чѣмъ со стороны Ливоніи. При таковыхъ враждебныхъ отношеніяхъ доходившихъ, нерѣдко до звѣрской жестокости, естественно не могло быть и рѣчи о мирной проповѣди Латинской вѣры въ предѣлахъ Литвы. Для Литвиновъ непримиримый врагъ и злодѣй были синонимами Латынина, и конечно не лучше смотрѣли на Латинянь и Русскіе, перемѣшанные съ Литвинами и стоявшіе въ Литовскомъ государствѣ въ числѣ передовыхъ дѣятелей.

Но съ половины XIII столѣтія отношенія Литовцевъ къ Латынѣямъ по видимому готовы были измѣниться. Тогдашній великій князь Литовскій Миндовгъ, тѣснимый съ одной стороны Волынскими князьями Даниломъ и Василькомъ Романовичами, а съ другой стороны ихъ союзниками Ливонскими рыцарями, чтобы выпутаться изъ такой бѣды, въ 1251 году послалъ къ магистру Ливонскаго ордена письмо, въ которомъ писалъ, что жаждаетъ принять христіанство. Римскій папа Иннокентій IV, узнавши объ этомъ письмѣ, немедленно прислалъ повелѣніе къ магистру Ливонскаго ордена прекратить войну съ Миндовгомъ и, надѣясь на скорое порабощеніе Литвы Римской церкви, далъ приказъ Кульмскому епископу, чтобы онъ не

слишкомъ обременялъ сборомъ десятинь Латинскія церкви, которыя будутъ строиться въ Литовскихъ владѣнiяхъ; дабы такимъ образомъ не оскорбить Миндовга и его подданныхъ и не отклонить ихъ отъ принятiя католицизма. Когда же Миндовгъ вмѣстѣ съ своею женою, двумя сыновьями и нѣкоторыми изъ приближенныхъ принялъ крещенiе; то тотъ же папа объявилъ его любезнѣйшимъ сыномъ Римской церкви и далъ повелѣнiе Кульмскому епископу вѣнчать его королевскою короною, и съ тѣмъ вмѣстѣ распорядиться устройствомъ кафедральной церкви въ Литовскихъ владѣнiяхъ и посвященiемъ туда особаго епископа; а епископамъ Рижскому, Дерптскому и Эзельскому писалъ въ своей буллѣ, чтобы они съ своей стороны вмѣстѣ съ Нѣмецкими рыцарями спѣшили обращать Литвиновъ-язычниковъ въ Латинство. Но всѣ распоряженiя Папы не привели ни къ чему: Нѣмецкимъ рыцарямъ, какъ въ Ливонiи, такъ и въ Пруссiи, нужно было не проповѣданiе Евангелiя Литвинамъ, а грабежи и опустошенiе Литовской земли; а посему они не только не способствовали проповѣданiю, а напротивъ старались препятствовать этому, продолжая свои нападенiя на сосѣднiя Литовскiя земли, и такимъ образомъ довели дѣло до того, что Миндовгъ, видя что принятiе Латинства не ограждаетъ его владѣнiй отъ набѣговъ рыцарей, а подчиненiе иноземному Государю-Папѣ еще стѣсняетъ и оскорбляетъ его самого, выпроводилъ изъ Новгорода Литовскаго поселившагося тамъ Латинскаго епископа Христiана, и въ 1260 году снова объявилъ себя язычникомъ, читателемъ дѣдовскихъ боговъ. За тѣмъ въ 1261 году онъ вступилъ въ союзъ съ языческими Пруссами, на-

чалъ войну съ Нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи , и разбилъ Нѣмцевъ на рѣкѣ Добрѣ. Такимъ образомъ Латинство при Миндовгѣ почти ограничивалось только притворнымъ крещеніемъ его самого и нѣкоторыхъ приближенныхъ. Латинскіе миссіонеры едва ли гдѣ и показывались въ Литвѣ, кромѣ Новгорода, столицы Миндовговой , да и тамъ едва ли имѣли какой успѣхъ; ибо тамошнее коренное населеніе было Русское—православное, по крайней мѣрѣ о тогдашней дѣятельности Латинскихъ миссіонеровъ ни въ Новгородѣ, ни въ другихъ краяхъ Миндовговой державы мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

За тѣмъ въ продолженіи 60 лѣтъ не было и слуховъ о Латинской проповѣди въ Литовской землѣ; безпрестанныя войны съ Нѣмцами и Поляками, отличавшіеся крайнею жестокостію , такъ озлобили Литвиновъ - язычниковъ и противъ Латинства, что Латинскимъ миссіонерамъ мудрено было и показаться въ Литвѣ. А ежели гдѣ на западныхъ или на сѣверныхъ окраинахъ они и показывались, то конечно не имѣли успѣха, —но крайней мѣрѣ за все это время до насъ не дошло никакого извѣстія хотя бы объ одномъ Латинскомъ костелѣ въ Литовской землѣ. Наконецъ въ 1323 году великій князь Литовскій Гедиминъ, тѣснимый съ одной стороны Нѣмецкими рыцарями, а съ другой Татарскимъ ханомъ Узбекомъ , желая хотя сколько нибудь удержать рыцарей, послалъ къ папѣ Іоанну XXII письмо съ изъявленіемъ готовности вмѣстѣ съ своими князьями принять Латинскую вѣру, только бы папа укротилъ злобу Нѣмцевъ. Это письмо радостно встрѣвило папу; Іоаннъ XXII принялъ извѣстіе о готовности Гедимина принять Латинство

гораздо горячѣе, чѣмъ Иннокентій IV принялъ такое же извѣстіе о Миндовгѣ; до насъ дошло тринадцать буллъ этого папы о снаряженіи Латинской миссіи въ Литовскую землю. Онъ писалъ объ этомъ окружное посланіе ко всему Латинскому духовенству, и къ Нѣмецкимъ рыцарямъ, и къ Польскому королю Владиславу Локетку, и къ самому Гедимину, котораго постоянно величалъ королемъ Русскимъ. Но пока снаряжалась миссія и велись переговоры, нашествіе Татаръ прекратилось; и Гедиминъ, оправившись и вида, что Нѣмецкіе рыцари плохо слушаютъ папскихъ приказаній, прекратилъ переговоры съ Папой; и когда папскіе послы снова явились къ нему, то отвѣчалъ имъ: «я не знаю вашего папы и знать не хочу, исповѣдаю вѣру моихъ отцовъ и не измѣню ей пока буду живъ» Тѣмъ и кончились сношенія Гедимина съ Римомъ. Такимъ образомъ и въ это время Латинская проповѣдь не имѣла успѣха, и католикамъ не удалось построить ни одного костела въ Литвѣ, и кажется ихъ миссіонерамъ на этотъ разъ даже не удалось и появиться тамъ.

Послѣ заявленія Гедиминомъ готовности принять Латинство прошло еще сорокъ лѣтъ, и ни одного Латинскаго костела не было построено въ Литвѣ. Наконецъ уже при Гедиминовомъ преемникѣ, Ольгердѣ, одинъ Литовскій вельможа Гастольдъ, бывшій великокняжескимъ намѣстникомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, желая вступить въ бракъ съ дочерью одного Польскаго пана, Бучацкаго, ревностнаго католика, принялъ въ 1364 году въ Краковѣ Латинское крещеніе; и когда Ольгердъ перевелъ Гастольда намѣстникомъ въ Вильну, онъ съ дозволенія князя построилъ на

своемъ Виленскомъ дворѣ первый Латинскій кляшторъ и вызвалъ изъ Моравіи 14 монаховъ Францисканскаго ордена. Но первоначальная проповѣдь Латинства Францисканами была встрѣчена враждебно со стороны Виленскихъ гражданъ; мы не знаемъ, чѣмъ собственно была вызвана эта враждебность въ мирныхъ Виленскихъ гражданахъ, спокойно дозволявшихъ жить въ своемъ городѣ и имѣть свои церкви и монастыри христіанамъ православнаго вѣроисповѣданія; но знаемъ заподлинно, что когда Гастольдъ отправился съ Ольгердомъ на войну противъ Московскаго Государя, то, пользуясь его отсутствіемъ, Виленскіе язычники поголовно бросились на Гастольдовъ Латинскій кляшторъ, сожгли его, а Францисканскихъ монаховъ семь человекъ убили, другихъ же семерыхъ, привязавши каждаго къ крыжу (Латинскому кресту), пустили внизъ по рѣкѣ Вилии, приговаривая: «съ запада солнца вы пришли, на западъ и ступайте за то, что сказали нашихъ боговъ» Ольгердъ, возвратившись изъ Московскаго похода, сильно разгнѣвался на такое самоуправство, и по просьбѣ Гастольда выдалъ ему на смерть 500 Виленцевъ. Гастольдъ, казнивши выданныхъ, построилъ новый кляшторъ, и опять на своемъ дворѣ, но уже не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ первый кляшторъ, и вызвалъ изъ Моравіи тѣхъ же Францисканцевъ, въ числѣ 36 человекъ, и вскорѣ потомъ самъ поступилъ во Францисканскій орденъ, и съ своими товарищами по монашеству началъ проповѣдывать народу Латинство, надѣясь со временемъ сдѣлаться бискупомъ Литовскимъ; но въ 1374 году погибъ вмѣстѣ съ своими товарищами при нападеніи Татаръ, которыхъ навели на кляшторъ сами Виленцы.

Не смотря на такое враждебное расположеніе Литовскаго народа къ Латинству, спустя нѣсколько времени въ Вильну прибыла, вѣроятно изъ Польши, третья миссія, должно быть уже по смерти Ольгерда, которая тамъ и осталась. Въ слѣдъ за первою миссіею, погибшею въ Вильнѣ въ 1366 году, въ томъ же году появилась особая миссія Францисканцевъ въ Лидѣ, которая хотя въ 1369 году была побита народомъ, тѣмъ не менѣе продолжала держаться въ Лидѣ, и при помощи новыхъ миссіонеровъ, вѣроятно прибывшихъ изъ Ливоніи, учредила тамъ свой кляшторъ. Какіе были успѣхи сихъ миссій, мы не имѣемъ извѣстій, но во всякомъ случаѣ, по враждебному расположенію Литовскаго народа къ Латинству, возвращенному вѣковою борьбою, большихъ успѣховъ конечно не могло быть. Мы не имѣемъ даже никакихъ указаній или намековъ, чтобы въ это время существовали гдѣ-либо въ Литовской землѣ Латинскіе костелы, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ кляшторовъ—Виленскаго и Лидскаго. Такимъ образомъ въ продолженіи слишкомъ 130 лѣтъ со времени перваго заявленія Миндовгова о желаніи принять Латинство, успѣхи Латинства въ Литвѣ ограничивались только постройкой двухъ кляшторовъ, которые притомъ нѣсколько разъ были разрушаемы народомъ; тогда какъ Русскія православныя церкви и монастыри строились спокойно и безпрепятственно почти по всѣмъ Литовскимъ городамъ, а половина Вильны была уже православною и имѣла нѣсколько церквей и монастырей. Все это ясно показываетъ, что Латинская церковь могла быть введена въ Литвѣ только княжескою властію, да и то не иначе какъ при помощи чужезем-

наго войска и разныхъ интригъ,—что по доброй волѣ и по убѣжденію Литовцы никогда бы не приняли католицизма, а скорѣе сдѣлались бы православными, и это время полнаго торжества православія въ Литвѣ было уже недалеко, если бы не вступились въ это дѣло иноземныя и собственно Польскія интриги.

Литовцы и Русскіе, при Ольгердѣ и послѣ него, на столько уже успѣли въ войнахъ съ Польшею, что распространили свои владѣнія вплоть до самой Вислы, и Польша находилась въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, особенно по случаю внутреннихъ междоусобій, послѣдовавшихъ за смертію Польскаго короля Людовика, не оставившаго послѣ себя дѣтей мужескаго пола. Поляки, чтобы выпутаться изъ этой бѣды, собрали сеймъ въ Петровѣ и на этомъ сеймѣ положили войдти въ сношенія съ великимъ княземъ Литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ и предложить ему руку Ядвиги, дочери покойнаго короля Людовика, которая была уже объявлена королевой Польши. По такому рѣшенію сейма начались переговоры съ Ягайломъ, на которыхъ Поляки, предлагая ему руку Ядвиги и корону Польскую, выставили главнымъ условіемъ, чтобы Ягайло принялъ Латинское крещеніе въ Краковѣ. Властолюбивый Ягайло, уже крещенный прежде въ православную вѣру, увлекшись польскою короною, принялъ предложеніе Петровскаго сейма, поѣхалъ въ сопровожденіи своихъ братьевъ и съ огромною свитою Литовскихъ бояръ въ Краковъ, крестился тамъ вмѣстѣ съ братьями и боярами по Латинскому обряду, и на коронаціи далъ торжественное обѣщаніе соединить Литву, Жемойть и Русь съ Польшею, и обратить тамошнихъ жителей въ Латин-

ство. Въ исполненіе этого обѣщанія, Ягайло въ 1387 году прибылъ въ Вильну съ своею супругою Ядвигой, съ архіепископомъ Гнѣзненскимъ, со множествомъ Латинскаго духовенства, въ сопровожденіи Польскихъ князей и вельможъ, и съ значительнымъ Польскимъ войскомъ.

Приѣхавши въ Вильну, Ягайло предъ городомъ собралъ народное вѣче, на которомъ язычники Литвины, отстаивая своихъ дѣдовскихъ боговъ, долго спорили съ княземъ; и Ягайло, не видя успѣха въ спорахъ, приказалъ Полякамъ разрушить языческіе жертвенники и храмы, и истребить идоловъ. Невооруженная, неприготовленная толпа народа, уже оставленная своими вельможами, большею частію принявшими Латинское крещеніе въ Краковѣ, и видя что дѣдовскіе боги не умѣютъ защищать самихъ себя, наконецъ волей-неволей принуждена была принять крещеніе. Лѣтописецъ Стрѣйковскій пишетъ: «по приказанію Ягайлы Литовцы язычники были раздѣлены на толпы, и каждую толпу Латинское духовенство кропило священною водою и давало цѣлой толпѣ одно какое либо христіанское имя; и такимъ образомъ сразу было окрещено около тридцати тысячъ язычниковъ, кромѣ крещенныхъ уже прежде въ Краковѣ и въ Вильнѣ на сеймѣ, и кромѣ шляхты и бояръ, которыхъ для почета крестили по одиночкѣ. Ягайло, чтобы больше побудить простой народъ къ крещенію, приказалъ новокрещеннымъ выдавать по бѣлому суконному балахону, которые для сего были привезены изъ Польши въ большемъ количествѣ.

Такимъ образомъ хотя въ сущности обращено было въ Латинство только меньшинство и сравнитель-

но незначительное, и то только наружно, тѣмъ не менѣ Латинская церковь объявлена господствующею въ великомъ княжествѣ Литовскомъ на всемъ его пространствѣ, и Ягайло въ томъ же 1387 г. издалъ новый законъ. По этому закону требовалось: 1-е) чтобы всѣ Литвины, проживающіе въ Литвѣ и на Руси, перешли въ Латинскую вѣру, отъ всякой иной секты (значить и изъ православія); 2-е) чтобы ново-крещенные не были отвлекаемы отъ послушанія Римскому костелу и не женились на Русскихъ, и не выходили за нихъ замужъ, пока тѣ не перейдутъ въ послушаніе Римскому костелу; 3-е) православныя Русскія дѣвицы и женщины, выходя замужъ за католиковъ, обязаны принять Латинскую вѣру, и равно Русскіе или православные Литвины, вступая въ бракъ съ католичками, должны принять Латинскую вѣру, подѣ страхомъ тѣлесныхъ наказаній непослушнымъ; 4-е) имѣнія, данныя въ Литвѣ Латинскимъ костеламъ и духовенству, освобождаются отъ всѣхъ податей на государя и мѣстнаго владѣльца» (Скарб. дипломат. Иг. Даниловича, Т. I, стр. 266). Въ томъ же 1387 году Ягайло построилъ въ Вильнѣ Латинскій костель во имя св. Станислава и учредилъ при немъ Латинскую архіепископскую кафедру для всѣхъ Литовцевъ, и назначилъ въ Виленскіе архіепископы, прежде бывшаго духовника Венгерской королевы Елизаветы, Поляка Андрея Возжилу, изъ дворянской фамиліи Ястребовичей, который въ 1388 году и былъ утвержденъ папскою буллою; потомъ, для распространенія Латинства, самъ ѣздилъ по Литовскимъ городамъ вмѣстѣ съ Латинскимъ духовенствомъ и построилъ парафіальные костелы: въ Вилкомірѣ, Ме-

шаголе, Неменчинѣ, Мѣдникахъ Литовскихъ, Креше, Ботьцахъ и Гайновѣ. (Хрон. Стрѣйк., стр. 446). Для возвеличенія же Латинской церкви Ягайло и его двоюродный братъ Витовтъ къ кафедральному костелу и парафіальнымъ костеламъ приписали по городамъ богатыя имѣнія и снабдили ихъ большими привиллегіями, какъ это видно изъ опредѣленій Гродненскаго сейма 1400 года, гдѣ сказано: «всѣ церкви въ Литовской землѣ, какъ кафедральныя, такъ коллегіальныя, парафіальныя и конвентальныя, каковы Виленская и проч., какъ уже воздвигнутыя, такъ и тѣ, которыя будутъ воздвигнуты, какъ снабженныя имѣніями, такъ и тѣ, которыя будутъ снабжены, охраняемъ во всѣхъ ихъ вольностяхъ, неприкосновенностяхъ, привиллегіяхъ, льготахъ и обычаяхъ, по такому же точно порядку, какъ въ Польскомъ королевствѣ» (Wolum. leg. T. I, pag. 30).

Но крещеніе Виленскихъ язычниковъ и объявленіе Римской церкви господствующею или государственною церковію во всѣхъ Литовскихъ владѣніяхъ еще не утвердило этой церкви и не дало ей полной силы въ Литовскомъ народѣ; ея господство было только внѣшнее, поддерживаемое государственною властію и даже военною силой, ей еще предстояла продолжительная и упорная борьба. Жмудская страна (Жемойтъ), особенно много терпѣвшая отъ проповѣдниковъ латинства, приходившихъ туда съ огнемъ и мечемъ отъ Нѣмецкаго и Ливонскаго рыцарскихъ орденовъ, не хотѣла и слышать о принятіи Латинской вѣры. Мужественные Жмудины поголовно возстали на защиту своихъ дѣдовскихъ боговъ и безпощадно гнали отъ себя всѣхъ миссіонеровъ Латинства, такъ

что миссіонеры сіи перестали и являться туда; и только послѣ 25 лѣтней борьбы соединенными силами Ягайлы и Витовта, въ 1413 году, удалось наконецъ принудить Жмудиновъ къ принятію Латинской вѣры. Ягайло самъ пришелъ въ Жмудскую землю и вмѣстѣ съ Витовтомъ, сопровождаемый большимъ войскомъ, истребилъ всѣ роци и другія мѣста, почитаемыя Жмудинами за жилище боговъ, и открылъ Латинскую епископскую кафедру въ Мѣдникахъ, или по Жемойтски въ Ворянахъ. (Лѣт. Быхов., стр. 41), и на основаніи опредѣленій Гродненскаго сейма, 1400 года, приписалъ къ ней большія имѣнія и снабдилъ ее тѣми же привиллегіями, какъ и Виленскую кафедру. Но собственно открытіе Жемойтской или Мѣдниковской епископской кафедры послѣдовало въ 1417 году; для этого потребовалось разрѣшеніе отъ Латинскаго собора, бывшаго въ то время въ Констанцѣ, и утвержденія папы Мартына V Вмѣстѣ съ епископскою кафедрою въ Мѣдникахъ, Ягайло открылъ девять параѳіальныхъ костеловъ въ главныхъ уѣздахъ Жемойтской земли: въ Ейраголѣ, Крожахъ, Мѣдницахъ, Россіенахъ, Видиклѣ, Велунѣ, Колтынянахъ, Цертахъ и Лукникахъ. Старшихъ ксендзовъ въ Жемойтскихъ параѳіальныхъ костелахъ Ягайло назначилъ какониками при епископскомъ кафедральномъ капитулѣ въ Мѣдникахъ, и первымъ бискупомъ на Мѣдниковской кафедрѣ посадилъ Нѣмца Матвѣя, знавшаго Жемойтскій языкъ и Виленскаго урожденца. (Dl. Lib. XI, p. 300). Впрочемъ всѣ сіи распоряженія были только чисто внѣшними; Жмудины по прежнему оставались язычниками; и на другой же годъ по учрежденіи епископской кафедры въ Мѣдникахъ поголовно

возстали на бискупа и Латинское духовенство, иныхъ побили, другихъ прогнали, а новопостроенные костелы разрушили, и опять стали приносить обычные жертвы дѣдовскимъ богамъ. Витовтъ поспѣшилъ съ войскомъ подавить языческое возстаніе, казнилъ шестьдесятъ человѣкъ главныхъ заводчиковъ, но тѣмъ конечно не успокоилъ Жмудиновъ. Кровь ихъ еще нѣсколько лѣтъ лилась на защиту дѣдовской вѣры; хотя въ 1421 году папѣ Мартыну V и было донесено, что Жмудины принадлежать уже къ членамъ Римской церкви.

Но кромѣ борьбы съ язычествомъ Латинской церкви въ Литвѣ предстояла борьба съ православною церковію, исповѣданіе которой было свободно во всѣхъ Литовскихъ и Жемойтскихъ владѣніяхъ, не только между Русью, изстари исповѣдавшею эту вѣру, но и между Литвой и Жемойтскою, изъ которыхъ многіе также принадлежали къ православной церкви. Когда Жмудины поголовно разрушали Латинскіе костелы, построенные Ягайломъ и Витовтомъ; въ то же самое время православные храмы и монастыри свободно строились и учреждались по Литовскимъ и Жемойтскимъ городамъ. Латинское духовенство, прибывшее съ Ягайломъ въ Вильну для крещенія язычниковъ, съ неудержимою ревностію принялось было крестить силой и другую половину жителей Вильны, исповѣдававшихъ уже восточное православіе; но твердое сопротивленіе таковому насилію, выказанное православными, на сторону которыхъ стали многіе князья и вельможи, какъ Русскіе, такъ и Литовскіе, уже исповѣдававшіе православіе, съ перваго же раза дало такой отпоръ, что Латинскіе миссіонеры должны были отказаться, по крайней мѣрѣ наружно, отъ своей не-

умѣстной ревности. Ягайло и Витовтъ, руководители Латинянъ, не желая поднять на себя заразу и язычниковъ и христіанъ восточнаго исповѣданія, рѣшились оставить послѣднихъ въ покоѣ отъ явнаго и насильственнаго обращенія въ Латинство. Отъ Ягайлы и Витовта даже дошло до насъ нѣсколько грамотъ, охраняющихъ неприкосновенность разныхъ православныхъ церквей въ Вильнѣ и другихъ городахъ Литовскаго княжества, и даже утверждавшихъ за ними разные привилегіи и недвижимыя имущества или вотчины; такъ что въ Римѣ и Польшѣ ревностные Латинцы явно стали выказывать подозрѣніе на Ягайлу въ его будто бы сочувствіи къ православію; и онъ, чтобы оправдать себя передъ Папой и Латинскимъ духовенствомъ, въ 1412 году, въ присутствіи Стригонійскаго архиепископа и Кохмагистра Михаила, обратилъ въ Латинскій костелъ великолѣпную православную кафедральную церковь въ Перемышлѣ, и приказалъ повыбросать изъ могилъ останки православныхъ, похороненныхъ при этой церкви. (Длуг. Lib. XI, p. 334).

И дѣйствительно, Латинскому духовенству мудро было не подозрѣвать Ягайлы и Витовта въ покровительствѣ православію; ибо оба сіи князя и ихъ ближайшіе преемники на столько еще сдерживали ревность Латинянъ, что въ ихъ время не было выстроено ни одного Латинскаго костела ни въ Полотскѣ, ни въ Минскѣ, ни въ другихъ городахъ на востокъ отъ Березины и по Неману, собственно въ Русскихъ или давно обрусѣлыхъ земляхъ, гдѣ все населеніе сплошь исповѣдывало православіе восточной церкви; и Латинство волей-неволей должно было ограничиваться

только обращеніемъ еще некрещенныхъ язычниковъ Литвы и Жемойти, явно не касаться православныхъ восточной церкви и строить свои костелы только въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ язычники жили рядомъ съ православными. Но видимо покровительствуя православнымъ въ разныхъ случаяхъ, какъ Ягайло, такъ и Витовтъ, только старались сдерживать всеобщее неудовольствіе большинства и, такъ сказать, раздѣлять противниковъ Латинства, въ сущности же оба князя заодно съ Латинскимъ духовенствомъ не останавливались ни передъ какими мѣрами для нихъ подручными, чтобы возвысить Латинство и унижить православіе; такъ уже въ первомъ повелѣніи Ягайлы о введеніи въ Литву Латинства, изданномъ въ 1387 году, было сказано: «всѣ Литвины, проживающіе на Литвѣ и на Руси, должны перейти въ Латинскую церковь отъ всякой другой секты, слѣдовательно и изъ восточнаго православія, которое Латиняне называютъ сектой—схизмой. Потомъ на Городельскомъ сеймѣ 1413 года Ягайло и Витовтъ, объявивъ соединеніе Литвы съ Польшей, постановили: «что только принадлежащіе къ Латинской церкви и принявшіе Польскіе гербы князя и бояре Литовскіе имѣютъ право пользоваться разными привилегіями, установленными въ Польшѣ, а также въ высокія должности и достоинства въ государствѣ должно избирать не иначе, какъ изъ фамилій принявшихъ Латинскую вѣру; равнымъ образомъ въ совѣтъ государевъ могутъ быть допускаемы только исповѣдующіе Латинство, а отнюдь не схизматики (т. е. православные восточной церкви) и иные невѣрные» *Wolum. leg. T. I, pag. 31*). Такимъ образомъ пра-

вославные однимъ симъ постановленіемъ были сравнены чуть не съ языческими и отодвинуты въ государственной службѣ и общественныхъ дѣлахъ на задній планъ; такъ что для поддержанія житейскихъ выгодъ и для доставленія высшихъ достоинствъ и должностей должны были волей-неволей переходить въ Латинство, и конечно таковые отступники отъ православія бывали и можетъ быть нерѣдко. Затѣмъ на Констанскомъ соборѣ въ 1415 году была уже рѣчь подчинить православное духовенство папѣ и православную церковь въ Литовскихъ владѣніяхъ соединить съ Латинскимъ костеломъ; и эта мысль подчиненія православнаго духовенства папѣ, начиная съ Констанскаго собора вплоть до Брестской уніи, никогда не покидала Римской куріи и постоянно руководила Польскою политикой въ отношеніи къ православной церкви въ Литвѣ. Она время отъ времени выказывалась то яснѣе, то какъ бы затаивалась, по обстоятельствамъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

По указаніямъ Констанскаго собора или, по крайней мѣрѣ, въ его видахъ, великій князь Литовскій Витовтъ созвалъ соборъ православныхъ епископовъ въ Новгородѣ Литовскомъ, и, съ цѣлію ослабленія православной церкви въ сихъ владѣніяхъ, настоялъ отдѣлить Литовскую православную церковь отъ Московской и выбрать особаго митрополита, въ которые и выбранъ былъ соборомъ Болгаринъ Григорій Цамблакъ, человекъ ученый, присутствовавшій на Констанскомъ соборѣ и представлявшійся папѣ Мартыну V. Но такое отдѣленіе церкви и выборъ особаго митрополита на этотъ разъ не оправдало на-

дежды Витовта подчинить православную Литовскую церковь Римскому папѣ. Григорій Цамблакъ оказался исполнѣ православнымъ и ревностнымъ пастыремъ церкви, ни сколько не склоннымъ подчинить православную церковь Римскому папѣ. Кромѣ того, значительная часть Литовскихъ церквей, не смотря на опредѣленіе Новгородскаго собора, осталась вѣрною митрополиту Московскому Фотію; такъ что самъ Витовтъ, въ 1427 году, нашелся вынужденнымъ дозволить Московскому митрополиту по прежнему управлять тѣми церквами въ Литвѣ, которыя признавали его святительскую власть. А въ 1432 году самъ Ягайло долженъ былъ обѣщать жителямъ Луцка, исповѣдывавшимъ православную вѣру, что не будетъ обращать ихъ церквей въ костелы, и обезпечить неприкосновенность православнаго вѣроисповѣданія. Тѣмъ не менѣе ни Ягайло, ни Витовтъ не думали отступать отъ основной мысли Латинства, высказанной на Констанскомъ соборѣ, и соглашались на видимое покровительство православной церкви и какъ бы уравненіе въ правахъ съ Латинскою церковью, единственно потому, что по обстоятельствамъ не могли не соглашаться и при томъ всегда имѣли въ виду, чтобы православная восточная церковь признавала свою зависимость отъ папы и никакъ не дерзала думать о своемъ распространеніи, и кажется только подъ сими условіями давали обѣщанія ей покровительствовать, и какъ скоро замѣчали въ православныхъ іерархахъ противное симъ условіямъ, то начинали ихъ преслѣдовать. Такъ въ 1401 году Витовтъ настоялъ, чтобы лишенъ былъ сана Луцкій епископъ Севастіанъ, не признававшій папской вла-

сти надъ своею церковію. Или въ 1404 году, какъ скоро было донесено Витовту, что епископъ Туровскій Антоній обращаетъ язычниковъ въ православную вѣру восточнаго исповѣданія; то онъ немедленно потребовалъ снять съ него епископскій санъ, а потомъ принудилъ его бѣжать въ Москву. (Nagbut, T. VI, стр. 88).

Но и такое условное и унижительное для православія примиреніе съ Латинскою церковію отнюдь не заключалось въ характеръ Латинства, никогда незнавшаго терпимости. Латинское духовенство и ола-тынненныя король Ягайло и великій князь Витовтъ, постоянно преслѣдовали и нерѣдко явно выказывали одну цѣль во чтобы-то ни стало унижить и даже уничтожить православіе, не пренебрегая никакими средствами; только смуты, постоянно волновавшія Литву, вынуждали Ягайлу и Витовта по обстоятельствамъ дѣлать нѣкоторыя уступки православнымъ, нѣсколько сдерживать ревность Латинскаго духовенства и такъ сказать еще считаться съ православною церковію и какъ бы руководствоваться вѣротерпимостію, чего на дѣлѣ не было. Главное препятствіе, останавливавшее ревность католическаго духовенства, состояло въ томъ, что у православныхъ во все время властвованія Ягайлы и его ближайшихъ преемниковъ почти постоянно былъ какой-нибудь покровитель изъ претендентовъ на великое княжество Литовское. Такъ первые восемь лѣтъ по введеніи Латинства въ Литву, сторонникомъ и покровителемъ православныхъ былъ родной братъ Ягайлы, Казимиръ Скиригейло, котораго Ягайло, получивъ Польскій престолъ, объявилъ великимъ княземъ Литовскимъ и подчинилъ ему всѣхъ

тамошнихъ удѣльныхъ князей. Объ этомъ князѣ, ненавидимомъ католиками, Литовскій историкъ Іезуитъ Віюкъ Кояловичъ говоритъ: «Казимиръ Скиригейло, хотя вмѣстѣ съ братомъ своимъ Королемъ (Ягайлою) и былъ обращенъ въ Римское Католичество въ Краковѣ, тѣмъ не менѣе, по наученію Русскихъ, между которыми выросъ, былъ болѣе склоненъ къ Греческимъ обрядамъ, не радѣлъ о распространеніи Римской религіи между своими подданными и заботу объ этомъ или вовсе упускалъ изъ виду, или откладывалъ вдаль на будущее время». (Hist. Litv. Alber. Wijuk. Kojalowicz. pars. II, pag. 2). Этотъ аттестатъ историка іезуита лучше всего свидѣтельствуетъ и о причинахъ непреклонной ненависти католиковъ къ Скиригейлу, и о тѣхъ безчисленныхъ клеветахъ, которыя сыпались на него Польскими и Литовскими хронистами, а за ними и историками; а также и о томъ, почему при жизни Скиригейла ни Король Ягайло, ни Латинское духовенство не смѣли слишкомъ напирать на православныхъ. Это же свидѣтельство Кояловича объясняетъ, почему ревностный латынянинъ Ягайло, послѣ первой же неудачи въ войнѣ съ Витовтомъ, поспѣшилъ ему же, еще недавнему врагу своему, передать велико-княжескую власть надъ Литвой, а Скиригейла поручилъ Витовту же перевести въ Кіевъ. Явно, что здѣсь дѣйствовали Поляки и Латинское духовенство, для которыхъ Скиригейло, оставаясь великимъ княземъ Литовскимъ, былъ очень опасенъ по своимъ близкимъ и сочувственнымъ отношеніямъ къ православнымъ.

Латынянамъ въ 1395 году хотя и посчастливилось сбить съ рукъ Скиригейла, при помощи одного мо-

наха, успѣвшаго отравить его ядомъ, изъ-подъ пальца опущеннымъ въ чашу вина; но лишивъ православную церковь одного ревностнаго защитника, они не избавились отъ покровителей той же церкви въ Литовскомъ велико-княжескомъ домѣ. За Скиригейломъ явился родной его братъ Свидригайло Болеславъ, хотя и Латинянинъ, но постоянный противникъ Ягайлы и Витовта, и посему долженствовавшій опираться на православныхъ, и ему православные всегда сочувствовали какъ своему покровителю, о чемъ мы находимъ прямые свидѣтельства у того же историка Иезуита Кояловича. Такъ въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ прямо говоритъ, что православные Виленскіе монахи въ 1394 году тайно держали сторону Свидригайла, какъ ревностнаго защитника ихъ секты», (*ibid.* pag. 40). Или, въ другомъ мѣстѣ описывая разныя партіи представлявшія своихъ претендентовъ на велико-княжеское достоинство по смерти Витовта, рассказываетъ, что иные и особенно Русскіе вельможи желали Болеслава; ибо по опыту признавали его за покровителя своей религіи (*ibid.* pag. 140). Или при описаніи войны Свидригайла съ Сигизмундомъ, Кояловичъ прямо указываетъ, что за Свидригайла почти вся Русь подняла оружіе (*ibid.* pag. 159). То же самое было въ 1435 году, когда Русь для Свидригайла собрала такую рать, что Сигизмундъ успѣшилъ вызвать войско изъ Польши (*ibid.*, p. 166), и конечно таковое усердіе Русскихъ къ Свидригайлу основывалось на его сочувствіи и покровительствѣ православной церкви. При таковыхъ отношеніяхъ Свидригайла къ православнымъ Русскимъ, естественно Латинянамъ нельзя было и думать объ

упорномъ и открытомъ преслѣдованіи православія, а таковыя отношенія продолжались слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. А посему олатиненные короли Польши и великіе князья Литовскаго княжества, подъ грозой тѣснаго союза православной Руси съ Свидригайломъ, замышлявшимъ совершенное отдѣленіе Литвы отъ Польши и особенно ненавидѣвшимъ Поляковъ, волей-неволей во все это время должны были удерживаться отъ преслѣдованія православной церкви и время отъ времени поступаться православнымъ разными правами и привилегіями, хотя по Польскому обычаю большею частію только на бумагѣ, безъ желанія приводить въ исполненіе то, что съ большою торжественностію писалось въ грамотахъ. Такъ Владиславъ, какъ преемникъ Ягайлы, при вступленіи своемъ на престоль, далъ письменно торжественное обѣщаніе дать Русскимъ права и привилегію одинаковыя съ Поляками, безъ отношенія къ различію вѣроисповѣданія; но это обѣщаніе, какъ свидѣтельствуешь довольно откровенный Польскій историкъ Длугошъ, не было исполнено подъ предлогомъ молодости, а потомъ и смерти короля» (Hist. Pol. Dlug. lib. XI, pag. 669). На дѣлѣ же конечно при самомъ написаніи обѣщанія, не смотря на его торжественность, было уже положено не исполнить обѣщаннаго. Точно также въ 1443 году Казимиръ, среди смуть и подъ грозой тѣснаго союза православной Руси съ Свидригайломъ, далъ обѣщаніе поравнять въ общественномъ значеніи православное духовенство съ Латинскимъ; но какъ скоро Свидригайло умеръ и междоусобія улеглись, то съ тѣмъ вмѣстѣ и данное обѣщаніе было или забыто, или осталось спорнымъ.

Но Ягайло и ближайшіе его преемники, постоянно встрѣчая покровителей православія въ своемъ же княжескомъ домѣ и послѣ первыхъ же неудачныхъ попытокъ, видя невозможность явно и прямо преслѣдовать православныхъ и обращать ихъ въ Латинство, тѣмъ не менѣе никогда не оставляли другаго плана, высказаннаго на Констанскомъ соборѣ, и состоявшаго въ томъ, чтобы незамѣтно вызывать православныхъ на соединеніе съ Латинскою церковію, не измѣняя обрядовъ восточной церкви и только признавая зависимость отъ папы. Къ этой цѣли постоянно стремились и Ягайло съ своими преемниками, и Латинское духовенство, и Польскіе магнаты, видѣвшіе въ этомъ лучшее средство ослабить и уничтожить Русскую національность. Такъ еще въ 1427 году на Луцкомъ сеймѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости уніи между западною и восточною церковію въ Литвѣ; впрочемъ эта попытка, какъ рановременная, тогда кончилась ничѣмъ,—сами Польскіе сенаторы признали унію еще неудобноисполнимою; ибо, по собственному ихъ сознанию, тогда православныхъ въ Литвѣ было гораздо болѣе, чѣмъ католиковъ. Но скоро казавшееся невозможнымъ представилось осуществимымъ. Между православными іерархами въ Литвѣ оказалась, еще не объясненная въ исторіи личность—Герасимъ епископъ Смоленскій, и онъ же будто бы митрополитъ Русскій. Этотъ Іерархъ, можетъ быть получившій свой санъ при помощи латинствующихъ вельможъ придворѣ Ягайлы или Свидригайлы, кажется, составилъ небольшую партію изъ плохихъ православныхъ и католиковъ, къ которой вѣроятно принадлежалъ и Свидригайло; эта партія

очевидно находила возможнымъ соединеніе восточной церкви съ западною подъ властію папы. Были ли составлены какія правила этого соединенія, до насъ объ этомъ недошло извѣстій, только слухъ о желаніи соединить церкви дошелъ до папы Евгенія IV, черезъ Петра, нареченнаго епископа Жмудскаго, прїѣзжавшаго въ Римъ для посвященія въ епископскій санъ, и чрезъ Магистра Яна Никольсдорфа. Папа по этому слуху писалъ въ 1434 году къ Свидригайлу, чтобы онъ посовѣтовалъ Герасиму прежде всего созвать соборъ Русскихъ епископовъ и всего духовенства, который бы далъ ему полномочіе вести съ папою дѣло о соединеніи церквей; и въ томъ же году и въ томъ же смыслѣ папа прислалъ бумагу и къ самому Герасиму. (Scarb. dipl. Ign. Danilowicza. Т. II, pag. 158). Но былъ ли Герасимомъ созванъ соборъ по этому дѣлу, неизвѣстно, а вѣроятнѣе собора не было; ибо въ слѣдующемъ году Свидригайло сжегъ въ Витебскѣ самого Герасима за измѣнническія сношенія его съ Сигизмундомъ, врагомъ Свидригайловымъ; и тѣмъ кажется кончилось дѣло о соединеніи церквей, затѣянное Герасимомъ и его безвѣстною партіей. Самъ папа Евгеній кажется не вѣрилъ въ успѣхъ этого рановременнаго предпріятія.

Но едва прошло два года по сожженіи Герасима, какъ въ 1437 году открылся соборъ въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренці, на который прибыли Императоръ Константинопольскій Іоаннъ Палеологъ, искавшій у папы помощи противъ Турокъ, и Константинопольскій патріархъ со многими епископами греческой церкви, и куда также явился митрополитъ Московскій и всея Руси, Грекъ Исидоръ съ епископомъ

Суздальскимъ Авраміемъ. На этомъ соборѣ были составлены правила соединенія церковей восточной и западной и подчиненія ихъ папѣ. Хотя соборъ этотъ, замышленный собственно изъ политическихъ видовъ, не привелъ къ надлежащему рѣшенію вопроса о соединеніи, и ни Греческая, ни Русская, ни прочія восточныя церкви не согласились съ его опредѣленіями; тѣмъ не менѣ онъ послужилъ самымъ сподручнымъ средствомъ для веденія дѣла уніи церковей въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и, какъ замѣтилъ Віюкъ Каяловичъ, чрезъ митрополита Исидора доставилъ Латинцамъ большія выгоды въ Литвѣ (Histor. Litu. pars. II, pag. 187). Митрополитъ Исидоръ, бѣжавшій изъ Москвы, какъ ревностный распространитель уніи, прибылъ въ Литву и началъ проповѣдывать соединеніе церковей, составленное на Флорентинскомъ соборѣ и будтобы принятое всѣми восточными церквами, и, чтобы удобнѣе завлечь православныхъ къ уніи, въ 1443 г. убѣдилъ великаго князя Литовскаго Казимира дать православному духовенству въ Литвѣ одинакія права съ Латинскимъ духовенствомъ, какъ уже безразличному въ слѣдствіе соединенія церковей на Флорентинскомъ соборѣ; и съ этого времени являются въ Литвѣ двѣ партіи: унитовъ, принимающихъ Флорентинское соединеніе, и дизунитовъ, остающихся при древнемъ православіи. Первымъ латинствующее Литовское правительство покровительствуетъ и даетъ имъ привилегіи, равныя съ Латинянами; а вторыхъ начинаетъ преслѣдовать, какъ непослушныхъ вселенскому собору.

Этотъ хитро-придуманый Исидоромъ планъ обращенія православныхъ къ уніи, на первый разъ до-

вольно удался, и иезуитъ Кояловичъ правду сказалъ, что Исидоръ много потрудился на пользу Латинства въ Литвѣ. Дѣйствительно, съ этого времени покрайней мѣрѣ официально, Литовская православная церковь рѣзко отдѣлилась отъ сѣверо-восточной или Московской, такъ что Московскій Митрополитъ всей Руси вскорѣ пересталъ называться митрополитомъ Кіевскимъ, и митрополитомъ Кіевскимъ и всей западной Руси былъ объявленъ Исидоръ, и хотя обыкновенно жилъ въ Римѣ, тѣмъ не менѣе западная Русская митрополія считалась за нимъ, и онъ присылалъ изъ Рима грамоты къ западнымъ Русскимъ епископамъ, что и продолжалось до 1458 года, когда папа Каллистъ объявилъ его титулованнымъ патріархомъ Константинопольскимъ. На мѣсто себя въ западно-русскія митрополиты Исидоръ представилъ папѣ своего любимца и ученика, уніата Болгарина Григорія, вывезеннаго изъ Константинополя; папа Каллистъ утвердилъ Исидорово представленіе, и далъ повелѣніе проживавшему въ Римѣ Константинопольскому патріарху униту Григорію IV Маммѣ, посвятить Григорія въ митрополиты западной Руси. Новопосвященный митрополитъ Григорій преемникомъ Каллиста, папою Піемъ II, былъ отправленъ въ Литву съ рекомендательными грамотами отъ папы и Исидора къ королю Казимиру и другимъ Литовскимъ князьямъ. Въ Римѣ посылку Григорія въ Литву считали окончательнымъ обращеніемъ всей западной Руси въ унію; папа Пій II, въ своей грамотѣ къ Казимиру, не только объявилъ Григорія митрополитомъ всей западной Руси, но и прямо отчислилъ къ его митрополіи слѣдующія девять Русскихъ епархій: Брян-

скую, Смоленскую, Перемышльскую, Туровскую, Луцкую, Владимирскую на Волини, Полотскую, Холмскую и Галицкую. Такимъ образомъ въ Римѣ уже измѣрили и границы унитской Русской митрополіи, вѣроятно полагая, что таковому распоряженію не будетъ противниковъ, а ежели и будутъ, то съ ними, при помощи олатыненнаго правительства, не мудрено будетъ справиться, и тѣмъ удобнѣе, что къ этому времени Казимиръ освободился отъ грозы Свидригайла; а православные, не имѣя митрополита, видимо не могли дать надлежащаго отпора, и ихъ легко было смущать опредѣленіями Флорентійскаго собора, носившаго титулъ вселенскаго.

И дѣйствительно, торжество Флорентійской уніи, по видимому, было уже не далеко; Казимиръ, покорный велѣніямъ папы, не прочь былъ привести въ исполненіе распоряженіе Римской куріи относительно западно-русской митрополіи; православные находились въ крайности,—у нихъ не было ни покровителя, ни руководителя, ни единства плана какъ дѣйствовать. Нѣкоторые изъ тамошнихъ епископовъ уже вошли въ общеніе съ Григоріемъ и признали его власть. Но неожиданно для Латинянъ и ихъ сторонниковъ, на помощь православнымъ западной Руси явились православные Руси восточной Московской. Въ Москвѣ, какъ только узнали о пріѣздѣ Григорія въ Литву, въ томъ же 1458 году, по повелѣнію Великаго Князя Василья Васильевича былъ созванъ соборъ восточно-русскихъ епископовъ, на которомъ Флорентійскую унію и ея ревнителя Григорія, именнаго митрополита Кіевскаго, предали проклятію, и всѣ восточной Руси святители написали грамоту

не входитъ въ общеніе съ Григоріемъ и не принимать отъ него никакихъ грамотъ. (Ак. Ист. Т. I, № 61). Затѣмъ въ томъ же году ревностный архипастырь Московской церкви, митрополитъ Іона, отправилъ посломъ въ Кіе въ Троицкаго игумена Васіана къ тамошней княгинѣ Анастасіи, супругѣ Кіевского князя Александра Владимировича, и ея дѣтямъ, чтобы они твердо держались древняго православія и всѣхъ удерживали отъ общенія съ лжемитрополитомъ Григоріемъ, какъ отступникомъ православныя церкви и ученикомъ Исидоровымъ. А въ слѣдъ за посольствомъ въ Кіевъ, Іона въ томъ же году отправилъ посланіе къ Смоленскому епископу Мисаилу и окружное посланіе ко всѣмъ епископамъ Литовскимъ; въ обоихъ посланіяхъ онъ убѣждалъ, чтобы епископы Литовскіе твердо держались православія и не признавали власти унита Григорія, какъ уже проклятаго на Московскомъ соборѣ за отступничество отъ православной церкви, и удерживали бы отъ того же врученную имъ отъ Христа паству православныхъ христіанъ, наказуя ихъ отъ божественныхъ писаній, хотя бы пришлось кому и пострадать за вѣру, какъ святымъ мученикамъ ((*ibid.* №№ 62 и 63). Московскій соборъ и посланія митрополита Іоны имѣли громадное значеніе для православныхъ въ западной Россіи, или великомъ княжествѣ Литовскомъ; воодушевленные Московскими посланіями всѣ Литовско-Русскіе князья, еще не оматыненные, и почти всѣ Литовскіе епископы съ своими паствами отказались признать митрополитомъ присланнаго папой Григорія и остались вѣрными православію. Король Казимиръ, какъ ревностный латынянинъ, началъ ихъ преслѣ-

довать подъ именемъ дизунитовъ; но это преслѣдованіе, предпринятое противъ громаднаго большинства, послужило только къ вѣщшему утверженію древняго православія, такъ что Григорій, именовавшійся митрополитомъ Кіевскимъ, даже не смѣлъ пріѣхать въ Кіевъ. А когда въ 1472 году онъ умеръ въ Новгородѣ Литовскомъ, то православные, не смотря на всѣ происки Латинянь, отказались отъ всякихъ сношеній съ Латинскимъ духовенствомъ и унитами, и въ 1474 году выбрали на Кіевскую митрополию епископа Смоленскаго Мисаила, ревностнаго защитника древняго православія. И съ этого времени въ продолженіи 128 лѣтъ, не было уже унитскихъ митрополитовъ въ Литовскомъ княжествѣ, да вѣроятно и самихъ унитовъ Исидорова и Григоріева согласія было немного; они, должно быть, по смерти Григорія, иные прямо перешли въ Латинство, а другіе возвратились къ православію. По крайней мѣрѣ съ этого времени мы уже не встрѣчаемъ извѣстій о борьбѣ православія съ унитствомъ вплоть до Брестской уніи.

Видя полную безуспѣшность попытокъ—привлечь православныхъ къ уніи съ Латинскою церковію, Польско-Литовское правительство, по смерти унитскаго митрополита Григорія, наконецъ отказалось отъ мысли распространять унію и обратилось къ прежней политикѣ Ягайлы,—обращать православныхъ прямо въ Латинство и всѣми возможными средствами преслѣдовать непринимающихъ его. Таковому направленію политики конечно много способствовало и то, что къ этому времени Король Казимиръ успѣлъ смирить всѣхъ своихъ противниковъ въ Литвѣ, и по сему съ большею смѣлостію могъ гнать православ-

ныхъ, не имѣвшихъ уже за себя сильныхъ заступниковъ между Литовскими князьями. Какъ бы то ни было, съ послѣдней половины продолжительнаго Казимирова властвованія начались въ Литвѣ сильныя гоненія на православныхъ и постепенное уничтоженіе данныхъ имъ прежде правъ и привиллегій. Литовскій историкъ Нарбутъ говоритъ: «въ концѣ царствованія короля Казимира и при сынѣ его Александрѣ появились въ Литвѣ религіозные фанатики, которые настояли на стѣсненіи прерогативъ всѣхъ христіанъ, не состоящихъ въ единеніи съ Римскимъ костеломъ, и преслѣдованія ихъ простерились такъ далеко, что въ Вильнѣ и въ Витебскѣ православнымъ было запрещено строить новыя церкви и поправлять старыя; были приглашены въ Литву Бернардины, которые взялись обращать Русскихъ въ Латинство; бискупъ Войцехъ Таборъ поддерживалъ все это при дворѣ и въ сенатѣ. Бернардины разсѣялись по всей Литовской Руси, проповѣдуя единство костела и намѣстничество Христова на землѣ въ лицѣ папы; сами Русскіе священники и монахи, признавшіе унію, хлопотали объ отмѣнѣ православныхъ церковныхъ обрядовъ и о преслѣдованіи дизунитовъ». (Narbut, Dzieje. Staroz. narod. Lit. T. 8, p. 467—469). Свидѣтельство Нарбута согласно съ фактами, разбросанными въ памятникахъ; только Нарбутъ напрасно отыскиваетъ какихъ-то фанатиковъ, появившихся будтобы только въ концѣ царствованія Казимира; и до Казимира и при Казимирѣ и послѣ него главнымъ фанатикомъ былъ всегда, есть и будетъ Римскій костель, и его основное правило—давить всѣхъ, кому приходится быть съ нимъ въ соприкосновеніи, а въ

Литвѣ рядомъ и заодно съ нимъ дѣйствовалъ другой еще фанатикъ—Польская справа, съ непримиримою злобою всегда преслѣдовавшая Русскую цивилизацію, какъ совершенно противоположную ей по своему строю, не терпѣвшему порабощенія меньшихъ большими и незнакомому съ Польскимъ быдломъ. При такихъ двухъ крупныхъ коллективныхъ фанатикахъ нѣтъ надобности искать какихъ-то индивидуальныхъ фанатиковъ. Фанатизмъ въ преслѣдованіи православія и Русской народности, какъ мы уже видѣли, никогда не прекращался ни въ Латинскомъ костелѣ, ни въ Польской справѣ, а только сдерживался обстоятельствами и особенно тѣмъ, что и католики и Поляки были еще очень слабы предъ Русскимъ элементомъ въ западной Россіи, какъ прямо сознавались сами Польскіе сенаторы на Луцкомъ съѣздѣ въ 1427 году; въ концѣ же властвованія Казимира, латинство и польщизна значительно усилились во владѣніяхъ великаго княжества Литовскаго, и фанатизмъ преслѣдованія православныхъ, доселѣ сдерживаемый, поспѣшилъ развиться во всей своей жестокости и безобразіи.

Такъ Казимиръ, къ концу своей жизни, годъ отъ года сталъ издавать строгіе указы противъ православныхъ. Іезуитъ Віюкъ Кояловичъ въ своей исторіи Литвы, подъ 1491 годомъ, говоря объ отпаденіи Сѣверскихъ князей, пишетъ: между прочими причинами къ отпаденію присоединилось и то, что король жестокими указами противъ послѣдователей восточной церкви, къ которымъ принадлежали и Сѣверскіе князья, старался распространить Флорентійскую унію Латинской церкви съ Греческою» (Kojal. Hist. Lit. pars

II, р. 255). Но Коялович здѣсь выражается не совсѣмъ точно и, какъ іезуитъ, прикрываетъ Латинство Флорентійскою уніею ; приглашенные же въ Литву Бернардины, да и самъ Казимиръ, въ это время требовали уже не уніи , а полного отреченія отъ православія и перекрещиванія; такъ что самъ папа вскорѣ нашель нужнымъ поумѣрить ревность польскихъ Латинянъ, и къ Казимирову сыну королю Александру писалъ: «Вовсе нѣтъ надобности , чтобы снова крестить всѣхъ, но слѣдуетъ только требовать, чтобъ были послушны апостольскому престолу на основаніяхъ Флорентійскаго собора, а жить имъ по Греческимъ обрядамъ и имѣть Греческихъ поповъ». (Сборн. Мухан., 1-е издан., стр. 109). Русскіе князья, владѣвшіе разными удѣлами въ княжествѣ Литовскомъ и исповѣдывавшіе православную вѣру, въ 1488 году коллективно жаловались Константинопольскому патріарху на гоненія за вѣру, прося благословенія на Кіевскую митрополію архіепископу Полотскому Іонѣ, и писали такъ: «молитвѣ и прошеніе наше возсылаемъ святительству твоему, яко да учинить святыня твоя къ нашему утвержденію, ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да неумедлитъ отъ руки твоей мечъ духовный отцу нашему, имъ же оборонити насъ добро творящихъ». (Виленс. Археол. Сбор. Т. I, стр. 3). Наконецъ гоненія за вѣру произвели то, что большія Русскія области съ своими князьями стали отпадать отъ Литвы; такъ въ 1490 году князья Бѣлевскіе, Борятинскіе, Одоевскіе и Воротынскіе съ своими владѣніями передались Московскому великому князю Ивану Васильевичу, а въ 1491 году также поступили князья Сѣверскіе со всею Сѣверскою землею

(т. е. съ цѣлымъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра), такъ что Москва, не дѣлавши никакихъ усилій, приобрѣла огромное и богатое княжество». (Кожалов. Н. Л. рагс II, раг. 254—255). Но и этотъ тяжелый урокъ ни сколько не образумилъ ни престарѣлаго Казимира, ни сына его Александра; гоненіе на православныхъ продолжалось по прежнему и довело дѣло до того, что Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ при Александрѣ объявилъ свое право на вмѣшательство за своихъ единовѣрцевъ и началъ продолжительную войну, кончившуюся постыднымъ миромъ для Литвы и Польши, большимъ разореніемъ и потерю многихъ важныхъ областей.

Но ни Казимира, ни сына его Александра нельзя много винить въ гоненіяхъ на православіе и въ пагубныхъ послѣдствіяхъ сихъ гоненій для великаго княжества Литовскаго. Казимиръ и Александръ здѣсь были скорѣе только орудіями Латинскаго костела и Польской sprawy, съ которыми они не могли какъ слѣдуетъ бороться, по слабости и шаткости своего положенія въ томъ общественномъ строѣ, который успѣлъ сложиться въ Польшѣ и Литвѣ. Латинскій костель и Польская справа, забравшіе все въ свои руки въ Польшѣ и Литвѣ, главные виновники и двигатели гоненій на православіе и Русскую народность, ничего не хотѣли знать и вѣдать о положеніи западно-Русскаго государства, и быстро неслись къ его разложенію, неудержимо стремясь къ одному, — обратить православныхъ въ Латинянь и Русскихъ въ Поляковъ. Тщетно Александръ думалъ поправить свои дѣла вступленіемъ въ бракъ съ Еленой Московскою, дочерью великаго князя Ивана Васильевича; этотъ

несчастный бракъ еще болѣе запуталъ дѣла. Латинскій костелъ и Польская справа думали держать Елену какъ невольницу, не смѣя, по договору съ Московскимъ Государемъ, прямо и насильно обратить ее въ латинство; они употребляли всѣ тайныя и окольныя мѣры къ достиженію той же цѣли,—подводили къ ней католическихъ законоучителей, не дозволяли строить Русской придворной церкви, удаляли отъ нея бояръ и слугъ, исповѣдующихъ православную вѣру, и окружали ее католиками. Великій князь Иванъ Васильевичъ въ своемъ отвѣтѣ Венгерскому послу прямо говорить: «А которую дочь княжескую или боярскую греческаго закона дочка наша (Елена) возьметъ къ себѣ, и ее приказываютъ силою окрестить въ Латинство. А послѣ того зять нашъ и больше того не вчалъ намъ правити и нечестъ намъ чинити, къ дочери нашей послалъ отметника Греческаго закону, владыку Смоленскаго, и бискупа Виленскаго и чернцовъ Бернардиновъ съ тѣмъ, чтобы она отступила отъ Греческаго закона, а приступила бы къ Римскому закону» (Сбор. Мух., стр. 216—217). Въ какомъ положеніи при этомъ находился самъ Александръ, лично дружественно жившій съ своею умною супругой Еленою,—лучшимъ свидѣтельствомъ служить слѣдующій его отвѣтъ Московскому посольству: «А што есте намъ говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, чтобы мы дочери его, а нашей великой княгинѣ, поставили церковь греческаго закона, на переходѣхъ подлѣ ея хоромъ ино князи наши и панове и вся земля имѣють на то права и записи отъ предковъ нашихъ и отъ отца нашего и отъ насъ, и то въ правѣхъ записано, чтобы церковей грече-

скаго закона больше не прибавляти; ино намъ тыхъ правъ предковъ нашихъ и отца нашего и нашихъ не годится рухати». (ibid. стр. 79). Въ этомъ отвѣтѣ подѣ дипломатической холодной формой ясно выступаетъ вся горечь тогдашняго положенія Александра. Онъ, такъ сказать, былъ связанъ по рукамъ и ногамъ даже въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Ежели онъ не имѣлъ уже возможности своей любимой супругѣ разрѣшить построеніе придворной православной церкви, которую онъ былъ обязанъ выстроить даже по брачному договору: то послѣ этого, что же онъ могъ сдѣлать вообще для своихъ подданныхъ, исповѣдующихъ православную вѣру? А Александръ не лгалъ, говоря Московскимъ посламъ, что по законамъ онъ не можетъ построить православной придворной церкви; онъ дѣйствительно не могъ этого сдѣлать по тогдашнимъ порядкамъ въ Польшѣ и Литвѣ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что Латинскій костелъ и Польская справа лучше согласились начать новую несчастную войну съ Московскимъ государемъ, чѣмъ разрѣшить построеніе придворной православной церкви.

При Александровомъ преемникѣ Сигизмундѣ ревность латинскаго костела и польской sprawy къ подавленію православія и Русской народности, наконецъ развила до невѣроятныхъ размѣровъ. Такъ въ 1509 году, по опредѣленію Петровскаго сейма, король Сигизмундъ издалъ указъ, по которому предоставилъ назначеніе и содержаніе намѣстниковъ православной Галицкой митрополіи Латинскому архиепископу во Львовѣ, и въ своемъ указѣ писалъ такъ: «Мы, желая своимъ королевскимъ авторитетомъ спо-

собствовать преуспѣянію православной (Латинской) вѣры въ здѣшнемъ краѣ, и имѣя въ виду грамоты за печатями апостольскаго престола, данныя нашимъ предкамъ для возвышенія Львовскаго костела, и по обязанности христіанскаго государя желая, чтобы самыя схизматики тѣмъ удобнѣе были приведены и присоединены къ христіанской вѣрѣ, или по крайней мѣрѣ исправились въ своихъ заблужденіяхъ,—дали и обнародовали такой указъ, чтобы настоящій архіепископъ Львовскій, Бернардъ Вильчка и его преемники теперь и на будущее время сами назначали намѣстниковъ Русскаго клироса во Львовѣ и въ другихъ мѣстахъ Львовской епархіи; но на Русскихъ поповъ этого указа не распространяемъ». (Supplemen. ad hist. Russ. monum., pag. 137). Этотъ указъ, важный по своему содержанію, замѣчательный и по своей формѣ; въ немъ говорится о Русской церкви, но ни разу не упомянуто имени этой церкви,—она названа только клиросомъ Русскихъ; да и православные Русскіе христіане названы не христіанами, а схизматиками, которыхъ слѣдуетъ обратить въ христіанскую вѣру; въ подлинномъ указѣ сказано: «quo facilius ipsi schismatici ad religionem christianam adducantur et alliciantur». И такая уловка отнюдь не случайность; у насъ есть еще одинъ указъ Сигизмундовъ, въ которомъ безцеремонность поведена еще дальше. Въ указѣ отъ 31 Марта 1522 года объ утвержденіи намѣстникомъ Галицкой митрополіи избраннаго Латинскимъ архіепископомъ Бернардомъ дворянина Якимъ Гдашицаго, Сигизмундъ не иначе называетъ православныя Русскія церкви, какъ синагогами; онъ пишетъ о новомъ намѣстникѣ, что далъ ему власть ви-

зигировать синагоги и поповъ такъ называемаго Русскаго обряда; а посему ему должны повиноваться всѣ попы и служители синагогъ Русскаго обряда». (ibid. pag. 158). И этотъ указъ также не случайность, не прихоть короля, не фантазія писца королевской канцеляріи. Здѣсь, какъ и въ указѣ 1509 года, все писано по расчету; король не могъ писать иначе, ибо такъ хотѣлъ Латинскій костелъ, подталкиваемый польскою справой. И еслибы Сигизмундъ вздумалъ сопротивляться такому желанію костела, то поднялась бы страшная буря, и самъ бы Сигизмундъ попалъ въ схизматики у Латинскаго духовенства. Мы на это имѣемъ прямое доказательство въ одномъ случаѣ, бывшемъ съ Сигизмундомъ въ томъ же 1522 году и записанномъ въ исторіи Литвы у Віюка Кояловича. Сигизмундъ, желая сколько нибудь достойно наградить князя Константина Острожскаго, знаменитаго полководца своего времени и спасителя отечества, назначилъ его палатиномъ въ Троки, съ каковою должностію было соединено званіе сенатора или члена королевской рады. Великихъ заслугъ князя Острожскаго никто не могъ отрицать, — онѣ у всѣхъ были на глазахъ, — забыть ихъ было еще некогда; но князь Острожскій былъ православный по вѣрѣ, крѣпко стоялъ за православіе и заодно съ православнымъ духовенствомъ отвергалъ повиновеніе православныхъ папѣ; и этого было достаточно, чтобы на Гродненскомъ сеймѣ 1522 года поднялась страшная буря противъ Сигизмунда, дерзнувшаго сдѣлать такое назначеніе. Латинствующіе вельможи, съ Латинскимъ духовенствомъ во главѣ, прямо обратились къ королю съ протестомъ и говорили, что древній Ягайловскій за-

конъ, не только свято соблюдаемый всѣми великими князьями Литовскими, но и подтверждаемый ими, не допускаетъ въ сенатъ и къ прочимъ достоинствамъ всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ быть въ повиновеніи у Римскаго папы; и протестующіе не прежде успокоились, какъ исторгли у короля торжественное обязательство, вооруженное всѣми публичными формальностями, чтобы ни онъ, ни его преемники ни въ какомъ случаѣ не допускали въ сенатъ людей неисповѣдующихъ католической вѣры». (Kojalow. pars II, pag. 380). Послѣ такой бури Сигизмунду мудро было не назвать синагогой православной Русской церкви въ указѣ, данномъ дворянину Гдашицкому на намѣстничество въ Галицкой митрополіи. Въ этомъ случаѣ волей-неволей онъ долженъ былъ писать такъ, какъ хотѣлъ Латинскій костель.

Въ указѣ Гдашицкому дѣло преслѣдованія и нетерпимости дѣйствительно было доведено до крайнихъ предѣловъ, далѣе которыхъ идти уже некуда. Костель потерялъ религіозное значеніе даже въ глазахъ католиковъ и обратился въ орудіе политической интриги противъ Русской народности и православной церкви въ западной Россіи. Самъ король Сигизмундъ въ послѣдніе годы своего царствованія уже нашелся вынужденнымъ защищать православныхъ отъ своевольства и притѣсненій Латинскаго духовенства; такъ до насъ дошелъ его указъ къ князю Яну, бискупу Виленскому, отъ 1531 года, въ которомъ Іосифа, митрополита Кіевскаго, уже называетъ архіепископомъ и митрополитомъ, и требуетъ, чтобы бискупъ запретилъ своему Виленскому уряднику судить и рядить Виленскихъ православныхъ священниковъ, какъ со-

стоящихъ въ вѣдѣніи Кіевскаго митрополита, и прямо пишетъ въ своемъ указѣ: «ино вѣдь то рѣчь непотребная, чтобы урядникъ твоей милости поповъ закону греческаго смѣлъ судить и рядить. (Вилен. Арх. Сборн. Т. VI, стр. 29). Подобный же указъ, отъ 1533 года, былъ посланъ къ князьямъ, панамъ, воеводамъ, старостамъ, намѣстникамъ, тіунамъ, боярамъ и всѣмъ заказникамъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, чтобъ они не дѣлали неправдъ и грабежей церковнымъ людямъ православнаго исповѣданія и не вступалися въ духовныя дѣла и судъ митрополита Кіевскаго». (ibid. стр. 19). Такимъ образомъ уже самъ Сигизмундъ перемѣнилъ свою рѣчь, и церквей Русскихъ не называетъ синагогами и защищаетъ митрополита Кіевскаго отъ притѣсненій Виленскаго Латинскаго бискупа; и конечно, измѣненіе тона въ королевскихъ указахъ послѣдовало не даромъ, значить оказалась перемѣна въ самомъ направленіи. Дѣйствительно, къ концу царствованія Сигизмунда и особенно при его преемникѣ Сигизмундѣ Августѣ, сами Латиняне уже не вѣрили въ свой костель.

Въ слѣдствіе реформатскаго движенія, охватившаго Литву при Сигизмундѣ Августѣ, началась полная реакція, явно въ пользу православной церкви. И Сигизмундъ Августъ въ своей грамотѣ къ Львовскому арцибискупу, тому же Бернарду Вильчкѣ, отъ 9 Апрѣля 1535 года, православныхъ Русскихъ уже называетъ христіанами и церкви ихъ величаетъ костелами, а не синагогами, и хотя почти съ извиненіями, но требуетъ отъ Львовскаго арцибискупа, чтобы онъ дозволилъ назначенному отъ Кіевскаго митрополита Магарія намѣстнику архимандриту Іосифу, управ-

лять свободно православными церквами въ Львовской епархіи, какъ прямо сказано въ грамотѣ: «ижъ бы пререченный архимандрить, въ земляхъ ему приказанныхъ, могъ бы то выполнять съ костельными парсунами вѣры своей» (Ак. З. Рос. Т. II, стр. 336). И это черезъ 12 лѣтъ послѣ Сигизмундова указа 1522 года; подлинно быстрая и полная реакція! Король чуть не равняетъ православной Русской церкви съ Латинскимъ костеломъ, по крайней мѣрѣ съ почительностію говорить о томъ и о другомъ, и даже Русскаго митрополита въ своей грамотѣ называетъ: «учливый отецъ Макарій грецкой вѣры и Русскій митрополить». Такого униженія Римскаго костела не потерпѣло бы латинское духовенство въ Польшѣ и Литвѣ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Конечно и теперь Латинскіе арцибискупы и бискупы еще своевольничали и дѣлали православнымъ жестокія притѣсненія; но Русскій митрополить и другіе православные святители могли уже искать на нихъ управы передъ королемъ, хотя и съ большимъ трудомъ, тѣмъ не менѣе уже успѣвали въ этомъ; и латинскимъ бискупамъ въ таковыхъ случаяхъ оставалось только досадовать и горячиться, или прибѣгать къ самоуправству при помощи польскихъ пановъ своихъ пріятелей. Такъ въ 1540 г. арцибискупъ Львовскій, узнавши, что Галицкій намѣстникъ Кіевского митрополита Макарія получилъ отъ короля листъ, освобождающій его отъ подчиненности ему, арцибискупу, горячился и кричалъ: «я того не перестану, пока я живъ; або вѣмъ суть Русь у моей моци, король того безъ мене не могъ дати». Но крикъ остался крикомъ, а подсылки поймать и убить намѣстника не удалось,

ибо за него стала вся православная Львовская шляхта (ibid. стр. 361). А въ 1545 году, по жалобѣ митрополита Кіевскаго Іосифа на Латинскихъ каплановъ, звонившихъ ночью въ соборной православной церкви въ Вильнѣ и на самаго Виленскаго бискупа Яна, что онъ не взыскиваетъ съ своихъ каплановъ за безпорядки и требуетъ на свой судъ православныхъ священниковъ, Король Сигизмундъ, называя въ своей грамотѣ Іосифа митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и всея Руси, прямо писалъ къ князю Яну, бискупу Виленскому: «рачилъ бы твоя милость впередъ своихъ духовныхъ повстягнути, абы такого находу и легкости (неуваженія) церквамъ ихъ закону греческаго не чинили, ижъ бы таковыя жалобы на нихъ напотомъ до насъ не доходили. А что касается до звону и квалту церковнаго нынѣшняго, что митрополитъ жаловался, ино твоя бы милость митрополиту на тыхъ каплановъ право далъ и справедливость вчинилъ, и тотъ квалтъ церковный велѣлъ оправити такъ, какъ бы митрополиту въ томъ жалъ не было» (Вилен. Арх. Собр. Т. VI, стр. 24). Князь Янъ бискупъ Виленскій, былъ главой всего Латинскаго костела въ Литвѣ, и отъ него король потребовалъ законнаго удовлетворенія Кіевскому митрополиту, чтобы тотъ не жаловался и былъ доволенъ; въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія конечно подобное требованіе даже было немыслимо, жалоба Кіевскаго митрополита тогда осталась бы безъ послѣдствій.

Вообще положеніе Латинскаго костела въ Литовскихъ владѣніяхъ около половины XVI столѣтія, быстро стало ухудшаться. Наглость и безцеремонность, съ какимъ онъ относился къ прочимъ хри-

стіанскимъ церквамъ, принесли ему самыя горькіе плоды, какихъ онъ и не ожидалъ; вслѣдствіе своихъ нерелігіозныхъ отношеній къ прочимъ христіанскимъ церквамъ, онъ самъ, не замѣчая того, потерялъ релігіозное значеніе въ глазахъ народа. И когда въ западной Европѣ начались релігіозныя движенія, быстро распространившіяся и по Литовскимъ владѣніямъ; то по свидѣтельству лѣтописи Стрыйковскаго, «въ то время мало уже кто вѣрилъ въ папу». (Chronik. Str. pag. 737). На Латинскій костелъ еще съ первыхъ годовъ XVI столѣтія стали смотрѣть, какъ на государственное, чисто политическое, а не релігіозное учрежденіе, и епископскія кафедрныя въ своемъ значеніи сравнивались съ воеводствами, староствами, каштелянствами и подобными чисто мірскими государственными достоинствами и доходными статьями; на нихъ уже выбирались люди не по нравственнымъ качествамъ и не по способностямъ къ духовному сану, а по принадлежности, по происхожденію къ тому или другому роду или фамиліи магнатовъ, какъ вознагражденіе за воинскія или гражданскія заслуги предковъ. И этотъ взглядъ принадлежалъ самому правительству и былъ утвержденъ закономъ еще съ первыхъ годовъ XVI столѣтія; именно: въ постановленіяхъ Радомскаго сейма, 1505 года, прямо сказано отъ имени королевы родительницы (Елисаветы): «по общему совѣту и по согласію всѣхъ нашихъ совѣтниковъ и по просьбѣ всего дворянства симъ, настоящимъ статутомъ и декретомъ освятили, уставили на вѣчныя времена и безвозвратно опредѣлили, чтобы между прочимъ кафедральнымъ церквамъ въ начальственные достоинства были производимы только люди принадле-

жація къ сословію благородныхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ на строго запрещаемъ подѣ наказаніемъ вѣчной ссылки и конфискаціи всего имущества, каковому наказанію подвергаемъ какъ тѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ осмѣлятся идти противъ настоящаго постановленія, отыскивая выше упомянутыхъ достоинствъ или принимая ихъ по предложенію, такъ и ихъ родителей, родственниковъ и тайныхъ и явныхъ помощниковъ. Такъ что, какъ только кто либо не принадлежащій къ благороднымъ окажется противникомъ сего постановленія, симъ самымъ поступкомъ уже будетъ подвергнутъ помянутому наказанію, вмѣстѣ съ своими родителями и родственниками. Ибо какъ дворянство (*nobilitas*) привыкло собственными шеями защищать государство въ военныхъ случаяхъ, и во время мира всегда стояло за церковь какъ за самого себя; то и ни какимъ образомъ нельзя допустить, чтобы правителями церкви были не тѣ, которые служили ей защитою» (*Volum. leg. T. I. pag. 138*).

Ежели таковой, явно нерелигіозный, взглядъ на высшія церковныя должности утвержденъ былъ самимъ закономъ: то на практикѣ всѣ высшія церковныя должности просто обратились въ доходныя статьи магнатовъ, часто вовсе неспособныхъ къ занятію таковыхъ должностей, и даже не думавшихъ казаться способными и достойными ни по жизни, ни по научному и религіозному образованію. Послѣ этого не мудрено, что въ Литвѣ въ XVI столѣтіи мало кто вѣрилъ въ папу и Римскую церковь, когда самая церковь даже по закону обратилась въ оброчную статью магнатовъ и ихъ фамилій. При такомъ по-

рядѣ дѣлъ реформаціонныя движенія, потянувшіяся изъ западной Европы, здѣсь нашли уже готовую почву; и Латинскій костелъ въ Литвѣ на время даже пересталъ быть орудіемъ къ подавленію Русской народности въ западной Россіи. Мѣстнымъ интересамъ въ Русскихъ областяхъ были даже даны значительныя уступки; такъ значеніе Русской православной церкви, какъ церкви христіанской, а не синагоги, было признано еще при Сигизмундѣ; первымъ Литовскимъ статутомъ 1530 года въ VIII раздѣлѣ этого статута въ 7-мъ артикулѣ сказано: «Уставуемъ ижъ о рѣчь земную (по поземельному владѣнію) и о доводъ держанья земли не мають (не имѣють права), при пущены быти Жидове, а не Татарове, одно христіане Латинскаго обо Греческаго закона». То же подтверждено статутомъ 1566 года разд. IX, арт. 3; а въ XI раздѣлѣ того же статута въ артик. 3 одинаково ограждаются отъ нападеній какъ Латинскія, такъ и православныя Русскія церкви и школы и дома священно-служителей; въ законѣ сказано: «тѣжъ еслибы кто пришедши гвалтовнѣ на костелъ, або на цвинтару въ школѣ, або въ капланскомъ и поповскомъ дому кого забилъ, або ранилъ; а тые раны значны были, тогда подъ таковымъ способомъ и доводомъ маеть быти каранъ, яко высшей о гвалтованикахъ писано». А на Варшавскомъ сеймѣ 1564 года, когда рѣчь шла о полномъ соединеніи народовъ Польскаго и Литовскаго въ одинъ народъ; то уже не было и помину объ уничтоженіи или пониженіи православной церкви; вопросъ былъ только въ томъ, какъ устроить и поровнять выборъ короля, ибо въ Польшѣ выборъ короля былъ свободный, а Литовское кня-

жество считалось дѣдиною и отчиною Гедиминовичей (Vol. leg. T. II, pag. 29). Далѣе, въ привилегіи 1569 года, о присоединеніи Волынской земли къ коронѣ Польской сказано: «обыватели сей земли рады наши духовные и свѣтскіе, княжата, панята, шляхта, рыцарство, также и духовные станы Римскаго и Греческаго закона, чтобы познали нашу ласку: постановляемъ, чтобы ихъ города, замки, мѣста, осѣдлости, мѣстечки и веси со всѣми ихъ подданными были свободны отъ всякихъ пошлинъ и поборовъ. Къ тому еще обѣщаемъ и обязываемся всѣхъ упомянутыхъ княжатъ земли Волынской и потомковъ ихъ какъ Римскаго, такъ и Греческаго закона содержать въ стародавней чести и достоинствѣ. Такимъ же образомъ обѣщаемъ и обязуемся достоинствъ и почестей и урядовъ нашей Волынской земли духовныхъ и свѣтскихъ, великихъ и малыхъ, какъ Римскаго, такъ и Греческаго закона, не уменьшать, ни затѣмнять, и охранять въ цѣлости» То же самое повторяется въ привилегіи на присоединеніе Киевской земли, данной въ томъ же 1569 году. (Wolum. leg. T. II, pag. 82—87). Такимъ образомъ давленіе и нетерпимость Латинскаго костела въ западной Россіи, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій, дошедшія до крайнихъ предѣловъ, съ тридцатыхъ годовъ XVI столѣтія на время пріостановились, православная церковь по наружности, по крайней мѣрѣ, получила почти одинакія права съ Латинскимъ костеломъ.

Но не долговъ былъ періодъ такого либерализма. Полякамъ по послѣднимъ разчетамъ нужна была унія политическая, т. е. полное соединеніе Польскаго и Литовскаго государства въ одно цѣлое (до сихъ же

поръ было соединеніе только въ лицѣ короля, да и то большею частію при особомъ великомъ князѣ Литовскомъ, какимъ преимущественно былъ наслѣдникъ Польской короны); для полнаго же соединенія можно было пожертвовать временными уступками. Зато, какъ только въ 1569 году совершилась политическая унія на Люблинскомъ сеймѣ; то въ слѣдъ же за тѣмъ начались новыя, еще небывалыя гоненія на Русскую церковь; но повѣсть о сихъ гоненіяхъ уже не входитъ въ планъ настоящаго труда, который заканчивается Люблинскою уніею.

Мы прослѣдили вкратцѣ разные приемы дѣятельности Латинскаго костела въ западной Россіи или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, отъ принятія Латинской вѣры княземъ Ягайломъ Ольгердовичемъ вплоть до Люблинской уніи при Сигизмундѣ Августѣ. Заключимъ повѣсть объ этихъ приемахъ нѣсколькими общими замѣчаніями о характерѣ этой дѣятельности, по отношенію къ Русской церкви и Русской народности въ западной Россіи.

Литовскій историкъ Нарбутъ, сторонникъ и Латинской церкви и полнаго соединенія Литвы съ Польшей, такъ описываетъ положеніе западной Россіи въ религіозномъ отношеніи до появленія тамъ Латинства и въ слѣдъ за его появленіемъ: «Христіанская вѣра восточнаго исповѣданія первая начала распространяться въ Литвѣ тихимъ путемъ свободнаго убѣжденія въ святыя истинахъ, а не по приказу и принужденію. Литвины-язычники нисколько не считали за зло, что живущіе между ними инородцы не поклонялись ихъ мѣстнымъ богамъ; какъ была разница въ языкѣ, такъ допускалась терпимость и въ вѣрѣ. Хри-

стіане Русскіе и язычники Литвины составляли одно отечество, подъ однимъ государемъ, засѣдали на одной скамбѣ и вмѣстѣ рядили о благѣ родины, вмѣстѣ шли на бой и складывали кости въ одной могилѣ; Литвинъ уважалъ знамя св. Юрія на хоругви Русской, а Русскій воздавалъ военную честь богу Кавасу на знамени Литовскомъ. А посему великіе князья, имѣя вѣрныхъ подданныхъ въ христіанской Руси, не касались ихъ религіозныхъ порядковъ, пока интересъ политическій не столкнулся съ религіознымъ. Ягайло, сдѣлавшись королемъ Польскимъ и перешедши въ Римско-католическую церковь, съ тѣмъ вмѣстѣ принялъ на себя обязанность не только обращенія язычниковъ, но и приведенія къ единству вѣры всѣхъ своихъ подданныхъ, всѣми отъ него зависящими средствами. Коротко сказать, и въ Польшѣ и въ Литвѣ эпоха религіозной нетерпимости началась съ владычествованія Ягайлы и Витовта, т. е. со введеніемъ Латинскаго исповѣданія въ Литву» (*Narbut dzieje Staroz. Nar. Litew.*, кн. 6, стр. 349). Такимъ образомъ, по сознанію самихъ сторонниковъ Латинской церкви она, при самомъ введеніи вмѣсто мира и согласія, царствовавшихъ въ западной Руси, внесла мечъ и вражду, и сама явилась орудіемъ политической интриги, веденной изъ Польши. Исторія этой церкви въ западной Россіи свидѣтельствуетъ, что она и въ послѣдствіи сохранила то же значеніе. Все чтó не предпринимала эта церковь въ западной Россіи,—перекрещивала ли православныхъ, тянула ли ихъ въ унию и подъ верховную власть папы,—все клонилось къ тому, чтобы внести раздоръ въ западную Русь, разшатать народныя силы, создавшія великое княже-

ство Литовское; посѣять вражду между дружественными и всею предшествовавшею исторіею тѣсно связанными другъ съ другомъ населеніями Литвы и Руси, составлявшими до введенія сюда Латинской церкви мужественный народъ, дававшій отпоръ Полякамъ и Нѣмцамъ,—рыцарямъ Ливоніи и Пруссіи.

Силою окрестивши Литву и Жемойть, Латинская церковь отдѣлила сіи два племени отъ Русскихъ и направила свои старанія на то, чтобы сдѣлать эти племена матеріаломъ для распространенія Польщизны, усердно трудилась надъ уничтоженіемъ исконныхъ народныхъ обычаевъ и общественнаго строя народной жизни, и о замѣненіи всего этого Польскими обычаями и Польскимъ строемъ жизни; а Русскихъ въ то же время угнетала и преслѣдовала какъ схизматиковъ и явныхъ своихъ противниковъ. Жизнь Литовцевъ и Жмудиновъ она подтачивала тѣмъ, что вводила въ нее чуждые и даже враждебныя ей начала, а для разложенія строя общественной жизни Русскихъ не останавливалась ни передъ какими средствами, смотря по удобству, одинаково употребляя то насиліе, то обманы. И надо сознаться, что Латинская церковь работала въ западной Россіи на пользу Польши съ удивительнымъ усердіемъ; и усердная работа эта принесла именно тѣ плоды, которыхъ желала Польская справа. Въ продолженіи первыхъ 180 лѣтъ отъ введенія Латинства въ Литву, она наконецъ успѣла совершенно разстроить общественную жизнь и у Русскихъ и у Литовцевъ, такъ что великое княжество Литовское, прежде грозное и для Поляковъ и для Нѣмецкихъ сосѣднихъ рыцарскихъ орденовъ, почти потеряло возможность продолжать

самостоятельную государственную жизнь, и волея-неволей на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году должно было присоединиться къ Польской коронѣ, подъ льстивымъ титуломъ *равные къ равнымъ*, а на дѣлѣ, какъ пригодный матеріалъ для поддержанія Польскаго государства, разшатаннаго внутренними безпорядками и своеволіемъ магнатовъ, которые на сеймахъ творили, что хотѣли. Вотъ истинный характеръ дѣятельности Латинской церкви въ западной Россіи за все время отъ введенія ея въ этотъ край до Люблинской уніи; другой памяти она по себѣ не оставила и не имѣетъ другаго значенія для западной Россіи, какъ значеніе разлагающаго и раздѣдающаго начала и какъ служебнаго органа для Польской sprawy. Вся дѣятельность ея лишена характера самостоятельности; она держалась только постороннею силою, и хотя носила титулъ господствующей церкви, и дѣйствительно старалась выказывать притязанія на господство надъ Литвинами и Русью; но сама въ себѣ постоянно находилась въ служебныхъ отношеніяхъ къ Польской коронѣ, и даже не къ коронѣ, а къ аристократіи, можетъ быть и сама не замѣчая такого своего положенія. Но что она именно находилась какъ бы въ служебномъ отношеніи собственно у Польской аристократіи, этому лучшимъ и самымъ яснымъ свидѣтельствомъ служатъ постановленія Радомскаго сейма 1505 года, которыя уже приведены были выше въ настоящемъ нашемъ разсказѣ, и которыя вполне согласны со всею исторіею этой церкви въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, такъ что Радомскій сеймъ только формулировалъ то, что уже выработала исторія.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

В Л А С Т Ь .

Полотская земля, какъ Новгородская колонія, и управлялась въ древности по-новгородски, какъ прямо свидѣтельствуеть Литовскій лѣтописецъ Быховець, который говоритъ: «мужи Полочане управлялись вѣчѣмъ, какъ великій Новгородъ» Такимъ образомъ, по прямому свидѣтельству лѣтописи, верховная власть у Полочанъ, находилась въ рукахъ вѣча, или въ рукахъ самаго народа, выражавшаго свою волю на вѣчѣ. Иного порядка въ управленіи у Полочанъ, какъ у колонистовъ Новгорода, не могло и быть; всѣ колоніи Новгорода управлялись по-новгородски, — это было общее правило, постоянно поддерживаемое самимъ Новгородомъ, пока онъ имѣлъ еще вліяніе на ту или другую колонію; а вліяніе Новгорода на свои колоніи всегда было довольно продолжительно, такъ что Новгородскіе порядки во всѣхъ колоніяхъ всегда успѣвали на столько утвердиться, что колонія, и освободившись отъ вліянія метрополіи, навсегда удерживала у себя Новгородскій строй, и только видоизмѣняла его, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. То же самое было и въ Полотскѣ, и даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ Новгородскихъ колоніяхъ, вѣроятно потому, что Новгородское вліяніе здѣсь было болѣе продолжительно; ибо Полотскъ былъ старѣйшею Новгородскою колоніею и стоялъ на томъ пути, которымъ первоначально дорожили Новгородцы; лучшимъ свидѣтельствомъ сему служатъ извѣстія Скандинавскихъ сагъ о томъ, что въ дорюриковское вре-

мя Новгородцы особенно занимались распространением своих владѣній по западной Двинѣ. Вліяніе Новгорода на Полотскъ во время Рюрика, засвидѣтельствовано и нашею лѣтописью, которая говоритъ, что Рюрикъ, по смерти своихъ братьевъ Синеуса и Трувора, началъ раздавать своимъ мужамъ города, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро; а конечно Рюрикъ, приглашенный въ князья въ Новгородъ, не могъ бы отдать Полотска своимъ мужамъ, ежели бы этотъ городъ не былъ въ тѣсной связи съ Новгородомъ и не состоялъ въ зависимости отъ него.

Власть вѣча въ Полотскѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, первоначально дѣлилась съ властію выборныхъ начальниковъ, — старость, сотскихъ и другихъ; а потомъ сюда же присоединилась власть приглашеннаго князя или княжаго намѣстника, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Новгородѣ; ибо Рюрикъ не могъ передать своему намѣстнику въ Полотскѣ иной власти кромѣ той, которую самъ имѣлъ въ Новгородѣ.

Власть вѣча въ Полотскѣ, какъ выраженіе воли Вѣче. цѣлаго народа, была непрерывною властію и при князѣ и безъ князя, до тѣхъ поръ пока Полотскъ не утратилъ своей самостоятельности, и даже по уtratѣ самостоятельности форма этой власти удерживалась въ Полотскѣ вплоть до введенія Магдебургскаго права; княжеская власть нисколько не уничтожала этой власти, подобно тому какъ это было въ Новгородѣ. Полотское вѣче состояло изъ всѣхъ гражданъ Полотска, большихъ и меньшихъ, бывшихъ членами той или другой общины, т. е. самостоятель-

ныхъ домохозяевъ, а не бездомниковъ, и младшихъ членовъ семьи, еще не признававшихся членами общины и не имѣвшихъ права подавать голосъ въ общественныхъ дѣлахъ. Чтобы вѣче было правильнымъ, требовалось, чтобы оно было собрано на опредѣленномъ обычномъ мѣстѣ, чтобы на немъ непремѣнно присутствовали всѣ три класса общества: — бояре, купцы и черные люди, или иначе большіе, средніе и меньшіе; объ этомъ прямо сказано въ уставной грамотѣ Казимира, данной Полотску въ 1456 году: «А сымались (т. е. сходились на вѣчѣ) бы вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ предъ тѣмъ сыймывались издавна; а безъ бояръ мѣщанамъ и дворянамъ городскимъ и черни соймовъ (вѣчъ) ненадо чинить; а дѣла бы городскіе вси згодою посполу справляли по давному» (Ак. Зап. Рос. Т. I, № 60). Но не было не премѣнною обязанностію, чтобы каждый самостоятельный гражданинъ непремѣнно присутствовалъ на каждомъ вѣчѣ, а только каждый имѣлъ право присутствовать на вѣчѣ и подавать голосъ. Вѣче считалось правильнымъ и законнымъ, хотя бы не всѣ граждане присутствовали на немъ, и не присутствовавшіе должны были повиноваться опредѣленіямъ вѣча, состоявшимся въ ихъ отсутствіи. Въ Русскихъ лѣтописяхъ древнѣйшее прямое свидѣтельство о вѣчѣ въ Полотскѣ мы находимъ въ Лаврентіевской лѣтописи подъ 1176 годомъ, гдѣ сказано: «Новгородцы бо изъ начала и Кіяне, и Смольняне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, и на чѣмъ старѣйшіе сдумаютъ; на томъ и пригороды стануть» (Лавр. лѣт., стр. 160). Это свидѣтельство говоритъ, что изначала Полотскъ одинаково съ прочими Рус-

скими владѣніями управлялся вѣчемъ, и что вѣче старшаго города было закономъ для младшихъ городовъ или пригородовъ, бывшихъ выселками изъ старшаго города. Позднѣйшія же извѣстія о Полотскомъ вѣчѣ, мы находимъ въ цѣломъ рядѣ Полотскихъ грамотъ за XIV и XV столѣтія, излагающихъ условія сношеній Полотска съ Ригою. Всѣ сіи грамоты писались отъ имени вѣча, или отъ бояръ, мѣщанъ (купцовъ) и отъ черныхъ людей или, какъ говорится въ грамотахъ, отъ посольства. Вотъ нѣсколько образчиковъ сихъ грамотъ: «отъ намѣстника отъ Полотскаго отъ Монтигирда и отъ всѣхъ мужъ Полочанъ, къ ратманамъ, што есте съ княземъ Семеномъ миръ взяли и съ мужи Полочаны, штобы то такъ и держати тотъ миръ крѣпко» (Русско-Ливон. акты № 134). Или въ другой грамотѣ: «Паномъ пріятелемъ и сусѣдомъ нашимъ: пану войту, и бурмистрамъ и радцамъ, и мѣщанамъ и всему посольству Ризьскаго мѣста, наша пріязнь на вся часы отъ бояръ Полотскихъ, и отъ мѣщанъ и отъ всего посольства Полоцкаго мѣста». (1476 года грам. *ibid.* № 264). Или еще: «Инонечи послали Полоцкіи бояре и мѣщане и все посольство Полоцкое мѣсто свое послы Полоцкыи и з верещимъ листомъ, отъ бояръ на имя панъ Сенько Радковичъ, а отъ мѣщанъ панъ Евлашко Ѳедоровичъ, панъ Зеновій Боцько, до вашей ратуши и до всего Ризьскаго мѣста. А Рижане выбрали отъ своихъ ратмановъ три. 1478 годъ». (*ibid.* № 265). Или отъ намѣстника Полоцкаго и отъ всѣхъ мужъ Полочанъ, отъ мала до велика, поклонъ всѣмъ ратманамъ большимъ и всѣмъ мѣстичамъ Рижанамъ (*ibid.* № 278). Или отъ пана Василья Дми-

тріевича, и отъ боярь Полоцькихъ, и отъ мѣстичовъ и отъ всѣхъ мужъ Полочанъ, отъ всего посполства, пріателемъ нашимъ панамъ ратманамъ Рижскимъ и проч.» (ibid. № 280). Эта форма грамотъ совершенно одинакова съ формою грамотъ Новгородскихъ; а Новгородскія грамоты писались отъ имени вѣча,—отъ всѣхъ большихъ и меньшихъ; слѣдовательно и въ Полотскѣ таковыя грамоты писалась по приговору вѣча, хотя въ нихъ и не упоминается имени вѣча; и такимъ образомъ Полотскѣ управлялся вѣчемъ даже во время владычества Литовскихъ князей вплоть до введенія Магдебургскаго права въ 1498 году, съ котораго времени Полотскія грамоты стали писаться уже не отъ большихъ и меньшихъ, а отъ войта, бурмистровъ и радцевъ и всего посполства.

Лѣтописи и другіе памятники представляютъ намъ, хотя очень немногія и отрывочныя, но тѣмъ не менѣе прямыя свидѣтельства о значеніи и дѣятельности вѣча въ Полотскѣ. Такъ въ самое крутое время въ 1128 году, когда Полотскія владѣнія были разгромлены великимъ походомъ Кіевского князя Мстислава Владимировича со всѣми южными князьями, Полотское вѣче является представителемъ всей Полотской земли, и мимо своихъ князей вступаетъ въ прямыя переговоры съ самимъ Мстиславомъ; въ лѣтописи сказано: «и тако Полочане сътнувшесе выгнали Давыда съ сынами, поемши Рогволода идоша къ Мстиславу, просяче его себѣ княземъ; и створи волю ихъ Мстиславъ, поемши Рогволода ведоша ѓ Полотску». (Ипат. лѣт., ст. 11). Точно также въ 1151 году Полотское вѣче распорядилось удаленіемъ своего князя Рогволода Борисовича въ Минскъ и приглашеніемъ

къ себѣ Ростислава Глѣбовича; лѣтопись говоритъ: «яша Полочане Рогволода Борисовича князя своего и послаша Меньску, и ту держаша ѹ велицѣй нужи, а Глѣбовича себѣ уведоша; и прислашася Полочане къ Святославу Ольговичу, яко имѣти его (Святослава) отцемъ себѣ и ходити въ послушаньи его; и на томъ цѣловаша крестъ» (ibid. стр. 66). Здѣсь, какъ и въ первомъ свидѣтельствѣ, Полотское вѣче вступаетъ въ переговоры съ стороннимъ княземъ и при томъ отъ своего имени, а не отъ имени своего князя, объ имени котораго даже и не упоминается въ договорѣ; вѣче ведетъ дѣло само по себѣ одно, и кажется смотритъ на своего князя не иначе, какъ на выборнаго сановника, не имѣющаго особеннаго значенія во внѣшнихъ сношеніяхъ. То же самое повторяется въ 1186 году при нашествіи на Полотскъ Давыда Смоленскаго и Мстислава Новгородскаго; Полотское вѣче также вступаетъ въ договоръ съ сими князьями мимо своихъ князей; въ лѣтописи сказано: «Полочане, судмавшие (конечно на вѣчѣ) рекуще: не можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смольняномъ; аще попустимъ имъ въ землю свою, аще и миръ створимъ съ ними; а много ны зла створятъ, попустошатъ ны землю идучи до насъ, пойдемъ къ нимъ на сумежье; и собравшася вси идоша къ нимъ и срѣтоша ѹ на межахъ съ поклономъ и честію, и даша имъ дары многи; и уладишася и розъидошася въ страны своя каждо ихъ» (Лавр. лѣт., стр. 170). Или въ 1159 году, Полотское вѣче вступило въ договоръ съ княземъ Друцкимъ Рогволодомъ Борисовичемъ и заставило удалиться своего князя Ростислава Глѣбовича; и когда Ростиславъ, по приглашенію Полочанъ, ѡхалъ

въ Полотскѣ изъ Бѣльчици, то одинъ дѣтскій нагналъ его и сказалъ: «небѣди княже вѣче ти въ городѣ, а дружину ти избиваютъ, а тебя хотятъ яти» (Ипат. лѣт., стр. 83). Во всѣхъ сихъ извѣстіяхъ, выключая послѣдняго и многихъ другихъ, хотя не упоминается прямо о вѣчѣ, но очевидно народъ въ Полотскѣ дѣйствуетъ вѣчевымъ порядкомъ, совершенно одинаково съ Новгородцами.

Дошедшіе до насъ, хотя поздніе, официальные акты Полотска также прямо свидѣтельствуютъ, что главною властію въ Полотскѣ было вѣче или народное собраніе всѣхъ гражданъ большихъ и меньшихъ. Такъ договорная грамота между Полотскомъ и Ригю 1407 года была писана отъ имени всего вѣча, въ грамотѣ сказано: «мы мужи Полочане даемъ вѣдати, кто сію грамоту узритъ или услышитъ чтучи. Князь великій Витовтъ, господарь нашъ, докончалъ промежъ насъ и смирилъ насъ вѣчно, межи Полоцкаго города и Ризькаго города» (Ак. Зап. Рос., Т. I, № 16). Здѣсь въ договорѣ не упоминается ни о какихъ Полотскихъ властяхъ кромѣ вѣча. Мы мужи Полочане и больше никого, никакого сановника Полотскаго». Или въ грамотѣ 1330 года мы встрѣчаемъ договаривающимися только Полочанъ, т. е. Полотское вѣче безъ участія князя или другихъ какихъ властей; въ договорѣ этомъ прямо сказано: «Такъ хотимъ мы горожане (Полоцкіе) съ мештеремъ переже, како вѣсити воскъ на скальвахъ, а вамъ чинити такожь нъ тяжелѣй нашего полпуда. Ажо привезетъ нечистый товаръ, а нелюбъ будетъ, поѣхати ему назадъ со своимъ товаромъ, а свой князь тамо казнить». (Ак. Ливон., № LXXIV). По свидѣтельству сего договора князь только

казнить того, кто преступить договоръ. Или въ грамотѣ Витовта 1399 года сказано: «у Полотску Полочанамъ добрымъ людемъ крестъ цѣловати на томъ, что имъ чинити Нѣмцемъ всю правду и во всей у торговли и во всякомъ торговомъ дѣлѣ, такоже и у Ризѣ къ Полочанамъ цѣловати крестъ Нѣмцемъ добрымъ людемъ» (ibid. № СХХІІ). Здѣсь опять говорится только о Полочанахъ, т. е. вѣчѣ, а не о какихъ-либо Полотскихъ властяхъ. Или въ другой грамотѣ безъ года: «отъ намѣстника отъ Полоцькаго отъ Монтигирда и ото всѣхъ мужъ Полочанъ (князя великаго Витовтовымъ повелѣньемъ) къ ратманамъ: што есте со княземъ Семеномъ миръ узали и съ мужи Полочаны, што бы тако и здержали тотъ миръ крѣпко, а мы такъ и держимъ крѣпко, доколѣ изыдетъ. (ibid. № СХХХІV). Здѣсь опять грамоту пишутъ съ земской стороны мужи Полочане (вѣче), и со стороны Витовта его намѣстникъ, или князь Семень и опять мужи Полочане, вѣче, и нѣтъ никакихъ иныхъ земскихъ властей. Или въ грамотѣ 1404 года: «мы Полочане даемъ вамъ вѣдомо, кто сю грамоту узритъ, што же мистеръ Задвинскій отпустилъ нятци Полоцки и товаръ, на руки князя великаго Витовта и наши руки. (ibid. № СLII). Здѣсь рядомъ вѣче и князь даже при Витовтѣ. Или въ грамотѣ 1405 г. изъ Риги: «Мы ратмане Рижскіе, скончали есмы съ Полочаны, на Божію милость надѣючись, штоже Полочанамъ всѣмъ Нѣмецкимъ купцемъ Ризьскимъ слично и праводѣяти всякоимъ торговемъ дѣлѣ и торговлею безъ всякія хитрости право чинити на обѣ стороне межи собою. . . . Такоже мы хотимъ Русскимъ купцамъ у Ризи чинити» (ibid. № СLIII). Здѣсь опять одно

Полотское вѣче. Или въ Полотской грамотѣ въ Ригу того же года: «А се мы Полочане всѣ добрые люди и малые, надѣючись на Бога святого, Софья милость и князя великого Витовта здоровье, хотимъ съ тобою князь мештеру любовь держати и съ твоею братіею со всѣми ридели. Такожъ хотимъ съ вами Ризьскіе ратмане и со всѣми Ризьскіе купцы межи себе пріязньство держати и любовь на обѣ стороне крѣпко (ibid. № CLIV). Здѣсь, подобно какъ въ Новгородскихъ грамотахъ поминаются только большіе (добрые) и меньшіе (малые), т. е. все вѣче, полное народное собраніе. Или въ договорной грамотѣ между Ригою и Полотскомъ 1407 года: «мы мужи Полочане даемъ вѣдати, кто на сію грамоту узритъ, или услышитъ чтучи. Князь Великій Витовтъ Литовскій, господарь нашъ, докончалъ межи насъ и смирилъ насъ вѣчно, межи Полоцька города и Ризьскаго города. Аже что Полочанинъ проступитъ Ризѣ, ино имъ того до Полоцька послати, ино его тамъ Полочане судять по своему праву. Также Нѣмечскій купецъ што проступитъ у Полоцьку; ино его послати къ Ризѣ, ино его тамъ судять по Ризьскому праву» (ibid. № CLXIV). А въ грамотѣ отъ 1409 года сказано: «Отъ князя Ивана Семеновича Полотского намѣстника и отъ всихъ мужъ Полочанъ князю Мештеру Ризьскому и всимъ ратманомъ Ризьскимъ поклонъ. Што есте прислали къ намъ ратмана Федора; и онъ съ нами докончалъ» (ibid. № CLXXII). Эта форма чисто Новгородская, съ тою только разницею, что въ Полотскѣ по грамотѣ нѣтъ ни посадниковъ, ни тысяцкихъ, ни другихъ земскихъ сановниковъ, а только княжій намѣстникъ и вѣче. Или въ грамотѣ 1465 года: «Отъ

мѣщанъ Полоцкихъ и отъ всего посольства Полоцкаго мѣста тымъ почесливымъ сусѣдомъ нашимъ и пріятелемъ честнымъ и милымъ, пану бурмистру и радцамъ и всѣмъ мѣщанамъ Ризьскимъ поклонъ пріятельскій» (ibid. № ССXLIX). Опять грамота писана отъ всего города, т. е. отъ вѣча, и ни одного сановника. То же почти въ другой грамотѣ того же 1465 года: «Отъ пана Олехнова, намѣстника Полоцкаго Михаила, и отъ мѣщанъ Полоцкихъ и отъ всего посольства Полоцкаго мѣста, сусѣдомъ и пріятелемъ нашимъ, пану бурмистру и войтамъ, и радцамъ и всѣмъ ратманамъ Ризьскаго мѣста поклонъ» (ibid. № ССL). Обѣ сіи грамоты писаны обѣ одномъ предметѣ, именно о прекращеніи мороваго повѣтрія въ Полотскѣ, и по случаю этого прекращенія о начатіи снова свободной торговли Полотска съ Ригою; грамоты по содержанию своему, слѣдовательно, одинаковы; главная разница состоитъ только въ томъ, что первая писана отъ одного Полотскаго вѣча, а вторая отъ княжаго намѣстника и отъ вѣча. Изъ сраженія сихъ грамотъ можно заключить, что вѣче въ Полотскѣ пользовалось бѣльшею самостоятельностью, чѣмъ княжій намѣстникъ; ибо намѣстникъ одинъ безъ вѣча не могъ сношаться съ сосѣдями, а вѣче сносилось одно. Или въ грамотѣ 1475 года въ Ригу: «паномъ и пріятелемъ и сусѣдомъ нашимъ: пану войту, и бурмистромъ, и радцамъ и мѣщанамъ и всему посольству Ризьскаго мѣста, наша пріязнь на вся часы отъ бояръ Полоцкихъ и отъ мѣщанъ и отъ всего посольства Полоцкаго мѣста» (ibid. № ССLXIII). Или въ грамотѣ 1478 года: «Буди вѣдомо всѣмъ добрымъ людямъ. . . какъ промежи насъ честныхъ

пановъ и бояръ Полоцкихъ, и мѣщанъ, и всего поспольства Полоцкаго мѣста, а также отъ всѣхъ почестливыхъ пановъ бурмистровъ, и ратмановъ, и купцовъ и всего поспольства Ризьскаго мѣста, какъ была промежи насъ нелюбовь и неизгода.. и нонѣчи послали Полоцкіе бояре, и мѣщане, и все поспольство Полоцкаго мѣста свои послы Полоцкіи и з верещимъ листомъ, отъ бояръ на имя панъ Сенько Радковичъ, а отъ мѣщанъ панъ Евлашко Ѳедоровичъ, панъ Зиновей Боцько, до вашей ратуши и до всего Ризьскаго мѣста» (ibid. № ССLXV). Эта грамота по формѣ своей почти одинакова съ Новгородскою грамотою къ Московскому Великому Князю Дмитрію Ивановичу Донскому отъ 1370 года; тамъ также особые послы отъ бояръ и особые послы отъ купцовъ и отъ черныхъ людей. Или также совершенно по Новгородски въ другой грамотѣ того же года: «отъ намѣстника Полоцкаго и отъ всѣхъ мужъ Полочанъ и отъ мала и до велика поклонъ всѣмъ ратманомъ большимъ и всѣмъ мѣстичомъ Рижаномъ малу и велику» (ibid. № ССLXXVIII).

Такимъ образомъ по всѣмъ свидѣтельствамъ съ древнѣйшихъ временъ почти до конца XV вѣка Полотскъ, подобно Новгороду великому, управлялся вѣчемъ, такъ что въ одномъ столѣтїи и въ Новгородѣ и въ Полотскѣ было уничтожено вѣчевое управленіе, и даже Полотское вѣче немногими годами пережило Новгородское вѣче; хотя исторія того и другаго при видимомъ сходствѣ была далеко не одинакова, и Полотское вѣче почти тремя столѣтїями раньше утратило свою самостоятельность и независимость. Первоначально Полотское вѣче находилось въ такомъ же

положеніи какъ и Новгородское, т. е. пользовалось полною самостоятельностью и представляло верховную власть какъ въ самомъ Полотскѣ, такъ и въ многочисленныхъ его пригородахъ и во всей Полотской землѣ и ея колоніяхъ въ Литвѣ, на Жемойти и Летыголъ; князья изъ дому Изяслава Владимировича, какъ выдѣленные изъ племени Рюриковичей, нисколько не стѣсняли этой самостоятельности вѣча, а напротивъ сами зависѣли отъ него, подобно какъ Новгородскіе князья отъ Новгородскаго вѣча. Зависимость Полотскихъ князей отъ тамошняго вѣча едва ли даже не была сильнѣе, чѣмъ зависимость Новгородскихъ князей отъ Новгородскаго, вѣча; ибо князья избираемые Новгородомъ всегда имѣли наслѣдственные удѣлы въ другихъ Русскихъ княжествахъ; Полотскіе же князья изъ потомковъ Изяслава не имѣли никакихъ владѣній въ Полотской земли, и по необходимости были въ полной зависимости отъ Полотскаго вѣча которое съ большею свободою могло предлагать условія приглашаемому князю, и тотъ волей-неволей долженъ былъ соглашаться на нихъ, чтобы не остаться ни причемъ; по крайней мѣрѣ такъ было въ большей части случаевъ. Но когда Изяславичей смѣнили Гедиминовичи изъ Литовскихъ князей, то съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнилось и положеніе Полотскаго вѣча. У Гедиминовичей много было владѣній въ Литвѣ, Жемойти и въ другихъ краяхъ; слѣдовательно имъ не было особой надобности въ Полотскѣ; при томъ еще при Изяславичахъ Полотскъ почти утратилъ вліяніе на свои пригороды, особенно отдаленные, и сталъ какъ-то особнякомъ даже въ Полотской землѣ, хотя еще и не лишался первенства

между городами тамошняго края. А по сему Полотское вѣче не могло уже предлагать своихъ условій Гедиминовичамъ, оно волей-неволей признавало ихъ власть и получало отъ нихъ сперва удѣльныхъ князей, а потомъ намѣстниковъ; тѣмъ не менѣе Гедиминовичи признавали Полотскъ старѣйшимъ городомъ, предоставляли ему управляться вѣчемъ и насколько не вступались въ вѣчевые тамошніе порядки даже въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами, лишь бы вѣче признавало верховную власть великаго князя Литовскаго и принимало отъ него намѣстниковъ, но съ опредѣленными отношеніями къ вѣчу, болѣе или менѣе одинаковыми съ прежними отношеніями князей Изяславичей и похожими на Новгородскія отношенія къ князьямъ или намѣстникамъ великихъ князей Московскихъ. Кромѣ того, власть Полотскаго вѣча, ослабѣвшая и прежде при Изяславичахъ относительно пригородовъ и колоній, при Гедиминовичахъ уже ограничилась однимъ городомъ Полотскомъ и принадлежащею ему землею.

Самое устройство вѣча въ Полотскѣ, по основнымъ своимъ началамъ одинаковое съ Новгородскимъ вѣчемъ, по ходу тамошней исторіи не имѣло того развитія и тѣхъ видоизмѣненій, которымъ подвергалось вѣче Новгородское или Псковское. Въ Новгородѣ и Псковѣ по ходу тамошней исторіи въ XII вѣкѣ успѣли выработаться постоянные органы вѣча, — посадники и тысяцкіе, — сдѣлавшіеся тамъ великими сановниками, до нѣкоторой степени противопоставляемыми князю. Въ Полотскѣ же исторія такъ сложилась, что тамошнее вѣче въ своемъ развитіи не пошло далѣе старости и подвойскихъ, какъ свидѣтельствуютъ памятники;

О посадникахъ и тысяцкихъ тамъ нѣтъ и помину. Въ первый періодъ при Изяславичахъ ни посадникъ, ни тысяцкій не могли выработаться потому, что Изяславичи всегда сами княжили въ Полотскѣ и никогда не посылали туда своихъ намѣстниковъ или посадниковъ; притомъ Изяславичи были въ такой зависимости отъ вѣча и вообще такъ были слабы, что не было и повода къ учрежденію выборныхъ посадниковъ и тысяцкихъ; для тамошняго вѣча было достаточно старость и подвойскихъ, какъ представителей исполнительнѣйшей земской власти. При Гедиминовичахъ первоначально также посылались въ Полотскъ удѣльные князья, а въ послѣдствіи хотя Гедиминовичи и посылали туда намѣстниковъ, какъ представителей своей власти; но въ то время Полотское вѣче было уже до того слабо что не могло и думать объ учрежденіи какихъ либо выборныхъ сановниковъ, независимыхъ отъ великаго князя Литовскаго. Такимъ образомъ Полотское вѣче до самаго уничтоженія своего при великомъ князѣ Александрѣ Казимировичѣ оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при самомъ учрежденіи по первоначальному Новгородскому образцу. Исторія для него не выработала никакихъ органовъ или выборныхъ властей, исключая уличанскихъ и кончанскихъ старость, какъ необходимыхъ представителей общинъ, и еще подвойскихъ, какъ власть приводящую въ исполненіе приговоры вѣча.

Дѣятельность вѣча въ Полотскѣ, по указаніямъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, распространялась какъ на внутреннія, такъ и на внѣшнія дѣла. Вѣче, какъ верховная власть и выраженіе воли народа, издавало законы, имѣло въ своихъ рукахъ верховный судъ; оно

приглашало князей и удаляло ихъ, объявляло войну и заключало миръ и вмѣстѣ съ княземъ и мимо князя, напримѣръ, какъ мы уже видѣли, при нападеніи на Полотскія владѣнія князей Давыда Смоленскаго и Мстислава Новгородскаго въ 1186 году; оно сносилось посольствами и грамотами съ сосѣдними владѣльцами или правительствами даже при Гедиминичахъ, какъ мы это уже видѣли изъ сношеній Полотска съ Ригю. Оно вступало въ союзы съ сосѣдними Русскими князьями, и по своему усмотрѣнію признавало того или другаго изъ Русскихъ князей покровителемъ своей земли; такъ въ 1151 году, пригласивши себѣ въ князя Ростислава Глѣбовича, Полотское вѣче въ слѣдъ за тѣмъ признало покровителемъ Полотской земли Черниговскаго князя Святослава Ольговича, какъ прямо сказано въ лѣтописи: «и прислашася Полочане къ Святославу Ольговичу, яко имѣти его отцомъ себѣ, и ходити въ послушаньи его, и на томъ цѣловаша крестъ» По выраженіямъ лѣтописей, Полотское вѣче прямо приравниваетъ свою власть къ княжеской власти въ другихъ Русскихъ владѣніяхъ. Какъ въ тогдашнее время князя на Руси избирали себѣ старшихъ князей или покровителей и цѣловали имъ крестъ на томъ, что они будутъ послушны старшему какъ отцу; точно также поступаетъ и Полотское вѣче, не спрашиваясь объ этомъ у своего князя, который, ежели хотеть оставаться княземъ въ Полотскѣ, долженъ былъ слѣдовать рѣшенію вѣча. По всему вѣроятію, такая обширная и многосторонняя дѣятельность вѣча въ Полотскѣ развилась по смерти знаменитаго тамошняго князя Всеслава Брючиславича во время междоусобія

его потомковъ, когда княжеская власть, и безъ того ограниченная Полотскимъ вѣчмъ, еще болѣе ослабла отъ раздробленія.

По смерти Всеслава княжеская власть, такъ сказать раздробилась между его потомками, которые получили себѣ тѣ или другіе Полотскіе пригороды; власть же вѣча по прежнему оставалась еще одна и нераздѣльна; а посему всѣ князья Всеславовы потомки были въ большей или меньшей зависимости отъ Полотскаго вѣча, оно сажало ихъ на удѣлы и смѣщало съ одного удѣла на другой. Такъ въ 1151 году вѣче перемѣстило Полотскаго князя Рогволода Борисовича въ Минскъ и содержало его въ большой нуждѣ, а въ Полотскѣ посадило Ростислава Глѣбовича. Или въ 1159 году, выгнавши Ростислава Глѣбовича, Полотское вѣче послало за Рогволодомъ Борисовичемъ въ Друцкъ и приняло Рогволода съ большою честію; за тѣмъ Рогволодъ далъ Изяславль Брячиславу, а Стрѣжевъ Всеволоду, съ Ростиславомъ же заключилъ миръ, не успѣвши выгнать его изъ Минска. Здѣсь по видимому раздавалъ города князьямъ Рогволодъ; но въ сущности онъ раздавалъ ихъ по согласію съ Полотскимъ вѣчемъ, ибо самъ княжилъ въ Полотскѣ по приглашенію вѣча.

Князья въ такихъ отношеніяхъ были къ Полотскому вѣчу, что князь, потерпѣвшій неудачу въ какомъ либо военномъ походѣ, уже не рѣшался воротиться въ Полотскъ; такъ въ 1162 году когда Рогволодъ потерпѣлъ пораженіе подъ Городцомъ, то не смѣлъ уже воротиться въ Полотскъ и бѣжалъ въ Дрютскъ. (Ипат. лѣт. 91). Или въ 1167 году Всеславъ Васильковичъ, разбитый Володаремъ, также не рѣшился воз-

вратиться въ Полотскъ, а бѣжалъ въ Витебскъ подъ покровительство Смоленскаго князя (*ibid.* 93—94). Но очевидно такое отношеніе Полотскаго вѣча къ князьямъ могло быть только при потомкахъ Изяслава Владимировича; при Гедиминовичахъ же оно было немыслимо, — тогда вѣче влачило свое жалкое существованіе уже только потому, что Гедиминовичи дозволяли ему существовать, какъ исконному обычному учрежденію, и при томъ для нихъ безвредному.

По всему вѣроятію были вѣча и въ Полотскихъ пригородахъ, устроенныхъ по образцу своего старшаго города, но они не имѣли большаго значенія; ибо, по общему правилу, должны были повиноваться приговору Полотскаго вѣча, какъ старшаго. И конечно, ежели Полотское вѣче не выработало ни посадниковъ, ни тысяцкихъ: то и въ пригородскихъ вѣчахъ не было сихъ сановниковъ. Мы имѣемъ только неясныя указанія на вѣча въ пригородахъ, такъ есть извѣстіе о вѣче въ Изяславль; подъ 1127 годомъ въ лѣтописи сказано: «Видѣвши Изяславцы князя своего и Лагожаны яже безъ пакости суть переяты, и дашася, рекше Вячеславу: призови ны Бога, яко насъ не даси на щить» (Лавр. лѣт. стр. 131). Или еще въ 1159 году Дрютьское вѣче вступило въ переговоры съ Рогволодомъ Борисовичемъ и приглашало его къ себѣ на княженъе, въ чемъ частію участвовали и Полочане (Ипат. лѣт., стр. 82). Изъ этого извѣстія видно что въ настоящемъ случаѣ Дрютьское вѣче дѣйствовало заодно съ одною партією Полотскаго вѣча.

Судя по симъ неяснымъ указаніямъ, можно полагать, что и въ другихъ Полотскихъ пригородахъ были

свои вѣча, и по общему правилу должны были слушаться приговоровъ вѣча въ старшемъ городѣ Полотскѣ. Но всегда ли они были въ послушаніи у старшаго города, объ этомъ утвердительно сказать нельзя, тѣмъ болѣе, что древняя исторія Полотской земли до Гедиминовичей до насъ дошла въ незначительныхъ отрывкахъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ только темные намеки объ отношеніяхъ пригородовъ къ Полотску, и изъ сихъ намековъ мы можемъ только догадываться, что отношенія пригородскихъ вѣчъ къ Полотскому вѣчу не всегда были нормальны и согласны съ общимъ правиломъ а много усложнялись какою-то отчинностію въ княжескомъ родѣ Изяслава Владимировича а еще болѣе вмѣшательствомъ Кіевскихъ, Смоленскихъ и Черниговскихъ князей, а также союзничествомъ того или другаго племени Литвы съ тѣмъ или другимъ княземъ изъ потомства Изяславова. Такъ въ 1159 году Рогволодъ Борисовичъ, обдѣленный братьями, искалъ себѣ вѣлости при помощи Святослава Ольговича Черниговскаго и выпросилъ у него дружину, и при этой помощи занялъ Дрютьскъ. Или въ 1162 году Володаръ удержалъ за собою Городецъ при помощи Литовцевъ и Литовцы же помогли ему разбить Рогволода Борисовича съ Полочанами. Въ летописи прямо сказано о главномъ участіи въ этомъ дѣлѣ Литвы. «приходи Рогволодъ на Володаря съ Полочаны въ Городьцу; Володаръ же не да ему полку въ дне на почъ выступи на нь изъ города съ Литвою и много зла створися въ ту ночь, овыхъ избиша, а другыя рѣками изымаша множество» (Ипат. лѣт стр 91). Когда же въ первой четверти XIII вѣка утвердился въ Новгородѣ Литовскомъ Миндовгъ изъ

Литовскихъ племенныхъ князей, и потомъ при Гедиминѣ и его наслѣдникахъ отношенія пригородовъ и тамошнихъ вѣчъ къ Полотскому вѣчу совершенно прекратились ; Литовскіе князья уже не думали справляться съ рѣшеніями Полотскаго вѣча, они уже были на столько сильны и Литовскими и Русскими силами, что въ этомъ вовсе не нуждались. А въ 1263 году уже въ самомъ Полотскѣ княжилъ Литовскій князь Товтивиль, племянникъ Миндовговъ (*ibid.* стр. 201). Вѣча можетъ быть продолжали существовать въ Полотскихъ пригородахъ и при Литовскихъ князьяхъ, точно также, какъ и въ самомъ Полотскѣ; но мы не имѣемъ о нихъ никакихъ извѣстій, мы знаемъ только что въ XV столѣтіи еще не во всѣхъ Полотскихъ пригородахъ русскіе старые порядки были замѣнены Магдебургскимъ правомъ, этою обычною въ томъ краю формою отмѣны стараго Русскаго строя; такъ Новгородъ Литовскій, эта столица Миндовга, получилъ Магдебургское право только въ 1511 году. (Собр. грам. Минск. губерн., № 3); слѣдовательно до сего года тамъ еще держались старые вѣчевые порядки.

Князь.

Рядомъ съ вѣчемъ въ Полотской землѣ былъ князь. О князьяхъ въ Полотскѣ есть у Нестора извѣстіе еще задолго до приглашенія Рюрика въ Новгородъ. Несторъ говоритъ: «Словѣни начали держать свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане» Въ Исландскихъ сагахъ также есть извѣстіе о какомъ-то древнемъ Полотскомъ князѣ Палтесѣ, который находился въ подчиненіи у Новгородскаго князя Квиллана. Но какое значеніе имѣли сіи князья и въ какихъ отношеніяхъ находились къ Полотскому вѣчу, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ

извѣстій; изъ приведенныхъ же двухъ извѣстій Нестора и Исландскихъ сагъ мы можемъ только догадываться, что Полотскъ и его князь зависѣли отъ Новгородскаго вѣча. Это же подтверждаетъ Несторъ, говоря что Рюрикъ, утвердившись въ Новгородѣ по смерти своихъ братьевъ, сталъ раздавать своимъ мужамъ города, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро. Такимъ образомъ, дорюриковскіе Полотскіе князья, по всему вѣроятію, были что-то въ родѣ намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Новгорода, да и Рюриковскіе мужи очевидно имѣли то же значеніе. Первымъ самостоятельнымъ князьямъ въ Полотскѣ, независимымъ отъ Новгорода, былъ Варяжскій князь Рогволодъ, о которомъ Несторъ говоритъ: «Бѣ бо Рогволодъ пришелъ изъ-заморья, имяше власть свою въ Полотскѣ, а Туръ въ Туровѣ, отъ него же и Туровцы прозвашася» (Лавр. лѣт., стр. 32). Въ какихъ отношеніяхъ Рогволодъ и Туръ находились къ Полотскому вѣчу, мы объ этомъ не имѣемъ извѣстій; но такъ какъ лѣтопись не говоритъ, чтобы Рогволодъ и Туръ завоевали Полотскую землю; то отсюда можно заключить, что они, подобно Рюрику съ братьями въ Новгородѣ, посажены были Полотскимъ вѣчемъ, одинъ въ Полотскѣ, а другой въ Туровѣ; слѣдовательно по добровольному согласію съ Полотскимъ вѣчемъ и на условіяхъ, которыя оно предложило, т. е. на тѣхъ же самыхъ, на которыхъ Рюрикъ съ братьями былъ принятъ въ Новгородѣ. И Полочане, конечно, сдѣлали это съ цѣлію развязаться съ Новгородомъ, освободить себя отъ зависимости какъ отъ тамошняго вѣча, такъ и отъ князя, и устроиться совершенно также, какъ устроились Новгородцы. Но не-

зависимость Полотска, при помощи Рогволода, была не продолжительна. Въ 980 году Владимиръ изъ Новгорода съ большимъ войскомъ Новгородскимъ и Варяжскимъ подступилъ къ Полотску, разбилъ Рогволода и убилъ его и его сыновей, а дочь его Рогнеду взялъ себѣ въ жены, и затѣмъ, убивъ Ярополка, утвердился въ Кіевѣ, и такимъ образомъ Полотскъ поступилъ въ число владѣній Владимира Кіевского. Впрочемъ Владимиръ, кажется, оставилъ его по прежнему управляться вѣчемъ и даже не назначилъ туда намѣстника, по крайней мѣрѣ лѣтопись не упоминаетъ о Владимировыхъ намѣстникахъ въ Полотскѣ. И такъ продолжалось до 988 года, когда Владимиръ назначилъ въ Полотскіе князья своего сына отъ Рогнеды Изяслава, и выстроилъ для него тамъ городъ Изяславль, конечно имѣя въ виду, что въ самомъ Полотскѣ тяжело будетъ жить князю. Съ этого Изяслава собственно начинаются Полотскіе самостоятельные князья, о которыхъ мы имѣемъ нѣсколько лѣтописныхъ извѣстій. Изяславль, по распоряженію Владимира, былъ посаженъ въ Полотскѣ не въ качествѣ намѣстника, а какъ самостоятельный князь, владѣнія котораго, т. е. Полотская земля, были совершенно выдѣлены изъ прочихъ Владимировыхъ владѣній, и составляли съ того времени отдѣльное княжество, по смерти Владимира и потомъ сына его Ярослава, уже не поступавшее въ раздѣлъ между ихъ дѣтьми, какъ бы выдѣленное изъ прочаго наслѣдства, подобно Новгороду; такъ что Полотская земля, Новгородская земля и Русская, — наслѣдіе Ярославичей, — составляли три самостоятельныя и не подчиненныя одна другой области, или государства, хотя всѣ три

принадлежали къ одному Русскому міру и по княжескому дому имѣли нѣкоторую связь другъ съ другомъ. Впрочемъ Полотская земля въ отношеніи къ княжескому дому была въ бѣльшемъ отчужденіи чѣмъ Новгородъ; ибо Новгородцы избирали князей изъ всего потомства Ярославова, на Полотскъ же Ярославовы потомки не имѣли никакого права,—князья Полотскіе могли избираться только изъ потомковъ Ярославова брата Изяслава, которые съ своей стороны не имѣли никакого права на всѣ прочія Русскія владѣнія; даже въ лѣтописи есть извѣстіе, что между потомками Изяслава и Ярослава была постоянная непримиримая вражда, какъ сказано въ лѣтописи: «оттолѣ мечь взимають Рогволожи внуки противу Ярославлихъ внуковъ» (Лавр. лѣт., стр. 131). Впрочемъ это извѣстіе Суздальскаго лѣтописца скорѣе говоритъ не о враждѣ Изяславичей къ Ярославичамъ, которой на дѣлѣ не было,—ибо потомки Изяслава не рѣдко роднились и вступали въ союзы съ потомками Ярослава,—а выражаетъ дѣйствительную и постоянную ненависть Новгородцевъ къ Полотску, которому они не могли простить приглашеніе Рогволода, какъ самостоятельнаго князя, независимаго отъ Новгородскаго вѣча, и слѣдовательно выражавшаго полное отдѣленіе отъ Новгорода. Самое указаніе на вражду Рогволожихъ внуковъ прямо свидѣтельствуетъ, что причина вражды,—и не княжеской, а народной,—заключалась именно въ принятіи Полочанами Варяга Рогволода, а отнюдь не въ мести Изяславичей потомкамъ Ярослава за убіеніе дѣда. Между сими двумя княжескими линіями не было и причинъ къ подобной мести; ибо и Ярославъ и Изяславъ происходили отъ

одного отца и матери, отъ Владимира и Рогнеды; слѣдовательно, ежели Изяславъ съ своими потомками обязанъ былъ мстить за убіеніе своего дѣда Рогволода, то конечно та же обязанность лежала и на Ярославѣ и его потомкахъ; тому и другому Рогволодъ одинаково былъ дѣдъ по матери.

Отрицаніе всякаго права Изяславичей на всѣ владѣнія въ Русской землѣ, кромѣ Полотска, естественно ставило этотъ княжескій домъ въ зависимость отъ Полотскаго вѣча, которое смотрѣло на потомковъ Изяслава, какъ на прямыхъ наслѣдниковъ Рогволода, или, какъ сказано въ лѣтописи, «внуковъ Рогволожихъ». А Рогволодъ былъ принятъ въ Полотскѣ такъ же какъ Рюрикъ въ Новгородѣ, на условіяхъ зависимости отъ вѣча какъ въ Полотскѣ, такъ и въ Полотскихъ пригородахъ. Но въ чемъ именно состояла эта зависимость и какія были права и обязанности князя, мы на это не имѣемъ свидѣтельствъ прямыхъ; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ Полотскѣ верховная власть была въ рукахъ вѣча, какъ мы это уже видѣли выше, власть же князя была вторая послѣ власти вѣча. Вѣче, какъ мы уже видѣли, избирало князя, вѣче же показывало ему путь или удаляло его. При Изяславичахъ князь въ Полотскѣ не иначе могъ княжить, какъ съ согласія вѣча или сильнѣйшей партіи на вѣчѣ; на это, при всей бѣдности извѣстій о Полотскихъ событіяхъ, мы имѣемъ довольно свидѣтельствъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи. А также довольно ясно указываетъ на одинаковость отношеній Полотскаго князя къ вѣчу съ отношеніями Новгородскаго князя къ Новгородскому вѣчу и то обстоятельство, что Полотскій князь жилъ соб-

ственно не въ Полотскѣ, а подъ Полотскомъ на Бѣльчицѣ, гдѣ жила и его дружина, точно такъ же какъ Новгородскій князь постоянно жилъ на Городищѣ, а не въ Новгородѣ; въ самый Полотскъ или Новгородъ князья только прѣзжали на время или по приглашенію вѣча, или по своимъ надобностямъ; постоянно же они жили вмѣстѣ съ своею дружиною въ Новгородѣ на Городищѣ, а въ Полотскѣ на Бѣльчицѣ. Такъ подъ 1159 годомъ лѣтопись говоритъ: «и начаша Полочане Ростислава звати лестію у братчину къ святой Богородицѣ старѣй на Петровъ день, да ту имуть ѹ, онъ же Ѣха къ нимъ изволочився въ бронѣ подъ порты, и не смѣша на нь дерзнути. На утрій же день начаша ѹ вабити къ собѣ, рекуче: княже поѣди къ намъ, суть ны съ тобою рѣчи; поѣди же къ намъ въ городъ» Здѣсь мы ясно видимъ приглашеніе князя въ городъ для разсужденій на вѣчѣ, граждане говорятъ: *«суть ны съ тобою рѣчи»*. Далѣе лѣтопись продолжаетъ, что князь, извѣщенный дѣтскимъ о вѣчѣ въ городѣ и о намѣреніи схватить его, «и ту воротися опять; и совокупився весь съ дружиною на Бѣльчици, и оттуда поиде полкомъ къ брату Володареви Минску». (Ипат. лѣт., стр. 83). Значить, князь не могъ и думать о сопротивленіи вѣчу, и такъ былъ слабъ съ своею дружиною противъ воли вѣча, что, узнавши о вѣчѣ, поспѣшилъ собрать дружину и удалиться отъ Полотска въ болѣе безопасное мѣсто.

Первоначально Владимиръ, при назначеніи удѣловъ своимъ сыновьямъ, очевидно думалъ о возможности высвободить Полотскаго князя отъ вліянія Полотскаго вѣча; и для сего выстроилъ новый городъ Изяславль не подалеку отъ Минска и поближе къ сво-

имъ владѣніямъ, и посадилъ тамъ своего сына Изяслава. То же сдѣлалъ Изяславъ и посадилъ своего сына Брячислава въ новостроенномъ Брячиславлѣ, поближе къ Полотску. Но ни тому ни другому князю не удалось перетянуть центръ власти надъ всею Полотскою землею въ новостроенные княжіе города; власть по прежнему осталась въ старшемъ земскомъ городѣ въ Полотскѣ, гдѣ находилось главное вѣче всей Полотской земли съ ея колоніями. И сильнѣйшій и знаменитѣйшій Полотскій князь Брячиславовъ сынъ Всеславъ долженъ былъ передвинуться къ Полотску и дѣйствовать заодно съ вѣчемъ, не замышляя о подчиненіи себѣ вѣча и о перетягиваніи центра власти изъ Полотска въ другой какой-либо городъ, въ чемъ преимущественно, кажется, и состояла особенная сила Всеслава, не смотря на многія неудачи и несчастія. Преемники Всеслава, его многочисленные сыновья и внуки, уже не могли и думать о подчиненіи Полотска другому какому-либо городу; они избрали другое направленіе и начали заботиться объ утвржденіи своей власти въ Полотскихъ пригородахъ; но и здѣсь собственными силами они немогли высвободиться отъ вліянія и даже власти Полотскаго вѣча. И ежели иногда удавалось имъ это не на долгое время, то не иначе какъ при помощи сосѣднихъ князей или Кіевскихъ, или Черниговскихъ, или Смоленскихъ, или наконецъ въ союзѣ съ полувисимою отъ Полотска Литвою, чѣмъ преимущественно дѣлали князья, утвердившіеся въ Новгородѣ Литовскомъ, въ Городцѣ и другихъ городахъ сосѣднихъ съ Литовскими пущами и лѣсами. Литовская помощь князьямъ мало-по-малу пріобрѣтала большое значе-

ніе въ цѣломъ строѣ Полотской земли; ибо само Полотское вѣче благосклоннѣе смотрѣло на участіе Литовцевъ, чѣмъ на союзы своихъ князей съ сосѣдними князьями. Съ одной стороны Полочане въ Литовцахъ видѣли своихъ же людей, составляющихъ съ ними одно; а съ другой стороны—сосѣдніе князья, помогая тому или другому Полотскому князю, всегда имѣли въ виду или подчиненіе Полотской земли себѣ, или раздробленіе ея и увеличеніе своихъ владѣній, тогда какъ Литовцы сознательно или несознательно всегда стояли за единство и цѣлость Полотской земли, и почти всегда помогали тѣмъ князьямъ, которые стояли за Полотскую землю противъ другихъ Полотскихъ князей, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ сосѣдними Русскими князьями; такъ что Русскіе князья, воюя съ Полотскими князьями, вмѣстѣ воевали и съ Литвою. Слѣдовательно въ глазахъ Полочанъ, Литовцы всегда были собственно на сторонѣ Полотска; а не на сторонѣ сосѣднихъ князей, искавшихъ случая поживиться на счетъ Полотской земли. А потому тѣ Полотскіе князья, которые дѣйствовали при помощи Литовцевъ, скорѣе могли сойтися съ Полочанами, хотя и не всегда, т. е. Литовское вліяніе еще не могло подчинить себѣ Полотскаго вѣча. Полотское вѣче во все то время, когда княжилъ тамъ Изяславовъ родъ, на столько еще было сильно, что постоянно держало Полотскихъ князей въ зависимости отъ себя; и ежели иногда временно уступало посторонней силѣ, то только временно, и отъ своего исконнаго права еще не отказывалось, хотя нельзя не сознаться, что по времени власть Полотскаго вѣча постоянно ослабѣвала.

Многочисленные потомки Всеслава Брячиславича, владѣвшіе въ Полотскѣ и въ Полотскихъ пригородахъ, можетъ быть по распоряженію самаго Всеслава, какъ бы подѣлили Полотскую землю, и образовали въ ней нѣсколько княжествъ, или княжескихъ удѣловъ, которые считались какъ бы отчиною того или другаго княжескаго рода въ потомствѣ Всеслава. Но эта отчинность относилась собственно къ преемству княжеской власти въ томъ или другомъ княжествѣ; самая же княжеская власть отъ этого не приобрѣтала никакой особой силы: она по прежнему во всѣхъ Полотскихъ удѣлахъ оставалась въ тѣхъ границахъ, въ какихъ пользовался этою властію Варягъ Рогволодь. Самую отчинность князя должны были поддерживать стороннею помощію; Полотское же вѣче на эту отчинность вовсе не обращало вниманія, и въ своихъ распоряженіяхъ, относительно замѣщенія княжескихъ столовъ, вовсе не справлялось съ нею; для вѣча всѣ князя были равны, и оно избирало изъ нихъ любаго, чтобы посадить на томъ или другомъ княжествѣ. По смерти Всеслава, осталось семь сыновей: Романъ, Борисъ, Давыдь, Глѣбъ, Святоставъ, Рогволодь и Ростиславъ. Который изъ Всеславовыхъ сыновей былъ старшій, и кому какой достался удѣлъ, мы объ этомъ не имѣемъ ясныхъ указаній. Но мы знаемъ, что по смерти отца, братья перессорились и не дали или лишили удѣловъ Романа и Давыда. Обдѣленные братья, не найдя пристанища въ Полотской землѣ и у своихъ братьевъ, принуждены были скитаться по землямъ и искать помощи или по крайней мѣрѣ пристанища у сосѣднихъ Русскихъ князей, и Давыдь нашель пристанище, а можетъ и обѣщаніе

помощи у Переяславскаго и Смоленскаго князя Владимира Мономаха, съ которымъ въ 1103 году участвовалъ въ походѣ на Половцевъ; а на слѣдующій годъ онъ уже перешелъ къ Олегу Святославичу Черниговскому и вмѣстѣ съ нимъ и Мономаховымъ сыномъ Ярополкомъ ходилъ къ Минску на своего брата Глѣба; вѣроятно походъ этотъ былъ предпринятъ для отысканія удѣла Давыду, можетъ быть отнятаго Глѣбомъ, но онъ кончился ничѣмъ. Гдѣ скитался другій Полотскій изгнанникъ, Давыдовъ братъ Романъ, мы не знаемъ, есть только извѣстіе, что въ 1114 г. онъ умеръ въ Рязани. Между тѣмъ Момахъ породнился съ Полотскимъ княземъ Борисомъ, выдавъ замужъ свою внуку, дочь Мстислава, за Борисова сына Брячислава, отъ Давыда же Всеславича вовсе отказался, какъ это можно видѣть изъ того, что въ 1115 году Момахъ, взявши въ плѣнъ и отвезши въ Кіевъ Минскаго князя Глѣба, Минскія владѣнія отдалъ его сыновьямъ: Ростиславу, Володарю и Всеволоду, Давыда же не только не надѣлилъ изъ Минской области, но даже и не помянулъ о немъ. Но Давыдъ, потерявши покровителя въ Момахѣ, нашелъ покровительство у Черниговскихъ князей и при ихъ помощи, а еще болѣе успѣвши какъ-то приобрѣсти себѣ расположеніе Полотскаго вѣча, выгналъ изъ Полотска своего брата Бориса и самъ сдѣлался Полотскимъ княземъ. Этимъ воспользоваться Борисовъ свать Мстиславъ Владимировичъ Момашичъ, и, какъ бы вступаясь за Бориса, нагрязнулъ съ разныхъ сторонъ на Полотскую землю и побралъ нѣсколько Полотскихъ пригородовъ. Полочане, видя бѣду, поспѣшили выгнать отъ себя Давыда и его сыновей,

вступили въ переговоры съ Мстиславомъ, и при помощи переговоровъ успѣли отклонить возвращеніе Бориса въ Полотскъ, вѣроятно не довольны будучи его прежнимъ правленіемъ, и выпросили у Мстислава согласіе принять къ себѣ въ князья пятаго Всеславича Рогволода. Но Мстиславъ не кончилъ дѣла съ Полотскими князьями изгнаніемъ Давыда; онъ кажется обязалъ всѣхъ Полотскихъ князей признать надъ собою власть Кіевскаго князя на опредѣленныхъ условіяхъ; и когда князья не выполнили сихъ условій, то на другой же годъ велѣлъ схватить ихъ и сослать въ заточеніе въ Константинополь, а по ихъ городамъ посажалъ своихъ мужей, а за тѣмъ въ Полотскъ и Минскъ посадилъ князьями своихъ сыновей, Изяслава и Святополка. Борисъ же Всеславичъ скончался въ слѣдующемъ 1129 году.

Такимъ образомъ, въ продолженіи двадцати осми лѣтъ по смерти Всеслава, три Всеславича: Романъ, Глѣбъ и Борисъ умерли; трое—Давыдъ, Ростиславъ и Святославъ—сосланы въ заточеніе въ Константинополь; и въ то же время трое—Борисъ, Давыдъ и Рогволодъ, перебивали на Полотскомъ столѣ, отымая его другъ у друга при помощи Кіевскихъ и Черниговскихъ князей. И наконецъ въ это же время вся Полотская земля или вѣрнѣе лучшіе ея города и самый Полотскъ были отданы Мстиславовымъ мужамъ и его сыновьямъ Изяславу и Святополку. Мы не знаемъ, на сколько принимало участія Полотское вѣче во всѣхъ сихъ перемѣнахъ; тѣмъ не менѣе мы имѣемъ извѣстія, что вѣче на столько связывало самостоятельность Полотской земли съ Изяславовымъ родомъ, что даже послѣ Мстиславова разгрома, ког-

да уже все казалось потеряннымъ, Полочане немедленно по смерти Мстислава выгнали его сыновей и мужей изъ Полотскихъ городовъ, и гдѣ-то отыскиали Василька Святославича, сына Святослава, сосланнаго въ заточеніе, и посадили его княземъ въ Полотскѣ. За тѣмъ, когда черезъ десять лѣтъ возвратились два княжича изъ заточенія, то и тѣхъ посадили по городамъ въ ихъ удѣлахъ.

Но возвращенные князья по прежнему не переставали междуусобствовать, и союзничать и родниться съ князьями Кіевскими и Черниговскими, ожидая отъ нихъ пособія въ случаѣ нужды. Такъ въ 1143 году Василько Святославичъ Полотскій выдалъ свою дочь за Святослава сына Всеволода Ольговича; а другій Полотскій князь Рогволодъ Борисовичъ женился на дочери Изяслава Мстиславича Переяславскаго. При такихъ отношеніяхъ вліяніе Кіевскихъ и Черниговскихъ князей на Полотскія дѣла такъ усилилось, что даже Полотское вѣче, чтобы поддержать свое рѣшеніе, искало у нихъ союза и покровительства. Такъ въ 1151 году Полочане, сославши въ заточеніе въ Минскъ своего князя Рогволода Борисовича, и принявши себѣ въ князья Ростислава Глѣбовича, назвали себѣ отцемъ Святослава Ольговича, князя Новгородъ-Сѣверскаго, и цѣловали къ нему крестъ на томъ, чтобы быть у него въ послушаньи. Но Рогволодъ успѣлъ уйти изъ Минска, и въ 1159 году началъ себѣ искать волости въ Полотскихъ владѣніяхъ, имѣя при себѣ дружину Святослава Ольговича, и, засѣвши въ Слуцкѣ, вступилъ въ сношенія съ Дрючанами и съ своею партією въ Полотскѣ. Дрючане и частію Полочане приняли его сторону и пригласили его въ

Дрютьскъ , а княжившаго тамъ Глѣба Ростиславича ограбили и выгнали. Глѣбъ, бѣжавши къ отцу въ Полотскъ, возбудилъ въ Полочаныхъ великій мятежъ; впрочемъ Ростиславу на первый разъ удалось уладиться съ Полочанами, и онъ съ Всеволодомъ и Володаремъ и со всею братьею Глѣбовичами осадилъ Рогволода въ Дрютьскъ, но не взявши города помирился съ Рогволодомъ и воротился въ Полотскъ. Между тѣмъ Полочане продолжали тайно сноситься съ Рогволодомъ и наконецъ заставили Ростислава бѣжать въ родовой Минскъ, а Рогволода приняли въ Полотскъ. Утвердившись въ Полотскѣ, Рогволодъ, при помощи Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, двинулся къ Минску, держалъ его въ осадѣ десять дней, и, не взявши города, заключилъ съ Ростиславомъ миръ. Но съ Глѣбовичами миръ былъ не проченъ, они и сами съ своими средствами были довольно сильны, что и доказали выдержаніемъ осады; кромѣ того, они имѣли сильныхъ и усердныхъ союзниковъ въ сосѣднихъ Литовскихъ племенахъ, при помощи которыхъ снова начали войну съ Рогволодомъ, которая продолжалась до 1162 года, и кончилась тѣмъ, что Рогволодъ, разбитый на голову подъ Городцомъ, уже не смѣлъ воротиться въ Полотскъ и бѣжалъ въ Слуцкъ; Полочане же выбрали себѣ въ князя Всеслава Васильковича, внука Святослава Всеславича, бывшаго въ родствѣ съ Смоленскими князьями.

Полочане при выборѣ Всеслава имѣли въ виду получить, въ случаѣ нужды, дѣятельную помощь отъ Смоленскихъ князей: ибо ожидали нападенія отъ Глѣбовичей Минскихъ, которые, разбивъ Рогволода, легко уже могли напасть и на Полотскъ, особенно при по-

мощи Литвы, — что действительно и послѣдовало. Черезъ пять лѣтъ Володарь Глѣбовичъ полу-Литвинъ, полу-Русскій по своему образу жизни, въ 1167 году напалъ на Полотскъ, разбилъ Всеслава и совсѣмъ бы завладѣлъ Полотскомъ, ежели бы не явились на выручку Смоленскіе князья, которые заставили его бѣжать въ Минскъ. Такимъ образомъ Полочане чего надѣялись отъ Смоленскихъ князей, то и получили, т. е. Смоленскіе князья, помогая своему родственнику Всеславу, освободили Полотскъ отъ полу-Литвина Минскаго князя Володаря; но зато съ этого времени собственно Полотскіе князья поступили какъ бы въ опеку къ Смоленскимъ князьямъ, и Полотскъ съ тѣмъ вмѣстѣ много потерялъ изъ своего прежняго вліянія на остальные города Полотской земли; часть этого вліянія сперва перешла на Минскъ, столицу Глѣбовичей, къ которымъ тянула Литва, а потомъ изъ Минска эта сила вліянія перешла въ Новгородъ Литовскій, гдѣ утвердился уже настоящій природный Литвинъ князь Миндовъ. Полотскъ же, постепенно теряя свое прежнее значеніе въ отношеніи къ другимъ городамъ Полотской земли; къ началу XIII столѣтія вступилъ въ большую или меньшую зависимость отъ Смоленскихъ князей, такъ что въ 1230 году Смоленскій князь Мстиславъ Давыдовичъ, заключая договоръ съ Ригю, включилъ уже въ этотъ договоръ Полотскихъ и Витебскихъ князей. Минскіе же князья, положившіе начало ослабленію Полотска, а равно и другіе князья изъ потомства Изяслава Владимировича, мало-по-малу къ тому же времени измелчали или вымерли, и ихъ мѣсто заступили сперва Миндовговичи съ столицею въ Новгородъ Литовскомъ,

и за тѣмъ Гедиминовичи съ столицею въ Вильнѣ; но и тѣ и другіе въ Русскомъ направленіи, какъ преемники Изяславичей.

Литовскимъ князьямъ тѣмъ удобнѣе было занять мѣсто Изяславичей, что сіи не могли уже держаться собственными силами, и раздѣлились между Смоленскими и Черниговскими князьями; а Смоленскіе и Черниговскіе князья старались поживиться на счетъ Полотской земли; а посему народъ началъ смотрѣть на нихъ съ недовѣріемъ, какъ на призывателей враждебныхъ сосѣдей для расхищенія Полотской земли. Все это ставило Литовскихъ князей, какъ не нуждавшихся въ посторонней помощи, въ такое выгодное положеніе, что народъ сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на защитниковъ Полотской земли отъ сосѣднихъ Русскихъ князей. Народъ тѣмъ болѣе пріобрѣталъ довѣрія къ Литовскимъ князьямъ, что при выступленіи ихъ на поприще исторической дѣятельности въ сущности ничего не измѣнялось въ Полотской и Литовской землѣ,—земля сія по прежнему оставалась Русскою землею, перемѣнилась только династія князей. Литовскіе князья даже не вели какихъ-либо общихъ войнъ съ потомками Изяслава, не истребляли ихъ, а жили вмѣстѣ и даже роднились съ ними, пока потомки Изяслава не перевелись сами собою; конечно и здѣсь, какъ и вездѣ при перемѣнѣ династїи, не обходилось безъ частныхъ обидъ и притѣсненій того или другаго князя изъ Изяславичей; но это не нарушало общаго положенія страны. Въ Полотской или Литовской землѣ все оставалось по прежнему; по прежнему господствующимъ языкомъ былъ Рускій языкъ, а не Литовскій; по прежнему въ разныхъ

Полотскихъ удѣлахъ, уже называвшихся Литовскою землею, сидѣли оставшіеся еще потомки Изяслава: такъ въ 1246 году въ Полотскѣ былъ княземъ Брячиславъ, очевидно братъ Всеслава Васильковича; или въ 1235 году княжилъ въ Новгородѣ Литовскомъ Изяславъ, вѣроятно правнукъ Глѣба Всеславича Минскаго, можетъ быть внукъ Володаря Глѣбовича, постоянного союзника Литвы, полу-Литвина. Но оставляя все въ Полотской землѣ по прежнему, не уничтожая даже вѣчеваго устройства въ городахъ, гдѣ оно было прежде, Литовскіе князья поставили себя совсѣмъ въ иныя отношенія къ Полотскому вѣчу, нежели въ какихъ были потомки Изяслава.

Потомки Изяслава княжили въ Полотскѣ на правахъ пришельца, Варяга Рогволода, какъ его внуки, по согласію Полотскаго вѣча, на опредѣленныхъ условіяхъ, точно также какъ пришелецъ Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ; у того и у другаго не было земли ни въ Полотскихъ, ни въ Новгородскихъ владѣніяхъ, да и потомки ихъ также не имѣли ея, слѣдовательно они были въ прямой зависимости отъ Полотскаго вѣча. Напротивъ того, Миндовгъ и его преемники, князья Литовскіе, были богатыми землевладѣльцами и племенными князьями въ Литвѣ, слѣдовательно не имѣли надобности ставить себя въ зависимость отъ Полотскаго вѣча; къ тому же, какъ мы уже видѣли самос положеніе вѣча ко времени Миндовга потеряло свое прежнее значеніе и вліяніе на Полотскую землю, а посему имъ уже не было надобности спрашивать Полотское вѣче при занятіи того или другаго города. Они явились защитниками и охранителями независимости и самостоятельности Полот-

ской земли, которую Полотское вѣче уже не могло защищать, и которую уже стали раздроблять сосѣдніе князья при посредствѣ Полотскихъ же князей Изяславичей; и посему въ ихъ рукахъ сосредоточилась верховная власть всей Полотской земли; слѣдовательно такимъ образомъ они сдѣлались выше современнаго имъ Полотскаго вѣча, которое уже отслужило свою службу Полотской землѣ и далѣе продолжать ее не могло, и только какъ изкалеченный и израненный заслуженный боецъ, оставлено на покоѣ новымъ бойцомъ, — великимъ княземъ всей Полотской или теперь Литовской земли. Этотъ новый боецъ, изъ уваженія къ заслугамъ своего стараго предшественника, заслугамъ дѣйствительно великимъ, давшимъ бытіе Полотской землѣ, какъ самостоятельному цѣлому, не рѣшился поднять на него руки; но конечно не имѣлъ нужды, да и не могъ возстановлять его въ прежнемъ значеніи; ибо исторически отжившее уже не воскреснетъ, — это законъ исторіи, котораго не могутъ измѣнить никакія человѣческія усилія. А посему Литовскіе князья и оставили Полотское вѣче доживать свой вѣкъ въ томъ положеніи, въ какомъ они его застали. Они, замѣнивши своею властію прежнюю власть Полотскаго вѣча, не только не стѣсняли этого вѣча въ современномъ имъ положеніи; но даже до нѣкоторой степени охраняли древнія права Полотскія, какъ бы изъ уваженія къ Полотску; какъ метрополии всей Полотской и Литовской земли, какъ это можно видѣть въ уставной грамотѣ 1547 г., въ которой Сигизмундъ Августъ между прочимъ пишетъ: «Зъ особливое ласки наше господарское, вси доброволенства, листы предковъ нашихъ дѣда, дяди и отца

нашего, королей и великихъ князей ихъ милости, симъ нашимъ листомъ подтверждаемъ Полотску права вольныя христіанскія, добрыя справедливыя и симъ нашимъ привилеємъ на вѣчныя часы даемъ... А восводѣ нашему Полотскому, мѣщанъ одному не судити, судити ему съ бояры и мѣщаны. . . . А Полочаны намъ не даритися никому» (Ак. Зап. Рос., Т. III, № 5).

Кромѣ собственно княжеской силы, новой противъ Арист
кратія прежняго времени, при Литовскихъ князьяхъ, важное измѣненіе въ правительственномъ строѣ произошло отъ того, что въ это время, въ слѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ, особенно усилилась аристократія или боярство, и приобрѣло право на самостоятельное участіе въ правленіи великаго князя съ нѣкоторыми оттѣнками феодализма. При Изяславичахъ, когда Полотское вѣче было сильно своею властію, княжіе дружинники или бояре не пользовались никакимъ значеніемъ сами по себѣ, — за ними только было значеніе вольныхъ княжескихъ слугъ, хотя приближенныхъ и довѣренныхъ; вѣче относилось къ князю и знало одного князя, а до княжихъ бояръ ему не было и дѣла; пригласить князя вѣче, съ нимъ придуть и его бояре, удалить князя вѣче, съ нимъ уйдуть и его бояре, такъ что лѣтописи даже не упоминаютъ о княжихъ боярахъ при Полотскихъ князьяхъ. Земскіе бояре того времени хотя пользовались большимъ уваженіемъ и были сильны; тѣмъ не менѣе они не представляли собою особой власти; они были только первенствующими, пожалуй, даже руководителями вѣча, но ихъ общественная дѣятельность не отдѣлялась отъ вѣча. Они должны были дѣйствовать именемъ вѣча. Полотское вѣче, какъ мы уже видѣли,

даже не нашло нужнымъ выработать такихъ важныхъ сановниковъ, какъ посадникъ и тысяцкій, въ другихъ мѣстахъ, имѣвшихъ свою опредѣленную власть.

Но съ выступленіемъ Литовскихъ князей на поприще исторіи въ качествѣ властителей Полотской земли этотъ старый порядокъ совершенно измѣнился. Въ Жемойти и собственно въ Литвѣ, какъ мы уже знаемъ, издавна были сильные роды, владѣвшіе большими землями, какъ изъ самихъ Литвиновъ, такъ и изъ древнихъ Полотскихъ колонистовъ *). Первоначально сами Литовскіе князья произошли изъ сихъ сильныхъ родовъ; по крайней мѣрѣ по нашимъ лѣтописямъ въ давно уже знакомой Русскимъ людямъ Литвѣ, о Литовскихъ князьяхъ упоминается только въ началѣ XIII столѣтія, именно подъ 1215 годомъ, гдѣ вдругъ перечисляются особые князья собственно въ Литвѣ, особые въ Жемойти, особые у Рушковичей и Булевичей и въ Дяволтвѣ. Да и въ Литовскихъ лѣтописяхъ, сжали исключить изъ нихъ явное баснословіе

*) Литовская лѣтопись Быховца еще въ доисторической древности указываетъ на знаменитые аристократическіе роды землевладѣльцевъ въ Литвѣ и Жемойти. Такъ она говоритъ, что еще у доисторическаго Жемойтскаго князя Монвила были радными (самостоятельными участниками княжой думы) панамі: изъ рода Колумновъ Грумпіа, изъ рода Урсиновъ Экшисъ, изъ рода Рожъ Гровжисъ. Изъ нихъ первый владѣлъ лѣсомъ около рѣки Ошмѣны, второй былъ собственникомъ лѣса, по его имени называвшагося Эйкпшискимъ, и третьему принадлежалъ лѣсъ, по его имени названный Гровжискимъ, гдѣ въ послѣдствіи образовались повѣты или уѣзды: Ошменскій, Экшискій и Гровжискій. Отъ сихъ древнихъ родовъ, по словамъ Быховца, произошли знаменитые роды Литовскихъ бояръ, въ послѣдствіи имѣвшихъ большую силу и принимавшихъ дѣятельное участіе въ управленіи Литовскимъ княжествомъ; отъ Грумпіа Гаштольды, отъ Эйкшиса Довойны и отъ Гровжиса Монвиды.

о Палемонѣ, Литовскіе князья являются не раньше XII столѣтія. Свидѣтельство Ипатьевской лѣтописи о какихъ-то Рушковичахъ и Булевичахъ говоритъ о какихъ-то сильныхъ Литовскихъ родахъ съ своими изъ сихъ же родовъ князьями. А по свидѣтельству Быховца, Миндовгъ первый великій князь Литовскій, происходилъ изъ древней родовитой боярской фамиліи Колумновъ, отъ которой произошла и знаменитая Литовская боярская фамилія Гаштольдovъ. Другій великій князь Литовскій послѣ Миндовга Тройденъ происходилъ изъ фамиліи Китоврасовъ, древнихъ большихъ людей или бояръ въ Литвѣ. Родоначальникъ новой династіи князей великій князь Литовскій Гедиминъ также происходилъ изъ боярской фамиліи Колумновъ, только не изъ той вѣтви, отъ которой произошелъ Миндовгъ. Отецъ Гедимина Витенъ былъ прежде маршалкомъ у князя Тройдена. Такимъ образомъ, при самомъ появленіи Литовскихъ князей на поприщѣ исторіи, съ ними вмѣстѣ является и сильная аристократія, изъ которой вышли и самые князья. Въ этой Литовской аристократіи, повсему вѣроятно, находилась и богатая фамилія Полочанъ, которые какъ колонисты были разсыпаны по всей Литовской и даже Жемойтской землѣ и владѣли тамъ большими поземельными имѣніями: ибо безъ присутствія Полочанскихъ фамилій въ Литовской аристократіи, конечно, строй власти Литовскихъ князей не подходилъ бы къ Полотскому строю, и находился бы къ нему во враждебныхъ отношеніяхъ, а на дѣлѣ этихъ враждебныхъ отношеній не было. Литовско-Полотская аристократія, выступившая на поприще исторіи вмѣстѣ съ Литовскими князьями, постепенно пополнялась

и усиливалась, по мѣрѣ того какъ Литовскіе князья утверждались въ тѣхъ или другихъ Полотскихъ и вообще Русскихъ городахъ; ибо въ такомъ случаѣ къ ней присоединялись мѣстные князья изъ Изяславова потомства и другіе, уже утратившіе самостоятельныя владѣльческія права и владѣвшіе городами отъ имени великаго князя Литовскаго, въ качествѣ князей подручниковъ, уже съ служебнымъ характеромъ, съ извѣстными обязанностями службы и какъ бы на ленныхъ правахъ *). А также и земское старѣйшее боярство въ Полотскихъ городахъ, по всему вѣроятію, по крайней мѣрѣ въ значительной долѣ, вошло въ эту княжескую аристократію; ибо сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ Полотскимъ боярамъ, съ паденіемъ или ослабленіемъ вѣча, естественно было перейти на сторону великихъ князей Литовскихъ, гдѣ былъ источникъ власти. И въ лѣтописяхъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ у Литовскихъ князей между боярами Полочанъ; такъ въ 1263 году у Товтивила князя Полотскаго упоминается бояринъ Прокопій Полочанинъ. (Ипат. лѣт., стр. 202).

Аристократія при Литовскихъ князьяхъ съ перваго же раза при ихъ появленіи имѣла почти такую же силу и значеніе, какая была сила и значеніе въ старое время у Полотскаго вѣча. Бояре и князья ленники при Литовскихъ князьяхъ составляли постоянную раду или думу, и посему получили названіе радныхъ пановъ, или думныхъ бояръ, которые непре-

*) Къ таковымъ князьямъ, леннымъ владѣльцамъ, принадлежали князья Друціе, Слудіе, Острожскіе и другіе изъ древнихъ Русскихъ княжескихъ родовъ.

мѣнно по праву участвовали во всѣхъ велико-княжескихъ совѣтахъ, и безъ которыхъ великій князь не могъ ничего дѣлать относительно управленія государствомъ. По смерти одного великаго князя преемникъ его не иначе занималъ его престолъ, какъ съ согласія радныхъ пановъ или бояръ; такъ въ 1283 году, по смерти Тройдена, сынъ его Римонтъ обратился къ раднымъ панамъ и сказалъ: «возмите себѣ господаря, кого воля ваша будетъ» (Быхов., стр. 13). Или прежде того въ 1212 году, по смерти князя Воишелга, послѣдняго въ родѣ Миндовга: «панове, жалуючи господаря своего припрожонаго, взяли себѣ господаремъ сына великаго князя Литовскаго и Жемойтскаго Утенусова съ Китоврасу Свинтогора (ibid. стр. 10). Кромѣ рады или постоянного совѣта при великомъ князѣ, въ которомъ участвовали только знаменитѣйшіе изъ бояръ, аристократія имѣла еще сеймы, временно собиравшіеся, въ которыхъ участвовало все боярство, крупное и мелкое, и которые замѣнили собою прежнее народное вѣче и передали власть цѣлаго народа въ руки аристократіи, получившей въ послѣдствіи Польское названіе шляхты. По свидѣтельству Вьюка Кояловича въ 1264 году, по убіеніи Тройнаты: «сенать (т. е. рада, дума) назначилъ собраться сейму для избранія государя общими голосами, и за объявленіемъ сейма въ Керновѣ собралась туда знать въ великомъ множествѣ. И Литовцы всѣ желали Воишелга Миндовгова сына, а Жемойть и Ятвяги объ этомъ и слышать не хотѣли; Литовцевъ поддерживала Новгородская и вообще Русская знать; и послѣ большаго шума и многихъ споровъ Литовская партія одержала верхъ, и Воишелгъ

на сеймѣ же провозглашенъ великимъ княземъ Литовскимъ». (Hist. Litw. pars. I, pag. 115—116). Точно также по смерти Воишелга былъ сеймъ знати въ Керновѣ, въ 1268 году, на которомъ единогласно былъ избранъ въ князья Свинторогъ (ibid. pag. 132). Или по смерти Гермонда (Скирмонта) въ 1275 году также былъ сеймъ въ Керновѣ, на которомъ вельможи выбрали въ князья старшаго Скирмонтова сына Гилигина (ibid. p. 146). Въ 1280 году былъ также сеймъ въ Керновѣ, на которомъ единогласно большими (радою *senatus*) и меньшими (рыцарствомъ *banites*) боярами былъ выбранъ въ великіе князья Литовскіе Наримунтъ, и затѣмъ начальникъ двора (Маршалъ), которымъ тогда былъ Монивидъ, передалъ ему вмѣстѣ съ обнаженнымъ мечемъ власть и титуло великаго князя (ibid. pag. 154). Такимъ образомъ, по свидѣтельству Кояловича, мы видимъ цѣлый рядъ сеймовъ, которые, въ сущности бывши выраженіемъ воли только высшаго сословія, состоявшаго изъ радныхъ пановъ и шляхты, взяли на себя ту самую власть, которая прежде принадлежала вѣчу, какъ выраженію воли цѣлаго народа, всѣхъ классовъ, а не одного высшаго класса. Конечно сеймы для великихъ князей были сподручнѣе и створчивѣе вѣча; ибо члены сейма, какъ высшіе, такъ и низшіе состояли на службѣ у князя, слѣдовательно находились въ нѣкоторой зависимости отъ него, тогда какъ вѣче составлялось изъ людей свободныхъ, независимыхъ отъ князя, и выражало настоящую народную силу, вовсе неподатливую на служебныя приманки. Но за то, когда въ послѣдствіи великимъ князьямъ понадобилась народная сила противъ усилившейся аристократіи, то тако-

вой силы уже не оказалось; она вся по частямъ была разобрана и порабощена аристократами, которые образовали въ Литовскомъ княжествѣ свою сильную общественную власть, въ сущности независимую отъ власти великокняжеской, хотя по виду удерживавшую за собою служебное значеніе.

Ежели Полотскому вѣчу при Изяславичахъ не удалось выработать себѣ особыхъ органовъ въ родѣ посадниковъ, тысяцкихъ и другихъ земскихъ сановниковъ; то, напротивъ, при Литовскихъ князьяхъ аристократія, конечно частію по своему служебному характеру, успѣла выростить многочисленную іерархію чиновъ, по формѣ служебныхъ, а на дѣлѣ разобравшихъ или разхитившихъ по частямъ княжескую власть надъ народомъ; такъ что непосредственныя отношенія, а съ ними и власть надъ народомъ перешли къ аристократамъ, занимавшимъ тѣ или другія должности по управленію. Хотя все управлялось въ Литвѣ именемъ князя, но власть, связанная съ симъ именемъ, принадлежала аристократамъ, и раздѣлялась между ними почти произвольно, особенно со временъ Ягайлы, принявшаго вмѣстѣ съ Литовскимъ княжествомъ и Польскую корону. Соединеніе Литвы съ Польшею въ лицѣ Государя мало-по-малу повело къ введенію почти всего Польскаго строя въ управленіи Литвою. Польская аристократія, уже давно поработившая народъ въ Польшѣ и привыкшая къ своеволю, такъ успѣла повліять на Литовскихъ аристократовъ, что еще при Ягайлѣ они признали для себя большимъ почетомъ причислить себя къ гербамъ польскихъ аристократическихъ фамилій. А за тѣмъ скоро явились въ Литвѣ сенатъ съ сенаторами (прежняра рада) и по-

сольская изба отъ рыцарства, и другіе Польскіе порядки съ разными привиллегіями аристократамъ, дававшими имъ власть почти равняющуюся княжеской власти въ опредѣленной мѣстности; такъ что въ концѣ концовъ каждый аристократъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, сдѣлался въ своихъ владѣніяхъ самовластнымъ государемъ, на котораго некуда было жаловаться его несчастнымъ подданнымъ, который на сеймѣ голосованьемъ съ своими товарищами, такими же самовластцами, писалъ законы для всего государства, а у своего государя великаго князя Литовскаго выжималъ привиллегію за привиллегіей, власть за властію.

Уже при Ягайлѣ въ 1413 году аристократія Литовская получила право пользоваться всѣми прерогативами аристократіи Польской; такъ что Государь не могъ имѣть права ни надъ личностію, ни надъ имуществомъ благородныхъ болѣе нежели сколько дозволено государственнымъ закономъ. Право избирать Государя, предоставлено сенату и рыцарству. Земское управленіе и сенаторскіе классы, получили устройство по образцу Польскому Сеймы отъ обоихъ народовъ, должны быть собираемы на законенномъ мѣстѣ въ Люблинѣ или Парчовѣ. Аристократія и рыцарство Литовскіе причислены къ гербамъ Польской аристократіи. Всѣ мѣста и должности въ Литвѣ получили такое же устройство, какъ и въ Польшѣ; назначены палатины и кастелланы въ Вильну и Троки, (Wolum. leg. T. I, pag. 29—31). Вельможи получили право быть поруками за своихъ государей, значить вельможи пріобрѣли въ управленіи такую силу, какъ и Государь, и даже больше. Такъ въ 1430 го-

ду, когда Свидригайло далъ обѣщаніе дать Ягайлѣ города: Каменецъ, Смотричъ, Скалу и Чермени; то такая же обѣщательная запись взята и съ боярѣ Свидригайловыхъ. (Метр. Княж. Лит. Т. I, стр. 458). Или въ 1431 году Свидригайло и Литовскіе бояре (а не одинъ Свидригайло), заключили перемиріе съ Ягайломъ (*ibid.*). Или, по смерти Витовта, Ягайло просилъ Литовскихъ боярѣ, чтобы избрали въ князья его брата Свидригайла (Быховецъ стр. 44). Уже по убіеніи Сигизмунда Кестутьевича въ Литвѣ носились жалобы на чрезмѣрное усиленіе аристократіи, захватившей въ свои руки всю власть надъ областями и заботившейся только о собственныхъ выгодахъ и нисколько не думавшей объ общей пользѣ государства. У Кояловича подъ 1440 годомъ сказано: многіе разсуждали: «Съ самаго отшествія Ягайлы въ Польшу, какимъ бѣдствіямъ подверглось великое княжество Литовское? внутреннія области день отъ дня тяжелѣе угнетаются могуществомъ захватившихъ власть, а пограничныя провинціи оставляются въ пренебреженіи безъ всякой защиты. (Коял. pag. II, pag. 179). Сила и значеніе мѣстныхъ управителей съ владѣльческими правами всего яснѣе высказались при смерти князя Симеона Омельковича Кіевского, желавшаго передать управленіе Кіевомъ своему сыну Василию; ибо когда Казимиръ великій князь Литовскій и сенатъ, не уваживши таковаго желанія, назначили въ Кіевъ палатиномъ Мартына Гастольда; то Кіевскіе вельможи, недовольные такимъ назначеніемъ, два раза выгоняли Гастольда изъ Кіева, и только послѣ многихъ настояній Казимира согласился принять его (*ibid.* pag. 238—239). Уже въ 1457 году Казимиръ далъ Литов-

ской аристократіи всѣ права и порядки Польской аристократіи, относительно суда, владѣнія вотчинами и освобожденія ихъ отъ разныхъ податей и повинностей (Ак. Зап. Рос. Т. I, № 61). По судебнику Казимира (1468 года) аристократамъ принадлежалъ судъ надъ людьми живущими на ихъ земляхъ. (ibid № 81). Такимъ образомъ люди, живущіе на владѣльческихъ земляхъ, по самому закону уже были переданы въ полную власть землевладѣльческой аристократіи.

По смерти Казимира, при его преемникѣ Александрѣ, сила и значеніе аристократіи развились до громаднѣйшихъ размѣровъ, такъ что на дѣлѣ власть перешла къ нимъ и Государь былъ поставленъ въ полную зависимость отъ аристократовъ, народъ же поступилъ къ нимъ въ порабощеніе и утратилъ свое прежнее значеніе въ государствѣ. Казимировъ сынъ Александръ, наслѣдникъ великаго княжества, въ 1492 году, извѣщая о смерти отца, вотъ уже какъ писалъ къ вельможамъ своего государства: «Отца нашего, слугамъ вѣрнымъ и пріятелемъ нашимъ, всѣмъ князьямъ, паномъ и земляномъ. Повѣдаемъ вамъ пригону нашу... ижъ отца нашего въ животѣ не стало... Про то ожидаемъ васъ, яко слугъ отца нашего вѣрныхъ, и пріятелей нашихъ, ажбы есте памятовали на присяги предковъ вашихъ и на свои» И въ то же время Литовская рада или сенатъ писали о томъ же предметѣ такъ: «Просимъ и напоминаемъ вашей милости, яко братьи пріятелямъ нашимъ милымъ; ажбы бы вспомянули на свои души и на свою вѣру, и на присяги, а съ нами были за одинъ посподу... А прибыли въ Вильну на сеймъ на день св. Іліи, на избранье господаря (Ак. З. Р. Т. I, № 100). У Вьюка Кояло-

вича, при избраніи Александра на престоль вельможи чрез великаго Литовскаго маршала такъ говорили вновь избранному государю: «Ты долженъ устраивать порядокъ управленія не по чужеземнымъ законамъ и учрежденіямъ, а по обычаю Литовцевъ и примѣру Витовта, отъ котораго ежели ты отступишь, въ какую бы то ни было сторону, то погубишь себя и насъ и государство. Въ дѣлахъ опасныхъ и важныхъ ты долженъ поступать не по своей воли, и ничего не дѣлать одинъ, но раздѣлять трудъ съ другими» (Kojal. pars. II, pag. 260). Или, когда Александръ въ 1496 году вздумалъ помогать своему брату Іоанну Алберту въ войнѣ съ Валахіей, не объявивши о томъ напередъ сенату, то вельможи прямо и не обвинясь стали говорить ему: «Зачѣмъ съ такими издержками тащишь благородныхъ на войну, о которой ничего не представилъ сенату. И за тѣмъ объявили ему, что они, какъ охранители законовъ и государства, ни въ какомъ случаѣ не пойдутъ за нимъ съ рыцарствомъ, но не препятствуютъ ему идти съ своими наемниками» (ibid. pag. 271). Или, когда въ 1505 году Александръ хотѣлъ отнять староство въ Лидѣ у Христофора Илинича и передать Андрею Дрозду; то сенатъ воспротивился этому и говорилъ: «не слѣдуетъ въ угожденіе частныхъ прихотей нарушать права и законы рыцарства, въ которыхъ содержится бѣльшая и важнѣйшая часть свободы; а по Литовскимъ законамъ Государь не имѣетъ права по собственному изволенію отнимать власть данную кому-либо» (ibid. pag. 301).

Сенатъ и сеймъ были ежели не высшею, то равною властію съ великимъ княземъ Литовскимъ. Се-

нать или рада Литовская отъ своего имени писала грамоты по государственнымъ дѣламъ; такъ въ 1507 году паны рада (Сенать) отъ своего имени писали къ митрополиту Кіевскому Іосифу и къ державцѣ Минскому князю Богдану Жеславскому, чтобы они въ Кіевѣ наблюдали осторожность на случай непріятельскаго нападенія, и чтобы митрополить привелъ къ присягѣ тамошнихъ княжатъ, панятъ, бояръ и мѣщанъ и простыхъ людей» (Ак. Зап. Рос., Т. II, № 10). Сенать даже имѣлъ право заграничныхъ сношеній, также отъ своего имени. Такъ мы имѣемъ грамоту Литовской рады отъ 1513 года къ Московскимъ боярамъ, чтобы они постарались о заключеніи мира между Московскимъ государемъ и Литвою (ibid. № 84). Мѣстные управители, воеводы и намѣстники и проч. писали грамоты на имя рады, въ которыхъ доносили о своихъ распоряженіяхъ; такъ въ 1515 г. воевода Кіевскій Андрей Немировичъ писалъ до пановъ радъ о своихъ сношеніяхъ съ Перекопскимъ царемъ (ibid. № 93). Рада Литовская даже отправляла посольства отъ своего имени къ королю Польскому своему государю; такъ мы имѣемъ наказъ Литовской рады посламъ къ королю Сигизмунду отъ 1526 года, въ которомъ напоминаются разныя обязанности короля въ отношеніи къ Литвѣ (ibid. № 144). Самъ государь отправлялъ отъ себя посольство къ Литовской радѣ; такъ до насъ дошелъ наказъ Сигизмундову послу къ радѣ Литовской отъ 1538 года, который начинается такъ: «Государь нашъ, король его милость, разказалъ вашей милости ласку свою повѣдати, и сдоровье вашей милости радъ своихъ видѣти, и вашей милости молвити» (ibid. № 191).

Сеймъ отъ своего имени издавалъ законы и уставы; такъ до насъ дошелъ уставъ Виленскаго сейма 1507 года, въ которомъ изложены правила о переписи людей, состоящихъ за княжатами, панятами и шляхтой, а также о порядкѣ военной службы и объ опредѣленіи количества серебязизны (Ак. Зап. Рос. Т. II, № 12). На Виленскомъ сеймѣ 1547 года панове рада, княжата, панята и все рыцарство подали слѣдующія просьбы королю Сигизмунду Августу: 1е) чтобы въ земскомъ статутѣ уничтожить артикуль, что король давности не имѣеть, и всегда можетъ отнять имѣнье выслуженое или какимъ другимъ образомъ набытое; на это король отвѣчалъ, что будетъ держаться старыхъ статутовъ. 2-е) Просили, чтобы всѣ листы и привиллегіи на права и вольности хранились не въ земскомъ королевскомъ скарбѣ, а въ другомъ приличномъ мѣстѣ за печатью какъ пановъ радъ, такъ и рыцарства; король изъяснилъ на это свое согласіе. 3-е) Просили, чтобы король дозволилъ имъ избрать комиссію изъ пяти членовъ Римскаго закона и изъ пяти членовъ Греческаго закона для исправленія статута; король изъяснилъ согласіе. 4-е) Просили, чтобы никто не былъ наказываемъ заочно отнятіемъ урядовъ и держаній; король отвѣчалъ: я не знаю, чтобы у кого отнимали урядъ безъ явной причины и впередъ этого не будетъ. 5-е) Просили, чтобы король по старому обычаю содержалъ Литовскій дворъ на своемъ дворѣ, а дворянамъ давать жалованье изъ тѣхъ же источниковъ, изъ какихъ давалось прежде; чтобы дворяне, служа при дворѣ, навывали рыцарскимъ порядкамъ; король отвѣчалъ, что не отвергаетъ этого, но долженъ подуматъ съ пана-

ми радюю, на какія средства содержать этотъ дворъ; ибо тѣ источники, на которые содержался этотъ дворъ, частію отошли къ непріятелю, частію достались самимъ же панамъ и рыцарству. 6-е) Просили, чтобы государь не билъ монеты безъ согласія сейма; на это король отвѣчалъ, что монету всегда билъ государь по совѣщанію съ радюю, а сеймовъ для этого не созывали, и онъ остается при старомъ обычаѣ. 7-е) Просили, чтобы серебрящина, собираемая на земскую оборону, собиралась не въ королевскій скарбъ (казну), а чтобы позволено было дворянству изъ среды себя выбирать людей способныхъ и пользующихся довѣріемъ,—одного изъ Римскаго закона, другаго отъ Греческаго, и третьяго писаря, и имъ поручить сборъ и охраненіе серебрящизныхъ денегъ за своимъ ключемъ, и чтобы деньги сіи не употреблять ни на какія надобности и ни по чьему приказу, какъ только на общую земскую оборону и на служилыхъ людей, и чтобы по симъ деньгамъ отдавался отчетъ самому дворянству. На это король не согласился; но обѣщаль устроить это дѣло такъ, чтобы скарбные реэстры яснѣе показывали приходъ и расходъ серебрящизныхъ денегъ, и земскій подскарбій (казначей) давалъ отчетъ королю и радѣ. 8-е) Просили, чтобы предоставлено было самому дворянству выбирать поветовыхъ судей и присяжнаго писаря; а не предоставлять это по статуту панамъ-воеводамъ. Король на это отвѣчалъ, что онъ не перемѣнитъ постановленія земскаго статута. 9-е) Просили о перемѣнѣ порядка при выборѣ вижовъ и относительно сбора вижоваго (пошлины); король отвѣчалъ, чтобы они нашли къ тому средства при исправленіи статута. 10-е) Про-

сили, чтобы не вызывать къ суду изъ Литвы въ Польшу; король изъявилъ на это согласіе и дозволилъ записать о томъ въ новый статуть. 11-е) Просили, чтобы король не давалъ чужеземцамъ урядовъ земскихъ и дворовыхъ, а также держанья замковъ, дворовъ мѣстъ и волостей; король обѣщалъ соблюдать это. 12 е) Просили, чтобы объѣзжанье, попись замковъ, дворовъ и волостей королевскихъ, а также учетъ королевскихъ доходовъ не поручать чужеземцамъ; король отвѣчалъ, что въ своихъ имѣньяхъ онъ волея посылать кого хочеть, и поручать надзоръ за доходами тому, кого считаетъ болѣе способнымъ, и шляхтѣ до этого нѣтъ дѣла. 13-е) Просили, чтобы король далъ Виленскому войту, бурмистрамъ и другимъ тамошнимъ справцамъ твердый и нерушимый уставъ, по которому бы разные городскіе ремесленники не полагали непомѣрныхъ цѣнъ за свои работы, и тѣмъ не доводили шляхту до убожества; король обѣщалъ исполнить эту просьбу. 14-е) Просили, чтобы на основаніи стародавняго обычая, король при переѣздѣ изъ Польши въ Литву Польскихъ придворныхъ чиновниковъ оставлялъ на границѣ, или привозилъ ихъ съ собою только какъ гостей; но чтобы они въ Литвѣ не имѣли права на отправленіе своихъ придворныхъ должностей, а чтобы должности сіи исправляли Литовскіе чиновники тѣхъ же чиновъ. Король обѣщалъ соблюдать старые порядки (Ак. Зап. Рос. Т. III, № 4). Сии просьбы шляхты на сеймѣ и отвѣты короля довольно ясно выражаютъ—до чего доходили требованія Литовской аристократіи, хотѣвшей даже распорядиться въ собственныхъ имѣніяхъ короля и указывать ему въ назначеніи управителей.

Здѣсь же до нѣкоторой степени видно, въ какихъ отношеніяхъ былъ король къ шляхтѣ, въ чемъ ей могъ отказать и въ чемъ долженъ былъ исполнить ея требованія. Но требованія шляхты съ каждымъ сеймомъ повторялись и увеличивались, такъ, что король въ чемъ отказалъ на одномъ сеймѣ, не рѣдко долженъ былъ уступить на другомъ или на третьемъ сеймѣ; ибо шляхта не отступалась отъ своихъ требованій до тѣхъ поръ пока не добьется до исполненія того о чемъ просить.

Такое постепенное увеличеніе требованій со стороны шляхты всего очевиднѣе изъ послѣдующихъ сеймовъ, которыхъ акты дошли до насъ. Такъ на сеймѣ 1551 года шляхта уже требовала: 1-е) чтобы управленіе пограничными областями поручалось людямъ въ годности дознаннымъ и заслуженнымъ; а когда кто будетъ старъ и немощенъ, того смѣщать съ пограничнаго управленія на болѣе спокойную должность; 2-е) чтобы пограничные замки содержались на королевскій счетъ; 3-е) чтобы никакого новаго учрежденія не было безъ одобренія сейма; 4-е) чтобы не поддерживать ничего, что не постановлено на вольномъ сеймѣ; 5-е) чтобы съ духовныхъ имѣній была несена военная служба одинаково съ шляхетскими имѣніями; 6-е) чтобы чужоземцевъ не допускать къ завѣдыванію казною» (*ibid.* № 11). На сеймѣ 1554 года шляхта обращается опять съ просьбами къ государю о разныхъ привилегіяхъ, и, какъ бы торгуясь съ нимъ, говорить: что онъ долженъ согласиться на ея просьбы, дабы она тѣмъ охотнѣе ему служила и съ большею смѣлостію шла на непріятелей. И между разными требованіями просить, чтобы

государь освободилъ шляхетскія имѣнія отъ станцій и подводъ; чтобы духовенство владѣющее землями, и мѣщане, которые шляхетскія имѣнія держать, несли земскую службу наравнѣ съ шляхтою. А Жемойтская шляхта просила, чтобы съ нея были сложены покопныя деньги и чтобы шляхта была освобождена отъ платежа мыта съ хлѣба и скота, продаваемыхъ за границу. Шляхта Волынская просила, чтобы подати городничему, ключъ и мостовничее шли не къ старостѣ, а чтобы этимъ завѣдывали тамошніе земляне; и чтобы съ подданныхъ Волынской шляхты, которые торгуютъ хлѣбомъ, не собирать никакого мыта (ib. № 13). На сеймѣ 1559 года Полотская шляхта просила, чтобы государь держалъ ее по привилегіямъ предковъ и запретилъ вступаться въ домъ св. Софіи и св. Спаса и въ ихъ людей, и оставилъ церковныхъ опекуновъ; чтобы съ шляхетскихъ подданныхъ не брать серебщизны, а съ шляхетскихъ товаровъ мыта, и чтобы дозволилъ самой шляхтѣ выбрать своихъ судей и присяжнаго писаря, и не накладывать на шляхту замковыхъ работъ (ib. № 24). На сеймѣ 1563 года шляхта, между прочимъ, просила, чтобы служба въ сенатѣ и въ управленіи областями и по другимъ не военнымъ должностямъ не освобождала отъ военной службы при оборонѣ государства, чтобы мѣщане всѣхъ городовъ съ своихъ городскихъ дворовъ и фольварковъ, выставляли пѣшихъ ратниковъ; чтобы гости Армяне, Нѣмцы, Волохи и иныхъ народовъ, поселившіеся въ Литвѣ, несли земскую повинность службы съ своихъ товаровъ, и чтобы положена была такса на ихъ имущество. А которые изъ сихъ гостей умрутъ, то чтобы двѣ трети ихъ мает-

ностей шли на земскую оборону, а остальная треть отдавалась ихъ же родственникамъ; чтобы Жиды, сколько ихъ есть въ Литвѣ, выставили на войну двѣ тысячи пѣшихъ ратниковъ, и чтобы съ костельныхъ скарбовъ взять половину на военныя потребности (ibid. № 33).

Такимъ образомъ во время владычества Литовскихъ государей въ западной Россіи, особенно по принятіи Ягайломъ Польской короны, шляхетство или дворянство имѣло громадную силу и значеніе въ государствѣ; оно въ цѣломъ своемъ составѣ пользовалось властію почти равною власти великаго князя. Радные паны, высшая аристократія, составляли постоянную раду или думу (Сенать) при великомъ князѣ, безъ которой онъ не могъ отправлять государственныхъ дѣлъ. Низшее же дворянство, или вѣрнѣе цѣлое сословіе дворянства, княжата, панята и вся шляхта, чрезъ своихъ выборныхъ или пословъ, владычествовала на сеймахъ, мимо которыхъ не могъ пройти ни одинъ общій законъ, ни одна государственная мѣра, и на которыхъ рѣшались всѣ дѣла первой важности: избраніе государя, наложеніе податей, объявленіе войны и заключеніе мира. Могущество дворянства съ одной стороны основывалось на громадныхъ поземельныхъ имѣніяхъ старѣйшей и высшей аристократіи, которой принадлежало болѣе половины всей земли въ Литовскомъ государствѣ, и иные члены которой владѣли, частію на ленномъ, частію на вотчинномъ правѣ, цѣлыми древними княжествами и областями; такъ что поземельныя имѣнія самаго государя, разбросанныя по разнымъ краямъ, передъ сплошными имѣніями аристократическихъ фамилій, казались и

дѣйствительно были очень не велики. Такъ по уставамъ 1557 и 1558 годовъ объ управленіи волостями, принадлежащими государю, на Жемойти было только двадцать одно тiунство или держава, т. е. волость; въ Троцкомъ повѣтѣ государю принадлежали только замки, дворы и фольварки, числомъ сорокъ три; при томъ нѣкоторые изъ нихъ платили только извѣстные доходы, напримѣръ: капщизну, неводничество, бобровничество и подоб., слѣдовательно не составляли полной собственности. Въ Виленскомъ повѣтѣ государю опять принадлежали только замки, дворы и фольварки, числомъ двадцать девять, въ томъ числѣ Виленская мельница, капщизна въ Новгородѣ Литовскомъ, а въ Русскихъ волостяхъ, т. е. по Днѣпру и Двинѣ пятнадцать мѣстностей (Ак. Зап. Рос. Т. III, № 19). Такимъ образомъ, государю принадлежали съ немногимъ сто мѣстностей, разбросанныхъ по притокамъ Днѣпра, Западной Двины и Немана; тогда какъ напримѣръ князь Острожскій владѣлъ чуть не цѣлою Волянью, или Сапегн, Радивилы и другіе древніе аристократы владѣли громадными имѣніями.

Съ другой стороны аристократіи, и частію всей шляхтѣ, принадлежали по праву государственному разныя общественныя должности съ громадными доходами обширною властію надъ народомъ, приписаннымъ къ тому или другому уряду, и который въ это время до того былъ униженъ и поработченъ аристократами, что обыкновенно назывался песью кровью и хлопскою породою, и за исключеніемъ Вильны, Полотска и нѣкоторыхъ большихъ городовъ, пользующихся Магдебургскимъ правомъ, почти не имѣлъ никакого государственнаго значенія, и по праву не

могъ подавать своего голоса въ общественныхъ дѣлахъ, такъ что на сеймахъ, какъ мы уже видѣли, была одна только шляхта. Должности давались аристократамъ пожизненно, такъ что по закону безъ доказанной вины Государь не могъ смѣнить саяовника съ одной должности на другую; а ежели когда и смѣнялъ, то съ соблюденіемъ разныхъ предосторожностей, чтобы не возбудить неудовольствія. Такъ на примѣръ въ 1507 году Сигизмундъ, смѣняя князя Глинскаго съ Кіевскаго воеводства, пишетъ: «ино мы тотъ замокъ Кіевъ съ его державы вынемши и къ своей руцѣ взяли, не рушаючи его во чти и въ мѣстцы его въ томъ, которое жъ онъ водлѣ годности и заслуги своее мѣлъ, будучи воеводою Кіевскимъ; а противъ того дали ему замокъ нашъ Новгородокъ отъ насъ держать со всѣми врады Новгородскими, съ ключомъ и зъ городничимъ до его живота; и къ тому нехотели его писати въ титулѣ его иначе, какъ передъ тымъ писалъ, и тѣжъ мѣстца его отъ него неотдаляючи, маемъ его воеводою Новгородскимъ и маршалкомъ нашимъ въ титулѣ его писать; а мѣсто въ радѣ, межи пановъ рады нашео великаго княжества Литовскаго, дали есмы ему подлѣ пана старосты Жомойтскаго; и съ того держанья Новгородка немаемъ его рушити до живота его» (Ак. Зап. Р., Т. II, № 9). Не рѣдко одному и тому же вельможѣ давалось по нѣскольку должностей съ особыми доходами отъ каждой; такъ въ грамотѣ 1507 года, князь Семень Гольшанскій въ одно и то же время былъ старостою Луцкимъ, маршалкомъ Волынской земли и намѣстникомъ Каменецкимъ, получая отъ каждой должности положенные доходы (ibid. № 14). Или князь Кон-

стантинъ Ивановичъ Острожскій былъ гетманомъ великаго княжества Литовскаго, старостою Луцкимъ, Браславскимъ и Винницкимъ и маршалкомъ Волынской земли. Должности и чины съ приписанными къ нимъ доходами, раздѣлялись на низшія и высшія, на дворовыя и земскія.

Къ высшимъ земскимъ должностямъ принадлежали: должности гетмана, канцлера и подскарбія. Должности сія были общегосударственными, онѣ относились до управленія военнаго, гражданскаго и финансоваго во всемъ государствѣ, а не къ той или другой области, ихъ всегда занимали члены рады и вообще высшая аристократія.

1-е. *Гетманъ*, такъ назывался главный начальникъ Гетманъ. того или другаго войска, собраннаго на войну. Гетманы были нѣсколькихъ степеней: первую, высшую степень, составлялъ великій гетманъ, или наивысшій гетманъ великаго княжества Литовскаго, верховный начальникъ всѣхъ войскъ, собранныхъ на войну, ему были подчинены всѣ другіе гетманы; за великимъ гетманомъ по значенію слѣдовалъ дворный гетманъ, главный начальникъ наемныхъ войскъ государева двора; за тѣмъ слѣдовали гетманы отдѣльныхъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ хотя и подъ главнымъ начальствомъ наивысшаго гетмана, но отдѣльно на своихъ мѣстахъ и до нѣкоторой степени самостоятельно; наконецъ были еще полные или неполные гетманы, которыхъ значеніе по имѣющимся даннымъ, нельзя опредѣлить прямо и положительно, но кажется такъ назывались временные гетманы на полѣ битвы, подчиненные великому гетману, такъ сказать вице-гетманы, или товарищи гетмана.

Чинъ наивысшаго или великаго гетмана всегда давался людямъ заслуженнымъ и знаменитымъ, и эта должность обыкновенно соединялась съ другими важными и доходными должностями; такъ наприимѣръ: великій гетманъ, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, въ 1505 году былъ еще старостою Луцкимъ и маршалкомъ Волынской земли, а въ 1511 году онъ же былъ и старостою Браславскимъ и Велицкимъ (Ак. Зап. Рос., Т. II, № № 31 и 64). Или въ 1534 году панъ Юрій Николаевичъ Радивиловичъ былъ паномъ Виленскимъ, наивысшимъ гетманомъ, старостою Городенскимъ, маршалкомъ дворнымъ, и державцою Лидскимъ и Бѣлицкимъ (*ibid* № 175). По свидѣтельству памятниковъ, наивысшій гетманъ въ военное время и въ краю занятомъ войсками пользовался полною безапелляціонною властію, какъ относительно самаго войска, такъ и въ отношеніи къ жителямъ и даже правителямъ областей, гдѣ находилось войско; приказанія гетмана должны были исполняться безотговорочно всѣми, какъ приказанія самаго государя, и ослушаніе таковымъ приказаніямъ наказывалось также, какъ неисполненіе повелѣній государя, такъ что наивысшій гетманъ пользовался почти диктаторскою властію въ военное время и въ краю занятомъ войсками. Такъ, въ грамотѣ 1567 года, посланной къ старостѣ Вольмарскому князю Александру Ивановичу Полубенскому и всѣмъ старостамъ и державцамъ замковъ архиепископства Рижскаго, сказано: «Даемъ вамъ вѣдати, ижъ отравили есмо старосту Жомойтскаго, маршалка великаго княжества Литовскаго, державцу Плотельскаго и Тельшевскаго пана Яна Ходкевича до земли Лиолядской,

и злѣтили ему есмо всю справу, моць и владность и гетманство земли Лифляндскія, давши ему зупольную моць въ оной земли Лифляндской, также и вами людьми служебными рядити и правити и непріателемъ границъ отпоръ чинити, и укривжоннымъ (обиженнымъ) подданнымъ справедливость дѣлати, и служебныхъ пріймовати въ службу и имъ приповѣдати, и всякія рѣчи (дѣла) во долгъ зданья его милости справовати. И вы бѣ о томъ вѣдали, и его милость, яко високаго раду нашего и справцу той земли Лифляндской головнаго, и гетмана нашего во всякой учтивости мѣли, и всякое послушенство къ его милости чинили» (Ак. Зап. Р., Т. III, № 40). Или въ уставѣ Виленскаго сейма 1563 года, въ параграфѣ 12-мъ сказано: «Никто отъ пана гетмана особою, а ни почтомъ (съ своимъ отрядомъ служилыхъ людей) не можетъ быть освобожденъ отъ военной послуги, а также никто не можетъ отпрашивать или вымоивлять у пана гетмана своихъ слугъ отъ посылокъ на военныя надобности, а равнымъ образомъ и самъ своею особою никто неимѣетъ права отговариваться отъ таковыхъ посылокъ, гдѣ панъ гетманъ кому укажетъ посылку на земскую службу съ почтомъ, будутъ ли то ихъ милости паны рады, или княжата, панята и врядники» (*ibid* № 33). Гетманъ, какъ главный начальникъ походнаго войска, завѣдывалъ и распоряжался всѣмъ походомъ по своему усмотрѣнію, посылалъ отъ себя большихъ воеводъ на поиски надъ непріателемъ, и получалъ донесенія и вѣсти какъ отъ воеводъ, такъ и отъ всѣхъ пограничныхъ державцевъ и урядниковъ. Напримѣръ въ грамотѣ 1534 года отъ Сигизмунда къ гетману Радивилу сказано: «твоя ми-

лость пишешь до насъ, что ты сначала отправилъ было къ Быхову воеводу Кіевскаго, пана Андрея Якубовича Немировича, и конюшаго нашего дворнаго, пана Василья Богдановича Чижъ съ передовыми людьми; а когда сдѣлалъ это распоряженіе, то къ твоей милости была принесена вѣсть отъ державцы Мстиславскаго, Юрья Юрьевича Зиновьевича, что Московскіе люди пришли къ Смоленску» (Ак. Зап. Р. Т., II, № 181). Гетманъ, какъ главный начальникъ войска, былъ въ то же время и главнымъ судьей военныхъ людей, состоящихъ въ его командѣ, и пользовался судебными пошлинами: къ нему шли всѣ жалобы на военныхъ людей, и онъ имѣлъ право приговаривать даже къ смертной казни. Въ окружной грамотѣ 1507 года, права гетмана описаны слѣдующимъ образомъ: «кто бы изъ военныхъ сталъ брать силою у кого-либо не заплативши надлежащей цѣны, того панъ гетманъ имѣетъ право казнить поиманьемъ (арестомъ), а кто бы кого ограбилъ, того повѣсить; кто на кого подыметъ кордъ, у того отсѣчь руку, а кто кого ранитъ, у того отрубить голову. Ежелибы кто что нашель, и удержалъ у себя, а не донесъ гетману, а будетъ находка дороже полукопы то таковаго на шибеницу (висѣлицу). А кто съ пчелами дерево посѣчетъ, того также на шибеницу, а кто выдеретъ пчелы, ино заплатити полкопы, а вины пану гетману полкопы жъ грошей. Также, ежели у корчмита медъ краденый найдутъ, того корчмита выслать изъ войска, а панъ гетманъ казнить виною (пенею) по заслугѣ. А кто бы ушелъ отъ войска домой, и его въ томъ поймають, такого на шибеницу. Приказуемъ, чтобы гетману нашему были во всемъ

послушны; ибо мы повелѣли ему послушныхъ често-
вати, а упорныхъ и непослушныхъ карати, не ме-
нѣе какъ мы панъ господарь, по его заслугѣ (ibid.
№ 25). Гетманъ отъ явки служилыхъ людей въ пол-
ки и отъ записки ихъ въ полковые реестры получалъ
опредѣленную пошлину.

Дворный гетманъ, какъ главный начальникъ войскъ,
состоящихъ на жалованьѣ у государя, въ отношеніи
къ симъ войскамъ имѣлъ ту же власть и тѣ же пра-
ва, какъ великій гетманъ въ отношеніи къ войскамъ
великаго княжества Литовскаго. Такъ въ грамотѣ двор-
ному гетману Христофору Радивилу 1577 года ска-
зано: «Приказуемъ тебѣ, чтобы твоя милость въ на-
лежности вряду своего дворнаго гетманства до тое
службы и потребы нашей господарской земской людъ
служебныхъ, рыцарство на пенязи скарбу нашего
пріймовать и способлять, и звель всего почту людей
служебныхъ тысячу пятьсотъ коней ѣздныхъ по гу-
сарски и по казацки, такъ, яко ся твоей милости ви-
дѣти будетъ, и подъ тымъ обычаемъ, яко есмо о томъ
тебѣ достаточную науку дали... съ которымъ же поч-
томъ людей служебныхъ абы твоя милость къ грани-
цамъ панствъ нашихъ до земли Московскаго приле-
глыхъ близко притянуть, и тамъ ся положилъ, гдѣ
самъ почтешъ за лучшее и удобнѣйшее къ оборонѣ
панства и подданныхъ нашихъ» (А. З. Р., Т. III,
№ 84). Но дворный гетманъ, будучи въ одномъ дѣлѣ
съ великимъ гетманомъ, состоялъ подъ приказаніями
сего послѣдняго; такъ въ вѣстовой отпискѣ 1564 го-
да прямо сказано: «съ розказанья (приказанья) пана
гетмана наивысшаго панъ гетманъ дворный подсту-
пилъ къ непріятелямъ съ людомъ и приказалъ учи-

нить нападенъе пану старостѣ Чечерскому, пану воеводичу Новгородскому и князю Соломерецкому, а также своему почту (т. е. гетманскому полку), которые и сразились съ непріятелемъ и его разбили на голову. (ib. № 35). О другихъ правахъ и обязанностяхъ дворнаго гетмана по дошедшимъ до насъ памятникамъ мы не имѣемъ свидѣтельствъ или извѣстій.

Гетманы отдѣльныхъ корпусовъ имѣли ту же власть и тѣ же права надъ ввѣреннымъ имъ войскомъ и надъ странною, гдѣ имъ назначалось дѣйствовать, какъ и великій гетманъ; они въ назначенной имъ мѣстности дѣйствовали также самостоятельно, какъ и великій гетманъ, и таковыхъ гетмановъ могло быть по нѣскольку и даже въ одной мѣстности; но они подчинялись распоряженіямъ великаго гетмана, какъ скоро онъ вступалъ въ предѣлы той мѣстности, гдѣ были расположены корпуса отдѣльныхъ гетмановъ; такъ въ грамотѣ Сигизмунда отъ 23 Декабря 1559 года сказано: «гетманомъ нашимъ до земли Лифляндской отъ насъ посланнымъ: стольнику великаго княжества Литовскаго, старостѣ Люценскому, пану Яну Еронимовичу Ходкевичу, и старостѣ Чечерскому и Пропойскому, пану Юрью Николаевичу Зеновьевичу Увѣдомляемъ васъ, что воеводѣ Троцкому гетману наивысшему великаго княжества Литовскаго, старостѣ Мозырскому, державцѣ Лидскому и Бѣлицкому, пану Николаю Юрьевичу Радивилу съ нашими войсками приказали рушиться (идти въ походъ), и панъ гетманъ на день новаго лѣта уже имѣеть быть на мѣстѣ назначенномъ для сбора всѣмъ землямъ, и въ тожъ время отправляемъ особливый почетъ (отрядъ) людей на помощь войску Лифляндскому, для того, что-

бы вы успѣшили занять все замки, до которыхъ посланы» (А. З. Р., Т. III № 26).

Польный гетманъ, по значенію своему былъ ниже всѣхъ предшествовавшихъ гетмановъ, онъ былъ гетманомъ на время, когда не было другихъ гетмановъ, при настоящихъ же гетманахъ поступалъ подъ ихъ начальство и передавалъ имъ свои полномочія или команду. О польныхъ гетманахъ мы имѣемъ извѣстія въ окружной грамотѣ Литовской рады 1575 года, гдѣ члены рады пишутъ: урядили есмо споломъ зъ рыцарствомъ отправить на границы гетмана польнаго, подчашаго великаго княжества Литовскаго, старосту Солецкаго его милость пана Хриштофа Радивила, приповѣдавши его милости службу на дванадцать сотъ жолнеровъ ѣздныхъ (А. З. Р., Т. III, 63). При настоящемъ гетманѣ польный гетманъ былъ собственно его товарищемъ, вторымъ лицомъ, исполнялъ его приказанія; но какъ скоро настоящій гетманъ былъ убитъ, или сильно раненъ, или попадался въ плѣнъ, то польный гетманъ принималъ его команду, и на время вступалъ въ его права и обязанности. Великій гетманъ Потоцкій предъ Корсунской битвой польнаго гетмана Калиновскаго прямо сравнивалъ съ викаріемъ, и говорилъ такъ: «я здѣсь главный. Когда пробошь въ приходѣ, викарій не имѣетъ тогда власти. Дѣло польнаго гетмана исполнять, а не судить». Слова Потоцкаго,—«когда пробошь въ приходѣ, викарій не имѣетъ тогда власти»,—ясно говорятъ о значеніи польнаго гетмана, какъ только товарища великаго гетмана въ присутствіи сего послѣдняго; но въ отсутствіи его польный гетманъ занимаетъ его мѣсто, а посланный отдѣльно пользуется его властію и пра-

вами, какъ это видно изъ приведенной выше грамоты 1575 года. Изъ той же грамоты видно, что въ польные гетманы назначались также люди заслуженные; такъ польный гетманъ Криштофъ Радивилъ былъ въ то же время подчашимъ и старостою Солецкимъ.

По высокому значенію своему въ іерархіи государственныхъ чиновъ въ Литовскомъ княжествѣ, за гетманомъ слѣдовалъ канцлеръ, въ первое время Литовскаго княжества, кажется носившій названіе великокняжескаго писаря. Это былъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ при великомъ князѣ, у него была на рукахъ велико-княжеская печать, и чрезъ его руки шли всѣ важнѣйшія бумаги отъ имени великаго князя; онъ былъ непремѣннымъ членомъ велико-княжеской думы или рады, а въ послѣдствіи сената. Въ жалованной грамотѣ 1457 года, данной Казимиромъ Литовскому, Русскому и Жмудскому духовенству и дворянству, прямо сказано: «А на свидѣтельство сего листа печать наша есть привѣшена. А дѣялося и дано черезъ рущѣ велемощнаго Михаила Кезкайловича Здявилтовича, великаго князства Литовскаго канцлера» (А. З. Р., Т. I, № 61). Первое упоминаніе о канцлерѣ мы встрѣчаемъ въ Казимировой грамотѣ 1450 года, данной Немиру Рязановичу на отчины, гдѣ въ концѣ сказано: «А притомъ были воевода Троцкій панъ Монивидъ, намѣстникъ Смоленскій панъ Сенко Кгедикгодовичъ, панъ Михайло канцлеръ» А въ жалованной грамотѣ 1455 года, данной Казимиромъ же князю Воротынскому на вотчину, канцлеръ названъ уже членомъ велико-княжеской думы или рады; въ грамотѣ сказано. «А притомъ были рада наша, князь Миколай бискупъ Ви-

ленскій, воевода Виленскій панъ Иванъ Кгаштовтъ; маршалокъ земскій панъ Петрашъ, панъ Андрей Саквичъ намѣстникъ Полоцкій; панъ Михайло намѣстникъ Смоленскій канцлеръ нашъ и иные панове всѣ старшые». (ibid. № 57). Или въ грамотѣ 1482 года сказано: «Притомъ были: князь Андрей бискупъ Виленскій; панъ Виленскій староста Жомонтской, панъ Янъ Кезкгайловичъ воевода Виленскій панъ Олехно Судимонтовичъ канцлеръ нашъ; маршалокъ земскій намѣстникъ Полоцкій панъ Богданъ Андреевичъ; намѣстникъ Смоленскій панъ Николай Радивиловичъ» (ibid. № 78). Съ званіемъ канцлера, какъ вообще со всѣми важными должностями, были соединены другія должности, какъ важныя по своему значенію, такъ въ то же время доходныя, — должности воеводъ, намѣстниковъ и старостъ; такъ канцлеръ Михайло Кезкгайловичъ въ то же время былъ намѣстникомъ Смоленскимъ; потомъ тотъ же канцлеръ Михайло Кезкгайловичъ въ 1460 году былъ вмѣстѣ и воеводою Виленскимъ; и съ сего времени воеводство Виленское уже постоянно соединялось съ званіемъ канцлера; такъ послѣ Михайлы Кезкгайловича былъ канцлеромъ и воеводою Виленскимъ Олехно Судимонтовичъ (ibid. № 78). Послѣ Олехна былъ канцлеромъ панъ Николай Радивиловичъ, который вмѣстѣ съ канцлерствомъ былъ и воеводою Виленскимъ (ibid. № 100). Потомъ былъ канцлеромъ и воеводою Виленскимъ и старостою Бѣльскимъ и Мозырскимъ панъ Олбрехтъ Мартыновичъ Кгаштолтъ. (Ак. З. Р., Т. II, № 186). Въ 1547 году упоминаются: Воевода Виленскій, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, державца Бобруйскаго и Борисовскаго, панъ

Янъ Юрьевичъ Глѣбовичъ (Ак. З. Р., Т. III, № 5). Какъ членъ рады или сената, канцлеръ со времени занятія сей должности Николаемъ Радивиловичемъ, во всѣхъ бумагахъ, исходящихъ отъ рады, подписывался въ слѣдъ за Бискупомъ Виленскимъ первымъ членомъ рады; слѣдовательно въ Сенатѣ или радѣ канцлеръ считался вторымъ членомъ за Виленскимъ бискупомъ примасомъ Литвы.

Подскар-
бій.

Подскарбіевъ было двое — земскій и дворный. Земскимъ подскарбіемъ назывался главный казначей Государства, а подскарбіемъ дворнымъ главный казначей Государева двора. И тотъ и другій подскарбій были членами рады или сенаторами. Такъ въ грамотѣ Сигизмунда на село Прилѣпъ въ 1512 году сказано: «При томъ были панове рада: панъ Виленскій гетманъ наивысшій... Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій; маршалокъ, староста Берестейскій, панъ Юрьи Ивановичъ Ильинича; подскарбій земскій староста Ковенскій, панъ Аврамъ Езофовичъ; маршалокъ и писарь, державца Каменецкій, панъ Богушь Боговитиновичъ; Подскарбій дворный, намѣстникъ Виленскій, панъ Иванъ Андреевичъ» (А. З. Р., Т. II, № 78). Подскарбій земскій завѣдывалъ всѣми доходами и расходами въ Государствѣ, смотрѣлъ за исправностію сборовъ и для сего въ его вѣдѣніи были коморинки и другіе сборщики податей, они ему подавали отчеты, приносили жалобы на неисправныхъ плательщиковъ и доставляли собранныя деньги въ скарбницу или казну Государственную, самъ же земскій подскарбій давалъ отчетъ или личбу Государю: такъ въ памятной записи 1542 года сказано: «Господарь его милость казалъ записати, яко панъ

Иванъ Гарностаѣ, подскарбій земскій, личбу его милости чинилъ со всякихъ платовъ и приходовъ и съ мытъ и съ коморъ, и положилъ на личбѣ всего расходу, за 6 годъ и за 4 мѣсяца, до Мая 1-го дня, который есть въ индикту пятнадцатомъ: 141,543 копы, 58 грошей и 3 пѣнези. А въ скарбѣ еще осталось (съ чого будетъ повиненъ личбу чинити въ переднихъ годѣхъ) 29,499 копъ, 38 грошей и пѣнезь одинъ. Съ четырехъ серебщизнѣ, въ четырехъ реэстрахъ всего приходу положилъ на личбѣ: 80,289 копъ, 40 грошей и 8 пѣнезей; а розходу тыхъ всихъ пѣнезей съ четырехъ серебщизнѣ выдано: 21,902 копы 47 грошей и полгроша. А чого еще на личбѣ въ розходѣ не положилъ, что ся тое серебщизны у него въ скарбѣ осталось: 28,386 копъ, 58 грошей и 3 пѣнези, съ того будетъ повиненъ личбу учинити» (А. З. Р., Т. II, № 220). Кромѣ отчета Государю подскарбій земскій представлялъ подробныя росписи доходовъ и расходовъ собираемой казны сейму и панамъ радѣ, и уговаривался съ ними отъ лица государя объ удовлетвореніи государственнымъ нуждамъ. Вообще земскій подскарбій относительно казенныхъ сборовъ былъ посредникомъ между Государемъ и сеймомъ, сейму онъ передавалъ требованія государя, а государю рѣшенія сейма; такъ въ 1538 году подскарбій земскій панъ Иванъ Горностаѣ отъ имени государя говорилъ Виленскому сейму: «што есмо первѣй сего, о томъ прошломъ соймѣ Виленскомъ, черезъ подскарбіа нашего земскаго...пана Ивана Горностаѣ о справахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ, напоминаючи вашу милость радѣ нашихъ, абы есте мыслили и рѣдили о оборонѣ земской и объ укрѣпленіи украинскихъ

замковъ... И ваша бы милость съ подскарбіемъ земскимъ о томъ обмовивши, такъ тымъ державцамъ и писарямъ розказали вчинити продаючи сбожья съ дворовъ нашихъ, тыми пѣвнязи накупити на замки украинные збожья и всякихъ живностей; а мы на то соизволяемъ, чтобы то такъ было учинено». (ibid. № 191). Черезъ земскаго подскарбія шли всѣ денежныя выдачи по государевымъ приказамъ изъ земской казны; такъ въ королевской грамотѣ 1542 года земскому подскарбію Ивану Горностаю сказано: «чтобы ты князю Шуйскому и царевичу Пуньскому въ каждый годъ давалъ первому по 80 копь грошей, а второму къ прежней дачѣ придавалъ бы еще по 50 копь грошей, а всего по сту копь на годъ. И ту дачу давалъ бы имъ каждый годъ сполна, до нашей господарской воли а мы о томъ будемъ спрашивать съ тебя при отчетѣ (личбѣ)» (ibid. № 223).

Земскій подскарбіи, какъ членъ рады или сенаторъ, кромѣ обязанности земскаго казначея, или министра финансовъ, всегда имѣлъ еще нѣсколько почетныхъ должностей, приносящихъ большіе доходы; такъ на примѣръ, по свидѣтельству, приведенной выше грамоты 1538 года, подскарбіи земскіи Иванъ Горностаи, былъ въ то же время маршалкомъ дворнымъ, писаремъ государевымъ, старостою Слонимскимъ и Мстибоговскимъ; державцою Дорсунскимъ и Зельвенскимъ.

Подскарбіи дворный завѣдывалъ всѣми доходами и расходами по королевскимъ имѣніямъ, а посему въ полномъ его вѣдѣніи были всѣ государевы города, замки и дворы и другія имѣнія. Такъ въ уставной грамотѣ 1514 года Городенскому старостѣ Юрью Ра-

дивилу сказано: «Дали есьмо замокъ нашъ Городень со всеми нашими дворами, которые приписаны къ сему замку, отъ насъ держатъ воеводѣ Кіевскому подчасшему, намѣстнику Мерецкому и Мозырскому, пану Юрью Николаевичу Радвилу. А увязати (свести во владѣніе) его въ тотъ замокъ нашъ и въ дворы, что къ нему приписаны, приказали подскарбію нашему дворному, намѣстнику Веленьскому, пану Ивану Андреевичу» (ibid. № 87). На обязанности дворнаго подскарбія лежалъ надзоръ за управленіемъ королевскихъ имѣній, ему подавали отчеты все управители и заказчики сихъ имѣній; онъ же заботился, чтобы имѣнія сіи не подвергались разоренію и упадку и чтобы доходы съ нихъ собирались сполна и въ опредѣленные сроки; въ случаѣ же недоимокъ подскарбіи посылалъ своихъ дѣтскихъ, которые доправляли недоимки сполна и сверхъ того собирали пошлину на себя, извѣстную подъ именемъ дѣцкованья, и вины или штрафы на государя. Такъ въ льготной грамотѣ 1511 года, королевскимъ даннымъ людямъ: сказано: «Если бы они на показанныя сроки всей сполна дани нашей грошовой, и медовой, и бобровой и куничной до скарбу и до ключа нашего не отвесли; то подскарбіи нашъ, нисколько не мѣшкаючи, послѣ велика дня, долженъ послать дѣтскихъ своихъ, и ту дань нашу на нихъ справить съ винами нашими и съ дѣцкованьемъ ихъ» (ibid. № 75). Дворный подскарбіи, также какъ и земскій, кромѣ прямой своей должности, имѣлъ еще должности почетныя, приносящія доходъ; такъ дворный подскарбіи, какъ мы уже видѣли, былъ и намѣстникомъ Веленскимъ.

За должностями обще-государственными слѣдовали въ Литовскомъ государствѣ высшія должности областныя; таковы: должность *воеводы* или палатина, должность *старосты*, должность *кастелана*, должность *маршалка*. Съ сими должностями была соединена огромная мѣстная власть, и онѣ доставляли большіе доходы, частію утвержденные закономъ, а еще болѣе зависѣвшіе отъ произвола того, кто занималъ ту или другую должность. Должности сіи обыкновенно представлялись высшей аристократіи, и нѣкоторыя изъ нихъ были даже соединены съ званіемъ сенатора.

Воевода. *Воевода или Палатинъ* былъ наивысшею областною властію; съ должностію воеводы всегда соединялось званіе сенатора или члена рады, или княжой думы. Воеводы назначались только въ большіе и важные города, бывшіе столицами великихъ или удѣльныхъ князей прежняго времени, таковы: Вильна, Троки, Полотскъ, Новгородъ Литовскій, Владиміръ-Волыньскій, Кіевъ и нѣкоторые другіе. Воеводѣ или палатину принадлежали всѣ уряды въ порученной ему области, т. е. всякое управленіе военное, судебное, административное и финансовое; такъ что во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ хозяиномъ въ своей области; отъ него непосредственно зависѣли, имъ назначались и судьи, и намѣстники и тіуны, и мытники и другіе служебные чины суда и администраціи, обыкновенно называвшіеся врядниками или урядниками воеводы на тогдашнемъ официалномъ языкѣ. Они состояли на службѣ собственно у воеводы, а не у великаго князя Литовскаго; онъ ихъ назначалъ, онъ ихъ и смѣнялъ; и они въ своей служебной дѣятельности отвѣчали передъ нимъ, а на передъ вели-

кимъ княземъ Литовскимъ; такъ что за всѣ ихъ не-исправности по службѣ и за злоупотребленіе власти отвѣчалъ передъ государемъ воевода; и отъ государя, въ случаѣ жалобъ отъ жителей, писалась къ воеводѣ грамота, чтобы онъ смотрѣлъ строже за своими урядниками. Къ тому же воеводы вообще были несмѣняемы и назначались пожизненно, а не на срокъ; отъ чего власть ихъ, сама по себѣ громадная, получила еще большую силу и значеніе; при томъ, всѣ они какъ мы уже видѣли, были членами рады или сена-та, слѣдовательно тѣмъ еще болѣе увеличивали свою власть.

Воевода, какъ хозяинъ и главный начальникъ области, состоящей въ его вѣдѣніи, завѣдывалъ всѣми служилыми людьми своей области; подъ его надзоромъ и по его распоряженіямъ собирались мѣстные войска по требованію правительства; въ пограничныхъ областяхъ онъ былъ главнымъ предводителемъ мѣстныхъ войскъ, ходилъ съ ними въ походъ противъ непріятелей и распоряжался защитой своей области, а также ссылался съ сосѣдними государями, вступалъ съ ними въ переговоры и получалъ отъ нихъ грамоты, которыя по прочтеніи отсылалъ или къ великому князю, или въ княжнюю раду, какъ о всемъ этомъ подробно говорится въ письмѣ короля Сигизмунда къ Кіевскому воеводѣ пану Юрію Радивилу, писанномъ въ 1534 году (А. З. Р., Т. II, № 177). Пограничные воеводы также добывали вѣсти изъ непріятельской земли чрезъ перебѣжчиковъ и и шпіоновъ и иными подручными путями, и добытыя вѣсти отсылали къ государю, или въ государеву думу или гетману, смотря по надобности, какъ это за-

свидѣтельствовано вѣстовой отпиской 1534 года отъ Полотскаго воеводы Яна Глѣбовича въ королю Сигизмунду (*ibid.* № 179). Послѣ служилыхъ людей въ вѣдѣніи воеводы состояла вся земля, порученной ему области, даже вотчины частныхъ владѣльцевъ, включая привилегированныхъ; а посему всѣ переходы поземельныхъ имѣній и всѣ споры по этому предмету производились съ разрѣшенія воеводы, какъ напримѣръ: воевода Кіевскій Андрей Немировичъ въ 1516 году судилъ споръ о Борщовской пашнѣ, между старцами Николаевского Пустынскаго монастыря и намѣстникомъ Софійскимъ (*ibid.* № 97). Или въ 1524 году воевода Виленскій Гаштольтъ, отводилъ пустовскую землю въ Виленскомъ повѣтѣ Юрьевскимъ законникамъ въ Вильнѣ (*ibid.* № 127). Или въ 1508 году Кіевскій воевода Юрій Монтовтовичъ, придалъ Николаевскому Пустынному монастырю Долобское озеро (*ibid.* № 38). Воевода даже имѣлъ право отдавать монастыри въ патронатъ (*ibid.* № № 121 и 122). Земли, назначаемыя служилымъ людямъ, по жалованнымъ государевымъ грамотамъ, отводились по распоряженію воеводы, который назначалъ въ какихъ мѣстахъ отводить земли (*ibid.* № 119).

Относительно суда воевода назначалъ своихъ судей по всѣмъ повѣтамъ своего воеводства, которые должны судить шляхту въ назначенные сроки (Ак. Зап. Р., Т. III, № 4). Самъ воевода былъ главнымъ судьей въ своемъ воеводствѣ, онъ судилъ всѣ дѣла уголовныя и по поземельнымъ спорамъ въ своемъ главномъ городѣ, но не иначе какъ вмѣстѣ съ князьями и боярами порученной ему области; на воеводскій судъ, можно было приносить жалобы только са-

тому государю; воеводскому суду были подвѣдомы, хотя не во всѣхъ дѣлахъ, не только князья и бояре, но и старосты и другіе державцы повѣтовъ, состоящихъ въ области подчиненной воеводѣ, даже монастыри, въ дѣлахъ не подлежащихъ церковному суду, не были изъяты отъ воеводскаго суда. Воеводѣ даже подавались жалобы на неправильный раздѣлъ монастырскихъ доходовъ; такъ въ 1534 году Полотскій воевода Янъ Глѣбовичъ судилъ по челобитью чернецовъ Предтечевскаго монастыря, тамошняго архимандрита Стефана Рогозу, въ неправильномъ раздѣлѣ монастырскихъ доходовъ, и, въ присутствіи Полотскихъ бояръ, обвинилъ архимандрита (А. Зап. Р., Т. II, № 176). Въ судѣ же надъ старостами и другими державцами повѣтовъ, по жалобамъ повѣтовыхъ людей на притѣсненія, воевода, лично разобравши дѣло, давалъ обвиненному старостѣ или державцу особую уставную грамоту, по которой онъ долженъ управлять повѣтомъ, какъ это засвидѣтельствовано уставною грамотою 1539 года, данною Кіевскимъ воеводою Андреемъ Немировичемъ Черкасскому старостѣ Яну Пеньку (*ibid.* № 195). Въ дѣлахъ уголовныхъ воеводскому суду было предоставлено, смотря по винѣ, назначать и смертную казнь (*ibid.* № 70). Во всѣхъ дѣлахъ отъ воеводскаго и его тиуновъ суда шли воеводѣ опредѣленные закономъ судныя пошлины.

Собственно въ административномъ отношеніи воевода, какъ главный хозяинъ, начальникъ края, завѣдывалъ всѣмъ управленіемъ; отъ него зависѣли всѣ административныя низшія власти; онъ давалъ областямъ уставы и привиллегіи; такъ на примѣръ въ 1523 году воевода Виленскій панъ Олбрехтъ Марты-

новичь Кгаштолтъ далъ городу или мѣсту Клещелязи уставную грамоту, на основаніи Хелмскаго права, въ которой подробно опредѣленъ платежъ податей и порядокъ управленія чрезъ войта и бурмистровъ, на основаніи Хелмскаго права (*ibid.* № 123). Къ воеводѣ, какъ главному управителю, стекались всѣ книги и отчеты по управленію мѣстными урядниками. Даже князья, паны и бояре имѣющіе свои вотчины въ области, состоящей въ вѣдѣніи воеводы, были въ нѣкоторой зависимости отъ него, онъ смотрѣлъ за исправностью службы съ ихъ имѣніи; и мѣстный землевладѣлецъ панъ или князь не могъ уѣхать за границу, не испросивши дозволенія у государя или у воеводы, при чемъ воевода долженъ былъ имѣть обезпеченіе, что служба уѣзжающаго и въ его отсутствіи будетъ исправна (*ibid.* № 164).

По финансовому отдѣлу воевода имѣлъ надзоръ за исправнымъ сборомъ податей; къ нему относились коморники и другіе сборщики, назначаемые подскарбіемъ; онъ назначалъ новыя мыта и дѣлалъ другія распоряженія по сбору податей и пошлинъ. Этотъ отдѣлъ вмѣстѣ съ судебнымъ былъ главнымъ источникомъ воеводскихъ доходовъ. Такъ по Кіевской уставной грамотѣ 1499 года, Кіевскому воеводѣ шли слѣдующіе доходы: 1-е) какіе купцы или казаки пріѣзжаютъ въ Кіевъ и останавливаются у Кіевскихъ гражданъ; то сіи должны объявлять объ этомъ Кіевскому воеводѣ и платить опредѣленную пошлину, подъ именемъ обѣстницы; а который не объявитъ о пріѣзжемъ гостѣ, съ того пени въ пользу воеводы, 12 копь грошей; 2-е) въ пользу воеводы шло осминичіе, когда воеводскій осмъникъ застанеть котораго

мѣщанина или купца или казака христіанина съ бѣлыми головами (вдовами), непочестныя рѣчи дѣлаючи; то намѣстнику митрополичьему съ того опредѣленная пеня, а воеводѣ съ того пени копа грошей; а ежели осмѣникъ застанеть въ таковыхъ же рѣчахъ гостя Турчина, или Татарина, или Армянина; то воеводѣ съ таковаго вины 12 копѣ грошей; 3-е) которые казаки ходять водою на добычу внизъ до Черкасъ и дальше; то со всего добытаго должны платить воеводѣ десятое и безъ того не допускались къ продажѣ своего товара; 4-е) которые перекупщики сидять въ ряду и торгуютъ хлѣбомъ и другими съѣстными припасами; тѣ каждую субботу платять воеводину осмѣнику по деньгѣ съ товару; а кто вновь открываетъ въ ряду лавку съ съѣстными припасами, тотъ платить осмѣнику куницу въ 12 копѣ грошей; 5-е) которые купцы, когда ѣдутъ изъ Кіева, и чтобы меньше платить мыта, такъ тяжело накладывають возы товаромъ, что возы ломаются, то всякій возъ съ товаромъ, сломившійся до выѣзда за золотыя ворота или до Почайны, отбирается на Кіевского воеводу; 6-е) лучники Кіевскіе должны давать воеводѣ по луку на великъ день и на Рождество Христово; 7-е) кузнецы и чоботари должны давать воеводѣ топоры и чоботы (А. Зап. Р., Т. I, № 170). Кромѣ того, на воеводу шла пошлина, извѣстная подъ названіемъ выводной куницы; она собирались тогда, когда кто бралъ дѣвицу въ замужество за волюсть, т. е. не въ воеводскій присудъ (А. Зап. Т. II, № 30). А также ему шла пошлина, подъ названіемъ гостинца отъ всякой пивной вари по полукопѣ грошей (*ibid.* № 70); далѣе, съ мясныхъ лавокъ на каждую суб-

боту шло мясо на замокъ, или воеводѣ; также опредѣленная плата съ горѣлаго вина; воевода же обыкновенно имѣлъ надзоръ за продажею питій въ шинкахъ и получалъ съ нихъ опредѣленный доходъ (ibid. № 71).

Впрочемъ права, обязанности, доходы и значеніе воеводъ не во всѣхъ областяхъ были одинаковы; привилегіи, даваемые тѣмъ или другимъ областямъ, много измѣняли положеніе воеводъ; такъ напримѣръ Полотскіе и Витебскіе воеводы назначались не иначе, какъ по согласію Полочанъ и Видблянъ и, недовольные однимъ воеводою, они могли просить о назначеніи другаго, и даже указывать, кого желаютъ. Полотскій или Витебскій воевода, вступая въ должность, въ первый же день долженъ дать присягу гражданамъ, что Полочанина или Видблянина ни въ чемъ некаратъ безъ исправы. Полотскій или Витебскій воевода не могъ судить мѣщанъ одинъ, а непременно вмѣстѣ съ старшими боярами и мѣщанами (А. Зап. Р., Т. I, № 175 и 204). Вообще въ уставныхъ грамотахъ областямъ обыкновенно писалось, чтобы воеводамъ править областью по стародавнимъ обычаямъ и новинъ не вводить; но на дѣлѣ это рѣдко исполнялось, и воеводы давали большой просторъ своему произволу. Даже Полотскіе воеводы, болѣе другихъ по видимому ограниченныя, плохо слѣдовали предписаніямъ правительства, даже не однократно повторяемымъ. Такъ въ грамотѣ Короля Сигизмунда Полотскому воеводѣ Петру Станиславовичу Кишкѣ 1527 года сказано: «Многократно прежде сего жаловались намъ мѣщане Полотскіе, о кривды, утѣсненія, грабежи и нарушенія ихъ правъ отъ твоей милости, и о

многихъ неправдахъ, убійствахъ, бояхъ и грабежахъ, отъ твоихъ урядниковъ и слугъ. И мы не однократно писали къ твоей милости и дворянъ своихъ посылали, приказывая тебѣ, чтобы ты никакихъ неправдъ и утѣснѣній имъ не чинилъ. И твоя милость, не обращая вниманія на наши приказанія, еще большіе неправды и утѣснѣнія имъ подѣлалъ» (Ак. Зап. Рос., Т. II, № 147). И тѣмъ не менѣе Кишка оставался Полотскимъ воеводою и послѣ этой грамоты.

Воеводства, кажется, имѣли между собою старѣйшинство, т. е. одно воеводство считалось выше другаго, какъ это можно видѣть изъ примѣра съ княземъ Глинскимъ: ибо когда въ 1507 году Сигизмундъ смѣстилъ князя Ивана Глинскаго съ Кіевскаго воеводства на Новгородъ-Литовское, то въ грамотѣ писалъ: «Тождь мѣстца отъ него не отдаляючи, маемъ его воеводою Новгородскимъ и маршалкомъ нашимъ въ титулѣ его писати; а мѣсто въ радѣ межѣ пановъ рады нашея В. К. Литовскаго, дали еси ему подлѣ пана старосты Жомойтскаго» (*ibid.* № 7). Есть и другіе примѣры подобные сему: такъ въ одномъ дѣлѣ о правахъ Кіевскихъ мѣщанъ и объ ихъ отношеніяхъ къ воеводѣ былъ спрашиванъ Полотскій воевода, бывший прежде Кіевскимъ воеводою. Все это показываетъ, что воеводы хотя назначались не на срокъ, а пожизненно; тѣмъ не менѣе могли быть переводимы съ одного воеводства на другое, въ видахъ повышенія, но едвали въ видахъ пониженія, какъ видно изъ примѣра князя Ивана Глинскаго.

Воеводы или палатины, какъ непремѣнные члены Государевой рады, и притомъ не рѣдко бывшіе канцлерами и исправлявшіе другія важныя государ-

ственные должности, естественно не могли постоянно присутствовать въ своихъ воеводствахъ; посему большею частію они управляли воеводствами чрезъ своихъ намѣстниковъ, а сами пользовались только доходами и лишь временно пріѣзжали въ свое воеводство. А для засѣданія въ велико-княжеской радѣ члены чередовались между собою, но въ какіе сроки, по дошедшимъ до насъ памятникамъ этого невидно. Воеводы обыкновенно при воеводствахъ бывали еще старостами и державцами собственно для доходовъ; такъ въ 1529 году Князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою Троицкимъ, съ тѣмъ вмѣстѣ былъ и старостою Браสลавскимъ и Винницкимъ, или Полотскій воевода Петръ Станиславовичъ Кишка былъ въ тоже время старостою Дорогицкимъ, и державцою Ожскимъ и Переломскимъ (ibid. N 164). Даже случалось, что кромѣ доходовъ отъ управленія воевода иногда получалъ еще особое жалованье. Такъ въ 1508 году, при назначеніи князя Юрія Гольшанскаго на Кіевское воеводство, въ грамотѣ Сигизмунда прямо сказано: далиесмо воеводство Кіевское, и замокъ нашъ Кіевъ отъ насъ въ держанье князю Юрію Александровичу, и къ тому прирекли есмо ему давать въ каждый годъ по триста копь грошей для вспоможенья, (Ак. З. Р., Т. II, № 44). Но такое денежное жалованье не было общимъ для воеводъ, а какъ особое исключеніе.

Старосты. *Старосты*. По Литовскому статуту должность старосты была слѣдующею за должностію воеводы. Старосты были разныхъ степеней. Одни старосты были начальниками надъ цѣлою староною, такими же какъ воевода или палатинъ, т. е. самостоятельными управителями, каковы напримѣръ староста Волинской

земли, староста Жомойтскій или Городенскій, и другіе; таковыя старосты большею частію бывали съ тѣмъ вмѣстѣ и членами Государевой рады или думы. Таковы напримѣръ: староста Жомойтскій, староста Городенскій, староста Луцкій, староста Берестейскій. Напротивъ, другіе старосты были правителями одного или нѣсколькихъ повѣтовъ; таковы напримѣръ старосты: Коневскій, Черкасскій, Мозырскій, Бѣльскій, которые даже находились въ нѣкоторой зависимости отъ воеводъ, покрайней мѣрѣ имѣли власть болѣе или менѣе ограниченную.

1-е. По судебнику князя Ягайлы Ольгердовича 1423 года судебной власти старосты подлежали: 1-е насиліе женщинъ, 2-е разбой на добровольной дорогѣ. 3-е пожаръ, и 4-е гвалтъ домовый; по другимъ же дѣламъ старосты не имѣютъ права принимать жалобы. (А. З. Р. Т. I, № 27). Но это общее правило въ послѣдствіи не вездѣ примѣнялось хотя постоянно оставалось общимъ правиломъ. Такъ напримѣръ староста Волынской земли: 1-е не могъ казнить и сажать въ тюрьму ни князей, ни пановъ, ни землянъ; а въ случаѣ ихъ преступленій обязанъ былъ представлять Государю и поступать съ ними такъ, какъ будетъ указано отъ Государя; 2-е не имѣлъ права судить и рядить княжескихъ, панскихъ и землянскихъ людей, ни брать съ нихъ ни пеней ни заруки; они подлежали суду своихъ господъ; 3-е онъ могъ судить княжескихъ, панскихъ и землянскихъ людей только въ городѣ, въ случаѣ разбоя, гвалта, шляхетской раны и пожара; 4-е также старостѣ и его намѣстникамъ предоставленъ судъ въ уголовныхъ дѣлахъ по ярмаркамъ; уголовныя же дѣла въ имѣніяхъ Княжескихъ, панскихъ и землян-

скихъ не подлежали суду старосты, ихъ судять на мѣстѣ свои судьи, назначенные самими владѣльцами имѣній; 5-е въ дѣлахъ исковыхъ судѣ надѣ Князьями, панами и землянами принадлежалъ старостѣ; но у него на судѣ непременно должны присутствовать мѣстные князья, папы и земляне; притомъ князь, панъ и землянинъ могли отозваться на судѣ самаго Государя, и староста не имѣлъ права сему препятствовать. (А. З. Р., Т. II, № 54). Между другими дѣлами старостѣ принадлежалъ судѣ по поземельнымъ владѣніямъ; по наказу 1511 года старостѣ Дрогичинской земли: «Ежели бы была испорчена борть; то для суда должны отправиться на мѣсто порчи гаевникъ (лѣсничій), вижъ городній, два коморника, — судьяинъ и подсудковъ, и городскій писарь, и должны то дѣло разобрать и рѣшить. А ежели бы они не могли рѣшить этого дѣла, то должны его представить старостѣ, судѣ и подсудку, которые должны рѣшить дѣло. А что касается споровъ при размежеваньи границъ: то для разбора ихъ должны выѣзжать на мѣсто староста съ судьей и подсудкомъ, а судовые листы или правыя грамоты долженъ выдавать старостинъ писарь. Что же касается до дѣлъ военныхъ, то староста не имѣетъ права вступаться въ нихъ, ни судить ни рядить; дѣла сіи должны быть въ вѣдѣніи судьи съ подсудкомъ. Въ самыхъ даже уголовныхъ дѣлахъ староста судить только тогда, когда есть поличное, и безъ поличнаго судѣ принадлежитъ судѣ и подсудку. (ibid. 64). Впрочемъ этотъ порядокъ суда былъ не повсемѣстный. Судѣ по уголовнымъ дѣламъ оставался за старостою даже тогда, когда жители города получали магдебургское право. Такъ въ жалованной грамотѣ 1507 года Волковый-

скимъ мѣщанамъ на магдебургское право, сказано: «что же касается къгвалту, пожоги, разбоя и насильства; то Государь взялъ на себя и на своихъ урядниковъ (старость) (ibid. № 13). Жомойтскій староста, по уложению 1542 года, по давнему обычаю и по привиллегіямъ Жомойтской земли, не имѣлъ права судить Жомойтской шляхты безъ тіуновъ и безъ бояръ шляхты. А когда самъ отъѣзжалъ въ свои имѣнія, то вмѣсто себя долженъ былъ оставлять тіуна и двухъ бояръ, шляхту и своего урядника, которые должны судить въ его отсутствіи по давнему обычаю. (ibid. № 221). Въ уложеніи 1547 года для всей Литвы въ просьбѣ 12 сказано, что каждый обязанъ судиться передъ воеводами, старостами и другими державцами, кто въ въ чемъ повѣтъ будетъ. (А. З. Р., Т. III, № 4). Изъ уложения 1551 года видно, что въ Жомойтской землѣ въ дѣлахъ по забираиью земель, людей и въ другихъ обидахъ должны судиться передъ Жомойтскимъ старостою не только великіе паны съ ихъ урядниками, но даже Жомойтскій князь Бискупъ съ своимъ духовенствомъ не исключался отъ старостина суда (ibid. № 11). Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ оказывается, что старость принадлежалъ вообще судъ по уголовнымъ дѣламъ съ поличнымъ и въ дѣлахъ по поземельному владѣнію; но судъ этотъ, смотря по времени и мѣсту, подлежалъ разнымъ ограниченіямъ. Въ дѣлахъ исковыхъ гражданскихъ судъ также принадлежалъ старость, только дѣла сіи судилъ не самъ староста, но выбранные имъ судьи и подсудки или въ землѣ Жомойтской тіуны; тѣмъ не менѣе недовольные тіунскимъ судомъ могли судиться у старосты, который для этого открывалъ свой судъ на четыре

срока въ году и вмѣстѣ съ тіунами разбиралъ представленныя ему дѣла ; и отъ этого суда никто не имѣлъ права отзывать на другой—ни тіуны ни шляхта; а кто бы сталъ уклоняться, таковыхъ панъ староста съ тіунами безъ суда объявлялъ виноватыми. (А. З. Р., Т. II, № 160). По крайней мѣрѣ таковой порядокъ наблюдался въ Жомойтской землѣ.

Старосты также, какъ и воеводы, сами назначали судей, и судьи должны судить вмѣстѣ съ подстаростою, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ укажетъ староста, на четыре срока въ году. Въ уставѣ 1551 года прямо сказано: «Судьи въ повѣтахъ воеводскихъ и старостинскихъ имѣютъ быть уставлены отъ пановъ воеводъ и старость повѣтовыхъ, согласно съ статутомъ. А судить они должны вмѣстѣ съ намѣстникомъ воеводинымъ или съ подстаростой, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ укажутъ панове воеводы и старосты, а съѣзжаться на сіи суды на четыре срока въ году, т. е. каждую четверть года, и въ каждый срокъ судить по четыре недѣли. А позвы должны давать за печатями намѣстниковъ воеводиныхъ или подстарость; а при нихъ долженъ быть писарь присяжный, воеводы или старосты. Апелляціи на сихъ судей должны подаваться на имя воеводы или старосты, и для сего воеводы или старосты каждый годъ два раза, на Михайловъ день и на седмую субботу, должны давать судъ и пріѣзжать въ свой столичный городъ каждый разъ на четыре недѣли. Недовольные судомъ воеводы или старосты имѣютъ право жаловаться панамъ радѣ или самому Государю одинъ срокъ году на св. Мартына. (А. З. Р., Т. III, № 11).

2-е. Послѣ суда въ вѣдѣніи старость находились всѣ земли, приписанныя къ его повѣту, будутъ-ли то земли государевы или частныхъ лицъ и обществъ; а посему всѣ перемѣны по поземельному владѣнію должны производиться не иначе какъ съ вѣдома старосты и при запискѣ въ установленныя для того книги. Такъ въ уставной грамотѣ 1501 года, данной Бельской области, сказано: Земляне могутъ свои поземельныя имѣнія вотчинныя и купленныя продавать, мѣнять, закладывать, и распоряжаться или по собственному усмотрѣнію, только не иначе какъ съ дозволенія старосты, и притомъ платить старостѣ допустнаго, (при введеніи во владѣніе) копу грошей: (А. З. Р., Т. I, № 189). Или въ уставѣ 1551 года, данномъ на Виленскомъ сеймѣ, предписано: «всякія записи на отчужденіе недвижимыхъ имѣній и на людей должны быть справованы и чинены не иначе какъ предъ урядомъ, т. е. или предъ самимъ Государемъ, или передъ панами радами, или передъ воеводами, или передъ старостами и судьями повѣтовыми. И кто бы хотѣлъ кому что изъ недвижимыхъ имѣній продать или подарить или какъ иначе уступить, таковой долженъ самолічно придти передъ урядъ и устно объявить, что онъ такое-то имѣніе уступаетъ такому-то; и это объявленіе должно быть записано въ книги того уряда. (А. З. Р., Т. III, № 11). Или въ уставахъ 1559 года, когда Жомойтская шляхта просила Государя, чтобы ей по давнему обычаю дозволенъ былъ свободный входъ въ Государевы лѣса для рубки бревенъ на строенія и на иныя потребности, и для ловли рыбы въ озерахъ: то Государь отвѣчалъ, что онъ прикажетъ Жомойтскому старостѣ довѣдаться о лѣсахъ, въ которые доз-

волень свободный входъ по старымъ привилегіямъ». (ibid. № 24). Въ имѣніяхъ Государевыхъ староста даже смотрѣлъ какъ распорядиться Государевымъ хлѣбомъ. Такъ въ уставной грамотѣ 1514 года Городенскому старостѣ, когда будетъ жито на нашихъ Городенскихъ дворахъ жито, то староста прежде всего долженъ выдать мѣсячину челядинцамъ нашимъ на цѣлый годъ; а потомъ съ жита и съ яринъ всякихъ двѣ части на насъ Государя, а третью часть на самаго старосту» (А. З. Р., Т. II, № 87).

3-е Староста наблюдалъ, чтобы въ повѣтъ не было обидъ жителямъ и нарушенія законовъ относительно разныхъ промысловъ; такъ онъ смотрѣлъ, чтобы не было ярмарокъ на незаконенныхъ мѣстахъ, а также корчемъ и другихъ торговыхъ заведеній, чтобы торги производились правильно и на ярмаркахъ не было безпорядковъ. Такъ въ уставныхъ грамотахъ Жомойтскимъ областямъ 1527 и 1530 годовъ сказано: «чтожь касается шляхты, кому бы въ чемъ до кого было дѣло, или кто будетъ люди и земли безъ нашей данины позабралъ, или торги и корчмы въ своихъ имѣніяхъ уставлялъ; о томъ писали мы пану старостѣ Жомойтскому, чтобы его милость на то съемъ (съѣздъ) вамъ всей земли положилъ, и приказалъ стать передъ собою, и листы и данины на земли и на люди и на торги и на корчмы положить, и о томъ о всемъ достаточно довѣдался бы и справедливость учинилъ и намъ объявилъ». (ibid. № 149). Или на Виленскомъ сеймѣ 1554 года шляхта просила, чтобы воеводы и старосты въ своихъ урядахъ или сами или черезъ своихъ урядниковъ досмотрѣли, чтобы была ровность въ мѣстѣхъ, въ торгахъ, въ мѣрахъ и вагахъ,

и чтобы также при продажѣ живности и всякихъ вещей отъ ремесленныхъ людей былъ установленъ шацунокъ (А. З. Р. Т. III. № 13). Или въ уставной грамотѣ 1509 года для Волынской земли сказано: что старосты обязаны посылать своихъ намѣстниковъ по ярмаркамъ для суда и надзора за порядкомъ. (А. З. Р., Т. II, № 54). Или въ королевскихъ отвѣтахъ на просьбы Жомойтской земли 1542 года поручается Жомойтскому старостѣ донести Государю о новоустановленныхъ лѣсничихъ, введенныхъ старостами Кишкою и Радивиломъ. А также донести Государю о вотчинныхъ людяхъ и челяди повольной, которые утекаютъ до Шавль и другихъ городовъ и слободъ, и оттуда ихъ невыдаютъ» (ibid. № 221). По уставной грамотѣ 1539 года Черкасскій староста наблюдалъ за рыбными ловлями и бобровыми ухояями, и жители безъ воли старостиной не имѣютъ ходить ни на рыбную ловлю, ни на бобровые гоны, ни на другія какія добычи по звѣроловству. (ibid. № 195).

4-е. Въ отношеніи къ оборонѣ области ввѣренной старостѣ, подъ его вѣдѣніемъ находились всѣ укрѣпленія и оборонительныя средства, а равнымъ образомъ и всѣ служилые или военные люди, живущіе въ его повѣтѣ. Пограничныя же старосты сносились съ сосѣдними владѣльцами, и даже по мѣрѣ надобности для обороны предпринимали небольшіе военные походы съ служилыми людьми своего повѣта. Такъ въ уставахъ 1551 года сказано: «панове воеводы и панове старосты по своей обязанности должны строго смотрѣть, чтобы каждый, кто повиненъ работать при укрѣпленіи замковъ, работалъ исправно, и чтобы не было никому поблажки и отпуску. (А. З. Р., Т. III,

№ II). Изъ просьбъ Мстиславскаго повѣта видно, что панъ староста распоряжался возведеніемъ укрѣпленій въ городѣ и даже по своимъ соображеніямъ для выгоды укрѣпленій могъ разбирать частныя зданія. (Томъ III, стр. 106—107). Староста Жомойтскій выбиралъ хоружаго, какъ непосредственнаго начальника служилыхъ людей повѣта, и представлялъ свой выборъ государю. Утвержденный Государемъ хоружій, какъ и всѣ хоружіе въ княжествѣ Литовскомъ, долженъ водить до пана старосты служилыхъ людей для записки въ войско, и во время похода носить хоругвь. А когда староста самъ отправлялся въ военный походъ, то хоругвь находилась у старосты. (ibid. № 24). Въ 1524 году, по слухамъ о нашествіи Крымцевъ, въ королевской грамотѣ къ старостѣ Городенскому писано: «Ажъ бы ваша милость и всѣ паны рады наши съ дворы своими и со всѣми слугами конно и збруйно собралися и поготову были... А князьямъ и панамъ, и боярамъ и дворянамъ нашимъ всѣмъ, которые имѣють свои имѣнія въ Городенскомъ повѣтѣ, также бы твоя милость сказалъ готовымъ быти конно и сбруйно и чтобъ ѣхали съ тобою на срокъ до Берестья. (А. З. Р., Т. II, № 129). Изъ Королевской грамоты 1528 года видно, что Черкасскій и Каневскій староста сносились съ Татарскими царевичами, кочевавшими въ сосѣднихъ степяхъ, и доносили о своихъ сношеніяхъ Государю прямо безъ посредства, и государь чрезъ свои грамоты давалъ ему наказы по сему дѣлу. (ibid. № 156).

5-е. Доходы старосты отъ своей должности были не одинаковы по разнымъ мѣстностямъ; ибо въ Литовскомъ княжествѣ было столько привиллегій и изытій,

что почти каждая область пользовалась своими особыми правами. Такъ Городенскій староста пользовался доходами какъ съ Городна, такъ и со всѣхъ государевыхъ дворовъ, которые тянутъ къ Городну. Въ грамотѣ 1514 года Государь Литовскій пишетъ: «Князьямъ, панамъ, боярамъ и дворянамъ нашимъ, и войту и мѣщанамъ, и тивунамъ, и сотскимъ, и людямъ нашимъ путнымъ и тяглымъ дворовъ нашихъ Городенскихъ; и вы бы послушны были ему во всемъ потому, какъ и прежнимъ старостамъ Городенскимъ. А ввести его во владѣніе мы приказали подскарбію нашему дворному. На дворахъ государевыхъ староста по сжатіи хлѣба прежде всего долженъ выдать мѣсячину челяди невольной Государской на весь годъ, затѣмъ изъ хлѣба двѣ части Государю и часть старостѣ. А вины всякія малыя и великія идутъ на Государя, кромѣ старостина повиннаго и выметнаго, когда выкинетъ на него въ какомъ дѣлѣ. Староста Городенскій и его урядники получаютъ свои доходы съ сотниковъ тиуновъ и приставовъ, и съ сорочниковъ, а также мостовое мѣсто на Неманѣ, и иные доходы свои старостины имѣетъ право собирать какъ и прежніе старосты Городенскіе, и по старому обычаю держать и вѣдать мельницы по Неману и по другимъ рѣкамъ» (ibid. № 87). Староста Черкасскій, по суду Кіевского воеводы 1539 года, получалъ съ каждаго домохозяина по два гроша въ годъ на сторѣжу, съ каждаго двора по возу сѣна; кромѣ того мѣщане не имѣли права возить въ Кіевъ медь на продажу, а непремѣнно должны были продавать Черкасскому старостѣ по 85 грошей за кадъ. Что же касается до рыбныхъ ловель и бобровыхъ гоновъ по Днѣпру, то

для этого требовалось дозволеніе старосты и за это ему платилась извѣстная доля улову или выть, какую онъ назначить. А осенью, когда будутъ ставить колодки на бобровъ, давать старостѣ на городъ бобра, также при ловлѣ и продажѣ всякой рыбы и звѣря и при всякой добычѣ платить старостѣ на городъ условленную выть, т. е. долю изъ добычи. А отъ коледы, т. е. отъ обрядоваго славленья на канунѣ Рождества Христова, мѣщане и казаки должны были платить старостѣ по лисицѣ или куницѣ, или по шести грошей. Сверхъ того мѣщане обязывались давать старостѣ подводу до Канева по два человекъ. (ibid. № 195). Изъ грамоты 1558 года старостѣ Мстиславскому и Радомскому видно, что старостѣ принадлежалъ весь прѣсный медъ, собираемый въ обоихъ повѣтахъ. (А. З. Р., Т. III, № 23). По общимъ уставамъ 1551 года старостамъ отъ суда по гражданскимъ дѣламъ или пересуда отъ десяти грошей шло полгроша, отъ копы три гроша, отъ рубля пять грошей, которые платилъ истецъ, получившій по суду свой искъ; а ежелибы отвѣтчикъ въ какомъ дѣлѣ большомъ или маломъ оправдался; то платилъ старостѣ памятнаго четыре гроша. Въ дѣлахъ же уголовныхъ убійца платилъ старостѣ двѣнадцать рублей грошей. А ежелибы кто кого охромилъ, или руку сломалъ, тотъ кромѣ другихъ взысканій платилъ старостѣ повѣтому шесть рублей грошей повиннаго (ibid. № II). По уставной грамотѣ 1561 года Могилевскимъ мѣщанамъ, старостѣ платилось писчаго при платежѣ поземельныхъ податей по 12 пѣнязей съ волоки, отъ воротъ по 2 пѣнязя, отъ полевой или сѣнокосной земли съ моргу по пенязю. Кромѣ того староста вездѣ получалъ опредѣленную пошлину

отъ явки прїѣзжихъ пногородныхъ купцовъ или гостей, которая называлась обѣстною, и одинъ разъ въ году имѣлъ право торговать въ свою пользу сыченымъ медомъ. Ему же шла третья доля отъ всѣхъ пеней и штрафовъ, а отъ свадебъ выводная куница по девяти грошей отъ каждой свадьбы, отъ войтовскаго суда по межамъ, и спашамъ и стравамъ по четыре гроша отъ каждаго дѣла, и наконецъ торговая пошлина съ прїѣзжихъ торговцевъ съ мѣры и съ бочки по четыре пѣнязя (*ibid.* № 28).

Должность старосты нерѣдко придавалась къ другимъ высшимъ должностямъ, на примѣръ къ гетманству, канцлерству, воеводству, иному сановнику давалось по нѣскольку староствъ; такъ воевода Подляшскій, маршалокъ земскій панъ Янушь Костевичъ въ одно и тоже время былъ старостою Переломскимъ, Радунскимъ и Ожьскимъ, или воевода Кіевскій Радивиль былъ вмѣстѣ и старостою Городенскимъ. Таковыя старосты обыкновенно держали подстаростей или намѣстниковъ, которые и управляли ввѣренною имъ областью, сами же старосты пользовались только доходами съ области. Староства, равно какъ и другіе уряды, разъ данные кому либо, уже не могли быть отняты иначе какъ по суду въ случаѣ какихъ либо злоупотребленій, или когда бы староста или другій какой урядникъ своимъ нерадѣніемъ причинялъ убытокъ въ сборѣ государевыхъ податей. (*Ibid.* № П. §. 5). Иногда староства, какъ оброчная доходная статья, передавались женѣ и дѣтямъ выбывшаго старосты; такъ когда въ 1577 году староста Волмерскій и Трикатскій князь Полубенскій былъ взятъ въ плѣнъ Московскими войсками, то управление его областію было передано

его женѣ и дѣтямъ, и Государь писалъ жителямъ и урядникамъ тамошнимъ, чтобы они были послушны княгинѣ Подубенской и ея урядникамъ, и чтобы она въ своихъ правахъ не терпѣла никакого убытка, и для наблюденья за симъ и для управления тамошними дѣлами былъ посланъ королевскій дворянинъ Рабечъ Филипповичъ Гноицкій (*ibid.* № 88). Такимъ образомъ ежели самое правительство на должность старосты смотрѣло какъ на доходную статью, то конечно сами старосты тѣмъ болѣе считали порученный имъ повѣтъ за пожизненное доходное владѣніе.

Маршалокъ.

Ирямыхъ и ясныхъ опредѣленій должности маршалка въ Литовскомъ княжествѣ дошедшіе до насъ памятники не представляютъ; тѣмъ не менѣе можно указать на нѣкоторыя черты этой должности, которыя могутъ дать о ней хотя приблизительное понятіе. Должность маршалка была одна изъ почетнѣйшихъ, маршалокъ былъ представителемъ высшаго класса, т. е. шляхты, онъ выборный отъ всѣхъ своихъ собратій, и разъ выбранный оставался въ этомъ достоинствѣ пожизненно, хотя бы по времени получалъ и высшія достоинства до воеводы Троцкаго. Такъ напримѣръ знаменитый князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, будучи уже гетманомъ Великаго княжества Литовскаго и старостою Луцкимъ, Браславскимъ и Винницкимъ, былъ въ то же время и маршалкомъ Волынской земли. (Грам. 1507 года А. З. Р., Т. II, № 29). И тотъ же князь Острожскій въ 1522 году писался маршалкомъ Волынской, хотя въ то время онъ былъ уже не только наивысшимъ Гетманомъ, но и паномъ Виленскимъ. (*ibid.* № 110). Только съ полученіемъ достоинства

воеводы Троцкого князь Острожскій пересталъ писаться маршалкомъ Волынской земли.

Достоинство маршалка имѣло нѣсколько степеней: высшую степень представлялъ великій маршалокъ земскій, онъ былъ представителемъ всей шляхты великаго княжества Литовскаго, или иначе представителемъ всей господствующей земщины, онъ предводительствовалъ на сеймахъ, онъ при коронаціи великаго князя Литовскаго, по свидѣтельству Коляловича, какъ представитель всей Литовской земли, вручалъ великому князю мечъ и жезлъ и заклиналъ его сохранять неприкосновенными старые обычаи и законы Литовскаго княжества (Kojalow. pars. II, Lib. VI, pag. 60). За земскимъ маршалкомъ слѣдовалъ маршалокъ дворный, представитель служилыхъ людей великаго князя Литовскаго; избирался ли онъ государемъ или служилыми людьми, на это мы не имѣемъ указаній, но онъ также былъ великимъ сановникомъ и членомъ государевой рады или думы. Такъ въ 1528 году членами рады, между прочими, были: панъ Виленскій, староста Городенскій, маршалокъ дворный, державца Лидскій и Бѣлицкій, панъ Юрьи Николаевичъ Радавиловичъ, и маршалокъ земскій, воевода Новгородскій, державца Мерецкій, Ошменскій и Довгговскій панъ Янъ Яновичъ Заберезынскій. (А. З. Р., Т. II, № 157). Третью степень маршалковъ составляли земскіе маршалки разныхъ областей или земель, избираемые мѣстною шляхтою и бывшіе представителями этой шляхты; такъ напримѣръ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій былъ маршалкомъ Волынской земли; или въ грамотѣ В. К. Свидригайлы 1438 году упоминается панъ Козаринъ маршалокъ Луцкой земли; значитъ въ каждомъ

повѣтъ былъ свой мѣстный маршалокъ или предводитель мѣстой шляхты. (А. З. Р., Т I, № 36). Были даже маршалки у епископовъ. Такъ въ грамотѣ 1475 года написано: «присылалъ до насъ владыка Смоленскій Якимъ маршалка своего Богдана Олтуфьевича. (ibid. № 70). Но кажется избранный вообще въ достоинство маршалка утверждался въ этомъ достоинствѣ самимъ великимъ княземъ Литовскимъ; такъ въ Казимировой грамотѣ 1488 года написано: «Старостѣ Луцкому, Маршалку Волинской земли пану Петру Яновичу, и маршалку нашему, намѣстнику Володимерскому, пану Ивашку Юрьши, и инымъ, кто потомъ будетъ отъ насъ, Лучоскъ и маршалство Волинской земли Володимеръ держать» (ibid. № 92).

Маршалокъ повѣтовый, какъ представитель земщины, долженъ былъ знать всѣ земскія владѣнія повѣта и къ нему пореходилъ судъ по всѣмъ поземельнымъ спорамъ о границахъ, когда кто былъ недоволенъ судомъ подкоморего, и подкоморій долженъ былъ самъ явиться на судъ повѣтоваго маршалка (статутъ 1566 г. Разд. IV арт. 70). Потомъ маршалокъ, какъ представитель земщины; долженъ былъ вѣдать всю служилую шляхту своего повѣта, и въ случаѣ военнаго похода долженъ вести ее на сборное мѣсто къ воевода или гетману. По свидѣтельству 6 артикула 11-го раздѣла статута 1566 года, когда выйдетъ приказъ отъ государя или отъ рады или отъ гетмана объ отправленіи на войну: то хоружія должны объявить объ этомъ мѣстной шляхтѣ своей хоругви, и когда она съѣдется на указанное имъ мѣсто, вести ее къ маршалку своего повѣта и, приведши, передать ее маршалку съ подробнымъ отчетомъ всѣ ли и сполна

ли собрались. За тѣмъ маршалокъ съ хоружими долженъ вести шляхту къ воеводѣ на сборное мѣсто и передать шляхту воеводѣ съ отчетомъ, кто явился на службу и кто не явился и по какой причинѣ, и, по указанію воеводы или по стародавнему обычаю занять съ своею шляхтою опредѣленное мѣсто въ собранномъ войскѣ. Впрочемъ эта обязанность лежала на маршалкѣ только до введенія кастелановъ; но такъ какъ каштеляне были далеко не во всѣхъ областяхъ, то и въ послѣдующее время эта обязанность оставалась за маршалками въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ каштеляны не были введены. Кроме того, маршалки земскіе, т. е. повѣтовые, участвовали въ судѣ старость по уголовнымъ дѣламъ; такъ въ уставной грамотѣ Волинской землѣ 1509 года сказано: «который слуга, или человекъ княжескій, или панскій, или землянскій, когда кого убьетъ; то старосты и намѣстники наши, и маршалокъ земскій и ключникъ и конюшій на нихъ головщины биралп» (А. Зап., Т. II, № 54). По всему вѣроятію маршалки отъ своей должности получали значительные доходы, ибо большая часть радныхъ пановъ были въ то же время и маршалками тѣхъ или другихъ повѣтовъ; но по дошедшимъ до насъ памятникамъ мы не можемъ указать на источники доходовъ отъ должности маршалка.

Должность маршалка очевидно заимствована изъ Польши; ибо ни въ одномъ Русскомъ княжествѣ ни въ древности ни въ послѣдующее время маршалковъ не было; не замѣняли ли въ Литовскомъ княжествѣ Польскій маршалокъ древне-Русскаго тысяцкаго, который на Руси также былъ представителемъ земщины? Тѣмъ не менѣе Литовскій маршалокъ не совсѣмъ выра-

жалъ ни Польскаго маршалка, ни стараго Русскаго тысяцкаго; ибо въ Польшѣ мы знаемъ только земскихъ или коронныхъ и дворныхъ маршалковъ, и не встрѣчаемъ маршалковъ повѣтовыхъ; на Руси же тысяцкій предводительствовалъ только земщиною, для двора же княжескаго былъ свой предводитель, называвшійся дворскимъ. Но какъ бы то ни было, въ Литовскомъ маршалкѣ есть значительная доля Русскаго тысяцкаго и Польскаго маршалка, и наивысшій земскій маршалокъ великаго княжества Литовскаго какъ разъ напоминаетъ Русскаго тысяцкаго въ Кіевѣ или въ Москвѣ.

Кастелянъ.

Кастеляны въ великомъ княжествѣ Литовскомъ были сравнительно позднимъ достоинствомъ. По памятникамъ, въ первый разъ они упоминаются въ первомъ Литовскомъ статутѣ 1529 года; въ третьемъ раздѣлѣ въ 4 артикулѣ, этого статута сказано: «во всякомъ случаѣ мы ни чѣмъ не уменьшаемъ прежнихъ урядовъ воеводства Виленскаго и воеводства Троцкаго и иныхъ воеводъ и кастеляновъ, и канцлерства и маршалства земскаго и дворнаго и староствъ». Хотя это свидѣтельство статута показываетъ, что кастеляны были извѣстны на Литвѣ и прежде изданія сего законодательнаго памятника; но по всему вѣроятію ихъ учрежденіе не многимъ опередило статутъ, ибо, какъ уже сказано въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ памятникахъ, они не упоминаются; достоинство кастеляна было собственно военное и въ Польшѣ по Вислицкому статуту. Кастелянъ былъ собственно градодержецъ, комендантъ крѣпости или замка, непосредственный начальникъ гарнизона; но въ Литовскомъ княжествѣ обязанности кастеляна были

нѣсколько обширнѣе: онъ не только былъ непосредственнымъ начальникомъ гарнизона, но и второстепеннымъ предводителемъ всей мѣстной шляхты во время военнаго похода. По Литовскому статуту 1566 года, хоружій представлялъ собранную въ походъ шляхту кастеляну, который велъ ее къ воеводѣ и подавалъ ему отчетъ,—кто явился на службу и кто не явился и по чему (Разд. II, арт. 6).

Кастеляны были только въ тѣхъ областяхъ, которыя управлялись воеводами или палатинами, на примѣръ въ Кіевской землѣ, въ Полотской и другихъ подобныхъ; кастеляны были собственно помощниками—товарищами воеводъ, и въ ихъ отсутствіи временно заступали ихъ мѣсто, и на ступеняхъ служебной іерархіи считались выше старостъ, т. е. староство имъ давалось какъ бы въ придачу для дохода, на примѣръ Полотскій кастелянъ панъ Юрій Николаевичъ Зеновьевичъ былъ въ то же время старостою Лепельскимъ и державцемъ Чечерскимъ и Пропойскимъ. Что кастеляны были товарищами или помощниками воеводъ, на это мы имѣемъ свидѣтельство грамотъ 1563 и 1570 годовъ, изъ которыхъ видно, что въ одно и то же время Полотскимъ воеводою былъ панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойна и кастеляномъ панъ Юрій Николаевичъ Зеновьевичъ (А. Зап. Рос., Т. III, № 42 и 48).

Первою обязанностію кастеляна было смотрѣніе за исправностію укрѣпленій, состоящихъ въ его вѣдѣніи; такъ въ 1568 году къ Полотскому кастеляну пану Юрью Николаевичу была послана грамота, чтобы онъ укрѣпилъ замокъ Лепель, по случаю войны съ Московскимъ государемъ (*ibid.* № 43). Потомъ,

какъ военачальникъ, онъ преимущественно завѣдывалъ военными людьми, состоящими на жалованьи, или наемными; но тѣмъ не мѣнѣе на его обязанности лежало собирать въ походъ всю мѣстную шляхту и вести ее на сборное мѣсто и передавать воеводѣ, а иногда онъ и самъ въ походѣ занималъ мѣсто воеводы; такъ въ грамотѣ 1567 года къ Кіевскому кастеляну Павлу Сапегѣ, государь пишетъ: назначаемъ опредѣленное мѣсто для сбора войска въ Молодечнѣ, и приказываемъ тебѣ, чтобы твоя милость самъ особою своею конно и збройно и съ почетомъ своимъ ѣзднымъ и пѣшимъ, не отступая отъ сеймоваго установленья на опредѣленный срокъ спѣшилъ къ войску въ назначенное сборное мѣсто (ibid. № 39). Этотъ же кастелянъ Павелъ Сапега, въ 1568 году дѣлалъ съ своимъ отрядомъ военный поискъ въ землѣ непріятельской, какъ это видно изъ письма къ нему Гетмана Григорья Ходкевича (ibid. № 45). Такимъ образомъ за кастеляномъ оставалось предводительство своимъ отрядомъ не только въ походѣ на сборное мѣсто, но и во все продолженіе войны. Но кромѣ собственно военныхъ дѣлъ на обязанности кастеляна лежали дѣла судебныя по поземельному владѣнію; кастелянъ, подобно маршалку, былъ высшимъ судьей, когда тяжущіеся были недовольны судомъ подкоморого (Статут. 1566 г., розд. IV арт. 70). Были ли въ вѣдѣніи кастеляна другія судебныя дѣла, объ этомъ пока нѣтъ извѣстій; но, по всему вѣроятію, кастелянъ завѣдывалъ всѣми судебными и административными дѣлами, когда онъ заступалъ мѣсто отсутствующаго воеводы, или когда ему поручалось какое-либо староство, данное какому либо воеводѣ,

который тамъ не жилъ, а получалъ только съ даннаго староства доходъ. Такъ, на примѣръ, когда Минское староство въ 1565 году было дано Подляшскому воеводѣ пану Василью Тишковичу, то для управленія Минскомъ, былъ назначенъ кастелянъ, панъ Тальбошъ: Получалъ ли какіе доходы кастелянъ отъ своей должности и изъ какихъ источниковъ, мы объ этомъ не имѣемъ извѣстій; но кажется должно признать, что кастеляну за его кастелянскую службу всегда назначалось какое-либо староство или державство, какъ источникъ опредѣленнаго дохода; ибо всѣ извѣстные по памятникамъ кастеляны были въ то же время или старостами, или державцами въ какихъ-либо городахъ: такъ Кіевскій кастелянъ Павелъ Сапега былъ державцою Любечскимъ; Полотскій кастелянъ Юрій Зеновьевичъ былъ старостою Лепельскимъ и державцою Чечерскимъ и Пропойскимъ; или Минскій кастелянъ Мартынъ Стравинскій былъ въ то же время державцою Губскимъ; или Витебскій кастелянъ Мальхеръ Завиша былъ тогда же державцою Сомпишскимъ; или Тальбошъ, кастелянъ Минскій, былъ старостою Динабургскимъ. Такимъ образомъ, самая должность кастеляна кажется не имѣла собственныхъ опредѣленныхъ доходовъ, а доходъ за нее, какъ безденежную, назначался изъ постороннихъ источниковъ. Правда, въ одной грамотѣ есть упоминаніе о доходахъ отъ кастелянства. Король Стефанъ Баторій, переведа Минскаго кастеляна, Мартына Стравинскаго, пишетъ въ своей грамотѣ: тую кастелянію Витебскую потому, яко и первыше кастелянове Витебскіе держати, и засѣдаючи мѣстце свое сенаторское при боку нашомъ, каштеляніи Витебской на-

лежащее; вота свои подавати и всякое учтивости влады и пожитковъ той каштеляніи належачое, уживати будетъ до живота своего» (Рукописное отдѣленіе Виленской бібліотеки, выпускъ 1-й, стр. 86). Но эта грамота писана уже въ 1592 году, т. е. черезъ 20 слишкомъ лѣтъ послѣ Люблинской уніи, когда въ Литву окончательно были введены Польскіе порядки; въ памятникахъ же до Люблинской уніи нѣтъ ни одного указанія ни на доходы отъ каштелянской должности, ни на сенаторское званіе каштеляновъ. Очевидно, что каштеляны въ Литовскомъ княжествѣ до Люблинской уніи имѣли далеко не то значеніе, какое они получили послѣ Люблинской уніи, слѣдуя Польскимъ порядкамъ.

Намѣстникъ. Намѣстники первоначально и въ Литовской Руси, имѣли то же значеніе, какъ и въ сѣверо-восточной или Московской Руси, т. е. были вообще правителями областей, замѣнявшими въ области самаго князя, управлявшие и судившіе именемъ князя, подобно какъ древніе мужи, которымъ князья поручали города съ областями, или въ послѣдствіи князіе посадники, такъ что еще во все продолженіе княжествованія великаго князя Александра Казимировича, т. е. до начала XVI столѣтія большая часть областей, и при томъ значительнѣйшія, составлявшія прежде самостоятельныя княжества, а въ послѣдствіи бывшія воеводствами или палатинатами, въ это время управлялись намѣстниками, и намѣстники сіи были членами рады или думы государевой; на примѣръ въ 1505 года намѣстникъ Новгородскій Подчашій панъ Олбрехтъ Мартыновичъ былъ членомъ рады (А. Зап. Р., Т. I., № 213). Или въ 1450 году намѣстникъ

Полотскій панъ Андрей Саковичъ также былъ членомъ рады; или въ томъ же году намѣстникъ Смоленскій панъ Сенко Кведигольдовичъ былъ также членомъ рады (ibid. № 3, 54). Или въ 1460 году панъ Олехно Судимонтовичъ былъ намѣстникомъ Полотскимъ (ibid. № 64). Или въ 1483 году намѣстникомъ Полотскимъ былъ маршалокъ земскій панъ Богданъ Андреевичъ и намѣстникомъ Смоленскимъ панъ Николай Радивиловичъ, — оба члены государевой рады (ibid. № 78). Или въ 1494 году Смоленскимъ намѣстникомъ былъ панъ Юрій Глѣбовичъ, также членъ рады (ibid. № 118). Или въ 1495 году намѣстникомъ Витебскимъ былъ князь Михаилъ Жесловскій и намѣстникомъ Путивльскимъ князь Богданъ Глинскій (ibid. № 27, 29). Или въ 1496 г. намѣстникомъ Черпиговскимъ князь Иванъ Глинскій (ibid. № 133). Или въ 1499 году намѣстники: Смоленскій панъ Юрій Глѣбовичъ, Городенскій князь Александръ Юрьевичъ, Полоцкій панъ Юрій Пацовичъ и Витебскій панъ Станиславъ Глѣбовичъ, были членами рады (ibid. № 172). Даже въ 1511 году были еще намѣстники членами рады; такъ въ одной грамотѣ этого года между членами рады былъ намѣстникъ Мѣльницкій панъ Немира Грималичъ (А. Зап. Р., Т. II, № 70). Но съ сего года нѣкоторые прежніе намѣстники уже стали называться воеводами; такъ Полотскій намѣстникъ панъ Станиславъ Глѣбовичъ уже названъ воеводою Полотскимъ (ibid. № 66). Намѣстники этого разряда имѣли то же значеніе, какъ воеводы и старосты, въ которыхъ они въ послѣдствіи были переименованы; ихъ права и обязанности были совершенно одинаковы: они были предводителями мѣстныхъ служилыхъ

людей во время войны, оберегателями порученной имъ области отъ непріятельскихъ нападений; въ ихъ вѣдѣніи было управленіе и судъ, они же имѣли общій надзоръ за сборомъ податей и за службою мѣстной шляхты; доходы ихъ были тѣ же, которыми пользовались воеводы и старосты: отъ нихъ зависѣлъ выборъ судей и другихъ служителей суда и администраціи; всякая перемѣна въ поземельномъ владѣніи могла быть произведена только съ ихъ вѣдома и дозволенія. Пограничные намѣстники этого разряда даже сносились и переговаривались съ сосѣдними государствами, а сами непосредственно ссылались или съ государевою радюю, или съ самимъ государемъ, не имѣя подъ собою старшихъ посредниковъ. Намѣстники этого разряда перестали упоминаться даже въ титулахъ при другихъ достоинствахъ послѣ 1514 года, надъ которымъ въ одной грамотѣ въ числѣ пановъ рады упоминается: маршалокъ и писарь намѣстникъ Довкговскій панъ Богушь Боговитиновичъ (*ibid.* № 90). Послѣ же этого года въ подобныхъ случаяхъ давался уже титулъ державцы; такъ въ грамотѣ 1520 года тотъ же Богушь Боговитиновичъ названъ маршалкомъ и писаремъ и державцею Каменецкимъ (№ 108).

Послѣ 1514 года намѣстники являются уже съ новымъ характеромъ, княжескіе намѣстники удерживаются только въ княжескихъ или дворовыхъ областяхъ и городахъ, въ городахъ же и областяхъ земскихъ намѣстники уже принимаютъ характеръ воеводскихъ или старостинскихъ урядниковъ, по приказу и назначенію самихъ воеводъ и старостъ управляющихъ областью въ отсутствіи старостъ и воеводъ, или посылаемыхъ старостами и воеводами въ тотъ

другой повѣтъ или городъ творить судъ и управу ихъ именовъ; или ежели иногда удерживаютъ прежнее названіе государевыхъ намѣстниковъ, то уже не съ прежнимъ значеніемъ, а съ характеромъ державцевъ, т. е. управителей низшей степени противъ старость. Такъ напримѣръ Янъ Юрьевичъ Ильинича Берестейскій въ одной грамотѣ 1529 года названъ намѣстникомъ Мстиславскимъ а въ другой грамотѣ того же года сказано: «старостичу Берестейскому, державцу Мстиславскому пану Яну Юрьевичу Ильинича, и инымъ державцамъ Мстиславскимъ, кто потомъ будетъ отъ насъ Мстиславль держати» (ibid. № 162, 163). Слѣдовательно старое названіе намѣстника здѣсь пишется по старой привычкѣ, и означаетъ уже державцу, а не намѣстника.

Намѣстники въ дворцовыхъ или Государевыхъ областяхъ во первыхъ вмѣстѣ съ тиунами были судьями въ тѣхъ областяхъ по всѣмъ дѣламъ; такъ въ 1512 году великая княгиня Елена пишетъ: тиуномъ нашимъ и намѣстникомъ Жомойтскихъ волостей, пану Станьку, а пану Мартину и пану Петру Белевичомъ, а пану Войтку Пацевичу и Словику Иванковичу: приказуемъ вамъ, чтобы обославшись между собою, и положивши срокъ, на тотъ срокъ съѣхались къ пану Станьку; и которымъ Борко боярамъ нашимъ и людемъ въ пожогѣ и убыткахъ своихъ вину даетъ, тѣмъ бы приказали предъ собою стать на судъ». (ibid. № 82). Во 2-хъ намѣстники отводили поземельныя владѣнія по приказу государеву; такъ великая княгиня Елена къ намѣстнику Дирвальскому Словику Ивашковичу пишетъ въ томъ же 1512 году: «приказуемъ тебѣ, чтобы ты сговорившись съ нашими тиунами

съ паномъ Станкомъ Ивашковичемъ и паномъ Петромъ Санковичемъ, ввелъ бы во владѣніе дворянина нашего Бартоломея Станковича землею и людьми наши пожалованными; а еслибы тіуны съ тобою не согласились; то ты бы и одинъ ввелъ его во владѣніе тѣми землями и людьми (*ibid.*). Въ 3-хъ, намѣстники въ Государевыхъ дворцовыхъ волостяхъ получали по свидѣтельству грамоты 1540 года, слѣдующіе доходы: «намѣстнику грошь обѣстный (т. е. при явкѣ съ пріѣзжаго купца). А на замокъ вряднику, т. е. намѣстнику, они живность даютъ съ трехъ сохъ солянку (т. е. солянкую бочку) жита, а солянку овса, а осемъ яловиць, а осемъ вепровъ, и десять барановъ, а десять каменей (вѣсъ) меду прѣснаго, а двѣ бочки соли, а сѣна съ дыму по возу, а дровъ по возу жъ; а кромѣ того съ волости даютъ по куряти, по десяти яиць, по сыру, по фаскѣ (мѣра) масла, у кого кова есть, а полюдья по полтора гроша съ дыму и въ осень, а о радуницкой недѣли, кто поймаетъ селезня, а кто не будетъ имѣть селезня, тотъ полгроша даетъ, а мѣщане, а ни Орлинцы, а ни горожане того и Радуницы не даютъ. А все то они должны отвезти въ замокъ, а ни куды въ иное мѣсто не обязаны возить. А обратное дерево и о пчелы они должны судиться между собою сами, а кто останется виноватъ, тотъ долженъ по старому платить на замокъ по десяти грошей, а пересуду три гроша, а по межевымъ дѣламъ по столькужъ. А которыя дѣвки идутъ замужъ съ своей же волости, съ тѣхъ куницъ не берутъ, а мірская куница (т. е. когда выдаютъ въ другую волость) по шести грошей» (А. З. Р., Т. II, № 203). Такимъ образомъ намѣстники въ госу-

даревыхъ волостяхъ получали почти тѣ же доходы, какъ и старосты съ своихъ повѣтовъ. И замѣчательно, что распорядки въ государевыхъ волостяхъ были почти тѣ же какъ и въ Московскихъ и вообще восточно-русскихъ владѣніяхъ; такъ напримѣръ раздѣленіе дворовъ и земель на сохи, какъ крупную единицу сбора податей, состоящую изъ нѣсколькихъ дворовъ; даже сохранился древній русскій сборъ полюдья осенью. Или въ уставной грамотѣ 1529 года объ обязанностяхъ намѣстниковъ въ государевыхъ волостяхъ сказано: «Всѣ державцы (такъ названы здѣсь намѣстники) дворовъ нашихъ, какъ Виленскаго такъ и Троцкаго, повинни будутъ два раза въ годъ, одинъ осенью, а другій на весну дѣлать учетъ по гумну и по другимъ пожиткамъ нашимъ, которые имъ поручены, и которые должны быть доставлены въ нашу казну (ibid. № 159). А въ слѣдующей уставной грамотѣ того же года о доходахъ намѣстниковъ или державцовъ сказано: «на содержаніе державцовъ уставуемъ: каждому державцу и тивуну отъ каждой службы людей нашихъ должно быть дано пять грошей въ каждый годъ, а съ двухъ службъ бочка овса, или за бочку два гроша, изъ дву службъ одинъ возъ сѣна, или за возъ грошь, а по двѣ куры, або за нихъ грошь; а съ четырехъ службъ одна бочка пива, цѣною въ пять грошей; а съ одной службы каждый долженъ дать по одному бохону хлѣба цѣною въ полгроша» (ibid. № 160).

Намѣстники, замѣняющіе воеводу или старость, или другихъ какихъ урядниковъ, хотя назначались самими сими урядниками и зависѣли отъ нихъ, тѣмъ не менѣе они состояли на государственной службѣ завѣды-

вали разными городками и волостями, и непосредственно получали грамоты отъ государя; такъ въ королевской грамотѣ 1535 года написано: «намѣстниковъ замковъ нашихъ Пропойскаго и Чичерскаго которые завѣдаютъ тѣми замками отъ старосты Черкаскаго и Каневскаго, Пропойскаго и Чичерскаго пана Остафья Дашковича, абы вы не мешкаючи ни одного дня выбрали изъ тѣхъ волостей Пропойской и Чичерской двадцать человекъ съ топорами, и отправили ихъ къ замку Гомей» (ibid. № 183). Но иногда таковые намѣстники не имѣли въ своемъ завѣдываніи особыхъ областей, а только занимали мѣсто воеводы или старосты въ отсутствіи сихъ урядниковъ, или по ихъ приказу; такъ въ уставной грамотѣ 1557 года сказано: «Всѣ урядники наши сами особами своими должны присутствовать на своихъ урядахъ въ прїѣздъ ревизора, кромѣ пановъ радъ нашихъ, или которые находятся на другихъ нашихъ службахъ; но таковые должны рассказать своимъ намѣстникамъ, чтобы они присутствовали на урядахъ въ прїѣздъ ревизора и во всемъ повиновались его распоряженіямъ (А. З. Р. Т. III, № 19). Такъ какъ всѣ члены рады и другіе старѣйшіе сановники имѣли въ своемъ завѣдываніи по нѣскольку староствъ, державствъ и другихъ урядовъ, потому всѣ они имѣли по нѣскольку намѣстниковъ, на каждый урядъ особаго, и намѣстники сіи исправляли всѣ обязанности по порученному имъ уряду, какія лежали на ихъ старшемъ урядникѣ, котораго они замѣняли, и всѣ отчеты по порученному уряду подавали своему старшему, т. е. воеводѣ или старостѣ или державцѣ, у котораго кто былъ намѣстникомъ; но доходами съ уряда пользо-

вался старшій, намѣстникъ же получалъ изъ дохода только то, что ему предоставлялось старшимъ.

Подъ именемъ державцы вообще разумѣлся каж- Держав-
цы.
дый управитель области, былъ ли то воевода или староста или другій какой старшій урядникъ ; но были и такіе управители областей , которые не были ни воеводами ни старостами , а только назывались державцами ; они иногда имѣли почти тѣ же права и обязанности, какъ и воеводы со старостами, и считались самостоятельными правителями своихъ областей, только въ своемъ достоинствѣ они были ниже воеводъ и старостъ. По Литовскому статуту и по грамотамъ, державцы слѣдовали въ степеняхъ своихъ достоинствъ за воеводами и старостами ; такъ въ грамотѣ 1541 года великій князь Жигимонтъ пишетъ : «княземъ и панамъ, воеводамъ и старостамъ и державцамъ, и войтомъ, и бурмистромъ, и всякимъ заказникамъ по дворамъ и мѣстамъ и по волостямъ нашимъ» (А. З. Р., Т. II, № 215). По свидѣтельству 33 артикула VI раздѣла Литовскаго статута 1529 года державцы не имѣли права судить шляхту и бояръ , ни посылать за ними дѣтскихъ. Въ статутѣ сказано : «державцы, которые недавно названы державцами, а прежде назывались тіунами , не имѣютъ права шляхты и бояръ нашихъ судить и дѣтскихъ своихъ по нихъ посылать, они подлежатъ суду воеводъ , моршалковъ нашихъ земскихъ и дворныхъ, и старостъ» Кромѣ этого важнаго ограниченія въ правахъ суда самыя области, поручаемыя державцамъ, были только частями воеводствъ и старостствъ ; такъ напримѣръ въ огромномъ Жомойтскомъ старостствѣ были державы Вилькейская Веленьская, Скирстомоньская, Ясвойнская (А. З. Р.,

Т. II, № 149). Державы раздѣлялись на державы въ волостяхъ государевыхъ или дворцовыхъ и на державы въ областяхъ земскихъ; державцы первыхъ волостей были собственно тиунами или ключниками государя, управлявшими его имѣніями, и только передъ изданіемъ перваго Литовскаго статута были названы державцами; они отличались отъ тиуновъ тѣмъ, что управляли дворами государевыми, а тиуны управляли волостями; державы же втораго разряда преимущественно раздавались членамъ рады и другимъ высшимъ сановникамъ не столько для управления, сколько для полученія доходовъ; такъ на примѣръ Жомойтскій староста Радивиль былъ державцою Василишскимъ, или воевода Витебскій Янѳовичъ былъ державцою Волковыйскимъ. Но бывали также державцы въ земскихъ городахъ и областяхъ, которые жили въ данныхъ имъ державахъ и управляли ими сами, какъ управляли своими повѣтами старосты; такъ въ грамотѣ 1528 года, данной Берестейскому старостичу пану Яну Юрьевичу Ильиничу, сказано «дали мы замки наши Мстиславль и Радомль ему пану въ державѣ отъ насъ держати, со всѣми дворцы и фольварки и волостями и съ корчмами и съ присуды и съ иными всѣми пожитками и доходами, что тянетъ къ тѣмъ землямъ издавна; и къ тому половину давней грошовыхъ и медовыхъ ему придали для его пожитку, чтобы онъ самъ и съ слугами своими могъ содержаться, управляя тѣми замками, а другую половину той дани грошовой и медовой онъ долженъ отдавать каждый годъ князю Михайлу Мстиславскому (ленному владѣльцу этой области)» (ibid. № 155). Мстиславль и Радомль даны были пану Ильиничу по

его челобитью и по письму князя Мстиславскаго, который не надѣялся на своихъ собственныхъ урядниковъ на случай нападенія со стороны Московскаго Государя ; слѣдовательно державство давалось какъ и доходная статья , и какъ обезпеченіе обороны на случай непріятельскаго нападенія , и державца долженъ былъ имѣть отъ себя военный отрядъ, на содержаніе котораго назначались опредѣленные доходы съ порученной области. Очевидно, державство Мстиславское и Радомльское было дано пану Ильиничу только на годъ; ибо въ 1529 году были уже отданы сіи замки другому державцѣ пану Зеновьевичу и характеръ его державства въ данной по сему случаю грамотѣ выражень въ слѣдующихъ условіяхъ: «Дали мы отъ насъ въ держанье до воли нашей замки наши Мстиславль и Радомль съ мѣсты и съ дворы, и съ волостями, и со всѣми людьми волостными пану Юрью Юрьевичу Зеновьевичу, а даемъ ему тѣ замки и дворы со всѣмъ держати, съ корчмами медовыми и пивными, и съ данью медовою и грошевою и со всѣми платы и пожитки на годъ, и обязанъ въ этотъ годъ тѣ наши замки Мстиславль и Радомль укрѣпить съ тѣхъ нашихъ доходовъ. А какъ тотъ годъ выйдетъ, съ того часу тѣ дани бобровые и куничные и медовые и грошевые и иные всѣ поборы и поплаты наши половину беремъ на насъ Государя; а ему даемъ на содержаніе слугъ мыта и корчмы Мстиславльскіе и Радомльскіе, и другую половину даней всѣхъ медовыхъ и грошовыхъ, и бобровыхъ и куничныхъ всѣхъ поборовъ, и къ тому со всѣхъ дворовъ и фольварковъ нашихъ половину пашни ему и слугамъ его на пожитокъ въ каждый годъ; а другая половина пашни со всѣхъ дво-

ровъ должна быть соблюдена на вооруженіе тѣхъ замковъ нашихъ, а съ тѣхъ корчемъ и мыть и съ да-ней обязанъ панъ Юрій содержать на тѣхъ замкахъ пушкарей и имѣть въ готовности потребное количество пороха, и непременно имѣть въ замкахъ пятьдесятъ пахолковъ добрыхъ. А самъ непременно долженъ быть въ тѣхъ замкахъ и не съѣзжать оттуда безъ нашего указа или безъ указа пановъ радъ» (ibid. № 167).

Такимъ образомъ по приведеннымъ двумъ грамотамъ на державство, державцы только пользовались опредѣленными доходами съ порученныхъ областей, и обязаны были пещись объ укрѣпленіи и защитѣ замковъ отъ непріятельскаго нападенія. Въ приведенныхъ грамотахъ ни о судѣ ни объ управленіи державцевъ нѣтъ и помину; но мы имѣемъ указанія на державцевъ и какъ на судей и управителей. Такъ въ уставной грамотѣ 1514 года, данной Могилевскимъ боярамъ и мѣщанамъ и всѣмъ людямъ, сказано: «А державца нашъ панъ Юрїи имѣеть право съ нихъ брать каждый годъ: узѣзду (въѣзду) своего 50 копъ грошей, а полюдованья, коли у волость не поѣдетъ, 50 же копъ грошей. А вины малыя и великія выимѣемъ на насъ господаря, кромѣ повиннаго и выметнаго, кто на него или на врядника нашего чимъ ся выкинетъ (т. т. кто принесетъ жалобу на судъ державцѣ или государеву уряднику); а повиннаго ему отъ рубля по десяти грошей, а пересуда по четырѣ гроши; а слугамъ его отъ ѣзду и дѣцкованья на милю по грошу.... А которые доходы, обвѣски и иные, которые въ семь лпсту не выписаны, а на державцевъ Могилевскихъ хаживали, тѣ и нынѣ онъ имѣеть право

собирать по тому же» (ibid. № 86). По этой грамотѣ державца уже имѣеть характеръ не кормленщика только и завѣдывающаго обороною замка, но вмѣстѣ судьи и правителя подобно древнимъ намѣстникамъ или послѣдующимъ воеводамъ и старостамъ. Вообще державцы были не одинаковы относительно своихъ правъ и обязанностей, и при общемъ характерѣ кормленщиковъ, самое кормленье или доходы были не одинаковы въ разныхъ областяхъ и даже разнымъ державцамъ въ одной и той же области, и все это опредѣлялось жалованными или уставными грамотами, въ которыхъ прописывались подробно и права и обязанности каждаго державцы.

По судебнику Казимира Ягайловича, данному великому княжеству Литовскому въ 1468 году тѣуны подобно намѣстникамъ были правителями повѣтовъ; въ судебникѣ сказано: «А коли нашъ человекъ (Государевъ Земскій) вину далъ (искаль) князьскому или панскому или боярскому человеку, а въ которомъ повѣтѣ подъ нашимъ намѣстничествомъ или тивунствомъ; ино нашему намѣстнику, а любо тивуну, обослати, ижъ бы панскому человеку сталося право. А будутъ ли на нашемъ человекѣ князьскіи или панскіи или боярскіи люди чого искати: ино тому судъ и право передъ нашими намѣстники и тивуны, который отъ насъ гдѣ что держить». (А. З. Р., Т. I, № 67). Слѣдовательно тѣунъ по сему судебнику былъ державцею подобнымъ намѣстнику, хотя и низшей степени, и самостоятельно завѣдывалъ порученнымъ ему повѣтомъ, или частію повѣта; но это значеніе тѣуна, какъ державцы или управителя опредѣленной области, въ послѣдствіи осталось только въ Жомойтской землѣ или въ Жомойтскомъ

Тѣуны.

староствѣ, въ другихъ же земляхъ или областяхъ тіунъ получилъ иное значеніе и не былъ державцею или управителемъ области.

Въ Жомойтской землѣ, по свидѣтельству просительныхъ пунктовъ Жомойтской шляхты и боярь 1542 г., тіуны назначались правительствомъ по просьбѣ мѣстной шляхты изъ лицъ выбранныхъ ею же и по старымъ привиллегіямъ изъ мѣстной же шляхты непременно. И каждый тіунъ не имѣлъ права держать за собою болѣе одной волости. Староста Жомойтскій самъ одинъ безъ пановъ тіуновъ и безъ боярь шляхты не имѣлъ права судить Жомойтскую шляхту. А когда староста отъѣзжалъ въ свои имѣнія, то обязанъ былъ въ свое мѣсто оставлять тіуна и двухъ боярь шляхту и своего урядника, чтобы они безъ него судили и справовали по давнему обычаю. (А. З. Р., Т. II, № 221). По просьбамъ 1551 года отнятіе тіунства зависѣло отъ Короля, ежели на тіуна будутъ жалобы въ притѣсненіяхъ, или тіунъ окажется нерадивымъ къ своимъ обязанностямъ. Въ Жомойтской землѣ между тіунами избирался одинъ старшій по назначенію старосты и въ качествѣ хоружаго по давнему обычаю держалъ хоругвь земли Жомойтской, и всю шляхту, которая должна была отправляться въ походъ, поимянно записывалъ въ реэстръ съ обозначеніемъ кто какъ коненъ люденъ и оруженъ явился на службу, и этотъ реэстръ тіунъ обязанъ былъ передать старостѣ Жомойтскому, а староста передаетъ реэстръ гетману. Тіунъ каждый въ своемъ тіунствѣ вмѣстѣ съ приставами собиралъ съ плательщиковъ куничное и другія подати и по счету сдавалъ собранное въ казну государеву. (А. З. Р., Т. III, № II). Такимъ образомъ Жомойтскіе тіуны были

выборными отъ Жюмойтской же шляхты, но утвержденными государемъ, правителями и судьями Жюмойтскихъ волостей подъ прямымъ начальствомъ Жюмойтскаго старосты, и на ихъ же отвѣтственности былъ сборъ мѣстнаго войска и разныхъ податей. Источниками доходовъ для Жюмойтскихъ тиунъ, по общему порядку, были опредѣленные закономъ пошрины отъ суда и управы. Тиунъ, какъ управитель порученной ему волости, долженъ былъ знать, кто владѣеть какою землею и по какому праву, а также ежели на чьей землѣ есть торги и корчмы, то съ чьего дозволенія они уставлены; такъ въ уставной грамотѣ 1527 года Жюмойтской землѣ сказано: «кто будетъ люди и земли безъ данины нашей (государевой) позабралъ, или торги и корчмы въ своихъ имѣнїяхъ оставилъ; о такихъ важныхъ дѣлахъ мы писали къ пану старостѣ Жюмойтскому, чтобы онъ назначилъ съѣздъ всѣмъ тиунамъ Жюмойтской земли и приказалъ бы имъ стать предъ собою, и положить листы и данины на земли и на люди и на торги и на корчмы, и о всемъ о томъ достаточно довѣдался, и справедливость учипилъ» (А. З. Р., Т. II, № 149). Вообще тиуны въ землѣ Жюмойтской имѣли почти такое же значеніе какъ волостели въ Сѣверовосточной Руси.

Тиуны въ прочихъ земляхъ великаго княжества Литовскаго, оставшіеся при своемъ названіи, послѣ того какъ большая часть ихъ была переименована по статуту 1529 года въ державцевъ, имѣли значеніе земскихъ выборныхъ начальниковъ и судей надъ небольшими округами, стоявшихъ какъ бы въ сторонѣ отъ воеводъ и старостъ и другихъ управителей, назначаемыхъ правительствомъ. По статуту 1529 года ти-

уны сіи не могли судить шляхты и бояръ; ихъ управа и судъ ограничивались только тяглыми людьми и въ незначительныхъ дѣлахъ, не касающихся землевладѣнія и не относящихся къ уголовнымъ; за тѣмъ тиунамъ принадлежало завѣдываніе сборомъ податей и поборовъ какъ на Государя, такъ и на старосту или другаго кормленщика, назначеннаго правительствомъ. Тиуны были и городскіе и волостные. Такъ въ грамотѣ, данной Полотску въ 1511 году, сказано: «А воеводинымъ слугамъ тиунства городскаго не держати, и воеводинымъ слугамъ съ тиунами не ѣздити по волости Полотской; а тиуну городскому давати на нашъ дворъ (въ Полотскѣ) по три гроша на день А на Черствяти воеводинымъ слугамъ не судити, судити тиуну по старой пошлинѣ. Также на Невлѣ судѣ не быти и по всей волости Полотской судити воеводѣ Полотскому на городѣ». (ibid. № 70). Такимъ образомъ мѣстный княжій дворъ, гдѣ жилъ воевода или староста съ своими слугами, получалъ отъ тиуна, по свидѣтельству сей грамоты, опредѣленную пошлину Это же подтверждаетъ уставная грамота 1514 года, данная Городенскому старостѣ, гдѣ сказано: «староста Городенскій и врядники его должны требовать свои доходы съ сотниковъ, съ тиуновъ и съ приставовъ и съ сорочниковъ» (ibid. № 87). На то же указываетъ грамота 1525 года объ освобожденіи Себежской волости отъ даней и пошлинъ, въ которой сказано, что жители Себежской волости отъ непріятельскаго разоренія не могутъ платить даней и другихъ сборовъ и бобровщины и тиунщины, ни медовыхъ даней». (ibid. № 137). По свидѣтельству Даниловича въ его *Skarbiec diplomatów*, тиунъ былъ непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ тяглыхъ лю-

дей въ порученной ему волости, и никакой высшій начальникъ и владѣлецъ не могъ взять тяглаго человека безъ согласія или разрѣшенія тиуна и всѣхъ тяглыхъ людей данной волости на ихъ сходкѣ, или копѣ Тиунъ непременно выбирался изъ мѣстныхъ коренныхъ жителей, и по показанію памятника, приведеннаго Даниловичемъ и относящагося къ 1549 году, утверждался въ своей должности королевскимъ листомъ. (Skrb. dip. T. II, № 2349). Такимъ образомъ въ XVI столѣтіи тиунъ мало-по-малу во всѣхъ владѣніяхъ Литовскаго княжества, за исключеніемъ Жомойтской земли, изъ державца, почти равнаго намѣстнику, обратился какъ бы въ сельскаго старосту, или волостнаго старшину выборнаго отъ тяглыхъ людей своей волости, и его права и обязанности ограничились судомъ и управою между сельчанами въ ихъ мелкихъ тяжбахъ и сборомъ нѣкоторыхъ податей, на которыя не было назначено особыхъ сборщиковъ или урядниковъ.

Но тиуны, потерявшіе свое значеніе въ послѣднее время, почти до половины XVI столѣтія по ступенямъ мѣстныхъ начальниковъ и кормленщиковъ стояли довольно высоко и имѣли много вліянія и власти надъ народомъ. Такъ по уставной грамотѣ 1529 года содержаніе тиуновъ было одинаково съ содержаніемъ державцевъ: тиуну отъ каждой службы людей давалось на каждый годъ по пяти грошей, съ двухъ службъ бочка овса или два гроша, съ двухъ же службъ возъ сѣна или одинъ грошъ, по двое куръ или за нихъ грошъ, съ четырехъ службъ бочка пива или пять грошей, и съ каждой одной службы по одному бохону хлѣба цѣною въ полгроша. Въ той же грамотѣ опре-

дѣляются объѣзды тіуна по своей волости, показывающіе какое значеніе имѣлъ тіунъ въ народѣ и какъ тяжело отзывались его посѣщенія на волости. Въ грамотѣ сказано: «что же касается до вѣздовъ тіунскихъ на волости и сбиранья податей на Государя и тіунскихъ доходовъ; то тіуны не должны часто ѣздить въ волость и подолгу оставаться тамъ, ѣздили бы только на два срока въ году, на рождество Христово и на Успеньевъ день, и оставались бы тамъ въ каждый срокъ не больше трехъ недѣль; и притомъ должны объѣзжать свою волость съ небольшою свитою слугъ, чтобъ не отягощать народъ, и въ показанныя шесть недѣль собрать всѣ слѣдующія подати и свои доходы, а равно покончить всѣ sprawy и суды, и дольше шести недѣль не проживать въ волости и не оставлять тамъ ни намѣстниковъ, ни слугъ своихъ, и чего изъ собраннаго на свое содержаніе не истратить, того не оставлять у волостныхъ людей на сбереженіе, и не брать съ волостныхъ людей подводъ, а вести все собранное на своихъ лошадяхъ; также не имѣютъ права оставлять въ волости на прокормленье своихъ коней и охотничьихъ собакъ» (А. З. Р. Т. П, № 160).

Городничій.

Должность городничаго въ Полотской земли и вообще въ великомъ Княжествѣ Литовскомъ сравнительно была поздняя. Въ грамотѣ 1460 года, данной Казимиромъ Полотскому намѣстнику, сказано, что Полочане писали Государю, что городничаго у нихъ въ Полотскѣ издавна не бывало, и просили чтобы городничаго къ нимъ не назначать, а обязанности его поручить намѣстнику. А обязанности городничаго, по свидѣтельству той же грамоты, состояли въ томъ, чтобы смотрѣть за городскими укрѣпленіями и распоряжаться

ихъ постройкою и исправленіемъ, и на сіе наряжать по росписямъ какъ городскихъ жителей, такъ и волостныхъ. (А. З. Р., Т. I, № 64). Ежели Полочане просили государя объ отмѣнѣ должности городничаго, и просьба ихъ была уважена, то значить, что съ должностію городничаго были соединены тягости для народа какъ по содержанію городничаго и его слугъ, такъ и при раскладкѣ повинности, при возведеніи и поправкѣ городскихъ укрѣпленій; ибо Полочане не отказывались содержать укрѣпленія въ исправности, а просили только, чтобы обязанность городничаго возложить на Государева намѣстника. И дѣйствительно, по свидѣтельству грамоты 1511 года, городничій вмѣстѣ съ воеводою имѣлъ надзоръ за городскими корчмами и устанавливалъ какъ продажную мѣру пива и меда, такъ и цѣну, по чемъ какая мѣра должна продаваться, т. е. отъ воеводы и городничаго назначалась большая или меньшая мѣра ведра и продажная цѣна ведра меда и пива; кромѣ того они же смотрѣли за сборомъ пошлинъ съ корчемъ. (А. З. Р., Т. II, № 71). За тѣмъ городничій былъ членомъ воеводскаго суда, и дѣла по купчимъ и другимъ актамъ явля владѣніе именно производились въ квартирѣ или домѣ (господѣ) городничаго, и городничій разсматривалъ владѣнные акты и судилъ по нимъ (А. З. Р., Т. II, № 228). Наконецъ въ вѣдѣніи городничаго состояла продажа казеннаго всякаго хлѣба, получаемаго при сборѣ податей, а посему тиуны и другіе сборщики весь собранный хлѣбъ должны представлять городничему, ему же доставлялись деньги подьякольные, пентничныя и дровныя, и вообще все что на урядъ замковый идетъ. Собранныя такимъ образомъ и вырученныя отъ продажи хлѣба

деньги городничій отсылалъ до скарбу Государева (ibid. № 159). Вообще должно полагать, что должность городничаго была въ числѣ почетныхъ и доставляла значительные доходы; ибо мы имѣемъ указанія, что она давалась людямъ приближеннымъ къ Государю и вообще заслуженнымъ и высоко-поставленнымъ; такъ напримѣръ въ 1511 году былъ Троицкимъ городничимъ писарь Государевъ и близкій къ Государю человекъ панъ Иванъ Богдановичъ Сапѣга, какъ это видно изъ письма къ нему великаго Гетмана князя Константина Острожскаго (ibid. № 72). Во всѣхъ ли городахъ были городничіе, на это прямыхъ указаній нѣтъ, но скорѣе должно положить что не во всѣхъ, а только въ значительнѣйшихъ, да и тамъ не вездѣ; ибо мы уже видѣли, что Полочане добились до того, что должность городничаго въ Полотскѣ была отмѣнена.

Хоружій. Хоружіе были трехъ разрядовъ: хоружій земскій великаго княжества Литовскаго, хоружій дворный и хоружій повѣтовый. Главная обязанность хоружихъ опредѣляющая ихъ власть и значеніе, состояла въ томъ, чтобы носить и охранять военное знамя или хоругвь, т. е. земскій хоружій имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи хоругвь великаго княжества Литовскаго, хоружій дворный носилъ знамя или хоругвь государеву, а хоружему повѣтовому поручалась хоругвь повѣтовая. Съ обязанностию носить хоругвь были тѣсно связаны и даже вытекали изъ нея всѣ другія обязанности и права хоружаго. Хоружій повѣтовый всегда былъ выборный отъ своего повѣта, но непременно утвержденный государемъ, какъ это видно изъ уставной грамоты 1559 года, данной Мстиславскому повѣту, гдѣ въ 3-мъ пунктѣ сказано: «повѣдаетъ го-

сударь, что у васъ въ настоящее время въ Мстиславлѣ нѣтъ хоружаго, и просите, чтобы государь далъ тамошнее хоружее брату вашему Богдану Селицкому; и король его милость утверждаетъ тамошнее хоружее за братомъ вашимъ Богданомъ Селицкимъ» (А. Зап. Р., Т. III, № 24). По Литовскому статуту 1566 года права и обязанности хоружаго опредѣляются слѣдующимъ образомъ: Раздѣлъ II-й, артикулъ 5-й. «Хоружества во всѣхъ земляхъ и повѣтахъ великаго княжества должны быть устроены и соблюдаемы такимъ порядкомъ: Мы государь должны назначать въ хоружіе только людей извѣстныхъ, добрыхъ, расторопныхъ, состоятельныхъ и оселыхъ въ томъ повѣтѣ. Хоружій, когда будетъ держать хоругвь, долженъ имѣть на себѣ сбрую добрую, шлемъ или прилбицу и броню, и конь бы подъ нимъ былъ добрый. А хоругвь въ своемъ гуфѣ (полку) на шыху (на смотру) долженъ держать самъ хоружій; а хоругви должны выдаваться изъ нашего скарба (казны) по давнему обычаю. А хоружіе земскіе и дворные должны быть соблюдаемы по давнему обычаю. Арт. 6-й. Также мы государь для поряднѣйшаго сбора на войну, чтобы не было тягости людемъ, устанавливаемъ такъ: когда за потребою земскою или отъ насъ, или отъ пановъ радъ или отъ гетмана будетъ сказано всей землѣ ѣхать на войну; тогда хоружій, повѣстивши о томъ шляхтѣ, каждый въ своемъ повѣтѣ, самъ долженъ выѣхать въ поле и сказать своимъ повѣтникамъ, чтобы они за три дни до выступленья въ походъ съѣхались къ нему со всего повѣта; а они обязаны, ничѣмъ не отговариваясь, въ тотъ же часъ съѣзжаться на назначенное мѣсто съ своими почта-

ми (т. е. каждый съ своимъ отрядомъ вооруженныхъ слугъ, смотря по вотчинѣ), съ которыми повинны служить на войнѣ. За тѣмъ хоружій, собравшись съ ними, и имѣя подробную вѣдомость и печу (т. е. зная согласно ли съ своимъ состояніемъ каждый вышелъ на службу) о каждомъ изъ нихъ, со всѣми долженъ идти до каштеляна; и съѣхавшись съ каштеляномъ хоружій долженъ сдать свой повѣтъ шляхту каштеляну съ подробною вѣдомостію, всѣ ли явились въ полномъ вооруженіи и кто не явился и почему, а въ которомъ повѣтѣ нѣтъ каштеляна, тамъ хоружій долженъ сдать шляхту маршалку, который будетъ имѣть власть каштеляна. И когда сойдутся съ каштеляномъ хоружіе съ шляхтою должны подъ начальствомъ каштеляна или маршалка идти до воеводы того воеводства; и сошедшия съ нимъ каштелянъ или маршалокъ съ хоружимъ должны сдать шляхту воеводѣ съ подробною вѣдомостію, кого нѣтъ и почему»

Арт. 7-й. Шляхта на войнѣ не должна нигдѣ становиться, какъ только подъ своею повѣтовою хоругвюю, и повѣтчики должны разбивать свой станъ на войнѣ непременно при своемъ хоружемъ и въ одномъ мѣстѣ, а не розно.

Арт. 11-й. Каждый шляхтичъ, по болѣзни немогущій явиться на службу, долженъ непременно извѣстить о томъ хоружаго своего повѣта съ свидѣтельствомъ трехъ шляхтичей о дѣйствительности его болѣзни.

Арт. 12-й. Кто же вмѣсто себя пошлетъ на службу своего сына, тотъ съ тремя сосѣдами своими шляхтичами долженъ представить его хоружому своего повѣта, а хоружій, признавши приведеннаго годнымъ къ военной службѣ, долженъ вмѣстѣ съ каштеляномъ донести объ этомъ гетману.

Арт. 13-й. Хоружій не имѣеть права кого изъ своихъ повѣтниковъ оставлять дома или отпускать со службы; а который хоружій не донесеть гетману о неявившемся, то за это лишается своей должности». Раздѣль VIII. Арт. 3-й указываетъ, что хоружій въ военное время въ отношеніи къ утвержденію духовныхъ завѣщаній, замѣнялъ повѣтовый земскій судъ, въ законѣ сказано: «завѣщаніе вскорѣ по написаніи должно быть явлено передъ государемъ или передъ земскимъ судомъ на первыхъ срокахъ судовыхъ, а на войнѣ—передъ гетманомъ или передъ хоружимъ повѣтовымъ.

Кромѣ статута 1566 года, мы имѣемъ еще уставъ 1563 года, въ которомъ также объяснены права и обязанности хоружаго, въ которомъ сказано: «Каждый хоружій передъ сборомъ на войну, долженъ шляхтѣ своей хоругви по старому обычаю назначить срокъ сбора. И шляхта, собравшись съ почты своими, должна ѣхать съ хоружимъ на мѣсто, гдѣ приказано собираться войску до гетмана. А ѣдучи по дорогѣ, хоружій обязанъ строго наблюдать, чтобы шляхтичъ ни кому никакой обиды не дѣлалъ. Что же касается шляхты дѣленныхъ и недѣленныхъ братьевъ, которые бы дома остались, а на войну бы не поѣхали, таковыхъ каждый хоружій въ своемъ хоружествѣ обязанъ занести въ реестръ поимянно, справедливо подъ присягою своею, и пріѣхавши до войска донести о томъ королю его милости или гетману и справу въ томъ дать. А за тѣмъ, что касается до шляхты, которые поддались панамъ, или земляномъ съ имѣньями своими; таковыхъ хоружіе каждый въ хоружествѣ своемъ долженъ записать особо по име-

намъ, никого не укрываючи, и о томъ подать подробную вѣдомость государю, который повелитъ возвратить ихъ къ повѣтамъ съ ихъ имѣніями» (А. Зап. Р., Т. III, № 33).

На хоружемъ, кромѣ военно-административныхъ обязанностей, лежали еще обязанности и невоеннаго характера; такъ хоружій въ своемъ округѣ называвшемся хоружествомъ, обязанъ былъ объявлять шляхтѣ всѣ вновь выходящія узаконенія, до нея относящіяся. Такъ въ уставахъ, данныхъ Литвѣ въ 1551 г., прямо сказано: «Хоружіе, взявши теперешные уставы выпись, обязаны каждый въ своемъ хоружествѣ о томъ повѣдать шляхтѣ» (*ibid.* № 11). На хоружихъ же лежала обязанность собирать серебщизну съ шляхетскихъ имѣній, состоящихъ въ его вѣдѣніи; на Гродненскомъ сеймѣ 1507 года былъ установленъ, такой порядокъ: «Державцы наши (государевы) обязаны ту серебщизну собирать безъ мѣшканья, каждый въ своемъ повѣтѣ, съ нашихъ (государевыхъ) людей, а хоружій каждый въ своемъ повѣтѣ обязанъ собирать серебщизну съ людей боярскихъ и дворянскихъ и вдовьихъ Татарскихъ, подъ свѣдомомъ каждаго державца нашего, а князей и паяовъ радъ нашихъ съ ихъ имѣній ихъ намѣстники обязаны збирать серебщизну и отдавать до скарбу нашего» (А. Зап. Р., Т. II, № 17). По уставамъ 1559 года хоружіе присутствовали при выборахъ шляхты на сеймъ; хоружимъ слѣдовала опредѣленная подать съ шляхты на расходы при поѣздѣ на сеймъ и при отвозѣ въ казну серебщизны; хоружіе участвовали при вызовѣ повѣтовой шляхты на судъ, и за это получали опредѣленные пошлины по 10 грошей отъ девяти копъ,

или помилное» (А. Зап. Р. Т. III, № 24). Хоружіе очевидно имѣли въ своихъ повѣтахъ большое значеніе, какъ земскіе выборные и представители мѣстной шляхты, и можетъ быть ходатаи за мѣстные шляхетскіе интересы на общихъ сеймахъ и, какъ кажется послы или выборные отъ шляхты въ посольскую избу отправлялись на сеймъ отъ каждаго повѣта, не иначе какъ при своемъ хоружемъ. Хоружіе же земскіе, или хоружіе великаго княжества Литовскаго, были кажется въ числѣ пановъ радъ, или еленами государевой думы или сената. Такъ по крайней мѣрѣ въ грамотѣ 1563 года, данной Сигизмундомъ Литовскому дворянству и рыцарству православной вѣры, въ числѣ пановъ радъ мы встрѣчаемъ хоружаго земскаго державцу Радуньскаго пана Щастнаго Гарцыка (А. Зап. Р., Т. III, № 32).

Писари были государевы и писари земскіе. Государевы писари были двухъ видовъ:—писарь состоящій при государѣ былъ большимъ паномъ при дворѣ великаго князя, самымъ довѣреннымъ лицомъ у государя, членомъ государевой рады или сената; такъ на примѣръ въ приведенной выше Сигизмундовой грамотѣ 1563 года, въ числѣ членовъ рады или радныхъ пановъ, написаны: «маршалокъ и писарь нашъ, староста Тикотинскій, панъ Янъ Шишковичъ; писарь нашъ конюшій Городенскій, державца Ошменкій, Вилькейскій и Красносельскій панъ Янъ Миколаевичъ Гайка; писарь нашъ державца Марковскій и Медевскій панъ Миколай Нарушевичъ» Эта грамота свидѣтельствуетъ, что при государѣ было по нѣскольку писарей. Мы не рѣдко встрѣчаемъ государевыхъ писарей въ числѣ посланниковъ къ другимъ государямъ;

такъ въ грамотѣ 1507 года отъ В. К. Василья Ивановича Московскаго, написано: «сказано посламъ В. К. Литовскаго маршалку пану Яну Миколаевичу и кухмистеру пану Петру Олехновичу и писарю пану Богдану Сапегѣ (А. Зап. Р., Т. 1, № 16). Или въ грамотѣ Сигизмунда къ Московскому великому князю, писанной въ 1511 году, сказано: «послали къ тебѣ пословъ нашихъ: воеводу Полоцкаго пана Стапислава Глѣбовича, а маршалка нашего охмистра королевы ея милости намѣстника Ковенскаго и Бѣльскаго, пана Войтка Яновича, и писаря нашего ключника Виленскаго памѣстника Свислоцкаго Грынка Громыку» (ibid. № 66).

Второй разрядъ государевыхъ писарей составляли чиновники, посылаемые отъ государя по областямъ для сбора недоимокъ, или для управленія и надзора за доходами собственно въ государевыхъ или дворцовыхъ волостяхъ и дворахъ. Обязанности, права и значеніе этого разряда писарей мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ грамотъ. Въ льготной грамотѣ Поднѣпровскимъ и Подвинскимъ королевскимъ волостямъ 1511 года сказано: «тыхъ волостей нашихъ наши данники жалуются на обиды отъ писарей нашихъ, которыхъ мы посылаемъ править недоимки, что ихъ слуги отъ году до году не выѣзжаючи живутъ на тѣхъ волостяхъ, корчмы сытять для своей корысти, а волости обязаны каждую недѣлю давать имъ содержаніе деньгами и припасами и ставить по нѣскольку сторожей, къ тому же и судять ихъ и рядять и великія вины на нихъ берутъ. А и сами писари наши, взѣхавши на волости, непомѣрные взѣды и станции берутъ, и для своихъ присудовъ и винъ на каж-

дой волости остаются по нѣскольку недѣль, а волости обязаны давать имъ содержаніе. И съ того великаго грабежу и вымоганья многіе данники наши съ тѣхъ волостей разошлись, а которые остались, тѣ не могутъ уже нѣсколько лѣтъ и половины дани заплатить» (А. Зап. Р., Т. II. № 75). Уставная грамота 1530 года державцамъ и тиунамъ Жмудскихъ королевскихъ волостей описываетъ права и обязанности государева писаря слѣдующимъ образомъ: «Для пожитковъ нашихъ господарскихъ, устави́ли мы писаремъ въ землѣ Жомойтской Андрея Мацковича, тѣмъ же обычаемъ, какъ и въ дворахъ нашихъ Виленскаго и Троцкаго повѣту писари отъ насъ установлены. И поручили мы ему въ тѣхъ дворахъ нашихъ и держаньяхъ нашихъ, пустощины наши всѣ раздавать и мѣдницы медовъ прѣсныхъ съ нихъ выбирать на насъ; а къ тому дякла наши овсяные и житные съ людей нашихъ тамошнихъ и корчемные пѣнязи со всѣхъ мѣстечекъ нашихъ Жомойтскихъ онъ обязанъ на насъ выбирать по старому обычаю. Также пущи наши господарскія въ тѣхъ дворахъ нашихъ Жомойтскихъ по обѣимъ берегамъ Немана, поручили мы ему завѣдывать; обязанъ онъ въ тѣхъ пущахъ нашихъ строго смотрѣть и стеречь, чтобы никто безъ нашей воли господарской не смѣлъ будъ и всякихъ работъ древесныхъ и попельныхъ (добыча золы), производить и купцамъ раздавать. А кому мы дозволили тамъ буду (смоляной заводъ) имѣть; и онъ писарь обязанъ о томъ вѣдать и за тою работою строго смотрѣть и записывать, чтобы намъ въ мытѣ или въ чемъ убытку не было; а чтобы своевольно сталъ производить тамъ работы, таковыхъ мы приказали ему забирать

и ни до какихъ работъ не допускать. И вы бы осочниковъ тамошнихъ всѣхъ ему отдали, и за тѣмъ въ наши пущи тамошнія ни въ чемъ не вступалися. А въ которыхъ дворахъ нашихъ не было осочниковъ извѣчныхъ; ино тотъ писарь земли Жомойтской обязанъ тамъ уставить осочниковъ, сколько нужно изъ нашихъ людей тамошнихъ, чтобы строго стерегли наши пущи и чтобы намъ ни въ чемъ не было убытка. Также приказали ему довѣдываться, кто изъ васъ сколько людей присадилъ къ пожитку нашему, и кто будетъ разогналъ, или кто забралъ себѣ нашихъ людей, пустыя земли и пущи во всей Жомойтской землѣ; и кто бы забралъ безъ нашего дозволенья или жалованья, того всего довѣдавшись достаточно написалъ въ реэстръ, и прислалъ бы къ намъ, а все забранное безъ нашего дозволенья воротилъ къ нашимъ дворамъ и волостямъ. Что же касается нашихъ пашень въ тѣхъ дворахъ, то онъ обязанъ поступать также какъ и въ дворахъ Виленскаго и Троицкаго повѣта установлено, и отбирать на насъ всякій хлѣбъ. Онъ также обязанъ строго смотрѣть, чтобы соль, привозимая отъ Нѣмцевъ, не проходила не оплативши соленого мыта по три гроша съ бочки. А сколько будетъ вы собрали въ послѣдніе три года съ половиною нашихъ винъ (т. е. судебныхъ штрафовъ), то подали бы ему писарю Жомойтской земли Андрею подробный реэстръ. Также онъ писарь обязанъ объѣзжать всѣ наши дворы и волости Жомойскія по два раза въ годъ, смотрѣть за нашими доходами и довѣдываться, не будетъ ли какихъ обидъ и отягощеній нашимъ подданнымъ отъ васъ самихъ и отъ вашихъ урядниковъ. А вамъ приказываемъ, когда онъ бу-

детъ объѣзжать, то вы бы приказали нашимъ людямъ давать содержаніе ему самому и слугамъ и лошадамъ, а за труды ему выдавали бы изъ нашихъ винъ съ каждаго двора нашего и съ тамошнихъ волостей нашихъ по рублю грошей. А кто будетъ изъ васъ не доставилъ въ которомъ году установленныхъ денежныхъ и другихъ доходовъ нашихъ, о томъ о всемъ писарь обязанъ довѣдаться. А вы не должны вступаться во все доходы и пожитки наши господарскіе порученные писарю» (А. Зап. Р., Т. III, № 149). Такимъ образомъ, государевы писари, посылаемые по дворцовымъ дворамъ и волостямъ государя, были собственно наблюдатели и охранители государевыхъ доходовъ и людей, живущихъ на государевыхъ земляхъ; они стояли выше мѣстныхъ управителей тиуновъ и державцевъ, хотя и не вмѣшивались въ ихъ обязанности по управленію и суду.

Земскіе писари были собственно выборные люди мѣстнаго общества или земства. Въ Литовскомъ статутѣ 1566 года, разд. 4-го, артик. I, сказано: «Въ каждомъ повѣтѣ княжата, панове рада наша, также рыцарство и шляхта, все кто бы къ какому стану ни принадлежалъ, у которыхъ будутъ тамъ свои имѣнья, должны съѣхаться до двора на то установленнаго въ повѣтѣ, и выбрать со всей шляхты того повѣта братью свою на каждый урядъ: на судейство четырехъ человекъ добрыхъ, на подсудство другихъ четырехъ, на писарство третьихъ четырехъ человекъ добрыхъ, честныхъ, дѣятельныхъ и знающихъ законы, изъ шляхетскаго рода, въ томъ повѣтѣ добре осѣлныхъ и не иной вѣры, только христіанской; и выбравши ихъ представить ихъ намъ государю съ сво-

ими выборными листами; а мы изъ тѣхъ двѣнадцати особъ выберемъ троихъ для земскаго суда, въ томъ повѣтѣ, —судью, подсудка и писаря. Которые отъ насъ выбранные и утвержденные обязаны на первыхъ срокахъ судовыхъ дать присягу предъ повѣтовымъ воеводою, а гдѣ небытность воеводы предъ каштеляномъ, а въ землѣ Жемойтской предъ старостою Жемойтскимъ, при собраньи шляхты. Артикуль 8-й. «На писарство не могутъ быть выбраны особы духовныя, ни старосты, державцы, ни тиуны того повѣта, ни хоружіе и никто таковой, кто бы въ томъ повѣтѣ былъ урядникомъ. Арт. 10-й. Писарь земскій долженъ хранить у себя повѣтовую печать, которою онъ долженъ печатать только одни позвы къ суду подъ государевымъ титуломъ; другія же судебныя бумаги должны быть припечатываемы печатью судьиною или подсудковою и только подписаны рукою земскаго писаря. Обязанности земскаго писаря, выраженные въ его присягѣ, состояли въ томъ, что онъ долженъ на судѣ записывать вѣрно, какъ споры и рѣчи сторонъ, ничего не прибавляя ни убавляя, такъ и записывать въ судовыя книги всѣ бумаги, представленныя на судъ и судебныя рѣшенія. Земскій писарь по закону могъ имѣть одного или двухъ или сколько ему понадобится помощниковъ, которые назывались подписками, но помощники или подписки были на отвѣтственности самаго писаря, онъ долженъ строго смотрѣть, чтобы они вѣрно и справедливо безъ проволочки записывали въ книги; а ежели бы подпискомъ сдѣлана была какая нибудь въ дѣлѣ поруха, то за это отвѣчалъ самъ писарь, и платилъ всѣ убытки. Такимъ образомъ земскій писарь, по статуту 1566

года, былъ выборнымъ присяжнымъ членомъ суда, на немъ собственно лежала обязанность правильно вести письменную часть на судѣ и заносить ее въ судовыя книги, которыя были постояннымъ официальнымъ документомъ для справокъ, выписовъ и подтвержденія правъ. Книги сіи хранились за тремя замками и тремя печатями,—судьиною, подсудковою и писаревою. Узаконенные доходы писарей земскаго и городского, т. е. отъ правительства, а не выборнаго, были слѣдующіе: «отъ каждаго позовъ по грошу, за вписываніе въ книги грошь, отъ выпису изъ книги грошь, отъ оповѣданья кривды грошь, отъ судовыхъ листовъ и выписовъ за каждый позовъ съ виноватаго по два гроша. Когда по дѣлу письма будетъ много и дѣло важное, то писарямъ за ихъ трудъ должно платить по 12 грошей съ пергаменнаго листа, а также особую цѣну за пергамень, шнуры и воскъ (тамъ же, Арт. 3-й). Но таковой порядокъ относительно земскихъ писарей установился только съ статута 1566 года, прежде же и по статуту 1529 г. писари были чиновниками воеводы, старость и другихъ державцевъ; ихъ обязанности состояли въ записываніи судныхъ рѣчей и судебныхъ рѣшеній и въ сборѣ судебныхъ штрафовъ и другихъ доходовъ отъ суда какъ въ пользу государя, такъ и для своихъ начальниковъ (стат. 1529 года, раздѣлъ VI, арт. 3). Мы имѣемъ даже свидѣтельство, что разныя области нѣсколько разъ просили правительство о дозволеніи имъ имѣть земскихъ выборныхъ судей и писарей; такъ въ уставахъ 1559 года упоминается, что Полотское земство просило государя, чтобы онъ, для большей справедливости и скорѣйшаго рѣшенія дѣла

Дозволил имъ выбирать судей и писаря присяжнаго и далъ имъ свою государскую повѣтовую печать, на что государь отвѣчалъ, что исполненіе этой просьбы онъ отлагаетъ до изданія новаго статута, гдѣ будетъ особый артикуль о судьяхъ (А. Зап. Р., Т. III, № 34, стр. 104).

Судебныя власти. Къ симъ властямъ причислялись: судья, подкоморій, вижь, возный, войтъ.

Судъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ, какъ и вообще на Руси, принадлежалъ государю и его урядникамъ, воеводамъ, старостамъ, державцамъ, тиунамъ и вотчинникамъ или землянамъ, т. е. землевладѣльцамъ изъ высшаго класса, князей, пановъ и шляхты, каждому въ своемъ вѣдомствѣ, въ войскѣ—гетману, въ духовенствѣ—духовнымъ властямъ. Но кромѣ сихъ судей, урядниковъ или владѣльцевъ были еще собственно судьи, занимавшіеся только судомъ и не имѣвшіе никакого другаго уряда. Значеніе сихъ судей въ разное время и въ разныхъ областяхъ было не одинаково; но общее всегда между ними было то, что имъ принадлежалъ судъ въ тяжбахъ и спорахъ по дворянскимъ или шляхетскимъ имѣніямъ въ повѣтѣ.

Судья. Судя по уставной грамотѣ 1501 года, данной жителямъ Бѣльской земли судья былъ выборнымъ представителемъ земщины своего повѣта, но эту земщину составляли только земляне, т. е. землевладѣльцы—шляхта. Въ грамотѣ сказано: «Шляхетный Петръ Люба, въ качествѣ судьи Бѣльскаго повѣта, именемъ и по довѣренности всѣхъ землянъ того повѣта, просилъ государя, чтобы онъ далъ Бѣльской землѣ тѣ же права, которыя даны Дрогичинскому повѣту. Изъ этой же грамоты видно, что въ Бѣльскомъ повѣтѣ, кромѣ судьи

былъ еще подсудокъ также выборный отъ земщины, п въ ихъ вѣдѣніи состояли всѣ судебныя дѣла между землянами кромѣ уголовныхъ, которыя судилъ государевъ староста въ замкѣ (А. Зап. Рос., Т. I, № 179). Но кажется сіи судьи и подсудки были занесены изъ Польши, т е. принадлежали къ Польскимъ учрежденіямъ, и первоначально встрѣчаются только въ Подляшши, и въ самой грамотѣ эта привиллегія названа Польскимъ привиліемъ. Въ другихъ же мѣстностяхъ великаго княжества Литовскаго по чисто Русскому праву, судьи въ тяжбныхъ дѣлахъ между землянами первоначально избирались самими тяжущимися, какъ видно изъ судебника В. К. Казимира Ягайловича, издавнаго въ 1468 году, гдѣ сказано: «а коли бы двое имѣли судиться, а возмутъ себѣ ѣздоковъ и судей; тогда назначать имъ срокъ за четыре недѣли, чтобы тотъ и другій успѣли приготовиться для явки предъ судьями, судьямъ же и ѣздокамъ выѣхать на мѣсто тяжбы» (ibid. № 67). Тотъ же порядокъ выбора судей тяжущимися находимъ въ уставной грамотѣ Волынской земли, данной въ 1509 году, въ которой сказано: на ярмарки старостины намѣстники имѣють право ѣздить по давному; а людей ихъ одинъ намѣстникъ не имѣеть права судить; позванный въ судъ передъ намѣстника долженъ посадить себѣ судью съ своей руки, выбравши какого землянина». Въ той же грамотѣ есть извѣстіе, что староста и его намѣстники не имѣють права одни судить ни князя ни пана, ни землянина, а должны при себѣ посадить князей, пановъ и землянь и при нихъ производить судъ (А. Зап. Р., Т. II, № 54). То же повторяется въ уставной грамотѣ Полотску 1511 года, гдѣ ска-

зано: «А воеводѣ нашему Полотскому, мѣщанъ одному не судити, судити ему съ бояры и мѣщаны» (ibid. № 70). Таковой порядокъ соблюдался до изданія Литовскаго статута 1529 года, т. е. судьи выбирались сторонами и присутствовали на судѣ у старость и другихъ государевыхъ урядниковъ и выбирались на время, или скорѣе на одно дѣло.

Но съ изданіемъ статута 1529 года этотъ порядокъ измѣнился, и земскіе судьи изъ временныхъ обрѣтились въ постоянные, и хотя назначались изъ мѣстныхъ землянь или землевладѣльцевъ, но не по выбору земщины, а по усмотрѣнію воеводъ или старость и другихъ державцевъ. Въ статутѣ прямо сказано: «Воеводы, старосты и державцы, каждый въ своемъ повѣтѣ, обязаны избрать двухъ земляниновъ, людей добрыхъ, стоящихъ довѣрія и привести ихъ къ присягѣ. А установить это такимъ обычаемъ, когда панъ воевода и староста и державца нашъ, сами за нѣкоторыми справами нашими или земскими не будутъ имѣть времени судить которыя права; то тѣ два землянина вмѣстѣ съ намѣстниками и маршалками тѣхъ нашихъ пановъ урядниковъ обязаны того смотрѣть и то справовать согласно съ писанными правами, которыя мы дали всей землѣ. И писари присяжные тѣхъ пановъ воеводъ и старость и державцевъ нашихъ обязаны также при нихъ быть и все записывать, и при томъ наблюдать за штрафами какъ на насъ государя, такъ и на своихъ пановъ, и за другими доходами. А безъ тѣхъ пановъ землянь присяжныхъ, ежели ихъ не будетъ обѣихъ, тогда намѣстники и маршалки не имѣютъ права судить, необходимо, чтобы при нихъ былъ хотя одинъ изъ тѣхъ

землянъ (Разд. VI, арт. 3). Далѣе въ артикулѣ 24 сказано: «судьи, которые должны быть уставлены въ повѣтахъ, когда судять съ урядниками воеводиными и старостными, тогда обязаны пересудъ дѣлить на трое: одну часть воеводѣ, а другую судьямъ, и третью намѣстнику воеводину. За тѣмъ въ артикулѣ 25-мъ установлено: «Ежели бы который воевода или староста, или державца, или судья взялъ отъ кого пересуду больше, чѣмъ положено въ уставѣ; тотъ повиненъ будетъ возратить сторонѣ съ прибавкою, и сверхъ того заплатить штрафъ на государя двѣнадцать рублей грошей» Такимъ образомъ, по статуту 1529 года, судьи хотя и изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ сдѣлались не больше какъ помощниками воеводъ, старостъ и другихъ урядниковъ, исправляли свои обязанности только тогда, когда самому воеводѣ или старостѣ было недосугъ заняться судомъ, и когда онъ поручалъ это дѣло своему намѣстнику; слѣдовательно по сему статуту значеніе судьи потеряло всякую самостоятельность, онъ находился въ полной зависимости отъ повѣтоваго воеводы или старосты; онъ въ сущности былъ его чиновникъ, а не представитель земщины.

Таковое зависимое положеніе судьи и такой его служебный характеръ естественно не могли нравиться землянамъ, которые такимъ образомъ потеряли право участвовать на судѣ самостоятельно и защищать свою братью; а посему на сеймахъ поднялись жалобы и просьбы къ государю, чтобы онъ отмѣнилъ этотъ порядокъ и дозволилъ имѣть земскихъ судей и писарей выборныхъ отъ земщины и независимыхъ отъ воеводы или старосты. Сколько извѣстно, тако-

выя просьбы начались съ Берестейскаго сейма, въ 1544 году, потомъ повторились на Виленскомъ сеймѣ въ 1547 г., на которомъ чины въ 9-й своей просьбѣ писали: чтобы королевская милость позаботился дать имъ въ повѣтахъ судьями людей добрыхъ, которые бы были выбраны ими самими между собою, и которые подъ присягами своими судилибы свою братью согласно съ страхомъ Божиимъ и справедливостію, и чтобы писарь въ каждомъ повѣтѣ также былъ присяжный, выбранный шляхтою. На эту просьбу былъ данъ такой же отвѣтъ, какъ и на Берестейскомъ сеймѣ,—что судьи должны быть назначаемы согласно съ статутомъ 1529 года (А. Зап. Р., Т. III, № 4). Затѣмъ та же просьба повторилась на второмъ Виленскомъ сеймѣ въ 1551 году, и полученъ таковой же отвѣтъ,—что судьи въ повѣтахъ какъ воеводскихъ, такъ и старостинскихъ должны быть установлены отъ пановъ воеводъ и отъ пановъ старостъ таковымъ обычаемъ, какъ установлено въ статутѣ, и должны sprawy судить вмѣстѣ съ намѣстникомъ воеводнымъ и съ подстаростою на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ панове воеводы и старосты укажутъ» (ibid. № 11), Тѣ же просьбы о судьяхъ и писаряхъ земскихъ были повторены на третьемъ Виленскомъ сеймѣ въ 1554 году, въ сихъ просьбахъ было прямо указано на обычай Подляшской земли; но полученъ прежній отвѣтъ, что судей должны назначать воеводы и старосты только припавлено: «что же касается до судей, которые отъ пановъ воеводъ уставлены, и напередъ, гдѣ нужно будетъ уставить судей, его королевская милость хочетъ таковыхъ судей утверждать своимъ листомъ господарскимъ» (ibid. № 13). Наконецъ на

четвертомъ Виленскомъ сеймѣ 1559 года Полотскіе чины прямо просили, чтобы дать имъ присяжныхъ выборныхъ судей и писарей земскихъ и господарскую повѣтовую печать. На что получили отвѣтъ, что его милость король откладываетъ это дѣло до изданія новаго статута, которое не замедлится (*ibid.* № 24).

Постоянныя просьбы земскихъ чиновъ почти на всѣхъ сеймахъ наконецъ достигли того, что земскіе судьи и писарь сдѣлались выборными отъ земщины представителями на судѣ, подобно тому, какъ это было въ Польшѣ и Подлясьѣ. Въ статутѣ 1566 года о судьяхъ постановлено: «Въ каждомъ повѣтѣ княжата, панове рада наша, также рыцарство, шляхта всѣ, кто бы какого стану ни былъ, у которыхъ будутъ имѣнья въ томъ повѣтѣ, должны съѣхаться до двора на то установленнаго въ повѣтѣ и выбрать изъ всей шляхты того повѣта, братья своей, на каждый урядъ таковой,—на судейство четырехъ людей добрыхъ, на подсудство другихъ четырехъ, на писарство третьихъ четырехъ людей добрыхъ, честныхъ, дѣятельныхъ и знающихъ законы, шляхетскаго рода, въ томъ повѣтѣ добре осѣлыхъ, не иной вѣры, какъ только Христіанской, и выбравши ихъ представить къ государю съ своими выборными листами. А государь изъ тѣхъ двѣнадцати особъ выберетъ троихъ для земскаго суда въ томъ повѣтѣ—судью, подсудка и писаря. Которые выбранные и утвержденные государемъ обязаны на первыхъ срокахъ судовыхъ дать присягу предъ повѣтовымъ воеводою, а въ небытность его передъ каштеляномъ, а въ землѣ Жомойтской передъ старостою Жомойтскимъ при собраньи шляхты». (Раздѣлъ IV, арт. I).

За тѣмъ сказано во 2-мъ артикулѣ того же раздѣла: «Также узаконяемъ тѣмъ урядомъ повѣтовымъ въ каждомъ повѣтѣ, — судѣ и подсудку на положенные сроки позывать передъ себя и судить и справовать всѣхъ пановъ радъ духовныхъ и свѣтскихъ княжатъ, пановъ хоругвыхъ, шляхту и бояръ о дѣлахъ по землямъ, всѣхъ которые будутъ имѣть въ томъ повѣтѣ свои вотчины, никого неисключая, кромѣ самаго государя и государевыхъ урядниковъ, за которыми будутъ государевы а не свои имѣнья, и которыхъ земскіе судьи судить не могутъ, а только самъ государь или кому онъ прикажетъ. Но земскій судъ не имѣетъ права судить тѣхъ дѣлъ, которыя принадлежатъ замковому суду, судятся воеводами, старостами и державцами особымъ порядкомъ». Такимъ образомъ по статуту 1566 года земскій судъ совершенно освобожденъ отъ вліянія государевыхъ урядниковъ, воеводъ, старостъ и державцевъ, и получилъ отдѣльную независимую юрисдикцію съ своимъ особымъ родомъ дѣлъ. По осьмому артикулу настоящаго статута даже отъ выбора въ судьи, подсудки и писаря были исключены всѣ лица, за которыми бы въ томъ повѣтѣ былъ какой либо государевъ урядъ, и всѣ духовныя особы. А по седьмому артикулу, земскіе судьи и подсудки, ежели бы сами по какой либо законной причинѣ не могли производить суда въ положенный срокъ, то сами должны выбирать на свое мѣсто годныхъ людей изъ мѣстной шляхты, независимо отъ государевыхъ урядниковъ. Слѣдовательно земскій судъ по статуту вполнѣ былъ предоставленъ самой земщинѣ, т. е. землевладѣльцамъ, — шляхтѣ. Государь только утверждалъ выбранныхъ судей, подсудковъ и

писарей, государевы же повѣтовые урядники не имѣли на этотъ судъ никакого вліянія.

Но учрежденіе особаго самостоятельнаго и независимаго земскаго суда въ повѣтахъ не уничтожило суда повѣтовыхъ государевыхъ урядниковъ,—воеводъ, старостъ, державцевъ и другихъ, который получилъ названіе замковаго суда. Къ нему по артикулу 20 отнесены слѣдующія дѣла, изъятыя отъ земскаго суда: «наѣздъ гвалтовный на дома шляхетскіе, гвалтъ въ мѣстахъ (городахъ), пожога, разбой на дорогахъ, гвалтованье паненъ и невѣсть, злодѣйство, фальшь, убійство шляхтича и вообще дѣла уголовныя. Замковый судъ составляли государевы повѣтовые урядники,—воеводы, старосты, державцы, ихъ намѣстники и выбранные урядниками по прежнимъ порядкамъ судьи. Артикуль 21-й гласить: «Устанавливаемъ, чтобы воеводы, старосты и всѣ державцы замковъ и дворовъ нашихъ, каждый на своемъ урядѣ, обязанъ выбрать человека добраго, шляхтича въ томъ повѣтѣ осѣлаго, присяглаго, который повиненъ будетъ вмѣстѣ съ замковымъ урядомъ судить и справовать всѣ дѣла судовыя, которыя замку или уряду нашему будутъ принадлежать». Такимъ образомъ судьи, избираемые государевыми урядниками по статуту 1529 года, остались при замковомъ судѣ, и ихъ обязанности были прежнія,—въ небытность самихъ государевыхъ урядниковъ судить при ихъ намѣстникахъ.

Подкоморимъ назывался судья собственно по ме-
жевымъ дѣламъ, именно по разсмотрѣнію и отводу Подкомо-
рія.
межей на мѣстѣ; онъ начиналъ свой судъ не иначе какъ по передачѣ ему дѣла отъ земскаго суда. Чинъ подкоморего учрежденъ не раньше статута 1566 года,

до прежде же межевыя дѣла были въ вѣдѣніи государевыхъ урядниковъ, — воеводъ, старость и державцевъ и выбранныхъ ими судей. По 70 артикулу I раздѣла статута 1566 года въ каждомъ повѣтѣ устновляется подкоморій присяглый, непременно осѣлый въ томъ повѣтѣ; его назначаетъ Государь и онъ въ своемъ урядѣ остается на всю жизнь, какъ и прочіе урядники земскіе, и при вступленіи въ должность долженъ дать присягу. По всѣмъ розницамъ (спорамъ) землянымъ и граничнымъ въ слѣдствіе передачи дѣла отъ земскаго суда, подкоморій обязанъ, по праву своего уряда, дать позвы сторонамъ отъ своего имени и за своею печатью и назначить срокъ завитый (не отложный) для выѣзда на спорную землю. Выѣхавши на мѣсто подкоморій и разсмотрѣвши выводовъ права листовъ и знаковъ граничныхъ, и распросивши приведенныхъ сторонами людей знающихъ границы, долженъ допустить къ доводу ту сторону, чьи листы (т. е. крѣпости) лучшіе и знаки яснѣйшіе и знающіе люди заслуживающіе бѣльшаго довѣрія, и выслушавши доводъ согласно статуту, долженъ отвести настоящее правильное владѣніе и покопать границы копы (ямы), знаки граничные, и дать на то листы своего суда, подъ своею печатью и подписомъ своей руки. По суду подкоморего, ежелибы за присужденіемъ земли и границъ оказалась надобность взыскать какіе убытки; тогда подкоморій долженъ дѣло о томъ отослать въ тотъ земскій судъ, изъ котораго оно къ нему прислано. А гдѣ бы споры о земляхъ пришли на границѣ общей между двумя повѣтами, тогда на такую спорную землю должны выѣзжать подкоморіи обоихъ повѣтовъ. Пошлины или плата подкоморему

по закону опредѣлялись такъ: за каждый наружный копецъ (яму) по двадцать четыре гроша Литовскихъ, а отъ среднихъ по двадцати грошей отъ каждаго. А копцы должны быть дѣланы одинъ отъ другаго не ближе какъ на три шнураволочные (которыми мѣряютъ волокни), выключая тѣхъ случаевъ, гдѣ граница будетъ очень изкривлена и потребуеть копцовъ болѣе частыхъ. А гдѣ бы копцовъ не требовалось, а только проложеніе межи, тамъ отъ таковой межи отъ каждаго трехъ шнуровъ волочныхъ идетъ подкоморему двѣнадцать грошей. А чтобы отправленіе всякихъ судовъ, подлежащихъ уряду подкоморего, не замедлялось, подкоморій въ каждомъ повѣтѣ для вспоможенія себѣ имѣеть право выбрать одного или двухъ коморниковъ, шляхтичевъ въ повѣтѣ осѣлыхъ, людей вѣры годныхъ и состоятельныхъ, которые на судовыхъ срокахъ передъ каштеляномъ или маршалкомъ повѣтовымъ и передъ урядомъ земскимъ или дворнымъ обязаны дать такую же присягу на свой коморницкій урядъ, какъ и самъ подкоморій. А потомъ каждый изъ нихъ отдѣльно, по назначенію подкоморія, гдѣ бы самъ подкоморій на которой справѣ (судѣ) не могъ быть, пользуются тѣми же правами и полною властію, какъ и самъ подкоморій.

Вижъ—это былъ полицейскій урядникъ при судѣ, Вижъ. дѣйствовавшій по приказу суда. Вижъ избирался и назначался воеводами, старостами, державцами и другими урядниками государевыми, онъ былъ необходимый официальный посредникъ и свидѣтель при всякомъ судебномъ дѣлѣ, гдѣ что нужно осмотрѣть, узнать и исполнить по судебному приговору; вижъ былъ правою рукою и глазомъ суда. Въ статутѣ 1529 года

обязанности вижа изложены слѣдующимъ образомъ: Раздѣлъ V, артикулъ 8. «Ктобы кому поручилъ въ опеку дѣтей своихъ или свое имѣнье или жену, то опекуны должны поступить слѣдующимъ порядкомъ, взявши отъ уряду вижа того повѣта и при немъ еще трехъ шляхтичей достойныхъ вѣры, и при сихъ свидѣтеляхъ описать все имѣнье; и взявши отъ того вижа и отъ тѣхъ бояръ шляхты два реестра подъ ихъ печатями, одинъ реестръ беречь у себя, а другой передать въ повѣтъ воеводѣ или старостѣ въ которомъ повѣтѣ. Разд. VI арт. 10. Вижъ посылался отъ уряду къ знатнымъ панамъ, когда по суду требовалось разсудить ихъ людей: «По княжескихъ людей не должно посылать дѣтскихъ для вызова въ судъ, а напередъ должно обослать того пана, чьи то люди, приказуючи ему учинить справедливость передъ вижемъ нашимъ или урядовымъ» Артик. 31. Ежелибы общіе судьи (третейскіе) кому присудили и положили срокъ платежа; а тотъ бы на тотъ срокъ платить не хотѣлъ; тогда тѣ судьи имѣютъ право взять вижа отъ нашего двора, который ближе будетъ, и при томъ вижѣ должны того пограбить, и тотъ грабежъ отдать тому, кому что присудятъ» Арт. 36. Когда по рѣшенію суда на комъ кому нужно будетъ взыскать имѣніе или сумму денегъ, то, получивши на это право, таковой не можетъ исполнить судебного приговора, а долженъ взять съ собою вижа отъ урядника отъ судей, которые рѣшили дѣло и приговорили взысканіе. Раздѣлъ VII, артик. 2. Ежели бы кто гвалтомъ наѣхалъ на чей домъ и кого бы тамъ ранилъ и убилъ; то изъ того дому въ слѣдъ за гвалтомъ должно извѣстить своихъ сосѣдей, за тѣмъ взять съ ближайшаго уряду

вижа, и показать ему гвалтъ и раны или убитаго и сосѣдами и вижемъ уличать виноватаго въ гвалтъ, артик. 17. При позывѣ въ судъ гвалтовника жалобникъ долженъ доказать гвалтъ вижомъ урядовымъ и шляхтою людьми добрыми, которымъ онъ показывалъ гвалтъ, или которые видѣли, какъ произошелъ гвалтъ. Разд. VIII, арт. 9. Судьи, данные кому на землю не иначе могутъ выдать листы для вызова отвѣтчика, какъ при вижѣ, взятомъ отъ ближняго уряду. Арт. 15. Ежели бы кто на чужой землѣ посѣялъ жито, то хозяинъ, называющій землю, своею долженъ взять отъ уряду вижа и при вижѣ, объявить, чтобы онъ пожалвши не свозилъ жита съ земли. Арт. 19. Вижъ по приказу суда или уряда описывалъ имѣнія за долги и по судебнымъ взысканіямъ, причемъ онъ долженъ былъ опись производить при двухъ или трехъ шляхтичахъ, добрыхъ стороннихъ людяхъ, и писать сему имѣнію три реестра за печатями: своею и тѣхъ добрыхъ людей, и одинъ реестръ отдать тому, у кого описалъ имѣніе, другій оставить у себя и третій представить въ тотъ урядъ, отъ котораго былъ посланъ. Раздѣлъ X, арт. 2. Ежели бы заложившій свое имѣніе хотѣлъ на срокъ его выкупить, а кто взялъ въ закладъ—не захотѣлъ принять своихъ денегъ и отдать имѣніе; то залогодатель долженъ былъ взять вижа отъ уряда своего повѣта, и съ вижемъ къ нему ѣхать, чтобы взялъ свои деньги. И ежели бы онъ не хотѣлъ брать денегъ и при вижѣ; то вижъ, взявши деньги, долженъ представить ихъ въ казну государеву, а залогопринимателя обязать относительно имѣнія. По тому же статуту, именно по 35 артикулу VI раздѣла, назначены слѣдующіе доходы вижамъ: «Вижу и дѣцкому нашему

вижоваго и дѣцкованья рубль, а вижу воеводину земскаго маршалка и старосты полтину, а державцовымъ вижамъ и дѣцкимъ, которые державцы прежде назывались тиунами, по двѣнадцати грошей, а ежели бы были вижи ихъ намѣстниковъ, тѣ берутъ помянутое на милю по грошу, а воеводныхъ намѣстниковъ вижамъ по двѣнадцати грошей. А ежелибы вижи и дѣцкіе наши, и воеводъ и старость нашихъ, и державцевъ нашихъ, а также ихъ намѣстниковъ не имѣли бы нужды ѣхать, а оставались бы въ городѣ, то имъ вижоваго и дѣцкованья половина. А ежели котораго дѣцкаго мы или рада наша воеводы, маршалки и старосты пошлемъ на взысканія денегъ, то имъ дѣцкованья отъ каждаго рубля по десяти грошей. По 35 артикулу показаніе вижа, ежели оно подтверждено бывшими при немъ двумя или тремя шляхтичами, имѣло такое важное значеніе, что его нельзя было отвести никакими показаніями. Въ общихъ чертахъ обязанности и доходы вижа въ уставахъ 1551 года на второмъ Виленскомъ сеймѣ изложены въ слѣдующихъ словахъ: «Вижь долженъ дать присягу, что онъ все что будетъ видѣть или слышать, то все справедливо передъ правомъ (судомъ) или книгами судовыми долженъ рассказать и засвидѣтельствовать. Вижи при своемъ вижованьи обязаны имѣть при себѣ всегда сторону людей добрыхъ по давнему обычаю. А за ихъ трудъ и за проѣздъ вижу платится за каждую милю по грошу. (А. З. Р., Т. III, стр. 35). Такимъ образомъ и по имени своему, и по указанію законодательныхъ памятниковъ вижь представлялъ глаза и уши суда или судей. По закону свидѣтельство вижа передъ судомъ или урядомъ имѣло такую силу, какъ будто бы

судъ или урядъ самъ то видѣлъ и слышалъ своими глазами и ушами. А посему вижъ имѣлъ большое значеніе и для уряда или суда, и для самаго общества; и та и другая сторона должны были желать, чтобы на вижа или его показанія можно было вполне положиться; и по статуту 1529 года урядъ или судъ былъ въ этомъ отношеніи обезпеченъ тѣмъ, что вижи по этому статуту назначались самимъ урядомъ, т. е. воеводами, старостами и державцами. Но таковой порядокъ естественно не могъ нравиться обществу оно постоянно съ недоувѣріемъ смотрѣло на вижей, назначенныхъ урядомъ, и называло ихъ людьми нестоящими довѣрія, и на всѣхъ сеймахъ чины просили государя, чтобы вижи были выборные отъ общества и присяжные. Такъ на второмъ Виленскомъ сеймѣ 1551 года чины говорили Государю, чтобы въ повѣтахъ вижи были присяжные, шляхта осѣлая и пабирались такимъ же порядкомъ, какъ возные въ Подлясѣ, т. е. по Польскому обычаю отъ общества, а не отъ уряду. То же повторилось на третьемъ Виленскомъ сеймѣ 1554 года, и въ оба раза правительство отвѣчало чинамъ отказомъ, желая поддержать порядокъ статута 1629 года. Наконецъ и на четвертомъ Виленскомъ сеймѣ 1559 года повторилась та же просьба, которая вынудила отъ правительства такой отвѣтъ, что вопросъ о выборныхъ судьяхъ, писаряхъ и вижахъ будетъ разсмотрѣнъ при изданіи новаго статута, которое должно скоро послѣдовать, и тамъ относительно этого артикула по возможности будутъ удовлетворены просьбы чиновъ. (А. З. Р. Т. III, № 21). И дѣйствительно, въ статутѣ 1566 года вопросъ о вижахъ, какъ и о земскихъ судьяхъ, былъ

пересмотрѣны и почти всѣ обязанности вижа переданы возному, а вижъ уже стоялъ на заднемъ планѣ, и кажется былъ оставленъ только при гетманѣ и вообще при военачальникахъ во время военныхъ походовъ. По крайней мѣрѣ въ статутѣ 1566 года вижъ упоминается только при гетманѣ, (Раздѣлъ Партикуль 21 и 22).

Возный. Возный, —этотъ чинъ по первоначальному происхожденію принадлежитъ Польшѣ и въ статутѣ 1529 года вовсе не упоминается и до 1566 года встрѣчается только въ уставныхъ грамотахъ нѣкоторыхъ повѣтовъ Подляшской земли, пользовавшихся Польскимъ правомъ, напримѣръ въ Дрогичинскомъ и Бѣльскомъ; такъ въ уставной грамотѣ 1511 года сказано: «А вознаго Дрогичинскій староста долженъ выбирать съ судьей и подсудкомъ, и со всею землею». (А. З. Р., Т. II, № 64). Возный, какъ общій чинъ во всемъ Литовскомъ княжествѣ, является только съ изданіемъ Литовскаго статута 1566 года, гдѣ вмѣстѣ съ своею первоначальною обязанностию онъ несетъ и всѣ обязанности прежняго вижа. Первоначальная обязанность вознаго состояла въ вызовѣ къ суду, онъ въ этомъ отношеніи сходилъ съ доводчикомъ и недѣльщикомъ Московской администраціи.

Объ учрежденіи возныхъ для Литовскаго княжества статутъ 1566 года говоритъ слѣдующимъ образомъ: «желая чтобы въ правѣ (судѣ) земскомъ всегда былъ порядокъ и исправа обычайная, устанавливаемъ и уполномочиваемъ, чтобы воеводы въ каждомъ повѣтѣ судовомъ, гдѣ книги лежатъ, а староста Жемойтской тамъ въ землѣ Жемойтской возныхъ выбирали пострыгали, уставляли, какъ и судей, изъ шляхты лю-

имѣнію, сдѣланную опекунами, утвердить своею печатью. По 15-му артикулу IX раздѣла возный долженъ былъ присутствовать при описи имѣнія, отписываемаго на государя. По 6-му артикулу XIV раздѣла возный, данный отъ уряда, долженъ присутствовать на судѣ копы или сельской общины когда какое селеніе отобьетъ копу на татинномъ слѣду, и копа потребуеть отъ уряда вознаго. Возный, прибывши на мѣсто вмѣстѣ съ копою, долженъ оцѣнить убытки, причиненные татьбою, на которыхъ обиженный присягнетъ самтретей, и вмѣстѣ съ копою обязанъ донести объ этомъ уряду, отъ котораго былъ посланъ.

При сравненіи обязанностей и правъ вознаго, изложенныхъ въ статутѣ 1566 года съ правами и обязанностями вижа и дѣцкаго, обязанныхъ по статуту 1529 года вызывать въ судъ и брать подъ арестъ непослушныхъ судебному вызову, оказывается, что возный по статуту 1566 года совмѣщалъ въ себѣ прежнихъ вижа и дѣцкаго, и конечно при такомъ совмѣщеніи пользовался большимъ значеніемъ въ обществѣ. Но чины, постоянно требовавшіе на сеймахъ, чтобы вижи были выборными отъ общества, съ введеніемъ вознаго не достигли своихъ желаній; ибо возный не былъ выборнымъ отъ общества, а назначался изъ мѣстной осѣлой шляхты воеводами старостами и другими державцами такимъ же порядкомъ какъ и прежніе вижи.

По городамъ, гдѣ мѣстскій судъ былъ отдѣленъ отъ суда земскаго и замковаго, а особенно въ городахъ пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, главнымъ, а иногда и единственнымъ судьей былъ войтъ; его суду, по грамотѣ 1510 года, подлежали въ Подолскѣ

всѣ мѣщане, т. е. члены городского общества, а также всѣ черные люди и закладни, живущіе какъ въ замкѣ, такъ около замка, также за Двиною и на всякомъ мѣстѣ въ городѣ Полотскѣ, за кѣмъ бы закладни ни жили,—за владыкою, за игуменьею; за князьями и за боярами, за игуменами и за понами на всякихъ земляхъ церковныхъ, княжескихъ и боярскихъ. (А. З. Р., Т. II № 61). По грамотѣ 1511 года Новгороду Литовскому на Магдебургское право, судъ и управа мѣстскія были переданы войту, при которомъ назначались для суда и управы еще шесть радцевъ и восемь присяжниковъ; изъ радцевъ и вмѣстѣ съ ними войтъ каждагодно долженъ выбирать двухъ бурмистровъ, которымъ отдѣлялись нѣкоторые разряды судебныхъ дѣлъ. По уставу войтъ получалъ отъ всѣхъ пересудовъ (по гражданскимъ дѣламъ) и винъ (по уголовнымъ дѣламъ) третій пенязь, а два пенязя шли на ратушу Мѣстскій судъ во всѣхъ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, производился не иначе какъ войтомъ вмѣстѣ съ бурмистрами и радцами, и въ этотъ судъ никакіе урядники государевы не имѣли права вступаться, ни воеводы, ни старосты. (ibid. № 71). Войты въ города пользующіеся Магдебургскимъ правомъ назначались самимъ государемъ, и войтову суду подлежали всѣ дѣла судебныя за исключеніемъ дѣлъ по поземельному владѣнію, которыя дѣла постоянно оставались за государевыми урядниками,—воеводами, старостами и державцами. (А. З. Р., Т. I, № 75).

Въ городахъ непользующихся Могдебургскимъ правомъ и гдѣ мѣстскій судъ не былъ отдѣленъ отъ земскаго суда и отъ суда государевыхъ урядниковъ,

дей добрыхъ, достойныхъ довѣрія, пользующихся уваженіемъ и осѣбыхъ въ томъ повѣтѣ. А число возныхъ назначать смотря по обширности повѣта и по потребности. Выбравши вознаго, воевода долженъ принять отъ него присягу, занести его имя въ свои реестры, и выдать ему свой листъ на должность вознаго. (Разд. IV, артн. 4). Обязанности и права вознаго въ 5 артикулѣ того же раздѣла описаны такъ: «носить позовы и пин позывать (къ суду) хотя безъ вѣдомости урядовой, и назначать сроки по старому обычаю, и заповѣдовать, чтобы отъ права (суда) не уѣзжали, выдавать присягу свидѣтелямъ по приказу суда, присутствовать при всякомъ освидѣтельствovanіи, арестовать по опредѣленію и приказу судьи и подсудка за ихъ листами, осматривать гвалты, разбои и раны, и заносить ихъ въ урядовыя книги того уряду отъ котораго будетъ посланъ, и при всякой такой справѣ возный всегда обязанъ имѣть при себѣ двухъ шляхтичевъ для подкрѣпленія своихъ показаній. Впрочемъ по дѣламъ незначительнымъ, не кровавымъ, онъ можетъ дѣлать осмотры одинъ безъ стороны шляхты и даже безъ посланья отъ уряду, только безъ всякаго замедленія долженъ заносить въ книги урядовыя все, что осмотритъ, и показаніе вознаго въ книгахъ такую же будетъ имѣть силу какъ бы возный самъ стоялъ палицо. Что же касается до доходовъ возному, отъ кого что онъ имѣетъ право брать: когда поѣдетъ на какую справу, тогда отъ мили по грошу въ одну сторону, а что назадъ поѣдетъ, за то ничего не брать; ежели мили не проѣдетъ, а исправить свое дѣло въ самомъ городѣ, то отъ дѣла грошъ. А когда поѣдетъ кого арестовать по искамъ, то брать

съ того отъ службы (съ тягла) по грошу, съ пустоши, которую пашуть, и отъ полслужбы по полу-грошу, а отъ суммы пенязей отъ копы по два пенязя» Въ охраненіе вознаго при отправленіи имъ своей должности артикуломъ 6-мъ узаконено: «кто бы вознаго во время отправленія имъ своей должности прибилъ и отнялъ у него и разорвалъ листы, даные отъ уряду; съ того взыскать безчестье вознаго противъ его достоинства вдвое, и сверхъ того посадить его подъ стражу на шесть недѣль въ замкѣ или на повѣтовомъ дворѣ». Кромѣ изчисленныхъ выше обязанностей вознаго, на его же обязанности лежало по артикулу 29-му сопровождать истцовъ къ тѣмъ знатымъ землевладѣльцамъ, слуги которыхъ учинили истцамъ какую обиду, и требовать отъ землевладѣльцевъ суда надъ своими слугами, присутствовать на этомъ судѣ. По артикулу 67-му возный посылался урядомъ для взысканія съ имѣнія, ежели бы хозяинъ его на положенный срокъ чего не выплатилъ по приговору суда. По артикулу 68-му возный отправлялся судомъ для заарестованія имѣнія, съ котораго присуждено судомъ взыскать извѣстную сумму денегъ. При чемъ возный за каждыя двадцать копь (сумму денегъ), службу людей или уволоку (мѣру земли) освлюю, за десять копь полслужбы или позволюки, за копу грошей моркгъ земли унавоженной. По артикулу 69-му урядъ или судъ посылалъ вознаго съ приказаніемъ, чтобы выгнавшій гвалтомъ хозяина изъ имѣнія передалъ имѣніе выгнанному хозяину во временное владѣніе до окончанія суда. По 4-му артикулу VI раздѣла возный долженъ по приказу уряда присутствовать при принятіи имѣнія въ опеку, и опись

или другая какая собственность. Впрочемъ настоящая грамома говорить только о войтовствахъ въ Волинской землѣ; но соблюдался ли таковой же порядокъ относительно этого предмета въ другихъ земляхъ великаго княжества Литовскаго, мы на это не имѣемъ свидѣтельствъ, но знаемъ что въ Волинской землѣ были свои порядки, а равнымъ образомъ и въ другихъ земляхъ были также свои порядки, не всегда согласные съ общими порядками всего великаго княжества Литовскаго и вытекавшіе не изъ стараго строя Полотскаго.

Кромѣ изчисленныхъ должностей и достоинствъ были еще придворныя разныя должности или чины, съ которыми находилась въ соединеніи та или другая власть надъ тѣмъ или другимъ повѣтомъ или какою либо областію, и эта власть имѣла за собою извѣстные доходы въ данной области. Таковыя чины или придворныя должности были слѣдующіе.

Конюшій одинъ изъ самыхъ важныхъ придворныхъ Конюшій. чиновъ. Конюшіи раздѣлялись на земскихъ и дворныхъ; земскій конюшій считался выше дворнаго, кромѣ того были еще конюшіе по нѣкоторымъ областямъ; всѣ конюшіе кажется считались членами государевой думы или рады. Такъ въ одной жалованной грамотѣ 1563 года сказано: при томъ были панове рады наши ихъ милости, — князь Валеріанъ бискупъ Виленскій. . . Конюшій нашъ дворный великаго княжества Литовскаго, староста Мельницкій, державца Кутрановскій панъ Ярошь Коруцкій, писарь нашъ конюшій Городенскій, державца Ошменскій, Вилькейскій и Красносельскій панъ Янъ Миколаевичъ Гайко» (А. З. Р

Т. III, № 32). Или въ одной дарственной записи 1564 года сказано: «А при томъ были и того добръ свѣдомы его милость панъ Остафей Воловичъ маршалокъ дворный, подскарбій земскій, писарь его королевской милости, староста Могилевскій державца Озерницкій и Усвятскій, а панъ Янъ Юрьевичъ Волонковича, копяшій Виленскій, державца Васишишскій (ibid. № 36). А въ грамотѣ 1569 года есть указаніе и о доходахъ конюшаго въ назначенной ему области; въ грамотѣ сказано «который слуга или челоувѣкъ княжескій или панскій или землянинъ убьетъ кого иво старосты и намѣстники наши, и маршалокъ земскій, и ключникъ и конюшій па нихъ головщины бирали» (А. З. Р., Т. II, № 54). Эта грамота показываетъ что конюшіе принимали какое-то участіе въ судѣ и управленіи тою областію, въ которую они назначались конюшими, хотя въ то же время въ той же области были и другіе урядники,—старосты, маршалки и подобн.

Ключникъ. Ключникъ первоначально въ Литовскомъ княжествѣ, равно какъ и въ другихъ Русскихъ княжествахъ, былъ дворнымъ слугою князя, которому поручалось завѣдываніе хозяйствомъ въ томъ или другомъ княжескомъ имѣніи, даже въ древнія времена по Русской Правдѣ ключничество влекло за собою холодство, и ключники бывали городскіе и сельскіе. Но когда дворъ великаго князя Литовскаго получилъ государственный характеръ и сдѣлался центромъ, куда стремилась служилая аристократія, и когда всѣ придворныя должности сколько нибудь значительныя сдѣлались предметомъ искательства со стороны богатыхъ и значныхъ аристократовъ; то и должность го-

равно какъ и въ государевыхъ селахъ хотя и бывали войты, но они не имѣли права суда, это были просто городскіе или сельскіе старосты или головы, п ихъ обязанности были только административныя, а не судебныя. Такъ въ уставной грамотѣ Могилевскимъ мѣщанамъ 1561 года сказано «поручили и дали войтовство въ мѣстѣ нашемъ Могилевскомъ тамошнему мѣщанину Нефеду Юсифовичу и при немъ установили четырехъ сотниковъ. Войтъ обязанъ во всемъ смотрѣть за мѣстскимъ (городскимъ) порядкомъ, и во всѣхъ дѣлахъ управлять слушавъ и рядивъ, и о городскихъ потребностяхъ доносить замковому уряду нашему, но войты по дѣламъ общественнымъ, касающимся цѣлаго города, не иначе должны дѣлать распоряженія, какъ по согласію съ сотниками и главнѣйшими мѣщанами; а главнѣйшею обязанностию войта должна быть забота о приумноженіи государевыхъ доходовъ и о правильности при сборѣ податей и другихъ поборовъ и посему онъ всегда долженъ присутствовать при урядѣ, когда вносятся подати». А за труды одна волога и одинъ домъ занимаемый войтомъ освобождаются отъ платежа податей. (А. З. Р., Т. III, стр. 113). Въ государевыхъ селахъ по уставу 1557 года обязанности войтовъ были слѣдующія: выгонять людей на работу по приказу уряда, также выгонять съ оброками и податями, приводить вмѣсто дѣцкаго къ суду въ урядъ, при всякихъ работахъ вмѣсто пристава стоять надъ людьми войтовства своего, отвозить овесъ и сѣно до Вильны или куда прикажетъ урядъ, поправлять и поновлять межи крестьянскихъ полей, присутствовать при урядовомъ судѣ и помогать члену своей волости или вой-

товства, но не судить. Сельскіе войты избирались по одобренію крестьянъ (ibid. стр. 74).

Есть извѣстіе, что городскія войтовства, по крайней мѣрѣ въ концѣ XV столѣтія, были наследственныя и продавались правительствомъ въ потомственное владѣніе со всеми доходами, привиллегіями и правами иногда одному войту по два войтовства, а можетъ быть и болѣе. Такъ въ грамотѣ В. К. Александра 1494 года сказано: «билъ намъ челомъ сынъ Ивановъ Лудевъ войта Володимерскаго, на имя Оедько, и показывалъ передъ нами листы отца нашего, что продалъ отцу его Ивану Луду войтовство Володимерское и Литовижское вѣчно, ему и дѣтямъ его, и будущимъ потомкамъ, съ землями пашенными, съ сѣножатями, съ озера, съ мельницами, и со всеми платами и пожитками, которые издавна къ тѣмъ войтовствамъ Владимирскому и Литовижскому тянуть; а также показывалъ передъ нами листъ отца нашего, что отецъ нашъ освободилъ его не ходить на войну съ старостою Луцкимъ, и съ намѣстникомъ Владимирскимъ и съ маршалкомъ Волынской земли, и съ князьями и панами Волынской земли. И просилъ насъ Оедько, чтобы мы ему тѣ войтовства и на войну не ходить подтвердили нашимъ листомъ согласно съ листами нашего отца. И мы ему тѣ войтовства Владимирское и Литовское и на войну не ходить подтверждаемъ, согласно съ листами отца нашего, вѣчно, ему и его дѣтямъ и ихъ потомкамъ. (А. З. Р., Т. I, № 121). По свидѣтельству сей грамоты войтъ имѣлъ определенную власть, независимую отъ другихъ мѣстныхъ властей или урядовъ, и власть эта давала значительные доходы, такъ что она продавалась какъ вотчина

мѣръ воевода Кіевскій панъ Юрій Николаевичъ Радивиль, приближеннѣйшій человекъ къ Сигизмунду, былъ въ то же время государевымъ подчашимъ и державцею Мерецкимъ и Мозырскимъ, какъ это видно изъ письма короля Сигизмунда, писаннаго къ нему Радивилу въ 1534 году. (ibid. № 177) Подчашіе были не только членами государевой рады, какъ значится въ одной грамотѣ 1541 года, гдѣ между членами рады помѣщенъ староста Жемойтскій, подчашій государевъ, державца Василюшскій панъ Янъ Николаевичъ Радивиль (ibid. № 215). Но бывали и докладчиками государю отъ рады или отъ сейма; такъ въ уставахъ, данныхъ Литвѣ на второмъ Виленскомъ сеймѣ въ 1551 году, сказано: «Пришедши передъ его королевскую милость князи, панове, бояре, и вся шляхта княжества Литовскаго подали свое мнѣніе черезъ подчашаго Государскаго, старосту Тыкоцинскаго и Могилевскаго, черезъ пана Станислава Николаевича Квезгайла» (А. З. Р. Т. III, № 11). Конечно, должность подчашаго, всегда соединенная съ другими непридворными должностями, имѣла большое значеніе; и пользовалась значительными доходами не только отъ соединенныхъ съ нею должностей, но и отъ волостей приписанныхъ на путь подчашаго, т. е. для доставленія ему доходовъ.

Къ придворнымъ должностямъ или чинамъ также принадлежали должности: подстоля, стольника, крайчаго, мечника великаго княжества Литовскаго и охмистра королевы; все это принадлежало къ высокимъ придворнымъ чинамъ, занимавшіе сіи придворныя должности были членами государевой рады или въ послѣдствіи сената. Къ каждой изъ сихъ должно-

стей приписаны были разные воеводы на содержаніе и кромѣ того каждый изъ сихъ сановниковъ былъ урядникомъ или управителемъ какого-либо повѣта или области; такъ панъ, Юрій Александровичъ Ходкевичъ, кравчій великаго княжества Литовскаго, былъ въ то же время и старостою Бѣльскимъ; или панъ Явъ Ходкевичъ, стольникъ великаго княжества Литовскаго, въ то же время былъ старостою Плотельскимъ и державцею Тельшевскимъ, какъ значится въ одной жалованной грамотѣ 1563 года, гдѣ они поставлены между членами государевой рады (А. Зап. Р. Т. III, № 32). Или въ 1541 году подстолий панъ Никодимъ Яновичъ Тѣхоневскій, былъ въ то же время старостою Мѣльницкимъ (А. Зап. Р., Т. III, № 215). Или въ 1507 году, охмистръ королевы панъ Войтъхъ Яновичъ былъ намѣстникомъ Ковельскимъ и Бѣльскимъ (ibid. № 29). Такимъ образомъ и придворная служба посредственно или непосредственно являлась тою или другою властію надъ земщиною или народомъ.

Власть
землевл
дѣльцевъ

Но власть надъ народомъ не ограничивалась государемъ и государевымъ урядомъ, на народъ лежала еще власть аристократіи землевладѣльцевъ, власть тяжелая, сложившаяся исторически и независимо отъ государева уряду или отъ службы, власть самовольная, почти безконтрольная, почти не подчинявшаяся правительству, которая по самому строю Литовскаго государства, сложившемуся исторически, находилась какъ бы внѣ государственнаго закона, и тѣмъ не менѣе была признана закономъ, власть порабощавшая себѣ не только простой народъ, но и мелкую или небогатую шляхту, какъ это между про-

сударева ключника сдѣлалась важною должностію и стала поручаться знѣтнымъ людямъ, вельможамъ. Такъ въ одной купчей 1512 года написаны свидѣтелями: «писарь господаря, короли его милости, панъ Григорій Исаевичъ Громыка, и ключвикъ Виленскій, державца Свислоцкій, а дворяне господарскіе князь Иванъ Филипповичъ Крошинскій, а панъ Яцко Ивановичъ Ратомскій» (ibid. N 78). Но переменна общественнаго значенія ключниковъ не измѣнила характера ихъ должности, они остались довѣренными лицами государя, которымъ въ государевыхъ имѣніяхъ и городахъ поручалось управленіе, а въ городахъ земскихъ оны завѣдывали государевыми доходами, къ нему приносились все государевы сборы съ повѣта, и оны пересылали ихъ до подскарбія въ казну государеву; кромѣ того въ его вѣдѣніи состояли села и деревни государевы, такъ что къ нему посылались указы о передачѣ села или деревни тому или другому лицу въ пожалованіе отъ государя, при чемъ оны обязанъ были справиться—можетъ ли быть передано сказанное имѣніе. Такъ въ грамотѣ 1456 года, присланной Казимиромъ въ Луцкъ, великій князь пишетъ: «ключнику Луцкому, пану Андрюшку Федковичу, и инымъ кто по немъ будетъ ключникомъ въ Луцкъ: билъ панъ челомъ Богданъ Волчковичъ, а просилъ утвердитъ за нимъ имѣніе Привередовъ, которое оны выслужилъ у княгини Швидригайловой; ино коли то имѣніе отъ вѣка боярское, а не тяглое, и мы ему то имѣніе подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ» (А. З. Р., Т. I, № 59). А уставная грамота 1509 года, приведенная выше, свидѣтельствуетъ, что ключники вмѣстѣ съ старостами и намѣстниками пользовались пзвѣстны-

ми доходами отъ своей должности; а судя по тому что ключничество не рѣдко давалось знатымиъ лицамъ, при дворѣ занимавшими важныя должности, и давалось какъ доходная статья, должно полагать, что доходы ключника были значительны, особенно въ большихъ городахъ, напр. въ Вильнѣ, Трокахъ и под.

Кухми.
стерь.

Кухмистръ былъ одинъ изъ важныхъ придворныхъ чиновъ, кухмистры иногда участвовали въ посольствахъ къ сосѣднимъ государямъ; такъ въ отвѣтъ Литовскимъ посламъ 1507 года великій князь Московскій пишетъ: «Жигимонта короля Польскаго и великаго князя Литовскаго посламъ: маршалку пану Яну Николаевичу и кухмистру Петру Олехновичу и писарю Богдану Сопежичу» (А. З. Р., Т. II, № 16). Кухмистры кромѣ своей придворной должности, получали иногда другія административныя мѣста какъ доходныя статьи; такъ кухмистръ Петръ Олехновичъ былъ въ то же время намѣстникомъ Скертомоньскимъ (ibid. № 36). Они состояли членами государевой рады; такъ въ одной грамотѣ 1512 года упоминается членомъ рады кухмистръ государевъ намѣстникъ Утенскій панъ Петръ Олехновичъ. (ibid. № 79). Въ чемъ собственно состояла придворная должность кухмистра, мы на это не имѣемъ прямыхъ указаній въ памятникахъ но судя по названію должности онъ очевидно завѣдывалъ столомъ государевымъ.

Подчасій Подчасій также была придворная должность, можетъ быть въ вѣдѣніи подчашаго находились напитки государевы; но во всякомъ случаѣ эта должность при дворѣ была одна изъ важныхъ, — она давалась лицамъ заслуженнымъ и довѣреннымъ, которые занимали другія важныя государственныя должности; такъ напри-

другому ли роду служилыхъ князей, или и не князь-лять, а какому-либо боярскому или панскому роду. Вообще при всѣхъ переходахъ съ лена не снималось клеймо частной собственности, и съ тѣмъ вмѣстѣ за владѣльцемъ лена всегда оставалось право независимаго, безконтрольнаго владыки въ своихъ владѣніяхъ; такъ что какія бы распоряженія онъ ни дѣлалъ въ границахъ своего владѣнія, какъ бы ни притѣснялъ своихъ подданныхъ, какія бы ни налагалъ подати и повинности, на него нельзя было искать управы; даже самъ великій князь прямо отказывался вступаться въ подобныя дѣла и оправдывалъ всегда леннаго владѣльца, на томъ основаніи, что владѣніе ему принадлежало какъ вотчина, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуемъ одна судная грамота 1591 г., въ которой сказано: «Когда Пинскіе мѣщане жаловались великому князю Александру Казимировичу на своего князя Федора Ивановича Ярославича, который притѣснялъ ихъ разными новыми поборами, подводами и корчемными пенѣзьями: то разсмотрѣвши жалобы Пинянь, Александръ, по разсужденіи съ своею радюю, далъ дѣлу такое рѣшеніе: «Такъ, какъ городъ Пинскъ, мы дали князю Федору въ вотчину; то онъ и имѣетъ держать его какъ вотчинникъ, прибавлять и расширять, какъ ему лучше покажется, какъ вотчинному господарю въ своемъ имѣніи» (А. Зап. Р. Т. I, № 191). Послѣ такового рѣшенія рады и самаго государя, конечно нечего уже и говорить о каковомъ-либо контролѣ надъ судомъ и управою большихъ землевладѣльцевъ, служилыхъ князей и пановъ въ границахъ своихъ владѣній; здѣсь произволь землевладѣльцевъ былъ уже не злоупотребленіемъ власти,

а напротивъ дѣломъ законнымъ, не выходящимъ изъ
обычнаго порядка и охраняемымъ верховною властію
въ государствѣ.

Ленное владѣніе или жалованная вотчина, какъ мы
уже упоминали выше, переходя отъ одного владѣльца
къ другому съ тѣмъ вмѣстѣ давало и все права преж-
няго владѣльца новому владѣльцу т. е. жалован-
ная вотчина, переходила отъ служилаго князя къ пану
или землянину, переходила къ нему со всеми права-
ми, которыя имѣлъ на нее прежній владѣлецъ служи-
лый князь. А переходы жалованныхъ отчинъ или
ленъ не имѣли никакого ограниченія со стороны за-
кона; ибо въ самыхъ жалованныхъ грамотахъ на та-
ковой ленъ или вотчину прямо писалось, что владѣ-
лецъ имѣеть право продать эту вотчину, подарить и
промѣнять. Такъ напримѣръ, въ жалованной грамотѣ
1499 года князю Михаилу Жославскому на Мсти-
славль и Мглинъ сказано: «Вѣдая вѣрною и усерд-
ную службу князя Михаила Ивановича Юрьевича
Жославекаго; и являя, чтобы и впередъ онъ охотно
служилъ намъ, какъ его дѣдичному государю (пану),
пожаловали его и дали ему городъ Мстиславль и го-
родъ Мглинъ, со всеми дворами и со всеми пожитки
и доходы и платы (подати) и со всеми бояры и съ
ихъ имѣньи и слугами путными и данники, и со
всеми правомъ и панствомъ (съ правами господства
владѣльчества), не оставляючи ничего на насъ и на
нашихъ послѣдниковъ..... А дали ему въ вотчину
вѣчно и его княгинѣ и ихъ дѣтямъ и будущимъ ихъ
потомкамъ, воленъ онъ то отдать, и замѣнати и на
свои прибитки обернути» (А. Зап. Р., Т. I, № 172).
При таковыхъ порядкахъ, каждый владѣлецъ таковой

чимъ засвидѣтельствовано просьбами Жемойтской шляхты поданными государю на второмъ Виленскомъ сеймѣ 1551 года, гдѣ шляхта жаловалась, что великіе паны и недумаютъ судить своихъ урядниковъ, которые дѣлаютъ большія обиды и притѣсненія шляхтѣ въ забираиіи у нихъ земель и людей и другихъ предметовъ хозяйства, и даже запрещаютъ своимъ урядникамъ являться на судъ передъ паномъ старостою» (А. Зап. Р., Т. III, стр. 39). Относительно же людей живущихъ на земляхъ большихъ пановъ вельможъ, къ какому бы классу ни принадлежали сіи люди, по самому закону судъ и управа были собственностію землевладѣльцевъ; такъ что мѣстные государевы урядники, воеводы, старосты, державцы, въ дѣлахъ между панскими людьми и государевыми должны были отсылать таковыя дѣла къ паномъ землевладѣльцемъ, которые чрезъ своихъ урядниковъ и чинили-судъ по таковымъ дѣламъ и налагали штрафы и другія наказанія на виновныхъ, и штрафы брали въ свою пользу, а не въ государеву казну. Въ 10 артикулѣ, VI раздѣла, статута 1529 года прямо сказано: ежели бы кому какая обида была отъ слугъ или людей княжескихъ или панскихъ; то ни мы государь, ни воеводы наши по таковыхъ людей не имѣемъ права посылать дѣцкихъ, а напередъ должны послать къ тому пану, чьи то люди, чтобы онъ учинилъ надъ ними судъ, передъ нашимъ или передъ урядовымъ вижомъ». Таковыми самостоятельными, такъ сказать прирожденными судіями, властителями и притѣснителями народа по Литовскому строю были служилые князья, паны и земяне, вообще землевладѣльцы.

Образованіе и развитіе такой страшной и противугосударственной власти аристократовъ землевладѣльцевъ прямо вытекало изъ историческаго образованія самой аристократіи, какъ она сложилась въ Литовско-Русскомъ государствѣ при Гедиминовой династіи.

Служилые князья въ Литовскомъ княжествѣ происходили или изъ дома Гедимина или отъ старыхъ Русскихъ княжескихъ родовъ; и тѣ и другіе до поступленія на службу великаго князя Литовскаго владѣли въ разныхъ Русскихъ городахъ и областяхъ, на правахъ удѣльныхъ Русскихъ князей, т. е. съ такою же властію въ своемъ удѣлѣ, съ какою великій князь владѣлъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ послѣдствіи, съ поступленіемъ на службу великаго князя, удѣльные князья удержали за собою свои прежніе удѣлы на ленномъ правѣ, т. е. съ обязанностию служить за нихъ великому князю Литовскому; а вмѣстѣ съ удѣломъ они удержали за собою и прежнюю власть надъ жителями удѣла; ибо государь по учиненному обязательству съ ленникомъ требовалъ съ него только вѣрной и усердной службы, а объ отношеніяхъ его къ жителямъ лена или удѣла вовсе не упоминалъ. Владѣтельный удѣльный князь первоначально и поступалъ на службу великаго князя и дѣдался его ленникомъ именно на такомъ условіи, чтобы его домашняя власть въ удѣлѣ оставалась неприкосновенною и независимою отъ великаго князя, какъ частная собственность или отчина. Ленъ или удѣлъ, разъ получившій таковой характеръ частной собственности, удерживалъ его и тогда, когда государь почему либо передавалъ его въ другія руки,

вотчины или лена могъ безпрепятственно продать, промѣнять и подарить, все ли свое владѣніе или часть его, кому угодно,—другому ли князю, или пану, или землянину, и съ тѣмъ вмѣстѣ передавалъ новому владѣльцу и всѣ свои права на это имѣніе и на людей тамъ живущихъ, т. е. и права собственнаго суда надъ тамошними жителями, и права жизни и смерти, и права безконтрольнаго распоряженія имуществомъ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, чрезъ посредство передачи имѣній по частнымъ сдѣлкамъ всѣ права, какъ и имѣнья отъ служилыхъ князей, прежнихъ самостоятельныхъ удѣльныхъ государей, переходили и къ другимъ членамъ аристократіи, не принадлежавшимъ къ княжескимъ родамъ. Но и самое государево пожалованіе имѣній панамъ и землянамъ не отличалось отъ пожалованія служилымъ князьямъ; такъ въ грамотѣ, 1450 года, данной пану Немиру Резановичу на вотчины, сказано: «Мы, Казимиръ король, видѣвши вѣрную и усердную службу пана Немира Резановича, и подумавши съ нашими князьями и паны, съ нашею вѣрною радюю, дали пану Немиру Резановичу и записали села съ лѣсы и съ дубравы... и съ мыты, и съ болоты, и съ бобровыми гоны, невыймучи ничего на себя, тыя имѣнья, на имя Литовиши, села Торговицы, Червища, Стволовичи. А можетъ то себѣ улучшать, разширять, сажать на новомъ корени; а то дали ему и записали вѣчно, и его женѣ, и дѣтямъ и его ближнимъ сродственникамъ» (ibid. № 54). Или въ жалованной грамотѣ того же 1450 года, землянину Олизару Шиловичу, король Казимиръ пишетъ: «видѣвши службу намъ вѣрную и усердную нашего землянина Луцкаго, пана Олизара

Шиловича, и подумавши съ нашими князьми и паны, съ нашею вѣрною радюю, даемъ и дали ему Олизару Шиловичу, въ Луцкомъ повѣтѣ: Серники, а Любче, а Гороховъ, а Губинъ, а Марковичи, а къ тому приселки: Подлѣщи, Доросины, а Поварскъ, что выслужилъ у дяди нашего Швидрикгайла въ Мѣльницкой волости; а то дали ему его вотчину, то держанье (владѣніе) все, что выслужилъ, въ вотчину, со всѣмъ тѣмъ, что издавна къ тѣмъ селамъ прислушало, вѣчно и нерушимо, со всѣми приходы и ^уходы,.... со всѣми платы (податями), что къ тѣмъ имѣньямъ прислушаетъ и передъ тѣмъ шло службами и тягостью; а дали ему, и его женѣ, и дѣтямъ, и его ближнимъ и сродникамъ, вѣчно и нерушимо « (ibid. № 53).

Такое равенство правъ у служилыхъ князей пановъ и земянъ на принадлежація имъ имѣнія, полученные ими какъ по пожалованію отъ государя, такъ и по частной передачѣ покупкою, дареніемъ, мѣною и наслѣдствомъ, естественно должно было сравнять ихъ и передъ закономъ во всѣхъ ихъ правахъ, и образовать изъ нихъ исключительный, привилегированный классъ подъ общимъ именемъ шляхты или аристократіи, освободить ихъ отъ мѣстнаго государева уряда и предоставить имъ право независимыхъ владѣльцевъ надъ всѣми людьми, живущими въ ихъ имѣніяхъ. И дѣйствительно, законъ признавалъ за князьми, панами и земянами, такое исключительное привилегированное положеніе, и въ этомъ отношеніи не полагалъ между ними никакого различія въ правахъ. Такъ въ уставной грамотѣ 1509 года, давной Волынской землѣ, сказано: «старосты

и намѣстники наши не имѣють права посылать дѣтскихъ на князей, пановъ и землянъ, а когда на кого изъ нихъ будетъ жалоба, то напередъ должны дважды извѣщать ихъ о томъ своими листами; а когда и послѣ двухъ извѣщеній кто неявится, за тѣмъ уже посылать дѣцкаго. А который слуга или человекъ княжескій или панскій или землянскій кого убьетъ; ино старосты наши и намѣстники въ то не вступаются, пусть сами господа съ своихъ слугъ и людей берутъ головщину. А князей, пановъ и землянъ старостѣ нашему злыми словами не срамить, въ казнь и въ вѣжу (тюрьму) не сажать; а ежели бы который князь или панъ или землянинъ въ чемъ провинился, то староста долженъ о томъ донести намъ, государю, и какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, или посломъ нашимъ, такъ чтобы онъ съ тѣмъ и поступилъ по нашему наученью. А старосты и намѣстники наши не должны брать ни винъ (штрафовъ) ни заруки, ни съ князей, ни съ пановъ, ни съ землянъ, ни съ ихъ людей, и людей ихъ не должны ни судить ни рядить; судити имъ самимъ своихъ людей, и вины брать каждому съ своего человека. А судить старостѣ въ нашей землѣ княжескихъ или панскихъ или землянскихъ людей, только въ такихъ случаяхъ, когда или пойманъ будетъ въ разбоѣ, клеветѣ и въ шляхетской ранѣ, и пожогѣ, чтобы злодѣйство немножилось; а злодѣя приличнаго (пойманнаго на дѣлѣ), гдѣ когда поймають на чьемъ имѣннѣ, тамъ его и должны судить и наказать по давному обычаю.... А который князь, или панъ, или землянинъ, стоя у права (на судѣ) передъ старостою, отзовется до насъ государя на высшее право (судъ); ино старостѣ и намѣстни-

камъ нашимъ въ томъ имъ не препятствовать, и отпускать ихъ къ намъ, положивши срокъ, когда имъ стать передъ нами. А князя, пана и землянина, старостѣ и намѣстникамъ нашимъ одному ихъ не судить, а долженъ при себѣ посадить князей, пановъ и землянь, и тогда уже судить передъ ними (А. Зап. Р., Т. II, № 54). Таковое исключительное привилегированное положеніе аристократіи и безконтрольная власть ея надъ людьми живущими на земляхъ аристократовъ или шляхты, т. е. князей, пановъ и землянь, было признано и общими законами великаго княжества Литовскаго, или статутами. Въ Литовскомъ статутѣ 1529 года даже былъ учрежденъ особый судъ для аристократовъ. Въ 5-мъ артикулѣ VI раздѣла сего статута сказано: «Устанавливаемъ для обидъ шляхты, которыя дѣлаются отъ пановъ, или отъ урядниковъ нашихъ и панскихъ въ земляхъ, грабежахъ гвалтахъ и головщинахъ, или также между самими панами и ихъ подданными, для чего устанавливаемъ на съѣханье таковыхъ дѣлъ два срока въ каждомъ году, на которые паны повинны будутъ съѣзжаться на мѣсто положенное до Вильны, о седьмой субботѣ и о святомъ Покровѣ; на которыхъ срокахъ, какъ завитыхъ (непремѣнныхъ), каждый панъ, одинъ другому долженъ дать удовлетвореніе (маеть быти правъ); а также кому дадутъ вину (пожалуются), что онъ былъ сужденъ не по праву, на тѣхъ же срокахъ долженъ отвѣчать и дать удовлетвореніе. А тѣ суды, нигдѣ немогутъ быть сужоны, какъ только во дворцѣ нашемъ господарскомъ въ Вильнѣ».

Таки мѣ образомъ и по обычаю, сложившемуся исторически, и по государственному закону писанному,

въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, кромѣ власти государевой и его урядниковъ; заявляющихъ свою власть именемъ государя, на жителей той или другой мѣстности, лежала тяжелая и безконтрольная власть аристократовъ землевладѣльцевъ князей, пановъ и земянъ, которая вытекала не изъ службы государю, а прямо изъ владѣльческихъ правъ, и которой были отданы все живущіе на владѣльческихъ земляхъ безъ различія состоянія, т. е. были ли то невольники, или люди свободные, и даже мелкая шляхта, состоящая въ службѣ у аристократовъ и живущая на ихъ земляхъ. Такъ въ 8-мъ артикулѣ III раздѣла Литовскаго статута 1566 года сказано: «А что касается злодѣйства, убійства и иныхъ преступленій; то княжата и панове рада наша имѣють право судить каждаго изъ шляхты и рыцарства, которые у нихъ въ службѣ, только должны имѣть при себѣ шляхту людей добрыхъ, и передъ ними чинить судъ, и кто въ чемъ на этомъ судѣ будетъ обвиненъ, тотъ и долженъ тутъ же понести наказаніе за свое преступленіе, хотя бы дѣло дошло до смертной казни». Такъ было по закону, а на дѣлѣ въ практикѣ большой панъ драгъ своего слугу шляхтича сколько хотѣлъ, никого не спрашивалъ, а о людяхъ простыхъ не шляхтичахъ и въ законѣ не было помину, панъ могъ ихъ вѣшать, рубить имъ головы и дѣлать разныя изтязанія по первому капризу. Отъ этой страшной и произвольной власти аристократовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ по закону были освобождены только люди, принадлежащіе самому государю, и городскіе жители тѣхъ городовъ, которые не принадлежали къ вотчинамъ князей и пановъ, и

которые въ этомъ отношеніи были сравнены съ шляхтою, какъ прямо сказано въ статутѣ 1529 г.: «Слюбuemъ своею персоною господарскою, ижъ всю шляхту, княжата и паны хоруговныи и всѣ бояре посполитые, и мѣщаны и ихъ люди заховати (содержать) при свободахъ и вольностяхъ, отъ предковъ нашихъ данныхъ имъ, а также и отъ насъ» (Разд. III, арт. 7).

О Г Л А В Л Е Н І Е .

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Страна.

Полотскъ 1. Полотская земля 7. Полотскія колоніи: въ Ливоніи 15. Въ Литовской землѣ 22. Въ землѣ Ятвяжской 25.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

Люди.

Ятвяги 31. Литва 58. Летыгола, Зимгола и Корсь 84. Ливь 97. Дреговичи 106. Полочане 109. Формы общественнаго быта у Полочанъ 135. Бояре 138. Купцы 148. Городскіе дворяне 160. Черные люди 161. Уѣздные жители: путники и панцырные бояре 166. Тяглые люди 170.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Церковь.

Двѣ церкви въ Полотской землѣ 176. Литовская языческая церковь 181. Христіанская православная церковь 191. Епископъ 195. Соборныя церкви 202. Монастыри 207. Приходскія церкви и бѣлое духовенство 222. Церковныя братства 234. Латинская церковь и ея отношенія къ православной церкви и обществу 244.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

В л а с т ь .

Вѣче 293. Князь 316. Аристократія 327. Гетманъ 347. Канцлеръ 354. Подскарбій 356. Воевода или палатинъ 360. Староста 368. Маршалокъ 380. Кастелянъ 384. Намѣстникъ 388. Державцы 395. Тиуны 399. Городничій 404. Хорунжій 406. Писарь 411. Судья 418. Подкоморій 425. Вижь 427. Возный 432. Войтъ 435. Конюшій 439. Ключникъ 440. Кухмистеръ, Подчасій 442. Власть землевладѣльцевъ 444.
